U 305/1
1863

ИСТОРИИ
И 305/1
НЕ КОПИРОВАТЬ

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1863 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
137116-45

2007052010

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

Михаил Катков.

1853 г.

„О Россіи я думаю и мечтаю очень часто и всякій разъ болье чувствую крѣпость связей соединяющихъ меня съ моимъ народомъ. Самая лучшая награда за всѣ мои труды, разумѣется будущая, была бы хоть какая-нибудь польза принесенная съ моей стороны. Мысль объ этомъ дѣйствуетъ на меня благотворно и даетъ объективную опору и цѣль! Всякую малость, все что хоть сколько-нибудь относится къ пользѣ Россіи готовъ собирать я какъ теперь подъ моимъ окномъ Нѣмцы собираютъ клочечки сѣна оставшагося на мостовой послѣ разборки воза съ необыкновеннымъ тщаніемъ и основательностію.“

(Изъ письма М. Н. Каткова къ матери. Берлинъ, 1842 года).

Вмѣсто предисловія.

.... Все что въ ней (въ нашей газетѣ) печаталось и печатается отъ редакціи, главнымъ образомъ передовыя статьи, если не всегда прямо выходитъ изъ-подъ пера издателя (или издателей какъ прежде), то пишется ближайшими сотрудниками, по его указанію. Не было ни одного вопроса, который возбуждался бы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не по иниціативѣ того кому эта газета служитъ органомъ. Каждому изъ сотрудниковъ, какъ и постороннимъ лицамъ, предоставляется высказывать свои мысли, у кого таковыя имѣются, лишь бы онѣ не противорѣчили направленію газеты, но не иначе какъ подъ своимъ именемъ. Въ передовыхъ же статьяхъ не допускается никакого авторства, никакой мысли кромѣ заданной. Всякая статья имѣющая значеніе пишется не только по мысли, но прямо со словъ издателя, и ни одна статья не проходитъ безъ его провѣрки и переработки, причемъ написанная статья нерѣдко исчезаетъ и на поляхъ корректуры появляется новая. Статьи повторительнаго содержанія, въ подтвержденіе и развитіе уже установленнаго вопроса, пишутся и безъ предварительныхъ указаній знакомыми съ вопросомъ сотрудниками, но всегда подвергаются провѣркѣ и переработкѣ. Даже въ отсутствіе издателя, редакціонныя статьи посылаются къ нему, и печатаются не иначе какъ по его корректурѣ.

Московскія Вѣдомости 1884 г. № 67 (8 марта).

1863 годъ.

Указатель статей [1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2].

Новогодній обзоръ внутреннихъ событій въ Россіи за 1862 г. 1—А.

Преобразованіе городской и уѣздной полиціи и возвышеніе подушной подати. 9—А.

Самодержавіе Царя и единство Руси. (По поводу открытія Городской Думы въ Москвѣ и Всеподданнѣйшаго адреса этой Думы и Московскаго дворянства). 79.

Новыя реформы. 200.

Развившійся у насъ, Русскихъ, духъ народнаго самоотрицанія и самоуничтоженія. 214.

Военное дѣло.

Очередной и жеребьевый порядокъ отбыванія рекрутской повинности. 3.

Правительственныя мѣры къ развитію военныхъ силъ Россіи. 76.

Западный и Югозападный край.

О прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ земель. 58. 170.

Народное движеніе въ Западной Россіи противъ польскихъ пановъ. 92.

Наши понятія, наши воззрѣнія—злѣйшіе враги наши. 117.

Истинный либерализмъ, мѣры принимаемыя властями въ Царствѣ Польскомъ и старообрядцахъ въ Западномъ краѣ. 128.

Совпаденіе интересовъ украйнофиловъ съ польскими интересами. 136.

Воскресшій народный духъ русскихъ населеній Западнаго и Югозападнаго края долженъ быть поддержанъ. 169.

Польскій вопросъ въ Западномъ краѣ можетъ быть разрѣшенъ только раскрытіемъ нашей силы. 177.

Дворянство Западнаго и Югозападнаго края медлящее заявить о своей вѣрности Престолу не имѣетъ права прибѣгать подъ защиту русскихъ властей. 179.

Объ обязательномъ выкупѣ крестьянъ и продажѣ польскихъ имѣній въ Западномъ и Югозападномъ краѣ. 184.

Украйнофильскія затѣи. 191.

Сплошное польское землевладѣніе и мелкая шляхта какъ главная язва Западнаго и Югозападнаго края. 192. 193. 201.

По поводу брошюры: „Возстаніе Поляковъ въ Югозападномъ краѣ Россіи въ 1863 г.“, изданной профессорами университета св. Владиміра. 194.

Запрещеніе Англичанину Олифанту путешествовать по Волыни. 206—Б.

Польскій вопросъ въ Западномъ краѣ (по письму поляка изъ Кіева). 216.

Рѣшеніе русскаго вопроса въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ съ государственной точки зрѣнія. 217.

Народное движеніе въ девяти губерніяхъ Западнаго края есть движеніе патріотическое а не сословное. Необходимость поднять православное духовенство въ этихъ губерніяхъ. 221.

О преждевременности открытія университета въ Вильнѣ. 237.

Ненормальное положеніе дѣлъ въ Югозападномъ краѣ. 252. 253.

По поводу статьи г. Гессе: „О положеніи дѣлъ въ нашемъ Югозападномъ краѣ.“ 267.

Лжелибералы. 283—А.

Взглядъ жителей Полтавы на украйнофильство. 283—Б.

Крестьянское дѣло.

Нарушеніе дѣятельности мироваго посредника подчиненіемъ крестьянъ вѣдѣнію различныхъ вѣдомствъ. 44.

Посредничество правительства при выкупѣ крестьянами ихъ надѣла. 256. 260—Б.

Морское дѣло.

Морскія силы Россіи въ случаѣ войны. 108.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей* за 1863 г., а буквы А, Б, В означаютъ первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть означено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

1. Городское.

По поводу предстоящихъ выборовъ въ Московскую Городскую Думу. 7—А.

О притязаніяхъ заявляемыхъ приказнымъ порядкомъ на будущее городское устройство. 8—А.

Объ избраніи въ Москвѣ городскихъ выборныхъ не отъ сословій, а по частямъ города. 26.

Предварительное совѣщаніе въ Москвѣ городскихъ выборныхъ всѣхъ сословій. 28. 33. 40. 50.

Вопросъ о выборѣ Московскаго головы. 52.

Избраніе князя Щербатова московскимъ городскимъ головою. 61—А. 63.

По вопросу объ учрежденіи городской обывательской стражи. 109—А. 110. 124. 103 стр. 237 [1]).

Праздникъ устроенный бывшимъ городскимъ головою М. А. Королевымъ въ память посѣщенія Ихъ Величествами его дома. 266—Б.

2. Земское.

Объ учрежденіи земства согласно съ общимъ духомъ мѣстныхъ учрежденій Англіи. 82.

О разумномъ преобразованіи и о первенствующей роли предводителей дворянства во всѣхъ уѣздныхъ учрежденіяхъ. 138.

О дворянствѣ съ точки зрѣнія земскихъ и городскихъ учрежденій. 140. 143.

Только землевладѣльческій элементъ въ состояніи ослабить приказный порядокъ управленія, и самоуправленіе не должно имѣть законодательнаго характера. 162.

Должно стараться устранить всякій поводъ къ розни между крестьянствомъ и дворянствомъ. 205.

О распредѣленіи элементовъ земства. 218. 219. 220.

О сохраненіи числа мировыхъ участковъ и о составѣ земскихъ собраній въ уѣздѣ. 232.

Почетные мировые судьи и многостепенные выборы. Ученіе о способностяхъ въ дѣлѣ политическихъ правъ.

Печать.

О предварительной цензурѣ. (По поводу извѣстія о ввозѣ въ Сербію оружія съ русскимъ клеймомъ). 9—Б.

Обвиненіе *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу ихъ мнѣнія о прусскихъ дѣлахъ. 22—Б. стр. 56.

О высокой платѣ за иностранныя изданія и за отправку русскихъ журналовъ и газетъ за границу. 31.

Молчаніе русской прессы на обвиненія и клеветы на Россію. 45.

Фальшивыя извѣстія корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* Паники нѣтъ ни въ обществѣ ни на биржѣ. 124.

Защита варшавскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* противъ нареканій *Русскаго Инвалида*. 149.

Телеграмма *Московскимъ Вѣдомостямъ* Симбирскаго дворянства и отвѣтъ на нее. 152—Б.

Телеграмма *Московскимъ Вѣдомостямъ* Саратовскаго дворянства, отвѣтъ на нее и объясненія редакторовъ. 161—Б.

Роль печати при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ. 207 стр. 559.

Сочувствіе направленію *Московскихъ Вѣдомостей* и выходка противъ нихъ въ *Колоколѣ* и нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ. 212.

Призраки газеты *Голосъ*. 222.

По поводу изданій служащихъ органами разныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія. 261.

Общественное мнѣніе и петербургскіе журналы. 268.

Вредъ у насъ казенныхъ изданій. 271.

Полемика съ *Русскимъ Инвалидомъ* по вопросу о казенныхъ изданіяхъ. 280—Б.

Связь *Московскихъ Вѣдомостей* съ читателями. 283—Б.

Польскій вопросъ.

Образованіе шаекъ и убійства русскихъ солдатъ въ Польшѣ. 11—А.

Несочувствіе польскихъ крестьянъ революціонной пропагандѣ. Постановленія уѣздныхъ совѣтовъ Царства Польскаго относительно народнаго образованія. 12—А.

Слова сказанныя Императоромъ Александромъ II по окончаніи развода Измайловскому полку и извѣстія изъ Царства Польскаго. 13—А.

Численность русскихъ войскъ въ Польшѣ и Виленскомъ военномъ округѣ. 18.

Неудачная попытка революціонеровъ предать наши войска избіенію. 19—А.

Намѣреніе польскихъ революціонеровъ перенести волненіе въ губерніи литовскія. 22—А.

О законности рекрутскаго набора въ Царствѣ Польскомъ. (По поводу статьи *Journal de St.-Pétersbourg*). 23.

О польскомъ патріотизмѣ. 24—А.

Распространеніе польскаго мятежа на Галицію и Познань. 29.

Борьба Поляковъ не есть борьба общенародная, и дипломатія не можетъ уладить польское дѣло. 53.

Причины живучести польскаго чувства только въ той части Польши которая присоединена къ Россіи. (По поводу пораженія Лангевича). 55.

Польша постоянно была средствомъ а не цѣлью для другихъ государствъ. 56.

Дѣйствія русской арміи для усмиренія польскаго мятежа. 65.

По поводу молитвы московскихъ фабричныхъ рабочихъ за русскихъ воиновъ убитыхъ польскими мятежниками и адреса Государю Петербургскихъ дворянъ. 68. 69—А.

Льготы и вольности данныя Польшѣ до возстанія. 69—Б

По поводу Высочайшаго манифеста Царству Польскому и указа Сенату относительно смежныхъ съ Царствомъ Польскимъ губерній. 71.

„Петербургскіе патріоты“ о независимости Польши или присоединеніи ея къ Австріи и Пруссіи. 77. 78.

Слабы не силы наши, а слабы наши мнѣнія. Необходимо подавить возстаніе. 83.

Ложныя понятія иностранцевъ о Россіи почерпаются изъ нашей журналистики. 86.

Объ ожидаемыхъ энергическихъ мѣрахъ нашего правительства въ Царствѣ Польскомъ. 93.

О взысканіи военныхъ издержекъ съ виновныхъ. 94.

Вліяніе патріотическихъ заявленій русскаго народа на европейское общественное мнѣніе. 96—А.

Возможно ли усмирить мятежъ военными силами либеральнымъ образомъ. Сформированіе изъ крестьянъ военныхъ карауловъ. 96—Б.

[1]) Нумеръ страницы указываетъ на часть статьи.

Истинный и разумный патріотизмъ. 103.
Польша потеряла свой народъ и Польское государство не можетъ быть возстановлено. 105.
Польскій языкъ и польская національность. 106.
Отторженіе Польши было бы для насъ выгоднѣе комбинаціи средней между совершеннымъ отторженіемъ отъ Россіи и совершеннымъ сліяніемъ съ нею. 109—Б.
О двоевластіи въ Польшѣ. 113.
Мѣры для предупрежденія опасности не суть признаки паники. 119.
Необходимо принять энергическія мѣры къ подавленію польскаго возстанія. 121. 125.
Ложь заграничныхъ изданій о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. 123.
Польское возстаніе не есть возстаніе народа, а возстаніе шляхты и духовенства. 130.
О необходимости подчиненія всѣхъ гражданскихъ властей въ Польшѣ военнымъ начальникамъ. 141. 144. 145.
Деморализація польскаго общества и необходимость нравственной борьбы съ ней. 152—А.
Фальшивый и истинный либерализмъ. 178.
Обманчивыя надежды Поляковъ на Европу. 180.
Деморализація гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. 183.
Историческій обзоръ попытки Императора Александра I возстановить Польское королевство. 185. 186.
По поводу статей въ газетахъ: *День*, *Голосъ* и *С.-Петербургскія Вѣдомости* по Польскому вопросу. 187. 188. 189. 195.
Ложные слухи о преобразованіяхъ въ Польшѣ и въ Россіи. 190 - Б.
Польскія прошенія объ освобожденіи арестованныхъ. 190—В.
По поводу покушенія на жизнь графа Берга и подпольнаго изданія *Wiadomosci Polityczne*. 198.
Чувства и стремленія возбужденныя въ Россіи польскимъ возстаніемъ 1830 и 31 гг. и отношеніе къ нему западныхъ державъ. 203.
Нынѣшнее Царство Польское не служитъ символомъ народности польской. 204.
О патріотизмѣ и народномъ чувствѣ и о смыслѣ стачки западныхъ державъ. 207.
Освобожденіе крестьянъ изъ-подъ власти польской администраціи и необходимость устроить военное управленіе въ Польшѣ. 211.
Раздача пожертвованій поступившихъ въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* въ пользу пострадавшихъ отъ польскаго мятежа. 223. 230.
Обманы и интриги въ польскомъ дѣлѣ изложенные въ посланіи повстанца Питкевича къ польскому жонду 225.
Политическія убійства въ Царствѣ Польскомъ. Политическая безнравственность не можетъ не отразиться въ частной жизни. 226.
Планы повстанца Питкевича. 227. 228. 229—А.
Энергическія мѣры графа Берга къ подавленію польскаго мятежа. 229—Б.
Искаженіе статьи *Моск. Вѣд.* о кинжалахъ жандармовъ-вѣшателей въ *Opinion Nationale*. 266—Б. 249 - Б. 250—В.
Проектъ польскаго возстанія подписанный Мѣрославскимъ и найденный у графа Андреи Замойскаго. 247.
Клеветы и подлоги польскаго жонда. 249—А.
Декларація Маньяна, „генералъ-адмирала морскихъ силъ Польши“. 255 стр. 697.
По поводу статей Гильфердинга: „Положеніе Россіи въ Царствѣ Польскомъ,“ напечатанныхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. 264. 280—А.
Клеветы на Россію въ газетѣ *Wanderer* и *Le Temps*. 273—Б.
Покушеніе на жизнь майора фонъ-Роткирха въ Варшавѣ. 274—Б.
Увольненіе жондомъ Мѣрославскаго и брошюра Мицкевича. 276.
Письма петербургскаго корреспондента *Times* о польскомъ возстаніи. 281.

Пути сообщенія.

Необходимость усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ. 29.
Московско-Севастопольская желѣзная дорога. 164. 181—А. 182—А.
Московско-Кіевская желѣзная дорога и предоставленіе льготъ частнымъ компаніямъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. 172.

Религія.

Объ отношеніи политики къ религіи. (По поводу Закатальскаго дѣла). 166—Б.
О свободѣ совѣсти и религіозной свободѣ и о возраженіяхъ по этому поводу М. П. Погодина. 168. 174.
Вопросъ о расколѣ. (По поводу кощунственнаго поступка Замарина въ Грязовцѣ). 250—А.

Сословія.

Дворянство. 138. 140. 143. 162. 205.
О средствахъ существованія сельскаго духовенства. 17—А.

Судебное дѣло.

Дѣятельность мировыхъ посредниковъ. 47.
Мировые участки. 208. 232.
Почетные мировые судьи. 275.

Финансовые вопросы.

Отмѣна виннаго откупа. 1—Б.
Возвышеніе подушной подати. 9—А стр. 29.
Причины дороговизны предметовъ потребленія. 2—А. 3—А. 4—А.
Избытокъ денежныхъ знаковъ въ Россіи и недостатокъ свободныхъ капиталовъ. 41.
Государственная роспись на 1863 годъ. 100.
Операція размѣна и операція ликвидаціи кредитныхъ установленій. 111.
Выводы изъ свѣдѣній о перевозкѣ грузовъ на судахъ и отправкѣ лѣсныхъ плотовъ въ 1862 г. и связь этихъ выводовъ съ избыткомъ кредитныхъ билетовъ. 156.
О пониженіи цѣны пятипроцентныхъ билетовъ и о внутреннемъ займѣ. 158 стр. 389.
О возвышеніи учетнаго процента и объ уменьшеніи оборотной кассы банка. 175.
Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро по номинальной цѣнѣ. 190—А.
Упадокъ вексельнаго курса. 240. 241.
Денежный рынокъ въ Россіи. 244.
О принятіи Государственнымъ Банкомъ 4% металлическихъ билетовъ въ платежи и о возвышеніи учетнаго процента. 248.
О биржевой паникѣ 1-го ноября и о прекращеніи размѣна кредитныхъ билетовъ. 250—Б.

О прекращеніи Государственнымъ Банкомъ трассировки на иностранные города. 254.

Внутренній заемъ, проценты по нему и привлеченіе въ Россію капиталовъ. 257.

Избытокъ кредитныхъ билетовъ, частное безденежье и изъятіе излишка кредитныхъ билетовъ посредствомъ внутренняго займа. 263.

Наклонность къ повышенію вексельнаго курса на петербургской биржѣ и избытокъ денежныхъ знаковъ въ Россіи. 273—А.

Объ измѣненіяхъ въ акцизномъ и патентномъ сборахъ съ пивоваренныхъ и медоваренныхъ заводовъ и о мѣрахъ къ уменьшенію пьянства. 278.

Учебное дѣло.

Годовщина Императорскаго Московскаго университета. 10—А.

Финляндія.

Финляндскій сеймъ 196. стр. 524.

Предположеніе исходатайствовать для Финляндіи право нейтралитета. 199.

Финляндскій сепаратизмъ. 209. 210 — А. 238. 258.

Мнѣнія профессора Виллебранда и газеты *Helsinfors Dagblad* по финляндскому вопросу. 269.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Дипломатическая кампанія западныхъ державъ противъ Россіи по Польскому вопросу.

Сочувствіе Европы возстанію въ Польшѣ, конвенція заключенная между Пруссіей и Россіей, нейтралитетъ Австріи и событія на юго-востокѣ Европы. 32.

Отношеніе Франціи и Англіи къ русско-прусской конвенціи. Польское возстаніе не было неожиданно. Нарушеніе границъ Австріи. 38.

Демонстрація противъ Россіи въ британской палатѣ общинъ. 42.

Отношеніе западныхъ державъ къ польскому вопросу. Февральская конституція Австріи и обзоръ положенія дѣлъ на Востокѣ. 43.

Отношеніе западныхъ державъ къ Польскому вопросу. 46. 62. 64. 67.

Конвенція заключенная между Россіей и Пруссіей. 38. 48.

Примѣненіе Вѣнскаго трактата къ Польскому вопросу. 54.

Чего требуетъ отъ Россіи общественное мнѣніе и дипломатія Европы. 57.

О трехъ засѣданіяхъ французскаго сената посвященныхъ Россіи. 59.

Дѣло о Краковѣ рѣшенное въ 1846 году Россіей, Австріей и Пруссіей и примѣненіе взгляда Меттерниха на это дѣло къ Польскому вопросу. 60. 61—Б.

Переговоры иностранныхъ державъ по Польскому вопросу. 62.

Нуженъ ли европейскій конгрессъ для рѣшенія Польскаго вопроса. 66.

О твердой и самостоятельной политикѣ Россіи по Польскому вопросу. 70.

Неопредѣленность требованій Европы. 72.

По поводу полученія Россіей одновременныхъ представленій въ пользу Польши отъ Англіи, Франціи и Австріи. 74. 80.

Голоса русскихъ людей по Польскому вопросу начали вразумлять Европу. 75.

Возможна ли европейская война изъ-за Польши. 81. 116.

На чемъ основываются европейскія державы въ своихъ требованіяхъ обращенныхъ къ Россіи. 84. 85.

О Вѣнскомъ трактатѣ 28 мая 1815 года. (По поводу англійской депеши и отвѣта князя Горчакова). 87.

Впечатлѣніе произведенное отвѣтными депешами князя Горчакова. 95—А.

Толки французской печати о Польшѣ. 95—Б.

По поводу рѣчи лорда Росселя 8 мая. 97. 98.

Отношеніе европейскихъ державъ къ Польскому вопросу послѣ отвѣтныхъ депешъ князя Горчакова. 101.

Новыя депеши европейскихъ державъ о Польшѣ. 104. 108.

Чего ищетъ Франція по польскому дѣлу и почему Англія не препятствуетъ этому. 107.

„Шесть пунктовъ“ предъявленныхъ западными державами русскому правительству. 112. 114. 115. 120. 129. 132. 133. 139. 142. 146. 147. 148.

Разногласія между западными державами и Австріей по Польскому вопросу. 122.

Реакція въ Англіи по Польскому вопросу. 131.

Мнѣнія англійской печати о предложеніяхъ трехъ державъ. 135.

Отрезвленіе англійской журналистики. Непризнаваніе Европою Русскаго народа. 137.

Отвѣтъ князя Горчакова. 150. 151. 153.

Похвалы графа Росселя Австріи по вопросу объ австрійскихъ полякахъ. 153 стр. 372.

Morning Post противъ войны. 154.

По поводу преній о польскихъ дѣлахъ въ британской палатѣ общинъ. 155.

Впечатлѣніе произведенное депешами князя Горчакова на враждебныя намъ правительства. 157.

Что говоритъ биржа о намѣреніяхъ англійскаго правительства. 158.

Не выгодно ли враждебной намъ коалиціи запугивать насъ, и что стала бы она дѣлать если бы мы приняли рѣшительное положеніе. Клевета лордовъ на М. Н. Муравьева. 159.

По поводу слуховъ о новой общей нотѣ Австріи, Франціи и Англіи. 160.

Конференція пяти державъ и конференція трехъ державъ. Подпольный листокъ *Свобода*, меморія берлинскаго кабинета и характеръ польскаго возстанія. 161—А.

Впечатлѣніе произведенное новыми отвѣтами князя Горчакова на враждебныя намъ правительства. 163.

По поводу пояснительной депеши князя Горчакова русскому послу при французскомъ дворѣ. 165.

Наша мнимая слабость служитъ главнымъ побужденіемъ къ иностранному вмѣшательству въ польскія дѣла. 166—А.

По поводу корреспонденціи изъ Петербурга въ *Journal des Débats* и предостереженія напечатаннаго въ *Journal de St.-Pétersbourg* объ отвѣтахъ князя Горчакова. 167.

Россія не можетъ принимать на себя никакихъ обязательствъ передъ Европой относительно Польши. 173.

Обсужденіе Польскаго вопроса на съѣздѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ и разчеты трехъ державъ по отношенію къ Россіи. 176.

Европа заговорила о насъ совсѣмъ другимъ языкомъ. 181—Б.

Корреспонденція *Standard* о генералѣ Муравьевѣ. 182—Б.

Блистательные успѣхи иностранной политики Россіи. 196 197. 199.

Угрозы Европы признать польскихъ мятежниковъ воюющею стороною. 202. 206—А. 213.

Вліяніе междоусобій въ Америкѣ и Польшѣ на другія страны. 210—Б.

Мысль лорда Росселя отмѣнить статьи Вѣнскаго трактата о Польшѣ, предложеніе Франціи повторить программу шести пунктовъ, подложный документъ о введеніи русскаго языка въ Царствѣ Польскомъ и протестъ гражданина Чарторыйскаго. 224.

Обозрѣніе политики трехъ державъ по Польскому вопросу. 231.

О конгрессѣ предложенномъ императоромъ Наполеономъ III. 233. 234. 235. 236. 239. 242—Б. 243. 245. 251—А. 255. 265.

По поводу статьи *Times* о депешѣ графа Росселя британскому послу при С.-Петербургскомъ дворѣ. 242—А.

Дипломатическая исторія Польскаго вопроса по документамъ *Желтой Книги*. 246—А.

По поводу письма императора Александра II къ Наполеону III по вопросу о европейскомъ конгрессѣ. 259.

Характеристика Наполеона III въ журналѣ *Economist* и выходъ изъ затрудненій созданныхъ политикой Франціи въ Польскомъ вопросѣ, предлагаемый въ *Revue des deux Mondes*. 262.

Прэнія во французскомъ сенатѣ. 270. 272.

Засѣданіе законодательнаго сословія Франціи 24 декабря. 277.

Новогоднее заявленіе императора Наполеона III. 279.

Папа и Россія.

Объ отношеніяхъ Россіи къ папѣ и о его притязаніяхъ въ Польскомъ вопросѣ. 126. 127. 134.

Письмо папы Пія IX къ императору Александру II и тождественность интересовъ Польскаго возстанія съ интересами папизма. 154—А.

Обозрѣніе иностранной политики.

Новогодній обзоръ событій за границею за 1862 годъ. 1—В.

Намѣреніе Англіи уступить Греціи Іоническіе острова. Надежды на уступку Гибралтара. Отношеніе Пруссіи къ Австріи. Политика Пруссіи по общимъ германскимъ дѣламъ. Торговый трактатъ Пруссіи съ Франціей. Министерскій кризисъ въ Гессенъ-Кассель. Внутреннее положеніе Пруссіи. Открытіе земскихъ сеймовъ въ Австріи и ея конституція. Положеніе Турціи. Мексиканская экспедиція. Американскій кризисъ. 2—Б.

Тронная рѣчь императора Наполеона III и документы *Желтой Книги* по италіянскому вопросу. Тронная рѣчь прусскаго короля. Извѣстія изъ Америки и прокламація президента Линкольна. 3 - Б.

Обозрѣніе внѣшней и внутренней политики Пруссіи. Министерскій кризисъ въ Турціи. 4—Б.

Кандидаты на греческій престолъ. Важнѣйшіе вопросы внѣшней политики Франціи. Австрія и Пруссія по вопросу о реформѣ германскаго союза. Смѣна министровъ въ Испаніи и Турціи. 5—Б.

Тронная рѣчь прусскаго короля. Реформа законодательныхъ палатъ Швеціи и Норвегіи. Шлезвигъ-Голштейнскій вопросъ. Франкфуртскій сеймъ и земскіе сеймы Австріи. Разбойники на югѣ Италіи. Кандидатъ на греческій престолъ. Военныя приготовленія Турціи. 6.

Внутреннее и внѣшнее положеніе Пруссіи. Извѣстія изъ Италіи. Греческій вопросъ и военныя приготовленія Турціи. 7—Б.

Взаимное отношеніе европейскихъ державъ въ Константинополѣ. Римскій вопросъ. Политика Франціи по американскимъ дѣламъ. Кандидаты на греческій престолъ. 8—Б.

Французская политика въ Италіи. Кандидатъ на греческій престолъ. Новое устройство германскаго союза. Отношенія Австріи къ Венгріи. Сѣверо-американская междоусобная война. 10—Б.

Слухи о передвиженіяхъ турецкихъ войскъ. Несогласія между Россіей и Франціей по вопросу о восточныхъ вратахъ храма Гроба Господня. Кандидаты на греческій престолъ. Сѣверо-американская междоусобная война. Мексиканская экспедиція. Адресъ палаты депутатовъ прусскому королю. 11—Б.

Италіянскій вопросъ. Вліяніе Англіи на Грецію и Турцію. Вѣсти изъ Турціи. Отношеніе Австріи къ Венгріи. Внутренняя борьба въ Пруссіи. Реформа германскаго союза. Сѣверо-американская междоусобная война. Мексиканская экспедиція. 14.

Внутренняя борьба въ Пруссіи. Доставка оружія въ Сербію. Дѣла въ Румыніи. Греческій вопросъ. 15.

Рѣчь императора Наполеона по случаю раздачи наградъ экспонентамъ и письмо султана къ Кіамиль-пашѣ. Предложеніе сдѣланное Франціей вашингтонскому кабинету. Кандидатъ на греческій престолъ. 16.

О столкновеніи палаты представителей въ Пруссіи съ правительствомъ. 17—Б. 20.

Сословный духъ высшаго сословія Пруссіи. Измѣненіе средневѣковой конституціи Швеціи и устраненіе сословной разрозненности 19—Б.

О развитіи самоуправленія и уничтоженіи десятины въ Греціи. 21.

Греческій вопросъ. Ожиданіе сербскимъ княземъ военныхъ столкновеній. Обвиненіе *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу ихъ мнѣнія о прусскихъ дѣлахъ. Римскій вопросъ. 22—Б.

О кандидатахъ на греческій престолъ. Примиреніе палаты депутатовъ Пруссіи съ правительствомъ. 24—Б.

Европа въ правѣ требовать твердаго правительства въ каждой странѣ. (По поводу спора Англіи съ Бразиліей). 25.

Парламентскія прэнія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь въ Англіи и Франціи. 30.

Опасенія возстановленія Священнаго союза. Датско-германскій вопросъ Правильное политическое развитіе Швеціи. Споръ между Греками и Славянами на Востокѣ. 34.

Политика Англіи по Восточному вопросу. 35.

Споръ Австріи съ Пруссіей о реформѣ германскаго союза. 36.

Междоусобная война Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. 37.

Положеніе прусскихъ дѣлъ въ Германіи. 38 стр. 84.

По поводу торжественнаго въѣзда въ Лондонъ

принцессы Александры Датской, невѣсты принца Вельскаго. 49.

Положеніе дѣлъ въ Румыніи. 51.

Италіянскій вопросъ въ англійской палатѣ общинъ. 92.

Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ. 102. 251—Б. 282.

Мексиканскія дѣла и германское единство съ Австріей во главѣ. 171.

Сближеніе Россіи съ Франціей и Англіей на Востокѣ. Сближеніе Россіи съ Соединенными Штатами. 215.

Преимущество австрійскаго парламента предъ парламентами французскимъ и прусскимъ. 260—А.

Обозрѣніе политики Англіи. 266—Б.

Отвѣтъ Наполеона III на сенатскій адресъ. Нѣмецкая тріада и съѣздъ депутатовъ разныхъ нѣмецкихъ палатъ по Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу. 274—А.

Рѣчь Тьера. 277.

1863 годъ.

№ 1.

Москва, 2-го января.

А.

Древніе пиѳагорейцы руководились въ своей жизни золотымъ правиломъ: вставая рано утромъ, они отдавали себѣ отчетъ во всемъ что было сдѣлано ими наканунѣ и согласно съ этимъ опредѣляли что предстоитъ имъ дѣлать въ наступившій день. Если такой актъ самосознанія представляетъ не малыя трудности для одного человѣка и за одинъ только день, то на сколько увеличиваются эти трудности, когда приходится подвести подобный итогъ для цѣлой страны какъ Россія и за цѣлый годъ, такъ богатый событіями, какъ годъ истекшій? Однакоже, если мы не безъ смысла празднуемъ наступленіе новаго гражданскаго года, если разумно придаемъ особое значеніе этой годовщинѣ, то не мѣшаетъ каждому изъ насъ слѣдовать примѣру пиѳагорейцевъ, хотя однажды въ годъ, по отношенію къ собственнымъ дѣламъ своимъ и по отношенію къ дѣламъ общимъ для всей страны. Въ другихъ государствахъ такіе итоги по общимъ дѣламъ за истекшіе отдѣлы времени подводятся обыкновенно самимъ правительствомъ отъ имени верховной власти, при открытіи новаго ряда засѣданій законодательныхъ палатъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, и всѣ журналы, по мѣрѣ силъ и разумѣнія стараются содѣйствовать разъясненію для общественнаго сознанія того что пережито страною за истекшее время и что надлежитъ ей совершить въ ближайшее время для упроченія своего благосостоянія. Наша задача въ этомъ отношеніи гораздо скромнѣе. Мы имѣемъ въ виду только припомнить что пережито было нашею страною въ прошедшемъ году и съ какими надеждами вступаетъ она въ новый 1863 годъ.

Съ той самой поры какъ произнесено впервые великое слово освобожденія для 22-хъ милліоновъ подданныхъ русскаго Царя, съ той самой поры Россія начала перерождаться во всѣхъ отношеніяхъ и готовиться къ новой, болѣе счастливой, болѣе полезной и дѣятельной жизни. Это перерожденіе и эти приготовленія неослабно продолжались въ истекшемъ году. То что годъ тому назадъ было только чаяніемъ, что переносилось изъ конца въ конецъ громадной страны только въ видѣ неопредѣленныхъ, хотя и радостныхъ слуховъ, то теперь стало уже болѣе или менѣе осязаемымъ дѣломъ. Въ концѣ 1861 года мы еще не знали какъ пойдетъ дѣло составленія уставныхъ грамотъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, и могли опасаться, не поведетъ ли оно къ какимъ-либо непріязненнымъ столкновеніямъ. 1862 годъ успокоилъ самыхъ робкихъ; онъ удостовѣрилъ въ томъ, что крестьянское дѣло разрѣшится мирнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ потерь для помѣщиковъ; но отчасти отъ нихъ же самихъ, отъ ихъ образа дѣйствій по устройству своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и своихъ отношеній къ пользующимся ихъ землями крестьянамъ много зависитъ возмѣщеніе этихъ потерь.

Не малое улучшеніе въ положеніи помѣщиковъ можетъ произойдти отъ расширенія круга общественной ихъ дѣятельности, тѣмъ болѣе что предположенное преобразованіе городскаго, уѣзднаго и губернскаго управленія, вмѣстѣ съ предположеннымъ судебнымъ преобразованіемъ, повлечетъ за собою сближеніе всѣхъ классовъ народонаселенія, между которыми классъ землевладѣльцевъ, безъ сомнѣнія, займетъ подобающее ему мѣсто, согласно съ своими матеріяльными и нравственными средствами. 1862-й годъ опредѣлилъ точнѣе основанія, на которыхъ должны совершиться эти благо-

творныя и такъ давно желанныя преобразованія. Они обѣщаютъ обильную добрыми плодами жатву; дай Богъ, чтобы не оказалось недостатка въ добросовѣстныхъ и вполнѣ дѣльныхъ жнецахъ.

По мѣрѣ того какъ раскрывается предъ нами въ будущемъ возможность и необходимость болѣе широкой общественной дѣятельности, мы все болѣе и болѣе начинаемъ сознавать какъ необходимо намъ позаботиться о распространеніи въ народѣ просвѣщенія и объ улучшеніи системы нашего образованія какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ среднихъ. Если вникнуть хорошенько, то нѣтъ дѣла болѣе важнаго и болѣе настоятельнаго. Для успѣха всѣхъ задуманныхъ государственныхъ преобразованій, точно такъ же какъ для успѣха всякаго частнаго дѣла и предпріятія, равно необходимы дѣльные люди, основательно образованные, съ точными и опредѣленными познаніями; необходимо и просвѣщеніе массъ народа, чтобъ онѣ понимали и свою и чужую пользу и не уклонялись отъ выполненія своихъ обязанностей, безъ котораго невозможно воспользоваться и своими правами. Это важное дѣло распространенія и улучшенія народнаго образованія, на всѣхъ степеняхъ его, въ 1862 году было предметомъ усерднаго изученія какъ для самихъ наставниковъ, такъ и для правительственныхъ лицъ и коммиссій. Составлены были проекты, собраны объ нихъ мнѣнія и замѣчанія, и разработанъ преимущественно вопросъ объ улучшеніи системы высшаго, университетскаго образованія. Въ концѣ 1861 года могли еще быть сомнѣнія о томъ, удѣлятъ ли у насъ университеты въ смыслѣ высшихъ „учебныхъ“ заведеній; въ началѣ 1863 года мы можемъ уже предаваться надеждѣ, что ученіе въ нашихъ университетахъ станетъ солиднѣе и основательнѣе чѣмъ было прежде.

Въ этой надеждѣ, главнѣйшимъ образомъ, утверждаетъ насъ то, что повидимому въ самомъ общественномъ мнѣніи, и особенно въ сознаніи учащихся 1862 годъ произвелъ благотворную перемѣну. Послѣ того какъ нѣкоторыя направленія общественнаго мнѣнія, благодаря особымъ условіямъ нашего быта, нашего образованія и нашей литературы, дошли до послѣдней степени безсмыслія и выразились въ нелѣпыхъ петербургскихъ прокламаціяхъ, въ расположеніи умовъ начался переломъ, содѣйствовать которому обязаны всѣ люди благомыслящіе. Это содѣйствіе со стороны литературы будетъ облегчено, какъ мы надѣемся, ожидаемымъ новымъ законодательствомъ по дѣламъ книгопечатанія, составляющимъ уже предметъ совѣщаній въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Сравнивая начало новаго года съ началомъ истекшаго, мы несомнѣнно убѣждаемся, что Россія, и во главѣ ея правительство, идетъ впередъ, не колеблясь, не смущаясь и съ каждымъ новымъ шагомъ все возможнѣе и все необходимѣе становится свободное содѣйствіе со стороны общества правительству, такъ заботящемуся объ упроченіи истиннаго благосостоянія и могущества Россіи.

1863 годъ получаетъ богатое наслѣдство отъ своего предшественника. Самою важною частью этого наслѣдства нельзя не признать судебнаго преобразованія. Никакое другое дѣло не касается такъ близко самыхъ дорогихъ интересовъ каждаго: его имущества, его свободы, чести и добраго имени, даже жизни. Правосудіе — безспорно первая и настоятельнѣйшая потребность каждаго общества, и мы привѣтствуемъ 1863 годъ, который сулитъ намъ, наконецъ, такія преобразованія въ устройствѣ судовъ и въ отправленіи правосудія, при которыхъ и Россія въ состояніи будетъ пользоваться судомъ правымъ.

Необходимость судебной реформы была сознана давно, и давно уже начались законодательныя работы по вопросу о преобразованіи судебной части, но до осени 1862 года работы эти шли разрозненно, медленно, безъ твердаго плана, при постоянномъ колебаніи между исправленіемъ старыхъ и введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ порядковъ. Можно было даже отчаиваться въ успѣшномъ исходѣ предпринятой реформы, и потому день 29-го сентября 1862 года, когда утверждены были главныя основныя начала судопроизводства и судоустройства, останется на всегда памятнымъ наравнѣ съ днемъ 19-го февраля. Одновременно съ утвержденіемъ основныхъ началъ, учреждена была особая коммиссія для составленія проектовъ законоположеній по судебной части и опредѣленъ составъ и кругъ дѣйствій этой коммиссіи.

Коммиссія, немедленно по открытіи, раздѣлилась на 3 отдѣленія: одно по части „судоустройства“, другое — по части „уголовнаго судопроизводства“, третье по части

„гражданскаго судопроизводства". Отдѣленія распредѣляютъ работу между своими членами, по возможности, цѣльными частями того предмета который относится къ занятіямъ каждаго отдѣленія. По мѣрѣ окончанія каждой работы въ статьяхъ, она обсуждается въ общемъ засѣданіи цѣлаго отдѣленія, потомъ исправляется и дополняется. По утвержденіи редакціи, работы каждаго отдѣленія внесены будутъ на обсужденіе общаго собранія всей коммиссіи и затѣмъ статьи, въ окончательно принятой редакціи, поступятъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Составляя общій планъ постепеннаго введенія въ дѣйствіе всего преобразованія, коммиссія признала нужнымъ начертать особыя соображенія о составѣ двухъ судебныхъ округовъ, с.-петербургскаго и московскаго, въ которыхъ предположено ввести новое преобразованіе тотчасъ по утвержденіи всѣхъ законоположеній. Для собранія подробныхъ свѣдѣній о судебныхъ учрежденіяхъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя могутъ войти въ составъ этихъ двухъ округовъ, и о числѣ тѣхъ дѣлъ въ полицейскихъ учрежденіяхъ, которыя должны будутъ изъ вѣдома полиціи перейдти въ вѣдомство суда, командированы по высочайшему повелѣнію, члены-редакторы коммиссіи: дѣйствительный статскій совѣтникъ Ковалевскій въ губерніи, которыя войдутъ въ составъ с.-петербургскаго, а статскій совѣтникъ Ровинскій въ губерніи, которыя войдутъ въ составъ московскаго судебныхъ округовъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду, что съ учрежденіемъ мировыхъ судей къ нимъ должны перейдти и нѣкоторыя обязанности нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ и что учрежденіе мировыхъ судей предполагается ввести въ концѣ 1863 или въ началѣ 1864 года, коммиссія просила министерство внутреннихъ дѣлъ доставить ей свѣдѣнія: какія именно изъ обязанностей предстоящихъ мировымъ посредникамъ, въ концѣ 1863 или началѣ 1864 года, могутъ быть возложены на мировыхъ судей, и не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по уваженію особенныхъ обстоятельствъ, съ учрежденіемъ мировыхъ судей или оставить на нѣкоторое время теперешнихъ мировыхъ посредниковъ, или усилить временно составъ будущихъ мировыхъ учрежденій членами, исключительно назначенными для дѣлъ по крестьянскому вопросу. Министръ внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны 30-го октября предложилъ означенные вопросы чрезъ начальниковъ губерній на предварительное обсужденіе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, съ тѣмъ чтобы мнѣнія ихъ доставлены были не позже конца декабря текущаго года.

Между тѣмъ, по вызову коммиссіи присылаютъ съ разныхъ концовъ Россіи, замѣчанія относительно развитія и примѣненія основныхъ началъ. Замѣчанія эти поступаютъ изъ судебнаго и другихъ вѣдомствъ, а также отъ неслужащихъ людей; есть въ числѣ ихъ замѣчанія купцовъ и мѣщанъ. Они печатаются при государственной канцеляріи по мѣрѣ полученія. По содержанію своему они весьма разнообразны. Мы слышали что замѣчанія эти любопытны и поучительны во многихъ отношеніяхъ: между прочимъ и потому, что служатъ выраженіемъ крайняго разнообразія взглядовъ, юридическаго образованія, юридическихъ понятій, и даже желаній, какъ въ средѣ общества, такъ и въ кругу должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Нѣтъ сомнѣнія что въ массѣ этихъ замѣчаній встрѣтится множество полезныхъ практическихъ указаній: надъ многими изъ нихъ придется подумать не легкую думу тѣмъ, кому предстоитъ трудное дѣло редакціи новыхъ судебныхъ уставовъ для Россіи. Въ особенности надъ тѣми замѣчаніями, которыя по нашему мнѣнію всего драгоцѣннѣе, — надъ замѣчаніями о томъ какъ прилагаются къ условіямъ той или другой, забытой, глухой и отдаленной мѣстности, начала и формы принятыя въ основаніе новаго суда. Иной уѣздный стряпчій или судебный слѣдователь какого-нибудь дальняго уѣзда можетъ при этомъ указать на такіе факты, надъ которыми кабинетному философу придется призадуматься. — Замѣчанія эти могутъ быть драгоцѣнны еще и въ другомъ отношеніи: можно вдругъ сдѣлать неожиданное открытіе — убѣдиться, что гдѣ-нибудь въ глуши есть маленькій человѣкъ который, не выѣзжая изъ своей мѣстности, умѣлъ себѣ выработать вѣрный практическій взглядъ на то дѣло, которымъ занимается. Такія открытія конечно стоятъ того чтобы посвятить имъ трудъ и время. Старикъ Діогенъ съ фонаремъ въ рукахъ отыскивалъ по бѣлому свѣту „человѣка". Человѣка вообще in genere, мы давно уже отыскали, или лучше сказать изобрѣли, для этого есть у насъ вѣрные признаки:

извѣстная осанка, os sablime извѣстная рѣчь по формѣ съ извѣстною ходячею идеей—и вотъ вамъ „человѣкъ“. Вопросъ Діогеновъ устарѣлъ для насъ. Но какъ мы его ни откидываемъ, а онъ возвращается къ намъ въ другой формѣ, болѣе положительной,—и отыскавъ человѣка „вообще“, мы принуждены—отыскивать „человѣка“ на своемъ мѣстѣ,—задача чуть ли не потруднѣе Діогеновой.

Б.

Прощаясь съ 1862 годомъ, мы простились и съ виннымъ откупомъ. Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что откупъ такъ же канулъ въ вѣчность, какъ канулъ истекшій годъ. Какіе бы ни оказались финансовые результаты акцизной системы, Россія не воротится къ откупу, и первый день 1863 года будетъ важною гранью въ исторіи нашихъ финансовъ. Недочеты въ бюджетѣ, то-есть излишки въ расходахъ передъ доходами государства, придется покрывать другими финансовыми способами, и позволительно надѣяться, что при ихъ выборѣ будетъ все болѣе и болѣе приниматься во вниманіе справедливость. До сихъ поръ русская финансовая система была основана на подушной подати. Когда эта система возникала, народное богатство было такъ незначительно, что необходимость заставляла облагать податьми преимущественно простой народъ: при маломъ числѣ людей богатыхъ, никакой налогъ, взимаемый съ нихъ, не доставилъ бы суммы сколько-нибудь замѣтной въ государственномъ бюджетѣ. Поэтому и косвенныя подати было необходимо налагать на такіе предметы, которые потребляются низшими классами. Казна была принуждена присвоить себѣ винную и соляную монополію, а такъ какъ выручки отъ этихъ двухъ монополій были весьма значительны, то все вниманіе и всѣ надежды финансоваго управленія сосредоточились на поплинѣ съ соли и хлѣбнаго вина. Тягости лежавшія на простомъ человѣкѣ стали увеличиваться съ каждымъ годомъ. Онъ платилъ подушную подать, онъ покупалъ по дорогой цѣнѣ соль и водку. Изъ своихъ заработковъ онъ отдавалъ въ пользу казны въ десять и въ двадцать разъ болѣе чѣмъ сколько удѣляли люди богатые изъ своихъ рентъ и барышей. Неуравнительность налоговъ дошла наконецъ до такой степени, что введеніе болѣе справедливой раскладки, казалось, должно было бы повести къ серіознымъ финансовымъ затрудненіямъ. Интересъ казны былъ повидимому связанъ съ поддержаніемъ этого порядка вещей и даже съ дальнѣйшимъ его развитіемъ; казнѣ было повидимому трудно выпустить изъ своихъ рукъ такія вѣрныя средства увеличивать по мѣрѣ надобности свои доходы, а потому трудно было надѣяться, чтобы въ русскихъ финансахъ произошла перемѣна къ лучшему. Еще труднѣе было ожидать этой перемѣны въ то время, когда, вслѣдствіе восточной войны, оказалось значительное несоотвѣтствіе между государственными доходами и расходами. Тѣмъ не менѣе рѣшительный шагъ сдѣланъ. Правительство отказалось отъ удобнѣйшаго изъ средствъ служившихъ къ увеличенію казеннаго дохода. Фискальный интересъ принесенъ въ жертву требованіямъ справедливости и общей пользы. Винный откупъ палъ, и дальнѣйшее преобразованіе нашей финансовой системы сдѣлалось необходимостью, уже не зависящею отъ человѣческой воли. Сила вещей, которой избѣжать невозможно, поведетъ къ установленію большей уравнительности налоговъ.

Справедливая раскладка податей, соразмѣрно средствамъ плательщиковъ, имѣетъ огромное политическое значеніе. Раздраженіе, вражда, ненависть,—все это невозможно между классами общества не имѣющими основанія жаловаться на несправедливое распредѣленіе государственныхъ повинностей. Будемъ же радостно привѣтствовать совершающійся нынѣ поворотъ въ финансовой системѣ Россіи. Какъ бы ни были велики трудности, сопряженныя съ нимъ, будемъ бодро смотрѣть въ будущее. Народное богатство Россіи, нѣтъ сомнѣнія, достигло теперь той степени, которая дѣлаетъ возможнымъ успѣхъ предстоящей финансовой реформы.

Прощаясь съ откупомъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о бывшихъ откупщикахъ. Нападки, которымъ они въ послѣднее время подвергались со всѣхъ сторонъ, безспорно, преувеличены и отчасти вызваны чувствомъ зависти. Но именно эти преувеличенія и эта зависть наводятъ на мысль о томъ, какъ много безнравственнаго вносилось откупомъ въ народную жизнь. Люди, вызывающіе въ своихъ согражданахъ дурныя чувства, могутъ быть лично очень мало виновны и даже совершенно свободны отъ вины; но если смотрѣть на нихъ

какъ на классъ, то они сами должны сознаться, что ихъ присутствіе въ обществѣ вредно. Этотъ вредъ заключался именно въ характерѣ стяжанія, въ его азартности, въ его зависимости отъ случая и счастья, не говоря уже о злоупотребленіяхъ и обманѣ. Богатство только тогда правильно пріобрѣтается, когда бываетъ наградой за услуги оказанныя обществу, за труды и предпріятія, увеличивающія массу удобствъ публики. Такое богатство не возбуждаетъ зависти въ здоровомъ обществѣ. Оно куплено цѣной полезнаго труда. Совсѣмъ другое дѣло, когда кто наживается не потому что ему удалось угодить своимъ покупателямъ или вообще своимъ кліентамъ, а потому что ему открылась возможность перевести въ свой карманъ чужія деньги, не увеличивъ ни чьихъ удобствъ и не прибавивъ ничего къ народному достоянію. При такой наживѣ происходитъ не увеличеніе цѣнностей, составляющихъ народное богатство, а только перемѣщеніе ихъ. Сумма народнаго достоянія не возрастаетъ; измѣняется только его распредѣленіе, и всегда измѣняется къ худшему. Вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ народная нравственность. Возникаетъ чувство зависти къ счастливцу и, что̀ еще хуже, желаніе разбогатѣть по его примѣру,— разбогатѣть не трудомъ скромнымъ и общеполезнымъ, а какимъ-либо изъ многихъ видовъ азартной игры. Стараться о правильномъ стяжаніи, трудиться терпѣливо надъ увеличеніемъ своего состоянія, это кажется такъ мелочно, такъ не привлекательно въ виду огромныхъ богатствъ, составляемыхъ на скорую руку, что цѣлыя массы людей совращаются съ нормальнаго пути и теряютъ способность работать въ свою пользу, не вредя другимъ.

Наша торговля всего болѣе страдаетъ отъ зловреднаго повѣрья, будто нельзя разбогатѣть, если идти прямымъ путемъ и не прибѣгать къ неправильнымъ средствамъ стяжанія. Со всѣхъ сторонъ указываютъ на примѣры людей быстро нажившихся, и изъ этихъ примѣровъ выводятъ заключеніе, что правила нравственности неудобоприлагаемы къ промышленности и торговлѣ. Пока господствуютъ такіе взгляды, нельзя ожидать серіозныхъ экономическихъ успѣховъ въ Россіи. Отдѣльныя лица будутъ богатѣть, но Россія не разбогатѣетъ. Поэтому не только съ высшей нравственной, но и съ чисто экономической точки зрѣнія надобно желать, чтобы подобные взгляды поскорѣе выводились у насъ, а для этого требуется, чтобы постепенно уменьшались поводы къ стяжанію посредствомъ обмана или азарта. Отмѣна откупа есть важный шагъ въ этомъ отношеніи. Дальнѣйшихъ успѣховъ всего болѣе надобно ожидать отъ отъ судебной реформы, которая затруднитъ возможность наживаться насчетъ другихъ. Строгій законъ и правый судъ будутъ пріучать русское общество къ скромнымъ средствамъ стяжанія и отучать его отъ страсти къ азарту, чрезвычайно распространенной у насъ.

В.

Новый годъ наступилъ для насъ наканунѣ событій, которыя должны разъяснить многое въ вопросахъ иностранной политики. Третьяго дня императоръ Наполеонъ долженъ былъ открыть французское законодательное собраніе тронною рѣчью, въ которой обыкновенно излагается общее положеніе дѣлъ въ Европѣ; на нынѣшній разъ отъ этой рѣчи ожидаютъ особенно важныхъ указаній, на положеніе римскаго вопроса. Самыя пренія объ адресѣ не лишены будутъ интереса. Хотя принцъ Наполеонъ и не приметъ въ нихъ участія, однако оппозиція не упуститъ случая подать свой голосъ противъ папской власти. Сегодня начались засѣданія прусскихъ палатъ, которымъ предстоитъ выяснить конституціонный вопросъ въ Пруссіи и въ Германіи. Черезъ недѣлю, національное собраніе въ Аѳинахъ произнесетъ свое слово о будущемъ королѣ Греціи.

Въ ожиданіи извѣстій о томъ, что̀ будетъ сказано и сдѣлано представителями власти въ разныхъ странахъ, мы укажемъ въ общихъ чертахъ на послѣднія событія, которыя послужатъ исходнымъ пунктомъ для нашей политической хроники.

Трудно сказать что̀ стоитъ на первомъ планѣ въ ряду вопросовъ, перешедшихъ по наслѣдству къ наступившему году. Всѣ эти вопросы явились не внезапно; у нихъ есть своя очень сложная исторія, и многочисленныя нити, спутавшіяся около нихъ, могутъ развязаться только въ теченіи долгаго времени. Настоящее составляетъ лишь новый фазисъ въ различныхъ сферахъ политической жизни Европы. Нельзя произносить надъ нимъ приговоръ, не обращая вниманія на связь съ прошедшимъ. Кажущійся поворотъ часто не относится къ существу дѣла, а есть только новая форма его раз-

витія. По первому впечатлѣнію, прошлый годъ отодвинулъ назадъ вопросъ о единствѣ Италіи. Но дѣйствительно ли отказъ папы отъ свѣтской власти и перенесеніе столицы Италіи въ Римъ было ближе къ своему осуществленію два года тому назадъ чѣмъ теперь? Постановленіе туринскаго парламента по этому дѣлу, само по себѣ весьма важное, не было еще послѣднимъ словомъ. Французскія войска такъ же стойко держались въ Римѣ и въ то время, какъ теперь. За то Неаполь въ настоящее время тѣснѣе связанъ съ остальною Италіею; дѣло объяснилось подробнѣе, приняты мѣры болѣе дѣйствительныя. Реакція въ Пруссіи вытекала изъ сущности самой прусской конституціи, и недостаточно было одного восторга отъ „новой эры“, чтобы въ дѣйствительности весь общественный бытъ Пруссіи измѣнился въ самомъ корнѣ. Не станемъ говорить о томъ, что единство Германіи, провозглашенное въ 1849 году, было призракомъ и что теперешнія затрудненія по дѣлу о реформѣ Союза возникли изъ самой природы вещей. Тоже самое можно сказать и о каждомъ отдѣльномъ вопросѣ, по скольку онъ выразился въ новыхъ явленіяхъ.

Но относясь такъ благодушно къ событіямъ прошлаго года, мы не можемъ забыть и тѣхъ темныхъ явленій, которыми онъ сопровождался. Такъ, гибельное междуусобіе, истощающее живыя силы Америки, отразилось хотя и съ разною силою на экономическомъ бытѣ Европы. Сотни тысячъ рабочихъ остались безъ пропитанія, и нужна была вся общественная энергія Англіи, чтобы по возможности сдѣлать менѣе чувствительною тяжесть кризиса. Въ этомъ случаѣ выказалось еще разъ, какая сила лежитъ въ разумныхъ экономическихъ началахъ. Бѣдствіе фабричныхъ въ Англіи велико,—такъ говорятъ всѣ вслѣдъ за англійскими газетами; но англійскія газеты имѣютъ своего рода интересъ въ томъ, чтобы преувеличивать бѣдствіе: онѣ хотятъ возбудить частную и общественную благотворительность. Въ сущности же Англія переноситъ это „великое бѣдствіе“ съ неожиданною легкостью. Государственный доходъ съ пошлинъ и акцизовъ есть лучшій барометръ общественнаго благосостоянія. Когда дѣла идутъ дурно, то непремѣнно должно уменьшиться количество потребляемыхъ предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ непремѣнно уменьшиться и акцизъ. Что же мы видимъ? Вотъ краснорѣчивыя цифры:

Сборъ пошлинъ и акциза въ послѣднюю треть	1861 г.	10,043,000 ф. ст.
	1862 —	10,320,000 — —

Эти цифры лучше всего показываютъ, какъ легко переноситъ Англія недостатокъ хлопка, и какъ мало зависитъ ея благосостояніе отъ событія, которое изъ всѣхъ возможныхъ событій, казалось, должно быть самымъ опаснымъ для англійской промышленности и торговли.

Недостатокъ хлопка имѣлъ гибельное вліяніе и на Францію. Но здѣсь общество, привыкшее ожидать всего отъ правительства, оказало менѣе энергіи. Только въ послѣднее время г. Форкадъ въ „Revue des deux Mondes“ сдѣлалъ воззваніе и упрекъ своимъ соотечественникамъ за ихъ равнодушіе къ судьбѣ рабочихъ, и, не надѣясь на благотворительность богатыхъ людей, предложилъ всѣмъ рабочимъ пожертвовать свой доходъ за одинъ день на облегченіе участи страдающихъ. Благодаря содѣйствію и возбужденію печати открылась во многихъ мѣстахъ подписка; но она достигла только суммы 234,000 фр., тогда какъ необходимо на первый разъ не менѣе 10 милліоновъ.

Къ частной благотворительности обратился и г. Перуцци, министръ внутреннихъ дѣлъ Италіянскаго королевства. Указывая на примѣръ Англіи, онъ предложилъ подписку въ пользу пострадавшихъ отъ другаго рода бѣдствія, отъ разбойничества въ южныхъ провинціяхъ Италіи. Г. Перуцци въ своемъ циркулярѣ справедливо сказалъ, что такъ какъ правительство не въ силахъ своими средствами обезпечить всѣ лица, потерявшія имущество во время грабежей, то справедливо и необходимо всѣмъ Италіянцамъ принять на себя тяжесть общаго бѣдствія. Въ сущности, самый источникъ бѣдствія заключается въ общественномъ строѣ южныхъ провинцій, во всеобщемъ потворствѣ безпорядкамъ, въ апатіи къ дѣлу ближняго. Коммиссія, назначенная парламентомъ для изслѣдованія вопроса, разсмотрѣла всѣ относящіеся къ нему документы, выслушала мнѣнія компетентныхъ лицъ, въ томъ числѣ г. Ратацци, бывшаго перваго министра, и нашла, что причина продолжающихся безпорядковъ заключается не въ дѣйствіяхъ правительства, а въ самихъ Неаполитанцахъ. Замѣтимъ

кстати, что управленіе въ Неаполѣ теперь раздѣлено: генералъ Ламармора остается начальникомъ военныхъ силъ, а префектомъ города сдѣланъ маркизъ д'Аффлито де-Монтефальконе, который уже занималъ эту должность въ періодъ намѣстничества г. Фарини, а потомъ былъ префектомъ въ Генуѣ. Можетъ-быть предчувствуя готовящійся ударъ, бурбонская партія, 4-го января, сдѣлала демонстрацію въ пользу павшей династіи, не имѣвшую впрочемъ ни малѣйшаго успѣха; реакція шла отъ духовенства, и схвачены виновные: два священника и прелатъ. Нити заговора опять сходятся въ Римѣ, гдѣ къ бывшему королю Франциску II обращаются съ надеждою неаполитанскіе реакціонеры.

Чтобы дополнить картину внутренняго положенія Италіи, упомянемъ о демонстраціяхъ въ Миланѣ. Въ своей рѣчи на новый годъ, король сдѣлалъ намекъ на Гарибальди, въ слѣдующихъ словахъ: „Въ прошломъ году мы испытали невзгоды; были люди, уклонившіеся отъ своего долга и нарушившіе общественное спокойствіе. Чтобъ идти впередъ, необходимо согласіе. Къ счастію, армія съ каждымъ днемъ организуется и дисциплинируется болѣе и болѣе; въ ней лучшее обезпеченіе нашихъ правъ“. Сторонники Гарибальди были оскорблены этимъ намекомъ, и стали распространять въ Миланѣ фотографіи, изображающія ту минуту, когда докторъ вынимаетъ пулю изъ ноги генерала. На фотографіяхъ сдѣлана слѣдующая надпись: „Гарибальди, вѣрный своему королю, рисковалъ собственною жизнью, восклицая: Римъ или смерть, король отвѣчалъ: умирай!“ Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди не одобрятъ подобнаго злоупотребленія его именемъ; правительство съ своей стороны, не гоняясь за ложною популярностью, рѣшилось держать твердою рукою порядокъ въ странѣ и не дозволятъ никакихъ „эмансипаціонныхъ комитетовъ“, которые самовольно присвоивали себѣ власть.

Король выказалъ особенную осторожность относительно внѣшняго положенія Италіи въ своей рѣчи 1-го января. „Мы не можемъ располагать арміею, сказалъ онъ, пока не будутъ умиротворены неаполитанскія провинціи. Общія усилія должны быть направлены на это дѣло и мы пожелаемъ отъ всей души, чтобы цѣль была достигнута скорѣе. Нація не можетъ утѣшать себя счастливыми сновидѣніями, ей нужны факты, отъ нея требуется рѣшимость“. 4-го января депутація венеціянская поднесла королю, отъ имени дамъ Венеціи, Истріи и Тріэста, альбомъ для королевы португальской, и вмѣстѣ съ тѣмъ адресъ политическаго содержанія; король отвѣчалъ уклончиво, ограничиваясь общимъ выраженіемъ благодарности. Все это показываетъ, что правительство г. Фарини выжидаетъ перемѣны обстоятельствъ для возобновленія переговоровъ о Римѣ.

О предполагаемыхъ реформахъ въ Римѣ ходятъ самые разнообразные слухи; думаютъ, что императоръ Французовъ возвѣститъ о нихъ въ своей тронной рѣчи.

Пока полное согласіе господствуетъ между Франціей и римскимъ дворомъ, папа въ своей рѣчи 1-го января указалъ на священное призваніе, которое досталось на долю французской арміи. „Вы здѣсь, мои дѣти, чтобъ остановить нечестивыя стремленія и обуздать враговъ св. престола и религіи.“

Греческій престолъ остается все еще не замѣщеннымъ. Лордъ Эллiотъ представилъ временному правительству Греціи объявленіе Англіи о томъ, что британское правительство намѣрено уступить Греціи Іоническіе острова, если только Греки изберутъ короля, обезпечивающаго конституціонное устройство страны и мирныя отношенія къ сосѣдямъ. Въ объясненіяхъ своихъ съ предсѣдателемъ клуба „Общественное мнѣніе“ г. Эллiотъ указалъ на донъ-Фернанда Португальскаго, какъ на лицо, наиболѣе удовлетворяющее и желаніямъ Англіи и интересамъ Греціи. Лордъ Пальмерстонъ все еще надѣется, что супругъ бывшей королевы Португаліи согласится принять корону; съ этою цѣлію отправленъ въ Лиссабонъ г. Дево съ письмомъ отъ короля Бельгійцевъ. Другой кандидатъ герцогъ Омальскій имѣетъ мало шансовъ въ Греціи, но не встрѣтитъ препятствій со стороны европейскихъ державъ, за исключеніемъ, развѣ Франціи. Кажется, за него готовъ дѣйствовать г. Булгарисъ, тогда какъ партія Маврокордато не хочетъ слышать ни о комъ, кромѣ Альфреда. Вопросъ объ увеличеніи греческой территоріи частью Турціи и Іоническими островами не вполнѣ еще разъяснился. Относительно Турціи, Англія основывалась на секретномъ трактатѣ съ нею, заключенномъ въ 1814 году; но турецкое правительство рѣшительно отказало уступить какую-либо часть Оессаліи и Эпира. Что касается до Іоническихъ острововъ, то

Англія рѣшилась, повидимому, отказаться отъ своего протектората надъ ними, имѣя въ виду сокращеніе собственныхъ расходовъ на 200.000 фунтовъ стерл. ежегодно. По словамъ Mornig-Post, газеты, обыкновенно выражающей мнѣнія лорда Пальмерстона, въ этомъ отказѣ вся выгода на сторонѣ Англіи, но едва ли Іонійцы согласятся потерять выгоды англійскаго подданства, а остальные Греки согласятся присоединить къ себѣ болѣе развитыхъ и богатыхъ Іонійцевъ. Но если, сказано въ этомъ журналѣ, Іонійцы рѣшатся принести свои истинныя выгоды въ жертву на алтарь національности и отдать осязательную пользу въ настоящемъ за отдаленную идею, то мы предоставляемъ имъ полную свободу.

На островахъ впрочемъ незамѣтно того энтузіазма къ Англіи и къ принцу Альфреду, какой проявился въ Аѳинахъ при содѣйствіи англо-эллинскаго комитета. 25-го декабря въ Корфу была демонстрація въ честь отказа Англіи отъ протектората. Архіепископъ объявилъ, что онъ совершитъ молебствіе о возсоединеніи всего греческаго племени, не дѣлая никакого намека на принца Альфреда. Члены клуба „Возрожденія“ явились въ церковь съ знаменемъ Греціи, которое было положено у ногъ Св. Спиридонія, патрона острововъ. Изъ церкви народъ сопровождалъ знамя до дома лорда намѣстника, гдѣ произнесена благодарственная рѣчь королевѣ Викторіи; затѣмъ толпа двинулась къ домамъ консуловъ Франціи, Россіи и Италіи, привѣтствуя гербы этихъ государствъ. Имя принца Альфреда не было произнесено ни разу во время этой демонстраціи.

№ 2.

Москва, 3-го января.

А.

Вся экономическая дѣятельность людей заключается въ обмѣнѣ услугъ. Обмѣнъ этотъ полезенъ для всего общества только въ такомъ случаѣ, если обѣ стороны выигрываютъ при сдѣлкѣ. Рѣдко бываетъ однакоже, чтобы выигрышъ этотъ былъ въ точности равенъ для обѣихъ сторонъ. Но всякій выигрышъ полученный одною стороной въ ущербъ другой есть выигрышъ совершенно пропадающій для всего общества. При неравенствѣ выигрыша происходитъ простое перемѣщеніе цѣнности, подобное тому, которое происходитъ при игрѣ въ карты, при держаніи пари на скачкахъ, при биржевой игрѣ, или даже при воровствѣ. Это перемѣщеніе мы назовемъ даровымъ перемѣщеніемъ цѣнностей; оно противно общему интересу, и чѣмъ меньшая доля такого дароваго перемѣщенія цѣнностей входитъ въ каждую сдѣлку, тѣмъ лучше для цѣлаго общества. Спросятъ: въ чемъ же можетъ состоять выигрышъ при экономической сдѣлкѣ, какъ не въ томъ, что̀ выигрывается однимъ человѣкомъ насчетъ другаго человѣка, и на чей же счетъ будетъ происходить этотъ выигрышъ, если въ экономическомъ мірѣ всякое даровое перемѣщеніе цѣнностей вредно для общества? Въ томъ-то и дѣло, что богатство рода человѣческаго можетъ возрастать никакъ не на счетъ отдѣльныхъ людей, а только на счетъ производительныхъ силъ природы, и на счетъ уменьшенія препятствій полагаемыхъ пространствомъ и временемъ. Вся промышленная дѣятельность заключается въ пользованіи силами природы и въ борьбѣ съ препятствіями выше названными; всякій промышленникъ, честно ведущій свое дѣло, трудится надъ тѣмъ, чтобы покорять природу уму человѣка. Его дѣятельность бываетъ сопряжена съ матеріяльнымъ трудомъ, но въ сущности это дѣятельность умственная. Говоря строго, можно сказать, что только духовная дѣятельность человѣка можетъ увеличить массу матеріяльныхъ пріобрѣтеній дѣлаемыхъ человѣческимъ обществомъ.

У насъ обыкновенно ожидаютъ оживленія и упроченія промышленности отъ улучшенія путей сообщенія, отъ устройства желѣзныхъ дорогъ, отъ установленія твердой монетной единицы. Мы согласны, что эти мѣры должны сильно оживить промышленную дѣятельность, но они никакъ не могутъ ее упрочить. Напротивъ того, при большемъ оживленіи экономической дѣятельности, еще сильнѣе обнаружатся затрудненія представляемыя у насъ раціональному веденію какого бы то ни было промышленнаго предпріятія, не исключая и земледѣлія, тою неопредѣленностію договорнаго права, тѣмъ отсутствіемъ своевременныхъ взысканій, тою шаткостію права собственности, которые уже и при прежнемъ порядкѣ казались едва выносимыми. Необходимая премія за рискъ, происходящій отъ этой неурядицы, возвышаетъ у насъ непомѣрно цѣ-

ну всѣхъ продуктовъ, и экономическая дѣятельность, вмѣсто того, чтобъ опираться на тонкій и многосторонній расчетъ, обращается въ смѣлую азартную игру на авось. При слабомъ развитіи промышленной дѣятельности, въ то время, когда земледѣліе и отчасти заводская и фабричная промышленность опирались преимущественно на крѣпостной трудъ, недостатки не такъ рѣзко бросались въ глаза, хотя и дѣйствовали разрушительно; но при большемъ оживленіи промышленности и при стремленіи ея опереться на начало свободы, они положатъ ей непреодолимую преграду. Мы приведемъ одинъ крупный примѣръ, именно неудачу нашихъ акціонерныхъ компаній. Общественное мнѣніе приписываетъ эту неудачу недобросовѣстности распорядителей. Если эта недобросовѣстность и играла значительную роль, то на что же она опиралась, какъ не на отсутствіе практическаго договорнаго права, какъ не на отсутствіе системы взысканій, и наконецъ на крѣпостной взглядъ акціонеровъ, которые видѣли въ директорахъ полновластныхъ начальниковъ, могущихъ всякими законными и не законными средствами сдѣлать такъ, что и имъ самимъ будетъ хорошо и ихъ подчиненнымъ, то-есть акціонерамъ, будетъ не худо. Недобросовѣстность распорядителей играла конечно не малую роль, но все-таки виноваты не одни они.

Дѣятельность компанейскаго предпріятія предполагаетъ точность, правильность и твердую обдуманность за ранѣе опредѣленныхъ коммерческихъ или промышленныхъ дѣйствій. Но возможно ли все это тамъ, гдѣ каждое дѣйствіе безпрестанно парализируются всѣми лицами, съ которыми компанія вступаетъ въ какія бы то ни было экономическія отношенія? Ни одинъ должникъ не заплатитъ въ срокъ; ни одинъ продавецъ не поставитъ товаръ въ назначенное время; ни одинъ извощикъ не довезетъ посланное до мѣста назначенія; ни одинъ почталіонъ не принесетъ письма или повѣстки тотчасъ по полученіи, даже и въ такомъ случаѣ, если письмо или деньги не залежались нѣсколькихъ недѣль въ мѣстѣ отправленія. Торговцы и промышленники лично ведущіе свои дѣла улаживаются съ этою неурядицею различными продѣлками: неисправнаго извощика сами въ другой разъ, какъ говорится, накроютъ, т.-е. не заплатятъ ему денегъ, да еще, пожалуй, запутаютъ въ дѣло съ полиціей, и ублаготворятъ кого слѣдуетъ чаемъ, водкой и деньгами; если имъ самимъ не заплатятъ должники, то и они не заплатятъ своимъ кредиторамъ, ихъ обманутъ, и они надуютъ въ свою очередь, и въ этой круговой порукѣ злоупотребленій, кое-какъ, вынырнутъ.

Очевидно, что такого рода дѣятельность, основанная на теоріи договорнаго права, выражаемаго пословицей „кто кого смога, тотъ того и за рога,“ невозможна, не только для обширныхъ акціонерныхъ компаній, но и для отдѣльныхъ лицъ, которыя желали бы вести свои промышленныя предпріятія раціонально и добросовѣстно. Вотъ почему такъ мало у насъ число людей этого рода, дѣйствующихъ на поприщѣ промышленности, и вотъ между прочимъ одна изъ существенныхъ причинъ нашей дороговизны. При нынѣшнемъ порядкѣ, конкурренція между производителями не можетъ быть сильна, потому что значительная доля смѣтливости и вообще умственныхъ способностей тратится на взаимное надувательство, а не на производство цѣнностей. Серіозной конкурренціи между капиталистами также быть не можетъ, потому что всякій принужденъ высчитывать себѣ страховую премію за рискъ.

Всеобщая дороговизна неизбѣжна до тѣхъ поръ, пока начало свободныхъ экономическихъ отношеній не получитъ въ нашемъ законодательствѣ тѣхъ гарантій, которыя составляютъ самый существенный элементъ его развитія, и безъ которыхъ начало свободы будетъ не благодѣяніемъ, а только препятствіемъ къ удовлетворенію общественныхъ и государственныхъ потребностей. Во мракѣ крѣпостнаго права мы не видали, и почти не чувствовали того безобразія, среди котораго мы жили и дѣйствовали, но внеся въ наше жилище свѣтъ свободы, мы теперь не должны закрывать глазъ изъ наивнаго желанія чтобъ это безобразіе не было замѣтно намъ и насъ не оскорбляло.

Б.

Намѣреніе Англіи уступить Іоническіе острова Греціи не могло не возбудить нѣкоторой тревоги. Кажется съ перваго раза невѣроятнымъ, чтобъ Англія добровольно отказалась отъ протектората, пріобрѣтеннаго ею въ замѣнъ пожертвованій въ продолженіе борьбы съ Наполеономъ I. Но Іоническіе острова давно уже составляютъ для нихъ источникъ затрудненій. Правительство не разъ посылало самыхъ компетент-

-ныхъ лицъ, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на островахъ и сдѣлать возможными правильныя засѣданія іонійскаго парламента. Но всѣ попытки г. Гладстона и лорда Эллиота, того самаго, которому теперь дано порученіе въ Грецію, оказались безплодными. Англія не придаетъ особеннаго значенія идеѣ національности; но она понимаетъ собственныя выгоды и пользуется случаемъ извлечь возможную пользу изъ даннаго положенія дѣлъ. Отказываясь отъ своего протектората, Англія выпутывается изъ затрудненій, и, предваряя неотразимый ходъ событій, пріобрѣтаетъ право на вліяніе. „Англійское правительство, сказано въ „Times", слѣдуя великодушной политикѣ, пріобрѣтаетъ большій вѣсъ въ Европѣ, чѣмъ оно пріобрѣло бы съ присоединеніемъ провинціи въ десять разъ обширнѣе Іоническихъ острововъ." Голосъ Англіи относительно военнаго занятія Рима Французами или Венеціи Австрійцами получитъ теперь новое значеніе, потому что будетъ подкрѣпленъ собственнымъ примѣромъ. „Мы одержали много дипломатическихъ побѣдъ, говоритъ „Dailly Telegraph;" „но никогда еще не имѣли такого нравственнаго успѣха, какой даетъ намъ отказъ отъ нашего протектората."

Еще болѣе значенія получитъ Англія въ дѣлахъ Греціи. Присоединеніе острововъ къ этой странѣ надолго утвердитъ въ ней нравственное преобладаніе Англіи.

Между тѣмъ объ уступкѣ острововъ со стороны Англіи подали надежду, что Англія откажется и отъ Гибралтара. Г. Саласаръ и-Масарредо въ засѣданіи кортесовъ предложилъ, чтобы правительство признало долговыя обязательства, выданныя донъ-Карлосомъ англійскимъ подданнымъ въ замѣнъ уступки Гибралтара. Министерство объявило, что оно не намѣрено подымать вопроса объ этомъ въ настоящее время. Но журналы толкуютъ объ уступкѣ Гибралтара, какъ о дѣлѣ возможномъ. Въ Англіи гг. Смитъ и Брайтъ указали на финансовую невыгоду владѣнія далекою крѣпостью; въ Испаніи считаютъ возможнымъ вознаградить Англію за уступку. „Пусть знаетъ Англія, сказано въ одномъ изъ журналовъ, что Испанія имѣетъ положительныя и дѣйствительныя средства сдѣлать еще болѣе ненужною и безплодною территорію, которою, къ стыду нашему, владѣютъ иностранцы." Дѣйствительно, министерство намѣрено учредить порто-франко въ городахъ Сеутѣ и Мелильѣ и тѣмъ подорвать значеніе Гибралтара.

Внутреннія тревоги, которыя переживаетъ въ настоящее время Пруссія, начинаютъ отражаться и на внѣшней ея политикѣ, особенно на отношеніяхъ къ Австріи. Недѣли три тому назадъ русскій посланникъ въ Вѣнѣ баронъ фонъ-Вертеръ прочелъ тамошнему министру иностранныхъ дѣлъ графу Рехбергу депешу, исполненную самыхъ горькихъ упрековъ за то, что Австрія, опасаясь преобладанія Пруссіи въ Германіи, старается удержать другія германскія державы, входящія въ составъ Таможеннаго Союза, отъ признанія франко-прусскаго торговаго трактата, и по нерасположенію къ Пруссіи предлагаетъ мѣры къ преобразованію всего Германскаго Союза. Депеша оканчивается угрозами, что Пруссія выступитъ изъ Союза, выведетъ свои войска изъ союзныхъ крѣпостей, и въ случаѣ какого-либо нападенія извнѣ, останется совершенно нейтральною. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, передаетъ содержаніе этой депеши франкфуртская газета „Европа", и часть сообщенныхъ ею свѣдѣній признается достовѣрною даже въ полуофиціальномъ извѣщеніи, напечатанномъ въ берлинскихъ журналахъ. Здѣсь говорится, что дѣйствительно графъ Рехбергъ, прослушавъ внимательно то, что сообщилъ ему баронъ Вертеръ, просилъ его представить депешу въ подлинникѣ для доклада императору, и получилъ отказъ; но извѣстіе, будто бы въ депешѣ говорится о выводѣ прусскихъ войскъ изъ союзныхъ крѣпостей и о томъ, что Пруссія не станетъ противодѣйствовать нападенію на Германію извнѣ, это рѣшительно отрицается. Депеша имѣла своею цѣлью только объяснить причины взаимнаго отчужденія двухъ великихъ германскихъ державъ. Полуофиціальная статья берлинскихъ газетъ оканчивается жалобами на то, что тайныя сообщенія Пруссіи ограничаются лицами стоящими близко къ вѣнскому кабинету, вслѣдствіе чего Пруссія отказывается отъ дальнѣйшихъ переговоровъ по возбужденнымъ ею вопросамъ, и слагаетъ на Австрію всю вину за неуспѣшность ея будто бы миролюбиваго образа дѣйствій. Между другими великими европейскими державами такого рода объясненія могли бы вскорѣ повлечь за собою перерывъ дипломатическихъ сношеній; но Австрія и Пруссія уже привыкли только спорить между собою, проливать потоки чер-

нилъ и потомъ мириться какъ ни въ чемъ не бывало. Графу Туну, бывшему прежде посланникомъ въ Берлинѣ, и имѣвшему на дняхъ нѣсколько свиданій съ г. Бисмаркомъ, удалось почти совершенно обезоружить послѣдняго. Тѣмъ не менѣе австрійскіе журналы, и особенно правительственные не перестаютъ жестоко нападать на президента совѣта министровъ Пруссіи.

Политика нынѣшняго прусскаго правительства по общимъ германскимъ дѣламъ разъясняется между прочимъ въ недавно появившейся брошюрѣ, которая приписывается дипломату, состоящему въ ближайшихъ отношеніяхъ къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, г. Бисмаркъ-Шенгаузену. Согласно съ этою брошюрою, Пруссія не допуститъ ни общей для всего Германскаго Союза исполнительной власти, ни народнаго представительства при германскомъ сеймѣ, ни общаго законодательства, ни общаго союзнаго суда. Въ отношеніи къ германскимъ государствамъ, Пруссія предполагаетъ держаться началъ политическаго эгоизма и заботиться о сближеніи въ сферѣ матеріяльныхъ, военныхъ и политическихъ интересовъ только съ тѣми германскими странами, которыя стоятъ въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ политическихъ и торговыхъ.

Впрочемъ Пруссія начинаетъ повидимому склоняться къ большей уступчивости по вопросу о торговомъ трактатѣ съ Франціей. Изъ Парижа извѣщаютъ, что прусскому посланнику поручено начать переговоры съ французскимъ правительствомъ относительно нѣкоторыхъ измѣненій въ трактатѣ, предложенныхъ Баваріей и Виртембергомъ, и что французское правительство не отвергло съ перваго же раза этихъ предложеній.

Въ Гессень-Кассель произошелъ вновь министерскій кризисъ. Президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ подали въ отставку вслѣдствіе того, какъ говорятъ, что курфюрстъ отказался возобновить дипломатическія сношенія съ Пруссіей, принять торговый трактатъ съ Франціей и дозволить проведеніе желѣзной дороги между прусскими городами Галле и Нордгаузеномъ, имѣющей пройдти частію по гессенской территоріи. При измѣненіяхъ въ торговомъ трактатѣ, о которыхъ ведутся теперь переговоры въ Парижѣ, одна изъ причинъ несогласія между Пруссіею и Гессень-Кассельемъ исчезнетъ.

Но за то внутреннее положеніе Пруссіи менѣе всего можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Двѣ партіи, имѣющія теперь особенно сильное вліяніе на правительство, такъ-называемая юнкерская и еще и военная, во главѣ которой стоитъ принцъ Карлъ, рѣшительно противъ всякихъ уступокъ партіямъ либеральной и прогрессивной, и помышляютъ о совершенномъ ниспроверженіи конституціи. Тревожное расположеніе умовъ выразилось даже въ поздравительномъ на Новый Годъ адресѣ берлинскихъ городскихъ депутатовъ, который послѣ долгихъ колебаній былъ представленъ министрами королю уже послѣ того какъ этотъ адресъ, вопреки всѣмъ приличіямъ, появился въ печати. Король отвѣчалъ между прочимъ, что городскіе депутаты напрасно говорятъ о борьбѣ между властями, которая будто бы приводитъ всѣхъ въ смущеніе. „Сомнѣваться въ моемъ искреннемъ намѣреніи охранять и поддерживать основные законы страны, — продолжаетъ король, — никто не въ правѣ, если только не имѣетъ въ виду посѣвать раздоры и разъединять короля и народъ. Что я, по глубокому убѣжденію, считаю необходимымъ для блага страны, то я обязанъ приводить въ исполненіе всѣми зависящими отъ меня средствами въ предѣлахъ, обозначенныхъ основными уставами, не останавливаясь на своемъ пути временнымъ непризнаваніемъ добрыхъ моихъ намѣреній. Обязанность людей разумныхъ и благомыслящихъ во всѣхъ классахъ населенія, особенно же представителей общинъ, по возможности устранять недовѣріе и опасенія, происходящія отъ заблужденій. При такомъ условіи и съ помощію Всевышняго умы вскорѣ успокоятся, чего вмѣстѣ со мною ревностно желаетъ, для благосостоянія и могущества Пруссіи, каждый вѣрный сынъ отечества.“ Какъ слышно, законодательныя палаты будутъ открыты не самимъ королемъ, который еще не вполнѣ оправился отъ болѣзни, а г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузеномъ.

Въ Австріи, во всѣхъ коронныхъ земляхъ ея, за исключеніемъ Венгріи, Галиціи и Буковины, 8-го января послѣдовало открытіе земскихъ сеймовъ. Ихъ засѣданія въ 1863 году будутъ пробнымъ камнемъ для конституціонной системы Австріи. Дѣйствительно, нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отдѣльныя составныя части государ-

ства не имѣютъ представительныхъ собраній съ такимъ обширнымъ кругомъ дѣятельности и съ такимъ значеніемъ, какъ въ Австріи; но этотъ кругъ дѣятельности и эта власть значатся пока только на бумагѣ. Поговариваютъ, что при первомъ неудовольствіи правительство намѣрено распускать сеймы до тѣхъ поръ, пока составъ ихъ не выйдетъ вполнѣ для него благопріятенъ. Правда, Австрія подвинулась много впередъ за послѣдніе 20 мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ правительство могло находить себѣ опору въ народномъ представительствѣ; это представительство — рейхсратъ — дѣйствовало большею частію разумно, въ строго-консервативномъ духѣ, отстаивая единство имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ было необходимо, защищая интересы законности. Но тѣмъ не менѣе въ высшей степени забавно, когда австрійскія газеты, какъ напр. „Ostdeutsche Post“, ставятъ конституціонную Австрію почти на одинъ уровень съ Англіею. Въ Австріи, подъ страхомъ строжайшихъ взысканій и судебныхъ преслѣдованій, запрещается говорить печатно въ пользу образованія изъ этой разноплеменной имперіи союза государствъ; въ Австріи, недавно еще депутату нижне-австрійскаго сейма Францу Шузелькѣ не дозволено было созвать своихъ избирателей для предварительнаго совѣщанія съ ними, и вообще никакія публичныя сборища не возможны. Мало того: тайна писемъ не соблюдается даже и въ настоящее время, и до сихъ поръ еще, по увѣренію корреспондента „Times“, частныя письма не рѣдко доставляются за печатью не отправителя, а Австрійской имперіи. Къ сожалѣнію, имперскій сеймъ не издалъ постановленія относительно этого важнаго предмета. Законодательство о печати, выработанное имперскимъ сеймомъ и утвержденное уже императоромъ, не обнародывается только потому, что не опредѣлены еще подробныя правила о приведеніи его въ исполненіе.

Положеніе Турціи, при томъ оборотѣ, какой принялъ греческій вопросъ, становится все болѣе затруднительнымъ. Затрудненія эти пробудили было въ ней давно невиданную энергію, съ которою она рѣшилась протестовать противъ намѣренія Англіи присоединить Іоническіе острова къ Греціи. Г. Муссурусъ, турецкій посланникъ въ Лондонѣ, говорятъ, отважился даже высказать графу Росселю, что въ такомъ случаѣ Англія будетъ имѣть въ Турціи не союзника вѣрнаго и преданнаго, а скорѣе врага. Протесты эти, конечно, не произведутъ никакого впечатлѣнія на Англію, которая хорошо понимаетъ до какой степени увеличилось ея вліяніе на востокѣ съ той поры какъ повсюду разсѣянные, дѣятельные и вліятельные Греки стали рѣшительными ея друзьями. А между тѣмъ, въ Константинополѣ, въ отсутствіе сэръ-Гарри Бульвера, произошелъ министерскій кризисъ: великій визирь Фуадъ-паша, ревностный приверженецъ Англіи, Мегемедъ-Али-паша, морской министръ и начальникъ артиллеріи, и военный министръ Рухди-паша уволены отъ своихъ должностей, и на ихъ мѣсто назначены — великимъ визиремъ Кіамиль-паша, болѣе благопріятствующій Франціи; морскимъ министромъ — адмиралъ Мехмедъ-паша, находящійся теперь въ Лондонѣ; начальникомъ артиллеріи — Галлиль-паша, а военнымъ министромъ — Решидъ-паша. Впрочемъ, никакъ нельзя еще утверждать рѣшительно, что этотъ министерскій кризисъ находится въ связи съ отношеніями Турціи къ Англіи. Дѣло, кажется, объясняется интригами сераля, которымъ все болѣе начинаетъ поддаваться султанъ Абдулъ-Азизъ. Надежды, которыя возлагались прежде на султана, оказываются теперь напрасными.

Поговариваютъ даже о совершенномъ разстройствѣ его умственныхъ способностей. Надъ своими министрами потѣшается онъ подчасъ самымъ неприличнымъ образомъ. Такъ, незадолго до министерскаго кризиса, Мегемедъ-Али, Фуадъ-паша и Кіамиль-паша удостоились приглашенія къ высочайшему столу, и чтобъ оказать должную честь ястваМъ, явились по обычаю натощакъ. Ждутъ часъ, другой, третій: ни султана, ни обѣда. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, они рѣшились обратиться къ камергеру, и чрезъ его посредство получили предписаніе возвратиться восвояси.

Министерскій кризисъ въ Константинополѣ объясняется самымъ различнымъ образомъ. La Patrie полагаетъ, что Фуадъ-паша и Мехмедъ-Али-паша удалены отъ должности и впали въ немилость за то, что стали слишкомъ склоняться на сторону Англіи, имѣющей въ виду уступку Іоническихъ острововъ и округленіе границъ Греціи со стороны Ѳессаліи и Эпира и присоединеніе къ ней нѣкоторыхъ турецкихъ острововъ Архипелага. France, напротивъ, утверждаетъ, на основаніи депешъ изъ Кон-

стантинополя, что министры уволены за то, что стремились ограничить личное вліяніе султана. Наконецъ, Morning-Post объясняетъ смѣну министровъ неудовольствіемъ султана на то, что Фуадъ-паша и его сотоварищи не обнаружили достаточной энергіи въ дѣлѣ о захватѣ въ Дунайскихъ княжествахъ оружія, назначавшагося для Сербіи. Этому дѣлу Порта придаетъ особое значеніе. Повидимому и Сербія и Черногорія остаются до поры до времени въ покоѣ только за неимѣніемъ оружія. Черногорцы надѣются вскорѣ получить его изъ Тріеста, гдѣ съ этою цѣлью заготовленъ складъ изъ 12.000 ружей. Въ виду такихъ опасностей, и ссылаясь на протоколъ 13-го апрѣля 1859 г., Порта настаиваетъ на своемъ правѣ содержать даже особыхъ коммиссаровъ въ Дунайскихъ княжествахъ, которые препятствовали бы доставкѣ оружія недовольнымъ ея подданнымъ и состоящимъ въ зависимости отъ нея странамъ. Вопросъ этотъ обсуждался недавно въ Константинополѣ, и французскій посланникъ рѣшительно присоединился ко мнѣнію представителя Россіи, что Сербія имѣетъ полное право заботиться о лучшемъ вооруженіи своего войска, точно такъ же какъ и содержать его. Представитель Пруссіи, напротивъ, былъ на сторонѣ Турціи, чѣмъ нѣкоторые и объясняютъ отозваніе его изъ Константинополя. Вновь назначенные министры считаются неблагопріятно расположенными къ русскому вліянію на Востокѣ.

Мексиканская экспедиція также не богата результатами, какъ и борьба сѣвера и юга Америки, и такъ же трудно предвидѣть ея исходъ. Французская армія мало подвинулась впередъ; генералъ Форе проситъ подкрѣпленій, чтобъ идти на Мексико. Постоянные дожди заставили генерала слѣдовать по болѣе длинной и трудной дорогѣ къ этой столицѣ, а именно черезъ Пуэблу, и отказаться отъ пути, который былъ избранъ въ началѣ экспедиціи. По извѣстіямъ отъ 10 декабря, генералъ Форе занялъ двѣ важныя позиціи по дорогѣ въ Пуэблу, и мексиканскій конгрессъ взываетъ къ своимъ соотечественникамъ объ отчаянномъ сопротивленіи. Но если даже, послѣ преодолѣнія всѣхъ трудностей, французскія войска вытѣснятъ Хуареса изъ города Мексико, то этимъ дѣло еще не кончится. Президентъ республики можетъ удалиться въ какую-либо изъ провинцій, оставшуюся ему вѣрною, и борьба можетъ длиться снова. Телеграфъ извѣщаетъ, что въ половинѣ января изъ Франціи будетъ отправлена къ генералу Форе новая бригада, и, конечно, это не послѣднее подкрѣпленіе, которое потребуется для поддержанія чести французскаго оружія. Между тѣмъ Мексиканцы, живущіе въ Парижѣ, придумали новый способъ уладить дѣло. По ихъ мнѣнію, Франціи достаточно занять своими войсками тѣ округи Мексики, въ которыхъ находятся самые богатые рудники; частныя компаніи возьмутъ на себя разработку этихъ рудниковъ, и въ немного лѣтъ уплатятъ долгъ лежащій на мексиканскомъ правительствѣ.

Экспедиція противъ Хуареса не даетъ успокоиться испанскимъ кортесамъ. Оппозиція избрала ее орудіемъ противъ герцога Тетуанскаго и требуетъ болѣе тѣснаго союза съ Франціею въ этомъ дѣлѣ. Генералъ Конча отказался отъ своего поста посланника въ Парижѣ; говорили объ отставкѣ г. Сельйо, испанскаго посланника въ Брюсселѣ и пр. Тѣмъ не менѣе генералъ О'Доннель надѣется, что палаты будутъ въ его пользу. Чтобы примириться съ Франціею, онъ намѣренъ назначить посланникомъ въ Парижъ маршала Серрано, который не компрометировалъ себя въ послѣднихъ преніяхъ и извѣстенъ какъ сторонникъ Франціи. Нескончаемыя пренія о параграфѣ адреса, въ которомъ говорится о мексиканскихъ дѣлахъ, возобновились 7-го января. Г. Монъ сдѣлалъ новое нападеніе на министерство, хотя и безъ успѣха: 150 голосовъ противъ 72 высказались въ пользу министерства. Оппозиція однако не успокоилась. Другой членъ ея, г. Олозага, въ засѣданіи 10 января, нападалъ на министерство съ другой стороны. Онъ не высказалъ симпатіи къ Франціи; напротивъ онъ говорилъ, что считаетъ патріотическимъ дѣломъ празднованіе годовщины 2 мая 1808 года, когда въ Мадридѣ вспыхнуло возстаніе противъ Французовъ. Но онъ упрекалъ министерство въ недостаткѣ національной политики. По его мнѣнію, г. Кальдеронъ Кольянтесъ, подписывая лондонскій трактатъ, зналъ о кандидатурѣ эрцгерцога Максимиліана и не протестовалъ противъ нея. Испанскіе министры обязаны были поддерживать только кандидатуру испанскаго принца и стараться получить вознагражденіе въ Кохинхинѣ; они должны были противиться учрежденію въ Мексикѣ монархіи, такъ какъ она невозможна, ибо Мексиканцы выйдутъ

изъ борьбы побѣдителями. „Испанія, сказалъ г. Олòсага, потеряла безъ всякой пользы деньги и войско въ Мексикѣ. Правительство обязано было не соглашаться на отплытіе испанскихъ войскъ, а послать новыя силы въ Мексику; если же это было невозможно, то подать въ отставку. По возвращеніи войскъ, не слѣдовало отправлять посланника во Францію.“ Г. Олòсага, въ заключеніе, убѣждалъ министровъ предоставить другимъ государственнымъ людямъ рѣшеніе возникшихъ вопросовъ.

Американскій кризисъ нисколько не ослабѣваетъ, не смотря на страшныя потери понесенныя съ обѣихъ сторонъ. Новый годъ застаетъ противниковъ въ прежнемъ ожесточеніи и съ прежнею энергіею. Битва при Фредериксборгѣ, кончившаяся не въ пользу Сѣверянъ, нисколько не ослабила энергіи вашингтонскаго правительства. Генералъ Борнсайдъ, командующій потомакскою арміею, принимаетъ на себя отвѣтственность за неудачный исходъ сраженія, и не покидаетъ своего поста, надѣясь, конечно, загладить свое пораженіе новыми побѣдами; правительство сдѣлало новый громадный заемъ въ 900 милл. долл. Впрочемъ, фредериксборгское сраженіе не имѣло никакихъ рѣшительныхъ результатовъ,—сѣверная и южная арміи остались на прежнихъ позиціяхъ. Европейскіе кабинеты, поэтому, продолжаютъ строго держаться своего прежняго нейтральнаго положенія, и лордъ Пальмерстонъ заявилъ еще разъ о невмѣшательствѣ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе все еще настроено въ пользу Сѣвера. Такъ, 31-го декабря, на митингѣ въ Манчестерѣ, жители котораго наиболѣе страдаютъ отъ недостатка въ хлопкѣ, составленъ адресъ г. Линкольну съ живѣйшими выраженіями желанія побѣды Сѣверу. Съ другой стороны, Англія отклонила заключеніе конвенціи о поселеніи освобожденныхъ негровъ въ англійскихъ колоніяхъ. По мнѣнію графа Росселя, подобная конвенція въ настоящее время имѣла бы характеръ враждебный Югу, и не принесла бы никакой пользы Англіи; ея колоніи достаточно снабжены работниками изъ Индіи; куліи довольствуются меньшею платою чѣмъ освобожденные негры и болѣе способны къ работѣ. Можно ожидать, что теперь, послѣ неудачной попытки Франціи предложить посредничество между Сѣверомъ и Югомъ, американскій кризисъ будетъ предоставленъ самому себѣ. Тѣмъ временемъ внутри Соединенныхъ Штатовъ господствуетъ страшное волненіе, и чуть ли внутренній раздоръ между отдѣльными штатами Сѣвера не превосходитъ теперь взаимную ненависть между Сѣверомъ и Югомъ. Тысячи и, быть-можетъ, милліоны Сѣверянъ предпочли бы имѣть своимъ президентомъ, вмѣсто Линкольна, самого Джефферсона Девиса, и идти съ нимъ въ крестовый походъ уже не противъ Южной Каролины и рабовладѣльцевъ, а противъ Массачусетса и аболиціонистовъ. Борьба между двумя главными партіями Соединенныхъ Штатовъ, республиканскою и демократическою, теперь въ самомъ страшномъ разгарѣ, и слабохарактерный президентъ Линкольнъ поставленъ между двухъ огней. Особенно оказывается затруднительность его положенія въ недавно возникшемъ очень серіозномъ конституціонномъ вопросѣ. Западная часть штата Виргиніи, по берегамъ рѣки Огайо, всегда держалась отдѣльно отъ остальной части штата по вопросу о невольничествѣ. Конгрессъ особымъ биллемъ возвелъ эту часть Виргиніи въ отдѣльный штатъ—Западную Виргинію, и все дѣло заключается теперь въ томъ, утвердитъ ли президентъ этотъ билль, во всѣхъ отношеніяхъ незаконный, такъ какъ конгрессъ не имѣетъ ни малѣйшаго права посягать на независимость или единство отдѣльныхъ штатовъ Союза, тѣмъ менѣе на Виргинію, ядро Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Республиканцы кричатъ, что президентъ непремѣнно утвердитъ и долженъ утвердить билль, демократы кричатъ, что онъ не посмѣетъ утвердить его, и бѣдный г. Линкольнъ, между увѣщаніями друзей и угрозами враговъ, никакъ еще не можетъ принять окончательнаго рѣшенія.

№ 3.

Москва, 5-го января.

А.

Мы указали вчера на одну изъ коренныхъ причинъ нашей дороговизны. На каждомъ предметѣ купли и продажи наживаютъ у насъ вознагражденіе за свой трудъ не только производители этого предмета или люди доставляющіе этотъ предметъ публикѣ, но и тѣ многочисленные лица, для которыхъ этотъ предметъ служитъ поводомъ къ разнымъ хитрымъ выдумкамъ и продѣлкамъ,

нисколько не увеличивающимъ его полезности, но доводящимъ до весьма значительной цифры его стоимость для потребителя. Потребитель принужденъ заплатить за трудъ производства, за трудъ купеческаго посредничества при продажѣ, и кромѣ того онъ принужденъ заплатить за всѣ незаконные барыши, вырученные при перепродажѣ этого предмета. Скажутъ: не всегда же эти незаконные барыши падаютъ всею тяжестью на потребителя; нерѣдко бываетъ, что купецъ обсчитываетъ производителя и что одинъ купецъ обсчитываетъ другаго купца. Все это такъ, но еслибы такой ходъ дѣлъ имѣлъ послѣдствіемъ постоянные недочеты производителей или купцовъ, то было бы невыгодно производить или торговать. Уменьшилось бы производство, сократилась бы торговля, а затѣмъ по необходимости возросло бы вознагражденіе производителя и купца за потери отъ упомянутыхъ выше выдумокъ и продѣлокъ. Это вознагражденіе возрастало бы до тѣхъ поръ пока всѣ потери пали бы окончательно на потребителей.

Что же нужно для того, чтобы хоть сколько-нибудь спала дороговизна, составляющая предметъ общихъ жалобъ? Нужно многое, но всего нужнѣе чтобы рѣже встрѣчались случаи дароваго пользованія чужимъ трудомъ, чтобы менѣе было поводовъ къ даровому перемѣщенію цѣнностей. Винный откупъ представлялъ необыкновенныя къ тому удобства. Барыши откупа составлялись черезъ присвоеніе значительной доли заработка милліоновъ людей. Огромность барышей основывалась именно на томъ, что милліоны людей становились оброчниками откупа. Можно было взяться за какое угодно предпріятіе, требующее труда простыхъ людей, и если удавалось снять откупъ въ районѣ этого предпріятія, то можно было имѣть полную увѣренность, что бо́льшая часть заработковъ возвратится въ хозяйскія руки. Кто не знаетъ, что напримѣръ золотопромышленники нерѣдко пользовались этою возможностью присвоивать себѣ плоды чужаго труда, заставляя рабочихъ трудиться въ половину задаромъ? Это были своего рода крѣпостныя отношенія, налагавшія на простой народъ оброки, сообразно его заработкамъ. Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, должно́ было, по всей справедливости, прекратиться и этотъ особенный видъ крѣпостныхъ отношеній.

Одна уже отмѣна откупа, сокративъ кругъ дароваго перемѣщенія цѣнностей, должна будетъ имѣть значительное вліяніе на уменьшеніе дороговизны. Если судебная реформа совершится, какъ надобно надѣяться, успѣшно, то еще болѣе будетъ стѣснена возможность жить на чужой счетъ и пользоваться плодами чужаго труда. Тѣ усилія и тѣ дарованія, которыя идутъ теперь на прискапіе средствъ присвоивать себѣ чужое достояніе, будутъ обращены на полезную дѣятельность, а вслѣдствіе того непремѣнно увеличится количество цѣнностей производимыхъ Россіей и возрастетъ народное богатство. Финансы страны найдутъ въ этомъ увеличеніи народнаго богатства возможность возмѣстить временные недочеты, которые можетъ повести за собой отмѣна откупной системы. Чѣмъ болѣе открывается видовъ на возрастаніе народнаго благосостоянія, тѣмъ болѣе можно надѣяться и на благоустройство финансовъ.

Алармисты находили, что теперь не время уничтожать откупъ. Надобно подождать, говорили они; надобно подождать, пока финансы придутъ въ нормальное состояніе и будетъ устраненъ дефицитъ. Но они забывали, что нельзя было возлагать надежды на будущее даже въ фискальномъ отношеніи. Возрастающая дороговизна тяготитъ всѣхъ; финансы также не мало страдаютъ отъ нея. Отлагать въ дальній ящикъ мѣры, могущія сколько-нибудь содѣйствовать уменьшенію дороговизны, было бы неблагоразумно. Мы уже теперь потеряли значительную часть обычныхъ заграничныхъ покупателей нашего сѣрового. Неужели слѣдовало намъ предоставить дѣло дороговизны его собственному теченію? Наши финансы несомнѣнно выиграютъ отъ потерь, предстоящихъ имъ въ ближайшее время. Чѣмъ скорѣе послѣдуетъ за отмѣной откупа возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, и чѣмъ скорѣе примемся мы за построеніе дорогъ, связывающихъ Москву съ Чернымъ моремъ, тѣмъ лучше будутъ виды на исправленіе нашихъ финансовъ, какъ бы дорого ни обошлись намъ эти средства борьбы съ дороговизной.

Б.

Два дня тому назадъ, ожидая тронной рѣчи императора Французовъ, мы надѣялись найдти въ ней разъясненіе возникшихъ общеевропейскихъ вопросовъ. Ожиданія наши оправдались не вполнѣ. Рѣчь 12 января теперь передъ глазами читателей. Императоръ дѣлаетъ въ ней обозрѣніе прошедшихъ

событій, выставляетъ на видъ успѣхи французской политики и указываетъ на ея руководящее начало. Къ сожалѣнію, тѣхъ вопросовъ, которые возбуждаютъ интересъ своею неопредѣленностію и даютъ пищу различнымъ предположеніямъ, императоръ коснулся только слегка. Такъ, о мексиканской экспедиціи, объ ея дипломатической исторіи не говорится ни слова; въ рѣчи сказано только: „Экспедиціи въ Китай, въ Кохинхину и въ Мексику доказываютъ, что въ самыхъ отдаленныхъ странахъ оскорбленіе чести Франціи не остается безнаказаннымъ.“ Также неопредѣленно выразился императоръ и объ италіянскихъ дѣлахъ; по его словамъ, Франція защищала независимость Италіи, не вступая въ союзъ съ революціею, и „не покидая св. отца, котораго мы должны были поддерживать во имя нашей чести и нашихъ прежнихъ обязательствъ.“ Такимъ образомъ, все чего требовала честь Франціи, было сдѣлано. Императоръ обѣщаетъ и на будущее время не отступать отъ началъ своей политики, „несмотря на неблагопріятныя событія и на противоположныя мнѣнія.“

Если приложить эту программу къ текущимъ событіямъ, то окажется, что императоръ не намѣренъ вывести свои войска изъ Рима, этого не позволяетъ ему „честь Франціи,“ то-есть желаніе имѣть непосредственное вліяніе надъ Италіи. Чего не досказалъ императоръ, то изложено въ общемъ обозрѣніи положенія имперіи, которое печатается въ „Желтой Книгѣ.“ Эти книги приняты во Франціи въ подражаніе „Синимъ“ книгамъ, представляемымъ англійскому парламенту и заключающимъ въ себѣ офиціяльные документы по различнымъ вопросамъ. Въ Англіи эти книги печатаются постоянно, по мѣрѣ того какъ представляются на обсужденіе палатъ новые законы. Во Франціи ежегодно печатается одна книга, и въ ней, кромѣ документовъ, правительство дѣлаетъ общій обзоръ положенія страны.

Въ Желтой Книгѣ нынѣшняго года обнародована дипломатическая переписка послѣдняго времени, бросающая свѣтъ на отношенія Италіи къ ея жизненному вопросу. Изъ депеши графа Сартижа отъ 25 декабря видно, что италіянское министерство упорно стоитъ на программѣ графа Кавура относительно Рима, какъ столицы Италіи; что по его мнѣнію необходимо вывести французскія войска изъ владѣній папы и предоставить Римлянамъ избрать себѣ государя. Франція напротивъ считаетъ необходимымъ поддерживать государя-папу, и надѣется, что власть его утвердится прочно вслѣдствіе новыхъ административныхъ и судебныхъ реформъ; Римляне должны довольствоваться новыми льготами и не думать о присоединеніи къ Италіи.

По всему вѣроятію министерство г. Фарини расчитываетъ на содѣйствіе Англіи. Выводя свои войска изъ іоническихъ крѣпостей, гдѣ Англіи предоставленъ былъ протекторатъ юридически, эта страна получаетъ новое право протестовать противъ фактическаго протектората, который присвоиваетъ себѣ Франція въ Римѣ. Но уже теперь правительство королевы Викторіи сдѣлало шагъ, доказывающій ея участіе въ римскомъ вопросѣ. Оно предложило папѣ островъ Мальту для временнаго пребыванія, пока устроится итальянское королевство и Пій IX въ состояніи будетъ возвратиться въ Ватиканъ въ качествѣ уважаемаго первосвященника, а не свѣтскаго государя.

Папа, конечно, отвергъ англійское предложеніе. Но фактъ не лишенъ значенія. Англія не даромъ вступается въ международные вопросы. У нея есть также требованія „чести“, и едва ли графъ Россель остановится на первомъ шагѣ. При теперешнемъ охлажденіи между Франціею и Италіею, Англіи представляется удобный случай пріобрѣсти сочувствіе Италіянцевъ. Можно надѣяться, что соревнованіе двухъ западныхъ державъ будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія для дѣла италіянскаго единства.

Протестантская Англія, имѣвшая недавно такой успѣхъ въ восточной Греціи, не можетъ не казаться опасною соперницею для католической Франціи въ дѣлахъ Италіи. Она не связана особыми отношеніями къ своему національному духовенству, какъ связанъ императоръ Французовъ; ей легче вывести вопросъ на чисто-политическую почву, отдѣливши отъ него религіозную сторону, а безъ этого отдѣленія дѣло никогда не уяснится.

Императоръ не могъ, особенно въ настоящую минуту, сказать что-либо непріятное духовенству. Приближается время новыхъ выборовъ, и какъ бы усердно ни дѣйствовали префекты, они не въ состояніи совершенно парализировать вліяніе духовенства, которое въ деревняхъ весьма сильно. Лишиться такого союзника или поставить его противъ себя было бы неблагоразумно. Своя

рубашка ближе къ тѣлу; пусть пострадаютъ Италіянцы, но за то въ Парижъ явятся только „благоразумные“ депутаты, которые, по словамъ императора, искренне преданы нынѣшнему порядку вещей, проникнуты патріотизмомъ, не любятъ безплодной борьбы и ставятъ прочность государства выше интересовъ партіи.

На случай, еслибъ этотъ идеалъ представителей не оказалъ достаточной силы на избирателей, императоръ обѣщаетъ принимать всѣ мѣры, лежащія въ интересахъ большинства. Если Франція, говоритъ онъ, сдѣлала успѣхи, то этимъ она обязана согласію, царствовавшему между правительствомъ и законодательными собраніями. Съ этою-то именно цѣлію, то-есть, чтобы согласіе не нарушалось и на будущее время, правительство не допускаетъ въ журналахъ никакихъ разсужденій о всеобщей подачѣ голосовъ, и вообще о системѣ выборовъ, оказавшейся столь благотворною для взаимнаго согласія. Теперешніе представители уже испытаны; они проникнуты убѣжденіемъ въ совершенствѣ конституціи 1852 года. Она совершенна, по объясненію г. Морни въ засѣданіи 13 января, потому что способна къ усовершенствованію, благопріятствуетъ постепенному установленію свободы и утверждаетъ основы императорской династіи.

Но даже самыя спокойныя пренія какими обѣщаютъ быть пренія французскаго законодательнаго сословія, не лишены интереса, и мы увѣрены, что, слѣдя за ними, мы найдемъ въ нихъ разъясненіе многихъ вопросовъ какъ внѣшней такъ и внутренней политики Франціи.

Изъ телеграммъ, полученныхъ нынѣшнею ночью, наши утренніе подписчики уже знаютъ, что 14-го января послѣдовало открытіе законодательныхъ палатъ Пруссіи, причемъ министръ-президентъ прочелъ тронную рѣчь, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ. Пруссія, не допуская до поры до времени никакихъ преобразованій въ устройствѣ Германскаго Союза, инипіативу которыхъ приняла-было Австрія на себя, и считая для всѣхъ равно обязательнымъ соблюденіе вѣнскихъ актовъ, опредѣлившихъ формы Союза, тѣмъ не менѣе объявляетъ эти акты не соотвѣтствующими болѣе требованіямъ времени. Послѣ такого объявленія, сдѣланнаго въ тронной рѣчи, трудно предположить, чтобы Пруссія не приняла какихъ-нибудь болѣе рѣшительныхъ мѣръ относительно общаго устройства Германіи. Если теперешнія политическія формы не соотвѣтствуютъ духу времени, то возможно одно изъ двухъ: или Германія должна быть преобразована съ общаго согласія входящихъ въ составъ ея государствъ, на что при антагонизмѣ между Австріей и Пруссіей никакъ нельзя въ скорости разчитывать, или же Союзъ Германскій долженъ распасться и уступить мѣсто частнымъ союзамъ или группамъ государствъ, примыкающимъ преимущественно къ Пруссіи или Австріи, въ силу естественнаго, фактическаго ихъ преобладанія. Послѣднее повидимому и имѣетъ въ виду нынѣшнее правительство Пруссіи, какъ можно заключить изъ брошюры одного дипломата, близкаго къ г. Бисмарку, о которой мы упоминали въ прошедшемъ нумерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссія полагается на силу вещей и на естественное свое преобладаніе на сѣверѣ Германіи и въ вопросѣ о Таможенномъ Союзѣ, предоставляя — если только вѣрно поняли мы смыслъ телеграфической депеши — предоставляя выбыть изъ него до срока, на который заключенъ былъ Союзъ, т. е. до 1865 г., тѣмъ изъ его членовъ, которые не пожелаютъ принять торговый трактатъ, заключенный ею съ Франціей. Дѣло въ томъ, что вопреки сообщеннымъ прежде свѣдѣніямъ, Франція не намѣрена допустить никакихъ измѣненій въ этомъ трактатѣ, объявляя, что ей нѣтъ дѣла до внутреннихъ несогласій въ Таможенномъ Союзѣ. Такимъ образомъ Пруссія поставила себя между двухъ огней; между трактатами, на которыхъ основывается Таможенный Союзъ и которые не допускаютъ никакихъ измѣненій въ иностранной торговой политикѣ безъ общаго согласія всѣхъ членовъ Союза, и трактатомъ съ Франціей, осуществленіе котораго, при несуществованіи внутреннихъ таможенныхъ линій, коснулось бы интересовъ не одной Пруссіи, а и всѣхъ членовъ Таможеннаго Союза. Насильственное расторженіе этого Союза невозможно, безъ нарушенія трактатовъ; но образъ дѣйствій Пруссіи таковъ, что на самомъ дѣлѣ онъ клонится къ такому результату. Такимъ образомъ увѣреніе тронной рѣчи, что отношенія Пруссіи къ другимъ государствамъ удовлетворительны, не можетъ быть примѣнено по крайней мѣрѣ къ Германіи.

По дѣламъ внутренней политики, настаивая на преобразованіи военнаго устройства Пруссіи, нынѣшнее министерство готовитъ

себѣ несомнѣнное пораженіе въ палатѣ депутатовъ. При разсмотрѣніи бюджета 1862 года, отвергнутаго еще прежде палатою, неизбѣжны также сильныя столкновенія. На дальнѣйшемъ планѣ представляется возможность одного изъ двухъ исходовъ: или конституція 1850 года должна подвергнуться коренным измѣненіямъ, или же если въ странѣ не окажется достаточно элементовъ для болѣе дѣятельнаго участія народныхъ представителей въ дѣлахъ правленія, роль законодательныхъ палатъ ограничится выраженіемъ желаній и нуждъ народа и предложеніемъ совѣтовъ исполнительной власти. Во всякомъ случаѣ наступившій годъ будетъ, повидимому, рѣшительнымъ годомъ какъ для внутренняго политическаго устройства Пруссіи, такъ и для отношеній ея къ другимъ государствамъ, составляющимъ Германскій Союзъ.

Сообщенныя нами вчера извѣстія изъ Америки о планѣ президента Девиса предпринять военныя операціи въ Теннесси противъ Нашвиля оказались совершенно справедливыми. Полученная вчера телеграмма изъ Нью-Йорка, отъ 6 января, извѣщаетъ не только что планъ сепаратистовъ приведенъ въ исполненіе, но что они успѣли уже и потерпѣть неудачу въ своемъ намѣреніи. Федералисты, говоритъ телеграмма, разорвали центръ сепаратистовъ; если понимать это такъ, что федералисты собственнымъ нападеніемъ предупредили начатое сепаратистами движеніе, то нельзя не сознаться, что такая атака была очень смѣлымъ дѣломъ со стороны генерала Борнсайда, едва успѣвшаго оправиться отъ понесеннаго имъ пораженія. Дѣло въ Теннесси доказываетъ, что ни Манассасъ, ни Раппаганнокъ, ни десятки другихъ побоищъ не образумили вашингтонскаго правительства и не ослабили отчаяннаго задора Сѣверянъ.

Какъ бы въ вознагражденіе за этотъ рѣшительный успѣхъ федералистовъ, такъ же телеграмма сообщаетъ намъ и объ ихъ неудачѣ подъ Виксбургомъ, на который они нападали 27, 28 и 29-го декабря, но всякій разъ были отбиваемы съ уроном. Ожесточеніе и тутъ какъ вездѣ, было чрезвычайное: 29-го, когда были отправлены изъ-подъ Виксбурга послѣднія полученныя извѣстія, бой еще не кончился.

Но самое важное извѣстіе, принесенное этою телеграммой, касается новой прокламаціи президента Линкольна. Въ ней объявляетъ онъ мятежными штатами—Арканзасъ, Техасъ, Миссисипи, Алабаму, Флориду, Георгію, обѣ Каролины, часть Луизіаны и Виргиніи. Это перечисленіе, а равно и сообщенное нами вчера въ новѣйшихъ извѣстіяхъ исключеніе, сдѣланное президентомъ для нѣкоторыхъ другихъ штатовъ, способствуетъ разъясненію вопроса о взаимномъ положеніи воюющихъ сторонъ. Невольники перечисленныхъ въ прокламаціи штатовъ провозглашаются, какъ и обѣщано было, свободными, но президентъ убѣждаетъ ихъ воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ и насильственныхъ дѣйствій „кромѣ законной личной обороны.“ Если рабовладѣльцы не захотятъ признать прокламаціи г. Линкольна (какъ это, нѣтъ сомнѣнія, и будетъ) и будутъ удерживать негровъ въ прежнемъ подчиненіи, не будетъ ли со стороны невольниковъ, по смыслу самой прокламаціи, совершенно законною личною обороной стремленіе силой добыть себѣ то, что даровано имъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, но не признается за ними со стороны ихъ владѣльцевъ?

№ 4.

Москва, 5-го января.

А.

Откупъ дошелъ до своихъ предсмертныхъ колоссальныхъ размѣровъ лишь въ послѣднее четырехлѣтіе. Онъ обязанъ этимъ развитіемъ преимущественно крымской войнѣ и ея послѣдствіямъ, въ томъ числѣ преимущественно увеличенію количества бумажныхъ денегъ. Какъ война, такъ и выпускъ новыхъ денежныхъ знаковъ повлекли за собою даровое перемѣщеніе цѣнностей изъ рукъ въ руки, въ громадныхъ размѣрахъ. Экономическія условія были потрясены самымъ гибельнымъ образомъ, и этимъ потрясеніемъ всего болѣе воспользовался откупъ; при иной обстановкѣ онъ не выручилъ бы не только барышей, но даже и суммъ внесенныхъ имъ въ казну.

Въ экономическомъ мірѣ дѣло не обходится вовсе безъ колебаній, но колебаніе колебанію рознь. Всякое улучшеніе въ производствѣ влечетъ за собою нѣкоторое колебаніе въ экономическихъ отношеніяхъ, но это не есть даровое перемѣщеніе цѣнностей, ибо одни выигрываютъ несравненно болѣе того что другіе теряютъ, и въ сложности общество остается въ прибыли; притомъ эти волненія происходятъ медленно, почти не-

замѣтно, такъ что люди умные и прозорливые могутъ постепенно къ нимъ приноровиться, и въ накладѣ остаются только рутинеры и люди безпечные. Совершенно не такого свойства былъ ударъ, нанесенный промышленности крымскою войной. Внезапно возникло усиленное требованіе на нѣкоторые предметы производства, каковы напримѣръ: кожа, сукно, фуражъ, лошади, желѣзо и проч. Предметы эти требовались единовременно и покупались во что бы то ни стало. Нѣкоторые производители сильно обогатились,—насчетъ всего общества. Этого одного уже было достаточно для возвышенія цѣнъ, а къ тому еще присоединилось уменьшеніе количества матеріальнаго труда, вслѣдствіе усиленныхъ рекрутскихъ и ратническихъ наборовъ, ослабленіе труда умственнаго, получившаго другое направленіе, и множество другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, обычныхъ спутниковъ войны.

Съ окончаніемъ крымской войны, экономическія отношенія не скоро могли придти въ равновѣсіе. Нужно было свести старые счеты, и эти счеты оказались для всѣхъ невыгодными. Масса продуктовъ, вслѣдствіе непроизводительнаго потребленія и ослабленія самаго производства въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, значительно уменьшилась; пріобрѣтатели даровыхъ цѣнностей или неразумно тратили пріобрѣтенное, и тѣмъ возвышали цѣны, или обращали свои вновь нажитые капиталы на необдуманныя предпріятія, чѣмъ еще болѣе нарушали правильность экономическихъ отношеній. Финансовый кризисъ, наступившій какъ всегда бываетъ послѣ продолжительной войны, еще болѣе нарушилъ эту правильность, безъ которой невозможно дешевое производство. Промышленная дѣятельность была окончательно выбита изъ прежней колеи, и стала искать новыхъ путей. Всеобщее стремленіе къ новизнѣ поддерживалось и нравственнымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на всѣхъ крымскою войной. Убѣдившись, что мы отстали отъ нашихъ европейскихъ соперниковъ, мы съ жадностію бросились на все новое, и здѣсь-то преимущественно оказалась наша несостоятельность. Къ прежней рутинѣ, съ которою мы кое-какъ сжились, возвратиться было невозможно, а на новомъ пути у насъ ничего не было сдѣлано. Одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ народной дѣятельности, земледѣліе, было основано у насъ на противоестественномъ началѣ крѣпостнаго права. Измѣненіе этого элемента, представлявшаго собою постоянное даровое перемѣщеніе цѣнности труда, необходимо было сдѣлать прежде всего. Но очевидно, что оно не могло совершиться въ одну минуту, что свои добрые плоды оно принесетъ не разомъ, и что за нимъ должно послѣдовать коренное переобразованіе всѣхъ сложившихся, на основаніи этого права, экономическихъ отношеній. Внеся начало свободы въ экономическія сдѣлки, мы увидѣли какъ далеко мы были опережены другими народами на этомъ поприщѣ. Пріобрѣтая насчетъ другъ друга, мы ничего почти не пріобрѣтали насчетъ единственнаго источника пріобрѣтенія, насчетъ производительныхъ силъ природы. Въ то время, какъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ земледѣліе сдѣлало такіе огромные успѣхи, что прокармливаетъ двойное противъ прежняго времени народонаселеніе и ежегодно все менѣе нуждается въ привозимомъ отъ насъ и изъ Америки хлѣбѣ, мы кое-какъ царапали свой благодатный черноземъ, и безвозвратно истощали лучшія наши нивы; въ то время какъ въ другихъ странахъ пространство было почти уничтожено желѣзными дорогами, мы таскали свой хлѣбъ и другіе продукты лѣтомъ на волахъ, а зимою по безконечнымъ ухабамъ, на счетъ дароваго труда, или прибѣгали къ несостоятельному при тогдашнихъ условіяхъ найму, при чемъ цѣна провоза превышала цѣну провозимыхъ предметовъ; въ то время, какъ въ другихъ государствахъ производительность разлита повсемѣстно, и обмѣнъ услугъ возможенъ вездѣ и во всякое время, у насъ потребители живутъ на одномъ концѣ государства, а производители на другомъ, и между ними нѣтъ почти никакихъ путей сообщенія; въ то время, какъ въ Европѣ жалуются на избытокъ предложенія труда, у насъ наниматели не находятъ работниковъ, а работники отправляются за тысячи верстъ пѣшкомъ искать себѣ нанимателей. Мы попробовали было хозяйничать на европейскій манеръ, и бросились покупать машины, но оказалось, что для машинъ не вездѣ у насъ есть топливо, и нигдѣ нѣтъ машинистовъ, и главное, что въ Европѣ машины дешевы, а у насъ крайне дороги, потому что перевозка ихъ по нашей безпутицѣ удвоиваетъ и даже утроиваетъ ихъ цѣну. Мы, впрочемъ, люди щедрые, особенно на деньги, пріобрѣтенныя азартомъ, и не испугались значительной затраты капиталовъ на раз-

ныя предпріятія. Къ тому же и денегъ вдругъ сдѣлалось много; не куда было дѣвать ихъ. Не замѣчая того, что эти деньги были не что иное, какъ бумажные знаки, то-есть долговыя обязательства, представители цѣнностей еще не существующихъ, мы принялись, горячо и усердно, за промышленныя предпріятія, требующія дѣйствительныхъ, а не бумажныхъ капиталовъ. Мудрено ли, что вмѣсто успѣха мы встрѣтили неудачу? Чтобы производить съ выгодой, нужно производить дешево, а для этого необходимы два условія: знаніе дѣла со стороны производителя, и постоянство производства, чтобы возвратъ затраченнаго капитала былъ правильно разложенъ на долгое время. Положимъ, что съ техническою стороной производства мы могли еще коекакъ справиться. Техниковъ можно выписать изъ-за границы, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, къ намъ часто пріѣзжаютъ, вмѣсто машинистовъ, кочегары. Да что мы говоримъ: кочегары? Это еще хорошо; кочегары все-таки бывали близко около машинъ. Такъ добросовѣстно поступали съ нами только Англичане и Нѣмцы, Французы же присылали къ намъ цирюльниковъ и трактирныхъ гарсоновъ подъ громкимъ названіемъ гражданскихъ инженеровъ. Во всякомъ случаѣ, врожденная смѣтливость и способность русскаго народа съ одной стороны, а съ другой довольно значительная подготовка въ разныхъ спеціальныхъ заведеніяхъ, давали намъ возможность вести техническую часть довольно исправно. Недостатокъ знанія дѣла, который преимущественно чувствовался у насъ, относится къ неумѣнію вести общій ходъ промышленнаго предпріятія. Опредѣлить, что должно быть сдѣлано прежде, что послѣ, на какіе расходы нужно рискнуть, отъ какихъ удержаться, производство какихъ предметовъ выгодно и какихъ не выгодно, въ чемъ можно надѣяться на усиленіе сбыта, и какими средствами можно избѣжать опасности его уменьшенія,— вотъ чего мы вовсе не знали. Если же кто и зналъ все это, то мало было въ томъ проку, потому что его со всѣхъ сторонъ обсчитывали и обманывали. Прибавимъ, что непостоянство цѣнъ доходило въ Россіи послѣ крымской войны до такой степени, что по неволѣ приходилось торговать на авось, ожидая всѣхъ благъ не отъ разчетливости, а отъ счастія. Могли ли послѣ того наши великолѣпныя предпріятія послѣднихъ лѣтъ не оказаться пуфомъ и не повести еще къ дальнѣйшему даровому перемѣщенію цѣнностей.

Пора намъ взяться наконецъ за промышленное дѣло серіозно и скромно. Пора намъ понять, что самая бѣдная, но дѣйствительная хижина есть драгоцѣнность сравнительно съ воздушными замками, и отложить въ сторону дѣтскія игры, которыя были у насъ, къ сожалѣнію, такъ похожи на игру въ рулетку. Откупъ сводилъ всѣхъ съ ума возможностью быстраго обогащенія. Надобно желать чтобъ отмѣна откупа содѣйствовала отрезвленію нашихъ экономическихъ отношеній.

Б.

Весь интересъ только что полученный иностранной почты сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на вопросахъ внѣшней и внутренней политики Пруссіи, и на дѣлахъ турецкихъ.

Въ дополненіе къ краткому телеграфическому извѣстію, передавшему намъ содержаніе тронной рѣчи при открытіи новой сессіи прусскихъ законодательныхъ палатъ, мы можемъ сообщить теперь, что по вопросу о Таможенномъ Союзѣ Пруссія высказала только твердое свое намѣреніе держаться своего торговаго трактата съ Франціею, который обѣщаетъ ей выгоды, простирающіяся на дальнѣйшій срокъ, чѣмъ существованіе Таможеннаго Союза, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его видѣ. Въ этихъ словахъ какъ бы слышится готовность Пруссіи выступить, по наступленіи срока, изъ Таможеннаго Союза, лишь бы сохранить во всей силѣ трактатъ съ Франціей; при этомъ, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду преимущественно возбудить страхъ въ несогласныхъ съ Пруссіею государствахъ насчетъ послѣдствій такого распаденія союза. Франція съ своей стороны старается также побудить Баварію, Виртембергъ и др. къ уступчивости. Съ этою цѣлью Друэнъ де-Люисъ нѣсколько времени тому назадъ обратился къ членамъ Таможеннаго Союза съ циркулярною депешею, подробный анализъ которой напечатанъ былъ въ газетѣ „La France.“ Тѣмъ не менѣе баварскія и виртембергскія газеты продолжаютъ отрицать существованіе этого циркуляра. Какъ бы то ни было, можно надѣяться, что двойственное давленіе со стороны Пруссіи и Франціи пересилитъ вліяніе Австріи, и Пруссія въ этомъ дѣлѣ успѣетъ настоять на своемъ.

Что же касается до реформы Германскаго Союза, то въ тронной рѣчи говорится, что не столько сущность австрійскихъ предложеній, сколько связанное съ ними толкованіе основныхъ трактатовъ Германскаго Союза имѣетъ великую важность для опредѣленія дальнѣйшихъ отношеній Пруссіи къ Германскому сейму, и что Пруссія, сознавая всю несостоятельность этихъ трактатовъ для настоящаго времени, считаетъ себя и всѣхъ другихъ членовъ Германскаго Союза обязанными въ точности соблюдать ихъ. Что касается до Гессенъ-Касселя, съ которымъ прерваны дипломатическія сношенія, то Прусскій кабинетъ надѣется, что они вскорѣ могутъ быть возстановлены вмѣстѣ съ возстановленіемъ въ курфиршествѣ правильнаго конституціоннаго порядка. Должно сознаться во всякомъ случаѣ, что нынѣшнее положеніе Пруссіи среди германскихъ государствъ далеко не изъ лучшихъ, и что заступничество ея за конституціонный порядокъ въ Гессенъ-Кассель тѣмъ болѣе странно, что сама она далеко не утвердилась еще въ конституціонныхъ началахъ.

Вмѣсто того чтобы болѣе развивать начала конституціи 1850 г. и устранять изъ нея мало по малу тѣ существенные недостатки, которые дѣлаютъ ее невозможною, Пруссія опять пошла путемъ сильнѣйшей реакціи, который не можетъ привести ни къ чему доброму. Какъ много потеряла она отъ того въ глазахъ всей Германіи, это признаетъ между прочимъ и преданнѣйшій другъ ея, искренній приверженецъ и единства Германіи, и преуспѣянія ея въ дѣлѣ свободнаго развитія, герцогъ Саксенъ-Кобургскій, присоединившій, какъ извѣстно, свой военный контингентъ къ прусской арміи. Въ настоящее время много толковъ породило его письмо къ королю о томъ, что борьба между государственными властями Пруссіи должна быть прекращена какъ можно скорѣе, иначе она надѣлаетъ много зла и Пруссіи, и всей Германіи. Надежды на прекращеніе этой борьбы, какъ мы замѣчали вчера, очень немного. При большемъ миролюбіи своихъ членовъ, палата депутатовъ могла бы еще утвердить бюджетъ на 1862 г., такъ какъ теперь оказывается, что расходы не только покрываются доходами, но и остался еще излишекъ, употребленный на удовлетвореніе чрезвычайнымъ нуждамъ; но преобразованіе арміи, отъ котораго никакъ не хочетъ, да едва ли и можетъ отказаться правительство, по всей вѣроятности встрѣтитъ непреодолимое сопротивленіе со стороны палаты депутатовъ, хотя правительство и обѣщаетъ покончить это начатое уже преобразованіе, назначивъ для него расходы законнымъ порядкомъ, то-есть, съ согласія законодательныхъ палатъ. При большей политической зрѣлости и большемъ спокойствіи духа, палата депутатовъ, безъ сомнѣнія, нашла бы способы прекратить не только безплодную, но и дѣйствительно пагубную борьбу съ правительствомъ; но при томъ раздраженіи, которое вызвано было самимъ же правительствомъ, и при недостаткѣ политическаго такта, какимъ отличаются всѣ партіи въ Пруссіи, едва ли можно на это разчитывать. Во всякомъ случаѣ вся сила заключается въ вопросѣ о преобразованіи арміи, такъ какъ другіе проекты законовъ, упомянутые въ тронной рѣчи (относительно вспомоществованія нуждающимся воинамъ 1813 года, по случаю вновь установляемаго празднованія годовщины воззванія, съ которымъ король Фридрихъ Вильгельмъ III обратился въ ту пору къ своимъ подданнымъ, и относительно нѣкоторыхъ мѣстныхъ и судебныхъ вопросовъ) не могутъ подать повода къ значительнымъ столкновеніямъ.

Мы видѣли какое разногласіе возникло между газетами „Morning-Post“ и „Patrie“ по поводу истолкованія истинныхъ причинъ министерскаго кризиса въ Константинополѣ. „Morning-Post“, опровергая французскую полуофиціяльную газету, снова утверждаетъ, что кризисъ вызванъ былъ отнюдь не намѣреніемъ Англіи расширить территорію Греціи, а тѣмъ что Фуадъ-паша и его сотоварищи не предупредили волненій, происходящихъ теперь между славянскими племенами Турціи, будто бы вслѣдствіе происковъ Россіи. „Султанъ,— продолжаетъ органъ лорда Пальмерстона,— рѣшился теперь самъ стать своимъ первымъ министромъ, и Турція управляется теперь дѣйствительно не диваномъ, а самимъ султаномъ. Онъ съ энергіею принялся за дѣло необходимыхъ преобразованій, имѣя въ виду осуществить реформы, которыя удовлетворили бы вполнѣ христіанскихъ его подданныхъ.“ Такимъ образомъ „Morning-Post“ допускаетъ, что всѣ бывшія до сихъ поръ реформы въ пользу христіанскаго населенія Турціи предпринимались скорѣе для виду чѣмъ для удовлетворенія дѣйствительнымъ потребностямъ. „Если вникнуть,— замѣчаетъ Le Nord,—

въ то, что Порта въ послѣднее время не только не потеряла своей силы въ Сербіи и въ Черногоріи, а скорѣе пріобрѣла бо́льшую противъ прежняго, то очевидно станетъ, что послѣдній министерскій кризисъ направленъ былъ преимущественно противъ Англіи, такъ какъ образъ дѣйствій этой державы, въ отношеніи къ Греціи, могъ удостовѣрить Турцію, какъ мало доставилъ ей выгодъ долгій союзъ ея съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ." Въ самомъ дѣлѣ, въ Черногоріи Порта пріобрѣла послѣднею своею войною право проложить военную дорогу,— право, почти равносильное военному занятію этой небольшой страны, которая въ продолженіи всей своей исторіи отстаивала свою независимость. Въ Сербіи, послѣ бомбардировки Бѣлграда, она утратила только двѣ ничтожныя крѣпостцы, и сохранила ту, которая совершенно властвуетъ надъ городомъ. Даже по отношенію къ Румыніи она высказываетъ теперь притязаніе, которое едва ли основано на прямомъ толкованіи трактатовъ, а именно отправить отъ себя коммиссаровъ въ эту страну, которые имѣли бы право конфисковать провозимое въ Сербію оружіе. Такимъ образомъ съ сѣвера, Турціи нечего было опасаться въ послѣднее время, тогда какъ съ юга ей грозитъ не малая опасность отъ неожиданнаго сближенія Англіи съ Грецією. Естественнѣе предположить, что министерскій кризисъ произошелъ именно вслѣдствіе перемѣны англійской политики на Востокѣ. Пронесся было слухъ, что для рѣшенія вопроса о турецкихъ коммиссарахъ въ Румыніи, державы участвовавшія въ составленіи протокола отъ 13-го апрѣля 1859 года, нарочно отправятъ своихъ уполномоченныхъ въ Константинополь. Но слухъ этотъ оказывается неосновательнымъ. Дѣло это рѣшено будетъ въ собраніи полномочныхъ министровъ тѣхъ державъ въ Константинополѣ,— собраніи, которое не будетъ имѣть значенія спеціальной конференціи. Первый пунктъ, который подвергнется разсмотрѣнію, есть количество оружія, провезеннаго въ Сербію черезъ Румынію до 31 декабря, а затѣмъ уже взвѣшены будутъ взаимныя неудовольствія обѣихъ сторонъ и рѣшенъ вопросъ, имѣетъ ли Порта право послать своихъ коммиссаровъ въ Дунайскія княжества.

Въ Вѣнѣ собираются въ настоящее время коммиссары державъ, участвовавшихъ въ Парижскомъ мирѣ, которые должны будутъ заняться разграниченіемъ территорій принадлежащихъ собственно къ Бѣлграду и къ крѣпости бѣлградской, оставшейся въ рукахъ Турокъ. Австрія назначила отъ себя съ этою цѣлію майора Гоффейнгера, Пруссія — майора Струбберга, Англія — майора Гордона, которые ожидаютъ въ Вѣнѣ прибытія прочихъ коммиссаровъ.

№ 5.

Москва, 7-го января.

А.

Какъ извѣстно, крестьянскимъ обществамъ предоставлено право выбора между двумя порядками отбыванія рекрутской повинности, очереднымъ и жеребьевымъ. Оба эти порядка само правительство признаетъ не вполнѣ удовлетворительными, и надобно думать, что они подвергнутся серіозному преобразованію, которое приблизитъ ихъ къ общей цѣли всякаго раціональнаго преобразованія натуральныхъ повинностей, — къ возможности перевести со временемъ рекрутскую повинность изъ натуральной въ денежную. Заботы объ улучшеніяхъ этого рода лежатъ, конечно, на центральномъ законодательствѣ, и голосъ крестьянскихъ обществъ немного можетъ пособить тутъ. Но по всему вѣроятію, онъ будетъ имѣть значительное вліяніе на ближайшія мѣры по этой части, и въ особенности на взаимное отношеніе двухъ системъ, жеребьевой и очередной. Еслибы большинство крестьянскихъ обществъ высказалось въ пользу очередной системы, то нельзя было бы не обратить вниманіе на это заявленіе, какъ ни очевидны сами по себѣ преимущества жеребьевой системы передъ очередною. Поэтому желательно, чтобы въ приговорахъ крестьянскихъ обществъ слышалось ихъ собственное мнѣніе. Мы впали бы въ неизбѣжную ошибку, еслибы заявленія, которыя мы приняли бы во вниманіе, были основаны не на собственныхъ взглядахъ крестьянъ, а на чужихъ указаніяхъ принятыхъ ими на вѣру. Бываютъ случаи, что отзывы подаются цѣлыми уѣздами въ пользу одной изъ двухъ системъ. Одинъ уѣздъ предпочитаетъ очередную систему, другой—жеребьевую. Очевидно, что голоса подаются тутъ совершенно случайно, и притомъ скорѣе посредниками, условившимися между собой на съѣздѣ, нежели крестьянами. Какое заключеніе

можно вывести изъ такихъ заявленій, и что можно основать на нихъ? Лучше прямо сказать, что заявленіе дѣлается посредниками, а не крестьянами, которые сами не имѣютъ никакого мнѣнія насчетъ предпочитательности одного изъ двухъ способовъ отбыванія рекрутской повинности. Дѣло представилось бы тогда въ своемъ дѣйствительномъ видѣ и никто не былъ бы введенъ въ заблужденіе.

Читатели найдутъ ниже замѣтку г. Бекетова, одного изъ мировыхъ посредниковъ Сызранскаго уѣзда, которую мы рекомендуемъ ихъ вниманію. Теперь она ко времени. Рекрутскій наборъ становится дѣломъ дня, и разные способы отбыванія рекрутской повинности будутъ сами свидѣтельствовать о своемъ относительномъ достоинствѣ. Повсюду въ Россіи будетъ множество поводовъ къ составленію основательныхъ сужденій о жеребьевомъ и очередномъ порядкѣ. Когда наборъ окончится, тогда и крестьяне и мировые посредники будутъ въ состояніи подать свое мнѣніе съ большею опытностью и съ большимъ знаніемъ дѣла. Весьма желательно, чтобы мировые посредники обмѣнивались между собой своими наблюденіями посредствомъ печати. Весьма желательно также, чтобъ особенно яркіе изъ случаевъ, которые встрѣтятся при настоящемъ наборѣ, въ родѣ того, о которомъ говорится ниже въ статьѣ г. Берталя, были оповѣщаемы въ газетахъ. Это первый рекрутскій наборъ послѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, и происходитъ онъ не по правиламъ строго предписаннымъ; крестьянскимъ сходамъ предоставлена свобода, которая, конечно, не останется за ними на время другаго набора. Все это дѣлаетъ настоящій наборъ особенно интереснымъ для наблюдателя, а такъ какъ обязательными наблюдателями его будутъ всѣ мировые посредники, то нельзя сомнѣваться, что вопросъ о способахъ отбыванія рекрутской повинности значительно разъяснится въ нынѣшнемъ году. Мы съ своей стороны будемъ съ удовольствіемъ удѣлять въ столбцахъ нашей газеты мѣсто замѣткамъ, которыя могутъ содѣйствовать достиженію этой цѣли.

Б.

Съ наступленіемъ новаго года ходъ событій въ западной Европѣ значительно ускорился. Множество вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ судьбы европейскихъ государствъ, или приближаются къ развязкѣ, или же, благодаря почти одновременному открытію засѣданій французскихъ и прусскихъ законодательныхъ палатъ, получаютъ разъясненіе. Читатели наши, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на помѣщенную ниже телеграмму, изъ Вѣны. Не успѣлъ еще „Moniteur Universel“, въ нумерѣ своемъ отъ 13-го января, объявить, что донъ-Фердинандъ Португальскій положительно отказался отъ греческаго престола, какъ стали распространяться слухи о предложеніи новаго кандидата со стороны Англіи. Если вѣрить извѣстіямъ, полученнымъ въ Вѣнѣ, этотъ новый кандидатъ Англіи—нынѣшній владѣтельный герцогъ Саксенъ-Кобургскій Эрнстъ II, состоящій въ родствѣ съ Великобританскимъ царствующимъ домомъ. Будучи бездѣтнымъ, онъ, по планамъ Англіи, долженъ былъ бы усыновить себѣ, для наслѣдованія греческаго престола, старшаго сына своего двоюроднаго брата Августа, супруга принцессы Клементины Орлеанской. Старшему изъ пяти сыновей ихъ теперь уже 18 лѣтъ. Неизвѣстно, будетъ ли принято это предложеніе герцогомъ, и удовлетворитъ ли оно всѣ заинтересованныя стороны.

За тѣмъ первое мѣсто по своей важности занимаетъ сообщаемое ниже извлеченіе изъ Желтой Книги Франціи, въ которомъ обозрѣваются важнѣйшіе вопросы внѣшней политики. Смѣна Тувенеля Друэнъ де Люисомъ объясняется желаніемъ—не измѣнять политики по отношенію къ римскому вопросу, а только обезпечить успѣхъ важнѣйшихъ переговоровъ назначеніемъ лица не причастнаго прежнимъ несогласіямъ. Документы Желтой Книги представляютъ ходъ греческаго вопроса нѣсколько иначе чѣмъ депеша князя Горчакова. Не обвиняя нисколько русскаго правительства въ какихъ-либо честолюбивыхъ видахъ, отчетъ о состояніи дѣлъ Франціи указываетъ, что нѣкоторая медлительность съ нашей стороны была причиною того, что Англія поддерживала кандидатуру принца Альфреда. Франція принуждена была говорить очень рѣшительнымъ тономъ, чтобы побудить Англію къ нѣкоторой уступчивости въ этомъ дѣлѣ. Съ большимъ участіемъ къ судьбѣ славянскихъ племенъ Турціи говоритъ французское правительство о дѣлахъ Сербіи и Черногоріи, признавая рѣшеніе первыхъ удовлетворительнымъ, и выражая, относительно Черногоріи, желаніе чтобы Турція отказалась отъ проведенія военной дороги черезъ

эту страну. Такое же желаніе заявлено было и Австріею, изъ опасенія, чтобы тѣмъ не возбуждена была война, которая легко могла бы охватить Сербію и даже Румынію, какъ читатели могутъ заключить изъ извѣстій, сообщаемыхъ подъ рубрикою: „Турція“, и даже коснуться предѣловъ самой Австріи. Можно думать, что въ настоящемъ своемъ положеніи Турція уступитъ желаніямъ Франціи, Австріи и, безъ сомнѣнія, также Россіи. И безъ того „больному человѣку“ приходится теперь очень плохо и отъ друзей, и отъ враговъ.

Австрія дѣлаетъ новый шагъ впередъ по вопросу о реформѣ Германскаго Союза, въ видахъ пріобрѣсти возможно-большую популярность въ Германіи, въ ущербъ Пруссіи, которой предстоятъ величайшія усилія, чтобы выбраться изъ внутреннихъ затрудненій. Правительство, передъ открытіемъ засѣданій палатъ, было повидимому довольно миролюбиво настроено и даже начали ходить слухи о перемѣнѣ министерства. Но первое же слово сказанное въ палатѣ депутатовъ ея предсѣдателемъ, сообщаемое нами ниже подъ рубрикою Пруссія, показываетъ какъ мало можетъ разчитывать прусское правительство на миролюбіе палаты представителей.

Смѣна министровъ въ Испаніи такъ же какъ и смѣна министровъ въ Турціи, не имѣетъ повидимому никакого политическаго значенія, тѣмъ болѣе что трое членовъ прежняго кабинета вошли въ составъ и новаго, образованіе котораго предоставлено было прежнему первенствующему министру маршалу О'Доннелю.

№ 6.

Москва, 8-го января.

Помѣщая ниже текстъ тронной рѣчи, которою открыты были прусскія палаты, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на отзывъ объ ней „Національной Газеты“, которая представляетъ собою мнѣніе большинства либеральной партіи въ Пруссіи. Какъ видно, рѣчь эта не удовлетворила никого, и неизбѣжны очень сильныя столкновенія между палатою депутатовъ и министерствомъ, которыя были бы вовсе не опасны, если бы сама верховная власть держалась въ сторонѣ отъ этихъ распрей и не заручала себя въ пользу тѣхъ или другихъ заранѣе принятыхъ рѣшеній. Въ настоящее же время и само удаленіе нынѣшняго министерства, о чемъ носятся снова слухи, едва-ли много поможетъ дѣлу.

До какой степени желательна реформа законодательныхъ палатъ Швеціи и Норвегіи, въ видахъ образованія изъ нихъ двухъ отдѣльныхъ корпусовъ вмѣсто теперешнихъ четырехъ, видно изъ сообщаемаго ниже извѣстія о томъ, что одна треть голосовъ, въ одной изъ палатъ въ состояніи отвергнуть самое лучшее изъ предложеній правительства. Преобразованіе въ означенномъ смыслѣ уже предложено правительствомъ, и нашло себѣ сочувствіе, какъ извѣщалъ насъ телеграфъ нѣсколько дней тому назадъ.

Въ Даніи состоится повидимому адресъ сейма королю противъ требуемаго Германіей и предлагаемаго Англіей отдѣленія нѣмецкой части Шлезвига и присоединенія ея, подобно Голштиніи, къ Германскому Союзу. Французская нота въ томъ же смыслѣ ожидается уже нѣсколько дней, но до сихъ поръ еще не получена въ Копенгагенѣ. Ея предложеніе будетъ, вѣроятно, имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ дѣла.

Германскій Союзъ, который такъ настойчиво добивается своего расширенія, съ большею пользой могъ бы употребить свое время на такъ необходимую для него реформу внутренняго своего устройства. Даже такіе вопросы, какъ упраздненіе содержимыхъ отъ государства игорныхъ банковъ не находятъ на франкфуртскомъ сеймѣ скораго и благопріятнаго для общества разрѣшенія.

Открывшіяся засѣданія областныхъ или земскихъ сеймовъ Австріи до сихъ поръ не представляютъ еще почти никакого общаго интереса. Оппозиціи противъ февральскаго диплома министерство ожидаетъ только отъ сейма чешскаго, о первомъ засѣданіи котораго читатель найдетъ обстоятельныя свѣдѣнія въ корреспонденціи изъ Праги, и еще болѣе отъ сейма галицкаго, гдѣ преобладаетъ польскій элементъ. Президентъ послѣдняго счелъ уже своимъ долгомъ предупредить членовъ сейма противъ невозможныхъ требованій, въ родѣ, напримѣръ, отдѣленія Галиціи отъ Австрійской имперіи.

Извѣстія съ юга Италіи довольно благопріятны: шайки разбойниковъ тамъ почти вовсе уничтожены, и всѣ оттѣнки либеральной партіи дѣйствуютъ заодно съ правительствомъ противъ возмутителей порядка, которые нерѣдко дѣйствуютъ именемъ Гарибальди въ пользу бурбонской династіи.

Найдти короля на греческій престолъ оказывается дѣломъ величайшей трудности. По извѣстіямъ газеты „La France,“ и герцогъ Кобургъ-Готскій, повидимому, желаетъ отклонить отъ себя эту тяжелую честь. Извѣстія о разбояхъ вблизи самой столицы и опасенія междуусобій, какъ сообщалъ о томъ вчера телеграфъ, опасенія, которыя состоятъ, быть-можетъ, въ связи со слухами о заговорѣ противъ національнаго собранія, не увеличатъ, конечно, его расположенія стать королемъ этой страны.

Несмотря на увѣренія, что въ политикѣ Турціи не произойдетъ никакой перемѣны, изъ Константинополя доходятъ до Парижа слухи о военныхъ приготовленіяхъ въ обширныхъ размѣрахъ, и при томъ не для обычной борьбы съ собственными подданными, которой легко было ожидать судя по сообщеннымъ прежде свѣдѣніямъ. Слухи эти, впрочемъ, слишкомъ еще неопредѣленны, и по всей вѣроятности—не основательны. Будемъ, по крайней мѣрѣ, твердо надѣяться, что дѣло внутренняго перерожденія Россіи не будетъ нисколько замедлено или пріостановлено затрудненіями возникающими на Востокѣ.

№ 7.

Москва, 9-го января.

А.

Московское городское общество находится въ большомъ затрудненіи. Ему предстоитъ избрать отъ каждаго изъ пяти узаконенныхъ городскихъ сословій по сту уполномоченныхъ или выборныхъ. Эти пятьсотъ будутъ имѣть огромное вліяніе на городскія дѣла, отъ нихъ будетъ зависѣть выборъ головы, старшинъ, гласныхъ общей думы, гласныхъ распорядительной думы и наконецъ городоваго секретаря. Но какъ узнать кому можно поручить это дѣло, кому безопасно предоставить такое вліяніе? До сихъ поръ общественной жизни у насъ почти вовсе не было. Никто не имѣлъ случая заявить себя своимъ согражданамъ, и даже ближайшіе знакомые и сосѣди не могутъ навѣрное знать, кто изъ нихъ окажется на дѣлѣ способнымъ къ внимательному и полезному отправленію общественныхъ обязанностей. Для Общей Думы готовъ уже домъ и домъ великолѣпный (домъ графа Шереметева на Вздвиженкѣ); позаботиться о наружности было дѣло для насъ не трудное и привычное, но кто знаетъ, кто можетъ предугадывать, какова будетъ внутренность? Что пересилитъ, общій ли городской интересъ, или интересъ людей ищущихъ власти и подбирающихъ себѣ партіи? Соединятся ли выборные на немногихъ извѣстныхъ лицахъ или пойдутъ всѣ въ разбродъ, такъ что окончательный исходъ выборовъ будетъ зависѣть отъ случая? Выйдутъ ли изъ избирательнаго ящика имена людей могущихъ вести дѣло самостоятельно, и оживится ли въ городской службѣ духъ личной иниціативы, или новое городское устройство останется декораціей, а дѣйствовать будетъ по прежнему приказный порядокъ, со всею его косностью, со всѣмъ его равнодушіемъ къ существенной пользѣ города? Кто возьметъ на себя отвѣчать на эти вопросы? Можно сказать навѣрное одно: всякое улучшеніе должно состоять въ устраненіи недостатковъ прежняго порядка, а такъ какъ самымъ важнымъ, самымъ очевиднымъ недостаткомъ прежняго порядка былъ его приказный характеръ, то при новомъ устройствѣ всего болѣе надобно заботиться объ устраненіи этого характера, такъ сильно вредившаго устройству прежнему. Достигнуть этой цѣли тѣмъ труднѣе чѣмъ глубже корни, пущенные приказнымъ порядкомъ въ городскомъ устройствѣ здѣшней столицы. Нужно много совокупныхъ усилій, много общественнаго согласія, чтобы добиться тутъ хотя нѣкотораго успѣха. Одна изъ немалыхъ трудностей заключается между прочимъ и въ томъ, что приказный порядокъ все-таки содержалъ письменную часть въ видѣ болѣе или менѣе правильномъ. Безъ письменной части дѣло и теперь не обойдется, а потому для успѣшности борьбы съ приказнымъ порядкомъ очень важно, чтобы недовольство имъ не превратилось въ пренебреженіе къ необходимымъ формальностямъ всякаго казеннаго и общественнаго дѣла. Удачный выборъ городоваго секретаря очень много значитъ въ этомъ отношеніи; городъ много выиграетъ, если, какъ ходятъ слухи, общій голосъ дѣйствительно выскажется въ пользу лица опытнаго въ городскомъ хозяйствѣ и заслуживающаго довѣріе города.

Но если не трудно замѣстить какъ слѣдуетъ должность городоваго секретаря, то при избраніи другихъ должностныхъ лицъ городскіе выборные будутъ въ величайшемъ за-

трудненіи. Городовой секретарь будетъ выбранъ изъ чиновниковъ, то-есть изъ среды людей, которые уже имѣли случай заявить свои познанія, свои способности и нравственныя достоинства. Совсѣмъ другое дѣло кандидаты на остальныя должности. Тутъ выборные будутъ ходить въ потемкахъ. Всеобщее незнакомство съ кандидатами простирается до того, что иные избиратели серіозно хотятъ просить, чтобы имъ читались аттестаты, указы объ отставкѣ и другіе документы о личности избираемыхъ. Но много ли можно узнать изъ подобныхъ официяльныхъ „документовъ“? Единственное средство оградить городъ отъ неудачныхъ выборовъ состоитъ въ хорошемъ назначеніи тѣхъ пятисотъ уполномоченныхъ или выборныхъ, которыми будутъ произведены выборы. Пусть всѣ имѣющіе право голоса воспользуются этимъ правомъ, и пусть назначаютъ въ выборные людей самостоятельныхъ, не заручившихся партіямъ, набраннымъ многочисленными кандидатами въ городскіе головы. Назначеніе выборныхъ есть первый шагъ, отъ котораго будетъ зависѣть весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Обыватели должны сознать, что небрежность при назначеніи выборныхъ равняется для нихъ отказу отъ надежды на улучшеніе городскаго хозяйства. Новая оцѣнка домовъ легко можетъ повести къ значительному повышенію поземельнаго сбора, если не будетъ экономіи въ расходованіи городскихъ суммъ. Тутъ дѣло денежное, близко касающееся ощутительныхъ интересовъ каждаго. Пусть же обыватель, который уклонится отъ участія въ избраніи выборныхъ, знаетъ, что ему надобно будетъ пенять на себя, когда городскіе расходы возвысятся, и ему самому придется платить поземельныхъ въ полтора раза больше чѣмъ прежде.

Б.

Слухи о перемѣнѣ министерства въ Пруссіи принимаютъ болѣе положительный характеръ: называютъ даже лицъ, которыя должны замѣнить нынѣшнихъ министровъ. Къ сожалѣнію, все это имена принадлежащія такъ-называемой феодальной или юнкерской партіи, которая живетъ старинными, средневѣковыми воспоминаніями и враждебно расположена къ теперешнему, конституціонному государственному порядку. Если положиться на извѣстія, сообщаемыя ниже изъ газеты „Temps,“ окажется, что не столько нынѣшнее министерство, сколько самъ король ничего не хочетъ знать объ уступкахъ палатѣ депутатовъ, по крайней мѣрѣ по главному спорному пункту, который и въ прошломъ году помѣшалъ своевременному утвержденію бюджета, именно по вопросу о преобразованіи войска. Король лично убѣжденъ, что нынѣшняя военная система Пруссіи, при которой всякій по достиженіи 20-ти лѣтняго возраста становится на годъ или на три солдатомъ, и потомъ можетъ быть призываемъ къ оружію до 35-ти лѣтняго возраста, а въ случаѣ отечественной войны и далѣе этого срока, что эта система не соотвѣтствуетъ болѣе современнымъ успѣхамъ и развитію военнаго дѣла, между тѣмъ какъ наиболѣе образованный средній классъ и значительная часть массы народа дорожитъ этою системой, какъ живымъ воспоминаніемъ объ эпохѣ возрожденія Пруссіи послѣ наполеоновскаго погрома, какъ средствомъ имѣть подъ рукою на случай войны значительное войско, не тратя безплодно производительныхъ силъ страны—людей и денегъ—въ мирное время. Обѣ стороны, каждая съ своей точки зрѣнія, правы, и соглашеніе между ними не было бы невозможно, еслибы королевская власть поставила себя выше борьбы мнѣній и партій, и не стала сама партіей. Если и вообще, при всякомъ государственномъ устройствѣ, желательно, чтобы въ видахъ сохраненія и усиленія самой же высшей власти, министры принимали какъ можно болѣе на самихъ себя отвѣтственность за всѣ правительственныя дѣйствія и распоряженія, не прикрываясь именемъ монарха, то тамъ, гдѣ законодательная власть раздѣлена между королемъ и выборными отъ народа, такой образъ дѣйствія предписывается самою необходимостью. Настоящее положеніе Пруссіи представляетъ поводы къ серіознымъ опасеніямъ: неудовольствіе цѣлой либеральной партіи всѣхъ оттѣнковъ со всѣми ея приверженцами можетъ обратиться не противъ тѣхъ или другихъ министровъ, а противъ самого представителя верховной власти.

Внѣшнее положеніе Пруссіи повидимому становится удовлетворительнѣе. Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій рѣшается на уступку по вопросу о желѣзной дорогѣ. Съ Австріей не произойдетъ никакого разрыва. Франція, какъ сообщено было вчера, выказываетъ къ ней все свое расположеніе и дружелюбіе. Но вюрцбургцы повидимому не от-

казываются отъ своихъ плановъ осуществить австрійскій проектъ реформы Германскаго Союза, и многіе члены Таможеннаго Союза не хотятъ и слышать о франко-прусскомъ трактатѣ.

Внутренній миръ и спокойствіе все болѣе упрочиваются въ Италіи. Неудачный исходъ попытки Гарибальди имѣлъ въ этомъ отношеніи рѣшительное вліяніе. Какъ видно изъ напечатаннаго ниже извлеченія изъ „Желтой Книги“, нынѣшнее италіянское министерство на нѣкоторое время отказывается отъ всякихъ переговоровъ по римскому вопросу.

Греческій вопросъ не подвинулся впередъ: отвѣтъ герцога Саксенъ-Кобургскаго остается еще неизвѣстнымъ; утверждаютъ только, что Франція не противится его избранію, а лордъ Пальмерстонъ и сама королева Викторія стараются склонить его къ принятію предложенія.

Извѣстія изъ Турціи какъ будто бы клонятся къ подтвержденію того, что эта держава, будучи подстрекаема Англіей, все болѣе отдается воинственному настроенію. На этотъ разъ, впрочемъ, Франція не будетъ съ ней.

№ 8.

Москва, 10-го января.

А.

Теперь въ Москвѣ только и слышно что о притязаніяхъ, заявляемыхъ приказнымъ порядкомъ на будущее городское устройство. Всѣ желаютъ, чтобъ этотъ порядокъ уступилъ мѣсто новому, но въ самыхъ этихъ желаніяхъ проглядываетъ неувѣренность въ ихъ скоромъ осуществленіи. Едва ли однако есть основаніе падать духомъ: въ хозяйственныхъ дѣлахъ приказному порядку держаться труднѣе, чѣмъ въ другихъ дѣлахъ, напримѣръ судебныхъ. Въ городскомъ хозяйствѣ, стоящемъ подъ контролемъ уполномоченныхъ городскаго общества, промахи легко обнаружатся. Городъ — не государство: плохое освѣщеніе, плохія постройки, высокіе налоги,—все это у всѣхъ на виду. Тутъ шила въ мѣшкѣ не утаишь. Къ тому же Москва—столичный городъ; на московское городское хозяйство обращено вниманіе не однихъ московскихъ обывателей. Будетъ очень стыдно, если новое городское управленіе не введетъ въ Москвѣ тѣхъ улучшеній, которымъ мы можемъ поучиться въ любомъ третьестепенномъ заграничномъ городкѣ. Приказный порядокъ особенно убійственъ своею косностью; что ни дѣлайте, какъ ни хлопочите, вы ничего не возьмете, когда имѣете дѣло съ приказнымъ порядкомъ; до сущности вашей просьбы ему дѣла нѣтъ; о своихъ результатахъ онъ тоже не заботится; внѣ себя онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ; онъ занимается своимъ искусствомъ для искусства, а не для чьей-либо пользы. Онъ никому не хочетъ благодѣтельствовать и тѣмъ рѣзко отличается отъ такъ-называемой просвѣщенной бюрократіи, идущей тоже приказнымъ, то-есть канцелярскимъ путемъ, но по крайней мѣрѣ стремящейся къ общему благу. Отдѣлаться отъ увлеченій этой доброжелательной и просвѣщенной бюрократіи дѣло очень трудное; въ ней есть много заманчиваго; она иногда увлекаетъ даже людей замѣчательнаго ума. Трудно оставаться трезвымъ передъ кажущеюся возможностію надѣлать кучу самыхъ полезныхъ вещей, не занимаясь ничѣмъ другимъ кромѣ писанія бумагъ. Читатели найдутъ ниже вполнѣ достойную ихъ вниманія статью г. Воронцова-Вельяминова о крестьянскихъ сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Изъ нея они узнаютъ, можетъ-быть къ своему удивленію, что сберегательныхъ кассъ въ дѣйствительности вовсе не существуетъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, хотя онѣ и показываются въ отчетахъ и стоятъ крестьянамъ пожертвованій. А между тѣмъ кто не согласится, что мысль объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ въ крестьянской средѣ есть мысль благодѣтельная, и что увлекаться этою мыслію было очень естественно? Ошибка состояла лишь въ томъ, что бюрократы, увлекшіеся похвальною мыслію, ожидали ея осуществленія отъ канцелярскихъ предписаній. Вотъ отъ этой-то ошибки довольно трудно уберечься. По въ городскомъ хозяйствѣ къ подобнымъ ошибкамъ рѣдко бываетъ поводъ. Тутъ приказный порядокъ является въ видѣ болѣе грубомъ, а потому и превозмочь его будетъ легче, лишь бы только за городское хозяйство взялись живые люди, и городское общество дѣятельно контролировало ихъ распоряженія.

Б.

Помѣщенныя ниже извѣстія изъ Франціи и Турціи разъясняютъ отчасти взаимное от-

ношеніе европейскихъ державъ въ Константинополѣ. Англія умѣла привлечь на свою сторону Грековъ, и въ то же время сохранить прежнія свои отношенія къ Турціи. Доказательствомъ служитъ то, что благодаря вліянію сэра Генри Бульвера Фуадъ-паша снова занялъ высокую должность въ имперіи. Заодно съ Англіей по турецкимъ дѣламъ дѣйствуетъ Австрія, тогда какъ Франція, Италія и Пруссія держатся пока въ сторонѣ. Замѣчательно то единодушіе и то взаимное сочувствіе, которымъ начинаютъ проникаться наши единоплеменники или единовѣрцы—Сербы и Румыны. Во всякомъ случаѣ восточный вопросъ, вступившій теперь на новую степень развитія, какъ кажется, далеко еще не созрѣлъ для окончательнаго рѣшенія, и военные слухи, выходившіе изъ Константинополя, по всей вѣроятности, не имѣютъ достаточнаго основанія, хотя по новѣйшимъ извѣстіямъ султанъ и не рѣшился уволить отъ службы лучшаго изъ своихъ генераловъ—Омеръ пашу.

Изъ дипломатическихъ документовъ, сообщенныхъ французскимъ палатамъ, видно какъ незначительны тѣ реформы, на которыя рѣшается папа и какъ мало могутъ онѣ удовлетворить его подданныхъ. Римскій вопросъ такимъ образомъ только отсрочивается, благодаря эгоистической политикѣ Наполеона, но отнюдь не устраняется совершенно.

За то политика его по дѣламъ американскимъ, его готовность служить своимъ посредничествомъ къ прекращенію кровавой борьбы, которая столько же оскорбляетъ чувство человѣколюбія, сколько и наноситъ существенный вредъ матеріяльному благосостоянію всѣхъ странъ Европы,—эта готовность начинаетъ находить сильное сочувствіе въ Англіи, какъ это видно изъ помѣщаемаго ниже отзыва „Times“. Слухи, однакоже о томъ, будто бы Франція вновь предложила свое посредничество, оказываются ложными. Телеграфическое извѣстіе, помѣщенное въ № 6 „Московскихъ Вѣдомостей“, объ отозваніи французскаго посланника г. Мерсье изъ Вашингтона, могло бы послужить подтвержденіемъ этихъ слуховъ и повести къ заключенію, что предложеніе было сдѣлано Франціей и рѣзко отвергнуто вашингтонскимъ правительствомъ. Но изъ помѣщаемой ниже депеши читатель увидитъ, что все это извѣстіе не болѣе какъ насмѣшка телеграфа надъ любителями свѣжихъ политическихъ новостей.

Разомъ получены двѣ депеши изъ Брюсселя отъ одного и того же числа, изъ коихъ въ одной высказывается надежда на то, что герцогъ Саксенъ-Кобургскій приметъ греческую корону, а въ другой сообщается извѣстіе болѣе положительное, что онъ уже отказался отъ нея. Такимъ образомъ несмотря на всѣ усилія Англіи, престолъ Греціи продолжаетъ оставаться вакантнымъ, и запасъ кандидатовъ на него повидимому истощенъ совершенно. Если состоится возвѣщаемое телеграфомъ вступленіе Робака въ министерство лорда Пальмерстона, то оно послужитъ къ большему еще сближенію Англіи съ Австріей, такъ какъ Робакъ извѣстенъ своею преданностью интересамъ послѣдней державы.

№ 9.

Москва, 11-го января.

А.

Помѣщенныя выше временныя законоположенія о городской и уѣздной полиціи заключаютъ въ себѣ важныя преобразованія полицейскаго управленія. Соединеніе городской и уѣздной полиціи въ одно управленіе выгодно во многихъ отношеніяхъ. Оно даетъ возможность увеличить содержаніе служащихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать ускоренію мѣръ полицейскаго преслѣдованія; финансовые виды находятся тутъ въ совершенномъ согласіи съ потребностью публики. Не менѣе важно введеніе единоличности въ отправленіе полицейскихъ дѣлъ. Коллегіальныя формы были тутъ рѣшительно неумѣстны; никого не ограждая, онѣ только причиняли проволочки и служили щитомъ для нерадѣнія и злоупотребленій. Теперь кругъ занятій предсѣдателя (исправника или полицеймейстера) значительно расширенъ, а присутствія освобождены отъ множества дѣлъ, которыя были прежде на нихъ возложены. Личная отвѣтственность будетъ теперь сильнѣе, а такъ какъ содержаніе полицейскихъ чиновниковъ увеличено, то они будутъ дорожить мѣстами и слѣдовательно чувствовать свою отвѣтственность. Но само собой разумѣется, что одной этой обстановки недостаточно для успѣшности дѣла, и что его ходъ будетъ преимущественно зависѣть отъ выбора лицъ. Этотъ выборъ предоставленъ губернаторамъ. Они могутъ или оставить теперешнихъ ис-

правниковъ въ должности, или замѣнить ихъ по своему усмотрѣнію, и притомъ не стѣсняясь тѣмъ, какой чинъ имѣютъ опредѣляемыя лица. Губернаторская власть значительно увеличится вслѣдствіе предоставленной имъ полной свободы назначенія полицейскихъ чиновниковъ. Прежде исправники назначались по выбору; городничіе получали мѣста отъ комитета о раненыхъ. И тотъ и другой способы назначенія теперь устранены, и губернаторы становятся полными хозяевами въ полиціи своей губерніи. Если бы не имѣлось въ виду реформы земскихъ собраній, и еслибы вообще не было надежды на расширеніе правъ земства, то можно было бы опасаться, что прежнее равновѣсіе властей въ губерніи будетъ нарушено. Но нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдъ за усиленіемъ вліянія губернаторовъ, будетъ усилено и средство ограничивать это вліяніе предѣлами, установленными закономъ.

Сегодняшняя телеграмма сообщаетъ намъ о высочайшемъ указѣ правительствующему сенату относительно возвышенія подушной подати. Пополненіе недочета въ государственныхъ доходахъ сравнительно съ расходами, а равно и недочета ожидаемаго вслѣдствіе отмѣны откупа, требовало возвышенія налоговъ, а ближайшимъ средствомъ къ тому все еще представляется у насъ подушная подать. Къ тому же, съ отмѣной крѣпостнаго права, благосостояніе крестьянъ значительно улучшилось, и они безъ обремененія перенесутъ новый усиленный налогъ. Но такъ какъ вся система нашихъ податей подлежитъ въ непродолжительномъ времени коренному преобразованію, то позволительно надѣяться, что при этомъ будетъ хотя отчасти устранена теперяшняя неуравнительность въ раскладкѣ податей между разными сословіями и классами общества.

Б.

Предварительная цензура, которой подчинено у насъ каждое печатное слово, много умаляетъ его значеніе и силу. Что бы ни было высказано въ нашей печати въ пользу нашей внутренней и особенно внѣшней политики, все то, не только за границею, но даже и въ самой Россіи, въ нѣкоторой части общества, принимается съ недовѣріемъ. Сколько времени уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ по поводу провоза въ Сербію оружія, на которомъ оказалось клеймо тульскаго оружейнаго завода, англійскія газеты начали взводить на Россію самыя крупныя обвиненія, которыя многія изъ частныхъ лицъ и могли, и желали бы опровергнуть, объяснивши въ чемъ дѣло, и однакоже они принуждены были хранить молчаніе. Только вчера „Journal de St.-Pétersbourg“ высказался откровенно по этому дѣлу въ статьѣ, отрывокъ изъ которой помѣщенъ ниже. Какъ ни просто, какъ ни правдиво предлагаемое въ этой статьѣ объясненіе, оно рискуетъ встрѣтить нѣкоторое недовѣріе, отчасти вслѣдствіе особыхъ условій нашей печати, отчасти вслѣдствіе поздняго своего появленія, проистекающаго впрочемъ изъ тѣхъ же самыхъ условій. А между тѣмъ это именно дѣло и было причиною того, что въ Турціи и частью въ Англіи пробудились съ новою силою прежнія враждебныя чувства къ Россіи, которыя, благодаря успѣхамъ Россіи въ дѣлѣ внутренняго развитія, начинали было уступать мѣсто пріязни и общему уваженію. Должно надѣяться однакожъ что это не доброе чувство проснулось лишь на самое короткое время, и что недоразумѣнія, подавшія къ нему поводъ, вскорѣ исчезнутъ.

Вотъ упомянутая нами статья „Journal de St.-Pétersbourg:“

„Россія не имѣетъ надобности что-либо скрывать,—сказано здѣсь,—ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ-либо другомъ. Русское правительство преобразовало вооруженіе своей арміи. Старыя ружья продавались по мѣрѣ того какъ въ замѣнъ ихъ поступали новыя. Значительное количество ихъ вышло такимъ образомъ изъ Россіи на Гамбургъ и Любекъ. Были также проданы ружья и на югъ, для того чтобы освободить наши арсеналы отъ излишнихъ складовъ; изъ нихъ 30.000 или 35.000, не болѣе, купилъ и увезъ частный человѣкъ, пользующійся правомъ американскаго гражданства. Вѣроятно, объ этихъ-то ружьяхъ и говоритъ *Morning-Post*, утверждая будто бы они ввезены въ княжества контрабандою. Но эти ружья перевозимы были черезъ Молдавію и Валахію сухимъ путемъ на фурахъ,— способъ перевозки, исключающій всякую мысль о контрабандѣ.

„Такимъ образомъ тутъ не было ничего кромѣ частной сдѣлки, а частныя сдѣлки не думаетъ же *Morning-Post* присвоивать исключительно однимъ англійскимъ торговцамъ.

„Не менѣе простъ и ясенъ вопросъ о томъ, что сербское правительство имѣетъ полное право покупать оружіе.

„Самъ *Morning-Post* ссылается на статьи трактата 1856 г., которыми обезпечены привилегіи Сербіи и Дунайскихъ княжествъ. Къ числу этихъ привилегій принадлежитъ и право содержать для собственной безопасности національную вооруженную силу. Но кто имѣетъ право содержать армію, тотъ можетъ, кажется, и покупать для нея оружіе...

„Увѣреніе, что часть оружія купленнаго Сербскимъ правительствомъ, назначается на вооруженіе Болгаръ, подданныхъ султана, основано только на предположеніи газеты *Morning-Post*. Надобно доказать, что это предположеніе основательно, а до тѣхъ поръ позволительно сомнѣваться въ его вѣрности. Мы можемъ сослаться на слова князя Михаила, который объявилъ, что это оружіе назначено только для сербской арміи. Сверхъ того за это ручаются собственные интересы Сербіи, которой необходимо жить въ мирѣ съ Турціею точно такъ же, какъ и самой Портѣ необходимо жить въ согласіи съ ея вассальными областями, и поступать съ ними благосклонно и правосудно.

„Объ этомъ-то и печется непрерывно русское правительство, этой-то цѣли оно и старается достигнуть своими совѣтами и примѣромъ.

„Слѣдственно, не русская политика можетъ нарушать спокойствіе, которое такъ желательно поддержать на востокѣ, а та политика, которая распаляетъ страсти, возбуждаетъ подозрѣнія, поощряетъ мстительность, совѣтуетъ насильственныя мѣры, и сѣетъ повсюду безпорядокъ, революцію и войну“.

№ 10.

Москва, 12-го января.

А.

Сегодня Императорскій Московскій университетъ празднуетъ годовщину своего основанія и свой храмовой праздникъ. Утромъ въ 10 часовъ была совершена литургія, послѣ которой профессоръ богословія священникъ Н. А. Сергіевскій сказалъ слово на текстъ: „Ищите прежде царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ“. Затѣмъ было отслужено благодарственное молебствіе съ обычными въ этомъ случаѣ многолѣтіями. По окончаніи молебствія, въ актовой залѣ университета, происходило торжественное собраніе. Исправляющій должность ординарнаго профессора М. Н. Капустинъ произнесъ рѣчь: „О значеніи національности въ международномъ правѣ“, а ординарный профессоръ А. И. Полунинъ прочелъ извлеченіе изъ отчета за истекшій годъ. Изъ этого извлеченія видно, что въ 1862 году находилось въ Московскомъ университетѣ профессоровъ и преподавателей 71; учащихся: а) студентовъ 1.674, а именно: въ историко-филологическомъ факультетѣ 82, въ физико-математическомъ факультетѣ 335, въ юридическомъ факультетѣ 675 и въ медицинскомъ факультетѣ 582; b) сторонникъ слушателей 511; с) аптекарскихъ помощниковъ 62 человѣка. Число студентовъ значительно возросло на юридическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, особенно на первомъ, а на медицинскомъ факультетѣ значительно уменьшилось. Изъ числа студентовъ состояло на казенномъ содержаніи 88, на благотворительномъ содержаніи, на иждивеніи разныхъ учебныхъ заведеній, приказовъ общественнаго призрѣнія и иныхъ учрежденій—174. Кромѣ того въ продолженіи года выданы 183 студентамъ единовременныя пособія изъ суммы, собираемой за право ученія въ университетѣ. Къ числу прежнихъ стипендій присоединились въ истекшемъ году: 1) четыре стипендіи имени св. Кирилла и Меѳодія (по 240 р. каждая), учрежденныя по Высочайшему повелѣнію изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія въ пользу молодыхъ людей, желающихъ спеціально заниматься славянскою филологіей; 2) тридцать стипендій (въ 200 р. каждая), учрежденныя по Высочайшему повелѣнію на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія на первое время для заслуживающихъ пособія бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета, а впослѣдствіи, по выбытіи ихъ, для студентовъ Московскаго университета вообще; 3) десять стипендій (по 300 р. каждая) учрежденныя съ Высочайшаго соизволенія на счетъ войсковыхъ донскихъ суммъ для уроженцевъ Войска Донскаго, съ отличнымъ успѣхомъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, безъ различія происхожденія, но преимущественно бѣднѣйшаго состоянія; 4) двадцать шесть стипендій (по 100 р. каждая) по завѣщанію гвардіи поручика Николая Петровича Засѣцкаго, предоставившаго въ распоряженіе Московскаго Опекунскаго Со-

вѣта капиталъ для употребленія получаемыхъ съ него процентовъ на эти стипендіи.

Б.

Передъ началомъ преній во французскомъ сенатѣ и законодательномъ собраніи, общее вниманіе снова обратилось преимущественно на римскій вопросъ, который долженъ снова подвергнуться обсужденію въ законодательныхъ палатахъ Франціи. Передъ наступленіемъ новыхъ выборовъ, менѣе чѣмъ когда-либо можно ожидать отъ императора Наполеона какихъ бы то ни было уступокъ требованіямъ Италіи, такъ какъ клерикальная партія и духовенство могутъ имѣть не малое вліяніе на исходъ выборовъ, и, въ случаѣ неблагопріятнаго для папы рѣшенія римскаго вопроса, воспользовались бы этимъ вліяніемъ противъ нынѣшней правительственной системы Франціи. Этимъ, отчасти, объясняется то, что газета „La France“, издаваемая бывшимъ директоромъ по дѣламъ печатанія, сенаторомъ де-ла-Героньеромъ, разсказываетъ о будущемъ образѣ дѣйствій французскаго правительства по отношенію къ Италіи. Если вѣрить этимъ разсказамъ, то Франція вовсе не расположена разстаться съ Римомъ и съ тѣмъ покровительствомъ, которое она оказываетъ папѣ: напротивъ, она намѣрена обезпечить за нимъ нынѣшнія его владѣнія, не отказывая ему въ правѣ отыскивать и тѣ, которыя давно уже отошли къ Виктору-Эммануилу, и возложитъ на правительство италіанскаго короля всю отвѣтственность за невозможность разрѣшить римскій вопросъ. Насколько такая политика способна удовлетворить Итальянцевъ, видно между прочимъ изъ тѣхъ демонстрацій, которыя направлены были въ Неаполѣ противъ журнала, заподозрѣннаго въ томъ, что онъ основанъ виконтомъ де-ла-Героньеромъ. Къ этому должно присоединить еще то, что сообщила намъ вчера телеграфическая депеша объ открытіи заговора въ Неаполѣ въ пользу французскаго принца наполеоновской династіи Мюрата. Такимъ образомъ, если на Англію падаетъ обвиненіе за ея политику на Востокѣ, то Франція несетъ на себѣ тяжелую отвѣтственность за тѣ бѣдствія и безурядицы, которыя испытываетъ Италія.

Наконецъ, послѣ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій въ одинъ и тотъ же день, телеграфъ передалъ намъ вчера вѣсть, которая повидимому имѣетъ уже болѣе рѣшительный и окончательный характеръ, о томъ, что герцогъ Саксенъ-Кабургскій рѣшается принять предложенную ему греческую корону. Со стороны Грековъ едва-ли онъ встрѣтитъ отказъ, будучи поддерживаемъ Англіей и пользуясь въ Германіи славой просвѣщеннаго и либеральнаго государя. Франція и Россія, какъ утверждаютъ, совершенно равнодушны къ тому, будетъ-ли онъ или другой кто королемъ Греціи. Что же касается до Австріи, то она была бы даже рада его удаленію изъ Германіи, гдѣ онъ пользуется чрезвычайной популярностью и гдѣ голосъ его, при рѣшеніи германскаго вопроса, можетъ имѣть не меньшую силу чѣмъ голоса Австріи или Пруссіи. Притомъ же усыновляемый имъ, по проекту Пальмерстона, принцъ Августъ пользуется личнымъ расположеніемъ австрійскаго императора. Онъ состоитъ на службѣ королевства Саксонскаго генералъ-майоромъ, проживаетъ очень часто въ Вѣнѣ и владѣетъ обширными помѣстьями въ Венгріи, какъ сообщаетъ объ этомъ Вѣнскій корреспондентъ газеты „Indépendance Belge“.

Въ Германіи идутъ своимъ чередомъ нескончаемые переговоры о новомъ устройствѣ Германскаго Союза. Изъ помѣщаемыхъ ниже извѣстій мы узнаемъ еще разъ чего хочетъ Австрія: именно сохраненія независимости каждаго изъ отдѣльныхъ владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія палаты делегатовъ, число которыхъ соотвѣтствовало бы значительности каждаго изъ германскихъ государствъ. Но чего именно желаетъ Пруссія, это до сихъ поръ опредѣлить довольно трудно.

Если у Пруссіи есть своя палата депутатовъ, съ которою предстоитъ развѣдываться правительству, то и Австрія никакъ не можетъ уладиться съ Венграми. Чтобы притянуть ихъ къ общему для всей имперіи сейму, министерство г. Шмерлинга намѣрено повидимому созвать сначала венгерскій сеймъ, и въ случаѣ его отказа выслать представителей въ Вѣну, произвести выборы послѣднимъ, обратясь прямо къ избирателямъ,—планъ рискованный, потому что или избиратели, или выборные легко могутъ отказаться отъ возложеннаго на нихъ порученія. Какъ расположены въ этомъ отношеніи и чего желаютъ сами Венгры, это видно изъ приведенной ниже статьи барона Кемени.

Согласно съ помѣщаемыми ниже мнѣніями газеты „Daily News“, результатомъ

ожесточенной рѣзни, происходящей уже столько времени между федералистами и сепаратистами, можетъ быть освобожденіе если не всѣхъ, то большей части невольниковъ,— результатъ, который отчасти могъ бы заставить забыть и всѣ ужасы этой войны, и всѣ бѣдствія, которыя она не перестаетъ причинять образованнѣйшимъ странамъ Европы.

№ 11.

Москва, 14-го января.

А.

Отчасти вчера, отчасти сегодня, мы разослали нашимъ городскимъ подписчикамъ особое дополненіе къ прошлому нумеру „Московскихъ Вѣдомостей“ съ телеграфическою депешей изъ Петербурга, извѣщавшею о польскихъ событіяхъ. Въ нумерѣ „Сѣверной Почты“, полученномъ сегодня, напечатаны тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены нами вчера по телеграфу въ извлеченіи. Вотъ что напечатано въ „Сѣверной Почтѣ“:

12-го января. Благодаря дѣятельнымъ и благоразумнымъ распоряженіямъ мѣстныхъ властей, въ Варшавѣ рекрутскій наборъ совершился въ совершенномъ порядкѣ. Нигдѣ не оказалось сопротивленія. Рекруты охотно повиновались требованіямъ чиновниковъ и были вполнѣ достойны хорошаго обращенія, которое имъ оказывалось.

Но можно было предвидѣть, что въ провинціяхъ дѣло это не пройдетъ такъ спокойно. Правительственнымъ агентамъ, на которыхъ возложена была обязанность производить наборъ, приходилось дѣйствовать на значительномъ протяженіи, что весьма усложняло и затрудняло дѣло.

Извѣстія, полученныя сегодня обыкновеннымъ путемъ, отъ 6-го (18-го) числа, вполнѣ подтверждаютъ эти предположенія.

Въ 8 верстахъ отъ Варшавы, на Минской дорогѣ, собралась толпа ослушниковъ. Нѣкоторые были вооружены. Однако вскорѣ они разсѣялись.

Двѣ другія шайки, числомъ отъ 400 до 500 человѣкъ, собрались въ Блони [1]), а также въ окрестностяхъ Сѣроцка [2]) и Пултуска [3]), съ тѣмъ чтобы оттуда двинуться въ лѣса Кампинаскіе и Насѣльскіе. Однако онѣ начинаютъ уже страдать отъ холодовъ и отъ недостатка провіанта.

По приказанію Великаго Князя Намѣстника, тотчасъ приняты были надлежащія мѣры. Въ упомянутыя мѣстности посланы были военные отряды, которые пройдутъ край подвижными колоннами.

Кромѣ того, мы получили слѣдующія телеграфическія депеши:

Варшава, 10-го января.

Шайка, собравшаяся въ лѣсу, въ окрестностяхъ Блони, перешла черезъ Вислу, съ намѣреніемъ примкнуть къ другой, засѣвшей въ Насѣльскихъ [4]) лѣсахъ. Полагаютъ, что она заключаетъ до 1000 человѣкъ. Посланы войска для того, чтобъ окружить ее. Человѣкъ 40 безоружныхъ бѣглецовъ уже взяты въ плѣнъ.

Варшава, 11-го января.

Шайки на правомъ берегу Вислы усиливаются. У нихъ есть кой-какое оружіе. Противъ нихъ высланъ полкъ. Въ городѣ ничего новаго. Все спокойно.

Варшава, 12-го января.

Въ ночь съ 10-го на 11-е число войска, отдѣльно расположенныя, были почти повсюду аттакованы. Мятежники проникали въ дома и убивали солдатъ поодиночкѣ. Повсюду, однако, отряды имѣли время собраться и отразить мятежниковъ; преслѣдуя бунтовщиковъ, войска отбирали у нихъ оружіе и арестовывали. У насъ выбыло изъ строя до 30 человѣкъ и втрое болѣе ранено. Мятежники потеряли гораздо больше. Полковникъ Козлянинов былъ убитъ наканунѣ, во время рекогносцировки въ лѣсу. Генералъ Канобахъ раненъ. Самыя серіозныя стычки происходили въ Плоцкѣ, въ Плонскѣ, Радзичѣ и въ окрестностяхъ Сѣдльца.

Приняты мѣры для общаго сбора войскъ. Все царство объявлено въ осадномъ положеніи.

Въ ночь съ 10-го на 11-е число вооруженная толпа изъ царства Польскаго, въ значительномъ числѣ, напала на дворъ 7-й роты Либавскаго полка, въ мѣстечкѣ Суражѣ [5]), на самой границѣ. Командиръ ел

---

[1]) Блони—на западъ отъ Варшавы, на лѣвомъ берегу Вислы.

[2]) Сѣроцкъ при сліяніи Нарева съ Бугомъ.

[3]) Пултускъ—на Наревѣ.

[4]) Насѣльскъ—на правомъ берегу, на западъ отъ Пултуска и Сѣроцка.

[5]) Суражъ—на границѣ Царства Польскаго и Гродненской губерніи, на Наревѣ, на югозападъ отъ Бѣлостока. Заблудовъ—на востокъ отъ Суражи, въ Гродненской губерніи.

успѣлъ собрать 60 человѣкъ; сдѣлавъ два залпа и опасаясь быть окруженнымъ толпами со всѣхъ сторонъ, отступилъ изъ Суража къ баталіонному штабу въ Заблодовъ; барабанщикъ и двое рядовыхъ убиты; юнкеръ и одинъ рядовой пропали безъ вѣсти.

Въ прочихъ частяхъ края спокойно; приняты мѣры для охраненія путей сообщенія.

Итакъ кровь опять льется въ семейномъ спорѣ двухъ братскихъ племенъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ. Наши войска, отдѣльно расположенныя, были повсюду въ Царствѣ атакованы. Ихъ пытались сперва совратить съ пути долга, побудить къ нарушенію присяги; но эти попытки не удались, несмотря на увѣренія нашихъ заграничныхъ патріотовъ, и теперь русскихъ солдатъ убиваютъ въ домахъ, по одиночкѣ. Это безуміе объясняется лишь совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно расположенія умовъ въ Россіи. Еслибы польскіе демагоги знали чувствованія русскаго народа, они не дерзнули бы умерщвлять нашихъ солдатъ исполнявшихъ свой долгъ; они не навлекли бы на свою страну неизбѣжныхъ послѣдствій злодѣйскаго пролитія братской крови. Польская агитація была въ Россіи причиной многихъ несчастій; она можетъ и у насъ считать свои жертвы. Всюду старалась она сѣять безсмысленное и безцѣльное раздраженіе и искажать народное чувство. Теперешній взрывъ будетъ имѣть для насъ послѣдствія грозы, очищающей атмосферу. Но что будетъ съ Польшей? Здравый смыслъ показываетъ, что не Царство Польское нужно Россіи, а Россія нужна Царству Польскому. Оно составилось изъ тѣхъ частей бывшаго Польскаго королевства, которыя были присоединены къ Пруссіи и Австріи. Только въ соединеніи съ Россіей можетъ оно сохранить свою національную самостоятельность. Нужно самое крайнее ослѣпленіе, чтобы не видѣть этой простой истины. Но въ Польшѣ даютъ теперь тонъ демагоги, а разумные люди подчиняются имъ лишь изъ патріотической готовности къ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Никто не знаетъ чего добиваться отъ будущаго, съ чѣмъ бороться въ настоящемъ, чѣмъ дорожить въ прошедшемъ. Самыя нелѣпыя притязанія находятъ сочувствіе; самыя несбыточныя надежды становятся общимъ девизомъ. Всѣ какъ бы забыли, что исторію воротить нельзя, и что польская старина всего менѣе заслуживаетъ реставраціи. Такое настроеніе умовъ заставляетъ серіозно опасаться за будущность Польши.

Б.

По извѣстіямъ „Всеобщей Австрійской Корреспонденціи“, 20-го января на вѣнской биржѣ замѣтно было особенное смущеніе вслѣдствіе распространившихся слуховъ о передвиженіяхъ турецкихъ войскъ. И дѣйствительно, значительный корпусъ, подъ начальствомъ Дервишъ-паши, сосредоточенъ теперь въ сѣверной части Албаніи; другой, подъ начальствомъ Абди-паши, въ Герцеговинѣ и южной части Босніи; граница Сербіи точно также облегается турецкими войсками. Газета „France“ прямо утверждаетъ, что послѣднія перемѣны въ турецкомъ министерствѣ повлекли за собою перемѣну правительственной программы, въ силу которой армія и флотъ будутъ усилены въ значительныхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что миръ съ этой стороны не скоро будетъ нарушенъ. За это ручается сближеніе по восточнымъ дѣламъ между Россіей и Франціей. Правда, между представителями обѣихъ державъ въ Константинополѣ возникли въ послѣднее время нѣкоторыя несогласія по вопросу о восточныхъ вратахъ храма Гроба Господня, въ Іерусалимѣ, которыми равно желали бы исключительно завладѣть какъ Греки, такъ и католики; но и эти несогласія, по всей вѣроятности, безъ труда будутъ улажены, хотя бы и съ помощью особой конференціи въ Константинополѣ. Во всякомъ случаѣ, и Англія, и Турція должны напередъ выждать, какой оборотъ примутъ дѣла Греціи.

Пока, по свидѣтельству аѳинскаго корреспондента газеты „Constitutionnel“, греческое національное собраніе, не исключая и такъ называемыхъ „горцевъ“, ревностно предано дѣлу порядка, идеямъ конституціонной монархіи, и отличается въ большинствѣ своихъ членовъ и энергіей, и умѣренностью. Стоящій во главѣ „партіи горцевъ“, Гривасъ старается всячески противодѣйствовать демонстраціямъ въ пользу принца Альфреда, которыя при рѣшительномъ отказѣ европейскихъ державъ признать его избраніе на престолъ Греціи, могли бы вести только къ безпорядкамъ. Тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ твердаго, прочнаго и разумнаго правительства, положеніе страны — очень трудное и далеко не совсѣмъ безопасное.

Герцогъ Саксенъ-Кобургскій, какъ говорили мы прежде, принимаетъ корону Греціи; но, по извѣстіямъ отъ 24-го января, предлагаетъ при этомъ условія, которыя едва ли будутъ приняты европейскими державами, потому что для упроченія благосостоянія будущаго своего королевства онъ повидимому требуетъ расширенія его предѣловъ. Переговоры пока еще ведутся, но результатъ ихъ не можетъ быть предугаданъ.

Недостатокъ, хлопка и бѣдствія, которыя вслѣдствіе того испытываютъ почти всѣ страны Европы, заставляютъ все сильнѣе и сильнѣе желать скорѣйшаго прекращенія американскихъ междуусобій. Вѣроятно подъ вліяніемъ такихъ желаній, газета „Pays“ утверждаетъ, будто бы Франція неофиціальнымъ образомъ предложила Вашингтонскому правительству проектъ сдѣлки, которая была бы вполнѣ согласна съ достоинствомъ Сѣверо-Американскаго Союза. Въ чемъ заключается этотъ проектъ, газета не упоминаетъ. За то „Constitutionnel“ указываетъ на то, какъ хорошо было бы, если-бы, не прекращая пока военныхъ дѣйствій, обѣ воюющія стороны выслали отъ себя уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Такъ было поступлено между прочимъ,—говоритъ эта газета,—въ тридцатилѣтнюю войну. Но этотъ именно примѣръ показываетъ, какъ не скоро приводитъ этотъ способъ переговоровъ къ примиренію.

Исхода междуусобіямъ пока не предвидится. Федералисты не допускаютъ еще мысли о расторженіи союза, и готовы на самыя отчаянныя средства для его возстановленія, между тѣмъ какъ, по общему убѣжденію, которое недавно еще вновь высказано было газетой „Times“, никакія усилія не въ состояніи будутъ достигнуть этой цѣли, тѣмъ болѣе что военное превосходство рѣшительно на сторонѣ Южанъ. Въ недавнемъ своемъ посланіи къ законодательнымъ палатамъ штата Миссиссипи, президентъ высказываетъ между прочимъ, что Южная Конфедерація ожидаетъ въ скоромъ времени признанія ея самостоятельности со стороны европейскихъ державъ. „Англія, прибавляетъ онъ, правда, отказалась и отъ посредничества между воюющими сторонами, и отъ признанія конфедераціи; но за то Франція благопріятствуетъ Югу, и стоитъ только протянуть руку для того, чтобъ она была принята.“

Въ Парижѣ поддерживаются слухи о томъ, что стоящій во главѣ мексиканской экспедиціи генералъ Форе успѣлъ завладѣть Пуэблой, обойдя крѣпкую позицію при Гваделупѣ и напавши внезапно на городъ. Мексиканскія войска поспѣшили удалиться по направленію къ столицѣ; жители же Пуэблы, на которыхъ мексиканскіе генералы старались дѣйствовать страхомъ, приняли Французовъ какъ своихъ освободителей. „Moniteur“ извѣщаетъ впрочемъ, что офиціальныхъ извѣстій еще не имѣется, хотя и находитъ этотъ успѣхъ французскаго оружія весьма вѣроятнымъ.

Въ Пруссіи дѣло приближается къ развязкѣ. 22-го января депутаты гг. Вирховъ и фонъ-Карловицъ предложили палатѣ представить адресъ королю, проектъ котораго, за подписью слишкомъ 200 членовъ палаты, былъ тотчасъ же и прочитанъ. „Министры В. В.,—сказано между прочимъ въ проектѣ,—въ противность конституціи; вели правленіе безъ бюджета законно-утвержденнаго, и, вопреки рѣшенію палаты депутатовъ, дѣлали такія издержки, которыя окончательно и прямо отвергнуты были палатой. Страна съ ужасомъ увидѣла, что всѣ стяжанія нашего государственнаго развитія снова подвергнуты вопросу, и примкнула къ своимъ депутатамъ... Внутренній миръ и внѣшнее могущество могутъ быть возвращены странѣ не иначе, какъ возстановленіемъ конституціоннаго порядка.“ Адресъ переданъ на обсужденіе коммиссіи, и вскорѣ, несмотря на предостереженія г. Бисмарка, переданныя въ одной изъ телеграммъ прошлаго нумера, подвергнется разсмотрѣнію въ полномъ собраніи палаты. Судя по числу подписей подъ проектомъ, онъ по всей вѣроятности будетъ одобренъ палатой. Но будетъ ли принятъ королемъ?...

№ 12.

Москва, 16 января.

А.

Извѣстій изъ Варшавы нѣтъ; одинъ участокъ желѣзной дороги между Гродномъ и Варшавой разрушенъ; телеграфная проволока между Бѣлостокомъ и Варшавой порвана. Тѣмъ не менѣе мы можемъ быть совершенно покойны за наши войска и за ихъ августѣйшаго начальника, находящагося въ Варшавѣ: военныхъ силъ достаточно въ Царствѣ, чтобы превозмочь усилія польскихъ демагоговъ. Къ тому же, если

вѣрить „Всеобщему Дневнику“, издающемуся въ Варшавѣ, то и между вновь набранными рекрутами изъ Поляковъ господствуетъ хорошій духъ: они тяготились притязаніями революціонной пропаганды и рады что избавляются отъ нихъ. Между крестьянами Царства также нельзя предполагать сочувствія агитаторамъ. По извѣстіямъ, которыя доходили до насъ еще прежде теперешнихъ смутъ, крестьяне Царства Польскаго обнаруживаютъ очень мало расположенія къ помѣщикамъ ставшимъ въ оппозицію, и что весьма замѣчательно, крестьяне очиншеванные, то-есть переведенные съ барщины на оброкъ, держатъ себя въ этомъ отношеніи самостоятельнѣе крестьянъ, находящихся на барщинѣ („панщизнѣ“). Послѣдніе во многомъ зависятъ отъ помѣщиковъ и по крайней мѣрѣ для виду стараются угождать имъ, но очиншеванные не имѣютъ причины скрывать свои чувства. На нихъ плохая надежда агитаторамъ. Отношеніе совершенно обратное чѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ оброчные крестьяне смотрятъ на помѣщиковъ дружелюбнѣе чѣмъ барщинные: тутъ крѣпость портила добрыя отношенія, которыя съ ея отмѣной должны возстановиться, между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ остатокъ крѣпости, барщина, сдерживаетъ въ крестьянахъ проявленіе враждебныхъ чувствъ, и противоположность между двумя слоями сельскихъ жителей обнаруживается по мѣрѣ отмѣны обязательныхъ работъ и сопряженной съ ними зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. У насъ дѣло идетъ къ примиренію; въ Царствѣ Польскомъ, если извѣстія доходящія до насъ вѣрны, коренное несогласіе помѣщиковъ и крестьянъ все болѣе и болѣе проявляется. Введеніе чинша увеличитъ въ Польшѣ число людей, не хотящихъ ничего знать о революціяхъ и расположенныхъ цѣнить мирныя преобрасованія ко благу страны.

Мы помѣщаемъ ниже обзоръ постановленій принятыхъ уѣздными совѣтами Царства относительно народнаго образованія. Побужденіе этихъ постановленій очень хорошее, но мы просимъ читателей обратить вниманіе на то, какъ легко смотрятъ на это дѣло польскіе уѣздные совѣты. Въ такомъ-то уѣздѣ есть столько-то народныхъ школъ; этого мало, говоритъ совѣтъ и говоритъ весьма справедливо,—но что слѣдуетъ затѣмъ? Какъ будто сельскія школы возникнуть вслѣдствіе того, что уѣздный совѣтъ постановитъ сколько должно быть ихъ въ уѣздѣ. Какая удивительная вѣра въ силу законодательныхъ рѣшеній! И потомъ какія мѣры предполагаются для осуществленія этихъ рѣшеній! Общинные сборы, обязательное посѣщеніе школъ и т. д. Всѣмъ этимъ тяготятся и въ Пруссіи, а какъ удадутся эти порядки Полякамъ, объ этомъ можно напередъ составить себѣ понятіе по степени образованія и благосостоянія сельскихъ обывателей Царства. Но совѣтамъ, повидимому, и не приходитъ на мысль какое-либо сомнѣніе: они приказываютъ, чтобы школы были, и вѣроятно считаютъ себя за это благодѣтелями своихъ „хлоповъ“. Это маленькій образчикъ того, какъ слабо въ высшемъ классѣ у Поляковъ практическое пониманіе дѣйствительности.

Б.

„Герцогъ Саксенъ-Кобургскій устраненъ“, гласитъ только-что полученная телеграфическая депеша, не прибавляя къ этому лаконическому извѣстію никакихъ поясненій. Кѣмъ и какъ, и почему устраненъ, все это предоставляется собственной нашей догадливости. Согласно съ тѣмъ что говорено было нами вчера, легче всего догадаться о причинахъ его устраненія. По всей вѣроятности, онѣ заключаются въ тѣхъ требованіяхъ относительно расширенія предѣловъ Греціи, которыя герцогъ считалъ необходимымъ заявить для обезпеченія благосостоянія будущаго своего королевства. Впрочемъ въ „Indépendance Belge“, отъ 23 января, указываются еще нѣкоторыя обстоятельства, которыя могли воспрепятствовать успѣху проектовъ лорда Пальмерстона: это—опасенія германскихъ государствъ, а отчасти и самой Франціи на счетъ усиленія англійскаго вліянія въ Германіи, въ случаѣ если-бы англійскій принцъ сталъ членомъ Германскаго Союза. Какъ бы то ни было, за устраненіемъ всѣхъ досель представлявшихся кандидатовъ на греческій престолъ, трудно отгадать, на кого еще можетъ пасть выборъ трехъ покровительствующихъ державъ. Про запасъ остался лишь членъ бывшаго королевскаго рода Франціи—герцогъ Омальскій, въ пользу котораго самый вліятельный изъ членовъ національнаго асинскаго собранія г. Гривасъ и примыкающая къ нему партія Горцевъ; но угоденъ ли онъ Англіи? Отъ этого главнѣйшимъ образомъ зависитъ успѣхъ его кандидатуры.

По всему видно, что Англія не сдѣлала еще окончательнаго своего выбора на во-

стокѣ, что она продолжаетъ колебаться между Греціей и Турціей, не зная съ какой стороны выиграетъ, съ какой проиграетъ, а Греки, хорошо понимая какъ важно было бы для нихъ имѣть на своей сторонѣ Англію, не перестаютъ расточать передъ нею чувства восторженной преданности.

Какъ дорожатъ Англія и Франція своимъ вліяніемъ на востокѣ, съ которымъ связаны для нихъ, особенно же для Англіи, существеннѣйшіе интересы промышленные и торговые, это видно изъ тѣхъ толковъ, которые породила смерть Саидъ-паши и вступленіе въ управленіе Египтомъ Измаилъ-паши. Событіе это пріобрѣло значеніе всемірное. Одни утверждаютъ, что Измаилъ-паша будетъ дѣйствовать въ духѣ англійской политики, и что проекту Лессепса относительно соединенія Краснаго моря съ Средиземнымъ не суждено будетъ осуществиться; другіе же увѣряютъ, что Измаилъ-паша — чистый Французъ и по образованію, и по всѣмъ наклонностямъ. Пока извѣстно только одно, что высказавшись противъ принудительной работы вообще, онъ не воспротивился обычной ежемѣсячной смѣнѣ туземныхъ рабочихъ, которыхъ силою сгоняютъ отсюду заниматься прорытіемъ Суэсскаго перешейка. И на этотъ разъ мѣстныя власти содѣйствовали этой насильственной вербовкѣ рабочихъ, какъ объ этомъ извѣщаетъ телеграмма изъ Александріи, отъ 20-го января. Въ Парижѣ тотчасъ же вывели заключеніе, что Измаилъ-паша вовсе не врагъ колоссальнаго предпріятія, на которое затрачено столько французскихъ капиталовъ, и которое произведетъ совершенный переворотъ во всемірной торговлѣ.

Вниманіе австрійской журналистики снова привлечено къ венгерскому вопросу, который въ два послѣдніе года не сдѣлалъ ни шагу впередъ. Снова поговариваютъ о созваніи венгерскаго сейма и даже о назначеніи особыхъ для Венгріи министровъ, между прочимъ и для того, чтобы на сеймѣ австрійское правительство не оставалось безъ своихъ представителей. Въ венгерскихъ журналахъ начинаютъ также слышаться слова примиренія, лишь-бы австрійское правительство согласилось признать законы 1848 г. исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ мѣръ и преобразованій.

Ниже мы сообщаемъ проектъ адреса подписанный слишкомъ двумя стами членовъ Прусской палаты депутатовъ. Въ засѣданіи коммиссіи, наряженной для обсужденія этого проекта, онъ былъ принятъ, 23-го января, большинствомъ 19 голосовъ противъ 2, несмотря на извѣстное предостереженіе г. Бисмарка. Читатели замѣтятъ, какъ рѣзко выражается этотъ адресъ о нарушеніи министрами конституціи, объ ихъ злоупотребленіяхъ во время отсутствія палаты, о феодальной партіи и ея происках у ступеней самаго трона. Повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что адресъ будетъ поднесенъ королю въ этомъ своемъ видѣ.

Напротивъ того, въ законодательномъ собраніи Франціи господствуетъ духъ миролюбія, и въ предстоящихъ преніяхъ, согласно съ волею правительства, не будетъ ничего рѣзкаго, ничего особенно-замѣчательнаго. Впрочемъ, судя по тому что было высказано въ отдѣленіяхъ собранія, въ немъ замѣчаются два направленія, не совершенно совпадающія съ видами правительства: одно устремлено къ тому чтобы французское правительство постаралось склонить турецкій кабинетъ къ большей уступчивости въ отношеніи къ папѣ; другое составляетъ нѣкоторую оппозицію противъ мексиканской экспедиціи, которая уже стоила Франціи до 127 милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ эта несчастная экспедиція не находитъ ни малѣйшаго сочувствія въ самой Франціи, въ Англіи начинаютъ ее цѣнить очень высоко. Въ приведенной ниже статьѣ своей „Times“ не безъ иронія отзывается вообще о всѣхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ Франціи; но тѣмъ не менѣе находитъ разумное оправданіе для мексиканской экспедиціи. Въ полученномъ сегодня нумерѣ этой газеты, отъ 20 янв., помѣщена цѣлая передовая статья, въ которой говорится уже съ бо́льшимъ уваженіемъ о тѣхъ видахъ, какими руководился императоръ Французовъ въ этомъ случаѣ.

„Indépendance Belge“ находитъ, что рано ли, поздно ли федералистамъ и сепаратистамъ придется послѣдовать тому совѣту, какой подаетъ имъ „Constitutionnel“, и сообщаетъ въ видѣ слуха, что совѣтъ этотъ препровожденъ самою Франціею Вашингтонскому кабинету съ угрозою признать Южную Конфедерацію въ случаѣ, если совѣтъ этотъ будетъ отвергнутъ правительствомъ Сѣвера. Само собою разумѣется, что этотъ слухъ сильно нуждается въ подтвержденіи.

№ 13.

Москва, 16-го января.

А.

Мы получили нумеръ „Русскаго Инвалида“, въ которомъ напечатаны слова сказанныя Государемъ Императоромъ въ прошлое воскресенье по окончаніи развода отъ Измайловскаго полка, слова, переданныя нами вчера въ извлеченіи по телеграфу. Вся русская армія и вся Россія откликнется на эти слова однимъ чувствомъ; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но замѣтятъ ли, оцѣнятъ ли Поляки ихъ возвышенную умѣренность? Они, которые постоянно зовутъ насъ Монголами, а русское государство провозглашаютъ азіатскою деспотіей, въ родѣ деспотіи Чингисхановой, должны были ожидать только голоса гнѣва, только воззванія къ кровавой мести и жестокой примѣрной карѣ. Но вотъ русскій Царь говоритъ къ своему войску, къ боевымъ товарищамъ тѣхъ русскихъ солдатъ, которые были умерщвляемы въ постеляхъ и сожигаемы заживо, и съ устъ русскаго Царя не сходитъ ни одного раздраженнаго слова; онъ напоминаетъ своему войску только о долгѣ; онъ устраняетъ польскую націю, и защищаетъ ее отъ взрыва гнѣвныхъ чувствъ, которыя будутъ вызваны въ русскомъ народѣ и русскомъ войскѣ злодѣйствами, совершенными въ Царствѣ Польскомъ. Такъ ли дѣйствовали Чингисханы и Тамерланы? Если это не языкъ самой высокой цивилизаціи, то какимъ же еще языкомъ должна говорить она?

Вотъ что напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ“:

С.-Петербургъ, 14-го января.

Вчера, въ воскресенье 13-го января, по окончаніи развода отъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Михайловскомъ монежѣ, Государь Императоръ, подозвавъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ на разводѣ офицеровъ, изволилъ обратиться къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа, вѣроятно неизвѣстны послѣднія происшествія въ Царствѣ Польскомъ, то Я хочу, чтобы вы о нихъ узнали отъ Меня Самого.

„Послѣ столь благополучно совершившагося рекрутскаго набора, съ 2-го на 3-е января въ Варшавѣ, съ 6-го числа стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь съ 10-го на 11-е число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на войска наши, стоящія по квартирамъ, причемъ совершены неслыханныя злодѣйства; такъ напримѣръ, около Сѣдльца, аттакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Несмотря на то храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ.

„По первымъ свѣдѣніямъ, потеря наша заключается въ 30 чел. убитыми, въ томъ числѣ старый нашъ измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Козляниновъ. Раненыхъ до 100 и между ними генералъ Каншабихъ. Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи.

„Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ, Я не хочу обвинять въ томъ весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка.

„Мнѣ извѣстно, что партія эта разчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ нашихъ; но они не поколеблютъ вѣру Мою въ преданность своему долгу вѣрной и славной Моей арміи.

„Я убѣжденъ, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ, Я самъ началъ мою службу; потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мнѣ хорошо были извѣстны, и Я ими гордился за васъ передъ покойнымъ Государемъ, родителемъ Моимъ.

„Увѣренъ, что если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что Я могу на васъ разчитывать, оправдаете Мое полное къ вамъ довѣріе“.

Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ, вызвали единодушныя, восторженныя „Ура!“

Варшава, 12-го января.

Революціонная партія рѣшилась произвести варооломеевскую рѣзню въ ночь съ 10 (22) на 11 (23) января. Въ полночь, одновременно, были произведены во всѣхъ губерніяхъ нападенія на разные города и

военные отряды, расположенные въ деревняхъ и мѣстечкахъ. Нападая въ расплохъ на спящихъ солдатъ, бунтовщики рѣзали ихъ въ постели. Въ деревнѣ, около Сѣдльца, гдѣ солдаты мужественно защищались въ занимаемомъ ими домѣ, мятежники произвели въ домѣ пожаръ и сожгли живыми храбрыхъ защитниковъ. Эти свирѣпства были повсюду тотчасъ же подавлены войсками, которыя нанесли весьма значительный уронъ бунтовщикамъ, отраженнымъ на всѣхъ пунктахъ. Во всемъ Царствѣ объявлено осадное положеніе.

Послѣднія телеграфическія извѣстія изъ Царства Польскаго.

Толпа мятежниковъ, напавшая въ ночь на 11-е число на роту въ Суражѣ (пограничномъ пунктѣ между Гродненскою губерніей и Царствомъ), повредила проходящую тутъ желѣзную дорогу и произвела безпорядки на станціи Лапы. 12 числа направлены были части войскъ, какъ со стороны Гродна и Бѣлостока, такъ и изъ Варшавы, для возстановленія прерваннаго сообщенія. Также выдвинуты войска и въ другія пограничныя мѣста Царства, гдѣ появились буйныя шайки. Въ Тыкочинѣ одна рота, отдѣленная отъ своего полка, въ продолженіе болѣе сутокъ (съ утра 12-го до утра 13-го) отбивалась, стоя въ карѣ противъ окружавшей ее толпы.

Приняты всѣ мѣры къ возстановленію и охраненію желѣзной дороги и телеграфной линіи; но до сихъ поръ между Бѣлостокомъ и Варшавою еще нѣтъ сообщенія.

По вчерашнимъ телеграммамъ изъ Варшавы (полученнымъ чрезъ Ковно), видно, что въ Піотрковѣ и въ другихъ мѣстахъ Царства показались шайки, противъ которыхъ высланы войска. Мятежники нападали на проѣзжающихъ и производили разныя злодѣянія. Въ минувшую ночь (на 14-е число) прервано и телеграфное сообщеніе съ Варшавою чрезъ Ковно.

Б.

Кандитатура герцога Саксенъ-Кобургскаго, если вѣрить газетѣ „Temps“, не находя особеннаго сочувствія со стороны Франціи, встрѣтила прямое сопротивленіе со стороны Россіи, которая могла въ этомъ случаѣ указать на близкое родство герцога съ британскою королевскою фамиліей. Мало того: въ Вѣнѣ распространился даже слухъ о томъ будто бы въ Румыніи князь Куза откажется отъ своего господарства въ пользу герцога Лейхтенбергскаго и что этотъ планъ будетъ поддерживать какъ Россія, такъ и Франція въ видахъ противодѣйствовать послѣдствіямъ англійской политики въ Греціи. Слухъ этотъ едва ли имѣетъ другое значеніе кромѣ указанія, что политика Англіи по греческимъ дѣламъ возбуждаетъ неудовольствіе и въ Россіи, и во Франціи. Тѣмъ не менѣе Англія не унываетъ, и продолжаетъ отыскивать одного кандидата за другимъ для занятія греческаго престола. „Morning-Post“, извѣщая 26-го января, что о герцогѣ Кобургскомъ не будетъ уже болѣе рѣчи, прибавляетъ однакоже, что въ скоромъ времени будетъ предложенъ другой протестантскій принцъ. Интересно будетъ узнать, въ какихъ отношеніяхъ окажется этотъ принцъ къ Англіи.

Изъ Турціи начинаетъ вѣять миромъ: на время или навсегда Оттоманская Порта отказывается отъ проложенія военной дороги по Черногоріи, и такимъ образомъ избѣгаетъ того что могло бы послужить ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Съ другой стороны, оружіе, закупленное для Сербіи въ Россіи, не породитъ повидимому никакихъ столкновеній. „Le Nord“ извѣщаетъ по крайней мѣрѣ, что въ Парижѣ ходитъ слухъ о томъ, что на конференціи представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ уже рѣшено, что со стороны Сербіи не послѣдовало никакого нарушенія условій постановленныхъ протоколомъ 19 августа, и что Портѣ не для чего посылать особую коммиссію въ Дунайскія княжества: конференція будто бы положила сдѣлать отъ себя нѣсколько замѣчаній князю Кузѣ.

Нота, сообщенная отъ имени кардинала Антонелли французскому правительству на счетъ предполагаемыхъ реформъ въ Папской области, произвела, по слухамъ, не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе въ Парижѣ. Оказывается, что это не болѣе какъ маловажныя улучшенія въ администраціи и въ судопроизводствѣ, не имѣющія никакого политическаго значенія. Болѣе значительныя уступки обѣщаются только въ томъ случаѣ, когда папѣ возвращены будутъ Умбрія и Маркіи. Весь составъ и механизмъ управленія Папской области объяснены въ этой нотѣ съ величайшею подробностью, такъ что газета „France“ не могла исчерпать вполнѣ ея содержанія въ двухъ послѣднихъ нумерахъ своихъ; французское правительство, желая держать свое войско въ Римѣ во что бы то ни стало, будетъ вѣ-

роятно, болѣе снисходительно къ папскимъ реформамъ, чѣмъ общественное мнѣніе.

Предложенія, сдѣланныя Папѣ г. Одо Россельмъ, на нѣкоторое время какъ будто бы охладили отношенія между Англіей и Франціей; но насколько вообще они хороши, это видно изъ приведенныхъ ниже словъ императора Наполеона. „Times“ замѣчаетъ между прочимъ, что лѣтъ пять тому назадъ, когда Англичане заняли островъ Перимъ, при входѣ въ Красное море, это ничтожное событіе надѣлало чрезвычайно много шума; въ настоящее же время занятіе Французами гавани Обокъ въ Бабъ-эль-мандебскомъ проливѣ не обратило на себя никакого вниманія въ Англіи. Духъ недовѣрія и враждебнаго соревнованія между обѣими странами, замѣчено въ упомянутой газетѣ, много утратилъ прежней своей силы.

№ 14.

Москва, 17-го января.

Ежедневно отдавая отчетъ нашимъ читателямъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся текущія дѣла за предѣлами нашего отечества, мы по необходимости должны возвращаться къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ. Большею частью эти вопросы такъ важны, такъ многосложны, и такъ запутаны, что одинъ какой-нибудь день не приноситъ многаго, не только для ихъ разрѣшенія, но даже и для ихъ разъясненія.

За исключеніемъ только Англіи и Франціи, въ которыхъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточиваются всѣ нити общей политики, да еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ Европы, которыя живутъ особнякомъ, всѣ прочія страны какъ нельзя болѣе далеки отъ нормальнаго своего состоянія; для всѣхъ нихъ настоящее время можетъ быть названо критическимъ въ томъ смыслѣ, что оно надолго опредѣлитъ ихъ судьбы. Такъ, Италія, недавно еще разорванная на отдѣльныя части, находившіяся подъ властью или подъ опекою иностранныхъ государствъ, стремится всѣми силами собраться воедино, и достигнуть настоящаго своего центра—Рима. Римъ, такъ необходимый для ея единства, а слѣдовательно и для охраненія ея независимости, на нѣкоторое время заставилъ даже забыть о Венеціи съ ея областью, находящеюся еще подъ властью Австріи. Три министерства смѣнились съ тѣхъ поръ, какъ провозглашена была необходимость Рима, какъ столицы новаго Итальянскаго королевства, и однакоже римскій вопросъ не подвинулся ни на шагъ впередъ, благодаря эгоизму Франціи, которая не рѣшается выпустить судебъ Италіи изъ своихъ рукъ. На дняхъ еще, по поводу статьи въ „Journal des Débats“, благопріятной для итальянскаго дѣла, газета „La France“ поставила прямо вопросъ: что выиграетъ Франція, когда Римъ станетъ столицей Италіи? Справедливо отвѣчаетъ на это парижскій корреспондентъ „Indépendance Belge“, что Франція выиграетъ въ этомъ случаѣ то же что и все человѣчество: одна великая нація, которая такъ много сдѣлала для общечеловѣческаго образованія, станетъ снова дѣятельнымъ членомъ человѣчества, и, войдя въ нормальныя условія своего существованія, упрочитъ общее спокойствіе Европы и поддержитъ равновѣсіе между ея державами. Императоръ Наполеонъ, который въ письмѣ своемъ къ генералу Форе, высказываетъ такія величавыя идеи о поддержаніи въ Новомъ Свѣтѣ значенія и могущества латинской расы, оказалъ бы ей несравненно бо́льшія услуги возвращеніемъ Рима Италіи. Но пока на это очень мало надежды. Впечатлѣніе, произведенное на французское правительство меморандумомъ кардинала Антонелли, еще неизвѣстно. Въ немъ нѣтъ ничего, что могло бы удовлетворить самымъ умѣреннымъ требованіямъ друзей Италіи. Съ величайшею подробностью изображается нынѣшняя система управленія Папской области, и лишь вкратцѣ указываются тѣ ничтожныя реформы и улучшенія какія имѣетъ въ виду папа. Изъ этого пространнаго документа мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Болонью, которая давно вошла въ составъ Итальянскаго королевства, папа все еще продолжаетъ назначать судей и администраторовъ (словно епископовъ „in partibus infidelium“), которые, разумѣется, преспокойно остаются въ самомъ Римѣ.

За невозможностью пока довершить зданіе національнаго единства присоединеніемъ Рима и Венеціи, новое итальянское министерство благоразумно сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность на дѣлахъ управленія, и посвящаетъ почти все свое вниманіе дѣлу умиротворенія южныхъ областей. Такимъ образомъ можно ожидать, что время его не пройдетъ въ безплодныхъ стремленіяхъ къ тому, чего Италія сама собою не въ состояніи еще достигнуть.

Какъ Франція держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Италіи, такъ Англія распоряжается судьбами Греціи и самой Турціи. Три мѣсяца прошло со времени упраздненія престола греческаго, но и до сихъ поръ еще Греція не можетъ выпутаться изъ тѣхъ сѣтей, въ какія привело ее сперничество великихъ европейскихъ державъ на востокѣ. „Indépendance Belge“ рѣшительно утверждаетъ, что послѣдній кандидатъ устраненъ былъ главнѣйшимъ образомъ по настоянію Россіи, какъ родной дядя избраннаго Греками принца Альфреда. Въ то же самое время Англія заботится объ усиленіи своего вліянія въ Турціи, и хлопочетъ теперь, какъ читатель увидитъ ниже, о разрѣшеніи ея подданнымъ провести новую желѣзную дорогу въ предѣлахъ Азіятской Турціи. Промышленное преобладаніе будетъ такимъ образомъ обезпечено за Англіей, и въ свою очередь упрочитъ ея преобладаніе политическое.

Вѣсти изъ Константинополя принимаютъ рѣшительно мирный характеръ. Въ скоромъ времени, вѣроятно, мы будемъ имѣть циркулярную депешу, разосланную министромъ иностранныхъ дѣлъ—Али-пашей ко всѣмъ дворамъ о намѣреніи султана держаться политики мира и идти путемъ преобразованій. Вопросъ о восточныхъ вратахъ храма Гроба Господня, по увѣренію одной вѣнской газеты, уже разрѣшенъ удовлетворительно, и русскому архитектору поручена съ общаго согласія перестройка купола этой святыни. По дѣламъ Черногоріи и Сербіи, какъ говорили мы вчера, приняты благопріятныя рѣшенія. Князь Куза, какъ утверждаетъ „Австрійская Генеральная Корреспонденція“, вовсе не думаетъ ни въ чью пользу отказываться отъ своего господарства. Словомъ, повидимому, все обстоитъ благополучно, и дѣйствительно, можно надѣяться, что въ ближайшее время, ни внутри, ни извнѣ не будетъ нарушенъ миръ на юго-востокѣ Европы, что не мѣшаетъ однако же оставаться восточному вопросу вѣчною грозою для всей нашей части свѣта, и особенно для державъ, принимающихъ ближайшее участіе въ его разрѣшеніи.

Самое больное мѣсто Австріи, это — не столько ея итальянскія владѣнія, сколько Венгрія, и какъ ни переворачивается венгерскій вопросъ, до сихъ поръ все-таки не находится для него надлежащаго разрѣшенія. Признать полную автономію Венгріи, назначить для нея особыхъ министровъ, значило бы породить тѣ же стремленія и въ другихъ коронныхъ земляхъ, и навсегда отказаться отъ девиза: Viribus unitis (соединенными силами). Только благодаря осторожности австрійскаго правительства и апатіи, свойственной венгерскому народу, который способенъ дѣйствовать лишь порывами, венгерскій вопросъ можетъ оставаться долгое время не рѣшеннымъ.

Не слѣдуетъ преувеличивать, но не слѣдуетъ и умалять значенія той внутренней борьбы, которая происходитъ теперь въ Пруссіи. Правда, что при нынѣшней же конституціи, прусское министерство Мантейфеля дѣйствовало въ продолженіи многихъ лѣтъ совершенно произвольно, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а въ томъ числѣ и въ управленіи финансами, и палата депутатовъ только утверждала то что было уже напередъ сдѣлано. Но то было время общей европейской реакціи; теперь же этой реакціи нигдѣ нѣтъ и слѣдовъ, и очень возможно, что если не вся масса народа, то по крайней мѣрѣ политическіе классы Пруссіи станутъ серіозно отстаивать тѣ права, которыя обезпечены за ними конституціей.

Реформа Германскаго Союза составляетъ больше предметъ дипломатической переписки и патріотическихъ бесѣдъ въ Германіи, нежели предметъ дѣйствительнаго, серіознаго желанія для вліятельнѣйшихъ классовъ населенія, и такъ какъ для преобразованія устройства Германскаго Союза необходимо единодушное рѣшеніе всѣхъ его членовъ, то очень могутъ пройдти многіе десятки лѣтъ прежде чѣмъ это дѣло подвинется впередъ.

Къ тому что пишетъ нашъ лондонскій корреспондентъ въ этомъ самомъ № нашей газеты, и что приведено ниже изъ „Times“ о безсмыслiи и безнадежности той войны, которая обагряетъ теперь кровью поля Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, о невозможности порѣшить эту борьбу однимъ оружіемъ, мы присоединимъ еще новѣйшее извѣстіе офиціальной французской газеты о томъ, что и Югъ и Сѣверъ начинаютъ чувствовать равное истощеніе. Очевидно, что и во Франціи, и въ Англіи все сильнѣе начинаетъ укореняться убѣжденіе, что Сѣверо-Американская война не можетъ повести ни къ какому результату, что всѣ пораждаемыя ею кровопролитія безплодны,—убѣжденіе, которое рано ли, поздно ли, должно по-

вести къ посредничеству европейскихъ державъ между обѣими воюющими сторонами.

Извѣстія о взятіи Пуэблы Французами оказываются пока еще преждевременными. Пароходъ „Тампико“ не привезъ съ собою подтвержденій. Изъ Нью-Йорка газета „France“ получила письмо отъ 8-го января, въ которомъ говорится, что имѣющіяся въ Нью-Йоркѣ вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій въ Мексикѣ, доходятъ только до 11-го декабря, „Тампико“ же вышелъ изъ Вера-Круса гораздо позднѣе, а между тѣмъ изъ Нью-Йорка распространился первый слухъ о взятіи Пуэблы генераломъ Форе. Такимъ образомъ императорское правительство пока лишено будетъ возможности новымъ военнымъ успѣхомъ побудить къ молчанію тѣхъ членовъ законодательныхъ палатъ, которые недовольны мексиканскою экспедиціей.

№ 15.

Москва, 18-го января.

Французскіе журналы начинаютъ обращать сильное вниманіе на то что происходитъ теперь въ Пруссіи. Почти всѣ, за исключеніемъ „La France“ и отчасти „Journal des Débats“, рѣшительно держатъ сторону либеральнаго большинства палаты депутатовъ. „Конституція, говоритъ между прочимъ „Le Nord“, на самомъ дѣлѣ уничтожена въ Пруссіи; министры управляютъ безъ всякаго участія законныхъ представителей народа; они стараются укрыться отъ отвѣтственности за королевскою властью, и ее вмѣшиваютъ въ борьбу партій, пользуются вопросомъ о военной реформѣ, который лично интересуетъ монарха, чтобы разгромить конституцію.“ Въ томъ же духѣ выражаются газеты „Temps“ и „Siècle.“ „Journal des Débats“, не оправдывая нисколько министровъ, съ похвалою отзывается только объ адресѣ фонъ-Финке, какъ болѣе почтительномъ въ отношеніи къ королевской власти. Если взять во вниманіе, говоритъ этотъ почтенный журналъ, „до какой степени возбуждено неудовольствіе въ среднихъ классахъ населенія, если сообразить, что проектъ адреса, какъ онъ ни противенъ здравой политикѣ по своей формѣ, находитъ полное сочувствіе въ огромномъ большинствѣ либеральной партіи, то образъ дѣйствій г. фонъ-Финке окажется почти героическимъ. Ему предстоитъ завидная роль указывать коронѣ на права депутатовъ и депутатамъ на права короны.“ Что особенно роняетъ прусскихъ либераловъ въ глазахъ французскаго журнала, это ихъ гнѣвъ на министра юстиціи за приведенный нами вчера проектъ закона, въ силу котораго чиновники, избранные въ депутаты, должны или отказаться отъ одного изъ этихъ двухъ званій, или же изъ депутатскаго своего содержанія выплачивать жалованье тѣмъ лицамъ, которыя будутъ отправлять ихъ должность. „Если подобныя вещи, говоритъ „Journal des Débats“, могутъ возбуждать гнѣвъ въ прусскихъ либералахъ, то по истинѣ они насмѣхаются надъ цѣлымъ свѣтомъ, величая себя либералами.“ И въ самомъ дѣлѣ, при болѣе серіозномъ взглядѣ на самостоятельность депутата, большинство палаты скорѣе должно бы одобрить чѣмъ порицать предложенную мѣру, потому что она очевидно клонится къ тому, чтобы чиновники, то-есть агенты правительства, не могли наводнять собой представительную палату. Въ истинно-конституціонныхъ государствахъ, какъ въ Англіи, чиновники вовсе не могутъ быть депутатами; исключеніе допускается только для министровъ, да и то назначеніе въ министры подвергаетъ назначенное лицо новому избранію. Чѣмъ независимѣе и самостоятельнѣе во всѣхъ отношеніяхъ положеніе депутата, тѣмъ независимѣе и вліятельнѣе народное представительство, тѣмъ болѣе выражаетъ оно собой волю націи. Встрѣчая неудовольствіемъ предложеніе министра юстиціи, прусскіе депутаты, очевидно, не желаютъ этого довольно значительнаго улучшенія прусской конституціи.

Какъ должны быть извращены естественныя политическія отношенія, когда министерство принуждено ограждать народное представительство отъ чиновничьяго элемента, а само представительство считаетъ нужнымъ противодѣйствовать тому! Прусское правительство дѣйствуетъ тутъ впрочемъ по инстинкту самосохраненія. Оно видитъ своихъ главныхъ и самыхъ опасныхъ враговъ въ своихъ же чиновникахъ и старается отдѣлаться отъ нихъ по крайней мѣрѣ въ палатѣ депутатовъ. Нѣтъ ничего естественнѣе этого; не менѣе естественно и то, что чрезмѣрное развитіе бюрократіи должно было сказаться серіозною опасностью прусскому правительству. Но палата желающая представлять собой не об-

Всесоюзная Библиотека

щество, а чиновничество, — это, конечно, чудовищная неестественность, возможная только въ такой бюрократической странѣ какъ Пруссія.

Газета „La France“ основательно замѣчаетъ по поводу прусскаго адреса: „Въ другихъ странахъ такой адресъ былъ бы непосредственнымъ предвѣстникомъ революціи; но въ Германіи ничуть не бывало. Если проектъ адреса и будетъ принятъ палатой, отъ этого не произойдетъ ни правительственной, ни народной революціи. Король можетъ распустить палату и управлять безъ нея сколько времени ему угодно, а страна и не подумаетъ насильственно требовать у него отчета за этотъ образъ дѣйствій, принятый въ видахъ сохраненія общественнаго спокойствія и покровительства общимъ интересамъ.“ Причина такой странности заключается именно въ томъ, что въ Пруссіи между палатой и страной очень мало соотвѣтствія: если бы въ странѣ была такая же рѣшительная оппозиція правительству, какая оказывается въ палатѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что было бы не далеко до революціи. Но прусская палата представителей есть явленіе искусственное и призрачное; духъ въ ней господствующій есть болѣе порожденіе канцелярій, чѣмъ общественной жизни, и вотъ почему сей часъ полученная нами по телеграфу вѣсть о принятіи революціоннаго адреса прусскою палатой далеко не такъ страшна въ сущности, какъ могла бы казаться съ перваго взгляда.

Въ Парижѣ, по свидѣтельству корреспондента „Indépendance Belge“, почитали дѣло о доставкѣ оружія въ Сербію совершенно покончennымъ, такъ какъ, по слухамъ, ни Франція, ни Италія, ни Россія не усмотрѣли въ этомъ дѣлѣ никакого нарушенія правъ Порты и никакого повода къ отправленію въ Сербію особой слѣдственной коммиссіи. Пруссія воздержалась отъ заявленія своего мнѣнія: только Англія и Австрія оказались на сторонѣ Турціи.

За то о дѣлахъ Румыніи ходятъ самые противорѣчивые слухи, по поводу столкновеній между законодательною палатой и правительствомъ князя Кузы. Съ одной стороны говорили о революціи, слѣдствіемъ которой было бы низложеніе или добровольное отреченіе князя; съ другой — о распущеніи самой палаты. Болѣе подробныя и достовѣрныя извѣстія изъ Букареста, отъ 12-го января, сообщаютъ только о несогласіяхъ между министерствомъ и палатою по разнымъ финансовымъ вопросамъ.

Наконецъ, что касается до греческаго вопроса, то газета „Pays“ приводитъ множество доводовъ противъ оставленной теперь кандидатуры герцога Саксенъ-Кобургскаго, указывая на близкое родство его съ королевскимъ домомъ Англіи, на то что Греки желаютъ, согласно съ трактатами, чтобы король ихъ былъ одинаковаго съ ними вѣроисповѣданія, что имъ хочется имѣть не короля, а цѣлую династію, что вопросъ о преемникѣ бездѣтнаго герцога надѣлалъ бы не мало затрудненій, что еще труднѣе было бы соединить обладаніе герцогствомъ и королевствомъ Греческимъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и наконецъ, что Греки предубѣждены противъ нѣмѣцкихъ принцевъ. Тѣмъ не менѣе вчерашняя телеграмма называетъ намъ еще нѣсколькихъ нѣмецкихъ принцевъ — Саксенъ-Веймарскаго, Лейнингенскаго, — которыхъ державы будто бы прочатъ въ короли Грекамъ, тогда какъ Англія готова поддерживать кандидатуру герцога Аостскаго, втораго сына короля Виктора-Эммануила, хотя по прежнимъ извѣстіямъ, въ этой кандидатурѣ было уже отказано представителю греческаго правительства въ Туринѣ, и хотя, какъ должно думать, ея никогда не признаетъ Австрія. Словомъ, тутъ путаница такая, что изъ нея невозможно и выбраться.

Между тѣмъ въ самой Греціи, по извѣстіямъ изъ Аѳинъ отъ 22-го января, явились приверженцы прежней, баварской династіи; но ихъ происки не имѣютъ серіознаго характера: они только содѣйствуютъ поддержанію разбоевъ, преимущественно въ Майнѣ и въ Лаконіи, — разбоевъ которые побудили правительство къ отправленію туда нѣсколькихъ отрядовъ войска. Между временнымъ правительствомъ и національнымъ собраніемъ не было еще враждебныхъ столкновеній, хотя и очевидно, что большинство голосовъ не на сторонѣ временнаго правительства, и что положеніе его очень слабо. Уже прежде сообщено было, что оно вскорѣ будетъ замѣнено президентомъ или главою исполнительной власти.

—

№ 16

Москва, 19-го января.

Два документа имѣютъ наши читатели у себя передъ глазами: рѣчь императора Напо-

леона по случаю торжественной раздачи наградъ экспонентамъ на лондонской всемірной выставкѣ и письмо турецкаго султана къ новому великому визирю Кіамиль-пашѣ. Оба документа равно замѣчательны, равно сулятъ значительныя улучшенія народамъ, къ которымъ относятся. Въ самомъ дѣлѣ, что для подданныхъ турецкаго султана можетъ быть такъ желательно какъ равенство всѣхъ передъ закономъ, независимо отъ происхожденія, отъ вѣроисповѣданія, отъ общественнаго положенія?—какъ одинаковое для всѣхъ правосудіе, порядокъ и акуратность въ управленіи финансами, поощреніе земледѣлію и промышленности? Точно также, что для Франціи можетъ быть желательнѣе той полной политической свободы, которая такъ восхищаетъ императора въ Англіи, гдѣ „безъ всякаго ограниченія могутъ высказываться всѣ мнѣнія и развиваться всѣ интересы, гдѣ личное начинаніе гражданъ освобождаетъ правительство отъ необходимости быть единственнымъ двигателемъ живыхъ силъ народа и гдѣ, благодаря свободѣ, каждый несетъ полную отвѣтственность за свои дѣйствія“? Чего бы, кажется, лучше, еслибы благодѣтельныя намѣренія каждаго изъ названныхъ властителей непосредственно осуществились для ихъ подданныхъ? Но, къ сожалѣнію, въ то самое время какъ императоръ взываетъ къ самостоятельной дѣятельности общества, и обѣщаетъ вводить улучшенія по мѣрѣ „преуспѣянія общественнаго мнѣнія,“ проявленію послѣдняго полагается не мало преградъ: никогда не было столькихъ предостереженій журналамъ какъ въ короткій промежутокъ отъ тронной рѣчи до той, которую мы сообщаемъ ниже. Было бы впрочемъ несправедливо винить только нынѣшнюю правительственную систему Франціи въ томъ, что эта страна такъ далека отъ того идеала, который рисуетъ для нея самъ императоръ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ во Франціи прочныя основы для истинной свободы? На востокѣ, въ свою очередь самыя лучшія намѣренія и самыя повидимому твердыя рѣшенія остаются только словами, благодаря интригамъ, которыя какъ сѣть опутываютъ властелина и при всей законномъ установленной, безграничной его власти, ограничиваютъ его волю болѣе чѣмъ могли бы сдѣлать законные представители народа.

Кромѣ прекрасныхъ словъ, послѣдняя почта сообщаетъ намъ нѣсколько дѣлъ, заслуживающихъ вниманія. Важнѣйшее изъ нихъ, это—предложеніе сдѣланное вашингтонскому кабинету Франціей, или вступить въ переговоры съ правительствомъ южныхъ штатовъ или порѣшить, при содѣйствіи палатъ нейтральныхъ штатовъ, возможно ли возстановленіе Союза и не слѣдуетъ ли теперь же признать независимость отдѣлившихся штатовъ. Новые успѣхи Сѣверянъ, о которыхъ получено было въ Лондонѣ извѣстіе изъ Нью-Йорка, отъ 17-го января, едва ли не усилятъ еще отвращенія вашингтонскаго правительства ко всѣмъ мирнымъ сдѣлкамъ съ южными штатами. Во всякомъ случаѣ попытка французскаго правительства заслуживаетъ полнаго сочувствія, хотя она и вызвана не однимъ безкорыстнымъ доброжелательствомъ, но еще болѣе заботами о французскихъ фабричныхъ, остающихся безъ работы, за недостаткомъ хлопка.

Наконецъ, послѣ столькихъ кандидатовъ, предложенныхъ Англіей, упоминается лицо, которое было бы, вѣроятно, пріятно Россіи, какъ кандидатъ на престолъ Греціи: это по словамъ корреспондента „Indépendance Belge“, братъ великаго герцога Баденскаго принцъ Вильгельмъ, недавно вступившій въ бракъ съ великою княжной Маріей Максимиліановной Лейхтенбергскою.

№ 17.

Москва, 21-го января.

А.

Въ № 15 „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщено извѣстіе о мѣрахъ принятыхъ чериковскимъ мировымъ съѣздомъ относительно приходскихъ священниковъ, которые, получая отъ крестьянъ возмездіе за отправленіе всѣхъ христіанскихъ требъ, требуютъ отъ нихъ еще уплаты квартирныхъ денегъ и устройства помѣщеній. Не зная, на чемъ основаны требованія чериковскихъ священниковъ, показавшіяся мировому съѣзду обременительными для крестьянъ, не имѣя также свѣдѣнія и о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ чериковскіе посредники къ защищаемому ими народу, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько общихъ словъ о такъ-называемыхъ притязаніяхъ сельскаго духовенства. Не въ одномъ Чериковскомъ уѣздѣ предъявлены эти притязанія, и не въ одномъ Чериковскомъ уѣздѣ подверглись они нареканію. Въ юго-западной Россіи

обычай поселянъ помогать работами сельскому причту послужилъ поводомъ къ обвиненію духовенства въ намѣреніи удержать въ свою пользу барщину, отмѣняемую относительно помѣщиковъ; не разъ было намъ сообщаемо, что въ тѣхъ мѣстахъ священники принуждены отказаться отъ крестьянскихъ работъ и терпятъ отъ этого не малый ущербъ въ своихъ средствахъ къ существованію. Они довольствуются теперь малыми сборами за отправленіе требъ и ожидаютъ улучшенія своего быта отъ правительственныхъ распоряженій. Спрашивается, желательно ли чтобъ и въ другихъ частяхъ Россіи дѣло приняло такой ходъ?

Что лучше для духовенства, жить отъ прихода, или жить отъ государства? Что болѣе согласно съ интересами общества, то ли чтобы духовенство въ своихъ средствахъ къ жизни зависѣло отъ самого общества, или то, чтобъ оно жило на казенныя деньги и все болѣе и болѣе принимало характеръ чиновничества? Если общество вѣрующихъ не можетъ или не хочетъ содержать свое духовенство и возлагаетъ эту заботу на государство, то не превратятся ли вслѣдствіе того прежнія добровольныя даянія въ обязательную подать? Духовенству такая перемѣна можетъ быть пріятна, но неужели будетъ пріятна прихожанамъ потеря права, болѣе или менѣе широкаго, опредѣлять размѣры своихъ даяній, и замѣна этихъ даяній податью, которой размѣры будутъ опредѣляться закономъ? Выиграютъ ли прихожане отъ того, что взимаемая съ нихъ подать будетъ поступать въ пользу духовенства, не вызывая въ немъ ни малѣйшаго чувства признательности и нисколько не скрѣпляя нравственныхъ связей его съ приходомъ? Кажется, все это такъ ясно и просто, что со стороны прихожанъ едва ли можетъ быть заявлено желаніе посадить причты на казенное жалованье. Повторяемъ, это желаніе еще можетъ идти отъ священниковъ, которымъ была бы пріятна независимость отъ прихожанъ; но чтобы прихожане пожелали платить тѣ же деньги какъ теперь, и можетъ-быть еще бо́льшія, и притомъ не въ видѣ добровольныхъ даяній, а въ видѣ подати, это рѣшительно не вѣроятно. Ничего не выигрывая, они только проигрывали бы при этой перемѣнѣ, и потому они не могутъ желать ея. Между тѣмъ дѣло идетъ именно къ тому въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ высказываются подобныя желанія, чтобы духовенство получало какъ можно менѣе средствъ отъ прихода и какъ можно болѣе отъ правительства. Осуществленіе этихъ желаній было бы противно интересамъ самихъ прихожанъ и вовсе не согласно съ интересами иновѣрныхъ подданныхъ, потому что казенныя деньги составляются изъ долей платимыхъ всѣми обитателями государства безъ различія вѣроисповѣданій. Наконецъ такой порядокъ можетъ имѣть серіозное и, конечно, весьма вредное вліяніе на отношенія духовенства къ обществу, а равно и на предѣлы государственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Но если желательно, чтобы духовныя лица жили отъ прихода, а не отъ государства, то нельзя не согласиться, что ихъ отношенія къ прихожанамъ во многихъ мѣстахъ Россіи страдаютъ отъ необходимости извлекать всѣ средства существованія изъ отправленія церковныхъ требъ. Отношеніе было бы гораздо лучше, еслибы духовенство получало отъ прихода вознагражденіе въ какой-нибудь иной формѣ, напримѣръ въ формѣ какихъ-нибудь послугъ, дароваго помѣщенія, дароваго земельнаго надѣла и т. п., если приходъ не въ состояніи назначить причту содержаніе деньгами. Очевидное дѣло, что такая перемѣна не можетъ быть предписана закономъ и не можетъ произойдти разомъ, но не менѣе очевидно и то, что гдѣ уже существуетъ въ обычаѣ подобное пособіе, даваемое прихожанами духовенству, тамъ не слѣдовало бы ополчаться противъ этого обычая. Отмѣнять послуги и пособія этого рода и оставлять въ силѣ одну лишь плату за требы значитъ возвращаться отъ лучшаго къ худшему, идти не впередъ, а назадъ. Мировые посредники, имѣющіе вліяніе на крестьянъ, должны бы, кажется, содѣйствовать замѣнѣ платы за требы постоянными послугами, а не хлопотать объ отмѣнѣ послугъ, и не принуждать духовенство къ полученію денегъ исключительно за требы. Вотъ почему намъ казалось полезнымъ, обративъ вниманіе читателей на опредѣленіе черниковскаго мироваго съѣзда, подать поводъ къ разъясненію не только этого случая, но и вообще вопроса о лучшемъ способѣ вознагражденія сельскаго духовенства за его труды. Само собой разумѣется, что мы будемъ охотно оглашать мѣстныя возраженія и замѣчанія, если они дойдутъ до насъ какъ со стороны мировыхъ посред-

никовъ, такъ и со стороны священниковъ Черниковскаго уѣзда.

Б.

То что происходитъ въ настоящее время въ Пруссіи представляетъ существенный интересъ не для однихъ Прусаковъ. Въ Пруссіи образовались два враждебные лагеря: съ одной стороны министры, палата господъ, феодалы и юнкера, и во главѣ ихъ, къ сожалѣнію, самъ король; съ другой — огромное большинство палаты депутатовъ и по крайней мѣрѣ 337.500 лицъ изъ различныхъ классовъ народа, если вѣрить подписямъ подъ адресами, выражающими преданность и одобреніе палатѣ. То что раздѣляетъ обѣ эти стороны принадлежитъ къ самымъ существеннымъ вопросамъ внутренняго государственнаго благоустройства. Это — вопросъ о правѣ представительной палаты предварительно одобрять или не одобрять предлагаемую ежегодно правительствомъ смѣту государственныхъ расходовъ. Безъ этого права конституціонный порядокъ существовать не можетъ, и въ прусской конституціи права палаты депутатовъ въ этомъ отношеніи обозначены съ достаточною точностію. Въ главѣ о финансахъ сказано, что подати и налоги могутъ быть взимаемы только въ силу закона; что всѣ государственные доходы и расходы должны быть напередъ вычислены на каждый годъ и внесены въ бюджетъ, что послѣдній ежегодно устанавливается закономъ, что въ случаѣ превышеній бюджета потребно послѣдующее затѣмъ одобреніе со стороны обѣихъ палатъ (§§ 99, 100, 103 и 114). Для изданія же законовъ необходимо, чтобъ они были приняты обѣими палатами и королемъ, при чемъ финансовые законы и бюджетъ предлагаются сначала палатѣ депутатовъ, а палата господъ можетъ только или отвергнуть или принять бюджетъ въ цѣломъ его составѣ (§ 62).

Но палата депутатовъ долгое время сама терпѣла нарушеніе этихъ статей конституціи, потому ли что она чувствовала свое безсиліе въ странѣ, или потому что, составленная на половину, если не болѣе, изъ чиновниковъ, она не отличалась прежде достаточнымъ духомъ независимости. Какъ бы то ни было, если въ теперешней борьбѣ писанное право — на сторонѣ палаты депутатовъ, то примѣры прошлаго, образующіе не менѣе сильное право обычая, отчасти на сторонѣ министерства. Борьба разгарается, адресъ, порицающій министерство и феодальную партію не только за нарушеніе конституціи, но и за все, что было съ октября прошлаго года, принятъ, какъ извѣстно, огромнымъ большинствомъ голосовъ. Король, извѣщаетъ насъ телеграмма, отказался принять адресъ, но палата депутатовъ безъ преній, то-есть единогласно, рѣшила препроводить его письменно. Исходъ борьбы зависитъ отъ того, дѣйствительно ли прусскій народъ дорожитъ политическими правами, или же расположеніе его стоять за эти права не простирается далѣе готовности подписываться подъ адресами и жертвовать грошами и талерами на составленіе такъ-называемаго національнаго фонда.

Во Франціи по крайней мѣрѣ, какъ признается Journal des Débats въ помѣщенной ниже статьѣ, даже зажиточные промышленные классы народонаселенія довольно равнодушны къ вопросамъ политики. Въ Пруссіи и въ Германіи очень любятъ толковать о нихъ, но дѣйствовать, это — другое дѣло. Что особенно способно уменьшить и симпатіи и довѣріе къ прусской палатѣ депутатовъ, это — самый составъ ея. Избраніе чиновниковъ въ депутаты ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть одобрено. Такіе депутаты или не могутъ быть людьми независимыми, или же, какъ, можетъ-быть, и въ настоящее время въ Пруссіи, выражаютъ собою, не тотъ духъ, какой господствуетъ въ странѣ, въ массѣ народа, а тотъ, который легко зараждается, въ средѣ канцелярій, въ подчиненныхъ относительно ихъ начальниковъ. Кромѣ того, избраніе такихъ лицъ легко можетъ быть не слѣдствіемъ довѣренности къ нимъ избирателей, а иногда только слѣдствіемъ того вліянія и значенія, какое доставляетъ имъ ихъ должность. Въ этомъ отношеніи нельзя не одобрить того рѣшенія, какое принято недавно Чешскимъ сеймомъ, какъ разсказываетъ объ этомъ помѣщаемая ниже корреспонденція „Times“.

№ 18.

Москва. 22-го января.

Въ настоящую минуту капитальный вопросъ для Россіи — событія въ Польшѣ. Когда начинается борьба въ Царствѣ Польскомъ, весь интересъ переносится къ войску. Бла-

годаря недавнимъ реформамъ, въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ войска, Русскихъ нѣтъ или очень мало; гражданское управленіе Царства ввѣрено теперь почти исключительно Полякамъ.

Но не одинъ читатель, думаемъ мы, задавалъ себѣ рядъ вопросовъ: много ли войскъ находится въ Царствѣ? какія это войска? кто ихъ начальники?

„Памятная Книжка на 1863 годъ“ позволяетъ намъ отвѣтить на эти вопросы до извѣстной степени.

Войска, расположенныя въ Царствѣ, составляютъ съ прошедшаго года Варшавскій военный округъ. Къ нему приписаны [1]):

Пѣхота:

3 гвардейская дивизія.
4 пѣхотная дивизія.
5 — —
6 — —
7 — —

Кавалерія:

2 кавалерійская дивизія.
Казачьи полки.

Артиллерія:

2 конно-артиллерійская бригада.
3 гвардейская и гренадерская пѣшая артиллерійская бригада.
4 полевая пѣшая бригада.
5 — — —
6 — — —
7 — — —

Гарнизонныхъ батальйоновъ въ Царствѣ два: Новогеоргіевскій и Замосцьскій.

Каждая пѣхотная дивизія состоитъ изъ 4 полковъ и одного стрѣлковаго батальйона. Каждый гвардейскій полкъ состоитъ изъ 2-хъ, а армейскій—изъ 3-хъ батальйоновъ. По недавно-опубликованному распоряженію военнаго министерства, сила батальйона, приведеннаго на военное положеніе, опредѣлена въ 900 рядовыхъ [2]); затѣмъ на батальйонъ можно положить около 100 унтеръ-офицеровъ, и на полкъ гвардейскій до 54, а на армейскій до 78 офицеровъ; кромѣ того при полкахъ имѣются нестроевыя роты человѣкъ слишкомъ въ 200. Вышеприведенное позволяетъ заключить, что въ гвардейскомъ полку должно быть около 50 офицеровъ и 2.000 строевыхъ солдатъ; въ армейскомъ около 80 офицеровъ и 3.000 строевыхъ нижнихъ чиновъ; а въ стрѣлковомъ батальйонѣ 25 офицеровъ и 1.000 солдатъ.

По этому разчету приблизительно должно быть:

	Офиц.	ниж. чин.
Въ 3 гвардейской дивизіи	250	9.000
— 4 пѣхотной —	320	13.000
— 5 — —	320	13.000
— 6 — —	320	13.000
— 7 — —	320	13.000
	1.530	61.000

Разумѣется наличное число солдатъ не согласуется съ штатнымъ, и обыкновенно бываетъ менѣе. Но прибавимъ, что полки Варшавскаго округа были укомплектованы въ концѣ прошлаго года; слѣдовательно разница не должна быть велика.

2-я кавалерійская дивизія состоитъ изъ двухъ драгунскихъ, двухъ уланскихъ и двухъ гусарскихъ полковъ. По штату полкъ состоитъ изъ 4 эскадроновъ и имѣетъ 36 офицеровъ, около 800 строевыхъ нижнихъ чиновъ и до 150 нестроевыхъ. По этому во 2-й кавалерійской дивизіи будетъ около 225 офицеровъ и 4.800 строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Казачьихъ полковъ въ сентябрѣ прошлаго года было 10, каждый полкъ состоитъ изъ 6 сотенъ. Кромѣ того безсмѣнно находятся въ Царствѣ Кубанскій казачій дивизіонъ и донской сборно-учебный казачій полкъ. Слѣдовательно всего казаковъ будетъ около 6.500.

Гвардейская кавалерійская бригада имѣетъ 3 батареи, изъ нихъ одну нарѣзную, одну батарейную и одну облегченную; полевыя артиллерійскія бригады имѣютъ по 4 батареи, изъ которыхъ двѣ батарейныя, одна облегченная и одна нарѣзная; 2 конно-артиллерійская бригада состоитъ изъ двухъ батарей: одной батарейной и одной облегченной. Въ каждой батареѣ по 8 орудій; по этому всего въ Царствѣ имѣется 168 полевыхъ орудій, изъ нихъ 70 нарѣзныхъ.

Въ батареѣ можно полагать по 7 офицеровъ и среднимъ числомъ до 225 нижнихъ чиновъ. По этому офицеровъ будетъ около 150; а нижнихъ чиновъ до 5.000.

Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ войскъ, въ Царствѣ Польскомъ помѣщены 3 саперные батальйона и 3 парковыя артиллерійскія бригады. Въ саперныхъ батальйонахъ нижнихъ чиновъ до 1.000 и 23 офицера; въ парковой бригадѣ около 20 офицеровъ и 1.200 нижнихъ чиновъ, считая въ бригадѣ

[1]) „Памятная Книжка“, стр. 182.
[2]) Приказъ военнаго министра № 200.

одинъ летучій и два подвижные парка. Всего въ саперныхъ частяхъ 75 офицеровъ и 3.000 нижнихъ строевыхъ чиновъ; въ парковыхъ 60 офицеровъ и 3.600 нижнихъ чиновъ.

Сводя всѣ вышеприведенныя числа, получимъ:

	Офиц.	Нижн. чиновъ	Орудій.
Пѣхоты	1.530	61.000	
Кавалеріи	225	4.800	
Артиллеріи	150	5.000	168
Саперъ	75	3.000	
Парковъ	60	3.600	
Казаковъ	100	6.500	
	2.140	83.900	168

Такова должна быть приблизительно численность войскъ Варшавскаго округа. Очевидно, что она совершенно достаточна для поддержанія порядка въ Царствѣ.

Перейдемъ теперь къ начальникамъ. Войска округа поручены Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, и состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи генералъ-адъютанта барона Рамзая, бывшаго командира гренадерскаго корпуса; начальникомъ штаба—генералъ-майоръ Минквицъ, начальникомъ артиллеріи—генералъ-адъютантъ Шварцъ, начальникомъ инженеровъ — генералъ-маіоръ Фейхтнеръ, походнымъ атаманомъ—генералъ-лейтенантъ Орловъ 1-й. Таковъ составъ штаба варшавскаго округа, расположеннаго въ столицѣ.

Что касается до начальниковъ дивизій, то гвардейскою дивизіей командуетъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, находившійся уже при войскахъ во время бывшаго въ Варшавѣ 17 ноября 1830 года возмущенія: гвардейская дивизія, какъ извѣстно, стоитъ въ Варшавѣ. 2-ю кавалерійскою дивизіей командуетъ генералъ-лейтенантъ графъ Ниродъ; 4 пѣхотною дивизіей—генералъ-лейтенантъ Бруннеръ, составившій себѣ извѣстность въ восточную войну въ Азіятской Турціи; 5 пѣхотною—генералъ-лейтенантъ Хрущевъ 2, одинъ изъ Севастопольцевъ; 6 пѣхотною дивизіей—генералъ-лейтенантъ Семека, бывшій генералъ-квартирмейстеръ 1 арміи; 7 пѣхотною дивизіей—генералъ-лейтенантъ Ушаковъ 3, извѣстный по переправѣ черезъ Дунай въ компанію 1854 года; наконецъ 2 артиллерійскою дивизіей командуетъ генералъ-лейтенантъ Кузьминъ 1.

Офиціальныя извѣстія указываютъ на то, что 6 дивизія размѣщена въ Плоцкой губерніи. Одинъ изъ полковъ этой дивизіи, Муромскій Великаго Князя Вячеслава Константиновича, потерялъ убитымъ своего командира полковника Козлянинова 3. Самый Плоцкъ защищалъ генералъ-майоръ баронъ Менгденъ, помощникъ начальника 6 дивизіи.

Въ Радзинѣ приходилось обороняться 5 артиллерійской бригадѣ, командиръ которой, генералъ-майоръ Каннабихъ, раненъ. Отсюда можно заключить, что 5 дивизія расположена въ Люблинской губерніи. За тѣмъ, по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ мы можемъ полагать, что 4 дивизія стоитъ въ Варшавской губерніи къ Прусской границѣ, а 7 дивизія въ Радомской губерніи. Кавалерія и казачьи полки расположены по всему пространству Царства.

Пожаръ не ограничился предѣлами Царства Польскаго. Онъ захватилъ западные уѣзды Гродненской губерніи: Гродненскій, Бѣльскій, Брестскій и Сокольскій, которые уже объявлены на военномъ положеніи. Въ этихъ уѣздахъ расположены войска Виленскаго военнаго округа, и именно 2-я пѣхотная дивизія, которой начальникъ генералъ-лейтенантъ Манюкинъ стягивалъ отрядъ къ Бѣлостоку. Одинъ изъ полковъ этой дивизіи, Либавскій, первый испыталъ уже атаку въ мѣстечкѣ Суражѣ, а теперь защищаетъ окрестную мѣстность близъ станціи Лапа. Генералъ-лейтенантъ Манюкинъ—старый Кавказецъ.

Къ виленскому военному округу кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи, причислены:

1 пѣхотная дивизія
3 пѣхотная дивизія
1 кавалерійская дивизія съ резервными баталіонами.
1 артиллерійская дивизія и два казачьихъ полка.

Первою дивизіей командуетъ генералъ-лейтенантъ баронъ Майдель 2, 3 дивизіей генералъ-лейтенантъ Гольтгоеръ, 1 артиллерійскою генералъ-маіоръ Дитериксъ и 1 кавалерійской—генералъ-лейтенантъ Лихачевъ. Всѣми войсками Виленскаго округа командуетъ генералъ-адъютантъ Назимовъ, которому недавно назначенъ помощникъ, генералъ-адъютантъ Фроловъ 2. Начальникъ штаба Виленскаго округа—генералъ-маіоръ Циммерманъ.

№ 19.

Москва, 23-го января.

А.

Болѣе подробныя извѣстія о первыхъ событіяхъ въ Польшѣ, напечатанныя нами отчасти въ предыдущихъ нумерахъ, отчасти сегодня, даютъ возможность сдѣлать нѣсколько общихъ заключеній. Русскія войска одержали въ Царствѣ важный успѣхъ. Мы разумѣемъ не захватъ нѣсколькихъ сотенъ плѣнныхъ и нѣсколькихъ телѣгъ съ оружіемъ, а незначительность нашихъ потерь. Революціонеры потерпѣли рѣшительную неудачу въ своемъ намѣреніи предать наши войска избіенію.

Русскія войска были расквартированы по всему Царству, штабы отдѣльныхъ частей были расположены преимущественно въ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ. Притомъ для удобства въ хозяйственномъ отношеніи пѣхота, кавалерія и артиллерія, за исключеніемъ войскъ квартировавшихъ въ Варшавѣ, располагались отдѣльно. Помѣщенные на зимнихъ квартирахъ, солдаты были расположены по домамъ и квартировали даже „по одиночкѣ“, какъ сказано въ офиціяльныхъ извѣстіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что революціонеры не могли желать болѣе выгодныхъ условій для нечаяннаго нападенія. Полякамъ было оказано полное довѣріе, и дѣйствительно, несмотря на зловѣщіе признаки, можно ли было ожидать безумнаго взрыва, предполагая въ вождяхъ движенія какую-нибудь долю расчетливости? Заявленіямъ польской революціонной партіи, что возстаніе не имѣется въ виду, заявленіямъ которыя, какъ теперь оказывается, были только военною хитростью, повѣрила вся Европа; Русскіе должны были тѣмъ болѣе вѣрить имъ, что въ Варшавѣ наборъ былъ произведенъ въ порядкѣ. Наши войска оставались на своихъ зимнихъ квартирахъ даже послѣ того какъ мятежники перешли въ Насельскіе лѣса. Такъ подверглись русскія военныя силы тѣмъ неудобствамъ, къ которымъ всегда ведетъ защита отдѣльными частями въ подобной войнѣ.

При такой обстановкѣ ничтожный уронъ русскихъ войскъ можетъ быть объясненъ только бдительностію карауловъ и удивительною энергіей воинскихъ чиновъ. Особенно тяжело было положеніе пѣшей артиллеріи. Нужно принять во вниманіе, что фейерверкеры и рядовые пѣшей артиллеріи, кромѣ короткаго обоюдуострaго тесака, не имѣютъ никакого оружія для личной обороны, и потому при нечаянныхъ нападеніяхъ, особенно въ борьбѣ съ людьми дѣйствующими огнестрѣльнымъ оружіемъ, должны были неминуемо понести важныя потери. Притомъ, кромѣ личной обороны, артиллеристамъ приходилось оборонять свой паркъ съ орудіями и лошадей, которыхъ, при командѣ въ 250 человѣкъ, полагается 180. Ночь съ 10 на 11 января послужитъ, конечно, урокомъ относительно расположенія войскъ въ Царствѣ. Позволительно также надѣяться, что она подастъ поводъ къ обсужденію вопроса, не слѣдуетъ ли вооружить пѣшихъ артиллеристовъ хотя бы пистолетами.

Б.

„Что это за охранительная партія, говорилъ между прочимъ г. фонъ-Финке въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ, 28 января,—которая охраняетъ только свои частные интересы и не хочетъ прежде всего охранять публичное право своей страны? Что это за аристократія, которая не стоитъ въ первыхъ рядахъ поборниковъ конституціи и интересовъ цѣлой страны?“ Дѣйствительно, высшее владѣтельное сословіе, которое защищаетъ только свои частные интересы и равнодушно къ общему благу страны, не имѣетъ ни малѣйшаго права называться аристократіей; оно не стоитъ во главѣ всего народа, а представляетъ собою только одну изъ исключительныхъ партій, стоящую болѣе или менѣе во враждебныхъ отношеніяхъ къ другимъ партіямъ. При такомъ характерѣ аристократіи, не возможно правильное развитіе политической свободы въ странѣ, точно такъ же, какъ не возможно оно, когда въ странѣ нѣтъ никакихъ твердо сплоченныхъ общественныхъ группъ, когда народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ не связанныхъ между собою ближайшими общими интересами, словно песокъ, взвѣваемый вѣтромъ и передвигаемый имъ съ мѣста на мѣсто. Въ этомъ послѣднемъ положеніи находится общество во Франціи, и потому тамъ не оказывается твердыхъ основъ для зданія политической свободы; точно такъ же, какъ ихъ нѣтъ до сихъ поръ ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи, гдѣ высшее сословіе дѣйствуетъ въ исключительномъ сословномъ духѣ.

Въ настоящее время, Швеціи представляется выходъ изъ ея средневѣковаго государственнаго быта и изъ ея средневѣковой сословной разрозненности. Переворотъ, который ей предстоитъ, имѣетъ для насъ особенный интересъ не только по сосѣдству этой страны, но еще и потому, что рано ли, поздно ли, и у насъ рѣзкія сословныя дѣленія должны уступить мѣсто дружественному соединенію всѣхъ классовъ во имя общей пользы.

Сословная разрозненность выступаетъ въ Швеціи сильнѣе и ярче чѣмъ у насъ, потому что она закрѣплена самою конституціею страны, которая предоставляетъ каждому изъ четырехъ сословій политическія права; между тѣмъ какъ наши сословія раздѣлены не столько политическими, сколько гражданскими правами. Но за то, съ другой стороны, пользуясь равномѣрно правами политическими, шведскія сословія—дворянство, духовенство, горожане и крестьяне—хотя каждое изъ нихъ и составляло особую законодательную палату, однакоже все-таки были поставлены ближе другъ къ другу, все-таки призываемы были къ обсужденію однихъ и тѣхъ же общихъ интересовъ и не рѣдко сливались между собою въ общихъ законодательныхъ коммиссіяхъ, состоящихъ изъ равнаго числа членовъ отъ каждой палаты, между тѣмъ какъ у насъ до сихъ поръ ни какое общее дѣло не единяло сословій, и если рознь между ними не смѣла выступать рѣзко наружу, то тѣмъ не менѣе эта рознь существуетъ и составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашего общественнаго быта.

Нынѣшніе сеймы Швеціи, какъ сказано, состоятъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ палатъ. По теоріи, глава каждой дворянской фамиліи имѣетъ право засѣдать въ дворянской палатѣ сейма; но такъ какъ, вслѣдствіе этого, число ея членовъ дошло бы до 14.000, то они избираютъ изъ своей среды 500 человѣкъ. Духовенство посылаетъ отъ себя на сеймъ 60 членовъ, горожане—85, и наконецъ, крестьяне, получившіе это право еще въ концѣ XV столѣтія, 150. Депутаты отъ послѣднихъ трехъ сословій пользуются за свои труды особымъ содержаніемъ отъ своихъ избирателей. Архіепископъ упсальскій есть непремѣнный предсѣдатель палаты духовенства; тогда какъ предсѣдатели другихъ палатъ назначаются королемъ. Такой сеймъ собирается непремѣнно каждыя пять лѣтъ, но и сверхъ того можетъ быть созываемъ королемъ, и засѣданія его продолжаются около трехъ мѣсяцевъ. Безъ согласія сейма не могутъ быть вводимы ни новые налоги, ни какія-либо измѣненія въ конституціи. Король имѣетъ безусловное право отвергать рѣшенія сейма, точно такъ же какъ сеймъ можетъ отвергать предложенія правительства; но такія несогласія далеко не всегда ведутъ къ закрытію сейма или къ смѣнѣ министерства. Какъ только собирается сеймъ, тотчасъ же назначаются постоянныя коммиссіи поровну изъ каждой палаты, и въ нихъ предварительно обсуживаются всѣ вопросы до разсмотрѣнія ихъ палатами. Болѣе важныя реформы въ конституціи, предложенныя въ одну сессію, рѣшаются въ слѣдующую, и въ этихъ случаяхъ требуется единодушіе всѣхъ 4-хъ палатъ, тогда какъ въ другихъ, менѣе важныхъ, достаточно согласіе трехъ палатъ.

При каждомъ новомъ предложеніи, каждая палата, естественно, имѣетъ въ виду прежде всего не благо цѣлой страны, а интересы своего сословія, которые не рѣдко не совпадаютъ съ интересами цѣлаго. Не говоря уже о духовенствѣ и дворянствѣ, которыя отстаиваютъ свои многочисленныя привилегіи и нерѣдко свои предразсудки, депутаты отъ горожанъ поддерживаютъ существующія издавна исключительныя корпораціи и монополіи; депутаты же отъ крестьянъ, по самому своему положенію, не способны дѣйствовать съ полною самостоятельностію, и долгое время подчинялись вліянію крупныхъ землевладѣльцевъ. Между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, между правительствомъ или городскими властями и богатыми землевладѣльцами, шла постоянная вражда къ истинному вреду для цѣлой страны. Сверхъ того, далеко не всѣ классы и не всѣ интересы имѣли своихъ представителей на сеймѣ, и многіе изъ наиболѣе образованныхъ, или богатыхъ и промышленныхъ людей, не пользовались ни правомъ голоса на выборахъ, ни правомъ на избраніе.

Съ 1834 г. начались попытки къ измѣненію этой средневѣковой конституціи и къ устраненію этой сословной разрозненности, при которой частные сословные интересы берутъ всегда верхъ надъ общими государственными. Короли, Бернадоттъ и сынъ его Оскаръ, постоянно дѣлали такія попытки. Нынѣшній король Карлъ XV, съ самаго вступленія своего на престолъ въ 1859 г., объявилъ твердое свое рѣшеніе достигнуть,

во что бы ни стало, преобразованія конституціи. Всѣ эти попытки до сихъ поръ находили поддержку только въ палатѣ горожанъ и были устраняемы дружною оппозиціей дворянъ и крестьянъ. Но въ послѣдніе годы среднему сословію удалось привлечь на свою сторону крестьянъ, благодаря преимущественно вліянію политическихъ журналовъ, и въ концѣ сессій сейма 1860 г. обѣ палаты представили отъ себя планъ преобразованія государственнаго устройства. По правилу, планъ этотъ могъ быть разсмотрѣнъ только въ слѣдующую сессію; но съ цѣлью поддержанія этого плана учрежденъ былъ въ Стокгольмѣ особый комитетъ, который препроводилъ къ королю множество прошеній въ пользу реформы. На самое послѣднее изъ нихъ, съ 40.000 подписей, въ январѣ прошлаго года, министръ юстиціи отвѣчалъ совершенно одобрительно.

Первымъ шагомъ къ сближенію между сословіями было учрежденіе провинціяльныхъ сеймовъ, которымъ правительство было озабочено въ послѣдніе два года. Такъ какъ этотъ планъ уменьшалъ сосредоточеніе всего управленія въ столицѣ и могъ скорѣе усилить чѣмъ ослабить вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ, то дворянство согласилось засѣдать въ провинціяльныхъ совѣтахъ наряду съ горожанами и мелкими собственниками, и уже одно это значительно ослабило прежнюю враждебность между городскими властями и богатыми землевладѣльцами. Дальнѣйшій шагъ впередъ сдѣланъ шведскимъ правительствомъ въ январѣ нынѣшняго года.

Представленный имъ проектъ преобразованія шведской конституціи заключается въ слѣдующемъ: сеймъ собирается ежегодно 15-го января безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей. Засѣданія его продолжаются четыре мѣсяца. Распущенъ онъ можетъ быть только по собственной просьбѣ; если же по волѣ короля, то немедленно назначаются выборы для новаго сейма. Сеймъ раздѣляется на двѣ палаты. Члены первой палаты выбираются провинціяльными сеймами, по одному на 30.000 жителей, и притомъ на 7 лѣтъ. Для избранія въ члены требуется не менѣе какъ 35-лѣтній возрастъ и поземельная собственность не менѣе какъ въ 80.000 рейхстал., или же плата ежегодной подати въ 4.000 рейхст. Члены второй палаты избираются на 3 года, по одному на 40.000 жителей. Каждая община назначаетъ отъ себя по одному избирателю на 1000 душъ, и эти избиратели уже выбираютъ депутатовъ. Право голоса на предварительныхъ выборахъ имѣютъ только тѣ, которые владѣютъ въ городѣ или въ селеніи недвижимою собственностью въ 1000 рейхст. или арендуютъ такую собственность, которая цѣнится въ 6.000 тал., или, наконецъ, платятъ ежегодной подати съ дохода 800 талеровъ. Всѣ эти условія необходимы и для того чтобы быть избрану въ депутаты.

Мы сообщили еще вчера, съ какимъ восторгомъ встрѣченъ этотъ планъ правительства горожанами и крестьянами. Лучшіе и наиболѣе образованные изъ дворянъ также ему сочувствуютъ, понимая, въ какой степени прежняя конституція Швеціи не согласна ни съ интересами страны, ни съ духомъ времени. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ высшихъ, палатахъ планъ этотъ встрѣтитъ сильнѣйшее сопротивленіе. Переходъ отъ средневѣковаго, основаннаго на строгомъ раздѣленіи сословій къ современному государственному быту не можетъ совершиться безъ значительныхъ затрудненій.

№ 20.

Москва, 24-го января.

При всякомъ спорѣ и столкновеніи, какого бы рода они ни были, весьма естественно желаніе дать себѣ отчетъ въ томъ, на чьей сторонѣ право и кому пожелать успѣха и побѣды. Читатели, конечно, не разъ останавливались на этомъ вопросѣ, слѣдя за ходомъ той борьбы, которая такъ давно ведется между прусскою палатою представителей и прусскимъ правительствомъ. Еслибы дѣло шло о какомъ-либо формальномъ правѣ, то стоило бы обратиться къ буквѣ и смыслу закона,—и рѣшеніе было бы готово. Не нужно особенной юридической прозорливости, чтобы подвести фактъ подъ извѣстный законъ и дать правый судъ.

Но иное положеніе судьи въ большей части политическихъ споровъ и недоразумѣній. Напрасно станемъ мы обращаться къ тексту конституціи, напрасно станемъ отыскивать параграфы ея, чтобъ обвинить или оправдать кого-либо въ теперешнемъ кризисѣ, переживаемомъ Пруссіею. Здѣсь нужна другая мѣрка, другое основаніе. Буква закона молчитъ, онъ какъ-будто не пред-

видѣлъ возможности подобнаго случая и предоставлялъ рѣшеніе его политическому благоразумію. А это благоразуміе указываетъ каждой сторонѣ требовать только того что возможно и что другая сторона можетъ уступить. Когда борьба основывается не на строгомъ правѣ, а на силѣ, тогда необходимо взвѣсить эту силу и найдти болѣе удобное рѣшеніе вопроса въ сдѣлкѣ, въ примиреніи. Таковъ законъ политическаго благоразумія. Идти на проломъ, оставаться глухимъ ко всякому предложенію сдѣлки значитъ проиграть дѣло. Такое упорство можно сравнить съ пылкою, но безплодною отвагою военачальника, который, не справившись съ своими силами, стремится на врага и губитъ себя или своихъ, врѣзывается все дальше въ непріятельскіе ряды и загораживаетъ себѣ путь къ отступленію.

И прусская палата и прусское правительство врѣзались до нельзя,—и теперь нужна новая сила, болѣе спокойная, которая бы развела бойцовъ. Такою силой, если вѣрить вчерашней телеграммѣ, является первая палата или по крайней мѣрѣ извѣстная часть ея. По всему вѣроятію, пятьдесятъ членовъ, подписавшихъ адресъ королю 4 февраля, суть тѣ либеральные члены верхней палаты, которые введены въ нее самимъ королемъ для противодѣйствія феодаламъ. Нельзя не пожелать, чтобъ ихъ голосъ былъ услышанъ и чтобы состоялась сдѣлка, возможность которой становилась сомнительнѣе съ каждымъ днемъ. Либеральные члены верхней палаты имѣютъ право обратиться къ королю съ просьбою объ уступкѣ; они оставались спокойными хотя и не безучастными зрителями прискорбнаго раздора, они не подзадоривали обѣихъ сторонъ своими адресами и не основывали своей силы на этихъ адресахъ.

Не такъ поступала либеральная партія палаты представителей. Послѣ такъ называемой „новой эры“ 1858 года, она увлеклась успѣхомъ и не съумѣла удержаться въ предѣлахъ умѣренности и въ предѣлахъ своей дѣйствительной силы. Все благопріятствовало этой партіи. Съ либеральнымъ министерствомъ во главѣ, она могла поддержать и укрѣпить конституціонныя начала, дать имъ твердую опору въ странѣ, обуздать со временемъ феодаловъ. Но партія забыла о томъ, что конституція въ Пруссіи дѣло еще очень новое, и упустила случай воспользоваться благопріятными условіями своего положенія. Не имѣя во главѣ ни одного человѣка, который могъ бы считаться кандидатомъ въ министры, она отдѣлилась отъ министровъ, своихъ прежнихъ вождей, и повела противъ нихъ атаку. Вѣрны либеральному министерству остались одни только обломки прежней либеральной партіи: вся остальная масса ея образовала новую партію такъ-называемыхъ прогрессистовъ. Нападеніе на г. фонъ-Патова было въ высшей степени неполитическою мѣрой, въ которой тогда же обвинялъ прогрессистовъ г. фонъ-Финке, стоявшій прежде во главѣ либеральной партіи. Слѣдствіемъ этого была смѣна либеральнаго министерства другимъ, набраннымъ изъ рядовъ феодаловъ, впрочемъ, съ нѣкоторою примѣсью людей, сколько-нибудь свободныхъ отъ феодальной ограниченности. Примѣрная прозорливость вождей партіи прогресса обнаружилась и на этотъ разъ въ томъ, что они направили всѣ свои удары именно противъ этихъ людей, вносившихъ въ кабинетъ хоть какую-нибудь умѣренность. Нападки были направляемы и прямо на корону. Король испугался неумѣреннаго натиска, онъ чувствовалъ силу противостоять ему и, увлекшись также этою силой, круто повернулъ дѣло, поставивъ между собою и большинствомъ палаты щитъ изъ власти, ему покорной. Либералы, хотѣвшіе наказать свое министерство за уступчивость, были наказаны въ свою очередь. Двѣ силы столкнулись, и вмѣсто спокойнаго скрѣпленія конституціонныхъ элементовъ, начался разрывъ, поджигавшійся съ обѣихъ сторонъ адресами, демонстраціями, агитаціями. Либеральная партія, можно сказать, уже не существуетъ въ Пруссіи; съ одной стороны стоятъ феодалы, съ другой—прогрессисты. Первые имѣютъ передъ вторыми перевѣсъ уже въ томъ отношеніи, что считаютъ въ своей средѣ нѣсколько человѣкъ, успѣвшихъ пріобрѣсти опытность въ дѣлѣ администраціи, тогда какъ между прогрессистами вовсе нѣтъ практическихъ политическихъ людей.

Что касается до финансоваго вопроса, то прусская нижняя палата сама была виновна въ томъ злоупотребленіи, противъ котораго вооружилась съ такою отвагой и которое поставила основнымъ государственнымъ вопросомъ. Преобразованіе арміи, то есть увеличеніе ея кадръ, было сдѣлано на счетъ чрезвычайныхъ расходовъ. Правда, оно вводилось понемногу, подъ предлогомъ

постановки армій на военную ногу, но все-таки палата не могла не знать, что вотируемые ею чрезвычайные расходы въ дѣйствительности употребляются на преобразованіе арміи. Она имѣла право не утверждать подобныхъ расходовъ, если считала ненужнымъ реформировать армію, и утверждала ихъ нѣсколько лѣтъ. Дѣло было сдѣлано, оно получило силу совершившагося факта. Поворотить его назадъ значило нарушить уже сложившіеся интересы. Могъ ли король, разсчитывавшій на постоянное вотированіе чрезвычайнаго бюджета, спокойно подчиниться отказу въ немъ, отставить отъ службы множество офицеровъ, уже опредѣлившихъ свою карьеру? Ни въ какой странѣ это не было бы возможно, а въ такой странѣ какъ Пруссія, гдѣ юнкерство и военная служба пустили глубокіе корни, это было еще невозможнѣе.

Король смотрѣлъ на требованія палаты какъ на капризъ. Лично убѣжденный въ пользѣ и необходимости новой системы, онъ настаивалъ на преобразованіи арміи, и чѣмъ больше онъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, тѣмъ болѣе возбуждалъ опасенія, что готовится coup d'état. Палата также считала своимъ долгомъ не уступать и возбуждала опасенія въ стремленіи къ исключительному господству, въ желаніи совершенно подорвать значеніе короны. Обѣ стороны, не разсчитавши ни своихъ силъ, ни силъ противника, не спокойно отнеслись къ дѣлу; онѣ поддались преувеличенному страху, искали союзниковъ и дали разрастись вопросу до такой степени, что почти неизбѣжнымъ исходомъ его сдѣлались или coup d'état или революція. Мы вызываемъ нерѣдко сами то, чего боимся безъ основанія; не одни католическіе духовники подсказываютъ грѣхи, о которыхъ кающійся не имѣетъ понятія.

Въ такихъ обстоятельствахъ предложеніе о сдѣлкѣ какъ нельзя болѣе кстати. „Кто умнѣе, пусть тотъ уступитъ“, эта поговорка вполнѣ прилагается къ тому случаю, когда уступка есть единственный выходъ и когда на карту ставятся существенные интересы. Уступка есть часто признакъ не слабости, а силы. Она служитъ выраженіемъ политическаго благоразумія, и кто сильнѣе, тотъ легче уступаетъ. А на чьей сторонѣ сила въ Пруссіи? За короля стоитъ армія и феодальное дворянство, землевладѣльцы; за палату общественное мнѣніе горожанъ и средняго класса. Увидимъ, кто сильнѣе политическою силою, силою сдѣлки. Массы народа въ Пруссіи вѣрны коронѣ. Не партіи прогрессистовъ, а цѣлой странѣ уступитъ король, если дастъ умѣреннымъ политическимъ людямъ перевѣсъ надъ феодалами.

№ 21.

Москва, 25-го января.

Лишь только успѣлъ извѣстить насъ телеграфъ о множествѣ новыхъ кандидатовъ, которымъ предложенъ былъ престолъ Греціи, какъ были получены опять извѣстія о томъ, что ни одинъ изъ нихъ не принялъ предложенія: изъ Турина извѣщаютъ, что объ Амедеѣ, герцогѣ Аостскомъ, не можетъ быть и рѣчи; принцъ Лейнингенскій на отрѣзъ отказался; къ принцу Саксенъ-Веймарскому, повидимому, никто и не обращался. Кандидатура герцога Саксенъ-Кобургскаго болѣе серіозна теперь чѣмъ когда-либо. Доказательствомъ служитъ передовая статья газеты „Times“, которая сильно рекомендуетъ герцога Грекамъ. „Братъ покойнаго супруга королевы Викторіи, говоритъ эта газета,—онъ обладаетъ многими изъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыми нашъ покойный принцъ Альбертъ былъ такъ дорогъ для народа англійскаго. Онъ глава той замѣчательной фамиліи, которая въ послѣднюю четверть столѣтія обнаружила способность, управляя чужими народами, уважать ихъ обычаи, ихъ чувства и законы. Онъ — племянникъ короля Леопольда, который въ управленіи Бельгіею показалъ, особенно въ послѣдніе годы, столько благоразумія, столько умѣренности и истиннаго либерализма,—и родственникъ короля португальскаго, который сохранилъ конституцію въ своей странѣ, несмотря на всѣ затрудненія“. Обращаясь прямо къ своимъ греческимъ читателямъ, англійскій журналъ увѣряетъ ихъ, что изъ всѣхъ принцевъ, на которыхъ можетъ пасть ихъ выборъ, никто въ такой мѣрѣ не въ состояніи удовлетворить ихъ нуждамъ и желаніямъ, какъ герцогъ Саксенъ-Кобургскій. „Просвѣщенный другъ свободной торговли, матеріяльнаго и общественнаго преуспѣянія, онъ не потерпитъ застой въ Греціи, онъ разовьетъ ея производительныя средства, возстановитъ ея финансы, снабдитъ ее дорогами и мостами, осушитъ ея болота. При такомъ монархѣ,

Аѳины станутъ тѣмъ чѣмъ они должны быть на Востокѣ—столицею и средоточіемъ всей умственной и литературной жизни, и Греки станутъ націею сознающею свои обязанности“... Мало того: англійскій журналъ проводитъ даже параллель между Піемонтомъ и Греціею, между королемъ Викторомъ Эмануиломъ II и герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ чуть ли не отдавая предпочтенія послѣднему. „Піемонтъ пытался въ 1848 г., съ оружіемъ въ рукахъ, стать во главѣ всей Италіи, и не имѣлъ успѣха; Грецiя точно также думала мечомъ проложить себѣ путь къ главенству надъ всѣми христіанскими племенами Востока, и мысль эта также оказалась несбыточною. Піемонтъ, благодаря хорошему внутреннему управленію и вѣрности началамъ своей конституціи, въ короткое время достигъ своей цѣли, и Грецiя точно также ни въ чемъ столько не нуждается какъ въ монархѣ подобномъ Виктору Эмануилу, для того чтобы достигнуть еще болѣе блестящей будущности“. Франція и Англія, по словамъ „Times“, согласны между собою въ томъ, чтобы поддерживать кандидатуру герцога, а если Россія дѣлала съ своей стороны возраженія, то вовсе не на томъ основаніи, какъ ошибочно утверждали прежде, что онъ состоитъ въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ британскимъ домомъ, а только потому что, къ несчастію, у него нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ. Сами Греки расположены къ нему: г. Маврокордато заявилъ уже газетѣ „Times“, отъ имени греческой торговой общины въ Лондонѣ, что въ избраніи герцога она усматриваетъ тѣ же выгоды, тѣ же обезпеченія для Греціи, какъ и въ избраніи принца Альфреда—именно ручательство за постоянную дружбу Англіи.

Итакъ, вотъ какіе блестящіе виды въ будущемъ рисуетъ предъ Греками руководящій органъ лондонскаго города. Стоитъ только Грекамъ избрать себѣ въ короли герцога Саксенъ-Кобургскаго, и Грецiя въ состояніи будетъ достигнуть болѣе блестящей будущности на Востокѣ чѣмъ Піемонтъ въ Италіи, то-есть, по всей вѣроятности, соединить подъ своею властью страны входившія нѣкогда въ составъ Византійской Имперіи. Нельзя больше польстить народнымъ чувствамъ въ Греціи, которыя и безъ того уже сильно возбуждены примѣромъ Піемонта въ Италіи. Отъ роли Піемонта не отказалась бы ни Пруссія въ отношеніи къ германскимъ странамъ, ни еще менѣе Грецiя, которая такъ недавно устами своего національнаго собранія заявила сочувствіе къ дѣлу Италіи. Рѣчь шла о повѣркѣ выбора въ депутаты молодаго Досіоса, противъ котораго возставала партія побѣжденнаго имъ соискателя, указывая на то, что онъ не имѣетъ права быть представителемъ своей страны, такъ какъ онъ служилъ въ итальянской арміи въ продолженіе войны 1859—60 года. Собраніе единодушно рѣшило, что онъ напротивъ оказалъ услугу Греціи, принявъ участіе въ борьбѣ Италіи за единство и независимость. Соединеніе всѣхъ христіанскихъ, греческихъ и не-греческихъ, странъ Балканскаго полуострова подъ властью Грековъ есть идеалъ, къ которому они и безъ того стремятся. Но возможно ли осуществленіе этого идеала и расположена ли даже Англія содѣйствовать ему, это—другой вопросъ.

До сихъ поръ покровительство трехъ великихъ европейскихъ державъ, и особенно Англіи, было не въ пользу для Греціи. Онѣ дали ей иностраннаго и иновѣрнаго государя, сообщивъ ему средства содержать разорительную и безполезную для страны иноземную армію, и подавлять даже тѣ народныя—приходскія и общинныя—учрежденія, которыя ощадилъ турецкій деспотизмъ. Онѣ не думали пользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы вывести короля Отона на путь необходимыхъ реформъ и хорошаго управленія, и ни въ одной странѣ, быть-можетъ, народныя средства не употреблялись такъ мало въ видахъ общенароднаго благосостоянія какъ въ Греціи. Въ борьбѣ между собою за вліяніе, великія державы только породили въ народѣ духъ партій, который теперь глубоко коренится въ странѣ. Въ продолженіе 29-ти лѣтняго своего царствованія король Отонъ, не рѣшился даже на ту реформу, необходимость которой бросается въ глаза всякому Европейцу. Въ Греціи до сихъ поръ еще существуетъ позомельный налогъ въ такомъ видѣ, что онъ рѣшительно несовмѣстенъ съ улучшеніемъ земледѣлія и матеріальнаго быта страны,—именно въ видѣ десятины со всякаго урожая; и сборъ этихъ десятинъ отдается на откупъ; откупщики же облекаются сильною властью въ огражденіе отъ обмановъ со стороны поселянъ. Откупщики и ихъ повѣренные распоряжаются всѣми земледѣльческими работами: они назначаютъ время жатвы, молотьбы, продажи хлѣба на рынкѣ; на нѣсколько мѣсяцевъ въ году они ста-

новятся полными властелинами поселянъ. Грецiя обладаетъ всѣми условiями для процвѣтанiя земледѣлiя и земледѣльческихъ классовъ: въ ея распоряженiи множество земель удобныхъ для воздѣлыванiя и еще невоздѣланныхъ; такъ же, какъ британскiя колонiи и Соединенные Штаты Америки, она въ состоянiи была бы привлекать многочисленныхъ земледѣльцевъ изъ христiанъ, живущихъ по сосѣдству и тяготящихся турецкимъ игомъ. Въ капиталахъ, которые могли бы быть употреблены на покупку и обработку земель въ Грецiи, также нѣтъ недостатка. Сколько богатыхъ греческихъ купцовъ проживаетъ и у насъ въ Одессѣ, въ Нѣжинѣ, въ Таганрогѣ, не исключая даже Москвы и Петербурга, — сколько въ Марсели и Лондонѣ! Всѣ они предпочитаютъ торговлю въ чужой странѣ пріобрѣтенiю поземельной собственности у себя на родинѣ. Ни однимъ изъ этихъ условiй для своего земледѣльческаго и промышленнаго процвѣтанiя Грецiя не въ состоянiи была воспользоваться, главнѣйшимъ образомъ благодаря существованiю поземельнаго налога въ самомъ чудовищномъ видѣ.

Покровительствуемый великими державами, король озабоченъ былъ прежде всего усиленiемъ и возвеличенiемъ своей власти, и подавлялъ все то что казалось ему опаснымъ для его видовъ. Въ результатѣ обнаружилось, что ничто такъ не вредитъ интересамъ самой власти какъ исключительныя заботы о ея сохраненiи и усиленiи. Основы для прочной власти и основы для прочнаго зданiя политической свободы большею частью одни и тѣ же. Гдѣ правительство беретъ исключительно на себя отвѣтственность за благосостоянiе народа, снимая ее съ своихъ подданныхъ, тамъ оно подвергаетъ большой опасности и себя и интересы своей страны. Не даромъ, особенно въ послѣднее время, Наполеонъ III такъ часто указываетъ французскому обществу на необходимость самодѣятельности.

Въ Грецiи эта самодѣятельность была совершенно подавлена. Въ силу конституцiи 1844 г., страннымъ образомъ, выборъ депутатовъ въ общее законодательное собранiе производился всеобщею подачей голосовъ, между тѣмъ какъ выборъ членовъ провинцiяльныхъ совѣтовъ предоставленъ былъ только тѣмъ, которые платили прямой подати не менѣе 50 драхмъ ежегодно, а назначенiе демарховъ, стоящихъ во главѣ соединенныхъ между собой сельскихъ и городскихъ общинъ, зависѣлъ отъ центральнаго правительства, которое выбирало ихъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ провинцiяльнымъ совѣтомъ.

Эти демархи, которые вѣдали мѣстныя дѣла, будучи назначаемы правительствомъ, подчинялись всѣмъ требованiямъ высшихъ областныхъ чиновниковъ, номарховъ и епарховъ, и общинныя суммы шли на удовлетвореніе прихотей и нуждъ двора. Такимъ образомъ политическая свобода вознесена была на вершину какого-то воздушнаго зданiя. Какая въ этомъ заключалась опасность не только для политическихъ правъ народа, но и для самого правительства, это видно изъ послѣдствiй: чувствуя совершенную невозможность самостоятельно заниматься ближайшими мѣстными нуждами, не имѣя права ни устраивать, ни исправлять дорогъ, ни учреждать госпиталей, ни основывать школъ, высшiе классы народа обратили всю свою энергiю на борьбу партiй, которыя стремились подчинить исключительному своему вліянiю центральное правительство. Усилiя эти прямо вели къ революцiи, которая окончилась низложенiемъ короля Оттона. Возможно-большее развитiе мѣстнаго самоуправленiя упрочиваетъ не только политическую свободу страны, но и существованiе твердаго и крѣпкаго правительства.

Уничтоженiе десятинъ и прежде всего развитiе самоуправленiя, вотъ тѣ условiя, которыми можетъ упрочить себя новый греческiй король въ странѣ, болѣе четверти столѣтiя находившейся въ состоянiи безпрерывнаго раздраженiя, и бывшей то и дѣло поприщемъ народныхъ возстанiй, бунтовъ войска и повсемѣстныхъ грабежей и разбоевъ, которымъ охотно предавались и сами поселяне, выводимые изъ терпѣнiя насилiями откупщиковъ и не зная куда дѣвать свободные два мѣсяца отъ посѣвовъ до жатвы.

Что же касается до тѣхъ блестящихъ надеждъ, на которыя намекаетъ „Times“, то Грецiя пока не можетъ и не должна была бы имъ предаваться: ей не худо бы заняться излѣченiемъ своихъ недуговъ, прежде чѣмъ думать о распространенiи своихъ владѣнiй и о преобладанiи на Востокѣ. Востокъ не можетъ принадлежать однимъ Грекамъ. Славянскiя племена тоже имѣютъ право на самостоятельность.

№ 22.

Москва, 26-го января.

А.

Извѣстія, полученныя за послѣдніе дни о событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, указываютъ на особенную настойчивость, съ которою революціонеры стараются перенести волненіе изъ Царства въ губерніи литовскія: Гродненскую, Виленскую и Ковенскую. Эта цѣль состоитъ въ ближайшей связи съ притязаніями, которыхъ существованіе именно и дѣлаетъ необходимымъ политическое соединеніе Царства Польскаго съ Россіей. Въ Царствѣ почти нѣтъ Русскихъ, кромѣ войскъ, но, напримѣръ, въ Виленской губерніи Поляковъ всего около 12,3%, а большинство населенія составляютъ Литовцы 46%, и Русскіе—29,4%; исповѣдывающихъ православную вѣру считается около 22%. Въ литовскихъ губерніяхъ состоитъ весь вопросъ; онѣ, съ Волынью и Подоліею, составляютъ яблоко раздора между Россіей и Польшей.

Послѣ нападенія въ ночь съ 10-го на 11-е января на мѣстечко Суражъ, Гродненской губерніи, извѣстія изъ Царства непрерывно сообщаютъ о томъ, что наиболѣе многочисленныя шайки собираются постоянно на границѣ Гродненской губерніи около мѣстечка Брянска и городовъ—Бѣльска и Брестъ-Литовска. Новѣйшія депеши указываютъ на то, что послѣ ночнаго побоища у города Бялы между графомъ Ностицемъ, выступившимъ изъ Брестъ-Литовска, и инсургентами, послѣдніе отступили не по направленію къ западу, а отошли, почти подъ прямымъ угломъ къ мѣстечку Янову, опять къ границѣ Гродненской губерніи. Депеша изъ Варшавы отъ 22-го января указываетъ на многочисленность скопищъ въ мѣстечкѣ Венгровѣ, въ сѣверномъ углу Люблинской губерніи, опять въ весьма близкомъ разстояніи отъ границы Гродненской губерніи.

Но особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на депешу отъ 22-го января изъ Вильна, въ которой сказано, что толпа мятежниковъ перешла около мѣстечка Ездно рѣку Нѣманъ и двинулась на мѣстечко Бутриманцы. Оба эти мѣстечка находятся въ Трокскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи; отъ Ездно до Бутриманцы считается 11½ верстъ; отъ Бутриманцы до Трокъ 45; а отъ Трокъ до Вильна по почтовой дорогѣ всего 26. Выборъ переправы около Ездна сдѣланъ потому, что отъ самаго этого мѣстечка до Трокъ идетъ богатая озерами и лѣсистая мѣстность, наиболѣе удобная для инсургентовъ. Населеніе Трокскаго уѣзда составляютъ главнымъ образомъ Литовцы, исповѣдывающіе католическую вѣру; помѣщичьихъ крестьянъ мало, а государственными уѣздъ особенно богатъ; дворянъ считается около 2.500 и почти всѣ они мелкопомѣстные.

Противъ появившейся партіи направился помощникъ начальника 1-й дивизіи генералъ-майоръ Плаксинъ; о результатахъ его дѣйствій до сихъ поръ еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Изъ предыдущаго ясно, что этотъ результатъ имѣетъ особенный интересъ: дѣйствіе происходитъ всего въ 70-ти верстахъ отъ Вильна.

Можно думать, что при большомъ числѣ важныхъ пунктовъ въ Литовскомъ краѣ (Вильно, Ковно, Бѣлостокъ, Брестъ), и при необходимости охранять двѣ вѣтви желѣзной дороги, войскамъ Виленскаго округа особенно важна возможно-скорая высылка подкрѣпленій изъ Петербурга, Пскова или Динабурга, чтобы предохранить Литовскій край отъ той отчаянной рѣзни, которую поддерживаютъ революціонеры въ Польшѣ[1]).

Б.

Послѣ всѣхъ толковъ о кандидатурѣ герцога Саксенъ-Кобургскаго, телеграфъ увѣдомляетъ насъ, что герцогъ окончательно отклонилъ отъ себя предложенную ему корону и что объ этомъ объявлено уже официяльно. На этотъ разъ можно думать, что дальнѣйшихъ опроверженій этого извѣстія не послѣдуетъ. Итакъ, престолъ Греціи, при томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находится эта страна, снова ждетъ кандидата, который рѣшился бы занять его. Тѣмъ не менѣе правительство королевы Викторіи, при открытіи парламента, выразило надежду, что греческій вопросъ разрѣшенъ будетъ мирнымъ путемъ, и не подастъ повода къ столкновеніямъ между великими державами, а вмѣстѣ объявило свое намѣреніе присоединить Іоническіе острова къ Греціи, если того пожелаетъ ихъ населе-

---

[1]) Въ передовой статьѣ № 19-го „Московскихъ Вѣдомостей“ вкралась опечатка при исчисленіи войскъ Виленскаго военнаго округа. Сказано: „1-я кавалерійская дивизія съ резервными „батальйонами“. Слѣдуетъ читать „эскадронами“.

ніе и дадутъ свое согласіе державы, участвовавшія въ установленіи англійскаго протектората.

Не такъ увѣренъ въ сохраненіи общеевропейскаго мира князь Михаилъ Сербскій, если вѣрить франкфуртской газетѣ „Европа“, которая передаетъ его отвѣтъ на турецкую ноту (см. телеграммы). Съ какой стороны ожидаетъ онъ военной бури, трудно рѣшить. Турція, повидимому, настроена теперь совершенно миролюбиво; да князь сербскій притомъ прямо утверждаетъ, что своими вооруженіями не думаетъ грозить этой державѣ. Польскія событія, кромѣ того что не могутъ подать повода ни къ какой войнѣ, совершаются слишкомъ въ сторонѣ отъ Сербіи. Въ Румыніи, правда, происходятъ несогласія между княземъ и законодательною палатой, и бояры, повидимому, не прочь были бы замѣнить князя Кузу другимъ господаремъ; но въ этой странѣ, состоящей подъ покровительствомъ всѣхъ европейскихъ державъ дѣло не можетъ дойдти до междуусобій. Въ Австріи можно ждать столкновеній между центральнымъ правительствомъ съ одной стороны и областными сеймами съ другой, такъ какъ послѣдніе дѣйствуютъ съ полною самостоятельностью и дружно устраняютъ даже вмѣшательство прикомандированныхъ къ нимъ коммиссаровъ въ совѣщанія ихъ комитетовъ. Но эти столкновенія не такого свойства, чтобы могли озабочивать и тревожить князя Михаила. Австрійское правительство все болѣе и болѣе сознаетъ необходимость дѣйствовать въ умѣренно-либеральномъ духѣ и развивать дальше тѣ начала, которыя положены въ основу ея конституціи. Что бы ни говорили австрійскіе и англійскіе журналы о ея новомъ законѣ по дѣламъ печати онъ представляетъ существенныя обезпеченія для свободы печатнаго слова и для успѣшнаго развитія общественнаго мнѣнія. Онъ освобождаетъ издателей отъ необходимости предварительно испрашивать разрѣшеніе правительства на основаніе журналовъ и газетъ; не отмѣняя совершенно системы административнаго предупрежденія преступленій и проступковъ, какіе могутъ быть совершены путемъ печати, онъ ограждаетъ однакоже права издателей отъ произвольныхъ дѣйствій администраціи, предоставляя имъ искать судомъ вознагражденіе за противозаконную конфискацію того или другаго нумера ихъ изданій. Многія страны, не исключая даже Франціи, могутъ позавидовать такому закону. Конечно, законъ самъ по себѣ не болѣе какъ мертвая буква; силу закону придаетъ только правая и благоустроенная судебная власть. Привсѣхъ недостаткахъ своихъ, лучшею формой суда до сихъ поръ справедливо почитается судъ присяжныхъ съ публичнымъ и словеснымъ производствомъ и со всѣми средствами къ защитѣ подсудимыхъ. Такого суда еще нѣтъ въ Австріи; но областные сеймы уже обращаются съ прошеніями къ правительству о введеніи такого суда. Австрія, повидимому, рѣшительно вступила на путь прогресса, и даже съ Венгріею старается сладить миролюбивыми способами.

Должно полагать такимъ образомъ, что или извѣстія газеты: „Европа“ не совсѣмъ вѣрны, или же князь сербскій опасается именно столкновеній съ Портою, чего, конечно, не могъ обнаружить предъ нею же самой. За послѣднее время, впрочемъ, были въ большомъ ходу въ журнальномъ мірѣ всякаго рода ноты и запросы Турціи. Опроверженіе сообщеннаго и въ нашей газетѣ извѣстія объ одной изъ такихъ нотъ, относившейся будто бы къ нашему отечеству, читатели найдутъ подъ рубрикой: „Послѣдняя Почта“.

Нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя въ „Національной Газетѣ“ о мѣрахъ, какими прусское министерство думало противодѣйствовать впечатлѣнію произведенному адресомъ палаты депутатовъ, заставляютъ предполагать, что вмѣшательство палаты господъ въ эти несогласія имѣетъ цѣлью поддержаніе министерства. Въ такихъ же намѣреніяхъ, страннымъ образомъ, и насъ винитъ одинъ изъ органовъ петербургской журналистики, предающійся „смѣху, смѣшанному съ негодованіемъ“, по поводу нашего мнѣнія о нынѣшнихъ прусскихъ дѣлахъ. Безъ негодованія, но не безъ смѣха, могли бы мы отвѣтить ему только: Pas trop de zèle, что въ переводѣ на русскій языкъ можетъ значить: не слишкомъ горячитесь. Мы не можемъ раздѣлять рвенія нашихъ невскихъ публицистовъ по прусскимъ или испанскимъ дѣламъ, и никакъ не можемъ имѣть странной претензіи поддерживать ни палату депутатовъ въ Пруссіи, ни палату господъ и министерство, а съ полнымъ безпристрастіемъ замѣчаемъ, что чиновники, изъ которыхъ состоитъ на половину, если не больше, прусская палата депутатовъ, неспособны вѣрно представлять собою мнѣнія и интересы общества, и что же-

ланіе этихъ чиновниковъ-депутатовъ пользоваться въ одно и то же время и жалованьемъ по службѣ, когда должность за нихъ исправляютъ другіе, и депутатскимъ содержаніемъ, не дѣлаетъ имъ особенной чести. Что же касается до ихъ безсмѣнности, то нашему смѣющемуся и негодующему публицисту, было бы полезнѣе навести о ней справки, узнать въ чемъ она состоитъ, обезпечиваетъ ли она независимость чиновника, и дѣлаетъ ли его способнымъ служить истиннымъ представителемъ земскихъ интересовъ. Пусть также ознакомится онъ съ тѣмъ что говорилось въ Прусской же палатѣ депутатовъ, когда болѣе либеральное министерство графа Шверина не рѣшалось смѣнять чиновниковъ, заведенныхъ кабинетомъ Мантейфеля.

Положеніе римскаго вопроса, какъ оказывается изъ преній французскаго сената, самое печальное. Наиболѣе либеральнымъ ораторомъ былъ г. Тувенель, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, да и тотъ не допускаетъ мысли объ уничтоженіи свѣтской власти папы и присоединеніи Рима къ Италіи въ качествѣ ея естественной столицы! Тѣмъ не менѣе рѣчь его замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: недавно обѣщанныя папой реформы считаетъ онъ рѣшительно ничтожными; дальнѣйшее занятіе Рима французскими войсками при несогласіи папы ни признать совершившіеся въ Италіи факты, ни даровать своимъ подданнымъ полноту самоуправленія, приводитъ ему на память ту несчастную для Франціи эпоху, когда и сама она занята была иноземными войсками, и во всякомъ случаѣ кажется дѣломъ опаснымъ и несогласнымъ съ общими началами нынѣшней французской политики. Но голосъ его остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и большинство 121 голоса противъ одного приняло адресъ въ полномъ его составѣ. При такой политикѣ французскаго правительства, что можетъ сдѣлать Италія для довершенія своего единства? Ей остается пока заботиться о дѣлѣ внутренняго благоустройства и выжидать не наступятъ ли болѣе благопріятныя обстоятельства, которыя принудили бы императора Французовъ или, если угодно, помогли бы ему отказаться отъ теперешней его политики по дѣламъ итальянскимъ.

—

№ 23.

Москва, 28-го января.

На прошлой недѣлѣ, въ „Journal de St-Pétersbourg“ появилась статья повергшая насъ въ недоумѣніе. Статья эта должна была служить отвѣтомъ на разные толки, возникшіе по поводу польскихъ дѣлъ въ заграничной журналистикѣ. Отчасти ея тонъ, а отчасти и нѣкоторыя высказанныя въ ней мысли поразили насъ, и мы собирались поднять, при случаѣ, вопросъ объ этой французской статьѣ, такъ бойко взявшейся отвѣчать предъ Европой за русское правительство и за русскій народъ. Но каково же было наше удивленіе, когда несомнѣнно офиціальные органы русской печати принесли намъ на другой день эту самую статью въ русскомъ переводѣ, гдѣ еще явственнѣе обозначались поразившія насъ ея особенности? Во всякомъ случаѣ, благодаря этому обстоятельству, упомянутая статья какъ будто получила офиціальное значеніе. Послѣ этого мы сочли неизбѣжнымъ сообщить ее нашимъ читателямъ (см. № 20 „Московскихъ Вѣдомостей“), постаравшись передать ее по-русски какъ можно точнѣе и бережливѣе. Мы конечно желали напутствовать нѣкоторыми замѣчаніями эту статью, получившую значеніе какъ бы политическаго факта; но не все то можется, что хочется, и мы только дали себѣ слово воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы поднять это дѣло.

Теперь, слава Богу, оказывается, что статья эта не имѣетъ никакого офиціальнаго характера, что она только по недоразумѣнію была принята въ такомъ смыслѣ. Кѣмъ бы ни была она писана, — она не болѣе какъ частное мнѣніе, и не заслуживала оказанной ей чести воспроизведенія въ столькихъ газетахъ.

Впрочемъ, не столько само содержаніе статьи, сколько способъ ея выраженій и нѣкоторые встрѣчающіеся въ ней афоризмы производятъ то странное впечатлѣніе, о которомъ мы упоминали. Много высказано въ ней справедливо и дѣльно; но писавшій ее вздумалъ подкрѣплять твердое ломкимъ и доказывать ясное неяснымъ, тамъ гдѣ никакихъ особенныхъ аргументовъ не требуется, и дѣло само по себѣ очень просто. Авторъ оправдываетъ русское правительство въ рекрутскомъ наборѣ, который послужилъ сигналомъ къ безпорядкамъ и

кровавымъ смутамъ въ Царствѣ Польскомъ. Авторъ какъ будто согласенъ съ сущностію обвиненій высказанныхъ въ нѣкоторыхъ заграничныхъ журналахъ, и какъ будто проситъ ихъ о снисхожденіи. Мѣру эту онъ признаетъ не нормальною, или, какъ это слово было переведено въ нашихъ офиціяльныхъ органахъ, „неправильною"; онъ не оспариваетъ обвиненія въ „беззаконности" этой мѣры, но извиняется тѣмъ, что законность не всегда можетъ быть соблюдаема, и что глубокая политическая мудрость внушила когда-то одному правительству восклицаніе: „la légalité nous tue! (законность насъ губитъ.)" Все это намъ кажется совершенно неумѣстнымъ, неловкимъ не относящимся къ дѣлу. Никакое правительство, при нормальномъ положеніи дѣлъ, не можетъ сказать: „la légalité nous tue", потому что только твердою законностью обезпечивается существованіе и общества, и самого правительства. Но въ эпохи общественнаго разстройства, когда государство колеблется въ своихъ основаніяхъ, когда судъ и право уступаютъ мѣсто оружію и силѣ,—само собою нарушается правильное теченіе жизни. Наиболѣе цивилизованныя государства, гордящіяся своимъ порядкомъ, свободою своихъ учрежденій, законностію своей администраціи, независимостію своего суда, прибѣгаютъ въ такихъ обстоятельствахъ къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, неправильнымъ въ мирное время, но совершенно естественнымъ среди смутъ и насилій, грозящихъ основамъ существующаго порядка. Во Франціи были принимаемы такъ-называемыя мѣры общественной безопасности, въ силу которыхъ правительство уполномочивалось захватывать подозрительныхъ людей безъ суда и слѣдствія, отправлять ихъ куда-нибудь на жительство подъ надзоръ мѣстныхъ властей, или сажать въ тюрьму, или изгонять, или ссылать въ Кайенну. Въ Англіи, которая по преимуществу славится законностью и политическою свободой, въ подобныхъ обстоятельствахъ пріостанавливается дѣйствіе священнаго для Англичанина закона „Habeas Corpus", обезпечивающаго неприкосновенность личности каждаго гражданина, и правительству дается полномочіе дѣлать такія распоряженія, которыя были бы нестерпимы и невозможны при обычномъ ходѣ дѣлъ. Такъ и теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ пріостановлено дѣйствіе этого закона, и всѣмъ извѣстно, какія вслѣдствіе того бываютъ тамъ печальныя, хотя и неизбѣжныя явленія.

Однако сила и святость законности не должна страдать и колебаться отъ такихъ исключительныхъ мѣръ. Самое нарушеніе законности должно происходить не иначе какъ въ силу самой же законности. Принимаются мѣры общественной безопасности, пріостанавливается дѣйствіе закона обезпечивающаго личную свободу гражданъ, но дѣлается это не иначе какъ въ силу правильнаго, торжественнаго законодательнаго рѣшенія. Не мудрость политическая, а развѣ политическое безуміе можетъ считать законность условіемъ стѣснительнымъ и пагубнымъ для правительствъ. Авторъ статьи въ „Journal de St.-Pétersbourg", приводя плѣнившее его восклицаніе: „законность насъ губитъ!" безъ сомнѣнія, самъ видѣлъ въ томъ не болѣе какъ формулу положенія исключительнаго, а никакъ не общее правило. Но къ сожалѣнію, мысль его высказалась слишкомъ сбивчиво, да и особенныхъ поводовъ и не было ссылаться на это глубокомысленное изреченіе.

Рекрутскій наборъ самъ по себѣ есть мѣра законная какъ въ Россійской Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Пока Польша находится подъ одною державой съ Россіей, она не можетъ уклониться отъ той доли военной повинности, которая падаетъ на нее. Пока не совершилось полное отдѣленіе Польши, пока еще не пріобрѣла она полной самостоятельности въ управленіи по всѣмъ частямъ, пока армія для Россіи и Польши остается одна и та же, рекрутскій наборъ, по существующему порядку, есть дѣло вполнѣ законное столько же въ Польшѣ, сколько и въ Россіи. И никогда еще ни въ Россіи, ни въ Польшѣ рекрутскій наборъ не могъ быть менѣе предметомъ жалобъ какъ въ настоящее время. Слишкомъ шесть лѣтъ народъ и въ Россіи, и въ Польшѣ былъ избавленъ отъ этой повинности; слишкомъ шесть лѣтъ ни одного человѣка не было взято подъ ружье по узаконенной очереди. Никогда промежутокъ времени отъ одного набора до другаго не былъ такъ продолжителенъ и не отзывался такими благопріятными для народнаго быта послѣдствіями. Кромѣ того, Высочайшій Манифестъ, объявившій о нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, сопровождался нѣкоторыми распоряженіями, во многомъ облегчавшими для народа тяготу этой повинности.

Но въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ общихъ распоряженій, были приняты еще нѣкоторыя мѣры вызванныя исключительнымъ положеніемъ этого края. Тяжесть этой повинности должна была лечь не столько на сельскій людъ, сколько на городское населеніе. Мѣру эту можно было объяснять какъ особенную льготу для сельскаго хозяйства, которое при теперешнихъ коренныхъ измѣненіяхъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ всякая другая часть нуждается въ льготахъ. Но такое объясненіе было бы не достаточно, и оно было бы не искренно. Мы не можемъ не порадоваться, что правительство нисколько и не скрываетъ своихъ истинныхъ видовъ по этому дѣлу. Рекрутскій наборъ въ Царствѣ Польскомъ производился подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ политическихъ соображеній, о которыхъ довольно подробно говорится въ означенной статьѣ „Journal de St.-Pétersbourg“. Элементы безпорядковъ и смутъ въ Польшѣ сосредоточиваются преимущественно въ городскихъ населеніяхъ, и революціонный комитетъ тамъ главнымъ образомъ вербуетъ своихъ агентовъ. Правительство, которое такъ долго борется въ Польшѣ съ этою подземною революціей, распространяющею далеко свое зловредное дѣйствіе, старалось по возможности избѣгать употребленія открытой силы; и дѣйствуя съ крайнею осторожностію, предпочло воспользоваться рекрутскимъ наборомъ отчасти какъ средствомъ для очищенія городскихъ улицъ отъ горючаго матеріяла революціонной агитаціи. Вмѣсто земледѣльческихъ населеній, тяжесть набора должна была пасть преимущественно на городскія: вотъ въ чемъ состояла вся исключительность принятой въ Царствѣ Польскомъ мѣры. Соотвѣтствуетъ ли она предположенной цѣли и не было ли бы вѣрнѣе и дѣйствительнѣе что-нибудь другое, объ этомъ можно судить такъ или иначе; но въ этой мѣрѣ нѣтъ ничего беззаконнаго. Это не было какимъ-либо тайнымъ распоряженіемъ, исполненнымъ украдкой. Основанія рекрутскаго набора въ Царствѣ Польскомъ были обнародованы предварительно правильнымъ законодательнымъ порядкомъ, и законность не была нарушена этою мѣрой, каковъ бы ни былъ ея смыслъ и каковы бы ни были ея послѣдствія.

Нѣтъ, не законность убиваетъ насъ, скажемъ мы нашему франко-русскому публицисту, которому за чѣмъ-то понадобилось и почему-то понравилось это изреченіе; напротивъ, законность, понятая въ своемъ истинномъ и живомъ смыслѣ, можетъ одна поднять насъ и уберечь отъ разныхъ напастей. Нѣтъ, наша шаткость и несамостоятельность, наша неувѣренность ни въ чемъ, даже неувѣренность въ собственномъ существованіи, — вотъ наша бѣда. А избыткомъ законности мы пока еще не страдаемъ.

№ 24.

Москва, 29-го января

А.

Сила Поляковъ въ ихъ патріотизмѣ, въ патріотизмѣ несокрушимомъ, не ослабѣвающемъ отъ неудачъ, почерпающемъ въ отчаяніи новое мужество. Но этотъ патріотизмъ имѣетъ страстный характеръ. Какъ всякая страсть, онъ слѣпъ, и любитъ свое ослѣпленіе. Въ этомъ — его несчастіе и его слабость. Нельзя сомнѣваться, что въ польскомъ народѣ есть люди высоко образованные, люди способные оцѣнить значеніе дѣлъ, совершающихся теперь въ Царствѣ Польскомъ; но голосъ этихъ людей безсиленъ, и многіе изъ нихъ вѣроятно увлечены общимъ потокомъ.

Уже болѣе года какъ люди умѣренные и разумные стали держать себя въ Царствѣ совершенно пассивно, уступивъ поле дѣйствія крайнимъ стремленіямъ. Патріотическое чувство потеряло всякую мѣру и выражалось въ такихъ формахъ, которыя явно грѣшили противъ здраваго смысла. Мы говоримъ не о демонстраціяхъ, и не о злодѣйскихъ покушеніяхъ. Мы разумѣемъ мѣры, которыя были принимаемы не революціонными комитетами, а самою администраціей Царства задолго до возстанія. Какъ на образцикъ укажемъ на реставрацію всего старопольскаго, дошедшую даже до возстановленія старой польской системы мѣръ и вѣсовъ. Эта система есть верхъ безобразія, и тѣмъ не менѣе она была реставрирована какъ палладій польской національности. Не можетъ быть, чтобы въ Царствѣ не было людей, которые не понимали бы нелѣпости подобной реставраціи, простирающейся на вещи лишенныя всякаго политическаго значенія; но несмотря на то, реставрація шла своимъ путемъ, повинуясь не разумному патріотизму, а его заблужденіямъ. Когда таково было настроеніе классовъ общества принимавшихъ участіе въ

управленіи страной, то чего было ожидать отъ революціоннаго комитета, дѣйствовавшаго преимущественно по указаніямъ эмиграціи? Тѣ уступали слѣпому патріотизму; этотъ долженъ былъ имъ воспользоваться. Грустно было видѣть, какъ польское патріотическое чувство все болѣе и болѣе совращалось съ того пути, на которомъ успѣхъ могъ бы обойдтись безъ жертвъ и пролитія крови. Еще грустнѣе было видѣть, какъ для поддержанія этого чувства польскіе патріоты прибѣгали ко лжи и обману, къ средствамъ, которыя неминуемо должны испортить самое лучшее дѣло. Читатели найдутъ ниже, въ статьѣ г. Лебедева, выписку изъ сочиненій Мѣрославскаго, ярко характеризующую этотъ образъ дѣйствій, основанный на убѣжденіи, что безъ лжи и клеветы успѣхъ польскаго національнаго дѣла не возможенъ. Вожди революціоннаго движенія сами хорошо знали, что обманываютъ свою націю, говоря ей объ упадкѣ мужества въ русскомъ войскѣ. Кого этотъ обманъ болѣе оскорбляетъ, русское ли войско, о которомъ были распускаемы ложные слухи, или польскій народъ? Вожди движенія имѣютъ, какъ видно, очень низкое мнѣніе о польскомъ патріотизмѣ, когда считаютъ нужнымъ дѣйствовать на него обманомъ. Они называютъ дѣло возстанія святымъ дѣломъ; они утверждаютъ, что цѣль освящаетъ средства. Этимъ іезуитскимъ правиломъ, вѣроятно, оправдываютъ они назначенное ими, и по счастію не удавшееся имъ, избіеніе русскихъ войскъ. Но если противъ врага позволительны всякія средства, то развѣ и противъ своихъ согражданъ всякія средства позволительны? И пусть бы они сѣяли между Поляками ненависть къ Россіи и Русскимъ: зачѣмъ приготовляли они имъ жестокое разочарованіе, внушая не только ненависть къ намъ, но и презрѣніе къ нашему войску? Считали ли они сами святымъ то дѣло, къ которому привлекали земляковъ своихъ посредствомъ ловушекъ? Такой образъ дѣйствій нельзя уже ни оправдывать, ни объяснять слѣпымъ патріотизмомъ. Это—эксплуатація слѣпаго патріотизма, подкапывающая его въ корнѣ.

Такъ дѣйствуютъ польскіе патріоты, потерявшіе въ своемъ ослѣпленіи всякое чувство нравственнаго закона. Мы Русскіе не должны, не можемъ и не будемъ подражать имъ. Но не слѣдуетъ ли намъ подумать о томъ, что и другая крайность пагубна? Патріотическое чувство не должно ставить себя превыше нравственности, но надобно помнить, что государства существуютъ только на томъ основаніи, что каждый подданный обязанъ жертвовать своею жизнію за отечество. Русскій народъ доказалъ не разъ свою готовность къ жертвамъ для сохраненія русскаго государства. Онъ докажетъ это и впредь. Но народъ говоритъ только въ торжественныя минуты своей исторіи. Въ обыкновенное время высказываются во всеуслышаніе немногіе классы общества, и эти-то немногіе классы, въ особенности наши собраты люди пишущіе, обязаны, кажется намъ, серіозно вспомнить о своемъ долгѣ, чтобы не погрѣшить передъ отечествомъ и не поддерживать въ заблужденіи родственный намъ польскій народъ насчетъ того, что для него возможно и что невозможно.

Б.

Продолжительность переговоровъ, которые ведутся о замѣщеніи греческаго престола, и неудачный исходъ всего что было до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ отношеніи со стороны Англіи, погружаетъ Грецію все болѣе и болѣе въ анархическое состояніе. Послѣднія извѣстія, по словамъ газеты „La France“, какъ нельзя болѣе печальны. Власть начинаетъ переходить въ руки политическихъ клубовъ и журналистовъ, изъ которыхъ иные начинаютъ проповѣдывать республиканскія идеи; національное собраніе и временное правительство, въ разладѣ между собою, ищутъ поддержки въ уличныхъ толпахъ; войско заражено духомъ своеволія, и недавно еще 150 унтеръ-офицеровъ осадили зданіе національнаго собранія, требуя себѣ офицерскаго чина, и были отпущены безъ всякаго за то наказанія. Съ такимъ войскомъ трудно вести борьбу противъ появляющихся повсемѣстно шаекъ разбойниковъ. Не довѣряя центральному правительству, каждый городъ и каждая община принуждены думать о самозащищеніи, что не можетъ не отозваться въ ближайшее время на сборѣ государственныхъ доходовъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, окажется большой недочетъ.

Въ такую-то бѣду ввергаетъ Грецію несогласіе между великими европейскими державами. Газета „Le Nord“ указываетъ, между прочимъ, что съ той поры какъ герцогъ Саксенъ-Кобургскій изъявилъ желаніе, принимая греческую корону, сохранить за собою свое герцогство, не могло быть

больше и рѣчи о немъ какъ о кандидатѣ на греческій престолъ, такъ какъ въ дополнительной статьѣ отъ 30 апрѣля 1833 г. къ лондонскому трактату 1832 г. прямо сказано, что ни въ какомъ случаѣ греческая корона не можетъ быть соединена съ какою-либо другою короною. Такимъ образомъ всѣ толки органа лорда Пальмерстона „Morning Post“ и газеты „Times“ въ пользу кандидатуры герцога Эрнеста не обнаруживаютъ съ ихъ стороны особеннаго уваженія ни къ существующимъ трактатамъ, ни къ интересамъ самой Греціи. Тѣмъ не менѣе въ Греціи не замѣчается охлажденія къ союзу съ Англіей, по крайней мѣрѣ въ офиціяльномъ ея мірѣ. По новѣйшимъ извѣстіямъ, національное собраніе, не взирая ни на что, провозгласило принца Альфреда королемъ Эллиновъ; временное правительство, такъ благопріятствовавшее англійскому вліянію, исполнивъ формальность, сложивъ съ себя власть какъ только организовалось національное собраніе, вновь приняло ее на себя, по порученію уже народнаго представительства. Сознавая всю силу Англіи на Востокѣ, политическіе дѣятели Греціи, естественно, примыкаютъ главнѣйшимъ образомъ къ этой державѣ. Съ другой стороны, Англія, имѣя болѣе существенные, по крайней мѣрѣ болѣе непосредственные и близкіе интересы на Востокѣ, чѣмъ какая-либо другая держава, несмотря на всѣ свои неудачи до сихъ поръ, не намѣрена отказаться отъ желанія дать Греціи короля по своему выбору. Въ тронной рѣчи, правительство королевы великобританской рекомендуетъ Грекамъ руководиться при новомъ избраніи короля тѣми же чувствами, какія они заявили, избравъ принца Альфреда, то-есть, чувствами преданности и пріязни въ отношеніи къ Англіи. На этихъ только условіяхъ, Англія рѣшается на уступку Іоническихъ острововъ Греціи.

Мы сообщили вчера отчетъ о концѣ засѣданія Прусской палаты депутатовъ, въ которомъ принятъ былъ адресъ королю. Изъ рѣчи г. Гнейста видно, что оппозиція сама не считаетъ возможнымъ организовать правительство изъ своей среды. Г. Гнейстъ даже не сѣтуетъ на ту двусмысленность конституціи, которая подала поводъ къ теперешнему затрудненію. Онъ прямо говоритъ, что дѣло идетъ не о парламентарномъ образѣ правленія, вовсе не о смѣнѣ министровъ, когда они не пользуются сочувствіемъ и довѣріемъ представительнаго собранія, словомъ, вовсе не о рѣшительномъ выходѣ изъ тѣхъ условій, при которыхъ почти неизбѣжны столкновенія между властями, въ родѣ нынѣшняго. Такъ о чемъ же идетъ дѣло? Безъ сомнѣнія, о томъ, чтобы всѣ смертные, а въ томъ числѣ и министры, по доброй своей волѣ, оставались всегда въ предѣлахъ законности. Члены палаты господъ въ сообщенномъ нами вчера, и уже принятомъ единогласно,—проектѣ адреса королю очень ясно указываютъ, какъ на источникъ происшедшихъ столкновеній, на недостатокъ опредѣленнаго закона о томъ, какимъ властямъ слѣдуетъ уступать въ подобныхъ случаяхъ; но за тѣмъ, они возлагаютъ всѣ свои надежды на мудрость и доброжелательство короля къ его вѣрнымъ подданнымъ. Отвѣтъ короля палатѣ депутатовъ, сколько можно судить по вчерашней телеграммѣ, отличается миролюбіемъ, но первые шаги на пути къ примиренію предоставляетъ сдѣлать самой палатѣ. Сообщенное вчера предложеніе г. Форкенбека, по вопросу о бюджетѣ, не предвѣщаетъ, чтобы она рѣшилась первая вступить на путь примиренія.

№ 25.

Москва, 30-го января.

Гдѣ бы не происходило столкновеніе сильнаго государства съ слабымъ, мы съ перваго раза готовы скорѣе принять сторону послѣдняго, заподозрить силу въ насиліи. Можетъ-быть въ этомъ сказывается доброе чувство, но оно должно уступить разуму, который не можетъ признать слабость правомъ, а опирается на общихъ законахъ общежитія.

Слабая Бразилія едва не накликала на себя войну съ Англіей, и при первомъ извѣстіи о несогласіяхъ между двумя державами послышались обвиненія противъ „коварнаго и гордаго Альбіона“. Мы не имѣемъ нужды защищать какую-либо сторону, тѣмъ болѣе что дѣло кончилось миролюбиво, уступкою и сдѣлкою. Но оно представляетъ другой, болѣе общій интересъ, притѣхъ частыхъ сношеніяхъ, которыя установились въ послѣднее время между Европой и Америкой.

Съ тѣхъ поръ какъ началась междуусобная война въ Сѣверной Америкѣ, не оста-

лось въ Новомъ Свѣтѣ почти ни одного государства, въ которомъ правительство стояло бы твердо и прочно; почти всюду идетъ борьба за власть, и положеніе Европейцевъ становится не обезпеченнымъ. Европа, конечно, не обязана и даже не должна заботиться объ организаціи американскихъ государствъ. Но она въ правѣ требовать, чтобы въ каждой странѣ было твердое правительство, способное охранять законъ и дѣлающее возможными международныя отношенія. Европѣ нужно знать, къ кому обратиться съ своими жалобами, отъ кого ожидать защиты, съ кѣмъ имѣть дѣло. На этомъ основывается признаніе новыхъ государствъ: признается та власть, которая имѣетъ дѣйствительную силу, необходимую для власти, а не та, которая основана только на документахъ. Правительство есть служба, и въ этомъ смыслѣ подлежитъ отвѣтственности. Если вопреки всякому закону нарушаются интересы и права нашихъ соотечественниковъ, мы должны знать, кого потребовать къ отвѣту,—иначе, не находя управы, принуждены сами вознаградить себя. Если власть не способна дать отвѣтъ и обезпечить сохраненіе закона на будущее время, она становится невозможною въ международномъ союзѣ. Какая судьба ожидаетъ Европейцевъ, если они, вступая на американскую территорію, не могутъ быть увѣрены въ безопасности и должны подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ произвола и анархіи?

Международная отвѣтственность — великая сила для обузданія произвола. Правительство, охраняющее общественный порядокъ въ странѣ, обязано дать судъ каждому иностранцу; оно несетъ на себѣ всѣ послѣдствія несправедливыхъ дѣйствій своихъ агентовъ; оно должно доказать, что стоитъ во главѣ благоустроеннаго государства, и, безъ раболѣпства передъ чужими, не покрывать во что бы то ни стало своихъ.

Въ спорѣ Англіи съ Бразиліей мы не имѣемъ возможности удостовѣриться въ справедливости фактовъ и доводовъ той и другой стороны. Если донесеніе англійскаго консула несправедливо, то, конечно, Англія безъ достаточнаго основанія обратилась къ принудительнымъ мѣрамъ. Но предполагая, что консулъ былъ правъ, англійское правительство обязано было прибѣгнуть къ репрессаліямъ; этимъ оно обезпечивало своимъ подданнымъ безопасность на будущее время охраняло ихъ отъ произвола мѣстныхъ властей. Пусть правительство Бразиліи поплатившись за дѣйствія своихъ чиновниковъ, сдѣлается осторожнѣе и разборчивѣе въ назначеніи ихъ; пусть оно принимаетъ мѣры къ охраненію порядка въ странѣ и строже выполняетъ свои обязанности. При отсутствіи внутренней энергіи необходимъ толчокъ извнѣ. Что бразильскія власти не пользуются авторитетомъ, это доказывается между прочимъ торговлею неграми, которая запрещена закономъ и производится Бразильцами безнаказанно. Въ англійскомъ парламентѣ въ прошломъ году не разъ порицалось бразильское правительство за то, что оно смотритъ сквозь пальцы на беззаконную торговлю; ему ставили въ примѣръ даже тунисскаго бея. Репрессаліи, самоуправство, безспорно, крайнія средства; но они вызываются дряблостію власти, которая не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, своей службы и забываетъ о своей отвѣтственности.

Кто бы ни пренебрегалъ своею обязанностію, сильный или слабый, напоминаніе объ обязанности необходимо. Государство должно быть государствомъ, а не анархическимъ обществомъ, въ которомъ каждый находится въ положеніи необходимой обороны. По мысли одного изъ президентовъ Сѣверной Америки, Новый Свѣтъ есть особый міръ, въ который не слѣдуетъ допускать европейскаго вмѣшательства. Эта мысль находитъ и теперь еще приверженцевъ. Но Европа не можетъ оставаться равнодушною къ тому, что совершается въ странахъ, гдѣ живутъ Европейцы, гдѣ положены ихъ капиталы и труды. Европа имѣетъ право требовать, чтобы въ Америкѣ, какъ и вездѣ, были правительства. Дѣло идетъ не о формѣ этихъ правительствъ, а о сущности, безъ которой невозможно общежитіе.

№ 26.

Москва, 31-го января.

Городскіе выборы въ Москвѣ приближаются къ концу. Сословіе пяти сотъ выборныхъ, „Moscou légal“, какъ сказали бы Французы, скоро составится и приступитъ къ отправленію своихъ обязанностей. Уже начинаются предварительныя частныя совѣщанія выборныхъ, по новости дѣла особенно нужныя теперь для его успѣха, и живѣе прежняго чувствуются предстоящія

трудности, происходящія отъ разрозненности лицъ разныхъ званій, попавшихъ въ число выборныхъ, и отъ совершеннаго недостатка руководителей, пользующихся общимъ довѣріемъ городскихъ сословій. Безъ руководителей ни одно многолюдное собраніе обойдтись не можетъ; если нѣтъ людей руководящихъ собраніемъ, то имъ непремѣнно будетъ руководить слѣпой случай. Неопытность въ общественномъ дѣлѣ обыкновенно возстаетъ противъ вліяній и авторитетовъ, но что же лучше, вліяніе ли людей, заботящихся о поддержаніи своего авторитета и своей репутаціи, или вліяніе случая, властвующаго несмотря на свою древнюю двусмысленную репутацію? Нельзя впрочемъ не сказать, что если Москва отдастся въ слѣпую власть случая, это произойдетъ не отъ одной неопытности, а отъ другихъ причинъ, за которыя московское общество отвѣчать не можетъ.

Вопервыхъ, какъ уже сказано выше, это дѣло новое. Рѣдкій изъ выборныхъ извѣстенъ городскому обществу по своей общественной дѣятельности; рѣдкій имѣлъ случай показать на опытѣ какъ онъ смотритъ на общественное дѣло, съ какими видами приступаетъ къ нему и въ какой мѣрѣ самостоятельно о немъ судитъ. Ни дворянскіе, ни купеческіе выборы, надобно сказать правду, не были до сихъ поръ дѣломъ серіознымъ. Мудрено ли, что когда возникъ вопросъ объ избраніи выборныхъ, люди имѣвшіе голоса въ ихъ избраніи ходили въ потемкахъ? Мудрено ли, что въ потемкахъ будутъ на первое время ходить и выборные?

Вовторыхъ, самая обстановка выборовъ, и въ особенности ихъ сословный характеръ, сильно вредятъ успѣшности дѣла. Теперь всѣ того мнѣнія, что въ Москвѣ повторится то же самое, что было въ Петербургѣ. Также точно какъ въ Петербургѣ, выборъ головы будетъ зависѣть у насъ преимущественно отъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Сословность выборовъ поддерживаетъ такую рознь между дворянами и купцами, что общія предварительныя совѣщанія выборныхъ отъ этихъ двухъ первенствующихъ сословій города представляются дѣломъ едва исполнимымъ, а о соглашеніи ихъ, увѣряютъ, нельзя и думать. При такомъ положеніи дѣла конкурренція кандидатовъ должна перейдти въ борьбу сословій, а въ этой борьбѣ побѣда должна остаться за тѣмъ изъ нихъ, къ которому примкнутъ мѣщане и цеховые. Такимъ образомъ низшія городскія сословія будутъ рѣшителями дѣла. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы такой исходъ былъ желателенъ и полезенъ. Между тѣмъ такъ всегда будетъ, пока выборы будутъ производиться сословнымъ порядкомъ. Пусть же по крайней мѣрѣ этотъ опытъ научитъ проповѣдниковъ сословности, что результаты ихъ хлопотъ никакъ не могутъ соотвѣтствовать ихъ ожиданіямъ. Они опасаются за сословія высшія и желаютъ обезпечить за ними вліяніе, а достигаютъ они того, что все вліяніе фактически переходитъ къ сословіямъ низшимъ. Если они хотятъ стоять на своемъ и не намѣрены сознаться въ ошибочности своихъ теорій, то они должны принять на свою отвѣтственность, что городской голова будетъ избираться не городскимъ обществомъ въ его цѣломъ составѣ, а незначительною частью его, которая и по своему имуществу и по своему образованію не можетъ имѣть права на первенство при рѣшеніи такого важнаго вопроса какъ избраніе головы.

Совсѣмъ другое было бы дѣло, еслибы выборные избирались не по сословіямъ, а по частямъ города. Тогда не было бы этой искусственной розни между купечествомъ и дворянствомъ, не было бы дворянскихъ и купеческихъ кандидатовъ, и въ самомъ сословіи выборныхъ не было бы той разнохарактерности, которая затрудняетъ теперь даже предварительныя частныя совѣщанія. Но жалуясь на обстановку новаго городскаго управленія, мы не должны, конечно, оправдывать ею свою недѣятельность. Мы не должны сидѣть сложа руки, не должны пасовать передъ заявляющими себя сословными претензіями. Всякій доброжелатель города долженъ съ своей стороны сдѣлать все возможное, чтобы въ городскіе головы былъ избранъ человѣкъ наиболѣе достойный, независимо отъ того, къ какому сословію онъ принадлежитъ. Всякій доброжелатель города долженъ также, по возможности, противодѣйствовать тому, чтобы рѣшеніе этого дѣла было предоставлено случайной подачѣ голосовъ мѣщанами и ремесленниками. Съ этою цѣлію, кажется намъ, надобно было бы устроить общее предварительное совѣщаніе наиболѣе вліятельныхъ выборныхъ изо всѣхъ городскихъ сословій. Пусть на этомъ совѣщаніи будетъ составленъ списокъ лицъ, которыхъ можно считать серіозными кандидатами въ городскіе головы и въ члены думъ общей

и распорядительной; пусть будутъ заявлены права каждаго изъ нихъ на городскія почетныя должности, пусть будутъ приняты мѣры, чтобы на окончательные выборы всякій пришелъ съ опредѣленнымъ мнѣніемъ. Мы не скрываемъ отъ себя, что устроить все это очень трудно; но мы желали бы, чтобы кто-нибудь указалъ, какимъ инымъ способомъ можно оградить рѣшеніе дѣлъ, предстоящихъ выборнымъ, отъ вліянія слѣпаго случая.

№ 27.

Москва, 1-го февраля.

Въ Газетѣ „Народное Богатство“ было сообщено извѣстіе, перепечатанное и нами въ № 23 „Московскихъ Вѣдомостей“, о видахъ на скорое утвержденіе товарищества для построенія Московско-Харьковской желѣзной дороги. Вскорѣ „Сѣверная Пчела“, а вслѣдъ за нею и „Голосъ“, поспѣшили разочаровать публику и передать ей, что дѣло стало за гарантіей, которую было бы однакожь легко дать, безо всякаго затрудненія для государственныхъ финансовъ. Смыслъ статей помѣщенныхъ въ этихъ двухъ газетахъ, сколько мы поняли его, заключается въ томъ, что затрудненіе, встрѣтившееся по вопросу о гарантіи, не имѣетъ достаточнаго основанія, и что гораздо полезнѣе было бы, если бы въ вознагражденіе за просимую гарантію была возложена на будущее товарищество обязанность развить въ Россіи тѣ отрасли механическаго и литейнаго дѣла, которыя находятся въ связи съ построеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

Намъ кажется, что этотъ взглядъ невѣренъ. Тутъ возможно одно изъ двухъ: Либо обязательство водворять въ Россіи новыя отрасли промышленности потребуетъ лишнихъ денегъ сверхъ того, что нужно на устройство желѣзной дороги, и въ этомъ случаѣ оно будетъ дѣйствительнымъ обязательствомъ, но въ этомъ случаѣ отъ товарищества нельзя ожидать, чтобъ оно приняло на себя это обязательство даромъ, не высчитывая себѣ какого-нибудь вознагражденія за ожидаемыя потери, то-есть не возвышая своихъ требованій относительно гарантіи. Либо это обязательство не поведетъ компанію къ убыткамъ; въ такомъ случаѣ оно не должно имѣть вліяніе на цифру гарантіи и другія льготы, выговариваемыя товариществомъ у правительства, но казна, не давая лишнихъ льготъ, не имѣетъ права и возлагать лишнія обязательства, сопряженныя если не съ вѣрными убытками, то по крайней мѣрѣ съ рискомъ. Въ первомъ случаѣ обязательство имѣетъ значеніе, но будетъ стоить казнѣ лишнихъ денегъ. Во второмъ оно не имѣетъ значенія для казны, а контрагентовъ будетъ все-таки пугать и побуждать къ возвышенію предлагаемыхъ ими условій.

Имѣя въ виду эту дилемму, въ обоихъ случахъ ведущую къ лишнимъ тратамъ казенныхъ денегъ, мы позволяемъ себѣ спросить, такое ли теперь время, чтобы заботиться не только о построеніи желѣзныхъ дорогъ, но и о водвореніи связанныхъ съ ними отраслей заводской промышленности? Если эти отрасли дѣйствительно нужны намъ, если въ самомъ дѣлѣ правда, что построенныя до сихъ поръ желѣзныя дороги ничего не выиграли отъ права получать извѣстную долю матеріяловъ изъ за границы, то новыя товарищества сами не найдутъ выгоднымъ слѣдовать по прежнему пути и изъ простаго разсчета будутъ заготовлять въ предѣлахъ Россіи все то что будетъ имъ требоваться. При такомъ положеніи дѣлъ покровительствовать водворенію этихъ отраслей промышленности вовсе не нужно. Правда, что затрудненіе можетъ встрѣтиться въ недостаткѣ капиталовъ; иногда бываетъ, что промышленность, имѣющая всѣ данныя для водворенія въ томъ или другомъ мѣстѣ, не водворяется только потому что требуетъ значительной затраты капиталовъ, а между тѣмъ въ капиталахъ оказывается недостатокъ: они идутъ на мелкія предпріятія; на крупное дѣло не бываетъ охотниковъ. Не споримъ, что теперь положеніе русской промышленности подходитъ подъ этотъ случай. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Если у насъ капиталовъ мало, и если первѣйшая наша потребность заключается въ построеніи желѣзныхъ дорогъ, то правильно ли будемъ мы дѣйствовать, отвлекая отъ этого дѣла извѣстную долю немногихъ нашихъ капиталовъ? При другихъ обстоятельствахъ, съ покровительственной точки зрѣнія можно было бы желать мѣръ содѣйствія тѣмъ отраслямъ заводской промышленности, которыя намъ нужны, и могутъ быть водворены у насъ, но не водворяются вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. При теперешнемъ

положеніи даже съ покровительственной точки зрѣнія, такое желаніе было бы не правильно. Всѣ протекціонисты согласны въ томъ, что мѣры содѣйствія могутъ быть допущены не относительно всѣхъ предпріятій, а только относительно тѣхъ, которыя въ данное время особенно выгодны и нужны. Но въ настоящую минуту что можетъ быть для насъ нужнѣе постройки желѣзныхъ дорогъ? Итакъ, если можетъ идти рѣчь о мѣрахъ содѣйствія, то прежде всего онѣ должны быть направлены на самое это дѣло, а не на побочныя дѣла, которымъ очередь придетъ въ послѣдствіи.

Итакъ, не только правильная экономическая теорія, которая вообще не допускаетъ искусственныхъ мѣръ къ водворенію какого бы то ни было промысла, но и теорія покровительственная не можетъ оправдать отвлеченіе капиталовъ отъ ближайшаго дѣла постройки желѣзныхъ дорогъ, чтобъ обратить ихъ на устройство заводовъ, изготовляющихъ принадлежности желѣзныхъ дорогъ. Пока наша потребность въ желѣзныхъ дорогахъ не будетъ сколько-нибудь удовлетворена, до тѣхъ поръ сами протекціонисты не могутъ требовать мѣръ покровительства въ видахъ содѣйствія устройству механическихъ и другихъ заведеній, изготовляющихъ принадлежности желѣзныхъ дорогъ. Всѣ усилія, которыя возможны теперь для казны, должны быть сосредоточены на одномъ дѣлѣ: чѣмъ меньше будетъ гарантія данная по одной дорогѣ, тѣмъ скорѣе можетъ быть дана гарантія по другой дорогѣ,— а мало ли у насъ линій, по которымъ крайне нужно построить желѣзныя дороги, и пристроить какъ можно скорѣе? Всякое условіе, возвышающее цифру гарантіи, замедлитъ постройку желѣзныхъ дорогъ и слѣдовательно отсрочитъ удовлетвореніе самой настоятельной потребности нашего отечества. А когда у насъ будетъ значительная сѣть желѣзныхъ дорогъ, то всѣ механическія заведенія, дѣйствительно нужныя намъ и дѣйствительно для насъ не убыточныя, возникнутъ сами собою, безъ пожертвованій со стороны казны.

Повторяемъ: теперь вовсе не время налагать на новыя товарищества какія-либо обязанности, могущія побудить и къ возвышенію требованій относительно казенной гарантіи. Надобно всего болѣе заботиться о ясности дѣла и устраненіи риска: за всякую неясность и за всякій рискъ капиталисты заставятъ заплатить себѣ, и никто не можетъ за то пенять на нихъ. Податливость на условія, сопряженныя съ рискомъ есть лучшее свидѣтельство о томъ, что дѣло можетъ быть устроено на основаніяхъ болѣе выгодныхъ для казны. Устраненіе каждаго изъ подобныхъ условій можетъ вести къ соотвѣтственной уступкѣ по существенной части требованій,— по части гарантіи.

№ 28.

Москва, 4-го февраля.

Мы уже упоминали о предварительныхъ совѣщаніяхъ, устраиваемыхъ городскими выборными въ Москвѣ. Цѣль этихъ совѣщаній состоитъ въ томъ, чтобы по возможности предотвратить случайную подачу голосовъ. Но эта цѣль не можетъ быть достигнута если предварительныя совѣщанія будутъ происходить по сословіямъ. Выборные отъ одного сословія могутъ подавать голоса на основаніи соображеній заранѣе взвѣшенныхъ и обсужденныхъ; очень можетъ быть, что такой обдуманной подачи голосовъ удастся достигнуть въ двухъ или трехъ сословіяхъ, и въ этихъ сословіяхъ вовсе не будетъ того, что называется потерянными голосами, но тѣмъ не менѣе если не послѣдуетъ совѣщаній между выборными разныхъ сословій, окончательное рѣшеніе будетъ предоставлено случаю, и если не голоса отдѣльныхъ выборныхъ, то голоса цѣлыхъ сословій могутъ оказаться потерянными голосами, voix perdues. Поэтому намъ кажется очень важнымъ рѣшеніе, которое было принято на одномъ изъ совѣщаній, устроенныхъ выборными изъ сословія потомственныхъ дворянъ. На этомъ совѣщаніи, бывшемъ 2-го февраля въ домѣ Ѳ. Л. Бреверна, однимъ изъ выборныхъ, С. И. Гончаровымъ, былъ предложенъ вопросъ о томъ, какія средства можно избрать для приглашенія вліятельныхъ лицъ изъ числа выборныхъ отъ другихъ сословій, къ общему совѣщанію о предстоящемъ выборѣ городскихъ должностныхъ лицъ. При обсужденіи этого вопроса было заявлено, что для успѣшности общихъ совѣщаній было бы полезно, если бы выборные каждаго сословія указали кандидатовъ, кажущихся имъ наиболѣе серіозными въ средѣ своего сословія: тогда можно было бы сообща обсудить ихъ относительныя права и указать кандидатовъ, которые могутъ считаться наи-

болѣе серіозными при общихъ городскихъ выборахъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ находили, что подобныя указанія сословныхъ кандидатовъ могли бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Въ кандидатахъ, указываемыхъ однимъ изъ сословій, другія сословія могли бы видѣть тѣхъ людей, за которыхъ именно это сословіе намѣрено подавать голосъ, а это могло бы повредить сближенію и затруднить соглашеніе. Но тотчасъ же было разъяснено, что указывать кандидатовъ изъ среды своего сословія вовсе не значитъ заранѣе заявлять свой будущій голосъ. Этотъ будущій голосъ долженъ зависѣть отъ ожидаемаго общаго предварительнаго совѣщанія выборныхъ разныхъ сословій, а такъ какъ общее совѣщаніе имѣется въ виду, то уже изъ этого одного слѣдуетъ, что предварительное указаніе кандидатовъ нельзя принимать за предварительные примѣрные выборы. Сословіе, указывающее на того или другаго кандидата изъ своей среды и приглашающее выборныхъ отъ другихъ сословій къ такому же указанію, ничѣмъ не заручается и нисколько не обѣщаетъ непремѣнной поддержки тѣмъ кандидатамъ, на которыхъ оно указываетъ; еслибъ оно имѣло это въ виду, то не для чего было бы ему открывать своихъ кандидатовъ и затѣвать общія совѣщанія, а надобно было бы только вербовать голоса, что удобнѣе дѣлается тайно чѣмъ явно. Заявляя свою готовность устроить общія совѣщанія, сословіе тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно отнюдь не намѣрено стоять за указываемыхъ имъ лицъ, а только выставляетъ ихъ, какъ людей „изъ своей среды.“ Этимъ актомъ кандидаты другихъ сословій не устраняются,—устраняются только другіе кандидаты изъ своего сословія, а черезъ то безспорно разъясняется и упрощается дѣло. Въ этомъ смыслѣ, огромнымъ большинствомъ присутствовавшихъ на совѣщаніи 2 февраля названы какъ лица могущія считаться кандидатами въ головы, — кандидатами не отъ сословія потомственныхъ дворянъ, а изъ среды этого сословія, — князь А. А. Щербатовъ, А. И. Кошелевъ и А. А. Рябининъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколькимъ выборнымъ изъ потомственныхъ дворянъ поручено вступить въ сношенія съ выборными другихъ сословій и стараться убѣдить ихъ въ пользѣ подобнаго же указанія кандидатовъ и изъ другихъ сословій, чтобы можно было, въ началѣ первой недѣли поста, сообща обсудить весь списокъ серіозныхъ кандидатовъ въ головы, и если это удастся, то вступить въ соглашеніе насчетъ избранія въ головы того лица, которое, не взирая на сословіе, будетъ признано представляющимъ наиболѣе ручательствъ въ томъ, что достойнымъ образомъ займетъ высшую городскую должность.

Таковы попытки, сколько можно судить совершенно искреннія, дѣлаемыя московскими выборными изъ сословія потомственныхъ дворянъ къ сближенію, соглашенію и совокупному дѣйствію съ выборными другихъ сословій. Весьма желательно, чтобъ и выборные другихъ сословій не преминули выразить ту же готовность. Мы съ своей стороны были бы очень счастливы, если бы могли содѣйствовать правильному ходу будущихъ городскихъ выборовъ и будемъ охотно служить имѣющимися у насъ свѣдѣніями всякому выборному, который пожелалъ бы черезъ наше посредство вступить въ сношенія съ выборными другихъ сословій. Сословную рознь мы считаемъ язвой нашего общества, но полагаемъ, что эта язва легко излѣчима.

№ 29.

Москва, 5-го февраля.

Слишкомъ три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ началось въ Царствѣ Польскомъ одновременное возстаніе въ нѣсколькихъ пунктахъ; революціонное движеніе находится все еще въ періодѣ своего развитія; оно старается охватить съ одной стороны Галицію и Познанское великое княжество, съ другой Волынь и литовскія губерніи Россіи. Но именно эти усилія революціонеровъ распространить броженіе измѣнили политическое положеніе польской революціи.

Читателямъ извѣстно, что до 24 января Пруссія и Австрія были только наблюдателями борьбы, совершавшейся въ теченіи двухъ недѣль въ Царствѣ. Пруссія принимала нѣкоторыя мѣры предосторожности, сдвигала войска къ восточнымъ границамъ; Австрія, по отзыву иностранныхъ газетъ, была болѣе нежели равнодушна къ затрудненіямъ Россіи, и почти вовсе не препятствовала своимъ польскимъ подданнымъ помогать инсургентамъ оружіемъ, деньгами и людьми. Помимо расположенія къ Россіи, дѣйствіями Австріи, можетъ-быть, руково-

дило и желаніе сбыть изъ Галиціи хоть сколько-нибудь горячихъ головъ. Такому положенію сосѣднихъ державъ насталъ теперь конецъ, вслѣдствіе пылкости инсургентовъ, поднявшихъ знамя возстанія въ Познани и Галиціи. Въ Страсбургѣ (пограничномъ городѣ Пруссіи, лежащемъ на востокѣ отъ Торна) 24-го января произведено было нападеніе на прусскую пѣхоту; нападеніе это подниметъ вопль во всей Германіи. Съ 25 января галицкіе Поляки, желая увеличить денежныя средства инсургентовъ, перестали отличать русскіе казенные ящики отъ австрійскихъ, и признавать существованіе австрійской границы между Царствомъ и Галиціей. Благодаря этому образу дѣйствій, разумѣется, возстаніе разрослось, но средства къ его подавленію увеличиваются въ гораздо большей степени. Теперь Пруссія и Австрія начинаютъ принимать участіе въ прекращеніи польскаго движенія: открыто дѣйствовавшая въ Краковѣ контора для вербовки запрещена, а равно запрещенъ наконецъ провозъ оружія, амуниціи и боевыхъ запасовъ черезъ австрійскую границу въ Россію и Царство Польское. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскіе корпуса сосредоточиваются на границѣ.

Волненія въ Галиціи могли бы серіозно отозваться на Волыни и въ Подольской губерніи. Пограничный Владиміръ-Волынскій уѣздъ объявленъ на военномъ положеніи. Но съ перемѣной взгляда австрійскаго правительства, за Волынскую и Подольскую губерніи опасаться особенно не приходится, тѣмъ болѣе что въ нихъ расположена значительная часть войскъ Кіевскаго округа, изъ 8-ой и 9-ой пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллерійскими бригадами, и что въ Кіевскомъ округѣ имѣется много конницы, именно вся 3 кавалерійская дивизія, которая имѣла довольно времени для того чтобы придвинуться къ границѣ. Кромѣ того населеніе, какъ извѣстно, расположено не въ пользу возстаній, а потому можно надѣяться, что Волынская губернія будетъ предохранена отъ безпорядковъ и смутъ.

Вслѣдствіе дѣятельныхъ усилій частей войскъ 2 и 3-й дивизій, принадлежащихъ къ отрядамъ генераловъ Манюкина и графа Ностица, инсургенты не имѣютъ особеннаго успѣха въ Гродненской губерніи. Тѣмъ не менѣе партія Рочанскаго успѣла проникнуть въ Пружанскій уѣздъ, гдѣ была совершенно разбита.

Въ Виленской губерніи, кромѣ Троскаго уѣзда, объявленъ на военномъ положеніи Свенцянскій. Революціонеры успѣли пробраться въ лѣса, окружающіе станцію Подбродзе, вторую по желѣзной дорогѣ отъ Вильна, находящуюся въ разстояніи всего около 45 верстъ отъ Вильна. Телеграмма сообщаетъ, что инсургенты намѣрены испортить желѣзную дорогу; если это намѣреніе осуществится, то однимъ разомъ будетъ прервано сообщеніе Петербурга съ Вильно, Ковно, Варшавой и Европой. Нельзя не пожалѣть, что инсургенты нашли возможность перейдти въ Виленскую губернію изъ Царства Польскаго, и что потомъ имъ удалось переступить границы Троскаго уѣзда. Теперь они находятся близъ станціи Подбродзе, а отъ этой станціи тянется лѣсистая мѣстность до восточной части Ковенской губерніи, съ которою граничитъ Свенцянскій уѣздъ. Вообще Литовскій край нуждается въ войскахъ, тѣмъ болѣе что тамъ, еще на рукахъ у начальствъ рекрутскій наборъ, который въ Троскомъ уѣздѣ шелъ неудачно, и что часть войскъ Виленскаго округа дѣйствуетъ въ Августовской губерніи: Павлоградскіе гусары, Петербургскіе уланы, пѣхота Софійскаго и Нарвскаго полковъ, подъ начальствомъ генерала Суходольскаго. Вотъ почему очень важно извѣстіе объ отправленіи въ Вильно значительныхъ подкрѣпленій изъ Петербурга.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ инсургенты понесли чувствительную потерю; 28-го января подполковникъ Мѣдниковъ захватилъ въ плѣнъ тяжело раненаго Леона Франковскаго, одного изъ главныхъ руководителей возстанія, подписывавшаго въ послѣднее время всѣ циркуляры центральнаго комитета, и занимавшаго у инсургентовъ важную должность военнаго министра. Иностранныя газеты подозрѣвали даже, что подъ именемъ Франковскаго дѣйствуетъ извѣстный польскій выходецъ Высоцкій, еще недавно враждовавшій съ Мѣрославскимъ, а теперь, какъ увѣряютъ, примирившійся съ нимъ. Во всякомъ случаѣ однимъ главнымъ руководителемъ будетъ менѣе; кромѣ разстройства въ планахъ, подобныя потери обыкновенно сопровождаются упадкомъ нравственныхъ силъ, даже въ регулярныхъ, испытанныхъ войскахъ, а тѣмъ, болѣе въ волонтерахъ, не получившихъ правильной военной организаціи.

№ 30

Москва, 6-го февраля.

Обѣ палаты британскаго парламента окончили пренія объ адресѣ въ одинъ день, согласно обычаю уже издавна установившемуся въ Англіи. Адресъ есть отвѣтъ на тронную рѣчь; это не болѣе какъ прелюдія къ парламентскимъ преніямъ, первые аккорды, которые берутъ парламентскія партіи; настоящее дѣло—впереди, при обсужденіи законовъ, при разсмотрѣніи бюджета, при политическихъ разговорахъ по поводу запросовъ, дѣласмыхъ министрамъ. Вся сила англійскаго парламента—въ этомъ будничномъ трудѣ, съ равномѣрною энергіей продолжающемся немногѣе полугода. Совсѣмъ иное во Франціи. О будничной работѣ французскихъ законодателей бываетъ мало слышно, не только въ Европѣ, но и въ самой Франціи. За то они блистательно справляютъ свой праздникъ, свой политическій карнавалъ, какъ въ насмѣшку называютъ Англичане французскія пренія объ адресѣ. На время этихъ преній будничная скромность и трезвость отлагаются въ сторону: тронная рѣчь—царственная колесница карнавала—забрасывается приличнымъ количествомъ сахарныхъ комплиментовъ и цѣлою кучей горькихъ насмѣшекъ, высказываемыхъ съ карнавальною смѣлостью итальянскаго пасквилянта. Такъ въ древнемъ Римѣ, въ день тріумфа, собственные солдаты тріумфатора преслѣдовали его пасквильными стихами, но отъ этого дисциплина не нарушалась и не останавливался ходъ тріумфальнаго шествія. Оканчивалось торжество, и солдатъ оставался солдатомъ, а тріумфаторъ—его полновластнымъ начальникомъ.

Одинъ изъ ораторовъ французской оппозиціи самъ объяснилъ при теперешнихъ преніяхъ объ адресѣ причину такого характера преній. „Вся отвѣтственность, сказалъ г. Эмиль Оливье, лежитъ на плечахъ правительства; за дѣла отвѣчаетъ оно; мы отвѣчаемъ только за слова“. Еслибъ англійская палата общинъ, замѣчаетъ по этому поводу газета „Times“, не отвѣчала за дѣла, еслибы въ англійскомъ парламентѣ слово не было дѣломъ, то англійская публика слушала бы совершенно хладнокровно всѣ эти тщательно приготовленныя рѣчи и блистательные трактаты о политическихъ вопросахъ, которыми парламентскіе ораторы выказывали бы свои дарованія и заявляли бы свои убѣжденія. Въ Англіи отъ парламентскихъ преній зависитъ существованіе министерства и направленіе національной политики. Во Франціи все это въ рукахъ главы государства, и членамъ представительнаго собранія остается только угощать правительство и публику своими литературными опытами.

Такъ представляется дѣло съ перваго взгляда, и такъ судятъ о французскихъ преніяхъ англійскія газеты. Французскіе министры не зависятъ отъ законодательнаго корпуса, они отвѣтственны передъ однимъ императоромъ. Французскія пренія не могутъ быть ничѣмъ инымъ какъ ораторскимъ турниромъ; политическая борьба не можетъ происходить въ нихъ. Это понятно само собою. Но спрашивается, не то же ли было было бы и при другихъ политическихъ условіяхъ? Еслибъ императору вздумалось измѣнить редакцію нынѣ дѣйствующей французской конституціи и издать хартію, въ которой было бы написано, что министры отвѣтственны передъ парламентомъ и остаются въ должностяхъ только пока пользуются довѣріемъ парламентскаго большинства, измѣнился ли бы характеръ французскихъ преній? Повидимому, онъ непремѣнно долженъ бы былъ измѣниться. Слова, говоримыя въ парламентѣ, имѣли бы значеніе дѣлъ, и празднословіе прекратилось бы само собой. Все дѣло стало-быть въ томъ, что императоръ не даетъ парламентскихъ правъ французскому законодательному собранію. Онъ, одинъ онъ, обрекаетъ представителей націи на это безсиліе, которымъ отличаются ихъ словопренія. Во всемъ, значитъ, виновато его властолюбіе или его понятіе о необходимости безконтрольной власти во Франціи.

Однакоже были времена, когда французскія палаты имѣли на бумагѣ точно такое же значеніе какъ англійскій парламентъ, когда по волѣ парламентскаго большинства смѣнялись министры и отъ рѣчей говорившихся въ палатахъ зависѣла вся французская политика. Тогдашняя писанная конституція не могла вести къ безплодности парламентскихъ преній; ее нельзя было винить въ томъ, въ чемъ теперь повидимому виноваты политическіе взгляды или политическія стремленія императора Французовъ. И тѣмъ не менѣе что же мы тогда видѣли? Любимымъ предметомъ преній былъ и тогда адресъ, вотируемый въ от-

вѣтъ на тронную рѣчь: эти пренія были и тогда гораздо болѣе ораторскимъ турниромъ чѣмъ политическою борьбой. Политическіе люди выходили и тогда на это праздничное состязаніе всего болѣе для того чтобы блеснуть передъ публикой. Ихъ риторство и ихъ декламаціи были и тогда также безплодны, какъ и теперь. Вся разница состояла только въ томъ, что тогда они не были такъ безвредны. Риторика вторглась тогда въ политику; она тогда дѣйствовала. Теперь она только говоритъ, а не дѣйствуетъ, и это, конечно, гораздо согласнѣе съ ея характеромъ.

Надобно также замѣтить, что члены французской оппозиціи говорятъ теперь языкомъ болѣе серіознымъ и болѣе политическимъ чѣмъ при Лудовикѣ-Филиппѣ. Ихъ тонъ сдержаннѣе, ихъ требованія умѣреннѣе и разумнѣе; ихъ мотивы чище отъ личныхъ счетовъ и видовъ. Правительству Наполеона III можно выслушивать ихъ рѣчи съ большею пользой чѣмъ сколько могло извлекать правительство Лудовика-Филиппа изъ эффектныхъ рѣчей тогдашней оппозиціи. Продолжительность преній объ адресѣ тоже измѣнилась къ лучшему. Теперь эти пренія тянутся какую-нибудь недѣлю, а прежде газеты принуждены были утомлять отчетами о нихъ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ.

№ 31.

Москва, 7-го февраля.

Въ русской періодической печати не разъ выражались сѣтованія на высокую плату, взимаемую газетными экспедиціями петербургскаго и московскаго почтамтовъ за иностранныя изданія, а также на невозможность получать русскія газеты и журналы за границей. Недавно эти сѣтованія были повторены петербургскимъ корреспондентомъ брюссельской газеты „Indépendance Belge“, и въ отвѣтъ на нихъ появилась въ „Сѣверной Почтѣ“ статья за подписью: „одинъ изъ служащихъ по почтовому вѣдомству“. Въ этой послѣдней статьѣ отрицается основательность всѣхъ нашихъ сѣтованій и даже защищается почтовая конвенція, существующая между Россіей и Пруссіей.

Мы вовсе не намѣрены становиться на сторону брюссельской газеты въ ея сужденіяхъ о лицахъ, не знаемъ извѣстныхъ ли ея корреспонденту или неизвѣстныхъ, но не можемъ пройдти молчаніемъ и статью, помѣщенную въ № 29 „Сѣверной Почты“. Ея авторъ — оптимистъ какихъ мало; ему все нравится, все представляется въ розовомъ цвѣтѣ, кромѣ, разумѣется, „голословныхъ обвиненій того или другаго ретиваго борзописца, требующаго, какъ говоритъ авторъ, чтобъ ему вѣрили на слово“. Но кто порицаетъ борзописцевъ, требующихъ вѣры на слово, то самъ не долженъ требовать, чтобъ ему вѣрили на слово, особенно въ такихъ вещахъ, въ которыя увѣровать нѣтъ возможности.

По словамъ автора, подписная цѣна на иностранныя изданія назначается у насъ сообразно платѣ взимаемой иностранными почтовыми мѣстами, черезъ которыя идутъ газеты, отправляемыя въ Россію. Но если такъ, то было бы рѣшительно невозможно, чтобы двѣ газеты, стоящія въ Парижѣ или Брюсселѣ одинаковыя деньги, имѣли у насъ въ Россіи разную цѣну, а еще менѣе было бы возможно, чтобы пониженіе подписныхъ цѣнъ на англійскія газеты не имѣло своевременнаго вліянія на цѣны взыскиваемыя съ русскихъ подпищиковъ. Вотъ уже почти полтора года, какъ благодаря отмѣнѣ пошлины съ бумаги, всѣ англійскія газеты понизили свою цѣну; пониженіе было очень значительное; оно простиралось не менѣе какъ на 25%. „Times“ напримѣръ продавался прежде по 4 пенса за нумеръ, а съ конца 1861 года онъ продается по 3 пенса. Почтовый провозъ англійскихъ газетъ не могъ вздорожать; почтовая такса на газеты, сколько извѣстно, не была возвышена ни въ одномъ изъ государствъ, черезъ которыя идутъ къ намъ англійскія газеты. А потому еслибы подписная цѣна на англійскія газеты соразмѣрялась у насъ съ платою взимаемой иностранными почтовыми мѣстами, то она непремѣнно была бы понижена еще въ 1862 году, если не въ октябрѣ 1861 года. „Одинъ изъ служащихъ по почтовому вѣдомству“ знаетъ, вѣроятно, послѣдовала ли эта сбавка своевременно. Онъ также знаетъ, вѣроятно, что газета „Times“ стоитъ въ Лондонѣ около 24 руб. сер. въ годъ, а въ Россіи за нее взыскивалось въ прошломъ году 85 р. сер. и взыскивается въ нынѣшнемъ году все-таки не менѣе 70 р.

Авторъ говоритъ далѣе, что русскія подписныя цѣны на иностранныя газеты весь-

ма умѣренны, и что еслибы всею операціей завѣдывала какая-либо частная контора, то врядъ ли эта контора справилась бы съ дѣломъ безъ ущерба для себя. Но развѣ предполагаемая частная контора можетъ взяться за дѣло почтовой пересылки, когда существуетъ почтовая регалія? Или по мнѣнію автора казенное почтовое управленіе могло бы продолжать свое существованіе при отмѣнѣ почтовой монополіи? Сколько намъ извѣстно, никто и не думалъ у насъ о передачѣ почтовой пересылки изъ казны въ частныя руки. Сѣтованія относились не къ существованію почтовой регаліи, а къ подробностямъ почтоваго дѣла, въ особенности же къ невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ русско-прусской почтовой конвенціи.

Утверждать, что эта конвенція не затрудняетъ распространенія русскихъ періодическихъ изданій за границей, значитъ дѣлать черное бѣлымъ. Авторъ статьи, напечатанной въ „Сѣверной Почтѣ“, очевидно трунитъ надъ русскою публикой, утверждая, что сѣтованія на невозможность получить русскія газеты за границей не имѣютъ „вовсе никакого основанія“. Онъ утѣшаетъ насъ тѣмъ, что наши газеты и журналы могутъ быть отправляемы безъ всякихъ затрудненій повсюду съ платой за каждый экземпляръ подъ бандеролемъ, одной трети письменнаго порта. Но отдаетъ ли онъ себѣ отчетъ въ томъ, что такое это значитъ: одна треть письменнаго порта? Нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ долженъ платить вѣсовыхъ денегъ за три лота, а такъ какъ за лотъ отъ Москвы до Парижа платится 37 коп. то и за каждый нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, отправляемый въ Парижъ, слѣдовало бы платить по 37 коп., а это составило бы въ годъ 122 р. сер. Какъ же не винить въ этомъ русско-прусскую почтовую конвенцію, которая лишаетъ русскихъ издателей права принимать подписку отъ заграничныхъ пренумерантовъ, съ тѣмъ чтобы пересылать свои изданія за границу на правѣ не бандерольной, и не посылочной, а газетной корреспонденціи? Прежде когда сношеній было мало, русская публика не очень тяготилась опекой берлинскаго почтамта. Но съ развитіемъ сношеній, съ увеличеніемъ числа Русскихъ живущихъ за границей, наконецъ съ размноженіемъ періодическихъ изданій въ Россіи, неудобство почтовой конвенціи чувствуется все болѣе и болѣе. Скажемъ болѣе: эта зависимость русской журналистики отъ берлинскаго почтамта обидна для нашей національной чести.

№ 32.

Москва. 11-го февраля.

Великое несчастіе, хотя бы и вполнѣ заслуженное, всегда возбуждаетъ къ себѣ состраданіе и даже до нѣкоторой степени сочувствіе. Участь, постигшая Польшу въ концѣ прошедшаго столѣтія, пріобрѣла ей многихъ друзей, а польскіе эмигранты ловко воспользовались этимъ настроеніемъ. Всячески подогрѣваемое ими сочувствіе къ Польшѣ высказалось и при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ мѣщанскомъ отдѣленіи шведскаго сейма, въ англійскомъ парламентѣ, въ законодательномъ собраніи Франціи, въ итальянской палатѣ депутатовъ слышались за послѣднее время голоса въ ея пользу, но по всему было видно, что сами говорившіе не придавали практическаго значенія словамъ своимъ. Гарибальди въ свою очередь не могъ забыть, что многіе изъ польскихъ выходцевъ сражались подъ его знаменами за независимость Италіи, и высказалъ желаніе, чтобы итальянскіе патріоты спѣшили на помощь къ нимъ. Его ревностный приверженецъ г. Бертани и вообще вся партія дѣйствія употребляли усилія, чтобы вызвать повсюду митинги съ цѣлью выразить сочувствіе Польшѣ и оказать ей по возможности матеріяльное содѣйствіе. Одинъ изъ такихъ митинговъ, какъ мы говорили прежде, не могъ состояться благодаря мѣрамъ правительства. Другой собрался-было въ Генуѣ же, 15-го февр., но былъ очень малочисленъ, и мало оживленъ. Одинъ изъ ораторовъ предложилъ-было оказать матеріяльное содѣйствіе польскому возстанію, но полиція тотчасъ же потребовала, чтобы всѣ разошлись, и требованіе было исполнено безъ малѣйшаго сопротивленія. Едва ли вмѣшательство полиціи не было и вовсе излишнимъ: дѣло само по себѣ не привело бы ни къ какимъ результатамъ. Подобная же сходка друзей Польши была назначена въ Неаполѣ, но безъ препятствія со стороны властей сама собою не состоялась. Дѣло ограничилось тѣмъ, что 14-го февраля вечеромъ, человѣкъ сто прокричали: да здравствуетъ Польша, и разошлись по домамъ по первому требованію по-

лиціи. Такіе же крики, какъ извѣщали мы прежде, послышались-было въ Парижѣ, и навлекли на виновниковъ—учащееся юношество — кратковременный арестъ. Тѣмъ дѣло и покончилось.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что несмотря на дѣятельную агитацію польскихъ эмигрантовъ, сочувствіе къ Польшѣ высказалось довольно слабо даже въ людяхъ самаго пылкаго темперамента и въ партіяхъ, въ которыхъ всякое революціонное движеніе находитъ обыкновенно живѣйшую симпатію. Главная причина такого охлажденія заключается какъ въ самомъ образѣ дѣйствій Поляковъ, такъ еще болѣе въ томъ что Россія стала даже и въ отношеніи къ Польшѣ далеко не тѣмъ чѣмъ была прежде. Можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ польское движеніе было бы встрѣчено въ Европѣ совсѣмъ иначе чѣмъ теперь?

Тѣмъ понятнѣе положеніе, принимаемое въ Польскомъ вопросѣ сосѣдними съ Россіею государствами—Пруссіей и Австріей, интересы которыхъ прямо замѣшаны въ нынѣшнемъ польскомъ возстаніи, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что крайняя польская партія — виновница возстанія — мечтаетъ о возстановленіи Польскаго королевства въ прежнемъ его объемѣ, то-есть, со включеніемъ не только многихъ коренныхъ русскихъ земель, но и Познани и Галиціи, отошедшихъ къ Пруссіи и Австріи. Какъ только самомалѣйшіе признаки возстанія оказались въ собственныхъ ея предѣлахъ, Пруссія не замедлила заключить военную конвенцію съ Россіей, 8-го февраля нынѣшняго года. Въ запросѣ своемъ 16-го февраля одинъ изъ польскихъ депутатовъ г. Кантакъ говорилъ объ этой конвенціи какъ о совершившемся фактѣ, и слова его не вызвали ни малѣйшаго опроверженія со стороны г. фонъ-Бисмарка, а напротивъ скорѣе нашли себѣ подтвержденіе въ его рѣчи, которую мы помѣщаемъ ниже въ полномъ ея объемѣ. Содержаніе этой конвенціи еще неизвѣстно вполнѣ: по австрійской „Генеральной Корреспонденціи“, въ ней предоставляется русскимъ войскамъ преслѣдовать польскихъ инсургентовъ въ предѣлахъ Пруссіи и пользоваться прусскими желѣзными дорогами для своихъ передвиженій, и съ другой стороны прусскимъ войскамъ вступать въ предѣлы Польши какъ при отраженіи инсургентовъ, такъ и въ случаѣ призыва со стороны русскихъ военныхъ начальствъ. Что дѣйствительно при заключеніи конвенціи имѣлась въ виду возможность вступленія прусскихъ войскъ въ предѣлы Царства Польскаго, это видно изъ циркуляра отъ 15-го февраля, разосланнаго по редакціямъ журналовъ, издаваемыхъ въ прусской Силезіи, Бреславскимъ начальникомъ полиціи г. фонъ-Энде. Въ этомъ циркулярѣ издатели журналовъ, именемъ любви къ отечеству, приглашаются не разглашать расположенія и силы прусскихъ отрядовъ, „будутъ ли они призваны, какъ сказано въ циркулярѣ, только къ охраненію границъ Пруссіи или къ прямому вступленію въ предѣлы Польши.“ Основываясь на умолчаніи министра-президента въ засѣданіи 16 февраля, 175 членовъ палаты депутатовъ, принадлежащихъ къ прогрессивной партіи и къ лѣвому центру, составили новый запросъ о томъ, дѣйствительно ли заключена конвенція съ Россіей и какого именно содержанія, и запросъ этотъ имѣлъ быть предложенъ гг. Шельце-Деличемъ и Карловичемъ въ засѣданіи 18-го февраля, но г. фонъ-Бисмаркъ отказался отвѣчать.

Нечего и говорить, что въ глазахъ прусскихъ „прогрессистовъ“, конвенція эта составляетъ новое преступленіе нынѣшняго министерства. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что не Россія, а Пруссія первая возымѣла мысль о конвенціи и сдѣлала первые шаги для ея осуществленія. Россія же, какъ видно, не очень скоро согласилась на эту сдѣлку, такъ какъ ей и безъ содѣйствія Пруссіи не трудно было бы управиться съ польскимъ возстаніемъ, лишь только состояніе дорогъ дозволитъ дѣйствовать съ большею энергіей. Такимъ образомъ на министерство г. фонъ-Бисмарка возводится обвиненіе, что оно имѣетъ въ виду вовлечь Пруссію въ войну, съ тѣмъ чтобы легче было устранить затрудненія возникшія внутри государства, и провести законъ о преобразованіи военной системы: обвиненіе, какъ кажется, совершенно праздное, потому что нынѣшнее министерство, повидимому, не очень встревожено своимъ разладомъ съ палатою депутатовъ, хотя послѣдняя продолжаетъ дѣйствовать во враждебномъ духѣ, и въ засѣданіи 17-го февраля большинствомъ 274 голосовъ противъ 45 приняла резолюцію г. Форкенбека о томъ, что министры отвѣчаютъ своею личностью и имуществомъ за дѣлаемые ими въ противность конституціи расходы, и хотя прусской на-

латѣ депутатовъ выражено вновь сочувствіе, по предложенію г. Гейссера, баденскою палатою депутатовъ.

Австрійскіе журналы точно также дружнымъ хоромъ порицаютъ политику Пруссіи по польскимъ дѣламъ, какъ несогласную съ принципомъ невмѣшательства, и указываютъ на то, что Австрія намѣрена строго держаться нейтралитета. „Нѣтъ ничего несообразнѣе,—говоритъ одинъ изъ министерскихъ органовъ, „Дунайская Газета,“—какъ обвинять Австрію въ томъ, что она будто бы симпатизируетъ съ польскимъ возстаніемъ; но тѣмъ не менѣе отношенія Австріи къ польской національности совсѣмъ другаго рода чѣмъ Россіи и Пруссіи. Австрія приняла участіе въ раздѣлѣ Польши только по необходимости, для возстановленія политическаго равновѣсія на сѣверо-востокѣ Европы; она всегда уважала то что составляетъ святыню для Поляковъ—ихъ національныя особенности и католицизмъ, и такимъ образомъ теперь, среди бушующей бури, когда Польша обагряется потоками крови, она можетъ быть спокойна насчетъ Галиціи, и для обезпеченія своихъ владѣній не имѣетъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо чрезвычайнымъ мѣрамъ.“ Правда, католицизмъ отчасти роднитъ Поляковъ съ Австріею, и недавно еще, по поводу польскихъ событій, папа взывалъ къ епископамъ и всему духовенству Галиціи, приглашая ихъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на народъ и утвердить въ немъ уваженіе къ австрійскимъ властямъ, „какъ католическимъ,“ тогда какъ духовенство въ Царствѣ Польскомъ, какъ извѣстно, дѣйствовало въ совершенно противоположномъ духѣ относительно русскихъ властей. Но тѣмъ не менѣе едва ли можетъ быть сомнѣніе, что и Австрія не прочь была бы сблизиться съ Россіею, по примѣру Пруссіи. Одинаковость вѣроисповѣданія давно перестала быть основнымъ началомъ внѣшней и внутренней политики государствъ и народовъ; да и притомъ въ интересахъ Австріи было бы сблизиться съ Россіею по дѣламъ Балканскаго полуострова, которыя точно также стоятъ на очереди. Но сомнительно, желательно ли такое сближеніе для Россіи.

Настоящимъ поприщемъ для взаимныхъ обвиненій и подозрѣній между державами служитъ юго-востокъ Европы, гдѣ враждебно сталкиваются между собою различныя вліянія европейскихъ державъ, особенно Россіи и Англіи. Оригинальное раздѣленіе греческихъ голосовъ между различными кандидатами на греческій престолъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Тогда какъ 230,016 голосовъ сосредоточились на имени англійскаго принца Альфреда, 8.312 голосовъ преданныхъ Россіи раздѣлились самымъ причудливымъ образомъ между различными членами Россійскаго царственнаго дома: лучшее доказательство, что Россія съ своей стороны нисколько не заботилась о томъ, чтобы наклонить вѣсы въ свою пользу, и даже оставила преданную ей партію безъ всякаго руководства. Такъ, 1.841 голосъ поданъ былъ за избраніе въ греческіе короли русскаго императора,—избраніе, о которомъ не возможно было и думать,—тогда какъ въ пользу королевы Викторіи не оказалось ни одного голоса. Очевидно, что съ англійской стороны нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы сосредоточить такое огромное число голосовъ на одномъ имени. Нѣтъ сомнѣнія, что интересы первой важности, интересы, обезпеченіе которыхъ уже не ожидалось больше отъ Турціи, обратили вниманіе Англіи на Грецію и побудили ее заговорить объ уступкѣ Іоническихъ острововъ Греціи. Этой приманки для Грековъ, этого средства для упроченія въ Греціи своего вліянія Англія и до сихъ поръ не рѣшается выпустить изъ рукъ своихъ. Недавно клубъ: „Священная Борьба“, обнимающій всѣхъ приверженцевъ Россіи, устроилъ демонстрацію: отправлены были депутаты къ представителямъ трехъ покровительствующихъ державъ съ выраженіемъ благодарности—Англіи за отреченіе отъ Іоническихъ острововъ, Россіи и Франціи—за согласіе на ихъ присоединеніе къ Греціи. Дѣло умышленно представлялось окончательно порѣшеннымъ, съ тѣмъ чтобы ослабить вліяніе Англіи, которое поддерживается нерѣшительнымъ состояніемъ этого вопроса. Графъ Блудовъ высказалъ, что Россія не забудетъ своего единовѣрія съ Греціей и сочувственныхъ отношеній, какія существуютъ между обѣими странами въ продолженіе цѣлаго столѣтія; г. Бурре, французскій посланникъ—что императоръ ни минуты не задумался относительно присоединенія острововъ къ Греціи, и что онъ считаетъ дѣло покончennымъ; но г. Скарлеттъ высказалъ прямо, что Англія откажется отъ протектората и исполнитъ свое обѣщаніе, когда Греки избраніемъ короля и своею политикою вообще докажутъ свою

готовность слѣдовать ея совѣтамъ. Въ такомъ по крайней мѣрѣ видѣ передаетъ эти отвѣты берлинская „Національная Газета“. Безъ сомнѣнія, безнадежное состояніе Турціи побудило Англію ухватиться обѣими руками за Грецію.

Вездѣ, гдѣ только христіанское народонаселеніе соприкасается съ магометанскимъ, время отъ времени, происходятъ кровавыя столкновенія. Недавно еще происходили они въ Александріи; теперь „Indépendance Belge“ извѣщаетъ, что несравненно большихъ ужасовъ ожидаютъ на островѣ Критѣ. Въ послѣднюю половину января христіане начали подвергаться нападеніямъ со стороны мусульманъ, при чемъ многіе изъ нихъ были ранены. Со стороны нападающихъ слышенъ былъ грозный крикъ, что черезъ пять мѣсяцевъ все христіанское населеніе острова будетъ избито. Консульскіе агенты европейскихъ державъ тотчасъ же отправились къ каймакану, который обѣщалъ безотлагательно принять самыя энергическія мѣры противъ враждебныхъ къ христіанамъ замысловъ. Въ Албаніи, какъ извѣщаетъ насъ помѣщенная ниже телеграмма, готовится въ скоромъ времени возстаніе; въ Черногоріи уже произошло нападеніе на два блокгауза, построенные Турками, и была небольшая схватка. Это тѣмъ неожиданнѣе, что не задолго предъ тѣмъ было сообщено извѣстіе объ отправленіи кн. Николаемъ сенатора Матановича и частнаго его секретаря въ Константинополь для того, чтобы мирнымъ путемъ склонить Порту къ оставленію предпринятой ею постройки блокгаузовъ въ Черногоріи. Австрія старалась склонить князя къ такому мирному образу дѣйствій, напередъ освѣдомившись чрезъ посредство турецкаго посланника въ Вѣнѣ князя Каллимаки, что Порта готова на уступки. Турецкое правительство между тѣмъ съ энергіей продолжало устройство военной дороги по Герцеговинѣ, въ надеждѣ, что проведеніе ея навсегда положитъ конецъ войнолюбію Черногорцевъ. Что касается до извѣстнаго вопроса о сербскомъ оружіи, то корреспондентъ „Times,“ отъ 5-го февр., сообщаетъ, что конференціи по этому предмету еще продолжаются въ Константинополѣ безъ участія представителей Турціи. Сначала было рѣшено отправить особую коммиссію въ Сербію для изслѣдованія этого дѣла; но потомъ этотъ планъ встрѣтилъ неожиданно сильное сопротивленіе со стороны французскаго посланника, который первоначально былъ совершенно съ нимъ согласенъ, такъ что отправка эта не можетъ уже состояться. Въ послѣднее время рѣшено было склонить князя Михаила къ отправленію уполномоченныхъ въ Константинополь съ объясненіями, которыми могла бы удовольствоваться Оттоманская Порта. Отъ того, будетъ ли принято это предложеніе, зависитъ мирный исходъ этого дѣла. Наконецъ, по словамъ того же корреспондента, въ Молдо-Валахіи дѣла принимаютъ такой оборотъ, который можетъ повлечь за собою чрезвычайно важныя затрудненія. Князь Куза, встрѣчая со стороны національнаго собранія рѣшительное сопротивленіе всѣмъ мѣрамъ, исходящимъ отъ его правительства, пришелъ къ убѣжденію, что онъ никакъ не въ состояніи удержать власть за собою, а вѣнскія газеты продолжаютъ увѣрять, что онъ имѣетъ въ виду захватить въ свои руки диктатуру, съ тѣмъ чтобы передать напослѣдокъ власть герцогу Лейхтенбергскому. Вся страна распадается на партіи, и каждая имѣетъ своего кандидата. Всѣ иностранные принцы, которые предлагались поперемѣнно для Греціи, выставляются и въ Дунайскихъ княжествахъ кандидатами. Англійскій корреспондентъ противопоставляетъ единодушіе Грековъ при избраніи принца Альфреда разъединенію Румыновъ, которые руководствуются только личными интересами и страстями, не обнаружили пока способности къ самоуправленію, и не заслуживаютъ еще никакой симпатіи.

Великія событія, повидимому, должны совершиться въ непродолжительномъ времени на юго-востокѣ Европы; повсюду происходятъ смуты, и начинаются уже возстанія. Какъ согласить съ такимъ положеніемъ дѣлъ извѣстіе, сообщаемое газетою „France“, что новый сераскиръ Фуадъ-паша отмѣнилъ опредѣленный незадолго предъ тѣмъ призывъ редифовъ (резервовъ) къ оружію?

№ 33.

Москва, 12-го февраля.

Вчера происходило первое общее предварительное совѣщаніе Московскихъ городскихъ выборныхъ отъ разныхъ сословій. Въ помѣщеніи, гостепріимно предложенномъ Ѳ. Л. Бреверномъ, собрались въ довольно значительномъ числѣ, для совѣщаній съ

представителями сословія потомственныхъ дворянъ, выборные отъ остальныхъ сословій, кромѣ мѣщанскаго, которое, къ сожалѣнію, отсутствовало. Первая попытка устранить невыгодныя для городскаго управленія послѣдствія сословнаго устройства, законно установленнаго, была очень удачна. Нельзя было желать большей готовности къ сближенію, бо̀льшаго расположенія къ взаимной предупредительности. Лица, содѣйствовавшія достиженію такого результата (между ними особенно называютъ г. Всклемишева) имѣютъ право на благодарность города, и остается только желать чтобъ ихъ усилія принесли городу добрые плоды на самомъ дѣлѣ, при избраніи должностныхъ лицъ. Судя по первому опыту позволительно надѣяться, что дѣло сближенія не ограничится однѣми вѣжливостями, и что не смотря на учрежденныя городскія сословія, голоса будутъ подаваемы на выборахъ на болѣе разумномъ основаніи чѣмъ сословная рознь и сословное недовѣріе.

Передъ началомъ совѣщанія были сказаны двѣ рѣчи, выслушанныя съ одобреніемъ и сочувствіемъ. М. П. Погодинъ привѣтствовалъ собравшихся выборныхъ отъ разныхъ сословій и благодарилъ ихъ за готовность, съ которою они послѣдовали приглашенію выборныхъ отъ сословія потомственныхъ дворянъ; онъ говорилъ о вредѣ сословнаго разъединенія и высказалъ увѣренность, что при выборѣ головы будетъ обращено вниманіе на его способность и достоинство, а не на то, къ какому сословію онъ принадлежитъ. Затѣмъ В. П. Якунчиковъ говорилъ въ томъ же духѣ отъ имени купеческихъ выборныхъ; указавъ въ рѣзкихъ чертахъ на неудовлетворительность прежняго городскаго управленія онъ остановился на важности предстоящихъ выборовъ и заявилъ, что московское купечество далеко отъ желанія руководствоваться при этомъ сословными соображеніями, а будетъ заботиться только о томъ, чтобы высшая городская должность была замѣщена человѣкомъ достойнымъ и способнымъ. Послѣ того С. П. Гончаровъ прочиталъ предложеніе о пріисканіи мѣръ къ достиженію всѣми желаемой цѣли. Онъ пригласилъ собравшихся, какъ членовъ одного семейства; слишкомъ давно разъединеннаго силою обстоятельствъ, къ совокупнымъ усиліямъ въ дѣлѣ равно близкомъ каждому изъ выборныхъ. Чтобъ облегчить соглашеніе, выборные отъ потомственныхъ дворянъ указали нѣсколько лицъ изъ своего сословія, которыя по своимъ обстоятельствамъ имѣютъ возможность посвятить себя на службу городу въ должности головы, и по общему мнѣнію, найдены для того способными. Эти лица, какъ мы уже сообщили: суть князь А. А. Щербатовъ, А. И. Кошелевъ и А. А. Рябининъ. Купечество послѣдовало этому примѣру; оно также собиралось, и притомъ въ очень полномъ числѣ, и несмотря даже на масляницу. Въ домъ К. Т. Солдатенкова, гдѣ было назначено собраніе, съѣхались 84 человѣка, т.-е. всѣ выборные, за исключеніемъ 14 человѣкъ. На ихъ совѣщаніи также шла рѣчь о лицахъ, которыя могутъ быть указаны изъ среды купечества какъ люди способные занимать высшую городскую должность; изъ ряда кандидатовъ, довольно длиннаго, предпочтеніе было отдано К. А. Кирѣякову, Г. П. Хлудову и Н. А. Лямину, и было положено сообщить о томъ выборнымъ другихъ сословій. Это и было исполнено вчера. Но такъ какъ отъ остальныхъ трехъ сословій не послѣдовало указанія кандидатовъ, то вчера положено было отсрочить окончательное совѣщаніе еще на недѣлю, съ тѣмъ чтобы въ это время могли собраться и выборные этихъ сословій, по примѣру сословія потомственныхъ дворянъ и сословія купеческаго. Личные дворяне и цеховые думаютъ устроить свои совѣщанія безъ промедленія, именно завтра, въ среду. Было бы очень жаль, если-бы мѣщанскіе выборные остались безгласными и не приняли образа дѣйствій, который большинство московскихъ выборныхъ находитъ полезнымъ. Во всякомъ случаѣ ожидается, что второе предварительное совѣщаніе московскихъ выборныхъ будетъ очень многолюдно. Оно назначено на 19-о февраля, въ 6 часовъ вечера. Г. московскій военный генералъ-губернаторъ изъявилъ согласіе, чтобы выборнымъ было для этого предоставлено новое помѣщеніе московскаго городскаго управленія, въ домѣ графа Шереметева, на Вздвиженкѣ. Объявленіемъ этого согласія окончилось вчерашнее совѣщаніе. Въ заключеніе выборный отъ купечества, В. С. Марецкій сказалъ нѣсколько благодарственныхъ словъ сословію потомственныхъ дворянъ за поданный ими добрый примѣръ.

№ 34.

Москва, 13-го февраля.

Крикъ и шумъ, происходящій теперь во Франціи и Англіи по поводу извѣстій о военной конвенціи между Россіей и Пруссіей, былъ бы необъяснимъ, если бы въ числѣ побужденій къ опасеніямъ не было мысли о возстановленіи союза между сѣверными державами, извѣстнаго древле подъ именемъ священнаго.

Между прусскими депутатами, несмотря на министерскія показанія, господствуетъ мнѣніе что западныя державы, и именно Англія, уже прислали свой протестъ противъ вмѣшательства Пруссіи въ польскія дѣла. Въ одной изъ полуофиціальныхъ прусскихъ газетъ сообщено также извѣстіе, что англійское правительство уже высказалось на счетъ прусскаго вмѣшательства, но въ очень осторожныхъ выраженіяхъ. „Корреспонденція Гаваса“, которая составляется подъ непосредственнымъ наблюденіемъ французскаго правительства и потомъ поступаетъ въ оборотъ всей журналистики, какъ бы оправдываетъ Пруссію въ томъ, что она положительно обязалась дѣйствовать заодно съ Россіей въ Польшѣ въ томъ случаѣ, если бы возстаніе пріобрѣло такіе размѣры и такую силу, что спокойствію Познани угрожала бы серіозная опасность, говоря, что Пруссія смотритъ на польское движеніе какъ на опасность, общую ей съ Россіею. „Судя по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, прибавляетъ „Корреспонденція“, которыя подтверждаются отзывами „Крестовой Газеты“ и „Nord-deutsche Zeitung“, Пруссія получила отъ Россіи взамѣнъ своихъ предложеній благопріятныя увѣренія относительно восточнаго вопроса, а можетъ-быть также и относительно датско-германскаго.“ Вотъ стало-быть въ чемъ дѣло, и вотъ откуда шумъ. Европейскіе алармисты вовсе не хотятъ видѣть, что возстановленіе Священнаго союза, безспорно выгодное для Пруссіи и Австріи, совершенно противно интересамъ Россіи. Они забываютъ, что политика Россіи измѣнилась послѣ опыта, сдѣланнаго въ восточную войну; они забываютъ даже и то, что Россія еще почти вчера признала Италіянское королевство, и что наконецъ ни одна страна въ Европѣ не можетъ болѣе Россіи выиграть отъ примѣненія принципа національности, которому покойный Священный союзъ былъ такъ враждебенъ.

Въ датско-германскомъ вопросѣ общее соглашеніе европейскихъ державъ, кажется, не далеко отъ осуществленія. Но интересенъ тотъ фактъ что въ этомъ дѣлѣ выступилъ національный его характеръ съ новой стороны. Швеція почла себя оскорбленною тѣмъ, что графъ Россель не сообщилъ ей, наравнѣ съ другими участниками въ Лондонскомъ протоколѣ, своихъ предложеній копенгагенскому кабинету отъ 24-го сентября 1862 г. Князь Горчаковъ, какъ сообщаетъ „Корреспонденція Гаваса“, съ своей стороны выразилъ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Мандерштрому сожалѣніе, что англійское правительство не почло себя обязаннымъ пригласить Швецію къ участію въ разрѣшеніи датско-германскихъ несогласій, и сообщилъ ему виды С.-Петербургскаго кабинета относительно этого предмета. Виды эти, какъ сказано въ „Корреспонденціи“, заключаются въ томъ, что конституція Датской монархіи отъ 1855 г. должна бы быть измѣнена, и вмѣсто общаго сейма должны бы быть организованы четыре частные: для Даніи въ тѣсномъ смыслѣ слова, для Шлезвига, Голштейна и Лауэнбурга. Каждый изъ этихъ сеймовъ имѣлъ бы голосъ совѣщательный по законодательнымъ вопросамъ, общимъ для Даніи и для герцогствъ, соединенныхъ съ нею. Графъ Мандерштромъ благодарилъ за сдѣланное ему сообщеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ, что самъ онъ не можетъ совѣтовать копенгагенскому кабинету созваніе четырехъ особыхъ сеймовъ въ то время, когда шведское правительство принимаетъ мѣры къ преобразованію своей представительной системы, основанной на раздѣленіи сословій, но все-таки имѣющей преимущество предъ раздѣленіемъ мѣстнымъ, такъ какъ шведскіе члены собираются по крайней мѣрѣ въ одномъ городѣ и принадлежатъ къ одному и тому же народу. Швеція, очевидно, смотритъ на это дѣло, какъ скандинавская держава. Для насъ важно, что Россія уже высказалась о немъ независимо отъ польскихъ событій и отъ условій, какія могли состояться между Пруссіей и Россіей по датско-германскому вопросу во время заключенія конвенціи, относящейся къ польскимъ дѣламъ. Россія такъ же, какъ и Англія, склонилась въ пользу прусско-германскихъ требованій, основанныхъ на принципѣ національности, и Даніи волею-неволею придется уступить этимъ требованіямъ.

Замѣтимъ здѣсь къ слову, что Швеція все рѣшительнѣе выступаетъ на путь правильнаго, нормальнаго политическаго развитія. Въ засѣданіи дворянской палаты сейма 8-го февраля, графъ Мандерштромъ объявилъ, что хотя народному представительству Швеціи, вслѣдствіе географическаго и политическаго положенія страны, не можетъ быть предоставлено такое широкое право обращаться къ правительству съ запросами по внѣшнимъ дѣламъ, какимъ пользуются другія европейскія представительства, но что онъ теперь же уполномоченъ королемъ объявить, что въ не продолжительномъ времени сейму будетъ представленъ рядъ документовъ и офиціальныхъ свѣдѣній по внѣшней политикѣ Швеціи. Объявленіе это принято было съ явными знаками удовольствія какъ въ палатѣ, такъ и въ цѣлой странѣ. Это, дѣйствительно, важный шагъ впередъ. Ни что такъ не питаетъ недовѣрія и нерѣдко самыхъ несправедливыхъ подозрѣній между различными державами, какъ таинственность, въ какую облекается внѣшняя политика, и отстраненіе отъ обсужденія ея законныхъ представителей народа, и вообще органовъ общественнаго мнѣнія въ странѣ. Въ восточномъ вопросѣ дѣло въ тысячу разъ сложнѣе, чѣмъ въ вопросѣ датско-германскомъ. Но рано или поздно, онъ будетъ приведенъ къ рѣшенію спора между Греками и Славянами, а въ справедливомъ рѣшеніи этого спора никто такъ не заинтересованъ какъ Россія. Она не враждебна ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но съ интересами ея несогласно, чтобы Славяне были принесены въ жертву Грекамъ. Какія бы ни были временныя уклоненія славянскаго движенія, оно окончательно поведетъ къ результатамъ благопріятнымъ Россіи. Мы можемъ смотрѣть совершенно спокойно на временныя заблужденія нашихъ соплеменниковъ.

№ 35.

Москва, 14-го февраля.

„Турція вступила на путь прогресса; она не даромъ принята въ европейскій международный союзъ; ея султанъ, ея высшіе сановники одушевлены самыми лучшими чувствами къ Европѣ и чистосердечно преданы дѣлу цивилизаціи; покойный султанъ былъ слабъ характеромъ; за то нынѣшній одаренъ замѣчательною энергіей, онъ строгъ ко всѣмъ и къ самому себѣ, чрезвычайно расположенъ къ бережливости и готовъ даже отказаться отъ права держать гаремъ; на Абдулъ-Ассиза можно положиться; его можно ссужать деньгами; при помощи европейскихъ державъ, онъ сумѣетъ поддержать Отоманскую имперію". Такъ говорили, въ это вѣрили, этому радовались въ Англіи, и то не было притворствомъ коварнаго Альбіона: Англичане сами давали деньги и давали ихъ охотно; турецкій заемъ шелъ на лондонской биржѣ какъ нельзя лучше, по крайней мѣрѣ лучше чѣмъ ожидали. И въ самомъ дѣлѣ какъ было не давать денегъ, когда англійскіе коммиссары, изслѣдовавшіе финансовое положеніе Турціи, доносили о неистощимыхъ и непочатыхъ ресурсахъ имперіи, и доказывали, что ни въ одномъ государствѣ Европы нельзя съ такою легкостію установить равновѣсіе между государственными доходами и расходами какъ въ Турціи? При нѣкоторой критикѣ можно было бы, правда, усомниться въ значеніи этихъ показаній; можно было бы спросить: развѣ все дѣло состоитъ въ равновѣсіи бюджета, и развѣ государства не падали, когда еще вовсе не было извѣстно роковое слово: „дефицитъ"? развѣ среди цвѣтущей природы всегда бываютъ цвѣтущія государства? Но на этотъ разъ Англичане вѣрили, потому что желали того, чему вѣрили. Обезпеченность сношеній съ Индіей и свобода водъ Средиземнаго моря имѣютъ для Англіи такую важность, а привычка къ дальновидной политикѣ такъ сильна у англійскихъ политическихъ людей, что Англичане готовы на всякія мѣры предосторожности, лишь бы предотвратить даже отдаленную возможность потрясенія англійскихъ интересовъ на Востокѣ. Несмотря на свое теперешнее политическое могущество, Англія, сознательно поддается мнительности; она вообще не считаетъ вредною поговорку: у страха глаза велики, и высоко цѣнитъ мысль другой нашей поговорки: береженаго и Богъ бережетъ. Не имѣя основанія серіозно опасаться за настоящее, она боится возможныхъ комбинацій въ будущемъ, а ея руководители по всему вѣроятію еще намѣренно преувеличиваютъ опасность. Все это повело къ тому, что въ англійской публикѣ сложилось непоколебимое повидимому убѣжденіе въ необходимости поддерживать Турцію всѣми средствами, которыми Англія располагаетъ.

Мы Русскіе, однакоже, вѣрнѣе смотрѣли на состояніе Турецкой имперіи. Мѣткое выраженіе императора Николая I: „больной человѣкъ“, остается въ силѣ и все болѣе и болѣе оправдывается. Мусульманская страна не имѣетъ въ себѣ залоговъ счастливой будущности. Поколѣнія, воспитывающіяся въ гаремахъ, не могутъ быть способны къ цивилизованной жизни. Истый Турокъ не будетъ брататься съ христіанином; кто не питаетъ ненависти къ христіанамъ, тотъ по большей части равнодушенъ и къ своему народу, а объ отечествѣ Турки не имѣютъ понятія. Мы знали Турокъ ближе; мы знали ихъ на дѣлѣ, и не могли ошибаться подобно Англичанамъ. Русское убѣжденіе въ несостоятельности Турецкой имперіи происходило отъ знакомства съ нею, и Англичане были неправы, видя въ нашемъ взглядѣ на Турцію лишь продуктъ властолюбивыхъ грезъ Россіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, газета „Times“ отправила въ Турцію своего знаменитаго корреспондента г. Вильяма Росселя, того самаго который письмами изъ Крыма побудилъ англійское правительство къ преобразованію военнаго министерства и коммиссаріатской части, котораго письма всегда отличались правдивостью и читались всею Европой съ величайшимъ интересомъ, откуда онъ ни писалъ ихъ, изъ Индіи ли, изъ Италіи, или изъ Америки. Г. Россель коротко знакомъ съ Турціей, и если мы не ошибаемся, даже служилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ турецкой службѣ; онъ былъ въ Турціи въ 1855 году, видѣлъ ее стало-быть не долго тому назадъ. Что же онъ нашелъ теперь въ Турціи? Въ какомъ видѣ она ему представилась? Въ какомъ смыслѣ она преобразилась? Правдивый корреспондентъ англійской газеты прямо свидѣтельствовалъ, что въ Турціи дѣла идутъ еще хуже чѣмъ прежде, что турецкіе паши неисправимы, что безпечность турецкаго правительства простирается до невѣроятной степени. Прежде по крайней мѣрѣ европейскіе консулы вмѣшивались въ мѣстное управленіе: теперь признается самостоятельность Турціи, и благодаря тому консулы уже не тревожатъ сна турецкихъ властей. Дороги, по которымъ пять лѣтъ тому назадъ можно было ѣздить, теперь развалились; между многими городами Эпира и Албаніи совершенно прекратились сообщенія. Корреспонденціи г. Росселя на этотъ разъ были, можетъ-быть, интереснѣе всѣхъ тѣхъ, которыя писалъ онъ прежде, но на второмъ же письмѣ онѣ прекратились. Лондонская газета, вѣроятно, нашла, что хотя очень полезно раскрывать слабыя стороны Англіи, но говорить о приближающемся распаденіи Турціи пока не годится.

Читателямъ извѣстны послѣднія событія: случившаяся въ Греціи, повидимому неожиданно, революція освободила эту страну отъ слабаго правителя, а Англія изъявила готовность уступить Грекамъ Іоническіе острова, если скипетръ Греческаго королевства будетъ находиться въ способныхъ рукахъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что Англію нельзя укорять за это во властолюбіи: было бы ребячествомъ, еслибы англійскіе государственные люди забавляли себя мыслію, что имъ можно будетъ командовать въ Греціи; въ такомъ ребячествѣ нельзя подозрѣвать ихъ. Англію интересуетъ не возможность властвовать; ей нужно, чтобы на юго-востокѣ Европы было довольно сильное государство, преданное ей и для нея безопасное. Она возлагала свои надежды на возрожденіе Турціи. Теперь когда есть основанія сомнѣваться въ осуществимости этихъ надеждъ, англійскіе государственные люди находятъ нужнымъ припасти въ Греціи другую державу, соотвѣтствующую ихъ видамъ. Англія не перестанетъ еще, конечно, поддерживать Турцію, которая уже такъ дорого стоитъ ей; она еще будетъ бороться съ турецкимъ рокомъ, но она уже не будетъ отъ него зависѣть. Это политика несомнѣнно ловкая и дальновидная. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что и она имѣетъ свою слабую сторону, свою Ахиллову пяту. Эта Ахиллова пята состоитъ, какъ кажется, въ томъ, что покровительствуя греческимъ стремленіямъ, Англія не будетъ въ состояніи соблюсти справедливость относительно турецкихъ Славянъ, враждующихъ съ Греками. До сихъ поръ Англія была несправедлива къ Славянамъ въ турецкомъ интересѣ; надобно опасаться, что она будетъ теперь тоже несправедлива къ нимъ въ интересѣ греческомъ.

№ 36.

Москва, 15-го февраля.

Пруссіи суждено за послѣднее время привлекать къ себѣ общее вниманіе. Недавно

еще была она предметомъ толковъ по поводу оригинальной борьбы между ея государственными властями; а теперь только и рѣчи что о конвенціи, заключенной ею съ Россіей по дѣламъ польскимъ. Судя по всѣмъ извѣстіямъ, честь начинанія въ этомъ случаѣ вся принадлежитъ Пруссіи. Она сама, не дожидаясь никакихъ представленій со стороны Россіи, поспѣшила предложить ей извѣстнаго рода помощь, и такимъ образомъ, по словамъ графа Росселя, совершила важный политическій шагъ, тѣмъ болѣе важный, что усиливая внутренніе въ ней раздоры, онъ въ то же время ставитъ ее въ неблагопріятныя отношенія къ западнымъ державамъ. Что же заставило ее рѣшиться на этотъ важный шагъ? Безъ сомнѣнія, не столько внѣшнія опасности, которыми могло грозить ей польское возстаніе, сколько желаніе сблизиться съ Россіей и найдти въ ней, въ случаѣ надобности, опору и противъ внутреннихъ, и противъ внѣшнихъ враговъ.

Вражда между родными братьями, говорятъ, всегда бываетъ самая упорная и ожесточенная. Пруссія и Австрія, такъ близко родственныя между собою, такъ тѣсно связанныя единствомъ интересовъ, не перестаютъ враждовать между собою и проливать въ этой борьбѣ потоки — правда, не крови, а чернилъ, взводя другъ на друга разныя обвиненія. Если вѣрить только-что напечатанной во „Франкфуртскомъ Журналѣ“ депешѣ г. фонъ-Бисмарка, отъ 24-го января, — депешѣ, въ которой онъ разъясняетъ дипломатическимъ агентамъ Пруссіи весь ходъ послѣднихъ переговоровъ и несогласій съ Австріей, — если это документъ подлинный, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, — то оказывается, что Пруссія болѣе всего винитъ Австрію за то, что она съ 1848 г., по общегерманскимъ дѣламъ, отказалась отъ политики князя Меттерниха. „Я напомнилъ графу Карольи (австрійскому посланнику въ Берлинѣ), — говоритъ въ означенной депешѣ г. фонъ-Бисмаркъ, — я напомнилъ, что въ десятилѣтія, предшествовавшія событіямъ 1848 года, между обѣими великими державами господствовало какъ бы тайное, не высказанное соглашеніе, и въ силу его Австрія была увѣрена въ помощи Пруссіи по всѣмъ европейскимъ дѣламъ; Пруссія же не встрѣчала съ ея стороны никакого противодѣйствія по дѣламъ германскимъ, и пользовалась преобладаніемъ, которое высказалось въ образованіи германскаго Таможеннаго Союза. При такихъ обстоятельствахъ, — продолжаетъ г. фонъ-Бисмаркъ, — Германія внутри наслаждалась согласіемъ, а извнѣ почетомъ, которыхъ послѣ того уже не могла возвратить себѣ.“

Все дѣло въ томъ, что для противоборства національнымъ стремленіямъ своихъ славянскихъ, венгерскихъ и румынскихъ подданныхъ Австрія пожелала стать еще болѣе германскою державой чѣмъ была прежде, усилить свое вліяніе въ Германіи и войдти въ Германскій Союзъ всѣми своими составными частями. Отъ этой завѣтной мысли князя Шварценберга она не отказалась еще и въ настоящее время, и усердно вербуетъ себѣ приверженцевъ между главными и второстепенными германскими государствами. Чтобы склонить на свою сторону не только правительства, но и германскихъ патріотовъ, и пріобрѣсти, такимъ образомъ, популярность, она взяла въ свои руки даже дѣло реформы Германскаго Союза. Имѣя уже на своей сторонѣ Баварію, Саксонію, Виртембергъ и другія государства, которыя вмѣстѣ съ названными составляютъ такъ-называемую Вирцбургскую унію, будучи уже увѣрена въ своемъ успѣхѣ, она рѣшилась сдѣлать важный шагъ впередъ — провозгласить неудовлетворительность нынѣшняго устройства Германіи, и представила сейму, 14-го августа прошлаго года, проектъ его преобразованія, которое заключалось бы въ томъ чтобы къ нынѣшнему сейму присоединена была палата делегатовъ, — уполномоченныхъ отъ законодательныхъ собраній каждаго изъ германскихъ государствъ, съ голосомъ совѣщательнымъ. Осуществленіе этого проекта едва ли бы улучшило положеніе дѣлъ Германіи, а между тѣмъ оно было бы какъ нельзя болѣе благопріятно для Австріи: оно сохранило бы начало равноправности между всѣми семнадцатью куріями Германіи, то-есть между всѣми государствами и группами государствъ, располагающими однимъ голосомъ на тѣсномъ германскомъ сеймѣ; оно упрочило бы вліяніе и преобладаніе Австріи въ Германскомъ Союзѣ и могло бы повести къ тѣснѣйшему единенію всѣхъ составныхъ частей ея съ Германіей, тогда какъ при осуществленіи прусскаго плана реформы Германскаго Союза, то-есть, при образованіи Германскаго парламента, въ которомъ засѣдали бы выборные отъ самихъ народовъ германскихъ

въ числѣ соразмѣрномъ германскому населенію каждаго государства, преобладаніе естественно должно было перейдти на сторону Пруссіи, и Австрія должна была бы навсегда распрощаться съ своими широкими замыслами.

Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали какъ нельзя болѣе видамъ Австріи. Пруссія находилась въ очень затруднительномъ положеніи. Авторитетъ ея былъ сильно потрясенъ борьбою, въ которую правительство вступило съ народнымъ представительствомъ. Правительства германскія въ свою очередь не могли примириться съ торговымъ трактатомъ, который она, стоя во главѣ Таможеннаго Союза и какъ бы отвѣчая за всѣхъ его членовъ, заключила съ Франціей. Наконецъ, съ одною изъ курій, съ курфиршествомъ Гессенъ-Кассельскимъ, Пруссія была почти въ явной враждѣ, прервавши съ нею дипломатическія сношенія. Все повидимому предвѣщало пораженіе Пруссіи; она спасена была отъ пораженія энергическимъ образомъ дѣйствій нынѣшняго своего министра-президента г. фонъ-Бисмарка, и тѣмъ, что формальное право было на ея сторонѣ, что она могла опереться на трактаты лежащія въ основаніи общегерманскаго государственнаго права, въ силу которыхъ для всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ рѣшеній требуется не простое большинство голосовъ на сеймѣ, а единодушіе. Вотъ что разказываетъ г. фонъ-Бисмаркъ о переговорахъ своихъ съ графомъ Корольи, за мѣсяцъ до окончательнаго рѣшенія на сеймѣ вопроса о реформѣ Германскаго Союза: „Я далъ почувствовать графу, что Австрія своимъ образомъ дѣйствій, правда, пріобрѣтаетъ сочувствіе многихъ германскихъ государствъ, но тѣмъ самымъ наноситъ ущербъ интересамъ Германіи и отчуждаетъ отъ себя Пруссію. Графъ утѣшался мыслію, что какъ бы то ни было, въ случаѣ какой-либо опасной для Австріи войны, обѣ великія державы будутъ стоять заодно какъ добрые союзники. Въ этомъ предположеніи, по моему мнѣнію, заключается опасное заблужденіе, которое можетъ оказаться таковымъ въ минуту наибольшей опасности для той или другой державы, и я настоятельно просилъ графа Корольи противодѣйствовать въ Вѣнѣ по мѣрѣ силъ такому предположенію. Я указалъ, что уже и въ послѣднюю италіянскую войну союзъ съ Австріей не на столько оказался для нея дѣйствителенъ, какъ можно было бы ожидать лѣтъ 8 тому назадъ, когда обѣ державы не вели борьбы между собою на германской почвѣ и не подкапывали довѣрія другъ къ другу во вредъ себѣ и въ пользу второстепенныхъ германскихъ государствъ. Если отношенія между ними не станутъ болѣе искренними и дружественными, то нѣтъ ничего невозможнаго, что при повтореніи подобныхъ обстоятельствъ Пруссія вступитъ въ союзъ съ врагами Австріи, тогда какъ напротивъ, если Австрія откажется отъ враждебныхъ своихъ дѣйствій при германскихъ дворахъ, если она предпочтетъ союзъ съ Пруссіей союзъ съ меньшими государствами Германіи, Пруссія будетъ стоять заодно съ нею противъ внѣшнихъ враговъ.“ Г. фонъ-Бисмаркъ не ограничился этимъ: во второй бесѣдѣ своей съ графомъ Корольи, 13-го декабря, онъ высказалъ, что Пруссія считаетъ уже обидою для себя, что проектъ о палатѣ делегатовъ представленъ былъ сейму безъ предварительнаго соглашенія съ нею, чего никогда не бывало до 1848 г., и прибавилъ, что если рѣшенію большинства, которое, очевидно, было тогда на сторонѣ Австріи, будетъ придана законная сила, то Пруссія, видя въ этомъ нарушеніе трактатовъ, отзоветъ своего уполномоченнаго изъ Франкфурта, перестанетъ признавать авторитетъ сейма и поставитъ внѣ зависимости отъ него свои гарнизоны, расположенные въ крѣпостяхъ Союза, что поведетъ неминуемо къ разнаго рода столкновеніямъ.“ Такимъ образомъ Германскому Союзу грозила величайшая опасность: онъ близокъ былъ къ распаденію, и предъ такими послѣдствіями устрашилась и Австрія, и ея союзники. Первымъ дѣломъ было предложить г. фонъ-Бисмарку свиданіе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Австріи, графомъ фонъ-Рехбергомъ. Свиданіе это однако же не состоялось, по причинамъ, о которыхъ еще ведутся горячіе споры между офиціяльными и полуофиціяльными журналами той и другой стороны. Прусскіе органы утверждаютъ, что графъ Рехбергъ требовалъ напередъ, чтобы Пруссія отказалась отъ своего плана образованія германскаго парламента, обѣщая въ такомъ случаѣ взять назадъ свой проектъ о делегатахъ. Австрійская „Генеральная Корреспонденція“ напротивъ рѣшительно утверждаетъ, что не было и помину объ отреченіи отъ представленнаго Австріей проекта, а только о предварительномъ соглашеніи между Пруссіей и Австріей отно-

сительно болѣе обширной реформы Союза, при которой проектъ Австріи былъ бы уже излишенъ. Депеша отъ 24-го января, напечатана еще не вполнѣ, и пока не разъясняетъ этого пункта.

Какъ бы то ни было, но когда 22-го января собрался сеймъ для того, чтобы высказаться объ австрійскомъ проектѣ, рѣшительность Австріи и ея союзниковъ значительно поколебалась. Большинство оказалось на сторонѣ Пруссіи, 7 голосовъ были въ пользу Австріи, голосъ третьей куріи раздѣлился: Брауншвейгъ былъ въ пользу Пруссіи, Нассау въ пользу Австріи; девять же голосовъ оказалось противъ нея. Замѣчательно, что девятый голосъ принадлежалъ уполномоченному отъ курфирста гессенъ-кассельскаго, находившагося внѣ дипломатическихъ сношеній съ Пруссіей. Пруссія одержала такимъ образомъ рѣшительную побѣду, но за то въ ущербъ добрымъ отношеніямъ своимъ къ Австріи, и продолжающійся еще до сихъ поръ споръ о причинахъ, почему не состоялось свиданіе между обоими министрами, еще болѣе питаетъ непріязненное чувство между обоими кабинетами. И тотъ, и другой, по вопросу о реформѣ Союза предполагаетъ идти своимъ путемъ: задача каждаго изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы склонить въ пользу своего проекта германскія государства, при чемъ Пруссія не скрываетъ своего желанія удовольствоваться болѣе тѣснымъ союзомъ, который признавалъ бы ее своею главой. Вражда между Пруссіей и Австріей въ настоящее время въ полномъ разгарѣ. Въ телеграфическомъ извѣстіи, сообщенномъ нами въ № 33 „Московскихъ Вѣдомостей“, говорится о томъ, что Баварія, вѣрная и искренняя союзница Австріи, предвидя распаденіе нынѣшняго прусско-германскаго Таможеннаго Союза, уже явно хлопочетъ объ образованіи новаго австро-германскаго.

При такихъ условіяхъ имѣетъ ли какое-нибудь основаніе высказываемое по поводу прусско-русской конвенціи опасеніе на счетъ возстановленія Священнаго Союза? Для Пруссіи, интересы положенія ея въ Германіи стоятъ на первомъ планѣ; имъ готова она пожертвовать даже интересами европейскаго своего положенія; изъ-за нихъ она во враждѣ съ Австріей, и невозможно предположить, чтобы въ настоящее время обѣ эти державы могли соединиться подъ одними и тѣми же знаменами. Положеніе прусскаго правительства критическое: въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ своей страны, въ рѣшительной враждѣ съ Австріей, въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ по польскимъ дѣламъ къ Франціи и Англіи, оно можетъ возлагать всѣ свои надежды только на Россію.

№ 37.

Москва, 16-го февраля.

Европа выказала свое полное доброжелательство Сѣвероамериканскимъ Штатамъ, предоставивъ правительству г. Линкольна полную возможность возстановить федерацію. Невмѣшательство въ междуусобную войну было поддерживаемо во всей строгости. Европейцевъ не останавливали никакія пожертвованія, никакія собственныя бѣдствія, вызванныя недостаткомъ хлопка. Въ Англіи и во Франціи тратятся значительныя суммы денегъ въ помощь работникамъ, оставшимся безъ занятія, повсюду чувствуется дороговизна бумажныхъ издѣлій, и всѣ, даже сами работники готовы терпѣливо ждать и переносить всякія лишенія.

Недавно Европѣ представлялся случай, не нарушая буквы закона, воспользоваться неудачею Сѣверянъ и запастись хлопкомъ. Мы разумѣемъ временное прекращеніе блокады Чарльстона и Гальвестона. Въ самомъ дѣлѣ, Европа испытываетъ на себѣ вліяніе американской войны преимущественно вслѣдствіе того, что Сѣверяне держатъ въ блокадѣ южные порты и не дозволяютъ вывозить оттуда хлопокъ. Это, конечно, одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ принудительныхъ мѣръ противъ Юга: Южане лишены возможности пользоваться главнымъ источникомъ своихъ доходовъ и, слѣдовательно, возможности длить войну, такъ какъ ихъ вывозная и ввозная торговля прекращена. Безъ сомнѣнія, блокада на большомъ пространствѣ не можетъ содержаться очень строго, по недостатку военныхъ кораблей у Сѣверянъ. Не рѣдко смѣльчаки успѣваютъ пройдти мимо блокирующей эскадры, ввезти въ южные порты военные запасы и вывезти оттуда хлопокъ. Мы слышали, что одному изъ молодыхъ московскихъ купцовъ удалось подобное предпріятіе: на кораблѣ, нанятомъ въ Англіи, онъ отправился къ Южанамъ съ грузомъ оружія и возвратился отъ нихъ благополучно съ хлопкомъ. Но

правительства, не отвѣчающія за дѣйствія частныхъ лицъ, признали блокаду, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказались защищать своихъ подданныхъ, нарушающихъ ее; каждый идетъ на свой страхъ, играетъ въ большую игру, рискуетъ или выиграть много, или потерять все. Правильная и постоянная торговля на такомъ рискѣ держаться не можетъ.

Какъ видно, Южане чувствуютъ, что ихъ душитъ непріятельская блокада и во что бы ни стало хотятъ отбить ее. Имъ дѣйствительно удалось на короткое время отогнать непріятельскіе корабли отъ двухъ главныхъ портовъ и объявить эти порты свободными для торговли. По ученію американскихъ публицистовъ, какъ напримѣръ Уптона и Галлека, если блокирующая эскадра принуждена удалиться хотя на время; то блокада считается прекратившеюся; нужно новое объявленіе о ней, и пока оно состоится, нейтральные корабли имѣютъ право ввоза и вывоза товаровъ. Казалось бы, Европа должна была воспользоваться этимъ случаемъ и поскорѣе запастись хлопкомъ. Но почти единогласно рѣшено было не считать блокады прекратившеюся и уважать ее по прежнему. Замѣтимъ, что это произошло именно въ то самое время, когда во многихъ странахъ шла агитація противъ блокады вообще, въ пользу полной свободы нейтральныхъ купеческихъ кораблей. Оказавъ разъ уваженіе къ борьбѣ Сѣвера противъ Юга, Европа какъ бы не желаетъ измѣнить свой образъ дѣйствій, въ надеждѣ, что ждать и терпѣть придется не долго.

Въ самомъ дѣлѣ, есть признаки того, что война наскучила и Сѣверянамъ и Южанамъ. Что Сѣверъ могъ и долженъ былъ отвергнуть всякое предложеніе о посредничествѣ, это несомнѣнно. Но вопросъ въ томъ, благоразумно ли длить борьбу, истощать свои силы на безплодное подчиненіе мятежниковъ, готовыхъ на все, лишь бы отстоять свою независимость?

Этотъ вопросъ рѣшается на Сѣверѣ различно. Республиканская партія желаетъ подавить рабовладѣльцевъ; демократическая надѣется возстановить Союзъ посредствомъ сдѣлки съ Южанами, предложивъ имъ нѣкоторыя обезпеченія. Президентъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ первой партіи; онъ все еще разсчитываетъ на скорый успѣхъ войны. До сихъ поръ Сѣверяне дѣйствовали почти одною сплошною массой; всѣ военныя операціи сосредоточивались главнымъ образомъ на одномъ пунктѣ и велись потомакскою арміей. Теперь вашингтонское правительство намѣрено измѣнить планъ кампаніи. Армія будетъ раздѣлена и станетъ дѣйствовать разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ, такъ что Южанамъ труднѣе будетъ отразить нападеніе и быть готовыми повсюду; у нихъ, какъ надѣется правительство президента Линкольна, недостанетъ ни войска, ни полководцевъ, ни матеріяльныхъ средствъ для этого.

Но есть еще третье рѣшеніе вопроса, которое, судя по послѣднимъ, сообщеннымъ намъ, телеграммамъ, высказывается довольно громко. Оно состоитъ въ признаніи Юга отдѣльнымъ государствомъ, не отказываясь отъ мысли о возстановленіи Союза, но заранѣе имѣя въ виду преобразованіе его устройства. Недавно одинъ изъ членовъ федеральной палаты представителей, или конгресса, г. Конвей доказывалъ и развивалъ мысль о необходимости признанія, именно для того чтобы сохранить федерацію. По его словамъ, возстановить Союзъ на старомъ основаніи значитъ оставить всѣ причины вражды; придется по прежнему мирволить рабовладѣльцамъ, подчинить большинство меньшинству, угождать ему, лишь бы все было шито да крыто. Напротивъ, если признать прямо отдѣльность Юга, тогда онъ самъ черезъ нѣсколько времени сольется съ Сѣверомъ. По убѣжденію г. Конвея, вотъ какъ это произойдетъ. Дѣло свободы непремѣнно будетъ имѣть успѣхъ на Югѣ, и вслѣдствіе того начнется борьба между аболиціонистами и рабовладѣльцами. Естественно, что всѣ приверженцы свободы придвинутся къ Сѣверу, рабовладѣльцы же станутъ отодвигаться къ Мексикѣ; а по мѣрѣ того, какъ извѣстный штатъ станетъ очищаться отъ рабства, онъ будетъ входить въ составъ Союза. Такимъ образомъ мало-по-малу возстановится Союзъ, но уже безъ невольничества. Г. Конвей формулировалъ даже условія признанія Юга и заключенія мира съ нимъ. Эти условія состоятъ въ принятіи одинаковой таможенной системы, въ свободной торговлѣ между двумя государствами, въ свободномъ плаваніи по рѣкѣ Миссисипи и во взаимномъ усвоеніи доктрины Монроэ, по которой не допускается никакое вмѣшательство Европейцевъ въ дѣла Америки. Можетъ-быть, рѣшенія законодательныхъ собраній штатовъ Джерси и Иллинойса, о которыхъ извѣщаетъ телеграмма, болѣе или менѣе согласны съ предложеніемъ г. Конвея. Во всякомъ случаѣ

мы считали нелишнимъ сообщить о немъ читателямъ.

Не беремся рѣшить, на сколько удачна мысль г. Конвея. Если мысль эта осуществится, европейскимъ государствамъ останется только признать совершившійся фактъ. А до тѣхъ поръ всего вѣрнѣе и лучше не вмѣшиваться въ распри не только дѣломъ, но и словомъ. Чужое вмѣшательство всегда служитъ не помощью, а только помѣхою. Раздувать самолюбіе и подстрекать къ невозможному, значитъ оказывать плохую услугу. Пусть заинтересованныя стороны сами почувствуютъ, чего можно требовать и къ чему стремиться. Если Сѣверъ и Югъ покончатъ свою распрю, они покончатъ ее лучше собственнымъ умомъ. Вмѣшательство раздражаетъ однихъ, увеличивая требованія другихъ. Силѣ обстоятельствъ, разграничивающей на дѣлѣ возможное отъ невозможнаго, легче подчиниться чѣмъ чужой волѣ или даже чужому совѣту.

№ 38.

Москва, 18-го февраля.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ слухи и вѣсти, тревожившіе такъ въ послѣднее время парижскую биржу и вообще весь политическій міръ Европы, оказались неосновательными и преждевременными. Какъ ни сильно и ни тяжело было впечатлѣніе, произведенное во Франціи и въ Англіи извѣстіемъ о русско-прусской конвенціи, однакоже вопреки слухамъ, которые сообщены были нами въ № 36 *Моск. Вѣд.* со словъ кореспондента *Indépendance Belge*, ни Франція, ни Англія не рѣшились еще ни на какія офиціяльныя мѣры по этому случаю. 18-го февраля, какъ извѣщаютъ изъ Парижа, дѣйствительно собранъ былъ совѣтъ министровъ, и шла рѣчь о томъ, дѣйствовать ли тотчасъ же дипломатическимъ путемъ противъ нарушенія принципа невмѣшательства, или же согласившись напередъ съ Англіею. Рѣшено было, какъ говорятъ, послѣднее, и вслѣдствіе того отправлена была депеша въ Лондонъ съ цѣлью узнать, въ какой мѣрѣ Франція можетъ разчитывать на британскій кабинетъ, въ случаѣ еслибъ обстоятельства рѣшительно потребовали объясненій съ кабинетами с.-петербургскимъ и берлинскимъ. Въ ожиданіи отвѣта, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, рѣшено было отправить депеши къ посламъ Франціи въ Берлинѣ и въ Петербургѣ, съ изложеніемъ личныхъ воззрѣній на дѣло императора Наполеона, для свѣдѣнія и руководства самихъ пословъ, но безъ разрѣшенія оставить копіи съ этихъ депешъ г. фонъ-Бисмарку и князю Горчакову. Дѣло такимъ образомъ сводится пока на простой дипломатическій разговоръ, и французская дипломатія дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ очевидно съ тою осторожностью, какой и слѣдовало ожидать отъ нея. Виды и намѣренія французскаго правительства не замедлятъ разъясниться, такъ какъ во французскій сенатъ поступило прошеніе въ пользу Поляковъ, за подписью между прочимъ гг. Сенъ Маркъ Жирардена и отца Гратри, и правительство намѣрено на этотъ разъ допустить подробное обсужденіе польскаго вопроса, причемъ безъ сомнѣнія выскажется и говорящій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Бильйо.

Что касается до англійскаго правительства, то оно также не приняло еще окончательнаго рѣшенія, какъ видно изъ словъ графа Росселя въ палатѣ лордовъ, 20-го февраля. Критикуя образъ дѣйствій русскаго правительства по рекрутскому набору въ Польшѣ, и Пруссіи — по заключенію конвенціи, графъ Россель отдаетъ однакожь должную справедливость великодушнымъ намѣреніямъ русскаго монарха и утверждаетъ, что польское возстаніе не было такъ неожиданно и такъ не предвидимо, какъ полагаютъ многіе. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть въ настоящее время никакихъ сомнѣній. Издаваемая въ Львовѣ, въ Галиціи, польская „Народная газета“ (Gazeta Narodowa), выдающая себя за органъ центральнаго революціоннаго польскаго комитета, прямо сознается, что возстаніе подготовлено было задолго до послѣдняго рекрутскаго набора и что взрывъ послѣдовалъ вслѣдствіе прямыхъ приказаній тѣхъ, кто распоряжался всѣмъ движеніемъ. „Уже болѣе полугода, сказано въ этой газетѣ, въ Варшавѣ существуетъ тайное изданіе, извѣстное подъ именемъ „Ruch“ (Движеніе), которое проникло во всѣ закоулки Польши и было разсылаемо даже по почтѣ къ редакторамъ всѣхъ польскихъ газетъ. „Рухъ“ былъ офиціяльнымъ органомъ центральнаго комитета, и постоянно руководилъ всѣми дѣйствіями революціонныхъ обществъ. Въ немъ напечатанъ былъ декретъ о налогѣ, средства котораго поступили въ распоряженіе комитета; въ немъ печатались длинные списки

нумеровъ, за которыми выдаваемы были квитанціи тѣмъ, кто соглашался уплачивать этотъ налогъ. Не было ни кого въ Польшѣ, кто бы не зналъ о существованіи тайной революціонной организаціи, обнимавшей цѣлую страну, тѣмъ болѣе что центральный комитетъ вовсе не скрывался и былъ въ постоянномъ общеніи съ публикой. Существованіе его хорошо было извѣстно и правительству, и народу. Въ короткое время онъ успѣлъ навербовать въ свои агенты многіе десятки тысячъ лицъ." Какъ дѣйствовалъ этотъ революціонный комитетъ еще до начала явнаго возстанія, это на памяти у всѣхъ и каждаго: то и дѣло происходили попытки убійства, отравленій; наконецъ и совершались убійства; напередъ обнародывались смертные приговоры, и въ назначенное время, чтобы поразить сильнѣе воображеніе публики, дѣйствительно приводились въ исполненіе тайными, повсюду разсѣянными агентами революціоннаго комитета. Высказанное графомъ Эллеборо обвиненіе, будто бы Россія умышленно вызвала ближайшими своими мѣрами революцію и возстаніе въ Польшѣ, не имѣетъ основанія. Революція и безъ того уже была въ Польшѣ во всемъ разгарѣ; возстаніе было уже со всѣмъ готово, и сама „Gazeta Narodowa" представляетъ послѣдній наборъ въ Польшѣ не болѣе какъ мѣрою обороны со стороны правительства, которое рѣшилось на нее въ сознаніи необходимости уничтожить тайную революціонную организацію Польши. „Центральный комитетъ, продолжаетъ названная газета, немедленно воспользовался ею, и обнародовалъ воззваніе, въ которомъ вся нація призывалась къ оружію и устанавливалось временное правительство; въ тотъ же день повсюду, гдѣ только была возможность, русскія войска подверглись нападенію, шайки партизановъ организовались, война началась." Такимъ образомъ очевидно, что не русское правительство возбудило къ возстанію, а напротивъ революціонная польская партія вызвала правительство на чрезвычайныя мѣры.

Сверхъ того изъ обнародованныхъ въ польской „Народной Газетѣ" воззваній центральнаго комитета, преобразившагося во временное правительство, видно, что польская революція направлена не только противъ русскаго правительства, но и противъ общественнаго порядка и главнѣйшихъ основъ его, что она имѣетъ не только политическій, но и соціальный характеръ. Въ глазахъ ея не находятъ себѣ милости не только правительственныя лица, назначенныя Россіей, но и коренные польскіе землевладѣльцы. Въ одномъ изъ своихъ воззваній, центральный комитетъ посягаетъ на права собственности, и отдаетъ крестьянамъ часть земель ихъ помѣщиковъ, предоставляя послѣднимъ право навознагражденіе по окончаніи войны. Замѣчательно, однакоже, что въ самихъ крестьянахъ на столько еще сильно уваженіе къ основѣ общественнаго порядка, къ праву собственности, что, согласно почти со всѣми показаніями, они вовсе не примкнули къ инсургентамъ. Въ „Кельнской Газетѣ" напечатано между прочимъ извѣстіе изъ Варшавы, въ которомъ говорится, что 18 февраля тамъ началъ распространяться въ народѣ листокъ, подъ заглавіемъ: „Голосъ польскаго патріота." „Патріотъ" убѣждаетъ инсургентовъ сложить оружіе, не длить напрасно кровопролитія, которое не можетъ имѣть для Польши счастливаго исхода, и надѣяться всего отъ русскаго правительства, которое будто бы принуждено будетъ устунить совѣтамъ другихъ европейскихъ державъ. „Притомъ же, прибавляетъ патріотъ, ни крестьяне, ни Евреи не приняли стороны инсургентовъ, а раздражать эти два, многочисленные класса народонаселенія никакъ не слѣдуетъ." Такимъ образомъ польское возстаніе, повидимому, не имѣетъ глубокихъ корней въ самой странѣ, и изъ двухъ предположеній графа Росселя вѣрно только первое,—что возстаніе это не болѣе какъ взрывъ революціонной партіи, а не общенародное движеніе, которое могло бы болѣе разсчитывать на сочувствіе Европы. Что дѣла возстанія идутъ плохо, это видно между прочимъ изъ того, что одинъ изъ вождей его, Куровскій, съ отчанія застрѣлился, какъ извѣщаетъ „Бреславская Газета" отъ 23 февраля.

Въ горячкѣ преслѣдованія инсургентовъ границы сосѣднихъ государствъ легко могутъ подвергаться нарушенію. Такъ, между прочимъ, австрійская „Генеральная Корреспонденція" жалуется, что австрійско-галицкая граница уже дважды была нарушаема со стороны казаковъ: въ первый разъ, 16-го февраля, въ Ржешовскомъ округѣ, въ мѣстечкѣ Улаховѣ, вдругъ показались казаки, требуя выдачи бѣжавшихъ инсургентовъ, и возратились во свояси будто бы уже тогда, когда начальникъ округа велѣлъ ударить въ набатъ, и народъ сталъ сходиться съ оружіемъ въ рукахъ. Во второй разъ ка-

заки же прибыли въ Двиниску, мѣстечку въ Жолковскомъ округѣ, требуя выдачи русскаго оружія, похищеннаго 74 лемберг-скими волонтерами, возвратившимися въ предѣлы Австріи, и начальникъ округа на этотъ разъ призвалъ противъ нихъ австрій-скихъ гусаровъ: дѣло обошлось впрочемъ безъ стычки.

Безъ сомнѣнія, желаніе избѣжать такого рода столкновеній съ прусскими погранич-ными властями побудило Россію согласиться на заключеніе особой конвенціи съ этою державою.

Впрочемъ есть уже извѣстіе о томъ, будто бы прусскія войска дѣйствовали заодно съ русскими противъ польскихъ инсургентевъ. „Въ ночь съ 18-го на 19-е февраля, разказываетъ „Данцигская Газета", въ прус-скомъ отрядѣ, расположенномъ въ Голлубѣ, произведена была тревога: получено было извѣстіе, что русско-польское мѣстечко Добржинъ, отдѣленное отъ Голлуба только рѣкою Древенцой, подвергнется нападенію инсургентовъ. Въ 1-мъ часу ночи отрядъ изъ 150 человѣкъ перешелъ русскую грани-цу, и вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ произ-велъ рекогносцировку въ ближайшемъ лѣсу. Какъ и слѣдовало ожидать, инсургенты успѣли удалиться, и прусскій отрядъ къ 9 часамъ утра возвратился на прежнюю свою стоянку. Торговая палата выразила по этому случаю въ особомъ адресѣ къ министру торговли опасенія свои, что тор-говые интересы мѣстнаго населенія могутъ сильно пострадать отъ такого образа дѣй-ствій прусскаго военнаго начальства. Не-смотря на всю обстоятельность разказа, передаваемый въ немъ фактъ подвергается еще сильнымъ сомнѣніямъ.

Вообще говоря, конвенція въ самой Прус-сіи не пользуется популярностью. Коммиссія палаты депутатовъ, какъ извѣстно, приняла предложенную гг. фонъ-Говербекомъ и фонъ-Карловицемъ резолюцію, направленную про-тивъ всякаго содѣйствія Россіи или поль-скимъ инсургентамъ въ борьбѣ ихъ между собою. Докладъ коммиссіи уже напечатанъ. Въ доказательство существованія конвенціи, въ немъ указывается на то, что русскій отрядъ, удалившійся въ Пруссію, былъ сна-чала обезоруженъ, потомъ снова получилъ оружіе и былъ препровожденъ изъ Глейвица въ Ченстоховъ; далѣе на то, что силезскія военныя начальства, заключая контракты на поставку провіянта для прусскихъ войскъ, упоминаютъ особо объ условіяхъ, имѣющихъ силу въ случаѣ перехода ихъ за границу. Въ докладѣ вычисляется, что въ случаѣ если въ конвенціи дѣйствительно выговоре-но русскимъ войскамъ право преслѣдовать польскихъ инсургентовъ въ предѣлахъ прус-ской территоріи на разстояніи 3 или 4 геогр. миль отъ границы, то при протяженіи этихъ границъ въ 150 миль пространство около 500 кв. миль, или безъ малаго одна десятая часть всей Пруссіи, подвергается такимъ образомъ всѣмъ опасностямъ и об-ременѣніямъ, какія приходится испытывать театру военныхъ дѣйствій. Впрочемъ резо-люція предлагается лишь какъ общее пра-вило, безъ отношенія къ какимъ-либо фак-тамъ или къ содержанію конвенціи, также не въ видахъ заявленія какой-либо изъ сторонъ сочувствія или антипатіи, а только въ видахъ предохраненія прусскихъ инте-ресовъ отъ нарушенія. 26-го февраля она могла подвергнуться обсужденію въ палатѣ депутатовъ.

Съ 23-го февраля въ Берлинѣ снова усилились слухи о смѣнѣ нынѣшнихъ ми-нистровъ, и притомъ будто бы вслѣдствіе того, что дѣйствіе конвенціи 8-го февраля пріостановлено. Слухи эти распространились было и прежде, но 21-го февраля вызвали опроверженіе со стороны *Крестовой Газеты*, которая объявила, что всѣ подобные толки основываются „на незнаніи дѣйствительныхъ обстоятельствъ и на преувеличеніи значенія, вліянія и дѣйствія оппозиціонныхъ стрем-леній по возникшимъ теперь вопросамъ."

Положеніе прусскихъ дѣлъ въ Германіи за послѣднее время нисколько не улучши-лось. Возстановленіе дипломатическихъ сно-шеній между Гессенъ-Кассселемъ и Прус-сіей подало было поводъ думать, что пра-вительство курфирства отказалось отъ своей оппозиціи прусско-французскому торговому трактату; но въ „Новой Ганноверской Га-зетѣ," въ полуофиціяльной статьѣ, объяв-лено, что Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и Гессенъ-Дармштадтъ попрежнему стоятъ противъ Пруссіи какъ по вопросу о реформѣ Германскаго Союза, такъ и по вопросу о торговомъ трактатѣ.

Датско-германскому вопросу, повидимому, суждено будетъ обнаружить, какъ велика въ настоящее время рознь между Пруссіей и Австріей, которыя до сихъ поръ дѣйство-вали въ этомъ случаѣ заодно между собою. Адресъ голштейнскихъ чиновъ, который министръ Голштейна г. Галлъ отказался представить королю, говорятъ, будетъ пре-

провожденъ такъ же, какъ было въ 1846 г., къ германскоау сейму съ приложеніемъ всѣхъ подтверждающихъ и объяснительныхъ документовъ. Такимъ образомъ датско-германскій вопросъ выступитъ въ скоромъ времени на очередь.

Конецъ циркулярной депеши г. фонъ-Бисмарка отъ 24-го января, съ которою мы ознакомили нашихъ читателей въ №36 *Моск. Вѣд.* обнародованъ „Франкфуртскимъ Журналомъ." Изъ него видно только то, что мысль о свиданіи между графомъ Рехбергомъ и г. фонъ-Бисмаркомъ была передана послѣднему впервые графомъ Туномъ, что въ послѣдствіи со стороны графа Рехберга присоединено было условіе, чтобы Пруссія напередъ изъявила согласіе на австрійскій проектъ о палатѣ делегатовъ. Когда г. фонъ-Бисмаркъ выразилъ желаніе, чтобы ни о какихъ предварительныхъ обязательствахъ не было рѣчи, графъ Рехбергъ отвѣчалъ, что Австрія не можетъ отказаться отъ своего проекта безъ какой-либо соотвѣтствующей уступки со стороны Пруссіи. Свиданіе такимъ образомъ не состоялось, и потомъ уже со стороны было сдѣлано посредническое предложеніе, чтобы Пруссія въ свою очередь согласилась взять назадъ депешу графа Бернсторфа отъ 20-го декабря 1861 г., въ которой говорилось, съ прусской точки зрѣнія, объ общихъ началахъ преобразованія Германскаго Союза.

№ 40.

Москва, 21-го февраля.

Неудавшееся намѣреніе наше сказать нѣсколько словъ по поводу прусскихъ преній о польскомъ вопросѣ и письма г. Эмиля Жирардена къ Государю Императору, напечатаннаго въ газетѣ *La Presse*, а равно по поводу измѣнническій прокламаціи, разосланной по нѣсколькимъ московскимъ домамъ 19-го февраля, имѣло своимъ послѣдствіемъ два неудобства для нашихъ читателей. Вопервыхъ наши вечернія подписчики не могли получить вчера нашей газеты; вовторыхъ, отвлеченные этимъ дѣломъ, мы не успѣли поговорить вчера о ближайшемъ дѣлѣ,—о совѣщаніи московскихъ городскихъ выборныхъ, бывшемъ 19-го февраля въ новомъ помѣщеніи Думы. Это послѣднее упущеніе мы поправляемъ сегодня, печатая ниже рѣчи гг. Дружинина и Селиванова. Чтобы предотвратить упущенія перваго рода, мы предполагаемъ, впредь до новыхъ возвѣщенныхъ правительствомъ постановленій о печати, разсуждать о подобныхъ вопросахъ не въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, который можетъ легче переносить задержки.

Совѣщаніе городскихъ выборныхъ было дѣломъ новымъ для Москвы. Въ первый разъ сошлись тутъ лица, прежде никогда не встрѣчавшіяся по общему дѣлу, и было видно, что они сошлись съ интересомъ къ этому дѣлу. Собраніе было оживленное; рѣчи, обращенныя ко всему собранію, выслушивались со вниманіемъ; въ промежуткахъ между рѣчами составлялись группы изъ людей разныхъ сословій, и вообще не было замѣтно никакихъ признаковъ враждебности одного сословія къ другому. Отъ купцовъ всего скорѣе можно бы ожидать нѣкотораго раздраженія; они были прежде единственными хозяевами города, а теперь въ ихъ домашнее дѣло вторгаются разныхъ чиновъ люди. Ни одно сословіе не разстается съ своими привилегіями безъ нѣкотораго чувства недовольства, и не было бы ничего удивительнаго, еслибъ это чувство сказалось на общемъ совѣщаніи. Но у насъ, по счастію, такъ слабъ духъ сословнаго господства, и московское купечество такъ разумно смотритъ на преобразованіе городскаго управленія, что во все продолженіе совѣщанія только однажды послышался голосъ ревниваго купеческаго чувства, да и этотъ голосъ остался одинокимъ и даже встрѣтилъ порицаніе многихъ купеческихъ выборныхъ. Нельзя не порадоваться такому слабому обнаруженію сословной ревности, хотя нельзя и сѣтовать на то, что она еще существуетъ: само городское положеніе, учредивъ подачу голосовъ по сословіямъ, искусственно поддерживаетъ, а отчасти и вызываетъ эту ревность.

Итакъ, можно рѣшительно сказать, что между московскими городскими выборными вовсе не замѣтно наклонности приносить городское дѣло въ жертву притязаніямъ сословнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы на практикѣ, при выборѣ головы и другихъ городскихъ должностныхъ лицъ, не повредили городскому дѣлу сословные интересы. На практикѣ долженъ выразиться не только духъ городскаго общества, но и духъ учрежденія, а этотъ послѣдній духъ

есть духъ сословный. Мы уже говорили въ *Современной Лѣтописи*, выходившей при *Русскомъ Вѣстникѣ*, что отъ новаго городскаго управленія можно ожидать значительныхъ улучшеній въ городскомъ хозяйствѣ; но еще нельзя ожидать такого веденія городскихъ дѣлъ, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы силамъ и средствамъ городскаго общества. Первые выборы не могутъ быть вполнѣ удачны, и по нимъ нельзя будетъ судить о способности московскаго городскаго общества управлять своими дѣлами. Значеніе предстоящаго теперь Московскому обществу опыта заключается въ нѣкоторомъ улучшеніи городскаго хозяйства, но еще болѣе въ практическомъ знакомствѣ съ неудобствами новаго порядка, заимствованными имъ отъ порядковъ прежнихъ. Кто не согласится теперь, что было бы гораздо лучше, еслибы выборы происходили не по сословіямъ, а по частямъ или кварталамъ города? Кто также не согласится, что подача голосовъ записками была бы удобнѣе и давала бы менѣе простора случаю, чѣмъ тайная баллотировка? Наконецъ, кто не согласится, что для города было бы безопаснѣе выбирать голову не на четыре года, а на срокъ болѣе короткій? Всѣ эти замѣчанія высказывались многими и прежде, но теперь они сдѣлались выводомъ изъ живой дѣйствительности, выводомъ яснымъ и несомнѣннымъ для каждаго. Этотъ опытъ не долженъ пройдти безплодно; московскіе городскіе выборные и будущіе гласные Общей Думы не предадутъ, конечно, забвенію собранныя ими теперь наблюденія. Они воспользуются первымъ случаемъ чтобы ходатайствовать о дальнѣйшемъ усовершенствованіи городскаго управленія нашей столицы, естественно служащей примѣромъ для другихъ городовъ русскихъ.

№ 41.

Москва, 22-го февраля.

Напечатанный во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты отчетъ о движеніи размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, производящагося въ петербургскомъ банкѣ, заставляетъ призадуматься. Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ золота бралось изъ петербургскаго банка по $1^1/_2$ милліона въ недѣлю, а на прошлой недѣлѣ взято золота уже $2^1/_4$ милліона. Куда какъ не за границу требуется и пойдетъ это золото? Не ясный ли это признакъ, что намъ выгодно сбывать деньги за границу, то-есть что у насъ есть избытокъ въ денежныхъ знакахъ? Еслибъ у насъ было мало денежныхъ знаковъ, звонкая монета не могла бы уходить за границу: товаровъ мы стали выписывать изъ-за границы меньше прежняго; хлопка совсѣмъ нейдетъ къ намъ, балансъ нашъ поправлялся, а между тѣмъ звонкая монета все уходитъ да уходитъ отъ насъ. Имѣя въ виду этотъ фактъ, можно ли говорить о томъ, что у насъ будто бы чувствуется недостатокъ въ денежныхъ знакахъ? А между тѣмъ это не перестаютъ повторять люди серіозные, какъ напримѣръ Д. П. Скуратовъ, который на дняхъ въ „Сѣверной Почтѣ“ счелъ нужнымъ опять развивать эту тему, несмотря на то, что она повидимому разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ, и всѣмъ успѣли уже прискучить нескончаемыя ея варіаціи. Теперь надобно бы говорить о томъ, какъ предотвратить опасности операціи размѣна, не уклоняясь отъ цѣли ея,—упроченія денежной единицы. Ужь если спорить, то теперь время бы спорить о томъ, что̀ намъ нужно, возстановленіе ли или упроченіе денежной единицы. Теперь надобно заботливо взвѣсить могущія оказаться въ нынѣшнемъ году экстренныя финансовыя потребности, и заранѣе подумать о мѣрахъ, которыя могли бы помирить удовлетвореніе этихъ потребностей съ выполненіемъ задачи, предположенной при открытіи операціи размѣна, хотя бы можетъ-быть пришлось видоизмѣнить ее, разумѣется на сколько позволяетъ уже заявленная и долженствующая остаться въ силѣ программа дальнѣйшаго размѣна,—а мы тратимъ время и остроуміе на опроверженіе факта, самаго несомнѣннаго изъ несомнѣнныхъ, того факта, что мы страдаемъ отъ избытка денежныхъ знаковъ.

Безпрестанно и со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы, что денегъ нѣтъ. Но въ какихъ случаяхъ слышатся эти жалобы? Слышатся ли онѣ когда рѣчь идетъ о вывозѣ звонкой монеты за границу? Ни чуть не бывало. Онѣ слышатся только когда приходится платить по обязательствамъ или искать денегъ взаймы. Сравнимъ съ деньгами другой товаръ, напримѣръ хлѣбъ. Если хлѣба нѣтъ, то недостатокъ хлѣба скажется не только во внутреннемъ потребленіи, но и въ отпускѣ хлѣба за границу. Ввезенный изъ-за границы хлѣбъ никакъ не уйдетъ въ

такомъ случаѣ обратно за границу. Какъ же объяснить, что среди всеобщихъ жалобъ на недостатокъ денегъ, самыя лучшія наши деньги, звонкая монета, безостановочно вывозятся за границу? Прошлогодній внѣшній заемъ доставилъ намъ звонкую монету, но только что успѣвали мы расплатиться за провозъ этого благороднаго товара къ намъ изъ-за границы, какъ приходилось опять отпускать его за границу и опять платить за провозъ. Было ли бы что-нибудь подобное съ хлѣбомъ, еслибы при недостаткѣ хлѣба внутри Россіи онъ былъ привезенъ къ намъ изъ-за границы?

Здравый смыслъ, не говоря уже о здравой экономической теоріи, показываетъ, что если мы жалуемся на недостатокъ денегъ и въ то же время выпроваживаемъ отъ себя приходящія къ намъ деньги, то въ первомъ случаѣ мы разумѣемъ подъ деньгами что-нибудь другое чѣмъ тѣ деньги, которыя мы вывозимъ. О томъ, что мы вывозимъ, не можетъ быть спору; мы вывозимъ монету, денежные знаки, предназначенные для обращенія. Но деньгами называются у насъ, какъ и вездѣ, не одни эти денежные знаки, не одна эта монета, которую мы изъ всѣхъ силъ рвемся вывозить за границу. Деньгами называются еще и капиталы. Когда говорится: онъ человѣкъ денежный, это иногда значитъ, что у нашего знакомца сундуки набиты звонкою монетой или ассигнаціями, лежащими праздно; но въ большей части случаевъ это значитъ что нашъ знакомецъ человѣкъ съ капиталомъ, не праздно лежащимъ, а какъ-нибудь помѣщеннымъ. Мы не назовемъ, конечно, денежнымъ человѣкомъ того, кто помѣстилъ свои капиталы въ земли или фабрики. Такого мы назовемъ просто человѣкомъ богатымъ. Денежный человѣкъ не все равно что человѣкъ богатый. Денежный человѣкъ только тотъ, чей капиталъ и считается на деньги, и легко можетъ быть обращенъ въ деньги, чей капиталъ не затраченъ въ долговременныя предпріятія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій человѣкъ имѣющій право на титулъ человѣка денежнаго, непремѣнно долженъ былъ сидѣть на сундукахъ съ деньгами, лежащими неподвижно.

Итакъ деньгами называются вопервыхъ деньги собственно, и вовторыхъ свободные капиталы. Еслибъ у насъ было мало того, что называется собственно деньгами, то мы не могли бы везти за границу звонкую монету, и деньги непремѣнно были бы у насъ дороги, а всѣ другіе предметы купли и продажи дешевы. Но ни того ни другаго не видно: у насъ все еще стоитъ страшная дороговизна и звонкая монета все еще уходитъ за границу. Съ другой стороны мы не лжемъ, когда жалуемся на безденежье. Что же изъ этого слѣдуетъ какъ не то, что у насъ недостатокъ не въ деньгахъ, какъ денежныхъ знакахъ, а въ деньгахъ, какъ капиталахъ, и преимущественно въ свободныхъ капиталахъ?

Капиталисты мы вообще плохіе, а въ настоящую минуту свободныхъ капиталовъ у насъ вовсе нѣтъ, потому что мы взялись не по силамъ за разныя предпріятія и затратили въ нихъ капиталы, какіе у насъ были и какіе мы еще надѣялись какъ-нибудь занять или скопить въ ближайшемъ будущемъ. Всѣ капиталы настоящіе и часть капиталовъ будущихъ помѣщены нами въ предпріятія болѣе или менѣе долгосрочныя: удивляться ли, что свободныхъ капиталовъ у насъ нѣтъ и что они очень дороги? Удивляться ли разстройству нашихъ дѣлъ, когда для поддержки предпріятій, дающихъ 4 и 5 процентовъ, мы принуждены занимать по 9 и 10 процентовъ? Какъ тутъ не разоряться и какъ тутъ не быть банкротствамъ? А когда начинаются банкротства, то увеличивается страхъ, и свободные капиталы прячутся отъ заемщиковъ. Если ли тутъ что-нибудь удивительнаго?

Дороги у насъ не деньги, въ собственномъ смыслѣ слова: деньги въ этомъ смыслѣ дешевы,—оттого и дороговизна. Дороги свободные капиталы, потому что ихъ очень мало, а вслѣдствіе того высокъ и дисконтъ, то-есть процентъ платимый при обмѣнѣ векселей на деньги.

№ 42.

Москва, 23-го февраля.

Британская палата общинъ сдѣлала демонстрацію противъ насъ по случаю польскаго дѣла. Здѣсь, когда нужно, умѣютъ дѣйствовать сообща. Нужно было произвести на насъ впечатлѣніе, поразить и сконфузить насъ, и вотъ вожди партій, по взаимному уговору, организовали великолѣпную демонстрацію. Имѣя въ виду впечатлительность русскаго человѣка, они устроили дѣло такъ, что всѣ партіи слились въ осужденіи Россіи: только одинъ г. Ньюдгетъ обмол-

вился спроста, и чуть было не испортилъ демонстрацію.

Пренія, какъ читателямъ нашимъ извѣстно, открыты были г. Геннесси, который двинулъ адресъ, имѣющій цѣлію побудить правительство ея величества принять самыя энергическія мѣры по отношенію къ Россіи и Пруссіи и въ защиту Польши. Г. Геннесси—папистъ и Ирландецъ, который въ прошломъ году, въ преніяхъ по италіянскому дѣлу поддерживая сэръ Джорджа-Бойера, проклиналъ права народностей, отстаивалъ папу, и защищалъ бурбонскія шайки въ Неаполѣ. Теперь онъ явился защитникомъ угнетенныхъ народностей. Католическій ораторъ отличился краснорѣчіемъ, и даже употреблялъ французскія реченія, называя нашихъ предводителей дворянства *maréchals* (sic) *de noblesse*, въ томъ вѣроятно предположеніи, что французскій языкъ есть языкъ оффиціяльный въ Россіи. Онъ находилъ чрезвычайно умѣренными требованія польскихъ патріотовъ, заявленныя чрезъ графа Замойскаго,—требованія, какъ извѣстно, состоявшія въ томъ чтобы присоединить къ Польшѣ значительную часть русскаго народа. Съ такимъ же умиленіемъ говорилъ онъ о подобномъ желаніи, изъявленномъ нѣкоторою частью подольскаго дворянства, и оплакивалъ предъ британскимъ парламентомъ и передъ цѣлымъ міромъ тѣ истязанія, которымъ подвергаются эти патріоты. Онъ читалъ изъ добытыхъ имъ документовъ о множествѣ арестовъ которые производились въ Варшавѣ, говорилъ о жалкомъ состояніи варшавскихъ тюремъ, разсказывалъ о рекрутскомъ наборѣ, наконецъ сообщилъ, что въ Петербургѣ недавно была запрещена какая-то русская газета за то что она помѣстила въ своихъ столбцахъ статью одобрявшую польское возстаніе. Но особенно интересно заявленіе, сдѣланное этимъ ораторомъ отъ лица Турціи, которая, по его убѣжденію, должна тоже принять участіе въ польскомъ дѣлѣ, и энергически протестовать противъ Россіи за притѣсненіе народностей. „Нынѣшній султанъ, говорилъ г. Геннесси, человѣкъ рѣшительный и способный, и нѣтъ сомнѣнія, что ни одна изъ европейскихъ державъ, въ нынѣшнемъ великомъ кризисѣ, не поспѣшитъ на помощь Польшѣ съ такою готовностію какъ „Блистательная Порта.“ Въ самомъ дѣлѣ почему же и Блистательной Портѣ не протестовать за право христіянскихъ народностей, тѣмъ болѣе что, какъ ораторъ увѣренъ, ея протестъ можетъ быть особенно успѣшенъ.

Г-ну Геннесси секондировалъ сэръ-Леси Эвансъ; затѣмъ говорили другіе ораторы въ томъ же духѣ и въ томъ же смыслѣ,—одни рѣзче, другіе умѣреннѣе. Одинъ молвилъ между прочимъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, Русскіе очень боятся того, что говорятъ о нихъ за границей, и прислушиваются къ чужимъ мнѣніямъ. „Меня увѣряли, говорилъ г. Бакстонъ, люди хорошо знающіе нравъ Русскихъ, что они очень чувствительны ко мнѣнію Европы. Они пуще всего боятся, чтобы ихъ не считали варварами, и тотчасъ же сконфузятся, если имъ будетъ сдѣланъ торжественный выговоръ со стороны болѣе цивилизованныхъ людей.“

Собственно изъ всѣхъ рѣчей оказывается, что Европа по случаю этого дѣла должна раздѣлиться на двѣ группы: съ одной стороны обѣ великія западныя державы, къ которымъ примкнетъ и Австріи, съ другой Россія и Пруссія. Австріи оказанъ блистательный почетъ: о ней говорилось даже съ нѣкоторою восторженностью за ея уваженіе къ правамъ народностей, стало-быть и за то, что она такъ крѣпко держитъ Венецію, которая билась въ ея рукахъ, и уже биться перестала. Австрія совершенно неожиданно произведена въ санъ героевъ, сражающихся за идею. Она пожалована въ ревностныя заступницы польскаго дѣла,—она, Австрія, которая такъ недавно была предметомъ всевозможныхъ негодованій,—Австрія, которая въ самомъ дѣлѣ отдавала въ Галиціи польскихъ помѣщиковъ на ножи тамошнихъ русскихъ крестьянъ. Россія ничего подобнаго не дѣлала, и еслибъ она поступала по примѣру своей бывшей союзницы, то можно навѣрное сказать, что въ Подоліи не оказалось бы польскихъ дворянъ для представленія адреса о присоединеніи къ Польшѣ. *Daily-News*, отдавая отчетъ объ этомъ засѣданіи, которому, разумѣется, она хотя и не безъ нѣкоторой иронія, рукоплещетъ, замѣчаетъ объ Австріи: „Австрія была въ этотъ вечеръ предметомъ особенныхъ чествованій, какъ будто бы она никогда не присоединяла къ себѣ Кракова, какъ будто бы избіеніе польскихъ дворянъ въ Галиціи въ 1848 году было миѳомъ и какъ будто Венеція являетъ теперь картину райскаго довольства.“

Вся эта демонстрація палаты общинъ можетъ быть прискорбна Русскому только въ

томъ отношеніи, что она свидѣтельствуетъ, какого еще плохаго мнѣнія Европа о нашей зрѣлости. Насъ положительно считаютъ дѣтьми, которыя не имѣютъ собственнаго ума, лишены чувства и мѣры собственныхъ дѣйствій, и находятся въ полнѣйшей зависимости отъ непосредственныхъ впечатлѣній. Но сѣтовать за такое о насъ мнѣніе не на кого, развѣ на самихъ себя, потому что мы сами, по всему вѣроятію, подаемъ къ тому поводъ. Если-бы нужно было произвести впечатлѣніе на другую державу, то, нѣтъ сомнѣнія, приняты были бы мѣры, чтобы дать ей болѣе утонченный характеръ. Но съ нами не церемонились. Нужно было произвести какъ можно болѣе треску и шуму, и ораторы не сочли даже нужнымъ покрѣпче замаскироваться: такъ и видишь подъ маской усмѣшку.

Ораторы заявляли, не безъ нѣкотораго цинизма, что теперь наступила самая благопріятная пора пригрозить Россіи, ибо, по мнѣнію ихъ, она находится теперь въ критическомъ положеніи, и не въ силахъ дать надлежащаго отпора. По ихъ мнѣнію, Россія теперь слабѣе чѣмъ была прежде, и если въ прежнее время бороться съ нею было трудно, то теперь это дѣло очень легкое, а потому не слѣдуетъ упускать благопріятной минуты, если можно, доконать ее. Изъ ихъ же словъ явствуетъ, что виною этой предполагаемой слабости Россіи—тѣ самыя великія преобразованія, которыя въ ней совершаются и которыя имѣли честь заслужить ихъ рукоплесканія. Значитъ, для Россіи было бы лучше оставаться въ прежнемъ положеніи; значитъ она тогда была сильнѣе и уважительнѣе; значитъ, съ Россіей надобно покончить именно въ ту самую пору, когда она вступила на путь свободы и внутреннихъ улучшеній. Хороша логика! Но она извинительна иностранцамъ, ревниво смотрящимъ на могущество Россіи. А что сказать о тѣхъ soi-disant Русскихъ, которые въ прежнюю пору, когда властвовала у насъ другая система, сидѣли смирно, а теперь въ минуту перерожденія Россіи поднимаются съ безумными требованіями, воображая себя передовыми людьми своего отечества, и служа только презрѣнными орудіями въ рукахъ его враговъ?

Намъ кажется, что члены палаты общинъ на этотъ разъ перехитрили. „Ничего черезъ мѣру“, говорилъ древній мудрецъ. Намъ кажется, что въ силу особенныхъ стараній придать этой демонстраціи величественный характеръ, она получила оттѣнокъ комическій, и пропадетъ даромъ. А между тѣмъ, зная свои дѣла нѣсколько болѣе чѣмъ наши заграничные критики, мы позволили бы себѣ посовѣтовать имъ, если-бы только голосъ нашъ долетѣлъ до ихъ слуха, чтобъ они не слишкомъ полагались на доходящія до нихъ свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи и о характерѣ переживаемаго ею кризиса. Пусть они не слишкомъ разсчитываютъ на ту нечистую накипь, которая показывается по окраинамъ, и не судятъ по этимъ явленіямъ о русскомъ народѣ. А не то они еще разъ ошибутся.

Выше замѣтили мы, что въ преніяхъ 27-го февраля обмолвился въ нашу пользу одинъ изъ членовъ палаты, г. Ньюдгетъ. Забавны были старанія другихъ ораторовъ поправить испорченное имъ дѣло, и возстановить единогласіе, нарушенное этимъ enfant terrible, который понялъ наконецъ въ чемъ дѣло, и дозволилъ своимъ товарищамъ заявить, что единогласіе было полное, какъ будто бы ничего не было имъ сказано. А говорилъ г. Ньюдгетъ въ сущности только то что про себя думали и всѣ его товарищи, хотя сильнѣе высказаннаго имъ не могъ бы ничего сказать и Русскій. „Пусть палата, говорилъ г. Ньюдгетъ, спроситъ себя, способенъ ли польскій народъ самъ основать свою свободу; можетъ ли въ случаѣ успѣха, та часть Польши, которая теперь вооружилась противъ Россіи, держаться одна. Я всегда сочувствовалъ всякому движенію въ пользу свободы, гдѣ бы то ни было въ мірѣ; но мнѣ сдается, что Поляки, въ случаѣ успѣха, только перемѣнили бы одну тиранію на другую. Сколько я могу судить, ничто не свидѣтельствуетъ чтобы польскій народъ былъ способенъ къ свободѣ. Въ 1815 году, императоръ Александръ честно приступилъ къ дѣлу устройства конституціонной свободы въ Польшѣ. Но онъ тотчасъ же встрѣтилъ іезуитскіе происки, возбуждавшіе раздоръ и вражду, и онъ былъ вынужденъ изгнать іезуитовъ. Это продолжалось до 1820 года, когда зло, заготовлявшееся въ тайнѣ, выступило наружу, и Россія была вынуждена сокрушить въ Польшѣ ту самую свободу, которую она же создала. Образъ дѣйствій тогдашняго польскаго парламента совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ условіямъ, на основаніи которыхъ Императоръ давалъ обѣщанія, приведенныя почтеннымъ членомъ (г-мъ Генесси), и я думаю, что и теперь въ Польшѣ

работаютъ силы враждебныя истинной свободѣ...“

Содержаніе рѣчей обоихъ главныхъ вождей палаты общинъ, лорда Пальмерстона и г. Дизраэли, приведено ниже подъ рубрикой „Англія.“

№ 43.

Москва, 24-го февраля.

Пеняя на Польшу, что она не возстала въ то время, когда западныя державы вели войну противъ Россіи и одобряя вполнѣ демонстрацію, устроенную въ палатѣ общинъ въ пользу Польши, *Times* спѣшитъ однако же предостеречь, чтобы кто не придалъ этой демонстраціи болѣе серіознаго значенія. „Дѣло Польши, говоритъ англійская газета отъ 2-го марта, дѣло Польши не должно быть разсматриваемо подъ вліяніемъ чувства или страсти. Мы засѣдаемъ въ парламентѣ не для того чтобы держать судъ надъ Россіей, а для того чтобы рѣшать какъ самимъ намъ дѣйствовать при данныхъ обстоятельствахъ. Готовы ли мы соединиться съ Франціей чтобы заодно дѣйствовать въ пользу Польши? Можемъ ли мы поддерживать ее въ борьбѣ съ Россіей силою оружія или какими-либо ручательствами? Можемъ ли мы одобрить или даже согласиться на то чтобы Франція затѣяла войну съ Пруссіей,—войну, которая была бы первымъ, предварительнымъ условіемъ для оказанія дѣйствительной помощи Польшѣ? Готовы ли мы на то, чтобы ниспровергнуть равновѣсіе въ Германскомъ Союзѣ и въ цѣлой Европѣ? Мы не можемъ совершенно изолировать польскій вопросъ. Событія прошлаго столѣтія связали его съ интересами трехъ великихъ военныхъ державъ, а одинаковость польской религіи съ французскою и римскою влечетъ за собою старинную вражду между церквами латинскою и греческою. Мы не можемъ сами рѣшаться на вмѣшательство чтобы подавлять вмѣшательство другихъ. Мы можемъ и, безъ сомнѣнія, должны дѣлать съ своей стороны представленія въ пользу Польши, какъ дѣлали мы ихъ часто и прежде. Но говорить о невозможномъ для насъ вмѣшательствѣ и о помощи, которая по необходимости должна ограничиться благонамѣренными, но безплодными протестами, значило бы возбуждать напрасныя надежды. Польша — не единственная страна въ Европѣ, которая утратила свои вольности, и Россія—не единственное государство, которое нарушило Вѣнскіе трактаты. Сопротивляясь одной силѣ, мы должны быть на сторожѣ противъ содѣйствія другой.“

Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, и французскій сенатъ не спѣшитъ преніями о польскихъ дѣлахъ, и откладываетъ ихъ съ недѣли на недѣлю, съ 28-го февраля на 2-ое марта, потомъ на 10-ое, и наконецъ какъ извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма на неопредѣленное время. Да и ближайшій поводъ ко всѣмъ этимъ демонстраціямъ, какъ сказываютъ, уже устраненъ. Какъ извѣстно, не Россія, а Пруссія первая заговорила о конвенціи, которая такъ взволновала Европу; но, какъ сообщается въ разныхъ корреспонденціяхъ, князь Горчаковъ объявилъ, что Россія вовсе не намѣрена пользоваться правами, предоставляемыми ей въ силу этой конвенціи. Съ другой стороны, г. фонъ-Бисмаркъ далъ самыя успокоительныя объясненія посламъ французскому и англійскому, которыя сообщаетъ теперь въ подробности *Корреспонденція Гаваса*. 22-го февраля г. де-Таллейранъ довелъ до свѣдѣнія г. фонъ-Бисмарка какъ смотритъ Франція на конвенцію 8-го февраля и какъ она желала бы, чтобы Пруссія заключилась въ предѣлахъ самаго строгаго нейтралитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на возможность дипломатическаго вмѣшательства въ польскія дѣла. Отвѣтъ г. фонъ-Бисмарка отчасти уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. Между прочимъ онъ высказалъ, что ходъ событій въ Польшѣ позволяетъ надѣяться, что конвенція не будетъ примѣнена къ дѣлу. „Хотя по отношенію къ возстанію, прибавилъ онъ, но можетъ быть и рѣчи о нейтралитетѣ; однако-же Пруссія нисколько не обязалась къ вмѣшательству, и имѣетъ въ виду только огражденіе собственныхъ границъ, а также употребитъ всѣ усилія съ своей стороны, чтобы инсургенты не получали ни малѣйшей помощи изъ прусскихъ областей ни людьми, ни оружіемъ, ни военными припасами. Что касается до дипломатическаго вмѣшательства, то Пруссія не приметъ въ немъ участія, такъ какъ оно имѣло бы видъ нравственнаго содѣйствія возстанію.“ Тѣ же самыя замѣчанія, продолжаетъ корреспонденія „Гавасова,“ сдѣланы были г. фонъ-Бисмарку и англійскимъ посломъ. Онъ особенно живо указывалъ на тѣ опасности, которымъ подвергнется Пруссія, въ случаѣ

если бы Франція вознамѣрилась вмѣшаться въ это дѣло со всею свойственною ей энергіею. Въ случаѣ войны Англія должна была бы сохранить нейтралитетъ въ отношеніи къ Франціи, такъ какъ общественное мнѣніе и мнѣніе парламента были бы противъ Пруссіи, какъ нарушительницы европейскаго мира. „Благодаря объясненіямъ г. фонъ-Бисмарка, сказано въ *Корреспонденціи Гаваса* дѣло это, очевидно, не будетъ имѣть другихъ послѣдствій."

Англія и Франція, говорятъ, уже согласились между собою, какого рода представленіе сдѣлаютъ они С.-Петербургскому кабинету. Что же касается до Австріи, то повидимому она намѣрена держаться въ сторонѣ и ограничиться двусмысленною ролью, несмотря на всѣ хвалы, возданныя ей 27 февраля въ палатѣ общинъ. Наканунѣ Австрія отпраздновала вторую годовщину своей февральской конституціи. „Праздникъ конституціи, говоритъ *Ost-Deutsche Post* въ Австріи не вѣнчаетъ собою вполнѣ заключеннаго дѣла какъ въ другихъ государствахъ, а составляетъ своего рода работу, еще необходимую для упроченія конституціи; онъ составляетъ продолженіе той борьбы, которая ведется между поборниками и противниками единства и цѣлости Австрійской имперіи." Поэтому интересно замѣтить, въ какой постепенности слѣдуютъ другъ за другомъ различныя коронныя земли Австріи въ празднованіи 26-го февраля. Въ Венгріи этотъ день прошелъ такъ тихо, какъ будто бы онъ вовсе не ознаменовался два года тому назадъ дарованіемъ конституціи австрійскимъ народамъ. Тамъ не было демонстрацій ни въ пользу, ни противъ февральской конституціи, потому что Венгрія, имѣя свою собственную старинную конституцію, ничего не хочетъ знать объ этомъ дарѣ новѣйшаго времени. Кромѣ партій, которыя имѣютъ въ виду раздвоеніе Австрійской имперіи и только личное соединеніе Венгріи съ другими коронными землями, т. е. только соединеніе подъ властью одного и того же монарха, но съ совершенно отдѣльнымъ управленіемъ, законодательствомъ, судомъ, съ отдѣльными министрами, сеймами, войсками и финансами, — въ Венгріи есть, правда, старинные консерваторы; но это офицеры безъ арміи, кружокъ человѣкъ въ 50 безъ всякихъ послѣдователей, люди большею частью высоко-поставленные и честолюбивые, которые видятъ средство примиренія съ Австріею въ назначеніи отдѣльныхъ министровъ для Венгріи, но безъ созванія особаго сейма. Въ сущности же за послѣдніе 18 мѣсяцевъ венгерскій вопросъ не двинулся ни на шагъ впередъ. Правда, страсти охладѣли, многія мечты подъ вліяніемъ общеевропейскихъ событій разсѣялись, экономическіе интересы страны все настоятельнѣе указываютъ на тѣснѣйшее соединеніе съ Австріей; но тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе стоитъ твердо за законы 1848 г., и надѣется достигнуть соединенія съ Австріей на этомъ основаніи.

Нѣсколько въ другомъ положеніи дѣла въ Трансильваніи или Седмиградскомъ великомъ княжествѣ. Правда, и здѣсь Венгры не признаютъ другаго знамени кромѣ венгерскаго; но Венгры составляютъ здѣсь меньшинство, и февральская конституція имѣетъ рѣшительныхъ друзей, именно въ старинныхъ нѣмецкихъ поселенцахъ — Саксахъ, которые отъ души отпраздновали день 26 февраля. Но Саксы, въ свою очередь, только горсть народа; если присоединить ихъ число къ числу Венгровъ, то все-таки значительное большинство въ Седмиградіи окажется на сторонѣ Румыновъ, а Румыны до сихъ поръ еще колеблются между Венгріей и Австріей. Положеніе дѣлъ въ Трансильваніи лучше всего характеризуется недавно обнародованнымъ въ австрійской *Всеобщей Корреспонденціи* отвѣтомъ императора на адресъ одного изъ трансильванскихъ комитатовъ, именно комитата Внутренне-Солнокскаго. Это былъ единственный изъ всѣхъ комитатовъ, который послѣдовалъ волѣ императора, выраженной въ рескриптахъ отъ 24 марта и 12 декабря 1861 г., и организовался на основаніи временныхъ правилъ, постановленныхъ въ этихъ рескриптахъ, которые собщили политическія права классамъ народонаселенія, прежде устраненнымъ отъ политической жизни. Но какъ только этотъ комитатъ организовался, тотчасъ же собраніе его обратилось къ императору съ адресомъ, духъ котораго характеризуется уже тѣмъ, что императору дается титулъ только короля Венгерскаго. Въ адресѣ говорится о возсоединеніи Трансильваніи съ Венгріей, о возстановленіи законовъ 1848 г. и о созваніи венгерскаго сейма. Долго медлилъ императоръ отвѣтомъ на этотъ адресъ. Два противоположныя стремленія повидимому оспаривали другъ у друга вліяніе на опредѣленіе воли императора: государственнаго министра г. фонъ-Шмерлинга и венгерскаго канцлера, графа

Форгача. Наконецъ, первый одержалъ верхъ, и въ отвѣтѣ императора высказалось твердое намѣреніе распространить дѣйствіе февральской конституціи на Венгрію и на всѣ бывшія венгерскія коронныя земли. „Союзъ съ Венгріей, сказано въ отвѣтѣ императора, никогда не имѣлъ полной законной силы, и на дѣлѣ тотчасъ же по установленіи своемъ расторгся; притомъ же требованіе о присоединеніи Трансильваніи къ Венгріи грозитъ опасностью національнымъ интересамъ обитателей Трансильваніи, не принадлежащихъ къ венгерскому языку. Присоединеніе къ Венгріи неудобоисполнимо, пока особымъ представительствомъ Трансильваніи не будутъ обезпечены эти интересы и пока интересы и требованія цѣлой монархіи не получатъ необходимаго обезпеченія. Скорое созваніе трансильванскаго сейма для разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ страны къ удовлетворенію всѣхъ племенъ, ее населяющихъ, и для установленія отношеній Трансильваніи къ цѣлой монархіи на основаніи диплома отъ 20-го октября 1860 г. и патентовъ отъ 26-го февраля 1861 г. составляетъ живѣйшее желаніе его величества, и вслѣдствіе неоднократныхъ повелѣній уже принимаются всѣ нужныя къ тому мѣры.“ Какъ слышно, въ мартѣ изданъ будетъ рескриптъ о созваніи сейма, а черезъ 6 недѣль, постановленныхъ конституціей, то-есть, въ маѣ мѣсяцѣ, онъ уже долженъ будетъ открыть свои засѣданія.

Въ Галиціи 26-е февраля было торжественно отпраздновано нашими ближайшими соплеменниками — такъ-называемыми Русинами; но Поляки держались въ сторонѣ, потому ли что конституція 26-го февраля, притягивая всѣ коронныя земли къ одному общему центру въ Вѣнѣ и давая въ Галиціи равныя права Полякамъ и Русскимъ, не вполнѣ ихъ удовлетворяетъ, или потому что сочувствуя своимъ соплеменникамъ въ Польшѣ, они не имѣютъ духа участвовать въ какихъ-либо празднествахъ въ настоящее время. Понятнымъ образомъ, сочувствіе это очень велико, и по словамъ корреспондентовъ газеты *Ostdeutsche-Post*, до 20.000 молодыхъ людей тотчасъ же устремились бы въ Польшу, если-бъ у нихъ было оружіе подъ рукой и если-бы не препятствовало тому австрійское правительство. Инсургенты, страдая сами недостаткомъ оружія и провіанта, отсылаютъ обратно тѣхъ немногочисленныхъ волонтеровъ, которые къ нимъ являются съ пустыми руками. Засѣданія Галицкаго сейма вновь отсрочены до 15-го марта. Боится ли австрійское правительство, что на сеймѣ высказалось бы слишкомъ сильное сочувствіе къ инсургентамъ, и съ другой стороны, надѣется ли оно, что 15-го марта уже все будетъ покончено въ Польшѣ, неизвѣстно; но несомнѣнно, что Галиція много теряетъ отъ такихъ отсрочекъ, и организація ея общинъ такимъ образомъ не можетъ вскорѣ состояться, такъ какъ, по слухамъ, областные сеймы будутъ закрыты въ концѣ марта, и снова созванъ будетъ имперскій сеймъ въ Вѣнѣ.

Въ Прагѣ празднованіе 26-го февраля было тѣмъ значительнѣе, что въ немъ принималъ участіе одинъ изъ главныхъ виновниковъ февральской конституціи, государственный министръ фонъ-Шмерлингъ, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ пріѣхалъ въ столицу Богеміи и присутствовалъ въ качествѣ депутата на Богемскомъ сеймѣ 23-го и 24-го февраля. 26-го февраля въ честь ему данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали 140 членовъ областнаго и имперскаго сеймовъ, богатѣйшіе и знатнѣйшіе землевладѣльцы Богеміи, большею частію нѣмецкой партіи. Министръ говорилъ въ своей рѣчи между прочимъ объ историческомъ значеніи Богеміи для цѣлой австрійской монархіи. „Всякій разъ, сказалъ онъ, какъ только начинала грозить опасность Австріи, въ Богеміи отыскивалась рука способная спасти монархію. Загадочный мужъ (Валленштейнъ) какъ бы волшебствомъ создалъ цѣлую армію, чтобъ остановить побѣдоносное шествіе короля шведскаго въ эпоху тридцатилѣтней войны; Богемецъ же (князь Шварценбергъ) водрузилъ австрійское знамя на вершинѣ собора Парижской Богоматери, и въ годину, когда потрясены были основы могущественной имперіи, а Австрія, по выраженію поэта, жила только въ лагерѣ, престарѣлый Богемецъ (графъ Радецкій) явился на спасеніе имперіи.“ „Вотъ уже два года, заключилъ г. фонъ-Шмерлингъ, какъ Австрія пользуется конституціей. Было бы слишкомъ долго вычислять что сдѣлано въ эти два года для благосостоянія имперіи и для дѣла преуспѣянія вообще. Но на одно можетъ указать австрійскій подданный съ гордостью: Австрія въ настоящую минуту не увеличиваетъ, а уменьшаетъ свои войска, потому что девизомъ для нея служитъ: мужество и довѣріе.“

Въ то же самое время большинство чешской партіи, не предаваясь ликованіямъ своихъ согражданъ, справляло паннихиду по недавно умершемъ чешскомъ патріотѣ графѣ Деймѣ, который былъ въ 1848 г. чешскимъ депутатомъ на имперскомъ сеймѣ, старостою несуществующаго уже теперь чешскаго общества Slovanská Lipa, участникомъ въ изданіи *Народныхъ Новинъ* и т. д. Это былъ дѣйствительно поразительный контрастъ, который показываетъ, что между Нѣмцами и Чехами въ Богеміи о примиреніи пока не можетъ быть и рѣчи, и что февральская конституція не удовлетворяетъ послѣднихъ.

Несмотря на назначеніе Фуадъ-паши военнымъ министромъ, дѣла турецкія повидимому начинаютъ принимать мирный оборотъ. Представители европейскихъ державъ дѣйствуютъ заодно для поддержанія власти князя Кузы въ Румыніи. Отоманская Порта оказалась отъ мысли строить блокгаузы вдоль по дорогѣ, пересѣкающей Черногорію, и намѣрена удовольствоваться постройкою двухъ небольшихъ крѣпостей въ началѣ и въ концѣ этой дороги. Сербія, предоставленная себѣ самой, окажется, вѣроятно, сговорчивѣе относительно размежеванія турецкой крѣпости отъ столичнаго своего города, а дѣло объ оружіи повидимому оставлено и самою Портою. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что Востокъ страна внезапныхъ и почти чудесныхъ превращеній, и что горючаго матеріяла тамъ множество.

Положеніе Греціи, по мнѣнію газеты *Morning-Post* органа лорда Пальмерстона, вовсе не таково, чтобы могло манить Іонянъ къ соединенію съ нею, а надежда найдти государя для Греціи, по сознанію той же газеты, теперь стала еще отдаленнѣе чѣмъ когда-либо.

Такимъ образомъ, можно опасаться, что Греція или настоятельно будетъ требовать принца Альфреда, или станетъ жертвою нескончаемыхъ внутреннихъ раздоровъ и переворотовъ.

№ 44.

Москва, 26-го февраля.

Что такое сельскіе обыватели, что такое сельское населеніе? Въ прямомъ и буквальномъ значеніи этого слова, сельское населеніе извѣстнаго участка есть совокупность лицъ, которыя имѣютъ осѣдлость, постоянное мѣсто жительства на всѣхъ земляхъ этого участка, исключая городскихъ земель. Но въ нашемъ законодательствѣ, слово сельское населеніе имѣетъ смыслъ другой, болѣе тѣсный, болѣе исключительный; подъ этимъ словомъ разумѣются только лица *крестьянскаго сословія*; сюда не включаются лица, которыя хотя и живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ крестьянами, и имѣютъ осѣдлость въ домахъ, усадьбахъ, и въ самыхъ селеніяхъ, но приписаны къ другимъ сословіямъ, дворянскому, купеческому, мѣщанскому. Такое разграниченіе сословій, равнозначительное разобщенію людей, которые по своему сосѣдству естественно должны имѣть множество общихъ потребностей, общихъ интересовъ, идетъ у насъ еще дальше и глубже; оно продолжается, подъ видомъ раздѣленія на *различныя вѣдомства*, и въ сословіи собственно крестьянскомъ: въ одномъ участкѣ, не рѣдко въ одномъ селеніи живутъ, вмѣстѣ съ крестьянами оброчно-обязанными, крестьяне особаго вѣдомства государственныхъ имуществъ, а иногда и нѣсколькихъ другихъ вѣдомствъ.

Нѣтъ, кажется, нужды доказывать, что до тѣхъ поръ пока вѣдомство государственныхъ имуществъ внѣдряется, по прежнему, въ сплошную массу свободнаго сельскаго населенія, невозможно и немыслимо никакое сколько-нибудь правильное земское устройство. Первый шагъ на пути къ этому устройству выразился въ томъ значеніи мировыхъ учрежденій, которое придано имъ законодательствомъ 19-го февраля, въ сферѣ судебно-полицейской дѣятельности, по статьямъ 31 и 32 Положенія. И что же? Въ этой-то именно сферѣ, при всей ея ограниченности, дѣятельность мировыхъ учрежденій нарушается и парализуется на каждомъ шагу и при каждомъ случаѣ, когда привлекаются къ суду мироваго посредника крестьяне вѣдомства государственныхъ имуществъ, уличаемые въ самовольныхъ лѣсныхъ порубкахъ, или въ нарушеніи обязательствъ по найму въ работники.

Такъ, между прочимъ, изъ журнала тверскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, 6-го февраля, мы узнаемъ, что въ 1-мъ мировомъ участкѣ Бѣжецкаго уѣзда, изъ четырехъ случаевъ явной покражи государственными крестьянами лѣса, ни въ одномъ виновныхъ *не оказалось*, вслѣдствіе очевиднаго уклоненія старосты и волостнаго

головы отъ исполненія требованій мироваго посредника объ обыскѣ, осмотрѣ и задержаніи украденнаго лѣса. Волостное правленіе во всѣхъ этихъ случаяхъ, или ограничивалось отписками, что доказательствъ никакихъ *оно не нашло*, украденнаго лѣса въ *цѣлости не оказывается*, кѣмъ лѣсъ утраченъ *не извѣстно*, кому принадлежалъ *не найдено*, или вовсе не отвѣчало на требованія мироваго посредника, а между тѣмъ украденный лѣсъ былъ или пережигаемъ въ уголь или изводимъ на такое употребленіе, что всѣ примѣты изчезали.

Мировой посредникъ, не встрѣчая со стороны должностныхъ лицъ никакого содѣйствія своимъ настойчивымъ и повторительнымъ требованіямъ, призналъ наконецъ старосту и волостного голову, за очевидное потворство и укрывательство воровъ участниками въ ихъ проступкахъ, привлекъ ихъ на основаніи ст. 32 Положенія къ своему суду, и наложилъ на нихъ денежный штрафъ, въ вознагражденіе убытка истцовъ. Но должностныя лица не думаютъ платить никакого штрафа. Мировой посредникъ пишетъ жалобы къ окружному начальнику, въ палату, въ губернское присутствіе; палата предписываетъ окружному начальнику; окружный начальникъ производитъ дознаніе,—пишетъ въ палату; палата въ губернское присутствіе; губернское присутствіе кассируетъ рѣшеніе мироваго посредника, отмѣняетъ наложенные имъ штрафы, находитъ, что посредникъ вмѣшивается не въ свое дѣло, въ чужое вѣдомство, потому что староста и волостной голова сами лично въ порубкѣ не участвовали, а за неисполненіе законныхъ требованій мироваго посредника подлежатъ сужденію и суду, какъ *за преступленіе по должности*, то-есть не иначе какъ по предварительному дознанію, сдѣланному *начальствомъ* должностнаго лица. Смотря по тому, что̀ найдетъ начальство въ этомъ дознаніи о дѣйствіяхъ своего должностнаго лица, оно или отдастъ его подъ судъ, или ограничится административнымъ взысканіемъ, или оставитъ его свободнымъ отъ всякой отвѣтственности.

Среди всей этой путаницы и переписки, кого можно обвинять? Разумѣется никого, всѣ правы; остается только яснымъ одинъ фактъ, а именно тотъ, что владѣльцы лѣсныхъ дачъ не получаютъ никакого вознагражденія за убытки, которые они несутъ отъ воровъ. Самовольныя порубки продолжаются безнаказанно, владѣльцы не смѣютъ разсчитывать на сохраненіе ихъ собственности, и спѣшатъ вездѣ продавать свои лѣса; дѣятельность мировыхъ посредниковъ остается въ этой сферѣ столь же безплодною, какъ и дѣятельность должностныхъ лицъ во всѣхъ дѣлахъ о порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ, дѣлахъ, получившихъ классическую извѣстность во всемірной исторіи канцелярской дѣятельности и письменнаго судопроизводства съ его теоріями доказательствъ и уликъ.

Въ виду такого порядка вещей, или лучше такого вопіющаго безпорядка, прикрывающагося ст. 4958 т. II Свода Законовъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, владѣльцамъ лѣсовъ и полей остается ожидать обезпеченія своей собственности только отъ милостиваго снисхожденія и вниманія начальствъ разныхъ вѣдомствъ къ ихъ всепокорнѣйшимъ жалобамъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они подвергаются убыткамъ, не вслѣдствіе прямаго участія должностныхъ лицъ этихъ вѣдомствъ въ преступленіи, а вслѣдствіе не менѣе очевиднаго уклоненія ихъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Другаго пути спасенія владѣльческимъ лѣсамъ, находящимся въ сосѣдствѣ съ казенными селеніями, не предвидится, до тѣхъ поръ пока окончится работа центральнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, и всѣ эти разныя вѣдомства будутъ наконецъ устранены изъ чуждой для нихъ области общаго земскаго дѣла.

№ 45.

Москва, 27-го февраля.

Еслибы между нами очутился какой-нибудь наблюдатель въ родѣ того Персіянина, котораго Монтескьё въ половинѣ прошлаго столѣтія заставилъ описывать учрежденія, нравы и обычаи французскаго общества, онъ былъ бы пораженъ нѣкоторыми чрезвычайно странными явленіями. Россія подвергается не только нареканіямъ, но и самымъ тяжкимъ обвиненіямъ, и почти ни одинъ голосъ не возвышается въ ея пользу, и русская печать сохраняетъ олимпійское спокойствіе. Планы враговъ Россіи, съ осуществленіемъ которыхъ она должна была бы утратить значительную часть своихъ исконныхъ областей, и уступить свое международное мѣсто новой великой державѣ,

которая по исчисленію *Opinion National*, будетъ имѣть 42 милліона жителей, эти планы находятъ себѣ сочувствіе въ Европѣ и даже считаются удобоисполнимыми. Мало того: не довольствуясь обвиненіями на правительство и на русскія войска, клевещутъ и на русскій народъ, предполагая въ немъ въ настоящее время, среди совершившихся и совершающихся преобразованій, Богъ знаетъ какіе замыслы противъ общественнаго порядка и устройства. Объ насъ говорятъ Богъ знаетъ что, намъ приписываютъ Богъ знаетъ какія дѣла, какія намѣренія, какой образъ мыслей, а мы молчимъ, и своимъ молчаніемъ поддерживаемъ заблужденія иностранцевъ. Съ какою цѣлію мы это дѣлаемъ, зачѣмъ мы притворяемся равнодушными къ отечеству? Гдѣ объясненія этой странности нигдѣ невозможной, кромѣ Россіи? Жалкое положеніе русскаго публициста! Онъ еще не привыкъ „чувствовать что хочетъ и говорить что чувствуетъ.“ Еслибы какими-нибудь судьбами истинное чувство и сказалось въ немъ, онъ побоится обнаружить это, чтобъ его какъ-нибудь не заподозрѣли и свои и чужіе въ томъ, что онъ говоритъ не искренно. Кого винить въ этомъ какъ не обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ русское печатное слово въ глазахъ и своихъ и чужихъ утратило способность выражать искренній образъ мыслей и чувствъ, коль скоро этотъ образъ мыслей и чувствъ не имѣетъ систематическими оппозиціоннаго характера? Но въ то же время какъ не пожалѣть, что о настроеніи русскаго народа приходится судить только по немногимъ представителямъ русскаго печатнаго слова, которые ничѣмъ не связаны съ истинными интересами и мнѣніями нашего общества? Настоящее расположеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи составляетъ непроницаемую тайну для иностранцевъ и для нѣкоторыхъ столичныхъ Русскихъ, и подъ покровомъ этой тайны ростутъ и множатся интриги польскихъ и русскихъ выходцевъ. Для достиженія своихъ цѣлей безъ малѣйшаго труда и отпора они могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго не только за границею, но и въ Польшѣ и въ Россіи, что напримѣръ самъ русскій народъ или по крайней мѣрѣ высшіе, образованные классы его готовы всячески содѣйствовать разрушенію Русскаго государства, что въ Россіи существуютъ какія-то безчисленныя тайныя общества, сложившіяся теперь въ одно цѣлое и избравшія изъ среды своей центральный земскій комитетъ, что, наконецъ, назначенъ уже и день 19 февраля для общаго революціоннаго взрыва въ Россіи. Все это, дѣйствительно, говорилось и писалось не только въ русскихъ за-граничныхъ изданіяхъ, но и въ серіозныхъ органахъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Всѣ эти нелѣпости находили себѣ вѣру, принимались за основаніе для сужденій и дѣйствій, и даже не оставались безъ вліянія на правительственныя сферы. Было ли бы все это возможно, и лилась ли бы въ настоящее время кровь, еслибы наша печать выражала собой дѣйствительное общественное мнѣніе Россіи? Обманъ, въ который далась теперь Европа, долженъ научить насъ, какъ важно для страны, чтобы ея общественное мнѣніе какъ-нибудь находило себѣ соотвѣтственное и правильное выраженіе.

№ 46.

Москва, 28-го февраля.

Передъ нами, за кулисами, подъ полупрозрачнымъ покровомъ дипломатическихъ тайнъ, разыгрывается драма, имѣющая для насъ, Русскихъ, довольно живой интересъ. Достаточно сказать, что сюжетомъ для этой драмы служитъ вмѣшательство европейскихъ державъ въ польскія дѣла, завязкою послужила конвенція 8-го февраля, а развязку не трудно предсказать въ настоящее время. Ее можно выразить въ словахъ: много шума изъ ничего, или Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus (родить собираются горы, а родится смѣшной мышенокъ).

Когда въ прусской палатѣ депутатовъ шла рѣчь о конвенціи 8-го февраля, одинъ изъ замѣчательныхъ политическихъ людей Пруссіи, г. фонъ-Финке, сказалъ очень умное слово: „Союзъ Франціи съ Россіей, союзъ который готовъ былъ скрѣпиться и котораго всѣ такъ опасались, сталъ невозможенъ, благодаря польскому возстанію и конвенціи 8-го февраля.“ И въ самомъ дѣлѣ теперь Франція ясно показала, какова она намъ союзница. Пенять на это не стоитъ; можно только радоваться, что отношенія разъяснились прежде нежели разразился восточный вопросъ.

Какъ только разнеслись вѣсти о конвенціи 8-го февраля, вся Франція встрепенулась, и правительство Наполеона III ухватилось за этотъ предлогъ ко вмѣшатель-

ству съ такою поспѣшностію и такимъ рвеніемъ, что нечаянно обнаружило свои ужь черезчуръ обширные политическіе замыслы, враждебные Россіи, но какъ видно, опасные и для другихъ европейскихъ державъ. Въ объясненіе этого шага, надобно сказать, что дѣйствительно нигдѣ дѣло Польши не возбуждаетъ къ себѣ такого сочувствія какъ во Франціи. На немъ сходятся тамъ всѣ партіи, каждая по своимъ особымъ побужденіямъ и на особыхъ основаніяхъ. Для либераловъ всѣхъ наименованій дѣло идетъ тутъ объ ослабленіи Россіи, которая и теперь все еще кажется краеугольнымъ камнемъ абсолютизма въ Европѣ, и о возрожденіи національности, сочувствующей свободнымъ учрежденіямъ и ставшей жертвою насилія. Клерикалы, органомъ которыхъ служитъ между прочимъ газета *Union*, правда, не хотятъ и слышать о правахъ національности—допустить ихъ значило бы одобрить все что совершилось въ Италіи въ ущербъ для свѣтской власти папы,—но зато Польша дорога для нихъ своимъ католичествомъ, и въ католичествѣ ея они находятъ не только полное оправданіе для ея возстанія, но и ея право на поддержку со стороны Франціи, какъ старшей дщери римско-католической церкви. Наконецъ, бонапартисты съ восторгомъ вспоминаютъ, что Поляки были ревностными сподвижниками Наполеона I. Принять сторону Польши, содѣйствовать по возможности возстановленію ея самостоятельности значило для Наполеона III разомъ угодить всѣмъ партіямъ, что особенно важно теперь передъ началомъ новыхъ выборовъ въ законодательное сословіе, отвлечь вниманіе отъ непріятныхъ внутреннихъ вопросовъ, заставить забыть о несчастной мексиканской экспедиціи и даже, можетъ быть вовсе отказаться отъ нея, безъ ущерба для своей военной чести, покрыть свое имя неувядаемою славой освободителя народовъ и упрочить свою династію. Эта перспектива казалась тѣмъ обворожительнѣе, что польскія дѣла могли придвинуть границу Франціи къ Рейну, такъ какъ Пруссія изъявила готовность дѣйствовать заодно съ Россіей, а эта граница почему-то считается единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ упроченію династіи. Притомъ же вблизи императора не мало лицъ, на сочувствіе которыхъ Польша могла разчитывать: императрица Евгенія, какъ ревностная католичка, принцъ Наполеонъ, какъ человѣкъ, болѣе или менѣе близкій съ вождями всѣхъ прогрессистовъ Европы предпочитающихъ тайныя дѣйствія явнымъ, наконецъ—живая связь бонапартизма съ Польшей, государственный министръ графъ Валевскій, который въ 1831 г. былъ агентомъ возмутившейся Польши при лондонскомъ кабинетѣ. Какъ бы то ни было, сигналъ былъ данъ въ Парижѣ, и притомъ изъ офиціяльныхъ сферъ: статья въ полуофиціяльномъ журналѣ *Constitutionnel* всполошила всю Европу, и нашла отголосокъ въ Англіи, очевидно положившейся на серіозность парижскихъ заявленій. Наши читатели уже знаютъ, какъ искусно почтенные джентльмены въ палатѣ общинъ 26-го февраля разыграли демонстрацію въ пользу Польши и противъ Россіи, предоставляя однакожь правительству возможность отступленія во всякое время. Самыя увѣренія лондонскаго корреспондента газеты *Temps*, что это вовсе не была комедія, служатъ подтвержденіемъ, что трагическаго значенія не придавали этой демонстраціи и въ самомъ Лондонѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ Англичанамъ очень мало дѣла до католической Польши, до Польши—союзницы Франціи; увлекаться теоріями, въ родѣ теоріи національностей, они, какъ извѣстно, также не охотники. Наконецъ, съ свойственнымъ имъ политическимъ здравомысліемъ они хорошо понимаютъ, что Польша должна доказать свою способность къ политической самостоятельности, прежде нежели можетъ идти рѣчь о возстановленіи этой самостоятельности. Толки польскихъ и русскихъ выходцевъ о настроеніи значительной части русскаго народа и о внутреннемъ состояніи Россіи, при отсутствіи у насъ правильныхъ средствъ для соотвѣтственнаго и законнаго выраженія общественнаго мнѣнія, могли сбивать съ толку не только Францію, но и самую Англію, но Англичане, конечно, не понѣрили бы имъ на столько, чтобы компрометтировать себя, если бы Франція не завлекла ихъ своимъ примѣромъ. Англичане не любятъ, чтобы ихъ обманывали, и надобно ожидать что въ общественномъ мнѣніи Англіи скоро произойдетъ реакція. Принимая во вниманіе рѣчь лорда Пальмерстона 26-го февраля, предостереженія, высказанныя англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, свѣдѣнія, сообщаемыя о видахъ англійской политики упомянутымъ выше корреспондентомъ газеты *Temps*, мы приходимъ къ заключенію, что Англичанъ въ данномъ

случаѣ смущаетъ только вмѣшательство Пруссіи, но и то преимущественно потому что оно можетъ послужить для Франціи приманкою ко вмѣшательству въ свою очередь, простирающемуся далѣе тѣхъ предѣловъ, на которыхъ желала бы остановиться Англія. Разумѣется, Англіи было бы очень пріятно если бы Франція своею горячностью въ конецъ испортила свои отношенія и къ Пруссіи и особенно къ Россіи. Этимъ объясняется между прочимъ не совсѣмъ ловкая статья въ органѣ лорда Пальмерстона, въ *Morning-Post*, въ которой Франція какъ бы поощрялась къ наступательному образу дѣйствій. Но сама Англія рѣшительно отстаетъ отъ крестоваго похода на Россію. Какъ извѣстно изъ сообщенныхъ вчера извѣстій, 3-го марта рѣшено было, что Англія не будетъ дѣйствовать заодно съ Франціей въ польскомъ вопросѣ. Франція остается одна, безъ союзниковъ. Австрія точно такъ же, какъ и въ 1831 г., изъявляетъ свое сочувствіе къ намѣреніямъ западныхъ державъ, но участіе въ дипломатическомъ вмѣшательствѣ, замышляемомъ Франціей, поставляетъ въ зависимость, вопервыхъ, отъ соглашенія между Франціей и Англіей, которое, какъ говоритъ и газета *La France*, не состоится, а вовторыхъ, и въ этомъ даже случаѣ, отъ того условія, чтобы трактаты о раздѣлѣ Польши не были подвергнуты какому-либо сомнѣнію. А Италія, неблагодарная Италія, начинаетъ уже пользоваться одиночествомъ Франціи и опять заводитъ рѣчь о Римѣ.

Такимъ образомъ отношенія между великими державами на счетъ польскаго вопроса начинаютъ слагаться точь въ точь такъ, какъ сложились они при первомъ возстаніи Польши въ 1830 и 31 годахъ. Тотъ же самый лордъ Пальмерстонъ, который стоитъ теперь во главѣ британскаго правительства, и тогда, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, рѣшительно отвергъ предложенія Франціи, изложенныя въ нотѣ князя Таллейрана, отъ 20-го іюня 1831 г., замѣтивъ, что по его мнѣнію „не наступило время, когда бы можно было съ успѣхомъ принять эти предложенія вопреки волѣ государя, права котораго на Польшу неоспоримы.“

Но князь Таллейранъ былъ представителемъ двора, ненаходившагося передъ тѣмъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Тогда Франція не дѣлала по крайней мѣрѣ *volteface*...

Можетъ ли Франція выдержать свое достоинство въ теперешнемъ изолированномъ положеніи? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Финансы Франціи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, 40.000 ея войска въ Мексикѣ, а подъ бокомъ у нея римскій вопросъ, неимовѣрно подвинувшійся впередъ съ той минуты, какъ настало политическое одиночество Франціи. На Востокѣ Франція теперь ничего не въ силахъ сдѣлать. Не даромъ Австрія именно теперь распускаетъ до 40.000 своего войска, о чемъ еще недавно такъ торжественно провозглашалъ государственный министръ ея, г. фонъ-Шмерлингъ, на ужинѣ, данномъ въ честь ему въ Прагѣ.

„Если между Англіей и Франціей и не можетъ установиться согласіе для принятія какихъ-либо мѣръ сообща,—говоритъ *La France*,—то каждая изъ нихъ расположена, на сколько отъ нея зависитъ, особенно же Франція, обратиться къ С.-Петербургскому кабинету съ дружественными совѣтами, внушаемыми довѣріемъ къ великодушію Императора Александра II и съ сочувствіемъ къ Польшѣ.“ *Особенно же Франція*,—слова эти заслуживаютъ особеннаго вниманія, въ газетѣ, издаваемой французскимъ сенаторомъ и бывшимъ директоромъ комитета по дѣламъ печати. Но прежде нежели совѣтовать, благоразуміе Императора Наполеона III заставитъ его, конечно, покороче ознакомиться съ дѣломъ, и въ этомъ отношеніи можетъ-быть принесло бы пользу обѣщаемое теперь путешествіе герцога де-Морни. Родственныя связи герцога (супруга его—природная Русская) поставятъ его въ возможность ближе и вѣрнѣе познакомиться съ дѣйствительнымъ настроеніемъ умовъ въ Россіи и съ образомъ мыслей русскихъ людей относительно польскаго вопроса, а это поможетъ освободиться отъ тѣхъ предубѣжденій, которыя могла навѣять на французское правительство революціонная пропаганда.

№ 47.

Москва, 1-го марта.

Въ нашемъ русскомъ домѣ главный уголъ теперь перестраивается: въ каждомъ Русскомъ естественно возникаетъ забота чтобы какъ-нибудь не покривилась стройка, нашего передняго угла, и чтобы вся его тяжесть твердо покоилась на приготовлен-

номъ для него прочномъ основаніи. Крестьянское дѣло есть этотъ главный, передній уголъ нашего національнаго дома. На этотъ уголъ особенно мѣтятъ враги; на него должны мы обратить все наше вниманіе, если хотимъ, чтобы къ намъ прилагалась народная поговорка: „береженаго и Богъ бережетъ.“

Успѣхъ крестьянскаго дѣла очевидно зависитъ отъ мировыхъ учрежденій. Счастливая мысль, призвавшая ихъ къ жизни, уже принесла свои плоды: первые два года реформы прошли лучше чѣмъ ожидали самые сангвиническіе оптимисты. Мировыя учрежденія сослужили Россіи великую службу; имъ преимущественно обязана она тѣмъ спокойствіемъ, которое сбиваетъ съ толку ея враговъ. Чѣмъ болѣе существуютъ и дѣйствуютъ мировыя учрежденія, тѣмъ болѣе должны дорожить ими русскіе люди, тѣмъ бережнѣе обращаться съ ними, тѣмъ мнительнѣе охранять ихъ отъ всего того что могло бы измѣнить ихъ характеръ или даже сдвинуть ихъ съ основанія. Лучше пусть будетъ излишекъ въ мнительности чѣмъ излишекъ въ равнодушіи и беззаботности. Бережность тутъ не помѣшаетъ; помѣшать можетъ только дурная привычка, которою мы безспорно страдаемъ, — привычка любоваться и дорожить только новинкой, и смотрѣть на хорошую вещь съ небреженіемъ, когда она перестаетъ быть дѣломъ моды. На недостатокъ въ насъ доброй воли нельзя жаловаться, но можно жаловаться на недостатокъ характера: мы слишкомъ скоро устаемъ, опускаемъ руки, теряемъ энергію и терпѣніе. Дѣло, за которое мы принимаемся съ жаромъ, скоро прискучиваетъ намъ, и мы бросаемся на другое, на третье. Такъ мы тратимъ силы и не доводимъ ни одного дѣла до конца. Вотъ откуда проистекаетъ наша бѣдность и матеріяльная и нравственная, и вотъ чего мы должны всего болѣе беречься.

По офиціяльнымъ отчетамъ нельзя судить о внутренней жизни мировыхъ учрежденій. Тутъ должна быть другая мѣра, и въ настоящее время всякій согласится, что главною мѣрой должно быть довѣріе крестьянъ къ мировымъ учрежденіямъ. Въ первое время мировыя учрежденія безспорно пользовались этимъ довѣріемъ. Если оно гдѣнибудь ослабѣваетъ противъ прежняго, значитъ примѣшалось что-нибудь постороннее, и нужно принять мѣры, чтобы поправить дѣло. Мировыя учрежденія поставлены между двухъ или, если угодно, между трехъ огней; съ трехъ сторонъ могутъ быть направлены на нихъ притязанія, побуждающія ихъ къ уклоненіямъ отъ строгой законности. Нѣтъ спора, что не легко устоять противъ этихъ притязаній, но нѣтъ спора и о томъ, что только строгая законность можетъ дать твердую почву для мировыхъ учрежденій. Для обсужденій и споровъ, для борьбы мнѣній было время, когда законъ вырабатывался, но какъ скоро онъ обнародованъ, надобно исполнять его въ точности: не колебать его, не дергать въ разныя стороны, потому что нельзя довѣрять колеблющемуся и измѣнчивому.

Пусть въ каждомъ уѣздѣ благонамѣренные посредники дадутъ себѣ отчетъ въ томъ, соблюдается ли между ними строгая законность. Пусть они также дадутъ себѣ отчетъ въ характерѣ своихъ взаимныхъ отношеній. По мѣрѣ того, какъ усиливается законность, крайнія направленія обыкновенно сближаются. Наоборотъ, когда законность, эта единственная твердая почва, начинаетъ ускользать, сами собой должны возрастать контрасты мнѣній; дѣло должно идти не къ примиренію противоположностей, а къ большему разладу, къ большей напряженности. Это самый вѣрный признакъ ненормальнаго хода дѣлъ, самый несомнѣнный признакъ болѣзни. По слухамъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, разногласіе въ средѣ мировыхъ посредниковъ стало въ послѣднее время ярче прежняго: это дурной знакъ, свидѣтельствующій что сила законности уменьшается и что скоро начнетъ исчезать довѣріе къ институту. Есть также поводы заключать, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ значеніе принадлежащее по закону мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ, начинаетъ сосредоточиваться въ губернскихъ присутствіяхъ. По закону, губернскія присутствія не могутъ перерѣшать дѣлъ разсмотрѣнныхъ на мировомъ съѣздѣ; они могутъ только передавать дѣла изъ одного съѣзда въ другой. Между тѣмъ нерѣдко приходится теперь читать въ журналахъ губернскихъ присутствій, что они сами рѣшаютъ дѣла и объявляютъ о томъ черезъ обнародованіе своихъ протоколовъ. Гдѣ есть такое превышеніе власти, тамъ тоже законность колеблется. Губернскія присутствія находятся въ зависимости и отъ мѣстной и отъ центральной администраціи; они не замѣнятъ собой мировыхъ учрежденій, къ которымъ они вовсе и не относятся. Пе-

ревѣсъ получаемый ими есть также дурной признакъ, свидѣтельствующій о слабости мировыхъ учрежденій. А въ чемъ можетъ заключаться причина этой слабости какъ не въ недостаткѣ законности въ дѣйствіяхъ мировыхъ учрежденій?

Упадокъ мировыхъ учрежденій былъ бы бѣдствіемъ для Россіи и радостью для ея враговъ. Истинные патріоты должны соединиться въ усиліяхъ, чтобы предотвратить подобный ходъ дѣлъ. Если есть хотя тѣнь этой опасности, благонамѣренные мировые посредники должны встрепенуться и дружно взяться за дѣло лежащее на ихъ отвѣтственности.

№ 48.

Москва, 2-го марта.

Мы постоянно сообщали въ нашей газетѣ всѣ слухи и догадки о прусско-русской конвенціи, какія находили въ иностранныхъ журналахъ и считали сколько-нибудь правдоподобными. Читатели припомнятъ, что повсюду подвергалось порицанію условіе между Россіею и Пруссіею относительно польскихъ инсургентовъ, — неизвѣстно въ чемъ именно состоявшее,—что были объясненія по его поводу между прусскими посланниками и министрами иностранныхъ дѣлъ Франціи и Англіи, что наконецъ неизвѣстное условіе было уничтожено. Страхъ чего-то неяснаго неопредѣленнаго овладѣлъ всѣми. Несмотря на объявленіе министровъ въ англійскомъ и италіянскомъ парламентахъ, что они не знаютъ въ точности условій опасной конвенціи, эта конвенція имѣла, по общему мнѣнію, важное значеніе. За нее ухватились, чтобы придать возстанію въ Польшѣ характеръ обще-европейскаго дѣла; старыя давно знакомыя пружины были пущены въ ходъ, а въ виду предполагаемаго вмѣшательства, вынуждаемаго интересами Пруссіи, стали говорить о необходимости вмѣшательства дѣйствительнаго, во имя „идеи“. Европа, хладнокровно и благоразумно ожидающая окончанія междуусобной войны въ Америкѣ, чуть было не заволновалась отъ возмущенія, возникшаго въ одной части обширнаго государства. Французское правительство взываетъ къ ненавистному ему акту вѣнскаго конгресса, хотя императору Наполеону было ни по чемъ вычеркнуть его изъ памяти народовъ; офиціяльные органы французской печати громятъ позорную выдачу политическихъ преступниковъ, тогда какъ они не такъ давно еще надрывались изо всѣхъ силъ, и негодовали на Англію за то что она не выдала доктора Бернара.

И всю эту тревогу надѣлала конвенція, оказавшаяся излишнею, прежде появленія своего на свѣтъ Божій.

Желая сколько-нибудь разъяснить вопросъ, мы считаемъ не лишнимъ указать на нѣкоторыя уже обнародованныя прежде конвенціи, внесенныя въ собранія трактатовъ и не вызывавшія протеста. Въ этихъ конвенціяхъ не разъ говорится о выдачѣ преступниковъ и въ особенности дезертировъ. Сколько намъ извѣстно, послѣдній трактатъ о выдачѣ заключила Франція съ Нидерландами въ 1860 году, Англія съ Австріею въ концѣ 1852 года: здѣсь говорится о выдачѣ бѣглыхъ матросовъ.

Что касается до Пруссіи и Россіи, то между ними заключено было условіе въ 1834 году о выдачѣ Поляковъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. Для сохраненія спокойствія въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Россіи, Австріи и Пруссіи, три державы постановили выдавать всѣхъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ, въ оскорбленіи величества и въ вооруженномъ возстаніи. Черезъ десять лѣтъ затѣмъ, именно 8-го мая 1844 года заключена новая конвенція о выдачѣ, или картель, только между Россіею и Пруссіею. По статьѣ 1-й этой картели, выдачѣ подлежатъ, кромѣ общихъ преступниковъ и бѣглыхъ солдатъ, также „всѣ лица, которыя по законамъ своего отечества подлежатъ, хотя бы и не тотчасъ же, а въ послѣдствіи военной службѣ.“ Значитъ, всѣ Поляки, принимающіе теперь участіе въ возмущеніи, должны быть выдаваемы прусскому или русскому правительству по ихъ требованію, и это требованіе имѣетъ силу въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ ожиданіи этого требованія, виновные, перешедшіе границу, должны быть задерживаемы мѣстными властями; издержки, употребленныя на это, опредѣлены въ $7\frac{1}{2}$ коп. за каждый день и должны быть вознаграждены при выдачѣ виновнаго.

На основаніи этихъ двухъ конвенцій, Россія имѣла бы право требовать отъ Пруссіи не только обезоруженія инсургентовъ, къ которому обязано всякое государство независимо отъ трактатовъ, но также задержанія ихъ и потомъ выдачи. Въ даль-

нѣйшей помощи Пруссіи мы не нуждаемся. Инсургенты, переходя на прусскую территорію не избавляются отъ наказанія и отдаются въ руки русскаго правительства. Съ другой стороны, Пруссія въ настоящихъ обстоятельствахъ вынуждена, для исполненія картели, выставить на границѣ войска, такъ какъ обыкновенныхъ средствъ недостаточно для задержанія значительнаго числа лицъ, переходящихъ на ея территорію. По сообщеннымъ у насъ извѣстіямъ, въ одинъ разъ пришлось задержать 1000—2000 человѣкъ. Русскимъ войскамъ нѣтъ надобности переходить черезъ границу для преслѣдованія бѣгущихъ, и всѣ дальнѣйшія мѣры могутъ быть приняты только въ интересахъ Пруссіи, для сохраненія спокойствія въ Познани. Въ картели 1844 года прямо сказано, что войска останавливаются на границѣ и задержаніе производится войсками другаго государства; черезъ границу переходитъ только одинъ человѣкъ для указанія виновныхъ. Если въ Познани произойдетъ возстаніе, то обоюдное преслѣдованіе должно совершаться безпрерывно, и все равно, въ чьи руки попадутся плѣнные, лишь бы только уменьшалось количество вооруженныхъ. Поэтому, намъ нечего сожалѣть о томъ, что конвенція 8 февраля, каково бы ни было ея содержаніе оставлена безъ послѣдствій; картель 1844 года уже достаточно обезпечиваетъ военныя операціи противъ инсургентовъ, и Европа можетъ успокоиться насчетъ вмѣшательства другихъ державъ въ наши домашнія дѣла.

№ 49.

Москва, 4-го марта.

7-го марта послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Лондонъ невѣсты Альберта Эдуарда, принца Вельскаго, принцессы Александры Датской. Этотъ въѣздъ сопровождался со стороны всѣхъ классовъ англійскаго народа выраженіемъ такихъ сильныхъ чувствъ патріотизма, неразрывно связанныхъ съ безпредѣльною преданностью королевской фамиліи, что событіе это, само по себѣ маловажное, получаетъ характеръ великаго національнаго событія. „Мы не умѣемъ справлять карнавала, говоритъ *Daily News*; „у насъ не бываетъ по нѣскольку разъ въ годъ празднествъ на счетъ государства; но мы знаемъ когда и какъ радоваться и что значитъ радоваться безъ всякаго стороняго побужденія, безъ всякаго подсказчика. Наши торжества не подготовляются для насъ правительствомъ, чтобы держать насъ въ хорошемъ расположеніи духа и отвлекать наше вниманіе отъ общественныхъ дѣлъ. Мы отпраздновали этотъ день всѣмъ сердцемъ и мыслію и со всею энергіею, потому что въ этотъ день мы совершали дѣло, принадлежащее исторіи.“ „Простаго королевскаго извѣщенія, говоритъ *Times*, извѣщенія, что невѣста принца проѣдетъ Лондономъ, было достаточно, чтобъ ей оказанъ былъ тотъ величественный пріемъ, котораго мы были свидѣтелями 7-го марта. Народъ, всегда готовый предупреждать малѣйшее желаніе своей королевы, тотчасъ же понялъ что значитъ это извѣщеніе, и встрѣча была такая, на какую способны только Англичане. Они предались этому дѣлу, которое считаютъ и священнымъ долгомъ, и высокою честью, и сердечнымъ удовольствіемъ, съ тою же энергіею и тою же рѣшимостью довести его до конца, которыя доставляютъ имъ полный успѣхъ во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и внутреннихъ, и внѣшнихъ. Разомъ всѣ интересы политики и торговли были отложены въ Лондонѣ въ сторону, пока не было успѣшно и счастливо устроено болѣе великое и болѣе важное дѣло встрѣчи невѣсты будущаго короля Англіи. Встрѣча была на время единственнымъ дѣломъ, которое занимало Лондонъ, а какъ она была устроена, объ этомъ будетъ поминать наша исторія до самой послѣдней страницы своей. Отъ Гревзенда, на самомъ берегу устья Темзы, гдѣ принцесса высадилась на твердую землю, и до Виндзора, на разстояніи почти 60 англійскихъ миль, не было ни одного города, ни одного поселка, который бы не предался весь патріотическому чувству и не сдѣлалъ всевозможныхъ усилій для достойнаго чествованія молодой прекрасной Датчанки, которая прибыла чтобъ водворить свой домъ среди насъ. Духъ патріотизма объялъ всѣхъ и каждаго, и половина Англіи покинула всѣ дѣла на этотъ день, выжидая телеграммъ изъ Лондона, ежечасно извѣщавшихъ, какъ совершалось національное привѣтствіе, приносимое отъ имени всѣхъ. Въ другихъ странахъ правительство употребляетъ усилія, чтобы въ подобныхъ случаяхъ подогрѣть готовую остынуть ревность народонаселенія; здѣсь же, напротивъ, оно энергически

заботилось о томъ, чтобы сдержать восторженную преданность королевскому дому въ границахъ умѣренности. Еслибы предоставить полную волю Лондону, принцесса едва ли бы достигла Виндзора ночью.“ Погода бо́льшую часть времени благопріятствовала національному торжеству. Буря разразившаяся надъ Лондономъ наканунѣ и затоплявшая улицы его ночью, уступила мѣсто ясному дню. Но никакая буря не могла бы ни удержать, ни уменьшить этихъ страшныхъ волнъ народонаселенія, которыя съ разсвѣтомъ хлынули изъ всѣхъ предмѣстій и окрестностей и росли съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой, пока не залили не только всей линіи, по которой должна была двигаться процессія, но и всѣхъ боковыхъ улицъ, всѣхъ прилежащихъ дворовъ, каждое мѣстечко, откуда можно было хоть что-нибудь разглядѣть. Балконы, крыши, трубы, неговоря о нарочно-приготовленныхъ мѣстахъ, все было занято народомъ, и гдѣ только принцесса показывалась, одно чувство, проникавшее всю эту мощную массу, обнаруживалось и въ кликахъ и въ движеніяхъ. Сама процессія, по словамъ *Times*, не отличалась пышностью и великолѣпіемъ, какія приличны были бы случаю. Правительство какъ бы умышленно заботилось о простотѣ, предоставляя всю роскошь и все великолѣпіе встрѣчи усердію народа. И дѣйствительно, Лондонъ никогда еще не былъ такъ изукрашенъ какъ на этотъ разъ. Но судя по описаніямъ ничего не можетъ быть живописнѣе и величественнѣе этого колыхавшагося моря народа, мущинъ и женщинъ, проникнутыхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, — народа, который при всемъ желаніи лучше видѣть невѣсту, не забывалъ однако же ни на минуту должнаго уваженія сильнѣйшихъ къ слабѣйшимъ и не подавалъ полиціи ни малѣйшаго повода ко вмѣшательству. Женщинамъ и дѣтямъ почти вездѣ удавалось выдвинуться на первый планъ, и только этою сдержанностью, этимъ уваженіемъ къ правамъ всѣхъ и каждаго и особенно къ слабѣйшимъ, этимъ духомъ дисциплины въ англійскомъ народѣ можно объяснить то, что національное торжество 7-го марта не сопровождалось никакимъ несчастіемъ, чего такъ можно было опасаться при этомъ небываломъ еще никогда и нигдѣ стеченіи народа. Въ одномъ Лондонѣ, во время своего проѣзда, принцессѣ Александрѣ пришлось видѣть бо́льшую массу народа нежели какая населяетъ всю Датскую монархію вдоль и поперекъ, и при томъ народа безпредѣльно предачнаго, сопровождавшаго ее на всемъ пути благословеніями и пожеланіями счастія. Въ Гайдъ-Паркѣ, наконецъ, ее привѣтствовали 17.000 волонтеровъ, „этотъ вѣнецъ англійскаго патріотизма и любви къ королевскому роду“, какъ называетъ ихъ *Times*.

Принцесса произвела на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе своею красотою, своею граціею, соединенною съ величіемъ и спокойствіемъ, удивительнымъ для ея возраста и пола и при такихъ обстоятельствахъ, когда на нее отовсюду были устремлены взоры безчисленнаго множества народа. На другой день только и толковъ было, что о принцессѣ и о встрѣчѣ ея. Описанію прибытія и проѣзда принцессы изъ Гревзенда въ Виндзоръ *Daily News* посвящаетъ 18 громадныхъ столбцовъ своихъ мелкой печати, а *Times* — цѣлыхъ 20, не считая трехъ передовыхъ статей по поводу того же самаго предмета. „Въ эти дни космополитическихъ чувствъ и воззрѣній, говоритъ *Daily News*, хорошо хоть одинъ или два раза въ жизни испытать что это такое имѣть свою особую исторію и свою особую, народную жизнь; хорошо, чтобъ и богатый и бѣдный, и знатный, и простолюдинъ, чтобы всѣ мы могли сойдтись въ одномъ чувствѣ и порадоваться вмѣстѣ какъ одинъ народъ Англійскій. Тогда какъ есть столько обстоятельствъ, разлучающихъ и отчуждающихъ насъ другъ отъ друга, хорошо, что хоть по временамъ мы становимся вполнѣ согражданами и сердца наши бьются въ одну мѣру, въ одинъ тактъ.“ Счастлива страна, гдѣ народъ вполнѣ свободный и гордый своею независимостью и своими правами, умѣетъ такъ радоваться радостью своей государыни, въ которой онъ видитъ живое выраженіе народнаго единства.

№ 50

Москва, 5-го марта.

Странная судьба вопросовъ обсуждаемыхъ у насъ публично! Предстоятъ выборы головы города Москвы; на эту почетную должность есть нѣсколько кандидатовъ; большинство избирателей смотритъ на дѣло безпристрастно, но недоумѣваетъ въ своемъ безпристрастіи, потому что о

многихъ кандидатахъ почти вовсе не имѣетъ свѣдѣній. Какое, кажется, другое средство противъ этихъ затрудненій, какъ не общія собранія, въ которыхъ выборные разныхъ сословій могли бы передавать другъ другу всякаго рода данныя о кандидатахъ выставленныхъ сословіями? Повидимому ополчаться противъ этихъ общихъ собраній должны бы люди партіи, находящіе разсчетъ въ томъ чтобъ обдѣлать свое дѣло что̀ называется въ тихомолку. Но вотъ поднимаются голоса, которые въ общемъ городскомъ интересѣ возстаютъ противъ предварительныхъ совѣщаній, какъ противъ чего-то зловреднаго, и находятъ, что лучше все дѣло предоставить игрѣ случая или заискиваній, происходящихъ за кулисами. Далѣе, не можетъ быть спору, что избиратели были бы значительно облегчены, еслибы кто-нибудь познакомилъ ихъ съ планами кандидатовъ насчетъ городскаго управленія и городскаго хозяйства, съ предполагаемымъ ими образомъ дѣйствій. Противъ исполнимости этого естественнаго желанія избирателей можно было бы говорить, что заявлять программу дѣло для насъ новое и не привычное, что иные достойные кандидаты не успѣли еще ознакомиться съ кругомъ дѣятельности головы и потому не могутъ имѣть опредѣленныхъ плановъ, что инымъ кандидатамъ было бы непріятно вступать въ соперничество съ другими кандидатами, а лица, ихъ поддерживающія не успѣли организоваться и избрать руководителей, которые могли бы дѣйствовать отъ ихъ имени въ интересѣ поддерживаемаго ими кандидата; наконецъ можно было бы сказать, что мы привыкли къ домашнимъ и частнымъ ходатайствамъ и заискиваніямъ, а къ открытому и публичному дѣйствію еще не имѣли случая привыкнуть. Все это можно было бы сказать съ большею или меньшею основательностію, и все это было бы болѣе или менѣе согласно съ дѣйствительностію. Но вмѣсто подобныхъ практическихъ возраженій, которыя могли бы подлежать обсужденію и разъясненію, намъ предлагаютъ метафизику. Насъ увѣряютъ, что исканіе почетныхъ должностей есть дѣло русскому человѣку неизвѣстное и непонятное, и что еслибы кандидаты въ головы рѣшились публично сознаться въ томъ что приняли бы свое избраніе съ благодарностію, какъ высокую честь, то этимъ они испортили бы самую почву городскаго общественнаго дѣла, отравили бы его западнымъ ядомъ. Такимъ образомъ простой практическій вопросъ, доступный здравому смыслу каждаго избирателя, перенесенъ въ отвлеченную сферу, гдѣ онъ совершенно утрачиваетъ свой практическій смыслъ. На практикѣ намъ предстоятъ выборы, передъ нами происходитъ состязаніе кандидатовъ, обыкновенно предшествующее выборамъ. Но намъ не велятъ вѣрить своимъ глазамъ; намъ говорятъ, что это состязаніе призракъ, и приглашаютъ насъ считать за дѣйствительность не то что̀ мы видимъ и слышимъ, а какія-то грезы объ осуществляющемся на святой Руси царствѣ небесномъ.

Должность городскаго головы, сколько извѣстно, никогда не считалась въ Москвѣ повинностью. Теперь она возвышена, и еще менѣе можетъ считаться повинностью, отъ которой надобно было бы откупаться, какъ купцы откупаются отъ путанныхъ опекъ. Здравый смыслъ показываетъ, что намъ не придется быть свидѣтелями чего-нибудь похожаго на избраніе Бориса Годунова. Различіе противъ прежняго состоитъ только въ томъ что прежнимъ частнымъ заискиваніямъ должно было бы противопоставить публичное дѣйствіе, болѣе обезпечивающее общіе интересы города. Если при выборѣ головы будетъ сдѣлана ошибка, то это произойдетъ отъ того, что по новости дѣла и кандидаты въ головы и избиратели дѣйствовали неопредѣленно и нерѣшительно, какъ бы конфузясь той публичности, которой всѣ желали и которою въ сущности всѣ дорожатъ.

Что же дѣлать теперь большинству выборныхъ? Намъ кажется, что затруднительное положеніе, въ которомъ они находятся наканунѣ выборовъ головы, можетъ быть облегчено все-таки лишь съ помощію публичности, то-есть посредствомъ общихъ совѣщаній. Первое совѣщаніе было первымъ шагомъ на новомъ пути; что оно остановилось на отвлеченныхъ вопросахъ, въ этомъ еще нельзя укорять ни кого. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ и дальнѣйшія общія совѣщанія были равно безплодны. Желательно только чтобы рѣчь перешла къ болѣе спеціальнымъ предметамъ городскаго благоустройства, къ такимъ вопросамъ, которыхъ обсужденіе оживило бы общій городскій интересъ въ слушателяхъ. Тутъ не мѣсто ни политикѣ, ни метафизикѣ. Панегирики кандидатамъ и ихъ добродѣтелямъ то же, разумѣются, не возможны, а турниры краснорѣчія еще менѣе желательны и еще менѣе

согласны съ городскимъ интересомъ. Общее совѣщаніе выборныхъ могло бы дать членамъ этого многочисленнаго собранія возможность заявить, какихъ улучшеній выборные ожидаютъ отъ своего будущаго головы, а сверхъ того могло бы содѣйствовать сближенію выборныхъ разныхъ сословій, чему уже положено начало на первомъ совѣщаніи, несмотря на его безплодность относительно ближайшихъ практическихъ результатовъ. Наконецъ мы невидимъ причины, почему бы слѣдовало изгонять съ предварительныхъ совѣщаній и ту *ловитву человѣковъ*, о которой говоритъ съ насмѣшкой И. В. Селивановъ. Лишь бы эта ловитва происходила путемъ убѣжденія и вообще законными средствами, въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго. Намъ именно не достаетъ людей, которые живо приняли бы къ сердцу интересъ выборовъ и взяли бы на себя трудъ устраивать предварительныя совѣщанія и руководить ими, было бы больше такихъ людей,—большинство выборныхъ не ходило бы въ потемкахъ, и дѣло публичности выиграло бы.

№ 51.

Москва, 6-го марта.

Тѣмъ временемъ, какъ общее вниманіе Европы было поглощено польскими дѣлами, изъ другой сопредѣльной съ Россіею страны также получались болѣе или менѣе тревожныя извѣстія. Румынія, или Дунайскія княжества, то-есть Молдавія и Валахія, со времени восточной войны, была предметомъ самой нѣжной заботливости со стороны европейской дипломатіи. Княжествамъ предоставлена была полная самостоятельность внутренняго управленія, почти совершенная независимость отъ Порты; отъ нихъ устранено было покровительство Россіи, которое выдавалось на западѣ Европы за тягостную надъ ними опеку; имъ дозволено было свободно избрать себѣ князя и составить одно цѣлое. По мысли европейской дипломатіи, Румынія должна была стать довольно сильнымъ, независимымъ государствомъ, раздѣляющимъ владѣнія Россіи и Турціи и устраняющимъ возможность столкновеній между ними. Заботливость европейскихъ державъ простерлась до того, что представители ихъ на парижскихъ конференціяхъ 1858 г., занимаясь вопросомъ о политической организаціи Дунайскихъ княжествъ, начертали ихъ правительству цѣлую программу будущей внутренней политики. Это правительство должно было уничтожить привилегіи и монополіи, которыми пользовались высшіе классы населенія въ ущербъ для цѣлой страны, установить равенство всѣхъ предъ закономъ и въ отношеніи къ налогамъ, привести въ надлежащій порядокъ отношенія между землевладѣльцами и земледѣльческимъ классомъ, развить самоуправленіе въ городахъ, создать независимые суды, преобразовать систему обученія духовныхъ лицъ, развить полную систему народнаго просвѣщенія, улучшить положеніе чиновниковъ, — словомъ, разомъ превратить полуварварскую страну въ страну образованную, благоустроенную и благоденствующую. Единственное желаніе, высказанное и нѣсколько разъ повторенное учредительными диванами Молдавіи и Валахіи, котораго не рѣшалась выполнить европейская дипломатія, это—имѣть во главѣ своей иностраннаго принца въ качествѣ наслѣдственнаго государя Румыніи. Желаніе это было однакоже такъ всеобще, что когда въ 1857 году князь Александръ-Іоаннъ Куза принималъ власть въ свои руки, онъ обѣщалъ отречься отъ нея какъ только окончательное соединеніе Молдавіи и Валахіи станетъ возможно.

Прошло уже слишкомъ шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ протекторатъ Россіи „не тяготѣетъ“ надъ Дунайскими княжествами, и однакоже они почти нисколько не подвинулись впередъ. Вотъ жалобы, высказанныя на дняхъ законодательною палатой Румыніи въ адресѣ князю Александру-Іоанну: „Страданія народа возрастаютъ въ той же мѣрѣ, какъ и пожертвованія плательщиковъ податей. Проектъ закона объ отношеніяхъ между землевладѣльцами и земледѣльческимъ классомъ, принятый палатой, еще не утвержденъ вашимъ высочествомъ; и остается въ вашихъ рукахъ, какъ мечъ Дамокла надъ головами землевладѣльцевъ. Публичныя работы и дѣло народнаго просвѣщенія находятся въ положеніи далеко не соотвѣтствующемъ тѣмъ милліонамъ, которые мы ежегодно на нихъ назначаемъ; войско не имѣетъ надлежащей числительной силы; должностныя лица остаются безъ жалованья; денежныя суммы, опредѣляемыя палатой, не употребляются согласно съ своимъ назначеніемъ; финансы страны въ отчаянномъ безпорядкѣ; по государственнымъ

облигаціямъ не производится своевременная уплата, и они продаются съ 25% потери; смѣты расходовъ и доходовъ не разсматриваются и не утверждаются съ 1860 г.; личная свобода не пользуется надлежащимъ уваженіемъ; должностныя лица и даже самые судьи смѣняются ежедневно по произволу и по одному капризу, и судьи вмѣсто того чтобы стать оплотомъ всего государственнаго порядка стали орудіемъ въ рукахъ правительства; администрація отличается подкупностью, а Молдавія отдана на произволъ второстепенныхъ чиновниковъ."

При той борьбѣ, которая шла между княземъ и палатою, нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ жалобахъ есть преувеличенія. Но при этомъ слѣдуетъ однакоже принять во вниманіе, что въ какіе-нибудь четыре года князь пять разъ распускалъ палату и 16 разъ смѣнялъ своихъ министровъ и что въ пользу адреса оказалось 58 голосовъ противъ 6. Правда, 50 депутатовъ, очевидно принадлежащихъ къ умѣренной партіи, высказали, что „этотъ адресъ поставляетъ въ вопросъ права князя, избраннаго цѣлою страной, ея учрежденія, трактаты, и можетъ заставить усомниться въ благоразуміи Румыновъ и въ ихъ признательности къ европейскимъ державамъ"; правда они поспѣшили явиться къ князю съ предложеніемъ услугъ, какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что вице-президентъ палаты позволилъ себѣ оскорбить его при представленіи адреса; но эти 50 членовъ все-таки не рѣшились подавать свои голоса противъ адреса, а только устранились отъ политической борьбы. Поэтому можно смѣло заключать, что въ жалобахъ адреса больше правды чѣмъ вымысла.

Правительству князя предстояло отмѣнять привилегіи, устанавливать равенство всѣхъ передъ закономъ, а между тѣмъ законодательная палата, въ силу избирательнаго закона, составлена по преимуществу изъ лицъ привилегированныхъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка могла быть только борьба между государственными властями. Но замѣчательно, что въ этой борьбѣ и радикалы дѣйствуютъ за одно съ партіею бояръ, тогда какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они не сходятся между собою. Многіе изъ бояръ обвиняютъ князя Кузу въ томъ еще, что онъ медлитъ выполненіемъ своего обѣщанія отречься отъ власти въ пользу какого-либо иностраннаго принца, какъ только состоится окончательное соединеніе Валахіи и Молдавіи. Это соединеніе, правда только на время жизни князя Александра-Іоанна, было провозглашено въ февралѣ 1862 г., въ силу султанскаго фирмана отъ 2-го декабря 1861 г.; а въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года начали уже ходить слухи о томъ, что князь Куза вскорѣ будетъ замѣненъ иностраннымъ принцемъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, европейскимъ консуламъ въ Бухарестѣ предписано рекомендовать какъ князю, такъ и законодательной палатѣ строжайшее сохраненіе конституціи. Рекомендація эта повидимому не произвела желаннаго дѣйствія. За три дня до 14-го марта,—срока, когда оканчивается сессія законодательной палаты,—послѣдняя потративъ четыре мѣсяца на борьбу съ правительствомъ, издавъ за это время только одинъ законъ о несовмѣстности съ званіемъ депутата другихъ должностей и разсмотрѣвъ расходы только по двумъ министерствамъ, пожелала узнать, будутъ ли продолжены ея засѣданія до окончательнаго разсмотрѣнія всѣхъ частей бюджета. Министерство отвѣчало указаніемъ на 17-ю статью конвенціи, которою опредѣляется продолжительность каждой законодательной сессіи. Тогда обѣ крайнія партіи—бояръ и либераловъ—снова соединили свои голоса; палата рѣшила отказать министерству въ утвержденіи бюджета и объявила, что всякое собираніе, а равно и уплата налоговъ будутъ считаться противными закону. Въ этомъ случаѣ палата вступила уже совершенно на путь революціи, тѣмъ болѣе что въ статьѣ 22 конвенціи постановлено, что въ случаѣ неутвержденія бюджета правительство имѣетъ право вести финансовое управленіе на основаніи прошлогодняго бюджета. По извѣстіямъ отъ 13-го марта, князь обратился къ палатѣ съ посланіемъ, въ которомъ порицаетъ ея образъ дѣйствій, и объявляетъ законодательную сессію закрытою. До сихъ поръ масса народа повидимому не принимаетъ никакого участія въ раздорахъ, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже держитъ сторону князя Кузы. Если эти извѣстія справедливы, и если знатнымъ боярамъ-землевладѣльцамъ не удастся своимъ частнымъ вліяніемъ пересилить вліяніе правительства, то миръ и спокойствіе не будутъ нарушены. Но безъ европейскаго вмѣшательства дѣло, кажется, все-таки не обойдется. Можно думать, что отчасти эти затрудненія побудили Пор-

ту быть уступчивѣе въ отношеніи къ Черногоріи и къ Сербіи, и вмѣстѣ поспѣшить сосредоточеніемъ своихъ войскъ въ Шумлѣ.

№ 52.

Москва; 7 марта.

Возвращаемся къ вопросу о выборахъ московскаго городскаго головы. Не подлежитъ сомнѣнію, что соединилось много условій затрудняющихъ представителей московскаго городскаго общества. На первомъ планѣ стоитъ раздѣленіе выборныхъ на сословія, раздѣленіе узаконенное уставомъ и имѣющее своимъ слѣдствіемъ то, что сословная рознь получила внѣшнюю организацію, еще болѣе вызывающую тотъ антагонизмъ, который, и безъ этой организаціи, сказался бы на первыхъ выборахъ между старыми и вновь вступившими членами городскаго общества. Прежде городское хозяйство было исключительно въ рукахъ торгующихъ классовъ, теперь эти классы должны подѣлиться властію съ домовладѣльцами другихъ сословій, а это не могло обойдтись, конечно, безъ маленькихъ взрывовъ неудовольствія, обращикъ которыхъ мы видѣли на первомъ предварительномъ совѣщаніи. Но къ чести московскаго городскаго общества надобно сказать, что въ этомъ отношеніи старые члены его, купцы и мѣщане, держатъ себя очень благоразумно и даже стараются выказать радушіе къ новымъ своимъ согражданамъ. Дворяне также не обнаруживаютъ той спѣси, которая должна была бы оттолкнуть отъ нихъ остальныхъ горожанъ. Вообще незамѣтно чисто-сословныхъ предразсудковъ, и еслибы отъ каждаго выборнаго зависѣло явиться въ городской совѣтъ безъ сословнаго ярлыка, то этихъ ярлыковъ почти вовсе бы не было, и не существовало бы одно изъ главныхъ затрудненій, которыя теперь чувствуются московскими городскими выборными. Но и тогда осталось бы не мало неудобствъ. Вводимое нынѣ городское управленіе есть дѣло новое; оно является не какъ частное улучшеніе или преобразованіе прежняго порядка, а какъ совершенная замѣна его новымъ. Разомъ надобно замѣстить множество должностей, и притомъ на сроки, по крайней мѣрѣ для перваго раза слишкомъ продолжительные. Между тѣмъ вовсе не имѣется въ виду обычныхъ средствъ для правильнаго сужденія объ относительномъ достоинствѣ кандидатовъ. Правильная служба, не только казенная, но и общественная, должна имѣть свою карьеру, свою постепенность. Надобно чтобы кандидаты на высшія должности имѣли средство предварительно заявить себя избирателямъ не только словами, но и дѣломъ, и надобно чтобъ избиратели имѣли возможность возводить на высшія должности только такихъ людей, которые уже успѣли ознаменовать себя какими-нибудь заслугами въ общественномъ дѣлѣ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, потому что почти вовсе не было городской общественной жизни, даже въ тѣхъ сословіяхъ, которыя по закону принимали участіе въ городскихъ дѣлахъ. Городской бытъ вовсе не представлялъ такихъ общественныхъ положеній, которыя были бы естественною ступенью къ должности городскаго головы.

Итакъ вотъ въ какомъ печальномъ видѣ представляется московское городское общество. Старые члены его, болѣе опытные въ городскихъ дѣлахъ, не могутъ однакоже похвалиться прежнею общественною жизнію. Къ нимъ присоединились новые члены, которые современемъ принесутъ городу несомнѣнную пользу, но покамѣсть не знакомы ни съ городскими дѣлами, ни съ личнымъ составомъ сословій, имѣвшихъ прежде исключительное участіе въ городскомъ управленіи. Сословная организація, узаконенная для думы, и отсутствіе руководителей, которыхъ не могла выставить прежняя слабая общественная жизнь, затрудняютъ сближеніе новыхъ членовъ городскаго общества съ старыми. Почти совершенное отсутствіе лицъ, успѣвшихъ заявить себя на общественной службѣ, принуждаетъ руководствоваться при выборахъ не фактическими данными, а одними лишь ожиданіями и надеждами. Наконецъ самое управленіе, вводимое теперь для города Москвы, представляется многимъ въ какомъ-то фантастическомъ полусвѣтѣ. Переходъ отъ стараго къ новому такъ рѣзокъ, что это новое—почти безвѣстная даль. Очерки этого новаго такъ неопредѣленны, что многіе не знаютъ чего ожидать отъ него. Фантазіи представляется что-то очень хорошее и необыкновенное; она преувеличиваетъ размѣры и значеніе дѣла. Дѣло будетъ идти объ освѣщеніи города, мощеніи улицъ, распоряженіи городскимъ имуществомъ, сокращеніи безполезныхъ расходовъ, улучшеніи пожарной команды, уст-

ройствѣ городскаго поземельнаго кредита, защитѣ горожанъ отъ разныхъ притѣсненій и т. п. Все это вещи совершенно прозаическія и земныя, хотя и заслуживающія серіознаго вниманія, но воображенію, настроенному на высокій тонъ, хочется видѣть въ нихъ что-то всеобъемлющее и священное. Это не говоритъ о нашей практичности и не внушаетъ надежды на хорошее веденіе городскихъ дѣлъ. Общая Дума еще не собиралась; даже члены ея еще не выбраны. Никто не знаетъ каковъ будетъ ея составъ, а мы только и разсуждаемъ о будущемъ отношеніи головы къ Общей Думѣ. Судя по такому началу, можно опасаться, что Общая Дума будетъ заниматься не столько городскимъ дѣломъ, сколько теоріей городскаго устройства. Перспектива конституціонной борьбы между гласными и головой совсѣмъ отпугнетъ отъ городскихъ дѣлъ всякаго, кто не имѣетъ охоты забавляться дѣтскими играми. Если Общая Дума серіозно займется дѣломъ, то значеніе ея будетъ обезпечено, и никакой голова не осмѣлится пренебрегать ея указаніями. Но городъ не потребуетъ отъ головы повиновенія такой Общей Думѣ, которая будетъ думать не о городскомъ хозяйствѣ, а о городской конституціи. Новое городское управленіе будетъ стоить городу почти въ семь разъ дороже прежняго; надобно, чтобъ этотъ расходъ былъ чѣмъ-нибудь вознагражденъ кромѣ удовольствія любоваться городскимъ представительствомъ.

Чтобы городъ не просчитался при новомъ устройствѣ своего много-этажнаго управленія, для этого нуженъ дѣльный и самостоятельный голова, способный, когда понадобится, отстоять интересы горожанъ противъ притязаній какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Какъ предсѣдатель Общей Думы, онъ долженъ управлять ея преніями, поддерживать порядокъ въ ея засѣданіяхъ, умѣть поставить вопросъ, изложить сущность дѣла, способствовать соглашенію мнѣній, наконецъ заставить уважать свой голосъ. Безъ этихъ условій, либо Общая Дума потеряетъ значеніе, либо власть перейдетъ въ руки говоруновъ Общей Думы. Ни то, ни другое не можетъ быть полезно городу, а потому городскіе выборные должны серіозно взвѣсить чего хотятъ они отъ своего будущаго головы, и чего могутъ ожидать отъ того или другаго изъ кандидатовъ. Они должны имѣть, кажется, въ виду, что если при выборахъ головы дѣло, пожалуй, будетъ рѣшено простымъ случаемъ, то и въ Общей Думѣ, при непривычкѣ большинства гласныхъ говорить публично, первенствующія роли могутъ распредѣлиться не менѣе случайно. Различіе будетъ только въ томъ, что при выборахъ головы на рѣшеніе дѣла будутъ имѣть наибольшее вліяніе выборные двухъ низшихъ сословій, а въ Общей Думѣ власть можетъ сосредоточиться въ небольшомъ кружкѣ гласныхъ изъ сословій высшихъ, если избранникъ цѣлаго сословія выборныхъ, городской голова, будетъ лицомъ безгласнымъ.

Говоря все это, мы не имѣемъ въ виду указывать на кого-нибудь изъ кандидатовъ; мы выставляемъ только требованія, которымъ долженъ удовлетворять голова, и желаемъ разъяснить выборнымъ, что, руководствуясь при выборахъ головы сословными предубѣжденіями, они всего скорѣе ошибутся въ окончательномъ разчетѣ. Ни одинъ выборный, желающій пользы городу, не можетъ равнодушно предвидѣть ту неурядицу, которая неизбѣжно воцарится въ Общей Думѣ, предсѣдательствуемой лицомъ недостаточно способнымъ къ этому трудному дѣлу.

№ 53.

Москва, 8-го марта.

Ближайшее доказательство того, что въ Польшѣ происходитъ не простой мятежъ, а что цѣлый народъ ведетъ борьбу за свою независимость и ведетъ ее не безуспѣшно, англійская газета *Times* видитъ въ томъ, что „имѣй русское правительство хотя малѣйшую силу въ пограничныхъ польскихъ областяхъ, оно никакъ не допустило бы, чтобъ извѣстія объ успѣхахъ польскихъ инсургентовъ, чтобы прокламаціи ихъ вождей, чтобы мѣры, принимаемыя ихъ революціоннымъ комитетомъ, немедленно доходили до свѣдѣнія западной Европы.“ Какъ будто бы опытъ самой же Россіи не могъ убѣдить всѣхъ и каждаго, до какой степени безсильны заставы, полагаемыя распространенію извѣстій и тѣхъ или другихъ идей! Если бы русское правительство и имѣло въ виду преградить выходъ изъ Польши въ западную Европу извѣстіямъ, вымышляемымъ польскими инсургентами, то при всемъ своемъ могуществѣ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, оно не въ состояніи было бы достигнуть этой цѣли какъ не въ со-

стояніи было въ прежнюю пору, не смотря на всѣ средства, оградить Россію отъ извѣстій, приходившихъ съ Запада. Крылатое слово не такой товаръ, который не могъ бы уйдти отъ бдительности заставныхъ стражей; а и товарами ведется тѣмъ болѣе успѣшная контрабанда, чѣмъ большею облагаются они пошлиной. Что инсургенты могутъ сообщать о себѣ извѣстія по цѣлому міру, въ этомъ, конечно, никакъ нельзя видѣть доказательства, что дѣла ихъ идутъ успѣшно.

Но дѣйствительно ли борьба, которую ведутъ они, есть общенародная, національная борьба Поляковъ? За разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ показаніямъ сторонняго наблюдателя, повидимому, очень свѣдущаго и опытнаго, котораго газета *Times* не въ состояніи заподозрить въ неправдѣ, потому что это — собственный ея *спеціальный* корреспондентъ, нарочно посланный для собиранія точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, адресующій пока свои письма изъ Познани. Позволимъ себѣ привести почти все письмо его.

„Болѣе богатая часть польскаго дворянства, пишетъ онъ отъ 10-го марта, до сихъ поръ держится вдали отъ движенія имѣя очень немногихъ представителей въ тайномъ комитетѣ, который подготовилъ возмущеніе и управляетъ имъ... Взаимно недовѣряя другъ другу, они устранены были отъ всѣхъ революціонныхъ комитетовъ низшею частью дворянства (шляхтою). Въ началѣ возстанія они не доставляли ему ни денегъ, ни людей; но и до сихъ поръ въ рядахъ инсургентовъ очень не большое число князей и графовъ. Сказать, что до 200 пановъ принимаютъ личное участіе въ возстаніи, значило бы скорѣе преувеличить, чѣмъ преуменьшить дѣйствительность. Совсѣмъ другое дѣло—низшее дворянство, шляхта. Этотъ многочисленный классъ людей—душа и виновникъ всего возстанія. Хотя согласно съ старинными законами, каждый землевладѣлецъ долженъ быть шляхтичемъ, однакоже бо́льшая часть шляхты не только не имѣетъ поземельной, но и никакой другой собственности. Въ положеніи этого класса произошли большія перемѣны со времени революціи 1831 г. Жить при дворѣ магнатовъ, насчетъ своихъ политическихъ правъ, торгуя своими голосами и составляя главнѣйшимъ образомъ военную силу страны, было уже невозможно; дворянскіе дипломы ихъ съ 1831 г. были уничтожены, если только они не въ состояніи были заплатить за ихъ возобновленіе, и большинство ихъ удалилось въ города, предавшись всякаго рода полезнымъ профессіямъ и нерѣдко замѣнивъ мечъ молоткомъ и ружье щеткою. Главнѣйшимъ образомъ они обитаютъ въ болѣе значительныхъ городахъ съ тремя тысячами и болѣе жителей, которые и доставили главную силу для революціонныхъ шаекъ. До сихъ поръ продолжаетъ корреспондентъ *Times*, и несмотря на желаніе Поляковъ затемнить этотъ фактъ, три четвертыхъ всего числа инсургентовъ состоятъ изъ шляхтичей, занимающихся разными профессіями, и полугородскаго полуземледѣльческаго класса населяющаго уѣздные города Польши. Поддерживаемое этимъ мелкимъ городскимъ дворянствомъ и направляемое болѣе богатыми его членами, имѣющими и землю и титулы, возстаніе 1863 г. есть совершенно дѣло средняго класса, или того, что̀ можетъ быть такъ названо въ Польшѣ, тогда какъ революція 1831 г. была дѣломъ магнатовъ,

„Въ крестьянствѣ вообще не замѣчается энтузіазма къ возстанію, хотя расположеніе умовъ, разумѣется, различно смотря по мѣстности и по времени. И правительство, и землевладѣльцы слишкомъ много говорили имъ объ ихъ правѣ на землю и эта приманка мало уже привлекаетъ ихъ въ ряды инсургентовъ-шляхтичей. Съ другой стороны, нравственные плоды независимости еще могутъ обнаружиться только въ будущемъ. На рубежѣ между двумя различными видами своего быта, они утратили прежнюю угодливость къ дворянству, и не пріобрѣли, какъ независимыя лица, способности руководиться какими-либо другими побужденіями кромѣ матеріяльныхъ. Польскій революціонный комитетъ хорошо понялъ переходное состояніе сельскаго населенія. Отличаясь вообще осторожностью, онъ внесъ ее преимущественно въ отношенія инсургентовъ къ крестьянамъ. Между тѣмъ какъ у помѣщиковъ инсургенты берутъ и съѣстные припасы, и все что имъ нужно безъ всякой церемоніи, выдавая за нихъ облигаціи на имя временнаго правительства, крестьянамъ они платятъ обыкновенною монетой, по возможности, за каждую услугу. За исключеніемъ юго-западнаго угла Польши, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено возстаніе, крестьяне не были ни принуждаемы, ни даже приглашаемы

стоять за политическую самобытность страны, которой эти темные люди никакъ не въ состояніи понять. Не безъ того, чтобы нѣкоторые изъ крестьянъ не пристали къ инсургентамъ, но такъ какъ возстаніе ведется дворянами, на которыхъ крестьяне все еще смотрятъ какъ на своихъ притѣснителей, то согласно съ ихъ сельскими понятіями о свободѣ они находятъ большее удовольствіе идти противъ помѣщиковъ чѣмъ противъ правительства. Во многихъ уѣздахъ, какъ напримѣръ близъ Калиша и на окраинахъ главныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, крестьяне даже оставили свое нейтральное положеніе, и прямо перешли на сторону Русскихъ. Въ Плоцкѣ и въ сѣверныхъ частяхъ Царства они доставили небольшой контингентъ возстанію. Если въ послѣдствіи, крестьяне обнаружатъ болѣе искренній патріотизмъ, то это будетъ слѣдствіемъ неутомимой дѣятельности католическаго духовенства. Я имѣю основаніе думать — говоритъ корреспондентъ *Times*" —что большая часть духовенства присягнула временному революціонному правительству. Если они еще не проповѣдуютъ священной войны противъ невѣрныхъ, то по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать это инструкціямъ той власти, которую они признаютъ. Но подъ рукою, во время исповѣди они обращаютъ самыя серіозныя увѣщанія въ пользу возстанія ко всѣмъ классамъ населенія. Враги православія и рьяные поклонники польской національности, какъ единственные представители образованія въ странѣ, они смотрятъ на русское правительство какъ на бичъ для Польши. Поставленіе во главѣ польской церкви обрусѣвшаго архіепископа послужило только къ ослабленію узъ дисциплины въ низшемъ духовенствѣ.

„Не говоря уже о Евреяхъ, которые умываютъ руки и стараются держаться въ сторонѣ ото всѣхъ тревогъ, роль торговаго и промышленнаго класса можетъ быть опредѣлена въ немногихъ словахъ. Мануфактуристы всѣ Нѣмцы, купцы— Евреи. Если они не сражаются въ рядахъ инсургентовъ, то они имѣютъ удовольствіе главнѣйшимъ образомъ доставлять всѣ матеріяльныя средства для войны. Постоянно и болѣе всѣхъ другихъ классовъ ихъ облагаетъ налогами и денежными сборами революціонное правительство, или же умерщвляетъ ихъ, если они предпочитаютъ это."

Итакъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, въ возстаніи не принимаютъ участія ни значительные землевладѣльцы, за исключеніемъ какихъ-нибудь 200 человѣкъ, ни главная масса народонаселенія, крестьяне, готовые скорѣе дѣйствовать заодно съ русскимъ правительствомъ противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей, ни торговый и промышленный классъ, ни Нѣмцы, ни Евреи, которые если и платятъ деньги въ пользу возстанія, то лишь изъ страха въ противномъ случаѣ поплатиться жизнію. Тѣ классы, въ рукахъ которыхъ земля, капиталы, промыслы и торговля, до сихъ поръ держатся въ сторонѣ, и все возстаніе является дѣломъ шляхтичей, мелкаго, безземельнаго и бездомнаго дворянства, да католическаго духовенства, а вовсе еще не цѣлаго народа. Въ послѣднихъ прокламаціяхъ своихъ тайный революціонный комитетъ только усиливается привлечь на свою сторону и богатыхъ землевладѣльцевъ, и крестьянъ, и Евреевъ. Задача не легкая! Объявляя для приманки крестьянъ, что „національный комитетъ распорядился немедленнымъ ихъ освобожденіемъ и надѣленіемъ землями", этотъ комитетъ тѣмъ самымъ возбуждаетъ тревоги въ помѣщикахъ. Стараясь успокоить послѣднихъ и объявляя, что помѣщики за свои потери будутъ вознаграждены изъ средствъ будущаго Польскаго королевства, національный комитетъ едва ли успѣетъ успокоить и самыхъ довѣрчивыхъ изъ нихъ, и навѣрное встревожитъ всѣхъ плательщиковъ податей, а въ томъ числѣ и Евреевъ—„нашихъ братьевъ исповѣдывающихъ Моисеевъ законъ", какъ называетъ ихъ національный комитетъ въ послѣдней своей прокламаціи. Прежде всего, впрочемъ, могутъ еще склониться въ пользу возстанія помѣщики, магнаты, способные поддаться крикамъ, раздающимся теперь въ цѣлой Европѣ; но крестьяне, это другой вопросъ.

Какъ бы то ни было, и отдавая полную справедливость ловкости теперешнихъ вождей польскаго возстанія, которые отрекаются отъ солидарности съ революціонно-демократическими и соціалистическими идеями, которые удаляютъ изъ своей среды людей, извѣстныхъ своею ненавистью къ аристократіи, какъ напримѣръ Мѣрославскаго, которые возстаютъ противъ всякой мысли о возбужденіи Венгріи къ возстанію, чтобы не встревожить пока благосклонной Австріи, нельзя не усмотрѣть, что силы

инсургентовъ въ настоящее время вовсе не велики, хотя вслѣдствіе самой разбросанности ихъ при плохомъ состояніи дорогъ въ теперешнюю пору года, разомъ покончить съ ними еще не было возможности. Вожди возстанія, точно также какъ и французская журналистика (напримѣръ *La France*, *Le Temps*), разсчитываютъ главнѣйшимъ образомъ на то, что они продержатся кое-какъ до лѣта, а тѣмъ временемъ европейская дипломатія успѣетъ уладить все дѣло. Но что можетъ уладить она.

Недѣлю тому назадъ (въ № 46 *Моск. Вѣд.*) мы обратили вниманіе нашихъ читателей на то изолированное положеніе, въ какое попала Франція, благодаря своему чрезмѣрному усердію къ дѣлу польскаго возстанія. Съ того времени отношенія между великими державами по этому вопросу успѣли нѣсколько разъясниться, и всѣ новыя данныя только подтверждаютъ высказанныя нами тогда мнѣнія. Франція не успѣла склонить въ пользу своихъ болѣе рѣшительныхъ плановъ ни одной изъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, Италіи, которая, по послѣднимъ извѣстіямъ, снабдила своего посланника въ Петербургѣ инструкціею дѣйствовать за одно съ французскимъ посломъ. Французскіе журналы въ томъ числѣ и *La France*, разражаются противъ Англіи обвиненіями въ коварствѣ и эгоизмѣ. Франціи пришлось дѣлать одной свои дружественныя представленія въ Петербургѣ, и выслушать отъ князя Горчакова, по извѣстіямъ, сообщеннымъ нами вчера изъ *Indépendance Belge*, очень твердый отвѣтъ русскаго правительства, которому рукоплещетъ и *Morning-Post*, органъ лорда Пальмерстона. Англія, которая была бы очень рада продолженію польскаго возстанія, обратилась, по словамъ упомянутой газеты, съ своей стороны съ представленіями въ Петербургъ, основывая ихъ на вѣнскихъ трактатахъ и на прокламаціи Александра I, въ которой обѣщано Польшѣ національное войско, и увѣдомляя о томъ всѣ кабинеты, участвовавшіе въ вѣнскомъ конгрессѣ, просила дипломатической поддержки съ ихъ стороны. На этотъ разъ отказъ послѣдовалъ со стороны Франціи, которая почувствовала себя оскорбленною въ своемъ достоинствѣ великой державы, что ее приглашаютъ поддерживать чужія представленія. Въ пользу предложенія Англіи пока высказались только Швеція и Португалія, которыя по своему могуществу стоятъ Италіи. „Судьбы Польши, сказано въ *Morning-Post*, въ рукахъ Австріи“; но въ рукахъ Австріи не только Галиція, а еще и Краковъ, присвоенный ею въ 1846 г. вопреки вѣнскимъ трактатамъ. Когда рѣчь зашла въ совѣтѣ австрійскихъ министровъ о возможности возстановленія краковской республики, — разсказываетъ корреспондентъ *Кельнской Газеты*, — то всѣ министры единогласно высказались противъ, указывая между прочимъ на величайшую важность Кракова для Австріи въ стратегическомъ отношеніи и на тѣ милліоны, которые употреблены были, чтобъ обратить Краковъ въ первоклассную европейскую крѣпость. Такимъ образомъ дѣло не дойдетъ до совокупныхъ представленій европейскихъ державъ въ пользу Польши, а только европейскія представленія и могли бы имѣть какое-нибудь значеніе. Да и притомъ не излишни ли всѣ эти представленія и ходатайства? Конечно, никто изъ Русскихъ не желаетъ подавленія польской національности, и все что возможно дать Польшѣ, безъ сомнѣнія, будетъ дано ей, если только дѣло не будетъ испорчено самимъ же возстаніемъ и непрошенными ходатаями. Все чего можетъ желать Русскій въ отношеніи къ польскому вопросу, состоитъ только въ томъ чтобъ исконныя области Россіи, бывшія случайно и временно въ соединеніи съ Польскимъ королевствомъ не были подвергнуты ни малѣйшему вопросу, и чтобы цѣлость Русскаго государства, созданнаго русскимъ народомъ, была сохранена во всей ея неприкосновенности. Если борьба, которая ведется теперь въ Польшѣ, имѣетъ для насъ значеніе національной борьбы, то именно потому что тамъ на берегахъ Вислы рѣшается теперь предварительно важнѣйшій и существеннѣйшій вопросъ для каждаго государства, — вопросъ о неприкосновенности и безопасности нашихъ собственныхъ исконныхъ владѣній. Наши войска подвергаясь теперь всѣмъ лишеніямъ и трудамъ, неразлучнымъ съ партизанскою войной, должны знать, что они стоятъ за общенародное русское дѣло.

№ 54.

Москва, 9-го марта.

Ничего нѣтъ опаснѣе слова недосказаннаго и дѣла недодѣланнаго. Недоразумѣніямъ

и требованіямъ нѣтъ конца въ подобныхъ случаяхъ; каждый толкуетъ по своему обѣщанія и намѣренія, забывая объ условіяхъ, при которыхъ они выражены, не обращая вниманія на то, что отъ этихъ условій зависѣла сущность дѣла, остановившагося на полдорогѣ.

Въ вопросѣ о Польшѣ Россію упрекаютъ обыкновенно въ нарушеніи 1-й статьи Вѣнскаго трактата 9-го іюня 1815 года. Статья эта не разъ подавала поводъ къ преніямъ; не разъ возникалъ споръ о дѣйствительномъ ея смыслѣ, и люди безпристрастные, желавшіе найдти правду, соглашались, что буква трактата не ясна, что ее нужно толковать на основаніи намѣреній, заявленныхъ прежде. Вотъ что говоритъ буква: „Герцогство Варшавское, за исключеніемъ провинцій и округовъ, о которыхъ сдѣлано особое распоряженіе въ послѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ связано съ Имперіею безвозвратно по своей конституціи и будетъ въ вѣчномъ владѣніи Его Величества Императора Всероссійскаго, его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его Величество предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся особымъ управленіемъ, такое внутреннее расширеніе (extension intérieure), какъ онъ признаетъ удобнымъ. Его Величество присоединитъ къ своимъ титуламъ титулъ царя-короля Польскаго, согласно обычному и установленному протоколу для титуловъ, присвоенныхъ его прочимъ владѣніямъ. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи получатъ національное представительство и національныя учрежденія, приноровленныя къ формѣ политической жизни, какую каждое изъ государствъ, къ которому они принадлежатъ, сочтетъ полезнымъ и удобнымъ даровать имъ.“

Эта статья трактата, дающая очень широкій просторъ тремъ державамъ, явилась вслѣдствіе долгихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, на которыхъ столкнулась вся европейская дипломатія. Вѣнскій конгрессъ имѣлъ въ виду, какъ извѣстно, установить по возможности равновѣсіе между главными европейскими державами, принимавшими участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ. Учреждена была даже особая статистическая коммиссія при конгрессѣ, по изслѣдованіямъ которой производился раздѣлъ. Первоначально предметомъ дѣлежа были владѣнія короля саксонскаго. Кромѣ Саксоніи ему принадлежало герцогство Варшавское, оставленное, по Тильзитскому миру, изъ той части Польши, которая принадлежала Пруссіи, съ главнымъ городомъ Варшавою, съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ округовъ австрійской Польши. Связь вопроса о Польшѣ съ вопросомъ о Саксоніи была такъ ясна, что король саксонскій въ 1815 году разрѣшилъ жителей бывшаго Герцогства отъ присяги и увѣщевалъ ихъ повиноваться Русскому Императору съ тою же преданностію, съ какою они повиновались ему. Итакъ, Россія получила Польшу, которою теперь владѣетъ отъ короля саксонскаго, точно на томъ же основаніи, на какомъ Пруссія получила значительную часть Саксоніи, принадлежащую теперь ей. Переговоры велись съ саксонскимъ королемъ, его министръ, графъ Эйнзидель, предлагалъ условія, измѣнялъ ихъ, соглашался и отказывалъ. Правда, онъ дѣйствовалъ при помощи Англіи и Франціи, но тѣмъ не менѣе акты писались отъ его имени.

По первому плану, Россія и Пруссія думали раздѣлить между собою всѣ владѣнія короля саксонскаго, такъ чтобы Россіи досталось все Варшавское герцогство, а Пруссіи вся Саксонія; королю хотѣли дать въ замѣнъ этого рейнскія провинціи; Австрія получала Тироль, Иллирію и сѣверную Италію. Но Австрія опасалась слишкомъ близкаго сосѣдства Пруссіи, и отстаивала, вмѣстѣ съ Франціей, для короля саксонскаго третью часть его прежняго королевства, которая дѣйствительно и осталась въ его владѣніи. Она боялась также, чтобы Россія не врѣзалась посредствомъ Польши въ Германію и не увлекла другихъ Славянъ. Императоръ Александръ хотѣлъ возстановить Польшу въ старинныхъ ея границахъ, то-есть, съ Познанью, Краковомъ, и съ лѣвымъ бассейномъ Вислы до Карпатовъ. Желаніе императора было искреннее, какъ признаетъ и г. Тьеръ въ своей *Исторіи консульства имперіи*, но тогда не вѣрили искренности его намѣреній. Когда рѣчь шла о Польшѣ, дипломаты вѣнскаго конгресса разумѣли не возстановленіе ея, а полное присоединеніе къ Россіи. Уполномоченный Франціи Талейранъ прямо говорилъ, что такъ какъ дѣло идетъ объ увеличеніи русской территоріи, то опредѣлить границы ея предоставляется Пруссіи и Австріи. Это недовѣріе до того раздражило императора, что онъ рѣшился было вдвоемъ съ прусскимъ королемъ покончить дѣло; онъ передалъ Саксонію, которою управлялъ князь

Репнинъ, Пруссіи, а свои войска поставилъ въ Польшѣ. Въ то же время, именно въ концѣ 1814 года, великій князь Константинъ, въ прокламаціи къ жителямъ Варшавскаго герцогства, призывалъ ихъ на защиту отечества, подъ знаменемъ Александра, такъ какъ можно было опасаться войны между Россіей и Пруссіей съ одной стороны и Франціею, Англіею и Австріей съ другой. При императорѣ находился постоянно князь Чарторижскій, раздѣлявшій его мысли о возстановленіи Польши и Александръ I можетъ-быть не остановился бы даже передъ войною для достиженія своихъ цѣлей, еслибы противной сторонѣ не удалось привлечь къ себѣ Пруссію. Прусскому королю внушили опасеніе, что Берлинъ будетъ слишкомъ близко къ русской границѣ, и что присоединеніе всей Саксоніи возбудитъ негодованіе Германіи.

Императоръ уступилъ. Пруссія взяла назадъ изъ бывшаго герцогства Варшавскаго Познань; Австріи пришлось выдѣлить Тарнопольскій округъ и Величку; Краковъ объявленъ былъ нейтральнымъ городомъ. Первые планы императора Александра не осуществились. Но несмотря на то, что всѣ имѣли въ виду безусловное присоединеніе Польши къ Россіи и старались за это вознаградить себя на нашъ счетъ, Александръ добровольно обѣщалъ конституцію Польшѣ и выговорилъ обезпеченіе польской національности у Австріи и Пруссіи. Не дожидаясь заключенія трактата, именно еще 30-го апрѣля 1815 года, императоръ, въ письмѣ къ президенту варшавскаго сената Островскому, объявилъ Полякамъ о судьбѣ ихъ. „Королевство Польское, сказано здѣсь, соединится съ русскою имперіею въ силу своей собственной конституціи, на которой я желаю основать счастіе страны. Хотя великій интересъ общаго мира не дозволилъ всѣмъ Полякамъ соединиться подъ однимъ скипетромъ, однако я позаботился о томъ, чтобы по возможности усладить горечь ихъ разлуки и повсюду выговорить имъ обезпеченіе національности.“

Сравнивая слова этого письма съ 1-ю статьею трактата, заключеннаго *черезъ полтора мѣсяца* потомъ, мы видимъ, чья рука написала статью. То, что выставляютъ теперь противъ Россіи, какъ обязательство, было высказано добровольно императоромъ Александромъ, который имѣлъ въ виду, напротивъ, наложить нѣкотораго рода обязательство на другихъ. Статья трактата получаетъ иной смыслъ, если обратить вниманіе на то что̀ ее вызвало и при какихъ условіяхъ она внесена въ международный кодексъ. Россія владѣетъ теперь не всею Польшею, дѣло осталось недодѣланнымъ, а потому можно говорить о прежнихъ планахъ, предположеніяхъ, намѣреніяхъ, о томъ, что полезно и согласно съ политикою, а отнюдь не о какомъ-либо обязательствѣ, не допускающемъ возраженій.

Что дѣйствительно это обязательство не признавалось всѣми безусловно, это доказываетъ и дальнѣйшая дипломатическая исторія польскаго вопроса, которую мы будемъ имѣть случай на дняхъ припомнить. Съ пораженіемъ Лангевича, возвѣщеннымъ сегоднишнею телеграммой польскій вопросъ долженъ вступить въ новую фазу, которая, мы надѣемся, лучше чѣмъ оружіе поведетъ къ разъясненію дѣла.

№ 55.

Москва, 11-го марта.

Лангевичъ разбитъ, бѣжалъ въ Австрію, схваченъ тамъ, отведенъ въ Тарновъ и содержится теперь въ Краковскомъ замкѣ. Событіе это легко было предвидѣть: но тѣмъ не менѣе оно не лишено своего значенія. Это была самая значительная партія инсургентовъ, лучше прочихъ вооруженная, и лучше прочихъ предводимая. Лангевичъ, какъ по всему видно, искусный партизанъ. На него возлагались въ послѣднее время особенныя надежды; его избралъ революціонный польскій комитетъ въ диктаторы; онъ долженъ былъ привлечь къ возстанію польскую знать и крестьянъ, и превратить его изъ дѣла шляхтичей, какимъ оно до сихъ поръ было по преимуществу, въ общее національное дѣло. Онъ взялся за это предпріятіе довольно ловко, отрекшись отъ связей съ Мѣрославскимъ и даже съ Гарибальди. Онъ уже думалъ дать болѣе правильную организацію революціонному правленію Польши и войдти въ постоянныя, хотя и неофиціяльныя, сношенія съ благопріятствующими Польшѣ правительствами Европы. По нѣкоторымъ впрочемъ, довольно апокрифическимъ извѣстіямъ, роль дипломатическихъ его агентовъ будто бы соглашались принять графъ Ксаверій Браницкій, офранцуженный полякъ, въ Парижѣ, и графъ Андрей Замой-

скій—въ Лондонѣ. Всѣмъ этимъ замысламъ и начинаніямъ, которымъ далеко не соотвѣтствовали средства возстанія, теперь разомъ положенъ конецъ и Лангевичъ въ плѣну у Австрійцевъ. Въ силу Мюнхенградскаго договора, между Россіей, Пруссіей и Австріей, единственная статья котораго, лишающая политическихъ преступниковъ одного государства возможности найдти покровительство или убѣжище въ другомъ, была публикована въ офиціяльной *Вѣнской Газетѣ* 4-го января 1834 г., Россія имѣла бы право потребовать его выдачи; но достаточно уже и того чтобы до подавленія возстанія Лангевичъ лишенъ былъ возможности содѣйствовать возмущенію спокойствія и продолженію напрасныхъ кровопролитій въ сосѣдней съ Австріей странѣ. Итакъ, новый польскій диктаторъ могъ продержаться всего только 9 дней: 10-го марта происходила церемонія провозглашенія его диктаторомъ предъ собранными толпами инсургентовъ, а 19-го марта (по новому стилю) онъ спасалъ свою жизнь бѣгствомъ.

Теперь когда, повидимому, пробилъ послѣдній часъ польскому возстанію, невольно обращаешься къ его началу, и невольно спрашиваешь себя, какая причина, что всѣ эти судорожныя попытки къ возстановленію утраченнаго значенія польской національности происходятъ только въ той части Польши, которая присоединена къ Россіи? Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи польская національность не обнаруживаетъ той тягучей силы, той живучести, какія оказываются въ ней у насъ, хотя значительная доля этихъ обоихъ германскихъ государствъ состоитъ изъ самыхъ коренныхъ, изъ самыхъ исконныхъ частей бывшей Польши. Въ Силезіи, въ Восточной Пруссіи, даже въ Познани, польская народность держится слабо, отступаетъ и исчезаетъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, самыхъ польскихъ изъ всей Польши, цѣлыя народонаселенія или вовсе позабыли свой языкъ или стыдятся говорить имъ; повсюду, безпрекословно и могущественно, распространяется и внѣдрлется нѣмецкій обычай и нѣмецкій языкъ, а если тамъ и тутъ еще поддерживается въ нѣкоторыхъ классахъ народонаселенія польское чувство, то единственно потому что позади остались другія польскія области, находящіяся подъ скипетромъ Россіи, гдѣ образовался какъ бы неугасимый очагъ польской народности, гдѣ она не только не слабѣетъ съ годами, но какъ бы крѣпнетъ отъ времени, при всѣхъ мѣрахъ, которыя принимались или къ ея удовлетворенію, или къ ея подавленію. Все здѣсь служило ей въ пищу, даже и то что, повидимому, должно было отнять у нея всякую возможность существованія. Вся экзальтація польскаго чувства развилась въ тѣхъ польскихъ областяхъ, которыя находились подъ нашимъ управленіемъ. И вотъ на насъ падаетъ теперь вся отвѣтственность за польскую народность, между тѣмъ какъ у насъ она не только не исчезла, а напротивъ какъ бы вновь родилась, и тревожно забилась какъ никогда прежде; а обѣ германскія державы, гдѣ польская народность или совсѣмъ изсякла, или доживаетъ послѣдніе дни, уволены ото всякой отвѣтственности и остаются въ сторонѣ. Нѣмцы остаются правы, и вся ненависть падаетъ на насъ,—падаетъ, за то, что мы не умѣли подобно имъ довести до „блаженной кончины“ народность, постигнутую историческимъ рокомъ, а напротивъ гальванизировали ее и поддерживали ея живучесть, поддерживали даже тамъ гдѣ она является элементомъ пришлымъ и гдѣ она никогда не имѣла и не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія.

Что же это значитъ? Дѣло въ томъ что въ германскихъ государствахъ польская народность должна была выдерживать состязаніе съ живыми силами другой народности, и она изнемогла въ этой борьбѣ, между тѣмъ какъ у насъ она была только предметомъ правительственныхъ мѣръ, и эти мѣры, каково бы ни было ихъ свойство, только глубже загоняли внутрь народное чувство, только сосредоточивали его и придавали ему крѣпость. Польскій вопросъ долженъ вступить теперь въ свою новую фазу. Теперь, когда пробуждаются наши собственныя народныя силы, когда начинается жизнь въ нашихъ собственныхъ общественныхъ нѣдрахъ, при лучшихъ политическихъ условіяхъ, могутъ окончательно разсчитаться обѣ сопломенныя народности, и тутъ окажется въ чемъ которая сильнѣе или слабѣе. Во всякомъ случаѣ безоружное состязаніе народныхъ силъ обратится въ пользу для человѣчества. Вмѣсто кровопролитій и разореній, вмѣсто безплоднаго ожесточенія, такое соперничество можетъ ознаменоваться только общими успѣхами гражданственности, свободы и благосостоянія.

Россія не можетъ допустить, чтобъ рядомъ съ нею образовалось отдѣльное поль-

ское государство, которое никогда не было спокойно, которое всегда было бы тайнымъ или явнымъ врагомъ нашимъ, вѣчно стремилось бы изъ своихъ предѣловъ, и вѣчно держало бы и Поляковъ, и насъ въ напряженномъ состояніи. Совершенно отдѣльное польское государство было бы источникомъ неисчислимыхъ смутъ и бѣдствій для обѣихъ народностей. Россія не можетъ рѣшиться на самоубійство, но она можетъ предоставить всевозможныя льготы для польской народности подъ сѣнію общаго скипетра. Россія уже выступила на путь мирной гражданственности и общественной свободы, и все теперь зависитъ отъ того, будутъ ли продолжаться смуты, которыя останавливаютъ ее на этомъ пути. Нынѣшнее Царство Польское можетъ пользоваться всѣми выгодами внутренней автономіи, всѣми благодѣяніями общественной свободы, можетъ развивать безпрепятственно свою народность во всѣхъ сферахъ—безо всякаго ущерба для Россіи; но для этого необходимо чтобы Поляки отказались ото всякихъ дальнѣйшихъ притязаній. Пусть они, при всевозможныхъ благопріятныхъ условіяхъ, развиваютъ свои народныя силы и обнаруживаютъ богатства, въ нихъ сокрытыя; пусть они стараются возобладать надъ нами и промышленнымъ и нравственнымъ превосходствомъ какъ въ древнюю пору Греки надъ Римлянами; пусть польская предпріимчивость будетъ оспаривать всякое дѣло у русской. Все это будетъ возможно подъ общимъ скипетромъ, безъ особой военной силы, отъ которой кромѣ вреда ничего нельзя бы ожидать для самой Польши,— все это будетъ возможно при условіяхъ мирнаго развитія, равно обезпеченныхъ какъ для Поляковъ, такъ и для Русскихъ.

№ 56.

Москва, 12-го марта.

Польскій вопросъ въ области дипломатіи періодически повторяется почти въ одной и той же формѣ. По удачному выраженію Гизо, Польша постоянно служила средствомъ для другихъ государствъ, но не была цѣлію; всѣ заботились о томъ, чтобы Польша не исчезла совершенно, но никто серіозно не думалъ объ ея возстановленіи. Отъ этого дипломатическіе споры всегда улаживались, и дѣло кончалось протестами и признаніемъ совершившагося факта. Кто хочетъ воевать, тому предлогъ для войны найдти не трудно; имъ могла бы, конечно, послужить и 1 статья трактата 1815 г. Въ этомъ нѣтъ спору. Но при нѣкоторомъ расположеніи къ миролюбію эта статья должна представиться въ другомъ видѣ. Она предоставляетъ Россіи, Австріи и Пруссіи полное право дать Польшѣ тѣ учрежденія, которыя эти державы признаютъ полезными и удобными. Въ актѣ вѣнскаго конгресса не высказано относительно Польши такого положенія, которое составляло бы существенную основу международнаго права Европы и стояло бы выше соображеній о мѣстной пользѣ и мѣстномъ удобствѣ той или другой державы, владѣющей польскою землею. Между статьей вѣнскаго трактата и осуществленіемъ польскихъ претензій—цѣлая бездна, и было бы безуміемъ, еслибы дипломатія вздумала перейдти эту бездну. Вводить новое государство въ политическую систему Европы значитъ подвергать все неизвѣстности. Другое дѣло—свободныя учрежденія. Здѣсь европейская дипломатія можетъ служить выраженіемъ либеральныхъ стремленій Европы. Она можетъ выражать желанія, чтобы Русскій Государь возратилъ Польшѣ тѣ изъ вольностей, дарованыхъ ей императоромъ Александромъ I, которыхъ возвращеніе для Россіи безвредно, но только желанія, потому что требованіе возможно лишь тамъ, гдѣ есть строгое обязательство. Надо отдать справедливость европейской дипломатіи, что она не измѣняла до сихъ поръ своей примирительной роли и не увлекалась утопіями, хотя отъ иностранной дипломатіи нельзя и ожидать, чтобъ она была хорошимъ и справедливымъ судьей относительно того, какія желанія ея удобоисполнимы и какія неисполнимы для Россіи.

Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ революціонная партія въ Польшѣ разчитывала на поддержку демократовъ французскихъ, какъ она ожидала теперь можетъ-быть сочувствія императора Французовъ, заявившаго себя возстановителемъ національностей. Но политика сочувствія самая ненадежная; когда приходится предпринимать войну, глава государства поневолѣ обязанъ взвѣсить, на сколько она согласна съ средствами страны и общимъ состояніемъ международныхъ дѣлъ. Члены палатъ могутъ выражать свои сочувствія, свое личное мнѣніе; министерство выражаетъ рѣшеніе; ему предстоитъ дѣйствовать, на немъ

лежитъ отвѣтственность за такія дѣйствія; оно произноситъ роковое слово: война или миръ. Никакая, ниже самая неугомонная дипломатія не будетъ нарушать существующіе интересы во имя невѣдомаго будущаго.

Вотъ почему, несмотря на взрывъ демократическихъ началъ въ 1831 году, засѣданія палатъ и дипломатическіе переговоры того времени имѣли тотъ же характеръ, какой имѣютъ теперь. Франція сдѣлала свое предложеніе въ Петербургѣ о признаніи особеннаго государственнаго устройства Польши, какъ оно было опредѣлено императоромъ Александромъ I, и просила поддержки этого предложенія со стороны Англіи. Во французской палатѣ говорились сильныя рѣчи о необходимости признать независимость Польши, рѣчи въ родѣ тѣхъ, какія слышались теперь во французскомъ сенатѣ; но Казимиръ Перье, бывшій тогда первымъ министромъ, отвѣчалъ: „Я взываю къ благоразумію палаты, дѣло должно рѣшиться по разуму, а не подъ вліяніемъ душевнаго волненія и энтузіазма. Слѣдуетъ ли Франціи напрашиваться на войну,—войну, которая охватитъ весь материкъ Европы? Это будетъ всеобщая война, она вызоветъ безумныя страсти и послужитъ въ пользу честолюбія многихъ.“ Вскорѣ послѣ того въ 1832 году, въ англійскомъ парламентѣ, г. Фергусонъ, опираясь на трактаты 1815 г., доказывалъ, что Польша имѣетъ право на конституцію; что императоръ Николай обвинялъ въ мятежѣ не всѣхъ Поляковъ, а одну партію, и что потому несправедливо наказывать всѣхъ лишеніемъ вольностей. Лордъ Пальмерстонъ, въ отвѣтѣ своемъ, сказалъ почти то же, что говорилъ недавно, а именно: Англія имѣетъ право высказать свое мнѣніе относительно Польши, но она не можетъ вмѣшаться въ это дѣло силою оружія, потому что прямаго нарушенія трактата не существуетъ, а только отняты права данныя русскимъ же государемъ. Словомъ, читая теперешнія пренія въ палатахъ Франціи и Англіи, какъ будто перечитываешь то, что было сказано 30 лѣтъ тому назадъ.

Но вся эта тревога, невинная въ дипломатическомъ смыслѣ, оказываетъ вредное вліяніе на довѣрчивыхъ Поляковъ, которые не перестаютъ ожидать помощи извнѣ; дипломатическія представленія поддерживаютъ несбыточныя надежды, шевелятъ страсти и побуждаютъ Поляковъ показать себя достойными той заботливости, какую оказываетъ имъ Европа. Нельзя не удивляться, какъ опытъ не научилъ Поляковъ, что когда произносятся громкія слова сочувствія имъ, дѣло идетъ не о нихъ, а о Россіи, и еще болѣе объ интересахъ тѣхъ, кто избираетъ Польшу предлогомъ для своихъ цѣлей. Франція мѣтитъ на Пруссію и ея рейнскія провинціи; Англія желаетъ ослабленія Россіи изъ опасенія за свои интересы на Востокѣ. Вотъ вслѣдствіе какихъ побужденій можно придавать польскому вопросу значеніе международное, но эти побужденія такъ разнородны, что никогда не соединятъ Францію съ Англіей для общаго дѣйствія. Англійская дипломатія не настолько близорука, чтобы, въ виду уже возникшихъ и требующихъ неотлагательнаго рѣшенія дѣлъ, создавать себѣ новыя затрудненія, исходъ которыхъ нельзя предвидѣть. „Въ войнѣ, какъ на балу, сказалъ англійскій министръ: знаешь, съ кѣмъ начнешь танцовать, но не можешь предвидѣть, съ кѣмъ придется окончить танецъ“.

Польша была побѣждена два раза; сила оружія не въ ея пользу; ей не удастся занять въ Европѣ мѣсто Россіи; она не сдѣлается великою державой, и ей всего лучше перестать грезить о томъ, не ожидая отъ европейской дипломатіи того что̀ сулятъ польской легковѣрности передѣлыватели карты Европы, и чего европейская дипломатія не сулила и сулить не можетъ. А такъ какъ сами Поляки не удовлетворились бы тѣмъ, что̀ можетъ отстаивать въ ихъ пользу европейская дипломатія, если-бы даже Россія и уступила ея представленіямъ, то не выгоднѣе ли Полякамъ отложить несбыточныя надежды на Европу и чистосердечно помириться съ нами, какъ съ тѣми изъ своихъ сосѣдей, которые менѣе другихъ опасны для ихъ національности? Теперь самая благопріятная для того пора.

№ 57.

Москва, 13-го марта.

Между тѣмъ какъ наши войска уничтожаютъ одну за другою партіи инсургентовъ и приближаютъ все дѣло польскаго возстанія къ скорой развязкѣ, въ Европѣ изъ конца въ конецъ, отъ Стокгольма до Неаполя, отъ Парижа и Лондона до Берлина, все громче и громче раздаются возгласы противъ Россіи. Изъ рѣчей на публичныхъ сборищахъ и въ законодательныхъ пала-

тахъ, изъ статей журналовъ и дипломатическихъ актовъ составился дружный хоръ устремленныхъ къ намъ обвиненій, нареканій и требованій. Справиться съ врагами, взявшимися явно за оружіе, легко; но какъ станемъ мы расправляться съ этою не менѣе враждебною намъ силою общественнаго мнѣнія Европы? Что можемъ мы ей противопоставить? Гдѣ сила общественнаго мнѣнія самой Россіи и гдѣ вполнѣ соотвѣтственные органы для его выраженія? Не призванные дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго, мы и сами не вполнѣ ясно сознаемъ ихъ, колеблемся, сомнѣваемся тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить и дѣйствовать твердо и рѣшительно, и привычные преклоняться предъ чужими интересами и мнѣніями, легко можемъ быть вовсе оглушены и отуманены поднятыми противъ насъ воплями. Намъ остается только скромное журнальное обсужденіе возбужденныхъ польскимъ возстаніемъ вопросовъ, и мы ото всей души радуемся, что по крайней мѣрѣ этотъ путь не вполнѣ прегражденъ въ настоящее время. Голосъ нашъ, по всей вѣроятности, не дойдетъ до западной Европы: литература наша и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ причинамъ не имѣетъ еще права гражданства между литературами Запада; но для насъ было бы достаточно и того, еслибы наша печать содѣйствовала разъясненію русскаго дѣла для самихъ же Русскихъ.

Итакъ о чемъ идетъ теперь дѣло? Чего требуетъ отъ насъ общественное мнѣніе Европы, поддерживаемое отчасти и дипломатіей?

Дѣло идетъ по меньшей мѣрѣ о возстановленіи Польши въ томъ видѣ, какой ей данъ былъ Александромъ I въ 1815 г. и который она утратила вслѣдствіе своего возстанія въ 1830 и 31 гг. Польша должна стать особымъ государствомъ съ своими законодательными собраніями и съ своимъ войскомъ, соединялась съ Россіею только въ лицѣ своего Государя Императора Всероссійскаго. На это, повидимому, довольно умѣренное требованіе мы прежде всего отвѣчаемъ, что оно нисколько не удовлетворитъ Поляковъ, какъ это недавно еще было высказано, въ засѣданіи французскаго сената 17 марта, представителемъ офранцуженныхъ Поляковъ, княземъ Понятовскимъ (см. № 56 „*Московскихъ Вѣдомостей*“). Имѣя свое особое политическое существованіе и прежде всего, имѣя свое особое войско, Поляки при первой возможности употребятъ его для осуществленія завѣтной мечты своей, для возстановленія польскаго королевства въ прежнемъ его объемѣ, для присоединенія къ нему исконныхъ русскихъ областей — Подоліи, Волыни, даже Кіевской губерніи, не говоря уже о Литвѣ и Самогитіи. Россія должна, стало-быть, вооружить Польшу, затѣмъ чтобы отстаивать отъ нея исконное свое достояніе и снова обезоруживать ее. Что станется съ Россіей въ виду такой борьбы, каждую минуту ей угрожающей? Не болѣе и не менѣе какъ то, что она перестанетъ быть великою европейскою державой. Только то государство можетъ имѣть значеніе великой державы, которое въ состояніи поддержать свое слово дѣломъ, а какое серіозное дѣло будетъ возможно для Россіи, когда враждебная ей Польша, по самому католицизму своему примыкающая къ западнымъ державамъ, будетъ держать наготовѣ свое оружіе противъ нея, и будетъ непремѣнною союзницей для всякаго врага Россіи?

Но, можетъ-быть, для Россіи вовсе и ненужно значеніе великой европейской державы, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ близорукихъ людей, только приводитъ ее въ столкновеніе съ другими державами и отвлекаетъ ея вниманіе отъ важнѣйшихъ дѣлъ внутренняго благоустройства? На это мы скажемъ: значеніе великой европейской державы есть для Россіи вопросъ жизни и смерти. Только въ качествѣ великой европейской державы, она принуждена непрестанно заботиться о развитіи всѣхъ производительныхъ силъ своихъ, о преуспѣяніи промысловъ, торговли, наукъ и искусствъ, о благоустройствѣ гражданскомъ и политическомъ. Возможны ли были бы у насъ всѣ совершенныя и предположенныя реформы, если бы Россія не была великою европейскою державой? Со вступленія ея на это поприще началась для нея истинно европейская жизнь; съ возстановленіемъ Польши, съ утратою значенія великой европейской державы, она снова стала бы полуевропейскимъ, полуазіатскимъ государствомъ. Недоброжелательные къ намъ иностранцы хорошо понимаютъ это, и въ засѣданіи французскаго сената 17-го марта, говоря о возстановленіи Польши въ объемѣ 1815 г., г. де Лагероньеръ прямо указывалъ, что благодаря своему владычеству въ Польшѣ, „Россія вмѣшивается въ чуждое для нея политическое движеніе, которое отвлекаетъ ее отъ развитія своей дѣятель-

ности въ другой части свѣта — въ Азіи.“ По мнѣнію этого сенатора съ очень умѣреннымъ, впрочемъ, образомъ мыслей, Россія съ возстановленіемъ военно-политической самобытности Польши перестанетъ быть европейскою державой, и станетъ державою азіатской. Иностранцы могутъ восхищаться этими предположеніями; но именно потому что эти предположенія основательны, мы, Русскіе, не можемъ допустить и мысли о полномъ возстановленіи польской конституціи 1815 года.

Другое дѣло, еслибъ уже осуществились тѣ виды, которые высказалъ во французскомъ же сенатѣ г. Бонжанъ. „Не видите ли вы, говорилъ онъ въ засѣданіи 17-го марта, что Оттоманская Имперія дряхлѣетъ и распадается какъ тѣло не имѣющее въ себѣ жизненной силы, и держится только благодаря взаимной зависти своихъ наслѣдниковъ? Сколько новыхъ комбинацій возникнетъ изъ этого событія, котораго я не желаю, но которое неизбѣжно! Сколько комбинацій, между которыми возстановленіе Польши не будетъ ни самою трудною, ни наиболѣе неожиданною!... И не видите ли вы, продолжалъ онъ обращаясь мысленно къ Россіи, не видите ли вы, что Европа заграждаетъ вамъ путь на востокъ, потому что вы грозите ей на сѣверѣ, на берегахъ Вислы? Успокойте ее, возстановивъ Польшу, и въ освобожденной Варшавѣ вы найдете ключъ къ востоку, куда влекутъ васъ ваше географическое положеніе и геній вашихъ народовъ.“ Добрый и краснорѣчивый французскій сенаторъ не знаетъ, конечно, нашей мѣткой и вѣрной пословицы о журавлѣ и синицѣ. Если бы судьбы Европы вообще, и Турціи въ особенности, заключались въ рукѣ г. Бонжана, тогда, — но только тогда, вопросъ о возстановленіи Польши могъ бы легко быть разрѣшенъ, согласно съ его желаніями и безъ ущерба для Россіи.

По словамъ „*Indépendance Belge*“, Австрія намѣрена ходатайствовать о дарованіи Польшѣ тѣхъ учрежденій и того политическаго положенія, какими пользуется собственная ея польская провинція—Галиція. Галиція точно также, какъ Польша, не имѣетъ своего отдѣльнаго національнаго войска, но сверхъ того она не имѣетъ и отдѣльныхъ для себя министровъ, и отдѣльнаго управленія по всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, и особенно отдѣльныхъ финансовъ. Въ этихъ отношеніяхъ, она менѣе выгодно поставлена чѣмъ Царство Польское. Она состоитъ на положеніи всякой другой провинціи, и составляетъ неотъемлемую часть Австрійской имперіи. Единственное ея преимущество передъ Польшею, и то только съ 24 февраля 1861 года, заключается въ томъ, что она имѣетъ свой собственный земскій сеймъ изъ выборныхъ отъ народа, который завѣдываетъ всѣми дѣлами провинціи, и чрезъ выборныхъ отъ сейма, членовъ палаты депутатовъ имперскаго сейма, участвуетъ въ общемъ законодательномъ и въ общемъ финансовомъ управленіи имперіи, въ назначеніи тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя идутъ на общія ея нужды. Отрицать эти выгоды невозможно, но это выгоды еще болѣе Австріи чѣмъ Галиціи. Февральская конституція дарована въ видахъ сплоченія имперіи. Новое государственное устройство Австріи разчитано на то, чтобы центральное ея правительство имѣло твердую опору въ народныхъ представителяхъ всѣхъ составныхъ частей ея, чтобъ эти части не стремились врознь какъ прежде, а имѣли надежное для себя средоточіе, и такимъ образомъ могли сростись съ теченіемъ времени въ одно крѣпкое государственное тѣло; наконецъ, оно разчитано на то, чтобъ отнять у нихъ поводъ и основательныя причины къ жалобамъ, которыя справедливо раздавались противъ правительственной системы барона фонъ-Баха. Австрія имѣетъ теперь готовый отвѣтъ на жалобы Галиціи. Будетъ ли Галиція жаловаться на то, что ея финансы находятся въ рукахъ центральнаго правительства? Ей скажутъ, что ей же предоставлено участіе въ назначеніи и утвержденіи смѣты общихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Будетъ ли она возмущаться тѣмъ, что ея администрація, ея суды, ея училища и т. д. состоятъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ вѣнскихъ министровъ? Ей сейчасъ же отвѣтятъ, что ей предоставлено участіе въ составленіи и утвержденіи законовъ, по которымъ должна быть ведена администрація и по которымъ должно быть отправляемо судопроизводство, и на веденіе ихъ она можетъ оказывать вліяніе чрезъ своихъ депутатовъ въ Вѣнѣ. Если не только со стороны Галиціи, но и другихъ частей имперіи слышатся теперь жалобы, выраженія неудовольствій, и особенно протесты противъ участія въ общемъ имперскомъ сеймѣ, то это объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе глубокихъ племенныхъ различій от-

дѣльныя области Австріи все еще стремятся разойдтись розно и добыть себѣ полную политическую самостоятельность. Но нельзя не сказать, что на этотъ разъ Австрія ловко взялась за дѣло собиранія разрозненныхъ частей своихъ въ одно цѣлое.

Хочетъ ли Польша находиться въ томъ политическомъ положеніи, какимъ пользуется Галиція? Ничего лучшаго для Россіи быть не можетъ. Если Европа и Польша будутъ успокоены и удовлетворены этимъ, то Россія можетъ подать имъ обѣ руки на такихъ обоюдно выгодныхъ и пріятныхъ условіяхъ. Галиція и Познань — составныя части Австріи и Пруссіи. Такъ было бы и съ Польшей еслибы не рыцарскіе планы Императора Александра I. Если бы не эти рыцарскіе планы, дѣло стало-быть обошлось бы удовлетворительно для всѣхъ сторонъ: и Поляки были бы довольны и спокойны, и русскій народъ не подвергался бы опасности потерпѣть ущербъ подъ впечатлѣніемъ шума и крика. Скажемъ еще болѣе, еслибы въ 1815 году было уступлено Польшѣ не только такое положеніе, которымъ теперь пользуется Галиція, но даже и такое, въ которомъ находится теперь Венгрія, то и тогда отношеніе Россіи къ Польшѣ было бы удобнѣе чѣмъ при конституціи 1815 года, давшей Польшѣ и отдѣльное войско, и отдѣльные финансы, чего Венгрія не имѣетъ.

№ 58.

Москва, 14-го марта.

Въ послѣднее время вошло въ моду и между Поляками, и вообще въ западной Европѣ говорить съ сочувствіемъ объ отношеніяхъ Австріи къ польской національности и даже ставить Австрію въ примѣръ Россіи. Можно было бы подивиться тому какъ коротка память у польскихъ патріотовъ и друзей Польши, еслибы не была очевидна во всѣхъ этихъ ссылкахъ на Австрію дипломатическая или, если угодно, стратегическая хитрость. Про себя польскіе паны очень хорошо помнятъ, какъ поступило съ ними австрійское правительство во время галиційской рѣзни, и какъ ни кричатъ они противъ русскаго правительства, какъ ни стараются они затруднить его, однакоже про себя они должны сознаться, что все-таки польскимъ панамъ гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ русскимъ чѣмъ съ австрійскимъ правительствомъ.

Можно навѣрное ожидать, что указъ 1-го марта о прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Инфляндскихъ уѣздовъ губерніи Витебской будетъ предметомъ многихъ толковъ въ Европѣ. Поборники польскаго дѣла забьютъ тревогу, будутъ кричать о споліаціи. Это имъ выгодно или по крайней мѣрѣ они полагаютъ, что это имъ выгодно. Но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, и въ сущности польскіе помѣщики литовскихъ губерній должны благодарить судьбу, что живутъ подъ русскимъ скипетромъ. Правительство наше въ виду открытыхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны польскихъ пановъ, легко могло бы воспользоваться неопредѣленностію обязательныхъ отношеній. Но не правительство, а сами помѣщики литовскихъ губерній затѣяли играть на этой опасной струнѣ. Польскій революціонный комитетъ провозгласилъ, что крестьяне будутъ сдѣланы собственниками, и паны, принявъ участіе въ революціонномъ движеніи, одобрили эту мѣру. Кромѣ того они всячески старались распространить между крестьянами убѣжденіе, что имъ нечего ожидать отъ русскаго правительства, а надобно возлагать всѣ надежды на польскую революцію. Указъ 1-го марта былъ дѣломъ необходимой обороны, но намъ Русскимъ утѣшительно видѣть какъ была поведена эта оборона русскимъ правительствомъ.

Мы не будемъ припоминать кровавыхъ сценъ галиційской рѣзни, но мы обязаны сравнить опредѣленное указомъ 1 марта пониженіе повинностей съ тѣмъ пониженіемъ, которое, какъ извѣстно, было принято безъ ропота помѣщиками Галиціи. Тамъ помѣщики, освобождаясь отъ обязанности собирать съ крестьянъ оброки, потеряли безвозвратно одну треть повинностей: у насъ владѣльцы оброчныхъ имѣній не потеряютъ ни одной копѣйки, а владѣльцы имѣній издѣльныхъ потеряютъ только 20 коп. съ рубля и притомъ не съ повинности, дѣйствительно получавшейся ими, а съ фантастической оцѣнки издѣльныхъ работъ, значившейся въ инвентаряхъ и пониженной Положеніемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда была чрезмѣрно высока, напримѣръ превосходила 3 р. съ десятины.

Если взять весь край въ цѣлости, то дѣйствительной потери не будетъ для помѣщиковъ и въ имѣніяхъ издѣльныхъ. На-

противъ большой выигрышъ будетъ для нихъ въ томъ, что соціальное положеніе ихъ станетъ безопаснѣе прежняго. Ничто не будетъ грозить имъ, и они могутъ спокойно смотрѣть на тѣхъ многочисленныхъ чиновниковъ, которые по необходимости явятся къ нимъ въ гости, если въ самомъ дѣлѣ, какъ ходятъ слухи, мировые посредники того края будутъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей и откажутся служить ему вѣрой и правдой. Они могутъ быть спокойны: что бы они не дѣлали и ни замышляли, очень дурнаго не будетъ; будетъ только потеря ихъ политическаго значенія.

Что касается до обязательнаго выкупа, установленнаго указомъ 1-го марта, то его послѣдствія и его экономическій характеръ будутъ зависѣть отъ образа дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій и отъ инструкцій, которыя будутъ даны имъ, но которыя еще не выработаны. Судя по духу указа 1-го марта, позволительно ожидать, что эти инструкціи будутъ справедливы и къ крестьянамъ и землевладѣльцамъ. Обязательный выкупъ есть мѣра вынужденная политическимъ положеніемъ края, мѣра, о которой можно сказать, что она была необходима въ интересѣ самихъ землевладѣльцевъ, которыхъ безопасность ею вполнѣ обезпечивается. Разсматриваемая со строгой юридической точки зрѣнія, она можетъ быть оправдана тѣмъ, что Положеніе 19 февраля 1861 года застало права литовскихъ помѣщиковъ на крестьянскую землю, уже подлежавшими значительному ограниченію въ силу введенныхъ прежде инвентарей, а потому за литовскими помѣщиками не было той полноты писанаго права, которая имѣла силу относительно помѣщичьяго землевладѣнія въ другихъ губерніяхъ Россіи. Но тѣмъ не менѣе обязательный выкупъ касается права собственности, а справедливость не дозволяетъ упустить изъ виду, что далеко не всѣ помѣщики литовскихъ губерній принимали участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, и что сталобыть далеко не всѣ они изъявили согласіе на обязательный выкупъ крестьянскихъ земель, возвѣщенный въ польскихъ революціонныхъ прокламаціяхъ. По этому позволительно надѣяться, что исполненіе этой необходимой политической мѣры будетъ такъ направлено, чтобы невинные не пострадали отъ нея вмѣстѣ съ виновными.

Съ какимъ словомъ обратиться къ русской публикѣ по поводу указа 1-го марта? Она знаетъ, что польская революціонная партія старалась привлечь литовскихъ крестьянъ обѣщаніемъ земли; она знаетъ, что многіе литовскіе помѣщики нарочно затѣвали споры съ крестьянами, и требовали отъ мѣстныхъ властей защиты своихъ законныхъ правъ, а потомъ, когда эти права бывали возстановляемы силой, добровольно отказывались отъ нихъ, дабы крестьяне возлагали всѣ свои надежды на нихъ, а не на русское правительство. Русская публика знаетъ также, что поземельныя отношенія въ Литовскихъ губерніяхъ отличаются многими особенностями, вслѣдствіе чего и въ Мѣстномъ Положеніи предписано по введеніи уставныхъ грамотъ подвергнуть ихъ пересмотру въ особыхъ повѣрочныхъ коммиссіяхъ, которыхъ для другихъ частей Россіи вовсе не установлено. Наконецъ русской публикѣ извѣстно, что положеніе крестьянъ въ Литовскихъ губерніяхъ очень дурно, и повинности, наложенныя на нихъ инвентарями, скорѣе ухудшили чѣмъ улучшили ихъ бытъ сравнительно съ тѣмъ, что было до инвентарей. По всѣмъ этимъ причинамъ получаютъ большое значеніе слова указа 1-го марта, что мѣра, имъ вводимая, признается *необходимою по мѣстнымъ обстоятельствамъ Литовскихъ губерній*. Деликатность, понятная на той высотѣ, съ которой нисходитъ законодательство, побудила ограничиться этимъ легкимъ указаніемъ. Тѣмъ не менѣе въ приведенныхъ словахъ указа сказано довольно, чтобъ охарактеризовать его какъ мѣру мѣстную и исключительную, нисколько не касающуюся общаго хода крестьянскаго дѣла въ Россіи. Было бы безумно думать, что съ окончательнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса не состоитъ въ необходимой связи окончательное утвержденіе права собственности въ Россіи. Это право не могло имѣть у насъ полной силы, пока существовали крѣпостныя отношенія. Освобожденіе крестьянъ должно положить твердое основаніе его незыблемости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незыблемости всего нашего общественнаго быта.

№ 59.

Москва, 15-го марта.

Предъ нашими читателями лежитъ теперь отчетъ обо всѣхъ трехъ засѣданіяхъ французскаго сената посвященныхъ Россіи и

Польшѣ. Читая всѣ эти рѣчи, испытываемъ разнообразныя впечатлѣнія: то кажется, что вотъ собрались для обсужденія великаго политическаго вопроса люди серіозные, дѣльные, свѣдущіе; то вдругъ переносимся изъ государственнаго собранія въ балаганъ, гдѣ французскій принцъ крови разыгрываетъ представленіе для потѣхи публики; наконецъ, надо всѣми преобладаетъ одна мысль, одно впечатлѣніе, что высшее государственное собраніе Франціи занимается не дѣломъ, а празднословіемъ, что каково бы ни было его рѣшеніе, оно не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій, и что ни министры, ни сенаторы не придаютъ никакого серіознаго значенія своимъ занятіямъ, и каждый изъ нихъ заботится о томъ, чтобъ искуснѣе сыграть назначенную ему роль. Во всемъ чувствуется только фальшь, настоящей жизни этотъ сенатъ не имѣетъ. Все движется какъ бы по шнурку. Одинъ долженъ говорить такъ чтобы задобрить и расположить въ пользу императорской фамиліи самыхъ завзятыхъ революціонеровъ цѣлой Европы, другой—такъ, чтобы задобрить Россію, третій—такъ чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы.

Самою дѣльною и самою искреннею рѣчью, повидимому не входившею въ общую программу представленія, была рѣчь г. де-Ларошжакелена: онъ взялъ на себя трудъ изучить дѣло исторически, и хотя не много перепуталъ факты, однако же пришелъ ко многимъ вѣрнымъ заключеніямъ. Поляки, по его мнѣнію, народъ очень храбрый, но такой, который не способенъ ни къ самоуправленію, ни къ тому, чтобы имъ управляли другіе. Вслѣдствіе несчастнаго своего географическаго положенія, между Русскими и Нѣмцами, они не въ состояніи защищать себя сами, какъ это и признавалъ еще Наполеонъ I. Россія владѣетъ царствомъ Польскимъ, бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ, въ силу права завоеванія, законности котораго никакъ не можетъ отвергнуть ни Франція, ни какая-либо другая держава. Возвести эту завоеванную страну на степень самостоятельнаго царства, это была мысль и добрая воля самого Александра I, по свидѣтельству князя Меттерниха; изъ вѣнскихъ же трактатовъ истекаетъ только одно положительное условіе, что Польша своею конституціею должна быть неразрывно связана съ Россіей. Въ настоящее время Польшѣ предоставлены права, какихъ не имѣетъ сама Россія; тѣмъ не менѣе Поляки болѣе волнуются чѣмъ прежде; въ своемъ безуміи они мечтаютъ прибрать къ своимъ рукамъ всѣ области, какія когда-либо проходили чрезъ ихъ руки, хотя бы и на самое короткое время, и сдѣлать Россію азіатскою державою. Зачинщики польскаго возстанія стакнулись напередъ съ Мадзини и другими революціонерами Европы, и въ рукахъ французскаго правительства есть циркуляръ, въ которомъ Мадзини упрекаетъ Поляковъ, что они слишкомъ поспѣшили своимъ возстаніемъ. Былъ ли бы рекрутскій наборъ, не было ли бы его, во всякомъ случаѣ Россіи пришлось бы развѣдываться съ польскимъ возстаніемъ. Возможность разрѣшенія польскаго вопроса маркизъ де-Ларошжакеленъ видитъ въ развитіи одинаковыхъ правъ, преимуществъ и льготъ какъ Польши, такъ и Россіи. Болѣе дѣльнаго и болѣе умнаго слова не могъ бы сказать и человѣкъ Русскій.

Но вотъ на сцену выступаетъ принцъ Наполеонъ, и начинается представленіе. „Чего я хочу, спрашиваетъ онъ: войны? Нѣтъ.“ Этотъ принцъ знаетъ что такое война: онъ помнитъ, какое это непріятное было дѣло, когда, во время Крымской кампаніи, его вдругъ сдѣлали начальникомъ дивизіи; онъ помнитъ, какихъ усилій стóило ему во время итальянской кампаніи держаться съ своей дивизіей какъ можно подальше отъ поприща военныхъ дѣйствій; онъ, вѣроятно, не забылъ также и своей исторіи съ герцогомъ Омальскимъ, гдѣ на отпоръ тоже не хватило ему мужества. То ли дѣло жить себѣ не въ свою голову на дачѣ въ Елисейскихъ поляхъ, и съ задняго крыльца принимать къ себѣ и угощать на славу вліятельныхъ людей изъ революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы! Такъ, значитъ, принцъ хочетъ мира? „Нѣтъ, я не хочу и мира, отвѣчаетъ онъ: что можно сдѣлать, до какихъ предѣловъ можно идти, я не знаю, я не долженъ знать“, прибавляетъ онъ съ видомъ человѣка, посвященнаго во всѣ тайны и революціонеровъ, и императорскаго французскаго правительства. „Я допускаю, что вы ничего не сдѣлаете для Польши; но императоръ (то-есть императоръ Наполеонъ III), онъ сдѣлаетъ что-нибудь, я въ томъ убѣжденъ. Я вѣрю въ его намѣренія и въ его сердце.“ Увѣренность эту придаетъ ему отчасти видъ государственнаго министра Франціи, графа Валевскаго, который въ свою молодость

храбро исполнилъ долгъ польскаго патріота на поляхъ битвъ при Гродно и Остроленкѣ, и былъ потомъ дипломатическимъ агентомъ революціоннаго польскаго правительства въ Лондонѣ. „Должно спѣшить“, продолжаетъ царственный ораторъ: „дѣйствуйте какъ можно скорѣе; какъ? я не знаю, я не могу знать; но дѣйствуйте. Возстаніе будетъ длиться, пока оно будетъ поощряемо.“ Итакъ, вотъ что значатъ эти загадочныя слова: „Я не хочу войны, я не не хочу и мира.“ Двоюродный братъ императора Французовъ, подавившаго революцію въ своей странѣ, хочетъ чтобы революція поддерживалась въ Польшѣ и въ Россіи. Его посѣтители съ задняго крыльца, за бокалами шампанскаго, сообщили ему о Россіи множество интересныхъ свѣдѣній; но принцъ не выдаетъ всей ихъ тайны. Не такой онъ человѣкъ: онъ довольствуется немногими намеками. „Освобожденіе крѣпостныхъ, говоритъ онъ, породило неудовольствіе во всѣхъ: и въ дворянахъ и въ крестьянахъ. Россія можетъ имѣть нужду во всѣхъ своихъ силахъ внутри своего собственнаго государства.“

Странная вещь: тотъ же самый мотивъ слышится и въ рѣчи министра безъ портфеля, г. Бильйо. „Реформы не легкое дѣло, говоритъ этотъ, нынѣ маститый ex-радикалъ, очень часто онѣ порождаютъ затрудненія. Благодарность за нихъ бываетъ слаба и скоропреходяща, а сопротивленіе всегда сильно.“ Если бы г. Бильйо побывалъ въ концѣ прошлаго года, въ Новгородѣ или въ Москвѣ, онъ былъ бы свидѣтелемъ, какъ слаба благодарность русскаго народа къ Государю-Освободителю. „Русское правительство не можетъ пожелать создать себѣ новыя трудности рядомъ съ тѣми, которыя его уже окружаютъ.“ При всемъ своемъ теперешнемъ политическомъ благоразуміи, маститый ораторъ также разсчитываетъ на внутреннее сопротивленіе, на внутреннія трудности, которыя будто бы встрѣчаетъ Императоръ Александръ, и которыя будто бы должны сдѣлать русскаго монарха болѣе уступчивымъ къ дружественнымъ представленіямъ Франціи. Въ Россіи нѣтъ такого сената, который могъ бы высказывать предъ лицомъ всего свѣта, во всеуслышаніе, о преданности русскаго народа своему монарху и о готовности стоять съ нимъ до послѣдняго человѣка за существенные интересы Россіи. Внутреннее сопротивленіе и внутреннія трудности входятъ совершенно ошибочно, хотя и понятнымъ образомъ, въ разчеты французскаго правительства. Что же далѣе? Далѣе на трактаты 1815 г. Франція не полагается. „Они не разрѣшили, по словамъ г. Бильйо, польскаго вопроса, а только постановили его въ выраженіяхъ непримиримыхъ между собою, сопоставивъ народонаселеніе, отличающееся духомъ свободы, съ народонаселеніемъ, которому онъ былъ чуждъ совершенно.“ Взывать къ трактатамъ 1815 г., какъ Англія, Франція такимъ образомъ не намѣрена. У нея есть свои болѣе широкіе планы, на которые только намекаетъ г. Бильйо, обращаясь къ Пруссіи и Австріи. „Должно, говоритъ онъ, надѣяться для Пруссіи двухъ вещей: что государь ея будетъ вразумленъ своимъ народомъ и что народъ ея пойметъ великіе интересы политическіе, общіе интересы міра, и позаботится примирить, устранить элементы, которые могутъ порождать тревогу. Австрія же лучше сосѣднихъ державъ поняла новый обширный кругозоръ, который могъ открыться передъ нею.“ Уже не полагаетъ ли французскій министръ, что Пруссія и Австрія согласятся выдѣлить изъ своего состава польскія области для составленія съ Царствомъ Польскимъ и польскими областями Россіи одного невѣдомаго, но великаго цѣлаго? Политика государственныхъ людей, подобныхъ г-ну Бильйо, ходитъ такими извилистыми путями, способна на такія хитросплетенія, что самыя несообразныя сочетанія и предположенія могутъ оказаться дѣйствительно существующими; хорошо еще, что г. Бильйо завѣряетъ, что Франція не намѣрена дѣйствовать одна. „Этотъ польскій вопросъ, говорилъ онъ, есть европейскій. Онъ интересуетъ другія націи столько же, сколько и насъ, а потому—такъ вѣщаетъ императорскій министръ, считающій Францію законнымъ и непремѣннымъ вождемъ цѣлой Европы,—а потому они должны примкнуть къ намъ.“ Повидимому, министръ не получилъ еще въ то время телеграммы, которая ожидалась изъ Вѣны, о томъ, что Австрія вовсе не намѣрена идти вслѣдъ за отважными искателями приключеній. Теперь это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы привели вчера изъ „*Генеральной Корреспонденціи*“ полуофиціяльное сообщеніе о томъ, что Австрія не думаетъ измѣнять своей политики и не думаетъ дѣйствовать заодно съ Франціей въ противность собственнымъ интересамъ. Приведемъ теперь полновѣсныя

слова вѣнскаго корреспондента „*Times*“, отъ 17-го марта:

„Князь Меттернихъ, говоритъ онъ, имѣлъ двѣ аудіенціи у императора и много совѣщаній съ графомъ Рехбергомъ; но онъ не успѣлъ убѣдить ни того, ни другаго въ томъ, что для Австріи было бы выгодно возстановленіе Польскаго королевства, какъ оно было въ 1771 г. Австрійское правительство провозглашаетъ и дѣйствительно оказываетъ благосклонность къ Полякамъ, но оно не намѣрено ни вступаться за нихъ, ни возвращать имъ Галиціи и Кракова. Австрійскіе государственные люди никогда не сантиментальничаютъ въ политикѣ, и не будучи такъ легко воспламеняемы какъ французскіе ихъ собратья, не способны такъ „восторгаться идеей“. Британское правительство предлагаетъ, чтобы Польшѣ предоставлены были всѣ тѣ права, которыми она пользовалась съ 1815 г., но и этотъ проектъ не пригоденъ для Австріи. Она желала бы, чтобы Польша управлялась согласно съ конституціоннымъ порядкомъ вещей, но она вовсе не желаетъ, чтобъ она пользовалась правами, въ которыхъ отказываетъ Венгріи. Мысль объ отдѣльныхъ для Польши министрахъ и объ отдѣльномъ національно-польскомъ войскѣ ненавистна австрійскому кабинету. О выдѣленіи изъ своего состава Кракова, согласно съ вѣнскими трактатами, Австрія и не помышляетъ: это единственная крѣпость, на протяженіи всей Галиційской границы, имѣющей отъ 500 до 600 англ. миль въ длину, крѣпость, на которую Австрія потратила милліоны. Нелегко узнавать, что дѣлается при здѣшнемъ дворѣ; но мое близкое знакомство съ людьми и съ дѣлами даетъ мнѣ возможность сообщить, что теперь дѣлаются энергическія усилія въ пользу сближенія между Императоромъ Францемъ-Іосифомъ и Императоромъ Александромъ.“

Нѣтъ худа безъ добра: польское возстаніе, двусмысленный образъ дѣйствій Франціи и рѣчи въ родѣ той, какую держалъ 18-го марта принцъ Наполеонъ, показываютъ чего мы можемъ ожидать отъ Франціи и чего Франція отъ насъ ожидаетъ. По сознанію министра г. Бильйо, „въ то время, когда Франція отстаивала въ Италіи независимость великаго народа и свое собственное вліяніе, Россія приняла положеніе, которое воспрепятствовало возникновенію, можетъ-быть, серіозныхъ затрудненій на Рейнѣ; когда единство Италіи побудило Францію усилить свою границу съ этою страной присоединеніемъ къ себѣ Ниццы и Савойи, Россія первая допустила это, и первая въ виду Англіи, которая настойчиво протестовала, сдѣлала невозможнымъ то положеніе, которое готовы были принять другія державы.“ Дружественное сближеніе съ Россіей принесло стало-быть Франціи, или лучше, ея предпріимчивому правительству, самыя существенныя выгоды; оно дало ей свободу движеній въ отношеніи къ Англіи, къ Пруссіи, къ Австріи. Но лишь только горсть Поляковъ взялась за оружіе, Франція тутъ какъ тутъ съ своими несвоевременными представленіями; лишь только Россія, слѣдуя ходу вещей, изъявила согласіе на желаніе Пруссіи содѣйствовать скорѣйшему окончанію напрасныхъ кровопролитій, Франція употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобы склонить всѣ державы Европы дѣйствовать заодно съ нею противъ существеннѣйшихъ интересовъ Россіи; принцъ крови, ближайшій человѣкъ къ престолу, не стыдится на глазахъ цѣлаго свѣта протягивать руку революціонерамъ и требовать поощренія польскому возстанію; онъ не стыдится во всеуслышаніе говорить, что мы послѣ крымской войны являлись во Францію цѣловать руку, которая нанесла намъ наиболѣе тяжкіе удары (мы черезъ силу печатаемъ теперь эти слова, которыя были выпущены нами вчера въ изложеніи содержанія рѣчи принца Наполеона). Не знаемъ, кто это приходилъ цѣловать руку, нанесшую намъ удары, и кто это расточалъ похвалы императору Французовъ; но вся читающая русская публика хорошо знаетъ, что въ порицаніи и въ осмѣяніи лже-либеральной системы, производящей цвѣтки, подобные принцу Наполеону, у насъ сходились люди всѣхъ возможныхъ мнѣній, и если литература выражаетъ собою общественное мнѣніе, то русское общество было на этотъ разъ такъ единодушно, какъ оно рѣдко бываетъ.

Мы охотно признаемъ, что въ политикѣ, точно такъ же, какъ и въ промышленныхъ предпріятіяхъ, никакихъ разсчетовъ нельзя основывать на чувствахъ дружбы, любви, благодарности. Ни Австріи за ея образъ дѣйствій въ восточную войну, ни Франціи за ея теперешніе поступки мы не станемъ винить въ неблагодарности къ намъ: всякая держава обязана руководиться, въ своихъ сношеніяхъ съ другими, интересами собственнаго народа, и должна заботиться

о томъ, чтобы другимъ державамъ было выгодно оставаться въ союзѣ съ нею. Франціи, безъ сомнѣнія, очень выгодно быть въ союзѣ съ нами: этимъ условливается ея самостоятельность въ Европѣ. Было бы неблагоразумно, еслибы мы изъ-за какихъ-нибудь принцевъ Наполеоновъ отказались отъ того, что̀ есть для насъ *выгоднаго* въ сближеніи съ Франціей. Но намъ ни въ какомъ случаѣ не выгодно искать сближенія съ Франціей во что̀ бы ни стало и сама Франція, конечно, скорѣе одобритъ и оцѣнитъ наше условное чѣмъ безусловное дружелюбіе. Она стала относительно насъ на одной доскѣ съ Австріей; она не посѣтуетъ на то, что естественные элементы сближенія существуютъ не только между Франціей и Россіей, но между Россіей и Австріей. Мы чувствуемъ, что при этихъ словахъ, въ умахъ „либеральныхъ“ нашихъ читателей уже возникаетъ образъ священнаго союза, направленнаго рукою покойнаго князя Меттерниха противъ свободы и вольностей народовъ. Но пусть успокоятся эти либеральные читатели: въ настоящее время, по справедливому замѣчанію одной италіянской газеты, союзовъ на всѣ возможные случаи быть не можетъ, а можетъ быть только совокупное дѣйствіе державъ тамъ, гдѣ этого требуютъ собственныя ихъ выгоды. Кромѣ того, ни Австрія, ни Пруссія, ни даже сама Россія теперь совсѣмъ не то чѣмъ были они въ періодъ существованія священнаго союза.

№ 60.

Москва, 16-го марта.

Предоставивъ себѣ возвратиться еще разъ къ подробностямъ дипломатическихъ переговоровъ, вызванныхъ судьбою Польши въ 1830 году, мы укажемъ теперь на дѣло о Краковѣ, рѣшенное въ 1846 году исключительно тремя державами. Въ этомъ дѣлѣ, какъ увидятъ читатели, высказался ясно взглядъ государствъ на значеніе условій о Польшѣ, постановленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ.

По третьему раздѣлу Польши въ 1795 году, Краковъ достался Австріи и принадлежалъ ей до 1809 года, когда Наполеонъ I присоединилъ этотъ городъ къ герцогству Варшавскому, которое было создано императоромъ въ пользу саксонскаго короля. Замѣтимъ, что взглядъ, выраженный недавно во французскомъ сенатѣ г. Ларошжакеленомъ относительно нѣсколькихъ раздѣловъ Польши, былъ высказанъ прежде въ дипломатіи. Князь Меттернихъ, въ мемуарѣ своемъ отъ 6-го ноября 1846 года, въ слѣдующихъ словахъ говоритъ о значеніи отнятія Кракова у Австріи: „Можетъ-быть создавая новое государство, Наполеонъ I сначала имѣлъ въ виду возстановить старинную Польшу; но онъ оставилъ эту мысль, въ виду затрудненій, встрѣченныхъ имъ столько же въ самихъ Полякахъ, сколько въ положеніи другихъ державъ. Герцогство Варшавское имѣло только значеніе *четвертаго раздѣла*, совершеннаго въ пользу четвертаго завоевателя.“ Дѣйствительно Франція въ лицѣ своего великаго императора, участвовала также въ раздѣлѣ Польши; Наполеонъ I подарилъ извѣстную часть ея саксонскому королю, какъ онъ дарилъ своимъ родственникамъ другія земли, онъ смотрѣлъ на Польшу тѣми же глазами, какими смотрѣли на нее Австрія, Пруссія и Россія.

„Четвертый раздѣлъ“ удержался впрочемъ не долго. Въ 1813 году русскія войска заняли герцогство Варшавское и дальнѣйшая судьба его послужила предметомъ совѣщаній между тремя державами. Мы видѣли, что еще до подписанія акта вѣнскаго конгресса Императоръ Александръ объявилъ Полякамъ, какую политическую форму онъ имъ приготовилъ. Точно также до подписанія Вѣнскаго трактата, именно по конвенціи 3-го мая 1815 года между Россіею, Австріею и Пруссіею, Краковъ объявленъ вольнымъ городомъ. Условія этой конвенціи внесены были въ Вѣнскій трактатъ 9-го іюня. Въ статьѣ 6-й этого акта сказано: „Городъ Краковъ съ своею территоріею объявляется на вѣчныя времена вольнымъ, независимымъ и строго-нейтральнымъ, подъ покровительствомъ (protection) Россіи, Австріи и Пруссіи.“ Въ слѣдующихъ статьяхъ опредѣлены границы Краковской области, а въ статьѣ 9-й сказано: „русскій, австрійскій и прусскій дворы обязываются уважать и охранять во всякое время нейтралитетъ вольнаго города Кракова и его территоріи; никакая вооруженная сила не можетъ войдти туда подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.“ Въ замѣнъ того Краковъ обязанъ не давать убѣжища перебѣжчикамъ, дезертирамъ и лицамъ преслѣдуемымъ по закону, а выдавать

ихъ по первому требованію трехъ державъ. Наконецъ, въ статьѣ 10-й подтверждено, что дополнительныя условія о краковской конституціи имѣютъ такую же силу, какъ еслибъ они были буквально включены въ вѣнскій трактатъ.

Сравнивая эти постановленія относительно Кракова съ постановленіями объ остальной Польшѣ, нельзя незамѣтить огромной разницы. Относительно Польши, три державы неопредѣленно обѣщали дать то, что онѣ признаютъ полезнымъ и удобнымъ, другими словами—то что захотятъ. Относительно Кракова выраженія трактата опредѣленны и точны; обязанности указаны для обѣихъ сторонъ, конституція введена въ составъ трактата, ей придана международная гарантія.

Что же вышло? Въ 1831 году Краковъ былъ занятъ русскими войсками на короткое время, въ 1836 году въ него вступили австрійскія войска и оставались тамъ до 1841 года. Основаніемъ такого занятія было выставлено несоблюденіе условій трактата со стороны Кракова. Въ указанномъ выше мемуарѣ князя Меттерниха сказано, что Краковъ сдѣлался центромъ революціонныхъ движеній; главные эмиссары революціи вышли оттуда; тамъ образовались общества, желавшія возстановленія Польши вопреки трактатамъ; главныя изъ этихъ обществъ были: Нума, Общая федерація, Собраніе польскаго народа и пр.; они захватили всю власть, такъ что когда графъ Водзицкій, президентъ сената, хотѣлъ принять мѣры противъ подобныхъ нарушеній трактатовъ, ему грозили смертью, и потомъ онъ былъ изгнанъ изъ Кракова. Три державы не ограничились занятіемъ вольнаго города; онѣ сами собою измѣнили конституцію 1833 года и присвоили себѣ право вмѣшательства до такой степени, что даже профессоры Краковскаго университета назначались не сенатомъ вольнаго города, а покровительствующими державами.

Въ Англіи и Франціи высказалось недовольство по поводу этихъ перемѣнъ, противорѣчившихъ трактату. Въ англійскомъ парламентѣ сэръ Стратфордъ Каннингъ два раза, именно въ 1836 и 1840 годахъ, поднималъ вопросъ о занятіи Кракова. Онъ извинялъ еще занятіе города русскими войсками въ 1831 году, такъ какъ Краковъ принялъ сторону инсургентовъ; но не находилъ оправданія для вступленія Австрійцевъ на территорію вольнаго города. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что дѣйствительно занятіе Кракова противно трактату, но что нужно принять въ соображеніе общее положеніе умовъ въ Европѣ, которое грозило опасностью тремъ покровительствующимъ державамъ. Англійскій министръ выразилъ надежду, что австрійскія войска выйдутъ изъ Кракова; но прибавилъ, что, выражая свое мнѣніе, Англія не обязана прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ относительно Австріи.

Между тѣмъ въ началѣ 1846 года, пользуясь напряженными отношеніями между помѣщиками и крестьянами въ Галиціи, революціонная партія въ Краковѣ произвела движеніе и установила „національное правительство польской республики.“ Это правительство должно было состоять подъ предсѣдательствомъ князя Адама Чарторижскаго, изъ семи членовъ, въ качествѣ представителей Познани, Кракова, Галиціи, русской Польши, польской эмиграціи, Литвы и соединенной Польши. 26-го февраля начертанъ былъ планъ республиканской конституціи, установлены національные цвѣта и гербъ Польши. Краковскій сенатъ обратился съ просьбою о помощи противъ инсургентовъ къ покровительствующимъ державамъ, и австрійскія войска вступили въ городъ. Они были потомъ изгнаны, но затѣмъ инсургенты вступившіе въ Галицію разбиты, и Краковъ заняли снова Австрійцы.

Въ Европѣ тогда началась тревога, подобная теперешней; только образъ дѣйствій папы былъ иной. Такъ какъ дѣло касалось католической Австріи, то Григорій XVI въ письмѣ своемъ къ епископамъ Галиціи приказывалъ имъ не только воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій, но внушать своимъ прихожанамъ повиновеніе императору, „оказавшему услуги апостольскому престолу.“ Папа грозилъ всѣмъ, кто приметъ участіе въ возмущеніи, какъ ослушникамъ словъ апостола Павла. Изъ депешъ англійскихъ и французскихъ посланниковъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ видно, что Англію и Францію озабочивало пребываніе иностранныхъ войскъ въ Краковѣ. Извѣстія, сообщаемыя дипломатическими агентами, были самыя успокоительныя: постоянно выражалась увѣренность, что занятіе Кракова временное, такъ что когда зашла рѣчь о немъ въ палатахъ, г. Гизо и лордъ Пальмерстонъ выражали ту же увѣренность.

Во французской палатѣ вопросъ былъ поднятъ графомъ Монталамберомъ. Г. Ги-

зо, отвѣчая ему, 2-го іюля 1846 г., сказалъ, что права Кракова и вообще Польши, вытекающія изъ трактатовъ, были постоянно поддерживаемы французскимъ правительствомъ, и прибавилъ, что ему дано завѣреніе о кратковременности занятія Кракова и объ уваженіи къ началамъ, выраженнымъ въ трактатахъ. Лордъ Пальмерстонъ, на запросъ г. Юма, 17-го августа, произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ почти тоже. Рѣчь эта касается польскаго вопроса вообще. „Зная трактаты и обязательства, заключенные европейскими державами, сказалъ онъ, мы не имѣемъ права говорить о возстановленіи польской національности и восходить далѣе Вѣнскаго трактата.“ Въ дѣлѣ Кракова трактатъ этотъ нарушенъ; независимость вольнаго города должна быть утверждена по прежнему, и англійскій министръ убѣжденъ, что три державы возстановятъ эту независимость. Затѣмъ лордъ Пальмерстонъ коснулся Галиціи. „Я не думаю, сказалъ онъ, чтобы на основаніи Вѣнскаго трактата, мы могли вмѣшиваться во внутреннее управленіе этой провинціи; но я признаю, что, какъ представители великой страны, привыкшей обсуждать свободно событія, обращающія на себя наше вниманіе, мы можемъ высказать наше личное мнѣніе; мы можемъ высказывать это мнѣніе даже въ томъ случаѣ, когда правительство не имѣетъ права дипломатическаго вмѣшательства.“ Англійскій министръ припоминаетъ, что въ 1830 году, лордъ Грей обязанъ былъ не вмѣшиваться, а долженъ былъ ограничиться дружественными представленіями. Онъ справедливо отличилъ положенія Вѣнскаго трактата относительно Кракова отъ такихъ же положеній относительно прочихъ частей бывшей Польши; владѣніе послѣдними, основывавшееся прежде на завоеваніи и отдѣльныхъ трактатахъ, было подтверждено всѣми государствами. Другаго международнаго значенія 1-я статья Вѣнскаго трактата не имѣла. Краковъ напротивъ объявленъ былъ независимымъ, и его конституція получила международное обезпеченіе.

Но скоро за тѣмъ, 6-го ноября, князь Меттернихъ объявилъ всѣмъ дворамъ, что, по соглашенію между тремя державами, Краковъ присоединенъ къ Австріи. Австрійскій министръ основывалъ это присоединеніе на политической необходимости, и въ своей первой депешѣ указалъ, что внесеніе постановленій о Краковѣ въ Вѣнскій трактатъ налагаетъ на Россію, Австрію и Пруссію только одно обязательство: „объясниться съ англійскимъ и французскимъ дворами относительно необходимости не вызывать къ жизни того учрежденія, которое истощивъ долготерпѣніе своихъ основателей, разрушилось само собою.“ 16-го ноября графъ Кастильйоне, австрійскій фельдмаршалъ и президентъ временнаго правительства въ Краковѣ, объявилъ жителямъ города, что они сдѣлались австрійскими подданными.

Тогда началась дипломатическая переписка, продолжавшаяся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Мы сообщимъ главныя основанія этой переписки въ слѣдующемъ №, а пока остановимся на первомъ періодѣ вопроса.

Въ трактатѣ ясно сказано, что Краковъ получаетъ права вольнаго города и извѣстное устройство. Это безспорно давало основаніе всѣмъ государствамъ, участвовавшимъ въ трактатѣ, требовать, чтобъ имъ были представлены достаточныя причины новаго положенія дѣлъ; было основаніе для дипломатическаго вмѣшательства. Но условія объ остальныхъ частяхъ бывшей Польши не имѣютъ того же характера. Вѣнскій трактатъ освятилъ все, что было сдѣлано прежде относительно Польши и что высказывалось въ отдѣльныхъ соглашеніяхъ. Онъ утвердилъ границы между русскою Польшей, австрійскою и прусскою; онъ предоставилъ каждому государству управлять этими провинціями на тѣхъ началахъ, какія оно признаетъ наилучшими. Герцогство Варшавское присоединено къ Россіи, Галиція и другія области къ Австріи. Отношеніе европейскихъ державъ къ Царству Польскому то же, что и къ Галиціи, и то, что высказалъ лордъ Пальмерстонъ въ 1846 году о Галиціи, онъ могъ бы повторить теперь о русской Польшѣ. Никому не запрещается высказывать свое мнѣніе и желаніе на трибунѣ или въ печати; но это, по выраженію лорда Пальмерстона есть *личное мнѣніе*, а не законъ, не право, котораго можно требовать. Мы выслушиваемъ всѣ мнѣнія, какъ бы несообразны они ни были, но отъ насъ зависитъ слѣдовать или не слѣдовать предлагаемымъ совѣтамъ. Личныя мнѣнія могутъ раздражать только лицо; народъ, правительство выслушиваютъ эти мнѣнія спокойно, и опредѣляютъ свой образъ дѣйствій только на основаніи права. Каждый изъ насъ, Русскихъ, можетъ говорить о томъ, какъ бы лучше устроить дѣла въ Ирлан-

діи или въ Индіи; но мнѣнія хотя бы и правительственныхъ лицъ русскихъ не могутъ помѣшать лорду Пальмерстону или парламенту дѣлать въ Ирландіи все, что́ они найдутъ лучшимъ для пользы Ирландцевъ и въ интересахъ Англіи.

№ 61.

Москва, 18-го марта.

А.

Московскіе городскіе выборы, 16-го марта, имѣютъ значеніе событія, и событія знаменательнаго. Съ тѣхъ поръ какъ организованы у насъ сословія, въ первый разъ на Руси сошлись они вмѣстѣ на общіе выборы. Правда, въ Петербургѣ давно существуетъ городская Дума на новыхъ основаніяхъ, допускающихъ соединеніе сословій; но что̀ дѣлается только въ Петербургѣ, то очень часто остается дѣломъ постороннимъ и мало извѣстнымъ для Россіи. Какъ бы что̀ ни сложилось тамъ, удачно или неудачно, все имѣетъ характеръ совершенной случайности для русскаго народа. Къ петербургской Думѣ Россія оставалась совершенно равнодушна, почти и не знала о ней, и городскіе выборы въ Сѣверной Пальмирѣ никого не интересовали, кромѣ самихъ ея обывателей; никто и не думалъ видѣть въ нихъ явленіе русской жизни, никто не искалъ въ нихъ какого-либо общаго значенія. Совсѣмъ не то выборы въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія слѣдила за ними съ живѣйшимъ участіемъ, какъ за событіемъ народной жизни, событіемъ, котораго каждая черта имѣетъ значеніе и заслуживаетъ вниманія.

Итакъ, всѣ городскія сословія соединились 16-го марта для выбора головы. Подъ одною гостепріимною кровлей Благороднаго Собранія сошлись лица всѣхъ общественныхъ положеній, и въ одномъ общемъ дѣлѣ принимали равное участіе и сановникъ украшенный звѣздами, и низменный ремесленникъ въ люстриновомъ пальто, и потомокъ боярскаго рода идущаго отъ Рюрика, и мѣщанинъ едва помнящій какъ звали его дѣда. Это былъ весь городъ Москва въ сокращенномъ видѣ. Каждый изъ собравшихся невольно чувствовалъ себя не купцомъ или не дворяниномъ, не мѣщаниномъ или цеховымъ, а живымъ членомъ обширнаго цѣлаго, и каждый дохнулъ шире и глубже. Кто сомнѣвался въ возможности соединенія сословій для общихъ выборовъ, тотъ могъ въ этомъ собраніи убѣдиться какъ неосновательны эти сомнѣнія, и какъ напротивъ живительно дѣйствуетъ общее дѣло, размыкающее касты и соединяющее разныхъ людей. Какъ ни скромна была цѣль этого собранія, какъ ни про̀сто происходило это простое дѣло, но въ продолженіи пяти, шести часовъ, пока оно длилось, были минуты, которыя останутся памятны для принимавшихъ участіе въ этомъ скромномъ, но знаменательномъ дѣлѣ. Были минуты, въ которыя такъ и чувствовалось какъ общее впечатлѣніе проходило электрически чрезъ все это множество разнородныхъ людей.

Публикѣ извѣстно распоряженіе, которое было сдѣлано относительно порядка выборовъ. Съ десяти часовъ начали прибывать городскіе выборные избиратели въ Благородное Собраніе. Въ двѣнадцать часовъ хоры были уже тѣсно заняты публикой, и избиратели были уже почти всѣ налицо. Выборы начались около часа по-полудни. Въ большой залѣ, на платформѣ, передъ портретомъ Государя Императора, находился столъ съ избирательными шарами и ящикомъ. Здѣсь были старшины всѣхъ сословій съ своими товарищами. По счастливой мысли старшины потомственныхъ дворянъ, князя Щербатова, было рѣшено опредѣлить жребіемъ порядокъ слѣдованія сословій для баллотировки. Первому досталось выходить сословію личныхъ дворянъ и приписанныхъ къ нему званій; вторымъ шло сословіе ремесленниковъ; далѣе шли потомственные дворяне, за ними купцы, и наконецъ мѣщане. Порядокъ, въ которомъ слѣдовала баллотировка кандидатовъ, также былъ опредѣленъ жребіемъ: первымъ былъ И. А. Ляминъ, за нимъ слѣдовали: Г. И. Хлудовъ, князь А. А. Щербатовъ, А. И. Кошелевъ, И. В. Селивановъ.

Нелишнимъ будетъ замѣтить, что, по Положенію, кандидатовъ числомъ должно быть десять; самое же назначеніе кандидатовъ производится особою коммиссіей, состоящею изъ сословныхъ старшинъ и выборныхъ, получившихъ наибольшее число шаровъ, по десяти отъ каждаго сословія. Какъ публикѣ уже извѣстно, отвѣтственность въ назначеніи кандидатовъ лежитъ не на одной этой коммиссіи: каждое сословіе собиралось для предварительныхъ совѣщаній; было даже одно общее собраніе всѣхъ сословій,

хотя и не имѣвшее никакого результата. Первоначальный списокъ коммиссій состоялъ изъ слѣдующихъ именъ: К. А. Кирьяковъ, М. Л. Королевъ, А. Н. Кошелевъ, И. А. Лямпнъ, В. В. Пѣговъ, Г. И. Хлудовъ, Д. П. Шиповъ, С. Д. Ширяевъ, князь А. А. Щербатовъ, В. И. Якунчиковъ.

Пятеро изъ этихъ кандидатовъ, гг. Кирьяковъ, Королевъ, Пѣговъ, Шиповъ и Якунчиковъ, отказались и были уволены. Списокъ остальныхъ пяти былъ еще разъ сообщаемъ выборнымъ, 13 марта. Тутъ къ числу пяти оставшихся кандидатовъ присоединены П. Ѳ. Мамонтовъ и П. В. Селивановъ. Гг. Мамонтовъ и Ширяевъ были уволены по желанію; г. Селивановъ предпочелъ также отказаться, но потомъ нашелъ вновь нужнымъ явиться кандидатомъ. Такимъ образомъ составился тотъ окончательный списокъ, который приведенъ нами выше. Впрочемъ, и этотъ списокъ могъ оказаться неокончательнымъ, потому что передъ самымъ открытіемъ выборовъ, когда старшины начали уже вынимать жребіи, въ какомъ порядкѣ должно было слѣдовать баллотированіе пяти оставшихся кандидатовъ, г. Селивановъ еще разъ изъявилъ желаніе отказаться отъ баллотированія, но не въ силу дворянскаго права, а по другимъ соображеніямъ, которыя хотѣлъ онъ объяснить передъ лицомъ всего собранія. Желаніе его не могло быть исполнено, потому что оно было заявлено слишкомъ поздно, когда уже началось выниманіе жребіевъ, и когда стало-быть обращеніе къ собранію съ объясненіями не могло быть допущено.

Публикѣ уже извѣстенъ результатъ баллотировки изъ № 60 нашей газеты. Наибольшее число избирательныхъ голосовъ досталось князю А. А. Щербатову (338 изъ 461 бывшихъ на лицо избирателей). Г. И. Хлудовъ получилъ 278 избирательныхъ шаровъ. Три остальные кандидата получили неизбирательныхъ шаровъ: И. А. Лямпнъ 261, А. Н. Кошелевъ 305, И. В. Селивановъ 379.

Итакъ, серіозными кандидатами оказались только двое, и огромнымъ большинствомъ былъ избранъ князь Щербатовъ. Вотъ, стало-быть, имя, на которомъ по преимуществу соединились голоса не одного какого-либо сословія, но всѣхъ городскихъ сословій въ совокупности. За него подавали голоса и потомственный дворянинъ, и ремесленникъ; за него въ тотъ же ящикъ клали избирательные шары мѣщанинъ и купецъ.

Но надобно знать какъ происходили эти выборы, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе результата. Когда окончилось баллотированіе князя Щербатова, и одинъ изъ старшинъ началъ считать избирательные шары, всѣ съ напряженнымъ ожиданіемъ столпились вокругъ баллюстрады, слѣдя за счетомъ. Вотъ цифра переступаетъ роковой предѣлъ, вотъ она приближается къ 270, 277, 8, 9, и неудержимыя восклицанія, оглушительныя рукоплесканія потрясаютъ залу. Все слилось въ одинъ гулъ, въ которомъ изчезъ голосъ, произносившій цифры. Нѣсколько разъ К. К. Шильдбахъ, старшина личныхъ дворянъ, принимался продолжать счетъ и снова раздавался оглушительный взрывъ рукоплесканій и криковъ. Еще выборы не были кончены, а избранный былъ уже извѣстенъ, былъ уже провозглашенъ, и принималъ отъ всѣхъ поздравленія. Рѣдко такое многочисленное собраніе самыхъ разнородныхъ людей, почти въ первый разъ встрѣчающихся между собою, такъ единодушно сходилось въ одномъ результатѣ. Увлеченіе было общее и сильное.

Что же было причиной этого общаго увлеченія? Почему всѣ эти лица такъ мало сходныя между собою во всѣхъ отношеніяхъ, сошедшіяся съ разныхъ сторонъ, такъ живо почувствовали впечатлѣніе минуты? Что говорило въ каждомъ изъ этихъ людей, что возбуждало ихъ? Во всѣхъ мгновенно сказалось чувство общаго дѣла, и чѣмъ разнороднѣе были люди, тѣмъ живѣе и сильнѣе сказалось оно въ нихъ. Какой бы ни былъ результатъ, но впечатлѣніе, произведенное имъ было сильно, потому что въ немъ соединилось столько разнородныхъ элементовъ, потому что въ немъ выразилась сила общаго дѣла, и потому еще что это чувство такъ ново въ нашей жизни, такъ рѣдко дѣйствовало въ ней, хотя изъ него-то и происходитъ все что возвышаетъ, усиливаетъ и украшаетъ общественную жизнь. Это главное; но это не все.

Отвѣчая на поздравленія, князь Щербатовъ съ честною искренностью, которая слышалась въ его голосѣ, сознавался что еще не заслужилъ такой чести. Въ самомъ дѣлѣ, князь Щербатовъ не занималъ особенно видной общественной должности; городъ Москва не видала его на дѣлѣ. Онъ лицо не чиновное, и даже не имѣетъ преимуществъ почтеннаго возраста. Что же сосредоточило на немъ избирательные голоса всѣхъ сословій? Почему онъ былъ выбранъ такимъ

огромнымъ большинствомъ, и почему выборъ этотъ былъ принятъ съ такимъ увлеченіемъ? Стать головой въ Москвѣ, на основаніи новаго положенія, конечно не малая честь, но она ничто въ сравненіи съ честью быть выбраннымъ такъ какъ былъ выбранъ князь Щербатовъ. Ему досталась честь сдѣлаться виновникомъ одной изъ достопамятныхъ минутъ нашей общественной жизни.

Друзья и знакомые князя Щербатова могутъ отдавать полную справедливость его личнымъ качествамъ; но городу Москвѣ, вообще, онъ мало извѣстенъ по своимъ личнымъ качествамъ. Никакой избирательной агитаціи не было въ Москвѣ по случаю предстоявшихъ выборовъ; нигдѣ не держались спичи въ пользу того или другаго кандидата. Партій у насъ нѣтъ, нѣтъ руководителей общественнаго мнѣнія; сословная организація не благопріятствуетъ общимъ соглашеніямъ, а наконецъ и самые эти выборы — дѣло у насъ совершенно новое и происходятъ въ первый разъ. Всѣмъ извѣстно, что князь Щербатовъ не употреблялъ съ своей стороны никакихъ стараній зарекомендовать себя избирателямъ, не заискивалъ голосовъ, не предъявлялъ никакихъ программъ, не дѣлалъ никакихъ обѣщаній. Почему же, вновь спрашиваемъ мы, почему прошелъ онъ такъ рѣшительно черезъ всѣ сословія, почему онъ былъ выбранъ такимъ значительнымъ большинствомъ? Чему онъ былъ обязанъ такимъ блистательнымъ успѣхомъ? Если не личнымъ качествамъ, которыя не могли быть извѣстны большинству избирателей; если не особеннымъ общественнымъ заслугамъ, которыхъ еще только ждетъ отъ него общество; если не какимъ-либо особеннымъ ловкимъ стараніямъ зарекомендовать себя во мнѣніи избирателей: то чему же обязанъ князь Щербатовъ этимъ блистательнымъ успѣхомъ, какъ не своему имени, не своему общественному положенію?

Оставьте теоріи и обратите вниманіе на фактъ, который говоритъ убѣдительнѣе теорій. Толковали, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ и не должно быть никакихъ аристократическихъ началъ; толковали, что наша народная жизнь не только совершенно чужда имъ, но и терпѣть ихъ не можетъ. Толковали это люди желавшіе казаться особенно либеральными, но не отдававшіе себѣ отчета въ условіяхъ либеральнаго общественнаго устройства; толковали это люди считавшіе себя знатоками народной жизни и великими практиками, но не подозрѣвавшіе, что они судятъ о народной сущности по случайнымъ явленіямъ возникающимъ на ея поверхности, по внѣшнимъ признакамъ часто искусственнымъ и вынужденнымъ, и во всякомъ случаѣ не имѣющимъ ничего общаго съ народною сущностью. Странный былъ бы тотъ историческій народъ, въ которомъ не было бы вовсе-такихъ общественныхъ элементовъ, которые называются аристократическими! Что у насъ эти элементы были мало замѣтны, что имъ не было мѣста въ нашей общественной организаціи, что они почти вовсе не дѣйствовали, это справедливо; но выигрывала ли отъ этого наша народная жизнь, которая заключала въ себѣ эти элементы и не могла ими пользоваться? Плоха та общественная среда гдѣ нѣтъ вполнѣ независимыхъ положеній; плохо тамъ, гдѣ эти положенія не служатъ въ пользу народной жизни, а обращаются во вредъ ей или остаются бездѣйственны и безплодны. У насъ многіе полагаютъ, что аристократическія положенія держатся въ обществѣ на сословной организаціи, и что какъ скоро люди разныхъ сословій сойдутся вмѣстѣ, такъ сами собою изчезнутъ всякія аристократическія положенія. Напротивъ, сословная организація есть именно та причина, которая скрываетъ у насъ естественные аристократическіе элементы общества и препятствуетъ имъ дѣйствовать; напротивъ, истинно-аристократическія положенія только тогда и могутъ выдѣлиться, получить значеніе и стать въ народной жизни плодотворнымъ началомъ, когда существующее сословное раздѣленіе утратитъ свою силу. У насъ, къ счастію, сословное раздѣленіе не имѣетъ глубокихъ корней, и между сословіями не успѣлъ развиться духъ взаимной вражды; однако и у насъ довольно явственно чувствуется стѣсняющее дѣйствіе этой искусственной организаціи, затрудняющей жизнь и препятствующей ея естественному движенію; и у насъ, при скудномъ развитіи общественныхъ интересовъ, при рѣдкости поводовъ къ столкновеніямъ между сословіями, возможность этихъ столкновеній уже довольно чувствуется. Въ Москвѣ почти всѣ были увѣрены, что кандидаты изъ дворянъ встрѣтятъ сильное противодѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ обнаруживались признаки, которые свидѣтельствовали о нѣкоторой сословной ревности по случаю предстоящихъ выборовъ. Всѣ го-

товы были думать, что результатъ выборовъ будетъ случайный, и что избиратели будутъ болѣе стараться о томъ чтобы не выбрать, нежели о томъ чтобы выбрать того или другаго. Всѣ ожидали, что результатъ выборовъ будетъ выраженіемъ болѣе разрозненности нежели согласія общихъ интересовъ. Такъ можетъ-быть и было бы, если бы между кандидатами не оказался одинъ, по своей личности мало извѣстный большинству избирателей, но съ именемъ, которое во мнѣніи людей всѣхъ сословій оказалось достаточнымъ ручательствомъ въ требуемыхъ качествахъ лучшаго выбора. Собрались люди всѣхъ городскихъ сословій на основаніяхъ совершенно равныхъ, можно сказать, демократическихъ,—и вотъ огромное большинство съ рукоплесканіями, съ дружнымъ увлеченіемъ, дѣлаетъ самый аристократическій выборъ!

Пусть замѣтятъ это наши теоретики, а главное, тѣ которые сами занимаютъ въ обществѣ положенія достаточно независимыя и достаточно возвышенныя, чтобы считаться аристократическими. Кичиться знатностью рода, блескомъ имени и всякаго рода внѣшними преимуществами всегда было смѣшно, и особенно было бы смѣшно въ наше время; но въ томъ-то и состоитъ истинное преимущество аристократическаго положенія, что оно даетъ человѣку возможность быть выше кичливости и чванства, быть выше мелочныхъ заботъ о поддержаніи своего достоинства, даетъ ему возможность легче и вѣрнѣе уравнивать всѣ положенія и безпристрастно относиться ко всѣмъ интересамъ. Должно не кичиться своимъ положеніемъ, но понимать и цѣнить его важность, чувствовать что оно болѣе обязываетъ нежели даетъ преимуществъ и стараться быть достойнымъ его на самомъ дѣлѣ. Что со стороны человѣка въ другомъ положеніи есть нерѣдко подвигъ, заслуга и доблесть, то для человѣка въ положеніи истинно аристократическомъ должна быть простою обязанностью.

Кто присутствовалъ на выборахъ 16-го марта, гдѣ, какъ мѣтко выразился одинъ изъ избирателей, „*шары говорили*“, гдѣ такъ безкорыстно и такъ сильно овладѣло всѣми одно общее впечатлѣніе,—кто видѣлъ какъ *простые люди*, безъ уничиженія и съ достоинствомъ, но съ радушнымъ уваженіемъ и съ полною искренностію, жали руку человѣку почтенному общимъ выборомъ и носящему національное имя,—тотъ легче можетъ освободиться отъ рутины старыхъ словъ выдаваемой за новѣйшую мудрость, тотъ изъ прямаго заявленія жизни, лучше чѣмъ изъ всякихъ книгъ, пойметъ какое значеніе въ народной жизни могутъ и должны имѣть тѣ положенія, которыя очевидно и безспорно имѣютъ для всѣхъ характеръ аристократическій;—тотъ пойметъ, на кого по преимуществу склонны возлагать свое довѣріе „люди простые“, люди изъ народа.

Вмѣстѣ съ движеніемъ жизни, не замедлитъ почувствоваться въ нашемъ народѣ присутствіе долго дремавшаго въ немъ историческаго духа; наступающее будущее должно воскресить въ немъ чувство и память прошедшаго. Пора нашему народу выступить въ полнотѣ своихъ силъ, во всей своей исторической цѣлости, и каждый долженъ быть вѣренъ своему посту, и исполнять честно свой долгъ. Смѣшно и нелѣпо кичиться какимъ бы то ни было положеніемъ, но точно также смѣшны люди, которые стыдятся своего положенія въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Жалкое явленіе — человѣкъ, который тянется изо всѣхъ силъ чтобы прослыть за богача или за знатнаго человѣка; но не менѣе жалки и тѣ изъ нашихъ рюриковичей, которые сконфузившись и потерявшись, готовы запачкать себя дегтемъ и пойдти для виду въ ямщики, чтобы показаться людьми прогресса. Послѣдніе еще болѣе жалки чѣмъ первые: тѣ увлекаются только общею людскою слабостію, а послѣдніе обнаруживаютъ свою личную глупость.

Б.

Присоединеніе Кракова къ Австріи, какъ мы сказали, имѣетъ для насъ интересъ только по отношенію къ вопросу о Польшѣ, то-есть какъ поводъ къ разъясненію того, что европейскія державы считали правомъ, вытекающимъ изъ вѣнскихъ трактатовъ.

Извѣстная, условная независимость Кракова была дѣломъ императора Александра I, точно такъ же какъ и политическое положеніе остальной Польши. Императоръ, войска котораго занимали всю Польшу въ 1815 году, желалъ по возможности обезпечить судьбу Поляковъ, и потому предложилъ объявить вольными городами Торнъ и Краковъ. Въ послѣдствіи онъ измѣнилъ свое намѣреніе относительно перваго города, но относительно втораго остался непреклоннымъ. Г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, въ послѣдней статьѣ своей о Польшѣ, сравниваетъ поло-

женіе европейской дипломатіи съ положеніемъ убійцы, который не знаетъ что ему дѣлать, куда дѣвать трупъ убитаго. Но если кто-нибудь искренно желалъ оживить этотъ трупъ, такъ это русскій царь. Франція уже въ 1815 году смотрѣла на Польшу какъ на дополненіе Россіи, Австріи и Пруссіи и заботилась только о томъ, чтобы при раздѣлѣ не было нарушено равновѣсіе Европы. Вотъ что писалъ князь Талейранъ къ князю Меттерниху, 19 декабря 1814 года: „силою обстоятельствъ польскій вопросъ сдѣлался просто вопросомъ о раздѣлѣ и о границахъ; Франціи остается желать, чтобы вы были довольны, и если Австрія удовлетворена, то мы не имѣемъ ничего противъ." Императору Александру ничего не стоило, удовлетворивъ Австрію и Пруссію, сдѣлать Польшу безусловно русскою провинціей, а на чемъ бы порѣшили три державы, то было бы утверждено вѣнскимъ конгрессомъ.

Австрія, опасавшаяся преимущественно увеличенія Россіи, согласилась на независимость Кракова, хотя и неохотно. Князь Меттернихъ постоянно слѣдовалъ той системѣ, что кому бы ни достался кусокъ Польши, лишь бы не Россіи; съ этою цѣлью онъ подбивалъ Пруссію возвышать свои требованія и всякій успѣхъ ея считалъ „дѣйствительнымъ улучшеніемъ." Независимый Краковъ для австрійскаго министра казался лучше Кракова русскаго, и, раздѣляя между собою Польшу, три державы, въ трактатѣ 3-го мая 1815 года, объявили Краковъ вольнымъ городомъ. Трактатъ этотъ состоитъ изъ трехъ статей: въ первой опредѣляется принадлежность Познани; во второй независимость Кракова, въ третьей границы русской Польши. Послѣдняя статья буквально повторена въ 1-й статьѣ большаго трактата 9-го іюня, вторая въ 6-й статьѣ того же акта.

Спрашивается, въ какомъ отношеніи находились трактаты 3-го мая и 9-го іюня? Князь Меттернихъ, въ приложеніи къ своей депешѣ отъ 9-го января 1847 года, разбираетъ этотъ вопросъ подробно. По его словамъ, всѣ трактаты, занесенные (enregistrés) въ актъ вѣнскаго конгресса и заключенные прежде, подписаны восьмью державами (кромѣ пяти главныхъ, Испаніей, Португаліей и Швеціей) только въ формѣ засвидѣтельствованія; на эти державы должно смотрѣть только какъ на свидѣтелей, а не какъ на контрагентовъ. Иначе никакая дальнѣйшая территоріальная перемѣна не была бы возможна безъ согласія всѣхъ участниковъ конгресса. „Подпись вѣнскаго трактата служитъ доказательствомъ, что подписавшій отказывается противодѣйствовать ему и не выставляетъ никакого протеста. Но эта подпись не даетъ права отрицать тѣ сдѣлки, которыя въ послѣдствіи контрагенты признаютъ необходимыми." Подписавшіеся свидѣтели суть только третейскіе судьи въ томъ случаѣ, если между договаривающимися сторонами возникнетъ споръ о смыслѣ заключенныхъ между ними условій, или если одна изъ сторонъ откажется отъ ихъ исполненія. Вотъ почему никто не спрашивалъ согласія Швеціи и Испаніи, когда дѣло шло объ отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи, объ уступкѣ княжества Лихтенбергскаго Пруссіи и проч. Однимъ словомъ, вѣнскій конгрессъ былъ засвидѣтельствованіемъ трактата 3-го мая, подобно тому какъ маклеръ или свидѣтели утверждаютъ контрактъ между частными лицами, не стѣсняя ихъ въ дальнѣйшихъ добровольныхъ соглашеніяхъ, не лишая ихъ права уничтожить контрактъ.

Таковы основанія, приведенныя княземъ Меттернихомъ противъ обвиненій лорда Пальмерстона и г. Гизо въ нарушеніи трактата 1815 года. Впрочемъ, представленія Англіи были выражены далеко не рѣзкимъ тономъ; англійскіе посланники указывали только, что безпорядки и неустройство въ Краковѣ могутъ быть предупреждены измѣненіемъ конституціи и другими мѣрами, и что нѣтъ надобности уничтожать независимость вольнаго города. Австрія отвѣчала на это: „покровительствующія державы должны были руководствоваться высшимъ закономъ и главною обязанностью правительствъ — самосохраненіемъ и защитой тѣхъ, кто ввѣренъ ихъ управленію." Державы сдѣлали опытъ, который не удался; конституція Кракова оказалась невозможною; она уничтожена самими Поляками, сдѣлавшими изъ независимости города орудіе анархіи, смутъ и нарушенія европейскаго мира. Дипломатическая переписка прекратилась и совершившійся фактъ былъ признанъ Европой.

Всѣ доводы, представленные княземъ Меттернихомъ противъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣло о Краковѣ, еще съ большею силой прилагаются къ Царству Польскому. Кто смотритъ спокойно на дѣло, тотъ не можетъ не согласиться, что нѣтъ

ни малѣйшаго основанія для Англіи и Франціи вмѣшиваться въ польскій вопросъ на основаніи трактата. Еслибы даже 1-я статья акта вѣнскаго конгресса заключала въ себѣ положительныя обязательства, безъ той оговорки, которая совершенно уничтожаетъ ея силу, то и тогда дѣло касалось бы только Россіи, Австріи и Пруссіи: эти три державы заключили трактатъ 3-го мая (21-го апрѣля), о которомъ Императоръ Александръ, не дожидаясь подписи „свидѣтелей," возвѣстилъ Полякамъ. Въ настоящее же время, напротивъ, Австрія и Пруссія остаются нейтральными, а подняты толки о вмѣшательствѣ Англіи, Франціи и пр. Съ точки зрѣнія права, такое вмѣшательство не имѣетъ смысла и не можетъ быть оправдано ничѣмъ. Пора наконецъ перестать повторять избитую фразу о нарушеніи трактатовъ 1815 года, и пора вникнуть въ ихъ значеніе и посмотрѣть на дѣло иначе. Въ глазахъ всѣхъ, и въ особенности Поляковъ, условія вѣнскаго трактата должны служить основаніемъ не для обвиненія Россіи, а для признательности за ея желаніе не допустить Польшу до положенія „трупа." Только Русскій Государь могъ выговорить для нея такія условія, потому что только въ соединеніи съ Россіею Поляки могутъ сохранить свою національность и надежды на лучшее будущее.

№ 62.

Москва, 19-го марта.

Дипломатическое сближеніе между Франціей и Россіей было еще важнѣе для первой изъ нихъ чѣмъ для послѣдней: съ небольшою перемѣною отдаленныхъ видовъ, Россія всегда можетъ найдти готовыхъ себѣ союзниковъ въ Пруссіи и Австріи; Франціи въ такомъ случаѣ пришлось бы или остаться въ изолированномъ положеніи, или примкнуть къ Англіи и подчиниться ея вліянію. Если дозволительно употребить непристойное выраженіе принца Наполеона, то не Россіи, по самой натурѣ вещей, приходилось лобызать руки Франціи, а скорѣе наоборотъ; но въ политикѣ, не во гнѣвъ будь сказано герою крымской и италіянской кампаніи, столько же можно дѣйствовать съ сознаніемъ собственнаго достоинства, сколько и въ частной жизни, и дѣло можетъ обходиться безъ всякихъ „лобызаній", когда взаимные интересы ведутъ державы къ сближенію между собою. Само собой впрочемъ разумѣется, что въ политикѣ, какъ и въ частной жизни судорожные порывы и разные *volte-face* то въ ту, то въ другую сторону всегда бываютъ болѣе вредны чѣмъ полезны и не очень свидѣтельствуютъ о сознаніи своего достоинства.

Когда, по ходу событій, конвенція 8-го февраля оказалась излишнею, и, какъ говорятъ, оставлена была безъ ратификаціи, когда переговоры съ Австріей привели къ убѣжденію, что эта держава, не вызываемая на то Россіей, по меньшей мѣрѣ останется строго-нейтральною въ виду событій совершающихся въ Польшѣ, тонъ офиціальныхъ и полуофиціальныхъ лицъ Франціи, еще недавно такой заносчивый, тотчасъ же сталъ несравненно умѣреннѣе и дружелюбнѣе къ Россіи. Пораженіе Лангевича въ свою очередь содѣйствовало тому-же результату. Уже въ рѣчи своей г. Бильйо свидѣтельствуетъ о намѣреніи Франціи дѣйствовать заодно съ другими державами. Вслѣдъ затѣмъ императоръ Наполеонъ въ письмѣ къ г. Бильйо косвенно опорочилъ рѣчь своего двоюроднаго брата. Шумливая статья, которая готовилась въ полуофиціальномъ *Constitutionnel*, осталась въ портфелѣ редакціи, и замѣнилась другою, въ которой, по случаю пораженія Лангевича, всѣ надежды возлагаются на милосердіе и человѣколюбіе Императора Александра II. *Монитеръ* продолжаетъ еще съ удовольствіемъ заносить въ свои столбцы извѣстія о публичныхъ митингахъ въ Брюсселѣ, въ Манчестерѣ, во многихъ городахъ Швеціи, на которыхъ выражаемо было недавно сочувствіе къ Польшѣ и устраивались для нея подписки; въ самомъ Парижѣ дозволяются еще рекрутамъ крики: „Да здравствуетъ Польша! „Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ уже „сообщаетъ" въ слишкомъ рьяные журналы, что наиболѣе тревожныя постановленія конвенціи 8-го февраля уже устранены, что разсматривать ее какъ поводъ къ войнѣ вовсе не благоразумно, такъ какъ правительство Франціи занято въ настоящее время разрѣшеніемъ польскаго вопроса, и что вести переговоры съ Россіей невозможно, когда часть журналистики проповѣдуетъ войну. Съ своей стороны, министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, г. Руланъ, обратился циркулярно къ епископамъ съ предложеніемъ не возбуждать чрезмѣрно въ

своихъ пастырскихъ посланіяхъ общественнаго мнѣнія Франціи по польскому вопросу. Театральная дирекція дала было дозволеніе императорскому театру цирка поставить на сцену піесу, относящуюся къ польскому возстанію 1831 г. и дававшуюся въ то время очень часто въ театрѣ *Ambigu*; но теперь дозволеніе это взято назадъ. А между тѣмъ англійская журналистика подзадориваетъ Французовъ польскими дѣлами, имѣя очевидно въ виду произвести перемѣну въ теперешнихъ европейскихъ союзахъ.

Всѣ извѣстія теперь согласны между собою въ томъ, что въ положеніи Австріи тоже произошла перемѣна, но повидимому въ обратномъ смыслѣ. Вслѣдъ за газетою *La France*, австрійская *Всеобщая Корреспонденція* высказываетъ свое мнѣніе, что „продолжающіеся безъ перерыва переговоры по польскимъ дѣламъ поведутъ къ соглашенію между Австріей и западными державами, если только послѣднія не ожидаютъ и не требуютъ отъ Австріи такихъ предложеній, которыя не соотвѣствовали бы ея особенному положенію относительно этого вопроса", и это мнѣніе полуофиціальнаго австрійскаго органа, высказанное 26-го марта, немедленно телеграфируется берлинской *Національной Газетъ*. Съ своей стороны, вѣнскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* утверждаетъ, что князь Меттернихъ привезъ съ собою въ Парижъ самыя дружественныя увѣренія, такъ какъ Австрія тяготилась своимъ изолированнымъ положеніемъ въ Европѣ, вслѣдствіе холодныхъ отношеній къ ней петербургскаго и берлинскаго кабинетовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ упомянутый корреспондентъ, князь Меттернихъ имѣетъ порученіе объявить, что Австріи не должно быть дѣлаемо никакихъ предложеній, несогласныхъ съ ея обязанностями относительно Германскаго Союза, что Австрія никогда не согласится отказаться отъ своихъ польскихъ владѣній и, наконецъ, что Австрія считаетъ необходимымъ предварительное соглашеніе съ Англіей, потому что только представленіе трехъ великихъ державъ можетъ имѣть достаточную силу и склонить Россію къ существеннымъ уступкамъ въ пользу Польши. Извѣстіе, пущенное въ ходъ вѣнскою *Presse* о томъ, будто бы Франція предлагала Австріи Дунайскія княжества взамѣнъ ея польскихъ областей, прямо опровергается газетою *Le Nord*, которая говоритъ, что такое предложеніе было бы не согласно съ политикою Франціи. Такимъ образомъ положеніе, вновь принятое Австріей, хотя и благопріятнѣе прежняго для стороны враждебной Россіи, но все-таки не очень противорѣчитъ прежней ея политикѣ, которую полу-офиціяльные органы ея журналистики справедливо называли „примирительною и сглаживающею: если Франція желаетъ дѣйствовать по польскимъ дѣламъ за одно съ Австріей и отвлечь ее отъ мысли о сближеніи съ Россіей, то она должна напередъ отказаться отъ всякой мысли о рейнской границѣ и о возстановленіи Польскаго королевства. Мало того: согласно съ прежними извѣстіями, которыя сообщены были нами изъ *Times*, корреспондентъ *Кельнской Газеты* утверждаетъ, что если Австрія готова дѣйствовать заодно съ Франціей въ пользу значительныхъ уступокъ царству Польскому согласно съ конституціею 1815 года, то это возможно лишь по исключеніи изъ нея двухъ важнѣйшихъ условій, то-есть безъ предоставленія Польшѣ отдѣльнаго національнаго войска и особаго финансоваго управленія. Въ этомъ случаѣ Австрія имѣетъ въ виду свои собственные интересы по отношенію къ Галиціи и Кракову, а равно и по отношенію къ требованіямъ Венгріи. Вся перемѣна въ политикѣ Австріи противъ прежняго заключается только въ томъ, что она не прочь присоединить свой голосъ, къ голосу Франціи, если Франція будетъ дѣйствовать заодно съ Англіей, и если Россіи будутъ сдѣланы представленія, не вредящія австрійскимъ интересамъ. За то, чтобы дѣйствовать не иначе какъ сообща съ Англіей, особенно стоитъ графъ Рехсбергъ, и въ этомъ случаѣ, какъ кажется, Австрія имѣетъ въ виду воспрепятствовать осуществленію идеи, которую преслѣдуетъ императоръ Наполеонъ со времени италіянской кампаніи, именно созванію европейскаго конгресса.

Эта идея, къ которой теперь съ новою энергіей возвратился тюльерійскій кабинетъ, встрѣчаетъ особенно сильное сопротивленіе со стороны Англіи и Австріи. Сопротивленіе это объясняется прежде всего недовѣріемъ къ Франціи и опасеніями, что конгрессъ приведетъ французскія войска не на берега Вислы, а на Германскіе берега Рейна, и что во всякомъ случаѣ на немъ легко и почти неизбѣжно возникнутъ рядомъ съ польскимъ вопросомъ и многіе другіе, какъ напримѣръ итальянскій, рим-

скій, восточный, германскій и т. д. Австрія особенно не желала бы созванія европейскаго конгресса: до сихъ поръ она еще не признаетъ перемѣнъ, совершившихся въ Италіи, вопреки Цюрихскому трактату, и разчитываетъ на возможность распаденія Итальянскаго королевства, между тѣмъ какъ европейскій конгрессъ съ самаго начала могъ бы повести къ признанію этой шестой великой державы. Англія опасается возможныхъ послѣдствій конгресса преимущественно по восточному вопросу.

Еще до новаго поворота, Англія приняла уже свои мѣры, чтобъ изолировать польскій вопросъ отъ другихъ вопросовъ и сдѣлать европейскій конгрессъ излишнимъ. Она, какъ извѣстно, обратилась къ державамъ участвовавшимъ въ заключеніи вѣнскихъ трактатовъ съ предложеніемъ поддержать ея дружественныя представленія петербургскому кабинету. Швеція и Португалія, какъ извѣщали мы прежде, приняли это предложеніе. Можно предвидѣть, что Австрія, сблизившись теперь съ Франціей, будетъ склонять ее къ такому же образу дѣйствій. Изъ сообщеннаго *Національной Газетой* по телеграфу отчета о засѣданіи итальянской палаты депутатовъ оказывается, что сентъ-джемскій кабинетъ не ограничился только державами подписавшими вѣнскій трактатъ, и обратился еще къ Италіи, сообщивъ ей копію съ ноты, препровожденной изъ Лондона въ Петербургъ, и пригласивъ ее поддержать эту ноту своими представленіями. „Правительство, какъ объявилъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ засѣданіи туринской палаты депутатовъ 26-го марта, поспѣшило послѣдовать этому приглашенію и тѣмъ самымъ, не связывая себѣ рукъ, заняло свое мѣсто въ общеевропейскомъ совѣтѣ.“

Несмотря на это почти всеобщее дипломатическое ополченіе, размѣры польскаго вопроса сдѣлались скромнѣе: дѣло идетъ теперь не о возстановленіи независимости Польши въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1815 году, то-есть съ своимъ особымъ войскомъ, а только о дарованіи ей либеральныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи повидимому всѣ европейскія державы согласны между собою. Разногласіе же ихъ начинается въ вопросѣ не о цѣли, а о средствахъ къ ея достиженію. Франція — въ пользу созванія европейскаго конгресса для этой цѣли, Англія Австрія противъ конгресса. Чѣмъ разрѣшится это разногласіе, покажетъ время; но, какъ кажется, ни одна изъ европейскихъ державъ не намѣрена заявлять желаній, высказываемыхъ искателями приключеній, въ родѣ принца Наполеона.

№ 63.

Москва, 20-го марта.

Одинъ почтенный московскій старожилъ пишетъ къ намъ, по поводу выборовъ 16-го марта, что „аристократическое имя князя А. А. Щербатова недостаточно было бы для того чтобы возбудить въ избирателяхъ единодушіе“, и въ доказательство приводитъ то обстоятельство, что „между московскими домохозяевами есть много Рюриковичей, которые бы не прочь занять первое *мѣсто* въ первой столицѣ, первый разъ *замѣщаемое* по выбору всѣхъ сословій.“ Но, говоритъ почтенный старожилъ, при полномъ уваженіи къ личнымъ достоинствамъ князя Александра Алексѣевича, причину единодушія московской публики надобно видѣть въ уваженіи и любви Москвичей къ честному и благородному отцу его, покойному князю Алексѣю Григорьевичу, бывшему московскому генералъ-губернатору, и къ княгинѣ Софьѣ Степановнѣ Щербатовой, которая до сихъ поръ, съ свойственнымъ ей самоотверженіемъ, завѣдываетъ въ Москвѣ благотворительными воспитательными заведеніями для бѣдныхъ дѣтей, безъ напоминаній публикѣ о необходимости благотворенія, безъ лотерей и подписокъ въ пользу ея бѣдныхъ. У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, а когда въ немъ встрѣтилась нужда для избранія такого важнаго дѣятеля, каковъ градскій глава въ Москвѣ, то избиратели очень рады были воспользоваться готовою извѣстностію (конечно для каждаго изъ нихъ) семейства князя Щербатова, въ той увѣренности, что сынъ такихъ родителей не можетъ быть не хорошимъ человѣкомъ и навѣрное будетъ достойнымъ представителемъ Москвы.“

Хотѣлъ ли писавшій подтвердить и пояснить своимъ замѣчаніемъ то, что нами было сказано по поводу этихъ выборовъ? Во всякомъ случаѣ мы благодаримъ его, и пользуемся этимъ поводомъ, чтобы сказать еще нѣсколько словъ о томъ же предметѣ.

Кому неизвѣстно, что аристократическія имена сами по себѣ ровно ничего не зна-

чать? Значеніе имѣютъ не имена, а *дѣйствительное* положеніе въ обществѣ, и только при извѣстномъ положеніи можетъ и имя что-нибудь значить. Сколько въ нашемъ дворянствѣ есть людей, носящихъ громкія имена и находящихся въ положеніи не только не аристократическомъ, но самомъ жалкомъ и притомъ самомъ фальшивомъ! Иныя лица съ столбовыми именами находятся въ такомъ положеніи, что имъ было бы въ пору, подобно польскимъ родовитымъ шляхтичамъ, наниматься въ домашнее услуженіе или поступать въ цеховые. Могутъ встрѣтиться гедиминовичи и рюриковичи, которые не только на почетную общественную должность, но и ни въ какое порядочное общество допущены быть не могутъ. Итакъ, аристократическое имя ничего не значитъ; вся сила заключается въ данномъ общественномъ положеніи. А что такое аристократическое положеніе? Во-первыхъ, положеніе болѣе или менѣе независимое; во-вторыхъ, пользующееся само по себѣ уваженіемъ и почетомъ, безъ усилій и домогательствъ, и безъ всякихъ посторонникъ пособій. Таково общественное положеніе того лица, которое 16-го марта было выбрано въ должность градскаго головы такимъ значительнымъ большинствомъ и всѣми сословіями. Чѣмъ опредѣляется такого рода положеніе? Условій много, и только соединеніе ихъ въ бо́льшей или мень-шей степени сообщаетъ общественному положенію тотъ характеръ, которому свойственно названіе аристократическаго. Не пустой звукъ титула даетъ значеніе человѣку, а очень существенныя условія, безъ которыхъ не имѣетъ силы никакое громкое имя, хотя бы оно шло отъ Рюрика, и которыя могутъ сообщить аристократическій вѣсъ имени новому, наслѣдованному отъ дѣда пахавшаго землю или торговавшаго саломъ.

При равенствѣ личныхъ условій разность въ общественныхъ положеніяхъ имѣетъ огромное значеніе. Что въ одномъ положеніи легко, то въ другомъ очень трудно. Что ничего не значитъ богатому, то требуетъ тяжкихъ усилій отъ бѣднаго; что само собою достается человѣку носящему всѣмъ извѣстное и всѣми уважаемое имя, то человѣку съ темнымъ именемъ приходится добывать съ бою, хотя по своимъ личнымъ качествамъ этотъ послѣдній можетъ быть существомъ самымъ достойнымъ и передъ своею совѣстью, и во мнѣніи людей близко его знающихъ.

Извѣстная степень матеріальнаго достатка ставитъ человѣка въ независимость отъ всякаго мѣста; извѣстная степень общественнаго почета, достающаяся человѣку по наслѣдству, болѣе или менѣе ограждаетъ его отъ искушеній честолюбія. Человѣку находящемуся въ подобномъ положеніи обращалось бы въ большой стыдъ многое что сходитъ съ рукъ людямъ въ другомъ положеніи; ему напримѣръ было бы крайне стыдно прибѣгать къ искательству, выслуживаться съ одной стороны или популярничать съ другой, и вообще домогаться отличій или выгодъ. Все это тѣмъ стыднѣе, чѣмъ менѣе вызывается нуждою, и все это давало бы положительно дурное свидѣтельство о личномъ характерѣ человѣка. За то, съ другой стороны, многое что въ человѣкѣ лишенномъ всѣхъ этихъ даровыхъ преимуществъ свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ личномъ достоинствѣ, при упомянутыхъ преимуществахъ аристократическаго положенія иногда не вмѣняется въ особенную заслугу. Вотъ почему извѣстнаго рода положеніе обязываетъ человѣка, и остается въ силѣ пока достойно поддерживается.

Мы увѣрены, что князь А. А. Щербатовъ оправдаетъ честь оказанную ему московскими выборными избирателями; никто не сомнѣвается, что личными качествами своими онъ заслуживаетъ тотъ почетъ, которымъ пользуется его имя въ московскомъ обществѣ: если бы въ этомъ было сомнѣніе, то не стали бы и выбирать его. Но не менѣе справедливо и то, что своимъ блистательнымъ успѣхомъ на выборахъ онъ обязанъ именно тому уваженію и почету, которымъ пользуется его имя, то-есть семья изъ которой онъ вышелъ, и общественное положеніе, которое имъ наслѣдовано. Было бы несправедливо приписывать чёрные шары, полученные другими кандидатами, сомнѣнію въ ихъ личныхъ качествахъ или въ ихъ способности занимать мѣсто московскаго городскаго головы. Они не могутъ считать себя побѣжденными на этомъ пунктѣ. Равнымъ образомъ и то обезпеченіе, которое заключается въ имуществѣ, представлялъ избирателямъ не одинъ князь Щербатовъ, и никакъ не болѣе чѣмъ другіе. Почему же онъ получилъ верхъ? Не потому ли что, благодаря своему общественному положенію, онъ могъ соединить разныя сословія? Являясь купцамъ и мѣщанамъ не просто какъ дворянинъ, онъ не

возбуждалъ въ нихъ чувства сословной зависти. Давая ему свои шары, они не опасались, что онъ заважничается, какъ можетъ-быть заважничался бы иной свой братъ-купецъ. Точно также избиратели высшихъ сословій имѣли основаніе предполагать, что ему нѣтъ надобности прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для пріобрѣтенія почета, которымъ имя его и безъ того пользуется, нѣтъ надобности популярничать и дѣлать изъ такъ-называемой *меньшой братіи* пьедесталъ для своего возвышенія. Большинство избирателей было увѣрено, что онъ будетъ выше и дворянской сословной спѣси и той спѣси, которая можетъ основываться на избраніи; что онъ не будетъ ни передъ кѣмъ изъ горожанъ ни преклоняться, ни гордиться своимъ новымъ саномъ, и въ тоже время не воспользуется имъ какъ средствомъ что-нибудь лично для себя выиграть въ какомъ бы то ни было отношеніи. Эту увѣренность внушало всего болѣе общественное положеніе, и потому мы были въ правѣ сказать, что князь А. А. Щербатовъ обязанъ своимъ избраніемъ преимущественно своему общественному положенію, которому вполнѣ свойственно названіе аристократическаго.

№ 64.

Москва, 21-го марта.

„Самые горячіе поклонники нынѣшняго французскаго правительства", говоритъ *Daily News*, органъ графа Росселя, „не могутъ не признаться, что пріемы его страннымъ образомъ лишены достоинства и даже того спокойствія и сдержанности, которыя въ частной жизни называются хорошими манерами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ его дѣйствіяхъ видна своего рода легкая самоувѣренность, прикрывающая не рѣдко совершенную беззастѣнчивость; но этой самоувѣренности нельзя принять за то спокойствіе, которое служитъ внѣшнимъ выраженіемъ чистой совѣсти, открытаго и искренняго характера, незаносчиваго и непритворнаго самоуваженія. Вторая имперія, при всемъ великолѣпіи своихъ уборовъ, при всемъ блескѣ своей обстановки, чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ въ хорошемъ обществѣ. Ей приходится постоянно оправдывать свое поведеніе и обвинять другихъ чтобъ изинить свой образъ дѣйствій. Подобно парижскому обществу, процвѣтающему подъ его сѣнію, оно какъ будто бы все настаиваетъ на томъ, что игральныя его кости не поддѣланы, что его карты имѣютъ обыкновенный крапъ [1]), и что тѣ два джентльмена, которые ведутъ такую высокую игру во внутреннемъ аппартаментѣ, вовсе не его сообщники." Эту характеристику газета *Daily News* на свой ладъ прилагаетъ къ недавнему образу дѣйствій Франціи по польскому вопросу. Она указываетъ на странныя противорѣчія между принцемъ Наполеономъ, ближайшимъ лицомъ къ престолу, съ его воззваніями въ пользу Польши, и министромъ безъ портфеля, г. Бильйо, который указываетъ на уваженіе, должное иностраннымъ государямъ и правительствамъ. Вслѣдъ затѣмъ самъ императоръ спѣшитъ заявить, что онъ не сообщникъ этого азартнаго игрока, своего двоюроднаго братца, а вполнѣ раздѣляетъ образъ мыслей своего „говорящаго" министра. „Все искусство этихъ „говорящихъ" министровъ заключается въ томъ, чтобы показать, какъ непримиримыя противоположности равно представляются политикой императора: въ Италіи—ея независимость съ занятіемъ Рима, въ Польшѣ подсобничество польскимъ инсургентамъ съ совершенною увѣренностью въ великодушіи Русскаго Монарха."

Въ самомъ дѣлѣ, при стремленіи примирить всевозможныя противорѣчія, и быть въ ладахъ со всѣми партіями и внутри страны и внѣ ея, мудрено ли, что нынѣшняя политика Франціи вся слагается изъ противорѣчій, безпрерывно мѣняетъ свои виды и порождаетъ множество самыхъ фантастическихъ слуховъ? Недавно еще, вслѣдствіе сближенія съ Австріей, рѣчь шла повидимому только о томъ, чтобы склонить Россію къ уступкамъ, которыя поставили бы Польшу въ положеніе Галиціи, и упрочить это положеніе актомъ общеевропейскаго конгресса; а вотъ уже черезъ день пускаютъ слухъ, что Франція имѣетъ въ виду образовать изъ Польши самостоятельное государство въ пользу принца Наполеона, этого вѣчнаго кандидата на престолы не существующіе, и этому слуху, выдаваемому *Кельнскою Газетой* за достовѣрное извѣстіе, *Indépendance Belge* при-

[1]) Намекъ на недавнія скандальныя исторіи въ Парижѣ, показавшія, что высшее парижское общество завѣдомо допускаетъ шулеровъ въ свою среду.

дaетъ значеніе d'un ballon d'essai, то-есть, средства употребляемаго Франціей чтобы пощупать пульсъ, чтобы вызвать выраженіе общественнаго мнѣнія и, можетъ-быть, объясненія со стороны различныхъ европейскихъ правительствъ.

Въ свою очередь Англія старается подзадоривать Францію, чтобы какъ можно болѣе отдалить отъ нея Россію, и англійская журналистика, болѣе или менѣе посвященная въ виды своего правительства и всегда ловко содѣйствующая имъ; дружно держится этой политики сѣянія вражды. Какимъ нападкамъ, какому осмѣянію и позору не подверглась бы при другихъ обстоятельствахъ рѣчь принца Наполеона! А на этотъ разъ вышло напротивъ: эта рѣчь нашла если не одобреніе, то снисхожденіе въ глазахъ англійской журналистики, а порицанія достались скорѣе на долю г. Бильйо. Предполагая, что Россія будетъ рѣшительно противъ конгресса, на которомъ былъ бы обсуждаемъ польскій вопросъ, *Times* говоритъ въ пользу конгресса, утверждая, что повидимому всѣ три государства, Англія, Франція и Австрія, считаютъ конгрессъ лучшимъ способомъ разсмотрѣть всѣ вопросы, связанные съ судьбою Польши. Швеція, Испанія и Португалія, управляемыя теперь болѣе или менѣе конституціоннымъ порядкомъ, будутъ не прочь, по мнѣнію *Times*, принять вновь участіе въ обсужденіи вопросовъ, которые подлежали рѣшенію на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г., особенно же Испанія, которая „при возрастающемъ своемъ населеніи и благосостояніи, по всей вѣроятности, очень охотно воспользуется случаемъ занять снова видное мѣсто въ Европѣ.“ Замѣтимъ, что пока именно Испанія не обнаружила еще ни малѣйшаго желанія примкнуть къ Англіи или къ Франціи по отношенію къ вопросу, до котораго ей нѣтъ ровно ни какого дѣла. „Англія, продолжаетъ журналъ Лондонскаго Города, вся-въ пользу возстановленія Польши если не въ ея независимости, съ прежними ея границами и подъ властію избраннаго ею самою государя, то во всякомъ случаѣ въ пользу возстановленія той конституціи, которою она пользовалась уже какъ русская провинція,“ и британское правительство, какъ видно изъ словъ лорда Пальмерстона, сказанныхъ въ палатѣ общинъ въ ночь на 28-е марта, ведетъ двоякіе переговоры, вопервыхъ, съ Франціей для совокупнаго дѣйствія путемъ дипломатіи, и во вторыхъ, съ другими правительствами, участвовавшими въ вѣнскомъ трактатѣ, для удостовѣренія, расположены ли они поддерживать виды британскаго правительства. Впрочемъ, если Россія откажется отъ разсмотрѣнія польскаго вопроса или отъ переговоровъ объ этомъ предметѣ, то представленія британскаго правительства могутъ вести только къ общему протесту европейскихъ державъ противъ образа дѣйствій Россіи относительно Польши.“ „Англія, говоритъ *Times* въ другой статьѣ своей, въ силу своихъ политическихъ преданій и своего географическаго положенія, не можетъ сдѣлать ничего болѣе какъ протестовать. Но Франція и Австрія, очень вѣроятно, имѣютъ при этомъ болѣе серіозные виды. Возстановленіе Польши можетъ въ любое время сдѣлаться страстію Французовъ, да и Австрія не очень-то расположена слѣдовать совѣтамъ миролюбія. Францъ Іосифъ можетъ-быть не прочь даже уступить Галицію новому королевству польскому въ замѣнъ какой-либо другой области.“ Оставляемъ это предположеніе лондонской газеты на ея отвѣтственности, и очень сомнѣваемся, чтобы шумливое участіе принца Наполеона въ польскомъ вопросѣ могло нравиться Австріи: она и такъ уже не мало потерпѣла отъ попытокъ этого доблестнаго принца сѣсть на венгерскій тронъ. *Times* откладываетъ впрочемъ совокупныя дѣйствія Австріи и Франціи до срока болѣе дальняго, а теперь только высказываетъ надежду, что Австрія, вмѣстѣ съ двумя западными державами, готова будетъ признать европейскій конгрессъ за лучшее средство къ разрѣшенію вопросовъ, находящихся въ связи съ вопросами о Польшѣ. Однакоже и сама газета *Times* говоритъ, что потребуются многіе и долгіе переговоры прежде чѣмъ семь или восемь державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ, могутъ собраться вмѣстѣ черезъ своихъ представителей, и наибольшихъ препятствій, какъ сказано, журналъ этотъ ожидаетъ со стороны Россіи.

Странно было бы не ожидать препятствій со стороны Россіи. Можетъ ли великая держава, можетъ ли Россія, допустить чтобы въ ея чисто-внутреннія дѣла вмѣшивались другія государства? Самая мысль устраивать эти дѣла европейскимъ конгрессомъ, какъ будто бы рѣчь идетъ о какомъ-нибудь международномъ вопросѣ, уже оскорбительна для нашего національнаго достоинства. Ссылка

на вѣнскій трактатъ не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого смысла. Вѣнскій трактатъ ни въ чемъ не нарушенъ нами, а сверхъ того, Россія въ настоящее время владѣетъ Польшей не столько въ силу вѣнскаго трактата, сколько въ силу оружія послѣ возстанія 1831 года. Иное дѣло, если бы сама Россія, съ своей точки зрѣнія и въ своихъ интересахъ, пожелала созвать европейскій конгрессъ не объ однихъ польскихъ дѣлахъ, но и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, имѣющихъ международное значеніе.

По всему видно, что интересы собственно Польши совершенно чужды и Англіи, и Франціи, и Австріи. Эти державы взялись за дѣло Поляковъ, имѣя каждая свои посторонніе виды. Если-бы Поляки способны были взглянуть на дѣло прямо и безъ предубѣжденій, они легко усмотрѣли бы, что ими пользуются и злоупотребляютъ какъ орудіемъ.

№ 65.

Москва, 22-го марта.

Движеніе въ Польшѣ, такъ дѣятельно поощряемое общественнымъ мнѣніемъ Европы, пользующееся средствами, доставляемыми изъ-за границы, ставитъ Россію въ весьма невыгодное положеніе. Чѣмъ скорѣе будетъ прекращено вооруженное возстаніе Поляковъ, тѣмъ будетъ лучше и для Россіи, и для Польши. Дѣло это лежитъ на русскихъ войскахъ, и всякое распоряженіе имѣющее цѣлію облегчить и ускорить его окончаніе, есть важный шагъ къ освобожденію польскаго вопроса изъ-подъ искусственныхъ вліяній.

Съ этой точки зрѣнія можно только радоваться отправленію подкрѣпленій въ Царство Польское. При враждебномъ настроеніи большей части чиновническаго класса Царства и при пассивности сельскаго люда, отношенія городовъ и мѣстечекъ съ уѣздами къ законному и къ революціонному правительству опредѣляются присутствіемъ войска. Есть войска въ городѣ, народъ повинуется законному правительству; нѣтъ ихъ, онъ подчинятся революціонному подъ вліяніемъ чиновниковъ и ксендзовъ. Для подавленія возстанія недостаточно обходить край подвижными колоннами, которыя разбиваютъ и уничтожаютъ оружіемъ партіи инсургентовъ; необходимы войска еще и для простаго занятія пунктовъ, войска, которыя подчиняли бы жителей распоряженіямъ законнаго, а не революціоннаго правительства, и освобождали бы ихъ отъ революціоннаго терроризма. Чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше пунктовъ будетъ усмирено, тѣмъ удобнѣе будетъ мѣнять составъ подвижныхъ колоннъ, дѣйствующихъ противъ шаекъ, тѣмъ болѣе слѣдовательно облегчена будетъ служба и ускорено успокоеніе края. Нѣтъ сомнѣнія, что огромные переходы подвижныхъ колоннъ по грязнымъ, испорченнымъ дорогамъ, бивуакированіе на грязи, преслѣдованіе непріятеля по лѣсамъ, крайняя осторожность при движеніи, — что всѣ эти условія успѣха, при маломъ числѣ войскъ въ отношеніи къ пространству Царства, могутъ быть крайне губительны, и если потери русскихъ войскъ въ стычкахъ съ инсургентами были ничтожны, то мы опасаемся, что потери нашихъ отрядовъ отъ способа веденія войны гораздо чувствительнѣе. Необходимо крайнее напряженіе силъ, чтобы выдержать 4 кровопролитные боя и пройдти въ три ночи и два дня 120 верстъ, какъ это сдѣлалъ отрядъ полковника Мѣдникова, 8-го и 9-го марта. Возможность такихъ походовъ указываетъ на необходимость подкрѣпленій. Если только инсургенты не кружились на мѣстѣ, то движеніе отряда Мѣдникова свидѣтельствуетъ, что по крайней мѣрѣ верстъ на 80 вокругъ не было другаго отряда, который могъ бы воспрепятствовать движенію непріятеля, зайдя ему во флангъ или въ тылъ.

Еще при началѣ возмущенія, въ январѣ мѣсяцѣ были отправлены въ Варшаву гвардейскіе кавалерійскіе полки: лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества, Гродненскій гусарскій, и казачьи. Сосредоточеніе военныхъ дѣйствій на границахъ Царства Польскаго съ Литовскими губерніями привело къ ряду поисковъ, произведенныхъ войсками Виленскаго округа въ Царствѣ. Такъ части 1-й кавалерійской и 1-й пѣхотной дивизіи занимали сѣверную часть Августовской губерніи, а 2-й и 3-й дивизіи дѣйствовали около Гродна и Бреста. Въ февралѣ перешла черезъ Вугъ часть войскъ Кіевскаго военнаго округа, а именно 3-й кавалерійской дивизіи и 8-й пѣхотной, подъ начальствомъ генерала Рудановскаго, и заняла восточный край Люблинской губерніи. Наконецъ, въ десятыхъ числахъ марта отправлена въ Варшаву изъ Петербурга 2-я гренадерская дивизія въ полномъ ея составѣ: полки Кіевскій, Та-

врическій, Самогитскій и Московскій гренадерскіе съ 2-мъ гренадерскимъ стрѣлковымъ батальйономъ, числомъ болѣе 10 тысячъ. Изъ предыдущаго очевидно въ какой мѣрѣ важно прибытіе свѣжихъ войскъ въ Царство. До начала возмущенія въ Варшавскомъ военномъ округѣ было до 110 тысячъ войска; изъ которыхъ 85 тысячъ строевыхъ нижнихъ чиновъ полевыхъ войскъ; теперь число послѣднихъ доходитъ до 110 тысячъ.

Образъ дѣйствій войскъ въ Царствѣ извѣстенъ читателямъ изъ статей публикуемыхъ „*Русскимъ Инвалидомъ*“. Мы можемъ упомянуть здѣсь, что, по получаемымъ нами отъ русскихъ офицеровъ письмамъ, извѣстія „*Инвалида*“ отличаются возможною правдивостію, хотя нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожелать имъ и возможной полноты. Хорошее вооруженіе нашихъ войскъ объясняетъ ту огромную убыль, которую терпятъ инсургенты при каждой стычкѣ. Наши винтовки, при стрѣльбѣ въ мишени высотою въ 6 футъ и шириною въ 5, попадаютъ на 500 шаговъ 88 пулями изъ сотни, а непріятельскія двустволки не должны стрѣлять и на 200 шаговъ. Пока непріятель не получитъ хорошаго оружія, перевѣсъ въ числѣ убитыхъ будетъ всегда на его сторонѣ; потому такъ сильно и хлопочутъ западные друзья Польши о доставкѣ инсургентамъ оружія.

Что же касается до жестокостей войскъ, о немъ такъ много толкуютъ въ Европѣ, то къ крайнему прискорбію устраненіе ихъ зависитъ не отъ русскихъ офицеровъ, а исключительно отъ самихъ Поляковъ. Прекратится возстаніе, прекратятся жестокости; пожалуй, пусть возстаніе даже и продолжается, но пусть. Поляки соберутся въ армію и прекратятъ свой партизанскій образъ войны, при которомъ каждый начальникъ шайки разыгрываетъ роль царька и по своему поступаетъ съ нашими плѣнными, тогда несомнѣнно прекратятся и жестокости. А пока русскаго солдата бьютъ изъ-за угла, или случайно захвативъ въ плѣнъ замучиваютъ самымъ свирѣпымъ образомъ, пока онъ не можетъ отличить непріятеля, пока онъ будетъ чувствовать враждебность расположенія жителей, и предполагать, что всѣ они готовы на такое же звѣрство, какому подвергаютъ нашихъ плѣнныхъ и раненыхъ разсвирѣпѣвшіе повстанцы; до тѣхъ поръ требовать устраненія такъ-называемыхъ жестокостей, значитъ требовать невозможнаго. Когда солдатъ не видитъ человѣка, который въ него стрѣляетъ, тогда легко можетъ быть, что онъ накажетъ невиннаго; когда роту поставятъ на площади, и изъ домовъ начнутъ тревожить ее, то неудивительно, что войска могутъ дойдти до рѣшенія сжечь дома. Намъ возразятъ, что во избѣжаніе такихъ мѣръ, крутыхъ и несправедливыхъ, солдаты могли бы очистить площадь; на это достаточно замѣтить только то, что не солдатамъ дано разрѣшать себѣ отступленіе. Не солдатъ нужно винить въ жестокостяхъ, а тотъ образъ войны, который поддерживаютъ Поляки, и который озлоблялъ бы солдатъ, даже и въ томъ случаѣ еслибы никто изъ мятежниковъ не дозволялъ себѣ звѣрскихъ дѣйствій. Нижніе чины, послѣ долгихъ трудовъ и лишеній, настигаютъ шайку; сражаются нѣсколько часовъ; мудрено ли, что они ожесточаются и не вѣрятъ крикамъ: *змилуйся*, мудрено ли, что голодные они забираютъ сами то, что, при всѣхъ усиліяхъ, не въ состояніи доставить имъ интендантства?

Заботы военнаго вѣдомства не ограничиваются стараніями о прекращеніи возстанія въ Царствѣ. Расположеніе городскаго населенія въ Литовскомъ краѣ побудило отправить изъ Петербурга въ Вильно 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію съ ея стрѣлковымъ батальйономъ, и придвинуть къ Ковенской и Минской губерніи резервные батальйоны. Можно полагать, что въ настоящее время въ Виленскомъ военномъ округѣ сосредоточено до 75 тысячъ войска. Наконецъ, въ виду враждебнаго расположенія запада необходимо было обезпечить себя и съ этой стороны.

Изъ самаго мирнаго положенія, русской арміи пришлось перейдти къ военному въ самый короткій срокъ. Только въ августѣ прошлаго года резервныя дивизіи 2, 3 и 5 армейскихъ корпусовъ были приведены въ составъ мирнаго времени; въ то же время сокращенъ былъ составъ всѣхъ войскъ. За исключеніемъ войскъ Варшавскаго, Виленскаго, Кіевскаго и Одесскаго округовъ, всѣ остальныя были приведены въ мирный составъ, когда рядовыхъ въ полку на 420 человѣкъ менѣе надлежащаго, а нѣкоторые даже были въ кадренномъ мирномъ составѣ, при которомъ въ полку бываетъ рядовыхъ всего 1488, вмѣсто 2700 военнаго времени. И вдругъ послѣ такого мирнаго и экономическаго хода дѣлъ, къ апрѣлю

настоящаго года, войска гвардейскаго, гренадерскаго и 1-го резервнаго армейскаго корпусовъ, 1, 2, 3 и 5-й резервныхъ армейскихъ дивизій приведены въ полный составъ по военному времени. Увольненіе нижнихъ чиновъ въ безсрочный и временный отпуски пріостановлены, въ отставку увольняются только неспособные, отпускные собираются въ войско, перевозятся даже для скорости на подводахъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, 2-я гвардейская и 2-я гренадерская дивизіи отправились уже въ Литовскій край и въ Варшаву. Для укомплектованія остальныхъ вышеупомянутыхъ войскъ послужили рекруты настоящаго набора. Министерство заботится о томъ, чтобы рекруты были скорѣе обучены и поставлены подъ знамена. Съ этою цѣлію, къ 1-му апрѣля, вышеупомянутыя войска собираются въ батальйонные штабы на тѣсныя квартиры съ продовольствіемъ изъ котла, и приказъ № 52 указываетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо поставить въ строй рекрутъ ранѣе положенныхъ для пѣхоты трехъ, а для кавалеріи шести мѣсяцевъ. Вообще работа кипитъ, и довольно успѣшно.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что желѣзныя дороги успѣли отслужить Россіи существенную службу, и вѣроятно оказавшаяся на дѣлѣ польза ихъ будетъ содѣйствовать ихъ дальнѣйшему устройству. Потребовались въ Варшавѣ кавалерійскіе полки, и въ самое короткое время они прибыли изъ Петербурга и Новгорода; понадобились подкрѣпленія въ Виленской губерніи, и въ недѣлю 2-я гвардейская дивизія стояла на мѣстѣ. Въ то же время въ Петербургѣ гвардейскую дивизію замѣнила 2-я гренадерская дивизія изъ Москвы и Владиміра. На прошлой недѣлѣ 2-я гренадерская дивизія отправилась уже въ Варшаву, а вмѣсто нея въ Петербургъ уѣхала изъ Москвы 3-я гренадерская дивизія, два полка которой стояли и прежде въ Москвѣ, а другіе два подоспѣли изъ Рязанской губерніи.

Мы не говоримъ уже о той помощи, которую доставляла желѣзная дорога при подавленіи возстанія. Нѣтъ недѣли, чтобъ изъ Варшавы по желѣзнымъ дорогамъ, отъ нея исходящимъ, не отправлялись части ея гарнизона. То же самое теперь происходитъ и близъ Вильна.

На прошедшей недѣлѣ получено было телеграфное извѣстіе, что изъ Англіи идетъ съ 300 инсургентами и оружіемъ, пароходъ *Вардъ Джаксонъ* зафрахтованный польскими комитетами на Либаву. Съ полученіемъ такого извѣстія отправленъ въ Ригу гвардейскій стрѣлковый батальйонъ Его Величества, и въ настоящую минуту онъ вѣроятно уже устроился въ этомъ городѣ; туда же отправился вчера и 3-й гренадерскій стрѣлковый батальйонъ, только что прибывшій въ Москву изъ Коломны. Желѣзныя дороги даютъ возможность приготовить мореплавателямъ добрую встрѣчу.

Настоящая кампанія блистательно подтверждаетъ необходимость желѣзныхъ дорогъ для обороны отечества. Въ какой мѣрѣ быстро и отчетливо производятся передвиженія на сѣверѣ Россіи, въ той же мѣрѣ чувствуются затрудненія при передвиженіяхъ на югѣ и востокѣ, гдѣ войска сравнительно идутъ черепашьимъ шагомъ, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ весенняго времени.

№ 66.

Москва, 23-го марта.

Нельзя сказать, чтобы мы, Русскіе, могли извлечь для себя много практической пользы отъ обсужденія польскаго вопроса въ европейскихъ парламентахъ. Г. Бильйо обратился къ французскимъ сенаторамъ съ вопросомъ, составилъ ли себѣ кто-нибудь изъ нихъ ясное понятіе о томъ что возможно сдѣлать и какъ устроить Польшу. Этотъ самый вопросъ Россія могла бы предложить всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Въ палатахъ слышали только о подвигахъ Собѣскаго, о несправедливости раздѣла Польши, о нарушеніи трактатовъ 1815 года, о необходимости ослабить Россію,—и вслѣдствіе этого одни предлагали возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года, другіе въ границахъ бывшаго герцогства Варшавскаго. Высказавши эти желаніе, палаты предоставили дѣйствовать правительствамъ.

Но какъ дѣйствовать? Мы знаемъ только въ общихъ выраженіяхъ, что сдѣланы представленія въ пользу Польши, что указано Россіи, какъ выгодно для нея успокоить волненіе умовъ въ Царствѣ, удовлетворить желаніямъ Поляковъ. Но Россія, конечно, сама сознаетъ свои выгоды не хуже своихъ совѣтчиковъ.

Дружескія представленія и совѣты со стороны мы можемъ принимать и не принимать, а если станутъ ссылаться на трактаты 1815 года, намъ не трудно доказать, что трактаты эти не нарушены, да они и не заключали въ себѣ условій, которыя могли бы быть выставлены въ смыслѣ обязательствъ.

Имѣетъ ли, стало-быть, основаніе мысль о конгрессѣ, пущенная въ послѣднее время изъ Парижа? Государства, подписавшія Вѣнскій трактатъ, были свидѣтелями, утвердившими договоръ между Россіею, Австріею и Пруссіею. Изъ этихъ трехъ державъ ни одна не обращается къ нимъ съ просьбою о поддержаніи своихъ правъ или о поясненіи самаго трактата. Мы видѣли, что этотъ доводъ былъ выставленъ Австріею въ вопросѣ о Краковѣ, и Европа сочла его достаточнымъ, чтобы прекратить дальнѣйшее вмѣшательство. Еслибы даже другія державы захотѣли предъявить свои требованія не какъ свидѣтели, а какъ участники трактата, то и тогда Россія можетъ доказать, что ею исполнено все что было обѣщано. По политическимъ правамъ Поляки поставлены далеко не ниже Русскихъ; сравнительно съ Познанью и Галиціей Царство Польское не пользуется именно тѣми преимуществами, которыми особенно дорожатъ Поляки, то-есть преимуществомъ самостоятельности. Словомъ, „учрежденія, которыя возможны“, какъ сказано въ трактатѣ 1815 года, то-есть не противорѣчатъ общему устройству государства, даны Полякамъ; никто не можетъ сказать, чтобы Поляки были въ Россіи политическими паріями.

Итакъ, для истолкованія трактатовъ нѣтъ никакой надобности въ созваніи конгресса. Вѣроятно, не это и имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о конгрессѣ. Государства, сознавая трудность вопроса, желаютъ общими силами разрѣшить его, и установить что-либо новое, не заключающееся въ трактатахъ. Допустимъ, что въ этомъ сошлись бы интересы Россіи съ интересами Европы, допустимъ, что государственные люди имѣютъ какой-либо практически-осуществимый планъ. Но для этого гораздо удобнѣе другая форма дипломатическихъ сношеній. Въ такомъ случаѣ пусть правительства предлагаютъ свои соображенія, пусть они, по дипломатическому выраженію, „обмѣниваются мыслями“ о польскомъ вопросѣ. Мы видѣли недавній примѣръ такого обмѣна между Даніею и Англіею по поводу голштинскаго вопроса, въ которомъ прямо или косвенно замѣшана вся Германія.

Конгрессъ имѣетъ другое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ внутреннія дѣла переносились на рѣшеніе конгресса не иначе, какъ по просьбѣ или по желанію правительства той страны, до которой дѣло касалось. Такъ было постановлено между прочимъ ясно на Ахенскомъ конгрессѣ 1818 года, и это правило соблюдалось постоянно. Австрія отказалась предоставить конгрессу рѣшеніе италіянскаго вопроса въ 1859 году, хотя Ломбардія досталась ей также по Вѣнскому трактату. Россія, конечно, не нуждается въ чужой помощи для усмиренія польскаго возстанія; она легко отказалась отъ конвенціи 8-го февраля, потому что собственными силами можетъ прекратить безпорядки. Имѣя въ виду тѣ странныя мнѣнія, которыя были высказаны въ различныхъ палатахъ, нельзя ожидать, чтобы планы, съ какими явятся уполномоченные на конгрессъ, представляли ручательство въ ихъ практической приложимости. Имѣя въ виду настроеніе умовъ въ Европѣ, объяснимое лишь совершеннымъ непониманіемъ дѣла, можно навѣрное сказать, что теперь самое не благопріятное время для спокойнаго обсужденія польскаго вопроса. Какимъ образомъ Россія добровольно пойдетъ на приговоръ, когда всѣ, кому предстоитъ произнести его, находятся подъ вліяніемъ враждебной ей агитаціи, которой лживость еще не успѣла обнаружиться? Императоръ Французовъ, конечно, не прочь видѣть своего министра иностранныхъ дѣлъ предсѣдателемъ въ общеевропейскомъ собраніи. Съ легкой руки парижскаго конгресса 1856 года, онъ хотѣлъ бы привлечь въ Парижъ всѣ дѣла Европы, сдѣлать столицу Франціи средоточіемъ ихъ. Но именно во Франціи, даже въ средѣ ея правительственныхъ дѣятелей, заявлены несбыточныя желанія, которыя отразятся на конгрессѣ и только запутаютъ австрійскую политику. Наконецъ, разъ согласившись передать конгрессу рѣшеніе польскаго вопроса, Россія признаетъ международное значеніе этого вопроса и подастъ поводъ къ постоянному вмѣшательству Европы въ наши внутреннія дѣла. Въ 1856 году Россія отвѣчала отказомъ на предложеніе обсуждать польское дѣло на конгрессѣ; теперь время еще менѣе благопріятно для спокойнаго и независимаго обсужденія.

Мы не думаемъ, чтобы мысль о конгрессѣ, пущенная на дняхъ, оказалась состоятельною. Что западныя державы готовы поддерживать эту мысль, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но едва ли Пруссія и Австрія согласятся съ Франціею. Австрія предлагаетъ, какъ слышно, постановить съ точностью цѣль конгресса и предѣлы его задачи. Австрія можетъ-быть не прочь допустить вопросъ о польской конституціи, о ея религіозныхъ отношеніяхъ; но она не допуститъ вопроса о границахъ и о новой картѣ Европы. А такое ограниченіе почти однозначительно съ отказомъ, и еслибъ оно было принято, то не повело бы ни какимъ практическимъ результатамъ. Устройство Польши можетъ зависѣть исключительно отъ Россіи; религіозныя же отношенія опредѣляются вездѣ конкордатами съ папою, а не конгрессомъ. Россія заключила такой конкордатъ въ 1847 году, и не отступаетъ отъ тѣхъ началъ, которыя установлены имъ.

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній въ пользу прогресса. Дѣло русской Польши есть внутреннее дѣло Россіи. Дружелюбный голосъ въ этомъ вопросѣ можетъ быть принятъ въ соображеніе; но рѣшеніе о томъ, какъ поступить, можетъ быть результатомъ только тщательнаго и спокойнаго взвѣшиванія разнообразныхъ сторонъ этого труднаго вопроса, о которыхъ вѣрно судить можетъ только Россія, болѣе всѣхъ заинтересованная своимъ внутреннимъ міромъ.

№ 67.

Москва, 26-го марта.

Почти всѣ газеты, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, возвѣщаютъ, что прежнее разногласіе по польскому вопросу прекратилось. „Увѣряютъ, пишетъ *La France*, что британскій кабинетъ, образъ дѣйствій котораго въ польскихъ дѣлахъ былъ такъ долго нерѣшителенъ, принялъ теперь другое положеніе подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія самой Англіи, и согласился съ Франціей на счетъ этого важнаго вопроса.“ Но соглашеніе это не ограничивается только Англіей и Франціей; австрійская *Всеобщая Корреспонденція*, отъ 1 апрѣля, говоритъ, что между кабинетами вѣнскимъ и тюльерійскимъ произошло за послѣдніе дни значительное сближеніе относительно воззрѣній на польскій вопросъ, такъ что въ настоящее время легко можетъ состояться полное соглашеніе между ними. Въ чемъ же успѣли они согласиться между собою? Какъ увѣряетъ вѣнская газета *Presse*, дѣло идетъ не о коллективной нотѣ, а о такъ называемыхъ тождественныхъ нотахъ, которыя въ одно и то же время переданы будутъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ представителями трехъ державъ въ Петербургѣ. „Особенность положенія Австріи“, продолжаетъ упомянутая газета, „при важности ея содѣйствія, была принята во вниманіе французскимъ и британскимъ кабинетами, и потому изложеніе тождественныхъ нотъ представляло значительныя трудности; наконецъ, согласились между собою въ томъ, чтобы настоятельнѣйшимъ образомъ рекомендовать русскому правительству безотлагательное введеніе въ Польшѣ реформъ, сообразныхъ съ духомъ и требованіями настоящаго времени. Сверхъ того ведутся переговоры между Вѣною и Парижемъ, отъ которыхъ Англія, какъ страна протестантская, устранилась: Франція именно объявила готовность энергически поддерживать представленія Австріи относительно обезпеченія правъ католической церкви въ Польшѣ.“

Оставляя на отвѣтственности полуофиціяльной вѣнской газеты сообщенныя ею подробности дѣла, мы, кажется, должны признать, что Франція, Австрія и Англія дѣйствительно условились между собою вести польское дѣло сообща точь въ точь такъ же, какъ у нашего Крылова взялись сообща везти возъ лебедь, ракъ и щука. Роль лебедя, по всей справедливости, принадлежитъ Франціи; но надобно знать, какой Франціи. Есть Франція офиціяльная, способная становиться при случаѣ и лебедемъ, и ракомъ, и щукой, и есть Франція полуофиціяльная, которая „рвется въ небеса“, которая громоздитъ фантастическіе престолы для своихъ нынѣшнихъ принцевъ крови — въ Неаполѣ, въ Венгріи, въ Польшѣ, и можетъ быть еще гдѣ-нибудь; есть Франція „говорящихъ министровъ“ въ родѣ г. Бильйо, и есть Франція принца Наполеона, Франція подземныхъ интригъ, состоящая въ очень близкой связи со всѣмъ польскимъ возстаніемъ. Этой Франціи, какъ можно судить по намекамъ помѣщаемой ниже статьи изъ газеты *La France*, принадлежитъ честь назначенія Мѣрославскаго польскимъ диктаторомъ; она, какъ видно

изъ всѣхъ извѣстій, снабжаетъ инсургентовъ оружіемъ и деньгами; она доставила польскимъ эмигрантамъ даровой проѣздъ изъ Константинополя къ предѣламъ Польши турецкими и австрійскими областями; она находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ различными вождями польскаго возстанія; ей, кажется, принадлежатъ агенты въ Краковѣ, о которыхъ упомянулъ и фонъ-Бисмаркъ въ своей рѣчи и которые распространяютъ по Европѣ ложныя вѣсти какъ о дипломатическихъ, такъ и о военныхъ дѣйствіяхъ Россіи; наконецъ, ей же принадлежитъ идея, существованіе которой продолжаетъ съ удивительною настойчивостію утверждать *Кельнская Газета*, идея о самостоятельной Польшѣ подъ скипетромъ герцога Лейхтенбергскаго, котораго потомъ постарался бы смѣнить принцъ Наполеонъ. Эта полуофиціяльная Франція, соприкасающаяся съ офиціяльною и вѣнчающаяся вмѣстѣ съ нею одною главой, въ настоящее время принуждена была отодвинуться на задній планъ, и уступить переднее мѣсто Франціи офиціяльной; но это не значитъ, чтобъ она при первомъ же удобномъ случаѣ не поспѣшила выступить впередъ, что очень хорошо понимаютъ и Англія, и Австрія.

Австрія не представляетъ такихъ дѣленій на офиціяльную и полуофиціяльную, какія замѣчаемъ во Франціи, и судя по всѣмъ извѣстіямъ, Австрія выполняла въ отношеніи къ Россіи обязанности добраго сосѣдства, хотя и держалась въ сторонѣ отъ борьбы. Она могла бы надѣлать намъ много зла еслибы смотрѣла сквозь пальцы на подвозъ оружія, аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ къ инсургентамъ. Въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ, она приняла строгія и дѣйствительныя мѣры противъ такого подвоза, и тѣмъ много содѣйствовала подавленію возстанія на югѣ Польши. Кромѣ Галиціи и Кракова, у Австріи есть еще своя Польша,—Польша, правда, не сумазбродная, не имѣющая притязаній на бо́льшую часть коронныхъ земель Австріи, однакоже стремящаяся къ полной политической самобытности и готовая признать свое единство съ прочими австрійскими областями только въ лицѣ одного общаго Монарха, короля-императора. Мы говоримъ о Венгріи, которая въ довершеніе сходства съ русскою Польшею, не прочь захватить Кроацію, Славонію, Сербское воеводство и Трансильванію, которая также ничего не хочетъ знать о 1849 г., какъ Русская Польша о 1831 г., но о которой не было рѣчи ни на одномъ изъ европейскихъ конгрессовъ и за которую поэтому неудобно вступаться какой-либо европейской державѣ. Эта Венгрія теперь снова высказалась устами одного изъ своихъ вождей, Франца Деака, и высказалась въ пользу законовъ 1848 г., которые предоставляли ей имѣть своихъ особыхъ министровъ, свое особое управленіе военное и финансовое, и которыхъ не хочетъ признавать австрійское правительство. Понятно, что Австрія, не впадая въ противорѣчіе сама съ собою и не подвергая опасности своего существованія, не можетъ быть въ пользу возстановленія самобытности Польши, какъ оно понимается Поляками. Польское возстаніе могло только сблизить между собою Россію и Австрію, и дѣйствительно *Кельнская Газета* не перестаетъ утверждать, что съ 1853 г. между ними еще не было такихъ дружественныхъ отношеній, какія существуютъ въ настоящее время, и это подтверждается сообщеннымъ ниже извѣстіемъ *Всеобщей Аугсбургской Газеты* о пріемѣ, оказанномъ графу Туну на прощальной аудіенціи въ Петербургѣ. Если же Австрія тѣмъ не менѣе примкнула къ Франціи и къ Англіи, то это потому что для нея было желательно, вопервыхъ, выйдти изъ своего изолированнаго положенія, вовторыхъ, ускорить конецъ польскаго возстанія, поставляющаго ее въ затруднительное положеніе, втретьихъ потому что въ предполагаемыхъ теперь представленіяхъ нѣтъ повидимому ничего враждебнаго Россіи и намекающаго на возстановленіе самобытности Польши.

Чего же могутъ ожидать западныя державы отъ этихъ представленій? Еслибы въ польскомъ вопросѣ замѣшаны были только интересы царствующей въ Россіи династіи, какъ предполагаютъ большею частью иностранцы и очень немногіе изъ Русскихъ, порвавшихъ всѣ живыя связи съ своимъ народомъ, тогда вопросъ этотъ могъ бы разрѣшаться на разные лады, болѣе или менѣе согласные съ требованіями различнаго рода европейскихъ крикуновъ и съ видами полуофиціяльной Франціи. Можно было бы, напримѣръ, присоединить къ Польшѣ губерніи Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, часть Волыни и т. д. и подъ верховною властью русскаго Императора назначить потомственнаго вицекороля польскаго изъ членовъ императорской фамиліи;

можно было бы, выполняя планы газеты *La France*, дать Польшѣ полную политическую самобытность, назначивъ пожизненнаго вицекороля изъ членовъ императорской фамиліи. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ подобные планы показались бы раздробленіемъ Русской имперіи или существенною опасностью для ея цѣлости не одной какой-то нѣмецкой партіи въ Россіи, какъ говоритъ газета *La France*, а всему русскому народу. Весь русскій народъ, какимъ бы варварскимъ ни считали его, понялъ бы, что тутъ приносятся въ жертву его существеннѣйшіе интересы, что дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе какъ обо всей дальнѣйшей исторической судьбѣ его. То что газета *La France* страннымъ образомъ приписываетъ какой-то нѣмецкой партіи въ Россіи, то, совершенно напротивъ, одушевляетъ всякаго истинно-русскаго человѣка. Какія бы хитросплетенія не придумывались, русскій человѣкъ не можетъ примириться съ мыслію, чтобъ отъ его родины отторгались живые члены ея, ни даже съ тою, чтобъ эти живые члены подвергались опасности отторженія чрезъ возстановленіе военно-политической самобытности Польши.

Вооруженное возстаніе теперь можетъ считаться подавленнымъ. Его неудача должна быть урокомъ для польскихъ притязаній. Неужели можно ожидать, чтобы мы, Русскіе, раболѣпствуя этимъ осужденнымъ событіями притязаніямъ, посягнули на цѣлость Русскаго государства, и стали сами колебать то, чего не поколебали наши враги? Подобные вопросы могутъ приходить въ голову только людямъ не знающимъ Россіи. Еслибы были средства спросить Россію, она вся единогласно обратилась бы къ престолу съ тѣми патріотическими словами, которыя на дняхъ имѣло случай высказать, въ напечатанномъ выше всеподданнѣйшемъ адресѣ, дворянское собраніе Петербургской губерніи.

№ 68.

Москва, 27-го марта.

Они собраній не имѣютъ, рѣчей не говорятъ и адресовъ никакихъ не посылаютъ. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ, прежде чѣмъ люди на горахъ, люди просвѣщенные и умные, говорящіе и пишущіе и правоправящіе, — они издалека заслышали голосъ отечества, и отозвались на него, въ простотѣ и смиреніи сердца, тихою молитвой. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣніе; они и слыхомъ не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣжище — храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собирались въ храмы молиться за упокой русскихъ солдатъ убитыхъ въ бояхъ противъ польскихъ мятежниковъ, и молиться о ниспосланіи успѣховъ русскому оружію, — собирались въ то время когда наши враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ, и указывали на признаки разложенія и тлѣнія на его поверхности. И никому не были извѣстны эти громадныя заявленія, никто не зналъ, что въ Москвѣ *до десяти тысячъ* простаго народа изъ фабричныхъ рабочихъ собирались въ церквахъ служить панихиду по убитымъ русскимъ воинамъ и молебствіе о торжествѣ русскаго оружія. Это было въ первыхъ числахъ марта; никто тогда не думалъ ни о какихъ демонстраціяхъ. И до сихъ поръ это оставалось неизвѣстнымъ: пусть же судятъ о правдивости и искренности этого движенія. Какъ-то случайно дошло до насъ извѣстіе, что въ одной церкви рабочіе люди служили панихиду и молебенъ, и это извѣстіе поспѣшили мы огласить. Такое же отдѣльное извѣстіе встрѣтили мы послѣ еще въ одной газетѣ. Но мы не подозрѣвали, что это лишь ничтожная частица того что происходило, и лишь теперь узнали мы, сколько простыхъ людей собиралось у алтаря, будто по одному манію, съ молитвой русскаго человѣка. Мы еще не знаемъ полны ли собранныя нами свѣдѣнія. Но мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ первыхъ числахъ марта, до десяти тысячъ фабричныхъ рабочихъ служили въ Москвѣ панихиды и молебны, — и вотъ точныя, хотя можетъ-быть еще не полныя свѣдѣнія о томъ съ какихъ фабрикъ и въ какихъ церквахъ сходились рабочіе.

Басманной части.

1. Купца Мозжухина — въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Красномъ селѣ.

Лефортовской части.

2. Почетныхъ гражданъ и купцовъ Гучковыхъ.
3. Почетнаго гражданина Алексѣева — въ Николо-Покровской церкви.

4. Купца Терентьева и
5. Купца Исакова—въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.
6. Купца Мочалова и
7. Купца Суконщикова—въ церкви Св. Николая Чудотворца.
8. Почетнаго гражданина Котова,
9. Почетнаго гражданина Бавыкина,
10. Купца Кузьмина,
11. Купца Газетова,
12. Мѣщанина Калашникова,
13. Крестьянина Ленточникова,
14. Крестьянина Смирнова—въ церкви Преображенія Господня, что въ Преображенскомъ.
15. Почетныхъ гражданъ Гусаревыхъ и
16. Купца Жучькова—въ церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.
17. Дерптскаго гражданина Франца Гросманъ и
18. Мѣщанина Степанова—въ церкви Св. Апостолъ Петра и Павла.
19. Купца Сухова—въ церкви Введенія во Храмъ.
20. Купца Лагатино—въ церкви Николая Чудотворца.
21. Почетныхъ гражданъ Носовыхъ,
22. Почетнаго гражданина Бабкина и
23. Почетнаго гражданина Рябинина—въ церкви Введенія во Храмъ,
24. Купца Зимакова,
25. Купца Тумакова,
26. Купца Грачева и
27. Купца Свѣшникова — въ церкви Святыя Троицы.
28. Купца Шебаева,
29. Купца Макѣева,
30. Купца Лапина,
31. Купца Строганова и
32. Купца Самцова—въ церкви Святителя Николая.
33. Купца Соколова, и
34. Купца Назарова—въ церкви Богоявленія Господня.

Рогожской части:

35. Почетнаго гражданина Соколова—въ церкви Св. 40 мучениковъ.
36. Купца Залогина и
37. Купца Ершова—въ церкви Святаго Алексѣя Митрополита.
40. Купца Богомазова и
41. Купца Евсѣева—въ церкви Св. Мартына Исповѣдника.
42. Купца Ветчинкина—въ Покровскомъ монастырѣ.
43. Купца Нежданова и
44. Купца Кокушкина—въ церкви Рождества Богородицы.
45. Крестьянина Тимофѣева—въ церкви Св. Сергія, что въ Рогожской.
46. Почетныхъ гражданъ Ивана и Тимофѣя Морозовыхъ—въ церкви Св. Алексія Митрополита.

Пусть же не судятъ о насъ по поверхности! Эти простые люди никого не хотѣли ни озадачивать, ни пугать. Они просто молились, но это простое и безшумное дѣйствіе да послужитъ наукой для насъ и свидѣтельствомъ для нашихъ враговъ, что русскій народъ живъ и крѣпокъ, и призывъ его чутко слышится всѣми его дѣтьми. Эти тысячи русскаго народа сходились въ церкви не такъ какъ тѣ шумныя толпища, настеганныя революціонерами, сходятся слушать своихъ ксендзовъ или бѣгутъ *do lasu*. Никакой тайный комитетъ не разсылалъ здѣсь грозныхъ предписаній, не понуждалъ кинжаломъ и пулей чинить шумныя заявленія, не ставилъ женщинъ и дѣтей между двухъ огней. Дѣло происходило слишкомъ просто, слишкомъ *не демонстративно*, и говоря теперь объ этомъ тихомъ дѣлѣ, мы какъ будто нарушаемъ чью-нибудь тайну, или оскорбляемъ чью-нибудь скромность. Но тѣмъ глубже и тѣмъ знаменательнѣе это простое и чистое дѣло.....

Не много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ въ московскихъ церквахъ, несвѣдома читающей публикѣ, возносились молитвы русскихъ простыхъ людей о Россіи,—и вотъ уже мы слышимъ теперь, у самаго подножія престола, громкій и мужественный голосъ передовыхъ людей русской земли. Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты напечатали мы всеподданнѣйшій адресъ дворянства Петербургской губерніи, принятый имъ единогласно—слова, на которыя отзовется все что въ русской землѣ имѣетъ голосъ и которыя во всякомъ случаѣ служатъ вѣрнымъ выраженіемъ всенароднаго чувства. Честь и слава нашему дворянству! Вотъ его отвѣтъ нашимъ заграничнымъ доброжелателямъ полагающимъ, будто лучшіе люди Русской земли не способны въ настоящее время исполнить свой долгъ и стоять впереди своего народа, будто они исполнены малодушія и неразумія, будто событія застигли ихъ въ расплохъ и не готовыми для новой великой будущности, для новаго великаго дѣла, будто посреди великихъ преобразованій они утратили вмѣстѣ съ своею доблестью и свое значеніе; будто оглушенные этими преобразованіями они могли забыть, что всякій успѣхъ и благосостояніе всѣхъ и каждаго въ государствѣ возможны только тамъ, гдѣ основы его тверды и ничто не колеблется. „Да узнаютъ враги Россіи, скажемъ мы словами адреса, что живъ еще въ насъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство нашего любезнаго отечества.“

№ 69.

Москва, 28-го марта.

А.

Всеподданнѣйшій адресъ дворянства С.-Петербургской губерніи былъ переданъ въ № 67 *Московскихъ Вѣдомостей* неполно. Въ текстѣ адреса, обнародованномъ нами вечеромъ 26 марта, пропущено одно важное мѣсто. Мы имѣемъ теперь возможность напечатать этотъ документъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ первоначально составленъ, прочтенъ въ собраніи, имъ принятъ и поднесенъ Государю Императору, поутру 26 марта, депутаціей отъ дворянства. Вотъ полный текстъ:

„Всеавгустѣйшій Монархъ!

„Дворянство С.-Петербургской губерніи, движимое вѣковою любовью къ престолу и отечеству, священнымъ долгомъ считаетъ торжественно заявить передъ Вами, Государь, чувства коими оно преисполнено.

„Вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь и негодованіе.

„Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ Вами для пользы и преуспѣянія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость Русской державы. Но тщетны были бы ихъ покушенія!

„Испытанное въ преданности и самоотверженіи дворянство, нещадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями станетъ на защиту предѣловъ имперіи.

„Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества".

Считаемъ также нужнымъ прибавить, что проектъ этого адреса, прочтенный въ засѣданіи 22 марта Н. А. Безобразовымъ, былъ составленъ наканунѣ, избранною на этотъ предметъ коммиссіей изъ восьми членовъ, по одному члену отъ каждаго уѣзда. Коммиссія собиралась въ домѣ В. Н. Карамзина.

Б.

Дѣло польскаго возстанія проиграно безвозвратно: несмотря на нѣкоторыя противорѣчивыя показанія газетъ, можно считать достовѣрнымъ, что революціонный комитетъ въ Варшавѣ предписываетъ инсургентамъ слагать оружіе, и прекращаетъ вербовку новыхъ мятежническихъ шаекъ. Убѣдился ли онъ въ невозможности дальнѣйшей борьбы, какъ только Россія серіозно взглянула на это дѣло и какъ только рушились его надежды вызвать волненія въ ней самой, получилъ ли онъ предписаніе изъ Парижа не препятствовать продолженіемъ борьбы попыткамъ дипломатіи, или же онъ ждетъ осуществленія польскихъ притязаній отъ податливости русскаго человѣка, считая все дѣло за шутку съ своей стороны, а насъ Русскихъ за обольщенныхъ и запуганныхъ варваровъ, которые готовы будутъ на всѣ уступки, лишь бы объ нихъ не говорили худо за границей: во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были виды и намѣренія революціоннаго комитета, дѣло вызваннаго имъ возстанія проиграно безвозвратно. Начинается теперь тѣсно-связанное съ нимъ дѣло европейской дипломатіи. Пущены слухи, впрочемъ еще далеко не подтвердившіеся, будто Франція, Англія и Австрія согласились между собою представить Россіи тождественныя ноты съ цѣлію склонить ее къ какимъ-то неизвѣстнымъ уступкамъ въ пользу Польши. Редакція этихъ нотъ поручена будто бы, съ общаго согласія, австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Рехбергу. Если такъ, то дѣло будетъ идти, вѣроятно, не о возстановленіи польской конституціи 1815 года, на чемъ такъ неразумно настаиваетъ помѣщаемая нами ниже англійская депеша отъ 2 марта (14 марта). Австрія не допустила бы такого соблазна для Галиціи, Венгріи и другихъ своихъ областей,—да и самимъ Полякамъ вовсе нетого хочется. Если дѣйствительно послѣ депеши графа Росселя можетъ состояться соглашеніе между Англіей, Австріей и Франціей, то новый дипломатическій актъ будетъ для Англіи нѣчто въ родѣ *pater peccavi*, маленькій урокъ не очень торопиться въ сношеніяхъ съ великими державами. Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду и того, что въ интересѣ Австріи поддерживать до нѣкоторой степени антагонизмъ между Россіей и Польшей, а потому, можетъ-быть, Австрія и найдетъ выгоднымъ посовѣтовать Россіи даровать Польшѣ нѣкоторыя льготы и пожалуй даже нѣкоторыя территоріяльныя измѣненія. Такого рода планы, дѣйствительно, не только приписываются иностранными газетами европейскимъ державамъ, но и изложены въ недавно вышедшей брошю-

рѣ графа Лубенскаго: *L'Armistice entre et la Russie et la Pologne*, гдѣ между прочимъ превозносится до небесъ графъ Велепольскій, и высказываются взгляды по наружности совершенно умѣренные и безпристрастные. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о дѣйствительномъ источникѣ этихъ плановъ, мы только спросимъ себя, такихъ ли результатовъ въ правѣ ожидать Россія отъ своихъ послѣднихъ усилій и пожертвованій для подавленія такъ измѣнически начавшагося возстанія? Таковы ли должны быть естественныя послѣдствія революціи, успѣвшей собрать, организовать и вооружить противъ насъ всѣ враждебныя намъ силы Польши, обратившей противъ насъ всѣ передъ тѣмъ сдѣланныя Польшѣ уступки и теперь отказывающейся отъ начатаго дѣла только по невозможности продолжать его? Побѣдивши матеріяльно, должны ли мы признать себя нравственно побѣжденными, и собственными руками отторгать отъ себя живые члены свои, отдавая ихъ на жертву польской и католической пропагандѣ, отодвигаясь сами подальше отъ Европы къ Азіи и подготовляя въ будущемъ полное самоуничтоженіе? Подобной мысли не можетъ допустить ни одинъ русскій человѣкъ и европейская дипломатія, если дорожитъ своимъ авторитетомъ, должна бы, кажется, понять, что о присоединеніи къ Польшѣ западнаго и югозападнаго края Россіи, въ какомъ бы то ни было видѣ и на какихъ бы то ни было условіяхъ, могла быть рѣчь только въ 1815 году, а теперь никакъ не можетъ быть рѣчи. Остаются слѣдовательно льготы и вольности для самой Польши, но такія, которыя были бы безвредны Россіи.

Эти льготы и вольности отчасти уже даны были Польшѣ еще до возстанія. Не только потребности Польши были признаваемы, но даже національная кичливость польская получала удовлетвореніе. Русскій элементъ въ администраціи Польши не безъ эффекта былъ изъ нея удаленъ. Польскій языкъ вступилъ во всѣ права свои, и сталъ языкомъ офиціяльныхъ сношеній даже съ С.-Петербургскимъ правительствомъ. Въ Варшавѣ учрежденъ университетъ. Всѣ мѣстные интересы отданы въ завѣдываніе представителей мѣстнаго населенія въ муниципальныхъ и уѣздныхъ совѣтахъ: всѣ общія дѣла страны сосредоточены въ государственномъ совѣтѣ въ Варшавѣ, члены котораго назначены были верховною властью изъ самихъ же Поляковъ; при чемъ не были обойдены даже люди, заявившіе свое недружелюбіе къ Россіи. Наконецъ Польшѣ обѣщано было дальнѣйшее развитіе дарованныхъ ей льготъ и вольностей. Но Польша не удовольствовалась предоставленною ей возможностью свободнаго національнаго развитія: ея магнаты, устами графа Андрея Замойскаго, потребовали не только конституціи 1815 г. съ отдѣльнымъ польскимъ войскомъ, но и присоединенія къ Польшѣ исконныхъ русскихъ областей; ея ксендзы не переставали нарушать свою присягу и возбуждать въ народѣ фанатическую ненависть къ Россіи; революціонный комитетъ, дѣйствуя сначала тайными убійствами, взялся потомъ явно за оружіе противъ Россіи. Не возможности развивать самостоятельно свою національность искали они: возможность эта была уже предоставлена имъ; не политическихъ правъ добивались они: расширеніе ихъ было имъ обѣщано, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что оно скоро послѣдуетъ. Поляки возстали, чтобъ отторгнувъ отъ Россіи сначала Царство Польское, а потомъ и западныя ея области отъ Балтійскаго моря до Чернаго, оттѣснить Россію въ глубь азіятскихъ степей и занять ея мѣсто въ системѣ государствъ Европы. Вотъ что имѣлось въ виду при польскомъ возстаніи, и по собственному сознанію Поляковъ, это была послѣдняя отчаянная попытка возсоздать Польское королевство въ прежнемъ его видѣ, ниспровергнувъ могущество Россіи,—попытка безумная, внушенная религіозно-политическимъ фанатизмомъ, основанная не на сознаніи собственныхъ силъ своихъ, а на предполагаемомъ безсиліи самой Россіи въ настоящее время, на возможности найдти сочувствіе въ ней самой, точно также какъ и въ цѣлой Европѣ, и эта попытка оказалась теперь тѣмъ чѣмъ была—сумазбродствомъ. Какія же должны быть естественныя ея послѣдствія?

Лежачаго не бьютъ, говоритъ простой русскій человѣкъ, вовсе не привыкшій хвастаться своимъ великодушіемъ. Россія, мы увѣрены въ томъ, не будетъ, по примѣру Австріи, продолжать войну казнями. Если можно судить объ этомъ дѣлѣ, на основаніи общеизвѣстныхъ данныхъ, то политическая амнистія, то-есть освобожденіе отъ уголовнаго личнаго преслѣдованія, кажется мѣрой не только безвредною, но и полезною для Россіи,—полезною особенно по-

тому, что ею была бы предотвращена новая и ослаблена старая эмиграція, такъ много вредившая Россіи. Но Европа очевидно не въ правѣ желать, чтобы фискальныя мѣры секвестра, возвѣщенныя обнародуемыми выше высочайше утвержденными правилами, были совершенно прекращены. Кто по справедливости долженъ нести военныя издержки, вызванныя польскимъ возстаніемъ? Неужели Россія? Казна Царства Польскаго также едва ли должна принять ихъ на себя: возставало не все Царство Польское; огромная масса населенія; польскіе крестьяне, даже обнаружили свое несочувствіе къ мятежу. Фискальная тяжба Россіи можетъ относиться лишь къ тѣмъ лицамъ, которыхъ имущество подлежитъ секвестру. Даруя всепрощеніе за совершенныя противъ нея преступленія, Россія не обязана отказываться отъ гражданскаго иска противъ виновныхъ лицъ въ вознагражденіе за понесенные ею убытки. Она не станетъ преслѣдовать ни Поляковъ, ни польской національности, ни католицизма за вины недостойныхъ его служителей, которые вмѣсто любви проповѣдывали вражду, вмѣсто мира сѣяли раздоръ, вмѣсто успокоенія умовъ только раздражали и смущали ихъ. Пусть благоденствуютъ Поляки, пусть развивается на просторѣ польская національность, вступая въ мирное состязаніе съ національностью русскою, пусть даже ксендзы не отказываются отъ своей религіозной пропаганды, дѣйствуя путемъ убѣжденія; пусть мѣстныя интересы Польши остаются въ завѣдываніи ея мѣстныхъ учрежденій; но нѣтъ никакого основанія, чтобы Россія оплатила всѣ военныя издержки, причиненныя возстаніемъ, а тѣмъ менѣе есть основаніе требовать отъ Россіи, чтобъ она оставила за Польшей хотя бы обманчивый видъ политической самобытности. Это было бы поощреніемъ къ будущему мятежу и слѣдовательно тяжкою ошибкою какъ противъ Россіи, такъ и противъ самой Польши.

Въ настоящее время, послѣ не удавшагося и силою подавленнаго возстанія польская національность, на сколько она поддерживается и питается враждебностью къ Россіи, сокрушена нравственно, и истощена матеріяльно. Ея магнаты, ея шляхетство, ея ксендзы, въ виду недоброжелательнаго къ нимъ крестьянства, въ виду болѣе чѣмъ сомнительной къ нимъ дружбы многочисленныхъ и вліятельныхъ Евреевъ, убѣжденные недавнимъ опытомъ въ невозможности борьбы съ Россіей, должны будутъ внять голосу разума и не въ состояніи будутъ отвергнуть тѣхъ политическихъ правъ, которыя могли бы быть предоставлены Польшѣ только въ соединеніи съ Россіей. Оставлять за Польшей какую-либо политическую особеность, значило бы понапрасну питать въ польской національности несбыточныя надежды на возстановленіе польскаго королевства и тѣмъ поставлять ее въ враждебныя отношенія къ Россіи, дѣлать ее смертельнымъ нашимъ врагомъ, и подготовлять для будущаго возможность новыхъ возстаній, новыхъ кровопролитій. Графъ Лубенскій совершенно вѣрно назвалъ свои условія условіямц не мира, а перемирія между Россіей и Польшей. Но когда заключается перемиріе, то имѣется въ виду будущая война. Уже по этому одному позволительно признать эти условія неудовлетворительными. Намъ надобно мира съ Польшей, а не перемирія. Не торжество побѣды, а потребность примиренія внушаетъ мысль, что не только нѣтъ возможности послѣдовать торопливому совѣту графа Росселя и предоставить Польшѣ отдѣльное войско, но было бы очень важно слить Польшу съ Россіей и относительно государственнаго бюджета. Этого требуетъ политическая предусмотрительность. При теперешнемъ направленіи государственнаго права въ Европѣ, единство бюджета составляетъ непремѣнное условіе государственнаго единства. Установивъ общность военнаго и финансоваго управленія, и соединивъ Польшу съ Россіей общими политическими правами, при самостоятельности внутренняго польскаго управленія мы не стѣснили бы особаго національнаго развитія Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ положила бы прочное основаніе ея примиренію съ Россіей, и этой цѣли, конечно, сильно содѣйствовали бы, при разумныхъ мѣрахъ съ нашей стороны, два значительные класса польскаго населенія — крестьяне и Евреи. Европейская дипломатія, въ свою очередь, не могла бы ничего сказать противъ такого плана. Вѣдь не протестуетъ же она противъ того положенія, въ какое поставлены Галиція въ Австрійской имперіи и Познань въ Прусскомъ королевствѣ. Жалобы Поляковъ на Россію были основательны въ той мѣрѣ, въ какой относились къ недостаткамъ и злоупотребленіямъ администраціи, къ отсутствію личной безопасности и

къ строгости уголовныхъ наказаній за политическія преступленія и проступки. Только эти жалобы имѣютъ право на немедленное удовлетвореніе. Всего другаго должны искать Поляки вмѣстѣ съ Русскими въ общемъ государственномъ благоустройствѣ имперіи.

№ 70.

Москва, 29-го марта.

Что скажутъ, какъ посмотрятъ, что подумаютъ о насъ другіе?—вотъ тревожные вопросы для всѣхъ, у кого нѣтъ твердыхъ убѣжденій, кто не умѣетъ сказать *да* или *нѣтъ*, не знаетъ на что опереться внутри себя, шатается то въ одну, то въ другую сторону. Мы должны сказать съ прискорбіемъ, что именно эти вопросы приписываются намъ заграницею. Повидимому, въ западной Европѣ и въ самой Польшѣ утвердилось мнѣніе, будто мы сегодня не знаемъ, какъ станемъ дѣйствовать завтра, будто польское дѣло рѣшается въ Парижѣ или Берлинѣ, а не у насъ. Намъ отказываютъ въ опредѣленномъ планѣ, предполагаютъ внутри насъ розни и сочувствіе къ разнымъ чужимъ предположеніямъ объ устройствѣ Польши. Такъ, по словамъ нѣмецкихъ журналовъ, русская политика колеблется между двумя теченіями, или, какъ сказано въ *Allgemeine Zeitung*, направляется двумя партіями: русско-французскою и русско-нѣмецкою. Французскій взглядъ на польское дѣло означаетъ возстановленіе Польши, какъ независимаго государства, нѣмецкая или прусская политика состоитъ въ сохраненіи *statu quo*. Намъ тяжело было бы повторять вслѣдъ за иностранцами имена тѣхъ изъ нашихъ государственныхъ людей, которые причисляются ими къ той или другой партіи. Мы надѣемся, что догадки иностранныхъ журналовъ не имѣютъ твердаго основанія, и что въ русскомъ отвѣтѣ выскажется рѣшеніе, согласное съ интересами и видами не Франціи или Германіи, а Россіи. Мы надѣемся, что колебанія политики, которыя бросаются въ глаза иностранцамъ, суть только кажущіяся и что Европа услышитъ отъ насъ твердое слово. Что бы ни говорили, какъ бы ни смотрѣли, чтобы ни думали другіе, для насъ выше всего нашъ долгъ передъ нашимъ прошедшимъ и будущимъ, и этотъ долгъ мы обязаны исполнить безъ чужой указки. У насъ есть свои наставники: наша исторія смотритъ на насъ съ береговъ Днѣпра, Нѣмана и Вислы, и весь русскій народъ отзывается на это поученіе.

Да и какъ могли бы мы удовлетворить желаніямъ всей Европы? Франція желала бы возстановить старинное Польское королевство, вѣроятно потому, что интересъ этой воинственной державы состоитъ въ томъ, чтобы вездѣ поддерживать раздоръ и хаосъ; Англія думаетъ разрѣшить гордіевъ узелъ дарованіемъ Польшѣ конституціи 1815 года, слѣдуя отчасти дипломатической рутинѣ, а отчасти желанію ослабить Россію; Австрія... но Австріи приписывается такъ много различныхъ плановъ, что не знаешь, на которомъ изъ нихъ остановиться. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ образа дѣйствій Австріи въ настоящемъ случаѣ зависитъ весьма многое; за нею ухаживаютъ, ей льстятъ, даютъ обѣщанія, ее пугаютъ, въ ней возбуждаютъ чувство самолюбія. Такъ, журналы, радѣющіе о Полякахъ и находящіеся въ сношеніяхъ hôtel Lambert (мѣсто жительства князя Чарторижскаго въ Парижѣ) восхваляютъ Австрію, ея мудрость и благодушіе, обѣщаютъ ей послушаніе со стороны всѣхъ Славянъ, сулятъ въ будущемъ Дунайскія Княжества и Силезію, первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ. Съ другой стороны напоминаютъ ей слова князя Паскевича, что для Россіи дорога въ Константинополь лежитъ черезъ Вѣну, заводятъ рѣчь о панславизмѣ, а нѣкто г. Танскій предостерегаетъ Австрію и Европу особенно противъ союза Россіи съ Пруссіею. Въ недавно изданной имъ брошюрѣ *L'appel à l'Autriche et à l'Europe* онъ старается доказать, что для Европы одно спасеніе: поставить между Пруссіею и Россіею спльную Польшу, разъединить опасныхъ союзниковъ, иначе они раздѣлятъ между собою всю Европу.

Изо всѣхъ этихъ грозныхъ призраковъ, на Австрію могъ бы подѣйствовать панславизмъ, этотъ кошмаръ, внушающій почти такой же страхъ какъ и духовное завѣщаніе Петра Великаго. Но идея панславизма, какъ политическаго принципа, въ сущности не наша идея. Мы не можемъ не сочувствовать славянскимъ племенамъ, мы естественно стоимъ къ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ; но отсюда еще далеко до единства политическихъ интересовъ и еще далѣе до возможности политическаго единства. Мы вообще не мечтате-

ли, мы знаемъ, что существованіе русскаго государства очень важно для славянскаго міра и поддерживаетъ въ немъ духъ народности; этимъ мы объясняемъ естественное тяготѣніе къ намъ Славянъ; съ своей стороны мы считаемъ дѣломъ естественнымъ смотрѣть на Славянъ какъ на своихъ братьевъ, но, конечно, ни одинъ изъ нашихъ славянофиловъ никогда не грезилъ о присоединеніи Словенцевъ или Лужичанъ къ русскому царству. Если кто считаетъ себя призванными стать во главѣ всѣхъ Славянъ и связать ихъ силой въ одно цѣлое, такъ это Поляки. Всѣ революціонныя общества польскія высказывали самыя широкія притязанія на Славянъ, и Австрія должна знать, чего слѣдуетъ ожидать ей отъ независимой Польши. Австрія не настолько забывчива, чтобы не вспомнить о томъ обращикѣ независимой Польши, который представилъ ей Краковъ, и о „соединенныхъ Славянахъ“ издававшихъ свои манифесты.

Но оставимъ въ сторонѣ Австрію и взглянемъ на австрійскихъ Славянъ. Для насъ весьма желательны дружественныя отношенія къ Славянамъ, а для австрійскихъ Славянъ они необходимы, потому что оживляютъ ихъ, даютъ имъ бодрость и силу и улучшаютъ ихъ политическое положеніе въ ряду австрійскихъ народовъ, не позволяя Нѣмцамъ и Мадьярамъ считать Славянъ ни во что. Это очень важно для австрійскихъ Славянъ. Доброе согласіе славянскаго міра ведетъ не къ политическому панславизму, а къ тому что имя славянское уважается, и Славянъ не считаютъ за паріевъ. На дорогѣ между австрійскими Славянами и нами стоитъ и теперь Польша; она и теперь нарушаетъ согласіе славянскаго міра, но она станетъ непреодолимою преградою на пути національнаго успѣха въ славянскомъ мірѣ, если получитъ бо́льшую силу дѣйствовать противъ насъ, а что она будетъ дѣйствовать враждебно къ намъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Славянскій міръ, разумѣется, проиграетъ отъ этого междуусобія въ его нѣдрахъ. Мы будемъ раздирать другъ друга, и сосѣднія національности не премину́тъ этимъ воспользоваться. Продолжительная борьба Россіи и Польши есть національная смерть австрійскихъ Славянъ. Пытаясь оттягать у насъ владѣніе нашими областями, Поляки вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ отталкивать насъ даже отъ тѣхъ нашихъ соплеменниковъ, съ которыми мы связаны религіознымъ сочувствіемъ. И на восточномъ вопросѣ это сильно отзовется. Русская политика въ польскомъ вопросѣ не должна, конечно, упускать изъ виду и этой стороны. Всякая уступка, ведущая къ политической отдѣльности Польши, есть ударъ наносимый всему славянству, и притомъ такой ударъ, которому не можетъ даже радоваться Австрія и который развѣ только Турціи можетъ быть пріятенъ. Здѣсь, помимо желанія Австріи, интересы славянства сходятся съ ея интересами. Въ первомъ пылу, австрійскіе журналы высказались противъ Россіи, подъ вліяніемъ недавнихъ недочетовъ; припомнивая гибель Священнаго Союза, относительно разорваннаго признаніемъ Италіи со стороны Россіи, Австрійцы съ горечью упрекали насъ за отступничество. Но внимательно и спокойно взглянувши на дѣло, взвѣсивши всѣ шансы за и противъ, они измѣнили свой тонъ и взглядъ, а вслѣдъ и за ними и Англія не замедлитъ измѣнить свой тонъ и взглядъ. „Если вы чѣмъ довольны, значитъ, это и Англіи выгодно“, говорилъ еще на вѣнскомъ конгрессѣ лордъ Кассльри князю Меттерниху.

Такимъ образомъ, сила вещей, отношенія, сложившіяся издавна въ системѣ политическаго равновѣсія Европы, и наконецъ національные интересы славянства ставятъ непреодолимую преграду осуществленію плановъ Франціи. Императоръ Французовъ, можетъ-быть увлекается успѣхомъ своимъ въ Италіи; но въ Польшѣ не то что на полуостровѣ. Въ Италіи дѣло шло о національномъ единствѣ, а польскій вопросъ вноситъ разъединеніе въ славянство. Начало національности тутъ не можетъ служить поддержкой. Г. Гранье-де-Кассаньякъ въ статьѣ приведенной нами въ № 68 *Московскихъ Вѣдомостей*, напечатанной въ *Nation*, основательно доказалъ вѣрно, что Франція не можетъ вести войну изъ-за Польши. Лордъ Пальмерстонъ подтвердилъ, что и Англія не прибѣгнетъ къ вооруженному вмѣшательству, потому что оно невозможно. Силы инсургентовъ истощены. Всѣ эти обстоятельства ставятъ насъ въ наиболѣе выгодныя условія для того чтобы твердо высказать нашу собственную политику. Только этою твердостію, только исполненіемъ своего ясно сознаннаго долга передъ собой и славянскимъ міромъ, мы можемъ пріобрѣсти уваженіе Европы и обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ произволь-

ныхъ притязаній съ ея стороны. Только въ томъ случаѣ, если мы будемъ слѣдовать нашей собственной политикѣ, о насъ скажутъ, что мы государство имѣющее будущность, а не случайно одною силою нахватанныя разнородныя части, которыя можно отнимать одну за другою, какъ полагаютъ Поляки.

№ 71.

Москва, 3-го апрѣля.

Въ день Свѣтлаго Воскресенія — самый торжественный и самый народный праздникъ у насъ на Руси — даны и обнародованы два важные акта по поводу польскихъ смутъ: Высочайшій манифестъ къ Царству Польскому и указъ правительствующему сенату, относящійся къ смежнымъ съ Царствомъ Польскимъ губерніямъ. Оба акта запечатлѣны однимъ и тѣмъ же духомъ, постоянно характеризующимъ дѣйствія нынѣшняго царствованія, — духомъ кротости, терпимости и прощенія. Ожесточенные противники наши въ Европѣ будутъ ли удовлетворены этимъ словомъ милости и всепрощенія, которое раздалось въ отвѣтъ на буйные крики и безчинныя требованія? Это кроткое слово должно смутить ихъ совѣсть, — но обезоружитъ ли оно ихъ, образумитъ ли, отрезвитъ ли ихъ желанія и требованія? Все что Монархъ великой державы могъ сдѣлать въ чувствѣ снисхожденія и примиренія, сдѣлано имъ; онъ прощаетъ мятежниковъ, предаетъ забвенію совершенныя ими кровавыя дѣла, убѣждаетъ ихъ возвратиться къ долгу повиновенія и довѣрію, и побуждаетъ ихъ къ тому собственными пользами несчастнаго края, періодически терзаемаго своими патріотами.

Да, когда надъ этимъ краемъ тяготѣла строгая и крѣпкая рука, онъ былъ спокоснъ; стѣсненный во всѣхъ отправленіяхъ своей общественной жизни, въ своемъ языкѣ, въ своихъ національныхъ обычаяхъ, управляемый вооруженною силой, безъ всякихъ видовъ на національную самостоятельность, онъ былъ спокоенъ; его выходцы сидѣли въ безсильной праздности по всѣмъ угламъ Европы, и мало-по-малу примирялись съ безнадежностію своихъ замысловъ; европейскіе доброжелатели Польши хранили молчаніе и полнѣйшее равнодушіе къ судьбамъ этой страны; только въ парламентахъ изъ году въ годъ раздавался, ради куріоза, какой-нибудь одинъ и тотъ же голосъ, напоминавшій въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о Польшѣ, и былъ постоянно встрѣчаемъ общимъ смѣхомъ палаты. Но вотъ измѣнился старый порядокъ; все болѣе и болѣе отпускала крѣпкая рука; польское національное чувство получило возможность дышать свободно, и открылись виды на будущее; политическіе преступники возвращены изъ ссылки и изъ изгнанія; понадобилось въ школахъ учить по-польски, стали учить по-польски; понадобился университетъ, данъ университетъ; управленію края предоставлена полная автономія, съ видами на дальнѣйшее развитіе въ будущемъ; административныя должности поручены Полякамъ, и люди русскаго происхожденія, служившіе въ Царствѣ Польскомъ, уволены въ угоду національной щекотливости; во главу гражданскаго управленія поставленъ человѣкъ, чье имя всего болѣе ручалось за національный характеръ управленія, маркизъ Велёпольскій, всегда принадлежавшій къ ревностнѣйшимъ польскимъ патріотамъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ дѣятелей въ возстаніи 1831 года, человѣкъ съ твердою волей, искусный политикъ наученный опытомъ, и по признанію зрѣлыхъ людей изъ Поляковъ, несравненно болѣе способный оказать услуги польскому дѣлу чѣмъ всѣ прочіе пылкіе ревнители взятые вкупѣ. Дѣла стало-быть шли очень хорошо въ польскомъ смыслѣ; чего же еще могла желать Польша? Она уже начинала пользоваться желаемою самостоятельностію, на какую потеряла уже и надежду; она находилась въ обладаніи всѣми условіями продолжать успѣшнымъ образомъ свое національное развитіе; ни на что не было наложено окончательно запрета, ни въ чемъ не было рѣшительнаго отказа; много было дано, и много было еще впереди. Однако къ чему послужили всѣ эти облегченія и условія, которыми обезпечивались надежды на спокойное развитіе? Къ тому чтобы вдругъ все заходило и заколебалось, и то что долженствовало успокоить всѣ умы и согласить всѣ интересы, произвело только полнѣйшій разладъ, волненія и смуты, и наконецъ вооруженное возстаніе. Что должно было послужить къ утвержденію спокойствія, то напротивъ возмутило его самымъ жестокимъ образомъ. Вездѣ остановился мирный трудъ; помѣщикъ и крестьянинъ раззорены; промышленность терпитъ невознаградимый ущербъ; матеріяльное благосостояніе края

подверглось тяжкимъ ударамъ, которые заставляютъ мирныхъ жителей жалѣть о прежнемъ суровомъ и крѣпкомъ управленіи, когда національнымъ стремленіямъ не было хода. Отъ чего же все это произошло? Отъ чего, при строгомъ правленіи, Польша была спокойна, а при льготномъ, открывавшемъ ей всѣ надежды на будущее, она пришла въ волненіе, которое возрастало и ожесточалось по мѣрѣ того какъ становилось льготнѣе и слабѣе? Почему именно въ эту пору вдругъ возымѣла силу польская эмиграція со всѣмъ арсеналомъ своихъ фантазій и замысловъ, которые нигдѣ въ мірѣ не могли бы имѣть приложенія? Зачѣмъ вдругъ въ Царствѣ Польскомъ начали дѣйствовать какія-то тайныя судилища, страхомъ тайнаго убійства вербовавшія себѣ приверженцевъ, принуждавшія мирныхъ жителей къ повиновенію, и двигавшія городскими массами по своимъ замысламъ? Къ чему эти безстыдныя комедіи, которыя разыгрывались на варшавскихъ улицахъ? Откуда взялись эти мученики, сами подставлявшіе грудь свою подъ штыки и подъ пули? Зрѣлища, которыя давались Европѣ на улицахъ варшавскихъ, дѣйствительно были очень эффектны, и европейская публика рукоплескала имъ съ энтузіазмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, толпы безоружнаго народа, въ томъ числѣ женщины и дѣти, безтрепетно собирались передъ рядами войскъ, готовые на смерть и призывая ея удары. Какія сокровища энтузіазма, самоотверженія и вольнаго мученичества! Однако гдѣ же были эти сокровища въ ту пору, когда у солдатъ нашихъ и ружья стрѣляли, и штыки работали не шутя? Гдѣ тогда скрывался неудержимый восторженный пылъ запечатлѣть собственною кровью свои вѣрованія? Гдѣ былъ онъ въ ту пору, когда могъ найдти себѣ надлежащее удовлетвореніе? Пусть бы тогда эти кандидаты въ мученики прошлись процессіей по улицамъ, пусть бы тогда поплевали они на вооруженныхъ солдатъ, и похохотали по нотамъ передъ домомъ намѣстника, пусть бы тогда... Въ то время была полная и вѣрная надежда пріять мученическій вѣнецъ и совершить передъ лицомъ цѣлаго міра великую жертву. Нѣтъ, тогда варшавскія улицы были совершенно спокойны. Пылъ жертвовать собою явился въ то время, когда не оказывалось жрецовъ; мученики лѣзли на ружья, когда пули въ ружьяхъ были заговорены, и оплеванный солдатъ долженъ былъ молча утираться глотая оскорбленіе военной чести. И какой гвалтъ поднимался на цѣлый міръ, когда послѣ неслыханныхъ поруганій, которымъ подвергались войска, они теряли терпѣніе и брались за оружіе!

Чудеса *пассивнаго сопротивленія* не замедлили уступить мѣсто очень *активнымъ* проявленіямъ. Какой-то значительный польскій патріотъ сказываютъ, выразилъ эффектную мысль, что польское возстаніе обойдется на этотъ разъ безъ оружія, одною силою самопожертвованія. Значительный патріотъ слишкомъ поторопился похвальбою. Начались гнусныя покушенія изподтишка, начались тайныя убійства, и множество русскихъ солдатъ, измѣннически застигнутыхъ въ расплохъ, были варварски зарѣзаны по одиночкѣ. Святые мученики затѣяли Варѳоломеевскую ночь и Сицилійскія вечерни посреди девятнадцатаго столѣтія, en pleine Europe, при всеобщемъ кажденіи *гуманитарнымъ* и *филантропическимъ* идеямъ, подъ управленіемъ самымъ уступчивымъ и мягкимъ, какимъ когда-либо пользовался польскій край. Наконецъ, какъ извѣстно, въ Варшавѣ оказались два правительства: одно открытое, другое тайное и подъ руководствомъ этого тайнаго правительства, засѣдающаго и по сіе время въ Варшавѣ, вѣшающаго и разстрѣливающаго ослушниковъ и разсылающаго свои декреты по всей странѣ, даже въ глубь Россіи къ польскимъ людямъ, разыгралось возстаніе. Сколько темныхъ дѣлъ совершено, сколько крови пролито, сколько бѣдствій постигшихъ мирныя народонаселенія! А между тѣмъ пришла въ движеніе Европа, и вдругъ возросъ до громадныхъ размѣровъ польскій вопросъ, еще такъ недавно бывшій всеобщимъ посмѣшищемъ. Что же случилось, и чего вдругъ потребовалось? Польшѣ дана была полная автономія, и ея національность обезпечивалась льготами, о которыхъ она не мечтаетъ ни въ Пруссіи, ни въ Австріи: вотъ что случилось. А что потребовалось? потребовалась полная самостоятельность Польши съ конституціей 1815 года и съ пол-Россіей въ придачу; потребовалось отнять у Россіи не только значеніе великой державы, но и всякое политическое значеніе, такъ чтобы годовщина ея тысячелѣтняго существованія превратилась для ней въ похоронную тризну. Мы слышали эти требованія, которыя съ наивнымъ нахальствомъ произносились во всеуслышаніе, и только русская, уже черезъ чуръ

богатырская натура, могла не тотчасъ вспыхнуть и разразиться грозою оскорбленнаго народнаго чувства... Боже мой, что заговорило бы въ каждомъ Французѣ, Англичанинѣ и Нѣмцѣ, еслибы хотя что-нибудь подобное послышалось у нихъ! Только теперь наконецъ пошевелился нашъ Селянинovичъ, съ своею *тягой земною*,—теперь когда кровавая драма приходитъ къ концу, когда русскій солдатъ, покинутый на свое собственное патріотическое чувство, показалъ наконецъ мятежникамъ, что не все же шутки...

Не даромъ говоритъ пословица, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ: теперь и наше образованное общество, наши дворяне и другихъ сословій люди, почувствовали и поняли, что дѣло не шутка! Патріотическое чувство всколыхалось наконецъ и въ нашей громадной Россіи. Но и теперь еще услышите вы порою странныя сужденія отъ людей несомнѣнно честныхъ и крѣпко принимающихъ къ сердцу благо своего отечества. У насъ, при каждомъ случаѣ, какъ-то очень туго и медленно пробуждается политическая чуткость. Мы готовы, пожалуй, сказать: „О, мы не уступимъ ни одной пяди изъ русскихъ владѣній, хотя бы пошла на насъ вся Европа! Мы скорѣе всѣ погибнемъ, чѣмъ согласимся на позорную сдѣлку! За то мы можемъ спокойнѣе и равнодушнѣе смотрѣть на польскія притязанія тамъ гдѣ они ограничиваются чисто польскою почвой. Пусть всѣ польскіе элементы соберутся вмѣстѣ, пусть настоящая польская земля получитъ возможно полную государственную самостоятельность: отъ этого не произойдетъ для насъ никакого ущерба, а польскій вопросъ могъ бы разрѣшиться мирнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Нынѣшнее царство Польское, или бывшее герцогство Варшавское, съ Познанью и Галиціей могли бы собраться и составить одно политическое цѣлое, чѣмъ польская національность была бы удовлетворена, а Россія была бы счастлива тѣмъ, что съ нею граничило бы славянское государство, съ которымъ она всегда находилась бы въ братскомъ согласіи и единеніи.“ Разсуждающіе такъ забываютъ только о томъ, что Познанское княжество на половину онѣмечено, и что Нѣмцы не такъ великодушны, какъ мы, а Галиція на половину населена кореннымъ русскимъ людомъ, который несмотря на всевозможныя притѣсненія со стороны Поляковъ, несмотря на унію коварно изобрѣтенную для уловленія русскихъ людей, остается вѣренъ своей народности и ненавидитъ польскую. Они забываютъ, что польскаго народа нѣтъ въ дѣйствительности, что есть только польская шляхта, что польская національность ищетъ не свободы, а преобладанія и владычества, что польское государство не можетъ довольствоваться тѣми размѣрами и тѣмъ значеніемъ какія было бы намъ угодно дать ему, что всякая уступка въ этомъ смыслѣ была бы не разрѣшеніемъ вопроса, а новымъ затрудненіемъ и осложненіемъ его, что всякая уступка въ этомъ смыслѣ сопровождалась бы соотвѣтственнымъ ущербомъ для Россіи, и не удаляла бы, а напротивъ приближала бы европейскую войну. Европейскія державы, поколебавъ наше значеніе на Востокѣ, были бы не прочь довершить начатое, и возстановленіемъ Польши низвести насъ со степени великой державы. Нѣтъ, не западныя наши губерніи должны мы отстаивать,—о нихъ и рѣчи быть не должно,—мы должны энергически отстаивать свои права относительно Царства Польскаго. Hic Rhodus, hic salta.

Высочайшій манифестъ обращенный къ Царству Польскому, при кроткомъ и примирительномъ тонѣ, отличается твердостію. Даруя прощеніе мятежникамъ и удерживая въ полной силѣ всѣ дарованныя Польшѣ льготы, манифестъ не обѣщаетъ ничего болѣе кромѣ правильнаго развитія предустановленнаго плана. Возстаніе и борьба не произвели никакого замѣтнаго дѣйствія на верховную руку держащую судьбы этого края; она не дрогнула, и какъ было дѣло до начала возстанія, такимъ осталось и теперь, когда предусматривается конецъ его. Все остается такъ, какъ бы ничего не было: реакціи нѣтъ, но нѣтъ и унизительныхъ и пагубныхъ для Россіи уступокъ. Польскіе патріоты приглашаются къ повиновенію и къ мирному пользованію прежде дарованными льготами. Манифестъ обѣщаетъ только продолженіе начатаго; излишняго въ немъ не сказано. Для Польши открыта новая политическая эра, но не въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ въ 1815 году, подъ вліяніемъ Чарторижскаго, открывалась политическая эра для Польши. Та же самая эра открыта и для всей Россійской Имперіи, Польша, оставаясь въ соединеніи съ Россіей, будетъ слѣдовать наравнѣ съ ней одному и тому же ритму полити-

ческаго развитія. И тамъ и тутъ въ основу угла полагается сходственно задуманное мѣстное самоуправленіе; и тамъ и тутъ политическое развитіе должно идти изъ одинаковыхъ элементовъ и одинаковымъ путемъ. Указъ дополняетъ сказанное въ манифестѣ, и оба акта вмѣстѣ обнаруживаютъ общій планъ, который въ своемъ развитіи долженъ не разъединить обѣ страны, а напротивъ связать ихъ самыми надежными и прочными узами общаго интереса, при соблюденіи національной автономіи, во всемъ что можетъ быть разумно предоставлено ей, не подвергая опасности того общаго интереса, которымъ обѣ страны должны быть между собою тѣсно связаны.

Что же предстоитъ теперь дѣлать намъ, по прочтеніи Высочайшаго манифеста. Должны ли мы считать дѣло конченнымъ, успокоить наше патріотическое чувство и уснуть сномъ людей много потрудившихся и много надѣлавшихъ дѣла? Нѣтъ! Если когда, то теперь должно громко заговорить наше русское чувство. Теперь, теперь должны мы дать ему полный ходъ и полную силу его выраженію.

На насъ лежитъ долгъ показать Европѣ, въ какомъ единственномъ смыслѣ русское чувство понимаетъ этотъ манифестъ, и предупредить иныя толкованія.

№ 72.

Москва, 4-го апрѣля.

Пробудившееся русское чувство начинаетъ говорить неумолчно. За петербургскимъ дворянствомъ послѣдовали представители всѣхъ сословій нашей сѣверной столицы, и въ адресѣ, поднесенномъ Государю Императору въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, высказались энергически за сохраненіе цѣлости и нераздѣльности Русскаго царства, съ которымъ и по праву завоеванія, и въ силу трактатовъ не разрывно соединена Польша. Этотъ непривычный для Европы голосъ самой страны, самаго земства, раздайся онъ прежде, предотвратилъ бы множество нелѣпыхъ и несбыточныхъ ожиданій, и далъ бы, можетъ быть, другое направленіе усиліямъ дипломатіи; но и въ настоящее время онъ не замедлитъ произвести сильное и благопріятное для насъ впечатлѣніе, какъ это видно изъ всѣхъ отзывовъ по случаю адреса петербургскаго дворянства.

Опасность, которая грозитъ намъ, заключается не въ возстаніи Польши. Самое это возстаніе было бы невозможно безъ поддержки изъ Англіи и еще болѣе изъ Франціи; оно было бы невозможно безъ послабленій со стороны Австріи, съ которою находились мы въ холодныхъ отношеніяхъ несмотря на ея старанія сблизиться съ нами, и которая только теперь, въ послѣднее время, начала принимать серіозныя мѣры противъ вербовки инсургентовъ въ предѣлахъ Краковской области и Галиціи и противъ ввоза оружія и аммуниціи въ Польшу, замѣчая, что волненіе мало по малу охватываетъ ея собственныя земли и что въ самой Галиціи организовались тайные революціонные комитеты. На польское возстаніе имѣемъ мы право смотрѣть не столько какъ на борьбу противъ насъ польской народности, сколько какъ на послѣднюю, быть-можетъ, попытку со стороны западныхъ державъ ослабить и умалить значеніе Россіи. Впрочемъ, еслибы не опасенія нашей политики на Востокѣ и внезапно возникшей близости между нами и Франціей, Англія осталась бы равнодушною зрительницей безплодныхъ и безцѣльныхъ волненій въ Польшѣ, а Австрія, принявъ съ самаго начала рѣшительное противъ нихъ положеніе, отняла бы у нихъ всякую возможность перейдти въ вооруженное возстаніе. Теперь же Франція, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась самымъ ненадежнымъ другомъ, и, мало того, озабоченная прежде всего ролью преобладающей державы въ Европѣ, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы втянуть Австрію въ общій дипломатическій походъ противъ насъ.

Въ настоящее время этотъ походъ совершился, или по крайней мѣрѣ началось его совершеніе. По удачному выраженію *Indépendance Belge*, три великія европейскія державы согласились между собою въ томъ, что дѣйствительнаго согласія между ними не будетъ, и что каждая изъ нихъ будетъ дѣйствовать отдѣльными нотами, но въ одномъ общемъ духѣ и для достиженія одной общей цѣли. „Вчера вечеромъ,—такъ начинается передовая статья *Times* отъ 11-го апрѣля (30-го марта),—посланы въ Петербургъ депеши изъ Лондона, Парижа и Вѣны къ представителямъ Великобританіи, Франціи и Австріи съ инструкціями прочесть эти депеши князю Горчакову и оставить съ нихъ копіи. Эти депеши, приба-

вляетъ органъ Лондонскаго Города, изложены въ дружественныхъ выраженіяхъ: но всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ ясное и вразумительное предостереженіе русскому правительству.“ „Европейскія державы, говоритъ *Morning Post*, не сочли должнымъ обратиться съ коллективною нотою къ С.-Петербургскому кабинету, чтобы не придать своему дѣйствію угрожающаго характера, который могъ бы сдѣлать его совсѣмъ безплоднымъ. Они предпочли дѣйствовать отдѣльными нотами, хотя и одушевлены одинаковыми видами и чувствами.“ Что особенно ново и замѣчательно въ статьѣ органа лорда Пальмерстона, это пренебрежительный тонъ, съ которымъ онъ отзывается о трактатахъ 1815 г. относительно Польши.

„Европейскимъ державамъ, говоритъ онъ, нѣтъ надобности ломать голову надъ истолкованіемъ вѣнскихъ трактатовъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ въ виду требовать отъ Россіи выполненія обязательствъ, которыя систематически нарушались цѣлый рядъ годовъ. Они ожидаютъ отъ Россіи не того, чтобъ она дала Польшѣ ту или другую форму правленія сообразно съ трактатами 1815 г., но того, чтобъ она дала ей такую форму правленія, которая положила бы конецъ состоянію непрерывнаго и хроническаго возстанія, въ какомъ находится Польша.“

Когда Австріи, говоритъ *Journal des Débats*, основываясь на полученныхъ имъ письмахъ изъ Вѣны,—сообщено было офиціальнымъ путемъ, но конфиденціально, что Императоръ Всероссійскій уже подписалъ манифестъ о всепрощеніи и имѣетъ въ виду слѣдовать прежней системѣ реформъ, преобразовать администрацію, развить муниципальныя учрежденія и народное просвѣщеніе, ввести начало свободы печати, расширить избирательныя права, обезпечить свободу вѣроисповѣданій, когда все это доведено было до свѣдѣнія Вѣнскаго кабинета, онъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, и не зналъ, чего еще требовать отъ Россіи въ обѣщанной имъ Франціи нотѣ. Осталось только высказать общія и неопредѣленныя желанія, которыя выражаютъ все или ничего смотря по волѣ желающаго. Подъ этою неопредѣленною формой каждая изъ трехъ державъ можетъ очень легко и удобно скрывать свои особые виды.

Дать Польшѣ такую форму политическаго существованія, которая водворила бы въ ней миръ и спокойствіе,—да это все чего только можетъ желать сама Россія, и въ этомъ отношеніи существуетъ, повидимому, полное согласіе между Россіей, Австріей, Англіей и Франціей. Но какая именно форма политическаго существованія можетъ успокоить и умиротворить Польшу, въ этомъ заключается вся сущность вопроса и источникъ всѣхъ разногласій. Если обратиться за рѣшеніемъ этого вопроса къ самимъ Полякамъ, то они, поддерживаемые издавна всѣми врагами Россіи, предъявили бы самыя безграничныя требованія, осуществленіе которыхъ уничтожило бы всякое политическое значеніе Россіи и поставило бы на ея мѣсто Польшу. Если прислушаться къ голосу большей части французскихъ журналовъ, если спросить совѣта у полуофиціяльной Франціи, то пришлось бы точно также не только возстановить политическую независимость Царства Польскаго, но и оторвать отъ самой Россіи Литву, Бѣлоруссію и значительную часть Малой Россіи. Да и сама офиціальная Франція, самъ императоръ Наполеонъ III, какъ увѣряютъ, лелѣетъ по меньшей мѣрѣ мысль объ образованіи изъ Царства Польскаго независимаго государства, соглашаясь (на первый разъ) предоставить новый престолъ одному изъ членовъ русской императорской фамиліи, какъ будто осуществленіе такого плана водворитъ миръ и спокойствіе между Поляками. Если, наконецъ припомнить содержаніе англійской депеши отъ 2-го марта, если принять голосъ *Morning Post* за голосъ англійскаго правительства, то повидимому и Англія не прочь разумѣть подъ формою правленія, способною обезпечить миръ и спокойствіе Польши, совершенное отдѣленіе ея отъ Россіи. Въ одной изъ недавнихъ статей своихъ *Morning Post* развиваетъ, въ связи съ польскимъ вопросомъ, очень коварную мысль. По мнѣнію органа лорда Пальмерстона, Россія, при своемъ огромномъ пространствѣ, можетъ быть управляема только деспотическимъ образомъ: такъ чествуетъ англійскій журналъ нынѣшній образъ правленія въ Россіи. Польша въ этомъ отношеніи продолжаетъ *Morning Post*, представляетъ истинное затрудненіе для Россіи. Была сдѣлана попытка управлять ею диспотически и попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. Дать ей либеральное устройство, но соединивъ ее узами подданства съ Россіей, значило бы создать

одну изъ величайшихъ опасностей для сохраненія нынѣшняго правленія въ прилежащихъ къ ней областяхъ собственно Россіи. Такимъ образомъ органъ лорда Пальмерстона, обрекая Россію или на раздробленіе, или на вѣчное продолженіе такъ называемаго имъ деспотическаго правленія, въ видахъ сохраненія послѣдняго, лукаво совѣтуетъ повнимательнѣе вникнуть, „не лучше ли будетъ отказаться вовсе отъ Польши и предоставить ей полную независимость, чѣмъ даруя Полякамъ права, въ которыхъ придется отказывать самимъ Русскимъ, пробудить въ нихъ сильное неудовольствіе.“ Вопросы, которыхъ касается *Morning Post*, самые капитальные, въ разсмотрѣніе которыхъ мы не станемъ здѣсь вдаваться, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на нихъ читатель найдетъ отчасти въ статьѣ „Русскій вопросъ“ въ недавно вышедшей книгѣ *Русскаго Вѣстника*. Мы не станемъ говорить также, какъ больно русскому человѣку слышать, что серіозный органъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ считаетъ себя въ правѣ называть нашъ образъ правленія деспотическимъ. Мы не станемъ также указывать ему на примѣры Италіи и Австріи, которыя не деспотизмомъ стремятся создать и упрочить цѣлость и единство своихъ государствъ, а учрежденіями, которыя способны внутренно сблизить и слить въ одно политическое цѣлое различныя племена и области.

Morning Post предлагаетъ, дѣйствительно, новый и неиспытанный еще способъ разрѣшенія польскаго вопроса—совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи; но и эта форма политическаго существованія не успокоила бы, не умиротворила бы Поляковъ, которые стремятся вовсе не къ тому, а къ возстановленію Польши въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она нѣкогда имѣла. Но вмѣсто того чтобъ обращаться къ этимъ предположительнымъ и неиспытаннымъ еще планамъ, не естественнѣе ли было бы со стороны Англіи—еслибы тутъ не было коварной задней мысли,—не естественнѣе ли было бы обратиться къ тому что уже испытано, правда, не нами, а Пруссіей и Австріей? Дѣло идетъ о созданіи для Польши такой политической формы, которая положила бы конецъ ея смутамъ и волненіямъ. Отдѣльная политическая организація Польши, испытанная въ 1815—30 годахъ, не успокоила Польши, при всѣхъ своихъ либеральныхъ учрежденіяхъ; деспотизмъ, какъ называетъ *Morning Post* послѣдовавшую за тѣмъ правительственную систему, также не привелъ къ желаннымъ результатамъ. За тѣмъ остается или отдать Польшу Австріи и Пруссіи, или же соединить ее съ Россіею не однѣми внѣшними, но и внутренними узами, какими соединена Галиція съ Австріей, Познань съ Пруссіей.

Какъ же это укрывается отъ почтенной англійской газеты? Дѣло въ томъ, что понадобилось отдѣлить Польшу отъ Россіи, чтобъ ослабить насъ, и Англіи очень хотѣлось бы достигнуть этой цѣли не обнажая меча, посредствомъ однихъ представленій и убѣжденій. Еслибы это было дѣло статочное, то надобно признаться, что это былъ бы верхъ искусства. Англія сбыла бы съ рукъ цѣлую великую державу, не проливъ ни одной капли англійской крови. Тутъ есть изъ-за чего поднять крикъ и очень можно рискнуть двумя-тремя дипломатическими депешами, не говоря уже о журнальныхъ статейкахъ.

Итакъ, если настоящія обстоятельства способны тревожить русское чувство, то источникъ этой тревоги можетъ заключаться не въ самомъ польскомъ возстаніи, не въ буквальномъ смыслѣ требованій, обращенныхъ къ намъ тремя великими державами Европы, а въ самой неопредѣленности ихъ, которая, смотря по обстоятельствамъ, даетъ возможность западнымъ державамъ придать этимъ требованіямъ тотъ смыслъ и то значеніе, какіе они найдутъ для себя нужными. Энергія и единодушіе, съ какими выскажутся русскіе люди противъ плановъ несогласныхъ съ жизненными интересами Россіи, могли бы оказать не малое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, образумивъ Францію и Англію и ограничивъ ихъ черезчуръ широкіе планы.

№ 73.

Москва, 5-го апрѣля.

Въ журналахъ, которые болѣе или менѣе выражаютъ образъ мыслей, господствующій въ правительственныхъ сферахъ Франціи, въ настоящее время идетъ рѣчь о томъ, какихъ результатовъ можно ожидать отъ усилій дипломатіи по польскому вопросу. Газета *Patrie*, руководимая отчасти государственнымъ министромъ, графомъ Валевскимъ, настаиваетъ на томъ, что война неизбѣжна, что только она можетъ развязать

или, лучше разрубить Гордіевъ узелъ, затянувшійся на берегахъ Вислы и ея притоковъ. Газета *La France*, владѣлецъ и политическій директоръ который сенаторъ де-Лагеронньеръ стоитъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нынѣшнему министру иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Люису, напротивъ возлагаетъ большія надежды на дипломатію. „Политика", говоритъ этотъ журналъ, „органомъ которой служитъ *Patrie*, это—война, которая отдалила бы отъ Франціи всѣ другія державы и поставила бы на сторонѣ Россіи всѣ интересы, которымъ угрожала бы отъ насъ опасность. Политика, которую отстаиваетъ *La France*, это—дипломатическое вмѣшательство, спокойное, но твердое въ своихъ рѣшеніяхъ, изолирующее Россію и поставляющее ее лицомъ къ лицу съ требованіями Европы, поддерживаемой всеобщимъ чувствомъ. Пусть рѣшатъ люди разсудительные, какая изъ этихъ двухъ политикъ болѣе сообразна съ интересами Франціи, болѣе благопріятна для дальнѣйшихъ судебъ Польши." „Но что придется дѣлать", спрашиваетъ въ свою очередь *Patrie*, „если дипломатическое вмѣшательство, спокойное, но твердое въ своихъ рѣшеніяхъ, не получитъ отъ Россіи *всѣхъ* обезпеченій, какихъ требуетъ справедливость польскаго дѣла и основанія которыхъ признаны были самими трактатами 1815 г.?" Не набрасывая и тѣни сомнѣнія на эту проповѣдуемую всѣми французскими журналами *справедливость польскаго дѣла*, *La France* говоритъ только одно, возможно ли, чтобы дѣло дошло до войны, „когда ничто не показываетъ со стороны Россіи намѣренія упорствовать, какое замѣчалось въ прежнюю пору, и когда напротивъ все предвѣщаетъ готовность къ сладу и къ сдѣлкамъ?" *La France* не ожидаетъ, чтобы „Россія сдѣлала все, чего желаютъ самые пылкіе друзья Польши"; но „чтобъ Россія упорно отказалась отъ уступокъ, въ виду разумныхъ требованій Европы, когда Россія сама преобразуется, когда она, еще въ самый разгаръ борьбы провозгласила всепрощеніе, чтобы попытки искусной и мудрой дипломатіи не увѣнчались успѣхомъ и чтобы не были сдѣланы Россіей уступки въ настоящемъ, которыя были бы теперь дѣломъ справедливости и вмѣстѣ надеждою въ будущемъ", этого никакъ не допускаетъ журналъ сенатора де-Лагеронньера.

И такъ, уступки или война, но война, въ которой, по мнѣнію *La France*, на сторонѣ Россіи были бы всѣ интересы, угрожаемые Франціей, интересы связанные съ сохраненіемъ европейскаго мира и неприкосновенностью нынѣшнихъ европейскихъ владѣній, война, въ которой Франціи пришлось бы дѣйствовать одной и которая не была бы благопріятна ни для нея, ни для дѣла Польши. Прежде чѣмъ затѣять такую войну, правительство Наполеона III не разъ задумается, а можетъ-быть и вспомнитъ о послѣдствіяхъ войны 1812 г.

Въ другой статьѣ, посвященной обозрѣнію иностранной политики второй французской имперіи, статьѣ, помѣщенной въ *Revue Contemporaine* и написанной, какъ говорятъ, по мысли самого императора Французовъ, президентомъ одного изъ отдѣленій государственнаго совѣта, г. Буенвилье, прежде всего восхваляется миролюбіе наполеоновской Франціи. „Франція—до сихъ поръ единственная держава, которая искренно желаетъ сохраненія мира, которая одна предвидѣла и старалась предупредить страшныя затрудненія, оставленныя ей ошибками прошедшаго. Императоръ всего болѣе желаетъ найдти искренняго союзника, съ политикою либеральною и миролюбивою, которой бы, вмѣстѣ съ нимъ, захотѣлъ потрудиться надъ дѣломъ устраненія страшныхъ трудностей, еще болѣе тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на другихъ великихъ державахъ чѣмъ на самой Франціи. Во время крымской кампаніи Франція первая обратила вниманіе великихъ державъ на Польшу и на обязательства, которыя лежатъ на Россіи; и въ настоящее время, когда Польша еще разъ возстала, Франція, глубоко сочувствуя ея страданіямъ, снова предлагаетъ Европѣ сообща позаботиться объ устраненіи столькихъ золъ и склонить Россію къ выполненію ея обѣщаній, къ совершенію того, что требуется собственными ея интересами. Но будетъ ли ея голосъ услышанъ? Англія всегда съ энтузіазмомъ принимается на первыхъ порахъ за либеральные вопросы, но потомъ скоро охладѣваетъ. Отъ Австріи нечего надѣяться въ отношеніи къ Польшѣ. Но что бы ни случилось, Франція должна остаться вѣрна самой себѣ. Она уже перестала быть узницей Священнаго Союза, когда при первомъ ея движеніи казалось уже, что она готова ринуться на цѣлую Европу, и когда она проклинала благоразуміе тѣхъ, которые ее останавливали. Она вступила съ своими развернутыми орлами въ общеевропейскій союзъ и заняла въ немъ свое мѣ-

сто, великое и почетное, съ своимъ начатымъ уже дѣломъ. Она имѣетъ также свои обязательства; но и Европа, съ другой стороны, должна исполнить свой долгъ по отношенію и къ ней и къ самой себѣ. Стенанія Польши, безъ сомнѣнія, станутъ спасительнымъ предостереженіемъ для всѣхъ. Путь правды и человѣколюбія неизбѣженъ; спокойствіе народовъ, безопасность и честь государей, зависятъ отъ рѣшительнаго вступленія на этотъ путь."

Послушать государственныхъ людей нынѣшней Франціи, такъ ничего не можетъ быть безкорыстнѣе, ничего возвышеннѣе и даже чувствительнѣе политическихъ видовъ повелителя Французовъ. Только бы найдти ему искренняго, миролюбиваго и либеральнаго союзника, только бы направить всѣхъ на путь правды и человѣколюбія и водворить повсюду царство благодати и разумной свободы. А ужь не говоря о томъ, что дѣлается въ самой Франціи, при какихъ обстоятельствахъ утвердился на тронѣ ея нынѣшній повелитель, и какова система его управленія,—посмотришь: тутъ Ницца и Савоія присоединяются къ Франціи, тамъ Франція держитъ Римъ насильственно въ своихъ рукахъ, а вотъ принцъ Мюратъ объявляетъ притязанія на неаполитанское королевство, не говоря уже о принцѣ Наполеонѣ, претендентѣ на всѣ возможные и не возможные престолы, въ родѣ венгерскаго и польскаго, о германскихъ берегахъ Рейна, наконецъ о самой несчастной Польшѣ, которую мутитъ Франція, такъ самозванно принимающая на себя роль покровительницы и сердобольной сестры всѣхъ народовъ Европы.

Между тѣмъ какъ во Франціи идутъ еще споры, что лучше, усилія ли дипломатіи или открытая война, въ Англіи первенствующій ея министръ не давно еще говорилъ о мирѣ исключая всякую мысль о возможности войны, а образъ дѣйствій Австріи, въ послѣднее время, подалъ поводъ къ разсужденіямъ внѣмецкой журналистикѣ (между прочимъ въ *Кельнской Газетѣ*), не идетъ ли рѣчь о возстановленіи Священнаго Союза. Война или миръ, для Россіи существенно важно, чтобъ Франція попала въ то изолированное положеніе, о которомъ говоритъ журналъ г. де-Лагеронньера, и которымъ онъ намъ грозится, и чтобъ изъ желанія устранить настоящее затрудненіе, мы не подготовили для себя не сравненно бо́льшихъ въ ближайшемъ будущемъ.

Но во Франціи разсчитываютъ не только на мирныя усилія „мудрой и искусной" дипломатіи, не только на возможность войны: въ ней почти открыто вербуются отслужившіе свой срокъ унтеръ-офицеры, для организаціи мятежническихъ шаекъ въ Польшѣ; въ ней чествуется въ официяльныхъ сферахъ вождь и устроитель польскихъ зуавовъ г. Рошбрюнъ; въ ней, наконецъ, принимается въ соображеніе возможность революціи (страшно молвить!) въ самой Россіи. Вотъ что̀ читаемъ мы въ журналѣ *Le Monde*, который не полагается ни на дипломатитеское вмѣшательство, ни на возможность открытой войны:

„Русскіе успѣютъ сокрушить Польшу, если этому не будутъ положены преграды другаго рода. Говорятъ, внутри Россіи обнаружились признаки явнаго возстанія, и войска, направленныя на Польшу, были принуждены воротиться назадъ. Если этотъ слухъ и не подтвердится, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что Россія раздирается многочисленными религіозными сектами и что революція въ ней не менѣе возможна чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Армія упала духомъ, офицеры утомлены своею ролью и желаютъ другаго порядка вещей. Если польское возстаніе продолжится, оно съ этой стороны найдетъ себѣ поддержку, точно также какъ въ свою очередь оно будетъ поддержкою для Русскихъ, стремящихся завоевать себѣ общественныя и политическія права."

Le Monde, журналъ ультра-консервативный, взываетъ къ революціи. *Le Monde*, журналъ строго-католическаго православія, возлагаетъ свои надежды на русскихъ раскольниковъ. Если таковыя надежды нашихъ враговъ, то они жестоко обманутся. Если бы враги наши знали о русскомъ народѣ,—раскольникахъ или нераскольникахъ—не по разказамъ заболтавшихся вралей, а на самомъ дѣлѣ; они бы узнали что наши раскольники прежде всего русскіе люди, и болѣе всего возгнушались бы всякою поддержкою со стороны польскихъ мятежниковъ, со стороны ревнителей латинства точно такъ же, какъ со стороны всесвѣтныхъ революціонеровъ. Единственное желаніе русскаго человѣка въ настоящее время можетъ заключаться только въ томъ, чтобы подкрѣпить державную руку своего государя, подъятую не для завоеваній, не для нарушенія чьихъ-либо правъ, а на отраженіе неправыхъ притязаній нашихъ недруговъ, и вмѣстѣ на

примиреніе Россіи и Польши „расширеніемъ правъ, дарованныхъ всѣмъ вѣрноподданнымъ.“

№ 74.

Москва, 6-го апрѣля.

Итакъ, дѣло начато; если вѣрить единогласнымъ показаніямъ иностранныхъ газетъ, Россія уже получила одновременныя представленія въ пользу Польши отъ Англіи, Франціи и Австріи. Для насъ это сызнова начатое дѣло есть дѣло бывалое; оно не удивитъ насъ, и ужъ, конечно, не собьетъ съ толку; мы знаемъ, чѣмъ оно вызывалось и какой бывалъ исходъ его. Стоитъ припомнить дипломатическую исторію польскаго вопроса, чтобъ увѣриться въ томъ, что онъ всегда былъ только средствомъ, а не цѣлію. Это старое заржавѣвшее оружіе, которое по временамъ вынимается изъ хранилища древностей и потомъ снова складывается туда, обманувъ только людей неопытныхъ. А легковѣрные всегда находились, и дорого платили за свое легковѣріе. Они найдутся, вѣроятно, и теперь,—и дай Богъ, чтобъ ихъ было меньше, чтобы меньше принесено было безплодныхъ жертвъ!

На нынѣшній разъ старому оружію придано новый лоскъ; польскій вопросъ сдвинутъ съ основаній вѣнскаго трактата, такъ какъ это основаніе оказалось слишкомъ шаткимъ, ненадежнымъ и даже не безопаснымъ для нѣкоторыхъ. Дѣло о Польшѣ подновлено тѣмъ, что удовлетвореніе желаніямъ Поляковъ поставлено условіемъ всеобщаго спокойствія. Но какія это желанія, и въ самомъ ли дѣлѣ удовлетвореніе ихъ успокоитъ Европу?

Исторія говоритъ другое. До 1772 года повторялось до тридцати разъ предложеніе раздѣлить Польшу со стороны Турціи, Швеціи, Саксоніи, даже Англіи. Затѣмъ, когда окончательно прекратилась политическая самостоятельность Польши, Англія видѣла въ этомъ залогъ умиротворенія Европы. Въ тронной рѣчи 1772 года сказано было, что король съ удовольствіемъ увидѣлъ, что совершившаяся въ Европѣ перемѣна произошла мирно. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ англійское правительство отвѣчало на просьбу Поляковъ о вмѣшательствѣ, что „Англія не считаетъ этого дѣла (прекращенія политическаго существованія Польши) достаточно важнымъ для того, чтобы мѣшать его исполненію.“ Лордъ Гранвиль и Питтъ всегда смотрѣли на возстановленіе Польши какъ на побѣду анархіи грозившей общему миру; лордъ Кассльри называлъ Поляковъ легкомысленнымъ и безпутнымъ народомъ (frivolous and disorderly people), и опасался ихъ независимости, какъ повода къ новымъ безпокойствамъ въ Европѣ. Лордъ Россель, не далѣе какъ въ засѣданіи 26-го марта прошлаго года, выразилъ исторію англійской дипломатіи относительно Польши въ слѣдующихъ словахъ: „до сихъ поръ никогда ни одинъ британскій министръ не подавалъ совѣта вмѣшиваться въ пользу Польши.“ Въ 1861 году тотъ же государственный человѣкъ Англіи сказалъ: „Мнѣ было бы прискорбно, еслибы Поляки могли заключить изъ моихъ словъ, будто Англія станетъ стремиться къ возстановленію ихъ государства. Есть ли хоть одна партія въ Англіи, которая охотно возьмется за оружіе и станетъ требовать этого возстановленія? Конечно нѣтъ.“ Наконецъ лордъ Пальмерстонъ постоянно повторялъ одно и то же, именно о невозможности войны изъ-за Польши. Въ 1840 году, когда нѣкоторые члены парламента требовали назначенія консула въ Краковѣ для поддержанія Поляковъ, англійскій министръ полушутливымъ тономъ сказалъ: Должны ли мы одной изъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, или всѣмъ имъ объявить войну за Польшу, превратить всѣ наши купеческіе корабли въ военные и бомбардировать всѣ гавани сказанныхъ державъ? И все-таки мы ничего не сдѣлаемъ, потому что въ Краковъ не проѣдешь на пароходѣ. Нѣтъ, мы не должны возбуждать въ Полякахъ никакихъ неосновательныхъ надеждъ“. Въ засѣданіи 4-го апрѣля прошлаго года лордъ Пальмерстонъ совѣтовалъ Полякамъ изучать эклоги Виргилія и взять въ образецъ Титира и Мелибея.

Значитъ, и прошедшая исторія Англіи, и убѣжденія государственныхъ людей стоящихъ теперь во главѣ ея сходятся въ томъ, что для Англіи нѣтъ никакого интереса вмѣшиваться въ польскія дѣла. На дняхъ, еще 9-го апрѣля, г. Робакъ коснулся польскаго вопроса на митингѣ въ Шеффильдѣ. Онъ сказалъ, что Англія причинила бы страшный вредъ, вызвавъ европейскую войну, отъ которой Польшѣ не будетъ никакой пользы. Что можно сдѣлать посредствомъ дипломатіи, то будетъ сдѣлано; но идти дальше не слѣдуетъ. Г. Робакъ прибавилъ, что

побѣда Россіи несомнѣнна и упрекалъ тѣхъ, кто подбиваетъ Поляковъ живущихъ въ Англіи идти на вѣрную и безполезную смерть.

Такимъ образомъ Англія не желаетъ войны, не желаетъ и никогда серіозно не желала возстановленія Польши. А между тѣмъ ей понадобился польскій вопросъ, какъ орудіе, какъ средство для другихъ цѣлей. Ей понадобилось отвратить вниманіе и силы Европы отъ другаго пункта. Какъ не видятъ Поляки, что они орудіе въ чужихъ рукахъ и что ихъ поддерживаетъ силою только разноязычная толпа такихъ людей, отъ которыхъ каждое общество радо избавиться? Независимая Польша въ глазахъ всѣхъ государственныхъ людей Европы есть утопія; но безпокойная Польша для многихъ полезна, и Поляки съ легкомысленнымъ самоотверженіемъ становятся игрушкою, орудіемъ въ чужихъ рукахъ, работаютъ для тѣхъ, кто не имѣетъ къ нимъ никакого сочувствія, а поджигаетъ ихъ изъ своихъ выгодъ, чтобы загребать жаръ ихъ руками.

№ 75

Москва, 8-го апрѣля.

Одинъ изъ государственныхъ людей Франціи выразился недавно, что судя по равнодушію, какое Русскіе оказываютъ къ польскому вопросу, надобно полагать, что у нихъ нѣтъ того патріотическаго чувства, которое такъ сильно развито во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, и т. д., и что „Русскіе—народъ выродившійся, у котораго нѣтъ будущности." Прошло нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ какъ эти слова были произнесены, и вся Европа могла убѣдиться, какъ мало въ нихъ истины. Русскіе съ самаго начала только повидимому оставались равнодушны къ польскому вопросу, который справедливѣе можно назвать не польскимъ, а коренным русскимъ вопросомъ. Въ Россіи труднѣе составляться общественному мнѣнію чѣмъ въ другой странѣ, хотя въ ней есть всѣ элементы для здраваго общественнаго мнѣнія; еще труднѣе этому мнѣнію найдти себѣ соотвѣтствующее выраженіе. Наше земство неимѣетъ постоянныхъ собраній, за исключеніемъ пока единственной существующей и вполнѣ организованной городской думы Петербурга и только что организующейся московской. Дворянскія собранія бываютъ рѣдко. Ни тѣ, ни другія притомъ, собственно говоря, не имѣютъ права подавать свой голосъ по вопросамъ политическимъ, и русское патріотическое чувство должно было преодолѣть много трудностей, прежде чѣмъ оно могло наконецъ болѣе или менѣе выразиться. Единственная, вполнѣ свободная форма, въ которой оно еще прежде нашло себѣ выраженіе; это горячія молитвы, которыя сотни тысячъ простыхъ русскихъ людей — безъ сомнѣнія, не въ одной Москвѣ, а и по всей Россіи—возсылали къ Богу за нашихъ воиновъ, погибшихъ въ Польшѣ, и за успѣхи нашего оружія; но эти невольныя проявленія русскаго чувства, естественно, не предназначались для гласности, и не скоро становились ея достояніемъ.

Какъ бы то ни было, случайныя проявленія общественнаго мнѣнія Россіи начали вразумлять Европу. О томъ, что мы равнодушны къ польскому вопросу, съ рѣшеніемъ котораго такъ тѣсно связаны судьбы Россіи, что въ насъ нѣтъ патріотизма, что мы выродившійся народъ, не способный имѣть никакой будущности, нѣтъ больше и помина. Различные органы европейской журналистики начинаютъ вникать въ сущность дѣла, принимать во вниманіе требованія русскаго народа и даже становиться на чисто-русскую точку зрѣнія.

Если прислушаться къ голосу русскихъ людей, то нельзя не замѣтить, что прежде всего ихъ возмущаетъ мысль объ отторженіи отъ Россіи ея исконныхъ областей, бывшихъ временно въ соединеніи съ Польскимъ королевствомъ, отторженіи о которомъ мечтаютъ почти всѣ польскіе патріоты, за очень и очень немногими исключеніями. Далѣе, ихъ тревожитъ и смущаетъ мысль о возможности подвергнуть эти области какой-либо опасности черезъ возстановленіе особой конституціи, данной Польшѣ Александромъ I въ 1815 г. Наконецъ, они не могутъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что многіе политическіе люди западной Европы, презрительно смотря на русскій народъ, повидимому готовы отважно совѣтовать, чтобы въ виду польскаго возмущенія и тѣхъ ни на чемъ неосновательныхъ требованій, къ которымъ оно подало поводъ, Польшѣ дарованы были большія права чѣмъ самой Россіи.

Русскіе люди, вникнувъ въ Высочайшій манифестъ и въ указъ, данный Правительствующему Сенату, 31-го марта, безъ сомнѣнія, усмотрѣли въ этихъ актахъ прежде всего дѣло царскаго милосердія и велико-

душія, для котораго и выбрано было Свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ праздникъ всепрощенія и общаго христіанскаго братолюбія. Что эти акты главнѣйшимъ образомъ, имѣли именно такое значеніе, а не были какою-либо уступкою польскому мятежу или требованіямъ трехъ великихъ державъ, въ то самое время только препровождавшимся въ Петербургъ изъ Лондона, Парижа и Вѣны, это видно изъ прежде сообщенныхъ нами извѣстій. Въ № 69-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* мы помѣстили депешу графа Росселя къ англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Непиру. Въ этой депешѣ, отъ 2-го марта (то-есть, 18-го февраля), шла рѣчь о возстановленіи польской конституціи 1815 г., въ силу вѣнскихъ трактатовъ, которые будто бы обязываютъ къ этому Россію, и о дарованіи всепрощенія польскимъ мятежникамъ. Но уже въ № 71 *Московскихъ Вѣдомостей* мы сообщили, на основаніи *Кельнской Газеты*, и отвѣтъ князя Горчакова, на эту депешу, и такъ какъ ни съ какой стороны опроверженій не послѣдовало, то мы въ правѣ полагать, что этотъ отвѣтъ былъ переданъ вѣрно. По прочтеніи англійской депеши, разсказываетъ вѣнскій корреспондентъ газеты *Times*, князь Горчаковъ немедленно продиктовалъ лорду Непиру отвѣтъ русскаго правительства. Онъ не скрылъ великодушнаго образа мыслей нашего Государя относительно возмутившихся польскихъ подданныхъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что правительство намѣрено сохранить за собою безусловное и неотъемлемое право обнаружить эти великодушныя намѣренія, когда почтетъ это наиболѣе своевременнымъ. Князь Горчаковъ, рѣшительно устраняя постороннее вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла, опровергъ ложное истолкованіе вѣнскихъ трактатовъ, какого держатся англійскіе министры, и отъ котораго впрочемъ они теперь повидимому не прочь отказаться, судя по тону и по словамъ *Morning Post*, приведеннымъ нами въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей. Этотъ словесный отвѣтъ, данный княземъ Горчаковымъ, еще не напечатанъ, правда, въ *Journal de St.-Pétersbourg*, въ которомъ обыкновенно прежде другихъ русскихъ газетъ появляются дипломатическіе акты, но въ *Journal de St.-Pétersbourg* не перепечатана и депеша графа Росселя. Это, какъ кажется, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что она появилась во французскихъ газетахъ благодаря чьей-нибудь нескромности, безъ вѣдома англійскихъ министровъ, обѣщавшихъ, но еще не успѣвшихъ представить всю дипломатическую переписку по польскому дѣлу палатамъ. Самый текстъ словеснаго отвѣта князя Горчакова мы будемъ имѣть когда появится *синяя книга* съ этою перепиской. Но и теперь уже изъ того, что мы знаемъ, мы можемъ заключать съ увѣренностію, что вмѣшательство Англіи, равно какъ и другихъ державъ, не имѣло и не могло имѣть вліянія на дарованіе всепрощенія польскимъ инсургентамъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

Мало того: русскіе люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ Поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиреніи возстанія у польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой, общей съ Россіею, политической жизни, вотъ что лежитъ въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы. Мы не разъ имѣли случай высказываться въ этомъ смыслѣ, и въ настоящее время можемъ ограничиться только указаніемъ, что эта мысль, эта истинно-русская точка зрѣнія, начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто въ европейской журналистикѣ. На помощь къ намъ неожиданно являются *Le Nord* и, что еще удивительнѣе, *La Presse*, журналъ г. Эмиля де Жирардена, который, при началѣ польскаго возстанія, счелъ себя въ правѣ обратиться въ своемъ изданіи прямо къ особѣ нашего Государя съ убѣжденіями отдѣлить совсѣмъ Польшу отъ Россіи. Въ настоящее время, полемизируя съ газетою *La France*, которая мечтаетъ о какой-то политической автономіи для Польши, безъ совершеннаго однако же отдѣленія ея отъ Россіи, г. Эмиль де Жирарденъ говоритъ: „Если, Полякъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ столько же правъ на свободу, какъ и Русскій; то осмѣлимся сказать, рискуя не найдти нигдѣ отголоска, Русскій имѣетъ столько же правъ на свободу, какъ и Полякъ, и вотъ почему мы стоимъ за дарованіе и тѣмъ, и другимъ, безъ различія и безъ предпочтенія, равныхъ обезпеченій свободы гражданской и политической. Поглощеніе свободной Польши свободною Россіей, вотъ наше разрѣшеніе польскаго вопроса. Что это наилучшій способъ, доказательствомъ служитъ Австрія. Чему обязана Австрія, бывшая уже совсѣмъ въ агоніи, своимъ спасеніемъ, спокойствіемъ Галиціи, Венгріи,

которыя не поднялись по голосу русскихъ Поляковъ, какъ не той относительной свободѣ, которою она спасла бы себѣ и Ломбардское королевство, еслибы не такъ поздно бросилась въ ея объятія?"

Что эти мысли все болѣе распространяются въ Европѣ, видно изъ усилій органа лорда Пальмерстона доказать, что соединеніе Россіи и Польши равными правами—дѣло невозможное: понятно, что въ виду восточнаго вопроса пальмерстоновская Англія не очень порадовалась бы возведенію Россіи на новую степень могущества и величія. Это же видно изъ слуховъ, распространившихся въ Парижѣ, по словамъ *Indépendance Belge*, о томъ, что и для Польши, и для Россіи готовятся новыя важныя преобразованія. Будемъ надѣяться, что эти слухи осуществятся ко благу и ко взаимному примиренію Россіи и Польши, которое станетъ возможно только въ такомъ случаѣ, если въ политическомъ отношеніи Польша и Россія составятъ одно нераздѣльное цѣлое.

№ 76.

Москва, 9-го апрѣля.

Общее вниманіе обращено теперь на мѣры правительства, клонящіяся къ значительному развитію военныхъ силъ въ Россіи. Эти мѣры обнародованы въ № 74 *Московскихъ Вѣдомостей:* рѣшенъ призывъ безсрочно и временно отпускныхъ для пополненія существующихъ и для сформированія новыхъ частей пѣхоты. Попытаемся объяснить нѣсколько подробнѣе значеніе этихъ распоряженій.

Укомплектованіе батальйоновъ по штатамъ военнаго времени, т.-е. до тысячнаго состава, произведено будетъ въ полкахъ 16, 17 и 18 пѣхотныхъ дивизій и принадлежащихъ къ нимъ стрѣлковыхъ батальйонахъ, а также въ 1, 2 и 4 резервныхъ стрѣлковыхъ батальйонахъ; всего въ 42 батальйонахъ, состоявшихъ въ кадровомъ составѣ. На пополненіе этихъ батальйоновъ до штата военнаго времени потребуется около 18.000 человѣкъ.

Вновь формируются третьи батальйоны въ гренадерскомъ корпусѣ, и пятые батальйоны армейскихъ полковъ въ 1, 2, 3 и 5 резервныхъ дивизіяхъ; всего 60 батальйоновъ, для которыхъ потребуется около 65 тысячъ нижнихъ чиновъ. Формированіе трехъ батальйоновъ гренадерскаго корпуса будетъ произведено при соотвѣтствующихъ полкахъ, за исключеніемъ полковъ 2-й дивизіи, находящейся въ Варшавѣ, для которой третьи батальйоны сформируются въ Москвѣ. Формированіе пятыхъ резервныхъ батальйоновъ произведено будетъ при четвертыхъ, при чемъ оба батальйона составятъ резервный полкъ.

Наконецъ, приказомъ военнаго министра отъ 28 марта назначено сформировать для караульной и гарнизонной службы въ крѣпостяхъ Царства Польскаго постоянныя мѣстныя части: въ Новогеоргіевскѣ и Брестъ-Литовскѣ крѣпостные четырехбаталіонные полки, въ Замостьѣ крѣпостной двухъбатальйонный полкъ и въ Ивангородѣ крѣпостной батальйонъ. Новыя крѣпостныя части устраиваются на правахъ полевыхъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Новогеоргіевскій и Замостьскій гарнизонные батальйоны прекращаютъ свое существованіе. Крѣпостной батальйонъ имѣетъ по штату 25 офицеровъ и 1.050 нижнихъ чиновъ. По этому для нихъ потребуется, за исключеніемъ уничтожающихся гарнизонныхъ батальйоновъ, до 10 тысячъ нижнихъ чиновъ.

Эти цифры дѣлаютъ осязательною сущность разсматриваемыхъ нами распоряженій: ими увеличивается составъ нашей пѣхоты почти на 90.000 нижнихъ чиновъ.

Если политическое положеніе Россіи сдѣлается еще серіознѣе, то вѣроятно приведены будутъ въ исполненіе тѣ мѣры, о которыхъ говорятъ пока, какъ о предположеніяхъ, а именно: будутъ формироваться шестые батальйоны, резервныя батареи и т. п. Въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлаться необходимымъ новый рекрутскій наборъ.

Формированіе новыхъ батальйоновъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, требуетъ значительнаго числа офицеровъ. Для устройства резервныхъ полковъ 1, 2, 3 и 5 дивизій понадобится до 100 штабъ-офицеровъ и болѣе 1.000 оберъ-офицеровъ, на крѣпостные полки—260 офицеровъ, и болѣе 200 офицеровъ на гренадерскіе батальйоны. Крайняя потребность въ офицерахъ по вновь формируемымъ частямъ отчасти удовлетворяется переводомъ офицеровъ изъ войскъ 2-го резервнаго корпуса, 4-ой и 6-ой резервныхъ дивизій, расположенныхъ въ восточныхъ губерніяхъ Россіи; но за этимъ переводомъ все-таки будетъ некомплектъ офицеровъ и въ новыхъ частяхъ и въ тѣхъ, изъ которыхъ производится переводъ. По-

этому ожидается усиленное производство изъ юнкеровъ, нижнихъ чиновъ, выслужившихъ срокъ, и переводъ офицеровъ изъ гарнизоновъ въ полевыя войска. Выпускъ воспитанниковъ изъ военноучебныхъ заведеній будетъ обыкновенный, но предполагается произвести его нѣсколько ранѣе обыкновеннаго срока.

Впрочемъ усиленное производство нижнихъ чиновъ и юнкеровъ въ офицеры сдѣлается необходимостью только когда окончательно обнаружится возможность европейской войны, до чего покамѣсть еще далеко, и къ чему, повидимому, поведетъ развѣ восточный вопросъ. Съ офицерами изъ упомянутыхъ источниковъ, при расформированіи частей, трудно было бы разстаться, а потому военный бюджетъ могъ бы усилиться на продолжительное время при большомъ производствѣ нижнихъ чиновъ. Безъ крайней надобности къ этому средству прибѣгать не удобно.

Принимаемыя по военному вѣдомству мѣры несомнѣнно будутъ очень тяжки для нашихъ финансовъ. Припомнимъ, что по разсчетамъ военнаго вѣдомства жалованье и награды нижнимъ чинамъ составляютъ среднимъ числомъ 6 р. сер., провіантъ и приварокъ около 35 р., вещевое довольствіе около 16 рублей на человѣка; слѣдовательно по этимъ главнымъ статьямъ солдатъ обойдется въ годъ около 60 рублей *. Поэтому ежемѣсячный ущербъ, принесенный финансамъ вслѣдствіе однѣхъ разсматриваемыхъ нами мѣръ, составитъ на нижшихъ чиновъ болѣе 450.000 рублей.

№ 77.

Москва, 10-го апрѣля.

Петербургскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* разсказываетъ, что ему случалось слышать тамъ по польскому вопросу мнѣнія разумнѣйшихъ людей, патріотизмъ которыхъ хорошо ему извѣстенъ, мнѣнія распространенныя въ массѣ людей образованныхъ, которые сумѣли возвыситься до полной свободы отъ національныхъ предразсудковъ и отъ ложныхъ понятій о народной чести и имѣютъ въ виду только дѣйствительное положеніе дѣлъ. Эти необыкновенные люди въ нашей сѣверной столицѣ, дѣйствительные ли они люди, или только созданные воображеніемъ корреспондента, задаютъ себѣ вопросы такого рода: въ самомъ ли дѣлѣ независимая Польша была бы опаснѣе и пагубнѣе для Россіи, чѣмъ Польша, находящаяся подъ ея властью, и если Польша должна оставаться въ зависимости, то должна ли она зависѣть отъ Россіи, или отъ какого-нибудь другаго государства. „Съ возстановленіемъ независимости Польши“, говорятъ эти горячіе петербургскіе патріоты, свободные отъ національныхъ предразсудковъ и обычныхъ понятій о народной чести, „съ возстановленіемъ независимости Польши, Россія освобождается отъ пагубнаго нравственнаго вліянія, отъ того духа недовѣрія, подозрительности и т. д., который, благодаря смутамъ и тайнымъ замысламъ Поляковъ, по необходимости проникаетъ въ русскую правительственную систему. Сверхъ того Россія не только не подвергла бы опасности своихъ западныхъ областей, а напротивъ упрочила бы за собою спокойное и безспорное обладаніе ими: независимое Польское королевство оказало бы, особенно на первыхъ порахъ, такую притягательную силу на высшіе классы населенія въ западныхъ провинціяхъ Россіи, что они охотно переселились бы въ него, особенно если бы правительство облегчило имъ продажу ихъ недвижимыхъ имуществъ; низшіе же классы, особенно же поселяне, хотя бы они были и католики, легко могутъ быть расположены въ пользу русскаго правительства, какъ это доказываетъ и нынѣшнее возстаніе, а чрезвычайно вліятельныхъ тамъ Евреевъ, болѣе многочисленныхъ чѣмъ сами Поляки — ихъ считается до 1.139.633 человѣкъ, тогда какъ Поляковъ всего 988.617—ничего не стоило бы привлечь на свою сторону, совершивъ въ отношеніи къ нимъ начатое уже дѣло справедливости, то-есть, уровнявъ ихъ совершенно въ правахъ съ прочими подданными Имперіи. Какъ только въ Россіи не станетъ такимъ образомъ польскихъ элементовъ, Поляки перестанутъ быть опасны для западныхъ областей ея, тѣмъ болѣе что Австрія и Пруссія равно заинтересованы миролюбивымъ и спокойнымъ направленіемъ польской политики.“ Впрочемъ и эти приверженцы независимой Польши не скрываютъ отъ себя, что на первыхъ порахъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ Россія принуждена

* Мы беремъ самую низкую оцѣнку: полная стоимость военнослужащаго считается въ 124 рубля. Но при этомъ входятъ въ разчетъ всѣ издержки министерства.

была бы держать на границахъ ея значительныя военныя силы и расходовать на это огромныя денежныя суммы; притомъ же простое отреченіе отъ Польши могло бы показаться признакомъ безсилія, а потому русскому Государю слѣдовало бы отказаться отъ польской короны подъ условіемъ, чтобы новое королевство Польское приняло на себя, за ручательствомъ Франціи и Англіи, часть иностраннаго долга Россіи: такимъ образомъ русскимъ финансамъ была бы оказана существенная помощь, и народная честь была бы спасена совершенно.

Говоритъ ли, до какой степени несостоятеленъ этотъ взглядъ на вещи и до какой степени онъ несвойственъ русскому патріоту, какъ бы ни былъ онъ свободенъ отъ всѣхъ народныхъ предразсудковъ? Знаютъ ли эти витіи, что значитъ отказаться Россіи отъ Польши? Это значитъ пренебречь единственнымъ осязательнымъ результатомъ достославной борьбы, которую Россія выдержала въ 1812 г. противъ всѣхъ полчищъ Наполеона I, которую она великодушно продолжала, не щадя жизни и имущества своихъ сыновъ, въ 1813, 1814 и 1815 годахъ; это значитъ пренебречь всѣми подвигами мужества и храбрости, всѣми потоками русской крови, пролитой какъ въ эти годы, такъ и во время польскаго возстанія 1830 и 31 годовъ и наконецъ теперь еще разъ льющейся. Не только Польшею, но и западными, нѣкогда польскими, областями своими Россія владѣетъ не въ силу раздѣла Польскаго королевства въ концѣ прошлаго столѣтія, раздѣла, который многіе считаютъ неправымъ, а въ силу завоеванія, дважды совершеннаго въ 1812 г., когда Поляки поднялись вмѣстѣ съ Наполеономъ и шли на порабощеніе Россіи, и въ 1831 г., когда они снова взялись за оружіе и были снова покорены Россіей. И послѣ того, какъ мы принесли столько жертвъ для обладанія Польшей, когда мы купили ее самою дорогою цѣною, цѣною русской крови, хотятъ чтобы мы ни за что ни про что, сами, добровольно, безъ серіозной борьбы, отказались отъ своего законнаго достоянія. Такихъ подвиговъ не великодушія и безкорыстія, а слабоумія и безсилія можно ожидать только отъ выродившагося народа, не имѣющаго будущности, а потому и неспособнаго дорожить результатами прошедшаго. Попробуйте-ка потребовать отъ Англіи Гибралтара, который она въ расплохъ захватила въ 1704 г., и вы увидите чѣмъ она отвѣтитъ вамъ на это требованіе; а что такое Гибралтаръ сравнительно съ Польшею какъ по своей политической важности для заинтересованныхъ государствъ, такъ и по количеству жертвъ, принесенныхъ на пріобрѣтеніе!

Но этого мало: отказаться отъ Польши значитъ лишить Россію ея политическаго значенія въ Европѣ. При неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находились до сихъ поръ и Россія, и Польша, Россія вынуждена была держать въ Польшѣ до 80.000 войска; но за то въ случаѣ внѣшней войны, какъ это оказалось въ 1853—56 годахъ, Россія могла быть уже спокойна съ этой стороны, да и Польша давала Россіи приблизительно такое же число солдатъ. Съ возстановленіемъ независимости Польши, въ какомъ бы то ни было видѣ, это вознагражденіе само собою отпадаетъ, а между тѣмъ и сами „петербургскіе патріоты,“ придуманные *Кельнскою Газетой*, соглашаются съ тѣмъ, что Россіи придется держать еще болѣе значительное войско на нашихъ границахъ съ Польшею. Положимъ, что за увеличеніе своихъ денежныхъ расходовъ на этотъ предметъ, Россія была бы вознаграждена возложеніемъ части ея иностраннаго долга на Польшу, хотя и невозможно ожидать, чтобъ Англія и даже Франція, когда-либо рѣшились поручиться въ этомъ отношеніи за Польшу. Но чѣмъ была бы вознаграждена Россія за пожертвованіе людьми, которые брались бы въ солдаты, пожертвованіе не въ примѣръ болѣе тяжкое для нашей малонаселенной страны? Итакъ, съ утратой Польши, военная сила Россіи уменьшилась бы на все то число солдатъ, какіе даетъ ей теперь Польша, и для внѣшнихъ войнъ, а равно и для защиты всѣхъ ея предѣловъ, кромѣ пограничныхъ съ Польшею, потеряны были бы всѣ тѣ войска, которыя она принуждена была бы постоянно противопоставлять независимому Польскому королевству. Такимъ образомъ для внѣшняго дѣйствія у Россіи оказалось бы 200.000 войска меньше теперешняго. При такомъ условіи, въ состояніи ли была бы Россія удержать за собою значеніе великой европейской державы, въ состояніи ли была бы она поддержать свое слово дѣломъ?

Мы говоримъ въ томъ предположеніи, какое выставлено *Кельнскою Газетой*, въ предположеніи, что возстановленіемъ независимаго Польскаго королевства Россія

только упрочить за собою и обезопасить свои западныя области; но это предположеніе, очевидно, несбыточное и прямо противоположное истинѣ. Поляки скорѣе откажутся отъ своей національности чѣмъ отъ своихъ притязаній на Литву, Бѣлоруссію, Волынь и Подолію: только что мелькнула предъ ними тѣнь независимости, только что вооружилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ они уже теперь громко провозглашаютъ свое намѣреніе оторвать отъ Россіи всѣ эти области. Не успѣло бы организоваться и окрѣпнуть новое Польское королевство, какъ оно затѣяло бы борьбу съ Россіей за эти области, борьбу на смерть, и Россіи пришлось бы снова проливать кровь сыновъ своихъ, снова жертвовать своими вещественными средствами, чтобы совершить еще разъ то, что уже совершено ею. Петербургскіе патріоты *Кельнской Газеты* совершенно правы, говоря о необходимости привлеченія на сторону Россіи не только крестьянъ, но и Евреевъ западнаго края дарованіемъ имъ равныхъ правъ со всѣми русскими подданными, и можно только пожелать чтобы русское законодательство относительно Евреевъ продолжало идти по тому пути, на который оно уже вступило. Но говорить о добровольномъ выселеніи не только 988.000 Поляковъ, но десятой, двадцатой и даже сотой ихъ части изъ западнаго края Россіи въ независимую Польшу, это просто значитъ бредить. Итальянское правительство принимало на свое содержаніе всѣхъ эмигрантовъ изъ Венеціянской и Папской областей, и однакоже такихъ переселенцевъ оказалось всего 7.000 человѣкъ, Поляки же западнаго края стали бы дѣйствительно *тянуть* къ независимой Польшѣ, но только съ цѣлію притянуть къ ней весь западный край: при средствахъ, которыми они и теперь располагаютъ какъ высшій классъ населенія, и при той поддержкѣ, которую они нашли бы въ правительствѣ независимой Польши, Россія не могла бы и въ мирное время безъ пожертвованій и особыхъ усилій обезпечивать внутреннее спокойствіе своихъ западныхъ областей, а при первой войнѣ ей неминуемо пришлось бы выдержать борьбу не только съ независимыми, но и съ подвластными ей Поляками.

Такимъ образомъ для разумнаго русскаго человѣка, который хоть сколько-нибудь дорожитъ спокойствіемъ, честью и величіемъ своего отечества, возможностью безпрепятственнаго для него развитія, наконецъ собственнымъ своимъ матеріяльнымъ благосостояніемъ, не можетъ быть и рѣчи объ отреченіи Россіи отъ Польши. Почти то же самое можетъ быть сказано о возстановленіи полной политической независимости Польши подъ властью кого-либо изъ членовъ русскаго царственнаго дома. Дѣло очевидное, что если новый король польскій будетъ управлять польскимъ королевствомъ, не уступая его стремленіямъ къ расширенію своихъ предѣловъ на счетъ Россіи, то возбудитъ противъ себя революцію, и безъ военнаго вмѣшательства Россіи и новаго завоеванія ею Польши, принужденъ будетъ уступить свой престолъ какому-нибудь принцу Наполеону; или же онъ противъ воли принужденъ будетъ воевать съ Россіею, какъ въ XVII-мъ столѣтіи Польша воевала съ Швеціей, хотя обѣ страны находились подъ властью двухъ линій одной и той же династіи Вазы. Для Россіи было бы пагубно не только возстановленіе Польши подъ особымъ скипетромъ, но даже возстановленіе польской конституціи 1815 года подъ скипетромъ русскаго императора. Тутъ можетъ быть только одно изъ двухъ: или русскій государь принужденъ будетъ силами Россіи, какъ въ 1831 г., подавлять польскія революціи, опирающіяся на значительное и хорошо вооруженное войско, или онъ принужденъ будетъ пожертвовать интересами Россіи для Польши, какъ это, по словамъ нашихъ недруговъ, намѣревался будто бы сдѣлать Александръ I. Династическіе интересы были бы такимъ образомъ соблюдены: но мѣсто Россіи заняла бы Польша, и Всероссійскій Императоръ сталъ бы по преимуществу королемъ Польскимъ. Плоды тысячелѣтней, исполненной тяжкихъ испытаній исторіи, были бы Россіей утрачены, и она была бы позорно отброшена въ глубь Азіи, униженная и подавленная своею надменною и властолюбивою соперницей. Но къ чему останавливаться на такихъ скорбныхъ, несбыточныхъ, безумныхъ предположеніяхъ? Вмѣсто того чтобы говорить о возстановленіи полной политической независимости Польши подъ русскимъ ли, или подъ чужимъ скипетромъ, ужъ лучше отдать ее въ руки Австріи или Пруссіи, что тоже совѣтуютъ намъ сдѣлать „петербургскіе патріоты.“ Съ доводами ихъ по этому пункту мы постараемся ознакомить нашихъ читателей завтра.

№ 78.

Москва, 11-го апрѣля.

О возстановленіи государственной независимости Польши и говорить нечего, особенно въ виду польскихъ притязаній. Объ этомъ могутъ мечтать Англія, Франція, всѣ тѣ, кому желательно было бы низвести Россію со степени первоклассной европейской державы; но статочное ли дѣло, чтобы Россія добровольно отказалась отъ того положенія, какое она пріобрѣла себѣ цѣною тяжкихъ усилій, пожертвованій, кровопролитій? Еслибъ у русскаго народа не достало ни силъ, ни средствъ для новой и, безъ сомнѣнія, уже окончательной борьбы за свои права на всемірно-историческое значеніе, за свои права быть великимъ европейскимъ народомъ, еслибы не предстояло ему никакого другаго выбора кромѣ выбора изъ двухъ золъ, то во всякомъ случаѣ меньшимъ зломъ оказалось бы отдать Польшу въ руки Австріи или Пруссіи, или обѣимъ вмѣстѣ, на присоединеніе ея къ нимъ на правахъ Галиціи или Познани. Россія была бы тогда, по крайней мѣрѣ на долгое время, если не навсегда, спокойна на счетъ западныхъ областей своихъ. Тогда не только о возстановленіи Польскаго королевства въ прежнемъ его объемѣ, но вскорѣ и о самой польской народности не было бы болѣе помину. Такой образъ дѣйствій и совѣтуетъ намъ *Кельнская Газета*, укрываясь за своими никому невѣдомыми, но разумными петербургскими патріотами. „И Австрія, и Пруссія, говоритъ она, имѣютъ болѣе средствъ удовлетворить Поляковъ чѣмъ Россія; обѣ стоятъ на высшей степени цивилизаціи или образованія чѣмъ Поляки, тогда какъ о Русскихъ можно сказать противное; обѣ имѣютъ въ своемъ распоряженіи просвѣщенныхъ и образованныхъ чиновниковъ, которые сумѣютъ управлять Поляками, не оскорбляя и не подавляя ихъ; обѣ, наконецъ, обладаютъ государственнымъ устройствомъ, въ которомъ дано мѣсто и голосъ представителямъ народа, и преимущества этого образа правленія могли бы быть распространены и на Поляковъ безъ оскорбленія для прочихъ подданныхъ. Кромѣ того, Австрія — католическая страна, которой не трудно было бы расположить въ свою пользу могущественное польское духовенство, а Пруссія въ своей провинціи — Восточной Пруссіи, и отчасти въ Познани, доказала свою способность германизировать Поляковъ и дѣлать этотъ безпокойный народъ совсѣмъ безвреднымъ.“

Все это очень хорошо и умно; во всемъ этомъ есть своя доля правды, и еслибы рѣчь шла о томъ, чтобы навсегда угомонить Поляковъ и даже стереть съ лица земли ихъ національность, еслибы для Россіи не было другаго исхода какъ или возстановить полную политическую независимость Польши или сдать ее въ чужія руки, то можно было бы принять этотъ планъ *Кельнской Газеты* за нѣчто серіозное и говорить только о средствахъ къ возстановленію политическаго равновѣсія въ сѣверо-восточной Европѣ, которое было бы отчасти нарушено такимъ усиленіемъ Пруссіи или Австріи, и о вознагражденіи Россіи за добровольную уступку законнаго ея владѣнія, навсегда утвержденнаго за нею даже вѣнскими трактатами. Безъ соотвѣтственнаго вознагражденія Россіи о такой уступкѣ, конечно, не могло бы быть и рѣчи: было бы величайшимъ безчестіемъ и оскорбленіемъ святыни прошедшаго, безъ усилій и безъ самой напряженной борьбы отрекаться отъ своихъ законныхъ правъ, не получая никакого за то вознагражденія. Но не говоря уже о трудности и даже невозможности найдти его въ настоящее время, осуществленіе этого плана могло ли бы удовлетворить хоть сколько-нибудь Поляковъ; не измѣнила ли бы и Россія своему очевидному историческому призванію блюсти интересы славянскаго міра, на сколько это возможно по обстоятельствамъ и согласно съ ея собственными интересами, а не жертвовать ими въ пользу міра германскаго? Не было ли бы вообще безславіемъ для Россіи такое сознаніе въ своей неспособности и въ своемъ безсиліи примирить съ собою Поляковъ?

Такимъ образомъ, съ русской и общечеловѣческой точки зрѣнія, польскій вопросъ, выдвинутый теперь на первый планъ, не можетъ быть разрѣшенъ ни возстановленіемъ полной независимости Польши, потому что для этого пришлось бы пожертвовать Россіей, ни присоединеніемъ ея къ Австріи или къ Пруссіи, потому что для Россіи въ настоящее время не найдется соотвѣтствующаго территоріальнаго вознагражденія, а также потому что это значило бы убить польскую національность и въ томъ что она имѣетъ хорошаго, и отказаться отъ своего назначенія въ отношеніи къ

Славянамъ вообще и отъ своей истинной задачи въ отношеніи къ Полякамъ въ особенности. Разрѣшеніе польскаго вопроса заключается только въ соединеніи Россіи и Польши новыми и тѣснѣйшими узами чѣмъ прежде.

Такое тѣснѣйшее ихъ соединеніе, по справедливому замѣчанію газеты *Le Nord*, предназначено самою природой, не положившею никакихъ естественныхъ границъ между областями обоихъ близко родственныхъ и легко способныхъ понимать языкъ другъ друга племенъ. Оно предназначено и ихъ исторіею, которая послѣ долгихъ бореній, проистекавшихъ отчасти отъ недостатка естественныхъ границъ между ихъ областями, послѣ многократныхъ ходовъ счастія то на ту, то на другую сторону, въ окончательномъ результатѣ своемъ соединила большую часть уцѣлѣвшихъ отъ германизаціи Поляковъ и почти все русское племя подъ одною русскою державой. Такъ или иначе, а съ этимъ неотразимымъ фактомъ слѣдуетъ примириться Полякамъ, и въ свою очередь Россія должна употребить всѣ усилія, чтобъ облегчить это примиреніе.

Если и допустить, что Поляками вообще достигнута высшая степень образованія чѣмъ Русскими, то въ этомъ еще не заключается непреодолимыхъ препятствій къ признанію Поляками первенства и даже господства Россіи. Были же Греки не въ примѣръ образованнѣе Римлянъ, и однакоже охотно примирялись съ ихъ владычествомъ. Въ Остзейскихъ провинціяхъ Россіи образованіе стоитъ несравненно выше чѣмъ въ Польшѣ; недавно еще Русскіе, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, посылались для довершенія своего образованія въ университетъ Дерптскій. И однакоже остзейскіе Нѣмцы, не пользующіеся такою самостоятельностію внутренняго управленія, какая предоставлена въ 1861 г. Полякамъ, не мечтаютъ объ отдѣленіи отъ Россіи и о возстановленіи, хоть бы напримѣръ, герцогства Курляндскаго: напротивъ, они живутъ хорошо подъ кровомъ Россіи. Между Поляками и Русскими дѣло идетъ не о различіи въ степени образованія, не о томъ, можетъ ли народъ болѣе образованный покориться менѣе образованному, а о томъ что Поляки, пренебрегая всѣми опытами исторіи, стремятся къ господству въ той же самой сферѣ, которая принадлежитъ Россіи, къ тому политическому значенію, которое досталось на долю нашего отечества. Но будь Поляки еще несравненно болѣе образованы чѣмъ Русскіе, они все-таки не имѣли бы никакого права на политическое господство, которое принадлежитъ Россіи. Вопросъ этотъ не рѣшается степенью образованія народовъ; онъ рѣшается всѣми свойствами ихъ природнаго характера, ихъ нравственными качествами, ихъ политическою годностію и дѣльностію, ихъ способностію повелѣвать и повиноваться, которую Аристотель почиталъ первою принадлежностію человѣка, призваннаго къ политической дѣятельности. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Русскій народъ стоитъ гораздо выше Поляковъ. Да и самое образованіе, если оно пустило болѣе глубокіе корни въ высшихъ классахъ польскаго населенія чѣмъ у насъ, оно еще менѣе коснулось массы народа въ Польшѣ чѣмъ въ Россіи, гдѣ простой народъ болѣе цивилизованъ. Да о польскомъ народѣ почти не можетъ быть и рѣчи. Мы знаемъ польскихъ пановъ, польское шляхетство, польское духовенство, которое справедливѣе назвать римскимъ, или латинскимъ, а польскаго народа мы не знаемъ; онъ никогда не появлялся въ исторіи, никогда не имѣлъ въ ней ни малѣйшаго значенія; подавленный, униженный, загнанный, онъ не могъ стать даже темною основою для польскаго государства, и если эта польская вольница, если эта республика пановъ и шляхтичей заслуживаетъ имени государства, то это было государственное зданіе безъ всякаго фундамента. Можно ли въ этомъ отношеніи сравнивать Польшу съ Россіею, гдѣ народъ неоднократно выступалъ самъ на дѣло общее и въ эпоху смутъ междуцарствія своею самостоятельностію, своимъ сознаніемъ необходимости прочнаго государственнаго порядка спасъ Русскую землю отъ безначалія и погибели? Бывало ли когда-нибудь и что-нибудь подобное въ исторіи Польши? Да и въ настоящее время,—неравной борьбы ея съ Россіей,—развѣ можно говорить о возстаніи польскаго народа? Развѣ народъ не держится совсѣмъ въ сторонѣ, чуждаясь своихъ пановъ и шляхтичей, и примыкая скорѣе къ русскому правительству? А эти паны и шляхтичи не доказываютъ ли они и теперь, что они лишены способности повелѣвать и вмѣстѣ повиноваться, что они умѣютъ только ссориться между собою? Нѣтъ, истинная политическая жизнь для Поляковъ возможна только въ соединеніи съ русскимъ народомъ, которо-

му въ несравненно большей степени свойственъ духъ дисциплины и самообладанія.

Пусть развивается и совершенствуется польскій языкъ и литература, пусть свободно Поляки исповѣдываютъ свою католическую религію, пусть процвѣтаютъ польскіе университеты и училища, пусть Польша сохраняетъ свой бытъ, свой обычай; но во всемъ, что касается до общихъ интересовъ Польши и Россіи, до военнаго и финансоваго управленія, до государственнаго и уголовнаго права, Полякамъ можетъ быть предоставлена, и то не иначе какъ въ соединеніи съ русскимъ народомъ, только та доля участія въ рѣшеніи этихъ дѣлъ, какая соотвѣтствуетъ ихъ числу и значительности.

Но по мнѣнію газеты *La France*, Поляки не захотѣли бы жить общею политическою жизнію съ русскимъ народомъ и пользоваться равными съ нимъ правами. По примѣру Венгровъ, они устранились бы отъ политическаго общенія съ Русскими, настаивая на своей полной обособленности въ политическомъ отношеніи. Но положеніе Венгровъ и положеніе Поляковъ совершенно различное: Венгры стоятъ на исторической почвѣ, на почвѣ своей тысячелѣтней конституціи, которая выдержала всѣ возможные перевороты и уцѣлѣла, тогда какъ государственный бытъ Поляковъ еще только долженъ быть созданъ вновь. Соединеніе Польши и Россіи равными правами было бы серіозною попыткою къ ихъ примиренію, которая быть можетъ не обошлась бы безъ затрудненія, но которая не замедлила бы увѣнчаться успѣхомъ, тѣмъ болѣе что у Европы отнятъ былъ бы всякій поводъ витійствовать о русскомъ варварствѣ и русскомъ деспотизмѣ.

№ 79.

Москва, 12-го апрѣля.

10-го апрѣля открылась наконецъ новоустроенная Городская Дума въ Москвѣ. Отчетъ объ этомъ торжествѣ читатели прочтутъ ниже, равно какъ и слово сказанное по этому поводу іереемъ Богословскимъ-Платоновымъ. Событіе это важно само по себѣ: Москва получила наконецъ городское учрежденіе, въ которомъ на одно общее и всѣмъ близкое дѣло соединены всѣ сословія, доселѣ совершенно разрозненныя. Вслѣдъ за Москвою, и другіе города не замедлятъ получить то же учрежденіе. А вмѣстѣ съ городами то же начало единенія сословій въ общественномъ дѣлѣ распространятъ по всему лицу Русской земли земскія учрежденія, уже приготовляемыя законодательнымъ порядкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ начатковъ сама собою разовьется новая общественная организація вмѣсто доселѣ господствовавшей у насъ. Сословія еще остаются, но они сближаются между собою и соединяются въ совокупной дѣятельности. Изъ этого сближенія существующихъ сословій не преминетъ выработаться самъ собою новый типъ общественной организаціи.

Но объ этихъ и подобныхъ предметахъ можно говорить всегда. Какъ ни важны эти предметы, они должны уступить теперь мѣсто другому, все-поглащающему интересу. Открытіе Московской Думы гораздо важнѣе потому, что первымъ дѣйствіемъ ея перваго собранія было единодушное и единогласное принятіе всеподданнѣйшаго адреса, по поводу смутъ, происходящихъ въ Польшѣ, и угрозъ и оскорбленій, которыя сыплются теперь со всѣхъ сторонъ на наше отечество.

Никогда общественное заявленіе не было такъ единодушно и не отличалось такою искренностію, какъ въ этомъ случаѣ. Давно уже наша Москва не испытывала такого общаго одушевленія, которое бы такъ могущественно сливало людей въ одно чувство. Ничего искусственнаго не было въ этомъ порывѣ, побудившемъ гласныхъ новой думы выразить передъ престоломъ чувства одушевляющія всѣхъ и каждаго. Всякій можетъ засвидѣтельствовать это; всякій болѣе или менѣе испыталъ потрясающую силу и живительное дѣйствіе общаго великаго чувства, охватившаго всѣхъ безъ различія. Никогда, можетъ-быть, Московской Думѣ, да и какому бы то ни было собранію, не придется съ бо́льшимъ правомъ считать себя органомъ общественнаго настроенія, какъ въ этомъ случаѣ. Наша дума послужила въ этомъ случаѣ полнымъ выраженіемъ чувства, проникающаго всѣ классы общества, и какъ великая волна, проходящаго теперь по всему пространству нашего отечества.

Да, мы переживаемъ теперь великія минуты, и каждый долженъ испытать и очистить себя, чтобы стать ихъ достойнымъ. Всѣ мелкія и искусственныя понятія, всѣ

пустоцвѣты нашего такъ-называемаго образованія должны уступить мѣсто тѣмъ основнымъ, тѣмъ могущественнымъ, тѣмъ вѣчнымъ силамъ, на которыхъ зиждется всенародная жизнь. Мы въ очію видимъ теперь, какъ воплощаются въ насъ эти силы, какъ блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ ними все фальшивое, все налганное и пустословное, бродившее въ нашихъ мысляхъ. Все исчезаетъ, какъ ржавчина и плѣсень въ глубокой всколыхавшейся водѣ.

То, что въ обычной суетѣ нашихъ мыслей и толковъ, было такъ чуждо намъ, такъ мало дѣйствовало на насъ, такъ слабо говорило въ нашей душѣ, вдругъ проснулось, и заговорило громко, заговорило неумолчнымъ набатомъ. Всякій зналъ себя за Русскаго, называлъ себя Русскимъ, но всякому ли случалось въ жизни почувствовать это съ потрясающимъ могуществомъ страсти? И вотъ, всѣ, отъ мала до велика, становятся живыми органами этого чувства; во всѣхъ становится кровною силой то, что такъ недавно было для всѣхъ отвлеченнымъ понятіемъ: единство Русской Земли, общаго отечества. Гдѣ она, наша Русь? Еще такъ недавно мы взглянули бы при этомъ на географическую карту съ разноцвѣтными границами; но теперь всякій живой человѣкъ чувствуетъ нашу Русь въ самомъ себѣ, чувствуетъ ее какъ свое сердце, какъ свою жизнь.

Мы называемъ себя вѣрноподданными. Мы воздаемъ должный почетъ Царю, какъ верховному лицу, отъ котораго все зависитъ и все исходитъ. Но не въ эти ли минуты понимаемъ мы все значеніе Царя въ народной жизни? Не чувствуемъ ли мы теперь съ полнымъ убѣжденіемъ и ясностію зиждительную силу этого начала, не чувствуемъ ли въ какой глубинѣ оно коренится, и какъ имъ держится, какъ замыкается имъ вся сила народнаго единства? Кому не ясно теперь какъ дорого это начало для всякаго гражданина любящаго свое отечество? Въ комъ живо сказалось единство отечества, въ томъ съ равною живостью и силою сказалась идея Царя; всякій почувствовалъ, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть въ Россіи одна господствующая народность, одинъ господствующій языкъ, выработанный вѣками исторической жизни. Однако есть въ Россіи и множество племенъ говорящихъ каждое своимъ языкомъ и имѣющихъ каждое свой обычай; есть цѣлыя страны, съ своимъ особеннымъ характеромъ и преданіями. Но всѣ эти разнородныя племена, всѣ эти разнохарактерныя области, лежащія по окраинамъ великаго русскаго міра, составляютъ его живыя части и чувствуютъ свое единство съ нимъ въ единствѣ государства, въ единствѣ верховной власти,—въ Царѣ; въ живомъ всеповершающемъ олицетвореніи этого единства. Въ Россіи есть господствующая церковь, но въ ней же есть множество всякихъ исключающихъ другъ друга вѣрованій. Однако все это разнообразіе безчисленныхъ вѣрованій, соединяющихъ и раздѣляющихъ людей, покрывается однимъ общимъ началомъ государственнаго единства. Разноплеменные и разновѣрные люди одинаково чувствуютъ себя членами одного государственнаго цѣлаго, подданными одной верховной власти. Все разнородное въ общемъ составѣ Россіи, все что можетъ-быть исключаетъ другъ друга и враждуетъ другъ съ другомъ, сливается въ одно цѣлое, какъ только заговоритъ чувство государственнаго единства. Благодаря этому чувству, Русская земля есть живая сила по всюду гдѣ имѣетъ силу Царь Русской земли. Никакія измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ не могутъ умалить или ослабить значеніе этой идеи. Всѣ преобразованія, какія совершаются и будутъ совершаться у насъ, могутъ послужить только къ ея возвышенію и усиленію.

Въ разныхъ умахъ и разныхъ кружкахъ могутъ быть разныя мнѣнія и толки объ общественной свободѣ. Но въ дѣйствительности общественная свобода есть самое охранительное въ мірѣ начало. Особенно для насъ Русскихъ должно-быть это ясно. Мы знаемъ изъ нашей исторіи, что общественныя силы были всегда у насъ силами храненія и упора, и что напротивъ сила движенія исходила отъ государственной власти. Въ общемъ ходѣ нашей исторіи государство было постоянно силою разлагающею, движущею, *переставливающею обычай;* народъ и общественныя силы дѣйствовали всегда оборонительно, и упирались чтобы жизнь не потеряла своихъ основъ, безъ которыхъ не имѣетъ смысла никакое движеніе. Силы движенія и упора никогда не были у насъ въ равновѣсіи, и всегда они дѣйствовали по розь. Оттого-то наши преобразованія были такъ мало плодотворны, наши общественныя силы были такъ мало производительны.

Въ настоящее время особенно чувствуется потребность ввести въ нашу государственную организацію участіе живыхъ общественныхъ силъ чтобы востановить равновѣсіе между движеніемъ, которое можетъ стать безплоднымъ и даже разрушительнымъ, съ самоохранительными инстинктами жизни. Пора канцелярскихъ преобразованій и кабинетнаго прогресса смѣняется новою, когда живыя силы общества должны развить свое дѣйствіе въ устройствѣ нашего быта, нашихъ хозяйственныхъ отношеній, въ системѣ нашего просвѣщенія, которому иначе грозитъ конечная гибель, въ настроеніи общественнаго мнѣнія, которое теперь не имѣетъ никакой внутренней силы и отдано на произволъ случайныхъ вліяній. Общественная свобода должна послужить намъ на утвержденіе всего того чѣмъ скрѣпляется наше единство. Тогда только коренныя начала народной жизни, займутъ въ нашихъ понятіяхъ то самое мѣсто, какое имѣютъ они по истинѣ въ самой дѣйствительности.

Въ тотъ же самый день когда въ новооткрывшейся Московской Городской Думѣ было принято столь важное въ настоящее время рѣшеніе о всеподданнѣйшемъ адресѣ, собиралось у своего предводителя дворянство Московской губерніи. Въ нынѣшнемъ году оно не имѣетъ очереднаго собранія, но оно не могло оставаться равнодушнымъ въ виду происходящихъ событій, и вскорѣ по обнародованіи Высочайшаго манифеста 31 марта, начало собираться по уѣздамъ, для постановленія рѣшенія о поднесеніи Государю Императору всеподданнѣйшаго адреса. Адресъ былъ подписанъ 11 апрѣля, и немедленно обѣ депутаціи, отъ Думы и отъ дворянства, поспѣшили въ Петербургъ.

Около этого же времени временно-обязанные крестьяне разныхъ губерній, проживающіе въ Москвѣ, выразили желаніе заявить передъ престоломъ тѣ чувствованія, которыя одушевляютъ теперь всѣхъ и каждаго.

Съ особенною настойчивостію пожелали того же старообрядческія общины въ Москвѣ, считая себя уполномоченными возвысить голосъ за всѣхъ своихъ собратій въ Россіи, для выраженія преданности Царю и отечеству.

Только появленіе самого Государя Императора въ Москвѣ могло бы дать понятіе о силѣ патріотическаго чувства одушевляющаго всѣ слои здѣшняго народонаселенія...

№ 80.

Москва, 13-го апрѣля.

Въ британской палатѣ общинъ, 6-го іюля 1855 года, лордъ Джонъ Россель, когда рѣчь зашла о Польшѣ, сказалъ: „Мы никогда не брались возстановить Польшу или освободить Венгрію; мы думали, что это дѣло Австріи. Я всегда говорилъ Полякамъ, съ которыми находился въ дружественныхъ отношеніяхъ: если Австрія пожелаетъ возстановить Польшу, то вы можете надѣяться достигнуть цѣли; но ни Англія, ни Франція никогда не начнутъ этого дѣла одни. Я сказалъ одному благородному Поляку, дружбою котораго я горжусь, что мы не станемъ по этому дѣлу обѣщать то, чего не можемъ исполнить."

Таковъ взглядъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ на возможность возстановить Польшу силою, — взглядъ, высказанный во время войны съ Россіей, когда такъ неспокойно и такъ пристрастно обсуждались всѣ вопросы, касающіеся нашего отечества. Почти въ это самое время князь Чарторижскій представилъ свой адресъ императору Наполеону, а въ *Монитерѣ* было напечатано письмо г. Рыбинскаго, который отъ имени польской эмиграціи поздравлялъ императора по случаю неудавшагося покушенія Пianори на его жизнь въ такихъ льстивыхъ выраженіяхъ: „Безъ васъ, государь, Европа остановится или низвергнется въ бездну; съ вами, съ своимъ истиннымъ главою, она смѣло пойдетъ къ своимъ новымъ судьбамъ. Польша, Государь, обращаетъ свои взоры на западъ, а на западѣ она видитъ и любитъ только ваше величество."

За что Польша или правильнѣе польская эмиграція любитъ императора Французовъ — это ея дѣло. Ея дѣло также понять, на сколько чувства императора взаимны и безкорыстны. Мы знаемъ только, что Поляки, если смотрятъ на западъ, то имѣютъ при этомъ въ виду воспользоваться его силами, чтобы сдѣлать захватъ на востокѣ. Франція пожалуй также не прочь оказать Польшѣ великодушіе на нашъ счетъ, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ этимъ была бы отмщена гибель великой арміи въ 1812 году, — неизгладимое пятно въ исторіи бонапартизма.

Но вопросъ касается не однихъ насъ. Поляки только на первый разъ хотѣли бы

выиграть дѣло на нашъ счетъ; затѣмъ на очереди стоятъ Австрія и Пруссія. Если Польша смотритъ на Францію, то Франція смотритъ также на Англію, а Англія на Австрію. Это естественный кругъ, изъ котораго нельзя выйдти, и слова графа Росселя, сказанныя восемь лѣтъ тому назадъ, прилагаются съ полною силой и теперь. Вотъ почему употреблены были со стороны Франціи такія усилія, чтобы привлечь Австрію къ совокупному дипломатическому дѣйствію.

Что же нужно Австріи? Ей нужно, это правда, ослабить и унизить Россію, свою соперницу не только на Востокѣ, но и въ собственныхъ австрійскихъ предѣлахъ; особенно теперь она должна гнѣваться на Россію за наше сближеніе съ Пруссіей, ея другою соперницей. Но весь этотъ гнѣвъ и все это соперничество ни въ какомъ случаѣ не заставятъ Австрію рискнуть войной или въ виду будущихъ благъ высказаться за возстановленіе Польши. У Австріи не мало дѣла съ Венгріей и Венеціей; финансы ея разстроены; ея конституція еще не упрочена. Серіозныя надежды улучшить свое политическое положеніе она можетъ соединять только съ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса, — и тутъ она наша серіозная соперница, — но на польскій вопросъ она можетъ смотрѣть только какъ на диверсію нашихъ силъ, и еслибы польское возстаніе приняло большіе размѣры, то Австрія поспѣшила бы нанести ему свой *coup de grâce*. Она говоритъ намъ не безъ сантиментальности, что ей нужно замиреніе польскихъ провинцій Россіи. Мы не такіе дѣти, чтобы не понять, что ей не совсѣмъ невыгодно и волненіе въ этихъ провинціяхъ, но мы также хорошо понимаемъ, что ей выгодно это волненіе только пока оно не переходитъ извѣстную мѣру. Это не мѣшаетъ намъ впрочемъ цѣнить тотъ вѣжливый и чувствительный тонъ, которымъ отличается ея послѣдняя депеша. Политика вѣдь шахматная игра.

Дипломатическія представленія, сдѣланныя Россіи недѣлю тому назадъ, очевидно, не составляютъ рѣшительнаго слова со стороны трехъ державъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ не выражено никакого яснаго плана и требованія. Конечно, мы не можемъ не видѣть въ нихъ, каковы истинныя намѣренія трехъ державъ относительно Россіи и каково расположеніе къ намъ Франціи, такъ рыцарски увѣрявшей насъ въ своей дружбѣ. Мы уже испытываемъ послѣдствія дипломатическаго вмѣшательства этихъ миротворцевъ, умѣющихъ говорить чрезвычайно доброжелательно. Ихъ вмѣшательство возбудило надежды Поляковъ, и вслѣдствіе того мятежъ не прекращается; Поляки, столь горячо любящіе императора Французовъ, образуютъ новыя шайки, пускаютъ въ ходъ свои послѣднія силы и еще разъ тщатся засвидѣтельствовать передъ Европой, какъ они ненавидятъ насъ. Три державы, дѣлающія намъ представленія о томъ, чтобы Россія возстановила порядокъ въ Польшѣ, сами мѣшаютъ этому возстановленію, поддерживая безпорядокъ или поощряя его. Въ этомъ смыслѣ депеши Франціи, Англіи и Австріи составляютъ актъ въ сущности непріязненный намъ, и позволимъ себѣ прибавить — не совсѣмъ искренній, ни въ отношеніи къ намъ, ни въ отношеніи къ польскимъ мятежникамъ. Мы голосъ изъ публики; на насъ не лежитъ обязанность выражаться тонкимъ дипломатическимъ языкомъ и на вѣжливость отвѣчать вѣжливостью. Мы можемъ прямо сказать что думаемъ, а потому мы скажемъ, что польскаго возстанія вовсе бы не было, еслибы не шло поджигательствъ съ французской стороны. Мы даже прибавимъ, что этого не можетъ не знать англійская и австрійская дипломатія. Но Англія, мы принуждены сознаться, имѣетъ зубъ на насъ за восточный вопросъ, и вотъ она раздуваетъ польское дѣло, хотя, можетъ-быть, было бы достойнѣе великой державы дѣйствовать собственными средствами, а не покупать себѣ удобствъ польскою кровью. Что же касается до Австріи, то она держится своей обычной политики, пользуется обстоятельствами, заручается только до извѣстной степени и сохраняетъ за собой свободу дѣйствій, чтобы быть потомъ рѣшительницей дѣла. Среди дипломатическихъ любезностей, которыми насъ теперь осыпаютъ, мы утѣшаемъ себя тѣмъ что положеніе Австріи должно выясниться скоро. Австрійскій Краковъ есть вторая столица польскаго возстанія, какъ Парижъ есть первая его столица. Австрія не можетъ долго выдержать своего нейтралитета въ такомъ горячемъ вопросѣ, гдѣ замѣшаны интересы ея подданныхъ, которые увлекутся неминуемо въ разгорѣвшуюся борьбу. Австрія могла соединиться съ западными державами въ общемъ, миротворномъ и дружелюбномъ представленіи Рос-

сіи; но когда мятежъ своею стойкостію задумаетъ доказать свои права, Австрія не будетъ въ состояніи различать противорусское движеніе отъ противоавстрійскаго въ каждомъ тайномъ комитетѣ, существующемъ въ Галиціи, въ каждой пропагандѣ, въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Ей скорѣе всѣхъ предстоитъ откровенно высказаться по настоящему вопросу, подать искренній голосъ о дальнѣйшемъ его движеніи. А какъ скоро разсѣется ложь, то миролюбивыя желанія, выражаемыя нынѣ тремя державами, исполнятся сами собой, и безъ посредства дипломатіи.

№ 81.

Москва, 15-го апрѣля.

Со времени отправленія извѣстныхъ трехъ депешъ въ Петербургъ, для всей Европы наступила пора тревожныхъ ожиданій. Миръ или война,—вотъ вопросъ, который предлагаютъ себѣ повсюду, который болѣе или менѣе смущаетъ всѣ умы и болѣе или менѣе нарушаетъ правильное теченіе дѣлъ промышленныхъ, торговыхъ и всякихъ другихъ. Баронъ Зеебахъ отправляется изъ Парижа въ Петербургъ, безъ сомнѣнія, съ личнымъ порученіемъ отъ императора Наполеона къ императору Александру. Баронъ Зеебахъ, родственникъ бывшаго канцлера Русской Имперіи графа Нессельроде, содѣйствовавшій прекращенію крымской войны: значитъ, будетъ миръ. Но вотъ прибылъ въ Парижъ офицеръ, состоящій на службѣ въ шведскомъ флотѣ, какъ говорятъ, съ какимъ-то порученіемъ къ французскому правительству; мало того: воинственный принцъ Наполеонъ не только отсрочиваетъ со дня на день свою поѣздку въ Египетъ, но повидимому и вовсе отъ нея отказывается; сатирическій журналъ *Charivari*, прекратившій было свои выходки противъ Россіи, снова возобновилъ ихъ; наконецъ, императоръ думаетъ вызвать изъ Алжира маршала Пелиссье: значитъ, быть войнѣ. И всѣ эти тревоги, можетъ-быть совсѣмъ напрасныя, сосредоточиваются въ Парижѣ, и оттуда уже распространяются на всю Европу, въ Парижѣ, резиденціи правительства, которое такъ печется о всеобщемъ мирѣ и спокойствіи—на словахъ, по крайней мѣрѣ,—которое такъ хорошо умѣетъ проповѣдывать эти блага въ своихъ дипломатическихъ депешахъ, и которое однакоже, съ самаго водворенія своего, то и дѣло мутитъ Европу если не войною, то опасеніями войны, которыя также никому не обходятся даромъ.

Итакъ, миръ или война? Посмотримъ какъ рѣшаютъ этотъ вопросъ журналы, стоящіе болѣе или менѣе близко къ французскому правительству. Вслѣдъ за подробнымъ и, какъ должно думать, вѣрнымъ изложеніемъ французской депеши (См. № 80 *Московскихъ Вѣдомостей*), *Pays* говоритъ слѣдующее:

„Къ сожалѣнію, мы усматриваемъ, что нѣкоторые журналы ищутъ себѣ опоры въ своихъ связяхъ съ міромъ офиціяльнымъ, для того чтобы придать своей полемикѣ насчетъ Польши горячность и значеніе, какое имѣли пренія предъ началомъ италіянской кампаніи. Но между нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ и тогдашнимъ нѣтъ ровно ничего сходнаго. Тогда, въ 1859 г., дѣло шло о горячемъ вопросѣ, въ которомъ Франція не могла не дѣйствовать. Настояла война между Австріей и Піемонтомъ, съ которымъ было все населеніе Италіи. Надлежало или согласиться на то, чтобы Австрія завладѣла всею Италіей до самой нашей границы, или же отразить эту опасность. Въ настоящее время ничего подобнаго. Вопросъ человѣколюбія и ебщеевропейскаго порядка, касающійся сочувствія къ храброму и несчастному народу, но никакой опасности для Франціи: вотъ положеніе дѣлъ. Въ этомъ дѣлѣ Франція заинтересована и участвуетъ не болѣе, не менѣе чѣмъ другія великія державы Европы. Тутъ нѣтъ французскаго вопроса. Тутъ вопросъ общеевропейскій. Согласіе съ Англіей, съ Австріей и почти со всѣми государствами Европы отнимаетъ у нынѣшнихъ обстоятельствъ то значеніе, какое имъ желали бы придать. Соединеніе великихъ державъ вполнѣ достаточно для согласнаго съ честію рѣшенія вопроса, такъ что Франціи нечего будетъ одной пускаться въ приключенія. Тѣ, которые стараются уподоблять другъ другу двѣ столь различныя эпохи, обманываютъ и себя и публику.“

La France точно также доказываетъ невозможность войны, но на томъ основаніи, что Россія, по убѣжденію этой газеты, не можетъ не уступить требованіямъ трехъ великихъ державъ. Ну, а что, если-бы вышло напротивъ, еслибы Россія твердо и рѣшительно, хотя и въ наиболѣзнѣйшихъ

выраженіяхъ, отклонила всякое вмѣшательство иностранныхъ державъ въ дѣло, которое она прежде всего имѣетъ право разсматривать какъ свое внутреннее, домашнее дѣло, еслибъ она въ виду неопредѣленныхъ требованій, какія къ ней обращаютъ, отвѣчала такъ, какъ недавно отвѣчала Мадридскому кабинету? Такой отвѣтъ возможенъ какъ нельзя болѣе. Скажемъ болѣе: его не можетъ не ожидать Европа. Европейскія державы хорошо знаютъ все значеніе польскаго вопроса для Россіи. Вотъ, между прочимъ, что писалъ лордъ Шафтсбери лорду Пальмерстону, отъ 2-го января 1832 г.: „Этотъ вопросъ есть вопросъ жизни или смерти для здѣшняго правительства. Оно знаетъ это, и общественное мнѣніе совершенно согласно съ нимъ, и потому я опасаюсь, что оно рѣшительно будетъ стоять на отказѣ, каковы бы ни были отъ этого послѣдствія.“ Многое перемѣнилось съ того времени, но вопросъ о Польшѣ остался тѣмъ же чѣмъ былъ прежде: вопросомъ жизни или смерти для Россіи, и понятно, что Россія не можетъ допустить другія державы не только къ рѣшенію, но и къ серіозному участію въ его рѣшеніи. При этомъ каковы же могутъ быть дальнѣйшія дѣйствія европейскихъ державъ? Неужели они рѣшатся на войну изъ-за Польши? Въ этомъ очень можно сомнѣваться. Мы знаемъ, какихъ усилій стоило Франціи склонить на свою сторону Австрію: и болѣе или менѣе льстивыя и выгодныя предложенія, и собственноручныя письма императора, а между тѣмъ Австрія и до сихъ поръ еще очень сильно колеблется. Вотъ что разказываетъ между прочимъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, отъ 16-го апрѣля, о бесѣдѣ своей съ однимъ иностраннымъ дипломатомъ: „Послѣдній въ продолженіи своего разговора съ графомъ Рехбергомъ замѣтилъ, что онъ почти навѣрное впадетъ въ тѣ же ошибки, какъ и его предшественникъ графъ Буоль-Шауэнштейнъ въ крымскую кампанію: онъ, не выходя изъ бездѣйствія, сосредоточилъ сильную армію на границахъ Польши, и навлекъ тѣмъ на Австрію двоякое обвиненіе—со стороны Россіи въ томъ, что неблагодарная Австрія принудила ее держать значительныя войска далеко отъ главнаго поприща военныхъ дѣйствій, и со стороны западныхъ державъ, что она сосредоточила свои войска въ Галиціи въ тѣхъ видахъ, чтобы въ Польшѣ не могло произойдти возстаніе. Дипломатъ прибавилъ, что уже теперь, на четвертый день по отправленіи своей депеши, Австрія сильно запугана распространеніемъ польскаго мятежа, и гораздо болѣе озабочена сохраненіемъ спокойствія въ Галиціи и въ Краковѣ чѣмъ поддержаніемъ польскаго дѣла предъ С.-Петербургскимъ кабинетомъ.“ На Австрію такимъ образомъ Франція не очень-то можетъ разчитывать.

Что касается до Англіи, то по разказу вѣнскаго корреспондента *Indépendance Belge* новый оборотъ, который приняли усилія европейской дипломатіи, произведенъ былъ первоначально этою державой. Получивъ не совсѣмъ благопріятный словесный отвѣтъ отъ князя Горчакова на свою депешу отъ 2-го марта (18-го февраля), не успѣвъ склонить другія державы къ поддержанію своихъ требованій, и не желая являться предъ парламентомъ съ пустыми руками, лорды Пальмерстонъ и Россель обратились къ Франціи, приглашая ее дѣйствовать заодно съ Англіей. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Австріей, рѣшено было, что въ новыхъ депешахъ не будетъ рѣчи о трактатахъ 1815 г., какъ неблагопріятныхъ для Франціи и для Австріи, присоединившей къ себѣ Краковъ, что въ назначенный день въ Вѣнѣ эти депеши предварительно будутъ прочитаны сообща представителями трехъ державъ и что они представлены будутъ одновременно и будутъ сопровождаться одинаковыми письмами къ посламъ въ Петербургѣ. Въ назначенный день герцогъ де-Грамонъ явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ для сообщенія французской депеши и для прочтенія депешъ австрійской и англійской; но напрасно ждали онъ и графъ Рехбергъ лорда Блумфильда. Обратились къ телеграфу, и узнали изъ Лондона, что англійская нота уже отправлена въ Вѣну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Петербургъ, и въ послѣдствіи лордъ Блумфильдъ объявилъ, что англійская депеша ссылается на вѣнскіе трактаты, такъ какъ молчаніе о нихъ поставило бы англійское правительство въ непріятное положеніе послѣ отвѣта, даннаго, княземъ Горчаковымъ, на депешу 2-го марта. Такимъ образомъ при самомъ началѣ общаго дипломатическаго дѣйствія между Англіею и обѣими другими державами не было полной искренности и полнаго согласія, на которыя указываютъ намъ *Pays* и *La France*.

О настоящемъ положеніи дѣлъ парижскій корреспондентъ *Morning Post* раз-

суждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Настоящее положеніе Франціи очень серіозно и затруднительно. Волненіе въ пользу Польши усиливается, и всѣ уже спрашиваютъ, что же будетъ потомъ: тѣ, которые кругомъ императора кричали о войнѣ, начинаютъ кричать снова. Но я полагаю, прибавляетъ корреспондентъ, что императоръ рѣшился идти шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ Англіей. Его дипломатія заодно съ англійскою будетъ становиться все рѣшительнѣе, и еслибы Англія взялась за оружіе вмѣстѣ съ другими державами, Франція никакъ не отстала бы. Но если Англія и Франція пойдутъ гораздо дальше теперешняго въ своихъ дипломатическихъ усиліяхъ, тогда отступленіе для нихъ станетъ уже невозможно. Какъ только они измѣнятъ свой дружественный тонъ въ Петербургѣ, они должны будутъ готовиться къ войнѣ. Русская же дипломатія наотрѣзъ отказывается уступать принужденію. Такимъ образомъ для Европы наступило критическое время.“ Но лондонскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ томъ предположеніи, что Франція не рѣшится дѣлать оригинальныхъ скачковъ одна, безъ содѣйствія Англіи, не совсѣмъ согласенъ съ тѣмъ чтобы настоящее время было до такой степени критическое. „Въ Англіи никто и не думаетъ о возможности войны съ Россіей изъ-за Польши. Англія въ этомъ отношеніи крѣпко держится Австріи, и пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе въ Турцію, въ Стокгольмъ и въ Парижъ, чтобы предостеречь отъ излишней поспѣшности и отъ наступательныхъ демонстрацій противъ Россіи. Тѣмъ временемъ Франція старается всячески угодить Англіи: усерднѣйше приглашаетъ къ себѣ въ гости принца Вельсскаго, предлагаетъ Англіи заодно съ нею заняться устройствомъ новаго правительства и финансовъ въ Мексикѣ, когда дѣло оружія будетъ окончено генераломъ Форе, и т. д.“ Наконецъ, парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge*, отъ 20-го апрѣля, вычисляетъ всѣ шансы сохраненія мира со стороны Франціи. „Франція, говоритъ онъ, не можетъ забыть какихъ усилій и пожертвованій людьми и деньгами стоило ей отправленіе войскъ подъ Севастополь и содержаніе ихъ тамъ. На столько ли упрочены ея отношенія къ Англіи, которой глава ея внушаетъ постоянныя и очень убыточныя опасенія, и къ Австріи, которая не забыла еще италіянской кампаніи, на столько ли упрочены ея отношенія, чтобъ отважиться на войну съ Россіей, въ которой она находила себѣ, съ 1856 года, самую надежную опору? И наконецъ, за исключеніемъ одного или двухъ лицъ, всѣ офиціяльные и полуофиціяльные совѣтники императора Наполеона рѣшительно противъ войны, и въ случаѣ войны пришлось бы обратиться къ такъ-называемой демократической наполеоновской школѣ, вожди которой еще не доказали своей способности къ управленію дѣлами, не говоря о томъ, что они потребовали бы совершеннаго измѣненія во внутренней политикѣ Франціи.“

Такимъ образомъ, какія бы тернія онъ ни заключалъ въ себѣ подъ прикрытіемъ дипломатическихъ розъ, твердый и рѣшительный отвѣтъ Россіи скорѣе обезоружитъ нашихъ недоброжелателей чѣмъ возбудитъ ихъ воинственность. Внѣшнія отношенія Россіи, конечно, не такъ благопріятны какъ въ 1831 г.: тогда за одно съ нею была не только Пруссія, но и Австрія; тогда Англія, хотя и дѣйствовала также заодно съ Франціей, но не будучи встревожена восточнымъ вопросомъ, была гораздо къ намъ дружелюбнѣе. Зато съ другой стороны твердость и рѣшительность со стороны русскаго правительства найдутъ въ настоящее время болѣе сознательное и болѣе восторженное сочувствіе въ массѣ нашего народа чѣмъ въ какую-либо изъ прежнихъ эпохъ русской исторіи. Вся Россія болѣе или менѣе понимаетъ какое жизненное значеніе имѣетъ для нея польскій вопросъ, и какъ важно рѣшить его внутреннимъ государственнымъ, а не международнымъ порядкомъ, который не устранилъ бы на будущее время ни одного изъ теперешнихъ затрудненій и открылъ бы иностранной дипломатіи путь къ вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла, къ вмѣшательству несовмѣстному съ достоинствомъ великой державы.

№ 82.

Москва, 16-го апрѣля.

Въ то время, какъ въ отвѣтъ на притязанія польской шляхты и непріязненные совѣты иностранныхъ правительствъ, подносятся отъ русскихъ людей всеподданнѣйшіе адресы, выражающіе безпредѣльную преданность Державному Защитнику отечества, происходитъ важный шагъ въ законо-

дательныхъ работахъ ведущихъ къ осуществленію тѣхъ мѣръ, которыя должны дать просторъ самостоятельной жизни русскаго общества и его содѣйствіемъ укрѣпить русское государство. До насъ дошло свѣдѣніе, что на дняхъ вносится въ государственный совѣтъ проектъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, проектъ чрезвычайно важный самъ по себѣ и еще болѣе важный какъ основа дальнѣйшихъ политическихъ развитій, долженствующихъ, уравновѣсить государственное зданіе и упрочить за нимъ его историческій характеръ несокрушимаго единства.

Искренностью и правдой всегда отличались политическія отношенія между верховною властью и народомъ въ Россіи. Какъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса было рѣшеніемъ серіознымъ и прямымъ, такъ несомнѣнно и новыя земскія учрежденія будутъ серіозными учрежденіями. Они вызовутъ у насъ къ жизни не новый разрядъ чиновничьихъ присутственныхъ мѣстъ, или искусственно составленныхъ для шума и эффекта собраній, а *настоящее земство*, то-есть *единеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія общимъ нуждамъ*. Правительство, желая снять съ себя обязанности по завѣдыванію хозяйствомъ мѣстныхъ земскихъ обществъ, дѣлаетъ это для пользы земства, и потому, нѣтъ сомнѣнія, оно передастъ завѣдываніе хозяйствомъ земства самому земству и его естественнымъ представителямъ, а не какимъ-либо искусственнымъ учрежденіямъ, ни отъ правительства ни отъ самаго земства не зависящимъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно.

Намъ могутъ напомнить, что въ напечатанныхъ въ октябрѣ минувшаго года въ *Сѣверной Почтѣ* извлеченіяхъ изъ проекта земскихъ учрежденій предполагались *отдѣльныя* выборныя собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ обывателей и крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, что такое предположеніе вызываетъ необходимость искусственнаго опредѣленія числа гласныхъ уѣзднаго собранія, подлежащихъ выбору каждымъ изъ этихъ сословныхъ выборныхъ собраній, что эти гласные по необходимости считали бы себя представителями не земства, а отдѣльныхъ сословій и не могли бы относиться къ земскому дѣлу прямо и непосредственно, и что съ другой стороны, эти собранія сословныхъ гласныхъ лишили бы всякаго значенія теперешніе дворянскіе съѣзды и фактически повели бы къ тому, что почетная должность уѣзднаго и губернскаго предводителей были бы унижены. На такое напоминаніе мы можемъ отвѣтить, что искусственное раздѣленіе сословій въ дѣлѣ, которое одинаково касается всѣхъ членовъ земства, имѣющихъ общія земскія потребности и платящихъ земскій сборъ, на ихъ удовлетвореніе, не можетъ быть ожидаемо отъ того самаго правительства, которое обнародовало проектъ судебной реформы, гдѣ довольно ясно указанъ всесословный характеръ мировыхъ судей. Столь же мало можно ожидать отъ теперешняго законодательства, чтобъ оно считало полезнымъ унизить предводительское званіе, а не возвысить его черезъ предоставленіе ему характера земскаго предводительства, характера въ сущности ему всегда принадлежавшаго. Проектъ обнародованный въ *Сѣверной Почтѣ* подвергся въ послѣдствіи существенной переработкѣ и принялъ теперь такой видъ, что наше высшее законодательное собраніе легко можетъ обозрѣть все представляемое ему дѣло и высказаться о его главныхъ началахъ. Въ настоящее время, когда дворянство многихъ губерній заявило желаніе войдти въ составъ земства на одинаковомъ съ прочими сословіями основаніи, землевладѣнія или земской подати,—въ настоящее время, когда въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи обсуждался проектъ земскихъ учрежденій, основанный на правѣ голоса съ каждой недвижимой собственности, въ 15000 р. оцѣненной,—можетъ ли въ настоящее время выйдти законъ, установляющій отдѣльныя сословныя собранія для выбора представителей къ завѣдыванію общимъ земскимъ дѣломъ и оставляющій за предводительскою должностью сословный характеръ, долженствующій вести къ ея постепенному упадку? Развѣ возможно, чтобы въ то время, когда всѣ люди Русской земли,—полные любви къ отечеству и ревности о славѣ и могуществѣ своего Монарха,—стремятся къ общему единенію для пользы общества и силы государства, законодательство стало удерживать разъединеніе, вкравшееся въ русское земство во время крѣпостныхъ отношеній, стало лишать будущности лучшій изъ нашихъ выборныхъ сановъ, нашъ самый лучшій представительный институтъ?

Повсюдный опытъ свидѣтельствуетъ, что земское дѣло должно находиться въ рукахъ значительныхъ собственниковъ, поставлен-

ныхъ такъ, чтобы они могли быть представителями всѣхъ сословій земства. Только при этомъ условіи возможно серіозное самоуправленіе. Вся сила его должна, кромѣ того, заключаться не въ собраніяхъ—уѣздные парламенты могутъ быть хороши только какъ сюжетъ для каррикатуры,—а въ людяхъ дѣйствующихъ и управляющихъ, живущихъ въ разныхъ пунктахъ уѣзда. У насъ къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединяется еще то обстоятельство, что крестьяне, по своему быту, не могутъ еще считать своимъ дѣломъ общее уѣздное дѣло. Кругозоръ ихъ тѣсенъ; имъ извѣстно только то что происходитъ въ ближайшей окрестности, и только по этимъ ближайшимъ дѣламъ они могутъ имѣть мнѣніе и съ пользой подавать голосъ. Почти то же самое и въ вопросѣ о лицахъ. Сосѣднихъ помѣщиковъ и сосѣднихъ священниковъ они знаютъ, но конечно не найдется крестьянина, который самъ собой взялся бы подавать голосъ на общихъ уѣздныхъ выборахъ обо всемъ личномъ составѣ уѣзда, между тѣмъ какъ въ интересѣ общей пользы именно желательно, чтобъ избиратели пользовались сполна всѣмъ личнымъ составомъ уѣзда.

Мы считаемъ себя впрочемъ въ правѣ энергически указывать только на то что представляется какъ несомнѣнный результатъ историческаго опыта. У насъ до сихъ поръ была удовлетворительно поставлена одна земская должность, должность предводительская. Она пользуется почетомъ и довѣріемъ. Намъ очевидно надобно держаться ея и не понижать, а возвышать ея значеніе. Это, и только это, мы можемъ извлечь изъ своего домашняго опыта; за рѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ другихъ земскихъ должностей и учрежденій мы должны обратиться къ опыту другихъ странъ. Серіозное самоуправленіе существуетъ только въ Англіи, а потому оттуда преимущественно долженъ идти голосъ опыта, полезный въ предстоящемъ Россіи дѣлѣ. Нужно ли говорить, что отнюдь не подробности тамошняго устройства должны быть переносимы въ Россію? Эти подробности примѣнены тамъ къ особенностямъ страны и хороши только на мѣстѣ. Но общій духъ, выражающійся въ мѣстныхъ учрежденіяхъ Англіи, долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію, если мы не хотимъ подражать такимъ странамъ, которыя, какъ напримѣръ Франція, стремясь осуществить отвлеченныя демократическія теоріи, успѣли установить у себя только бюрократическую централизацію, на которую, вслѣдствіе апатіи, безсилія и неспособности мѣстныхъ демократическихъ учрежденій легла вся тяжесть мѣстныхъ дѣлъ, совершенно подавляющая ее. На результатѣ этихъ историческихъ опытовъ мы считаемъ себя въ правѣ настаивать. Что же касается примѣненія этого результата къ даннымъ потребностямъ и условіямъ Россіи, то мы отнюдь не беремся высказать опредѣленное сужденіе. Тутъ кажется, всего полезнѣе было бы обратиться къ мѣстнымъ голосамъ и выслушать ихъ внимательно.

Сколько мы можемъ судить, главныя черты того устройства, которое было предложено въ статьяхъ г-на С., напечатанныхъ въ № 34 *Московскихъ Вѣдомостей* и въ № 9 *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ, вполнѣ соотвѣтствовали бы и даннымъ въ Россіи условіямъ и тому, чему учитъ насъ опытъ другихъ народовъ. Но мы далеки отъ того чтобы считать этотъ вопросъ вполнѣ разъясненнымъ, и очень охотно печатаемъ ниже возраженіе на эти статьи, доставленное намъ г. Б—ымъ. Пусть высказываются всѣ мнѣнія, и пусть изъ ихъ столкновенія выясняется истина. Не можемъ однакоже не замѣтить, что возраженія г. Б—на основаны болѣе на теоретическихъ соображеніяхъ чѣмъ на опытѣ жизни и особенностяхъ нашего уѣзднаго быта. Во всякомъ случаѣ, даже еслибы предположенія г-на С. оказались не вполнѣ удобными, совершенно ясно по крайней мѣрѣ то, что проектъ земскихъ учрежденій не можетъ быть удовлетворительно обсужденъ безъ одновременнаго обсужденія проекта мировыхъ учрежденій, а равно и проекта устава о земскихъ повинностяхъ. Эти три проекта суть стороны одного нераздѣльнаго цѣлаго, и отдѣльно разсматривать ихъ невозможно.

№ 83.

Москва, 18-го апрѣля.

Вчера, въ особомъ прибавленіи къ № 82 *Московскихъ Вѣдомостей*, напечатаны всеподданнѣйшія письма изъ Москвы, поднесенныя Государю Императору въ высокоторжественный день Его рожденія: отъ дворянства Московской губерніи, которое, не

имѣя въ этомъ году очередныхъ выборовъ, собиралось внѣ обычнаго порядка,—отъ новооткрывшейся Московской Городской Думы, представляющей собою всѣ сословія,—отъ крестьянъ разныхъ губерній проживающихъ въ Москвѣ,—отъ двухъ главныхъ старообрядческихъ согласій Рогожскаго и Преображенскаго, оклеветанныхъ предателями своего отечества,—наконецъ отъ Московскаго Университета, который достойнымъ образомъ завершаетъ эти единодушныя заявленія столь разнородныхъ общественныхъ сферъ, указывая на то великое значеніе, какое эти заявленія имѣютъ въ настоящее время для Русской Земли, по отношенію къ ея прошедшему и будущему.

Да, были тяжкія времена для нашего отечества; были мгновенія когда все казалось погибшимъ, когда ни изнутри, ни извнѣ нельзя было повидимому, ожидать никакого спасенія. Вспомнимъ 1612 годъ, вспомнимъ то что было ровно черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того, въ 1812 году, и что еще остается на памяти людей живущихъ въ наше время. Мы упомянули о 1612 годѣ: но какая безконечная разница между Русскимъ государствомъ того времени и нынѣшнимъ! Междуусобія раздирали страну, самозванцы являлись одинъ за другимъ; чужеземные властители уже держали въ своихъ рукахъ вѣнецъ Мономаха; Поляки владѣли Московскимъ Кремлемъ, этимъ жизненнымъ средоточіемъ Русской Земли, и дружины ихъ жгли и грабили ее, гуляя по всему ея простору, и проникая далеко на сѣверъ; съ другой стороны надвигались на насъ Шведы. Рознь, смуты, измѣна, враги внутренніе и внѣшніе; нигдѣ никакой силы, никакой опоры, никакого средоточія; все рушилось, все падало, все гибло... И однакожь ничего не погибло; все было спасено. Русская Земля въ этой передѣлкѣ только закалила свое единство. Русскій народъ изъ этой бездны вынесъ новыя небывалыя въ немъ силы для великаго историческаго существованія. Тутъ только впервые выразилось съ полною силою его единство; тутъ только впервые обозначился его обликъ. И произошло это великое дѣло безъ эффектныхъ героевъ и подвиговъ, произошло какъ бы само собою, внутреннею мощью народа, которому суждено историческое дѣло.

Двѣсти лѣтъ спустя, Русская Земля представляла уже значительное европейское государство; и вотъ она снова подверглась великому испытанію. Завоеватель, предъ которымъ пала вся Европа, обратилъ противъ насъ всѣ ея силы. Польша открыла ему путь внутрь нашей земли, билась съ нами подъ его орлами, и вмѣстѣ съ нимъ присутствовала при московскомъ пожарѣ. Положеніе нашего государства было тогда самое критическое. Финансы наши были въ совершенномъ разстройствѣ, о какомъ мы теперь и понятія не имѣемъ. Паника овладѣвала умами, и распространялась повсюду. Ни въ чемъ очевидномъ не выражалась народная сила; нигдѣ не сосредоточивалась народная вѣра. Мы знаемъ какъ окончилось это испытаніе; мы знаемъ чѣмъ вышелъ изъ него русскій народъ; мы знаемъ, что съ этой эпохи пробудились и пришли въ дѣйствіе внутреннія силы нашей народности, что именно съ этой эпохи начинается наше народное самосознаніе и плодотворная дѣятельность во всѣхъ сферахъ нашей общественной жизни.

А каково въ настоящее время положеніе нашего отечества? Менѣе ли оно способно чѣмъ прежде выдержать великое испытаніе.

Какъ бы ни казалось далеко наше современное положеніе отъ разныхъ идеаловъ, которые могутъ представляться каждому, нынѣшняя Россія, съ своимъ наступающимъ, будущимъ, сама представляетъ собою идеалъ который могъ казаться недостижимымъ съ точки зрѣнія прошедшихъ эпохъ. Наше народное и государственное единство никогда не было такъ упрочено такъ теперь. Великая и тяжкая работа тысячелѣтія оканчивается преобразованіями, которыя, какъ сказано въ московскомъ городскомъ адресѣ, „новыми тѣснѣйшими узами соединяютъ Русскаго Царя съ Русскою Землей и дадутъ новую крѣпость Его державѣ.“ Какъ еще ни скудно развитіе нашей общественной дѣятельности, нашей торговли, нашей промышленности, никогда прежде не было оно ни такъ обширно, ни такъ обильно. Вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія, возросло противъ прежняго и народное благосостояніе; вездѣ пробуждается новая жизнь; все чувствуетъ новыя силы и призваніе къ будущему; вездѣ возникаютъ новые интересы всякаго рода, скрѣпляющіе новыми узами всѣ части русскаго народонаселенія, всѣ области Русской Имперіи. Явилась новая, великая сила — общественное мнѣніе, всеобъемлющій интересъ общаго дѣла. Общественныя по-

нятія группируются и зрѣютъ. Зиждительныя силы нашей народности живутъ уже не въ однихъ темныхъ инстинктахъ, но и во сознаніи. Старые искусственные порядки, съ своими злоупотребленіями, исчезаютъ и уступаютъ мѣсто системѣ лучшихъ отношеній, въ основу которыхъ полагается самое плодотворное и самое надежное начало, начало самоуправленія. Какъ бы смиренно ни смотрѣли мы на самихъ себя, какъ бы ни были скромны наши мнѣнія о нашихъ силахъ, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ повторить сказанное во всеподданѣйшемъ адресѣ дворянства Московской губерніи: „Во главѣ освобождаемой Вами Россіи, Вы могущественны, Государь. Вы могущественнѣе Вашихъ предшественниковъ.“ Теперь, менѣе чѣмъ когда-нибудь за все продолженіе нашего историческаго существованія, можемъ мы опасаться войны за народное дѣло. Не внутреннія условія нашего существованія, не дѣйствительныя силы нашей народности слабы, а развѣ еще несовсѣмъ дошли до нихъ наши общественныя понятія. Слабы не силы наши; а слабы еще наши не совсѣмъ установившіяся, не совсѣмъ созрѣвшія мнѣнія, которыми мы измѣряемъ и оцѣниваемъ свое положеніе.

Предотвратить войну можемъ мы только сознаніемъ нашихъ силъ, только полною вѣрою въ историческія судьбы нашего народа; предотвратить войну можемъ мы только энергическою рѣшимостью не уклоняться ни отъ какого вызова. Да, война не должна устрашать насъ, какіе бы ни приняла она размѣры. Если она неизбѣжна, то сопряженныя съ нею бѣдствія мы можемъ предотвратить только энергическою готовностію къ ней и крѣпкою увѣренностью, что послѣднее испытаніе, которому подвергнется наше народное единство, будетъ окончательнымъ торжествомъ его.

Миролюбіе совершило все возможное для обезоруженія нашихъ враговъ и для успокоенія польскаго мятежа. Далѣе идти оно не можетъ, и если его послѣднія усилія останутся безуспѣшны, если враги наши будутъ видѣть въ немъ признакъ нашей слабости, намъ нельзя уже сдѣлать ни одного шага въ этомъ направленіи, не теряя достоинства и не подвергая себя страшнымъ бѣдствіямъ. Срокъ, постановленный всемилостивѣйшимъ манифестомъ, истекаетъ; но возстаніе не прекращается. Амнистія побуждаетъ двигателей мятежа только къ новымъ и болѣе напряженнымъ усиліямъ. Центральный революціонный комитетъ продолжаетъ засѣдать въ Варшавѣ и издавать свои декреты. Не всѣ, конечно, въ Европѣ посвящены въ тайны этого темнаго движенія, не всѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ какъ оно возникло, чѣмъ оно поддерживается, и къ чему собственно направлено; но всѣ съ изумленіемъ смотрятъ на ходъ и обстоятельства этого дѣла; всѣмъ оно представляется какъ что-то не бывалое и безпримѣрное; всѣ хотятъ видѣть въ немъ только свидѣтельство нашей слабости и внутренняго упадка.

Отнынѣ должны мы обнаружить ту твердость, которая, по выраженію адреса Московской Городской Думы, „прощая виновныхъ, смиритъ непокорныхъ.“

Теперь мы должны дѣйствовать съ полною рѣшимостью. Наши дѣйствія должны быть направлены не къ тому чтобъ угодить той или другой державѣ, задобрить тотъ или другой оттѣнокъ общественнаго мнѣнія Европы, возбужденнаго противъ насъ искусственными агитаціями, или смягчить тонъ той или другой закупленной противъ насъ французской газеты, а къ подавленію мятежа во что бы то ни стало.

Отнынѣ для прекращенія мятежа нужно не столько истребленіе шаекъ, сколько крѣпкая и надежная администрація края. Не всѣ въ Польшѣ радуются возстанію. Напротивъ, большинство народонаселенія страдаетъ отъ мятежа, и безъ сомнѣнія желаетъ, чтобы приняты были всѣ нужныя мѣры для огражденія собственности и жизни людей отъ терроризма революціи. Невыгодное впечатлѣніе, производимое нами на Европу, имѣетъ своею главною причиной именно это обстоятельство. Энергія наша должна состоять не въ томъ, чтобы поражать и разсѣивать шайки, сгоняемыя терроризмомъ, а въ томъ чтобъ оградить мирныхъ людей отъ этого терроризма. Въ Европѣ намъ ставятъ въ упрекъ именно то, что въ Варшавѣ, гдѣ сосредоточено управленіе цѣлаго края, въ Варшавѣ занятой войсками и состоящей на военномъ положеніи, до сихъ поръ продолжаетъ засѣдать революціонный комитетъ, и распоряженія его для поддержанія мятежа дѣйствуютъ успѣшнѣе чѣмъ всѣ мѣры законнаго правительства, принимаемыя для прекращенія мятежа.

Въ предпослѣднемъ нумерѣ нашей газеты заимствовали мы изъ *Journal de St.-Pétersbourg* изложеніе всѣхъ тѣхъ льготъ, ко-

торыя были вводимы въ Царствѣ Польскомъ за послѣдніе годы. Въ числѣ этихъ льготъ поставляется то, что всѣ русскіе чиновники были введены изъ Царства Польскаго, и что весь административный персоналъ состоитъ тамъ изъ Поляковъ. Только восемь сколько-нибудь значительныхъ административныхъ мѣстъ заняты Русскими. Мы не можемъ судить, въ какой мѣрѣ было необходимо выводить изъ Царства Польскаго должностныхъ лицъ русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ въ Россійской Имперіи и военная и гражданская служба наполнены людьми польскаго происхожденія. Но спрашивается, возможно ли ожидать, чтобы въ странѣ, находящейся въ полномъ возстаніи, служащей фокусомъ всѣхъ интригъ и возбужденій озлобленной противъ насъ политики разныхъ державъ, чтобы въ этой страны, гдѣ поднято знамя національнаго движенія, гдѣ не только все должно находиться на военномъ положеніи, но гдѣ уже свирѣпствуетъ война,—чтобы въ этой странѣ, даже и по истощеніи всѣхъ примирительныхъ мѣръ, административный персоналъ состоялъ исключительно и систематически изъ Поляковъ?

Мы охотно допускаемъ, что всѣ должностныя лица въ Царствѣ Польскомъ, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, люди добросовѣстные. Но нельзя не согласиться, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ положеніе административнаго лица изъ Поляковъ въ Царствѣ Польскомъ есть положеніе очень непріятное. При всей добросовѣстности, можетъ ли чиновникъ изъ Поляковъ совершенно оградить себя отъ всякихъ возбужденій національнаго чувства, которыя производятся теперь въ Польшѣ съ такими отчаянными усиліями, въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и такъ систематически? Можетъ ли онъ уберечься отъ этихъ вліяній, когда вся Европа толкуетъ теперь о возстановленіи польской національности? Онъ связанъ долгомъ присяги съ правительствомъ,—но можно ли ожидать, чтобъ онъ былъ совершенно увѣренъ въ прочности существующаго порядка? Къ тому же въ его совѣсти возникаетъ невольно чувство другаго долга,—долга предъ своею національностію. Къ этому призываетъ его открыто ксендзъ въ костёлѣ; объ этомъ напоминаетъ ему каждая вѣсть, долетающая до него изъ-за границы, каждый бюллетень о побоищахъ въ лѣсахъ, каждое лицо встрѣчаемое на улицѣ. Представимъ себѣ самаго твердаго, самаго честнаго человѣка въ этомъ положеніи: чѣмъ онъ добросовѣстнѣе, тѣмъ не стерпимѣе пытка, которой онъ подвергается. Но большинство людей нигдѣ и никогда ни отличается героическими доблестями. Обыкновенные смертные легко подчиняются возбужденіямъ, которыя дѣйствуютъ ближе и сильнѣе.

Хотимъ ли мы удовлетворить нынѣшнимъ притязаніямъ польскаго патріотизма, и пожертвовать ему существованіемъ Россіи? Въ такомъ случаѣ надобно намъ выводить изъ Царства Польскаго войска, отступать все далѣе и далѣе къ Уральскому хребту, и готовиться къ мирной кончинѣ. Если же этого мы не хотимъ, если всякая мысль о чемъ-либо подобномъ кажется намъ нелѣпостью и приводитъ насъ въ негодованіе, то никто, ни даже сами Поляки, не въ правѣ были бы сѣтовать на правительство, еслибъ оно сочло нужнымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры, для того чтобъ избавить Польшу отъ безплоднаго и изнурительнаго раздраженія, а Россію отъ лишней траты крови и силъ въ борьбѣ, которая можетъ превратиться въ европейскую войну. Въ настоящее время всякое наружное угожденіе національному чувству въ Царствѣ Польскомъ станетъ гибелью и для Польши, и для Россіи. Война, такъ война; военное положеніе, такъ военное положеніе. При теперешнемъ ходѣ дѣлъ, правительство имѣетъ полное основаніе сосредоточить всѣ власти въ Царствѣ Польскомъ въ рукахъ людей, недоступныхъ обольщеніямъ польскаго патріотизма и революціоннымъ устрашеніямъ. До тѣхъ поръ пока не прекратится возстаніе, пока порядокъ въ Царствѣ Польскомъ не будетъ возстановленъ, всякая уступка національному чувству будетъ не примирять насъ съ Поляками и Европой, а напротивъ только усиливать вражду, распаляя съ одной стороны требованія, а съ другой заставляя прибѣгать все болѣе и болѣе къ жестокимъ мѣрамъ для ихъ отраженія.

Быть или не быть войнѣ, это зависитъ отъ того, будетъ или не будетъ въ скоромъ времени прекращенъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Всѣ усилія враждебной намъ политики направлены къ тому чтобы питать и длить возстаніе въ этомъ краю; какія бы льготы ни стали мы давать возмутившемуся краю въ настоящее время, все окажется безуспѣшнымъ, и европейскія державы будутъ все сильнѣе настаивать на томъ, чтобы мы принимали мѣры къ успокоенію

страны. Въ самомъ дѣлѣ наступаетъ пора принять серіозныя мѣры для успокоенія взволнованной страны, такія мѣры, какія всякая держава, либеральныхъ и не либеральныхъ свойствъ, приняла бы въ подобномъ положеніи. Результатомъ такой рѣшимости было бы прекращеніе всякаго вмѣшательства со стороны другихъ державъ. Во всякомъ случаѣ, мы находились бы въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ для того чтобы принять вызовъ, еслибъ онъ оказался неизбѣжнымъ.

Если же дѣло обойдется благополучно, и страна освободится отъ революціонныхъ элементовъ, Россія не забудетъ своего долга, и немедленно приступитъ къ окончательному и искренному замиренію Польши во всѣхъ ея законныхъ требованіяхъ.

№ 84.

Москва, 19-го апрѣля.

Двѣ недѣли тому назадъ послы Австріи, Франціи и Великобританіи въ Петербургѣ представили депеши отъ своихъ правительствъ князю Горчакову. Объ англійской депешѣ до сихъ поръ извѣстно только то, что она отличается отъ двухъ другихъ прямымъ указаніемъ на трактаты 1815 г. Подробный анализъ французской и австрійской депешъ былъ сообщенъ, первой—въ *Pays*, полуофиціяльной французской газетѣ, состоящей въ особенно тѣсныхъ связяхъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ де-Персиньи, второй—въ *Кельнской Газетѣ*, которая получаетъ нерѣдко точныя свѣдѣнія, но не изъ прусскихъ и не изъ австрійскихъ источниковъ, а по всей вѣроятности, также изъ французскихъ: и на этотъ разъ ея анализъ признанъ вѣрнымъ австрійскій полуофиціяльный органъ *Всеобщая Корреспонденція*. Французская депеша въ подлинникѣ напечатана теперь во *Всеобщей Аугсбургской газетѣ* и сообщается нами ниже въ точномъ русскомъ переводѣ.

На чемъ же основываются европейскія державы въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Россіи, и какой смыслъ, какое значеніе имѣютъ эти требованія? Австрія прежде всего указываетъ на вредныя послѣдствія смутъ происходящихъ въ Польшѣ для собственныхъ своихъ польскихъ областей, и такимъ образомъ, становится, по-видимому, на болѣе твердую почву чѣмъ Англія и Франція, не заинтересованныя непосредственно тѣмъ что происходитъ въ Польшѣ. Франція, самозванно принимая на себя роль представительницы общихъ европейскихъ интересовъ, говоритъ прежде всего за Австрію и за Пруссію, за „сопредѣльныя съ Польшею государства, которыя испытываютъ потрясеніе отъ происходящихъ въ ней безпорядковъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ, что это потрясеніе тотчасъ же передается цѣлой Европѣ, и что событія въ Польшѣ тревожатъ умы въ цѣлой Европѣ. Далѣе, обѣ державы, а вѣроятно также и Англія, сочли приличнымъ указать на то, что польскія смуты могутъ вовлечь правительства Европы въ печальныя несогласія между собою. Итакъ, прежде всего эти державы желаютъ прекращенія происходящихъ теперь смутъ въ Польшѣ, а потомъ, въ будущемъ, устраненія причинъ, которыя ихъ порождаютъ. Этого именно желаетъ и сама Россія, и желаетъ, конечно, гораздо искреннѣе чѣмъ любая изъ трехъ державъ, жалующихся на польскія смуты. Развѣ ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, что она была сама повинна въ вооруженномъ возстаніи Польши, возбуждая Поляковъ разными намеками, принимаемыми за обѣщанія? Развѣ ни одна изъ этихъ державъ не дозволяла въ своихъ предѣлахъ ни вербовки волонтеровъ для польскаго возстанія, ни высылки и провоза оружія для польскихъ мятежниковъ? Развѣ они, жалующіяся теперь на тревогу, производимую въ Европѣ польскими событіями, развѣ они въ собственныхъ своихъ предѣлахъ не тревожили общественнаго мнѣнія при посредствѣ парламентскихъ преній о польскихъ дѣлахъ и статей въ своихъ полуофиціяльныхъ журналахъ? Но еслибы ничего подобнаго не было съ ихъ стороны, то не было бы и вооруженнаго польскаго возстанія, или еслибъ оно и вспыхнуло, то на самый короткій срокъ времени, не встревоживъ нигдѣ умовъ и не измѣнивъ отношеній между державами. Въ настоящемъ случаѣ всѣмъ тремъ державамъ приходится жаловаться главнѣйшимъ образомъ на дѣло собственныхъ рукъ своихъ.

Хотя жалобы ихъ такимъ образомъ могли бы быть обращены противъ нихъ же самихъ, тѣмъ не менѣе на Россіи лежитъ обязанность какъ можно скорѣе отнять у нихъ всякій поводъ къ жалобамъ. Польское возстаніе тревожитъ эти державы; онѣ долж-

ны быть довольны если оно будетъ какъ можно скорѣе прекращено. Одни военныя усилія Россіи оказываются пока недостаточными для этого; актъ верховнаго милосердія не обезоружилъ мятежниковъ: чтобы можно было хотя отчасти удовлетворить жалобы великихъ державъ приходится принять мѣры административнаго порядка, которыя лишили бы революціонный польскій комитетъ возможности вооружать новыя шайки на мѣсто разбитыхъ, взимать съ этою цѣлью налоги, устрашать мирныхъ гражданъ казнями или, вѣрнѣе, тайными убійствами. Административныя средства, существующія въ Царствѣ съ 1861 г., до сихъ поръ оказывались для этой цѣли недостаточными; если и по истеченіи срока амнистіи, мятежъ не прекратится и существующія административныя средства не начнутъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, то очевидно, необходимо будетъ установить въ Царствѣ, на время мятежа и войны, русскую военную администрацію, которая, какъ можно надѣяться, скоро покончитъ съ польскимъ возстаніемъ. Кровопролитіе не можетъ быть далѣе терпимо еще и потому что посѣваетъ сѣмена будущей ненависти, которыя долго нельзя будетъ вырвать. Надобно сначала прекратить кровопролитіе, а потомъ уже заботиться о томъ какъ бы замирить край и принять дѣйствительныя мѣры для устраненія причинъ, вызывающихъ въ Польшѣ періодическія смуты, о которыхъ упоминается въ депешахъ трехъ державъ.

Что касается до этихъ мѣръ, то Австрія ограничивается указаніемъ на необходимость поставить не только Царство Польское, но и нѣкогда польскія области, подчиненныя теперь русскому скипетру, въ такое положеніе, которое обезпечило бы прочнымъ образомъ ихъ спокойствіе. Французская депеша въ этомъ случаѣ нѣсколько опредѣленнѣе. Мы узнаемъ изъ нея по крайней мѣрѣ, какія политическія комбинаціи правительство императора Наполеона считаетъ „безсильными примирить Польшу съ положеніемъ, въ которое поставили ее трактаты". Это всѣ тѣ комбинаціи, которыя были испытаны до сихъ поръ. Такихъ комбинацій до сихъ поръ было три: конституція 1815 г., правительственная система императора Николая I и система, введенная въ Польшѣ съ 1861 г., съ которою еще недавно возобновили знакомство наши читатели изъ переведенной нами статьи *Journal de St-Pétersbourg*. Изобрѣтательная на всякаго рода политическія комбинаціи, наполеоновская Франція имѣетъ въ виду для Польши какіе-то новые, еще неизвѣданные порядки. Соображая, что по смыслу французской депеши эти порядки должна установить сама Россія; что Австрія толкуетъ о польскихъ областяхъ вообще, что польскіе патріоты, въ томъ числѣ графъ Замойскій, нѣкоторые польскіе дворяне Подольской губерніи и т. д., мечтали о присоединеніи западныхъ областей Россіи къ Царству Польскому, можно угадывать какая комбинація подходила бы къ видамъ Франціи и другихъ державъ. Пусть Польша остается подъ однимъ скипетромъ съ Россіею, но пусть Польша обниметъ собою и всѣ западныя области Россіи. Не на эту ли еще неизвѣданную комбинацію намекаетъ французская нота? Простираются ли эти виды еще на то, чтобы расширенной такимъ образомъ Польшѣ предоставлена была полная автономія, подъ которою даже и газета *La France* разумѣетъ возстановленіе конституціи 1815 г., или вообще полную политическую самобытность, или же эти виды ограничиваются только распространеніемъ на западныя области Россіи дарованныхъ уже теперь Польшѣ учрежденій, такъ чтобъ административно-политическимъ средоточіемъ ихъ была Варшава, а не Петербургъ, — это, очевидно, пунктъ второстепенный: расширенная такимъ образомъ Польша, раньше или позднѣе, была бы въ состояніи добыть себѣ и полную политическую отдѣльность.

Если таковы дѣйствительные виды западныхъ державъ и если онѣ не намѣрены отъ нихъ отступиться, то для Россіи нѣтъ другаго выбора, кромѣ войны, и войны самой ожесточенной, такъ какъ тутъ дѣло шло бы о самомъ существованіи Россіи.

Всеобщая Аугсбургская Газета выставляетъ еще одну неиспытанную комбинацію: это — дарованіе Литвѣ, Бѣлоруссіи Подоліи и Волыни особыхъ провинціяльныхъ учрежденій въ родѣ тѣхъ, которыя предоставлены Польшѣ, и которыя обезпечивали бы въ нихъ польскую національность. Не говоря уже о томъ, что польская національность, въ этихъ областяхъ, по своей численности, во все не имѣетъ права на такое предпочтительное обезпеченіе, сама нѣмецкая газета, отстаивающая обыкновенно интересы Австріи, соглашается, что и въ такомъ случаѣ Россія потерпѣла бы

чувствительный ущербъ какъ великая европейская держава: вопервыхъ, въ свое время, во всѣхъ этихъ областяхъ, въ которыхъ высшій классъ составляютъ Поляки, неминуемо пробудилось бы стремленіе къ полной политической самобытности, а во-вторыхъ, и безъ этого Россія потерпѣла бы ослабленіе и затрудненіе, проистекающія отъ федеративнаго устройства, отъ замѣненія единаго и нераздѣльнаго государства союзомъ полусамостоятельныхъ областей. Положеніе, въ которое такимъ образомъ была бы поставлена Россія, кажется до такой степени критическимъ упомянутой нѣмецкой газетѣ, что она говоритъ прямо: „Россіи представляется на выборъ или отказаться отъ значенія великой европейской державы, или рѣшиться на войну, и какъ ни прискорбенъ такой выборъ, онъ долженъ быть сдѣланъ, — если только онъ уже не сдѣланъ, какъ это можно предполагать судя по военнымъ приготовленіямъ Россіи".

Если же европейскія державы не хотятъ войны, то изъ неиспытанныхъ комбинацій остается только одна, та самая, которую мы защищали съ самаго начала, и въ пользу которой, съ различными оттѣнками, выступаютъ теперь французскіе журналы: *Le Nord* и *La Presse* и англійскіе *Morning Herald* и *Standard*. Пусть Польша, по прекращеніи въ ней мятежа, пользуется предоставленнымъ ей самоуправленіемъ во всемъ что касается до мѣстныхъ ея интересовъ, но пусть своею конституціею, своимъ государственнымъ устройствомъ, какъ сказано въ Вѣнскомъ трактатѣ, она навсегда будетъ соединена съ Россіею, то-есть пусть ея государственное устройство будетъ приноровлено къ общему государственному устройству Россіи, улучшенному на широкихъ основаніяхъ; пусть во всемъ что касается до вопросовъ о войскѣ, о финансахъ, о законахъ по части торговли, промышленности, путей сообщенія, телеграфовъ и почтъ представители ея земства получатъ свою долю въ ихъ рѣшеніи, но не иначе какъ въ одно время и вмѣстѣ съ земствомъ русскимъ. Польская національность, о которой по видимому такъ хлопочутъ западныя державы, такимъ образомъ могла бы развиваться съ полною свободою; причины къ смутамъ были бы устранены, какъ того желаютъ и западныя державы въ своихъ депешахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россія изъ нынѣшняго кризиса вышла бы обновленною, болѣе могущественною и болѣе соединенною, чѣмъ когда-либо. Наконецъ обязательства Вѣнскаго трактата были бы въ этомъ случаѣ исполнены Россіей гораздо вѣрнѣе чѣмъ Пруссіей и Австріей.

Въ выраженіяхъ Вѣнскаго трактата, повидимому двухсмысленныхъ, съ поразительною точностію предсказано единственно возможное рѣшеніе польскаго вопроса.

№ 85.

Москва, 20-го апрѣля.

Вчера мы сообщили два офиціяльные документа, вызванные послѣдними польскими событіями. Остальные, вѣроятно, не замедлятъ явиться въ печати. По дипломатическому обычаю, обнародованіе депеши можетъ совершиться не прежде того, какъ будетъ полученъ на мѣстѣ отвѣтъ на нее и притомъ съ согласія правительства, отъ имени котораго написана первая депеша. На этомъ основаніи, отвѣтъ князя Горчакова на депешу лорда Росселя отъ 2-го марта н. ст. (18-го февраля ст. ст.) обнародованъ въ одинъ и тотъ же день въ *Journal de St.-Pétersbourg* и въ англійскихъ журналахъ. Офиціяльное обнародованіе депешъ отъ 10-го апрѣля, доставленныхъ князю Горчакову послами Австріи, Франціи и Великобританіи 17-го апрѣля н. ст. (5-го апрѣля ст. ст.), можетъ послѣдовать скоро, такъ какъ, если мы не ошибаемся, отвѣтъ на нихъ посланъ 16-го (28-го) апрѣля изъ С.-Петербурга. Вопросъ на столько ясенъ и безотлагателенъ, что, кажется, нѣтъ нужды медлить переговорами и длить дѣло словопреніями.

Впрочемъ уже теперь содержаніе всѣхъ депешъ болѣе или менѣе извѣстно. Мы знаемъ текстъ французскаго предложенія. Сколько можно судить по различнымъ намекамъ и извѣстіямъ, англійскій документъ не отличается по тону и заключенію отъ французскаго. Лондонскій кабинетъ тоже „горячо вѣруетъ", что Россія найдетъ средства для прочнаго умиротворенія Польши. Но при этомъ Англія идетъ нѣсколько далѣе, и указываетъ вторично на конституцію 1815 года, какъ на международное обязательство съ нашей стороны. Несмотря на категорическій и совершенно вѣрный отвѣтъ князя Горчакова объ истинномъ смыслѣ

1-й статьи акта вѣнскаго конгресса, лордъ Россель все еще доказываетъ, что отмѣна этой конституціи не имѣетъ обязательной силы для Европы и не была ею признана, какъ будто бы польская конституція 1815 года была международнымъ актомъ.

Итакъ, до сихъ поръ всѣ дипломатическія представленія сводятся къ одному: къ возстановленію спокойствія въ Польшѣ, и каждому ясно, сколько прямоты въ подобныхъ представленіяхъ державъ, которыя одною рукою указываютъ съ упрекомъ на безпорядки, а другою поддерживаютъ эти безпорядки. Дѣло въ томъ, что польскій вопросъ—ширмы, за которыми скрывается нѣчто другое. Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этого. Можно впрочемъ отдать западной дипломатіи ту справедливость, что она ловко играетъ въ жмурки. При неопредѣленности своихъ представленій, она удерживаетъ за собой возможность сдѣлать поворотъ въ ту или въ другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Изъ того что сказано въ депешахъ нельзя заключить, что вопросъ непремѣнно долженъ рѣшиться войною; но нельзя также сказать, какая мѣра со стороны Россіи будетъ считаться удовлетворяющею ожиданіямъ западныхъ державъ.

Всю выгоду положенія наши доброжелательные совѣтники хотятъ приберечь для себя. Мы должны быть готовы къ войнѣ, наша кровь уже льется, а они выжидаютъ себѣ до поры до времени, хладнокровно и безчеловѣчно возбуждая мятежниковъ противъ насъ, готовые или воспользоваться ими какъ орудіемъ или оставить ихъ погибать безславно. Это выжиданіе пагубно въ особенности для легковѣрныхъ Поляковъ. Мы должны принять въ соображеніе этотъ образъ дѣйствій, чтобы избавиться хоть на будущее время отъ подобной игры въ жмурки.

Конечно, могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя въ ближайшемъ будущемъ устранятъ войну, отвлекутъ силы и вниманіе западныхъ державъ на другіе вопросы. Такъ, американскія дѣла заботятъ теперь сильно Англію. Со дня на день можно ожидать разрыва между британскимъ и вашингтонскимъ правительствами. Американцы словно напрашиваются на войну, словно видятъ въ этомъ единственное средство развязаться съ Югомъ, чтобъ имѣть по крайней мѣрѣ утѣшеніе обвинить Англію и другія державы въ признаніи самостоятельности новаго государства. Какъ только произойдетъ это признаніе и возгорится война, о Полякахъ забудутъ въ Европѣ. Въ Англіи и въ настоящую минуту сочувствіе къ Польшѣ поддерживается искусственно. Англичане не совсѣмъ можетъ-быть отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что именно возстановленіе Польши было бы причиной нескончаемыхъ войнъ и постояннымъ поводомъ къ французскому вмѣшательству въ чужія дѣла. Но когда выступитъ на первый планъ жизненный вопросъ для Англіи и объяснится для нея настоящее положеніе Россіи, тогда исчезнутъ и послѣдніе слѣды искусственнаго возбужденія, въ которомъ находится общественное мнѣніе въ этой странѣ. Съ другой стороны, Франція не прочь воспользоваться теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы хотя дипломатически ослабить Англію; ходятъ слухи, будто кромѣ депеши, переданной князю Горчакову 5-го апрѣля ст. ст., существуетъ позднѣйшая французская депеша, выставляющая Англію главною двигательницею иностраннаго вмѣшательства и сваливающая на нее все справедливое негодованіе наше на двусмысленную политику западныхъ державъ въ польскомъ дѣлѣ. Во французскомъ законодательномъ сословіи, когда рѣчь зашла о морскихъ силахъ, сказалось также чувство соперничества по отношенію къ Англіи. Все это не указываетъ на особенное согласіе между двумя западными державами, не говоря объ Австріи, которая не можетъ безусловно идти заодно съ ними.

Слѣдовательно, не зависящія отъ насъ обстоятельства могутъ отвратить отъ насъ войну въ настоящее время. Но намъ этого недостаточно. Мы не можемъ оставить наше народное дѣло въ зависимости отъ условій, которыя могутъ быть и не быть. Избавленія отъ войны слѣдуетъ намъ ожидать не отъ извѣстнаго положенія Европы въ данное время, а отъ самихъ себя.

Интересы нашей политики въ сущности сходятся съ интересами всей Европы. Мы вовсе не тщеславная и не завоевательная нація. Мы дрались съ честію въ восточною войну противъ армій снабженныхъ улучшеннымъ оружіемъ, но мы можемъ признаться, что восточная война не была популярна у насъ. Если теперь Россія настроена воинственно, то причиной тому сами западныя державы; преувеличивъ въ 1855 году свои требованія, онѣ сами вызвали въ насъ то враждебное настроеніе, которое не можетъ прекра-

титься въ народѣ, дорожащемъ своею честью и сознающемъ свою силу, пока не исчезнутъ въ европейской дипломатіи слѣды того взгляда на насъ, о которомъ мы не можемъ вспомнить безъ негодованія. Униженіе, испытанное Франціей, по низложеніи Наполеона I,—униженіе, хотя бы и заслуженное ею, но тѣмъ не менѣе глубоко уязвившее національное чувство великаго историческаго народа,—стоитъ теперь дорого Европѣ. Европа слишкомъ дала почувствовать свою побѣду; ея высокомѣріе озлобило Францію, и этой затаенной злобѣ обязана своимъ возстановленіемъ французская имперія. Съ нами западныя державы не имѣли повода говорить такъ надменно, но все-таки ихъ требовательность, при переговорахъ о парижскомъ мирѣ 1856 года, оставила язву въ русскомъ сердцѣ, и имъ не слѣдовало бы бередить ее; во всякомъ случаѣ, имъ не слѣдуетъ пенять на насъ, что въ насъ заговорила теперь русская кровь? Мы не сможемъ перенести что-либо хотя отдаленно похожее на оскорбленіе нашей народной чести. Намъ нуженъ миръ, это правда, но миръ почетный и прочный. Намъ необходимо обезпечить его хотя бы цѣною огромныхъ пожертвованій; намъ нужно обезпечить себѣ спокойное будущее, свободное отъ раздражающихъ насъ притязаній и высокомѣрныхъ совѣтовъ. Теперешнее поколѣніе Россіи переживаетъ великую эпоху, ознаменованную внутреннимъ строеніемъ нашего отечества, обширными реформами нынѣшняго царствованія. Мы не можемъ потерпѣть, чтобы кто-либо мѣшалъ нашему великому національному дѣлу. Кто ставитъ теперь преграды Русскому Царю и народу въ этомъ дѣлѣ, тотъ врагъ нашъ,—подъ какою бы личиной онъ ни выступалъ. Русскій народъ съ энтузіазмомъ слышитъ слово ободренія для новой Россіи отъ своего Государя. Русскій патріотизмъ ожилъ и воспрянулъ въ отвѣтъ на патріотическія слова, сказанныя Русскимъ Царемъ 17-го апрѣля. Мы созидали до сихъ поръ свою географическую область, собирали свой народъ; теперь мы чувствуемъ, что время приступить къ завершенію зданія. Но для этого нужна вся сила народнаго чувства и народнаго сознанія, и въ войнѣ, которою намъ угрожаютъ, мы жаждемъ доказать и міру и самимъ себѣ, что мы не упали духомъ, что мы имѣемъ право на будущее, что уважая другихъ, имѣемъ силы заставить и другихъ уважать насъ и признавать насъ не вырождающимся, а возрождающимся великимъ народомъ.

№ 86.

Москва, 22-го апрѣля.

Нельзя сказать, чтобы Россія до сихъ поръ поступала слишкомъ стремительно и слишкомъ увлекалась патріотическимъ пыломъ своихъ обитателей. Никакъ нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ наша печать обнаружила чрезмѣрную раздражительность народнаго чувства подъ вліяніемъ тѣхъ угрозъ и оскорбленій, которыя сыпались на наше отечество со всѣхъ сторонъ, въ то время когда оно менѣе чѣмъ когда-либо заслуживало подобнаго обращенія. Увы! напротивъ, наше равнодушіе, наше молчаніе, наше непоколебимое спокойствіе, удивило иностранцевъ и послужило для нихъ признакомъ (къ счастію обманчивымъ) нашего полнаго нравственнаго упадка.

И въ печати, и въ законодательныхъ собраніяхъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ насъ было то, что Россія будто бы находится теперь въ совершенномъ разложеніи, что цѣлые классы народонаселенія исполнены революціонныхъ элементовъ, что внутри Имперіи готово вспыхнуть повсемѣстное возстаніе, что цѣлыя области ежеминутно готовы отложиться, и что при малѣйшемъ толчкѣ все это громадное тѣло разсыплется въ прахъ.

Къ стыду нашему, иностранцы на этотъ разъ не изъ ничего сочиняли свои взгляды на Россію: кромѣ обильнаго матеріяла, доставлявшагося имъ польскими агитаторами, иностранцы могли черпать данныя для своихъ заключеній и въ *русскихъ* источникахъ. Никогда, нигдѣ умственный развратъ не доходилъ до такого безобразія какъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ русскаго происхожденія. Для иностранцевъ довольно было имѣть хотя поверхностное понятіе о томъ, что печаталось по-русски, напримѣръ въ Лондонѣ, и знать при томъ, что весь этотъ отвратительный сумбуръ, невозможный ни въ какой литературѣ, пользовался въ Россіи большимъ кредитомъ, что русскіе люди разныхъ сословій пилигримствовали къ этимъ вольноотпущеннымъ сумасшедшаго дома, питались ихъ мудростію и возлагали на нихъ надежды въ дѣлѣ обновленія своего отечества. До иностранцевъ доходили слухи о не менѣе дикихъ явленіяхъ во вну-

тренней русской литературѣ, развивавшейся подъ благословеніемъ цензуры, о состояніи нашихъ учебныхъ заведеній, объ удивительныхъ проектахъ перестройки всѣхъ существующихъ отношеній, о процвѣтаніи всевозможныхъ бредней, какія когда-либо и гдѣ-либо приходили въ голову эксцентрическимъ и больнымъ умамъ, и о томъ, что всѣ эти нелѣпости не встрѣчали себѣ сильнаго противодѣйствія въ общественной средѣ,—и иностранцы заключали, что въ этой средѣ нѣтъ ни духа, ни силы, что нашъ народъ выродился, что онъ лишенъ всякой будущности. Стоило любому иностранному наблюдателю,—а такихъ не могло не быть въ канцеляріяхъ разныхъ европейскихъ посольствъ,—стоило немного прислушаться къ тому, что серіозно говорилось въ Петербургѣ, присмотрѣться къ тому, что тамъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложеніи нашего общественнаго организма. Могъ ли иностранный наблюдатель подозрѣвать, что атмосфера, въ которой онъ производилъ свои наблюденія, есть атмосфера фальшивая? Могъ ли онъ думать, что все это не болѣе какъ кошмаръ, сонъ дурной ночи, причиненный неумѣреннымъ употребленіемъ хашиша? Прежде Россія была для иностраннаго наблюдателя страною загадокъ,—и дѣйствительно ни объ одной странѣ не было столько миѳическихъ сказаній какъ о Россіи. Но въ послѣднее время наблюдатель считалъ себя въ правѣ думать, что слово загадки найдено, и что таинственная страна стала ему ясна во всей своей безнадежности. Иностранный наблюдатель крѣпко увѣрился, что Россія есть призракъ, и должна исчезнуть какъ призракъ. Если же въ немъ оставалось какое-нибудь сомнѣніе въ этомъ, то оно должно было уступить заявленіямъ *русскихъ агитаторовъ*. Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа, и обѣщали ему фантастическія благополучія, подобно революціонерамъ всѣхъ странъ и народовъ. Иностранный наблюдатель видѣлъ въ этомъ явленіе болѣе или менѣе ему знакомое, и не объясняя себѣ причинъ, удивлялся только тому, что весь этотъ вздоръ въ русской цивилизаціи пользуется кредитомъ. Но вотъ теперь дѣло становится ему яснѣе и убѣдительнѣе. Наши революціонеры обнажили передъ нимъ всѣ красоты свои, и онъ отступаетъ передъ этою картиной, со стыдомъ и омерзеніемъ. Онъ видитъ передъ собою нѣчто небывалое и не слыханное. Въ иностранныхъ газетахъ приводятся избранныя красоты изъ русско-лондонскихъ изданій, въ которыхъ еще такъ не давно, къ стыду нашему, многіе русскіе люди слышали призывный голосъ обновляющейся Россіи, и иностранные публицисты вчужѣ приходятъ въ негодованіе, цитуя мѣста изъ *Колокола*, и вчужѣ до нѣкоторой степени отстаиваютъ, если не нынѣшнее, то по крайней мѣрѣ прошлое значеніе русскаго народа отъ нареканій со стороны его собственныхъ выродковъ. Мало того, что эти выродки перешли открыто въ лагерь враговъ Россіи, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому возстанію и осыпаютъ циническими ругательствами Русскихъ выразившихъ за границей робкое сочувствіе русскому дѣлу подпискою въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ,—они ругаются надъ русскимъ народомъ вообще, и объявляютъ Россію ничѣмъ инымъ *какъ глупою выдумкой*, которая должна безслѣдно исчезнуть съ лица земли.

Посреди этихъ явленій заставляющихъ иностранца видѣть въ насъ народъ разлагающійся и гніющій, раздалось нѣсколько голосовъ изнутри Россіи, въ которыхъ слышалось русское чувство, и которыхъ было бы гораздо больше, если бы наша печать и вообще всѣ отправленія нашей общественной жизни находились подъ другими условіями,—и вотъ русскій патріотизмъ упрекаютъ въ кровожадности, упрекаютъ не французскія или нѣмецкія газеты, а *С.-Петербургскія Вѣдомости*,—газета россійская. Въ чемъ же выразилась до сихъ поръ кровожадность русскаго патріотизма? Бѣдный русскій патріотизмъ осмѣлился противъ польскихъ притязаній, которыя заявляла противъ насъ вся Европа, увлекаемая разными враждебными намъ побужденіями,—выставить на видъ историческія права русской народности, и въ отвѣтъ на ругательства, сказать нѣсколько словъ въ защиту своего народа, въ защиту предоставляемую даже тяжкимъ преступникамъ. Русскій патріотизмъ позволилъ себѣ заявить, что русскій народъ будетъ стоять крѣпко за достоинство своего политическаго существованія. Въ этомъ петербургская газета видитъ кровожадность и свирѣпство.

До сей минуты всѣ въ Россіи скорѣе готовы были сожалѣть о Полякахъ и желать имъ добра, чѣмъ сводить съ ними счеты.

Даже въ то время, когда проливалась русская кровь, когда Европа своимъ вмѣшательствомъ оскорбляла нашу народную честь и достоинство наше какъ великой державы, русское патріотическое чувство, тамъ, гдѣ оно высказывалось, не теряло мѣры, не дышало местью, и относилось къ польскимъ притязаніямъ точно такъ, какъ относятся къ нимъ всѣ безпристрастные люди въ самой Европѣ. Русское патріотическое чувство не говорило сильнѣе того, что было напримѣръ сказано г. де-Ларошжакеленомъ во французскомъ сенатѣ; оно не говорило ничего сильнѣе того, что напримѣръ прочли мы сію минуту въ англійскомъ журналѣ: *The Quarterly Review* (апрѣльская книжка), въ статьѣ подъ заглавіемъ *Paland*. „Полякамъ ихъ прошедшее не даетъ никакаго права на симпатіи Европы", сказано, между прочимъ, въ этой статьѣ. „Поляки могутъ, если хотятъ, биться до горькаго конца, увлекаемые своею закоренѣлою національною враждою. Если имъ угодно, они могутъ жертвовать своею кровью въ послѣдней отчаянной попыткѣ возстановить старую Польшу. Россія имѣла право употребить всѣ свои усилія для возстановленія своихъ древнихъ владѣній; мы не будемъ порицать и Поляковъ за то что они рискуютъ всѣмъ для осуществленія своей мечты о возобновленіи величія Ягеллоновъ. Но въ этихъ попыткахъ своихъ, пусть Поляки не разсчитываютъ на симпатіи Европы... Польскіе магнаты, для возстановленія своей независимости, или лучше сказать, для перенесенія своего подданства отъ Россіи къ Франціи, стали союзниками Наполеона въ его усиліяхъ поработить всѣ народности Европы. Еслибъ эта отчаянная попытка удалась, Польша, вѣроятно, пріобрѣла бы отъ Россіи все, на что она предъявляетъ свои притязанія, и Россія была бы откинута назадъ въ предѣлы полуазіятскаго владѣнія, а Польша, подъ покровительствомъ Франціи, стала бы обширнѣйшимъ государствомъ восточной Европы... Но этимъ грезамъ на яву не дано было осуществиться. Судьба битвъ, къ которой обратились Поляки, рѣшила дѣло не въ ихъ пользу. 1812 годъ, принесшій жизнь и свободу многимъ народамъ, былъ смертнымъ ударомъ для надеждъ Польши. Россія, подвергшаяся нападеніямъ безъ малѣйшаго повода съ своей стороны, и спасенная преданностію, которой ничего подобнаго не представляетъ исторія, овладѣла страною, готовившею ей пагубу, овладѣла на основаніи самаго чистаго права, какое когда-либо предъявлялось завоевателемъ... Самое лучшее, чего въ настоящее время можетъ ожидать Польша, есть благоустроенное положеніе подъ Русскою державой." Никогда ничего русскій патріотизмъ не говорилъ сильнѣе этихъ словъ, прочтенныхъ нами сію минуту въ иностранномъ журналѣ. Что же тутъ кровожаднаго? А что касается до благоустройства Польши, то былъ ли хоть одинъ русскій патріотъ, который не желалъ бы Польшѣ благоустройства наравнѣ съ Россіей?

Россія до конца не измѣняла своему терпѣнію; она истощила всѣ средства миролюбія. Въ самый разгаръ возстанія возмутившимся дарована была амнистія; передъ лицомъ Европы, наступавшей на насъ съ угрозами и высокомѣрными совѣтами, данъ былъ торжественный обѣтъ открыть для Польши новую политическую эру. Россія коснулась послѣдняго предѣла миролюбія; ступить еще одинъ шагъ впередъ, значило бы безъ войны погубить себя или вызвать самую ожесточенную народную войну. Никто, кромѣ враговъ Россіи, не могъ бы пожелать такого шага. Никто изъ Русскихъ, въ комъ есть хоть искра стыда и чести, не можетъ не сочувствовать горячимъ изъявленіямъ русскаго патріотизма, который съ такою силой отзывается теперь во всѣхъ концахъ Русскаго Царства. Не изъ гнилой апатіи, не изъ равнодушія къ судьбамъ отечества можетъ возникнуть что-нибудь великое въ гражданской жизни, а изъ возвышеннаго народнаго чувства.

Впрочемъ, мы сожалѣемъ, что, хотя и мимоходомъ, коснулись *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Намъ пріятнѣе заключить нашу статью выраженіемъ сочувствія другой петербургской газетѣ, *Голосу*, гдѣ, по поводу изъявленій народнаго патріотизма, раздающихся теперь со всѣхъ сторонъ, сказано то, что намъ всегда казалось справедливымъ, — именно то, что чѣмъ болѣе было бы патріотическаго чувства въ высшихъ классахъ общества, тѣмъ менѣе было бы опасности народной войны, тѣмъ менѣе было бы необходимости трогаться съ мѣста стихійнымъ силамъ народа. Прибавимъ къ этому, что враждебная намъ агитація общественнаго мнѣнія въ Европѣ никогда не достигла бы тѣхъ размѣровъ и не зашла бы такъ далеко, еслибъ она не была обманута признаками на поверхности нашего общества и особенно состояніемъ на-

шей литературы, которую иностранцы ошибочно сочли за дѣйствительное выраженіе духа нашего народа.

№ 87.

Москва, 23-го апрѣля.

Мы сообщили вчера дипломатическую корреспонденцію, происходившую въ послѣднее время по польскимъ дѣламъ между Россіею съ одной стороны; Англіею, Франціей и Австріей съ другой. 5-го (17-го) апрѣля, согласившись между собою наканунѣ, послы Англіи и Франціи и повѣренный въ дѣлахъ Австріи, прибыли одинъ за другимъ къ князю Горчакову, и соблюдая порядокъ своего старшинства въ дипломатическомъ корпусѣ (сперва герцогъ Монтебелло, потомъ лордъ Непиръ и наконецъ графъ Тунъ) вручали ему по очереди копіи съ депешъ, полученныхъ каждымъ изъ нихъ отъ своего правительства; копіи сопровождались записками отъ собственнаго имени каждаго, составленными въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ. Князь Горчаковъ, какъ говорятъ, принималъ депеши, не входилъ ни въ какія разсужденія съ иностранными министрами и объявлялъ имъ только, что депеши будутъ представлены на разсмотрѣніе Государя Императора. Черезъ 9 дней, 14-го (26-го) апрѣля послѣдовали отвѣты, согласные съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, съ характеромъ нашихъ отношеній къ каждой изъ трехъ державъ и съ достоинствомъ такой великой державы какъ Россія.

Англійская депеша, какъ безъ сомнѣнія замѣтили сами читатели, отличается рѣзкостію своего тона, чтобы не сказать болѣе. Она настаиваетъ на правѣ вмѣшательства британскаго правительства въ польскія дѣла, говоритъ о томъ, что условія, на которыхъ присоединена была Польша къ Россіи, не были выполнены русскимъ правительствомъ, намекаетъ и на то, что конституція, дарованная Польшѣ Александромъ I, не была удовлетворительно приводима въ исполненіе, и старается доказать въ выраженіяхъ, рѣдко употребляющихся въ дипломатіи, что та часть Вѣнскаго трактата, которая относится къ Польшѣ, сохраняетъ всю свою силу въ настоящее время, несмотря на то, что въ 1830 г. сами Поляки возмутились противъ одного изъ важнѣйшихъ условій этого трактата и дошли до объявленія Императора Николая I низложеннымъ съ своего престола. Далѣе въ той же депешѣ слѣдуютъ намеки на то, что и нынѣшній мятежъ Польши вызванъ дѣйствіями русскаго правительства и что этотъ мятежъ можетъ принять самые широкіе размѣры, и наконецъ она заключается приглашеніемъ Россіи исполнить свой долгъ вниманія (duties of comity) къ другимъ державамъ. Подобныхъ обвиненій, рѣзкихъ выраженій и оскорбительныхъ намековъ, лишь отчасти объясняющихся обычною грубостью слога графа Росселя, нѣтъ въ двухъ другихъ депешахъ. Не то чтобъ Англія имѣла болѣе причинъ, чѣмъ Австрія и даже Франція, тревожиться тѣмъ, что́ происходитъ теперь въ Польшѣ. Еще менѣе можно предположить, что она сильнѣе сочувствуетъ такъ-называемымъ бѣдствіямъ Польши и ближе принимаетъ къ сердцу судьбы ея; для Англіи сама Польша не представляетъ ни малѣйшаго интереса и ужъ конечно не внушаетъ ей искренняго сочувствія. Содержаніе и рѣзкій тонъ англійской депеши объясняются только степенью раздраженія этой державы противъ Россіи, ея желаніемъ привлечь Францію къ „энергическому“ образу дѣйствій, и одобривъ польское возстаніе, продлить его какъ можно долѣе, для того, чтобы самой имѣть полную свободу дѣйствій на юго-востокѣ Европы. Англія не замышляетъ и не придумываетъ ничего въ пользу Польши; при первомъ удобномъ случаѣ она готова бросить ее на произволъ судьбы; но теперь Польша представляетъ большой интересъ для нея какъ готовое орудіе противъ Россіи, какъ самое дешевое средство диверсіи. Вотъ почему было особенно кстати, какъ это и сдѣлалъ князь Горчаковъ, высказать въ депешѣ, назначенной для англійскаго правительства, что „нашъ Августѣйшій Государь полагаетъ, что онъ дѣйствуетъ какъ лучшій другъ Польши, какъ единственный ея другъ, имѣющій въ виду доставить ей благоденствіе, практически возможное.“

Англія стоитъ крѣпко за вѣнскіе трактаты, несмотря на то что въ нихъ не осталось почти ни одного клочка живаго. Вѣнскіе корреспонденты *Journal des Débats* передаютъ даже, что до отправленія послѣднихъ депешъ въ Петербургъ она всячески старалась привлечь Австрію на почву этихъ трактатовъ. „Дальновидная Англія“, говоритъ эта корреспонденція, на-

дѣлавшая не мало шума, „не скрыла отъ Австріи, что между случайностями, къ которымъ можетъ подать поводъ польскій вопросъ, она предвидитъ и войну, которая можетъ сопровождаться измѣненіями въ поземельномъ владѣніи различныхъ государствъ Европы. Съ интересами Англіи несогласно, чтобъ уступки и присоединенія земли происходили безъ ея вѣдома. Держась крѣпко за авторитетъ вѣнскихъ трактатовъ, она тѣмъ самымъ какъ бы заявляетъ, что никакая изъ подобныхъ сдѣлокъ не можетъ быть совершена безъ прямаго ея согласія. Говорятъ даже, продолжаютъ тѣ же корреспонденты, что Англія легко отозвалась о нѣкоторыхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ послѣдняго времени, въ которыхъ она видитъ уклоненіе отъ вѣнскихъ трактатовъ, прибавляя, что когда собрался бы европейскій конгрессъ для окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, Австрія имѣла бы неоспоримое преимущество надъ всѣми своими соперницами (въ томъ числѣ, конечно, прежде всего надъ Франціей), еслибъ она заранѣе стала на почву вѣнскихъ трактатовъ и присоединилась къ Англіи для ихъ поддержанія. Эти внушенія Англіи не имѣли однако же успѣха въ Вѣнѣ; австрійское правительство не почло себя въ правѣ пригласить Россію къ выполненію трактатовъ 1815 г. въ той ихъ части, которая относится къ Польшѣ: англійской системѣ доводовъ предпочла она французскую.“

Впрочемъ, какъ выразился князь Горчаковъ въ депешѣ къ барону Бруннову, „британское правительство становится на такую почву, на которой С.-Петербургскій кабинетъ всегда готовъ его встрѣтить: на почву вѣнскихъ трактатовъ.“ Въ 1831 и 1832 годахъ, когда не возникала и мысль о томъ, чтобы народонаселеніе всѣхъ областей, соединенныхъ подъ скипетромъ русскаго Царя, могло быть призвано не только къ участію въ общихъ государственныхъ дѣлахъ, но и къ управленію своими ближайшими мѣстными интересами, тогда естественно было въ интересахъ Россіи не дѣлать въ этомъ отношеніи исключеній и для Польши и отстаивать теорію, противъ которой такъ сильно возстаетъ графъ Россель въ своей депешѣ къ лорду Неширу, теорію, что возмущеніе Польши и подавленіе его уничтожили всѣ обязательства Россіи относительно Царства Польскаго, вытекавшія изъ Вѣнскаго трактата; невозможно было оставить за Царствомъ Польскимъ, послѣ всеобщаго возстанія, тѣ права, которыя не только вели Царство къ совершенно отдѣльной политической жизни, но вызывали въ цѣломъ западномъ краѣ естественное влеченіе присоединиться къ Польшѣ. Теперь наступили иныя времена для Россіи, и потому очень знаменательно, что князь Горчаковъ не отвергаетъ во что бы ни стало обязательность для насъ тѣхъ статей Вѣнскаго трактата, которыя относятся къ Польшѣ. Русскій вице-канцлеръ прямо указываетъ на то, что онъ только случайно упомянулъ о возстаніи 1830 года въ бесѣдѣ своей съ лордомъ Неширомъ, и слѣдовательно британское правительство не имѣло достаточнаго основанія выставлять въ своей депешѣ на первомъ планѣ доводы въ пользу того, что обязательства Вѣнскаго трактата не потеряли силы вслѣдствіе возстанія 1830 года. Русскій вице-канцлеръ, не отвергая ни силы Вѣнскаго трактата, ни обязательности его для Россіи, высказывается рѣшительно только противъ произвольныхъ толкованій этого международнаго акта и только потому полагаетъ, что длить споръ съ Англіей о Вѣнскомъ трактатѣ, въ томъ же направленіи какъ до сихъ поръ, было бы безплоднымъ занятіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ отчего бы и не держаться Россіи относительно Польши первой статьи Вѣнскаго трактата 28-го мая (9-го) іюня 1815 года? Что могло быть въ ней сказано зловреднаго для Россіи, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялся этотъ трактатъ, когда Польша занята была русскими войсками, когда вся Европа главнѣйшимъ образомъ Россіи обязана была своимъ избавленіемъ отъ ига Наполеона I? Считаемъ не лишнимъ привести эту статью въ точномъ переводѣ, чтобъ оживить ее въ памяти нашихъ читателей. Вотъ она:

„Герцогство Варшавское, за исключеніемъ областей и округовъ, о которыхъ постановлено иначе въ слѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россійской имперіи. Оно будетъ неразрывно связано съ нею своею конституціей (своимъ государственнымъ устройствомъ), чтобы состоять на вѣки въ обладаніи Его Величества Императора Всероссійскаго, Его наслѣдниковъ и Его потомковъ. Е. И. В. предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльнымъ управленіемъ, такое расширеніе, какое признаетъ удобнымъ. Онъ приметъ вмѣстѣ съ другими

своими титулами и титулъ Царя Польскаго, согласно съ протоколомъ употребительнымъ и освященнымъ для титуловъ связанныхъ съ другими его владѣніями. Поляки, подданные Россіи, Австріи, Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія, соглашенныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, какой каждое изъ названныхъ правительствъ признаетъ полезнымъ и удобнымъ даровать имъ."

Эта статья вѣнскаго трактата, на сколько она предоставляетъ льготы Польшѣ, уже и въ настоящее время можетъ считаться почти выполненною: дальнѣйшее развитіе льготъ возможно не иначе какъ заодно съ развитіемъ политической жизни цѣлой Россіи. Но остается еще очень многаго желать для совершеннаго выполненія этой статьи, по скольку она обезпечиваетъ неразрывную связь бывшаго герцогства Варшавскаго съ Россійскою имперіей.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли утверждать, что Польша связана теперь съ Россіею своимъ государственнымъ устройствомъ, какъ это опредѣлено въ вѣнскомъ трактатѣ? За исключеніемъ общей для нихъ власти Государя Императора и общаго войска, развѣ они имѣютъ какія-нибудь еще общія учрежденія, развѣ своими учрежденіями, своею конституціею, Польша примыкаетъ къ общимъ учрежденіямъ имперіи? Нѣтъ, и этотъ существенный недостатокъ, долженъ быть восполненъ во что бы ни стало, иначе эта неразрывная связь Польши съ Россіей, освященная вѣнскимъ трактатомъ, будетъ болѣе мнимою чѣмъ дѣйствительною связью. Она будетъ почти безплодна и для Россіи, и для Польши, и вслѣдствіе того, тягостна для обѣихъ сторонъ. Польша естественно будетъ тяготиться обязанностью поставлять своихъ сыновъ въ ряды русскаго войска, когда все что касается до военнаго дѣла и управленія будетъ для нея чужеземнымъ дѣломъ. Освободить ее вовсе отъ военной обязанности было бы крайнею несправедливостью въ отношеніи къ Россіи, а между тѣмъ и Россія немного выигрывастъ въ этомъ случаѣ, когда безпрерывныя неудовольствія Польши обрекаютъ ее на содержаніе сильнѣйшаго войска чѣмъ какимъ могла бы она довольствоваться при другихъ условіяхъ. Кромѣ того, сближеніе между Россіей и Польшей необходимо въ сферѣ ихъ матеріяльныхъ интересовъ, которые въ такомъ случаѣ могли бы развиться несравненно успѣшнѣе къ обоюдной выгодѣ для обѣихъ странъ, а для удовлетворенія этимъ многообразнымъ общимъ интересамъ и Польша и Россія должны имѣть общее финансовое управленіе. Все это теперь сознается гораздо яснѣе чѣмъ прежде.

Если такимъ образомъ въ отвѣтѣ своемъ на англійскую депешу русскій вице-канцлеръ не уклоняется отъ дальнѣйшихъ объясненій съ иностранными державами, на основаніи трактатовъ 1815 г., если онъ въ отвѣтѣ на французскую депешу высказываетъ, что желательно было бы согласиться между собою насчетъ мѣръ способныхъ поставить Польшу въ условіяхъ прочнаго мира, то мы въ правѣ предполагать, что прежде всего имѣется въ виду эта сторона дѣла: такое упроченіе неразрывной связи между Польшею и Россіей, которое повело бы къ сближенію ихъ между собою и къ полному, единственно возможному примиренію Польши съ ея положеніемъ. Слова французской депеши подаютъ Россіи поводъ ясно высказаться, что опыты еще большаго обособленія Польши возобновлены не будутъ. Но объясненія даже по вопросамъ собственно внутренней политики съ иностранными державами, обнаруживающими пока только миролюбивые виды, не заключаютъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для чести и достоинства великой державы. Другое было бы дѣло, еслибъ эти объясненія повели къ какимъ-либо международнымъ обязательствамъ, которыя могли бы тяготѣть надъ дальнѣйшимъ внутреннимъ развитіемъ политической жизни Россіи и неразрывно соединенныхъ съ нею областей: теперь, когда и русское правительство и русское общество высказались съ должною энергіей, мы можемъ твердо быть увѣрены, что до этого дѣло не дойдетъ.

Но при настоящихъ обстоятельствахъ, когда польское возстаніе въ полномъ разгарѣ, никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ къ упроченію благоденствія этой страны ни принято, ни обѣщано быть не можетъ. Все что могло быть сдѣлано въ видахъ примиренія и человѣколюбія, и даже болѣе чѣмъ кто-либо былъ въ правѣ надѣяться или ожидать, уже сдѣлано манифестомъ 31-го марта, и въ этомъ смыслѣ указываетъ на него князь Горчаковъ въ каждой изъ своихъ депешъ порознь. Къ каждой же изъ трехъ державъ обращаетъ онъ энергическое приглашеніе содѣйствовать возстановленію мира въ Польшѣ, „погашенію пожара, которому

извнѣ (изъ самой Англіи, Франціи и Австріи) доставляется неистощимая пища", при чемъ положенію, принятому Австріей, отдается должная справедливость, на императора Французовъ возлагается въ этомъ отношеніи надежда въ будущемъ; приглашая же Англію къ пресѣченію главнаго источника волненій, которыя тревожатъ предусмотрительность великихъ державъ, князь Горчаковъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что „если-бы съ этою цѣлью три державы скрѣпили узы ихъ соединяющія, то они оказали бы большую пользу дѣлу мира и общимъ интересамъ Европы."

Будемъ надѣяться, что это приглашеніе будетъ услышано, что три державы не станутъ поддерживать польскаго возстанія, и что во всякомъ случаѣ съ нашей стороны будутъ приняты дѣйствительныя мѣры для его устраненія. Тогда и надъ Польшей и надъ Россіей взойдетъ заря новой политической жизни, предвозвѣщенная имъ самимъ Государемъ въ манифестѣ 31-го марта и въ достопамятныхъ словахъ, сказанныхъ Имъ въ незабвенный для Россіи день 17-го апрѣля 1863 года.

№ 88.

Москва, 20-го апрѣля.

17-го (29-го) апрѣля обѣимъ палатамъ англійскаго парламента была представлена „Синяя Книга", заключающая въ себѣ на 170 страницахъ дипломатическую переписку по польскимъ дѣламъ, начиная съ 31-го декабря 1862 года и кончая депешами отъ 12-го (24-го) апрѣля 1863 г.

„Вообще, говоритъ *Daily News*, изъ всѣхъ документовъ только-что представленной парламенту Синей Книги ясно, что между парижскимъ и лондонскимъ кабинетами господствуетъ полное согласіе какъ въ началахъ, такъ и въ преслѣдуемой ими цѣли." Можно однако замѣтить ту разницу, что Франція повидимому дѣйствовала непріязненнѣе къ намъ, и что ей очень хотѣлось обратить свой гнѣвъ и на Пруссію. Франція настаивала на представленіи *тождественной ноты* какъ Пруссіи по поводу конвенціи 8 февраля, такъ и Россіи вообще по польскимъ дѣламъ, на что не согласились ни лондонскій, ни вѣнскій кабинеты. Не можетъ быть однакоже сомнѣнія, что это согласіе между Франціей и Англіей лежитъ только на поверхности. Англія не можетъ не питать глубокаго недовѣрія къ видамъ и намѣреніямъ Франціи. Англія, очевидно, держится крѣпко за вѣнскіе трактаты и установленное ими распредѣленіе поземельныхъ владѣній. Она даже не хочетъ уступать Іоническихъ Острововъ Греціи безъ предварительнаго на то согласія всѣхъ восьми державъ, участвовавшихъ въ вѣнскомъ конгрессѣ. Франція же въ своемъ неудержимомъ искательствѣ приключеній обходитъ поочередно всѣ державы, искушая ихъ и предлагая имъ новые раздѣлы странъ Европы. Между документами, перепечатанными изъ Синей Книги въ *Daily News* и въ *Indépendance Belge*, нѣтъ еще той депеши лорда Росселя къ лорду Непиру, о которой мы извѣщали вчера на основаніи телеграфическихъ сообщеній, и которая передаетъ бесѣду между русскимъ посломъ въ Лондонѣ и графомъ Росселемъ; но можно полагать, что содержаніе этой депеши передано въ точности. Изъ нея видно, что Франція прежде всего искушала Россію, предлагая ей взамѣнъ Польши, безъ сомнѣнія, какую-либо часть турецкихъ владѣній, и что Англія возымѣла въ этомъ отношеніи сильныя подозрѣнія насчетъ намѣреній самой Россіи, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется теперешній непріязненный намъ образъ дѣйствій лондонскаго кабинета. Какъ видно, Франція еще до начала польскаго возстанія замышляла, ради своихъ видовъ, возстановленіе польской независимости, и когда возбуждено было польское возстаніе, остановилась на мысли, не можетъ ли ея цѣль быть достигнута другимъ путемъ, безъ распространенія предѣловъ Россіи на юго-востокѣ Европы, но съ помощью инсургентовъ и Австріи. Что до отправленія въ Петербургъ австрійской депеши отъ 12-го апрѣля Франція дѣлала Австріи самыя обширныя и опасныя для спокойствія Европы предложенія, съ тѣмъ чтобы склонить ее въ пользу своихъ плановъ относительно возстановленія прежняго польскаго королевства, это положительно утверждаетъ теперь и берлинская *Національная Газета*, „со словъ вполнѣ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ." Намекъ на такого рода предложенія находимъ мы въ депешѣ Англійскаго посла въ Вѣнѣ лорда Блумфильда, къ графу Росселю отъ 9-го апрѣля; но Австрія устояла противъ этихъ искушеній, хотя по видимому на этотъ разъ къ нимъ склонялась отчасти и Англія. Вотъ отрывокъ изъ упо-

мянутой сейчасъ депеши англійскаго посла въ Вѣнѣ, лорда Блумфильда, приведенный въ *Daily News*:

„Графъ Рехбергъ считаетъ своимъ долгомъ разсматривать польскій вопросъ въ его теперешнемъ отношеніи къ интересамъ Австріи, такъ чтобы распредѣленіе земель осталось въ томъ видѣ какъ оно теперь установлено; но чтобъ употреблено было всякое убѣжденіе дабы склонить Россію къ дарованію ея польскимъ областямъ такой системы управленія, которая была бы способна обезпечить спокойствіе ихъ и сосѣднихъ государствъ."

По словамъ другой депеши, отъ графа Росселя къ лорду Блумфильду, австрійскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Аппони, такъ опредѣлялъ политику Австріи въ польскомъ вопросѣ: „Политика ея направлена къ тому чтобы не вступать ни въ какое соглашеніе съ Россіей, потому что такой образъ дѣйствій возбудилъ бы неудовольствіе въ польскихъ подданныхъ Австріи, но съ другой стороны она не намѣрена также одобрять и поощрять польское возстаніе, такъ какъ это могло бы распространить пламя возстанія на Галицію." Если Англія имѣетъ въ виду преимущественно отвлечь Россію отъ дѣлъ Востока, если Франція желала прежде всего мутить воду, надѣясь въ мутной водѣ изловить рыбу, въ родѣ прирейнскихъ провинцій Пруссіи, то Австрія, соглашаясь отчасти съ видами Англіи, очевидно понимаетъ однакоже, что ея интересы въ этомъ случаѣ ближе къ интересамъ Россіи чѣмъ западныхъ державъ. Особенно важенъ фактъ, что Австрія не склонилась на внушенія Франціи и не рѣшилась промѣнять своихъ польскихъ областей на какія-либо другія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій она, безъ сомнѣнія, усмотритъ, что нынѣшній ея образъ дѣйствій не такого свойства, чтобъ удовлетворить ея польскихъ подданныхъ. Галиція все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ волноваться и безпокоить австрійское правительство. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что отвѣтная депеша князя Горчакова графу Рехбергу, хотя и отличается нѣкоторою сухостью сравнительно съ депешою обращенною къ Франціи, однакоже отдаетъ справедливость положенію, принятому Австріей, и обнаруживаетъ большее къ ней вниманіе, такъ какъ ей сообщаются копіи депешъ, адресованныхъ къ обоимъ нашимъ посламъ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Въ этомъ отношеніи Россія расположила три державы въ извѣстной градаціи: Англіи посланъ только отвѣтъ на ея депешу; Франціи отвѣтъ и копія съ отвѣта Англіи; Австріи отвѣтъ и копія съ отвѣтовъ Англіи и Франціи. Что касается до нашего отвѣта Австріи, то полуофиціальный органъ австрійской журналистики, *Всеобщая Корреспонденція*, признаетъ его успокоительнымъ. Пруссія съ своей стороны употребляетъ усилія, чтобъ отвлечь Австрію отъ западныхъ державъ. *Крестовая Газета*, служащая отчасти органомъ г. фонъ-Бисмарка, настойчиво замѣчаетъ, что Австрія, которая уже вслѣдствіе сосѣдства своего съ Россіей не можетъ не дорожить сохраненіемъ всеобщаго мира, „должна принять во вниманіе то, къ чему направлены усилія западныхъ державъ. Въ 1853 г. были пущены въ ходъ такіе же общія совѣты и представленія, и когда Россія была уже ими достаточно изолирована, началась восточная война. Въ 1859 г. началась та же игра противъ Австріи, и такъ какъ и Пруссія на этотъ разъ была ослѣплена, то послѣдовала италіанская война. Теперь въ ходу та же самая тактика. Но мы надѣемся, что уроки прошедшаго не будутъ потеряны: не оставлять того, кому угрожаютъ, а крѣпко вступаться за сохраненіе мира, вотъ вѣрнѣйшій способъ образумить забіякъ." Далѣе, упомянутая газета столь же настойчиво замѣчаетъ, что „Россія съ своей стороны должна позаботиться о пріобрѣтеніи себѣ друзей, и если тамъ или тутъ есть нѣкоторые предразсудки, препятствующіе установленію самыхъ дружественныхъ отношеній, то эти личныя нерасположенія должны быть оставлены ради высшихъ государственныхъ интересовъ." Этими словами, очевидно совѣтуется Россіи сблизиться съ Австріей. *Journal des Débats* въ статьѣ, на которую мы ссылались вчера и о которой *Ostdeutsche Post* заявляетъ, что она передастъ тутъ взгляды г. Будберга, русскаго посла въ Парижѣ, *Journal des Debats* говоритъ, что „въ недавнее время между дворами Вѣнскимъ и С.-Петербургскимъ установились отношенія, которыя, если угодно, и не имѣютъ дипломатическаго характера, но тѣмъ не менѣе оказываютъ существенное вліяніе на ходъ событій. Оба двора обращаются взаимно другъ къ другу за совѣтами. Австрійское правительство намѣрено быть тѣмъ консервативнѣе во внѣшнихъ дѣлахъ, чѣмъ оно либеральнѣе во внутреннихъ." Эта статья вызвала опроверже-

ніе со стороны одного изъ полуофиціальныхъ органовъ французской журналистики. „Предположеніе, что въ политикѣ Австріи произошелъ переворотъ, оскорбительно для ея чести, говоритъ *Constitutionnel*: Австрія свободно избрала принятое ею положеніе; она не имѣетъ никакого основанія мѣнять его, да и самый отвѣтъ Россіи, продолжаетъ тотъ же журналъ, отъ 29-го апрѣля, очевидно будетъ отличаться чувствами умѣренности, вѣжливости и готовностью удовлетворить желаніямъ Европы." Съ другой стороны *Всеобщая Корресподенція*, 28-го апрѣля, замѣчаетъ: „Конечно, Австрія избрала себѣ въ польскомъ вопросѣ другой путь чѣмъ Пруссія; она дѣйствовала и дѣйствуетъ при этомъ въ полнѣйшемъ согласіи съ западными державами; но заключать изъ этого, что она враждуетъ противъ своего естественнаго союзника въ Германіи, или что она не привѣтствовала бы съ искреннею радостью его попытки къ сближенію, это, конечно, черезчуръ опрометчиво. Еще и теперь единодушіе Австріи и Пруссіи составляетъ высшій интересъ Германіи, а, какъ извѣстно, не Австрія тому причиной, что эта столь желанная цѣль еще не достигнута. Если Пруссія пожелаетъ сдѣлать то что необходимо для ея достиженія, то она знаетъ гдѣ можетъ найдти Австрію." Очевидно, что возможность сближенія Австріи съ Пруссіей поставляется здѣсь въ зависимость не отъ политики послѣдней изъ нихъ по польскимъ, а отъ уступокъ ея по дѣламъ германскимъ. На сколько эти уступки возможны, покажетъ время. Какъ бы то ни было однако же, возможность сближенія Австріи съ Пруссіей и съ Россіей существуетъ, и въ случаѣ надобности обѣ державы не замедлятъ, конечно, воспользоваться ею.

Наконецъ, что касается до Пруссіи, то правительство ея не страдаетъ модною болѣзнью сладкоглаголанія и высказывается безъ обиняковъ. Представитель Англіи при прусскомъ дворѣ, старался склонить Пруссію дѣйствовать за одно съ западными державами, указывая на примѣръ Австріи и обѣщая Пруссіи, если она послѣдуетъ ея примѣру, одобреніе и сочувствіе цѣлой Европы; но г. Бисмаркъ отвѣчалъ рѣшительно, что „Пруссіи не возможно измѣнить ту политику, которой она слѣдовала въ послѣдніе два года. Она не можетъ просить Русскаго Императора о предоставленіи Полякамъ самобытности, послѣ того какъ она въ эти два года предостерегала его отъ неизбѣжныхъ послѣдствій поощренія и ободренія польскихъ стремленій къ національности." Такимъ образомъ изъ этой депеши г. Бьюканана къ графу Росселю, отъ 4-го апрѣля, мы узнаемъ, что даже и тѣ угожденія, которыя были дѣлаемы польской національности въ послѣднее время, Пруссія считала излишними и пагубными.

№ 89.

Москва, 25-го апрѣля.

Вчера мы коснулись дипломатическихъ документовъ, напечатанныхъ по польскому дѣлу въ англійской *Синей Книгѣ*. Особенно интересны тѣ изъ нихъ, которые относятся ко времени послѣдовавшему за изданіемъ манифеста 31-го марта.

Посылая 12-го апрѣля (31-го марта) копію съ высочайшаго манифеста и указа правительствующему сенату отъ того же числа, лордъ Непиръ сопровождалъ эти документы слѣдующими замѣчаніями:

„Судя по употребленнымъ въ нихъ выраженіямъ можно сомнѣваться, простирается ли предположенная амнистія на тѣхъ, которые уже находятся въ рукахъ правосудія, или же она ограничивается тѣми, которые еще имѣютъ оружіе въ рукахъ и сложатъ его до истеченія назначеннаго для милосердія срока. Впрочемъ одинъ изъ моихъ сотоварищей (по дипломатическому корпусу) извѣщаетъ меня, что амнистія равно простирается на оба класса. Мы должны пожалѣть, продолжаетъ лордъ Непиръ, что неудовольствіе Польши приписывается подстрекательству иностранныхъ революціонныхъ агентовъ или польскихъ выходцевъ: увѣреніе, которое не можетъ быть искреннимъ даже со стороны самыхъ ревностныхъ Русскихъ; мы сожалѣемъ также, что въ этихъ актахъ не упомянуто о рекрутскомъ наборѣ, непосредственной причинѣ возстанія. Русское правительство могло бы съ пользою для себя обнаружить большую искренность; оно могло бы сознать свою прошедшую ошибку и обѣщать средства противъ ея возобновленія на будущее время."

Лорду Непиру, очевидно, хотѣлось бы, чтобы русское правительство стало въ положеніе кающагося грѣшника. Впрочемъ онъ признаетъ, что этотъ актъ милосердія какъ нельзя болѣе кстати обнародованъ въ

первый день Пасхи, и что онъ вполнѣ согласенъ съ политикой и благосклонными намѣреніями Государя Императора. Въ то же время посолъ Ея Британскаго Величества не можетъ вполнѣ освободиться отъ сомнѣнія, не былъ ли этотъ актъ вызванъ или по крайней мѣрѣ ускоренъ „сильнымъ страхомъ иностраннаго вмѣшательства.“

Въ отвѣтъ на эту депешу графъ Россель, въ депешѣ къ лорду Непиру отъ 24-го (12-го) апрѣля, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„Правительство Ея Величества разсматривало съ большимъ вниманіемъ и заботливостью содержаніе манифеста 31-го марта, въ ожиданіи найдти въ немъ сѣмя будущаго мира и надежду на хорошее управленіе Польшею. Амнистія можетъ возстановить миръ въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ, когда инсургенты уже совершенно разбиты и ожидаютъ только, чтобы имъ обѣщано было прощеніе, которое дозволило бы имъ возвратиться во свояси; и во вторыхъ, если амнистія сопровождается обѣщаніями, достаточно сильными для того, чтобъ устранить все то зло, которое было причиною возстанія, и удостовѣряетъ инсургентовъ, что цѣль ихъ достигнута. Но возстаніе не было еще побѣждено; напротивъ, оно приняло размѣры болѣе обширные чѣмъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Что же касается до обѣщанія сохранить дарованныя Польшѣ учрежденія и приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, когда они будутъ испытаны на дѣлѣ, то это обѣщаніе не можетъ удовлетворить Поляковъ, такъ какъ относительно дарованныхъ уже учрежденій слѣдуетъ замѣтить, что именно въ то время, когда они были въ силѣ, были схвачены почью 2000 молодыхъ людей, осужденныхъ служить въ русской арміи, вопреки всякой справедливости и съ нарушеніемъ закона 1859 г., такъ недавно еще обнародованнаго. Очевидно такимъ образомъ, что покорившись вновь тѣмъ же самымъ законамъ невозможно пріобрѣсти для себя ни какой безопасности. Въ то время какъ эти учрежденія во всей своей силѣ, возможно заключать въ тюрьмы людей невинныхъ, или ссылать ихъ въ отдаленныя страны, или приговаривать ихъ къ военной службѣ, и все это безъ суда, безъ огласки, словомъ безъ всякаго обезпеченія. Относительно же обѣщанія будущаго развитія этихъ учрежденій, оно поставляется въ зависимость отъ испытанія ихъ на дѣлѣ и отъ потребностей времени и страны. Первое изъ этихъ условій уже само по себѣ уничтожаетъ всякую разумную надежду на выполненіе этого обѣщанія, такъ какъ испытаніе этихъ учрежденій зависитъ отъ содѣйствія Поляковъ, пользующихся нѣкоторымъ состояніемъ и занимающихъ должности членовъ государственнаго совѣта и совѣтовъ муниципальныхъ и провинціяльныхъ. Но недавній образъ дѣйствій русскаго правительства лишилъ его довѣрія всѣхъ Поляковъ этого класса, и побудилъ ихъ даже удалиться изъ корпорацій, въ которыхъ они занимали свои должности. Нынѣшняя амнистія, заключаетъ лордъ Россель, не способна, какъ кажется, ни уменьшить силы возстанія, ни дать прочныхъ ручательствъ самымъ умѣреннымъ изъ польскихъ патріотовъ.“

Какъ увѣряетъ вѣнская газета *Presse*, точь-въ-точь такія же мнѣнія высказалъ и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ депешѣ къ герцогу де-Монтебелло отъ 20-го апрѣля, доказывая несостоятельность уже дарованныхъ Польшѣ учрежденій возможностью такихъ мѣръ какъ послѣдній рекрутскій наборъ.

Австрія съ своей стороны не сдѣлала никакихъ замѣчаній по поводу амнистіи. Это не можетъ не казаться знаменательнымъ, и это уже начинаетъ тревожить Европу.

Дипломатическая кампанія противъ насъ открыта тремя великими державами: Англіей, Франціей и Австріей. Извѣстно какихъ хлопотъ стоило западнымъ державамъ уладить дѣло такъ чтобы въ немъ могла принять участіе Австрія. Устраненіе прусскаго правительства возбудило противъ него всеобщее неудовольствіе, и поставило его въ изолированное положеніе. Съ цѣлію придать протестаціи возможно болѣе торжественный характеръ, употреблены были всѣ усилія чтобы привлечь къ этой протестаціи и разныя второстепенныя государства Европы.

Совокупныя, если и не тождественныя представленія всѣхъ великихъ державъ, безъ сомнѣнія, были бы на видъ эффектнѣе и пожалуй грознѣе. Но въ сущности они были бы менѣе притязательны и менѣе опасны для спокойствія Европы. Русскимъ естественно было подосадовать на Австрію за то что она подняла свой голосъ въ этомъ дѣлѣ; естественно было почувствовать удовольствіе при видѣ рѣшительнаго положенія принятаго Пруссіей. Но присоединеніе Австріи къ дипломатическому походу на насъ, придавъ ему болѣе шума, въ сущности умень-

шало и парализировало его зловредное дѣйствіе.

Присутствіе Австріи отнимало у этой комбинаціи существенную долю содержащагося въ ней яда. Если и между обѣими западными державами никогда не можетъ быть истиннаго соглашенія по вопросамъ европейской политики, если и онѣ только до извѣстныхъ пунктовъ могутъ соглашать свои дѣйствія, то тѣмъ менѣе возможно ожидать какого-нибудь существеннаго согласія въ видахъ между Австріей и Франціей. Присоединеніе Пруссіи, еслибъ оно было возможно, было бы, конечно, оскорбительно для насъ, но въ сущности не произвело бы никакого другаго дѣйствія кромѣ только того что окончательно замирило бы эту комбинацію и обезсилило бы и послѣднюю каплю яда, которая могла еще въ ней оставаться. При участіи германскихъ державъ, европейская демонстрація получила бы лишь общій, почти отвлеченный, а стало-быть въ сущности и самый безвредный для насъ характеръ. При участіи этихъ державъ, европейская демонстрація противъ насъ отнюдь не могла бы клониться къ передѣлкѣ европейской карты или къ возстановленію Польши. Возстановленіе Польши, въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, еще опаснѣе для обѣихъ германскихъ державъ чѣмъ для Россіи. Существованіе этихъ обѣихъ державъ не менѣе связано съ сохраненіемъ statu quo европейскихъ владѣній чѣмъ существованіе Россіи. Какія бы ни были партіи въ Пруссіи, и на какіе бы оттѣнки онѣ не дробились, какія бы ни поднимали знамена и какъ бы ни высказывались о польскомъ дѣлѣ въ перебранкахъ между собою, въ сущности всѣ онѣ согласны относительно польскаго вопроса, поставленнаго такъ какъ желаютъ поставить его польскіе патріоты, или какъ желала бы поставить его Франція. Австрія также отнюдь не хочетъ возстановленія Польши; этого мало: она, также какъ и Пруссія, вовсе не расположена ни къ какимъ благоугожденіямъ національности польской; она, также какъ и Пруссія, готова была бы совѣтовать Россіи не только не принимать какихъ-нибудь новыхъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, но по возможности взять назадъ или обезсилить и тѣ, которыя были приняты ею въ послѣднее время. Участіе Австріи въ европейской протестаціи противъ насъ могло придавать ей только то значеніе, которое впрочемъ и было высказано съ полною ясностію въ ея депешѣ, — только то значеніе, чтобы Россія изыскала какіе-либо способы прекратить волненія въ сопредѣльныхъ съ Австріей областяхъ, угрожающія ея собственному спокойствію. Ея представленія могутъ имѣть лишь слѣдующій смыслъ: „поступите съ царствомъ Польскимъ точно такъ какъ я поступала прежде, или, еще лучше, какъ я поступила теперь съ Галиціей.“ То же самое, только еще яснѣе, могла бы сказать и Пруссія. Такой смыслъ, приданный европейской демонстраціи противъ насъ, очевидно не могъ бы угрожать Россіи никакимъ ущербомъ; напротивъ, въ какихъ бы выраженіяхъ ни заключался смыслъ этой демонстраціи, онъ въ сущности не былъ неблагопріятенъ для интересовъ Россіи, а былъ бы неблагопріятенъ лишь для польскихъ притязаній. Россіи только предоставлялось бы сообщить своей внутренней политикѣ тотъ строй, который, полагая конецъ польскому вопросу, давалъ бы въ то же время Европѣ гарантіи въ охранительномъ свойствѣ нашей внѣшней политики.

Теперь, по поводу амнистіи, предупредившей представленія трехъ великихъ державъ, высказываются только обѣ западныя державы, а Австрія осталась въ сторонѣ. Европа имѣетъ основанія тревожиться, и тревога эта уже начинаетъ слышаться въ австрійской печати. Съ устраненіемъ Австріи, дѣло становится въ нѣкоторомъ смыслѣ опаснѣе для спокойствія Европы. Значитъ, между Англіей и Франціей есть соглашенія, простирающіяся далѣе того пункта, до котораго могла идти съ ними объ руку Австрія; значитъ, теперь высвободился и дѣйствуетъ тотъ элементъ дѣла, который былъ замиренъ и бездѣйствовалъ вслѣдствіе присоединенія Австріи. Дипломатическое вмѣшательство въ наши дѣла становится злѣе и враждебнѣе, становясь исключительнымъ дѣйствіемъ двухъ западныхъ державъ.

Выше привели мы замѣчанія великобританскаго посла при нашемъ дворѣ и графа Росселя, по поводу амнистіи. Вникая въ эти замѣчанія, мы еще болѣе убѣждаемся, что вмѣшательство Англіи вызвано вовсе не заботами о Польшѣ. Польскій вопросъ поднятъ ею совершенно не въ видахъ польскаго патріотизма или польскихъ притязаній. Какъ бы ни была дурно расположена къ намъ Англія, во всякомъ случаѣ можно съ полною увѣренностію сказать, что она не имѣетъ серіозныхъ видовъ не только на

удовлетвореніе польскихъ притязаній, но и на возстановленіе, въ какой бы то ни было мѣрѣ, польской національности. Англія ни на одну минуту не можетъ серіозно допустить такую возможность. Ея политика преимущественно направлена къ охраненію statu quo Европы. Невозможно думать, чтобъ она рѣшилась подвергнуть риску Германію, и стала работать въ тѣхъ видахъ, чтобъ усилить до громадныхъ размѣровъ значеніе и вліяніе Франціи на материкѣ Европы. Въ сущности, Англія не можетъ смотрѣть на польскій вопросъ иначе какъ смотрятъ на него и Австрія и Пруссія. Она ссылается на трактаты; но трактаты даютъ намъ возможность стать относительно польскаго вопроса въ самое благопріятное для Россіи положеніе,—именно въ то самое, въ какомъ находятся Пруссія и Австрія.

За то Франція на трактаты не ссылается, и въ этомъ заключается существенное различіе въ свойствахъ французскаго и англійскаго вмѣшательства. Отнимая всякую положительную почву у этого вопроса и улетучивая его на воздухъ, французское вмѣшательство даетъ ему характеръ самый зловредный и благопріятствуетъ самымъ фантастическимъ и вмѣстѣ самымъ разрушительнымъ притязаніямъ и замысламъ, которые могутъ угрожать Европѣ всеобщимъ потрясеніемъ. Французская политика остается и здѣсь вѣрна себѣ. Никакъ нельзя сказать, чтобъ и англійское вмѣшательство не было въ свою очередь враждебно намъ; но слѣдуетъ разобрать и взвѣсить свойства того враждебнаго дѣйствія, которое приходится на долю той и другой изъ этихъ державъ. Чего хочетъ одна изъ нихъ? чего хочетъ другая? Англія очевидно раздражена противъ насъ политикою нашею на Востокѣ. Она враждебна къ намъ преимущественно за наше сближеніе съ Франціей. Непрерывно ведя жестокую войну съ Наполеономъ III посредствомъ громадныхъ вооруженій, въ которыхъ обѣ западныя державы, не сводя глазъ другъ съ друга, напрягаютъ свои силы, Англія съ недовѣріемъ и опасеніемъ слѣдила за сближеніемъ нашимъ съ своею соперницей. Она должна была употребить на Востокѣ чрезвычайныя усилія, чтобы предупредить предполагаемые результаты нашего соглашенія съ Франціей, и она поспѣшила воспользоваться открывшимися польскими смутами, для того чтобы возвести ихъ во всеобщій европейскій вопросъ. Вѣрно то, что революціонные элементы въ Царствѣ Польскомъ, еще за два года предъ симъ, были поощрены и обнадежены иноземными вліяніями. Но въ то же время есть положительное основаніе думать, что революціонные элементы въ Польшѣ лежатъ на отвѣтственности не Англіи, а другой державы. Въ „Синей Книгѣ“ по польскимъ дѣламъ есть положительные документы свидѣтельствующіе о томъ, что революціонные элементы въ Польшѣ были обязаны своимъ развитіемъ иноземному поощренію, но что это поощреніе шло первоначально не отъ Англіи. При самомъ началѣ возстанія, британскій генеральный консулъ въ Варшавѣ, полковникъ Стантонъ, увѣдомлялъ свое правительство, что польское революціонное движеніе не имѣетъ корней въ самой странѣ, и что оно вызвано и организовано извнѣ. Британскому консулу не за чѣмъ было увѣдомлять свое правительство о такомъ характерѣ движенія, еслибъ оно было организовано Англіей. Но съ другой стороны, опытный британскій агентъ не могъ ошибиться въ свойствѣ этого движенія, находясь на мѣстѣ и имѣя полную возможность изучить все дѣло во всѣхъ подробностяхъ и явныхъ, и скрытныхъ. Хотя лордъ Непиръ, въ послѣдующихъ своихъ донесеніяхъ, старается доказать, что будто бы возстаніе возникло единственно отъ рекрутскаго набора; однако въ этомъ случаѣ авторитетъ посла имѣетъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ донесеніе консула. Приписывать возстаніе рекрутскому набору, это не болѣе какъ дипломатическій способъ выраженія, которому ни говорящій ни слушающій не придаютъ значенія. Въ самомъ дѣлѣ, кому въ цѣломъ мірѣ не извѣстно, что Польское Царство находилось въ революціонномъ напряженіи задолго до формальнаго возстанія и до рекрутскаго набора? Кому неизвѣстны революціонныя сцены происходившія на улицахъ, революціонныя демонстраціи въ костелахъ, эти безпрерывныя тайныя убійства и покушенія? Центральный революціонный комитетъ былъ организованъ и дѣйствовалъ за долго до возстанія, и жертвы его падали одна за другою. А при началѣ возстанія, самими революціонерами было провозглашено на всю Европу, что вовсе не рекрутскій наборъ былъ виною возстанія, но напротивъ, рекрутскій наборъ могъ даже повредить этому дѣлу, слишкомъ рано подавъ сигналъ къ нему. Рекрутскій наборъ виновенъ толь-

ко въ томъ, что онъ даетъ теперь Европѣ поводъ возлагать всю отвѣтственность за возстаніе на Россію и напирать на нее тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе въ своихъ дипломатическихъ представленіяхъ. Рекрутскій наборъ служитъ только готовою формулою для дипломатіи и самымъ удобнымъ предлогомъ для вмѣшательства. Тонъ благороднаго негодованія, какимъ министръ Ея Британскаго Величества говоритъ о томъ какъ „были схвачены ночью двѣ тысячи молодыхъ людей осужденныхъ служить въ русской арміи, вопреки всякой справедливости," не отзывается искренностью, которая впрочемъ никогда и не считалась существеннымъ свойствомъ дипломатіи. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли это негодованіе быть вполнѣ искреннимъ въ устахъ англійскаго министра, когда онъ высказываетъ его заодно съ правительствомъ императора Наполеона III? Графу Росселю, какъ и всей Европѣ извѣстно, какъ въ весьма недавнее время дѣйствовало правительство Наполеона III противъ революціонныхъ элементовъ въ самой Франціи; извѣстно что происходило на парижскихъ улицахъ послѣ достопамятнаго coup d'état; извѣстно, въ чемъ состояли „мѣры общественнаго спокойствія", принятыя послѣ покушенія Орсини, когда энергическій генералъ Эспинасъ былъ призванъ управлять внутренними дѣлами Франціи; извѣстно, сколько людей, не болѣе какъ только подозрительныхъ по участію въ прежнихъ движеніяхъ, безъ всякаго суда, по одному административному приговору, лишались свободы, интернировались, изгонялись и ссылались въ Каенну, которая нисколько не лучше Сибири, а во всякомъ случаѣ хуже военной службы. Графъ Россель, безъ сомнѣнія, очень хорошо знаетъ, какъ распорядилось бы правительство императора Наполеона III, еслибъ оно обладало Польшей, и еслибъ оно встрѣтилось въ ней съ такими же элементами, съ какими встрѣчается русское правительство. Впрочемъ, и Англія, во время индійскаго возстанія, не навлекала на себя упрековъ въ излишней мягкости и уступчивости относительно мятежниковъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодые люди взятые въ рекруты не могли бы произвести столь потрясающее дѣйствіе на крѣпкіе нервы британскихъ государственныхъ мужей, еслибъ это печальное событіе не представило собою готоваго повода и готовой формулы для вмѣшательства.

Англія въ польскомъ вопросѣ дѣйствуетъ съ придирчивостію стараго легиста, изощряется въ толкованіи словъ трактата, пускается въ юридическія крючкотворства, и замыкается въ формальныя объясненія, завѣдомо не соотвѣтствующія сущности дѣла. Это одно уже достаточно раскрываетъ свойство ея вмѣшательства. Если не она создала польскую революцію, то она создала польскій вопросъ, вдругъ сосредоточивъ на немъ все вниманіе Европы. Ей нужно придраться къ Россіи, и вотъ она во что бы то ни стало придирается. Она не желаетъ возстановленія Польши и не хочетъ общей европейской войны. Виды ея совершенно противоположны французскимъ; но отъ этого намъ не легче. Держа польское дѣло на высотѣ европейскаго вопроса, Англія лучше чѣмъ присылкою пороха поддерживаетъ и распространяетъ возстаніе, разчитывая на разныя компликаціи, которыя все болѣе могутъ развиваться и угрожать спокойствію Россіи. Толкуя о лучшихъ учрежденіяхъ для Польши, англійское правительство, по всему вѣроятію, столь же мало помышляетъ о Польшѣ, какъ и о тѣхъ молодыхъ людяхъ взятыхъ въ рекруты, которыхъ оплакиваетъ лордъ Непиръ и за которыхъ сердится графъ Россель. Англія имѣетъ въ виду одно изъ двухъ: или до крайности изнурить Россію, или пріобрѣсти полное убѣжденіе, что иностранная политика Россіи будетъ имѣть характеръ охранительный и отнюдь не попадетъ въ колею политики наполеоновской. Вотъ ея интересъ, вотъ существенный смыслъ ея вмѣшательства; все прочее не болѣе какъ символическія формулы, которыми она выражается, столько же скрывая, сколько и открывая ими свою мысль.

Что же касается до Франціи, то для нея польскій вопросъ есть почти единственное остающееся въ Европѣ орудіе для революціонной агитаціи. Сама она не могла бы сдѣлать его европейскимъ вопросомъ; но, безъ всякаго сомнѣнія, ей особенно пріятна та запутанность интересовъ, которая вызвала въ Европѣ этотъ вопросъ. Исторія первой французской имперіи, равно какъ и исторія второй, убѣдительно говорятъ, что на мирный союзъ съ Наполеоновскою политикою нельзя полагаться. „Сердечное согласіе" съ наполеоновскою Франціей возможно только при тѣхъ условіяхъ, при какихъ, напримѣръ, Англія, находилась съ нею въ „сердечномъ согласіи."

Съ этою политикой возможенъ только союзъ вооруженный и опасливый, въ которомъ обѣ стороны еще менѣе довѣряютъ другъ другу чѣмъ общему врагу. Малѣйшая попытка опереться и положиться на такого союзника можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Дѣйствуя, повидимому, за одно съ нами на Востокѣ, Франція въ то же время благопріятствовала польскимъ революціоннымъ элементамъ. На Востокѣ мы еще не достигли ни одного изъ желаемыхъ результатовъ, а между тѣмъ мы нажили себѣ польскій вопросъ и стали предметомъ крестоваго похода цѣлой Европы.

Впрочемъ, намъ нечего было бы и огорчаться неудачами на Востокѣ. Наше значеніе на Востокѣ есть задача будущаго. Искусственнымъ образомъ мы ничего существеннаго тамъ достигнуть не можемъ. Значеніе наше тамъ разовьется вмѣстѣ съ развитіемъ нашего благосостоянія, нашей гражданственности и нашего образованія. Чѣмъ богаче будетъ во всѣхъ отношеніяхъ наша домашняя жизнь, чѣмъ болѣе будетъ у насъ капиталовъ, чѣмъ болѣе разовьется у насъ всякаго рода нравственныхъ и экономическихъ интересовъ, тѣмъ плодотворнѣе и значительнѣе будетъ наше положеніе на Востокѣ. Въ настоящее время намъ всего полезнѣе поддерживать statu quo на Востокѣ, стараясь совокупно съ прочими державами только объ огражденіи безопасности и благосостоянія христіанскихъ народонаселеній, что было бы вѣрнѣе достигнуто этимъ путемъ чѣмъ всякимъ другимъ. Мы никакъ не можемъ желать, чтобы какая-нибудь рѣшительная катастрофа произошла теперь на Востокѣ. Въ настоящее время паденіе Турціи ни какъ не послужило бы въ пользу славянскимъ племенамъ: на мѣсто Турціи, возникла бы гораздо болѣе сильная и враждебная какъ намъ, такъ и имъ, Греція, которая навсегда пресѣкла бы пути самостоятельному развитію славянскихъ народонаселеній Европейской Турціи.

Что же касается до польскаго вопроса, то наше правительство не расположено и не можетъ дѣлать никакихъ уступокъ враждебнымъ притязаніямъ, да и никакія уступки не могли бы удовлетворить имъ. Самымъ вѣрнымъ способомъ посрамить и обезоружить нашихъ враговъ было бы окончательное присоединеніе Польши къ Россіи на новыхъ основаніяхъ, которыя отрезвили бы задоръ гальскаго пѣтуха и заставили бы умолкнуть рыканія британскаго льва. Патріотизмъ, одушевляющій теперь Россію, можетъ выразиться не въ однихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, но и въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя могли бы предотвратить войну, къ огорченію нашихъ внутреннихъ враговъ, о которыхъ упоминаетъ всеподданнѣйшій адресъ вологодскаго дворянства.

Да, и на внутреннее зло слѣдуетъ также обратить вниманіе. Возмутившаяся Польша, возведенная въ европейскій вопросъ, служитъ превосходною точкой опоры всему дурному что завелось въ нашихъ собственныхъ нѣдрахъ, и что можетъ получить нѣкоторое значеніе при компликаціяхъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Для пресѣченія внутренняго зла и для предотвращенія его развитія, не достаточно ни вооруженій, ни казеннаго надзора и бюрократическихъ средствъ, а не обходимъ зоркій глазъ и дѣятельность людей представляющихъ собою существенные и основные интересы общества. Все что можетъ въ настоящее время усилить самодѣятельность общества, послужитъ и къ спасенію отечества, и къ истинной славѣ нашего Царя Освободителя.

№ 90.

Москва, 26-го апрѣля.

Для достоинства Россіи оскорбительно не столько то значеніе, которое европейскія державы придаютъ своимъ представленіямъ, сколько официяльное вмѣшательство ихъ въ наши внутреннія дѣла, потому что польскія дѣла не могутъ быть иначе разсматриваемы какъ внутренній вопросъ Россіи. Вѣнскимъ трактатомъ постановляется неразрывная связь Польскаго Царства съ Россіей; а равно и управленіе этою страной и характеръ ея государственнаго устройства вѣнскимъ актомъ поставляются въ полную и исключительную зависимость отъ Россіи. Всякая попытка отдѣлить Польшу отъ Россіи или предуготовить это отдѣленіе была бы нарушеніемъ положительнаго международнаго права; точно также было бы нарушено условіе вѣнскаго трактата, если бы какая-либо держава вздумала настаивать на введеніе такихъ или другихъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ. Вѣнскій трактатъ и, стало-быть, международное право нарушаются европейскими дер-

жавами, которыя подвергаютъ польскія дѣла дипломатическому обсужденію, а не Россіей, которая не думаетъ отдѣлять отъ себя Польшу, и никому не уступаетъ права располагать судьбами этой страны. Хорошо или дурно положеніе Польши подъ скипетромъ русскимъ: во всякомъ случаѣ ея положеніе не входитъ въ область международнаго права, пока Польша остается въ неразрывной связи съ Россіей и управляется одною съ нею государственною властью. Пунктъ этотъ очень важенъ. Англія, Франція, пожалуй также и Турція, могутъ скорбѣть объ участи Польши; Поляки могутъ быть недовольны своимъ правленіемъ и своими учрежденіями; но пока существенное условіе вѣнскаго трактата касательно отношеній Польши къ Россіи остается въ силѣ, невозможно разсматривать польскій вопросъ съ точки зрѣнія международнаго права, точно также какъ невозможно съ точки зрѣнія международнаго права поднимать вопросъ о системѣ внутренняго управленія Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, во Франціи есть множество недовольныхъ, и недовольные принадлежатъ именно къ тѣмъ классамъ, къ какимъ принадлежатъ и въ Царствѣ Польскомъ недовольные люди. Крестьяне во Франціи, какъ извѣстно, не дѣлаютъ оппозиціи правительству, и послушно слѣдуютъ указаніямъ префектовъ и меровъ; за то, средніе и высшіе классы исполнены всякаго рода радикально-недовольныхъ элементовъ. Общественное мнѣніе въ разныхъ европейскихъ странахъ, въ свою очередь, не плѣняется правительственною системой и устройствомъ Франціи. Въ англійскихъ журналахъ, еще сильнѣе чѣмъ о положеніи Польши, всегда говорилось о деспотизмѣ подавляющемъ всѣ умственныя и нравственныя силы Франціи, и о фальшивой политикѣ ея правительства. Справедливы или нѣтъ, эти укоры, но они безпрерывно слышатся въ Европѣ; имъ вторитъ недовольная часть Франціи; однако никому не приходило въ голову дѣлать Франціи оффиціальныя представленія объ измѣненіи ея внутренней системы. Всякая мысль о подобномъ вмѣшательствѣ была бы чистымъ безумiемъ. Негодуйте на Россію, воюйте съ ней, но не ищите въ международномъ правѣ основаній для нарушенія международнаго права. Еслибы Россія захотѣла отдѣлить отъ своихъ владѣній Царство Польское или передать владѣніе имъ другой державѣ, то, не нарушая международнаго права, она не могла бы этого сдѣлать иначе какъ съ согласія Европы, точно такъ же какъ Англія не можетъ иначе присоединить Іоническіе острова къ Греціи, какъ съ согласія Европы. Что же касается до управленія Польшею и до ея устройства, то это было и будетъ домашнимъ дѣломъ Россіи, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено подъ контроль другихъ державъ. Польша будетъ имѣть то представительство и тѣ національныя учрежденія, которыя Россія, а не какая-либо другая держава, сочтетъ за благо установить въ Польшѣ.

Газета *La France* радуется тому обстоятельству, что отвѣтная депеша князя Горчакова открываетъ виды на дальнѣйшіе дипломатическіе переговоры о судьбѣ Польши. Очень пріятно, что депеша нашего правительства понравилась во Франціи и неоскорбила французскаго самолюбія; но было бы ошибочно придавать дипломатической вѣжливости болѣе значенія чѣмъ сколько она имѣетъ. Коль скоро державы нашли удобнымъ начать съ нами оффиціальные дипломатическіе переговоры по предметамъ не входящимъ въ область международныхъ отношеній, то съ нашей стороны прежде всего естественно спросить, чего же собственно желаютъ державы, вступающія съ нами въ переговоры. Намъ совѣтуютъ что-нибудь сдѣлать для улучшенія польскихъ дѣлъ: дозволительно спросить у нашихъ доброжелателей, что же по ихъ мнѣнію слѣдуетъ сдѣлать? Это вѣжливо, но это можетъ привести совѣтчиковъ въ затруднительное положеніе. Гораздо легче говорить общими мѣстами чѣмъ сказать въ точности что и какъ надобно сдѣлать. Мнѣнія державъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ для насъ необязательны; но интересно выслушать ихъ. Пусть же онѣ скажутъ чего онѣ хотятъ,— и мы тогда увидимъ, въ какой мѣрѣ искренни заботы европейскихъ державъ объ участи Польши, и въ какой мѣрѣ Европа согласна въ этомъ отношеніи.

Отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ на французскую депешу, кромѣ того пріятнаго смысла, который такъ понравился Французамъ, имѣетъ еще и другое значеніе. Прежде чѣмъ наставлять другихъ, не лучше ли каждому отдать себѣ отчетъ въ собственныхъ взглядахъ и желаніяхъ? Европейскія державы принимаютъ въ насъ участіе и доброжелательствуютъ намъ. Въ доброжелательствѣ ихъ нѣтъ никакого сомнѣнія: доказательствомъ тому служитъ по-

жаръ поддерживаемый въ Польшѣ; доказательствомъ тому служитъ дѣятельная помощь польскому возстанію, организуемая напримѣръ во Франціи на глазахъ правительства и даже при его явномъ соучастіи; доказательствомъ служатъ французскіе офицеры предводительствующіе шайками мятежниковъ, между тѣмъ какъ, по положенію, французскій офицеръ не можетъ поступить въ чужую службу безъ разрѣшенія императора. Послѣ этихъ доказательствъ остается узнать, какой смыслъ придаютъ европейскія державы поднятому ими польскому вопросу? Дѣло это равно касается или равно не касается европейскихъ державъ; а потому интересно знать, на чемъ по этому вопросу могли бы сойдтись европейскія державы. Какой совѣтъ дастъ намъ напримѣръ Франція, какой Австрія? И если въ ихъ совѣтахъ окажется разногласіе, то которому должны мы будемъ слѣдовать?

Графъ Россель описываетъ свой разговоръ съ австрійскимъ посломъ графомъ Апони. Статсъ-секретарь Ея Британскаго Величества представилъ на видъ два способа управленія Польшею: одинъ—лишающій Польшу всякихъ надеждъ на политическое возстановленіе ея національности, другой—обѣщающій ей это возстановленіе въ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ. Графъ Россель не упустилъ при этомъ придать надлежащую рельефность изображенію того и другаго способа управленія. Австрійскій посолъ отвѣчалъ: „Все это я очень хорошо понимаю, но Австрія никакъ не можетъ раздѣлять эти виды.“ Если Австрія не можетъ допустить и мысли о возстановленіи Польши даже въ будущемъ, и въ какихъ бы то ни было скромныхъ размѣрахъ, то которой же изъ двухъ державъ должна послушаться Россія: той ли, которая пожелаетъ возстановленія Польши, или той, которая противъ этого протестуетъ? Должна ли Россія послушаться болѣе Франціи нежели Австріи или Пруссіи, которая еще прежде всячески убѣждала Россію не давать Царству Польскому никакихъ національныхъ льготъ? Ея добрая воля была не послушаться совѣта Пруссіи. Кто же осмѣлится сказать, что совѣтъ Франціи или Англіи можетъ связать ея добрую волю?

Давая совѣты, надобно стало-быть прежде всего заботиться о той вѣжливости, которой примѣръ поданъ княземъ Горчаковымъ и такъ понравился во Франціи. Это первое условіе всякаго совѣтодательства. Но одного этого мало. Самый вѣжливый совѣтъ будетъ оскорбителенъ, если не будетъ соотвѣтствовать сущности дѣла, если онъ будетъ основываться напримѣръ на такихъ сужденіяхъ, которыя лордъ Россель высказалъ объ амнистіи въ депешѣ къ лорду Непиру, обнародованной нами вчера. Эти сужденія адресованы не къ нашему двору, и потому тутъ не требуется вѣжливости, но несомнѣнно, что тутъ была бы на мѣстѣ извѣстная степень основательности. Когда такой серіозный государственный человѣкъ, какъ графъ Россель считаетъ себя въ правѣ говорить о манифестѣ 31-го марта какъ о мѣрѣ почти не имѣющей смысла и въ тоже время угощаетъ своего петербургскаго подчиненнаго дилеммой, нисколько не относящеюся къ дѣлу и эффектною только съ вида, то всякій разумный человѣкъ принужденъ видѣть въ подобной выходкѣ дипломатическій шагъ враждебнаго свойства. Забавляясь своими *„во-первыхъ и во-вторыхъ,“* лордъ Россель не видитъ или не хочетъ видѣть цѣли манифеста, которая тѣмъ не менѣе очевидна. Онъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ дарованіе амнистіи краю еще не усмиренному и притомъ съ назначеніемъ срока для раскаянія. Все это было бы такъ, и амнистія была бы смѣшна, и ею слѣдовало бы повременить, если бы начальники шаекъ не удерживали мятежниковъ именно увѣреніями, что разъ взявшійся за оружіе менѣе рискуетъ, когда сражается съ русскими, чѣмъ когда сдается имъ. Цѣль амнистіи—вырвать оружіе изъ рукъ инсургентовъ привлеченныхъ въ шайки революціоннымъ терроромъ и удерживаемыхъ подъ знаменами революціи страхомъ наказанія угрожающаго имъ отъ законнаго правительства. Неужели графъ Россель, при его государственныхъ способностяхъ, не догадался бы объ этомъ, если бы далъ себѣ трудъ серіозно подумать о манифестѣ 31 марта? Если амнистія не имѣла надлежащаго дѣйствія, то причиною тому были тѣ же застращиванія со стороны революціонеровъ, кричавшихъ что русскому правительству нельзя вѣрить, и ссылавшихся на то, что и европейскія державы не удовлетворены амнистіей. Какъ объяснить себѣ, что опытному британскому министру ничего подобнаго не пришло въ голову, и не заключается ли въ этомъ самое убѣдительное доказательство того, что графъ Россель не

счелъ нужнымъ даже слегка вникнуть въ дѣло, о которомъ разсуждаетъ тономъ учителя? Какъ не оскорбляться этимъ тономъ? Наконецъ какое вниманіе можно обращать на совѣты, основанные на такихъ небрежныхъ и неосмотрительныхъ сужденіяхъ? И можно ли видѣть въ подобныхъ совѣтахъ что-либо другое кромѣ грубой угрозы, которая можетъ вызывать только энергическій отпоръ?

№ 91.

Москва, 27-го апрѣля.

„Времена секретной дипломатіи прошли", восклицаетъ *Daily News*, съ торжествомъ указывая на документы, обнародованные въ *Синей Книгѣ* по поводу польскихъ дѣлъ. Мы готовы присоединиться къ этой радости англійскаго журнала. Дѣйствительно, обнародованіе документовъ объяснило во многомъ вопросъ польскій, а отъ этого мы можемъ быть только въ выигрышѣ. Истина, рано или поздно, должна наконецъ успокоить страсти, отрезвить искусственное увлеченіе, которое поддерживается вымыслами. Чтеніе новой *Синей Книги* въ высшей степени поучительно. По ней можно слѣдить за тѣмъ, какъ раздувался польскій вопросъ въ общеевропейское дѣло. Стоитъ сравнить первое донесеніе англійскаго консула въ Варшавѣ съ дальнѣйшими извѣстіями, сообщенными изъ Петербурга, и потомъ съ корреспонденціями печатавшимися въ англійскихъ журналахъ и составлявшимися въ Краковѣ. Съ перваго раза англійскій агентъ справедливо говоритъ, что движеніе въ Польшѣ есть дѣло крайней партіи, которая не можетъ разчитывать на успѣхъ, и слѣдовательно не можетъ привлечь къ себѣ сочувствія. Но это оказалось несогласнымъ съ дальнѣйшими видами англійскаго правительства; ему хотѣлось придать возмущенію характеръ національнаго польскаго дѣла, и взвалить всю вину на русское правительство. И вотъ дальнѣйшія сообщенія попадаютъ въ тонъ этихъ желаній и стремленій, депеши начинаютъ говорить въ другомъ духѣ.

Поэтому, вполнѣ сочувствуя тому, что прошли времена дипломатическихъ тайнъ, не можемъ не пожелать для дипломатіи еще другое качества, откровенности и прямоты. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ хорошо извѣстно, что Англія не думаетъ серіозно возстановлять Польшу, и завѣдомо придаетъ теперешнему движенію не тотъ характеръ, который оно имѣетъ. Наши военные бюллетени извѣщаютъ о томъ, что въ числѣ плѣнныхъ попадаются Французы и Италіянцы; наши крейсеры захватывали иностранныя суда съ оружіемъ и чужеземными пособниками возмущенія; наконецъ дѣло объ англійскомъ кораблѣ *Вардъ-Джаксонъ* доказало несомнѣнно, что помощь идетъ и съ береговъ Англіи, хотя правительство этой страны не принимало въ томъ никакого участія, какъ это тоже было доказано. По человѣческой слабости, не одна Франція, но и Австрія и Италія, не могутъ не порадоваться, что имъ оказывается возможность сбыть нѣсколько безпокойныхъ головъ, которыя мѣшаютъ правительствамъ и готовы завлечься во всякую борьбу. Польскіе отряды, пришедшіе теперь въ Царство изъ-за границы, можетъ-быть тѣ самые, которые когда-то предлагали свои услуги Англіи и Франціи въ крымской войнѣ, которые потомъ становились подъ знамена Гарибальди и которые послѣ того оставались безъ дѣла, тревожа своимъ присутствіемъ людей порядка. Теперь для искателей приключеній нашлась работа, и иностраннымъ державамъ очень пріятно напустить ихъ на русскія груди и русскіе штыки, чтобы чужими руками затушить пожаръ у себя. Вмѣстѣ съ Поляками, полягутъ кстати и тѣ всесвѣтные воины революціи, для которыхъ рѣшительно все равно, за кого бы ни сражаться, лишь бы только противъ общественнаго порядка. Слѣдовательно, открыть на время вентиляцію для темныхъ общественныхъ силъ правительствамъ было весьма выгодно. А пока будетъ происходить на нашъ счетъ очищеніе материка Европы, Англія, давши намъ не легкую работу, отвлекши наши силы, надѣется обдѣлать дѣла на Востокѣ. Она успѣетъ принять роль благодѣтельницы Греціи и даже Сербіи, о которой теперь она тоже стала заботиться.

Вотъ простая разгадка того что̀ прикрывается „явною" дипломатіей.

Но въ этой дипломатіи остаются еще тайны. Въ разговорѣ барона Бруннова съ графомъ Росселемъ былъ сдѣланъ намекъ на какіе-то планы передѣлки европейской карты. Какіе это планы, къ какимъ странамъ они относятся? Повидимому, императору Французовъ не нравится теперешняя граница Германіи, и ему хотѣлось бы бло-

кировать эту страну со всѣхъ сторонъ своими союзниками и подручниками. *Кельнская Газета* указываетъ на одинъ изъ французскихъ плановъ, именно на образованіе Скандинавскаго королевства изъ Швеціи и Даніи. У нынѣшняго короля шведскаго есть только двѣнадцатилѣтняя дочь, а нѣтъ сыновей; на этомъ основанъ предполагаемый бракъ принцессы шведской съ датскимъ принцемъ Фридрихомъ, братомъ принцессы Вельсской. Франція разчитываетъ, что это сильное государство будетъ ея союзникомъ противъ Германіи съ одной стороны. А съ другой, для Франціи было бы очень выгодно поставить Польшу, о независимости которой по увѣренію вѣнскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, снова шла рѣчь между французскимъ посломъ герцогомъ Грамономъ и графомъ Рехбергомъ. Для выполненія всѣхъ этихъ плановъ потребовались бы отъ насъ Финляндія и Польша, а отъ Австріи Галиція. Вознагражденіе за всѣ эти пожертвованія можно выкроить изъ Турціи, которая служитъ запаснымъ фондомъ на всякій случай. Устроивъ это дѣло по своему желанію, императору Французовъ не трудно было бы расширить Францію до Рейна, въ увѣренности, что Германія не окажетъ сильнаго сопротивленія. Нѣмцы, дѣйствительно, не чаютъ спасенія; многіе изъ нихъ уже совѣтуютъ поскорѣе спасать что можно, побросать всѣ окраины Германіи и изъ остатковъ образовать единое крѣпкое государство, германскую имперію. Этотъ паническій страхъ высказывается многими нѣмецкими журналами, которые слезно жалуются на г. фонъ-Бисмарка, что онъ губитъ Германію, и что единственное средство спасти ее состоитъ въ соединеніи съ Франціею. Нѣмцы всегда религіозно, суевѣрно боялись Франціи. Они прежде надѣялись на Россію; теперь на насъ они не надѣются, и горько плачутъ.

Но они могутъ успокоиться. Можетъ-быть императоръ Французовъ и намѣренъ преобразовать Европу, но подобныя дѣла не дѣлаются скоро. Прежде чѣмъ рѣшиться на громадный переворотъ, Наполеонъ III станетъ искать союзниковъ, и теперешняя путаница польскаго вопроса не есть еще послѣднее слово. Франція не зашла еще такъ далеко, чтобы не остановиться. Она не двинется безъ Англіи, она высматриваетъ себѣ союзниковъ въ Испаніи, въ Италіи, но едва ли ей удастся убѣдить всѣхъ въ необходимости возстановить Польшу. Въ самой Франціи раздаются голоса противъ войны, которая не принесетъ странѣ пользы, и страшитъ ее по своей громадности.

При неудачѣ широкой попытки, императоръ будетъ довольствоваться тѣмъ, что лица, которыя на предстоящихъ выборахъ могли бы мутить избирателей, теперь поступаютъ въ шайки, грабящія и тревожащія Польшу. Все дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что на насъ падетъ тяжесть общеевропейскаго дѣла очищенія, тяжесть, которую мы несемъ не въ первый разъ. Только, служа такимъ образомъ Европѣ, мы не должны забывать и себя, и постараться, чтобы въ другой разъ вентиляція происходила не у насъ.

Пока нельзя не замѣтить поворота дѣлъ въ нашу пользу. Его должно приписать тому единодушію, съ какимъ высказалось русское общество относительно вопроса о Польшѣ. „Въ Россіи, сказано въ *Indépendance Belge*, существуетъ движеніе въ смыслѣ отпора притязаніямъ Поляковъ, и съ этимъ движеніемъ необходимо считаться.“ Европа можетъ извлечь изъ него пользу, а Германія можетъ удостовѣриться, что дѣла еще не такъ дурны, чтобы ей приходилось склонить голову передъ планами наполеоновской Франціи.

№ 92.

Москва, 29-го апрѣля.

Давно была бы пора говорить печатно о живомъ значеніи польскаго или, лучше, русскаго вопроса въ бѣлорусскомъ краѣ. Г. Коялевичъ совершенно правъ, замѣчая въ № 91 *Русскаго Инвалида*, что только въ нашей литературѣ могла быть оставлена безъ вниманія фраза, проскочившая, какъ онъ выражается, въ одномъ виленскомъ донесеніи, фраза упоминавшая о необходимости, въ которую поставлены тамошнія власти, приводить въ повиновеніе вѣрныхъ Россіи крестьянъ людямъ возстающимъ противъ Россіи. Мы слишкомъ запуганы призраками, которыми ловко стращаютъ насъ враждебные Россіи агитаторы. Намъ все еще мерещутся ужасы, несмотря на то что опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ далъ намъ самый убѣдительный урокъ быть довѣрчивѣе къ русскому народу. Нельзя не радоваться,

что редакціи *Русскаго Инвалида* удалось помѣстить статью г. Кояловича о народномъ движеніи въ западной Россіи. Этой статьѣ не мѣшало бы появиться недѣлями двумя раньше. Впрочемъ, mieux vaut tard que jamais, и хорошо будетъ если, по крайней мѣрѣ теперь старинная скорлупа начнетъ спадать съ нашихъ глазъ. Только вникнувъ съ довѣріемъ въ народное чувство, можемъ мы руководить имъ и, не подавляя его патріотическихъ проявленій, удерживать ихъ въ предѣлахъ законной мѣры. Надобно становиться во главѣ движенія, чтобы управлять имъ: это общеизвѣстное правило дорого дало бы себя намъ почувствовать, еслибы мы забыли о немъ. Передъ нами явилась бы та дѣйствительно ужасная дилемма, о которой говоритъ г. Кояловичъ — бить или свою или польскую силу въ западной Россіи.

Русскій народъ возстаетъ въ отвѣтъ на возстаніе польскихъ пановъ. Онъ возстаетъ за Царя и отечество; онъ захватываетъ мятежниковъ, сжигаетъ домы ихъ. Народная страсть заговорила, но какъ ни чисты побужденія этихъ страстныхъ движеній, русскій народъ въ этомъ краю не можетъ удержаться въ предѣлахъ чистаго дѣла, если останется безсовѣтною и безначальною массой. Это не упрекъ русскому народу Западнаго края; это даже не предупрежденіе почерпаемое изъ знакомства съ его несчастнымъ бытомъ, съ тѣмъ безпримѣрнымъ гнетомъ, который тяготѣлъ надъ Бѣлоруссами, изнурилъ физическія силы этого племени и отпечатлѣлся на всемъ ихъ видѣ, даже на ихъ ростѣ. Крестьяне какого угодно племени, даже неозлобленнаго и незамученнаго, не были бы въ состояніи избѣгать крайностей, еслибы были предоставлены самимъ себѣ въ эпоху народнаго движенія.

Указъ 1-го марта былъ вызванъ преимущественно тѣмъ положеніемъ, которое пытались занять мятежные паны. Они доводили крестьянъ до неповиновенія и требовали потомъ отъ русскихъ властей чтобъ онѣ установляли порядокъ военною силой. Панамъ было выгодно ссорить крестьянъ съ властями; они думали, что народъ попадется къ нимъ на удочку, и перейдетъ на ихъ сторону. Полагаясь на всемогущество интриги, они надѣялись, что имъ удастся съ ея помощію изгладить въ сердцѣ народа слѣды вѣковой исторіи. Но сотни народныхъ мучениковъ, которыхъ, какъ говоритъ г. Кояловичъ, съ изумленіемъ приходится открывать въ неизвѣстныхъ доселѣ памятникахъ, не даромъ въ свое время орошали своею кровію все пространство западной Россіи. Сила ихъ подвига еще дѣйствуетъ въ народѣ, и его трудно обольстить. „Я знаю навѣрное, говоритъ г. Кояловичъ, отъ туземцевъ и изъ устъ самого народа тамошней страны, что онъ давно, слишкомъ годъ тому назадъ, предвидѣлъ польское возстаніе и рѣшилъ что дѣлать самому, но онъ уважалъ законъ, ждалъ вызова, терпѣлъ, пока не представятъ сами польскіе паны законнѣйшаго для него вызова и разразился возстаніемъ противъ историческихъ своихъ враговъ, которые никогда не уважали ни его вѣры, ни его языка, ни даже его человѣческихъ правъ. Тутъ не русскій крестьянскій вопросъ, а мѣстный народный, выработанный всѣми стихіями польской пропаганды въ западной Россіи.“

Дѣйствительно, въ *pendant* къ интригѣ поведенной противъ русскаго народа, чтобъ разъединить его съ правительствомъ, теперь ведется другая интрига, обращенная въ другую сторону. Цѣль этой интриги — убѣждать кого слѣдуетъ, что возстаніе крестьянъ въ Западной Россіи есть не національное, а сословное возстаніе, что оно направлено не противъ польскихъ мятежниковъ, а вообще противъ помѣщиковъ. До указа 1-го марта эта интрига могла бы еще имѣть почву и разчитывать на легковѣріе слушателей, незнакомыхъ вблизи съ русскимъ народомъ Западнаго края. Но какая нужна дерзость, какое неуваженіе къ слушателю, чтобы теперь, послѣ указа 1-го марта, совершенно развязывающаго отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, пѣть туже пѣсню? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что какъ не удалась первая интрига, такъ не удастся и эта вторая. Въ этомъ отношеніи ручательствомъ служитъ уже появленіе статьи г. Кояловича въ петербургской офиціяльной газетѣ.

Интриги не удадутся; народное возстаніе не будетъ подавлено русскою военною силой; Русскіе не вступятъ между собой въ бой къ радости враговъ русскаго имени. Но съ другой стороны Россія не только не прибѣгнетъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыми упрочила Австрія свою власть въ Галиціи; она даже не допуститъ ничего подобнаго. Мы выйдемъ изъ ужасной дилеммы: говоря словами г. Кояловича, мы не будемъ бить русскую силу, мы не будемъ бить и силу польскую. Не подавляя народнаго движенія,

мы постараемся облагородить его, удержать въ берегахъ волны его, чтобы память о 1863 годѣ осталась въ Западномъ краю чистымъ національнымъ преданіемъ, возвышающимъ и укрѣпляющимъ народный духъ.

Русскіе крестьяне говорятъ тамъ, по свидѣтельству г. Кояловича: „Мы вѣрны Россіи, мятежниковъ ненавидимъ, открываемъ ихъ войскамъ, но войска, разбивъ ихъ, должны уйдти, а остатки шаекъ жгутъ и бьютъ насъ. Что будетъ съ нами?“ Такъ говорятъ крестьяне, и ихъ необходимо освободить отъ подобныхъ опасеній. Надобно чтобъ они были увѣрены, что месть мятежниковъ будетъ безсильна, что покушенія ихъ найдутъ себѣ должный отпоръ въ правильно организованной силѣ. На тайныя убійства и грабежи крестьяне не должны отвѣчать поджогами и убійствами; ихъ надобно поставить въ возможность не прибѣгать къ этимъ средствамъ устрашенія. Не шайками, случайно составившимися, должны дѣйствовать крестьяне противъ шаекъ мятежническихъ; они должны охранять свою безопасность тѣми средствами, которыя могутъ быть допущены безъ нарушенія законности и благоустройства. Регулярныхъ войскъ для этого недостаточно; г. Кояловичъ совершенно правъ замѣчая, что народъ не можетъ имѣть *вездѣ* настоящую защиту отъ шаекъ въ русскихъ войскахъ, но причинѣ огромнаго пространства страны и разбросанности ея населенія; нужно народное ополченіе, которое, какъ видно явно, уже само собой составляется. Народная энергія ищетъ выхода, дѣла. Но кто станетъ во главѣ этого народнаго ополченія въ краю, гдѣ большинство помѣщиковъ принадлежитъ иному племени и многіе изъ этого большинства находятся въ явномъ возстаніи, а другіе подозрѣваются народомъ въ тайномъ соумышленничествѣ или по крайней мѣрѣ въ тайномъ сочувствіи? Какъ организуется это ополченіе, скоро ли привьется къ нему духъ дисциплины, такъ мало совмѣстный съ раздраженіемъ возбуждаемымъ потоками еще теплой крови? А если не будетъ руководителей и не будетъ дисциплины, то нѣтъ возможности ожидать чтобы народное ополченіе дѣйствовало много лучше толпы крестьянъ, нападающей на панскую усадьбу, чтобы сжечь и разграбить ее. Человѣкъ дичаетъ, видя какъ проливается кровь. Малѣйшая неудача вызываетъ мысль объ измѣнѣ и карѣ, а съ такими мыслями, какъ извѣстно, трудно бываетъ бороться и регулярному дисциплинированному войску. Изъ этого слѣдуетъ, намъ кажется, что народное возстаніе должно быть такъ организовано, чтобы въ немъ могли принять участіе и помѣщики, не только русскаго, но и польскаго происхожденія, желающіе оградить себя отъ подозрѣнія въ измѣнѣ и мятежническихъ намѣреніяхъ. А для этого необходимо, чтобъ ополченіе находилось въ тѣсной связи и даже смѣшеніи съ регулярными войсками занимающими край. Всего безопаснѣе было бы, еслибы сами войска послужили такъ-сказать кадрами для ополченія. Съ другой стороны успѣхъ дѣла, кажется, требуетъ, чтобъ ополченіе состояло исключительно изъ охотниковъ, и чтобы за нимъ былъ удержанъ характеръ мѣстной охраны, возможно менѣе подвижной, какъ замѣчаетъ и г. Кояловичъ. Крестьяне должны быть вполнѣ увѣрены, что вступая въ охотники для внутренней земской стражи, они не попадутъ въ военную службу, ни подобно рекрутамъ, ни подобно ратникамъ прежнихъ ополченій. Наконецъ, имѣя въ виду бѣдность крестьянъ Западнаго края, нельзя не упомянуть, что была бы умѣстна выдача имъ нѣкоторыхъ денежныхъ пособій, особенно при успѣшныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ будетъ строго соблюдена дисциплина.

Такія мѣры подняли бы духъ во всемъ русскомъ населеніи западныхъ губерній, дали бы ему почувствовать, что оно служитъ великую службу Царю и отечеству, и вмѣстѣ оградили бы его отъ тѣхъ соблазновъ своеволія, которыми чистое народное дѣло не должно быть запятнано.

№ 93.

Москва, 30-го апрѣля.

„Поляки нисколько не страшатся Россіи, ихъ національный комитетъ могущественнѣе всѣхъ властей установленныхъ въ Польшѣ русскимъ Императоромъ“. Такъ говорятъ англійскія газеты, и въ то же время прибавляютъ, что энергическія мѣры, которыя, по слухамъ, будутъ приняты русскимъ правительствомъ по истеченіи срока амнистіи, не могутъ быть терпимы Европой и должны вызвать протестъ со стороны европейскихъ державъ. Англійскія газеты совсѣмъ лишаютъ Россію права на энергическія мѣры: теперь-де не 1831 годъ;

теперь надобно возстановлять порядокъ иными средствами. Мы были бы очень готовы сочувствовать этому превознесенію 1863 года надъ 1831; мы сами радуемся той мысли, что теперь настали иныя времена и въ этомъ случаѣ наша радость есть отголосокъ общей радости всей Россіи. Но мы очень желали бы попросить у англійскихъ газетъ милостиваго совѣта, какъ слѣдуетъ намъ объяснять себѣ могущество революціоннаго комитета и слабость русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ. Патріотизма мы не отрицаемъ въ Полякахъ, но какъ ни силенъ польскій патріотизмъ, революціонный комитетъ однако не очень-то довѣряетъ ему. Онъ, конечно, лучше насъ знаетъ своихъ людей; англійскія газеты, радующіяся его авторитету, не могутъ не признать что національный комитетъ имѣетъ право на нѣкоторый авторитетъ и въ нашихъ глазахъ; его образъ дѣйствій, вѣроятно, приспособленъ къ общественному состоянію Польши, а мы принуждены имѣть въ виду общественное состояніе Польши, какъ оно есть въ дѣйствительности, а не въ корреспонденціяхъ европейскихъ газетъ. Какъ же дѣйствуетъ національный комитетъ, въ этотъ гуманный и миролюбивый 1863 годъ? На чемъ онъ основываетъ свое владычество, — на чувствѣ ли патріотизма, или на чувствѣ страха? Кто не знаетъ, что въ глазахъ центральнаго комитета устрашеніе есть главное средство господствовать надъ патріотическимъ польскимъ народомъ? Французскій конвентъ рѣже говорилъ о казняхъ и меньше стращалъ убійствами чѣмъ этотъ комитетъ, пользующійся сочувствіемъ либеральной англійской печати въ нынѣшній либеральный 1863 годъ. Какъ же это національному комитету сходитъ съ рукъ всякое варварство, даже самое возмутительное, а Россіи не дозволяется прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ противъ этого варварства? Какъ понимать это удивительное противорѣчіе?

Все могущество революціоннаго комитета опирается на его рѣшимость дѣйствовать посредствомъ насилія. Можетъ ли населеніе Польши не бояться его пуще чѣмъ всѣхъ русскихъ властей взятыхъ вмѣстѣ, когда противъ русскихъ властей можно дѣйствовать безнаказанно, а малѣйшая провинность противъ этого таинственнаго комитета наказывается смертью? Чиновникъ, нарушая присягу, надѣется на помилованіе, во всякомъ случаѣ онъ подвергаетъ себя наказанію сравнительно легкому; если же онъ остается вѣренъ присягѣ, то его ожидаетъ вѣрная смерть. Съ одной стороны вѣрная надежда на помилованіе; съ другой стороны вѣрная перспектива казни, отъ которой нѣтъ спасенія, нѣтъ защиты: какъ тутъ не произойдти совершенной деморализаціи? Какой нуженъ героизмъ, чтобъ оставаться вѣрнымъ той власти, которая, щадя измѣнниковъ, не въ силахъ защитить вѣрныхъ? Удивляться ли, что революціонный комитетъ дастъ предписанія не только своимъ подчиненнымъ, но и коронымъ чиновникамъ, угрожая имъ казнью если они осмѣлятся взыскивать подати? Ниже, подъ рубрикой польскихъ дѣлъ, читатели найдутъ извѣстіе сообщаемое нѣмецкимъ корреспондентомъ о томъ какъ на глазахъ казначеевъ, въ самой Варшавѣ, вырываютъ изъ рукъ плательщиковъ приносимыя ими подати, и какъ казначеи, смотря на эту комедію, слегка ухмыляются. При такомъ порядкѣ вещей, никакое общество не устоитъ передъ революціонерами, и самый мирный человѣкъ возьмется за оружіе. Изъ двухъ золъ люди обыкновенно выбираютъ меньшее. Когда съ одной стороны грозитъ вѣрная смерть, а съ другой отдаленная перспектива раны, не всегда смертельной, или плѣна, за которымъ непремѣнно послѣдуетъ помилованіе, то трудно колебаться, и всякій пойдетъ *do lasu*, не изъ національнаго чувства, а просто изъ страха смерти. А отъ чиновниковъ центральный комитетъ даже не требуетъ, чтобъ они подвергали свою жизнь опасности; онъ снисходителенъ къ нимъ, въ лѣсъ ихъ не посылаетъ; онъ только требуетъ чтобъ они не исполняли своей обязанности, угрожая имъ въ противномъ случаѣ страхомъ примѣрнаго наказанія. Повторяемъ, можетъ ли быть тутъ выборъ?

Взглянемъ на крестьянъ. По самымъ вѣрнымъ, доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, крестьяне въ самомъ Царствѣ Польскомъ рѣшительно не сочувствуютъ возстанію и даже враждебно расположены къ нему. Но они поставлены въ ужасное положеніе. Ихъ душатъ и вѣшаютъ агенты національнаго комитета, а русскія войска не всегда могутъ оказывать имъ защиту. Выведенные изъ терпѣнія насиліемъ мятежниковъ крестьяне во многихъ мѣстахъ Польши были бы не прочь возстать противъ нихъ или по крайней мѣрѣ дѣйствовать противъ нихъ

заодно съ войскомъ. Но они говорятъ очень разумно, что перехвативъ мятежниковъ, они не избавятся отъ насилія, а только накликаютъ на себя еще пущую бѣду. Схваченные мятежники будутъ въ скоромъ времени выпущены на свободу и, конечно, не упустятъ случая отмстить бѣднымъ крестьянамъ. Въ такомъ же страхѣ находятся и Евреи, и только этимъ объясняются ихъ пожертвованія въ пользу возстанія, доходящія, говорятъ, до громадныхъ суммъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, обязанность всякаго правительства, сознающаго лежащую на немъ отвѣтственность, должна состоять въ томъ, чтобъ освободить мирное населеніе изъ-подъ власти терроризма. Каждый разумный человѣкъ пойметъ это, а Англичане должны понимать это еще лучше другихъ. Но вотъ прошелъ слухъ, что русское правительство намѣрено рѣшиться наконецъ на энергическія мѣры, требуемыя его обязанностью не только передъ Россіей, но и передъ самою Польшей,—и что же заговорили англійскія газеты, что заговорила *Morning Post*, органъ первенствующаго англійскаго министра? Энергическія мѣры будутъ и жестоки, и безполезны, и притомъ едва ли будутъ допущены Европой! Чтобъ угодить газетѣ *Morning Post*, русское правительство, вѣроятно, должно бы продлить еще на полгода срокъ амнистіи, и забывая о своей обязанности охранять законный порядокъ, отдать Царство Польское въ добычу палачамъ центральнаго комитета. Между тѣмъ и русское войско было бы изнурено нестерпимою службою, а можетъ-быть въ него вкралась бы даже деморализація. Англія управилась бы съ нами и безъ войны, не тратя ни одного фунта стерлинга, кромѣ развѣ расхода на чернила, которыми пишутся дипломатическія депеши.

Неужели однако Англія питаетъ такія неразумныя надежды? Неужели она думаетъ, что Россія послѣдуетъ подобнымъ совѣтамъ? Англичане остаются чѣмъ были, народомъ практическимъ и миролюбивымъ. Они нисколько не готовятся къ войнѣ; они понизили у себя въ нынѣшнемъ году разные налоги; ихъ журналы имѣютъ, правда, корреспондентовъ въ Краковѣ, но о польскихъ дѣлахъ говорятъ очень рѣдко и вовсе не интересуются дипломатическою путаницей, происходящей теперь въ Европѣ, даже не перепечатываютъ обнародованныхъ дипломатическихъ депешъ. По всему видно, что англійская публика не придастъ никакой важности польскому вопросу, и что крикъ въ пользу Польши производится ими искусственно, чтобы подѣйствовать на кого-нибудь внѣ Англіи, и притомъ не на насъ потому что желая подѣйствовать на насъ, надобно было бы говорить хоть сколько-нибудь разумно. Кто же тутъ имѣется въ виду какъ не Франція, страна, которая ни въ какомъ европейскомъ вопросѣ не хочетъ оставаться позади другихъ, и которую крики изъ Англіи могутъ вызвать на подражаніе? Въ этомъ случаѣ Англичане разчитываютъ вѣрно. Имъ удалось же натравить Францію на Мексику; очень можетъ-быть, что удастся натравить ее и на Россію, и это будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе будемъ мы разчитывать на „сердечный“ союзъ съ наполеоновскою Франціею.

А потому, какъ ни безсмысленны протесты англійской печати противъ ожидаемыхъ энергическихъ мѣръ нашего правительства, вызываемыхъ положеніемъ Царства Польскаго, какъ ни мало придаютъ сами Англичане серіознаго значенія этимъ протестамъ, какъ ни мало думаютъ они о возможности войны, положеніе Россіи тѣмъ не менѣе очень серіозно. Депеша князя Горчакова оскорбила Австрійцевъ своимъ сухимъ тономъ, а русскіе отзывы въ обнародованной дипломатической корреспонденціи относительно конвенціи 8-го февраля не очень понравились и въ Пруссіи. Съ другой стороны въ Германіи не понравилась депеша князя Горчакова къ барону Будбергу; ее находятъ ужь слишкомъ любезною. Если въ Германіи продержится такое настроеніе относительно Россіи, то легко можетъ статься, что Наполеонъ III воспользуется затруднительностью нашего положенія. Пруссія была, съ самаго начала, на нашей сторонѣ; Австрія въ сущности тоже считала въ своемъ интересѣ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какой намъ нуженъ; графъ Аппони даже говорилъ графу Росселю, что Австрія не могла бы смотрѣть спокойно на учрежденіе отдѣльнаго представительства въ Варшавѣ, потому что видѣла бы въ такомъ шагѣ русскаго правительства серіозную опасность для своей власти въ Галиціи. Дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовала относительно насъ Пруссія, и высказывать такія вещи, какія высказалъ графъ Аппони графу Росселю, не легко великимъ державамъ. Чрезмѣрно натянутая струна можетъ лопнуть, а струна нашихъ

отношеній къ нѣмецкимъ державамъ теперь болѣе натянута чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ. Раздраженіе Англіи противъ насъ можетъ-быть также усилилось вслѣдствіе чувства ревности вызваннаго предпочтеніемъ, которое мы оказали Франціи. Наконецъ сама Франція уже даетъ чувствовать, что понимаетъ послѣднюю депешу князя Горчакова какъ выраженіе готовности на дальнѣйшіе переговоры и слѣдовательно на дальнѣйшія уступки. Такимъ образомъ та же самая констеллація, которая была мѣсяцъ тому назадъ, остается и теперь, и можетъ-быть еще въ большей силѣ. Франція менѣе связана чѣмъ прежде, а не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еслибы не Франція, то вовсе не было бы элементовъ для польскаго вопроса, а равно не было бы ни англійскихъ депешъ, ни англійскихъ газетныхъ статей, такъ враждебныхъ Россіи, и такъ ловко разчитанныхъ на задоръ гальскаго пѣтуха. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію что чѣмъ болѣе будутъ имѣть вліянія французскіе совѣты на рѣшеніе польскаго вопроса, чѣмъ болѣе дано будетъ имъ предпочтеніе надъ совѣтами германскихъ державъ, тѣмъ будетъ невыгоднѣе разрѣшенъ этотъ вопросъ для будущаго Россіи и для спокойствія Европы.

№ 94.

Москва, 1-го мая.

Сегодня истекъ срокъ всепрощенія объявленнаго Польшѣ монаршею милостію. Невыгодное положеніе, въ которое были поставлены русскія военныя силы, прекращается. Есть слухи, что Царство Польское будетъ раздѣлено на значительное число военныхъ участковъ, состоящихъ подъ начальствомъ военныхъ властей, и что этимъ властямъ будутъ подчинены гражданскіе чиновники. Есть еще слухи, что военные расходы будутъ возложены отчасти на казну Царства, отчасти на имущество городовъ, мѣстечекъ и лицъ, которые не прекратятъ мятежныхъ дѣйствій. Объ эти мѣры, конечно, подвергнутся порицаніямъ во Франціи и Англіи, но можно быть увѣрену что въ Пруссіи и Австріи будутъ радоваться имъ, хотя Австрія можетъ-быть опять присоединится для виду къ какимъ-нибудь представленіямъ западныхъ державъ. Необходимость энергическаго образа дѣйствій должны будутъ признать всѣ люди безпристрастные. Говорятъ, что въ наше время нельзя прибѣгать къ конфискаціямъ, отъ которыхъ страдаетъ не только виновный, но и все его потомство. Съ этимъ можно будетъ согласиться только тогда, когда конфискація будетъ исключена изъ числа наказаній за государственную измѣну въ большей части европейскихъ государствъ. Пока этого нѣтъ, можно полагать, что тѣ государства, которыя не отказываются отъ права конфискаціи, считаютъ это право существеннымъ условіемъ для предупрежденія покушеній противъ государственной власти. Когда польскіе магнаты тратятъ громадныя суммы на поддержку возстанія, когда они хвалятся, что заключатъ заемъ въ тысячу милліоновъ франковъ для веденія войны съ Россіей, чтобы цѣной этого займа купить себѣ средства для отторженія отъ насъ всего Западнаго края, который потомъ будетъ принужденъ отплачиваться за этотъ заемъ, — когда въ залогъ по этому займу обѣщаютъ представить имѣнія польскихъ магнатовъ, лежащія въ Россіи, то никто не можетъ отъ насъ требовать чтобы мы отказались отъ своего совершенно яснаго права вырвать у мятежниковъ тѣ матеріяльныя средства, которыми они противъ насъ пользуются. Кто самъ не щадитъ своихъ потомковъ, тотъ не можетъ ожидать чтобъ ихъ щадили тѣ, которымъ приходится отъ него обороняться. Къ тому же, нѣтъ никакого основанія чтобы русскіе плательщики податей несли тяжести военныхъ издержекъ, вызванныхъ польскимъ возстаніемъ. Довольно и того, что льется русская кровь. Этого избѣгнуть было нельзя, а русскія деньги пощадить можно.

Для возмѣщенія военныхъ издержекъ, причиняемыхъ мятежемъ, существуютъ два способа: конфискація и контрибуція. Послѣдній способъ дѣйствительнѣе перваго, но для того чтобъ онъ былъ справедливъ, контрибуція не должна касаться людей невинныхъ. Въ настоящемъ случаѣ мятежный духъ между польскими магнатами и панами былъ бы, кажется, укрощенъ одною увѣренностію, что для облегченія казны Царства и по долгу справедливости къ тѣмъ польскимъ плательщикамъ податей, которые не принимали участія въ возстаніи, правительство разложитъ вознагражденіе за военныя издержки, превышающія обыкновенный расходъ мирнаго времени,

прежде всего на имѣнія лицъ, не положившихъ оружія до 1-го мая. Магнаты и паны увидѣли бы тогда что чѣмъ продолжительнѣе будетъ возстаніе, тѣмъ меньше у нихъ останется имѣній, а этотъ разчетъ всего скорѣе излѣчилъ бы ихъ отъ кичливости. Если они не рѣшатся эмигрировать, то не все ихъ имѣніе было бы конфисковано, но чѣмъ болѣе длилась бы борьба русскихъ военныхъ силъ съ польскимъ мятежемъ, тѣмъ болѣе нарастало бы взысканій съ ихъ имуществъ.

Обнародованныя правила о наложеніи секвестра на имѣнія лицъ, принявшихъ участіе въ мятежѣ, и разные комментаріи на эти правила, появившіеся въ заграничныхъ газетахъ; даютъ поводъ заключать, что наше правительство предпочитаетъ конфискаціямъ систему контрибуцій. Налагая секвестръ на имѣніе, оно лишаетъ возможности извлекать изъ имѣнія средства для поддержанія мятежа. Владѣлецъ лишается дохода, но еще не лишается права собственности. Надежда на возвратъ имѣнія еще не потеряна для него. Но польскіе паны должны знать, что за ихъ властолюбивыя фантазіи ни въ какомъ случаѣ не будетъ расплачиваться русскій народъ, что военныя издержки ни въ какомъ случаѣ не падутъ на русскую государственную казну, что онѣ не падутъ даже всею своею тягостью и на казну Царства Польскаго, что продолженіе мятежа будетъ разорительно все болѣе для тѣхъ, кто будетъ поддерживать мятежъ. Они должны твердо знать, что еслибы даже личности ихъ и была оказана пощада, когда спокойствіе будетъ совершенно возстановлено въ Царствѣ, то справедливость относительно вѣрныхъ присягѣ плательщиковъ податей въ Россіи и Польшѣ и состояніе нашихъ финансовъ никакъ не позволятъ оказать имъ великодушіе относительно взысканія военныхъ издержекъ съ ихъ имѣній.

Революціонная партія въ Польшѣ и иностранные подстрекатели убѣдили Поляковъ, чтобъ они отвергли амнистію. Много крови пролито и не мало вѣроятно еще прольется крови, благодаря этому безумному рѣшенію. Но среди несчетнаго зла, причиненнаго имъ, оно доставило намъ одну несомнѣнную выгоду: оно даетъ намъ поводъ взыскать военныя издержки съ виновныхъ, по возможности минуя невинныхъ.

№ 95.

Москва, 2-го мая.

А.

Впечатлѣніе, произведенное отвѣтами князя Горчакова на депеши трехъ великихъ державъ, опредѣлилось теперь съ совершенною ясностію. Общественное мнѣніе вездѣ, не исключая Франціи, не удовлетворено ими, несмотря на высказанную въ нихъ готовность вести дальнѣйшіе переговоры о польскомъ вопросѣ,—готовность, которую всѣ справедливо почитаютъ значительною уступкой сравнительно съ прошедшимъ временемъ. Прежде польскій вопросъ разсматривался какъ вопросъ, наиболѣе касающійся Россіи, а потомъ Пруссіи и Австріи: въ такомъ смыслѣ отвѣчали эти государства на представленія западныхъ державъ въ 1831 и въ 1846 г., устраняя всякое постороннее вмѣшательство въ его рѣшеніе. И въ самомъ дѣлѣ, даже *Morning-Post*, органъ лорда Пальмерстона, признаетъ, что „польскій вопросъ есть вопросъ о жизни и смерти для Россіи,“ тогда какъ для Англіи, для Франціи онъ имѣетъ значеніе на столько, на сколько касается дальнѣйшихъ судебъ Россіи, на сколько то или другое рѣшеніе его можетъ измѣнить систему политическаго равновѣсія въ Европѣ и вызвать новые союзы между государствами, наконецъ на сколько судьба Польши, внушая сочувствіе либеральнымъ партіямъ, можетъ волновать умы въ этихъ странахъ. Европейскимъ вопросомъ можно назвать его только въ томъ смыслѣ, въ какомъ прилично это названіе всякому вопросу, опредѣляющему дальнѣйшія судьбы какой-либо великой европейской державы; въ какомъ и освобожденіе крестьянъ въ Россіи было европейскимъ событіемъ, и вопросъ о дальнѣйшемъ внутреннемъ благоустройствѣ нашего государства можетъ разсматриваться какъ европейскій вопросъ. Мы полагаемъ, что именно въ этомъ смыслѣ князь Горчаковъ соглашался съ мнѣніемъ французскаго правительства, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, а вовсе не въ томъ, что онъ долженъ быть рѣшаемъ сообща европейскими государствами, и что устройство, какое окончательно получила бы Польша, должно быть поставлено подъ гарантіею великихъ державъ и утверждено международнымъ актомъ. Выиграетъ ли что Европа, Россія и сама Польша отъ дальнѣйшихъ перегово-

ровъ объ этомъ предметѣ, это—вопросъ болѣе чѣмъ сомнительный.

Несомнѣнно однакоже то, что общественное мнѣніе въ Европѣ, закупленное въ пользу польскаго движенія, особенно оскорбилось тѣмъ, что въ отвѣтахъ князя Горчакова дѣло Польши представляется какъ дѣло всесвѣтной революціонной партіи. Противъ этого возражаетъ и *Morning-Post*, противъ этого сильно гремитъ г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ въ *Journal des Débats*. „Мы не сомнѣваемся, говоритъ послѣдній, что французское правительство, которое обязано продолжать съ Россіею этотъ начатый разговоръ предостереженія и контроля, мы не сомнѣваемся, что оно возстанетъ противъ этой претензіи Россіи увѣрить Европу, что Польша возмущена происками революціонеровъ. Что особенно оскорбляетъ насъ въ этой претензіи,—это обида, нанесенная Россіей общественной совѣсти цѣлой Европы, которая вся высказалась въ пользу Польши," и т. д.

И однако же, то, что́ сказано княземъ Горчаковымъ, есть сущая правда, и если эта правда могла показаться оскорбительною, то потому только, что правда глаза колетъ. Наименѣе доброжелательные къ намъ журналы, какъ напримѣръ вѣнская газета *Wanderer*, прямо говорятъ, что революціонный комитетъ въ Парижѣ есть душа всего польскаго движенія, что этотъ комитетъ назначилъ отъ себя нынѣшнее такъ-называемое „національное правительство" въ Польшѣ, что онъ руководитъ его дѣйствіями, обнадеживаетъ и поощряетъ инсургентовъ къ сопротивленію отъ имени даже самого французскаго правительства, какъ намекаетъ на это помѣщенное ниже письмо англійскаго корреспондента изъ Парижа. Въ Парижѣ вырабатываются всѣ планы для поддержанія и распространенія революціи, и даже для побужденія европейскихъ державъ къ войнѣ за Польшу. Изъ Англіи, изъ Франціи, изъ Италіи, отовсюду спѣшатъ всесвѣтные революціонеры подъ знамена польскаго возстанія, и Краковъ, а за нимъ Польша стали cloaca maxima, стокомъ революціонныхъ нечистотъ цѣлой Европы. Мы согласны, что государство должно быть такъ устроено и такъ управляемо, чтобы ему не страшны были происки никакихъ революціонныхъ партій и никакихъ иноземныхъ революціонныхъ правительствъ; но когда насъ упрекаютъ въ томъ, что смуты, происходящія въ одной изъ подвластныхъ намъ странъ, волнуютъ и тревожатъ цѣлую Европу, мы въ правѣ отвѣчать, что сама эта страна взволнована и встревожена революціонерами дѣйствующими чуть не подъ сѣнью самого императорскаго престола Франціи. Правда, волненія начались еще прежде, съ того самаго времени, какъ съ нашей стороны начались угожденія національнымъ стремленіямъ Польши; національныя учрежденія, которыя были даны ей прежде чѣмъ они могли быть уравновѣшены общими учрежденіями, которыя должны связывать Польшу съ Россіей, послужили какъ нельзя больше, по сознанію самого *Morning-Post*, въ пользу революціоннаго варшавскаго комитета. Но отъ этихъ волненій до этого возстанія съ оружіемъ въ рукахъ было огромное разстояніе, и оно пройдено Польшею только подъ вліяніемъ и по возбужденіямъ парижскихъ революціонеровъ.

Этого мало: національно-революціонныя стремленія Поляковъ питались и питаются фантастическими планами и затѣями самого Наполеона III. Изъ сообщенныхъ нами документовъ дипломатической корреспонденціи ясно видно, что Франція, замышляя новый передѣлъ различныхъ европейскихъ владѣній, прежде всего искушала Россію, склоняя ее къ возстановленію независимости Польши; потомъ, встрѣтивъ съ этой стороны, безъ сомнѣнія, нѣкоторое недовѣріе, обратилась съ такого же рода искушеніями къ Австріи. Въ помѣщеной въ № 94 *Московскихъ Вѣдомостей* депешѣ лорда Росселя, отъ 21-го марта, говорится о какихъ-то конфиденціальныхъ замѣчаніяхъ французскаго посла въ Вѣнѣ. Сами эти замѣчанія не приводятся, но изъ отвѣта на нихъ графа Рехберга, что „не слѣдуетъ въ польскихъ подданныхъ австрійскаго императора возбуждать обманчивыхъ мечтаній, и что австрійское правительство рѣшительно не намѣрено вызывать преждевременныхъ вопросовъ и вѣроятностей, которыя, кажется, не скоро еще могутъ возникнуть." Изъ этого отвѣта видно, что рѣчь шла о возстановленіи Польши, о соединеніи, можетъ-быть, всѣхъ нѣкогда польскихъ владѣній, подъ властью какого-либо австрійскаго принца, о вознагражденіи Австріи за уступку Галиціи какою-либо частью турецкихъ владѣній. Наконецъ, графъ Россель, въ засѣданіи палаты лордовъ 8-го мая, прямо говорилъ, что съ одной стороны былъ выставленъ планъ отдѣленія Поль-

ши отъ Россіи; но что Англія не могла усвоить его себѣ, видя сопротивленіе ему не только со стороны Россіи, но вмѣстѣ Пруссіи и Австріи. Планъ этотъ такимъ образомъ, очевидно, выставленъ былъ Франціей. Могли ли послѣ этого устоять Поляки противъ искушеній планами, которые лелѣялъ самъ Наполеонъ III и которые тотчасъ же доводились до ихъ свѣдѣнія изъ Парижа? Могли ли они удовольствоваться тою болѣе скромною долей, которую готовили имъ человѣколюбивыя намѣренія императора Александра II?

Измѣнится ли теперь, послѣ отвѣтовъ князя Горчакова, образъ дѣйствій французскаго правительства? Откажется ли оно отъ своихъ плановъ и затѣй? Угомонятся ли парижскіе революціонеры? Судя по кроткому и миролюбивому тону *Монитера* и другихъ полуофиціяльныхъ журналовъ, можно было бы отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Но всѣ другія извѣстія, получаемыя изъ Парижа, говорятъ совершенно противное. И въ Вѣнѣ, и въ Лондонѣ отвѣты князя Горчакова вызвали цѣлый рядъ самыхъ рѣзкихъ статей въ журналахъ, состоящихъ болѣе или менѣе въ связяхъ съ правительственными лицами; въ Парижѣ, напротивъ, вся полуофиціяльная журналистика пришла отъ нихъ въ умиленіе. Но между тѣмъ какъ изъ Вѣны принимаются все болѣе энергическія мѣры противъ скопленія революціонерныхъ шаекъ на границахъ съ Польшею, между тѣмъ какъ въ Лондонѣ графъ Россель прямо объявляетъ въ палатѣ лордовъ, что Англія не будетъ дѣйствовать въ пользу отдѣленія Польши отъ Россіи и не пойдетъ далѣе дипломатическихъ представленій, въ Парижѣ употребляются всѣ усилія, чтобы склонить Австрію и Англію дѣйствовать заодно съ Франціей противъ Россіи; въ Парижѣ настаиваютъ на необходимости дипломатическихъ конференцій и, слѣдовательно, на необходимости рѣшенія польскаго вопроса сообща, всѣми европейскими державами, и слѣдовательно на стѣсненіи свободной воли Россіи относительно внутренняго устройства Польши. Таковъ образъ дѣйствій нашихъ парижскихъ доброжелателей. Поддерживая и питая польское возстаніе, они имѣютъ въ виду изнурить Россію, деморализировать ея войска въ борьбѣ съ шайками, которыхъ такъ трудно уловить, и въ заключеніе всего, силою или обольщеніями вынудить у нея уступки, которыя несовмѣстны ни съ ея достоинствомъ и интересами, ни съ условіемъ европейскаго мира, какъ справедливо замѣтилъ графъ Россель въ палатѣ лордовъ 8-го мая, такъ какъ возстановленіе русской Польши было бы постояннымъ искушеніемъ для польскихъ подданныхъ Пруссіи и Австріи, и, слѣдовательно, повело бы къ дальнѣйшимъ тревогамъ, къ дальнѣйшему вмѣшательству Франціи и къ войнамъ, въ которыхъ послѣдняя могла бы наконецъ достигнуть своей завѣтной цѣли: германскихъ береговъ Рейна.

Но общественное мнѣніе Россіи высказалось по польскому вопросу крѣпко и съ удивительнымъ единодушіемъ. Со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества поднялись мужественные голоса противъ посягательства на честь, на достоинство, на цѣлость Россіи и неразрывно-связанныхъ съ нею владѣній: явленіе, почти безпримѣрное въ нашей исторіи, не повторявшееся по крайней мѣрѣ со времени достопамятной эпохи 1812 г. и свидѣтельствующее о пробужденіи народнаго сознанія и о здравомъ пониманіи общихъ государственныхъ интересовъ. Въ 1812 г. многіе могли еще сомнѣваться, и дѣйствительно сомнѣвались, не лучше ли было бы дѣйствовать въ духѣ уступчивости и сохранить миръ съ Наполеономъ I. Въ 1853 году,—смѣло можно сказать,—очень не многіе понимали необходимость войны. Но въ 1863 г., кромѣ немногихъ жалкихъ отщепенцевъ земли русской, вся Россія сознаетъ необходимость войны, въ случаѣ, если враги наши не откажутся отъ своихъ замысловъ, которые по собственному ихъ признанію, клонятся къ конечной гибели Россіи; вся Россія заявила свою преданность Царю-Преобразователю и свои надежды на дальнѣйшія мѣры Его къ упроченію благосостоянія и могущества общаго нашего отечества.

Г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ правъ: Россія дѣйствительно не хочетъ никакихъ сдѣлокъ, ни съ Польшею, ни съ Европою по польскому вопросу; она дѣйствительно хочетъ окончательнаго рѣшенія послѣдняго, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ чѣмъ полагаетъ этотъ пресловутый французскій публицистъ, отчасти по собственному нежеланію понять въ чемъ дѣло, а отчасти благодаря усердію газеты *Le Nord*, которая угощаетъ французскую публику выдержками изъ русскихъ газетъ, очищенными *in usum delphini*. Россія не можетъ не желать, чтобы польскій вопросъ былъ рѣшенъ

окончательно безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ, чтобъ этотъ вопросъ „о жизни и смерти ея“ не представлялся ей больше на пути, не смущалъ и не тревожилъ ея, не нарушалъ ея жизненныхъ отправленій. Она желаетъ, чтобы польское возстаніе было энергически и какъ можно скорѣе подавлено; въ случаѣ, еслибъ это дѣло необходимости, безъ котораго нѣтъ спасенія для Россіи, возбудило противъ насъ войну съ Франціей, Россія готова и на войну, въ полномъ сознаніи ея справедливости и необходимости, сознаніи, которое удесятеритъ ея силы. По по замиреніи Польши, она желаетъ чтобъ энергически начато было дѣло соединенія Польши и Россіи, соединенія ихъ равными правами. Вотъ чего желаетъ и чего въ правѣ желать Россія въ надеждѣ на мудрость своего Государя и въ сознаніи, что она заслуживаетъ Его довѣрія.

Б.

Препираясь съ газетою *Presse*, гдѣ другой французскій публицистъ, г. Эмиль Жирарденъ, защищаетъ мысль совершенно справедливую и столько же согласную съ интересами Россіи, сколько и цѣлой Европы, *Nord*, иронически называетъ эту газету русскимъ органомъ въ Парижѣ, „за то что *Presse* требуетъ полнаго поглощенія Польши Россіей.“ Мы въ свою очередь можемъ поздравить газету *Nord* и заявить что сама она ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ *нареканія* брошеннаго ею въ г. Эмиля Жирардена. *Nord*—вовсе не органъ русскихъ интересовъ. Мы предоставляемъ ему честь служить органомъ нѣжнаго участія принимаемаго Франціей въ судьбахъ Россіи.

Во вчерашнемъ нумерѣ мы привели въ извлеченіи статью напечатанную въ Пальмерстоновомъ органѣ *Morning-Post*, которая произвела большое впечатлѣніе во Франціи. Всѣ нашли ее до крайности загадочною. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой статьѣ должно быть что-нибудь очень загадочное: она подала поводъ къ самымъ разнородимъ толкованіямъ и вызвала самыя противорѣчивыя чувства. Газета *La France* сердито вступается за Россію; газета *Le Nord* трепещетъ за Польшу. Вчера мы привели отзывъ первой газеты, а вотъ какъ, въ свою очередь, объясняетъ эту статью газета *Le Nord*: „Сущность этой статьи заключается въ слѣдующемъ: рѣшеніе польскаго вопроса представляетъ большія трудности; Императоръ Александръ даровалъ Полякамъ обширныя реформы, которыя привели къ возстанію, между тѣмъ какъ при строгомъ правленіи Императора Николая Польша оставалась спокойна. Куда же это мѣтитъ *Morning-Post*?“

№ 96.

А.

Москва, 3-го мая.

Наконецъ, мы прочли сегодня въ англійскихъ газетахъ полный отчетъ о засѣданіи британской палаты лордовъ 8-го мая: мы сегодня же представили бы его нашимъ читателямъ, еслибы не одно изъ тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, какія, по правдѣ говоря, никогда не должны бы случаться на почтѣ, не лишило насъ этой возможности, забросивъ нашъ пакетъ на одной изъ промежуточныхъ станцій Николаевской желѣзной дороги, гдѣ онъ и прогостилъ до сего дня.

Мы прочли отчетъ объ этомъ засѣданіи, прочли рѣчи обоихъ лордовъ Шафтсбери и Гарроби, подававшихъ петиціи отъ разныхъ лицъ въ пользу Польши, и отвѣтную рѣчь на нихъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, графа Росселя. Какая разница въ тонѣ и результатахъ этого объясненія сравнительно съ прежними парламентскими демонстраціями противъ Россіи! Конечно, мы не можемъ сказать, чтобы благочестивый и богомольный графъ Шафтсбери сталъ справедливѣе и безпристрастнѣе въ своихъ оцѣнкахъ, чтобъ онъ, говоря въ пользу Польши, дѣйствительно имѣлъ въ виду пользу этой страны и истинное положеніе дѣла, а не поддержаніе совсѣмъ другаго рода политической агитаціи, для которой польское возстаніе послужило лишь удобнымъ предлогомъ. Графъ Шафтсбери, попрежнему, не хочетъ знать ни исторіи, ни современной дѣйствительности, ни истинной сущности дѣла; онъ не обращаетъ никакого вниманія на доводы противной стороны, хотя эти доводы уже признаны всѣми безпристрастными людьми, и повторяются съ такою же силою въ его собственной странѣ, какъ и въ самой Россіи; попрежнему онъ адвокатствуетъ въ пользу польскаго возстанія слѣдуя тому плохому способу защиты, который полагаетъ силу не въ томъ,

чтобы разчитавшись съ доводами противной стороны, отстаивать въ своемъ дѣлѣ только то, что остается твердо и чисто, а въ томъ чтобы съ искусственною глухотой и слѣпотой не брать ничего въ разсчетъ, и настаивать на одностороннемъ рѣшеніи дѣла, смѣшивая правое съ неправымъ, законное съ беззаконнымъ, возможное съ невозможнымъ. За то отвѣтъ графа Росселя,—отвѣтъ, въ которомъ заключается весь нервъ и вся сила этого парламентскаго объясненія,—впервые въ британскомъ парламентѣ ставитъ польскій вопросъ на истинную почву, сокращаетъ его размѣры, упрощаетъ и отрезвляетъ его, и изобличаетъ несостоятельность польскихъ притязаній. Во многомъ существенномъ нельзя было бы сказать ничего убѣдительнѣе противъ этихъ притязаній, въ которыхъ собственно и заключается главная вина всѣхъ бѣдствій Польши и всѣхъ затрудненій какъ Россіи, такъ и Европы по этому дѣлу.

Что же случилось въ небольшой періодъ времени между первыми назойливыми требованіями, не оставлявшими Россіи на выборъ ничего кромѣ войны или позорныхъ, невозможныхъ уступокъ, которыя погубили бы ее вѣрнѣе всякой войны, и теперешнимъ несравненно болѣе умѣреннымъ и разумнымъ взглядомъ на вещи, который обнаруживается въ лучшихъ сферахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, который сказался и въ рѣчи графа Росселя!

Что случилось? Ничего болѣе какъ только то, что русскій народъ подалъ признаки жизни и духа, которыхъ въ немъ не ожидала введенная въ обманъ Европа. Тогда она думала, что Россія находится въ состояніи полнаго разложенія, что въ ея нѣдрахъ кипитъ безсмысленная революція, что русскій народъ утратилъ всякій смыслъ и духъ, что русское общество неспособно къ самостоятельной политической жизни, что каждый такъ-называемый образованный Русскій есть измѣнникъ своему отечеству и готовъ продать его за безцѣнокъ. Такъ думали о насъ, такъ говорили; и мы безъ содроганія еще не можемъ вспомнить тѣхъ рѣчей, которыя говорились о Россіи и въ британскомъ парламентѣ, и въ этой пародіи на парламентъ, въ этихъ жалкихъ законодательныхъ камерахъ Франціи. Тогда, со стороны Европы, казалось достаточнымъ одного добраго окрика, чтобы заставить насъ согласиться на все, хотя бы на самоубійство,—и тогда съ нашей стороны война казалась неизбѣжнымъ бѣдствіемъ, и народъ нашъ воспрянулъ съ полною рѣшимостію жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Теперь взглядъ Европы измѣнился. Она видитъ передъ собою не мертвую массу, а живую силу, съ которою должно считаться, и которая не уступитъ ничего безъ жестокаго, смертнаго боя. Европа не можетъ сомнѣваться въ искренности того высокаго патріотическаго чувства, которое овладѣло у насъ всѣми классами общества и слило всѣхъ и все въ одно живое, крѣпкое, могущественное цѣлое. Когда начались у насъ, вызванныя нестерпимыми притязаніями и оскорбленіями, заявленія этого патріотическаго чувства, нѣкоторые благоразумные люди высказывали сомнѣніе въ дѣйствительности нашихъ патріотическихъ адресовъ, покачивали головой и мудро находили, что эти адресы не ослабятъ дѣйствія нарѣзныхъ штуцеровъ и армстронговскихъ пушекъ; были и такіе, которые боялись чтобы патріотическія заявленія не накликали на насъ войны, отъ которой будто бы можно было лучше уберечься пригнувшись къ землѣ и затаивъ дыханіе. Нѣкоторые голоса, къ счастію столько же ничтожные численно, сколько и по своему значенію, готовы были упрекать всѣхъ кто не оставался глухъ и нѣмъ при этомъ великомъ движеніи, кто отзывался на народное чувство или служилъ ему органомъ. Когда появились первые патріотическіе адресы изнутри Россіи, соединившіе въ себѣ голоса всѣхъ сословій, находились быть-можетъ добрые люди, которымъ казалось лучше и безопаснѣе присутствовать при самоубійствѣ своего народа, чѣмъ при заявленіяхъ энергической готовности его стать крѣпко за свое существованіе, за честь своего прошедшаго, за свои права на будущее.

Теперь эти благоразумные люди могутъ успокоиться; патріотическія заявленія русскаго народа не повели къ войнѣ; напротивъ, они предотвратили ее; они показали ея невозможность, пока спорный вопросъ между Россіей и Европой оставался бы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ. Русскій народъ заявилъ свой патріотизмъ,—а что его заявленія не пустыя слова, тому доказательствомъ служитъ вся его исторія,—и мы избавились отъ униженія и отъ страшной народной войны, которая была бы непремѣннымъ слѣдствіемъ униженія. Теперь, мудрости и патріотическому духу нашего правительства предоставляется

окончить дѣло, вывести его изъ тѣхъ затрудненій, которыми оно окружено, очистить его отъ тѣхъ недоразумѣній, которыя обращаютъ его въ предлогъ для всевозможныхъ нападеній на Россію, и отнять у нашихъ недруговъ всякій поводъ подозрѣвать будто бы русскій Царь и русскій народъ могутъ быть разъединены тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благосостояніи, славѣ и величіи дорогаго отечества.

Имѣли ли дѣйствіе русскія патріотическія заявленія, и какое дѣйствіе имѣли они и какой смыслъ придаетъ имъ Европа,—это мы узнаемъ теперь изъ самаго вѣрнаго источника; мы слышимъ это отъ графа Росселя въ его рѣчи, сказанной 8 мая.

„Я убѣжденъ, сказалъ лордъ Россель, что *при теперешнемъ настроеніи русскаго правительства, а еще болѣе русскаго народа*, не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи какой либо части этой великой имперіи. Есть славныя воспоминанія, есть символы гордости и силы, связанныя съ Россіей, на которые можно посягнуть, но которые едва ли можно уничтожить безъ продолжительной, кровопролитной войны. Что касается до меня, то я не расположенъ считать шуткою опасности и случайности такой борьбы; я думаю, что и вы, милорды, а также и другая палата парламента, представляющая эту страну, не расположены пускаться на эти случайности безъ самой крайней необходимости.“

Ни объ отложеніи Польши, ни о возстановленіи конституціи 1815 года, а тѣмъ менѣе объ отторженіи отъ Россіи ея исконныхъ областей нѣтъ теперь и рѣчи. Англія заявляетъ теперь только то въ пользу Польши, что̀ заявлялъ въ пользу Польши, равно какъ и всей Россіи, самъ Монархъ нашъ: Англія теперь желаетъ только того, чтобы страна эта пользовалась возможно полнѣйшимъ благоустройствомъ, хорошимъ управленіемъ, твердостью закона: желаніе очень справедливое, не только не оскорбительное для нашей чести, но вполнѣ сочувственное каждому Русскому, тѣмъ болѣе сочувственное, что высказывается теперь не въ офиціяльномъ международномъ актѣ, а какъ заявленіе общественнаго мнѣнія.

„Благородный лордъ, сказано по поводу засѣданія 8 мая въ газетѣ *Daily News* служащей органомъ графу Росселю,—благородный лордъ совершенно умѣстно сослался на возбужденное патріотическое чувство русскаго народа. Польское дѣло не есть споръ между деспотическимъ правительствомъ и народомъ ищущимъ свободы. Провинція за провинціей шлютъ своему Царю доказательства рѣшимости его подданныхъ отстаивать цѣлость и неприкосновенность его владѣній. Споръ идетъ между народомъ и народомъ, а нѣтъ въ мірѣ народа, въ которомъ національное чувство было бы такъ сильно и крѣпко какъ въ русскомъ народѣ.“

Высокій и зрѣлый патріотизмъ нашего общества далекъ отъ такъ-называемаго квасnаго патріотизма. Въ справедливомъ чувствѣ удовлетворенной народной чести, оно не станетъ хвастаться тѣмъ, что застращало Европу, показавъ ей кулаки. Достоинство и значеніе патріотическаго чувства заключается прежде всего не въ проявленіи грубой силы, а въ проявленіи нравственной силы, свидѣтельствующей, что народъ чувствуетъ и знаетъ себя, и вѣритъ въ свое существованіе. Европа презрительно относилась къ намъ не столько потому что считала насъ матеріяльно слабыми, сколько потому что мы какъ-нибудь подали ей поводъ считать насъ нравственно упавшимъ, духовно умершимъ народомъ. Теперь же Европа оказываетъ намъ уваженіе, не потому что мы напугали ее, а потому что мы напомнили ей, что она имѣетъ дѣло не съ мертвымъ, а съ живымъ народомъ, и что надобно еще прежде потрудиться умертвить его, чтобы спокойно подѣлить его остатки. Какого уваженія могло бы ожидать то общество, которое оставалось бы равнодушнымъ въ то самое время, когда метался жребій о его политическомъ существованіи? Можно ли было бы ожидать чего-нибудь путнаго отъ народа, который проспалъ бы рѣшеніе вопроса о своихъ судьбахъ, и предоставилъ бы случайнымъ обстоятельствамъ распорядиться за него? Куда былъ бы годенъ такой народъ, и какое значеніе могли бы имѣть тѣ реформы, которыя совершаются въ его жизни и которыя должны открыть новую эру его историческаго существованія? Апатія въ настоящее время была бы нашимъ смертнымъ приговоромъ. Европа очень хорошо понимаетъ это, и она воздала намъ должное уваженіе, убѣдившись что народъ нашъ и живъ, и не спитъ.

Каждому Русскому будетъ пріятно встрѣтить въ словахъ британскаго министра одушевленную хвалу возданную характеру нашего Императора, его великодушію и въ

то же время твердости и энергіи, съ которыми онъ исполняетъ свои великія предначертанія во благо Россіи. Графъ Россель коснулся освобожденія крестьянъ,— и въ этомъ мѣстѣ онъ допустилъ только одно неточное показаніе, сказавъ, что русское дворянство было противъ отмѣны крѣпостной зависимости: нѣтъ! нигдѣ ни одна великая мѣра не встрѣчала столь мало оппозиціи въ заинтересованныхъ лицахъ, какъ освобожденіе крестьянъ въ русскомъ дворянствѣ, и всѣ затрудненія этого вопроса касались не личнаго освобожденія крестьянъ, а только права поземельной собственности. „Мы не можемъ предполагать, сказалъ графъ Россель, мы не имѣемъ права предполагать, что Государь, совершившій столь великое дѣло, и совершившій его по собственному побужденію, а не вслѣдствіе чего-нибудь похожаго на вынужденіе или на возстаніе, чтобъ онъ по отношенію къ другой части своихъ подданныхъ былъ одушевленъ какимъ-нибудь другимъ желаніемъ, а не желаніемъ ихъ блага.“

Б.

Возможно ли усмирять мятежъ военными силами *либеральнымъ образомъ?* Недавнія событія указываютъ, что всѣ попытки въ такомъ родѣ въ Неаполитанскомъ королевствѣ привели къ результату, весьма счастливому для италіянскаго народа, но весьма невыгодному для правительства, принимавшаго либеральныя мѣры во время усмиренія мятежа войсками. Либеральное обращеніе съ возставшими отвергается ими съ презрѣніемъ и принимается ими за слабость; въ то же время такое обращеніе стѣсняетъ войска и ведетъ къ напрасному, или по крайней мѣрѣ излишнему кровопролитію. Лучше было бы для неаполитанскаго короля вызвать войска изъ Сициліи, нежели усмирять ими мятежъ, принимая въ то же время возможно либеральныя мѣры и слушая совѣты западныхъ державъ, указывавшихъ не Гарибальди, а королю на ту святую истину, что кровопролитіе ужасно, что слѣдуетъ его избѣгать, и что потому полезно вывести войска изъ Сициліи. Мы очень рады за Италію, что неаполитанское правительство дѣйствовало такими средствами; тѣмъ не менѣе мы должны признать, что неаполитанское правительство при достиженіи своихъ цѣлей дѣйствовало ошибочно. Въ нашемъ дѣлѣ съ польскимъ мятежемъ, который не имѣетъ ничего общаго съ италіянскимъ возстаніемъ, было бы безумiемъ если бы кто-нибудь изъ Русскихъ не призналъ превосходства той системы, которую предполагается ввести въ Царствѣ Польскомъ, системы, о которой говорится въ иностранныхъ газетахъ, и которая заключается въ раздѣленіи Царства на военные участки съ подчиненіемъ низшихъ гражданскихъ начальниковъ военнымъ, въ контрибуціи, и особенно въ прекращеніи амнистіи и пріостановленіи дѣйствія разныхъ либеральныхъ мѣръ.

Не разъ приходилось намъ слышать въ военныхъ кружкахъ столицы, что развитію польскаго возстанія много способствовало то предпочтеніе, которое въ Варшавѣ отдавалось власти гражданской предъ военными генералами. Возстаніе было въ разгарѣ, войскамъ было предписано разгонять шайки, и въ то же время было объявлено, что несовершеннолѣтніе повстанцы будутъ возвращаемы въ дома родителей. Русское войско разгонитъ шайку, возьметъ въ плѣнъ юношей, убившихъ или ранившихъ нашихъ солдатъ, а юношей этихъ выпускаютъ и даютъ имъ возможность опять принять участіе въ возстаніи. За что же такое невниманіе къ войскамъ, которымъ въ то же время *предписано* погашать мятежъ? Въ Радомской губерніи, при началѣ возмущенія, крестьяне поднимались противъ мятежниковъ, грабившихъ ихъ имущество; вмѣсто того, чтобы воспользоваться такимъ расположеніемъ крестьянства и дать ему силу отстаивать свою собственность, сдѣланы были распоряженія объ усмиреніи крестьянъ войсками. Край былъ объявленъ въ осадномъ положеніи: никогда и нигдѣ при этомъ положеніи гражданское вѣдомство не сохраняетъ полной самостоятельности, а между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, при враждебномъ расположеніи большей части чиновниковъ къ войскамъ, гражданское управленіе сохраняло свою самостоятельность, и намъ приходилось читать, что чиновникамъ, смѣщеннымъ военнымъ начальникомъ города Мѣхова, возвращены мѣста, по распоряженію статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Край былъ въ осадномъ положеніи, а между тѣмъ ксендзамъ позволяли безъ затрудненій читать въ костелахъ проповѣди о святости дѣла избіенія Русскихъ. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ, при тяжелой партизанской войнѣ, нижніе чины иногда производили разныя жестокости; и вотъ имъ

читаютъ статьи изъ свода уголовныхъ законовъ, статьи весьма полезныя для отклоненія обдуманныхъ поступковъ, но безсильныя для предупрежденія преступленій совершаемыхъ въ такую минуту, когда люди забываются вслѣдствіе ожесточенія. Наконецъ и объ амнистіи намъ приходилось слышать ироническій отзывъ Поляковъ, что амнистіею въ теченіи мѣсяца не одни юноши воспользуются чтобы безнаказанно убивать Русскихъ.

Въ такомъ положеніи возстаніе поддерживается четыре мѣсяца и вѣрная служба русскихъ войскъ не можетъ не только погасить, но даже ослабить его. Западнымъ державамъ дана возможность упрекать русское правительство въ томъ, что оно не въ состояніи усмирить край, дано время на соглашенія и вмѣшательства.

Теперь наступаетъ конецъ такому неправильному положенію дѣлъ. Ожидаемыя энергическія распоряженія сдѣлаютъ для войскъ возможнымъ выполненіе задачи, на нихъ возложенной.

Въ западныхъ губерніяхъ принимается важная мѣра,—сформированіе изъ крестьянъ военныхъ карауловъ или особой мѣстной стражи, которой задача заключается въ совмѣстномъ съ войсками охраненіи даннаго участка. Мы думаемъ, что одно сформированіе этой стражи сразу осадитъ революціонные элементы края, самымъ лучшимъ образомъ обнаружитъ отношенія Поляковъ помѣщиковъ къ возстанію и не позволитъ виновнымъ, тайно отъ войскъ дѣйствующимъ, уйдти отъ справедливаго наказанія. Ополченіе въ западныхъ губерніяхъ необходимо и для того чтобы дать крестьянамъ возможность отстаивать свою собственность самимъ, такъ какъ правительство не въ состояніи охранять ее на огромномъ протяженіи волнующагося края.

Устройство крестьянскихъ карауловъ дастъ возможность продолжать посылку подкрѣпленій въ Царство, съ тѣмъ чтобы гуще населить его войсками. Это совершенно необходимо въ томъ случаѣ, когда Царство будетъ раздѣлено на военные участки; это необходимо и для воспрепятствованія переходу инсургентовъ черезъ границу въ Царство. Въ началѣ мая сформируются окончательно резервные полки и третьи батальйоны гренадерскихъ дивизій, и посылка подкрѣпленій въ Царство становится возможною.

№ 97.

Москва, 4-го мая.

А.

Британскіе лорды желаютъ благоденствія польскому народу. Кто не желаетъ этого, да и какому народу нельзя пожелать благоденствія? Можно пожелать его и англійскому народу, и французскому, а также и русскому. Народамъ, какъ и людямъ, суждена разная участь, и нельзя всѣхъ подвести подъ одинъ уровень; нельзя требовать, чтобъ одинъ народъ былъ совершенно то же что и другой. Франція, съ страшными усиліями и жертвами, и все понапрасну, домогается пріобрѣсти ту политическую свободу, которою спокойно пользуется Англія. Голландія была когда-то великою державой, но теперь она не болѣе какъ третьестепенное государство, и однакоже голландскій народъ живетъ спокойно и счастливо, довольствуясь своею долею, и не домогается стать такою могущественною и воинственною державой какъ Франція. Венеція была когда-то славною республикой и царицею морей: теперь она простая провинція иноплеменнаго государства, и все ея честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы стать провинціей родной Италіи. Сколько народностей, — народностей историческихъ, имѣющихъ свою физіономію и незабываемыя преданія,—живутъ подъ сѣнію австрійскаго скипетра! И каждая изъ нихъ была бы не прочь образовать особое политическое цѣлое, такъ что вся австрійская монархія разсыпалась бы въ прахъ, еслибы каждая часть и частица ея неудержимо предалась такому влеченію. Венгерцы, а также и Чехи, не только не менѣе, но и гораздо болѣе Поляковъ, могли бы считать себя въ правѣ домогаться особаго политическаго существованія. Но если историческіе жребіи различнымъ народамъ выпадаютъ различные; то можно и должно желать, чтобы люди, какой бы то ни было народности, подъ какимъ бы скипетромъ ни суждено было жить имъ, пользовались тѣми благами, которыя соединяются съ благоустроеннымъ человѣческимъ обществомъ.

Еслибы польскій вопросъ состоялъ только въ томъ, чтобы людямъ живущимъ въ Царствѣ Польскомъ дать условія необходимыя для правильной и благоустроенной общественной жизни, то вопросъ былъ бы

проста и ясна. Но, къ несчастію, до сихъ поръ они состоялъ не въ этомъ. Поляки не могли бы удовольствоваться самымъ лучшимъ устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Они не удовольствовались бы и полною независимостью Царства Польскаго. Польскій патріотизмъ хочетъ не внутренняго благоустройства, ни независимости, ни возстановленія польской народности въ ея естественныхъ предѣлахъ; нѣтъ, онъ хочетъ возстановленія польской власти надъ чужою народностью; онъ хочетъ возстановленія старой Польши; онъ хочетъ возвратить ся завоеванія.

Графъ Шафтсбери очень краснорѣчиво говорилъ въ палатѣ лордовъ о выгодахъ отдѣленія Польши отъ Россіи. Изъ словъ благороднаго лорда выходитъ, что при этомъ результатѣ и польскій патріотизмъ былъ бы удовлетворенъ, и Европа была бы успокоена, и Россія осталась бы въ барышахъ. „Какая, говорилъ онъ, польза для Россіи, что она должна истощать свои средства на удержаніе Польши, между тѣмъ какъ она могла бы употреблять ихъ на пользу своего народа. Да и пріятно ли Россіи постоянно являться на судъ передъ Европой, подвергаться наблюденіямъ и замѣчаніямъ другихъ странъ во всемъ что она предпринимаетъ и дѣлаетъ?“ Положимъ, что такъ; но будетъ ли Польша удовлетворена своимъ отдѣленіемъ отъ Россіи? Предположимъ, что Россія и рада была бы оторвать отъ себя Польшу; но захочетъ ли Польша оторваться отъ Россіи? Въ самомъ дѣлѣ, не столько Россія держитъ Польшу, сколько Польша цѣпко держится ея, простирая свои притязанія на исконныя русскія области, и готовая лучше продлить на нѣкоторое время свое пребываніе подъ Русскою державой, лишь бы только вѣрнѣе укрѣпить ихъ за собою. Впрочемъ, лучше предоставить разъясненіе этого дѣла лицу имѣющему особенный авторитетъ въ британскомъ парламентѣ.

Адвокату отторженія Польши возражалъ на этотъ разъ уже не князь Горчаковъ, а министръ британской короны. „Что касается до отдѣленія Царства Польскаго отъ Россійской Имперіи, сказалъ графъ Россель, то здѣсь возникаютъ очень важные вопросы, которые всякое правительство и всякій государственный человѣкъ должны предложить себѣ прежде чѣмъ высказываться положительно. Царство Польское? Да что такое Царство Польское? Предположимъ, что Русскій Императоръ пожелалъ бы отдѣлить Царство Польское, были бы Поляки удовлетворены тѣми предѣлами, которые положилъ имъ вѣнскій трактатъ? Какой былъ предметъ поѣздки графа Андрея Замойскаго въ Петербургъ? Онъ долженъ былъ объяснить смыслъ адреса, который намѣревались подать Императору польскіе дворяне и помѣщики. А въ чемъ состоялъ смыслъ этого адреса? Смыслъ адреса состоялъ въ томъ, что всѣ земли, когда-то принадлежавшія Польшѣ, должны быть собраны въ одно цѣлое подъ названіемъ Царства Польскаго. Итакъ, если бы мы вздумали настаивать на возстановленіе Царства Польскаго, то мы не должны думать что дѣло это такъ просто какъ кажется, и что стоитъ только пожелать возстановленія Царства Польскаго, такъ дѣло и кончено. Другіе очень серіозные вопросы возникаютъ какъ прямое слѣдствіе этого возстановленія; затѣмъ возникнутъ еще новые вопросы. Гдѣ будутъ границы этой Польши? Должна ли она включать въ себя Познань, прусскую часть Польши, должна ли она включать въ себя Галицію, австрійскую часть Польши? Если бы мы вздумали настаивать на этомъ, то, будьте увѣрены, Австрія и Пруссія воспротивились бы этому требованію не менѣе самой Россіи. Если онѣ не согласятся, если онѣ скажутъ: пусть польское государство соберется только изъ тѣхъ провинцій, которыя находятся подъ скипетромъ Русскаго Императора, то, будьте увѣрены, что Польша не откажется отъ попытокъ присоединить къ себѣ Галицію, Данцигъ, Познань, что Австрія и Пруссія будутъ сопротивляться этимъ попыткамъ, что возникнетъ борьба противоположныхъ вліяній, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ этимъ попыткамъ; посудите же какой новый элементъ смутъ и разстройства произвели бы вы на свѣтъ, мечтая создать новый элементъ мира и счастія.“

Итакъ, не одна Россія затрудняется возстановленіемъ Польши. Не менѣе Россіи затрудняется этимъ Европа. А потому разумное ли, справедливое ли дѣло возлагать на Россію отвѣтственность за неисполненіе того, чего Польша не хочетъ и чему сопротивляется сама Европа какъ новому элементу всякихъ неурядицъ и смутъ?

Кто виноватъ, что польская народность не есть что-нибудь опредѣленное и положительное, что она растерялась и превратилась въ ненасытимый голодъ?

„Когда Поляки узнали, сказано въ недавней, возбудившей столько толковъ, статьѣ газеты *Morning-Post*, что три державы рѣшились обратиться къ С.-Петербургскому кабинету съ своими нотами, то наиболѣе смышленные изъ Поляковъ безъ труда догадывались въ чемъ должны были состоять эти ноты и какіе могли послѣдовать на нихъ отвѣты. Немногіе ласкали себя надеждою, что этотъ способъ дипломатическаго вмѣшательства послужитъ въ пользу ихъ національному дѣлу или серіозно коснется спорнаго между ихъ націей и русскимъ правительствомъ вопроса. Этотъ вопросъ есть вопросъ жизни и смерти для Россіи и Польши; этотъ вопросъ есть поединокъ на смерть.“

Итакъ, по сужденію Европы, польскій вопросъ есть вопросъ о жизни и смерти Россіи! Не мы такъ поставили этотъ вопросъ: такъ ставятъ его сами Поляки; это видитъ и ясно сознаетъ теперь Европа. Спрашивается, возможно ли ожидать, чтобы Россія согласилась допустить такой вопросъ? Кто будетъ столько безуменъ, чтобъ ожидать отъ Россіи готовности и усердія къ удовлетворенію польскихъ требованій настроенныхъ такимъ образомъ? Кто изъ Русскихъ, и даже не изъ Русскихъ но только не изъ отъявленныхъ враговъ Россіи, можетъ желать успѣха польскимъ притязаніямъ, сочувствовать и способствовать имъ?

Если въ востановленіи Польши видятъ смерть Россіи, то и всякая мѣра, которая прямо или косвенно будетъ поддерживать мысль объ отдѣльномъ существованіи Польши, будетъ мѣрою прямо или косвенно клонящеюся къ пагубѣ Россіи. Всякій совѣтъ въ этомъ смыслѣ будетъ совѣтомъ врага.

Ни у русскаго народа, ни у русскаго правительства, даже въ самыя темныя времена, никогда не было въ обычаѣ притѣснять чужую народность, налагать на нее насильственное иго чужаго обычая и языка, унижать и оскорблять ее въ ея вѣрованіяхъ и инстинктахъ. Если Полякамъ было плохо подъ русскимъ владычествомъ, то на Россію ли падаетъ вся отвѣтственность, и не въ свойствѣ ли ихъ собственныхъ стремленій и надеждъ, напротивъ, таится главный корень ихъ бѣдствій? Мы охотно сознаемся во многихъ и очень важныхъ грѣхахъ нашего управленія. Мы хорошо знаемъ наши недостатки, и никогда не стыдились сознаваться въ нихъ. Наши порядки были, и до сихъ поръ находятся, въ передѣлкѣ; наша общественная и гражданская жизнь не могутъ похвалиться ни правильностію устройства, ни богатствомъ развитія. Но какъ бы ни были велики грѣхи, недостатки и слабости русскаго управленія и русскихъ порядковъ, положеніе Поляковъ не было бы такъ плачевно, какъ представляетъ его себѣ Европа, если бы польская народность не страдала недугомъ своей вѣчной тревоги, своего ненасытимаго голода, если бы въ нѣдрахъ своихъ не вздумала она затаить отраву и пагубу для Россіи и не стала искать жизни себѣ въ ея уничтоженіи и смерти.

При этомъ надобно еще замѣтить, что каково бы ни было русское управленіе, Польша въ то время, когда она была присоединена къ Россіи, не изъ лучшаго состоянія переходила въ худшее. Никогда никакая страна не находилась въ болѣе жалкомъ положеніи чѣмъ Польша въ то время, когда взяла ее Россія. Никакія злоупотребленія господствовавшей у насъ системы не могутъ сравниться съ тѣми ужасами, которыя тамъ постоянно господствовали. Отсутствіе самыхъ элементарныхъ условій общественнаго порядка, отсутствіе всякой безопасности, всякой охраны для мирной жизни и мирнаго промысла, полное господство самой разнузданной анархіи,— вотъ Польша стараго времени. Народу не было въ ней мѣста; ему не было мѣста и въ польскихъ понятіяхъ того времени. Все что̀ не входило въ сословіе шляхты, то оставалось внѣ всякаго закона и условій общественнаго существованія. Народъ не принадлежалъ къ составу человѣческаго общества; онъ былъ предметомъ природы, и служилъ для шляхты безмолвною обстановкою, какъ лѣсъ или поле, или скотъ работающій въ полѣ. Даже и до сихъ поръ въ польскихъ воззрѣніяхъ нѣтъ настоящаго мѣста тому что̀ вездѣ называется народомъ. Есть романъ извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго, подъ заглавіемъ: *Dwa swiaty* (Два Міра), въ которомъ изображается противоположность аристократическихъ и демократическихъ слоевъ польскаго общества. Замѣчательно, что демократическій міръ составляетъ здѣсь не что̀ иное какъ шляхта, низшій слой польскаго дворянства въ противоположность магнатамъ; что же касается до народа, то онъ остается внѣ ограды, непризнанный и незамѣченный, какъ нѣчто не подходящее ни подъ

какіе разряды человѣческаго общества. И дѣйствительно, въ старой Польшѣ жили и дѣйствовали только шляхта и велікіе магнаты. Они терзали страну своими междуусобіями, они предавали ее иноземнымъ вліяніямъ, они продавали ея интересы чужимъ правительствамъ. Каждый шляхтичъ однимъ своимъ голосомъ могъ разорвать сеймъ и пресѣчь движеніе всякаго государственнаго дѣла; каждый магнатъ имѣлъ въ конфедераціяхъ узаконенное право противиться вооруженною рукою всѣмъ постановленіямъ и рѣшеніямъ верховной власти и сейма. Ни торговли, ни промышленныхъ классовъ, никакого обезпеченія для мирной жизни; повсюду страшный произволъ и насиліе: вотъ въ какомъ положеніи Россія застала Польшу. Поступая подъ скипетръ Россіи, Польша только вышла изъ состоянія совершенно невозможнаго и нестерпимаго.

Слѣдовательно, въ спорѣ своемъ съ Россіей, Польша не должна ссылаться на прошедшее. Въ прошедшемъ не найдетъ она никакихъ правъ для себя; прошедшее все говоритъ въ пользу Россіи. Виды на лучшее для Польши должны истекать изъ совершенно новыхъ основаній, которыя созданы исторіей и которыхъ передѣлать нельзя, безъ великой опасности не только для Россіи, но и для цѣлой Европы.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣла не могутъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ застигли ихъ послѣднія событія. Если Европа не видитъ возможности отдѣлить Царство Польское отъ Россіи, то она должна признать необходимость полнаго и искренняго соединенія ея съ Россіей. Всѣ затрудненія въ томъ только и состоятъ, что Польша и не отдѣлена отъ Россіи, и не соединена съ нею такъ чтобъ онѣ могли имѣть въ этомъ соединеніи обоюдный интересъ и общее дѣло. Всякое національное учрежденіе, предоставляемое Польшѣ, только тогда можетъ быть и безвредно, и полезно, когда съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ усиливаться политическія связи, соединяющія ее съ Россіей. Требованія твердаго порядка въ Польшѣ совершенно законны; но всякаго рода обезпеченія, которыми такой порядокъ обусловливается и держится, возможны не иначе какъ на однихъ основаніяхъ съ Россіей. Надобно чтобы не Польша предупредила въ нихъ Россію, а чтобы Россія пригласила Польшу принять въ нихъ участіе, въ той мѣрѣ и силѣ какъ она сама будетъ ими пользоваться. Вмѣстѣ съ обезпеченіемъ всѣхъ другихъ интересовъ, былъ бы обезпеченъ и интересъ національности. Русскіе люди, при мирныхъ, отношеніяхъ, ни въ чемъ не захотятъ оскорбить или унизить ее.

Польшѣ, равно какъ и Россіи, нужны теперь не какія-либо такъ называемыя *либеральныя мѣры*: той и другой странѣ въ совокупности нужны болѣе всего твердыя и крѣпкія основы законнаго порядка. Нужно чтобъ общественная жизнь держалась на такихъ основаніяхъ, которыя не могли бы подвергаться никакимъ сомнѣніямъ и передвигаться по произволу ни въ дурную, ни въ хорошую сторону.

По никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ графа Росселя о выгодахъ оффиціальнаго вмѣшательства въ польскія дѣла, и мы упорно стоимъ на томъ, что дѣла эти внутренняго свойства, и не должны подлежать международному контролю. Вѣнскимъ трактатомъ только присоединено Царство Польское къ Россіи, и только предоставлено ей управленіе этимъ краемъ: вотъ и все; въ этомъ вся сила Вѣнскаго трактата. Пока Царство Польское остается въ соединеніи съ Россіей, пока Россія не предоставляетъ никакой другой державѣ права распоряжаться въ Польшѣ, Вѣнскій трактатъ молчитъ, и не даетъ никакого основанія для международнаго вмѣшательства. Только въ случаѣ отдѣленія Польскаго Царства или при переходѣ его къ другой державѣ, Вѣнскій тактатъ былъ бы нарушенъ, и вопросъ о Польшѣ сталъ бы вопросомъ международнымъ. Что же касается до выгодъ, будто бы проистекающихъ для Польши отъ дипломатическаго вмѣшательства, то до сихъ поръ никакихъ выгодъ не оказывалось, а происходило только зло. Графъ Россель приводитъ нѣсколько примѣровъ весьма сомнительнаго свойства, въ доказательство того какъ выгодно для Царства Польскаго европейское вмѣшательство. Но онъ не сообразилъ, сколько крови проливалось и проливается теперь въ Польшѣ благодаря этому вмѣшательству, которое поддерживаетъ въ Полякахъ надежды на осуществленіе всѣхъ тѣхъ плановъ, которые самъ графъ Россель считаетъ не сбыточными, вредными и опасными для спокойствія Европы. Не это ли фантастическое право вмѣшиваться въ чужія дѣла привило Польскому патріотизму недугъ, которымъ онъ страдаетъ, не оно ли порождаетъ и

питаетъ въ немъ эти изнурительныя и столь пагубныя для Польши стремленія и надежды? Не оно ли препятствовало ей до сихъ поръ помириться и сдружиться съ Россіей, чтобы въ честномъ, обоюдно-выгодномъ союзѣ, послужить здоровымъ и сильнымъ элементомъ? Россія можетъ много дать Польшѣ; но и Польша, безсильная и потерянная въ отдѣльности могла бы много дать Россіи въ дружномъ и искреннемъ соединеніи съ нею.

№ 98.

Москва, 6-го мая.

Рѣчь лорда Росселя о польскихъ дѣлахъ, произнесенная имъ въ палатѣ лордовъ 8-го мая, подала поводъ къ довольно странному явленію въ полуофиціяльной французской журналистикѣ и отчасти даже въ нѣмецкой. Между тѣмъ какъ независимые и наиболѣе благопріятствующіе Полякамъ журналы, какъ *Opinion Nationale*, *Siècle*, *Journal des Débats*, вывели изъ нея такое заключеніе, что Польшѣ нечего больше разчитывать на помощь отъ Англіи, и утѣшаютъ своихъ читателей только указаніемъ, что рѣчи англійскихъ министровъ въ парламентѣ не всегда заручаютъ ихъ той или другой политикѣ, что они принуждены преклоняться предъ всемогущимъ въ Англіи общественнымъ мнѣніемъ, что и передъ началомъ восточной войны они повидимому воодушевлены были совершеннымъ миролюбіемъ, которымъ введено было тогда въ заблужденіе само русское правительство, полуофиціяльные журналы, въ родѣ *Pays* и *La France*, стараются всячески увѣрить, что рѣчь лорда Росселя вовсе не такъ понята какъ бы слѣдовало, и что она должна была бы произвести совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое дѣйствительно произвела. По мнѣнію *Pays*, Англія устами лорда Росселя вовсе не отказалась отъ участія въ войнѣ изъ-за Польши, если эта война дѣйствительно возгорится. Основаніемъ такому мнѣнію могло послужить только одно мѣсто, въ которомъ графъ Россель въ сильныхъ выраженіяхъ возстаетъ противъ мысли о войнѣ, развѣ что Англія была бы вынуждена къ нѣй самою настоятельною необходимостію. Говоря именно объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, онъ выразился такъ (буквально передаемъ это мѣсто, сличая текстъ рѣчи по двумъ газетамъ *Times* и *Daily News*):

„Но я увѣренъ (можетъ-быть я ошибаюсь, событія завтрашняго дня могутъ опровергнуть соображенія нынѣшняго), что при теперешнемъ настроеніи русскаго правительства и *еще болѣе русскаго народа*, въ немъ нѣтъ ни малѣйшей наклонности согласиться на то, что̀ принято было бы за раздробленіе великой имперіи. Россія имѣетъ свои славныя воспоминанія, свои символы гордости и могущества; если они могутъ быть разсѣяны, если они могутъ быть разрушены, то едва ли иначе какъ путемъ продолжительной и кровопролитной войны. Въ такія случайности, въ такія опасности, я конечно, не расположенъ вдаваться, и полагаю, что ни ваши лордства, ни другая палата, представляющая собою народъ этой страны, не пожелали бы подвергаться этимъ случайностямъ, развѣ только по вынужденію самой настоятельной необходимости.“

Послѣ этихъ словъ, послѣ неоднократныхъ увѣреній въ той же рѣчи, что Англія намѣрена ограничиться только дипломатическими представленіями въ пользу Польши, надобно быть уже черезчуръ войно-любивымъ, надобно уже черезчуръ желать войны, чтобы видѣть въ рѣчи лорда Росселя то что̀ усмотрѣла въ ней газета *Pays*. Изъ напечатанной въ ней замѣтки мы узнаемъ по крайней мѣрѣ, что въ правительственныхъ сферахъ Франціи мысли о войнѣ изъза Польши данъ значительный просторъ, и что тамъ, взвѣшивая возможность имѣть Англію на своей сторонѣ, рѣшаютъ этотъ вопросъ согласно съ своими желаніями.

Съ другой стороны, изъ газеты *La France* мы узнаемъ, чего по меньшей мѣрѣ желаетъ достигнуть Франція для Польши. Вотъ что сказано въ ней о той же рѣчи лорда Росселя:

„Эта рѣчь должна произвести въ Европѣ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что она отличается большою умѣренностью по формѣ и большою отчетливостью по содержанію. Его устами говорилъ самъ здравый смыслъ Англіи, и положилъ конецъ опаснымъ подстрекательствамъ, органомъ которыхъ была лондонская печать и отчасти само правительство. Вопросъ, наконецъ, поставленъ на свою настоящую почву. Теперь мы знаемъ, чего Англія потребуетъ отъ Россіи, а именно автономіи Польши, автономіи или самобытности законодательной и политической. Развивая эти виды, графъ Рос-

сель только сблизился съ политикой Франціи, которая никогда не требовала отъ Россіи чего-либо несовмѣстнаго съ ея честью и достоинствомъ."

Трудно объяснить себѣ, гдѣ вычитали сенаторъ де-Лагероньеръ или его сотрудники такого рода требованія со стороны Англіи въ рѣчи графа Росселя. По телеграфу, рѣчь эта была передана, правда, не совсѣмъ точно; но и въ этой передачѣ нѣтъ ни слова въ пользу законодательной автономіи Польши. Слова графа Росселя, которыя могли наиболѣе подать поводъ къ такому заключенію, слѣдующія:

„Я утверждаю, что во всѣхъ будущихъ дипломатическихъ представленіяхъ, во всѣхъ тѣхъ переговорахъ, на которые князь Горчаковъ изъявляетъ согласіе Россіи, во всѣхъ разсужденіяхъ, въ которыя мы можемъ вступить, мы должны постоянно держаться того, что въ Польшѣ невозможно спокойствіе иначе, какъ если гражданское, политическое и судебное управленіе Польши будетъ отдано въ руки самихъ Поляковъ."

Что здѣсь не идетъ рѣчи о возстановленіи политической автономіи Польши въ смыслѣ конституціи 1815 г., это ясно видно изъ того, что графъ Россель старается опредѣлить на какихъ условіяхъ *русское правительство можетъ спокойно и благополучно управлять Польшею*. Этихъ условій находитъ онъ два: „первое, чтобы люди, употребляемые для управленія, пользовались довѣріемъ народа, и второе, чтобы народъ былъ управляемъ согласно съ извѣстными, обнародованными законами и правилами." „Одно изъ средствъ, продолжаетъ графъ Россель, обезпечить, чтобы лица управляющіе могли пользоваться довѣріемъ Поляковъ, заключается въ томъ, чтобы Польша имѣла народное собраніе, избранное самими Поляками." Но и въ этомъ отношеніи графъ Россель не хочетъ, какъ онъ выражается, быть педантомъ. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, существенно то, чтобы лица управляющія пользовались довѣріемъ народа, все равно будутъ ли они назначены муниципальными совѣтами, или самимъ императоромъ, или избраны подачею голосовъ со стороны избирателей." Впрочемъ, мы передали въ № 97 *Московскихъ Вѣдомостей* всю рѣчь графа Росселя въ точности лишь съ весьма незначительными опущеніями. Программа графа Росселя, какъ всякій самъ усмотритъ, при чтеніи его рѣчи, клонится вовсе не къ отдѣленію Польши отъ Россіи, не къ возстановленію законодательной автономіи Польши, а къ водворенію въ ней хорошей системы управленія, основанной на непремѣнномъ выполненіи существующихъ законовъ, гдѣ бы эти законы ни были составлены, и огражденной существованіемъ представительства, въ томъ или въ другомъ видѣ, или даже собраніемъ нотаблей, то-есть людей, пользующихся доброю извѣстностью и довѣріемъ согражданъ, и назначенныхъ самимъ императоромъ.

Интересно еще одно мѣсто, пропущенное нами въ отчетѣ о засѣданіи палаты лордовъ 8-го мая. Говоря о томъ, что система императора Николая I была направлена къ искорененію польской національности, графъ Россель обвиняетъ ее только въ томъ, что она была безуспѣшна. Вотъ собственныя слова его: „Такая политика императора Николая, еслибъ она увѣнчалась успѣхомъ, могла бы въ самомъ дѣлѣ измѣнить все лицо Польши; но не доведенная до конца, она по необходимости оставляетъ въ Полякахъ продолжительное чувство неудовольствія, утвердившееся сознаніе, что они не могутъ полагаться на обѣщанія русскаго правительства."

Желаніе полуофиціяльной французской печати внести въ рѣчь графа Росселя то чего въ ней вовсе нѣтъ, служитъ для насъ только указаніемъ, какого рода планы лелѣются въ офиціяльныхъ кругахъ Франціи и какими способами, въ случаѣ нужды, расположены тамъ искать достиженія этихъ плановъ.

Тѣмъ не менѣе есть извѣстіе, что Франція будто бы успѣла уже склонить Россію къ мысли о созваніи по польскимъ дѣламъ дипломатической конференціи, но съ тѣмъ чтобъ она открылась не иначе какъ въ Петербургѣ. Не слѣдуетъ ли при этомъ воскликнуть, вмѣстѣ съ древнимъ поэтомъ: „Timeo Danaos et dona ferentes" (боюсь Данаевъ, или, въ данномъ случаѣ, боюсь наполеоновской Франціи, даже и тогда, когда она приноситъ дары свои)? Въ самомъ дѣлѣ, не очевидно ли, что изъ трехъ державъ, соединившихся между собою для представленій С.-Петербургскому кабинету въ пользу Польши, болѣе всего Франція имѣетъ непосредственный интересъ мутить Европу съ помощью польскаго вопроса, въ тѣхъ видахъ чтобы, возстановивъ въ томъ или другомъ видѣ независимость Польши, съ ея помощью вовлечь Пруссію въ борьбу и оттягать у нея лѣвый берегъ Рейна? Ан-

гліо и Австрію можно подозрѣвать въ томъ, что онѣ имѣютъ въ виду воспользоваться нынѣшними затрудненіями Россіи и возможностью войны между ею и Франціей, для того чтобы порѣшить въ своихъ интересахъ восточный вопросъ. Но Австрія, слишкомъ еще мало упрочила государственное единство своихъ областей и можетъ еще всего опасаться отъ Италіи, а потому она никакъ не рѣшилась бы возбуждать вопросъ, который для нея связанъ съ величайшими опасностями. Что же касается до Англіи, она съ радостью ухватилась за польскія смуты, какъ за средство отвлечь Россію отъ востока; но при всемъ своемъ желаніи повредить намъ, она никакъ не можетъ дать полный ходъ польскому вопросу: разыгравшись, онъ могъ бы потрясти Германію въ самыхъ ея основахъ и надолго утвердить преобладаніе Франціи на материкѣ Европы. Положеніе восточнаго вопроса, дѣйствительно, встревожило Англію, и побудило ее, даже съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, искать себѣ оплота въ Греціи. Этотъ оплотъ теперь ею найденъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія ея къ Турціи стали благопріятнѣе, какъ это видно изъ помѣщенной ниже корреспонденціи *Times*, въ которой говорится о возрастающемъ вліяніи сторонника Англіи Фуадъ-паши, и еще болѣе изъ помѣщенной ниже депеши Али-паши, относящейся къ Суэсскому каналу и разрѣшающей этотъ вопросъ совершенно согласно съ видами Англіи, а не Франціи. Такимъ образомъ, взаимно противополагая другъ другу Грецію и Турцію, Англія на долгое время обезпечила себѣ вліяніе на Востокѣ, и спокойная съ этой стороны, она не рѣшится теперь же возжечь общую европейскую войну, которая, какъ говорятъ сами Англичане, была бы ужаснѣе всѣхъ войнъ, свирѣпствовавшихъ въ Европѣ со временъ реформаціи.

Соображая всѣ обстоятельства, мы полагаемъ, что для предупрежденія серіозныхъ опасностей, намъ прежде всего нужно употребить всѣ возможныя мѣры для скорѣйшаго подавленія мятежа и всѣхъ его отпрысковъ, которые могутъ простираться далѣе можетъ быть чѣмъ мы видимъ. Всѣ средства внѣшней политики, всѣ внутреннія силы Русской земли должны быть собраны теперь на огражденіе ея отъ коварныхъ замысловъ, которые не дремлютъ и ухищряются на всѣ лады. Когда анархія будетъ данъ энергическій, матеріяльный и нравственный отпоръ, тогда Россія будетъ имѣть возможность спокойно смотрѣть на свое будущее, полагаясь на естественную силу вещей, и ждать отъ времени и отъ внутренняго своего преуспѣнія совершенія великихъ судебъ своихъ по отношенію къ юго-востоку Европы.

№ 99.

Москва, 7-го мая.

8-го мая, въ тотъ самый день, когда палата лордовъ была занята положеніемъ Польши, палату общинъ интересовала Италія. И въ самомъ дѣлѣ, отчего Англичанамъ не высказать своего мнѣнія о томъ что̀ дѣлается въ Неаполѣ, какъ смотрѣть на разбои и грабежи, въ какомъ положеніи находятся италіянскія тюрьмы? Правда, одинъ изъ членовъ палаты, г. Валлей (Whalley), замѣтилъ, что не слѣдуетъ касаться подобныхъ вопросовъ. „Эти пренія, сказалъ онъ, унижаютъ палату. (*Громкіе крики: къ порядку.*) Я повторяю, что для всякаго дѣловаго собранія они унизительны. Я не вижу, какимъ образомъ касаются насъ внутреннія дѣла Италіи; предлогомъ къ ихъ обсужденію служитъ только то, что три или четыре года тому назадъ правительство Ея Величества поддерживало дѣло Виктора-Эммануила. Но на этомъ основаніи мы можемъ говорить и о положеніи французскихъ тюремъ, потому что то же правительство поддерживало императора Наполеона.“ (*Слушайте.*) Но на такое замѣчаніе г. Дизраэли, предводитель партіи торіевъ въ палатѣ общинъ, справедливо возразилъ: „Я желалъ бы знать на какомъ основаніи палата обсуживала положеніе Польши, если въ ней нельзя говорить о Калабріи и Сициліи. (*Слушайте.*) Правда, въ одной странѣ возмутители зовутся разбойниками, а въ другой патріотами, но я убѣдился что между ними нѣтъ никакой замѣтной разницы. (*О, о!*)“

Итакъ, давайте парламенту италіянскія дѣла; г. Геннеси желаетъ знать, что̀ дѣлается въ Неаполѣ, онъ проситъ представленія новыхъ документовъ.

Что̀ же тамъ происходитъ? Междуусобная война—говорятъ одни. „Праведный Боже, восклицаетъ лордъ Пальмерстонъ, какое понятіе о междуусобной войнѣ имѣютъ джентльменты, когда они злодѣйскіе по-

ступки удостоиваютъ имени, которымъ обозначаются самыя возвышенныя чувствованія и высшія политическія стремленія и доблести. (*Одобреніе и крики: о! о!*)." По словамъ англійскаго премьера, въ Неаполѣ неурядицы происходятъ оттого, что вблизи находится Римъ, а въ Римѣ французскій гарнизонъ прикрываетъ бывшій неаполитанскій дворъ и комитетъ изъ 200 лицъ, котораго цѣль состоитъ въ снаряженіи и отправленіи разбойничьихъ шаекъ. Это доказано между прочимъ г. Одо-Росселемъ. Британскій агентъ въ Римѣ убѣдился въ томъ, что разбойники, переходившіе границу, были во французскихъ мундирахъ. Лордъ Пальмерстонъ и г. Леярдъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, увѣрены, что показанія г. Одо-Росселя вполнѣ справедливы.

„Напротивъ, утверждалъ г. Бентинкъ, въ южной Италіи происходитъ междуусобная война, подобно той, какая была между 1792 и 1812 годомъ; самъ г. Ратацци свидѣтельствуетъ, что, когда одна изъ шаекъ вступила въ городъ, имѣвшій 5.000 жителей, она была принята народонаселеніемъ съ восторгомъ. Г. Кокренъ прибавилъ къ этому, что, по офиціальнымъ отчетамъ съ мая 1861 до февраля 1863 года въ южной Италіи взято съ оружіемъ въ рукахъ и разстрѣляно 1.038 человѣкъ, убито въ сраженіяхъ 2.413, взято въ плѣнъ 2.768, сдалось 932, всего 7.151 человѣкъ. Г. Бойеръ пошелъ далѣе. По его показаніямъ, разстрѣляно 7.000, отправлено на галеры 32.000, посажено въ тюрьму 75.000 человѣкъ. Палата, продолжалъ ораторъ, выказала свою симпатію къ Польшѣ; точно такую же симпатію она обязана выказать не къ угнетателямъ южной Италіи, а къ ея народу, который терзаютъ военнымъ положеніемъ. Извѣстно, что причиною возмущенія Польши была конскрипція и жестокій способъ ея приложенія. Точно таже система введена въ южной Италіи; жителей вытаскиваютъ изъ ихъ домовъ по военному закону, и многіе изъ нихъ спасаются въ горахъ, на основаніи чего ихъ зовутъ разбойниками."

Еслибы члены англійскаго парламента были знакомы съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ, они могли бы продолжать далѣе сравненіе. Но когда рѣчь шла о нашемъ правительствѣ, всѣ сговорились находить въ его дѣйствіяхъ только дурную сторону; относительно италіянскаго правительства не было причины къ такой стачкѣ. „Въ междуусобной войнѣ, или скажу лучше, при разбойничествѣ, говорилъ г. Леярдъ, невозможно, чтобы съ обѣихъ сторонъ не было совершено жестокостей; но въ Неаполѣ виновною стороною является не италіянское правительство, а тѣ кто покровительствуетъ разбойникамъ и посылаетъ ихъ на жестокости." Отчего бы не сказать того же самаго и о событіяхъ въ Польшѣ? Заимствуя показанія только изъ однихъ иностранныхъ журналовъ, мы могли бы представить многочисленныя доказательства тому, что въ Польшѣ совершается еще въ большихъ размѣрахъ и въ болѣе возмутительной степени, то же самое что и въ Неаполѣ. И у насъ стало-быть вина падаетъ всего болѣе на тѣхъ, кто потворствуетъ повстанцамъ. Но Поляки въ глазахъ англійскаго парламента являются героями, а Неаполитанцы отвратительнымъ выродившимся народомъ. Неаполитанцы, по словамъ г. Леярда, подняли бы вопль, если бы правительство послало Піемонтцевъ для управленія ими, а между тѣмъ въ средѣ Неаполитанцевъ не найдется ни одного честнаго человѣка для должности судьи; народъ нравственно упалъ подъ гнетомъ поповской тиранніи, такъ что благодѣяніями свободы могутъ воспользоваться только послѣдующія поколѣнія. Все это, вѣроятно, справедливо, но все это относится не къ одной Италіи.

Какъ бы то ни было, междуусобная война ли или разбойничество, но теперешнее положеніе Неаполя оправдываетъ чрезвычайныя мѣры со стороны италіянскаго правительства. „Мы должны припомнить, сказалъ г. Ботлеръ, что и въ Англіи были времена, когда отмѣнялись обыкновенные законы и когда народъ соглашался на это въ увѣренности, что по окончаніи кризиса они будутъ возстановлены."

Другой предметъ, обратившій на себя вниманіе палаты общинъ, относится уже прямо ковнутреннимъ дѣламъ Италіи. Это—вопросъ о тюрьмахъ. Лордъ Ленноксъ, изучавшій его на мѣстѣ, сообщилъ парламенту результаты своихъ наблюденій относительно тюремъ. По его свидѣтельству, положеніе тюремъ ужасно; всѣ онѣ переполнены; заподозрѣнные въ политеческихъ преступленіяхъ находятся въ заключеніи, не зная, за что они взяты и не подвергаясь допросу часто въ теченіи двухъ лѣтъ; въ одной комнатѣ набивается по 200 и по 300

человѣкъ, которые содержатся дурно. По донесенію англійскаго консула въ Неаполѣ, въ салернской тюрьмѣ вмѣсто 600 человѣкъ содержатся 1.400, въ другихъ, построенныхъ на 200, заключено 700. Свобода печати не существуетъ: въ послѣдніе три года, въ Неаполѣ, запрещено изданіе 27 журналовъ; подати увеличились на десять процентовъ, національный долгъ сдѣлался въ шесть разъ больше прежняго. Лордъ Леннокъсъ указалъ на опасность такого положенія; онъ совѣтовалъ Виктору-Эммануилу избавить Неаполь отъ деспотизма,—иначе страна подпадетъ подъ власть Наполеона. Нападки на піемонтскій деспотизмъ высказаны были и въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 11-го мая. Маркизъ Норменби поднялъ вопросъ о дѣйствіяхъ италіянскаго правительства относительно англійскаго подданнаго г. Бишопа. Этотъ молодой человѣкъ былъ обвиненъ въ участіи въ заговорѣ и осужденъ на строгое наказаніе. Графъ Россель ходатайствовалъ за своего соотечественника и просилъ освобожденія г. Бишопа, съ тѣмъ что онъ никогда не явится вновь въ Италіи. Г. Бишопъ самъ не принялъ этого условія, и несмотря на то, во вниманіе къ своему болѣзненному положенію, находится въ больницѣ. Графъ Грей справедливо замѣтилъ, что г. Бишопъ, принявъ участіе въ ужасной войнѣ, теперь опустошающей Италію, „долженъ былъ подвергнуться наказанію; италіянское правительство не можетъ сдѣлать исключенія для иностранцевъ и наказывать ихъ легче, не возбуждая негодованія въ собственныхъ подданныхъ.“

Всѣ эти пренія по поводу Италіи не лишены поучительности. Правительство короля Виктора-Эммануила, которое когда-то называли республиканскимъ, теперь въ англійской палатѣ клеймится названіемъ деспотическаго, или, по словамъ г. Бентинка, достойнымъ преемникомъ Тамерлана и Чингисхана. Положеніе Неаполя было представлено въ такихъ темныхъ краскахъ, что г. Гладстонъ счелъ нужнымъ ослабить порицаніе и явиться посредникомъ между двумя сторонами. „Я увѣренъ, что мой благородный другъ (лордъ Пальмерстонъ) и правительство будутъ стремиться къ той человѣколюбивой цѣли, которую мой благородный другъ (лордъ Леннокъсъ) имѣетъ въ виду; я увѣренъ, что если обратиться къ италіянскому правительству дружески и почтительно, съ полнымъ признаніемъ его независимости, то оно, выслушавъ все сказанное въ этихъ стѣнахъ, убѣдится, что всѣ, кто помогаетъ вывести на свѣтъ эти ужасы и злоупотребленія, становится его другомъ и сотрудникомъ; италіянское правительство, конечно, съ удовольствіемъ воспользуется этою помощію. (*Одобреніе.*)“

Такимъ образомъ, англійскій парламентъ разсуждалъ не только о вопросахъ, имѣющихъ международный характеръ, но прямо касающихся внутренняго положенія страны. Мы совершенно согласны съ г. Гладстономъ, что, если членамъ англійскихъ палатъ достанетъ досуга дѣйствительно изучать вопросы на мѣстѣ, а не такъ, какъ по послѣднимъ извѣстіямъ дѣлалъ это г. Леннокъсъ, то иностранныя правительства будутъ очень благодарны за такой трудъ. Но при этомъ необходимо, чтобъ изученіе было безпристрастно и чтобъ изслѣдователи не увлекались легко показаніями людей извѣстной партіи. Мы съ интересомъ выслушали бы напримѣръ наблюденія г. Геннеси, еслибы не знали напередъ, что всѣ свои свѣдѣнія онъ почерпнулъ только въ Краковѣ отъ Поляковъ. Одинъ изъ членовъ замѣтилъ лорду Леннокъсу, что онъ попалъ въ извѣстный кружокъ, который напѣвалъ ему одну и ту же пѣсню; какую же монотонную пѣсню долженъ былъ выслушать г. Геннеси, вращаясь въ кругу Поляковъ, членовъ краковскаго комитета? Пусть указываютъ намъ наши недостатки, съ англійскою рѣзкостью или съ французскимъ легкомыслiемъ, мы выслушаемъ все и воспользуемся каждымъ дѣльнымъ замѣчаніемъ. Но для этого необходимо одно условіе, чтобы тѣ, которые говорятъ о насъ, говорили съ уваженіемъ къ народу и его судьбамъ и не дозволяли бы себѣ произносить приговоръ надъ иностраннымъ правительствомъ съ высоты своей великобританской спѣси. „Я всегда былъ убѣжденъ,“ сказалъ въ засѣданіи 8-го мая г. Вельшъ, „что дѣла народовъ, при настоящемъ положеніи сообщеній въ образованномъ мірѣ, такъ переплетены и сходны, что никакъ нельзя установить въ полной силѣ невмѣшательства.“ Никто не запрещаетъ другимъ говорить о себѣ; но всякій можетъ не признать за другими права произносить приговоръ о себѣ и еще болѣе имѣетъ право доказать, что не намѣренъ подчиниться этому приговору.

№ 100.

Москва, 8-го мая.

Напечатанный выше сего, въ офиціяльномъ отдѣлѣ нашей газеты, всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи на 1863 годъ вызываетъ множество мыслей и заботъ. Но странное дѣло: какъ только возникаютъ въ васъ эти мысли и заботы, вы сейчасъ же замѣчаете, что онѣ имѣютъ отвлеченный характеръ и не приведутъ васъ къ практическиполезнымъ, дѣловымъ заключеніямъ. Публика узнаётъ почему всеподданнѣйшій докладъ появляется такъ поздно; она узнаетъ также главные результаты росписи, но кто приступаетъ къ чтенію съ серіознымъ желаніемъ вникнуть въ самое дѣло, тотъ долженъ живо почувствовать свое совершенное безсиліе основательно обсудить его. Для того ли публикуются подобные документы чтобы публика просто принимала ихъ къ свѣдѣнію? Напротивъ, въ самой публикаціи не заключается ли уже вызовъ къ сужденію? Правительство открываетъ публикѣ положеніе своихъ финансовыхъ дѣлъ, конечно не съ тѣмъ чтобы публика машинально взглянула на нихъ, нисколько не оцѣнивъ ихъ, и не составивъ себѣ о нихъ никакого мнѣнія. Еслибы былъ излишекъ въ доходахъ передъ расходами, то можно было бы еще довольствоваться однимъ указаніемъ на блистательные результаты росписи; но когда нѣтъ не только излишка, когда нѣтъ даже равновѣсія, когда есть значительный дефицитъ, и притомъ дефицитъ возрастающій, то при обнародованіи результатовъ росписи, очевидно, имѣется въ виду нѣчто болѣе чѣмъ простое оповѣщеніе, не вызывающее опредѣленныхъ сужденій. Какіе же вопросы представляются сами собой при чтеніи всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ?

Эти вопросы относятся преимущественно къ двумъ главнымъ пунктамъ доклада. Вопервыхъ, въ докладѣ говорится о коренномъ измѣненіи происшедшемъ въ порядкѣ составленія, разсмотрѣнія и утвержденія отдѣльныхъ смѣтъ. Это измѣненіе уже извѣстно публикѣ изъ Высочайше утвержденныхъ 22 мая прошлаго года правилъ о финансовой отчетности. Выгоды этихъ правилъ заключаются въ устраненіи важныхъ недостатковъ прежней финансовой системы. Каждое казенное вѣдомство имѣло у насъ право составлять изъ отпускавшихся ему штатныхъ денегъ свои экономическія суммы, ускользавшія отъ распоряженій государственнаго казначейства, и открывать для себя разные спеціяльные доходы, хотя бы по существу своему и однородные съ общими государственными, но остававшіеся внѣ вѣдѣнія министерства финансовъ. Отсюда проистекало то странное явленіе, что государственное казначейство бывало принуждено прибѣгать къ займамъ или выпускамъ кредитныхъ билетовъ, когда многія отдѣльныя вѣдомства, какъ бы устраняя себя отъ солидарности съ общимъ государственнымъ правительствомъ, оставались въ исключительномъ обладаніи тѣми средствами, нерѣдко громадными, которыя были даны имъ государственною казной, или собраны ими въ силу государственныхъ постановленій. Это былъ странный, почти можно сказать противогосударственный порядокъ; и отмѣна его должна значительно усилить средства государственной казны, безъ введенія новыхъ налоговъ. Но, съ другой стороны, представляются слѣдующія соображенія. Разныя наши вѣдомства, привыкшія смотрѣть на себя какъ на независимыя государства въ государствѣ, заботились въ своемъ отдѣльномъ интересѣ о сбереженіи остаточныхъ суммъ и о пріисканіи новыхъ источниковъ дохода. Теперь, когда это привычное побужденіе къ экономіи устранено, отдѣльное хозяйство разныхъ вѣдомствъ можетъ сдѣлаться менѣе осмотрительнымъ. Прежде каждое вѣдомство и каждое казенное мѣсто находило выгоднымъ для себя копить экономическія суммы; кромѣ наградъ за хорошее хозяйство, оно имѣло въ виду возможность распорядиться въ послѣдствіи своими особыми капиталами; теперь каждое вѣдомство и каждое казенное мѣсто будетъ имѣть, напротивъ, наклонность къ расходованію всѣхъ своихъ кредитовъ безъ остатка, и слѣдовательно можно опасаться, что казенныя деньги будутъ расходоваться шибче прежняго, если не будетъ установлено болѣе строгаго общаго надзора за всѣми вѣдомствами, замѣняющаго собою прежнее самопроизвольное побужденіе къ бережливости. Одинъ государственный контроль не въ состояніи услѣдить за всѣмъ этимъ: онъ имѣетъ право разсматривать дѣло только съ формальной стороны. Министерство финансовъ также не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ вѣдомствъ. Чтобы блюсти за экономическимъ употребленіемъ казенныхъ денегъ въ разныхъ вѣдомствахъ, нуж-

ны иныя средства. Прежняя система составляла одно цѣлое, котораго части были соглашены между собой. Новая система будетъ дѣйствовать успѣшно только въ томъ случаѣ, когда въ дѣйствіе будутъ приведены всѣ колеса, принадлежащія къ ней, и отдѣльныя вѣдомства будутъ поставлены не только подъ формальный, но и подъ матеріяльный, до подробностей доходящій контроль общихъ органовъ государственной власти. На первое время, впрочемъ, новая система отчетности принесла пользу государственному казначейству. Въ государственную роспись на 1863 годъ внесено 42.700.000 руб. доходовъ, которые прежде не вносились въ нее; расходовъ же, прежде не вносившихся въ роспись, нынѣ внесено лишь 37.800.000 р., такъ что государственное казначейство пріобрѣло выгоды на 4.900.000 р.,—сумма довольно значительная, но, какъ слышно, не могущая удержаться въ будущемъ году, такъ какъ казенныя мѣста, понявъ теперь въ чемъ дѣло, изо всѣхъ силъ стараются объ увеличеніи своихъ смѣтъ на 1864 годъ.

Второй главный пунктъ доклада есть объясненіе дефицита, исчисленнаго для 1863 года въ 15.700.000 руб. Въ прошломъ году по росписи предполагалось дефицита 14.750.000 р. Нынѣшній дефицитъ слѣдовательно болѣе прошлогодняго, несмотря на то что въ нынѣшнемъ году значительно увеличены налоги. Это объясняется уменьшеніемъ доходовъ вслѣдствіе финансовыхъ преобразованій, вступившихъ въ силу въ нынѣшнемъ году, въ особенности же вслѣдствіе отмѣны откупа. По смѣтному исчисленію въ 1863 году ожидается дохода на 8.650.000 менѣе сравнительно съ 1862 годомъ. Впрочемъ этотъ разсчетъ основанъ на цифрахъ, имѣвшихся въ виду при составленіи смѣты, въ сентябрѣ мѣсяцѣ; теперь можно ожидать измѣненія ихъ къ лучшему. Уменьшеніе въ доходахъ съ питей предполагалось тогда въ 16.000.000 р., чего въ дѣйствительности не будетъ, судя по ходу питейно-акцизнаго дѣла въ первые мѣсяцы нынѣшняго года; впрочемъ министръ финансовъ прибавляетъ, что излишекъ питейнаго дохода противъ смѣты долженъ быть употребленъ на непредвидѣнные расходы, требуемые польскими смутами; поэтому, для ординарнаго государственнаго бюджета министръ финансовъ считаетъ нужнымъ оставить и теперь въ силѣ исчисленную въ сентябрѣ мѣсяцѣ сбавку 16.000.000 р. съ питейнаго дохода. Кромѣ того отмѣняемая съ 1-го іюля подушная подать съ мѣщанъ доставила бы за полгода съ небольшимъ 2.000.000 р. Сложеніе подушной подати съ дворовыхъ, сложеніе винокуренной подати и нѣкоторыя другія сложенія уменьшатъ доходъ еще на полмилліона рублей. Въ таможенномъ доходѣ предвидится уменьшеніе на 700.000 р., поступавшихъ за хлопокъ; въ горномъ доходѣ на 1.700.000, вслѣдствіе льготъ по поводу отмѣны обязательнаго труда и нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ чеканки размѣнной и мѣдной монеты; наконецъ въ доходѣ съ крѣпостныхъ, канцелярскихъ и другихъ пошлинъ на 600.000 р., вслѣдствіе льготъ по поводу крестьянской реформы. Всей убыли въ доходахъ исчислено такимъ образомъ около 21.800.000

Эта убыль пополняется:

1. Увеличеніемъ казеннаго дохода вслѣдствіе введенія новыхъ положеній о пошлинахъ за право торговли и промысловъ и о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Это увеличеніе исчислено за полгода (такъ какъ оба положенія входятъ въ силу лишь съ 1 іюля) въ 3.340.000 р.

2. Дополнительнымъ налогомъ на сельскихъ обывателей, исчисленнымъ въ 6.290.000 р.

3. Увеличеніемъ дохода съ государственныхъ имуществъ, исчисленнымъ въ 2.700.000 рублей.

4. Увеличеніемъ солянаго, табачнаго и почтоваго дохода и разныхъ возвратныхъ и случайныхъ платежей на сумму около 1 милліона рублей.

Всего для покрытія убыли имѣется въ виду около 13.300.000 рублей, а такъ какъ убыль простирается до 21.800.000; то непокрытой убыли остается до 8.500.000, а съ прибавкой мелкихъ статей въ докладѣ непоименнованныхъ,—до 8.650.000 р.

Этотъ недостатокъ покрывается:

1. Избыткомъ доходовъ, вновь внесенныхъ въ роспись, противъ расходовъ, также вновь внесенныхъ въ роспись,—на 4.900.000 рублей (выгода казначейства отъ новой системы составленія смѣтъ).

2. Сокращеніемъ расходовъ на 2.800.000 р.

За тѣмъ остается непокрытаго недостатка болѣе чѣмъ въ предыдущемъ году на 950.000 рублей. Такой результатъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, благопріятенъ. Дефицитъ менѣе чѣмъ въ милліонъ рублей, въ первый годъ по отмѣнѣ откупа, есть такое явленіе, съ которымъ легко бы-

ло бы помириться, если бы даже не было надежды, что дѣйствительное поступленіе питейнаго акциза значительно превзойдетъ смѣту. По первымъ мѣсяцамъ, можно ожидать, что недоборъ по винной операціи не перейдетъ за 10 милліоновъ, и что дѣйствительно поступленіе будетъ болѣе противъ смѣты, милліоновъ на шесть. Въ такомъ случаѣ оказался бы даже пятимилліонный излишекъ сравнительно съ 1862 годомъ, и въ будущемъ году можно было бы понизить, если не совсѣмъ отмѣнить; дополнительный платежъ къ подушной подати.

Но все это было бы, еслибы въ прошломъ году уже не было огромнаго дефицита, простиравшагося до 14,750.000 р. Новый незначительный дефицитъ присоединяется къ старому весьма значительному, и общій результатъ бюджета получаетъ видъ тѣмъ болѣе серіозный, что въ исчисленные смѣтные расходы не могли быть еще внесены военныя издержки, которыя, очевидно, не будутъ покрыты избытками питейнаго дохода, даже если этотъ избытокъ будетъ простираться, несмотря на смуты въ западныхъ губерніяхъ до предположенной выше цифры шести милліоновъ рублей. Такимъ образомъ въ результатѣ 1863 финансоваго года можно предвидѣть недочетъ отъ 20 до 25 милліоновъ рублей, если даже не будетъ европейской войны.

Военныя издержки не могутъ пугать народъ, желающій отстаивать свое положеніе между другими государствами. Война—несчастіе, котораго нельзя накликать на себя, но отъ котораго бѣгаютъ только народы выраждающіеся. Для того чтобы нашъ бюджетъ не возбуждалъ опасеній въ нашей публикѣ, она только должна имѣть передъ собой данныя, показывающія, что дефицитъ, доселѣ обремѣняющій наши финансы, не есть постоянное явленіе мирнаго времени, что онъ возникъ вслѣдствіе восточной войны и долженъ исчезнуть, если не будетъ новой войны и изгладятся слѣды войны восточной. Такое убѣжденіе было бы успокоительно, и хотя есть поводы догадываться, что оно вѣрно, но для подтвержденія его публика не имѣетъ данныхъ. Когда оказывается дефицитъ въ государственныхъ финансахъ, то прежде всего возникаетъ вопросъ, есть ли этотъ дефицитъ явленіе временное и слѣдовательно устранимое при измѣненіи обстоятельствъ, или это болѣзнь хроническая, имѣющая корни въ самомъ организмѣ государства. Первое еще не страшно,—страшно второе. Поэтому, когда публикѣ сообщается бюджетъ, и когда въ этомъ бюджетѣ есть дефицитъ, то цѣль обнародованія бюджета, состоящая, разумѣется, въ томъ чтобъ успокоить публику отъ неосновательныхъ опасеній и объяснить ей необходимость возвышенія налоговъ, этацѣль можетъ быть удовлетворительно достигнута лишь въ томъ случаѣ, когда публика будетъ имѣть средства не только узнать о существованіи дефицита, но и составитъ себѣ сужденіе о причинахъ, произведшихъ дефицитъ, и о способахъ устраненія его. Этихъ средствъ наша публика теперь не имѣетъ. Размышляя о дефицитѣ, она можетъ приходить только къ самымъ неопредѣленнымъ и отвлеченнымъ выводамъ, пораждающимъ столь же неопредѣленныя заботы. Такое положеніе дѣлъ, кажется намъ, не соотвѣтствуетъ той цѣли, съ которою бюджетъ обнародывается.

Чего же не достаетъ для того, чтобы сужденія, слагающіяся въ публикѣ о бюджетѣ, имѣли дѣловой, практически-полезный характеръ, и не расплывались въ общихъ мѣстахъ? Для этого прежде всего не достаетъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ сужденіе о подробностяхъ бюджета и въ особенности о происхожденіи и свойствахъ нашего дефицита. Мы вѣримъ, что дефицитъ произошелъ отъ восточной войны, и что его можно будетъ устранить, какъ только мы вполнѣ расплатимся за эту войну. Но тутъ мало вѣрить, надобно чтобъ это могло быть доказано. Мы согласны въ томъ съ газетой *Голосъ*, что для сужденія о финансахъ недостаточно обнародованія смѣтъ, а еще нужны отчеты о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ и о дѣйствительномъ расходованіи суммъ. Что же касается до сужденій о причинахъ дефицита, то они были бы возможны лишь при обнародованіи бюджетовъ и финансовыхъ отчетовъ за всѣ послѣдніе двадцать лѣтъ, то-есть за все то время, въ продолженіе котораго созрѣвало сѣмя дефицита. Этими словами мы только повторяемъ то же самое, что было высказано еще въ прошломъ году въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, по поводу обнародованія бюджета на 1862 годъ. Теперь мы позволимъ себѣ прибавить, что въ нашихъ административныхъ сферахъ, къ сожалѣнію, охотнѣе собираются данныя для проектированія частныхъ реформъ, за-

висящихъ отъ того или другаго вѣдомства, чѣмъ для разъясненія такихъ общихъ вопросовъ, которые, подобно вопросу о дефицитѣ или вопросу польскому, касаются совокупности всѣхъ вѣдомствъ, то-есть всего государства. Очень полезны труды о соляномъ акцизѣ, о податной системѣ, о земскихъ повинностяхъ, но разработка вопроса о дефицитѣ и сравнительное изученіе финансовыхъ отчетовъ за цѣлые ряды лѣтъ были бы еще полезнѣе.

№ 101.

Москва, 10-го мая.

Судя по всѣмъ даннымъ, отвѣтныя депеши князя Горчакова, отъ 14-го (26-го) апрѣля, поставили въ затруднительное положеніе три державы, принявшія Польшу подъ свое покровительство. Легко было высказать въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что необходимо принять мѣры для водворенія прочнаго мира въ Польшѣ; но указать какія это мѣры, это другой вопросъ. Въ переговорахъ, которые затѣмъ послѣдовали, Англія и особенно Франція представляли собою партію дѣйствія, Австрія же по возможности старалась ограничить свою роль тѣми представленіями, которыя она уже сдѣлала. Наиболѣе враждебными для насъ по прежнему оказываются виды Франціи, которая упорно лелѣетъ планы насчетъ возстановленія, болѣе или менѣе, полной независимости Польши. Ей принадлежитъ мысль о постановленіи Польши въ такія отношенія къ Россіи, въ какихъ Дунайскія княжества или даже Египетъ находятся къ Турціи, то-есть, о назначеніи въ нее пожизненнаго, почти самостоятельнаго правителя, о надѣленіи ея своимъ особымъ войскомъ, о предоставленіи ей особаго законодательнаго сейма, особаго управленія и т. д. Когда этотъ планъ, который идетъ, очевидно, далѣе конституціи 1815 года, сохранявшей, по крайней мѣрѣ, связь между Польшею и Россіей непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ одной и той же власти русскаго Царя, когда этотъ планъ былъ устраненъ Австріей, Франція тотчасъ же выдвинула впередъ мысль о всеобщемъ европейскомъ конгрессѣ, къ которому были бы приглашены всѣ державы, за исключеніемъ только нейтрализованныхъ Бельгіи и Швейцаріи, и который занялся бы разрѣшеніемъ не только польскаго, но и всѣхъ европейскихъ вопросовъ. Самый составъ этого конгресса уже значительно измѣнилъ бы существующія международныя отношенія: такъ между прочимъ, призваніемъ особаго представителя Германскаго Союза была бы нарушена автономія, самостоятельная государственная власть, предоставленная вѣнскими трактатами каждому изъ владѣтельныхъ государей Германіи. Сверхъ того, не было еще примѣра, чтобы всѣ европейскія государства призывались для рѣшенія какихъ бы то ни было общихъ вопросовъ. Впервые принципъ всеобщей подачи голосовъ, установленный императоромъ Наполеономъ внутри Франціи, былъ бы примѣненъ къ международнымъ отношеніямъ. Судя по аналогіи, онъ оказался бы также безплоденъ, также не способенъ служить настоящимъ средствомъ для выраженія общаго мнѣнія, какъ и въ сферѣ внутреннихъ государственныхъ отношеній. Въ этомъ, повидимому, независимомъ, верховномъ ареопагѣ Европы, несомнѣнно преобладали бы голосъ и мнѣнія Франціи и Англіи: въ случаѣ же согласія между ними, на сторонѣ Россіи оказалась бы развѣ одна только Пруссія, да и та могла бы поколебаться, могла бы быть привлечена къ западнымъ державамъ; средствомъ къ тому могли бы послужить различныя комбинаціи относительно преобразованія Германскаго Союза, которымъ также, по плану императора Наполеона, долженъ былъ бы заняться этотъ конгрессъ. Сѣять раздоръ въ Германіи — наслѣдственная политика бонапартизма, и легко можетъ статься, что Пруссія спасовала бы передъ этою политикой, тѣмъ болѣе что тутъ примѣшался бы еще шлезвиго-голштейнскій вопросъ.

„Франція, которая, какъ сказано въ статьѣ *Journal des Débats*, конецъ которой привели мы въ предыдущемъ нумерѣ (въ Послѣдней Почтѣ) Франція, которая могла бы требовать созванія такого конгресса въ Парижѣ“, великодушно уступаетъ эту честь Лондону или даже и Вѣнѣ, въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, что при своемъ наружно-блестящемъ положеніи, при своей изобрѣтательной, затѣйливой и рѣшительной политикѣ, способной возбуждать и страхъ, и различныя надежды, она все-таки первенствовала бы на конгрессѣ и затмила бы собою даже Англію.

Мысль о конгрессѣ, лелѣемая преимущественно Франціею, нашла себѣ нѣкото-

рую поддержку и нѣкоторый отголосокъ въ Англіи. Между прочимъ, въ палатѣ лордовъ, 15-го мая, когда рѣчь шла о шлезвигъ-голштейнскомъ вопросѣ графъ Элленборо, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ консервативной партіи, тоже высказалъ, что на конгрессъ всѣхъ европейскихъ государствъ, со включеніемъ Италіи, онъ смотритъ какъ на единственное средство къ разрѣшенію вопроса, порождающаго раздоры и несогласія между Даніей и Германіей. Такимъ образомъ мысль о конгрессѣ для разрѣшенія не только польскаго вопроса, но и другихъ дѣлъ, повидимому не чужда государственнымъ людямъ Англіи.

И для чего былъ бы собранъ этотъ ареопагъ? Для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, въ которыхъ непосредственно заинтересованы всѣ державы, за исключеніемъ самой Франціи и Англіи, для суда надъ ними, ихъ правами и притязаніями, и этотъ судъ чинился бы главнѣйшимъ образомъ Англіей и Франціей. Если мы не ошибаемся, мысль о созваніи въ настоящую минуту европейскаго конгресса, особенно же конгресса для рѣшенія всѣхъ европейскихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и восточнаго вопроса, есть мысль, очевидно, непріязненная для Россіи. Въ такомъ ли положеніи въ настоящее время Россія, чтобы голосъ ея могъ такъ же свободно раздаваться на конгрессѣ, какъ голосъ Франціи или Англіи, чтобъ онъ выслушанъ былъ съ тѣмъ же уваженіемъ, какъ голоса этихъ двухъ державъ, и наконецъ, чтобъ онъ вовсе не былъ заглушенъ кликами и предложеніями по польскимъ дѣламъ? У всякой державы, и великой, и малой, могутъ быть времена тяжкихъ испытаній, которыя „дробя стекло, куютъ булатъ“, и мы твердо надѣемся, что изъ нынѣшнихъ своихъ испытаній Россія выйдетъ обновленная, окрѣпшая, болѣе могущественная чѣмъ когда-либо. Но этимъ обновленіемъ, этою крѣпостію она можетъ быть обязана только себѣ самой, только внутреннему великому преобразованію, которое сплотило бы ея государственное единство. До того же времени, пока еще метутся и Польша, и нѣкогда польскія области Россіи, пока еще не установился и не обозначился явственно строй нашихъ внутреннихъ дѣлъ, и Россія не пользуется нигдѣ въ Европѣ особенными симпатіями, до тѣхъ поръ Россіи, конечно, не можетъ быть выгоденъ такой европейскій конгрессъ, на которомъ ей во всякомъ случаѣ принадлежала бы не очень завидная роль, и который вздумалъ бы обращаться съ ней какъ съ подсудимою. При подобномъ настроеніи, конгрессъ ни къ чему другому привести не можетъ кромѣ войны.

Что Англія питаетъ очень недобрыя чувства къ Россіи, хотя по польскому вопросу виды ея и не совпадаютъ съ видами Франціи, это не подлежитъ сомнѣнію, особенно если справедливо извѣстіе, заимствованное нами въ № 100 *Московскихъ Вѣдомостей* изъ парижской корресподенціи газеты *Ost-deutsche Post* и подтверждаемое теперь, болѣе или менѣе рѣшительно, со многими дополненіями, другими газетами. По этому извѣстію, въ виду созванія конгресса, Англія будто бы предложила поставить первымъ условіемъ для Россіи прекращеніе военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, пока вопросъ не будетъ рѣшенъ окончательно, или, по другимъ, на одинъ годъ, съ тѣмъ чтобы польскіе инсургенты сохранили свое оружіе, занятыя ими позиціи, свое такъ-называемое національное правленіе, могли даже открыть свой сеймъ, и т. д. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ *Ost-deutsche Post*, это предложеніе будто бы отвергнуто было не одною Австріей, но и Франціей; но парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge*, въ письмѣ отъ 15-го мая, говоритъ, что французскому послу въ Лондонѣ, барону Гро, поручено было войдти въ переговоры по этому предмету съ графомъ Росселемъ и графомъ Аппони, и что только послѣдній рѣшительно отвергъ предложеніе, какъ несогласное съ началами международнаго права, въ силу которыхъ возмутившіеся противъ законнаго своего государя подданные не могутъ быть признаны въ качествѣ самобытной, воюющей державы. Мысль о конгрессѣ точно также отвергнута была Австріей, которая по многимъ причинамъ не можетъ желать его созванія, а особенно потому что ей пришлось бы признать все совершившееся въ Италіи и подчинить общему рѣшенію вопросы о Венеціи и о Римѣ, и объ устройствѣ Германскаго Союза. Тогда, говорятъ, Франція обратилась къ мысли о представленіи Россіи коллективной ноты отъ трехъ державъ; но Англія будто бы оказалась равнодушною къ такому образу дѣйствій, а Австрія и на этотъ разъ приняла положеніе, наиболѣе благопріятное для Россіи, и высказалась рѣшительно противъ коллективной ноты.

Такимъ образомъ, въ силу одинаковыхъ съ Россіею интересовъ по польскому воп-

росу, Австрія на всѣхъ путяхъ отражаетъ слишкомъ войно-любивые порывы и широкія затѣи Франціи и враждебныя предложенія Англіи, и оставаясь въ ближайшихъ отношеніяхъ къ западнымъ державамъ, для которыхъ очень важно имѣть ее за одно съ собою, дѣйствуетъ по возможности въ примирительномъ духѣ. Она не допускаетъ ни вопроса о возстановленіи самостоятельности Польши, ни предложеній о перемиріи между Россіей и польскими мятежниками, ни созванія конгресса, ни представленія Россіи коллективной ноты, которая могла бы повести слишкомъ далеко. „Нѣкоторыя вліятельныя, знатныя лица, австрійской имперіи, пишетъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, отъ 12-го мая, стараются даже убѣдить императора устраниться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ представленій въ пользу Польши; но императоръ, полагаясь на мудрость своихъ министровъ, не внимаетъ внушеніямъ неофиціяльныхъ своихъ совѣтниковъ." Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, принятое Австріею, довольно благопріятно для нея, и она повидимому надѣется извлечь изъ него всѣ возможныя выгоды, особенно по отношенію къ германскимъ дѣламъ.

Въ Германіи дѣло идетъ для нея прежде всего о томъ, чтобъ упрочить свое положеніе, примкнувъ какъ можно тѣснѣе къ Таможенному Союзу, не жертвуя впрочемъ для этого покровительственною системою, господствующею въ ея экономическомъ бытѣ, и, слѣдовательно, не усвоивая себѣ началъ, на которыхъ заключенъ былъ въ августѣ прошлаго года торговый трактатъ между Франціей и Пруссіей, встрѣтившій, какъ извѣстно, противодѣйствіе со стороны многихъ членовъ Таможеннаго Союза. 10-го іюля 1862 г. Австрія формулировала свои предложенія, направленныя къ продолженію и расширенію трактата 19-го февраля 1853 г., соединяющаго ее съ Таможеннымъ Союзомъ. Такъ какъ срокъ послѣднему истекаетъ и такъ какъ самое возобновленіе его подвергнуто вопросу вслѣдствіе франко-прусскаго трактата, то когда открыты были 26 марта въ Мюнхенѣ генеральныя конференціи между членами союза, Пруссія объявила, что до рѣшенія всѣхъ другихъ вопросовъ она не допуститъ обсужденія австрійскихъ предложеній. Но Баварія пользуясь общимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ, разослала 25-го апрѣля циркулярно мемуаръ въ пользу веденія переговоровъ съ Австріей, на основаніи ея предложеній отъ 10-го іюля, одновременно съ переговорами о возобновленіи Таможеннаго Союза, и, говорятъ, Виртембергъ, оба Гессена, Нассау и можетъ-быть Гановеръ уже приняли на этотъ счетъ мнѣніе Баваріи. Надежда, что Австрія при теперешнихъ отношеніяхъ своихъ къ Франціи, въ состояніи будетъ склонить послѣднюю къ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ условій ея торговаго трактата съ Пруссіей, эта надежда придаетъ особый вѣсъ большему сближенію Австріи съ Таможеннымъ Союзомъ. На опасенія, высказанныя Баваріею, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ всякое желаніе со стороны Пруссіи измѣнить торговый трактатъ можетъ слишкомъ раздражить противъ нея Францію, вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ успокоительно, замѣтивъ, что имѣетъ основаніе разсчитывать на готовность Франціи относительно требуемыхъ Австріей видоизмѣненій трактата, еслибы не одна только Пруссія, и то по истеченіи срока Таможенному Союзу 1866 г., но и вся Германія и Австрія немедленно открылись для болѣе дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ нею.

Какъ важно для Австріи благопріятное рѣшеніе вопроса о ея будущихъ отношеніяхъ къ германскому Таможенному Союзу, это видно изъ приписываемаго ей *Кельнскою Газетою* заявленія, что въ случаѣ противодѣйствія со стороны Пруссіи ея предложеніямъ отъ 10 іюля, она рѣшится дѣйствовать безъ малѣйшаго вниманія къ интересамъ Пруссіи какъ въ вопросѣ о преобразованіи Германскаго Союза, такъ и во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики. Многія изъ этихъ подробностей, сообщенныхъ *Кельнскою Газетой*, вызвали опроверженіе со стороны полуофиціяльной *Австрійской Всеобщей Корреспонденціи*; но сущность дѣла остается однакоже во всей своей силѣ. Австрія желаетъ извлечь для себя всевозможную пользу по отношенію къ Германіи изъ своего сближенія съ Франціей и Англіей по польскимъ дѣламъ, но съ другой стороны эта близость ея не такъ велика, чтобъ исключала возможность болѣе дружественныхъ отношеній къ Пруссіи. „Соглашеніе и сближеніе съ Пруссіей, говоритъ *Всеобщая Корреспонденція*, 12-го мая, были бы очень желательны, хотя они еще необходимѣе для Пруссіи чѣмъ для Австріи. Вопросъ торговой политики и вопросъ о реформѣ Германскаго Союза, вотъ поприще, на которомъ можетъ состояться искрен-

нее соглашеніе между обѣими германскими державами. На этотъ разъ предложенія Австріи относительно преобразованія Союза, конечно, не будутъ уже найдены Пруссіей недостаточными и слишкомъ не соотвѣтствующими желаніямъ германской націи.“ Не опровергая мнѣнія, высказаннаго во *Всеобщей Аугсбургской Газетѣ* о томъ, что Франціи не удастся вовлечь вѣнскій кабинетъ въ положеніе, въ которомъ все труднѣе становилось бы соглашеніе съ Пруссіей, *Всеобщая Корреспонденція* не безъ гордости замѣчаетъ, что не Австрія ищетъ себѣ союзниковъ, а ее отыскиваютъ со всѣхъ сторонъ, и что именно польскій вопросъ поставилъ Пруссію въ такое положеніе, которое заставляетъ ее искать сближенія съ Австріей.

Какъ бы то ни было, есть извѣстіе о начинающемся охлажденіи между Австріей и Франціей, и есть признаки нѣкотораго сближенія между нею и Пруссіей. Такъ, между прочимъ, въ шлезвигъ-голштейнскомъ вопросѣ онѣ согласились уже между собою сообща предложить германскому сейму подвергнуть Гольштейнъ военной экзекуціи и занять его въ качествѣ залога въ томъ, что Данія исполнитъ принятыя ею на себя обязательства въ 1851 и 1852 гг. 12-го мая, когда повидимому западныя державы были особенно настоятельны въ своихъ несогласныхъ съ интересами Австріи требованіяхъ по польскому вопросу, въ вѣнскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что Австрія будто бы первая обратилась къ Пруссіи съ предложеніями, въ надеждѣ что обѣ великія державы достигнутъ отдѣльнаго соглашенія между собою на счетъ польскихъ дѣлъ. Это извѣстіе оказалось невѣрнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣла могутъ принять такой оборотъ, что западныя державы принуждены будутъ сдѣлать уступки Австріи, или отказаться совсѣмъ отъ ея содѣйствія. „9-го или 10-го мая, пишетъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, лордъ Блумфильдъ и герцогъ де-Грамонъ сдѣлали сообщенія отъ своихъ правительствъ графу Рехбергу. Въ чемъ они заключались, я не знаю, но въ послѣдовавшемъ за тѣмъ засѣданіи австрійскаго совѣта министровъ рѣшено было предложить Россіи слѣдующія уступки въ пользу Польши: 1) даровать всеобщее и полное прощеніе; 2) дать Польшѣ либеральную конституцію и польское самоуправленіе; 3) управлять Польшею чрезъ посредство самихъ же Поляковъ, и 4) обезпечить за всѣми ея обитателями полную религіозную свободу.“ По извѣстіямъ, полученнымъ газетой *La France* изъ Вѣны, отъ 14-го мая, Австрія повидимому не намѣрена идти далѣе этихъ пунктовъ, такъ что еще не могло состояться полное соглашеніе между тремя державами, хотя и полагаютъ, что оно не замедлитъ установиться на этой основѣ.

Сравнительно съ болѣе широкими и враждебными планами Франціи и Англіи, эти пункты могутъ показаться довольно умѣренными; тѣмъ не менѣе для Россіи въ высшей степени важно чтобы польскій вопросъ не былъ запутанъ международными актами еще болѣе чѣмъ онъ запутанъ теперь, вслѣдствіе вѣнскаго трактата. Конгрессъ представляется опаснымъ именно потому, что онъ не можетъ ограничиться одними совѣтами, а повелъ бы къ новымъ международнымъ обязательствамъ.

№ 102.

Москва, 11-го мая.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ французской полуофиціяльной газеты *Pays*, состоящей въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, помѣщена статья, которую мы сообщаемъ ниже (подъ рубрикою: „Франція“), въ извлеченіи. Изъ этой статьи само собою вытекаетъ заключеніе, что Франція не оставила мысли о европейскомъ конгрессѣ и что она усвоила себѣ предложеніе Англіи на счетъ прекращенія военныхъ дѣйствій или перемирія между русскими войсками и польскими мятежниками. Дѣло объ этомъ конгрессѣ, или объ общей европейской конференціи, если вѣрить парижской корреспонденціи, отъ 14-го мая, помѣщенной въ *Ost-deutsche Post*, уже улажено въ общихъ чертахъ между Франціей, Англіей и Австріей: послѣдняя желала бы только ограничить кругъ предметовъ, которыми занялся бы конгрессъ и число участниковъ въ немъ. Наконецъ, по письму изъ Берлина, помѣщенному въ *Temps*, и сама Россія будто бы уже усвоила себѣ идею, предложенную Франціей что произвело не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе въ Берлинѣ. Все это пока не болѣе какъ слухи, предположенія, болѣе или менѣе явственные намеки на то что дѣйствительно происходитъ или

имѣется въ виду въ правительственныхъ сферахъ западныхъ державъ.

Разсматривая эти слухи и предположенія съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, мы едва ли ошибемся, если снова повторимъ, что Россія не иначе можетъ признать польскій вопросъ общеевропейскимъ какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ всякое событіе, опредѣляющее судьбы великой державы, можетъ быть названо общеевропейскимъ и даже міровымъ событіемъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы рѣшеніе польскаго вопроса было подчинено общему приговору Европы. Польскій вопросъ тѣснѣйшими узами связанъ съ внутренними вопросами Россіи, съ самымъ даже существованіемъ ея, и, слѣдовательно, не можетъ и не долженъ быть рѣшаемъ иначе какъ внутреннимъ государственнымъ законодательствомъ.

Какъ извѣстно, англійскіе государственные люди прилагаютъ къ различнымъ случаямъ и различнымъ странамъ различные вѣсы и мѣры. Такъ, разсуждая 15-го мая въ палатѣ лордовъ о датскихъ дѣлахъ, графъ Россель очень энергически высказался насчетъ допущенія какою-либо страною чужеземнаго вмѣшательства въ ея собственныя внутреннія дѣла. „И отнюдь не того мнѣнія, сказалъ онъ, чтобы для какой бы то ни было страны было благоразумно дать какой-либо другой странѣ право вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.“ Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право усвоить себѣ это мудрое правило по отношенію къ польскому вопросу, что такъ-называемый шлезвигъ-голштейнскій вопросъ представляетъ съ нимъ очень много аналогическаго.

Этотъ нескончаемый и въ высшей степени запутанный вопросъ выступаетъ теперь снова на очередь, увеличиваетъ собою и безъ того уже значительную путаницу въ отношеніяхъ между державами, и можетъ, при воинолюбіи Франціи, повести къ столкновеніямъ, которыхъ справедливо опасаются въ Германіи. Этотъ вопросъ тоже предполагается подвергнуть обсужденію будущаго конгресса, а потому постараемся вникнуть въ него, принявъ во вниманіе все что сказано было объ немъ въ засѣданіи палаты лордовъ, 15-го мая, графомъ Элленборо, обратившимъ на него вниманіе палаты, и лордами Росселемъ, Дерби и Водгаусомъ.

Королевство Датское, какъ извѣстно, состоитъ изъ четырехъ частей: собственно Даніи, то-есть, Ютландіи и острововъ и герцогствъ — Шлезвига, Голштейна и Лауэнбурга. Послѣднія два герцогства входятъ въ составъ Германскаго Союза и, по своему населенію, могутъ быть названы нѣмецкими землями. Что же касается до Шлезвига, то въ 1658 г., съ согласія датскаго сейма, верховная власть надъ одною его частію осталась непосредственно за королемъ Фридрихомъ III, а надъ другою предоставлена была Фридриху III, герцогу Готторпскому; но въ 1721 г. весь Шлезвигъ былъ формально включенъ въ число непосредственныхъ владѣній датской короны. Несмотря на всѣ ученыя тонкости и ухищренія германскихъ патріотовъ, безусловныя и ничѣмъ неограниченныя права датской короны на Шлезвигъ не подлежатъ сомнѣнію. Хотя половина всего населенія въ Шлезвигѣ, и особенно въ южныхъ частяхъ принадлежитъ къ нѣмецкому, а не къ датскому племени, во всякомъ случаѣ Шлезвигъ есть законное достояніе датской короны. Проводя параллель между польскимъ и шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, мы можемъ сказать, что Голштейнъ съ Лауэнбургомъ такъ же, какъ и Польша, поставлены въ особое положеніе трактатами, имѣющими обязательный международный характеръ, а что Шлезвигъ, такъ же какъ Литва, Бѣлоруссія и Подолія съ Волынью, стоитъ на одномъ уровнѣ съ прочими владѣніями короны. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ западныхъ русскихъ губерніяхъ процентъ польскаго населенія несравненно слабѣе чѣмъ процентъ нѣмецкаго населенія въ Шлезвигѣ, да еще въ томъ, что международныя обязательства относительно Польши совершенно ничтожны, тогда какъ Голштинія составляетъ часть Германскаго Союза и подлежитъ власти германскаго сейма. Во сколько же разъ слова графа Росселя болѣе примѣнимы къ Россіи чѣмъ къ Даніи?

Вскорѣ послѣ войны противъ Наполеона I, когда въ Германіи такъ сильно возбуждено было національное патріотическое чувство, отчасти обращенное и противъ Даніи, какъ вѣрной союзницы Наполеона, впервые возникло желаніе оттягать Шлезвигъ отъ Даніи, соединить его съ Голштейномъ и ввести такимъ образомъ въ составъ Германскаго Союза. Желаніе это все болѣе и болѣе возрастало, и стало, наконецъ, общегерманскою страстію. Никакое дѣло не пользуется въ Германіи такою по-

пулярностію какъ дѣло о соединеніи Шлезвига съ Голштейномъ и о подчиненіи его Германскому Союзу. Между тѣмъ какъ внутри самой Германіи есть столько дѣлъ, гораздо болѣе практическихъ, столько дѣйствительныхъ потребностей, она охотнѣе всего предается непрактичнымъ и несбыточнымъ мечтаніямъ о будущемъ могуществѣ своемъ на моряхъ и океанахъ, о заведеніи обширнаго флота, о необходимости многочисленныхъ гаваней, и связываетъ осуществленіе этихъ мечтаній съ обладаніемъ Шлезвигомъ, который по своему положенію представляетъ удобства для гаваней и господствуетъ надъ единственною сколько-нибудь значительною бухтою, которою располагаетъ Германія, или собственно Пруссія, на Нѣмецкомъ морѣ, именно бухтою Яде ((Ihde). Очень можетъ быть, что обладаніе Шлезвигомъ нѣсколько обезопасило бы сѣверныя границы Германіи и подвинуло бы впередъ развитіе морскихъ силъ ея, хотя и въ настоящее время, обладая устьемъ Эльбы, впадающей, какъ извѣстно, въ Нѣмецкое море, бухтою Яде и западнымъ берегомъ Голштиніи, германскій флотъ, еслибъ онъ существовалъ и еслибъ онъ былъ возможенъ, не былъ бы исключительно запертъ въ Балтійскомъ морѣ и имѣлъ бы всегда свободную стоянку въ открытыхъ моряхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ флотъ, существуетъ пока только въ воображеніи германскихъ патріотовъ, и едва ли соотвѣтствуетъ какой-либо дѣйствительной потребности. „Трудно назвать, по словамъ графа Эллленборо, какую-либо другую страну, для которой флотъ былъ бы менѣе нуженъ чѣмъ для Германіи. Германскія государства имѣютъ великое европейское значеніе вслѣдствіе того что они располагаютъ значительнымъ сухопутнымъ войскомъ, содержаніе котораго стало бы не возможно, еслибъ они обременили себя еще значительнымъ флотомъ. Такимъ образомъ великое европейское значеніе ихъ не увеличилось бы, а уменьшилось бы отъ того. Притомъ же торговля Германіи, при центральномъ положеніи въ Европѣ, мало нуждается въ покровительствѣ морскихъ военныхъ силъ, и они шли бы къ ней такъ же мало, какъ къ коровѣ сѣдло.“

Въ 1823 г. впервые голштейнское дворянство обратилось къ германскому сейму съ просьбою о принятіи мѣръ къ соединенію Шлезвига съ Голштейномъ посредствомъ одной и той же конституціи; но уполномоченный Пруссіи прямо отвѣчалъ тогда, что кромѣ многихъ другихъ соображеній, просьба Голштинцевъ не можетъ быть уважена уже потому что Шлезвигъ не принадлежитъ къ землямъ Германскаго Союза, и сеймъ не можетъ заниматься вопросами касающимися Шлезвига. Между тѣмъ ученые успѣли открыть въ архивахъ документы относящіеся къ 1448 г. и съ помощью различныхъ усилій извлекли изъ нихъ весьма сомнительное, даже въ научномъ отношеніи, заключеніе, что Шлезвигъ составлялъ нѣкогда одно цѣлое съ Голштейномъ. Въ 1842 г. германскіе патріоты сочинили и особый шлезвигъ-голштинскій флагъ, въ гербѣ котораго соединены два льва, означающіе Шлезвигъ, съ листомъ крашивы, означающимъ Голштейнъ: нечего и говорить, что это странный гербъ выданъ былъ за старинный. Клики и возбужденія со стороны Германіи, въ эпоху всеобщихъ смутъ въ Европѣ, произвели свое дѣйствіе и въ Шлезвигѣ, также точно, какъ клики и возбужденія нынѣшняго возстанія въ Польшѣ и въ Литвѣ. 24-го марта 1848 г. Шлезвигъ возмутился противъ короля Датскаго, при содѣйствіи его родственника герцога Аугустенбургскаго, свѣдома и съ согласія короля Прусскаго, какъ утверждаетъ графъ Эллленборо въ палатѣ лордовъ, и тотчасъ же на помощь къ нему были двинуты Прусскія войска. Война продолжалась всего нѣсколько дней: 16-го апрѣля уже Англія предложила свое посредничество, и оно было принято, потому что, кромѣ Англіи, Швеція, Франція и особенно Россія выразили свое неодобреніе образа дѣйствій Германіи. 25-го августа 1848 г. состоялось перемиріе, но въ 1849 г. снова начались военныя дѣйствія, прекратившіяся въ томъ же году вслѣдствіе перемирія 10-го іюня, за которымъ черезъ годъ (2-го іюля 1850 г.) послѣдовалъ миръ, заключенный въ Берлинѣ. Въ этомъ мирномъ договорѣ не было ничего сказано о Шлезвигѣ; но между прочимъ предоставлено королю датскому обратиться къ Германскому Союзу съ просьбою о занятіи Голштейна германскими войсками и о возстановленіи тамъ его власти. Такъ и случилось, и по просьбѣ самого короля австрійскія и прусскія войска вступили въ Голштейнъ, и не хотѣли выйдти изъ него до начала 1852 г., когда состоялись извѣстныя дипломатическія сдѣлки, возложившія на Данію различныя обязательства относительно не только

Голштейна, но всей Датской монархіи, такъ какъ это герцогство состоитъ подъ властію короля датскаго и такъ какъ часть населенія Шлезвига принадлежитъ къ нѣмецкому племени. Король обязался не включать Шлезвига въ число провинцій собственной Даніи, даровать равныя права обѣимъ національностямъ, дать особыя политическія и административныя учрежденія каждой изъ 4 составныхъ частей королевства, предоставить каждой изъ нихъ равныя права и соединить ихъ общею конституціею, съ согласія ихъ мѣстныхъ сеймовъ. Объ этой-то сдѣлкѣ высказалъ графъ Россель приведенное нами выше мнѣніе, прибавивъ для большей ясности: „Король датскій имѣлъ полное право сказать въ 1850 г.: „Я не допускаю никакого постороннаго вмѣшательства“; но онъ этого не сдѣлалъ, и теперь когда подобныя условія состоялись совершенно справедливо требовать, чтобы датское правительство выполнило ихъ.“

Но точное выполненіе этихъ условій оказалось съ самаго начала невозможнымъ. Когда отдѣльнымъ составнымъ частямъ королевства предоставлено было имѣть свои особыя представительныя учрежденія, оказалась рѣшительная необходимость для поддержанія государственнаго единства, образовать крѣпкое общее народное представительство въ столицѣ государства. Но такъ какъ общая конституція, по условіямъ заключеннымъ въ 1851 и 1852 гг. съ Австріею и съ Пруссіею, могла быть введена только съ согласія мѣстныхъ сеймовъ, и такъ какъ общее народное представительство лучше всего могло скрѣпить государственное единство, то чины Голштейна, желая всячески противодѣйствовать упроченію этого единства, высказались въ 1853 г. рѣшительно противъ общаго представительства и въ пользу прежняго бюрократическаго порядка по общимъ государственнымъ дѣламъ при совѣщательныхъ собраніяхъ для каждой изъ отдѣльныхъ частей монархіи. Пришлось нарушить одно изъ условій 1852 г., и дать общую конституцію безъ согласія мѣстныхъ сеймовъ, что и случилось въ 1855 г. При образованіи общаго народнаго представительства, датскій элементъ, какъ болѣе многочисленный, естественно получалъ перевѣсъ, между тѣмъ какъ въ условіяхъ 1852 г. шла рѣчь о равенствѣ правъ Нѣмцевъ и Датчанъ не только въ отдѣльности, но и областей населенныхъ исключительно или преимущественно тѣми или другими: новый поводъ къ возгласамъ со стороны Германіи и со стороны Нѣмцевъ Голштейна и Шлезвига. Въ 1858 г. король принужденъ былъ уступить этимъ возгласамъ и требованіямъ германскаго сейма, и уничтожить дѣйствительность конституціи 1855 г. по отношенію къ Голштейну и Лауэнбургу, какъ землямъ входящимъ въ составъ Германскаго Союза, при чемъ и представители Шлезвига не являлись уже болѣе на сеймъ въ Копенгагенъ.

Между тѣмъ нѣмецкое населеніе Шлезвига находило нѣкоторыя причины жаловаться на образъ дѣйствій датскаго правительства, особенно въ томъ что̀ касается до употребленія нѣмецкаго языка въ церквахъ и въ школахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе смѣшанное; право петицій очень ограниченно: коллективныя прошенія, за подписью болѣе чѣмъ трехъ лицъ, запрещены, и между тѣмъ какъ въ собственной Даніи печать совершенно свободна, изданіе газетъ на нѣмецкомъ языкѣ встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія. Графъ Россель думалъ было исправить дѣло и устранить неудовольствіе Германіи, и въ депешѣ своей, въ апрѣлѣ 1861 г., предложилъ копенгагенскому кабинету предоставить Шлезвигу снова высылать своихъ представителей на общій сеймъ Датской монархіи, что̀ одобрено было Россіей, но не Франціей, которая повидимому не считала этой мѣры способною примирить Германію съ Даніей. Раздраженіе первой дошло до того, что на сеймѣ во Франкфуртѣ заговорили уже о военной экзекуціи. Чтобы предупредить эту мѣру, которая могла повести къ столкновеніямъ между Франціей и Германіей, Англія снова выступила съ предложеніемъ, которое напередъ одобрено было Пруссіей и Австріей, и по мнѣнію графа Росселя, достаточно обезпечивало цѣлость и независимость Датской монархіи. Планъ этотъ предложенъ былъ имъ копенгагенскому кабинету въ сентябрѣ 1862 года, и заключается въ томъ, чтобы каждой изъ четырехъ составныхъ частей Датскаго королевства предоставлено было имѣть свой особый сеймъ съ законодательною властію и правомъ вотировать бюджетъ, но чтобы для удовлетворенія общимъ нуждамъ государства составляемъ былъ одинъ разъ на 10 лѣтъ нормальный бюджетъ для всего государства, который

бы разсматривался и утверждался каждымъ изъ сеймовъ особо. Очевидно, что такой планъ не могъ быть принятъ Даніей добровольно. Датское правительство рѣшилось созвать чины Голштейна, и когда они оказались также враждебны какъ и прежде, тогда 30-го марта нынѣшняго года былъ изданъ королевскій патентъ, которымъ предоставлена Голштейну почти полная самобытность подъ властію Датскаго короля, но съ тѣмъ чтобы до Шлезвига не было уже никакого дѣла Германіи. Этотъ патентъ нарушаетъ условія 1852 г. по отношенію къ Шлезвигу, хотя и удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ Германіи относительно Голштейна. Какъ извѣстно, онъ вызвалъ тотчасъ же отдѣльныя и коллективныя ноты со стороны Австріи и Пруссіи; въ германскій сеймъ поступили также предложенія отъ Ганновера, отъ Ольденбурга и, наконецъ, отъ Пруссіи и Австріи вмѣстѣ. Предложеніе Ольденбурга, которому сочувствуютъ и Баденъ, и либеральныя партіи всей Германіи, направлено къ тому, чтобы воспользоваться патентомъ 30-го марта и разорвать всѣ условія 1852 г., не исключая даже и лондонскаго протокола, обезпечивающаго наслѣдованіе датскаго престола за принцемъ Христіаномъ, отцомъ нынѣшней принцессы Вельсской: такимъ образомъ расчищено было бы поприще для завоевательныхъ затѣй Германіи по отношенію къ Шлезвигу.

Австрія, которая, собственно говоря, очень мало заинтересована въ этомъ вопросѣ, которая вовсе не лелѣетъ мечтаній о могущественномъ германскомъ флотѣ и о присоединеніи Шлезвига къ Германіи и даже неблагопріятно расположена къ этимъ планамъ, такъ какъ они увеличили бы только могущество и сферу дѣйствія и вліянія Пруссіи, Австрія сочла однакоже своимъ долгомъ погорячиться, и, полагаясь на свое теперешнее сближеніе съ западными державами, заговорила о томъ, чтобы занять войсками Германскаго Союза Голштейнъ и тѣмъ вынудить у короля датскаго выполненіе условій 1852 г. Дѣло шло для нея главнѣйшимъ образомъ о томъ, чтобы выступить ревностною защитницею германскихъ интересовъ и предводительницею Германіи въ дѣлѣ, которое пользуется такою общею популярностію. Но горячность эта была непродолжительна. Въ засѣданіи палаты лордовъ, 15-го мая, высказаны были сильныя симпатіи Англіи къ Даніи. „Цѣлость Датской монархіи, говорилъ графъ Дерби, есть дѣло жизненной важности для Англіи. Это — страна, въ которой существуетъ широкая, можетъ-быть, болѣе широкая чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, за исключеніемъ Англіи, личная и политическая свобода; это — страна дружественно расположенная къ Англіи и скрѣпившая свои узы съ Англіей родственнымъ союзомъ. Въ случаѣ европейской войны, благодаря мужеству своего народонаселенія и своему географическому положенію, она можетъ быть союзникомъ, важнымъ даже для Англіи.“ Графъ Эленборо предложилъ даже силою воспротивиться экзекуціи противъ Даніи. Графъ Россель, хотя и замѣтилъ, что Англія не имѣетъ на это права, насколько экзекуція могла бы быть вызвана положеніемъ дѣлъ въ Голштейнѣ, какъ въ странѣ, подлежащей вѣдѣнію германскаго сейма, но оговорилъ права Англіи и другихъ великихъ державъ во всемъ что касается до Шлезвига и до выполненія, отмѣны или видоизмѣненія условій, заключенныхъ въ 1851 и 52 году. Лордъ Водгаусъ, такъ же какъ и графъ Дерби, считали необходимымъ, чтобы британское правительство высказалось несомнѣннымъ образомъ противъ „нелѣпыхъ“ притязаній Германіи. „Если Данія обязана своею честью, замѣтилъ лордъ Водгаусъ, выполнить условія договоровъ, то и Германія тоже обязана честью не полагать непреодолимыхъ препятствій къ ихъ выполненію.“

Россія точно также имѣетъ свои причины дорожить цѣлостію и независимостію Даніи, какъ страны, господствующей надъ всѣми выходами и входами въ Балтійское море, какъ страны, имѣющей наибольшій флотъ изъ всѣхъ второстепенныхъ морскихъ державъ, соединеніе которыхъ противъ Англіи, при случаѣ, могло бы оказаться и желательнымъ, и возможнымъ для Россіи.

Наконецъ, что касается до Франціи, то кромѣ тѣхъ же самыхъ соображеній, все что можетъ содѣйствовать усиленію Германіи, уже по тому самому должно встрѣчать съ ея стороны сопротивленіе.

Слѣдуя ли внушеніямъ Россіи и Англіи, или же опасаясь при нынѣшнихъ обстоятельствахъ войнолюбія Франціи, Пруссія успѣла склонить Австрію къ тому, чтобы въ общемъ ихъ предложеніи германскому сейму не было и рѣчи о военной экзекуціи, о запятіи Голштейна въ видѣ залога, а только о представленіяхъ копенгагенскому кабинету противъ нарушенія трактатовъ 1851

и 1852 гг. Такимъ образомъ, насколько извѣстно въ настоящее время, великія державы расположены въ пользу сохраненія этихъ договоровъ, и Данія, по всей вѣроятности, принуждена будетъ уступить имъ, съ тѣмъ чтобы Германія своими возбужденіями и подстрекательствами не препятствовала установленію общей конституціи и образованію общаго народнаго представительства. Германія, по отношенію къ шлезвиго-голштинскому вопросу, играетъ точь-въ-точь такую же роль какъ Англія и особенно Франція по отношенію къ польскому вопросу. Безъ Англіи и Франціи не было бы польскаго возстанія; безъ Германіи легко могла бы осуществиться датская конституція 1855 г. Замѣчательно, что даже нѣмецкое дворянство Голштиніи и Шлезвига въ пользу соединенія съ Даніей. Оно желало бы только возвратиться ко временамъ, предшествовавшимъ 1846 г., когда члены этого дворянства, при упадкѣ дворянства датскаго съ 1660 г., бывали обыкновенно представителями датскаго короля за границей и занимали важнѣйшія придворныя и государственныя должности въ Копенгагенѣ. Они сидятъ теперь въ своихъ замкахъ, и крѣпко сердятся на Датчанъ за то, что они вытѣснили ихъ изъ всѣхъ этихъ должностей, и что королевскій дворъ почти закрытъ для нихъ. Такъ говоритъ сама *Кельнская Гизета*, ревностно преданная идеѣ о соединеніи Шлезвига и Голштейна, а при такомъ настроеніи высшаго класса населенія достаточно будетъ нѣкоторыхъ усилій со стороны короля и прекращенія подстрекательствъ со стороны Германіи для привлеченія дворянства, а съ нимъ и всей страны къ дѣлу государственнаго единства Датской монархіи. Замѣчательно, что послѣдніе чины Голштейна въ адресѣ къ королю поставили единственнымъ возможнымъ условіемъ соединеніе этого герцогства съ Шлезвигомъ, но въ своемъ прошеніи германскому сейму они уже совсѣмъ не упоминаютъ объ этомъ.

Шлезвигъ-голштинскій вопросъ, смутившій было на время европейскія державы и угрожавшій новыми компликаціями, легко можетъ уладиться мирными способами. Будемъ надѣяться на такое же разрѣшеніе и польскаго вопроса, и воспользуемся нѣкоторыми указаніями и примѣрами, какими довольно богатъ вопросъ шлезвигъ-голштинскій.

№ 103.

Москва, 12-го мая.

Что лучше, открытая и честная война, или другаго рода война, которая ведется подземными кознями, революціями и мятежемъ, а сверху имѣетъ благовидную наружность дипломатическихъ переговоровъ и международныхъ конференцій? Мы не рѣшаемъ, что лучше; но едва ли народное чувство не отдастъ предпочтеніе перваго рода войнѣ передъ второю, исполненною всякой нечистоты и гораздо болѣе изнурительною и опасною.

Чувство постояннаго униженія, въ которомъ мы теперь находимся, состоя подъ судомъ и слѣдствіемъ, нестерпимо для народа не лишеннаго чувства чести и уваженія къ себѣ, и совершенно невозможно для великой державы. Съ чѣмъ можно сравнить, напримѣръ, эти наглыя требованія, которыя заявляются иностранною печатью, чтобы наше правительство заключило перемиріе съ революціей на время конференцій, или даже на цѣлый годъ? Да и вообще самый фактъ дипломатическихъ объясненій по возникшимъ у насъ затрудненіямъ,—независимо даже отъ того презрительнаго тона, съ какимъ ведутся эти объясненія, независимо отъ придирокъ, грубости и недобросовѣстности, съ которыми къ намъ обращаются, не затрудняясь даже пріисканіемъ благовидныхъ предлоговъ,—самый фактъ этихъ объясненій есть для Россіи невыносимая обида, особенно когда онъ какъ бы узаконяется и длится неопредѣленное время. Весь этотъ фактъ есть наругательство надъ нами, есть оскорбительное изобличеніе насъ въ несостоятельности; этимъ фактомъ вынуждаемся и сами мы чувствовать себя безсильнымъ и униженнымъ народомъ. Такое чувство, à la longue, либо подорветъ силу народнаго духа, либо доведетъ его до крайняго раздраженія.

Въ самомъ дѣлѣ, только къ слабому и презрительному можно обращаться такъ, какъ обращаются къ намъ теперь европейскія державы. Въ началѣ Европа, можетъ-быть, и дѣйствительно была увѣрена, что мы лишены всякой силы отпора, что мы оторопѣемъ и будемъ согласны на всякія ея требованія. Теперь Европа этого не думаетъ; она увѣрилась, что русскій народъ не есть бездушная масса, съ которою можно поступить какъ угодно; она увѣрилась,

что Русская земля есть цѣльное живое единство, которое сильно отзовется во всѣхъ своихъ частяхъ при всякомъ на него покушеніи. Однако переговоры продолжаются; фактъ оскорбляющій наше народное чувство остается во всей силѣ; намъ грозятъ еще конференціями; насъ хотятъ совсѣмъ взять въ опеку. Значитъ, для заявленія силы недостаточно однихъ словъ, какъ бы они ни были искренни, и какъ бы ни мало было сомнѣнія въ ихъ способности и готовности перейдти въ дѣло. Слова все-таки не болѣе какъ слова; они разносятся вѣтромъ и забываются. Словъ недостаточно для того чтобы заявить серіозную готовность народа отстаивать свою честь и свое достояніе. Вѣрное и несомнѣнное правило: для того чтобы предупредить войну надобно показать серіозную къ ней готовность, *para bellum si vis pacem*. Вооруженный и готовый къ защитѣ менѣе подвергается опасности нападенія нежели не вооруженный и беззащитный. Придираются только къ слабымъ, а не къ сильнымъ. Между Англіей и Франціей давно бы вспыхнула война, еслибъ обѣ державы давно не вели ея между собою непрерывными вооруженіями: на каждый новый французскій корабль Англія отвѣчала двумя или тремя; на каждое новое усиленіе наступательныхъ средствъ одной державы, другая держава отвѣчала еще бо́льшимъ развитіемъ своихъ оборонительныхъ средствъ, сооруженіемъ береговыхъ укрѣпленій, двумя сотнями тысячъ волонтеровъ. Въ Англіи начали составляться дружины волонтеровъ, когда еще никакой серіозной опасности вторженія не было, но когда тѣмъ не менѣе и въ палатахъ, и на митингахъ, и въ журналахъ, всѣ то-и-дѣло толковали о грозящей опасности вторженія и о необходимости неотлагательно принимать самыя рѣшительныя мѣры для защиты. Напрасно съ другаго берега Канала упрекали англійскихъ патріотовъ въ излишней пугливости, смѣялись надъ ихъ опасеніями и представляли факты противъ ихъ основательности,— въ Англіи набатный колоколъ не умолкалъ, и бывало сэръ-Чарльзъ Непиръ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, вставалъ и плакался на бѣдственное положеніе Англіи, на ея безпомощность; повидимому, всѣ вопросы, всѣ другіе интересы были подчинены и пожертвованы одной господствующей всепоглощающей потребности усилить оборонительныя средства, хотя они и безъ того были достаточно сильны. Теперь ни о вторженіи, ни о необходимости вооружаться нѣтъ болѣе рѣчи; давнымъ давно прекратилась эта агитація, которую въ Англіи называли въ шутку *the invasion panic*: теперь Англія не только обезпечила себя отъ всякаго вторженія (она и прежде была достаточно обезпечена въ этомъ отношеніи), но даже всякую мысль о вторженіи она превратила въ нелѣпость и сумасбродство. Собственно говоря, Англія нуждалась въ усиленіи своихъ оборонительныхъ средствъ не съ тою цѣлью, чтобъ охранить свои берега отъ завоевательныхъ покушеній, но чтобъ этимъ развитіемъ своей національной обороны получить новую силу въ Европѣ и превозмочь возроставшую силу Франціи. Энергическимъ развитіемъ системы національной обороны Англія не только сдѣлала невозможнымъ оскорбить или унизить ее даже мыслію о какомъ-нибудь покушеніи на ея берега, но и пріобрѣла новое громадное вліяніе въ рѣшеніи европейскихъ дѣлъ, чего собственно ей и требовалось.

Возможно-ли было бы обращаться къ Англіи по поводу Іоническихъ острововъ, которые постоянно были недовольны своимъ положеніемъ,—возможно ли было бы обращаться къ Англіи даже съ самыми вѣжливыми запросами объ этихъ островахъ, даже съ самыми учтивыми совѣтами какъ устроить ихъ, хотя вѣнскій трактатъ давалъ другимъ державамъ большее право на это чѣмъ на вмѣшательство въ польскія дѣла? Наконецъ, принимали ли относительно насъ западныя державы, въ 1830 году, этотъ оскорбительный и настойчивый тонъ, который сочли онѣ возможнымъ принять теперь?

Вся бѣда въ томъ, что европейскія державы находятъ насъ недостаточно склонными или способными къ поддержанію нашей чести и нашихъ правъ. Онѣ знаютъ, что въ случаѣ крайней необходимости русскій народъ будетъ готовъ на всевозможныя жертвы. Но въ томъ-то и бѣда, что нашимъ недругамъ представляется возможность привести насъ въ несчастное и отчаянное положеніе жертвы; въ томъ-то и бѣда, что мы должны всѣмъ животомъ нашимъ обезпечивать свое достоинство, тогда какъ наши противники обращаются къ намъ какъ люди, которымъ ничего не стоитъ поступить такъ или иначе, которые могутъ свободно располагать своими средствами, которые могутъ говорить и дѣйствовать изъ

полноты силъ, безъ напряженія, безъ усилій, безъ всякой мысли о какихъ-нибудь тяжкихъ и крайнихъ жертвахъ. Европа знаетъ, что мы способны оказать крайнее сопротивленіе, когда придутъ къ намъ непрошенные гости; но въ томъ-то и бѣда что она не считаетъ насъ достаточно сильными для того чтобы предупредить возможность подобной крайности. Не хорошо то, что мы дозволяемъ нашимъ врагамъ поднимать вопросъ о нашей жизни и смерти; не хорошо то, что мы на каждомъ шагу должны напоминать имъ о нашей готовности пролить всю нашу кровь и лечь всѣми нашими костьми за свое политическое существованіе. Нельзя назвать хорошо-обезпеченнымъ положеніе того человѣка, который долженъ ежеминутно заявлять свою готовность жертвовать жизнію въ защиту каждаго изъ своихъ правъ и каждаго изъ своихъ интересовъ. Достоинство европейской націи не можетъ считаться обезпеченнымъ, если она не кажется достаточно могущественною, для того чтобы безъ особенныхъ напряженій и усилій отразить всѣ покушенія на ея права. Нація могущественна только тогда, когда никому не представляется возможность серіозно поставить вопросъ о ея жизни и смерти. Всякому извѣстно, что все живущее одарено инстинктомъ самосохраненія; всякому извѣстно, что все живущее будетъ до упаду силъ отбиваться отъ смертной опасности. Но почетно ли, выгодно ли для народа такое положеніе, въ которомъ онъ долженъ безпрерывно прибѣгать къ послѣднему аргументу всего живущаго, къ чувству и силѣ самосохраненія?

Итакъ, въ томъ нѣтъ еще признаковъ уважительнаго европейскаго могущества, что мы готовы до послѣдней капли крови и до послѣдняго издыханія биться *pro aris et focis*. Того-то можетъ-быть и хотятъ наши недруги, чтобъ, унизивъ, оскорбивъ и оборвавъ насъ, потомъ толкнуть насъ въ ту послѣднюю борьбу, гдѣ дѣло будетъ идти не о чести или достоинствѣ нашемъ, а о самомъ нашемъ существованіи.

Русскій человѣкъ не пугливъ и не нервенъ: это его хорошее качество. Онъ не любитъ хвастаться ни прежде, ни послѣ дѣла; эффектныхъ демонстрацій онъ не любитъ; онъ не будетъ обѣщать того чего не исполнитъ, и въ дѣлѣ онъ всегда будетъ благонадеженъ. Это знаютъ и наши недруги, знаютъ всѣ тѣ, которые видали, съ какимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ умѣютъ солдаты наши стоять и падать рядами подъ ожесточеннымъ огнемъ батарей. Безстрашіе и стойкость русскаго простаго человѣка вошла въ пословицу, и Фридрихъ Великій говаривалъ, что легче убить русскаго солдата, чѣмъ свалить его съ ногъ. Но есть и другія пословицы, представляющія то же свойство нашего народа въ свѣтѣ менѣе выгодномъ. „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, говорятъ пословица. „Русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ“, говоритъ другая. Не надобно ждать опасности для того чтобы готовиться встрѣтить ее; надо поставить себя такъ, чтобы дѣло, по возможности, и не доходило до опасности. Всякій, кто наблюдалъ теперь настроеніе духа во всѣхъ слояхъ нашего народа, знаетъ какимъ сильнымъ патріотизмомъ оживлены у насъ всѣ сословія, и какъ дружно сливаются они въ этомъ чувствѣ. Въ патріотическихъ заявленіяхъ, которыя отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи раздаются теперь передъ престоломъ, вездѣ говорится и, конечно, не для украшенія слога, о полной готовности жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Но обѣщанія жертвовать всѣмъ недостаточны для того чтобы поправить наши дѣла и возстановить наше національное достоинство; они недостаточны именно по своей крайности и чрезмѣрности. Общество проснулось, подняло голову и громогласно, тысячами голосовъ, провозгласило, что оно встанетъ и будетъ крѣпко защищаться когда придутъ грабить его домъ и рѣзать его дѣтей. Достаточно ли это? Можетъ ли это внушить къ намъ уваженіе? Можетъ ли это возстановить нашу честь, особенно когда послѣ этихъ провозглашеній мы снова завернемся и заснемъ? Наконецъ, согласно ли съ достоинствомъ великой державы допускать мысль о такой опасности, которая потребуетъ отъ насъ крайнихъ жертвъ, особенно въ дѣлѣ, гдѣ мы совершенно правы и гдѣ должны быть несомнѣнно могущественны?

Къ сожалѣнію, наше общество не привыкло къ самодѣятельности, и русскіе люди не вдругъ обнаруживаютъ энергію и находчивость въ общественномъ дѣлѣ. Однако и намъ пора уже выходить изъ нашей обычной апатіи; пора и намъ, между изъявленіями нашей готовности къ крайнимъ жертвамъ, и дѣйствительнымъ принесеніемъ этихъ жертвъ, поставить что-нибудь на полупути, что-нибудь посрединѣ, что было бы посильнѣе слова и еще было бы да-

леко отъ кровавыхъ и тяжкихъ жертвъ, и что напротивъ могло бы избавить нашъ народъ отъ необходимости приносить ихъ. Мы должны теперь же принимать мѣры для обороны, теперь, когда еще опасность не виситъ на носу. Только энергическимъ принятіемъ такихъ предупредительныхъ мѣръ можемъ мы сохранить нетронутымъ нашъ резервъ тяжкихъ и кровавыхъ жертвъ, которыя мы готовы принести. Мудрость и сила человѣческихъ дѣлъ заключается въ предусмотрительности. Это пуще всего должны зарубить себѣ на умъ наши патріоты.

Теперь когда у всѣхъ на языкѣ вопросъ о войнѣ, вы безпрерывно будете слышать проекты о томъ, какъ будемъ мы формировать народное ополченіе для того чтобы встрѣтить враговъ, сколько напримѣръ батальйоновъ выставитъ Москва, и какъ въ двѣ недѣли мы обучимъ ихъ стрѣльбѣ и всякой военной хитрости. Мы слышали подобныя рѣчи отъ людей серіозныхъ и патріотовъ, и признаемся слышали не безъ грусти. Вотъ такъ-то мы всегда дѣйствуемъ, а потомъ жалуемся на нашу горькую участь! Успокоившись чувствомъ своего патріотизма и своею готовностію на всякія жертвы въ минуту опасности, мы ничего и не дѣлаемъ для ея предотвращенія, между тѣмъ какъ истинный и разумный патріотизмъ состоитъ въ томъ чтобы заблаговременно ограждать отечество отъ опасности и тѣмъ всего вѣрнѣе предотвращать ее. Какая радость жертвовать всѣми нашими средствами, благосостояніемъ цѣлыхъ классовъ общества, и вести на бойню дружины нашихъ мужичковъ, которые, конечно, не задумаются, какъ Курская дружина въ Крыму, броситься съ топорами на огнедышащія батареи? Чувствуютъ ли эти патріоты какъ расточителенъ ихъ патріотизмъ, сколько въ немъ апатіи, и какъ онъ мало согласуется съ истиннымъ гражданскимъ мужествомъ, съ истинною любовію къ отечеству, съ истинною преданностью къ своему народу? Нѣтъ, истинный патріотизмъ постарается сдѣлать ненужными подобныя крайнія и часто такъ безплодныя жертвы. Нѣтъ, истинный патріотизмъ состоитъ въ рѣшимости подвергнуть себя заблаговременно нѣкоторымъ тягостямъ и лишеніямъ, чтобы поддержать честь и права своего народа, и тѣмъ избавить его отъ страшнаго расточенія крови и силъ. Изъ 230.000 англійскихъ волонтеровъ ни одному не пришлось пролить въ битвѣ свою кровь, а между тѣмъ, благодаря имъ, Англія одержала много блистательныхъ побѣдъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, пришлось бы покупать тяжкими и кровавыми усиліями.

Но, скажутъ, мы находимся въ иныхъ обстоятельствахъ; что легко въ Англіи, то у насъ трудно и даже невозможно. Начать съ того, что мы не такъ богаты, что мы не можемъ тратить такихъ громадныхъ суммъ въ предупрежденіе еще не наступившей опасности. (какъ будто впрочемъ пріятнѣе и выгоднѣе тратить громадныя суммы передъ лицомъ уже наступившей опасности!) Но отнюдь и не требуется дѣлать то что дѣлала у себя Англія. У насъ есть свои условія, свои обстоятельства, свои потребности, свои удобства; но мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія уступать другимъ народамъ привилегію на предусмотрительность, благоразуміе и просвѣщенный патріотизмъ, который держитъ въ резервѣ крайнія жертвы, а не выдвигаетъ ихъ впередъ, и старается дѣйствовать такъ, чтобы на нихъ не разчитывать.

Дѣло извѣстное: въ регулярныхъ битвахъ лучше всего регулярныя войска. Какимъ бы отличнымъ духомъ ни были исполнены дружины народнаго ополченія, какъ бы успѣшно ни удалось намъ дисциплинировать и обучить ихъ военному дѣлу въ самое короткое время, какъ бы ни были хорошо онѣ вооружены, всетаки для войны гораздо пригоднѣе настоящія войска и гораздо лучше обойдтись ими одними, безъ пролитія лишней крови. Армія наша очень велика, и находится въ лучшемъ состояніи чѣмъ когда-либо прежде. Мы можемъ выставить достаточное число штыковъ, чтобы достойно встрѣтить какую угодно грозную армію, которая вторглась бы въ наши предѣлы. Мы слишкомъ привыкли считать себя слабыми и сами не цѣнимъ нашихъ силъ по достоинству, точно также какъ въ прежнее время мы страдали другою крайностью, считая себя непомѣрно сильными и находя излишнимъ заботиться даже объ улучшеніи нашего оружія, или о заведеніи болѣе раціональныхъ порядковъ въ нашемъ военномъ устройствѣ. Итакъ, арміи у насъ достаточно; она лучше вооружена чѣмъ когда-либо прежде, и стоитъ только взглянуть на лица нашихъ солдатъ, когда они строемъ проходятъ мимо васъ, чтобъ успокоиться духомъ и убѣдиться какъ благотворно прошли для нихъ годы нынѣшняго царствованія, несмотря на то что оно на-

чалось послѣ тяжелой и неудачной войны. Но наши войска разбросаны на громадномъ пространствѣ; на нихъ падаетъ не только охраненіе границъ, а также охраненіе внутренней безопасности. Ни одно государство не можетъ обходиться безъ вооруженной силы для охраненія спокойствія и порядка внутри своихъ владѣній. Но если бы наше правительство теперь же имѣло въ своихъ рукахъ очевидную для всѣхъ возможность употребить всю массу своихъ наличныхъ военныхъ силъ на отраженіе внѣшнихъ враговъ, еслибы Европа теперь же видѣла и осязала эту возможность, то наше европейское положеніе немедленно измѣнилось бы къ лучшему. Семьсотъ тысячъ штыковъ, которые могли бы быть употреблены при первой надобности противъ непріятеля,—семи сотъ-тысячная армія, состоящая изъ опытныхъ солдатъ, готовая и даже ненуждающаяся въ укомплектованіи посредствомъ новаго рекрутскаго набора, сила очень уважительная, сила очень почтенная, которая сразу заставила бы Европу говорить съ нами инымъ языкомъ. Но какъ бы мы ни увѣряли Европу, что легко можемъ выставить огромную военную силу противъ непріятельскаго нашествія, мы не убѣдимъ ея. Люди убѣждаются только въ томъ, что является передъ ними съ грубымъ краснорѣчіемъ факта. Европа очень хорошо знаетъ численность нашимъ военныхъ силъ, но она также знаетъ, что такая громадная страна какъ Россія не можетъ оставаться внутри безъ достаточной вооруженной силы. Кромѣ того, Европа имѣетъ нѣкоторое основаніе думать, что внутри Россія теперь менѣе безопасна чѣмъ въ другое время; она знаетъ, что кромѣ великихъ державъ, съ которыми намъ приходится теперь имѣть дѣло, мы имѣемъ дѣло еще съ особою державой, у которой нѣтъ территоріи, но которая какъ воронье является вездѣ, гдѣ только есть или гдѣ только готовится падаль. Государственные люди въ Европѣ знаютъ, что противъ Россіи напрягаетъ теперь свои усилія вся организованная европейская революція,—да и какъ имъ не знать этого, когда они сами не прочь подсобить ей и направить ее куда имъ нужно? Она уже разыгралась въ Польшѣ, она уже разбрасывается по всему пространству нашихъ западныхъ губерній, и она конечно воспользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы прорваться тамъ или тутъ на громадномъ протяженіи Россіи, пользуясь организаціей польскихъ революціонныхъ комитетовъ и тѣми пороховыми дорожками, которыя они не затруднятся проложить въ разныхъ направленіяхъ между центральными пунктами Россіи. Россія есть страна самая антиреволюціонная въ цѣломъ мірѣ: Европа все болѣе и болѣе убѣждается въ этомъ; въ этомъ же все болѣе и болѣе убѣждается и организованная европейская революція, которую она насылаетъ на насъ. Въ твердынѣ нашего народа, въ сословіяхъ русской земли, нѣтъ и тѣни того, что называется революціоннымъ элементомъ. Разчетъ поднять наши народонаселенія какими-нибудь революціонными призывами, оказался невозможнымъ, и разчетъ этотъ брошенъ. Но если оказалось невозможнымъ произвести въ Россіи настоящую революцію; то можетъ-быть еще не потеряна надежда произвести революцію фальшивую, къ которой представляетъ всѣ удобства организованное возстаніе въ Польшѣ. Для цѣлей революціи, равно какъ и въ интересѣ враждебныхъ намъ державъ, достаточно произвести у насъ всякаго рода замѣшательства и смуты въ какомъ бы то ни было направленіи и смыслѣ. На это несомнѣнно разчитываютъ наши враги; это положительно имѣется въ виду европейскими правительствами. Вотъ почему преимущественно считаютъ они насъ теперь слабыми; вотъ почему, несмотря на всѣ симпатическіе признаки новой жизни открывающейся для Россіи, несмотря на всѣ реформы, которымъ еще такъ недавно рукоплескала вся Европа, она обращается съ нами такъ дурно и такъ презрительно, какъ никогда прежде. Если мы хотимъ выйдти изъ этого тягостнаго и оскорбительнаго положенія, то мы должны немедленно доказать всю ошибочность разчета на поживу для иноземной революціи въ нашемъ отечествѣ и на слабость нашего сопротивленія для отпора внѣшнихъ враговъ. Всякая комбинація, которая представитъ въ совершенной очевидности способность страны въ одно и то же время и встрѣтить внѣшнихъ враговъ, и предупредить всякія замѣшательства внутри, подавить легко какое бы то ни было покушеніе на общественную безопасность,—всякая такая комбинація тотчасъ же дастъ намъ возможность говорить съ Европой языкомъ великой державы. Нечего заявлять, что мы сдѣлаемъ то-то и то-то въ будущемъ; надобно немедленно сдѣлать что нибудь въ настоящемъ. Мы

должны теперь же показать, что можемъ вполнѣ удовлетворительно организовать и нашу внѣшнюю, и нашу внутреннюю защиту; мы должны теперь же на дѣлѣ показать, что для охраненія внутренней безопасности потребуется лишь незначительное количество военныхъ командъ, и что вся сила нашей арміи можетъ двинуться наступательно и оборонительно противъ внѣшнихъ враговъ. Словами и обѣщаніями никого мы въ этомъ не увѣримъ, но мы заставимъ серіозно объ этомъ подумать всякаго, если покажемъ на дѣлѣ хотя какіе-нибудь начатки подобной организаціи въ нашемъ обществѣ.

Вотъ почему мы съ особымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мысль, которая возникла въ разныхъ слояхъ московскаго городскаго общества, и которую намѣрены поднять многіе изъ членовъ нашей Общей Городской Думы въ первое же за симъ засѣданіе ея,—мысль объ организаціи мѣстной стражи, которая, въ случаѣ надобности, могла бы замѣнить или усилить военный гарнизонъ города. Стража эта должна состоять изъ мѣстныхъ обывателей и вообще городскихъ собственниковъ, находиться подъ контролемъ Думы, но подъ управленіемъ военнаго начальника, при нѣкоторомъ небольшомъ количествѣ военной команды, которая послужила бы для нея кадрами, между тѣмъ какъ остальныя войска были бы въ готовности двинуться при первой надобности. Все практическое значеніе этой мысли состоитъ въ томъ, чтобы немедленно же приступить къ ея исполненію, а не откладывать ее до тѣхъ поръ пока войска дѣйствительно куда-нибудь потребуются. Главная цѣль этой организаціи и состоитъ именно въ томъ, чтобы войска ни куда не потребовались, а между тѣмъ ежеминутно готовы были бы двинуться, безъ всякаго замѣшательства, затрудненій и лишнихъ жертвъ.

Желаемъ полнаго успѣха этому предположенію, которое свидѣтельствуетъ какъ серіозно нашимъ обществомъ принимается современное положеніе дѣлъ, и какъ мало походитъ пробудившійся въ немъ патріотическій духъ на ту гнилую апатію, которая не хочетъ шевельнуть пальцемъ пока не грянетъ громъ, и которая только въ томъ и полагаетъ патріотизмъ, чтобы съ варварскою расточительностію обѣщать страшныя жертвы, которыхъ можно было бы избѣжать благовременною энергіей, и которыя дѣйствительно придется приносить благодаря этой апатіи, неспособной ничего предусмотрѣть, ничего сообразить и ничего сдѣлать безъ тукманки по лбу.

Предполагаемая организація мѣстной городской стражи, предпринятая вовремя, обойдется безъ отягощенія и безъ пожертвованій для жителей. Войска наши еще, слава Богу, на мѣстѣ, и нѣтъ надобности обременять мѣстную стражу всѣми тѣми обязанностями, которыя лежатъ на войскахъ. Въ настоящее время достаточно было бы только самаго факта организаціи, а служебныя тягости были бы еще впереди, въ возможности еще довольно отдаленной. Достаточно было бы этимъ стражамъ только пріучаться къ отправленію обязанностей, которыя теперь лежатъ на военномъ гарнизонѣ, достаточно было бы собираться въ опредѣленные дни и часы для выправки, привыкать къ точности и дисциплинѣ, поочереди ходить патрулями и т. п. Всякій безъ отягощенія, весело и бодро, несъ бы эту повинность, которая, сверхъ своей важной практической цѣли, внесла бы нѣкоторое разнообразіе въ нашу монотонную городскую жизнь и связала бы обывателей новымъ общимъ интересомъ. Эта организація послужила бы поддержкою и добрымъ употребленіемъ для возбужденнаго народнаго чувства. Пробудившійся патріотизмъ есть чистое золото, и грѣшно было бы не воспользоваться имъ. Такими минутами возбужденнаго народнаго чувства надобно дорожить, не давать ему испаряться, а постараться кристаллизовать его въ какомъ-нибудь положительномъ дѣлѣ. Возбужденное чувство не можетъ долгое время оставаться безъ пищи, безъ занятія, безъ дѣла. Предполагаемая организація можетъ дать ему эту пищу, можетъ дать ему это дѣло. Она сосредоточитъ его, она дастъ ему простую, но выразительную формулу, простой, но прекрасный символъ. Примѣръ Москвы заразителенъ и обязателенъ. Онъ отзовется въ цѣлой Россіи; и это новое выраженіе народнаго патріотизма болѣе чѣмъ что-либо въ настоящее время можетъ улучшить наше положеніе въ Европѣ, которая увидитъ предъ собою великую страну, не только спокойную, но и вполнѣ обезпеченную отъ всякихъ сюрпризовъ, свободную въ распоряженіи своими силами и вполнѣ готовую къ энергической оборонѣ.

№ 104.

Москва, 14-го мая.

Въ этомъ нумерѣ нашей газеты читатели найдутъ еще новыя депеши, обращенныя къ намъ по поводу Польши; за исключеніемъ вѣчно замиренныхъ Бельгіи и Швейцаріи и государствъ Германскаго Союза, Поляки заслужили отъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ сочувствіе, и мы получаемъ отовсюду добрые совѣты. „Не вся ль Европа тутъ была?“ можемъ мы повторить по случаю этого дипломатическаго похода на Русскую землю. Въ общемъ хорѣ не достаетъ еще Турціи и папы. Но, по всему вѣроятію, мы скоро узнаемъ что̀ рекомендуетъ намъ представитель исламизма, какой урокъ христіянскаго милосердія преподастъ онъ намъ и какія начала политической мудрости предложитъ онъ, основываясь на собственномъ опытѣ. Что касается до папы, то католическая *Кельнская Газета* сообщаетъ о собственноручномъ письмѣ римскаго первосвященника, въ которомъ онъ, въ качествѣ представителя двухъ властей, проповѣдуетъ о христіянскомъ милосердіи и тоже стоитъ за неприкосновенность трактатовъ, тоже требуетъ выполненія вѣнскаго акта. Увлекаясь общимъ стремленіемъ призывать противъ насъ условія поставленныя въ Вѣнѣ, папа забываетъ, что его предшественники протестовали противъ вѣнскаго трактата тотчасъ послѣ его заключенія; но чтобы придать больше силы своимъ представленіямъ, Пій IX опирается еще на трактаты 1773 и 1793 года, для обороны католицизма отъ православія.

Но сколько бы разъ ни перечитывали мы актъ вѣнскаго конгресса, мы не найдемъ въ немъ ничего, оправдывающаго притязанія папы. Въ этомъ актѣ ни слова не говорится о положеніи католической церкви въ Польшѣ. Всякому извѣстно, что подобныя условія входятъ въ составъ конкордатовъ, то-есть договоровъ заключенныхъ съ папою, и законовъ внутренне-государственныхъ. Россія заключила съ папою конкордатъ 1847 года, основанія котораго вошли въ одиннадцатый томъ свода законовъ. Здѣсь опредѣлено управленіе духовныхъ дѣлъ католиковъ въ западныхъ губерніяхъ, и сравнивая наши законы съ законами Франціи, гдѣ католицизмъ исповѣдывается огромнымъ большинствомъ народонаселенія, мы не замѣчаемъ никакой разницы въ отношеніяхъ государственной власти къ римскому двору. Собственно въ Имперіи существуетъ семь католическихъ епархій, изъ которыхъ одна, Могилевская, управляется архіепископомъ, имѣющимъ значеніе митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Архіепископъ-митрополитъ, епархіальные епископы и епископы-суффраганы назначаются Государемъ Императоромъ, послѣ предварительнаго соглашенія съ папою и послѣ каноническаго утвержденія ихъ. Эти лица, присягнувъ на вѣрность Императору, могутъ присягнуть и папѣ, по извѣстной формѣ. Они могутъ сноситься съ римскимъ дворомъ чрезъ посредство министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Таково же положеніе католической церкви и во Франціи, такъ что было бы странно, еслибы папа пытался получить больше правъ въ православной Россіи чѣмъ въ католической Франціи, которой государь титулуется старшимъ сыномъ католической церкви; было бы странно еслибы Франція одобряла въ другихъ странахъ такія притязанія папы, которымъ противится у себя дома. Правда, Австрія въ 1855 году показала крайній примѣръ смиренія передъ папою, вѣроятно, въ пику Піемонту,—и она можетъ-быть готова поддерживать папу; австрійскіе журналы наполняются описаніемъ мнимыхъ страданій, будто бы претерпѣваемыхъ католическою церковью въ Россіи. Но большинство Австрійцевъ высказалось противъ конкордата, и было бы непослѣдовательно даже со стороны австрійскаго правительства, наканунѣ отмѣны собственнаго конкордата, защищать положеніе дѣлъ осужденное его собственными подданными. Кому неизвѣстно, что папа ежегодно въ собраніи кардиналовъ изливаетъ іереміаду о бѣдствіяхъ религіи, и что всѣ привыкли къ этимъ часто повторяемымъ жалобамъ? Къ сожалѣнію, папу трудно утѣшить, потому что то чего онъ желалъ бы достигнуть было бы невыносимо для государственной власти. Мы знаемъ чего хотятъ французскіе и всякіе другіе ультрамонтаны,—но избави Богъ отъ осуществленія ихъ желаній! Очень естественно, что папа не покидаетъ надежды на возстановленіе своихъ прежнихъ отношеній къ католическому населенію всѣхъ странъ и хотѣлъ бы измѣнить въ свою пользу конкордатъ 1847 года; но Россія наученная опытомъ своимъ и чужимъ, не можетъ усту-

пить ни йоты. Нашъ конкордатъ 1847 года почти списанъ съ французскаго конкордата 1801 г.; мы должны пользоваться еще съ большею энергіей всѣми правами, которыя онъ предоставляетъ намъ, видя какъ католическое духовенство въ западномъ краѣ пользуются своимъ правомъ, чтобы побуждать свою паству къ нарушенію присяги. Когда церковь становится тайнымъ политическимъ обществомъ, то она теряетъ всякое право на уваженіе и неприкосновенность. Тѣмъ менѣе можетъ она надѣяться на полученіе льготъ и вліянія, когда уступать ей значитъ уступать революціи. Мы предоставляемъ Австріи допускать у себя надзоръ папы за преподаваніемъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и цензуру всѣхъ выходящихъ книгъ,— это ея внутреннее дѣло; но не можемъ связать себя подобными обязательствами въ пользу папы, хотя бы Пій IX и обѣщалъ за то свое пастырское посланіе къ повстанцамъ въ нашу пользу. Папа Пій IX, повидимому, слишкомъ увлекается общимъ настроеніемъ европейской дипломатіи. При нынѣшнемъ положеніи Россіи, думаетъ онъ, можно выговорить новый конкордатъ и пообѣщать за то папское увѣщаніе мятежникамъ. Но самъ святой отецъ рѣшительно не можетъ знать какое дѣйствіе произвело бы это посланіе на польскихъ красныхъ, пользующихся религіей какъ средствомъ. Мы же съ своей стороны очень хорошо знаемъ, что разъ допустивъ цѣпкое вмѣшательство главы католицизма въ наши внутреннія дѣла, мы его не выживемъ послѣ и накликаемъ на себя неисчислимыя затрудненія. Стóитъ дать католическому духовенству намекъ на право,—и оно захватитъ себѣ такую власть, съ которою трудно будетъ сладить.

Между тѣмъ, младшіе члены подобраннаго европейскаго хора просто печалуются о Польшѣ, старшіе или запѣвалы идутъ дальше. Англія, какъ слышно, предлагаетъ намъ прекратить военныя дѣйствія и заключить годовое перемиріе неизвѣстно съ кѣмъ. Около полугода тому назадъ подобное предложеніе было сдѣлано со стороны Франціи Америкѣ, послѣ почти двухлѣтней борьбы,—и Англія заодно съ Россіею нашла такое предложеніе нелѣпымъ. Сѣверяне, послѣ неоднократнаго пораженія своей арміи, послѣ того какъ Югъ почти организовался въ особое государство, съ негодованіемъ отвергли мысль о перемиріи, и въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе только усилили свою энергію въ войнѣ. Теперь Англія не считаетъ нелѣпостью предложить Россіи то, отъ чего отговаривала Францію еще такъ недавно относительно Сѣверной Америки. Эта непослѣдовательность лучше всего показываетъ, какой смыслъ имѣютъ дипломатическія представленія дѣлаемыя намъ со стороны западныхъ державъ. Кто изъ министровъ Англіи можетъ не понимать нашего теперешняго положенія относительно Польши? Мы имѣемъ дѣло не съ организованною арміею, занявшею крѣпости и отражающею всѣ нападенія; мы стоимъ лицомъ къ лицу съ небольшими шайками, скрывающими свои слѣды и прячущимися въ лѣсахъ; такъ-называемое центральное польское правительство не смѣетъ назвать себя по имени. Мы не ведемъ войны, а возстановляемъ порядокъ. Это возстановленіе порядка есть обязанность нашего правительства, отъ которой оно не можетъ отказаться и которую не имѣетъ права передать другому. Развѣ Англія можетъ обезпечить тѣхъ несчастныхъ крестьянъ, которымъ грозятъ мятежники? Развѣ она въ состояніи предупредить тѣ тайныя убійства, которыя совершаются ежедневно въ Царствѣ и въ западныхъ губерніяхъ? Нѣтъ возможности объяснить себѣ оскорбительныя предложенія Англіи иначе какъ желаніемъ поддерживать и ободрять мятежъ. Послѣ этого представляется самъ собою вопросъ: если дипломатическія сношенія превращаются въ средство поджигать Поляковъ къ мятежу, если депеши государственныхъ людей Англіи принимаютъ характеръ прокламацій, обращающихся въ сущности не къ Россіи, а къ шайкамъ повстанцевъ; то согласно ли съ интересами Россіи чтобы въ рукахъ Англіи оставалось это дешевое средство производить замѣшательства въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ? Ужь лучше вовсе прекратить дипломатическія сношенія, чѣмъ поддерживать ихъ на такомъ невыгодномъ для насъ основаніи. Пусть же чернила лорда Росселя хоть во что-нибудь обойдутся англійскому бюджету.

Мы говоримъ это въ предположеніи, что слухи о новой депешѣ лорда Росселя справедливы, чему мы все еще не можемъ вѣрить. Но во всякомъ случаѣ какъ бы ни были мягки и уклончивы дипломатическія выраженія новыхъ депешъ, отправленныхъ или отправляемыхъ къ намъ, наступаетъ наконецъ время рѣшительно поставить во-

просъ и отнять у дипломатическихъ актовъ характеръ зажигательныхъ пасквилей.

№ 105.

Москва, 15-го мая.

Слухи о намѣреніяхъ Англіи предложить годовое перемиріе между Россіей и польскимъ мятежомъ опровергаются изъ Вѣны, но этому опроверженію еще нельзя придавать большаго значенія, такъ какъ нашимъ читателямъ извѣстно, что эти слухи на дняхъ были повторены въ новомъ французскомъ изданіи *Mémorial diplomatique*, которое, не безъ основанія, считаютъ за органъ г. Друэнъ де-Люиса. Поэтому нельзя еще оставлять эти слухи совсѣмъ безъ вниманія. Интересно по ихъ поводу упомянуть, что такъ-называемое національное правительство Польши, Литвы и Руси, тайно засѣдающее въ Варшавѣ, отвергаетъ съ негодованіемъ перемиріе какъ одно изъ безсмысленныхъ ухищреній дипломатіи. Иначе и быть не могло. Послѣ того какъ амнистія презрительно отвергнута тайными предводителями польскаго возстанія, польская революція имѣетъ гораздо болѣе права и основанія отвергнуть перемиріе. Подпольное верховное правительство Польши, Литвы и Руси держится терроромъ, и прекратить партизанскую войну оно не можетъ; оно организовано лишь для тайнаго дѣйствія; оно располагаетъ неисчислимыми средствами, дѣйствуя тайнымъ убійствомъ, грабежомъ казенныхъ кассъ, и высылкою безбородыхъ юношей въ лѣса Польши или Литвы; все его призваніе — дѣлать какъ можно болѣе затрудненій законному правительству. Но оно рушилось бы, еслибы вышло на свѣтъ Божій. Оно можетъ только подкапываться подъ русское правительство и Русское государство, но оно превратилось бы въ нуль, коль скоро отказалось бы отъ своего теперешняго характера. Возможно ли ожидать чтобъ оно добровольно наложило на себя руки? Благодаря соединеннымъ усиліямъ и совѣтамъ всесвѣтной революціи, политика тайнаго національнаго правительства въ Варшавѣ доведена до виртуозности. Какже не продолжать ея до послѣдней возможности, то-есть до совершеннаго истощенія Польши? Вѣдь не Польша дорога революціонерамъ; не о польскомъ народѣ они заботятся: имъ дорога только революціонная Польша. Сгинетъ революція, такъ пускай же сгинетъ и Польша.

Виртуозы-заговорщики могутъ по правдѣ гордиться своимъ дѣломъ. Польское возстаніе ведется мастерски. Надобно сказать правду: ничего подобнаго никогда не было на свѣтѣ. Сѣти, которыми Вулканъ, по древнему сказанію, задержалъ бога войны на его брачномъ ложѣ, не могли быть ни тоньше, ни чаще тѣхъ сѣтей, которыя фабрикуетъ противъ насъ польская революція. Съ изумительною ловкостью, съ іезуитскою послѣдовательностью, съ презрѣніемъ ко всему святому, достойнымъ самыхъ преступныхъ Итальянцевъ XVI вѣка, съ идеализированною измѣной Конрада Валенрода, были заготовлены и разставлены эти сѣти. Чтобы выбиться изъ нихъ, нужна богатырская сила. Ковати сѣтей имѣютъ полное право любоваться дѣломъ рукъ своихъ; но какъ Вулкану въ баснѣ, такъ и имъ не придется получить отъ своей работы ничего болѣе кромѣ минутной возможности потрунить надъ неуклюжими движеніями исполина, опутаннаго ихъ сѣтями. Искусство ковать сѣти не даетъ силы. Вулкану удалось осѣтить Марса, но не удалось ни осилить его, ни отнять у него Венеру. Марсъ все-таки остался Марсомъ, богомъ войны и супругомъ Венеры, говоритъ греческое сказаніе, хотя безсмертные боги на Олимпѣ и похохотали вдоволь надъ смѣшнымъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ благодаря мстительности своего ревниваго соперника.

Европа можетъ смѣяться надъ нами, сколько ей угодно, но какъ бы ни было велико злорадство нашихъ европейскихъ недруговъ, они не будутъ въ силахъ ни пересоздать польскую революцію, ни воскресить отжившее и естественною смертью скончавшееся Польское государство. Изъ польской революціи ничего не можетъ выйдти прочнаго; она можетъ причинить Россіи много затрудненій, много замѣшательствъ всякаго рода, но все это могущество будетъ существовать только до тѣхъ поръ пока продолжается революція. Польское государство не можетъ быть возстановлено собственными средствами, и средства употребляемыя революціей вовсе не тѣ, которыми могло бы быть возстановлено Польское государство. Въ Польшѣ все заготовлено для революціи, а для самостоятельной государственной жизни ничего не готово, напротивъ всѣ основанія ея подкопаны. Еслибы

Европа, цѣною всеобщей войны, рѣшилась возстановить Польшу, и еслибъ это удалось ей, то и въ такомъ случаѣ результаты всѣхъ этихъ усилій были бы эфемерны, и Польша только еще разъ доказала бы невозможность своего существованія.

Мы совершенно свободны отъ чувства ненависти къ Полякамъ. Желаніе мести не находитъ въ насъ ни малѣйшаго отголоска. Высказывая безпощадный приговоръ, который исторія произнесла надъ Польшей, мы даже не побуждаемся опасеніемъ угрожающей намъ борьбы съ возстановленною Польшей. Это опасеніе совершенно основательно, и Россія не можетъ не имѣть его въ виду при рѣшеніи польскаго вопроса. Но и помимо русской точки зрѣнія, помимо голоса русской антипатіи и русскихъ государственныхъ интересовъ, нельзя не считать дѣла польской политической независимости окончательно проиграннымъ. На революціонныя конвульсіи, въ которыхъ изнываетъ эта несчастная страна, безпристрастный наблюдатель не можетъ смотрѣть безъ участія и состраданія, но эти же самыя чувства вызываются зрѣлищемъ всякой агоніи. Судъ исторіи жестокъ; онъ не считаетъ своихъ жертвъ; онъ не смягчается передъ героизмомъ отдѣльныхъ людей, идущихъ на пагубу за потерянное дѣло. Въ послѣдніе вѣка Рима пало еще болѣе чистыхъ и блестящихъ людей, и были совершены еще болѣе геройскіе подвиги чѣмъ въ „героической“ Польшѣ. Но Римъ тѣмъ не менѣе палъ, и никакія жертвы не искупили его. Онъ палъ, потому что высшее общество его разложилось; онъ палъ, потому что большинство его населенія, состоявшее изъ рабовъ и иностранцевъ, не имѣло патріотизма. Всѣ эти признаки государственной несостоятельности очевидны въ Польшѣ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Даже въ лагеряхъ мятежническихъ Поляки не въ силахъ дѣйствовать единодушно. Перебивъ въ началѣ возстанія безоружныхъ русскихъ солдатъ, они теперь вѣшаютъ и казнятъ другъ друга; безсиліе общества дошло до того, что лишь самая крайняя партія оказалась способною руководить возстаніемъ,—лишь та партія, которой религія есть разрушеніе общества и отъ которой сами польскіе патріоты стали бы искать спасенія не только подъ русскимъ, но хоть бы и подъ турецкимъ скипетромъ, еслибъ этой партіи пришлось восторжествовать въ борьбѣ съ Россіей и приняться за устройство внутреннихъ дѣлъ Польши. И между тѣмъ какъ въ высшихъ классахъ общества обнаруживается такое безсиліе, что даже чувство самосохраненія повидимому совершенно исчезаетъ, между тѣмъ какъ средніе классы состоятъ преимущественно изъ Евреевъ, что мы видимъ въ польскомъ народѣ? Большинство остается вѣрно своему законному Государю, а гдѣ терроръ и измѣнническая проповѣдь требуютъ отъ крестьянъ, чтобъ они нарушили законную присягу и присягнули революціонному правительству, тамъ крестьяне идутъ какъ стадо, не только безъ энтузіазма, но съ полнымъ недовѣріемъ къ дѣлу, за которое имъ велятъ проливать свою кровь. Такъ ли сражаются народы за свою независимость? Такъ ли сражались Сербы съ Турками, Испанцы съ Французами?

Польское государство есть дѣло польской шляхты, а не польскаго народа. Народъ не знаетъ его, онъ никогда не принималъ участія въ государственномъ дѣлѣ; онъ ни разу не дѣйствовалъ въ польской исторіи. И что такое польскій народъ? Настоящій польскій народъ былъ выданъ своею шляхтой Нѣмцамъ. Жители Силезіи, Западной Пруссіи,—вотъ коренные чистые Поляки, но вмѣсто того чтобы защищать свой коренной народъ, вмѣсто того чтобы стоять во главѣ его, польская шляхта бросилась на востокъ и пользуясь несчастными для русскаго народа историческими обстоятельствами налегла на него всею своею тяжестью; закабалила его себѣ, высасывала изъ него кровь, всячески старалась заѣсть его, и поселила въ немъ такую ненависть къ польскому имени, что по присоединеніи Западнаго края къ Россіи только власть и авторитетъ русскихъ государей были въ силахъ спасти тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ отъ народной рѣзни. Польское государство было государствомъ безъ народа; оно было достояніемъ шляхты, у которой не было почвы, и которая неминуемо должна была выродиться. Оторвавшись отъ своего корня, она отрѣзала себѣ будущее. Она и теперь съ презрѣніемъ смотритъ на маленькую еще уцѣлѣвшую кучку польскаго народа; она не хочетъ соединить свою судьбу съ ея судьбой; она считаетъ это для себя позоромъ. Она хочетъ воротить себѣ свое царственное положеніе и для этого требуетъ возстановленія своей власти надъ Литвой и Русью.

Въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Times* напечатано письмо, посланное въ редакцію этой газеты изъ Петербурга однимъ Англичаниномъ [1]). Авторъ этого письма говоритъ о раздѣлѣ Польши, какъ о великомъ преступленіи Европы. Ему, какъ иностранцу, польскій вопросъ не близокъ; онъ высказываетъ о немъ, въ общихъ чертахъ, неопредѣленныя мнѣнія. Но онъ совершенно вѣрно говоритъ, что польскіе крестьяне не пробыли бы и шести мѣсяцевъ свободными, послѣ того какъ ихъ отечество сдѣлалось бы страною свободною и независимою. То же самое непремѣнно было бы и съ крестьянами Литвы и Руси. Можно даже утверждать, что польскіе помѣщики Западнаго края и не подумали бы подчиняться демагогамъ и соціалистамъ тайнаго варшавскаго правительства, если бы не состоялась въ Западномъ краѣ великая мѣра освобожденія крестьянъ, озлобившая до-нельзя польскихъ пановъ. Они предвидѣли, что съ освобожденіемъ крестьянъ русскій элементъ значительно усилится въ Западномъ краѣ, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ планы возстановленія Польскаго государства сдѣлаются совершенною безсмыслицей, и они рѣшились предупредить такой пагубный для нихъ ходъ событій. Весь образъ дѣйствій польскихъ пановъ обличаетъ ихъ коварство. Они, заклятые враги хлоповъ, всячески подольщались къ нимъ, заводили школы, больницы, тратили значительныя суммы на благотворительность. Приготовляясь подавать подольскій адресъ, они обнаружили удивительную уступчивость при составленіи уставныхъ грамотъ. Они зашли такъ далеко въ своей нѣжности къ русскому народу, что продолжать идти далѣе по тому же пути было бы для нихъ экономически не возможно, а тутъ они еще бросились въ объятія къ демагогамъ и соціалистамъ варшавскаго комитета и парижской эмиграціи, которые отдаютъ крестьянамъ всю землю безъ выкупа и обѣщаютъ имъ въ добавокъ всѣ государственныя имущества, если только они возстанутъ противъ Россіи. Польскіе паны были твердо увѣрены, что крестьяне Западнаго края попадутся на удочку. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ крестьянину сообразить, что всѣ эти обѣщанія неисполнимы? Крестьянинъ не имѣетъ вѣдь понятія ни о политической экономіи, ни о финансахъ. Польскіе паны и польскіе революціонеры были совершенно правы въ своемъ мнѣніи о неспособности крестьянъ замѣтить несбыточность финансовыхъ операцій, обѣщаемыхъ золотыми грамотами. Они ошиблись только въ одномъ. Они думали, что русскій крестьянинъ, подобно польскому крестьянину, не имѣетъ отечества, и что исторія прошла для него столько же безслѣдно. Они надѣялись однимъ годомъ двусмысленныхъ любезностей загладить слѣды вѣковой исторіи и внушить крестьянамъ довѣріе къ ихъ панскому слову. Въ этомъ они жестоко ошиблись. Инстинктивное чувство спасло русскій народъ отъ искушеній. Онъ почуялъ ложь, скрывавшуюся подъ личиной готовности отдать народу послѣднюю рубашку. Народъ съ омерзѣніемъ отшатнулся отъ предателей, и безъ всякаго призыва, по собственному влеченію, поднялся за единство Русской земли.

Читатели найдутъ ниже письмо изъ Кіева, изображающее общій ходъ тамошнихъ дѣлъ. Нельзя читать эти одушевленныя строки, не чувствуя какъ въ васъ самихъ возвышается народное сознаніе, какъ въ васъ укрѣпляется вѣра въ будущность народа, такъ торжественно заявляющаго о своемъ правѣ на существованіе. Сейчасъ мы получили изъ Кіева другое письмо, которое сообщаетъ подробности объ одномъ эпизодѣ тамошнихъ событій.

Въ Богуславѣ Кіевской губерніи, въ имѣніи графа Константина Браницкаго, Поляки служащіе при экономіи, въ числѣ 300 человѣкъ (иные говорятъ 500), собрались передъ костеломъ, гдѣ ксендзъ благословилъ ихъ оружіе и отслужилъ молебенъ. Послѣ того толпа мятежниковъ послала къ православному священнику съ требованьемъ чтобъ онъ прочелъ крестьянамъ грамоту, въ силу которой имъ даруются помѣщичьи земли и усадьбы, а равно и земли принадлежащія къ государственнымъ имуществамъ, подъ тѣмъ лишь условіемъ чтобъ Украйна стала дѣйствовать за одно съ Польшей. Священника не нашли, и одинъ изъ мятежниковъ прочелъ православному народу эту грамоту, напечатанную золотыми буквами и скрѣпленную печатью. Потомъ бунтовщики роздали народу множество прокламацій такого же содержанія. Крестьяне спокойно смотрѣли на это зрѣлище и какъ будто изъ любопытства пошли въ слѣдъ за вооруженною толпой, которая стала про-

---

1) Письмо подписано: Д., Англійская набережная, № 78.

браться въ лѣсъ гдѣ находился ея обозъ. Но не успѣли гости убраться, какъ крестьяне вооружились чѣмъ попало, топорами, кольями, косами, окружили лѣсъ и бросились на мятежниковъ. Залпомъ изъ ружей мятежники убили и ранили нѣсколько крестьянъ. Завязался бой. Раздраженные крестьяне перебили до сотни своихъ благодѣтелей, столько же перевязали и доставили начальствующему надъ подоспѣвшимъ войскомъ, которое явилось во время чтобы довершить побѣду крестьянъ. Крестьяне не успокоились пока не обшарили всѣ лѣса и не переловили бѣжавшихъ бунтовщиковъ.

Вотъ какой народъ прочатъ польскіе революціонеры въ подданные своему польскому государству! Есть ли же хотя малѣйшая надежда на успѣхъ ихъ дѣла, сколько бы они ни пролили русской и польской крови, и какими бы сѣтями ни опутали они Русское государство? Польша потеряла свой народъ. По вѣрному инстинкту, польская шляхта чувствуетъ потребность въ другомъ народѣ, чтобы сдѣлать изъ него подножіе для своего государства. Но гдѣ на свѣтѣ найдетъ она то могущество, которое было бы въ силахъ осуществить эту мечту?

№ 106.

Москва, 16-го мая.

La France, газета сенатора де-Лагеронъера, принесла намъ сегодня новѣйшія свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ по польскому дѣлу. Читатели найдутъ ниже, подъ рубрикой: „Послѣдняя Почта“, подробное изложеніе этихъ свѣдѣній. Здѣсь мы ограничимся однимъ пунктомъ. Если вѣрить газетѣ *La France*, державы согласны между собой въ требованіяхъ, имѣющихъ цѣлію не только поддержать, но и распространить польскую національность. Онѣ взываютъ къ началу національности. „Во всѣхъ польскихъ областяхъ, принадлежащихъ Россіи, польскій языкъ долженъ быть языкомъ офиціальнымъ и исключительно господствовать въ школахъ. Чиновники должны быть повсюду національные.“ Парижская газета увѣряетъ, что три великія державы согласны относительно этихъ условій. Посмотримъ же, какой смыслъ этого обращенія къ началу, такъ согласному съ существенными интересами и Россіи и Польши.

Начнемъ съ польскаго языка. Передъ возстаніемъ онъ повсюду господствовалъ въ Польшѣ; только таможенное и военное управленія вели свои внутреннія дѣла на русскомъ языкѣ, но это нисколько не мѣшало польской администраціи, которая могла обращаться къ русскимъ властямъ съ отношеніями, писанными по-польски. Даже съ Петербургомъ польскія власти получили съ недавняго времени право сноситься по-польски. О польскихъ школахъ, о варшавскомъ университетѣ и говорить нечего. Стало-быть относительно Царства Польскаго требованіе державъ не имѣетъ значенія. Оно можетъ относиться только къ тѣмъ русскимъ губерніямъ, на которыя Польша имѣетъ притязанія и въ которыхъ дѣйствительно нѣсколько человѣкъ мировыхъ посредниковъ уже успѣли заявить что они внезапно забыли русскій языкъ и потому не могутъ исправлять свою должность, пока польскій языкъ не сдѣлается офиціальнымъ языкомъ края. И такъ европейскія державы, защищая права польскаго языка, имѣютъ въ виду не его права на существованіе, а его мнимыя права на господство надъ языкомъ русскимъ. Мы Русскіе никогда и не помышляли объ искорененіи польскаго языка въ тѣхъ краяхъ, гдѣ имъ говоритъ народъ. Подобной мысли невозможно приписывать теперь и русскому правительству. Оно доказало дѣломъ свое доброжелательство относительно польскаго языка. Даже въ прошлое царствованіе польскій языкъ гораздо болѣе уважался въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ въ смежныхъ польскихъ провинціяхъ подвластныхъ Австріи и Пруссіи, какъ и вообще польская національность только подъ русскимъ скипетромъ не терпѣла существеннаго ущерба. Мы не ставимъ этого въ похвалу себѣ; но мы заявляемъ несомнѣнный, не подлежащій опроверженію фактъ. Если идетъ рѣчь объ уваженіи къ языку, о терпимости относительно національности, то не намъ брать примѣръ съ Австріи, а наоборотъ, отъ Австріи слѣдовало бы требовать, чтобъ она подражала намъ въ вѣрномъ соблюденіи международнаго обязательства, входящаго въ вѣнскій трактатъ. Австрія только два года тому назадъ стала оказывать польскому языку нѣкоторую терпимость, но и теперь еще нѣмецкій языкъ господствуетъ въ Галиціи какъ въ русской, такъ и въ польской части ея. Да и нельзя не согласиться, что Австріи довольно трудно ограничить офиціальное употребленіе нѣмецкаго языка въ Краковѣ

и Галиціи, такъ какъ это значило бы отказаться отъ права опредѣлять тамъ нѣмецкихъ чиновниковъ, а Австрія считаетъ это право существеннымъ условіемъ сохраненія порядка въ этихъ областяхъ.

Какъ же понять эту странность, что Австрія присоединяется къ державамъ, ополчающимся на насъ въ интересахъ польскаго языка и польской національности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ самъ собой. Австрія уже не разъ заявляла, что не хочетъ питать неосуществимыя національныя надежды въ своихъ польскихъ подданныхъ, но такъ какъ эти надежды все еще держатся помимо ея воли, то она видитъ надобность въ болѣе серіозномъ средствѣ успокоить подвластныя ей польскія земли. На это средство указываетъ ей исторія. Чему обязана Германія тѣмъ, что ей удалось онѣмечить исконныя польскія земли? Чему какъ не тягѣ польской шляхты на востокъ? Нѣмцы очень хорошо понимаютъ это, и какъ бы ни враждовали между собой разныя нѣмецкія партіи, всѣ онѣ готовы поощрять Поляковъ въ ихъ замыслахъ, направленныхъ на порабощеніе западныхъ областей Россіи. Самые крайніе прогрессисты прусской палаты крѣпко отстаиваютъ за Нѣмцами Познань и въ утѣшеніе Поляковъ указываютъ имъ на Востокъ, гдѣ они могутъ вознаградить себя съ лихвой за польскія земли потерянныя ими на западѣ. У насъ въ памяти живо сохранилась рѣчь одного изъ прусскихъ прогрессистовъ, г. Шульце-Делича, сказанная года три тому назадъ и обѣщавшая Полякамъ союзъ либеральной Пруссіи въ этомъ крестовомъ походѣ на востокъ противъ общаго врага. Съ германской точки зрѣнія, этотъ стратегическій планъ разчитанъ не дурно. Лишь только польская національность возьметъ верхъ надъ русскимъ народомъ въ Западномъ краю Россіи, она тотчасъ же принуждена будетъ сосредоточить всѣ свои силы для ополяченія русскаго народа, а Нѣмцамъ стало-быть будутъ тогда развязаны руки и въ Познани, и въ Галиціи. Вотъ почему Австрія считаетъ въ своемъ интересѣ дѣйствовать въ одно и тоже время и противъ польскихъ національныхъ притязаній, и въ пользу ихъ. Она ни за что не согласится на возстановленіе Польши, потому что тогда подверглось бы опасности ея обладаніе Галиціей. Она была недовольна даже тѣми уступками и льготами, которыя сдѣлала Россія въ пользу польской національности въ Царствѣ. Держава, наиболѣе заинтересованная сохраненіемъ вѣнскихъ трактатовъ, она не нашла для себя возможнымъ ссылаться на нихъ въ переговорахъ съ Россіей по польскому дѣлу, лишь бы не возбудить вопроса о возстановленіи польской конституціи 1815 г. Всякій шагъ къ политической самобытности Царства Польскаго ненавистенъ ей. Въ 1846 году, распоряжаясь съ польскими панами Галиціи, она не стѣснялась нравственными соображеніями. Она извлекла всю возможную выгоду для себя изъ исторической вражды двухъ племенъ, польскаго и русскаго, не сочувствуя ни тому ни другому и ссоря ихъ между собой, только для того чтобы вѣрнѣе властвовать. И въ тоже время она ополчается теперь на насъ за польскую національность, которую мы будто бы угнетаемъ, защищая отъ нея русскій народъ. Можно предвидѣть, что она будетъ поддерживать и притязанія святѣйшаго отца, которыя должны очевидно клониться къ возстановленію уніи, то-есть къ доставленію Полякамъ еще одного лишняго средства ополячивать русскій народъ. Не сегодня, такъ завтра Австрія будетъ принуждена отступиться отъ своего конкордата съ Римомъ, а насъ она готова убѣждать, что дѣти смѣшанныхъ браковъ должны непремѣнно воспитываться въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи. Удивляться ли такой непослѣдовательности? сердиться ли на нее? жаловаться ли на коварство и помышлять объ отместкѣ? Намъ кажется, не нужно ни того, ни другаго, ни третьяго, а нужно только быть настороже. Австріи выгодно опрокинуть на насъ Поляковъ, чтобъ они оставили ее въ покоѣ и уступили ей Краковъ и Галицію въ свободное распоряженіе. Австрійскіе государственные люди обязаны дѣйствовать въ этихъ видахъ, и на нихъ нечего пенять за это. Но и мы съ своей стороны должны зорко охранять интересы своего народа и своего государства. Мы измѣнили бы Россіи, мы выдали бы свой народъ, если бы не поставили прочной преграды польскимъ притязаніямъ на нашъ родной край. Мы обязаны передъ своимъ народомъ, а также и передъ всѣмъ славянствомъ, принудить Поляковъ чтобъ они крѣпче прежняго держались уцѣлѣвшихъ остатковъ своего народа, чтобъ они болѣе прежняго дорожили польскою землей и совсѣмъ отказались отъ фантастическаго нашествія на востокъ, диктуемаго имъ Нѣмцами. Пусть благоразумные Поляки взглянутъ на дѣло патріотически, пусть они

постараются исправить грѣхи прежней польской исторіи. Довольно уже повыдали они своего народа Нѣмцамъ. Если они не хотятъ чтобы сгинула съ лица земли польская народность, они должны наконецъ, въ одиннадцатый часъ, измѣнить фронтъ. Они должны понять, что теперь уже прошла невозвратно пора для ихъ успѣховъ на Востокѣ. Россія на столько сильна, чтобы не выдать имъ ни одной пяди русской земли, не отступиться ни отъ одного русскаго человѣка. Идя на борьбу съ нами, они идутъ на свою гибель. Русскихъ они не вытѣснятъ въ Азію, а Нѣмцы навѣрное вытѣснятъ ихъ не только изъ Кракова и Познани, но пожалуй и изъ Варшавы. Тогда дѣйствительно будетъ искоренено съ лица земли и предано вѣчному забвенію польское имя. Но если они найдутъ въ своемъ патріотизмѣ достаточно силы, чтобъ измѣнить фронтъ, чтобъ отстаивать свою родную польскую землю вмѣсто того чтобъ истощать себя въ безплодныхъ притязаніяхъ на Русскую землю, то они могутъ быть увѣрены въ совершенной безопасности со стороны Россіи. Мы держимъ Польшу въ своихъ рукахъ только въ интересѣ своей защиты. Польша нисколько не нужна намъ; мы никогда не извлекали для себя никакой выгоды изъ обладанія Царствомъ Польскимъ. Мы имѣемъ на него несомнѣнное право, и притомъ не только на основаніи трактатовъ; но мы дорожимъ этимъ правомъ лишь по скольку оно нужно намъ для обороны. Мы съ радостію пожертвовали бы имъ, еслибъ отъ того не пострадала безопасность нашихъ русскихъ предѣловъ. Таковъ нашъ русскій національный взглядъ на отношеніе Россіи къ Польшѣ. Либеральныя мѣры нашего правительства въ Царствѣ Польскомъ пользовались у насъ популярностью. Польскимъ патріотамъ это очень хорошо извѣстно. Они должны теперь убѣдиться, что жестоко ошибались, если видѣли въ этомъ сочувствіи русскаго общества Польшѣ нѣчто похожее на измѣну. Русскій народъ доказалъ имъ, что между доброжелательствомъ родственному Польскому и измѣной своему Русскому народу лежитъ цѣлая бездна. Пусть же польскіе патріоты, уразумѣвъ чистоту русскаго народнаго чувства, сами спросятъ себя, такъ ли смотрѣли бы Нѣмцы на подобныя либеральныя мѣры своихъ правительствъ относительно польской національности. Не поднялся ли бы въ нѣмецкихъ парламентахъ противъ подобныхъ уступокъ польскому національному чувству такой шумъ, что не устояло бы никакое правительство? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что наше отношеніе къ польскому народу вовсе не похоже на отношеніе къ нему иноплеменниковъ? Тѣ хотятъ захватовъ; мы только отстаиваемъ свое. Тѣ сами не оставятъ Поляковъ въ покоѣ, потому что хотятъ властвовать надъ ними; мы желаемъ только того, чтобы Поляки отказались отъ нелѣпыхъ притязаній властвовать надъ ними, а сами не имѣемъ ни малѣйшаго влеченія держать ихъ въ своей власти, еслибы только они искренно согласились оставить насъ въ покоѣ. Со стороны Германіи Поляки имѣютъ дѣло съ властолюбивыми сосѣдями; ихъ сосѣди со стороны Россіи даютъ только отпоръ ихъ собственному властолюбію. Обладаніе Царствомъ Польскимъ до смерти надоѣло каждому Русскому, и только сами Поляки виноваты въ томъ, что Русскіе, скрѣпя сердце, принуждены биться съ ними, чтобъ отбиваться отъ нихъ, и властвовать надъ ними, чтобы спасаться отъ ихъ властолюбія.

Россіи нечего бояться вопроса о національности. Какъ мы уже не разъ высказывали, Россія можетъ только выиграть на этомъ полѣ. Но если ужъ апеллировать къ вопросу о національностяхъ, то надобно относиться къ нему честно и искренно. Не Нѣмцамъ защищать польскую національность; ея спасеніе только въ союзѣ съ Россіей, только въ политическомъ слияніи Царства Польскаго съ Россіей. Но если даже самые благоразумные изъ польскихъ патріотовъ не видятъ этого или не хотятъ этого видѣть, и если Европа хочетъ извлекать для себя нескончаемыя выгоды изъ этого ослѣпленія, то намъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ оторвать отъ себя Царство Польское, чѣмъ идти на промежуточную комбинацію, которая, не удовлетворивъ Поляковъ, будетъ только вредить Россіи и давать Европѣ право вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла. Оторванная отъ Россіи, Польша неминуемо достанется Нѣмцамъ. Выгодно ли это будетъ для Поляковъ, это до насъ не касается, коль скоро Поляки ставятъ себя къ намъ во враждебное отношеніе. Они сами должны будутъ заботиться о дальнѣйшей судьбѣ своей.

№ 107.

Москва, 17-го мая.

Польскій вопросъ ежедневно мѣняетъ свои виды. Сегодняшняя почта принесла чрезвычайно важныя извѣстія изъ Парижа, доставленныя въ вѣнскую газету *Ostdeutsche Post* тѣмъ самымъ корреспондентомъ, который уже прежде сообщалъ ей извѣстія, казавшіяся невѣроятными, но потомъ оправдывавшіяся. Теперь, сообщаемая имъ новость—свойства весьма воинственнаго. Воевать будетъ Франція, если вѣрить корреспонденту, но поджигаетъ къ войнѣ Англія. Дипломатическія сношенія, говоритъ корреспондентъ, имѣютъ цѣлію только раздражить Россію. Западныя державы заявляютъ свои требованія не съ тѣмъ что бы выманить уступки и ими удовлетвориться, а съ тѣмъ, чтобы выманить уступки, если это удастся, и потомъ все-таки начать войну. На первое время Англія обѣщаетъ Франціи только *une neutralité bienveillante*, доброжелательный нейтралитетъ. Славу геройскаго нападенія на насъ, варваровъ, Англія предоставляетъ Франціи, но что касается до цѣли всего этого дѣла, то между двумя державами установился будтобы *un accord complet* (полное согласіе), и этотъ новый терминъ, имѣющій замѣнить собою блаженной памяти *entente cordiale*, не замедлитъ будто бы явиться въ дипломатическихъ актахъ.

Стало-быть мы ошибались, говоря, на основаніи самыхъ ясныхъ признаковъ, что англійское движеніе въ пользу Польши имѣло искусственный характеръ? Стало-быть всѣ заявленія англійскихъ министровъ, что войны отнюдь не имѣется въ виду, были только военною хитростью коварнаго Альбіона? Стало-быть Англія рѣшилась не только обмануть Россію, которую устами лорда Росселя (въ разговорѣ съ барономъ Брунновымъ) лишь съ небольшимъ мѣсяцъ тому назадъ увѣряла въ своемъ миролюбіи, но и выдать Пруссію и Австрію, то-есть отступиться отъ своей вѣковой политики, состоящей въ томъ, чтобы поддерживать международное значеніе этихъ двухъ центральныхъ державъ Европы? И на всю эту радикальную перемѣну Англія рѣшилась экспромтомъ, и именно въ тотъ годъ, когда ея правительство само предложило палатѣ понизить подати! Англійская политика не зависитъ, какъ извѣстно, отъ воли одного лица или немногихъ лицъ. Императоръ Наполеонъ можетъ дѣлать крутые повороты въ своей политикѣ; онъ можетъ становиться врагомъ того, на кого вчера полагался какъ на друга. Не даромъ его зовутъ тюльерійскимъ сфинксомъ. Но англійскіе министры, еслибъ они и хотѣли, не могутъ разыгрывать въ Европѣ роль сфинксовъ. Сдѣлать общій *volte-face* въ своей политикѣ они не могутъ одною своею властію, безъ важныхъ событій, оправдывающихъ это рѣшеніе, безъ продолжительныхъ парламентскихъ преній, приготовляющихъ его. Какъ же понять эту мистификацію?

Взглянемъ сначала на Францію. Этого нашего искренняго друга ведетъ теперь къ славѣ звѣзда наполеонизма. Нынѣшній глава Франціи одушевленъ фанатическою вѣрой въ такъ-называемыя наполеоновскія идеи. Одна изъ этихъ идей состоитъ въ томъ, чтобъ опираться на Польшу, какъ на средство держать въ рукахъ Германію и пугать Россію. Совершать дѣла своего дяди и очищать его память отъ нареканій, такова цѣль, которую завѣдомо всѣмъ считаетъ своимъ призваніемъ императоръ Французовъ. Поляки всего ожидали отъ Наполеона I; они были вѣрны ему до конца; онъ ничего не сдѣлалъ для нихъ. Этихъ причинъ довольно, чтобы племянникъ считалъ польское дѣло не только своею собственностію, но и своимъ долгомъ. Онъ отказался бы отъ преданій имперіи, еслибы смотрѣлъ спокойными глазами на лѣвый берегъ Рейна и на Польшу, безъ возстановленія которой о лѣвомъ берегѣ Рейна нельзя и думать. При теперешнихъ обстоятельствахъ еще не представляется никакихъ видовъ на успѣхъ въ войнѣ Франціи съ Германіей. Но Германія уже обставлена съ разныхъ сторонъ кой-какими элементами, которыми Франція можетъ при случаѣ воспользоваться. Наполеонъ III оставилъ за Австріей и Венецію; а пока Венеція будетъ находиться подъ властію Австріи, до тѣхъ поръ Италія останется естественнымъ врагомъ Германіи, и слѣдовательно Франція, въ случаѣ войны съ Германіей, можетъ разчитывать на Италію. На сѣверѣ безтолковый шлезвигъ-голштейнскій вопросъ ссоритъ Германію съ Даніей, а скандинавизмъ, къ которому Франція уже не разъ выражала свое сочувствіе, связываетъ съ Даніей Швецію, и въ Тюльери уже курились оміамы шведскому королю. Стало-быть только съ востока Германія безопасна; только тутъ французская интрига не имѣетъ свободнаго

поприща для своихъ козней противъ Германіи, а между тѣмъ всего важнѣе было бы для Франціи имѣть на востокѣ Германіи такого союзника, который могъ бы дѣйствовать съ тыла, когда Франція ударитъ на Германію съ фронта на Рейнѣ. Вотъ почему Франція считала бы большою побѣдой для себя все то, что можетъ если не возстановить Польшу, то хотя издалека приготовить ея возстановленіе, и чѣмъ шире будутъ предѣлы этой, ожидающей своего возстановленія Польши, тѣмъ выгоднѣе для Франціи, потому что тѣмъ сильнѣйшаго союзника можетъ со временемъ получить она въ тылу Германіи. Франція говоритъ правду, когда увѣряетъ, что у ней нѣтъ никакого интереса ослаблять Россію. Враждуя съ Англіей, Франція нуждается въ сильномъ союзникѣ противъ Англіи на Востокѣ. Поэтому Франція можетъ искренно желать могущества Россіи, такого могущества, которое, въ соединеніи съ Франціей, было бы въ силахъ уравновѣшивать англійское вліяніе на Востокѣ. Къ тому же и на материкѣ Европы Франція, въ своей враждѣ съ Англіей, можетъ опираться изъ великихъ державъ только на Россію. Не будь Россіи, Франція вовсе не могла бы эманципироваться изъ подъ англійскаго вліянія, и союзъ Франціи съ Англіей былъ бы союзомъ повинующагося съ повелѣвающимъ. Все это побуждало Францію искать сближенія съ Россіей и дорожить имъ. Но все это не такъ сильно, чтобы перевѣсить тотъ интересъ, который имѣетъ наполеоновская Франція въ возстановленіи Польши. Франція интересуется Востокомъ собственно только потому, что она по пословицѣ, вездѣ поспѣла. Но Востокъ для нея ничто въ сравненіи съ Рейномъ. Не забудемъ кромѣ того, что наполеоновская Франція въ существѣ своемъ есть держава завоевательная. Она должна вести войну, чтобы занимать свою армію, она должна вести войну и для снисканія славы, которой требуетъ отъ своего императора французская нація. А завоевательная держава не можетъ охотно видѣть вокругъ себя великія державы. Раздѣленіе Россіи на два государства было бы по вкусу Франціи. Наконецъ, всякій ударъ, наносимый вѣнскому трактату, есть шагъ къ упроченію наполеоновской династіи.

Но если Французская имперія никакъ не можетъ разстаться съ этими видами, если она даже не можетъ замаскировать ихъ, то статочное ли дѣло, чтобъ Англія не только смотрѣла на нихъ равнодушно, но и содѣйствовала ихъ осуществленію? Въ англійской политикѣ возможны многія важныя перемѣны,—впрочемъ никакъ не внезапныя,—но Англія никогда не откажется отъ той системы европейскаго равновѣсія, въ которой она видитъ обезпеченіе отъ воинственныхъ затѣй Франціи. Англія никогда не пожертвуетъ Франціи Германіей и не только не будетъ содѣйствовать ничему вредящему Германіи, но и ничего подобнаго не допуститъ. Что же побуждаетъ Англію на рискованный шагъ союза съ Франціей по польскому дѣлу? Чего Франція ищетъ тутъ, это ясно. Чего же ищетъ Англія? Выгодно ли ей возстановленіе Польши на тѣхъ основаніяхъ, которыя понравились бы Франціи? Очевидно, нѣтъ. Еслибы Россія согласилась войдти въ виды Франціи, то Англія всѣми силами старалась бы помѣшать тому. Она ни за что не потерпитъ на сѣверѣ Европы никакой комбинаціи, вредной Германіи и выгодной Франціи. Если Англія взялась теперь за польскій вопросъ, то отнюдь не потому чтобъ она имѣла въ виду довесть его до конца, а именно потому что чувствуетъ себя въ силахъ не допустить чтобъ онъ былъ доведенъ до конца. Она будетъ пользоваться имъ, пока можно будетъ вредить имъ Россіи, не вредя Германіи. До тѣхъ поръ она будетъ идти за одно съ Франціей, но какъ только будутъ задѣты интересы Германіи и особенно Австріи, она сейчасъ же скажетъ Франціи свое рѣшительное: *стопъ*. Франція, вступя въ войну съ Россіей, отдается въ руки Англіи, которая получаетъ возможность во всякое время соединить противъ Франціи всю Европу.

Тѣмъ не менѣе Англія, кажется, затѣваетъ опасную игру. Франція не стала бы рисковать, еслибы вовсе не разчитывала на успѣхъ и не надѣялась выскользнуть какъ-нибудь изъ рукъ Англіи. Нынѣшній властитель Франціи не такой простачокъ, чтобы браться за дѣло рѣшительно несбыточное. Гдѣ-нибудь, пожалуй, и найдется, чѣмъ поживиться. Одно уже то, что Франція готова рисковать войной, достаточно говоритъ объ опасностя этой игры въ Польшу. А потому Англія, конечно, не рѣшилась бы на такую рискованную политику безъ крайней необходимости. Гдѣ же эта необходимость? Кто въ Европѣ главный врагъ Англіи? Неужели Россія, а не Франція? Не Россія ли была союзницей Англіи въ борьбѣ съ

Наполеономъ I? Зачѣмъ же понадобилось Англіи вступать съ Россіей въ борьбу по такому вопросу, который для Россіи есть вопросъ о жизни и смерти, и къ которому Англія безъ всякаго сомнѣнія совершенно равнодушна? Виды Франціи понятны; виды Англіи были бы рѣшительно непонятны, еслибъ она не опасалась какой-нибудь близкой катастрофы на Востокѣ. Эта опасность должна быть очень серіозна, когда Англія рѣшается на рѣшительный союзъ съ Франціей по польскому дѣлу. Вотъ гдѣ разгадка того поворота въ англійской политикѣ, о которомъ извѣщаетъ парижскій корреспондентъ газеты *Ostdeutsche Post*. Мы дѣйствительно видимъ, что тутъ, по восточному вопросу, съ нѣкотораго времени произошло радикальное измѣненіе въ англійской политикѣ. Англія упорно поддерживала Турцію. За Турцію она вела съ нами восточную войну, стоившую ей огромныхъ усилій. Но съ нѣкотораго времени она вдругъ принялась какъ бы разрушать свое собственное дѣло. Она вызываетъ революцію въ Греціи; она пускаетъ въ ходъ всѣ пружины своей политики, чтобы посадить преданнаго себѣ человѣка на престолѣ Оттона I. Она идетъ даже далѣе: она даритъ Греціи Іоническіе острова. Этимъ она возбуждаетъ въ Грекахъ такой духъ, отъ котораго Турціи, конечно, не поздоровится. Она продолжаетъ еще поддерживать турецкаго султана, но на всякій случай она уже заготовляетъ наслѣдниковъ ему. Этотъ поворотъ въ англійской политикѣ показываетъ, какъ серіозно смотритъ она на турецкій вопросъ. Прежде она думала отсрочить катастрофу. Теперь она принимаетъ мѣры, чтобы, если эта катастрофа послѣдуетъ, она произошла въ томъ направленіи, какого требуютъ англійскіе интересы. Рѣшимость Англіи допустить войну между Россіей и Франціей, хотя бы эта война и потревожила Германію, эта рѣшимость объясняется только опасеніемъ захватовъ со стороны Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, опасеніемъ, которое въ свою очередь объясняется лишь англійскою подозрительностію и осторожностію. Вотъ гдѣ, а отнюдь не въ Польшѣ, главный узелъ теперешней компликаціи. Вотъ почему никакая разумная уступка съ нашей стороны по польскому вопросу не удовлетворитъ Англіи, и вотъ почему, кажется намъ, объ уступкахъ по польскому вопросу намъ безполезно и думать. Онѣ не помогутъ.

Мы не имѣемъ данныхъ чтобы говорить о положеніи Турецкой имперіи и вообще о восточномъ вопросѣ. Тѣмъ менѣе можемъ мы судить о томъ, на чемъ сошлись бы тамъ интересы Россіи и интересы Англіи. Но образъ дѣйствій Англіи ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ вопросъ становится все серіознѣе и серіознѣе: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не будь восточнаго вопроса, польскій вопросъ никогда бы не получилъ европейскаго значенія.

№ 108.

Москва, 18-го мая.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія: въ видахъ Англіи относительно Россіи, въ первую половину мая, совершился поворотъ, до такой степени крутой и неожиданный, что онъ смутилъ и даже возмутилъ государственныхъ людей самой Англіи. „Сегодня вечеромъ или завтра, пишетъ 23-го (11-го) мая лондонскій корреспондентъ *Indépendance Belge*, депеша графа Росселя, содержащая предложенія на счетъ перемирія, должна быть препровождена въ Петербургъ, а можетъ-быть она уже и находится на пути туда. Наши государственные люди, продолжаетъ корреспондентъ, какъ тѣ, которые составляютъ оппозицію правительству, такъ и принадлежащіе къ партіи министровъ, равно убѣждены, что русское правительство наотрѣзъ отвергнетъ это предложеніе; сверхъ того, значительное большинство ихъ считаетъ его за грубую дипломатическую ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не спросить, зачѣмъ графъ Россель подвергаетъ себя такому чувствительному и неизбѣжному дипломатическому пораженію? Намѣрено ли наше правительство, продолжаетъ все тотъ же лондонскій корреспондентъ, поддерживать свое предложеніе силою оружія? Но, повѣрьте, несмотря на прошенія митинговъ собиравшихся въ пользу Польши, вся страна воспротивилась бы войнѣ: она не можетъ забыть миролюбивыхъ увѣреній, такъ еще недавно данныхъ Англіей Россіи; она знаетъ, что война изъ-за Польши поставитъ насъ въ изолированное положеніе и обратится въ пользу только для Франціи. Не говоря уже о томъ, какой уронъ причиняется этимъ предложеніемъ началу невмѣшательства, такъ громко проповѣдываемому Англіей, великій вредъ причиняется

самой Польшѣ, мечты которой о полной національной независимости только укрѣпляются такимъ образомъ, оставаясь столько же несбыточными какъ и прежде, потому что общественное мнѣніе въ Англіи вовсе не въ состояніи понять возможность войны изъ-за Польши. Это справедливо до такой степени, что не говоря уже о журналахъ съ консервативнымъ направленіемъ, даже журналы наиболѣе преданные польскому дѣлу, какъ напримѣръ *Star*, энергически протестуютъ противъ всякой политики, которая могла бы довести насъ до разрыва съ Россіей."

До сихъ поръ на памяти исторіи сохранились два случая, имѣющіе впрочемъ только самое отдаленное сходство съ нынѣшнимъ: одинъ относится къ возмущенію Грековъ противъ турецкаго владычества, кончившемуся основаніемъ независимаго королевства Греческаго; другой—къ возстанію Бельгіи въ 1830 г. противъ короля Нидерландскаго, кончившемуся также признаніемъ независимости королевства Бельгійскаго. Но въ первомъ случаѣ война ведена была Греками успѣшно и въ продолженіи многихъ лѣтъ. Турецкая имперія, дозволявшая своимъ властямъ и войскамъ неистовства противъ Грековъ, была близка къ распаденію; Грецію со всѣхъ сторонъ была доступна морскимъ силамъ трехъ великихъ державъ—Россіи, Франціи и Англіи, которыя вступились за нее, и наконецъ, она имѣла уже своихъ правителей, которые дѣйствовали на глазахъ у всѣхъ, а не скрывались въ подпольяхъ, какъ „національные правители" польскаго возстанія. Во второмъ случаѣ достаточно напомнить только то, что самъ король нидерландскій выступилъ съ предложеніемъ о перемиріи.

Впрочемъ, смыслъ и значеніе англійскаго предложенія не могли укрыться отъ самого англійскаго правительства. Давно ли оно отклоняло отъ себя всякое участіе въ предложеніи Франціи, направленномъ къ посредничеству между Югомъ и Сѣверомъ американскаго союза и къ установленію между ними перемирія, которое имѣло бы такую капитальную, жизненную важность для Англіи, которое спасло бы ея промышленныя графства отъ страшныхъ бѣдствій, и отклонила на томъ основаніи, что предложить перемиріе значило бы жестоко оскорбить вашингтонское правительство, потребовавъ отъ него признанія Юга въ качествѣ независимой воюющей страны и сознанія въ собственномъ безсиліи привести возмутившихся подданныхъ къ покорности? А между тѣмъ южная конфедерація имѣетъ правильно-организованное, открыто и явно дѣйствующее правительство, а не скрывающееся Богъ знаетъ гдѣ и не расправляющееся посредствомъ тайныхъ убійствъ и злодѣяній; южная конфедерація имѣетъ правильно-организованныя и сильныя войска, которыя не разъ уже, въ открытыхъ, генеральныхъ сраженіяхъ, торжествовали надъ Сѣверянами, между тѣмъ какъ, по сознанію самого *Times*, шайки польскихъ повстанцевъ, какъ только принимали открытый бой, тотчасъ же были поражаемы. Такимъ образомъ, нельзя было сдѣлать Россіи болѣе оскорбительнаго предложенія чѣмъ предложеніе о перемиріи съ польскими мятежниками и ихъ подпольнымъ правительствомъ.

Оскорбленіе оказывается тѣмъ болѣе тяжкимъ, что по извѣстіямъ полученнымъ изъ Вѣны газетою *Indépendance Belge*, какъ только вѣсть о существованіи такого проекта дошла до с.-петербургскаго кабинета, онъ поспѣшилъ заявить чрезъ своихъ представителей въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, что такого рода предложеніе ни въ какомъ случаѣ не будетъ имъ принято. Вслѣдствіе ли такого сообщенія, или же изъ желанія удержать Австрію въ союзѣ съ собою, Франція позаботилась о томъ, чтобы смягчить грубое англійское предложеніе, усвоивъ себѣ, впрочемъ, духъ его и не отнимая у него ядовитости. 23-го мая вышелъ въ Парижѣ второй нумеръ еженедѣльнаго *Дипломатическаго Меморіала* (Mémorial Diplomatique), на который не безъ основанія смотрятъ какъ на органъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ немъ сказано между прочимъ: „Перемиріе, основную мысль котораго Франція тотчасъ же усвоила себѣ, продолжаетъ быть краеугольнымъ камнемъ новаго дипломатическаго зданія; но вмѣсто того чтобы требовать его отъ Россіи до открытія дальнѣйшихъ переговоровъ и въ видѣ предварительнаго условія для ихъ открытія, перемиріе предлагается какъ естественное слѣдствіе принятія Россіей той программы, которая ей будетъ предложена относительно Польши; перемиріе истечетъ, такъ сказать, изъ иниціативы, изъ начинанія самого русскаго царя."

Если изъ принятія программы само собою можетъ проистечь перемиріе, утративъ при этомъ свой оскорбительный характеръ,

то это значитъ, что сама программа направлена къ тому, чтобы признать возмутившуюся Польшу независимою державою; иначе какъ ни утончай грубое англійское предложеніе, выйдетъ все одно и то же. Англія и Франція требуютъ, чтобы законное правительство стало на одинъ уровень съ мятежническимъ комитетомъ, который боится выйдти на свѣтъ Божій и котораго, конечно, не признало бы и большинство самихъ Поляковъ, еслибъ онъ не казался до поры до времени годнымъ орудіемъ для борьбы съ Россіей и не былъ способенъ дѣйствовать средствами, которыя всякій сколько-нибудь честный человѣкъ долженъ признать преступными.

Впрочемъ тотъ же *Mémorial Diplomatique* сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой программѣ. Если въ вопросѣ о перемиріи Франція усвоила себѣ воззрѣніе Англіи, то въ вопросѣ о программѣ мѣръ для умиротворенія Польши приняты за основаніе предложенія Австріи: въ этомъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ насъ *Mémorial Diplomatique*, прибавляя, что „программа содержитъ въ себѣ шесть пунктовъ, изъ которыхъ каждый допускаетъ значительныя распространенія и которыхъ смыслъ и значеніе взялся установить самъ г. Друэнъ-де-Люисъ, обладающій такимъ яснымъ и искуснымъ перомъ. Въ заключеніе, французскій дворъ намѣренъ поставить подъ гарантію Европы, какъ одно изъ существенныхъ условій европейскаго равновѣсія и всеобщаго мира, тѣ рѣшенія, которыя будутъ такимъ образомъ сообща приняты для устраненія на вѣчныя времена польскихъ замѣшательствъ.“ По словамъ *Кельнской Газеты*, вся эта работа „яснаго и искуснаго пера“ г. Друэнъ-де-Люиса уже окончена и сообщена въ Вѣну и въ Лондонъ въ сопровожденіи длинной депеши, которая объясняетъ и оправдываетъ совокупность всѣхъ этихъ условій, предназначенныхъ для представленія Россіи посредствомъ тождественныхъ нотъ. Англія уже усвоила ихъ себѣ, Австрія же не приняла окончательнаго рѣшенія, хотя и встрѣтила эти новыя французскія предложенія очень радушно. Судя по всѣмъ газетнымъ извѣстіямъ, предложенія отъ Англіи и Франціи уже получены въ настоящее время въ Петербургѣ; что же касается до Австріи, то она, повидимому, приняла на себя посредническую роль въ родѣ той, какую играла она въ восточную войну.

Таково настоящее положеніе дѣлъ, приведенное, очевидно, нежданнымъ и негаданнымъ поворотомъ въ англійской политикѣ. Пока Англія сохраняла свое двусмысленное положеніе и была рѣшительно противъ войны изъ-за Польши, до тѣхъ поръ и Франція волею-неволею принуждена была сдерживать свои войнолюбивые порывы. Но вотъ Англія начинаетъ дѣйствовать противъ насъ въ отъявленно-враждебномъ духѣ, и все дѣло приближается къ единственно-возможной развязкѣ, въ которой Россія должна положиться на помощь Божію и готовиться къ войнѣ.

Но чѣмъ же вызванъ этотъ внезапный поворотъ въ англійской политикѣ, который такъ озадачиваетъ и самихъ обитателей Лондона? Прежде всего не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что сама по себѣ Польша нисколько не интересуетъ Англію, что ей нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до ея національности и внутренняго благосостоянія. Хоть пропадай она совсѣмъ, Англія не пожертвуетъ для ея спасенія ни однимъ шиллингомъ, ни однимъ пенни, и даже порадуется, что у Франціи отнята вся надежда на пріобрѣтеніе вѣрной союзницы на сѣверѣ, и всякій поводъ мутить съ этой стороны Германію и Европу. Такимъ образомъ, какіе бы уступки мы ни дѣлали въ отношеніи къ Польшѣ, какъ бы ни смирялись предъ тѣмъ что выдаютъ намъ за требованія цѣлой Европы, хотя бы мы согласились и на заключеніе формальнаго перемирія съ каждымъ изъ убійцъ подсылаемыхъ центральнымъ варшавскимъ комитетомъ, цѣною всевозможныхъ уничиженій и безчестій мы не купили бы себѣ мира, и не обезоружили бы Англіи: такъ-называемый польскій вопросъ растяжимъ до безконечности. Мы сложимъ свое оружіе въ виду мятежническихъ шаекъ въ Польшѣ; мы выведемъ свои войска изъ Польши, удалимъ изъ нея всѣхъ представителей верховной русской власти: дѣло еще не будетъ улажено; мало ли еще есть у насъ областей, которыя когда-либо, хоть на самый короткій срокъ времени, входили въ составъ Польскаго королевства? Вотъ, если бы мы отъ нихъ отказались: ol тогда дѣло другое; тогда можно было бы не только не грозить намъ войною, но и поставить насъ подъ условія вѣчнаго мира, принять подъ общее покровительство Европы, какъ поставлено, напримѣръ, маленькое Бельгійское королевство. Польскій вопросъ

растяжимъ до безконечности: въ немъ заключается вопросъ о жизни и смерти Россіи, и вотъ почему не нужны намъ въ этомъ вопросѣ никакіе чужеземные совѣты; рѣшить его слѣдуетъ намъ самимъ, имѣя въ виду общее благоустройство и общее благоуправленіе Россіи и Польши, потому что Россія можетъ удерживать за собою Польшу не иначе какъ при полномъ и недвусмысленномъ политическомъ соединеніи ея съ Россіей и при рѣшительномъ устраненіи посторонняго вмѣшательства. Въ противномъ случаѣ, пусть возьмутъ у насъ Польшу съ честнаго бою или отдадутъ намъ въ замѣнъ русскую Галицію и единовѣрную Буковину.

Но не въ польскомъ вопросѣ тутъ сила. Если Англія вдругъ сдѣлала крутой поворотъ, повидимому совершенно въ видахъ Франціи, очевидно, что ее встревожилъ какой-нибудь другой вопросъ, болѣе ей близкій, касающійся самыхъ существенныхъ ея интересовъ; ее встревожилъ снова, какъ кажется, выдвигающійся впередъ восточный вопросъ, вопросъ о существованіи Турціи и связанный съ нимъ вопросъ объ обладаніи Средиземнымъ Моремъ и кратчайшими путями сообщенія съ Индіей, съ отдаленнымъ азіатскимъ востокомъ. Изъ помѣщенныхъ ниже, подъ рубрикою: „Турція“ извѣстій, мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что тамъ происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное: Порта сосредоточиваетъ свои войска вдоль по границамъ Сербіи, по рѣкамъ Дринѣ и Савѣ, усиливаетъ вооруженіе укрѣпленныхъ тамъ мѣстностей, прибѣгаетъ къ усиленной конскрипціи, распространяя ее даже на христіянъ Албаніи и Болгаріи, объявляетъ, чтобы боснійскіе Турки по первому призыву готовились выступить въ походъ. Порта чего-то опасается, и противъ какихъ-то опасностей заблаговременно принимаетъ свои мѣры. Чего она опасается, не трудно сказать. „Положеніе наше,“ пишетъ христіанскій корреспондентъ газеты *Le Nord* съ границъ Босніи, „становится невыносимо: подвергаясь самымъ ненавистнымъ преслѣдованіямъ, мы нигдѣ не находимъ защиты и вездѣ встрѣчаемъ одинъ лишь произволъ.“ Мудрено ли, что христіанское населеніе Турціи готовится къ возстанію, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ многихъ другихъ извѣстій, правда, встрѣтившихъ опроверженіе въ газетахъ, самъ князь Сербіи, Михаилъ, тяготится и тѣшью зависимости отъ Порты, и готовъ, съ оружіемъ въ рукахъ, сбросить съ себя послѣдніе остатки мусульманскаго ига. Да и князь Черногорскій Николай не даромъ, конечно, доводитъ свою армію до двадцати-пятитысячнаго состава, какъ было сообщено во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* по извѣстіямъ полученнымъ газетою *Wanderer*. Такимъ образомъ, повидимому, Турціи начинаетъ снова грозить опасность съ сѣвера, со стороны христіянскаго ея населенія. Если борьба въ Турціи приметъ широкіе размѣры, какъ это можно отчасти заключать изъ приготовленій Турціи, не вступится ли Россія за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, не воспользуется ли она этимъ для возстановленія своихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, и т. д.? Каковы бы впрочемъ ни были ближайшіе ея виды и намѣренія, не лучше ли во всякомъ случаѣ, на время приготовляющагося возстанія христіанскаго населенія Турціи, отвлечь всѣ силы Россіи въ другую сторону, и, прикрываясь польскимъ вопросомъ, натравить на нее Францію? Вотъ какого рода виды руководятъ теперь правительствомъ Англіи; вотъ чѣмъ объясняется поворотъ въ ея политикѣ; вотъ что заставляетъ ее теперь заготовлять европейскую войну какъ будто бы изъ-за Польши.

Не страшась нисколько войны и полагая даже, что гнилой миръ хуже доброй, открытой брани, увѣренные, что Россія выйдетъ изъ этой борьбы съ честью, обновленная, окрѣпшая, мы не можемъ однакоже не жалѣть, что наши нетерпѣливые единовѣрцы и единоплеменники своими приготовленіями къ возстанію навлекаютъ на насъ опасности войны; а между тѣмъ и себѣ готовятъ едва ли лучшую участь. Дѣйствительно, они имѣютъ много правъ на наше сочувствіе, на наше дипломатическое заступничество, и даже на нашу вооруженную поддержку въ случаѣ крайней надобности и при обстоятельствахъ оправдывающихъ такое вмѣшательство; но таково ли теперешнее время, чтобъ они могли ожидать отъ насъ всей той помощи, какую мы въ состояніи оказать нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ? Не благоразумно ли было бы повременить, потерпѣть, когда уже такъ долго терпѣли, и дождаться обѣтованной поры, когда Россія, развивая въ полномъ благоустройствѣ и съ полною свободой всѣ свои силы и не имѣя на рукахъ другаго тяжкаго дѣла, могла бы широко развернуть свое знамя?

Во всякомъ случаѣ пока Англія встревожена съ этой стороны, никакія уступки въ польскомъ вопросѣ не обезоружатъ ея и не устранятъ войны, а только обезсилятъ и унизятъ насъ.

№ 109.

Москва, 21-го мая.

А.

Въ субботу, 18-го мая, было второе, по учрежденіи, засѣданіе Общей Городской Думы, и также какъ и первое, оно ознаменовалось торжественнымъ и единодушнымъ заявленіемъ патріотическаго чувства, которое съ каждымъ днемъ растетъ и мужаетъ. Городъ Москва, отправляя Государю Императору свой всеподданнѣйшій адресъ, вполнѣ сознавалъ великую силу этого дѣйствія и обязательство, которое онъ этимъ заявленіемъ возлагалъ на себя. Въ своемъ адресѣ Москва съ самаго начала хотѣла видѣть не простое слово, но слово готовое немедленно перейдти въ дѣло. Въ московскомъ обществѣ, при первомъ патріотическомъ движеніи, ясно сказалась мысль, что посреди опасностей угрожающихъ нашему отечеству, никто не долженъ оставаться при одномъ праздномъ заявленіи чувства. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно высказать свое патріотическое чувство; необходимо заявить его на дѣлѣ, и заявить прежде чѣмъ побудитъ насъ къ тому крайняя необходимость. Нравственное значеніе и внутренняя сила каждаго дѣла оцѣниваются не силою вынуждающихъ обстоятельствъ, а свободными побужденіями, разумно склоняющими насъ къ тому или другому рѣшенію, прежде чѣмъ вырветъ его у насъ роковая сила событій. Лучше изготовиться заблаговременно и ждать опасности, когда она еще не наступила, и тѣмъ быть-можетъ ослабить или даже предотвратить ее, нежели вызывать и усиливать ее неразумнымъ бездѣйствіемъ. Не лучше ли, не разумнѣе ли соразмѣрять усилія и жертвы съ тою пользою, которую онѣ могутъ дѣйствительно принести, чѣмъ ждать минуты когда неизбѣжныя жертвы сами падутъ тяжкими бѣдствіями на народъ, между тѣмъ какъ малой доли ихъ было бы достаточно, для того чтобы предупредить опасность? Меньшими усиліями и жертвами должны искупаться большія усилія и жертвы.

Этотъ разумный патріотизмъ, свидѣтельствующій о зрѣлости нашего общественнаго мнѣнія, повсюду вызвалъ соображенія и попытки немедленно организовать что-нибудь на дѣлѣ для предупрежденія и отраженія опасности. Возникла мысль о стрѣлковыхъ обществахъ, которыя могли бы послужить военною школой для волонтеровъ на случай войны или непріятельскаго вторженія. Мысль эта распространяется и крѣпнетъ въ Москвѣ; средоточіемъ ей служитъ недавно устроившееся въ Москвѣ Общество Охоты, и какіе бы размѣры ни приняло осуществленіе этой мысли, всякое движеніе въ этомъ смыслѣ будетъ въ высшей степени полезно. Оно возвыситъ духъ въ обществѣ, оно дастъ правильное и практическое выраженіе патріотическому возбужденію, оно можетъ дѣйствительно заготовить надежныхъ воиновъ; оно, если приметъ значительные размѣры, можетъ послужить убѣдительнымъ доказательствомъ истинной готовности русскихъ людей къ оборонѣ нашей государственной чести. Но есть много различныхъ условій, которыя могутъ помѣшать этой мысли принять въ скоромъ времени надлежащіе размѣры для того чтобъ оказать ощутительное дѣйствіе. Общества стрѣлковъ могутъ отлично способствовать развитію патріотическаго движенія; но собственное ихъ развитіе въ свою очередь зависитъ отъ характера и силы этого движенія въ другихъ болѣе сподручныхъ и практическихъ проявленіяхъ. Самою практическою мѣрою прежде всего была бы обывательская мѣстная стража, которая могла бы замѣнять или усиливать военный гарнизонъ въ городахъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ не представится къ тому какихъ-либо существенныхъ препятствій. Эта организація, еслибъ она осуществилась, послужила бы лучшею опорой и поддержкой для всякихъ другихъ оборонительныхъ приготовленій, въ которыхъ можетъ выразиться патріотическое одушевленіе общества. Еще можетъ-быть ни одна изъ возникавшихъ въ обществѣ мыслей не распространялась съ такою быстротой, или лучше сказать, не возникала съ такимъ единодушіемъ въ различныхъ слояхъ общества въ одно и то же время. Уже одно это обстоятельство служитъ доказательствомъ ея соотвѣтствія потребностямъ текущей минуты.

Члены нашей новоучрежденной Городской Думы не могли не отозваться на это общее движеніе, и нельзя не порадоваться, что учрежденіе этой Думы такъ кстати подоспѣло

къ нынѣшнему трудному времени, и что Москва находитъ теперь въ ней правильный и дѣятельный органъ для своихъ общественныхъ потребностей и заявленій. Нельзя тоже не порадоваться, что наша Дума съ перваго раза организовалась достойнымъ образомъ, и что инстинктъ городскаго общества не обманулъ его въ выборѣ головы. Князь А. А. Щербатовъ, въ эти трудныя и вмѣстѣ торжественныя минуты нашей общественной жизни, показываетъ себя достойнымъ того имени, которое онъ носитъ и того почетнаго мѣста, на которое онъ такъ блистательно избранъ довѣріемъ общества. Отъ общественнаго дѣятеля болѣе всего требуется чистота побужденій и способность чувствовать общее дѣло съ энергіей своего личнаго дѣла. Эти качества нашла Москва въ своемъ выборномъ головѣ, и никогда эти качества не требовались до такой степени отъ людей стоящихъ впереди общества, какъ въ настоящее время. Патріотическая мысль объ организаціи обывательской стражи была дѣятельно обсуждаема въ частныхъ совѣщаніяхъ подъ предсѣдательствомъ головы, при соучастіи всѣхъ старшинъ и многихъ гласныхъ отъ всѣхъ сословій. Въ этихъ совѣщаніяхъ выработался проектъ предполагаемой организаціи, и инціативу предложенія въ засѣданіи Думы принялъ на себя самъ голова.

18-го мая, съ 11 часовъ утра, зала Думы наполнилась гласными, и по прочтеніи перваго очереднаго дѣла о штатахъ, ея предсѣдатель прервалъ теченіе очередныхъ дѣлъ, и обратился къ обществу съ слѣдующею рѣчью, которую передаемъ здѣсь съ возможною точностію:

„Мм. Гг.!

„Недавно мы заявляли нашему Государю, во всеподданнѣйшемъ письмѣ, готовность всѣхъ сословій Москвы стать, не жалѣя никакихъ жертвъ, за неприкосновенность Его державы, за цѣлость и величіе дорогаго отечества. Пришло время перойдти отъ слова къ дѣлу.

„Мы заявляли наше чувство подъ вліяніемъ событій, грозящихъ Россіи; — опасность не миновала, она возрастаетъ. Ее предотвратить можетъ только дружное и единодушное содѣйствіе правительству самого общества, самого народа.

„Москва, называющая себя сердцемъ Россіи и въ силу своей исторіи вполнѣ заслуживающая это названіе, вѣрно захочетъ и нынѣ сохранить свое значеніе, и еще разъ доказать, что она дѣйствительно есть средоточіе народной жизни, народнаго чувства.

„Кому же, какъ не ей, принадлежитъ начинаніе, въ томъ или другомъ видѣ, въ дѣлѣ общемъ всей нашей землѣ?

„Примѣра Москвы ждала всегда и ждетъ Россія.

„Общее дѣло требуетъ жертвъ. Но вы знаете, что только жертвы придаютъ значеніе нашимъ дѣйствіямъ, и возводя ихъ на степень гражданскихъ подвиговъ, даютъ совершившимъ ихъ право называться истинными сынами отечества.

„Рѣшеніе наше не должно быть плодомъ минутнаго увлеченія; оно должно быть крѣпко обдумано, и выходить изъ полнаго сознанія нашего гражданскаго долга.

„Не будемъ себя обманывать: предлагаемое дѣло есть дѣло серіозное,—дѣло требующее жертвъ. Но неужели насъ устрашитъ эта мысль? Неужели, когда нашему отечеству, вслѣдствіе бури, поднявшейся извнѣ, грозитъ распаденіе и ослабленіе, мы не отодвинемъ на второй планъ наши частныя заботы, чтобы горячо предаться дѣлу общему,—поддержанія чести русскаго народнаго имени?

„Всякое чувство хорошо, когда выражается въ дѣйствіи: пусть же наше патріотическое чувство найдетъ теперь выраженіе себѣ въ устройствѣ временной городской обывательской стражи.

„Чѣмъ вызвана эта новая въ нашей исторіи мысль?

„Не въ первый разъ весь народъ Русскій призывался на защиту Россіи. Въ минуты тяжкихъ испытаній, въ отечественныя войны 1812 и 1855 годовъ вся Россія выставляла ополченія. Но при всей энергіи, при всемъ патріотическомъ духѣ, который одушевлялъ наши дружины, могли ли онѣ оказать на полѣ брани ту пользу, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы жертвамъ? Недостаточно подготовленныя, эти дружины должны были выдерживать бой неравный. Подъ Севастополемъ наши ополченцы умирали на бастіонахъ, но топоръ въ ихъ рукахъ не могъ успѣшно отражать штыки непріятельскіе. Не лучше ли будетъ предложить правительству наше содѣйствіе еще и въ другомъ, болѣе практическомъ видѣ?

„Въ Москвѣ, какъ всѣмъ извѣстно, стоитъ значительный военный гарнизонъ. Гарнизонъ этотъ необходимъ для охраны спокойствія столицы: не полезно ли было бы

дать нашему правительству возможность обратить противъ нашихъ внѣшнихъ враговъ часть этого гарнизона и облегчить правительство въ его заботахъ о внутренней стражѣ, принявъ ее на себя самихъ? Если въ полѣ одинъ солдатъ стóитъ двухъ ополченцевъ, то въ городѣ каждый гражданинъ стóитъ солдата.

„Къ этой государственной цѣли нужно присоединить еще другія соображенія, обусловливающія пользу учрежденія городской стражи. Всѣми чувствуется, что общественное спокойствіе подвергается нынѣ бóльшимъ опасностямъ чѣмъ въ обыкновенное время. Прошлогодніе петербургскіе пожары, которые трудно приписать случайности, заставляютъ насъ быть на сторожѣ. Московская полиція слишкомъ малочисленна по обширности города, чтобы вполнѣ обезпечить обществу его спокойствіе; увеличить ея составъ въ значительномъ размѣрѣ—не по силамъ городской казны, а въ незначительномъ—цѣль не будетъ достигнута.

„Кому же ближе къ сердцу спокойствіе и тишина въ городѣ, какъ не самимъ его жителямъ? Городская обывательская стража, вступивъ немедленно по своемъ сформированіи въ отправленіе нѣкоторыхъ обязанностей по ежедневной охранѣ города, окажетъ существенную пользу обществу, удовлетвореніемъ самой насущной его потребности.

„Вотъ, мм. гг., общая мысль, лежащая въ основаніи образованія временной городской охранительной стражи. Но всякій естественно пожелаетъ знать, какой именно обязанности подчиняется онъ, вступая въ ряды этой стражи, и я буду имѣть честь представить вамъ главныя основанія предполагаемаго учрежденія. Основанія эти нельзя считать достаточно разработанными; дальнѣйшая разработка ихъ должна быть дѣломъ особой коммиссіи, которая при помощи спеціялистовъ изготовитъ проектъ устава. Но для того чтобы приступить къ составленію коммиссіи, слѣдуетъ предварительно получить согласіе правительства на предлагаемую мѣру, что́ будетъ зависѣть отъ общихъ соображеній.“

Слова эти были сказаны княземъ Щербатовымъ съ тѣмъ искреннимъ и горячимъ одушевленіемъ, которое придаетъ новую силу и значеніе словамъ. Едва успѣлъ онъ заявить мысль объ учрежденіи обывательской стражи, какъ рѣчь его была прервана громкимъ выраженіемъ сочувствія цѣлаго общества, и эти знаки одобренія и сочувствія возобновлялись при каждомъ особенно значительномъ пунктѣ въ изложеніи дѣла. Познакомивъ собраніе съ общими основаніями мысли, предсѣдатель изложилъ предварительный проектъ организаціи обывательской стражи, состоящій изъ двадцати семи главныхъ пунктовъ. Не ограничиваясь прочтеніемъ каждаго пункта, князь Щербатовъ старался на каждомъ какъ можно долѣе задерживать вниманіе слушателей, повторялъ прочтенное, разъяснялъ значеніе каждаго слова, которое могло подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ; онъ усиленно обращалъ вниманіе особенно на тѣ мѣста проекта, которыя могли встрѣтить наиболѣе затрудненій въ обществѣ; онъ старался представить задуманное дѣло не съ легкой, а съ трудной стороны его, и даже какъ бы съ умысломъ преувеличивалъ тягости съ нимъ соединенныя. Онъ самъ возбуждалъ вопросы относительно каждаго пункта, и приглашалъ собраніе сообразить и взвѣсить всѣ подробности, и каждый разъ въ этихъ случаяхъ собраніе прерывало его изъявленіями рѣшительнаго и единодушнаго согласія на принятіе общей мысли предполагаемаго учрежденія со всѣми его трудностями и тяготами. Особенно силенъ былъ взрывъ сочувствія при словахъ предсѣдателя о чистотѣ, патріотическомъ духѣ и честности этого гражданскаго дѣла. Движеніе овладѣвшее всѣмъ этимъ многочисленнымъ собраніемъ было такъ сильно, что трудно было защититься отъ впечатлѣнія, и предсѣдатель долженъ былъ на нѣсколько минутъ прервать изложеніе дѣла. Объясненіе проекта князь Щербатовъ заключилъ слѣдующими словами:

„Гг., я былъ обязанъ довести до свѣдѣнія Думы патріотическую мысль, которая возникла изъ нѣдръ самого общества. Я сдѣлалъ это добросовѣстно, я не маскировалъ тѣхъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ, которыя на практикѣ могутъ показаться затруднительными и тяжелыми. Я не хотѣлъ пользоваться патріотическимъ чувствомъ одушевляющимъ васъ, для того чтобы склонить васъ къ этому дѣлу; я не хотѣлъ выставлять особенно ясно тѣ стороны дѣла, которыя могутъ теперь мгновенно увлечь каждаго Русскаго. Я обращался къ вашему сужденію, я призывалъ на предлагаемую мысль хладнокровное вниманіе каждаго. Моя обязанность какъ предсѣдателя Думы ис-

полнена; я сдѣлалъ свое дѣло: теперь дѣло ваше."

Предсѣдатель неоднократно предлагалъ гласнымъ отсрочить приговоръ на нѣкоторое время, и вызывалъ всѣхъ, кто въ какомъ-либо отношеніи не совсѣмъ согласенъ въ пользѣ и важности предполагаемаго учрежденія, заявить свое разногласіе; но собраніе единогласно потребовало безотлагательно составить приговоръ. Проектъ приговора былъ тотчасъ же прочитанъ предсѣдателемъ, принятъ не встрѣтивъ ни одного возраженія, и тутъ же скрѣпленъ подписью всѣхъ членовъ Думы.

Б.

Періодическая печать получаетъ все свое значеніе отъ того, въ какой мѣрѣ она выражаетъ собой общественное мнѣніе. Пока нѣтъ общественнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ не можетъ быть и періодической печати соотвѣтствующей своему назначенію. Слабо общественное мнѣніе, — слаба и печать. Усиливается и крѣпнетъ общественное мнѣніе, — усиливается и крѣпнетъ печать, если только между печатью и общественнымъ мнѣніемъ есть живыя связи и печать почерпаетъ свои вдохновенія въ открытомъ голосѣ страны, а не ищетъ ихъ въ грязныхъ закоулкахъ и мрачныхъ подпольяхъ. Своимъ значеніемъ и сочувствіемъ, которымъ пользуются *Московскія Вѣдомости*, онѣ обязаны тому, что служатъ органомъ общественнаго мнѣнія, чутко воспрянувшаго при первыхъ признакахъ опасности для Русскаго государства. Въ этой чуткости — залогъ того, что какія бы ни были ухищренія и козни нашихъ недруговъ, мы ничего имъ не уступимъ иначе какъ съ честнаго боя. Одною ловкостью они не обойдутъ насъ. Общество смотритъ зорко не только за каждымъ ихъ шагомъ, но даже за каждою попыткой сдѣлать шагъ. Было бы несправедливо называть паникой теперешнюю чуткость общественнаго мнѣнія здѣшней столицы. Паника бываетъ слѣдствіемъ опасности явившейся въ такое время, когда помочь ей уже поздно. Паника есть признакъ упадка духа. Чуткость напротивъ свидѣтельствуетъ о бодрости духа, о способности предусмотрѣть опасность, съ тѣмъ чтобы предупредить ее. Тѣмъ лучше, если преувеличивается опасность еще не наступившая. Береженаго и Богъ бережетъ, говоритъ русская пословица. Чѣмъ болѣе принимается мѣръ для предупрежденія опасности, тѣмъ легче бороться съ ней, если она наступитъ.

Съ разныхъ сторонъ доходятъ до насъ, и изустно и письменно, заявленія тѣхъ недоумѣній и той тревоги общественнаго мнѣнія, къ которымъ подали поводъ два-три слова сказанныя нами, не безъ умысла, въ передовой статьѣ № 106 этой газеты. Мы печатаемъ ниже, по желанію М. Н. Лонгинова, его письмо къ намъ, заключающее въ себѣ одно изъ этихъ заявленій. Мы дѣлаемъ это тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что радуясь чуткости общественнаго мнѣнія, какъ вѣрному ручательству за благополучный исходъ теперешней борьбы, мы можемъ успокоить нашихъ читателей категорическимъ объясненіемъ. Мысль высказанная нами заключается въ томъ, что русскій національный взглядъ на присоединеніе Польши имѣетъ свои корни не въ властолюбіи, а въ инстинктахъ оборонительныхъ. Польша стала частью русской территоріи въ силу исторической необходимости. Право Россіи на Польшу есть крѣпкое право. „Оно куплено, какъ сказало московское дворянство во всеподданнѣйшемъ адресѣ своемъ, русскою кровію, не разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны." Мы можемъ продолжать словами того же адреса: „Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Царство Польское навѣки соединено съ Русскою державой." Территорія русскихъ владѣній есть святыня. Ее можно уступить съ боя, еслибы слабость Россіи была обнаружена судомъ Божіимъ; ее можно уступить отъ страха войны. Но въ томъ и другомъ случаѣ уступка территоріи есть уступка дѣлаемая слабостью, а не жертва приносимая въ полнотѣ силы. Ни одно государство на свѣтѣ не жертвовало своей территоріи. Еслибы всѣ Русскіе поголовно изъявили готовность пожертвовать Польшей, то они не имѣли бы права сдѣлать это. Нація не есть мертвый агтрегатъ людей; пока нація живетъ, ея территорія принадлежитъ ей какъ живому цѣлому, принадлежитъ не только ея настоящему, но и будущему. Когда нація начинаетъ жертвовать частями своей государственной территоріи, то она заявляетъ этимъ свой упадокъ, свое разложеніе. Царство Польское входитъ въ составъ русскихъ владѣній вслѣдствіе войны 1812 года. Россія не имѣла бы надобности присоединять къ своимъ владѣніямъ Польшу,

еслибы съ независимостію Польши не была сопряжена опасность для предѣловъ земли, заселенной русскимъ народомъ. Эта опасность уже заявила себя какъ несомнѣнный историческій фактъ. Въ 1812 году, въ тылу Наполеоновской арміи, уже собирались польскія конфедераціи, мнившія, что возстановляютъ Рѣчь Посполитую, присоединяя къ ней и Литву, и Украйну и даже Бѣлоруссію до Смоленска. Этихъ же предѣловъ требовала польская эмиграція начиная съ 1831 года. Этихъ же предѣловъ требуетъ и теперешнее возстаніе. Всему свѣту это было извѣстно, впрочемъ за исключеніемъ двухъ-трехъ петербургскихъ изданій, до которыхъ какъ-то не дошла вѣсть о томъ что затѣвалось въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Петербурга. Эти изданія, горящія нетерпѣніемъ повеликодушничать на счетъ Русскаго государства и благородно жертвовать тѣмъ что не принадлежало бы имъ даже и тогда, еслибъ они были законными представителями всего русскаго народа, эти изданія рыцарствовали или лучше сказать донкихотствовали своею готовностію принести обладаніе Польшей въ жертву гуманизму, либерализму и цивилизаціи. Мы имѣли въ виду эти куріозные сборы къ жертвоприношенію, когда, говоря о русскомъ національномъ взглядѣ на польскій вопросъ, и обращаясь съ нашей рѣчью не къ Русскимъ, а къ Полякамъ, выразились такъ: „Мы держимъ Польшу въ своихъ рукахъ только въ интересѣ своей защиты. Польша нисколько не нужна намъ, мы никогда не извлекали для себя никакой выгоды изъ обладанія Царствомъ Польскимъ. Мы имѣемъ на него несомнѣнное право, и притомъ не только на основаніи трактатовъ; но мы дорожимъ этимъ правомъ лишь по скольку оно нужно намъ для обороны. Мы съ радостію пожертвовали бы имъ, еслибъ отъ того не пострадала безопасность нашихъ русскихъ предѣловъ. Таковъ нашъ русскій національный взглядъ на отношеніе Россіи къ Польшѣ.“ Слово „жертва“ не можетъ имѣть иного смысла кромѣ ироническаго. Кто же можетъ жертвовать государственною территоріей? Мы, впрочемъ, съ радостію пожертвовали бы Царствомъ Польскимъ, еслибы не было всей предшествующей исторіи Россіи и Польши. Но такъ какъ эта исторія была, и уроки ея не забыты русскимъ народомъ, то и навязываемый намъ актъ пожертвованія переходитъ изъ міра дѣйствительности въ міръ небылицъ и безсмыслицъ, гдѣ ему настоящее мѣсто.

Согласіе Россіи отторгнуть отъ себя Польшу ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть вида жертвы. Оно могло бы быть дѣломъ разчета. Еслибы, предполагая невозможное, Европа предложила намъ напримѣръ въ обмѣнъ на Польшу Константинополь, то Россія, конечно, не отказалась бы отъ такого предложенія. Могутъ-быть и еще какія-нибудь комбинаціи, чтобы побудить Россію къ отказу отъ Польши. Такъ восточная Галиція съ Буковиной были бы можетъ-быть достаточнымъ вознагражденіемъ Россіи за отказъ отъ Польши. Наконецъ согласіе Россіи отторгнуть отъ себя Польшу могло бы быть слѣдствіемъ неудачной войны, которая убѣдила бы насъ въ нашей слабости. Но чтобы безъ боя признать себя слабымъ, для этого надобно совсѣмъ упасть духомъ и вычеркнуть себя изъ ряда не только великихъ, но и живыхъ народовъ. Даже Турція вооружается, изъ опасенія чтобы Сербія какъ-нибудь не отторглась отъ нея, и никто, ни даже петербургскія изданія не требуютъ отъ Турціи, чтобъ она великодушно пожертвовала Сербіей идеямъ гуманизма, либерализма и цивилизаціи.

Итакъ, объ отторженіи Польши безъ войны или безъ соотвѣтствующаго вознагражденія не можетъ быть рѣчи. Но съ другой стороны нельзя не сказать, что совершенное отторженіе Польши было бы для Россіи въ тысячу разъ выгоднѣе чѣмъ какая-нибудь изъ тѣхъ промежуточныхъ комбинацій, о которыхъ мы говорили въ томъ же № 106 *Московскихъ Вѣдомостей*. О совершенномъ отторженіи Польши отъ Россіи мечтаютъ безсмысленные изъ польскихъ патріотовъ. Самостоятельная Польша не продержалась бы и одного года; неминуемо послѣдовалъ бы раздѣлъ ея между Пруссіей и Австріей. Благоразумные, но недоброжелательные намъ, польскіе патріоты очень хорошо понимаютъ это. Они желаютъ комбинаціи средней между совершеннымъ отторженіемъ отъ Россіи и совершеннымъ сліяніемъ съ нею. Вникнемъ же въ ихъ мысль, поставимъ себя на ихъ мѣсто, и посмотримъ что было бы выгодно съ ихъ точки зрѣнія.

Всего выгоднѣе былъ бы планъ графа Лубенскаго, подробно разобранный въ статьѣ „Русскій вопросъ“, напечатанной въ № 2 *Русскаго Вѣстника*. Отдаленная цѣль этого плана—возстановленіе Польши въ древ-

нихъ предѣлахъ. Для достиженія этой цѣли надобно прежде всего присоединить западныя губерніи и заняться ополяченіемъ ихъ. Во все время этихъ занятій, надобно оставаться подъ русскимъ скипетромъ. Это тѣмъ выгоднѣе, что въ этотъ продолжительный промежутокъ времени, можетъ послѣдовать война между Россіей и Австріей или между Россіей и Пруссіей, и этою войной можно воспользоваться, чтобы присоединить Галицію и Познань къ русскому скипетру. Когда западныя губерніи будутъ окончательно ополячены, а Галиція и Познань присоединены къ состоящему подъ русскимъ скипетромъ Царству Польскому, тогда можно будетъ подняться противъ Россіи уже съ вѣрными видами на успѣхъ. До тѣхъ поръ будетъ продолжаться перемиріе, какъ наивно выражается графъ Лубенскій. Война, которая послѣдуетъ за перемиріемъ, приведетъ уже къ окончательному миру, вслѣдствіе котораго великою державой сдѣлается Польша, а Россія будетъ ея послушною сосѣдкой, государствомъ не столько европейскимъ, сколько азіятскимъ. Вотъ что̀ лучше всего для *благоразумныхъ*; это благоразумнѣйшій изъ плановъ. Но къ исполненію его встрѣтилось маленькое препятствіе. Взбалмошнымъ польскимъ патріотамъ не терпѣлось; они объявили маркиза Велёпольскаго измѣнникомъ отечества и подняли возстаніе, а возстаніе послужило поводомъ къ обнаруженію дѣйствительнаго расположенія умовъ въ областяхъ, предназначенныхъ къ поступленію въ составъ Рѣчи Посполитой. О русскомъ народѣ полагали, что онъ способенъ умирать за отечество только изъ-подъ палки, а русскій народъ заявилъ себя съ такою силой и такимъ единодушіемъ, какихъ никогда не обнаруживалъ прежде. Что̀ тутъ дѣлать? Надобно заключить перемиріе на менѣе выгодныхъ условіяхъ, однакоже такъ, чтобъ остался хоть какой-нибудь базисъ для стратегическихъ операцій противъ западнаго края. Вы не знаете, говорятъ намъ, дѣйствительнаго состоянія Царства Польскаго. Еслибы вы ближе были знакомы съ дѣломъ, вы увидѣли бы рѣшительную необходимость оставить за нами тотъ базисъ операцій, безъ котораго жизнь намъ будетъ не въ жизнь. Должна же остаться за нами хоть сколько-нибудь выгодная позиція. Какъ польскіе патріоты, можемъ ли мы согласиться на то чтобъ и наша и ваша позиція были равно выгодны? Если у насъ и у васъ будутъ равныя общественныя льготы, развѣ возможно будетъ тяготѣніе къ намъ западныхъ губерній? Если въ Россіи будетъ данъ ходъ общественнымъ силамъ, то развѣ не будетъ слѣдить стоокій Аргусъ за каждымъ нашимъ патріотическимъ движеніемъ? Посудите сами, какъ не воспользоваться и разчетами европейскихъ державъ, находящихъ для себя выгоднымъ придираться къ вамъ подъ предлогомъ вѣнскихъ трактатовъ? Онѣ требуютъ расширенія нашихъ льготъ, руководясь каждая своими видами: хотя мы люди благоразумные и не ожидаемъ отъ нихъ безкорыстной готовности сражаться за насъ, хотя мы видимъ въ васъ, Русскихъ, главнаго союзника своего, однако же какъ намъ нѐ поддержать требованій, клонящихся къ доставленію намъ базиса нашихъ будущихъ мирныхъ операцій, какъ намъ не позаботиться, чтобы возстаніе, служащее предлогомъ къ этимъ требованіямъ, и угасало и опять вспыхивало,—угасало на столько, чтобы вы убѣждались въ его ничтожности,—вспыхивало на столько, чтобы державы могли на него ссылаться, и чтобы мы могли возвышать свой патріотическій голосъ о необходимости серіозныхъ мѣръ для умиренія края?

Съ точки зрѣнія „перемирія“ съ Россіей такая рѣчь есть верхъ благоразумія. Возстаніе дѣйствительно не имѣетъ почвы въ Царствѣ Польскомъ. Народъ ему не сочувствуетъ. Помѣщики боятся его. Никто не вѣритъ въ успѣхъ его, кромѣ безбородыхъ юношей да немногихъ фанатиковъ, преимущественно неофитовъ. Но еслибы возстаніе было подавлено, то дипломатическіе переговоры прекратились бы сами собой, и Поляки какъ своихъ ушей не видали бы желаемаго ими привилегированнаго положенія передъ русскими подданными Русскаго Императора. *Благоразумные* должны какъ нельзя лучше понимать это, а потому они должны длить возстаніе, платить подати центральному комитету, высылать молодежь въ лѣса. Вѣдь они не даромъ заставляютъ литься польскую кровь; они увѣрены какъ нельзя болѣе, что дипломатическіе переговоры доставятъ Польшѣ нѣсколько новыхъ привилегій передъ всѣми прочими владѣніями русской державы, и за эти-то новыя привилегіи, говорятъ они, должна литься польская кровь. Переговоры могутъ идти *crescendo* только пока продолжается возстаніе. Со стороны благоразумныхъ, но недоброжелательныхъ къ Россіи польскихъ

патріотовъ было бы очень неблагоразумно, еслибъ они до извѣстной степени не содѣйствовали возстанію, одни открыто, другіе подъ рукой.

Тѣмъ менѣе могутъ польскіе *благоразумные* допустить чтобы возстаніе прекратилось, чѣмъ сильнѣе высказался патріотическій духъ русскаго народа. Русскій патріотизмъ уничтожаетъ всѣ виды на ополяченіе Западнаго края. Онъ главный врагъ сепаратизма; на него надобно направить самыя ядовитыя стрѣлы. Надобно унизить въ Русскихъ національное чувство, надобно отравить ихъ патріотическій духъ, чтобы наступилъ упадокъ силъ, чтобы произошелъ внутренній разладъ въ русскомъ народѣ. Но какое болѣе вѣрное средство къ тому какъ исторгнуть у Россіи наглою силой возстанія и дипломатіи такія уступки, которыя, возвысивъ Поляковъ надъ Русскими, оскорбили бы русскій патріотизмъ въ самой его святынѣ? Мятежники стали бы гордиться передъ вѣрными. Какъ тутъ не произойдти всеобщей деморализаціи? Позиція занятая Поляками была бы вдвойнѣ выгодна. Политическая жизнь Польши привлекала бы къ себѣ весь Западный край, а Русскіе, нравственно униженные, не были бы въ силахъ вполнѣ воспользоваться даже и своею невыгодною позиціей. Страгическое положеніе двухъ сторонъ заключившихъ перемиріе было бы гораздо хуже для насъ чѣмъ послѣ 1815 года. Въ ту мрачную эпоху представительнаго правленія въ Польшѣ и аракчеевщины въ Россіи, когда въ первый и единственный разъ въ русской исторіи наша страна, самая антиреволюціонная въ мірѣ, была опозорена заговорами, имѣвшими нѣкоторое значеніе, когда могли возникать среди Русскихъ безумныя мысли объ искусственномъ раздѣленіи Россіи на самостоятельныя области, долженствовавшія состоять между собой въ федеративномъ союзѣ, въ эту эпоху, когда, благодаря привилегированному положенію Царства Польскаго, Русскому было стыдно въ западныхъ губерніяхъ оставаться Русскимъ и православные помѣщики переходили въ католицизмъ, въ эту эпоху русская гражданская и военная служба не была еще такъ насыщена польскими элементами какъ теперь, и когда вспыхнуло возстаніе 1830 года, не только внутреннія губерніи Россіи, но и Западный край оставались совершенно спокойны. Тогда намъ легко было справиться съ врагомъ, потому что мы имѣли дѣло съ врагомъ явнымъ. Теперь Польша потеряла армію, но ея армія, усиленная и умноженная, можетъ быть разсыпана по всему лицу Русской земли. Солдаты этой арміи неузнаваемы, потому что слѣдить за каждымъ польскимъ чиновникомъ или офицеромъ, служащимъ въ Россіи, было бы и невозможно, и несправедливо.

Вотъ почему, повторимъ еще разъ, совершенное отторженіе Польши отъ Россіи было бы для насъ въ тысячу разъ выгоднѣе чѣмъ такая комбинація, которая, поднявъ духъ въ Полякахъ, унизила бы духъ русскій и въ то же время самими Поляками была бы принята лишь какъ перемиріе въ ожиданіи другой болѣе серіозной и выгоднѣйшими условіями обставленной борьбы. Намъ нужно не перемиріе, намъ нуженъ миръ. Если Польша хочетъ и можетъ, пусть она съ бою отторгнется отъ насъ. Но если она не хочетъ или не можетъ отторгнуться, пусть она сольется съ нами въ такомъ государственномъ устройствѣ, которое, ограждая отъ произвола администраціи, обезпечивая общее благосостояніе и всякій законный и разумный успѣхъ, не давало бы ни какого повода лелѣять и никакого средства осуществить замыслы враждебные Россіи. Можно быть справедливу и доброжелательну къ Полякамъ и не питать въ нихъ надеждъ невозможныхъ безъ задней мысли объ отторженіи отъ Россіи.

№ 110.

Москва, 22-го мая.

Вѣсть о предположеніи учредить въ Москвѣ обывательскую стражу встрѣчена общимъ, безпримѣрнымъ сочувствіемъ во всѣхъ классахъ общества. Первыя дѣйствія едва открывшейся Общей Думы доказываютъ, что она въ самомъ дѣлѣ „представляетъ собою городское общество“, какъ сказано въ § 7 „Положенія объ общественномъ управленіи Москвы“, и заявляетъ истинныя нужды и желанія *всей* столицы, что и придаетъ Думѣ полновѣсную нравственную силу. Не только домовладѣльцы, торговцы, промышленники, но и простые обыватели радостно приняли мысль объ участіи въ охраненіи порядка и безопасности въ городѣ. На другой же день послѣ засѣданія Думы, городской голова получилъ письменныя заявленія не только частныя, но и

коллективныя о желаніи вступать въ городскую стражу. Въ числѣ послѣднихъ, намъ извѣстны заявленія всѣхъ членовъ Удѣльной Конторы и Прокурорскаго Управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы князь Щербатовъ не уѣхалъ вчера на короткое время въ Петербургъ, то онъ былъ бы въ нѣсколько дней заваленъ подобными заявленіями со стороны всѣхъ жителей, не подлежащихъ по проекту Думы обязательной службѣ въ охранной стражѣ, но имѣющихъ пламенное желаніе принять участіе въ учрежденіи, которое единогласно признается самою настоятельною потребностію минуты.

Дѣйствительно, въ этомъ общемъ движеніи нельзя не признать самыхъ вѣрныхъ инстинктовъ. Патріотическое настроеніе всѣхъ классовъ общества ищетъ средства заявить себя на дѣлѣ. Городъ Москва требуетъ обороны отъ покушеній нарушить его спокойствіе. Обѣимъ этимъ цѣлямъ ничто такъ не соотвѣтствуетъ какъ мѣстная обывательская стража. Высоко поднявшееся патріотическое чувство привело къ мысли объ обывательской стражѣ. Это чувство должно лечь въ ея основаніе; оно должно опредѣлить ея характеръ, дать ей духъ и физіономію—и только то нравственное значеніе, съ которымъ она явится на свѣтъ, дастъ ей силу не только предупредить какія-либо покушенія на спокойствіе города, но и уничтожить всякое помышленіе о томъ.

Петербургскія газеты обвиняютъ московскія въ распусканіи ложныхъ слуховъ, вызывающихъ панику. На дняхъ случилось намъ прочесть въ одной петербургской газетѣ насмѣшки по поводу московскихъ толковъ о присылкѣ фосфора въ Москву. Хотя не мы дали печатную гласность этимъ толкамъ, но считаемъ не лишнимъ замѣтить упомянутой газетѣ, что источникъ, изъ котораго она почерпаетъ свои свѣдѣнія о Москвѣ, долженъ быть очень не надеженъ, когда она такъ мало и въ такомъ фальшивомъ свѣтѣ узнаетъ о томъ что здѣсь дѣлается. Исторія съ фосфоромъ вовсе не басня. На станціи Николаевской желѣзной дороги, при выгрузкѣ одного поѣзда, тому назадъ недѣли три, произошло воспламененіе одной изъ 55 жестянокъ прибывшихъ съ тѣмъ поѣздомъ въ Москву. Эта жестянка оказалась содержащею фосфоръ. При развѣдкѣ обнаружено, что всѣ 55 жестянокъ были съ фосфоромъ, и заключали въ себѣ этого матеріала не менѣе 32 пудовъ 22 фунтовъ. Жестянки были уложены въ двухъ ящикахъ, и не случись воспламененія, никто бы не зналъ что въ нихъ находится. Они были отправлены въ Москву изъ Вильна черезъ компанію *Надежда* нѣкіимъ Цыпкинымъ, для передачи здѣсь въ Москвѣ предъявителю квитанціи, имя котораго не было означено. Полиція тотчасъ же распорядилась объ арестованіи фосфора въ конторѣ компаніи *Надежда*, съ тѣмъ чтобы лицо, которое явилось бы за фосфоромъ, было немедленно задержано. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ недѣль, и никто за фосфоромъ не являлся. Но на дняхъ, какъ ходятъ слухи, квитанція на два ящика была предъявлена однимъ Евреемъ, который, явившись за полученіемъ товара, и спрошенный о томъ, какой товаръ ему адресованъ, утаилъ, что въ жестянкахъ заключается фосфоръ, и потому былъ арестованъ. Дѣло это, какъ всякій читатель видитъ, очень подозрительное, и нельзя пенять на московскую публику, что она не пропустила его безъ вниманія. Это тѣмъ болѣе извинительно, что здѣсь уже было нѣсколько несомнѣнныхъ поджоговъ, при чемъ и фосфоръ былъ употребляемъ въ дѣло. Нѣкоторые поджоги были очень наглы. Такъ напримѣръ въ домѣ священника церкви Николы въ Пупышахъ, что близъ Коммиссаріата и лѣснаго ряда, поджигатели натаскали ночью хозяйскихъ дровъ въ окно подвальнаго этажа, и потомъ подтопили эти дрова, какъ топятъ печку. Если въ Москвѣ нѣтъ большихъ пожаровъ, то городъ обязанъ этимъ отчасти сырой погодѣ, но еще болѣе бдительности обывателей и полиціи.

Но не въ однихъ пожарахъ опасность. Возстаніе очевидно слабѣетъ въ Польшѣ, и политика революціоннаго комитета должна состоять въ томъ чтобы перенести его на востокъ. Если кто захочетъ поставить себя на мѣсто руководителей возстанія, то легко пойметъ, какъ было бы важно для нихъ произвести замѣшательство въ Россіи. Неудача возстанія въ западныхъ губерніяхъ еще болѣе должна обратить вниманіе революціонеровъ на внутреннія пункты Россіи. Здѣсь, конечно, не придется имъ властвовать. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ русскій городъ не попадется во власть мятежнической шайки даже на нѣсколько часовъ. Опытные революціонеры, вѣроятно, объ этомъ и не думаютъ. Тѣмъ не менѣе они употребляютъ всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь вызвать безпорядки. Они надѣются

сбить съ толку русскій народъ. Они готовы явиться русскими патріотами. Въ Москвѣ уже замѣчаютъ, что нѣкоторыя лица, ходившія прежде въ чамаркахъ, надѣли теперь русскій народный костюмъ. Эти славянофилы новаго рода, чего добраго затѣятъ какую-нибудь тревогу во имя Царя и Отечества, и тогда легко можетъ статься, что у насъ поднимутся свои на своихъ. Все это, конечно, возможности очень отдаленныя, болѣе или менѣе сомнительныя возможности, но когда само правительство объявляетъ о распространеніи на Волгѣ фальшивыхъ манифестовъ, когда подметная прокламація, вышедшая подъ заглавіемъ: *Великоруссъ*, беретъ идею Царя за свое революціонное знамя, то не только не безразсудно, а напротивъ требуется патріотическимъ долгомъ принимать всѣ возможныя мѣры, чтобы предупредить подобныя предательскія попытки и даже отнять у революціонеровъ всякую охоту помышлять о нихъ. Чѣмъ дружнѣе мы будемъ тушить пожаръ, тѣмъ лучше; но еще лучше мы сдѣлаемъ, если нашей бдительности удастся достигнуть того, что поджигатели совсѣмъ уберутся отъ насъ, лишившись надежды и на малѣйшій успѣхъ.

Нельзя ли однакоже достигнуть этой цѣли, не прибѣгая къ учрежденію обывательской стражи, а просто усиливъ полицію? Въ Англіи есть законъ, что когда пять заслуживающихъ уваженія обывателей покажутъ подъ присягой, что въ ихъ околоткѣ можно ожидать нарушенія общественнаго спокойствія, то не болѣе какъ двоимъ мировымъ судьямъ предоставляется право назначать такъ-называемыхъ спеціяльныхъ констаблей изъ числа мѣстныхъ жителей, при чемъ никакой санъ не освобождаетъ отъ обязанности служить спеціальнымъ констаблемъ. Такіе констабли получаютъ права обыкновенныхъ констаблей, то-есть получаютъ характеръ не только полицейскихъ, но и военныхъ стражей. Они могутъ арестовать всякаго на мѣстѣ преступленія; они могутъ арестовать и людей подозрѣваемыхъ въ тяжкомъ преступленіи, и для поимки подозрительныхъ людей входить въ дома силой. Всѣ эти права имѣетъ каждый констабль, и ихъ получаетъ каждый спеціальный констабль. Число спеціальныхъ констаблей зависитъ отъ усмотрѣнія каждыхъ двухъ мировыхъ судей. Они могутъ назначить столько спеціальныхъ констаблей, сколько имъ угодно. Вотъ какія громадныя средства подавлять возможность безпорядковъ даны мировымъ судьямъ Англіи. Не нужно никакой переписки, никакой агитаціи. Пять обывателей дадутъ присягу въ томъ, что есть опасность, и черезъ полчаса послѣ того всѣ мѣстные жители, заслуживающіе довѣрія, могутъ быть облечены полицейскою и военною властью. Двое изъ мировыхъ судей могутъ принять эту мѣру, а надобно замѣтить, что въ каждомъ графствѣ Англіи (англійское графство величиною почти равняется нашему уѣзду) бываетъ до сотни и гораздо болѣе мировыхъ судей. Стало-быть требуется, чтобъ изъ цѣлой сотни и болѣе мировыхъ судей нашлись только два человѣка раздѣляющіе опасеніе пяти обывателей,—и спеціяльные констабли могутъ быть назначены въ неограниченномъ числѣ. Остальные мировые судьи могутъ не замѣчать опасности, не придавать ей значенія, и тѣмъ не менѣе будутъ приняты самыя сильныя мѣры для ея предотвращенія. Вотъ какъ серіозно смотритъ англійскій законъ на свою обязанность ограждать мирныхъ гражданъ отъ насилія и мятежа. Но этимъ средствомъ пользуются въ Англіи рѣдко. Къ нему прибѣгаютъ когда грозитъ опасность внутренняго возстанія. Въ послѣдній разъ прибѣгали къ этому средству, если мы не ошибаемся, въ 1848 году.

Можемъ ли мы заимствовать теперь что-нибудь для себя изъ англійскаго учрежденія спеціальныхъ констаблей? При всемъ желаніи пользоваться опытомъ націи, чрезвычайно опытной въ политическихъ дѣлахъ, мы не видимъ къ тому никакихъ данныхъ и никакой возможности. Вопервыхъ, для возможности спеціяльныхъ констаблей нужны обыкновенные констабли, нужно чтобы права ихъ были подробно опредѣлены, чтобъ обязанности ихъ были извѣстны и общественное положеніе уважительно. Есть ли у насъ и то, и другое, и третье? Кто наши констабли? Въ селахъ, это—сотскіе; въ городахъ, это—будочники. Въ чемъ состоятъ ихъ права, ихъ обязанности? У насъ и квартальному надзирателю едва ли можно съ пользой предоставить тѣ права, которыя имѣетъ по закону каждый англійскій констабль. А вѣдь спеціяльные констабли не могутъ же быть у насъ уравнены въ правахъ съ квартальными надзирателями. Надобно было бы поставить нашихъ констаблей на ряду съ такъ-называемыми городовыми или по-московски хожалыми; на-

добно было бы подчинить ихъ квартальнымъ надзирателямъ. Но много ли нашлось бы охотниковъ на поступленіе подъ эту команду? Въ Лондонѣ, въ 1848 году, нынѣшній императоръ Французовъ служилъ спеціяльнымъ констаблемъ. Онъ ходилъ ночью дозоромъ по улицамъ, повиновался полицейскому начальству, обязанъ былъ исполнять всѣ приказы полицейскихъ судей. Мы далеки отъ намѣренія отзываться неуважительно о нашей полиціи; она видимо улучшается, и въ скоромъ времени, мы надѣемся, совсѣмъ измѣнитъ свой видъ; но тѣмъ не менѣе развѣ есть возможность, для усиленія состава нашей полиціи, записать въ ея нижніе чины всѣхъ наиболѣе уважаемыхъ обывателей города Москвы, не взирая на ихъ санъ и общественное положеніе?

Далѣе, еслибъ и была эта возможность, одно усиленіе состава полиціи не соотвѣтствовало бы теперешнему положенію дѣлъ. Москва боится не внутренняго народнаго возстанія, какъ боялась Англія въ 1848 году. У насъ нѣтъ партіи чартистовъ, подававшей петиціи въ англійскій парламентъ за милліономъ подписей. Наши чартисты, замышляющіе ниспроверженіе общественнаго порядка, едва ли считаются и десятками. Микроскопическія волненія, бывавшія на улицахъ нашихъ столицъ, не заслуживали бы никакого вниманія, еслибы не было достовѣрно извѣстно, что они были вызываемы польскими подстрекательствами. Всѣ наши опасенія имѣютъ своимъ предметомъ не внутренніе субверсивные элементы, которыхъ, слава Богу, не имѣется, а элементы пришлые со стороны. Зачѣмъ же намъ брать примѣръ съ Англичанъ, боровшихся съ своими чартистами? Зачѣмъ намъ поселять въ иностранцахъ фальшивую мысль, будто бы мы боимся внутреннихъ безпорядковъ? Наше движеніе есть патріотическое движеніе; мы хотимъ защищать себя отъ внѣшнихъ покушеній, но отнюдь не думаемъ о предотвращеніи революціи. Мы люди Русскіе и живемъ въ сердцѣ Россіи; мы очень хорошо знаемъ, что намъ нечего бояться революціи. Мы хотимъ оградить себя отъ предательства; мы хотимъ отвести отъ себя козни иноземныхъ революціонеровъ. Но хотя Москва не скрываетъ отъ себя этой внутренней опасности, хотя она можетъ-быть съ преувеличенною мнительностію заботится о предотвращеніи ея, главная забота московскаго общества все-таки не въ этомъ. Прежде всего и болѣе всего оно хочетъ совершить патріотическій актъ, доказать себѣ и другимъ серіозность нашего патріотическаго чувства, найдти ему достойное и полезное для всей страны выраженіе. Мы хотимъ содѣйствовать полиціи въ обереженіи казеннаго имущества, нашихъ домовъ, нашихъ семействъ; но мы еще болѣе хотимъ облегчить въ случаѣ надобности русское войско, и сослужить службу не одному городу Москвѣ, но и всему отечеству.

№ 111.

Москва, 23-го мая.

На прошлой недѣлѣ появилось объявленіе отъ государственнаго банка, что цѣна звонкой монеты будетъ и въ предстоящемъ второмъ полугодіи 1863 года постепенно понижаема, такъ что къ 1-му января 1864 года она дойдетъ до *пари*, то-есть до 5 р. 15 коп. за полуимперіялъ и до 1 р. за цѣлковый рубль. Это объявленіе, въ виду теперешнихъ политическихъ обстоятельствъ, есть отважный шагъ, едва ли имѣющій себѣ что-либо подобное въ исторіи финансовъ. Размѣнъ возрасталъ съ быстротой, вселявшею страхъ: въ январѣ взято пять милліоновъ звонкой монеты, въ февралѣ—почти 8, въ мартѣ почти $10^1/_2$, въ апрѣлѣ почти $12^1/_2$. Размѣнный фондъ, несмотря на поступавшія въ него доли послѣдняго 7-го займа, постоянно понижался, и теперь заключаетъ въ себѣ не много болѣе 55 милліоновъ рублей (если не считать 12 милліонную казенную облигацію, составляющую собственность банка, но не могущую служить для цѣли размѣннаго фонда), а кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи 650 милліоновъ, да 150 милліоновъ серій и 48 милліоновъ 4% металлическихъ билетовъ. Вся эта масса бумагъ, отчасти прямо, отчасти косвенно, подлежитъ размѣну. Правда, что размѣнному фонду предстоитъ еще приращеніе отъ взносовъ послѣдняго внѣшняго 7-го займа, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что дѣйствительныя размѣнныя средства, даже по поступленіи всего 7-го займа, не будутъ много превышать 100 милліоновъ рублей. Эта незначительная сумма будетъ имѣть противъ себя 800 милліоновъ рублей бумагъ подлежащихъ размѣну.

Когда былъ заключенъ послѣдній внѣшній (7-й) заемъ, и было объявлено, что онъ заключается именно съ цѣлію размѣна, тогда многіе скептики жалѣли о такомъ назначеніи займа. Они утверждали, что этимъ займомъ воспользуется только заграничная торговля да вексельная спекуляція, а достоинство кредитнаго рубля возстановлено не будетъ. Они утверждали даже, что по истощеніи размѣннаго фонда прочность нашей денежной системы еще болѣе пострадаетъ, а народное хозяйство совершенно разстроится этимъ двукратнымъ измѣненіемъ въ цѣнѣ рубля, сначала повышающейся до пари, потомъ безнадежно понижающейся. Эти скептики говорили, что если операціи размѣна суждено повести къ такимъ результатамъ, то ужь лучше было бы на 90 милліоновъ 7-го займа построить южную желѣзную дорогу. Тогда осталось бы въ странѣ полезное сооруженіе, которое не могло бы уйдти у насъ между пальцевъ, между тѣмъ какъ при неудачѣ размѣнной операціи 7-й заемъ прошелъ бы не только безслѣдно, но даже былъ бы причиной вреднаго потрясенія на денежномъ рынкѣ.

Чтобъ эта безпощадная аргументація не оправдалась на дѣлѣ, для этого надобно желать успѣха операціи размѣна; надобно изо всѣхъ силъ биться чтобы цѣль этой операціи—возстановленіе достоинства кредитнаго рубля—была достигнута.

Можно ли надѣяться на это?

Операція размѣна находится въ тѣснѣйшей связи съ тою мѣрой, которая извѣстна у насъ подъ именемъ ликвидаціи кредитныхъ установленій, и о которой нельзя не сказать нѣсколько словъ, говоря о размѣнѣ. Эта мѣра ликвидаціи была встрѣчена множествомъ порицаній. Она и до сихъ поръ крайне непопулярна. Но невозможно не видѣть, что она была совершенно раціональна, и что именно съ нея надобно было начинать исправленіе нашего денежнаго обращенія.

Несостоятельность системы, по которой дѣйствовали наши прежнія кредитныя установленія, можно объяснить въ немногихъ словахъ. Они принимали вклады съ обязательствомъ возвращать ихъ по востребованіи, а собранныя такимъ образомъ деньги раздавали въ долгосрочныя ссуды казнѣ и частнымъ лицамъ. Вотъ въ чемъ состояла вся система. Правильно вести дѣло на этихъ основаніяхъ нѣтъ возможности. Когда съ должниковъ нельзя взыскивать долгъ до истеченія срока, какъ можно обязаться во всякое время уплачивать кредиторамъ? При первомъ выгодномъ предпріятіи, напримѣръ при первомъ разрѣшеніи строить желѣзную дорогу на выгодныхъ условіяхъ, вкладчики непремѣнно потребовали бы денегъ. А такъ какъ кредитныя установленія были учрежденіями правительственными и объ правительство отвѣчало за ихъ состоятельность, то на случай востребованія значительныхъ капиталовъ правительство должно было оставлять за собой два средства: или запрещеніе такихъ предпріятій, которыя, своею выгодой привлекли бы къ себѣ вкладчиковъ и заставили бы ихъ вынимать свои вклады, или выпускъ бумажныхъ денегъ для удовлетворенія вкладчиковъ. Но оба эти средства крайне пагубны не только для народнаго, но и для государственнаго хозяйства, и нельзя было не радоваться мѣрѣ, которая освободила правительство отъ необходимости стоять въ такомъ недружелюбномъ отношеніи къ общественнымъ интересамъ. Ликвидація заключалась въ томъ, что безсрочные (то-есть возвращаемые по востребованію) вклады были превращены въ срочныя бумаги. По совершеніи ликвидаціи, правительству уже нечего было опасаться набѣговъ на казенные банки, оно было поставлено на возможность не полагать преградъ развитію народной предпріимчивости и не имѣть передъ собою въ перспективѣ постоянной необходимости выпуска бумажныхъ денегъ.

Ликвидація окончилась благополучно, и если она имѣла однимъ изъ своихъ послѣдствій тягостное для помѣщиковъ прекращеніе ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, то съ другой стороны даже и этимъ своимъ послѣдствіемъ она должна была въ нѣкоторой степени содѣйствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства, такъ какъ люди разстроившіе свое состояніе и лишенные возможности занимать деньги въ Опекунскомъ Совѣтѣ, были принуждены либо жить бережливѣе и благоразумнѣе хозяйничать, либо продать свои имѣнія, то-есть передать ихъ въ руки болѣе разчетливыя и болѣе способныя. И тотъ и другой исходъ былъ непріятенъ для неразчетливыхъ и раззорявшихся, но для общаго экономическаго движенія онъ былъ выгоденъ.

Противъ ликвидаціи можно серіозно сказать только то, что можно сказать противъ размѣна. Размѣнъ заслуживаетъ одобренія, если доводится до конца, но если онъ остановится на полъ-дорогѣ, и поведетъ еще

къ большему колебанію цѣнности кредитнаго рубля, то лучше бы за него не приниматься и не тратить на него громадные капиталы. Точно также и ликвидація. Она полезна, если достигаетъ своей цѣли. Если же вслѣдъ за ликвидаціей предпринимаются такія операціи, которыя возстановляютъ прежнее положеніе дѣлъ, то, разумѣется, всякій скажетъ, что потрясеніе, сопряженное съ ликвидаціей, было произведено безъ пользы. Для того чтобы финансовыя мѣры достигли своей цѣли, нужна послѣдовательность, нужно единство дѣйствій. Опекунскіе Совѣты были въ опасности; они могли сдѣлаться несостоятельными вслѣдствіе любаго предпріятія отечественной промышленности, которое потребовало бы значительныхъ капиталовъ. Теперь они не могутъ сдѣлаться несостоятельными по той простой причинѣ, что перестали существовать. Ихъ мѣсто занялъ Государственный Банкъ. Эта перестановка можетъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если Государственный Банкъ будетъ свободенъ отъ той опасности, которой подвергались Опекунскіе Совѣты. Каково же въ этомъ отношеніи положеніе Государственнаго Банка?

По балансу Государственнаго Банка, послѣдне-опубликованному, платежныя средства банка заключаются въ слѣдующемъ:

Оборотная касса кредитными билетами.	3.793.519
Процентныя бумаги принадлежащія банку.	8.878.600
Векселя и проч.	6.287 350
Ссуды подъ залоги.	10.850.165
	29 809.634

Кромѣ того подъ рубрикой: *Разныя* значится 20.385.962 руб. Если взять въ разчетъ эту рубрику, а равно и другія платежныя средства, укрывающіяся отъ нашего вниманія, и положить платежныя средства банка въ 60 милліоновъ рублей, то мы скорѣе преувеличимъ чѣмъ преуменьшимъ общій итогъ средствъ, которыми можетъ располагать банкъ для расплаты съ своими кредиторами. Сколько же претензій на банкѣ имѣютъ его кредиторы? Сколько бумагъ можетъ быть представлено въ банкъ къ немедленному платежу?

Сюда принадлежатъ вопервыхъ безсрочные вклады, по которымъ банкъ обязанъ возвращать капиталъ при востребованіи. Сюда принадлежатъ далѣе текущіе счеты банка съ постороннимъ лицами, своими конторами и казной. Сюда принадлежатъ наконецъ безъ малаго $41\frac{1}{2}$ милліона находящихся въ рукахъ публики 4% металлическихъ билетовъ, которые Банкъ обязанъ принимать въ платежи вмѣсто наличныхъ денегъ, а сбывать можетъ только желающимъ. Такихъ обязательствъ банка наберется болѣе 150 милліоновъ. По этому положеніе банка нельзя не признать заслуживающимъ серіознаго вниманія. Онъ пришелъ въ это положеніе въ особенности благодаря выпуску металлическихъ билетовъ, которыхъ характеръ, первоначально задуманный превосходно, былъ совершенно измѣненъ тѣмъ, что въ видахъ пониженія платимаго по нимъ процента на банкъ было возложена обязанность принимать ихъ по всѣмъ платежамъ. Еслибъ они были предназначены не на усиленіе операціи банка, а на изъятіе кредитныхъ билетовъ, еслибы вмѣсто 4% было по нимъ назначено $4\frac{1}{2}$%, и еслибы не было придано имъ свойство платежности, то они принесли бы много пользы. Но этому не было суждено состояться. Ни банкъ, ни государство не получили ни малѣйшей выгоды отъ 4% металлическихъ билетовъ, каковы они теперь; за нихъ благодарны только купцы, и притомъ почти исключительно петербургскіе, получившіе въ нихъ средство брать съ казны за находящуюся въ ихъ кассѣ наличность очень почтенные проценты, да притомъ еще звонкою монетой. Такого удобства, сколько извѣстно, не было нигдѣ на свѣтѣ. Но и этого мало. Какъ бы въ довершеніе любезности, Государственный Банкъ, обязанный принимать эти билеты только въ платежъ, неизвѣстно почему сталъ принимать ихъ къ размѣну, то-есть даровалъ имъ новую льготу, не дарованную даже уставомъ. Этимъ достигнуто наконецъ, что владѣльцы 4% металлическихъ билетовъ получаютъ проценты по нимъ *совершенно даромъ*,—замѣчательное доказательство того, какъ уступчивъ казенный интересъ и какъ нуждается онъ въ серіозной и бдительной защитѣ.

Итакъ, безсрочныя обязательства банка очень значительны; средства платежа недостаточны, а наличность, уменьшаясь постепенно, дошла наконецъ до 3 милліоновъ рублей, то-есть до цифры, въ пятьдесятъ разъ меньшей чѣмъ безсрочныя обязательства. Опекунскіе Совѣты никогда не были въ такомъ положеніи. Тамъ затрудненія предусматривались издалека; тутъ они подошли къ намъ гораздо ближе, и это тѣмъ непріятнѣе, что они встрѣтились съ опера-

ціей размѣна и не позволяютъ дать ей надлежащее направленіе, затрудняя внутренній заемъ для воспособленія размѣну.

Что можетъ облегчить оборотную кассу банка, вывести банкъ изъ предстоящихъ ему затрудненій? Какъ ближайшія мѣры представляется слѣдующее:

1. Строго соблюдать правила устава 4% металлическихъ билетовъ, то-есть принимать ихъ только въ платежъ, а не для размѣна, дабы сколько-нибудь задержать приливъ ихъ въ оборотную кассу банка.

2. Усилить приливъ срочныхъ вкладовъ, возвышеніемъ платимаго по нимъ процента на $^1/_2\%$.

3. Ослабить спросъ на наличность возвышеніемъ учетнаго процента, по меньшей мѣрѣ на 1%, что для торговли нисколько не будетъ тягостно, а между тѣмъ нѣсколько остановитъ и спросъ на золото.

Мы предлагаемъ на обсужденіе финансистовъ эти мѣры, какъ необходимыя немедленно, но отнюдь не думаемъ, чтобъ онѣ окончательно исправили положеніе банка относительно его кредиторовъ. Для окончательнаго поправленія дѣлъ банка нужна та же мѣра, которая была принята относительно прежнихъ кредитныхъ установленій, то-есть ликвидація безсрочныхъ обязательствъ, или превращеніе безсрочныхъ обязательствъ въ срочныя, или еще иначе—внутренній заемъ.

Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и сходится операція ликвидаціи съ операціей размѣна. Мы сказали выше, что при дѣйствительномъ размѣнномъ фондѣ въ 100 милліоновъ рублей серебромъ у насъ имѣется бумагъ подлежащихъ размѣну около 800 милліоновъ. Въ этомъ числѣ мы считали кредитные билеты, серіи и 4% металлическіе билеты. Въ какомъ бы розовомъ свѣтѣ ни представлять себѣ дѣло о кредитныхъ билетахъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что размѣнный фондъ не можетъ устоять противъ этой массы бумагъ, имѣющей значеніе денегъ. Единственное средство ослабить спросъ на звонкую монету заключается во внутреннемъ займѣ. На это средство указываетъ не только теорія, — которая непреложно учитъ, что находящіяся во внутреннемъ обращеніи бумажныя деньги, то-есть долговыя обязательства, не приносящія процентовъ, всего удобнѣе могутъ обмѣниваться на обязательства, приносящія проценты и выпускаемыя также для внутренняго обращенія,—на это самое средство указываетъ намъ теперь и нашъ собственный опытъ. Мы опасались внутренняго займа, и для изъятія излишнихъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія прибѣгли къ внѣшнему займу. По этому внѣшнему займу мы получили за границей золото и перевозимъ это золото въ Петербургъ. Но изъ Петербурга оно опять увлекается за границу неудержимымъ потокомъ, и мы опять платимъ за обратный провозъ его въ Лондонъ или Парижъ. Мы платимъ даромъ двойныя издержки провоза и разныхъ коммиссій. Какая же сила увлекаетъ отъ насъ золото? Прежде у насъ ссылались на торговый балансъ, но теперь, по счастію, нельзя во всемъ винить это допотопное чудище, такъ пугающее нашихъ немногихъ протекціонистовъ. Американское междуусобіе, лишивъ насъ подвоза хлопка, лишило насъ возможности объяснять наши денежныя затрудненія невыгоднымъ торговымъ балансомъ. Въ прошломъ году привозъ уравновѣсился съ отпускомъ, и если звонкая монета уходила за границу, то очевидною причиной тому былъ избытокъ денежныхъ знаковъ, находящихся у насъ въ обращеніи. Теперь къ этой причинѣ присоединились еще политическія обстоятельства, но тѣмъ не менѣе интересно, что даже и теперь значительная часть звонкой монеты идетъ за границу для покупки облигацій послѣдняго внѣшняго (7-го) займа. Вотъ какъ блистательно подтверждается теорія. Сила обстоятельствъ превращаетъ этотъ послѣдній внѣшній заемъ во внутренній. Для чего же было намъ выдавать эти облигаціи 7-го займа въ Лондонѣ, и везти въ Петербургъ полученное за нихъ золото, чтобъ отправлять это золото обратно въ Лондонъ для покупки тѣхъ же облигацій 7-го займа и для обратнаго вывоза ихъ изъ Лондона въ Россію? Не ясное ли это доказательство, что на нашей биржѣ можно было бы помѣстить, съ выгодой для казны, то-есть по меньшей мѣрѣ со сбереженіемъ расходовъ двукратнаго провоза золота, внутренній заемъ для извлеченія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія? Рано или поздно, къ этому средству все-таки придется прибѣгнуть, если только операціи размѣна суждено окончиться благополучно. Американцы дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи благоразумнѣе насъ. Принужденные выпустить бумажныя деньги, они не прибѣгли, какъ мы, къ обманчивой мѣрѣ поддержки вексельнаго курса, а тотчасъ же открыли обмѣнъ бумажныхъ денегъ на 6%

срочныя обязательства. Но они вовсе прекратили размѣнъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету. Мы будемъ находиться въ положеніи болѣе выгодномъ чѣмъ они, если намъ удастся соединить оба эти средства размѣна, то-есть мѣнять кредитные билеты и на звонкую монету и на облигаціи внутренняго займа. Но мы неизбѣжно испортимъ свое положеніе, если удержимъ только одинъ видъ размѣна,—размѣнъ на звонкую монету: мы истощимъ размѣнный фондъ, а цѣли все-таки не достигнемъ. Мы только разовьемъ спекуляцію на вексельный курсъ, да заплатимъ издержки двукратнаго путешествія звонкой монеты. И дай Богъ чтобы мы этимъ однимъ отдѣлались. Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что переводъ польскихъ капиталовъ заграницу значительно участвуетъ въ теперешнемъ спросѣ на звонкую монету. Очень обидно будетъ, если мы окажемся не въ состояніи продолжать размѣнъ, какъ разъ послѣ перевода отъ насъ тѣхъ капиталовъ, которые бѣгутъ теперь изъ Россіи.

Что же теперь дѣлать? Пріостановить размѣнъ, значило бы произвести потрясеніе на всѣхъ нашихъ биржахъ. Можно было бы смягчить потрясеніе, продолжая размѣнъ, но не на одну звонкую монету, а придавая къ ней въ извѣстной долѣ процентныя бумаги, достаточно выгодныя, чтобъ остановить переселеніе въ Россію 7-го займа. Эта мѣра представляется съ перваго взгляда самою удобною, но вѣроятно и съ нею были сопряжены многія неудобства. Такъ можно заключить изъ того, что она не была принята. Теперь просто возвѣщено, что будетъ безостановочно продолжаться размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Это рѣшеніе твердо и Государственный Банкъ обязанъ продолжать операцію размѣна. Мы уже говорили выше, что это рѣшеніе, при теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, безпримѣрно въ исторіи финансовъ. Если только операція размѣна совершится удачно, то это рѣшеніе должно самымъ прочнымъ образомъ утвердить нашъ кредитъ. Но тутъ все зависитъ отъ *если*, и мы повторяемъ, намъ надобно изо всѣхъ силъ биться, чтобы наши старанія окончательно возстановить цѣнность кредитнаго рубля не пропали даромъ. Мы не должны скрывать отъ себя, что положеніе дѣлъ очень затруднительно.

Что же можно придумать для поддержки операціи размѣна? Какъ средства, къ которымъ можно прибѣгнуть немедленно, представляются слѣдующія:

1. Размѣнивать кредитные билеты не только на звонкую монету, но и на заграничныя тратты, которыя покупать заграницей на звонкую монету чтобъ избѣжать потери издержекъ на провозъ золота взадъ и впередъ.

2. Открыть внутренній $5\frac{1}{2}\%$ или 6% заемъ на самую умѣренную сумму и съ самымъ краткимъ срокомъ подписки, но съ разсрочкой платежей дабы хоть сколько-нибудь пріостановить переселеніе въ Россію облигацій 7-го внѣшняго займа и переселеніе капиталовъ изъ Россіи. Выручка этого займа должна идти исключительно на изъятіе кредитныхъ билетовъ.

3. Принять нѣкоторыя мѣры противъ неправильной торговли золотомъ и противъ спекуляцій на вексельный курсъ.

Но и эти мѣры никакъ нельзя считать вполнѣ обезпечивающими правильный ходъ операціи размѣна. Какъ относительно безсрочныхъ обязательствъ банка радикальное лѣченіе заключается въ ихъ ликвидаціи (то-есть въ превращеніи безсрочныхъ обязательствъ въ срочныя), такъ и тутъ, при операціи размѣна, необходимо уменьшить массу бумагъ подлежащихъ размѣну, превращеніемъ билетовъ государственнаго казначейства, или такъ-называемыхъ серій, въ срочныя обязательства, не имѣющія характера платежности.

Наши серіи нельзя ставить на ряду съ такъ-называемымъ текущимъ долгомъ другихъ государствъ. Онѣ имѣютъ то особенное свойство, что принимаются въ платежъ во всѣхъ казначействахъ. До сихъ поръ было легко помѣщать ихъ, и публика къ нимъ привыкла. Но не надобно забывать, что онѣ были легко помѣщаемы въ то время, когда былъ избытокъ въ денежныхъ знакахъ. Когда безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ много, то, само собою разумѣется, процентные денежные знаки должны имѣть легкій ходъ. Но операція размѣна измѣнитъ тутъ многое. 4% металлическіе билеты начали уже поступать въ банкъ, а немного мѣсяцевъ тому назадъ ихъ было еще труднѣе доставать чѣмъ серіи. Никакъ нельзя сомнѣваться, что при безостановочномъ ходѣ размѣна въ скоромъ времени и серіи начнутъ поступать въ казначейства. Такое явленіе неизбѣжно, и оно тѣмъ опаснѣе, что число серій въ послѣднее время значительно возросло. Недавно ихъ было въ

обращеніи 90 милліоновъ. Въ нынѣшнемъ году ихъ будетъ обращаться 165 милліоновъ.

Итакъ, кромѣ упомянутыхъ выше частныхъ мѣръ, вотъ какія двѣ мѣры представляются нужными для окончательнаго усцѣха двойной операціи, ликвидаціонной и размѣнной:

1. Превращеніе въ срочныя обязательства безсрочныхъ обязательствъ Государственнаго Банка (безсрочныхъ вкладовъ и 4% металлическихъ билетовъ).

2. Превращеніе въ срочныя обязательства безсрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства (серій).

Выставляя теперешнее положеніе банковыхъ дѣлъ, какъ оно намъ представляется, мы надѣемся, что люди, спеціяльно занимающіеся ими, пополнятъ пробѣлы нашего изложенія. Мы не высказывали этихъ взглядовъ прежде, когда еще не было объявлено о ходѣ размѣна во второмъ полугодіи текущаго года. Высказанные тогда, эти взгляды, если бы были найдены правильными, могли бы произвести *набѣгъ* публики на банкъ. Теперь объявленіе отъ Государственнаго Банка послѣдовало, и наступила возможность обсуждать вопросъ о размѣнѣ съ полною увѣренностію, что публичное обсужденіе не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ, кромѣ хорошихъ.

№ 112.

Москва, 24-го мая.

Въ вышедшемъ вновь нумерѣ еженедѣльнаго журнала: *Mémorial Diplomatique*, издаваемаго въ Парижѣ гг. Дебро и де-Понси и состоящаго, какъ должно думать, въ ближайшей связи съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи г. Друэнъ-де-Люисомъ, сообщаются свѣдѣнія о тѣхъ результатахъ, которые уже достигнуты были къ 30-му мая Англіей, Франціей и Австріей въ ихъ переговорахъ между собою о польскомъ вопросѣ. Какъ изъ этого источника, такъ и изъ телеграммъ, одновременно полученныхъ, отъ 29-го мая, изъ Лондона и изъ Парижа газетою *Indépendance Belge*, изъ сообщенной нами вчера статьи полуофиціяльной французской газеты *Pays*, и т. д., мы узнаемъ, что всѣ три державы, если и не согласились еще между собою окончательно на счетъ предложеній, которыя онѣ намѣрены сдѣлать Россіи въ отвѣтъ на депеши князя Горчакова, то во всякомъ случаѣ очень близки къ соглашенію; узнаемъ также, въ чемъ заключается сущность этихъ предложеній. Въ основу ихъ положены извѣстные шесть пунктовъ, выставленныхъ Австріею (см. № 110-й *Московскихъ Вѣдомостей*, подъ рубрикою: „Послѣдняя Почта“). Французское правительство точнѣе опредѣлило нѣкоторыя изъ нихъ, и присоединило къ нимъ еще два пункта: о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Поляками и Русскими на все время переговоровъ и объ утвержденіи окончательной сдѣлки относительно Польши всѣми европейскими государствами. Въ случаѣ, еслибъ Австрія, какъ можно думать, окончательно приняла видоизмѣненія и дополненія предлагаемыя Франціей и уже одобренныя Англіей, и еслибы Россія не отвергла предложеній трехъ державъ, тотчасъ же была бы созвана конференція изъ представителей державъ, участвовавшихъ въ заключеніи вѣнскаго трактата, для разрѣшенія только польскаго вопроса, на чемъ особенно настаивала Австрія, и за тѣмъ условія, которыя состоялись бы такимъ образомъ, были бы сообщены обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ, для принятія и утвержденія, тѣмъ державамъ, которыя присоединились къ представленіямъ Англіи, Франціи и Австріи, содержащимся въ ихъ депешахъ отъ 10-го апрѣля, то-есть, Италіи, Нидерландамъ, Даніи и Турціи, если послѣдняя, дѣйствительно, рѣшилась ходатайствовать за Поляковъ. Парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge*, въ письмѣ отъ 30-го мая, говоритъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ три державы, прежде чѣмъ препроводить свои предложенія Петербургскому кабинету, пригласятъ присоединиться къ нимъ Португалію, Испанію, Швецію и Пруссію, такъ что князь Горчаковъ разомъ получилъ бы семь депешъ почти одинаковаго содержанія, или, вѣрнѣе, шесть, такъ какъ Пруссія навѣрное отвѣчала бы отказомъ. Очень вѣроятно, что три державы позаботятся тотчасъ же склонить и другія европейскія государства, участвовавшія въ вѣнскомъ конгрессѣ, въ пользу своихъ предложеній; но едва ли рѣшатся они на такую проволочку до отправленія своихъ депешъ въ Петербургъ. Таково, судя по всѣмъ даннымъ, дипломатическое положеніе польскаго вопроса въ настоящее время.

Изъ числа предложеній, которыя сдѣланы или въ скоромъ времени будутъ сдѣланы Россіи, особаго вниманія заслуживаютъ три: о прекращеніи военныхъ дѣйствій на время переговоровъ, о національномъ сеймѣ для Польши и объ европейскомъ утвержденіи окончательныхъ условій, какъ слѣдствіи разрѣшенія вопроса на европейской конференціи.

Мысль о предложеніи Русскимъ и Полякамъ прекратить военныя дѣйствія между собою и притомъ, по первоначальному проекту, на цѣлый годъ, подана была впервые, какъ извѣстно, Англіей, и притомъ, какъ говорятъ, въ видѣ формальнаго перемирія между Русскими и Поляками. Если-бы такое предложеніе дѣйствительно состоялось, то это было бы тяжкое оскорбленіе для Россіи равносильное объявленію войны, и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ наиболѣе свѣдущихъ корреспондентовъ европейскихъ газетъ прямо приписывали такое намѣреніе не только Франціи, но и Англіи. Однакоже, съ другой стороны, несомнѣнно извѣстно, что Англія вовсе не желаетъ сама вести войну изъ-за Польши, и въ *Morning-Post*, отъ 28-го мая, въ статьѣ, отрывокъ которой былъ приведенъ въ № 110 *Московскихъ Вѣдомостей*, самое предложеніе о перемиріи выставляется какъ средство избѣжать европейской войны. Такимъ образомъ, выступая съ своимъ предложеніемъ, Англія имѣла въ виду только подстрекнуть Францію: съ этимъ совершенно согласно извѣстіе *Journal des Débats*, что Англія, обнаружившая сначала столько горячности, потомъ вдругъ совершенно охладѣла къ этому дѣлу, не отказывалась, правда, отъ своего предложенія, но и не слишкомъ его защищала, и впала какъ бы въ совершенное усыпленіе. Въ *Morning-Post*, органѣ лорда Пальмерстона, въ упомянутой выше статьѣ, даже прямо говорится, что „на какую бы точку зрѣнія ни стать, проектъ о перемиріи оказывается неудобоисполнимымъ, и предлагать его безполезно," а между тѣмъ тамъ же сказано, что подобное предложеніе дѣйствителино было сдѣлано, можетъ-быть только въ формахъ, не совершенно офиціяльныхъ, и, безъ сомнѣнія, было рѣшительно отвергнуто русскимъ правительствомъ. Но *Morning-Post* не хочетъ ничего знать въ этомъ случаѣ о русскомъ правительствѣ, и предполагаетъ даже, что оно согласилось бы на перемиріе въ самой Польшѣ, но не въ западныхъ областяхъ Россіи; органъ лорда Пальмерстона становится на точку зрѣнія революціоннаго варшавскаго комитета, и говоритъ:

„Въ глазахъ Поляковъ западныя области Россіи—чисто польскія: въ нихъ тоже самое дворянство какъ и въ Царствѣ Польскомъ, и еслибы перемиріе положило конецъ военнымъ дѣйствіямъ только въ Царствѣ Польскомъ, то проживающіе тамъ Поляки принуждены были бы проливать свою кровь въ областяхъ, на которыхъ русскому правительству дана была бы возможность сосредоточить всѣ свои усилія. Это одно уже воспрепятствовало бы національному варшавскому правительству принять перемиріе. Но сверхъ того оно никогда не согласилось бы принять полуофиціяльное сообщеніе отъ иностранной державы иначе какъ подъ видомъ предварительнаго дѣйствія, ведущаго необходимо къ признанію за нимъ права аккредитовать своихъ офиціяльныхъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ и пользоваться всѣми преимуществами если не вполнѣ признаннаго правительства, то по крайней мѣрѣ воюющей стороны. И если мы, прибавляетъ органъ лорда Пальмерстона, отказавшись отъ прямыхъ сношеній съ правительствомъ Южной Конфедераціи и отъ принятія его агентовъ, тѣмъ не менѣе признали за нимъ права воюющей стороны, то можемъ ли мы, не противорѣча самимъ себѣ, вести переговоры съ національнымъ польскимъ комитетомъ и не признавать его въ качествѣ воюющей стороны? Притомъ же всякая отсрочка военныхъ дѣйствій была бы пагубна для Польши и обратилась бы въ пользу Россіи... Чтобы воспрепятствовать насиліямъ противъ народонаселенія Польши, не слѣдовало ли бы прежде всего потребовать, чтобы русскія войска удалились изъ Польши? Какимъ образомъ, на время перемирія, Поляки сложатъ свое оружіе, которое имъ такъ трудно было достать? Сдадутъ ли они его русскимъ властямъ, или же западныя державы овладѣютъ имъ на время, чтобы въ случаѣ неудачнаго исхода переговоровъ возвратить его снова повстанцамъ? Какъ обезпечить безопасность тѣхъ, которые участвовали въ войнѣ противъ Россіи? Какъ заставить обѣ стороны выполнять условія, постановленныя державами, не занимая страны арміею какого-либо иноземнаго государства?"

И въ самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ изъ Вѣны, отъ 25-го мая въ там-

бургскую газету *Boersenhalle*, шла рѣчь о томъ, чтобы въ случаѣ отказа со стороны Россіи на предложенія трехъ державъ, Австрія приняла на себя иниціативу и послала свое войско въ Польшу для прекращенія тамъ силою оружія военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками; но, прибавляетъ корреспонденгъ, трудно допустить, чтобъ Австрія рѣшилась на такой образъ дѣйствій.

Возвращаясь къ статьѣ *Morning-Post*, мы замѣчаемъ, что въ ней имѣется въ виду двоякая цѣль: во-первыхъ, убѣдить Россію, что для нея перемиріе, по крайней мѣрѣ въ одной Польшѣ, было бы ни почемъ и даже было бы выгодно, и что всѣ трудности могли бы быть выставлены со стороны революціоннаго польскаго комитета, а во-вторыхъ, намекнуть въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ на возможныя послѣдствія переговоровъ о перемиріи и дѣйствительнаго его заключенія. Эти послѣдствія: признаніе революціоннаго комитета договаривающимися съ нимъ державами за правительство, ведущее правильную войну, выводъ русскихъ войскъ изъ Польши, вступленіе въ нее какой-либо иностранной, примѣрно австрійской арміи, которая и отобрала бы оружіе у повстанцевъ, съ тѣмъ чтобы при случаѣ возвратить имъ его. И это все говорится послѣ того, какъ предложеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій было уже сдѣлано революціонному комитету и, какъ должно думать, доведено и до свѣдѣнія петербургскаго кабинета, и послѣ того какъ Франція уже усвоила себѣ эту идею о перемиріи въ Польшѣ! Не есть ли это явное намѣреніе подстрекнуть и Францію, и революціонный комитетъ, и вмѣстѣ желаніе компрометировать первую въ глазахъ Россіи?

Вывести свои войска изъ Польши, дозволить вступить въ нее иностранной арміи, да это значитъ заживо похоронить себя въ Польшѣ, отказаться отъ нея, имѣя еще всѣ средства удержать ее за собою. Неужели же Россія, которая и въ безправное, безгосударное время, въ началѣ XVII столѣтія, когда и сама Москва была въ рукахъ Поляковъ, неужели же Россія, которая и тогда умѣла совладать съ ними, теперь дошла до такого положенія и такъ низко упала въ глазахъ Европы, что серіозный журналъ, органъ перваго министра въ Англіи, находитъ основанія для такихъ предположеній, и особенно послѣ того какъ вся Россія во всеподданнѣйшихъ письмахъ къ своему Государю заявила свою рѣшительную готовность на всѣ пожертвованія въ защиту своей чести, своего достоинства и нераздѣльности всѣхъ владѣній, входящихъ въ составъ русской государственной территоріи? По истинѣ, русскій народъ былъ бы выродившимся и ничего не стоящимъ народомъ еслибъ онъ безъ бою, безъ напряженія всѣхъ силъ своихъ, по единому слову иноземцевъ, сдалъ имъ край, который купленъ былъ цѣною крови въ 1812—1815 и въ 1830 и 1831 годахъ, и который, по трактатамъ, составляетъ нераздѣльную часть всей русской государственной земли. Отчего бы потомъ не потребовать отъ насъ и всего западнаго и юго-западнаго края Россіи, присоединеннаго въ силу раздѣловъ Польши, и даже всего побережья Чернаго и Азовскаго морей, со включеніемъ Крыма и Одессы, около того же времени, отнятыхъ у Турціи?

Но вотъ Франція, усвоивъ себѣ идею о перемиріи, даетъ ей другой оборотъ. Въ своей депешѣ, отъ 13-го мая, посланной въ Вѣну, г. Друэнъ-де-Люисъ, какъ говоритъ *Mémorial Diplomatique*, выставляетъ все дѣло въ такомъ видѣ, что императору Александру могло бы быть предложено обнародовать манифестъ, въ которомъ было бы дано обѣщаніе прекратить военныя дѣйствія на все время переговоровъ, съ тѣмъ чтобъ и Поляки воздерживались отъ нападеній на русскія войска. „Австрія, по словамъ г. Дебро, не высказываясь на счетъ самаго способа, который могъ бы быть признанъ Императоромъ Александромъ наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣли, объявила только свою готовность поддерживать при С.-Петербургскомъ кабинетѣ всякую комбинацію, которая имѣла бы цѣлью согласить интересы человѣколюбія съ достоинствомъ Всероссійскаго Государя и положить конецъ кровопролитію.“ Очевидно, что способъ придуманный Франціей, Австрія не находитъ согласнымъ съ достоинствомъ Всероссійскаго Государя; полагаютъ, что въ этомъ пунктѣ ея новая депеша въ С.-Петербургъ будетъ значительно отличаться отъ депешъ Франціи и Англіи, которая, какъ говорятъ, вполнѣ одобрила французскую выдумку.

Да и въ самомъ дѣлѣ, было ли бы согласно съ достоинствомъ независимаго государя предлагать ему совершеніе того или другаго опредѣленнаго акта въ отношеніи

къ его подданнымъ? Было ли бы согласно съ достоинствомъ Всероссійскаго Государя обратиться къ возмутившимся его подданнымъ съ обѣщаніемъ не усмирять ихъ силою оружія и съ просьбою не дѣйствовать и противъ его войскъ, особенно когда они, эти подданные, уже пренебрегли его милосердіемъ и отвергли обѣщанное имъ всепрощеніе и предположенныя для нихъ въ будущемъ новыя льготы? Было ли бы, наконецъ, согласно съ интересами Россіи прекратить военныя дѣйствія на время, когда есть близкая надежда на прекращеніе ихъ навсегда, когда наши военныя дѣйствія противъ польскихъ мятежниковъ ведутся все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ успѣхомъ, и при соотвѣтствующихъ мѣрахъ со стороны гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, мятежъ можетъ быть въ скоромъ времени совсѣмъ подавленъ? Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается разгадка всего этого дѣла о перемиріи.

Дѣло польскаго возстанія, очевидно, идетъ къ концу, а между тѣмъ въ Турціи оказываются признаки близкаго возстанія христіянскаго населенія противъ Оттоманской Порты. Въ засѣданіи палаты общинъ, отчетъ о которомъ читатели найдутъ ниже, г. Леярдъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, прямо обвиняетъ Сербію въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Турціею, допускаетъ возможность вмѣшательства въ этомъ случаѣ со стороны Россіи, а затѣмъ, въ противодѣйствіе ей, со стороны Англіи и Австріи, и не безъ удовольствія прибавляетъ, что теперь, когда запылала война въ Польшѣ, русскія ружья, будто бы назначавшіяся для Сербовъ, нашли себѣ употребленіе въ иномъ мѣстѣ. Съ тѣмъ чтобы война продолжала пылать въ Польшѣ, чтобы мятежникамъ, доведеннымъ почти до крайности, данъ былъ срокъ снова собраться съ силами и продолжать борьбу съ бо́льшими надеждами на успѣхъ, осенью и зимою, и чтобы такимъ образомъ отвлечь Россію отъ дѣлъ турецкихъ, въ этихъ только видахъ Англія и выступила съ своимъ предложеніемъ о перемиріи, и отъ души радуется, что Франція усвоила его себѣ, а усвоила она его себѣ потому, что съ подавленіемъ возстанія въ Польшѣ она не имѣла бы солиднаго повода ко вмѣшательству въ польскія дѣла, и принуждена была бы отказаться отъ тѣхъ обширныхъ плановъ, которые связываются для нея съ польскимъ вопросомъ. Но всѣ эти разсчеты, какъ должно надѣяться, обратятся въ ничто и перемиріе, въ какомъ бы видѣ оно ни было предложено Россіи, безъ сомнѣнія, будетъ отвергнуто ею, какъ крайнее оскорбленіе ея достоинству и чести.

№ 113.

Москва, 25-го мая.

Царство Польское все занято русскими войсками; оно состоитъ на военномъ положеніи, то-есть, въ важнѣйшихъ случаяхъ подлежитъ вѣдѣнію военныхъ властей и дѣйствію военныхъ законовъ; въ немъ существуютъ сверхъ того правильныя, организованныя гражданскія власти, обязанныя содѣйствовать военнымъ властямъ въ возстановленіи порядка. Въ немъ многочисленнѣйшая часть населенія, крестьяне, если и не расположены дѣятельно помогать, то какъ нельзя болѣе готовы были покоряться этимъ законнымъ властямъ; самая промышленная часть населенія, Евреи, долгое время колебались, и могли легко перейдти на сторону законной власти. Остаются затѣмъ только ксендзы, паны и шляхта, которые, дѣйствительно, выставили изъ среды своей вооруженныя мятежническія шайки. Но эти шайки, даже и въ общей своей совокупности, такъ малочисленны, что большею частію принуждены скрываться въ лѣсахъ; при каждой встрѣчѣ съ русскими войсками онѣ терпятъ пораженіе и разсѣиваются, и до сихъ поръ не успѣли еще завладѣть ни однимъ городомъ, не успѣли утвердиться ни въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ. И однако, при такихъ условіяхъ, тамъ гдѣ должна была бы дѣйствовать одна только власть законнаго государя и поставленныхъ отъ него начальниковъ, дѣйствуетъ и распоряжается еще другая власть, власть какого-то тайнаго комитета, дѣйствуетъ и распоряжается явно, собираетъ налоги, созываетъ вооруженныя шайки, даетъ разрѣшеніе на изданіе журналовъ, дѣлаетъ имъ предостереженія, издаетъ законы и постановленія, печатаетъ свой „офиціяльный журналъ“ и свои воззванія, приговариваетъ кого хочетъ къ смерти и приводитъ въ исполненіе свои приговоры. И этотъ тайный комитетъ существуетъ въ Варшавѣ, къ которой не смѣютъ и приближаться вооруженныя шайки, въ Варшавѣ, гдѣ сосредоточены всѣ власти и начальства, не-

посредственно поставленныя отъ русскаго Царя. И члены этого комитета до сихъ поръ еще не узнаны; власть его, повидимому, безпрепятственно простирается на весь край. Г. Россель, корреспондентъ *Times*, въ письмѣ, напечатанномъ нами вчера, свидѣтельствуетъ о власти варшавскаго комитета надъ всею страной. Хотя почты, желѣзныя дороги и телеграфы находятся въ рукахъ русскаго правительства, но приказы варшавскаго комитета дѣлаются извѣстными въ Краковѣ прежде нежели могутъ придти по почтѣ, а письма получаются регулярно. Русскіе путешественники должны запасаться паспортами отъ тайнаго правительства, безъ которыхъ даже по желѣзнымъ дорогамъ ѣздить не безопасно. Законная полиція, при военномъ положеніи, менѣе требовательна относительно путешественниковъ въ Варшавѣ чѣмъ въ Краковѣ, гдѣ однакоже нѣтъ военнаго положенія и австрійскимъ властямъ почти нечего опасаться. Объ этомъ контрастѣ между либерализмомъ варшавской полиціи и строгостью полиціи краковской говорятъ съ похвалою корреспонденты враждебной намъ газеты *Wanderer*, какъ нашимъ читателямъ уже извѣстно изъ № 111 *Московскихъ Вѣдомостей*. Бывало ли когда-нибудь на свѣтѣ что-либо подобное? На памяти исторіи было много народныхъ возстаній, среди которыхъ рядомъ съ законнымъ правительствомъ утверждалось еще другое; но это бывало при совершенно другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ; это бывало когда вся масса народа становилась противъ законнаго правительства, когда оно не могло опереться и на войско, когда вся установленная имъ администрація приходила въ разстройство, когда противная сторона могла противоставить его войскамъ равносильныя арміи и открыто вытѣснить его изъ городовъ и цѣлыхъ областей. Но такого двоевластія, какое существуетъ теперь въ Польшѣ, никогда и нигдѣ не бывало. Русскія ли военныя власти и русскія ли войска виною такого чудовищнаго явленія? Конечно, нѣтъ, и слѣдовательно остается только одно предположеніе, что польскіе паны и польскіе шляхтичи, изъ которыхъ исключительно организованы всѣ гражданскія власти, имѣютъ возможность, на всѣхъ степеняхъ управленія, противодѣйствовать русскимъ военнымъ начальствамъ или же ослаблять силу всѣхъ ихъ распоряженій, дѣйствуя такъ по большей части или изъ страха предъ революціоннымъ комитетомъ и подсылаемыми имъ убійцами, или изъ разсчета, что только при существованіи мятежа русское правительство принуждено будетъ сдѣлать значительныя уступки въ пользу польской національности. Чего добраго? При такомъ порядкѣ вещей дѣло можетъ естественнымъ путемъ дойти до того, что русскія войска не будутъ находить себѣ продовольствія въ мѣстахъ, которыми надобно будетъ имъ проходить для преслѣдованія непріятеля, и военныя дѣйствія, по этой только причинѣ, безъ всякаго перемирія, могутъ прекратиться сами собою, не говоря уже о возможности того случая, что войска не будутъ получать своевременно своего жалованья за истощеніемъ денежныхъ средствъ въ казнѣ Царства.

Какъ ни возмутительно для русскаго народнаго чувства, что нашего Русскаго Царя, вѣнчаннаго и превознесеннаго представителя всей Русской земли, западныя державы намѣревались поставить на одинъ уровень съ какимъ-то тайнымъ комитетомъ, предлагая заключить съ нимъ перемиріе; однако же мы должны сознаться, что западныя державы могутъ нѣкоторымъ образомъ считать себя въ правѣ на это: безъ существующаго въ Польшѣ двоевластія, кому могла бы придти въ голову безумная мысль о перемиріи между Россіей и укрывающимися въ лѣсахъ шайками повстанцевъ? Да не исчезли ли бы давнымъ-давно и сами эти шайки? Итакъ *дѣйствительное* сосредоточеніе всѣхъ властей края въ рукахъ русскихъ военачальниковъ, до времени окончательнаго его замиренія, дѣйствительное и безусловное подчиненіе имъ тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, для замѣщенія должности которыхъ не нашлось бы вполнѣ способныхъ русскихъ людей, вотъ единственный отвѣтъ, который должна, кажется, дать Россія на предложенія о перемиріи: тогда разомъ оказалось бы, что не съ кѣмъ и заключать перемиріе, и вся задача состояла бы лишь въ томъ, чтобъ установить на будущее время такой порядокъ вещей, который бы равно соотвѣтствовалъ интересамъ и Польши, и Россіи, и цѣлой Европы.

Хотя такая мѣра въ виду тѣхъ требованій, которыя заявляютъ западныя державы, можетъ показаться слишкомъ крутою и способною повлечь немедленную войну, но въ сущности она скорѣе могла бы предотвратить ее, чѣмъ колебанія, недо-

умѣнія и готовность, хотя бы только и кажущаяся, на разныя уступки. Въ настоящее время соединившіяся противъ насъ державы, очевидно, имѣютъ въ виду только запугать насъ: серіозныхъ приготовленій къ войнѣ съ ихъ стороны пока еще не видно. Отказъ вести переговоры на тѣхъ основаніяхъ, которыя онѣ имѣютъ въ виду предложить намъ, твердость и рѣшительность въ образѣ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ могли бы еще положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ ихъ притязаніямъ.

Не намъ, а иностраннымъ державамъ должно быть выгодно, чтобы переговоры тянулись не приводя ни къ какому удовлетворительному результату, и чтобы мы въ тоже время дѣйствовали слабо и вяло въ Польшѣ. Мы были бы тогда въ рукахъ иностранныхъ державъ. Съ нашей же стороны тянуть переговоры и подавать надежды значило бы вносить все большее раздраженіе въ наши отношенія къ западнымъ державамъ и мало-по-малу сдѣлать войну совершенно неизбѣжною, то-есть довести Европу до того, о чемъ она еще серіозно и не думаетъ. Правда, война не страшитъ русскій народъ; уже и теперь онъ самъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, готовится въ подспорье къ войску образовать изъ себя временное городское ополченіе; но можетъ-быть рѣшительностью и твердостью еще есть надежда предотвратить войну, а такіе способы предотвращенія войны вполнѣ согласны съ интересами, честью и достоинствомъ великой державы.

№ 114.

Москва, 27-го мая.

Тѣ шесть пунктовъ, которые, по словамъ *Mémorial Diplomatique*, выставила Австрія, въ переговорахъ своихъ съ западными державами, какъ условія, которыя могли бы быть предложены Россіи для водворенія прочнаго мира въ Польшѣ, сами по себѣ, независимо отъ прискорбнаго для насъ обстоятельства, что въ наше собственное дѣло вмѣшиваются постороннія державы, заслуживали бы нашего вниманія. Австрія не требуетъ отъ насъ даже и того что мы сами сдѣлали въ противность нашимъ интересамъ, удаливъ всѣхъ Русскихъ, за исключеніемъ восьми лицъ, отъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ должностей въ Польшѣ, и отдѣливъ ея управленіе во всемъ что касается даже до финансовъ, до путей сообщенія, до почтоваго вѣдомства отъ общаго управленія Россіи. Во 2-мъ и въ 3-мъ пунктахъ своего предложенія Австрія желаетъ только, чтобы Польша имѣла свое самобытное управленіе, и чтобы Поляки были допускаемы ко всѣмъ публичнымъ должностямъ широкою рукою (dans une large mesure), но никакъ не исключительно. Что же касается до народнаго представительства въ Царствѣ Польскомъ, то она предлагаетъ надѣлить его правами, которыя не превышали бы вообще правъ, предоставленныхъ ею провинціальному сейму Галиціи, или, по другимъ извѣстіямъ, сейму венгерскому. Эти права въ Галиціи заключаются въ томъ, что сеймъ, съ утвержденія императора, можетъ издавать постановленія относительно промышленности края, относительно публичныхъ работъ, производимыхъ изъ средствъ его, относительно смѣтъ и отчетовъ какъ о доходахъ съ имуществъ принадлежащихъ краю, съ налоговъ установленныхъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждамъ, и отъ операцій мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, такъ и о расходахъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, въ самомъ краю. Далѣе, въ предѣлахъ общихъ законовъ, онъ можетъ принимать ближайшія мѣры относительно общинныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и интересовъ церкви, продовольствія и расквартированія войска, и вообще относительно всего касающагося до благосостоянія и нуждъ края. Но непосредственное участіе его въ общемъ законодательствѣ ограничивается правомъ обсуждать вліяніе общихъ законовъ и учрежденій на мѣстные интересы и дѣлать представленія насчетъ изданія новыхъ общихъ законовъ или введенія новыхъ учрежденій требуемыхъ благомъ края. Такъ какъ Венгрія имѣетъ издавна свою особую конституцію, свои уголовные и гражданскіе законы, свою совершенно-отдѣльную администрацію, то за венгерскимъ сеймомъ, имѣющимъ свое особое устройство, февральская конституція Австріи сохранила право составлять и измѣнять, съ согласія императора, какъ короля Венгріи, законы уголовные и гражданскіе, опредѣляющіе общія права, обязанности, и взаимныя отношенія подданныхъ императора, принадлежащихъ къ венгерскому королевству. Но ни сеймъ Галиціи, ни даже сеймъ Венгріи не имѣетъ права разсматривать ни смѣты доходовъ и расходовъ, идущихъ на общія государственныя цѣли,

ни вопросъ о налогахъ необходимыхъ для удовлетворенія общимъ государственнымъ нуждамъ, хотя имъ и предоставлено право содѣйствія и надзора при раскладкѣ и взиманіи прямыхъ податей. Также все что̀ касается до управленія и устройства военной повинности, почтъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, денежной, монетной, кредитной и банковой системы, до пошлинъ и торговыхъ уставовъ, наконецъ все что̀ касается до государственныхъ финансовъ, всѣ дѣла и вопросы подобнаго рода сосредоточиваются для Галиціи, для Венгріи и для другихъ австрійскихъ областей въ общемъ имперскомъ совѣтѣ, раздѣленномъ на палату верхнюю съ членами наслѣдственными или по назначенію императора, и палату депутатовъ избираемыхъ на провинціальныхъ сеймахъ, гдѣ засѣдаютъ уже прямые представители, избранные самимъ народомъ. По этимъ-то образцамъ предлагаетъ Австрія и намъ устроить отношенія Польши къ Россійской имперіи. Не изъ доброжелательства къ намъ, конечно, а изъ своего собственнаго, прямаго разчета, Австрія ограничиваетъ такимъ образомъ права сейма предлагаемаго ею для Царства Польскаго: при большемъ развитіи самостоятельной политической жизни въ Царствѣ, къ нему, естественно, стали бы тянуть Галиція и Краковъ, и цѣлость Австрійской имперіи подверглась бы серіозной опасности.

Но если Австрія серіозно опасается расширенія политическихъ правъ Польши, то какихъ же послѣдствій отъ такой односторонней мѣры могла бы ожидать для себя Россія? Предоставить какія бы то ни было новыя права и льготы Польшѣ, предпочтительно предъ Россіей, не значило ли бы это унизить и оскорбить русскій народъ, и повергнуть его въ совершенное уныніе? Не значило ли бы это дать возможность польской національности восторжествовать надъ русскою въ западномъ и юго-западномъ краѣ Россіи, не говоря уже о томъ, что эти области и сами собою стали бы тянуть къ Польшѣ, какъ къ странѣ привилегированной?

Сами наши враги и недоброжелатели, въ томъ числѣ и Австрія, чувствовали всю неловкость своего односторонняго предложенія, въ которомъ имѣются въ виду только интересы Польши и забывается вовсе о существованіи русскаго народа. Неловкость и нерѣшительность Австріи, какъ говоритъ *Mémorial Diplomatique*, объясняется тѣмъ ея соображеніемъ, что въ ней Галиція не поставлена въ какое-либо особое, исключительное положеніе сравнительно съ другими странами, входящими въ ея составъ, что для всѣхъ нихъ есть одинъ общій центръ политической жизни: имперскій совѣтъ. Предложить Россіи, дипломатическимъ путемъ, такое же допущеніе политической децентрализаціи и такое же ограниченіе ея имперскимъ сеймомъ, какъ это установлено въ Австріи, значило бы дозволить себѣ совершенно незаконное вмѣшательство во внутреннія наши дѣла, а потому наши недруги избрали другой путь, путь соблазна посредствомъ восхваленія въ журналахъ такихъ плановъ будущаго устройства Польши и вмѣстѣ Россіи, отъ которыхъ ничего кромѣ бѣды ожидать невозможно. Такъ, мы читаемъ въ *Le Nord* перепечатанную изъ газеты *Union* статью, выдаваемую за корреспонденцію изъ Петербурга и сочиненную, скорѣе, на берегахъ Дуная, Сены или Темзы. Въ этой статьѣ, оставляя нѣсколько въ тѣни австрійскій имперскій совѣтъ, которымъ обезпечивается единство Австрійской имперіи, авторъ съ величайшимъ усердіемъ начинаетъ дробить Россію на 12 или на 15 большихъ частей, и учреждать въ нихъ особые провинціальные сеймы. „Польша, Литва, Малороссія, говоритъ онъ, это совершенно различныя другъ отъ друга страны; Остзейскія провинціи, Финляндія, Кавказъ, Сибирь должны были бы, само собою разумѣется, составить также отдѣльныя области, да и сама Великороссія все еще слишкомъ велика, и ее слѣдуетъ еще раздробить въ политическомъ отношеніи. Петербургъ, Москва, Одесса, Казань, Вятка не болѣе сродны между собою чѣмъ Варшава, Вильно и Кіевъ. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, Поляковъ все-таки слѣдуетъ поставить въ возможно-лучшія условія.“

Отбрасываемъ это оскорбительное прибавленіе, противъ котораго мы уже высказались, и предположимъ, что подобный планъ, который предлагается намъ подъ личиною дружбы и доброжелательства, былъ бы дѣйствительно осуществленъ; предположимъ, что какъ въ Польшѣ, такъ и въ этихъ 12 или 15 областяхъ Россіи были бы учреждены свои провинціяльные сеймы, съ тѣми правами, какими пользуется сеймъ Галиціи. Начало равенства между Польшею и Россіею было бы тогда дѣйствительно соблюдено; русскій народъ дѣйствительно не былъ бы оскорбленъ въ своихъ чувствахъ незаслуженнымъ предпочтеніемъ возмутив-

шейся Польши; но ему нанесенъ былъ бы тяжкій ударъ въ его политическомъ могуществѣ, въ его матеріяльныхъ и нравственныхъ интересахъ, въ результатахъ тысячелѣтней его исторіи. Раздѣлить Россію на эти 12 или 15 областей, и въ каждой изъ нихъ учредить свой особый сеймъ, это значило бы ввести не только административную, но и политическую децентрализацію; это значило бы искусственно притянуть всѣ живыя силы народа къ мѣстнымъ интересамъ, дать имъ рѣшительное преобладаніе надъ общими государственными интересами, поселить и усилить рознь между племенами и народами Россіи, ослабить и надорвать узы, соединяющія всѣ области Россіи въ одно политическое цѣлое, и наконецъ совсѣмъ уничтожить то великое государственное единство, котораго достигла Россія цѣною вѣковыхъ усилій, лишеній и пожертвованій.

Но, возразятъ намъ, вѣдь объ этомъ раздѣленіи Россіи на 12 или 15 областей и объ учрежденіи въ каждой изъ нихъ особаго сейма говорится съ точки зрѣнія австрійской системы, а въ австрійской системѣ надъ всѣми провинціяльными сеймами возвышается одинъ общій сеймъ для цѣлой имперіи, такъ-называемый имперскій совѣтъ. При такомъ предположеніи, при одновременномъ учрежденіи общаго и провинціяльныхъ сеймовъ, дѣйствительно, опасность раздробленія Россіи значительно уменьшилась бы, хотя и не исчезла бы совершенно. Какъ бы ни были велики права и авторитетъ центральнаго сейма, мѣстные сеймы въ такихъ обширныхъ областяхъ, особенно если они строго приноровлены будутъ къ племеннымъ дѣленіямъ нашего народонаселенія, будутъ естественно стремиться къ возможно-большему обособленію, къ возможно-большей самобытности и къ ослабленію единства, представляемаго властью императора и центральнаго сейма, какъ это оказывается и въ самой Австріи. Такимъ образомъ, въ угоду нашимъ недругамъ и нашимъ подпольнымъ литераторамъ, которые усвоили себѣ въ этомъ отношеніи мечтанія декабристовъ, или изъ подражанія австрійской системѣ, Россія стала бы подвергать опасности свое государственное единство, когда оно существуетъ еще на твердыхъ основаніяхъ, какъ великій результатъ всей нашей прошедшей исторіи. Австрійская система, можетъ-быть, дѣйствительно очень хороша для самой Австріи, но прилагать ее къ Россіи было бы рѣшительнымъ безумiемъ. Если Австрія дала у себя такое развитіе политической децентрализаціи, то соглашаясь на это, австрійскіе государственные люди уступали только печальной необходимости, непреодолимому центробѣжному стремленію искусственно соединенныхъ подъ ея державою племенъ и областей, да и то въ надеждѣ, что имперскій сеймъ будетъ въ силахъ уравновѣсить эту разрозненность и скрѣпить общее государственное единство. У насъ же, за исключеніемъ Польши и Финляндіи, отдѣльныя области никогда не дорожили и не дорожатъ своею обособленностью и независимостью, и раздѣлять ихъ, когда онѣ составляютъ и желаютъ составлять одно цѣлое, было бы ни съ чѣмъ несообразно. Племенной враждебности у насъ также не существуетъ, за исключеніемъ западнаго и юго-западнаго края; но и здѣсь враждебное къ другимъ польское населеніе слишкомъ малочисленно, и не можетъ идти серіозной рѣчи о какомъ бы то ни было обособленіи этихъ областей: это значило бы интересами огромнаго большинства пожертвовать не интересамъ, а только властолюбивымъ національнымъ притязаніямъ привилегированнаго меньшинства. Австрійская система могла бы быть приложена только въ отношеніи къ Польшѣ и Финляндіи; въ остальныхъ же частяхъ Россіи можетъ быть допущена лишь чисто-административная децентрализація и притомъ преимущественно въ такихъ составныхъ частяхъ государства, какъ уѣзды, которые мечтать о самобытности и отдѣльномъ существованіи не могутъ. Такое мѣстное самоуправленіе было бы дѣйствительнымъ благомъ; но и оно могло бы обратиться во вредъ высшимъ нравственнымъ и политическимъ интересамъ, если бы послѣдніе не были сгруппированы въ общемъ центрѣ.

№ 115.

Москва, 28-го мая.

Мы говорили вчера о шести пунктахъ предложенія по польскимъ дѣламъ, приписываемаго Австріи парижскимъ еженедѣльнымъ изданіемъ *Mémorial Diplomatique*. Сегодня, подъ рубрикой *Послѣдняя Почта*, мы передаемъ извѣстіе, кажущееся вѣрнымъ, о требованіяхъ, которыя намѣрена предложить намъ Франція. Австрійскія предло-

женія не были вполнѣ приняты Франціей. Она, какъ говоритъ и *Mémorial Diplomatique*, желала бы значительно расширить права предполагаемаго польскаго сейма, и надѣлить его не только общею законодательною властью по отношенію къ обитателямъ Польши, но и предоставить ему права вотировать бюджетъ, составляемый не только въ видахъ мѣстныхъ нуждъ края, но и общихъ государственныхъ потребностей.

Это небольшое, повидимому, дополненіе измѣняетъ однакоже всю сущность дѣла. Если первоначальныя австрійскія предложенія заслуживали бы вниманія и могли бы дѣйствительно вести къ мирному соединенію Польши съ Россіей, то французская прибавка о бюджетѣ превращаетъ Польшу въ совершенно отдѣльное государство, которое было бы соединено съ Россіей только властію одного Государя и общимъ войскомъ. Это было бы первымъ шагомъ къ полному отдѣленію. Сепаратистическіе элементы получили бы еще бо́льшую силу чѣмъ та, которою они располагаютъ теперь, чтобы тревожить насъ и возмущать Россію. Если и въ настоящее время для Польши существуетъ особое финансовое управленіе, а десять лѣтъ тому назадъ еще существовали таможни между ею и Россіею, то это, безъ сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ вредило матеріяльнымъ интересамъ и Польши, и Россіи, и препятствовало сближенію ихъ между собою, но не дѣлало еще невозможнымъ ихъ соединенія въ одну державу, такъ какъ финансовое управленіе велось въ сущности одною и тою же рукой, безъ всякаго участія въ немъ самихъ заинтересованныхъ странъ. Но какъ скоро сейму Польши было бы предоставлено, на подобіе англійскаго парламента или даже французскаго законодательнаго сословія, завѣдывать государственными финансами страны, то непремѣнно оказалось бы одно изъ двухъ: или это право въ интересахъ военной обороны самой же Польши и въ общихъ интересахъ Россіи должно было бы стать мертвою буквой и засѣданія польскаго парламента пришлось бы отсрочить *ad graecas calendas;* или же Россія была бы принуждена взять на себя всѣ издержки общаго военнаго управленія, всѣ расходы нужные на содержаніе общаго войска, на поддержаніе существующихъ крѣпостей въ Польшѣ и такъ далѣе, причемъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она должна была бы или подчиниться финансовой системѣ, состоявшейся для Польши, или же отдѣлиться отъ нея таможенною линіей и всякаго рода фискальными стражами. Во всякомъ случаѣ Польша осталась бы страной болѣе прежняго отчужденною отъ Россіи, безъ всякихъ общихъ интересовъ съ нею, всегда готовою къ возмущенію и къ отпаденію отъ нея, страною, которая только задерживала бы внутреннее развитіе государственнаго быта Россіи. Такое рѣшеніе польскаго вопроса могло бы быть очень пригодно для разныхъ плановъ наполеоновской Франціи; но для Россіи оно было бы истиннымъ бѣдствіемъ, и въ результатѣ оказалось бы такимъ же бѣдствіемъ и для польской національности. Наконецъ оно нисколько не обезпечивало бы и прочнаго мира.

Поляки, навѣрное, не были бы довольны имъ. Отношеніе ихъ къ намъ, Русскимъ, таково что при малѣйшемъ поводѣ надѣяться успѣхъ сепаратистическихъ стремленій, въ нихъ возбуждаются притязанія на Западный край. Они не могутъ отказаться отъ этихъ притязаній, пока мы сами будемъ поддерживать въ нихъ мысль о сепаратизмѣ. Теперешнее положеніе Польши есть слѣдствіе программы, состоящей въ автономіи и національной администраціи. Но эта программа не была принята Польшей; она только увеличила средства революціи. За тѣмъ монсиньйоръ Фелинскій, если мы не ошибаемся, въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года выставилъ другую программу: соединеніе Польши съ Россіей *только* въ лицѣ монарха, посредствомъ *unio personalis*. Въ объясненіе этой программы указывалось уже на то, что Польша не можетъ удовольствоваться отдѣльною администраціей, что она желаетъ отдѣльной политической жизни. Была ли эта программа принята руководителями польскаго движенія? Мы знаемъ, что на монсиньйора Фелинскаго посыпались обвиненія въ руссофильствѣ, что эти обвиненія появлялись въ тайныхъ варшавскихъ журналахъ, и что такъ-называемое національное правительство должно было остановить эти обвиненія, давъ предостереженіе журналамъ. Но что было приведено этимъ варшавскимъ правительствомъ въ защиту его мѣры? Оно сослалось только на то, что теперь *неблаговременно* возбуждать несогласія между Поляками и нападать на варшавскаго архіепископа. *Теперь* это неблаговременно, но стало-быть ожидается пора, когда эти нападенія будутъ кстати. Не толь-

ко отдѣленіемъ Царства Польскаго на основаніи *unio personalis* не удовольствуются Поляки; они не удовольствуются даже присоединеніемъ западнаго края къ Польшѣ, если только это возстановленное Царство Польское останется подъ скипетромъ русскаго Императора. Мы знаемъ это отъ *благоразумнаго* и *умѣреннаго* графа Лубенскаго. Онъ прямо говоритъ намъ, что и эта уступка повела бы только къ перемирію, а отнюдь не къ миру. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что на почвѣ сепаратизма мы никогда не придемъ къ разумной сдѣлкѣ съ Поляками? Всякій шагъ нашъ на этомъ пути будетъ болѣе и болѣе затруднять наше положеніе и портить наше будущее. Франція имѣла бы нѣкоторое право совѣтовать намъ уступки, еслибъ эти уступки могли повести къ прочному миру. Но такъ какъ надежды на это рѣшительно невозможно имѣть, то уступка требуемая отъ насъ Франціей, имѣла бы только то послѣдствіе, что измѣнила бы взаимное отношеніе сторонъ вступающихъ во временное перемиріе, — измѣнила бы наше положеніе къ худшему, а положеніе Поляковъ къ лучшему.

Нѣтъ, ужь если отдѣлять Польшу, ужь если дѣлать уступки сепаратистическимъ стремленіямъ ея, то лучше совсѣмъ оторвать ее отъ себя, не допуская чтобы династическое соединеніе сдѣлалось однимъ изъ условій перемирія. Россія можетъ совсѣмъ отдѣлить отъ себя Польшу, или въ видѣ самостоятельнаго государства подъ особою державой, или отдавъ ее сосѣднимъ державамъ, Австріи и Пруссіи: это будетъ не болѣе и не менѣе какъ добровольное отреченіе отъ одного изъ важныхъ результатовъ 1812 г.; сознаніе въ своемъ безсиліи управлять краемъ и въ рѣшительной невозможности отстоять свои права. Очень можетъ быть, что это былъ бы первый шагъ къ дальнѣйшимъ потерямъ, который прежде всего подвергъ бы опасности западный и юго-западный край Россіи. Но этотъ путь былъ бы все-таки безопаснѣе для будущаго Россіи, чѣмъ тотъ, который предлагаетъ намъ Франція. Если былъ бы избранъ этотъ послѣдній путь, въ видахъ уклоненія отъ борьбы, то чтобы дѣйствовать послѣдовательно и продолжать ту же политику уступчивость и примиренія, Россія оставшаяся такъ или иначе въ соединеніи съ Польшею, была бы должна постоянно сама себя приносить ей въ жертву, то присоединяя къ ней ту или другую часть своихъ областей, то даруя ей тѣ или другія политическія права, которыхъ сама не имѣетъ. Не говоримъ уже о совершенномъ ополяченіи Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни, но и надъ остальною Россіей сбылось бы тогда то что сказано въ Священномъ Писаніи: „У имущаго будетъ и пребудетъ, а у неимущаго отнимется и то, что имѣетъ.“

№ 116.

Москва, 29-го мая.

Странное дѣло! Западныя державы такъ требовательны въ отношеніи къ намъ, что мы невольно предполагаемъ въ нихъ намѣреніе вызвать насъ на войну; благоразуміе заставляетъ насъ предусматривать войну и приготовляться къ ней; всѣ мы, съ каждымъ часомъ, все болѣе и болѣе убѣждаемся, что война неизбѣжна, если не въ нынѣшнемъ году, то въ будущемъ. А посмотрѣть на западныя державы, такъ не видно ни одной изъ тѣхъ предварительныхъ мѣръ, которыя обыкновенно предшествуютъ объявленію войны, не видно также ни одного изъ тѣхъ общественныхъ явленій, которыя считаются ея предвѣстниками. Если гдѣ дѣлаются приготовленія къ войнѣ, то лишь въ государствахъ, ожидающихъ нападенія, въ Россіи и Пруссіи. Ни Австрія, ни Франція, ни Англія, не увеличиваютъ своихъ бюджетовъ, не предпринимаютъ тѣхъ вооруженій, которыя были бы нужны, еслибъ имѣлось въ виду серіозное нападеніе на Россію. Англійскія газеты держатъ въ Краковѣ корреспондентовъ, но сами гораздо болѣе занимаются микроскопическимъ вопросомъ о несогласіяхъ съ Бразиліей чѣмъ этимъ польскимъ вопросомъ, который, кажется намъ, готовъ возбудить всеобщую европейскую войну. Если бываютъ вѣрные признаки нежеланія вступить въ войну, то эти признаки особенно ясны теперь во всей внутренней политикѣ Австріи, Франціи и Англіи. Война стала въ наше время дѣломъ не только личнаго военнаго мужества, но и дѣломъ финансовъ. Начинать войну безъ финансовыхъ приготовленій невозможно, а эти приготовленія были бы видны. Ихъ однако же нѣтъ, и даже нѣтъ возможности предполагать чтобъ они серіозно имѣлись въ виду.

Итакъ, вотъ въ чемъ загадка. Съ одной стороны,—очевидны угрозы войной; съ другой—очевидно отсутствіе приготовленій къ войнѣ. Какъ понять это противорѣчіе, какъ разгадать эту загадку?

О Франціи трудно сказать что-нибудь вѣрное; ея судьбы находятся въ рукахъ одного человѣка, и этотъ человѣкъ имѣетъ особенные интересы въ польскомъ вопросѣ. Очень можетъ быть что Франція готова предпринять военныя дѣйствія, если они будутъ подавать надежду на стяжаніе новыхъ лавровъ или новой славы. Но съ другой стороны достовѣрно, что финансы Франціи разстроены, что у ней на рукахъ еще Мексика, что американскій вопросъ легко можетъ тоже потребовать ея силъ, и наконецъ, что Наполеонъ III человѣкъ осторожный, чрезвычайно опасающійся за свой авторитетъ во Франціи и Европѣ и потому не расположенный къ риску, особенно послѣ теперешнихъ, не совсѣмъ удачныхъ для него выборовъ. Если внутренно Наполеонъ III и расположенъ начать войну съ нами, то онъ навѣрное не начнетъ ея безъ союзниковъ, въ особенности не начнетъ ея безъ поддержки со стороны Англіи.

Итакъ для возможности войны между Россіей и Франціей изъ за Польши надобно чтобъ Англія примкнула къ Франціи и обязалась помогать ей, то-есть въ случаѣ надобности вступить въ войну съ нами, тоже изъ-за Польши: Англія воюющая за Польшу! Англія обременяющая свой бюджетъ для содѣйствія тому дѣлу, которому она противодѣйствовала, когда Императоръ Александръ I самъ былъ расположенъ къ нему! На вѣнскомъ конгрессѣ лордъ Кассльри былъ главнымъ противникомъ намѣренія присоединить западныя губерніи къ Царству Польскому. А теперь англійскіе министры стали бы поддерживать польскія притязанія, которыя завѣдомо клонятся къ соединенію западныхъ губерній съ Царствомъ Польскимъ! Надобно имѣть очень немного политическаго смысла, чтобы видѣть всю несообразность такого предположенія. Наконецъ если лордамъ Пальмерстону и Росселю забрела въ голову такая шальная мысль, если-бы по какому-нибудь случаю эта шальная мысль нашла себѣ поддержку въ парламентѣ, и палата общинъ рѣшилась вотировать новое увеличеніе государственнаго долга Англіи, чтобы купить себѣ новый источникъ затрудненій на сѣверѣ Европы, то такая рѣшимость была бы тяжкимъ ударомъ для Австріи, и Австрія, волею-неволею, была бы принуждена соединиться съ нами для борьбы за свое существованіе.

Поляки могутъ хотѣть отторженія отъ Россіи, могутъ жаждать господства надъ западными губерніями. Но ни то, ни другое не возможно безъ большой европейской войны, а на такую войну никто въ Европѣ не рѣшится. Эта война вызвала бы всѣ силы нашего народа; она была бы тяжкимъ испытаніемъ для насъ, но въ ней проявилась бы вся энергія нашего патріотизма, и мы не могли бы не выйдти побѣдителями изъ этой войны на жизнь и смерть. Европа не имѣетъ никакого интереса возбуждать такую войну; она напротивъ должна будетъ всѣми силами стараться о ея предотвращеніи. Ни одной изъ западныхъ державъ не нужно, чтобы вопросъ между Россіей и Польшей получилъ окончательное разрѣшеніе. Это не входитъ и не можетъ входить ни въ виды западныхъ державъ, ни въ виды Австріи. Тѣмъ менѣе могутъ быть эти державы готовы на тяжелыя жертвы, которыхъ бы потребовала война этого рода. Поэтому-то онѣ вовсе и не думаютъ о серіозной войнѣ съ Россіей и не дѣлаютъ никакихъ приготовленій къ такой войнѣ.

Но если серіозная война съ нами не входитъ въ планы державъ, ведущихъ теперь дипломатическіе переговоры, изъ этого не слѣдуетъ чтобы намъ вовсе не угрожала война съ ихъ стороны. Повидимому, въ томъ-то и заключается опасность нашего положенія, что онѣ не будутъ вести съ нами такой войны, которая потребовала бы отъ нихъ серіозныхъ усилій. Война для нихъ отнюдь не серіозная, можетъ имѣть для насъ характеръ очень серіозный; она можетъ быть гораздо вреднѣе для насъ чѣмъ отчаянная борьба на жизнь и смерть. Новый 1812 годъ былъ бы окончательнымъ торжествомъ для насъ. Враги наши, зная это, постараются отнять у насъ это торжество. Подстрекательства возстанія, не стоящія подстрекателямъ ни копѣйки, угрожающій нейтралитетъ Австріи, требующій отъ нея содержанія на нашей границѣ лишь тѣхъ войскъ, которыя Австрія принуждена была бы держать въ Галиціи и при доброжелательномъ къ намъ нейтралитетѣ, легкія диверсіи на Черномъ морѣ, гдѣ у насъ нѣтъ флота, блокада балтійскихъ гаваней, требующая, правда, довольно большаго флота, но все-таки не очень обременительная

для нѣсколькихъ соединенныхъ державъ, прекращеніе нашей морской торговли, захватъ нашихъ судовъ, отнятіе у насъ возможности заключать заграничные займы,— вотъ, очевидно, тѣ средства, которыми наши недруги хотятъ вести съ нами войну, и эта война, нельзя не признаться, нисколько не тяжелая для нихъ, для насъ можетъ быть очень изнурительна. Они остерегутся имѣть дѣло съ нашимъ патріотизмомъ; они предпочтутъ вести съ нами войну финансовую, чтобъ истощать наши силы, не давая намъ ни повода, ни возможности совершить что-нибудь великое или даже подвергнуться великой опасности.

Но этого мало: какъ ни ловко разчитанъ этотъ планъ, и какъ ни зловреденъ онъ для насъ, наши недруги не взялись бы за него, еслибъ имѣли въ виду лишь временное истощеніе нашихъ силъ. Истощать врага выгодно, если надѣешься потомъ побѣдить его, а насъ какъ ни истощай, въ распрѣ съ Польшей мы не можемъ быть окончательно побѣждены. Раззоренные и изнуренные, мы все-таки отобьемся, какъ отбивались не разъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Стало-быть съ этой стороны успѣха ожидать нельзя, да и невозможно думать, чтобъ Англія или Австрія желали такого успѣха. Къ чему же будутъ онѣ дѣлать усилія чтобъ истощать насъ, когда, по прекращеніи этихъ усилій, наши дѣла могли бы опять поправиться? Это было бы нерасчетливо съ ихъ стороны. У нихъ должна быть надежда на то, что, истощая насъ войной, онѣ положатъ въ нашъ организмъ такое сѣмя, которое, и по прекращеніи этой войны безъ битвъ, угрожающей намъ теперь, будетъ постоянною причиною нашей слабости. Только имѣя въ виду эту цѣль, Англія и Австрія могутъ рискнуть на нѣкоторые, хотя и небольшіе расходы, и если имъ удастся достигнуть этой цѣли, то онѣ будутъ въ двойномъ выигрышѣ. Имъ удастся разстроить планы Франціи, разчитывающей на Польшу болѣе или менѣе самостоятельную, и въ то же время имъ удастся коренным образомъ ослабить Россію, что должно быть желательно и для Англіи и для Австріи, считающихъ Россію своею противницей на Востокѣ и вообще не довѣряющихся политикѣ. Вотъ чего собственно должны желать Англія и Австрія, если онѣ рѣшатся стать во враждебное отношеніе къ намъ по польскому вопросу. Война безъ битвъ, которую одну онѣ могутъ имѣть въ виду, была бы въ сущности безплодна для нихъ, еслибъ онѣ не надѣялись что она произведетъ въ Россіи внутреннее разстройство.

Трудно представить себѣ то презрительное понятіе, которое вообще Европа имѣетъ о нашихъ общественныхъ силахъ. Нельзя безъ раздраженія читать статей о Россіи, наполняющихъ собой европейскіе журналы. Всякое наше дѣло перетолковывается въ невыгодную намъ сторону. Лучшіе подвиги превращаются въ злодѣянія, самое чистое проявленіе доброжелательства, справедливости, человѣколюбія становится свидѣтельствомъ о нашей слабости и нравственной негодности. Все у насъ будто бы держится внѣшнею силой, а эта внѣшняя сила будто бы подкопана въ корнѣ, отчасти крымскою войной, отчасти польскою пропагандой. Распространено убѣжденіе, что если только Полякамъ, съ ихъ теперешнею революціонною организаціей, удастся дѣйствовать въ продолженіе нѣкотораго времени противъ разслабленнаго государственнаго тѣла Россіи, то успѣхъ ихъ не будетъ подлежать сомнѣнію. Вотъ почему такъ разсердились въ Европѣ на князя Горчакова за то что онъ упомянулъ о всесвѣтной революціи дѣйствующей противъ Россіи. Эта всесвѣтная революція есть главное орудіе борьбы, а война должна быть только прикрытіемъ ему. Не будь этого разчета, самая война не имѣла бы смысла, потому что либо потребовала бы большихъ жертвъ отъ воюющихъ, либо не привела бы ихъ ни къ какимъ результатамъ. Не война, а всесвѣтная революція должна добыть, по плану нашихъ недруговъ, желаемыя ими побѣды. Польская пропаганда, поддерживаемая всесвѣтною революціей, должна дѣйствовать, и притомъ дѣйствовать не столько военными средствами, сколько тѣми мирными средствами, которыя такъ подробно развиваются въ печатаемомъ нами ниже *Польскомъ Катихизисѣ*; а война будетъ только помогать этимъ мирнымъ побѣдамъ, изнуряя Россію и вызывая, если можно, всеобщее недовольство въ нашей средѣ.

Русскій народъ нельзя упрекнуть въ равнодушіи къ отечеству. Онъ силенъ своимъ патріотизмомъ, и газета графа Росселя сказала правду что нѣтъ въ мірѣ народа, столь патріотическаго, какъ народъ русскій. Когда рѣчь идетъ о спасеніи отечества, мы готовы на всякія жертвы. Мы непобѣдимы въ торжественныя минуты нашей исторіи. Но будничную жизнь государства никакой

народъ не можетъ принимать живо къ сердцу, а высшіе классы нашего общества призванные стоять на ежедневной стражѣ противъ измѣнническої крамолы, страдаютъ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ этимъ будничнымъ дѣламъ. Враги наши знаютъ это и на это разчитываютъ, какъ показываетъ тотъ же Катихизисъ. *Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится;* эта пословица какъ нельзя лучше примѣняется къ тѣмъ классамъ нашего общества, которыхъ призваніе состоитъ въ томъ чтобы бодрствовать прежде нежели грянетъ громъ. Эта апатія есть главный врагъ нашъ. Благодаря ей ведемъ мы теперь неравную борьбу съ организованною польскою аттакой, руководимою ловко, дѣйствующею согласно, не упускающею пользоваться для своей цѣли ни малѣйшимъ промахомъ и не останавливающеюся ни передъ какимъ предательствомъ. Если сравнить средства этой атаки съ дѣйствительными средствами, находящимися въ нашихъ рукахъ, то огромный перевѣсъ окажется на нашей сторонѣ. Лишь бы мы бодро и дѣятельно пользовались нашими средствами, то не было бы вовсе повода къ опасеніямъ, не говоря уже объ унынiи или паникѣ. Но мы такъ безпечны, такъ надѣемся на русское *авось*, такъ привыкли умалять въ своихъ глазахъ всякую опасность, что опасность должна не рѣдко заставать насъ врасплохъ. Вотъ на какую нашу слабую сторону разчитываютъ и польская революція, и враждебныя намъ державы, и вотъ почему все наше спасеніе въ томъ, чтобы высшіе классы нашего общества зорко предусматривали всякую опасность, прежде нежели она настанетъ. Когда мы противопоставимъ аттакѣ, направленной на насъ, равносильный отпоръ, то у державъ, желающихъ не возстановленія Польши, а внутренняго ослабленія Россіи, отпадетъ охота начинать съ нами даже дешевую борьбу, потому что въ такомъ случаѣ эта борьба была бы для нихъ безплодна.

№ 117.

Москва, 30-го мая.

Рѣдко въ жизни русскаго народа бывали такія критическія мгновенія, какъ теперешнее, — такія мгновенія, когда одинъ чуть замѣтный шагъ въ ту или другую сторону могъ стать виною великаго блага или великаго зла. Къ несчастію, мы уже вышли изъ эпохи безсознательнаго творчества исторіи, но еще не достигли полнаго свѣта во всѣхъ отправленіяхъ общественной жизни нашей и находимся въ колеблющемся полусвѣтѣ, въ сумеркахъ, которые путаютъ насъ въ неустановившихся понятіяхъ. Что въ прежнія времена совершалось инстинктивно, силою вещей, то осложняется теперь сознаніемъ, недостаточнымъ для того чтобъ освѣщать дѣло, но достаточнымъ для того чтобъ осложнить и запутать его, привести въ колебаніе и исполнить всякихъ недоразумѣній. Наше общественное сознаніе, наше разумѣніе, наши идеи, не вытекли прямо изъ жизни, а сложились особо изъ разнородныхъ элементовъ собравшихся отвсюду, — и все это носится надъ нашею жизнію, для того чтобы сбивать ее съ пути, затруднять ея ходъ и помрачать тотъ внутренній свѣтъ, который инстинктивно управляетъ ея движеніями. Наши понятія, наши воззрѣнія — злѣйшіе враги наши; они пуще всего сбиваютъ насъ съ толку, заводятъ не туда, куда показываютъ, и даютъ не то что обѣщаютъ. Они коварно подставляютъ намъ одинъ предметъ вмѣсто другаго, и мы, въ полной увѣренности, что поступаемъ разумно, можемъ совершить дѣла крайняго неразумія, можемъ сдѣлать то чего не хотимъ сдѣлать, и попасть туда куда не хотимъ попасть, можемъ готовить себѣ пагубу, утѣшая себя мыслію, что спасаемся отъ всѣхъ бѣдъ въ тихомъ пристанищѣ. Мы заносимъ руку на врага: не тяжко ли подумать, что вмѣсто врага мы поразимъ самихъ себя, а врагъ останется въ сторонѣ и злобно насмѣется надъ нами? Въ самомъ дѣлѣ, не случается ли сплошь и рядомъ видѣть, какъ люди, сами того не подозрѣвая, совершаютъ надъ собою дѣло своихъ враговъ? Да избавитъ насъ Богъ отъ подобной смуты, да избавитъ Онъ наше отечество отъ бѣдствій, которыя могутъ постигнуть его отъ вольной или невольной, сознательной или безсознательной ошибки!

Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ того роковаго ослѣпленія, которое дѣлаетъ не то что хочетъ сдѣлать, а именно то, чего не хочетъ. Изъ многаго приходитъ намъ на мысль не очень давній случай, котораго послѣдствія обнаруживаются теперь въ полной ясности и чувствуются всѣми. Назадъ тому лѣтъ пят-

надцать или четырнадцать, когда въ Европѣ происходили смуты, рушились престолы и колебались царства, у насъ произошла странная реакція относительно движеній совершенно намъ чуждыхъ и не находившихъ никакого отзыва въ нашей жизни. Мы подумали, и подумали справедливо, что главная доля зла въ общественной жизни происходитъ отъ ложнаго просвѣщенія; мы вознамѣрились предохранить наши школы отъ всякаго легкомыслія, колебанія и шатанія. Школы наши дѣйствительно были плохи, однако дѣло шло понемногу, и шло не къ худшему, а къ лучшему. Съ цѣлями охранительными мы задумали перестроить наши школы, изгнать изъ нихъ то, въ чемъ могъ скрываться зародышъ дурныхъ послѣдствій, и внести въ нихъ то что могло бы сообщить нашему просвѣщенію желаемую крѣпость и зрѣлость. И что же? Мы изгнали изъ нашихъ школъ то, въ чемъ единственно, по общему опыту всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, заключаются истинныя условія твердости и зрѣлости высшаго умственнаго образованія, и внесли въ нихъ то что было чревато всѣми тѣми послѣдствіями, которыхъ мы хотѣли избѣжать, и которыя теперь развиваются во всей красѣ. Для предохраненія нашихъ школъ отъ духа легкомыслія и шатанія, мы изгнали изъ нихъ начало классическаго образованія и внесли въ нихъ элементы самаго безсмысленнаго броженія. Наша охранительная рука поразила на смерть только что начинавшее приниматься въ нашихъ школахъ изученіе классическихъ языковъ и вмѣсто того надѣлило ихъ народіей на естественныя науки и законовѣдѣніе. Вмѣсто того чтобъ усилить древніе языки въ нашихъ школахъ и сообщить изученію ихъ недоставшую ему полноту и серіозность, мы разрушили слабыя завязи основательнаго обученія, которое начинало понемногу оказываться у насъ, и предали нашихъ дѣтей духу легкомыслія, поверхностнаго и лживаго знанія, надмевающихъ фразъ и словъ безъ мысли. Идя все далѣе и далѣе на этомъ пути, мы довели дѣло до того, что многіе русскіе люди, искреннѣе патріоты, принуждены ѣхать за границу, чтобъ уйдти отъ того *прекраснаго воспитанія*, которое ожидало ихъ дѣтей въ Россіи.

Вотъ еще другой примѣръ, изъ времени тоже не очень давняго: о дѣлахъ болѣе близкихъ намъ мы остерегаемся говорить, чтобы самимъ намъ не вызвать чувствъ противоположныхъ тѣмъ, которыя мы желаемъ вызвать. Было время, когда воспитаніе въ Западномъ краѣ было отдано въ руки Чарторыйскихъ и Чацкихъ. Что тогда дѣлалось въ школахъ Западнаго края, то по крайней мѣрѣ соотвѣтствовало принятой системѣ и, достигая цѣли, было одобрительно, если не съ русской, то по крайней мѣрѣ съ польской точки зрѣнія. Но затѣмъ наступила другая пора. Вслѣдствіе новыхъ требованій этой поры, школы Западнаго края значительно понизились въ своемъ уровнѣ. Ученье стало слабѣе, поверхностнѣе: это была жертва, въ оправданіе которой указывалось на политическую необходимость противодѣйствовать ополяченію края. Но что же было сдѣлано для достиженія этой политической цѣли? Мы теперь ясно видимъ, что было сдѣлано и къ чему привело сдѣланное. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ русскій элементъ уже начиналъ брать верхъ надъ польскимъ, и мелкая шляхта говорила мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ, главнымъ средствомъ для поддержки польскаго духа и распространенія польскаго языка сдѣлались такъ-называемыя дворянскія уѣздныя училища, заведенныя на русскія казенныя деньги въ самыхъ охранительныхъ видахъ. Русскій народъ, разночинцы, мѣщане, крестьяне, не имѣли доступа въ эти училища; молодые шляхтичи, искусственно выдѣленные изъ окружающей ихъ русской среды, входили въ среду, гдѣ господствовалъ польскій элементъ, и ассимилировались этимъ элементомъ. Науки преподавались, правда, по-русски въ этихъ училищахъ, но вліяніе товарищей и въ особенности вліяніе ксендза было сильнѣе школьнаго офиціяльнаго языка. Тѣ молодые люди, которые вступали въ эти училища вовсе не зная по польски, и не слыхавъ ничего объ обязанности ненавидѣть Москалей, выходили изъ училищъ ярыми польскими патріотами, одушевленными всею ревностію неофитовъ. Имъ трудно было возвращаться въ свои семейства; училище не давало имъ ничего пригоднаго въ томъ быту, къ которому они принадлежали по рожденію. Имъ не оставалось ничего болѣе, какъ вступать въ услуженіе къ богатымъ польскимъ панамъ или искать писарскихъ мѣстъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ края. Такимъ образомъ, заведенныя въ охранительныхъ видахъ дворянскія уѣздныя училища, опо-

лячивая мѣстную шляхту, ополячивали и присутственныя мѣста бѣлорусскаго края: они служили той цѣли, которую именно имѣлось въ виду устранить.

Вотъ два примѣра того, какъ вслѣдствіе сбивчивости нашихъ понятій, мы нерѣдко достигаемъ совсѣмъ не того, чего хотимъ достигнуть, и какъ ища избавленія отъ опасности мы иногда идемъ ей прямо на встрѣчу. Въ то время, когда дѣлались эти шаги, оказавшіеся теперь столь фальшивыми, общество не заявляло гласно своихъ опасеній. Но если бы кто указалъ тогда на вредныя послѣдствія, къ которымъ они должны были подать поводъ, то по всему вѣроятію, такого мнительнаго человѣка всѣ сочли бы или за радикала, не сочувствующаго консервативному направленію правительства, или за алармиста, пугающагося созданій своего разстроеннаго воображенія.

№ 118.

Москва, 31-го мая.

Чѣмъ выше общественная сфера, тѣмъ строже соблюдается вѣжливость. Всего выше та сфера, въ которой происходятъ сношенія между государями Европы и ихъ правительствами. Тутъ господствуетъ самая утонченная вѣжливость, и малѣйшее уклоненіе отъ нея уже считается оскорбительнымъ. Только съ этой точки зрѣнія представляется глубоко оскорбительнымъ для насъ духъ и тонъ иностраннаго вмѣшательства въ наши домашнія дѣла. Если обратиться отъ словъ къ дѣламъ, то не досадно ли, не оскорбительно ли видѣть, что западныя державы ставятъ насъ въ крайне затруднительное положеніе и заставляютъ напрягать всѣ наши внутреннія силы въ одну сторону, отвлекая ихъ отъ производительнаго труда, что они вызываютъ народъ на такія жертвы, которыя по громадности своей могутъ вознаградиться только по истеченіи многихъ лѣтъ, и что все это западныя державы дѣлаютъ безъ особенныхъ съ своей стороны жертвъ или усилій, и съ полною для себя безопасностью?

Правительства западныхъ державъ, конечно, уже убѣдились въ томъ, что ихъ надежды найдти Россію разъединенною не сбылись, и что готовность всѣхъ сословій обширнаго нашего отечества стать за единство Россіи не пустыя слова, а истинное и глубокое чувство всего нашего народа, который доказалъ не одинъ разъ, что онъ умѣетъ отстаивать свою честь и свои права. Это однако нисколько не мѣшаетъ Англіи и Франціи продолжать обращаться съ нами надменнымъ образомъ, а потому это не должно мѣшать и нашимъ заботамъ о томъ, какъ бы отпарировать подобное обращеніе, не принося, если можно, крайнихъ жертвъ. *Московскія Вѣдомости* считаютъ своею обязанностью служить отголоскомъ этого рода заботъ, сказывающихся въ нашемъ обществѣ. Мы считали своимъ дѣломъ поддерживать не нами выдуманный проектъ московской обывательской стражи, проектъ, котораго достоинство заключается именно въ томъ, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ минуты, и въ то же время не только не требуетъ крайнихъ жертвъ, но даже нисколько не отвлекаетъ обывателей отъ производительнаго труда. Этотъ проектъ основанъ на короткомъ знакомствѣ съ мѣстными средствами, и мы сами, высказываясь въ его пользу, обращали вниманіе читателей на то, что въ немъ нѣтъ подражанія иностраннымъ образцамъ. Равнымъ образомъ мы считаемъ нелишнимъ упомянуть о другомъ предметѣ разговоровъ идущихъ теперь оживленно въ разныхъ кругахъ нашего общества и преимущественно между нашими моряками, разговоровъ, которые также одобрительно дѣйствуютъ на публику, распространяя мысль, что и у насъ нѣтъ совершеннаго недостатка въ средствахъ отбиваться отъ нашихъ недруговъ, не прибѣгая къ крайнимъ жертвамъ.

Мы хотимъ поговорить теперь о возможности въ случаѣ войны воспользоваться нашими морскими судами, принимая къ свѣдѣнію доходящія до насъ заявленія людей спеціальныхъ.

Нашъ флотъ, по незначительности русской морской торговли, не могъ достигнуть такого развитія, чтобы противостоять флотамъ первоклассныхъ морскихъ державъ, и потому онъ не можетъ препятствовать Англіи и Франціи блокировать наши берега, бомбардировать наши торговые города, захватывать наши купеческія суда, однимъ словомъ держать все приморское населеніе въ безпрестанномъ страхѣ и тревогѣ, и все это безнаказанно. Понятно, что Англія и Франція, зная все это, можетъ-быть, лучше насъ, нисколько не стѣсняются въ своихъ требованіяхъ и до тѣхъ поръ не бу-

дутъ стѣсняться, пока требованія ихъ не будутъ неизбѣжно соединены съ нѣкоторыми существенными для торговыхъ державъ неудобствами.

Отчего Англія, такъ безцеремонно (съ точки зрѣнія дипломатическихъ приличій) вмѣшивающаяся въ наши внутреннія дѣла, отвергла предложеніе Франціи о дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ споръ между Сѣверными и Южными штатами и нашла, что предложеніе о перемиріи можетъ оскорбить федералистовъ? И отчего, въ то же время, Англія готова была дѣлать Россіи безсмысленныя предложенія о перемиріи съ мятежниками, не справляясь о томъ, могутъ ли эти предложенія оскорбить насъ или нѣтъ? А между тѣмъ едвали Америка въ состояніи устроить такую встрѣчу непрошеннымъ миротворителямъ, какую готовитъ Россія въ случаѣ высадки ихъ на наши берега.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ у насъ подъ рукою. Правительство королевы Викторіи рѣшилось наконецъ принять дѣйствительныя мѣры противъ заготовленія и вооруженія судовъ для правительства Джефферсона Девиса. Эта удивительная уступчивость и даже можно сказать любезность, столь несвойственная натурѣ Джона Булля, вызваны, говорятъ рѣчью г. Кобдена, произнесенною въ палатѣ общинъ. Г. Кобденъ доказывалъ, что Англія, болѣе чѣмъ какая-либо другая страна, должна придерживаться принципа невмѣшательства и соблюдать всѣ положенія международнаго права относительно нейтралитета въ морскихъ войнахъ, потому что отъ несоблюденія подобныхъ правилъ въ случаѣ морской войны больше всѣхъ пострадаетъ Англія, какъ страна, главнѣйшія богатства которой находятся на моряхъ всего свѣта. „Собственность англійскихъ подданныхъ, плавающая на моряхъ“, говорилъ г. Кобденъ, „простирается на сумму отъ 100 до 120 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ“; т-е. на наши деньги отъ 650 до 750 милліоновъ рублей серебромъ.

Вотъ они, тѣ существенныя неудобства, которыя удерживаютъ Англію отъ всякаго вмѣшательства въ американскія дѣла. Но не могутъ ли эти же самыя неудобства хотя и въ меньшей степени оказаться для Англіи и въ случаѣ войны ея съ Россіей? Торговля Англіи вся на водахъ, и въ настоящее время богатства ея развозятся по морямъ и океанамъ на 30.000 купеческихъ судахъ. Бо́льшая часть этого громаднаго флота, и въ томъ числѣ наибольшія его суда, постоянно плаваютъ вереницами между торговыми центрами всѣхъ частей свѣта. Пути этихъ движеній, какъ въ Атлантическомъ, такъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ, хорошо извѣстны, и въ послѣдніе годы, послѣ указаній кратчайшихъ путей Американцемъ Мори, эти бо́льшія океаническія дороги сдѣлались столь опредѣленными, что еслибы слѣды судовъ на поверхности водъ оставались замѣтными, они составили бы по океанамъ сильно изборожденныя столбовыя дороги. По этому, суда, крейсируя по этимъ дорогамъ и перехватывая богато-нагруженные англійскіе купеческіе корабли, могутъ съ вѣрнымъ успѣхомъ нанести весьма чувствительный ударъ англійской торговлѣ. Этимъ дѣломъ, говорятъ наши храбрые моряки, очень могутъ заняться всѣ наши мелкія военныя суда, которыя во время войны съ Англичанами оставались бы безъ всякой пользы въ Балтикѣ, не смѣя вступить въ открытый бой съ могущественнымъ противникомъ и, что еще хуже, рискуя быть сожженными при бомбардированіи какого-нибудь порта. Морскіе торговые пути представляютъ для нашихъ военныхъ судовъ обширное и почти безопасное поле дѣятельности. Пути эти имѣютъ такое протяженіе, что преслѣдованіе смѣлаго и предпріимчиваго крейсера дѣлается весьма затруднительнымъ и распорядительный командиръ крейсирующаго судна можетъ уничтожить десятки грузовъ и такимъ образомъ дать почувствовать себя не одной торговой компаніи, прежде чѣмъ столкнется съ своими преслѣдователями. Такое употребленіе нашихъ деревянныхъ корветовъ и клиперовъ, когда къ себѣ мы можемъ ожидать преимущественно только броненосцевъ, было бы, по мнѣнію многихъ нашихъ моряковъ, тѣмъ болѣе выгодно для насъ, что въ океанѣ они могутъ встрѣтиться только съ деревянными же противниками.

Какъ много подобное крейсерство можетъ причинить вреда непріятелю, можно видѣть изъ слѣдующихъ всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ. Въ 1812 году, когда торговля Англіи въ Тихомъ океанѣ была весьма незначительна въ сравненіи съ настоящею, фрегатъ Американскихъ Соединенныхъ штатовъ *Эссексъ* подъ командою капитана Портера, въ теченіи трехлѣтняго своего крейсерства, причинилъ англійской торговлѣ

убытка слишкомъ на 3 милліона рублей. Въ настоящее время южно-американскія суда *Алабама* и *Флорида*, несмотря на преслѣдованіе ихъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ военными судами Сѣверныхъ штатовъ, продолжаютъ до сихъ поръ безнаказанно наносить крайне чувствительный вредъ торговлѣ федералистовъ, захватывая ихъ суда съ богатѣйшимъ грузомъ, то подъ самымъ Нью-Іоркомъ, то у входа въ Британскій Каналъ. Изъ послѣднихъ иностранныхъ газетъ видно, что въ настоящее время Сѣверные штаты отправили, весьма поспѣшно, два большіе паровые фрегата къ берегамъ Бразиліи, потому что получено извѣстіе, что *Алабама* уничтожила въ тѣхъ мѣстахъ семь большихъ кораблей принадлежащихъ Сѣвернымъ штатамъ. Одинъ англійскій офицеръ разсказываетъ, что при посѣщеніи имъ *Алабамы* въ январѣ, на островѣ Ямайкѣ, онъ видѣлъ въ капитанской каютѣ слишкомъ 30 хронометровъ, взятыхъ съ потопленныхъ имъ судовъ. Надо полагать, что до настоящаго времени это число успѣло по крайней мѣрѣ удвоиться. Страхъ наведенный *Алабамой* на торговлю Сѣверныхъ штатовъ такъ великъ, что въ Нью-Іоркѣ множество отличныхъ купеческихъ судовъ стоятъ совершенно безъ дѣла, не рѣшаясь выйдти въ море, а главная торговля производится на англійскихъ судахъ. Въ Кронштадтъ пришли недавно два огромные клипера, нагруженные углемъ изъ Нью-Касля; они промѣняли индійскую торговлю на невыгодный для нихъ фрахтъ только потому что боятся пускаться въ океанъ. Во время восточной войны, послѣ неудачнаго для союзниковъ петропавловскаго дѣла, американскій купеческій корабль пришедъ въ Шанхай и объявилъ, что онъ былъ остановленъ въ морѣ русскимъ фрегатомъ и что пріѣхавшій къ нему офицеръ, осмотрѣвъ его бумаги и удостовѣрившись, что онъ дѣйствительно Американецъ, а не Англичанинъ, уѣхалъ съ ругательствами, обманувшись въ своей надеждѣ захватить богатый призъ. Эта утка быстро распространилась въ торговомъ мірѣ, такъ что во всѣхъ китайскихъ портахъ, купцы стали преимущественно отдавать грузы на американскія суда. Въ Гонконгѣ, молодые люди коммерческихъ конторъ составили милицію и весь городъ дрожалъ при мысли о нападеніи русскаго фрегата, который успѣлъ уже, для испуганнаго воображенія, обратиться въ цѣлую эскадру. Адмиралъ сэръ-Джемсъ Стерлингъ, командовавшій въ то время англійскими силами въ китайскихъ водахъ, былъ заваленъ письмами отъ разныхъ лицъ, настоятельно требовавшихъ чтобъ онъ охранялъ ихъ отъ мнимаго русскаго фрегата,—говоримъ мнимаго, потому что на самомъ дѣлѣ въ то время не было въ морѣ ни одного русскаго судна. Если ловко пущенная утка корыстолюбиваго янки могла имѣть такое сильное, хотя непродолжительное вліяніе на торговлю Англіи въ китайскихъ моряхъ, то чего можно ожидать отъ одного или двухъ десятковъ нашихъ крейсеровъ, когда они будутъ грозить ея купеческимъ судамъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара?

№ 119.

Москва, 1-го іюня.

Что такое паника? Безотчетное чувство страха, овладѣвающее человѣкомъ безъ вѣдомой причины, отнимающее у него разумъ, лишающее его силъ, опускающее его руки, и уничтожающее всякую мысль о предупрежденіи опасности, которой онъ не видитъ. Въ паническомъ страхѣ человѣкъ теряется, и предается бѣгству; онъ ни о чемъ не думаетъ, ничего не сознаетъ, и весь превращается въ это безотчетное чувство страха. Такія минуты бываютъ съ людьми и съ цѣлыми массами людей, и эти-то минуты древніе Греки означили именемъ бога Пана, который, по сказанію миѳа, поражаетъ людей, среди совершенной тишины, неудержимымъ чувствомъ страха, и лукаво тѣшится надъ ними.

Таково ли положеніе русскаго общества въ настоящую пору? Могутъ ли мѣры, для предупрежденія видимой и всѣми сознаваемой опасности, служить признакомъ паническаго страха? Пусть эти предосторожности будутъ преувеличены, пусть эти заботы будутъ слишкомъ мнительны, но можно ли ихъ назвать паническимъ страхомъ, слѣпымъ, безпредметнымъ, неудержимымъ и все обращающимъ въ бѣгство? Не есть ли напротивъ благоразумная заботливость человѣка, который въ виду дѣйствительной, хотя бы и отдаленной опасности, принимаетъ дѣятельныя мѣры для ея предотвращенія, спокойно соображаетъ свои средства и избираетъ лучшее,—не есть ли такое состояніе человѣка совершенная противоположность тому что называется пани-

кой? Кто же скажетъ, что теперешнее положеніе дѣлъ похоже на полдневное ясное затишье, когда лукавый Панъ гонитъ съ поля пастуховъ, поражая ихъ безпричиннымъ ужасомъ? Такъ ли все тихо кругомъ, такъ ли все спокойно и ясно, и точно ли подшутилъ надъ нами нечистый этою удивительною революціей въ Польшѣ, этимъ удивительнымъ ополченіемъ на насъ всей Европы, со включеніемъ Португаліи и Турціи? Неужели все это призракъ? Неужели это только Панъ пугнулъ насъ для шутки? И неужели заботиться о томъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ превратить опасность въ призракъ, или по крайней мѣрѣ уменьшить и ослабить ее, неужели это значитъ предаваться паническому страху?

И отдѣльные люди, и народы показываютъ свою силу и твердость именно тѣмъ, что не пугаются ни при какихъ случайностяхъ, но въ то же время сохраняютъ способность заранѣе измѣрять опасность, и предохранять себя отъ нея, когда она еще не наступила, не пренебрегая никакими мелочами и стыдясь пуще всего возможности попасть въ просакъ или быть застигнутыми врасплохъ.

Да наконецъ, въ какомъ же настроеніи должно теперь находиться наше общество? Если все тихо и спокойно и никакихъ опасностей не предвидится, такъ зачѣмъ же недавно несло оно свои горячія заявленія о готовности защищать честь державы русскаго Царя и неприкосновенность своего отечества? Былъ ли это паническій страхъ, безсмысленный и безотчетный, или доброе, вѣрное чувство, свидѣтельство жизни, силы и духа? Если чувство это было доброе и вѣрное, то и послѣдствія, которыя изъ него проистекаютъ, носятъ тотъ же характеръ готовности стоять за честь державы Русскаго царя и за достоинство своего отечества. Если оно не праздное слово, то оно естественно должно выражаться соотвѣтственными себѣ дѣйствіями. Чувство выражающееся въ словахъ, если оно истинно, не можетъ не выражаться соотвѣтственными заботами и дѣйствіями. Люди чувствующіе опасность и негодующіе на оскорбленіе наносимое ихъ чести, ихъ святынѣ, не могутъ оставаться праздными, и слѣдуетъ отдать честь зрѣлости ихъ чувства и мысли, если они заблаговременно принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не очутиться въ необходимости приносить крайнія жертвы, и тѣмъ не доставить удовлетворенія своимъ врагамъ, которые только того и желаютъ, чтобы поставить ихъ въ подобную необходимость.

Назадъ тому подѣли двѣ или три, говоря о необходимости благовременныхъ мѣръ, требуемыхъ разумнымъ патріотизмомъ, мы замѣтили, что наши экономическія средства и другія причины препятствуютъ намъ предпринимать такія вооруженія, какими напримѣръ Англія въ послѣднее время боролась съ Франціей. Мы не можемъ строить ни панцырныхъ судовъ, ни береговыхъ укрѣпленій, какъ строила Англія; да было бы и нелѣпо нетолько предпринимать что-либо подобное, но даже отъ бездѣлья думать и говорить о чемъ-либо подобномъ. Не только такого рода фантастическія приготовленія, но и всякое сильное вооруженіе, много превосходящее обычную цифру нашего военнаго бюджета, было бы тяжкою жертвою. Новый сильный наборъ, напримѣръ, былъ бы уже очень чувствительною тяжестію, которую конечно нашъ народъ понесетъ съ полнымъ усердіемъ, но отъ которой все-таки было бы желательно по возможности избавить его, пока еще не приблизилась крайняя надобность. Однако, замѣтили мы, если было бы странно подражать оборонительнымъ способамъ другихъ народовъ, то было бы точно также странно не пользоваться тѣми средствами, которыя у насъ подъ рукою, и которыя намъ свойственны. Каждая страна имѣетъ свои особенности, свои выгоды и невыгоды, свои слабыя и сильныя мѣста, свои удобства и неудобства. Намъ надобно прикрыть свои слабыя стороны, и разсчитать до мелочей тѣ удобства, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Если мы, не обращая вниманія на туземныя условія, будемъ въ системѣ нашей національной обороны подражать другимъ народамъ, какъ стараемся подражать имъ въ нашихъ модахъ и во всемъ что ни выходитъ изъ нашей головы и изъ нашихъ рукъ, то мы далеко не уйдемъ и сядемъ на мель при первыхъ шагахъ. Благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы не пренебрегая ничѣмъ умѣть пользоваться малымъ, и изъ малаго добывать возможно бо́льшіе результаты.

Самое сподручное и наименѣе тягостное во всѣхъ отношеніяхъ оборонительное средство есть, безъ всякаго сомнѣнія, то которое дало бы возможность правительству располагать въ случаѣ надобности наибольшею частью своихъ военныхъ силъ для от-

раженія непріятелей, но чтобы при томъ внутреннее спокойствіе и безопасность были совершенно обезпечены. Наиболѣе легкій и сподручный способъ есть конечно образованіе мѣстнаго ополченія, милиціи, стражи,—все равно какъ-бы ни назвать. Образованіе подвижной милиціи есть способъ уже нѣсколько болѣе дорогой и обременительный. Въ первомъ случаѣ люди остаются на мѣстахъ, не прерывая обычнаго теченія своихъ занятій, охраняютъ самихъ себя и свою собственность, и для этого жертвуютъ относительно малою долею своего досуга. Во второмъ случаѣ люди отрываются отъ производительнаго труда, отъ своихъ обычныхъ занятій, переводятся съ мѣста на мѣсто, для того чтобы замѣнять гарнизоны, а въ случаѣ надобности слѣдовать за арміей. Это два разные способа народной обороны, но нѣтъ сомнѣнія что первый сопряженъ съ меньшими тягостями, усиліями и ущербами въ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ второй. По мѣрѣ приближенія войны, неизбѣжно будетъ оказываться надобность и во второмъ способѣ обороны, но пока еще можно довольствоваться первымъ, было бы скачкомъ, было бы излишнею жертвой прибѣгать къ полному развитію втораго способа обороны. Въ свою очередь мѣстная милиція будетъ тѣмъ менѣе отяготительна, чѣмъ болѣе ея устройство будетъ сообразоваться съ условіями мѣстности, которыя въ такой обширной странѣ, какъ Россія, чрезвычайно разнообразны: мѣстныя власти и общества могутъ быть самыми лучшими судьями относительно условій представляемыхъ каждою мѣстностію.

Правительство руководствовалось самою вѣрною мыслію, учреждая въ западныхъ губерніяхъ военные караулы тамъ, гдѣ можно несомнѣнно положиться на преданность и энергію народонаселеній. Намъ случалось однако слышать толки о томъ, не было ли бы полезно формировать ополченія во внутреннихъ губерніяхъ съ цѣлію двинуть ихъ въ западныя губерніи въ подмогу войскамъ, для подавленія и предотвращенія польскаго мятежа. Такъ правительство воспользовалось воинскимъ духомъ старыхъ казачьихъ населеній Полтавской и Черниговской губерній, которыя выставятъ три конные полка для службы внѣ своего края. Но нельзя не порадоваться тому, что какъ общее правило принята мысль возложить оборону отъ мѣстнаго мятежа на мѣстный сельскій людъ. Сельскій людъ есть русская сила въ западныхъ губерніяхъ. Находясь въ порабощеніи и загонѣ, онъ мало давалъ себя чувствовать и самъ недостаточно чувствовалъ себя. Нынѣшнія событія застигли его уже освобожденнымъ, и они должны возвысить и усилить въ немъ его русское чувство. А ничто такъ не можетъ возвысить и усилить народное чувство какъ возложенная на самихъ мѣстныхъ жителей оборона отъ мятежа и притязаній, клонящихся къ отторженію этого края отъ Россіи. Подвижное ополченіе, пришедшее изъ другихъ губерній, произвело бы въ этомъ отношеніи невыгодное дѣйствіе: мѣстныя народонаселенія очутились бы въ положеніи какъ бы нейтральномъ и страдательномъ, и это не могло бы возвысить, это напротивъ уронило бы въ нихъ русское чувство. Оборона перешла бы въ другія руки, какъ будто бы болѣе русскія чѣмъ ихъ собственныя, между тѣмъ какъ они должны быть коренными представителями русскаго начала въ этихъ мѣстахъ и естественными защитниками этого края отъ всѣхъ враждебныхъ Россіи притязаній. Ихъ нужно только поставить, какъ уже и сдѣлано правительствомъ, въ положеніе наиболѣе удобное для охраненія мѣстной безопасности и спокойствія; они усерднѣе всякихъ пришлыхъ дружинъ будутъ подавлять опасность у себя дома, а военнымъ начальникамъ останется только направлять ихъ и должнымъ образомъ умѣрять ихъ пылъ.

Какъ замѣтили мы выше, разумный патріотизмъ требуетъ того, чтобы мы не теряли времени и пользовались всякимъ средствомъ, которое можетъ усилить насъ на случай опасности. Заговоривъ объ этомъ предметѣ, мы не можемъ не сообщить нашимъ читателямъ объ одномъ очень важномъ въ настоящее время практическомъ проектѣ принадлежащемъ одному изъ уважаемыхъ нашихъ генераловъ.

При формированіи въ настоящее время новыхъ частей войскъ, недостатокъ въ офицерахъ будетъ очень чувствителенъ, а недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ стрѣлковаго дѣла еще чувствительнѣе. Для пополненія недостатка въ офицерахъ у насъ имѣются два средства: усиленное производство изъ военно-учебныхъ заведеній и состоящихъ на службѣ унтеръ-офицеровъ и пріемъ на службу отставныхъ.

Отъ молодыхъ людей, выпущенныхъ офицерами изъ кадетскихъ корпусовъ и про-

изведенныхъ изъ унтеръ-офицеровъ, нельзя ожидать чтобъ они тотчасъ же сдѣлались хорошими учителями стрѣлковаго дѣла, важнѣйшей нынѣ части образованія пѣхоты. Пріемъ на службу отставныхъ тоже не принесетъ въ этомъ отношеніи много пользы.

Еслибы при наступленіи войны, какъ надобно ожидать, оказалось много молодыхъ людей, желающихъ поступить въ ряды войскъ, то имъ некогда было бы заняться теоріей военнаго дѣла, а потомъ, слѣдуя рутинѣ, они уже никогда не пріобрѣтутъ охоты къ раціональному изученію всего относящагося до службы.

Вотъ почему составитель проекта находитъ очень полезнымъ учредить теперь въ Москвѣ центральную юнкерскую школу, въ которую принимать молодыхъ людей по существующимъ для пріема юнкеровъ правиламъ и экзамену, чтобы собственно въ юнкерской школѣ они изучали только: рекрутскую школу, ротное ученіе, батальйонное ученіе, гарнизонную службу, аванпостную службу, разсыпной строй съ примѣненіемъ къ мѣстности, глазомѣрное опредѣленіе разстояній, теорію цѣльной стрѣльбы, и практическую стрѣльбу. Сроки для производства въ офицеры онъ полагаетъ не опредѣлять, предоставивъ право каждому по выдержаніи экзамена получить офицерскій чинъ съ однимъ только обязательствомъ: прослужить по производствѣ въ офицеры не менѣе трехъ лѣтъ. Право это предполагается распространить не только на дворянъ, но вообще на всѣхъ вольно-опредѣляющихся.

Основаніе подобной школы—въ настоящее время дѣло очень практическое, но мы не будемъ судить о степени ея пользы и важности. Впрочемъ, той же цѣли могли бы отчасти способствовать и стрѣлковыя общества, объ устройствѣ которыхъ было такъ много толковъ въ Москвѣ. Нельзя не пожелать, чтобъ эти общества принялись у насъ подъ вліяніемъ возбужденнаго патріотическаго чувства. Не отвлекая людей отъ мирныхъ занятій, подобныя общества охотниковъ, при нѣкоторой организаціи, были бы вообще очень полезны, потому что военное дѣло — вовсе не лишній элементъ для выправки человѣка, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи.

№ 120.

Москва, 3-го іюня.

Австрія не соглашается на то, чтобы Россія даровала польскому представительству право вотировать бюджетъ, то-есть не только разсматривать, но и утверждать подачей голосовъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ Царства Польскаго. Это право хотятъ или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ что хотятъ выхлопотать въ пользу Польши Франція и Англія,—первая можетъ-быть съ заднею мыслію, что такая уступка, еслибы Россія согласилась на нее, повела бы сначала къ отдѣльной польской арміи, а потомъ и къ совершенному отдѣленію Польши отъ Россіи; вторая, по всему вѣроятію, просто изъ желанія сдѣлать намъ затрудненіе и какъ-нибудь запутать наши домашнія дѣла. Но такъ какъ польскій вопросъ есть дѣйствительно вопросъ европейскій, то фантастическіе замыслы и выдумки должны встрѣчать, и помимо Россіи, серіозныя препятствія въ самой Европѣ, ходатайствующей за Польшу. По вопросу о правахъ польскаго представительства Австрія принуждена говорить за насъ. Она очень хорошо знаетъ что къ чему клонится, и не изъ нѣжности къ намъ, а изъ обязанности ограждать себя, она объявляетъ, что польское представительство никакъ не должно имѣть право вотировать бюджетъ. Она принуждена поступать такимъ образомъ не только потому что Галиція находится подъ ея скипетромъ. Если бы Галиція была даже отнята у нея, она все-таки должна была бы настаивать на разумномъ ограниченіи правъ польскаго представительства. Какъ ни сильны въ Австріи элементы разложенія, но она отнюдь не думаетъ о самоуничтоженіи, и очень далека отъ мысли предоставить Венгріи право имѣть свое отдѣльное войско, а потому не только Галиціи, но и Венгріи она никогда не согласится предоставить право вотировать бюджетъ отдѣльно отъ общаго бюджета имперіи, разсматриваемаго и вотируемаго имперскимъ совѣтомъ.

Это право непремѣнно ведетъ къ отдѣльному войску. Представимъ себѣ что это право было бы предоставлено Польшѣ, то-есть что польское представительство не только разсматривало бы бюджетъ, но и опредѣляло бы размѣры налоговъ. Предположимъ, при этомъ устройствѣ, что Польша не имѣла бы отдѣльной арміи, что ея рекруты вступ-

пали бы въ русскую армію, и что ея крѣпости были бы заняты общими войсками Имперіи. Можно ли ожидать отъ польскаго представительства чтобъ оно было одушевлено не польскимъ, а русскимъ патріотизмомъ, и согласилось вотировать налоги для увеличенія общихъ средствъ защиты? Не будетъ ли напротивъ въ интересѣ Польши, чтобы по возможности всѣ расходы на поддержку и улучшеніе крѣпостей и на содержаніе или, въ случаѣ надобности, на усиленіе военныхъ силъ имперіи производились не изъ польскихъ, а изъ русскихъ податныхъ денегъ? Можно, правда, опредѣлить закономъ или, если угодно, параграфомъ польской конституціи, что расходы на войско и крѣпости, теперь падающіе на казну Царства, должны быть и впредь производимы на счетъ этой казны. Но если дать польскому представительству право вотировать бюджетъ, то необходимо поставить въ зависимость отъ польскаго представительства всякое измѣненіе бюджета и слѣдовательно всякое увеличеніе расходовъ на военныя потребности. Представительство имѣло бы право отказать въ новомъ расходѣ, и такъ какъ оно естественно было бы недовольно тѣмъ, что у Польши нѣтъ отдѣльной арміи, то оно разумѣется ни когда не согласилось бы на какое бы то ни было увеличеніе военныхъ расходовъ. Что же произойдетъ изъ этого? Произойдетъ то, что всѣ вновь возникающія потребности будутъ покрываться не польскими, а русскими податными деньгами, вслѣдствіе чего тяжесть налоговъ будетъ падать неравномѣрно на Польшу и на Россію. Въ Польшѣ будетъ льготнѣе и дешевле жить чѣмъ въ Россіи. Тѣ деньги, которыя мы будемъ издерживать на необходимое развитіе военной силы, Польша будетъ употреблять на пути сообщенія, на улучшеніе администраціи, на народное просвѣщеніе. Благосостояніе края будетъ возрастать не изъ собственныхъ средствъ его, а насчетъ средствъ Россіи, которыя будутъ идти на охраненіе его безопасности. Примѣръ такого невыгоднаго для Россіи отношенія мы отчасти видимъ на Финляндіи. Всѣ знаютъ, что въ Финляндіи жить чрезвычайно дешево, но не всѣ даютъ себѣ отчетъ въ причинахъ этого явленія. Обыкновенно приписываютъ все это законамъ, управленію, наконецъ племенному характеру финляндскаго народонаселенія. Но главное дѣло не въ этомъ. Главное дѣло въ томъ, что изо всѣхъ странъ Европы Финляндія единственная страна, гдѣ въ продолженіе цѣлаго полувѣка почти вовсе не увеличивались подати, и изъ податей весьма незначительная часть шла на содержаніе военной силы. Вотъ гдѣ причина того, что въ Финляндіи жить такъ привольно. Повсюду въ Европѣ возвышались государственные расходы. Не говоря уже о великихъ державахъ, гдѣ за послѣднія пятьдесять лѣтъ расходы удвоились или утроились, но даже въ такихъ малепькихъ государствахъ, какова напримѣръ Швейцарія, которой нейтралитетъ не подвергался сомнѣнію, государственные расходы все-таки возрастали, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и подати. Финляндія составляла исключеніе изъ этого общаго движенія къ возрастанію податей, и этимъ объясняется удивительное благосостояніе Финляндіи сравнительно со смежными губерніями Россіи.

Австрія никакъ не можетъ предоставить венгерскому сейму то право вліянія на финансовое управленіе, которое дано въ Австріи имперскому совѣту. Это значило бы предоставить Венгріи право отказываться отъ несенія общихъ военныхъ издержекъ и становиться въ привилегированное положеніе относительно другихъ земель подвластныхъ австрійскому скипетру, а себя поставить въ необходимость или довольствоваться этимъ ходомъ дѣлъ или согласиться на то, чтобы Венгрія имѣла отдѣльную армію. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ венгерскій сеймъ вотировалъ бы расходы на содержаніе своей арміи съ точки зрѣнія интересовъ Венгріи, а не общихъ интересовъ имперіи. Венгерская армія была бы меньше того, сколько нужно для Австріи, а добровольное рѣшеніе венгерскаго сейма увеличить свою армію прямо указывало бы на виды отложенія отъ Австріи. Вотъ почему австрійскіе государственные люди такъ отстаиваютъ февральскую конституцію и такъ мнительно останавливаются передъ мыслію о всякой дальнѣйшей уступкѣ, требуемой отъ нихъ Венгріей. Они очень хорошо понимаютъ, что если Венгрія получитъ малѣйшую возможность уклоняться отъ одинаковыхъ податей съ другими австрійскими землями, то неминуемымъ слѣдствіемъ того будетъ тяготѣніе и другихъ австрійскихъ земель къ отложенію. Въ Венгріи будетъ взиматься меньше податей, и жить тамъ будутъ лучше чѣмъ въ другихъ коронныхъ земляхъ Австріи: захотятъ ли Хорваты или Семиградцы оставаться на рав-

ной ногѣ съ этими землями, и не потребуютъ ли они присоединенія къ Венгріи? За Хорватами и Семиградцами послѣдуютъ, конечно, Чехи и Галичане, и это стремленіе коронныхъ земель къ отложенію отъ имперскаго совѣта поведетъ къ совершенному упадку могущества Австріи. Изъ великой державы Австрія превратится въ маленькое нѣмецкое государство, до крайности обремененное налогами и въ ущербъ себѣ связанное со множествомъ странъ почти вполнѣ самостоятельныхъ и соединенныхъ съ общимъ отечествомъ только тѣмъ, что это общее отечество обязано на свой счетъ ограждать ихъ отъ внѣшнихъ нападеній.

Чтобы предупредить такой ходъ дѣлъ, Австрія была принуждена рѣшиться на несомнѣнное нарушеніе венгерской конституціи, воспользовавшись возстаніемъ 1848 года. Ни тысячелѣтнее существованіе этой конституціи, ни прямое обязательство прагматической санкціи, ни испытанныя исторіей вѣрноподданническія чувства венгерскаго народа къ габсбургско-лотарингской династіи, ничто не остановило Австрію въ этой рѣшимости, вызванной не столько венгерскою революціей, сколько явною государственною необходимостію.

Посмотримъ же на отношенія Польши къ Россійской имперіи. Вступила ли Польша подъ власть русскихъ царей съ своею, вѣками освященною конституціей? Какими подвигами доказала она свою вѣрность русской императорской династіи? На чемъ основано ея право имѣть бюджетъ, совершенно отдѣльный отъ Россіи? Австрійское правительство имѣло всѣ основанія останавливаться и задумываться передъ мыслію о финансовомъ соединеніи Венгріи съ коронными землями имперіи, но несмотря на всѣ эти основанія оно рѣшилось даже нарушить венгерское право чтобы не нарушить интересовъ своихъ прочихъ коронныхъ земель. Оно подвергло себя нареканіямъ, ввело себя въ затрудненія, не побоялось временно оттолкнуть отъ себя вѣрный Габсбургамъ венгерскій народъ, лишь бы предохранить Австрію отъ слѣдованія по пути ведущему къ разложенію. Можно ли требовать отъ Россіи, чтобъ она пропустила теперешнюю удобную минуту для финансоваго соединенія Польши съ Россіей? Но отъ нея намѣреваются требовать не одного этого; ей намѣреваются предлагать мѣру клонящуюся еще къ большему чѣмъ теперь отдѣленію Польши, ей намѣреваются предлагать, чтобъ она даровала Польшѣ право не только имѣть, но и вотировать отдѣльный бюджетъ. Какъ не видѣть что эти предложенія враждебны Россіи? Мы должны радоваться, что усилія державъ враждебныхъ Россіи встрѣтили въ этомъ случаѣ важное препятствіе, и что Россія въ ряду своихъ недоброжелателей нашла невольнаго союзника по вопросу, имѣющему особенную важность для будущихъ отношеній Польши къ Россіи и вообще для будущности Россійской Имперіи.

№ 121.

Москва, 4-го Іюня.

Читатели прочтутъ съ большимъ интересомъ помѣщаемое ниже извлеченіе изъ преній въ англійской палатѣ лордовъ по польскому вопросу. Эти пренія совершенно разъясняютъ положеніе дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ какъ вѣрны были взгляды тѣхъ русскихъ газетъ, которыя, смотря на польское возстаніе съ русской точки зрѣнія, высказывались въ пользу энергическихъ мѣръ для его подавленія, и за то подвергались упреку въ кровожадности со стороны недальновидныхъ русскихъ патріотовъ. Дѣйствительно, чѣмъ свободнѣе будетъ дѣйствовать тайный варшавскій комитетъ, тѣмъ болѣе прольется и русской и польской крови, тѣмъ болѣе будетъ посѣяно ненависти и распространено ожесточенія, и тѣмъ болѣе будутъ обязаны вступаться за Польшу тѣ державы, которыя своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ ободряли возстаніе. Было бы извинительно настаивать на мягкомъ образѣ дѣйствій въ Польшѣ, еслибъ онъ могъ предотвратить кровопролитіе. Все достоинство мягкаго образа дѣйствій заключается въ томъ, что онъ не вызываетъ ненависти и даже укрощаетъ ее. Но когда ненависть возбуждается тѣмъ, что возбуждаетъ ее всего сильнѣе на свѣтѣ, когда она возбуждается пролитіемъ крови, то самый гуманный образъ дѣйствій будетъ тотъ, который достигнетъ цѣли возможно-меньше жертвуя людьми. Поэтому кто искренно желаетъ примиренія Россіи съ Польшей, тотъ долженъ желать, чтобы какъ можно скорѣе были отняты у польскихъ революціонеровъ всѣ средства мутить и терроризировать свою несчастную страну. Только кровожадные люди могутъ желать чтобы развивалась взаимная вражда

Польши и Россіи. Спасовать передъ Поляками мы не можемъ. Мы не въ силахъ удовлетворить желаніямъ ихъ комитетовъ, не только красныхъ, но и бѣлыхъ, которые теперь, говорятъ, вступили въ союзъ съ красными. А потому изъ желанія прекратить кровопролитіе мы должны какъ можно скорѣе убѣдить ихъ всѣхъ,—а убѣдить ихъ можно только на дѣлѣ—что ихъ стремленія несбыточны, и что ни повстанцы въ лѣсахъ, ни вожди ихъ въ Варшавѣ, не будутъ терпимы законнымъ правительствомъ. Поражать противника надобно тамъ гдѣ онъ силенъ, а польская революція сильна вовсе не шайками повстанцевъ; она сильна подземными происками, тайными убійствами, слабостью отпора съ нашей стороны, и пока эти средства ея будутъ развиваться, до тѣхъ поръ борьба съ нею будетъ становиться для насъ все труднѣе и труднѣе, и наши неудачи будутъ приписываться не только нравственному, но и военному безсилію.

Къ тому же въ польскомъ возстаніи много такого, съ чѣмъ вовсе нельзя бороться военною силой. Намъ пишутъ изъ Гродна, будто завзятые изъ тамошнихъ польскихъ пановъ, видя неуспѣшность открытаго возстанія, начинаютъ прибѣгать къ хитрости и прикидываются овечками. Они совершенно измѣняютъ тонъ своихъ рѣчей, являются самыми доброжелательными на свѣтѣ людьми и жалуются уже не на русское правительство и не на русское войско, а на русскихъ обывателей, на крестьянъ да на Евреевъ, надѣясь посредствомъ законныхъ властей достигнуть того, чего тайный варшавскій комитетъ достигъ въ Царствѣ Польскомъ посредствомъ террора,—надѣются набросить въ глазахъ властей тѣнь на Русскихъ и на Евреевъ, чтобы поссорить и тѣхъ и другихъ съ властями. Нѣтъ сомнѣнія, что повсюду въ Западномъ краю, и не въ одномъ Западномъ краю Россіи, революціонная партія, дѣйствуя въ тихомолку и подъ маской, будетъ всѣми силами стараться очернить русское патріотическое движеніе и, если можно, дать ему направленіе фальшивое и согласное съ цѣлями враговъ Россіи. Крамола, вотъ—могущественное орудіе польской революціи, и вотъ противъ чего мы должны принимать самыя энергическія, самыя дружныя мѣры. Патріотическій духъ во всей его силѣ, вотъ то оружіе, которымъ мы должны сражаться съ польскими патріотами, если не хотимъ чтобы все дѣло было рѣшено одною кровью. Кровью оно будетъ рѣшено, рано или поздно, въ нашу пользу, но какъ не желать рѣшенія болѣе мирнаго? Одно лицо имѣющее всѣ средства вѣрно судить о теперешнемъ положеніи польскаго вопроса въ Европѣ, писало недавно изъ Парижа, что всеподданнѣйшіе адресы стоятъ для Россіи двухъ большихъ выигранныхъ сраженій. Съ этимъ невозможно не согласиться. Если бы польская революція сражалась съ нами правильною арміей, тогда и мы могли бы сражаться съ нею тѣмъ же оружіемъ. Наши войска мѣрились бы съ польскими войсками, и тяжба была бы рѣшена судомъ Божіимъ. Но считать шайки повстанцевъ серіозными противниками русской арміи значитъ оскорблять нашу армію. Она не имѣетъ себѣ въ Польшѣ равнаго противника, и если возстаніе длится, то виновато въ томъ не наше вѣрное и храброе войско, поражающее шайки вездѣ гдѣ только удается ему отыскать ихъ. Если возстаніе длится, то, значитъ, мы не развиваемъ противъ него достаточной дѣятельности на другихъ путяхъ, на тѣхъ путяхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не оружіемъ, а мирными средствами и нравственными силами.

Первоначально возстаніе въ Польшѣ было дѣломъ партіи красныхъ. Лишь недавно и именно вслѣдствіе возрастающаго убѣжденія въ русскомъ нравственномъ безсиліи, къ польскому движенію стали примыкать и люди умѣренные. Теперь оно принимаетъ патріотическій характеръ, и мы можемъ успѣшно бороться съ нимъ только равносильнымъ патріотическимъ движеніемъ. Военными силами мы безмѣрно превосходимъ польскую революцію. Если она тѣмъ не менѣе имѣетъ успѣхъ, значитъ ея нравственныя силы организованы лучше чѣмъ наши русскія нравственныя силы. Будемъ помнить, что польскій вопросъ есть національный вопросъ, что борьба идетъ не между польскимъ народомъ и русскимъ правительствомъ, а между польскимъ патріотизмомъ и русскимъ патріотизмомъ. Какой патріотизмъ сильнѣе, тотъ и беретъ верхъ. Вотъ почему такъ больно русскому человѣку видѣть успѣхи польскаго революціоннаго комитета. Наше русское патріотическое движеніе, чтобъ очистить себя отъ укора въ безсиліи и достигнуть своей цѣли, не должно ограничиваться словами, а должно выражаться соотвѣтственными дѣйствіями. Организован-

ному патріотическому движенію въ Польшѣ мы должны противопоставить организованное патріотическое движеніе въ Россіи. Тогда Европа не будетъ въ правѣ сказать намъ, что мы побѣдили Поляковъ грубою силой, какъ уже собираются говорить ораторы англійской палаты лордовъ.

Организація великое дѣло; она удесятеряетъ силы и вмѣстѣ даетъ правильную форму ихъ проявленію. Возбужденное, но не имѣющее правильныхъ путей для своего проявленія патріотическое чувство можетъ нерѣдко выражаться въ прискорбной формѣ. Приведемъ одинъ примѣръ. Русскій народъ отличается удивительнымъ самообладаніемъ. Въ Варшавѣ обрывали цвѣтные банты на платьяхъ русскихъ дамъ,—просто цвѣтные, не русскіе національные,—а въ Москвѣ преспокойно разхаживали чамарки; этотъ костюмъ выставлялся на показъ какъ бы нарочно, чтобы вызвать со стороны публики какое-нибудь нарушеніе общественнаго порядка. Но московскій народъ проходилъ мимо чамарокъ и сдерживалъ свое національное чувство. Нигдѣ на свѣтѣ не было бы ничего подобнаго. Стоитъ представить себѣ, какъ лондонскіе уличные мальчишки приняли бы французскую трехцвѣтную кокарду или даже платье французскаго покроя, еслибы была война между Англіей и Франціей. Теперь еще, слава Богу, нѣтъ войны между Россіей и Франціей, но одинъ Русскій, пріѣхавшій на дняхъ изъ Парижа, привезъ съ собою свой фракъ забросанный парижскою грязью только за то, что въ иностранцѣ узнали Русскаго. Что было бы дѣлать, если бы что-нибудь подобное случилось въ Москвѣ съ польскими чамарками? Теперь чамарки исчезли, и потому можно говорить объ этой матеріи безъ опасенія, что вызовешь противъ нихъ народное движеніе. Итакъ что было бы дѣлать, если бы чамарки подали поводъ къ прискорбнымъ уличнымъ демонстраціямъ? Наказывать виновныхъ за неправильное проявленіе патріотическаго чувства? Но можетъ-быть только того и хотятъ чамарки? Можетъ-быть только за тѣмъ они и появились въ такое очевидно непригодное для нихъ время? Можетъ-быть они и имѣли въ виду поставить полицейскую власть въ необходимость подавлять проявленія патріотизма въ московскомъ народонаселеніи? Патріотическое чувство, какъ всякое чувство, требуетъ исхода. Оно должно проявляться въ чемъ-нибудь, и если оно не организовано, то нельзя ручаться, чтобы всѣ его проявленія были одобрительны и правильны. Представимъ себѣ, что въ то время, когда на московскихъ улицахъ, и особенно на московскихъ бульварахъ такъ часто встрѣчались веселыя компаніи людей одѣтыхъ въ чамарки, что въ то время начались бы пожары. Могъ ли бы кто-нибудь изъ насъ не опасаться, что подозрительность народа не сказалась бы грозно? Еще болѣе: даже и при отсутствіи этихъ національныхъ костюмовъ, можно ли было бы поручиться во время пожаровъ за безопасность честныхъ Поляковъ, живущихъ между нами и совершенно невинныхъ въ поджигательствѣ? Но еслибы эта самая народная подозрительность получила правильную организацію, еслибъ она выразилась напримѣръ въ обывательской военной стражѣ, то-есть въ городскомъ ополченіи, или, еслибы это было удобно и соотвѣтствовало высотѣ общественнаго настроенія,—въ обывательской полицейской стражѣ, то-есть въ учрежденіи похожемъ на англійскихъ спеціяльныхъ констаблей, о которыхъ мы недавно говорили подробно,—для этой цѣли все равно, что военная, что полицейская обывательская стража,—то народное чувство было бы гораздо спокойнѣе и зная сдержанность русскаго народа, можно было бы съ полною увѣренностью поручиться за безопасность честныхъ Поляковъ живущихъ между нами. А съ другой стороны тѣ же самые революціонеры, которые теперь возлагаютъ всѣ свои надежды на пассивность русскаго народа и увѣряютъ Европу, будто все наше патріотическое движеніе вызвано предписаніями начальства и деспотическими приказами полновластной полиціи, скорѣе убѣдились бы въ дѣйствительной силѣ русскаго патріотическаго движенія и стали бы смотрѣть уважительнѣе на русскій народъ, а стало-быть и на русское правительство. Наконецъ и Европа увидѣла бы въ русскомъ патріотизмѣ почтенную силу, съ которою надобно считаться, а европейская дипломатія исцѣлилась бы отъ своего предубѣжденія, такъ много вредящаго намъ, что польскій вопросъ есть вопросъ политическій, а не національный. Тогда мы имѣли бы противъ себя въ Европѣ только враговъ русской національности, а такихъ враговъ у насъ не мало.

№ 122.

Москва, 6-го іюня.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ, между западными державами и Австріей произошло немаловажное разногласіе насчетъ той программы, которую онѣ имѣли въ виду сообща предложить Россіи для разрѣшенія польскаго вопроса. Это разногласіе, очевидно, относится къ тому пункту, въ которомъ идетъ рѣчь о правахъ и предметахъ вѣдомства народнаго представительства, предлагаемаго для Польши. Англія и Франція, какъ извѣстно, желали бы присвоить ему право утвержденія бюджета и право общаго законодательства въ примѣненіи къ Польшѣ; Австрія же, какъ можно заключить изъ помѣщаемаго ниже отзыва полуофиціяльной *Всеобщей Корреспонденціи*, усматриваетъ въ этомъ требованіи намѣреніе возстановить вполнѣ польскую конституцію 1815 г.; и во вниманіи къ положенію собственныхъ своихъ коронныхъ земель никакъ не можетъ согласиться на такое отдѣленіе Польши отъ Россіи. И дѣйствительно, какъ мы уже не разъ говорили, предоставить особому народному представительству Польши право не только разсматривать, но и принимать или отвергать бюджетъ значило бы образовать изъ Польши отдѣльное, самобытное государство, связанное съ Россіей не своею конституціей, какъ сказано въ вѣнскомъ трактатѣ, а только властью одного и того же Государя, притомъ властью ограниченною относительно бюджета и законодательства въ Польшѣ, и слѣдовательно, не вполнѣ способною препятствовать тѣмъ дѣйствіямъ польскаго народнаго представительства, которыя, были бы явно или тайно враждебны Россіи.

Еслибы вѣнскій трактатъ и дѣйствительно обязывалъ Россію даровать Польшѣ такую отдѣльную конституцію, какую даровалъ Александъ I, то и тогда, по сознанію самого графа Элленборо, который въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 8-го іюня, такъ усердно поощрялъ польскихъ мятежниковъ къ продолженію кровопролитія,—и тогда выполненіе этой части трактата было бы невозможно. „Милорды, говорилъ графъ Элленборо, серіозное участіе народнаго представительства въ дѣлахъ правленія возможно только тамъ, гдѣ между народомъ и государемъ есть взаимное довѣріе и гдѣ прежде всего государь привязанъ къ своему народу и въ немъ одномъ ищетъ себѣ опоры.“ Графъ Элленборо вслѣдъ затѣмъ указываетъ, правда, что Поляки не могутъ имѣть довѣрія къ нашему Государю; но мы съ несравненно бо́льшимъ правомъ можемъ достановить тотъ же вопросъ иначе, и спросимъ всѣхъ и каждаго, кто ходатайствуетъ о дарованіи политическихъ правъ польскому народному представительству: можно ли быть русскимъ Государемъ и вмѣстѣ довѣрять въ такой степени, въ какой требуютъ западныя державы, польскому народу, который въ лицѣ своихъ ксендзовъ, своихъ шляхтичей, своихъ ясновельможныхъ пановъ, всегда стремился и стремится къ низпроверженію русской державы и къ порабощенію православнаго русскаго люда? Можно ли отъ русскаго Государя ожидать бо́льшаго довѣрія и бо́льшей привязанности къ польскому, чѣмъ къ русскому народу? Что въ Польшѣ, соединенной съ Россіей только внѣшнимъ образомъ, нѣтъ условій, необходимыхъ, по мнѣнію графа Элленборо, для особаго народнаго представительства, съ какими бы то ни было политическими правами, а тѣмъ еще менѣе съ правами, ограничивающими верховную власть, изъ этого благородный лордъ выводитъ заключеніе, что Польшу надобно совсѣмъ отдѣлить отъ Россіи.

Но отдѣленіе Польши отъ Россіи можетъ быть рѣшено не судомъ человѣческимъ, а только судомъ Божіимъ—войною. Поэтому о планѣ графа Элленборо нечего и думать, какъ это замѣтила и лондонская газета *Times*. А между тѣмъ вопросъ о Польшѣ поставленъ въ настоящее время такъ, что рѣшеніе его неизбѣжно, и чѣмъ оно будетъ скорѣе и удовлетворительнѣе, тѣмъ лучше будетъ и для Польши, и для Россіи. Рѣшеніе его въ томъ духѣ и въ томъ смыслѣ, какой преобладалъ съ 1831 г., невозможно въ настоящее время. Да и былъ ли тогда рѣшенъ польскій вопросъ? Было подавлено польское возстаніе, но не было сдѣлано ничего для сближенія побѣжденныхъ съ побѣдителями, и какъ только, по естественному порядку вещей, натянутая струна нѣсколько растянулась и ослабѣла, тотчасъ же послѣдовалъ взрывъ затаенной ненависти къ Россіи.

Итакъ остается только одно рѣшеніе, то самое, которое, какъ кажется, имѣетъ въ виду и Австрія, сильно затруднявшаяся,

по словамъ *Mémorial Diplomatique*, какое бы придумать право для Польши, которое уравновѣсило бы собою право Галиціи отправлять на имперскій совѣты своихъ народныхъ представителей,—то самое рѣшеніе, которое удовлетворило бы и Россію, и Европу, и которымъ не могли бы не удовольствоваться повсюду истинные друзья польскаго народа.

Въ отдѣльно-поставленной Польшѣ дѣйствительно, нѣтъ элементовъ, нѣтъ условій для системы правленія, которая, упрочивая надежнымъ образомъ, благосостояніе края и примиряя его съ его положеніемъ, могла бы найдти сочувствіе и одобреніе въ Европѣ. Но въ Польшѣ, тѣснѣйше соединенной въ своемъ политическомъ бытѣ съ Россіею и слитой съ нею въ одно политическое цѣлое, несомнѣнно найдутся всѣ условія, необходимыя для водворенія системы правленія основанной на взаимномъ довѣріи и взаимной привязанности государя и народа. Общее настроеніе, господствующее въ русскомъ народѣ, если-бы и не сообщилось тотчасъ же всѣмъ Полякамъ, то по крайней мѣрѣ покрыло бы голосъ недовольныхъ и не дозволило бы имъ нарушить общую гармонію. Но есть всѣ основанія ожидать, что подавленные теперь терроромъ элементы польскаго народонаселенія сами въ очень скоромъ времени высказались бы благопріятно для русской державы, и что съ теченіемъ общей политической жизни вѣрноподданническія чувства все болѣе и болѣе упрочивались бы въ польскомъ народѣ, котораго языкъ, обычаи и религія, и всѣ интересы общественные и частные могли бы быть вполнѣ обезпечены.

Уступитъ ли Австрія требованіямъ западныхъ державъ, и придутъ ли эти требованія въ Петербургъ въ видѣ общей программы, или же каждая изъ сторонъ преподноситъ свои требованія отдѣльно, во всякомъ случаѣ въ самомъ непродолжительномъ времени с.-петербургскому кабинету предстоитъ принять окончательное рѣшеніе по польскому вопросу. Это будетъ рѣшеніе всемірно-исторической важности: отъ него зависитъ будущность Россіи. Сердце Царево въ рукѣ Божіей, и мы молимъ Бога, да направитъ Онъ его на тотъ путь, на которомъ и Россію и Польшу ждутъ истинное благоденствіе и процвѣтаніе.

№ 123.

Москва, 6-го іюня.

Парижскія газеты имѣютъ обыкновеніе сочинять въ Парижѣ печатаемыя ими корреспонденціи изъ разныхъ частей земнаго шара. Есть даже цѣлыя конторы, гдѣ фабрикуются подобныя корреспонденціи, и откуда онѣ потомъ разсылаются по журналамъ, и при томъ не всегда за деньги. Такъ, напримѣръ, еще лѣтъ двадцать тому назадъ покойный князь Адамъ Чарторыйскій устроилъ въ Парижѣ заведеніе для фабрикаціи и даровой разсылки по газетамъ разныхъ корреспонденцій изъ Польши и Россіи. Издатели охотно принимали эти корреспонденціи, потому что онѣ доставались имъ даромъ. А когда началось возстаніе, то парижскій польскій комитетъ счелъ нужнымъ, кромѣ того, оказать денежную поддержку тѣмъ газетамъ, которыхъ содѣйствіемъ онъ дорожилъ. Какъ тутъ не склониться въ пользу Польши? Получаешь даромъ эффектныя корреспонденціи, которыя увеличиваютъ число подписчиковъ на газету, и кромѣ того за свою симпатію къ Польшѣ берешь съ Поляковъ денежное вознагражденіе, облеченное въ чрезвычайно лестную форму патріотической благодарности за высокій либерализмъ и великодушное участіе въ судьбахъ героической націи. Польскимъ эмигрантамъ удалось такъ обработать парижскую журналистику, что иное слово правды въ защиту правъ Россіи не можетъ появиться *ни въ одной* парижской газетѣ, не исключая даже газеты *Le Nord*, тщательно скрывающей отъ парижскихъ читателей многія важныя мѣста въ сужденіяхъ по польскому вопросу приводимыхъ ею изъ русскихъ газетъ.

Англійская журналистика ведетъ дѣло честнѣе и безпристрастнѣе. Корреспонденціи, печатаемыя въ англійскихъ газетахъ, по большей части дѣйствительныя письма дѣйствительныхъ корреспондентовъ, иногда людей очень замѣчательныхъ, какъ напримѣръ г. Вильямъ Россель, краковскій корреспондентъ газеты *Times*. Но и отъ этихъ корреспонденцій намъ не легче. Онѣ пишутся изъ польскихъ городовъ, подъ вліяніемъ и на основаніи польскихъ извѣстій. „Секретная царская воля", подлинный текстъ которой приведенъ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, можетъ служить разительнымъ образцомъ того, какое вліяніе

сумѣли лгуны и поддѣльщики пріобрѣсти даже на серіозныхъ корреспондентовъ. Г. Россель отозвался было съ недовѣріемъ о подлинности этого куріознаго документа, но его разувѣрили, и вотъ онъ чуть не цѣлый столбецъ посвящаетъ разлагольствію о совершенной достовѣрности извѣстія, будто старообрядцы, арестовавшіе Плятера и отнявшіе у него отбитое имъ у русскаго транспорта оружіе, напали на Плятера безо всякаго повода, повинуясь именно этой секретной прокламаціи, повелѣвающей бить католиковъ только за то, что они католики. Такое легковѣріе со стороны корреспондента, извѣстнаго своею основательностью, было бы необъяснимо, еслибы мы не знали, какъ изощрились польскіе революціонеры въ искусствѣ распространять о насъ ложь и клевету. Англичанинъ, видя человѣка, который держитъ себя какъ прилично джентльмену, никакъ не можетъ предположить чтобъ онъ былъ способенъ лгать какъ уличный мошенникъ. Патріотизмъ націи, возставшей за свою свободу, патріотизмъ налагающій на меня обязанность сочувствовать ей, этотъ патріотизмъ, думаетъ себѣ Англичанинъ, долженъ налагать и на каждаго порядочнаго человѣка изъ ней обязанность не злоупотреблять моимъ сочувствіемъ: возможное ли дѣло, чтобы всѣ патріотическіе люди, окружающіе меня сговорились обманывать насъ, и еслибъ они сговорились, возможное ли дѣло чтобъ они выдержали свою роль и сумѣли такъ ловко маскировать обманъ? И вотъ наивный Англичанинъ вѣритъ на слово своимъ новоприобрѣтеннымъ друзьямъ и распространяетъ ложь, придавая ей весь авторитетъ своей неподкупности. По Европѣ идутъ сказанія о варварскихъ жестокостяхъ русскаго правительства въ Польшѣ, между тѣмъ какъ возстаніе напротивъ пользуется крайнею снисходительностію законныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ. Повѣствуется о самыхъ энергическихъ мѣрахъ, которыя однакоже не въ силахъ противодѣйствовать общему патріотическому движенію, и изъ этого дѣлается заключеніе о непобѣдимости этого движенія, между тѣмъ какъ на дѣлѣ революціонное правительство поддерживаетъ это патріотическое движеніе лишь неслыханнымъ въ Европѣ терроромъ, и только безнаказанность совершаемыхъ имъ злодѣйствъ обезпечиваетъ его неограниченную власть надъ Царствомъ Польскимъ. Но о злодѣйствахъ, корреспонденціи или умалчиваютъ, или приписываютъ ихъ русскимъ солдатамъ. Наконецъ наше храброе и вѣрное войско предается осмѣянію и позору, а побѣды его зачастую, подъ перомъ корреспондентовъ, превращаются въ пораженія. Словомъ, все изображается на выворотъ. Намъ приписывается то чего мы вовсе не дѣлаемъ, а то что мы дѣлаемъ утаивается.

Съ французскою журналистикой намъ не сладить: она зашла слишкомъ далеко и совершенно потеряла бы довѣріе своей публики, еслибы начала говорить правду. Но что касается англійской журналистики, то мы очень много бы, кажется, выиграли, еслибы доставили возможность корреспондентамъ англійскихъ газетъ посѣтить Варшаву и слѣдовать за нашими войсками. Пусть они пишутъ что имъ угодно. Пусть они порицаютъ, какъ имъ вздумается, нашъ образъ дѣйствій. Никакія порицанія не могутъ столько повредить намъ въ общественномъ мнѣніи Европы, сколько вредитъ намъ систематическая ложь, распространяемая о насъ тѣми англійскими корреспондентами, въ правдивость которыхъ европейская публика привыкла вѣрить, но которые сдѣлались теперь жертвой интриги.

Намъ нужна правда, вся правда и только правда. Пусть будетъ во всѣхъ отношеніяхъ узнано дѣйствительное положеніе дѣлъ, и Россія отъ этого много выиграетъ. Она выиграетъ и въ глазахъ иностранцевъ, и въ своихъ собственныхъ глазахъ. Теперешняя горечь русскаго народнаго чувства происходитъ всего болѣе отъ загадочности событій, происходящихъ въ Царствѣ Польскомъ. Ничтожество открытаго и могущество тайнаго возстанія очевидны всякому, даже самому непроницательному наблюдателю. Очевидно также, что могущество тайнаго правительства все болѣе и болѣе возрастаетъ. Каждый день, кажется, что его наглость дошла до послѣднихъ предѣловъ, но слѣдующій день приноситъ вѣсть о наглости еще большей. Сегодня говорятъ намъ о казняхъ, совершаемыхъ надъ беззащитными людьми въ самомъ польскомъ народѣ, провинившимися только вѣрностью своему законному Государю; завтра извѣщаютъ, что начальники вычитаютъ изъ жалованья своихъ чиновниковъ налогъ въ пользу возстанія, а казенные коммиссары желѣзной дороги посылаютъ своихъ подчиненныхъ для поврежденій, за которыя требуютъ потомъ вознагражденій съ правительства. На-

конецъ приходитъ вѣсть, что чиновники главнаго казначейства опорожнили кассу его, похитивъ 3.700.000 рубл.; въ томъ числѣ около 20 пудовъ золота. Средства революціи истощались; теперь она получила свѣжія средства; и съ какимъ нахальствомъ она получила ихъ! Иностранныя газеты сообщаютъ, что похищеніе было произведено въ теченіи одной недѣли, и что вмѣсто похищенныхъ денегъ и бумагъ въ кассѣ оказалась квитанція революціоннаго правительства, удостовѣряющая въ полученіи сполна похищенной суммы. Горечь, накопляемая подобными событіями, не можетъ быть усилена никакимъ извѣстіемъ, какъ бы оно ни было горько. 3.700.000 рублей—большія деньги; но было бы трѣпно цѣнить ихъ выше крови, пролитой въ Царствѣ Польскомъ, и теперь не такое время, чтобы Русскій человѣкъ сталъ цѣнить деньги. Чѣмъ труднѣе будутъ наши финансовыя дѣла, тѣмъ болѣе будетъ готовности жертвовать, если только русскій народъ узнаетъ, что въ жертвахъ настоитъ надобность. Уже со всѣхъ сторонъ начинаютъ поступать къ намъ письма съ запросами о степени настоятельности пожертвованій. Сами собой въ разныхъ углахъ Россіи сказываются порывы закрѣпить патріотическое слово святымъ дѣломъ жертвы. Видя эти порывы, предваряющіе нужду, нельзя сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ борьбы силы и права съ коварствомъ и измѣной, какіе бы ни были ея виды. „Всѣмъ русскимъ людямъ, какъ хорошо сказано въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ нами сегодня, теперь нужно одно: стать и стоять дружно вокругъ Русскаго Царя. Будущее въ рукахъ Божіихъ.“

№ 124.

Москва, 7-го Іюня.

Московскій корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* сообщилъ недавно читателямъ своей газеты слѣдующее лаконическое извѣстіе: „Городской стражи изъ обывателей, которая столько надѣлала шуму, въ Москвѣ не будетъ. Недавно сдѣлалось извѣстнымъ, что проектъ этотъ не получилъ утвержденія.“ Затѣмъ корреспондентъ радостнымъ тономъ сообщаетъ свою надежду что напряженное (такъ онъ, должно-быть переводитъ слово *патріотическій*) состояніе московскаго населенія можетъ-быть уменьшится (sic); и эту свою надежду приводитъ въ связь съ сообщаемою имъ новостью, будто нѣкоторыя изъ дамъ давшихъ слово не покупать иностранныхъ товаровъ уже успѣли нарушить клятву. Далѣе этотъ корреспондентъ говоритъ о *какой-то особенной раздражительности* простаго народа въ Москвѣ, прибавляя впрочемъ, что слухи о возможности войны внушаютъ не опасенія, а готовность встрѣтить борьбу. Эта куріозная корреспонденція, *comme de raison*, была тотчасъ же перепечатана въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, которыя тоже чрезвычайно какъ скорбятъ о московской раздражительности, хотя сами не могутъ упастись отъ раздражительнаго тона даже по такому вопросу какъ вопросъ о фосфорѣ, доставленномъ въ Москву изъ Вильна.

Было бы странно защищать Москву отъ нареканій подобныхъ господъ; было бы странно увѣрять ихъ, что въ Москвѣ вовсе нѣтъ раздражительности — это всякій можетъ видѣть на дѣлѣ—а есть осторожность и предусмотрительность, качества весьма похвальныя всегда, въ настоящую же минуту крайне необходимыя. Нечего пенять и на раздражительность этихъ господъ, если только она происходитъ изъ любви къ отечеству. Но никакъ нельзя не пенять на ту или другую газету, когда она имѣетъ корреспондентовъ, распространяющихъ сущій вздоръ и нелѣпыя сплетни. По поводу фосфора мы уже указывали на этотъ недостатокъ иныхъ петербургскихъ газетъ. Одна московская газета упомянула, что въ Москвѣ ходятъ слухи о фосфорѣ. Изъ Петербурга тотчасъ же закричали, что все это вздоръ и сплетни. Тогда мы сочли нужнымъ сообщить подробныя свѣдѣнія о фосфорѣ. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что фосфоръ былъ дѣйствительно привезенъ въ Москву изъ Вильна, что на станціи Николаевской желѣзной дороги произошло воспламененіе одной жестянки съ фосфоромъ, что вслѣдствіе того фосфоръ былъ арестованъ, и что не московскіе толки о фосфорѣ были сталобыть вздоръ и сплетни, а корреспонденціи петербургскихъ газетъ, отрицавшія дѣйствительный случай. Очень можетъ быть, что этотъ фосфоръ присланъ съ обыкновенною коммерческою цѣлію, и что все дѣло сойдетъ на простую контрабанду, но чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно имѣть доказательства того, что подобная присыл-

ка фосфора изъ Вильна въ Москву есть дѣло обыкновенное въ торговыхъ сношеніяхъ между двумя этими городами. Слѣдствіе, разумѣется, обратить вниманіе на этотъ пунктъ, но объ этомъ рѣчь впереди, а мы имѣли полное право сказать тогда, что увѣреніе петербургской газеты, будто исторія съ фосфоромъ есть пустая, ни на чемъ не основанная выдумка, объясняется только тѣмъ, что эта газета не имѣетъ въ Москвѣ надежныхъ корреспондентовъ.

Но ошибиться насчетъ дѣла о фосфорѣ, которое надѣлало въ Москвѣ очень мало шума, еще извинительно газетному корреспонденту. Что же сказать о корреспонденціи, явно грѣшащей противъ правды въ такомъ дѣлѣ, которое составляетъ предметъ разсужденій Общей Думы? Это собраніе состоитъ, какъ извѣстно, изъ 175 гласныхъ. Къ какому бы кругу общества ни принадлежалъ корреспондентъ, если только у него есть хоть нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, онъ легко можетъ узнать черезъ нихъ о томъ что дѣлается въ Общей Думѣ. Какъ же понять и чѣмъ объяснить то рѣзкое завѣреніе корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* на счетъ обывательской стражи, или ополченія, о которомъ мы упомянули выше? „Стражи не будетъ. Проектъ не получилъ утвержденія.“ И это пишется изъ Москвы, гдѣ каждому изъ 175 гласныхъ очень хорошо извѣстно, что проектъ обывательской стражи еще не составленъ, и что даже еще не выбрана коммиссія для его составленія! Послѣ засѣданія 18-го мая, протоколъ котораго напечатанъ въ № 111 *Московскихъ Вѣдомостей*, Общая Дума до сегодня не имѣла засѣданій. Въ томъ засѣданіи, какъ видно изъ напечатаннаго протокола, была принята лишь главная мысль, съ тѣмъ чтобы представить ее на усмотрѣніе правительства. Дума ограничилась тогда заявленіемъ передъ правительствомъ общей мысли о мѣстномъ городскомъ ополченіи или о военной обывательской стражѣ, и только теперь, когда эта мысль, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, удостоилась одобренія Государя Императора, и когда это Высочайшее одобреніе сообщено Думѣ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ ей предложено приступить къ составленію проекта по этому вопросу, только теперь Дума можетъ дѣйствовать по полномочію отъ правительства. Въ силу этого полномочія она имѣетъ теперь право проектировать распространеніе обязательнаго участія въ мѣстномъ ополченіи и на тѣхъ жителей Москвы, которые не входятъ въ составъ московскаго городскаго общества. Но само собой разумѣется, что проектъ, который будетъ выработанъ въ Общей Думѣ, получитъ законную силу лишь по утвержденіи его правительствомъ. Теперь одобрена только основная мысль предполагаемаго учрежденія, и вслѣдствіе того въ сегодняшнемъ засѣданіи Общая Дума приступила къ назначенію коммиссіи для составленія проекта. Когда проектъ будетъ составленъ въ коммиссіи и одобренъ общимъ собраніемъ Думы, тогда онъ поступитъ на разсмотрѣніе правительства, и только тогда онъ можетъ получить или не получить правительственное утвержденіе.

Таковъ дѣйствительный ходъ этого дѣла, который впрочемъ былъ уже заявленъ въ первоначальномъ приговорѣ Общей Думы 18-го мая, гдѣ сказано: „Составленіе подробнаго проекта сего учрежденія предоставить особой коммиссіи, избранной изъ среды Думы, *если настоящее предположеніе будетъ правительствомъ одобрено*.“ Уже изъ этихъ словъ приговора корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* могъ видѣть, что до утвержденія или неутвержденія *проекта московскаго мѣстнаго ополченія* еще довольно далеко.

Нельзя однакоже не посѣтовать на то, что подобная неосновательность корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* могла привести въ прискорбное недоумѣніе читателей этой газеты. Вѣсти этого рода, конечно, не охладятъ патріотизма, если только вѣрить дѣйствительной силѣ этого чувства, чему впрочемъ надобно вѣрить даже со словъ того же корреспондента соизволившаго засвидѣтельствовать о готовности русскаго народа встрѣтить бѣду. Но нельзя сомнѣваться, что вѣсти этого рода способны произвести замѣшательство въ понятіяхъ и взглядахъ общества. Всякій близко знакомый съ нашимъ обществомъ, во всѣхъ его слояхъ, и въ особенности съ нашимъ городскимъ обществомъ, очень хорошо знаетъ, что если кто хочетъ повредить какому-нибудь общественному дѣлу, тотъ долженъ распустить слухъ, что оно не одобряется верховною властію, и тогда самое полезное дѣло навѣрное не состоится. Вотъ почему, зная изъ множества писемъ съ какимъ сочувствіемъ принята въ Россіи мысль

о московскомъ обывательскомъ ополченіи, мы считаемъ долгомъ заявить, что все извѣстіе о московской стражѣ, напечатанное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ перваго до послѣдняго слова, есть выдумка.

Пусть журналистика высказываетъ какія угодно сужденія о московскомъ предположеніи. Это можетъ быть очень полезно, и ни въ какомъ случаѣ не причинитъ вреда, потому что ложная мысль, ошибочное сужденіе сами себя убиваютъ. Но другое дѣло — фальшивое извѣстіе: оно сбиваетъ всѣхъ съ толку, если относится къ важному общественному дѣлу.

Замѣтимъ кстати, что въ этомъ отношеніи у насъ господствуютъ весьма невѣрные взгляды. Не привыкши къ гласности, мы не рѣдко бываемъ чувствительнѣе къ сужденіямъ чѣмъ къ извѣстіямъ, и какъ бы забываемъ о томъ, что въ странахъ, знакомыхъ по долгому опыту со всѣмъ что касается печати, на ошибочныя сужденія не обращаютъ никакого вниманія, а ошибочнымъ извѣстіямъ придаютъ большую важность. Въ послѣднія двѣ-три недѣли наша журналистика вела чаще обыкновеннаго рѣчь о паникѣ. Мы не знаемъ въ точности, что подало къ этому поводъ, но очень хорошо знаемъ, что никакой паники нѣтъ ни въ обществѣ, ни на биржѣ. Отчетъ о движеніи размѣна въ теченіи прошлой недѣли, напечатанный въ № 122 *Московскихъ Вѣдомостей*, показываетъ, что звонкой монеты взято изъ банка за эту недѣлю очень немного, а общій отчетъ Государственнаго Банка, помѣщенный во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, успокоиваетъ и на счетъ наличности: 1-го іюня въ оборотной кассѣ банка было болѣе наличности чѣмъ за недѣлю до того. Гдѣ же тутъ признаки паники? Не можемъ не прибавить въ очищеніе лично себя, что этотъ результатъ долженъ успокоить тѣхъ, которые видѣли въ нашей финансовой статьѣ, помѣщенной въ № 111 *Московскихъ Вѣдомостей*, нѣчто въ родѣ призыва къ паникѣ или по крайней мѣрѣ опасались, чтобы эта статья не возымѣла дѣйствія равносильнаго призыву къ паникѣ. Какъ мы тогда сказали, такъ повторимъ и теперь, что послѣ объявленія о продолженіи размѣна откровенное изложеніе нашихъ взглядовъ на состояніе Государственнаго Банка рѣшительно не могло причинить ничего подобнаго паникѣ. Равнымъ образомъ, смѣемъ утверждать что наши взгляды не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на курсъ русскихъ государственныхъ бумагъ. Этотъ курсъ, выражающій собою кредитъ Россіи, устанавливается людьми столь опытными и знающими въ финансовомъ дѣлѣ, что они нисколько не нуждаются въ указаніяхъ журналистики и не могутъ придавать имъ никакой особенной цѣны. Мы обращались не къ биржамъ, не нуждающимся въ нашемъ голосѣ; мы обращались къ обширному кругу читателей нашей газеты и желали вызвать публичный обмѣнъ мыслей о вопросахъ, несомнѣнно нуждающихся для своего практическаго и окончательнаго рѣшенія въ общей поддержкѣ людей, которымъ дороги интересы отечества. Мы согласимся, что мы ошиблись, если наши сужденія будутъ опровергнуты людьми знающими финансовое дѣло; но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы изложеніе нашихъ взглядовъ имѣло вліяніе, хотя бы даже самое слабое, на текущія дѣла биржи. Кто хочетъ дѣйствовать на биржу, тотъ прибѣгаетъ къ распространенію не мнѣній, а извѣстій, соотвѣтствующихъ его цѣли.

№ 125.

Москва, 8-го іюня.

„Польское дѣло не горитъ въ рукахъ дипломатовъ; въ Парижѣ, центрѣ всѣхъ воинственныхъ замысловъ и начинаній, безспорно преобладаетъ желаніе избѣжать какихъ бы то ни было военныхъ демонстрацій въ теченіе нынѣшняго лѣта; въ польскомъ вопросѣ господствуетъ теперь одно желаніе — выиграть время,“ — вотъ что читаемъ мы въ передовой статьѣ вѣнской газеты *Ostdeutsche Post*, содержаніе которой изложено нами ниже подъ рубрикою: „Австрія“. Свѣдѣнія, сообщаемыя ею, оправдываются и подтверждаются всѣми другими данными. Въ теченіе нынѣшняго года, какъ можно полагать, дѣйствительно намъ не грозитъ война съ европейскими государствами, хотя она и можетъ завязаться весною будущаго года. Изъ такого положенія дѣлъ вѣнская газета выводитъ прямое и разумное заключеніе, что Австріи слѣдуетъ какъ можно лучше воспользоваться временемъ, чтобъ укрѣпить и восполнить свои силы. То же самое заключеніе, и еще съ несравненно бо́льшимъ правомъ, можемъ мы примѣнить и къ Россіи.

Европейской войны, повидимому, не будетъ въ теченіе нынѣшняго года; но она можетъ начаться слѣдующею весною, а у насъ остается на рукахъ возмущеніе, требующее усилій отъ нашихъ войскъ, утомляющее ихъ длинными переходами, уменьшающее ихъ численный составъ, хотя и въ незначительной мѣрѣ. Это возмущеніе въ Польшѣ требуетъ, сверхъ того, значительныхъ денежныхъ пожертвованій. Пока оно будетъ продолжаться, трудно надѣяться на полное замиреніе Западнаго края Россіи, не смотря на всю энергію новаго его начальника, и нельзя ожидать полнаго успокоенія юго-западной украйны, не смотря на то, что тамошній энергическій народъ уже поуменьшилъ охоту у польскихъ пановъ и шляхтичей къ возстанію противъ русской державы. Мало того: такъ какъ Поляки распространены повсемѣстно въ Россіи, такъ какъ во многихъ изъ нихъ, волею или неволею, усиленно и искусственно возбуждаются теперь самыя несбыточныя надежды, и они съ трудомъ могутъ защищать себя отъ сочувствія къ тому что происходитъ въ Польшѣ, а самые рьяные и наиболѣе увлеченные изъ нихъ не прочь, пожалуй, выразить сочувствіе и дѣломъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя покушенія возмутить спокойствіе и даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Имперіи, то нѣкоторая тревога чувствуется въ Россіи повсемѣстно. Частные матеріяльные интересы также страдаютъ отъ такого положенія дѣлъ. По нѣкоторымъ письмамъ изъ Проскурова (въ Подольской губерніи), изъ Пинска и вообще изъ западныхъ областей, оказывается, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ московскихъ торговцевъ, что тамошнія почтовыя конторы перестали принимать деньги для отправленія по почтѣ, не полагаясь, безъ сомнѣнія, на безопасность почтовыхъ дорогъ. Достаточно одного этого обстоятельства, чтобы показать, въ какой мѣрѣ должны страдать торговые и промышленные интересы какъ самихъ этихъ областей, такъ и вообще всѣхъ торговыхъ домовъ имѣющихъ съ ними сношенія.

Но этимъ не ограничиваются вредныя послѣдствія того неожиданнаго факта, что революціонное движеніе до сихъ поръ еще не подавлено, и что рядомъ съ законнымъ правительствомъ въ Польшѣ утвердилось и властвуетъ какое-то національное правительство, да и какъ еще властвуетъ: нельзя вспомнить безъ негодованія, какъ успѣло оно недавно похитить 3.500.000 р. изъ польскаго государственнаго казначейства. Такъ или иначе, необходимо какъ можно скорѣе прекратить смутное положеніе Польши столько же пагубное для самой этой страны, столько и вредное для всей Россіи. Продолжительность возстанія можетъ придать бодрость и смѣлость какъ всѣмъ элементамъ разложенія и безпорядка въ самой Россіи, такъ и внѣшнимъ врагамъ ея, вселяя въ нихъ ложное убѣжденіе въ слабости и внутренней немощи нашаго государственнаго организма, можетъ вызвать мечтательныя притязанія въ другихъ областяхъ находящихся подъ русскою державой (припомнимъ приведенный нами вчера, подъ рубрикою „Швеція“ отрывокъ изъ *Helsingfors Dagbladet*). Наконецъ, какъ недавно еще откровенно сознался графъ Россель въ палатѣ лордовъ, только при продолженіи возстанія возможно это непрошеное вмѣшательство иностранныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла.

Итакъ, вотъ куда прежде всего должны быть обращены усилія Россіи, вотъ какая задача прежде всего предстоитъ намъ въ настоящее время. Прежде всего должно быть прекращено возстаніе въ Польшѣ, а эта цѣль, какъ очевидно изъ тѣхъ чудесъ, какія происходятъ въ Польшѣ, едва ли можетъ быть достигнута иначе какъ подъ условіемъ существенныхъ, хотя и временныхъ, перемѣнъ въ порядкѣ и въ личномъ составѣ гражданскаго управленія страны. Полное подчиненіе всѣхъ начальствъ военнымъ начальникамъ, настоящее военное положеніе, вотъ что, повидимому, необходимо въ видахъ не только политики, но и человѣколюбія: всякая слабость въ подавленіи мятежа будетъ стоить самимъ же Полякамъ цѣлыхъ потоковъ крови, не говоря уже о всѣхъ другихъ ея послѣдствіяхъ.

Съ этимъ отрицательнымъ образомъ дѣйствій, обращеннымъ противъ польскаго возстанія, неразрывно соединяется и положительный, врачующій, возстановляющій и укрѣпляющій всѣ силы нашего государственнаго организма. Если польское возстаніе было въ состояніи подвергнуть нѣкоторому сомнѣнію крѣпость и прочность нашего государственнаго единенія, то оно же послужило поводомъ къ несомнѣнному обнаруженію крѣпости и единства нашего народнаго духа. Даже при отсутствіи всякаго рода общественныхъ учрежденій и вся-

кой организаціи, которыя соединяли бы русскихъ людей между собою, даже несмотря на долговременную и вынужденную привычку заниматься только своими частными интересами, и если не питать равнодушія, то и не обнаруживать большаго участія къ общему дѣлу, несмотря наконецъ на всякаго рода формальныя проволочки, затрудняющія у насъ публичныя заявленія вся Россія дружнымъ хоромъ высказала свои искреннія чувства преданности Царю и свою готовность на всякія жертвы для охраненія достоинства, цѣлости и нераздѣльности его владѣній. Это великій историческій фактъ, который уже значительно улучшивъ внѣшнее положеніе Россіи, не можетъ не оказать своего благотворнаго вліянія и на дѣла внутренней политики.

Такое или другое рѣшеніе теперь неминуемо должно быть принято. Въ незначащемъ повидимому требованіи западныхъ державъ, чтобы Польша имѣла свое особое народное представительство, имѣла право утверждать бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ по отношенію къ Польшѣ, заключается въ сущности требованіе образовать изъ Польши отдѣльное государство, какъ это очень хорошо понимаютъ и въ Австріи и въ Англіи, судя по приведеннымъ нами прежде словамъ *Австрійской Всеобщей Корреспонденціи*, и по помѣщенной ниже статьѣ изъ англійскаго *Экономиста*, который развивая послѣдствія этой уступки, убѣждается въ ея невозможности и безполезности. Еслибъ эта уступка была дѣйствительно сдѣлана и возымѣла силу, то пришлось бы можетъ быть заранѣе примириться съ мыслію о раздробленіи Россіи. А еслибы уступка оказалась невозможною въ исполненіи, то вслѣдъ за заключеніемъ договора о Польшѣ послѣдовало бы нарушеніе его, новое возстаніе Польши, новое европейское вмѣшательство, и такъ далѣе до безконечности, до совершеннаго истощенія силъ Россіи въ этомъ безплодномъ круговомъ движеніи. Будемъ надѣяться, что Россія сумѣетъ двигаться не въ безвыходномъ кругу, а въ прямомъ и плодотворномъ направленіи впередъ.

№ 126.

Москва, 10-го Іюня.

Къ числу нашихъ серіозныхъ затрудненій въ настоящую минуту принадлежатъ отношенія къ Риму. Папа Пій IX, недовольный всѣмъ что теперь дѣлается на свѣтѣ, очевидно недоволенъ и нами. Онъ до сихъ поръ не сказалъ еще рѣшительнаго слова противъ польскаго возстанія и нисколько не воспользовался своею властью надъ польскимъ духовенствомъ чтобы возвратить его на путь долга. Эта медлительность папы есть одна изъ главныхъ причинъ продолжающагося кровопролитія. Иностранцы обвиняютъ Россію, что она не дѣйствуетъ на Поляковъ нравственными средствами. По скольку это обвиненіе имѣетъ отношеніе къ польскому духовенству, намъ легко отвѣчать на него. Какія нравственныя средства дѣйствія на польское духовенство доступны намъ, въ комъ это духовенство видитъ схизматиковъ? Всѣ нравственныя средства сосредоточены въ рукахъ папы, и такъ какъ эти средства остаются бездѣйственными въ рукахъ его, то намъ остается дѣйствовать внѣшними принудительными средствами. Папа могъ бы сдѣлать, чтобы ксендзы не захотѣли участвовать въ мятежѣ, или по крайней мѣрѣ онъ могъ бы попытаться сдѣлать это, но онъ молчитъ, и молчаніе его принимается за знакъ согласія. Мы принуждены вслѣдствіе того принимать мѣры, чтобы польскіе ксендзы не смѣли поступать въ противность своему религіозному долгу, и совращать свою паству съ пути гражданскаго долга.

При такомъ двусмысленномъ расположеніи къ намъ римской куріи, мы должны еще радоваться тому, что она дѣлаетъ намъ затрудненія только своимъ молчаніемъ. Мы можемъ радоваться тому, что папа не имѣетъ права прямо сноситься съ католическими епископами. Наши затрудненія значительно усилились бы, еслибы не было конкордата, по которому сношенія папы съ епископами дозволяются не иначе какъ черезъ посредство русскаго правительства. Съ отвлеченной точки зрѣнія, это ограниченіе можетъ казаться противнымъ вѣротерпимости. Какое, скажутъ, право имѣетъ русское государство вмѣшиваться во внутреннія дѣла католической церкви, и притомъ въ такія важныя дѣла, какъ связь ея духовенства съ римскимъ первосвященникомъ? Съ перваго взгляда, дѣйствительно, это вмѣшательство кажется нестерпимымъ и очень обиднымъ. Но если вникнуть въ дѣло, то нельзя будетъ не увидать, что безъ этого ограниченія католическое ду-

ховенство составляло бы особое государство въ государствѣ. Дѣло католическаго духовенства не есть чисто-церковное, духовное дѣло. Характеръ этого духовенства состоитъ въ постоянномъ стремленіи захватить себѣ свѣтскую власть. Можетъ ли государство смотрѣть равнодушно на подобное стремленіе? Поэтому-то, даже въ католическихъ государствахъ, папѣ не позволяютъ вступать въ непосредственныя сношенія съ епископами. Тѣмъ менѣе это можетъ быть дозволено въ государствахъ другаго исповѣданія. Насъ напримѣръ католики считаютъ если и не еретиками, какъ лютеранъ, то схизматиками, то-есть раскольниками. А такъ какъ, по католическому ученію, спасеніе внѣ католической церкви не возможно, то изъ чистой любви къ намъ, какъ своимъ ближнимъ, всѣ вѣрующіе католики, и духовные и свѣтскіе, должны всячески противодѣйствовать нашей церкви, стараться по возможности вредить ей, какъ врагу, а насъ освобождать отъ ея вліянія, губящаго наши души. По самому принципу своему, католицизмъ не можетъ быть въ мирныхъ отношеніяхъ къ нашей церкви; вѣротерпимость противна его основному началу. А такъ какъ въ то же время католицизмъ всегда дѣйствуетъ не только духовными, но и свѣтскими средствами, то онъ непремѣнно воспользовался бы предоставленными ему политическими правами въ духѣ нетерпимости. Могла ли бы сражаться съ ними наша церковь тѣмъ же оружіемъ? Конечно, нѣтъ, ибо она чиста отъ духа религіозной нетерпимости, и не считаетъ своимъ призваніемъ вмѣшиваться въ политику. Чтобы стоять на равной ногѣ съ католицизмомъ, православная церковь должна была бы отказаться отъ своего существеннаго характера и православное духовенство должно было бы стать къ государству въ такое же положеніе, въ которомъ хочетъ стоять къ нему католическое духовенство. Но такъ какъ это невозможно, то государство не можетъ отмѣнить различіе между порядкомъ сношеній папы съ католическими епископами и порядкомъ сношеній святѣйшаго синода съ православными епископами.

Впрочемъ, полной свободы сношеній съ епископами папа едва ли и домогается. Если вѣрить частнымъ извѣстіямъ и слухамъ, папа только желаетъ имѣть при нашемъ дворѣ своего нунція. Въ самомъ дѣлѣ, если турецкому султану дозволяется держать въ Петербургѣ посланника, то какъ бы не дозволить того же и папѣ? Вѣдь считается же султанъ главой всѣхъ магометанъ и наслѣдникомъ Магомета. Не вопіющая ли несправедливость это предпочтеніе оказываемое главѣ магометанства передъ главой католичества? Но полно такъ ли это? Будетъ ли, и можетъ ли быть папскій нунцій простымъ посланникомъ, то-есть политическимъ представителемъ своего двора? Мы-то, пожалуй, и будемъ придавать ему видъ посланника иностранной державы, но самъ онъ, конечно, пойметъ иначе свое положеніе. Онъ непремѣнно будетъ понимать его иначе, если только не забудетъ объ обязанностяхъ своей воинствующей церкви относительно всѣхъ „ересниковъ и раскольниковъ“, погибающихъ въ заблужденіи. Что сдѣлали бы мы, еслибы напримѣръ имѣли основаніе предполагать, что англійскій посолъ прибылъ въ Петербургъ съ затаенною мыслію обратить всѣхъ насъ въ подданныхъ королевы Викторіи? Какъ бы высоко ни цѣнили мы дружбу съ Англіей, но мы непремѣнно попросили бы англійскаго посла выѣхать вонъ изъ Петербурга. Такъ точно поступили бы Англичане и съ нашимъ посломъ, еслибы можно было приписывать ему подобную нелѣпую мысль, и именно на этомъ основаніи они не допускаютъ папскаго нунція въ Лондонъ. Ихъ никто не упрекаетъ за это въ недостаткѣ вѣротерпимости. Ихъ образъ дѣйствій объясняютъ политическою мудростію. Они очень хорошо понимаютъ какъ неудобно вести сношенія съ папой, не имѣя въ Лондонѣ его представителя. Но они столько же хорошо понимаютъ, что пріѣздъ нунція въ Лондонъ облегчилъ бы только формальную сторону сношеній и причинилъ бы множество гораздо важнѣйшихъ матеріяльныхъ затрудненій. Католическіе епископы находятся въ зависимости отъ правительства той страны, гдѣ ихъ каѳедра и діоцеза. Папскій нунцій стоялъ бы внѣ этой зависимости и былъ бы постояннымъ ходатаемъ за нихъ. Онъ, человѣкъ посторонній, безпрерывно вмѣшивался бы въ дѣла внутренняго свойства, а вслѣдствіе этого вмѣшательства только увеличивалась бы враждебность епископовъ къ правительству, которое они и такъ изволятъ считать раскольническимъ правительствомъ. Вотъ почему папа, какъ государь, не имѣетъ права настаивать на дипломатическомъ уравненіи его съ другими государями.

Нѣтъ, будетъ съ насъ и тѣхъ затрудненій, которыя уже существуютъ. Мы отнюдь не должны давать хода тѣмъ католическимъ притязаніямъ, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе какихъ-нибудь уступокъ желаніямъ святѣйшаго отца. Императору Французовъ, старшему сыну римской церкви, трудно бороться съ католическими притязаніями; нашему же правительству, которое латинскіе еретики чествуютъ титуломъ „раскольническаго", это было бы гораздо труднѣе.

№ 127.

Москва, 11-го іюня.

Мы говорили вчера о притязаніи папистовъ имѣть въ С.-Петербургѣ свой аванпостъ въ видѣ папской миссіи. Они намѣреваются прислать къ намъ главнокомандующаго для борьбы съ православіемъ, и имѣютъ наивность думать, что мы окружимъ этого главнокомандующаго тѣмъ почетомъ, которымъ мы окружаемъ представителей дружественныхъ державъ. Съ папой, какъ государемъ небольшой области, еще не успѣвшей присоединиться къ Итальянскому королевству, мы могли бы быть въ отношеніяхъ искренно-дружественныхъ. Но папа—государь только въ силу того, что онъ римскій епископъ, а неужели мы не знаемъ, что римскій епископъ можетъ питать дружественныя чувства къ намъ только въ томъ случаѣ, если будетъ видѣть насъ на дорогѣ къ уніи? Вѣрность православію и сближенію съ римскимъ епископомъ—вещи несовмѣстимыя. Не изъ вѣротерпимости, а изъ равнодушія къ вѣрѣ могли бы проистекать наши уступки католицизму.

Каждое католическое притязаніе несетъ ядъ въ своемъ корнѣ. Оно отравлено стремленіемъ къ господству, желаніемъ первенства. Католическое духовенство вовсе не претерпѣваетъ у насъ гоненія, и если оно не довольно своимъ положеніемъ, то причина тому именно въ его притязаніяхъ на господство. Мы должны только жалѣть, что эти притязанія встрѣчали у насъ иногда недостаточно сильный отпоръ и до нѣкоторой степени удовлетворялись. Не можемъ не указать на недавнее учрежденіе епископской каѳедры для малочисленной католической колоніи въ Саратовѣ. Епископу этой новой каѳедры положено содержаніе отъ 7 до 8 тысячъ рублей серебромъ, тогда какъ православные епископы получаютъ жалованье еще по штату Петра. Въ Саратовѣ же заведена католическая семинарія, и на каждаго ученика ея положено около 200 р. казенныхъ денегъ, тогда какъ на ученика православныхъ семинарій расходуется менѣе 40 рублей. Католикамъ тутъ стало-быть жаловаться не на что, а развѣ мы русскіе можемъ сѣтовать на оказываемое имъ предпочтеніе, развѣ мы Русскіе можемъ упрекать себя въ томъ, что поступили слишкомъ угодливо удовлетвореніемъ притязаній враждебныхъ нашей церкви.

Возьмемъ еще одно изъ тѣхъ желаній папы, объ исполненіи которыхъ онъ постоянно ходатайствуетъ. Это желаніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались непремѣнно въ римско-католическомъ исповѣданіи. Вѣруя, что внѣ католическаго исповѣданія нѣтъ спасенія, папа всѣми силами стремится къ осуществленію этого желанія. Онъ не допускаетъ равенства исповѣданій. Равнымъ образомъ и ни одинъ католическій священникъ не можетъ благословить бракъ католика съ православною или православнаго съ католичкой, если сочетавающіеся не дадутъ обѣщанія воспитывать дѣтей въ католическомъ исповѣданіи. Недавно одно лило, принадлежащее къ царствующимъ фамиліямъ, не нашло во всей Европѣ католическаго священника, который согласился бы обвѣнчать его съ католичкой, не полагая условіемъ, чтобы дѣти ихъ были католики. Еслибы, при такой настойчивости, мы отмѣнили относительно католиковъ нашъ законъ, требующій чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались въ православіи, мы фактически допустили бы перевѣсъ католицизма надъ православіемъ.

Наша церковь, при полномъ убѣжденіи въ своей истинѣ, совершенно въ то же время свободна отъ духа слѣпой и ревнивой исключительности, которымъ одержимо римское католичество. Въ томъ то и заключается великое достоинство нашей церкви, дающее ей преимущество предъ другими вѣроисповѣданіями, что она, свято сохраняя чистоту православія и отвергая односторонности и уклоненія, не относится однако фанатически къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, и скорбя о разъединеніи, скорбя о заблужденіяхъ, затмевающихъ истину, не простираетъ своей

ревности до того, чтобы въ чувствѣ разногласія и отчужденія терять чувство общей истины и единства. Можно скорбѣть о заблужденіи, но можно и должно уважать то чѣмъ человѣкъ или общество соединяется съ истиной, и допускать возможность преобладанія истины надъ заблужденіемъ даже въ самомъ заблужденіи. Католическій фанатизмъ готовъ проклясть самое Евангеліе тамъ гдѣ оно является въ неуказанной формѣ латинскаго текста; православіе чтитъ и въ иновѣрцѣ христіанскую вѣру и христіанскую мысль. Въ этомъ-то и состоитъ высокое преимущество православія надъ латинствомъ, и это одно уже ясно указываетъ, которой изъ двухъ церквей принадлежитъ будущность.

Еслибы папа желалъ только, чтобы въ Россіи, странѣ православія, оказывалась терпимость относительно латинства, то такое желаніе давно уже исполнено. Въ Россіи римско-католическій обрядъ проживаетъ свободно, безъ всякаго притѣсненія. Въ Россіи, и законъ, и народъ, и господствующая церковь, оказываютъ полную терпимость какъ къ латинству, такъ и къ другимъ признаннымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ нашихъ городахъ свободно воздвигаются католическіе храмы и католики признаются христіанами, а не считаются язычниками или проклятыми, какъ считаются православные и протестанты въ странахъ гдѣ господствуетъ римское католичество на всей своей волѣ. Православная церковь не препятствуетъ смѣшаннымъ бракамъ между православными и католиками, и русскій священникъ благословитъ подобный бракъ не связывая заранѣе совѣсть родителей и не грозя имъ всѣми карами ада, если они воспитаютъ своихъ дѣтей въ римско-католическомъ законѣ. Такъ ли поступаетъ римско-католическій священникъ? Онъ увѣренъ, что внѣ предѣловъ папской власти, нѣтъ спасенія для христіанской души, и онъ благословляетъ смѣшанный бракъ только на томъ условіи, чтобы иновѣрецъ по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ своихъ отступился отъ своей вѣры и предался папѣ; да и то требуется еще особая *диспенсія*.

Если въ Россіи законъ постановляетъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ непремѣнно воспитывались въ православіи, то этотъ законъ не есть догматъ церкви. Это законъ государства. Если папа считаетъ такой законъ стѣснительнымъ, если римско-католическій первосвященникъ дѣйствительно ищетъ религіозной свободы, то пусть онъ явитъ примѣръ ея въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ соединяетъ въ своей особѣ и государя и первосвященника: пусть же провозгласитъ онъ у себя ту долю религіозной свободы, которую ему желательно видѣть въ Россіи; пусть освободитъ онъ совѣсть людей въ Римской области, пусть допуститъ онъ свободу смѣшанныхъ браковъ безъ лживыхъ *диспенсій*, въ которыхъ изощряется изобрѣтательная фантазія римской консисторіи; пусть католическій священникъ благословляетъ смѣшанный бракъ, не становя обязательныхъ условій относительно дѣтей; пусть католики въ Римѣ свободно переходятъ въ православіе; пусть все это папа сдѣлаетъ у себя, и за тѣмъ уже обратится къ нашему правительству съ ходатайствомъ, чтобъ и оно поступило такимъ образомъ и отмѣнило законы стѣсняющіе религіозную свободу. Наша церковь отъ этихъ отмѣнъ не пострадаетъ, истина ея не умалится, она останется тѣмъ чѣмъ она была, и можетъ-быть еще яснѣе обозначится ея истинная сущность. А что сталось бы съ римско-католическою церковью, если бы такія перемѣны вдругъ произошли въ ея нѣдрахъ и въ ея владѣніяхъ? Что произошло бы съ римско-католическою церковію, еслибы папа, въ ея собственныхъ нѣдрахъ, провозгласилъ ту религіозную свободу, которой онъ требуетъ отъ насъ? Съ католическою церковію произошло бы странное обстоятельство: она утратила бы свой отличительный характеръ; она перестала бы быть тѣмъ, что она есть, она перестала бы быть римско-католическою церковію. Пусть папа сложитъ съ себя титулъ намѣстника Христова, пусть главенство надъ церковью предоставитъ онъ незримому Христу, пусть папа превратится въ то чѣмъ онъ долженъ быть и чѣмъ онъ былъ сначала, до раздѣленія церквей; пусть онъ станетъ архіереемъ безъ всякихъ другихъ притязаній, пусть затѣмъ исчезнетъ государственная организація церковнаго общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ изувѣрство, духъ лжи и властолюбія, не разбирающаго средствъ, и дѣлающаго церковь христіанскую орудіемъ гнусныхъ преступленій, колеблющимъ и разрушающимъ нравственныя основы человѣческаго существованія. Когда все это исчезнетъ, тогда исчезнетъ и латинская ересь, тогда можетъ-быть возстановится древнее единство церкви, и

папѣ, епископу православному, не будетъ надобности хлопотать о какомъ-нибудь конкордатѣ съ нашимъ правительствомъ. А такъ какъ этого нѣтъ и, по всему вѣролятію это будетъ не скоро, то какой же смыслъ могутъ имѣть претензіи папы на русское правительство, какой смыслъ могутъ имѣть его требованія чтобы русское правительство допустило у себя то начало религіозной свободы, которое онъ самъ отвергаетъ и проклинаетъ въ своихъ владѣніяхъ?

№ 128

Москва, 12-го іюня.

Критическія минуты государственной жизни, неся съ собою опасности и грозя пагубой, имѣютъ несомнѣнно, подобно всякому испытанію, ту полезную сторону, что выставляютъ съ поразительною ясностью всѣ слабости, заблужденія и ошибки прежнихъ дѣйствій и прежнихъ взглядовъ. Народъ, имѣющій будущность, долженъ выйдти сильнѣе прежняго изъ посѣтившаго его испытанія. Общественная и государственная жизнь его должны очиститься. Самосознаніе его должно стать глубже. Если мы находимся теперь въ затрудненіи, значитъ мы должны исправить свои дѣла и понятія, значитъ мы думали невѣрно и дѣйствовали не такъ, какъ велѣлъ намъ долгъ. Всѣ эти погрѣшности теперь обнаруживаются и свидѣтельствуютъ противъ насъ; ихъ послѣдствія стоятъ передъ нами во всей наготѣ своей, и мы должны благодарить судьбу, что она даетъ намъ теперь случай повѣрить себя, увидѣть свои ошибки, уразумѣть ихъ серіозность и освободиться отъ нихъ, если можно, въ самомъ ихъ корнѣ.

Насъ упрекаютъ въ жестокости; мы скорѣе должны упрекать себя въ томъ, что мы слишкомъ уступчивы, слишкомъ расположены къ угодливости, слишкомъ мало наклонны цѣнить свое по достоинству. Имѣя за себя несомнѣнное право, мы какъ бы конфузимся своего права, и будучи чисты совѣстью, нерѣдко дѣйствуемъ такъ, какъ дѣйствуютъ люди, у которыхъ не чиста совѣсть. Вмѣсто того чтобъ открыто и твердо исполнить то что велитъ долгъ, мы стараемся, въ ущербъ дѣлу на насъ возложенному, показаться любезными и гуманными, и когда возвращаемся къ исполненію своего долга, то естественно подпадаемъ упреку въ двуличности и іезуитизмѣ. Мы не говоримъ о Царствѣ Польскомъ, гдѣ всѣ чиновники Поляки, но и наши дѣла въ Западномъ краѣ не дошли бы до теперешняго положенія, еслибы между тамошними Русскими было меньше людей, увѣрявшихъ себя что дѣйствуя по закону и совѣсти, они навлекутъ на себя такія неудовольствія и даже оскорбленія, которыя принудятъ ихъ отказаться отъ всякой мысли о самостоятельности въ законномъ исполненіи долга. Сохраняя вѣрность Россіи и доброжелательство краю, эти люди полагали, что единственное средство быть полезнымъ не только Россіи, но и самому краю заключается въ двуличности. Такимъ образомъ изъ правыхъ они сами дѣлали себя неправыми. Имѣя передъ собой энергическаго врага и компрометтируя себя передъ нимъ, русская распущенность довела дѣло до того, что наконецъ всякое поползновеніе русскаго человѣка не обнаруживать бездѣйствія власти, не допускать отступленій отъ закона и не потворствовать нарушителямъ его считалось если не преступленіемъ, то поступкомъ очень предосудительнымъ и признакомъ придирчивости, не соотвѣтствующей тому порядку управленія, который долженъ быть основанъ на довѣріи и снисходительности. Словомъ, Русскихъ совсѣмъ тамъ запугали, и они уже не того совѣстились, что не исполняютъ своего долга, а того что исполняютъ его. Какъ ни мало похожъ этотъ образъ дѣйствій на приписываемую Русскимъ варварскую жестокость и грубость, однако же нельзя не видѣть, что онъ вовсе не служитъ къ нашей чести. Онъ имѣетъ свой корень вовсе не въ либерализмѣ или гуманности, а въ недостаткѣ уваженія къ закону, въ томъ недостаткѣ, которымъ страдаемъ всѣ мы Русскіе отъ Нѣмана до Камчатки. Мы нападаемъ на взяточниковъ, которые нарушаютъ законъ, имѣя въ виду разныя матеріальныя выгоды; но чѣмъ лучше взяточниковъ тѣ, кто нарушаетъ законъ для снисканія популярности? Одному платятъ деньгами за поблажки; другому платятъ за нихъ похвалами и величаньями. Средства подкупа различны, но подкупъ все равно подкупъ, и что бы ни совратило человѣка съ пути долга, результатъ одинъ и тотъ же: попраніе закона и принесеніе его въ жертву личному произволу. Истинный либерализмъ долженъ состоять не въ поблажкахъ, которыя всегда бываютъ уступкой не тѣмъ, кто правъ, а

тѣмъ, кто притязателенъ; истинный либерализмъ долженъ состоять въ умѣньи подчинить свою волю закону и этимъ уважить свободу другихъ. Мы можемъ уважить чужую свободу только тѣмъ, что поставляемъ законъ выше своего произвола. Строгая, нелицепріятная законность, не подчиняющаяся ничьему произволу, ничьимъ притязаніямъ, вотъ первое условіе либерализма. Несокрушимая твердость воли — главный признакъ его. Напротивъ угодливость притязаніямъ есть слабость, никогда ничего не излѣчивающая, а напротивъ поощряющая нахальство, которое, видя въ ней только робость, возвышаетъ свои требованія и насмѣхается надъ закономъ. Въ общественныхъ дѣлахъ уступчивость однимъ всегда заключаетъ въ себѣ несправедливость къ другимъ. Чьи-нибудь интересы всегда приносятся въ жертву, а никто не имѣетъ права жертвовать ничьими кромѣ своихъ интересовъ. Популярничать на чужой счетъ нечестно. Вотъ почему уступчивость и угодливость въ общественныхъ дѣлахъ не совмѣстна не только съ либерализмомъ, но даже и съ честностью. Угождайте если угодно на свой счетъ, а не на счетъ общества, не на счетъ отечества.

Боже насъ сохрани обвинять лица. Многое въ дѣйствіяхъ того или другаго должностнаго лица объясняется у насъ новостью нашего положенія. Прежняя система дѣйствовала патріархально. Она не разбирала средствъ при достиженіи своей цѣли. Ея цѣль была законная цѣль — поддержаніе государственнаго порядка, но средства, которыя она употребляла, были случайны и произвольны. Когда эта прежняя система начала смѣняться новою системой, мы не отдали себѣ яснаго отчета въ томъ что собственно подлежитъ отмѣнѣ. Намъ показалось, что тяжба идетъ не между произволомъ и законностью, а между суровостію и мягкостію. Мы стали всего болѣе остерегаться суровости, и считали себя правыми, когда нарушали законъ въ видахъ мягкости. Мы упустили изъ виду, что не позволительно нарушать законъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Мы какъ будто забыли о томъ, что символъ государства есть мечъ, и что государство поставлено въ необходимость прибѣгать въ случаѣ надобности къ строгимъ и даже суровымъ мѣрамъ. Самую законность мы стали понимать внѣшнимъ, формальнымъ, лже-либеральнымъ образомъ. У насъ вышло совсѣмъ изъ памяти, что ни одно изъ самыхъ свободныхъ государствъ, не отказывалось отъ своего несомнѣннаго права законнымъ образомъ принимать въ исключительныхъ обстоятельствахъ исключительныя мѣры. Въ Англіи, въ случаѣ надобности, можетъ быть отмѣненъ актъ обезпечивающій личную безопасность,—*Habeas Corpus*. Въ Римѣ, въ минуты опасности, сенатъ постановлялъ свое знаменитое *videant consules*, и консулы были облекаемы диктаторскою властью. Эти мѣры, стѣсняющія личную безопасность въ интересѣ безопасности общественной, необходимы вездѣ. Онѣ законнымъ образомъ отмѣняютъ законы, издаваемые для мирнаго времени. Принимаемыя при исключительныхъ обстоятельствахъ, онѣ дѣлаютъ на время этихъ обстоятельствъ законнымъ то что въ мирное время не допускается закономъ. Можно жалѣть о томъ, что въ человѣческихъ обществахъ время отъ времени наступаютъ такія обстоятельства, но коль скоро они наступаютъ, государство не можетъ бороться противъ нихъ тѣми средствами, которыя считаются достаточными въ спокойное время. Напротивъ, чѣмъ долѣе государство медлитъ въ подобныхъ случаяхъ принятіемъ исключительныхъ мѣръ, тѣмъ круче должны быть впослѣдствіи эти мѣры и тѣмъ продолжительнѣе должно быть ихъ примѣненіе, несомнѣнно тягостное не только для виновныхъ, но и для невинныхъ.

Мы сочли умѣстнымъ высказать эти мысли въ виду извѣстій объ энергическихъ мѣрахъ, принимаемыхъ теперь законными властями въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ. Военное положеніе переходитъ въ дѣйствительность не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ, гдѣ управленіе краемъ начинаетъ сосредоточиваться въ рукахъ военныхъ начальниковъ уѣздовъ, а нѣкоторымъ генераламъ даровано право конфирмовать на мѣстѣ приговоры полеваго военнаго суда. Въ Варшавѣ было нѣсколько политическихъ казней. Надъ вождемъ инсургентовъ, Леономъ Франковскимъ, о которомъ иностранныя газеты распустили слухъ, будто онъ бѣжалъ изъ цитадели, исполненъ приговоръ военнаго суда, несмотря на то что, какъ намъ пишутъ изъ Варшавы, мать Франковскаго обращалась съ просьбой о помилованіи къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ. Изъ Вильна насъ извѣщаютъ, что 8-го іюня прибыла туда коммиссія изъ нѣсколькихъ инженеровъ путей сообщенія, которая собирала свѣдѣнія

о состояніи желѣзной дороги и о служащихъ на ней. Фактами доказано участіе нѣкоторыхъ начальниковъ станцій и другихъ служащихъ на Варшавской желѣзной дорогѣ въ возмущеніи. Только этимъ участіемъ можно объяснить, что черезъ два часа послѣ прохода пассажирскаго поѣзда экстренный поѣздъ съ войскомъ нашелъ дорогу съ одной стороны подрытою, вслѣдствіе чего паровозъ опрокинулся съ трехсаженной высоты, первые два вагона разбились въ дребезги, и слѣдующіе восемь также попадали съ кручи. Теперь выписываютъ изъ Петербурга и Динабурга нѣсколько сотъ рабочихъ, которымъ придется сторожить дорогу и работать на ней. Прекратится также даровая перевозка мятежниковъ по запискамъ начальниковъ станцій, производившаяся, говорятъ, въ широкомъ размѣрѣ. Сверхъ того, приступлено къ рубкѣ лѣса, облегающаго дорогу во многихъ мѣстахъ между Вильномъ и Варшавой. Дѣло дошло до того, что изъ лѣсу стрѣляли въ поѣзды, и съ трудомъ можно было находить кондукторовъ для отправленія службы на пространствѣ отъ Вильна до Варшавы. Теперь эти лѣса на 150 саженъ въ обѣ стороны отъ дороги начинаютъ падать подъ ударами топоровъ. Въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ уже принята эта мѣра, а въ Царствѣ предполагается приступить къ ней, когда будетъ произведена оцѣнка лѣсовъ. Что касается до крестьянъ Царства, то къ сожалѣнію въ первые мѣсяцы возстанія законныя власти оставляли ихъ безъ поддержки. Теперь въ Варшаву стекаются толпы крестьянъ, преимущественно изъ колонистовъ, и просятъ переселить ихъ въ Россію. Они готовы даже на свой счетъ бѣжать изъ Царства; до того бѣдственно ихъ положеніе, вслѣдствіе того что по деревнямъ свободно распоряжается національное правительство. Въ Литвѣ населеніе, преданное Россіи и не сочувствующее возстанію, начинаетъ ободряться. Въ Витебской губерніи даже католики обнаруживаютъ расположеніе въ пользу Россіи. Тамъ крестьяне выставили ополченіе въ двѣ недѣли, и въ него вошли не только старообрядцы, но и Латыши-католики. Въ одной волости государственныхъ имуществъ Динабургскаго уѣзда вмѣсто 60 ополченцевъ вышло 300 охотниковъ, и имъ разрѣшено мѣнять черезъ извѣстный срокъ. Генералъ Муравьевъ очевидно заботится о томъ, чтобы поддержать этотъ добрый духъ въ крестьянахъ ввѣреннаго ему края. Читатели обратятъ въ этомъ отношеніи вниманіе на воззваніе его къ сельскимъ жителямъ, котораго полный текстъ помѣщенъ ниже.

Не можемъ не упомянуть здѣсь кстати о старообрядцахъ. Въ Западномъ краѣ есть мѣстности, населенныя исключительно или старообрядцами или католиками. Въ этихъ мѣстностяхъ коренную, прочную подпору русской народности составляютъ старообрядцы, а между тѣмъ старообрядцы не допускались тамъ къ занятію должностей. Ихъ даже не дозволяли избирать въ волостные старшины, и, mirabile dictu! — старшинами въ старообрядческихъ волостяхъ были католики, которые само собой разумѣется, находились подъ вліяніемъ ксендзовъ. Тѣмъ не менѣе старообрядцы первые отозвались на вѣсть объ учрежденіи ополченія и наводятъ теперь спасительный для края страхъ на мятежныхъ людей между помѣщиками Витебской губерніи. Благодаря старообрядцамъ, можно быть увѣрену, что серіозныхъ безпокойствъ въ этой губерніи не будетъ. Дѣло съ графомъ Платеромъ и послѣдствія этого дѣла убѣдили мятежныхъ пановъ, что подговорить крестьянъ къ возстанію невозможно, и что подобныя попытки ведутъ напротивъ къ самымъ ужаснымъ для пановъ результатамъ. Есть основаніе предполагать, что при вновь назначенныхъ выборахъ сельскихъ властей въ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, гражданскія права старообрядцевъ не будутъ стѣснены. Старообрядцы ждутъ съ нетерпѣніемъ этой справедливости. Они восторженно преданы своему благодушному Государю, и съ гордостію указываютъ на то, что самъ Русскій Царь называетъ ихъ теперь не раскольниками, а старообрядцами, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ нашему корреспонденту. Вовсякомъ случаѣ предпочтеніе, которое оказывалось въ томъ краю католикамъ передъ старообрядцами, было не малымъ промахомъ съ нашей стороны и не малымъ подспорьемъ для революціонной пропаганды.

№ 129.

Москва, 13-го іюня.

Берлинскій корреспондентъ *Times* передаетъ, отъ 13-го іюня, слухъ о слѣдующей перепискѣ между княземъ Горчаковымъ и графомъ Бергомъ. „Любезнѣйшій генералъ,

пишетъ будто бы первый изъ нихъ: поспѣшите подавленіемъ возстанія, въ видахъ облегчить успѣхъ нашихъ дипломатическихъ дѣйствій." „Любезнѣйшій князь, отвѣчаетъ будто бы на это графъ Бергъ: поспѣшите привести къ концу ваши дипломатическія дѣйствія, и я обѣщаю вамъ немедленно управиться съ возстаніемъ." „Теперь не можетъ быть сомнѣнія, прибавляетъ къ этому корреспондентъ, дипломатія ли или оружіе поддерживаетъ въ силѣ польское возстаніе."

Очень можетъ быть, что такой переписки вовсе и не было; тѣмъ не менѣе въ ней какъ нельзя лучше выражается сущность дѣла: продолжающееся возстаніе подастъ поводъ къ иностранному вмѣшательству въ наши дѣла; иностранное вмѣшательство, питая въ мятежникахъ самые обширные замыслы и самыя несбыточныя надежды, ободряетъ ихъ и поддерживаетъ возстаніе; сверхъ того, если вѣрить показаніямъ *Morning Post*, оно связываетъ намъ руки опасеніями ускорить разрывъ съ западными державами, въ случаѣ если бы приняты были энергическія мѣры противъ возстанія.

Первый актъ дипломатической драмы, которая разыгрывается въ настоящее время, заключился для насъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ образомъ: нѣкоторымъ признаніемъ за Европою права, которое Россія постоянно и энергически отрицала, начиная съ 1831 г., права на основаніи вѣнскихъ трактатовъ вести переговоры объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Польши. Второй актъ начался тотчасъ же по полученіи въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ, отвѣтовъ князя Горчакова. Въ настоящую минуту первая половина его окончилась: вопреки ожиданіямъ, три державы согласились между собою насчетъ предложеній, которыя должны послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, имѣющихъ цѣлью такъ-называемое прочное умиротвореніе Польши, и депеши ихъ, отправленныя 18-го (6-го) іюня въ Петербургъ, въ настоящее время должны быть уже въ рукахъ нашего вице-канцлера. Въ точности содержаніе этихъ депешъ еще неизвѣстно. Мы знаемъ, какія предложенія были первоначально выставлены Австріей и послужили основою для общей программы; знаемъ, въ какомъ смыслѣ распространили ихъ Англія и Франція; но какія дальнѣйшія видоизмѣненія введены въ нихъ Австріею, неизвѣстно. Судя по тому, что Франція и Англія такъ скоро на нихъ согласились, можно полагать, что эти видоизмѣненія не существенны, что они касаются болѣе формы чѣмъ сущности дѣла. Очень можетъ быть, что придумана возможно болѣе неопредѣленная форма, чтобы прикрыть весьма существенное разногласіе между видами Австріи и двухъ западныхъ державъ, и что это разногласіе выступило бы наружу, если бы состоялись конференціи. Но какъ бы то ни было, внѣшнимъ образомъ вновь установилось согласіе между тремя державами, и графъ Россель, вѣроятно, имѣлъ достаточное основаніе объявить, 19-го іюня, въ палатѣ лордовъ, что уже отправлены въ Петербургъ почти тождественныя депеши, которыя онъ, вопреки дипломатическимъ обычаямъ, обѣщалъ даже обнародовать въ случаѣ, если бы замедлился отвѣтъ со стороны Россіи.

Существенное различіе между тремя депешами, по свидѣтельству *Morning Post*, заключается въ томъ пунктѣ, который относится къ прекращенію военныхъ дѣйствій противъ польскихъ повстанцевъ. Всѣ три державы говорятъ въ пользу прекращенія военныхъ дѣйствій; но сколько можно заключать изъ приведенныхъ вчера словъ *Всеобщей Австрійской Корреспонденціи*, Франція и Англія поставляютъ его непремѣннымъ и предварительнымъ условіемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, тогда какъ Австрія высказываетъ его вообще только въ видахъ человѣколюбія. Такимъ образомъ, еслибы Россія и согласилась вести переговоры на основаніи предложенной ей программы, но не нашла бы возможнымъ прекратить военныхъ дѣйствій, то по смыслу депешъ англійской и французской, насколько мы можемъ судить о нихъ, эти переговоры все-таки не могли бы состояться.

Какъ только Англія, и вслѣдъ за нею Франція, заговорили о перемиріи между Россіей и польскими повстанцами, первое впечатлѣніе было таково, что онѣ во что бы то ни стало хотятъ войны съ Россіей; и это впечатлѣніе было тотчасъ же передано въ рѣзкихъ выраженіяхъ корреспондентомъ *Ostdeutsche Post*, письмо котораго мы передали въ свое время въ нашей газетѣ. Затѣмъ мирныя увѣренія англійскихъ государственныхъ людей и отсутствіе всякихъ военныхъ приготовленій во Франціи нѣсколько изгладили это впечатлѣніе. Однако, спрашивается, какимъ образомъ

русское правительство могло бы выполнить это условіе, не унижая себя, не уклоняясь отъ своихъ прямыхъ обязанностей въ отношеніи къ Польшѣ, словомъ, не уничтожая себя въ этой странѣ? Въ помѣщенной ниже, подъ рубрикою: „Франція“, дѣльной статьѣ изъ *Journal des Débats*, составленной будто бы на основаніи свѣдѣній сообщенныхъ вѣнскими корреспондентами, положеніе Россіи и польскихъ повстанцевъ относительно прекращенія военныхъ дѣйствій, разъяснено какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Въ Польшѣ возникло вооруженное возстаніе; оно успѣло организоваться; оно, гдѣ могло, замѣнило своими властями законныя власти, провозгласивъ напередъ существованіе какого-то тайнаго центральнаго правительства въ Варшавѣ, которому повинуются, которое устанавливаетъ налоги, возбуждаетъ къ возстанію крестьянъ, извлекаетъ суммы изъ польскаго государственнаго казначейства, запрещаетъ чиновникамъ законнаго правительства исполнять ихъ обязанности подъ страхомъ взысканій и даже смертной казни, и т. д. Если, какъ оказывается до сихъ поръ, прекратить такое безпутство невозможно одною силою оружія, и для этого необходимы еще другія административныя средства, необходима настоящая, а не мнимая военная диктатура, то при этомъ невозможно обойдтись и безъ дѣйствія военной силы, потому что противная сторона располагаетъ вооруженными шайками. Отказаться отъ употребленія противъ нихъ военной силы, хотя бы только на время переговоровъ, значило бы предоставить Польшу въ полное распоряженіе ея тайнаго революціоннаго правительства, и какъ сказано въ статьѣ *Journal des Débats*, претерпѣвать всѣ удары съ его стороны, не отражая ихъ. Россія можетъ вести переговоры съ западными державами о Польшѣ только въ той увѣренности, что Польша остается за нею. Если же сущность этихъ переговоровъ заключается въ томъ, что Россія должна отказаться отъ Польши, то это уже не переговоры, а объявленіе войны. А что же другое представляетъ собою предложеніе прекратить военныя дѣйствія противъ польскаго мятежа какъ не требованіе добровольно отречься отъ Польши на время переговоровъ и предоставить ее въ распоряженіе революціоннаго правительства? Совмѣстное существованіе двухъ враждебныхъ правительствъ въ одной и той же странѣ, безъ всякаго разграниченія между ними территоріи, есть нелѣпость, которая можетъ существовать нѣкоторое время фактически и, къ крайнему прискорбію, дѣйствительно существуетъ теперь въ Польшѣ, но которая ни на одну минуту не можетъ быть признана нормальнымъ порядкомъ со стороны законнаго правительства. Пусть повстанцы сдадутъ свое оружіе, пусть исчезнетъ всякая тѣнь какого бы то ни было другаго правительства, кромѣ законнаго, тогда военныя дѣйствія прекратятся сами собою, и тогда тѣ, которые участвовали въ возмущеніи противъ воли или по увлеченію и не совершили при этомъ какихъ-либо другихъ преступленій, могутъ еще надѣяться на помилованіе.

Итакъ, новый дипломатическій актъ западныхъ державъ, на сколько въ немъ дѣйствительно идетъ рѣчь о прекращеніи военныхъ дѣйствій, какъ объ условіи для дальнѣйшихъ переговоровъ, направленъ, очевидно, къ тому чтобы безъ войны исхитить Польшу изъ рукъ Россіи. Стоило бы только согласиться на такое предложеніе, переговоры затянулись бы, революціонное правительство, продолжая дѣйствовать, гдѣ тайно, а гдѣ и явно, успѣло бы упрочить и распространить свою власть, стѣсняя все болѣе и болѣе сферу дѣйствій законнаго правительства. А тѣмъ временемъ, еслибы послѣднее вздумало снова воспрянуть, революціонная партія успѣла бы заготовить оружіе и всѣ средства къ войнѣ противъ Россіи въ союзѣ съ иностранными державами, и война открылась бы будущею весной, при обстоятельствахъ наиболѣе для насъ неблагопріятныхъ, когда вся Польша была бы снабжена оружіемъ и боевыми припасами, и могла бы снабдить имъ и Литву, и охотниковъ изъ другихъ нѣкогда польскихъ областей.

Возможно или невозможно принять другія условія, предлагаемыя намъ тремя державами, во всякомъ случаѣ дипломатическое вмѣшательство и опасенія европейской войны ни на одну минуту не могутъ ослаблять усилія Россіи къ возстановленію законнаго порядка вещей въ Польшѣ. И въ жизни государствъ, такъ же какъ въ жизни частной, надежно можно руководствоваться только однимъ правиломъ: Fais ce que dois, advienne ce que pourra (дѣлай что обязанъ, а тамъ пусть будетъ что будетъ). Какая же обязанность можетъ быть

священнѣе и важнѣе для правительства, какъ не устраненіе безначалія, какъ не возстановленіе законнаго и правильнаго порядка, при которомъ только и возможно существованіе какъ цѣлаго народа, такъ и частныхъ въ немъ лицъ? Представьте себѣ весь ужасъ положенія края, въ которомъ два враждебныя другъ другу правительства совмѣстно дѣйствуютъ и распоряжаются, и гдѣ каждое дѣйствіе гражданина, удовлетворяющее требованіямъ одной изъ этихъ властей, является тяжкимъ преступленіемъ въ глазахъ другой и, какъ таковое, наказывается со всевозможною строгостью! Не стѣсняясь никакими опасеніями, Россія обязана исполнять свой долгъ въ отношеніи къ Польшѣ, и какъ можно скорѣе освободить ее отъ революціоннаго правительства.

При томъ же, какъ справедливо пишутъ изъ Берлина въ *Allgemeine Zeitung* (см. № 128 *Московскихъ Вѣдомостей*), каковы бы тамъ не были дальнѣйшія судьбы ожидающія Польшу, никакой порядокъ не можетъ быть водворенъ въ ней, безъ предварительнаго устраненія нынѣшней анархіи посредствомъ военной диктатуры. Нельзя не пожалѣть о ея необходимости, но и нельзя ни минуты усомниться въ томъ, что она дѣйствительно необходима.

Но говоря о необходимости военной диктатуры, мы имѣемъ при этомъ въ виду не одинъ только скорый и суровый военный судъ и немедленную расправу, которые, конечно, являются также необходимыми, хотя и печальными послѣдствіями совершаемыхъ преступленій; мы имѣемъ въ виду главнѣйшимъ образомъ совокупность тѣхъ военно-административныхъ мѣръ, которыя ограждали бы мирное населеніе отъ всякаго смущенія и страха предъ революціоннымъ комитетомъ, которыя пресѣкали бы его дѣятельность на всѣхъ путяхъ ея, которыя предупреждали бы совершеніе преступленій, а слѣдовательно и необходимость самихъ казней. Въ настоящее время нельзя болѣе сомнѣваться что польское возстаніе есть дѣло не всего народа, а только ксендзовъ и шляхты. Поэтому для всего края было бы истиннымъ благодѣяніемъ принятіе военными властями такихъ мѣръ, которыя возвратили бы мирнымъ людямъ чувство спокойствія и безопасности и побудили бы ихъ искать опору единственно въ законномъ правительствѣ.

№ 130.

Москва, 14-го іюня.

Польское возстаніе вовсе не народное возстаніе: возсталъ не народъ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть,—желаніе слабаго покорить себѣ сильнаго. Вотъ почему средствомъ польскаго возстанія не можетъ быть открытая честная борьба. Какъ въ сѣменахъ своихъ, такъ и своемъ развитіи, оно было и есть интрига и ничего болѣе. Если эта интрига имѣла значительный успѣхъ, то лишь потому, что она нашла у насъ благопріятную для себя почву. Средства интриги, правда, велики. Властолюбивой шляхтѣ, желающей властвовать надъ русскимъ народомъ, подало руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную церковь. Два властолюбія вступили въ союзъ, два властолюбія одно другаго ненасытнѣе. Но какъ ни велики средства интриги, она все-таки не могла бы имѣть успѣха, еслибы мы не содѣйствовали ей своимъ поведеніемъ. Должны же мы теперь бороться съ ней: такъ зачѣмъ же было бездѣйствовать, замѣчая успѣхи ея, и наконецъ, если мы не замѣчали ея успѣховъ, то зачѣмъ мы не замѣчали ихъ? Увы! мы всегда доведемъ дѣло до послѣдней крайности, и только тогда встрепенемся. Встрепенувшись, мы дѣйствуемъ безукоризненно и бываемъ непобѣдимы. Это не подлежитъ сомнѣнію, и въ этомъ наша сила, вѣрный залогъ того, что нашъ народъ имѣетъ будущность. Но было бы лучше, повторимъ въ сотый разъ, еслибы мы не дожидались необходимости приносить крайнія жертвы. Теперь особенно пора намъ вникнуть въ причины этого недостатка нашего, ставящаго насъ, въ будничныя времена нашей исторіи, такъ низко въ ряду другихъ народовъ. Если мы взглянемъ на дѣло пристально, то легко усмотримъ, что эта шляхетско-іезуитская интрига имѣла у насъ успѣхъ благодаря тѣмъ же нашимъ свойствамъ, которымъ и вообще интрига обязана своимъ всемогуществомъ въ нашей средѣ. Спросимъ же себя на чемъ основано, что интрига имѣетъ у насъ вообще болѣе хода чѣмъ вѣрность долгу? Отчего люди дѣйствующіе въ общественномъ интересѣ бываютъ у насъ очень часто не въ силахъ бороться даже съ такими интриганами, которыхъ всѣ знаютъ за интригановъ? Не от-

того ли что въ нашей будничной жизни общее дѣло стоитъ у насъ на десятомъ планѣ, что всякій изъ насъ равнодушенъ къ нему и какъ бы не считаетъ себя призваннымъ стоять за него и заботиться о немъ? Отдѣльныя лица тутъ не виновны. Они могутъ извинять себя тѣмъ, что никому не хочется быть выскочкой, особенно если этого выскочку, пожалуй, никто не поддержитъ. Тутъ виноватъ общій строй нашей жизни, потворствующей равнодушію къ общественнымъ интересамъ. Вслѣдствіе этого строя нашей жизни, общее дѣло не находитъ ни достаточной поддержки, ни достаточной защиты въ нашемъ обществѣ. Каждый искатель приключеній можетъ надѣяться на успѣхъ въ этой пассивной средѣ, если только направляетъ свои удары на общее дѣло, минуя частные интересы отдѣльныхъ лицъ или даже льстя этимъ лицамъ. Нападающій дѣйствуетъ энергически; онъ рискуетъ всѣмъ или многимъ, имѣя въ виду важныя выгоды; ему долженъ бы быть противопоставленъ энергическій отпоръ, а въ обществѣ вокругъ него всѣ вѣжливо кланяются и сторонятся передъ нимъ, никто не хочетъ обидѣть его, всякій даже спѣшитъ показать, что считаетъ неблагороднымъ вмѣшиваться *не въ свое дѣло*. Когда наше общество такъ смиренно преклоняется передъ однимъ какимъ-нибудь интриганомъ, то во сколько разъ успѣшнѣе должна была дѣйствовать интрига, въ которой были заинтересованы тысячи и даже десятки тысячъ людей? Мы пасовали и упражнялись въ уклончивости, а польская интрига дѣйствовала систематически, шагъ за шагомъ завоевывая себѣ почву и забирая насъ въ свои руки. Только безсиліемъ нашего общества можно объяснить себѣ, что польской интригѣ удалось убѣдить не одного Русскаго, будто отступаться отъ родныхъ интересовъ значитъ дѣйствовать рыцарски, а защищать ихъ значитъ шпіонствовать. Для интриги нравственныя понятія не существуютъ, но чѣмъ какъ не безсиліемъ общества должно объяснять, что въ той самой средѣ, противъ которой была направлена интрига, понятія о нравственности едва не перевернулись вверхъ дномъ, и притомъ въ угоду враждебной интригѣ? Только выродившіяся націи представляютъ примѣръ такой общественной немощи, и польскіе заговорщики, видя нашу пассивность, нашу готовность отступаться отъ всего своего, могли возымѣть надежду на успѣхъ самыхъ несбыточныхъ замысловъ. Теперь несбыточность польскихъ притязаній доказывается кровью. Вина въ этой крови падаетъ, конечно, на безразсудство руководителей мятежа, но отчасти падаетъ она и на пассивность нашего общества, лелѣявшую въ Полякахъ фантастическіе планы.

Никакая сила въ мірѣ не можетъ доставить успѣха польскому возстанію. Какое-нибудь маленькое племя кавказскихъ горцевъ гораздо болѣе можетъ разчитывать на свои силы чѣмъ польская революція: тамъ дѣйствуетъ племя, тамъ идетъ національная борьба, между тѣмъ какъ въ Польшѣ мы имѣемъ противъ себя не польскую національность, отстаивающую свое право на жизнь, а польское государство, уже давно разрушившееся и тѣмъ не менѣе не могущее отказаться отъ завоевательныхъ плановъ. Завоевательная политика не всегда удается и сильнымъ государствамъ: статочное ли дѣло, чтобъ она удалась государству, которое не принадлежитъ даже къ числу государствъ существующихъ? Поляки не хотятъ своего чисто-польскаго государства; они пытаются возстановить его, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно тотчасъ же завоевало себѣ и Литву и Русь. Для насъ польскій вопросъ имѣетъ національный характеръ; для польскихъ властолюбцевъ, это—вопросъ о подчиненіи русской національности своему польскому государству, еще ожидающему возстановленія. Въ такой уродливой формѣ еще никогда не проявлялся духъ завоеванія, и вотъ почему этотъ духъ обреченъ дѣйствовать здѣсь безнравственными путями интриги.

Польско-іезуитская интрига замышляетъ конечную пагубу для русскаго государства, для русскаго народа и вмѣстѣ для русской православной церкви. Ловкость интриги успѣла на время отвести намъ глаза. Но за нашею будничною апатіей, которою воспользовалась эта интрига, послѣдовалъ взрывъ русскаго народнаго чувства; тѣмъ болѣе сильный чѣмъ глубже была апатія. Теперь, когда мы поняли и почувствовали въ чемъ дѣло, исходъ борьбы не можетъ подлежать сомнѣнію. Мятежники ошибаются, если надѣются на поддержку западныхъ державъ, и западныя державы будутъ раскаиваться если думаютъ, что ихъ поддержка полезна Полякамъ. Россія помнитъ 1831 годъ, когда ея войскамъ тоже приходилось подавлять польское возстаніе. Такъ ли тогда волно-

валась вся Россія, какъ волнуется она теперь на всемъ своемъ пространствѣ отъ своихъ вершинъ до недостигаемой глуби? Было ли тогда хоть что-нибудь подобное теперешней энергіи русскаго патріотическаго чувства? Правда, что мы окрѣпли за эти тридцать лѣтъ. Наша общественная жизнь сдѣлала важные успѣхи въ этотъ промежутокъ времени. Но этими успѣхами, все-таки сравнительно незначительными, нельзя объяснить то рѣзкое различіе, которое замѣчается между настроеніемъ Россіи въ 1831 и 1863 годахъ. Гдѣ же разгадка этого различія какъ не въ томъ, что тогда европейскія державы воздерживались отъ вмѣшательства въ польскія дѣла, а теперь онѣ раздражили русское народное чувство своими притязаніями? Если теперь польское дѣло не имѣетъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ, то этимъ оно обязано преимущественно той поддержкѣ, которую вздумала оказать ему европейская дипломатія. Чѣмъ дѣятельнѣе будетъ иностранное вмѣшательство, тѣмъ болѣе будетъ крѣпнуть, а можетъ-быть тѣмъ болѣе будетъ ожесточаться русское народное чувство.

Западный край, Литва и Бѣлоруссія, представляютъ для всякаго человѣка, уважающаго чужую свободу и національность, не говоримъ уже для всякаго Русскаго, самое возмутительное зрѣлище. Въ огромныхъ размѣрахъ совершается тамъ лишеніе русскаго народа его народности. Главными руководителями этого постыднаго дѣла, переходящаго въ промыселъ, служатъ римско-католическіе ксендзы. Имъ недостаточно того, что они заставляютъ людей мѣнять свою религію. Всяческими ругательствами и недостойными выходками они стараются унизить въ глазахъ крестьянина его языкъ и его національность, и потомъ тѣшатся что русскій человѣкъ начинаетъ называть себя Полякомъ. Для русскаго чувства особенно обидно то, что русская національность была почти совсѣмъ лишена средствъ защиты. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ вызывала вопль негодованія и цѣлую тучу доносовъ. Завзятые Поляки, такъ ловко обдѣлавшіе Русскихъ, что малѣйшій отпоръ польскимъ притязаніямъ считался шпіонствомъ, завзятые Поляки не останавливались передъ настоящимъ, и нерѣдко лживымъ, доносомъ, чтобы только запечатлѣть уста того или другаго русскаго патріота. Тутъ были пускаемы въ ходъ и соціализмъ, и коммунизмъ, и еще Богъ знаетъ что. А ксендзы между тѣмъ дѣйствовали свободно, подъ эгидой чиновниковъ и помѣщиковъ, усердствовавшихъ польскому дѣлу. Иные предводители дворянства открыто говорили о необходимости ополячивать край, даже іезуитскими мѣрами. Съ удивительною настойчивостью изгонялись изъ края русскіе помѣщики. Въ нѣсколько лѣтъ изъ тринадцати православныхъ помѣщиковъ Дисненскаго уѣзда остался только одинъ. И все это происходило въ странѣ, гдѣ большинство населенія говоритъ по русски, гдѣ польскій языкъ употребляется простымъ народомъ только по принужденію, въ разговорѣ съ чиновниками, помѣщиками и ксендзами.

Православное духовенство и небольшой кружокъ русскихъ чиновниковъ, вотъ тѣ препятствія, которыя встрѣчали полонизаторы Западнаго края. Мы уже говорили однажды о томъ, какое вліяніе на ополяченіе чиновничества имѣли пятиклассныя дворянскія уѣздныя училища, учрежденіе которыхъ такъ нравилось мѣстному польскому дворянству. Число русскихъ чиновниковъ съ каждымъ годомъ уменьшалось. Что же касается до православнаго духовенства, которое въ помѣщаемой ниже прокламаціи къ нему польскаго революціоннаго комитета подвергается упреку въ любостяжаніи и въ подкупѣ со стороны „московскаго правительства“, то оно живетъ съ своими семействами на жалованьи въ нѣсколько разъ меньшемъ того, которое дается отъ правительства же безбрачнымъ католическимъ ксендзамъ. Неравенство положенія усиливается еще тѣмъ, что ксендзы опираются, сверхъ жалованья, на поддержку своихъ богатыхъ прихожанъ помѣщиковъ, а православные священники получаютъ лишь небольшія крохи отъ крестьянъ, раззоренныхъ и изможенныхъ панами. Единственная серіозная поддержка православному духовенству заключалась въ устройствѣ и улучшеніи около двухъ сотъ народныхъ школъ пособіями со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ это пособіе было употреблено гораздо справедливѣе чѣмъ въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ оно превратилось въ средство конкурренціи (на казенный счетъ) съ приходскими школами, заведенными духовенствомъ. Такого страннаго и прискорбнаго антагонизма, къ счастію, не было въ Виленскомъ учебномъ округѣ, и казенное пособіе не воспрепятствовало, а помогло духовенству въ трудахъ его по обу-

ченію народа. Сверхъ того, возникла мысль объ учрежденіи приходскихъ братствъ, или лучше сказать о возстановленіи этого древняго учрежденія православія, боровшагося съ латинствомъ; проектъ устройства братствъ представленъ въ Петербургъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Довѣренныя лица, сообщающія намъ теперь изъ Вильна свѣдѣнія о состояніи Западнаго края, доставили намъ переводъ двухъ прокламацій, въ которыхъ обращалось польское революціонное правительство къ православному духовенству. Одна изъ этихъ прокламацій издана въ Вильнѣ 18-го апрѣля виленскимъ революціоннымъ комитетомъ; на другой не означено, гдѣ она издана, но она была распространена въ Западномъ краѣ нѣсколькими недѣлями послѣ первой и повидимому идетъ отъ варшавскаго центральнаго комитета. Читатели найдутъ ниже доставленный намъ переводъ этихъ двухъ документовъ, получающихъ особенный интересъ отъ сопоставленія ихъ. Какія-нибудь двѣ или три недѣли раздѣляютъ эти документы одинъ отъ другаго, а какъ измѣнился тонъ во второй прокламаціи! Первая прокламація гарантировала свободу вѣроисповѣданій и увѣряла православное духовенство, будто „свобода совѣсти была искони свойственна польскому правительству (!!!) и сроднилась въ Польшѣ съ народными нравами.“ Эта прокламація ограничивалась угрозами за вѣрность русскому правительству, то-есть за политическій образъ дѣйствій. „Борьба съ нашествіемъ, говорила эта прокламація, не есть борьба религіозная; это — борьба за свободу, война народная.“ Это была личина, взятая довольно ловко, но какъ скоро сорвала съ себя эту личину польская революція! Не прошло двухъ-трехъ недѣль, какъ властолюбіе ксендзовъ прорвалось наружу. Въ началѣ мая появилась вторая прокламація, которая носитъ на себѣ всѣ признаки акта, прошедшаго черезъ руки католическаго духовенства. Она начинается призваніемъ Св. Троицы; она оканчивается словомъ: Аминь. Что же возвѣщаетъ православному духовенству эта вторая прокламація, такъ нетерпѣливо вырвавшаяся на свѣтъ Божій? Она возвѣщаетъ возстановленіе Уніи, она возвѣщаетъ православнымъ священникамъ, что настала минута мести за ихъ преступленія и казни за ихъ грѣхи. Въ оправданіе этихъ угрозъ она ссылается на царскій гнѣвъ и царскія казни, которыми будто бы было вынуждено воссоединеніе уніатовъ къ православію, и упоминаетъ о странствующей монахинѣ Макринѣ, которой разказы были изобличены въ неправдѣ уже почти двадцать лѣтъ тому назадъ, когда она только что прибыла въ Римъ. Но лживы или нѣтъ были показанія этой странницы, несомнѣнно то, что вторая прокламація самымъ яснымъ образомъ уличаетъ первую прокламацію въ лживости или по крайней мѣрѣ удостовѣряетъ, что польскимъ революціоннымъ прокламаціямъ никто ни въ чемъ не долженъ вѣрить. Спрашиваемъ, можно ли надѣяться на успѣхъ при такомъ образѣ дѣйствій?

Какъ польскіе революціонеры обманывали православное духовенство обѣщаніемъ свободы исповѣданій, такъ точно обманывали они крестьянъ обѣщаніемъ дароваго надѣла земли и освобожденія отъ повинностей въ пользу помѣщика. Изо всего Западнаго края возстаніе имѣло наиболѣе успѣха въ Ковенской губерніи, на которую революціонеры обратили особенное вниманіе, конечно потому что она ближе къ морю. Въ Ковенской губерніи гораздо меньше Поляковъ не только чѣмъ въ губерніи Гродненской и Виленской, но даже меньше чѣмъ въ Могилевской и Кіевской. Вотъ цифры изъ статистической книжки г. Бушена, вышедшей въ прошломъ году. Поляковъ приходится:

Въ	Гродненской губерніи	24,0 %
„	Виленской „	18,4 „
„	Подольской „	12.9 „
„	Волынской „	12,2 „
„	Минской „	11,5 „
„	Витебской „	9,2 „
„	Кіевской „	4.6 „
„	Могилевской „	3,2 „
„	Ковенской „	2,7 „

Чѣмъ же объясняется, что въ Ковенской губерніи получилъ такое развитіе польскій патріотизмъ? Объясненіе въ томъ, что тутъ работали ксендзы. Вся Жмудь принадлежитъ къ католическому вѣроисповѣданію. Ксендзы работали надъ Жмудью дѣятельно въ продолженіе многихъ лѣтъ и успѣли распространить въ безразличномъ жмудскомъ населеніи слѣпую ненависть къ Россіи. Тутъ польская революція нашла для себя почву издавна приготовленную. Вся Жмудь, или Самогитія, фактически повинуется революціонному правительству. Тутъ власть его признается болѣе чѣмъ даже въ Царствѣ Польскомъ. Если гдѣ-нибудь его декреты могутъ быть приводимы въ исполне-

ніе, то именно тутъ. Еслибы декретъ революціоннаго правительства объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьихъ повинностей былъ серіознымъ обѣщаніемъ, то нигдѣ нельзя было такъ легко привести его въ дѣйствіе какъ въ Самогитіи. А между тѣмъ именно въ Самогитіи и только въ Самогитіи крестьяне до сихъ поръ продолжаютъ работать на польскихъ пановъ по прежнему, какъ будтобы не было не только декрета революціоннаго правительства, но и высочайшаго указа 1 марта. Ксендзы тщательно скрываютъ этотъ указъ отъ народа, и войско наше является въ Самогитіи освободителемъ крестьянъ отъ барщинной работы. Если только удастся намъ побороть вліяніе жмудскихъ ксендзовъ, то польское дѣло навсегда будетъ убито въ Жмуди. Этимъ мы будемъ обязаны лживому образу дѣйствій польской революціи. Лживость революціоперовъ сослужитъ намъ въ Жмуди важную службу. Еще разъ спрашиваемъ, что такое польская революція какъ не интрига, и можетъ ли она надѣяться на успѣхъ при такомъ образѣ дѣйствій?

Не польскій народъ — врагъ нашъ. Не польскую національность поражаемъ мы, подавляя возстаніе. Мы боремся съ интригой, которую затѣяло властолюбіе шляхты и ксендзовъ. Первую еще можно какъ-нибудь извинить: въ ней живы воспоминанія о господствѣ. Но гдѣ найдти слово извиненія для этихъ ксендзовъ, которые изъ служителей религіи мира превратились въ предводителей шаекъ, въ заговорщиковъ и душегубцевъ? Наиболѣе точныя свѣдѣнія убѣждаютъ въ томъ, что возстаніе преимущественно держится ксендзами. Еще въ декабрѣ прошлаго года польское духовенство открыто собиралось въ полномъ составѣ по деканатамъ для обсужденія средствъ „самоскорѣйшаго освобожденія отечества.“ Сандомірское и Подлясское духовенство подало первый примѣръ, которому тотчасъ же послѣдовало духовенство Августовской епархіи. Оно опредѣлило, что дирекція партіи умѣренныхъ должна прекратить свое существованіе и слиться съ народнымъ комитетомъ, организованнымъ партіей возстанія. Оно прежде шляхты признало центральный комитетъ за законное временное правительство Польши, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы были признаны права и независимость католической церкви и главы ея, а равно чтобы комитетъ принялъ въ свой составъ ксендза, избраннаго всѣмъ духовенствомъ. Нельзя не догадываться, что именно этотъ ксендзъ, членъ революціоннаго комитета, и сочинилъ вторую изъ прокламацій, отличающуюся отъ первой и духомъ нетерпимости и церковною формой.

Судъ исторіи будетъ строгъ къ этому духовенству, поднимающему противъ насъ мечъ братоубійства, посылающему повстанцевъ на вѣрную смерть, проповѣдывающему фанатизмъ и ненависть своей паствѣ. Что касается до насъ, то мы можемъ указать на эти дѣла его въ опроверженіе его жалобъ на тѣ гоненія, которымъ оно будто бы подвергалось и еще теперь подвергается подъ русскою державой. Самъ святѣйшій отецъ принужденъ будетъ сознаться, что оно пользовалось чрезмѣрнымъ просторомъ, и что спокойствіе края и интересы самой паствы требуютъ не разширенія правъ латинскаго духовенства, а болѣе энергическаго отпора его притязаніямъ. Этотъ отпоръ долженъ быть впрочемъ данъ не столько мѣрами строгости, сколько развитіемъ бдительности и энергіи съ нашей стороны. Задача состоитъ не только въ усмиреніи края, но и въ постановкѣ его въ такое положеніе, при которомъ прежнія крамолы были бы невозможны. Нельзя не пожалѣть, что дѣло зашло слишкомъ далеко и требуетъ для своего исправленія весьма сильныхъ мѣръ. Принятіе ихъ должно послужить укоромъ для лицъ, приведшихъ край въ это положеніе, а русскому человѣку прилично пожелать, чтобъ эти мѣры какъ можно скорѣе достигли своей цѣли; но не ограничиваться этимъ добрымъ желаніемъ, а усиленно трудиться надъ устраненіемъ тѣхъ недостатковъ русскаго общества, которыя ободряли враждебную намъ интригу и дали наконецъ подняться на насъ ея стоглавой гидрѣ.

№ 131.

Москва, 15-го Іюня.

Въ то самое время, когда три державы, повидимому, согласились между собою по польскому вопросу, и отправили къ нашему правительству тождественныя ноты, въ Англіи, которая шла во главѣ агитаціи, вдругъ возникаетъ странная реакція противъ вмѣшательства въ польское дѣло. И въ парламентѣ и въ журналахъ начинаютъ находить это вмѣшательство и безполезнымъ, и безсмысленнымъ. Слава Богу! Пос-

лѣ такого шума, послѣ такихъ громоносныхъ заявленій въ парламентѣ, послѣ такой страшной дипломатической тревоги поднявшей на ноги всю Европу, съ Португаліей и Турціей включительно, послѣ всѣхъ совѣщаній и соглашеній, въ Англіи начинаютъ находить, что вся эта агитація и безсмысленна и безполезна, и что пора прекратить эту комедію. Англія пуще всего настаивала на томъ чтобы вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года; она главнымъ образомъ требовала возстановленія конституціи, дарованной тогда Польшѣ; она навязала это требованіе даже другимъ державамъ. Но вотъ теперь, когда депеши отправлены, у англійскихъ государственныхъ людей вдругъ открылись глаза, и они начали понимать невозможность устроить Польшу посредствомъ вмѣшательства на основаніи трактатовъ 1815 г. Удивительная гармонія, съ которою высказалась палата общинъ при началѣ возстанія, — гармонія, которая была нарушена только однимъ, и то сейчасъ же подавленнымъ, голосомъ г. Ньюдгета, теперь эта гармонія уже не существуетъ или пожалуй готова перестроиться на противоположный ладъ. Что же это значитъ? Это значитъ то, что дѣло сдѣлано. Надобно было разорвать установившійся было союзъ между Россіей и Франціей, и поставить обѣ эти державы на ножи.

Депеши отправлены; имъ искусственно приданъ тождественный видъ, хотя въ сущности между ними нѣтъ ничего общаго, хотя три державы, которыя подъ ними подписались, радикально несогласны между собою по польскому дѣлу. Въ Англіи польское дѣло было только невиннымъ орудіемъ для цѣлей, отъ исполненія которыхъ Польшѣ тепло не будетъ. Англія ни малѣйшаго сочувствія къ польскому дѣлу не питаетъ и питать не можетъ. Все это несомнѣнно, и послѣдствія совершенно убѣдятъ польскихъ инсургентовъ, какъ мало во всемъ этомъ дѣлѣ имѣлось въ виду удовлетвореніе притязаній, поставившихъ ихъ во враждебное отношеніе къ Россіи. Теперь дѣло сдѣлано или почти сдѣлано: Франція препровождена въ Мексику и оставлена тамъ одна, — Франція вовлечена во враждебныя противъ Россіи демонстраціи и будетъ имѣть честь одна очутиться предъ лицомъ Россіи. Вчерашній союзникъ нашъ, главный, единственный союзникъ, который всячески старался сблизиться съ нами, и съ которымъ мы въ свою очередь всячески старались сблизиться, становится сегодня главнымъ, единственнымъ нашимъ противникомъ. Франціи предоставляется вся честь ратовать за идею.

Двусмысленное положеніе Англіи въ польскомъ вопросѣ, ея требовательность и энергія въ предѣлахъ дипломатическаго дѣйствія и увѣренія ея министровъ въ парламентѣ, что Англія не намѣрена вести войну, возбудили уже подозрѣніе въ Наполеонѣ III, какъ пишетъ корреспондентъ *Ostdeutsche Post* (См. ниже подъ рубрикой: „Франція“). Не одна Англія, впрочемъ, желала бы вовлечь Францію во вражду съ Россіей и взвалить на ея плечи весь польскій вопросъ, подъ условіемъ, безъ сомнѣнія, не выходить изъ предѣловъ русской Польши: Австрія также охотно бы отказась отъ этой чести въ пользу Франціи, какъ можно заключить изъ помѣщаемой ниже статьи *Journal des Débats*, составленной на основаніи такъ-называемыхъ вѣнскихъ корреспонденцій и имѣющей на этотъ разъ, по всѣмъ признакамъ, австрійское офиціяльное происхожденіе. Статья эта имѣетъ значеніе такъ-называемаго ballon d'essai: она пущена въ ходъ, чтобъ испробовать нельзя ли поставить Россію и Францію лицомъ къ лицу, другъ противъ друга, въ такомъ вопросѣ, въ которомъ ихъ виды рѣшительно противоположны. „Франція, по мнѣнію этихъ корреспондентовъ, самый безкорыстный и вѣрный другъ Польши; она же находится въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Россіи: отчего бы ей не взять на себя одну, за устраненіемъ Австріи и Англіи, веденія переговоровъ съ съ Россіей и окончательнаго разрѣшенія польскаго вопроса?“

Не мастерская ли это политика? Англія постоянно говорила что не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться вооруженною рукою въ польское дѣло, и однакожь развивала удивительную энергію и употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы довести дѣло до крайняго раздраженія, и компрометтировать Францію въ отношеніи къ Россіи. И вотъ теперь, когда дѣло сдѣлано, и Англія и Австрія находятъ совершенно удобнымъ оставить Францію наединѣ съ Россіей. Франція всегда принимала польское дѣло близко къ сердцу, Франція притомъ другъ и союзникъ Россіи: чего же лучше предоставить ей одной доканчивать съ Россіей этотъ запутанный и щекотливый во-

просъ? Англійскіе государственные люди не видятъ никакой возможности уладить дѣло согласно съ желаніями Россіи съ одной стороны, и польскихъ инсургентовъ, съ другой; они не представляютъ себѣ возможности возстановить прежній порядокъ въ Польшѣ. Г. Фитцъ-Джеральдъ, одинъ изъ главныхъ людей партіи торіевъ, бывшій вторымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Дерби, находитъ даже неудобнымъ требовать для Польши полной автономіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ Россія допустила-было ее, дозволивъ вывести изъ Царства Польскаго всѣхъ русскихъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ въ Россіи люди польскаго происхожденія и католики могутъ занимать и занимаютъ всевозможныя должности. Г. Фитцъ-Джеральдъ полагаетъ, вопреки намъ самимъ, что отнюдь не слѣдуетъ предоставлять систематически всѣ административныя должности Полякамъ. Г. Попъ Геннесси, который, благодаря польскому дѣлу, вдругъ явился значительнымъ лицомъ въ палатѣ общинъ, никогда ничего не значивъ въ ней прежде, уже обращается въ свое первобытное ничтожество, и въ газетѣ *Times* уже просятъ его отнюдь не считать себя представителемъ общественнаго мнѣнія Англіи.

Эта газета въ приведенной ниже статьѣ вообще ополчается противъ тѣхъ членовъ палаты общинъ, которые возбуждаютъ въ ней вопросъ о Польшѣ, такъ какъ все, что говорится въ парламентѣ, естественно принимается въ цѣлой Европѣ за выраженіе общественнаго мнѣнія Англіи и оказываетъ почти такое же вліяніе на мирный или военный исходъ дѣлъ какъ и заявленія самихъ министровъ и посланниковъ, а то что можетъ быть сказано въ палатѣ общинъ по польскимъ дѣламъ естественно будетъ проникнуто духомъ недовѣрія и непріязни къ Россіи, и слѣдовательно можетъ произвести взрывъ, котораго Англія по возможности желала бы избѣжать. „Мы твердо убѣждены, прямо сказано въ *Times*, что Англія не имѣетъ въ виду начинать войну изъ-за Польши.“

Г. Форстеръ, въ палатѣ общинъ заявилъ мысль, что Англія въ настоящее время ничего лучшаго не можетъ сдѣлать какъ просто на просто взять назадъ свое участіе въ вѣнскомъ трактатѣ по польскому дѣлу, и такимъ образомъ совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Газета *Экономистъ*, въ приведенной ниже статьѣ, энергически поддерживаетъ это предложеніе г. Форстера — въ тѣхъ видахъ, чтобъ избѣгнуть войны съ Россіей и не имѣть никакого дѣла до Польши.

Чѣмъ рѣшительнѣе будетъ отклоняться Англія, вмѣстѣ съ Австріей, отъ участія въ рѣшеніи польскаго вопроса, чѣмъ рѣшительнѣе обѣ эти державы будутъ предоставлять рѣшеніе его одной Франціи, тѣмъ труднѣе будетъ этой послѣдней державѣ удержаться въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Пока еще Франція дѣйствуетъ въ союзѣ съ другими державами, она можетъ безъ риска для своего достоинства выйдти изъ переговоровъ мирнымъ образомъ, въ томъ случаѣ когда бы они, по необходимости, должны были принять неблагопріятный для ея видовъ оборотъ. Если же она останется одна, то отношенія между ею и Россіей должны принять характеръ крайняго раздраженія. Франція должна будетъ развивать уже въ своемъ опредѣленномъ смыслѣ тѣ шесть пунктовъ, которые были постановлены ею сообща съ другими державами, и которые, пока эти державы дѣйствуютъ сообща, имѣютъ слишкомъ неопредѣленное значеніе, служа формулой совершенно противоположныхъ видовъ.

Что будетъ послѣдствіемъ этой новой фазы, въ которую теперь, повидимому, вступаетъ польскій вопросъ, предсказывать трудно. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что исходъ дѣла будетъ зависѣть единственно отъ того положенія, какое приметъ Россія. Какъ бы ни были искусно ведены дипломатическіе переговоры, сила не въ нихъ. Сила въ томъ великомъ патріотическомъ чувствѣ, которое одушевляетъ теперь весь народъ русскій, въ народномъ самосознаніи, которое пробудилось повсюду, въ тѣхъ общественныхъ сплахъ, которыя съ такою зрѣлостію и такъ энергически заявляютъ свое существованіе, и на которыя правительство можетъ надежно полагаться. Чѣмъ глубже и искреннѣе почувствуемъ мы свое собственное народное достоинство, чѣмъ болѣе обнаружимъ мы довѣрія къ самимъ себѣ, чѣмъ рѣшительнѣе будемъ сознавать мы сами, что русскій народъ не хуже и не ниже другихъ народовъ, тѣмъ болѣе уваженія окажетъ намъ и Европа, и тѣмъ съ большею честію можемъ мы выйдти изъ теперешнихъ нашихъ затрудненій. Всякое наше дѣйствіе, которое засвидѣтельствуетъ, что мы сознаемъ свое достоинство, уважаемъ свою народность, увѣрены въ сво-

ихъ общественныхъ силахъ, всякое такое дѣйствіе будетъ сильнѣе и убѣдительнѣе всевозможныхъ дипломатическихъ доводовъ въ защиту нашихъ правъ, сильнѣе и убѣдительнѣе стальныхъ пушекъ и стальныхъ ядеръ, которыя мы заготовляемъ для встрѣчи враговъ.

№ 132.

Москва, 17-го іюня.

Въ предыдущемъ нумерѣ нашей газеты, говоря о преніяхъ въ англійской палатѣ общинъ по польскому вопросу, мы основывались на телеграфическихъ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ берлинскихъ газетахъ. Въ эти извѣстія вкралось нѣсколько неточностей; въ особенности невѣрно переданы были слова г. Фитцъ-Джеральда. Читатели найдутъ ниже, подъ рубрикой „Англія", полный отчетъ обо всемъ, что было сказано наиболѣе замѣчательнаго въ этомъ засѣданіи. Собственно преній о польскихъ дѣлахъ тутъ вовсе не было; тѣмъ не менѣе это засѣданіе было очень интересно. Оно составляетъ куріозъ въ парламентской исторіи. За нѣсколько дней передъ этимъ засѣданіемъ, г. Геннесси имѣлъ, по парламентскому регламенту, случай сдѣлать предложеніе по польскому дѣлу, и никто не былъ въ правѣ попрепятствовать въ томъ почтенному члену за Кингское графство. Но лордъ Пальмерстонъ посовѣтовалъ ему тогда отсрочить этотъ разговоръ. Г. Геннесси послѣдовалъ совѣту премьера и добровольно упустилъ представлявшійся ему случай. За это премьеръ обѣщалъ ему, что самъ, пользуясь своимъ правомъ руководить занятіями палаты, доставитъ ему возможность сдѣлать это предложеніе 22-го іюня. Надобно замѣтить, что порядокъ занятій палаты общинъ подлежитъ правиламъ строгаго регламента, и что эти правила ставятъ очередь дѣлъ въ большую зависимость отъ старшаго изъ министровъ, засѣдающихъ въ палатѣ, который поэтому и называется руководителемъ ея (leader of the House). Лордъ Пальмерстонъ былъ стало-быть связанъ положительнымъ обѣщаніемъ, и никто не сомнѣвался, что 22-го іюня состоятся преніе по польскому вопросу. Лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе о допущеніи г-на Геннесси къ разговору съ палатой, а такъ какъ министерство имѣетъ въ свою пользу большинство голосовъ, то въ согласіи палаты на предложеніе премьера не было сомнѣнія. Если бы преніе могли повредить ходу переговоровъ, то кому было лучше судить о томъ, какъ не первенствующему министру? Но самъ премьеръ находилъ удобнымъ допустить преніе: значитъ, преніе не представляли никакой опасности. Итакъ, всѣ были увѣрены, что преніе состоятся, что они не могутъ не состояться 22-го іюня. Все было приготовлено. Г. Геннесси прибылъ въ засѣданіе, зарядивъ себя приличною дозой негодованія къ Россіи и энтузіазма къ геройству повстанцевъ. Другіе ораторы, собиравшіеся громить насъ, также заготовили свои пламенныя рѣчи. Но тутъ произошло то, чего никто не ожидалъ. Палата общинъ вступилась за правительство противъ главы правительства. „Палата общинъ, сказано въ *Times*, которая такъ мало обращаетъ вниманія на министерскую скрытность и щепетильность, палата, обнаруживающая такую готовность говорить, оставляя на другихъ отвѣтственность за дѣйствія, сама палата поспѣшила защитить министра, который вовсе не просилъ о защитѣ." Это оригинальное рѣшеніе принято въ палатѣ огромнымъ большинствомъ какъ разъ трехъ противъ двухъ. Г. Бьюмонтъ предложилъ принять это рѣшеніе; г. Кинглекъ поддерживалъ его, лордъ Энфильдъ сказалъ еще нѣсколько словъ въ его пользу, и дѣло было сдѣлано. Г. Геннесси не противился; лордъ Пальмерстонъ не возражалъ. Лишь послѣ того какъ окончился такъ-называемый актъ *раздѣленія палаты*, то-есть послѣ того какъ нельзя уже было передѣлать сдѣланное, послышались протесты противъ этого неслыханнаго случая, идущаго на перерѣзъ всѣмъ парламентскимъ обычаямъ. Лорда Пальмерстона обвиняли въ нарушеніи довѣрія; настаивали, что онъ долженъ такъ или иначе поправить дѣло. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что уваженіе къ волѣ большинства не позволяетъ ему исполнить эти требованія, но что онъ готовъ сообщить тѣ свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, которыя могутъ интересовать палату. Онъ изложилъ подробно, по пунктамъ, содержаніе депешъ, отправленныхъ въ Петербургъ. Газета *Times* справедливо замѣчаетъ, что нельзя было не подивиться, почему премьеръ, находившій удобнымъ пуститься въ такія подробности, не возразилъ противъ предложенія г. Бьюмонта объ отсрочкѣ преній. Самъ онъ, лордъ Пальмер-

стонъ, былъ готовъ войдти въ объясненія. Онъ не считалъ этого неудобнымъ для хода переговоровъ. Почему же онъ смолчалъ, когда палата зажимала ротъ другимъ ораторамъ, явившимся въ засѣданіе съ заранѣе приготовленными пламенными рѣчами? Газета *Times* намекаетъ, что повидимому именно этихъ-то пламенныхъ рѣчей палата и не хотѣла слушать. Вѣроятно, большинство находило, что такія рѣчи теперь не ко времени, что онѣ могли бы повести къ разъясненію дѣла и разсѣять тотъ мракъ, который, говорятъ, долженъ окружать дипломатію для успѣшности ея переговоровъ. Пламенныхъ рѣчей дѣйствительно не было въ засѣданіи 22-го іюня, но нѣсколько членовъ оппозиціи, и въ томъ числѣ самъ вождь ея, г. Дизраэли, высказали много важныхъ, хотя и краткихъ замѣчаній по поводу сообщеній лорда Пальмерстона, такъ что дѣло успѣло обрисоваться и съ правительственной стороны, и со стороны оппозиціи.

Министерство лорда Пальмерстона ведетъ переговоры съ Россіей. Оно розыгрываетъ съ нами дипломатическую партію шахматной игры. Намъ, противоположной сторонѣ, играющей съ нимъ, должны быть видны только его ходы; планъ игры долженъ быть скрытъ отъ насъ, и не только отъ насъ, но отчасти и отъ союзниковъ лорда Пальмерстона въ этой шахматной игрѣ. Изъ того, что онъ говоритъ въ палатѣ, мы не можемъ и не должны дѣлать заключенія о томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ о польскомъ вопросѣ. Онъ долженъ, разумѣется, придавать своимъ представленіямъ и совѣтамъ такой видъ, какъ будто считаетъ ихъ удобоисполнимыми и полезными, равно какъ и его газета, *Morning-Post*, должна настаивать на то, чтобы Россія приняла эти невозможныя представленія. Но въ сущности, все это одна политика,—стратегическія движенія въ дипломатической войнѣ, цѣль которыхъ—вынудить противника къ какому-нибудь рѣшительному ходу. Впрочемъ иначе и невозможно вести переговоры; въ дипломатіи все основано на томъ, кто кого перехитритъ,—откровенность тутъ не на мѣстѣ, потому что она не привела бы ни къ чему. Ведя переговоры, англійскіе министры должны были выставить такую программу, которая могла бы соединить съ ними и Францію и Австрію. Но другое дѣло тѣ государственные люди Англіи, которые, находясь въ оппозиціи, не принимаютъ участія въ шахматной игрѣ, розыгрываемой съ Россіей, и нисколько не компрометтированы передъ союзниками Англіи, ведущими переговоры заодно. Они могутъ съ большею прямотой высказывать свои взгляды, и въ Англіи они обыкновенно дѣлаютъ это, по скольку это допускается общимъ интересомъ страны. Вожди англійской оппозиціи, сами бывшіе министрами и готовые, въ случаѣ надобности, опять взять въ свои руки министерскіе портфели, не скажутъ ничего въ родѣ тѣхъ странныхъ, компрометтирующихъ цѣлую страну рѣчей, которыми такъ безтактно постарались отличиться прогрессисты прусской палаты депутатовъ. Вожди англійской оппозиціи не скажутъ ничего лишняго, ничего такого что могло бы стѣснить ихъ собственныя дѣйствія, когда имъ самимъ приведется управлять страной. Въ этомъ отношеніи они осторожны; они говорятъ только то, что совмѣстно съ истиннымъ интересомъ ихъ страны. Поэтому, во время дипломатическихъ переговоровъ, имѣютъ особенный интересъ высказываемыя ими мнѣнія. Они высказываютъ то что министры сказать не могутъ, пока ведутся переговоры, но что должно быть высказано для полноты дѣла, въ интересѣ самого правительства. Когда какой-нибудь вопросъ не подаетъ повода къ борьбѣ партій и не является съ характеромъ такъ-называемаго министерскаго вопроса, оппозиція дѣйствуетъ въ согласіи съ министерствомъ. Между тѣмъ какъ министерство принуждено говорить условнымъ языкомъ соотвѣтствующимъ ходу переговоровъ, оппозиція указываетъ на настоящее дѣло. Что же говоритъ въ палатѣ общинъ оппозиція Ея Британскаго Величества, между тѣмъ какъ правительство Ея Британскаго Величества ведетъ съ нами дипломатическую войну и предлагаетъ намъ свои шесть пунктовъ?

Намъ очень жаль, что введенные берлинскими газетами въ заблужденіе, мы приписали г-ну Фитцъ-Джеральду такія замѣчанія, которыхъ онъ вовсе не высказывалъ. Нѣчто подобное было сказано не имъ, а ирландскимъ членомъ палаты, г-мъ Скулли, который трунилъ надъ требованіемъ трехъ державъ, чтобы въ Польшѣ чиновники были непремѣнно Поляки, и совѣтывалъ Россіи, чтобъ она отвѣчала Англіи ссылкой на Ирландію, гдѣ англійское правительство не считаетъ возможнымъ держаться этого либеральнаго правила, рекомендуемаго имъ

Россіи по отношенію къ Польшѣ. Онъ очень разумно, на этотъ разъ, — что случается съ нимъ довольно рѣдко, — и въ то же время очень зло прибавилъ, что для Польши очень мало толку въ дипломатическихъ переговорахъ, и что Поляки были бы благодарны, еслибы вмѣсто посылки всѣхъ этихъ депешъ изъ Англіи, они получили изъ Ирландіи 2.000 ружей. „Впрочемъ и это невозможно, заключилъ онъ, такъ какъ Ирландія — обезоруженная страна.“ Но эта ирландская перестрѣлка не имѣетъ для насъ никакого интереса. Что бы ни говорилъ г. Скулли, голосъ его въ англійскомъ парламентѣ будетъ всегда столько-же ничтоженъ, сколько и голосъ г. Попа Геннесси, теперешняго патрона Польши. Въ англійскомъ парламентѣ паписты не могутъ имѣть надежды на успѣхъ и вліяніе. Мы упоминаемъ о г. Скулли только кстати, по тому поводу, что берлинскія газеты приписали его слова г. Фитцъ-Джеральду.

Не г. Фитцъ-Джеральдъ, а самъ г. Дизраэли высказалъ въ засѣданіи 22-го іюня мнѣніе англійской оппозиціи по польскому вопросу, и то что сказалъ г. Дизраэли въ высшей степени замѣчательно. Мы не могли бы лучше его выразить неудовлетворительность предложеній сдѣланныхъ Россіи. Г. Дизраэли спрашивалъ лорда Пальмерстона, гдѣ то національное правительство, съ которымъ Россія, если бы пожелала того, могла бы заключить перемиріе; лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ — молчаніемъ. Г. Дизраэли сказалъ далѣе, что онъ понимаетъ только двѣ политики: или совершенную независимость Польши или совершенное соединеніе ея съ Россіей; онъ говорилъ, что англійскія предложенія создали бы фантомъ польской независимости и вслѣдствіе того повели бы только къ новымъ затрудненіямъ, а положеніе дѣлъ, причиняющее періодическія волненія въ Европѣ, не было бы устранено, то-есть та цѣль, которую заявляетъ дипломатія, не была бы достигнута ею. На эти неопровержимыя замѣчанія лордъ Пальмерстонъ также не сказалъ ни одного слова. Не правы ли мы были, когда говорили, что все это англійское вмѣшательство есть не болѣе какъ комедія?

Спрашивается впрочемъ, на кого разчитана эта комедія? Нѣтъ сомнѣнія, она разчитана отчасти на то чтобы привлечь Францію и Австрію къ общему дѣйствію противъ Россіи, потому что эти двѣ державы навѣрное не сошлись бы ни на одномъ изъ двухъ пунктовъ программы г. Дизраэли. Франція не согласилась бы на сліяніе Польши съ Россіей, Австрія — на совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи. Пока три державы дѣйствуютъ вмѣстѣ, до тѣхъ поръ всѣ ихъ дѣйствія должны очень походить на комедію. Но мы не можемъ скрывать отъ себя и того, что эта комедія сильно разчитываетъ и на нашу русскую уступчивость или лучше на то, что русскаго народа вовсе не существуетъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Англія не станетъ воевать за Польшу. Но сталкивалсь съ нами по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ европейской и восточной политики, она не прочь была бы начать съ нами войну, если только эта война не потребуетъ съ ея стороны большихъ усилій. Война съ нами, очевидно, входитъ въ число того, чѣмъ она рискуетъ. Будь Англія увѣрена въ силѣ нашего національнаго духа и въ прочности нашего государственнаго единства, въ нашей способности и готовности оказать отпоръ всякому незаконному притязанію, она не рѣшилась бы рисковать войной съ нами, и слѣдовательно не рѣшилась бы сдѣлать намъ тѣ предложенія, которыя въ настоящую минуту лордъ Непиръ уже долженъ былъ передать русскому вице-канцлеру.

Съ англійской точки зрѣнія, на которой стоитъ, разумѣется, г. Дизраэли, *можно очень много сказать не только въ пользу совершеннаго отдѣленія Польши отъ Россіи, но и въ пользу совершеннаго соединенія Царства Польскаго съ Россійскою Имперіей.* Это слова самого г. Дизраэли. Стало-быть, еслибы надобно было выбрать одну изъ этихъ системъ рѣшенія польскаго вопроса, Англія еще должна была бы подумать, которую изъ нихъ слѣдуетъ ей предпочесть. Она навѣрное не съ разу рѣшилась бы согласиться на независимость Польши. Имѣя въ виду огражденіе интересовъ Германіи и противоборство властолюбію Франціи, она по всему вѣроятію предпочла бы сліяніе Польши съ Россіей, то-есть тотъ способъ рѣшенія, который одинъ согласенъ и съ интересами Россіи, и съ интересами европейскаго мира. Что же дѣлаетъ теперь англійская дипломатія? Она настойчиво предлагаетъ намъ свои шесть пунктовъ, съ присоединеніемъ еще, *pour la bonne bouche*, перемирія, то-есть предлагаетъ то, что было бы для насъ въ тысячу разъ хуже чѣмъ совершенное отдѣленіе Царства Польскаго.

Можно ли видѣть въ этомъ предложеніи что другое, какъ не слѣдствіе заранѣе составленнаго понятія о слабости Россіи? Какъ намъ ни горько сознаться въ этомъ, но это понятіе глубоко укоренилось, и не въ одной Англіи, а во всей Европѣ. Русскаго народа никто не видитъ и не знаетъ. Его патріотическія заявленія принимаются за демонстраціи, вызываемыя правительствомъ. Его всѣ считаютъ за мертвую массу. Вотъ главная причина нашихъ затрудненій; вотъ источникъ тѣхъ притязаній, которыя могутъ вовлечь насъ въ войну и во всякомъ случаѣ питаютъ польскій мятежъ. Только этимъ оскорбительнымъ для насъ взглядомъ объясняются и эти англійскія предложенія, которыя сами Англичане оправдать не могутъ. Лишь разчитывая на предполагаемую слабость Россіи, Англія пытается навязать намъ, безо всякаго риска для себя, постоянный источникъ затрудненій и замѣшательствъ, подъ видомъ добрыхъ совѣтовъ объ удовлетворительномъ рѣшеніи польскаго вопроса. Англіи было бы, конечно, выгодно, если бы мы, принявъ эти добрые совѣты, были потомъ принуждены уступать ей по всѣмъ будущимъ вопросамъ европейской политики. Ей это можетъ быть выгоднѣе чѣмъ окончательное рѣшеніе польскаго вопроса на основаніи программы г. Дизраэли, хотя это вовсе не составляетъ для нея такой необходимости, изъ-за которой ей стоило бы вести съ нами серіозную войну. Вотъ почему Англія говоритъ съ нами одновременно и языкомъ г-на Дизраэли, и языкомъ депешъ лорда Росселя. На какомъ изъ этихъ двухъ языковъ будетъ продолжаться нашъ разговоръ съ Англіей, это зависитъ стало-быть отъ насъ самихъ. Она измѣнитъ свой языкъ, какъ только удостовѣрится въ дѣйствительности нашихъ народныхъ силъ.

№ 133.

Москва, 18-го іюня.

Сегодняшняя почта принесла намъ ту статью газеты *Times*, отъ 25-го іюня, о которой мы упоминали вчера, въ Послѣдней Почтѣ, по берлинскимъ извѣстіямъ. О шести пунктахъ, предлагаемыхъ Россіи тремя державами, эта статья отзывается въ томъ же духѣ, въ которомъ говорилъ о нихъ г. Дизраэли въ засѣданіи палаты общинъ 22-го іюня. Самоуправленіе, разсуждаетъ эта газета, будетъ въ рукахъ Польши оружіемъ противъ связи ея съ Россіей и даже противъ подданства Польши русской императорской фамиліи. Администрація, составленная исключительно изъ Поляковъ, будетъ неизбѣжно направлять всѣ усилія противъ той династіи, которой главѣ она будетъ подчиняться только по имени. Законодательный сеймъ воспользуется всѣми своими правами для борьбы съ своимъ королемъ, а такъ какъ Польша не будетъ имѣть своей арміи, то гдѣ найдетъ она ручательство въ томъ, что сеймъ, дѣйствующій такимъ образомъ, не будетъ у нея отнятъ? Наконецъ, прибавляетъ *Times*, мы должны помнить, что Польша, о которой идетъ рѣчь въ вѣнскомъ трактатѣ, есть малая доля той Польши, которая существовала до раздѣла 1772 года, и что соглашаясь на просимыя у нея уступки, Россія сама положила бы начало волненіямъ во всѣхъ ея губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, волненіямъ, которыя напомнили бы собой конвульсивныя движенія Италіи, начавшіяся съ тѣхъ поръ какъ Піемонтъ сдѣлался конституціоннымъ государствомъ. *Times* рѣшительно не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы русскій Императоръ согласился на эти уступки, но еслибъ онъ даже согласился на нихъ, то, по мнѣнію *Times*, онѣ нисколько не разрѣшили бы польскаго вопроса: онѣ повели бы можетъ-быть къ временному прекращенію кровопролитія, но въ непродолжительномъ времени кровь полилась бы еще болѣе широкими ручьями.

Вотъ что говоритъ *Times*, первенствующій органъ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Совершенное совпаденіе мнѣнія этой газеты, энергически поддерживающей лорда Пальмерстона, съ мнѣніемъ г. Дизраэля, вождя оппозиціи, ясно показываетъ, что г. Дизраэли выражалъ не мнѣніе оппозиціи, а общее мнѣніе, когда говорилъ 22-го іюня противъ шести пунктовъ. Онъ только для виду нападалъ на правительство лорда Пальмерстона. Въ сущности же онъ говорилъ не съ точки зрѣнія партій, а, какъ мы и замѣтили вчера, съ общей англійской точки зрѣнія. Повидимому самъ лордъ Пальмерстонъ того именно и хотѣлъ, чтобы шесть пунктовъ подверглись строгой критикѣ въ Англіи, прежде нежели Россія офиціяльно раскритикуетъ ихъ. Никто не ожидалъ, чтобъ онъ сдѣлалъ такое подробное сообщеніе отно-

сительно содержанія депешъ, только что отправленныхъ изъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Никто не былъ въ правѣ требовать отъ него, чтобы, давая палатѣ и періодической печати возможность критиковать содержаніе этихъ депешъ, онъ повредилъ успѣху ихъ въ Петербургѣ. Вѣдь, ни рѣчь г. Дизраэли, ни статья *Times*, о которой мы сейчасъ говорили, конечно, никакъ не могутъ содѣйствовать тому чтобы въ Петербургѣ взглянули на шесть пунктовъ благосклоннѣе чѣмъ какъ слѣдуетъ. Успѣхъ дипломатической кампаніи несомнѣнно пострадалъ отъ того, что лордъ Пальмерстонъ, никѣмъ не прошенный, разболталъ въ палатѣ общинъ содержаніе депешъ, въ ту минуту, когда онѣ едва успѣли прибыть въ Петербургъ. Неужели это промахъ со стороны этого государственнаго человѣка, неужели въ этомъ должно видѣть его легкомысліе и вѣтренность? Или онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ побивать камнями свое дѣтище, эти шесть пунктовъ сочиненныхъ его благороднымъ другомъ графомъ Росселемъ, и навязанныхъ ими двоими почти насильно Франціи и Австріи? Вспомнимъ какъ хлопотали эти два лорда о томъ, чтобы включить въ депеши предложеніе перемирія; вспомнимъ что имъ принадлежитъ совѣтъ возстановить конституцію 1815 года, совѣтъ, на который Австрія лишь нѣсколько дней передъ симъ изъявила согласіе. Вспомнимъ наконецъ, что Англія никакъ не захотѣла уступить разумному замѣчанію Австріи, что Россія не можетъ отказаться отъ права замѣщать нѣкоторыя должности въ Царствѣ русскими чиновниками. Не будь этихъ прибавокъ, внесенныхъ Англіей, шесть пунктовъ могли бы получить такой видъ, что Россія, пожалуй, и согласилась бы на ихъ принятіе. Но англійскіе министры сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы представленія трехъ державъ не были удобопріемлемы для Россіи. Не находится ли въ связи съ этою дипломатическою политикой лорда Пальмерстона его парламентская политика, состоящая въ искусственномъ, преждевременномъ вызовѣ критики на шесть пунктовъ, подписанныхъ Англіей въ союзѣ въ Франціей и Австріей.

Нельзя не сказать еще разъ: вотъ такъ политика! Наша обязанность, разумѣется, стоять на сторожѣ противъ этихъ чудесъ ловкости. Но въ сущности мы можемъ быть благодарны лорду Пальмерстону за его хлопоты объ отнятіи у совокупныхъ представленій трехъ державъ всякой надежды на успѣхъ. Для насъ нѣтъ ничего вреднѣе какъ эти промежуточныя комбинаціи, дающія Польшѣ всего понемножку и оставляющія ее у насъ на рукахъ, а между тѣмъ связывающія намъ руки. Какъ ни умѣренна была первоначальная программа Австріи, но она далеко не соотвѣтствовала бы потребности нашего положенія. Дать Польшѣ сеймъ подобный галицкому или даже венгерскому, конечно, намъ легче чѣмъ дать ей сеймъ на основаніи конституціи 1815 года. Но было ли бы намъ выгодно заводить у себя учрежденія, которыя вызваны въ Австріи ея разнохарактернымъ составомъ? Мы не говоримъ объ очевидной несостоятельности того плана, по которому Царство Польское было бы поставлено въ такія же отношенія къ Россіи, въ какихъ стоитъ Венгрія къ Австрійской имперіи. Между правами Венгріи и правами Польши нѣтъ ничего общаго. Права Венгріи—историческія права, дѣйствительно освященныя временемъ. Они имѣютъ плоть и кровь, они срослись съ жизнію народа. За нихъ сильно говоритъ непрерывность пользованія ими, пользованія честнаго и вѣрноподданническаго до самаго 1848 года. Ни на одно изъ этихъ чрезвычайно важныхъ обстоятельствъ не можетъ ссылаться Польша въ своей тяжбѣ съ единствомъ Россійской Имперіи. Было бы крайне странно ставить Польшу въ параллель съ Венгріей. Хотя не такъ странно, но тоже далеко не раціонально было бы ставить Польшу относительно Россіи въ положеніе Галиціи. Чтобы провести эту параллель во всей точности, надобно было бы настроить въ Россіи такія же области или коронныя земли, на которыя распадается Австрія. Но кто взялъ бы на себя этотъ оригинальный трудъ искусственно производить у себя то чѣмъ страдаетъ Австрія, искусственно ослаблять политическое единство русской земли, созданное исторіей? А еслибъ остальныя части Австріи не имѣли устройства подобнаго устройству Галиціи, то могла ли бы Австрія дать Галиціи ея теперешнее положеніе въ общемъ составѣ имперіи? Галиція была бы въ Австріи тѣмъ же самымъ чѣмъ Познань въ Пруссіи. Словомъ, для соблюденія австрійской программы Россія должна была бы сдѣлать надъ собой насиліе и превратить себя въ Австрію. Можно ли объ этомъ

говорить серіозно? Далѣе, для самой Польши почетнѣе слиться съ Россіей на равныхъ правахъ нежели сдѣлаться русскою Галиціей, и слѣдовательно быть въ Россіи какимъ-то исключеніемъ. Наконецъ, въ видахъ окончательнаго рѣшенія своей тяжбы съ Польшей, Россія не можетъ допустить подобное исключеніе, которое носило бы въ себѣ сѣмена сепаратизма. Словомъ, ничто сколько-нибудь похожее на политическую автономію Польши не можетъ быть согласно съ интересами прочнаго мира не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Западномъ краѣ. Россія можетъ допустить административную децентрализацію, но она не можетъ сама питать надежды и замыслы, съ которыми рано или поздно пришлось бы бороться въ междуусобной войнѣ. Польша имѣетъ теперь автономію, и именно вслѣдствіе этой автономіи льются безплодно потоки крови. Весь Западный край пришелъ въ волненіе, благодаря этой польской автономіи, долженствовавшей все замирить. Благодаря ей явились въ Западномъ краѣ люди, которые, подобно графу Старжинскому, возымѣли блажную мысль розыгрывать тамъ ту роль, которая предоставлена была въ Царствѣ графу Велёпольскому.

Но можетъ-быть еще не въ этихъ уступкахъ автономическому положенію Польши заключалась бы главная опасность принятія австрійскихъ предложеній. Нашъ главный, нашъ самый непримиримый врагъ — не польскій патріотизмъ, и не польское властолюбіе, а фанатизмъ и властолюбіе римско-католическаго духовенства. Съ Поляками мы еще могли бы честно помириться; мы могли бы жить съ ними по-братски, если только не будемъ сами питать въ нихъ несбыточныхъ надеждъ; если честно и искренно покажемъ имъ свое доброжелательство и вмѣстѣ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ идти наше доброжелательство безъ измѣны отечеству. Польскія надежды основаны на презрѣніи къ нравственной силѣ русскаго народа. Внушивъ Полякамъ уваженіе къ нашему народу, — а этого можемъ мы достигнуть не прежде какъ показавъ на дѣлѣ, что мы сами уважаемъ свой народъ и перестаемъ смотрѣть на него какъ на несовершеннолѣтнее существо, — мы положимъ конецъ тѣмъ заблужденіямъ, которыя отвлекаютъ Поляковъ съ честнаго пути открытыхъ и мирныхъ состязаній съ нами на безнравственный путь тайной и злобной борьбы. На все это мы можемъ и мы должны надѣяться. Но мы никогда не примиримъ съ собой латинства; оно постоянно будетъ отвѣчать намъ на всѣ наши миролюбивыя попытки своимъ вѣчнымъ: *non possumus*. Отъ насъ оно будетъ вымогать всѣ возможныя уступки, но оно не удовольствуется ничѣмъ и на всякое наше ходатайство о взаимности оно будетъ имѣть одинъ отвѣтъ: „это невозможно“, *non possumus*. Таковъ былъ всегда характеръ латинства, а въ настоящую минуту оно дастъ намъ знать себя еще болѣе чѣмъ прежде.

Римскій католицизмъ переживаетъ теперь тяжкую эпоху. Со временъ реформаціи ему не было еще наносимо такого удара, какъ соединеніе Италіи, угрожающее отнять у него всю папскую область и самый Римъ сдѣлать столицей новаго итальянскаго королевства. Этотъ ударъ, наносимый главнокомандующему, живо чувствуется всею арміей, именующеюся латинскимъ духовенствомъ. Какъ реформація вызвала въ этой арміи воинственный духъ, побудивъ ее къ усиленнымъ стремленіямъ вознаградить себя за утраченное достояніе; такъ и теперь умаленіе свѣтской власти папы не можетъ пройдти безъ сильной реакціи. Какъ тогда первые захваты были обращены на православіе, такъ непремѣнно должно быть и теперь. Унія, тогдашнее изобрѣтеніе, уже начинаетъ понемногу возраждаться. Польскій мятежъ надѣялся распространить ее огнемъ и мечомъ въ Литвѣ и Руси. Эта попытка не удалась, но католическое духовенство не откажется отъ ея повторенія. Нельзя дѣйствовать огнемъ и мечомъ: оно прибѣгаетъ къ тѣмъ средствамъ, которыми ему уже удалось достигнуть нѣкотораго успѣха въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турецкой имперіи, гдѣ унія, какъ извѣстно, начала распространяться года два тому назадъ. Оно будетъ служить политическимъ интересамъ католическихъ державъ и опираться на ихъ поддержку. Кто не знаетъ, что на Востокѣ Франція является единственно съ характеромъ защитницы латинства? Кто не знаетъ что ея борьба съ греческою церковью въ Святыхъ Мѣстахъ была поводомъ къ Восточной войнѣ? Англія ограждаетъ на Востокѣ свои національные интересы. Франція почти не имѣетъ тамъ другихъ интересовъ кромѣ интересовъ властолюбія, а французское властолюбіе на Востокѣ есть не что иное какъ властолюбіе латинства. Даже и въ польскомъ воп-

росѣ Франція дѣйствуетъ не только какъ представительница европейской революціи, но и какъ старшая дочь латинской церкви. Энергія развиваемая Франціей въ этомъ вопросѣ есть отчасти уступка партіи клерикаловъ, чтобы сколько-нибудь смягчить ея гнѣвъ за допущенное Франціей единство Италіи.

Католическое духовенство есть организованный заговоръ противъ православія, заговоръ готовый стать подъ всякое враждебное намъ знамя и уже показавшій намъ громадность своихъ средствъ. И этому-то врагу убѣждаютъ насъ дѣлать уступки, хотя всѣ знаютъ, что онъ не удовлетворится никакими уступками, и употребитъ каждую новую уступку какъ средство для дальнѣйшей борьбы! Еще разъ: мы должны искренно благодарить лорда Пальмерстона за то что онъ сдѣлалъ шесть пунктовъ неудобопріемлемыми для Россіи.

№ 134.

Москва, 19-го іюня.

Гдѣ стали бы мы искать извиненія, въ чемъ могли бы мы найдти оправданіе для себя, если бы мы, исповѣдуя православіе, вздумали преклоняться передъ католицизмомъ? Въ былыя времена наружный блескъ латинской церкви могъ ослѣплять маловѣрныхъ; ея внѣшняя сила, ея господство надъ обширными странами, ея историческія связи съ цивилизаціей можно было принимать за доказательство ея правъ на первенство. Но теперь уже потускнѣлъ этотъ блескъ, померкло это величіе; вмѣсто силы оказалось лишь притязаніе на силу, обличающее немощь; грандіозныя историческія преданія давятъ всею своею тяжестью теперешнее ничтожество. Несоотвѣтствіе между великимъ прошедшимъ и теперешнимъ убожествомъ такъ поразительно, что его можетъ удачно передать только каррикатура въ родѣ каррикатуръ англійскаго *Punch*, выработавшаго особенный оригинальный типъ для изображенія римскаго папы. *Sic transit gloria mundi!* Такъ прошло величіе римской церкви, слишкомъ запутавшейся въ свѣтскія дѣла и слишкомъ искавшей мірскаго величія! Католическая церковь, восхотѣвъ быть дѣломъ отъ міра сего, подпала судьбѣ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Вступивъ въ брани и поднявъ мечъ, она сама обрекла себя на то, чтобы мечомъ и погибнуть. Она стала къ государству въ такое положеніе, что вездѣ мечъ государства принужденъ губить ее. Защищаясь отъ этихъ заслуженныхъ ударовъ, она прибѣгаетъ къ средствамъ которыя, не возстановляя ея внѣшней силы, только еще болѣе унижаютъ ея нравственное достоинство. Изъ Рима она высылаетъ разбойниковъ, совершающихъ ужасы въ неаполитанскихъ провинціяхъ, подъ предлогомъ вѣрности бывшему королю Обѣихъ Сицилій. Въ лѣсахъ нашего запада вѣрные ей ксендзы собираютъ шайки и возбуждаютъ мятежъ противъ Государя, которому эти ксендзы присягали. Это извращенное духовенство пользуется религіей какъ средствомъ для мірскихъ цѣлей. Опираясь на вѣру своей паствы, оно побуждаетъ ее преступать законъ божескій и человѣческій. Угрожая муками ада, оно ведетъ чадъ своихъ къ совершенію адскихъ дѣлъ. Чѣмъ строже къ нему нелицепріятный судъ исторіи, тѣмъ болѣе оно озлобляется, тѣмъ болѣе теряетъ оно инстинкты нравственнаго чувства.

Жалкое и горестное явленіе представляетъ эта церковь, исказившаяся въ самомъ существѣ своемъ. Нельзя безъ скорби смотрѣть на то, до чего дошла эта нѣкогда великая церковь, одна изъ вселенскихъ церквей, не удовольствовавшаяся святынею совѣсти и возлюбившая міръ паче Господа. Ея внутренняя, собственно-церковная жизнь заглохла. Какъ въ практическихъ дѣлахъ церковнаго вмѣшательства ея въ свѣтскіе интересы мало-по-мало утратились нравственные инстинкты, такъ въ догматическихъ вопросахъ совсѣмъ исчезъ инстинктъ истины. Еще недавно мы были свидѣтелями того какъ къ прежнимъ уклоненіямъ отъ чистоты ученія и разумности церковныхъ правилъ былъ присоединенъ новый догматъ, сдѣлавшійся скандаломъ въ христіанскомъ мірѣ. Соборъ римско-католическихъ епископовъ торжественно принялъ, а папа Пій IX, свидѣтельствуясь Духомъ Святымъ, еще съ бо́льшимъ торжествомъ утвердилъ догматъ такъ-называемаго Безсѣменнаго Зачатія, въ честь котораго папа и поспѣшилъ назвать Безсѣменнымъ Зачатіемъ, *Immacolata Concezzione* одинъ изъ кораблей своихъ. Этотъ догматъ утверждаетъ и предписываетъ всѣмъ католикамъ вѣрить, подъ страхомъ вѣчной смерти, что Богоматерь была безсѣменно зачата своею родительницею Анной. Пій IX, таявшій отъ

радости, когда народные восторги, при возвышеніи его на папскій престолъ, льстили его священническому самолюбію, долго потомъ раскаивался въ своемъ тщеславіи и не могъ, говорятъ, успокоиться, пока не утвердилъ новаго догмата, прославившаго, по его мнѣнію, Богоматерь.

Вотъ что такое теперешняя латинская церковь. Какое же малодушіе и маловѣріе нужно для того, чтобы мы, видя все это, стали раболѣпно преклоняться передъ латинствомъ только потому что оно хочетъ властвовать надъ нами? Мы должны ясно понять, что уступать латинству значитъ собственно преклоняться передъ нимъ, а не водворять религіозную свободу. Свобода исповѣданій, свобода совѣсти — дѣло святое. Съ этимъ святымъ дѣломъ, которое должно все болѣе и болѣе торжествовать съ каждымъ шагомъ впередъ въ исторіи человѣчества, притязанія латинства не имѣютъ ничего общаго. Они основаны на противоположномъ началѣ. Чѣмъ болѣе давалось бы имъ простора, тѣмъ болѣе торжествовало бы начало нетерпимости. Никто не мѣшаетъ у насъ католикамъ исповѣдывать свою вѣру, ходить въ свои костелы съ чисто-религіозною цѣлью. Католическое духовенство можетъ безпрепятственно совершать всѣ свои церковныя требы. Но въ свѣтскихъ дѣлахъ оно должно безусловно подчиняться государственному закону и если бы мы даже хотѣли того, мы были бы не въ правѣ допустить, чтобъ оно пользовалось своимъ вліяніемъ на совѣсть своей паствы въ интересахъ враждебныхъ нашему государству и нашему православному обществу. Оно имѣетъ право на терпимость только пока дѣйствуетъ въ качествѣ христіанскаго духовенства. Государство не можетъ терпѣть внутри себя организованный заговоръ, скрывающійся подъ именемъ католическаго духовенства. Государство обязано искоренить этотъ заговоръ, какіе бы ни были вопли на то что будто бы оно подвергаетъ гоненію католическую церковь.

Католическое духовенство во всѣхъ странахъ міра жалуется на свое несчастное положеніе. Насъ оно старается увѣрить, что ставя его въ несчастное положеніе, мы сами вредимъ себѣ. Его враждебныя чувства къ намъ вызваны будтобы лишь тѣми стѣсненіями, которымъ подвергается въ Россіи римско-католическая церковь. Если мы тяготимся этими враждебными чувствами, если мы даже не мало терпимъ отъ послѣдствій этой враждебности, то, говорятъ намъ стоитъ только устранить стѣсненія, и враждебность исчезнетъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ, то политика уступокъ была бы самою мудрою политикой. Но, увы! не только политическая мудрость, а простой здравый смыслъ не позволяютъ вѣрить этимъ рѣчамъ. Гдѣ та страна, даже изъ числа католическихъ странъ, которая что-нибудь выиграла дѣлая уступки папскому престолу? Если Франція не можетъ управиться съ своими ультрамонтанами, если Италія находится въ открытой борьбѣ съ папой, если Австрія принуждена думать о передѣлкѣ своего конкордата съ папой, то какъ можемъ мы надѣяться на согласіе съ нимъ, мы, которыхъ онъ считаетъ „раскольниками“? Папа пересталъ бы быть папой и римско-католическое духовенство — римско-католическимъ, еслибы они перестали заботиться объ искорененіи православія. Но, къ счастію, средства исполнить эти замыслы зависятъ по большей части отъ насъ, и вотъ эти-то средства хотятъ они исторгнуть у насъ подъ видомъ устраненія стѣсненій, на которыя они такъ усердно жалуются. Еслибъ имъ удалось это, они тотчасъ же пошли бы далѣе. Ихъ усилія непремѣнно направились бы на распространеніе уніи между нами, а унія, по ихъ мнѣнію, есть только шагъ къ совершенному переходу въ католицизмъ, что они и доказали, исходатайствовавъ въ Царствѣ Польскомъ позволеніе воспитывать уніатскихъ священниковъ въ католической семинаріи и сочинивъ небывалый крестный ходъ изъ католическихъ церквей въ варшавскую уніятскую церковь. Вотъ ихъ виды и планы, и только осуществленіе этихъ видовъ и плановъ можетъ успокоить ихъ. Имъ мало того, чтобы мы уступали имъ; они хотятъ, чтобы мы преклонялись предъ ними. Вотъ настоящее значеніе тѣхъ уступокъ, которыхъ отъ насъ теперь требуетъ латинство, опираясь на адвокатство трехъ великихъ державъ. И какъ въ пору просить теперь уступокъ? Какое понятіе должны имѣть о насъ эти прелаты, которые открыто и очень успѣшно вредятъ намъ всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, и въ то же время поютъ Лазаря чтобы разжалобить Европу и черезъ ея посредство побудить насъ къ расширенію тѣхъ самыхъ средствъ, которыми они тамъ вредятъ намъ?

Римско-католическимъ епископамъ не нравится, что ксендзы подвергаются казнямъ.

Но развѣ это можетъ кому-нибудь нравиться? Развѣ не въ одномъ лишь высокомъ чувствѣ долга передъ отечествомъ можно найдти теперь силы, чтобы рѣшиться на энергическія мѣры противъ польскаго мятежа и исполнять ихъ съ твердостью, соотвѣтствующею положенію дѣлъ? Человѣку, который глухъ къ голосу долга, всегда пріятнѣе выгораживать себя и умывать руки, чѣмъ подвергаться клеветамъ и злобѣ изъза службы отечеству. Россія, конечно, не забудетъ службы сослуженной ей въ трудное время. Она прославитъ людей, дѣйствующихъ теперь вѣрно, несмотря на клеветы и крамолы. Эти люди должны вѣрить, что Россія поддержитъ ихъ своимъ сочувствіемъ, которое есть долгъ ея. Да, Россія обязана стать твердымъ щитомъ вокругъ людей, которые не отступаютъ передъ грозною необходимостью блюсти всю строгость закона для спасенія отечества. Она должна радоваться, что находитъ такихъ людей среди кажущагося всеобщаго разслабленія, но было бы безсмысленно и безчестно укорять ее въ томъ, что она будто бы радуется самымъ казнямъ. Въ какой странѣ не цѣнится храбрость на полѣ битвы? Но развѣ въ битвѣ не льется кровь, и развѣ кто-нибудь кромѣ изверга или помѣшенаго радуется ужасамъ войны? Если намъ объявляютъ войну, мы должны сражаться. Если поднимается мятежъ, мы должны подавлять его. Мы были бы подлецами и измѣнниками, еслибы отказались отъ исполненія этой обязанности. О полководцѣ покрывающемъ себя лаврами не говорятъ, что онъ кровожадца, столь же мало заслуживаетъ упрека въ кровожадности сановникъ приводящій въ дѣйствіе энергическія мѣры, когда онѣ требуются необходимостію и оправдываются закономъ. Все это ясно какъ Божій день, все это, разумѣется, ясно и католическимъ ксендзамъ, но имъ невыгодно сознаваться въ томъ, что это для нихъ ясно. Они поднимали противъ насъ вопль, когда мы грѣшили только излишнею уступчивостью. Какъ же не вопить имъ теперь, когда мы перестаемъ страдать этимъ недугомъ? Они попытаются, конечно, распустить о насъ всякую ложь, и убѣдить всю Европу въ нашей кровожадности; они, конечно, воспользуются тѣмъ, что Европа теперь расположена ихъ слушать, и постараются всячески запугать насъ. Но они ошибутся. Чѣмъ болѣе будутъ кричать они, тѣмъ менѣе должны мы будемъ обращать вниманія на ихъ крики. Въ Ковенской губерніи возстаніе организовано почти исключительно ксендзами. Но Ковенская губернія очень важна для насъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ обратили на нее преимущественное вниманіе польскіе революціонеры. Только чрезъ Ковенскую губернію мятежъ можетъ имѣть сообщенія съ моремъ, и только чрезъ Ковенскую губернію могутъ западныя державы что-нибудь сдѣлать въ пользу мятежа. Поэтому возстаніе въ Ковенской губерніи должно быть подавлено во что бы то ни стало. Разумѣется, тутъ дѣло не можетъ обойдтись безъ кровопролитія, и можетъ-быть безъ страшнаго кровопролитія. Но кто тутъ будетъ виноватъ какъ не ксендзы? Неужели было бы справедливо, еслибъ они избѣгли заслуженнаго наказанія, причинивъ всю эту рѣзню? То государство существовать не можетъ, которое оставило бы безнаказанными подобныя преступленія.

Мы должны заранѣе приготовиться къ тому крику, который произойдетъ въ Европѣ, когда совершится покореніе Самогитіи. Уже теперь когда только предчувствуется это убійственное для мятежа событіе, поднялись вопли противъ жестокостей, которыя будтобы позволяетъ себѣ генералъ Муравьевъ. Изъ Вильна намъ ничего не пишутъ объ этихъ жестокостяхъ. Если польскимъ дамамъ запрещено носить трауръ, то это не что иное какъ запрещеніе политической демонстраціи, поддерживающей волненіе, и притомъ такой демонстраціи, которою стѣснялась свобода частныхъ лицъ. Относительно траура былъ своего рода терроръ. Гимназисты ходили по улицамъ и потихоньку обливали разными кислотами цвѣтныя платья дамъ, не носившихъ траура. Мы уже упоминали однажды о томъ, какъ въ Варшавѣ обрывали цвѣтные банты на дамскихъ платьяхъ. Теперь намъ пишутъ изъ Кіева, что и тамъ, въ нашемъ православномъ Кіевѣ, дамамъ было небезопасно показаться публично въ цвѣтномъ платьѣ. Рыцари польскаго революціоннаго комитета оплевали однажды на Крещатикѣ русскую даму, виноватую въ томъ, что она не подчинилась съ подобающею деликатностью мѣстнымъ обычаямъ „господствующей“ въ Кіевѣ польской націи. Чтобы положить конецъ этому террору, надобно было запретить трауръ. Иного средства не было, и кто видитъ въ этомъ запрещеніи нарушеніе свободы, тотъ упу-

скаетъ изъ виду, что государство въ правѣ давать каждому гражданину только ту свободу, которая не вредитъ свободѣ его сограждан. Въ иностранныхъ газетахъ пишутъ еще, будто жены, дѣти и вообще родственники подвергаются полицейскимъ преслѣдованьямъ за преступленія инсургентовъ. Сколько намъ извѣстно, полиціи тамъ такъ много дѣла съ самими мятежниками, что о ихъ родственникахъ ей еще некогда и думать. Подъ обвиненіе иностранныхъ газетъ подходитъ развѣ одинъ случай, бывшій въ имѣніи Свенторжецкаго, гдѣ былъ повѣшенъ православный священникъ Конопасевичъ. Намъ пишутъ изъ Вильна, что въ усадьбѣ Свенторжецкаго, которую велѣно было сравнять съ землей, жили отецъ и мать его (жена его находится за границей), и что они были перевезены подъ арестомъ въ Минскъ. Еслибъ они даже и не были виновны въ содѣйствіи преступленіямъ ихъ сына, то съ ними ничего другаго нельзя было сдѣлать, какъ перевезти ихъ въ Минскъ. Что же касается до усадьбы, то военное начальство имѣло полное право распорядиться съ нею какъ оно нашло нужнымъ. Какъ скоро не было сомнѣнія въ томъ, что о. Конопасевичъ повѣшенъ по приказанію Свенторжецкаго однимъ изъ его служителей, то срытіе его усадьбы было дѣломъ справедливымъ и разумнымъ: лучше срыть усадьбу, чѣмъ поддерживать убѣжденіе что подобныя преступленія могутъ совершаться безнаказанно. Надобно знать положеніе Западнаго края, чтобы справедливо судить о мѣрахъ, тамъ принимаемыхъ. Контрибуція съ помѣщиковъ этого края возвѣщаемая въ циркулярномъ предположеніи генералъ-губернатора, которое читатели найдутъ ниже, могла бы подать поводъ къ порицаніямъ, еслибы не было извѣстно, что всѣ польскіе помѣщики Западнаго края, за весьма малыми исключеніями, платили налогъ, установленный революціоннымъ комитетомъ, и всѣ ксендзы, также за весьма немногими исключеніями, присягнули этому комитету. Не будь этого обстоятельства, контрибуцію можно было бы налагать только на помѣщиковъ и ксендзовъ уличенныхъ въ мятежѣ; на нее слѣдовало бы смотрѣть какъ на исключительную мѣру. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, совершенно справедливо ввести контрибуцію какъ мѣру общую исключивъ изъ нея только тѣхъ лицъ, которыя докажутъ, что имѣютъ право на исключеніе. Эта мѣра вызоветъ, разумѣется, еще болѣе рѣзкія нападки на русское правительство чѣмъ невинное вмѣшательство въ дамскій костюмъ. Но всякій благоразумный человѣкъ, рано или поздно, долженъ будетъ признать, что справедливость къ русскимъ плательщикамъ податей требовала наложенія контрибуціи на виновниковъ польскаго мятежа, а противъ враждебныхъ заявленій чужаго общественнаго мнѣнія, противъ его назойливыхъ и невѣрныхъ нападокъ, одно самое дѣйствительное и вѣрное средство — опереться на общественное мнѣніе своей страны, на интересы отечества, на чувства своего народа.

Ниже подъ рубрикою *Англія* помѣщена статья изъ *Morning Post*, написанная съ коварною цѣлію сконфузить и напугать нашихъ государственныхъ людей. Русскій человѣкъ не можетъ прочитать эту статью спокойно. Нельзя не отдать справедливости пальмерстоновской политикѣ за ея ловкость; нельзя не отдать справедливости уму, опытности и такту государственныхъ людей Англіи: но не слишкомъ ли они хитрятъ, и не ошиблись ли они въ своихъ разчетахъ? Грѣхъ бываетъ на всякаго мудреца; не случился ли грѣхъ съ англійскими мудрецами? Пусть во всякомъ случаѣ они знаютъ, что въ настоящее время они имѣютъ дѣло не съ тѣми или другими лицами, на которыхъ они можетъ быть разчитывали произвести такое или другое впечатлѣніе, а съ цѣлою великою страной, съ цѣлымъ великимъ народомъ затронутымъ во всѣхъ основахъ своего существованія. Пусть они не думаютъ, что всѣ эти возмутительныя наглости, что всѣ эти недостойныя оскорбленія останутся безъ послѣдствій и безъ отзыва въ томъ народѣ, который имъ подвергается; пусть они знаютъ, что въ этомъ народѣ уже поднялись всѣ глубокія, всѣ сокровенныя силы его. Лордамъ Пальмерстонамъ пора наконецъ понять, что дѣло уже сдѣлано и воротить его будетъ трудно; пора имъ понять что интрига не кончится интригою, и что на горизонтѣ дѣйствительно собирается буря, которой послѣдствія могутъ выйдти изъ всякихъ разчетовъ. Эти хитроумные политики убѣждаютъ наше правительство не истощать далѣе ихъ „снисходительности“. Такою наглостію рѣчи они разчитываютъ уязвить наше правительство. Коварно и вмѣстѣ наивно пугаютъ они насъ грозой, которая скопляется въ палатѣ общинъ.

„Гроза все скопляется, сказано въ *Morning Post*, и чѣмъ далѣе ее сдерживать, тѣмъ сильнѣе она разразится." Эта гроза — рѣчи гг. Поповъ Геннесси и К° съ ихъ нелѣпостями, грубостями и наглостями. Они думаютъ, что эта гроза можетъ что-нибудь значить въ настоящее время, когда не шутовская, а дѣйствительная гроза — не скопляется, а уже скопилась и готова разразиться, когда всѣ горючіе матеріалы Европы ждутъ только искры чтобы вспыхнуть страшнымъ пожаромъ...

У англійскихъ политиковъ, безъ сомнѣнія, есть планъ хорошо обдуманный, но они слишкомъ понадѣялись на свои планы и забыли, что не все въ мірѣ совершается по плану; они не сообразили также, что въ ихъ планъ не вошло много элементовъ, которые остаются имъ неизвѣстны. Вопреки своей опытности, вопреки своему политическому смыслу, они вообразили что могутъ точно также дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ по отношенію къ Россіи, какъ дѣйствовали недавно въ итальянскомъ дѣлѣ по отношенію къ Австріи. Тамъ интрига удалась, но здѣсь, повторимъ, дѣло начатое интригой будетъ кончено не ею. Россія не Австрія; съ народомъ живымъ, съ народомъ великимъ, нельзя такъ обращаться... Англійскіе политики не хотятъ всеобщей европейской войны, они сознаются въ этомъ, и въ этомъ имъ можно повѣрить; они, дѣйствительно, надѣются, что дѣло обойдется съ наименьшимъ для нихъ расходомъ, и что они до конца останутся руководителями событій. Они не предчувствуютъ того, что событія съ самаго начала вырвутся изъ ихъ рукъ и повлекутъ ихъ туда, куда они не хотятъ идти. Они не предчувствуютъ что миръ Европы, который имъ такъ дорогъ, о которомъ они такъ заботятся, съ которымъ соединены всѣ ихъ интересы, будетъ нарушенъ, глубоко нарушенъ, на долго нарушенъ. Они вспоминаютъ о крымской кампаніи, но они не сообразили, что въ тогдашнее дѣло не входили тѣ страшныя силы, которыя теперь такъ неразчетливо, такъ неразумно затронуты и вызваны изъ своей глубины. Война, которою такъ легкомысленно грозятъ намъ многоумные и опытные политики Англіи, будетъ не простая война: она потрясетъ Европу въ ея основаніяхъ; она измѣнитъ лицо Европы; она всею силою своею отзовется и на Англіи. Въ ходѣ событій уже чувствуется, что приходятъ къ концу разчеты человѣческой хитрости и человѣческой мудрости, чувствуется что дѣло уже въ рукахъ Божіихъ.

№ 135.

Москва, 20-го іюня.

Польскій вопросъ, къ которому Англія такъ долго чувствовала не притворное равнодушіе и въ которомъ въ послѣднее время она старалась принять только разчитанное участіе, начинаетъ теперь сильно занимать въ ней всѣ умы. Не проходитъ дня, чтобы въ томъ или другомъ изъ главныхъ руководящихъ ея журналовъ не появлялось передовой статьи посвященной этому вопросу; почти ни одно засѣданіе парламента не обходится безъ того, чтобы тотъ или другой членъ не сдѣлалъ какихъ-либо запросовъ по польскимъ дѣламъ. Общественное мнѣніе Англіи, очевидно, находится въ напряженномъ состояніи, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чѣмъ разрѣшится вся эта кутерьма поднятая по поводу польскаго возстанія. При этомъ и въ парламентѣ, и въ печати то-и-дѣло слышатся завѣренія, что Англія не хочетъ войны, и только *Morning Post*, считающій почему-то своимъ долгомъ стращать и оскорблять наше правительство, нарушаетъ гармонію этого общаго хора, и указываетъ на возможность войны даже противъ воли британскаго правительства. *Daily News*, какъ видно изъ помѣщенной ниже статьи, предпочитаетъ дѣйствовать на насъ не страхомъ, а обольщеніемъ. Эта газета, недавно перепечатавшая изъ *Московскихъ Вѣдомостей* отрывокъ статьи о томъ какъ русскіе крейсеры могутъ вредить британской торговлѣ, очевидно, болѣе своего собрата принимаетъ въ соображеніе нынѣшнее настроеніе русскаго народа, и какъ-будто догадывается, что намѣреніе застращать его можетъ имѣть совершенно противоположныя послѣдствія: она разсчитываетъ болѣе на мягкость русскаго правительства, основываясь, по всей вѣроятности, на данныхъ, которыя для настоящей минуты, когда весь народъ русскій высказался какъ одинъ человѣкъ, не имѣютъ никакого значенія. *Daily News* старается увѣрить насъ, что лучше всего было бы князю Горчакову принять, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые пункты, и тѣмъ затянуть переговоры, а вмѣстѣ продлить и все возстаніе,

а еще лучше было бы принять предложенія цѣликомъ. Такой образъ дѣйствій, по словамъ англійской газеты, состоящей въ нѣкоторыхъ связяхъ съ графомъ Росселемъ, былъ бы совершенно безопасенъ для Россіи, и не имѣлъ бы никакихъ практическихъ послѣдствій: онъ устранилъ бы возможность войны, а между тѣмъ не подвергъ бы Россію неудобствамъ, проистекающимъ отъ предлагаемаго ей порядка вещей въ Польшѣ, такъ какъ Поляки не удовольствовались бы этими уступками и отвергли бы ихъ. *Daily News* доходитъ даже до сознанія, что шесть пунктовъ, такъ мало соотвѣтствующіе желаніямъ Поляковъ, служатъ явнымъ доказательствомъ, что „сердце и воля трехъ державъ нисколько не участвуютъ въ польскомъ дѣлѣ.“ Это, дѣйствительно, сущая правда, и мы очень желали бы, чтобы Поляки приняли къ свѣдѣнію это признаніе. Справедливо и то, что притязанія Поляковъ также безпредѣльны, какъ и притязанія исповѣдываемаго ими латинства. Но никакъ не меньше справедливо, что не участвуя въ польскомъ дѣлѣ ни сердцемъ, ни волей и зная безпредѣльность польскихъ притязаній, честная политика не должна бы питать несбыточныя надежды въ Полякахъ, раздувать ихъ ненависть къ Россіи и длить кровопролитіе. Англійская журналистика говоритъ со словъ самихъ Поляковъ, что они не удовлетворились бы и полнымъ возстановленіемъ конституціи 1815 года, то-есть, политическимъ отдѣленіемъ Польши отъ Россіи съ предоставленіемъ даже особой національной арміи: они требуютъ себѣ или полной независимости отъ Россіи, со включеніемъ, безъ сомнѣнія, въ составъ этого независимаго Польскаго государства, всего нашего Западнаго края, или, по меньшей мѣрѣ, присоединенія къ Царству Польскому всего этого края и распространенія на него конституціи 1815 г.; и только въ такомъ случаѣ соглашаются признать своимъ государемъ Императора Александра II; то-есть, они во всякомъ случаѣ требуютъ раздробленія Россіи и господства надъ чисторусскимъ населеніемъ, которое въ Западномъ краѣ составляетъ огромное большинство. О добровольномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій они также не думаютъ, если-бы Россія и согласилась на это невозможное предложеніе: претензіи ихъ въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ согласно между собою и *Morning Post* и корреспондентъ *Times*, простираются не болѣе и не менѣе какъ до того, чтобы предварительно прекращенія военныхъ дѣйствій созванъ былъ европейскій конгрессъ, на которомъ рядомъ съ русскимъ вице-канцлеромъ и министрами другихъ державъ возсѣдалъ бы и уполномоченный отъ ихъ подпольнаго правительства, далѣе чтобы тотчасъ же созванъ былъ сеймъ изъ депутатовъ отъ Царства Польскаго и всѣхъ русскихъ провинцій, нѣкогда принадлежавшихъ къ Польшѣ, то-есть, чтобы Россія напередъ согласилась на самораздробленіе, и наконецъ, въ довершеніе всего, чтобы всѣ ихъ бродячія шайки соединились въ одну національную польскую армію и удержали на все время переговоровъ оружіе въ своихъ рукахъ. Вотъ на какихъ условіяхъ Поляки соглашаются пріостановить свои военныя дѣйствія! Вотъ какою цѣною должны мы купить себѣ временную *пощаду* отъ этихъ *непобѣдимыхъ* польскихъ легіоновъ! Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ эти бродячія шайки отъ 200 и до 2.000 человѣкъ уже успѣли уничтожить не одну армію высылавшуюся противъ нихъ, и довели уже Россію до такого истощенія, что у нея нѣтъ силъ продолжать борьбу!

Еслибы кто заподозрилъ вѣрность показаній *Morning Post* и *Times*, того мы попросили бы прочесть ниже отчетъ о засѣданіи палаты депутатовъ австрійскаго имперскаго совѣта и обратить вниманіе на рѣчь польскаго депутата г. Грохольскаго. Австрія дѣйствуетъ за одно съ двумя западными державами въ пользу Польши, или, лучше, противъ Россіи; въ отвѣтныхъ адресахъ обѣихъ ея палатъ на тронную рѣчь вполнѣ одобряется эта политика Австріи; въ томъ же засѣданіи два представителя нѣмецкой партіи централистовъ, знаменемъ которой служитъ политическое единство имперіи, высказались очень энергически въ пользу Поляковъ; все это должно было бы задобрить г. Грохольскаго, и побудить его по крайней мѣрѣ не касаться вопроса о Галиціи и о Краковѣ, о присоединеніи ихъ къ будущему могущественному польскому королевству. Но какъ ни сдерживалъ себя почтенный депутатъ, давно лелѣемыя польскія мечты прорвались въ его рѣчи, и теперь мы знаемъ, что Поляки не успокоились бы, еслибъ имъ и удалось раздробить Россію, и что они вслѣдъ за тѣмъ принялись бы отбирать принадлежавшія имъ нѣкогда земли отъ Австріи и отъ Пруссіи.

При такихъ безумныхъ притязаніяхъ, дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что польскіе па-

ны-добродзѣи не могутъ удовольствоваться шестью пунктами, и еслибъ они формально были предложены ихъ революціонному правительству, оно отвергло бы ихъ. Но тѣмъ не мѣнѣе, любезнымъ предложеніемъ *Daily News* нѣтъ возможности воспользоваться и намъ: всякая уступка, сдѣланная теперь, хотя бы ею и не воспользовались Поляки, болѣе или менѣе питала бы ихъ національныя притязанія, поддерживала бы мятежъ и связывала бы намъ руки на будущее время. Къ тому же предлагать уступки, съ заднею мыслію что онѣ не будутъ приняты, было бы не достойно Русскаго Государя. Поляки—его подданные, и онъ обязанъ поступать съ ними открыто и искренно.

Несравненно большею правдою и повидимому даже несравненно большею искренностью начинаютъ отличаться передовыя статьи *Times*. Въ нихъ какъ кажется, идетъ дѣло уже о томъ, чтобы дѣйствовать не на Россію, а на общественное мнѣніе самой Англіи, и предложить ей путь къ выходу изъ того положенія, въ какое поставила ее заносчивая политика лорда Пальмерстона. Нельзя лучше и основательнѣе представить всю невозможность для Россіи согласиться на второй и третій пункты предложеній (о народномъ представительствѣ отдѣльномъ для Польши, но съ широкими политическими правами, и о томъ, чтобы всѣ должностныя лица въ Польшѣ брались исключительно изъ Поляковъ), какъ это сдѣлано въ передовой статьѣ *Times*, сообщенной нами въ № 133-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Вмѣстѣ съ лондонскимъ *Экономистомъ*, съ *Morning Herald*, съ графомъ Элленборо, съ г. Дизраэли, *Times* какъ нельзя лучше понимаетъ невозможность особой конституціи для Польши. Ко всѣмъ прочимъ доводамъ, приведеннымъ съ русской точки зрѣнія въ статьѣ отъ 25-го іюня, *Times* прибавляетъ теперь еще одинъ очень сильный доводъ: неспособность Поляковъ къ самоуправленію и къ конституціоннымъ порядкамъ: „Польша, сказано въ приводимой ниже статьѣ, не пережила еще своего стародавняго духа партій и соперничества между аристократическими фамиліями, доказательствомъ чему служатъ даже событія нынѣшней ея борьбы.“ Поляки, по мнѣнію *Times*, умирающій народъ, агонію котораго можно только продлить предложеніями теперь Россіи условіями. Что думаютъ *Times*, *the Economist*, графъ Элленборо и г. Дизраэли, то думаетъ, безъ сомнѣнія, вся Англія. Спрашивается, съ какой же стати, при такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія Англіи, при такомъ отсутствіи всякой серіозной мысли идти на войну за Польшу, о чемъ снова энергически свидѣтельствуетъ *Times*, съ какой стати ея правительство, всегда такъ чуткое къ расположенію общественнаго мнѣнія, такъ горячилось въ своихъ переговорахъ о Польшѣ и съ Россіей и съ Франціей, выставляло свои требованія и отправило вмѣстѣ съ Франціей, и Австріей невозможную для насъ программу? Это—загадка, для точнаго разрѣшенія которой мы не имѣемъ еще достаточныхъ данныхъ. Очень можетъ-быть, что польша послужила британскому кабинету только громоотводомъ для грозы, которая, говорятъ, будто бы готова была разразиться нынѣшнею весною надъ турецкою имперіею, и средствомъ поставить Францію и Россію въ возможно-худшія отношенія между собою. Можетъ-быть также, что Англія прицѣпилась къ Франціи и прицѣпила къ ней и Австрію изъ опасенія, что слишкомъ вольный полетъ Наполеоновскаго орла, несдержанный этими прицѣпками, можетъ нарушить миръ и спокойствіе цѣлой Европы и кончиться чувствительнымъ ущербомъ прежде всего для Пруссіи, а потомъ, пожалуй, и для Австріи. Наконецъ, можетъ-быть Англія хотѣла пощупать пульсъ Россіи, чтобъ узнать что сталось съ нею послѣ крымской войны и освобожденія крестьянъ.

Какъ бы то ни было, *Times* не перестаетъ увѣрять, что какая бы судьба ни постигла предложеніе Англіи, она никогда серіозно не имѣла мысли идти на войну за Польшу, и прибавляетъ къ этому, что и во Франціи, вопреки громкимъ словамъ и рѣзкимъ писаніямъ, большинство вовсе не въ пользу такой войны. Органъ Лондонскаго Города, въ предчувствіи той участи, которая безъ сомнѣнія постигнетъ въ Петербургѣ предложенія трехъ державъ, сильно сѣтуетъ на то, что другаго выбора нѣтъ, кромѣ войны, которой никакъ не слѣдуетъ начинать, или мира, который послѣ всего что было сдѣлано, можетъ быть только безславнымъ.

Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи менѣе затруднительно. Колебаться ей нечего и невозможно, въ виду колеблющихся недоброжелателей своихъ, въ виду твердой рѣшимости своего народа стоять за свои историческія права, за свою народ-

ность, наконецъ за свою вѣру въ Западномъ краѣ Россіи, и съ другой стороны въ виду невозможныхъ требованій, несостоятельность которыхъ такъ хорошо разумѣютъ сами требователи. Ей предстоитъ безъ малѣйшихъ колебаній настаивать на своемъ безусловномъ правѣ: смирить непокорныхъ подданныхъ, и принять такія мѣры, водворить такіе порядки, какіе сама она найдетъ необходимыми для прочнаго замиренія Поляковъ и для правильнаго и разумнаго развитія государственнаго быта на всемъ пространствѣ своей территоріи со включеніемъ и Польши. Хотя бы и пришлось для огражденія этого права вооружиться всѣмъ поголовно отъ мала и до велика, Россія не можетъ отъ него отступиться, потому что это значило бы отступиться отъ себя самой.

№ 136.

Москва, 21-го іюня.

Интрига, вездѣ интрига, коварная іезуитская интрига, іезуитская и по своему происхожденію, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженнаго возстанія въ Польшѣ, эта интрига начала свои дѣйствія. Все что въ нашемъ обществѣ, до сихъ поръ еще не признанномъ какъ слѣдуетъ и существующемъ какъ будто въ тайнѣ, все что завелось въ немъ нечистаго, гнилаго, сумасброднаго, она сумѣла прибрать къ рукамъ и организовать для своихъ цѣлей. Наши жалкіе революціонеры, сознательно или безсознательно, стали ея орудіями. Нашъ нелѣпый матеріализмъ, атеизмъ, всякаго рода эманципаціи, и смѣшныя и возмутительныя, нашли въ ней дѣятельную себѣ поддержку. Она съ радостію покровительствовала всему этому разврату, и распространяла его всѣми способами. Она умѣла вызывать нѣкоторыя выгодныя ея административныя распоряженія; она отлично умѣла пользоваться крайнею анархіей въ системѣ нашего народнаго просвѣщенія; она садилась на школьную скамью, она взлѣзала на учительскую каѳедру, и безъ сомнѣнія нерѣдко случалось, что иной либералъ-наставникъ, еще менѣе зрѣлый умомъ чѣмъ его двѣнадцатилѣтній воспитанникъ, проповѣдуя космополитизмъ или безвѣріе, служилъ чрезъ десятыя руки органомъ іезуитской интриги и очень опредѣленной національности, рывшейся подъ землею и во мракѣ подкапывавшейся подъ всѣ корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумѣется, не упустила воспользоваться и украйно-фильскими тенденціями, на которыя наше общественное мнѣніе еще не обратило должнаго вниманія, потому что общественнаго мнѣнія у насъ не существовало, потому что общественное мнѣніе было у насъ случайнымъ сбродомъ всякихъ элементовъ, преданныхъ на жертву всякому вліянію и всякой интригѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Русская народность несравненно менѣе чѣмъ какая-либо другая великая народность въ Европѣ заключаетъ въ себѣ рѣзкихъ оттѣнковъ. Въ Германіи, въ Италіи, даже во Франціи, несмотря на сильную централизацію этой послѣдней страны, вездѣ есть рѣзкія особенности и мѣстныя нарѣчія до такой степени своеобразныя, что еслибы не было общаго государственнаго и литературнаго языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать другъ друга и должны были бы разойдтись на множество особыхъ центровъ. Если бы не было одного итальянскаго языка, то жителю Милана почти также трудно было бы понимать Неаполитанца, какъ и Испанца, или даже какъ своихъ вѣчныхъ враговъ Тедесковъ. Въ Германіи что ни мѣстность, то особенное нарѣчіе, и до такой степени особенное, что человѣкъ, отлично знающій понѣмецки, не пойметъ ни слова въ иномъ мѣстномъ говорѣ. Во Франціи то же самое, и то же самое въ Англіи. Во всѣхъ этихъ странахъ, при могуществѣ общей всѣмъ цивилизаціи и литературнаго языка, существуютъ рѣзкія народныя особенности и рѣзкія мѣстныя нарѣчія, которыя гораздо болѣе разнятся между собою чѣмъ даже языки русскій и польскій. Въ Россіи несравненно менѣе розни въ языкѣ чѣмъ гдѣнибудь, и менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской землѣ гдѣ только живетъ русскій народъ всѣхъ оттѣнковъ, и вы безъ труда поймете всякаго, и васъ безъ труда поймутъ всякій. Наиболѣе рѣзкую особенность встрѣтите вы въ малороссійскомъ и бѣлорусскомъ говорѣ. Но почему это? Заселены ли эти мѣста какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися къ русской, и вошедшими въ составъ его государства? Нѣтъ, здѣсь исконни жилъ русскій народъ, здѣсь началось русское государство, здѣсь нача-

лась русская вѣра, и здѣсь же начался русскій языкъ. Здѣсь впервые родилось историческое самосознаніе русскаго народа, здѣсь явились первые памятники его духовной жизни, его образованія, его литературы. Южное и сѣверное, западное и восточное народонаселенія Россіи съ самаго начала сознавали себя какъ одинъ народъ; да и нѣтъ ни одного признака въ исторіи, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизмъ. Но Монголы и Литва разрознили на нѣкоторое время русскія народонаселенія, и югозападная часть нашего народа подпавшая подъ польское иго долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но тѣмъ не менѣе время разъединенія съ Россіей внесло въ южно-русскую рѣчь нѣсколько польскихъ элементовъ, и вообще нѣсколько обособило ее, болѣе чѣмъ на сколько разнятся между собою другіе мѣстные говоры въ Россіи.

Какъ есть вездѣ, такъ естественно были и у насъ любители мѣстныхъ нарѣчій. Дѣлались попытки писать стихи и разказы съ поддѣлкою подъ малороссійскій говоръ; но дѣлались безъ всякой цѣли, ради куріоза, или для мѣстнаго колорита, и вообще въ видахъ чисто литературныхъ, подобно тому какъ во Франціи сочиняются стихи на мѣстныхъ жаргонахъ, подобно тому какъ нѣмецкій поэтъ Гебель писалъ свои идилліи на аллеманскомъ нарѣчіи. У писавшихъ не было и тѣни замысла создать изъ мѣстнаго нарѣчія особый языкъ и возвести его въ символъ особенной народности. Если же и встрѣчались нѣкоторые позывы сепаратизма, если и зараждалась иногда темная мысль о разъединеніи единой и нераздѣльной народности, то эта мысль оставалась безвредною по своей несостоятельности; она не могла дѣйствовать въ жизни, и была только фальшивымъ литературнымъ направленіемъ. Положительно вредною она могла стать только какъ примѣсь къ чему-нибудь другому, какъ готовое пособіе для какихъ-нибудь болѣе практическихъ доктринъ, какъ готовое орудіе для какой-нибудь болѣе серіозной пропаганды.

Года два или три тому назадъ, вдругъ почему то разыгралось украйнофильство. Оно пошло параллельно со всѣми другими отрицательными направленіями, которыя вдругъ овладѣли нашею литературой, нашею молодежью, нашимъ прогрессивнымъ чиновничествомъ и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно въ ту самую пору, когда принялась дѣйствовать іезуитская интрига по правиламъ извѣстнаго польскаго катихизиса. Польскіе публицисты съ безстыдною наглостію начали доказывать Европѣ, что русская народность есть призракъ, что юго-западная Русь не имѣетъ ничего общаго съ остальнымъ народомъ русскимъ, и что она по своимъ племеннымъ особенностямъ гораздо болѣе тяготѣетъ къ Польшѣ. На это грубѣйшее искаженіе исторіи, наша литература, къ стыду своему, отозвалась тѣмъ же ученіемъ о какихъ то двухъ русскихъ народностяхъ и двухъ русскихъ языкахъ. Возмутительный и нелѣпый софизмъ! Какъ будто возможны двѣ русскія народности и два русскіе языка, какъ будто возможны двѣ французскія народности и два французскіе языка! И вотъ мало по мало изъ ничего образовалась цѣлая литературная украйнофильская партія, вербуя себѣ приверженцевъ въ нашей беззащитной молодежи. Истощались всѣ прельщенія, чтобы связать съ этою новою неожиданною пропагандой разные великодушные порывы, размыя смутно понимаемыя тенденціи, разныя сердечныя чувствованія. Изъ ничего вдругъ появились герои и полубоги, предметы поклоненія, великіе символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Меѳодіи съ удивительнѣйшими азбуками, и на Божій свѣтъ былъ пущенъ пуфъ какого-то небывалаго малороссійскаго языка. По украинскимъ селамъ начали появляться, въ бараньихъ шапкахъ, усердные распространители малороссійской грамотности, и начали заводить малороссійскія школы, въ противность усиліямъ мѣстнаго духовенства, которое вмѣстѣ съ крестьянами не знало какъ отбиться отъ этихъ непрошеныхъ просвѣтителей. Пошли появляться книжки на новосочиненномъ малороссійскомъ языкѣ. Наконецъ, однимъ профессоромъ, составившимъ себѣ литературную извѣстность, торжественно открыта національная подписка для сбора денегъ на изданіе малороссійскихъ книгъ и книжекъ.

Мы далеки отъ мысли бросать тѣнь подозрѣнія на намѣренія нашихъ украйнофиловъ. Мы вполнѣ понимаемъ что большинство этихъ людей не отдаютъ себѣ отчета въ своихъ стремленіяхъ. Мы отдаемъ должную дань, и легковѣрію, и легкомыслію, и умственной незрѣлости, и безха-

рактерности. Но не пора ли, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, подумать о томъ, что̀ мы дѣлаемъ? Не пора ли этимъ украйнофиламъ понять, что они дѣлаютъ нечистое дѣло, что они служатъ орудіемъ самой враждебной и темной интриги, что ихъ обманываютъ, что ихъ дурачатъ? Изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи получаемъ мы вопіющія письма объ этомъ зловредномъ явленіи, которое тревожитъ и возмущаетъ тамъ мыслящихъ и серіозныхъ людей. Нити интриги обнаруживаются все ясиѣе и ясиѣе, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что украйнофилы находятся въ рукахъ интригановъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что украйнофилы служатъ покорнымъ орудіемъ заклятыхъ враговъ своей Украйны. Нашимъ украйнофиламъ пора одуматься и понять, въ какую бездну хотятъ ихъ ввергнуть. Мы знаемъ, что самые фанатическіе изъ польскихъ агитаторовъ ожидаютъ рано или поздно особенной пользы своему дѣлу отъ украйнофильства, что они радуются этому движенію, и поддерживаютъ его всѣми способами, разумѣется, прикрывая себя разными масками. Въ самомъ дѣлѣ ставя вопросъ о существованіи русскаго народа, чего лучшаго могутъ ожидать польскіе фанатики какъ не разложенія въ собственныхъ нѣдрахъ русскаго народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украйнофилами; имѣя на мысли великій идеалъ въ лицѣ Конрада Валленрода, они великодушно отрекутся отъ собственной народности въ пользу украинской, и отрекутся тѣмъ охотнѣе, что украинской народности не существуетъ, а существуетъ только возможность произвести въ русскомъ народѣ броженіе, которое всего дѣйствительнѣе можетъ послужить цѣлямъ враговъ Россіи, поднимающимъ вопросъ о самомъ существованіи ея.

Польскіе повстанцы, которые дерутся и гибнутъ въ лѣсахъ, знаютъ по крайней мѣрѣ чего они хотятъ. Польская народность жила когда-то особымъ государствомъ и имѣла самостоятельное историческое существованіе; польскій языкъ есть языкъ существующій, языкъ обработанный, имѣющій литературу. Польскіе повстанцы знаютъ чего они хотятъ, и желанія ихъ, при всей своей безнадежности, имѣютъ смыслъ, и съ ними можно считаться. Но чего хотятъ наши украйнофилы? Украйна никогда не имѣла особой исторіи, никогда не была особымъ государствомъ, украинскій народъ есть чистый русскій народъ, коренной русскій народъ, существенная часть русскаго народа, безъ которой онъ не можетъ оставаться тѣмъ что̀ онъ есть. Несчастныя историческія обстоятельства, оторвавъ Украйну отъ русскаго корня, насильственно соединили ее на время съ Польшей; но Украйна не хотѣла и не могла быть частью Польши, и изъ временнаго соединенія съ нею, вмѣстѣ съ полонизмами своей мѣстной молви, вынесла вѣчную, неугасимую національную ненависть къ польскому имени. Нигдѣ въ Россіи, даже теперь, Поляки не возбуждаютъ противъ себя собственно-національной ненависти; а въ Украйнѣ кипитъ непримиримая національная ненависть къ Полякамъ. Малороссійскаго языка никогда не было, и несмотря на всѣ усилія украйнофиловъ, до сихъ поръ не существуетъ. Во множествѣ особенныхъ говоровъ югозападнаго края есть общіе оттѣнки, изъ которыхъ искусственнымъ образомъ можно, конечно, сочинить особый языкъ какъ можно сочинить особый языкъ, пожалуй, даже изъ костромскаго или рязанскаго говора. Но спрашивается, изъ какихъ побужденій можетъ возникнуть желаніе сочинить такой особый языкъ, какъ будто не достаточно уже существующаго русскаго языка, принадлежащаго не какой-либо отдѣльной мѣстности, но цѣлому народу нераздѣльному и единому, при всѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ и мѣстныхъ нарѣчіяхъ, впрочемъ несравненно менѣе рѣзкихъ чѣмъ во всякой другой европейской странѣ? Откуда у насъ въ Россіи могло бы взятся такое побужденіе устраивать школы для преподаванія на мѣстномъ нарѣчіи и для возбужденія антагонизма между имъ и общепринятымъ государственнымъ и литературнымъ языкомъ? Кто, кромѣ мономановъ, могъ бы придти къ такой мысли во Франціи, Германіи и Англіи, и какое общество допустило бы эту мысль до осуществленія въ размѣрахъ сколько-нибудь значительныхъ? Общепринятый Русскій языкъ не есть какой-нибудь мѣстный, или какъ говорятъ, великороссійскій языкъ. Можно съ полною очевидностію доказать, что это языкъ не племенной, а историческій, и что въ его образованіи столько же участвовала сѣверная Русь, сколько и южная, и послѣдняя даже болѣе. Всякое усиліе поднять и развить мѣстное нарѣчіе, въ ущербъ существующему общенародному историческому

языку, не можетъ имѣть другой логической цѣли кромѣ расторженія народнаго единства.

Въ письмахъ, которыя мы получаемъ изъ Украйны, намъ сообщаютъ о рѣшительномъ противодѣйствіи крестьянъ всѣмъ этимъ попыткамъ. Въ живомъ народѣ крѣпко сказывается инстинктъ самосохраненія. Но интриганы прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ. Дерзость свою они простираютъ до того, что выдаютъ себя за агентовъ правительства, отправленныхъ будто бы съ цѣлію расшевеливать крестьянъ и допытываться, не пожелаютъ ли они, чтобы дѣтей ихъ въ школахъ учили малороссійской грамотѣ. Сельскій людъ Малороссіи отличается особеннымъ довѣріемъ къ правительству, и не разобравъ въ чемъ дѣло, крестьяне могутъ попадаться на эту удочку и заявлять такія желанія, которыхъ они не имѣютъ и которыя противорѣчатъ ихъ дѣйствительнымъ желаніямъ и самымъ существеннымъ интересамъ.

Въ дѣлѣ народности и языка само общество должно быть на стражѣ. Все что есть серіознаго, зрѣлаго, мыслящаго въ Украйнѣ, особенно духовенство, должно энергически противодѣйствовать интригѣ и изобличать интригановъ. Мыслящіе люди должны ограждать сельскій людъ отъ происковъ, объяснять ему, въ чемъ заключается ихъ смыслъ и куда они клонятся, раскрывать обманъ и растолковывать ему, что правительство никакъ не можетъ заводить школы для развитія мѣстнаго нарѣчія въ ущербъ государственному языку; не можетъ употреблять народныя деньги на такое дѣло, которое явно клонится къ ослабленію и расторженію народнаго единства. Всякій сколько-нибудь мыслящій человѣкъ, всякій способный принять къ сердцу общее дѣло и серіозно подумать объ интересахъ отечества, долженъ понять, что нѣтъ ничего пагубнѣе какъ систематическими усиліями поднимать мѣстное нарѣчіе на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая розня не можетъ произвести такихъ пагубныхъ послѣдствій, и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народъ въ Бѣлоруссіи, старается создать призракъ особой народности въ Украйнѣ, и что послѣднее еще горше перваго.

Въ Галиціи, несмотря на давнее отдѣленіе этого края отъ родной Россіи, писали языкомъ подходящимъ къ типу общепринятаго русскаго языка, и только въ послѣднее время, благодаря усиліямъ нашихъ украйнофиловъ и настойчивымъ требованіямъ Поляковъ, львовская газета *Слово* начала отдаляться отъ этого типа; она представляетъ теперь самый уродливый макаронизмъ. Но въ Угорской Руси (въ Венгріи), куда польское вліяніе не простирается, сохраняется и блюдется въ возможной чистотѣ русскій языкъ, такъ что все что тамъ писалось и все что оттуда пишется въ львовскомъ *Словѣ*, кромѣ нѣкоторыхъ неловкостей въ оборотахъ рѣчи, почти не разнится отъ обыкновеннаго русскаго языка. За то теперь австрійское правительство запретило журналъ выходившій въ Угорской Руси; оно требовало чтобы наши родичи отказались отъ настоящаго русскаго языка и писали тою же уродливою рѣчью, какою пишутъ львовскіе литераторы, подъ фирмою русскаго языка; но угорскіе Русины объявили, что они другаго русскаго языка не знаютъ, кромѣ существующаго, и предпочли замолкнуть.

Какой же смыслъ можетъ имѣть въ самой Россіи это такъ-называемое украйнофильское направленіе? Грустная судьба постигаетъ эти украйнофильскія стремленія! Они точь въ точь совпадаютъ съ враждебными русской народности польскими интересами и распоряженіями австрійскаго правительства.

Неужели наши украйнофилы, безсознательно завлеченные въ интригу, будутъ работать на нее даже и теперь когда народъ на Украйнѣ такъ энергически доказалъ свою преданность общему отечеству, и когда, по селамъ Русскаго царства, у всѣхъ въ устахъ и на сердцѣ имя Кіева, златоверхаго Кіева, — имя производящее могущественное дѣйствіе на всякаго русскаго человѣка, какой бы онъ ни былъ уроженецъ, — имя, въ которомъ быть можетъ еще болѣе единящей силы чѣмъ въ имени самой Москвы? Наши украйнофилы должны пристальнѣе вглядѣться въ лицо софизмамъ, которыми ихъ обольщаютъ. Если Русская земля должна быть одна и русскій народъ долженъ быть одинъ, то не можетъ быть двухъ русскихъ народностей, двухъ русскихъ языковъ: это очевиднѣе чѣмъ дважды два четыре. А если Украйна не можетъ имѣть особаго политическаго существованія, то какой же смыслъ имѣютъ эти усилія, эти стремленія дать ей особый языкъ, особую

литературу, и устроить дѣло такъ чтобъ уроженецъ кіевскій современемъ какъ можно менѣе понималъ уроженца московскаго, и чтобъ они должны были прибѣгать къ посредству чужаго языка, для того чтобы объясняться между собою? Какой же смыслъ искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разразнивать ихъ силы, между тѣмъ какъ только изъ взаимнодѣйстія ихъ силъ можетъ развиваться жизнь цѣлаго, благотворная для всѣхъ его частей?

Давно уже замѣчали мы признаки этого фальшиваго направленія въ нашей литературѣ, и неоднократно изъявляли сожалѣніе о томъ, что люди тратятъ свои силы на дѣло, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ добра ожидать не должно. Мы, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современной Лѣтописи*, обращались къ здравому смыслу господъ подвизавшихся на этомъ поприщѣ, но не могли удержаться отъ негодованія, когда нѣкоторые изъ этихъ господъ вздумали было дѣйствовать посредствомъ литературнаго застращиванія, которое было у насъ въ большомъ ходу въ послѣднее время и которое состояло въ томъ чтобы забрасывать грязью всякаго, кто рѣшался поднять независимый голосъ. Мы были очень рады, когда спустя нѣкоторое время нѣсколько кіевскихъ украйнофиловъ прислали для напечатанія свою исповѣдь, въ которой свидѣтельствовали о своемъ патріотизмѣ и чистотѣ своихъ намѣреній. Мы напечатали ихъ исповѣдь; намъ пріятно было вѣрить чистотѣ ихъ намѣреній, и мы не сочли нужнымъ пускаться съ ними въ толки о безплодіи ихъ украйнофильскихъ стремленій, тѣмъ болѣе что въ это время начинали уже разыгрываться польскія смуты. Но за это посыпались на насъ сильные укоры изъ Малороссіи, и насъ обвиняли въ послабленіи. Каемся въ грѣхѣ и постарасмся загладить его.

Кстати, мы считаемъ своимъ долгомъ объявить г. Костомарову, чтобы онъ не трудился присылать въ редакцію нашей газеты объявленія о пожертвованіяхъ собираемыхъ имъ въ пользу изданія малороссійскихъ книгъ. Такихъ объявленій мы печатать не будемъ; и каемся, что въ началѣ этого года, по случайной оплошности, эти объявленія раза два появлялись въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы искренно сожалѣемъ, что г. Костомаровъ ссудилъ свое имя на это дѣло и позволяемъ себѣ надѣяться, что онъ оцѣнитъ наши побужденія и, размысливъ, быть-можетъ и самъ согласится съ нами. Мы думаемъ, что общественный сборъ на такой предметъ по своимъ послѣдствіямъ, если не по намѣреніямъ производящихъ его лицъ, гораздо хуже чѣмъ сборъ на Руси доброхотныхъ подаяній въ пользу польскаго мятежа. Въ замѣнъ того, мы охотно вызываемся печатать объявленія г. Костомарова, если онъ будетъ собирать пожертвованія на развитіе провансальскаго жаргона во Франціи или портомберландскаго въ Англіи. Или пусть эти суммы передаетъ онъ въ кассу нѣмецкаго національнаго *фрейна* на постройку германскаго флота. Лучше бросить эти деньги... Богъ съ ними! Онѣ жгутся.

№ 137.

Москва, 22-го іюня.

Помѣщенные ниже отрывки изъ статьи лондонскаго *Экономиста* служатъ новымъ доказательствомъ, что англійская журналистика, наконецъ, протрезвилась по отношенію къ польскому вопросу, какъ только почуяла возможность войны за такое потерянное дѣло какъ польское и какъ только усмотрѣла, что застращать Россію не такъ легко, какъ это сначала казалось. Угрозы, фальшивыя заявленія, поддѣльный энтузіазмъ въ пользу Поляковъ, уступили мѣсто ясному и здравому обсужденію предмета, и даже газета *Times* развѣнчала Поляковъ и низвела ихъ до степени умирающей націи, воскресить которую нельзя, а можно только продлить ея агонію. Всѣ первостепенные англійскіе журналы, за исключеніемъ одного *Morning Post*, который какъ будто имѣетъ какое-то особое порученіе, въ одинъ голосъ высказались противъ знаменитой программы шести пунктовъ, которая, по словамъ *Экономиста*, придумана и внушена лорду Росселю польскою аристократическою партіей. Всѣ они уразумѣли, что принять эту программу, даровать Польшѣ права, которыхъ не имѣла бы остальная Россія, значило бы подвергнуть ее крайнимъ опасностямъ, и *Экономистъ* позволяетъ себѣ даже говорить, что русскому государю пришлось бы просить покровительства и гарантіи отъ тѣхъ самыхъ державъ, которыя стараются навязать ему свою программу по польскому вопросу. Съ Божіей помощью, дѣло не дойдетъ до такой крайности, и Россія не подвергнется такому уничиженію.

Среди несомнѣннаго отрезвленія англійской журналистики, въ высшей степени прискорбенъ одинъ фактъ: это — продолжающееся непризнаваніе какъ ею, такъ и вообще всею Европой русскаго народа. Его какъ будто бы вовсе не существуетъ, или же какъ будто бы онъ погруженъ въ непробудный сонъ, или наконецъ находится въ состояніи совершеннаго варварства, и принимается такъ же мало въ разчетъ, какъ какое-либо дикое племя Африки. Указывая на несостоятельность программы шести пунктовъ, англійскіе журналы говорятъ съ общей политической точки зрѣнія, нисколько не справляясь съ чувствами и настроеніемъ самого русскаго народа. Имъ какъ будто бы и въ голову не приходитъ, что осуществленіе этой программы было бы оскорбленіемъ для русскаго народнаго чувства, они какъ будто бы и не подозрѣваютъ, что принять эту программу значило бы оказать несравненно большее довѣріе Полякамъ чѣмъ Русскимъ и превознести первыхъ надъ послѣдними; имъ какъ будто бы не въ домекъ, что такое предпочтеніе было бы несправедливость уже и потому что если не во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то своимъ государственнымъ смысломъ, духомъ самообладанія и дисциплины въ дѣлахъ общественныхъ, Русскіе безспорно превосходятъ своихъ польскихъ соплеменниковъ. Если еще могло быть какое-нибудь сомнѣніе въ политическихъ способностяхъ русскаго народа, то оно должно было бы исчезнуть благодаря послѣднимъ событіямъ. Съ какимъ единодушіемъ, какъ въ пору и кстати высказалась вся Россія въ вѣрноподданнѣйшихъ письмахъ къ Государю противъ всякаго рода притязаній нашихъ враговъ! И хотя относительно внутренняго благоустройства Россіи, во всѣхъ этихъ письмахъ высказывается одно и то же чувство, одно и то же желаніе, но съ такою осторожностью и сдержанностью, что для непосвященнаго иностранца оно какъ бы совершенно исчезаетъ. Этотъ такъ неожиданно раздавшійся голосъ всей Россіи, по истинѣ, великое историческое явленіе, которое, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не можетъ не быть принято въ разчетъ во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашей внѣшней и внутренней политики. И однакоже этотъ голосъ пропалъ почти даромъ для Европы. Озадачивъ ее сначала и улучшивъ временно наше въ ней положеніе, онъ тотчасъ же сочтенъ былъ за подѣлку, устроенную самимъ правительствомъ: такъ не привыкла Европа къ свободнымъ движеніямъ русскаго народа и къ какимъ бы то ни было проявленіямъ собственной его воли! Но, кромѣ того, сколько смысла и энергіи обнаружено было простымъ русскимъ людомъ въ его противодѣйствіи всѣмъ кознямъ и злоухищреніямъ нашихъ враговъ, и между прочимъ въ его оцѣнкѣ этихъ *золотыхъ грамотъ*, которыми думали обольстить его и которыя во всякой другой странѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ и условіяхъ, дѣйствительно могли бы произвести большую кутерьму! Вездѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Малороссіи, въ юго-западной украйнѣ, не говоря уже о другихъ русскихъ областяхъ, никогда не состоявшихъ въ связи съ Польшею, вездѣ обнаружилась безпредѣльная преданность единству и цѣлости Русской земли и живому выразителю этихъ началъ, русскому Царю. Да, если за неимѣніемъ дѣйствительныхъ и очевидныхъ фактовъ, и возможно было прежде ссылаться на незрѣлость русскаго народа, то впредь всякій подобный отзывъ былъ бы не только незаслуженнымъ оскорбленіемъ для нашей народности, но и преступленіемъ противъ очевидной истины. Не народъ русскій не зрѣлъ въ политическомъ отношеніи, а мы разные люди, судящіе о немъ, мы не созрѣли до того, чтобы почувствовать въ себѣ по крайней мѣрѣ желаніе узнать поближе нашъ народъ и оцѣнить его по достоинству.

Что намъ пенять и сѣтовать на это невниманіе и пренебреженіе къ намъ цѣлой Европы, которая русскаго народа ни въ какое число, ни въ какое слово не поставляетъ, какъ будто бы его вовсе и не было, и какъ будто бы существуетъ, гдѣ-то, въ пустомъ пространствѣ, одна громадная административная машина, называемая Россіей,—что намъ пенять и сѣтовать на это, когда мы и сами себя ни въ грошъ не ставимъ? Того нельзя уважать, кто самъ себя не уважаетъ, и во всеуслышаніе признается, что уважать его не стóитъ.

Русскаго общества, какъ живой членораздѣльной, самосознательной силы, дѣйствительно, для Европы, не существуетъ, а есть только темная масса людей, представляющая собою извѣстное количество матеріяльной силы; только эта сила и принимается въ соображеніе и, къ сожалѣнію, не одними иностранцами, но и нами самими. Что въ этой темной массѣ живетъ одинъ и тотъ же духъ, что она имѣетъ свою опре-

дѣленную волю, что она проникнута какимъ-либо чувствомъ, что въ ней есть общій и именно русскій интересъ, что этотъ интересъ вездѣ зорко, бдительно и дѣятельно соблюдается; этого, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, Европа не предполагала.

Событія настоящаго времени должны, повидимому, произвести перемѣну въ этомъ отношеніи. Они убѣждаютъ насъ, что отсутствіе общественной самодѣятельности умаляетъ значеніе самого нашего государства въ глазахъ Европы и даетъ ей поводъ и смѣлость предъявлять такія требованія, которыя разчитаны на отсутствіе всякой живой силы въ народѣ. Пассивное положеніе нашего общества и убѣжденіе, что между имъ и правительствомъ нѣтъ постояннаго взаимнодѣйствія, открываетъ широкій просторъ всякаго рода происканъ, козняхъ и интригамъ внутреннихъ враговъ Россіи и лишаетъ ее средствъ съ полнымъ успѣхомъ вести борьбу съ ними. Оно же препятствуетъ вполнѣ успѣшному и вѣрному соблюденію русскаго интереса. Наконецъ, пассивное положеніе общества относительно общихъ, государственныхъ интересовъ клонится къ ослабленію связей соединяющихъ всѣ составныя части народа въ одно цѣлое государство и пролагаетъ путь ко всякаго рода сепаративнымъ стремленіямъ.

Чѣмъ большее уваженіе и довѣріе оказывается народу внутри государства, тѣмъ большее довѣріе и уваженіе пріобрѣтаетъ онъ и въ семьѣ европейскихъ народовъ, и тѣмъ бо́льшимъ довѣріемъ и уваженіемъ пользуется и само государство.

№ 138.

Москва, 24-го Іюня.

Разумное преобразованіе есть улучшеніе существующаго; средство разумнаго преобразованія—устраненіе недостатковъ, обнаруживающихся въ существующемъ порядкѣ, и слѣдовательно сохраненіе въ немъ всего того, что̀ удовлетворительно. Основой преобразованій долженъ быть существующій порядокъ. Самое слово *преобразованіе* показываетъ, что преобразованія не создаютъ чего-либо новаго, а даютъ существующему новый образъ. Все это аксіомы, сами собой разумѣющіяся; повидимому о нихъ не сто́итъ и говорить, а между тѣмъ въ нихъ заключается объясненіе того очень часто встрѣчающагося явленія, что преобразованія оставляютъ по себѣ болѣе слѣдовъ на бумагѣ нежели въ дѣйствительности. Если при осуществленіи какого-нибудь преобразованія оказывается, что оно держится на поверхности и не пускаетъ корней, что оно не имѣетъ своимъ непосреднымъ результатомъ очевиднаго улучшенія и оживленія той сферы, къ которой относится, навѣрное можно заключать о его несоотвѣтствіи или о его небережномъ обращеніи съ тою средой, которая ему подлежала. Наоборотъ, успѣшно идетъ только то преобразованіе, которое легко прививается къ существующему. Выражаясь точно, нельзя даже сказать, чтобы правильное преобразованіе только прививалось къ существующему, какъ нѣчто новое, хотя бы и соотвѣтствующее его натурѣ. Точнѣе будетъ сказать, что правильное преобразованіе должно быть естественнымъ развитіемъ существующаго, должно происходить изъ его собственныхъ нѣдръ. Только такое преобразованіе имѣетъ цѣну и цѣль. Не преобразованіе само по себѣ дорого; дорого преобразуемое. Преобразованіе само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. А если оно не ограничивается устраненіемъ лишь очевидныхъ недостатковъ существующаго, то въ немъ всегда заключается рискъ, что дѣйствительно существующее будетъ принесено въ жертву тому что̀ еще не существуетъ и можетъ-быть существовать не будетъ. Такая жертва была бы положительнымъ ущербомъ, и рѣшаться на такую жертву значило бы не преобразовывать, а разрушать, значило бы отказаться отъ цѣли преобразованія и потерять почву подъ своими ногами, значило бы обречь себя на дѣятельность или положительно вредную, или въ самомъ лучшемъ случаѣ совершенно безплодную. Вотъ почему правильныя преобразованія должны вырабатываться изъ условій живой дѣйствительности, а не изъ отвлеченныхъ теорій, и вотъ почему живая дѣйствительность такъ недовѣрчиво смотритъ на чуждыхъ ей преобразователей. Разумный консерватизмъ не можетъ дорожить всѣмъ существующимъ, но онъ крайне недовѣрчивъ къ проектамъ преобразованій, не составляющимъ очевидной необходимости и въ то же время касающимся того что̀ въ дѣйствительности или безвредно, или даже полезно. Только на этомъ основаніи, а не вслѣдствіе нежеланія улучшеній, разумный консерватизмъ болѣе распо-

ложенъ къ частнымъ измѣненіямъ и исправленіямъ въ законодательствѣ чѣмъ къ общимъ статутамъ, обнимающимъ собой цѣлыя сферы общественной или государственной дѣятельности: частныя исправленія вызываются настоятельными требованіями жизни; общимъ статутамъ трудно уберечься отъ такихъ нововведеній, настоятельность которыхъ можетъ болѣе или менѣе подлежать сомнѣнію.

Иногда впрочемъ оказывается неоспоримая надобность въ общихъ пересмотрахъ той или другой части законодательства. Такая надобность несомнѣнно вызвана теперь великою реформой совершившеюся въ Россіи. Многочисленность частныхъ исправленій законодательства, сдѣлавшихся очевидно необходимыми вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, а равно и очевидная потребность согласить эти частныя исправленія между собой естественно ведутъ къ составленію новыхъ уставовъ. Но именно въ виду этой законодательной потребности должны съ особенною силой сказаться въ обществѣ охранительные инстинкты. Чѣмъ живѣе общество, тѣмъ сильнѣе должны сказаться въ немъ эти инстинкты. Оно было бы косною массой, свидѣтельствующею о своей неспособности жить, еслибъ оно не заявило дѣйствительности своего существованія въ противоположность притязаніямъ теорій, всегда наклонныхъ смотрѣть на жизнь какъ на матеріялъ для своихъ вивисекцій. Въ этомъ состоитъ разумная борьба между дѣйствительностію и теоріей, между началами консервативныхъ и прогрессивнымъ, которыя могутъ дѣйствовать успѣшно только въ томъ случаѣ, если они равносильны. Теоріи должны имѣть вліяніе на дѣйствительность только тою своею стороной, которою онѣ естественно входятъ въ нее, или лучше—которою онѣ сами изъ нея исходятъ. Все другое должно быть отметаемо, потому что было бы безплодно. Чтобы прогрессъ былъ не призракомъ, а дѣйствительностію, надъ этимъ именно и трудится разумный консерватизмъ.

Нашъ русскій прогрессъ, со временъ Петра Великаго, потому такъ былъ шатокъ и безплоденъ, что охранительныя силы общества были чрезмѣрно сдержаны внѣшнимъ политическимъ развитіемъ государства. Новизна слѣдовала за новизной, и все это приносилось извнѣ, а не вытекало одно изъ другаго, не опиралось одно на другое, не дорожило одно другимъ. Мы все начинали сызнова, какъ будто бы у насъ не было прошедшаго; совершивъ одно нововведеніе, мы сейчасъ же бросали его, и не воспользовавшись его результатами, спѣшили къ другому нововведенію, которое въ свою очередь теряло для насъ свою цѣну. Вотъ почему трудъ нашъ такъ походилъ на толченіе воды и почти не оставилъ по себѣ слѣдовъ, заслуживающихъ вниманія просвѣщенныхъ иностранцевъ. Вотъ почему Китай, Японію, Бухару или Хиву иностранцы изучаютъ съ интересомъ, а въ нашей цивилизаціи находятъ для себя очень мало интереснаго. Да и мы сами, когда наступаетъ трудная минута, ищемъ себѣ опоры не въ этой призрачной цивилизаціи, а въ тѣхъ основахъ, которыя завѣщаны намъ нашимъ прошедшимъ, такъ мало цѣнимымъ нами, пока надъ нами не разражается громъ.

Но какъ ни тверды эти основы, какъ ни надеженъ русскій солдатъ и вообще русскій простой человѣкъ, мы не можемъ довольствоваться этими силами въ нашей государственной жизни. Мы должны съ полнымъ сознаніемъ опираться на эти силы, но въ то же время дорожить и въ нашей цивилизаціи всѣмъ тѣмъ что представляетъ какіе-нибудь признаки прочности и органической жизни. Чѣмъ меньше у насъ учрежденій пустившихъ корни въ обществѣ, тѣмъ болѣе мы должны цѣнить эти учрежденія. Легкомысленно отказываться отъ того немногаго что пользуется у насъ уваженіемъ и сочувствіемъ вмѣсто того чтобы бережно охранять и совершенствовать это не многое, значило бы лишать себя всѣхъ средствъ къ дѣйствительному прогрессу.

Приведемъ примѣръ изъ нашего уѣзднаго управленія, имѣя въ виду предстоящую реформу земскихъ учрежденій.

Въ нашемъ уѣздномъ управленіи, безспорно, выдается, какъ сравнительно наиболѣе удачное учрежденіе должность уѣзднаго предводителя дворянства. На эту должность всегда бываютъ охотники изъ лучшихъ людей уѣзда. На нее смотритъ съ уваженіемъ губернское начальство, къ ней относится дружелюбно все уѣздное населеніе. Наконецъ, это единственная должность въ уѣздѣ, сохранившаяся до нѣкоторой степени въ чистотѣ отъ бюрократическаго характера и удержавшая за собой въ извѣстной мѣрѣ независимое положеніе, какъ по отношенію къ верху, такъ и по отношенію къ низу. Нельзя отрицать, что сословный характеръ этой должности зна-

чительно вредилъ ей, но очень замѣчательно съ другой стороны, что несмотря на свой сословный характеръ уѣздный предводитель дворянства, еще при крѣпостномъ правѣ, былъ главнымъ и почти единственнымъ защитникомъ крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Къ этому избранному дворянами представителю дворянскаго сословія постоянно обращались крестьяне съ своими жалобами на помѣщиковъ и полагались на его судъ. Вотъ что значитъ извѣстная обстановка, вотъ какъ освобождаетъ она отъ односторонности и исключительности! Человѣкъ, поставленный во главѣ уѣзднаго общества, поставленный не всѣмъ этимъ обществомъ, а одною его частію, принималъ, въ силу своего положенія и вопреки своему сословному избранію, характеръ примирителя сословій и болѣе или менѣе безпристрастнаго къ нимъ доброжелателя всему уѣздному земству.

Мы должны дорожить всѣми этими добрыми чертами предводительской должности и содѣйствовать ихъ дальнѣйшему, болѣе полному, развитію, расширяя кругъ дѣятельности предводителей и придавая ей все болѣе и болѣе серіозный характеръ. Мы должны воспользоваться для дальнѣйшихъ политическихъ цѣлей тою популярностью, которую уже пріобрѣло въ земствѣ званіе предводителя, и заботиться о томъ, чтобъ эта популярность получила еще болѣе прочное основаніе. Было бы непростительно, еслибы мы упустили изъ рукъ это учрежденіе и дали ему заглохнуть, искусственно вызывая къ жизни другія учрежденія, которыя оттѣснили бы собой должность уѣзднаго предводителя на дальній планъ и не воспользовались бы тою популярностію, которую эта должность пріобрѣла въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія.

Чтобы должнымъ образомъ воспользоваться должностью уѣзднаго предводителя, надобно поддержать то что въ ней есть несомнѣнно хорошаго, — ея первенствующее положеніе, ея независимость, ея безвозмездность (это главное), и тотъ почетъ, которымъ она окружена преимущественно вслѣдствіе своей безвозмездности. Преобразованіе должно коснуться только ея слабой стороны, — прежде всего ея сословнаго характера. Она была уже сама по себѣ въ значительной степени свободна отъ этого характера; улучшеніе должно очевидно состоять въ томъ, чтобъ окончательно освободить ее отъ него. Пусть человѣкъ, фактически стоящій во главѣ уѣзднаго земства, избирается не однимъ дворянскимъ сословіемъ, а цѣлымъ земствомъ. Пусть онъ и называется уѣзднымъ предводителемъ не дворянства, а земства. Дворянскіе интересы отъ этого не пострадаютъ; они напротивъ выиграютъ отъ того, что первенствующая дворянская должность сдѣлается первенствующею земскою должностью. Какъ много выиграютъ отъ этого уѣздныя учрежденія, кажется не нужно и говорить. Но чрезвычайно важно замѣтить, что въ общемъ политическомъ строѣ Россіи мы получимъ тогда элементъ, естественно развившійся изъ нашихъ учрежденій и представляющій собой земство съ самой лучшей, съ самой почтенной его стороны. Безвозмездныя должности не легко учреждаются. Мы видимъ какъ жадно бросаются на жалованье даже палаты депутатовъ въ разныхъ государствахъ Европы. Мы видимъ также какой дурной и пагубный демагогическій духъ развивается въ этихъ палатахъ состоящихъ на жалованьѣ. Несчастна та страна, которая не можетъ найдти себѣ даже представителей не наемниковъ! Должность предводительская какъ бы предопредѣлена для того чтобъ избавить насъ отъ этой бѣды. Она удержала за собой свой чисто-политическій безвозмездный характеръ, несмотря на всѣ усилія близорукихъ политикановъ, которые по нашимъ уѣздамъ хлопотали о томъ, какъ бы низвести эту должность на общій чиновническій уровень. Судьба, совершенно не взначай подарившая намъ эту должность, сберегла намъ ее въ неприкосновенности, чтобы теперь мы вполнѣ воспользовались ею.

Дабы уѣздный предводитель остался по прежнему первымъ лицомъ въ уѣздѣ, для этого необходимо, чтобъ онъ былъ предводителемъ не одного дворянства, а всего земства. Безъ этого условія предводители никакъ не могутъ предсѣдательствовать въ земскихъ учрежденіяхъ. Многіе предводители говорили намъ, что они откажутся отъ должности, если предводитель дворянства будетъ обязательнымъ предсѣдателемъ земскихъ учрежденій. Они полагаютъ, и совершенно справедливо, что положеніе ихъ въ такомъ случаѣ было бы фальшиво и невыносимо. Они предпочитаютъ остаться при дворянскихъ опекахъ и родословной книгѣ и передать все свое теперешнее значеніе предсѣдателямъ земскихъ учреж-

деній. Неужели такая абдикація желательна? Неужели не очевиденъ тотъ вредъ, который былъ бы причиненъ ею всему земству? Легкомысленно подкалываться подъ предводительскую должность значитъ вредить всему земству, значитъ пренебрегать однимъ изъ важныхъ результатовъ новѣйшей исторіи русскаго государства.

—

№ 139.

Москва, 25-го іюня.

Почти во всѣхъ иностранныхъ газетахъ встрѣчаемся мы съ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ, съ одною и тою же увѣренностію, будто бы Россія неминуемо приметъ программу предложенную ей по польскимъ дѣламъ если не во всѣхъ ея пунктахъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ согласны между собою всѣ три державы, и что рѣчь идетъ теперь только о томъ, гдѣ открыть конференцію, при чемъ преимущество отдается Брюсселю. Эту же увѣренность, говорятъ намъ, высказываетъ, къ великой радости биржевыхъ дѣльцевъ, и г. Тьеръ, находящійся теперь въ Вѣнѣ.

Но если эти увѣренія радуютъ банкировъ и биржевыхъ игроковъ въ Вѣнѣ, то насъ, Русскихъ, они могутъ только оскорблять и огорчать: огорчать въ томъ неправдоподобномъ случаѣ, если въ нихъ есть доля правды; оскорблять, если они основаны не на какихъ-либо фактахъ, а на пренебреженіи къ Россіи и русскому правительству. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ дружелюбенъ тонъ депешъ трехъ державъ, нельзя же предположить, что онѣ изъ дружбы къ намъ или даже къ Польшѣ вмѣшиваются во взаимныя отношенія между нами, и стараются изъ всѣхъ силъ подчинить своему контролю внутреннее устройство и управленіе Польши. Кромѣ того, что такое стремленіе ихъ взять насъ подъ свою опеку само по себѣ уже въ высшей степени оскорбительно для нашей народной и государственной чести, оно въ случаѣ его успѣшности окажется пагубнымъ, и на долгія времена свяжетъ насъ по рукамъ и ногамъ въ вопросѣ, имѣющемъ жизненную важность для Россіи.

Положимъ, что между шестью ихъ пунктами найдутся и такіе, которые могли бы быть приняты нами, и которые не только уже приняты, но и приведены нами въ исполненіе задолго до ихъ ходатайства. Но и они не могутъ и не должны быть возведены въ международное обязательство, не могутъ и не должны стать предметомъ какого-либо договора съ иностранными державами. Такъ, въ силу третьяго пункта ихъ программы, только Поляки должны быть опредѣляемы къ должностямъ въ Царствѣ Польскомъ. Мы сами добровольно предварили это требованіе, и уже видимъ, чего могутъ ожидать себѣ Россія и Польша отъ этой исключительно-польской администраціи.

Вообще можно сказать, что тѣ мѣры, которыя Европа считаетъ необходимыми для умиротворенія Польши, болѣе или менѣе уже приняты самою Россіей: Польша пользуется полною автономіей и національною администраціей. Однако, что же выходитъ? Въ то самое время, когда эти мѣры рекомендуются намъ тремя державами, — государственные люди и вліятельнѣйшіе органы одной изъ нихъ, и при томъ всему дѣлу заводчицы, подвергаютъ эти мѣры злой критикѣ, осмѣянію, и видятъ въ нихъ не залогъ для прочнаго мира, а новый элементъ смутъ и бѣдствій и для Россіи, и для Польши. Пруссія, въ послѣдніе годы, убѣдительно совѣтовала намъ не дѣлать относительно Польши тѣхъ распоряженій, которыя мы сдѣлали. Англія какъ бы не замѣчая, что распоряженія эти нами сдѣланы, и что мы быстрыми шагами идемъ все далѣе по принятому нами пути, настойчиво требуетъ, что бы мы обязались предъ Европой принять всѣ эти принимаемыя нами мѣры, а въ то же самое время, въ лицѣ своихъ значительнѣйшихъ государственныхъ людей, къ которымъ быть-можетъ завтра же перейдетъ вся власть въ руки, объявляетъ несостоятельность этихъ мѣръ и ихъ безсмысленность. Англійскіе государственные люди, стало-быть, одинаково съ прусскими понимаютъ эти мѣры, съ тою однако разницей, что Пруссія дружелюбно отклоняла насъ отъ нихъ, а Англія принуждаетъ насъ къ принятію ихъ, издѣваясь надъ нами. Трактатъ 1815 года содержитъ въ себѣ всѣ наши международныя обязательства относительно Польши. Достаточны или не достаточны эти обязательства, пересуживать ихъ нельзя: это дѣло рѣшенное. Россія не отдѣляетъ отъ себя Польшу, она допускаетъ Поляковъ до общественныхъ дѣлъ въ Царствѣ, и не только допускаетъ, но, сверхъ трактата, совершенно изгоняетъ русскій элементъ изъ польской администра-

ціи; наконецъ, Россія пока еще не уступила другимъ державамъ свое право заботиться о дѣлахъ Польши. Все это условія Вѣнскаго трактата. Сохраняя всѣ эти условія, Россія соблюдаетъ трактатъ. Что же касается до конституціи 1815 года, то она не входитъ въ его условія. Россія добровольно дала Польшѣ эту конституцію, которая оказалась на практикѣ неудобною и невозможною. Но если Россія остается вѣрна трактату въ выговоренныхъ въ немъ пунктахъ, то его нарушаютъ тѣ державы, которыя отнимаютъ у Россіи право устраивать Польшу и присвоиваютъ его себѣ въ противность смыслу и буквѣ Вѣнскаго трактата.

Если бы Россія нашла удобнымъ осуществить все то что совѣтуютъ ей три великія державы въ своей программѣ, то она можетъ это сдѣлать лишь по собственной доброй волѣ, а ни какъ не въ силу международнаго обязательства. Нашъ вице-канцлеръ отвѣчалъ уже въ этомъ смыслѣ европейскимъ державамъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще рѣшительнѣе объяснитъ имъ это въ своемъ новомъ отвѣтѣ. Онъ, нѣтъ сомнѣнія, не дастъ ни однимъ словомъ связать Россію въ какомъ бы то ни было пунктѣ, хотя бы повидимому и самомъ незначительномъ. И малая уступка въ этомъ отношеніи была бы великимъ ущербомъ для Россіи. Ужь и теперь, благодаря нѣкоторой уступчивости показанной Россіею, европейскія державы обнаруживаютъ желаніе вмѣшиваться даже въ дѣла западныхъ губерній. Въ англійскомъ парламентѣ то и дѣло спрашиваютъ о распоряженіяхъ мѣстныхъ властей въ этихъ губерніяхъ, и министры сообщаютъ палатѣ о дѣлаемыхъ ими предписаніяхъ англійскому посольству въ Петербургѣ произвести точное дознаніе и изслѣдованіе фактовъ. Надъ дѣлами, происходящими внутри самой Россіи, нарядается почти формальное слѣдствіе иноземною державой. Мудрено ли, что правительство Ея Британскаго Величества вскорѣ сочтетъ возможнымъ послать къ князю Горчакову депешу съ строгими выговорами и наставленіями относительно положенія дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ губерній?

Если первая статья вѣнскаго трактата, при всей своей неопредѣленности и двусмысленности, служитъ основаніемъ и источникомъ для такихъ непріязненныхъ вмѣшательствъ иностранныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла, то чего же можно было бы ожидать въ этомъ отношеніи отъ подробныхъ и точныхъ опредѣленій, въ которыхъ было бы намъ, великой державѣ указано какъ должны мы управлять Польшею? Въ этихъ опредѣленіяхъ, можетъ-быть, и нашлась бы крупица добра, и оказалось бы что-либо полезное для настоящаго времени; но съ какой же стати мы дали бы связать себя этими указаніями на вѣчныя времена?

Западныя державы, въ своихъ дружественныхъ представленіяхъ, имѣютъ единственною цѣлію обратить Польшу въ источникъ вѣчныхъ смутъ для Россіи и въ средство для самихъ себя ко вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла, то-есть, въ источникъ какъ внѣшней, такъ и внутренней слабости Россіи. Безъ сомнѣнія, на ихъ дружественный тонъ мы обязаны отвѣчать столько же дружественнымъ тономъ; но эти дружественныя чувства не могутъ простираться до готовности въ угоду имъ сгубить и свое будущее, и благо самой Польши. То что въ настоящее время кажется желательнымъ для Поляковъ, сама же Польша, образумившись и научившись опытомъ, можетъ пожелать измѣнить, и однакоже одна какая-нибудь ничтожная партія, поджигаемая и поддерживаемая иностранными державами, можетъ полагать серіозныя преграды къ осуществленію желаній какъ Польши, такъ и Россіи. Верховная власть, общая Россіи съ Польшей, торжественно признала своимъ священнымъ долгомъ дать Польшѣ то что можетъ дѣйствительно послужить во благо этой несчастной странѣ. Она не можетъ оставить ее на жертву иноземнымъ интригамъ, безсовѣстно употребляющимъ ее какъ орудіе для постороннихъ ея цѣлей. Польша находится теперь подъ терроризмомъ безумцевъ и интригановъ подавляющимъ и разбивающимъ всѣ ея силы, и конечно первымъ благомъ для нея были бы энергическія мѣры къ ея освобожденію отъ революціоннаго деспотизма и отъ иноземныхъ вмѣшательствъ.

Нѣтъ, не бывало еще примѣра, чтобы великая держава дозволяла другимъ державамъ предписывать ей законы и налагать на нее опеку по дѣламъ касающимся внутренняго управленія которой-либо изъ составныхъ частей ея. Вѣнскіе биржевые игроки могли повѣрить такому авторитету какъ г. Тьеръ, но мы вѣримъ въ матеріяльное и нравственное могущество Россіи, въ ея правду и патріотическое одушевленіе ея народовъ.

№ 140.

Москва, 26 го іюня.

Третьяго дня мы говорили объ уѣздныхъ предводителяхъ по отношенію къ вопросу о земскихъ учрежденіяхъ. Сегодня поговоримъ о дворянствѣ съ той же точки зрѣнія.

Проектъ устава земскихъ учрежденій, выработанный особою коммиссіей и имѣющій въ непродолжительномъ времени подвергнуться разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, заключаетъ въ себѣ рѣшеніе будущности русскаго дворянства. Онъ оставляетъ, повидимому, неприкосновеннымъ русское дворянство; онъ не касается его преимуществъ и привилегій; онъ не измѣняетъ и должностей замѣщаемыхъ по выбору дворянства; онъ удерживаетъ напримѣръ предводительскую должность и даже ставитъ ее во главѣ земскихъ учрежденій. Но, какъ мы замѣтили третьяго дня, предводители избираемые однимъ дворянствомъ и поставленные во главѣ собраній и коллегій, избранныхъ всѣми сословіями на основаніи демократическаго закона, находились бы въ самомъ затруднительномъ и фальшивомъ положеніи. Точно также въ весьма затруднительное и только по имени почетное положеніе было бы поставлено и все дворянство, если бы прошелъ вполнѣ проектъ земскихъ учрежденій. Оно сохранило бы свою сословную организацію, но было бы фактически оттѣснено ото всѣхъ земскихъ дѣлъ. По имени оставаясь первенствующимъ сословіемъ, оно въ сущности утратило бы всякую жизнь, и дворянскія собранія, въ непродолжительномъ времени, непремѣнно пришли бы въ забвеніе. Можно ли ожидать чего другаго, когда политическая дѣятельность дворянства, какъ сословія, ограничилась бы веденіемъ родословной книги да наблюденіемъ за дворянскими опеками? Итакъ, въ политическомъ смыслѣ у насъ вовсе не было бы дворянскаго сословія, хотя бы законъ и признавалъ его по прежнему за сословіе. Но и этого мало. Не только дворянство какъ сословіе было бы лишено всякаго участія въ общихъ дѣлахъ: оно было бы въ значительной степени лишено своего политическаго значенія и внѣ своей сословной организаціи, то-есть не только дворянское сословіе превратилось бы въ нуль, но нулемъ же или почти нулемъ сдѣлались бы и самые дворяне, замкнутые въ этой сословной организаціи, а это гораздо важнѣе; это-то единственно и возбуждаетъ серіозныя опасенія.

Что такое дворянство? Если взять дворянство какъ политическое сословіе, то-есть если взять ту часть дворянства, которая имѣетъ право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, то это не что иное какъ соединеніе людей, которые отличаются отъ своихъ согражданъ извѣстными родовыми преданіями, извѣстною мѣрой землевладѣнія и образованія, наконецъ привычкой управлять, пріобрѣтенною на продолжительной наслѣдственной государственной службѣ. Таковы фактическія черты этого политическаго сословія. Всѣ эти черты дѣлаютъ людей, принадлежащихъ къ дворянству, особенно полезными членами политическаго общества, его естественными представителями и наилучшими исполнителями его дѣлъ. Но въ общемъ гражданскомъ быту этотъ классъ людей сливается съ дворянствомъ, какъ однимъ изъ узаконенныхъ состояній, пользующихся опредѣленными преимуществами. Не всякій дворянинъ пользуется политическимъ правомъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ, но нельзя участвовать въ нихъ не будучи дворяниномъ. Это послѣднее требованіе выдѣляетъ дворянъ изъ среды прочихъ земскихъ сословій и образуетъ изъ дворянъ, участвующихъ въ дворянскихъ собраніяхъ, особую группу имѣющую свои отдѣльные интересы и потому неспособную дѣйствовать именемъ земства и въ интересахъ земства. Дворянскимъ собраніямъ, какъ они теперь существуютъ, безспорно не могутъ быть поручены земскія дѣла, точно также какъ предводитель дворянства безспорно не можетъ быть удобнымъ и пріятнымъ для земства предсѣдателемъ земскихъ собраній. Все это такъ,—но желательно ли, чтобы люди, которые уже приносили несомнѣнную пользу въ предводительской должности, чтобъ эти люди изъ-за сохраненія сословнаго характера предводительской должности принуждены были довольствоваться ролью лишенною всякаго значенія? Можно ли тѣмъ паче желать, чтобы вся эта масса людей, сильныхъ преданіемъ, достаткомъ, образованностію, политическимъ смысломъ, масса людей, которые участвуютъ теперь въ дворянскихъ собраніяхъ, обречена была въ политическомъ отношеніи на безмятежное сидѣніе сложа руки, вдали отъ общественныхъ дѣлъ, и все это изъ-за того чтобы сохранилась замкнутость этого политическаго сословія, осно-

ванная на томъ, что доступъ въ него дается только дворянамъ? Фактически, уѣздныя дворянскія собранія заключаютъ въ себѣ всѣхъ или почти всѣхъ значительныхъ людей уѣзда. Прибавьте еще нѣсколько сочленовъ, и очень немногихъ сочленовъ, и всякій согласился бы, что нѣтъ возможности пріискать въ уѣздѣ еще другихъ людей способныхъ съ пользой управлять его дѣлами. Въ иныхъ уѣздахъ не пришлось бы прибавить ни одного человѣка; всѣ люди, дѣйствительно способные къ уѣздной общественной службѣ, принадлежатъ къ дворянскому собранію. Что же можетъ побудить къ крутой перемѣнѣ, предлагаемой проектомъ земскихъ учрежденій и вводящей въ земскія собранія не нѣсколько человѣкъ новыхъ людей, а составляющей изъ новыхъ людей большинство въ этихъ собраніяхъ? Гдѣ искать побужденій къ этой крутой перемѣнѣ какъ не въ сословномъ характерѣ теперешнихъ дворянскихъ собраній? Только потому что не потомственный дворянинъ не можетъ вступить въ эти собранія, хотя бъ и былъ способенъ къ общественной службѣ; только по этому одному люди участвующіе въ этихъ собраніяхъ признаются ненадежными для завѣдыванія уѣздными дѣлами. Передъ нами стало-быть открыты два пути. Съ одной стороны все дѣло состоитъ въ томъ чтобы допустить въ дворянскія собранія нѣсколько человѣкъ и такимъ образомъ сдѣлать эти собранія изъ дворянскихъ земскими,— перемѣна, очевидно не значительная, никому и ничему ни опасная. Съ другой стороны, если настаивать на сохраненіе отдѣльныхъ дворянскихъ собраній, то приходится отобрать у нихъ всѣ важныя дѣла и поручить эти дѣла совершенно новымъ земскимъ собраніямъ,—перемѣна громадная, совершенно измѣняющая политическій центръ тяжести въ странѣ. Надобно много разъ подумать прежде нежели рѣшиться на такую перемѣну, которая была бы скорѣе переворотомъ нежели преобразованіемъ. Особенно было бы нераціонально рѣшаться на эту коренную перемѣну изъ консервативныхъ побужденій, то-есть изъ желанія сохранить сословныя собранія дворянства, несмотря на очевидность того, что въ эти собранія, по введеніи земскихъ учрежденій, никто не сталъ бы ѣздить.

И вотъ именно потому что за дворянами сохраняется замкнутость ихъ собраній, именно поэтому, и только поэтому, люди радѣющіе объ общемъ благѣ и безпристрастной справедливости считаютъ нужнымъ устроить земскія собранія такъ чтобы дворяне исчезли въ этихъ собраніяхъ и политическое значеніе дворянъ было уничтожено. Люди этого взгляда думаютъ, что дѣйствуютъ консервативно, сохраняя за дворянствомъ сословную организацію. Но развѣ стоитъ сохранять форму не сохраняя содержанія? Развѣ пустая форма имѣетъ какую-нибудь цѣну? Развѣ самому дворянству пріятно сдѣлаться призракомъ? Не лучше ли позаботиться о сохраненіи сущности дѣла, не вѣрнѣе ли позаботиться о томъ, чтобы дворяне, освободившись отъ сословной замкнутости, могли остаться съ пользой для земства на томъ мѣстѣ, на которомъ ихъ поставила исторія? Исторія поставила этихъ людей во главѣ русскаго общества; много жертвъ принесъ русскій народъ, много лишеній претерпѣлъ онъ, чтобы въ средѣ его образовался классъ людей обезпеченныхъ въ своемъ положеніи и способныхъ заниматься не только своими частными, но и общественными дѣлами. Народы, не имѣющіе этого класса, неспособны къ политической жизни; они бываютъ безсильны даже отстаивать свою независимость, чему примѣромъ служатъ турецкіе Славяне, или по крайней мѣрѣ бываютъ безсильны прочно организоваться, чему примѣромъ служатъ Греки. Возможное ли дѣло чтобы Россія, купивъ тяжкою цѣной образованіе въ русскомъ народѣ высшаго класса, вдругъ отказалась отъ своего права пользоваться существованіемъ этого класса? Нѣтъ, это невозможно. Съ исторіей нельзя такъ обращаться. Но съ другой стороны Россія, очевидно, не можетъ пользоваться этимъ классомъ какъ слѣдуетъ, и законодательство никакъ не можетъ предоставить ему всѣ тѣ дѣла, которыми управлять онъ способенъ, если сохранится за нимъ характеръ организованнаго сословія. Было бы вопіющею несправедливостью отдать дѣла земства въ руки одного сословія.

Итакъ, чего же долженъ желать въ этомъ вопросѣ разумный консерватизмъ? Чѣмъ долженъ онъ дорожить, дѣйствительнымъ ли политическимъ значеніемъ дворянъ, какъ высшаго класса, или ихъ сословною организаціей? Обѣ эти вещи не соединимы; надобно выбирать одну изъ двухъ. Что же выбрать?

Не подлежитъ сомнѣнію, что разумный консерватизмъ можетъ дорожить сущностью дѣла, а не скорлупой его, и что слѣдова-

тельно онъ долженъ заботиться о сохраненіи политическаго положенія нашихъ землевладѣльцевъ, а не о сохраненіи той сословной организаціи, которая была временно дана нашимъ землевладѣльцамъ. Эта организація была умѣстна, когда дворяне представляли собою двадцать милліоновъ людей, совершенно безгласныхъ. Теперь эти безгласные люди получили голосъ, который долженъ быть слышенъ на ряду съ голосомъ дворянства, а потому теперь необходимо измѣнить, необходимо разомкнуть прежнюю сословную организацію дворянъ-землевладѣльцевъ. Эта организація оказывается не соотвѣтствующею новому порядку вещей, и вся сила преобразованія должна быть направлена сюда. Здѣсь только преобразованіе и умѣстно и необходимо нужно, но если оно должно совершиться съ уваженіемъ къ существующему, оно никакъ не должно касаться положенія дворянъ, какъ общественной группы, созданной исторической жизнію и составляющей одну изъ коренныхъ, дорогихъ силъ нашего отечества. Да избавитъ насъ Богъ отъ общественной нивеллировки! Это было бы уже не преобразованіе; это былъ бы политическій переворотъ, крайне опасный для государства.

№ 141.

Москва, 27-го іюня.

Много въ высшей степени интересныхъ и важныхъ свѣдѣній о польскихъ дѣлахъ получаемъ мы отъ нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ съ самаго мѣста событій, и сожалѣемъ, что не всѣми этими свѣдѣніями можемъ вполнѣ дѣлиться съ публикой. Хорошо по крайней мѣрѣ и то, что мы можемъ провѣрять свои взгляды положительными данными, — и чѣмъ ближе мы знакомимся съ положеніемъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ вѣрности того взгляда, которымъ мы постоянно руководствовались при обсужденіи этихъ дѣлъ.

Соображая всѣ свѣдѣнія получаемыя нами съ мѣста событій, мы находимъ вѣрнымъ и мѣткимъ то что одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ высказалъ о характерѣ польскаго возстанія въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Характеристика Варшавы“, напечатанной въ № 138 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ этомъ возстаніи нѣтъ ни малѣйшаго признака внутренней силы воскресающаго народа; это только поруганіе надъ трупомъ народа умершаго; все это возстаніе, со всѣми своими ужасами, есть не болѣе какъ чудовищный муфъ; все это возстаніе есть не болѣе какъ интрига; оно началось интригой, плодится интригой, порождаетъ интригу и пользуется всякою интригою, какую только встрѣчаетъ на своемъ пути. Обманъ, предательство, апатія народа, донкихотство и іезуитство — вотъ его элементы и средства; оно все тутъ. Несчастныя народонаселенія преданы на жертву интриганамъ, которые стараются отвести у всѣхъ глаза и придать искусственно сочиненной революціи характеръ движенія возникшаго изъ нѣдръ народа, и обладающаго несокрушимою внутреннею силою. Сочинители этого кроваваго муфа обманываютъ всѣхъ, кого могутъ обмануть, и если въ Россіи еще даются имъ въ обманъ, то политическіе люди Европы видятъ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, хотя многіе изъ нихъ и прикидываются что не видятъ.

Читатели, безъ всякаго сомнѣнія, обратили вниманіе на тѣ строки, въ вышеупомянутомъ письмѣ, въ которыхъ нашъ корреспондентъ описываетъ, какъ было ему передано, положеніе Августѣйшей четы, находящейся теперь въ Варшавѣ,—положеніе грустное и оскорбительное для Россіи, тѣмъ болѣе что имъ пользуются измѣнники и предатели, наполняющіе теперь администрацію Царства и разчитывающіе на то, что Августѣйшій Намѣстникъ, какъ братъ Государя Императора, не можетъ принимать многія мѣры, которыя, при настоящихъ обстоятельствахъ страны, были бы необходимы.

Пользуясь этимъ совершенно особеннымъ положеніемъ власти, революція успѣла окончательно завоевать не только духовенство и шляхту, но и все чиновничество, крупное и мелкое, за исключеніемъ, конечно, Русскихъ. Даже крестьянское населеніе колеблется, и видя съ которой стороны болѣе обнаруживаются аттрибуты власти, постепенно туда и передается. Ни проводниковъ, ни свѣдѣній войска уже не получаютъ безъ понудительныхъ мѣръ. Помѣщики сильно терпятъ отъ революціи, но, не находя опоры въ законной власти, сами по себѣ не имѣютъ достаточной силы и характера, чтобъ отречься отъ революціи и поднять знамя болѣе умѣренной партіи, которая повела бы къ соглашенію съ Рос-

сією. При такихъ условіяхъ одни войска поддерживаютъ законное правительство, и и до настоящаго времени военная часть, съ военной точки зрѣнія, идетъ довольно удовлетворительно: шайки разбиваются, предводители ихъ разстрѣливаются или сидятъ въ плѣну, оружіе отбирается. Но разбѣжавшіяся шайки собираются вновь; недостатокъ въ предводителяхъ между Поляками окажется развѣ послѣ того какъ не станетъ совсѣмъ солдатъ, а оружіе привозится въ усиленныхъ размѣрахъ черезъ границу, которую по ея протяженію оберегать невозможно. Изъ этого ясно, что одни военныя мѣры недостаточны, и что давно уже слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на гражданскую администрацію, которая, къ сожалѣнію, съ каждымъ днемъ утекаетъ изъ рукъ правительства, и компрометтируетъ его предъ европейскою публикой въ такихъ случаяхъ, какъ похищеніе денегъ изъ банка или какъ недавнее похищеніе 46,000 руб. изъ почтамта. Но какимъ образомъ устроить гражданское управленіе? Едва ли на то есть иное средство, какъ точное исполненіе условій военнаго положенія, то-есть безусловное подчиненіе всѣхъ гражданскихъ властей военнымъ начальникамъ. Въ такія критическія эпохи, невозможно дробить власть на двѣ стороны; невозможно оставлять полицію въ рукахъ гражданской власти, и еще такой, которая отчасти вполнѣ сочувствуетъ возстанію, отчасти руководится чувствомъ страха передъ возстаніемъ, и потому готова ставить правительству всякія препятствія на пути къ усмиренію мятежа. Но къ несчастію Россіи и Польши, эта истина не была вполнѣ оцѣнена; къ несчастію, полицейская власть была оставлена въ рукахъ гражданскаго управленія, и это позволило мятежу развиться въ огромныхъ размѣрахъ; намъ извѣстно положительно, что еще въ началѣ апрѣля начальники военныхъ отдѣловъ дѣлали представленія относительно затрудненій, которыя они встрѣчаютъ со стороны гражданскихъ губернаторовъ; безъ согласія послѣднихъ, они не могли смѣнить чиновника. А чтобы русская публика знала, что такое польскіе губернаторы, выписываемъ здѣсь изъ вѣрнаго источника слѣдующія строки:

„Войты гораздо исправнѣе доносятъ о „малѣйшей обидѣ со стороны солдата и „представляютъ претензіи, которыя немедленно губернаторами доводятся до свѣдѣнія высшаго начальства, въ видѣ жалобъ „на жестокости и самоволіе нашихъ войскъ. „Губернаторы сопровождаютъ иногда эти „донесенія своими замѣтками. Такъ, по по„воду посѣщенія прусскими офицерами по„граничнаго города Слупцъ, варшавскій „губернаторъ замѣчаетъ, что это должно „считать нарушеніемъ картельной конвен„ціи.“

На основаніи такого губернаторскаго отзыва, правительству оставалось только войдти въ переписку съ Пруссіей объ оскорбленіи Царства Польскаго, нанесеніемъ ему прусскими офицерами. Можно ли положиться на такихъ чиновниковъ въ усмиреніи мятежа?

По счастію, въ началѣ апрѣля, сообщенъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву проектъ уѣздныхъ и становыхъ военныхъ начальниковъ для Западнаго края, равно какъ и проектъ сельской стражи. На обоихъ была надпись рукою Государя: „Исполнить и сообщить Великому Князю Намѣстнику для примѣненія въ Царствѣ по его усмотрѣнію.“ Теперь, въ іюнѣ, оба проекта начинаютъ приводиться въ исполненіе. $^{3}/_{15}$ іюня отданъ приказъ, которымъ учреждаются слѣдующіе отдѣлы:

1) Петербургской желѣзной дороги.
2) Вѣнской.

Соединенныхъ уѣздовъ:

3) Олькушско-Мѣховскій.
4) Келецко-Опатовскій.
5) Стопницко-Сандомірскій.
6) Сѣдлецко-Бяльскій.
7) Замосцьско-Грубѣшовскій.
8) Ломженско-Остроленскій.
9) Конпно-Кладовскій.
10) Вѣлюно-Сѣрадзскій.

Кромѣ того учреждается еще военный округъ городовъ Лодзь, Згержь и окрестныхъ мѣстностей, населенныхъ Нѣмцами.

Всѣ эти 11 отдѣловъ, со включеніемъ учрежденнаго еще въ декабрѣ отдѣла Бромбергской дороги, подчинены болѣе крупнымъ военнымъ отдѣламъ: Варшавскому, Калишскому, Люблинскому, Радомскому, Плоцкому и Августовскому. Наконецъ, начальникамъ уѣздовъ дана довольно полная инструкція; имъ предоставлено право отдавать подъ военный судъ, смѣнять чиновниковъ, арестовать подозрительныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, теперь въ іюнѣ, половина уѣздовъ получаетъ военныхъ начальниковъ. Но есть уѣзды весьма большаго

протяженія, есть уѣзды, которые по мнѣнію начальниковъ отдѣловъ слѣдовало бы разбить на части, а между тѣмъ военные начальники назначены на соединенные отдѣлы. А строго говоря, все это дѣло, тянувшееся съ апрѣля по іюнь, не что иное какъ исполненіе лишь до извѣстной степени того распоряженія, которое было объявлено еще въ январѣ, послѣ ночной рѣзни,—именно: установленіе военнаго положенія. Причину такой медлительности надобно, впрочемъ, отчасти искать въ недостаточномъ числѣ войскъ для содержанія постоянныхъ отрядовъ при уѣздныхъ начальникахъ.

№ 142.

Москва, 28-го іюня.

Иностранныя газеты не перестаютъ повторять извѣстіе, что Россія приметъ программу о шести пунктахъ въ томъ видѣ, какъ она изложена Австріей, хотя и будетъ настаивать, чтобы конференціи предоставлено было обсужденіе не одного польскаго вопроса но и всѣхъ другихъ, которые болѣе или менѣе тревожатъ и озабочиваютъ Европу. Франція и Англія, говорятъ, были бы не прочь отъ такого разширенія задачи будущей конференціи; но Австрія ничего не хочетъ и знать объ этомъ. Она указываетъ на то, что польскій вопросъ сталъ въ настоящее время вопросомъ, не допускающимъ своей очереди. Въ предложеніи Россіи она видитъ только желаніе выиграть время, и внести вражду въ отношенія между Австріей и западными державами, воспользовавшись для этого или итальянскимъ, или датско-германскимъ вопросомъ. Притомъ же, такимъ образомъ одной и той же конференціи пришлось бы и разрушать и возстановлять дѣло. Вѣнскаго конгресса: разрушать въ отношеніи къ Италіи, возстановлять въ отношеніи къ Польшѣ. Далѣе, говорятъ въ правительственныхъ кругахъ Австріи, съ какой стати Россія предлагаетъ условія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ближайшею задачей предстоящаго обсужденія между державами? Если она признаетъ право европейскихъ державъ на вмѣшательство въ польскія дѣла, то чувство приличія должно было бы побуждать ее не откладывать ихъ рѣшеніе въ дальній ящикъ, усложняя этотъ и безъ того сложный вопросъ другими; если же она, не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, отрицаетъ право иностранныхъ державъ вмѣшиваться въ дѣла не касающіяся ихъ прямо, то съ какой стати она предлагаетъ распространить это право дипломатическаго вмѣшательства на многія другія дѣла и страны? Всѣ эти соображенія выставляетъ на видъ вѣнскій кабинетъ, въ своихъ переговорахъ съ западными державами, и какъ пишетъ вѣнскій корреспондентъ прусской *Національной Газеты*, ручающійся за достовѣрность своихъ свѣдѣній, „если Франція усвоитъ себѣ эти доводы, и если Англія поддержитъ ихъ, какъ того можно желать и надѣяться, тогда будетъ пріобрѣтено твердое основаніе для вѣры какъ въ искренность Франціи, такъ и въ единодушіе обѣихъ западныхъ державъ между собою. Съ рѣшеніемъ, какое онѣ примутъ по этому вопросу, должна будетъ и Австрія сообразовать свою дальнѣйшую политику.“

Мы не повѣримъ, конечно, ни искренности Франціи какъ въ польскомъ, такъ и въ какомъ-либо другомъ вопросѣ, ни возстановленному будто бы сердечному согласію между обѣими западными державами. Мы знаемъ хорошо, чего Франція добивается въ польскомъ вопросѣ; и какъ далеко даже въ этомъ вопросѣ расходятся истинные виды и планы обѣихъ западныхъ державъ, не говоря уже о томъ, что вездѣ и въ Европѣ, и внѣ Европы интересы ихъ враждебно сталкиваются между собою, начиная съ сѣверо-американскаго, римскаго, суэзскаго вопросовъ и кончая Японіей, Китаемъ и даже самимъ Мадагаскаромъ. Уже 6-го іюля лордъ Пальмерстонъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что Англія не связала себя никакими условіями на тотъ случай, еслибы Франція начала войну съ Россіей изъ-за Польши, и что британское правительство можетъ дѣйствовать съ полною свободою, соображаясь только съ ходомъ событій и съ интересами самой страны. Мы не станемъ винить Британію или Францію, что и въ польскомъ вопросѣ онѣ ищутъ только собственныхъ выгодъ и сообразуются только съ своими интересами: въ этомъ, естественно заключается обязанность каждаго разумнаго правительства; исторія и голосъ человѣчества могутъ обвинить ихъ только въ томъ, что они въ этомъ случаѣ ищутъ собственныхъ выгодъ не добрыми средствами и изъ-за собственныхъ своихъ

интересовъ губятъ страну, за которую повидимому стоятъ горою, губятъ страну, препятствуя возстановленію въ ней мира, питая въ ней несбыточныя мечты, распаляя въ ней разрушительныя и пагубныя страсти.

Если Франція и Англія раздѣляютъ такимъ образомъ на два противоположные лагеря свои выгоды и свой долгъ совѣсти и человѣколюбія, то для Россіи и долгъ нравственный, и польза совпадаютъ и побуждаютъ ее дѣйствовать прямо и рѣшительно. Исполненіемъ своего долга она не только возстановитъ свои права нарушенныя и попранныя въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго края, но и внушитъ къ себѣ должное уваженіе иностранныхъ державъ. Вотъ почему нѣтъ ни одного истинно-русскаго человѣка, который, сожалѣя о необходимости казней, не радовался бы въ то же время распорядительности, находчивости и энергіи генерала Муравьева.

Великая европейская война, нѣтъ сомнѣнія, была бы тяжкимъ испытаніемъ какъ для Россіи, такъ и для всего мира; но какъ бы велики ни были сопряженныя съ нею опасности, лишенія и пожертвованія, лучше война чѣмъ малодушный страхъ передъ войною, лучше война чѣмъ мирное отреченіе отъ своей собственной воли и самоуничтоженіе передъ самыми несправедливыми, самыми беззаконными притязаніями, лучше война чѣмъ безславное изнурительное разложеніе вслѣдствіе внутренней слабости. Война по крайней мѣрѣ пробудитъ всю нашу энергію, вызоветъ наружу всѣ силы нашего народнаго духа, очиститъ насъ нравственно, скрѣпитъ и сплотитъ въ одно цѣлое весь нашъ государственный организмъ, и при Божіей помощи, при нашей правдѣ, доставитъ намъ полное торжество надъ козними враговъ, тогда какъ обязательство исполнить хотя бы одинъ изъ пунктовъ предписываемой намъ иностранцами программы свяжетъ насъ по рукамъ и ногамъ и испортитъ намъ всю нашу будущность.

Возьмемъ для примѣра хотя два только пункта, внушенные по видимому возвышеннымъ и безкорыстнымъ человѣколюбіемъ: пунктъ первый—о дарованіи всеобщей амнистіи мятежникамъ, и пунктъ четвертый о свободѣ вѣроисповѣданій безъ малѣйшихъ стѣсненій для католицизма.

Что можетъ быть возвышеннѣе и богоугоднѣе христіанскаго милосердія, незлобія, забвенія всѣхъ неправдъ и обидъ, словомъ, всепрощенія, амнистіи? И однакоже, при настоящихъ обстолтельствахъ, амнистія была бы не милосердіемъ, а слабостью, пагубнымъ потворствомъ разбоямъ и грабительству, поруганію нашей вѣры и такимъ дѣйствіямъ какъ убійство отца Конопасевича и отца Прокоповича, не говоря уже о томъ, что она была бы унизительна для нашей чести и достоинства, послѣ того какъ разъ дарованная она была уже такъ презрительно отвергнута мятежниками. Къ тому же она сдѣлала бы для насъ невозможною борьбу противъ мятежниковъ. Даровать амнистію въ то время когда еще не возстановленъ законный ходъ дѣлъ, это значило бы дать мятежу новую пищу и новое поощреніе. И вотъ чего однакоже единодушно требуютъ отъ насъ всѣ три державы будто бы во имя человѣколюбія!

Свобода вѣроисповѣданій есть величайшее благо. И однакожь, когда эта свобода предлагается намъ католическими державами, въ интересахъ католицизма, подъ прикрытіемъ папскаго нунція, мы можемъ только воскликнуть вмѣстѣ съ древнимъ поэтомъ: „Timeo Danaos et dona ferentes (боюсь Данаевъ и тогда, когда они приносятъ дары свои)“; мы можемъ утвердительно сказать, что тутъ требуютъ отъ насъ не свободы для католическаго вѣроисповѣданія, которою оно и безъ того пользуется до такой степени, что напримѣръ когда новоалександровскій ксендзъ Мацкевичъ, предводительствующій теперь одною изъ многочисленнѣйшихъ шаекъ мятежниковъ, два года тому назадъ осмѣлился похитить у Еврея Мендака дочь его для насильственнаго обращенія въ католицизмъ, то еврейскій журналъ *Разсвѣтъ* встрѣтилъ затрудненіе со стороны православнаго начальства къ изобличенію этого насильственнаго образа дѣйствія. Тутъ требуютъ отъ насъ ни болѣе, ни менѣе какъ господства католицизма надъ православіемъ, на что мы, конечно, никакъ согласиться не можемъ.

Представьте себѣ, что мы уступили бы требованію иностранныхъ державъ, и для вящаго огражденія католицизма, приняли бы къ себѣ папскаго нунція. Этотъ нунцій явился бы къ намъ въ качествѣ представителя не слабаго италіянскаго государя, власти котораго грозитъ теперь такая опасность,—онъ явился бы представителемъ всемогущаго и непогрѣшительнаго глa-

вы католическаго міра. Онъ считалъ бы своею обязанностью отстаивать предъ лицомъ нашего Государя католиковъ и католическое духовенство, такъ какъ бы они были не его подданными, а подданными папы; онъ сталъ бы посредникомъ и преградою между Государемъ и его католическими подданными; онъ былъ бы проводникомъ всѣхъ завоевательныхъ замысловъ міра католическаго противъ міра православнаго; онъ сталъ бы не проповѣдникомъ мира, а сѣятелемъ раздоровъ, не говоря уже о томъ, что ему, по общепринятымъ дипломатическимъ обычаямъ, принадлежало бы первое мѣсто во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и при всѣхъ пріемахъ, далеко высшее и почетнѣйшее чѣмъ то, которое предоставляется представителямъ нашей православной церкви. Безъ крайняго вреда и оскорбленія нашего народнаго чувства, ни на что подобное мы не можемъ согласиться,—и однакоже этого требуютъ отъ насъ всѣ три державы! Великихъ льготъ для католицизма требуетъ отъ насъ Австрія, которая такъ презрительно относится къ своимъ православнымъ подданнымъ,—Австрія, которая забываетъ что въ ея предѣлахъ живетъ слишкомъ шесть милліоновъ людей православнаго вѣроисповѣданія, забываетъ до того что недавно баронъ Шмерлингъ, говоря въ имперскомъ сеймѣ о новосоставленной коммиссіи вѣроисповѣданій, похвалился тѣмъ, что въ личномъ составѣ ея всѣ вѣроисповѣданія уравнены, и дѣйствительно, католическіе и протестанскіе члены въ ней присутствуютъ поровну, только нѣтъ ни одного православнаго. Православныя народонаселенія сочтены за ничто, хотя числительностію своею въ Австріи они вдвое превосходятъ протестантовъ. Почему же Россія, единственная могущественная защитница православія, преклонитъ его передъ папствомъ? Можно ли допустить чтобы Русская держава до сихъ поръ такъ ревностно охранявшая достоинство православія, такъ высоко державшая его знамя, малодушно преклонила его и воцарила надъ нимъ падменный символъ латинской ереси? Какъ отозвалось бы это во глубинѣ народнаго духа, котораго вся сила въ православіи?

Итакъ, даже тѣ требованія, которыя съ перваго взгляда кажутся самыми безкорыстными и невинными, оказываются для насъ невозможными, и вотъ почему намъ не вѣрится, чтобы дѣло шло уже о конференціи на основаніи предложенной по польскому вопросу программы.

Если Россіи такъ настоятельно приписываютъ мысль о конференціи, которая занялась бы не однимъ польскимъ вопросомъ, то въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду то глубокое участіе, какое внушаетъ Россіи жалкое положеніе ея единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, состоящихъ подъ игомъ турецкимъ. Въ ихъ интересахъ Россія, быть-можетъ, и имѣла въ виду созваніе европейскаго конгресса, хотя и сомнительно, чтобъ онъ повелъ къ какимъ-либо полезнымъ результатамъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Какъ бы ни было затруднительно положеніе самой Россіи, она не можетъ не сочувствовать своимъ братьямъ по вѣрѣ и по крови, для которыхъ она уже такъ много дѣлала. Дѣйствовать революціонными способами, какъ въ томъ обвиняютъ насъ Англичане, конечно, не входило до сихъ поръ никогда въ правила нашей политики; но мы не могли бы отказать нашимъ единовѣрцамъ ни въ своемъ живомъ сочувствіи, ни въ своей помощи, еслибъ она оказалась необходимою. *Times* устами своего константинопольскаго корреспондента провозглашаетъ, какъ читатели увидятъ ниже, подъ рубрикою „Турція“, что сербскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ войною, и что восточному вопросу суждено вступить въ новый фазисъ и перейдти въ состязаніе между Турціей и Сербіей о томъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ силы; но Россія, если только справедливо, что она настаивала на созваніе конгресса для рѣшенія всѣхъ европейскихъ вопросовъ, повидимому была менѣе воинственно настроена чѣмъ Англія, и болѣе ея полагалась на силу дипломатіи, хотя ее и обвиняютъ въ доставленіи Сербамъ оружія въ количествѣ 80.000 ружей.

Нѣтъ сомнѣнія, что англійскіе корреспонденты, говоря вообще, не только дѣльнѣе, но и правдивѣе французскихъ; однако нерѣдко случается, что тотъ или другой изъ первенствующихъ англійскихъ журналовъ устами своихъ корреспондентовъ предвозвѣщаетъ планы и намѣренія своего правительства, приготовляя къ нимъ публику, и передаетъ въ видѣ факта то что имѣется только въ виду для будущаго. Такъ, когда въ Греціи никто еще и не думалъ о принцѣ Датскомъ, аѳинскій корреспондентъ *Times* уже писалъ, что многіе греческіе патріоты желаютъ его себѣ въ короли. По-

добное же значеніе, быть-можетъ, имѣетъ и помѣщенная ниже корреспонденція изъ Константинополя, въ которой такъ утвердительно говорится, что сербскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ войною, и что Сербы болѣе довольны протекторатомъ Турціи чѣмъ таинственною политикою своего князя Михаила. Послѣднее, очевидно, невозможно, хотя и составляетъ предметъ желаній для Англіи. Сербія не можетъ не стѣсняться безпорядочными вмѣшательствами военной турецкой власти и не можетъ забыть прошлогодней бомбардировки Бѣлграда. Англичанамъ очень хотѣлось бы посѣять раздоры между Сербами и ихъ доблестнымъ княземъ, и они повидимому не прочь порѣшить восточный вопросъ насильственнымъ образомъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи.

Такимъ образомъ, еслибъ и состоялась великая европейская война, она была бы ведена никакъ не изъ-за Польши, а вслѣдствіе великаго восточнаго вопроса, и на Польшу Англичане смотрятъ, безъ сомнѣнія, какъ на средство ослабить Россію и воспрепятствовать ей поспѣшить на помощь къ Сербіи. Изъ этого само собою вытекаетъ заключеніе, что никакими амнистіями, никакими поблажками польскому возстанію, никакими уступками въ пользу Польши, мы не устранимъ себя отъ войны, если она неизбѣжна, а напротивъ энергическимъ подавленіемъ мятежа мы воспрепятствуемъ планамъ Англіи относительно Востока,— придется ли для этого воевать или окажется возможность защитить нашихъ соплеменниковъ мирными способами.

№ 143.

Москва, 1-го іюля.

Противъ замѣчаній высказанныхъ нами о дворянствѣ и дворянскихъ предводителяхъ по поводу проекта земскихъ учрежденій можетъ быть сдѣлано возраженіе, которое мы желаемъ предупредить. Можно сказать что земскія собранія и вообще земскія учрежденія установляются параллельно съ дворянскими, что послѣднія отдаютъ первымъ только извѣстную часть своихъ занятій, именно занятія собственно хозяйственныя, что эта передача рѣшительно необходима въ видахъ справедливости, но что всѣ тѣ права дворянскихъ собраній, которыя могли быть за ними оставлены безъ ущерба интересамъ земства, остаются неприкосновенными. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на земскія учрежденія какъ на учрежденія чисто-хозяйственныя, то никакъ нельзя упрекнуть проектъ устава земскихъ учрежденій въ несправедливости къ дворянству. Но въ томъ-то и вопросъ, будутъ ли земскія учрежденія имѣть чисто-хозяйственный характеръ? Не говоря уже о томъ, что земскимъ учрежденіямъ предоставлено важное право ходатайства о потребностяхъ и нуждахъ края, слѣдовательно дано право законодательной инициативы, не говоря уже объ этомъ правѣ, котораго никакъ нельзя не дать земскимъ собраніямъ, мы только попросимъ каждаго непредубѣжденнаго человѣка живо представить себѣ будущія земскія собранія, какъ они предначертаны въ проектѣ устава, и потомъ задать себѣ вопросъ, какую роль рядомъ съ ними могутъ играть собранія дворянства. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобъ эта роль была завидная. Этого мало: никто, вѣроятно не поручится даже за то, что дворянскія собранія будутъ продолжать свое существованіе наряду съ собраніями земскими. Очевидная невозможность параллельнаго существованія земскихъ и дворянскихъ собраній самымъ наглядымъ образомъ доказываетъ, что земскія собранія не имѣютъ по проекту да и вообще не могутъ имѣть характера исключительно хозяйственнаго, и непремѣнно должны получить въ большей или меньшей степени значеніе политическихъ учрежденій. Хозяйственно-административный характеръ такъ смѣшивается тутъ съ характеромъ политическимъ, что отдѣлить одинъ отъ другаго невозможно, и какія бы мы ни прилагали старанія, все-таки впредь у насъ въ Россіи не дворянское, а земское представительство будетъ политическимъ представительствомъ. Впрочемъ, стоитъ ли и прилагать старанія, чтобы было иначе! Развѣ желательно, чтобы земство исключительно занималось хозяйственными дѣлами, а дворянство дѣлами политическими? Развѣ политическое представительство, по справедливости, можетъ быть предоставлено одному сословію? Развѣ политическое положеніе дворянства можетъ быть удовлетворительно, если оно будетъ противопоставлено цѣлому земству?

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что земскія учрежденія, по проекту, не могутъ быть признаны за учрежденія чисто-

хозяйственныя, и что никакъ нельзя желать, чтобы проектированный кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій былъ стѣсненъ въ видахъ предоставленія политическаго права дворянскимъ собраніямъ. Стало-быть дѣло принимаетъ слѣдующій видъ: если проектъ земскихъ учрежденій будетъ принятъ какъ есть, то дворянскія собранія утратятъ все то значеніе, которое осталось бы за ними послѣ судебной и полицейской реформъ; а съ другой стороны, невозможно желать измѣненія этого проекта въ такомъ смыслѣ чтобы дворянскія и земскія собранія подѣлили между собой дѣла. Проектъ дѣйствуетъ совершенно правильно, перенося извѣстныя дѣла изъ дворянскихъ собраній въ земскія. Онъ не касается дворянскихъ собраній и оставляетъ ихъ въ сторонѣ, потому что ихъ дальнѣйшая судьба не входила въ рамку проекта. Но для того чтобы судить о вліяніи проекта на общій политическій строй Россіи, мы непремѣнно должны имѣть въ виду, что земскими собраніями будутъ фактически упразднены собранія дворянства.

При этомъ взглядѣ на дѣло, прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ вліяніи, которое будутъ имѣть проектируемыя земскія собранія на существующія политическія права теперешнихъ дворянъ. Если за дворянами, которые имѣютъ теперь право участія въ дворянскихъ собраніяхъ, останется это право, но ихъ собранія потеряютъ всякое значеніе, то не уменьшится ли дѣйствительное значеніе существующаго права этихъ лицъ, не будетъ ли оно сохранено только по имени, а въ сущности не будетъ ли оно утрачено? Не понесутъ ли они извѣстной потери правъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ? Въ отвѣтѣ сомнѣваться нельзя. Тѣ лица, которыя теперь имѣютъ политическое право участія въ дворянскихъ съѣздахъ потерпятъ умаленіе своего политическаго права. Теперь многія изъ нихъ имѣютъ личное участіе въ собраніяхъ, которыхъ дѣятельность правда не велика, но которыя пользуются политическимъ значеніемъ, соотвѣтственнымъ существующему политическому порядку. По учрежденіи земскихъ собраній, къ которымъ отойдутъ отъ дворянскихъ собраній всѣ сколько-нибудь важныя дѣла, личное право участія въ дворянскихъ собраніяхъ потеряетъ цѣну, а личнаго права участія въ земскихъ собраніяхъ проектъ вовсе не устанавливаетъ. Очевидно стало-быть, что многія лица дворянскаго сословія будутъ имѣть меньше политическихъ правъ чѣмъ до сихъ поръ. Еслибъ это требовалось справедливостію, то нечего было бы противъ этого возставать, и лица теряющія извѣстную долю своихъ политическихъ правъ должны были бы помириться съ судьбой. Но требуетъ ли такого лишенія справедливость? Когда рѣшался крестьянскій вопросъ, дѣло не могло обойдтись для дворянъ безъ лишеній. Однимъ и тѣмъ же участкомъ земли два человѣка владѣть не могутъ, по крайней мѣрѣ не могутъ владѣть на одинаковомъ правѣ. Существующія гражданскія права должны были подвергнуться измѣненію, которое предписывалось справедливостью. Такъ всегда бываетъ въ дѣлахъ гражданскаго права. Но условія политическихъ правъ совсѣмъ другія. Это не права на извѣстную вещь или на извѣстное дѣйствіе другаго лица. Тутъ прогрессъ по большей части бываетъ совмѣстимъ съ уваженіемъ къ существующимъ правамъ; тутъ прогрессъ можетъ состоять въ распространеніи льготъ и, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не требуетъ, чтобы существующія льготы были отнимаемы у лицъ, которыя уже пользуются ими.

Въ странахъ, гдѣ уважаются существующія права, напримѣръ въ Англіи, всѣ политическія реформы касаются лишь правъ имѣющихъ возникнуть, а не правъ уже возникшихъ и существующихъ. Не такъ давно въ англійскомъ парламентѣ разсуждалось о томъ, что было бы полезно лишить избирательнаго права такъ-называемыхъ сорокашиллинговыхъ *фригольдеровъ*, то-есть владѣльцевъ недвижимой собственности, приносящей сорокъ шиллинговъ (около 12 р. 50 к. сер.) дохода. Существованіе этого права даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Богатые люди нарѣзываютъ изъ своихъ полей такъ-называемые сорокашиллинговые участки и раздаютъ эти участки въ долгъ, съ тѣмъ чтобы должникъ подавалъ голосъ, какъ они велятъ ему. Этимъ злоупотребленіемъ было вызвано предложеніе отмѣнить законъ предоставляющій право голоса собственникамъ сорокашиллинговыхъ участковъ. Но предлагавшіе эту реформу тотчасъ же оговаривались, что законъ обратной силы имѣть не можетъ, и что тѣ фригольдеры, которые уже пользовались избирательнымъ правомъ, должны, разумѣется, сохранить его пожизненно. Если въ Англіи считается несправедливымъ отнимать право голоса у людей, не всегда хорошо

пользующихся имъ, и притомъ у людей, которыхъ немного и которые не составляютъ замѣтнаго класса въ англійскомъ обществѣ; то во сколько разъ было бы несправедливѣе отнимать у многочисленныхъ членовъ всего первенствующаго сословія въ государствѣ то право, которымъ они дѣйствительно пользовались? До сихъ поръ наши дворяне участвовали въ собраніяхъ занимавшихся земскими дѣлами и имѣвшихъ важное право выборовъ; отнынѣ они участвовали бы въ дворянскихъ собраніяхъ лишенныхъ всякаго значенія. Если не для виду только, а дѣйствительно уважить существующія права, то всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ теперь право участія въ дворянскихъ собраніяхъ, должно быть предоставлено пожизненное право участія въ собраніяхъ земскихъ. Признаніе за ними этого пожизненнаго права было бы относительно ихъ дѣломъ справедливости, а согласиться на это дѣло справедливости было бы тѣмъ легче, что оно совершенно одобряется политическимъ благоразуміемъ. Наше земство было до сихъ поръ устроено олигархически. Неужели можно надѣяться, что рѣзкій переходъ отъ олигархическаго порядка къ демократическому обошелся бы безъ дурныхъ послѣдствій? Политическое благоразуміе совѣтуетъ избѣгать подобныхъ скачковъ. Въ настоящемъ случаѣ голосъ политическаго благоразумія совершенно совпадаетъ съ требованіемъ справедливаго уваженія къ существующимъ правамъ.

Повторимъ результаты сказаннаго. Мы показали, что земскія собранія будутъ имѣть не только чисто-хозяйственное, но и политическое значеніе, и что по силѣ вещей они непремѣнно станутъ на мѣстѣ теперешнихъ дворянскихъ собраній. Изъ этого слѣдуетъ, что сохраненіе права участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ безъ права участвовать въ собраніяхъ земскихъ, было бы въ сущности политическою утратой, и что если существующія права теперешнихъ дворянъ должны быть уважены, то всѣ лица, пользующіяся теперь правомъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ, должны сохранить за собой пожизненное право участія въ собраніяхъ земскихъ. Этого требуетъ уваженіе къ правамъ существующимъ; и этого же самого требуетъ политическое благоразуміе, заставляющее желать, чтобы развитіе политическихъ учрежденій совершалось съ постепенностью обезпечивающею его успѣхъ.

Дурно ли, хорошо ли, но дворянскія собранія занимались у насъ дѣлами имѣющими политическій характеръ. Другихъ собраній съ подобнымъ кругомъ занятій у насъ не было. Если есть у насъ какая-нибудь политическая опытность, если есть какой-нибудь политическій духъ, то только въ собраніяхъ дворянства. Здравый смыслъ показываетъ, что ни къ чему другому кромѣ этихъ собраній не можетъ примкнуть наше дальнѣйшее политическое развитіе. Новыя собранія не должны быть совершеннымъ нововведеніемъ. Напротивъ надобно желать чтобъ они были лишь преобразованіемъ и усовершенствованіемъ дворянскихъ собраній.

Можно думать, что едва ли и возникла бы у насъ мысль о составленіи по уѣздамъ совершенно новыхъ собраній, нисколько не примыкающихъ къ дворянскимъ собраніямъ и не составляющихъ дальнѣйшаго развитія и расширенія,—можно, говоримъ, думать, что и самая мысль о подобномъ нововведеніи не возникла бы у насъ, еслибы не навело на нее преобразованіе городскаго устройства въ обѣихъ столицахъ. Но уѣздныя учрежденія никакъ не могутъ идти въ параллель съ столичными. Къ тому же реформа городскаго устройства въ Петербургѣ и Москвѣ, при всей своей радикальности, состояла въ ограниченіи прежняго безсмысленно-демократическаго порядка подачи голосовъ и въ присоединеніи къ городскому обществу элемента, правда новаго, но новаго только въ городскомъ обществѣ, а не въ политической жизни,—именно элемента дворянскаго. Поэтому, отъ успѣшности кореннаго преобразованія въ столичномъ городскомъ устройствѣ нельзя заключать къ успѣшности кореннаго преобразованія въ уѣздномъ устройствѣ, какъ оно предложено въ проектѣ. Тамъ коренная реформа состояла въ ограниченіи порядковъ черезчуръ демократическихъ. Здѣсь она состояла бы въ ихъ введеніи посредствомъ самаго рѣзкаго перехода изъ одной крайности въ другую.

Вообще мы поступили бы очень неосновательно, еслибы бросили устройство нашихъ дворянскихъ собраній какъ вещь совершенно негодную. Мы рѣшительно не имѣемъ права смотрѣть свысока на устройство этихъ собраній. При внимательномъ взглядѣ и при сравненіи съ соотвѣтствующими учрежденіями другихъ странъ, въ устройствѣ нашихъ дворянскихъ собраній окажется мно-

го такихъ сторонъ, которыя несомнѣнно заслуживаютъ сохраненія. Мы укажемъ сегодня на два особенно важные пункта: на личное право участія и на коллективные голоса такъ-называемыхъ уполномоченныхъ.

Личное право участія въ собраніяхъ имѣетъ много преимуществъ передъ участіемъ по выбору. Самое очевидное изъ этихъ преимуществъ заключается въ томъ что имѣющій личное право участія въ собраніяхъ постоянно сохраняетъ интересъ къ предмету занятій въ этихъ собраніяхъ, тогда какъ лица, избираемыя на извѣстный срокъ, считаютъ эти дѣла чуждыми для себя до того времени когда будутъ выбраны, и только со времени своего избранія начинаютъ слѣдить за ними. Поэтому личное право участія предпочтительнѣе права основаннаго на выборѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно можетъ быть допущено безъ неудобствъ. Безъ этого права самоуправленіе было бы рѣшительно невозможно, какъ мы видимъ напримѣръ во Франціи, гдѣ очень много выборныхъ собраній, но гдѣ они не повели къ самоуправленію. Въ Англіи напротивъ палата перовъ почти вся основана на правѣ личнаго голоса; равнымъ образомъ на томъ же правѣ основано самоуправленіе въ графствахъ. Имѣя въ виду этотъ великій урокъ практической политики, мы не должны пренебрегать тѣми начатками личнаго права участія, которые у насъ уже существуютъ и даже успѣли укорениться. Но съ другой стороны это право можетъ быть съ пользой для общаго дѣла предоставлено лишь такимъ лицамъ, которыя пользуются извѣстною независимостью. До сихъ поръ въ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ это право условливалось владѣніемъ ста душами или тремя тысячами десятинъ земли. Уваженіе къ существующимъ правамъ побуждаетъ, какъ мы замѣтили выше, оставить это право пожизненно за тѣми, кто имъ уже успѣлъ воспользоваться. Но дальнѣйшій доступъ къ личному праву участія долженъ, кажется намъ, обусловливаться нѣсколько иначе. Прежняя норма *ста душъ* теперь уже не имѣетъ силы. Къ тому же земля остающаяся за надѣломъ не можетъ считаться въ сущности ни заселенною, ни незаселенною землей. Норма *трехъ тысячъ десятинъ* тоже очевидно неудовлетворительна, потому что, при неравномѣрной цѣнности земли, она вела бы къ крайней неуравнительности. Наконецъ, при необходимости распространить личное право участія и на другія сословія, потребуется нѣсколько возвысить норму. Мы поэтому думаемъ, что всего справедливѣе было бы основать личное право участія на оцѣнкѣ земли, съ тѣмъ чтобы на этой же оцѣнкѣ основывалась и раскладка денежной земской повинности. Самую цифру опредѣлить мы не беремся, но полагаемъ, что оцѣнка должна быть ни ниже 40.000 и не выше 50.000 рублей. Такая оцѣнка подняла бы цензъ, но такъ какъ дворяне теперь пользующіеся личнымъ правомъ голоса удержали бы его за собой пожизненно, то жалобы на возвышеніе ценза не могло бы быть, а современемъ, по мѣрѣ того какъ стали бы вымирать дворяне пользующіеся пожизненнымъ голосомъ, корпорація лицъ имѣющихъ личный голосъ получала бы все болѣе и болѣе удовлетворительный составъ, соединяя въ себѣ лишь людей дѣйствительно достаточныхъ и могущихъ служить представителями крупной собственности. Чтобъ эта цѣль была современемъ достигнута, для этого нужно возвышеніе ценза. Всѣмъ извѣстно, что имѣніе цѣнностью ниже 40.000 р. не даетъ положенія сколько-нибудь независимаго, и не можетъ быть отнесено къ крупной собственности, а очень важно чтобы крупная собственность, находящаяся въ условіяхъ совершенно исключительныхъ, не потерялась въ общемъ представительствѣ земства. Изъ купечества можно было бы сравнять съ крупными землевладѣльцами купцовъ имѣющихъ, по новому положенію, свидѣтельства перваго разряда.

Вторая, несомнѣнно замѣчательная сторона въ устройствѣ нашихъ дворянскихъ собраній, это—коллективные голоса, подаваемые черезъ уполномоченныхъ. Мы вовсе не хотимъ, да и не имѣемъ права хвалиться передъ другими народами этою чертой нашего устройства, потому что мы не успѣли еще вполнѣ воспользоваться ею и обнаружить на дѣлѣ ея важность и достоинство. Но мы не должны въ нашей скромности доходить и до другой крайности, не должны заимствовать у другихъ народовъ такія формы ценза, которыя и у нихъ оказываются на дѣлѣ неудовлетворительными. Во Франціи опредѣленный цензъ раздѣлявшій всю націю на два лагеря, избирателей и неизбирателей, изъ которыхъ первые составляли *pays légal*, а вторые въ политическомъ отношеніи ничего не значили, повелъ ко взаимной завистн и даже враждѣ этихъ двухъ лагерей, разрѣшившейся въ безсмысленное

учрежденіе подачи голосовъ всѣмъ міромъ, *suffrage universel*, при чемъ люди политически совершенно неспособные имѣютъ равный голосъ съ первыми людьми страны. Въ Англіи, при разнообразіи условій избирательной льготы, нѣтъ ни подобной зависти, ни подобной вражды, но и тамъ реформа избирательнаго закона постоянно является какъ очередной вопросъ, съ одной стороны требующій скораго рѣшенія, а съ другой стороны ведущій націю въ безвѣстное будущее и возбуждающій серіозныя опасенія за сохраненіе политическаго устройства, обезпечивающаго личную и общественную свободу. Въ Англіи всѣ боятся нововведеній въ избирательномъ законѣ, которыя могутъ перемѣстить центръ тяжести ея политическаго устройства, но въ то же время люди мыслящіе не могутъ не видѣть недостаточности избирательнаго закона, оставляющаго совершенно безгласными огромныя массы народа.

Изо всѣхъ историческихъ государствъ, мы встрѣчаемъ только въ древнемъ Римѣ такое устройство ценза, которое, ограждая общество отъ пагубной политической нивеллировки, не оставляло безгласнымъ никого имѣвшаго хоть какую-нибудь собственность и платившаго хоть какіе-нибудь налоги. Нашими коллективными голосами мы можемъ достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ, которые были достигнуты въ древнемъ Римѣ мудрою системой ценза, приписываемою царю Сервію Туллію, другу плебеевъ; мы можемъ достигнуть результатовъ даже болѣе удовлетворительныхъ, потому что при развитіи нашей системы коллективныхъ голосовъ возможна болѣе правильная уравнительность чѣмъ при системѣ Сервія Туллія.

Но для того чтобы наша система дѣйствовала удовлетворительно, надобно освободить ее отъ тѣхъ ея недостатковъ, которые отчасти уже оказались на дѣлѣ, отчасти должны оказаться, если она будетъ распространена на всѣ сословія земства.

По теперешнему порядку, правомъ коллективнаго голоса пользуются помѣщики, имѣющіе отъ ста до 5 душъ или отъ 3000 до 150 десятинъ незаселенной земли, если они явятся въ уѣздное собраніе. Это правило ведетъ къ неуравнительности. Оно ставитъ стодушевыхъ помѣщиковъ въ положеніе невыгодное. Между стодушевыми помѣщиками могутъ быть многіе имѣющіе по нѣсколько тысячъ душъ. Такіе помѣщики имѣютъ по одному голосу; такъ что большепомѣстные дворяне явившіеся въ собраніе имѣютъ соразмѣрно съ владѣемою ими недвижимою собственностью меньше голосовъ чѣмъ дворяне малопомѣстные явившіеся въ собраніе. Послѣдніе имѣютъ по одному голосу съ каждыхъ ста душъ, между тѣмъ какъ первые имѣютъ гораздо меньше голосовъ чѣмъ сколько пришлось бы по разсчету душъ, еслибъ ихъ уравнять съ малопомѣстными. Такое предпочтеніе, оказываемое малопомѣстнымъ дворянамъ, несогласно съ уравнительностью и повело бы къ несправедливымъ постановленіямъ, еслибы права дворянскихъ собраній были расширены. Далѣе, даже то условіе, что правомъ личнаго голоса или правомъ избирать уполномоченныхъ пользуются лишь дворяне явившіеся въ собраніе, также не можетъ считаться за условіе совершенно уравнительное: малопомѣстные обыкновенно живутъ въ своихъ деревняхъ, и между ними бываетъ гораздо меньше отлучающихся чѣмъ между большепомѣстными. Поэтому намъ кажется, что для установленія большей справедливости и уравнительности слѣдуетъ возвысить цифру оцѣнки, дающей голосъ черезъ уполномоченныхъ. Если оставить теперешнее соотношеніе предѣловъ собственности дающей право личнаго голоса и право выбирать уполномоченныхъ (1 къ $^1/_{20}$), то предложенная выше оцѣнка отъ 40.000 до 50.000 руб. будетъ высшимъ предѣломъ для права выбирать уполномоченныхъ, а низшимъ будетъ $^1/_{20}$ ея часть, то-есть или 2.000 р. или 2.500 р. Всѣ лица, которыхъ недвижимая собственность будетъ оцѣнена ниже 40.000 или 50.000 р. и выше 2.000 или 2.500 р., будутъ имѣть право на голосъ черезъ уполномоченныхъ, но такъ что одинъ голосъ будетъ приходиться не на 40.000 или 50.000 р. коллективной собственности, а по меньшей мѣрѣ на 80.000 или на 100.000 р.

Это будетъ вторая категорія, къ которой легко будетъ приравнять купцовъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ втораго разряда. Затѣмъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и необходимости предоставить имъ, а равно и торгующимъ мѣщанамъ, извѣстно участіе въ политическихъ правахъ, необходимо устроить еще двѣ категоріи, или, говоря языкомъ Сервія Туллія, два класса избирателей.

Третій классъ заключалъ бы въ себѣ всѣхъ личныхъ собственниковъ, которыхъ недвижимое имущество оцѣнено ниже 2.000

или 2.500 руб. Они имѣли бы одинъ голосъ на 120.000 или на 150.000 р. коллективной собственности. Въ размѣрахъ этой послѣдней цифры давала бы право голоса и общинная собственность крестьянъ-собственниковъ. Торгующіе мѣщане и хозяева ремесленники были бы приравнены къ этому классу.

Четвертый классъ заключалъ бы въ себѣ наконецъ всѣхъ людей имѣющихъ право наслѣдственнаго пользованія на казенныхъ или помѣщичьимъ земляхъ, такъ чтобы одинъ голосъ приходился на коллективное пользованіе землями, оцѣненными въ 240.000 или въ 300.000 р.

Вотъ планъ, который могъ бы, кажется, повести къ правильному развитію нашей системы коллективныхъ голосовъ и обезпечилъ бы уравнительное представительство разныхъ видовъ землевладѣнія. Чтобы дать понятіе о томъ какъ онъ дѣйствовалъ бы въ натурѣ, мы возьмемъ для примѣра уѣздъ населенный 40.000 крестьянъ, изъ которыхъ 10.000 собственники, а 30.000 имѣютъ свой надѣлъ въ пользованіи. На каждую душу приходится земли на 150 р. Крестьяне-собственники всѣ вмѣстѣ владѣютъ землей оцѣненною въ 1.500.000 р., и имѣютъ отъ 10 до 12 голосовъ. Крестьяне временно-обязанные владѣютъ землей оцѣненною въ 4.500.000 р., и имѣютъ отъ 15 до 19 голосовъ. Всего крестьянскихъ голосовъ отъ 25 до 31. Дворянскихъ голосовъ на прежнихъ выборахъ бывало обыкновенно отъ 35 до 40. Къ этимъ цифрамъ надобно присовокупить болѣе или менѣе значительную цифру личныхъ землевладѣльцевъ не дворянскаго происхожденія, а равно купцовъ и мѣщанъ. По мѣрѣ приступленія къ выкупу число крестьянскихъ голосовъ должно возрастать.

Въ заключеніе замѣтимъ, что при этомъ планѣ предполагается остающимся въ силѣ постановленіе ст. 80 Устава о службѣ по выборамъ III т. Св. Законовъ.

№ 144

Москва, 2-го Іюля.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что главныя затрудненія встрѣчаемыя нами въ Царствѣ Польскомъ заключаются не въ шайкахъ повстанцевъ, ни даже въ такъ называемомъ національномъ правительствѣ, обдѣлывающемъ ловче ихъ свои дѣла, а въ гражданскомъ управленіи Царства.

Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Польши, нѣтъ особаго начальника гражданскаго управленія. Это не первый министръ, потому что онъ не касается военной части, но это и не простой министръ, потому что ему подчинены всѣ части, кромѣ военной. Эта должность, дающая лицу ею облеченному огромное и притомъ не нормальное значеніе, вноситъ въ управленіе краемъ не единство, для чего нужно быть первымъ министромъ, а раздвоеніе между военною властью и гражданскимъ управленіемъ. Если-бы это лицо было избрано изъ людей дѣйствительно опытныхъ въ дѣлѣ управленія, соединяющихъ въ себѣ преданность престолу и народное довѣріе, то ненормальность его положенія искупалась бы тѣмъ, что оно служило бы посредникомъ между народомъ и верховною властью. Но во главѣ гражданскаго управленія въ Царствѣ стоитъ маркизъ Велёпольскій, въ расположеніи къ которому, основательномъ или неосновательномъ, одинаково сходятся въ Варшавѣ и Русскіе, и Поляки. Онъ настойчиво требовалъ произвести наборъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ былъ произведенъ въ январѣ; онъ настоялъ на изгнаніи русскихъ чиновниковъ изъ Царства Польскаго въ видахъ автономіи края, и такимъ образомъ самъ передалъ власть въ руки людей, которые считаютъ его первымъ врагомъ отечества. Но даже при самомъ благопріятномъ соединеніи личныхъ условій, особое начальство гражданскаго управленія, составляя лишнюю инстанцію, было бы большою помѣхой въ такое революціонное время, какое теперь переживаетъ Польша. Имъ причиняются безпрестанныя проволочки въ дѣлахъ не терпящихъ отлагательства, проволочки, которыя ведутъ въ настоящую минуту къ важнымъ неудобствамъ. Изъ писемъ нашего варшавскаго корреспондента напечатанныхъ въ № 142 *Московскихъ Вѣдомостей* видно, что похищеніе главной кассы Царства не могло бы произойдти, если бы начальникъ гражданскаго управленія не имѣлъ права или претензіи пропускать еще разъ черезъ свои руки всѣ дѣла, которыя уже были доложены Намѣстнику Царства. Другимъ путемъ доходятъ до насъ извѣстія, что даже слѣдствію объ этомъ похищеніи дѣлались затрудненія со стороны того же

управленія. Поэтому нельзя сомнѣваться, что отъѣздъ маркиза Велёпольскаго въ отпускъ приходится теперь какъ нельзя болѣе кстати.

Настоящее возстаніе особенно обнаружило всѣ неудобства отдѣльно-сосредоточеннаго гражданскаго управленія. Благодаря гражданскому управленію, до сихъ поръ военное положеніе настоящимъ образомъ не установлено, и чиновники въ Царствѣ подлежатъ теперь тремъ вліяніямъ: военнымъ начальникамъ отрядовъ, національному правительству и гражданскому управленію, изъ которыхъ послѣднее ревнивѣе относится къ войску чѣмъ даже революціонное правительство; такой обстановки совершенно достаточно, чтобы довѣріе къ законному правительству поколебалось въ низшемъ чиновничествѣ, и чтобъ оно, видя какъ военныя и гражданскія власти враждуютъ между собою, покорилось единовластному центральному комитету. А потому нельзя не радоваться, что отпускъ, данный маркизу Велёпольскому, откроетъ всей администраціи Царства, военной и гражданской, возможность дѣйствовать согласно въ извѣстномъ направленіи, подчиняясь вполнѣ и нераздѣльно Намѣстнику Царства безъ особой промежуточной инстанціи.

Мнѣніе это мы можемъ поддержать фактическими доказательствами. Послѣ долгихъ колебаній, разумѣется не со стороны военнаго начальства, рѣшено было подчинить нѣкоторыя мѣстности частнымъ военнымъ начальникамъ. *De facto* это подчиненіе уже существовало съ минуты возстанія, несмотря на всѣ претензіи гражданскихъ властей; гдѣ было войско, тамъ были и военные начальники. Но войска передвигались, начальники уходили, и потому не всѣ уѣзды имѣли постоянныхъ начальниковъ. Слѣдовательно, вообще говоря, проектъ учрежденія уѣздныхъ начальниковъ, проектъ рекомендованный изъ Петербурга и одобренный начальниками военныхъ отдѣловъ, былъ совершенно согласенъ съ требованіями обстоятельствъ. А потому еще прежде недавняго учрежденія военныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ числѣ 11, было назначено въ военныхъ отдѣлахъ по нѣсколько частныхъ военныхъ начальниковъ и для нихъ составлена инструкція, разосланная 26 апрѣля. Но что говорила имъ эта инструкція? Она ограничивала ихъ распоряженія передвиженіями войска и употребленіемъ военныхъ силъ. Въ остальныхъ отношеніяхъ частному военному начальнику предоставлялось только „наблюденіе“. Эта инструкція наилучшимъ образомъ показываетъ, что гражданское управленіе болѣе заботилось о своей власти нежели о прекращеніи мятежа.

Изъ инструкціи видно, что частные военные начальники, кромѣ командованія войсками и употребленія военной силы, должны „надзирать“ въ краѣ за исполненіемъ правилъ военнаго положенія, причемъ самый важный элементъ для надзора, полиція, имъ не подчинена, а напротивъ поставлена совершенно независимо отъ нихъ. Въ параграфѣ 4-мъ инструкціи прямо говорится, что „приведеніе въ исполненіе правилъ военнаго положенія составляетъ непосредственную обязанность полицейской гражданской власти, и потому, съ объявленіемъ здѣшняго края на военномъ положеніи, дѣйствіе гражданскихъ полицейскихъ властей не только не прекращается, но еще усиливается.“ Въ теоріи это не худо и бумага могла легко стерпѣть на себѣ изложеніе этого правила, но на дѣлѣ, и на практикѣ это правило оказалось совершенно несостоятельнымъ. Полиція не подчиняется военному начальнику, хотя ей и поставлено въ обязанность повиноваться требованіямъ его „во всемъ что̀ касается правилъ военнаго положенія; если полиція, несмотря на понужденія, не исполнитъ своей обязанности, то военный начальникъ можетъ дѣйствовать своими нижними чинами, доносить начальнику округа, но отнюдь не можетъ налагать взысканій на должностныхъ лицъ гражданскаго полицейскаго управленія.“ Такимъ образомъ полицейское управленіе остается до сихъ поръ независимымъ отъ военныхъ начальниковъ, за исключеніемъ случаевъ неповиновенія властямъ на дѣлѣ.

Еще болѣе ревнивый взглядъ гражданской власти Царства Польскаго развивается въ строкахъ, которыми предупреждаются частные начальники, что они отнюдь не должны входить въ разбирательство жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ а должны только указывать правительственное лицо или мѣсто, которое доставило бы крестьянамъ законное удовлетвореніе.

При такой инструкціи военное положеніе не можетъ существовать на дѣлѣ, а между тѣмъ оно составляетъ главную потребность края, и правительству рѣши-

тельно необходимо пользоваться имъ во всей силѣ. Военное положеніе заключается вовсе не въ томъ, чтобы вѣшать и разстрѣливать людей по приговорамъ военныхъ судовъ; оно состоитъ въ подчиненіи жителей одной власти, наиболѣе способной поддержать въ трудную минуту спокойствіе и порядокъ. А гражданское управленіе, мѣшая второму, дѣлало необходимымъ первое.

Упомянутую нами инструкцію не могъ составить военный начальникъ; она несомнѣнно носитъ на себѣ слѣды вмѣшательства гражданскаго управленія. Мы имѣли случай читать записку, составленную еще въ апрѣлѣ однимъ изъ высшихъ должностныхъ военныхъ лицъ Царства, въ которой излагалась необходимость, не только вполнѣ подчинить полицію частному военному начальнику, но и гражданскихъ губернаторовъ подчинить военнымъ начальникамъ отдѣловъ. Съ справедливостію этого мнѣнія нельзя не согласиться, особенно прочитавъ нѣкоторыя изъ губернаторскихъ донесеній; Надобно правда замѣтить, что вслѣдъ за инструкціей 26 апрѣля появились разныя прибавленія къ ней, довольно рѣшительныя, и между прочимъ дозволявшія мѣстнымъ военнымъ начальникамъ смѣну гражданскихъ чиновниковъ и вмѣшательство во всѣ дѣла, даже судебныя, но о полномъ подчиненіи полиціи все еще не слышно. Тѣмъ не менѣе потеряно время съ апрѣля по іюнь, и пролито много лишней крови.

Одно изъ двухъ было раціонально: или ввести военное положеніе на дѣлѣ, или предоставить гражданской власти средства усмирить край. Но такъ какъ гражданская власть не могла предупредить возстанія, а теперь сама прячется за жандармовъ, то раціональнѣе отдать ее въ полную опеку военной власти на время возмущенія, и это сдѣлать тѣмъ легче, что есть начальники отдѣловъ и частные военные начальники, которые, по общимъ отзывамъ, гораздо болѣе нравятся самимъ Полякамъ чѣмъ ихъ губернаторы; особенно указываютъ на генерала Хрущова, который пользуется, говорятъ, большимъ довѣріемъ мирныхъ населеній.

Въ отсутствіи дѣйствительнаго военнаго положенія, въ неполномъ подчиненіи края мѣстному военному начальству, можно отчасти видѣть причину, почему въ Россіи составилось мнѣніе о слабости мѣръ принимаемыхъ въ Царствѣ для подавленія мятежа. Между тѣмъ карательная система дѣйствовала довольно энергически, чему могутъ служить доказательствомъ слѣдующія цифры: къ 6-му іюня разстрѣляно — 35, повѣшено — 7, въ каторжную работу сослано 27, въ Сибирь на поселеніе 16. Къ тому же дню оставалось политическихъ арестантовъ въ Александровской цитадели еще 92 человѣка. Не показываютъ ли эти цифры, что карательная система сама по себѣ недостаточна? Въ карательной системѣ мы не можемъ, мы не должны, да и не желаемъ, имѣть перевѣсъ надъ національнымъ правительствомъ, которое по офиціальнымъ, далеко не полнымъ, свѣдѣніямъ повѣсило и убило къ 18-му іюня 405 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ женщинъ. Съ нашей стороны въ Царствѣ должна быть употреблена въ дѣло система предупредительная, при которой полиція и войско предупреждали бы бо́льшую часть преступленій, влекущихъ за собою смертные приговоры военныхъ судовъ. Этими приговорами Польша обязана не военному положенію, а автономіи своего гражданскаго управленія, которая препятствовала осуществленію военнаго положенія.

№ 145.

Москва, 3-го Іюля.

Говоря вчера о взаимныхъ отношеніяхъ военной и гражданской власти въ Царствѣ Польскомъ, мы назвали ихъ враждебными. Вражда — слово сильное, но мы должны сказать съ прискорбіемъ, что мы выразились бы неточно, еслибъ употребили другое слово, болѣе мягкое. Съ тѣхъ поръ какъ Царству Польскому была дарована автономія, и гражданское управленіе получило исключительно національный характеръ, контрастъ между національною гражданскою администраціей и русскимъ военнымъ управленіемъ мало-по-малу становился всѣ рѣзче и рѣзче. Чѣмъ болѣе возбуждались сепаратистическія надежды, тѣмъ непріятнѣе должны были смотрѣть на войско тѣ лица, которыя болѣе или менѣе поддавались этимъ надеждамъ. Войско осталось тамъ, единственнымъ „московскимъ“ учрежденіемъ, и эта изолированность совсѣмъ испортила положеніе войска въ странѣ. Оно сдѣлалось исключеніемъ, рѣзко выдѣляющимся изо

всего остальнаго, сдѣлалось что называется бѣльмомъ въ глазу у польскихъ патріотовъ. Замѣтимъ что въ Царствѣ Польскомъ администрація, устроенная преимущественно по французскому образцу, очень многолюдна и имѣетъ большое вліяніе. Но еслибъ этого и не было, еслибъ администрація удержалась въ Царствѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые она имѣетъ напримѣръ въ Ирландіи, то и тогда русское войско, наряду съ администраціей, состоящею исключительно изъ Поляковъ, не могло бы имѣть пріятной обстановки. Пусть бы Англичане, предлагающіе намъ относительно Польши разныя либеральности, попробовали дать Ирландіи исключительно католическую и національную администрацію, подчинили бы ее лорду-лейтенанту изъ ирландскихъ католиковъ, и притомъ оставили бы въ Ирландіи англійское войско. Интересно было бы посмотрѣть, что вышло бы изъ такого нововведенія, даже въ продолженіе того времени, пока дѣло не дошло бы еще до открытаго возстанія. Тѣмъ затруднительнѣе и щекотливѣе должны были сдѣлаться взаимныя отношенія военныхъ и гражданскихъ властей въ Царствѣ Польскомъ, когда возгорѣлось возстаніе. Послѣ рѣзни съ 10 на 11 января военное начальство было поставлено въ необходимость вмѣшиваться въ полицейскія дѣла, а полиція, которая не была ему подвѣдомственна, обращалась съ жалобами на него къ губернаторамъ. Горючаго матеріяла было уже и прежде не мало: много ли было нужно, чтобъ окончательно возстановить военную власть противъ гражданской, а гражданскую противъ военной? Дѣло дошло до открытой вражды между губернаторами и военными начальниками губерній именно въ то время, когда общность дѣйствія была кореннымъ условіемъ успѣха.

Мы ничего не преувеличиваемъ, говоря объ открытой враждѣ. Губернаторскія донесенія въ коммиссію внутреннихъ дѣлъ составляютъ главную опору для нападокъ на русское войско со стороны заграничной печати. Въ нихъ широко расписывается всякое насиліе при выбитіи мятежниковъ изъ мѣстечекъ, господскихъ дворовъ и селеній, упоминается даже о томъ, какой солдатъ выругалъ какого обывателя, а когда рѣчь заходитъ о людяхъ повѣшенныхъ повстанцами, то эти люди по большей части оказываются неизвѣстными лицами, и такимъ образомъ снова бросается тѣнь на войско, что эти неизвѣстныя лица можетъ-быть повѣшены вовсе не повстанцами, а русскимъ войскомъ. О шайкахъ мятежниковъ ничего не говорится, а равно умалчивается и о производимыхъ ими ужасахъ. Губернаторы и военные начальники, можно сказать, обмѣнялись ролями: первые доносятъ о дѣйствіяхъ войскъ, вторые — о дѣйствіяхъ шаекъ.

Въ краковской газетѣ *Часъ* напечатанъ циркуляръ графа Келлера, бывшаго предсѣдательствующаго въ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, къ губернаторамъ. Графъ Келлеръ давалъ губернаторамъ добрый совѣтъ воздержаться отъ лживыхъ представленій о разбояхъ войскъ, и заняться болѣе указаніями о пребываніи и дѣйствіяхъ инсургентовъ: въ томъ же циркулярѣ говорилось и о той странности, что донесенія губернаторовъ попадаютъ сперва въ краковскій *Часъ*, а потомъ уже въ правительственную коммиссію внутреннихъ дѣлъ. Читатели знаютъ что графъ Келлеръ вскорѣ за тѣмъ оставилъ свой постъ, и что его мѣсто занялъ бывшій радомской губернаторъ, одно изъ лицъ, къ которымъ циркуляръ былъ адресованъ, именно г. Островскій. Съ той поры новыхъ увѣщаній губернаторамъ, сколько мы знаемъ, со стороны правительственной коммиссіи не было, а напротивъ всѣ ихъ доклады тщательно собирались и на основаніи ихъ показаній рельефно выставлялось что наши войска не умѣютъ тушить мятежъ, а только грабятъ невинныхъ и убиваютъ безоруженныхъ, притомъ всѣ доклады были излагаемы въ духѣ, оскорбительномъ для правительства. Чтобы парализировать такое направленіе гражданской власти изданъ былъ, 31-го мая, особою канцеляріей по дѣламъ военнаго положенія циркуляръ къ начальникамъ военныхъ отдѣловъ. Этотъ циркуляръ былъ тотчасъ же напечатанъ въ *Часѣ*, а слѣдовательно нѣтъ причины скрывать и его отъ русскихъ читателей. Въ немъ дается начальникамъ военныхъ отдѣловъ совѣтъ устранить враждебное настроеніе гражданскаго начальства противъ правительства, и средствами для достиженія этой цѣли выставляется требованіе точныхъ копій съ донесеній губернаторамъ, и удаленіе отъ должностей или даже преданіе суду тѣхъ изъ мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ, которые будутъ скрывать злодѣянія мятежниковъ или продолжать дѣйствія въ духѣ враждебномъ законному правительству. Такимъ

образомъ военной власти дано было еще одно новое право вмѣшиваться въ гражданскую часть, а начальникамъ гражданской части новый поводъ бороться съ этимъ вмѣшательствомъ.

Намъ сообщаютъ изъ Варшавы, что донесенія губернаторовъ ни мало не измѣнились вслѣдствіе циркуляра 31-го мая. Въ одномъ изъ недавнихъ, напримѣръ, говорится, что вотъ въ такомъ-то дѣлѣ пало 50 человѣкъ, но неизвѣстно повстанцевъ ли, или „солдатъ *русскаго* войска", такъ какъ тѣла ихъ были совершенно обнажены; что пожаръ, при которомъ сгорѣло столько-то строеній, произведенъ былъ „вѣроятно" солдатами, такъ какъ *„видѣли"*, что солдаты клали огонь на кровли избъ и т. п. Вообще донесенія продолжаютъ исключительно заниматься дѣйствіями солдатъ *русскаго* войска, и притомъ изображаютъ ихъ совершенно лживо какъ большею частію оказывается по производствѣ слѣдствія. А между тѣмъ Европа читаетъ офиціальныя заявленія лицъ, принадлежащихъ къ законнымъ властямъ въ Польшѣ, о варварствѣ русскихъ войскъ.

На основаніи циркуляра отъ 31-го мая, военные начальники могли бы смѣнить тѣхъ чиновниковъ, которые сами стараются выказать свое нерасположеніе правительству и войску. Но тутъ представляются особыя затрудненія вслѣдствіе неподчиненности губернаторовъ военнымъ начальникамъ губерній. Намъ пишутъ изъ Замостья, что на основаніи представленія отъ частнаго военнаго начальника Замостьскаго и Грубѣшовскаго уѣздовъ, генералъ-лейтенантъ Хрущовъ хотѣлъ смѣнить одного чиновника, занимающаго одну изъ важныхъ городскихъ должностей, но люблинскій губернаторъ, г. Бодушинскій, воспротивился тому, и отказался утвердить въ этой должности человѣка избраннаго военнымъ начальникомъ, человѣка, котораго желало имѣть начальникомъ все населеніе города. Споръ генерала Хрущова съ губернаторомъ Бодушинскимъ переходитъ теперь на разрѣшеніе въ Варшаву.

А между тѣмъ тѣ же губернаторы не затрудняются преслѣдовать чиновниковъ, преданныхъ правительству. Такъ въ Млавскомъ уѣздѣ былъ уѣзднымъ начальникомъ г. Яковенко, особенно хорошо аттестованный военнымъ начальствомъ. Вдругъ, безъ всякаго повода, его назначили въ Луковскій уѣздъ. Перемѣна эта имѣла тотъ смыслъ, что въ Луковскомъ уѣздѣ совсѣмъ не было войскъ, тогда какъ въ Млавѣ войска стояли безвыходно. Разумѣется, г. Яковенко не рѣшился ѣхать на вѣрную смерть, и по этому едва не лишился мѣста. Изъ Радома намъ сообщаютъ, что тамошній губернаторъ г. Піонтковскій (сынъ его убитъ въ шайкѣ, а дочь замужемъ за Іорданомъ, эмигрантомъ и начальникомъ шайки), преемникъ г. Островскаго, въ нѣсколько дней своего управленія успѣлъ дѣло довести до того, что мелкимъ чиновникамъ, оставшимся вѣрными долгу, пришлось очень плохо, а многія мѣста розданы эмигрантамъ.

Положеніе мелкихъ чиновниковъ Царства Польскаго дѣйствительно очень тяжело. Съ одной стороны надъ ними тяготѣетъ терроръ національнаго правительства, съ другой стороны они обязаны исполнять требованія законныхъ властей, находящихся въ очевидномъ раздвоеніи. Можно ли винить этихъ несчастныхъ, когда они совращаются съ пути долга, бѣгутъ въ шайки или, оставаясь на коронной службѣ, исполняютъ предписанія революціоннаго правительства? Какъ ни ужасны послѣдствія всего этого хода дѣла, но мы не возложимъ всей вины и на губернаторовъ. Всякая власть ревнива. Даже въ дисциплинированныхъ арміяхъ генералы нерѣдко враждуютъ между собой наканунѣ сраженія. Польскіе губернаторы, проникнутые мыслію объ автономіи края, считаютъ, конечно, своею обязанностью отстаивать эту автономію противъ вмѣшательства военныхъ властей и съ этою цѣлію противодѣйствовать принимаемымъ ими мѣрамъ. Во время крымской кампаніи англійское интендантство чуть не уморило свою армію съ голоду и холоду изъ-за соблюденія разныхъ формъ и изъ-за того антагонизма, который естественно возникаетъ между гражданскимъ и военнымъ вѣдомствомъ. Объ измѣнѣ тутъ нельзя было и думать. Потому-то и учреждается во всѣхъ странахъ на время серіозной внутренней опасности военное положеніе, что многосложность гражданскаго управленія, обезпечивающая въ мирное время правильный и законный ходъ дѣлъ, не годится среди такихъ обстоятельствъ, которыя требуютъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Этотъ многосложный порядокъ не есть самъ себѣ цѣль; его цѣль — обезпеченіе законности. Онъ теряетъ все свое значеніе, и его *raison*

d'être совсѣмъ исчезаетъ, какъ скоро онъ становится средствомъ къ ниспроверженію законности или помѣхой для ея возстановленія. Тогда для обезпеченія законности требуется чтобы какъ можно скорѣе наступилъ другой порядокъ. Это требованіе не есть требованіе произвола, не хотящаго уважать законъ; это есть требованіе самой законности, попранной и вопіющей противъ порядка не достигающаго своей цѣли и допускающаго ея попраніе.

Но если нѣтъ страны въ мірѣ, которая могла бы находиться безъ исключительныхъ мѣръ въ минуту опасности, если самый совершенный порядокъ мирнаго времени долженъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ подлежать временной отмѣнѣ, то тѣмъ неоспоримѣе и тѣмъ понятнѣе невозможность возстановить дѣйствіе закона въ Царствѣ Польскомъ, при враждебности между гражданскимъ управленіемъ и военными властями, безъ водворенія полнаго единства власти, то-есть безъ подчиненія гражданскихъ учрежденій военнымъ начальникамъ. Ясность отношеній всего нужнѣе для быстроты и успѣшности, дѣйствій, а въ настоящее время быстрота и успѣшность дѣйствій значитъ прекращеніе кровопролитія, огражденіе мирныхъ обывателей и честныхъ чиновниковъ и пресѣченіе той обоюдно пагубной борьбы, которая сѣетъ злобу и ненависть между Россіей и Польшей. Одно возраженіе можно было бы представить противъ дѣйствительнаго исполненія военнаго положенія, — неспособность военныхъ начальниковъ управиться съ гражданскою частью. Но это возраженіе имѣло бы силу только въ томъ случаѣ, если-бы военные начальники губерній не были знакомы съ краемъ, его населеніемъ и обычаями; а этого никакъ нельзя сказать о многихъ русскихъ генералахъ, долго жившихъ въ Польшѣ, знающихъ ее вдоль и поперекъ и могущихъ вѣрно судить о лицахъ, которыя исправляла бы подъ ихъ вѣдѣніемъ разныя гражданскія должности.

№ 146.

Москва, 4-го іюля.

Дипломатическое положеніе польскаго вопроса начинаетъ такъ же обрисовываться, какъ и положеніе дѣлъ въ самой Польшѣ. Изъ послѣднихъ депешъ трехъ державъ, врученныхъ князю Горчакову 15-го іюня, французская извѣстна намъ изъ подробнаго извлеченія, сдѣланнаго въ *Pays* и сообщеннаго въ № 138 *Московскихъ Вѣдомостей*; англійская депеша помѣщена ниже, въ точномъ переводѣ съ подлинника; наконецъ, всѣ три депеши напечатаны въ *Монитерѣ* отъ 13-го іюля, который будетъ полученъ въ Москвѣ дня черезъ два (въ субботу), и въ то же время мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ отвѣты нашего вице-канцлера, которые, безъ сомнѣнія, удовлетворятъ русское народное чувство и оградятъ великіе интересы Русскаго государства.

Судя по всѣмъ отзывамъ иностранныхъ газетъ, изъ трехъ депешъ, препровожденныхъ къ русскому двору, англійская отличается еще наибольшею рѣзкостью тона, и однакоже, прочитавъ ее, каждый скажетъ, что она обнаруживаетъ болѣе миролюбивое настроеніе духа чѣмъ первая депеша къ лорду Непиру отъ 10-го апрѣля. Если что можетъ въ ней произвести на насъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, такъ это ея назидательный тонъ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ графомъ Росселемъ, что главныя, основныя условія для хорошаго управленія народомъ заключаются въ томъ, чтобъ управляющіе внушали довѣріе управляемымъ и чтобы законъ господствовалъ надъ личнымъ произволомъ. Но это такія истины, которыя не могутъ не быть извѣстны въ Петербургѣ, и осуществленіе которыхъ на самомъ дѣлѣ не можетъ не быть предметомъ самой искренней заботливости нашего правительства, такъ что поучать его въ этомъ дѣлѣ было не совсѣмъ умѣстно и не совсѣмъ вѣжливо со стороны министра иноземной державы. Затѣмъ сущность самихъ предложеній, давно уже всѣмъ извѣстная, была обсужена въ нашей и въ другихъ газетахъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ что мы не имѣемъ надобности говорить о нихъ снова. Гораздо интереснѣе для насъ, въ ожиданіи подлинныхъ отвѣтовъ князя Горчакова, обратить вниманіе нашихъ читателей на тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о нихъ помѣщенная ниже (по рубрикою: „Франція“) статья *Journal des Débats*, составленная на основаніи писемъ изъ Петербурга, отъ 4-го іюля н. ст., и изъ Берлина и Вѣны, отъ 6-го іюля н. ст., предполагая, разумѣется, что эти свѣдѣнія достаточно вѣрны (чего по

крайней мѣрѣ относительно обѣщанія амнистіи предполагать нельзя).

Вопервыхъ, корреспонденты французскаго журнала утверждаютъ, что отвѣты князя Горчакова будутъ вообще проникнуты примирительнымъ духомъ, и мы охотно имъ вѣримъ, тѣмъ болѣе что если не сущность, то внѣшняя форма сдѣланныхъ намъ представленій отличалась тѣмъ же самымъ характеромъ. Зачѣмъ же было бы вносить духъ раздраженія въ дѣло, которое иностранныя державы намѣрены, *повидимому*, вести миролюбивымъ образомъ? Если въ дипломатическихъ сообщеніяхъ и внѣшняя форма играетъ не послѣднюю роль, то во всякомъ случаѣ еще важнѣе ихъ содержаніе.

И въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ корреспонденты *Journal des Débats*, русскіе отвѣты будутъ преисполнены миролюбія. Всѣ шесть пунктовъ будутъ *почти* допущены каждой изъ трехъ державъ, сличая между собою отзывы ихъ министровъ въ разговорахъ съ нашими послами, парламентскія пренія и даже мнѣнія тѣхъ журналовъ, которые почитаются за вѣрныхъ истолкователей истинной политики министровъ. Если нашъ вице-канцлеръ дѣйствительно принялъ на себя этотъ трудъ въ своихъ отвѣтныхъ депешахъ, то мы заранѣе можемъ сказать, что онѣ будутъ очень поучительны, и раскроютъ не только все разногласіе трехъ державъ между собою, прикрываемое неопредѣленными выраженіями дипломатическаго языка, но и шаткость политическихъ видовъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, въ самой Англіи эти шесть пунктовъ были разбиты въ пухъ и въ прахъ не только руководителями общественнаго мнѣнія въ журналистикѣ, но и вождями консервативной партіи въ парламентѣ, которые сами могутъ вскорѣ стать министрами королевы. Эти вожди, въ свою очередь, колеблются между двумя противоположными исходами, отдавая каждому изъ нихъ рѣшительное предпочтеніе предъ программой шести пунктовъ. Они, по собственному ихъ выраженію, понимаютъ одно изъ двухъ: или совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи, или совершенное сліяніе Польши съ Россіей въ политическомъ отношеніи. Первое, впрочемъ, самъ графъ Россель объявилъ дѣломъ невозможнымъ, уже потому что отдѣленіе Царства Польскаго отъ Россіи стало бы источникомъ нескончаемыхъ смутъ и замѣшательствъ для Пруссіи и Австріи, эти замѣшательства могли бы только повести къ нарушенію европейскаго равновѣсія со стороны Франціи. Такимъ образомъ, судя по этимъ даннымъ, повидимому только политическое сліяніе Польши съ Россіей, подъ условіемъ хорошей и прочной системы управленія, могло бы удовлетворить здравомыслящихъ государственныхъ людей въ Англіи, то-есть, то самое разрѣшеніе польскаго вопроса, которое единственно возможно и желательно съ русской точки зрѣнія и которое было бы равно благотворно и для Россіи, и для Польши. Въ такомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, и высказалась бы Англія, еслибъ она была дѣйствительно дружелюбно расположена къ намъ и не имѣла бы или не отыскивала бы причинъ и поводовъ, совершенно чуждыхъ польскому вопросу, къ вмѣшательству въ это дѣло. Какъ бы то ни было однакоже, несообразность шести пунктовъ съ господствующимъ въ Англіи здравымъ пониманіемъ польскаго вопроса служитъ однимъ изъ ручательствъ за сохраненіе мира, и объясняетъ почему *Times* такъ радуется миролюбивому тону только что обнародованной депеши графа Росселя, и почему палата общинъ такъ охотно откладываетъ съ недѣли на недѣлю пренія по поводу предложенія г. Геннесси, а лордъ Россель, какъ извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма, прямо объявляетъ въ палатѣ лордовъ, что дипломатическое вмѣшательство не влечетъ за собой войны.

Франція другое дѣло; Франція охотно взялась бы за любое рѣшеніе польскаго вопроса, которое обѣщало бы ей въ будущемъ обильную жатву замѣшательствъ, смутъ и войнъ въ этой части Европы и представило бы, хотя бы и на отдаленномъ планѣ, возможность захватить берега Рейна и сослужить серіозную службу католицизму на счетъ православія, для примиренія съ могущественною клерикальною партіей. Правительство Наполеона III пока считаетъ достаточными для этой цѣли свои шесть пунктовъ, хотя крайнія партіи были бы болѣе удовлетворены отдѣленіемъ отъ Россіи не только Польши, но и русскихъ областей, нѣкогда входившихъ въ составъ Польскаго королевства. По польскому вопросу, Франція, очевидно, нашъ главный и единственный врагъ даже въ самыхъ дружескихъ предложеніяхъ своихъ.

Наконецъ, Австрія силою обстоятельствъ, волею-неволею, принуждена склониться къ тому рѣшенію, польскаго вопроса, которо-

согласно съ интересами Россіи, и статья *Journal des Débats* особенно сильно указываетъ даже на то, что вѣнскій кабинетъ, примкнувъ къ западнымъ державамъ, обращался однакоже съ конфиденціяльными сообщеніями къ с.-петербургскому двору о томъ чтобъ онъ не превысилъ извѣстной мѣры уступокъ въ пользу національныхъ притязаній Польши. Достовѣрно или нѣтъ это извѣстіе, во всякомъ случаѣ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ австрійскаго правительства, которое, относительно важнѣйшаго изъ шести пунктовъ, именно пункта о народномъ представительствѣ для Польши, прямо отступило отъ программы западныхъ державъ.

Такимъ образомъ въ видахъ трехъ державъ, равно какъ и въ ихъ депешахъ, есть дѣйствительное разногласіе, которое, какъ говорятъ корреспонденты *Journal des Débats*, князь Горчаковъ постарается выставить на видъ.

Сверхъ того князь Горчаковъ, будто бы вообще одобряя шесть пунктовъ, сдѣлаетъ еще оговорку, именно укажетъ на то, чего требуютъ интересы и безопасность самой Россіи, которыя слишкомъ забываются иностранными державами.

Черезъ два или три дня мы будемъ въ состояніи провѣрить всѣ эти свѣдѣнія, сообщаемыя корреспондентами *Journal des Débats*, относительно отвѣтовъ князя Горчакова. Если эти свѣдѣнія не совсѣмъ лишены основанія, то уже теперь можно сказать, что весь этотъ обмѣнъ взглядовъ по польскому вопросу, свидѣтельствуя о твердой рѣшимости Россіи отстаивать свои интересы и свое достоинство, поведетъ лишь къ обнаруженію существеннаго разногласія между тремя державами, которыя составили противъ насъ искусственную коалицію, скрывая подъ одною и тою же маскою совершенно различные виды. Какое впечатлѣніе произвели бы подобные результаты на каждую изъ трехъ державъ, трудно сказать. Менѣе всѣхъ, какъ кажется, была бы ими довольна Франція, и потому мы нисколько не удивились бы, если бы депеша князя Горчакова къ барону Будбергу была наиболѣе любезна. Истинная сила обнаруживается не на словахъ, а на дѣлѣ, и въ данномъ случаѣ можетъ выразиться принятіемъ дѣйствительныхъ мѣръ къ умиротворенію Польши, которое устранило бы самый поводъ къ дальнѣйшимъ вмѣшательствамъ иностранныхъ державъ.

№ 147.

Москва, 5-го іюля.

Читатели найдутъ ниже переводъ австрійской депеши по польскому дѣлу. Если англійская депеша оказалась въ дѣйствительности миролюбивѣе чѣмъ можно было ожидать, то австрійская депеша тоже не вполнѣ соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, но въ обратномъ смыслѣ. Австрія должно-быть очень далеко зашла въ единомысліи съ западными державами, когда она рѣшилась выставить шесть пунктовъ въ томъ видѣ какъ мы читаемъ ихъ въ депешѣ графа Рехберга къ графу Туну. Она зашла въ угодливости этимъ державамъ такъ далеко, что графъ Рехбергъ, кажется, совсѣмъ потерялъ свою австрійскую голову. Вѣнскій трактатъ представляется ему въ такомъ видѣ, какъ его, конечно, никто не понималъ не только въ Вѣнѣ, но и вообще въ Европѣ. Ему чудится, что шесть пунктовъ, предлагаемыхъ имъ Россіи, „не выходятъ изъ предѣловъ того, что выговорено въ пользу Поляковъ Вѣнскимъ трактатомъ.“ И это говоритъ онъ отъ имени вѣнскаго кабинета, который такъ извѣстенъ своею дипломатическою опытностью и осмотрительностью! Въ какомъ очарованномъ кругу нужно находиться, чтобы выводить изъ Вѣнскаго трактата напримѣръ предложеніе полной и всеобщей амнистіи? Мы не говоримъ о сущности дѣла; мы говоримъ только о логикѣ, о тѣхъ силлогизмахъ, которые ужь конечно не могли бы возникнуть въ нѣмецкомъ мышленіи графа Рехберга, еслибы его не отуманила роль неофита въ братскомъ союзѣ западныхъ державъ. Его совсѣмъ сбили съ толку его новые единомышленники. Изъ Вѣнскаго трактата налагающаго на Россію обязанность владѣть бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ, онъ выводитъ обязанность Россіи дать полную и всеобщую амнистію тѣмъ подданнымъ русскаго Императора, которые именно не хотятъ чтобы бывшее герцогство Варшавское было соединено съ Россіей и вообще не хотятъ слышать о Вѣнскомъ трактатѣ! Можно дѣлать разныя натяжки въ толкованіи выраженій Вѣнскаго трактата, но за графомъ Рехбергомъ навсегда останется честь изобрѣтенія той натяжки, которая не могла придти ни во французскую ни въ англійскую голову. По графу Рехбергу выходитъ такъ, что Вѣнскій трактатъ, видите ли, на вѣки вѣчные предпи-

сываетъ, чтобы Россія давала полную и всеобщую амнистію всякому, кто вздумаетъ поднять знамя мятежа въ Польшѣ. Трактатъ—дѣло священное; обязательства его не нарушимы. Графъ Рехбергъ объявляетъ, что жители Царства Польскаго могутъ бунтовать сколько ихъ душѣ угодно, а Россія должна поощрять ихъ къ тому полною безнаказанностью, если не захочетъ нарушить свои обязательства передъ державами подписавшими Вѣнскій трактатъ. Это такое безподобное ученіе что даже сами польскіе повстанцы вѣроятно назовутъ его натяжкой. Они полагаютъ, что Россія не посмѣетъ не помиловать ихъ, но не посмѣетъ изъ страха передъ Наполеономъ III, а вовсе не изъ уваженія къ Вѣнскому трактату. И надобно сознаться что никому на свѣтѣ не было такъ прилично сдѣлать эту натяжку, какъ австрійскому министру. Ее дѣйствительно слѣдовало придумать именно министру того самаго императора, который не согласился амнистировать Венгерцевъ, военно-плѣнныхъ русской арміи, объ амнистированіи которыхъ дружески просилъ его русскій Императоръ! Графъ Рехбергъ не былъ тогда министромъ, политика Австріи могла съ тѣхъ поръ измѣниться, но на австрійскомъ престолѣ еще и теперь сидитъ тотъ государь, который казнилъ венгерскихъ генераловъ, сдавшихся въ плѣнъ русскому войску. Впрочемъ спѣшимъ поправиться: долгъ справедливости обязываетъ припомнить, что эти венгерскіе генералы воспользовались если не амнистіей, то по крайней мѣрѣ помилованіемъ. Они были помилованы на свинецъ и порохъ, *auf Blei und Pulver begnadigt*; ихъ только разстрѣляли, а не повѣсили и не колесовали. Не эти ли щедроты австрійскаго милосердія даютъ теперь Австріи право совѣтовать Россіи полную и всеобщую амнистію всѣхъ польскихъ мятежниковъ?

Но еслибы дѣло шло о дарованіи полной и всеобщей амнистіи, то-есть просто о помилованіи, мы могли бы еще какъ-нибудь понять смыслъ австрійскаго предложенія, хотя и не могли бы объяснить себѣ по какому праву Австрія дѣлаетъ его намъ. А тутъ рѣчь идетъ не о дарованіи амнистіи; по смыслу своей депеши, Австрія можетъ намъ только совѣтовать, чтобы мы *объщали* полную и всеобщую амнистію, не дожидаясь того времени, когда мятежники сложатъ оружіе. Въ предложеніи двухъ другихъ державъ есть своего рода логика. Онѣ рекомендуютъ Россіи прекратить военныя дѣйствія противъ польскаго мятежа, то-есть заключить съ нимъ перемиріе на время переговоровъ между державами подписавшими Вѣнскій трактатъ. При этомъ предположеніи, еслибы Поляки нарушили перемиріе, то потеряли бы всякое право на заступничество со стороны ходатайствующихъ державъ и, разумѣется не могли бы ужь воспользоваться выгодами предложенія, заключающагося въ шести пунктахъ. При этомъ предположеніи согласіе Россіи на амнистію, по крайней мѣрѣ, не послужило бы мятежу оружіемъ противъ Россіи. Оно могло бы правда поощрять къ дальнѣйшимъ возстаніямъ въ послѣдствіи, давъ примѣръ безнаказанности даже такихъ покушеній противъ Россіи, которыя однажды уже сами отвергли амнистію. Для будущаго, повторяемъ, могло бы быть опасно дарованіе полной и всеобщей амнистіи польскимъ мятежникамъ. Но въ настоящемъ оно не затруднило бы Россіи, потому что между Россіей и Польшей было бы заключено перемиріе. Амнистія вступила бы въ силу послѣ успѣшнаго окончанія переговоровъ; еслибы конференціи не увѣнчались успѣхомъ, не было бы и амнистіи, а еслибъ онѣ повели къ водворенію полнаго мира въ Польшѣ, то амнистія начала бы дѣйствовать когда возстанія уже не было бы въ Польшѣ. Все это нелѣпо, все это неслыханно, все это имѣетъ единственною цѣлью оскорбить и унизить Россію; но во всемъ этомъ есть своя, по крайней мѣрѣ формальная логика. Но какъ должны были перепутаться мысли графа Рехберга среди новыхъ для него заботъ объ угнетенныхъ народахъ, и о единодушіи съ Франціей и Англіей, когда онъ не соглашается совѣтовать Россіи перемиріе и въ то же время оставляетъ въ полной силѣ совѣтъ объ амнистіи? Представимъ себѣ что было бы еслибы Россія приняла австрійскія предложенія. Кровь лилась бы въ Польшѣ и Западномъ краѣ: бѣгство *до лясу* продолжалось бы; терроръ также не отказался бы отъ господства, и національное правительство казнило бы какъ и прежде всякаго, кто дѣйствовалъ бы согласно долгу присяги. Въ то же время, законное правительство заранѣе приняло бы на себя обязательство помиловать всѣхъ виновныхъ, то-есть не только даровать имъ жизнь, но и оставить за ними всѣ ихъ гражданскія и политическія права. Съ одной стороны казни жандармовъ-вѣша-

телей; съ другой стороны вѣрная надежда на безнаказанность: спрашиваемъ, много ли бы нашлось людей въ Польшѣ, которые не отдались бы во власть жандармовъ-вѣшателей?

Предложеніе амнистіи не можетъ быть отдѣлено отъ предложенія о перемиріи. Если невозможно предлагать Россіи перемиріе, то нельзя и вести съ нею переговоры объ амнистіи, пока вооруженное возстаніе еще не подавлено и не возстановленъ законный порядокъ. Можно желать амнистіи, можно имѣть серіозное намѣреніе дать ее, какъ только обстоятельства позволятъ; но нѣтъ никакой возможности заранѣе обѣщать амнистію. Это значило бы давать патентъ на измѣну и поощрять къ открытому возстанію.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай высказать, что было бы не въ духѣ Россіи и не въ характерѣ ея Императора дѣйствовать противъ Поляковъ тѣми мѣрами, какими дѣйствовала Австрія въ Венгріи и Галиціи. Но никто не въ правѣ совѣтовать Россіи или ожидать отъ нея, чтобъ она доводила милосердіе къ виновнымъ до несправедливости къ невиннымъ. Предѣлы амнистіи начертаны требованіями прочнаго водворенія мира и спокойствія въ краѣ, а съ этими требованіями несовмѣстна *полная* амнистія. Участіе въ мятежѣ не можетъ и не должно остаться *совсѣмъ* безъ послѣдствій. Равномѣрное распредѣленіе военныхъ издержекъ между вѣрными и нарушившими вѣрность подданными было бы вопіющею несправедливостію. Полное возстановленіе политическихъ правъ, простирающееся на всѣхъ политическихъ преступниковъ, было бы тоже несправедливо, потому что, поддерживая волненіе, не давало бы возможности вводить тѣ льготы въ управленіи краемъ, которыя, при политическомъ безсиліи агитаторовъ, оказались бы совмѣстными съ поддержаніемъ законнаго порядка. Амнистія не есть просто дѣло милосердія. Это прежде всего политическій актъ. Амнистія не имѣла бы смысла еслибы вела не къ примиренію, а къ дальнѣйшимъ покушеніямъ противъ законнаго порядка. Степень ея полноты и всеобщности должна естественно зависѣть отъ обстоятельствъ, условливающихъ собой будущее замиреніе края. Ни одинъ политическій человѣкъ, знающій положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, не можетъ серіозно совѣтовать Россіи *полную и всеобщую* амнистію. Что Австрія сошлась съ Англіей и Франціей на томъ чтобы совѣтовать Россіи полную и всеобщую амнистію, въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ безчисленныхъ доказательствъ недостаточной серіозности въ предпринятомъ ими „обмѣнѣ мыслей“ по польскому дѣлу.

№ 148.

Москва, 6-го Іюля.

Теперь, когда *Монитеръ* принесъ намъ, наконецъ, подлинникъ французской депеши, переводъ которой читатели найдутъ ниже, теперь весь *corpus delicti*, всѣ орудія, которыми три великія державы погрѣшили противъ истины и правды, противъ Россіи и даже самой Польши, всѣ эти дипломатическіе документы, которые держали въ напряженномъ состояніи умы цѣлой Европы, находятся уже на лицо у насъ, и могутъ быть нами употреблены въ дѣло для обличенія виновныхъ.

По своей формѣ, особенно разнятся тѣ депеши, которыя наиболѣе согласны въ сущности предложеній, именно французская и англійская, тогда какъ напротивъ тѣ, которыя наиболѣе расходятся по содержанію, французская и австрійская, наиболѣе сходны между собою по изложенію, сходны до такой степени, что одни и тѣ же фразы и обороты рѣчи употребляются въ обѣихъ. Графъ Рехбергъ, очевидно, не много трудился надъ редакціей своей депеши. Въ основу своего труда онъ положилъ уже готовую депешу французскую, придѣлалъ къ ней свое начало, передѣлалъ по своему шесть пунктовъ, и выбросилъ нѣсколько выраженій, которыя показались ему неумѣстными или были не согласны съ сущностью австрійскихъ предложеній, при чемъ сдѣлалъ указанный нами вчера промахъ, къ которому подавала поводъ французская депеша, но котораго въ ней самой не оказывается, именно сказалъ, что „ни одинъ изъ шести пунктовъ (а въ томъ числѣ, слѣдовательно и полная и всеобщая амнистія) не превышаетъ мѣры того, что выговорено для Польши прежними трактатами“; тогда какъ во французской депешѣ сказано, что „всѣ эти положенія не что иное какъ простое выраженіе элементарныхъ законовъ справедливости и не содержатъ въ себѣ ничего что не было бы сообразно съ прежними трактатами.“ Интересно также замѣтить,

что почти тѣ же самыя предложенія, о которыхъ французское правительство утверждаетъ, будто бы они внушены ему могущественными и *законными* (*légitimes*) соображеніями, вѣнскій кабинетъ основываетъ просто на „могущественныхъ мотивахъ“, или побужденіяхъ, не упоминая ничего объ ихъ законности. Эти побужденія или соображенія французское правительство отыскиваетъ, по своему обыкновенію, въ чувствахъ человѣколюбія и въ общихъ интересахъ Европы, а австрійское, нѣсколько скромнѣе въ чувствахъ человѣколюбія и въ спеціяльныхъ интересахъ Австріи, въ которой событія, происходящія въ сосѣдней странѣ, находятъ нѣкоторый отголосокъ. Ничего подобнаго, никакихъ ссылокъ на чувство человѣколюбія и на интересы собственные или общеевропейскіе, а также никакой особой рекомендаціи для шести пунктовъ, что они согласны съ видами, обѣщаніями и планами Императора Александра II, а также съ трактатами, мы не находимъ въ депешѣ англійской. Чуждая всѣхъ этихъ прикрасъ и приманокъ, она чуждается также и преждевременнаго заявленія надежды, что предложенія ея будутъ приняты, заявленія, которое имѣетъ нѣкоторымъ образомъ характеръ требованія. Гордый своимъ государственнымъ устройствомъ и имѣя въ виду практическіе результаты, Джонъ Буль, повидимому, довольно равнодушенъ къ тому, будутъ ли приняты фантастическія предложенія, направленныя къ возстановленію такого порядка вещей, который уже былъ однажды, именно въ 1831 г., осужденъ исторіей, и дорожитъ только возможностью и случаемъ прочесть намъ, русскимъ варварамъ, урокъ о томъ, на какихъ именно началахъ можетъ быть основано доброе правленіе и прочное политическое зданіе, не имѣющее причинъ опасаться ни частыхъ возмущеній, ни тайныхъ заговоровъ, ни вмѣшательства туземныхъ космополитовъ. Языкъ Джона Буля въ этомъ отношеніи становится даже нѣсколько грубоватъ, хотя онъ всетаки немного помягче теперь чѣмъ въ предыдущей депешѣ графа Росселя. Но какъ бы то ни было, въ нашихъ глазахъ прямой и грубоватый тонъ англійской депеши все-таки лучше подслащеннаго и притязательнаго тона австрійско-французскаго.

Въ чемъ же состоитъ сущность ихъ предложеній? Чего именно требуютъ отъ насъ: Англія, во имя началъ добраго управленія, Франція во имя интересовъ цѣлой Европы, Австрія во имя своихъ собственныхъ, и наконецъ обѣ послѣднія во имя человѣколюбія, а всѣ три имѣя въ виду водвореніе прочнаго мира и спокойствія въ Польшѣ? Онѣ требуютъ отъ насъ прежде всего принятія шести пунктовъ за основаніе будущаго умиротворенія Польши, шести пунктовъ, несообразность которыхъ ясно сознаетъ общественное мнѣніе самой Англіи, шести пунктовъ, изъ которыхъ второй—объ отдѣльномъ народномъ представительствѣ для Польши—былъ бы политическою смертью для Россіи, шести пунктовъ, наконецъ, о которыхъ не хотятъ знать сами представители польскаго возстанія и которые они прямо объявляютъ негодными для умиротворенія Польши. Казалось бы, достаточно одного этого требованія, неразумнаго и безпримѣрнаго, для того чтобы покончить всѣ дальнѣйшіе переговоры, чтобы Россіи продолжать съ большею противъ прежняго энергіей выполненіе своей прямой обязанности—замиренія находящагося подъ властью ея края всѣми ведущими къ тому способами,—а тремъ державамъ, смотря по ихъ дѣйствительнымъ видамъ, или объявить намъ войну, которая была бы для насъ гораздо лучше гнилаго и слишкомъ дорогостоящаго мира, или же молча признать неправоту затѣяннаго дѣла. Но, нѣтъ! Державы полагаютъ, что мы готовы отречься отъ самихъ себя и преклониться предъ ихъ политическою мудростью, начертавшею для насъ программу будущаго устройства Польши. А потому, вслѣдъ за этою программой, онѣ предлагаютъ намъ еще одно условіе. Прислушаемся, какъ каждая изъ державъ формулируетъ это самое невозможное изъ невозможныхъ условій.

Австрія „искренно желаетъ чтобы мудрость русскаго правительства и примирительныя усилія державъ, которыя предлагаютъ ему свое содѣйствіе, достигли прекращенія прискорбнаго кровопролитія.“ Не будемъ много распространяться о мудрости русскаго правительства, которая при данныхъ обстоятельствахъ, какъ и мудрость всякаго другаго правительства, можетъ заключаться только въ томъ, чтобы „смирять строптивыхъ и щадить покорныхъ“ (parcere subjectis et debellare superbos); но что это такое „примирительныя усилія державъ, которыя предлагаютъ намъ свое содѣйствіе“? Въ чемъ могутъ заключаться эти усилія? Войдетъ ли Австрія и другія державы въ дружественные переговоры съ невѣдомымъ,

хотя и національнымъ, правительствомъ Польши, съ цѣлью убѣдить его, ради отвергаемыхъ имъ шести пунктовъ, не высылать больше своихъ шаекъ *до лясу*, не вѣшать болѣе мирныхъ людей, не затѣвать религіозныхъ демонстрацій, не воздвигать непристойныхъ гоненій на кринолины и другіе дамскіе наряды, наконецъ не хлопотать о повышеніи преданныхъ ему людей на коронной службѣ и необворовывать казну, принадлежащую законному правительству? Но такъ какъ въ этихъ актахъ—вся жизнь такъ-называемаго національнаго польскаго правительства, то, очевидно, какъ бы ни дружественны, какъ бы ни краснорѣчивы были убѣжденія Австріи и двухъ другихъ державъ, мы опасаемся, что трудъ ихъ будетъ напрасенъ, и что однимъ убѣжденіемъ онѣ не успѣютъ склонить это „достопочтенное“ правительство къ добровольной смерти. Тогда „примирительныя усилія“ Австріи превратятся, быть-можетъ, въ занятіе Польши австрійскими войсками; а этого удовольствія, очевидно, мы не можемъ ей дозволить. Если мятежъ польскій продолжается еще до сихъ поръ, и державы начинаютъ думать, будто бы у насъ не достаетъ ни матеріяльныхъ, ни нравственныхъ силъ, чтобъ управиться съ нимъ, то онѣ горько заблуждаются: вся вина лежитъ исключительно на системѣ, которой мы до сихъ поръ держались въ Варшавѣ, какъ это доказалъ фактами нашъ спеціяльный варшавскій корреспондентъ (въ чемъ подъ видомъ полемики противъ него соглашается и *Русскій Инвалидъ*, отчасти вопреки своему прежнему мнѣнію), а держались мы этой системы отчасти изъ ложно понятаго человѣколюбія, отчасти изъ чрезмѣрнаго нашего миролюбія. Итакъ въ примирительныхъ усиліяхъ великихъ державъ мы не имѣемъ ни малѣйшей надобности, и найдемъ въ себѣ достаточно твердости и энергіи, чтобъ отказаться отъ нихъ.

Недоумѣнія, къ которымъ подаютъ поводъ выраженія австрійской депеши, очень мало разъясняются депешей графа Росселя, хотя она выражается явственнѣе. Англія вмѣняетъ намъ въ первую обязанность прекращеніе враждебныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, которое „могло бы быть произведено, во имя человѣколюбія, проклама̀ціею Русскаго Императора, безъ ущерба для его достоинства.“ „Поляки, продолжаетъ англійская депеша, естественнымъ образомъ, не имѣли бы права воспользоваться благодѣяніями этого акта иначе какъ подъ условіемъ, чтобъ и сами они воздерживались отъ враждебныхъ дѣйствій, какимъ бы то ни было образомъ, во время этой пріостановки.“ Мы не знаемъ, какою магическою силой обладаетъ Англія, для того чтобъ однимъ словомъ, написаннымъ рукою ея министра иностранныхъ дѣлъ, положить конецъ всѣмъ смутамъ въ Польшѣ, но того, что она предполагаетъ естественнымъ со стороны Поляковъ, именно мы и добиваемся въ настоящее время. Пусть Поляки откажутся отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, то-есть, пусть они сложатъ оружіе, пусть не будетъ болѣе и помину о какомъ-либо другомъ правительствѣ, кромѣ законнаго, постановленнаго русскимъ Императоромъ: ничего лучшаго мы и не желаемъ. Но чѣмъ поручится Англія, что она достигла бы этого желаннаго результата? Ручаться она, разумѣется, не можетъ и не станетъ. Изъ депеши графа Росселя видно только то, что когда онъ говоритъ „Поляки“, то его уму представляется сила, правильно организованная и подчиняющаяся одной власти. Не обращая вниманія на внутренніе раздоры въ революціонномъ лагерѣ, графъ Россель намекаетъ, что вполнѣ вѣритъ въ существованіе и могущество подземнаго національнаго правительства.

Гораздо далѣе идетъ Франція. Англія первая изобрѣла эту удивительную идею о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій между Россіею и польскими мятежниками; Франція съ жадностью ухватилась за эту богатую мысль, и въ достойномъ лучшаго дѣла соревнованіи съ вѣчною своею соперницей довела эту богатую мысль до того что̀ во Франціи называется *couronnement de l'édifice*. Въ своей депешѣ она скорбитъ уже не объ одной Польшѣ, но и о такъ-называемыхъ старинныхъ польскихъ провинціяхъ, и желаетъ прекращенія всѣхъ этихъ бѣдствій на всемъ протяженіи этихъ странъ, съ тѣмъ чтобы ничто не вносило раздраженія въ пренія на конференціяхъ. Вообще во французской депешѣ рѣчь идетъ о „странахъ, столь испытанныхъ судьбою и столь достойныхъ участія.“ Но этого мало. Правительство Наполеона III не довольствуется неопредѣленными заявленіями; оно предлагаетъ сохраненіе, на время военнаго замиренія, *statu quo* съ обѣихъ сторонъ, то-есть теперешнихъ военныхъ силъ и средствъ и диспозицій съ той и съ другой стороны. Правительство Наполеона III не только смотритъ на

руководителей мятежа, какъ на дѣйствительно существующее правительство, оно ставитъ шайки на ряду съ русскимъ войскомъ. Оно говоритъ о жандармахъ-вѣшателяхъ какъ о воюющей сторонѣ. Двѣ воюющія стороны должны прекратить враждебныя дѣйствія. Вотъ что во французской депешѣ соотвѣтствуетъ англійскому выраженію о прекращеніи всякаго рода враждебныхъ дѣйствій! Россія не должна ни усиливать своего войска въ Литвѣ и въ Польшѣ, ни передвигать его въ мѣстности гдѣ его еще нѣтъ, ни еще менѣе разгонять шайки или дѣйствовать вооруженною силой противъ жандармовъ-вѣшателей, пока Франція, которой теперь недосугъ, у которой теперь на рукахъ Мексика, представляющая возможность утвержденія новаго, болѣе прочнаго и спокойнаго престола для династіи Наполеона III,—пока Франція не нагрянетъ на насъ войной съ будущей весны, истощивъ насъ до того времени переговорами, и не застанетъ насъ врасплохъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ Россіи, съ мятежомъ во всей его силѣ!

Нельзя не сказать, что три великія державы Европы прекрасно обрисовываются этими тремя варіаціями на тему о перемиріи.

№ 149.

Москва, 8-го іюля.

Истинѣ бываетъ трудно пробиться наружу и въ простомъ дѣлѣ; а въ дѣлѣ сложномъ, гдѣ замѣшено множество интересовъ, интригъ, страстей и самообольщенія, это еще труднѣе. Не всякому понявшему истинное положеніе дѣлъ удается высказаться, и наконецъ самая лучшая вещь только тогда бываетъ хороша на практикѣ, когда высказывается вовремя и можетъ произвести соотвѣтствующее ей дѣйствіе. При всякой приближающейся опасности бываютъ люди предвидящіе ее, но когда нѣтъ чуткости въ окружающей средѣ, когда мало распространена заботливость объ общественномъ дѣлѣ, то предостереженія бываютъ безсильны и бываютъ нужны уроки событій. События должны заговорить, и заговорить явственно, чтобъ отворились уши людей и глаза ихъ раскрылись для серіознаго вниманія ко всему что вокругъ происходитъ.

Еще за нѣсколько дней до Варѳоломеевской ночи съ 10-го на 11-е января намъ удалось начать рядъ статей о польскихъ притязаніяхъ. Съ точки зрѣнія этихъ притязаній мы судили и о вспыхнувшемъ возстаніи и о тѣхъ мѣрахъ, которыя казались намъ необходимыми для подавленія его, а также для предупрежденія его повтореній. Мы не преувеличивали ни размѣровъ, ни серіозности возстанія; въ одной изъ передовыхъ нашихъ статей вызванныхъ первыми извѣстіями съ театра мятежа, мы говорили что число русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ (тогда ихъ было около 80 тысячъ), совершенно достаточно для успѣшной борьбы съ возстаніемъ, а видѣли серіозную опасность только въ Литовскомъ краѣ, который былъ тогда еще спокоенъ. Въ это время многіе у насъ смотрѣли на польскихъ мятежниковъ какъ на несчастныхъ людей, жертвующихъ собой за отечество, и не хотѣли вѣрить ихъ собственнымъ заявленіямъ, что они не положатъ оружія не отнявъ у Россіи всей Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны со включеніемъ Кіева. Еще упорнѣе было убѣжденіе, что политическая автономія Польши есть такая необходимость, которую отрицать могутъ только люди намѣревающіеся искоренить польскій народъ. Наконецъ интрига совсѣмъ запугала насъ иностраннымъ вмѣшательствомъ, запугала до того, что даже люди, соглашавшіеся что теперешній порядокъ въ гражданскомъ управленіи Царствомъ Польскимъ опасенъ для Россіи, находили невозможнымъ касаться этого порядка и ожидали всего или отъ времени, или отъ дѣйствія войскъ. Мы не раздѣляли этихъ взглядовъ. Мы прямо отрицали серіозность иностраннаго вмѣшательства, и кажется не ошибались въ истинномъ смыслѣ демонстрацій, которыя устраивались въ англійской палатѣ общинъ (пусть читатели вникнутъ въ смыслъ преній англійской верхней палаты, напечатанныхъ ниже, и рѣшатъ, правы ли мы были или ошибались); мы позволяли себѣ откровенно говорить, что въ такомъ дѣлѣ какъ борьба съ заговоромъ нельзя временить и не слѣдуетъ дѣйствовать однимъ войскомъ. Все это памятно нашимъ читателямъ, все это пріобрѣло намъ ихъ сочувствіе, и если мы были воздержны въ выраженіяхъ, то вовсе не вслѣдствіе слабости убѣжденія въ томъ что мы говорили. Польское возстаніе мы называли интригой; успѣхъ его мы при-

писывали тому что у насъ вообще очень привольно всякой интригѣ; мы старались самымъ очевиднымъ образомъ доказать, что въ Польшѣ вовсе нѣтъ народнаго возстанія, какое было напримѣръ въ Испаніи противъ Французовъ (мы очень рады что и *Русскій Инвалидъ* указываетъ теперь на Испанію), и что справиться съ польскими мятежниками, которые изнуряютъ и мучаютъ свой собственный народъ, дѣло очень легкое: стóитъ только захотѣть того. Наши взгляды были одобряемы многими и въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, но въ Варшавѣ было довольно распространено мнѣніе, что они основаны на совершенно ошибочныхъ данныхъ. Это мнѣніе было распространено тамъ не только между Поляками, но и между Русскими, и намъ совѣтовали отправить туда довѣренныхъ людей чтобы чрезъ ихъ посредство на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Мы сочли своею обязанностью послѣдовать этому совѣту, и вслѣдствіе того имѣемъ теперь въ Вильнѣ и Варшавѣ спеціальныхъ корреспондентовъ, то-есть нашихъ сотрудниковъ, нарочно посланныхъ въ эти города. Само собой разумѣется, что эти лица передаютъ намъ то что слышатъ и видятъ; они сообщаютъ факты и не имѣютъ притязанія *ворочать дѣлами*. Они взяли на себя трудъ сообщать вѣрныя свѣдѣнія, а не предлагать мѣры, и если они говорятъ иногда о пользѣ той или другой мѣры, то конечно не въ видѣ совѣта, что было бы нескромно, а въ видѣ защиты предположенія, близкаго къ осуществленію. Въ этомъ только смыслѣ и могъ говорить нашъ варшавскій корреспондентъ о необходимости послать въ Царство еще одну дивизію. Корреспонденція, гдѣ идетъ объ этомъ рѣчь, напечатана въ Москвѣ 29-го іюня; въ это время, какъ мы узнаемъ изъ *Русскаго Инвалида*, отправка еще одной дивизіи въ Царство была дѣломъ рѣшеннымъ. Справедливо ли послѣ того обвинять нашего корреспондента въ нескромности и приписывать ему желаніе *ворочать дѣлами*, какъ сказано въ статьѣ: „Военныя соображенія варшавскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*“ помѣщенной въ № 147 *Русскаго Инвалида*? Точно также и корреспондентъ нашъ не былъ бы способенъ написать для печати, и мы не были бы способны напечатать разсужденіе о численности нашихъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, если бы не было очевидно, что эта численность сама по себѣ совершенно достаточна и была бы болѣе нежели достаточна при другой системѣ управленія краемъ. Мы совершенно согласны съ упомянутою статьей *Русскаго Инвалида*, что гласность о войскахъ, переходящая извѣстные предѣлы, была бы безразсудствомъ. Но если не было безразсудно говорить въ февралѣ, что 80.000 войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ, достаточны для подавленія мятежа, то можетъ ли быть безразсудствомъ упомянуть въ той же самой газетѣ что къ іюню это число возросло до 125.000? Мы защищаемъ теперь только указаніе числа войскъ; мы уже сказали выше, почему нашъ спеціяльный корреспондентъ могъ завести рѣчь о недостаточности этого числа, не грѣша противъ скромности, составляющей обязанность всякаго разумнаго человѣка, а слѣдовательно и всякаго разумнаго корреспондента.

Отражая упреки и обвиненія, высказанныя въ упомянутой нами статьѣ *Русскаго Инвалида*, мы не можемъ не высказать нашей искренней радости о томъ, что эта статья появилась въ столбцахъ офиціяльной газеты военнаго министерства. Мы вполнѣ сочувствуемъ ея направленію и тому взгляду на польское возстаніе, который она такъ патріотически, такъ основательно и такъ убѣдительно развиваетъ. Дѣйствительно, польское возстаніе не есть народное возстаніе. Дѣйствительно, оно нисколько не похоже на испанское возстаніе противъ Французовъ. Дѣйствительно, намъ легко было бы обойдтись въ Польшѣ съ войскомъ гораздо меньшимъ чѣмъ 125.000 человѣкъ, когда Сюше продержался въ Аррагонскомъ королевствѣ въ продолженіи шести лѣтъ, имѣя не болѣе 33.000 человѣкъ и сумѣлъ содержать армію на счетъ страны, устроивъ, а не разстроивъ ея финансы. Если для Сюше это было возможно въ Испаніи, то тѣмъ паче это возможно въ Царствѣ Польскомъ. Но спрашивается, какъ дѣйствовалъ Сюше? „Онъ сладилъ со страной, сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, путемъ административнымъ, выбралъ нѣсколько способныхъ людей изъ Французовъ для управленія финансами, привязалъ къ себѣ немногихъ, но вполнѣ надежныхъ людей изъ самаго края, которыхъ поставилъ во главѣ администраціи, организовалъ хорошую полицію, охранявшую безвинныхъ, неуклонно и строго преслѣдовавшую виновныхъ и т. д.“ „Си-

стема твердости и справедливости, продолжаетъ *Русскій Инвалидъ*, выдержанная въ теченіи 16—18 мѣсяцевъ, успокоила страну, поставила Сюше высоко въ глазахъ населенія, дала ожить дѣятельности края и вынести тяжелое время войны едва ли не легче чѣмъ обыкновенное мирное время при бывшемъ испанскомъ правительствѣ." Указаніе поучительное, и тѣмъ болѣе знаменательное что дѣлается въ офиціяльномъ изданіи! Одно это указаніе стоитъ многихъ успѣшныхъ военныхъ дѣйствій; оно ободритъ Россію: оно даетъ надежду что будетъ наконецъ положенъ предѣлъ интригѣ, называемой совершенно иносказательно польскимъ народнымъ возстаніемъ.

Твердость и справедливость! Это великія слова, это единственный ключъ къ успѣшному рѣшенію дѣла! Но почтенный авторъ статьи *Русскаго Инвалида*, на которую мы смотримъ какъ на отраднѣйшее событіе нынѣшняго года, едва ли не согласится съ нами, что было бы очень притязательно, если бы нашъ корреспондентъ, живущій въ Варшавѣ, вздумалъ произносить эти слова. Указаніе на Сюше, сдѣланное въ *Русскомъ Инвалидѣ*, имѣетъ огромное значеніе; сдѣланное нашимъ варшавскимъ корреспондентомъ, оно было бы непростительною неловкостью. Отъ корреспондента можно только требовать чтобъ онъ честно дѣлалъ свое дѣло, чтобъ онъ безпристрастно и вѣрно излагалъ факты, предоставляя другимъ дѣлать выводы. Справедливость требуетъ сказать, что нашъ спеціяльный варшавскій корреспондентъ именно такъ и поступаетъ. Въ корреспонденціи его, напечатанной въ томъ же самомъ 142-мъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, мы читаемъ: „Правительство не можетъ поручиться за непоколебимую преданность ему не только мелкихъ чиновниковъ, но членовъ государственнаго совѣта и даже министровъ, имъ самимъ избираемыхъ." Или далѣе: „Крестьянское населеніе теперь уже далеко отъ того настроенія; которымъ оно отличалось въ первое время, когда положеніе дѣлъ характеризовалось такими словами: „Выраженіе крестьянами „преданности правительству мѣстами до„ходитъ до такихъ размѣровъ, что нѣко„торые военные начальники сочли нужнымъ „принять мѣры къ удержанію крестьянъ „въ предѣлахъ должнаго повиновенія." „Теперь, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, это расположеніе крестьянъ пропало: оно не устояло при совокупныхъ усиліяхъ центральнаго комитета и варшавскихъ властей. Теперь крестьяне сохраняютъ должное повиновеніе помѣщикамъ; но при такомъ повиновеніи, военный уѣздный начальникъ безъ достаточной силы ничего не можетъ сдѣлать." Неужели изъ этихъ словъ не ясно, почему въ Царствѣ Польскомъ требуется усиленіе войска? Но нашъ корреспондентъ не проходитъ мимо и этого вопроса. Онъ отвѣчаетъ, что теперь въ Царствѣ „только еще войсками поддерживается законное правительство." Онъ не останавливается впрочемъ и на этомъ отвѣтѣ; онъ далѣе говоритъ по поводу похищенія кассъ: „отъ домашняго вора уберечься одно средство— перемѣнить прислугу." Какихъ еще указаній нужно автору статьи, помѣщенной въ *Русскомъ Инвалидѣ?* Всякій русскій патріотъ и всякій другъ польскаго народа долженъ желать чтобы прекратилось кровопролитіе и чтобъ оно прекратилось какъ можно скорѣе. Къ этой цѣли ведутъ два пути: путь болѣе легкій, болѣе вѣрный, болѣе человѣколюбивый и менѣе дорогой— исправленіе администраціи, и путь трудный, обагренный кровью и сопряженный съ страшными расходами—усиленіе численности войскъ. Этотъ послѣдній путь имѣетъ еще то неудобство, что съ теченіемъ времени онъ становится все труднѣе и труднѣе и можетъ привести наконецъ къ той нелѣпости, о которой говорится въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, что пришлось бы по всѣмъ городамъ и селамъ устроить казацкія станицы и занять всѣ жилые пункты войсками. Какой же изъ этихъ путей предпочтительнѣе? Здравый смыслъ говоритъ, что первый. Но это—приговоръ теоретическій. Спрашивается, возможенъ ли этотъ путь? На основаніи доступныхъ намъ данныхъ, намъ казалось что онъ возможенъ. Опираясь на авторитетъ *Русскаго Инвалида*, мы говоримъ теперь съ увѣренностью, что онъ возможенъ. Но нашъ варшавскій корреспондентъ, не претендуя на *вороченье дѣлами*, не имѣлъ ни права ни повода сказать это. Онъ не могъ предлагать измѣненіе системы принятой для управленія Царствомъ Польскимъ; но какъ Русскій, онъ не могъ освободиться отъ желанія чтобы мятежъ былъ какъ можно скорѣе подавленъ, и потому имѣлъ и право и поводъ передать съ живымъ увлеченіемъ то что̀ слышалъ въ Варшавѣ о необходимости усилить численность войскъ. Онъ имѣлъ

на это тѣмъ большее право, что присылка новой дивизіи уже предстояла. Но говоря съ увлеченіемъ объ этой предстоящей мѣрѣ и о ея необходимости, онъ далъ однакоже читателю почувствовать что не самъ выдумываетъ то что говоритъ. Съ благоразумною осторожностью онъ оговорился: *Недостатокъ войскъ, вотъ одинъ изъ главныхъ аргументовъ здѣшняго правительства*; прибавилъ онъ между прочимъ. Какихъ еще указаній нужно автору статьи, помѣщенной въ *Русскомъ Инвалидѣ?* позволимъ себѣ спросить вторично.

№ 150.

Москва, 9-го іюля.

Отвѣты нашего правительства на депеши трехъ державъ, наконецъ, у всѣхъ передъ глазами. Появленія этихъ документовъ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ; къ чтенію этихъ документовъ никто не приступитъ безъ усиленнаго біенія сердца. Конечно, всякій могъ быть увѣренъ, что Россія не уронитъ своего достоинства въ возникшемъ международномъ спорѣ, и никто не имѣлъ основанія, никто не имѣлъ права сомнѣваться въ силѣ и смыслѣ депешъ нашего вице-канцлера. Но когда дѣло идетъ о самыхъ дорогихъ для народа интересахъ, когда столь многое въ судьбахъ великой страны можетъ зависѣть отъ одного слова, отъ одного да или нѣтъ,—никто не въ силахъ преодолѣть невольную тревогу, никто не въ силахъ оставаться спокойнымъ и ждать безъ напряженія, безъ волненія. Могутъ быть обстоятельства ускользающія отъ частныхъ людей, могутъ быть колебанія передъ величіемъ исторической отвѣтственности, могутъ быть опасенія въ глубинѣ и силѣ народнаго чувства, могутъ быть разныя неясности и недоразумѣнія...

Но теперь конецъ всѣмъ ожиданіямъ, конецъ всѣмъ тревогамъ: отвѣты нашего правительства у всѣхъ передъ глазами, и всякій прочтя ихъ, вздохнетъ легко и свободно; у всякаго скажется на душѣ удовлетворенное чувство народной чести и вмѣстѣ чувство гражданской благодарности къ державной рукѣ управляющей судьбами Россіи,—благодарности quod de republica non desperasset, — за то что не дрогнула она, за то что не усумнилась въ своемъ народѣ, за то что довѣрилась его великимъ судьбамъ.

Толки, догадки и предсказанія, еще задолго ходившія въ Европѣ, относительно смысла и силы нашихъ отвѣтныхъ депешъ, слава Богу, ни въ чемъ не оправдались; за то оправдалось въ нихъ наше народное чувство, за то оправдались въ нихъ всѣ требованія нашего народнаго достоинства. Россія, съ спокойною, но твердостію рѣшимостію, отклонила оскорбительныя притязанія трехъ державъ на вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла, и не приняла конференціи. Разчеты уловить ее въ сѣти, запутать и смутить ее, обратились въ ничто. Изъ дипломатическаго испытанія она вышла съ торжествомъ. Три державы, если это угодно имъ, могутъ еще продолжать свою бесѣду съ Россіей; но отнынѣ должны онѣ убѣдиться въ тщетѣ своего замысла поставить ее въ положеніе подсудимаго. Отнынѣ имъ стало извѣстно, что этотъ обмѣнъ мыслей, на который они вызвали Россію, не наложилъ и не наложитъ на нее никакихъ обязательствъ, не приведетъ фальшиво возбужденнаго вопроса ни къ какому практическому рѣшенію, и что отвѣтственность за продолженіе этихъ безплодныхъ объясненій, поддерживающихъ безнадежное возстаніе и терзающихъ несчастную страну, падетъ на нихъ всею своею тяжестью.

Читая эти депеши, русскій человѣкъ на каждомъ словѣ долженъ воздавать честь и хвалу писавшему ихъ: такъ въ нихъ все зрѣло обдумано и зрѣло высказано, такъ все согласно въ нихъ съ великими интересами, которыхъ князь Горчаковъ былъ истолкователемъ. Рѣшимость отказа является въ нихъ столько же выраженіемъ чувства силы и достоинства, сколько и благоразумія. Въ этомъ отказѣ нѣтъ ничего похожаго на вспышку, нѣтъ ничего вызывающаго. Онъ не походитъ также и на упорное, тупое *non possumus*. Этотъ отказъ самъ собою вытекаетъ изъ сущности дѣла, и его могла бы сдѣлать за насъ сама Европа.

Мы не говоримъ уже о нелѣпыхъ требованіяхъ перемирія и предварительной амнистіи,—но Россія и кромѣ того не связала себя ни въ одномъ пунктѣ программы предложенной ей въ качествѣ основанія для совѣщаній, и совѣщаній этихъ не будетъ; ихъ не будетъ ни въ Вѣнѣ, ни въ Парижѣ, ниже въ Брюсселѣ, ни въ Дрез-

денѣ. Нашъ вице-канцлеръ представилъ на видъ всю невозможность международной конференціи по дѣламъ внутренняго свойства.

Въ отвѣтныхъ депешахъ съ полною отчетливостію обозначенъ предѣлъ законнаго участія европейскихъ державъ по польскому вопросу. Державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, имѣютъ полное право такъ или иначе истолковывать его смыслъ, но обязательную силу можетъ имѣть только такое толкованіе, которое въ точности соотвѣтствуетъ подлиннымъ выраженіямъ, употребленнымъ въ трактатѣ. Вотъ то право, которое мы предоставляемъ державамъ относительно Польши. Но державы, вступившія съ нами въ объясненіе, сами находятъ, что эти толкованія безплодны, и въ этомъ нашъ вице-канцлеръ вполнѣ съ ними соглашается. Право безплоднаго толкованія трактата предоставляется Россіей всѣмъ кому угодно: это единственная уступка, которую могли мы сдѣлать, и эту уступку мы очень охотно сдѣлали. Въ нашихъ отвѣтахъ объяснено съ точностію, почему Россія не можетъ пойдти на конференцію; конференція не могла бы ограничиться безплодными толками, и правительства трехъ державъ, въ свою очередь, должны согласиться и признать справедливость доводовъ князя Горчакова. Если толкованіе вѣнскаго трактата есть дѣло безплодное, то конференція, на основаніи новыхъ пунктовъ, есть дѣло невозможное.

Отвѣты тремъ державамъ нѣсколько разнятся между собою, но не въ общемъ смыслѣ, а въ подробностяхъ и тонѣ. Всѣ они отличаются спокойствіемъ, обдуманностію, простотою выраженія и тонкою отчетливостію. По содержанію, всѣхъ подробнѣе и обстоятельнѣе депеша адресованная къ барону Бруннову для прочтенія государственному секретарю Ея Британскаго Величества. Отвѣчая на депешу лорда Росселя, нашъ вице-канцлеръ входитъ въ нѣкоторые поднятые ею общіе вопросы, и характеризуетъ польское возстаніе, о которомъ европейскія правительства не хотятъ имѣть точнаго понятія, принимая къ свѣдѣнію завѣдомо ложныя извѣстія, распространяемыя виновниками мятежа. Депеша, служащая отвѣтомъ французскому правительству, при всей вѣжливости выраженій, напоминаетъ объ отвѣтственности, которую несетъ это правительство, преимущественно способствующее мятежу терзающему Польшу. Парижъ — главный центръ его: это, наконецъ, нужно было сказать, и это сказано нашимъ вице-канцлеромъ. Онъ также напомнилъ правительству Наполеона III, что если Россія и можетъ еще допустить обмѣнъ мыслей относительно Царства Польскаго, то никакого „дружескаго обмѣна мыслей“ не можетъ допустить она касательно провинцій искони русскихъ и входящихъ въ составъ Имперіи. Ни одна изъ трехъ державъ не зашла такъ далеко какъ Франція, и ей чувствительнѣе чѣмъ прочимъ надобно было напомнить о предѣлахъ, изъ которыхъ она вышла. Самая враждебная намъ политика выразилась во французской депешѣ, и Россія въ своихъ отвѣтахъ показала, что она очень хорошо это замѣчаетъ и знаетъ.

Но князь Горчаковъ не ограничился критикой сдѣланныхъ ему сообщеній. Вмѣсто неудачной комбинаціи, предложенной тремя державами и не принятой Россіей, вице-канцлеръ предложилъ другую, несравненно болѣе практическую. Конференція отвергнута; но за то нами изъявлена готовность вступить въ объясненія относительно польскаго дѣла съ тѣми державами, которыя дѣйствительно заинтересованы этимъ дѣломъ, — съ Австріей и Пруссіей. Обѣ эти державы граничатъ съ Россіей, и для нихъ, столько же какъ и для самой Россіи, важно удовлетворительное рѣшеніе такъ-называемаго польскаго вопроса. Только въ объясненіяхъ съ этими державами польскій вопросъ можетъ получить свой истинный смыслъ; только тутъ онъ освобождается отъ всякой фальшивой примѣси; только для этихъ державъ вопросъ этотъ есть вопросъ серіозный и практическій. Австрія, внѣ искусственной коалиціи съ обѣими западными державами, равно какъ и Пруссія, могутъ обѣ сказать многое, что Россія въ свою очередь, можетъ съ пользою выслушать и принять къ свѣдѣнію. Въ совѣщаніяхъ съ этими двумя державами, она можетъ гораздо успѣшнѣе сообразить и тѣ мѣры для благоустройства Польши, которыя требуются духомъ времени и политическимъ прогрессомъ. Такая комбинація, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующая общимъ интересамъ Европы и самому свойству вопроса, можетъ въ то же время успокоить заботливость обѣихъ западныхъ державъ относительно благоустройства Польши, если только эта заботливость искренна. Австрія находится съ ними въ дружелюбныхъ отно-

шеніяхъ; она знаетъ ихъ желанія и виды, и можетъ до нѣкоторой степени служить ихъ органомъ въ объясненіяхъ съ Россіей и Пруссіей. Австріи онѣ вполнѣ довѣряютъ, по крайней мѣрѣ Англія, и даже ставятъ ее въ примѣръ Россіи. Россія охотно выслушаетъ совѣты Австріи, когда она подастъ ихъ безъ фальшивой примѣси, съ прямою и практическою цѣлью. Частныя совѣщанія съ Австріей и Пруссіей, обезпечивая Европу, не роняютъ достоинства Россіи, и не налагая на нее никакихъ международныхъ обязательствъ, несравненно лучше чѣмъ всякія обязательства могутъ способствовать успокоенію Европы и умиротворенію Польши.

№ 151.

Москва, 10-го Іюля.

Время сомнѣній и колебаній, если они и были возможны въ виду совершающихся событій, теперь, послѣ отвѣтовъ князя Горчакова, безвозвратно миновало. Эти отвѣты, представляя по своей формѣ истинно-художественное произведеніе русскаго дипломатическаго искусства, по своему содержанію составятъ эпоху во внѣшней и внутренней политикѣ Россіи. Что было до сихъ поръ смутнаго и неяснаго въ недавно занятомъ нами положеніи, разомъ уяснилось и опредѣлилось самымъ удовлетворительнымъ образомъ для нашего народнаго чувства и для будущихъ судебъ нашего отечества.

Мы знаемъ теперь несомнѣнно, въ какомъ смыслѣ нашъ дворъ, руководимый видами миролюбія, не имѣя никакихъ побужденій уклоняться отъ полнаго и всесторонняго разъясненія дѣла, сознавая сверхъ того нравственную солидарность между всѣми благоустроенными правительствами въ виду затѣй революціонныхъ и анархическихъ партій, мы знаемъ, въ какомъ смыслѣ онъ не устранилъ съ перваго же раза участія, обнаруженнаго разными державами, къ дѣламъ, которыя мы въ правѣ почитать нашими домашними дѣлами. То что имъ было допущено есть не то вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла, которое могло бы опредѣлить ихъ ходъ и развитіе, а не болѣе какъ обмѣнъ мыслей относительно событій, которыя могутъ всѣхъ интересовать въ видахъ общей европейской безопасности. Притомъ же и для этого обмѣна мыслей отвѣты князя Горчакова устанавливаютъ довольно точныя границы: онъ долженъ происходить въ предѣлахъ обозначенныхъ болѣе или менѣе ясно подлинными выраженіями трактатовъ, и самый легкій и отдаленный намекъ графа Росселя на присоединеніе нѣкоторыхъ русскихъ областей къ Царству Польскому, о чемъ временно дѣйствительно помышлялъ Императоръ Александръ I и что было предоставлено на собственную его волю въ Вѣнскомъ трактатѣ, немедленно встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны князя Горчакова, а неумѣстная заботливость Франціи о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ Западнымъ краемъ Россіи, и желаніе ея и на этотъ край распространить условія своего невозможнаго перемирія, вызвали князя Горчакова на еще болѣе сильное замѣчаніе о необходимости исключить изъ происходящаго обмѣна идей какіе бы то ни было намеки на собственно-русскія области, къ которымъ не относятся ни какія постановленія трактатовъ.

Далѣе, князь Горчаковъ устанавливаетъ различіе между сосѣдними и отдаленными державами. Первыя не могутъ оставаться равнодушными къ событіямъ, совершающимся въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ, вторыя же могутъ, правда, интересоваться ими въ видахъ общей безопасности, но положительное ихъ право на какія бы то ни было сообщенія по этому поводу ближайшей заинтересованной державѣ должно быть основано только на постановленіяхъ существующихъ трактатовъ, какъ это высказано въ депешѣ къ барону Будбергу, нашему послу во Франціи, и выходить за предѣлы этихъ трактатовъ было бы съ ихъ стороны не позволительнымъ захватомъ чуждаго имъ права. И впредь Россія не прочь обмѣниваться обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ сообщеніями, въ этихъ границахъ и въ духѣ примиренія и обязательной вѣжливости, даже съ такими отдаленными отъ театра событій державами какъ Франція; но этотъ обмѣнъ сообщеній ровно ни къ чему обязать Россію не можетъ, и не можетъ имѣть ни какихъ практическихъ результатовъ. Если Франціи еще угодно длить пренія о первой статьѣ главнаго акта вѣнскаго конгресса, Россія высказываетъ готовность принимать ея сообщенія, хотя и признаетъ вмѣстѣ съ Англіею всю ихъ безплодность, но тѣмъ и ограничивается вся наша уступчивость въ

этомъ отношеніи. Другое дѣло — сосѣднія державы, Пруссія и Австрія, для которыхъ исходъ нынѣшнихъ событій въ Царствѣ Польскомъ, каковъ бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ представляетъ живой практическій интересъ. Съ этими державами, такъ близко заинтересованными въ польскомъ вопросѣ, Россія готова вступить въ совѣщанія; но такъ какъ эти совѣщанія могутъ касаться только подробностей внутренней администраціи въ польскихъ владѣніяхъ этихъ державъ, а не какихъ-либо общихъ началъ способныхъ интересовать всю Европу, то результаты ихъ никакъ не могутъ стать предметомъ какого-либо общеевропейскаго международнаго акта. Замѣчательно еще въ этомъ отношеніи и то, что въ депешахъ князя Горчакова допускаются эти частныя совѣщанія между тремя державами не объ одномъ лишь Царствѣ Польскомъ, но и о тѣхъ польскихъ владѣніяхъ двухъ другихъ державъ, на которыя простирается сила Вѣнскаго трактата, вслѣдствіе чего мѣры, которыя были бы приняты на основаніи этихъ совѣщаній и по свободному рѣшенію каждой изъ трехъ державъ, имѣли бы болѣе или менѣе общій характеръ, и были бы направлены къ тому чтобы согласить относительное положеніе всѣхъ этихъ польскихъ областей съ потребностями и успѣхами настоящаго времени. Планъ такого обсужденія интересовъ всѣхъ польскихъ областей, къ которымъ относится трактатъ 1815 г., нельзя не назвать въ дипломатическомъ отношеніи чрезвычайно искуснымъ. Онъ, очевидно, оправдывается характеромъ нынѣшнихъ польскихъ событій, въ которыхъ принимаютъ самое дѣятельное и прямое участіе Поляки не одного Царства Польскаго, а также Познани, Кракова и Галиціи. Онъ сверхъ того освобождаетъ Россію отъ роли не только подсудимаго, но даже и отъ роли державы, неключительно нуждающейся въ совѣтахъ, и поставляетъ всѣ три державы на одинъ уровень въ этомъ отношеніи. Наконецъ, онъ отчасти уже заранѣе ручается, что такъ-называемый польскій вопросъ получитъ разрѣшеніе, совершенно согласное съ интересами нераздѣльной въ политическомъ отношеніи цѣлости владѣній Русскаго Государя. Правда, что интересы трехъ державъ, въ особенности Россіи и Австріи, даже по польскому вопросу различны, но тѣмъ не менѣе очевидно что и Австрія не можетъ дѣйствовать тутъ такъ предательски какъ Франція, и что кромѣ того вообще только съ Пруссіей и Австріей Россія можетъ сноситься въ этомъ случаѣ не для простаго обмѣна мыслей, а въ видахъ какого либо практическаго результата. И самъ императоръ Николай I всегда признавалъ за Пруссіей и за Австріей право голоса по дѣламъ, касающимся Польши, и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ согласно съ интересами Россіи.

Впрочемъ князь Горчаковъ отнюдь не беретъ назадъ и прежняго своего заявленія, которому такъ обрадовалась было французская журналистика и которымъ такъ спѣшило воспользоваться французское правительство, — заявленія, что за нынѣшними событіями въ Польшѣ можетъ быть признанъ обще-европейскій характеръ; но въ какомъ смыслѣ? Не въ томъ, чтобъ Европа имѣла право вмѣшательства въ ходъ и въ исходъ этихъ событій, а въ томъ, что на Царствѣ Польскомъ сосредоточиваются въ настоящее время усилія революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы, и что слѣдовательно на всѣхъ европейскихъ правительствахъ лежитъ нравственная обязанность противодѣйствовать проискамъ революціонеровъ, которые теперь имѣютъ своимъ предметомъ Польшу, а затѣмъ надѣются потрясти и всю Европу. Съ особенною силой внушается эта обязанность французскому правительству, такъ какъ въ самомъ Парижѣ польскіе выходцы, *пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ*, устроили обширный заговоръ, имѣющій цѣлью возбуждать противъ насъ общественное мнѣніе Франціи и вмѣстѣ поддерживать мятежъ въ Польшѣ, отчасти матеріяльными пособіями, но еще болѣе надеждами на дѣятельное вмѣшательство Франціи въ пользу самыхъ безсмысленныхъ цѣлей польскаго возстанія. „Намъ пріятно думать, говоритъ князь Горчаковъ, что французское правительство, не дозволитъ злоупотреблять его именемъ въ интересахъ революціи въ Польшѣ и въ Европѣ.“ Въ депешахъ, назначенныхъ для двухъ другихъ державъ вице-канцлеръ ограничился только упоминаніемъ о томъ, какую поддержку находитъ себѣ мятежъ въ надеждѣ на дѣятельное вмѣшательство въ пользу его цѣлей, и какъ бы важно было для скорѣйшаго умиротворенія Польши, чтобъ эта надежда исчезла.

Занявъ такое положеніе въ этомъ вопросѣ и оградивъ со всѣхъ сторонъ интересы честь и достоинство Россіи, князь Горча-

ковъ не имѣлъ надобности входить въ подробное обсужденіе шести пунктовъ, предлагаемыхъ державами, такъ какъ съ самаго начала онъ не придавалъ имъ практическаго значенія. Достаточно было замѣтить, что они не противорѣчатъ, говоря вообще, видамъ русскаго правительства, но что если-бы они были приняты и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе придаютъ имъ западныя державы, то и тогда они не достигли бы предполагаемаго ими результата, и не водворили бы прочнаго мира въ Польшѣ, такъ какъ Поляки мечтаютъ о Польшѣ, простирающейся отъ одного моря до другаго, о Польшѣ, основанной на порабощеніи милліоновъ русскаго населенія, русскаго и по вѣрѣ и по происхожденію. Объ амнистіи сказано только то, что когда мятежники покорятся, то Государь Императоръ будетъ дѣйствовать по внушеніямъ своего милосердія съ тѣми только ограниченіями, какихъ потребуютъ отъ него самыя существенныя обязанности Государя. Въ отношеніи къ учрежденіямъ для Польши указано только то, что не находя нужнымъ отнимать дарованныхъ учрежденій, Государь Императоръ имѣетъ въ виду дѣйствовать согласно съ потребностями и успѣхами времени. Наконецъ относительно перемирія или прекращенія военныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ торжественно заявлено, что Его Величество Императоръ считаетъ себя обязаннымъ предъ своею арміею, предъ мирнымъ большинствомъ самихъ Поляковъ и предъ Россіею, принять энергическія мѣры къ прекращенію смутъ въ Царствѣ Польскомъ. Этимъ заявленіемъ опредѣлится, безъ сомнѣнія, характеръ и образъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ варшавскихъ властей. Дальнѣйшее послабленіе мятежу послѣ этихъ словъ уже не возможно.

Какое впечатлѣніе произведутъ отвѣты князя Горчакова на три великія державы и къ какимъ побудятъ ихъ рѣшеніямъ, предсказывать нельзя, но замѣчательно то, что бережно ограждая нашу народную честь и наши національные интересы, князь Горчаковъ, за исключеніемъ перемирія съ мятежниками, собственно не отвергъ ни одного изъ предложеній трехъ державъ, а только упразднилъ эти предложенія, и даже европейскую конференцію по польскимъ дѣламъ замѣнилъ новою комбинаціей. Въ этой комбинаціи, въ этомъ предложеніи частныхъ совѣщаній съ двумя сосѣдними державами заключается сущность отзывовъ князя Горчакова. Очевидно, эта комбинація клонится къ сохраненію мира и дѣйствительно она можетъ содѣйствовать тому при другихъ благопріятныхъ условіяхъ. Англія не можетъ въ ней усмотрѣть ничего обиднаго для себя, и напротивъ въ намѣреніи нашемъ нѣсколько сблизиться съ Австріей и слѣдовательно, удалиться отъ Франціи, она найдетъ для себя ручательство за сохраненіе спокойствія въ Европѣ. Что касается до Австріи, то едва-ли возможно предположить, что она отвергнетъ предложеніе, котораго она сама добивалась и которое такъ благопріятно для сохраненія необходимаго ей мира и такъ согласно съ интересами ея внутренней политики. Эти интересы не совсѣмъ согласны съ нашими, и мы, разумѣется, будемъ въ сношеніяхъ съ нею держать ухо востро, но она сама, что бы она ни говорила, должна несомнѣнно дорожить сближеніемъ съ нами. Быть-можетъ, въ ея парламентѣ, въ ея журналистикѣ будутъ раздаваться сильные вопли противъ сепаратныхъ переговоровъ, на которые изъявляетъ согласіе князь Горчаковъ; быть-можетъ, ея счеты съ Пруссіей по дѣламъ Германіи вообще и Германскаго Таможеннаго Союза въ особенности заставятъ ее на нѣкоторое время призадуматься; однако же можно почти навѣрное предположить, что выгоды послѣдняго много перевѣсятъ выгоды первой. Не даромъ *Journal des Débats* и многіе изъ берлинскихъ журналовъ увѣряли, что давно уже между Россіей, Австріей и Пруссіей начались конфиденціяльныя сношенія по польскимъ дѣламъ, и что виды ихъ въ сущности согласны между собою.

Затѣмъ остается только Франція, которая до сихъ поръ объявляла, что одна воевать съ нами изъ-за Польши она не станетъ. Измѣнитъ ли она теперь благоразумному рѣшенію, покажетъ время; во всякомъ случаѣ, въ предложенной княземъ Горчаковымъ комбинаціи, ей предоставленъ честный выходъ изъ не совсѣмъ ловкаго положенія, въ которое она поставила себя. Но что бы ни случилось, за русскимъ правительствомъ останется сознаніе, что оно выполнило свой долгъ въ отношеніи къ Россіи, и это сознаніе удесятеритъ его силу.

№ 152.

Москва, 11-го іюля.

А.

Какое дѣйствіе произведутъ депеши князя Горчакова на Поляковъ? Они будутъ для нихъ, прежде всего, величайшею неожиданностью. Поляки были твердо увѣрены, что Россія не посмѣетъ отказаться отъ принятія шести пунктовъ. Они были увѣрены, что Россія изъ страха передъ тремя державами свяжетъ себя обязательствомъ,—во всякомъ случаѣ, какой ходъ ни приняли бы событія, оставить въ силѣ льготы, выговоренныя въ шести пунктахъ. Тогда руководителямъ мятежа было бы легко дѣйствовать. Шесть пунктовъ служили бы для нихъ неприступнымъ базисомъ операцій; рискъ возстанія былъ бы ничтоженъ; партія *бѣлыхъ*, сомнѣвающаяся въ его успѣхѣ и опасающаяся чтобъ оно не повлекло за собой пагубныхъ послѣдствій для польской автономіи, могла бы совершенно успокоиться и дать *краснымъ* полную волю дѣйствовать. „Выиграютъ головорѣзы въ отчаянномъ дѣлѣ, тѣмъ лучше; проиграютъ, — шесть пунктовъ составляютъ для страны превосходный *pis aller*. Когда ретирада совершенно прикрыта, какъ не идти впередъ? Хуже шести пунктовъ ничего не будетъ, а очень можетъ-быть что будетъ лучше. Простой разчетъ заставляетъ продолжать и поддерживать борьбу.“ Такъ, по всему вѣроятію, разчитывали всѣ въ Польшѣ, и къ половинѣ іюля готовили вспышку, долженствовавшую принять колоссальные размѣры. Признаки этихъ приготовленій замѣтны во многомъ, и есть нѣкоторое основаніе думать, что сама Варшава предназначалась для открытаго возстанія. Вотъ почему, прибавимъ мимоходомъ, отправка новой дивизіи въ Царство приходится теперь очень кстати.

Вспышкой въ Царствѣ Польскомъ мятежники, повидимому, намѣревались вознаградить себя за пораженія, претерпѣнныя ими въ западномъ краю. Тамъ, благодаря мужеству крестьянскаго населенія на югѣ и энергической дѣятельности генерала Муравьева на сѣверѣ, мятежъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ, и усилія мятежниковъ могутъ быть направлены развѣ только на то чтобы какъ-нибудь отомстить священникамъ и крестьянамъ за ихъ вѣрность своему Государю. Если вѣрить слухамъ, доходящимъ до насъ изъ юго-западнаго края, то въ этого рода усиліяхъ уже и теперь нѣтъ недостатка, и во многихъ мѣстахъ крестьянамъ приходится жутко отъ администраціи и земской полиціи состоящей изъ Полякозъ, которые не хотятъ остаться въ долгу у крестьянъ. Но пускаясь на подобныя интриги, тамошніе измѣнники ждутъ успѣха польскому дѣлу исключительно отъ событій въ Царствѣ, гдѣ мятежъ имѣетъ твердую опору во всемъ составѣ администраціи и свободно пользуется казенными кассами, гдѣ еще продолжаютъ составляться шайки по нѣскольку тысячъ человѣкъ, гдѣ наконецъ повсемѣстно господствуетъ терроръ. Поэтому Царство сдѣлалось теперь единственнымъ удобнымъ мѣстомъ для колоссальной вспышки. Къ тому же теперь и въ Царствѣ уже ожидаются важныя перемѣны относительно порядка управленія; сами Поляки понимаютъ что дѣла не могутъ болѣе идти по прежнему; варшавская полиція преобразуется; все чаще и чаще выводятся наружу происки революціонеровъ, и все больше политическихъ дѣлъ начинаетъ проходить черезъ руки русскаго военнаго управленія. Поэтому іюль мѣсяцъ долженъ былъ представляться единственнымъ удобнымъ временемъ для послѣднихъ усилій мятежа приведеннаго къ отчаянію. Съ этимъ совершенно согласуется и то обстоятельство, что въ варшавскомъ подземномъ правительствѣ, какъ можно заключать изъ многихъ данныхъ, произошелъ въ послѣднее время важный кризисъ. Люди сколько-нибудь умѣренные были вытѣснены людьми крайними; люди взрослые — людьми молодыми, преимущественно учениками Главной Школы. Польская революція представляетъ собой много явленій безпримѣрныхъ; къ этимъ безпримѣрнымъ явленіямъ всего болѣе относится власть захваченная теперь учениками Главной Школы. Одинъ изъ учениковъ этой школы, какъ слышно, былъ на дняхъ главнымъ начальникомъ варшавскихъ жандармовъ-вѣшателей; другой былъ такъ-называемымъ начальникомъ города. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ такъ-называемомъ народномъ правительствѣ засѣдаютъ студенты. Все это не ручается, правда, за успѣхъ дѣла руководимаго такими опытными людьми; но все это показываетъ, что теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь варшавское подземное правительство способно на безумныя предпріятія.

Теперь Россія приняла наиболѣе выгодное для себя положеніе относительно польскихъ притязаній. Она сохраняетъ полную свободу дѣйствій и можетъ поступать съ Польшей сообразно обстоятельствамъ. Опасность борьбы съ нами возрасла для Поляковъ; въ случаѣ неуспѣха замышляемой ими окончательной схватки они не имѣютъ уже права надѣяться на безнаказанность, а тѣмъ менѣе имѣютъ право надѣяться на новыя льготы. Благоразуміе должно было бы внушить имъ бо́льшую осторожность, воздержать ихъ отъ опасной игры, въ которой будетъ поставлено на карту благоденствіе и даже существованіе ихъ края. Умѣренные и разумные Поляки должны видѣть это. Но способны ли къ какимъ-нибудь благоразумнымъ соображеніямъ тѣ люди, которые теперь управляютъ польскимъ возстаніемъ? Сами Поляки говорятъ, что у нихъ вовсе нѣтъ людей способныхъ понимать настоящее положеніе дѣлъ и спасти край отъ погибели; ни между свѣтскими, ни между духовными нѣтъ въ Польшѣ людей, которые были бы способны вести свой народъ къ лучшей участи. Поляки обвиняютъ въ этомъ русское правительство и утверждаютъ, что полная деморализація края есть плодъ русскаго управленія въ послѣднія тридцать лѣтъ. Мы не будемъ теперь вдаваться въ полемику по этому пункту. Мы остановимся только на несомнѣнномъ фактѣ, на фактѣ всеобщей деморализаціи верхнихъ классовъ польскаго народа. Что же слѣдуетъ изъ этого факта? Можно ли ожидать, что дѣйствуя въ такой средѣ, безбородые юноши, заставляющіе теперь трепетать передъ собой четыре милліона людей, не рѣшатся на самую безумную попытку, хотя бы она и не имѣла никакихъ шансовъ успѣха? Эти юноши избалованы удачей; они самодержавно распоряжаются и властвуютъ подъ рукой законнаго правительства; имъ все сходитъ съ рукъ, передъ ними все преклоняется. Чѣмъ смѣлѣе и дерзче они дѣйствовали, тѣмъ до сихъ поръ лучше шли ихъ дѣла. Выпустятъ ли они изъ своихъ рукъ то оружіе, которое имъ такъ хорошо служило? Вѣдь не заслуги передъ отечествомъ, не высокія дарованія доставили имъ власть. Они всѣмъ обязаны своей дерзости и тому что окружающая среда пассовала передъ ними. Неужели они упустятъ теперь время для самаго дерзкаго дѣла, какое только можетъ представиться ихъ разстроенному воображенію?

Стыдно говорить о томъ, что намъ приходится выводить арміи противъ движенія, во главѣ котораго стоятъ недоучившіяся дѣти. Но страна, на которую эти дѣти наводятъ страхъ и ужасъ, глубоко деморализована, и мы же сами не умѣли поднять ея нравственность. Всеобщее нравственное растлѣніе, о которомъ такъ вѣрно и честно говорилъ Минишевскій, есть та арена, на которой дѣйствуетъ терроръ, а въ странѣ деморализованной всякій ребенокъ можетъ все сдѣлать посредствомъ террора. Нельзя не сожалѣть о томъ развитіи, которое получила революція въ Польшѣ, благодаря своей безпримѣрной обстановкѣ, благодаря тому, что ея паны, ея администраторы и судьи, наконецъ ея епископы подчиняются власти учениковъ Главной Школы; нельзя не видѣть въ этомъ развитіи явнаго доказательства несостоятельности польской революціи и совершенной невозможности того чтобъ она когда-нибудь достигла своей цѣли; нельзя не сострадать несчастію націи, такъ печально оканчивающей свое политическое существованіе. Но съ другой стороны нельзя не видѣть, что теперешніе подпольные властители Польши не пожалѣютъ ни своей родины, ни своего народа, и замѣчая серіозный поворотъ дипломатическихъ переговоровъ, а также видя приближеніе холоднаго времени года, всячески позаботятся о томъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно шире полились потоки польской крови. Они захотятъ принудить этимъ Европу къ вмѣшательству въ польское дѣло; къ этому же будетъ побуждать ихъ польская эмиграція, а тѣ Поляки, у которыхъ есть что терять, будутъ молчать и рабски повиноваться. Поэтому нельзя, кажется, сомнѣваться что въ Царствѣ Польскомъ предстоитъ серіозный взрывъ. Его исходъ легко предвидѣть. Наша армія имѣетъ и нравственныя силы, и матеріяльную возможность исполнить свой долгъ. Чѣмъ быстрѣе и рѣшительнѣе будетъ онъ исполненъ, тѣмъ меньше прольется драгоцѣнной крови. Но мы должны помнить, что эта побѣда надъ открытымъ возстаніемъ, руководимымъ самыми неопытными изъ людей когда-либо дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ, будетъ событіемъ, съ котораго только начнется разрѣшеніе настоящаго польскаго вопроса. Этотъ вопросъ не теряетъ своей первостепенной важности для Россіи, вслѣдствіе того что

управленіе польскимъ возстаніемъ попало теперь въ руки совершенно ничтожныхъ людей. Онъ все-таки остается не только польскимъ, но и русскимъ вопросомъ, и для своего разрѣшенія требуетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ силъ русскаго народа. На полѣ битвы, нашей арміи легко поразить польское возстаніе, но эта побѣда сама по себѣ будетъ мало значить; она только возвратитъ дѣла въ то положеніе, изъ котораго возникло нынѣшнее возстаніе, и которое можетъ въ послѣдствіи повести къ новому возстанію, если не измѣнится въ своемъ существѣ отношеніе Россіи къ Польшѣ. Задача предстоящая къ рѣшенію есть не одно подавленіе возстанія, а нравственная борьба съ деморализаціей польскаго общества, борьба, которую можно вести только нравственными средствами.

Б.

Мы дописывали послѣднія строки нашей статьи, какъ изъ Симбирска пришла въ *Московскія Вѣдомости* слѣдующая телеграмма:

„СИМБИРСКЪ, 11-го іюля. Отъ дворянъ собравшихся въ городѣ Симбирскѣ 10-го іюля. Благодаримъ васъ за ваши статьи по польскому дѣлу, такъ вѣрно выражающія наши общія чувства. Губернскій предводитель Ермоловъ. Симбирскій уѣздный предводитель Языковъ. Сенгилѣевскій предводитель В. Бабкинъ. Сызранскій предводитель В. Насакинъ. Корсунскій предводитель Дмитрій Безстужевъ. Алатырскій предводитель дворянства Поповъ. Ардатовскій предводитель дворянства Потемкинъ. Курмышскій предводитель дворянства Пазухинъ. Буинскій предводитель дворянства Пятницкій.“ За тѣмъ слѣдуютъ подписи дворянъ.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму мы отправляемъ въ Симбирскъ слѣдующія строки:

„Наши статьи были бы ничтожнымъ словомъ безъ сочувствія общества. Только какъ выраженіе общаго чувства онѣ и могутъ имѣть значеніе. Вы, лучшіе люди Русской земли, вы, въ комъ живетъ ея гражданскій духъ, вы сослужившіе ей великую государственную службу и призываемые къ новой еще болѣе значительной и славной, вы, представители Русской земли, вы создаете общественное мнѣніе, вамъ вся честь и слава. Сочувствіе согражданъ есть великая награда, и мы принимаемъ ее отъ васъ благодарно и радостно. Но ваше заявленіе—несравненно больше чѣмъ личная награда. Заявленіе ваше свидѣтельствуетъ о настроеніи благороднѣйшей части русскаго общества; заявленіе ваше есть сила, оно обязываетъ, оно направляетъ, оно указываетъ путь. Ваше заявленіе значитъ: да здравствуетъ Царь Русской Земли, да пребудетъ нерушимо ея единство, да процвѣтаетъ она, великая, могущественная и свободная.“

№ 153.

Москва, 12-го іюля.

Иностранныя газеты начали приносить намъ извѣстія о впечатлѣніи, которое производятъ во Франціи и Австріи отвѣтныя депеши русскаго правительства. Поскольку это впечатлѣніе высказывается, оно неблагопріятно этимъ депешамъ. Ими не довольны, на нихъ даже сердятся. Иначе и быть не могло. Французская дипломатія понесла ударъ, вполнѣ заслуженный ею: удивляться ли, что это не нравится французской журналистикѣ? Приходится либо сознаться въ своей ошибкѣ,—а это никому такъ не трудно какъ французскому правительству,—либо рѣшиться на серіозныя жертвы и на серіозный рискъ, приготовляться къ войнѣ съ Россіей, и такъ какъ Франція, при однихъ своихъ средствахъ, была бы рѣшительно не въ силахъ вести большую войну съ Россіей, то совершенно подчиниться англійской политикѣ и отдаться безусловно во власть лорда Пальмерстона. И то и другое тяжело для Франціи,—второе можетъ-быть еще тяжеле чѣмъ первое. Какъ же тутъ не сердиться?

Австрія, совершенно напротивъ, должна быть внутренно очень довольна нашими отвѣтами, но она принуждена показывать видъ, что остается при своемъ мнѣніи на счетъ спасительности шести пунктовъ. Особенность ея положенія въ Европѣ состоитъ въ томъ что она обречена на политику двуличія. Она не имѣетъ внутренняго единства, она держится не внутреннею силой, а силой внѣшнихъ обстоятельствъ. Она принуждена лавировать: она не можетъ ходить прямыми путями. Ея вліяніе на европейскія дѣла постоянно возбуждало всеобщія антипатіи. Она не очень затруднялась этими антипатіями, пока опиралась на поддержку Россіи. Но послѣ то-

го какъ она сочла за лучшее измѣнить намъ, она можетъ возлагать свои надежды только на Англію, которая дѣйствительно заинтересована въ существованіи Австріи, но, какъ показала италіянская война, отнюдь не намѣрена ограждать Австрію съ тѣмъ самоотверженіемъ, которымъ провинилась Россія въ венгерскомъ дѣлѣ. Нельзя не радоваться, даже безъ чувства мести, тому, что за свою политику во время восточной войны Австрія поплатилась Ломбардіей. Въ этомъ случаѣ пораженіе, совершенно заслуженное Австріей, повело къ устройству на Апеннинскомъ полуостровѣ довольно сильнаго государства, способнаго въ извѣстной степени къ политической самостоятельности, не имѣющаго нужды въ вассальномъ подчиненіи ни одному изъ своихъ сосѣдей и въ то же время призваннаго къ борьбѣ съ свѣтскою властью папы. Всѣ эти выгоды, доставляемыя европейской политической системѣ объединеніемъ Италіи, заставляютъ, говоримъ, радоваться пораженію на военномъ и на дипломатическомъ полѣ, нанесенному Австріи геніальною политикой графа Кавура. Австрія измѣнила съ тѣхъ поръ свой характеръ; она начала искать опоры своего существованія въ большей справедливости къ своимъ народамъ. На этомъ пути она стяжала много успѣховъ; она дѣйствительно возродилась къ новой жизни; она возстановила свое политическое значеніе скорѣе чѣмъ можно было ожидать. Она спаслась отъ распаденія, казавшагося неминуемымъ, и удачно вывертывается изъ безчисленныхъ затрудненій, заключающихся въ искусственномъ составѣ ея государственной территоріи. Но тѣмъ не менѣе искусственность этого состава остается въ своей силѣ, и какъ ни велики были удачи управленія г. Шмерлинга, финансы Австріи еще не поправились, и она еще обременена дефицитомъ, а той силы патріотизма, при которой никакой дефицитъ не страшенъ, нѣтъ и быть не можетъ въ австрійскихъ народахъ. Поэтому для Австріи нѣтъ большей пагубы какъ война съ Россіей, и она, конечно, никогда не рѣшится на нее. Она не можетъ пойдти противъ насъ дальше того нейтралитета, которымъ она угостила Россію во время восточной войны. Это не подлежитъ сомнѣнію, и будетъ ли война между нами и Австріей, это зависитъ не отъ Австріи, а отъ насъ. Но съ другой стороны, интересъ Австріи, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы не доводя дѣло до войны, по возможности затруднять насъ польскимъ вопросомъ. Австріи выгодно имѣть въ западной части Россіи довольно значительные элементы принужденные искать поддержки себѣ въ Австріи; ей выгодно также направить изъ Галиціи существующіе тамъ горючіе элементы на Россію. Наконецъ, Австріи вообще выгодно все то что̀ ослабляетъ Россію, которой она опасается не только на Востокѣ, но и въ своихъ предѣлахъ. Поэтому нечего будетъ удивляться, если Австрія найдетъ нужнымъ лавировать между Россіей и западными державами, пока это лавированіе не будетъ непремѣнно вести къ войнѣ. Вотъ почему рѣшительный тонъ депешъ князя Горчакова ставитъ Россію въ самое выгодное положеніе, какое только возможно для насъ: онъ очень затруднятъ ту политику двуличія, на которую, какъ мы сказали, Австрія обречена своимъ политическимъ положеніемъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже замѣтку *Journal de St.-Pétersbourg* по поводу похвалъ которыми графъ Россель въ палатѣ лордовъ наградилъ Австрію. Всякій безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться въ справедливости этой замѣтки. Графъ Россель говоритъ, что Поляки, находящіеся подъ скипетромъ Австріи, совершенно довольны своимъ политическимъ положеніемъ, но самъ же онъ, въ той же самой рѣчи, распространяется о польскихъ притязаніяхъ клонящихся къ возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года, то-есть къ отторженію Галиціи отъ Австріи. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что польскіе подданные австрійскаго императора вовсе недовольны своимъ теперешнимъ политическимъ положеніемъ? Графъ Россель не одобряетъ безумныхъ притязаній польскаго мятежа; именно потому графъ Россель и находитъ, что Англія не можетъ помогать Польшѣ вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же продолжать дипломатическое вмѣшательство, которое поддерживаетъ въ Полякахъ несбыточныя надежды? Въ своемъ заступничествѣ за Поляковъ Англія зашла, правда, такъ далеко, что ей было бы неблаговидно совсѣмъ бросить ихъ. Но ея министръ, строго порицая польскія притязанія, восхваляетъ Австрію за ея образъ дѣйствій относительно ея польскихъ подданныхъ. *Journal de St.-Pétersbourg* отвѣчаетъ ему,

что все то чѣмъ, по увѣренію благороднаго лорда, такъ довольны польскіе подданные австрійскаго императора, можетъ быть дано Полякамъ, находящимся подъ русскимъ скипетромъ, если только иностранныя державы не будутъ поддерживать въ нихъ фальшивую надежду на то, что никто не въ силахъ дать имъ. Не значило ли бы оказать истинную услугу Полякамъ, если бы Англія, имѣя въ виду такое расположеніе Россіи, прямо отреклась отъ того двусмысленнаго положенія, которое заняла она по польскому вопросу и благодаря которому Поляки сдѣлались недоступны голосу разума? Не грѣхъ ли будетъ теперь поощрять Поляковъ къ мятежу, смотрѣть сквозь пальцы на неистовства, совершаемыя ихъ подземнымъ правительствомъ, и въ то же время препятствовать Россіи въ ея намѣреніяхъ дать Полякамъ именно то, чѣмъ, по мнѣнію Англіи, они должны быть довольны? Ошибка Поляковъ въ томъ, что они слишкомъ преувеличиваютъ могущество Наполеона III. Они не хотятъ вѣрить, чтобъ онъ не могъ сдѣлать ни одного важнаго шага въ польскомъ дѣлѣ безъ согласія Англіи. На Англію стало-быть падетъ вся вина, если она не захочетъ разубѣдить Польшу въ этомъ заблужденіи, пока еще есть время, пока еще отъ человѣческой воли зависитъ спасти эту несчастную страну отъ окончательной гибели. Или въ самомъ дѣлѣ вѣритъ лордъ Россель нелѣпымъ сказкамъ объ ужасахъ, будто бы производимыхъ и замышляемыхъ Русскими, и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что на благія намѣренія Императора Россіи нельзя положиться? Неужели вся эта политика, безжалостно губящая Польшу, основана только на одномъ недоразумѣніи?

№ 154.

Москва, 13-го іюля.

А.

Франкфуртская газета *L'Europe* обнародовала на дняхъ письмо папы Пія IX къ Императору Александру II, отъ 22-го апрѣля нынѣшняго года, по поводу польскихъ событій. Подлинность этого письма признается всѣми журналами Европы, въ томъ числѣ и *Mémorial Diplomatique*, который, по связямъ своимъ съ офиціальными сферами во Франціи и Австріи, имѣлъ возможность узнать истину. Подлинникъ, говорятъ, написанъ былъ по-итальянски, съ приложеніемъ французскаго перевода; *L'Europe* сообщаетъ французскій переводъ уже съ русскаго перевода. При такихъ многократныхъ переложеніяхъ съ одного языка на другой, могъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ самый тонъ письма; но сущность дѣла осталась, конечно, безъ измѣненія, а въ ней-то и заключается вся важность.

Тонъ письма папы въ высшей степени благоволительный и благоувѣтливый. Папа „еще разъ возобновляетъ свои прошенія и моленія“ къ нашему Государю Императору, „движимый столько же участіемъ къ Его Величеству и къ благоденствію и спокойствію его имперіи, сколько и любовью къ храброй и доблестной польской націи“, и почитая для себя за особое несчастіе предстать предъ неумолимый судъ Всевышняго, еслибы не исполнилъ этого своего долга. Онъ имѣетъ въ виду призвать благосклонное вниманіе Императора Александра II къ главнымъ причинамъ нынѣшнихъ смутъ и подать свое мнѣніе о дѣйствительнѣйшихъ и скорѣйшихъ средствахъ къ возвращенію мира и спокойствія польскимъ душамъ. Нечего и говорить, что причины эти, по мнѣнію папы, заключаются въ притѣсненіяхъ, которымъ будто бы непрестанно подвергались и подвергаются у насъ католики и уніаты, и что дѣйствительнѣйшее и скорѣйшее средство къ исцѣленію зла, папа находитъ въ дарованіи латинству въ Имперіи Россійской и въ Царствѣ Польскомъ особыхъ правъ и преимуществъ.

„Достаточно, говоритъ папа, обратить вниманіе Вашего Величества на подлинные документы, которые появлялись отъ времени до времени въ царствованіе Вашихъ предшественниковъ, и которые ежеминутно напоминаютъ о конфискаціи имуществъ католическаго духовенства, о закрытіи многочисленныхъ монастырей обоего пола, о законахъ направленныхъ противъ власти епископовъ и противныхъ правиламъ церковной дисциплины, о строгихъ наказаніяхъ, грозящихъ распространителямъ католицизма, о стараніяхъ, нерѣдко и съ помощью насилія, склонить милліоны Русиновъ къ отреченію отъ вѣры ихъ отцовъ, о закрытіи значительнаго числа католическихъ храмовъ и отдачѣ ихъ иновѣрцамъ (то-есть, православнымъ), объ обязательствѣ воспи-

тывать въ господствующей, греко-россійской, вѣрѣ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ (между католиками и православными), о запрещеніи сношеній съ Римскою куріей, и т. д., тогда какъ въ двухъ трактатахъ, заключенныхъ императрицею Екатериной II съ королевствомъ Польскимъ, въ Варшавѣ 18 сент. 1773 г. и въ Гродно 13 іюля 1793 г., она торжественно обязывалась за себя и за своихъ преемниковъ сохранить за католиками присоединенныхъ къ Россіи въ силу этихъ трактатовъ областей всѣ права и преимущества и не совершить ни одного акта въ ущербъ римско-католической религіи."

Далѣе папа говоритъ, что съ начала возмущеній въ Польшѣ его предшественники не переставали съ одной стороны внушать духъ покорности къ императорамъ, а съ другой—склонять ихъ на милость и на покровительство католической религіи, пользуясь для этого особенно торжественными случаями, какъ напримѣръ восшествіемъ на престолъ новыхъ государей. Такъ, и при вступленіи на царство Императора Александра II, папа Пій IX отправилъ съ этою же цѣлью своего чрезвычайнаго посла, кардинала Киджи. И послѣ того онъ не разъ возобновлялъ свои ходатайства о допущеніи къ Русскому двору его представителя. „Впрочемъ недавно еще, продолжаетъ папа, мы были истинно обрадованы извѣстіемъ, которое сообщилъ намъ представитель Вашего Величества въ Римѣ, что теперь уже не существуетъ препятствія къ отправленію нашего нунція къ Императорско-Россійскому двору. Признательные за этотъ торжественный актъ справедливости и радуясь при мысли о выгодахъ, которыя проистекли бы для дѣла католической религіи во владѣніяхъ Вашего Величества отъ событія, столь желаннаго для насъ и для нашихъ предшественниковъ, мы уже снабдили вѣрительными грамотами особу, назначенную нами для такой высокой и важной миссіи. Но каковы же были наша скорбь и удивленіе, когда на сообщенія наши правительство Вашего Величества объявило, что слѣдуетъ почитать существующими во всей ихъ силѣ законы и предписанія, которые подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній запрещаютъ сношенія епископовъ и мірянъ съ представителями папскаго престола! Но вмѣсто устраненія этого препятствія тѣ же самые законы относительно сношеній католиковъ съ папскимъ престоломъ, были повторены и развиты въ новомъ указѣ, данномъ въ Петербургѣ 8-го янв. 1862 г."

Сверхъ того папа жалуется еще на то, что его просьбы, и между прочимъ письмо отъ 31-го января 1859 г. о возобновленіи переговоровъ по тѣмъ пунктамъ, которые остались нерѣшеными и рѣшеніе которыхъ предоставлено конкордатомъ 1847 г. будущему времени, до сихъ поръ остаются безъ всякаго отвѣта, а напечатанный въ журналахъ докладъ особой по этому предмету коммиссіи, даже и не обѣщаетъ благопріятнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Таковы жалобы и неудовольствія святѣйшаго отца, а вотъ и выводъ связывающій предметы жалобъ съ нынѣшними смутами:

„Ограничивая одно за другимъ права церкви (римско-католической), отнимая у духовенства его имущества и его льготы, распространяя въ народѣ просвѣщеніе посредствомъ гимназій и университетовъ, въ которыхъ преподаваніе отличается вреднымъ направленіемъ, присвоивая правительственнымъ коммиссіямъ власть и право суда, принадлежащія по божественному праву римскому первосвященнику и епископамъ, препятствуя монашествующимъ быть въ перепискѣ съ ихъ епископами и допускать ихъ посѣщеніе, и особенно воздвигая стѣну, отдѣляющую стадо отъ всеобщаго пастыря (папы), нельзя удивляться, что отъ того страдаетъ святость религіи, что внушаемыя ею правила покорности и повиновенія не могли глубоко вкорениться въ сердцахъ, что служители алтаря начали отступаться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что нѣкоторые изъ членовъ бѣлаго или монашествующаго духовенства даже преступили свои обязанности и приняли участіе въ дѣйствіяхъ, противныхъ ихъ званію и ихъ священному характеру."

Папа рѣшительно не одобряетъ духовенства, которое принимаетъ участіе въ политическихъ смутахъ и дѣйствуетъ оружіемъ противъ правительственной власти; но источникъ такого зла онъ находитъ въ упущеніяхъ со стороны Россіи, и къ пресѣченію его предлагаетъ слѣдующія средства:

„Пусть, говоритъ онъ, нашей апостольской власти будетъ возвращено благотворное ея вліяніе на вашихъ католическихъ подданныхъ, пусть епископы будутъ свободны въ отправленіи ихъ власти согласно съ каноническимъ правомъ, пусть духо-

венству возвращено будетъ вліяніе на обученіе и направленіе народа; пусть монашествующіе вполнѣ (или, вѣрнѣе было бы сказать, исключительно) зависятъ отъ своихъ начальниковъ; пусть вѣрнымъ дарована будетъ свобода исповѣдывать католическую религію, и тогда Ваше Величество убѣдитесь, что главными причинами постоянныхъ политическихъ волненій Польши были религіозное угнетеніе, смущеніе совѣсти, упадокъ духовенства, уничиженіе святыхъ пастырей, распространеніе противныхъ религіи правилъ и ученій."

Дѣйствительно, видя совершенное нравственное безсиліе большинства польскаго населенія противъ происковъ и системы устрашенія самыхъ ничтожныхъ и самыхъ безумныхъ вождей нынѣшняго возстанія, зная, какое важное участіе въ немъ принадлежитъ католическому духовенству, установившему своимъ авторитетомъ повсемѣстный политическій трауръ между Поляками, открывшему храмы для пѣнія революціонныхъ гимновъ, закрывшему ихъ, когда законныя власти обнаружили серіозное намѣреніе не терпѣть болѣе такихъ безпорядковъ, явно проповѣдывавшему возмущеніе съ церковныхъ каѳедръ, участвовавшему съ оружіемъ въ рукахъ въ кровопролитіяхъ и даже вербовавшему вооруженныя шайки и предводительствовавшему ими, видя всѣ эти его преступленія и безчисленныя другія козни, нельзя не согласиться съ святѣйшимъ отцомъ, что польское католическое духовенство находится въ состояніи глубокаго упадка и что именно въ немъ, въ этомъ недостойномъ своего званія духовенствѣ, заключается главнѣйшимъ образомъ корень всего зла. Дѣло польскаго возстанія, дѣйствительно, есть дѣло католицизма или, какъ нашъ народъ привыкъ называть его, есть дѣло латинства, и всякій успѣхъ, всякое торжество польскихъ притязаній были бы успѣхомъ и торжествомъ латинства. Однимъ изъ доказательствъ тому служитъ необыкновенная ревность къ польскому дѣлу со стороны французской клерикальной партіи, обыкновенно очень враждебной къ дѣлу національной или политической свободы. И въ самой Англіи въ пользу Поляковъ ратуютъ преимущественно католики изъ Ирландіи, въ родѣ г. Попа Геннесси. Интересы польскаго возстанія отождествляются такимъ образомъ съ общими интересами католицизма, и если представитель этихъ интересовъ, римскій папа, обращаетъ рѣчь къ нашему Государю, и будто бы въ интересахъ Россіи предлагаетъ средства къ устраненію самой причины смутъ, то мы можемъ заранѣе быть увѣрены, что онъ имѣетъ въ виду только интересы воинствующей латинской церкви, торжество которой надъ православіемъ, въ древнемъ достояніи Россіи, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ, въ Подоліи и Волыни, а пожалуй и въ самомъ Кіевѣ, было бы вполнѣ упрочено торжествомъ польскихъ притязаній. И дѣйствительно, то что онъ предлагаетъ Россіи самымъ благоувѣтливымъ образомъ, и какъ будто бы въ собственныхъ ея интересахъ, есть не болѣе, и не менѣе какъ отреченіе ея отъ православія во всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ ея.

Между частыми политическими волненіями въ Польшѣ и католицизмомъ есть, дѣйствительно, внутреннее соотношеніе; но не въ томъ положеніи, въ какое поставленъ католицизмъ во владѣніяхъ Русскаго Императора, а въ самой натурѣ католицизма должно искать причины зла; неблагопріятное же внѣшнее его положеніе въ настоящее время не только въ Россіи и въ Польшѣ, но и въ цѣломъ мірѣ, за исключеніемъ, можетъ-быть, Испаніи и Австріи, само проистекаетъ изъ его натуры и изъ необходимости для каждаго государства, безъ исключенія, защищать свои интересы, интересы своихъ народовъ, отъ чрезмѣрно-властолюбивыхъ притязаній Латинской церкви.

Бо́льшая часть жалобъ, изложенныхъ въ письмѣ папы, фактически вѣрны. Дѣйствительно, не разъ обращаемы были въ казну церковныя имущества католиковъ; дѣйствительно были закрыты очень многіе католическіе монастыри, мужскіе и женскіе, а прочіе какъ относительно пріема поступающихъ въ нихъ лицъ, такъ и соблюденія порядка, подчинены отчасти надзору свѣтскаго начальства, что и разумѣетъ повидимому папа, выражая желаніе, чтобы монашествующіе зависѣли только отъ ихъ духовнаго начальства; дѣйствительно, ни папскій нунцій, ни прямыя сношенія между католиками и папою не допускаются въ Россіи, и народное просвѣщеніе въ западномъ краѣ Россіи, а отчасти, въ Польшѣ, не отдано въ руки католическаго духовенства. Но во всѣхъ этихъ жалобахъ папы нѣтъ ни одной, которую онъ не могъ бы обратить, и дѣйствительно не обращалъ бы, при случаѣ, къ любому изъ европейскихъ

государствъ, не исключая даже и государствъ католическихъ, какъ напримѣръ: Франція, Италія, Бельгія и т. д. Обстоятельства и условія, при которыхъ были приняты многія изъ этихъ мѣръ въ Россіи, свидѣтельствуютъ даже о мягкости и внимательности нашего правительства къ нуждамъ католической церкви. Такъ указомъ императора Николая I отъ 12-го декабря 1841 г. почти всѣ недвижимыя населенныя имущества, принадлежавшія католическому духовенству въ западныхъ губерніяхъ были, правда, обращены въ государственныя имущества, но тѣмъ же указомъ объявлено было, что не только вся сумма доходовъ съ этихъ имуществъ должна быть употреблена на содержаніе духовенства, а еще должна быть пріумножена доходами съ имуществъ, прежде того обращенныхъ въ казну, вслѣдствіе революціи въ 1831 г. Если 4 февр. 1832 г. состоялся указъ о закрытіи многихъ католическихъ монастырей въ Литвѣ и юго-западномъ краѣ, то мѣра эта вызвана была настоятельною необходимостью и вниманіемъ къ пользамъ самой католической церкви. Число монастырей, простиравшееся до 800, было внѣ всякой соразмѣрности съ числомъ католическаго населенія, которое тогда доходило до 2.500.000 ч., такъ что съ небольшимъ на каждыя три тысячи душъ обоего пола приходилось по одному монастырю, и во многихъ изъ нихъ не было и 10 и даже 8 монаховъ, при чемъ не могло быть ни надлежащаго надзора, ни достаточныхъ средствъ для поддержанія строеній. Да еще и самъ папа Бенедиктъ XIV въ буллѣ 1744 г. предписывалъ закрывать такіе малолюдные монастыри, такъ что во всякомъ случаѣ отдаленный преемникъ его, папа Пій IX, не имѣетъ права жаловаться на эту мѣру. Прямыя сношенія папы съ его католическою паствой не допускаются и въ совершенно-католическихъ странахъ, какъ напримѣръ, въ Италіи, гдѣ папскія буллы и распоряженія римской куріи проходятъ напередъ чрезъ руки королевскихъ прокуроровъ, и во Франціи, гдѣ свѣтская власть также зорко слѣдитъ и надзираетъ какъ за сношеніями съ Римомъ, такъ и за всѣми дѣйствіями духовныхъ лицъ. Словомъ, изъ всѣхъ жалобъ папы Пія IX только одна спеціально относится къ Россіи,—жалоба на возсоединеніе уніатовъ съ православною греко-россійскою церковью, совершившееся въ промежутокъ времени отъ 1834 г. по 1840 г. Это былъ дѣйствительно тяжкій ударъ для римско-католическаго властолюбія но ударъ тѣмъ болѣе законный, что имъ были только отражены завоевательныя интриги латинства, породившія въ XVII столѣтіи унію, и возстановлены были старинныя права русскаго православія и русской народности. Образъ дѣйствій сельскаго люда въ настоящее время служитъ лучшимъ доказательствомъ, что это возсоединеніе не было мѣрою насильственною, которая была бы противна его чувствамъ и оттолкнула бы его отъ правительства.

И въ католическихъ, и особенно въ протестантскихъ странахъ католицизмъ подвергался и до сихъ поръ подлежитъ такимъ же если не бо́льшимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ какъ въ Россіи и въ связанной съ нею Польшѣ. И однако же несомнѣнно, что эта сила оказывается болѣе враждебною для Россіи чѣмъ гдѣ бы то ни было. Причина заключается въ томъ, что въ католическихъ странахъ, освободившихся изъ-подъ исключительнаго господства римской іерархіи, послѣдняя сохраняетъ еще надежду достигнуть своихъ цѣлей и имѣетъ для этого въ своемъ распоряженіи множество мирныхъ способовъ, заключающихся въ различнаго рода козняхъ и уловкахъ, съ помощію которыхъ ей удалось, напримѣръ, въ 1853 г. подчинить Австрію несовмѣстимому съ правильнымъ и свободнымъ развитіемъ государства конкордату. Въ протестантскихъ странахъ, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ совершенно-враждебнымъ ей началомъ свободнаго изслѣдованія вопросовъ вѣры, она уже принуждена была почти отказаться отъ своихъ притязаній, или по крайней мѣрѣ облечь ихъ въ другія формы, вызвать въ самомъ протестантскомъ мірѣ явленія, болѣе или менѣе подходящія къ католицизму. Но на рубежѣ между міромъ католическимъ и областью греко-россійскаго православія, въ Польшѣ и въ нѣкогда польскихъ областяхъ Россіи, властолюбивая римская іерархія встрѣчается съ церковью, которая вовсе не враждебна ей по основнымъ своимъ началамъ, съ которою ей кажется очень легко справиться, и которая однакоже при всемъ своемъ миролюбіи и смиреніи выдерживаетъ съ большимъ успѣхомъ сильный напоръ ея и даже въ 1834—40 гг. одержала рѣшительный верхъ надъ нею. Кажущееся внѣшнее безсиліе греко-россійской церкви и подчинен-

ное ея положеніе естественно питаютъ завоевательныя стремленія въ католицизмѣ, и онъ тѣмъ больше чувствуетъ раздраженія при своихъ неудачахъ, чѣмъ вѣрнѣе казалась побѣда. Отъ самой Россіи, отъ нравственнаго возрожденія ея духовенства, отъ усиленія національнаго направленія въ ея политикѣ зависитъ не питать въ немъ напрасныхъ надеждъ и тѣмъ самымъ не возбуждать въ немъ все бо́льшаго и бо́льшаго раздраженія.

Какъ ни скромны повидимому желанія папы, высказанныя въ письмѣ его отъ 22-го апрѣля, Россія очевидно ни по одному изъ нихъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшей уступки. Папа желалъ бы, чтобъ его „апостольской власти было возвращено ея спасительное вліяніе на католическихъ подданныхъ Россіи“, то-есть, чтобы непосредственно или при посредствѣ папскаго нунція были установлены сношенія между католиками въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ и папскимъ престоломъ. Но именно потому что онъ считаетъ себя полновластнымъ и непогрѣшительнымъ владыкой всѣхъ католиковъ цѣлаго міра, это желаніе его и не можетъ быть исполнено. Дать ему непосредственную власть надъ католическими подданными Россіи значило бы открыть полный просторъ всякаго рода интригамъ: религіознымъ, направленнымъ противъ православія въ западномъ краѣ Россіи, и политическимъ, которыя папа какъ свѣтскій государь, въ интересахъ своего свѣтскаго владѣнія и въ угоду могущественнымъ католическимъ державамъ, сталъ бы направлять противъ внутренняго спокойствія и крѣпости Россіи. Если и теперь очень трудно совладать съ интригами и кознями польскаго духовенства, то что же было бы, если бы оно дѣйствовало прямо подъ сѣнью папскаго престола и подъ прикрытіемъ такой священной въ глазахъ католиковъ особы какъ папскій нунцій?

Государственный организмъ Англіи отличается крѣпостью, и церковь ея располагаетъ несравненно бо́льшими средствами внѣшними и внутренними, и однакоже Англія ничего не хочетъ знать ни о папскомъ нунціи, ни о прямыхъ сношеніяхъ ея католиковъ съ папою, хотя число католиковъ въ ней, и абсолютно, и относительно, гораздо больше чѣмъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ вмѣстѣ взятыхъ; мало того, до 1829 года она не признавала католиковъ полноправными гражданами, и только въ 1829 году надѣлила ихъ правами политическими, но и то не безъ нѣкоторыхъ ограниченій въ пользу учрежденной церкви.

Католическая церковь менѣе всего имѣетъ права говорить во имя разграниченія свѣтской и духовной властей, такъ какъ соединеніе ихъ между собою она сама воплощаетъ въ лицѣ своего главы—папы. Къ тому же, примѣнительно къ Россіи, съ какой бы стати во владѣніяхъ Русскаго Государя предоставлена была католической церкви бо́льшая независимость отъ свѣтской власти, чѣмъ православной церкви, церкви огромнаго большинства русскихъ подданныхъ? Католическое духовенство въ русскихъ владѣніяхъ, очевидно, не можетъ и не должно пользоваться бо́льшими правами и бо́льшими преимуществами чѣмъ духовенство православное, даже и въ томъ случаѣ если бы оно стало совершенно національнымъ, то-есть, не примыкало бы къ общей организаціи католическаго міра и не вѣнчалось бы общимъ его главою, который есть въ то же время и иностранный государь. А при такихъ условіяхъ естественно было бы даже, чтобъ оно подлежало бо́льшимъ ограниченіямъ, такъ какъ иначе при завоевательныхъ его стремленіяхъ и при средствахъ, которыя оно можетъ почерпать въ общей организаціи католическаго міра, православное духовенство, даже при совершенной равноправности, находилось бы въ менѣе благопріятномъ положеніи чѣмъ духовенство католическое. Съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на высказанныя папою желанія, чтобъ епископы были свободны въ отправленіи своей власти согласно съ каноническимъ правомъ, чтобы народное обученіе было въ рукахъ католическаго духовенства, чтобы монашествующіе подлежали только надзору своихъ духовныхъ начальниковъ, и т. д.

Совершенно вѣрно замѣтилъ папа, что преподаваніе въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ ведется очень плохо и приноситъ по меньшей мѣрѣ столько же вреда, сколько пользы. Но это еще не значитъ, чтобъ его слѣдовало предоставить въ западномъ краѣ и въ самой Польшѣ католическому духовенству, и чтобы преподаваніе послѣдняго не оказалось еще болѣе вреднымъ для Россіи. Да и гдѣ же при томъ у насъ гимназіи и университеты, которые были бы въ завѣдываніи нашего духовенства и въ которыхъ оно имѣло бы въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ значительную часть

преподаванія? На наши гимназіи и наши университеты ни католикамъ, ни иновѣрцамъ нечего пенять: они не имѣютъ рѣшительно никакого вѣроисповѣднаго характера, чего никакъ нельзя сказать о гимназіяхъ и даже объ университетахъ всякой другой страны Европы. Вездѣ болѣе или менѣе преподаваніе всѣхъ предметовъ проникается религіознымъ характеромъ: за нашимъ же преподаваніемъ водится пожалуй что другое, только не это.

Наконецъ что касается до свободы исповѣдывать католическую религію, то безъ сомнѣнія папа разумѣетъ подъ именемъ ея свободу обращать православныхъ въ католицизмъ и свободу воспитывать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ католицизмѣ; но такъ какъ ни той, ни другой свободы самъ католицизмъ не признаетъ за другими вѣроисповѣданіями, то, очевидно, онъ не въ правѣ требовать ея и для себя.

Этотъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ католицизму имѣетъ существенную, жизненную важность для огражденія русской народности вездѣ, гдѣ она сталкивается съ польскою. Мы можемъ быть щедры и тороваты въ отношеніи ко всѣмъ разновѣрцамъ и иновѣрцамъ: къ старообрядцамъ, къ раскольникамъ, которыхъ ученіе безвредно относительно общественной нравственности, къ протестантамъ, къ Евреямъ. Отъ дарованія имъ равныхъ гражданскихъ правъ съ православными рѣшительно не будетъ ни малѣйшей опасности и ни малѣйшаго ущерба для православія, а будетъ не малая выгода для государства. Но въ отношеніи къ католикамъ, мы должны держать ухо востро: не надобно подвергать ихъ какому-либо внѣшнему гнету, отъ котораго Россія и прежде всегда воздерживалась, но въ интересахъ и господствующей церкви, и государства, и русской народности, мы не должны предоставлять католическому духовенству какихъ-либо правъ и преимуществъ, которыми на основаніи ли законовъ, или же фактически, по утвердившемуся обычаю, еще не пользуется православное духовенство. Кромѣ того не усиливать, а напротивъ ослаблять по возможности связи его съ Римомъ, вотъ что было бы настоящею политикой Россіи въ этомъ отношеніи, и мы съ радостію спѣшимъ передать нашимъ читателямъ найденное нами въ только-что полученномъ нумерѣ *Mémorial Diplomatique*, отъ 19-го іюля, извѣстіе, что въ отвѣтъ на письмо папы Государь Императоръ указалъ на невозможность, въ интересахъ Россіи и общаго государственнаго благосостоянія, даровать католической церкви бо́льшія права чѣмъ какими она пользуется теперь.

Б.

Morning Post, стращавшій Россію войною, пока не былъ извѣстенъ отвѣтъ князя Горчакова, теперь заговорилъ въ другомъ тонѣ. „Народы, сказано здѣсь, ведутъ войну или за свои интересы или за свою честь. Ни наши интересы, ни наша честь не замѣшаны въ польскомъ вопросѣ. Мы хотимъ отъ Россіи только соблюденія нарушенныхъ ею трактатовъ.“ Журналъ лорда Пальмерстона за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ какъ англійскій первый министръ долженъ былъ объясняться съ палатою, предостерегаетъ палату: „ни слова о войнѣ не должно быть произнесено въ ней.“ Гг. Гладстонъ, Кинглекъ и лордъ Пальмерстонъ говорили вечеромъ 20-го іюля противъ войны; въ пользу Польши были только гг. Геннесси и Горсманъ. Какая разница съ мартовскою демонстраціей въ палатѣ общинъ!

№ 155.

Москва, 15-го іюля.

Судя по телеграфическому извѣщенію о засѣданіи британской палаты общинъ 20-го іюля, можно было подумать что оно было нѣчто посеріознѣе театральнаго представленія. Можно было подумать, что политическіе мужи, засѣдающіе въ этой палатѣ, наконецъ поняли не только безплодность, но и положительный вредъ своихъ искусственныхъ демонстрацій. Телеграмма сообщила кратко, что фантастическое предложеніе г. Горсмана объ отмѣнѣ трактата 1815 года было взято назадъ, и что министры, оправдывая свою политику, еще разъ заявили, что Англія не имѣетъ намѣренія воевать. Такое заявленіе въ отвѣтъ на депеши князя Горчакова не могло не показаться и благоразумнымъ, и благопріятнымъ. Полный отчетъ о засѣданіи, принесенный газетами, потвердилъ въ этомъ отношеніи депешу; но за то и показалъ, что несчастное польское дѣло все еще служитъ предметомъ политическихъ фокусъ-покусовъ. Изъ отчета видно что засѣданіе 20-го іюля есть точно такая же сочинен-

ная демонстрація, какъ и первое приснопамятное засѣданіе по польскимъ дѣламъ, въ которомъ ораторствовалъ г. Геннесси. Разница только въ томъ, что теперь зачинщикомъ и главнымъ ораторомъ вышелъ другой болѣе эффектный членъ палаты, г. Горсманъ, the right honourable Mr. Horsman, а г. Геннесси занялъ второстепенную роль. Авторамъ комедіи стало небезызвѣстно, что краснорѣчіе ирландскаго паписта не производитъ должнаго впечатлѣнія тамъ гдѣ было бы желательно произвести его, и вотъ первенствующая роль поручена была другому артисту съ титуломъ высоковознесеннаго или высокопочтеннаго. Сверхъ того, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ самомъ составѣ комедіи, введены нѣкоторые новые мотивы и нѣкоторые новые персонажи; вообще были приняты нѣкоторыя мѣры, чтобы придать представленію бо́льшую въ сравненіи съ прежнимъ натуральность. Но отъ всѣхъ этихъ исправленій сущность комедіи не измѣнилась, комедія осталась комедіей, и мы смѣемъ увѣрить почтенныхъ и высокопочтенныхъ членовъ палаты общинъ, что демонстрація ихъ или не произведетъ никакого дѣйствія на общественное мнѣніе въ Россіи, или же произведетъ дѣйствіе противоположное тому, которое они могли имѣть въ виду. Жаль только, что всѣ эти политическіе фокусы слишкомъ дорого обходятся несчастной странѣ, которая служитъ имъ предметомъ, или вѣрнѣе жертвой. Правда, эти опытные и мудрые политики увѣрены про себя, что польскій народъ есть трупъ, и польская національность есть тѣнь, какъ выразилась газета *Times* въ послѣдней статьѣ своей, гдѣ она желала какъ можно выше поднять эту несчастную національность, которую недавно хоронила, а теперь возводитъ въ достоинство тѣни, смущающей живыхъ. Увѣренные въ томъ, что имѣютъ дѣло съ трупомъ и тѣнью, британскіе политики находятъ позволительнымъ не церемониться съ ними; трупу не больно и тѣни не больно; надъ трупомъ можно производить операціи; можно гальванизировать трупъ, и съ тѣнью можно дѣлать все что потребуется для разныхъ политическихъ соображеній; такъ вѣроятно, думаютъ эти мудрые политики, но они забываютъ, что и подъ умершею народностью живутъ живые люди,—такіе же люди, какъ и всякіе другіе,—и что политическія операціи и фокусъ-покусы обходятся дорого этимъ живымъ людямъ, что гальванизируя въ этихъ людяхъ умершую силу, вызывая въ нихъ сердцахъ и умахъ призракъ съ того свѣта, разшевеливая въ нихъ фантастическія притязанія, они губятъ ихъ, губятъ ихъ существеннѣйшіе интересы; производя свои гальваническіе опыты и забавляясь вызываніемъ духовъ, они терзаютъ цѣлыя народонаселенія, обливаютъ кровью цѣлыя области, разжигаютъ неудержимыя страсти и можетъ-быть готовятъ страшныя бѣдствія для цѣлой Европы. Есть предѣлъ, за который никакая игра не должна простираться. Но политики перехитрили. Не излишекъ запальчивости заставилъ ихъ забыть предѣлъ благоразумія, а излишекъ хитрости. Да, старая лиса, которая распоряжается всѣми этими демонстраціями, черезъ чуръ перехитрила, и какъ старость иногда сбивается на дѣтство, такъ и неразумная хитрость переходитъ въ наивность.

Англійскіе политическіе люди слишкомъ употребляютъ во зло средства, которыми они пользуются. Общественное мнѣніе есть существенный и необходимый элементъ политической жизни и политическаго устройства въ настоящее время. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы можно и должно быто употреблять во зло эту силу, и подъ ея именемъ разыгрывать комедію. Общественное мнѣніе есть элементъ необходимый; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все происходящее въ общественномъ мнѣніи было обязательно и заслуживало вниманія; очень многое, напротивъ, не заслуживаетъ ничего кромѣ негодованія и презрѣнія. Общественное мнѣніе есть мечъ обоюду-острый. Хитрые политики по ту сторону Британскаго Канала задумали воспользоваться противъ насъ этою готовою силой. Не тратясь, не жертвуя ничѣмъ, они хотятъ надѣлать много дѣлъ посредствомъ дешевыхъ демонстрацій общественнаго мнѣнія. Можетъ-быть имъ и удалось бы многое съ помощію этой силы, еслибъ они на этотъ разъ пользовались ею съ бо́льшимъ благоразуміемъ и осторожностію, и еслибъ они менѣе полагались на силу обмана и фокусъ-покуса, на ту силу, которая по англійски зовется *humbug*; и въ которой артистомъ первой степени слыветъ нынѣшній глава правительства Ея Британскаго Величества. Лорду Пальмерстону часто удавались его хитрыя штуки; но онѣ удавались ему потому что онъ умѣлъ искусно разчитывать обстоятельства, и зорко наблюдать противную партію, съ которою велъ игру. Такъ бы-

вало, но время беретъ свое: взоръ хитраго политика меркнетъ; онъ не видитъ съ кѣмъ играетъ, онъ не умѣетъ разбирать тѣ элементы, на которые свою игру разчитываетъ, и обманъ обнаруживается слишкомъ грубо и нагло. Онъ думаетъ, что затѣянное имъ дѣло можетъ быть слажено и покончено въ разобщенномъ и тѣсномъ кругу гдѣ можно подѣйствовать разными эффектами; распоряжаясь театральными представленіями общественнаго мнѣнія, онъ забылъ, что можетъ быть еще и неискусственное, неподдѣланное, несочиненное общественное мнѣніе, что область общественнаго мнѣнія велика, что она распространяется теперь повсюду, гдѣ приходятъ въ дѣйствіе живыя силы общества, хотя и не вездѣ съ одинаковою легкостію и удобствами можетъ заявлять себя; онъ забылъ, что есть сила народнаго чувства, и что эта сила, разъ затронутая, пріобрѣтаетъ непобѣдимую энергію и зоркость, предъ которою уничтожаются эффекты фокусъ-покусовъ и разсыпается въ прахъ хитросплетенная интрига. Эти фокусы, можетъ-быть, и удались бы въ обыкновенное время, при обыкновенныхъ условіяхъ; но ловкіе люди, затѣявшіе съ нами игру, забыли, что ими же самими вызвано неподдѣльное, а натуральное общественное мнѣніе въ странѣ, которая еще мало извѣстна политикамъ въ этомъ отношеніи, и что это общественное мнѣніе поддерживается всею силой народнаго чувства, которое не остановится ни предъ какими жертвами, ни предъ какими бѣдствіями, которое нельзя запугать никакими демонстраціями, нельзя сконфузить никакими глупо-либеральными, надутыми и безсмысленными фразами. Хитрые политики продолжаютъ игру не замѣчая перемѣны, не замѣчая появленія совершенно новыхъ и неожиданныхъ ими элементовъ, которыхъ значеніе еще не было ими взвѣшено. Еслибъ эти политики принимали сколько-нибудь серіозное участіе въ Полякахъ, то они поостереглись бы вызывать народныя страсти; они постарались бы получше изучить дѣло и не коснулись бы тѣхъ элементовъ, которыхъ касаться не слѣдуетъ, которыхъ касаться грѣшно; они сообразили бы, что касаясь этихъ элементовъ, они скопляютъ зло для тѣхъ самыхъ людей, за которыхъ будто бы ратуютъ, поступая съ ними въ сущности какъ злѣйшіе враги ихъ.

Г. Горсманъ могъ сколько ему угодно говорить объ отмѣнѣ Вѣнскаго трактата. Но ему не слѣдовало будить воспоминанія о старой Польшѣ и развивать нелѣпый планъ, надъ которымъ онъ самъ первый безъ сомнѣнія смѣется про себя, — планъ возстановленія Польши перваго раздѣла путемъ либерально-браннаго увѣщанія, которое должно заставить Австрію отказаться отъ Галиціи, Пруссію отъ Познани, а Россію отъ ея исконныхъ областей, заселенныхъ русскимъ народомъ, въ которомъ исчезаетъ численно-ничтожное польское меньшинство; ему не слѣдовало бы прибѣгать къ вычурнымъ фразамъ болѣе умѣстнымъ въ устахъ какого-нибудь г. Ледрю Роллена, нежели солиднаго политическаго человѣка, члена британскаго парламента. На кого могутъ подѣйствовать эти фразы? Неужели можно еще думать, что эти фразы могутъ теперь смутить кого-нибудь въ Россіи? Увы! онѣ могутъ подѣйствовать только на раздраженное воображеніе предводителей польскаго мятежа. Фантастическіе планы, предложенные г. Горсмановъ, осмѣянные въ томъ же самомъ засѣданіи палаты, безсмысленные и нелѣпые, могли быть высказаны единственно только съ тою цѣлію чтобъ еще болѣе замутить умы Поляковъ. Другой цѣли—выходки эти имѣть не могутъ; но достигая этой цѣли, онѣ производятъ еще и другое дѣйствіе: онѣ раздражаютъ народное движеніе въ Россіи. Всякій намекъ, даже болѣе тонкій и ловкій, на русскія области, можетъ непримиримо раздражать народное чувство, а тѣмъ болѣе грубая претензія распорядиться этими областями по произволу, будто бы какими-нибудь необитаемыми островами, открытыми Кукомъ въ океанѣ. Канцлеръ казначейства подивился отвагѣ г. Горсмана; онъ посмѣялся надъ его распоряженіями. Но нѣтъ сомнѣнія, что выходки г. Горсмана входили въ планъ демонстраціи; ихъ искусственная нелѣпость и грубость дала возможность главѣ кабинета коснуться того же предмета болѣе тонкимъ образомъ. Нелѣпый планъ г. Горсмана послужилъ фономъ, на которомъ тѣмъ рельефнѣе могла выступить мысль лорда Пальмерстона, о польской народности въ русскихъ губерніяхъ. Г. Горсманъ отвергаетъ обязательную силу Вѣнскаго трактата; но лордъ Пальмерстонъ, возражая своему высокопочтенному другу, находитъ, что Вѣнскій трактатъ предоставляетъ державамъ право вмѣшиваться не только въ устройство Царства Польскаго, но и всѣхъ тѣхъ областей, гдѣ проживаютъ польскіе люди.

Нѣсколько разъ въ этомъ разговорѣ произнесено было имя генерала Муравьева съ явною цѣлію произвести эффектъ въ Россіи. Но эти презрѣнныя выходки всѣми въ Россіи будутъ оцѣнены по достоинству; онѣ не поколеблютъ рѣшимости нашего правительства; онѣ не измѣнятъ принятой генераломъ Муравьевымъ системы, въ которой поддерживаетъ его всею своею силою общественное мнѣніе и народное чувство цѣлой Россіи. Генералъ Муравьевъ съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ исполняетъ свой долгъ предъ отечествомъ; какъ дай Богъ и другимъ исполнить его, какъ исполняли его и тѣ энергическіе дѣятели, которыми гордится Англія. Искусственныя демонстраціи могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только болѣе энергическія заявленія общественнаго мнѣнія въ Россіи. Чѣмъ болѣе враги наши будутъ ополчаться противъ тѣхъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые мужественно и твердо исполняютъ свой долгъ, тѣмъ болѣе цѣнить ихъ будетъ Россія, тѣмъ явственнѣе общественное мнѣніе въ ней будетъ различать твердый и честный образъ дѣйствій отъ дѣйствій двусмысленныхъ, слабодушныхъ и неблагонадежныхъ. Твердый и энергическій образъ дѣйствій предупреждаетъ кровопролитія и народныя бѣдствія; слабодушный или двусмысленный, подъ фальшивымъ титуломъ гуманнаго, вызываетъ и усиливаетъ ихъ. Англія изъ собственной исторіи знаетъ, какъ необходима въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываетъ строгая и непреклонная диктатура,—необходима не только въ видахъ политическихъ, но и въ видахъ человѣколюбія. Развѣ было бы лучше, еслибы генералъ Муравьевъ оставлялъ цѣлыя народонаселенія на жертву революціонной терроризаціи, смотрѣлъ сквозь пальцы на образованіе шаекъ и даже способствовалъ тому косвенными мѣрами, а потомъ посылалъ бить и истреблять людей насильно вовлеченныхъ въ мятежъ вслѣдствіе упущеній власти, не умѣвшей или не хотѣвшей оградить ихъ? Генералъ Муравьевъ налагаетъ контрибуцію на ту часть народонаселенія, которая принимаетъ явное участіе въ мятежѣ,—но развѣ это несправедливо? Развѣ справедливѣе заставлять платиться за мятежъ невинныя въ немъ населенія? Развѣ было бы лучше предоставлять подземному правительству право грабить мирныхъ жителей?

Читатели прочтутъ ниже, въ письмѣ нашего варшавскаго корреспондента о налогѣ, который революціонное правительство декретировало на этихъ дняхъ въ Царствѣ Польскомъ. Двадцать милліоновъ злотыхъ съ одной Варшавы! Неужели допущеніе такого грабежа будетъ дѣломъ филантропическимъ? Угрожаемый жандармами-вѣшателями, каждый житель Варшавы волею или неволею понесетъ свою лепту въ подземную кассу; но слѣдуетъ ли смотрѣть сквозь пальцы на такое „перенесеніе“ денегъ изъ обывательскихъ кармановъ въ революціонную кассу? Какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ, англійскій верховный коммиссаръ? Онъ безъ сомнѣнія постарался бы пресѣчь пути этимъ деньгамъ въ революціонную кассу; онъ нашелъ бы средство повернуть ихъ въ законную казну. Если революціонное правительство предписало налогъ съ города Варшавы въ двадцать милліоновъ злотыхъ, то онъ, пользуясь законными правами диктатуры, поспѣшилъ бы удвоить этотъ налогъ въ пользу законнаго правительства, и поддержалъ бы свое распоряженіе всею силой власти. И такая мѣра была бы столько же благоразумна, сколько и справедлива. Она поставила бы большинство жителей въ необходимость отказать въ платежѣ революціоннаго налога; она отняла бы средства у мятежа терзающаго страну; она усилила бы средства законнаго правительства, и избавила бы его отъ жестокой необходимости бить и истреблять шайки, на организацію которыхъ революціонное правительство собираетъ деньги.

Англія не хочетъ войны, мы это видимъ безъ увѣреній; въ этомъ сознается даже и энергическій г. Горсманъ, который надѣется совершить путемъ парламентскихъ демонстрацій то, для чего потребовалась бы страшная европейская война. Но послѣдствія всѣхъ этихъ комедій тѣмъ не менѣе могутъ быть самыя плачевныя, и война, которой англійскіе политики не хотятъ, война, которая противна ихъ интересамъ, можетъ тѣмъ не менѣе возгорѣться съ неудержимою силой, и тогда вся отвѣтственность за ея послѣдствія падаетъ на государственныхъ людей, которые забавляются теперь игрою въ демонстраціи. Всякій, кому извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ въ русскихъ областяхъ, о которыхъ съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ говорятъ теперь государственные люди въ Англіи, съ прискорбіемъ помышляетъ о несчастныхъ жертвахъ, которыя падутъ тамъ при первыхъ громахъ войны. Съ грустною,

но несомнѣнною увѣренностію можно сказать, что въ этихъ областяхъ, несмотря даже на всѣ усилія правительства, будетъ истреблено раздраженнымъ народомъ все что̀ носитъ польское имя. Этого ли хотятъ лорды Пальмерстоны и гг. Горсманы такъ легкомысленно касаясь этихъ областей, не справившись, какой народъ въ нихъ живетъ, и какія кровавыя преданія, какія непримиримыя воспоминанія живутъ въ этомъ народѣ, какимъ чувствомъ одушевленъ этотъ народъ ко всему что̀ отзывается польскимъ духомъ, ко всему что̀ носитъ польское имя?

№ 156.

Москва, 16-го іюля.

Въ *Журналѣ Путей Сообщенія* напечатаны интересныя свѣдѣнія о перевозкѣ грузовъ на судахъ и отправкѣ лѣсныхъ плотовъ по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ Имперіи въ 1862 году сравнительно съ 1861 годомъ. Эти свѣдѣнія даютъ поводъ къ важнымъ выводамъ, которые уже отчасти сдѣланы въ № 155 *Сѣверной Почты* съ большою внимательностію и статистическимъ талантомъ. Мы постараемся изложить эти выводы и привести ихъ въ связь съ общимъ ходомъ экономическихъ дѣлъ въ Россіи.

Въ прошломъ году внутреннее судоходство было менѣе дѣятельно чѣмъ въ 1861 году. Хотя число плотовъ возросло почти на 1500, но число судовъ уменьшилось на 4000 (въ 1861 двинуто было 58.091 судно и 61.719 плотовъ; въ 1862 — 54.088 судовъ и 63.198 плотовъ): измѣненіе неблагопріятное, похожее на столько же неблагопріятное измѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, которое повело къ уменьшенію посѣвовъ цѣннаго хлѣба, пшеницы, и увеличенію посѣвовъ овса. Соотвѣтственно этому неблагопріятному измѣненію понизилась и цѣна грузовъ почти на $3^1/_2$ милліона рублей (въ 1861 году было двинуто грузовъ на 170.076.778 рублей; въ 1862 году на 166.669.511 р.). *Журналъ Путей Сообщенія* объясняетъ эту разность между 1861 и 1862 годами слѣдующими обстоятельствами: вопервыхъ, господствовавшимъ въ 1862 году торговымъ застоемъ, который не могъ не отразиться и на судоходной промышленности; вовторыхъ, неудовлетворительнымъ урожаемъ и уборкой хлѣба въ нѣкоторыхъ изъ приволжскихъ губерній; въ третьихъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что съ устройствомъ Нижегородской желѣзной дороги, значительная часть ярмарочныхъ товаровъ отправлялась по этому пути; въ-четвертыхъ, тѣмъ, что отъ быстраго вскрытія рѣкъ Волги, Самары, Москвы и Оки нѣсколько сотъ зимовавшихъ въ разныхъ пунктахъ судовъ и плотовъ сорвано съ причаловъ и разбито, и въ пятыхъ, свирѣпствовавшими въ началѣ навигаціи, особенно съ 13 по 22 апрѣля бурями, которыя весьма затруднили весенній сплавъ, и на нижегородской пристани разбили нѣсколько десятковъ судовъ и плотовъ.

Но эти объясненія не выдерживаютъ строгой критики. Если бъ они были вѣрны, то надобно было бы ожидать уменьшенія судоходства преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, въ той полосѣ Россіи, центрами которой служатъ Москва и Нижній-Новгородъ. Въ этихъ мѣстахъ должно бы наиболѣе уменьшиться судоходство; въ остальной же Имперіи, уменьшеніе судоходства должно было бы распредѣлиться равномѣрно. Между тѣмъ изъ опубликованныхъ данныхъ мы видимъ совсѣмъ не то. Какъ ни сильно должно было подѣйствовать на судоходство этихъ мѣстъ открытіе движенія по Нижегородской и Коломенской дорогамъ, а равно и неурожай приволжскихъ губерній, главное уменьшеніе судоходства произошло не здѣсь, а по окраинамъ Европейской Россіи. Наибольшая цифра уменьшенія рѣчнаго сплава въ 1862 году относится къ западному и югозападному краю. Сплавъ по Днѣстру въ 1863 году уменьшился въ $2^1/_2$ раза противъ 1861 года (въ 1861 году судовъ 1.833, плотовъ 855, на сумму 1.531.635 р., въ 1862 году судовъ 665, плотовъ 789, на сумму 609.376 р.); за тѣмъ слѣдуютъ Днѣпръ и Западная Двина. Вообще въ западномъ и югозападномъ краѣ сплавъ уменьшился на 10%. Изъ остальныхъ водъ на окраинахъ Россіи сплавъ уменьшился по Ладожскому озеру и его системѣ на 1.450.000 р., то-есть на 22%, по Волхову и за-ильменскимъ рѣкамъ на 750 т. р., то-есть на 19%, по Дону съ притоками на 850 т. р., то-есть на 16%, по Камской системѣ (по которой идетъ китайская торговля) на 1.850.000 р., то-есть на 8%, по Нижней-Волгѣ на 781 т. р., то-есть, на 1%. Изъ внутреннихъ рѣкъ значительное уменьшеніе замѣчается собственно только на Москвѣ-рѣкѣ гдѣ

цѣнность сплава понизилась на 450 т. р., то-есть на 14%. Это уменьшеніе объясняется тѣми обстоятельствами, на которыя указываетъ *Журналъ Путей Сообщенія*; оно не ведетъ къ заключенію объ упадкѣ торговли или о торговомъ застоѣ. Если же исключить Москву-рѣку, то вообще на внутреннихъ водяныхъ сообщеніяхъ Россіи движеніе значительно усилилось, такъ что вообще нѣтъ никакого основанія говорить о застоѣ русской внутренней торговли. Если же исключить Москву-рѣку, то вообще на внутреннихъ водяныхъ сообщеніяхъ Россіи движеніе значительно усилилось, такъ что вообще нѣтъ никакого основанія говорить о застоѣ русской внутренней торговли. Еслибы былъ застой, онъ непремѣнно отразился бы на судоходствѣ, а мы видимъ изъ данныхъ опубликованныхъ въ *Журналѣ Путей Сообщенія*, что почти вездѣ гдѣ судоходство производится въ видахъ внутренней торговли, оно усилилось. Это такъ вѣрно, что даже по окраинамъ Россіи, гдѣ только судоходство имѣетъ цѣлію внутренній торгъ, оно нисколько не пострадало, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ по Наровѣ и Лугу, даже неожиданно развилось (въ 1861 году сплавлено товаровъ на 228.480 р., въ 1862 году — на 503.425 руб.; судовъ было въ 1861 году 362, въ 1862—631, и наоборотъ число плотовъ уменьшилось съ 730 до 242).

Не слѣдуетъ ли изо всѣхъ этихъ данныхъ, что на основаніи ихъ никакъ нельзя говорить о застоѣ въ русской внутренней торговлѣ, что ихъ никакъ нельзя объяснять этимъ застоемъ, и что имѣя ихъ въ виду нельзя вѣрить въ дѣйствительность застоя по нашей внутренней торговлѣ? Напротивъ, если принять въ разчетъ случайныя неблагопріятныя обстоятельства, на которыя указываетъ *Журналъ Путей Сообщенія*, то надобно сказать, что внутренняя торговля развивалась очень удовлетворительно. Но тѣмъ не менѣе общая цифра судовъ, а равно и общая цѣнность грузовъ, уменьшились: первая—на 4 т. судовъ, вторая—на $3^1/_2$ милліона рублей.

Итакъ, съ поразительною очевидностью выступаетъ передъ нами фактъ чрезвычайно значительнаго уменьшенія въ судоходствѣ, служащемъ внѣшней торговлѣ. Застой въ отпускѣ,—вотъ, то явленіе, которымъ всего полнѣе объясняются вышеприведенныя данныя, и которымъ вообще характеризуется теперешнее экономическое состояніе Россіи.

Спрашивается, отчего происходитъ это явленіе и нельзя ли какъ-нибудь помочь ему? Помочь ему можно, но объ этомъ пусть говорятъ себѣ на просторѣ *Биржевыя Вѣдомости*, офиціяльная газета, которой во всякомъ случаѣ приличнѣе заниматься подобными дѣйствительно государственными вопросами нежели трунить, и притомъ неостроумно, надъ русскимъ патріотизмомъ, то-есть надъ всею Россіей, или перекорятся съ офиціяльною же газетой какого-нибудь другаго министерства, то-есть тоже съ правительственнымъ органомъ. И такъ пусть себѣ *Биржевыя Вѣдомости* разсуждаютъ, какъ умѣютъ, о мѣрахъ помощи, а мы будемъ говорить лишь о способахъ объясненія.

Отчего отъ насъ идетъ за границу товаровъ меньше прежняго? Еслибы произошло измѣненіе въ тарифѣ, то можно было бы отвѣтить, что привозъ товаровъ изъ-заграницы стѣсненъ, а потому заграничные торговцы, не будучи въ состояніи сбывать намъ свои товары, не могутъ и отъ насъ брать столько товаровъ, сколько брали прежде. Но, благодаря Бога, тарифъ у насъ не былъ измѣненъ. Везти товары изъ-за границы также удобно какъ было прежде, и они въ самомъ дѣлѣ везутся къ намъ по прежнему. Почему же мы не уплачиваемъ товарами же за товары привозимые къ намъ изъ-за границы? Разумѣется, по тому что это нашимъ купцамъ не разчетъ. Чѣмъ же они расплачиваются съ заграничными биржами? Они расплачиваются наличными деньгами; они находятъ выгоднѣе для себя, и по азіатской и по европейской границѣ, вывозить звонкую монету чѣмъ вывозить русскіе продукты. Почему же они находятъ это для себѣ выгоднѣе? Разумѣется, потому что звонкая монета обходится имъ дешевле чѣмъ русскіе продукты. Продукты дороги. Вѣрнѣе и выгоднѣе отправлять золото или серебро. Стало-быть золото и серебро дешевле у насъ чѣмъ продукты. Если бы золото и серебро были дороже продуктовъ, то шли бы за границу продукты, а не звонкая монета, не слитки, не вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Но что такое значитъ: *если бы золото и серебро были дороже?* Въ чемъ это могло бы выразиться? Въ чемъ же какъ не въ цѣнѣ золота и серебра на кредитные билеты?

Итакъ, вотъ гдѣ причина. Кредитные билеты у насъ слишкомъ дороги относитель-

но цѣны золота и серебра. Еслибъ они были дешевле, то наша внѣшняя торговля пошла бы своимъ порядкомъ. Но развѣ они прежде были дешевле теперешняго? Десять лѣтъ тому назадъ они не были дешевле, но тогда ихъ было вдвое меньше. Теперь ихъ вдвое больше, а цѣна ихъ на звонкую монету почти та же, къ концу же года она будетъ совершенно та же, что была десять лѣтъ тому назадъ, когда ихъ было вдвое меньше. Тогда можно было отпускать изъ Россіи товаръ безъ убытка; теперь это убыточно, и коммерческій разсчетъ велитъ везти драгоцѣнные металлы.

Все дѣло состоитъ въ томъ что количество обращающихся кредитныхъ билетовъ увеличилось сверхъ потребности, а естественнаго послѣдствія того, вздорожанія звонкой монеты, не было.

О связи между упадкомъ нашего отпуска и избыткомъ кредитныхъ билетовъ было очень много говорено въ нашей литературѣ. Тѣ, которые не вѣрятъ въ эту связь, ссылаются между прочимъ на авторитетъ Стюарта Милля, который сказалъ, что излишніе выпуски бумажныхъ денегъ не могутъ имѣть вліянія на отпускъ. Джонъ Стюартъ Милль совершенно правъ. Сами по себѣ излишніе выпуски бумажныхъ денегъ не имѣютъ вліянія на отпускъ. Живой примѣръ тому Австрія, гдѣ бумажныя деньги упали въ цѣнѣ, а отпускъ нисколько не пострадалъ. Но потому-то отпускъ въ Австріи и не пострадалъ, что бумажныя деньги упали въ цѣнѣ. Оттуда нѣтъ выгоды вывозить золото; на бумажныя деньги оно вздорожало. Тамъ золото осталось въ обращеніи; туда даже везутъ золото отъ насъ; оттуда стало-быть можно вывозить продукты, и нѣтъ разчета вывозить преимущественно драгоцѣнные металлы.

Что такое бумажныя деньги? Это безпроцентный долгъ. Когда ихъ слишкомъ много, то эту неправильность можно поправить, не нарушая кредита, лишь превращеніемъ этого безпроцентнаго долга въ процентный, то-есть надобно дать владѣльцамъ излишка бумажныхъ денегъ столько процентовъ, сколько они согласятся взять за отказъ отъ своего права требовать уплаты долга звонкою монетой. Если же казна станетъ уплачивать имъ этотъ долгъ звонкою монетой, то они будутъ принуждены вывозить звонкую монету заграницу, и вывозимая заграницу звонкая монета будетъ оттѣснять собой всѣ тѣ продукты, которые прежде вывозились заграницу. Это положеніе дѣлъ будетъ продолжаться до самаго того времени, когда уже не будетъ разчета везти заграницу звонкую монету предпочтительно передъ продуктами, то-есть когда можно будетъ безъ убытка привозить звонкую монету изъза границы.

Въ Австріи было совсѣмъ другое. Тамъ былъ нарушенъ кредитъ, и потому излишній выпускъ бумажныхъ денегъ сейчасъ же имѣлъ свое естественное слѣдствіе. Сейчасъ же бумажныя деньги подешевѣли, а звонкая монета вздорожала. Поэтому тамъ и не пострадалъ отпускъ. Товары поднялись тамъ въ цѣнѣ, точно также какъ и у насъ; точно также какъ у насъ, произошла дороговизна. Но тамъ не принималось мѣръ для поддержки курса бумажныхъ денегъ. Поэтому оттуда и можно было вывозить продукты. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что въ Одессѣ четверть пшеницы стоила бы на кредитные билеты 12 руб., а кредитные билеты подешевѣли бы противъ звонкой монеты на 50%. Тогда было бы очень выгодно вывозить пшеницу за границу; отпускъ изъ Одессы не остановился бы; пшеницы по Днѣстру сплавлялось бы съ каждымъ годомъ все больше и больше. Отправитель, нагрузившій пшеницу на иностранный корабль и получившій за нее по 30 франковъ за четверть на мѣстѣ въ Одессѣ, былъ бы въ барышѣ. Онъ продалъ бы эти 30 франковъ, въ Одессѣ же, за 15 р. сер. кредитными билетами. Онъ былъ бы въ состояніи закупать пшеницу еще дороже чѣмъ по 12 рублей за четверть. И наоборотъ получатель заграничныхъ товаровъ или покупатель заграничныхъ векселей не могъ бы находить разчета въ отпускѣ золота. Онъ старался бы купить товаровъ, которые дешевле золота, и ими уплатить свой долгъ. Словомъ, отпускъ нисколько бы не пострадалъ отъ избытка бумажныхъ денегъ, и совершенно подтвердилось бы несомнѣнно-вѣрное замѣчаніе Джона Стюарта Милля.

Къ намъ это замѣчаніе не прилагается. У насъ курсъ бумажныхъ денегъ поддерживается теперь размѣномъ, производящимся въ Петербургѣ, а до размѣна онъ поддерживался мѣрами вліянія на петербургскій вексельный курсъ, описанными въ прошлогодшихъ сообщеніяхъ министерства финансовъ. У насъ, стало-быть, при размѣнѣ, отпускъ можетъ придти въ нормальное положеніе лишь послѣ того какъ уменьшится до нормальной цифры количество кре-

дитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, то-есть послѣ того какъ деньги значительно вздорожаютъ, а всѣ предметы купли и продажи значительно подешевѣютъ. Если же почему-нибудь размѣнъ не доведетъ у насъ до изъятія всего излишка кредитныхъ билетовъ, и если этотъ излишекъ почему-нибудь не будетъ извлеченъ изъ обращенія внутреннимъ займомъ, то нашъ отпускъ можетъ придти въ нормальное положеніе лишь по возвышеніи курса звонкой монеты, что впрочемъ тогда послѣдуетъ само собой. Нормальный отпускъ и полный курсъ бумажныхъ денегъ, обращающихся въ излишествѣ, двѣ вещи несовмѣстимыя. Такъ учитъ политическая экономія, и такъ непремѣнно окажется на практикѣ.

№ 157.

Москва, 17-го іюля.

Депеши князя Горчакова, хотя и всѣ отдаютъ справедливость ихъ высокому дипломатическому достоинству, произвели столько же непріятное впечатлѣніе на враждебныя намъ правительства, сколько пріятное на русское общество. Такъ и слѣдуетъ: что непріятно нашимъ врагамъ, то пріятно намъ. Было бы плохо, еслибы вышло не такъ. Державамъ казалось, что мы съ перваго же раза преклонимся предъ ихъ унизительными требованіями, и станемъ просить себѣ пощады на основаніи нашей народной пословицы: лежачаго не бьютъ. Но оказалось, что мы еще не пали ницъ, а намѣрены стоять крѣпко и твердо. Какъ же было не разсердиться не только лорду Пальмерстону и Наполеону III, но даже и миролюбивымъ графамъ Россело и Рехбергу? „Это очень дурно“, сказалъ будто бы графъ Россель, прочитавъ депешу, адресованную къ барону Бруннову; „это хуже чѣмъ дурно, это смѣшно“, воскликнулъ будто бы Наполеонъ III. Да и въ самомъ дѣлѣ: какъ же это не дурно и не смѣшно, когда никому и въ голову не приходило, чтобы Россія устояла противъ дипломатическаго напора и шумливыхъ демонстрацій, а тутъ вдругъ она осмѣлилась заговорить языкомъ твердымъ и мужественнымъ, вполнѣ достойнымъ великой державы? Вѣдь такъ, пожалуй, придется отказаться отъ любимой мечты безъ войны завоевать и раздробить Россію, безъ малѣйшихъ съ своей стороны пожертвованій въ конецъ раззорить и ослабить ее. А должно правду сказать, затѣять съ Россіей настоящую, открытую и честную войну, смерть не хочется не только Англіи и Австріи, но въ настоящую пору и самой Франціи. Послѣдняя, конечно, была бы не прочь повоевать съ нами изъ-за Польши: да, во-первыхъ, безъ Англіи и Австріи некуда ей тутъ сунуться, а во-вторыхъ, время-то теперь для нея неудобное. Какъ единогласно утверждаютъ всѣ и англійскія и нѣмецкія газеты, въ самой Франціи остается теперь, за ея разнообразными военными предпріятіями и затѣями на всѣхъ концахъ свѣта, не болѣе 115.000 пѣхоты, и слѣдовательно, не болѣе 40 или 50 тысячъ, которыя могутъ быть употреблены для внѣшней войны,—а съ такими силами есть ли возможность затѣять войну съ Россіей, да еще по польскому дѣлу? Такимъ образомъ, какъ по всему видно, первому чувству раздраженія и гнѣва не будетъ дано хода, и всѣ три державы останутся вѣрны своему первоначальному плану: безъ открытой и честной войны сначала истощить, изнурить, а потомъ уже, пожалуй, и окончательно прибить Россію, избѣгая страшныхъ усилій и пожертвованій, которыхъ потребовала бы отъ нихъ настоящая и немедленная война съ нами. „Война“, объявила императрица Евгенія одному дипломату, по словамъ парижскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, „вовсе не входитъ въ разсчеты императора; но какъ вѣрно это,—прибавила она,—такъ вѣрно и то, что Россія принуждена будетъ уступить и безъ войны.“

Какимъ же образомъ враги наши безъ войны думаютъ достигнуть такой постыдной для насъ цѣли? Прежде всего они не совсѣмъ еще утратили надежду застращать и запугать насъ тѣмъ, что и сама Австрія, которая колебалась въ восточную войну, которая недавно еще нѣсколько разногласила съ западными державами, теперь, въ надеждѣ умилостивить Францію и найдти вѣрную поддержку въ Англіи, спѣшитъ заявить, что она готова стоять заодно съ западными державами во всѣхъ ихъ требованіяхъ направленныхъ противъ Россіи. Если же этимъ однимъ, какъ мы надѣемся, какъ мы увѣрены, смутить насъ не удастся, тогда про запасъ имѣются въ виду другія средства. Нѣтъ ничего легче какъ различными способами поддерживать въ насъ опасеніе войны, съ тѣмъ чтобы мы отвлекали отъ производительныхъ работъ все большее и

большее число рабочихъ рукъ, чтобъ истощали предварительно, въ виду отдаленной войны, свои финансовыя средства на всякаго рода военныя приготовленія, вооруженія и укрѣпленія. Въ то же время и съ тою же цѣлью имѣется въ виду признать возмутившихся польскихъ подданныхъ русскаго Царя воюющею стороною, и слѣдовательно, не только дозволить доставлять имъ оружіе, военные снаряды и всякаго рода пособія, что отчасти дѣлается и теперь, но и поощрять къ тому подъ рукою частныхъ лицъ и даже употреблять для того правительственныя средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется въ виду, также подъ рукою, содѣйствовать образованію и вооруженію отрядовъ волонтеровъ въ пограничныхъ странахъ для вторженія въ Россію; на дальнѣйшемъ уже планѣ стоитъ отправленіе флотовъ въ Балтійское и даже въ Черное море, несмотря на то, что трактатъ запрещаетъ входъ въ него военнымъ кораблямъ, и т. д.

Этимъ однакоже не ограничиваются планы нашихъ враговъ насчетъ войны съ Россіей безъ рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій или безъ существенныхъ пожертвованій съ своей стороны. Насъ хотятъ поразить еще въ лицѣ нашихъ естественныхъ и какъ мы думаемъ, преданныхъ союзниковъ, въ лицѣ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ Сербовъ. Въ помѣщенныхъ ниже извѣстіяхъ изъ константинопольской корреспонденціи газеты *Times*, читатели найдутъ явные намеки на то, что Англія замышляетъ низложить владѣтельныхъ князей Сербіи и Румыніи, надѣясь возмутить противъ нихъ ту или другую часть ихъ подданныхъ и поддержавъ всею силою своего вліянія мятежниковъ. Положеніе, въ которое была бы такимъ образомъ поставлена Россія, было бы не только непріятно, но и нестерпимо для нея. Не забудемъ, что одинъ изъ этихъ князей есть главный оплотъ православія въ Турціи, а другой оказалъ намъ на дняхъ еще услугу, преградивъ путь вооруженной шайкѣ Поляковъ и всякаго рода бродягъ, организаціи которой явно содѣйствовали Турція, Франція, и, какъ говорятъ, сама Англія. Нанести ударъ тому или другому изъ этихъ князей значило бы нанести ударъ чести и достоинству Россіи. И все это не только западныя державы, но даже и Австрія надѣются повидимому совершить противъ насъ безнаказанно!

Дай Богъ, чтобъ эти опасенія не осуществились, чтобъ эти планы разстроились. Но если дѣйствительно замышляются противъ Россіи подобныя козни, и если мы не ошибаемся въ настроеніи народнаго чувства въ Россіи,—и если только это чувство будетъ принято во вниманіе,—то Россія не потерпитъ ни одной изъ этихъ кровныхъ обидъ, Россія не допуститъ, чтобы надъ нею безнаказанно тѣшились и издѣвались враги ея, чтобъ они тревожили и изнуряли ее безъ малѣйшихъ пожертвованій для самихъ себя. Мы не готовились ни къ какой войнѣ, мы исключительно занимались дѣлами мира и внутренняго благоустройства; но козни нашихъ враговъ принуждаютъ насъ обнажить мечъ, они заставляютъ Россію призывать сотни тысячъ людей къ военному дѣлу и издерживать на военныя приготовленія многіе милліоны: пусть же знаютъ они напередъ, что это не обойдется имъ даромъ, и что при первой изъ тѣхъ кровныхъ обидъ, которыя они замышляютъ противъ насъ, Россія сумѣетъ найдти враговъ своихъ и вынудить ихъ на открытую и тяжкую брань. Она знаетъ гдѣ поразить западныя державы, не говоря объ Австріи, для которой эта опасная игра можетъ обойдтись существованіемъ. Россія знаетъ чѣмъ она обязана своимъ союзникамъ, и какъ должна она отплатить своимъ врагамъ.

Пора двусмысленныхъ заявленій и дипломатическаго лицемѣрія должна же миновать наконецъ. Не для того же мы вооружаемся, чтобы понапрасну раззоряться и продолжать терпѣть всякаго рода оскорбленія. Польское возстаніе, какъ справедливо замѣчаетъ краковскій корреспондентъ газеты *Times* въ помѣщенномъ ниже письмѣ, на которое мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей, польское возстаніе до сихъ поръ имѣло одинъ существенный результатъ,—результатъ благотворный для Россіи: оно пробудило всѣ живыя силы нашего народнаго духа, и скрѣпило союзъ націи съ верховною властью. Унизительное положеніе, въ которое насъ хотятъ поставить Англія, Франція и Австрія, слишкомъ не привычно для насъ, и невозможно думать, чтобы призвавъ сотни тысячъ людей къ оружію, чтобы видя патріотическое воодушевленіе сыновъ своихъ, Россія не положила конецъ недостойной игрѣ, и не потребовала отчета и удовлетворенія себѣ тамъ, гдѣ она вѣрнѣе всего можетъ получить его.

№ 158.

Москва, 18-го іюля.

Биржа есть самый правдивый указатель дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Она не пускается на эффекты подобно парламентамъ или дипломатіи. Она не можетъ никого запугивать, потому что запугиванія не обошлись бы ей самой даромъ. Она принуждена дѣйствовать чистосердечно и откровенно и слѣдовательно заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія чѣмъ рѣчи политическихъ людей или разсужденія политическихъ газетъ. Иногда бываетъ, что и она увлекается или подпадаетъ паникѣ, но во всякомъ случаѣ эта паника не искусственная: это вовсе не политическая уловка разчитанная на чью-либо трусливость.

Теперь такъ перепутались политическіе слухи, такъ стали противорѣчивы толки политическихъ журналовъ, что ими можно подтвердить самыя противоположныя предположенія, можно доказать какъ дважды два четыре что будетъ война, и столькоже достовѣрно можно доказать, что войны не будетъ. Оставимъ же на минуту ораторовъ и публицистовъ, пусть себѣ витійствуютъ на просторѣ, посмотримъ что говоритъ намъ биржа. Всѣ согласны въ томъ что рѣшеніе вопроса быть или не быть войнѣ зависитъ отъ Англіи, и притомъ именно отъ лорда Пальмерстона, у котораго теперь, по закрытіи сессіи, развязаны руки. Отъ него одного можно еще опасаться что онъ вовлечетъ Англію въ войну; всѣ другіе члены его правительства расположены въ пользу мира, и лордъ Россель, конечно, не остался бы на мѣстѣ, еслибы лордъ Пальмерстонъ началъ на дѣлѣ развивать воинственность, не ограничиваясь воинственными демонстраціями на словахъ. Но объ истинныхъ намѣреніяхъ лорда Пальмерстона кому лучше судить какъ не лондонской биржѣ? Она можетъ судить о нихъ тѣмъ лучше, что они сами во многомъ зависятъ отъ ея настроенія. Посмотримъ же что говоритъ лондонская биржа. Возьмемъ іюль мѣсяцъ, тотъ мѣсяцъ когда ожидались и были получены отвѣты князя Горчакова на депеши трехъ державъ. Что же мы видимъ? Ни одни фонды, не исключая даже и англійскихъ, не стояли въ іюлѣ мѣсяцѣ такъ твердо какъ фонды русскіе. Сильныя колебанія происходили въ фондахъ турецкихъ, греческихъ, мексиканскихъ, австрійскихъ. Французскіе фонды также подверглись серіозному пониженію, а русскіе стояли твердо до самаго 20-го іюля н. ст. (8-го іюля ст. ст.), когда были получены отвѣты князя Горчакова. Извѣстныя нашимъ читателямъ пренія въ англійской палатѣ общинъ должны были подѣйствовать на биржу. Но что же мы видимъ? Седьмой русскій заемъ (1862 года) падаетъ не въ Лондонѣ, а въ Петербургѣ. Онъ падаетъ въ Петербургѣ, какъ всякій знаетъ, вслѣдствіе продажи государственныхъ пятипроцентныхъ билетовъ изъ государственнаго банка по уменьшенной цѣнѣ. Это пониженіе, происшедшее въ Петербургѣ, должно было отразиться и на лондонской биржѣ. Но помимо этого пониженія нашъ седьмой заемъ держался лучше чѣмъ французская рента. 18-го іюля н. ст., наканунѣ полученія депешъ, седьмой заемъ стоялъ $93^3/_4$, французская трехпроцентная рента 68.40, англійскій трехпроцентный консолидированный долгъ 93. Но вотъ получены депеши. Онѣ говорятъ твердымъ, рѣшительнымъ языкомъ, и вызываютъ страшный гнѣвъ во Франціи, а въ Англіи не такую страшную, но все-таки довольно грозную парламентскую бурю. Г. Горсманъ говоритъ о раздробленіи Россіи, лордъ Пальмерстонъ распространяетъ на западныя губерніи силу Вѣнскаго трактата. Какъ бы тутъ, кажется устоять нашимъ фондамъ? Но комедія комедіей, а биржа говоритъ свое. 20-го іюля русскій седьмой заемъ продается по $93^1/_2$; слѣдовательно понизился на $^1/_4$ процента; французская рента по 67.90, слѣдовательно понизилась на $^1/_2\%$; англійскій консолидированный долгъ, по $92^3/_4$, слѣдовательно понизился на $^1/_4$ процента, какъ и наши фонды. Въ тоже время въ самой Вѣнѣ австрійскіе фонды упали на 2%, что составляетъ весьма значительное пониженіе. Но вслѣдъ за тѣмъ цѣна седьмаго займа понижается въ Петербургѣ на $^1/_4$ процента: это происходитъ, какъ мы уже сказали, не отъ политическихъ причинъ, а отъ пониженія цѣны на пятипроцентные государственные билеты. Петербургскій курсъ седьмаго займа дѣйствуетъ на Лондонъ, гдѣ курсъ этого займа понижается 21-го іюля н. ст., съ $93^1/_2$ на 93, то-есть только $^1/_4$ процента болѣе чѣмъ въ Петербургѣ. Черезъ три дня онъ понижается еще на $^1/_2$ процента, что можетъ быть также приписано пониженію продолжавшемуся на петербургской биржѣ, гдѣ теперь седьмой заемъ

продается по $93\frac{1}{2}$, т. е. съ дальнѣйшимъ пониженіемъ на $\frac{1}{2}$ процента. Но если даже и не объяснять лондонское пониженіе 24-го іюля вліяніемъ петербургскихъ цѣнъ, а относить его къ политическимъ причинамъ, то все-таки нашъ седьмой заемъ держался въ эти дни лучше французской ренты; которая съ 68.40 (курса 18-го іюля) упала до 66.75 (курсъ 24-го іюля), то-есть на 1,65%, тогда какъ русскій седьмой заемъ упалъ всего на $1\frac{1}{4}$%, а за выключеніемъ весьма вѣроятнаго вліянія петербургскихъ цѣнъ ($\frac{3}{4}$%), только на $\frac{1}{2}$. Мы говоримъ не по одной догадкѣ, что это вліяніе *весьма вѣроятно*. Мы могли бы заключить о томъ изъ существа дѣла, но лондонская же биржа несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что пониженіе седьмаго займа не можетъ быть приписано однѣмъ политическимъ причинамъ. Эти причины равно дѣйствовали бы на всѣ русскіе фонды, а мы именно видимъ, что другой русскій заемъ, именно трехъ-процентный, не находящійся подъ вліяніемъ петербургскихъ цѣнъ на седьмой заемъ и на пятипроцентные государственные билеты, нисколько не пострадалъ въ курсѣ. Онъ продавался во всю первую половину іюля на лондонской биржѣ по 58—59. Потомъ съ 17-го іюля онъ поднялся на $\frac{1}{2}$%, и это повышеніе осталось въ силѣ по полученіи депешъ князя Горчакова. Оно остается въ силѣ и по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ о лондонскомъ биржевомъ курсѣ. Этотъ фактъ чрезвычайно краснорѣчивъ, и мы особенно указываемъ на него публикѣ. Для большей ясности, представляемъ таблицу биржевыхъ цѣнъ на фонды за 24 дня іюля.

		Англ. конс. 3%	Франц. 3%		Русск. 3% на лонд. (биржѣ)	Русск. 5 заемъ на лонд. биржѣ	Русск. 5 заемъ на петерб. биржѣ
30	іюня	$92\frac{1}{8}$	68.40	русск. возв. на $\frac{1}{4}$, тур. пад. на $\frac{1}{2}$	58—59	$92\frac{1}{2}$—93	94
1	іюля	$92\frac{1}{4}$	тоже	греч. пад. на $\frac{1}{2}$, русск. возв. на $\frac{1}{4}$	58—59	$92\frac{3}{4}$—$93\frac{1}{4}$	тоже
2	—	тоже	тоже		т о ж е		тоже
4	—	тоже	68.50	греч. возв. на $\frac{3}{4}$	т о ж е		тоже
6	—	$92\frac{3}{8}$	68.25	греч. пад., русск. возв. на $\frac{1}{4}$	58—59	93—$93\frac{1}{2}$	тоже
7	—	$92\frac{1}{2}$	68.45		т о ж е		тоже
8	—	тоже	68.50	греч. возв. $\frac{1}{4}$, тур. пад. $\frac{1}{8}$	т о ж е		тоже
9	—	т о ж е			т о ж е		тоже
10	—	$92\frac{1}{2}$	68.45	русск. повыш. на $\frac{1}{4}$	58—59	$93\frac{1}{4}$—$93\frac{3}{4}$	тоже
11	—	$92\frac{3}{8}$	68.50	греч. пад. $\frac{1}{8}$, тур. пад. $\frac{1}{4}$; мексик. повыш., вслѣдствіе извѣстія о взятіи Мексико, на 1.	т о ж е		тоже
13	—	$92\frac{5}{8}$	68.55	мекс. пад. на $\frac{3}{8}$, греч. пад. на $\frac{3}{8}$, тур. на $\frac{1}{4}$	т о ж е		тоже
14	—	$92\frac{7}{8}$	68.60	тур. подн. на $\frac{1}{2}$	т о ж е		тоже
15	—	$93\frac{3}{8}$	68.70	тур. подн на $\frac{1}{4}$	т о ж е		тоже
16	—	$93\frac{1}{8}$	68.65	греч. пад. $\frac{1}{4}$, мекс. пад. на $\frac{1}{8}$	т о ж е		тоже
17	—	т о ж е		греч. и тур. пад. $\frac{1}{8}$	$58\frac{1}{2}$—$59\frac{1}{2}$	$93\frac{1}{2}$—94	$94\frac{1}{4}$
18	—	93	68.40		т о ж е		тоже
20	—	$92\frac{1}{4}$	67.90	въ Вѣнѣ австр. пад. на 2	$58\frac{1}{2}$—$59\frac{1}{2}$	$93\frac{1}{4}$—$93\frac{3}{4}$	тоже
21	—	тоже	67.80	греч. пад. 1, тур. $\frac{1}{2}$	тоже	$92\frac{3}{4}$—$93\frac{1}{4}$	94
22	—	$92\frac{5}{8}$	57.20	сард. пад. $\frac{1}{2}$, тур. пад. $\frac{1}{8}$; греч. пад. $\frac{3}{8}$	т о ж е		тоже
23	—	$92\frac{3}{4}$	67.30		т о ж е		тоже
24	—	$92\frac{7}{8}$	66.75		$58\frac{1}{2}$—$59\frac{1}{2}$	$92\frac{1}{2}$	тоже

По послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ курсъ англійскихъ фондовъ возвышается. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что лондонская биржа не вѣритъ въ возможность войны между Англіей и Россіей. Въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, въ Вѣнѣ можетъ-быть еще болѣе чѣмъ въ Парижѣ, опасаются войны съ Россіей, и думаютъ, что война возможна. Но ни отъ Вѣны, ни отъ Парижа не зависитъ рѣшеніе дѣла. Какъ самъ императоръ Наполеонъ справедливо сознался, ключъ въ рукахъ Англіи, а въ Лондонѣ самый чувствительный къ подобнымъ дѣламъ политическій барометръ, биржа, съ увѣренностію предсказываетъ миръ. Что же слѣдуетъ изъ этого, какъ не то что кри-

ками о войнѣ мы не должны нисколько смущаться? Мы едва ли ошибемся, если будемъ дѣйствовать рѣшительно, на основаніи твердой увѣренности что рѣшительнымъ образомъ дѣйствій мы не только не вызовемъ войны, но вѣрнѣе предупредимъ ее.

Петербургская биржа также свидѣтельствуетъ о спокойномъ взглядѣ коммерческихъ людей на будущее. Мы уже упомянули о томъ, что въ Петербургѣ курсъ седьмаго займа понижается вовсе не отъ политическихъ причинъ, а отъ пониженія цѣны пятипроцентныхъ билетовъ. Такъ какъ это послѣднее пониженіе составляетъ теперь въ Россіи предметъ толковъ, могущихъ имѣть вліяніе даже на ходъ выкупной операціи, то мы считаемъ нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это пониженіе есть временное явленіе; цѣна пятипроцентныхъ билетовъ должна въ скоромъ времени опять подняться, и тѣ, которые покупаютъ теперь пятипроцентные билеты, несомнѣнно будутъ въ барышѣ процента на три. Пониженіе цѣны пятипроцентныхъ билетовъ произошло отъ того, что государственный банкъ продаетъ теперь 10 милліоновъ ново-выпущенныхъ пятипроцентныхъ билетовъ, и эта продажа не можетъ не имѣть вліянія на ихъ курсъ. Цѣна пятипроцентныхъ билетовъ стояла твердо, несмотря на постоянное возрастаніе количества пятипроцентныхъ билетовъ втораго выпуска, по выкупной операціи. Но эти послѣдніе расходились по рукамъ публики, между тѣмъ какъ 10 милліоновъ нововыпущенныхъ билетовъ поступаютъ сполна на рынокъ, то-есть продаются за наличныя деньги. Только вслѣдствіе этого способа помѣщенія и упала цѣна пятипроцентныхъ билетовъ. Этотъ временный упадокъ цѣны не есть дѣло публики; государственный банкъ есть единственный продавецъ, сбивающій цѣну; другіе продавцы, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія продавать пятипроцентные билеты дешево. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ они продаются по $95^1/_2$ и даже дешевле, въ Берлинѣ ихъ берутъ по 99: не явное ли это доказательство, что происшедшее теперь у насъ пониженіе цѣны пятипроцентныхъ билетовъ есть исключительное дѣло государственнаго банка, продающаго пятипроцентные билеты за счетъ казны и повидимому желающаго скорѣе помѣстить ихъ? Повторяемъ, что теперешніе покупатели пятипроцентныхъ билетовъ не будутъ раскаиваться въ сдѣланномъ ими денежномъ оборотѣ: пятипроцентные билеты должны въ скоромъ времени опять подняться въ цѣнѣ.

По поводу этой операціи государственнаго банка, причинившей временное пониженіе цѣны пятипроцентныхъ билетовъ, не можемъ не сказать нѣсколько словъ въ защиту того способа помѣщенія внутренняго долга, о которомъ мы говорили въ нашемъ обзорѣ положенія дѣлъ государственнаго банка, напечатанномъ въ № 111 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Мы предлагали открыть внутренній $5^1/_2\%$ или 6% заемъ на самую умѣренную сумму, для поддержки операціи размѣна. Мы и теперь полагаемъ, что главное вниманіе должно быть обращено на операцію размѣна, и что внутренній заемъ долженъ служить не столько для усиленія платежныхъ средствъ банка, сколько для изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Чѣмъ болѣе будутъ увеличиваться платежныя средства банка, тѣмъ усиленнѣе долженъ идти размѣнъ. Изъ публикованныхъ отчетовъ по операціи размѣна видно, что требованіе звонкой монеты изъ банка начало опять возрастать: по нашему мнѣнію, это возрастаніе размѣна находится въ связи съ выпускомъ 10 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ и съ поступленіемъ, за эти билеты, наличности въ кассы банка. Мы считаемъ не подлежащимъ сомнѣнію, что теперь нельзя наготовиться наличности, и что вся наличность непремѣнно уйдетъ въ размѣнную кассу, только усиливая вывозъ звонкой монеты. На этомъ основаніи мы и говорили о внутреннемъ займѣ, имѣющемъ цѣлію не увеличеніе оборотной кассы банка, а поддержку операціи размѣна. Но мы не хотимъ теперь разсуждать о цѣли внутренняго займа, а имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ лишь о его формѣ. На высказанную нами мысль возражали намъ (не печатно: серіозныхъ печатныхъ возраженій вовсе не было), что предположенный нами внутренній заемъ имѣлъ бы вредное вліяніе на курсъ пятипроцентныхъ билетовъ и даже на ходъ выкупной операціи. На это возраженіе замѣтимъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ особеннаго основанія желать ускоренія выкупной операціи: она и такъ идетъ очень бойко. Но предложенная нами операція нисколько не могла повредить ей, потому что она имѣла бы гораздо менѣе вліянія на цѣну пятипроцент-

ныхъ билетовъ чѣмъ теперешній способъ помѣщенія новаго десятимилліоннаго выпуска. Мы предлагали слѣдующее (см. № 111 *Московскихъ Вѣдомостей*):

„Открыть внутренній $5^1/_2{}^0/_0$ или $6^0/_0$ заемъ на самую умѣренную сумму и *съ самымъ краткимъ срокомъ подписки, но съ разсрочкой платежей*, дабы хоть сколько-нибудь остановить переселеніе въ Россію облигацій 7-го внѣшняго займа и переселеніе капиталовъ изъ Россіи.“

Для разъясненія дѣла предположимъ, что заемъ былъ бы открытъ на самую умѣренную сумму, именно на 10 милліоновъ, то-есть на сумму теперешняго выпуска пятипроцентныхъ билетовъ. По успѣшному ходу операціи помѣщенія этихъ билетовъ, можно заключить, что для подписки на такой заемъ можно бы было дѣйствительно назначить *самый краткій срокъ*, то-есть нѣсколько дней. Слѣдовательно только на эти дни и могъ бы слегка понизиться курсъ пятипроцентныхъ билетовъ, и ни въ какомъ случаѣ онъ не понизился бы на 3 или 4 процента. Подписка непремѣнно превзошла бы требуемую сумму 10 милліоновъ, а это произвело бы выгодный эффектъ и облегчило бы заключеніе новыхъ внутреннихъ займовъ, открываемыхъ также по подпискѣ. Далѣе, по предложенному нами плану, платежи по этому займу были бы разсрочены на продолжительное время, то-есть на нѣсколько мѣсяцевъ, по меньшей мѣрѣ на шесть мѣсяцевъ. Ежемѣсячно поступало бы около $1^1/_2$ милліона взносовъ, а такіе взносы не могли бы имѣть вліяніе и на востребованіе безсрочныхъ вкладовъ изъ банка и его конторъ. Наконецъ, участники въ займѣ были бы разсѣяны по всей Россіи, а это было бы равносильно открытію размѣна въ разныхъ пунктахъ Имперіи, и содѣйствовало бы правильному и постепенному устраненію дороговизны.

Словомъ, нельзя понять какимъ образомъ заемъ на умѣренную сумму, съ самымъ краткимъ срокомъ подписки и съ разсрочкой платежей, могъ бы произвести больше потрясенія на биржахъ чѣмъ заемъ на такую же сумму, но помѣщаемый посредствомъ продолжительной продажи облигацій и притомъ посредствомъ продажи каждой облигаціи за полныя наличныя деньги, безъ разсрочки въ платежѣ. Мы позволяемъ себѣ думать, что можно спорить о томъ, нуженъ ли внутренній заемъ и для какой цѣли онъ нуженъ, а не о томъ, былъ ли бы внутренній заемъ, открытый съ соблюденіемъ упомянутыхъ нами условій, опасенъ для нашихъ денежныхъ дѣлъ.

№ 159.

Москва, 19-го іюля.

Кому выгоднѣе длить переговоры и выгадывать время,—Россіи или тремъ державамъ, составившимъ противъ насъ коалицію? Конечно, скажутъ можетъ быть иные, конечно, чѣмъ долѣе будутъ тянуться переговоры, тѣмъ, стало-быть, для насъ лучше. Намъ только и нужно чтобы война не вспыхнула теперь, чтобы время подвинулось ближе къ зимѣ, и чтобы мы къ веснѣ будущаго года могли какъ можно лучше и исправнѣе приготовиться на всякій случай. Правда, мы, слава Богу, и теперь довольно сильны, но выгадывая время, мы можемъ стать еще сильнѣе и укрѣпить наши слабыя мѣста. Потому-то намъ не худо показывать видъ, что мы какъ будто колеблемся, какъ будто не рѣшаемся, какъ будто готовы уступить, — придумывать разныя средства для того чтобы затягивать переговоры, сбивать нашихъ противниковъ съ толку, не принимать никакихъ серіозныхъ мѣръ для прекращенія мятежа, терпѣть униженія и оскорбленія и даже повиноваться въ тихомолку наглымъ демонстраціямъ. Пусть враги наши думаютъ, что мы безсильны, слабы и ничтожны; пусть они говорятъ, что всякое твердое слово съ нашей стороны есть не простительная дерзость, „и гадкая, и смѣшная.“ Мы притихнемъ, мы принизимся, а между тѣмъ потихоньку наберемся силъ, и когда будемъ совсѣмъ готовы, скажемъ имъ: на ваши требованія мы не согласны, извольте начинать съ нами войну, нападайте на насъ, вторгайтесь къ намъ: мы теперь вооружились.

Все это очень хорошо,—но, спрашиваютъ другія, гдѣ доказательства, что враги наши хотятъ сію минуту начать войну съ нами? Европейскую войну начать не легко; она требуетъ серіозныхъ приготовленій: видимъ ли мы хоть какія-нибудь приготовленія въ трехъ сложившихся противъ насъ державахъ? Нималѣйшихъ. Никакихъ вооруженій, никакой тревоги на биржахъ; бюджетъ Англіи разчитанъ на обстоятельства глубочайшаго мира; бюд-

жетъ Австріи тоже не отличается воинственнымъ характеромъ; Франція менѣе чѣмъ когда-нибудь, по своимъ наличнымъ военнымъ силамъ, готова къ серіозной войнѣ. Союзъ враждебныхъ намъ державъ подкрѣпляетъ свои требованія и настоянія не какими-либо серіозными приготовленіями къ войнѣ, а пустыми демонстраціями фальшиво возбужденнаго общественнаго мнѣнія, комедіями—столь же „гадкими сколько и смѣшными“, какъ могли бы мы сказать, употребляя болѣе удачнымъ образомъ слова сказанныя недавно императоромъ Французовъ. Неужели эти комедіи стоятъ того чтобы такая держава какъ Россія, въ дѣлѣ, которое сливаетъ воедино весь ея народъ, могла обращать на нихъ вниманіе, сообразоваться съ ними и разчитывать на нихъ свои дѣйствія? Кто поручится, что враждебная намъ коалиція не добивается именно того, чтобы держать насъ въ нерѣшительномъ положеніи, деморализировать насъ и изнурять насъ дешевыми средствами? Въ Польшѣ длится нелѣпое и безсмысленное возстаніе, которое причиняетъ неизчислимыя бѣдствія странѣ, раззоряетъ ее и отдаетъ ее на жертву честолюбивымъ интриганамъ и студентамъ главной школы. Ничто такъ не роняетъ достоинства Россіи, ничто такъ не унижаетъ нашего національнаго чувства, ничто не приводитъ въ такое уныніе друзей нашихъ и ничто не доставляетъ столько злорадства врагамъ нашимъ, какъ позорное зрѣлище этого мятежа, который порожденъ и усиливается несостоятельною системой. Не выгодно ли враждебной намъ коалиціи запугивать насъ, чтобы мы не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ выходу изъ страннаго положенія, которое сами же мы поддерживаемъ? Стоило бы намъ только принять эти рѣшительныя мѣры,—и всякій поводъ не только къ войнѣ, но и къ дипломатическому вмѣшательству въ наши дѣла скоро изчезъ бы; но этого-то и не желаетъ враждебная намъ коалиція. Она не желаетъ, чтобы мы поправились и чтобы скандалъ прекратился; она не желаетъ чтобы не было повода вмѣшиваться въ наши дѣла и издѣваться надъ нами. Нашимъ врагамъ пріятно, чтобы мы находились въ постоянной тревогѣ и трепетѣ. Какъ-то разъ поймали въ Царствѣ Польскомъ одного молодца принадлежавшаго къ главнымъ дѣятелямъ подземнаго правительства. Что же? Нашлись люди, которые считали опаснымъ поступить съ этимъ господиномъ по всей силѣ закона, потому что имъ была заинтересована одна вѣнчанная особа на дальнемъ Западѣ. Не пріятно ли нашимъ врагамъ, чтобы мы такъ думали, такъ дѣйствовали и такъ опасались? А еслибы мы такъ не думали, такъ не дѣйствовали, и не имѣли такихъ опасеній, то, по всему вѣроятію, намъ не къ чему было бы и готовиться.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ настоящую минуту произошелъ бы разрывъ между нами и поднявшеюся противъ насъ коалиціей: кому было бы труднѣе и опаснѣе, — намъ или этимъ державамъ? Предположимъ, что мы вдругъ сбросили бы съ себя кошемаръ, который отнимаетъ у насъ рѣшимость и энергію; предположимъ, что мы вдругъ приняли бы рѣшительное положеніе, пользуясь нашими наличными силами,—а наличныхъ силъ у насъ много и безъ приготовленій, особенно если взять во вниманіе ту полную готовность ко всякимъ жертвамъ, которая изъявляется цѣлою Русскою землею,—силы эти громадны, и ни одна изъ враждебныхъ намъ державъ не можетъ получить въ свое распоряженіе столько силъ и въ такое короткое время какъ Россія. Что стала бы дѣлать враждебная намъ коалиція? Блокировать наши порты, щипать насъ по окраинамъ, бомбардировать наши приморскія укрѣпленія,—но все это враги наши могутъ дѣлать и послѣ, когда мы укрѣпимся,—и какъ бы мы ни укрѣпились, мы не могли бы воспрепятствовать имъ въ этихъ подвигахъ; пусть бы ужъ лучше теперь все это они дѣлали: мы только избавили бы себя отъ напрасной траты многихъ милліоновъ, которые оказались бы нужными для укрѣпленія нашихъ приморскихъ мѣстъ; мы можетъ-быть только избавились бы отъ лишнихъ жертвъ. Но если бы такая держава, какъ Россія, приняла рѣшительное положеніе, то дѣло не могло бы пойдти такимъ ходомъ. Коалиція не могла бы вести противъ насъ такую мизерную войну; мы вынудили бы ее къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ. Наша рѣшимость погрозила бы войной европейскою. Спрашивается, коалиція, которая теперь, повидимому, бросаетъ намъ перчатку, подняла ли бы нашу, еслибы мы дали ей почувствовать, что рѣшились вызвать ее на открытый бой? Нѣтъ, коалиція оказалась бы неспособною предпринять европейскую войну. Наша рѣшимость всего вѣрнѣе разорвала бы враждебный намъ союзъ, и сдѣ-

лала бы то, что теперешніе мнимые друзья и союзники стали бы открытыми врагами между собою.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ теоріей политическихъ созвѣздій, тотъ очень хорошо знаетъ, что соединеніе Франціи, Австріи и Англіи въ настоящемъ случаѣ никакъ не можетъ быть одушевлено видами на всеобъемлющую и всепотрясающую европейскую войну. Мы не говоримъ о той или другой изъ этихъ трехъ державъ въ отдѣльности, — мы говоримъ о томъ политическомъ созвѣздіи, которое образовалось въ Европѣ нынѣшнимъ соединеніемъ этихъ трехъ державъ. Смыслъ этого соединенія таковъ, что оно не можетъ допустить европейской войны безъ какихъ-либо особенныхъ чрезвычайныхъ, не входящихъ въ разчетъ условій. Это соединеніе именно и разчитано на то, чтобы, пользуясь обстоятельствами, сдѣлать что-нибудь такое, чего нельзя сдѣлать безъ громадной войны, низпровергающей всю систему нынѣшняго европейскаго равновѣсія. Пока есть возможность обойдтись безъ серіозной войны, образовавшаяся коалиція будетъ оставаться въ силѣ и будетъ дѣйствовать. Но какъ только явственно обозначится невозможность обойдтись безъ серіозной европейской войны, такъ тотчасъ же коалиція потеряетъ свою силу, и созвѣздіе измѣнится. Предположимъ, что Россія теперь же показала бы рѣшимость не только не уклоняться отъ войны, но напротивъ потребовать должнаго отчета за оскорбленія, которымъ она подверглась, и вмѣсто уступчивости обнаружила бы готовность не только ждать врага въ своихъ предѣлахъ, но постучаться въ его собственную дверь, — это разомъ измѣнило бы положеніе Европы. Еслибы стало замѣтно, что Россія рѣшилась бы не только ждать, но дѣйствовать, не только обороняться, но и наступать, то комедія кончилась бы очень скоро, и обозначилось бы истинное положеніе дѣлъ. Въ Европѣ немедленно образовалась бы совершенно противоположная политика, которая имѣла бы своею цѣлію не вынуждать насъ къ вооруженіямъ, а напротивъ успокоивать насъ и способствовать удовлетворительной для насъ развязкѣ. Если враждебная намъ коалиція разчитываетъ теперь на то, чтобы безъ войны ослабить, изнурить и даже раздробить Россію, то новая политика, которую мы могли бы создать въ Европѣ нашею рѣшимостію, повела бы къ тому, что мы точно также безъ пролитія крови могли бы возстановить наше потрясенное значеніе въ Европѣ.

Но говорить легко, а на дѣлѣ принять рѣшимость дѣло не легкое. Искусственно принятый видъ рѣшимости не поможетъ. Надобно чтобы рѣшимость была натуральная, дѣйствительная, истинная, а не личина рѣшимости. Найдти же въ себѣ истинную рѣшимость можемъ мы не иначе какъ вникнувъ въ себя и выбросивъ тѣ зловредные элементы, которые присутствуютъ въ насъ, дѣйствуютъ въ насъ, и дѣйствуютъ довольно давно, и дѣйствуютъ сильно, но къ счастію нашему становятся теперь все явственнѣе и очевиднѣе въ системѣ своихъ дѣйствій, такъ что теперь уже можно легко сослѣдить ихъ.

Помѣщаемые ниже отчеты о засѣданіяхъ въ британскихъ палатахъ не лишены интереса. Сквозь искусственное негодованіе и гнѣвъ на Россію и на генерала Муравьева довольно ясно обозначается положеніе дѣлъ созданное депешами князя Горчакова. Джентльмены нижней палаты находятъ, что Франціи нѣтъ особенной надобности вмѣшиваться въ польскія дѣла, и что всего ближе заняться этими дѣлами — Австріи съ Германіей. Это же находитъ и князь Горчаковъ, но англійскимъ политикамъ неловко прямо согласиться съ русскимъ вице-канцлеромъ. Мистифируя Россію, они въ то же время должны мистифировать и Францію. А потому, приглашая Австрію съ Германіей позаботиться о польскихъ дѣлахъ, они придаютъ этому приглашенію грозный для Россіи характеръ. Австрія и Германія должны съ обнаженнымъ мечомъ вступить въ объясненіе съ Россіей. Итакъ за Польшу будутъ воевать съ нами Австрія и вѣроятно также Пруссія. Можемъ ли мы желать лучшей комбинаціи?

Въ М. Н. Муравьева не преминули бросить грязью и лорды. Но на этотъ разъ ему особенно посчастливилось: бросили грязью — маркизъ Кланрикардъ и графъ Элленборо. Маркизъ Кланрикардъ такого рода особа, что можетъ запачкать своею дружбой, а не бранью. Своею бранью онъ не задѣнетъ генерала Муравьева, а своею дружбой маркизъ Кланрикардъ однажды погубилъ небрезгливый кабинетъ, принявшій его въ свои нѣдра: ругательство маркиза Кланрикарда можетъ только возвысить генерала Муравьева во мнѣніи его соотечественниковъ, а общественное мнѣніе въ Англіи

не могло выносить того министерства, котораго членомъ сталъ высоконравственный маркизъ Кланрикардъ. Точно также другой кабинетъ долженъ былъ выбросить за бортъ полоумнаго графа Элленборо для того чтобы спастись отъ крушенія. Лорды, оставаясь въ наивной увѣренности, что на русское правительство можно еще дѣйствовать подобными демонстраціями, поспѣшили ими до закрытія парламента. Впрочемъ, надобно и то сказать, что старые лорды можетъ-быть отчасти и искренно вѣрили тѣмъ гнуснымъ выдумкамъ и искаженіямъ, которыя распространяются особенно во французскихъ журналахъ, не исключая и *Journal des Débats*. Лордъ Мальмсбери, вѣроятно, говорилъ бы другимъ языкомъ, еслибъ имѣлъ хоть сколько-нибудь основательныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ. Англійское правительство не соглашается сообщить донесенія, доставляемыя ему британскими агентами изъ Петербурга и Варшавы. Оно говоритъ, что не хочетъ компрометтировать своихъ агентовъ. Позволительно сомнѣваться въ дѣйствительности этого мотива. Донесенія британскихъ агентовъ можетъ-быть окрашены въ извѣстный цвѣтъ, но они не могутъ быть похожи на то что печатается въ европейскихъ газетахъ подъ диктовку агентовъ польской революціи. Англійское правительство оказало бы услугу дѣлу правды обнародованіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ донесеній. Можно съ увѣренностію сказать, что его агенты не были бы компрометтированы въ Россіи больше чѣмъ теперь, когда всѣ мы недоумѣваемъ какъ согласить ложь, проповѣдываемую о насъ въ палатахъ англійскаго парламента, съ пребываніемъ въ Россіи англійскихъ агентовъ, которые не могутъ не знать истины. Русская публика приписываетъ имъ болѣе лживыя донесенія о ходѣ дѣлъ чѣмъ тѣ, которыя, вѣроятно, идутъ отъ нихъ въ Лондонъ.

№ 160.

Москва, 19-го іюля.

Извѣстія, принесенныя послѣднею заграничною почтою, настроены большею частью на воинственный ладъ. Все еще увѣренныя въ нашей невозмутимой кротости, три державы приготовляются грянуть противъ насъ одною общею нотою, поддержавъ ее въ случаѣ надобности цѣлымъ хоромъ европейскихъ государствъ. Въ составленномъ Франціей проектѣ этой ноты, какъ говоритъ вѣнская *Presse*, прежде всего будутъ выставлены доводы противъ показанія князя Горчакова, что польское возстаніе поддерживается и питается извнѣ, преимущественно изъ Парижа; далѣе въ ней вновь будутъ повторены прежнія, уже устраненныя Россіей предложенія относительно шести пунктовъ, конференціи восьми державъ и предварительнаго перемирія; наконецъ, въ ней указано будетъ, что отъ Россіи ждутъ категорическаго отвѣта касающагося только сущности дѣла, и что въ случаѣ ея отказа принять эти предложенія дипломатическіе переговоры будутъ прерваны, и державы будутъ сообразоваться впредь только съ интересами Европы, глубоко страдающими отъ положенія дѣлъ въ Польшѣ, не справляясь болѣе съ видами и желаніями самой Россіи. Тѣмъ не менѣе въ самой нотѣ будетъ милостиво обозначено, что державы не придаютъ ей значенія ультиматума. Въ то же время *Morning Post*, какъ бы въ исполненіе недавнихъ словъ лорда Пальмерстона о томъ, что частнымъ образомъ, подъ рукою, могли бы быть узнаны условія, на которыхъ революціонное правительство въ Варшавѣ обязалось бы соблюдать предлагаемое Россіи перемиріе, печатаетъ декларацію такъ-называемаго національнаго правительства Польши. Эти господа соглашаются дать пощаду русскимъ войскамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы военныя дѣйствія были прекращены не только въ Польшѣ, но и въ западныхъ областяхъ Россіи, на что намекала и французская депеша, вызвавшая такой рѣшительный отвѣтъ князя Горчакова; 2) чтобъ обозначены были мѣстности, которыя Россія можетъ занимать своими войсками; 3) чтобы возвращена была свобода всѣмъ арестованнымъ, и дозволено было возвратиться всѣмъ бѣглецамъ и изгнанникамъ; и 4) чтобы наряжена была особая международная коммиссія для наблюденія за выполненіемъ этихъ условій. Итакъ, вотъ чего желаетъ мудрое національное правительство Польши, и вотъ какою цѣною должны мы купить право на сладкій покой и бездѣйствіе въ виду въ высшей степени дерзкаго, хотя и матеріяльно, и нравственно безсильнаго мятежа,—безсильнаго, лишь бы мы сами не усиливали его! Ужь не на этихъ-ли условіяхъ готовятся

европейскіе политики вновь потребовать отъ насъ перемирія съ мятежниками? Гдѣ же будетъ конецъ нашему долготерпѣнію?

Европейская биржа, повидимому, почуяла было въ послѣднихъ отвѣтахъ князя Горчакова, что конецъ этотъ наступилъ, и что Россія уже не намѣрена сносить дальнѣйшихъ оскорбленій. Виды на такой ходъ дѣлъ, стѣснительный для французской воинственности и обѣщающій скорое возстановленіе нормальнаго положенія европейской политики, были приняты биржей благопріятно. Какъ мы уже говорили, русскіе фонды стояли лучше французскихъ и гораздо лучше австрійскихъ. Но вотъ въ виду изготовляющагося вновь повторенія тѣхъ же требованій, которыя разъ были уже отринуты, въ виду обнародованныхъ депешъ лорда Непира къ графу Росселю, подающихъ надежду на дальнѣйшую затяжку переговоровъ и на нѣкоторую уступчивость съ нашей стороны, биржа начинаетъ испытывать серіозную тревогу. Мы имѣемъ лондонскія газеты только до понедѣльника, и слѣдовательно полныя биржевыя извѣстія только до субботы. Въ пятницу на прошлой недѣлѣ русскій седьмой заемъ стоялъ 92¹/₄, въ субботу онъ упалъ до 92¼. О дальнѣйшемъ движеніи до вторника извѣщаютъ телеграфическія депеши *Посредника*. Во вторникъ на этой недѣлѣ седьмой заемъ стоялъ въ 91⅜. Французскіе фонды были тверже; трехпроцентная рента держалась около 67; во вторникъ она стояла 66.95. „Серіозные биржевые люди, говоритъ *Times*, не вѣрятъ въ войну.“ Но проволочка въ рѣшеніи дѣла не можетъ нравиться биржѣ. Биржа видитъ, что чѣмъ больше уступчивости ожидается отъ Россіи, тѣмъ воинственнѣе становится Франція, а такъ какъ въ войну биржа не вѣритъ, то предполагается, что дѣло и безъ войны можетъ кончиться въ ущербъ Россіи. Еслибы ожидалась война, то падали бы французскіе фонды. Но они держатся лучше чѣмъ вскорѣ по полученіи отвѣтовъ князя Горчакова. Наши фонды наоборотъ. Когда былъ полученъ рѣшительный отвѣтъ князя Горчакова, наши фонды менѣе пострадали чѣмъ страдаютъ теперь, когда увеличивается требовательность западныхъ державъ и ожидаются со стороны Россіи или уступки, или продолжительные переговоры, во время которыхъ должны происходить военныя приготовленія, обременительныя для русскихъ финансовъ. „Хотя, говоритъ *Times* въ своей биржевой статьѣ, относящейся къ положенію дѣлъ 25-го (13-го) іюля, вліятельнѣйшія лица торговаго класса какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, смотрятъ еще съ изумленіемъ на эту манію войны изъ-за Польши, однакоже очевидно, что спекуляторы по ту и по другую сторону Канала, и особенно тѣ изъ нихъ, которые слывутъ за имѣющихъ доступъ къ императорско-французскому двору, почти пришли къ убѣжденію, что уже рѣшены враждебныя дѣйствія.“ Предполагаемыя враждебныя дѣйствія не могутъ, очевидно, состоять въ объявленіи открытой и честной войны; это будутъ коварно-враждебныя дѣйствія. Наиболѣе близкіе къ правительству французскіе журналы, въ томъ числѣ и *La France*, продолжаютъ увѣрять, что Франція одна не начнетъ войны, и что если война и возможна, то не иначе какъ война европейская, война, въ которой тотчасъ же приняли бы участіе и Австрія, и Англія. Но, какъ мы уже тысячу разъ говорили, въ настоящее время европейская война изъ-за Польши дѣло совершенно невозможное; Франція же, которая желала бы возстановленія Польши, и у которой готовъ уже и планъ на этотъ случай, планъ заключающійся, по словамъ *Saturday Review*, въ томъ чтобы Россію отбросить подальше отъ Вислы, Австрію склонить къ уступкѣ Галиціи и Венеціи въ обмѣнъ на Баварію и Саксонію, себѣ взять берегъ Рейна, а Пруссію вознаградить Ганноверомъ, Франція, возбудившая уже такія подозрѣнія присоединеніемъ къ себѣ Ниццы и Савоіи, осталась бы безъ союзниковъ, еслибы рѣшилась на войну съ такими цѣлями. Парижскій корреспондентъ *Times* приводитъ, правда, въ пользу европейской войны противъ Россіи нѣкоторыя соображенія, какъ отголосокъ мнѣній французскихъ журналовъ принадлежащихъ къ воинственной партіи. Если всѣ усилія западныхъ державъ и Австріи, говорятъ они, останутся безуспѣшны, и Россіи дозволено будетъ снова подавить Польшу, то всѣ плоды крымской кампаніи будутъ потеряны; Россія будетъ снова преобладать въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, и въ состояніи будетъ снова взяться, когда только ей вздумается, за выполненіе своихъ плановъ на востокѣ. Подобныя опасенія и разчеты, въ связи съ чувствами непріязни и недовѣрія, возбужденными въ Австріи и въ Англіи временнымъ сближеніемъ Россіи съ Франціей во время итальянской кампаніи и непосредственно послѣ

нея, были бы можетъ-быть способны породить европейскую войну противъ Россіи, еслибъ они не уравновѣшивались и даже не перевѣшивались опасеніями, что Франція не въ состояніи будетъ остановиться на полдорогѣ и отказаться отъ своихъ завѣтныхъ цѣлей. Теперешнее положеніе дѣлъ на лондонской биржѣ указываетъ, напротивъ, на надежду, что Англія и Австрія сумѣютъ безъ войны, безъ тяжкихъ лишеній и пожертвованій, достигнуть своей цѣли, на долго ослабивъ Россію и унизивъ ее въ глазахъ и Запада и Востока. Не допуская Францію до возбужденія европейской войны, они постараются соразмѣрять свои требованія съ предполагаемою уступчивостью Россіи, и можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ начнутъ, вмѣстѣ съ Франціей, рядъ коварно-враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, въ надеждѣ, что Россія будетъ постыдно отступать предъ ними. Вотъ, вѣроятно, почему русскіе фонды падаютъ въ Лондонѣ.

При этихъ новыхъ козняхъ, затѣваемыхъ тремя державами, при этомъ новомъ возбужденіи европейскихъ государствъ къ дипломатическому на насъ походу, путь Россіи ясенъ. Подвергаться дальнѣйшимъ оскорбленіямъ, выслушивать назиданія какъ должны мы управлять своими областями, и истощать всѣ наши нравственныя и матеріяльныя силы на борьбу противъ козней враговъ, которыхъ нельзя достигнуть, было бы въ высшей степени не разчетливо. Напротивъ, нашъ разсчетъ въ томъ, чтобы воспользоваться дурнымъ мнѣніемъ нашихъ враговъ о насъ и ихъ увѣренностью что мы и безъ войны, изъ одного только страха войны, все отдадимъ, все уступимъ, на всякое ихъ требованіе согласимся. Въ этой увѣренности, какъ всѣ согласно утверждаютъ, они не принимали никакихъ мѣръ, не дѣлали никакихъ военныхъ приготовленій. Ложное и противоестественное положеніе, въ которое они сами поставятъ себя, особенно Австрія, вступивъ въ комплотъ съ нашими мятежниками, развяжетъ намъ руки и уравняетъ путь передъ нами.

Дѣйствительно, нѣтъ ничего не сообразнѣе того положенія, которое принимаетъ теперь Австрія. Она, объявляя во всеуслышаніе о своемъ желаніи удержать Галицію и Краковъ за собою, въ то же время является усердною поборницею Поляковъ, которые съ величайшею откровенностью, даже въ собственномъ ея парламентѣ, торжественно объявляютъ, что ведутъ борьбу за возстановленіе всего своего королевства въ прежнемъ объемѣ. При незаслуженно враждебныхъ дѣйствіяхъ направленныхъ на несбыточное раздробленіе Россійской имперіи, мы въ правѣ, мы даже обязаны воспользоваться не фантастическими, а дѣйствительными элементами, которые могутъ вести къ раздробленію имперіи Австрійской. Австрія думаетъ пользоваться національными польскими притязаніями какъ послушнымъ орудіемъ для уничтоженія и ослабленія Россіи; мы можемъ легко показать ей, что она вызываетъ тѣмъ призракъ національныхъ стремленій, отъ котораго не въ состояніи будетъ избавиться никакими заклинаніями. Австрія всегда трепетала войны съ Россіей. Теперь, когда національныя стремленія высказываются живѣе чѣмъ прежде, когда австрійская государственная централизація, совершаемая въ нѣмецкомъ духѣ и дающая нѣмецкой національности значительный перевѣсъ, вызываетъ страшное недовѣріе во всѣхъ венгерскихъ и почти во всѣхъ славянскихъ подданныхъ Австріи, эта держава ни въ какомъ случаѣ не рѣшится на войну съ Россіей. Если она продолжаетъ свою двусмысленную политику, то лишь вслѣдствіе убѣжденія, что войны не будетъ. „Здѣсь, говоритъ вѣнскій корреспондентъ *Times* въ письмѣ приведенномъ ниже, господствуетъ мнѣніе, что русское правительство не можетъ и не захочетъ прибѣгнуть къ оружію, еслибъ Австрія открыто и не стѣсняясь выразила свое намѣреніе идти рука объ руку съ западными державами.“ Вотъ почему Австрія и отворачивается отъ насъ. Но она измѣнитъ тонъ какъ скоро намъ вздумается принять относительно ея угрожающее положеніе. Не забудемъ, что у нея есть, по выраженію г. Горсмана, и кромѣ Венгріи, кромѣ Галиціи, еще Венеція. Туринскій корреспондентъ *Journal des Débats*, въ помѣщенномъ ниже письмѣ, увѣряетъ, что въ случаѣ войны Италія будетъ заодно съ Франціей и нравственно и матеріяльно. Но Италія едва ли будетъ въ состояніи удержаться отъ соблазна воспользоваться погромомъ Австріи въ восточныхъ ея предѣлахъ: по крайней мѣрѣ, она въ правѣ была бы потребовать себѣ Венеціи во имя тѣхъ же національныхъ притязаній, которыя Австрія вздумала бы защищать въ Польшѣ. Словомъ, политика Австріи не въ ея, а въ нашихъ рукахъ.

Мы не говоримъ о христіанахъ Турецкой имперіи, которые такъ давно ждутъ только насъ, чтобы разорвать сѣти, которыя плететъ для нихъ Англія, и ждутъ притомъ не праздно, какъ видно изъ извѣстій, что въ распоряженіи князя Михаила Сербскаго находится 100.000, а въ распоряженіи князя Кузы 25.000 войска. Каковы эти англійскія сѣти, читатели могутъ ясно видѣть изъ письма г. Марковича, Серба, которое не было принято газетой *Times*, но которое напечатала *Saturday Review*.

На Пруссію мы также можемъ надежно положиться, кто бы ею ни правилъ, потому что для нея такъ-называемый польскій вопросъ есть вопросъ гораздо болѣе жизненный, чѣмъ для Россіи. Для Пруссіи тутъ дѣло идетъ не объ однѣхъ польскихъ провинціяхъ, но также и о лѣвомъ берегѣ Рейна.

Наконецъ, какъ бы это ни странно показалось европейскимъ политикамъ, Россія никогда не была такъ сильна какъ теперь. Имѣя уже въ настоящую минуту въ шесть разъ больше штыковъ чѣмъ въ 1812 году, будучи въ состояніи имѣть весною еще около 200.000 свободнаго войска, не только оживленная, но потрясенная отъ одного края до другаго чувствомъ патріотизма, съ небывалою силой рвущимся наружу, Россія находится теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы поправить свое международное положеніе, пострадавшее вслѣдствіе крымской войны. Европейскія державы не могутъ требовать отъ насъ уступокъ во имя миролюбія. Мы дѣйствительно одушевлены чувствомъ миролюбія. Это чувство въ насъ не поддѣльное. Весь нашъ образъ дѣйствій служитъ доказательствомъ того. Но державы должны наконецъ понять, что при теперешнихъ обстоятельствахъ, не нами, а ими созданныхъ, всякая уступка съ нашей стороны была бы приписана не миролюбію, а слабости, и еще болѣе испортила бы наше международное положеніе, тогда какъ напротивъ мы именно должны воспользоваться теперешними обстоятельствами, чтобъ его поправить. Такова наша очевидная потребность, и таково всеобщее желаніе Россіи. Мы не искали войны, но мы не уклонимся отъ нея.

№ 161.

Москва, 23-го іюля.

А.

Дѣла становятся все яснѣе и яснѣе на взглядъ. Но чѣмъ легче узелъ распутывается на взглядъ, тѣмъ болѣе запутывается онъ на дѣлѣ. Если бы можно было удовольствоваться мысленнымъ разрѣшеніемъ узла, то всякій легко могъ бы доставить себѣ это удовольствіе: стóитъ только немного сообразить обстоятельства, очистить свою мысль отъ всякой ненужной или негодной примѣси и попристальнѣе вглядѣться. Но глазами узла не развяжешь.

Мы отвергли предложеніе трехъ державъ, вмѣшавшихся въ наши внутреннія дѣла. Мы не допустили конференціи державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ; мы не могли допустить пересмотръ трактата, какъ будто послѣ несчастной войны. Мы предложили новую комбинацію, именно обсужденіе польскихъ дѣлъ между тремя сопредѣльными державами, непосредственно и практически въ нихъ заинтересованными, — между Россіей, Пруссіей и Австріей. Послы западныхъ державъ поспѣшили потребовать у насъ объясненія, и правительство наше сказало имъ, что результаты совѣщаній между тремя сопредѣльными и заинтересованными державами будутъ оффиціяльно сообщены обѣимъ западнымъ державамъ на разсмотрѣніе, дабы онѣ могли сличить эти результаты съ общимъ смысломъ условій трактата. Сверхъ того лордъ Непиръ успокоивалъ свое правительство, что шесть пунктовъ будутъ приняты въ основаніе сепаратныхъ совѣщаній между тремя державами. Австрія между тѣмъ поспѣшила энергически протестовать противъ конференцій, въ которыхъ не будутъ участвовать обѣ ея союзницы. Теперь Европа почему-то почти вовсе перестала сомнѣваться въ миролюбіи Россіи, и какъ слышно, три державы приглашаютъ Пруссію, державшуюся до сихъ поръ въ сторонѣ, принять участіе въ новой комбинаціи. Россія вызвалась рѣшить польское дѣло въ союзѣ съ сопредѣльными державами, Австріей и Пруссіей; она согласилась принять шесть пунктовъ въ основаніе, она наконецъ согласилась результатъ частной конференціи сообщить на разсмотрѣніе двумъ остальнымъ великимъ державамъ. Слѣдовательно, заключаютъ евро-

пейскія правительства, остается сдѣлать еще одинъ шагъ, одинъ полушагъ, даже менѣе полушага, для того чтобы придти къ новой комбинаціи совершенно удовлетворяющей видамъ державъ враждебныхъ Россіи. Онѣ предлагали конференцію всѣхъ державъ участвовавшихъ въ подписаніи вѣнскаго трактата; теперь является мысль о конференціи только пяти великихъ державъ. Чтобъ облегчить для русскаго правительства переходъ къ этой послѣдней комбинаціи, почему не сдѣлать предложеніе чрезъ посредство Пруссіи, державы дружелюбной и державшейся доселѣ въ сторонѣ? При такихъ условіяхъ почему Россіи и не согласиться на конференцію? Соблюдается полная благовидность; новая комбинація возникаетъ какъ бы вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ, и дѣло оканчивается самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вотъ какая плетется исторія для испытанія нашей уступчивости и миролюбія. Враждебныя намъ державы почему-то думаютъ, что мы положительно не способны къ рѣшительному отпору, что мы готовы на всякую уступку, что мы съ каждымъ шагомъ будемъ давать все новыя и новыя права надъ собою другимъ державамъ, и что мы хлопочемъ только о томъ, чтобы какъ-нибудь соблюсти благовидность и лишь удержать наружные пріемы великой державы, утративъ ея значеніе.

Неизвѣстно, на чемъ европейскія правительства основываютъ свои разчеты. Депеши князя Горчакова свидѣтельствуютъ о такомъ настроеніи нашего правительства, которое дѣлаетъ, повидимому, подобные разчеты совершенно напраснымъ. Достоинство новой комбинаціи, предложенной княземъ Горчаковымъ, заключается именно въ томъ, что она служитъ самымъ очевиднымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ отказа. Въ этомъ ея смыслъ и достоинство. Вмѣсто того чтобы сказать просто *нѣтъ*, князь Горчаковъ предложилъ такую комбинацію, которая даетъ этому *нѣтъ* плоть, кровь и силу. Нашъ вице-канцлеръ не удовольствовался простымъ выраженіемъ отказа; какъ слѣдуетъ представителю великой державы, оскорбляемой въ своемъ достоинствѣ и правахъ, онъ ступилъ шагъ впередъ; онъ отвѣчалъ наступательно; онъ сдѣлалъ предложеніе прямо противоположное видамъ враждебнаго намъ союза трехъ державъ. Имъ нужно было призвать Россію на судъ, въ качествѣ подсудимаго; наше правительство не только отказалось повиноваться этому позыву въ судъ, но само какъ бы позвало на судъ другихъ. Вся сила предложенныхъ княземъ Горчаковымъ конференцій между Австріей, Россіей и Пруссіей заключается не въ томъ, чтобъ эти конференціи состоялись, а въ томъ чтобы напомнить Европѣ всю нелѣпость поднятаго ею, такъ-называемаго польскаго вопроса. Еслибъ Австрія и Пруссія дѣйствительно согласились на конференціи съ Россіей по польскому дѣлу, то дѣло это исчезло бы само собою, не дожидаясь конференціи. Во всякомъ случаѣ, какъ ни былъ поставленъ польскій вопросъ между Россіей, Австріей и Пруссіей, Россія отнюдь не могла бы явиться въ качествѣ подсудимаго лица на совѣщаніяхъ съ обѣими германскими державами. Всѣ три державы совѣщались бы о дѣлѣ равно для нихъ общемъ. Между Россіей, Австріей и Пруссіей рѣчь можетъ идти не объ одномъ Царствѣ Польскомъ, но и о нѣкоторыхъ областяхъ, входящихъ въ составъ Австріи и Пруссіи. Россія можетъ допустить нѣкоторыя вмѣшательства и Австріи и Пруссіи во внутреннія дѣла Царства Польскаго; но допуская это, она тѣмъ самымъ получаетъ право на вмѣшательство во внутреннія дѣла обѣихъ германскихъ державъ, въ силу того же трактата, которымъ утверждено за Россіей бывшее герцогство Варшавское.

Но вотъ Австрія негодуетъ на то что Россія дерзнула поставить Галицію на одну доску въ Царствомъ Польскимъ. Галиціей владѣетъ Австрія не въ силу Вѣнскаго трактата; стало-быть Галиція, по мнѣнію Австріи, не можетъ быть предметомъ международныхъ совѣщаній. Положимъ, что такъ; но зачѣмъ же Австрія и союзныя съ нею державы, въ своихъ оффиціяльныхъ депешахъ, касаются не зависящихъ ни отъ какого трактата коренныхъ областей Россіи, которыми владѣетъ она на правахъ гораздо болѣе существенныхъ чѣмъ австрійскія права на Галицію? Наконецъ Австрія владѣетъ Величкой на основаніи трактата; она владѣетъ Краковскою областью единственно въ силу соглашенія между Россіей и Пруссіей, состоявшагося тоже на основаніи Вѣнскаго трактата. Пруссія владѣетъ значительною частью герцогства Познанскаго въ силу тѣхъ же трактатовъ. Собственно въ этомъ обстоятельствѣ, повторимъ, только и могла заключаться сила отвѣтовъ князя Горчакова. Но если бы Россія приняла новыя замышляемыя предложе-

нія о конференціи пяти державъ, то этимъ была бы уничтожена вся сила отвѣтовъ, все ихъ значеніе которое такъ обрадовало Россію.

Россія не хочетъ уступать; но, какъ видно, державы не совсѣмъ этому вѣрятъ. Имъ все кажется, что Россія сама дается имъ въ руки, и что онѣ шагъ за шагомъ, ничѣмъ не жертвуя, ничего не теряя, только съ помощію ловкихъ маневровъ и угрозъ, добьются того что̀ имъ надобно. Вся задача теперь заключается только въ томъ, чтобы Россія отняла у враждебныхъ ей державъ всякое основаніе сомнѣваться въ ея рѣшимости. Пока это сомнѣніе будетъ оставаться въ силѣ, положеніе дѣлъ не улучшится. Къ сожалѣнію, какъ кажется, дѣло не ограничивается сомнѣніемъ. Державы почему-то даже увѣрены въ успѣхѣ своихъ замысловъ поразить Россію безъ войны. Во главѣ этихъ державъ стоятъ лица искусныя и опытныя, проницательныя и догадливыя: хорошо бы дознаться откуда проистекаетъ ихъ увѣренность въ успѣхѣ ихъ политики? Чѣмъ поддерживается эта увѣренность? Что̀ въ насъ есть такого, на что̀ враги наши такъ рѣшительно разчитываютъ? Кажется, все обстоитъ благополучно: правительство и народъ одушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ. Россія вооружается и готовится къ отпору. Для войны народной средства Россіи громадны и неистощимы. Отвѣты нашего правительства ясны и рѣшительны. Что же поддерживаетъ въ хитрыхъ и зоркихъ политикахъ надежду на полный успѣхъ задуманныхъ ими плановъ? Вотъ объ этомъ-то слѣдовало бы теперь каждому честному русскому человѣку, оставя разные вздоры, серіозно подумать. Дѣло серіозное.

Сейчасъ только доставлено намъ новое издѣліе подземной печати, появившееся въ Петербургѣ. Въ нашъ вѣкъ прогресса и подземная печать не безъ прогресса. Новый листокъ, подъ заглавіемъ *Свобода*, не заключаетъ въ себѣ прежнихъ безобразій, разчитанныхъ на публику состоящую изъ дѣтей и идіотовъ; этотъ новый листокъ какъ будтобы написанъ для публики взрослой, и могъ бы занять мѣсто въ любомъ враждебномъ Россіи иностранномъ журналѣ. Наши революціонеры оставляютъ теперь заботу о внутреннемъ устройствѣ Россіи; ихъ теперь тоже, какъ и всѣхъ занимаютъ польскія дѣла, и они пускаются въ европейскую политику. И они тоже дѣлаютъ предложеніе, и предложеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы Россія немедленно исполнила всѣ требованія европейскихъ державъ. Они негодуютъ на то что правительство наше, по ихъ мнѣнію, воодушевлено слишкомъ воинственнымъ жаромъ; они упрекаютъ правительство въ томъ, будто бы оно рвется затѣять съ Европой войну, и будто оно только изъ этого бьется, только объ этомъ хлопочетъ. „Чтобы придать ненужной и позорной для Россіи войнѣ видъ воли народной, правительство прибѣгло къ подачѣ адресовъ.“ Такъ выражаются подземные политики. Они утверждаютъ, что нынѣшній русскій патріотизмъ есть ложь и сочиненіе самого правительства; что въ Россіи все противъ войны, и что правительство умышленно раздражаетъ и оскорбляетъ Европу чтобы тѣмъ вызвать войну. Особенно достается генералу Муравьеву; онъ, какъ и надобно ожидать отъ измѣнниковъ, осыпается самыми отборными ругательствами.

Итакъ, измѣнники совѣтуютъ Россіи не думать о войнѣ и быть уступчивою. Они желаютъ самыхъ пріятныхъ вещей: мира, тишины и спокойствія; они только того и опасаются, чтобы правительство вдругъ не обнаружило энергической рѣшимости къ войнѣ, и ужь заранѣе поносятъ его за войнолюбіе и чернятъ всѣ проявленія русскаго патріотическаго чувства, нехуже многихъ изъ нашихъ надземныхъ публицистовъ. Казалось бы, комитету революціоннаго общества, которое желаетъ ниспроверженія существующаго порядка и раздробленія Россіи въ видахъ космополитической революціи, надобно желать войны. Отчего же эти подпольные политики теперь такъ трепещутъ чтобы Россія и въ самомъ дѣлѣ не начала войну? Откуда взялся у нихъ этотъ странный и неожиданный консерватизмъ? Чего имъ вдругъ стало жаль въ Россіи? Если ненавидимое ими правительство увлекается, по ихъ мнѣнію, безумнымъ войнолюбіемъ, если оно, въ противность интересамъ своей страны, затѣваетъ какую-то безсмысленную войну съ цѣлою Европой, при совершенномъ разстройствѣ государства, при крайнемъ истощеніи силъ, то такая война длиться не можетъ, такая война была бы рѣшена первою же битвой, къ полному удовольствію подземныхъ политиковъ. Зачѣмъ же они хотятъ спасать это правительство, зачѣмъ они съ такою настойчивостію протестуютъ противъ войны? Они

говорятъ и дѣйствуютъ очень послѣдовательно: они говорятъ и дѣйствуютъ такъ какъ слѣдуетъ говорить измѣнникамъ своему отечеству и врагамъ Россіи. Съ своей точки зрѣнія они говорятъ неглупо. Глупо бы было говорить такимъ образомъ съ противоположной точки зрѣнія. Въ подземной печати языкъ этотъ понятенъ; но пусть тѣ господа, которые впадаютъ въ тотъ же самый тонъ, живя и говоря подъ открытымъ небомъ, пусть они подумаютъ, съ кѣмъ за одно они тянутъ! Мы потому и распространились объ этомъ новомъ порожденіи подземной печати, что тѣ же самыя мысли иногда высказываются и на поверхности земной.

Мы говорили о подземномъ листкѣ; укажемъ теперь на документъ другаго рода, о которомъ только что вчера узнали мы изъ иностранныхъ газетъ и подробности котораго сообщаемъ ниже подъ рубрикою *Пруссія*. Это меморія берлинскаго кабинета къ прусскому посланнику при С.-Петербургскомъ дворѣ повидимому носящая всѣ признаки подлинности. Прусскій министръ-президентъ не принадлежитъ, какъ извѣстно, ни къ тайнымъ, ни къ явнымъ врагамъ Россіи. Пруссія единственная держава, которая до сихъ поръ не дала завлечь себя къ участію въ мистификаціи предпринятой противъ Россіи. Любопытно знать какіе совѣты даетъ г. фонъ-Бисмаркъ нашему правительству. Это тѣмъ любопытнѣе, что г. фонъ-Бисмаркъ не какой нибудь незначащій публицистъ, не посвященный въ тайны европейскихъ кабинетовъ и государственныхъ дѣлъ. Онъ—главный министръ великой державы, и притомъ державы наиболѣе заинтересованной въ польскихъ смутахъ, державы, не имѣющей ни малѣйшаго интереса мистифировать насъ, а напротивъ побуждаемой собственнымъ жизненнымъ интересомъ сказать намъ самое правдивое и искреннее слово. Что же говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ? Онъ говоритъ „ни отъ одной изъ трехъ великихъ дер„жавъ нельзя опасаться войны изъ-за Поль„ши, и всего было бы лучше, чтобъ и са„ма Россія не обнаруживала такихъ опасе„ній, а напротивъ приняла бы такой тонъ, „который въ Парижѣ и Лондонѣ показалъ „бы, что она рѣшительно не допускаетъ „посторонняго вмѣшательства въ польскія „дѣла.“ На прошлой недѣлѣ, въ пятницу и субботу, *Московскія Вѣдомости* твердили о томъ, какъ необходимо Россіи принять рѣшительный тонъ; при этомъ было нами замѣчено, что однимъ наружнымъ видомъ рѣшимости она ничего не достигнетъ, и не произведетъ достодолжнаго впечатлѣнія. Мы говорили, что Россія должна серіозно рѣшиться, такъ чтобы не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея рѣшимости. Дружелюбное намъ прусское правительство говоритъ слѣдующее: „Чтобы доказать серіоз„ность такого настроенія, Россія должна „озаботиться со всею энергіей о подавле„ніи въ Польшѣ мятежа..... Даже въ слу„чаѣ еслибы западныя державы рѣшились „на войну, Россія должна энергически встрѣ„тить и подобную случайность... Самая „война для Россіи,“ — такъ заключаетъ дружелюбная намъ держава, —„можетъ быть „только желательна. Возбудивъ патріо„тизмъ, она уничтожила бы всѣ элементы „безпорядковъ внутри страны, и возврати„ла бы ей прежнее положеніе въ Европѣ. „Во всякомъ случаѣ Россія менѣе потер„питъ отъ войны чѣмъ отъ уступчивости „западнымъ державамъ.“

Вотъ что говоритъ намъ дружественная держава, соединенная съ нами общимъ интересомъ. Точь въ точь то же самое и почти тѣми же словами говорили и говорятъ въ Россіи тѣ, кто не желаетъ зла своему отечеству и не хочетъ видѣть его униженія и бѣдствій. Враги говорятъ иначе. „Мы убѣждены, говоритъ пальмерстоновская газета *Morning Post* что вопросъ о войнѣ не только далекъ, но что о немъ и рѣчи не будетъ.“ Стало-быть и послѣ отвѣтовъ, эта газета не унываетъ; она почему-то питаетъ надежду на перемѣну къ *лучшему*.

Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь дѣло. Дѣло на взглядъ ясно; однако глазами все-таки не развяжешь узла.

Можетъ-быть, и прусское правительство до сихъ поръ дружелюбное, заразится общею увѣренностью въ нашемъ миролюбіи, и пожалуй присоединится къ враждебной намъ коалиціи, о чемъ уже и ходятъ слухи. Его присоединеніе, окончательно докажетъ Полякамъ, что эта коалиція нисколько не имѣетъ въ виду удовлетворенія польскихъ притязаній; но отъ этого намъ будетъ не легче: мы все-таки будемъ совершенно изолированы, а такое положеніе для великой державы совершенно нестерпимо, совершенно невозможно.

Гдѣ же скрывается корень зла? Друзья Россіи желаютъ ей энергіи; соотвѣтствующей ея значенію, ея достоинству, ея дѣй-

ствительнымъ силамъ. Но они думаютъ что ни подъ какимъ видомъ невозможно откладывать намѣреніе принять серіозное рѣшеніе, что такія намѣренія не откладываются, и что сущность заключается даже не въ самомъ рѣшеніи, а въ серіозной готовности принять его, и что эта готовность должна чувствоваться теперь же, что если она не чувствуется теперь, то никто не повѣритъ, что она вдругъ появится завтра. Вопросъ заключается въ томъ, есть ли элементы для такой рѣшимости, и нѣтъ ли чего-нибудь особеннаго, неяснаго и смутнаго, что мѣшаетъ этимъ элементамъ сойдтись и образовать желанную рѣшимость? Нѣтъ ли какого-нибудь серіознаго основанія западнымъ державамъ полагать, что онѣ могутъ, какъ недавно выразилась императрица Евгенія, и безъ войны отлично управиться съ нами?

Прусское правительство совѣтовало намъ немедленно показать, что въ насъ есть всѣ нужныя условія для энергическаго образа дѣйствій. Оно не ограничилось общимъ, неопредѣленнымъ совѣтомъ. Оно совѣтовало намъ доказать, что мы дѣйствительно здоровы, что съ нами ничего не случилось, и доказать это оно совѣтовало намъ подавленіемъ польскаго мятежа. Оно старалось надоумить насъ, что этимъ мы разомъ положили бы конецъ той удивительной мистификаціи, которой мы стали предметомъ.

Подавить мятежъ въ Польшѣ! Легко сказать! Легко сказать это прусскому правительству, которое хотя и близко отъ Россіи и Польши находится, но не слышитъ всего того что въ Россіи и Польшѣ говорится. Прусское правительство не знаетъ что польскій мятежъ не есть мятежъ, а что онъ есть великое народное возстаніе, героическій патріотизмъ. Такъ иные говорятъ даже въ Москвѣ, а то ли еще говорятъ въ Варшавѣ! Прусское правительство не знаетъ, что народность польская вдругъ пробудилась съ неслыханною силой, и что Поляки всѣ до одного одержимы этою силой, и скорѣе всѣ до одного погибнутъ чѣмъ согласятся на какую-либо уступку. Такъ вотъ что значитъ этотъ мятежъ, который Пруссія предлагаетъ намъ подавить какъ можно скорѣе! Какъ же можно подавлять такой блистательный патріотизмъ, такой великій подъемъ народныхъ силъ? У кого же хватитъ на это духа? Только нѣкоторымъ русскимъ писателямъ простительно въ одно и то же время удивляться блестящему патріотизму польскаго движенія и совѣтовать тѣмъ не менѣе дѣятельно приступить къ его подавленію, хотя бы то самыми „энергическими мѣрами“, разумѣя подъ этимъ мѣрами Богъ знаетъ что.

Исторія идетъ теперь быстро, и пройдетъ немного времени какъ она произнесетъ свой судъ надъ нынѣшними событіями, и судъ ея будетъ неумолимъ и страшенъ. Бѣдная Польша! Никогда еще никакая народность не находилась въ такомъ фальшивомъ положеніи въ какомъ находится теперь польская! Бѣдные люди гибнутъ тысячами, и ни за что ни про что должны слыть мятежниками и даже сами считать себя таковыми!

Просимъ читателей нашихъ припомнить то странное положеніе дѣлъ, которое было у насъ, на Руси, особенно въ сѣверной столицѣ нашей, назадъ тому года два, до извѣстныхъ всѣмъ пожаровъ. Мы просимъ ихъ припомнить это странное положеніе дѣлъ, эти революціонные комитеты, Богъ знаетъ откуда взявшіеся съ чудовищными прокламаціями, это настроеніе умовъ учащейся молодежи, эти удивительныя уличныя сцены, эту непонятную терроризацію, которая Богъ знаетъ откуда шла и распространялась на все съ верху до низу, эту неловкость, стѣсненность, эту духоту, которая всѣми чувствовалась, это разслабленіе, вдругъ поразившее всѣ элементы общественнаго порядка, начиная съ здраваго смысла. Всѣ знаютъ, что это была фальшь хотя еще не разъяснены окончательно всѣ элементы этой фальши. Точно такое же фальшивое положеніе дѣлъ пусть они представятъ себѣ въ Царствѣ Польскомъ, но пусть только они поднимутъ это настроеніе нѣсколькими градусами выше и сообразятъ что въ Польшѣ есть городской пролетаріатъ, что у ней не два, не три забубенные выходца, а нѣсколько тысячъ, и притомъ не просто болтуновъ и фразеровъ, но людей готовыхъ на всякую рукодѣльную мерзость; пусть они присоединятъ ко всему этому нѣкоторыя не совсѣмъ умершія воспоминанія въ обществѣ, — и имъ будетъ ясенъ характеръ нынѣшняго польскаго возстанія. Намъ положительно извѣстно, что даже тѣ изъ Поляковъ, которые крѣпко сохранили свой польскій патріотизмъ и многое принесли ему въ жертву, за какой-нибудь годъ или полтора передъ симъ, не только не помышляли о возстаніи, но готовы были всѣми силами противодѣйствовать ему. Мы знаемъ также, что нѣкото-

рые изъ тѣхъ самыхъ польскихъ патріотовъ, которые теперь погибли на висѣлицѣ, назадъ тому не такъ давно не только не имѣли никакого напряженно-враждебнаго чувства къ русской народности, но даже въ задушевныхъ письмахъ своихъ къ друзьямъ, тоже Полякамъ, охотно употребляли русскій языкъ. Спрашивается, какое же настроеніе должно господствовать въ тѣхъ мирныхъ народонаселеніяхъ, которыя даже теперь, въ самый разгаръ такъ-называемаго народнаго возстанія, при совокупномъ усиліи самыхъ противоположныхъ двигателей, все-таки остаются неподвижны, и просятъ правительство только о томъ чтобъ оно оградило ихъ отъ жандармовъ-вѣшателей? Какой интересъ въ тѣхъ чиновникахъ Полякахъ, въ самомъ Царствѣ Польскомъ, которыхъ мы считаемъ теперь зауряднъ повстанцами или ярыми пособниками повстанцевъ, но которые умоляютъ правительство, чтобъ оно обнародовало какія-нибудь строгія постановленія противъ нихъ же самихъ, и тѣмъ дало имъ предлогъ отказывать подземному правительству въ контрибуціяхъ, которыми оно раззоряетъ ихъ? Что сказать о самихъ этихъ бѣдныхъ повстанцахъ, которые загоняются какъ стада барановъ въ лѣса, и при приближеніи войскъ, которымъ они обречены въ жертву, становятся на колѣни, плачутъ и гибнутъ тысячами (См. ниже корреспонденію изъ Варшавы.)

Энергическія мѣры, энергическія мѣры! Энергическія мѣры не значатъ проливать кровь. Энергическія мѣры значатъ оградить людей отъ насилія, успокоить страну, находящуюся подъ властію непонятнаго кошмара. Энергическія мѣры значатъ не подталкивать одною рукою людей въ лѣса съ тѣмъ чтобы потомъ бить ихъ другою.

Б.

Мы просимъ у читателей нѣсколькихъ минутъ досуга для личнаго объясненія. Нѣтъ ничего затруднительнѣе, нѣтъ ничего щекотливѣе личныхъ объясненій. Но дѣлать нечего; обстоятельства сложились такъ, что мы волею или неволею обязаны сказать въ нашей газетѣ нѣсколько словъ о себѣ и о томъ положеніи, въ которомъ мы случайно и совершенно неожиданно очутились. Съ разныхъ сторонъ, отъ лицъ самыхъ разнородныхъ по образованію и общественному положенію, получаемъ мы изъявленія горячаго сочувствія мнѣніямъ, которыхъ органомъ служитъ наша газета. Мы не можемъ не радоваться этимъ изъявленіямъ, они не могутъ не трогать, не потрясать насъ до глубины души. Люди самые разнообразные, чуждые другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ, которымъ можетъ-быть никогда не придется встрѣтиться и узнать другъ друга въ глаза, раздѣляемые огромными пространствами, соединяются между собою незримою симпатическою нитью, подаютъ другъ другу вѣсть какъ старые друзья. Всѣ эти личныя заявленія, на которыя мы не имѣемъ возможности отвѣчать, хранимъ мы про себя, какъ нашу собственность, какъ нашу личную драгоцѣнность. Мы не считаемъ себя обязанными печатать эти письма, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами авторы ихъ изъявляютъ желаніе гласно заявить свое сочувствіе. Но мы не въ правѣ утаивать про себя то что имѣетъ общественный характеръ; мы не имѣемъ права скрывать заявленія дѣлыхъ обществъ и сословій. Скромность въ подобныхъ случаяхъ была бы не скромностію, а жеманствомъ, дурнымъ выраженіемъ самолюбія, вреднымъ самому дѣлу. Мы не могли затаить изъявленій сочувствія, присланныхъ намъ отъ Симбирскаго дворянства; мы не можемъ скрыть изъявленія такого же сочувствія отъ дворянства Саратовской губерніи. Насъ радуютъ эти выраженія сочувствія, но положеніе, въ которое они приводятъ насъ, столько же затрудняетъ и смущаетъ насъ. Не вмѣняемъ себѣ въ заслугу или добродѣтель то чувство смущенія, которое мы испытываемъ. Мы не считаемъ честолюбія за какой-либо порокъ, отъ котораго должно было бы отрекаться; честолюбіе честолюбію рознь, и честолюбіе можетъ быть самаго благороднаго свойства. Но честолюбіе, принимаемое въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, не есть наша добродѣтель какъ не есть наша слабость. Популярность никогда не прельщала насъ, никогда не была предметомъ нашихъ исканій и цѣлію нашихъ дѣйствій. При нынѣшнихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, намъ неожиданно довелось стать случайнымъ средствомъ, предлогомъ, поводомъ для общественныхъ заявленій, и каково бы ни было наше настроеніе, мы должны отложить въ сторону вопросъ о нашихъ личныхъ свойствахъ, предоставляя всякаго рода благопріятелямъ нашимъ дѣлать о насъ какія имъ угодно заключенія.

Мы получили изъ Саратова телеграфическую депешу отъ 19-го іюля, запоздавшую на пути:

„Саратовское дворянство, собравшись по случаю пріѣзда Государя Наслѣдника, сочувствуя мнѣніямъ вашимъ, пьетъ за ваше здоровье. Исправляющій должность губернскаго предводителя, Саратовскій уѣздный предводитель дворянства Слѣщовъ. Уѣздные предводители: Зотовъ, Каракозовъ, Гладковъ, Обуховъ Ершовъ, Персидскій, Степановъ, Аристовъ, Хардинъ, князь Прозоровскій-Голицынъ."

Въ Саратовъ былъ отправленъ слѣдующій отвѣтъ:

„Съ благодарностію и смущеніемъ принимаю высокую честь, оказанную мнѣ саратовскимъ дворянствомъ. Высоко цѣню ее какъ нравственную опору направленія, которому служу, какъ прямое заявленіе русскаго общества въ лицѣ его истинныхъ представителей. Посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, въ виду испытаній предстоящихъ нашему отечеству, необходима живая и могущественная сила русскаго общественнаго мнѣнія. Да внесетъ же наше дворянство въ эту новую силу — свою старую доблесть, свой испытанный исторіей, государственный духъ."

№ 162.

Москва, 24-го іюля.

Всѣ говорятъ, что наша государственная жизнь выработала очень мало такихъ учрежденій, которыми можно было бы дорожить. Съ этимъ нельзя не согласиться, но съ другой стороны изъ этого же слѣдуетъ, что тѣмъ бережнѣе должны мы обращаться съ учрежденіями, заслуживающими сохраненія. Чѣмъ кто бѣднѣе, тѣмъ онъ долженъ быть бережливѣе, тѣмъ болѣе долженъ онъ дорожить тѣмъ, что имѣетъ, если не хочетъ въ конецъ раззориться. Мы бѣдны въ государственной жизни: вотъ побужденіе цѣнить наше небольшое политическое достояніе, а не выбрасывать его за бортъ. Впрочемъ все это относится къ учрежденіямъ, то-есть къ тѣмъ формамъ, по большей части случайнымъ, которыя придало у насъ законодательство существующимъ элементамъ государственной жизни. Жаль, если хорошія изъ этихъ формъ будутъ замѣнены новыми формами, которыхъ достоинство еще сомнительно. Но главное дѣло заключается все-таки не въ формахъ, а въ элементахъ государственной жизни. Если то, что есть хорошаго въ учрежденіяхъ, заслуживаетъ сохраненія, если разумное преобразованіе должно ограничиваться устраненіемъ того, что есть недостаточнаго въ учрежденіяхъ, и всячески остерегаться ненужной ломки, то относительно самыхъ элементовъ государственной жизни законодательство, еслибы и хотѣло предпринять ломку, оказалось бы безсильнымъ исполнить свое намѣреніе. Общественныя формаціи не создаются предписаніями закона; они дѣло исторіи, результатъ продолжительнаго и сложнаго историческаго развитія; ихъ нельзя передѣлать уставами. Онѣ останутся какъ были: потерпитъ только уставъ, не принявшій ихъ въ должное вниманіе; онъ будетъ мертвою буквой именно потому что не воспользовался живыми элементами того общества, для котораго написанъ. Хорошія учрежденія, или то, что есть хорошаго въ учрежденіяхъ, надобно беречь изъ разчета, чтобы не тратить силъ на перестройку частей зданія, могущихъ обойдтись безъ перестройки. А съ общественными формаціями надобно соображаться не только изъ разчета, но и по необходимости, потому что безъ соблюденія этого условія всякій законъ будетъ существовать только на бумагѣ, и жизнь возьметъ свое.

Едва ли при какомъ законодательномъ актѣ не скажемъ только послѣднихъ лѣтъ, а всего послѣдняго столѣтія, имѣлось въ виду развивать въ Россіи приказный порядокъ. Очень часто принимались даже мѣры, имѣвшія заявленною цѣлію противодѣйствовать распространенію этого порядка. Но почти всѣ эти мѣры остались на бумагѣ; онѣ не подѣйствовали на жизнь, не перешли въ дѣйствительность и служатъ свидѣтельствомъ лишь благихъ намѣреній законодателя. Почему это? Конечно потому, что принимая эти мѣры, законодательство слишкомъ полагалось на силу своихъ предписаній и не достаточно пользовалось тѣми дѣйствительными элементами русскаго общества, которые могли бы служить противовѣсіемъ приказному элементу. Какіе же это элементы? Пусть всякій переберетъ разные классы нашего общества и не только нашего, но и какого угодно общества; пусть онъ спроситъ себя, въ какомъ классѣ общества могутъ быть найдены элементы способные состязаться въ дѣлѣ управленія съ

элементомъ бюрократическимъ, и онъ придетъ къ тому заключенію, что только землевладѣльческій классъ способенъ вести общественныя дѣла безъ чиновничьей опеки.

Какъ, закричатъ близорукіе поборники равенства, вы говорите за монополію, вы хотите отдать всю власть въ руки землевладѣльцевъ? Развѣ вы не знаете, что этимъ именемъ прикрываетъ себя теперь дворянство, эта каста алчущая привилегій и помышляющая только о томъ какъ бы возстановить крѣпостное право? Все это, позволимъ себѣ сказать, фразы, однѣ фразы. Вредная привилегія, которою пользовалось русское дворянство не вслѣдствіе какого-нибудь насильственнаго или коварнаго захвата, а вслѣдствіе государственной необходимости, привилегія, заключавшаяся въ крѣпостномъ правѣ и подъ конецъ всего болѣе вредившая самому дворянству, отмѣнена государственною властію, которая установила ее въ началѣ XVII вѣка. Думать о возстановленіи этой привилегіи можетъ только сумасшедшій; дворяне не потерявшіе разсудка, думаютъ совсѣмъ о другомъ; они думаютъ объ огражденіи своей собственности и своихъ правъ на законныя повинности, слѣдующія имъ съ крестьянъ, и вообще объ утвержденіи законнаго порядка въ исполненіи многочисленныхъ сдѣлокъ и договоровъ, которые составляютъ въ нашемъ сельскомъ быту явленіе совершенно новое, вызванное отмѣной крѣпостнаго права. Ничего другаго по отношенію къ крестьянамъ не желаютъ дворяне, не потерявшіе разсудка, да еслибъ и желали, то ничего другаго не могли бы получить. Итакъ о привилегіяхъ и монополіяхъ говорить нечего, а что дворяне желаютъ утвержденія законности, этому можно только радоваться. Одно изъ важнѣйшихъ политическихъ послѣдствій законодательства 19-го февраля, въ томъ именно и состоитъ, что теперь дворяне принуждены желать законности, что они живо заинтересованы въ дѣлѣ законности и общественнаго благоустройства. Законодательство тѣмъ скорѣе можетъ воспользоваться этимъ настроеніемъ дворянства, что въ дѣйствительность этого настроенія нельзя не вѣрить: оно не причуда или мода, не уступка толкамъ о прогрессѣ, а слѣдствіе силы обстоятельствъ, дѣло кровной необходимости. Прежде помѣщикъ дѣйствовалъ произвольною властію; теперь, когда произвольная власть отнята у него, ему житья нѣтъ, если не соблюдается законность. Онъ сталъ обязательнымъ поборникомъ законности; онъ не можетъ быть равнодушенъ къ дѣлу законности, потому что въ этомъ случаѣ его равнодушіе было бы равнодушіемъ къ собственному интересу. Всякій безпристрастный и здравомыслящій человѣкъ долженъ согласиться, что отмѣна крѣпостнаго права не уменьшила, а увеличила способность нашихъ землевладѣльцевъ заниматься дѣлами управленія.

Итакъ ссылка на крѣпостничество теряетъ теперь свое жало. Бывшіе крѣпостники легко могутъ оказаться въ скоромъ будущемъ самыми полезными и самыми надежными членами общества въ политическомъ отношеніи. Остается вопросъ о равенствѣ, но это такой вопросъ, котораго съ политической точки зрѣнія почти стыдно касаться послѣ безчисленныхъ опытовъ вреднаго примѣненія этого начала въ политикѣ. Мѣсто равенства—въ гражданскомъ, а не въ государственномъ правѣ. Здѣсь, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, оно враждебно началу свободы. Не вдаваясь въ теоретическія разсужденія, мы обратимся къ здравому смыслу читателей. Для примѣра возьмемъ не крестьянъ, между которыми волостные писаря пользуются только безспорною властью; возьмемъ самый высшій классъ людей, не принадлежащихъ къ классу землевладѣльческому или помѣщичьему. Пусть каждый купецъ скажетъ, могутъ ли купцы завѣдывать общественными дѣлами, не подчиняясь вліянію канцелярій. Тутъ говоритъ не теорія, а практика, самая осязательная. Приказный порядокъ господствуетъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ засѣдаютъ купцы. Выборные люди совершенно подчиняются секретарямъ, которымъ становится тѣмъ удобнѣе дѣйствовать, что они дѣйствуютъ за спиной присутствующихъ. Обвинять ли въ этомъ наше купечество? Прогрессисты, пожалуй, припишутъ все это невѣжественности нашего купечества. Но эти невѣжественные люди довольно хорошо умѣютъ завѣдывать своими торговыми дѣлами, которыя труднѣе и сложнѣе большей части общественныхъ дѣлъ. Тутъ дѣло стало-быть не въ одной невѣжественности. Англійскіе горожане не уступаютъ въ образованіи англійскимъ помѣщикамъ, а между тѣмъ въ Англіи самоуправленіе идетъ успѣшно только въ графствахъ, гдѣ оно въ рукахъ помѣщиковъ. Англійскіе горожане, напротивъ, доброволь-

но отказываются отъ права избирать городскихъ чиновниковъ и предоставляютъ это право коронѣ. Они люди практическіе и дорожатъ только тѣми правами, которыя приносятъ дѣйствительную пользу. Они сами просятъ, чтобы должности, избирательныя по закону, были замѣщаемы чиновниками по назначенію правительства и обязываются платить этимъ чиновникамъ хорошее жалованье, оставляя за собой только право контроля. Ту же самую неспособность торгующаго люда къ управленію публичными дѣлами мы видимъ вездѣ и во всѣ времена. Вездѣ онъ охотно сбываетъ эти дѣла изъ своихъ рукъ въ руки чиновниковъ, между тѣмъ какъ землевладѣльцы бываютъ обыкновенно свободны отъ такой наклонности. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изо всѣхъ нашихъ канцелярій всего менѣе самовластны канцеляріи мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ относительно нашего уѣзднаго и губернскаго самоуправленія? Никакіе законы и никакіе уставы не будутъ въ состояніи ослабить приказный порядокъ управленія и создать дѣйствительное самоуправленіе, если не воспользуются единственнымъ общественнымъ элементомъ, способнымъ взять управленіе въ свои руки и обойдтись безъ канцелярской опеки,—элементомъ землевладѣльческимъ. Это не привилегія, даруемая землевладѣльческому классу; это не вознагражденіе его за утраты, понесенныя имъ вслѣдствіе освобожденія крестьянъ; это обязанность на него возлагаемая, въ его собственномъ интересѣ и въ интересѣ всего земства. Тутъ нѣтъ ничего сословнаго; нѣтъ ничего и зависящаго отъ произвола законодателя. Тутъ вопросъ не о томъ, какой классъ слѣдуетъ наградить или возвысить, а о томъ какую слѣдуетъ избрать систему мѣстнаго управленія. Возможны только двѣ дѣйствительныя системы мѣстнаго управленія, и какіе ни издавай уставы, одна изъ этихъ системъ непремѣнно всплываетъ наружу: или управленіе приказное, сосредоточенное въ канцеляріяхъ, или самоуправленіе посредствомъ землевладѣльцевъ. Третьей системы быть не можетъ, то-есть не можетъ быть въ дѣйствительности, хотя на бумагѣ можно составить множество промежуточныхъ проектовъ.

Многіе опасаются, что передать мѣстное управленіе землевладѣльцамъ значитъ водворить деспотизмъ одного класса надъ другими. Боже, сохрани отъ такого ужаса? Но этого нечего опасаться, если только сохранить за мѣстнымъ управленіемъ его настоящій характеръ. Становясь самоуправленіемъ, оно не должно и не можетъ становиться самовластіемъ. Оно должно строго ограничиваться исполнительною частію, то-есть примѣненіемъ законовъ. По примѣненію законовъ кругъ его дѣятельности можетъ быть обширенъ; оно можетъ завѣдывать и судебными и административными и полицейскими дѣлами, словомъ, можетъ завѣдывать всѣмъ, что входитъ въ сферу англійскаго мироваго суда или въ сферу понятія o puissance exécutrice des choses qui dépendent du droit civil, по Монтескье, но оно отнюдь не можетъ касаться дѣлъ, имѣющихъ законодательный характеръ. Предоставить дѣла этого рода одному изъ классовъ общества значило бы дѣйствительно водворить деспотизмъ этого класса. Но надобно имѣть въ виду, что дѣла этого рода не могутъ быть предоставлены и всесословнымъ мѣстнымъ собраніямъ или учрежденіямъ, потому что это значило бы водворить деспотизмъ большинства, что было бы столько же нестерпимо.

Представимъ себѣ мѣстное собраніе,—все равно губернское ли или уѣздное,—составленное такъ, что всѣ классы населенія представлены въ немъ соразмѣрно своей численности и платимымъ ими податямъ. Почему бы, кажется, не предоставить такому собранію того вліянія на раскладку земскихъ повинностей, которое предоставляется земскимъ собраніямъ по проекту устава земскихъ учрежденій? А между тѣмъ, если мы не ошибаемся, это было бы крайне опасно и повело бы къ безчисленнымъ жалобамъ и процессамъ. Въ подтвержденіе этихъ опасеній мы можемъ указать на офиціяльную записку одного изъ нашихъ высшихъ сановниковъ, вызванную этимъ самымъ проектомъ и излагающую неудобства раскладки повинностей, производимой земскими учрежденіями не на основаніи точныхъ опредѣленій закона. Основанія раскладки дѣло законодательное, подлежащее рѣшенію центральной законодательной власти, а не рѣшенію какого бы то ни было мѣстнаго представительства, какъ бы равномѣрно оно ни было устроено. Мѣстное собраніе можетъ производить раскладку на точномъ основаніи закона; тутъ оно можетъ дѣйствовать совершенно удовлетворительно, но для этого не требуется,

чтобъ оно равномѣрно представляло собой все мѣстное населеніе, а только требуется чтобъ оно состояло изъ людей наиболѣе способныхъ и независимыхъ въ средѣ мѣстнаго населенія. То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ предметахъ, выходящихъ изъ области примѣненія закона и входящихъ въ область установленія закона. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не можетъ быть предоставленъ рѣшенію мѣстнаго представительства, какъ бы оно ни было устроено. При всякомъ подобномъ дѣлѣ рѣшеніе зависѣло бы отъ большинства, и тутъ совершенно все равно, простое ли это большинство или большинство двухъ третей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оказалось бы меньшинство, несогласное съ рѣшеніемъ и находящее его противнымъ своему интересу. Въ центральномъ представительствѣ интересы меньшинства ограждаются серіозными обезпеченіями, положеніемъ центральнаго представительства въ виду всей страны, существованіемъ двухъ палатъ, верхней и нижней, наконецъ необходимостію согласія короны, какъ высшей представительницы справедливости и безпристрастія. Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ мѣстномъ представительствѣ, и потому-то съ государственнымъ благоустройствомъ несовмѣстимо предоставленіе мѣстному представительству дѣлъ, имѣющихъ хотя отчасти законодательный характеръ. Если же устранить дѣла этого рода отъ вліянія мѣстныхъ учрежденій, то исчезнетъ всякій поводъ настаивать на несбыточномъ въ политическомъ смыслѣ трéбованіи равенства всѣхъ сословій по управленію земскими дѣлами.

№ 163.

Москва, 25-го Іюля.

Несмотря на то, что депеши князя Горчакова отъ 1-го (13-го) іюля встрѣчены были почти съ одинаковымъ неудовольствіемъ большею частью журналовъ Австріи, Франціи и Англіи, впечатлѣніе, произведенное ими на правительства этихъ странъ, было совершенно различное. Австрія первая всполошилась при мысли о томъ, что могутъ подумать о ней, на основаніи этихъ депешъ, двѣ западныя державы, особенно же Франція. Не было ли въ самомъ дѣлѣ между ею и Россіей какого-либо тайнаго соглашенія, вслѣдствіе котораго она съ такою осторожностью предлагала Россіи конференцію восьми державъ, а Россія, какъ бы заранѣе увѣренная въ Австріи, отклонила эту конференцію, замѣнивъ ее совѣщаніями съ двумя сопредѣльными государствами? Еслибъ и дѣйствительно было такое соглашеніе, и тогда Австрія принуждена была бы какъ можно скорѣе успокоить на этотъ счетъ Францію. Но сверхъ опасенія этого бурливаго сосѣда, Австрія еще испугалась того, что на конференціи между тремя державами рѣчь будетъ идти не объ одной Польшѣ, а также о Галиціи и Краковѣ, и что она, Австрія, можетъ быть потребована къ отвѣту за свои учрежденія, дѣйствія и распоряженія въ этой странѣ какъ по отношенію къ Полякамъ, такъ въ особенности по отношенію къ нашимъ единокровнымъ Русскимъ, которымъ такъ долго не позволялось употреблять въ печати даже ихъ собственныя русскія буквы, и которые даже теперь не могутъ печатать книги на чисто-русскомъ родномъ языкѣ, и принуждены коверкать его на польскій ладъ. Оба эти опасенія, какъ кажется, побудили Австрію отклонить предложенную конференцію трехъ державъ, что она и поспѣшила исполнить въ своей депешѣ отъ 19-го іюля. Эта депеша успокоила Францію, а также и Англію, и въ обѣихъ странахъ заслужила Австріи болѣе или менѣе искреннія похвалы. Россія въ свою очередь поспѣшила успокоить ее, объяснивши въ своей депешѣ отъ 15-го (27-го) іюля, что дѣло вовсе не шло о томъ, чтобы поставить Галицію въ условія, какія найдены будутъ пригодными для Польши послѣ ея замиренія, а напротивъ о томъ, чтобъ эти условія были согласованы съ тѣми, которыя уже существуютъ въ Галиціи и въ Познани. Въ настоящее время Австрія могла бы быть совершенно спокойна съ обѣихъ сторонъ, если бы не помогли намъ варшавскіе красные, теперь заправляющіе дѣломъ возстанія. Они уже спасли насъ отъ осуществленія программы маркиза Велёпольскаго, они же освобождаютъ насъ и теперь отъ австрійскаго коварства. Мы должны быть имъ очень благодарны за то, что всякое дѣло они выводятъ на чистоту. Въ самой Галиціи началось сильнѣйшее волненіе; оно вызвано національными польскими притязаніями, защитницею которыхъ выступила Австрія и которыя ей же самой

приходится подавлять въ собственныхъ ея предѣлахъ.

Что касается до Франціи, то, какъ говоритъ лордъ Непиръ въ своей депешѣ, отъ 18 іюля, депешѣ, перепечатанной безъ всякихъ оговорокъ во французскомъ *Монитерѣ*, герцогъ де-Монтебелло сильно опасался, что его правительство найдетъ предложеніе князя Горчакова не только неудовлетворительнымъ, но и оскорбительнымъ и ведущимъ къ явному и немедленному разрыву. Таково повидимому и было первое впечатлѣніе французскаго правительства, подъ вліяніемъ котораго составленъ былъ имъ проектъ общей отвѣтной депеши, отправленный, какъ говорятъ, 21-го іюля въ Вѣну и въ Лондонъ, и оглашенный отчасти вѣнскою газетой *Presse*.

Но ни Австрія, въ особенности послѣ депеши 15-го (27-го) іюля, ни преимущественно Англія не имѣли ни тѣхъ причинъ, ни тѣхъ поводовъ къ раздраженію, какъ французское правительство. Франція имѣетъ свои причины желать разрыва и войны изъ-за Польши,—Франція желаетъ всякой европейской войны,—и потому она была не прочь содѣйствовать такому результату, обнаруживъ собственное раздраженіе и сообщивъ его по возможности Англіи и Австріи; но Англія и Австрія имѣютъ тысячи причинъ желать, чтобы войны изъ-за Польши не было и чтобы тѣмъ не менѣе ихъ цѣли, въ высшей степени враждебныя для Россіи, были достигнуты другими способами, и потому они сочли за лучшее не почувствовать никакого раздраженія, или подавить его поскорѣе въ себѣ, а по возможности также и во Франціи. Франціи хотѣлось ускорить разрывъ; Англіи и Австріи—затянуть дѣло.

О настроеніи англійскаго правительства, по прочтеніи депешъ князя Горчакова, можно судить по слѣдующимъ офиціальнымъ актамъ. Не одобряя ни формы, ни содержанія русскихъ отвѣтовъ, лордъ Непиръ тѣмъ не менѣе говоритъ въ своей депешѣ отъ 18-го іюля, что въ глазахъ Англіи, въ пользу заключенія русскаго вице-канцлера, можетъ послужить то, что онъ готовъ принять въ основаніе Вѣнскій трактатъ. Англійское правительство, какъ бы усвоивая себѣ этотъ взглядъ своего представителя въ Петербургѣ, спѣшитъ довести его депешу до всеобщаго свѣдѣнія. Далѣе въ засѣданіи палаты общинъ 24-го іюля, предоставивъ гг. Кинглеку и Геннесси высказать все неудовольствіе Англіи на русскіе отвѣты, лордъ Пальмерстонъ какъ бы принялъ на себя ихъ защиту, высказавъ въ ихъ пользу именно то же, что и лордъ Непиръ, и указавъ, что Россія все-таки сдѣлала важную уступку противъ 1831 и 1832 годовъ, когда, подавивъ возстаніе въ Польшѣ, она основывала свои права на эту страну исключительно на силѣ своего оружія, на завоеваніи. Въ то время депеша лорда Непира была уже извѣстна англійскому премьеру, такъ какъ она была получена въ Лондонѣ 23-го іюля.

Какъ у насъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, такъ и за границею, эта депеша и сопровождавшее ее объявленіе князя Горчакова, переданное въ Парижъ и въ Лондонъ по телеграфу истолкованы были въ смыслѣ уступки, нѣкотораго шага назадъ со стороны Россіи, и этимъ на Русскихъ произвели въ высшей степени тягостное впечатлѣніе, на недруговъ Россіи—благопріятное. Но если вникнуть въ дѣло, собственно въ словахъ князя Горчакова, какъ они переданы лордомъ Непиромъ, не заключается той уступки или шага назадъ, какіе въ нихъ готово было усмотрѣть встревоженное и чутко настроенное народное чувство, и какіе желали бы имъ навязать недоброхоты Россіи. Какъ въ своихъ депешахъ отъ 1-го іюля, такъ и въ своей бесѣдѣ съ обоими послами, лордомъ Непиромъ и герцогомъ де-Монтебелло, русскій вице-канцлеръ стоитъ на одной и той же точкѣ зрѣнія, именно на той, которая въ 1846 г., по случаю присоединенія Кракова къ Австріи, была установлена по отношенію къ польскимъ дѣламъ между тремя, тогда дружественными дворами: петербургскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ, и которая опредѣлена въ ихъ общей резолюціи, приложенной къ депешѣ князя Меттерниха отъ 9-го января 1847 г. и препровожденной ими въ Лондонъ.

Въ этой резолюціи всѣ три двора постановляли, что „включеніе отдѣльныхъ трактатовъ въ главный актъ Вѣнскаго конгресса ничего не прибавляетъ къ ихъ обязательной силѣ, точно также какъ не отнимаетъ ни у одной изъ договаривавшихся между собою сторонъ права измѣнить ихъ первый трактатъ, или уничтожить его, и по взаимному свободному согласію установить другія условія.“ Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ всѣ восемь державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ, снабди-

ли общій актъ его своими подписями? Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ общей резолюціи трехъ дворовъ сказано:

„Подписаніе акта Вѣнскаго конгресса доказываетъ, что подписавшій не находилъ причинъ возражать чѣмъ-нибудь противъ содержанія акта, и что онъ отказывается отъ права противиться ему. Этимъ подписаніемъ онъ не пріобрѣлъ никакого права противиться сдѣлкамъ, которыя со временемъ другіе дворы пожелали бы законно заключить между собою. Но въ качествѣ подписавшаго актъ, онъ пріобрѣлъ право какъ свидѣтель при составленіи этого великаго документа публичнаго права, вступаться, по предъявленному ему требованію, какъ скоро возникъ бы споръ между сторонами, заключившими между собою одинъ изъ трактатовъ, внесенныхъ въ общій актъ Вѣнскаго конгресса. Три двора—австрійскій, прусскій и русскій не могутъ иначе понимать актъ Вѣнскаго конгресса.“

И далѣе:

„Если между сторонами, заключившими трактатъ, включенный въ актъ Вѣнскаго конгресса, возникнетъ противорѣчивое толкованіе, или если произойдетъ самовольная отмѣна этого трактата одною изъ договорившихся сторонъ въ ущербъ другой, то обиженная сторона, безъ сомнѣнія, имѣла бы право прибѣгнуть къ посредничеству дворовъ, подписавшихъ актъ, и требовать отъ нихъ посредническаго пособія. Эти дворы были бы по праву естественными посредниками.

„Если стороны участвовавшія въ заключеніи трактата, внесеннаго въ окончательный актъ Вѣнскаго конгресса, не выступивъ изъ границъ принадлежащаго имъ права, приступятъ послѣ взаимнаго уговора, въ силу свободнаго соглашенія, къ новому преобразованію этого акта, какъ и случилось теперь по поводу Кракова; въ такомъ случаѣ право дворовъ участвовавшихъ въ подписаніи акта Вѣнскаго конгресса, если они не приглашены вмѣшаться какъ посредники, ограничивается только правомъ требовать, чтобъ ихъ извѣстили о перемѣнахъ въ трактатахъ, въ заключеніи которыхъ они не участвовали, а были при немъ только свидѣтелями. Слѣдовательно это лишь одна форма.“

На основаніи этихъ общихъ правилъ, актъ о присоединеніи Кракова къ Австріи, состоявшись между тремя сопредѣльными державами, былъ только доведенъ до свѣдѣнія двухъ другихъ великихъ державъ, прежде его обнародованія, причемъ другія три второстепенныя державы: Швеція, Испанія и Португалія, участвовавшія въ Вѣнскомъ конгрессѣ, были вовсе обойдены на основаніи примѣра, поданнаго въ 1830 г. при отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи. Этотъ актъ, измѣнявшій постановленія Вѣнскаго конгресса самымъ существеннымъ образомъ, такъ какъ онъ полагалъ конецъ признанному Вѣнскими трактатами свободному городу и раздвигалъ предѣлы другой державы, этотъ актъ былъ приведенъ въ исполненіе помимо всякаго одобренія или утвержденія со стороны Англіи и Франціи и безъ вѣдома трехъ второстепенныхъ государствъ. Вотъ что значитъ рѣшительность и энергія, съ какими тогда дѣйствовала Австрія, поддерживаемая Россіей и Пруссіей! То что имѣлъ въ виду князь Горчаковъ, относительно участія двухъ западныхъ державъ въ результатахъ совѣщаній между Россіей, Австріей и Пруссіей, очевидно ограничивается именно этою формальностью, этимъ предварительнымъ сообщеніемъ результатовъ совѣщаній для свѣдѣнія Англіи и Франціи, такъ какъ въ разговорѣ съ лордомъ Непиромъ онъ отказался допустить включеніе результатовъ ограниченной конференціи въ общую конвенцію, которая была подписана вообще всѣми державами, участвовавшими въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Лишняго противъ резолюціи 1846 г. сказано было только то, съ какою цѣлью результаты ограниченной конференціи будутъ официально сообщены Англіи и Франціи,—именно чтобъ эти правительства имѣли возможность судить о согласіи принятыхъ рѣшеній съ духомъ и текстомъ Вѣнскаго трактата. Этой неопредѣленной фразѣ нельзя придавать никакого особеннаго значенія. Нельзя впрочемъ не прибавить, что въ 1846 году три державы не считали себя обязанными заботиться даже о томъ, чтобъ Англія и Франція имѣли возможность судить о согласіи ихъ рѣшенія съ Вѣнскимъ трактатомъ; да и рѣшеніе, ими принятое, прямо противорѣчило тексту этого трактата.

Какъ бы то ни было, не столько сущность объясненій князя Горчакова съ лордомъ Непиромъ могла успокоить и порадовать лорда Пальмерстона и, напротивъ, встревожить и огорчить русское народное чувство, сколько то замѣчаніе, которое дѣлаетъ лордъ Непиръ, и которое, если толь-

ко оно вѣрно, уничтожаетъ или по крайней мѣрѣ много ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное русскими депешами 1-го іюля. Послѣ этихъ депешъ, казалось, прошло уже время для какихъ бы то ни было колебаній, и наступила пора разсѣять весь этотъ мракъ и туманъ взаимныхъ мистификацій, который только препятствуетъ возстановленію законнаго порядка въ Польшѣ и поддерживаетъ напрасную тревогу въ Россіи и въ Европѣ. Но вотъ лордъ Непиръ говоритъ: „Вице-канцлеръ, быть-можетъ, и не былъ противъ такого заключенія, то-есть противъ того, чтобы на основаніи частныхъ совѣщаній между тремя державами, состоялся трактатъ, за подписаніемъ всѣхъ восьми державъ.“ И этой одной фразы достаточно было для того, чтобъ одобрить не слишкомъ пылкихъ, но тѣмъ болѣе ожесточенныхъ враговъ Россіи и поколебать къ ней довѣріе въ мірѣ торговомъ, какъ это было обнаружено немедленнымъ паденіемъ ея фондовъ.

Какъ только явилась вновь надежда на то, что Россія не перестанетъ колебаться и выгадывать время, Англія тотчасъ же принялась съ бо́льшимъ противъ прежняго рвеніемъ за свою двойственную политику, направленную разомъ противъ войнолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ Франціи и противъ силы и могущества, чести и достоинства Россіи. Еслибы для Англіи дѣло шло только о томъ, чтобы сдержать Францію въ границахъ мира при томъ соблазнѣ, какой представляетъ для нея польскій мятежъ, то цѣль эта могла бы быть достигнута какъ нельзя легче и проще: Англіи стоило бы только въ этомъ случаѣ, согласно съ интересами своими и своихъ естественныхъ союзниковъ, Австріи и Пруссіи, нисколько не ободрять мятежа и держать сторону если не самой Россіи, то этихъ двухъ державъ. Съ другой стороны, еслибы ей возможно было допустить войну изъ-за Польши, то чего бы кажется лучше какъ соединиться противъ Россіи съ Франціей или дать полный просторъ войнолюбію послѣдней? Но въ томъ-то и дѣло, что война изъ-за Польши, будетъ ли она ведена одною Францією, или въ союзѣ съ другими державами, ни какъ не можетъ быть допущена Англіей, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока Англія остается Англіей, то есть, страною, которая дорожитъ миромъ и порядкомъ на материкѣ Европы, сохраненіемъ Австріи и Пруссіи, поддержаніемъ европейскаго равновѣсія и охраненіемъ Европы отъ нескончаемыхъ войнъ и переворотовъ. Съ одной стороны для Англіи очевидно, что Пруссія, что бы не говорили, никакъ не можетъ отдѣлиться отъ Россіи въ польскомъ вопросѣ, и слѣдовательно, въ случаѣ войны изъ-за Польши, должна подвергнуться опасности на Рейнѣ, а съ другой стороны, небывалое прежде патріотическое воодушевленіе Россіи служитъ для Англіи несомнѣннымъ ручательствомъ, что война на этотъ разъ не была бы только правительственною войной для Россіи, какъ это было въ 1853—56 г., а тотчасъ же стала бы войной народною, въ которой вся Россія отъ мала до велика принимала бы самое горячее участіе, не щадя ни жизни, ни достоянія, въ томъ сознаніи, что дѣло идетъ о самомъ существованіи государства, и что такая война, при крайнемъ напряженіи и раздраженіи народныхъ силъ, не ограничилась бы окраинами Россіи или предѣлами Польши, а потрясла бы Австрію и Турцію въ самомъ ихъ основаніи и, пожалуй, положила бы конецъ ихъ существованію. Такой войны и такихъ послѣдствій ея никакъ не можетъ допустить Англія. И вотъ со всѣхъ сторонъ получаются удостовѣренія, что Англія изо всѣхъ силъ хлопочетъ о томъ, чтобъ успокоить какъ-нибудь Францію, чтобы не довести дѣла не только до войны, но и до разрыва, и что Франція дѣйствительно начинаетъ поддаваться и уступать ея видамъ. 22-го іюня, какъ пишутъ въ *Courrier du Dimanche*, г. Друэнъ-де-Люисъ въ очень обширной депешѣ къ посламъ Франціи въ Англіи и въ Австріи изложилъ виды своего кабинета насчетъ отвѣта, какой слѣдуетъ дать Россіи, и какъ по всему заключить можно, виды эти были очень воинственные; но уже 28-го іюля Англія представила съ своей стороны сильнѣйшія возраженія тюльерійскому кабинету, тогда какъ Австрія, не желая возбуждать подозрѣній, выжидаетъ результата миролюбивыхъ внушеній лондонскаго кабинета. Тотчасъ же, 29-го іюля, въ Лондонъ отправлена депеша, въ которой Франція соглашается, чтобы каждая изъ трехъ державъ отдѣльно возражала на депеши князя Горчакова, но чтобы при томъ была отправлена еще одна общая депеша, въ которой было бы высказано, что послѣднія депеши князя Горчакова принудили три двора принять выжидательное положеніе, что эти дворы совѣщаются меж-

ду собою, но что уже и теперь, въ случаѣ если Россія будетъ стоять на почвѣ своихъ отвѣтовъ 1-го іюля, что уже и теперь они видятъ вредъ въ продолженіи переговоровъ съ нею, результаты которыхъ не обнаруживаются на дѣлѣ. Съ своей стороны, лондонскій корреспондентъ *Indépendance Belge* положительно увѣряетъ, что въ тотъ же самый день, 29-го іюля вечеромъ, совѣтъ министровъ Ея Британскаго Величества принялъ совершенно миролюбивое рѣшеніе, устраняющее возможность не только войны, но и дипломатическаго разрыва, и въ тоже время обезпечивающее за державами удовлетвореніе всѣмъ ихъ требованіямъ, а за Польшею все то чего можно потребовать для нея на основаніи трактатовъ, и, это рѣшеніе 30-го іюля лордъ Россель повергъ на утвержденіе королевы въ Осборнѣ, а 31-го отправилъ въ Парижъ и въ Вѣну. Въ чемъ заключается это рѣшеніе, корреспондентъ не говоритъ, но рѣшительно ручается за миролюбивый духъ его. Наконецъ *La France* утверждаетъ, что британскій кабинетъ не соглашается на представленіе Россіи тождественной ноты, и полагаетъ, что надобно дать намъ время на размышленіе.

Всѣ эти дѣйствія Англіи отнюдь не имѣютъ по отношенію къ Россіи дружественнаго характера. Если она желаетъ устранить войну и разрывъ, если она заботится выгадать время, затянувъ переговоры, то при этомъ она разчитываетъ на то, что Россія и безъ войны склонится на разныя уступки, что тѣмъ временемъ вслѣдствіе одной уже проволочки дѣла патріотическій жаръ ея остынетъ, и когда дѣйствительно исчезнетъ это главнѣйшее и надежнѣйшее ручательство за ея силу и торжество, когда не будетъ уже того единомыслія, того единодушія, какія существуютъ теперь, когда интриги найдутъ для себя свободное поле, тогда можно будетъ предложить ей еще болѣе тяжкія и унизительныя условія, и она принуждена будетъ или принять ихъ, или вступить въ борьбу при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, безъ народнаго воодушевленія, среди интригъ и измѣны и, разумѣется, не иначе какъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ.

Настоящее время—самое лучшее и выгоднѣйшее, какое когда-либо представится Россіи для посрамленія враговъ ея. Россія глубоко оскорблена, и все въ ней трепещетъ отъ гнѣва при видѣ той недостойной игры, какую позволяютъ себѣ съ нею иностранныя державы; она глубоко вѣритъ въ мудрость, силу и патріотизмъ своего Державнаго Вождя. Достаточно только сознать эту силу и обнаружить непреклонную твердость для того чтобы вся мистификація, всѣ козни нашихъ враговъ разлетѣлись въ прахъ, и Россія безъ войны заняла то положеніе, въ какомъ была до 1853 г. Но еслибы, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, эта твердость, такъ согласная съ достоинствомъ великой Русской державы, и повлекла за собою войну, то нѣтъ сомнѣнія, что при нынѣшнемъ настроеніи народнаго духа у насъ, и при такомъ правомъ дѣлѣ, въ которомъ такъ разногласятъ между собою интересы нашихъ недруговъ, Россія одержала бы рѣшительный верхъ надъ ними и заняла бы въ Европѣ подобающее ей мѣсто.

№ 164.

Москва, 26-го іюля.

Одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ для Россіи въ настоящее время есть постройка желѣзныхъ дорогъ. Нужно ли говорить о великой важности желѣзныхъ дорогъ въ экономическомъ отношеніи, и сверхъ того о великой важности ихъ для Россіи въ политическомъ отношеніи? Ни одна страна такъ не нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ какъ наше отечество, но за то и нигдѣ не требуется такой осторожности, такой заботливости и такой сообразительности при проведеніи желѣзныхъ дорогъ съ гарантіей или пособіемъ правительства какъ въ Россіи. Предпріятія частныя, не требующія никакихъ гарантій, ни пособій, могутъ конечно возникать тамъ гдѣ имъ вздумается, и объ нихъ заботиться нечего. Но правительственное участіе непремѣнно предполагаетъ систему обдуманную и соображенную, въ которой взвѣшены всѣ интересы какъ экономическаго, такъ и политическаго свойства. Тутъ малѣйшее едва замѣтное уклоненіе отъ точной и вѣрной оцѣнки условій можетъ сопровождаться неисчислимыми послѣдствіями, которыя могутъ поразить насъ своею неожиданностію. Въ дѣлахъ этого рода необходима самая тщательная осмотрительность, отъ которой не должно ускользать ни одно обстоятельство, какъ бы ни казалось оно ничтожно. Отъ ничтожнаго обстоятельства въ

этихъ случаяхъ можетъ зависѣть многое въ судьбѣ цѣлой страны, и въ этихъ случаяхъ недостаточны бываютъ ни благія намѣренія, ни самые раціональные общіе виды, — въ этихъ случаяхъ необходимо участіе тысячеглазаго аргуса, называемаго публикой. Когда возбужденъ общественный интересъ, тогда неожиданно могутъ явиться на свѣтъ такія данныя, которыя совершенно измѣнятъ наши соображенія или внесутъ въ нихъ какой-либо весьма существенный элементъ.

Въ системѣ путей сообщенія весьма важно уже одно то обстоятельство, которая изъ многихъ предполагаемыхъ линій явится прежде. Каждая изъ многихъ линій можетъ быть весьма полезна, да и невозможно представить себѣ ни одну желѣзную дорогу, которая, будучи взята сама по себѣ, не обѣщала бы бо́льшую или меньшую пользу. Но желѣзная дорога есть одна изъ самыхъ могущественныхъ силъ въ современной жизни народовъ, и какъ всякая сила въ человѣческомъ мірѣ, должна быть соображаема съ разными условіями и входить въ общую систему, въ общую комбинацію силъ: иначе изъ нея могутъ родиться послѣдствія столько же неожиданныя, сколько и нежеланныя. Въ прошломъ году у насъ много трубили (а въ польскихъ газетахъ трубили еще болѣе что́ впрочемъ въ польскихъ газетахъ передъ началомъ возстанія было столько же естественно, сколько безсмысленно въ русскихъ газетахъ) о желѣзной дорогѣ, которая черезъ Пинскъ и Бѣлостокъ должна связать Кіевъ съ Варшавой. Ничего лучше нельзя придумать въ смыслѣ извѣстныхъ польскихъ притязаній. Какъ бы ни были велики экономическія выгоды отъ подобной дороги, можно ли въ эти минуты допустить мысль о томъ, чтобы государство собственными средствами само стало способствовать подобному предпріятію? Самая полная экономическая свобода можетъ потребовать только терпимости относительно частныхъ предпріятій, но никакъ не правительственнаго содѣйствія безъ соображенія разныхъ политическихъ, болѣе или менѣе важныхъ условій. Государство можетъ оказывать пособіе только тому что́ несомнѣнно согласно съ его интересами, и что́ входитъ въ общую систему его видовъ.

Одинъ изъ самыхъ жизненныхъ пунктовъ Россіи есть безъ сомнѣнія Кіевъ. Засѣвъ въ отдаленныхъ и безплодныхъ сѣверныхъ пустыняхъ, мы забыли объ этой *матери городовъ русскихъ*, о великомъ историческомъ значеніи юго-западной части нашего отечества и нашего народа; — мы забыли наконецъ о томъ, что уже давно миновала та желѣзная необходимость, которая приковала насъ къ окну, прорубленному Петромъ; и что мы гораздо ближе къ Европѣ, гораздо ближе ко всѣмъ нашимъ европейскимъ интересамъ на Югѣ, чѣмъ на Сѣверѣ. Мы забыли о Кіевѣ, запустили и забросили его, забыли его во множествѣ губернскихъ городовъ нашихъ и дали развиться нелѣпымъ надеждамъ на возможность или отнять его у насъ силой, или украсть хитростію, какъ будто найдется на Руси хоть одинъ человѣкъ, не потерявшій правъ на званіе Русскаго, который не содрогнулся бы при мысли, даже самой отдаленной, объ отторженіи Кіева. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни, что дальнѣйшія судьбы Русскаго государства существенно связаны съ нашимъ югомъ. Только тамъ и оттуда можетъ быть окончательно рѣшенъ польскій вопросъ; только тамъ можемъ мы окончательно утвердить наше государственное единство и установить наше всемірно-историческое значеніе, и политическая мудрость нашего времени должна постоянно имѣть въ виду Кіевъ при всѣхъ своихъ соображеніяхъ. Можетъ ли система путей сообщенія, это могущественное орудіе нашего времени, упускать изъ виду юго-западный край Руси? Можно ли предоставить его игрѣ случая, и наконецъ можно ли допустить мысль, чтобы государство само помогло связать Кіевъ съ линіей, идущею вонъ изъ Россіи, прежде чѣмъ онъ связанъ съ линіей, идущею внутрь ея? Не должны ли напротивъ всѣ правительственныя усилія клониться къ тому, чтобы прежде всего и сильнѣе всего связать Кіевъ съ Москвой и предупредивъ этою внутреннею связью всѣ другія возможныя связи, отнять у нихъ все то, что можетъ быть вреднаго и опаснаго, и оставить только то, что́ можетъ быть истинно полезнымъ и для мѣстныхъ интересовъ, и для цѣлой Россіи? Петербургъ соединенный съ Москвою и Москва соединенная съ Кіевомъ, — вотъ вся Россія, ея прошедшее, настоящее и будущее, — ея будущее, сомкнувшееся съ давнимъ прошедшимъ.

Кіево-московская желѣзная дорога не представляетъ достаточной приманки для

частныхъ капиталовъ. Въ экономическомъ отношеніи она не обѣщаетъ такихъ выгодъ какъ линія на Харьковъ. Но тѣмъ сильнѣе должны быть заботы о соединеніи Кіева съ Москвою. Еслибы даже соединеніе это было совершенно безплодно въ экономическомъ отношеніи, то оно тѣмъ важнѣе и необходимѣе въ отношеніи политическомъ. Но проведенная во время, эта важнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ линій въ нашемъ отечествѣ, кіево-московская желѣзная дорога не замедлитъ вознаградить государство самыми обильными результатами и въ экономическомъ отношеніи. Если въ настоящее время экономическіе интересы между Москвою и Кіевомъ недостаточно обильны и недостаточно важны для того чтобы привлечь частные капиталы на постройку желѣзной дороги, то желѣзная дорога весьма скоро породитъ и разовьетъ ихъ, вспомоществуемая тѣмъ политическимъ значеніемъ, какое юго-западный край долженъ пріобрѣсти неминуемо. . . . . .

Если кіево-московская желѣзная дорога есть самая важная въ политическомъ отношеніи, то линія московско-харьковская въ настоящее время есть самая выгодная въ отношеніи экомическомъ. Немного линій въ цѣлой Европѣ, которыя были бы такъ выгодны въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ московско-харьковская линія. Менѣе чѣмъ какая-либо другая нуждается она въ правительственныхъ гарантіяхъ и пособіяхъ, и нѣтъ сомнѣнія что при благопріятныхъ обстоятельствахъ капиталы не замедлятъ явиться сюда. Но необходимо чтобы въ государственныхъ соображеніяхъ интересы юго-восточной линіи подчинялись интересамъ линіи, идущей на юго-западъ, или такъ были комбинированы, чтобы взаимно способствовали другъ другу.

Въ Москвѣ ходятъ теперь тревожныя слухи о проектѣ желѣзной дороги отъ Москвы черезъ Харьковъ до Севастополя. Какъ слышно, для этой цѣли прибылъ въ Петербургъ г. Гопъ (котораго не должно смѣшивать съ извѣстнымъ банкиромъ Гопомъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго); онъ родственникъ нынѣшняго великобританскаго посла при нашемъ Дворѣ, и по мнѣнію публики имѣетъ характеръ болѣе политическаго нежели торговаго дѣятеля. Встревоженная публика видитъ въ этомъ предпріятіи не одни экономическіе интересы, но также интересы политическіе, и при той сильной возбужденности общественнаго мнѣнія, которое ростетъ съ каждымъ днемъ и дѣлаетъ всякаго заботливымъ и зоркимъ въ дѣлѣ общаго интереса, всѣ спрашиваютъ себя, не таится ли подъ этимъ предполагаемымъ предпріятіемъ какой-либо замыселъ, который можетъ отозваться ущербомъ для Россіи, если не въ ея настоящемъ, то въ ея будущемъ. Въ какой мѣрѣ основательны и справедливы эти опасенія, судить трудно, потому что проектъ этотъ не былъ обнародованъ, и условія остаются неизвѣстны для публики. Если это предпріятіе чисто коммерческое, то публикѣ остается только желать, чтобы сдѣлка была выгодна для Россіи, чтобы гарантіи или пособія были соображены съ тѣми обязанностями, которыя заставляютъ насъ болѣе всего заботиться о юго-западной соединительной линіи. Но публика опасается всякой, хотя бы, повидимому, самой незначительной политической примѣси въ этомъ предпріятіи. Ее тревожитъ то что предложеніе сдѣлано посреди нынѣшнихъ столь критическихъ обстоятельствъ, въ то самое время, когда Англія, откуда идетъ этотъ проектъ, составила противъ насъ непріязненную коалицію и затѣяла съ нами странную игру. Всѣмъ извѣстно какое могущественное, хотя иногда совсѣмъ незамѣтное дѣйствіе, можетъ оказывать испытываемое нами впечатлѣніе на ходъ и тонъ нашихъ мыслей, на наши соображенія и рѣшенія. Многое могло бы представиться намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ при другихъ условіяхъ подъ другимъ впечатлѣніемъ. Искусные и опытные люди всегда стараются выбирать благопріятную минуту для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ и плановъ; они знаютъ, что совсѣмъ иначе скажется слово, иначе сдѣлается дѣло въ тревожномъ или спокойномъ состояніи духа, подъ вліяніемъ страха или надежды, послѣ пріятнаго извѣстія или въ напряженномъ ожиданіи какой-либо катастрофы. Проектъ г. Гопа можетъ показаться масличною вѣтвью. Масличная вѣтвь есть конечно очень пріятное и утѣшительное явленіе, и Ной въ ковчегѣ благословилъ Бога, когда птица принесла ему благодатную вѣтку. Но г. Гопъ не птичка, и мы не въ ковчегѣ; мы слава Богу, на твердой землѣ, и никогда еще мы не чувствовали ее такъ крѣпко подъ собою, и никогда еще не были такъ готовы отстаивать ее и защищать ея честь, и никогда еще не были такъ ревнивы къ ея будущему; потому-то пу-

блика, слыша объ этомъ предпріятіи мира посреди угрозъ и ожиданій войны, восклицаетъ, хотя и не по латыни, *timeo Danaos*...

Въ обществѣ всего сильнѣе высказывается чувство, что теперь не Россія должна откупаться отъ войны, а тѣ державы, которыя подняли на ноги весь народъ ея. Не она теперь должна дѣлать уступки, не она должна дѣлать что-нибудь подъ впечатлѣніемъ страха войны; она можетъ и должна потребовать теперь разчета и выйдти наконецъ изъ того положенія, которое ей несвойственно, которое ей нестерпимо, въ которомъ она не можетъ долѣе оставаться. Проектъ г. Гопа связываетъ Москву съ Севастополемъ. Севастополь! Роковое слово! Россія еще не забыла его, и сама же Европа разбередила теперь эту рану своими напрасными и неразчетливыми оскорбленіями. Связать Москву съ Севастополемъ, это дѣло хорошее, и жаль, что лѣтъ за десять передъ симъ никто не приходилъ къ намъ съ предложеніемъ связать Севастополь съ Москвою. Дѣло хорошее,— но слышно, что англійская компанія ставитъ условіемъ отдать въ ея руки Севастополь на многіе десятки лѣтъ,—иные сказываютъ, на цѣлое столѣтіе,—Севастополь съ его бухтою, съ его доками. Вагоны будутъ легко и быстро катиться изъ Москвы въ Севастополь, изъ Севастополя въ Москву,—а Севастополь будетъ находиться въ рукахъ иноземной могущественной державы. Англія, подъ видомъ мирной компаніи, на берегахъ самой Россіи, въ томъ самомъ Севастополѣ, который, какъ древняя Троя, такъ дорого стоилъ и осаждающимъ, и осажденнымъ, сядетъ крѣпко, какъ сидитъ она на другихъ важныхъ пунктахъ земнаго шара и будетъ стеречь и держать насъ въ своихъ рукахъ. Чего Англія не совсѣмъ добилась послѣ Крымской войны и при заключеніи парижскаго трактата, то получитъ она теперь подъ шумокъ, ею самою поднятый, получитъ подъ видомъ добраго и полезнаго дѣла, творимаго ея капиталистами Москвѣ и Россіи. Мысль о томъ что временныя затрудненія, въ которыхъ мы теперь находимся и изъ которыхъ всего вѣрнѣе можемъ мы теперь же выйдти собственною энергіей, свяжутъ нашу будущность, лягутъ бременемъ на будущія поколѣнія и поставятъ исполненную жизни и силы великую страну подъ обязательство контракта въ одной изъ жизненныхъ частей ея, мысль о томъ, что Россія будетъ запечатана печатью англійской торговой конторы, мысль о томъ что предлагаемый теперь проектъ желѣзной дороги отъ Москвы до Севастополя есть не что иное какъ недописанная статья Парижскаго трактата, мысль эта пугаетъ и заботитъ общественное мнѣніе. Повторимъ, тревоги эти очень естественны при теперешнемъ возбужденіи народнаго духа, при теперешней заботливости и мнительности всѣхъ и каждаго въ дѣлѣ общаго интереса. Но мы убѣждены, что тревоги эти преждевременны, и спѣшимъ успокоить общественное мнѣніе. Мы знаемъ что наше правительство даже проекты собственныхъ преобразованій и предпріятій обнародываетъ во всеобщее свѣдѣніе и призываетъ на нихъ вниманіе общества; мы знаемъ, что всѣ правительственные проекты, начиная съ крестьянскаго вопроса, подвергались свободному обсужденію, при которомъ заявляли себя всѣ интересы и мнѣнія, раскрывались начала, разбирались подробности и обнаруживались многія обстоятельства ускользавшія болѣе или менѣе отъ вниманія составителей проекта, что правительство пользуется матерьялами и указаніями, приносимыми общественнымъ обсужденіемъ дѣла, и что первоначальные проекты подвергаются весьма существеннымъ измѣненіямъ. Можно-ли думать, что англійская компанія захотѣла бы скрыть свой проектъ, и вопреки всѣмъ обычаямъ своей страны, отказалась подвергнуть его публичному обсужденію? Въ Англіи подобныя дѣла, какъ сдача желѣзной дороги, обсуждаются гласно, передъ цѣлою страною, въ стѣнахъ и за стѣнами парламента, и публикѣ извѣстны всѣ подробности и условія, прежде чѣмъ состоится законодательный актъ. Если такъ водится въ Англіи, то англійская компанія не имѣетъ ни основанія, ни права претендовать на то, чтобы ея проектъ не шелъ тѣмъ путемъ, какимъ идутъ у насъ не только частные, но и правительственные проекты, подвергаясь гласному обсужденію всѣми способами какими имѣются у насъ для гласнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ. И мы надѣемся, что когда проектъ компаніи будетъ обнародованъ для предварительнаго обсужденія въ публикѣ, тревоги прекратятся, и опасенія относительно основной мысли и цѣли предпріятія уступятъ мѣсто бдительному разбору подробностей и соприкосновенныхъ обстоя-

тельствъ,—разбору, который можетъ быть окажется не безполезнымъ и для самой компаніи, но во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ для Россіи.

№ 165.

Москва, 29-го Іюля.

Въ субботнемъ нумерѣ нашей газеты напечатанъ переводъ новой депеши князя Горчакова къ барону Будбергу, въ отвѣтъ на сообщенныя имъ замѣчанія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ по поводу русской отвѣтной депеши. Отвѣтъ нашъ, конечно, не могъ понравиться французскому правительству. Онъ не достигъ бы своей истинной цѣли, если бы понравился. Г. Друэнъ де-Люисъ понялъ нашъ отвѣтъ такъ, что Россія отвергла шесть пунктовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что соглашается съ ними въ сущности. Онъ особенно формализировался, какъ и надобно было ожидать, откровеннымъ показаніемъ князя Горчакова, что польскій мятежъ былъ главнымъ образомъ возбужденъ иностранными интригами и что центръ ихъ въ Парижѣ.

Пояснительная депеша князя Горчакова къ барону Будбергу не беретъ ничего назадъ, и оставляетъ въ полной силѣ все что было сказано въ отвѣтныхъ депешахъ. Она только помогаетъ французскому правительству найдти благовидный исходъ изъ неловкаго положенія. Французское правительство вольно воспользоваться имъ, и сложить всю вину на недоразумѣнія. Содѣйствовало или нѣтъ французское правительство польскому мятежу, намѣренное или ненамѣренное участіе принимало оно въ его развитіи,—дѣло въ томъ что мятежъ имѣлъ и имѣетъ своею причиной постороннее возбужденіе. Это фактъ очевидный, всѣмъ извѣстный, не подлежащій ни сомнѣнію, ни спору. Наше правительство, заявляя этотъ фактъ, было выше мелочнаго желанія уколоть французское правительство, которое поставило себя во враждебныя отношенія къ намъ. Указывая на парижскія интриги, князь Горчаковъ не ограничивается ими однѣми для объясненія возстанія въ Польшѣ. Давая французскому правительству почувствовать бо́льшую или меньшую отвѣтственность за это дѣло, нашъ вице-канцлеръ признаетъ также извѣстную долю отвѣтственности и за Россіей. Не одни посторонніе вліянія, имѣвшія своимъ центромъ Парижъ, возбудили и поддерживаютъ возстаніе въ Польшѣ,—въ возстаніи этомъ повинна отчасти и самая система, принятая русскимъ правительствомъ относительно Польши, и въ сущности согласная съ программой шести пунктовъ. „Бо́льшая часть мѣръ, говоритъ князь Горчаковъ, заключающихся въ шести пунктахъ, была дарована Польшѣ Его Величествомъ Императоромъ. Онѣ не только не успокоили ея, но послужили началомъ вооруженнаго возстанія. Агитаторы воспользовались этими реформами и административною самостоятельностію, чтобы поднять страну.“ Значитъ, еслибы не были приняты тѣ мѣры, которыя теперь, какъ новость рекомендуются намъ тремя державами, то всякія поджигательства, откуда бы они ни выходили, не могли бы имѣть успѣха. Изъ этого слѣдуетъ, что система, принятая нами въ Польшѣ и рекомендуемая тремя державами, не только неспособна успокоить страну и обезпечить безопасность и интересы мирныхъ народонаселеній въ ней, но напротивъ открываетъ ее для всякаго рода интригъ и возбужденій, и дѣлаетъ ее игрушкой всякаго честолюбія, польскаго и не польскаго. Эти шесть пунктовъ, предлагаемые тремя державами, стало-быть дѣло испытанное, и Россія не должна пренебрегать сдѣланнымъ опытомъ.

Система шести пунктовъ не потому неудобна, что не удобна для Россіи, но еще болѣе потому что не удобна для самой Польши. Спрашивается, можетъ ли законное правительство, желающее блага странѣ, чувствующее всю тяжесть своихъ обязанностей передъ нею, отдавать ее на жертву всякимъ проискамъ и крамоламъ, и при ея устройствѣ имѣть въ виду не интересы народонаселеній, а мнѣнія какого-либо иностраннаго правительства, притязанія какой-либо клики, или наконецъ фантазіи сумасбродовъ и утопіи мальчишекъ. Правительство, не столько даже изъ уваженія къ себѣ, сколько въ интересахъ самой страны, не можетъ брать въ разчетъ подобные элементы. Еслибы Польша могла пользоваться вполнѣ самостоятельнымъ политическимъ устройствомъ, то она не растеряла бы своего народа и не подверглась бы раздѣленію. Въ томъ-то и заключаются ея историческія бѣдствія, что она не была способна къ государственной автономіи, и что ея самоуправленіе всегда обращалось во вредъ

ея народу. Надобно наконецъ понять, что люди и народъ не одно и то же, и что одно другимъ не можетъ быть измѣряемо. Люди могутъ быть превосходные, надѣленные всѣми дарами человѣческой природы, но тѣмъ не менѣе ихъ соединеніе можетъ еще не составлять политическаго народа, способнаго жить самостоятельною жизнію. Люди польскаго происхожденія одарены многими прекрасными качествами, но мы не видимъ польскаго народа способнаго жить отдѣльною политическою жизнію. Это фактъ, котораго нельзя не признать. Предоставить политическую автономію Польшѣ значитъ только повергнуть эту страну въ новыя бѣдствія, не говоря о проистекающихъ отъ того удобствахъ или не удобствахъ для Россіи. Въ польской народности нѣтъ такого общаго могущественнаго начала, которое держало бы въ связи всѣ ея силы; предоставленная самой себѣ, она тотчасъ же распадается на враждебные элеленты, между которыми исчезаетъ всякое единство, гибнутъ люди и существеннѣйшіе интересы общества. Въ исторіи являлась польская шляхта, но не было польскаго народа; не было ни одной исторической минуты, въ которую поднимались бы не скопы людей, но народъ какъ цѣльная сила, какъ одно тѣло и одинъ духъ.

Итакъ, въ своей пояснительной депешѣ князь Горчаковъ съ твердостію удерживаетъ принятую нашимъ правительствомъ точку зрѣнія въ объясненіяхъ съ державами коалиціи. Депеша эта имѣетъ еще особенную важность въ томъ отношеніи, что торжественно заявляетъ передъ Европой новое, до сихъ поръ неизвѣстное ей начало, и обезсиливаетъ обычный аргументъ, къ которому прибѣгаютъ иностранныя правительства противъ Россіи,—аргументъ общественнаго мнѣнія. Князь Горчаковъ напоминаетъ, что если французское правительство считаетъ себя въ правѣ ссылаться на общественное мнѣніе своей страны, то и Россія можетъ также имѣть свое общественное мнѣніе и свое народное чувство. О русскомъ народѣ, объ его чувствованіяхъ, о русскомъ общественномъ мнѣніи, никому не приходило на умъ справляться, и европейскіе политики до сихъ поръ производили всѣ свои операціи не принимая въ разчетъ этихъ элементовъ. Но теперь существованіе и сила этихъ элементовъ не подлежатъ сомнѣнію, и какъ сама Россія, такъ и Европа, должны познакомиться съ ними поближе. Наступаетъ пора когда эти силы, до сихъ поръ не слышныя, невѣдомыя, всѣми забытыя, должны вступить въ дѣйствіе и получить подобающее имъ значеніе не только въ судьбахъ Россіи, но и Европы.

Мы не можемъ не повторить прекрасныхъ словъ, которыми князь Горчаковъ заключаетъ свою депешу къ русскому послу при Парижскомъ дворѣ: „Вы не скроете отъ г. Друэнъ-де-Люиса, какъ затруднительна была бы наша задача, еслибы во Франціи не захотѣли понять силу обязательствъ, налагаемыхъ на насъ народными чувствованіями, въ которыхъ надобно видѣть не просто только порывы и симпатіи массъ, но которыя связываются съ самыми драгоцѣнными преданіями, съ самыми жизненными интересами страны, ввѣренными русскимъ народомъ патріотизму его Августѣйшаго Государя.“

Да, на патріотизмъ своего Государя, на возвышенный, великодушный патріотизмъ его, возлагаетъ русскій народъ всѣ свои надежды! И вице-канцлеръ не ошибся въ своемъ свидѣтельствѣ, что наши народныя чувствованія не пустыя увлеченія, но что они связываются съ дорогими и жизненными интересами страны. На эти чувствованія стóитъ обращать вниманіе, стóитъ принимать ихъ въ разчетъ.

№ 166.

Москва, 30-го іюля.

А.

Мы печатаемъ сегодня рядъ важныхъ офиціальныхъ извѣстій и документовъ, и кромѣ того, много интереснѣйшихъ извлеченій изъ иностранныхъ газетъ. Эти послѣднія сами говорятъ за себя. Не только главною причиной вопиственности, выказываемой нѣкоторыми иностранными державами, но даже главнымъ побужденіемъ къ настойчивому дипломатическому вмѣшательству считается наша кажущаяся слабость, обнаруженная въ борьбѣ съ польскимъ мятежомъ. „Когда революція началась,“ говоритъ *Всеобщая Аугсбургская Газета*, никто не могъ подозрѣвать, чтобы политическій и экономическій кризисъ въ Россіи ослабилъ силы этой имперіи до такой степени, какъ это оказалось на дѣлѣ. Безсиліе Рос-

сіи дало революціи возможность держаться и побудило европейскія державы къ вмѣшательству. Мы здѣсь очень хорошо знаемъ, что въ дѣйствительности вовсе нѣтъ этого безсилія Россіи, будтобы причиненнаго политическимъ и экономическимъ кризисомъ. Подъ политическимъ кризисомъ, вѣроятно, разумѣются послѣдствія освобожденія крестьянъ; можетъ-быть разумѣются отчасти и подвиги нашего нигилизма. Но нигилизмъ возвратился теперь въ свое ничтожество; наша атмосфера совершенно очистилась отъ него, и теперь даже стыдно воспоминать о придававшемся ему значеніи. Настроеніе умовъ никогда не было у насъ лучше теперешняго, и въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ общественномъ мнѣніи никогда еще не было такой жизни и силы какъ теперь. Подъ благотворнымъ вліяніемъ патріотическаго настроенія исчезли не только слѣды всякой гнили, умственной и нравственной, безобразившей наше молодое поколѣніе, но исчезли и неизбѣжныя общественныя послѣдствія крестьянской реформы, которая потрясла такъ много интересовъ и нарушила такъ много привычекъ, что не могла не оставить по себѣ слѣдовъ раздраженія. На это раздраженіе и на недоразумѣнія со стороны крестьянъ, преимущественно разчитывали польскіе заговорщики. Не зная ни русскаго дворянства, всегда вѣрно служившаго своему Государю и своему отечеству, ни русскаго народа, издревле сильнаго своимъ здравымъ смысломъ и патріотизмомъ, они безумно надѣялись, что русское дворянство рѣшится на неслыханную въ русской исторіи низость, — протянетъ руку измѣнникамъ, а русскій народъ возстанетъ противъ Царя-Освободителя. Но они жестоко ошиблись, и дорого платятъ за свою ошибку. При малѣйшей опасности, не скажемъ грозившей отечеству, а только предусматривавшейся въ будущемъ, весь русскій народъ встрепенулся какъ одинъ человѣкъ, и дворянство заняло свое мѣсто во главѣ русскаго народа. Всѣ разногласія смолкли; одинъ голосъ покрылъ все, голосъ любви къ отечеству и преданности его живому символу, Государю Русской Державы. Въ этомъ ли единодушіи видѣть политическій кризисъ, ослабляющій Россію и вызывающій иностранныя державы на вмѣшательство въ наши дѣла? Но кромѣ политическаго кризиса говорятъ еще о кризисѣ экономическомъ, какъ объ источникѣ нашей слабости. Экономическій дѣла наши трудны, это правда; но они въ десять разъ лучше чѣмъ были три года тому назадъ австрійскія дѣла, и если Австрія вышла изъ своего кризиса на столько благополучно, что можетъ даже принимать относительно насъ угрожающее положеніе, то во сколько разъ должно быть легче устраненіе нашихъ экономическихъ затрудненій? Нашъ кредитъ стоитъ высоко; наши фонды цѣнятся на европейскихъ биржахъ гораздо выше австрійскихъ. Наконецъ, всѣ наши дѣйствія показываютъ, что мы нисколько не затрудняемся денежными расходами нужными для подавленія мятежа въ Царствѣ Польскомъ и для обороны другихъ пограничныхъ пунктовъ Имперіи. Словомъ, ни на чемъ не видно, чтобъ экономическій кризисъ былъ причиной того безсилія Россіи, которое, какъ говоритъ *Аусбургская Газета*, дало польской революціи возможность держаться и тѣмъ самымъ вызвало противъ насъ иностранное вмѣшательство. Все это мы знаемъ, какъ нельзя лучше; мы убѣждены какъ нельзя тверже въ томъ, что иностранцы совершенно ошибочно приписываютъ какимъ-то политическимъ и экономическимъ кризисамъ, происходящимъ у насъ, то безсиліе Россіи, которое даетъ польской революціи возможность держаться. Мы очень хорошо понимаемъ, что не будь этихъ ошибочныхъ понятій о нашей слабости, не возникало бы и мысли о томъ какъ бы еще болѣе ослабить насъ. Но какими доводами переубѣдить иностранныя державы въ нашей слабости, какими словами увѣрить ихъ, что русскій народъ не безсиленъ, что никто на свѣтѣ не можетъ безнаказанно *расшевелить медвѣдя*, какъ выразился князь Горчаковъ въ упоминаемомъ ниже разговорѣ съ лордомъ Пепромъ?

Русскій человѣкъ, дѣйствительно готовый жертвовать всѣмъ для отечества и сознающій всю силу русскаго народа, не можетъ безъ всякаго гнѣва слышать толки о безсиліи Россіи и видитъ заклятыхъ враговъ своихъ въ этихъ иностранныхъ державахъ, приставшихъ къ намъ съ ножомъ къ горлу. Но всего болѣе раздражаетъ русскаго человѣка эта увѣренность иностранныхъ державъ, что онѣ всего достигнутъ безъ войны и безъмалѣйшей опасности для европейскаго равновѣсія. Раздраженіе естественно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ иностранная политика становится откровеннѣе. Францію мы не допустимъ до участія въ войнѣ, говорятъ Англичане, но Австріи

можно смѣло довѣрить ослабленіе Россіи! Такъ выражается *Saturday Review* въ приведенномъ ниже мѣстѣ—*Saturday Review*, одинъ изъ самыхъ разумныхъ и умѣренныхъ органовъ англійскаго общественнаго мнѣнія. Какое невыгодное мнѣніе должны были составить себѣ о Россіи Англичане, когда считаютъ Австрію государствомъ болѣе сильнымъ чѣмъ Россія! Вотъ это презрительное мнѣніе о Россіи раздражаетъ всѣ фибры русскаго человѣка, и нельзя не радоваться при видѣ этого общаго раздраженія.

Слѣдуетъ ли намъ однакоже очень сердиться на иностранцевъ, обвинять ихъ въ недобросовѣстности, зависти, злорадствѣ? Такъ какъ теперь почти вся Европа противъ насъ, то мы должны были бы возненавидѣть всю Европу и запѣть іереміады въ родѣ тѣхъ, которыя поютъ Поляки по поводу раздѣловъ Польши. Это было бы совершенно не разумно съ нашей стороны. Наши теперешніе враги вовсе не злодѣи. Они дѣлаютъ свое дѣло,—заботятся объ интересахъ своихъ государствъ. Государства не живые люди; они вовсе не обязаны любить другъ друга. Когда говорится о дружбѣ, о взаимной вѣрности между государствами, то все это говорится иносказательно. Вотъ напримѣръ Пруссія теперь другъ Россіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ ея правительство имѣло въ польскомъ вопросѣ что-либо въ виду кромѣ прусскаго интереса. Есть слухи, что скоро и Пруссія, конечно во имя своей дружбы, обратится къ намъ съ разными совѣтами. Этимъ слухамъ покамѣстъ еще трудно вѣрить, но еслибъ они оправдались, и еслибы Пруссія дѣйствительно посовѣтовала намъ принять шесть пунктовъ въ основу будущаго устройства Польши, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, но изъ этого отнюдь не слѣдовало бы, что совѣтъ Пруссіи дается намъ не въ ея, а въ нашемъ интересѣ. Интересы Россіи и Пруссіи въ польскомъ вопросѣ очень близки между собой, но они далеко нетождественны, и Пруссія была бы виновна передъ собой, еслибы стала болѣе заботиться о нашихъ чѣмъ о своихъ интересахъ, еслибъ она стала заботиться о насъ такъ, какъ мы сами должны о себѣ заботиться. Международныя отношенія основываются не на сентиментальныхъ нѣжностяхъ, а на силахъ и только на силахъ. Пока Пруссія считаетъ насъ достаточно сильными, чтобъ ожидать успѣшныхъ дѣйствій съ нашей стороны, до тѣхъ поръ она держится насъ. Но какъ скоро и Пруссія заразится ходячимъ теперь повѣрьемъ о нашей слабости, она неминуемо отстанетъ отъ насъ. Не иначе и Англія смотритъ на Австрію. Пока Австрія показываетъ способность дѣйствовать бодро и рѣшительно, до тѣхъ поръ, какъ совершенно вѣрно сказано въ *Saturday Review*, Англія будетъ дорожить содѣйствіемъ Австріи. Все это въ порядкѣ вещей, и на все это никакъ нельзя пенять или гнѣваться.

Точно также нечего намъ сердиться и на дипломатію, которая дѣлала все возможное, чтобъ удержать насъ отъ подавленія мятежа въ Польшѣ, а теперь указываетъ на нашу медлительность какъ на основаніе для болѣе серіознаго вмѣшательства въ пользу польскаго мятежа. Это столько же въ порядкѣ вещей, какъ и то что эта же самая дипломатія, упрекающая насъ за періодически-повторяющіяся безпокойства въ Польшѣ, только о томъ и хлопочетъ, чтобы мы, принятіемъ шести пунктовъ, обезпечили и впредь періодическое повтореніе этихъ безпокойствъ. Въ дипломатической перепискѣ очень часто говорятъ о доброжелательствѣ и дружбѣ; этимъ нѣжнымъ чувствованіямъ придается иногда даже личный характеръ, ссылками на взаимныя отношенія государей. Но государи не частные люди, и не только дружба, но даже родство не ставится ими выше государственныхъ интересовъ: всѣмъ извѣстно, что побуждаемые этими интересами, ближайшіе родственники вступали не рѣдко въ войну. Не очевидно ли что всѣ эти дипломатическія завѣренія о дружбѣ и т. п. не болѣе какъ прикрасы слога или средства къ замаскированію дѣйствительной цѣли? Такъ всегда было и такъ всегда будетъ, и это вовсе не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ нравственности въ теперешней Европѣ. Дипломатическіе переговоры—все та же война. Какъ при войнѣ арміями или флотами, такъ и при войнѣ депешами, каждая изъ воюющихъ сторонъ обязана заботиться о своихъ интересахъ, а не объ интересахъ противника. Ни одно правительство не въ правѣ доброжелательствовать не своему, а чужому народу, или великодушно жертвовать чему бы то ни было интересами своего народа. Еслибы государственные люди Англіи были одушевлены величайшимъ энтузіазмомъ къ польскому дѣлу, они могли бы жерт-

вовать ему своимъ частнымъ состояніемъ и своимъ лицомъ, а не имуществомъ и жизнію подданныхъ королевы Викторіи. Въ польскомъ вопросѣ они могутъ принимать участіе отнюдь не изъ-за Польши, а въ тѣхъ видахъ чтобъ ослабить Россію, которую они считаютъ своею соперницей на Востокѣ, и еще въ тѣхъ видахъ чтобы разстроить союзъ Россіи и Франціи, опасный для англійскихъ интересовъ. Вотъ ихъ побужденія, которыя очевидно не могутъ привести ихъ къ войнѣ съ нами, но непремѣнно должны вести ихъ къ дипломатическому вмѣшательству, тѣмъ болѣе что государственные люди Англіи составили себѣ, повидимому, самое непоколебимое понятіе о нашей слабости. Ихъ обязанность—извлекать изъ этой нашей слабости возможную пользу для своей страны. Что они запугиваютъ насъ возможностью войны, это тоже въ порядкѣ вещей. О чемъ бы ни велись дипломатическіе переговоры, они всегда опираются на силу государствъ, которыя ведутъ ихъ. За дипломатіей всегда скрывается возможность рѣшенія дѣла не дипломатіей, а войной: иначе дипломатическіе переговоры не имѣли бы смысла. Стало-быть дѣло тутъ не въ угрозахъ, а въ томъ какъ онѣ принимаются тою стороной, на которую направлены. Если бы Россія дѣйствительно такъ пугалась этихъ угрозъ, какъ пугаются ихъ нѣкоторыя петербургскія газеты, то пораженіе ея, и при войнѣ, и безъ войны, было бы неминуемо, и за это пораженіе мы должны были бы пенять на себя, а отнюдь не на иностранныя державы, старающіяся, какъ и естественно, сорвать съ насъ все то, что онѣ находятъ выгоднымъ для себя взять, а мы согласимся дать имъ.

Б.

Закатальское дѣло подаетъ поводъ къ серіознымъ размышленіямъ объ отношеніи политики къ религіи. Офиціальное изслѣдованіе этого дѣла указало что главною причиной возмущенія было движеніе, происходящее теперь въ мусульманствѣ, движеніе сказавшееся рѣзней въ Джеддѣ и выражающееся въ различныхъ сектахъ, появляющихся въ западной Азіи. Но эта причина такъ обща, что ею никакъ не можетъ быть объясненъ спеціяльный случай возстанія, имѣвшаго мѣстный характеръ и подавленнаго не безъ помощи мусульманъ. Поэтому весь интересъ сосредоточивается на спеціяльныхъ или второстепенныхъ причинахъ раскрытыхъ изслѣдованіемъ. Этихъ причинъ показано три: двѣ гражданскаго свойства (письменный порядокъ управленія и злоупотребленія, хотя и не важныя, низшихъ полицейскихъ властей), и одна — свойства религіознаго. Объ этой послѣдней мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Она выражена, въ офиціяльномъ извѣстіи, такъ: „крайне-ошибочныя дѣйствія генералъ майора князя Шаликова, который, изъ желанія распространить христіанство, дозволялъ себѣ иногда дѣйствія несправедливыя, какъ напримѣръ: прекращалъ преслѣдованіе уголовныхъ преступленій, если преступникъ принималъ христіанство, дозволялъ женамъ мусульманъ креститься безъ согласія мужей и родителей и т. п.“ Считаемъ нужнымъ упомянуть, что князь Шаликовъ, потерявшій жизнь въ закатальскомъ дѣлѣ, пользовался особенною привязанностію мѣстныхъ племенъ, ввѣренныхъ его управленію, сдѣлалъ для нихъ очень много добра и былъ совершенно увѣренъ въ ихъ преданности, и что человѣкъ, ставшій во главѣ возстанія, Хаджи-Муртузъ, принадлежалъ къ числу людей особенно преданныхъ Россіи: два сына его нали на царской службѣ, и самъ онъ получалъ пенсію отъ правительства. Нѣсколько времени тому назадъ, никто не повѣрилъ бы, что Хаджи Муртузу суждено стать мятежникомъ, а князю Шаликову погибнуть отъ руки Бѣлоканцевъ. Но князь Шаликовъ, полагаясь на свою популярность, сталъ сильно содѣйствовать распространенію православія, и содѣйствовалъ этой благой цѣли не какъ миссіонеръ, а какъ правительственное лицо. Это соединеніе двухъ разнородныхъ призваній, религіознаго проповѣдника и политическаго начальника, не могло не повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Проповѣдь христіанская потеряла свой мирный характеръ и вызвала противъ себя вооруженное возстаніе людей, облагодѣтельствованныхъ княземъ Шаликовымъ, какъ политическимъ начальникомъ. Князь Шаликовъ обвиняется теперь въ томъ, что онъ несправедливо *дозволялъ* мусульманкамъ креститься безъ согласія ихъ мужей и родителей. Если бы онъ только *дозволялъ!* Несправедливость дѣйствій князя Шаликова состояла въ томъ, что онъ пользовался для распространенія христіанства своею властью, и этотъ образъ дѣйствій былъ несправедливъ не только по отношенію къ

мусульманамъ, но и къ христіанству, которое онъ желалъ распространить не чистою силой убѣжденія, а политическими средствами и въ политическихъ видахъ. Какъ ни тяжело произносить судъ надъ умершимъ, но нельзя не сказать, что князь Шаликовъ вѣрнѣе служилъ бы великому дѣлу распространенія христіанства, еслибъ ограничился, какъ политическій начальникъ, защитой религіозной свободы. Онъ былъ бы тогда въ правѣ дѣйствовать всею силой власти, чтобы взрослыя мусульманки, по собственному убѣжденію того желающія, имѣли возможность креститься и безъ согласія своихъ мужей и родителей. Скажемъ болѣе: всякій русскій начальникъ обязанъ настаивать на томъ, чтобъ это было дозволено мусульманкамъ. Князь Шаликовъ не былъ бы виноватъ, еслибъ эта настойчивость повела къ возстанію: онъ защищалъ бы тогда свободу совѣсти; онъ исполнялъ бы долгъ, отъ исполненія котораго не въ правѣ уклониться политическая власть въ христіанскомъ государствѣ.

Принуждать или заманивать къ переходу въ православіе не слѣдуетъ, но никакъ не слѣдуетъ и не дозволять, изъ политическихъ соображеній, переходъ въ православіе. Гражданская власть не имѣетъ права отталкивать отъ православія мусульманку, желающую принять крещеніе. Это была бы уже не религіозная свобода; это было бы отрицаніе религіозной свободы, и притомъ въ ущербъ православію.

№ 167

Москва, 31-го іюля.

Въ *Journal des Débats*, 6-го августа, напечатана статья, въ которой сообщены въ извлеченіи свѣдѣнія, доставленныя анонимными корреспондентами этого журнала изъ Петербурга отъ 30-го (18-го) іюля, и изъ Вѣны и Берлина отъ 1-го августа. Неизвѣстный петербургскій корреспондентъ говоритъ, будто бы императорскій кабинетъ былъ изумленъ тѣмъ истолкованіемъ, какое дано было его депешамъ отъ 13-го (1-го) іюля, и тѣмъ пріемомъ, какой былъ имъ оказанъ иностранными державами. Въ этихъ депешахъ князь Горчаковъ высказалъ свое искреннее убѣжденіе, что безпорядки въ Польшѣ поддерживаются главнѣйшимъ образомъ извнѣ, европейскими революціонерами, тѣмъ болѣе что и начались они именно съ тѣхъ поръ, какъ Императоръ Александръ вступилъ на путь либеральныхъ реформъ. Князь Горчаковъ, какъ теперь будто бы уже извѣстно, нисколько не думалъ устранить Францію и Англію, предлагая конференцію трехъ державъ. Самое предложеніе это не русскаго происхожденія, и первая мысль о немъ не принадлежала русскому вице-канцлеру; „но, прибавляетъ петербургскій корреспондентъ, было бы безполезно возвращаться еще разъ къ тому что происходило за послѣдніе пять мѣсяцевъ между дворами Вѣнскимъ и Петербургскимъ внѣ офиціяльныхъ сношеній.“ Князь Горчаковъ былъ твердо убѣжденъ, что его виды совершенно согласуются съ видами Вѣнскаго двора, тѣмъ болѣе что ему хорошо были извѣстны опасенія австрійскаго правительства, „никогда не колебавшагося въ своемъ рѣшеніи защищать цѣлость имперіи какъ противъ тѣхъ, кто пожелалъ бы отнять у него итальянскія его владѣнія, такъ и противъ болѣе или менѣе явныхъ притязаній польскихъ инсургентовъ и венгерскихъ агитаторовъ.“ Князь Горчаковъ не имѣлъ и мысли склонить Австрію къ измѣнѣ, къ которой она вовсе неспособна въ отношеніи къ Франціи и Англіи, тѣмъ болѣе что она должна была бы встрѣтиться съ ними на конференціи пяти державъ, послѣ того какъ три сопредѣльныя государства, въ своемъ приготовительномъ совѣщаніи, выработали бы проектъ сдѣлки. „Князь Горчаковъ, продолжаютъ корреспонденты *Journal des Débats*, принялъ шесть пунктовъ, предложенныхъ съ общаго согласія тремя дворами; онъ не только не отвергъ сущности предложенія о конференціи, но и позаботился опредѣлить ея форму; онъ не отвергъ безусловно и желаній относительно временнаго замиренія; такъ какъ онъ лишь замѣтилъ что „нѣсколько затрудняется понять точное практическое значеніе этой комбинаціи.“ Предлагая вмѣсто одной комбинаціи другую, князь Горчаковъ не думалъ погрѣшить ни противъ должнаго уваженія къ державамъ, ни противъ правилъ вѣжливости; онъ просилъ только одного, чтобъ ему доказали, что его комбинація не есть лучшая, или даже что она вовсе не хороша, и чтобы въ этомъ случаѣ поступили такъ же какъ обыкновенно поступаютъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, особенно когда они рѣшаются между людьми, которые цѣнятъ и уважаютъ другъ друга. Русское

правительство убѣждено, что оно на настоящемъ пути, но безъ сомнѣнія оно допускаетъ возможность ошибки съ своей стороны. Достовѣрно извѣстно только то, что оно одушевлено желаніемъ окончательно разрѣшить польскій вопросъ. По тѣмъ уступкамъ, которыя оно уже сдѣлало, можно судить объ искренности его желанія, и кто знаетъ, не поведетъ ли обсужденіе этого вопроса вмѣстѣ съ другими державами еще къ дальнѣйшимъ уступкамъ? Въ Вѣнѣ значительные государственные люди предвидятъ возможность рѣшенія, основаннаго какъ бы на сліяніи предложеній съ той и съ другой стороны."

Вотъ содержаніе статьи *Journal des Débats*, переданное нами какъ можно ближе къ собственнымъ ея выраженіямъ. Она въ высшей степени проникнута духомъ миролюбія, которое и мы умѣемъ цѣнить высоко; но въ этомъ случаѣ не увлекаетъ ли миролюбіе корреспондентовъ *Journal des Débats* за предѣлы возможнаго и не заставляетъ ли оно ихъ дѣйствовать вопреки собственнымъ ихъ примирительнымъ цѣлямъ? Если одинъ изъ этихъ корреспондентовъ дѣйствительно такъ близокъ къ петербургскому кабинету, что въ состояніи знать его виды и намѣренія, если онъ дѣйствительно связанъ такъ или иначе съ интересами Россіи и принимаетъ въ нихъ участіе, то онъ долженъ положительно знать, что не только никакія дальнѣйшія уступки невозможны для Россіи въ отношеніи къ Польшѣ, но что и тѣ уступки, которыя уже сдѣланы, обратились во вредъ какъ для Польши, такъ и для самой Россіи, и что вся эта система отдѣльнаго политическаго существованія Польши должна быть разъ навсегда оставлена, или польскій вопросъ будетъ возраждаться до безконечности, и если не въ силахъ будетъ сгубить Россію, то навѣрное погубитъ самое Польшу. Само собой разумѣется, что русское правительство одушевлено желаніемъ окончательно разрѣшить польскій вопросъ; но именно потому-то и нельзя ожидать, чтобъ оно и впредь держалось того пути, на который оно вступило въ 1861 году и на который еще далѣе желаютъ увлечь его три державы и заодно съ ними корреспонденты *Journal des Débats*. Этотъ путь ведетъ не къ разрѣшенію польскаго вопроса, а, какъ показалъ опытъ, къ его усложненію, къ мятежамъ, къ европейскимъ замѣшательствамъ. На это отчасти указываетъ и депеша князя Горчакова къ барону Будбергу отъ 18-го (30-го) іюля, съ какой же стати доброжелательный *повидимому* петербургскій корреспондентъ *Journal des Débats* старается увѣрить европейскую публику въ томъ, чему она не должна вѣрить и чего она не въ правѣ ожидать?

Вся Россія и вся Европа поняла депеши князя Горчакова, отъ 1-го іюля, въ томъ смыслѣ, какой онѣ дѣйствительно имѣли и имѣютъ, въ смыслѣ твердаго, достойнаго и вмѣстѣ миролюбиво-вѣжливаго отказа на всѣ предложенія трехъ державъ: на программу шести пунктовъ, отчасти уже осуществленную и надѣлавшую много бѣдъ и Польшѣ, и Россіи, на конференцію восьми державъ и на предложеніе о перемиріи. Не смѣшно ли и не жалко ли послѣ того увѣрять европейскую публику, что всѣ эти предложенія въ сущности приняты, а не отвергнуты Россіей? Еслибы европейская публика дѣйствительно повѣрила этому, то ей пришлось бы вскорѣ разочароваться, и тѣмъ бо́льшихъ ожидала бы она отъ насъ уступокъ, тѣмъ большее почувствовала бы она раздраженіе, узнавши достовѣрно, что никакія уступки въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ требуютъ отъ Россіи, для насъ невозможны, и тѣмъ легче могла бы она, а за нею и сами правительства склониться къ мысли о неизбѣжности войны. Возбуждать надежды на уступки, которыя рѣшительно невозможны для Россіи, значитъ дѣйствовать не въ интересахъ мира, а въ интересахъ войны, въ духѣ вражды къ нашему отечеству. Да и вообще прилично ли говорить объ *уступкахъ*, какъ будто правительство составляетъ относительно Польши враждебный станъ, и какъ будто доброжелательствуютъ ей иностранныя державы?

Вотъ почему читатели наши съ особеннымъ удовольствіемъ остановятся на предостереженіи, напечатанномъ въ *Journal de St-Pétersbourg* и помѣщенномъ нами ниже. Въ краткой замѣткѣ этого органа русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ высказано прямо, что послѣднія объяснительныя депеши князя Горчакова нисколько не измѣняютъ сущности дѣла, и что если императорскій кабинетъ воодушевленъ желаніемъ достигнуть примиренія и согласія съ иностранными державами, если для заботливости Его Величества о благѣ его подданныхъ нѣтъ никакихъ географическихъ границъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ Государь, поддерживаемый энергическимъ и единодуш-

нымъ мнѣніемъ страны, сознаетъ великіе интересы Россіи, которые Онъ призванъ охранять и защищать, и что интересы и достоинство Россіи служатъ основой для того положенія, которое принялъ императорскій кабинетъ въ польскомъ вопросѣ. Эта замѣтка *Journal de St-Pétersbourg* разсѣетъ несбыточныя ожиданія европейской публики, и успокоитъ русское народное чувство, все еще жестоко страдающее отъ того безобразнаго двоевластія, которое продолжаетъ существовать въ Польшѣ и поддерживать духъ въ тамошнихъ заговорщикахъ. Россія искренно радуется энергическимъ заявленіямъ своего правительства въ вопросѣ, въ которомъ рѣшаются дальнѣйшія судьбы ея, и безъ сомнѣнія еще болѣе порадуется энергическимъ и разумнымъ дѣйствіямъ, которыя избавятъ Польшу отъ ея такъ-называемаго „народнаго правительства“ и возстановятъ въ ней полную силу законной власти. Пока этого еще не сдѣлано, мы не перестанемъ быть „притчей во языцѣхъ“, и не избавимъ русскаго имени отъ незаслуженнаго поношенія. До тѣхъ поръ не будетъ конца и притязаніямъ къ намъ иностранныхъ державъ, притязаніямъ, въ родѣ тѣхъ, органомъ которыхъ недавно сдѣлалась газета *La France*.

Помѣщенная ниже статья этого полуофиціальнаго французскаго журнала хочетъ насъ увѣрить, что только Франція имѣетъ право обижаться оскорбленіями и униженіемъ, а что Россія можетъ спокойно довольствоваться миромъ, хотя бы онъ купленъ былъ цѣною униженія. Эта газета требуетъ отъ Россіи всевозможныхъ уступокъ, если только Россія желаетъ освободить себя и въ настоящемъ, и въ будущемъ, отъ потрясеній, и довершить свое перерожденіе. Иначе, то-есть въ случаѣ отказа Россіи, миръ, пожалуй, и не будетъ нарушенъ, но этотъ миръ будетъ унизителенъ для Франціи, а Франція не можетъ смиряться на долгое время, и за свое временное смиреніе платитъ потомъ войною. Неужели же миръ, который купила бы Россія цѣной униженія, не отозвался бы потомъ на Европѣ? Неужели газета *La France*, продолжая считать Россію великою державой, не видитъ, что и парижскій трактатъ не можетъ обойдтись даромъ для спокойствія Европы? Галльскій пѣтухъ можетъ хвастаться эластичностью Франціи, но эластичность есть неотъемлемая, такъ-сказать физическая принадлежность всякой великой державы. Вотъ къ какой оскорбительной для насъ надменности подаетъ поводъ тотъ несчастный порядокъ вещей, то жалкое двоевластіе, которому удалось водвориться въ Польшѣ!

Ничтожество элементовъ, поддерживающихъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Съ ними легче справиться, чѣмъ съ литовскимъ возстаніемъ, которое опиралось на Царство и почерпало силы въ энергіи литовскихъ Поляковъ. Этой энергіи, какъ всѣмъ извѣстно, вовсе не имѣютъ Поляки Царства, славящіеся между своими литовскими соплеменниками только хвастливостью и задоромъ. Между тѣмъ революція подавлена въ Литвѣ съ меньшими военными силами чѣмъ тѣ, которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и, прибавимъ, съ меньшимъ кровопролитіемъ и даже съ меньшими казнями, и всѣмъ этимъ Литва обязана тому, что генералъ Муравьевъ захотѣлъ и сумѣлъ освободить ее отъ террора. Онъ не побоялся крика клеветниковъ; онъ не оробѣлъ передъ угрозами, что дѣйствуя согласно своему долгу передъ Государемъ и Отечествомъ, онъ навлечетъ проклятіе на свое имя и европейскую войну на Россію, и никто не оказалъ такихъ услугъ дѣлу европейскаго мира, и никто теперь не поставилъ такъ высоко свое имя, какъ генералъ Муравьевъ, вырвавшій Литву изъ когтей революціи и отнявшій у польскаго мятежа его главную цѣль. Неужели и теперь, послѣ того какъ блистательно оправдалась политика генерала Муравьева, варшавская автономія не подчинится ей? Неужели тамошняя администрація будетъ ждать той минуты, когда придется бомбардировать Варшаву? Краснымъ это можетъ-быть желательно, но этого не можетъ желать, ни Россія, ни Польша, и этого, конечно, не одобрятъ европейскіе миротворцы.

№ 168.

Москва, 7-го августа.

Свобода совѣсти и религіозная свобода — слова хорошія, но они хороши только съ умомъ, — а безъ ума что можетъ быть хорошаго! Свобода какъ религіозная, такъ и всякая другая, не значитъ давать оружіе нашему врагу; свобода не значитъ отказываться отъ власти въ пользу чужаго деспотизма. Религіозная свобода не значитъ про-

стирать терпимость до того чтобы водворять у себя чужую нетерпимость. Мы можемъ желать и желаемъ религіозной свободы; но не можемъ и не должны желать никакой поблажки властолюбивымъ притязаніямъ чуждой церкви, которая захотѣла бы пользоваться у насъ правами господствующей церкви, и даже большими. Мы не можемъ желать чтобы въ Россіи былъ допущенъ папскій нунцій, который, въ качествѣ представителя чуждой власти, стоялъ бы посредникомъ между русскою короной и ея католическими подданными. Этого мы не можемъ желать, но это вовсе не относится къ религіозной свободѣ, хотя этого требуетъ отъ насъ его святѣйшество папа во имя религіозной свободы. Пусть прежде потребовалъ бы онъ напримѣръ отъ испанскаго правительства, для котораго голосъ его имѣетъ непререкаемый авторитетъ, чтобы въ Испаніи люди другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій могли жить и умирать по христіански, а не считались язычниками и собаками. У насъ католикамъ нѣтъ ни малѣйшаго стѣсненія; они имѣютъ свою церковь, свою іерархію, и духовенство ихъ во многихъ отношеніяхъ чуть ли не лучше поставлено чѣмъ духовенство господствующей у насъ церкви. Католическіе подданные русской державы ничѣмъ не унижены предъ православными; они могутъ быть и военачальниками, и градоначальниками. Стало-быть ни папа, ни католическіе подданные русской державы не имѣютъ права жаловаться на нетерпимость къ нимъ русскаго закона.

Въ чемъ же можетъ состоять у насъ расширеніе религіозной свободы, и съ какой стороны могутъ быть заявлены подобныя желанія? Какъ католическая, такъ и другія признанныя христіанскія церкви пользуются у насъ всѣми правами и льготами, какихъ только могутъ онѣ разумно желать. Вопросъ о религіозной свободѣ совѣсти отнюдь не долженъ быть поставляемъ какъ вопросъ расширенія правъ той или другой иновѣрческой секты, но какъ вопросъ касающійся правъ и льготъ принадлежащихъ русскимъ людямъ.

Русскій народъ не можетъ измѣнить православной церкви; въ ней душа его, въ ней святыня его народности. Въ ней онъ возросъ, въ ней онъ воспитанъ, ею утверждена его самостоятельность, и въ ней вся его будущность. Православная церковь есть наша народная церковь, и такою она должна остаться. Государство должно ограждать ее, оберегать ее и отъ разбойника, и отъ тати, усиливать и улучшать положеніе ея служителей, чтобъ они могли успѣшно и крѣпко пасти свою паству, не допускать совращенія малолѣтнихъ. Но едва ли обязанности государства могутъ простираться на совѣсть людей взрослыхъ и самостоятельныхъ; едва ли можетъ оно полагать свой мечъ между совѣстью человѣка и Богомъ. Мы можемъ скорбѣть объ отпаденіи человѣка, но можемъ уважить свободу его совѣсти. Лучше ли чтобы онъ лицемѣрилъ и сквернилъ церковь ложнымъ единеніемъ съ ней? Если мы можемъ находиться во всякаго рода общеніи съ Нѣмцами и Французами, если мы допускаемъ смѣшанные браки, то нѣтъ основанія отвергать русскаго католика или протестанта, тѣмъ болѣе что мы, между своими же согражданами, считаемъ много людей совершенно преданныхъ нашему отечеству, людей хотя бы и съ иностранными именами, но русскихъ по рожденію, по языку, по образу мыслей, не принадлежащихъ однако къ православной церкви.

Въ настоящее время, съ особенною силой возникаетъ вопросъ о сближеніи разнородныхъ элементовъ входящихъ въ составъ русскаго государства. Должны ли мы желать чтобы между этими элементами господствовала религіозная напряженность, и чтобъ она усиливалась и поддерживалась вмѣшательствомъ государства въ дѣла совѣсти и религіознаго убѣжденія? Русскіе подданные католическаго вѣроисповѣданія, составляющіе большинство высшихъ классовъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, могутъ ли считать себя вполнѣ русскими людьми (а они должны считать себя такими), когда имъ безпрестанно напоминаютъ, что русскій человѣкъ отнюдь не можетъ быть католикомъ? Съ другой стороны, можемъ ли мы ожидать чтобы католическое духовенство, признаваемое и содержимое нашимъ правительствомъ, было искренно предано интересамъ Россіи, когда оно принуждено считать себя органомъ и символомъ враждебныхъ Россіи, не дозволительныхъ въ ней, національныхъ польскихъ притязаній? Не значитъ ли этимъ, съ одной стороны, отчуждать постоянно польскую національность отъ Россіи элементомъ религіознымъ, а съ другой стороны дѣлать католическое духовенство органомъ враждебныхъ Россіи національныхъ притязаній?

Въ настоящее время, особенно чувствуется необходимость разобщить эти два элемента, національно-польскій и религіозно-католическій, которые вовсе не совпадаютъ между собою, но которые у насъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, по необходимости совпадаютъ, и въ совокупности образуютъ самый вредный въ нашемъ государственномъ составѣ элементъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ русскихъ людей не многіе измѣнили бы православной церкви, даже при самой полной религіозной свободѣ. О простомъ народѣ нечего и говорить, лишь бы только мы сами не вздумали отдать его въ чужіе руки. Отщепенцы могли бы оказаться только въ образованныхъ классахъ. Но въ такъ-называемыхъ образованныхъ классахъ мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемъ болѣе признаковъ безвѣрія или равнодушія къ вѣрѣ нежели склонности къ обращенію въ какое-либо другое вѣроисповѣданіе. Мы должны усилить наше религіозное воспитаніе въ домашнемъ быту и школахъ; мы должны поставить наше духовенство въ лучшія условія, для того чтобъ оно могло съ успѣхомъ поддерживать религіозное чувство въ обществѣ, съ успѣхомъ исполнять свое назначеніе въ религіозномъ воспитаніи какъ народа вообще, такъ и образованныхъ классовъ его. Болѣе всего слѣдуетъ желать, чтобъ оно предохраняло растущія поколѣнія отъ легкомыслія и безвѣрія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ религіозной точки зрѣнія лучше чтобы человѣкъ исповѣдовалъ какую-нибудь вѣру, чѣмъ оставался безъ всякой вѣры, или какъ наши нигилисты полагалъ свою религію въ духѣ отрицанія, и съ безсмысленнымъ фанатизмомъ служилъ этому божеству. Ужь если необходимо сдѣлать выборъ, то лучше предпочесть прозелитизмъ католическій, чѣмъ прозелитизмъ безвѣрія и отрицанія. Но наше духовенство, будучи поставлено въ благопріятныя условія для религіознаго воспитанія общества, спасая и ограждая религіозное чувство, тѣмъ самымъ будетъ вѣрнѣе всякихъ другихъ способовъ привязывать людей къ православной церкви и предотвращать всякую иновѣрческую пропаганду.

Обращаясь къ теперешнимъ нашимъ затрудненіямъ, спросимъ себя, не лучше ли было бы, если бы католическая іерархія въ Россіи не состояла преимущественно и почти исключительно изъ національныхъ польскихъ элементовъ? Римско-католическое вѣроисповѣданіе въ Россіи становится de facto польскимъ національнымъ учрежденіемъ, а это, какъ замѣчено выше, приводитъ въ ложное положеніе какъ римско-католическую церковь у насъ, такъ и польскую народность. Всѣмъ извѣстно какое участіе принимали и принимаютъ польскіе ксендзы въ нынѣшнихъ волненіяхъ и смутахъ. Трудно оградить даже солдатъ нашихъ польскаго происхожденія отъ вліянія духовныхъ бесѣдъ съ ксендзомъ, въ которыхъ религіозное слово озлобляется духомъ національной пропаганды, а національная пропаганда фальшиво усиливается примѣсью религіознаго авторитета. Мы съ негодованіемъ слышимъ о подвигахъ польско-латинскихъ ксендзовъ, объ ужасахъ совершаемыхъ ими, о темныхъ дѣлахъ, которыхъ они являются главными виновниками и которыя несовмѣстны съ духомъ какой бы то ни было христіанской церкви. А римско-католическая церковь есть церковь христіанская. Несмотря на ея заблужденія, мы не можемъ не признать за нею этотъ характеръ христіанской церкви. Не вездѣ же католическое духовенство дѣйствуетъ такъ, какъ въ настоящее время дѣйствуетъ польское. Католическія духовныя лица, свободныя отъ фальшивой національной или политической примѣси, и не находящіяся подъ терроризаціей революціонныхъ комитетовъ, дѣйствовали бы несомнѣнно иначе. Но откуда могли бы мы взять другихъ католическихъ іерарховъ и священниковъ? Откуда? Есть цѣлыя славянскія страны, исповѣдывающія католическую вѣру; укажемъ преимущественно на Чеховъ, которымъ ничего не стоитъ, въ самомъ скоромъ времени, знать какъ нельзя лучше и русскій, и польскій языкъ. Приглашаемые нашимъ правительствомъ въ Россію для католическихъ жителей имперіи, преимущественно для находящихся на службѣ, они могли бы вѣрнѣе и надежнѣе пасти свое духовное стадо чѣмъ польскіе ксендзы; по крайней мѣрѣ дѣло католической религіи не было бы монополіей въ рукахъ польскихъ ксендзовъ, которые подъ видомъ религіи внушаютъ и воспитанникамъ, и вообще духовнымъ дѣтямъ своимъ, безумную ненависть къ Россіи и духъ революціи. Все зависитъ отъ тона, отъ главнаго направленія, отъ принятаго начала. Какъ только дѣло религіи перестанетъ быть монополіей какой бы то ни было національности, коль скоро въ католическую іерархію будутъ приняты въ значительномъ ко-

личествѣ и другіе элементы кромѣ польскаго, такъ тотчасъ церковное дѣло болѣе или менѣе явственно отдѣлится отъ политическаго, и тѣ же самые ксендзы во многомъ, и очень скоро, измѣнятъ свой характеръ. Они невольно почувствуютъ свое истинное назначеніе—быть служителями алтаря, а не орудіями революціи, политическихъ заговоровъ и интригъ. Начало религіозной свободы, понятое въ своемъ истинномъ и разумномъ смыслѣ, довершило бы побѣду надъ зломъ. Есть нѣсколько русскихъ людей перешедшихъ въ католицизмъ, утратившихъ свои гражданскія права въ Россіи, живущихъ на чужбинѣ и поступившихъ въ духовенство. Мы припоминаемъ теперь одно имя, одного русскаго человѣка, который, назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ, покинулъ свое отечество, принялъ католицизмъ и живетъ теперь священникомъ въ Дублинѣ. Это человѣкъ съ замѣчательными способностями и рѣдкимъ образованіемъ. Мы говоримъ о Печоринѣ. Онъ былъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ, но не долго, всего шесть мѣсяцевъ. Отправившись не надолго за границу, онъ остался тамъ навсегда. Съ нимъ былъ случай, который глубоко потрясъ его и на вѣки рѣшилъ его участь. Это было въ католическомъ городѣ Брюсселѣ. Молодой человѣкъ, не получившій твердаго религіознаго воспитанія и легкомысленно относившійся къ предметамъ вѣры, онъ зашелъ въ церковь чтобы посмѣяться и покощунствовать; онъ легкомысленно назвался на богословскіе споры, чтобы дать въ нихъ волю своему остроумію; но крѣпкій боецъ, съ которымъ онъ схватился, повергъ его во прахъ; монахъ-редемптористъ сумѣлъ найдти доступъ въ его душу и тронулъ въ ней никогда до толѣ не звучавшую струну религіознаго чувства. Впервые молодой вольнодумецъ почувствовалъ силу религіознаго убѣжденія; впервые обрѣлъ онъ въ себѣ способность молиться и обращаться ко Христу. Воспріимчивый и пылкій, онъ весь предался новому, могущественному чувству. Бросимъ ли мы въ него камень? укоримъ ли его за отпаденіе отъ православной церкви, которой онъ почти не зналъ и къ которой принадлежалъ только по имени? Онъ сталъ католикомъ, но онъ сталъ христіаниномъ. Убѣжденіе его было искренне и чисто; всѣ знающіе Печорина свидѣтельствуютъ о томъ. Образованный и развитый умъ спасъ его отъ изувѣрства, въ которое нерѣдко впадаютъ новообращенные. Онъ тихо исповѣдываетъ свою вѣру, молится служитъ при больницѣ, утѣшая страждущихъ и напутствуя отходящихъ въ вѣчность. Но преданный дѣлу своего церковнаго служенія, онъ можетъ-быть не безъ грусти вспоминаетъ о своемъ далекомъ отечествѣ. Неужели какой-нибудь ксендзъ Мацкевичъ, предводительствовавшій шайками мятежниковъ въ Литвѣ, имѣетъ болѣе правъ жить и священствовать въ Россіи нежели напримѣръ Печоринъ? Неужели непремѣнно нужно, чтобы духовникъ нашихъ солдатъ католиковъ былъ Полякъ и говорилъ не иначе какъ по-польски? Неужели непремѣнно требуется усиленно отчуждать нашихъ католическихъ согражданъ въ западномъ краю отъ русскаго языка и заставлять ихъ исповѣдываться, слушать проповѣдь и учиться закону Божію на языкѣ польскомъ? Неужели непремѣнно нужно чтобы люди, которые и для своего и для нашего спокойствія, должны чувствовать и знать себя Русскими,—какой бы ни были они религіи,—неужели непремѣнно нужно чтобъ эти люди не иначе мыслили и говорили о предметахъ своей вѣры какъ по-польски? Неужели непремѣнно нужно, чтобы самый священный предметъ, самая глубокая основа человѣческой жизни соединялась неразрывно съ языкомъ, который служитъ символомъ притязаній столь же враждебныхъ для Россіи, сколько несбыточныхъ, изнурительныхъ и пагубныхъ для тѣхъ людей, въ которыхъ они искусственно поддерживаются? Если русскій языкъ есть языкъ господствующій въ западномъ краю, столько же какъ и въ восточномъ; если на этомъ языкѣ отправляется судъ; если на этомъ языкѣ преподаются всѣ предметы въ школахъ: то почему же на этомъ языкѣ не можетъ быть преподаваемо и слово Божіе по римско-католическому догмату? Неужели бояться, что допустивъ на русскомъ языкѣ католическую проповѣдь и вѣроученіе, мы этимъ совратимъ русскій народъ, и повредимъ нашей православной церкви? Да еслибы десятки и сотни русскихъ людей и стали католиками, то былъ ли бы какой нибудь ущербъ отъ того для православной церкви? Не лучше ли ей освободиться отъ элементовъ невѣрныхъ, которые никогда существенно не принадлежали ей, и быть-можетъ не только были внутренно чужды ей, но не имѣли никакой религіи? Отпа-

деніе такихъ элементовъ можетъ не ослабить, а развѣ усилить нашу церковь.

Государство не должно поощрять отпаденій отъ православной церкви,—а поощренія могутъ быть не только прямыя, но и косвенныя, дѣйствующія издалека, и такими путями, которые повидимому клонятся въ противную сторону. Все что ведетъ къ разслабленію духа въ церкви, все что роняетъ или унижаетъ положеніе ея служителей, все что умаляетъ ея участіе въ народномъ воспитаніи и образованіи; а съ другой стороны, всякаго рода преимущества, нравственныя или матеріяльныя, сознательно или безсознательно предоставляемыя другимъ вѣроисповѣданіямъ, — все это можетъ очень сильно поощрять къ отпаденіямъ. Государство должно высоко держать знамя церкви, блюсти ея честь и величіе повсюду, но оно должно не ослаблять ея духа постороннимъ подпорками и помочами. Такая опека и заботливость о ней, въ сущности, гораздо для нея вреднѣе чѣмъ ожесточенный напоръ враждебныхъ силъ. Мы должны вѣрить въ ея внутреннюю, святую силу, а искусственныя подпорки могутъ выразить только недостатокъ нашей вѣры въ эту силу, и непремѣнно отзовутся всякими злоупотребленіями всякимъ вредомъ и упадкомъ. Времена мѣняются, и каждое время несетъ свою заботу. Что было возможно или даже необходимо въ былыя эпохи, то становится обильнымъ источникомъ зла въ наше время. Духъ отрицанія въ соединеніи съ умственною грубостію и невѣжествомъ, зародился и развивается въ воспитательныхъ заведеніяхъ самого духовенства. Только мощная, живая, внутренняя сила въ духовенствѣ можетъ избавить его и насъ отъ этой язвы. Надобно безотлагательно улучшить положеніе нашего духовенства, надобно уважить его, надобно устранить все что препятствуетъ ему занять надлежащее мѣсто въ воспитаніи народа; надобно глубже и серіознѣе вникнуть во всѣ условія его быта, пересмотрѣть учрежденія, пресѣчь злоупотребленія, и съ тѣмъ вмѣстѣ устранить все что усыпляетъ въ церкви духъ жизни и дѣйствія.

Въ цѣломъ мірѣ должны мы охранять честь, достоинство и величіе нашей церкви. Она по преимуществу ввѣрена нашему народу. Мы должны защищать ея интересы пуще всего. Тутъ ни о какой уступкѣ, ни о какомъ послабленіи не должно быть рѣчи. Вездѣ гдѣ страдаютъ интересы нашей церкви, мы же, держава великая, не разсуждая и не колеблясь, должны спѣшить на защиту ея. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться. Ни въ чемъ не должны мы уступать ни католическимъ державамъ, ни папѣ; имъ ни въ чемъ не должны уступать мы ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Папскаго нунція мы не должны принимать. Подобными уступками мы ничего не выиграемъ, а напротивъ проиграемъ. Чѣмъ принимать папскаго нунція, лучше не изгонять русскихъ людей ставшихъ членами хотя и чуждой намъ, но признаваемой нами церкви.

Франція—страна католическая; она считаетъ своимъ долгомъ защищать католическіе интересы на всемъ земномъ шарѣ. Напрасно мы думаемъ, что мы можемъ имѣть ее своею доброю союзницею на Востокѣ, гдѣ православіе и католицизмъ находятся въ постоянной и глубокой борьбѣ между собою; нѣтъ, именно на Востокѣ Франція самая главная противница и соперница наша. Но римско-католическій характеръ этой державы не препятствуетъ Французу переходить въ другую церковь. Православная церковь не пользуется никакими особенными льготами во Франціи, но Французъ-католикъ можетъ безъ всякаго препятствія присоединиться къ православію. Недавно, изъ рукъ отца Васильева, нашего священника въ Парижѣ, причастился св. таинъ католическій аббатъ Французъ Гетте, который пожелалъ присоединиться къ нашей церкви. Ставъ православнымъ, г. Геттъ не потерялъ гражданскихъ правъ; онъ не изгнанъ изъ Франціи. Въ Англіи католическая церковь не только не пользуется никакимъ почетомъ, но самое существованіе ея едва признано закономъ. Англиканская церковь есть въ Англіи національная церковь какъ у насъ православная, и законъ тамъ бодрствуетъ о соблюденіи всѣхъ интересовъ національной церкви; но Англичанинъ можетъ свободно стать и католикомъ и православнымъ; можетъ свободно вмѣсто учрежденной церкви, ходить для молитвы въ диссидентскую часовню.

Вотъ въ какомъ направленіи должны мы сдѣлать шагъ впередъ, если только мы хотимъ сдѣлать шагъ впередъ. Вотъ чего можемъ мы требовать отъ себя, и чего могутъ ожидать отъ насъ другіе въ смыслѣ взаимности. И только что-либо въ этомъ

смыслѣ, — что-либо соотвѣтствующее нашимъ собственнымъ интересамъ, что-либо усиливающее насъ, возвышающее наше достоинство, — только, что-либо такое можетъ пріобрѣсти намъ всеобщее уваженіе и возвысить наше всемірное значеніе.

№ 169.

Москва, 2-го августа.

Возстаніе можно считать подавленнымъ во всемъ западномъ краѣ, и кіевскомъ и литовскомъ. Хвала и благодарность Русской Земли совершителямъ этого дѣла! Но кровь, которой оно стоило, бѣдствія, которыя причинены имъ, и еще болѣе тѣ, которыя имъ пресѣчены, обязываютъ не ограничиваться одною хвалой и благодарностью, обязываютъ закрѣпить результаты совершеннаго дѣла и воспользоваться имъ. Энергическимъ дѣйствіямъ гражданской и военной власти много помогло, особенно на юго-западѣ, крестьянское населеніе, руководимое своимъ православнымъ духовенствомъ. Борьба съ мятежными чиновниками, помѣщиками и ксендзами приняла характеръ возрожденія православной Руси, подавленной и забитой полонизмомъ и латинствомъ. Польскіе мятежники подняли знамя свободы, разумѣя подъ свободой свое владычество, и сдѣлались невольнымъ орудіемъ освобожденія Руси отъ польскаго ига, которое въ послѣдніе годы стало тяжеле чѣмъ было во времена Рѣчи Посполитой. Тутъ дѣйствительно была борьба за свободу, но этого имени заслуживаетъ не борьба повстанцевъ съ русскимъ правительствомъ, а борьба русскаго населенія съ знаменосцами польской свободы. Какъ Эдипъ въ древней трагедіи, полонизмъ направлялъ на самаго себя удары, думая что направляетъ ихъ на Россію. Онъ заслужилъ постигшую его трагическую развязку. Жертва исторической ироніи, имъ самимъ на себя накликанной, полонизмъ долженъ подчиниться судьбѣ своей. Покажетъ ли или не покажетъ полонизмъ истинное величіе въ несчастіи, уподобится ли онъ или нѣтъ великодушному слѣпцу древней трагедіи, добровольно снявшему съ себя вѣнецъ свой, найдетъ ли онъ или нѣтъ внутреннее успокоеніе и примиреніе, во всякомъ случаѣ наши Ѳивы должны остаться свободными отъ его власти. Мы не бросимъ камня въ преступника, сознавшаго свою ошибку; мы почтимъ его раскаяніе, но раскаяніе не можетъ быть основаніемъ права на преобладаніе, и власть польскаго элемента надъ западною Русью должна миновать невозвратно. Отъ католицизма мы въ правѣ требовать чтобъ онъ отказался отъ служенія національнымъ и политическимъ страстямъ; отъ полонизма мы должны требовать чтобъ онъ отказался отъ притязаній на господство, хотя бы и мирное, въ западномъ краѣ. Русскій духъ, возбужденный тамъ борьбой съ мятежемъ, мы увѣрены, будетъ поддержанъ. Было бы великимъ несчастіемъ, еслибъ онъ упалъ; это было бы сигналомъ къ повторенію теперешнихъ бѣдствій; это значило бы, что плоды теперешней борьбы совершенно потеряны. Свободное развитіе русскаго духа есть самое вѣрное обезпеченіе спокойствія въ западномъ краѣ, лучшая порука за миръ между тамошнимъ русскимъ и польскимъ населеніемъ, единственное средство освободить тамошніе польскіе элементы отъ раздраженія, отравляющаго ихъ и отнимающаго у нихъ всякую способность къ полезному дѣйствію.

Не надобно скрывать отъ себя, что должнымъ образомъ воспользоваться результатами борьбы будетъ для насъ труднѣе чѣмъ вести борьбу. Побѣдило войско, побѣдилъ народъ. Они не могли не побѣдить. Что все польское движеніе поведетъ лишь къ ущербу польской національности, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію съ той минуты, какъ польское дворянство приняло программу 1772 года. Эта программа ни въ какомъ случаѣ не могла быть серіознымъ дѣломъ. Взявъ ее за цѣль движенія, такъ-называемые польскіе патріоты обнаружили только свою совершенную политическую неспособность. Въ этомъ отношеніи маркизъ Велёпольскій стоитъ неизмѣримо выше этихъ такъ-называемыхъ патріотовъ. Попытка возобновить Польшу 1772 года нисколько не опасна для насъ; она опасна для польскихъ элементовъ въ западномъ краѣ, и если смотрѣть на нихъ совершенно враждебно, то она даже выгодна для насъ. Ничто не можетъ такъ успѣшно противодѣйствовать полонизаціи края, какъ эта попытка. Но теперь когда о возстановленіи Польши 1772 г. не можетъ быть рѣчи, возникаетъ для насъ другая опасность, гораздо болѣе серіозная, опасность такъ-называемой умѣренной и потому легче осуществимой польской программы. Какъ

въ Царствѣ Польскомъ не стóитъ остерегаться ни красныхъ, ни тѣхъ бѣлыхъ, которые засѣдали въ агрономическомъ обществѣ, какъ въ Царствѣ Польскомъ и тѣ и другіе безсильны чего-нибудь достигнуть, а потому безсильны и повредить намъ; серіознаго же вреда можно было ожидать только отъ программы маркиза Велёпольскаго, который желалъ возможнаго, но такого возможнаго, что изъ него развилось бы будущее, крайне опасное для насъ; такъ точно и въ западномъ краѣ мы должны гораздо серіознѣе смотрѣть на попытки умѣренныхъ, клонящіяся къ постепенному ополяченію края, чѣмъ на замыслы людей, надѣющихся на его немедленное отторженіе. Польское дѣло не похоже на другія политическія дѣла. Обыкновенно умѣренныя партіи, составляютъ естественную опору хорошаго правительства, и о правительствѣ судятъ, хорошо ли оно или дурно, смотря потому, сочувствуютъ ли ему или нѣтъ умѣренныя партіи. Но это общее правило имѣетъ силу только въ политическихъ дѣлахъ; оно будетъ приложимо къ Польшѣ, когда Поляки совершенно откажутся отъ несбыточныхъ надеждъ на возстановленіе старой Польши, невозвратно погибшей. А пока эти надежды живутъ въ нихъ и искусственно поддерживаются въ нихъ разными политическими обстоятельствами и ошибками сосѣдей, пока каждый политическій человѣкъ изъ Поляковъ имѣетъ въ виду сепаратизмъ, пока различіе между умѣренными и не разумными заключается только въ томъ, что первые способны дѣйствовать постепенно и мало-помалу укрѣплять свою позицію, къ чему послѣдніе не способны, до тѣхъ поръ, само собой разумѣется, только умѣренные и могутъ причинить серіозный вредъ, потому что только они способны скрывать свои отдаленные планы и пользоваться всякою уступкой, всякимъ успѣхомъ, чтобъ идя шагъ за шагомъ понемногу приблизиться къ своей цѣли, то-есть къ войнѣ за возстановленіе Польши. Львовскій корреспондентъ *Times*, въ письмѣ, напечатанномъ нами вчера, справедливо замѣтилъ, что Поляки возстаютъ не тогда, когда имъ дурно, а когда имъ становится лучше. Такъ непремѣнно будетъ, пока Поляки не убѣдятся, что они должны считать себя подданными дѣйствительно существующихъ государствъ, а не воображаемаго государства, ожидаемаго въ будущемъ.

Мы сравнили польскихъ патріотовъ съ героемъ древней трагедіи. Это сравненіе можетъ-быть преувеличено, но въ судьбѣ польскихъ политическихъ стремленій дѣйствительно есть много трагическаго. Эти стремленія обречены на исканіе призраковъ, не только потому, что Польша не существуетъ какъ независимое государство, но потому, что у этихъ стремленій нѣтъ почвы, которая соединяла бы ихъ съ міромъ дѣйствительнымъ. Греки были подъ турецкимъ игомъ, и освободились; Болгары и Босняки находятся теперь подъ турецкимъ игомъ, и несомнѣнно освободятся. Для нихъ борьба за независимость есть дѣло болѣе или менѣе трудное, дѣло, которое можетъ болѣе или менѣе замедлиться, но никакъ не есть исканіе призраковъ. Почему это такъ? потому что у Грековъ, у Босняковъ, у Болгаръ, народъ хочетъ независимости, а польскій народъ не хочетъ ея и предпочитаетъ повиноваться всякому другому народу, славянскому или нѣмецкому, лишь бы не идти за-одно съ своими панами. Такое настроеніе польскаго народа есть результатъ всей польской исторіи, которую никто не силахъ передѣлать. Польскія національныя стремленія не имѣютъ народной почвы. Когда Поляки говорятъ о народѣ, они разумѣютъ народъ воображаемый въ дѣйствительности не существующій. Дѣйствительно-существующій польскій народъ окончательно убитъ и размытаренъ польскою исторіей, и нѣтъ силы, которая могла бы воскресить его. Обращаемъ особенное вниманіе читателей на сегоднишніе замѣтки нашего варшавскаго корреспондента о первоначальномъ отношеніи крестьянъ къ мятежу въ Царствѣ Польскомъ. Мятежники прибѣгаютъ теперь къ истязанію своихъ несчастныхъ хлоповъ, но какъ бы они ни мучили ихъ, они не возбудятъ въ нихъ ничего кромѣ ненависти къ польскому патріотизму. Тотъ не патріотъ, кто идетъ изъ страха сражаться за отечество. Патріотизма не навязываютъ, и только тотъ патріотизмъ силенъ, который тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе углубляется въ народныя массы. Польское патріотическое чувство, не имѣющее для себя почвы въ польскомъ народѣ, есть чувство болѣзненное, есть скорбь о прошедшемъ. Оно имѣетъ свою цѣль не впереди, а позади себя. До какого бы раздраженія оно ни доходило, оно способно породить только боль и плачъ. Такова жестокая, но несомнѣнная дѣйствительность.

Польскій патріотизмъ, это—могильный выходецъ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительною жизнію, неспособный ничего щадить въ ней, и готовый пить кровь изъ живыхъ существъ. Весьма замѣчательно, что это болѣзненное чувство патріотизма съ особенною силой развивается лишь вдали отъ общенія съ настоящимъ польскимъ населеніемъ: всего менѣе развивается оно въ Царствѣ Польскомъ, на Литвѣ болѣе чѣмъ въ Царствѣ, а всего болѣе на чужбинѣ. Польскіе студенты Московскаго университета обыкновенно возвращались на родину болѣе раздраженными чѣмъ прибывали въ Москву. Очень многіе изъ молодыхъ людей Царства вступали въ Московскій университетъ, не имѣя никакого понятія о такъ-называемыхъ польскихъ національныхъ стремленіяхъ, и становились польскими патріотами здѣсь въ Москвѣ, подъ вліяніемъ своихъ товарищей. Даже теперь, когда вслѣдствіе продолжительности мятежа, страсти распалены въ Царствѣ до послѣдней степени, когда каждый новый бой повстанцевъ съ нашимъ войскомъ, вызываетъ во множествѣ семействъ чувство ненависти и жажду мщенія, даже теперь главными орудіями и самою сильною поддержкой возстанія служатъ женщины, юношество и ксендзы, то-есть тѣ элементы общества, которые наименѣе способны къ здравомысленной оцѣнкѣ событій и наиболѣе доступны отвлеченному мечтанію о прошедшемъ и безотчетной чувствительности. Польскій патріотизмъ есть плодъ прививной и тепличный, явленіе наносное, а не изъ народной жизни происходящее. Потому онъ такъ нескроменъ, такъ хвастливъ и словоохотливъ. Народы, сильные здоровымъ патріотизмомъ, дѣйствуютъ согласно съ нимъ, потому что не могутъ иначе дѣйствовать, но никогда имъ не похваляются, не рисуются, не драпируются имъ. Они непобѣдимы въ своемъ патріотическомъ чувствѣ, потому что это чувство есть чувство всеобщее, неотъемлемая принадлежность всего народа, всѣхъ его классовъ, какъ необразованныхъ, такъ и образованныхъ. Ничего похожаго на это мы не видимъ въ польскомъ патріотизмѣ, и вотъ почему надъ нимъ тяготѣетъ тотъ жестокій рокъ, котораго нельзя не оплакивать, но нельзя и не видѣть.

Силы, связывавшія польскій народъ, исчезли. Въ польскомъ патріотизмѣ есть правда, сила, и сила очень большая,—большую силу могутъ имѣть и болѣзни,—но въ польскомъ патріотизмѣ нѣтъ не только силы связать разные классы польскаго народа, но нѣтъ силы связать и образованныхъ польскихъ людей. Пока патріотизмъ остается мечтой и словомъ, онъ соединяетъ образованныхъ Поляковъ, но при первой попыткѣ перейдти отъ общаго слова къ общему дѣлу, этотъ патріотизмъ, повидимому столько сильный, оказывается тѣмъ что онъ есть дѣйствительно—призракомъ безсильнымъ управлять живыми людьми. Вся сила теперешняго польскаго возстанія, единственно сильный въ немъ элементъ—чувствительность и воспоминаніе. Всякій разумный Полякъ долженъ согласиться съ этимъ, и видѣть, что въ мірѣ дѣйствительныхъ событій польское возстаніе безсильно достигнуть какихъ-нибудь результатовъ, кромѣ боли и плача. Женщины будутъ плакать, юноши гибнуть, ксендзы распалять тѣхъ и другихъ, но сколько бы разъ ни повторялось это потрясающее зрѣлище, исторія не измѣнитъ своего. Государство не можетъ существовать, когда народъ не хочетъ умирать за него по собственному никѣмъ не подсказанному влеченію.

Мы говоримъ все это для того чтобъ объяснить, почему, при полномъ доброжелательствѣ къ Полякамъ, невозможно считаться съ ихъ патріотическими притязаніями. Всякая мѣра, касающаяся польскаго населенія, и при которой были бы взяты въ разчетъ эти притязанія, непремѣнно оказалась бы фальшивою мѣрой, и повела бы только къ новымъ бѣдствіямъ. Изъ человѣколюбія, изъ доброжелательства къ краю, къ полскимъ его жителямъ, не слѣдуетъ поощрять въ немъ польскую національность; не слѣдуетъ вступать въ сдѣлку съ польскими національными стремленіями, какъ бы ни умѣренно и какъ бы ни благоразумно они высказывались. Невозможно жертвовать этимъ несбыточнымъ стремленіямъ тѣми народными силами, которыя доказали свою живучесть въ недавней схваткѣ съ отчаяннымъ натискомъ. Эти силы—наши народныя силы. Отказываясь отъ нихъ, мы отказались бы отъ самихъ себя, мы добровольно отринули бы элементы прочности нашего государства. Возможно ли подчинить эти живыя, свѣжія, поднявшіяся русскимъ духомъ силы, тѣмъ чужеяднымъ элементамъ, которые могутъ быть въ нашемъ государствѣ только зародышемъ другаго государства, да къ тому же государства ни

въ какомъ случаѣ неспособнаго существовать?

Нынѣшнія смуты должны повести къ великому благу для русскаго народа и русскаго государства. Воскресшій народный духъ русскихъ населеній западнаго и югозападнаго края долженъ быть поддержанъ. Если бы мы дали упасть этому духу, мы испортили бы наше будущее и особенно повредили бы самимъ Полякамъ, поощривъ ихъ къ новымъ безумнымъ попыткамъ обагрять русскую землю кровью невинныхъ жертвъ.

№ 170.

Москва, 3-го августа.

Въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* не такъ давно разсказывалось о преслѣдованіи польскихъ мятежниковъ крестьянами Васильковскаго уѣзда, при чемъ главнымъ дѣятелемъ являлась добрая личность яновскаго волостнаго старшины Флора Щербины. Въ заключеніи разсказа было упомянуто, что мировой посредникъ арестовалъ и смѣнилъ Щербину за *превышеніе власти*. Неужели это превышеніе власти, за которое пострадалъ крестьянинъ Щербина, состояло въ томъ, что онъ принялъ предводительство надъ своими односельцами, вмѣстѣ съ ними преслѣдовалъ мятежниковъ, не послушался ихъ увѣщаній о присоединеніи къ нимъ, что по его слову крестьяне бросились ловить ихъ, что онъ принудилъ ихъ сдаться, и что они, наконецъ, просили священника отслужить благодарственное молебствіе? Не знаемъ какъ отвѣчать на эти вопросы, а равно не знаемъ и о томъ, обратило ли мѣстное начальство вниманіе на этотъ случай. Равнымъ образомъ затрудняемся говорить о доходящихъ до насъ другихъ случаяхъ подобной строгости къ крестьянамъ, доблестно и по-христіански исполнившимъ свой долгъ и заслуживающимъ иного обращенія отъ всякаго честнаго мироваго посредника. Народъ, почти безоружный, шелъ на встрѣчу вооруженнымъ шайкамъ. Онъ одержалъ верхъ не только благодаря своей численности, но и благодаря своему мужеству и своему патріотизму, проявившемуся такъ неожиданно для мятежниковъ. Когда одержанъ былъ верхъ, ничто, казалось, не мѣшало убивать, вмѣсто того чтобы вязать мятежниковъ. Но намъ неизвѣстно, чтобы гдѣ-нибудь во всемъ западномъ краѣ были обнаружены случаи убійства внѣ боя. За весьма малыми исключеніями, народъ устоялъ даже противъ соблазновъ грабежа. Отбирая у плѣнныхъ деньги и вещи, крестьяне все представляли и сдавали вмѣстѣ съ плѣнными, отъ кошельковъ, наполненныхъ золотомъ, до послѣдней бездѣлицы, кромѣ коней и оружія, которыми пользовались какъ военною добычей. Благодаря этому доброму духу, возможному вслѣдствіе того, что крестьяне сознавали себя состоящими подъ національнымъ правительствомъ, и не получали никакихъ вредныхъ внушеній отъ мѣстныхъ представителей власти,—только благодаря этому доброму и вмѣстѣ самоувѣренному духу, у насъ не было ничего похожаго на галиційскую рѣзню. Но тѣмъ бо́льшаго уваженія заслуживаютъ жалобы крестьянъ на несправедливый образъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ, которыхъ строгость они объясняютъ желаніемъ отомстить имъ за ихъ вѣрную службу Царю Русской Земли. Эти жалобы составляютъ, впрочемъ, частное явленіе, лишь указывающее на характеръ положенія дѣлъ, на невозможность оставлять политическія права въ рукахъ людей способныхъ злоупотреблять ими. Главное общее затрудненіе заключается въ обязательныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ польскимъ помѣщикамъ тѣхъ частей западнаго края, гдѣ обязательныя отношенія еще не устранены закономъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне заявляютъ, что они не хотятъ служить мятежникамъ ни за какія деньги. „Царю, говорятъ они, готовы мы платить хотя вдвое, но съ Ляхами всѣ наши дѣла кончены.“ Законный авторитетъ мятежныхъ помѣщиковъ разрушенъ ими самими; въ памяти крестьянъ оживились преданія и проснулась дремавшая вражда; они снова увидѣли въ Полякѣ заклятаго врага Россіи, и это чувство перенесено ими на всѣхъ польскихъ помѣщиковъ. Положеніе польскихъ помѣщиковъ сдѣлалось безвыходнымъ, и они принуждены прибѣгать подъ покровительство законной власти, прося ее о защитѣ своихъ правъ. По буквѣ закона, они имѣютъ право требовать этой защиты. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что это требованіе, возникающее изъ гражданскаго права, находится въ противорѣчіи съ требованіемъ возникающимъ изъ политическихъ событій. Если смотрѣть на крестьянъ какъ на страдательную массу, то нѣтъ никакой причины колебаться въ избраніи пути, по

которому должно слѣдовать, не обращая вниманія на національныя симпатіи и антипатіи, на чувствительность національнаго сознанія, надобно принудить крестьянъ къ отбыванію узаконенныхъ повинностей. Такъ смотрятъ на русскаго крестьянина польскіе помѣщики, а потому они этого и требуютъ. Но русскій крестьянинъ доказалъ что онъ не вещь, а живой членъ великаго народа. Онъ сознаетъ, что спасъ Русскую землю и поборолъ враговъ своего Царя. Каково же было бы ему видѣть, что царскіе чиновники принуждаютъ его работать на тѣхъ самыхъ людей, которые подымали руку на русскаго Царя и которыхъ нѣсколько дней тому крестьяне вязали и представляли властямъ? Тутъ возможны два случая. Или народное раздраженіе приметъ такіе размѣры, которыхъ допустить нельзя, и тогда придется Русскимъ идти на Русскихъ чтобы приводить ихъ въ повиновеніе недавнимъ мятежникамъ. Или крестьяне подчинятся тому порядку вещей, который они считаютъ унизительнымъ для себя, и тогда духъ ихъ упадетъ еще ниже чѣмъ прежде. Въ обоихъ случаяхъ русское дѣло потерпитъ, а вмѣстѣ съ нимъ потерпитъ и дѣло спокойствія въ краѣ. Выиграютъ польскіе сепаратисты; имъ удастся занять въ краѣ то мѣсто, которое они прежде занимали, и которымъ они такъ преступно воспользовались, для борьбы съ правительствомъ, ограждавшимъ ихъ права. Опять пойдутъ интриги, опять начнутся попытки или оподячить крестьянъ, или возстановить ихъ противъ правительства. Но предполагать возможность чего-либо подобнаго не позволительно. Русскій народъ не можетъ быть выданъ польскимъ панамъ, ни на другой день мятежа, никогда-либо послѣ. Довольно ужь и того, что въ Царствѣ Польскомъ крестьяне были насильственно приводимы въ повиновеніе мятежнымъ помѣщикамъ.

Очевидная политическая невозможность идти по этому пути, вызываетъ мысль о необходимости прекратить между крестьянами и помѣщиками юго-западныхъ и двухъ бѣлорусскихъ (Витебской, за исключеніемъ лифляндскихъ уѣздовъ, и Могилевской) губерній всякія обязательныя отношенія. „При обязательныхъ отношеніяхъ, пишутъ намъ изъ Кіева, малѣйшая искра можетъ быть причиной громаднаго пожара. Что было бы, еслибы пришлось намъ самимъ тушить его! Отмѣна обязательныхъ отношеній теперь въ интересахъ обѣихъ сторонъ; ея неотлагаемость сознаютъ и здѣшніе Поляки; немедленное прекращеніе обязательныхъ отношеній, какъ сдѣлано въ Литвѣ, едва ли не есть теперь ихъ общее желаніе, или единственно возможный шагъ къ выходу изъ положенія, для нихъ въ полномъ смыслѣ невыноснаго." Итакъ обязательный выкупъ! Но нѣтъ ли причинъ серіозно призадуматься и надъ этимъ средствомъ выйдти изъ затрудненій? Въ Литвѣ, эта мѣра оправдывается политическою необходимостію; она принята, получила осуществленіе, и о ней говорить нечего. Но нельзя отрицать, что она значительно потрясла существующія права. Всѣ помѣщики потеряли право собственности на земли крестьянскаго надѣла; крестьяне потеряли право свободнаго выхода, которымъ могли бы воспользоваться съ 1870 года. И то и другое право было отмѣнено безъ согласія сторонъ имѣвшихъ право. Крестьянское населеніе въ Литвѣ довольно рѣдко; и потому стѣсненіе выхода не можетъ тамъ имѣть вредныхъ экономическихъ послѣдствій. То ли въ остальныхъ губерніяхъ западнаго края? При свободѣ передвиженія, по всему вѣроятію, часть населенія Подольской губерніи перешла бы въ Волынскую губернію и Бессарабію. Изъ Кіевской губерніи навѣрное было бы выселеніе въ Новороссійскія губерніи. Во многихъ мѣстахъ Витебской и Могилевской губерній крестьянское населеніе гораздо болѣе скучено чѣмъ было бы естественно при тамошней неблагодарной почвѣ. Не забудемъ, что въ непродолжительномъ будущемъ весь этотъ край будетъ прорѣзанъ желѣзными дорогами, а для того чтобы желѣзныя дороги могли оказать полное экономическое дѣйствіе, необходимо свободное передвиженіе населенія. При такихъ условіяхъ удобенъ ли обязательный выкупъ, который есть своего рода прикрѣпленіе къ землѣ, хотя и не вѣчное, но довольно долгосрочное? Наконецъ укажемъ на чрезвычайно важное обстоятельство, на затруднительность одновременнаго прекращенія барщины въ большомъ краѣ, котораго все хозяйство разчитано на издѣльную работу. Все это заставляетъ опасаться вредныхъ экономическихъ послѣдствій обязательнаго выкупа. Посмотримъ теперь на дѣло обязательнаго выкупа съ точки зрѣнія помѣщичьихъ правъ. Въ Литовскихъ губерніяхъ почти всѣ помѣщики Поляки; всѣ польскіе помѣщики, какъ извѣстно, платили налогъ въ пользу революціи, и тѣмъ самымъ признали рас-

поряженіе революціоннаго правительства о предоставленіи крестьянскаго надѣла въ собственность крестьянъ. Они не могутъ роптать на обязательный выкупъ. Наконецъ, помѣщики, замѣшенные въ мятежѣ, не могутъ ни ожидать, ни желать, чтобъ остались въ силѣ обязательныя отношенія къ нимъ крестьянъ. Все это дѣлаетъ обязательный выкупъ мѣрою даже выгодною для польскихъ помѣщиковъ того края. Но и въ Литовскихъ губерніяхъ есть русскіе помѣщики, которыхъ также коснулась общая мѣра обязательнаго выкупа, и которыхъ доходы значительно сократились вслѣдствіе этой мѣры, не ими вызванной. Они, какъ бы понесли наказаніе за свое сосѣдство съ Поляками; плохое поощреніе для русскихъ помѣщиковъ покупать земли въ томъ краѣ! Наконецъ, указъ 1-го марта, какъ было между прочимъ заявлено и въ *Сѣверной Почтѣ*, возбудилъ повсюду въ Россіи сомнѣніе въ томъ, что разрѣшеніе крестьянскаго вопроса имѣетъ значеніе окончательной мѣры, не подлежащей измѣненію. *Сѣверная Почта* поспѣшила устранить это сомнѣніе и успокоить опасавшихся за ненарушимость права собственности. Важности всѣхъ этихъ соображеній нельзя отрицать. Распространеніе обязательнаго выкупа на губерніи Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Могилевскую и неинфляндскую часть Витебской губерніи, стѣснило бы свободу передвиженія въ этихъ губерніяхъ, потрясло бы господствующую систему хозяйства, основаннаго на издѣліи, наложило бы незаслуженныя и очень тяжелыя лишенія на помѣщиковъ, не только не принимавшихъ участія въ мятежѣ, но даже противодѣйствовавшихъ ему, заставило бы Русскихъ раскаиваться, что они покупали тамъ имѣнія, наконецъ отозвалось бы на всей Россіи потрясеніемъ понятій о правѣ собственности, понятій, которыя должны быть напротивъ какъ можно болѣе утверждаемы. Кто знаетъ, не образовалось ли бы вслѣдствіе столь обширнаго выкупа такихъ тяготѣній къ распространенію этой мѣры на востокъ, что съ этими тяготѣніями трудно было бы бороться законодательству, при всемъ его желаніи уважать и ограждать неприкосновенность собственности? Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, нельзя не указать еще на финансовую затруднительность выкупа, вводимаго одновременно на такомъ огромномъ пространствѣ, въ то самое время когда еще предстоятъ внутренніе займы для изъятія кредитныхъ билетовъ, для усиленія оборотной кассы государственнаго банка и для воспособленія государственному казначейству.

Итакъ, скажетъ читатель, что же возможно, когда и обязательный выкупъ не удобенъ, и сохраненіе обязательныхъ отношеній невозможно? Вникнемъ однакоже въ дѣло, и посмотримъ что собственно не возможно.

Мы говорили до сихъ поръ объ общихъ мѣрахъ, простирающихся на весь край. Всѣ общія мѣры сопряжены съ непобѣдимыми трудностями. Невозможно приводить крестьянъ въ повиновеніе мятежнымъ помѣщикамъ. Этимъ былъ бы оскорбленъ въ крестьянинѣ русскій человѣкъ и вѣрноподданный. Такого униженія не потребуетъ, конечно, ни одинъ совѣстливый Полякъ. Кто поднялъ знамя возстанія, тотъ можетъ просить о прощеніи и можетъ быть помилованъ, но не можетъ ожидать, чтобы милость, оказываемая ему, обратилась въ ущербъ, въ оскорбленіе и уничиженіе другихъ. А этотъ ущербъ, это оскорбленіе и уничиженіе не фантомъ, не созданіе болѣзненной мнительности. Русское населеніе того края уже испытало всѣ эти бѣды, послѣ того какъ возстаніе 1831 года было подавлено и польскіе помѣщики, подъ предлогомъ возстановленія своей помѣщичьей власти, нашли возможность жестоко отомстить крестьянамъ, вязавшимъ и представлявшимъ ихъ въ распоряженіе начальства. Этотъ опытъ конечно научитъ насъ теперь позаботиться о томъ, чтобы русскіе крестьяне были спасены отъ революціонной вендетты. Но изъ этого еще не слѣдуетъ что бы была необходима и справедлива общая мѣра обязательнаго выкупа. Мы указали на ея важныя неудобства. Посмотримъ что можно сказать въ ея пользу. Общая мѣра удобна, потому что распространяясь на невинныхъ помѣщиковъ вмѣстѣ съ виновными, она не подходитъ подъ амнистію и можетъ быть принята даже наряду съ полнымъ и всеобщимъ прощеніемъ. Но слѣдуетъ ли приносить справедливость въ жертву милости? Справедливость есть долгъ; милость — умѣстна лишь тамъ, гдѣ ею не нарушается справедливость. Итакъ, съ этой стороны, общая мѣра обязательнаго выкупа не можетъ быть защищаема. Другой доводъ, который можетъ быть приведенъ въ ея пользу, состоитъ въ томъ, что еслибы въ однихъ имѣніяхъ ввести обязательный

выкупъ, а въ другихъ не вводить его, то крестьяне получили бы поводъ жаловаться на неравенство. Вотъ въ этомъ имѣніи помѣщикъ принялъ участіе въ мятежѣ; вслѣдствіе того, крестьяне освобождены отъ обязательныхъ отношеній. А въ другомъ имѣніи помѣщикъ остался вѣренъ присягѣ, и крестьяне обязаны отбывать въ его пользу барщину. Не подавало ли бы это поводъ къ неудовольствіямъ со стороны крестьянъ? Могли ли бы помѣщики бороться съ этими неудовольствіями? Если бы большинство имѣній было переведено на обязательный выкупъ, то можно навѣрное сказать, что и остальнымъ помѣщикамъ было бы трудно уклониться отъ выкупа. Фактически выкупъ былъ бы обязательнымъ въ цѣломъ краѣ. Таковы выводы, которые можно бы представить въ пользу обязательнаго выкупа. Но противъ нихъ слѣдуетъ замѣтить, что далеко не вездѣ то что невыгодно для помѣщика, выгодно для крестьянъ. Обязательный выкупъ во многихъ случаяхъ экономически невыгоденъ и для помѣщиковъ, и для крестьянъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ въ западномъ краѣ, крестьяне не имѣютъ понятія о платежѣ денежнаго оброка; но еслибъ это было и не такъ, то все же на одномъ этомъ основаніи нельзя было бы признать рѣшительную необходимость обязательнаго выкупа. Раздѣлить имѣнія всего большаго края на двѣ категоріи, и въ однихъ ввести обязательный выкупъ, а въ другихъ оставить все по-прежнему, дѣйствительно можетъ быть неудобно. Но чтобъ избѣжать этого неудобства, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать не менѣе неудобнаго всеобщаго обязательнаго выкупа, можно было бы, кажется, установить, вмѣсто двухъ, нѣсколько категорій, сообразно степени участія помѣщиковъ въ мятежѣ. Всѣ участвовавшіе въ мятежѣ, по закону, заслужили конфискацію имущества. Обязательный выкупъ могъ бы замѣнить конфискацію для одного разряда помѣщиковъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, а относительно имѣній помѣщиковъ другихъ разрядовъ могли бы быть приняты другія мѣры. Разнообразіе мѣръ, совершенно согласное съ справедливостью, устранило бы и ту трудность, о которой мы сейчасъ упомянули.

Когда говорится о невозможности обязательныхъ отношеній русскихъ крестьянъ къ компрометтированнымъ польскимъ помѣщикамъ, то преимущественно разумѣется отбываніе издѣльной повинности. Невозможны необязательныя отношенія вообще,—невозможна прежде всего барщина въ тѣхъ имѣніяхъ, которыхъ помѣщики принимали участіе въ мятежѣ. Оброкъ былъ бы уже не такъ невозможенъ, если не приводить его въ зависимость отъ добровольныхъ соглашеній. Нельзя ожидать, чтобы русскіе крестьяне пошли теперь на соглашенія съ польскими помѣщиками относительно перехода на оброкъ: переходъ долженъ быть обязательный. Нельзя также ожидать, чтобы крестьяне, совершенно непривычные къ оброку, были въ состояніи выплачивать полный оброкъ безъ сбавки. Но съ другой стороны польскіе помѣщики, которые были замѣшаны въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и которыхъ имѣнія не будутъ секвестрованы, не имѣютъ никакого права надѣяться на полученіе полнаго оброка. По закону, всѣ ихъ имѣнія подлежали бы конфискаціи. Если они будутъ избавлены отъ конфискаціи, то это будетъ уже милость, которую они должны принять безъ спора объ ея условіяхъ. Обязательный переходъ на оброкъ самъ собой содѣйствовалъ бы ходу выкупной операціи и окончательной развязкѣ отношеній русскихъ крестьянъ къ польскимъ помѣщикамъ, но не былъ бы сопряженъ ни съ однимъ изъ тѣхъ неудобствъ, которыя нераздѣльны съ обязательнымъ выкупомъ. За крестьянами было бы сохранено право выхода, право собственности было бы уважено, потому что осталась бы въ будущемъ возможность переоброчки, выкупная операція не была бы затруднена, не произошло бы одновременной отмѣны барщины во всемъ краѣ. Одною изъ выгодъ этого порядка было бы, кажется, еще и то, что правительство не сдѣлалось бы обязательнымъ сборщикомъ оброковъ.

Нельзя не ожидать, что во многихъ случаяхъ обязательный оброкъ не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать теперешнему настроенію населенія. Если примѣненіе мѣры обязательнаго выкупа будетъ ограничено, то необходимо будетъ, кажется, принять еще нѣсколько промежуточныхъ степеней: напримѣръ, вопервыхъ, какъ мѣру болѣе строгую для помѣщика, сборъ оброка казной, съ вычетомъ извѣстнаго процента за трудъ сбора и съ обязательствомъ помѣщика, въ продолженіи извѣстнаго срока, или приступить къ выкупу на общемъ основаніи, или продать имѣніе лицу не компрометтированному, или подвергнуться продажѣ имѣнія

съ аукціоннаго торга; вовторыхъ, какъ мѣру болѣе снисходительную для помѣщика, дозволеніе желающимъ изъ крестьянъ остаться на барщинѣ, но съ правомъ безъ согласія помѣщика переходить на оброкъ съ извѣстною сбавкой противъ Положенія. Эта послѣдняя мѣра, казалось бы, соотвѣтствовала непривычкѣ крестьянъ юго-западнаго края къ оброку.

Наконецъ, можетъ быть принята еще одна категорія,—для имѣній секвестрованныхъ, которыя оказалось бы несправедливымъ подвести подъ одну изъ предыдущихъ категоріей,— именно немедленная продажа или всего имѣнія съ аукціоннаго торга, или только права собственности на земли входящія въ крестьянскій надѣлъ.

Говоря объ этихъ мѣрахъ, мы не скрываемъ отъ себя трудности дѣла, о которомъ теперь приходится разсуждать намъ. Множество элементовъ входитъ въ это дѣло и осложняетъ его. Если бы было возможно, то всего желательнѣе, было бы временное устраненіе главнаго затрудненія, заключающагося въ зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ. Это было бы всего желательнѣе, потому что окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ западномъ краѣ должно очевидно зависѣть отъ хода дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Мятежъ долженъ быть совершенно подавленъ прежде нежели можетъ идти рѣчь о смягченіи его законныхъ послѣдствій. Но не возможно считать мятежъ окончательно подавленнымъ даже въ западномъ краѣ, пока онъ будетъ длиться въ Царствѣ. Плачевнымъ доказательствомъ тому служитъ покушеніе на жизнь А. Ѳ. Домейка, свидѣтельствующее не о томъ, что волненіе сильно въ Вильнѣ, а о томъ, что волненіе, сильное въ Царствѣ, не можетъ не отзываться и въ Вильнѣ, отстоящемъ лишь на нѣсколько часовъ пути отъ Варшавы по желѣзной дорогѣ. Огромное протяженіе сухопутной границы между Царствомъ Польскимъ и западными губерніями, ставитъ ихъ въ нѣкоторой степени въ зависимость отъ того что происходитъ въ Царствѣ, а потому характеръ политическаго устройства Царства Польскаго и его отношеній къ Россіи долженъ имѣть существенное вліяніе на разрѣшеніе вопроса о томъ, что можетъ и что не можетъ быть безъ вреда допущено для смягченія законныхъ послѣдствій мятежа въ западныхъ губерніяхъ.

№ 171.

Москва, 5-го августа.

Какъ только европейская публика увѣрилась въ томъ, что войны за Польшу не будетъ, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году, ея интересъ къ польскому вопросу тотчасъ же охладѣлъ, и на первый планъ временно выступили дѣла мексиканскія и дѣла германскія.

То что происходитъ въ Мексикѣ заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего эти происшествія характеризуютъ образъ дѣйствій наполеоновской Франціи, которая такъ громко заявляетъ свое безкорыстіе и свое человѣколюбіе въ дѣлахъ Европы, которая, еслибы не противодѣйствіе со стороны Англіи, готова была уже выступить противъ насъ на освобожденіе „героической и многострадальной націи,“ и которая приходила въ ярость отъ секвестра доходовъ, отъ контрибуціи и другихъ мѣръ, принимаемыхъ генераломъ Муравьевымъ противъ мятежниковъ въ западномъ краѣ Россіи. Что же дѣлаетъ она сама въ Мексикѣ, въ странѣ совершенно свободной, не обязанной ей ни малѣйшимъ повиновеніемъ? Она объявляетъ устами маршала Форе, что всѣ тѣ Мексиканцы, которые будутъ сражаться противъ нея за независимость своей родины, будутъ считаемы за мятежниковъ и наказываемы конфискаціей имуществъ. Въ виду этой угрозы, въ виду своихъ штыковъ, нарѣзныхъ ружей и нарѣзныхъ пушекъ, она произвольно созываетъ собраніе изъ 135 человѣкъ, и заставляетъ ихъ рѣшать будущія судьбы страны, сообразно съ своими планами и намѣреніями. Но чтобы замаскировать ихъ по возможности и не встревожить ни Европы, ни Америки, она заставляетъ этихъ именитыхъ и почетныхъ людей подавать голосъ не въ пользу самого императора Наполеона, а въ пользу брата австрійскаго императора, эрцгерцога Максиміліана, или всякаго другаго кандидата, котораго предложитъ Наполеонъ III. Кто бы ни былъ предложенъ Наполеономъ III въ императоры Мексики, при отсутствіи въ Америкѣ достаточныхъ условій для монархическихъ учрежденій, при отдаленности страны, доступной только для первоклассной морской державы, при разъединеніи мексиканскаго народонаселенія и привычкѣ къ смутамъ и междуусобіямъ, очевид-

но, что этотъ новый императоръ въ состояніи будетъ держаться только помощью Франціи и если не навсегда, то на долгое время будетъ ея покорнымъ вассаломъ, будетъ не болѣе какъ намѣстникомъ ея императора, а этотъ видъ владычества Франціи будетъ болѣе для нея удобенъ и выгоденъ до поры до времени чѣмъ всякій другой. Между тѣмъ обстоятельства могутъ измѣниться, маска можетъ быть отброшена, и Мексика можетъ сдѣлаться такимъ же, и еще болѣе надежнымъ владѣніемъ для наполеоновской династіи чѣмъ Франція. Далѣе, на югъ отъ Мексики, въ центральной Америкѣ, лежатъ великолѣпныя по своей природѣ, важныя по своему торговому положенію, но ничтожныя и безсильныя въ политическомъ отношеніи страны, которыя Франція, имѣя опору въ Мексикѣ, легко можетъ прибрать къ своимъ рукамъ, а утвердившись на Панамскомъ перешейкѣ, прорѣзавъ его судоходнымъ каналомъ, что, по мнѣнію свѣдущихъ людей, не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій для современнаго инженернаго искусства, Франція можетъ стать владычицей двухъ океановъ, Атлантическаго и Великаго, и распорядительницей торговыхъ сношеній между Европой, Азіей и самою Америкой. Всего этого уже опасаются въ Англіи и еще болѣе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и ихъ журналы почти въ одинъ голосъ кричатъ противъ образа дѣйствій Франціи, противъ ближайшихъ, уже обнаружившихся послѣдствій ея экспедиціи. Еслибы Сѣверо-Американскіе Штаты не были раздираемы теперь междуусобіями, говорятъ они, то французская экспедиція давно уже была бы остановлена. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ тѣмъ опаснѣе для этого Союза водвореніе Франціи въ Мексикѣ. Теперь когда все теченіе Миссисипи уже въ рукахъ Сѣверянъ, Югъ, если бы и успѣлъ добиться независимости, былъ бы относительно слабымъ государствомъ, и между нимъ и Франціею въ Мексикѣ естественно состоялся бы наступательный и оборонительный союзъ противъ союза Сѣверныхъ Штатовъ. Если же утвержденіе независимости Юга замедлится, и борьба продолжится, въ этой борьбѣ Франція тѣмъ охотнѣе приметъ участіе въ пользу Юга, что возстановленный союзъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ вѣрный ученію Монроэ о невмѣшательствѣ европейскихъ государствъ въ дѣла Америки, никакъ не потерпѣлъ бы французскаго владычества и даже протектората въ Мексикѣ. Итакъ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, будетъ ли возстановленъ Союзъ, продолжится ли борьба, или Югъ достигнетъ независимости, во всякомъ случаѣ мексиканская экспедиція Франціи, если она не останется безплодною и безцѣльною, въ непродолжительномъ времени можетъ вовлечь ее въ борьбу съ сѣвернымъ штатами, и отвлечь ея силы отъ европейскихъ ея дѣлъ.

Послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ затаеннымъ желаніемъ, чтобъ южные штаты успѣли утвердить свою независимость и чтобы такимъ образомъ устранилась съ этой стороны всякая опасность для морскаго преобладанія Англіи, объясняетъ намъ, почему Англія не препятствуетъ до сихъ поръ американскимъ затѣямъ Наполеона III, и почему *Times* одобряетъ даже и послѣднія событія въ Мексикѣ. Но какъ только для европейскаго мира минуетъ прямая и близкая опасность отъ Наполеона III, какъ только съ его помощью утвердится независимость южной конфедераціи, и онъ протянетъ руку къ Панамскому перешейку, Англія тотчасъ же найдетъ средства и способы съ помощью сѣверныхъ штатовъ положить конецъ его властолюбивымъ замысламъ въ Америкѣ, и передѣлать все что будетъ имъ сдѣлано въ Мексикѣ.

Покамѣсть въ интересахъ упроченія европейскаго мира, общественное мнѣніе Англіи готово, повидимому, энергически поддерживать императора австрійскаго въ его теперешней попыткѣ подвинуть впередъ дѣло объединенія Германіи.

Рѣшимость императора австрійскаго возобновить въ памяти германскаго населенія дѣла давно-минувшихъ дней, когда курфирсты и князья Германіи лично являлись на сеймы, созываемые императорами, и сообща принимали рѣшенія по общимъ дѣламъ, не лишена въ настоящее время своего значенія. Въ Германіи, гдѣ всякое патріотическое выраженіе и чувство сильно отравляется сознаніемъ политическаго ничтожества родины, гдѣ только мечтаютъ о политическомъ единствѣ, могуществѣ и величіи общаго германскаго отечества, но гдѣ тѣ, отъ кого могло бы зависѣть осуществленіе этой цѣли, вовсе не расположены жертвовать для нея своими особыми интересами и расчетами, эта рѣшимость

произвела необычайное впечатлѣніе: однихъ она порадовала и даже привела въ восторгъ, другихъ—приверженцевъ прусской гегемоніи—она огорчила и поставила въ затруднительное положеніе, всѣхъ же вообще поразила своею неожиданностью и внезапностью. Видно, что австрійскими дѣлами управляетъ ловкая рука, умѣющая пользоваться обстоятельствами. Но какъ бы далеко ни простирались планы г. фонъ-Шмерлинга, относительно преобразованія устройства Германскаго союза, трудно ожидать какихъ-либо практическихъ результатовъ отъ конгресса германскихъ государей, которые собрались въ настоящее время во Франкфуртѣ и въ настоящую минуту уже выслушали, безъ сомнѣнія, не вполнѣ еще извѣстный намъ австрійскій проэктъ реформы. Политическое объединеніе Германіи — дѣло несравненно труднѣйшее чѣмъ утвержденіе единства Италіи, которое однакожъ оказывается столь труднымъ. Вся прошедшая исторія Германіи была направлена къ раздробленію страны, которое довершилось ея религіознымъ раздѣленіемъ и упрочилось раздѣленіемъ политическимъ. Не только политическое единство Германіи представляетъ почти непреодолимыя трудности, но и дружный, согласный образъ дѣйствій ея государей при тяготѣніи однихъ изъ нихъ къ Пруссіи, другихъ — къ Австріи, возможенъ только при энергическомъ посредствѣ третьей великой державы. Съ 1815 и по 1853 годъ такою посредницей была Россія, которая, нерѣдко съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ интересовъ, поддерживала миръ и согласіе между обѣими враждующими германскими державами. Союзъ Россіи съ Пруссіей и Австріей былъ, конечно, несравненно полезнѣе для этихъ двухъ державъ и для цѣлой Германіи чѣмъ для самой Россіи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ интересамъ внѣшней политики; но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ тогдашней Россіи Германія видѣла представительницу абсолютизма въ дѣламъ внутренней политики, то этотъ союзъ не встрѣчалъ сочувствія въ Германіи, хотя она и извлекала изъ него наибольшую пользу. Теперь этотъ тройственный союзъ распался, и между обѣими германскими державами утвердились такія отношенія, что дѣло каждую минуту можетъ дойти до ножей. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и всякое единство въ Германіи, и Франція могла безъ всякаго препятствія со стороны Германскаго Союза отнять у Австріи Ломбардію: первое слѣдствіе отпаденія Австріи отъ союза съ Россіей.

Въ настоящее время, когда Германія разъединена попрежнему, когда Австрія попала между двухъ огней, между Франціей и Россіей, когда не имѣя возможности ждать слишкомъ значительной помощи отъ Англіи, она можетъ опасаться всего или за Венецію, или за Венгрію, или наконецъ за свое положеніе въ Германіи, Австрія естественнымъ образомъ принуждена искать себѣ опоры въ Германіи. Расчеты Австріи понятны, и они несомнѣнно стоятъ въ связи съ польскимъ вопросомъ. Въ случаѣ если бы происшедшія по его поводу замѣшательства разрѣшились войною, и Австрія, примкнувши къ Франціи, подверглась опасности со стороны Галиціи и Венгріи, а примкнувши къ Россіи, навлекла бы на себя опасность со стороны Венеціи, то отвратить или ослабить одну изъ этихъ двухъ неминуемыхъ опасностей Австрія можетъ лишь съ помощью Германіи. Съ этою цѣлью она становится во главѣ дорогаго Германіи дѣла, дѣла политическаго ея объединенія. Если бы это дѣло и не состоялось, все-таки попытка совершить его привлекла бы къ Австріи такое сочувствіе, что она уже не была бы до такой степени предоставлена собственной участи, какъ въ 1859 году, во время итальянской войны. Съ другой стороны, теперь, благодаря польскому вопросу, грозящему серіозною опасностью для неприкосновенности Германіи, Австрія можетъ разсчитывать на большую готовность германскихъ государей къ сдѣлкамъ и уступкамъ, и вмѣстѣ спѣшитъ воспользоваться тѣмъ значеніемъ и вліяніемъ, какое придали ей отчасти польскій вопросъ, отчасти внутреннія несогласія между прусскою палатой депутатовъ и королемъ Вильгельмомъ I. Прежніе планы Австріи, отъ которыхъ она и теперь не совсѣмъ отказалась, ввести въ составъ Германскаго Союза всѣ свои не-германскія владѣнія и тѣмъ обезпечить ихъ безопасность извнѣ и упрочить ихъ единство внутри, встрѣчали противодѣйствіе не только со стороны этихъ владѣній, не только въ самой Германіи, но вмѣстѣ и со стороны Франціи и Россіи. Теперь Россія кажется Австріи не столько опасною въ этомъ отношеніи, какъ прежде, а Франція, явно кокетничающая съ Австріей въ Мексикѣ, старается какъ

бы войдти въ ея виды и по германскимъ дѣламъ, будучи увѣрена заранѣе, что единство Германіи—дѣло несбыточное, и надѣясь, что германскія симпатіи, которыя пріобрѣтетъ себѣ Францъ-Іосифъ послужатъ лишь на пользу его союза съ Франціей по польскому дѣлу. Такимъ образомъ время для реформы Германскаго Союза въ австрійскомъ смыслѣ выбрано какъ нельзя болѣе удачно. Еслибы при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ эта реформа противъ всякаго ожиданія состоялась, и Австрія очутилась бы во главѣ централизованной, такимъ образомъ Германіи, то и не вводя въ ея составъ своихъ не-германскихъ владѣній, она могла бы пользоваться ея силами какъ для охраненія ихъ отъ внѣшней опасности, такъ и для скрѣпленія своего внутренняго государственнаго единства. Если же реформа не состоится, то Австрія надѣется найдти себѣ нѣкоторую опору противъ внѣшнихъ опасностей въ возбужденномъ ею сочувствіи Германіи. Во всякомъ случаѣ она спѣшитъ обратить въ капиталъ для себя нынѣшнія обстоятельства, и дѣйствуетъ съ энергіей и рѣшительностью, достойною подражанія. Но какъ ни ловка австрійская политика, какъ ни разчетливо пользуется она своимъ минутнымъ выгоднымъ положеніемъ, какое умѣнье ни обнаруживаетъ она *ковать желѣзо пока оно горячо*, сила вещей должна взять свое, и вѣсы событій, по вопросу о германскомъ единствѣ, должны склониться на сторону Пруссіи, какъ первенствующей чисто-германской державы. Государямъ Германіи выгодно примыкать къ Австріи, которая не можетъ хотѣть настоящаго германскаго единства, но народы Германіи, если только они хотятъ дѣйствительнаго единства, должны будутъ, рано или поздно, примкнуть къ Пруссіи. Вотъ почему г. Бисмаркъ, человѣкъ тоже смотрящій далеко, не унываетъ и не дается на удочку.

Что касается до Россіи, то интересы ея въ этомъ случаѣ явно противорѣчатъ интересамъ Австріи. Для насъ можетъ быть желательно только серіозное единство Германіи, то-есть только единство при прусской гегемоніи. Только съ Пруссіей во главѣ, единая Германія не имѣла бы съ нами никакихъ счетовъ, ни по польскому, ни по восточному, ни по какому-либо другому важному европейскому вопросу, и послужила бы твердымъ оплотомъ для европейскаго мира противъ властолюбивыхъ замысловъ наполеоновской Франціи. Еслибы Пруссія была теперь сильнѣе, мы могли бы съ большею увѣренностью полагаться на нее. Наше положеніе таково въ Европѣ, что дѣйствительный успѣхъ вездѣ выгоденъ для насъ, а торжество интриги вездѣ для насъ вредно. То расплывающееся, выходящее изъ своихъ береговъ единство Германіи, которое имѣетъ въ виду теперь Австрія, не будетъ соотвѣтствовать стремленіямъ самого германскаго народа къ единству. Оно будетъ носить сѣмена распаденія въ своихъ нѣдрахъ и не увеличитъ политическаго значенія Германіи. Въ то же время оно будетъ лежать тяжелымъ гнетомъ на славянскихъ народахъ Австріи. Фальшь, заключающаяся въ такомъ единствѣ Германіи, состоитъ въ томъ, что само оно вызвано нѣмецкимъ національнымъ стремленіемъ и въ то же время не можетъ соблюсти справедливость относительно не-германскихъ народовъ Австріи. Въ этой фальши заключается причина слабости такъ-называемаго велико-германскаго единства. Имѣя своимъ назначеніемъ служить въ Австріи орудіемъ для германизаціи, оно принуждено приносить въ жертву для этого своего назначенія собственно-германскіе интересы. Словомъ, германское единство, съ Австріей во главѣ, можетъ быть только средствомъ для австрійской политики. Цѣлью было бы не германское, а австрійское единство.

№ 172.

Москва, 7-го августа.

До насъ доходятъ слухи, повидимому не лишенные основанія, что вслѣдъ за утвержденіемъ условій, заключенныхъ съ англійскою компаніей относительно построенія московско-севастопольской дороги, русскіе капиталисты намѣреваются взять на себя, на тѣхъ же условіяхъ, другую линію,—для соединенія Москвы съ Кіевомъ. Эта линія чрезвычайно важна въ политическомъ отношеніи, и будетъ навѣрное очень выгодна впослѣдствіи, когда, въ чемъ нельзя сомнѣваться, Кіевъ получитъ ожидающее его высокое значеніе одного изъ первенствующихъ городовъ Россіи, на ряду съ Москвой и Петербургомъ; но въ настоящую минуту, не подлежитъ сомнѣнію, что эта линія гораздо менѣе выгодна чѣмъ линія отъ Москвы на

Харьковъ. Мы думаемъ поэтому, что было бы справедливо уступить ее не только на тѣхъ же условіяхъ, какъ линію московско-севастопольскую, но на условіяхъ еще болѣе выгодныхъ. Мы откупились бы этою дорогой не отъ одной политической опасности, а политическія опасности, какъ извѣстно, обходятся государству не дешево. Польскій вопросъ сдѣлается совершенно безвреденъ для Россіи только послѣ того какъ западный край будетъ связанъ съ внутренною Россіей и будетъ самъ тяготѣть къ ней съ такою силой, что ни въ комъ не посмѣетъ возникнуть и тѣнь мысли объ отторженіи его отъ Россіи. Тогда, и только тогда, польскій вопросъ потеряетъ силу и для Царства Польскаго, и Поляки забудутъ думать о сепаратизмѣ. Но этого мы никакъ не достигнемъ пока Кіевъ будетъ оставаться простымъ губернскимъ городомъ, а для того чтобы политическое значеніе Кіева могло возвыситься, необходимо соединить его желѣзнымъ путемъ съ Москвой и Петербургомъ. Только тогда Кіевъ, „матерь городовъ русскихъ“ можетъ возымѣть свое великое значеніе для русской земли, и присоединившись къ нашимъ первенствующимъ городамъ, дать новую силу и новый блескъ какъ нашей внутренней, такъ и нашей внѣшней политикѣ. Въ Кіевѣ, возвращенномъ къ его первоначальному великому значенію для нашей земли, мы найдемъ могущественный залогъ прочности нашего государственнаго единства и самую выгодную опору для того международнаго дѣйствія, которое предстоитъ намъ какъ православной державѣ. Въ виду этихъ великихъ и очевидныхъ цѣлей, указываемыхъ нашею исторіей и всѣмъ ходомъ современныхъ политическихъ дѣлъ, мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что судьба Россіи связана съ вопросомъ о московско-кіевской желѣзной дорогѣ. Строить ее значитъ достраивать Русскую Землю. Желѣзный путь изъ Москвы до Кіева есть путь Россіи къ совершенію ея историческихъ судебъ. Вѣра въ эти судьбы ея, эта вѣра, которой можно ожидать только отъ русскихъ людей, должна служить основаніемъ довѣрія къ предпріятію, котораго выгодность совершенно зависитъ отъ будущаго государственнаго значенія нашего златоверхаго, нашего святаго Кіева.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что желѣзная дорога изъ Москвы въ Кіевъ, въ недалекомъ будущемъ, окажется однимъ изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій, и что ея строители не останутся въ накладѣ. Но чтобъ имѣть такую увѣренность, повторимъ, надобно быть Русскимъ и надобно быть твердо убѣждену въ великихъ судьбахъ Русскаго государства. Отъ иностранцевъ нельзя ожидать подобной увѣренности, и потому совершенно раціонально, чтобы московско-кіевская линія строилась не иностранною, а русскою компаніей. Всякій русскій человѣкъ долженъ всѣми силами содѣйствовать образованію подобной компаніи, и, повторяемъ, эта компанія имѣетъ полное право не только на тѣ же самыя льготы, какъ компанія московско-севастопольской дороги, но и на льготы значительно бо́льшія.

Льготы могутъ быть однако же даны въ разныхъ формахъ, и объ этихъ формахъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ, которыя будутъ внушены желаніемъ, чтобы предполагаемая компанія была поставлена въ положеніе наиболѣе выгодное, какъ для нея самой, такъ и для государства.

Говоря о построеніи московско-кіевской дороги не казенными инженерами, а компаніей, мы говоримъ въ томъ же самомъ направленіи, въ которомъ дѣйствуетъ наше правительство, слѣдуя примѣру европейскихъ государствъ, держащихся наиболѣе раціональной системы. Построеніе желѣзныхъ дорогъ компаніями идетъ успѣшнѣе чѣмъ построеніе ихъ государствомъ. Но почему это? Почему непремѣнно предполагать, что казенные инженеры будутъ строить либо хуже либо дороже инженеровъ компанейскихъ, почему полагать, что казенные чиновники будутъ вести хозяйство менѣе успѣшно чѣмъ агенты компаніи? Не потому ли, что компанейское предпріятіе есть частное предпріятіе, въ которомъ замѣшаны частные интересы, побуждающіе къ большей бдительности чѣмъ какая обыкновенно бываетъ въ интересѣ казенномъ? Но если такъ, то необходимо, чтобы предприниматели, были заинтересованы, какъ въ прочномъ построеніи дороги, такъ и въ хорошемъ управленіи ея эксплуатаціей. Надобно чтобъ и тамъ и тутъ былъ хозяйскій интересъ, была отвѣтственность передъ хозяевами. Если нѣтъ этихъ условій, то частная компанія не представляетъ никакого ручательства за хорошее веденіе дѣлъ; скажемъ болѣе, частная компанія можетъ дѣйствовать хуже чѣмъ государство уже потому что не имѣетъ тѣхъ средствъ наградить отличившихся или наказать виновныхъ, какими располагаетъ

государство. Казенный инженеръ, за плохимъ казеннымъ присмотромъ, долженъ дѣйствовать лучше чѣмъ частный инженеръ за плохимъ частнымъ присмотромъ. Вѣдь не можетъ быть магической силы въ одномъ томъ, что то или другое предпріятіе называется частнымъ предпріятіемъ. Надобно чтобъ оно было не только по имени, но и въ сущности частнымъ предпріятіемъ, то-есть чтобы за нимъ смотрѣлъ хозяйскій глазъ, бобѣе зоркій чѣмъ глазъ правительства, и чтобъ этотъ хозяйскій глазъ былъ заинтересованъ смотрѣть зорко.

Это условіе очень важно; при его отсутствіи, компанейское дѣло должно идти хуже чѣмъ казенное дѣло, потому что правительство, которое одно было бы въ состояніи замѣнить собой недѣятельнаго хозяина, болѣе затруднено при надзорѣ за компанейскими чѣмъ за казенными предпріятіями. Представимъ же себѣ, что правительство гарантировало бы по какой-нибудь желѣзной дорогѣ такой чистый доходъ, котораго невозможно получать съ нея. Напримѣръ положимъ, что правительство гарантировало бы по предполагаемой теперь московско-кіевской дорогѣ чистаго дохода по 5.000 р. съ версты. Очень можетъ быть, что прошло бы нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде нежели дорога могла бы давать такой доходъ. Въ какомъ же положеніи была бы во все это время компанія? Она не имѣла бы никакого интереса хорошо хозяйничать. Отвѣтственность служащихъ передъ хозяевами предпріятія, акціонерами, не имѣла бы никакого основанія. Выгоды отъ хорошаго управленія, невыгоды отъ дурнаго управленія, ни сколько не касались бы акціонеровъ. Они продолжали бы получать свой гарантированный доходъ по 5.000 р. съ версты и мало заботились бы о томъ, изъ какой кассы идетъ этотъ доходъ, изъ компанейской или казенной. Дорога могла бы можетъ-быть давать 3.000 рубл. съ версты, еслибы наблюдалъ за нею хозяйскій глазъ. Но кто станетъ наблюдать за хозяйствомъ, когда плодами наблюденія воспользуется не наблюдающій, а казна? Кто будетъ заинтересованъ преслѣдовать злоупотребленія, ограничивать произволъ служащихъ, если они будутъ показывать дохода не болѣе 2.000 руб., или 1.000 руб., или 100 руб. съ версты, какъ показываетъ Главное Общество въ своихъ бюджетахъ? Акціонеры очень хорошо знаютъ, что при самомъ лучшемъ хозяйствѣ дорога не можетъ дать болѣе 5.000 р. съ версты, и что слѣдовательно ихъ дивидентъ не можетъ увеличиться противъ гарантированнаго, а пока акціонеры будутъ знать это, до тѣхъ поръ они будутъ совершенно равнодушны къ предпріятію, и даже очень можетъ статься, что они будутъ пользоваться своимъ правомъ назначать директоровъ лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы дать своимъ *protégés* тепленькія мѣстечки. Словомъ, гарантировать частной компаніи очень высокій чистый доходъ, значитъ дать ей такую льготу, которая неизбѣжно должна лишить компанію всѣхъ условій хорошаго управленія ея дѣломъ, дать компанейскому хозяйству такой характеръ что оно будетъ гораздо хуже казеннаго хозяйства. Люди не становятся ангелами вслѣдствіе того что поступаютъ на службу частной компаніи. За людьми нуженъ присмотръ, на нихъ должна лежать отвѣтственность, чтобъ они хорошо дѣлали свое дѣло. Если же нѣтъ ни присмотра, ни отвѣтственности, то скорѣе можно предполагать совѣстливое исполненіе долга на коронной чѣмъ на компанейской службѣ.

То что мы до сихъ поръ сказали относится къ управленію эксплуатаціей дороги уже сооруженной. При построеніи дороги, льгота, данная въ извѣстной формѣ, можетъ также обратиться во вредъ дѣлу. Зная что гарантированный доходъ выше дѣйствительно возможнаго дохода, акціонеры не будутъ заботиться о прочной постройкѣ дороги; они не будутъ опасаться того что вслѣдствіе дурной стройки возрастутъ потомъ издержки на ремонтъ, происходящій отъ недостатковъ сооруженія. Чѣмъ больше будетъ ремонтовъ, тѣмъ меньше будетъ чистаго дохода, но акціонерамъ до этого нѣтъ дѣла, потому что чѣмъ меньше будетъ чистый доходъ, тѣмъ больше будетъ приплачивать казна. Ихъ интересъ противоположенъ интересу казны. Чтобы дорога была построена прочно и не требовала большаго ремонта, это очень выгодно для казны, которой придется приплачивать свои деньги въ той мѣрѣ, въ какой будетъ требоваться ремонтъ. Но акціонерамъ до будущихъ ремонтовъ нѣтъ дѣла: вѣдь ремонты падутъ не на ихъ карманы, а на казну. При такомъ положеніи дѣлъ, единственнымъ заинтересованнымъ наблюдателемъ за хорошею постройкой будетъ правительство,—но во сколько разъ

тяжеле правительству наблюдать за компанейскою постройкой, чѣмъ за казенною? Во сколько разъ труднѣе ему бороться съ компанейскими строителями, чѣмъ съ инженерами состоящими на государственной службѣ.

Итакъ, скажутъ читатели, что же изъ всего этого слѣдуетъ? Стало - быть вовсе нельзя давать большія льготы частнымъ компаніямъ? Стало-быть всѣ желѣзныя дороги, которыя не могутъ быть построены безъ правительственной поддержки, выгоднѣе строить на казенный рискъ? Многіе такъ дѣйствительно и думаютъ, но мы отнюдь не раздѣляемъ этого мнѣнія, и если бы мы его раздѣляли, то мы не завели бы нашей сегодняшней рѣчи по поводу дошедшихъ до насъ слуховъ о предположеніи составить русскую компанію для сооруженія московско - кіевской дороги. Мы того мнѣнія, что частной компаніи могутъ быть даны большія льготы по сооруженію этой линіи, но что эти льготы должны быть даны въ такой формѣ, которая не парализовала бы существеннаго преимущества частныхъ предпріятій передъ казенными.

Гарантія можетъ относиться или къ суммѣ, дѣйствительно нужной на дорогу, или къ суммѣ номинальной. Въ первомъ случаѣ обыкновенно опредѣляется сумма умѣренная и по этой заранѣе опредѣленной суммѣ назначается гарантія: если компанія будетъ строить не разчетливо, и истратитъ больше чѣмъ сколько опредѣлено, то весь рискъ падаетъ уже не на казну, а на компанію. Гарантировано напримѣръ 62.000 р. на версту, и съ этой суммы исчисленъ гарантированный чистый доходъ 3.100 р. на версту, что составляетъ 5%. Но если бы компанія простроила не 62.000 руб., а 78.000 руб., то гарантированный доходъ составилъ бы только 4% съ затраченнаго капитала. При номинальной гарантіи, напротивъ, берется сумма, превосходящая дѣйствительную надобность, и гарантируется извѣстный чистый доходъ съ этой номинальной суммы. Такимъ образомъ номинальная гарантія только маскируетъ собой болѣе высокій процентъ гарантированнаго дохода. Въ этомъ нѣтъ бѣды, если гарантированный доходъ можетъ быть полученъ въ дѣйствительности, но если гарантированный чистый доходъ опредѣленъ значительно выше дохода ожидаемаго въ дѣйствительности, то номинальная гарантія должна побуждать къ менѣе прочной постройкѣ дороги. Другими словами: номинальная гарантія, опредѣленная выше дѣйствительной стоимости дороги, должна вредить предпріятію, порождая антагонизмъ между казеннымъ интересомъ и интересомъ акціонеровъ и строителей. Чтобъ устранить эти вредныя послѣдствія высокой номинальной гарантіи, необходимо избрать другую форму льготы, — то-есть не возвышеніе гарантіи, а дарованіе казенной субсидіи, которая можетъ быть выдаваема не наличными деньгами, а процентными бумагами (по мѣрѣ постройки и притомъ каждый разъ по биржевому курсу этихъ бумагъ, съ извѣстною сбавкой противъ биржеваго курса, заранѣе опредѣленною) и условіемъ ея дарованія можетъ быть постановлено, что платежъ процентовъ и погашенія по этимъ бумагамъ долженъ быть производимъ компаніей, когда ея чистый доходъ возвысится, напримѣръ, сверхъ 6%, и притомъ такъ, чтобы на этотъ платежъ шла напримѣръ половина чистаго дохода сверхъ 6%.

Такова безвредная льгота относительно капитальной суммы. Что касается до дохода, то мы уже показали, какъ вредно дѣйствуетъ гарантированіе высокаго чистаго дохода, какъ парализуетъ оно охоту акціонеровъ принимать въ предпріятіи хозяйское участіе, какъ поощряетъ оно компанію къ дурному хозяйству. Между тѣмъ наряду съ субсидіей, можетъ оказаться нужною гарантія извѣстнаго дохода съ желѣзной дороги, потому что какъ бы ни была значительна субсидія, все-таки она не должна превосходить компанейскій капиталъ, а акціонеры должны имѣть увѣренность, что будутъ получать извѣстный процентъ съ вносимаго ими капитала. Ихъ надобно обезпечить, но съ этою цѣлію можно было бы гарантировать не чистый доходъ, зависящій отъ дурныхъ или хорошихъ распоряженій компаніи, а валовой доходъ, зависящій отъ движенія по дорогѣ, то-есть отъ обстоятельствъ, на которыя акціонеры не могутъ имѣть вліянія. Когда гарантированъ валовой доходъ, то акціонеры живо заинтересованы въ томъ, чтобъ управленіе эксплуатаціей было ведено удовлетворительно, и чтобы дорога была выстроена прочно. Они обезпечены отъ убытковъ не зависящихъ отъ ихъ бдительности; государство отвѣчаетъ передъ ними, что если движеніе по дорогѣ будетъ

недостаточно, они получатъ соотвѣтственное вознагражденіе; имъ стало-быть нечего опасаться убытковъ, которые не могли бы быть ими предотвращены. Если-же при гарантіи валоваго дохода, чистый доходъ будетъ не удовлетворителенъ, то они должны пенять уже на свое управленіе и позаботиться объ его исправленіи. Само собой разумѣется, что при гарантіи валоваго дохода должно быть опредѣлено въ концессіи наименьшее число ежедневныхъ поѣздовъ и наименьшая сила локомотивовъ.

Въ этихъ двухъ формахъ могутъ быть предоставлены льготы, сколько угодно высокія, но компанія, получившая эти льготы, сохранитъ характеръ частнаго предпріятія, заинтересованнаго въ своемъ преуспѣяніи, а государство, даровавшее ихъ, будетъ обезпечено противъ того антагонизма между казеннымъ и компанейскимъ интересомъ, о которомъ мы говорили выше, и который можетъ вести только къ пагубнымъ послѣдствіямъ для государственныхъ финансовъ.

№ 173.

Москва, 8-го августа.

„Не вызывать Европу на борьбу съ собою, но и не обнаруживать слабости: таковъ, говоритъ *Journal de St.-Pétersbourg*, служащій органомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ и продолжаетъ быть девизъ Россіи.“ Вѣрные изначала этому девизу, мы не переставали говорить о единственно-возможномъ средствѣ къ прочному умиротворенію Польши, которое, согласуясь съ интересами Россіи, въ то же время должно было бы удовлетворить Европу, если только она дѣйствительно заботится о пользѣ и благоденствіи Польши, а не объ униженіи и ослабленіи Россіи. Мы постоянно высказывали наше твердое убѣжденіе, что въ соединеніи съ Россіей, какъ одна изъ нераздѣльныхъ частей ея, Польша можетъ пользоваться всевозможными благами и обезпеченіями, бо́льшими и лучшими чѣмъ тѣ, которыя обозначены въ программѣ шести пунктовъ. Съ другой стороны, имѣя поводъ и основаніе думать, что европейскія державы только желаютъ воспользоваться мнимою слабостью и мнимымъ внутреннимъ разложеніемъ Россіи для ея униженія и дальнѣйшаго ослабленія, мы не переставали заявлять чувства каждаго русскаго человѣка въ виду такихъ замысловъ и готовность всѣхъ и каждаго жертвовать всѣмъ и идти на все, лишь бы отстоять честь и достоинство нашей родной земли и полную ея независимость, какъ первое и главнѣйшее условіе въ жизни каждаго народа.

Эти статьи наши, изъ которыхъ многія были переведены вполнѣ или въ извлеченіи въ разныхъ французскихъ журналахъ, естественно не могли понравиться иноземнымъ недругамъ Россіи: они разчитывали найдти въ ней смиреніе и готовность на всѣ уступки, а тутъ встрѣтясь лицомъ къ лицу съ однимъ изъ отголосковъ общественнаго мнѣнія Россіи, они принуждены были убѣдиться въ своемъ глубокомъ заблужденіи насчетъ истиннаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ и придти къ заключенію, что прежде чѣмъ позволить связать себя по рукамъ и ногамъ новыми условіями относительно Польши и такимъ образомъ отказаться навсегда отъ своего будущаго спокойствія, благоденствія и величія, Россія готова возстать какъ одинъ человѣкъ, и выдержать борьбу, не щадя ни себя, ни врагомъ своихъ. Подобныя искреннія заявленія того что̀ думаетъ и чувствуетъ всякій Русскій, вызвали со стороны различныхъ органовъ французской печати обвиненіе, что мы и другіе русскіе журналы стараемся возбудить народныя страсти и вызвать Европу на войну съ Россіей. Но это обвиненіе, очевидно, лишено всякаго основанія; не журнальныя статьи, появляющіяся въ Россіи, возбуждаютъ страсти нашего народа, а тѣ неправыя притязанія, которыя предъявляютъ намъ и польскіе мятежники, и европейскія державы, то унизительное положеніе, въ которое послѣднія желали бы поставить Россію, тѣ незаслуженныя оскорбленія, которыя расточаются ей ежедневно въ органахъ европейской журналистики. Наши статьи служатъ лишь слабымъ отраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя испытываетъ Россія въ виду такой безпредѣльной и безпричинной вражды противъ нея, и представляютъ собою лишь слабый отпоръ тому натиску, который направленъ на насъ отовсюду. Полагать искусственныя преграды обдуманному, хотя и энергическому, выраженію народнаго чувства, значило бы или вовсе парализировать его, или сообщить ему болѣе опасное и вовсе не свойственное ему направленіе. То и другое было бы въ высшей степени противно интересамъ Россіи, и по-

тому-то намъ особенно пріятно, что *Journal de St.-Pétersbourg* смотритъ на это дѣло съ той же точки зрѣнія какъ и мы.

Сущность дипломатической стороны польскаго вопроса ясна какъ нельзя болѣе: дѣло дѣйствительно идетъ только о томъ, чтобъ отнять у Россіи ту независимость, ту свободу дѣйствій, которою она всегда располагала въ отношеніи къ Польшѣ и которой нисколько не ограничиваетъ, по своей неопредѣленности, первая статья главнаго акта Вѣнскаго конгресса. Пользуясь однакоже этою статьей, этою тѣнью какого-то обязательства, принятаго на себя Россіей по отношенію къ Польшѣ передъ Европой, какъ предлогомъ ко вмѣшательству, и будучи увѣрены, что Россія, если не на самомъ дѣлѣ, то въ собственномъ мнѣніи своемъ стала несравненно слабѣе чѣмъ прежде и, слѣдовательно, далеко уже не такъ способна къ отпору какъ въ былыя времена, три великія европейскія державы возымѣли намѣреніе обратить эту тѣнь, этотъ призракъ обязательства въ дѣйствительное обязательство, придать ему плоть и кровь, облечь его въ особый трактатъ, въ которомъ болѣе или менѣе подробно было бы изложено, какими правами и какими учрежденіями должна пользоваться Польша, состоя подъ властью русскаго Царя. Подобный трактатъ, будучи по пунктамъ выработанъ на европейской конференціи и принятъ Россіей, связалъ бы ее въ отношеніи къ Польшѣ по рукамъ и по ногамъ. Дѣло вовсе не въ томъ, каковы были бы условія этого трактата и насколько они соотвѣтствовали бы или нѣтъ нынѣшнимъ видамъ и намѣреніямъ русскаго правительства; дѣло только въ томъ, можетъ ли и должна ли Россія обязываться передъ Европою управлять Польшею такъ или иначе? Предположимъ, что самой Россіи было бы предоставлено написать всѣ условія этого трактата и что они были бы приняты другими державами въ томъ самомъ видѣ въ какомъ написаны; предположимъ, что содержаніе этого трактата составили бы только тѣ права и учрежденія, какія уже теперь предоставлены Польшѣ. Повидимому, такой трактатъ нисколько не измѣнилъ бы положенія дѣлъ, и однакоже на дѣлѣ онъ оказался бы источникомъ всякаго рода смутъ, замѣшательствъ и бѣдствій для Россіи, и сталъ бы элементомъ постояннаго безсилія для нея, мечомъ всегда висящимъ надъ ея головою. Взявши съ насъ обязательство даровать Польшѣ такія-то права и учрежденія, европейскія державы имѣли бы право слѣдить за осуществленіемъ этого обязательства, за примѣненіемъ условій этого трактата. Съ теченіемъ времени интересы самой Польши, признаваемые огромнымъ большинствомъ ея населенія, могли бы потребовать отмѣны или перемѣны нѣкоторыхъ или даже и всѣхъ этихъ учрежденій, и Россія нашла бы нужнымъ удовлетворить этимъ интересамъ: на первомъ же шагу она могла бы быть остановлена европейскими державами, которыя на основаніи трактата были бы въ правѣ потребовать, чтобы все оставалось неизмѣнно въ томъ самомъ видѣ какъ установлено трактатомъ. Словомъ, трактатъ этотъ сталъ бы источникомъ всякаго рода требованій и притязаній, которыя обращаемы были бы къ Россіи каждый разъ, когда по какому бы то ни было поводу возникла бы непріязнь къ ней или распространялось бы такое же ложное мнѣніе какъ теперь о ея слабости, о ея неспособности къ энергическому отпору. Сверхъ того, онъ сталъ бы источникомъ недоразумѣній, недовѣрія и недружелюбныхъ чувствъ между подданными и верховною властью въ самой Польшѣ, какъ это было превосходно указано въ депешахъ князя Горчакова: верховная власть казалась бы вынужденною со стороны предоставить своимъ подданнымъ права, которыя признаются необходимыми для ихъ благосостоянія. Наконецъ, онъ заключалъ бы въ себѣ сѣмена крамолъ, потому что крамольники знали бы что ихъ козни и даже ихъ возстанія не могутъ отозваться на политическомъ устройствѣ ихъ края, такъ какъ это устройство на вѣки вѣковъ гарантировано Европой. Всякое обязательство, которое Россія приняла бы на себя, было бы источникомъ бѣдствій и для Россіи, и для Польши. Дѣло не въ свойствѣ или содержаніи обязательства; вся сила въ томъ, быть или не быть новому трактату, протоколу, или другому какому-либо новому обязательству Россіи передъ Европою въ отношеніи къ Польшѣ, быть или не быть какой-либо конференціи пяти или восьми державъ, которая повела бы къ возложенію на Россію такого обязательства. Съ точки зрѣнія Русской Державы отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ такомъ существенномъ, въ такомъ кровномъ, въ такомъ внутреннемъ вопросѣ, какъ опредѣленіе отношеній Польши къ Россіи, Русская Держава не можетъ принимать на себя никакихъ обязательствъ ни въ силу общей коп-

ференціи, ни какимъ-либо другимъ дипломатическимъ путемъ. Довольно съ насъ уже и первой статьи вѣнскаго акта; и отъ нея уже приходится намъ довольно жутко, хотя она содержитъ въ себѣ только призракъ обязательства; дальнѣйшія же обязательства, сколько мы понимаемъ, можно требовать у Россіи развѣ только съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ этой именно точки зрѣнія, какъ намъ кажется, слѣдуетъ смотрѣть на помѣщенный ниже проектъ сдѣлки между Россіей и тремя державами, проектъ, который вѣнскіе корреспонденты *Journal des Débats* приписываютъ значительнымъ государственнымъ людямъ Австріи. Сущность его заключается въ томъ, чтобы Россія формально объявила тремъ державамъ, что она принимаетъ предложенные ими шесть пунктовъ за основаніе при устройствѣ Польши, а державы въ свою очередь объявили бы, что онѣ увѣрены въ прямотѣ и искренности намѣреній Россіи, и что когда предположенное на основаніи шести пунктовъ преобразованіе состоится, оно дѣйствительно удовлетворитъ ихъ желаніямъ. Затѣмъ Россія приступила бы къ примѣненію этихъ пунктовъ на дѣлѣ; еслибы толкованіе этихъ пунктовъ подало поводъ къ затрудненіямъ, то пять державъ тотчасъ же составили бы конференцію для разрѣшенія этихъ затрудненій; когда же все дѣло было бы покончено, оно было бы сообщено остальнымъ тремъ державамъ, участвовавшимъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ. *La France* находитъ, что этого слишкомъ мало, и что простое, хотя бы и самое формальное, дипломатическое заявленіе меньше обязало бы Россію чѣмъ трактатъ или протоколъ конференціи; но мы находимъ, что и этого черезчуръ уже много. Какова бы ни была обязательная сила дипломатическаго заявленія, все же оно устанавливало бы новое обязательство для Россіи, а пункты, въ которыхъ Россія расходилась бы съ европейскими державами, и которые, безъ сомнѣнія, имѣли бы наибольшую важность, были бы, по проекту, прямо установлены на конференціи и слѣдовательно изложены въ видѣ протокола или въ видѣ трактата. Ничего подобнаго не можетъ допустить Россія, пока еще есть у нея силы отстаивать свои права и свою будущность.

Вкрадчивые дипломатическіе корреспонденты-миротворцы *Journal des Débats* очень тороваты на сочиненіе разнаго рода проектовъ. *Pays* припоминаетъ, что сначала они стояли за прямые переговоры между императорами Александромъ II и Наполеономъ III; потомъ они возвѣщали, что дѣло можетъ быть порѣшено между Россіей и Австріей; далѣе что Франція будетъ отклонена Россіей отъ другихъ державъ; наконецъ, они представляютъ новый свой проектъ, уже четвертый по числу. Бо́льшая часть ихъ проектовъ оставались только проектами; будемъ же надѣяться, что и теперешній ихъ проектъ не состоится и что Россія не войдетъ ни въ какую сдѣлку, которая подчинила бы ее вмѣшательству и контролю иностранныхъ державъ касательно опредѣленія ея отношеній къ Польшѣ. Иностранному вмѣшательству не возможно открывать ни своей передней, ни своей задней двери. Желанію навязать намъ его невозможно внимать, въ какой бы формѣ оно ни излагалось, въ формѣ ли угрозы или въ формѣ самаго любезнаго миролюбія. Есть случаи когда, при всемъ желаніи, нельзя отвѣчать на любезность любезностью, потому что достоинство не дозволяетъ того. Было бы въ высшей степени недостойно такой великой державы какъ Россія, еслибы она стала прибѣгать къ такимъ лазейкамъ и увертkамъ, какія рекомендуютъ ей soidisant вѣнскіе корреспонденты,—лазейкамъ и увертkамъ, которыя привели бы къ намъ то же самое иностранное вмѣшательство, но только съ задняго двора.

№ 174.

Москва, 9-го августа.

Все хорошо съ умомъ, сказали мы, заговоривъ на дняхъ о религіозной свободѣ, и тутъ же сами, какъ намъ теперь доказываютъ, ума не спросились. Вотъ какъ трудно рѣшать сложные практическіе вопросы, и какъ легко попасть въ просакъ! М. П. Погодинъ, сочувствіемъ котораго мы очень дорожимъ, и которому въ то же время отъ души благодарны за его возраженія и замѣчанія, сильно журитъ насъ (см. ниже) за допущенную нами уступку началу религіозной свободы. Находя, что папскаго нунція допускать въ Россію не слѣдуетъ, онъ „сугубо и трегубо“ протестуетъ противъ допущенія отщепенцевъ отъ православной церкви. Печеринъ гораздо опаснѣе, по его мнѣнію, всѣхъ нунціевъ въ мірѣ,—и опасенъ онъ не только своею проповѣдью, но и своимъ молчаніемъ. Эти

отщепенцы, по его мнѣнію, увлекутъ за собою множество русскихъ людей, особенно изъ высшаго общества. Такъ или иначе, мы изъ всѣхъ этихъ возраженій убѣждаемся только въ одномъ, — въ необходимости величайшей осторожности и осмотрительности при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Недостаточно уяснить себѣ элементы дѣла отвлеченно,—необходимо при обсужденіи практическаго вопроса оцѣнить и взвѣсить разнообразныя условія и обстоятельства, съ которыми оно связано въ дѣйствительности. Вотъ почему всякое рѣшеніе въ общественныхъ дѣлахъ требуетъ всесторонняго обсужденія, изъ котораго нерѣдко можетъ обнаружиться, что та или другая, въ основаніяхъ своихъ, правильная мѣра можетъ въ примѣненіи своемъ, вести къ результатамъ совершенно противнымъ ожиданію. Но, къ счастію, мы ничего не рѣшали и даже ничего не докладывали для рѣшенія. Мы только высказывали мнѣніе, которое во всякомъ случаѣ не худо принять къ соображенію, хотя бы затѣмъ чтобы по надлежащемъ соображеніи откинуть его, и такимъ образомъ упростить и очистить дѣло подлежащее обсужденію.

Если допущеніе отщепенцевъ можетъ грозить опасностію существеннымъ и великимъ интересамъ, которые мы должны беречь и охранять, если это допущеніе можетъ повредить православной церкви, поколебать наше государство, обезсилить нашъ народъ,—то кто рѣшится предлагать подобную мѣру? Вопросъ можетъ состоять только въ томъ, лѣкарство это или ядъ, — и если ядъ, то мы „сугубо и трегубо“ должны отказаться отъ него. Весь вопросъ состоитъ только въ этомъ. Намъ жаль только то, что и въ этомъ вопросѣ встрѣчаемся мы съ нашимъ старымъ знакомымъ, съ этимъ обычнымъ аргументомъ опирающимся на незрѣлость общества, съ этимъ вѣчнымъ недовѣріемъ къ своему народу, къ силѣ своей церкви и къ прочности своего государства. Мы цѣнимъ все это очень высоко,—но только на словахъ; а на дѣлѣ мы едва вѣримъ въ самое ихъ существованіе. Мы ропщемъ на малодушіе и маловѣріе другихъ, удивляемся нелѣпости чужихъ опасеній, видимъ какъ они бываютъ неосновательны, какими они сопровождаются дурными послѣдствіями, и въ то же время сами повинуемся той же логикѣ и подаемъ голосъ точно въ такомъ же смыслѣ.

Нашъ почтенный оппонентъ полагаетъ, что свобода совѣсти, какъ бы ни была она хороша сама по себѣ, никакъ не можетъ быть допущена у насъ въ ближайшее время. Онъ отлагаетъ ея водвореніе до того времени, когда наше общество окрѣпнетъ, возмужаетъ, созрѣетъ, будетъ умнѣе. Тогда, въ видѣ награды, оно можетъ быть спущено съ полицейскихъ помочей. Но намъ кажется, что такая точка зрѣнія ошибочна. Льготы, пріобрѣтаемыя обществомъ, отнюдь не должны имѣть значенія наградъ. Явленія подобныя отщепенству вовсе не цѣль или благо, къ которому надобно стремиться. Какая радость въ томъ, что человѣкъ отрекается отъ вѣры своихъ отцовъ, и разрываетъ тѣ внутреннія связи, которыя соединяютъ его съ родными и близкими? Что хорошаго въ этомъ? Можно ли желать этого и видѣть въ подобныхъ явленіяхъ характеристику другаго лучшаго времени, которое наступитъ для насъ, когда мы будемъ умнѣе и лучше? Въ то время, когда мы будемъ умнѣе и лучше, можетъ быть никому и не потребуется этой печальной свободы переходить отъ своей церкви къ другой. Но какъ намъ стать умнѣе и лучше? Какими путями идти намъ къ этой цѣли? Можетъ ли общество когда-нибудь созрѣть умственно и нравственно безъ элемента свободы? Можно ли выучиться ходить не ходя, выучиться плавать не плавая? Можно ли пріобрѣсти опытность безъ опытовъ, безъ испытаній, безъ усилій и жертвъ?

Мы понимаемъ возможность многихъ серіозныхъ соображеній, заставляющихъ взглянуть на дѣло иначе, и сами не чужды имъ, и поспѣшили бы заявить и развить ихъ, если бы потребовался окончательный итогъ всѣхъ плюсовъ и минусовъ для рѣшенія вопроса. Мы не настаивали, мы не настаиваемъ на принятіи какой-либо мѣры въ смыслѣ религіозной свободы. Мы сказали только: вотъ шагъ, который должны мы сдѣлать, если только хотимъ мы сдѣлать шагъ въ такомъ смыслѣ. Всякія реформы и измѣненія должны быть вызываемы чувствомъ нашихъ собственныхъ затрудненій, а не уступчивостію ради чужихъ удобствъ. Католическое вѣроисповѣданіе и безъ того пользуется у насъ можетъ-быть слишкомъ большими удобствами. Если религіозная свобода оказывается вредною намъ, то мы должны дважды и трижды отказаться отъ нея. Къ чему же она если мы сами не хо-

тимъ ея и если она пагубна намъ? Если она пагубна для русскаго православнаго общества, то о ней и рѣчи быть не можетъ. Также точно и всякая другая свобода: если, напримѣръ, свобода печати есть вредъ, то не къ чему и заводить о ней рѣчь, а надобно трикраты протестовать противъ нея и опуститься на покойныя помочи цензуры. Всякая свобода, повторяемъ, допускается не ради удовольствія, а ради пользы, которая въ ней предполагается; если же вмѣсто пользы отъ нея слѣдуетъ ожидать вреда, то Богъ съ нею совсѣмъ! Кому она, въ такомъ случаѣ, нужна?

Нашъ почтенный возражатель видитъ въ свободѣ совѣсти прямо и непосредственно свободу пропаганды. Это вводитъ его въ заблужденіе и усиливаетъ его боязнь. Почти во всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ допускается полная свобода совѣсти, свобода каждому исповѣдывать ту или другую вѣру, но не вездѣ, далеко не вездѣ допускается полная свобода проповѣди въ видахъ пропаганды. Коварное совращеніе предупреждается и преслѣдуется закономъ при самой полной свободѣ совѣсти; вынужденіе не только матеріяльное, но и нравственное считается преступленіемъ. Итакъ можно еще принимать строгія мѣры противъ безсовѣстныхъ совратителей и ограждать отъ нихъ людей несамостоятельныхъ, — хотя и въ этомъ случаѣ положительныя мѣры несравненно дѣйствительнѣе чѣмъ отрицательныя, — и въ то же время допускать свободу совѣсти. Есть огромная разница между освобожденіемъ совѣсти отъ полицейскаго запрета и предоставленіемъ всякому всевозможныхъ удобствъ дѣйствовать, какими угодно средствами, на совѣсть другихъ. Вездѣ, либо государство, либо само общество, принимаютъ дѣятельныя мѣры противъ наглыхъ и безчестныхъ совратителей, вездѣ стараются отнять у нихъ удобства дѣйствовать непозволительными способами, обращаться къ массамъ съ грубыми прельщеніями и устрашеніями, или тайно подкрадываться къ людямъ съ обманомъ и хитростью. Въ Австріи допущена теперь свобода вѣроисповѣданій, несмотря на то что католическая церковь пользуется тамъ всѣми правами господствующей церкви и ревниво оберегаетъ ихъ; но законъ допускающій тамъ переходъ отъ господствующей церкви къ другой, и наоборотъ, постановляетъ непремѣннымъ условіемъ предварительное заявленіе и отпускъ. Католикъ возымѣвшій желаніе присоединиться къ православію или къ протестантскому вѣроисповѣданію,—а равно и наоборотъ,— обязанъ при двухъ свидѣтеляхъ заявить о томъ своему духовному пастырю, подвергнуться опросу въ побудительныхъ причинахъ склоняющихъ его къ переходу, выждать нѣкоторое довольно значительное время, и лишь по исполненіи всѣхъ этихъ условій, при непоколебимой рѣшимости, имѣетъ право просить отпуска. Такимъ постановленіемъ предупреждаются нападенія въ расплохъ и тайные захваты. Благодаря такому постановленію, человѣкъ не имѣетъ надобности скрывать свое отпаденіе отъ церкви. Его насильно не держатъ; но обязывая его къ предварительному заявленію и искусу, тѣмъ самымъ даютъ ему возможность войдти въ себя, одуматься, отдать себѣ отчетъ въ своемъ влеченіи, и можетъ-быть, въ послѣднюю минуту, при разлукѣ съ церковію, внять ея призыву, раскаяться и возвратиться въ ея нѣдра съ полнымъ и испытаннымъ убѣжденіемъ. Свѣтъ всегда лучше потемокъ, и только въ потемкахъ дѣйствуетъ зло, только въ потемкахъ приволье обманамъ, только въ потемкахъ могутъ быть страшны, коварныя совращенія.

Да, надобно оберегаться и отъ разбойника, и отъ татя; но въ потьмахъ ли удобно оберегаться отъ нихъ? Исторія свидѣтельствуетъ, что ревностные паписты не отступаютъ ни передъ какими средствами и для возвеличенія своего папы готовы забыть Христа и даже пожертвовать самыми коренными нравственными правилами, обязательными и для язычниковъ. Не находя прямыхъ дорогъ, польскіе ксендзы пускаются не колеблясь во всякую извилину и идутъ на всякій обманъ. Остановятся ли эти воители передъ нашими запретами и нашими карами, когда они готовы на всякую сдѣлку съ совѣстью? М. П. Погодинъ негодуетъ на отщепенцевъ, но знаетъ ли онъ что есть отщепенцы скрытые, которыхъ іезуитъ благословляетъ обманывать и людей, и свою совѣсть, и Бога? Есть отщепенцы явные, и есть отщепенцы тайные. Нашъ возражатель негодуетъ на первыхъ, а что онъ скажетъ о послѣднихъ? И какое преподастъ онъ средство противъ пропаганды, которая дозволяетъ православному наружно соблюдать всѣ обряды его

церкви, а внутренно отрекаться отъ нея и исповѣдывать папу? Знаетъ ли нашъ возражатель объ этой новой уніи, изобрѣтенной іезуитскою хитростію? Мы воспрещаемъ выходъ изъ православной церкви тѣмъ кто не хочетъ или, лучше сказать, кто не достоинъ въ ней оставаться. Прекрасно! Польскій ксендзъ этому радъ: онъ радъ, что его жертва можетъ оставаться въ нѣдрахъ нашей церкви, оскверняя ее обманомъ. Римская пропаганда теперь уже не требуетъ чтобъ уловленный ею человѣкъ формально отпалъ отъ своей церкви, она беретъ себѣ только душу его. Ему разрѣшается ходить на молитву въ церковь его отцовъ и исполнять тѣ изъ ея правилъ, которыя охраняются полиціей и помѣчаются въ книгахъ; она дозволяетъ ему удерживать званіе православнаго, и довольствуется бездѣлицей,— довольствуется тѣмъ, чтобъ онъ въ душѣ своей признавалъ себя папистомъ и находился въ тайномъ общеніи съ римскою церковію. Мы не понимаемъ этого чудовищнаго обмана, но передъ нимъ не задерживается совѣсть ярыхъ папистовъ. Они не только рѣшатъ и вяжутъ, но и заранѣе отпускаютъ всякій грѣхъ и благословляютъ человѣка на всякую ложь. Мы тщимся оградиться отъ нихъ полицейскими мѣрами, и они очень рады оставить за нами полицейскую часть человѣка, а себѣ берутъ духовную. Они очень рады выѣсть ядро, а намъ оставить скорлупу. Намъ—форму и букву, намъ метрическую книгу, намъ оскверненную молитву и поруганное таинство, а имъ святыню совѣсти, имъ сердце и духъ человѣка. Хорошъ ли этотъ раздѣлъ? Рады ли мы этому обмѣну? Полезенъ ли онъ нашей церкви или нашему государству?

Мы не выдумываемъ. Вопіющая злоупотребленія, которыхъ мы коснулись, существуютъ, и они могутъ расти и расти. Мы будемъ спать за полицейскою охраной, а враги наши будутъ грабить нашъ домъ и осквернять наше святилище. Тайныхъ отщепенцевъ окажется болѣе чѣмъ явныхъ, и они опаснѣе уже потому, что нельзя ни счесть ихъ, ни счесться съ ними. Люди, хорошо знающіе западный край нашего отечества, страдающій подъ двойнымъ гнетомъ, полонизма и католицизма,— свидѣтельствуютъ о развитіи этой язвы, которая ускользаетъ въ своемъ мракѣ отъ всякаго врачеванія. Просвѣщенные дѣти этого края, любящіе его и преданные интересамъ православной церкви, вопіютъ и просятъ свѣта, свѣта, свѣта. Они просятъ свободы совѣсти, какъ единственно-надежнаго оружія противъ тайнаго врага, безсовѣстнаго и коварнаго. Вотъ что пишетъ г. Кояловичъ (*День*, № 24):

„...Это совершенно новый видъ уніи, я его назову самымъ утилитарнымъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи или, иначе сказать, это собственно литовско-бѣлорусская унія. Дѣло вотъ въ чемъ. Русскіе законы не дозволяютъ бросать православія, а латинская пропаганда непремѣнно хочетъ совращать православныхъ. Вслѣдствіе этого стала установляться такая практика, что человѣкъ, совершая въ православной церкви все то что записывается въ книги и требуется формально, можетъ держать латинскія убѣжденія и обновлять ихъ, какъ выражаются составители прошенія объ уніи, въ латинскомъ костелѣ на исповѣди у латинскаго священника. Теперь эта практика возводится въ теорію. Подивитесь, какъ сошлись тутъ наши законы и латинство! Вѣрьте послѣ этого, что латинство можетъ быть стѣснено какими-нибудь законами! Я, по крайней мѣрѣ, этому не вѣрю и вижу къ обузданію іезуитскаго латинства (о немъ только я и говорю) одно средство — это полная свобода совѣсти и полная свобода слова.“

Здѣсь въ Москвѣ, внутри Россіи, вопросъ о свободѣ совѣсти не имѣетъ такого практическаго значенія, которое крѣпко вынуждало бы заняться имъ серіозно, вникая во всѣ элементы и условія окружающей дѣйствительности. Здѣсь это вынужденіе не такъ сильно чувствуется, и здѣсь еще можно говорить сколько угодно и въ ту и въ другую сторону, слѣдуя установившейся рутинѣ или уносясь въ отвлеченности. Но мы заговорили о свободѣ совѣсти не изъ отвлеченныхъ началъ, не изъ либеральнаго умничанья. Намъ былъ навязанъ этотъ вопросъ положеніемъ нашего западнаго края и борьбою, которая тамъ идетъ.

Въ западномъ краѣ, кромѣ собственно-польскихъ элементовъ, есть довольно значительное число русскихъ людей, которые исповѣдываютъ католитескую вѣру. Мы говоримъ не о тайныхъ, а объ открытыхъ католикахъ. Этихъ русскихъ людей, явныхъ католиковъ, насчитывается теперь до 93.000 (см. *Вѣстникъ Западной и Юго-Западной Россіи*, март. книж.). Но назадъ тому лѣтъ

двадцать, Бѣлоруссовъ исповѣдывавшихъ католическую религію, насчитывалось чуть не вчетверо. У Шафарика въ его *Народописи* (изд. 1842 г.), показано Бѣлоруссовъ-католиковъ 350.000. Гдѣ дѣвалось это множество Бѣлоруссовъ-католиковъ, если справедливо показаніе, что теперь во всѣхъ нашихъ западныхъ губерніяхъ не болѣе 93.000 этого класса людей? Не очевидно ли, что они стали Поляками и можетъ-быть врагами Россіи? А между тѣмъ и самые польскіе элементы въ томъ краю должны же наконецъ признать себя русскими. На вѣру ихъ ни государство наше, ни церковь наша не замышляютъ никакихъ покушеній. Католическая церковь пользуется у насъ полною терпимостью, и люди принадлежащіе къ ней обладаютъ всею полнотою гражданскихъ и политическихъ правъ. Пусть же они остаются католиками, но они должны быть Русскими. Противъ католической пропаганды мы должны принимать мѣры, мы должны отрезвлять ее, но потому-то и едва ли полезно оставлять католическую пропаганду въ неразрывномъ единеніи съ элементомъ польской національности точно также одержимой недугомъ, какъ и лихорадочная пропаганда панизма, — едва ли полезно оставлять эту сугубую пропаганду въ потьмахъ, чтобъ она совершала дѣло тайной уніи похищеніемъ людей изъ православной церкви и вмѣстѣ изъ русскаго народа? Едва ли не полезнѣе расторгнуть элементы этой двойственной, враждебной намъ пропаганды, и во всякомъ случаѣ вывести ее на свѣтъ, чтобъ обнаружились всѣ ея средства и стали невозможны ея ковы. Едва ли не полезнѣе противоборствовать этой сугубо-вредной пропагандѣ дѣйствительными средствами, чѣмъ утѣшать себя полицейскою охраной, которая въ подобныхъ случаяхъ бываетъ по большей части безсильна, и часто ведетъ къ результатамъ противнымъ ожиданію. Не лучше ли дѣйствовать прямо противъ язвы и прямо смотрѣть ей въ глаза? Всякая мѣра, которая можетъ укрѣпить и усилить насъ самихъ и придать намъ зоркость, не можетъ не быть полезна. Вопросъ только въ томъ, что можетъ придать намъ эту внутреннюю крѣпость и силу, и эту желанную зоркость: уныніе ли, недовѣріе ли къ себѣ, малодушная ли надежда на подпорки, оказывающіяся среди новыхъ обстоятельствъ безполезными, — или бодрость духа и живое дѣйствіе при чувствѣ своей правоты и великодушной увѣренности въ своихъ силахъ? Все что можетъ вызвать развитіе нашихъ собственныхъ силъ, что можетъ поднять и возвысить нашъ духъ, все то послужитъ намъ ко благу, и только въ этомъ наше спасеніе. Все же, напротивъ, что внушается намъ свободушіемъ, будетъ дѣломъ вреднымъ, какой бы характеръ оно не приняло и въ чемъ бы ни выразилось, въ видѣ ли уступки чужимъ притязаніямъ, въ видѣ ли ограждений ничего не ограждающихъ, безсильныхъ для отраженія врага и только изощряющихъ его изобрѣтательность, а насъ усыпляющихъ, разслабляющихъ, лишающихъ духа и отучающихъ отъ дѣйствія. Мы знаемъ, что отъ нашихъ враговъ внѣшними оградами оградиться не можемъ; мы знаемъ, что врагъ сумѣетъ пройдти вездѣ ужомъ и жабой, и что въ нынѣшнее время для него самый лучшій способъ дѣйствія есть интрига,—интрига, которой болѣе всего способствуетъ тьма и апатія среды. Должны ли мы способствовать интригѣ? А если нѣтъ, то какими мѣрами должны мы противодѣйствовать ей? Объ этомъ стóитъ серіозно подумать, и знаменія времени клонятся къ тому, чтобы мы избрали путь не фальшиваго и слабодушнаго либеральничанья, которое рабски смотритъ другимъ въ глаза, и попросту называется глупостью, — а бодрой, зоркой и энергической самодѣятельности во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Намъ всего опаснѣе потемки, намъ всего полезнѣе свѣтъ,— намъ всего полезнѣе свобода и довѣріе къ себѣ въ движеніяхъ нашей народной жизни и въ охраненіи нашихъ общественныхъ интересовъ, и государственныхъ, и церковныхъ.

№ 175.

Москва, 10-го августа.

Положеніе счетовъ нашего государственнаго банка безпрерывно мѣняется. Отчетъ за іюль мѣсяцъ отличается отъ отчета за іюнь преимущественно тѣмъ, что портфель банка, то-есть принадлежащія ему обязательства частныхъ лицъ, значительно увеличился. Это увеличеніе простирается до 1 милліона рублей и свидѣтельствуетъ о значительномъ возрастаніи спроса на ссуды изъ банка. Но такъ какъ оборотная касса банка, изъ которой производятся эти ссуды, очень не велика, и такъ какъ изъ этой же кассы банкъ долженъ удовлетворять своихъ кредиторовъ по своимъ обя-

зательствамъ, то нельзя удивляться тому, что банкъ возвысилъ учетный процентъ. Теперь банкъ учитаетъ векселя по разчету изъ 6% въ годъ. Мы уже прежде говорили о настоятельной необходимости принять эту мѣру, и теперь считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ въ ея защиту. Совершенное заблужденіе полагать будто возвышеніе учета можетъ имѣть сильное вліяніе на коммерческіе и промышленные обороты. Какъ неосновательно подобное мнѣніе, видно изъ слѣдующаго разчета. Положимъ, что продано товара на 10.000 руб. съ уплатой черезъ шесть мѣсяцевъ. Продавецъ получаетъ векселъ и представляетъ его въ банкъ къ учету. Сколько же онъ теряетъ вслѣдствіе того, что за учетъ взимается по 1% въ годъ болѣе прежняго? Онъ теряетъ ½%, то-есть на всю сумму не болѣе 50 р. Спрашивается, можетъ ли потеря 50 р. затруднить сдѣлку на 10.000 р.? Полкопѣйки съ рубля, это такое незначительное пониженіе цѣны, что при раскладкѣ на товаръ, оно превращается почти въ невѣсомую величину. Итакъ, ни промышленность, ни торговля не могутъ быть сильно стѣснены возвышеніемъ учета на 1%. Даже возвышеніе на 2% не можетъ имѣть никакого серіознаго вліянія на ходъ торговыхъ сдѣлокъ или промышленныхъ предпріятій. Отъ него можетъ пострадать, то-есть имъ можетъ быть остановлена только спекуляція, а теперь, конечно, всякій согласится, что останавливать спекуляцію очень полезно. Капиталы должны обращаться на настоящее дѣло, на вѣрныя предпріятія, а не на сдѣлки, основанныя на фантастическихъ разчетахъ. Возвышеніе учетнаго процента имѣетъ въ настоящее время ту выгоду, что, кромѣ спекуляціи, останавливаетъ или по крайней мѣрѣ ограничиваетъ переходъ капиталовъ отъ торговли товарами къ торговлѣ деньгами. Вслѣдствіе размѣна, у насъ сильно развилась эта торговля, и никто, конечно, не скажетъ, чтобы слѣдовало поощрять ее. Пусть же она платитъ банку болѣе высокій процентъ. Опытъ показываетъ, что даже и эта торговля подверглась очень небольшому ограниченію отъ возвышенія учетнаго процента; къ концу прошлой недѣли портфель банка представлялъ слѣдующія цифры:

Векселя и другія срочныя бумаги .	8.273 130
Ссуды подъ залоги	11.282.172
Просроченныя обязательства	99.735
Итого . .	19.655.037

Къ концу предыдущей недѣли въ портфелѣ было:

Векселей и другихъ срочныхъ бум.	8.329.456
Ссудъ подъ залоги	10.664.663
Просроченныхъ обязательствъ . .	95.023
Итого . .	19.089 142

Слѣдовательно, портфель банка возросъ въ теченіи прошлой недѣли слишкомъ на полмилліона. Можно безъ колебанія сказать, что это возрастаніе портфеля произошло не въ пользу обыкновенной торговли и промышленности, а именно въ пользу торговли деньгами, то-есть въ пользу вывоза звонкой монеты. На это указываетъ и состояніе оборотной кассы банка.

Къ концу прошлой недѣли въ оборотной кассѣ банка было:

Кредитными билетами	1.562.145
4% банковыми	5.237.700
Итого . . .	6.799.845

А къ концу предыдущей недѣли:

Кредитными билетами	3.963 229
4% банковыми	3.979.200
Итого . .	7.942.429

Слѣдовательно оборотная касса банка уменьшилась слишкомъ на милліонъ руб. Но еще важнѣе отношеніе между кредитными и 4% банковыми билетами, находившимися въ кассѣ банка. Кредитныхъ билетовъ было въ оборотной кассѣ:

Къ концу прошлой недѣли	1.562.145
Къ концу предшествовавшей недѣли	3.963.229
Слѣдовательно убыло кредитныхъ билетовъ	2.401.084

Какое употребленіе сдѣлала публика изъ этихъ двухъ съ половиной милліоновъ, видно изъ движенія по операціи размѣна. Въ продолженіи прошлой недѣли:

Внесено въ размѣнную кассу звонкой монеты	819.254
Взято изъ размѣнной кассы звонкой монеты	4.758.315
Слѣдовательно убыло звонкой монеты	3.939.061

При учетѣ въ 5% было бы взято еще болѣе звонкой монеты, и еще болѣе опорожнилась бы оборотная касса, но, какъ видно, и теперешній учетъ въ 6% не очень-то остановилъ движеніе къ размѣну. Поэтому мы нисколько не удивились бы, если бы банкъ еще болѣе поднялъ учетный процентъ. Возвышеніе учетнаго процента есть необходимое средство обороны противъ спроса на наличность. Въ настоящихъ обстоятельствахъ, при огромномъ избыткѣ денеж-

ныхъ знаковъ, это средство не можетъ вполнѣ помочь дѣлу, но довольно уже и того, что оно хоть сколько-нибудь поможетъ ему. Учетный процентъ теперь не всесиленъ, это правда; какъ бы банкъ не поднималъ его, размѣнъ не могъ бы остановиться. Но этого и нельзя ожидать теперь отъ возвышенія учетнаго процента. Оно можетъ дѣйствовать на размѣнъ лишь посредствомъ уменьшенія портфеля. Портфель банка непремѣнно долженъ сокращаться, а не увеличиваться, и къ достиженію этой цѣли можетъ правильно вести только повышеніе учетнаго процента. Вѣдь хуже просто отказывать по инымъ векселямъ, учитая другіе, чѣмъ принять общую мѣру, очевидно требуемую обстоятельствами. Повторяемъ, пока портфель банка не начнетъ самъ собой сокращаться, до тѣхъ поръ онъ будетъ указывать на необходимость возвышенія учетнаго процента, и нельзя оставлять это показаніе безъ вниманія.

На дняхъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* напечатана статья, отличающаяся обычными достоинствами банковыхъ статей, появляющихся отъ времени до времени въ этомъ журналѣ. Въ этой статьѣ говорится между прочимъ о возвышеніи учетнаго процента и объ увеличеніи портфеля. Въ заключеніи статьи указывается на уменьшеніе оборотной кассы банка, какъ на главное затрудненіе банка въ настоящую минуту.

Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что въ уменьшеніи оборотной кассы заключается теперь главное затрудненіе банка, но полагаемъ что для вѣрности сужденія необходимо дойдти до причины этого затрудненія. Уменьшеніе оборотной кассы есть явленіе, служащее видимымъ затрудненіемъ, но его нельзя устранить не дѣйствуя на его причину, а причина его заключается въ операціи размѣна. Наличность уходитъ изъ банка не вслѣдствіе требованій внутренняго торговаго рынка; эта наличность, вынимаемая изъ банка, идетъ не на внутреннія платежи; она вся, и еще съ избыткомъ, обращается въ размѣнную кассу. На прошлой недѣлѣ, въ размѣнную кассу, поступило почти на 4 милліона кредитныхъ билетовъ болѣе чѣмъ взято изъ нея. Изъ оборотной кассы взято почти на $2^1/_2$ милліона кредитныхъ билетовъ болѣе чѣмъ поступило въ нее. Всѣ эти $2^1/_2$ милліона пошли въ размѣнную кассу, но такъ какъ туда стеклось всего 4 милліона, то сталобыть, помимо банка, изъ денежнаго рынка взято еще $1^1/_2$ милліона кредитныхъ билетовъ для предъявленія къ размѣну. Пока продолжается такое движеніе, до тѣхъ поръ, очевидно, оборотная касса не можетъ не истощаться.

Что же нужно? Неужели сокращеніе размѣна? Мы рѣшаемся сказать: да, и очень желали бы чтобы для этой цѣли хоть сколько-нибудь послужила та мѣра, которую на этой недѣлѣ принялъ государственный банкъ, начавъ выдавать изъ размѣнной кассы не золото, преимущественно требующееся для вывоза за границу, а серебро, менѣе удобное для перевозки. Нельзя ожидать, чтобы вслѣдствіе этой мѣры прекратилось движеніе къ вывозу звонкой монеты за границу, но оно должно, кажется, хоть нѣсколько уменьшиться, а это будетъ уже шагъ къ лучшему. Мѣра, о которой мы говоримъ, вовсе не есть нарушеніе кредита. У насъ серебро такое же законное средство платежа какъ и золото. Нашъ вексельный курсъ едва ли пострадаетъ отъ того; на вчерашнемъ курсѣ новая мѣра нисколько не отозвалась, а напротивъ, въ виду мирныхъ вѣстей изъ за границы, вексельный курсъ даже нѣсколько поднялся. Въ предъидущій биржевой день, 6-го августа, вексельный курсъ на Лондонъ былъ $37^1/_4$ пенсовъ за серебряный рубль; вчера курсъ возвысился на $^1/_{16}$ пенни; на Парижъ 6-го августа курсъ состоялъ $390^1/_2$ сантимовъ за серебряный руб.; вчера 391 сантимъ. Значительнаго паденія послѣдовать не можетъ ни въ какомъ случаѣ, потому что серебро имѣетъ такую же постоянную цѣну какъ золото. Но спекуляція на торговлю звонкою монетой, повидимому, должна нѣсколько сократиться, а это будетъ нѣкоторое, хотя и слабое вліяніе, на улучшеніе нашего отпуска.

Чтобы предотвратить ложное толкованіе нашихъ словъ, мы должны прибавить, что говоря о пользѣ сокращенія размѣна въ настоящую минуту, мы нисколько не хотимъ сказать, чтобы размѣнъ былъ не нуженъ или вреденъ. Наше денежное обращеніе должно быть упрочено. Годъ тому назадъ мы полагали, что было бы совершенно достаточно удержать серебряный рубль на его тогдашней цѣнѣ съ самымъ небольшимъ повышеніемъ, чтобы только уравнять серебряный рубль съ прусскимъ талеромъ, въ видахъ единства монетной единицы двухъ сосѣднихъ странъ. По нашему мнѣнію, этого совершенно достаточно; операція размѣ-

на потребовала бы менѣе пожертвованій со стороны Россіи, и произошло бы меньше колебаній въ цѣнахъ на разные предметы. Но такъ какъ правительство признало за благо приступить не просто къ упроченію монетной единицы, а къ возстановленію ея первоначальной цѣнности, то о нашемъ прежнемъ проектѣ нечего и говорить, и надобно только желать успѣха операціи предпринятой правительствомъ. Цѣль этой операціи—возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, то-есть доведеніе кредитнаго рубля до одной цѣны съ серебрянымъ рублемъ. Для достиженія этой цѣли открытъ размѣнъ, который есть не что иное какъ средство къ ней ведущее. Что касается до размѣна, то предусматривать его ходъ можно только на основаніи взгляда на количество кредитныхъ билетовъ, составляющихъ излишекъ сверхъ потребностей денежнаго обращенія. Кто полагаетъ, что этотъ излишекъ не великъ, тотъ можетъ надѣяться на непродолжительность размѣна и на незначительность суммы кредитныхъ билетовъ, которые будутъ предъявлены къ размѣну. Нашимъ читателямъ извѣстно, что мы иного мнѣнія. Намъ кажется, что значительность, скажемъ болѣе—колоссальность этого излишка не можетъ подлежать сомнѣнію. До войны у насъ было всего 300 милліоновъ кредитныхъ билетовъ; какъ съ тѣхъ поръ ни измѣнились дѣла,—нѣтъ нималѣйшей возможности думать, чтобы Россія могла въ настоящую минуту вынести болѣе 450 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Если бы это положеніе не было само по себѣ очевидно и нуждалось въ подтвержденіи, то теперешній ходъ размѣна можетъ служить неоспоримымъ подтвержденіемъ. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы какъ нельзя болѣе увѣрены въ томъ, что размѣнъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока въ обращеніи будетъ оставаться болѣе 450 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, и что слѣдовательно однимъ размѣномъ невозможно извлечь изъ обращенія весь излишекъ кредитныхъ билетовъ. Въ этой невозможности нельзя впрочемъ видѣть ничего опаснаго или страшнаго. Размѣнъ не есть единственное средство для извлеченія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Онъ былъ бы средствомъ наиболѣе удобнымъ для этой цѣли только въ томъ случаѣ, когда бы излишекъ билетовъ былъ не великъ. Но когда онъ великъ, то однимъ размѣномъ нельзя достигнуть цѣли не вредя отпуску, и необходимо прибѣгнуть къ обмѣну кредитныхъ билетовъ на процентныя облигаціи внутренняго займа. Если же это необходимо, въ чемъ не возможно, какъ намъ кажется, сомнѣваться, то выгода государственнаго казначейства требуетъ чтобъ обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на облигаціи, по возможности предшествовалъ размѣну. Этого требуетъ очевидная выгода государственнаго казначейства: чѣмъ больше обращается излишнихъ кредитныхъ билетовъ, тѣмъ легче должны быть условія, при которыхъ владѣльцы кредитныхъ билетовъ согласятся обмѣнять на облигаціи внутренняго займа, и на оборотъ. Условія внутренняго займа совершенно зависятъ отъ излишка обращающихся билетовъ. Чѣмъ меньше будетъ становиться ихъ, тѣмъ тяжеле должны становиться условія внутренняго займа. Вотъ почему, имѣя въ виду что внутренній заемъ, ранѣе или позднѣе, окажется дѣломъ неизбѣжнымъ (если мы только хотимъ достигнуть цѣли—возстановленія первоначальной цѣнности кредитнаго рубля), мы полагаемъ, что чѣмъ меньше кредитныхъ билетовъ будетъ теперь размѣнено на звонкую монету и чѣмъ болѣе значительный размѣнный фондъ останется у насъ въ запасѣ, тѣмъ будетъ легче для нашихъ финансовъ.

№ 176.

Москва, 12-го августа.

Интересъ минуты почти весь сосредочивается теперь на съѣздѣ германскихъ государей во Франкфуртѣ на Майнѣ. Всѣ газеты наполнены описаніями церемоній и празднествъ, которыми сопровождается это событіе, и толками объ австрійскомъ проектѣ реформы Германскаго Союза, проектѣ, 36 пунктовъ котораго наконецъ напечатаны вполнѣ и о которомъ мы не замедлимъ представить отчетъ нашимъ читателямъ. Хотя никто не ожидаетъ, чтобъ эта попытка объединенія Германіи въ интересахъ Австріи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, однакоже нельзя отрицать ея серіозности и значенія. Даже самые усердные приверженцы Пруссіи говорятъ въ одинъ голосъ, что австрійскій проектъ такъ обстоятельно обдуманъ во всѣхъ частяхъ своихъ, что нѣтъ возможности не принять его по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, и что было бы крайне неблагоразумно со стороны Пруссіи отвѣчать на него только однимъ отрица-

ніемъ или молчаніемъ. Въ главныхъ чертахъ своихъ, какъ слышно, онъ нашелъ сочувствіе со стороны германскихъ государей, и одни изъ нихъ, именно короли Баваріи, Вюртемберга, Ганновера и даже Саксоніи, желали бы главнѣйшимъ образомъ только измѣненій въ составѣ директоріи, которой предоставляется исполнительная власть въ преобразуемомъ Германскомъ Союзѣ. Они желаютъ, чтобы каждому изъ нихъ достался въ директоріи полный голосъ наравнѣ съ Пруссіей и Австріей и со всею совокупностью остальныхъ государствъ, и чтобы директорія такимъ образомъ состояла изъ 7, а не изъ 5 членовъ, какъ предлагаетъ Австрія. Другіе же, болѣе безкорыстные, какъ Баденъ, Саксенъ-Веймаръ, Кобургъ-Гота, желали бы преимущественно расширенія правъ народнаго представительства въ средѣ властей новаго Германскаго Союза. Австрія, очевидно, имѣла въ виду упрочить свою власть въ Союзѣ, съ тѣмъ чтобы распространить его охрану на собственныя свои не-германскія области. Съ этою цѣлью она обратила все свое вниманіе на развитіе исполнительной власти, обезпечивъ себѣ въ директоріи безсмѣнное предсѣдательство и преобладающее вліяніе, и напротивъ поступила довольно великодушно по отношенію къ составу палаты депутатовъ, которой предоставляется очень мало значенія. Эта палата должна состоять изъ 300 членовъ, изъ коихъ 150 принадлежали бы Австріи и Пруссіи (по 75 отъ каждой изъ нихъ) и другіе 150 всѣмъ остальнымъ государствамъ, между тѣмъ какъ соразмѣрно съ населенностью на долю Австріи и Пруссіи должно было приходиться гораздо большее число депутатовъ: въ ихъ областяхъ принадлежащихъ къ Германскому Союзу насчитывается до 27 милліоновъ жителей, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ земляхъ — всего 17 милл.; на долю одной Пруссіи, согласно съ ея германскимъ населеніемъ, должно было бы придтись не 75, а 92 депутата.

Какъ бы то ни было, за послѣднія тринадцать лѣтъ это самый серіозный проектъ реформы Германскаго Союза и самая отважная попытка разрѣшенія германскаго вопроса. Австрія спѣшитъ пользоваться не только тѣмъ положеніемъ, въ какое поставилъ ее польскій вопросъ, не только опасеніями, которыя внушаетъ онъ членамъ Германскаго Союза, но старается извлечь для себя возможно бо́льшую выгоду и изъ результатовъ мексиканской экспедиціи, какъ указано ниже въ статьѣ изъ *Daily News*. Мексиканскій престолъ, предлагаемый эрцгерцогу Максиміліану, льститъ національному честолюбію Нѣмцевъ; это было бы первое заморское владѣніе, тѣсно связанное съ Германіей; съ этимъ владѣніемъ могли бы легко связаться и мечты о могущественномъ германскомъ флотѣ, мечты, которыя давно лелѣютъ германскіе патріоты.

Въ виду всѣхъ этихъ условій для окончательнаго торжества Австріи въ германскомъ вопросѣ, положеніе Пруссіи становится все болѣе затруднительнымъ. Но если государи Германіи готовы измѣнить Пруссіи, то народы и ихъ выборные представители хорошо понимаютъ, что истиннаго блага она можетъ ждать только отъ Пруссіи. Не многимъ позже государей во Франкфуртъ на-Майнѣ собралось болѣе 300 этихъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ законодательныхъ депутатскихъ палатъ въ германскихъ государствахъ, и приведенныя ниже (въ *Послѣдней Почтѣ*) ихъ резолюціи до того отличаются духомъ пріязни къ Пруссіи, что требуютъ вступленія въ составъ Германскаго Союза даже такихъ ея провинцій, какъ Познань и Восточная Пруссія, которыя до сихъ поръ не принадлежали къ нему. (Къ свѣдѣнію Полякамъ: вотъ имъ и сочувствіе Европы, вотъ и сочувствіе Германіи: Познань и Восточная Пруссія окончательно поглощаются Германіей въ то самое время какъ бѣдные обманутые Поляки хлопочутъ о возстановленіи старой Польши!) Этими резолюціями Пруссія легко могла бы воспользоваться, для того чтобы противопоставить свой проектъ реформы австрійскому; но прежде этого ей нужно освободиться отъ внутреннихъ затрудненій. Въ виду возникающихъ серіозныхъ вопросовъ, преобладаніе въ палатѣ депутатовъ, навѣрное, не останется за партіей чиновниковъ прогрессистовъ, которые обнаружили такъ мало пониманія потребностей своего отечества. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ событій, волнующихъ теперь всю Германію, снова усилился слухъ о намѣреніи престарѣлаго прусскаго короля отречься отъ престола, а наслѣдный принцъ, какъ сообщаетъ берлинскій корреспондентъ *Times*, готовъ взять на себя осуществленіе имперской конституціи 1849 года.

Всѣ извѣстія согласны въ томъ, что конгрессъ германскихъ государей займется между прочимъ обсужденіемъ польскаго во-

проса и того положенія, какое прилично принять Германіи въ виду различныхъ случайностей, которыя могутъ изъ него возникнуть. Помѣщенная ниже статья изъ *Daily News* уже указываетъ, въ какомъ смыслѣ должна дѣйствовать Австрія на прочихъ германскихъ государей: съ одной стороны она должна спасти Польшу отъ своекорыстнаго вооруженнаго вмѣшательства Франціи, а съ другой—отъ мести, которая будто бы ожидаетъ ее со стороны Россіи, то-есть другими словами, Австрія должна увлечь за собою всю Германію на поприще дипломатической войны противъ Россіи. Различные органы германской журналистики давно уже высказываются въ этомъ смыслѣ, полагая, что если бы вся Германія присоединилась къ требованіямъ двухъ западныхъ державъ и Австріи, то Россія никакъ не въ состояніи была бы устоять противъ этого европейскаго хора, и безъ войны должна была бы признать себя побѣжденною. Не говоря уже о томъ, что Германія едва ли окажется такъ податлива, какъ предполагаютъ, европейская журналистика, какъ намъ кажется, сильно преувеличиваетъ вліяніе на Россію той нравственной блокады, которою она намъ угрожаетъ.

Ближайшіе виды и расчеты трехъ державъ, затѣявшихъ противъ насъ дипломатическую борьбу по поводу ничтожнаго польскаго мятежа, все болѣе и болѣе разъясняются въ томъ смыслѣ, на который мы уже давно указывали. „Пусть подумаютъ, говоритъ г. Форкадъ въ политической хроникѣ *Revue des deux mondes* (отъ 15-го августа),—пусть подумаютъ, въ какомъ положеніи очутится Россія, какъ только, за отказомъ ея на послѣднія депеши, дипломатическія пренія вовсе прекратятся. Ни Франція, ни Англія, ни Австрія не обращаютъ болѣе своей рѣчи къ Россіи. Онѣ замыкаются въ безусловное молчаніе, которое Россія можетъ почесть вполнѣ непріязненнымъ для себя. Между тѣмъ они будутъ слѣдить за ходомъ событій, обмѣниваться между собою своими впечатлѣніями, соглашаться насчетъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Это будетъ истинная нравственная блокада для Россіи. При томъ же, послѣ отказовъ Россіи, вскорѣ должно наступить время, когда державы, временно ухудшивъ своимъ вмѣшательствомъ положеніе Поляковъ, принуждены будутъ, въ интересахъ справедливости, признать ихъ воюющею стороною. Но Россіи придется бороться не только противъ возстанія; она должна предвидѣть, она уже предвидитъ то время, когда негодованіе державъ превратится въ открытую войну. Не зная, съ какой стороны произойдетъ нападеніе, она принуждена будетъ усиливать свои средства къ оборонѣ на всѣхъ слабыхъ пунктахъ своихъ длинныхъ границъ. Эта неизвѣстность поведетъ ее къ громаднымъ и совершенно безплоднымъ пожертвованіямъ. Неужели она полагаетъ, что въ состояніи будетъ долго переносить трудности такого положенія?.... Это выжидательное положеніе должно безпокоить, томить, истощать Россію. Оно слагаетъ на нее все бремя непредвидимыхъ случайностей... Ни Франція, ни Англія, ни Австрія не понесутъ никакого лишняго бремени, не вооружатъ ни одного лишняго корабля, не призовутъ къ знаменамъ ни одного лишняго солдата... Такимъ образомъ политика выжиданій и проволочекъ есть лучшая тактика противъ Россіи. Или Россія принуждена будетъ уступить, или война, если она вспыхнетъ, будетъ уже въ половину окончена, вслѣдствіе преждевременнаго истощенія Россіи.“

Вотъ какъ судятъ наши враги, и съ своей точки зрѣнія, они судятъ здравомысленно! На *Московскія Вѣдомости* французскій публицистъ сердится, онъ называетъ ихъ органомъ „старой русской партіи“ (у Французовъ „le vieux parti russe—стереотипное выраженіе означающее что-то таинственное, извѣстное только имъ, а въ Россіи неизвѣстное); ему не нравится нашъ, какъ онъ выражается, продолжительный рыкъ (long rugissement). А между тѣмъ мы говорили то же самое, что говоритъ теперь французскій публицистъ,—только съ разныхъ точекъ зрѣнія: въ чемъ онъ видитъ удобство для себя, въ томъ самомъ мы видимъ неудобство для Россіи. Онъ правъ: ничего не можетъ быть выгоднѣе для нашихъ враговъ, какъ эта политика выжиданія, откладыванія въ долгій ящикъ и затягиванія дѣла. Для Россіи оскорбительно и бѣдственно то что она, подъ угрозами державъ, должна готовиться и вооружаться. Враждебныя намъ державы пишутъ дипломатическія депеши и остаются совершенно спокойны, не расходуя ни копѣйки и ничѣмъ не жертвуя; а мы пишемъ депеши и должны въ то же время напрягать свои силы, и безъ войны терпѣть ея тягости и бѣдствія. Обидно то что мы вселяемъ на-

шимъ врагамъ надежду поступать съ нами такимъ образомъ, какъ размалевываетъ политикъ французскаго журнала. Чтобы положить конецъ той недостойной игрѣ, которой мы стали предметомъ, намъ, мало вооружаться, или лучше сказать — намъ вовсе не нужно вооружаться. Чтобы положить конецъ этимъ разсчетамъ и замысламъ, такъ намъ враждебнымъ, такъ оскорбительнымъ и пагубнымъ для Россіи, надобно только разсѣять свои и чужія недоразумѣнія, и принять то настроеніе, которое соотвѣтствовало бы нашимъ истиннымъ силамъ. Такое настроеніе нельзя сдѣлать искусственно,—фальшъ почувствуется немедленно, — такое настроеніе возможно только въ томъ случаѣ, когда мы сами вполнѣ почувствуемъ эти истинныя силы наши, когда эти силы вступятъ въ дѣйствіе, когда Россія съ полною увѣренностію обопрется на свой народъ. Развитіе не внѣшнихъ нашихъ силъ можетъ привести насъ въ лучшее положеніе,— а развитіе внутреннихъ силъ. Первое требуетъ издержекъ и жертвъ, и въ сущности оскорбляетъ наше достоинство, а въ результатѣ, какъ справедливо замѣчаютъ наши враги, не усилитъ, а обезсилитъ насъ; второе подниметъ нашъ народный духъ, возстановитъ наше достоинство, сдѣлаетъ насъ и крѣпче и богаче, оградитъ насъ и отъ внѣшнихъ и отъ внутреннихъ враговъ и поставитъ насъ выше чѣмъ стояли мы когда-либо въ Европѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и польское дѣло можетъ быть окончательно рѣшено не оружіемъ, а этимъ возвышеніемъ нашихъ общественныхъ и народныхъ силъ, этимъ усиленіемъ нашей внутренней жизни и обезпеченіемъ ея отъ всякой вещи во тьмѣ преходящей.

№ 177.

Москва, 13-го августа.

Изъ юго-западнаго края доходятъ до насъ очень мрачныя вѣсти. Все чаще и чаще обращаются къ намъ мѣстные жители съ просьбой заявить русской публикѣ о тамошнемъ ходѣ дѣлъ, и эти просьбы высказываются все съ большею и большею настоятельностью, такъ что мы не имѣемъ права считать ихъ за случайныя выраженія частной мнительности или подозрительности. Намъ пишутъ, что русскіе помѣщики Кіевской губерніи ложатся спать съ саблей въ головахъ и съ револьверомъ подъ подушкой, не полагаясь на сельскую стражу, которая одушевлена самымъ лучшимъ чувствомъ, но подчинена уѣздной полиціи, то-есть польскимъ чиновникамъ. На сколько эти второстепенные чиновники снисходительны къ мятежу или ему сочувствуютъ, можно судить потому что недавно, какъ насъ увѣряютъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Кіевской губерніи ксендзы въ костелахъ приводили къ присягѣ революціонному правительству всѣхъ Поляковъ того уѣзда, а также и учениковъ гимназіи. Вообще польскіе паны, которые совсѣмъ было присмирѣли, стали опять притязательны и ожидаютъ какихъ-то новыхъ событій. Эти ожиданія, относительно Кіевской губерніи должны бы казаться совершеннымъ безуміемъ, такъ какъ во всей этой губерніи на 25 Русскихъ приходится одинъ Полякъ, а во многихъ уѣздахъ и того меньше, но дѣло въ томъ, что весь этотъ край въ рукахъ Поляковъ; всѣ чиновники, полиція, почти всѣ мировые посредники — Поляки. Намъ сообщаютъ, что мировые посредники и судебные слѣдователи всячески мстятъ крестьянамъ за ихъ энергическое поведеніе во время весеннихъ безпорядковъ, и очень мало скрываютъ свое сочувствіе возстанію. Кіевъ переполненъ Поляками, бѣжавшими изъ имѣній; все это носитъ трауръ и поетъ революціонные гимны и пѣсенки, а отъ Русскихъ ожидаетъ, какъ долга, что они не унизятся до презрѣнной роли палачей и доносчиковъ. Главное начальство въ юго-западномъ краѣ—русское, но оно окружено людьми, которыхъ вражда къ Россіи не подлежитъ сомнѣнію, и которые однакоже считаютъ себя въ правѣ оставаться на службѣ. Благоразумныя мѣры, принимаемыя начальствомъ, нерѣдко обращаются во вредъ, проходя черезъ руки агентовъ революціоннаго правительства. Дерзость измѣнниковъ доходитъ до того, что они распространяютъ свои дѣйствія даже на лѣвый берегъ Днѣпра. Въ половинѣ іюля были схвачены въ Черниговѣ три молодца, распространявшіе прокламаціи въ видахъ сепаратистическихъ. Какъ и надобно было ожидать, оказалось что всѣ трое получали казенное жалованье. Подобные господа, состоя на русской службѣ, открыто защищаютъ геройческое возстаніе несчастной Польши и оплакиваютъ тупоуміе южно русскаго народа, не понимающаго, что для него одно

спасеніе въ союзѣ съ Польшей; словомъ, проповѣдуютъ то же самое что проповѣдовалъ на дняхъ во Львовѣ тотъ ораторъ, также состоящій на русскомъ жалованьи, и, если не ошибаемся, путешествующій на наши казенныя деньги для ученыхъ цѣлей, о которомъ упоминалось въ напечатанномъ вчера письмѣ нашего петербургскаго корреспондента. Эти господа-миссіонеры всячески убѣждаютъ Малороссовъ отказаться *на время* отъ своей національности, подчиниться Полякамъ и подъ ихъ предводительствомъ отбиться отъ Москалей. Само собой разумѣется, что всѣ ихъ происки остаются и останутся безъ успѣха. Изо всѣхъ Малороссовъ лишь нѣсколько человѣкъ украйнофиловъ рѣшились *временно* пожертвовать своею національностью и уже безъ церемоніи заговорили прямо по польски, о чемъ насъ также извѣщаютъ изъ Кіева. Но если нечего опасаться успѣховъ измѣны въ средѣ южно-русскаго народа, то нельзя не опасаться новаго кровопролитія, или по крайней мѣрѣ новыхъ интригъ, со стороны тамошней *интеллигенціи*. Не даромъ польское революціонное правительство учредило особенный исполнительный департаментъ по дѣламъ Руси; не даромъ польскіе мятежники стали издавать въ Кіевѣ революціонный журналъ, подъ названіемъ *Walka*, то-есть *Борьба*. Есть немало признаковъ, что имъ все еще угодно смотрѣть на Кіевъ какъ на вторую Варшаву, и что они надѣются на подтвержденіе этого взгляда дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ.

Эти замыслы, возникающіе почти на другой день по полученіи жестокаго урока, свидѣтельствуютъ, конечно, о безуміи польскихъ мятежниковъ, но намъ будетъ очень полезно оглянуться и на себя: не содѣйствуемъ ли мы сами тому безумію, которое не можетъ уйдти отъ законной кары и повергнетъ множество людей въ неисчислимыя бѣдствія? Не всѣ же Поляки югозападнаго края такіе полоумные, что съ ними нечего больше дѣлать какъ взять ихъ и перевязать, какъ сумасшедшихъ. Въ весеннемъ движеніи югозападнаго края принимало участіе нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Неужели всѣ они такіе отпѣтые безумцы, что съ ними не можетъ быть никакого сладу? Перевязать ихъ всѣхъ, пожалуй, можно, но нельзя же держать ихъ пожизненно на привязи, какъ держатъ опасныхъ умалишенныхъ. Что же остается дѣлать? Чувствуя вопіющую необходимость освободить вѣрный русскій народъ отъ ига враговъ его, измѣнниковъ Россіи, а съ другой стороны содрагаясь при мысли о насильственномъ искорененіи польской національности, нѣкоторыя лица предлагаютъ дать Царству Польскому политическую самостоятельность, съ тѣмъ чтобы можно было пригласить всѣхъ Поляковъ западнаго края, не желающихъ стать Русскими, къ переселенію въ Царство. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этого предложенія, мы только замѣтимъ, что этимъ предложеніемъ можно, пожалуй, пользоваться, какъ аргументомъ въ личномъ разговорѣ съ Поляками, но не въ отношеніяхъ государства къ цѣлымъ классамъ общества. Будетъ ли возстановлена политическая самостоятельность Царства Польскаго или нѣтъ, во всякомъ случаѣ невозможно побудить Поляковъ западнаго края къ добровольному выбору одного изъ двухъ рѣшеній: или отказаться отъ національныхъ притязаній или выселиться въ Царство. Рѣшительно нѣтъ возможности ожидать добросовѣстнаго отвѣта на такое предложеніе; какъ бы оно ни было справедливо или несправедливо, будетъ ли оно сдѣлано изъ сознанія нашей правоты или изъ сознанія нашей силы, мы получимъ на него отвѣты, продиктованные только понятіемъ о нашей силѣ. Если мы убѣдимъ Поляковъ въ невозможности бороться съ Россіей въ настоящую минуту, то отвѣтомъ будутъ обѣщанія покорности и совершеннаго отказа отъ національныхъ притязаній, но о томъ, чтобы выселяться изъ края, никто и не подумаетъ. Переселенія народовъ не послѣдуетъ, вѣрность же обѣщаніямъ будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ, а не отъ даннаго слова. Полагаться въ подобныхъ дѣлахъ на данное слово было бы крайнею наивностью. Если выбирать изъ двухъ невозможныхъ вещей—вещь менѣе невозможную, то скорѣе можно переселить въ Польшу всю „интеллигенцію“ западнаго края чѣмъ ожидать отъ нея чистосерднаго отреченія отъ національныхъ притязаній пока она будетъ считать ихъ удобоисполнимыми въ будущемъ. Само собой разумѣется, что добровольнаго переселенія достигнуть никакъ нельзя; никакою политическою самостоятельностію Царства Польскаго нельзя заманить туда Поляковъ изъ западнаго края, по той простой причинѣ, что самостоятельность Царства Польскаго

только потому и привлекательна для Поляковъ, что сопряжена съ надеждами на возстановленіе древней Польши. Это не предположеніе, не обвиненіе, а несомнѣнный фактъ, который необходимо имѣть въ виду при всѣхъ мѣрахъ вызываемыхъ польскимъ вопросомъ. Польскія притязанія имѣютъ опредѣленное направленіе, котораго корень въ польской исторіи. Какъ невозможно передѣлать прошедшую польскую исторію, такъ невозможно и измѣнить направленіе польскихъ притязаній. Историческія воспоминанія не могутъ быть ослабляемы или искореняемы тѣми уступками, которыя вы будете имъ дѣлать, или тѣми доводами, которые вы будете передъ ними развивать. Воспоминанія доводамъ не уступаютъ, а тѣмъ менѣе могутъ они уступать уступкамъ. Какъ вообще прошедшее уступаетъ лишь настоящему, такъ и воспоминанія могутъ ослабѣвать, блѣднѣть, меркнуть лишь передъ дѣйствительною жизнію, развивающеюся въ настоящемъ. Будь эта жизнь сильнѣе воспоминаній о прошломъ, воспоминанія исчезнутъ сами собой, но пока сила воспоминаній будетъ сильнѣе интересовъ настоящаго, до тѣхъ поръ они должны держаться и должны оспаривать у настоящаго будущее. Вотъ почему легче переселить Поляковъ западнаго края силой въ Царство польское чѣмъ добиться того, чтобъ они, въ сосѣдствѣ самостоятельнаго Царства Польскаго, отказались отъ притязаній на присоединеніе этого края къ Польшѣ и согласились быть вѣрными подданными Россіи, пока самый ходъ дѣлъ въ Россіи не убѣдитъ ихъ въ совершенной невозможности отторженія. Но съ другой стороны, если убѣжденіе въ невозможности отторженія распространится между Поляками, то ни одинъ Полякъ не будетъ дорожить политическою самостоятельностью Царства Польскаго, и такъ называемыя польскія національныя, притязанія умолкнутъ навѣки.

Какъ ни велика теперь мода говорить о національностяхъ, но сепаратизмъ нигдѣ не бываетъ основанъ только на народности, то есть на томъ, въ чемъ теоретики, разсуждающіе о принципѣ національностей, видятъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ политическихъ вопросовъ. Въ основаніи всякаго сепаратизма лежатъ политическіе виды, виды на возможность отдѣльнаго политическаго существованія, а эти виды вездѣ основываются на событіяхъ политической исторіи. Этнографія тутъ обыкновенно бываетъ ни при чемъ.

Мы готовы согласиться, что это очень плачевно и обидно, особенно для людей занимающихся этнографіей. По народописи выходитъ, что вотъ такое-то государство должно бы имѣть такія-то границы, а грубая сила вещей вовсе не справляется съ народописью. Вопіющее неуваженіе къ наукѣ! Но не виновата ли тутъ сама наука, которая думаетъ замѣнить собой то, на чемъ зиждутся государства, и забавляется фантастическою мыслью, будто границы государствъ будутъ когда-нибудь опредѣляться не мечомъ, а разысканіями ученыхъ? Еслибы польскимъ ученымъ двадцать разъ удалось доказать передъ двадцатью академіями Европы, что мы не русскіе люди, а Татары, то этими учеными доказательствами они не выгнали бы насъ за Уралъ; мы все-таки владѣли бы тою землей, которую были бы въ силахъ защитить отъ внѣшнихъ нападеній. Точно также мы можемъ сколько угодно доказывать польскимъ патріотамъ, что притязанія ихъ не справедливы, они не отступятся отъ этихъ притязаній, не убѣдятся въ ихъ несправедливости, и сочтутъ ни во что ихъ противорѣчія наукѣ, пока будутъ надѣяться на возстановленіе древней Польши. Польскія національныя притязанія имѣютъ свой корень не въ требованіяхъ теперь дѣйствительно существующей польской народности, а въ воспоминаніяхъ о нѣкогда существовавшемъ польскомъ государствѣ. Никакая сила убѣжденія и никакія уступки не измѣнятъ этихъ воспоминаній, и слѣдовательно не измѣнятъ и притязаній, которыя на нихъ основаны.

Польскія притязанія вовсе не этнографическаго свойства, польскія притязанія не ограничиваются польскою народностію въ этнографическомъ смыслѣ этого слова; удовлетворять такъ-называемыя „справедливыя требованія польской народности вовсе не значитъ разрѣшать польскій вопросъ такъ, какъ его ставятъ сами Поляки. Между этими требованіями и политическою самостоятельностію Царства Польскаго нѣтъ ничего общаго. Политическая самостоятельность требуется въ силу историческихъ воспоминаній и требуется не относительно Царства Польскаго, а относительно всей исторической Польши. Согласіе на политическую самостоятельность Царства Польскаго не можетъ имѣть другаго значенія,

кромѣ значенія уступки требованіямъ простирающимся на всю историческую Польшу, а потому оно ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ замиренію польскихъ притязаній на западный край. Это будетъ не миръ, а перемиріе, какъ сознаются и сами Поляки.

Замиреніе западнаго края можетъ быть произведено только силой Россіи, либо одною вещественною силой, либо силой вещественною и вмѣстѣ нравственною. Мы несомнѣнно имѣемъ элементы и той, и другой силы. Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ, что польскій вопросъ въ западномъ краѣ настоятельно требуетъ разрѣшенія, и требуетъ его въ такой срокъ, который безъ сомнѣнія короче срока необходимаго для насажденія или развитія русской общественной жизни въ западномъ краѣ, мы полагаемъ однакоже, что для разрѣшенія польскаго вопроса нужно—не скажемъ развитіе,—нужно раскрытіе силъ русской государственной и общественной жизни не въ одномъ западномъ краѣ, а въ цѣлой Россіи. Вещественныя силы мы имѣемъ въ избыткѣ, но было бы жестоко дѣйствовать однѣми вещественными силами: пришлось бы не переселять Поляковъ западнаго края въ Царство Польское, а истреблять ихъ, вести съ ними такую же войну, которую иные изъ нихъ, еслибы могли, стали бы вести противъ насъ. Прибавимъ, что вести такую войну было бы не только жестоко, но и для насъ самихъ невыгодно, какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Весь западный край лишился бы своихъ высшихъ классовъ; единственною формой управленія возможною тамъ было бы управленіе посредствомъ чиновниковъ, а такая форма управленія отозвалась бы пагубно на всей Россіи. Въ русское населеніе западнаго края мы влили бы элементы отравы, мы развили бы въ немъ самые вредные инстинкты. Эти вредные инстинкты и эта отрава сдѣлались бы заразой для всей Россіи. Но мы говоримъ о невозможномъ. А между тѣмъ вещественная сила не можетъ съ успѣхомъ разрѣшить польскій вопросъ, если не дѣйствуетъ истребительно. Среднія мѣры разчитанныя исключительно на вещественную силу, были бы не только безуспѣшны, но и пагубны. Дѣйствія, основанныя на одной вещественной силѣ, но предпринимаемыя не въ тамерлановскомъ духѣ, должны вести не къ разрѣшенію польскаго вопроса въ западномъ краѣ, а къ увеличенію его трудности. Они раздражали бы и гальванизировали бы польскую политическую національность; они навязывали бы Полякамъ ненависть къ Россіи и соединяли бы ихъ въ этой ненависти; они послужили бы въ пользу только революціонерамъ, которые дѣйствительно съ своей точки зрѣнія одобряютъ эту непослѣдовательную систему дѣйствій. Вещественныя силы могутъ и должны быть употреблены противъ возстанія. Было бы неразумно ожидать, что возстаніе можетъ быть побѣждено одними нравственными вліяніями. Но подавить возстаніе не значитъ еще разрѣшить польскій вопросъ. Нигдѣ польское возстаніе не было подавлено такъ блистательно какъ въ юго-западномъ краѣ, а не свидѣтельствуетъ ли теперешнее состояніе этого края, что польскій вопросъ настоятельно требуетъ тамъ своего разрѣшенія? Итакъ, остается дѣйствовать не одною матеріальною, но вмѣстѣ и нравственною силой. Газета *День* думаетъ, что этою нравственною силой непремѣнно и исключительно должно быть развитіе русской общественной жизни въ западномъ краѣ; видя невозможность достигнуть этого результата въ короткое время, газета *День* приходитъ въ отчаяніе, и для разрѣшенія польскаго вопроса считаетъ нужнымъ отчасти *сбыть* польскій общественный элементъ изъ Россіи, отчасти принять какія-либо мѣры чтобъ онъ *переродился*. Переродиться же можетъ, разсуждаетъ эта газета, только однородное, а для этого необходимо отдаленіе всего существенно разнороднаго; то-есть мы должны сбыть отъ себя это разнородное, но такъ какъ теперь сбыть намъ это разнородное *некуда*, то надобно устроить для него резервуаръ въ Царствѣ Польскомъ. Намъ кажется что этотъ планъ похожъ на соломинку, за которую хватается утопающій. Но Россія, слава Богу, не тонетъ, и потому мы никакъ не можемъ войдти въ мотивы этого плана. Нравственныя силы, которыя должны быть приведены въ дѣйствіе для рѣшенія польскаго вопроса, не ограничиваются театромъ борьбы русскаго элемента съ польскимъ. Исходъ борьбы былъ бы весьма сомнителенъ, еслибъ она ограничивалась этимъ театромъ. Надобно было бы долго ждать развитія русской общественной жизни въ западномъ краѣ, а между тѣмъ польскіе элементы не оставались бы въ бездѣйствіи. Нѣтъ, на одно развитіе русской общественной жизни въ

западномъ краѣ мы не можемъ разчитывать. Мы должны содѣйствовать ему, мы должны препятствовать Полякамъ подавлять или извращать его, но повторяемъ, на него исключительно разчитывать мы не можемъ. Сила польскихъ притязаній можетъ пасть только передъ раскрытіемъ нравственныхъ силъ всей Россіи. Газета *День* находитъ, что и на этомъ поприщѣ наша борьба съ польскимъ элементомъ была бы неравная: „польское общество, сказано въ этой газетѣ, будучи обществомъ, дѣйствуетъ въ то же время средствами не чисто общественными, но съ элементомъ государственнымъ.“ Положимъ, что такъ; но гдѣ же непреодолимое препятствіе тому, чтобы и русское общество не ограничивалось средствами чисто общественными, а употребляло ихъ въ дѣло въ соединеніи съ элементомъ политическимъ?

Интересы Россіи требуютъ, чтобы польскій вопросъ не оставался ея больнымъ мѣстомъ. Теперь, когда повидимому совсѣмъ миновала опасность иностраннаго вмѣшательства, когда должно совершенно слечь народное чувство негодованія возбужденное его ожиданіемъ, теперь время подумать о томъ, чтобы то что мы пережили этимъ лѣтомъ не повторилось ни будущимъ лѣтомъ, ни когда либо послѣ. Иностраннымъ державамъ можетъ быть выгодно оставлять польскій вопросъ въ такомъ состояніи, чтобы по ихъ волѣ мгновенно могло произойдти воспламененіе горючихъ матеріяловъ, которыми они уже пользовались. Ни намъ, ни Полякамъ, это не можетъ быть выгодно. И намъ, и имъ будутъ полезны мѣры не палліативнаго, а кореннаго лѣченія. Мы не должны ни заминать дѣла, ни скрывать отъ себя его трудностей. Мы должны ясно видѣть, что польскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ ни этнографическими соображеніями о мѣстахъ жительства польскихъ хлоповъ, ни уступками историческимъ воспоминаніямъ, въ которыхъ Поляки могутъ почерпнуть къ намъ только чувства вражды, а раскрытіемъ нашей силы, какъ вещественной такъ и нравственной. Мы должны разчитывать и на ту, и на другую. Но чѣмъ болѣе мы будемъ разчитывать на вещественную силу, тѣмъ безпощаднѣе, тѣмъ истребительнѣе пришлось бы намъ дѣйствовать не только противъ польскаго мятежа, но и вообще противъ польскаго элемента. Если же мы не хотимъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, и если мы въ то же время не хотимъ затягивать польскій вопросъ и оставлять его своимъ больнымъ мѣстомъ, своею Ахиллесовой пятой, то мы должны озаботиться о раскрытіи той нравственной и вмѣстѣ политической силы, которою несомнѣнно обладаетъ русскій народъ, но которая для Поляковъ будетъ совершенною новостью.

№ 178.

Москва, 14-го августа.

Читатели пробѣгутъ съ интересомъ помѣщаемую ниже корреспонденцію изъ Вильна. Это краткій очеркъ того что̀ тамъ предшествовало возстанію, характеристика той атмосферы, среди которой развивалась и которою была отчасти вызвана интрига приведшая къ теперешней кровавой развязкѣ. Эта атмосфера есть фальшивый либерализмъ, жертвующій самыми священными интересами отечества, лишь бы казаться (но не быть) либерализмомъ. Эта атмосфера есть потаканіе тому что̀ не можетъ впослѣдствіи уйдти отъ жестокой кары, есть кокетничанье съ тѣмъ что̀ имѣетъ всѣ признаки дѣла вреднаго государству или обществу. Вотъ какова эта атмосфера, изъ которой ничего кромѣ пагубы выйдти не можетъ. Было бы не совсѣмъ справедливо обвинять отдѣльныхъ людей за то, что одни изъ нихъ искали популярности у зачинщиковъ той или другой польской манифестаціи, а другіе желали нравиться русскимъ читателямъ *Колокола*. Отдѣльные люди несутъ лишь извѣстную долю отвѣтственности, но вся вина въ томъ фальшивомъ духѣ либерализма, который не долженъ быть болѣе терпимъ между нами послѣ страшныхъ уроковъ, только что пережитыхъ Россіей. Истинный либерализмъ есть сила, а не уступчивость. Онъ отрекается отъ произвольныхъ мѣръ для того чтобы упрочить порядокъ и законность. Онъ допускаетъ и лелѣетъ свободу потому, что вѣритъ въ ея животворящую силу, а не потому, что не чувствуетъ въ себѣ силъ бороться съ притязаніями, направленными противъ законнаго порядка, противъ основъ государства и общества. Истинный либерализмъ не есть и мягкость,—мягкость ко всему, и къ хорошему, и къ дурному. Такая мягкость есть тотъ же произволъ, только обращенный въ

другую сторону и еще болѣе опасный чѣмъ произволъ жестокости, потому что поощряетъ преимущественно дурное. Отъ такой мягкости терпитъ законность; ею пользуются нарушители закона; истинно либеральные элементы общества она отталкиваетъ отъ себя, отдавая ихъ во власть элементовъ революціонныхъ.

Какъ ни тяжелы пережитые нами уроки, но мы все-таки счастливы, что насъ выводитъ изъ этой атмосферы польское возстаніе. Что было интригой, то перешло въ открытое дѣйствіе. Съ чѣмъ можно было вступать въ сдѣлку, полусознательно, полубессознательно, тому уже нельзя теперь уступать, не принимая на себя серіозной отвѣтственности. Въ распоряженіи интриги остаются теперь только самыя тонкія нити, каково напримѣръ стѣсненіе школъ заведенныхъ духовенствомъ, отвлеченіе крестьянъ отъ пожертвованій въ пользу этихъ школъ, учрежденіе на казенный счетъ свѣтскихъ школъ въ подрывъ школамъ приходскимъ, поддержка сепаративныхъ стремленій не только изъ Польши, но и изъ Петербурга и т. п. Много средствъ можетъ быть придумано и несомнѣнно придумывается для достиженія подобныхъ цѣлей. Нельзя также ожидать, чтобы попытки обрабатывать въ пользу революціи неопытную часть русскаго общества, были совсѣмъ оставлены. Лишь только спадетъ теперешній высокій строй русскаго общества, лишь только ослабѣетъ теперешній живой интересъ къ общему дѣлу, тотчасъ же выступятъ наружу знакомые намъ элементы мрака и разрушенія и будутъ искать себѣ пріюта въ общей апатіи и безгласности. Гдѣ интригѣ привольно, гдѣ мало свѣта, гдѣ загромождены пути для открытой, законной дѣятельности, тамъ не можетъ не заводиться интрига. Итакъ мы не должны обманывать себя надеждой, что навсегда отдѣлались отъ интриги, но все-таки нельзя не радоваться тому, что многія нити интриги, по крайней мѣрѣ многія болѣе грубыя нити ея, достаточно обнаружились. Онѣ очевидны теперь всякому безъ особенной прозорливости.

Возьмемъ для примѣра такъ-называемыя революціонныя манифестаціи. Дамы носятъ трауръ. Что тутъ повидимому опаснаго? Отчего не смотрѣть на это сквозь пальцы? Такъ можно было спрашивать себя до возстанія, когда было еще хоть сколько-нибудь извинительно думать, что допуская невинныя манифестаціи, подобныя ношенію траура, мы служимъ дѣлу примиренія національностей. Но теперь, когда всѣмъ извѣстно, какой смыслъ имѣетъ этотъ трауръ, когда нѣтъ человѣка, который могъ бы сомнѣваться, что трауръ носится съ явною цѣлью заявить сочувствіе возстанію, теперь, смотря сквозь пальцы на ношеніе траура, не разрѣшаете ли вы, не одобряете ли вы сочувствія возстанію? Какъ положить границу позволительному и непозволительному сочувствію такимъ дѣйствіямъ, которыя не могутъ не преслѣдоваться закономъ? Далѣе, съ какою цѣлію можетъ заявляться это сочувствіе? Или имъ хотятъ оскорбить законъ и посмѣяться надъ властью, или имъ хотятъ поддержать духъ возстанія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ власть, допускающая подобныя заявленія, дѣйствуетъ въ ущербъ законному порядку и распространяетъ сомнѣніе въ своей готовности охранять его. Еслибъ она даже и отдѣляла свои интересы отъ интересовъ законности, то ей не слѣдовало бы такъ дѣйствовать уже потому что популярность, пріобрѣтаемая такимъ образомъ дѣйствій, непремѣнно должна быть сопряжена съ презрѣніемъ къ власти. Вотъ до какой степени теперь разъяснилось это дѣло, въ которомъ прежде многіе не видѣли ничего опаснаго.

Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ, что какой-нибудь чиновникъ, надѣясь на снисходительность начальства или на протекцію, позволяетъ себѣ дѣйствовать или бездѣйствовать въ ущербъ законному порядку, покрываетъ виновныхъ, облегчаетъ злоумышленникамъ преступную пропаганду. Прежде цѣль подобныхъ дѣйствій или подобнаго бездѣйствія не была видна. Но если теперь начальство ограничивается тѣмъ что журитъ его, не подвергая его законному взысканію, и терпитъ его на службѣ, то во сколько разъ тяжеле должна быть отвѣтственность за подобныя уступки уже не дѣлу примиренія національностей, а дѣлу явнаго мятежа? Можетъ ли чиновникъ видѣть въ этомъ образѣ дѣйствій доброту, заслуживающую благодарности, или простое попустительство, происходящее отъ близорукости и тщеславія? Не долженъ ли онъ напротивъ видѣть тутъ неуваженіе къ закону, равнодушіе къ исполненію долга, слабость, внушающую презрѣніе? Нѣсколько примѣровъ подобной слабости достаточны для того, чтобы побудить чиновника, не чувствующаго надъ собой власти закона, къ

дальнѣйшимъ нарушеніямъ закона и наконецъ къ явнымъ насмѣшкамъ надъ тою самою властью, которая спускала ему то что не имѣла права спускать.

Дѣйствовать такимъ образомъ теперь значитъ подкапывать законный порядокъ, давать ходъ тѣмъ самымъ притязаніямъ, которыя уже пришлось однажды подавлять силой.

Но какимъ именемъ назвать снисходительность — не къ манифестаціямъ, не къ послабленіямъ или къ бездѣйствію власти, — а къ систематической мести за участіе въ подавленіи мятежа? Прежде можно было отдавать русскимъ крестьянамъ приказанія, чтобъ они безмолвно повиновались мировымъ посредникамъ изъ Поляковъ, не смѣя обращаться съ жалобами къ русскому начальству. Подобныя приказанія можно было отдавать въ надеждѣ содѣйствовать примиренію національностей. Но теперь это значило бы содѣйствовать порабощенію русской національности. Теперь никто, конечно, не рѣшится на подобную преднамѣренную жестокость изъ опасенія подвергнуться газетнымъ обвиненіямъ въ жестокости.

Теперь чрезвычайно многое разъяснилось. Но и теперь, повидимому, есть прискорбная непослѣдовательность въ образѣ дѣйствій русскихъ людей, остающихся вѣрными долгу присяги. Намъ кажется, что эту непослѣдовательность можно объяснить только смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ задачъ, — подавленія мятежа и разрѣшенія польскаго вопроса. Считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ смѣшеніи.

Польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе либерально; какъ мы говорили вчера, это совершенно зависитъ отъ того, на что мы будемъ болѣе полагаться и разчитывать, — на свою вещественную или на свою нравственную силу. Польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ окончательно, такъ чтобы онъ не возвращался періодически, или онъ можетъ быть замятъ и замазанъ на время и тогда въ перспективѣ у насъ будетъ другой польскій мятежъ можетъ быть болѣе опасный? Но все это нисколько не касается теперешняго мятежа и того что находится въ связи съ теперешнимъ мятежомъ. Главное средство къ подавленію мятежа, военное положеніе, должно имѣть одинъ и тотъ же характеръ вездѣ гдѣ господствуетъ одинъ и тотъ же законъ относительно военнаго положенія; оно не можетъ видоизмѣняться сообразно личнымъ взглядамъ исполнителей на будущее разрѣшеніе польскаго вопроса. Наконецъ, говоря вообще, мятежъ вездѣ мятежъ, гдѣ бы онъ ни вспыхнулъ, въ Польшѣ, въ Индіи или въ Венгріи. Кто призванъ подавлять его, тотъ долженъ исполнять свою обязанность, и тѣмъ лучше исполнитъ ее чѣмъ скорѣе подавитъ мятежъ. Польскій мятежъ и польскій вопросъ — это двѣ вещи совершенно различныя, которыя никакъ не могли бы смѣшиваться, еслибъ у насъ было сильнѣе развито сознаніе долга. Подавленіе мятежа есть дѣло исполнительное; рѣшеніе польскаго вопроса — дѣло законодательное, зависящее не отъ мѣстныхъ представителей исполнительной власти, а отъ центральнаго правительства. Подавленіе мятежа можетъ быть, правда, сопряжено съ политическими мѣрами, которыя предназначены къ тому чтобъ искоренить и самыя сѣмена мятежа въ будущемъ. Но эти мѣры лишь прибавка къ исполненію первой задачи, заключающейся въ подавленіи мятежа существующаго или очевидныхъ признаковъ мятежническаго волненія. Если же въ то время когда еще не исполнена первая задача, исполненіе ея замедлялось бы желаніемъ полагать какія-нибудь сѣмена для предполагаемаго въ будущемъ устройства края, и еслибы агенты исполнительной власти давали ходъ этому желанію, то это значило бы съ ихъ стороны нарушать свой ближайшій долгъ и подвергать себя самой серіозной отвѣтственности. Каковы бы ни были взгляды того или другаго должностнаго лица на лучшій и наиболѣе желательный ходъ дѣлъ послѣ мятежа, никто изъ нихъ не имѣетъ права смотрѣть сквозь пальцы на самый мятежъ или на дѣйствія и манифестаціи, находящіяся съ нимъ въ очевидной связи. Самая опасная изъ дѣйствующихъ теперь интригъ состоитъ, кажется, именно въ распространеніи этого фальшиваго понятія, будто бы лица, обязанныя подавлять мятежъ, занимаются разрѣшеніемъ польскаго вопроса. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе этого понятія.

№ 179.

Москва, 16-го августа.

Событія послѣдняго времени несомнѣнно обнаружили, что польская интеллигенція,

какъ при первоначальныхъ демонстраціяхъ, казавшихся столь невинными, такъ и при явныхъ мятежническихъ дѣйствіяхъ, имѣла въ виду возстановленіе польскаго королевства по меньшей мѣрѣ въ предѣлахъ 1772 г. Въ Галиціи и въ Познани, въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Подоліи, въ Волыни, и даже въ самой Кіевской губерніи высшіе классы дѣйствовали въ духѣ этихъ притязаній, и только недавно и изъ одной Виленской губерніи поступили заявленія нѣсколькихъ членовъ дворянскаго сословія объ отреченіи ихъ отъ намѣренія отторгнуться отъ Россіи. Въ юго-западномъ краѣ, мятежъ былъ еще весной подавленъ крестьянами, почти безъ участія войска, а дворянство юго-западнаго края до сихъ поръ предпочитаетъ молчать о томъ, намѣрено ли оно или нѣтъ продолжать въ будущемъ свои преступныя дѣйствія. Оно молчитъ, хотя первымъ движеніемъ его должно бы быть отреченіе отъ мятежа. Этимъ страннымъ молчаніемъ оно нагло заявляетъ свое сочувствіе мятежу и свою надежду нераздѣльно и исключительно господствовать надъ массою народонаселенія, которое вовсе не польскаго происхожденія, не терпитъ Поляковъ и предано своему законному правительству. Съ такими притязаніями въ исконно-русскихъ областяхъ, Поляки, очевидно, не могутъ быть добрыми и полезными гражданами края, и всѣ ихъ стремленія естественно противоположны истиннымъ интересамъ его. Они сами добровольно отрекаются отъ всѣхъ своихъ правъ на русской землѣ, отъ всѣхъ правъ, не только политическихъ, но и гражданскихъ. Какими они могутъ быть подданными, когда они не хотятъ знать о вѣрности подданства? Имѣя въ виду рано или поздно отторгнуть свой край отъ Россіи, они естественно должны заботиться о томъ, чтобы препятствуя его нравственному и матеріяльному благосостоянію, возбуждать и питать въ немъ неудовольствіе и недовѣріе къ русскому правительству, чтобы по возможности разрознивать его съ Россіей и распространять въ немъ польскій элементъ и латинство. На русской землѣ не можетъ быть мѣста для такихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе что они сами достаточно научили насъ чего намъ можно ожидать отъ нихъ. Не щадя никакихъ усилій съ своей стороны, располагая значительными средствами, какъ помѣщики, чиновники, члены католическаго духовенства, словомъ какъ высшіе, наиболѣе образованные классы населенія, они въ то же время искусно пользовались нашими бюрократическими порядками, нашею апатіей и нашимъ легкомысленнымъ и лживымъ либерализмомъ. Не отрекшееся отъ своихъ притязаній, польское населеніе западныхъ областей Россіи несомнѣнно составляетъ нестерпимую для насъ язву, погубное вліяніе которой не ограничивается Литвою, Бѣлоруссіей и юго-западною Украйной, а распространяется на весь организмъ Россіи. Какъ не терпимъ мятежъ, такъ не терпимо и это молчаливое согласіе съ мятежомъ, это нежеланіе торжественно отречься отъ его притязаній.

Есть различіе между смутными воспоминаніями о прошедшемъ, неопредѣленными мечтами о будущемъ и между участіемъ въ мятежѣ или явнымъ сочувствіемъ ему. Ни для кого теперь не тайна, что возстаніе польской шляхты подготовлялось въ западномъ краѣ около двухъ лѣтъ, и что съ нынѣшней зимы западный край платилъ подать революціонному комптету. Это уже не относится къ области внутреннихъ влеченій, не подходящихъ подъ контроль закона. Когда цѣлыя сословія содѣйствуютъ мятежу, и когда этотъ мятежъ подавленъ, то всякій не желающій очистить себя отъ подозрѣнія въ сочувствіи ему, долженъ по всей справедливости считаться человѣкомъ сомнительнымъ. Какое же право имѣютъ польскіе помѣщики западнаго края, медлящіе заявить о своей вѣрности престолу, какое право имѣютъ они прибѣгать подъ защиту русскихъ властей въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ или ссылаться на свои политическія привилегіи и льготы? Кто не хочетъ нести обязанностей подданства, можетъ ли тотъ пользоваться правами подданства? И не оскорбительно ли для русскаго дворянства считать въ своей средѣ людей, не желающихъ присоединиться ко всеобщему въ Россіи выраженію патріотическихъ чувствъ? Неужели подобные члены русскаго дворянства не пятнаютъ собой этого сословія? Неужели они достойны имени русскаго дворянина? Званіе русскаго дворянина есть честь. Россія не можетъ навязывать это званіе людямъ, которые не хотятъ быть не только русскими дворянами, но и русскими подданными. Русскіе законы не знаютъ дворянства Ковенскаго, Гродненскаго или Подольскаго. Они знаютъ одно *россійское дворянство*. Это сословіе, безъ крайняго для себя униженія, не мо-

жетъ терпѣть въ своей средѣ людей, желающихъ пользоваться его правами, но отвергающихъ его обязанности и даже не хотящихъ носить его имя.

Намъ кажется, что не желаніе выразить свою принадлежность къ русскому дворянству со стороны дворянъ западныхъ губерній есть демонстрація, никакъ не совмѣстимая съ званіемъ русскаго дворянина, которое они носятъ и котораго правами пользуются. Русскимъ дворяниномъ можетъ быть только тотъ, кто не знаетъ другаго отечества кромѣ Россіи. Это такая очевидная истина, что оспаривать ее невозможно. Но это не только теоретическая истина; это вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе чести всего русскаго дворянскаго сословія.

№ 180.

Москва, 17-го августа.

Поляки дождались наконецъ суда Европы, котораго они добивались. Мы, русскіе люди, предупреждали ихъ въ самый разгаръ борьбы, которую они съ такимъ ожесточеніемъ начали противъ насъ; мы съ полною искренностію и дружелюбіемъ говорили имъ, что Европа, на которую они возложили свои надежды, не сочувствуетъ этимъ надеждамъ, не хочетъ ихъ исполненія, и что они жестоко обманутся въ своей отчаянной попыткѣ. Давно ли Европа оглашалась криками въ пользу польскаго дѣла? Давно ли польскій вопросъ пламенѣлъ на политическомъ горизонтѣ, какъ могущественный, великій вопросъ, долженствующій измѣнить лицо цѣлаго міра? Давно ли въ фантастическихъ очеркахъ рисовались развалины Россіи, а на нихъ возстановленная старая Польша, привѣтствуемая всѣми правительствами и всѣми народами Европы? Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось все это воспаленному воображенію польскихъ національовъ. Мы, московскіе люди, мы, та самая *москва*, которую они въ своихъ подземныхъ листкахъ не хотятъ писать съ прописной буквы, желая изъявить тѣмъ свое презрѣніе къ намъ, а въ сущности свидѣтельствуя о своемъ пенсцѣлимомъ ребячествѣ,— мы говорили имъ, что всѣ эти чудеса, происходившія въ Европѣ—чистѣйшій пуфъ, что восторги, которые ихъ тѣшили,—чистѣйшая мистификація, что никто о нихъ не думаетъ, никто серіозно не заботится объ ихъ дѣлѣ, что такъ-называемый польскій вопросъ есть обманъ и призракъ, подъ которымъ скрываются интересы и стремленія, не имѣющія ничего общаго съ польскими притязаніями, и что Европа есть первый, самый рѣшительный, самый непримиримый врагъ этихъ притязаній. Мы говорили имъ все это безъ всякой ненависти, безъ всякаго раздраженія, нисколько не зложелательствуя имъ. Не нами, нынѣ живущими людьми, кто бы мы ни были, рѣшены судьбы Польши. Не мы виновники совершившагося факта; мы только заявляли его, мы только заявляемъ его. Пусть польскіе патріоты сѣтуютъ на историческій рокъ, на себя, на цѣлый міръ; но фактъ остается фактомъ, и смыслъ этого факта тотъ, что польскій вопросъ давно уже рѣшенъ, и что не столько Россія, сколько сама Европа будетъ противъ всякой серіозной попытки возобновить или перерѣшить его. „Finis Poloniae“, сказалъ на полѣ проиграной битвы человѣкъ, чье имя чтутъ высоко польскіе патріоты,—и его устами проговорила сама исторія, и слово это твердо. „Конецъ Польшѣ“, воскликнулъ Костюшко, и дѣйствительно Польша скончалась, и міръ присутствовалъ на ея похоронахъ, и могила ея заросла травою. Что бы ни было виною ея смерти, но она умерла, если только можно назвать жизнію то странное и безплодное существованіе, о которомъ съ такимъ безпощаднымъ равнодушіемъ вспоминаетъ исторія, — существованіе государства безъ народа, государства, въ которомъ самая возмутительная анархія воплощалась въ самой уродливой организаціи касты. Польша умерла, но ея призракъ какъ вампиръ, приходитъ сосать кровь живыхъ людей, и этотъ призракъ Польши есть злѣйшая язва Поляковъ. Не тотъ имъ врагъ, кто гонитъ этого вампира, а тотъ имъ врагъ кто призываетъ его. Не тѣ враги Полякамъ, кто съ полною искренностію совѣтуетъ имъ разъ навсегда отказаться ото всего что можетъ поддерживать въ нихъ кровавую мечту объ отдѣльномъ политическомъ существованіи,—враги имъ тѣ, кто изъ какихъ бы то ни было побужденій поддерживаетъ въ нихъ эту мечту, кто навязываетъ имъ въ какомъ бы то ни было видѣ призракъ отдѣльнаго политическаго существованія. Ихъ обманулъ Наполеонъ I своимъ Варшавскимъ герцогствомъ, имъ не къ добру

послужила конституція 1815 года, и не къ добру послужила бы имъ программа шести пунктовъ, еслибъ она была истолкована и примѣнена къ дѣлу въ такомъ смыслѣ, который хоть сколько-нибудь польстилъ бы ихъ государственно-національнымъ притязаніямъ. Все что оставитъ въ нихъ хоть малый зародышъ этихъ притязаній,—все что свяжетъ ихъ національное чувство хоть слабою нитью съ кровавымъ мертвецомъ лежащимъ въ могилѣ,—будетъ только пагубой для существенныхъ интересовъ и для живыхъ людей въ самой Польшѣ. Пусть не довѣряютъ они коварной лести; пусть убѣдятся они, что гораздо достойнѣе признать совершившійся фактъ и подчиниться приговору исторіи, нежели служить только средствомъ и никогда не быть цѣлію; пусть убѣдятся они, что польскій вопросъ есть первый врагъ ихъ, что онъ служитъ только орудіемъ интриги, и во всякомъ случаѣ орудіемъ интересовъ чуждыхъ Полякамъ. Они сами, они первые, должны затоптать этотъ вопросъ и не жертвовать безумно благомъ и кровію самихъ же Поляковъ для чуждыхъ имъ видовъ. Искреннее и полное политическое соединеніе съ Россіей,—вотъ чего не хочетъ вампиръ, называемый Польшей; вотъ чего должны желать, для собственнаго блага, живые люди зовущіе себя Поляками.

Давно ли мы читали, даже по-русски, о томъ что Европа будто бы серіозно заинтересована возстановленіемъ Польши, и что будто въ польской цивилизаціи Европа видитъ свое родное дитище, которое она отстаиваетъ отъ нашего варварства? Увы, Европа не такъ наивна, какъ польскіе патріоты и наши мыслители! Совсѣмъ не того хочетъ Европа, совсѣмъ не тѣмъ она заинтересована. Менѣе всего она заинтересована Польшей, менѣе всего она хочетъ ея возстановленія. Надобно понимать слова, но надобно умѣть понимать также и смыслъ словъ. Слова—символы, и надобно умѣть разбирать ихъ, чтобы дойдти до истиннаго смысла, который подъ ними скрывается. А добраться до истиннаго смысла, даже посреди того оглушительнаго гама, который раздавался въ Европѣ, было вовсе не такъ трудно. Мы старались раскрывать этотъ смыслъ какъ умѣли и какъ могли, и намъ не трудно было распознать гдѣ звенѣли брошенныя попусту польскія деньги, или гдѣ говорили политическіе интересы чуждые польскому дѣлу, ухватившіеся за него какъ за благопріятный и благовидный предлогъ. Мы отличали голоса французской печати отъ голосовъ англійской, и показывали удѣльный вѣсъ и значеніе тѣхъ и другихъ. Мы очень хорошо понимали, что серіозные государственные люди Англіи не могли увлекаться польскимъ дѣломъ, и мы должны отдать имъ справедливость, что даже въ самомъ разгарѣ этого мнимаго дѣла они для разумѣющихъ говорили понятно, и изъ ихъ словъ польскіе патріоты отнюдь не могли черпать какихъ-либо надеждъ для своихъ притязаній. Мы сами, а отчасти французская интрига, создали польскій вопросъ; Англія только воспользовалась имъ, чтобы сдѣлать его предметомъ мистификаціи, и придать ему размѣры европейскаго дѣла. Но концы мистификаціи были видны, и Англія даже и не заботилась скрывать ихъ. Чѣмъ рѣзче былъ языкъ ея по отношенію къ Россіи, тѣмъ менѣе слышалось въ немъ надежды для Поляковъ. Англійское правительство отъ начала до конца протестовало противъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства въ польское дѣло. *Times*, главный органъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, во время самыхъ шумныхъ демонстрацій въ пользу этого дѣла, оглашавшихъ Европу, не считалъ его на столько важнымъ чтобы посвящать ему свои главныя руководящія статьи, а между тѣмъ спеціяльные корреспонденты этой газеты высказывали много горькихъ и поучительныхъ для Поляковъ истинъ. Но такъ сильно воспалено было воображеніе ихъ, что все это не производило должнаго впечатлѣнія, и Поляки обманывали самихъ себя театральными представленіями европейскаго общественнаго мнѣнія. Имъ было недостаточно намековъ, имъ былъ нуженъ грубый приговоръ.

Кому показалось, что общественное мнѣніе въ Европѣ жаждетъ возстановленія Польши? Кому померещилось, что Европа видитъ въ ней свое милое чадо, свой прогресъ, свою цивилизацію? Европа видитъ въ Польшѣ дѣло своей цивилизаціи! А вотъ что сказано въ послѣднемъ нумерѣ *Times*, газеты, безъ сомнѣнія, европейской: „Намъ „хотѣлось бы видѣть Польшу," сказано въ этой газетѣ, „умиротворенною и хорошо „управляемою, но всякій шагъ назадъ къ „сарматской Польшѣ, и даже къ незави„симой Польшѣ, какою она была за сто „лѣтъ предъ симъ, былъ бы понятнымъ ша„гомъ къ насилію, варварству и рабству." Это говоримъ не мы, русскіе люди, это

говорить Европа,—и пусть польскіе патріоты взвѣсятъ эти слова, пусть взвѣсятъ ихъ толкователи европейскаго мнѣнія и европейскихъ интересовъ у насъ на Руси,— толкователи, вообразившіе себѣ, что Европа поднялась и идетъ на насъ тучей за польскую цивилизацію.

Будемъ справедливы къ нашимъ противникамъ. Англійскіе государственные люди не обольщали Поляковъ; мистифируя насъ, они не подавали имъ надеждъ на осуществленіе ихъ притязаній. Мы сейчасъ привели послѣднія слова, сказанныя въ главномъ органѣ общественнаго мнѣнія Англіи. Слова эти рѣзки, но серіозные политическіе люди всѣхъ партій въ этой странѣ всегда такъ думали и такъ высказывались. Еще русская печать, волею или неволею, молчала о польскомъ дѣлѣ, и общественное мнѣніе въ Россіи гораздо менѣе заботилось о событіяхъ, которыя совершались или готовились въ Польшѣ, чѣмъ о событіяхъ въ Китаѣ или Японіи, какъ уже польскихъ патріотовъ предостерегалъ серіозный голосъ въ Европѣ. Въ то время, когда варшавскія улицы были театромъ несчастныхъ трагикомедій, когда русскіе либеральные чиновники заботились объ удовлетвореніи польскихъ національныхъ притязаній, а русскій солдатъ подвергался оплеваніямъ, и ему поставлялось въ обязанность рыцарски переносить оскорбленіе своей военной чести,—въ то самое время первенствующій министръ Англіи, тотъ самый лордъ Пальмерстонъ, въ которомъ польскіе патріоты такъ недавно готовы были видѣть витязя старой Польши, говорилъ, въ палатѣ общинъ, 4-го апрѣля прошлаго года, слѣдующее въ назиданіе Полякамъ:

„Я спрашиваю", говорилъ лордъ Пальмерстонъ, „благоразумно ли было со стороны Поляковъ принять эту систему оскорбительныхъ демонстрацій? Вся эта выставка эмблемъ, все это распѣваніе гимновъ, нисколько не могутъ улучшить положеніе Поляковъ, а все это можетъ только раздражить и вооружить противъ нихъ русскія власти.... Я не могу не сказать, что Поляки гораздо лучше поступили бы въ смыслѣ своихъ собственныхъ интересовъ, еслибъ обратили свою дѣятельность на улучшеніе земледѣлія, и положили свои усилія на общественное благосостояніе своего края; еслибъ они переносили, какъ только могутъ, тѣ несчастія, на которыя жалуются, вмѣсто того, чтобы совершать дѣйствія, вызывающія вражду, безъ всякой вѣроятности хорошаго результата.... Еслибы кто-нибудь чувствовалъ себя призваннымъ, или имѣлъ право дать совѣтъ Полякамъ, то такой посовѣтовалъ бы имъ довѣряться будущему и не навлекать на себя неблагоразумнымъ образомъ дѣйствій зло, отъ котораго они не въ состояніи будутъ защищаться. Пусть подумаютъ они о томъ, что происходитъ теперь въ Россіи. Великое политическое и общественное измѣненіе совершается въ этой имперіи,—измѣненіе, которое не можетъ остаться одинокимъ. Тамъ совершается великое дѣло, можетъ-быть одно изъ самыхъ великихъ какія когда-либо совершались въ столь короткое время въ какой бы то ни было странѣ: освобожденіе крѣпостныхъ. Можно ли думать, что это освобожденіе не поведетъ рано или поздно къ расширенію политическихъ правъ, могущества и значенія для русскаго народа? А потому, что касается до меня, я сказалъ бы Полякамъ: вотъ чего вы должны дожидаться, и не забывать что если Русскіе не могутъ желать чтобы Поляки пріобрѣтали или удерживали льготы превосходящія тѣ, которыми они сами пользуются, то они будутъ рады подѣлиться съ ними всѣмъ что будетъ даровано имъ самимъ. Поляки поступили бы лучше, въ смыслѣ собственныхъ своихъ интересовъ, если бы стали дѣйствовать примирительно и воспользовались доброжелательными и человѣколюбивыми чувствованіями Императора Александра. Во всякомъ случаѣ, дѣло это вовсе не такого свойства, чтобы Великобританія могла вступаться въ него благоразумно и съ пользою". *).

№ 181.

Москва, 10-го августа.

А.

Во вчерашнемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* напечатанъ текстъ Высочайше утвержденной концессіи Московско-Сева-

*) Объ этихъ словахъ лорда Пальмерстона, сказанныхъ имъ въ прошломъ году, напомнила намъ вышедшая недавно въ Петербургѣ, на французскомъ языкѣ, брошюра: „Réponse d'un Russe à la brochure française „l'empereur, la Pologne et l'Europe", которую мы, кстати, рекомендуемъ вниманію публики.

стопольской дороги. Такъ какъ въ этомъ текстѣ встрѣчаются выраженія не совсѣмъ понятныя для большинства читателей, то считаемъ не лишнимъ изложить сущность дѣла своими словами. Г. Вильямъ Гопъ, повѣренный четырехъ лондонскихъ торговыхъ фирмъ, представилъ въ государственный банкъ милліонъ рублей серебромъ и обязался за своихъ довѣрителей, въ теченіи года со дня подписанія концессіи, то-есть съ 25-го іюля сего года, образовать въ Великобританіи, на основаніи англійскихъ законовъ, общество на акціяхъ для постройки Московско-Севастопольской дороги. Эта акціонерная компанія называется въ концессіи *обществомъ съ опредѣленною акціями отвѣтственностію* (with limited liability), потому что по англійскимъ законамъ могутъ быть два рода акціонерныхъ или складочныхъ предпріятій: одинъ — съ неограниченною или неопредѣленною акціями отвѣтственностію, когда акціонеры или пайщики отвѣчаютъ за свою компанію не только тѣмъ капиталомъ, который внесенъ ими по акціямъ или паямъ, но и всѣмъ своимъ достояніемъ; другой съ ограниченною или опредѣленною акціями отвѣтственностію, когда отвѣтственность простирается только на внесенный капиталъ, а остальное имущество пайщиковъ или акціонеровъ ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ въ рискѣ предпріятія. Акціонерныя компаніи перваго рода у насъ вовсе не употребительны. Имѣющаяся въ виду компанія Московско-Севастопольской дороги будетъ принадлежать къ числу акціонерныхъ компаній втораго рода, то-есть будетъ такою же компаніей, какія у насъ извѣстны подъ обыкновеннымъ именемъ акціонерныхъ компаній. Этого рода компанія должна быть образована не позже 25-го іюля будущаго года, но съ тѣмъ что если случатся обстоятельства не зависящія отъ учредителей, какъ-то европейская война (конечно, общеевропейская), внутренніе перевороты, политическія затрудненія, денежные кризисы и *тому подобныя* обстоятельства (конечно, *тому подобныя* обстоятельства, болѣе важныя чѣмъ тѣ, которыя имѣли мѣсто во время подписанія концессіи, ибо только при этомъ толкованіи имѣютъ извѣстное значеніе начальныя слова § 48, что учредители *обязываются*, bind themselves, устроить компанію, а равно и употребленное въ § 48 выраженіе *отвѣтственность*, responsibility), то правительство можетъ продлить срокъ по усмотрѣнію, и если въ теченіи этой отсрочки учредители, вслѣдствіе *тѣхъ же* причинъ, будутъ въ невозможности учредить компанію, то концессія будетъ уничтожена и залогъ возвращенъ. Слѣдовательно, если въ продолженіи года не будетъ обстоятельствъ болѣе трудныхъ нежели теперешнія (теперь есть польское возстаніе, американскій кризисъ), и если учредители не захотятъ потерять внесенный ими залогъ, то они обязаны образовать компанію не позже 25-го іюля 1864 года. Въ случаѣ спора о свойствѣ трудныхъ обстоятельствъ, рѣшеніе должно принадлежать, очевидно, русскимъ судамъ. Хотя это не сказано въ концессіи, но это само собой разумѣется, потому что на этотъ случай не выговорена привилегія международнаго посредничества, установленнаго концессіей для другихъ случаевъ.

Затѣмъ, въ теченіи первыхъ шести мѣсяцевъ по своемъ образованіи, компанія обязана представить проекты и смѣты по крайней мѣрѣ для одного изъ участковъ дороги (§ 4). Этихъ участковъ полагается *семь*, а именно:

Отъ	Москвы	до Тулы
„	Тулы	„ Орла.
„	Орла	„ Курска.
„	Курска	„ Харькова.
„	Харькова	до мѣста на Днѣпрѣ противъ Екатеринослава.
„	сего мѣста	„ Сиваша.
„	Сиваша	„ Севастополя.

Въ § 4 сказано, что, по одобреніи проектовъ и смѣтъ одного изъ этихъ участковъ, должно быть *немедленно* приступлено къ работамъ, и что черезъ шесть лѣтъ по приступѣ къ работамъ вся линія должна быть окончена и открыта для движенія. Впрочемъ, если въ теченіи срока, назначеннаго для окончанія всѣхъ работъ, война, блокада или *другія равносильныя общественныя* бѣдствія *замедлятъ* дѣйствіе Общества или производство работъ, то соотвѣтствующій періодъ времени будетъ прибавленъ къ означенному сроку. Такое *прекращеніе* работъ (слово *такое* показываетъ, что подъ прекращеніемъ работъ разумѣется то же самое что выше называется замедленіемъ дѣйствія Общества и производства работъ) не должно однакоже длиться болѣе года; въ противномъ случаѣ правительство имѣетъ право вступить во владѣніе работами, уплативъ компаніи, пятипро-

центными бумагами, по современной биржевой цѣнѣ, издержки компаніи, которыя будутъ признаны дѣйствительно и съ пользой для производства работъ сдѣланными. За какими работами будетъ признано это качество, это будетъ зависѣть или отъ добровольнаго соглашенія между обществомъ и правительствомъ, или отъ рѣшенія международнаго посредника, котораго должны назначить съ русской стороны предсѣдатель государственнаго совѣта, а съ англійской стороны посолъ Ея Британскаго Величества.

Такимъ образомъ, если не будетъ войны, блокады или равносильныхъ имъ общественныхъ бѣдствій (вопросъ о томъ что̀ слѣдуетъ считать общественнымъ бѣдствіемъ равносильнымъ блокадѣ, долженъ, очевидно, подлежать, въ случаѣ спора, также рѣшенію русскихъ судовъ, ибо и въ этомъ случаѣ не упоминается о посредникѣ международномъ), далѣе если общество образуется въ самый крайній срокъ, то-есть 25-го іюля 1864 года, если оно слѣдовательно представитъ проекты смѣты по одному изъ семи участковъ не позже 25-го января 1865 года, и наконецъ если эти проекты и смѣты будутъ разсмотрѣны въ вѣдомствѣ путей сообщенія въ два мѣсяца, то-есть къ 25-му марта, а затѣмъ общество приступитъ къ работамъ немедленно, то-есть не позже какъ черезъ мѣсяцъ, то Московско-Севастопольская желѣзная дорога должна быть сполна открыта къ 25-му апрѣля 1871 года. Такъ слѣдуетъ по точному смыслу § 4.

Въ параграфахъ, которыми опредѣляется гарантія; говорится о томъ же нѣсколько иначе. Между параграфомъ 4 и этими параграфами можно найдти, посредствомъ толкованія, различіе, измѣняющее срокъ на шесть мѣсяцевъ въ ущербъ намъ, а такъ какъ по нашему климату отсрочка приступа къ работамъ на полгода послѣ 25-го апрѣля, то-есть до 25-го октября, равносильна отсрочкѣ еще на полгода, то при такомъ невыгодномъ для насъ толкованіи время обязательнаго приступа къ работамъ пришлось бы не весной 1865, а весной 1866 года и время обязательнаго открытія всей дороги — не весной 1871, а весной 1872 года. Мы полагаемъ однакоже, что если бы договаривающіяся стороны имѣли намѣреніе допустить подобную отсрочку, то онѣ не могли бы изложить § 4 такъ, какъ онъ изложенъ. Поэтому мы думаемъ, что если не будетъ войны, блокады или другихъ *равносильныхъ* общественныхъ бѣдъ, то Московско-Севастопольская дорога должна быть вся сполна открыта весной 1871 года, и что къ работамъ должно быть, хотя для виду, приступлено весной 1865 года.

Что касается до гарантіи, то сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Гарантируется 5 проц. не съ дѣйствительно потребнаго, а съ номинальнаго капитала. Различіе между дѣйствительно потребнымъ и номинальнымъ капиталомъ основано на двухъ льготахъ, предоставленныхъ компаніи: вопервыхъ, на коммиссіи въ $2^1/_2$ проц. съ номинальнаго капитала не превосходящаго 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (коммиссія съ этого капитала составитъ 500.000 фунтовъ стерлинговъ, то-есть по теперешнему курсу 3.200.000 р. сер.; она предоставлена учредителямъ, какъ сказано въ § 48 концессіи, за то, что они внесли въ залогъ 1 милліонъ рублей и приняли на себя отвѣтственность въ составленіи компаніи, то-есть рисковали своимъ милліономъ рублей); во-вторыхъ на правѣ выдавать за каждый взносъ, какъ по акціямъ, такъ и облигаціямъ, премію на капиталъ, *собираемый* акціями или облигаціями, но не болѣе 4 шиллинговъ на фунтъ стерлинговъ (дѣйствительно собраннаго капитала), то-есть, какъ выходитъ по буквальному смыслу концессіи, не болѣе $^1/_5$ доли дѣйствительно собраннаго капитала (это ясно слѣдуетъ изъ изложенія § 21, который не можетъ быть понимаемъ такъ, чтобы премія составляла $^1/_5$ долю не съ дѣйствительно собираемаго, а съ номинальнаго капитала, что̀ увеличило бы премію съ 20% на 25%). На всѣ потребности построенія дороги, со включеніемъ ея оборотнаго капитала, а равно на коммиссію и на премію, концессія *предварительно* опредѣляетъ $22^1/_2$ милліона фунтовъ стерлинговъ. Если изъ этой суммы исключить 500.000 фунтовъ коммиссіи, и если далѣе изъ остающейся суммы 22 милліоновъ фунтовъ исключить премію, составляющую $^1/_5$ долю дѣйствительнаго взноса и слѣдовательно $^1/_6$ долю изъ 22 милліоновъ, то дѣйствительный взносъ долженъ составить $18^1/_3$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а премія съ него $3^3/_4$ милліона фунтовъ. Итакъ, лицамъ, которыя внесутъ $18^1/_3$ милліона, гарантированъ наименьшій доходъ по 5% съ 22 милліоновъ, что̀ составитъ въ годъ 1.100.000

фунтовъ, или ровно по 6% со внесеннаго капитала. Кромѣ того учредители будутъ получать по 5% съ 500.000 р. коммиссіи. Всего гарантировано ежегоднаго чистаго дохода 1.125.000 фунтовъ, или по понынѣ курсу, 7.200.000 руб. сер.

Протяженіе линіи, сколько намъ извѣстно, 1429 верстъ. Если разложить на это число верстъ капиталъ $18^1/_3$ милліоновъ фунтовъ стерл. (на рубли, по теперешнему курсу, $117^1/_3$ милліоновъ), то придется на версту слишкомъ по 82.000 р. Если же разложить на это число верстъ весь номинальный капиталъ $22^1{}_2$ милліоновъ фунтовъ стерл. (на рубли, по теперешнему курсу, 144 милліона), то придется на версту около 100.000 рублей. Гарантированный чистый доходъ составляетъ съ версты ежегодно $5.038^1/_2$ р.

Итакъ, акціонерамъ гарантировано по 6% съ того капитала, который будетъ ими дѣйствительно внесенъ. Этотъ разсчетъ совершенно согласенъ съ объяснительною статьей *Сѣверной Почты*, гдѣ также сказано, что гарантировано 5% съ номинальнаго капитала, а съ дѣйствительнаго капитала 6%. Поэтому можно съ достовѣрностью признать ошибочнымъ мнѣніе, будто двадцатипроцентная премія назначена не съ дѣйствительно внесеннаго, а съ номинальнаго капитала. Еслибъ это мнѣніе было вѣрно, то выгоды акціонеровъ были бы еще больше. Тогда дѣйствительно внесеннаго капитала было бы не $18^1/_3$ милліоновъ, а только 17.600.000 фунт. стерл. и гарантированный доходъ составлялъ бы не 6% а $6^1/_4$%. Дѣйствительно расходъ на версту составилъ бы не 82.000 р., а приблизительно 80.000 р. Но, повторяемъ, такое толкованіе было бы противно буквальному смыслу концессіи.

Другой вопросъ, задаваемый многими, относится къ значенію термина *номинальный капиталъ*. Говорятъ: 82.000 р. назначены на версту при обязанности положить рельсы въ одинъ путь. Не можетъ быть, чтобы тутъ не оказалось экономіи, тѣмъ болѣе что какой бы исходъ ни имѣла операція размѣна, теперешняя дороговизна труда и разныхъ продуктовъ должна прекратиться, и компанія непремѣнно будетъ платить за все въ Россіи значительно дешевле чѣмъ какъ будетъ значиться въ смѣтахъ. Кто же воспользуется этою экономіей, правительство или компанія? Что будетъ, если дорога обойдется въ 60.000 за версту? Останется ли въ силѣ гарантія съ 82.000 р., или вступитъ въ силу гарантія съ суммы дѣйствительно издержанной? Другими словами, спрашиваютъ: ограничивается ли значеніе термина *номинальный капиталъ* тѣмъ что сказано нами выше, или этимъ терминомъ, кромѣ того, означается, что во сколько бы ни обошлась компаніи верста, во всякомъ случаѣ ей гарантированъ чистый доходъ въ 1.125.000 фунтовъ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что это послѣднее толкованіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Концессія гарантируетъ доходъ съ номинальнаго капитала. Номинальный же капиталъ составляется изъ дѣйствительно—потребнаго капитала, коммиссіи и преміи. Коммиссія и премія имѣютъ опредѣленное значеніе, ясно выраженное въ концессіи, а остающійся, за исключеніемъ коммиссіи и преміи, капиталъ есть капиталъ, предварительно признаваемый дѣйствительно потребнымъ. Компаніи предоставлено право въ теченіе года, по ея образованіи, перечислить смѣты и согласиться съ правительствомъ, относительно дѣйствительно потребнаго капитала. Еслибы требованія компаніи оказались чрезмѣрными, то правительству предоставляется право отказаться отъ концессіи, возвративъ залогъ и вознаградивъ компанію за издержки по изысканіямъ. Это льгота очень большая, потому что въ случаѣ неудачи по составленію компаніи, учредители могутъ спасти свой залогъ, составивъ номинальную компанію изъ своей же среды и предъявивъ чрезмѣрныя требованія. Эта льгота совершенно устраняетъ тотъ рискъ, который сопряженъ для учредителей съ представленіемъ залога и за который имъ предоставлена коммиссія въ 3.200.000 р. Все это такъ, и все это изложено въ дополнительной статьѣ концессіи. Кромѣ того, въ концессіи есть особый параграфъ (19), которымъ опредѣляется, что въ случаѣ несогласія между правительствомъ и компаніей насчетъ измѣненій въ количествѣ капитала предварительно признаннаго за дѣйствительно потребный, дѣло должно быть рѣшено международнымъ посредничествомъ (посредникъ долженъ быть назначенъ, какъ уже сказано выше, съ нашей стороны предсѣдателемъ государственнаго совѣта, со стороны Англіи—посломъ Ея Британскаго Величества). Но все это относится къ опредѣленію дѣйствительно потребнаго капитала, то-есть того капитала, далѣе ко-

тораго не пойдетъ казенная гарантія. Положимъ, что правительство не прямо откажется принять проекты и смѣты составленные компаніей, то-есть не воспользуется дополнительною статьей концессіи, а предоставитъ дѣло рѣшенію международнаго посредника. Положимъ, что этотъ посредникъ возвыситъ количество дѣйствительно потребнаго капитала. Положимъ, онъ скажетъ, что дѣйствительно потребный капиталъ долженъ быть назначенъ не въ $18^1/_3$ милліоновъ, а въ 20 милліоновъ фунт. стерл. Тогда увеличится и премія; она возрастетъ до 4 милліоновъ, а такъ какъ коммиссія, согласно концессіи, возрастать не можетъ, то общая сумма номинальнаго капитала составитъ $24^1/_2$ милліона фунтовъ стерл. и съ этого номинальнаго капитала будетъ гарантированъ доходъ въ $5^0/_0$, то-есть 1.225.000 фунтовъ ежегодно. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ этотъ доходъ былъ гарантированъ *во всякомъ случаѣ*. Правительство гарантируетъ не болѣе этого дохода. Хотя бы компанія построила не 20 милліоновъ, опредѣленныхъ международнымъ посредникомъ, а 40 милліоновъ фунтовъ стерл.; правительство гарантируетъ доходъ 1.225.000 ежегодно. Болѣе этого дохода оно не гарантируетъ. Но если компанія построитъ дорогу не на 20, а на 15 милліоновъ фунтовъ, то гарантія правительства будетъ относиться лишь къ этимъ 15 милліонамъ фунтовъ, съ присоединеніемъ коммиссіи съ нихъ (по $2^1/_2{}^0/_0$), т.-е. изъ 375.000 фунтовъ, и преміи на нихъ (по $20^0/_0$), то-есть 3 милліоновъ фунтовъ. Всего же гарантія правительства будетъ относиться къ 18.375.000 фунтовъ и составитъ ежегодно $5^0/_0$ съ этой суммы, а именно 918.750 фунт. стерл.

Мы обращались съ вопросомъ по этому предмету къ самымъ опытнымъ изъ русскихъ инженеровъ, и они подтвердили намъ, что гарантія можетъ относиться лишь къ тому капиталу, который будетъ дѣйствительно затраченъ (съ присоединеніемъ къ нему коммиссіи и преміи), если этотъ дѣйствительно затраченный капиталъ будетъ не выше того капитала, который будетъ признанъ за капиталъ дѣйствительно потребный. Другаго смысла нельзя предполагать въ концессіи. Компанія употребила бы всѣ усилія, чтобы построить дорогу какъ можно хуже и дешевле, она постаралась бы увеличить смѣты до послѣдней возможности и потомъ сдѣлать возможно бо́льшую экономію на капиталѣ, еслибы гарантія зависѣла отъ смѣтъ, а не отъ дѣйствительныхъ затратъ. Но концессія не представляетъ никакого основанія для подобнаго толкованія термина *номинальный капиталъ*. Этотъ терминъ достаточно объясненъ въ концессіи. Онъ встрѣчается въ ней много разъ и вездѣ въ такомъ смыслѣ, что состоитъ изъ дѣйствительно потребнаго капитала, коммиссіи и преміи. Выраженіе же *дѣйствительно потребный капиталъ* чередуется съ выраженіемъ *суммы израсходованныя* (см. §§ 17 и 20).

Возвращаемся къ вопросу о срокѣ обязательнаго приступа къ работамъ. По § 19, компаніи предоставлено право въ продолженіи 12 мѣсяцевъ со дня ея образованія предъявить правительству, какую сумму она считаетъ дѣйствительно потребною для построенія дороги. Дополнительная же статья концессіи, ссылаясь на этотъ § 19, говоритъ, что правительство можетъ считать концессію не состоявшеюся, если признаетъ слишкомъ значительнымъ тотъ дополнительный капиталъ, котораго будетъ требовать компанія. Въ той же дополнительной статьѣ сказано, что концессія не возымѣетъ своего дѣйствія, пока учредители не представятъ правительству свѣдѣнія о той наибольшей суммѣ, до которой можетъ увеличиться предварительно принятый капиталъ $22^1/_2$ милліоновъ рублей. Изъ этого слѣдуетъ, что если компанія, пользуясь § 1-мъ, образуется не ранѣе 25-го іюля будущаго года, а пользуясь § 19 представитъ свѣдѣнія требуемыя дополнительною статьей не ранѣе 25-го іюля 1865 года, то приступить къ работамъ въ 1865 году уже не удастся, и придется ихъ отложить до весны 1866 года.

Мы сказали выше, что еслибъ этотъ ходъ дѣлъ имѣлся въ виду при составленіи концессіи, то не для чего было бы постановлять въ § 4, что планы и смѣты по крайней мѣрѣ одного участка должны быть представлены черезъ шесть мѣсяцевъ по образованіи компаніи, и что по утвержденіи плановъ должно быть *немедленно* приступлено къ работамъ. Противорѣчіе между § 4 съ одной стороны и § 19 и дополнительнымъ съ другой стороны будетъ вѣроятно устранено тѣмъ, что компанія образуется прежде годичнаго срока. Образовавшись въ концѣ нынѣшняго года, она могла бы представить будущимъ лѣтомъ проекты одного участка, а въ концѣ года

свѣдѣнія требуемыя дополнительнымъ параграфомъ. Приступъ къ работамъ послѣдовалъ бы тогда весной 1865 года.

Б.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на письма парижскаго корреспондента газеты *Times*, изъ которыхъ извлеченія напечатаны ниже подъ рубрикой: „Франція.“ Положеніе принятое нашимъ отечествомъ, благодаря патріотическому духу, который въ немъ проснулся, заставило заговорить о насъ въ Европѣ совсѣмъ другимъ языкомъ. „Есть много основаній думать“, говоритъ корреспондентъ, что „Россія не боится войны, и если дѣло дойдетъ до войны, то она поведетъ ее грозно, полагаясь на внутреннюю силу своего огромнаго населенія.“ Стало-быть, заявленія этой внутренней силы русскаго народа были не безплодны, и русскій патріотизмъ, русское общественное мнѣніе что-нибудь значатъ въ Европѣ, вопреки сужденью нѣкоторыхъ русскихъ господъ, готовыхъ на все чтобы только заслужить *mention honorable* отъ продажныхъ крикуновъ или полоумныхъ враліей, но не считающихъ за нужное церемониться съ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи.

№ 182.

Москва, 20-го августа.

А.

Мы остановили вчера вниманіе читателей особенно на срокахъ построенія Московско-Севастопольской дороги, потому что новоучреждаемая компанія получила въ числѣ другихъ льготъ и ту льготу, которая освобождаетъ ее отъ необходимости заботиться о скорѣйшемъ открытіи линіи. Для Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ теченіе гарантіи опредѣлено было съ открытія движенія, и потому Главное Общество было заинтересовано въ томъ, чтобы построеніе дороги шло успѣшно. Этого интереса не будетъ имѣть англійская компанія, такъ какъ для нея гарантія будетъ идти со времени взносовъ капитала. Тѣмъ важнѣе для насъ обязательство, которое она приняла на себя относительно сроковъ построенія дороги.

По § 7 концессіи, правительство обязывается уплачивать компаніи, во время производства работъ, пять процентовъ на внесенный капиталъ, съ соотвѣтственною премій, по мѣрѣ взносовъ оного. Взамѣнъ того правительство выговариваетъ себѣ право требовать, чтобы всякій взносъ, который не потребуется немедленно для расходовъ компаніи, былъ обращаемъ въ процентныя бумаги, и чтобы полученная отъ сего прибыль была предоставлена правительству. Капиталъ будетъ собираемъ акціями или облигаціями, по усмотрѣнію компаніи, и эти бумаги будутъ выпускаемы на фунты стерлинги, франки, гульдены или талеры, смотря по желанію акціонеровъ, такъ что и проценты, гарантированные правительствомъ должны быть выплачиваемы иностранною монетой. Такимъ образомъ капиталъ и доходъ компаніи поставленъ въ совершенную независимость отъ состоянія русской денежной системы,—льгота необходимая при теперешнемъ порядкѣ вещей у насъ. Но предусмотрительность побуждаетъ замѣтить, что хотя акціи и облигаціи, по точному смыслу словъ концессіи, могутъ быть первоначально написаны на англійскую, французскую или нѣмецкую звонкую монету, однако же изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ акціи или облигаціи первоначально написанныя, напримѣръ, на фунты стерлинги могли быть потомъ, по произволу владѣльца, переводимы на франки, талеры или гульдены и наоборотъ. Это послѣднее право концессіей не предоставлено, чѣмъ ограждается интересъ Россіи на случай измѣненія въ относительной цѣнѣ золота и серебра.

Итакъ, коль скоро взнесена какая-нибудь доля капитала, тотчасъ же начинается по ней со стороны русскаго правительства уплата гарантированныхъ процентовъ. Затѣмъ, коль скоро будетъ открытъ какой-нибудь участокъ, то, по § 23, гарантія правительства будетъ прилагаема къ нему отдѣльно, по разсчету его номинальной стоимости. Этотъ § 23 также подаетъ поводъ къ сомнѣніямъ и вопросамъ публики. Спрашиваютъ: если правительство гарантируетъ проценты съ каждой взнесенной суммы со дня взноса, то что значитъ этотъ §, обѣщающій гарантію дохода съ каждаго открытаго участка отдѣльно? Вѣдь участокъ строился не въ долгъ, а на деньги компаніи. Онъ не можетъ стоить больше того, что было взнесено и употреблено на его построеніе. По взнесеннымъ деньгамъ идетъ уже гарантія съ премій. Эта

же самая гарантія съ преміей должна идти и по отстроенному участку. Къ чему же еще разъ говорить объ одномъ и томъ же? Намъ кажется, что § 23 означаетъ слѣдующее: По взнесеннымъ деньгамъ, до открытія перваго участка, идетъ полная гарантія 5% съ преміей и коммиссіей. Затѣмъ, когда открытъ участокъ, вступаетъ въ силу правило, что правительство обязано только доплачивать къ чистому доходу, сколько потребуется для пополненія обѣщаннаго чистаго дохода. Пока еще не будетъ открыта вся дорога, гарантія будетъ прилагаться къ отдѣльнымъ ея участкамъ; и правительство будетъ приплачивать къ чистому доходу, который будетъ получаться съ отстроенныхъ участковъ. Но если бы чистый доходъ отстроенныхъ участковъ превзошелъ казенную гарантію, то излишекъ не принадлежалъ бы казнѣ сполна; съ нимъ было бы поступлено по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно излишка, а именно половина его пошла бы на покрытіе прежнихъ затратъ правительства, а другая половина поступила бы въ дивидендъ.

Мы распространяемся о значеніи § 23 потому что въ немъ иные видятъ поводъ къ предположенію, опровергнутому нами вчера, будто номинальнымъ капиталомъ называется въ концессіи не дѣйствительно потребный и дѣйствительно затраченный капиталъ съ преміей и коммиссіей, а смѣтный капиталъ съ преміей же и коммиссіей. Согласно съ этимъ предположеніемъ говорятъ, что § 7 обязываетъ правительство уплачивать гарантированный процентъ съ дѣйствительно внесеннаго капитала и соотвѣтственной коммиссіи и преміи, а по § 23 будто бы обѣщается, что по отстройкѣ того или другаго участка, правительство будетъ платить гарантированный доходъ уже со всего номинальнаго смѣтнаго капитала (съ соотвѣтственною коммиссіей и преміей), хотя бы этотъ смѣтный капиталъ и превосходилъ дѣйствительно израсходованную сумму съ присоединеніемъ соотвѣтственной преміи и гарантіи. Положимъ, говорятъ, что собрано 4 милліона фунтовъ; на эти 4 милліона приходится преміи 800.000 фунтовъ, коммиссіи 120.000 фунтовъ; номинальный капиталъ составляетъ такимъ образомъ 4.920.000 фунтовъ; и съ этого номинальнаго капитала казна платитъ по 5%. Но вотъ на эти деньги отстроены два участка дороги, и эти участки оцѣнены номинально (съ коммиссіей, преміей и смѣтною суммой) въ 6 милліоновъ. Вслѣдствіе этого, говорятъ, казнѣ пришлось бы, пожалуй, по § 23, платить 5% уже не съ 4.920.000, а съ 6 милліоновъ. Но это предположеніе рѣшительно лишено достаточнаго основанія. Такія обязательства высказываются въ концессіяхъ и контрактахъ ясно и опредѣленно; ихъ нельзя выводить изъ толкованія, подлежащаго сомнѣнію.

Мы впрочемъ согласны, что при нѣкоторой склонности представителей будущей компаніи къ сутяжничеству, концессія можетъ послужить поводомъ ко многимъ спорамъ. Поэтому не лишенъ интереса вопросъ, могутъ ли подобные споры возникать изъ обоихъ текстовъ концессіи, русскаго и англійскаго, или законную силу долженъ имѣть только русскій текстъ. Важность этого вопроса увеличивается вслѣдствіе того, что англійскій переводъ нѣкоторыхъ параграфовъ, какъ напримѣръ §§ 4 и 19, представляетъ отступленія отъ русскаго подлинника. Намъ кажется, что объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ быть спора. Англійскій переводъ засвидѣтельствованъ, правда, русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но это все-таки не международный актъ, а актъ внутренняго правительства, и потому обязательную силу для Россіи имѣетъ лишь тотъ русскій текстъ этого акта, который удостоился высочайшаго утвержденія. Въ засвидѣтельствованіи перевода министерствомъ иностранныхъ дѣлъ прямо сказано, что это не болѣе какъ переводъ, а потому текстъ перевода ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ равносильнымъ тексту подлинника, и если суждено возникнуть тяжбамъ на основаніи концессіи 25-го іюля, то эти тяжбы должны опираться на толкованіе русскаго, а не англійскаго текста, что въ юридическомъ отношеніи очень важно, ибо уменьшаетъ число возможныхъ толкованій. Равнымъ образомъ юридическій вопросъ о предполагаемомъ намѣреніи (animus) обязывавшейся стороны можетъ относиться только къ намѣренію высочайшей власти, утвердившей концессію, а не къ предшествовавшимъ утвержденію и еще подлежавшимъ измѣненію намѣреніямъ тѣхъ или другихъ русскихъ властей, принимавшихъ участіе въ переговорахъ съ г. Гопомъ. Смыслъ обязательства, находящагося въ рукахъ г. Гопа, опредѣляется сло-

вами того текста, который утвержденъ высочайшею властью, и всѣ сомнѣнія на счетъ этого смысла подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію въ русскихъ судебныхъ мѣстахъ.

Мы упомянули о §§ 4 и 19, въ которыхъ англійскій переводъ представляетъ отступленія отъ русскаго подлинника, имѣющія матеріяльное значеніе. Есть еще одно отступленіе чисто формальное, и само по себѣ не важное. Оно встрѣчается во второй половинѣ § 19. Въ русскомъ подлинникѣ сказано: „въ случаѣ разногласія, рѣшеніе спорныхъ пунктовъ (о количествѣ дополнительнаго каштала) будетъ предоставлено посреднику избранному предсѣдателемъ Россійскаго Государственнаго Совѣта и посломъ Ея Королевскаго Великобританскаго Величества въ С.-Петербургѣ.“ Въ англійскомъ переводѣ упоминаніе этихъ сановниковъ сдѣлано въ обратномъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ названъ англійскій посолъ, а русскій предсѣдатель государственнаго совѣта названъ послѣ него. Эта вѣжливость, употребительная въ международныхъ актахъ, обыкновенно не распространяется на акты внутренніе, но очевидно, что вслѣдствіе этой необычной вѣжливости внутренній актъ нисколько не превращается въ актъ международный.

Имѣющаяся въ виду компанія будетъ имѣть мѣстопребываніе въ Лондонѣ, и будетъ подлежать англійскимъ законамъ, но эти законы относятся только ко внутреннимъ обязательствамъ между управленіемъ компаніи и ея акціонерами, какъ напримѣръ къ отчетности, къ гласной передачѣ акцій, къ назначенію ревизіонныхъ коммиссій. Во всемъ томъ что̀ касается Россіи и ея интересовъ, дѣйствія компаніи подчинены русскимъ законамъ. Тутъ особенно важенъ § 47, внесеніемъ котораго въ концессію ограждена наша національная честь, за что̀ не разъ, конечно, придется намъ поблагодарить предусмотрительность озаботившуюся внесеніемъ этого параграфа въ концессію. Въ этомъ 47 параграфѣ сказано, что комитетъ директоровъ въ Россіи, агенты и служащіе компаніи въ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ Россійскаго государства. Комитетъ директоровъ будетъ имѣть мѣстопребываніе въ Россіи, и одинъ изъ директоровъ долженъ быть русскимъ уроженцемъ и подданнымъ. Переписка комитета съ русскими властями будетъ производиться на русскомъ языкѣ (§ 42); равнымъ образомъ всѣ служащіе въ компаніи, которые будутъ имѣть соприкосновеніе съ публикой, должны быть преимущественно изъ лицъ знающихъ по-русски (§ 40).

Въ концессіи сказано, что мѣстность у оконечности желѣзной дороги будетъ объявлена вольнымъ портомъ (§ 13). Размѣры вольнаго порта не опредѣлены, а потому можно было думать, что весь Севастополь и даже съ окрестностями будетъ объявленъ вольнымъ портомъ. Но изъ объяснительной статьи *Сѣверной Почты* (см. № 170 *Московскихъ Вѣдомостей*) видно, что вольнымъ портомъ будетъ объявлена лишь товарная станція желѣзной дороги. Эта станція будетъ обнесена стѣной; поэтому можно думать, что очень большихъ удобствъ для контрабанды не будетъ.

Въ концессіи далѣе сказано, что компаніи будетъ уступлена такая часть принадлежащей казнѣ мѣстности у Севастопольской бухты, какая по соглашенію правительства съ обществомъ будетъ признана необходимою для устройства товарной станціи съ принадлежностями (§ 16). Какъ изъ этихъ словъ концессіи, такъ и изъ объяснительной статьи *Сѣверной Почты* ясно слѣдуетъ, что компанія получитъ лишь то что̀ ей дѣйствительно нужно для ея коммерческихъ цѣлей. Намѣренію завладѣть на 99 лѣтъ всѣми бухтами Севастополя, намѣренію, которое на основаніи преувеличенныхъ слуховъ приписывалось компаніи, очевидно нѣтъ мѣста. Мы будемъ имѣть въ Севастополѣ англійскую колонію, которой будутъ извѣстны всѣ наши дѣйствія и изъ которой будутъ по временамъ доставляться въ англійскія газеты статьи подобныя недавно напечатанному въ *Times* исчисленію нашихъ громадныхъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Но въ этомъ нѣтъ бѣды, и мы можемъ только радоваться тому, что свидѣтелей у насъ будетъ много. Находила же Англія нужнымъ, несмотря на свою разумную скупость въ тратѣ казенныхъ денегъ, давать порядочное жалованье агенту, который долженъ былъ жить въ Севастополѣ подъ диковиннымъ предлогомъ наблюденія за англійскими могилами. Пусть лучше будетъ не одинъ агентъ, а цѣлая англійская колонія для удостовѣренія въ томъ, что мы не имѣемъ желанія изподтишка нарушать парижскій трактатъ и собираться завоевательнымъ походомъ на „больнаго человѣка.“ Нелѣпость этихъ подозрѣній будетъ все болѣе и болѣе возра-

стать по мѣрѣ развитія русской общественной жизни и знакомства Европы съ дѣйствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи. Послѣдняя война никогда не была популярна у насъ, ни въ своемъ концѣ, ни въ своемъ началѣ. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Англійское правительство, которое заставляетъ порядкомъ работать своихъ дипломатическихъ агентовъ и вѣроятно получаетъ черезъ нихъ обстоятельныя свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, гдѣ они состоятъ на службѣ Великобританіи, должно знать, что такъ называемая старая русская партія, *le vieux parti russe*, будто бы желающая завоеванія Турціи, есть чистый миѳъ, въ который могутъ вѣрить только Французы, обыкновенно ничего не знающіе о чужихъ странахъ. Масса русскаго общества смотритъ на турецкій и славянскій вопросъ очень разсудительно, и фантастическихъ плановъ на завоеваніе Турціи нисколько не питаетъ, хотя и не въ состояніи одобрить англійскую политику, которая изъ-за соперничества съ Россіей всячески интригуетъ въ пользу Турокъ и противъ христіянъ, особенно если эти христіяне имѣютъ несчастіе быть Славянами. Большинство русской публики не можетъ также одобрить очевиднаго стремленія Англіи къ одностороннему преобладанію на Востокѣ, и не можетъ не видѣть въ этомъ стремленіи вызова на враждебность со стороны Россіи. Выходъ изъ Чернаго моря находится въ рукахъ того, кому принадлежатъ Константинополь и Дарданеллы. Если мы сами не замышляемъ завоеваніе Цареграда, то кровная необходимость не позволяетъ намъ смотрѣть равнодушно на притязанія какой бы то ни было великой державы распоряжаться въ немъ по своему произволу. При всемъ своемъ миролюбіи, и какъ бы мало ни помышляли мы о какомъ-нибудь захватѣ на Мраморномъ морѣ, мы никакъ не можемъ добровольно уступить право на такой захватъ другой великой державѣ. Не обладать Константинополемъ, не распоряжаться по своей волѣ на Балканскомъ полуостровѣ желаетъ русская нація; она желаетъ только, и должна желать и всегда будетъ желать, чтобъ Англія не дѣлала того, до чего не хочетъ она допустить Россію. Таковы отношенія Россіи къ Англіи на Востокѣ, основанныя на самой сущности вещей, и добрый миръ между Англіей и Россіей на основаніи этихъ отношеній весьма возможенъ. Сентиментальная дружба между государствами, дружба не знающая подозрѣній и предосторожностей, есть дѣло несбыточное. Но та дружба, которая допускается въ дѣйствительномъ мірѣ между двумя народами, нерасположенными ничѣмъ жертвовать другъ другу, но нерасположенными и ничѣмъ вредить другъ другу, такая дружба, повторяемъ, очень возможна между Россіей и Англіей даже по восточному вопросу, на пользу славянскимъ и христіанскимъ народонаселеніямъ живущимъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Пусть же англійская колонія въ Севастополѣ слѣдитъ за нашими дѣйствительными желаніями и интересами: этимъ она будетъ содѣйствовать не враждѣ, а примиренію между двумя націями. Мы съ своей стороны можемъ только пожелать ей чтобъ она своимъ образомъ дѣйствій поддержала то доброе имя, которымъ до сихъ поръ пользовались англійскіе промышленники у нашего народа.

Къ слову о примиреніи упомянемъ, что недавно здѣсь въ Москвѣ былъ одинъ очень интересный Англичанинъ Rev. Long, членъ общества мира, но членъ весьма разсудительный. Съ тою энергіей, которою отличается этотъ священникъ англійской такъ-называемой „широкой церкви“, онъ взялся за похвальную задачу трудиться надъ взаимнымъ сближеніемъ русской и англійской публики. Онъ коротко познакомился съ нашимъ крестьянскимъ вопросомъ, особенно интересовавшимъ его; съ помощью знакомства съ санскритскимъ языкомъ онъ обѣщается черезъ два года говорить по-русски какъ Русскій. Онъ хочетъ всѣми путями знакомить Англію съ Россіей, хочетъ въ Англіи читать лекціи, издавать книги, журналы, и надѣется на помощь со стороны значительнаго кружка своихъ соотечественниковъ. Все это онъ предпринимаетъ изъ убѣжденія, что всѣмъ этимъ онъ будетъ служить дѣлу мира не только между Англіей и Россіей, но и вообще на свѣтѣ. Онъ увѣренъ, что союзъ между Англіей и Россіей былъ бы лучшимъ условіемъ всеобщаго мира, не такого мира, который при теперешнемъ сближеніи между Англіей и Франціей требуетъ изнурительныхъ для Европы вооруженій, а серіознаго мира, не маскирующаго собой финансовой войны и способнаго освободить Европу отъ ежечаснаго ожиданія потрясеній. Намъ припомнилось, по поводу разговора съ г. Лонгомъ, вѣрное замѣчаніе знаменитаго Чеха, г. Палацкаго, что изо всѣхъ европейскихъ

государствъ только Россія и Англія имѣютъ прочныя самобытныя основанія, а остальныя государства—не болѣе какъ промежуточныя колеблющіяся формаціи. Мы не можемъ также не согласиться съ мыслію, что согласіе между Россіей и Англіей не есть вещь сама по себѣ невозможная, и что при этомъ согласіи прочный миръ въ Европѣ былъ бы дѣйствительно обезпеченъ, а пагубный духъ революціи и завоеванія потерялъ бы всю свою силу.

Но эти мечты почтеннѣйшаго г. Лонга не должны мѣшать намъ смотрѣть что называется *въ оба глаза*, чтобъ учредители новой компаніи какъ-нибудь не замечтались о донахъ Пасифико, рѣшительно невозможныхъ въ Россіи, и чтобы вообще преобладаніе Англіи не усилилось какъ-нибудь по нашей винѣ на Востокѣ. Никто кромѣ насъ самихъ не устранитъ отъ насъ ущерба, очень возможнаго при теперешнемъ ходѣ нашихъ дѣлъ.

Б.

Корреспондентъ англійской газеты *Standard*, весьма уважаемаго органа торійской партіи, недавно посланный въ Вильно, отзывается съ глубокимъ уваженіемъ о генералѣ Муравьевѣ и опровергаетъ ложныя извѣстія объ его дѣйствіяхъ, которыя, къ сожалѣнію, безсовѣстно распространяются не въ одной Англіи и Франціи сторонниками польскаго заговора. „Оправданіе политики генерала, сказано въ *Standard*, лежитъ въ ея послѣдствіяхъ, въ томъ фактѣ, что онъ успокоилъ страну и удовлетворилъ требованіямъ огромной массы народонаселенія.“

№ 183.

Москва, 21-го августа.

Когда въ началѣ нынѣшняго года вспыхнулъ вооруженный мятежъ въ Польшѣ, почти всѣ были увѣрены, и въ Россіи, и за границей, что онъ немедленно будетъ подавленъ. И англійское, и даже французское правительство были расположены совершенно въ пользу законной власти въ Царствѣ Польскомъ. Императоръ Наполеонъ, говорятъ, прямо высказывался о необходимости для Россіи подавить мятежъ какъ можно скорѣе. Никто, кромѣ руководителей возстанія, не вѣрилъ чтобъ оно могло продолжаться—не восемь мѣсяцевъ, какъ оказалось теперь на дѣлѣ, — а хоть бы одинъ мѣсяцъ. Никому и въ голову не приходило, чтобы мятежъ нѣсколькихъ человѣкъ убѣжавшихъ изъ Варшавы *до лясу*, превратился въ европейскій вопросъ, подалъ поводъ къ потрясеніямъ биржи и къ ожиданію европейской войны. Понятна досада русской публики на европейскую дипломатію, ухватившуюся за польскій вопросъ такъ неожиданно и такъ несправедливо. Но надобно быть справедливу и ко врагамъ: они были введены въ искушеніе ходомъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ; они должны были воспользоваться тою слабостію, которую мы обнаружили при подавленіи мятежа. Ни одно правительство не въ правѣ упускать представляющіеся ему случаи для какого бы то ни было выигрыша. И вотъ во Франціи явилась попытка возвратиться къ политикѣ Наполеона I, а въ Англіи возникли планы о дальнѣйшемъ ослабленіи Россіи на Востокѣ и о расторженіи союза между Россіей и Франціей. Австрія поспѣшила примкнуть къ западнымъ державамъ, надѣясь обезпечить себѣ обладаніе Венеціей и сдѣлать шагъ впередъ передъ Пруссіей по германскому вопросу. Теперь, когда вся эта агитація оказалась тѣмъ чѣмъ она въ сущности была съ самаго начала,—эффектною комедіей, и когда о европейской войнѣ уже нѣтъ рѣчи,—теперь въ накладѣ осталась собственно только Франція, потерявшая въ насъ выгоднаго для себя союзника и возбудившая противъ себя недовѣріе всей Германіи, — а мы можемъ считать себя даже въ выигрышѣ.

Мы въ выигрышѣ, потому что наши международныя отношенія разъяснили, и истинный взглядъ Европы на польскій вопросъ сдѣлался очевиденъ. Мы въ выигрышѣ еще болѣе потому что иностранное вмѣшательство пробудило и заявило намъ самимъ наши народныя силы, наше единодушіе, нашу готовность отстоять за собой значеніе великой державы. Въ этомъ отношеніи была выгодна для насъ даже продолжительность польскаго возстанія и вызванное этою продолжительностью иностранное вмѣшательство. Но этотъ выигрышъ не есть еще окончательный. Никто въ Европѣ, кромѣ Франціи, не согласится начинать войну изъ-за Польши, а мы съ своей стороны были бы готовы на всякую войну, чтобы не допустить иностраннаго вмѣшательства въ наши внутренніе счеты съ Польшей. Все это правда. Но эта готовность не имѣла бы

смысла, еслибы мы не были въ состояніи сами свести наши счеты съ Польшей, а съ другой стороны, не будучи въ состояніи свести эти счеты, мы сами накликали бы на себя враговъ, которые опять стали бы придираться къ намъ и пожалуй начали бы войну съ нами не изъ-за Польши, а подъ предлогомъ Польши, чтобъ извлечь для себя выгоду изъ нашей временной слабости. Теперь передъ нами полгода свободы; мы должны поспѣшить воспользоваться этимъ полугодомъ свободы, и должны быть увѣрены, что если къ будущей веснѣ польскій вопросъ все еще будетъ въ числѣ вопросовъ, мы никакъ не избѣжимъ затрудненій и столкновеній, еще болѣе значительныхъ чѣмъ тѣ, которыя окружили насъ со всѣхъ сторонъ въ нынѣшнемъ году. Полгода свободы—небольшой срокъ, и надобно спѣшить воспользоваться имъ. Дѣла предстоитъ очень много, и въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ,—въ послѣднемъ еще болѣе чѣмъ въ Царствѣ.

Вооруженное возстаніе—тутъ послѣднее дѣло. Теперь, повидимому, все соединяется, чтобъ облегчить нашу борьбу съ открытымъ мятежомъ, и мы въ правѣ ожидать, что въ непродолжительномъ времени начнемъ получать изъ Царства Польскаго извѣстія не похожія на то, что читатели найдутъ ниже подъ рубрикой „Изъ Царства Польскаго.“ И Россія, и большинство народа въ Польшѣ, будутъ съ радостью привѣтствовать измѣненіе системы, которая состояла до сихъ поръ преимущественно въ томъ, чтобы наши войска разбивали безъ труда шайки, состоящія по большей части изъ ребятъ, а гражданское управленіе нисколько не противодѣйствовало ни насильственной вербовкѣ въ эти шайки несчастныхъ людей, запуганныхъ революціонерами и подстрекаемыхъ ксендзами и дамами, ни совершенію революціонныхъ казней нанятыми отъ подземнаго комитета разбойниками. Эта система сдѣлалась теперь въ тягость даже польской „интеллигенціи.“ Въ Радомской губерніи помѣщики уже начинаютъ извѣщать о появленіи повстанцевъ и указывать на ихъ убѣжища. Имъ надоѣли эти шайки, предводимыя голодными выходцами, которые кутятъ въ лѣсахъ на пропалую, угощаясь на счетъ окрестныхъ помѣщиковъ. Деморализація возстанія дошла до послѣдней степени, надежда на иностранную поддержку совсѣмъ утрачена, и какъ только всѣ награбленныя деньги будутъ прокучены, искатели приключеній поспѣшатъ убраться за границу, гдѣ и возвратятся къ тому нищенству, на которомъ они воспитаны. Не возможно, чтобы возстаніе, запятнанное такими позорными дѣлами, было въ состояніи держаться, и не будь совершенно деморализовано гражданское управленіе, ничего не стоило бы нанести возстанію рѣшительный ударъ, послѣ котораго остались бы въ Царствѣ только бродячіе мародеры.

Серіозная борьба предстоитъ теперь не съ открытымъ возстаніемъ, не съ тѣми юношами и дѣтьми, которые закрываются руками отъ нашихъ пуль, а съ деморализаціей гражданскаго управленія, распространившеюся на все Царство. Съ самаго начала возстанія революціонеры обратили свое особенное вниманіе на провинціи, и старались укрѣпиться въ такихъ пунктахъ, которые далеки отъ Варшавы и другихъ центровъ, занятыхъ войсками. Съ одной стороны часть городскаго населенія, принявшая участіе въ мятежѣ, жалѣла главные города и уклонялась отъ проектированныхъ въ нихъ поголовныхъ возстаній; съ другой стороны провинціи позволяли шайкамъ держаться болѣе продолжительное время и утомлять войска безпрерывною и мало полезною бѣготней. А между тѣмъ мятежники старались привлечь на свою сторону, ласками и страхомъ, все чиновничество провинцій, и посредствомъ ихъ вліянія нейтрализовать крестьянское населеніе. До сихъ поръ, цѣль революціонеровъ достигалась самымъ лучшимъ образомъ. Въ то время, когда подземное правительство набросило на провинціи административную сѣть, законная администрація все болѣе и болѣе разлагалась. Чиновники, дѣятельность которыхъ была признана безусловно вредною, оставались долгое время послѣ того на мѣстахъ. Вотъ уже почти два мѣсяца, какъ шла въ Варшавѣ рѣчь о смѣнѣ люблинскаго гражданскаго губернатора, а между тѣмъ до сихъ поръ эта мѣра все еще только ожидается, несмотря на то что число шаекъ въ Люблинской губерніи непомѣрно возрастаетъ и онѣ разбиваютъ даже наши военныя почты (см. сверхъ того офиціяльныя извѣстія изъ Люблинской губерніи въ сегодняшнемъ нумерѣ.) Полагаютъ, что такая медленность происходитъ отъ недостатка способныхъ лицъ для управленія губерніями,—но если не находится лицъ желающихъ принять на себя обязанности въ гражданскомъ управ-

ленiи, то нѣтъ никакого неудобства къ установленiю военнаго управленiя краемъ. Незнанiе польскаго языка не составитъ для военнаго управленiя большаго затрудненiя; военная переписка производится всегда на русскомъ языкѣ, а „интеллигенцiя“ края также, по большей части, понимаетъ нашъ языкъ. Притомъ съ подчиненiемъ гражданскихъ низшихъ чиновниковъ военнымъ и съ соблюденiемъ строгости по службѣ можно заставить и польскихъ чиновниковъ работать усердно.

До тѣхъ поръ пока законное правительство не устроитъ надежной администрацiи въ краѣ, нельзя ожидать прекращенiя въ немъ убiйствъ и грабежей и особенно безнаказанности этихъ преступленiй, безнаказанности, которая служитъ самымъ рѣзкимъ свидѣтельствомъ слабости власти. Мы пришли въ Царствѣ Польскомъ къ тому положенiю, что убiйства и грабежи стали считаться явленiемъ только прискорбнымъ; правительственная коммиссiя внутреннихъ дѣлъ составитъ списокъ жертвамъ мятежа и сообщитъ его въ канцелярiю по дѣламъ военнаго положенiя, откуда этотъ списокъ передается хроникерамъ вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ для того чтобы гласность покарала неизвѣстныхъ злодѣевъ. Мы имѣли довольно времени для того чтобъ убѣдиться, что такое наказанiе само по себѣ недостаточно, и что пора принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенiю полной безнаказанности злодѣевъ.

Каковы бы ни были взгляды того или другаго должностнаго лица въ Польшѣ на будущее устройство края и на его отношенiя къ Россiи, ни одно должностное лицо не въ правѣ уклоняться отъ принятiя всѣхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ подавленiю мятежа. Если польскiе чиновники могутъ исполнить эту обязанность, тѣмъ лучше, но тотъ не можетъ оставаться органомъ законной власти, кто не берется за исполненiе этой обязанности. Чѣмъ способнѣе тѣ люди, которые довели дѣла до теперешняго положенiя, тѣмъ болѣе лежитъ на нихъ вины въ безпримѣрномъ скандалѣ, который вокругъ нихъ происходитъ, и тѣмъ стало-быть они не надежнѣе. Если напримѣръ вотъ этотъ чиновникъ при всѣхъ своихъ способностяхъ и при огромномъ знакомствѣ не вызвалъ адреса о покорности даже отъ варшавскихъ Евреевъ, съ главными представителями которыхъ онъ состоитъ въ родствѣ, то, значитъ, онъ почему-нибудь считаетъ ненужнымъ дѣйствовать въ интересахъ законнаго правительства. Если чиновникъ, не умѣя дѣйствовать въ пользу правительства, которому служитъ, умѣлъ однако проводить въ публикѣ и защищать предъ правительствомъ различныя комбинацiи партiи Венгленскаго и Курца, клонившiяся къ сепаратизму, то можетъ ли такой чиновникъ быть полезенъ правительству? Мы не хотимъ продолжать рядъ подобныхъ вопросовъ, которымъ не было бы конца. Но когда первыя мѣста въ управленiи занимаютъ подобныя лица, то нельзя сердиться на выходки мелкихъ чиновниковъ въ родѣ, напримѣръ, протеста ломженскаго уѣзднаго начальника противъ „безплатной“ вырубки войсками лѣса на протяженiи Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. При этомъ, скажемъ кстати, протестѣ уѣздный начальникъ увѣдомлялъ, что августовскiй гражданскiй губернаторъ обратился уже съ жалобой по этому предмету къ военному начальнику августовскаго отдѣла.

Но въ Августовской губернiи наступилъ конецъ такому порядку вещей. Просьба маріампольскихъ крестьянъ привела къ тому, что часть этой губернiи подчинилась генералу Муравьеву, котораго первымъ распоряженiемъ было устройство военно-гражданскаго управленiя,—военнаго во главѣ,—котораго просили крестьяне и которому они изъявили готовность охотно содѣйствовать. Въ этомъ распоряженiи заключается исходъ изъ того положенiя, въ которомъ находятся провинцiи Царства Польскаго. Маріампольскiй случай вопiетъ о томъ, чтобы крестьяне, приверженные законной власти, были освобождены отъ вліянiя гминныхъ войтовъ, изъ которыхъ рѣдкiй не сочувствуетъ мятежу; чтобъ имъ было указано на начальниковъ, къ которымъ они могли бы имѣть довѣрiе, столь сильно потрясенное январьскими и февральскими укрощенiями крестьянъ. Пока крестьяне, то-есть 74% населенiя Царства, не пойдутъ подъ революцiонныя знамена, до тѣхъ поръ мятежъ нельзя называть ни революцiей, ни народнымъ возстанiемъ, какъ теперь мода въ Варшавѣ; и онъ сейчасъ долженъ пасть какъ только гражданское управленiе перестанетъ ему потворствовать. Тогда, повторяемъ, въ странѣ останутся только мародеры, съ которыми намъ поможетъ управиться зима. Во всякомъ случаѣ борьба съ ними будетъ для насъ

легче чѣмъ борьба италіянскаго правительства съ неаполитанскими разбойниками, хотя мѣры, принимаемыя италіянскимъ правительствомъ и могутъ послужить для насъ хорошимъ примѣромъ. Неаполитанское разбойничество тоже имѣетъ политическій характеръ и тоже поддерживается католическимъ духовенствомъ (хорошо однако духовенство!). Между неаполитанскимъ и польскимъ разбойничествомъ такъ много общаго, что мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на свѣдѣнія о неаполитанскомъ разбойничествѣ и о мѣрахъ противъ него принятыхъ, сообщаемыя ниже подъ рубрикой „Италія“.

№ 184.

Москва, 22-го августа.

Положеніе нашихъ югозападныхъ губерній, Кіевской, Волынской и Подольской, есть положеніе серіозное и притомъ исключительное. Онѣ заселены тою частію русскаго народа, которая издавна находилась въ ожесточенной борьбѣ съ Поляками, и нигдѣ обѣ народности такъ не враждебны между собою какъ въ этомъ краю. Вражда эта тѣмъ глубже и опаснѣе, что здѣсь она по необходимости принимаетъ характеръ сословный. На многочисленномъ, плотномъ, коренномъ, русскомъ народонаселеніи этого края сидитъ незначительное число Поляковъ, пановъ и шляхты, составляющихъ высшіе классы, то что польскіе мѣстные политики называютъ „интиллигенціей“ края. Эта „интиллигенція“ имѣетъ здѣсь характеръ чисто завоевательный; эти паны, въ чьихъ рукахъ находится бо́льшая часть земли, и которые пользуются всѣми преимуществами и выгодами высшаго общественнаго положенія, совершенно тоже въ этихъ мѣстахъ что̀ были напримѣръ Норманы въ Англіи. Они считаютъ этотъ край польскимъ, и не иначе мечтаютъ о возстановленіи Польши какъ съ этими провинціями. Старая Польша прекратила однако свое существованіе, и провинціи эти и по праву историческому, и по народности громаднаго бо́льшинства ихъ обитателей, и по праву силы составляютъ существеннѣйшую часть Русскаго государства. Народъ этихъ губерній есть народъ господствующій, а между тѣмъ de facto господство здѣсь, и притомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, принадлежитъ незначительному меньшинству, которое не только считаетъ себя другою народностью, чуждою русской, но и враждуетъ съ нею, интригуетъ противъ нея, наконецъ открыто измѣняетъ ей и возстаетъ противъ нея. Отношеніе странное, не бывалое, поразительно-непормальное! Господствующій народъ, находившійся до послѣдняго времени въ крѣпостномъ рабствѣ у покореннаго меньшинства, и теперь видящій надъ собою чужую, покоренную, враждебную національность въ качествѣ національности высшей, *панской*, преобладающей и господствующей надъ господствующею народностію русскою,—какое странное явленіе! Полякъ здѣсь знатный баринъ, дворянинъ, живетъ въ великолѣпныхъ хоромахъ, владѣетъ несмѣтными богатствами; по польски говоритъ все богатое, сильное, образованное въ краѣ; костелъ польскій отличается громадностью и великолѣпіемъ, и уничтожаетъ убогую, деревянную, покрившуюся русскую церковь, куда ходятъ хлопы, то-есть Русскіе. Хотя русскій языкъ и есть языкъ оффиціяльный, но войдетъ ли русскій человѣкъ, то есть хлопъ, въ присутственное мѣсто, онъ услышитъ тамъ между чиновниками „панскій“ языкъ, да и къ нему обратятся на томъ же языкѣ, и пожалуй еще прижмутъ его за его русскую, то-есть холопскую молвь. Въ Кіевѣ, въ древнемъ, православномъ, русскомъ Кіевѣ слышится повсюду польская рѣчь, и тонъ всему обществу даетъ незначительное польское меньшинство, пользуясь своимъ богатствомъ и независимымъ положеніемъ,—польское меньшинство, которое не только не хочетъ считать себя частію русскаго народа, но и враждуетъ противъ него тайно и явно. Читатели прочтутъ ниже, въ *Послѣдней Почтѣ*, отрывокъ изъ письма одного изъ нашихъ корреспондентовъ, о происках польской партіи по части театра въ Кіевѣ. Нѣкоторая предусмотрительность, тонкость взгляда и твердость характера со стороны мѣстной администраціи могли бы, конечно, до извѣстной степени противодѣйствовать страннымъ притязаніямъ дать въ этихъ мѣстахъ господствующее значеніе символамъ народности пришлой, малочисленной и враждебной. Но не слѣдуетъ слишкомъ много требовать отъ администраціи, а стало-быть и не слѣдуетъ слишкомъ строго винить ее. Администрація имѣетъ свое назначеніе, и она можетъ дѣйствовать удовлетворительно лишь въ пре-

дѣлахъ своихъ средствъ; но средства эти такого свойства, что не могутъ успѣшно противодѣйствовать общественнымъ силамъ или давать имъ должное направленіе. Полагаться въ подобныхъ случаяхъ на административныя средства было бы не только не благоразумно, но и вредно. Что же тутъ дѣлать? кого же тутъ винить? Намъ кажется, что винить тутъ не кого и незачѣмъ; намъ кажется, что надобно не винить, а дѣйствовать. Необходимо прежде всего измѣнить отношенія между двумя народностями въ этихъ краяхъ; необходимо чтобы значеніе Поляковъ въ этомъ краѣ не совпадало съ значеніемъ высшихъ классовъ общества. Поляки не только не чувствуютъ побужденія стать Русскими, но хотятъ въ качествѣ Поляковъ господствовать здѣсь: и такъ пусть они остаются Поляками, но пусть же за то они откажутся отъ всякихъ притязаній на первенство. Насильно передѣлывать Поляковъ въ Русскихъ мы не можемъ и не хотимъ; возлагать надежды на естественное и постепенное торжество русской народности въ будущемъ очень можно, но надежды только тогда не пустая мечта, когда мы уже въ настоящемъ приготовляемъ пути къ ихъ исполненію и облегчаемъ задачу будущаго.

Если бы Поляковъ было вдвое болѣе въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, еслибы Поляки были еще враждебнѣе расположены къ намъ,—большой бѣды въ этомъ не было бы. Но польская національность не стоитъ здѣсь противъ русской какъ стѣна противъ стѣны, а лежитъ на русской, какъ слой на слоѣ. Въ первомъ случаѣ она была бы только партіей, которая сверху до-низу встрѣчала бы дѣятельныхъ противниковъ; теперь же она есть привилегированное состояніе, обладающее землею, богатствомъ, всѣми отличіями и преимуществами высшихъ общественныхъ классовъ, и при этомъ еще образуетъ тѣсную организацію, тайный заговоръ, которому помогаетъ другой заговоръ, другая организація, еще болѣе тонкая и хитрая, и еще менѣе разборчивая въ средствахъ—католическое духовенство. Поляки соединены въ этихъ мѣстахъ языкомъ, воспоминаніями и надеждами, католическою религіей, которая такъ совпадаетъ здѣсь съ польскою національностью, что *польское* и *католическое* стали синонимами; наконецъ, къ довершенію всего, Поляки связаны здѣсь между собою единствомъ сословныхъ интересовъ. Сколько единствъ и сколько организацій! Мудрено ли, что польская національность такъ крѣпко держится въ этихъ мѣстахъ, и такъ ненавистна тамошнему народу, а такъ сама ненавидитъ Россію?

Въ настоящее время правительство распространило на югозападныя губерніи мѣру, уже принятую въ литовскихъ и долженствующую разсѣчь связь между крестьянами и помѣщиками,—обязательный выкупъ, впрочемъ съ важными отмѣнами. Дай Богъ чтобъ эта мѣра увѣнчалась самыми лучшими результатами, по крайней мѣрѣ чтобы польза, которой можно отъ нея ожидать, превозмогла разныя неудобства, которыя можно тоже предусматривать. Все имѣетъ свою хорошую и дурную сторону, и задача правительства состоитъ только въ томъ чтобы взвѣсить сумму возможно-выгодныхъ и невыгодныхъ послѣдствій.

Сильнѣйшимъ побужденіемъ къ принятію какой-нибудь энергической мѣры подобной обязательному выкупу послужило, конечно, весьма естественное настроеніе крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ. Изъ всѣхъ извѣстій доходящихъ къ намъ оттуда мы видимъ, что крестьяне тамъ сильно раздражены, и раздраженіе ихъ ростетъ. Въ нихъ проснулась съ страшною силой вѣковая ненависть къ польскимъ насильникамъ, которые все еще сидятъ на нихъ. Энергія сельскаго люда съ разу прекратила польскій мятежъ въ югозападныхъ губерніяхъ, и въ началѣ крестьяне дѣйствовали съ удивительною умѣренностію и сдержанностію. Они ловили и вязали мятежниковъ, но воздерживались отъ всякаго самоуправства, и безвредно передавали ихъ въ руки законныхъ властей. Но вотъ вооруженное возстаніе кончилось, и все пошло обычною колеей: тѣ же польскіе паны и шляхта, тѣ же польскіе чиновники. Крестьянамъ извѣстно, что всѣ эти господа явно или тайно враждуютъ противъ правительства,—и вотъ крестьяне видятъ, что эти самые люди, какъ ни въ чемъ не бывало, занимаютъ свое прежнее положеніе, по прежнему господствуютъ, по прежнему будутъ господствовать, и враги русскаго правительства, враги Русскаго народа, будутъ, можетъ-быть, пользоваться силою и оружіемъ русскаго правительства, чтобы мстить русскому народу и забирать его въ свои руки. Ненависть къ Полякамъ, какъ замѣчено выше, соединяется здѣсь еще съ сослов-

нымъ антагонизмомъ, съ ненавистью къ *паньщизнѣ*; и надобно правду сказать, нигдѣ эта сословная ненависть не имѣетъ столько корней, нигдѣ такъ не дурны отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ, какъ тамъ, гдѣ господствуютъ польскіе паны. Тяжесть крѣпостнаго состоянія внутри Россіи далеко была не то что въ Польшѣ или въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Надменность польской шляхты и безпощадная эксплуатація крѣпостнаго труда, раззореніе и уничиженіе сельскаго люда, оставили тамъ неизгладимые слѣды. Какую страшную злобу питаютъ крестьяне къ польскимъ помѣщикамъ, свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣзня происходившая въ Галиціи въ 1849 году. Намъ случалось слышать объ этой *жакеріи* отъ очевидцевъ,—людей съ крѣпкими нервами, закаленныхъ въ бояхъ и насмотрѣвшихся на всякіе ужасы: безъ содраганія не могутъ они вспомнить о томъ что̀ довелось имъ тогда видѣть. Мы знаемъ что и теперь Австрія держитъ Галицію въ полномъ спокойствіи опираясь только на ненависть крестьянскаго люда къ польскимъ панамъ; мы знаемъ, что и во время нынѣшняго мятежа крестьяне уже зашевелились было въ Галиціи, чтобы мстить панамъ за крестьянъ Царства Польскаго, гдѣ крестьяне беззащитно подвергались насилію и мести взбунтовавшейся шляхты. Нѣтъ сомнѣнія, что не лучшія чувствованія къ польскимъ панамъ питаютъ крестьяне и въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ. Каково же должно быть безуміе этихъ пановъ, этой шляхты, отважившейся бунтовать въ югозападныхъ губерніяхъ противъ правительства, безъ дѣятельной защиты котораго отъ ней и слѣдовъ не осталось бы въ нѣсколько дней! Простой крестьянскій смыслъ не можетъ объяснить себѣ заботливость правительства ограждать права и интересы мятежниковъ; крестьяне начинаютъ уже не довѣрять властямъ, и раскаиваются въ своемъ прежнемъ умѣренномъ образѣ дѣйствій, и грозятъ Полякамъ собственноручною безпощадною расправой.

Намъ пишутъ изъ Кіева о недавнемъ возмущеніи крестьянъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, отказавшихся работать и платить на пановъ. Дѣло не обошлось безъ посылки войска, безъ наказаній. Кіевъ увидѣлъ защитниковъ края въ цѣпяхъ! Теперь, слава Богу, этого не будетъ; но положеніе края очень серіозно.

„Есть факты, пишутъ намъ, свидѣтельствующіе о попыткахъ учреждать въ нашемъ краю жандармовъ-вѣшателей и объ уплатѣ помѣщиками громадныхъ суммъ въ пользу возстанія. Между тѣмъ демонстраціи совершаются въ Кіевѣ среди бѣла дня, а помѣщики, которыхъ недавно еще вязали крестьяне, возвращаются въ свои имѣнія какъ ни въ чемъ не бывало. Они увѣряютъ крестьянъ, что теперь Москали за одно съ Поляками, и вообще усердно хлопочутъ объ измѣненіи духа крестьянъ.“

Вотъ исключительныя, необыкновенныя затрудненія, представляющіяся правительству въ этихъ мѣстахъ. Оно не можетъ допустить самоуправство; но съ другой стороны оно естественно затрудняется поднимать оружіе противъ своихъ для защиты враговъ. Обязательный выкупъ обѣщаетъ уменьшить до нѣкоторой степени это роковое затрудненіе. Но какими бы послѣдствіями ни сопровождалась эта мѣра, она не исключаетъ другихъ мѣръ вызываемыхъ положеніемъ дѣлъ въ югозападномъ краѣ. Правда, часть той горечи, которая соединяется для крестьянина съ отправленіемъ повинности въ пользу ненавистнаго ему польскаго пана, приметъ на себя правительство, и тѣмъ какъ бы облегчитъ отношенія между временно-обязаннымъ людомъ и польскими помѣщиками. Но въ сущности отношенія эти не измѣнятся. Къ тому же, въ густо-населенныхъ югозападныхъ губерніяхъ, особенно Подольской, крестьяне и при выкупѣ будутъ находиться въ большей или меньшей зависимости отъ пановъ, на которыхъ придется имъ работать, чтобы заработать казенные выкупные платежи. Кромѣ того, обязательный выкупъ падаетъ не на однихъ мятежниковъ, и даже не на однихъ польскихъ помѣщиковъ, а равно и на русскихъ. Враждебный элементъ черезъ это не ослабляется, и общественное положеніе остается то же самое. Мы не желаемъ мести польскимъ мятежникамъ; но мы не желаемъ также чтобъ они имѣли возможность продолжать свои ковы и вредить Россіи. Правительство можетъ пощадить ихъ, но оно отнюдь не обязано возстановлять и поддерживать ихъ преобладающее положеніе въ этомъ краю; оно не можетъ щадить ихъ въ ущербъ русскому народу. Польскіе паны, принимавшіе явное или тайное участіе въ мятежѣ, могутъ быть помилованы, но и для собственной своей безопасности, и для спокойствія края,

они поступятъ лучше, если продадутъ свои земли. Такая выпродажа имѣній, хотя бы и вынужденная, не была бы въ строгомъ смыслѣ карой, и согласовалась бы съ самою милосердою и широкою амнистіей. Эти господа желали отторгнуть отъ Россіи часть ея владѣній и насильственно распорядиться частію ея народа. Нѣтъ побужденій желать чтобъ они за то пострадали въ своей личности и даже можно пощадить ихъ имущественные интересы; но они не хотѣли быть подданными Русской державы, они не хотятъ быть русскими людьми, они считаютъ себя вправѣ презирать русскую народность и ненавидѣть Россію: пусть же уйдутъ они изъ среды тѣхъ народонаселеній, которыя ненавидятъ ихъ и отъ которыхъ могутъ спасти ихъ только тяжкія усилія правительства. Эта мѣра не есть кара въ собственномъ смыслѣ, а политическая необходимость, вызванная польскимъ заговоромъ и мятежомъ. Значительное число такъ или иначе содѣйствовавшихъ мятежу польскихъ помѣщиковъ въ западномъ и югозападномъ краю могутъ и должны, по всей справедливости, подвергнуться этой мѣрѣ. Государство всегда и вездѣ бываетъ вынуждаемо прибѣгать къ экспропріаціи; но никогда и нигдѣ экспропріація не была бы такъ справедлива какъ въ этомъ случаѣ, гдѣ ею замѣнялась бы законная конфискація. Лучше устроить дѣло такъ чтобы продажа земель польскими панами, болѣе или менѣе замѣшанными въ мятежѣ, произошла наименѣе убыточнымъ для нихъ способомъ, нежели затрудняться въ принятіи этой мѣры или стѣснять ея примѣненіе; лучше прибѣгнуть къ нѣкоторымъ распоряженіямъ (возможнымъ, кажется, при новой формѣ выкупа), для того чтобъ облегчить приливъ сюда капиталовъ, которые впрочемъ и безъ того не замедлили бы явиться. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ будемъ мы насильно держать у себя этихъ чуждыхъ и враждебныхъ намъ людей? Не лучше ли отдать имъ цѣну ихъ имуществъ и отпустить ихъ съ миромъ? Оставшіеся затѣмъ, въ этихъ губерніяхъ польскіе помѣщики, люди болѣе мирныхъ свойствъ и болѣе расположенные считать себя Русскими, не могли бы служить опорой для какихъ-нибудь замысловъ на отторженіе этого края отъ Россіи; къ тому же они были бы уравновѣшены настоящими русскими землевладѣльцами, которые заступили бы мѣсто убылыхъ, и только тогда край этотъ былъ бы окончательно замиренъ; онъ вышелъ бы изъ того фальшиваго положенія, которое плодитъ въ немъ столько зла и для Россіи, и для самихъ Поляковъ. Мы убѣждены, что фальшивое положеніе этого края, вслѣдствіе неправильнаго и неестественнаго размѣщенія въ немъ общественныхъ элементовъ, поддерживаетъ существованіе того призрака, который называется польскимъ вопросомъ и который такъ губителенъ для самихъ Поляковъ. Съ установленіемъ правильныхъ отношеній въ этомъ краю сами собою на вѣки прекратятся всѣ притязанія, гальванизирующія польскую національность и въ Царствѣ Польскомъ.

Мы заводимъ теперь у себя новые порядки. Государь нашъ, котораго имя стало ужъ на ряду съ именемъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества, предпринялъ цѣлый рядъ преобразованій, долженствующихъ оживить и возвысить всѣ наши народныя силы. Руководствуясь мудрою мыслію, державная воля полагаетъ во главу угла нашего общественнаго зданія мѣстное самоуправленіе, которое отведетъ въ должные и естественные предѣлы бюрократическое начало такъ долго тяготѣвшее на нашей жизни. Но можетъ ли эта новая и въ то же время такъ свойственная всякому живому народу, находящемуся въ нормальномъ положеніи, система общественнаго управленія войдти въ должную силу и развиться благотворно, пока столь значительная часть государства, какъ нашъ западный и югозападный край, остается въ прежнемъ фальшивомъ положеніи, требующемъ не только бюрократическаго управленія, но почти военной диктатуры? Пока размѣщеніе общественныхъ силъ и народныхъ элементовъ въ этомъ краю останется прежнее, останутся въ прежней силѣ и всѣ элементы ненависти, озлобленія, интриги и мнительности. Нынѣшній мятежъ, какъ бы онъ ни былъ удовлетворительно оконченъ, оставитъ неизгладимыя воспоминанія, и безъ существенныхъ измѣненій въ расположеніи общественныхъ силъ въ цѣломъ западномъ краю нашемъ невозможно и думать объ искреннемъ примиреніи русскаго народа и русскаго общества съ польскимъ элементомъ.

№ 185.

Москва, 23-го августа.

Теперь, когда дипломатическій походъ на Россію окончился, и шумъ, поднятый въ Европѣ польскимъ вопросомъ, начинаетъ стихать, когда намъ предстоитъ отбиваться не столько отъ чужихъ нападеній, сколько отъ своихъ ошибокъ, теперь всего полезнѣе кажется будетъ, вмѣсто теоретическихъ разсужденій о возможныхъ рѣшеніяхъ польскаго вопроса, обратиться къ исторіи. Какъ бы ни были безпристрастны мнѣнія вызываемыя текущими событіями, въ этихъ мнѣніяхъ противники всегда хотятъ слышать голосъ страсти и увлеченія. Вотъ почему, въ подобныхъ случаяхъ, не худо прислушаться къ голосу минувшихъ событій; объ этомъ голосѣ нельзя уже сказать что онъ увлекается или что онъ пристрастенъ. Послушаемъ же что говоритъ исторія.

Было время, когда нынѣшнее Царство Польское, составившись подъ именемъ великаго герцогства Варшавскаго изъ областей отнятыхъ Наполеономъ I у Пруссіи, пользовалось правами отдѣльнаго и самобытнаго государства, имѣло своего государя, великаго герцога, въ лицѣ короля саксонскаго, своихъ особыхъ министровъ, свои законодательныя палаты (сенатъ и палату нунціевъ, или депутатовъ), свою армію сначала въ 30.000 человѣкъ, а потомъ, по расширеніи предѣловъ, въ 60.000 человѣкъ. Это было въ промежутокъ времени отъ 1807 по 1813 г. Самое основаніе этого самобытнаго государства польскаго было актомъ въ высшей степени враждебнымъ для Россіи, хотя и сопровождалось присоединеніемъ къ ней новой области входившей нѣкогда въ составъ польскаго королевства, именно области Бѣлостокской: оно совершилось по Тильзитскому миру (25-го іюня (7-го іюля) 1807 г., послѣ неудачной войны, которую Россія вела противъ Наполеона I въ союзѣ съ Пруссіей, послѣ разгрома прусскихъ армій и несчастнаго для насъ сраженія подъ Фридландомъ. Герцогство Варшавское такимъ образомъ было слѣдствіемъ и плодомъ нашихъ военныхъ неудачъ и невзгодъ, и эта первая попытка возстановить политическую самобытность Поляковъ была разчитана на дальнѣйшія наши невзгоды и бѣдствія. Такова была мысль Наполеона I, пользовавшагося Поляками, какъ средствомъ для замѣшательствъ на сѣверѣ Европы. Первымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ этой попытки возстановить политическую самобытность Польши, или лучше поиграть въ эту самобытность, было возрожденіе надеждъ на возстановленіе польскаго королевства въ прежнемъ его объемѣ и невозможность искренняго примиренія Поляковъ, оставшихся въ подданствѣ Россіи и Австріи, съ тою участью, какую судила имъ исторія. Сотни и тысячи Поляковъ, дѣйствительно, стали уходить изъ Россіи въ новое польское государство, усиливая его военныя и финансовыя средства, но не съ тѣмъ чтобы переселившись въ новый край, оставить русскія области въ покоѣ, а съ тѣмъ чтобъ увлечь ихъ по возможности за собою и отторгнуть отъ Россіи. Герцогство Варшавское стало тотчасъ же средоточіемъ всевозможныхъ интригъ и усилій, направленныхъ противъ неприкосновенности и цѣлости Русской державы. Изъ него отправлялись во множествѣ эмиссары, съ цѣлью сѣять смуты и неудовольствіе въ западныхъ областяхъ Россіи противъ правительства императора Александра I и вербовать сторонниковъ отторженія края и присоединенія его къ герцогству Варшавскому.

Но если уже одно существованіе самобытнаго польскаго государства, сопредѣльнаго съ западными областями Россіи, возбуждало въ нихъ будущихъ явныхъ враговъ Россіи, то съ другой стороны надежды возбужденныя имъ въ высшемъ польскомъ классѣ этого края получили особенную силу лишь вслѣдствіе того, что знатные Поляки ожидали осуществленія ихъ съ помощью императора Александра I. Еще будучи великимъ княземъ, императоръ Александръ I испыталъ на себѣ вліяніе льстивыхъ обращеній князя Адама Чарторыйскаго къ его рыцарству и честолюбію. Вступивъ на престолъ, онъ отличалъ его, облекъ довѣріемъ, почти насильно сдѣлалъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ Россіи и потомъ предоставилъ ему и графу Ѳаддею Чацкому завѣдываніе училищами въ западныхъ губерніяхъ, въ чемъ они нашли лучшее средство ополячивать западный и югозападный край. Колоссальная интрига была поведена противъ русскаго народа подъ маской личной преданности русскому императору.

Не столько герцогство Варшавское, сколько успѣхъ этой интриги взволновалъ и под-

нялъ на ноги всѣхъ Поляковъ. Началась дружная дѣятельность, къ которой очень способны Поляки до тѣхъ поръ пока еще не имѣютъ власти въ своихъ рукахъ. Нашъ западный край сдѣлался гораздо болѣе чѣмъ герцогство Варшавское театромъ этой дѣятельности. Во главѣ движенія сталъ тогда князь Михаилъ Огинскій, одно изъ вліятельнѣйшихъ лицъ Литвы, бывшій ея великій скарбій. Онъ и его партія старались всячески склонить императора Александра I въ пользу своихъ плановъ задуманныхъ въ національномъ польскомъ духѣ, прикрывая ихъ интересами самой Россіи, возбуждая въ императорѣ властолюбіе и надежду завладѣть герцогствомъ Варшавскимъ, лишь бы только добиться отторженія западнорусскихъ областей отъ Россіи. Огинскій взялся за это дѣло энергически и ловко. Интересна его переписка съ императоромъ Александромъ въ 1811 году. Сначала (въ письмѣ отъ 3-го мая 1811 г.) Огинскій говоритъ какъ бы совершенно въ интересѣ Россіи. Онъ обращаетъ вниманіе государя на мѣры, которыя, по его мнѣнію, были необходимы, чтобы въ случаѣ войны съ Наполеономъ I не опасаться его приверженцевъ въ Литвѣ и не имѣть дѣла въ одно и то же время съ врагами внѣшними и внутренними. Онъ только старается убѣдить императора, какъ было бы полезно возстановить офиціяльное значеніе имени Литвы, сосредоточить управленіе краемъ въ рукахъ одного лица, которое имѣло бы свой дворъ, и учредить особый сенатъ или высшее безаппелляціонное судилище для края. Но только что эти предложенія были благосклонно приняты Александромъ I, тотчасъ же сказалась, съ истинно-польскою нетерпѣливостію, задняя мысль: къ письму отъ 10-го октября 1811 г. Огинскій приложилъ цѣлый проектъ указа объ организаціи великаго княжества Литовскаго. Это великое княжество долженствовало обнимать собою, ни много ни мало, губерніи: Гродненскую (Ковенской губерніи тогда не было), Виленскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую, и области Бѣлостокскую и Тарнопольскую (въ то время принадлежавшую къ Россіи, а по Вѣнскому трактату отошедшую къ Австріи), и состоять подъ управленіемъ особаго административнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, который имѣлъ бы свою резиденцію въ Вильнѣ и на содержаніе котораго назначена была бы часть государственныхъ имуществъ края, при чемъ польскій языкъ былъ бы языкомъ офиціяльнымъ, употребительнымъ во всѣхъ дѣлахъ великаго княжества, а чиновники назначались бы исключительно изъ туземцевъ и помѣщиковъ, то-есть, изъ Поляковъ; верховный судъ, учрежденный въ Вильнѣ, вѣдалъ бы всѣ дѣла на основаніи литовскаго статута. Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ (12-го ноября 1811 г.) Огинскій препроводилъ къ императору Александру I благодарственное письмо, за подписаніемъ губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства Виленской губерніи, въ которомъ они, по уполномочію общаго и частныхъ дворянскихъ собраній губерніи, изъявляютъ полное сочувствіе планамъ князя Огинскаго. Императоръ Александръ I отвѣчалъ на это письмо высочайшимъ рескриптомъ, съ довольно неопредѣленными, правда, обѣщаніями, но съ порученіемъ Огинскому перевести этотъ рескриптъ на польскій языкъ и представить его въ этомъ видѣ на высочайшее подписаніе. Такая любезность къ польскимъ притязаніямъ сообщила имъ еще бо́льшую силу, и 1-го декабря 1811 года, Огинскій представилъ императору Александру уже мемуаръ, гдѣ намекая на возможность возсоединенія подъ его властью всѣхъ нѣкогда польскихъ областей, убѣждалъ его немедля составить изъ восьми русскихъ губерній уже не Литву, а королевство (или царство) Польское, и провозгласить себя польскимъ царемъ, обѣщая дать этому королевству конституцію, которая близко подходила бы къ польской конституціи 3-го мая 1791 года. Такъ, едва нашъ русскій Кіевъ успѣлъ превратиться въ Литву, какъ на мѣстѣ Литвы явилась Польша. Дѣло было выведено на чистоту.

Князь Огинскій, въ своихъ *Запискахъ*, передаетъ такимъ образомъ словесный отвѣтъ, данный ему императоромъ Александромъ Павловичемъ: „Возстановленіе Польши, сказалъ будто бы государь, въ томъ видѣ какъ вы мнѣ предлагаете, нисколько не противно интересамъ Россіи; это—не отчужденіе завоеванныхъ провинцій; напротивъ, Россія имѣла бы могущественную для себя ограду, привязавши къ своимъ интересамъ милліоны людей, которые не могутъ еще забыть своего прежняго независимаго существованія: они были бы счастливы и довольны, получивъ свою особую конституцію. Что же касается до титула, отчего

же мнѣ и не принять титула, короля польскаго, если это можетъ доставить удовольствіе всѣмъ Полякамъ?... Но пока еще должно ожидать хода событій“.... Такимъ образомъ, благодаря темнымъ происканъ, надъ Россіей готова была разразиться бѣда: ей серіозно грозила опасность отторженія восьми губерній, ополяченія и обращенія въ латинство милліоновъ православнаго русскаго люда, и наконецъ еще бо́льшая опасность—лишиться своего Царя и увидѣть его въ преимущественномъ качествѣ короля польскаго.—Россію выручили событія.

Опасности мирныхъ интригъ и происковъ уступили на время опасностямъ и тревогамъ отечественной войны 1812 года Поляки, такъ увивавшіеся около императора Александра I, сдѣлали разомъ *volte-face*. Они держались русскаго правительства, пока употребляли его какъ орудіе для своихъ дѣйствій направленныхъ противъ русскаго народа. Теперь они бросили русское правительство, какъ ненужную подставку. Въ самый день вступленія Наполеона въ Вильно, 16-го (28-го) іюня 1812 года, варшавскій сеймъ преобразился въ генеральную польскую конфедерацію, приглашая всѣхъ подвластныхъ Россіи Поляковъ присоединиться къ конфедераціи, покинуть русскую службу, и уже провозглашая возстановленіе прежняго королевства Польскаго. Во главѣ конфедераціи стоялъ староста Подоліи, на котораго Литва смотрѣла какъ на своего представителя, князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій. 2-го іюля Вильно, 12-го сентября Минскъ торжественно приступили къ этой конфедераціи. Въ самомъ виленскомъ соборѣ Іосифъ Сѣраковскій взывалъ къ Полякамъ идти на Москву подъ знаменами Наполеона, и на стѣнахъ Кремля водрузить старинное польское знамя. Отъ 400 до 500 студентовъ Виленскаго университета немедленно изъявили желаніе образовать изъ себя полкъ волонтеровъ. Священники, дворянство, женщины, какъ сказано было въ 6-мъ бюллетенѣ „великой арміи“, всѣ требовали независимости ихъ родины отъ Россіи. Шесть пѣхотныхъ полковъ были навербованы въ Литвѣ для этой „великой арміи“, а дворянство добровольно предложило отъ себя Наполеону I еще четыре кавалерійскіе полка и все это несмотря на холодный пріемъ оказанный имъ въ Вильнѣ депутаціи отъ варшавской генеральной конфедераціи, несмотря на то что онъ не обѣщалъ ей возстановленія прежней Польши, а прямо указалъ, что Поляки должны всего ожидать отъ собственнаго единодушія и не должны никакимъ движеніемъ, никакими происками тревожить Австрію въ спокойномъ обладаніи Галиціей (рѣчь 30 іюня (11 іюля) въ Вильнѣ).

Москва узнала на опытѣ, каково отзывается на Россіи этотъ польскій патріотизмъ, ею же подогрѣваемый. Изо всѣхъ солдатъ Наполеона польскіе солдаты производили на Русской землѣ самыя большія неистовства. Казалось, что по крайней мѣрѣ теперь Россія не возьметъ на себя заботъ о возбужденіи въ Полякахъ тѣхъ самыхъ притязаній, которыя привели ихъ на Москву. Но судьба судила иначе. Война уже приближалась къ концу; для наполеоновскихъ полчищъ началось позорное и гибельное отступленіе. Стало явно, что ни собственною силой, ни съ помощью Наполеона, Полякамъ не удастся отторгнуть отъ Россіи ея исконное достояніе, и возстановить свое прежнее королевство. Съ изумительною безцеремонностью они обратились къ прежнимъ своимъ происканъ, и еще 7-го октября 1812 г. князь Михаилъ Огинскій представилъ императору Александру I проектъ воззванія къ Полякамъ подданнымъ Россіи, герцогства Варшавскаго и Галиціи, о томъ, что онъ возстановляетъ королевство Польское въ предѣлахъ 1772 г. съ конституціей 3-го мая 1791 г., и не только даруетъ всепрощеніе за присоединеніе къ непріятелю и за враждебныя дѣйствія противъ Россіи, но и обнадеживаетъ ихъ особенною своею милостью и покровительствомъ, если только они дѣйствовали противъ Россіи изъ одного лишь польскаго патріотизма, и сверхъ всего обѣщаетъ вознагражденіе изъ русскаго государственнаго казначейства за ущербъ нанесенный польскимъ провинціямъ переходами и стоянкою русскихъ войскъ. Это было уже черезчуръ либерально: императоръ Александръ I ограничился дарованіемъ прощенія (12-го декабря 1812 г.); впрочемъ въ то же время, въ письмѣ къ князю Адаму Георгію Чарторыйскому (отъ 1-го января 1813 г.), заявилъ что онъ остается вѣренъ своимъ планамъ, но что образъ дѣйствій польской арміи при разореніи Смоленска, Москвы и т. д. возбудилъ старую національную ненависть, и что герцогство Варшавское, заключивъ союзъ съ Россіей, должно напередъ примирить съ собой эту послѣднюю. Между тѣмъ и этого союза не потребова-

лось. Русскія войска заняли герцогство Варшавское, которое не имѣло ни малѣйшей возможности сопротивляться. Герцогство Варшавское, имѣвшее еще большія размѣры, чѣмъ нынѣшнее царство Польское, фактически, по праву войны, было уже во власти Россіи.

Въ такомъ положеніи было польское дѣло, когда открылся Вѣнскій конгрессъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ никто и не думалъ оспаривать у Россіи обладаніе значительнѣйшею частью герцогства Варшавскаго. Безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны европейскихъ державъ и безъ всякихъ условій, теперешнее царство Польское могло бы быть присоединено къ Россіи въ качествѣ ея провинціи. Поляки оспариваютъ это, но они искажаютъ истину. Вся Европа не только соглашалась, но и настаивала на то, что было въ интересѣ Россіи и въ интересѣ всеобщаго спокойствія. Въ первомъ офиціяльномъ документѣ по этому предмету, именно въ письмѣ къ императору Александру I, отъ 14-го октября 1814 г., къ которому присоединенъ былъ еще подробный мемуаръ, лордъ Кассльри, представитель Англіи на конгрессѣ, прямо говоритъ: „Умоляю Ваше Величество не думать, что я противъ значительнаго увеличенія вашихъ владѣній со стороны польскихъ границъ, или что я безъ удовольствія сталъ бы смотрѣть на такое увеличеніе. Возраженія мои касаются только предѣловъ и формы такого увеличенія. Ваше Величество можете получить очень обширный залогъ благодарности къ вамъ Европы, не требуя отъ вашихъ союзниковъ и вашихъ сосѣдей условій, несогласныхъ съ ихъ политическою независимостью.“ Британскій посолъ, точно также какъ Австрія и Пруссія, заботились только о томъ, чтобы предостеречь императора Александра отъ возстановленія пышнаго титула королевства (или царства) Польскаго, и ставляли ему на видъ, что это событіе будетъ имѣть пагубныя послѣдствія для самой же Россіи, для пограничныхъ областей ея. Они понимали, что для Поляковъ это непремѣнно будетъ лишь промежуточною станціей. Устами лорда Кассльри говорила мудрость опытнаго политическаго человѣка. „Все чего желаютъ ваши союзники и Европа, писалъ лордъ Кассльри въ томъ же документѣ, клонится къ тому, чтобы Ваше Величество, ради сохраненія мира, шли путемъ постепеннаго усовершенствованія административной системы въ Польшѣ, и если вы не рѣшились на полное ея возстановленіе и на предоставленіе ей совершенной независимости, то отказались бы отъ пышнаго титула (короля польскаго), который распространилъ бы тревогу въ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ, и, льстя честолюбію небольшаго числа знатныхъ лицъ, въ сущности доставилъ бы менѣе свободы и благоденствія чѣмъ болѣе умѣренная и болѣе скромная перемѣна въ административной системѣ страны.“ Далѣе, въ своемъ мемуарѣ, отъ того же числа, онъ говоритъ: „повидимому Ваше Величество имѣете намѣреніе присоединить герцогство Варшавское къ русскимъ провинціямъ, доставшимся Россіи по первымъ раздѣламъ Польши, и образовать изъ нихъ отдѣльную монархію, управляемую Вашимъ Величествомъ въ качествѣ короля польскаго, на условіяхъ, которыя покажутся пригодными для возстановленія королевства подъ властью русской династіи.... Этотъ проектъ долженъ былъ сильно встревожить и смутить дворы австрійскій и прусскій, и вообще породилъ опасенія во всѣхъ государствахъ Европы.... Такое приглашеніе, обращенное ко всѣмъ Полякамъ, собраться подъ знаменемъ Россіи для возстановленія ихъ королевства, новыя надежды, имъ даруемыя, новый пылъ, въ нихъ возбуждаемый, новое поприще, открываемое для дѣятельности и крамолъ этого легкомысленнаго и безпокойнаго народа, возможность возобновленія въ будущемъ тѣхъ бореній, въ которыя такъ долго вдавались Поляки какъ другъ съ другомъ, такъ и съ своими сосѣдями, всѣ эти и многія другія соображенія бросаются въ глаза каждому и оправдываютъ опасенія Европы.“

Вотъ какъ либеральная Европа, 50 лѣтъ тому назадъ, смотрѣла на планы и попытки императора Александра, направленные къ возстановленію Польскаго королевства. Кто бы могъ подумать, что та же самая Англія и даже Австрія будутъ ссылаться на акты Вѣнскаго конгресса, ими колоть намъ глаза, и во имя ихъ требовать отъ насъ уступокъ, которыя по необходимости они должны признавать невозможными?

Въ предостереженіяхъ недостатка не было; но императоръ Александръ I оставался вѣренъ либерально-польскимъ планамъ, и 31-го декабря 1814 г., въ приложеніяхъ къ нотѣ графа Нессельроде, адресованной Меттерниху, Гарденбергу и Кассльри, впер-

вые были формулированы тѣ условія, которыя перешли потомъ въ отдѣльные трактаты Россіи съ Австріей и съ Пруссіей (оба отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 г.), а наконецъ и въ первую статью заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса, ту самую, которую теперь намъ тычутъ въ глаза, хотя русскій же императоръ и внесъ ее въ актъ. Вотъ какъ выражены эти условія въ нотѣ 31-го декабря 1814 г.: „Остальная часть Варшавскаго герцогства отходитъ къ русской державѣ, какъ единое государство (comme état uni), которому Его Императорское Величество предоставляетъ себѣ дать національную конституцію и расширеніе границъ, какое признаетъ пригоднымъ. Его Величество Императоръ Всероссійскій, желая сдѣлать всѣхъ Поляковъ причастными благодѣяніямъ національной администраціи, ходатайствуетъ предъ августѣйшими своими союзниками въ пользу ихъ подданныхъ этой націи, въ видахъ обезпеченія за ними провинціяльныхъ учрежденій, которыя основывались бы на справедливомъ вниманіи (égards) къ ихъ національности, и въ видахъ дарованія имъ участія въ управленіи ихъ страною.“ Въ трактатѣ съ Австріей эти условія высказаны въ томъ же видѣ, какъ въ заключительномъ актѣ конгресса, но въ трактатѣ съ Пруссіей есть нѣкоторая перемѣна, а именно — вмѣсто: „Поляки, подданные трехъ державъ, получатъ *представительство и учрежденія національныя*, сказано: „Получатъ *учрежденія, обезпечивающія ихъ національность*.“

Не странно ли, что Россія сама хлопотала о сохраненіи польской національности, которой вся сущность и вся сила заключаются въ отрицаніи Россіи и въ борьбѣ противъ нея?

Когда Англія убѣдилась въ непреклонной рѣшимости императора Александра возстановить Царство Польское, тогда лордъ Кассльри тотчасъ же перемѣнилъ тонъ. До сихъ поръ онъ говорилъ за Россію противъ ея императора. Теперь онъ принялъ враждебный тонъ противъ Россіи и заговорилъ прямо объ отторженіи Польши.

12-го января 1815 г., когда уже оказалось, что императоръ Александръ, по словамъ лорда Кассльри, „неизмѣнно упорствуетъ въ своемъ проектѣ образовать изъ отходящихъ къ нему областей великаго герцогства Варшавскаго королевство (Польское), чтобы сдѣлать его частью своей имперіи, и когда императоръ австрійскій и король прусскій, наиболѣе заинтересованные въ дѣлѣ, отказались отъ своего сопротивленія“, тогда лордъ Кассльри подалъ объявленіе для внесенія въ протоколъ конгресса, объявленіе, въ которомъ, соглашаясь въ сущности съ желаніями императора Александра, онъ заявляетъ, будто бы „его дворъ постоянно обнаруживалъ желаніе видѣть въ Польшѣ независимое государство, болѣе или менѣе значительное по своему пространству, которое управлялось бы особою династіей, и составляло бы державу промежуточную (intermédiaire) между тремя великими монархіями.“ Какъ ни мало согласовались подобныя желанія съ интересами Австріи, однако же и она соревнуя либерализму Александра I, занесла въ протоколъ, что и она „не пожалѣла бы болѣе значительныхъ пожертвованій для благотворнаго возстановленія прежняго порядка вещей“, предшествовавшаго раздѣламъ Польши, въ которыхъ она приняла только вынужденное участіе. Въ русскомъ отвѣтѣ на ноту лорда Кассльри сказано было, что „Его Величество принужденъ былъ ограничить свою заботливость въ пользу польской націи желаніемъ доставить ей подъ сѣнью каждой изъ трехъ державъ образъ существованія, который удовлетворялъ бы ея законнымъ желаніямъ.“ Только Пруссія ограничилась простымъ и сухимъ заявленіемъ своихъ добрыхъ намѣреній, безъ всякаго либеральничанья. Разчеты Англіи и Австріи въ этомъ случаѣ были очевидны: серіознаго значенія своимъ заявленіямъ онѣ не придавали, а имѣли въ виду произвести эффектъ на Поляковъ и понизить въ ихъ глазахъ цѣну либерализма Александра, въ чемъ они дѣйствительно и успѣли. Уже въ это время дѣло Поляковъ вступило въ сферу безконечныхъ мистификацій, изъ которыхъ оно и до сихъ поръ не выбралось. Поляки стали такимъ же орудіемъ къ поддержанію политическаго равновѣсія Европы противъ Россіи, какимъ служитъ сохраненіе жалкаго существованія Турецкой имперіи, съ тою разницей, что Турцію берегутъ, а силы Поляковъ расточаются самымъ безплоднымъ образомъ.

№ 186.

Москва, 24-го августа.

Надобно сказать правду: въ нашей русской натурѣ чрезвычайно много довѣрчивости и привычки жить и дѣйствовать на

авось. Многіе у насъ все еще продолжаютъ мечтать, что авось какъ-нибудь удастся примирить Поляковъ съ русскимъ правительствомъ посредствомъ уступокъ національнымъ польскимъ притязаніямъ, а между тѣмъ историческій опытъ, задуманный и произведенный въ самыхъ широкихъ, самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, уже далъ намъ кровавый урокъ, и доказалъ до очевидности всю несбыточность и всю пагубу этихъ надеждъ.

Съ величайшею искренностью и самоотверженіемъ искалъ императоръ Александръ I развязки запутанныхъ историческихъ отношеній между двумя соплеменными народами и думалъ найдти ее въ возстановленіи политической самобытности Поляковъ, по возможности, на всемъ протяженіи прежняго ихъ королевства, и въ дружественомъ соединеніи этого возстановленнаго королевства съ русскою имперіей подъ властью одной и той же династіи. Онъ надѣялся водворить миръ и любовь тамъ, гдѣ прежде господствовали только раздоры и ненависть, и вступалъ на путь къ осуществленію позднѣе развившейся, такъ-называемой славянофильской, метафизики въ польскомъ вопросѣ. Что же произошло изъ этой повидимому столь великодушной политики, отъ которой не могли воздержать Александра ни тѣсный союзъ Поляковъ съ явнымъ врагомъ его Наполеономъ I, ни явная злоумышленность плановъ Чарторыйскаго и Огинскаго, клонившихся къ ополяченію и отторженію отъ Россіи чисто-русскихъ областей, ни открытая измѣна литовскихъ Поляковъ, ни предостереженія лорда Кэссльри и другихъ иностранныхъ державъ? Дѣло доведено было почти до конца, съ непоколебимою твердостью, достойною лучшей цѣли, и результатомъ своимъ имѣло только оживленіе и усиленіе польскихъ притязаній, несовмѣстныхъ съ цѣлостью русской державы и твердостію русскаго трона, и вызвавшихъ еще большую чѣмъ прежде вражду между двумя народами.

Искренность примирительной политики императора Александра доказывается между прочимъ конституціей, которую онъ даровалъ Царству Польскому 15-го (27-го) ноября 1815 г. Въ ней даны были полныя гарантіи для независимости Царства Польскаго въ отношеніи къ Россіи. Въ политическомъ отношеніи далеко не удовлетворительная, она много выигрываетъ однакоже при сравненіи съ конституціей, которую Наполеонъ I далъ герцогству Варшавскому въ 1807 году и съ которою она имѣетъ вообще разительное сходство. Перемѣны, внесенныя въ эту наполеоновскую конституцію, были всѣ благопріятны для политической свободы. Поляки не могли жаловаться на недостатокъ политическихъ вольностей, особенно если принять во вниманіе повсемѣстную славу объ ихъ анархическихъ наклонностяхъ и трудность положенія императора въ отношеніи къ русскимъ его подданнымъ, которую онъ и самъ чувствовалъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его рѣчи при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ 15-го (27-го) марта 1818 г.: „Я надѣюсь, съ Божіею помощью, распространить благотворное вліяніе началъ, лежащихъ въ основѣ этихъ либеральныхъ учрежденій и не переставшихъ быть предметомъ моей заботливости, на всѣ страны, ввѣренныя Промысломъ моимъ попеченіямъ. Вы доставили мнѣ способъ показать моему отечеству что я готовлю издавна для него и что оно получитъ, какъ только элементы такого важнаго дѣла достигнутъ необходимаго развитія."

Что права, данныя Полякамъ, императоръ намѣревался соблюдать свято, это обнаружилось въ концѣ засѣданій перваго сейма. Одинъ изъ проектовъ закона, представленныхъ сейму, не получилъ большинства голосовъ въ обѣихъ палатахъ, и государь отказался отъ него, замѣтивъ въ рѣчи, которою закрывался сеймъ: „Свободно избранные, вы долженствовали свободно выражать ваши мнѣнія. Этою двойственною неприкосновенностью долженъ всегда отличаться истинный характеръ народнаго представительства, которое я желалъ собрать вокругъ себя, чтобы чрезъ посредство его выслушивать откровенное и полное выраженіе общественнаго мнѣнія." Если настоящія сейма 1820 г. насчетъ улучшенія дѣйствительно-недостаточной системы судопроизводства чрезъ введеніе присяжныхъ были отвергнуты, то императоръ былъ вынужденъ къ тому отсутствіемъ въ Польшѣ элементовъ этого учрежденія, такъ какъ все народонаселеніе страны распадалось на господствующій классъ пановъ и на презираемые, безправные классы хлоповъ и Евреевъ. При такихъ условіяхъ судъ присяжныхъ не представилъ бы никакихъ обезпеченій для правосудія.

Отъ самихъ Поляковъ зависѣло содѣйствовать дальнѣйшему развитію ихъ поли-

тической жизни, но они оказались неспособны къ самообладанію, и достигли только ограниченія предоставленныхъ имъ правъ. Такъ, приказомъ намѣстника генерала Зайончка (который былъ назначенъ, несмотря на то что сражался противъ Россіи въ рядахъ Наполеона), отъ 22-го мая 1819 г., предварительная цензура была сначала установлена для всѣхъ періодическихъ изданій, а потомъ (16-го іюля, 1819 г.) и для всѣхъ вообще произведеній печати, а указомъ самого императора Александра, отъ 3-го февраля 1825 г., отмѣнена была необходимая принадлежность представительныхъ собраній, именно публичность ихъ засѣданій и преній. Третій сеймъ былъ созванъ не въ 1822 году, какъ слѣдовало по уложенію, а въ 1825 году.

Впрочемъ сами Поляки сознаются что они хотѣли вовсе не политическихъ успѣховъ, и возстали въ 1830 году вовсе не за политическія права, а за возстановленіе прежняго политическаго могущества своего королевства. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ историковъ польскаго возстанія 1830 и 31 гг., Морицъ Мохнацкій, котораго никто не заподозритъ въ пристрастіи къ русскому правительству (въ сочиненіи изданномъ въ Парижѣ въ 1834 г.):

„Я спрашиваю, говоритъ онъ, еслибы Русскіе даже святѣйшимъ образомъ соблюдали конституціонное учрежденіе въ Царствѣ Польскомъ, то полное его развитіе не привело ли бы еще скорѣе къ возстанію, чѣмъ его ограниченіе? Революція лежала въ основаніи самаго учрежденія Царства, и русскіе государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой же самой причинѣ я не вывожу революціи изъ недостатковъ правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, еслибы мы были независимы.“

А въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ:

„По моему убѣжденію, ни свобода, ни учрежденія, каково бы ни было ихъ достоинство, не въ силахъ усладить судьбу націи, которая нѣкогда была велика и могущественна, въ послѣдствіи пришла въ упадокъ и затѣмъ желаетъ вновь возвыситься. Такая страна находится въ состояніи постоянныхъ инсуррекцій, такой народъ живетъ только возстаніемъ, и въ немъ одномъ видитъ свое назначеніе. Царство Польское, основанное конгрессомъ, было только частицей общаго національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи по стольку лишь имѣли значеніе, по скольку они доставляли возможность законнымъ путемъ выказывать оппозицію главнѣйшимъ врагамъ польскаго имени.“ *)

Но даже и эти виды на возстановленіе могущественнаго королевства Польскаго никогда не были такъ близки къ своему осуществленію какъ въ царствованіе Александра I. Полякамъ нечего было жаловаться на зависимость отъ Россіи: самостоятельность Польскаго царства достаточно была ограждена конституціей 1815 г. Почти единственною связью между Россіей и Польшей было лицо государя, и единственное обезпеченіе, что Польша не употребитъ въ нормальное время, своей особой арміи для войны противъ Россіи, заключалось въ томъ, что „право объявлять войну (а также и заключать какіе бы то ни было трактаты и конвенціи) предоставлено было царю польскому“ (§ 40 конституціи 1815 г.). Вообще же отношенія Царства Польскаго къ Россіи опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: отношенія внѣшней политики Имперіи долженствовали быть общими и Царству Польскому; на сколько внѣшнія сношенія касались царства, они поручались министру государственному секретарю, который находился при особѣ государя и чрезъ котораго происходили всѣ сношенія государя съ его намѣстникомъ. Право опредѣлять участіе Польши въ войнахъ Россіи, а равно и въ мирныхъ или торговыхъ трактатахъ принадлежало исключительно одному государю, безъ контроля со стороны палатъ, но войска польскія никогда не могли быть употребляемы внѣ Европы (припомнимъ, что Наполеонъ I расточалъ кровь Поляковъ герцогства Варшавскаго въ странахъ самыхъ отдаленныхъ, съ которыми у Поляковъ не могло быть никакихъ счетовъ, какъ напримѣръ въ Испаніи). Этимъ собственно и оканчивались всѣ отношенія Польши къ Россіи, такъ какъ даже содержаніе русскихъ войскъ,

*) Эти слова польскаго историка приведены нами въ томъ видѣ, какъ они переданы въ недавно-вышедшей, въ русскомъ переводѣ г. Квитницкаго первой части очень интереснаго сочиненія Смита о польскомъ возстаніи 1830 и 31 гг. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ обратить вниманіе публики на эту книгу.

еслибы потребовалось вступленіе ихъ въ Польшу, а равно и содержаніе польскихъ войскъ, при вступленіи ихъ въ Россію, оставалось на обязанности соотвѣтствующихъ странъ. Намѣстникомъ своимъ императоръ могъ назначить изъ Русскихъ только кого-либо изъ принцевъ крови; въ противномъ же случаѣ, выборъ долженъ былъ падать на природнаго или натурализованнаго Поляка. Всѣ должности, гражданскія и военныя, должны были исключительно замѣщаться Поляками. Для натурализаціи и полученія доступа къ должностямъ требовалось имѣть поземельную собственность въ Польшѣ, владѣть польскимъ языкомъ, на которомъ производились всѣ дѣла, и прожить въ странѣ по меньшей мѣрѣ пять лѣтъ, при безукоризненномъ поведеніи.

Что самъ императоръ Александръ искренно желалъ присоединить къ новому Царству Польскому если не всѣ западныя и юго-западныя области Россіи, то значительную часть ихъ, въ томъ тоже не можетъ быть сомнѣнія. Первая статья Вѣнскаго трактата служитъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ. Начало выполненію этого плана было уже положено присоединеніемъ Бѣлостокской области, которая досталась Россіи въ 1807 г. по Тильзитскому миру, какъ вознагражденіе за всѣ ея пожертвованія во время прусско-польской кампаніи. Почти въ каждой рѣчи императора на сеймѣ были намеки на то, что онъ имѣетъ въ виду выполненіе этого плана. При открытіи втораго сейма въ 1820 г. государь между прочимъ сказалъ: „Поляки! По мѣрѣ того какъ узы братства, навсегда соединяющія васъ съ Россіей, упрочиваются...., открытое мною вамъ поприще расширяется и сглаживается. Еще нѣсколько шаговъ, направляемыхъ мудростью и умѣренностью, запечатлѣнныхъ довѣріемъ и прямодушіемъ, и вы достигнете цѣли вашихъ и моихъ надеждъ. Я вдвойнѣ порадуюсь, когда увижу, что мирное пользованіе вашими вольностями упрочило ваше національное существованіе, и скрѣпило неразрывную связь благоденствія между обѣими нашими отчизнами.“ И еще въ 1825 г. онъ говорилъ Полякамъ на сеймѣ: „Будущность вашей родины въ вашихъ рукахъ; окажите ей тѣ услуги, которыхъ она ждетъ отъ васъ, и помогите мнѣ въ выполненіи моихъ желаній, которыхъ я никогда не переставалъ питать въ ея пользу“. Еслибы политическіе руководители общественнаго мнѣнія въ Польшѣ обнаружили сколько-нибудь политической способности, тогда дѣло ихъ, дѣло присоединенія русскихъ западныхъ областей къ Польшѣ могло бы быть выиграно ими противъ Россіи. Но по счастію для Россіи, и на этотъ разъ Поляки обнаружили отсутствіе всякой способности къ самообладанію,— этотъ всегдашній недостатокъ людей стремящихся къ невозможному. Уступки императора Александра вызвали въ нихъ не благодарность, а притязательность, и эта притязательность нашла себѣ поприще въ тайныхъ обществахъ, принявшихъ тотчасъ же враждебный характеръ не только къ Россіи, но и къ императору Александру, благодѣтелю Польши. Памятникомъ этой печальной эпохи было только то, что Поляки воспользовались съ большою энергіей царствованіемъ Александра для углубленія корней полонизма и латинства въ западныхъ краяхъ Россіи.

Въ этомъ отношеніи вредъ, нанесенный Россіи и русскому элементу, былъ очень значителенъ. Князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій, въ бытность свою еще министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, вытребовалъ отъ австрійскаго правительства изъ Ольмюцкой крѣпости Колонтая, и поручилъ ему вмѣстѣ съ ученымъ и ревностнымъ польскимъ патріотомъ графомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ составить планъ для будущаго воспитанія молодежи въ Литвѣ. Будучи впослѣдствіи назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, онъ заботился о приведеніи въ исполненіе этого плана, между тѣмъ какъ графъ Чацкій еще съ большею ревностью дѣйствовалъ въ томъ же духѣ на юго-западѣ Россіи. На собственныя свои средства онъ основалъ гимназію въ Кременцѣ и 120 школъ въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. „Все воспитаніе и обученіе, говоритъ Смитъ въ своей исторіи польскаго возстанія 1830—31 г., было такъ разчитано, чтобы сообщить юношеству любовь не къ новому ихъ отечеству, а къ давно погибшему ихъ государству; ихъ старались воспитывать какъ Поляковъ, которые должны всю жизнь свою ненавидѣть Россію.“ Не должно при этомъ забывать широко распространившейся въ то же время дѣятельности въ этихъ краяхъ отцовъ-іезуитовъ, которые только въ 1821 году были наконецъ удалены изъ Россіи.

Всѣ эти усилія окончательно ополячить и олатинить западныя области Россіи тѣмъ меньшій могли находить отпоръ со стороны русскаго общества или правительства, что самъ императоръ не отвергалъ видовъ на присоединеніе этихъ областей къ Польшѣ. Когда выполненіе этихъ плановъ вслѣдствіе неразумія самихъ Поляковъ и въ виду неудовольствій, которыя оно возбудило бы въ Россіи, оказалось невозможнымъ, и когда съ воцареніемъ императора Николая I они были молча преданы забвенію, дѣло было уже отчасти сдѣлано, и должно было вскорѣ принести горькіе плоды. Россія нажила себѣ враговъ гораздо болѣе опасныхъ чѣмъ во время отдѣльнаго существованія Рѣчи Посполитой. Бороться съ ними, передѣлывать дѣло полонизаціи западныхъ губерній было трудно, а между тѣмъ невозможно было уйдти отъ борьбы. При вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай I, впрочемъ, объявилъ Полякамъ, манифестомъ отъ 13-го (25-го) декабря 1825 г., что его правленіе будетъ только продолженіемъ царствованія его брата, и что всѣ дарованныя имъ учрежденія будутъ сохранены безъ перемѣны; всѣ должностныя лица, въ томъ числѣ и генералъ Зайончекъ, были удержаны на своихъ мѣстахъ, и только смуты въ началѣ царствованія и послѣдовавшія затѣмъ двѣ войны, персидская и турецкая, — войны, въ которыхъ дѣло обошлось, впрочемъ, безъ участія польской арміи, — не дозволили созвать польскій сеймъ прежде 28-го мая 1830 года. Рѣчь сказанная при открытіи сейма, отличалась отсутствіемъ всякихъ фразъ и увѣщаній, серіознымъ и дѣловымъ характеромъ, и обличала твердое намѣреніе не нарушать вольностей Царства Польскаго, но и не дозволять никакого злоупотребленія дарованными правами. Первымъ своимъ польскимъ сеймомъ императоръ Николай остался вообще доволенъ, и выразилъ только сожалѣніе, что проектъ закона о поводахъ къ уничтоженію законности брака и о разводѣ, будучи единодушно принятъ сенатомъ, былъ отвергнутъ палатою „пословъ“, или депутатовъ. Даже сами возмутившіеся Поляки, настаивая въ своемъ манифестѣ, отъ 20-го декабря 1830 г., на томъ, что западныя области Россіи, вопреки обѣщаніямъ, не были присоединены къ Польшѣ, не могли высказать никакого другаго обвиненія противъ императора Николая, котораго однакоже они сочли за нужное лишить престола, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ закрытія императоромъ Николаемъ I перваго сейма (28-го іюня), именно 29-го (17-го) ноября 1830 г., въ Варшавѣ уже вспыхнуло вооруженное возстаніе. Почти вся польская армія перешла на сторону мятежа, который не замедлилъ найдти горячее сочувствіе и въ польскомъ населеніи западныхъ, и юго-западныхъ областей Россіи, и который пришлось подавлять цѣлыми потоками крови и грудами труповъ. Вотъ чѣмъ разрѣшилась славянофильская политика примиренія, начатая такъ искренно императоромъ Александромъ I.

Самыя основы этой политики были фантастическія, чтобы не сказать ложныя. Уже возстановленіе самобытнаго Царства Польскаго, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ, было въ самомъ основаніи своемъ, какъ выразился Мохнацкій, актомъ революціоннымъ, разчитаннымъ на ниспроверженіе законныхъ правъ: оно само собою влекло къ мысли о расширеніи предѣловъ Царства насчетъ Россіи, что и было прямо обѣщано императоромъ Александромъ, а на этомъ основаніи, очевидно, никакое примиреніе между Поляками и Русскими рѣшительно невозможно.

№ 187.

Москва, 27-го августа.

Нынѣшній польскій мятежъ наконецъ, обозначился во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Тайна этого возстанія — теперь не тайна для цѣлаго міра. Ни одинъ изъ серіозныхъ политическихъ людей въ Европѣ не назоветъ теперь этого мятежа народнымъ возстаніемъ, изъ котораго можетъ выйдти что-нибудь положительное. Только нѣкоторыя закупленныя французскія газеты еще зарабатываютъ полученную ими мзду и вяло повторяютъ избитыя фразы, которыхъ никто уже не читаетъ. Все что только есть лучшаго, умнаго и дѣльнаго въ Европѣ, все съ чѣмъ только можно считаться, понимаетъ всю безнадежность нынѣшняго польскаго дѣла, и относительно его сущности совершенно согласно съ сужденіемъ русскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшіе люди изъ самихъ Поляковъ понимаютъ это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, и еще менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что громадное большинство народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ полное право сѣтовать, ви-

для себя брошеннымъ безъ защиты и отданнымъ на жертву жандармовъ вѣшателей. Исторія не представляетъ примѣра болѣе возмутительнаго положенія дѣлъ. Всѣ знаютъ, что гражданская администрація въ Польшѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ измѣнниковъ, вольныхъ или невольныхъ, и болѣе невольныхъ чѣмъ вольныхъ; всѣмъ извѣстно, что чиновники въ Царствѣ Польскомъ поощряются къ измѣнѣ законному правительству и во всякомъ случаѣ ничего не теряютъ отъ неисполненія своего долга, а за исполненіе долга, за вѣрность присягѣ, неминуемо подвергаются петлѣ или удару кинжаломъ изъ-за угла.

Мы не разъ уже приводили, для примѣра, положеніе, въ которомъ находилась наша сѣверная столица назадъ тому года два. Россіи, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація, которая разыгрывается теперь съ большимъ успѣхомъ въ Царствѣ Польскомъ. Пусть читатели вспомнятъ, какіе элементы, въ теченіи довольно долгаго времени господствовали надъ нашимъ обществомъ, развращая молодежь обоего пола. Нельзя безъ омерзенія подумать, что эти элементы были близки къ тому чтобы превратиться въ такое же подземное правительство, какое теперь властвуетъ въ Польшѣ. Пусть русская публика вспомнитъ этотъ недавній позоръ Россіи; пусть вспомнитъ она, подъ какимъ ужаснымъ кошемаромъ находилось у насъ цѣлое здоровое и сильное общество; пусть вспомнитъ она какъ посѣдѣвшіе люди подличали предъ двѣнадцатилѣтними мальчишками, считавшихъ представителями новой мудрости долженствующей преобразить дѣлый міръ, какъ воспитатель пассовалъ предъ своимъ воспитанникомъ, какъ профессоръ боялся выставить студенту баллъ соотвѣтствующій его нахальному невѣжеству, какъ начальствующія лица, и лица высоко поставленныя, трепетали того, что скажетъ о нихъ помѣшанный фразеръ въ Лондонѣ,—пусть вспомнитъ она этихъ чиновниковъ – прогрессистовъ, коммунистовъ и соціалистовъ, которыхъ такое множество расплодилось въ Россіи;—пусть вспомнитъ она ту шутовскую и тѣмъ не менѣе печальную революцію, которую производили студенты на петербургскихъ улицахъ, и которая не осталась безъ серіозныхъ послѣдствій даже для всего министерства народнаго просвѣщенія;—пусть вспомнитъ она всѣ тѣ нелѣпости, безумства, весь тотъ неслыханный „нигилизмъ“, который господствовалъ въ нашей литературѣ„ и эту непонятную терроризацію, посредствомъ которой всякій мальчишка, наконецъ всякій негодяй, всякій „жуликъ“ (sit venia verbo) могъ приводить въ конфузъ самыя безспорныя права, самые положительные интересы, наконецъ логику здраваго смысла. Все это было такъ недавно, все это еще у всѣхъ на свѣжей памяти, все это еще и теперь не совсѣмъ замерло, все это можетъ-быть еще (да сохранитъ насъ Богъ отъ этого позора!) отдохнетъ и очнется. Была же значитъ сила въ этихъ ничтожныхъ элементахъ; было же значитъ нѣчто такое что̀ давало имъ силу. Еще, казалось бы, одинъ шагъ, и у насъ началась бы настоящая терроризація... Были же и у насъ какія-то тайныя общества, какіе то центральные комитеты, издавшіе свои прокламаціи; получались же и у насъ разными лицами подметныя писанія съ ругательствами и всякими угрозами. Въ сравненіи съ русскимъ народомъ, съ этимъ великимъ, могущественнымъ цѣлымъ, всѣ эти элементы разложенія кажутся теперь ничтожною тлей, о которой стыдно говорить; но эта тля была же однако въ силѣ, эта тля воображала же себя близкою къ полному господству, и дѣйствовала же она съ удивительною самоувѣренностію. Что давало ей эту силу? Что̀ внушило ей эту самоувѣренность? Представьте себѣ, что вся эта наша революціонная гниль сосредоточилась бы не въ Петербургѣ, а въ какомъ-либо другомъ городѣ; представьте себѣ, что всѣ эти элементы разложенія не находились бы ни въ какомъ отношеніи къ административнымъ сферамъ,—и подумайте, что̀ могли бы они значить, и какое дѣйствіе могли бы они производить? Они могли бы быть только предметомъ смѣха. Что̀ же заставляло всѣхъ опасаться, что̀ же заставляло всѣхъ тревожно оглядываться, что̀ заставляло всѣхъ конфузиться и пассовать? Ничто иное какъ лишь то, что всѣ эти элементы возникали и развивались въ Петербургѣ, или подъ его вліяніемъ; ничто иное какъ лишь то, что эти элементы дѣйствительно захватывали частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и на все. Многіе въ Петербургѣ полагали, что это земля русская порождаетъ изъ сво-

ихъ нѣдръ элементы разложенія, а земля Русская, недоумѣвая, видѣла въ этихъ элементахъ, признаки какого-то новаго порядка вещей, новой системы, которая на нее налагалась. Раскрыть недоразумѣнія, распутать интригу, которая, пользуясь обстоятельствами, умѣла поддерживать эти элементы, давать имъ ходъ и сообщать имъ ту фальшивую силу, которою они такъ долго пользовались, внушая опасенія даже самымъ серіознымъ людямъ, было трудно. Представимъ же себѣ, на минуту, что наши высшія власти были бы такого же свойства и были бы точно также поставлены какъ польскія власти въ Варшавѣ,— представимъ себѣ, что вся наша администрація вдругъ наполнилась бы такими же неблагонадежными элементами, какими наполнилась вся администрація въ Царствѣ Польскомъ, и которые не только не препятствовали бы развитію дѣйствій революціонной организаціи, а напротивъ всячески способствовали бы ей,—и вотъ, даже безъ помощи ксендзовъ и европейской агитаціи, мы получили бы у себя явленіе совершенно аналогическое тому, которое происходитъ теперь въ Польшѣ. И у насъ пожалуй стали бы вѣшать непокорныхъ помѣщиковъ, отказывающихъ въ контрибуціи подземнымъ властямъ, и у насъ были бы жертвы подобныя Мишишевскому, и у насъ стали бы насильно загонять крестьянъ въ лѣса, какъ уже впрочемъ и были къ тому попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи подобная мистификація не могла бы продлиться; но смутъ и всякаго рода бѣдствій она причинила бы не мало, и бѣдствія эти обрушились бы главнымъ образомъ на мирныя народонаселенія.

Кто слѣдилъ за ходомъ польскихъ дѣлъ со временъ намѣстничества князя Горчакова, тотъ не можетъ усомниться въ свойствахъ нынѣшняго возстанія. Какъ выше замѣтили мы, никто уже въ этомъ и не сомнѣвается болѣе, — никто, кромѣ русскихъ публицистовъ. Читатели помнятъ какое зрѣлище представляла русская журналистика при началѣ польскаго возстанія, какія въ русскихъ газетахъ печатались статьи, или какое странное слышалось въ нихъ молчаніе. Мы помнимъ это печальное время, когда нашъ голосъ раздавался одиноко и когда насъ упрекали въ кровожадности за то, что мы старались припомнить и русскимъ людямъ, и Полякамъ, и напиравшей на насъ Европѣ, что есть на свѣтѣ страна называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ называемый русскимъ, народъ, который, что бы ни случилось, непремѣнно дастъ себя почувствовать. Онъ наконецъ и далъ себя почувствовать, и затѣмъ, въ скоромъ времени, измѣнилось зрѣлище представляемое нашею журналистикой; нѣмотствующіе заговорили, и наши публицисты пошли писать патріотическія статьи. Однако дѣла въ Царствѣ Польскомъ не поправлялись, а шли все хуже и хуже. Причины этого явленія очевидны для всякаго способнаго вглядѣться въ дѣло; причины эти заключаются въ совершенно ошибочной, совершенно невозможной системѣ, которой мы до сихъ поръ тамъ держались. И никто до сихъ поръ не находилъ что сказать въ ея защиту. За то теперь, вдругъ, какъ бы по манію магическаго жезла, три газеты въ одно время ополчились, прямо или косвенно, на защиту этой системы, и всѣ три устремили свое оружіе противъ насъ: *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *День*.

Газета *День*, въ послѣднемъ своемъ нумерѣ, посвятила руководящую статью возраженію на наши мнѣнія по польскому вопросу. Эта газета видитъ въ насъ, какъ она выражается, „несомнѣннаго представителя большинства русскаго общества“, и возражая намъ, имѣетъ собственно въ виду большинство русскаго общества. Но если намъ довелось быть органомъ большинства русскаго общества, то этой газетѣ пришлось примкнуть къ большинству нашей журналистики, и стать за одно съ вышеупомянутыми петербургскими газетами. Несмотря на нѣкоторыя оригинальности—въ умозрѣніи и способѣ выраженія, взгляды этихъ трехъ газетъ близко сходятся относительно практической стороны польскаго вопроса, и совпадаютъ въ апологіи дѣйствующей тамъ до сихъ поръ системы управленія.

Что касается до умозрительной стороны доктрины излагаемой въ *Днѣ*, то она заключается въ двухъ словахъ: начало общественное и начало политическое, или государственное. Вся тайна польскаго вопроса, по толкованію этой газеты, заключается въ томъ, что Польша, въ настоящее время, есть нѣчто называемое „общественностью“ и въ этомъ качествѣ вредное и ядовитое для Россіи, а потому долженствующее превратиться въ нѣчто другое именуе-

мое „политическимъ“, или государственнымъ началомъ, дабы утратить свое ядовитое качество. Когда Польша будетъ такою политическою силой, то-есть, когда она получитъ особое государственное положеніе, тогда, по мнѣнію газеты *День*, польскій вопросъ будетъ благополучно разрѣшенъ или поставленъ на самую лучшую дорогу. Надобно только превратить польскую общественность въ польскую политичность или государственность,—вотъ и все. *День* считаетъ обстоятельствомъ второстепеннымъ будетъ ли находиться Царство Польское въ соединеніи съ Россіей или не будетъ. Въ этомъ обстоятельствѣ означенная газета не полагаетъ никакой важности; она настаиваетъ только на необходимости дать Царству Польскому особое государственное положеніе подъ однимъ или не подъ однимъ скипетромъ съ Россіей. Еслибы въ какихъ-либо видахъ требовалось полное отдѣленіе Польши отъ Россіи и образованіе изъ нея совершенно самостоятельнаго государства, мы по крайней мѣрѣ имѣли бы предъ собою опредѣленный смыслъ, съ которымъ можно было бы соглашаться или не соглашаться. Мы сами неоднократно говорили, что для полнаго рѣшенія польскаго вопроса необходимо одно изъ двухъ; или полное соединеніе Польши съ Россіей, или полное отдѣленіе отъ нея. Зло этого вопроса всѣ видятъ, главнымъ образомъ, въ томъ характерѣ полумѣры, которая постоянно сообщалась рѣшенію этого вопроса. Всего естественнѣе и всего согласнѣе съ достоинствомъ Россіи, а также и съ интересами большинства польскаго народонаселенія,—полное политическое соединеніе нынѣшняго Царства Польскаго съ Россіей. Но еслибы почему-нибудь Россія оказалась неспособною поступить такъ, какъ поступила Австрія и Пруссія съ бывшими польскими землями, то безъ сомнѣнія лучше полное отдѣленіе нынѣшняго Царства Польскаго отъ Россіи и возвращеніе его Европѣ съ тѣмъ чтобъ Европа поступила съ нимъ какъ знаетъ. Черезъ это Россія понесла бы значительный ущербъ и въ своемъ достоинствѣ, и въ своемъ европейскомъ значеніи; но тѣмъ не менѣе она поступила бы лучше и выгоднѣе для себя чѣмъ соглашаясь держать при себѣ часть старой Польши на особомъ государственномъ положеніи,—положеніи двусмысленномъ, и какъ все двусмысленное, фальшивомъ и зловредномъ. Еслибъ европейская война или народное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ оторвали эту часть отъ русскаго скипетра, то какъ бы ни былъ великъ этотъ ущербъ для Россіи, она могла бы еще помириться съ нимъ, и рано или поздно могла бы вознаградить себя за него. Но она не можетъ быть спокойна при такомъ положеніи дѣлъ, въ какомъ застигли насъ послѣднія событія. Газета *День* хочетъ превратить польскую общественность въ польскую государственность, и для этой цѣли хочетъ дать Польшѣ особое политическое положеніе, хотя бы подъ однимъ скипетромъ съ Россіей. Мы не понимаемъ о чемъ эта газета заботится. Если для насъ не совсѣмъ удобопонятенъ философскій смыслъ употребляемыхъ этою газетой терминовъ „общественность“ и „государственность“, то намъ, равно какъ и цѣлому міру извѣстно, что Польша и теперь уже находится на особомъ политическомъ положеніи. Она находилась на этомъ положеніи и при императорѣ Александрѣ I, и даже при императорѣ Николаѣ I; она находится на этомъ положеніи и въ нынѣшнее царствованіе. Съ самаго основанія Царства Польскаго, оно находится на особомъ политическомъ положеніи. Хорошо или дурно было это положеніе въ разныя времена, оно въ томъ отношеніи всегда было равно себѣ, что постоянно поддерживало и питало призракъ старой Польши. Царство Польское имѣло представительный образъ правленія; оно потомъ потеряло этотъ образъ правленія;—но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оно находилось на особомъ политическомъ положеніи. Измѣнялась система правленія, измѣнялись отношенія Польши къ верховной власти, но въ отношеніи къ Россіи Польша постоянно оставалась „съ боку припекой“. Стало-быть, чего ищетъ газета *День*, то давно уже существуетъ на практикѣ. Большинство русскаго общества видитъ несостоятельность этой практики и полагаетъ, что для блага Россіи и польскихъ народонаселеній было бы желательно прекратить эту практику; но большинство русской журналистики хлопочетъ о томъ, чтобы дать Польшѣ то что она уже имѣетъ. Мы протестовали не противъ какой-либо будущей комбинаціи, которая дала бы Польшѣ отдѣльное положеніе; мы протестовали противъ настоящаго положенія, въ которомъ она находится.

Будетъ ли имѣть Польша представительный образъ правленія, будетъ ли она управ-

ляться точно такъ какъ она управлялась при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, будетъ ли она управляться такъ какъ управлялась въ послѣдніе годы,—сущность дѣла остается одна и та же. А потому, если нужно измѣнить теперешнее положеніе Царства Польскаго — остается принять одно изъ двухъ: или окончательно соединить его съ Россіей или окончательно отторгнуть его отъ ней. Промежуточное состояніе уже испытано на всѣ лады, и въ промежуточномъ состояніи мы находимся теперь. Какой же смыслъ жаловаться на нынѣшнее состояніе польскихъ дѣлъ и требовать, чтобъ они были приведены именно въ то самое положеніе, въ какомъ они уже находятся и отъ котораго имъ слѣдуетъ избавиться?...

Но превращеніе какой-то польской общественности въ какую-то польскую государственность не имѣетъ ли другаго значенія? Можетъ быть это значитъ, что надобно съ полною рѣшимостью двинуться по пути, который ведетъ къ удовлетворенію польскихъ притязаній. Чтожь! въ добрый часъ. Русской публикѣ казалось и кажется, что Полякамъ было бы лучше отказаться отъ этихъ притязаній, такъ кажется и Европѣ, когда она не имѣетъ надобности говорить языкомъ враждебнымъ Россіи. И русское общество и Европа очень хорошо понимаютъ, къ чему клонятся польскія притязанія, да и Поляки этого ни мало не скрываютъ. Всѣмъ извѣстно что польскія притязанія клонятся къ возстановленію стараго польскаго государства, и коль скоро рѣчь идетъ объ удовлетвореніи государственныхъ притязаній, то нѣтъ никакой причины останавливаться на той малой части его, которая существуетъ теперь подъ именемъ Польскаго царства. Польское царство обнимало и всѣ тѣ области, въ которыхъ мы видимъ наше исконное достояніе. Коль скоро рѣшеніе польскаго вопроса должно опереться на государственныя притязанія Поляковъ, коль скоро долженъ быть данъ ходъ этимъ притязаніямъ, и такимъ образомъ польскіе интересы должны принять по преимуществу политическій характеръ, было бы и невозможно, и даже несправедливо требовать чтобъ они остановились на полупути. Если польское національное чувство должно по преимуществу принять государственный характеръ, то нѣтъ никаго основанія сказать ему: „Стой, не далѣе! Довольствуйся своею народностію, своею польскою землей и не простирай своихъ видовъ на тѣ области, которыя издревле были русскими.“ Оно скажетъ въ отвѣтъ: „Если области эти были издревле русскими, то не прошло еще столѣтія какъ онѣ были польскими и составляли часть Польскаго государства. Я не общественность, я государственность,—вы сами того хотѣли, и видите, я даже охотно выражаюсь вашею кудрявою терминологіей. Мнѣ нѣтъ дѣла до вашей народности, а если васъ тѣшатъ этнографическія словопренія, то я могу представить вамъ очень остроумные аргументы и въ этомъ смыслѣ. Но дѣло не въ народности, дѣло въ государственности, въ которую вы меня превратили; я ищу границъ стараго польскаго государства, и только тогда буду удовлетворена, когда найду ихъ.“

Редакція *Дня* въ польскомъ вопросѣ, повидимому, занята болѣе всего конструированіемъ *общественности* и *государственности*, и ей некогда обращать вниманіе на факты знакомые всему читающему люду не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Она остается глуха ко всѣмъ показаніямъ, и твердо стоитъ на томъ, что польское возстаніе вовсе не порожденіе интриги, а великое народное возстаніе. Правда, она соглашается что милліоны польскихъ мужиковъ не принимаютъ прямаго участія въ возстаніи; — но что значатъ мужики, что значатъ эти пассивныя сельскія массы передъ панами и шляхтой, откуда польское возстаніе черпаетъ свои силы? Крестьяне, хотя и составляютъ большинство народа, но они элементы пассивные, которыхъ не стоитъ брать въ разчетъ. И этому учитъ насъ газета *День*, которая въ то же время требуетъ здѣсь въ Россіи самоуничтоженія дворянства, и возводитъ крестьянство въ идеалъ политическаго и общественнаго благоустройства! Это напомнило намъ тѣхъ изъ нашихъ демократовъ, которые на русской почвѣ готовы великодушно со свѣта сжить помѣщиковъ, а на польской почвѣ презираютъ интересы, желанія и чувствованія „хлоповъ“, которые должны повиноваться панамъ и слѣдовать за ними *до ляху*. Газета *День* находитъ, что если польскіе крестьяне не принимали прямаго участія въ мятежѣ, за то они не обнаружили и горячей ревности противъ мятежниковъ. Ей, къ крайнему нашему сожалѣнію, не извѣстно, что польскіе крестьяне, благодаря несчастной компликаціи, силою приводились въ повиновеніе своимъ

мятежнымъ панамъ, что они, беззащитные и покинутые, ежедневно платились имуществомъ и жизнію за свою преданность законному правительству, ей неизвѣстно что̀ пишутъ иностранные корреспонденты изъ Галиціи, вовсе не расположенные въ пользу Россіи,—что̀ пишутъ они о польскихъ крестьянахъ въ томъ краѣ, ежеминутно готовыхъ подняться на тамошнихъ пановъ въ отмщеніе за своихъ собратьевъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ ихъ насильно влекутъ къ мятежу; ей неизвѣстно, что Австрія не имѣетъ войскъ болѣе надежныхъ для того чтобъ удержать свои польскія владѣнія въ покорности, какъ тѣ, которыя набраны по преимуществу изъ польскихъ же крестьянъ; ей, къ сожалѣнію, остался неизвѣстенъ и тотъ интересный фактъ, что крестьяне Августовской губерніи, почуявъ по близости сильную руку генерала Муравьева, просили его принять ихъ подъ свою защиту отъ мятежниковъ, которыхъ они даже и Поляками считать не хотятъ. Вся европейская печать въ лучшихъ своихъ органахъ, которые прежде злонамѣренно кололи нашему правительству глаза національностію и широкими размѣрами польскаго возстанія, хорошо понимаетъ теперь свойство, размѣры и безнадежность этого возстанія; а между тѣмъ газета *День* преклоняется передъ народностію этого движенія, не считая въ то же время заслуживающими никакого вниманія интересы громаднаго большинства польскаго народа. Да и въ самомъ дѣлѣ, заслуживаютъ ли *хлопы* какого-нибудь вниманія, когда возстаніемъ руководствуетъ блистательный синклитъ въ Парижѣ, одушевляемый принцемъ Наполеономъ, когда движеніемъ предводительствуетъ вся грязь польской эмиграціи и отверженцы всѣхъ странъ, школьники и ксендзы одного разбора съ тѣми, которые братаются съ неаполитанскими бандитами, наконецъ всѣ отвратительные элементы польскаго шляхетскаго пролетаріата, который за столько-то рублей идетъ съ идіотическимъ звѣрствомъ изподтишка рѣзать и вѣшать всякаго на кого ему укажутъ, и совершаетъ эти подвиги благодаря неслыханной системѣ полнѣйшаго *laissez faire* со стороны законныхъ властей? И этой-то мерзости, этой-то сволочи, да еще нѣсколькимъ разжирѣвшимъ панамъ соглашается газета *День* отдать на новые эксперименты и вивисекціи презрѣнныхъ хлоповъ весь этотъ несчастный народъ, который только что начиналъ отдыхать послѣ длиннаго ряда страшныхъ терзаній!

Впрочемъ эта статья газеты *День* представляетъ столько странныхъ недоразумѣній, что мы еще возвратимся къ ней завтра.

№ 188.

Москва, 28-го августа.

День находитъ, что во время возстанія 1831 года было гораздо менѣе вражды со стороны Поляковъ, чѣмъ въ нынѣшнее возстаніе, и объясняетъ это тѣмъ, что тогда польскій вопросъ имѣлъ политическій характеръ, а теперь онъ принялъ характеръ общественный. Но изъ всего что̀ въ статьѣ *Дня* высказано по этому пункту явствуетъ только то что въ 1831 году мы имѣли дѣло съ открытымъ врагомъ, а теперь имѣемъ дѣло съ врагомъ тайнымъ. Нѣтъ никакой надобности заводить рѣчь о разницѣ между политическимъ и общественнымъ началами: вся разница заключается только въ томъ, что въ 1831 году великій князь Константинъ Павловичъ, какъ только начались революціонныя дѣйствія, оставилъ Варшаву и выѣхалъ изъ Царства Польскаго, и по его отъѣздѣ революціонное правительство немедленно заступило мѣсто законнаго; въ настоящее же время законная власть остается въ Варшавѣ, и потому революція дѣйствуетъ тайно. Чтобы достигнуть желаемаго газетою *День*, вовсе не нужно совершать какой-то мудреный процессъ превращенія общественныхъ элементовъ въ политическіе, или изобрѣтать для Царства Польскаго какое-нибудь особое государственное положеніе, а просто на просто оставить Варшаву и вывести всѣ войска изъ Царства Польскаго; тогда мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть какъ тайное правительство выѣзжаетъ изъ своего подземелья и станетъ явнымъ. Но почему же отъ этого наше положеніе будетъ лучше теперешняго? Вражда и злоба причиняется вовсе не тѣмъ, что теперь дѣйствуютъ какія-то общественныя силы вмѣсто политическихъ; вражда и злоба проистекаютъ отъ положенія, въ которомъ находится теперь законная власть въ Варшавѣ. Гдѣ власть не внушаетъ къ себѣ уваженія, тамъ она всегда служитъ источникомъ озлобленія. Какія бы ни придумывались отдѣльныя конституціи для Царства

Польскаго, зло не исчезнетъ, пока не будетъ уваженія къ власти. Политическіе люди между Поляками мечтаютъ о возстановленіи старой Польши, и эти люди не будутъ довольны никакими учрежденіями въ Царствѣ Польскомъ никакою властью, которая будетъ не въ ихъ рукахъ. Какія бы уступки и льготы ни давала законная власть для удовлетворенія этихъ людей, всѣ старанія будутъ тщетны; претензіи этихъ людей состоятъ не въ томъ, чтобы правительство дѣйствовало хорошо, а въ томъ, чтобы оно дѣйствовало дурно, чтобы компрометтировало себя и чтобы наконецъ власть перешла въ ихъ руки. Всякія уступки и льготы они будутъ принимать съ презрѣніемъ, — а нѣтъ хуже злобы какъ ненависть соединенная съ презрѣніемъ. Напротивъ, чѣмъ менѣе подобные элементы имѣютъ надежды на пріобрѣтеніе власти, чѣмъ крѣпче законное правительство держитъ въ рукахъ своихъ власть, чѣмъ менѣе принимаетъ оно въ разчетъ желанія этихъ людей, чѣмъ менѣе старается угодить имъ, тѣмъ тише и смирнѣе они становятся, тѣмъ болѣе понижаются ихъ претензіи, тѣмъ болѣе поникаютъ ихъ надежды на захватъ власти. Уваженіе смягчаетъ и умиряетъ даже самую ожесточенную ненависть. Изъ исторіи отношеній Россіи къ Польшѣ можно было бы представить много примѣровъ, которые очевиднымъ образомъ доказываютъ эту истину.

Приписавъ злобу, которою отличается нынѣшнее польское возстаніе какому-то общественному характеру, который оно будто бы имѣетъ, и заявивъ что возможно бо́льшая политическая самостоятельность и отдѣльность Польши можетъ послужить лучшимъ врачующимъ средствомъ, *День* нѣсколько ниже говоритъ слѣдующее:

„Вслѣдъ за тѣмъ (за введеніемъ системы Велёпольскаго) вспыхнулъ мятежъ и тутъ-то обнаружилась вся ложность нашего положенія, или лучше сказать, вся невѣрность нашей офиціальной постановки польскаго вопроса. Вспыхнулъ мятежъ почти на другой же день водворенія новой системы, и тотчасъ же объявилось, что эта новая система гражданской автономіи Царства Польскаго, какъ части Россійской Имперіи, способна дать только силу мятежу, а не усмирить его."

Что это такое: новая система гражданской автономіи Царства Польскаго какъ части Россійской Имперіи"? Что такое значитъ гражданская автономія Царства Польскаго? Autonomie civile du royaume de Pologne"; это не имѣетъ никакого смысла; autonomie sociale имѣетъ не болѣе смысла; autonomie administrative, но Царство Польское имѣетъ не только свою особую администрацію, а ровно и особое законодательство и особые финансы; остается: „autonomie politique"; это имѣетъ смыслъ, — но это ли хочетъ сказать газета *День*? Этого не хочетъ сказать *День*, а между тѣмъ система Велёпольскаго есть дѣйствительно ни что иное какъ система *политической* автономіи Царства Польскаго, та самая система, которой требуетъ *День*, и въ которой въ то же время видитъ онъ невѣрную постановку польскаго вопроса. Система Велёпольскаго, не вѣрная и ложная по признанію *Дня*, есть именно шагъ впередъ на томъ пути, который рекомендуется газетой *День*. Этою системой совершенно обособляется политическое положеніе Польши отъ Россіи, такъ что ничего не остается желать болѣе въ этомъ отношеніи. И прежде Польша находилась въ особомъ политическомъ положеніи; но благодаря этой системѣ, она пришла почти въ то самое положеніе, въ какомъ находилась до возстанія 1831 года. Она имѣетъ свою высшую и низшую администрацію, свое законодательство, свои финансы, свой государственный совѣтъ; почти всѣ административныя и законодательныя должности заняты природными Поляками. Можно желать иныхъ учрежденій, но большей автономіи, относительно Россіи, невозможно желать; остается только совершенно оторвать отъ Россіи Царство Польское, и ужъ лучше совсѣмъ оторвать его нежели оставлять въ такомъ положеніи.

Посмотримъ какъ *День* характеризуетъ нынѣшній польскій мятежъ. Мы выпишемъ нѣсколько относящихся сюда мѣстъ изъ статьи, и предоставимъ читателямъ вывести изъ нихъ сколько-нибудь опредѣленное заключеніе. Въ одномъ мѣстѣ польскій мятежъ называется всеобщимъ заговоромъ, въ которомъ „*за исключеніемъ крестьянъ* явно или тайно, участвуетъ вся страна." Вся страна — за исключеніемъ крестьянъ! Бѣдные четыре милліона крестьянъ польскихъ! Ихъ со счетовъ долой, ихъ и къ странѣ относить не хотятъ. Исключивъ такимъ образомъ крестьянъ изъ нынѣшняго возстанія польскаго, газета *День* въ другомъ мѣстѣ той же статьи предлагаетъ аргументацію, въ силу которой нынѣшнее

возмущеніе читатель принуждается признать „всеобщимъ національнымъ возстаніемъ.“ Въ третьемъ мѣстѣ (за исключеніемъ крестьянъ) участниковъ польскаго возстанія насчитываются *милліоны!* Въ четвертомъ мѣстѣ сказано, что въ возстаніи принимаетъ участіе большинство народонаселенія. „Въ Царствѣ Польскомъ, сказано въ этомъ мѣстѣ, эти общія мѣры должны уже относиться не къ меньшинству, а къ большинству народонаселенія, или даже, принимая въ соображеніе не количественность, а качественность послѣдняго, ко всей странѣ“. Наконецъ, въ пятомъ, утверждается, что „многіе изъ Поляковъ осуждаютъ возстаніе.“ Такъ какъ крестьяне исключены и сужденія ихъ не принимаются въ разчетъ, то „многіе Поляки“, о которыхъ здѣсь сказано (что впрочемъ видно и изъ дальнѣйшей связи рѣчи), относятся къ образованнымъ классамъ, панамъ и чиновникамъ польскимъ, и составляютъ такимъ образомъ новое исключеніе изъ числа тѣхъ людей, которые замѣшаны въ возстаніи. Всѣ эти мѣста, сопоставленныя одно съ другимъ доказываютъ, что рѣшительность сужденія можетъ иногда соединиться съ большею неопредѣленностію понятій о дѣлѣ подлежащемъ сужденію.

Но особенно странною показалась намъ аргументація, которою *День* старается доказать, что для прекращенія мятежа въ Польшѣ нельзя дѣйствовать никакими другими средствами кромѣ тѣхъ, которыя употреблялись тамъ доселѣ. Чтобъ опровергнуть противоположныя мнѣнія и доказать, что законное правительство не можетъ и не должно принимать никакихъ иныхъ мѣръ для прекращенія въ Польшѣ мятежа, публицистъ *Дня* дѣлаетъ уступку своимъ противникамъ и допускаетъ, что возстаніе въ Польшѣ есть не всеобщее національное возстаніе, а дѣло партіи, или нѣкоторой части польскаго общества. Допуская это, онъ восклицаетъ:

„Если мятежъ есть дѣло только одной партіи, то нѣтъ, разумѣется, никакого основанія, — напротивъ было бы величайшею несправедливостію, за дѣйствія нѣсколькихъ безумцевъ возлагать отвѣтственность на всю страну и лишать ее тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя дарованы, наканунѣ всей націи, съ такою торжественностію!“

Вотъ такъ-то у насъ судятъ обо всемъ? Права и преимущества, дарованныя націи,—какъ это громко! Эти права и преимущества суть система маркиза Велёпольскаго; но если эта система, какъ всѣмъ очевидно, обращается во вредъ націи, если этою системой обезпечивается безнаказанность самыхъ возмутительныхъ преступленій, если этою системой обезпечивается владычество подземнаго революціоннаго правительства и его жандармовъ-вѣшателей, если эта система отдаетъ громадное большинство въ руки незначительнаго меньшинства, въ руки тѣхъ самыхъ людей, которые чинятъ возстаніе; то отмѣнить подобную систему не значитъ отнять права у націи, а напротивъ освободить, значитъ отнять преимущества не у нея, а у партій, подъ гнетомъ которыхъ она изнемогаетъ. Давать націи права и преимущества вовсе не значитъ вступать въ сдѣлку съ революціонными элементами, и отдавать имъ страну на жертву. Нельзя понять ту политику, которая, подъ видомъ сохраненія правъ націи, требуетъ льготы для отверженцевъ человѣческаго общества, берущихся за 50 рублей въ мѣсяцъ жалованья сколько угодно рѣзать и вѣшать людей и вербовать всякимъ насиліемъ шайки несчастныхъ повстанцевъ, которые, какъ бараны, побиваются въ лѣсахъ войсками. Развѣ въ такой системѣ можно видѣть права и преимущества націи? Развѣ эта система не изобличаетъ сама своей несостоятельности, и развѣ отмѣна ея не была бы благодѣяніемъ для страны? Не первый ли долгъ всякой правительственной системы — защита мирныхъ людей отъ насилія, грабежа и убійства?

Съ развитіемъ человѣческихъ обществъ власть становится правильнѣе и разумнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ; но она отнюдь не должна теряться, колебаться или ослабѣвать. Всякое общественное благоустройство требуетъ, чтобы власть, при законности и правильномъ образѣ дѣйствій, была безспорна, сильна и бдительна. Ослабленіе власти сопровождается вездѣ одними и тѣми же послѣдствіями. Система ослабленія власти принятая въ Царствѣ Польскомъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ усиленіе всякихъ элементовъ безпорядка и смуты,—элементовъ встрѣчающихся вездѣ и во всякое время. Польскій мятежъ не только не есть всеобщее народное возстаніе, но даже не есть дѣло какой-либо партіи. Это просто возбужденіе разнообразныхъ элементовъ безпорядка, естественно

происшедшее вслѣдствіе бездѣйствія власти. Это бездѣйствіе не только возбуждаетъ наличные элементы безпорядка, но и притягиваетъ ихъ отовсюду. Въ началѣ число возбужденныхъ въ Польшѣ революціонныхъ элементовъ было ничтожно; но чѣмъ болѣе длилась эта система, обратившая наконецъ на себя вниманіе цѣлой Европы, тѣмъ смѣлѣе, рѣшительнѣе и многочисленнѣе становились эти элементы. Никакое общество не можетъ оставаться безъ власти, и власть, которая ослаблялась въ рукахъ законнаго правительства, усиливалась въ рукахъ революціоннаго, тайнаго. Всѣмъ извѣстно, что тайное революціонное правительство въ Польшѣ не есть выраженіе какой-нибудь особой политической партіи. Въ немъ поперемѣнно или вмѣстѣ дѣйствуютъ то такъ называемые *бѣлые*, то *красные*. Это конгломератъ всякой всячины. Очень естественно, что элементы пробужденные и привлеченные бездѣйствіемъ власти группируются вокругъ извѣстныхъ символовъ, воспоминаній или мечтаній. Если элементы возбужденные и вызванные ослабленіемъ власти стекались съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ общественныхъ классовъ, то мы видимъ также что революціонное правительство встрѣчало противодѣйствіе не только въ крестьянскомъ сословіи, но и въ другихъ общественныхъ слояхъ. Извѣстно, что не одни крестьяне, но и землевладѣльцы, и люди средняго состоянія платились жизнію или имуществомъ за непокорность подземному правительству, котораго сила возрастала по мѣрѣ систематическаго ослабленія законной власти. Весь вопросъ заключается теперь только въ томъ, чтобы законная власть вступила въ силу и дѣйствіе. Какими средствами дѣйствовать ей, это другой вопросъ. Безъ всякаго сомнѣнія, если не годятся для этой цѣли существующіе агенты власти, то во что бы то ни стало должны быть найдены другіе, а надежные изъ прежнихъ должны быть поставлены въ такое положеніе, въ которомъ они могли бы дѣйствовать какъ вѣрные исполнители законной власти, не опасаясь каръ со стороны другой власти. Вообще слѣдуетъ сказать, что ни при какомъ порядкѣ вещей въ Царствѣ Польскомъ, пока оно остается въ соединеніи съ Россіей, невозможно систематическое устраненіе русскихъ чиновниковъ. Это опять не значитъ, чтобы всѣ административныя мѣста были заняты исключительно русскими; этого никогда не было и прежде. Но систематическое исключеніе русскихъ изъ гражданской администраціи края, при соединеніи его съ Россіей, было мѣрою очевидно клонившеюся къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя мы теперь видимъ. Если двѣ страны остаются вмѣстѣ подъ однимъ скипетромъ, то возможное ли дѣло проводить систематически подобную мѣру,—особенно въ то смутное время когда она была принята?

По странному невниманію непонятному въ газетѣ, которая слѣдитъ за дѣлами и обсуждаетъ ихъ, *День* до сихъ поръ не знаетъ, что военное положеніе, хотя и было объявлено въ Польшѣ, но никогда не было вполнѣ примѣнено на дѣлѣ. Объ этомъ было уже столько писано, что не знать объ этомъ непзвинительно. Весь вопросъ и состоялъ именно въ томъ, чтобы военное положеніе было не словомъ, а дѣломъ. При томъ положеніи, въ какомъ находится теперь Польша, диктатура есть первая необходимость. Изъ какихъ бы причинъ ни произошло это положеніе, необходимо прибѣгнуть къ сильному проявленію власти, если имѣется въ виду пресѣчь это положеніе, а не длить или усиливать его. Это не значитъ отнимать у націи права и преимущества; напротивъ, со стороны власти это значитъ исполнять свой ближайшій и священнѣйшій долгъ. Представимъ себѣ, что если бы напримѣръ въ Москвѣ откуда нибудь набралось тайное скопище людей, замышляющихъ насильственныя и революціонныя дѣйствія: жители Москвы никакъ не могли бы роптать на власти, еслибъ онѣ приняли сильныя мѣры для предупрежденія насилій и для изловленія заговорщиковъ, хотя бы эти мѣры значительно стѣснили личную и общественную свободу въ городѣ; напротивъ жители имѣли бы полное право сѣтовать, еслибы, въ случаѣ серіозной опасности, подобныя мѣры не были немедленно и энергически приняты. Въ самыхъ цивилизованныхъ, наиболѣе привыкшихъ къ общественной свободѣ странахъ, въ подобныхъ случаяхъ дѣятельно принимаются исключительныя мѣры. Въ Англіи, которую обыкновенно приводятъ въ примѣръ когда рѣчь идетъ о политической свободѣ и личной неприкосновенности, свидѣтельство пяти обывателей даетъ мировому судьѣ право назначать изъ мѣстныхъ жителей сколько ему покажется нужнымъ спеціальныхъ констаблей съ самымъ обширнымъ

полномочіемъ. Даже въ случаяхъ меньшей опасности, въ Англіи тотчасъ же принимаются экстрѣнныя мѣры. Такъ напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, стали повторяться случаи уличныхъ нападеній, и парламентъ поспѣшилъ принять законъ распространившій на преступниковъ этого рода тѣлесныя наказанія. Впрочемъ неужели нужно распространяться о такихъ всѣмъ извѣстныхъ вещахъ? Неужели нужно доказывать, что̀ такъ очевидно для простаго здраваго смысла?

День находитъ, что правительство не имѣетъ права прибѣгать въ Царствѣ Польскомъ, какъ выражается эта газета, къ „общимъ мѣрамъ," которыя она допускаетъ какъ нѣчто законное въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ западныхъ губерніяхъ весь помѣщичій классъ, по мнѣнію *Дня*, враждебенъ намъ, и потому тамъ можно принимать общія мѣры безъ разбора личностей; а въ Царствѣ Польскомъ это будетъ невозможно, такъ что тамъ необходимо юридическое слѣдствіе надъ отдѣльными личностями. Просимъ читателей посудить о силѣ этой аргументаціи. Въ западной Россіи можно относиться къ помѣщичьему классу какъ къ классу огуломъ враждебному Россіи, а въ Царствѣ Польскомъ нельзя. Однако въ западной Россіи есть не малое число русскихъ помѣщиковъ, которые совершенно не виновны въ польскомъ возстаніи; извѣстно, что даже на имѣніе Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича наложена была контрибуція. А между тѣмъ, по увѣренію газеты *День*, весь помѣщичій классъ въ Царствѣ Польскомъ даже вся польская нація, за исключеніемъ ничтожной ея части, именно крестьянства,—возстаетъ противъ Россіи. Тутъ общая контрибуція съ помѣщиковъ была бы гораздо справедливѣе; но *День* смотритъ на дѣло совсѣмъ наоборотъ. Что̀ справедливо въ западномъ краѣ, гдѣ не всѣ помѣщики виновны, то несправедливо въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ по сознанію той же газеты, всѣ помѣщики безъ исключенія участвуютъ въ возстаніи. Какая странная логика!

Чтобы довести своихъ противниковъ ad absurdum, публицистъ *Дня* насчитывая до милліона преступниковъ замѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи Польши, восклицаетъ: „Что же дѣлать съ милліономъ подсудимыхъ!" Но въ западной и югозападной Россіи насчитывается Поляковъ тоже не менѣе если не болѣе милліона, и такъ какъ *День* считаетъ ихъ враждебными Россіи; то что̀ же, спрашивается, совѣтуетъ онъ предпринять противъ этого милліона подсудимыхъ?

Всѣмъ извѣстно, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ, въ началѣ возстанія, начали было весьма энергически дѣйствовать противъ мятежниковъ. Въ Варшаву, точно также какъ и въ Кіевъ, крестьяне привозили связанныхъ повстанцевъ, между тѣмъ какъ крестьяне въ Ковенской губерніи, увлекаемые ксендзами (которымъ, замѣтимъ въ скобкахъ, крестьяне въ Царствѣ Польскомъ гораздо менѣе довѣряютъ, чѣмъ въ католической Литвѣ, и не любятъ ихъ) примкнули было крѣпко къ шайкамъ мятежниковъ. Просимъ при этомъ вспомнить, что̀крестьяне въ Царствѣ Польскомъ находились подъ властію администраціи, благонадежность которой съ самаго начала была болѣе чѣмъ сомнительна; вспомнимъ, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ находятся въ положеніи менѣе льготномъ чѣмъ крестьяне нашихъ губерній, что они находятся въ большей зависимости отъ тѣхъ классовъ народонаселенія откуда вышло и поддерживается возстаніе; вспомнимъ, что благодаря ловкой комбинаціи при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, значительная часть крестьянъ, подъ именемъ *огрудниковъ* (огородниковъ), очутилась въ совершенной кабалѣ у своихъ пановъ,—и мы убѣдимся, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ составляютъ тамъ столь же, если мѣстами еще не болѣе, благонадежный и преданный правительству элементъ сколько крестьяне нашихъ западныхъ губерній. За что̀ же правительство отдастъ всю эту массу людей, эти милліоны народонаселенія, мирнаго, преданнаго Россіи, той голодной сволочи, именуемой шляхтою, которая постоянно терзала и губила этотъ народъ, которая растеряла его, которая продала свое отечество, и которая теперь бѣснуется ища вчерашняго дня? Польская шляхта, какъ извѣстно, есть самое уродливое явленіе, которому подобнаго не представляетъ исторія. Это особый народъ въ народѣ. Шляхта не есть общественный классъ: это какъ бы особое завоевательное племя, въ которомъ есть свои горы и долы, свои высшіе и низшіе классы. Поднять сельскій людъ въ Царствѣ Польскомъ, оградить его отъ шляхетскихъ классовъ было бы дѣломъ и мудрой, и благотворной политики. Наши

прогрессисты хлопочутъ о крестьянскомъ самоуправленіи въ Россіи и безсмысленно демократствуютъ. Въ Россіи организація крестьянскаго самоуправленія не имѣетъ смысла и обращается во вредъ самимъ крестьянамъ. Въ Россіи нѣтъ ничего похожаго на касты, и наши общественные классы, несмотря на извѣстную степень сословной организаціи, которая постепенно сглаживается, представляютъ одно цѣльное, неразрывное народное единство, между тѣмъ какъ въ Польшѣ исторія положила неизгладимый рубежъ между крестьянствомъ и шляхтой, а наши прогрессисты очень охотно отдаютъ польскихъ крестьянъ во власть тѣхъ людей, которыхъ крестьяне ненавидятъ и которымъ они менѣе довѣряютъ чѣмъ кому-либо на свѣтѣ.

Но мы никогда не кончили бы, еслибы стали отмѣчать и развивать все что насъ удивило въ прочитанной нами статьѣ газеты *День*; намъ надо заключить нашу статью, но въ заключеніе мы не можемъ не указать на странныя усилія замѣченныя нами въ статьѣ какъ бы обязать правительство сохраненіемъ въ Польшѣ господствующей тамъ теперь системы управленія. Неоднократно и съ нѣкоторымъ удареніемъ настаивается на томъ, что правительство торжественно и очень недавно обязалось управлять Польшею по программѣ маркиза Велепольскаго.

Не слишкомъ ли ужъ это? Россія радуется, что она ничѣмъ не связана, что она сохранила полную свободу своихъ рѣшеній, а ей говорятъ что она торжественно обязалась не только сохранить то положеніе, въ которомъ находится теперь Польша, но и далѣе развивать его. Сохранить или не сохранить Польша свое теперешнее положеніе, будетъ ли наше правительство идти тѣмъ же путемъ въ ея устройствѣ или другимъ, оно ничѣмъ не связано, и во всякомъ случаѣ будетъ поступать по своему усмотрѣнію. Да изъ чего же и происходила вся эта исторія, такъ долго волновавшая Россію и цѣлую Европу,—эта дипломатическая кампанія, за которою все что только есть мыслящаго въ Россіи слѣдило съ затаеннымъ дыханіемъ?.. И вотъ, въ самой Россіи, нашлись добрые люди, которые, въ простотѣ сердца, рѣшаются сказать, что на ней лежитъ обязательство, что она заручилась, и что ея правительство невольно избрать тотъ путь какой сочтетъ за лучшій! Но гдѣ же, когда же было дано такое роковое обѣщаніе связавшее Россію? Не въ послѣднихъ ли отвѣтныхъ депешахъ князя Горчакова? Нѣтъ, эти депеши, какъ цѣлому міру извѣстно, не связали, а развязали Россію. Никогда русскій человѣкъ такъ не гордился своимъ правительствомъ, и не чувствовалъ съ такою силой международное достоинство Россіи, какъ при чтеніи этихъ дипломатическихъ актовъ. Мы ссылаемся на цѣлую Россію, на все что въ ней есть истинно-русскаго, не въ искусственномъ и сочиненномъ, но въ истинномъ и дѣйствительномъ смыслѣ русскаго. Или не возложено ли на Россію какое-нибудь обязательство тѣмъ Высочайшимъ манифестомъ, которымъ объщалось прощеніе мятежникамъ? Въ этомъ манифестѣ было дѣйствительно сказано, что Государь Императоръ далъ себѣ обѣтъ открыть для Польши новую политическую эру; но въ манифестѣ не сказано объ отдѣльности Польши отъ Россіи въ политическомъ отношеніи; въ немъ нѣтъ ни одного слова которое могло бы быть истолковано въ этомъ смыслѣ.

№ 189.

Москва, 31-го августа.

Мы принуждены были волей-неволей вступить въ полемику по польскому вопросу съ газетой *День*, а черезъ нее и съ тѣми петербургскими газетами, которыя почему-то съ особеннымъ увлеченіемъ заговорили въ защиту системы, приведшей Царство Польское въ его теперешнее положеніе. Согласіе такой газеты какъ *Голосъ*, отличающейся направленіемъ достаточно опредѣлившимся (она считала своею обязанностью рыцарски защищать молодыхъ русскихъ кандидатовъ на профессорскія кафедры, позволившихъ себѣ самыя неприличныя выходки противъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Германіи и заявившихъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, что имъ нечему учиться въ нѣмецкихъ университетахъ), или такой газеты какъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, которыя не далѣе какъ въ мартѣ мѣсяцѣ печатали язвительныя статьи противъ православнаго духовенства, заводившаго, безъ казенной поддержки, народныя школы въ Кіевской епархіи, и одобряли попытку отвлекать народъ отъ этихъ школъ посредствомъ учрежденія другихъ школъ на казенныя деньги, согласіе такихъ

газетъ съ газетой *День* по вопросу о политической системѣ, дѣйствовавшей въ послѣднее время въ Царствѣ Польскомъ, есть литературное явленіе, заслуживающее серіознаго вниманія. Мнѣнія, по собственному сознанію газеты *День*, не раздѣляемыя большинствомъ русскаго общества, и въ то же время находящія себѣ защитниковъ въ литературныхъ органахъ имѣющихъ между собой очень мало общаго, настоятельно требовали разбора, а разбирать эти мнѣнія значило оспаривать ихъ. Но спорить—дѣло вообще крайне непріятное; гораздо пріятнѣе соглашаться, и мы очень рады, что при всемъ разногласіи русской журналистики относительно Царства Польскаго, въ ней установилось согласіе по крайней мѣрѣ на счетъ западнаго края. Зная космополитизмъ русской журналистики, нельзя не подивиться, что, повидимому, нѣтъ ни одной русской газеты которая не соглашалась бы, что нашъ западный край есть русскій край и что онъ долженъ быть русскимъ краемъ, что къ этой цѣли должны клониться всѣ принимаемыя въ немъ мѣры, и что Россія обязана воспользоваться теперешнимъ польскимъ мятежомъ, открывшимъ ей глаза, и серіозно подумать о приближеніи къ этой цѣли. Съ разныхъ сторонъ была высказана вѣрная мысль, что польскій вопросъ совершенно измѣнитъ свой характеръ, когда русскій элементъ въ западномъ краѣ сдѣлается господствующимъ элементомъ. Даже планъ дарованія политической самостоятельности Царству Польскому одобрялся нѣкоторыми изъ нашихъ журналистовъ (газетой *День*, если мы не ошибаемся) преимущественно потому что политическая самостоятельность Царства Польскаго представляется имъ какъ одно изъ условій, могущихъ облегчить и какъ бы оправдать нашу борьбу съ польскимъ элементомъ въ западныхъ губерніяхъ. Мы, съ своей стороны, не видимъ, чтобы политическая самостоятельность Царства Польскаго могла быть тутъ хоть сколько-нибудь полезна; мы напротивъ знаемъ, что въ дѣйствительности она имѣла совершенно противоположныя послѣдствія. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что еслибы западный край сдѣлался вполнѣ русскимъ краемъ, то *послѣ такой перемѣны*,—*послѣ*, а *не прежде*, самостоятельность Царства Польскаго уже не была бы для Россіи такимъ существеннымъ и жизненнымъ вопросомъ какъ теперь; но тогда врядъ ли и пожелаетъ само Царство какой-либо политической самостоятельности. Польскіе элементы западнаго края, поддерживающіе мысль о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года, служатъ главнымъ и почти единственнымъ затрудненіемъ въ польскомъ вопросѣ. Это затрудненіе такъ важно, что никакія опасенія внѣшняго вмѣшательства не могутъ перевѣсить его. При теперешнемъ положеніи западнаго края, Россія не должна уклоняться ни отъ какихъ жертвъ, чтобъ отвратить опасность, которая потребовала бы въ послѣдствіи еще бо́льшихъ жертвъ и можетъ-быть напрасныхъ. Но что̀ теперь составляетъ величайшую опасность для Россіи, политическая самостоятельность Царства Польскаго, то потеряетъ свою вредоносную силу когда западный край сдѣлается тѣмъ чѣмъ онъ долженъ быть—вполнѣ русскимъ краемъ. Тогда,—но только тогда,—еслибы встрѣтились событія подобныя тѣмъ, которыми намъ еще такъ недавно угрожала дипломатія, мы могли бы въ дружеской бесѣдѣ между собой разсуждать о томъ, что̀ для насъ хуже, европейская ли война съ ея рискомъ, или потеря стратегической позиціи на Вислѣ. Но теперь западный край еще не настолько связанъ съ Россіей, чтобы польскіе мечтатели не могли думать объ его отторженіи отъ Россіи. Теперь намъ не время хладнокровно разсуждать о политической самостоятельности Царства Польскаго.

Все дѣло—въ западномъ краѣ, или, говоря общѣе, въ единствѣ Россіи. Въ этомъ согласны всѣ Русскіе; за это дѣло, какъ мы уже упомянули, стоитъ даже вся наша журналистика, служащая въ другихъ отношеніяхъ такимъ несоотвѣтственнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія Россіи. Разногласіе относится лишь къ преемственности мѣръ. Огромное, можно сказать несмѣтное, большинство русскаго общества говоритъ: прежде всего надобно упрочить единство Россіи, надобно связать съ нею западный край неразрывными узами; пока это дѣло еще не сдѣлано, до тѣхъ поръ всякая тѣнь сепаратизма была бы крайне опасна даже по отношенію къ Царству Польскому, потому что сообщала бы польской національности ту отраву, которая такъ опасна для насъ. Такъ несомнѣнно думаетъ огромное, несмѣтное большинство русскаго общества. Варшавскіе приверженцы системы маркиза Велёпольскаго и русскіе журналы склоняющіеся къ этой системѣ или желающіе одобрять вытекающій изъ нея образъ дѣйствій,

смотрятъ на дѣло иначе. По ихъ мнѣнію, Россія сама по себѣ, а Царство Польское само по себѣ. Иные изъ нихъ употребляютъ какъ уловку, а другіе серіозно увѣрены, что предоставленіе политической самостоятельности Царству Польскому можетъ не только идти параллельно съ мѣрами, относящимися къ западному краю и вообще къ Имперіи, но даже предшествовать этимъ мѣрамъ. Тѣ, для кого мысль есть только уловка, придуманная ради прикрытія сепаратистическихъ видовъ, особенно же тѣ, для кого программа маркиза Велёпольскаго есть только ступенька къ программѣ графа Старжинскаго, тѣ поступаютъ совершенно послѣдовательно когда указываютъ на серіозность польскаго мятежа и величаютъ его то всеобщимъ народнымъ возстаніемъ, то польскою революціей. Но кто всѣми силами готовъ бороться противъ обособленія нашихъ западныхъ губерній, тотъ крайне ошибается и обнаруживаетъ крайнюю непредусмотрительность когда вторитъ защитникамъ теперешней системы управленія Польшей. При теперешнихъ обстоятельствахъ политическая отдѣльность Царства Польскаго неизбѣжно должна вызывать польскій сепаратизмъ въ западномъ краѣ, а это не можетъ не быть помѣхой тѣмъ мѣрамъ относительно западнаго края, которыхъ единодушно желаютъ всѣ Русскіе. Итакъ, прежде всего эти мѣры, а никакъ не политическая самостоятельность Царства. Съ этимъ, повидимому, теперь согласна и газета *День*, которая указываетъ сегодня на политическую самостоятельность Царства Польскаго лишь какъ на отдаленный планъ перспективы. Но если такъ, то никакъ уже нельзя говорить, будто политическая самостоятельность Царства Польскаго нужна намъ для умиротворенія западнаго края и слѣдовательно должна предшествовать умиротворенію; нельзя также говорить, что тотъ образъ дѣйствій, котораго мы до сихъ поръ держались въ Царствѣ, есть единственно-возможный тамъ образъ дѣйствій, нельзя наконецъ говорить, что надобно бить повстанцевъ, но отнюдь не касаться тѣхъ „правъ и преимуществъ,“ которыя ведутъ къ насильственной вербовкѣ повстанцевъ, и отдаютъ мирныя народонаселенія во власть измѣнникамъ и революціонерамъ.

Преемственность мѣръ важнѣе въ политикѣ, чѣмъ ихъ свойство или ихъ выборъ; по крайней мѣрѣ она можетъ значительно измѣнить ихъ свойство и придать совершенно иное значеніе ихъ выбору. Читатели найдутъ ниже замѣтку *Journal de St.-Pétersbourg*, вызванную разными пущенными по Европѣ слухами о перемѣнахъ въ русской внутренней и внѣшней политикѣ. *Journal de St-Pétersbourg* возражаетъ противъ иностранной журналистики, говорящей о коренныхъ преобразованіяхъ, которыя будто бы должны быть немедленно введены въ Царствѣ и Имперіи. Нельзя не порадоваться, что *Journal de St.-Pétersbourg* опровергаетъ эти слухи. Замѣтьте смыслъ этихъ выраженій: немедленное введеніе *коренныхъ* преобразованій, и притомъ *въ Царствѣ и Имперіи*, то есть вопервыхъ и преимущественно въ Царствѣ, а вовторыхъ, и какъ бы въ придатокъ, въ Имперіи. Польша волнуется; въ Польшѣ господствуетъ мятежъ еще не подавленный, и вотъ въ этой странѣ, нуждающейся прежде всего въ возстановленіи порядка, будто бы предстоитъ немедленное введеніе коренныхъ преобразованій, а Россія, по мѣткому для этого случая выраженію газеты *День*, будетъ пристегнута къ этому несчастному краю, надолго испортившему свое будущее! Какъ будто бы въ Царствѣ возможны и желательны теперь тѣ мѣры, которыя полезны и необходимы въ Имперіи! Какъ будто это несчастное Царство можетъ служить нормой для Россіи! Въ Царствѣ теперь нужно возстановленіе вещественнаго порядка, а для этого нужна диктатура; чѣмъ болѣе длился или будетъ длиться мятежъ, благодаря приверженцамъ польской автономіи, тѣмъ продолжительнѣе должно быть диктаторское управленіе этимъ краемъ. Не о какихъ-либо политическихъ льготахъ приходится теперь думать въ Царствѣ; даже управленіе мирнаго времени не можетъ быть тамъ немедленно возстановлено. За тѣмъ все, повидимому, указываетъ, что ближайшею политическою мѣрой въ Царствѣ Польскомъ, по возстановленіи тамъ вещественнаго порядка, должно послѣдовать окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, возбужденнаго во всей его силѣ самими мятежниками. По причинамъ очевиднымъ, это окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно не иначе какъ посредствомъ диктаторскихъ, то-есть исключительныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ, а не посредствомъ той автономіи, которая и въ 1846 и въ 1861 году умѣла обдѣлать крестьянскій вопросъ въ интересѣ враждебномъ крестьянамъ и Россіи. Права крестьянъ на зем-

ло; которую всѣ помѣщики Царства согласились подарить имъ безвозмездно, а также права крестьянъ на самоуправленіе, основывающіяся на вопіющихъ злоупотребленіяхъ совершаемыхъ гминными войсками,— всѣ эти права, возникшія изъ атмосферы мятежа, могутъ быть установлены не въ атмосферѣ растворенной политическими льготами; а такъ какъ всѣ эти права должны быть установлены, и такъ какъ ихъ установленіе есть первое условіе порядка и спокойствія въ Царствѣ Польскомъ, то не очевидно ли что Царство Польское должно дожидаться нѣсколько времени, пока можно будетъ распространить на него дѣйствіе тѣхъ мѣръ и льготъ, которыя въ Имперіи оказались бы и возможными, и полезными, и необходимыми?

Откровенные и добросовѣстные органы иностранной журналистики принуждены теперь сознаться, что дипломатія западныхъ державъ понесла рѣшительное пораженіе въ своемъ походѣ на Россію. Но понятно, что иностранной журналистикѣ было бы очень пріятно—это было бы ей столько же пріятно, сколько намъ унизительно—если бъ оказалось что не внутренній ходъ дѣлъ, не собственная польза Россіи, не интересы престола, нераздѣльные съ народными интересами, вызываютъ въ Россіи то или другое важное улучшеніе, а что Россія обязана тѣми или другими льготами польскому мятежу и, слѣдовательно, иностранному вмѣшательству, которое поддерживало этотъ мятежъ. Западныя державы и западная журналистика имѣли бы тогда полное право оправдывать то вмѣшательство, которое оскорбило и взволновало Россію до самой сокровенной глубины народнаго чувства. Это чувство, сказавшееся теперь съ небывалою въ русской исторіи силой, это чувство, о которомъ, какъ свидѣтельствуютъ пріѣзжіе изъ разныхъ краевъ Россіи, мы даже здѣсь, въ Москвѣ, не можемъ составить себѣ вѣрнаго понятія,— это чувство было бы отравлено навсегда сознаніемъ, что тѣ или другія льготы суть не что иное какъ уступка мятежу и его патронамъ,—сознаніемъ, которое хочетъ навязать намъ теперь иностранная журналистика въ свое утѣшеніе. Если польскій мятежъ можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на ходъ нашихъ преобразованій, то единственно тѣмъ, что онъ возбудилъ это неоцѣненное патріотическое чувство, при которомъ все трудное облегчается и всѣ недоразумѣнія должны изчезнуть какъ дымъ.

Когда мы, русскіе люди, еще при самомъ началѣ иностраннаго вмѣшательства, говорили о политическомъ соединеніи Царства Польскаго съ имперіей, мы никакъ не разумѣли немедленнаго распространенія льготъ возможныхъ въ Россіи на Царство Польское, еще объятое мятежомъ или страдающее отъ его непосредственныхъ послѣдствій. Равенство можетъ быть между вѣрными подданными; равенства быть не можетъ между подданными вѣрными и мятежными, между краемъ спокойнымъ и преуспѣвающимъ и краемъ метущимся и потрясеннымъ въ своихъ основахъ. Что хорошо для Россіи, то не можетъ быть теперь же хорошо для Польши, и лишь въ послѣдствіи, когда польскій край успокоится, льготы, которыми будетъ пользоваться Россія, могутъ быть распространены, или лучше онѣ не могутъ не быть распространены и на Польское Царство, состоящее подъ русскимъ скипетромъ. Это само собой разумѣется и безъ особенныхъ обѣщаній. Самые придирчивые защитники трактатовъ должны преклониться передъ молчаливымъ обѣщаніемъ этого рода. Только изъ желанія поддерживать существующія смуты, или полагать сѣмена будущимъ смутамъ можно ссылаться на трактаты съ тою цѣлію, чтобы мятежъ былъ вознагражденъ льготами или обѣщаніемъ льготъ. Но Россія уже показала, что она готова дать самый рѣшительный отпоръ всякому притязанію вызываемому явнымъ недоброжелательствомъ. Итакъ, если иностранныя державы подъ видомъ доброжелательства къ Польшѣ хотятъ вредить намъ, то ихъ притязаніямъ будетъ данъ отпоръ; никогда еще въ русской исторіи, ни даже въ 1812 году, русскій народъ не имѣлъ столько силъ и столько рвенія устранить подобныя притязанія какъ теперь, и мы конечно не упустимъ этого благопріятнѣйшаго для насъ момента. Мы ничего не уступимъ,— не только ни одной пяди русской земли, но и ни одной буквы возможно благопріятнаго для насъ толкованія трактатовъ. Если же иностранныя державы, дѣйствительно, воодушевлены доброжелательствомъ къ Польшѣ безъ недоброжелательства къ Россіи, то ихъ заботы будутъ совершенно успокоены ходомъ дѣлъ въ самой Имперіи.

Въ нѣкоторыхъ странахъ европейскаго материка, потрясеннаго революціями, важ-

ныя государственныя мѣры имѣли очень часто характеръ уступокъ, дѣлаемыхъ верховною властію недобровольно. Интересы такъ перепутались, недовѣріе и раздраженіе дошло тамъ до того, что введеніе улучшеній получало несвойственный ему видъ какого-то торга: революція какъ будто желаетъ, чтобы все было лучше, а законная власть какъ будто торгуется съ революціей, чтобы лучшаго было поменьше. Но даже и въ потрясенныхъ революціей государствахъ подобное отношеніе законной власти къ революціи есть мнимое, и только тѣ улучшенія оказывались дѣйствительно полезными и прочными, которыя не имѣли вида уступокъ, а вызывались общимъ сознаніемъ ихъ пользы. Какъ же не оскорбляться русскому патріотическому чувству, чувству безграничной преданности престолу, какъ не оскорбляться этому чистому чувству—толкованіями заграничной журналистики о приготовляющихся будто бы въ Россіи преобразованіяхъ черезъ посредство Царства Польскаго?

Вотъ тѣ указанія на преемственность общихъ мѣръ относительно Имперіи и Царства Польскаго, которыя казались намъ необходимыми для разъясненія вопроса. Но кромѣ общихъ мѣръ, и одновременно съ ними, необходимы еще отдѣльныя мѣры, относительно западнаго края; мы не замедлимъ возвратиться къ разсмотрѣнію этихъ отдѣльныхъ мѣръ, и сдѣлаемъ это тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что тутъ повидимому уже не можетъ быть мѣста разногласію между русскими людьми. Въ цѣли и свойствѣ этихъ мѣръ всѣ русскіе люди согласны. Различіе мнѣній состоитъ лишь въ томъ, что такъ какъ эти мѣры должны быть энергическія и рѣшительныя, и такъ какъ вслѣдствіе того онѣ были бы неудобоисполнимы, еслибы не опирались на мѣры общія, ихъ смягчающія, то одни изъ русскихъ людей искали опоры для себя въ общихъ мѣрахъ, относящихся къ Царству Польскому, а другіе, и въ томъ числѣ наша газета, считаютъ единственно возможными общія мѣры относящіяся ко всей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы Царство Польское могло воспользоваться этими общими мѣрами лишь въ послѣдствіи, когда окажется того достойнымъ.

№ 190.

Москва, 2-го сентября.

А.

Сегодня государственный банкъ открываетъ въ Петербургѣ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету (теперь только на серебро) по номинальной цѣнѣ, то-есть рубль за рубль. Въ іюньскомъ объявленіи банка было сказано, что банкъ начнетъ размѣнъ по номинальной цѣнѣ *не позже 1-го января*. Теперь банкъ воспользовался своимъ правомъ предупредить этотъ срокъ.

Нельзя не сказать, что время избранное для этой мѣры благопріятно. Съ одной стороны поступленіе звонкой монеты къ обмѣну на кредитные билеты въ послѣднее время было очень не значительно: виды на интересъ, сопряженный съ періодическимъ пониженіемъ цѣны звонкой монеты, не были уже на столько сильны чтобы привлекать звонкую монету въ банкъ. Сверхъ того, прекращеніе выдачъ золотомъ нѣсколько возвысило цѣну полуимперіяловъ въ вольныхъ сдѣлкахъ, а вслѣдствіе того приливъ золота въ банкъ сдѣлался невозможнымъ. Итакъ приманка, заключавшаяся въ постепенномъ пониженіи цѣны звонкой монеты, почти совсѣмъ перестала дѣйствовать въ пользу размѣнной кассы. Съ другой стороны, вздорожаніе золота въ Англіи и Франціи, прекращеніе выдачи золота изъ французскаго банка, подобная же мѣра принятая нашимъ банкомъ, увѣренность въ продолженіи европейскаго мира и наконецъ, болѣе выгодный для насъ чѣмъ прежде торговый балансъ соединяются теперь въ нашу пользу и должны уменьшить отливъ отъ насъ серебряной монеты. Поэтому настоящая минута благопріятна для той мѣры, которая принята теперь государственнымъ банкомъ. Въ продолженіи сентября будетъ вытребовано изъ банка меньше звонкой монеты, чѣмъ сколько по всему вѣроятію было бы вытребовано въ продолженіи будущаго января.

Итакъ, мы можемъ поздравить Россію, что теперь всякому желающему предоставляется обмѣнивать кредитный рубль на цѣлковый рубль безъ лажа, и что государство вступаетъ въ исполненіе своего обязательства, значащагося на кредитныхъ

билетахъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что цѣль предпринятой операціи — уравненіе цѣнности кредитнаго рубля съ цѣнностью цѣлковаго рубля — достигнута теперь только номинально, въ дѣйствительности же она будетъ достигнута лишь послѣ того какъ спадетъ дороговизна, то-есть послѣ того какъ будетъ извлеченъ весь излишекъ кредитныхъ билетовъ находящійся теперь въ обращеніи. До тѣхъ поръ не можетъ прекратиться отливъ звонкой монеты отъ насъ за границу и не могутъ придти въ естественное положеніе ни нашъ отпускъ, ни наши внутреннія цѣны разныхъ предметовъ. При теперешнемъ положеніи дѣла, благопріятныя обстоятельства могутъ временно уменьшать отливъ звонкой монеты, но мы все-таки должны ожидать его впереди, пока будетъ еще оставаться въ обращеніи такое значительное число кредитныхъ билетовъ какъ теперь. Пожелаемъ же, чтобы за номинальнымъ возстановленіемъ цѣнности кредитнаго рубля въ непродолжительномъ будущемъ послѣдовало дѣйствительное.

Б.

Послѣдніе нумера французскихъ журналовъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ офиціальнымъ міромъ, разъясняютъ намъ, откуда взялись всѣ эти слухи о преобразованіяхъ, замышляемыхъ будто бы С.-Петербургскимъ кабинетомъ для Польши, а *кстати* уже и для цѣлой Россіи, слухи, которые уже опровергнуты въ *Journal de St.-Pétersbourg*.

Какъ не разъ уже говорили мы, дѣло Польши съ самаго начала было только средствомъ, а отнюдь не цѣлью для всѣхъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ только Россіи, которая одна принимала и принимаетъ его близко къ сердцу, видя въ нынѣшнемъ возстаніи указаніе на существованіе зла, которое требуетъ коренного уврачеванія. Австрія, между прочимъ, желала имъ воспользоваться для того чтобы подъ шумокъ преобразовать Германію въ своихъ интересахъ, обезпечивъ себѣ и рѣшительное преобладаніе надъ Пруссіей, и военную помощь со стороны всего Германскаго Союза, на случай опасности для какихъ-либо ея владѣній, хотя бы они и не входили въ составъ этого Союза. Успѣхъ, которымъ *повидимому* увѣнчался предложенный ею проектъ реформы, побудилъ Пруссію искать сближенія съ Франціей, а для этого надлежало склонить С.-Петербургскій кабинетъ къ какимъ бы то ни было уступкамъ по польскому вопросу. Съ согласія будто бы самой Россіи, какъ увѣряетъ газета *Patrie* (отъ 7-го сентября), берлинскій кабинетъ взялъ на себя неофиціяльное, дружественное посредничество между Франціей и Россіей, опредѣливъ самъ уступки, на которыя, по его предположеніямъ, могла бы согласиться Россія. Главная попытка, какъ разсказываетъ та же газета, была сдѣлана въ концѣ августа, во время аудіенціи, данной Наполеономъ III прусскому послу, графу фонъ-деръ Гольцу; но тутъ же и оказалось, что Пруссія нисколько не уполномочена Россіей ни опредѣлять размѣра уступокъ, ни ручаться за ихъ непреложность; представители же самой Россіи за границею, по предписанію своего правительства, какъ увѣряетъ *Patrie*, все время держались въ сторонѣ, и нисколько не измѣнили прежняго своего положенія. Такимъ образомъ Франція, поддавшись преждевременнымъ надеждамъ, только еще болѣе компрометтировала и безъ того непрочныя свои отношенія къ Австріи, и плодомъ этой новой дипломатической уловки можетъ быть только окончательное распаденіе того искусственнаго союза, который съ такимъ трудомъ успѣлъ было установиться между тремя державами по поводу польскаго мятежа.

Въ настоящее время, какъ можно заключить изъ отзывовъ полуофиціяльныхъ журналовъ, усилія Франціи направлены къ тому, чтобы съ одной стороны, сколько возможно, возстановить дружественныя отношенія къ Австріи и къ Англіи, а съ другой — при посредствѣ Пруссіи склонить Россію къ уступкамъ. Таковъ смыслъ помѣщаемой ниже замѣтки изъ газеты *Constitutionnel*, съ которою на этотъ разъ вполнѣ согласна и газета *La France*. Послѣдняя въ свою очередь увѣряетъ (9-го сентября), что „болѣе или менѣе плодотворное вмѣшательство Пруссіи не могло повлечь за собою измѣненія въ отношеніяхъ Франціи къ державамъ, которыя доселѣ присоединялись къ ней въ опредѣленномъ указаніи на практическіе способы для умиротворенія Польши," и что хотя „Австрія, повидимому, уже разсѣяла сомнѣнія, которыя могли возникнуть насчетъ ея германской политики, и остается въ наилучшемъ расположеніи относитель-

но Польши и общаго равновѣсія Европы, тѣмъ не менѣе однакоже Пруссія не отказывается отъ своихъ усилій въ пользу миролюбиваго рѣшенія вопроса;" но, прибавляетъ этотъ журналъ, „должно сознаться, что эти усилія встрѣчаютъ въ С.-Петербургѣ сопротивленіе со стороны партіи, которая не хочетъ ничего уступать ни правамъ Польши, ни интересамъ Европы, ни потребностямъ времени," и „если Россія, слѣдуя худымъ совѣтамъ, или будучи худо вразумлена, откажется теперь же вступить на этотъ путь справедливости и свободы, то ей придется оплакивать ея ослѣпленіе."

Этотъ „путь справедливости и свободы," о которомъ говоритъ *La France*, и на который, по ея словамъ, Россія не рѣшается вступить въ своемъ ослѣпленіи и подъ вліяніемъ реакціонной партіи, не признающей потребностей настоящаго времени, этотъ путь былъ довольно подробно обозначенъ этимъ же журналомъ, въ видѣ слуховъ о корешныхъ преобразованіяхъ, готовящихся будто бы разомъ и для Польши, и для Россіи. Если эти слухи имѣли какое-либо фактическое основаніе, то изъ предыдущаго слѣдуетъ, что они вѣроятно порождены только усиліями прусской дипломатіи сблизиться съ Франціей и проэктами, придуманными для насъ не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ. Нерусское ихъ происхожденіе видно уже изъ того, что они придумывались по поводу польскихъ дѣлъ и разчитаны были главнѣйшимъ образомъ на Польшу; что они представляли собою копію съ новаго государственнаго устройства Австріи, которое, можетъ-быть, и хорошо для Австріи, но было бы нелѣпостью въ Россіи, именно что они направлены были не къ тѣснѣйшему внутреннему единенію, и слѣдовательно, усиленію земли русской, а предварительно къ раздѣленію ея на какія-то особыя области, съ своими особыми центрами — въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ, въ Казани, и т. д., съ какими-то областными представительными собраніями, изъ которыхъ потомъ уже являлись бы уполномоченные въ общій правительственный центръ, словомъ, точь-въ-точь какъ въ Австріи, которая искони состояла изъ такихъ отдѣльныхъ областей, въ которой всѣ эти области сознательно тянутъ врознь и только чуть не силой могли быть притянуты (и то далеко не всѣ) къ общему имперскому сейму, тогда какъ въ Россіи политическая обособленность областей давно уже канула въ вѣчность, и возсозданія ея могутъ желать только тѣ немногіе, которые, какъ бы согласясь заодно съ Поляками, мечтаютъ о самостоятельномъ процвѣтаніи малороссійскаго говора и даже объ изданіи, какъ мы слышали, особаго офиціяльнаго журнала на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Да, нужно было бы не малое ослѣпленіе и рѣшительное отрицаніе потребностей времени для того чтобы Россія рѣшилась вступить на подобный „путь справедливости и свободы", который тотчасъ же оказался бы путемъ лжи и бѣдствій для Россіи.

Да и вообще, можно ли было вообразить себѣ, что Россія рѣшится на какое-либо существенное преобразованіе ради удовлетворенія польскимъ притязаніямъ, и совершитъ по указаніямъ иностранныхъ державъ, въ угоду Франціи, или для дипломатическихъ удобствъ Пруссіи, такое дѣло, которое можетъ служить отвѣтомъ на ея собственныя настоятельныя потребности? Только непомѣрное тщеславіе Франціи могло внушить ей странную мысль, что какое-либо существенное преобразованіе въ Россіи, подготовленное всею предыдущею ея исторіей и особенно подвинутое къ своему осуществленію освобожденіемъ 20-ти милліоновъ крѣпостныхъ, можетъ быть плодомъ ея вмѣшательства въ наши дѣла по поводу польскаго мятежа. Англійскіе журналы смотрятъ на это дѣло лучше, и одинъ изъ нихъ, *Evening Herald*, въ передовой статьѣ своей, отъ 5-го сентября, говоритъ: „Два года тому назадъ каждый внимательный наблюдатель русской политики долженъ былъ замѣтить многочисленные признаки великой перемѣны. Вмѣсто того чтобъ ускорить ея осуществленіе, польскій мятежъ, напротивъ, только замедлилъ его. Самое возстаніе въ Польшѣ вспыхнуло, можетъ-быть, отчасти вслѣдствіе убѣжденія, что такая перемѣна предстоитъ въ непродолжительномъ времени, и что она неминуемо прикрѣпитъ Польшу къ Россіи." Указавъ далѣе, что Россія обладаетъ всѣми матеріялами для прочнаго государственнаго зданія, что въ ней есть богатое землевладѣльческое дворянство, что ея среднія и мелкія землевладѣльцы, вмѣстѣ съ горожанами, составляютъ превосходный элементъ для среднихъ классовъ, что ея крестьяне волей Царя уже призваны къ граж-

данской свободѣ, и что въ Россіи есть уже зародыши городскаго и сельскаго самоуправленія, *Evening Herald* рѣшительно утверждаетъ, что Россія не встрѣтитъ на своемъ пути тѣхъ затрудній, какія испытывала Австрія. „Что же касается до Польши, то ея своекорыстное дворянство, которое находитъ свой интересъ въ борьбѣ съ Россіей, ея католическое духовенство, которое видитъ въ возстановленіи Польскаго королевства въ предѣлахъ 1772 г. расширеніе власти папы, ея демократія, члены которой едва ли смѣютъ пожать руку пану или ксендзу, хотя и дѣйствуютъ теперь какъ слѣпыя ихъ орудія, всѣ они, вѣроятно, съ негодованіемъ отвергнутъ свою долю участія въ новой государственной жизни Россіи; но будетъ ли со стороны Поляковъ разумно, будетъ ли согласно съ патріотическимъ чувствомъ продолжать эту безплодную борьбу, и соединять польское имя съ самыми гнусными убійствами?“ Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ *Evening Herald*, „Поляки составляютъ лишь ничтожное меньшинство сравнительно съ русскимъ народомъ, и не представляютъ ничего подобнаго силѣ, значенію и единодушію Венгерцевъ.“

Такъ судитъ одинъ изъ органовъ англійской охранительной партіи. Не должно ли въ самомъ дѣлѣ политическое развитіе Россіи совершаться по внутреннимъ побужденіямъ, а не по планамъ чужой политики и не по указаніямъ революціи въ Польшѣ, которая лишь въ послѣдствіи, по совершенномъ ея усмиреніи, можетъ быть призвана къ участію въ общей государственной жизни Россіи? Такое рѣшеніе вопроса можетъ быть не по вкусу газетѣ *La France* и французской дипломатіи, но оно согласнѣе съ достоинствомъ, интересами и чувствами русскаго народа, государственная зрѣлость котораго такъ блистательно обнаружилась въ настоящую эпоху.

В.

Нельзя сказать, чтобы правительственнымъ лицамъ Царства Польскаго было мало дѣла. Въ канцеляріяхъ работаютъ цѣлые дни, переписка огромная. А между тѣмъ на медленность дѣлопроизводства всѣ жалуются, и отъ нея страдаетъ дѣло. Поэтому не излишне, кажется, обращать вниманіе на то, что можетъ облегчить чиновниковъ.

Либеральное направленіе допустило подачу прошеній объ освобожденіи арестованныхъ лицъ. И вотъ Варшавянки и провинціялки забрасываютъ прошеніями всѣ канцеляріи. Управляющіе этими канцеляріями, столоначальники и писаря теряютъ драгоцѣнное время за пустымъ и даже вреднымъ дѣломъ. Такой-то арестованъ, его допрашиваютъ, и онъ оказывается виновнымъ; конечно, въ этомъ случаѣ не спасетъ его отъ наказанія стереотипная фраза прошеній, что „такой-то ни въ чемъ не „виноватъ, и что онъ дѣйствовалъ по при„нужденію.“ Если же арестованный окажется не виноватымъ, скажемъ болѣе, виноватымъ не въ значительной мѣрѣ, то его выпускаютъ сами начальства изъ-подъ ареста въ самый короткій срокъ, такъ какъ тюрьмы переполнены, а число арестантовъ все возрастаетъ. Спрашивается теперь: для чего же допускается подача прошеній? Она плодитъ пустую переписку, потому что бо́льшая часть прошеній вызываетъ только отвѣты что „при настоящемъ положеніи края помилованъ быть не можетъ;“ или что „впредь до окончанія дѣла удовлетвореніе по просьбѣ не можетъ быть сдѣлано.“ Но чтобы дойдти до такого результата необходима длинная процедура, утомляющая должностныя лица. Сначала прошенія поступаютъ въ отдѣленіе прошеній, оттуда передаются въ особую канцелярію по дѣламъ военнаго положенія, изъ которой разсылаются, или въ полевой аудиторіатъ, если дѣло тамъ находится, или къ военнымъ начальникамъ отдѣловъ, или въ слѣдственныя и военносудныя коммиссіи, съ вопросами: за что и съ котораго времени преступникъ содержится, въ какомъ положеніи дѣло его, и заслуживаетъ ли онъ помилованія и въ какой степени? Не успѣютъ приступить къ суду, а уже запрашиваютъ нельзя ли помиловать! Разумѣется, отвѣты бываютъ также стереотипные: или дѣло не кончено, или преступникъ не заслуживаетъ помилованія. Отвѣты объявляются чрезъ полицію, а чрезъ недѣлю, смотришь, поступаетъ новая просьба о томъ же самомъ мятежникѣ. Между тѣмъ канцеляріи, аудиторіатъ, слѣдственныя коммиссіи, военные начальники отдѣловъ и полиція, отрываются отъ серіознаго дѣла.

Поляки поняли сущность дѣла и находятъ полезнымъ утомлять канцеляріи и плодить переписку. Въ Варшавѣ и провинціяхъ подачею прошеній занимаются Поль-

ки; онѣ храбро штурмуютъ начальство, хотя прекрасно знаютъ какой получатъ отвѣтъ.

Но этого мало. Подача прошеній образовала цѣлый промыселъ. Есть особыя дамы, обыкновенно недурныя собой, и нерѣдко принадлежащія къ *demi-monde*, которыя берутъ на себя ходатайство по дѣламъ, и беруть съ своихъ кліентовъ большія деньги. Наши корреспонденты видали письма, въ которыхъ эти ходатайницы-требовали большихъ денегъ на томъ основаніи, что въ такихъ дѣлахъ „каждый шагъ нужно оплачивать." Такимъ образомъ къ утомленію присоединяется еще оскорбленіе подобными клеветами.

№ 191.

Москва, 3-го сентября.

Мы намѣрены сегодня сказать два слова объ одномъ обстоятельствѣ, которое очень не важно само по себѣ и не заслуживало бы особой статьи, но которое тѣмъ не менѣе ведетъ къ объясненіямъ, не совсѣмъ лишеннымъ значенія въ нынѣшнее смутное время.

Дѣло касается украинофильскихъ затѣй и г. Костомарова, который, назадъ тому недѣли двѣ, напечаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* еще одну статейку, въ которой онъ ссылается на письмо свое къ намъ отправленное около того же времени.

Г. Костомаровъ встрѣчаетъ какія-то неудобства защищаться печатно по поводу возбужденнаго нами вопроса объ украйнофильствѣ, и даетъ знать объ этомъ публикѣ, приглашая насъ предать тисненію письмо его къ намъ, которое будто можетъ послужить удовлетворительнымъ объясненіемъ по этому дѣлу. Еслибъ это было такъ, то г. Костомаровъ могъ бы самъ напечатать содержаніе этого письма въ той самой газетѣ, гдѣ онъ противъ насъ пишетъ. А потому предоставляя ему самому печатать его статьи и письма тамъ, гдѣ онъ знаетъ, мы скажемъ только, что онъ въ этомъ письмѣ жалуется на стѣсненія, которымъ онъ будто бы подвергается въ своей дѣятельности, вслѣдствіе поднятаго нами вопроса о смыслѣ его украйнофильскихъ попытокъ. Онъ собралъ деньги на изданіе разныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ на новосочиняемомъ украинскомъ языкѣ, — и вотъ теперь, пишетъ онъ намъ, послѣ нашихъ статей встрѣчены имъ административныя затрудненія въ его предпріятіи. Къ тому же, добавляетъ онъ, ему не удается напечатать въ одной изъ петербургскихъ газетъ какую-то большую статью, написанную имъ въ свою защиту. Онъ требуетъ, чтобы мы поспѣшили уничтожить всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія публично возбужденнаго нами вопроса. Онъ хочетъ, чтобы все стало попрежнему, и чтобъ онъ могъ успѣшно продолжать свою дѣятельность. Онъ даже облизываетъ насъ ко всевозможнымъ усиліямъ для того, чтобы склонить власти къ облегченію всѣхъ путей для его дѣятельности; онъ полагаетъ въ этомъ весьма важный для насъ вопросъ, замѣчая что лишь при такомъ съ нашей стороны образѣ дѣйствій онъ можетъ спорить съ нами, сохраняя къ намъ уваженіе.

Мы не имѣемъ никакой надобности спорить съ г. Костомаровымъ, и еще менѣе имѣемъ надобности въ его уваженіи. Намъ немножко обидно только, что онъ такъ разчитываетъ на нашу малосмысленность. Онъ воображалъ, что мы очень огорчимся при вѣсти о непріятностяхъ и неудобствахъ, встрѣчаемыхъ имъ на его поприщѣ, и что мы броснмся опрометью помогать ему. Но какое намъ дѣло до затрудненій, которыя онъ встрѣчаетъ? И изъ какихъ побужденій стали бы мы способствовать къ устраненію ихъ? Мы отъ всей души желали и желаемъ, чтобы дѣло его не имѣло успѣха: какъ же онъ хочетъ чтобы мы вдругъ, потерявъ всякій смыслъ, стали пособлять ему? Да и какимъ образомъ могли бы мы пособлять ему? Правительственныя распоряженія отъ насъ не зависятъ. Мы дѣйствуемъ единственно посредствомъ печати. Мы доказывали вредъ и ложь того направленія, которому служитъ г. Костомаровъ: должны ли мы теперь доказывать противное? Нѣтъ, ужъ этого-то онъ не дождется отъ насъ. Мы повторимъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что сознательно или безсознательно украйнофилы и другіе сепаратисты служатъ очень дурному и вредному дѣлу, что сознательно или безсознательно они служатъ орудіемъ самой враждебной интриги. Есть, въ самомъ дѣлѣ, какая-то враждебная сила у насъ, которая, пользуясь нашею неурядицей, недостаточнымъ средоточіемъ нашихъ общественныхъ интересовъ, разбродомъ мыслей и мнѣній, отыскиваетъ и под-

держиваетъ все, что только можетъ послужить матеріаломъ для какихъ-нибудь смутъ въ нашей народной жизни и вообще въ нашемъ отечествѣ. Мы не видимъ этой враждебной силы въ лицо, но вездѣ видна ея подталкивающая и пособляющая рука.

Мы знаемъ, что во многихъ общественныхъ интересахъ правительственное вмѣшательство часто ведетъ къ послѣдствіямъ противнымъ ожиданію. Вотъ почему, съ развитіемъ гражданственности, все яснѣе и отчетливѣе опредѣляются задачи правительства по отношенію къ общественной жизни. Но только глупость можетъ смѣшивать общее правило съ частнымъ случаемъ; и руководствоваться при рѣшеніи какого-нибудь практическаго вопроса отвлеченною точкой зрѣнія. Если бы мы жили въ мірѣ идей, то дѣла шли бы очень легко и просто: все опредѣлялось бы и обозначалось бы само собою; но къ сожалѣнію, мы живемъ въ мірѣ дѣйствительномъ, гдѣ все до такой степени перепутывается, что часто бываетъ трудно добраться до какого-нибудь смысла. Мы находимся въ мірѣ случайностей и произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, и вся сила практическаго смысла въ томъ и состоитъ чтобъ умѣть найдтись въ этомъ лабиринтѣ и не даться въ обманъ. При практической оцѣнкѣ надобно брать въ разчетъ обстоятельства мѣста и времени. Еслибы г. Костомаровъ дѣйствовалъ въ Германіи, во Франціи или Англіи, то никто не обратилъ бы вниманія на его попытки создать языкъ изъ мѣстнаго нарѣчія: никто не сталъ бы запрещать ему издавать ученыя и учебныя книжки на этомъ языкѣ,—именно потому что тамъ подобныя попытки не имѣли бы серіознаго значенія и свидѣтельствовали бы только о забавной странности человѣка, который посвящаетъ имъ свое время. Нигдѣ въ Европѣ ни правительство, ни общество не могли бы оказывать пособія такого рода предпріятіямъ, и потому не было бы и надобности принимать противъ нихъ съ другой стороны какія бы то ни было стѣснительныя мѣры. Ни гдѣ въ общественныхъ или административныхъ средахъ не могла возникнуть мысль о преподаваніи въ казенныхъ школахъ на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ языка общенароднаго, и нигдѣ нѣтъ надобности протестовать противъ безвредныхъ ни къ чему не вѣдущихъ попытокъ чудачества. Но тамъ гдѣ нужно толковать, и долго толковать о предметахъ самыхъ понятныхъ, какъ будто о какихъ-то мудреныхъ умозрительныхъ задачахъ, гдѣ можно сюрпризомъ и исподтишка надѣлать много всякихъ дѣлъ, гдѣ еще нужно доказывать изо всѣхъ силъ, что, напримѣръ, естествовѣдѣніе отнюдь не можетъ служить основаніемъ для гимназій,—гдѣ нужно доказывать, что мущина есть мущина, а женщина женщина,—гдѣ нужно доказывать, что людямъ несвойственно ходить на головѣ, а что для этого есть ноги,—тамъ серіозная опасность можетъ произойдти отъ ничтожныхъ причинъ. Г. Костомаровъ встрѣчаетъ теперь затрудненія въ своей дѣятельности по нѣкоторымъ правительственнымъ вѣдомствамъ: ему не желательно встрѣчать эти затрудненія, ему было бы желательнѣе встрѣчать пособія. Это очень естественно; но тѣмъ, которые считаютъ задуманное имъ дѣло вреднымъ, естественно въ свою очередь желать, чтобъ онъ не встрѣчалъ пособій, или чтобы пособія обезсиливались по возможности затрудненіями. Правительство не есть отвлеченное понятіе. Правительство состоитъ изъ разныхъ вѣдомствъ, дѣйствующихъ самостоятельно и отдѣльно одно отъ другаго, а часто и совершенно врознь. Правительство состоитъ изъ лицъ, которыя на многіе предметы часто смотрятъ съ точки зрѣнія совершенно противоположной. Одинъ и тотъ же предметъ со стороны того или другаго вѣдомства, того или другаго лица, можетъ пользоваться сознательнымъ или безсознательнымъ содѣйствіемъ: за то не должны ли другіе, смотрящіе на дѣло съ противоположной точки зрѣнія, усилить, сколько возможно, свое противодѣйствіе? Мы съ своей стороны ничего не находимъ сказать противъ задержекъ, которымъ подверглись задуманныя г. Костомаровымъ изданія; мы находимъ, что эти мѣры противодѣйствія свидѣтельствуютъ только о зоркости и заботливости нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ посреди той смуты, которая насъ окружаетъ. Подождемъ другаго, болѣе благопріятнаго времени, когда всевозможная ложь, глупость и сумасбродство рѣшительно потеряютъ всякую надежду на сильную поддержку, — и тогда поговоримъ о ненадобности какихъ-либо отрицательно-противодѣйствующихъ мѣръ; да и тогда онѣ, по всему вѣроятію, устранятся и сами собою.

Но какъ бы то ни было, мы не можемъ отвѣчать за распоряженія правительственныхъ вѣдомствъ или лицъ. Лица находя-

щіяся у дѣлъ лучше нашего знаютъ, какія и въ какое время требуются распоряженія; они могутъ руководствоваться разными соображеніями, которыхъ основанія могутъ быть совершенно неизвѣстны намъ. Мы обращаемся къ публикѣ, и можемъ дѣйствовать только гласно; дѣйствовать только на общественное мнѣніе и чрезъ его посредство. Есть великіе предметы; есть интересы важные для цѣлаго общества, и всякій живой членъ общества обязанъ охранять ихъ или способствовать имъ по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ своей дѣятельности. Только при живомъ участіи всѣхъ и каждаго въ дѣлахъ общественной важности, общество оказывается способнымъ къ самостоятельной жизни; только при такомъ условіи общественное мнѣніе становится дѣйствительною силою; только при такомъ условіи наступаетъ для общества та пора зрѣлости, которая дѣлаетъ излишними и административную опеку, и разныя предупредительныя мѣры. Послѣ горькихъ опытовъ, которымъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ подвергалось наше общество, мы съ большею чѣмъ когда-нибудь силою чувствуемъ свою обязанность дѣйствовать на своемъ поприщѣ съ полною рѣшимостію и откровенностію. Мы должны разъ навсегда освободиться отъ ребяческой мысли, будто бы какія-нибудь соображенія должны удерживать насъ отъ исполненія нашихъ обязанностей передъ обществомъ; будто бы мы должны скрывать наши сужденія о вредныхъ дѣйствіяхъ изъ опасенія какъ-нибудь повредить этимъ вреднымъ дѣйствіямъ или стѣснить ихъ виновниковъ. Ловкіе люди увѣрили нашихъ либераловъ, будто бы долгъ рыцарства требуетъ жмуриться при видѣ общественнаго зла и лжи, и не называть ихъ собственнымъ именемъ. Они выдумали ученіе, въ силу котораго будто бы нельзя противодѣйствовать тому, что по нашему убѣжденію есть несомнѣнное зло и этотъ разчетъ на глупость русскаго общества доходитъ до того, что недавно изъ Кіева (да, изъ Кіева!) получили мы письмо за подписью „Полякъ,“ въ которомъ русскому обществу поставляется въ неискупимую вину то, что оно высказывается столь рѣшительнымъ образомъ противъ польскихъ притязаній, а польскимъ притязаніямъ не даетъ высказываться въ русской литературѣ съ должною энергіей и полнотою. Этотъ странный корреспондентъ добавляетъ, что польскіе патріоты отказываются теперь отъ всякихъ надеждъ на Русскій народъ, и что имъ остается только надѣяться на администрацію. Съ Богомъ! пусть надѣются. Но хорошо уже и то, если эти господа убѣдились крѣпко, что русское общество, при первомъ серіозномъ испытаніи, которому оно подверглось, обнаружило достаточную зрѣлость, и что отнынѣ трудно будетъ поймать его на ловкія штуки.

Люди могутъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ, но всякій долженъ судить и дѣйствовать по убѣжденію и совѣсти. Чего мы не знаемъ, того не должны касаться. Но молчать изъ какихъ бы то ни было соображеній, при видѣ зла, которое совершается на глазахъ у всѣхъ, которое вовсе и не думаетъ скрывать себя, а напротивъ ищетъ расположить въ свою пользу всѣхъ и каждаго, было бы глупостью или подлостью. Мы можемъ не вмѣнять вредныхъ результатовъ намѣреніямъ людей, которые своими дѣйствіями приготовляютъ ихъ; дѣйствія людей могутъ быть не намѣренныя; но обществу отъ этого не легче. Съ злымъ ли умысломъ, или по глупости, или въ припадкѣ сомнамбулизма, человѣкъ поджигаетъ домъ, — пусть это разыскиваютъ свѣдущіе люди; но всякій обязанъ предупреждать очевидное зло. Люди, сами не понимающіе что дѣлаютъ, должны убѣдиться во вредѣ своихъ дѣйствій, а понимающіе — должны убѣдить общество въ ихъ безвредности. Противники наши жалуются, что лишены возможности защищаться удовлетворительнымъ образомъ. Но въ чемъ они полагаютъ свою защиту? Въ томъ ли, что они не имѣютъ въ виду тѣхъ дѣйствій, которыя имъ приписываются, или что вредъ, который ожидается отъ этихъ дѣйствій, есть очень хорошее дѣло? Для защиты перваго рода, по всему вѣроятію, никто и нигдѣ не встрѣтитъ себѣ препятствій. Что же касается до защиты втораго рода, то надобно слишкомъ разчитывать на глупость общества, чтобы надѣяться на ея успѣшность. Доказывайте, что въ дѣйствіяхъ вашихъ нѣтъ того значенія, которое имъ приписывается,—на это имѣетъ всякій право, и въ этомъ дай Богъ всякому успѣха. Но не смѣйте разчитывать на успѣхъ, если вздумаете доказывать обществу, что зло, которое видно въ вашихъ дѣйствіяхъ и котораго вы сами не скрываете, есть хорошее дѣло. Доказывайте сколько угодно, что ваши старанія выкроить изъ Русскаго на-

рода нѣсколько особыхъ народностей могутъ только укрѣпить и усилить его единство; но конечно нельзя среди Русскаго народа проводить съ успѣхомъ мысль, что единство и цѣлость Русскаго народа есть обстоятельство ничтожное, или что Россія есть призракъ, который долженъ изчезнуть.

Итакъ мы считаемъ долгомъ объявить нашимъ противникамъ, кто бы они ни были, что мы не будемъ стѣснять себя никакими соображеніями при изобличеніи дѣйствій, которыя считаемъ вредными или ложными. Наши сужденія не имѣютъ ни для кого обязательной силы, наши сужденія могутъ быть отрицаемы и оспариваемы; но пусть никто не разчитываетъ на наше молчаніе.

Впрочемъ, украйнофилы могутъ еще утѣшать себя разными надеждами, подобно упомянутому выше „Поляку," почтившему насъ письмомъ изъ Кіева. Если они встрѣтили нѣкоторыя маленькія затрудненія и задержки, то очень можетъ-быть, что съ другой стороны они найдутъ себѣ тѣмъ вящее пособіе. Мысль, одушевляющая ихъ стремленія, не умерла, а кажется здравствуетъ. Можетъ-быть, въ скоромъ времени къ украйнофиламъ присоединятся еще какіе-нибудь *филы*. Намъ пишутъ изъ Петербурга, что нарождается еще какая-то партія бѣлорусофиловъ. Петербургъ до такой степени преисполненъ жизненныхъ силъ, что во что бы то ни стало хочетъ оплодотворить всѣ наши *жарюны* и создать столько русскихъ народностей и языковъ, сколько окажется у насъ годныхъ къ отсѣченію частей. Кто бы подумалъ, что даже и бѣлорусское нарѣчіе нѣкоторые любители хотятъ возвести въ литературный языкъ? Какая жатва для будущаго! Насъ увѣряютъ довольно положительно, что предполагается основать въ Вильнѣ изданіе газеты на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Газета на бѣлорусскомъ нарѣчіи! Пусть же утѣшится г. Костомаровъ,—пусть онъ порадуется: значитъ, дѣло, которому онъ служитъ, ничего не потеряло. Польскіе „національны" въ западномъ краю могутъ также порадоваться этой новой попыткѣ отдѣлить нравственно бѣлорусскій край отъ Россіи.

№ 192.

Москва, 4-го сентября.

Чѣмъ дѣло выше и лучше, тѣмъ болѣе зла въ его фальшивомъ подобіи. Что можетъ быть краше житья въ мирѣ, взаимной терпимости, братскомъ согласіи! Къ чему лучше могутъ быть направлены усилія государства какъ не къ установленію такого порядка, при которомъ было бы возможно для всѣхъ его гражданъ это счастливое житіе вкупѣ? Но эти усилія будутъ только тогда хороши, они только тогда не будутъ сопровождаться вредными послѣдствіями, когда ихъ цѣлію будетъ не кажущееся, а дѣйствительное установленіе такого порядка. Въ противномъ случаѣ они не вели бы къ цѣли, а отдаляли бы отъ нея.

Между русскою народностью и польскими людьми было болѣе мира, пока не было ни заботъ, ни даже рѣчи о ихъ примиреніи. Они уживались между собой, въ одномъ случаѣ болѣе, въ другомъ случаѣ менѣе ладно, и съ теченіемъ времени враждебность ослабѣвала сама собой. Примирительная политика, желавшая ускорить естественный ходъ, прервала правильное дѣйствіе силы вещей, и сообщивъ дѣлу примиренія искусственное направленіе, сама создала себѣ искусственныя препятствія, которыхъ прежде не было. Искусственными попытками къ примиренію было нарушено естественное тяготѣніе къ примиренію. Что было дѣйствительно желательно и полезно, то уступило свое мѣсто призраку, за которымъ скрывалось нѣчто совсѣмъ другое, нисколько не желательное и не полезное. Призракъ примиренія былъ чреватъ вооруженнымъ возстаніемъ и всяческою измѣною, и теперь взаимныя отношенія между русскою и польскою національностью стоятъ хуже чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ, и интересы примиренія должны прокладывать себѣ дорогу сызнова.

Этотъ урокъ не долженъ пропадать для насъ даромъ. Ничѣмъ не можемъ мы такъ повредить дѣйствительному замиренію польской племенной вражды съ нами, какъ фантастическою надеждой на возможность достигнуть этой цѣли искусственнымъ способомъ. Если намъ дорого самое дѣло примиренія, если мы желаемъ сохранить въ чистотѣ правду этого дѣла, если мы не хотимъ внести въ него ложь все отравляющую, то мы должны безъ страха и робости смотрѣть прямо въ глаза истинѣ, какъ бы она ни была сурова и въ какое бы она ни повергала уныніе наше доброжелательство. Мы должны откровенно сказать себѣ, что примиреніе между Русскими и Поляка-

ми невозможно ни на другой день, ни на третій день послѣ польскаго мятежа. Это дѣло не зависитъ ни отъ нашего миролюбія, ни отъ нашего великодушія; какъ отдѣльные люди, въ своихъ частныхъ дѣлахъ мы можемъ давать полную волю этимъ похвальнымъ чувствамъ, но какъ народъ мы не въ правѣ великодушничать на свой счетъ или своимъ миролюбіемъ возбуждать ожиданіе, что мы способны въ угоду Полякамъ пожертвовать интересами и даже жизнію своего народа. Никакой народъ имѣющій право на существованіе жертвовать собой не можетъ. Отрекаются отъ себя только тѣ народы, которые сходятъ съ историческаго поприща. Потому, какъ народъ, мы не имѣемъ права великодушничать. А не налагая рукъ на себя, русскій народъ можетъ обнаруживать миролюбіе къ Полякамъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они совершенно отказались отъ своихъ притязаній на русскія земли. Только тотъ Полякъ кто будетъ такимъ же искреннимъ русскимъ патріотомъ какъ напримѣръ состоящіе въ русскомъ подданствѣ Нѣмцы; только такой Полякъ имѣетъ право на примирительный образъ дѣйствій съ нашей стороны, но относительно такого Поляка нѣтъ надобности въ примирительныхъ дѣйствіяхъ, потому что примиреніе его съ нами уже совершилось съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ русскимъ патріотомъ. Но быть русскимъ подданнымъ и не имѣть русскаго патріотизма и въ то же время заявлять притязанія на примирительный образъ дѣйствій со стороны русскихъ людей, это такое противорѣчіе, которое не можетъ быть терпимо, и еслибы мы стали терпѣть его, то мы сдѣлали бы рѣшительно невозможнымъ примиреніе польской національности съ русскою.

Пусть же всякій самъ отвѣтитъ себѣ на вопросъ, можно ли ожидать чтобы завтра или послѣ завтра польскіе жители нашего Западнаго края, въ большинствѣ своемъ, сдѣлались русскими патріотами, стали гордиться именемъ русскаго подданнаго, полагать выше жизни долгъ вѣрноподданнаго? Всѣ эти условія вещь сама собой разумѣющаяся во всямомъ подданномъ Имперіи; еслибъ эти условія были только исключеніемъ изъ общаго правила, то Русское государство не могло бы существовать, какъ не могло бы существовать и никакое другое государство не только при враждебности, но даже при равнодушіи къ нему большинства его подданныхъ, или большинства цѣлыхъ классовъ его подданныхъ. Если же цѣлые классы Западнаго края сомнительны въ этомъ отношеніи, и если мы не хотимъ допустить чтобы принадлежность этого края къ Россіи оставалась предметомъ вопроса, если мы сознаемъ что нашъ долгъ относительно Россіи не позволяетъ намъ допускать это, то мы обязаны сказать прямо и открыто что существованіе этихъ классовъ, въ томъ видѣ какъ они существуютъ, теперь, несовмѣстно съ интересомъ Россіи, которымъ мы не въ правѣ жертвовать. Прибѣгать къ увертками, маскировать истину, служить отечеству притворяясь, что забываемъ о немъ, было бы нечестно. Это былъ бы іезуитскій образъ дѣйствій, приличный заговорщикамъ боящимся дневнаго свѣта. Мы Русскіе не должны принимать такого положенія относительно Поляковъ западнаго края. Своею двуличностью мы только усилили бы ихъ ненависть къ намъ. А боясь высказать истину открыто, мы принуждены были бы дѣйствовать двулично, еслибы не рѣшились грѣшить противъ долга передъ отечествомъ.

Не такъ давно одинъ русскій помѣщикъ купилъ имѣніе въ Виленской губерніи; его грозили убить при первомъ удобномъ случаѣ и заставили продать имѣніе Поляку. У другаго русскаго помѣщика Поляки почти вырвали имѣніе въ Волынской губерніи, и купилъ это имѣніе родовитый Полякъ. „Русскіе чиновники, пишутъ въ газету *День* изъ Волыни, преслѣдуются здѣсь всѣми возможными способами, и въ случаѣ увольненія отъ должности никогда почти не получатъ мѣста; Полякъ же, уволенный отъ должности, вездѣ найдетъ покровителей и защитниковъ.“ Въ виду такихъ фактовъ можно ли говорить о примиреніи, не устранивъ предварительно ихъ возможности? „Почти въ каждомъ селеніи западнаго края, пишутъ намъ изъ Кіева, есть у Поляковъ свой кремль; всѣ что къ нему льнетъ (а къ нему льнетъ все *земское*, въ видѣ писарей, экономовъ, арендаторовъ, шинкарей, винокуровъ и т. п.) окрашивается польскимъ колоритомъ, а ничто окрашенное польскимъ колоритомъ не надежно для государства.“ Оставлять этотъ порядокъ какъ онъ есть нельзя, не навлекая серіозной опасности на русское государство. Пока онъ въ силѣ, до тѣхъ поръ нелѣпо мечтать и о примиреніи Поляковъ съ Русскими. Поэтому въ интересѣ русскаго государства и въ интересѣ примиренія русскаго на-

рода съ польскимъ надобно противодѣйствовать этому порядку,— противодѣйствовать ему либо скрытно, либо явно. Нѣтъ сомнѣнія что во всѣхъ отношеніяхъ и достойнѣе, и выгоднѣе явно говорить о необходимости противодѣйствовать ему. Эта необходимость есть вопіющая государственная необходимость. Подчинялсь ей, мы можемъ быть совершенно свободны отъ племенной ненависти или мести. Мы можемъ заботиться о томъ, чтобы дѣйствуя въ силу этой необходимости, всячески смягчать свои дѣйствія и щадить все что только можетъ быть пощажено безъ вреда государству. Мы можемъ дѣйствовать въ предѣлахъ права, не допуская іезуитскаго правила, что цѣль освящаетъ средства. Но съ другой стороны мы выдали бы интересы отечества, мы нарушили бы свой долгъ, еслибы не воспользовались вполнѣ всѣмъ тѣмъ на что имѣемъ право, и упустили какой-либо изъ случаевъ, или оставили безъ вниманія какое-либо изъ средствъ, представляющихся намъ для достиженія цѣли, имѣющей характеръ государственной необходимости.

Сплошное польское землевладѣніе есть главная язва западнаго края. Противъ этой язвы одно средство—по возможности разрѣдить польское землевладѣніе, увеличивъ число русскихъ помѣщиковъ въ этомъ краѣ. Такова должна быть открытая цѣль нашей внутренней политики, и мы должны всячески изыскивать средства для законнаго достиженія этой цѣли. Недавній мятежъ представляетъ къ тому случай, который не долженъ быть упущенъ. Наказанія за участіе въ мятежѣ, имѣющія характеръ кары, могутъ быть смягчаемы милосердіемъ, спѣшащимъ вложить въ ножны обнаженный мечъ, но еслибы мятежъ не имѣлъ своимъ послѣдствіемъ значительныхъ измѣненій въ землевладѣніи, то политическое положеніе края осталось бы то же самое какое было прежде, и Россіи угрожали бы тѣ же самыя опасности, отъ которыхъ мы теперь только что успѣли—да и успѣли ли?—уйдти. Говоря такъ, мы не имѣемъ въ виду говорить въ пользу конфискацій. Хотя мы не можемъ придавать большаго значенія крикамъ иностранной журналистики, что конфискаціи будто бы несогласны съ духомъ нашего времени,—эти крики доходятъ къ намъ изъ странъ не отказывающихся отъ права прибѣгать къ конфискаціямъ въ случаѣ надобности,—но мы не полагаемъ, чтобы намъ было необходимо прибѣгать къ конфискаціямъ въ обширныхъ размѣрахъ, а если нѣтъ необходимости, то весьма желательно чтобы кара закона по возможности не касалась невиннаго потомства виновныхъ лицъ. Къ этому соображенію, основанному на юридической точкѣ зрѣнія, присоединяется еще экономическое соображеніе. Конфискаціи неизбѣжно ведутъ къ учрежденію ликвидаціонныхъ коммиссій, а управленіе имѣніями посредствомъ этихъ коммиссій крайне невыгодно для народнаго богатства. Сверхъ того, вслѣдствіе конфискацій увеличиваются лишь государственныя имущества, между тѣмъ какъ потребность западнаго края заключается не въ увеличеніи количества государственныхъ имуществъ, а въ усиленіи русскаго элемента между помѣщиками края. Государственныя имущества—плохая поддержка русской національности. Мало ли государственныхъ имуществъ въ западномъ краѣ,—но не розданы ли тамъ Полякамъ всѣ казенныя арендныя земли? Даже раздача конфискованныхъ имѣній посредствомъ пожалованія не приноситъ особенной пользы. Возбуждая враждебныя чувства въ сосѣднихъ помѣщикахъ, она не снабжаетъ края предпріимчивыми хозяевами, способными расширять свои владѣнія и свое вліяніе на мѣстныя дѣла. По всѣмъ этимъ соображеніямъ желательна не конфискація, а принудительная продажа имѣній, принадлежащихъ лицамъ замѣшаннымъ въ мятежѣ, и притомъ продажа исключительно русскимъ помѣщикамъ. Замѣна заслуженной конфискаціи принудительною продажей была бы актомъ милосердія, безвреднымъ для государства.

Но одна принудительная продажа имѣній этого рода была бы недостаточна. Она встрѣтила бы много затрудненій. Можно облегчить ее и вмѣстѣ отвратить упадокъ продажныхъ цѣнъ на имѣнія, который былъ бы непремѣннымъ слѣдствіемъ ограниченнаго числа покупателей. Съ этою цѣлію надобно было бы учредить безотлагательно земскій банкъ для выдачи ссудъ исключительно русскимъ помѣщикамъ западнаго края. Это учрежденіе, о необходимости котораго просятъ насъ заявить мѣстные помѣщики русскаго происхожденія, было бы дѣломъ первостепенной государственной важности; оно оживило бы край послѣ понесенныхъ имъ бѣдствій; оно помогло бы ему выйдти изъ затрудненій причиненныхъ одновременнымъ переходомъ отъ барщины къ вольнонаемному труду; наконецъ, оно возстано-

вило бы справедливость относительно тѣхъ русскихъ помѣщиковъ, которые безъ вины съ своей стороны подверглись общей мѣрѣ обязательнаго выкупа и поземельной контрибуціи. Эти помѣщики не могутъ понять за что они подверглись наказанію. Въ польскомъ движеніи они не виновны; они не виновны и въ тѣхъ послабленіяхъ, благодаря которымъ оно развилось съ такою пагубною силой; когда мятежъ вспыхнулъ, ихъ жизнь была въ опасности; они сильно пострадали отъ мятежа и въ хозяйственномъ отношеніи. Несмотря на все это они подверглись не только общей мѣрѣ обязательнаго выкупа, но и контрибуціи. Послѣднее особенно приводитъ ихъ въ недоумѣніе. Но какъ бы то ни было, они ожидаютъ справедливости, и нѣтъ, повидимому, лучшаго и болѣе выгоднаго для государства средства удовлетворить ихъ справедливымъ ожиданіямъ какъ выдача имъ ссудъ для поправленія ихъ хозяйствъ и для расширенія ихъ землевладѣнія. Избранный правительствомъ способъ обязательнаго выкупа дѣлаетъ возможнымъ учрежденіе земскаго банка безъ опасенія, что его бумаги произведутъ затрудненіе на денежномъ рынкѣ. Число обращающихся выкупныхъ свидѣтельствъ и пятипроцентныхъ билетовъ не увеличится вслѣдствіе обязательнаго выкупа, въ особенности въ губерніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства; поэтому нѣтъ причины опасаться какихъ-либо вредныхъ послѣдствій отъ банка, котораго учрежденіе мы предлагаемъ. Порядокъ учрежденія можетъ быть тотъ самый, который предположенъ во временныхъ правилахъ, приложенныхъ къ проекту о земскихъ банкахъ, то-есть подписка на ссуды могла бы быть немедленно открыта въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Необходимое пособіе правительства для первоначальныхъ издержекъ и для образованія запаснаго капитала могло бы быть дано пятипроцентными билетами. Еслибы на всѣ губерніи, гдѣ введенъ обязательный выкупъ, былъ данъ одинъ милліонъ рублей въ пятипроцентныхъ билетахъ, то это пособіе было бы совершенно достаточно, и существованіе патріотическаго земскаго банка было бы упрочено. Наконецъ, такъ какъ право на ссуды имѣли бы только русскіе помѣщики этихъ губерній и тѣ лица русскаго происхожденія, которыя вновь пріобрѣли бы имѣнія въ этихъ губерніяхъ, то размѣры дѣйствій западно-русскаго земскаго банка были бы довольно ограничены и въ ихъ успѣхѣ нельзя было бы сомнѣваться. Если бы потребовалось еще большее обезпеченіе дѣйствій банка, то можно было бы ограничить срокъ подписки на ссуды извѣстнымъ числомъ лѣтъ со времени ея открытія.

Если мы не ошибаемся, подобное учрежденіе составляетъ безотлагательную потребность, политическую и экономическую, настоящей минуты. Русскіе помѣщики западнаго края имѣютъ самое ясное, самое безспорное право на вознагражденіе за тѣ общія мѣры которыя были вызваны польскимъ мятежомъ и отъ которыхъ они пострадали безъ малѣйшей вины съ своей стороны. Было бы не вознаградимою потерей для Россіи, если бы хоть кто-нибудь изъ этихъ помѣщиковъ оказался въ необходимости продать свое имѣніе. Невознаградимою потерей для Россіи было бы также и то, еслибы мятежъ нынѣшняго года прошелъ безъ серіозныхъ измѣненій въ составѣ землевладѣльческаго сословія западныхъ губерній. Это было бы невознаградимою потерей для всей Россіи, потому что польскій вопросъ остался бы вопросомъ висящимъ надъ Россіей, и кромѣ того еще потому, что безъ увеличенія числа русскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ, этотъ край не могъ бы быть управляемъ иначе какъ бюрократически. При отсутствіи или слабости русскихъ помѣщиковъ, правительство было бы принуждено опираться на крестьянъ, а управленіе, опирающееся преимущественно на крестьянъ, непремѣнно должно имѣть бюрократическій характеръ. Опытъ показалъ совершенную невозможность сохраненія въ западномъ краѣ прежнихъ порядковъ, сосредоточивавшихъ управленіе въ рукахъ мѣстныхъ жителей польскаго происхожденія. Эти лица во многихъ мѣстахъ уже замѣнены русскими чиновниками, и нельзя сомнѣваться, что сила обстоятельствъ принудитъ замѣщать русскими чиновниками все большее и большее число должностей. Но при такомъ громадномъ передвиженіи чиновниковъ, нельзя надѣяться на удовлетворительность ихъ дѣйствій. Необходимая теперь мѣра призыва русскихъ чиновниковъ въ западный край должна отозваться не совсѣмъ выгодно на дальнѣйшемъ ходѣ тамошнихъ дѣлъ, особенно когда нѣсколько охладѣетъ тотъ патріотизмъ, который побуждаетъ теперь многихъ изъ числа этихъ чиновниковъ къ усиленной дѣятельности и къ поддержанію чести русскаго имени. Но

такъ какъ невозможно опять отдать весь западный край въ польскія руки, то единственнымъ средствомъ уравновѣсить бюрократію можетъ быть увеличеніе числа русскихъ землевладѣльцевъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, сами Поляки должны желать, чтобы часть польскихъ земель перешла въ русскія руки. Безъ этого условія бюрократическое управленіе осталось бы навсегда единственно возможнымъ управленіемъ всего западнаго края, а это должно быть столь же мало выгодно мѣстнымъ польскимъ жителямъ, сколько и всѣмъ Русскимъ.

Таковъ образъ дѣйствій, который можетъ послужить основой дѣйствительнаго, а не кажущагося замиренія польской національности. Пока русскіе элементы въ дворянствѣ западнаго края будутъ столько же слабы какъ теперь, до тѣхъ поръ примиреніе польской національности останется мечтой, не только несбыточною, но и крайне вредною; до тѣхъ поръ никакого другаго управленія не можетъ быть въ западномъ краѣ кромѣ диктатуры, и чѣмъ суровѣе будетъ эта диктатура, тѣмъ менѣе будетъ жертвъ.

№ 193.

Москва, 5-го сентября.

Говорятъ, Россію бережетъ Богъ. Довѣримся же Его святой охранѣ! Никогда, быть-можетъ, не была эта охрана такъ нужна намъ какъ въ настоящее время. Необозримая страна, громадное государство, которое создавалось такъ долго и такъ трудно, переживаетъ теперь одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ своего существованія.

Что такое разумъ, что такое мудрость, что такое сила человѣческая? Значитъ ли это смотрѣть и не видѣть? Значитъ ли это не соображать средства съ цѣлію, начало съ концомъ? Значитъ ли это довольствоваться грубыми наружными очертаніями вещей, не входя въ ихъ основанія и подробности, не разбирая ихъ смысла, не проникая въ ихъ душу, не соображая что къ чему относится, что изъ чего слѣдуетъ и что къ чему пригодно? Дѣйствовать значитъ ли поступать безъ системы, твердой и неизмѣнной въ своихъ основаніяхъ, гибкой и тонкой въ своихъ примѣненіяхъ? Или напротивъ мудрость и сила человѣческая значитъ быть зоркимъ и чуткимъ ко всѣмъ измѣненіямъ въ тонѣ и цвѣтѣ явленій, умѣть находиться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ сплетеніяхъ, умѣть во всякой мелочи открыть существенное значеніе и связь ея съ цѣлымъ, поспѣвать за ходомъ событій, быть неистощимымъ въ разнообразіи своихъ способовъ и примѣненій, и быть незыблемымъ въ единствѣ своихъ плановъ и цѣлей? Мудрость великое дѣло, сила характера тоже великое дѣло: онѣ нужны вездѣ; онѣ всего болѣе нужны въ дѣлахъ великаго народа, переживающаго трудныя минуты своего существованія, когда все у него преобразуется и приходитъ въ движеніе.

Всѣмъ извѣстно что значилъ въ былыя времена осмотръ казеннаго заведенія важнымъ начальствующимъ лицомъ. Все въ исправности, все чисто и гладко, все причесано и подтянуто, все хорошо; все обстоитъ благополучно,—all right! Но какой духъ таится подъ этою прилизанною наружностію, что за этимъ парадомъ происходитъ въ дѣйствительности; какъ идетъ ежедневная жизнь заведенія, что въ немъ вырабатывается, хорошо или дурно оно исполняетъ свое истинное назначеніе,—это отдавалось на волю случая, если не призритъ самъ Богъ. Что за бѣда, если воспитанники учебнаго заведенія ни чему серіозно не учатся и никакъ не воспитываются? Какая надобность, если вмѣсто воспитанія и образованія они коренным образомъ портятся умственно и нравственно! Была бы только декорація, былъ бы внѣшній порядокъ, была бы наружная тишина и спокойствіе. Замазать, прикрыть, навести лоскъ и отвлечь вниманіе отъ докучнаго зрѣлища дѣйствительности съ ея заботами и нуждами, и успокоить взоръ и чувство на декораціи,—это тоже своего рода система; но всякій знаетъ чего стоитъ эта система и чего можно ожидать отъ нея.

Намъ ни страшны ни возстанія, ни войны; все открытое и явное, хотя бы самое опасное и самое злое, намъ не страшно. Намъ страшно наружное спокойствіе; намъ всего опаснѣе тишина, намъ всего опаснѣе опасности скрытыя подъ декораціей спокойствія и примиренія. Пусть полный свѣтъ открываетъ картину какихъ угодно золъ: лучше самое непріятное зрѣлище нежели наипріятнѣйшій обманъ.

Зачѣмъ намъ обманывать себя мыслію, что всѣ опасности миновали, что спокой-

ствіе возстановлено; что суровая вражда бросаетъ мечъ и бѣжитъ передъ лицомъ весело грядущаго, спокойнаго, яснаго, добраго генія мира? Зачѣмъ намъ обманывать себя, и можемъ ли мы, сказавъ себѣ: „ну, слава Богу, теперь все кончено," разбрестись по домамъ съ тѣмъ чтобы предаться у своихъ очаговъ трудамъ и занятіямъ невиннымъ?

Мы убѣждены, что всего опаснѣе для нашего общества уснуть въ настоящую минуту. Нѣтъ! общественныя силы должны теперь бодрствовать болѣе чѣмъ когда-нибудь и не довѣряться обманчивой наружности и успокоительнымъ повѣствованіямъ. Мы должны быть внимательны, чутки и неусыпны, и тѣмъ болѣе, чѣмъ спокойнѣе повидимому все становится вокругъ; мы теперь менѣе чѣмъ когда-либо должны щеголять нашею примирительностію и благодушіемъ; мы не должны успокоиваться, и предоставлять дѣйствовать нашимъ врагамъ. Чѣмъ все повидимому спокойнѣе, тѣмъ болѣе мы должны бодрствовать, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовать. Мы должны дѣйствовать по твердому и ясному плану, не забывая ничего и не оставляя ничего безъ вниманія, пользуясь каждымъ благопріятнымъ условіемъ, не упуская изъ вида никакой неблагопріятной возможности.

Разъ навсегда мы должны твердо и рѣшительно сказать себѣ, что въ Россіи ничего не должно быть признано, ничего не можетъ быть допущено—не только враждебнаго ей, но и ничего такого что не хочетъ быть русскимъ. Мы не должны успокоиваться, пока остается на нашей почвѣ хоть одинъ такой элементъ; не только мириться и дружиться съ подобнымъ элементомъ,—мы не можемъ допустить самаго существованія его въ нашей средѣ. Не уступками можемъ мы примирить съ собою то что кореннымъ образомъ враждебно намъ, что въ тайнѣ и въ явѣ злоумышляетъ противъ насъ; мы должны не мириться съ враждой, а усмирять ее. Враждебное усмирится, когда мы покажемъ ему нашу непреклонную рѣшимость, нашу твердую волю не мириться съ нимъ,—когда оно убѣдится, что мы понимаемъ его, что мы знаемъ всѣ его входы и выходы, что мы держимъ его въ своихъ рукахъ.

Возможно ли думать о примиреніи съ враждебною намъ стихіей тамъ, гдѣ она не покидаетъ своихъ надеждъ, не ослабляетъ своихъ притязаній? Въ этомъ самомъ нумерѣ нашей газеты помѣщаемъ мы интересный документъ, появившійся въ *Днѣ*. Читателямъ нашимъ извѣстно, что въ концѣ іюля, близъ Житоміра, былъ захваченъ польскій революціонный агентъ, у котораго оказались очень важныя бумаги. Въ вышеупомянутомъ документѣ содержатся свѣдѣнія объ открытыхъ при этомъ планахъ польской партіи въ нашихъ юго-западныхъ областяхъ. Если эти господа могутъ строить подобные планы послѣ энергическаго и быстраго подавленія мятежа самимъ народомъ, если послѣ всего доселѣ происходившаго, эти господа еще не увѣрились, что все что̀ есть въ Россіи живаго и русскаго знаетъ хорошо ея государственную область и готово всею своею силой отстаивать ее,—если эти господа и теперь еще, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ питать свои замыслы, то значитъ они въ самомъ дѣлѣ на что-нибудь надѣются, значитъ они дѣйствительно разчитываютъ на какія-нибудь сильныя симпатіи ихъ дѣлу, ускользающія отъ вниманія Русскаго народа; значитъ, они увѣрены въ скоромъ успокоеніи русскаго общества и въ возобновленіи примирительной политики. Положимъ, что ихъ планы относительно возстанія обратятся на ихъ же головы; положимъ, что ихъ жандармы-вѣшатели будутъ сами перевѣшаны, что ихъ свинецъ и порохъ, которыхъ австрійскіе таможенные чиновники не пропускаютъ къ нашимъ мятежникамъ чрезъ галицкую границу, но которые наши мятежники надѣются получать чрезъ Одессу, разчитывая на болѣе гумманныя и примирительныя свойства русской администраціи,—положимъ что эти боевые припасы много бѣдъ не надѣлаютъ и будутъ захвачены,—но сила не въ этомъ: сила въ томъ, что эти господа все еще не теряютъ своихъ надеждъ. Если эти надежды не исчезли, то они могли стать только глубже и ядовитѣе. Значитъ, эти надежды убѣдились въ своей основательности. Если неудачи не убили этихъ надеждъ, то значитъ онѣ ихъ усилили и возвысили; значитъ есть очень сильная поддержка духу враждебному Россіи, если онъ не исчезъ даже и теперь, когда чувство и мнѣніе Русскаго народа стали извѣстны цѣлому міру какъ никогда прежде. Открытымъ возстаніемъ и вооруженною борьбою враги не могутъ повредить намъ; напротивъ ихъ попытки дѣйствовать такимъ образомъ обнаружатъ только неразуміе нашихъ враговъ,—

и тѣхъ изъ нихъ, которые надѣются на успѣхъ подобнаго дѣйствія, мы можемъ, пожалуй, считать своими пособниками. Но не всѣ наши враги отличаются такими выгодными для насъ свойствами; есть изъ нихъ и благоразумные, хорошо понимающіе какъ надобно дѣйствовать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, чтобы добиться успѣха.

Что же можетъ успокоить русскихъ людей по прекращеніи видимыхъ признаковъ мятежа, когда остается нетронутымъ самый корень зла? Какія обезпеченія можетъ имѣть русское общество въ томъ, что все это множество людей польскаго происхожденія, живущихъ въ его средѣ,—и не просто живущихъ, но дѣйствующихъ, занимающихъ государственныя должности, участвующихъ въ управленіи страной,—какія обезпеченія, что всѣ эти люди не враги Россіи, что они не будутъ пользоваться всѣми потаенными способами вредить Русскому народу, держась правилъ извѣстнаго польскаго катихизиса? Какъ отличить между ними врага отъ неврага, добросовѣстнаго отъ недобросовѣстнаго, благонадежнаго отъ неблагонадежнаго? Въ общественныхъ дѣлахъ невозможно основываться на личномъ чувствѣ. Политическая благонадежность не можетъ основываться на словесныхъ изъявленіяхъ; требуются несомнѣнныя вещественныя обезпеченія. Какія же обезпеченія могутъ успокоить русское общество, содержащее въ нѣдрахъ своихъ людей враждебной ему національности? Только тѣ, которыя отнимутъ у этой національности враждебныя свойства. Но ея враждебныя свойства заключаются въ ея притязаніяхъ, а притязанія питаются надеждами, а надежды раждаются изъ какихъ-либо существующихъ условій. Что бы освободить польскую національность отъ свойствъ враждебныхъ, которыя отравляютъ ее и дѣлаютъ ее отравою, чтобы людей этой національности вывести изъ фальшиваго положенія и дѣйствительно примирить ихъ съ русскимъ обществомъ, чтобы дать русскому обществу вѣрное обезпеченіе въ ихъ благонадежности, надобно пресѣчь всякую возможность питать несбыточныя надежды въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Но прекратится эта возможность не отъ примирительныхъ и не отъ карательныхъ мѣръ, не отъ послабленія и не отъ диктатуры, а только вслѣдствіе мѣръ, болѣе или менѣе измѣняющихъ самое положеніе вещей, изъ котораго рождаются фальшивыя притязанія и несбыточныя надежды. Эти мѣры должны преимущественно относиться къ нашему западному и юго-западному краю. Здѣсь вся сила польскаго вопроса, которая такъ губитъ Поляковъ и такъ вредитъ Россіи. Мы съ особенною настойчивостію указываемъ на необходимость измѣнить существеннымъ образомъ условія землевладѣнія въ этомъ краю, по горячимъ слѣдамъ не давняго мятежа. Польская національность будетъ терять свои вредныя и для Поляковъ и для Россіи свойства лишь по мѣрѣ того какъ будетъ изчезать въ этомъ краю всякая возможность здравомысленно надѣяться на возстановленіе старой Польши; а ближайшее средство къ тому—способствовать введенію значительнаго числа русскихъ элементовъ въ тамошніе землевладѣльческіе классы. Пока этого не будетъ, притязанія и надежды будутъ поддерживаться, и становиться чѣмъ далѣе, тѣмъ ядовитѣе и вреднѣе. Пока этого не будетъ,—и правительство, и мѣстная администрація края, и тамошнія народонаселенія, и сами Поляки, какъ тамъ, такъ и повсюду, будутъ находиться въ положеніи ложномъ.

Изъ нашего юго-западнаго края, изъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, постоянно получаемъ мы извѣстія самаго неутѣшительнаго свойства. Мы не печатаемъ и сотой доли ихъ; можетъ-быть они не совсѣмъ точны въ нѣкоторыхъ частностяхъ; но ихъ многочисленность, и искреннее чувство, которое дышетъ въ получаемыхъ оттуда письмахъ, служатъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о настроеніи умовъ и положеніи общественныхъ интересовъ въ тѣхъ мѣстахъ. Польскіе „національ“ въ юго-западномъ краѣ не теряютъ надеждъ,—это вѣрно; точно также вѣрно и то что русское чувство въ тѣхъ мѣстахъ справедливо раздражено и оскорблено, и не безъ основанія опасается всевозможныхъ темныхъ интригъ болѣе пагубныхъ чѣмъ вооруженный мятежъ...

№ 194.

Москва, 6-го сентября.

Прискорбныя извѣстія, доходящія до насъ изъ кіевскаго генералъ-губернаторства, такъ серіозны, что не позволяютъ говорить ни о чемъ другомъ кромѣ юго-запад-

наго края. Не желая однакоже навлекать на нашихъ корреспондентовъ обвиненіе въ преувеличеніи опасности, мы обратимся на этотъ разъ къ документу, на который не можетъ быть взведено подобное обвиненіе. Этотъ документъ—брошюра изданная въ началѣ августа всѣми профессорами университета Св. Владиміра, находившимися тогда въ Кіевѣ. Мы рекомендуемъ эту брошюру вниманію читателей. Она носитъ заглавіе: *Возстаніе Поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 году*, и основана на офиціальныхъ данныхъ. Она изображаетъ положеніе дѣлъ до іюля мѣсяца; образъ дѣйствій польскихъ помѣщиковъ заклейменъ въ ней выраженіемъ *безсовѣстность*. „Ихъ стремленіе, сказано въ приведенномъ кіевскими профессорами отрывкѣ письма одного лица занимающаго немаловажный постъ въ краѣ, ихъ стремленіе—вынудить начальство употребить принудительныя мѣры противъ крестьянъ и тѣмъ возстановить ихъ противъ правительства.“ Какъ же смотрятъ авторы брошюры на вѣроятный исходъ этихъ стремленій? „Мы въ правѣ думать, говорятъ профессоры университета Св. Владиміра, что игра затѣянная (польскими) помѣщиками не будетъ имѣть успѣха.“ Мы въ правѣ думать! Эти сомнительныя и условныя слова ужасны. Сказанныя послѣ блистательнаго подавленія мятежа, и сказанныя въ Кіевѣ, центральномъ мѣстѣ администраціи края, эти слова достаточны для того чтобы внушить серіозную заботу о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Въ юго-западномъ краѣ, благодаря сильному русскому духу крестьянскаго населенія, администрація находилась въ самомъ выгодномъ положеніи, и если тамъ будущее сомнительно, то какихъ еще намъ ожидать благопріятныхъ условій чтобы будущее русскаго дѣла не было сомнительно? Можно навѣрное сказать, что болѣе благопріятныхъ условій, болѣе выгоднаго положенія никогда не будетъ, потому что и быть не можетъ. Народъ сдѣлалъ съ своей стороны все что могло быть сдѣлано. Бо́льшаго нельзя ожидать отъ народа. Если послѣ всего этого заговорщики разчитываютъ на успѣхъ въ юго-западномъ краѣ, если они не только надѣются на интригу, но не оставляютъ даже своихъ мятежническихъ затѣй (это не подлежитъ сомнѣнію послѣ перепечатаннаго нами вчера извѣстія изъ Житоміра), то невольно приходишь въ уныніе. Русское дѣло одержитъ верхъ что бы ни ожидало насъ впереди; въ этомъ невозможно сомнѣваться. Но какія потрясенія предстоятъ намъ въ будущемъ, если мы не успѣемъ или не захотимъ воспользоваться тѣмъ блистательнымъ положеніемъ, въ которое поставлено русское дѣло на юго-западѣ благодаря энергіи тамошнихъ крестьянъ?

Русская публика должна быть очень благодарна профессорамъ университета Св. Владиміра за изданіе упомянутой нами брошюры. Сдержанный тонъ этой брошюры, очевидная основательность собранныхъ въ ней свѣдѣній, совершенное отсутствіе желанія умалить чью-либо заслугу въ подавленіи мятежа, возвышаютъ значеніе того факта, который явственно выступаетъ изъ всего изложеннаго въ брошюрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что распоряженія администраціи въ нѣкоторой степени содѣйствовали подавленію мятежа. Нѣтъ сомнѣнія что войско дѣйствовало самымъ лучшимъ образомъ вездѣ гдѣ приходилось ему дѣйствовать. Но тѣмъ не менѣе быстрота, съ которою мятежъ былъ подавленъ, есть слѣдствіе единственно той энергіи, съ которою крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, поднялись противъ мятежниковъ, предлагавшихъ имъ землю и волю отъ имени будущаго польскаго государства. При кратковременности мятежа администрація могла распоряжаться преимущественно въ ближайшихъ окрестностяхъ Кіева. Но именно объ уѣздахъ Кіевскомъ, Васильковскомъ, Таращанскомъ, Сквирскомъ и Каневскомъ генералъ Кренке, командовавшій войсками въ этихъ уѣздахъ, говоритъ, что *честь уничтоженія мятежныхъ шаекъ принадлежитъ крестьянамъ*. Крестьяне сами собой вооружились поголовно; въ каждомъ селеніи были выставлены пикеты, караулы, разъѣзды, и всѣмъ этимъ распоряжались сами крестьяне съ удивительною находчивостью. Крестьянскіе отряды выѣзжали въ числѣ до 1500 человѣкъ. Эти отряды не имѣли ничего общаго съ учрежденными въ мартѣ мѣсяцѣ крестьянскими караулами. Полиція не принимала никакихъ предупредительныхъ мѣръ, когда готовилось возстаніе, не дѣлала никакихъ распоряженій на случай возстанія. Крестьяне были *изумлены* появленіемъ „Ляховъ,“ и не имѣя распоряженія отъ начальства, сначала не рѣшались дѣйствовать противъ нихъ. Полицейскіе чиновники сами свидѣтельствуютъ въ своихъ донесеніяхъ, что не давали никакихъ приказовъ крестьянамъ, что они сами собой, безъ всякаго руковод-

ства, взялись за преслѣдованіе вооруженныхъ шаекъ, а полиція только сдерживала пылкость крестьянъ угрозой гнѣва Царя-Освободителя за всякое излишнее насиліе. Точно также и обязанность войскъ, по свидѣтельству генерала Кренке, состояла преимущественно въ укрощеніи справедливаго гнѣва крестьянъ и въ охраненіи жизни тѣхъ мятежниковъ, которые перестали сопротивляться.

„Что касается участія крестьянъ въ мятежѣ, сказано въ брошюрѣ, то дѣйствительно въ донесеніяхъ упоминается о *нѣсколькихъ крестьянахъ* схваченныхъ вмѣстѣ съ мятежниками, именно о двухъ взятыхъ въ Каневскомъ уѣздѣ и объ одномъ арестованномъ крестьянами же въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Всѣ трое завербованы *силой*... То же самое должно замѣтить о золотыхъ грамотахъ. Ихъ читали народу нерѣдко при обстановкѣ, которая не требовала со стороны правительства никакихъ контръ-прокламацій. Священники отказывались читать ихъ своимъ прихожанамъ, мятежники грозили за непринятіе грамоть старшинамъ и держали крестьянскихъ выборныхъ подъ арестомъ или уводили ихъ съ собой въ лѣса; мѣстами (напримѣръ въ Турбовѣ) грамоты были объявлены при обнаженныхъ сабляхъ, съ требованіемъ поднесенія хлѣба и соли, подкрѣпленнымъ угрозами (въ с. Киріевкѣ); иногда за взятіе грамотъ выдавались крестьянамъ деньги (два рубля въ Насташкѣ). По удаленіи мятежниковъ, крестьяне вооружались и представляли золотыя грамоты полиціи. Крестьяне хорошо понимали что предоставленіе имъ земли безвозмездно въ собственность и вознагражденіе *дѣдичей* (помѣщиковъ) изъ *народоваго скарба* (народной казны)—грубый обманъ. *Що се за народовый скарбъ*, говорили нѣкоторые изъ нихъ, *то зъ насъ же и гроши брать будутъ*. Генералъ Багговутъ приводитъ слѣдующее весьма характеристическое разсужденіе крестьянъ по поводу золотыхъ грамотъ: *Добре, земля вже наша, рекрутъ даваты не треба, грошей платыты не треба, пану выробляты не треба; то на що жъ мы имъ потребны, що воны насъ такъ до себе пидмовляютъ?— Ни, хлопци! То воны намъ дурятъ головы.*"

Прозорливость крестьянъ, оградившая ихъ отъ опасности даться въ обманъ, и обнаруженная ими способность дѣйствовать не только съ полнымъ единодушіемъ, но и съ удивительною находчивостью и сообразительностью,—вотъ главная причина того что возстаніе въ юго-западномъ краѣ не имѣло ни какого успѣха,—„если не считать побѣдами, прибавляетъ брошюра, истинно-азіятской казни станціоннаго смотрителя, повѣшеннаго за ноги, разграбленія почтовой конторы и акцизнаго управленія въ Полонномъ, наконецъ уничтоженія нѣсколькихъ шкафовъ съ дѣлами въ ненавистныхъ мятежнымъ Полякамъ волостныхъ правленіяхъ."

Польскія корреспонденціи обвиняютъ крестьянъ въ грабежѣ и звѣрствѣ. Вотъ отвѣты на эти отвѣты: Во Владимірволынскомъ уѣздѣ крестьяне приняли самое дѣятельное участіе въ стычкѣ войскъ съ мятежниками и когда имъ предлагали долю въ раздѣлѣ отбитаго обоза, то они отвѣчали что для нихъ важна не добыча, а что Царь объ этомъ узнаетъ (донесеніе генералъ-адъютанта графа Ржевусскаго отъ 6-го мая); всѣ винокурни и склады вина, не оплаченнаго акцизомъ, оберегались крестьянскими караулами, и все сохранилось неприкосновеннымъ; у 120 мятежниковъ, взятыхъ крестьянами и препровожденныхъ генераломъ Кренке въ Кіевъ, оказалось, по обыскѣ, денегъ 1.110 р., и пять часовъ съ цѣпочками и много другихъ вещей; у мятежниковъ задержанныхъ крестьянами въ Волынской губерніи оказалось денегъ 3.833 р. 76 к., и семь часовъ. Особенно много жалобъ возбудилъ арестъ 70 лѣтняго помѣщика Хоецкаго въ с. Соловьевкѣ; крестьяне посадили его въ погребъ при корчмѣ, спустивъ его впрочемъ на рукахъ къ его служителямъ. Но тотъ самый становой приставъ, который въ донесеніи отъ 7-го мая предлагалъ отобрать у крестьянъ оружіе данное имъ полковникомъ Исаевымъ, *потому что они могутъ нечаянно убивать себя*, тотъ самый становой приставъ доносилъ отъ 2-го мая, что при арестѣ Хоецкаго найдено въ его экипажѣ: штановъ суконныхъ и триковыхъ 29 штукъ, простынь и рубахъ грязныхъ съ маленькими стоячими воротниками малороссійской формы, какія носятъ инсургенты, на которыхъ воротники и пазухи вышиты красною бумагой, полный чемоданъ; картузовъ разной формы 9, въ томъ числѣ одна конфедератка; платковъ носовыхъ до 50 штукъ; денегъ въ кредитныхъ билетахъ 273 р. и въ мелкой серебряной монетѣ мѣрой до двухъ кварть, векселей на 120.000 р. Что же сдѣлали крестьяне съ г. Хоецкимъ? Они все-

таки выпустили его и притомъ со всѣми вещами, кромѣ ножа и ногайки; самъ Хоецкій далъ имъ расписку въ томъ что къ нимъ никакой претензіи не имѣетъ и предлагалъ имъ денегъ 3 р., которыхъ они взять не согласились. Между тѣмъ именно объ этихъ соловьевскихъ крестьянахъ Поляки говорили съ особеннымъ ужасомъ какъ о людяхъ чрезвычайно буйныхъ. Любопытны жалобы на этихъ крестьянъ мироваго посредника Могильницкаго. Предшественникъ г. Могильницкаго, мировой посредникъ Рудзкій, сказано въ брошюрѣ, сѣкъ немилосердно этихъ крестьянъ за неуваженіе къ волостному старшинѣ (его креатурѣ), не соблюдая никакихъ формальностей. Крестьяне требовали чтобы старшина далъ отчетъ въ общественныхъ деньгахъ и оставилъ должность. За это Рудзкій, по указанію старшины и своего писаря Блоцкаго (всею душой преданнаго мятежу и подговаривавшаго крестьянъ къ возстанію еще въ февралѣ мѣсяцѣ), арестовалъ 20 человѣкъ и называя ихъ бунтовщиками, наказалъ тогда же розгами въ своемъ присутствіи. Ихъ били въ два пучка розогъ, которыя мѣняли по два и по три раза на каждомъ, такъ что кровь текла на одежду, подстилаемую подъ наказываемыми. Нѣкоторые изъ крестьянъ получили по 200 и по 300 розогъ. Одиннадцать человѣкъ были забиты въ деревянныя колодки, потомъ въ лошадиныя путы, и просидѣвъ такимъ образомъ около трехъ недѣль, подверглись такому же жестокому наказанію. Все это оказалось по слѣдствію и видно изъ донесенія губернатора отъ 5-го апрѣля. Въ этой же волости, въ продолженіи пяти лѣтъ, были постоянные пожары, въ причиненіи которыхъ не открыто виновныхъ, а крестьяне подозрѣваютъ помѣщика. Одинъ изъ крестьянъ преданъ суду за то что въ присутствіи начальника полиціи выражалъ подозрѣніе на помѣщика. Къ этимъ-то крестьянамъ вечеромъ 27-го апрѣля пожаловала шайка въ 21 человѣкъ конныхъ мятежниковъ, или какъ выражается мировой посредникъ въ своемъ офиціяльномъ донесеніи, — *молодыхъ людей объявлявшихъ что идутъ съ добрымъ для крестьянъ намѣреніемъ дарить усадебные и полевые надѣлы.* Крестьяне потребовали, чтобы *молодые люди* положили оружіе, что и было исполнено; у одного изъ нихъ сидѣвшаго на повозкѣ осталось однакоже ружье, которое, *съ намѣреніемъ или случайно*, выстрѣлило. Тогда крестьяне бросились на *молодыхъ людей* и 11 изъ нихъ легли на мѣстѣ, а 9 были ранены. Мировой посредникъ прибылъ въ Соловьевку 30-го апрѣля. Онъ нашелъ народъ *сильно взволнованнымъ, но при всемъ томъ слушающимъ и исполняющимъ его распоряженія, безъ малѣйшаго неуваженія къ званію мироваго посредника.* Первымъ дѣломъ посредника было похоронить убитыхъ; *этому христіянскому скромному обряду ничего не помѣшало*; посредникъ распорядился чтобы *нѣсколько дней былъ содержимъ карауль на могилѣ*, и крестьяне держали карауль на могилѣ мятежниковъ. Описавъ все это въ своемъ донесеніи (все напечатанное курсивомъ — подлинныя слова донесенія), мировой посредникъ пришелъ однакоже къ слѣдующему заключенію: „При всемъ наружномъ повиновеніи крестьянъ, замѣчено мною *въ ихъ глазахъ и физіономіи ужасную готовность на всякаго рода безчинства; воздержать ее отъ исполненія насильственныхъ мѣръ можетъ развѣ только одна военная сила.*“ Черезъ пять дней послѣ того, крайне недовольный тѣмъ, что военная сила противъ крестьянъ, имѣвшихъ ужасную физіономію, не приходитъ, тотъ же мировой посредникъ позволилъ себѣ написать кіевскому губернатору слѣдующее: „Ваше превосходительство, настроеніе умовъ соловьевскихъ крестьянъ, вышедшихъ совершенно изъ подчиненности и *готовыхъ* на всякаго рода безчинства, заставляютъ меня *вторично* донести вашему превосходительству, что ихъ *дальнѣйшія* дѣйствія, если не будутъ прекращены начальствомъ, *порядятъ* гибельныя послѣдствія для цѣлаго края.“ Эта наглость сопровождалась еще устрашеніемъ. Соловьевскій волостной старшина ѣздилъ въ Кіевъ, и по этому поводу мировой посредникъ говоритъ губернатору слѣдующую любезность: „Крѣпко убѣжденъ, что ваше превосходительство, какъ *совѣстный* начальникъ губерніи, волостнаго старшины не требовали.“ Въ силу этого крѣпкаго убѣжденія, что губернаторъ не захочетъ оказаться въ польскихъ глазахъ *безсовѣстнымъ* начальникомъ губерніи, мировой посредникъ настаивалъ или на присылкѣ войска или по крайней мѣрѣ на присылкѣ жандармскаго штабъ-офицера, а въ противномъ случаѣ угрожалъ выходомъ въ отставку. Вотъ какъ польскіе мировые посредники обращались съ русскими губернаторами! Это лишь одинъ изъ эпизодовъ

того хода дѣлъ, который былъ вызванъ примирительною политикой, убѣждавшею Поляковъ только въ томъ, что на каждаго Русскаго они имѣютъ право смотрѣть какъ на безсмысленнаго и пугливаго ребенка, обязаннаго безпрекословно повиноваться имъ, чтобы не подвергаться ихъ окрикамъ. Въ брошюрѣ не сказано что сталось съ этимъ посредникомъ, а также и съ 70 лѣтнимъ старцемъ Хоецкимъ; мы узнаемъ однакоже, что скарбъ, находившійся въ его экипажѣ, скоро превратился въ *нѣсколько ливрейныхъ шапокъ*.

Нашимъ заключительнымъ *ceterum censeo* будетъ слѣдующее: еслибы народъ въ югозападномъ краѣ и не показалъ такой доблести и такой энергіи, то и безъ его содѣйствія и безъ той твердой опоры, которую находитъ въ немъ государство, администрація была бы принуждена поднять перчатку брошенную ей панами обнаружившими такую враждебность къ русскому государству и такое презрительное мнѣніе о русскихъ властяхъ. Не поднимая перчатки, нельзя примириться ни съ какимъ врагомъ. Перчатка открытаго возстанія поднята крестьянами съ честью для русскаго имени. Остается поднять другую перчатку, которую крестьяне поднять не могутъ.

№ 195.

Москва, 7-го сентября.

Наши читатели очень хорошо знаютъ придирчивы ли мы къ чужимъ мнѣніямъ, обращаемъ ли мы вниманіе на брань, которой безпрерывно подвергаемся въ нашей журналистикѣ, пускаемся ли мы безъ крайней надобности въ полемическія объясненія. Откровенно признаемся (можетъ-быть это и большое упущеніе съ нашей стороны), мы мало слѣдимъ за мнѣніями, которыя высказываются въ нашихъ газетахъ; очень рѣдко прочитываемъ ихъ передовыя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, и не годимся въ оцѣнщики явленій нашей литературы. Не хвалимся этимъ, и готовы будемъ согласиться съ тѣми, кто такую небрежность нашу къ явленіямъ нашей литературы припишетъ причинамъ непохвальнымъ. Что дѣлать! Мы во всякомъ случаѣ утѣшаемъ себя тѣмъ, что и кромѣ наблюденія за нашею журналистикой, кромѣ изученія образа мыслей и направленія нашихъ публицистовъ, есть кое-что, по крайней мѣрѣ, не менѣе заслуживающее вниманія и изученія. Намъ даже казалось возможнымъ, при событіяхъ, которыя совершались, совершаются и быть-можетъ готовятся, забыть о существованіи нашихъ литературныхъ кружковъ, о великихъ мыслителяхъ и публицистахъ нашей литературы. Ихъ личности, ихъ faits et gestes, ихъ высокое значеніе для Русскаго народа или для человѣчества, никогда не были предметомъ нашей спеціяльности; тѣмъ паче казалось намъ извинительнымъ потерять ихъ изъ виду въ настоящее важное время. Намъ тоже кажется, что въ настоящее время для людей сколько-нибудь мыслящихъ, сколько-нибудь способныхъ дѣйствовать, есть много такого въ чемъ, безъ особеннаго героизма, можно забыть свою драгоцѣнную особу и освободиться отъ разныхъ страстишекъ самолюбія. Никогда еще на Руси не обсуждались печатнымъ словомъ текущія дѣла столь великой важности, какъ въ настоящее время. Не какія-либо превыспреннія качества, а простой долгъ побуждаетъ теперь всякаго заниматься этими дѣлами серіозно и дѣльно, безъ примѣси личныхъ вопросовъ, безъ пустомыслія и фантазій, которыя плодятся за недостаткомъ серіознаго дѣла и надмеваютъ праздный умъ.

Мнѣніе газеты *День*, вызвавшее наше полемическое замѣчаніе, обратило на себя наше вниманіе не потому что оно противорѣчило нашему. Мало ли въ этой газетѣ, и въ другихъ нашихъ газетахъ появляется такого что противорѣчитъ нашему мнѣнію, или даже прямо направлено противъ насъ? Если мы обратили вниманіе на статейку *Дня*, то причиною тому было вовсе не какое-либо желаніе показать несостоятельность мнѣній этой газеты или слабость ея политики; были причины совсѣмъ иного свойства, которыя понятны всякому читателю слѣдящему за дѣлами. Согласіе трехъ журналовъ, обыкновенно мало согласныхъ между собою, въ одинъ и тотъ же знаменательный пунктъ времени, по одному и тому же вопросу, относительно котораго въ цѣлой Россіи нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго разногласія, съ одной стороны показывало какъ мало наша печать соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ и настроеніямъ общества, а съ другой заставляло невольно опасаться какой-нибудь новой смуты, которая могла проникнуть и въ общество причакомъ страннымъ совпаденіи разно-

цвѣтныхъ газетъ. И не совпаденіе разноцвѣтныхъ органовъ нашей журналистики испугало и встревожило насъ: мы знаемъ, что противоположности нашей журналистики очень легко переходятъ одна въ другую, что очень часто литературныя направленія, которыя, повидимому, жестоко борются между собою, въ сущности разрѣшаются въ одно и то же. Были же мы свидѣтелями страннаго случая, какъ одинъ русскій литераторъ хотѣлъ заявить свой патріотизмъ и нежданно возмутилъ все русское общество, съ славянофилами включительно, которые смѣшавшись на этотъ разъ съ толпою, нашли его мнѣнія подозрительными и двусмысленными. Такія странности бываютъ у насъ сплошь и рядомъ. Вы думаете, что передъ вами противники: присмотритесь, прислушайтесь ближе—и вы убѣдитесь, что споръ только въ словахъ или личностяхъ, а на дѣлѣ противники совершенно сходятся между собою, тянутъ въ одну сторону и работаютъ въ одномъ смыслѣ. Мы могли бы привести много весьма интересныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ, еслибы не опасались слишкомъ уклониться въ сторону и не были стѣснены размѣрами нашей статьи. Итакъ, насъ встревожило не то, что нѣкоторыя русскія газеты, исходя изъ разныхъ началъ, вдругъ пришли къ однимъ результатамъ и обнаружили удивительную гармонію во взглядахъ на текущій горячій вопросъ: мы невольно поддались опасенію, чтобы такое единогласіе, вдругъ появившееся въ нашей журналистикѣ, не послужило основаніемъ для неправильныхъ заключеній объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. До насъ и прежде доходили толки о какихъ-то партіяхъ, между которыми будто бы раздѣляется русское общество при взглядѣ на нынѣшнія польскія дѣла, тогда какъ, напротивъ, сколько мы знаемъ, все что въ Россіи русскаго, мыслящаго и чувствующаго по-русски, имѣетъ одно мнѣніе по этимъ такъ существеннымъ для Россіи дѣламъ. Во всякомъ случаѣ, мы сочли не лишнимъ разъяснить возникшій вопросъ, и весьма естественно воспользоваться для этого мнѣніемъ газеты *День*, тѣмъ болѣе что она къ намъ же и обращалась. Мы ничего не говорили о самой газетѣ *День*, о ея достоинствахъ или недостаткахъ, о ея значеніи, о ея политикѣ; всѣ эти, можетъ-быть и очень интересные, вопросы не были ни съ какой стороны нашимъ предметомъ. Какъ о газетѣ *День*, такъ и о нашей газетѣ, не было никакого вопроса; никто не поднималъ его, ни Европа, ни Польша. Что такое *День*? Что такое *Московскія Вѣдомости*? Что мы за рыцари? Какъ велики наши добродѣтели? Сколько въ насъ благородства или глубокомыслія? Какъ мы вырабатываемъ наши мнѣнія? Гдѣ мы родились, какъ воспитались, какъ дѣйствовали и дѣйствуемъ, какъ другъ къ другу относимся?—Обо всемъ этомъ, повторимъ, не было и нѣтъ рѣчи. Вмѣсто всего этого была рѣчь только о такъ-называемомъ польскомъ вопросѣ, о томъ какъ слѣдуетъ намъ поступать въ Польшѣ для усмиренія мятежа, о томъ что такое самый этотъ мятежъ, отъ какихъ причинъ онъ произошелъ, чѣмъ онъ питается, и что наконецъ держитъ Россію въ этомъ положеніи, такъ опасномъ для ея и такъ оскорбительномъ для ея достоинства: вотъ вопросъ, который занималъ всѣхъ, вотъ вопросъ, который былъ предметомъ нашей полемики съ *Днемъ*. Статья, подавшая поводъ къ этой полемикѣ, содержала въ себѣ мнѣнія, противоположныя тѣмъ, которыя кажутся намъ единственно вѣрными и основательными, и мы высказались съ полною опредѣленностію и ясностію. *День* теперь отвѣчаетъ намъ, и изъ сегодняшней статьи его оказывается, что по отношенію къ предмету спора, по отношенію къ дѣйствительному вопросу, занимающему всѣхъ, онъ согласенъ съ тѣмъ самымъ мнѣніемъ, которое и мы считаемъ единственно вѣрнымъ, справедливымъ и основательнымъ. Мы находимъ то мнѣніе вѣрнымъ и основательнымъ, которое въ вопросѣ о политической самостоятельности Польши видитъ вопросъ совершенно праздный и невозможный,—и *День* въ своемъ послѣднемъ нумерѣ подтверждаетъ это мнѣніе, находя, что вопросъ о самостоятельности Польши не можетъ и не долженъ быть задаваемъ въ настоящее время, что это вопросъ будущаго и притомъ, судя по смыслу статьи, будущаго весьма отдаленнаго. Кто, кромѣ людей праздныхъ, кромѣ пустослововъ, можетъ спорить о вопросѣ принадлежащемъ къ отдаленному будущему? Кто знаетъ будущее? Отдаленное будущее есть дѣло фантазіи: можетъ ли фантазія стать предметомъ практическаго обсужденія? Кому нужно знать какъ фантазируетъ *День*, или какъ фантазируютъ *Московскія Вѣдомости*? Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ совершенно частнаго свойства; и для него нѣтъ мѣста когда требуется говорить о насущномъ, о практическомъ, и служить органомъ дѣй-

ствительнаго русскаго мнѣнія, дѣйствительнаго русскаго чувства. Далѣе, мы находили единственно вѣрнымъ то мнѣніе, которое приписываетъ возникшій и продолжающійся въ Царствѣ Польскомъ мятежъ системѣ управленія, тамъ принятой, и полагаетъ, что первою обязанностію власти есть охраненіе мирнаго народонаселенія отъ убійцъ и устрашеній революціи, что не какими-либо либеральными мѣрами можно бороться съ мятежомъ, а рѣшительными и послѣдовательными дѣйствіями власти, которая должна перестать быть игрушкою измѣнниковъ. И вотъ *День*, въ нынѣшнемъ нумерѣ объясняетъ, что онъ не видитъ другаго исхода въ Польшѣ, кромѣ дидактуры. Мы находили то мнѣніе единственно вѣрнымъ, которое не признаетъ за польскимъ мятежомъ характера народнаго возстанія, и указывали на громадное большинство польскаго населенія, на его сельскій людъ отданный въ жертву мятежникамъ, которые усиливаются и плодятся вслѣдствіе бездѣйствія власти, или лучше сказать, вслѣдствіе такого направленія ея агентовъ, которое прямо способствуетъ развитію революціи въ краѣ. И вотъ *День* теперь находитъ тоже, что на сельскій людъ въ Царствѣ Польскомъ слѣдуетъ обратить все вниманіе, что польскихъ крестьянъ мы не должны угодливо отдавать подъ власть мятежникамъ, что Россія должна озаботиться ихъ участію и обезпеченіемъ ихъ независимости, и для этой цѣли должна крѣпко взять въ свои руки бразды правленія. Вотъ и все; вопросъ исчерпанъ. О чемъ же спорить? Если газета *День* совершенно согласна съ нами (или, что тоже, если мы согласны съ нею) по всѣмъ пунктамъ спорнаго вопроса, то чего же лучше? Что можетъ быть пріятнѣе согласія въ дѣлѣ такого общаго значенія и такой важности? Только этотъ вопросъ предстояло рѣшить, и онъ рѣшенъ. О чемъ же далѣе можетъ быть рѣчь? Газета *День* нашла о чемъ можетъ быть рѣчь. Она призываетъ вниманіе публики на свою и на нашу особу. Надобно, чтобы публика знала, что мы люди пустые, надменные, тщеславные, и чтобы публика чувствовала, что газета *День* представляетъ собою людей несравненно болѣе достойныхъ, гораздо лучше чувствующихъ и лучше мыслящихъ. Публицистъ *Дня* такъ занятъ этимъ вопросомъ, что польскій вопросъ является въ его статьѣ мелкимъ эпизодомъ. Все тревожно пріурочивается къ тому чтобы выставить на видъ важное значеніе газеты *День* и достоинство ея мыслителей и публицистовъ. Эта газета не можетъ ошибаться, она не можетъ увлекаться въ сторону, не можетъ высказывать фальшивыхъ мнѣній; оспаривать ея мнѣнія не должно и грѣшно. Это убѣжденіе чувствуется въ каждой строчкѣ статьи *Дня*. Если нѣсколько дней тому назадъ онъ высказывалъ мнѣнія, отъ которыхъ теперь такъ рѣшительно отказывается, то это произошло только отъ неясности изложенія, и онъ негодуетъ на насъ за то, что мы сочли его способнымъ къ этимъ самымъ мнѣніямъ, хотя они и очень ясно были высказаны имъ нѣсколько дней тому назадъ. Онъ обвиняетъ насъ за то что мы не *изучаемъ* (sic) его мнѣній добросовѣстно и основательно. Изучать! Но мы изучали, кажется, основательно мнѣніе высказанное этою газетой, которое обратило на себя наше вниманіе, и доказали это двумя статьями, которыя посвятили ему. Мы ничего не исказили, ничего не желали представить въ фальшивомъ свѣтѣ, не могли имѣть къ тому ни малѣйшихъ побужденій, и, ссылаемся на читателей, мы имѣли цѣлію не журнальную полемику, а пользовались ею только какъ удобнымъ поводомъ для того чтобы привести въ ясность главные пункты спорнаго вопроса, дѣйствительно важнаго и имѣющаго практическое значеніе. Какого же еще изученія требуетъ отъ насъ газета *День*? Лица пишущія въ этой газетѣ не хотятъ ли чтобъ, изучая ихъ, мы прониклись чувствомъ такого уваженія къ нимъ, что не вѣрили бы глазамъ и ушамъ своимъ, и какое бы мнѣніе они ни высказывали, хотя бы самое ошибочное, не считали его таковымъ и разумѣли статьи ихъ не въ томъ смыслѣ въ какомъ онѣ писаны и всѣми поняты, а какъ прикажутъ писавшіе?

Теперь редакція газеты *День* находитъ нужнымъ прибѣгнуть къ дидактурѣ для усмиренія мятежа; этого мало: она совѣтуетъ правительству совершенно преобразовать Польшу, ввести самоуправленіе въ польское крестьянство, совершенно измѣнить существующія тамъ отношенія, словомъ, сдѣлать то, что потребуетъ самаго энергическаго развитія власти и продолжительнаго времени, и потомъ предоставить будущему рѣшить, останется ли Польша въ добровольномъ соединеніи съ Россіей, или отдѣлится особымъ государствомъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ этого отда-

ленная будущаго, мы ничего не имѣемъ сказать противъ мнѣнія, излагаемаго теперь газетою *День*, о развитіи сильной власти для подавленія террора и для введенія полезныхъ преобразованій. Если бы *День* прежде высказывалъ эти мнѣнія, то мы не имѣли бы ни малѣйшаго повода спорить съ нимъ.

Но эти мнѣнія представляютъ совершенную противоположность тому, что̀ назадъ тому двѣ недѣли было высказано въ газетѣ *День*. Мы очень жалѣемъ, что эта почтенная газета прибѣгаетъ къ уловкамъ которыя не совсѣмъ свойственны взрослымъ людямъ, и отпирается отъ того что̀ было высказано ею съ полною опредѣлительностію и ясностію. Она обвиняетъ насъ въ недостойномъ искаженіи ея мыслей и подозрѣваетъ въ насъ какія-то очень дурныя побужденія. Что̀ дѣлать? Намъ уже не въ первый разъ доводится слышать, что мы очень дурные и недостойные люди. Что мы дурные люди, это уже для насъ не новость. Мы также не будемъ оспаривать убѣжденія почтенной редакціи газеты *День*, что она состоитъ изъ людей болѣе достойныхъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ; но мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ нынѣшней статьи публициста *Дня*, и нѣсколько строкъ изъ прежней, и попросимъ его хладнокровно обсудить, имѣли ли мы право оспаривать его мнѣнія съ той самой точки зрѣнія, которую и онъ теперь считаетъ единственно вѣрною:

„Для подавленія мятежа и для избавленія страны отъ террора, военная диктатура оказывается необходимою. Польша будетъ усмирена, но польскій вопросъ останется не разрѣшеннымъ, и мы можемъ постоянно ожидать новаго мятежа. Признавая въ настоящее время необходимымъ усмиреніе мятежа, слѣдовательно признавая необходимость диктатуры, мы держимся мысли что, по избавленіи страны отъ террора, по возвращеніи ей свободы мнѣнія и голоса, и по введеніи въ гражданскую жизнь Польши новаго элемента—полноправнаго польскаго крестьянства,—было бы полезно предоставить Польшѣ полную политическую самостоятельность.“

Итакъ, требуется ввести военную диктатуру и совершить въ Польшѣ одно изъ самыхъ существенныхъ преобразованій, какія когда-либо совершались въ этой странѣ. Всякій согласится, что обернуть этого вокругъ пальца нельзя, что для этого потребуется значительное время, что для этого придется принимать всякаго рода общія мѣры, и что прежде всего необходимо будетъ прочистить всю гражданскую администрацію и ввести въ нее элементы благонадежные, на которые правительство могло бы вполнѣ положиться. Что же касается до политической самостоятельности, то нынѣшній нумеръ *Дня* заявляетъ, „что такое разрѣшеніе вопроса предстоитъ будущему“, и продолжаетъ:

„А въ настоящее время необходимо прежде всего, посредствомъ военной диктатуры, усмирить мятежъ, избавить страну отъ террора, надѣлить крестьянъ землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, и вообще гражданскими правами.“

Высказывая все это, *День* восклицаетъ: „а *Московскія Вѣдомости* увѣряютъ, что мы предлагаемъ то же, что̀ уже *было* и *есть!*“ Но *День* предлагалъ не это, онъ говорилъ въ № 34 слѣдующее:

„Къ Польшѣ не возможно и едва ли было бы справедливо примѣнять систему управленія, принятую генераломъ Муравьевымъ въ западномъ краѣ: здѣсь, въ западной Россіи, на сторонѣ русскаго правительства, кромѣ полнаго сознанія своей правоты и того особеннаго ощущенія, что здѣсь мы у себя дома,—весь русскій народъ, все русское духовенство, русскіе законы и русскій языкъ; на сторонѣ Польши одинъ только классъ помѣщичій, къ которому генералъ Муравьевъ и отнесся, совершенно, по нашему мнѣнію, основательно, какъ къ *цѣлому* враждебному намъ классу, безъ разбора личностей, и принялъ, касательно его, общія мѣры.“

Если мы не поняли или умышленно исказили политическія соображенія *Дня*, какъ онъ обвиняетъ насъ, то можетъ ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе относительно этихъ простыхъ и совершенно ясныхъ, не допускающихъ никакого перетолкованія словъ? Правленіе генерала Муравьева въ Западномъ краю есть конечно диктатура, но диктатура неизбѣжная и совершенно справедливая, какъ доказали послѣдствія, въ чемъ соглашается и газета *День*, которая настоятельно требуетъ теперь для Царства Польскаго военной диктатуры. Генералъ Муравьевъ принимаетъ въ Литвѣ нѣкоторыя общія мѣры относящіяся къ цѣлымъ сословіямъ: *День* двѣ недѣли тому назадъ находилъ подобныя мѣры не справедливыми въ Царствѣ Польскомъ, а теперь пред-

лагаетъ принять тамъ общія мѣры простирающіяся на цѣлые классы народонаселенія. Прежде въ статьѣ своей *День* считалъ польскихъ крестьянъ за ничто и не находилъ никакихъ средствъ къ тому чтобъ избавить ихъ отъ власти мятежниковъ, которыхъ они ненавидятъ и которымъ не довѣряютъ какъ злѣйшимъ врагамъ своимъ. Изъ его статьи выходило, что крестьянамъ ничего не оставалось дѣлать какъ слѣдовать за знаменемъ Польши, поднятымъ повстанцами. Но вотъ кстати! въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Times*, краковскій корреспондентъ пишетъ о глубокой и непримиримой враждѣ между польскою шляхтой и польскимъ крестьянствомъ въ Галиціи. Свидѣтельство иностраннаго корреспондента, притомъ не очень пріязненно расположеннаго къ намъ и склоннаго придавать какъ можно больше значенія польскому возстанію, имѣютъ въ этомъ случаѣ особенный вѣсъ. Онъ разсказываетъ какъ польскіе повстанцы ходили по деревнямъ въ Галиціи (и не русской, а польской, западной) и старались возбуждать крестьянъ къ возстанію, и какъ крестьяне ловили ихъ и выдавали властямъ. „Посмотрите,“ говорили имъ повстанцы, „Русскіе говорятъ по-русски, Нѣмцы по-нѣмецки, но вѣдь вы говорите по-польски, кто же вы такіе?“— „Мы имперцы,“ отвѣчали имъ крестьяне. Вотъ отношеніе сельскаго народа во всѣхъ польскихъ областяхъ къ польскому возстанію. *День* очевидно забылъ о крестьянахъ, разсуждая въ своей прежней статьѣ о различныхъ способахъ къ рѣшенію польскаго вопроса. Онъ вспомнилъ о нихъ въ слѣдующемъ нумерѣ, а вотъ теперь уже основываетъ на нихъ всю систему, которая должна быть принята нами въ Польшѣ, и предлагаетъ правительству одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которая потребуетъ великихъ усилій и средствъ. Но для этого приходится совершенно покинуть тотъ путь такъ-называемыхъ либеральныхъ мѣръ, который быстрыми переходами ведетъ къ полному обособленію Польши. Для того чтобы произвести всѣ тѣ реформы, которыя предлагаетъ *День*, русское правительство *должно* быть въ Польшѣ полнымъ хозяиномъ, и даже еще больше чѣмъ при Императорѣ Николаѣ,—и нашъ публицистъ требуетъ военной диктатуры въ Царствѣ Польскомъ. Какъ ни строга, какъ ни крѣпка была власть въ Царствѣ Польскомъ назадъ тому семь, восемь лѣтъ, но она еще далеко не была военною диктатурой. Слѣдовательно, по нынѣшнему взгляду газеты *День*, Польша должна быть лишена даже и той доли самостоятельности, которою она все-таки пользовалась въ прежнее время. Практическое рѣшеніе предлагаемое *Днемъ* есть отнятіе у Польши не только всякой политической или административной самостоятельности, но и подчиненіе ея военной диктатурѣ. Военная диктатура предлагаемая *Днемъ* не ограничивается только подавленіемъ мятежа: она оказывается необходимою на долгое время, пока не будутъ совершены всѣ тѣ преобразованія, которыя эта газета считаетъ теперь крайне необходимыми. И вотъ такимъ образомъ военная диктатура вводится въ Польшу какъ порядокъ вещей единственно возможный для этой страны. О какой же самостоятельности Польши толкуетъ еще газета *День*? О самостоятельности для Польши будущаго, для Польши еще не существующей. Мы не знаемъ, удовольствуются ли этимъ Поляки; но для нѣкоторыхъ публицистовъ, которые любятъ казаться идеальными рыцарями, людьми гуманными и либеральными, гнушающимися всякаго грубаго факта, такіе подарки въ будущемъ служатъ очень удобнымъ средствомъ высказать самое суровое мнѣніе и въ то же время оставить за собою репутацію гуманности, рыцарства, либеральности. Газетѣ *День* хочется напримѣръ сказать, чтобы Поляковъ изъ западнаго и юго-западнаго края какъ-нибудь „сбыть“; она приближалась къ этому щекотливому пункту, тихонько затрогивала его, но, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не рѣшилась высказаться съ полною опредѣленностію, откровенностію, то-есть, честностію. Пусть другіе совершаютъ грубое дѣло, а мы ограничимся только намекомъ исподтишка, и тотчасъ же завернемся въ широкія фразы объ общественности, о государственности, о народности, о самостоятельности, о свободѣ, да еще будемъ потомъ, съ чувствомъ своего нравственнаго превосходства, говорить объ исполнителяхъ тяжкаго дѣла требующаго силы характера, самоотверженія, твердаго убѣжденія въ пользѣ и государственной важности совершаемаго подвига. Теперь газета *День* хвалитъ мѣры генерала Муравьева, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда русскіе люди поспѣшили подкрѣпить его своимъ одобреніемъ и сочувствіемъ, эта почтенная газета морщилась и говорила

объ этихъ заявленіяхъ почти съ негодованіемъ? Пусть же теперь эта газета спроситъ у генерала Муравьева, были ли ему полезны и отрадны эти заявленія, которыя неслись къ нему со всѣхъ концовъ Россіи, въ то время, какъ онъ боролся со всевозможными трудностями и препятствіями, и когда вся Европа съ умысломъ осыпала его рутательствами?

Въ видахъ тоже должно-быть либеральныхъ, *День*, говоря о старой Польшѣ, спрашиваетъ насъ, не думаемъ ли мы, что судьбы ея могли бы измѣниться, если бы за тысячу лѣтъ предъ симъ туда былъ посланъ „хорошій генералъ съ правомъ диктатуры“? Мы не знаемъ, что было бы если бы Польша въ началѣ прошла добрую школу диктатуры, которую проходили всѣ историческіе народы безъ исключенія; но мы знаемъ, что такимъ образомъ покончили съ Польшей: пришли генералы австрійскіе, прусскіе и русскіе, и призракъ самостоятельной Польши исчезъ.

День находитъ неприличнымъ, что мы для объясненія истинной сущности польскаго возстанія сослались на происходившую у насъ назадъ тому года два революціонную комедію. Мы не знаемъ почему это неприлично, и кому это обидно—Полякамъ или намъ? Какъ тамъ, такъ и тутъ, главная причина одна, при всемъ различіи размѣровъ и послѣдствій. И тамъ и тутъ, въ основаніи, одна и та же интрига; и тамъ и тутъ, главными виновниками были люди, которые ускользали и ускользаютъ отъ кары, между тѣмъ какъ несчастныхъ повстанцевъ, загоняемыхъ изъ селъ въ лѣса, бьютъ войска безпощадно, и шестнадцатилѣтніе юноши, бѣдныя жертвы гнусныхъ продѣлокъ, губили у насъ свою будущность. Наступитъ время, оно не далеко, когда эта гнусная интрига будетъ выведена наружу. Напрасно *День*, который такъ заботится чтобы его мнѣнія не истолковывались лживо, на той же самой страницѣ очень лживымъ образомъ толкуетъ мнѣнія другихъ. Мы упомянули о нашей революціонной комедіи именно съ тѣмъ чтобы показать какъ надъ здоровымъ, цѣльнымъ, могущественнымъ народомъ, вовсе не заключающимъ въ себѣ революціонныхъ элементовъ, могъ разыграться призракъ сумятицы, которая многихъ заставляла опасаться, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не вышло, и между этими многими, какъ намъ помнится, была и газета *День*, которая очень недвусмысленно выражалась объ этомъ въ передовыхъ статьяхъ своихъ того времени.

День упрекаетъ насъ, зачѣмъ, мы сказали, что голосъ нашъ, при началѣ польскаго мятежа, раздавался одиноко. Онъ видитъ въ этомъ похвальбу, и тутъ же съ жаромъ обращается къ публикѣ, настаивая, что и онъ имѣетъ право участвовать въ этой похвальбѣ. Боже мой! Есть чѣмъ хвалиться! Хвалиться тѣмъ, что русскіе журналисты подняли голосъ въ защиту русскаго дѣла! Не хвалиться этимъ можно, а огорчаться при мысли о печальномъ явленіи, которое дѣйствительно представляла наша журналистика въ то время, когда поднять голосъ въ защиту русскаго дѣла казалось со стороны Русскаго удивительною отвагой. Мы помнимъ какъ пріятели поздравляли насъ за первыя статьи наши по польскому дѣлу, какъ удивлялись нашей смѣлости! И это было посреди Русскаго Царства! Кто видѣлъ насъ въ тѣ, слава Богу, навсегда прошедшія минуты, тотъ знаетъ, радостно ли было у насъ въ душѣ, и о лаврахъ ли мы помышляли... Мы нисколько не думали обидѣть газету *День*. Но просимъ ее припомнить, какъ сама же она въ тѣ времена жаловалась, что во всей русской журналистикѣ по польскому дѣлу раздается только голосъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Она ссылалась на какія-то препрепятствія замыкавшія ея уста, и указывала на пустой квадратъ во главѣ своихъ нумеровъ, гдѣ большими буквами значилось: „Москва, *такого-то* числа.“ Препятствія всегда были, и всегда бываютъ; но когда поднимаются вопросы великіе, вопросы народные, отъ которыхъ содрогается каждая фибра въ живомъ человѣкѣ, тогда препятствія сглаживаются сами собою,—а наконецъ если нѣкоторыя наши фантазіи или даже и зрѣлыя мнѣнія не могутъ быть вполнѣ высказаны, то неужели та торжественная и вмѣстѣ такъ скорбная минута не могла пересилить самолюбія, не могла заставить отложить до другаго времени то что встрѣчало себѣ препятствія? Не все же въ русскомъ чувствѣ, которое тогда просилось наружу, не все же встрѣчало препятствія и не могло высказаться! Вѣдь напала же газета *День* въ послѣдствіи возможность говорить и о польскомъ вопросѣ, и о русскомъ народномъ чувствѣ...

Странныя существа люди! Древняя мудрость назвала человѣка ложью; новѣйшія

наблюденія не опровергли этой истины. И ложь человѣческая состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что человѣкъ никогда въ дѣйствительности не бываетъ тѣмъ чѣмъ хочетъ казаться въ своихъ ли, въ чужихъ ли глазахъ. Какъ скоро человѣкъ хочетъ чѣмъ-нибудь казаться, будьте увѣрены, въ немъ именно того-то и нѣтъ, что выставляется имъ на видъ. Выставляемое людьми на видъ, — въ усладу себѣ или другимъ, — большею частью служитъ обозначеніемъ того чего въ дѣйствительности у людей не имѣется. Кто щеголяетъ своимъ образованіемъ, у того, повѣрьте, не глубоки корни образованія, — у того только лоскъ, прикрывающій варварство. Кто красуется либерализмомъ, тотъ, повѣрьте по большей части бываетъ деспотъ въ душѣ. Сентиментальность есть не что иное как неспособность къ истинному чувству. Увы! желаніе *казаться* правдивымъ, то и дѣло, бываетъ признакомъ внутренней лживости. Такъ бываетъ en grand, въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, такъ точно бываетъ и en petit, въ разныхъ сферахъ дѣятельности людей, въ ихъ маленькихъ интересахъ, занятіяхъ и мысляхъ. Такъ бываетъ въ литературѣ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ передовыхъ, или руководящихъ статейкахъ русскихъ газетъ, — говоримъ, русскихъ, потому что и русскіе журналисты не изъяты отъ общаго закона человѣческихъ дѣлъ, и ихъ статьи и статейки подлежатъ тому же неумолимому закону. У насъ въ литературѣ, очень часто раздавались суровые голоса вѣщавшіе о правдѣ, о дѣйствительности, о народной почвѣ, о томъ что личное начало есть начало проклятое, буйствующее на Западѣ, что русская народность чиста и свободна отъ этого начала. Личность, какъ извѣстно, есть начало и дурное и хорошее, смотря потому какъ она держится и что она дѣлаетъ. Личность есть и на Западѣ, и на Востокѣ; и хорошія проявленія личности столько же цѣнятся на Западѣ, сколько на Востокѣ осуждаются дурныя. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что литераторы, проповѣдывающіе смиреніе и „приниженіе“ личности, весьма часто представляютъ собою разительный примѣръ того, какъ у людей на дѣлѣ именно того-то и не бываетъ что у нихъ на вывѣскѣ, и какъ они тѣми самыми дѣйствіями, которыми хотятъ доказать что-либо, доказываютъ нѣчто совершенно противное. Люди, напримѣръ, хотятъ доказать что они глубоко и серіозно заняты общимъ дѣломъ, что они совершенно забываютъ себя въ немъ и совершенно свободны отъ всякихъ заботъ о своей особѣ, — и что же? — какъ всегда бываетъ, въ силу печальнаго закона человѣческой природы, эти-то самые люди и оказываются по преимуществу занятыми своею особой и мало способными заняться общимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было важно, безъ примѣси личнаго чувства.

№ 196.

Москва, 9-го сентября.

Считаемъ долгомъ своимъ, отъ лица всѣхъ нашихъ читателей, благодарить его сіятельство, г. вице-канцлера, за доставленную намъ возможность обнародовать послѣдніе акты дипломатической переписки нашего правительства, одновременно съ появленіемъ ихъ въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Изъ этихъ актовъ, исполненныхъ достоинства и силы, русская публика увидитъ, что дипломатическая кампанія кончена. Дѣло иностранной политики совершено блистательно; дай Богъ такого же успѣха и дѣйствіямъ нашей внутренней политики! Дай Богъ, чтобы мы обрѣли въ себѣ полную рѣшимость, соотвѣтствующую нашимъ истиннымъ силамъ, привести къ концу возникшія у насъ замѣшательства и выйдти побѣдоносно изъ всѣхъ нашихъ затрудненій! Зло уже довольно запущено; оно съ теченіемъ времени укоренилось довольно глубоко и приняло значительные размѣры; теперь бороться съ нимъ труднѣе чѣмъ было въ началѣ. Но успѣхъ борьбы тѣмъ не менѣе вполнѣ зависитъ отъ самой Россіи, отъ ея рѣшимости, твердости, ясности взгляда и послѣдовательности дѣйствій. Телеграмма изъ Варшавы, полученная нами вчера и нынче дополненная новою, о покушеніи на жизнь графа Берга, еще разъ свидѣтельствуетъ о необходимости дѣйствовать рѣшительно и безъ всякаго замедленія. Каждая минута въ настоящихъ обстоятельствахъ имѣетъ цѣну, каждая минута есть сила, а силъ терять не должно. Чѣмъ менѣе будемъ мы колебаться въ нашемъ образѣ дѣйствій, тѣмъ менѣе потребуется жертвъ и крови, и тѣмъ вѣрнѣе будетъ сохранено спокойствіе Европы.

Блистательное изложеніе польскаго вопроса въ *меморандумѣ* князя Горчакова, находящемся теперь предъ глазами читателей, бросаетъ яркій свѣтъ на первый источникъ тѣхъ затрудненій, съ которыми мы теперь боремся. Историческія данныя, сопоставленныя въ этомъ документѣ, заключаютъ въ себѣ важные уроки политической мудрости. Между Европой и Россіей стоитъ теперь вопросъ о Польшѣ: какъ возникъ этотъ вопросъ, кто его поставилъ, кто его создалъ? Вопросъ этотъ, мы видимъ, не на радость Россіи, не въ пользу ей; мы видимъ какія для нея трудности заключаются въ этомъ вопросѣ; мы видимъ, сколькихъ бѣдствій былъ онъ виною, и сколькихъ бѣдствій быть-можетъ станетъ виною. Мы видимъ, что вопросомъ этимъ другія державы пользуются какъ готовымъ орудіемъ, чтобы въ разныхъ видахъ своихъ тревожить, обезсиливать и унижать наше отечество. Мы видимъ, что этотъ вопросъ есть наша слабость, и что онъ есть сила нашихъ враговъ. Очевидно, что создать этотъ вопросъ могли только враги Россіи. И дѣйствительно, его создали враги, — враги скрытные, враги дѣйствующіе потаенными путями, — самые опасные и самые злые изъ всѣхъ враговъ, какіе только могутъ быть у человѣка, или у цѣлаго народа, у цѣлаго государства, — враги дѣйствующіе издалека, потихоньку, шагъ за шагомъ, мѣняя личины, прикидываясь нашими друзьями, служа намъ, угождая намъ, занимаясь нашими дѣлами, играя на нашемъ сердцѣ и извлекая изъ него искусною рукой доброгласные аккорды великодушія, рыцарства, самоотверженія и тому подобныхъ мотивовъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ этихъ враговъ, отъ этихъ друзей, съ сладкою физіономіей и вкрадчивымъ голосомъ! Да пошлетъ намъ Богъ, и на нынѣшнія и на грядущія времена, враговъ истинныхъ, настоящихъ враговъ, добрыхъ, открытыхъ враговъ, такихъ враговъ которые не казались бы друзьями.

Съ каждымъ днемъ въ политическомъ мірѣ все болѣе и болѣе утверждается правило, что для правительствъ нѣтъ другаго долга, какъ польза, только польза и ничего кромѣ пользы своего народа, своей страны. Человѣкъ есть существо слабое; на всѣхъ ступеняхъ своего величія — онъ есть существо слабое. Въ своихъ дѣйствіяхъ, съ которыми сопряжено благо другихъ людей или благо какого-либо великаго цѣлаго, человѣкъ долженъ соблюдать величайшую осторожность не только передъ лицомъ очевидныхъ враговъ, но и по отношенію ко внутреннимъ движеніямъ своей души, и быть строгимъ критикомъ даже лучшихъ порывовъ своего сердца. Святые отшельники, спасавшіеся въ пустыняхъ, боялись не столько грубыхъ чувственныхъ искушеній, сколько тѣхъ тонкихъ и незамѣтныхъ, которыми врагъ старался уловить ихъ на высотѣ духовныхъ помысловъ, во глубинѣ ихъ нравственной чистоты и святости. Великодушіе, милость, щедроты, все это великія и прекрасныя слова, и также чувствованія прекрасныя, прекрасныя движенія души. Нельзя не дорожить ими, нельзя не прославлять ихъ. Но всякому человѣку надобно помнить, что на высотѣ этихъ чувствованій сторожитъ его врагъ, что на высотѣ этихъ чувствованій пуще всего бываетъ нужна человѣку чуткая бдительность надъ самимъ собою. А потому-то, въ дѣлахъ общаго блага, первое правило — не допускать никакихъ побужденій, хотя бы самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ, не посовѣтовавшись прежде всего и крѣпче всего съ чувствомъ долга: великодушіе и щедроты — дѣло прекрасное, но они хороши не прежде какъ по уплатѣ всѣхъ долговъ. Потому-то, съ развитіемъ опытности, политическіе люди стараются руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно интересами своей страны и народа, и отнюдь не допускаютъ никакихъ соображеній въ видахъ какой-либо отвлеченной справедливости или какихъ-нибудь великодушныхъ идей.

Теперь Европа попрекаетъ насъ Польшею. Цѣлому міру извѣстно, что державы поддерживающія теперь знамя Польши совсѣмъ не заботятся о ней, а дѣйствуютъ каждая въ своемъ интересѣ. Всѣ это знаютъ, всѣмъ это очевидно, и нападающія на насъ иностранныя державы нисколько не стараются скрывать это. Но тѣ же самыя державы болѣе всего противились нашимъ великодушнымъ планамъ поднять это польское знамя, воскресить въ Европѣ это имя, оживить призракъ этого погибшаго существованія. Тогда Европа чуть не дошла до войны съ нами въ своемъ сопротивленіи нашимъ великодушнымъ планамъ возобновить имя Польши. Державы соглашались на приращеніе государственной области Россіи, и уступали ей тѣ области, изъ которыхъ Наполеонъ I сдѣлалъ герцогство Варшавское, лишь бы только не возобнов-

лялся призракъ Польши. Но императоръ Александръ I „хотѣлъ явить примѣръ самоотверженія и безкорыстія.“ Онъ сказалъ: „я хочу возродить Польшу.“ Императоръ Александръ I, „великодушно забывая, что герцогство Варшавское было завоевано единственно русскимъ оружіемъ у врага, въ рядахъ котораго находились еще Пруссія и Австрія, поставилъ себѣ за правило, чтобъ участь завоеванныхъ областей была въ послѣдствіи устроена на конгрессѣ долженствовавшемъ собраться въ Вѣнѣ.“ Послѣ великой войны, которою Россія спасла Европу и въ которой понесла самыя тяжкія жертвы,—Россія хотѣла поступить не только безкорыстно, но и великодушно; она не хотѣла ограничиться видами на благо своего народа, который такъ много работалъ, такъ много страдалъ, и такъ несомнѣнно былъ призванъ къ великой исторической будущности,—она хотѣла, въ ущербъ себѣ, призвать къ жизни еще другой народъ, уже умершій и похороненый и возсоздать государство доказавшее свою неспособность къ самостоятельному существованію, искони бывшее заклятымъ врагомъ Россіи,—государство, котораго жизнь была ея пагубою, умерщвленіемъ ей народа, развореніемъ ея церкви, уничтоженіемъ ея силы.

Наши теперешніе противники, чуть-чуть не объявившіе намъ войны изъ-за Польши, говорили тогда на конференціи созванной нами:

„Къ несчастію, можно предвидѣть войну, „если, какъ предполагаютъ, Императоръ „Александръ имѣетъ намѣреніе привести „въ исполненіе идеи нѣсколькихъ Поляковъ, „наименовавъ свои новыя пріобрѣтенія Поль„шей. Этотъ вопросъ еще важнѣе террі„ріальнаго. Онъ заключаетъ въ себѣ сѣ„мена смутъ, и совершенно противорѣчитъ „существующимъ трактатамъ, такъ какъ „въ свое время три двора, участвовавшіе „въ раздѣлѣ, обязались впредь не употреб„лять этого наименованія.“

Такъ говорили намъ въ то время державы, которыя теперь нападаютъ на насъ изъ-за Польши; мы тогда не слушались ихъ увѣщаній, мы готовы были рѣшиться даже на войну съ ними для исполненія плановъ подсунутыхъ намъ „нѣсколькими Поляками,“ упоминаемыми въ вышеприведенныхъ словахъ князя Меттерниха,—и вотъ цѣлая исторія, которая родилась почти изъ ничего, родилась изъ происковъ этихъ „нѣсколькихъ Поляковъ,“ умѣвшихъ тронуть нѣкоторыя сладкозвучныя струны. Одно имя,—казалось бы что такое имя?—одно имя, и вотъ какія послѣдствія: вызванъ мертвецъ изъ могилы, и во власть ему отданы милліоны живыхъ людей,—Россія подвергается замѣшательствамъ и бѣдствіямъ, спокойствію Европы угрожаетъ опасность. И вотъ также что значитъ интрига, вотъ что значатъ эти тонкія, незамѣтныя, повидимому, ничтожныя дѣйствія, изъ которыхъ она слагается! Нѣтъ, не въ шумныхъ и грубыхъ проявленіяхъ опасно зло; оно опаснѣе всего тамъ, гдѣ можетъ дѣйствовать тонкими и незамѣтными вліяніями интрига. И люди, и народы въ своемъ развитіи болѣе всего должны стараться обезпечить себя „отъ всякой вещи во тьмѣ преходящей.“

Мы оставляемъ до завтрашняго дня обзоръ дипломатическихъ документовъ какъ иностранныхъ такъ и нашихъ. Теперь же мы должны перенести на минуту наше вниманіе на другой предметъ.

Финляндскій сеймъ открытъ. Въ этомъ же самомъ листкѣ русская публика прочтетъ рѣчь, произнесенную Великимъ Княземъ Финляндскимъ при открытіи сейма. Событіе это не есть событіе русское, и документъ этотъ есть для насъ документъ иностранный; однако онъ имѣетъ для насъ особое значеніе, потому что Великій Князь Финляндскій есть въ то же время Императоръ Всероссійскій.

Финляндское княжество есть страна заселенная народомъ финскаго племени, говорящимъ внизу по-фински, вверху по-шведски и образованнымъ по-шведски,—страна присоединенная къ Россіи, имѣющая свой особый представительный сеймъ, котораго засѣданія открыты рѣчью ея государя на французскомъ языкѣ. Государственное представительство Финляндіи заимствовано ею отъ Швеціи и основано на сословномъ устройствѣ, которое такъ много повредило Швеціи и чуть совсѣмъ не погубило ее,—ибо благодаря этому сословному устройству Швеція упала со степени значительной державы, и въ прошломъ столѣтіи едва не подверглась одной участи съ Польшей, почти въ одно время съ нею. Но каково бы ни было устройство этого сейма, Финляндія радостно привѣтствуетъ возобновленіе своей политической жизни, и мы, Русскіе, поздравляемъ ее съ этимъ событіемъ. Несмотря на нѣкоторую аномалію своего положенія относительно Россіи, Финляндія,

слава Богу, никогда не была причиной серіозныхъ замѣшательствъ и затрудненій для русскаго народа. Съ именемъ Финляндіи не соединяется для русскаго народа никакихъ дурныхъ воспоминаній; отъ великаго княжества Финляндскаго Россія пока не видала зла; оно держалось мирно, законно и честно, не употребляя во зло своего особаго положенія. Пожелаемъ, чтобъ и впредь со стороны Финляндіи ничто не напоминало русскому народу о невыгодахъ соединенія разныхъ отдѣльныхъ государствъ подъ державой одного государя. Испытанная *честность* этой страны, ея непритязательность, ея спокойный нравъ мирятъ русское чувство съ характеромъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ она находится къ Россіи. Но этихъ отношеній нельзя признать нормальными, и ужь никакъ нельзя принять ихъ въ образецъ, никакъ нельзя пожелать, чтобы нѣчто подобное могло, еще съ какой-нибудь другой стороны, образоваться для Россіи. Этого рода отношенія очень опасны,—опасны не только тѣмъ что могутъ вести къ разнымъ внѣшнимъ замѣшательствамъ и затрудненіямъ, а еще болѣе тѣмъ, что они вносятъ во внутреннюю государственную жизнь такое начало, которое въ своемъ развитіи можетъ разстроить самое цѣльное государственное тѣло, и повести къ ослабленію основныхъ связей, соединяющихъ народъ съ верховною властью. Это начало вредно еще тѣмъ, что въ своемъ развитіи можетъ дать ходъ одной изъ самыхъ пагубныхъ государственныхъ формъ, такъ-называемой „федеральной," или союзной формѣ, которою, какъ всякимъ разлагающимъ началомъ, успѣли уже воспользоваться революціонныя ученія. Нѣтъ ничего противнѣе здравому политическому смыслу, какъ эта „федеральная" или „федеративная" форма, выдаваемая за идеалъ государственнаго устройства. Не только полное осуществленіе и развитіе этой формы, но и все, что напоминаетъ ее, всякая тѣнь этой формы, все что хоть сколько-нибудь отзывается ею, грозитъ государству серіозною опасностію. Для государства лучше, вслѣдствіе несчастной войны, утратить ту или другую изъ своихъ областей, нежели пріобрѣсти новую на основаніи такъ-называемаго „личнаго" соединенія или этой „федеральной" связи. Какъ же допустить, хоть на минуту, мысль которую навязываютъ Россіи разные благопріятели ея въ иностранной журналистикѣ,—мысль о раздробленіи ея на многія государственныя области, изъ которыхъ каждая должна имѣть свое особое представительство, и которыя должны находиться между собою въ союзныхъ отношеніяхъ? Злѣйшій врагъ не можетъ придумать для Россіи ничего хуже этой мысли, ничего болѣе противнаго политическому чувству русскаго народа, которое онъ воспиталъ и выстрадалъ всею своею исторіей. При одномъ помышленіи о чемъ-либо подобномъ становится больно... Нѣтъ, сохранимъ полную надежду, что съ дальнѣйшимъ предстоящимъ намъ политическимъ развитіемъ Россія еще крѣпче утвердитъ свою государственную цѣлость, еще глубже, еще сильнѣе, еще могущественнѣе почувствуетъ свое единство, за которое все, что ни есть на землѣ Русской русскаго, отдастъ послѣднюю каплю своей крови...

Заговоривъ о финляндскомъ сеймѣ, мы позволимъ себѣ остановиться на одной чертѣ въ описаніи относящихся къ этому событію церемоній,—чертѣ, которую навѣрное замѣтитъ каждый Русскій, которую оцѣнитъ русское чувство, на которой оно пріятно остановится, съ благодарностію за тонкую внимательность къ нему такъ любимаго всею Россіей, такъ дорогаго ей Государя. При принесеніи присяги ландмаршаломъ сейма, Государь Императоръ обратился къ нему съ привѣтствіемъ — не на французскомъ, не на шведскомъ, но на русскомъ языкѣ. И это не было случайностію: Его Величество вслѣдъ за тѣмъ изволилъ обратиться и къ архіепископу абовскому также на русскомъ языкѣ, хотя и ландмаршалъ сейма и архіепископъ почему-то предпочли отвѣчать не по русски, даже не по шведски, а по французски.

№ 197.

Москва, 10-го сентября.

Черта общая депешамъ трехъ европейскихъ дворовъ, предпринявшихъ дипломатическій походъ противъ насъ, есть та, что послѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ нашего правительства, они прекращаютъ тѣ требованія, съ которыми въ началѣ такъ шумно и грозно обратились къ Россіи. Они уже не настаиваютъ на неслыханномъ требованіи, чтобы наше правительство заключило перемиріе съ какимъ-то подземнымъ комитетомъ, который дѣйствуетъ мятежомъ, гра-

бежомъ и тайными убійствами,—и который возымѣлъ силу единственно потому, что правительство, слѣдуя своимъ доброжелательнымъ видамъ относительно Польши, ступило на путь, оказавшійся теперь такъ мало надежнымъ,—на тотъ путь, по которому эти три двора, по дружбѣ къ намъ, приглашаютъ его идти далѣе. Они не возобновляютъ и требованій своихъ о созваніи европейской конференціи для устройства Польши. Послѣ русскихъ отвѣтовъ, отвергшихъ всякое вмѣшательство, новыя депеши иностранныхъ державъ не имѣютъ уже никакого значенія: это выстрѣлы холостымъ зарядомъ. Отказываясь отъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства въ чужія дѣла, три двора, каждый съ своей точки зрѣнія, стараются только оправдать свои побужденія и свой взглядъ на вещи. Послѣднія депеши Австріи, Англіи и Франціи имѣютъ характеръ болѣе оборонительный нежели наступательный; онѣ не нападаютъ, а защищаются и оправдываются: вотъ результатъ того рѣшительнаго и исполненнаго достоинства тона, который былъ принятъ нашимъ правительствомъ. Всѣ три депеши оканчиваются одинаково: прекращая объясненія, которыя не повели ни къ чему и не успѣли наложить на Россію никакихъ обязательствъ, депеши заявляютъ фактъ, ясный безъ всякихъ заявленій, именно тотъ, что отъ Россіи зависитъ благопріятный или неблагопріятный исходъ ея собственныхъ затрудненій. Всѣ три кабинета естественно полагаютъ, что указанный ими Россіи путь есть наилучшій, и что если Россія этимъ путемъ не пойдетъ, то подвергнетъ себя серіознымъ послѣдствіямъ, „которыя можетъ повлечь за собою продолженіе безпорядковъ въ Польшѣ.“ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдствія для Россіи будутъ тѣмъ, неблагопріятнѣе, чѣмъ болѣе будутъ длиться эти безпорядки. Безпорядки должны быть прекращены во что бы то ни стало: съ справедливостію этой мысли нельзя не согласиться; но отъ Россіи, единственно отъ самой Россіи, зависитъ это прекращеніе, и это-то признано, наконецъ, нашими противниками.

Однако, при общемъ заключеніи и при одинаковой, такъ сказать, юридической силѣ или безсиліи этихъ депешъ, онѣ разнятся между собою въ нѣкоторыхъ очень интересныхъ чертахъ, характеризующихъ положеніе каждаго изъ трехъ дворовъ по отношенію къ Россіи и польскому дѣлу. По тону и взгляду, не смотря на рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій, менѣе неблагопріятны депеши австрійская и англійская; что же касается до французской, то въ ней, какъ и слѣдовало ожидать отъ французской политики по польскому вопросу, господствуетъ воззрѣніе кореннымъ образомъ непріязненное и лукавое. Австрійская и англійская депеши, указывая на безпорядки, въ то же время указываютъ на большинство народонаселенія, которое называютъ онѣ колеблющимся (floating), совѣтуя русскому правительству имѣть преимущественно въ виду этотъ нейтральный средній элементъ, расположить его въ свою пользу и опереться на него. Каковы бы ни были мѣры, предлагаемыя этими обоими дворами, для того, чтобы русское правительство могло привлечь къ себѣ и утвердить за собою этотъ колеблющійся элементъ въ Царствѣ Польскомъ, интересно то, что обѣ державы настолько вѣрно понимаютъ и оцѣниваютъ положеніе дѣлъ, что не считаютъ польскаго мятежа какимъ-либо всеобщимъ возстаніемъ, обнимающимъ собою всѣ классы народонаселенія, а видятъ въ немъ дѣйствительно то, что видятъ и люди, находящіеся на мѣстѣ, то-есть, всевозможные элементы безпорядка возбужденные въ странѣ и привлеченные въ нее особыми обстоятельствами, въ какихъ страна эта находится. Оба двора болѣе или менѣе ошибаются въ объясненіи причинъ и способовъ, которые должны быть приняты; но важны не объясненія и указанія, а заявленіе того факта, что русское правительство въ Польшѣ борется съ элементами дурными, и что для подавленія этихъ элементовъ, столько же враждебныхъ русскому правительству сколько и народонаселеніямъ польскаго края, необходимо такъ или иначе дѣйствовать для привлеченія къ себѣ лучшихъ элементовъ, непричастныхъ мятежу и поневолѣ колеблющихся между законною властью и властью подземнаго комитета. Таковъ основный взглядъ австрійскаго и англійскаго кабинетовъ на событія, происходящія въ Польшѣ. Съ ними стало-быть поладить не трудно. При такомъ взглядѣ, эти державы должны были бы вполнѣ удовольствоваться, еслибы русское правительство благоразумными, энергическими, хорошо разсчитанными мѣрами успѣло оградить мирныя народонаселенія отъ насилій и устрашеній революціи, успокоило ихъ, подавило мятежъ, вырвало его корни, и вмѣстѣ

съ тѣмъ даровало бы странѣ миръ, спокойствіе и благосостояніе. Не такъ смотритъ на дѣло французская политика. Ея цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы привести дѣло къ какому-нибудь окончательному результату, въ которомъ было бы удовлетворительно разрѣшенъ затруднявшій Европу вопросъ. Французская политика желаетъ, чтобы революціонный зажигательный вопросъ принялъ сколько возможно бо́льшіе размѣры, а потому и интересъ ея состоитъ въ томъ, чтобы преувеличивать значеніе возстанія. Главныя силы, управляющія этимъ движеніемъ, находятся въ самомъ Парижѣ. Планы двигателей извѣстны: имъ не нужны какія-либо улучшенія въ управленіи польскимъ краемъ, — имъ нужно невозможное, и польскій вопросъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ къ кругу тѣхъ политическихъ идей, которыя составляютъ арсеналъ французской политики. Вотъ почему французскій министръ иностранныхъ дѣлъ особенно старается выставить на видъ національный, всеобщій характеръ польскаго возстанія. Онъ не допускаетъ никакого средняго или колеблющагося элемента въ народонаселеніи Царства Польскаго. По воззрѣнію французскаго двора возстаніе, будто пожаръ, охватило всѣ сословія польскаго народонаселенія сверху до низу. На это особенно напираетъ французская дипломатія; въ этомъ заключается главнѣйшій доводъ ея.

Извѣстно, что характеръ народный имѣетъ общественное движеніе только тогда, когда въ немъ безразлично сливаются всѣ состоянія, всѣ классы, высшіе и низшіе, городскіе и сельскіе, люди образованные и необразованные. Только при такомъ полномъ и безразличномъ сліяніи всѣхъ въ одно обнаруживается народная сила. Особенно характеристическимъ признакомъ въ этомъ отношеніи служитъ энергическое участіе простонародныхъ и притомъ сельскихъ массъ. Если движеніе ограничивается образованными элементами общества, его высшими классами, то оно никогда не можетъ имѣть чисто народнаго характера, изъ какихъ бы источниковъ оно ни происходило, къ чему бы оно ни стремилось, какъ бы ни было оно уважительно, какія бы силы въ немъ ни дѣйствовали; оно будетъ все что̀ хотите, только не народное движеніе; въ немъ будетъ своя какая-нибудь общественная или политическая идея, которая и сообщитъ ему характеръ и дастъ ему имя. Но коль скоро движеніе съ равною силою идетъ отъ общественныхъ вершинъ до послѣднихъ основаній, захватывая равно ученаго и неуча, знатнаго барина и крестьянина, богатаго капиталиста и оборвыша, и при томъ иногда такъ, что чѣмъ глубже проникаетъ оно, тѣмъ становится горячѣе, — то тутъ уже дѣйствуетъ простая, безпримѣсная, народная сила, и движеніе безспорно имѣетъ характеръ народный. Таково, напримѣръ, было народное движеніе у насъ въ 1612 году, когда Поляки сидѣли въ московскомъ Кремлѣ, а польскій король чествовалъ себя царемъ Русской земли, и когда по всей тогдашней Руси, бѣдной, растерзанной, безъ всякой организаціи, безъ правительства, безъ администраціи, безъ путей сообщенія, безъ телеграфовъ, безъ типографскихъ станковъ, безъ орсиніевскихъ бомбъ безъ жандармовъ-вѣшателей и другихъ новѣйшихъ удобствъ, прошелъ одинъ кличъ и все поднялось на ноги, и все пошло, ни кѣмъ не гонимое, уливая путь своею кровію и устилая его своими костями, и до тѣхъ поръ не успокоилось, пока Москва не была выручена и Русская Земля не была спасена. Вотъ это — народное движеніе, и какъ бы оно ни было просто, или пожалуй грубо, оно есть то, что есть, — оно есть движеніе народное. Могутъ дѣйствовать и собирать людей разныя силы, болѣе или менѣе уважительныя, но народная сила есть особая сила и характеръ ея нельзя смѣшивать ни съ чѣмъ другимъ. Но французскому министру нѣтъ нужды добираться до корней. Характеръ народности, который онъ приписываетъ возстанію, не только вопреки русскому правительству, но и вопреки мнѣнію другихъ державъ, служитъ только выраженіемъ исключительно французской политики по этому вопросу. Съ той же точки зрѣнія она приписываетъ польскому движенію національность даже и въ западныхъ губерніяхъ, куда и мѣтитъ г. Друэнъ-де-Люисъ въ особой запискѣ, приложенной имъ къ депешѣ. Оба другіе кабинета намекаютъ также о западномъ краѣ; но ихъ цѣли очевидно другія, и графъ Рехбергъ, ссылаясь на Галицію, клонитъ рѣчь конечно не въ сторону польскихъ притязаній. Вообще оба двора, австрійскій и англійскій, не прочь досадить намъ, не прочь надѣлать намъ поболѣе затрудненій, но они и въ мысляхъ не имѣютъ удовлетворенія польскихъ притязаній.

Вообще, мы ясно видимъ теперь отъ какихъ опасностей избавилъ насъ энергическій и рѣшительный тонъ, принятый нашимъ правительствомъ. Малѣйшая уступка имѣла бы своимъ послѣдствіемъ не сближеніе и соглашеніе, а новыя, несравненно болѣе горячія и опасныя объясненія. При первой уступкѣ нашей относительно Царства Польскаго, державы, замышлявшія какъ-нибудь разстроить Россію, не преминули бы дать дальнѣйшій ходъ своему назойливому вмѣшательству.

Вся сила нынѣшнихъ отвѣтныхъ депешъ нашего правительства заключается именно въ томъ, что онѣ не пускаются ни въ какія объясненія. Всякій доводъ могъ бы только ослабить ихъ значеніе. Все кончено послѣ этихъ немногихъ, краткихъ и выразительныхъ словъ. Никакое новое дипломатическое нашествіе на насъ, никакая новая мистификація, теперь уже не-возможны. Искусственное и фальшивое соединеніе трехъ державъ потеряло всякую силу. Отнынѣ Россія вышла на широкій и прямой путь, и наше правительство можетъ дѣйствовать у себя внутри совершенно свободно, не развлекаясь и не затрудняясь посторонними соображеніями. Заключительныя слова, одинаковыя во всѣхъ трехъ депешахъ князя Горчакова, окончательно пресѣкаютъ путь дальнѣйшему вмѣшательству въ наши дѣла, и вполнѣ возстановляютъ оскорбленное достоинство Россіи. Этими словами сказано все, и все что отнынѣ будетъ совершено русскимъ правительствомъ по чувству того священнаго долга, который верховная власть возложила на себя „передъ Богомъ, передъ своею совѣстію и передъ своимъ народомъ", будетъ свободно отъ искажающихъ видѣній, и только то что выйдетъ изъ этого источника, при полной свободѣ отъ всякихъ понужденій и такъ-называемыхъ дружескихъ совѣтовъ, послужитъ ко благу. Чѣмъ независимѣе отъ всякихъ вліяній это чувство высшаго долга, чѣмъ менѣе примѣшивается къ нему какое-либо постороннее соображеніе, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ безопаснѣе мы будемъ, и тѣмъ лучше пойдутъ наши дѣла.

Итакъ, главная сила нашихъ отвѣтныхъ депешъ, какъ замѣчено выше, есть та, что въ нихъ нѣтъ никакихъ объясненій. Справедливы или несправедливы мнѣнія иностранныхъ дворовъ, во всякомъ случаѣ Россія отвергаетъ ихъ совѣты, не давая никому права вмѣшиваться въ ея дѣла. Даже самое рѣшительное возраженіе на мнѣнія иностранныхъ дворовъ послужило бы только подтвержденіемъ за ними права продолжать или начать снова дипломатическое объясненіе. Однако князь Горчаковъ не хотѣлъ и оставить безъ возраженія высказанныя тремя кабинетами мнѣнія, и этому возраженію посвящена особая записка, не имѣющая официальнаго характера, и сообщенная нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ видѣ руководства, дипломатическимъ представителямъ Россіи при дворахъ: англійскомъ, австрійскомъ и французскомъ. Эта записка не оставляетъ безъ вниманія ни одной подробности дѣла, ни одного довода безъ полнаго и рѣшительнаго опроверженія. Въ этомъ меморандумѣ пройденъ весь поднятый вопросъ, и всѣ сужденія, имъ вызванныя, подвергнуты глубокому, сильному и тонкому анализу. Если самыя депеши устраняются отъ всякихъ объясненій, то этотъ дополнительный документъ, не имѣющій официальнаго значенія, напротивъ не упускаетъ изъ виду ни одной подробности дѣла и беретъ его во всей его широтѣ. Кромѣ своего дѣловаго значенія, документъ этотъ важенъ какъ превосходная характеристика поднятаго вопроса, и заслуживаетъ изученія какъ образцовое произведеніе въ своемъ родѣ. Надобно надѣяться, что онъ будетъ имѣть благотворное вліяніе на общественное мнѣніе, для котораго онъ собственно и предназначается, какъ видно изъ сопровождающей его депеши князя Горчакова.

№ 198.

Москва, 11-го сентября.

Мы только что получили нѣсколько подробностей о покушеніи на жизнь графа Берга и передаемъ ихъ ниже, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій. Это покушеніе есть, конечно, главное событіе въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее время. Мятежники принялись за военныхъ, и начали съ начальника войскъ. Покушеніе, по счастію, не удалось. Но на Русскихъ въ Варшавѣ оно не могло не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія; раздраженіе войскъ, и самихъ начальствъ военныхъ, можетъ дойдти до крайнихъ предѣловъ; жители Варшавы очень могутъ пожалѣть, что военное положеніе не соблюдалось тамъ до сихъ поръ во всей

строгости. Гдѣ нуженъ строгій порядокъ и гдѣ вмѣсто того допускаются послабленія, тамъ неизбѣжны взрывы, которые обходятся тяжеле чѣмъ самый строгій, но все-таки правильный и законный порядокъ.

Въ объясненіе этого злодѣйскаго покушенія замѣтимъ, что графъ Бергъ въ короткое время успѣлъ уже издать нѣсколько строгихъ постановленій относительно сбора податей съ варшавскихъ обывателей, относительно найма дворниковъ и содержанія домовыхъ воротъ днемъ и ночью запертыми на ключъ, наконецъ относительно исполненія нѣкоторыхъ правилъ военнаго положенія.

Для исполненія всѣхъ этихъ распоряженій даны были сроки; для найма дворниковъ семидневный. Семидневные сроки въ такое время, когда каждый день приноситъ съ собой извѣстія о нѣсколькихъ убійствахъ! Жондъ воспользовался этимъ временемъ для умерщвленія чиновника, написавшаго проектъ найма дворниковъ и запиранія воротъ,—мѣръ очень ненавистныхъ ему. Проектъ былъ написанъ начальникомъ отдѣленія въ управленіи варшавскаго оберъ-полицеймейстера, мирзою Туганъ-Барановскимъ, изъ Татаръ Августовской губерніи. Онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ и преданнѣйшихъ правительству чиновниковъ; такихъ уже болѣе въ полицейскомъ управленіи едва ли найдется. Въ убійствѣ Туганъ-Барановскаго наиболѣе виновато само его начальство. Какимъ образомъ погибъ Барановскій? Онъ то и дѣло просилъ у оберъ-полицеймейстера квартиры, просилъ какой бы то ни было квартиры въ казенномъ охраняемомъ зданіи, хотя онъ былъ женатъ и имѣлъ восемь человѣкъ дѣтей. Но въ квартирѣ ему рѣшительно было отказано. Барановскій просилъ полицейской охраны; ему обѣщали дать эту охрану лишь по приведеніи въ исполненіе новаго положенія о полиціи. А между тѣмъ есть полицейскіе чиновники, которые получили большія квартиры въ зданіяхъ занимаемыхъ „циркулами.“ Барановскій узналъ, что ему угрожаютъ убійствомъ за проектъ, и видя себя оставленнымъ властію, просилъ возвратить ему обратно его рукопись, — но она затерялась. 31 августа Барановскій передъ своими друзьями выражалъ опасеніе, что подвергнется мести за проектъ. 1 сентября, въ воскресенье, какой-то незнакомецъ предостерегалъ его, что своимъ проектомъ онъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Въ понедѣльникъ утромъ какой-то ремесленникъ бросился за нимъ въ чуланъ, но Барановскій захлопнулъ дверь и погрозилъ револьверомъ; незнакомецъ бѣжалъ. Барановскій отправился къ генералу Левшину и снова просилъ о квартирѣ и полиціантѣ для охраны. Но въ квартирѣ ему опять было отказано, а къ вечеру былъ къ нему присланъ одинъ изъ вновь-назначенныхъ въ полицію солдатъ, человѣкъ неопытный и не расторопный. Въ 7 часовъ вечера вошелъ къ Барановскому какой-то полиціантъ, за нимъ еще человѣкъ пять-шесть; солдатъ ни слова имъ не сказалъ, и продолжалъ себѣ стоять у воротъ; а потомъ, услышавъ у Барановскаго шумъ, поспѣшилъ въ циркулъ. Но когда пришли изъ циркула, то на мѣстѣ никого уже не оказалось, кромѣ убитаго Барановскаго и израненыхъ его жены и семнадцатилѣтней дочери. Въ этотъ промежутокъ времени успѣла произойдти слѣдующая ужасная сцена: полицейскій „дозорца“, Ярошинскій, постучался къ Барановскому и сказалъ вышедшей къ нему женѣ, что присланъ отъ оберъ-полицеймейстера. Г-жа Барановская, хорошо знавшая Ярошинскаго, пошла за мужемъ въ его кабинетъ. Мужъ не хотѣлъ было выходить, но жена успокоила его, сказавъ, что пришелъ именно тотъ самый „дозорца“, который постоянно ходилъ къ нимъ. Барановскій вышелъ; Ярошинскій, въ мгновеніе подскочилъ къ нему и поразилъ его кинжаломъ въ самое сердце. Жена и дочь бросились на помощь; но злодѣй выхватилъ палашъ, рубнулъ одну и другую, и спокойно вышелъ къ товарищамъ, которые ждали его въ корридорѣ, и потому никѣмъ, кромѣ солдата, не могли быть замѣчены. Барановскій умеръ на мѣстѣ; жена его и на другой день не могла быть приведена въ чувство; воспоминаніе о катастрофѣ, мысль о томъ, что она вызвала мужа на смерть, убиваетъ ее, и сомнѣваются, чтобъ она пережила ударъ.

Въ доносеніи оберъ-полицеймейстера объ этомъ происшествіи сказано, что убійство совершилъ „неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ полицейское платье“, и что если это дѣйствительно былъ Ярошинскій, то онъ „есть отставной“ полицейскій служитель.

И такъ вотъ что значитъ народное возстаніе въ Польшѣ!..

Вотъ уже семь жертвъ изъ управленія оберъ-полицеймейстера: 1) коммисаръ Дроздовичъ (выздоровѣвшій), 2) дозорца Бялый,

3) дозорца Блоу, и чиновники: 4) Рихтеръ (выздоровѣвшій), 5) Скавронскій, 6) Боссакевичъ и 7) Барановскій. Это доказываетъ, конечно, что полиція начала дѣйствовать. Но пора подумать и о томъ, чтобы не перебили остальныхъ; иначе придется оберъ-полицеймейстеру остаться безъ чиновниковъ, или предаться вполнѣ въ руки тѣхъ сомнительныхъ чиновниковъ, которые теперь еще служатъ въ его канцеляріи. Несомнѣнные факты наводятъ на предположеніе, что при оберъ-полицеймейстерѣ есть лица знающія родъ занятій его чиновниковъ и передающія свои свѣдѣнія той разбойничьей шайкѣ, которая называется „жондъ народовый.“ Пока лица занимающія важные посты начальника варшавскаго военнаго отдѣла и варшавскаго оберъ-полицеймейстера не будутъ соотвѣтствовать положенію дѣлъ и занимаемому мѣсту, до тѣхъ поръ перерѣжутъ всѣхъ вѣрныхъ законному правительству чиновниковъ на ихъ квартирахъ, и перерѣжутъ полицейскіе служители самого правительства.

Убійство Барановскаго произвело сильнѣйшее впечатлѣніе не только на русскую, но и на польскую публику. Есть даже свѣдѣніе, что въ народовомъ жондѣ сказали: „Полно ужь убивать польскихъ *шпіелей*, пора приняться за московскихъ: теперь ихъ очередь.“ И въ самомъ дѣлѣ, очень можетъ быть, что въ Варшавѣ начнется рядъ покушеній на Русскихъ. Конечно, русскіе офицеры не покинутъ своихъ постовъ, однакожь имъ не можетъ не быть горько на сердцѣ, когда они враговъ и убійцъ, отъ которыхъ должны оберегать жителей, могутъ подозрѣвать въ рядахъ служителей администраціи, носящей титулъ законной.

Кромѣ того, непріятное впечатлѣніе производитъ на русскую публику въ Варшавѣ сборъ податей производимый въ этомъ городѣ. Жондъ народовый въ виду правительственнаго распоряженія о сборѣ податей экзекуціоннымъ порядкомъ, издалъ 31-го августа прокламацію къ жителямъ Царства, въ которой сказано, что плата Москвѣ податей тогда только извинительна, когда она вынуждена „разбойничьимъ“ нападеніемъ войскъ на домъ, но и тогда отнюдь не должна считаться взносомъ податей, а простымъ грабежомъ, которому сопротивляться нѣтъ возможности. За добровольную же уплату податей каждый виновный, по мѣрѣ преступленія, будетъ подвергнутъ: а) денежному штрафу въ двойномъ противъ уплаченной суммы размѣрѣ; б) тому же штрафу и публичному позору; в) тому же и лишенію правъ состоянія; г) тому же и изгнанію изъ края. Такое распоряженіе „жонда“ не вызвало никакихъ дополнительныхъ мѣръ со стороны правительства, и вотъ Русскимъ въ Варшавѣ приходится присутствовать при зрѣлищѣ, какъ народъ стоитъ на улицѣ и смотритъ насмѣшливо на офицера, который ходитъ съ солдатами изъ дома въ домъ и разставляетъ солдатъ по комнатамъ и магазинамъ. Правда, владѣльцы домовъ и заведеній не заставляютъ долго просить себя о податяхъ; напротивъ, они сидятъ въ готовности съ отсчитанными деньгами, и ждутъ секвестратора для врученія ему слѣдуемой суммы. Но неужели такимъ порядкомъ придется собирать подати съ 3.000 домовъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ заведеній? Неужели плательщикъ податей правъ, вручивъ подати лишь тогда, когда къ нему ввалилась толпа солдатъ? Неужели наказаніе плательщика будетъ состоять только въ пятіалтынномъ на солдата за то, что онъ вызвалъ экзекуцію и не оказалъ должнаго повиновенія закону? Странное, удивительное положеніе дѣлъ! „Жондъ“ собираетъ подати страхомъ своего имени, и дѣйствительно распоряжается полновластно и диктаторски, посредствомъ самихъ же чиновниковъ законнаго правительства; „жондъ“ нещадно казнитъ ослушниковъ, иногда посредствомъ служителей законнаго правительства; а законное правительство должно прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя только роняютъ его значеніе и соотвѣтствуютъ именно тѣмъ видамъ, которые высказаны „жондомъ“ въ его прокламаціи! Кажется, было бы необходимо заставить жителей приносить подати безъ экзекуціи, заставить страхомъ тѣхъ взысканій, которыя разрѣшено употреблять въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ не уплачиваетъ податей при экзекуціи. Лучше совсѣмъ очистить край, чѣмъ водворять такой порядокъ, при которомъ придется посылать роту солдатъ для наблюденія за каждымъ жителемъ въ исполненіи его законныхъ обязанностей. 3-го сентября собрали подати только съ одной части Сенаторской улицы.

Есть слухъ, что по случаю сбора податей экзекуціоннымъ порядкомъ, президентъ города Варшавы графъ Сигизмундъ Велёпольскій получилъ письмо отъ „жонда“ съ угрозою смерти. Это письмо послужило для президента города Варшавы поводомъ просить

графа Берга объ увольненіи его отъ этого званія. Но истинная причина отставки графа Сигизмунда, по всему вѣроятію, иная. Велёпольскій сынъ достаточно смѣлъ чтобы не очень бояться угрозъ „жонда“, но онъ особенно привержень къ той программѣ, которую проводилъ его отецъ, и первымъ условіемъ которой было назначеніе въ Варшаву Намѣстника изъ Царскаго Дома.

Съ отъѣздомъ Великаго Князя сошелъ со сцены и статсъ-секретарь совѣта управленія Юліанъ Энохъ. 31 августа онъ уѣхахъ за границу. Съ отъѣздомъ г. Эноха, личный составъ гражданскаго управленія, бывшій при маркизѣ Велёпольскомъ, совершенно измѣнился. Если еще можно сказать что-либо благопріятное о смѣлой дѣятельности графовъ Велёпольскихъ, отца и сына, то едва ли что можно привести въ пользу дѣятельности г. Эноха. Вся его изворотливость и ловкость носитъ на себѣ такой характеръ, что его не помянетъ добромъ и партія Велёпольскихъ, не говоря уже о Русскихъ.

Должности увольняемыхъ теперь лицъ весьма важны, и надобно отдать справедливость, что по своимъ способностямъ выбывшія лица соотвѣтствовали должностямъ. Теперь, въ замѣнъ выбывшихъ, предстоитъ задача найдти такихъ людей, которые бы годились на открывающіяся вакансіи. Надобно желать, чтобы новыя должностныя лица были внѣ всякаго сомнѣнія относительно своей политической честности (это самое главное; малѣйшая тѣнь сомнѣнія можетъ повредить дѣлу) и чтобъ они проникнулись убѣжденіемъ въ необходимости энергической дѣятельности, пользующейся всѣми законными средствами для водворенія порядка и прекращенія террора. Военное положеніе даетъ имъ громадныя средства, но чтобъ употреблять эти средства, не выходя изъ предѣловъ законности, для этого нужна неусыпная бдительность. Иногда бываетъ нужно показывать грозные примѣры, но вѣрнѣе и полезнѣе дѣйствовать ровно и вмѣстѣ непреклонно, безъ вспышекъ и обыкновенно слѣдующаго за ними упадка силъ. Кто сознаетъ отвѣтственность лежащаго на немъ серіознаго дѣла, тотъ не можетъ ни на минуту ослаблять свою дѣятельность, а кто ежеминутно исполняетъ свой долгъ, тотъ не можетъ нуждаться ни въ какихъ средствахъ кромѣ законныхъ. Мы желаемъ новымъ варшавскимъ должностнымъ лицамъ того искусства, которое умѣетъ найдти средину между бездѣйствіемъ и превышеніемъ власти. Администраторы, обладающіе такимъ искусствомъ непобѣдимы.

Въ заключеніе упомянемъ, что 6-го сентября н. ст. появился въ Варшавѣ листокъ подпольнаго изданія *Wiadomości Polityczne*, въ которомъ между прочимъ приведена выдержка изъ передовой статьи № 167 *Московскихъ Вѣдомостей*. Варшавская официяльная газета упорно держится правила вовсе не знакомить польской публики съ настроеніемъ умовъ въ Россіи. Это очень жаль, и ужь конечно нисколько не улучшаетъ положенія власти въ Варшавѣ. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и вотъ подземная газетка, упомянутая нами, восполняетъ пробѣлъ. Она сообщаетъ читателямъ, что въ то время когда весь цивилизованный міръ клеймитъ изверга Муравьева и его правленіе, *Московскія Вѣдомости* восхищаются тѣмъ результатомъ, который, по ихъ мнѣнію, достигнутъ звѣрскимъ варварствомъ Муравьева, и говорятъ за перенесеніе подобной политики въ Царство Польское. Но подземная газета приводитъ наши слова съ значительными пропусками, очевидно на основаніи *цензурныхъ соображеній*. Любопытно видѣть что вычеркиваетъ цензура „народоваго жонда“. Чтобы позабавить читателей, мы перепечатываемъ сполна то мѣсто изъ нашей передовой статьи, которое подверглось урѣзкамъ революціоной цензуры. Тѣ слова нашей статьи, которыя выпущены варшавскою подземною газеткой, мы печатаемъ курсивомъ.

„Ничтожество элементовъ поддерживающихъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Съ ними легче справиться, чѣмъ съ литовскимъ возстаніемъ, которое (*опиралось на Царство и*) почерпало силы въ энергіи литовскихъ Поляковъ. (*Этой энергіи*), какъ всѣмъ извѣстно, (*вовсе не имѣютъ*) Поляки Царства, (*которые*) славятся (*между своими литовскими соплеменниками*) только хвастливостью и задоромъ. Между тѣмъ революція подавлена въ Литвѣ съ меньшими (*военными*) силами (*чѣмъ тѣ которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и, прибавимъ, съ меньшимъ кровопролитіемъ и даже съ меньшими казнями, и всѣмъ этимъ Литва обязана тому, что*) генералъ Муравьевъ (*захотѣлъ и*) сумѣлъ освободить ее отъ террора. Онъ не побоялся крика клеветниковъ; онъ не оробѣлъ передъ угро-

зами, что (*дѣйствуя согласно своему долгу передъ Государемъ и Отечествомъ*), онъ навлечетъ проклятіе на свое имя и европейскую войну на Россію, и никто не оказалъ такихъ услугъ дѣлу европейскаго мира, и никто теперь не поставилъ такъ высоко свое имя, какъ генералъ Муравьевъ вырвавшій Литву изъ когтей революціи и отнявшій у польскаго мятежа его главную цѣль. Неужели (*и теперь, послѣ того какъ блистательно оправдалась политика генерала Муравьева*), варшавская автономія не подчинится ей? Неужели тамошняя администрація будетъ ждать той минуты, когда придется бомбардировать Варшаву? (*Краснымъ это можетъ-быть желательно, но этого не можетъ желать, ни Россія, ни Польша, и этого, конечно, не одобрятъ европейскіе миротворцы*)".

Приведя эту выписку съ означенными урѣзками, *Wiadomości Polityczne* восклицаютъ:

„Статья не требуетъ комментарій; слѣ„дуетъ только указать, что редакторы *Мо„сковскихъ Вѣдомостей* считаются за про„свѣщеннѣйшихъ представителей европей„ской цивилизаціи въ Россіи. Что же ска„зать объ остальномъ народѣ?"

Варшавская газетка оскорбляется тѣмъ, что въ Москвѣ читаютъ только рапорты генерала Муравьева, а не *Вѣдомости съ поля битвы* и другія народныя газеты. Но изъ того же № 167 *Московскихъ Вѣдомостей* подземные писатели могли бы узнать, что въ Москвѣ не мало удивляются и той образцовой лжи, которая появляется на страницахъ варшавской подземной печати. На насъ лежитъ, къ сожалѣнію, обязанность читать не только рапорты генерала Муравьева, но и ту нахальную дребедень, которою позоритъ себя такъ-называемая польская *народная справа*. Мы можетъ-быть высказывались бы объ этой *справѣ* менѣе презрительно, еслибы вся эта дребедень, свидѣтельствующая о ничтожествѣ вождей возстанія, не доходила до насъ.

№ 199.

Москва, 12-го сентября.

Перечитывая депеши трехъ державъ, нельзя не подивиться тому какъ быстро и рѣшительно измѣнилось въ Европѣ общественное мнѣніе по польскому вопросу: съ небольшимъ мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти депеши, а между тѣмъ ихъ теперь даже странно видѣть на страницахъ журналовъ; такъ они устарѣли по своему тону, такъ они похожи на историческій документъ, относящійся къ давно прошедшему времени. Но еще удивительнѣе въ этихъ депешахъ коренное разногласіе между собой трехъ державъ, предпринявшихъ общую дипломатическую интервенцію. Это уже не дипломатическое нападеніе на Россію, дѣлаемое общими силами: пора согласія, хотя и прежде условнаго и двусмысленнаго, миновала. Теперь три державы какъ бы другъ передъ другомъ хлопочутъ о томъ, какъ бы осязательнѣе заявить передъ Россіей совершенное различіе своихъ взглядовъ. Теперь онѣ могли сойтись только въ одномъ, что разумѣлось само собой: отвѣтственность за образъ дѣйствій Россіи лежитъ не на трехъ державахъ, а на Россіи. Но помимо этой непреложной истины, и помимо обязательной защиты прежнихъ предложеній, три державы не могутъ согласиться между собой ни по одному существенному пункту польскаго вопроса. Зачѣмъ, казалось бы, заявлять это разногласіе? Развѣ нельзя было удовольствоваться заявленіемъ того что могло быть сказано сообща? Видно, державы очень интересовались случаемъ завести между собой полемику по польскому вопросу, когда онѣ безъ всякой нужды стараются отличиться другъ передъ другомъ возможно явственнымъ выраженіемъ своего разногласія.

Французская депеша рѣзко отдѣляется отъ другихъ двухъ; о ней нечего и говорить. Австрійская и англійская на первый взглядъ кажутся очень сходными. Кромѣ общаго тремъ депешамъ заключенія, въ нихъ есть нѣсколько мѣстъ выраженныхъ одними и тѣми же словами. Но наружность обманчива: по внимательномъ разсмотрѣніи окажется что даже и Австрія съ Англіей не могли сойдтись въ самыхъ существенныхъ пунктахъ вопроса. И та и другая держава напримѣръ совѣтуютъ умѣренность въ образѣ дѣйствій и употребленіе мирныхъ политическихъ средствъ на ряду съ военною силой. Англія говоритъ по этому поводу о милосердіи. Повидимому Австрія, предлагавшая полную и всеобщую амнистію, какъ одинъ изъ шести пунктовъ, очень могла бы присоединиться къ англійской фразѣ о милосердіи, а между тѣмъ Австрія нашла нужнымъ отстать отъ Англіи по этому пункту

и говорить только объ умѣренномъ образѣ дѣйствій, не упоминая о милосердіи. Обѣ державы сошлись только въ томъ что̀ для насъ безвредно; онѣ выставляютъ на видъ, что большинство населенія въ Царствѣ Польскомъ было бы удовлетворено безопасностію лицъ и имуществъ подъ кровомъ справедливой и благотворной администраціи.

Самое злое мѣсто въ австрійской депешѣ есть ссылка на обязательства 1772 г. Это мѣсто выражено съ стремительностью и задоромъ, вообще чуждыми языку австрійской депеши. По всему видно, что Австрія очень дорожила этою ссылкой и хотѣла произвести ею эффектъ—не на насъ, конечно, для этого уже прошла пора,—а на Поляковъ, которыхъ Австрія старается всячески задобрить, стараясь въ то же время сказать въ ихъ пользу какъ можно меньше для нея самой неудобнаго. Царство Польское есть край сопредѣльный Австріи и опасный для нея. Поэтому Австрія тщательно устранила въ своей депешѣ всѣ намеки на отдѣльность Царства Польскаго и даже всѣ воспоминанія о намѣреніяхъ Императора Александра I даровать Царству политическую самостоятельность. Лордъ Россель посвящаетъ особый пунктъ своей депеши напоминанію о конституціи 1815 г. Онъ употребляетъ выраженіе: *подданные Царя Польскаго*, и вообще дѣлаетъ нѣсколько намековъ на политическую отдѣльность Польши, хотя рѣшительно воздерживается отъ рѣзкихъ указаній, заключающихся во французской депешѣ, гдѣ Царство Польское называется государствомъ и упоминается объ отдѣльной польской арміи. Но какъ ни уклончиво разсуждаетъ лордъ Россель о конституціи 1815 года, Австрія не захотѣла вторить ему и совершенно вычеркнула изъ своей депеши весь этотъ пунктъ, а въ замѣнъ того указала не безъ похвальбы на свой образъ дѣйствій относительно Галиціи. Этимъ она какъ бы прямо протестуетъ противъ политической отдѣльности Царства Польскаго. О конституціи 1815 года она не говоритъ ни слова; она упоминаетъ только о трактатахъ 1815 года. Гдѣ затронутъ ея интересъ, тамъ она не считаетъ нужнымъ популярничать. Если она упоминаетъ не только объ обязательствахъ 1815 года, на которыя она имѣетъ право ссылаться, но и объ обязательствахъ 1772 года, до нея нисколько не касающихся, то и тутъ она руководствуется своимъ интересомъ. Все что̀ похоже на политическую самостоятельность въ Царствѣ Польскомъ, все это противно Австріи, но она была бы не прочь перенести театръ борьбы въ наши западныя губерніи: этотъ край вопервыхъ дальше отъ нея, а вовторыхъ увлекать Поляковъ на Востокъ значитъ отвлекать ихъ отъ Галиціи, наталкивать ихъ на борьбу съ Россіей значитъ облегчать Нѣмцамъ борьбу съ ними. Вотъ почему графъ Рехбергъ такъ оживился когда дошелъ до того мѣста, гдѣ у него упоминаются обязательства 1772 года. Вотъ почему Австрія сдѣлала все возможное, чтобы навязать и Англіи упоминаніе этихъ обязательствъ. Но подчиняясь настояніямъ графа Рехберта, лордъ Россель нашелъ нужнымъ дать почувствовать что онъ подчиняется имъ какъ бы не хотя. „Правительство Ея Величества хотѣло не касаться этого предмета,“ говоритъ онъ, приступая къ щекотливому пункту, и затѣмъ протестантскій министръ, принадлежащій къ тому политическому клубу въ Лондонѣ, который имѣетъ своимъ девизомъ религіозную свободу: „all over the world“, начинаетъ не шутя рыцарствовать за римскую церковь, исполненную духа самой фанатической нетерпимости и подчинившую дѣло религіи цѣлямъ ей чуждымъ и противнымъ. Подобной оговорки, разумѣется, нѣтъ въ австрійской депешѣ. Австрія, какъ видно, всего болѣе желала коснуться этого пункта, хотя и не рѣшилась коснуться его со тою безцеремонностью, которую позволила себѣ Франція и за которую получила она нѣсколько лишнихъ назидательныхъ строкъ въ отвѣтной депешѣ князя Горчакова.

Еслибы можно было не обращать вниманія на тонъ депеши графа Росселя, тонъ до непреличія наставническій, то мы Русскіе могли бы читать эту депешу съ меньшимъ неудовольствіемъ чѣмъ двѣ остальныя. Существенно враждебнаго и злонамѣреннаго въ ней нѣтъ ничего. Даже въ ссылкѣ на конституцію 1815 года тщательно устранены выраженія, которыя могли бы повести къ заключенію, что Англія желаетъ для Польши отдѣльнаго отъ Россіи представительства. Если сличить послѣднюю депешу лорда Росселя съ его рѣчами въ палатѣ лордовъ, то относительно его взгляда на конституціонную сторону польскаго вопроса не можетъ быть сомнѣнія. Англійская дипломатія, какъ извѣстно, строго соблюдаетъ формальности и тщательно ими пользуется. Она имѣетъ право говорить только

о Царствѣ Польскомъ; въ трактатахъ, дающихъ ей это право, она находитъ выраженія: *представительство, конституція*. Она привязывается къ этимъ выраженіямъ и на ихъ основаніи высказываетъ свои мысли. Но высказывая ихъ, она принуждена держаться того предмета, о которомъ только и имѣетъ право говорить. Она принуждена ограничиваться упоминаніемъ политической конституціи Царства Польскаго, потому что не имѣетъ права говорить о политическихъ учрежденіяхъ, которыя могутъ связать Царство съ Имперіей, простираясь и на Царство, и на Имперію. Но уклоняясь, какъ и слѣдуетъ, отъ всякаго намека на эти учрежденія, она тщательно воздерживается отъ всего того что наговорено г. Друэномъ-де-Люисомъ въ пользу политической отдѣльности Царства Польскаго. Въ англійской ссылкѣ на конституцію 1815 года нѣтъ ни тѣни той зловредности, которою проникнуты обѣ іезуитскія диссертаціи, адресованныя въ Петербургъ изъ Тюльери.

Сообразно съ этимъ положеніемъ державъ депеши и меморандумъ князя Горчакова должны непріятнѣе подѣйствовать въ Парижѣ и Вѣнѣ чѣмъ въ Лондонѣ. Всего болѣе испортятъ они крови въ Парижѣ. По всѣмъ пунктамъ, особенно интереснымъ для французской политики, Россія даетъ рѣшительный отказъ. Всякій намекъ на западныя губерніи исключается совершенно (péremptoirement) даже изъ дружескаго обмѣна мыслей. Въ отвѣтъ на указанія относящіяся къ политической отдѣльности Царства, меморандумъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ, нѣсколько разъ употребляетъ, относительно Царства Польскаго, выраженіе: *административная автономія* (autonomie administrative), и этимъ устраняетъ всякіе виды на автономію политическую.

Блистательная діалектика меморандума, побѣдоносно разбивающая каждое изъ лжетолкованій притязательной дипломатіи, производитъ на русскаго читателя самое отрадное, ободряющее впечатлѣніе; русское національное чувство не можетъ безъ благородной гордости видѣть, что русскій дипломатъ оказывается въ этомъ спорѣ цѣлою головой выше своихъ противниковъ. Еще съ большею силой дѣйствуетъ на русскаго человѣка рѣшительный, исполненный достоинства тонъ дипломатическихъ актовъ князя Горчакова: тонкость ума есть личное качество, но твердость воли, высказывающаяся въ дипломатическомъ актѣ той или другой страны, есть выраженіе ея могущества, есть свидѣтельство о національномъ духѣ дипломатіи, о ея вѣрѣ въ свой народъ. Вотъ почему рѣшительный тонъ депешъ князя Горчакова производитъ всеобщій восторгъ въ Россіи; вотъ гдѣ источникъ той безпримѣрной популярности, которою пользуется теперь имя нашего вице-канцлера во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Но и этотъ восторгъ и эта популярность далеко еще не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ признаніемъ, которое должна получить политическая мудрость рѣшеній, истолкованныхъ княземъ Горчаковымъ, — мудрость, поставившая административную автономію Царства на мѣсто имѣвшейся прежде въ виду политической автономіи. Царство Польское можетъ сохранять свою вѣру, свой языкъ, свои обычаи, свои административные и судебные порядки, но малѣйшая политическая отдѣльность Царства отъ Имперіи, малѣйшій признакъ того, что Царство составляетъ особое государство, только находящееся подъ русскимъ скипетромъ, повели бы къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ.

Читатели найдутъ ниже извѣстіе о статьѣ одной финской газеты, дошедшее до насъ черезъ Берлинъ. Мы не увѣрены въ точности этого извѣстія и сообщаемъ его только къ свѣдѣнію читателей. Впрочемъ еслибъ оно было и точно, оно относилось бы къ взглядамъ одной изъ газетъ, не имѣющимъ особенной важности, и говорить по его поводу не значило бы говорить о взглядахъ финляндскаго населенія. Тѣмъ не менѣе это извѣстіе заслуживаетъ вниманія. Въ немъ сообщается о предположеніи исходатайствовать для Финляндіи право нейтралитета, съ тѣмъ чтобы финляндское войско употреблялось исключительно на защиту Финляндіи, а финляндскія суда ходили подъ финляндскимъ флагомъ, который, въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо націей, защищалъ бы ихъ отъ захвата. Вотъ какія мысли могутъ возникать въ атмосферѣ политической отдѣльности! Какъ будто Финляндія находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Россіи, въ какихъ находился Ганноверъ къ Англіи, какъ будто Финляндія не есть пріобрѣтеніе Россіи, стоившее ей разныхъ уступокъ по тильзитскому миру и потомъ войны 1809 года! Ганноверъ былъ соединенъ съ Англіей единственно въ лицѣ короля. Это было чисто династическое соединеніе, не имѣющее ничего общаго съ тѣми отношеніями, въ которыхъ находится къ Россіи

Великое Княжество Финляндское, которое не составляетъ, какъ извѣстно, династическаго достоянія Царствующаго въ Россіи Дома. Но таковъ характеръ политическаго сепаратизма, что онъ повсюду ведетъ къ притязаніямъ на такъ-называемую *unio personalis*, то-есть чисто-династическое соединеніе. Мы иронически и не безъ горькаго чувства называемъ Финляндію иностраннымъ краемъ, а въ Гельсингфорсѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вообразятъ себя иностранною державой. Нужна большая осторожность и со стороны правителей, и со стороны управляемыхъ, чтобы лишить силы подобныя притязанія и не допустить ихъ до перехода въ явную враждебность. Относительно Финляндіи, мы можемъ еще надѣяться на то политическое благоразуміе, о которомъ на дняхъ говорилъ въ своей сеймовой рѣчи Государь Императоръ. Но въ Полякахъ мы не въ правѣ предполагать подобное благоразуміе, а потому всякая тѣнь политической отдѣльности Царства Польскаго ставила бы Поляковъ въ фальшивое положеніе и вызывала бы въ нихъ только враждебность къ Россіи.

№ 200.

Москва, 13-го сентября.

О насъ заботятся, насъ хотятъ устроить. Объ этомъ узнаемъ мы изъ замѣтки появившейся на дняхъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* и сообщаемой ниже. Мы узнаемъ, что гдѣ-то кто-то ожидалъ, что Россія, для пріобрѣтенія популярности, сожжетъ великолѣпный фейерверкъ, и воспользуется для этой цѣли патріотическимъ жаромъ своихъ народонаселеній. Въ отвѣтъ на такія странныя ожиданія, *Journal de St.-Pétersbourg* замѣчаетъ, что хотя Россія, при всеобщемъ воодушевленіи, собравшемъ всѣ классы русскаго народа вокругъ престола, легко могла бы поразить воображеніе массъ и пріобрѣсти благорасположеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ какою-нибудь политическою импровизаціей, лишенною правды и жизни, но что ея правительство не подастся на такія искушенія, не пожертвуетъ будущимъ настоящему, не пожертвуетъ существенными интересами страны для пріобрѣтенія эфемерной популярности. Мы рады, что *Journal de St.-Pétersbourg* думаетъ такимъ образомъ; но не напрасны ли эти отрицанія предположеній явно невозможныхъ? Заслуживаютъ ли всякія случайно сказанныя нелѣпости такого серіознаго и даже нѣсколько торжественнаго объясненія? Стóитъ ли увѣрять, что правительство народа великаго, исполненнаго силы и вѣры въ свое историческое призваніе,—народа еще такъ недавно показавшаго такое безпримѣрное единодушіе на защиту величія и цѣлости своего государства, такую мужественную преданность престолу,—что правительство этого народа можетъ, хоть на минуту, употребить его въ видѣ декораціи, дать ему фальшивыя учрежденія, обмануть его довѣріе, оскорбить святое чувство его любви къ отечеству, для снисканія гдѣ-то популярности, для эффекта разчитаннаго на воображеніе какихъ-то массъ?

Правда, мы знаемъ, за послѣднее время въ заграничной журналистикѣ вдругъ расплодились проекты наилучшаго устройства Россіи. Мы читали превосходныя предположенія раздробить Россію на нѣсколько государственныхъ областей, снабдить каждую особымъ представительствомъ, и такимъ образомъ подъ видомъ прогресса произвести то что̀ можетъ быть лишь послѣдствіемъ величайшихъ бѣдствій, какія когда-либо поражали народъ въ полной силѣ и цвѣтѣ жизни,—возвратить могущественное, долго и трудно слагавшееся государство къ скуднымъ и жалкимъ начаткамъ, когда его почти не было, или когда оно колебалось между жизнію и смертью,—наконецъ, говоря проще и рѣшительнѣе, склонить его къ самоубійству. Но всѣ такіе проекты нисколько не серіознѣе разныхъ ландкартъ Европы, проектируемыхъ политическими аферистами для потѣхи публики и для уловленія глупцовъ.

Откидывая въ сторону разныя нелѣпыя и злоумышленныя сочиненія на пользу Россіи, мы не можемъ не согласиться, что въ наше время, дѣйствительно, есть вообще наклонность къ политическимъ сочиненіямъ. Создавать (создавать!) учрежденія, писать уставы и регламенты теперь особенно въ модѣ. Люди всѣмъ затрудняются, надъ всѣмъ думаютъ, при всемъ оглядываются; только по части сочиненія и писанія политическихъ учрежденій часто полагается достаточнымъ имѣть нѣсколько отвлеченныхъ мыслей, доброе желаніе, да авторское самолюбіе. Въ виду этой маніи *сочинять* учрежденія и проекты всякаго рода реформъ,

заявленія французской петербургской газеты имѣютъ нѣкоторое значеніе и заслуживаютъ вниманія. Нельзя не сочувствовать высказанному въ ней убѣжденію, что наше правительство, при совершеніи задуманныхъ имъ законодательныхъ мѣръ, будетъ идти путемъ „изученія желаній и потребностей страны.“ Этими словами сказано много. Лучше нельзя опредѣлить истинную задачу правительства, лучше нельзя обозначить путь, которымъ оно должно слѣдовать, лучше нельзя выразить всеобщее, сильное, глубокое желаніе и потребности русскаго народа въ настоящее время. Поди-те куда угодно, спросите кого хотите, вездѣ услышите вы это желаніе. Намъ кажется, что этими словами можно было бы и начать замѣтку и ими же кончить. Въ нихъ вся сила, а оправданія правительства отъ нелѣпыхъ предположеній кажутся намъ излишними. Точно также не было, какъ намъ кажется, надобности выставлять, въ видѣ контраста, два обвиненія, которымъ подвергалось наше правительство за границей: обвиненія въ соціализмѣ, демократическомъ направленіи и революціонномъ духѣ съ одной стороны, и обвиненія въ неумолимомъ сопротивленіи прогрессу и свободѣ съ другой стороны. Мало ли какимъ обвиненіямъ подвергается Россія или ея правительство? Но намъ кажется, что еслибы въ Европѣ высказывались противъ насъ вышеупомянутыя обвиненія, то въ нихъ нѣтъ никакой противоположности, и они могли выходить никакъ не съ двухъ сторонъ, а только съ одной. Соціализмъ, демократизмъ, революціонный духъ, то-есть, духъ разрушенія и ломки, духъ неуваженія къ существующему, къ законнымъ правамъ и интересамъ, духъ насильственныхъ перерывовъ въ развитіи народа, духъ грубаго вмѣшательства въ жизнь и порабощенія ея силъ отвлеченнымъ формуламъ,—все это духъ враждебный прогрессу и свободѣ; и, наоборотъ, что противно прогрессу и свободѣ, то непремѣнно окажется, въ томъ или въ другомъ видѣ, и соціализмомъ, и демократизмомъ, и революціей,—по крайней мѣрѣ неуклонно ведущимъ къ революціи. Противъ всѣхъ этихъ золъ есть одно вѣрное средство, и это средство кратко и просто, но выразительно и ясно заявлено въ *Journal de St.-Pétersbourg* словами, что правительство, понимающее долгъ свой, не иначе приступаетъ къ совершенію преобразованій, какъ съ помощію тщательнаго „изученія желаній и потребностей страны.“

Въ замѣткѣ очень справедливо сказано, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи есть основное преобразованіе, которымъ неизбѣжно начинается цѣлый рядъ преобразованій, объемлющихъ всю нашу государственную жизнь. Отмѣна крѣпостнаго права была дѣломъ самымъ труднымъ; но какъ трудно было приступить къ этому великому дѣлу, такъ трудно и остановиться на немъ и не предпринять вслѣдъ за нимъ, какъ сказано, цѣлаго ряда другихъ преобразованій, не менѣе существенныхъ и важныхъ. Законодательный актъ, которымъ совершено было освобожденіе крѣпостныхъ, еще не перешелъ въ область исторіи, а потому было бы преждевременно обсуждать и оцѣнивать его и разбирать его достоинства и недостатки. Тѣмъ не менѣе, соображая значеніе и размѣры этой реформы, ея особенности, ея характеръ и трудности, которыя предстояли ей, мы не можемъ не сказать, что это трудное и великое дѣло совершилось благополучно. Чему же преимущественно были мы обязаны такимъ благопріятнымъ исходомъ? Конечно, тому способу, который отчасти приняло правительство для рѣшенія этого вопроса, — тому способу, который отчасти подходитъ подъ характеристику, представленную въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Вспомнимъ, что это преобразованіе было первымъ шагомъ на новомъ пути, или, лучше сказать, имъ открывалась самая возможность этого новаго пути, — что эта мѣра была задумана и приведена въ исполненіе еще при полномъ несмягченномъ господствѣ бюрократической системы, что наконецъ изъ всѣхъ возможныхъ реформъ отмѣна крѣпостнаго права, по преимуществу, должна была имѣть характеръ диктаторскій, потому что въ ней сталкивались противоположные интересы двухъ главныхъ общественныхъ элементовъ, двухъ коренныхъ сословій государства. Какъ же однако правительство сочло себя обязаннымъ поступить при разрѣшеніи этого вопроса? Припомнимъ въ общихъ чертахъ тотъ ходъ, который данъ былъ этому дѣлу. Во-первыхъ, начинаніе предоставлено было не канцеляріямъ, а самому обществу, то-есть тому общественному классу, который по преимуществу имѣетъ характеръ политическій, — землевладѣльческому дворянству. Вслѣдствіе заявленій землевладѣльческаго дворянства, были обозначены верховною

властью общія черты предположенной реформы. Затѣмъ разработка проекта во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ была предоставлена тому же самому политическому классу общества; и во всѣхъ губерніяхъ составлены были дворянскими собраніями, по крестьянскому дѣлу, комитеты для правильнаго обсужденія всѣхъ сторонъ предпринятаго дѣла; а съ тѣмъ вмѣстѣ было допущено и обсужденіе его въ печати. При нѣкоторомъ содѣйствіи воображенія, можно сказать что вся Россія, то-есть вся политическая часть ея общества, превратилась тогда въ громадное обсуждающее собраніе, которое дѣйствовало посредствомъ отдѣльныхъ комитетовъ по губерніямъ, между тѣмъ какъ все остальное общество Россіи слѣдило за ходомъ работъ, и подавало свой голосъ въ печати со всѣхъ концовъ страны, заявляя недоразумѣнія, напоминая о томъ или другомъ забытомъ интересѣ, о томъ или другомъ упущенномъ обстоятельствѣ, возвращаясь много разъ къ одному и тому же пункту, и доводя его до всевозможной ясности и зрѣлости представленія. Историческія свѣдѣнія, экономическіе разчеты, юридическіе вопросы,— все находило себѣ выраженіе, и все появлялось не въ одиночку, не случайно, не монографически, а представляло до нѣкоторой степени видъ общихъ преній, въ которыхъ одно вызывается другимъ, одно другому отвѣчаетъ, одно другимъ дополняется, и все вмѣстѣ ведетъ къ разъясненію дѣла во всѣхъ его основаніяхъ и подробностяхъ. Многимъ это было недостаточно; многіе желали и въ то время болѣе обширнаго и плодотворнаго примѣненія системы принятой правительствомъ при этомъ еще первомъ опытѣ земской разработки законодательнаго вопроса. Правительство руководствовало преніями: инымъ казалось, что оно слишкомъ руководствовало, что изданныя для губернскихъ комитетовъ программы были слишкомъ подробны и слишкомъ обязательны, что губернскіе комитеты дѣйствовали бы успѣшнѣе, если бы имъ предоставлена была бо́льшая свобода въ дѣйствіяхъ, — и что разнообразные интересы соприкосновенные вопросу высказались бы въ печати откровеннѣе и полнѣе и тѣмъ содѣйствовали бы болѣе правильной и тщательной разработкѣ его элементовъ, если бы не было недоразумѣній и перерывовъ, если бы гласное обсужденіе вопроса не было слишкомъ рано прекращено, и если бы редакціонныя коммиссіи не нашли нужнымъ слишкомъ плотно затворить свои двери. Многимъ казалось и многимъ еще кажется, что дѣло вышло бы гораздо лучше, если бы данъ былъ полный ходъ принятой правительствомъ системѣ, если бы дворянскимъ депутатамъ, приглашеннымъ въ Петербургъ, дана была возможность принять болѣе правильное и болѣе дѣятельное участіе въ окончательномъ обсужденіи дѣла. Не будемъ спорить съ тѣми, которые такъ думали или такъ думаютъ; но напомнимъ имъ, что, какъ сказано выше, это былъ первый опытъ общественной разработки законодательнаго вопроса; а главное — припомнимъ то весьма важное обстоятельство, что политическій классъ нашего общества, землевладѣльческое дворянство, былъ въ этомъ дѣлѣ одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Дворяне землевладѣльцы были и адвокатами, и въ нѣкоторомъ смыслѣ судьями въ своемъ дѣлѣ. Изъ всѣхъ возможныхъ вопросовъ, которые когда-либо возникали и когда-либо возникнутъ, отмѣна крѣпостнаго права есть вопросъ исключительный въ этомъ отношеніи. Правда, наше землевладѣльческое дворянство вполнѣ заслуживало оказаннаго ему довѣрія. Если когда-нибудь, въ чемъ-нибудь, то именно въ этомъ вопросѣ оно обнаружило зрѣлость своего политическаго духа и полную способность составляющихъ его элементовъ послужить ядромъ политической жизни народа: вспомнимъ громадность реформы, вспомнимъ что она захватывала всѣ интересы землевладѣльческаго дворянства, колебала всѣ отношенія, разомъ измѣняла всѣ привычки, затрогивала всѣ предубѣжденія, расшевеливала всѣ страсти, возбуждала всякаго рода опасенія, и сообразимъ, что землевладѣльческое дворянство наше тѣмъ не менѣе дѣятельно способствовало рѣшенію дѣла и что оно же приводитъ его въ исполненіе, несетъ на себѣ всю тяжесть задачи мировыхъ учрежденій. Правда и то, что несмотря на весьма естественный ропотъ и жалобы, главные двигатели крестьянскаго дѣла явились изъ среды самого же землевладѣльческаго класса, и въ преніяхъ, которыя шли по всей Россіи по этому дѣлу, горячіе адвокаты крестьянскихъ интересовъ нашлись въ этой же средѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, правительство не могло упускать изъ виду, что политическій классъ нашъ въ этомъ случаѣ представлялъ со-

бою сторону тяжебнаго дѣла, а потому нельзя и сѣтовать на нѣкоторую, можетъ-быть, излишнюю мнительность и осторожность со стороны правительства при рѣшеніи этого вопроса. Правительство, слѣдуя указанію верховной власти, дѣйствовало путемъ „изученія желаній и потребностей страны, но въ этомъ вопросѣ оно весьма естественно считало себя обязаннымъ поступать съ крайнею осторожностію, и не ставило себѣ въ грѣхъ излишнюю мнительность.

Но трудное дѣло совершено. Оно совершено съ переходомъ Россіи въ новое тысячелѣтіе. Оно легло гранью между окончившимся старымъ и открывшимся новымъ; оно заключило собою прошедшее, оно начало собою будущее. Черты прежней системы, весьма естественно, совмѣстились въ немъ съ чертами новой; но отнынѣ полное развитіе этой системы не можетъ уже встрѣчать никакого разумнаго препятствія. „Изученіе желаній и потребностей страны"—вотъ эта новая система! Все заключается въ этихъ немногихъ, но полновѣсныхъ словахъ.

Теперь на очереди у насъ находятся вопросы не менѣе, если еще не болѣе важные, чѣмъ крестьянское дѣло. Укажемъ на то же, на что указываетъ и *Journal de St.-Pétersbourg* въ своей замѣткѣ,—на преобразованіе судоустройства и земскихъ учрежденій, и оставимъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла въ которыхъ также нужно знать желанія и потребности страны и въ которыхъ ея голосъ можетъ также служить самымъ надежнымъ и могущественнымъ пособіемъ. Судоустройство,—легко сказать! Какъ много заключается въ этомъ словѣ! Проектъ хорошаго судоустройства, конечно, можетъ быть составленъ очень искусно и умно свѣдущими юрисконсультами. Судоустройство, равно какъ и судопроизводство, принадлежатъ къ самымъ разработаннымъ вопросамъ, и проектъ, какъ сочиненіе, можетъ выйдти очень удачнымъ сочиненіемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что для страны требуется не уставъ судоустройства, а самые суды. Устроить хорошо изъ существующихъ въ странѣ элементовъ хорошій и удовлетворительный судъ, дѣло великое; но для этого необходимо тщательное изученіе средствъ желаній и потребностей страны. Точно также, а можетъ-быть еще и болѣе необходимо это изученіе при устройствѣ мѣстнаго самоуправленія, которое имѣется въ виду въ проектѣ такъ-называемыхъ земскихъ учрежденій. Эта новая законодательная мѣра должна проникнуть во всѣ ячейки нашего политическаго тѣла и совершенно измѣнить ихъ строеніе. Представьте себѣ, что въ одно прекрасное утро мы вдругъ проснемся въ странѣ совершенно намъ неизвѣстной,—въ Россіи, но не въ той въ которой мы уснули, а въ другой которой мы вовсе не знаемъ. Одинъ какой-нибудь незамѣтный элементъ, не доложенный или переложенный разомъ во всѣхъ клѣточкахъ нашего политическаго тѣла, можетъ мгновенно, и самымъ кореннымъ образомъ, перестроить всю его конституцію,—къ лучшему или къ худшему, Богъ одинъ знаетъ. Какъ не повторить, съ особеннымъ сочувствіемъ, слова выше цитованной замѣтки въ *Journal de St.-Pétersbourg*, что правительство, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, должно полагать своею главною задачей „изученіе желаній и потребностей страны"!

Къ намъ иногда обращаются съ вопросами, почему мы не довольно дѣятельно обсуждаемъ разныя приготовляемыя у насъ законодательныя мѣры и проекты законовъ. Но что такое мы, и какимъ образомъ, для чего, къ чему, будемъ мы обсуждать всѣ эти предметы? Газета—дѣло очень хорошее; въ ней всегда можетъ быть сказано болѣе или менѣе дѣльное слово. Но что она за арена для обсужденія вопросовъ? Можно напечатать въ ней разборъ того или другаго проекта, можно напечатать въ ней какой-нибудь новый проектъ. Но что изъ этого толку? Что толку изъ этихъ новыхъ проектовъ, хотя бы ихъ являлось по десятку въ недѣлю? Къ кому обращались бы эти проекты, или къ кому обращались бы эти замѣчанія на проекты? Съ кѣмъ пришлось бы объясняться, чьи возраженія выслушивать, кому отвѣчать? Неужели нѣтъ другаго способа для обсужденія важныхъ общественныхъ вопросовъ, какъ только путемъ полемики между газетами? Неужели политическая жизнь общества, общественное мнѣніе по законодательнымъ и административнымъ вопросамъ, должны быть исключительнымъ удѣломъ редакторовъ газетъ? И кто эти господа? Почему на нихъ должна пасть забота объ общественныхъ интересахъ? Неужели заявленіе желаній и потребностей страны можетъ быть привилегіей людей, которымъ случайно выпалъ жребій издавать газету или писать въ га-

зетахъ? Печать становится полезною силой въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ не иначе, какъ служа непосредственнымъ отраженіемъ мнѣній и желаній самого общества или его законныхъ представителей. Только примыкая къ чему-либо, печать можетъ нормально способствовать ходу важныхъ дѣлъ, которыми занимается правительство въ видахъ удовлетворенія желаній и потребностей страны.

Россія не можетъ желать какихъ-либо импровизацій и фабрикованныхъ учрежденій. Будетъ съ насъ этихъ фабрикованныхъ учрежденій! Все фабрикованное, все сочиненное, все не выработанное изъ желаній и потребностей самой жизни, болѣе причиняетъ вредъ нежели приноситъ пользу. Для того чтобы начать изученіе желаній и потребностей страны, нѣтъ надобности прибѣгать къ сочиненію какихъ-нибудь новыхъ учрежденій ad hoc. Мы можемъ начать съ того что̀ есть. Еслибы потребовалось общественное обсужденіе вопросовъ занимающихъ правительство съ цѣлію изучить должнымъ образомъ желанія и потребности страны, то намъ вовсе не нужно было бы прибѣгать къ политическимъ импровизаціямъ. Намъ стоило бы только воспользоваться тѣмъ что̀ уже есть. Прежде чѣмъ можетъ потребоваться какое-либо измѣненіе въ нашемъ политическомъ организмѣ, надобно взять этотъ организмъ какъ онъ есть, надобно взять тѣ силы, которыми онъ живетъ, воспользоваться ими, и съ ихъ помощію производить перемѣны.

Что̀ напримѣръ у насъ есть? У насъ есть государственные люди, члены государственнаго совѣта, синода, сената, сами управлявшіе или управляющіе дѣлами, обладающіе политическою опытностію; изъ нихъ многіе несомнѣнно отличаются высокими достоинствами. Голосъ всякаго журнальнаго крикуна раздается на весь народъ, а голосъ этихъ лицъ никому не слышенъ; ихъ голосъ, который могъ бы направлять общественное мнѣніе и политически воспитывать умы, пропадаетъ для общества. Что̀ еще есть у насъ? У насъ есть многія сотни людей выборныхъ уже занимавшихся дѣлами и пользующихся довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества. Взятые вмѣстѣ, эти люди, конечно, представятъ собою вѣрную характеристику нынѣшняго общества, со всѣми оттѣнками и разнообразіемъ его мнѣній; они представятъ собою духъ страны; они всегда могутъ служить средой для обсужденія всякаго вопроса, и изъ столкновенія ихъ мнѣній всегда выйдетъ что-нибудь существенно полезное. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ людей найдется не мало такихъ, которые могли бы сдѣлать честь любому политическому собранію, и во всякомъ случаѣ окажется много людей практическихъ, зрѣлыхъ, знающихъ по опыту условія разнообразныхъ мѣстностей нашего отечества; что̀ же касается до большинства, то оно вездѣ бываетъ массой, а въ массѣ важенъ общій духъ, въ достоинствѣ же общаго духа, которымъ проникнуто большинство выборныхъ людей изъ нашихъ политическихъ классовъ, сомнѣваться невозможно: онъ всѣмъ извѣстенъ.

Природа удивляетъ насъ простотою своихъ способовъ. Великіе результаты достигаются всегда простыми способами, и мудрость состоитъ не въ томъ чтобы придумывать какія-нибудь запутанныя и сложныя формулы, а въ томъ чтобы понять находящееся у насъ передъ глазами, и воспользоваться тѣмъ что у насъ подъ рукою.

№ 201.

Москва, 16-го сентября.

Мы продолжаемъ получать изъ западнаго края письма, указывающія на его экономическое положеніе. Многолѣтнее приготовленіе къ мятежу и потомъ самый мятежъ съ его непосредственными послѣдствіями нанесли сильный ударъ хозяйству польскихъ помѣщиковъ. Они никогда и прежде не жили разчетливо и бывали по большей части въ долгу у Евреевъ, а теперь для весьма многихъ наступила совершенная несостоятельность. Они продаютъ за безцѣнокъ разную движимость и даже необходимый инвентарій хозяйства, занимаютъ деньги за неслыханные проценты, доходящіе, говорятъ, до 25% въ мѣсяцъ; наконецъ, когда и это не помогаетъ, сдаютъ свои фольварки въ аренду Евреямъ, предлагающимъ уплату впередъ наличными. Польскій элементъ, поднявъ возстаніе въ надеждѣ восторжествовать надъ русскимъ, нанесъ себѣ жестокую рану. Съ самаго присоединенія западныхъ губерній къ Россіи едва ли было время такой слабости польскаго элемента какъ теперь. Для правительства это время чрезвычайно важно и тѣмъ болѣе слѣдуетъ вос-

пользоваться имъ; что Поляки должны винить не насъ, а себя въ своей теперешней безпомощности. Наша задача—оборонительная. Мы обязаны удерживать свой постъ. Мы не въ правѣ оставлять для будущаго тѣ затрудненія, которыя теперь, благодаря польскому возстанію, могутъ быть устранены немедленно и притомъ навсегда. Мы навлекли бы на себя справедливый упрекъ потомства, еслибы не воспользовались, какъ слѣдуетъ, этимъ временемъ, для водворенія въ западномъ краѣ болѣе прочныхъ основъ государственнаго порядка. Никогда еще не было болѣе удобной минуты для окончательнаго закрѣпленія связей соединяющихъ этотъ край съ Россіей. Теперь дѣло, при другихъ обстоятельствахъ чрезвычайно трудное, такъ-сказать само дается намъ; теперь въ короткое время можетъ быть совершено то что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ потребовало бы труда многихъ поколѣній. Поляки съ своей стороны сдѣлали все возможное чтобы натолкнуть насъ на ту политическую задачу, о которой мы совсѣмъ было забыли; они не только натолкнули насъ на эту задачу, но и всячески облегчили намъ ея рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, если мы будемъ сидѣть сложа руки, мы можемъ потерять всѣ выгоды нашего теперешняго положенія. Но какова будетъ тогда наша отвѣтственность передъ потомствомъ? Развязка дѣла, можно сказать, навязана намъ помимо нашей воли; всѣ обстоятельства сложились такъ чтобъ указать намъ всю важность и настоятельность развязки. Будемъ ли мы заслуживать извиненія, если мы не захотимъ съ своей стороны употребить усилій чтобъ взять то безъ чего мы жить не можемъ и что сама сила вещей отдаетъ намъ?

Польскій элементъ въ западномъ краѣ слабѣетъ по собственной винѣ своей; какъ вреденъ Россіи этотъ элементъ—показали недавнія событія. Въ чемъ же состоитъ нашъ долгъ передъ Россіей какъ не въ томъ, чтобы воспользоваться ослабѣваніемъ польскаго элемента дабы усилить элементъ русскій? Этотъ русскій элементъ есть коренной элементъ края; онъ былъ подавленъ пришлымъ польскимъ элементомъ. Онъ увидѣлъ зарю своего освобожденія, когда западный край былъ присоединенъ къ Россіи. Эта заря еще болѣе возсіяла, когда было отмѣнено крѣпостное право. Но это только заря, и, хотя менѣе чѣмъ прежде, русскій элементъ и теперь еще подавленъ въ западномъ краѣ. Онъ подавленъ даже тамъ, гдѣ онъ численностью вдесятеро сильнѣе польскаго элемента. Почему это такъ? Единственно потому что польское населеніе составляетъ въ этомъ краѣ почти сплошной высшій классъ. Вотъ та причина нашего униженія, противъ которой мы должны дѣйствовать. Пока теперешній порядокъ будетъ въ силѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ принуждены быть свидѣтелями того недостойнаго и невѣроятнаго зрѣлища, что коренная и господствующая народность находится подъ гнетомъ пришлаго и побѣжденнаго меньшинства. Польское государство перестало существовать; русское государство достигло высокой степени могущества. Между тѣмъ въ одномъ изъ краевъ этого русскаго государства польская народность остается высшею и господствующею, а русская—низшею и служащею. Такая несообразность не можетъ не поддерживать въ Полякахъ притязательности, а у русскаго простонародья она должна отнимать духъ. Что бы мы ни дѣлали, какія бы мѣры мы ни принимали для поднятія русскаго народнаго духа въ западномъ краѣ, ничто не будетъ, ничто не можетъ имѣть успѣха, пока сохранятся общественныя отношенія, существующія тамъ между двумя народностями, то-есть пока польская народность будетъ лежать верхнимъ слоемъ на русской народности, и пока Поляки будутъ въ правѣ сказать, что они одни, какъ они выражаются, составляютъ интелигенцію края.

Не подлежитъ сомнѣнію что не въ одной интеллигенціи дѣло: одни ксендзы и помѣщики, безъ мелкой шляхты, не могли бы произвести возстаніе. Безъ нея они были бы какъ безъ рукъ. Если польское землевладѣніе есть источникъ возстанія, то орудіемъ его служатъ эти по большей части бездомные люди живущіе воспоминаніями о своемъ прежнемъ господствѣ надъ русскимъ народомъ. Мелкая шляхта есть страшная язва западнаго края, самый опасный изъ всѣхъ возможныхъ пролетаріатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ главный предметъ ненависти русскаго населенія, и сама ненавидитъ его на смерть. Лишившись правъ дворянства, эти люди сохраняютъ однакоже притязанія, основанныя на шляхетскомъ происхожденіи. Унижаясь предъ панами, исправляя въ ихъ домахъ лакейскія должности, они въ то же время смотрятъ на русское населеніе съ высокомѣріемъ и затаенною злобой, тѣмъ болѣе сильною, чѣмъ

хуже ихъ общественное положеніе. Трудно представить себѣ, до какой степени дошло ожесточеніе во взаимныхъ отношеніяхъ между русскими крестьянами и польскою мелкою шляхтой. Оно копилось и росло вѣками; оно проникло каждаго человѣка до глубины костей; повидимому, оно не ограничилось даже людьми и перешло на животныхъ. Шляхтичи ходятъ въ черномъ платьѣ, чтобъ отдѣлиться отъ крестьянъ носящихъ сѣрое платье. Пріѣзжій долженъ избѣгать въ своемъ костюмѣ этого шляхетскаго чернаго цвѣта, если хочетъ уйдти отъ преслѣдованія не только людей, но и ихъ скота. Нигдѣ на свѣтѣ, сколько извѣстно, кромѣ западнаго края, быки не боятся чернаго цвѣта и не показываютъ къ нему особенной непріязни; только въ западномъ краѣ человѣкъ въ черномъ платьѣ рискуетъ подвергнуться ихъ нападенію. Но какъ бы ни объяснять этотъ куріозный фактъ, что крестьянскій скотъ нападаетъ какъ на своего врага, на всякаго кто только покажется въ шляхетской одеждѣ, непримиримая вражда между крестьянами и шляхтичами не подлежитъ сомнѣнію. Всякая попытка развести враждующихъ содѣйствовала бы дѣлу спокойствія и порядка въ западномъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы благодѣяніемъ для самыхъ бездомныхъ шляхтичей, которыхъ она вывела бы изъ ихъ теперешняго фальшиваго и невыносимаго положенія. Но какъ достигнуть этой цѣли, какъ развести людей живущихъ на одной землѣ? До насъ доходитъ извѣстіе, что въ Вильнѣ возникла мысль замѣнить болѣе строгія кары, заслуженныя мелкою шляхтой (которая почти вся безъ исключенія участвовала въ мятежѣ), такою общею мѣрой, съ которою было бы сопряжено переселеніе бездомныхъ шляхтичей во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ они были бы безвредны. Намъ кажется, что это былъ бы лучшій способъ развязать узелъ, не разсѣкая его. Послѣ неудачныхъ опытовъ нынѣшняго года, при упадкѣ нравственныхъ силъ, при видахъ на нищету угрожающую въ будущемъ мелкая шляхта вѣроятно безъ большаго сопротивленія подчинилась бы мѣрѣ переселенія. На новыхъ мѣстахъ эти люди могли бы заняться хозяйствомъ и промыслами, а западный край освободился бы хотя отъ нѣкоторой доли изъ числа этихъ паразитовъ, пригодныхъ только на то чтобы служить готовымъ матеріаломъ для мятежа. Безъ нѣкотораго принужденія дѣло, конечно, не можетъ обойдтись; но если бы новыя мѣста жительства хотя до нѣкоторой степени соотвѣтствовали привычкамъ переселяемыхъ, то принужденіе потеряло бы значительную долю тягости, а черезъ нѣсколько лѣтъ переселенцы стали бы благословлять свою судьбу. Въ политическомъ отношеніи всѣ русскія губернія, кромѣ смежныхъ съ западнымъ краемъ, могли бы, кажется, представить равно удобное мѣсто для переселенія, если только новыя колоніи не будутъ скучены въ немногихъ пунктахъ.

Чѣмъ менѣе останется въ западномъ краѣ бездомныхъ людей, тѣмъ менѣе будетъ тамъ матеріяла для революціонныхъ движеній. Какъ мы уже сказали выше, безъ этого матеріяла помѣщики и ксендзы не могли бы задумать ничего подобнаго вооруженному возстанію. Удалить изъ западнаго края мелкую бездомную шляхту, значитъ отнять солдатъ у революціонной арміи; значитъ лишить польскую интеллигенцію того орудія, которымъ она дѣйствуетъ. Но какъ ни важна эта задача, ею одною еще не исчерпывается предстоящее намъ дѣло. Вооруженное возстаніе есть опасность, это правда. Сдѣлать вооруженное возстаніе невозможнымъ значило бы достигнуть важнаго политическаго успѣха. Но опасность не въ одномъ вооруженномъ возстаніи. Мятежъ можетъ потребовать отъ насъ тяжкихъ жертвъ, можетъ ввести насъ въ серіозныя внѣшнія затрудненія, но онъ не можетъ имѣть продолжительнаго успѣха и ранѣе или позднѣе долженъ быть подавленъ. Гораздо серіознѣе опасность со стороны мирной пропаганды, имѣющей цѣлію ополяченіе края. Мы должны имѣть также въ виду что чѣмъ льготнѣе будетъ наша внутренняя политика, тѣмъ бо́льшими средствами будетъ располагать эта мирная пропаганда. Поэтому были бы недостаточны мѣры, отнимающія такъ-сказать солдатъ у вооруженнаго возстанія, еслибы не было принято мѣръ лишающихъ польскій элементъ въ западномъ краѣ того положенія, которымъ облегчается ополяченіе края. Теперь революція находитъ солдатъ въ мелкой шляхтѣ; если эти элементы будутъ устранены, но если ополяченіе края будетъ идти успѣшно, то не окажутся ли въ скоромъ времени новые элементы, которые замѣнятъ собой выбывшую шляхту и послужатъ новымъ орудіемъ революціи въ рукахъ польскаго землевладѣльческаго класса и польскаго духовенства? Не русскіе ли люди по крови почти

всѣ тѣ, которые дѣйствовали теперь въ западномъ краѣ противъ Россіи съ такимъ ожесточеніемъ?

Польское населеніе западнаго края такъ немногочисленно, что Поляки не только не могли бы ополячивать Русскихъ, но должны были бы сами обрусѣть, еслибы не занимали относительно Русскихъ привилегированнаго положенія. Полонизація западнаго края основывается на томъ, что высшій классъ состоитъ тамъ почти исключительно изъ Поляковъ, а потому все что̀ хочетъ возвыситься надъ простонародьемъ принуждено принимать польскій характеръ. Православный семинаристъ, православный священникъ, говорили, а отчасти и теперь еще говорятъ по-польски не изъ вражды къ своей матери Россіи, а только для того чтобы говорить языкомъ образованнаго общества. Многіе изъ нихъ, даже огромное большинство, отнюдь не считали себя за Поляковъ, но тѣмъ не менѣе говорили по-польски. Мы надѣемся что отнынѣ этого не будетъ, но нельзя и винить православное духовенство за употребленіе польскаго языка: оно подчинялось общему положенію дѣлъ въ краѣ, гдѣ высшій классъ представляетъ собою сплошную массу людей польскаго языка. Патріотизмъ можетъ воздержать православныхъ священниковъ отъ употребленія польскаго языка, но ихъ закокъ будетъ прочень только въ томъ случаѣ, если польскій языкъ перестанетъ быть единственнымъ языкомъ мѣстнаго образованнаго общества. Для этого нужно внести русскій элементъ въ высшіе классы края, дабы въ краѣ была не только польская, но и русская интеллигенція. Безъ этого условія русскій элементъ никогда не поравняется съ польскимъ и никогда не выйдетъ изъ своего теперешняго унижелія; безъ этого условія не могутъ имѣть большаго успѣха всѣ тѣ мѣры, которыя были бы приняты съ цѣлію возвысить духъ русскаго крестьянскаго населенія и русскаго православнаго духовенства.

Содѣйствовать переходу польскихъ имѣній въ русскія руки есть поэтому дѣло высшей государственной необходимости. Мы уже говорили однажды, что для этой цѣли всего болѣе могли бы послужить земскіе банки выдающіе ссуды исключительно русскимъ покупщикамъ. Учрежденіе въ Западномъ краѣ земскихъ банковъ съ этою политическою цѣлію есть одна изъ самыхъ безотлагательныхъ потребностей. Чтобъ еще болѣе увеличить число русскихъ покупщиковъ на имѣнія Западнаго края, было бы, кажется, возможно предоставить имъ извѣстныя преимущества, напримѣръ освобожденіе отъ крѣпостныхъ пошлинъ и даже сословное повышеніе, смотря по размѣрамъ покупаемыхъ имѣній. Особенно при этомъ послѣднемъ условіи число русскихъ помѣщиковъ разомъ значительно увеличилось бы въ Западномъ краѣ, потому что весьма многіе русскіе купцы обратились бы къ покупкѣ имѣній, дабы пріобрѣсти дворянство. Дѣло это такъ серіозно, отъ него въ такой мѣрѣ зависитъ будущее спокойствіе Россіи, что нельзя останавливаться ни передъ какими льготами, лишь бы привлечь въ Западный край наибольшую массу русскихъ покупщиковъ и привлечь ее какъ можно скорѣе, пока еще не ушло время.

Для всего этого необходимы общія государственныя мѣры, но въ ожиданіи ихъ частные люди, могутъ уже теперь приняться за дѣло. Сколько можно судить по всѣмъ доходящимъ до насъ извѣстіямъ, русскіе денежные люди отправившись немедленно въ западныя губерніи, сдѣлали бы блистательныя дѣла въ своемъ частномъ интересѣ, принесли бы важную пользу русскому дѣлу въ политическомъ отношеніи, и въ то же время облегчили бы положеніе раззорившихся польскихъ помѣщиковъ, не могущихъ найдти покупателей на свои имѣнія. Теперь все, и движимость и недвижимыя имѣнія, упали въ западномъ краѣ на полцѣны, и цѣны продолжаютъ еще падать. Чтобы читатели могли судить, какъ силенъ кризисъ, происходящій въ западномъ краѣ, считаемъ не лишнимъ привести одинъ примѣръ изъ Могилевской губерніи, которая еще менѣе другихъ пострадала отъ мятежа. Намъ пишутъ, что въ томъ мѣстѣ этой губерніи, гдѣ заливные луга цѣнились обыкновенно по 50 р. за десятину, пашня по 25 р., лѣсъ строевой по 75 р. и дровяной по 30 р., теперь продается за 15.000 р. имѣніе, въ которомъ за крестьянскій надѣлъ, съ уступкой крестьянамъ 20 к. на рубль, слѣдуетъ получить 7.700 р., и сверхъ того остается 150 дес. строеваго лѣса, 150 дес. дровянаго лѣса, 150 дес. пахатной земли, 50 десятинъ заливныхъ луговъ и 100 дес. пустопорожней но удобной земли.

№ 202.

Москва, 17-го сентября.

Въ Европѣ за послѣднее время значительно измѣнилось политическое положеніе. Тѣ начала, на которыхъ основывался такъ-называемый Священный Союзъ, дававшій Россіи преобладающее значеніе въ совѣтахъ Европы, упразднились, потеряли силу, и Россія осталась безъ опредѣленныхъ и твердыхъ отношеній къ европейскимъ державамъ. Старыя начала исчезли, а новыхъ не явилось. Священный Союзъ возобновленъ быть не можетъ,—не потому только что Австрія, въ послѣднюю нашу войну, показала черную, какъ говорится, неблагодарность, а Пруссія съ своей стороны не обнаружила большой благодарности: какія бы чувства не питали къ намъ правительственныя лица этихъ державъ, во всякомъ случаѣ эти чувства нельзя уже брать въ какой-либо разчетъ. Союзъ между тремя державами, Австріей, Россіей и Пруссіей, не можетъ возобновиться ни при какомъ настроеніи чувства ихъ правительственныхъ лицъ, потому что Пруссія и Австрія измѣнили свой характеръ въ послѣднее время и утратили способность руководствоваться настроеніемъ чувства въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ державамъ. Правительства трехъ державъ были въ тѣсномъ союзѣ между собою въ силу одной и той же правительственной системы, которой они держались и которую представляли собою въ Европѣ. Теперь эта правительственная система утратила свою силу и въ Австріи, и въ Пруссіи, равно какъ и въ цѣлой Европѣ. Вотъ причины изолированнаго положенія Россіи; вотъ почему значеніе ея ослабѣло; вотъ почему не можетъ она разчитывать на какой-либо прочный союзъ; вотъ почему она ежеминутно можетъ подвергаться опасностямъ и постоянно должна держаться за рукоять своего меча.

Время правительственныхъ союзовъ кончилось; возможны только союзы основанные на ясно-сознаваемыхъ интересахъ самихъ странъ. Но Россія для Европы остается до сихъ поръ terra incognita,—страною невѣдомою, народомъ ни кому неизвѣстнымъ. Россія въ Европѣ имѣетъ значеніе только какъ извѣстное правительство. Вотъ ближайшая причина непріязни, встрѣчаемой нами въ Европѣ, которая придирается и будетъ придираться къ намъ при всякомъ случаѣ. Невозможно и думать о какомъ-либо союзѣ между Россіей и напримѣръ обѣими германскими державами, вмѣстѣ или порознь. Всякая попытка къ сближенію Россіи съ тою или другою изъ нихъ кончится не сближеніемъ, а напротивъ усиленіемъ непріязни, потому что всякая попытка къ сближенію съ нашей стороны служила бы только напоминаніемъ о Священномъ Союзѣ и возбуждала бы противъ насъ и народное чувство въ Германіи, и общественное мнѣніе въ цѣлой Европѣ.

Враждебная намъ стачка трехъ державъ по польскому дѣлу сама по себѣ была бы неопасна; но она служитъ дурнымъ признакомъ нашего положенія въ Европѣ. А потому мы не должны успокоиваться при видѣ благопріятнаго окончанія дипломатической кампаніи и считать себя въ благонадежномъ положеніи. Опасность не умалится даже въ томъ случаѣ, если мы успѣемъ въ скоромъ времени подавить мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Неудобство заключается въ нашемъ разобщенномъ положеніи, въ совершенной отчужденности нашей. Пока Европа не узнаетъ русскаго народа, пока она не услышитъ его голоса, пока онъ самъ не станетъ политическою силою въ Европѣ, она будетъ чуждаться Россіи, и намъ останется только напрягаться и развивать наши военныя силы, чтобы поддерживать свое значеніе.

Бѣдная Россія! И внѣшніе, и внутреніе враги видятъ въ ней несмысленную массу, съ которою можно распорядиться какъ угодно и надъ которою всякая попытка можетъ легко имѣть успѣхъ. Весь рядъ послѣднихъ событій служитъ тому доказательствомъ,—печальнымъ и горькимъ, но несомнѣннымъ. Вспомнимъ что происходило въ Польшѣ вспомнимъ что происходило въ Европѣ, что еще происходитъ вокругъ насъ, и мы съ грустію убѣдимся, что Россія въ общемъ мнѣніи своихъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, есть страна безпомощная, отданная на произволъ всякой интригѣ,—страна съ которою можно сдѣлать все что кому ни заблагоразсудится. Грустно, что о Россіи имѣется такое мнѣніе.

Что кромѣ самой обидной для насъ увѣренности въ нравственномъ безсиліи Россіи могло вызвать странную угрозу, которую мы и прежде слышали, и теперь снова слышимъ въ Европѣ,—угрозу признать

мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ воюющею стороной? Это признаніе за мятежемъ правъ воюющей стороны выпускается противъ насъ какъ послѣдній, самый сильный аргументъ, который долженъ окончательно рѣшить дѣло, — долженъ заставить наше правительство подписать всякую сдѣлку и согласиться на какія угодно условія. Всякій, сколько-нибудь знающій положеніе дѣлъ, пойметъ, что аргументъ этотъ есть не болѣе какъ шутка, что этою угрозой только издѣваются надъ Россіей, предполагая что она не пойметъ ея смысла, или понявъ, не посмѣетъ воспользоваться тѣми очевидными выгодами, которыя прямо возникли бы для нея вслѣдствіе признанія за мятежомъ въ Царствѣ Польскомъ правъ воюющей стороны. Россія, понимающая свои интересы, Россія сильная и дѣйствующая съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, не могла бы вызвать противъ себя такую угрозу; никому и въ голову не могла бы придти подобная мысль, если бы не обидное мнѣніе, будто правительство русское не имѣетъ достаточно яснаго сознанія интересовъ своей страны или достаточной увѣренности въ ея силахъ. Исполненіе этой угрозы, которою предполагается смутить Россію, въ сущности только развязало бы ей руки и облегчило бы ея задачу. Для Россіи не можетъ быть ничего выгоднѣе какъ приведеніе такой угрозы въ исполненіе. Благодаря своему великодушію въ 1815 году, Россія попала подъ международное обязательство, которое стало для нея источникомъ затрудненій и бѣдствій. Теперь враги предлагаютъ снять съ Россіи это роковое обязательство наложенное на нее происками друзей. Чего же лучше? Враги всегда надежнѣе друзей: это старая истина. Признать за нынѣшнимъ польскимъ мятежомъ право воюющей стороны значитъ вычеркнуть изъ вѣнскаго трактата статью относящуюся до Царства Польскаго и уничтожить самый этотъ титулъ выдуманный намъ въ угоду интригѣ, но вопреки Европѣ и во вредъ Россіи и самимъ народонаселеніямъ польскимъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ европейскія державы сочли возможнымъ признать подземное правительство въ Царствѣ Польскомъ за воюющую сторону, то усмиреніе мятежа, которое находится вполнѣ въ рукахъ Россіи, было бы равносильно новому завоеванію этого края, и отношенія къ нему Россіи были бы окончательно очищены отъ всякой международной регламентаціи. Всякій сколько-нибудь мыслящій человѣкъ въ Россіи, и въ то же время не злоумышляющій противъ нея, и также не склонный къ великодушному пожертвованію ея дѣйствительными интересами, которые для всякаго Русскаго должны быть дѣломъ святымъ,—всякій такой человѣкъ согласится, что между Россіей и Польшей не могутъ продолжаться тѣ отношенія, которыя такъ лукаво и двусмысленно намѣчены въ Вѣнскомъ трактатѣ.

Въ будущности Россіи сомнѣваться мы не можемъ,—и мы не сомнѣваемся что она возьметъ свое, что изъ всѣхъ затрудненій она выйдетъ съ торжествомъ; но сердце сжимается при мысли о томъ рядѣ потрясеній и бѣдствій, который ожидаетъ ее впереди, прежде чѣмъ она выйдетъ изъ этой области темныхъ интригъ и недоразумѣній, которыя играютъ ея судьбами.

№ 203.

Москва, 18-го сентября.

„По общему въ человѣчествѣ закону, говоритъ князь Горчаковъ въ своемъ меморандумѣ, чувства и стремленія, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуетъ одно поколѣніе, нерѣдко забываются поколѣніемъ послѣдующимъ, и оно, становясь на противоположную точку зрѣнія, нерѣдко увлекается желаніемъ разрушать все сдѣланное предшественниками.“ Въ отношеніи къ Польшѣ Россія уже два раза совершала такой поворотъ: при Александрѣ I, когда она отступилась отъ политики Императрицы Екатерины II и на бѣду себѣ самой, на бѣду Полякамъ, возстановила отчасти ихъ политическую независимость, и въ 1861 г., когда въ видахъ примиренія она отреклась отъ тридцатилѣтней политики императора Николая I, не безошибочной въ выборѣ средствъ, но вѣрной и разумной въ своей цѣли. И оба раза Россіи пришлось тяжело поплатиться, и вмѣсто примиренія возбудить противъ себя разливъ ненависти и вооруженное возстаніе: явный знакъ, что не въ потворствѣ національно-политическимъ притязаніямъ Поляковъ, а въ подчиненіи ихъ общей правительственной системѣ и въ возможномъ улучшеніи послѣдней надлежитъ искать средствъ къ благополучному окончанію польскаго дѣла. Если

политика императора Николая, вѣрная въ томъ, что направлена была къ подчиненію Поляковъ общей правительственной системѣ, не принесла добрыхъ плодовъ, то единственная причина того заключается въ диктаторскомъ характерѣ системы управленія, которая въ польскомъ краѣ еще болѣе чѣмъ въ остальной имперіи, освобождала агентовъ власти отъ серіознаго контроля. Но при водвореніи въ Россіи порядка вещей, болѣе согласнаго съ общеевропейскими нравами и обычаями, болѣе соотвѣтствующаго успѣхамъ времени и дѣйствительнымъ, наличнымъ силамъ, которыми располагаетъ Россія,—полное политическое соединеніе Польши съ Россіей должно оказаться самымъ вѣрнымъ или лучше единственно-вѣрнымъ способомъ навсегда покончить съ польскимъ вопросомъ.

Чувства и стремленія, возбужденныя въ Россіи польскимъ возстаніемъ 1830 и 31 гг., были далеко не такъ сильны, не такъ сознательны, не такъ распространены въ массѣ русскаго народонаселенія, какъ въ настоящее время; но они были однородны. Для насъ не лишены интереса отзывы объ этомъ предметѣ англійскихъ пословъ того времени: лорда Гейтесбери, и смѣнившаго его лорда Доргема. Между прочимъ о существованіи общественнаго мнѣнія въ Россіи они говорятъ какъ о неожиданномъ для нихъ самихъ открытіи, которому они придаютъ большую важность. „Какъ ни безгранична власть императора въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ,—пишетъ отъ 1-го (13-го) апрѣля 1831 г. лордъ Гейтесбери лорду Пальмерстону, бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ,—однакоже въ Россіи существуетъ нѣкоторая сила общественнаго мнѣнія, и если оно сильно возбуждено, то имъ не можетъ препебречь и самъ государь. Если бы послѣ всей пролитой крови, послѣ всѣхъ матеріяльныхъ пожертвованій на возвращеніе Польши, все было приведено въ прежній порядокъ, и никакое наказаніе не постигло виновниковъ убійствъ, хладнокровно совершенныхъ въ Варшавѣ въ началѣ возстанія, то я не полагаю, чтобы при раздраженіи русскаго народа такое великодушіе не повлекло за собою опасности.“ Съ своей стороны лордъ Доргемъ пишетъ 22 августа 1832 г.: „Нельзя отрицать, что и въ Россіи существуетъ общественное мнѣніе; правда, оно существуетъ въ одномъ лишь классѣ, и выражается такимъ образомъ и такими путями, которые не имѣютъ ничего общаго съ употребительными у насъ, но тѣмъ не менѣе когда это мнѣніе истекаетъ отъ дворянъ и военныхъ, то императоръ, несмотря на все свое могущество, принужденъ уступать ему.“

Какъ же настроено было тогда общественное мнѣніе Россіи и чего оно требовало? Въ той же депешѣ лорда Доргема читаемъ: „Съ давнихъ поръ между Русскими и Поляками существуетъ не чувство ненависти, а чувство зависти. Послѣдняя война была такова, что отъ нея повидимому зависѣло самое существованіе Россійской имперіи, особенно же послѣ того какъ Поляки объявили Императора Николая (на сеймѣ, 13-го (25) января 1831 г.) лишеннымъ престола. Всякое дѣло милосердія или благосклонности въ отношеніи къ Полякамъ со стороны Императора вызывало и вызываетъ въ Русскихъ зависть и неодобреніе.“

Эта зависть, на которую указываетъ лордъ Доргемъ, если она дѣйствительно существовала, очень легко объясняется тѣмъ незаслуженнымъ предпочтеніемъ, которое въ продолженіе предшествовавшихъ 15 лѣтъ (съ 1815 по 1831 годъ) явно оказывалось Полякамъ. И въ то время событія не могли не вразумлять, какъ несправедливо и какъ опасно было это предпочтеніе. Лордъ Гейтесбери писалъ 2-го января 1832 г.:

„Инстинктъ самосохраненія говоритъ сильнѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ и разсужденій. Здѣшнее (то-есть с.-петербургское) правительство убѣждено, что собственная его безопасность зависитъ отъ уничтоженія привилегій, которыя въ короткое время 15-ти лѣтъ породили уже столько горькихъ плодовъ, и ваше лордство можетъ быть увѣрено, что за исключеніемъ положительной невозможности, ничто не помѣшаетъ ихъ уничтоженію, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько оно можетъ состояться безъ прямаго нарушенія буквальнаго смысла Вѣнскаго трактата... Во-первыхъ, здѣсь убѣждены, что никакая мѣра, внушенная духомъ примиренія или благосклонности, никогда не будетъ въ состояніи примирить высшіе классы въ Польшѣ съ русскимъ владычествомъ; во-вторыхъ, что вслѣдствіе того возстановить привилегіи значило бы только возстановить силы сопротивленія, и наконецъ, что еслибъ и были найдены способы парализовать эти силы, мирное совмѣстное существованіе, въ

продолжительный періодъ времени и подъ однимъ скипетромъ, неограниченнаго самодержавія въ Россіи и конституціонной свободы въ Польшѣ, стало бы невозможно... Этотъ вопросъ есть вопросъ о жизни или смерти для здѣшняго правительства. Оно сознаетъ это, и общественное мнѣніе держится того же образа мыслей."

Еще въ самый разгаръ польскаго мятежа 1831 г. русское правительство не скрывало своихъ намѣреній произвести въ политическомъ положеніи Польши самыя коренныя перемѣны, и уже 13-го (25-го) февраля 1831 г. лордъ Гейтесбери доносилъ объ этомъ своему правительству. Эти перемѣны были несравненно важнѣе для цѣлой Европы, несравненно существеннѣе въ отношеніи къ системѣ политическаго равновѣсія чѣмъ всѣ тѣ, которыя понадобились бы въ настоящее время по усмиреніи польскаго мятежа, если бы русское правительство, напримѣръ, нашло нужнымъ раздѣлить Царство Польское на два генералъ-губернаторства, о чемъ, по мнѣнію многихъ знающихъ людей, очень стóитъ подумать. Тогда дѣло шло объ уничтоженіи особой польской арміи и объ отмѣнѣ конституціи 1815 г. Сравнительно съ этими перемѣнами тѣ измѣненія, которыя понадобились бы въ настоящее время, измѣненія въ составѣ, въ порядкѣ и мѣстномъ распредѣленіи администраціи, были бы совершенно ничтожны. И однакоже въ то время Россія не задумалась совершить перемѣны, которыя почитала необходимыми, и встрѣтила лишь самое слабое противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ. Почему это?

Справедливость требуетъ замѣтить, что нынѣшнее дипломатическое положеніе Россіи въ отношеніи къ польскому вопросу совершенно отлично отъ тогдашняго. Россія была тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ не только къ Пруссіи, но и къ Австріи, и не внушала ни малѣйшаго недовѣрія Англіи, которая напротивъ того, въ виду совершившихся переворотовъ во Франціи и въ Бельгіи и опасаясь ихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, сама искала сближенія съ Россіей. Что же касается до Франціи, то Лудовикъ Филиппъ имѣлъ прежде всего въ виду примирить Европу съ революціей, которая возвела его на престолъ, и потому былъ особенно нерѣшителенъ въ своемъ ходатайствѣ за возмутившихся Поляковъ. Въ настоящее время Франція, правда, внушаетъ къ себѣ всѣмъ прочимъ европейскимъ державамъ ничуть не меньшее чѣмъ прежде недовѣріе; но оно перевѣшивается еще большею антипатіей къ Россіи. Этой антипатіей пользуется всего болѣе Франція. Вслѣдствіе этой антипатіи, ни Англія, ни Австрія не чуждаются Франціи, и дѣйствуютъ съ нею пока заодно противъ насъ; сама же Франція склонна теперь, подъ императорскимъ скипетромъ, къ несравненно болѣе рѣшительной и отважной политикѣ чѣмъ во времена Лудовика Филиппа. Первымъ слѣдствіемъ столь различнаго въ то время положенія дѣлъ было то, что ни одна изъ европейскихъ державъ не затруднила Россію въ дѣлѣ подавленія мятежа. Объ открытомъ дипломатическомъ дѣйствіи противъ Россіи съ цѣлію воспрепятствовать подавленію мятежа не было и рѣчи: въ своихъ тайныхъ инструкціяхъ посламъ кабинеты парижскій и лондонскій касались лишь тѣхъ мѣръ, которыя русское правительство предполагало принять въ послѣдствіи, при чемъ имъ хорошо извѣстно было, что эти мѣры поддерживаются Пруссіей и Австріей.

Существенная важность этихъ мѣръ даже по отношенію къ системѣ политическаго равновѣсія Европы не могла и тогда не вызвать сильныхъ возраженій, но благодаря поддержкѣ со стороны Пруссіи и Австріи, то-есть благодаря священному союзу, эти возраженія остались безплоднымъ протестомъ.

Въ отвѣтъ на донесеніе лорда Гейтесбери, отъ 13-го (25-го) февраля, лордъ Пальмерстонъ писалъ въ инструкціяхъ отъ 10-го (22-го) марта, того же года: „Всякая перемѣна, которая повлекла бы за собою включеніе Польши въ составъ Россійской имперіи и уничтожила бы ея отдѣльное управленіе и ея конституцію, была бы нарушеніемъ Вѣнскаго трактата, и Англія, а равно и другія державы, подписавшія этотъ трактатъ, имѣли бы неоспоримое право воспротивиться такой перемѣнѣ." Но собственно одной перемѣнѣ придавалъ онъ особенно важное значеніе, именно уничтоженію особой польской арміи, какъ видно изъ того, что на этотъ пунктъ почти исключительно обращаетъ онъ вниманіе британскаго посла. Онъ говоритъ: „Царство Польское, находясь между Австріей и Пруссіей и въ незначительномъ разстояніи отъ ихъ столицъ, даетъ Россіи очень важное военное положеніе. Положеніе это сдѣлается, очевидно, еще болѣе господствую-

щимъ, если Польша, переставъ быть отдѣльнымъ государствомъ и утративъ свою особую армію, станетъ русскою провинціей, и если русская армія перенесетъ свою обычную стоянку съ береговъ Нѣмана на берега Вислы и Варты: такое положеніе по необходимости сообщило бы Россіи преобладающее вліяніе на Пруссію и Австрію, и могло бы, во многихъ случаяхъ которые легко предвидѣть, дать политикѣ этихъ двухъ державъ направленіе, котораго она не имѣла бы, еслибъ онѣ были свободны отъ всякаго посторонняго вліянія." Въ этомъ заключалось первое и главнѣйшее возраженіе Англіи противъ приписаннаго императору Николаю I намѣренія обратить Польшу въ одну изъ русскихъ провинцій. На ту же точку зрѣнія стала и Франція, и въ сохраненіи особой польской арміи полагала главнѣйшій общеевропейскій интересъ, какъ это видно изъ ея усилій запутать вѣнскій и берлинскій кабинеты и побудить ихъ присоединить ихъ голосъ къ ея представленіямъ въ Петербургѣ противъ уничтоженія особой польской арміи. Но усилія Франціи въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ не имѣли никакого успѣха, и графу Нессельроде было очень легко отвѣчать на главное возраженіе лорда Гейтесбери указаніемъ, что двѣ наиболѣе заинтересованныя европейскія державы одобряютъ намѣреніе русскаго правительства. Къ этому онъ прибавилъ:

„Если армія, расположенная въ Польшѣ, дѣйствительно отличается вѣрностью и преданностью своему государю, то не все ли равно для этихъ державъ или для Европы, будетъ ли она носить мундиръ польскій или русскій? Если же она не вѣрна, если она не привязана къ императору (а этого именно можно опасаться, пока стоящая тамъ армія будетъ польская), то дѣло, дѣйствительно, получаетъ другой характеръ; но изъ требованія продолжать существованіе такой арміи слѣдовало бы заключить, что имѣется въ виду не обезпечить спокойствіе Европы, а ослабить и затруднить Россію, которую приглашаютъ сохранить на своей границѣ вооруженную силу, готовую при первомъ благопріятномъ случаѣ поднять знамя открытаго возмущенія. Если мы должны сохранить Польшу только на этомъ условіи (такъ заключилъ графъ Нессельроде свою бесѣду, о которой лордъ Гейтесбери отдастъ отчетъ въ депешѣ отъ 13-го апрѣля 1831 г.), то для насъ было бы лучше подарить ее какой бы то ни было державѣ, которая согласилась бы принять такой подарокъ."

Этотъ рѣшительный тонъ, въ связи съ общимъ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, доставилъ Россіи полное торжество по этому первому и важнѣйшему пункту. Не было, правда, недостатка со стороны Франціи и Англіи въ возраженіяхъ (большею частью словесныхъ) противъ отмѣны конституціи 1815 г.; но едва ли и сами эти державы разчитывали на успѣхъ въ виду твердой рѣшимости русскаго правительства, находившаго въ этомъ отношеніи поддержку въ общественномъ мнѣніи. Дѣло шло главнѣйшимъ образомъ объ истолкованіи первой статьи главнаго акта Вѣнскаго конгресса, и какъ Россія, такъ и обѣ западныя державы въ этомъ случаѣ и тогда стояли на той же точкѣ зрѣнія, какъ и теперь.

Россія точно также признавала обязательность для себя первой статьи Вѣнскаго трактата, и только устраняла всякое иноземное вмѣшательство въ вопросы, которые, по ея мнѣнію, были исключительно подвѣдомы ей одной. Такъ, уже по усмиреніи польскаго мятежа, графъ Нессельроде писалъ, 22-го декабря 1831 г. (3 января 1832 г.) князю Ливену, русскому послу въ Лондонѣ: „Императоръ никогда не имѣлъ и не можетъ имѣть и въ мысляхъ уклониться отъ условій Вѣнскаго трактата, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твердо рѣшился совсѣмъ не допускать иностраннаго вмѣшательства въ вопросы, которые исключительно подлежатъ ему." Первый параграфъ первой статьи трактата — о томъ, что Польша соединяется съ Россіей своею конституціей — возлагаетъ, по его словамъ, на Россію только обязательство сохранить соединеніе между обѣими странами. Конституція 1815 г. не была слѣдствіемъ Вѣнскаго трактата, а добровольнымъ актомъ верховной власти императора Александра I, такъ какъ она дана была черезъ полгода по окончаніи Вѣнскаго конгресса, а державы и не думали предъявлять требованіе, чтобъ она была имъ представлена для удостовѣренія, соотвѣтствуетъ ли она принятымъ Россіею обязательствамъ. На послѣдующій параграфъ, гдѣ говорится о Полякахъ, подданныхъ Россіи, Австріи и Пруссіи, графъ Нессельроде ссылается какъ на доказательство, что Россія предоставила себѣ даровать Полякамъ Царства такія національныя учрежденія какія сама почтетъ пригодными, и что она не обязана въ

отношеніи къ Царству идти далѣе чѣмъ Австрія въ отношеніи къ Галиціи и Пруссія въ отношеніи къ Познани, послѣ того какъ Поляки своимъ возмущеніемъ сами уничтожили конституцію 1815 г. Далѣе въ той же депешѣ говорится:

„Императоръ рѣшился не возстановлять конституціи, которую попрали сами Поляки, не съ тѣмъ чтобы подвергнуть ихъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ заслуженному ими наказанію, но потому что опытъ показалъ невозможность обезпечить этою конституціей спокойствіе, а слѣдовательно и благоденствіе этой страны. Эта конституція, вмѣсто того чтобы предотвратить бѣдствія, поприщемъ которыхъ была Польша, только питала между Поляками, въ продолженіи 15 лѣтъ, духъ безпокойства и тревоги, который отъ искры обратился въ открытое возмущеніе... Всѣ усилія и всѣ работы Императора направлены къ нравственному умиротворенію царства и къ постепенному, искреннему примиренію обоихъ народовъ, соединенныхъ подъ Его скипетромъ.“ Слѣдуютъ далѣе указанія, что этой цѣли препятствуетъ иностранное вмѣшательство въ дѣла Польши, безпокойный надзоръ за всѣмъ что дѣлается въ этой странѣ, ложное истолкованіе трактатовъ, право покровительства, которое присвоиваютъ себѣ державы надъ Поляками, исключенными изъ амнистіи. „Но, сказано въ заключеніе депеши, Его Императорское Величество льститъ себя надеждою, что наши объясненія способны удовлетворить британское правительство, и что уже въ послѣдній разъ приходится Ему объясняться по вопросамъ, которые подлежатъ лишь Его вѣдѣнію.“

Еще прежде, какъ видно изъ депеши лорда Гейтесбери отъ 13-го апрѣля 1831 г. было объявлено французскому послу въ Петербургѣ, герцогу де-Мортемару, что Россія не уклонится отъ условій Вѣнскаго трактата, что Царство Польское не будетъ включено въ составъ Россійской имперіи въ качествѣ ея провинціи, что управленіе Царства будетъ отдѣльное, хотя и не всѣ должности будутъ замѣщаемы Поляками, но что армія польская будетъ уничтожена, и конституція 1815 г. не будетъ возстановлена.

Западныя державы принуждены были удовольствоваться этимъ рѣшительнымъ, хотя съ виду и умѣреннымъ объявленіемъ, и ограничились сначала только возраженіями противъ русскаго истолкованія Вѣнскаго трактата, а потомъ протестомъ противъ отмѣны конституціи 1815 г. Для краткости мы опускаемъ эти возраженія, такъ какъ они почти въ томъ же видѣ повторяются и теперь, замѣтимъ только, что формально выраженное, въ приложеніи къ послѣдней депешѣ г. Друэнъ-де-Люиса, мнѣніе о томъ, что западныя области Россіи подходятъ подъ первую статью Вѣнскаго трактата и что этою статьею имъ будто бы обезпечены представительство и національныя учрежденія, не составляетъ новости въ исторіи дипломатическихъ сношеній по польскому вопросу. То же самое притязаніе имѣло французское правительство и въ 1831 г.; и посылая въ этомъ смыслѣ инструкціи герцогу де-Мортемару, старалось склонить и британское правительство дѣствовать въ томъ же направленіи. Въ инструкціяхъ лорду Гейтесбери отъ 22-го марта 1831 г. лордъ Пальмерстонъ говоритъ по этому поводу: „Если будетъ возбужденъ этотъ вопросъ, ваше лордство должны сказать, что *судя по вашимъ свѣдѣніямъ*, британское правительство *повидимому*, не почитаетъ выполненными со стороны Россіи постановленія Вѣнскаго трактата относящіяся къ польскимъ провинціямъ Россіи.“ Когда дѣло дошло до объясненій по этому предмету, то графъ Нессельроде замѣтилъ лорду Гейтесбери, что герцогъ де-Мортемаръ говорилъ объ этомъ предметѣ императору въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не придавая офиціяльнаго характера своимъ сообщеніямъ, что подтвердилъ и самъ герцогъ, ссылаясь на то, что инструкціи его были въ этомъ отношеніи очень неопредѣленны и относились ко времени, когда Россія вполнѣ восторжествуетъ надъ польскимъ мятежомъ и когда можно будетъ попытаться дать доброе направленіе извѣстному великодушію императора. (*Депеша Гейтесбери отъ 13 апрѣля 1831 г.*).

Въ послѣдствіи, когда русское правительство обнаружило намѣреніе замѣнить польскій сеймъ провинціяльными чинами, какіе установлены были въ Галиціи и въ Познани, лордъ Пальмерстонъ снова повторилъ британскому послу въ депешѣ отъ 23-го ноября 1831 г., что эти провинціяльные чины соотвѣтствовали бы требованію Вѣнскаго трактата въ такомъ только случаѣ, если бы были введены въ нѣкоторыхъ польскихъ областяхъ Россіи, а отнюдь не въ Царствѣ Польскомъ, и далѣе по поводу депеши графа Нессельроде отъ 22-го декабря 1831 г. онъ рѣшительно возражалъ противъ при-

равненія Поляковъ Царства къ Полякамъ Галиціи и Познани, говоря, что въ томъ параграфѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Полякахъ подданныхъ трехъ державъ, имѣется въ виду не Царство Польское, а польскія области прежде включенныя въ составъ Имперіи. (*Депеша лорда Пальмерстона отъ 11-го марта 1832 г.*).

Такимъ образомъ въ теперешнихъ притязаніяхъ западныхъ державъ нѣтъ ничего новаго; новое заключается въ той обстановкѣ, какую эти притязанія встрѣчаютъ въ Европѣ, вслѣдствіе того что священный союзъ пересталъ существовать.

Въ заключеніе своей дипломатической корреспонденціи лордъ Пальмерстонъ, протестуя противъ отмѣны конституціи 1815 г., прямо говорилъ, въ депешѣ отъ 3-го іюля, 1832 г.: „Такъ какъ Австрія и Пруссія согласны съ Россіей въ ея толкованіи Вѣнскаго трактата, то очевидно что представленія Англіи и Франціи могли бы быть дѣйствительны только въ такомъ случаѣ, если бы поддерживались угрозою войны, выполненіе которой встрѣтило бы слишкомъ много препятствій какъ въ общемъ положеніи Европы, такъ и въ переговорахъ, въ которыхъ состоитъ Великобританія съ Россіей," а потому лорду Доргему предписано было только выразить сожалѣніе британскаго правительства объ отмѣнѣ польской конституціи, какъ объ актѣ „несогласномъ съ истиннымъ толкованіемъ Вѣнскаго трактата и пагубномъ для интересовъ самой Россіи." Лордъ Доргемъ не рѣшился даже по этому поводу передать офиціяльной ноты графу Нессельроде, а ограничился словесными объясненіями, среди которыхъ ему замѣчено было, что протестъ Великобританіи занесенъ въ реестры русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

№ 204.

Москва, 19-го сентября.

И въ Европѣ, и въ Россіи толкуютъ о Царствѣ Польскомъ. Но что такое Царство Польское? Соотвѣтствуетъ ли оно когда-то бывшему Польскому государству? Нѣтъ, нынѣшнее Царство Польское есть только малая часть этого государства; къ тому же Польское государство во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ къ области прошедшаго, и не только не можетъ быть возстановлено въ своихъ предѣлахъ, но и не можетъ быть возстановлено съ тѣмъ духомъ, устройствомъ и порядкомъ, которые составляли его сущность. Ни государственная область, ни государственное устройство старой Польши не могутъ быть возстановлены; объ этомъ никто не помышляетъ, и даже тѣ изъ поляковъ, которые полагаютъ возможныхъ возстановить государственную область старой Польши, не могутъ серіозно думать о возстановленіи ея государственнаго устройства. Мечтающіе о возстановленіи старой Польши, мечтаютъ стало-быть не о возстановленіи Польскаго государства, которое возстановлено быть не можетъ, а о созданіи новаго государства на мѣстѣ прежней Польши. Въ этомъ отношеніи нынѣшнее польское возстаніе никакъ не можетъ быть названо національнымъ, и не можетъ имѣть иного характера кромѣ чисто революціоннаго.

Но не служитъ ли нынѣшнее Царство Польское символомъ народности польской? Посмотримъ.

Старое Польское государство пало; части его вошли въ составъ трехъ государствъ. Нѣкоторыя изъ этихъ частей старой Польши заселены народомъ не польскимъ и входили въ составъ Польскаго государства не въ силу народности своихъ обитателей, а въ силу завоеваній или династическаго присоединенія: таковы наши западныя и югозападныя области. Другія части старой Польши, хотя издревле заселены польскимъ народомъ, но давно уже утратили свой характеръ и совершенно онѣмечились. Наконецъ есть еще части старой Польши, вошедшія въ составъ другихъ государствъ, которыя хотя и не совсѣмъ онѣмечились, но гдѣ съ каждымъ годомъ слабѣетъ польская народность и смолкаетъ польскій языкъ, и гдѣ народъ, то-есть крестьянство въ противоположность такъ-называемой шляхтѣ, готовъ причислить себя къ какой угодно народности, лишь бы только не составлять одного политическаго цѣлаго съ польскою шляхтой. Что видимъ мы во всѣхъ областяхъ нѣкогда входившихъ въ составъ старой Польши, то самое мы видимъ и въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ. Части, составляющія это Царство Польское не отличаются ни чѣмъ существеннымъ въ сравненіи съ разными другими областями, входившими въ составъ стараго польскаго государства. Какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ другихъ бывшихъ польскихъ об-

ластяхъ, патріотизмъ польскій сосредоточенъ въ шляхтѣ, которая представляетъ собою какъ бы особое народонаселеніе, какъ бы особую народность, уродливо образовавшуюся въ Польшѣ и погубившую ее. Эта шляхта разбросана по всѣмъ городамъ и селамъ во всѣхъ областяхъ старой Польши какъ въ тѣхъ, которыя искони были заселены другою народностью, людьми иной вѣры и иного языка, такъ и въ тѣхъ, гдѣ народъ всегда говорилъ по-польски, но гдѣ крестьянство тѣмъ не менѣе относится къ шляхтѣ, какъ къ чуждой породѣ, и нисколько не чувствуетъ въ себѣ польскаго духа, готово отказаться не только отъ польскаго государства, но и отъ польской народности и, какъ напримѣръ въ Австріи, гораздо охотнѣе называетъ себя имперцами нежели Поляками. Почему же только тѣ части старой Польши, которыя случайно были собраны воедино и получили названіе Царства Польскаго, могутъ претендовать на исключительное положеніе? Почему только эти части признаны польскими и имъ предоставлено быть особымъ политическимъ цѣлымъ подъ титуломъ Царства Польскаго? Если брать въ разсчетъ притязанія польско-шляхетскаго патріотизма, то нѣтъ никакого основанія останавливаться на нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ; притязанія этого патріотизма равно простираются на всѣ части старой Польши,—и если признать ихъ въ Царствѣ Польскомъ, то было бы непослѣдовательно и несправедливо не признать ихъ и повсюду. Если же нѣтъ никакой возможности ни политически, ни логически допустить требованія польско-шляхетскаго патріотизма и удовлетворять ихъ въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ или въ прусскихъ областяхъ, или въ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Австріи, то нѣтъ также никакой возможности считаться съ ними и на почвѣ такъ-называемаго Царства Польскаго. Царство Польское есть только имя, области же, собранныя подъ это имя, какъ выше сказано, ничѣмъ не разнятся отъ другихъ бывшихъ польскихъ земель, и принадлежатъ либо къ одной, либо къ другой категоріи этихъ земель по отношенію къ народности польской. Въ частяхъ, составляющихъ Царство Польское, также какъ и повсюду на пространствѣ старой польской государственной области, проходитъ глубокое, не изгладимое раздѣленіе между крестьянствомъ и шляхетскою породою. Кромѣ того, онѣ мало похожи одна на другую и ничуть не имѣютъ больше права называться Польшею чѣмъ многія изъ бывшихъ польскихъ земель, не вошедшихъ въ Царство Польское. Опредѣленіе границъ Царства Польскаго основывалось на случайныхъ обстоятельствахъ и на соображеніяхъ, внушенныхъ не чисто принципомъ національности. Нѣкоторыя части нынѣшняго Царства Польскаго заселены людьми не польскаго языка и даже отчасти не католической религіи.

Если въ этомъ краю войдетъ наконецъ въ полную силу законная власть, если она оградитъ тамошнихъ людей отъ революціонныхъ устрашеній, если она выведетъ ихъ изъ того неестественнаго горячешнаго состоянія, въ которомъ они находятся, благодаря возникшему въ странѣ двоевластію, то многіе изъ самихъ Поляковъ поднимутъ голосъ противъ нѣкоторыхъ плановъ, сочиняемыхъ въ Россіи подъ предлогомъ осчастливить народонаселенія, обитающія въ разныхъ губерніяхъ, оффиціяльно названныхъ Царствомъ Польскимъ, благодаря случайности, которая не имѣетъ ничего общаго съ польскою народностію.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго, намъ всего лучше сослаться на слова кореннаго Поляка, изъ чистаго польскаго крестьянства, но образованнаго и совершенно способнаго судить о положеніи польскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ что пишетъ этотъ *полскій крестьянинъ* изъ глубины Царства Польскаго—и слова его мы передаемъ въ точности, ручаясь за ихъ подлинность:

„Коренное сельское народонаселеніе Царства Польскаго состоитъ изъ Поляковъ, Литовцевъ и Русскихъ. Уѣзды Сейненскій, Кальварійскій и Маріампольскій Августовской губерніи, населены Литовцами. Юго-восточную часть Сейненскаго уѣзда и сѣверную половину уѣзда Августовскаго, то-есть Домбровскій округъ вплоть до Райгорода и рѣки Элка, занимаютъ Русскіе (отчасти уже полуополяченные). Русскими населена также восточная половина Люблинской губерніи отъ Дорогичина (Гродненской губерніи) до впаденія рѣки Сана въ Вислу. И польское народонаселеніе столько вѣковъ изнемогаетъ подъ тягостнымъ, убійственнымъ шляхетско-ксендзовскимъ гнетомъ,—каково же положеніе Русскихъ и Литовцевъ! У нихъ отнимаютъ самое дорогое достояніе—вѣру и языкъ. Пора пре-

кратить панско-ксендзовскія козни, и части Царства Польскаго населенныя Литовцами и Русскими совсѣмъ присоединить къ Русской имперіи; или, по крайней мѣрѣ, ввести въ нихъ русское начальство и русскій языкъ въ училищахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Въ уѣздахъ: Маріампольскомъ, Кальварійскомъ и Сейненскомъ (исключая мѣстности населенныя Русскими), первоначальное обученіе народа должно производиться на литовскомъ языкѣ. Въ Сувалской гимназіи и Маріампольскомъ уѣздномъ училищѣ надобно преподавать литовскій языкъ по крайней мѣрѣ два или три часа въ недѣлю. Крестьянъ Царства Польскаго надо надѣлить землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими правами. Пора отнять у пановъ феодальныя права, особенно такъ-называемое *право пропинаціи*, по которому крестьянинъ не можетъ варить на праздникъ пиво или брагу, а долженъ пить панскую сивуху. Введеніе въ Царствѣ Польскомъ питейнаго сбора (на тѣхъ же началахъ какъ на Руси) увеличитъ государственные доходы, упроститъ управленіе и освободитъ жителей Царства, особенно крестьянъ, отъ тлетворнаго панскаго вліянія и отъ богомерзкой толпы *стражниковъ*, окружающихъ города, мѣстечки и села. Велёпольскій рѣшительно изгналъ изъ училищъ русскій языкъ. Лѣкаря Катковскаго назначилъ онъ въ Главную Школу лекторомъ старо-славянскаго языка и русскихъ лѣтописей, съ цѣлію доказывать, что безобразную кирилицу слѣдуетъ замѣнить латинскою азбукой, и что Несторъ и его продолжатели писали по старо-польски. Въ гимназіи и уѣздныя училища необходимо назначить дѣльныхъ учителей русскаго языка, и обезпечить ихъ положеніе, назначивъ имъ годовое жалованіе отъ 800 до 1.200 рублей серебромъ и 25-лѣтній срокъ службы. Въ Главной Школѣ, вмѣсто какихъ-то придуманныхъ Велёпольскимъ каѳедры библіографіи и лектората польскаго языка (независимо отъ каѳедры польскаго языка и словесности), учредить каѳедру русской исторіи и другихъ полезныхъ предметовъ. Удалить сторонниковъ системы Велёпольскаго, и каѳедры въ Главной Школѣ дать дѣльнымъ ученымъ, преданнымъ законному порядку и русскому Царю, не питающимъ ненависти къ Руси и всему русскому..."

№ 205.

Москва, 20-го сентября.

Въ эпоху преобразованій, все охватывающихъ и все измѣняющихъ, не худо иногда войдти въ себя и спросить, куда мы идемъ, что мы дѣлаемъ, что мы оставляемъ позади, что мы беремъ съ собою.

Мы оставляемъ позади государство единое, крѣпкое, несокрушимо-цѣлое, могущественное, слагавшееся долго, слагавшееся трудно, и носившее на себѣ знаменіе великой будущности того народа, который выстрадалъ его и положилъ на него столько жизни и силъ. Каковы бы ни были преобразованія, задуманныя нами, къ чему бы они ни клонились, что бы они намъ ни обѣщали, они должны быть совершены не въ какомъ-нибудь воздушномъ царствѣ, но въ Россіи, въ этомъ намъ всѣмъ извѣстномъ русскомъ государствѣ, гдѣ жили наши предки, гдѣ живемъ мы сами,—въ этомъ государствѣ такъ дорого купленномъ, въ этомъ государствѣ, такъ дорого стоющемъ, что всѣ эти милліоны людей его населяющіе, какъ въ былыя времена, такъ и теперь,—еще болѣе чѣмъ когда-либо прежде,—готовы стать за него какъ одинъ человѣкъ, отдать за него все достояніе и всю кровь свою. Когда весь народъ даетъ такую страшную цѣну этому великому организму, называемому Русскимъ государствомъ, когда все и самая жизнь, такъ легко, съ такимъ усердіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ отдается каждымъ для сохраненія его въ невредимости и цѣлости, то не слѣдуетъ ли намъ прежде всего согласить всѣ наши мысли и планы съ этою первою, коренною, безспорною необходимостію, необходимостію сохранить для народа невредимымъ и цѣлымъ то что онъ купилъ такъ дорого, и за что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать и все готовъ вытерпѣть? Мы всѣ хотимъ лучшаго (кто не хочетъ лучшаго?), но мы должны помнить, что лучшее должно быть лучшимъ не для чего-либо иного, а именно для этой великой единицы, называемой съ одной стороны Русскимъ народомъ, а съ другой Русскимъ государствомъ. Какъ бы ни были хороши наши планы, хороши они могутъ быть только въ томъ случаѣ, если будутъ удовлетворять требованіямъ этого политическаго организма, и будутъ способствовать его крѣпости и здоровью.

Итакъ, мы оставляемъ позади крѣпкій и могущественный государственный составъ, который прошелъ побѣдоносно чрезъ всѣ испытанія. Это мы оставляемъ позади. Это тотъ суровый, строгій, но могущественный и колоссальный образъ, который представляется намъ сразу какъ только мы оглянемся назадъ. Чтожь? Должны ли мы и въ самомъ дѣлѣ оставить позади эту силу, въ которой замкнулось все наше прошедшее? Или мы должны взять эту силу съ собою, въ тотъ новый путь, который намъ открылся,—бережно и свято сохранить все сильное въ этой силѣ, отбросивъ все негодное, вредное или опасное для нея, все утратившее жизнь и преданное неудержимому разложенію? Мы хотимъ измѣнить формы нашей жизни, измѣнить ихъ, разумѣется, къ лучшему, а не къ худшему; но измѣняя къ лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существованіе, для котораго мы ищемъ новыхъ лучшихъ условій, — и сохраняя его, не должны ли мы сберечь всѣ условія его здоровья и крѣпости, — ибо кому же нужно хилое, безсильное существованіе, и къ чему послужили бы всѣ лучшія изобрѣтаемыя нами формы, если уничтожится сила для принятія и усвоенія ихъ? А если мы хотимъ сберечь его здоровье и крѣпость, то не должны ли мы обратить строжайшее вниманіе на производимыя нами новыя сочетанія элементовъ? То ли мы дѣлаемъ что хотимъ? Нѣтъ ли какой неточности въ тѣхъ понятіяхъ, которыми мы руководствуемся? Не смѣшиваемъ ли мы случайнаго съ существеннымъ? Не откидываемъ ли мы то въ чемъ заключается наша дѣйствительная сила, выросшая вѣками и долженствующая служить залогомъ нашей будущности? Не удерживаемъ ли мы напротивъ того что было и прежде элементомъ нашей слабости, и что при дальнѣйшемъ развитіи можетъ привести насъ къ конечному разстройству?

Въ Россіи прежней, оставшейся позади, мы видимъ крѣпкое единство двухъ самыхъ коренныхъ элементовъ народной и государственной жизни. Мы видимъ самое тѣсное, самое непосредственное единство между материкомъ, на которомъ все стоитъ и все держится,—крестьянствомъ,—и тѣмъ высшимъ классомъ народа,—землевладѣльческимъ дворянствомъ, въ которомъ заключалась главная дѣйствующая сила нашей государственной жизни. Вся крѣпость Русскаго государства держалась на этомъ единствѣ двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ. Двадцать слишкомъ милліоновъ людей находились въ непосредственной зависимости у дворянъ-землевладѣльцевъ, подъ ихъ непосредственнымъ управленіемъ, и составляли съ ними одно политическое и хозяйственное цѣлое. Это единство выражалось въ крѣпостномъ правѣ; эта земская крѣпость Русскаго государства была закрѣпощеніемъ крестьянства. Мы отдѣлались отъ крѣпостнаго права; оно осталось позади. Это условіе нашего государственнаго быта сдѣлало свое дѣло, и отжило свое время; долѣе существовать оно не могло, и день 19-го февраля 1861 года былъ великимъ днемъ обновленія Россіи. Милліоны получили свободу и начало гражданской полноправности. Русскій народъ, въ своихъ сельскихъ массахъ, сталъ наконецъ народомъ свободнымъ. Начатое продолжается, и по прошествіи не долгаго времени изгладятся, Богъ дастъ, всѣ слѣды крѣпостной неволи въ крестьянскомъ быту и всѣ дурные навыки крѣпостнаго права въ быту помѣщичьемъ; полная гражданская свобода войдетъ во всѣ части и подробности народнаго быта, подниметъ и оживитъ всѣ его силы.

Итакъ, крѣпостная неволя кончилась; крѣпостное право отмѣнено. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не отмѣнена ли, пожалуй, и крѣпость нашего народнаго организма? Не сочтетъ ли и ее кто-нибудь негоднымъ, отжившимъ свой вѣкъ условіемъ?

Крѣпость нашего народнаго организма, мы не хотимъ оставить позади; мы хотимъ удержать ее. Но чѣмъ замѣнимъ мы то единство двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ, на которомъ онъ основывается? Какія новыя условія представляются намъ на видъ, для того чтобы наша государственная сила не только не была ослаблена, а напротивъ возрасла согласно съ новыми потребностями? Вмѣсто потрясеннаго и разорваннаго единства, не возникнетъ ли между сельскими классами двойство? А если тутъ, въ нашемъ сельскомъ быту, возникнетъ рознь, колебаніе и борьба, то куда же перемѣстится центръ тяжести нашего государства? Объ этомъ стóитъ подумать.

Крестьянство, крѣпостное крестьянство, не было особою юридическою единицей: оно заступалось помѣщиками и составляло съ ними нераздѣльную единицу. Весь крестьянскій бытъ, всѣ интересы крестьянъ на-

ходились въ рукахъ помѣщиковъ. Теперь этого нѣтъ. Теперь крестьяне освобождены, и стоятъ на своихъ ногахъ. Въ какихъ же отношеніяхъ свободное крестьянство должно находиться къ землевладѣльческому дворянству, съ которымъ все-таки оно живетъ дворъ-обо-дворъ, съ которымъ все-таки соединены всѣ его интересы, съ которымъ все-таки оно находится въ самой тѣсной связи? Въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти два главные элемента нашего земства, которые не могутъ оторваться другъ отъ друга еслибъ и захотѣли,—которыхъ благосостояніе, и порознь, и вмѣстѣ взятое, есть дѣло равно имъ общее? Желать ли чтобы въ эти отношенія проникла откуда нибудь рознь, чтобъ они запутались, или желать, напротивъ, чтобъ они установились возможно согласнѣе и чище? Стараго земскаго единства быть не можетъ: крестьянинъ отнынѣ принадлежитъ не кому-либо другому, а самому себѣ. Итакъ, старое единство, въ которомъ исчезала личность и собственность крестьянина, невозможно; оно отошло навсегда, оно исчезло безвозвратно. Но вмѣсто стараго единства должно ли непремѣнно утвердиться раздвоеніе, должна ли установиться рознь, какъ начатокъ новаго будущаго, какъ характеристическая черта новой ожидающей насъ исторіи? Неужели нѣтъ другаго исхода? Неужели нельзя ожидать, что вмѣсто стараго единства возникнетъ что-нибудь другое, а не раздвоеніе, не рознь? Неужели нельзя ожидать, что нашъ земскій миръ, съ которымъ неразрывно связана крѣпость нашего государства, останется міромъ въ полномъ значеніи этого слова? Нѣтъ, вмѣсто одного единства можетъ и должно возникнуть другое; вмѣсто стараго брошеннаго единства можетъ и должно установиться новое, лучшее, во благо обѣихъ сторонъ и во благо великаго цѣлаго, въ которомъ обѣ стороны имѣютъ столь существенное, столь коренное значеніе.

Зловѣщія предсказанія не сбылись. Злоумышленныя попытки воспользоваться преобразованіемъ крестьянскаго быта, чтобы поколебать Русское государство, не удались. Ошибки, неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ, и односторонности кащелярскаго доктринерства не подсобили, слава Богу, этимъ злоумышленнымъ попыткамъ и не порадовали нашихъ враговъ. Все обошлось благополучно. Благодаря могучему здоровью русскаго народа, его великому здравому смыслу, это великое преобразованіе обошлось легко, безъ потрясеній, и, несмотря на всевозможныя дурныя вмѣшательства, которыя могли возмутить его ходъ, приняло самое лучшее направленіе. Исторія отдастъ справедливость тѣмъ правительственнымъ лицамъ, которыя, за послѣднее время, сумѣли мало-по-малу, вопреки дурнымъ противоборствующимъ вліяніямъ, устранить изъ этого дѣла фальшивую примѣсь, и оказать пособіе внутренней врачующей силѣ жизни, подвергшейся перелому и испытанію. Извѣстія, получаемыя нами изнутри Россіи, особенно изъ ея черноземныхъ губерній, свидѣтельствуютъ о возрастающемъ сближеніи обоихъ элементовъ нашего сельскаго быта, крестьянъ и помѣщиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ не только не оказывается никакой вражды, но и никакой существенной розни. За исключеніемъ отдѣльныхъ столкновеній, происходящихъ тамъ и тутъ, мы видимъ вообще духъ соглашенія и сближенія. Благотворители изъ чужаго кармана, чиновники-прогрессисты, всякаго рода добродѣтельные демагоги и разные Кайи Гракхи, которыхъ расплодилось у насъ такое множество, притихли (болѣе всего пугнулъ эту сволочь высокій патріотическій духъ, которымъ мы обязаны польскому дѣлу: какова иронія!—того ли хотѣли Поляки?) Крестьяне гонятъ отъ себя этихъ благодѣтелей своихъ, и иному крестьянскому адвокату было бы не совсѣмъ безопасно показаться теперь въ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ еще такъ недавно, изъ любви къ человѣчеству и справедливости, натравливалъ крестьянъ на помѣщика. Между обѣими сторонами сами собою налаживаются дружелюбныя отношенія, обѣщающія установить единство между ними,—единство несокрушимое, потому что оно основано уже не на рабствѣ, но на взаимности интересовъ. Крестьяне попрежнему начинаютъ видѣть своихъ истинныхъ доброжелателей и представителей въ дворянахъ землевладѣльцахъ.

Такъ и должно быть,—и всѣ друзья русскаго народа не могутъ не порадоваться новому міру, который водворяется на нашихъ нивахъ. Будетъ здѣсь согласіе и миръ, — пойдетъ и все согласно и мирно. Но тѣмъ осторожнѣе должны мы поступать въ дальнѣйшихъ нашихъ преобразованіяхъ, чтобы какъ-нибудь не нарушился этотъ ново-возникающій строй нашей народной и

государственной жизни. Дальнѣйшія преобразованія должны имѣть пуще всего въ виду потребность прочнаго единенія между этими двумя коренными элементами нашего государственнаго благосостоянія. Мы должны съ полною ясностію представить себѣ эту потребность, и ничего не допускать что̀ можетъ уклонить насъ въ противную сторону.

Теперь на очереди вопросъ о новомъ устройствѣ нашего земства. Предполагаются новыя учрежденія, въ которыхъ примутъ участіе всѣ элементы земства, сельскаго и городскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что эти учрежденія могутъ быть задуманы лишь съ тою цѣлію, чтобы сблизить и соединить земскіе элементы, а не разрознить ихъ и не подвергнуть колебанію нашъ земскій миръ. Согласно съ этою цѣлію, чего же слѣдуетъ желать? Того ли, чтобы между крестьянствомъ и землевладѣльческимъ дворянствомъ прошла черта, которая навсегда раздѣлитъ ихъ и внесетъ въ нашу земскую жизнь элементъ ей чуждый и быть-можетъ враждебный? Объ этомъ сто́итъ подумать. Слѣдуетъ ли желать, чтобы крестьянство отдѣлилось и стало особою корпораціей рядомъ съ корпораціей землевладѣльцевъ не крестьянъ, то-есть *de facto* дворянъ-землевладѣльцевъ, и чтобы между ними стала еще третья (третье сословіе, здравствуй!)—корпорація городская? Какую бы тонкую черту ни провели мы между крестьянствомъ и дворянствомъ въ этомъ новомъ устройствѣ, несомнѣнно послѣдуетъ рознь, и измѣнится весь характеръ нашей земской жизни. Двойство будетъ расти, плодиться и выражаться во всевозможныхъ символахъ, и мы ежеминутно будемъ въ опасности утратить самую почву, на которой должно совершаться наше государственное развитіе.

Нѣтъ, всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому, чтобъ устранить всякій поводъ къ розни между двумя сословіями, предупредить всякій символъ, который можетъ разобщить ихъ. Нашими новыми учрежденіями должны мы оказать пособіе собственнымъ усиліямъ жизни къ возстановленію потрясеннаго единства. Что̀ произошло бы, если бы мы, не уваживъ этой потребности и увлекшись сцѣпленіями чуждыхъ нашей жизни понятій, успѣли внести и упрочить какими-нибудь новыми учрежденіями рознь между коренными элементами нашего земскаго быта? Смѣло можно сказать, что не успѣло бы сойдти съ своего поприща нынѣ дѣйствующее поколѣніе какъ ему пришлось бы горько раскаяться въ своей непредусмотрительности. Здоровый инстинктъ народной жизни, можетъ-быть, побѣдилъ бы рознь, которую мы внесли бы въ нее новыми учрежденіями, и, какъ часто бывало, и жизнь быть-можетъ обошла бы ихъ проселкомъ, и въ концѣ концовъ взяла бы свое; но подобныя смуты, вносимыя въ народную жизнь, никогда не обходились безъ вредныхъ послѣдствій, а впредь, при новыхъ условіяхъ жизни, эти смуты будутъ становиться все глубже, все чувствительнѣе и опаснѣе.

Объ этомъ сто́итъ подумать, — сто́итъ озаботиться изысканіемъ способовъ, какъ бы устроить наше земство, не ослабляя его и не внося въ него элементовъ розни и смутъ. И чѣмъ проще мы посмотримъ на дѣло тѣмъ легче найдемъ мы этотъ желанный способъ устроить наше земство соотвѣтственно новымъ потребностямъ жизни и съ сохраненіемъ всѣхъ элементовъ ея здоровья и силы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сословная организація крестьянства (всѣхъ наименованій) въ новомъ земскомъ устройствѣ можетъ повести только къ вреднымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ избавиться. Она внесетъ рознь туда, гдѣ должно быть возможно полное согласіе и единеніе: она разомъ обезсилитъ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ наше землевладѣльческое дворянство, которое не даромъ же вырабатывалось всею нашею исторіей, и которое было главнымъ органомъ нашей государственной жизни. Она не только ослабитъ ихъ, она уничтожитъ все ихъ значеніе, или поставитъ ихъ въ фальшивое положеніе. Она разшатаетъ и разстроитъ все наше земство, и всего хуже отзовется на крестьянствѣ.

№ 206.

Москва, 21-го сентября.

А.

Послѣднія депеши князя Горчакова и вскорѣ послѣдовавшее за ними появленіе въ *Монитерѣ* революціоннаго польскаго манифеста на имя князя Чарторыйскаго надѣлали не мало шума въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ и особенно въ Парижѣ, и породили

множество толковъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ трехъ державъ въ польскомъ вопросѣ. Повидимому, Франція дѣйствительно оскорбилась сильнымъ отпоромъ на ея притязанія, простиравшіяся и на тѣ области Россіи, которыя не подлежатъ никакимъ международнымъ трактатамъ; повидимому ей сильно не понравилось напоминаніе тѣхъ прискорбныхъ для нея обстоятельствъ, при которыхъ состоялся Вѣнскій трактатъ. Она не прочь была бы завоевать Россію, но не иначе какъ въ союзѣ съ Австріей и Англіей, а послѣднія не чувствуютъ къ тому ни малѣйшаго расположенія, и еще 27-го сентября, въ рѣчи, которую мы приводимъ ниже, лордъ Россель съ новою силою заявилъ, что „ни долгъ, ни интересы, ни честь, не побуждаютъ Англію предпринимать войну за Польшу.“ Объ Австріи и говорить нечего. Тѣмъ не менѣе всѣ усилія Франціи направлены теперь къ тому, чтобы настроить объ другія державы на тонъ сколь можно болѣе непріязненный Россіи. Такъ, между прочимъ, принцъ Наполеонъ отправился самъ въ Лондонъ; на мѣсто барона Гро въ послы при лондонскомъ дворѣ прочатъ все съ большею силой графа Валевскаго. Въ Вѣнѣ, какъ говоритъ *Ost-deutsche Post* въ приведенной ниже статьѣ, получена французская депеша, въ которой высказывается неудовольствіе на Англію и Австрію, какъ виновницъ непріятнаго для Франціи оборота дѣлъ.

Франція, говорятъ далѣе, желала бы, чтобы пресловутые шесть пунктовъ были представлены Россіи въ видѣ ультиматума для немедленнаго приведенія ихъ въ дѣйствіе; она желала бы еще, чтобы Поляки признаны были воюющею стороною. Англіи приписывается намѣреніе, которому рѣчь лорда Росселя можетъ отчасти служить подтвержденіемъ,—намѣреніе объявить статью вѣнскаго трактата, подтвердившую права Россіи на Польшу, упраздненною,—и говорятъ, будто бы подобное предложеніе уже сдѣлано ею въ Вѣнѣ. Но Австрія благоразумно не желаетъ ни ультиматума, ни признанія Поляковъ воюющею стороною, ни даже нанесенія новаго удара Вѣнскому трактату, который и безъ того уже понесъ столько ударовъ и который тѣмъ не менѣе дорогъ Австріи по воспоминанію о томъ вліяніи, выгодахъ и преимуществахъ, которыя онъ ей доставилъ. Все на что могла бы склониться Австрія заключается въ составленіи такого общаго документа, въ которомъ всѣ три державы высказали бы С.-Петербургскому кабинету, что они принимаютъ къ свѣдѣнію объявленіе Россіи о томъ, что она беретъ на себя всю отвѣтственность, предоставляя себѣ въ свое время воспользоваться тѣмъ, что Россія не захотѣла тотчасъ же приступить къ предложеннымъ ей конференціямъ.

Такимъ образомъ парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge* едва ли не правъ, говоря въ своемъ письмѣ отъ 27-го сентября, что въ послѣдніе дни въ Парижѣ очень много шумѣли изъ ничего и что польскій вопросъ во всякомъ случаѣ не будетъ снова выдвинутъ впередъ до возвращенія императора Наполеона изъ Компьеня, то-есть, до ноября: тогда только могутъ возобновиться болѣе настоятельнымъ образомъ переговоры между тремя державами въ видахъ соглашенія насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, а соглашеніе это, еслибъ и состоялось, состоится не прежде какъ къ январю будущаго года. Такимъ образомъ, разчитываетъ корреспондентъ, прежде февраля ничего не можетъ быть рѣшено между Россіей и тремя другими державами.

Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что Европа воевать,—то-есть настоящимъ образомъ воевать,—изъ-за Польши не хочетъ и не можетъ, если только не примѣшаются къ дѣлу, какіе-либо новыя элементы. Собственно польскіе интересы не имѣютъ никакого значенія на вѣсахъ европейской политики. Польша, какъ извѣстно, есть не болѣе какъ удобный предлогъ для придирокъ къ Россіи. Европейскія державы несомнѣнно будутъ пользоваться этимъ предлогомъ, пока мы не устранимъ его. Но если европейская война изъза Польши невозможна, то какъ неоднократно было замѣчено, отъ этого намъ не легче. Войны бояться намъ нечего ни въ какомъ отношеніи; война, пожалуй, была бы для насъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣломъ желательнымъ, да только она ускользнула бы отъ насъ, если бы мы и сами стали искать ее. Весь смыслъ принятой противъ насъ системы дѣйствій состоитъ единственно въ томъ, чтобы какъ можно болѣе обезсиливать насъ въ Европѣ, какъ можно болѣе смущать насъ внутри. Теперь, когда дипломатическіе переговоры на основаніи Вѣнскаго трактата прекратились,—политика, принятая противъ насъ въ Европѣ, будетъ дѣйствовать еще сильнѣе чѣмъ прежде, политика, на-

правленная къ тому, чтобы разжигать страсти, затруднять и смущать наше правительство.

Отмѣна статьи въ Вѣнскомъ трактатѣ, относящейся къ польскому вопросу, признаніе правъ воюющей стороны за польскими мятежниками, вотъ чѣмъ пугаютъ насъ въ Европѣ въ отвѣтъ на послѣднія депеши нашего правительства. Европейскіе политики прибѣгающіе къ этимъ аргументамъ очень хорошо знаютъ, чего эти аргументы стóятъ; но они разчитываютъ не на внутреннюю силу этихъ аргументовъ, не на дѣйствительную ихъ стоимость, а на ихъ воображаемую, мнимую стоимость, на то дѣйствіе, которое могутъ они произвести на настроеніе умовъ, съ одной стороны возвышая тонъ польскихъ притязаній, съ другой подвергая вопросу и сомнѣнію то что въ Россіи не можетъ подлежать никакому вопросу, не можетъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію. Всѣ политическіе люди въ Европѣ, и лордъ Россель не менѣе всякаго другаго знаютъ, что возстановленіе старой Польши есть не только несбыточная, но и немыслимая химера; но никто и не говоритъ, чтобъ осуществленіе этой химеры входило какимъ-нибудь образомъ въ планъ европейской политики, никто не говоритъ, даже чтобы въ этотъ планъ входило отдѣленіе нынѣшняго Царства Польскаго отъ Россіи. Этого не говорятъ, — но находятъ не лишнимъ, какъ лордъ Россель въ упомянутой выше рѣчи произнесенной имъ на дняхъ въ одномъ шотландскомъ городкѣ, высказываться тономъ сомнѣнія о правахъ Россіи на ея западныя области. Довольно и одного полуслова чтобы гальванизировать въ польскихъ патріотахъ самую невозможную изъ всѣхъ возможныхъ химеръ, и поддержать раздраженіе страстей, хотя бы онѣ не имѣли никакого опредѣленнаго предмета, да лишь бы клонились къ смущенію русскаго правительства.

Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что польскій вопросъ есть во всѣхъ отношеніяхъ внутренній вопросъ Россіи. Мы можемъ сказать это Европѣ; мы должны сказать это и самимъ себѣ. Какъ всѣ дѣйствія испытующей насъ европейской политики направлены не къ тому чтобы вызвать насъ на европейскую войну, а къ тому чтобы довести насъ, буде возможно, до совершенной несостоятельности въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, такъ точно и наше вниманіе, въ отпоръ этой враждебной намъ политикѣ, должно быть направлено главнымъ образомъ не на внѣшнюю, а на внутреннюю нашу политику, — на изысканіе внутреннихъ способовъ выйдти побѣдоносно изъ затрудненій и замѣшательствъ, не смущаясь ни мыслію объ европейской войнѣ, ни сомнѣніемъ во внутреннихъ силахъ Россіи, и ставя выше всего ея интересы. Мы должны искренно повѣрить въ призваніе и достоинство нашего народа; мы должны искренно почувствовать, что Россія дѣйствительно сильна, и сильна не только числомъ своимъ штыковъ и пушекъ, но и элементами внутренней государственной жизни, и что они обнаружатся сами собою, стóитъ только намъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ затверженныхъ понятій и перемѣнить точку зрѣнія на нѣкоторые предметы, — вообще посмотрѣть на Россію не съ одной бюрократической точки зрѣнія.

Затрудненія возбужденныя польскимъ вопросомъ важны не потому, чтобъ этотъ вопросъ самъ-по-себѣ имѣлъ какое-нибудь серіозное значеніе. Съ польской стороны эти затрудненія для насъ не опасны въ сущности, но они имѣютъ двѣ стороны, и если съ польской они не важны, то они очень важны для насъ съ русской. Съ этой послѣдней стороны, они и важны, и прискорбны: съ этой стороны они подставляютъ намъ зеркало.

Несчастные Поляки! Они раззоряются, гибнутъ тысячами, поднимаютъ съ шумомъ на цѣлый міръ свой вопросъ, подкупаютъ европейскія газеты, интригуютъ при всѣхъ дворахъ, ссылаются на трактаты, грозятъ намъ европейскою войной и никакого толка изъ ихъ дѣла не выходитъ, и чѣмъ болѣе они будутъ поднимать шуму, тѣмъ менѣе удастся имъ выгодать что-нибудь для себя. Шумъ и угрозы будятъ наши народныя силы, и только въ подобныхъ случаяхъ слышится отдаленный гулъ ихъ въ Европѣ, а гдѣ онѣ поднимаются и бодрствуютъ, тамъ гораздо труднѣе вырвать что-нибудь у Россіи. Гораздо было бы выгоднѣе имъ продолжать дѣйствовать въ тихомолку...

Б.

Въ *Times*, 28-го сентября, напечатано письмо г. Лоренса Олифанта, изъ Бродъ, отъ 18-го сентября. Въ этомъ письмѣ сказано, что наканунѣ г. Олифантъ, въ со-

провожденіи еще одного англійскаго путешественника, прибылъ на границу Волынской губерніи и черезъ 8 часовъ вѣжливо былъ увѣдомленъ генераломъ Крейтеромъ, командующимъ русскими войсками въ Радзивиловѣ, съ которымъ онъ имѣлъ свиданіе, что вслѣдствіе „крайне тревожнаго состоянія“ этой губерніи, обоимъ путешественникамъ никакимъ образомъ не можетъ быть дозволено путешествовать по ней въ какомъ-либо направленіи кромѣ указанной имъ самимъ дороги, ведущей въ далекій Кіевъ, куда оба путешественника вовсе не желали отправиться. Изъ этого случая г. Лоренсъ Олифантъ старается вывести заключеніе, что извѣстія русскихъ газетъ о совершенномъ спокойствіи Волыни не заслуживаютъ довѣрія.

Этотъ выводъ самъ по себѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Вѣроятно русскія начальства, по какимъ-нибудь особымъ причинамъ, не пустили г. Олифанта разъѣзжать по Волынской губерніи. Намъ нѣтъ надобности, безъ особыхъ причинъ, препятствовать иностранцамъ вообще, и Англичанамъ, отличающимся сравнительно большею правдивостью, въ особенности, посѣщать какія имъ заблагоразсудится мѣстности въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ областяхъ Россіи, и разузнавать настоящее положеніе дѣлъ. Такимъ путемъ скорѣе было бы устранено множество вымысловъ, которыми недоброжелатели Россіи стараются заклеймить ея образъ дѣйствій относительно возмутившихся Поляковъ. Желательно было бы знать, почему г. Лоренсу Олифанту не дозволено было путешествовать по Волыни, и дѣйствительно ли ему указано было на крайне тревожное состояніе этой губерніи, какъ на причину отказа.

№ 207.

Москва, 23-го сентября.

Французамъ ли оскорбляться чѣмъ нибудь по поводу польскаго вопроса, или Русскимъ? Для Русскаго польскій вопросъ есть свое домашнее, кровное дѣло; для Русскаго этотъ вопросъ есть еще болѣе русскій чѣмъ польскій, а для Француза онъ ровно ничего не значитъ. Французская журналистика забрасывала Россію грязью; русское имя на всѣхъ парижскихъ перекресткахъ предавалось поруганію; во французскомъ сенатѣ принцъ Наполеонъ осыпалъ Россію неслыханными оскорбленіями. Въ Россіи тогда была могильная тишина, и только мало-по-малу поднялось наконецъ русское народное чувство, которое, какъ извѣстно, вело себя очень скромно, никакихъ излишествъ не дѣлало, хотя его на каждомъ словѣ попрекали въ буйствѣ и звѣрствѣ. При всей своей скромности, оно все-таки однако дало почувствовать себя; его появленіе удивило Европу, и значительно измѣнило положеніе дѣлъ. На депеши иностранныхъ дворовъ, которыя безцеремонно затрогивали самые неприкосновенные интересы Россіи, и глубоко оскорбляли русское чувство, Россія послала отвѣты, въ которыхъ не было ни одного рѣзкаго слова, никому никакой обиды, въ которыхъ она только благоразумно отказалась продолжать объясненія, не ведущія ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и позволила себѣ изложить свой взглядъ на то дѣло, въ которомъ никто не имѣетъ столько права быть судьею какъ Россія. Вотъ всѣ наши провинности; да еще случайно, къ слову, безъ всякаго умысла, излагая исторію вопроса, упомянули мы о 1812, 1813 и 1814 годахъ. И вотъ находятся за границей люди, которые истолковываютъ наше благоразумное поведеніе въ смыслѣ будто бы крайне оскорбительномъ для французскаго народа, и редакція нашей французской газеты, издаваемой въ Петербургѣ, спѣшитъ заранѣе успокоить могущія произойдти во Французахъ раздраженіе и волненіе. *Journal de St.-Pétersbourg* напоминаетъ Французамъ, что если въ теченіи временъ былъ 1814 годъ, то были также битвы подъ Фридландомъ и Аустерлицемъ. Онъ объясняетъ Французамъ, что дипломатическая переписка, происходившая по польскому дѣлу, не была турниромъ, и слѣдовательно не могла сопровождаться побѣдой или пораженіемъ которой-либо изъ двухъ сторонъ.

Назадъ тому съ небольшимъ недѣля, та же газета старалась успокоить общественное мнѣніе, не знаемъ только въ Европѣ или въ Россіи, — относительно какихъ-то политическихъ импровизацій, для произведенія которыхъ будто было бы легко воспользоваться патріотическимъ одушевленіемъ всѣхъ классовъ русскаго общества. Увы! Сочиненіе импровизацій никогда не нуждалось въ живомъ участіи всѣхъ классовъ общества; импровизаціи дѣлались, на-

противъ, безъ всякаго патріотическаго одушевленія и безъ пособія со стороны народнаго чувства. Что же касается до патріотизма и народнаго чувства, то, по мнѣнію многихъ, мы такъ богаты ими, что намъ нечего ловить минуты ихъ проявленія, спѣшить ими пользоваться или стараться продлить ихъ, и заботиться, чтобы ничего не пропало отъ нихъ, а все пошло въ дѣло на славу, величіе и благоденствіе Россіи.

Дай Богъ, чтобы мы и въ самомъ дѣлѣ были такъ богаты, чтобы наше народное чувство являлось на зовъ всегда, какъ только въ немъ окажется надобность. Но съ тѣмъ по крайней мѣрѣ нельзя не согласиться, что это великое, истинное, святое чувство, къ которому дѣйствительно способенъ русскій народъ, не можетъ, не должно служить декораціей, и что грѣшно было бы употреблять его единственно только съ цѣлію произвести впечатлѣніе на иностранную публику, для поддержки дипломатическаго дѣйствія. Никогда подобное чувство не можетъ навести на мысль о сочиненіи лживыхъ импровизацій. Это чувство открываетъ, напротивъ, тайники народнаго духа, оно поднимаетъ силы народной жизни, оплодотворяетъ всякую мысль, даетъ ростъ всякому сѣмени и самое трудное дѣлаетъ легкимъ. Только въ подобныя минуты совершаются благотворно великіе исторические повороты. Пройдутъ онѣ, и самое легкое станетъ труднымъ, самый лучшій замыселъ превратится въ безплодную и смѣшную импровизацію, самое доброе сѣмя дастъ вредные отпрыски. Нѣтъ, тѣ минуты, когда народъ чувствуетъ себя единымъ и цѣлымъ существомъ, исполненнымъ вѣры въ свое призваніе, должны быть высоко цѣнимы; надо пользоваться ими, грѣхъ упускать ихъ даромъ.

Journal de St.-Pétersbourg успокоиваетъ народное самолюбіе Французовъ и находитъ, что имъ не слѣдуетъ обижаться результатами недавнихъ дипломатическихъ объясненій. Журналъ этотъ очень справедливо замѣчаетъ, что на эти объясненія не слѣдуетъ смотрѣть какъ на состязаніе въ дипломатической ловкости. Но едва ли можно думать, чтобъ Англичане или Французы были очень щекотливы по части дипломатической ловкости своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическая ловкость въ подобныхъ случаяхъ есть второстепенное дѣло, и нигдѣ народное самолюбіе не заботится о большей или меньшей ловкости въ изложеніи дипломатической аргументаціи. Дѣло совсѣмъ не въ ловкости, и очень часто депеши на видъ самыя неуклюжія, исполненныя очевидныхъ противорѣчій и небрежно написанныя, производятъ удивительное дѣйствіе. Дѣло въ силѣ и рѣшимости правительства, дѣло въ способности правительства понимать свое положеніе, быть истиннымъ органомъ интересовъ своей страны и дѣйствовать въ духѣ и смыслѣ своего народа. Если депеши нашего правительства произвели во Франціи чувство раздраженія, то виною тому никакъ не можетъ быть чувство оскорбленнаго самолюбія вслѣдствіе меньшей дипломатической ловкости г. Друэнъ-де Люиса въ сравненіи съ княземъ Горчаковымъ. Французская политика надѣялась достигнуть извѣстныхъ результатовъ, и разчеты ея не удались; эта политика надѣялась захватить Россію въ состояніи полнаго разложенія, а правительство ея лишеннымъ народной опоры, колеблющимся, безсильнымъ; она надѣялась на отсутствіе въ Россіи зрѣлаго общественнаго мнѣнія и крѣпкаго народнаго чувства, на недоразумѣнія и полумракъ, въ которыхъ мы живемъ, и она ошиблась въ этихъ разчетахъ. Отвѣтныя депеши нашего правительства послужили доказательствомъ, что политика державъ, надѣявшихся застать насъ въ расплохъ, обманулась въ своихъ разчетахъ: вотъ въ чемъ истинная сила этихъ отвѣтовъ и вотъ что можетъ показаться досаднымъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ Парижѣ, или на Доунингъ-Стритѣ въ Лондонѣ. Но это чувство досады и разочарованія въ виновникахъ непріязненной намъ политики должно радовать, а не смущать насъ, и намъ нѣтъ надобности успокоивать ихъ взволнованное чувство. Мы не умиротворимъ ихъ никакими извиненіями, никакою любезностію, никакой мягкостію въ оборотахъ нашей рѣчи; мы умиротворимъ ихъ только тѣмъ уваженіемъ, которое внушитъ имъ наше народное достоинство. Если у нихъ остается хоть тѣнь сомнѣнія въ нашей силѣ и нашемъ достоинствѣ, они будутъ придираться къ намъ, они будутъ наступать на насъ; если же въ нихъ такого сомнѣнія не останется, если они совершенно убѣдятся, что слова наши не просто слова, что имъ сопутствуетъ дѣло, то мы можемъ считать всякое объясненіе конченнымъ; нашихъ противниковъ пораженными, а себя побѣдителями.

Но мы живемъ въ скептическое время. Люди въ наше время не скоро убѣждаются въ достовѣрности факта. Наши противники опасны намъ не раздраженіемъ своего національнаго чувства, до котораго намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла; они гораздо опаснѣе своимъ хладнокровіемъ и разчетливостію, скептическимъ складомъ своего ума. Они, конечно, не имѣютъ причины сомнѣваться въ искренности и силѣ нашего народнаго чувства; они, конечно, ошиблись въ своихъ разчетахъ на апатію и разстройство нашихъ общественныхъ силъ. Но они люди хитрые и настойчивые; они думаютъ: не удалось съ одной стороны, не удастся ли съ другой? не удалось теперь, не удастся ли послѣ? Мы полагали, что намъ очень выгодно затягивать дѣло, дабы имѣть время изготовиться надлежащимъ образомъ на случай непріятельскаго нашествія; а они думаютъ, что это, напротивъ, для нихъ очень выгодно. Они думаютъ, что народное чувство, не находя себѣ выраженія, не переходя ни въ какое дѣло, мало-по-малу упадетъ, что чувство безпредметное и обращенное въ пустое пространство, мало-помалу испарится и разсѣется, и что, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послѣдуетъ реакція; полный упадокъ силъ, непробудная апатія, безчувствіе ко всему: тогда-то, говорятъ они себѣ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Они разчитываютъ также на силу всевозможныхъ недоразумѣній, на всемогущую силу интриги дѣйствующей въ потемкахъ,—интриги, которая можетъ заставить насъ дѣлать то что противно нашимъ собственнымъ видамъ, и принимать враговъ за друзей, а друзей за враговъ. Они разчитываютъ на разногласія, которыя не замедлятъ возникнуть, на недовѣріе, которое возьметъ верхъ надъ самыми лучшими побужденіями. Вотъ тогда-то, думаютъ они, явимся мы за новыми отвѣтами, и посмотримъ, какіе-то тогда будутъ даны намъ отвѣты. Здѣсь, въ Москвѣ, мы, въ простотѣ нашего сердца, думали, что наши противники такъ тотчасъ и пойдутъ на насъ войною, и мы готовились отражать ихъ, собирались устраивать волонтерскія дружины и городскія стражи; мы не замѣчали что наши противники не прибавляли ни одного солдата къ своимъ арміямъ, ни одной канонерской шлюпки къ своимъ флотамъ, ни однимъ франкомъ, ни однимъ шиллингомъ не усиливали своихъ военныхъ бюджетовъ, не дѣлали ни одного шага въ приготовленіи къ войнѣ, которая своими размѣрами и ожесточеніемъ должна была бы превзойдти все что только можетъ запомнить новѣйшая исторія Европы, и перевернуть въ ней все вверхъ дномъ. Мы не сообразили, что Франція, Англія и Австрія никакъ не союзники между собой въ фантастической войнѣ за Польшу, что цѣль этой стачки трехъ державъ вовсе не та чтобы вызывать насъ на ожесточенную войну, а чтобы раздѣлаться съ нами безъ войны, чтобъ изнурить и ослабить насъ, или чтобъ испытать и посмотрѣть, дѣйствительно ли Россія есть что-нибудь живое, или она призракъ, какъ говорятъ ея измѣнники—призракъ, который исчезнетъ отъ собственнаго ничтожества. Вотъ смыслъ этой стачки; вотъ ея политика. Мы въ теченіи зимы будемъ готовиться къ ожесточенной войнѣ, а они готовиться не будутъ, но они будутъ дѣятельно продолжать свою политику, испытывать наши нравственныя силы, запугивать насъ, сбивать насъ съ толку, и возлагать свои надежды на наши внутреннія недоразумѣнія.

Кстати объ импровизаціяхъ, которыя припомнились намъ по поводу замѣтки *Journal de S.-Pétersbourg:* въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатана обширная статья о предполагаемыхъ у насъ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ. Статья эта содержитъ въ себѣ много интереснаго, хотя со многимъ въ ней нельзя согласиться. Но изъ многаго, что можно было бы замѣтить по поводу высказанныхъ въ ней мнѣній, мы ограничимся теперь немногимъ. Статья начинается объясненіемъ той роли, которую литература должна играть при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ. По мнѣнію автора означенной статьи, литература должна заботиться о раскрытіи общихъ началъ, не пускаясь въ практическія подробности и не сочиняя проектовъ. Намъ также кажутся явленіемъ не совсѣмъ нормальнымъ всѣ наши литературные проекты законодательныхъ мѣръ. Но мы не совсѣмъ ясно понимаемъ и другую задачу предоставляемую литературѣ,—задачу разрабатывать общія начала. Что такое литература? Мы, право, не знаемъ. Литература все и ничто. Въ нее входитъ все на свѣтѣ; это receptaculum, готовое принять безъ разбора все что угодно: и общности и подробности, и теорія и практика, и философскій трактатъ и поваренную книгу, и поэму Мильтона и рецептъ для истребленія клоповъ. Точно так-

же разнообразны значеніе и качество лицъ дѣйствующихъ въ литературѣ. Наука, конечно, есть самостоятельная область, и занимается по праву раскрытіемъ общихъ началъ. Искусство также имѣетъ самостоятельную область и отнюдь не должно быть протоколомъ того что говорится или дѣлается вокругъ. Но что такое ежедневная печать, журналистика? Можетъ ли она съ пользою заниматься разъясненіемъ общихъ началъ безъ прямаго отношенія къ данному практическому вопросу? Не должна ли она, напротивъ, примыкать къ чему-нибудь и быть отраженіемъ, быть вѣрнымъ органомъ практическихъ обсужденій вопроса, подвигающихъ ее впередъ? Можно ли сказать что-нибудь умное и дѣльное, не представляя себѣ въ полной ясности всѣхъ подробностей вопроса? Исторія европейскихъ цивилизацій представляетъ намъ разительные примѣры какъ безплодны и, увы! какъ неблагонадежны газетныя отвлеченности. Припомнимъ французскія газеты даже въ тѣ времена когда онѣ пользовались несравненно большею противъ нынѣшней свободою. Какіе превыспренніе трактаты излагались въ ихъ *premiers-Paris!* Сколько фразъ, сколько общностей, сколько громкихъ теорій, безъ малѣйшаго приложенія къ дѣлу! И мы знаемъ, какъ мало проку было во всѣхъ этихъ разглагольствіяхъ; мы знаемъ какъ мало пользы вынесъ изъ нихъ французскій народъ; мы знаемъ даже какой печальный конецъ имѣли всѣ эти разглагольствія; съ отвращеніемъ сами Французы отзываются о своемъ навыкѣ къ отвлеченностямъ, о своемъ навыкѣ не заботиться о практической повѣркѣ своихъ воззрѣній. Мы видимъ, напротивъ, что у тѣхъ народовъ гдѣ печать служитъ органомъ здоровой политической жизни, она настроена практически, она служитъ органомъ дѣйствительныхъ обсужденій,—и тамъ никто не позволитъ себѣ явиться передъ публикой, съ какими-нибудь общностями, безъ яснаго представленія дѣла въ его практическихъ условіяхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли серіозные люди пускаться въ обсужденіе вопросовъ, которыхъ практическій ходъ имъ не извѣстенъ? Могутъ ли серіозные люди довольствоваться общностями, не имѣя живаго и яснаго представленія дѣйствительныхъ условій, посреди которыхъ рѣшается вопросъ? Авторъ вышеозначенной статьи собственнымъ примѣромъ доказываетъ, что серіозные люди не могутъ, предъ лицомъ какого-нибудь важнаго практическаго вопроса, забавлять себя развитіемъ общностей, не заботясь о практической сторонѣ вопроса. Авторъ статьи, начавъ съ того, что литературѣ несвойственно пускаться въ составленіе проектовъ, самъ въ заключеніе представилъ обстоятельный проектъ предполагаемой реформы нашихъ земскихъ учрежденій. Со многимъ въ этомъ проектѣ не могли бы мы согласиться, но тѣмъ не менѣе литература нашихъ проектовъ увеличилась еще однимъ.

№ 208.

Москва, 24-го сентября.

Спѣшимъ коснуться одного вопроса, который волнуетъ теперь умы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Предполагается сократить число мировыхъ участковъ, въ видахъ облегченія земства отъ излишнихъ расходовъ. Разумѣется, уменьшеніе числа мировыхъ участковъ можетъ быть полезно только тамъ, гдѣ отъ этого уменьшенія не пострадаютъ дѣла и интересы подлежащіе завѣдыванію мировыхъ посредниковъ. Если двое могутъ легко дѣлать то что распредѣлено между тремя, а трое то что находится въ рукахъ у четверыхъ, то сокращеніе числа мировыхъ участковъ послужитъ, безъ сомнѣнія, къ облегченію земства; въ противномъ случаѣ экономія была бы плохая: запущеніе дѣлъ, замедленіе рѣшеній, всякаго рода замѣшательства и запутанность отношеній, легли бы несравненно болѣе тяжкимъ бременемъ на земство нежели двѣ или три лишнія тысячи рублей...

Но тамъ, гдѣ оказывается полезнымъ сократить число мировыхъ участковъ, возникаетъ вопросъ: который участокъ упразднить? кому изъ мировыхъ посредниковъ остаться заштатнымъ? Вопросъ этотъ, какъ намъ пишутъ, не замедлилъ поднять страсти и вызвалъ партіи. Помѣщики хотятъ удаленія одного, а губернскія власти другаго изъ мировыхъ посредниковъ; тотъ не угодилъ одной, этотъ не угодилъ другой партіи по крестьянскому дѣлу, и вотъ та и другая партія желаютъ вытѣснить того, кто ей не угоденъ. Однако можно ли допустить это? Можно ли желать, чтобъ административныя власти, пользуясь сокращеніемъ числа мировыхъ участковъ, могли

по своему усмотрѣнію смѣнить того или другаго изъ мировыхъ посредниковъ, тогда какъ въ основаніи этой должности положено условіе несмѣняемости?

Мировыя учрежденія оказали крестьянскому дѣлу самую существенную услугу. Они безспорно принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ органовъ новаго порядка вещей, вызваннаго крестьянскою реформою. Безъ нихъ было бы очень плохо, и съ этимъ должны согласиться даже тѣ изъ помѣщиковъ, которые горько жаловались на своихъ мировыхъ посредниковъ, и отзывались съ ожесточеніемъ объ этомъ учрежденіи. Значительная доля этой горечи должна быть приписана въ сущности не столько мировымъ учрежденіямъ, сколько самой реформѣ, которой они были послѣдствіемъ. Встревоженные интересы, неизбѣжныя лишенія, новость положенія, опасенія и страсти,—все это весьма естественно обратилось къ ближайшему символу новаго порядка вещей, къ мировому посреднику, какъ его представителю,—и мировымъ посредникамъ приходилось бороться съ величайшими трудностями. Многіе изъ нихъ умѣли съ самаго начала стать въ уровень съ своею задачею и внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ; было не мало и такихъ которые увлекались односторонними воззрѣніями и раздражали страсти, вмѣсто того чтобы дружелюбно успокоивать ихъ и исполнять то назначеніе, которое знаменуется самимъ именемъ мироваго посредника. Были такіе, которые не считали грѣховъ обмануть крестьянина; были такіе, которые считали своимъ священнымъ долгомъ оскорбить, измучить и, если можно, раззорить помѣщика. Но въ семьѣ не безъ урода, а въ такой огромной семьѣ, какъ семья мировыхъ посредниковъ въ цѣлой Россіи, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, не могло не оказаться порядочнаго числа уродовъ. А все-таки мировыя учрежденія, говоря вообще, исполняли хорошо свое дѣло, несмотря на всѣ трудности новаго положенія вещей, все-таки оказали великую услугу, все-таки опытъ оправдалъ ту мысль, которая вызвала эту новую въ нашемъ быту земскую службу, не похожую на обыкновенныя бюрократическія формы нашихъ учрежденій. Благодаря жизненной практикѣ, среди которой очутились мировые посредники, многіе даже изъ тѣхъ, которые сначала вели себя не совсѣмъ правильно, мало по малу очеловѣчились, исправились и пріобрѣли тактъ въ обращеніи съ людьми и смыслъ въ дѣлахъ. Но предубѣжденія оставались, и тому, кто сначала уронилъ себя во мнѣніи той или другой изъ заинтересованныхъ сторонъ, трудно было возстановить себя, не вдаваясь въ противоположную крайность.

Существенною чертою учрежденія мировыхъ посредниковъ является ихъ несмѣняемость. Этою чертою обозначается судебный характеръ этого званія. Разъ утвержденный правительствомъ, мировой посредникъ не можетъ быть смѣщенъ административнымъ порядкомъ, онъ можетъ лишиться своего званія только по приговору высшаго судебнаго мѣста, сената. Теперь спрашивается, можно ли допустить, чтобы вслѣдствіе новаго распоряженія о сокращеніи мировыхъ участковъ, тотъ или другой изъ мировыхъ посредниковъ лишился своего званія административнымъ порядкомъ? Скажутъ: надобно же кому-нибудь изъ мировыхъ посредниковъ выбыть, если сокращается число ихъ участковъ. Это такъ,—но кому выбыть? Почему долженъ выбыть тотъ, а не этотъ? Не потому-ли, что тотъ хуже, а этотъ лучше? Но кто это сказалъ, кто это рѣшилъ? Кто, кромѣ сената, можетъ признать мироваго посредника недостойнымъ и неспособнымъ къ отправленію своей должности? Когда нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ приглашали къ этому служенію, имъ было сказано, что никто кромѣ сената не можетъ опорочить ихъ и снять съ нихъ это званіе противъ ихъ воли. Принимая это званіе, они принимали его на этомъ условіи. Несмѣняемость есть ихъ право, и это право, какъ всякое другое, требуетъ уваженія. Пока уваженіе къ праву не станетъ нашимъ навыкомъ, не войдетъ въ плоть и кровь нашу, никакія дѣла не могутъ идти у насъ хорошо. Лучше потѣсниться, лучше потерпѣть нѣкоторыя неудобства, нежели прибѣгать къ нарушенію несомнѣннаго, хотя и стѣсняющаго насъ обязательства. Въ уваженіи къ существующимъ правамъ заключается вся сила и все достоинство гражданственности. Никакой успѣхъ, никакая льгота не могутъ пойдти въ прокъ, если они сопряжены съ насильственнымъ нарушеніемъ положительнаго права. Вслѣдъ за однимъ нарушеніемъ идетъ непремѣнно другое, распространяя отраву и разстройство въ цѣломъ общественномъ организмѣ. Если

общество терпитъ въ какомъ бы то ни было случаѣ нарушеніе законнаго права, то какъ бы ни было ничтожно это право, нарушеніе его всегда служитъ печальнымъ признакомъ безсилія общественнаго духа, и матеріяльно увеличиваетъ собою это безсиліе.

Но, скажутъ, въ настоящемъ случаѣ вопросъ не въ томъ чтобы признать того или другаго посредника неспособнымъ или недостойнымъ къ отправленію должности. Безспорно, что такого рода рѣшеніе можетъ исходить только изъ сената; но вопросъ только въ томъ, которые изъ числа наличныхъ посредниковъ должны быть удержаны по случаю сокращенія мировыхъ участковъ, и кому вслѣдствіе того должно остаться за штатомъ. Здѣсь стало-быть имѣется въ виду лишь относительная оцѣнка лицъ. Сенатъ произноситъ свой приговоръ на основаніи иска; онъ судебнымъ образомъ разбираетъ внесенное въ него дѣло, и обвиняетъ или оправдываетъ подсудимое лицо. Но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ подсудимыхъ, нѣтъ судебнаго дѣла: рѣшается только вопросъ, кого изъ мировыхъ посредниковъ полезнѣе удержать, и кому остаться за штатомъ.

Такое истолкованіе дѣла не устраняетъ однако его затрудненій. Оставшійся за штатомъ не по доброй волѣ, а по предпочтенію, которое будетъ оказано его товарищамъ, не можетъ не считать себя уволеннымъ на томъ основаніи, что его нашли недостаточно способнымъ или недостаточно достойнымъ къ дальнѣйшему отправленію должности; онъ не можетъ не считать себя болѣе или менѣе опороченнымъ. Тѣмъ хуже, что онъ потеряетъ свое мѣсто не на основаніи какого-либо судебнаго дѣла. Если никто изъ даннаго числа лицъ не можетъ быть привлеченъ къ суду, то передъ судомъ они равно способны и достойны къ отправленію своей должности. Всякій кто со стороны возьметъ на себя право рѣшить вопросъ объ относительной способности и достоинствѣ, или объ относительной неспособности и недостоинствѣ несмѣняемаго должностнаго лица, превыситъ свою власть, и оставленіе посредниковъ за штатомъ на такомъ основаніи будетъ дѣломъ очевидно незаконнымъ.

Но не подлежитъ ли этотъ вопросъ помѣщикамъ уѣзда? Землевладѣльческое дворянство уѣзда составляетъ корпорацію, и мировые посредники не несутъ ли нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность на себѣ передъ этою корпораціей? Если административной власти не можетъ подлежать оцѣнка относительнаго достоинства мировыхъ посредниковъ, то не есть ли это дѣло корпораціи? Но мировые посредники несутъ свое званіе не въ силу своей принадлежности къ дворянской корпораціи; они дѣйствуютъ не какъ члены этой корпораціи.

Если мировые посредники могутъ быть разсматриваемы какъ члены корпораціи, то ихъ корпорація не есть корпорація уѣзднаго дворянства; ихъ корпорація—мировой съѣздъ. Мировые посредники въ совокупности составляютъ ту корпорацію, членомъ которой долженъ считать себя каждый изъ нихъ. Вопросъ о томъ, кому изъ нихъ остаться при должности, и кому остаться за штатомъ, долженъ принадлежать имъ самимъ. Пусть они сами, по соглашенію, по баллотировкѣ, по жребію, или какимъ-либо другимъ путемъ, рѣшатъ, кому изъ нихъ остаться за штатомъ. Пусть, наконецъ, они сами обсудятъ вопросъ слѣдуетъ ли кому-нибудь изъ нихъ оставаться за штатомъ, а не лучше ли, сохранивъ число мировыхъ участковъ, сократить только содержаніе, получаемое посредниками изъ суммъ земства. Только такой исходъ дѣла можетъ быть признанъ законнымъ.

Что же касается до помѣщиковъ уѣзда, то вліяніе ихъ на рѣшеніе подобнаго вопроса должно ограничиваться лишь обычными средствами общественнаго мнѣнія. Если же противъ того или другаго изъ мировыхъ посредниковъ есть улики въ неправильномъ или недобросовѣстномъ веденіи дѣлъ, то пусть заинтересованныя лица не полѣнятся открыть противъ него судебное дѣло, и предоставятъ сенату отрѣшить его отъ должности, вмѣсто того чтобы прибѣгать къ незаконнымъ въ настоящемъ случаѣ путямъ административнаго вмѣшательства. Это, какъ извѣстно, мечъ обоюдуострый.

№ 209.

Москва, 25-го сентября.

Обращаемъ вниманіе читателей на извѣстія изъ Гельсингфорса, которыя найдутъ они ниже въ этомъ самомъ нумерѣ нашей газеты.

Три финляндскіе дворянина, находящіеся во главѣ своихъ родовъ и потому имѣющіе

право голоса на сеймѣ, имѣютъ въ тоже время несчастіе находиться на службѣ иностраннаго правительства. Одинъ служитъ вице-адмираломъ, другой капитаномъ въ русскомъ флотѣ, третій въ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ Петербургѣ. Возникъ вопросъ: могутъ ли эти три финляндскіе уроженца, находясь на русской службѣ, участвовать въ представительствѣ на финлядскомъ сеймѣ? Самимъ имъ казалось, что находясь на русской службѣ, они вполнѣ могутъ пользоваться правами присвоенными ихъ званію въ Финляндіи; имъ казалось, что находясь на русской службѣ, они отнюдь не стали иностранцами по отношенію къ Финляндіи. И вотъ они предъявили свои требованія, но они горько ошиблись. Въ дворянской камерѣ возникли горячія пренія по этому поводу, и гельсингфорская публика, собравшаяся въ трибунахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ихъ ходомъ. Лишь нѣсколько голосовъ оказались въ ихъ пользу, и то больше въ томъ смыслѣ чтобъ отложить до будущаго сейма рѣшеніе этого капитальнаго вопроса. Гельсингфорскіе юристы перерыли законы своего новорожденнаго государства, и открыли что статуты его воспрещаютъ Финляндцамъ, жительствующимъ за границей, то-есть въ Россіи, пользоваться политическими правами въ Финляндіи. Послѣ долгихъ и оживленныхъ преній рѣшено семьюдесятью восьмью голосами противъ тридцати трехъ не допускать финляндскихъ дворянъ находящихся на русской службѣ къ пользованію политическими правами въ Финляндіи.

Вотъ какъ быстро идутъ дѣла на свѣтѣ! Только что успѣли мы поздравить Финляндію съ сеймомъ, какъ ея дворяне уже торопятся разчесться съ Россіей. Но не слишкомъ ли они торопятся? Festina lente," говоритъ латинская пословица: „спѣши не торопясь". Финляндскимъ дворянамъ слѣдовало бы припомнить, что они всѣмъ обязаны только тому, что вели себя тихо и благоразумно, народнаго чувства въ Россіи не будили, такъ что добрый русскій народъ почти и не зналъ объ ихъ существованіи. Имъ бы слѣдовало продолжать вести себя также благоразумно; имъ бы слѣдовало, хотя для приличія, повременить нѣсколько времени своею демонстраціей, и сколько-нибудь обратить вниманіе на настроеніе общественнаго мнѣнія въ той сосѣдней державѣ, гдѣ отнынѣ финляндскіе дворяне не могутъ находиться на службѣ, не теряя своихъ политическихъ правъ дома.

Вотъ что значитъ сепаратизмъ! Стоитъ только дать ему одинъ палецъ, онъ потребуетъ всей руки; дайте ему руку, онъ обхватитъ все тѣло. Всякое проявленіе сепаратизма, гдѣ бы то ни было, есть печальный признакъ, всегда свидѣтельствующій о какой-либо ненормальности.

Въ разныхъ областяхъ можетъ-быть различіе въ администраціи и законахъ, но связь ихъ отъ того не разрушается, если онѣ остаются подъ одною и тою же верховною властію и въ одной и той же государственной организаціи. Но коль скоро одна изъ этихъ областей, хотя бы и при одной верховной власти, получаетъ особое политическое представительство, она чувствуетъ себя отрѣзаннымъ ломтемъ. Не только въ Финляндіи, но даже при совершенной одноплеменности народонаселеній, при единствѣ вѣры и обычаевъ, отдѣльное политическое представительство неизбѣжно ведетъ къ сепаратизму.

Финлядскимъ дворянамъ, вмѣсто того чтобы рыться въ древнихъ статутахъ своего новаго государства, слѣдовало бы вспомнить что такое сама Финляндія, откуда она взялась, и можетъ ли она считаться съ Россіей. Они не могутъ опереться даже на призракъ какой-нибудь международной гарантіи. Европа совсѣмъ не знаетъ Финляндіи, и все что она есть и все чѣмъ она можетъ быть зависитъ единственно отъ Россіи. Находясь подъ русскою державой, Финляндія не несла никакой государственной тяготы вслѣдствіе своего соединенія съ Россіей (при какой другой державѣ было бы это возможно?), и пользовалась только удобствами этого соединенія. Она была единственнымъ уголкомъ въ цѣлой Европѣ гдѣ налоги не возрастали, и до сихъ поръ нигдѣ налоги такъ не легки какъ въ Финляндіи. Она была обезпечена и ограждена даромъ подъ сѣнію могущественной державы, съ которою соединила ее судьба. Что такое Финляндія? Финляндскимъ дворянамъ не слѣдуетъ забывать, что Россія, присоединившая къ себѣ Финляндію, въ свою очередь присоединила къ ней часть прежнихъ своихъ владѣній. Конечно, Россія велика, но и Выборгская губернія не нуль, и финляндскимъ дворянамъ слѣдуетъ все-таки помнить, что уроженцы Выборгской губерніи были русскими подданными задолго прежде чѣмъ Гельсингфорсъ, гдѣ теперь

засѣдаетъ сеймъ, поступилъ подъ русскую державу. Неужели они могутъ думать, что судьба только затѣмъ и присоединила ихъ къ Россіи, чтобъ они могли на ея счетъ округлить свою территорію и потомъ считать себя совершенно отдѣльнымъ государствомъ... Финляндскіе дворяне — большею частію Шведы; но имъ не слѣдовало бы забывать, что большинство финляндскаго народонаселенія вовсе не Шведы, а Финны, и что въ Финляндіи живетъ не мало природныхъ Русскихъ и православныхъ. Императоровъ Александръ I, присоединившій Финляндію къ Россіи, обѣщалъ Финляндцамъ что они будутъ пользоваться тѣми преимуществами, какими пользовались они въ соединеніи съ Швеціей; но финляндскимъ дворянамъ слѣдуетъ помнить о томъ что̀ такое была Финляндія въ соединеніи съ Швеціей, и пользовалась ли она когда-нибудь правами самостоятельнаго государства. Во всякомъ случаѣ, имъ слѣдуетъ сообразить, что Швеція растеряла Финляндію и наконецъ совсѣмъ утратила ее, а Россія собрала ее и присоединила къ ней свое. Какъ же ей считаться съ Россіей?

Кое-что еще хотѣлось бы намъ сказать по этому случаю; но лучше прервать на этомъ нашу краткую рѣчь.

№ 210.

Москва, 27-го сентября.

А.

Въ напечатанную у насъ во вчерашнемъ нумерѣ корреспонденцію изъ Гельсингфорса, вкралась неточность, которую мы и спѣшимъ исправить сегодня. Вопросъ о трехъ финляндскихъ дворянахъ, находящихся на русской службѣ, по заключеніи преній былъ поставленъ такимъ образомъ: могутъ ли они быть допущены къ участію въ *нынѣшнемъ* сеймѣ, и 75-ю голосами противъ 33 было рѣшено допустить ихъ къ участію въ нынѣшнемъ сеймѣ, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о политическихъ правахъ финляндскихъ уроженцевъ, постоянно проживающихъ за границей.

Итакъ, вопросъ о политическихъ правахъ финляндскихъ дворянъ, постоянно жительствующихъ въ Россіи, отсроченъ. На нынѣшній разъ три лица, права которыхъ подверглись спору, могутъ ими пользоваться. Но будутъ ли эти права признаны на будущее время, объ этомъ должны быть еще сужденія. Права эти признаны временно, а въ своемъ принципѣ они подлежатъ еще сомнѣнію и спору. Намъ пріятно узнать, что лица, застигнутыя сеймомъ на постоянномъ жительствѣ въ Россіи, не потеряли на этотъ разъ своего права; но вопросъ тѣмъ не менѣе остается открытымъ,— вопросъ непріятный для финляндскихъ уроженцевъ находящихся на русской службѣ, или на постоянномъ жительствѣ въ Россіи, и тяжелый для русскаго народнаго чувства. Жаль, что онъ былъ поднятъ, очень жаль также, что дѣло осталось еще подъ сомнѣніемъ. Такой вопросъ не можетъ быть поднимаемъ въ Финляндіи. Въ немъ можетъ выражаться только духъ отчужденія отъ Россіи, несовмѣстный съ дѣйствительными отношеніями Финляндіи къ Россійской имперіи. Вопросъ не въ томъ, сохраняетъ ли финляндскій дворянинъ право засѣдать въ сеймѣ, если онъ вообще находится на коронной службѣ: это совсѣмъ другой вопросъ, который не имѣетъ ничего общаго съ открывшимся на финляндскомъ сеймѣ вопросомъ. Земскій характеръ представительства, конечно, важнѣе всего. Сколько интересъ страны, столько же и интересъ самой верховной власти, требуютъ, чтобы лица призванныя свидѣтельствовать о желаніяхъ и потребностяхъ страны были ея истинными органами и смотрѣли на вещи съ той точки зрѣнія, съ какой онѣ представляются земству, а не съ административной точки зрѣнія. Администрація имѣетъ свой кругъ дѣйствія; представительство же можетъ приносить существенную пользу лишь при своей чистотѣ и самостоятельности. Представительство есть земское дѣло, и примѣшивать къ нему элементы административные, значитъ портить и то, и другое. Прусская выборная палата служитъ лучшимъ доказательствомъ неудобства основывать земское представительство на чиновническихъ элементахъ. Но въ Финляндіи иначе смотрятъ на это дѣло. Тамъ существуетъ даже мысль образовать палату такъ-называемыхъ „способностей“ (capacités) со включеніемъ въ нее чиновничества всякаго рода. Что же касается до финляндскихъ дворянъ, то въ своей палатѣ они служатъ представителями не по выбору, а по наслѣдству; члены же верхней палаты, вездѣ, даже въ Англіи, могутъ занимать коронную должность безъ ущерба своимъ правамъ.

Итакъ, повторимъ, сила поднятаго финляндскими дворянами вопроса состоитъ не въ томъ, могутъ ли участвовать въ сеймѣ лица находящіяся на коронной службѣ въ самой Финляндіи, а въ томъ могутъ ли они пользоваться своими политическими правами, если имѣютъ свое постоянное жительство за границей. Нѣтъ сомнѣнія, что лица находящіяся на иностранной службѣ не могутъ въ то же время участвовать въ такомъ политическомъ правѣ какъ земское представительство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что финляндскій подданный, попавшій на государственную службу, напримѣръ, въ Швеціи, или имѣющій тамъ свою осѣдлость, былъ бы неспособенъ засѣдать въ финляндскомъ сеймѣ. Но подвергать сомнѣнію и спору права финляндскихъ дворянъ находящихся на русской службѣ, или жительствующихъ въ Россіи, дѣло непонятное, странное и прискорбное. Финляндія находится къ Россіи не въ отношеніяхъ личнаго соединенія (unio personalis), въ какихъ напримѣръ Ганноверъ находился къ Англіи. Основный законъ Россійской Имперіи гласитъ, что престолъ Великаго Княжества Финляндскаго неразрывно соединенъ съ престоломъ Россійской Имперіи. Слѣдовательно, никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни въ какомъ отношеніи, Россійская Имперія не можетъ быть державою иностранною, краемъ заграничнымъ для Великаго Княжества Финлядскаго, и жительство въ Россіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ стѣснять пользованіе политическими правами въ Финляндіи.

Но можно надѣяться, что этотъ ни съ чѣмъ несообразный вопросъ, открытый на финляндскомъ сеймѣ, не долго останется открытымъ; можно надѣяться, что испытанное благоразуміе, здравый смыслъ и тѣ добрыя чувствованія, которыя еще такъ недавно были изъявлены всѣми слоями финляндскаго народонаселенія Государю Императору, отъ котораго Русскій народъ ни въ чемъ себя не отдѣляетъ, одержатъ верхъ надъ духомъ отчужденія, для котораго не можетъ быть почвы въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Русскимъ людямъ отрадно было слышать объ этихъ изъявленіяхъ преданности, которыми Финляндцы встрѣчали и провожали Его Величество. Мы желаемъ видѣть въ этихъ искреннихъ изъявленіяхъ самый лучшій залогъ крѣпкой связи Финляндіи съ Россіей, надежный залогъ добрыхъ отношеній Финляндцевъ къ Русскому народу. Преданность Русскому Императору предполагаетъ преданость Россіи и значитъ доброе единеніе съ Русскимъ народомъ. Что же касается до Русскаго народа, то исторія свидѣтельствуетъ, что добрымъ людямъ не трудно ужиться съ нимъ.

Б.

Ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ нѣтъ, въ настоящее время, недостатка въ горючемъ матеріялѣ, готовомъ при первой искрѣ, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ въ войнѣ международной, объять общимъ пламенемъ оба полушарія. Пока, на востокѣ и на западѣ цивилизованнаго міра, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Польшѣ, ведется лишь борьба междуусобная, которая равно интересуетъ всѣ европейскія державы, хотя и не въ равной степени и вслѣдствіе совершенно различныхъ причинъ и побужденій. И тамъ, и здѣсь оружіе поднято слабѣйшею стороною противъ сильнѣйшей, при чемъ однакоже перевѣсъ силы оказывается несравненно значительнѣйшимъ на сторонѣ Россіи чѣмъ на сторонѣ федералистовъ Америки; и тамъ, и здѣсь дѣло идетъ объ отдѣленіи, при совершенной невозможности обозначить на какихъ границахъ остановился бы этотъ сепаратизмъ, еслибы ему дозволено было развиваться свободно; и тамъ, и здѣсь между борющимися сторонами проходитъ болѣе или менѣе глубокое различіе въ основахъ быта, при чемъ какъ федералисты Америки, такъ и Русскіе, что бы ни говорили наши близорукіе недруги, являются представителями относительно высшихъ общественныхъ началъ. На этомъ, впрочемъ, и останавливается сходство обѣихъ усобицъ. Въ Америкѣ желающіе отдѣлиться отъ Союза штаты успѣли организовать у себя настоящее правительство, дѣйствующее открыто и явно, законными способами; они выставили сильныя, хорошо вооруженныя арміи, которыя не разъ торжествовали надъ своими врагами въ генеральныхъ сраженіяхъ; новая конфедерація владѣетъ опредѣленною территоріей, городами и крѣпостями, и фактически, независимо отъ признанія со стороны Франціи и Англіи, была уже воюющею стороной, тогда какъ въ Польшѣ дѣйствуетъ тайными убійствами какой-то невѣдомый комитетъ, члены котораго боятся называть себя по имени, комитетъ располагающій плохо вооруженными шайками, которыя не могутъ дер-

жаться противъ русскихъ отрядовъ, и не владѣющій никакою территоріей. Вотъ почему возмутившіеся Поляки, хотя бы и были признаны въ качествѣ воюющей стороны, продолжали бы оставаться не болѣе какъ мятежниками.

Вліяніе, которое оказываютъ междуусобія въ Америкѣ и въ Польшѣ на всѣ другія страны, также совершенно различно. За исключеніемъ Пруссіи и Австріи, какъ государствъ сосѣднихъ, имѣющихъ между своими подданными Поляковъ, всѣ другія государства могли бы вовсе не заботиться о польскомъ мятежѣ, который непосредственно, самъ по себѣ, нисколько не вредитъ ихъ интересамъ или благосостоянію, и который успѣлъ встревожить всю Европу только благодаря непрошенному вмѣшательству трехъ державъ. Напротивъ междуусобіе въ Америкѣ, лишая Европу одного изъ главнѣйшихъ матеріяловъ питающихъ ея промышленную дѣятельность, повергло въ бѣдствія милліоны ея рабочихъ, и даетъ себя чувствовать во всѣхъ уголкахъ какъ нашей, такъ и другихъ частей свѣта. Что же касается до нравственнаго чувства народовъ, оно могло бы несравненно болѣе скорбѣть о потокахъ крови проливаемой на поляхъ Америки, чѣмъ о ничтожныхъ сравнительно кровопролитіяхъ въ Польшѣ, и возмутить, оскорбить его въ Польшѣ могли бы только тайныя убійства совершаемыя именемъ такъ-называемаго національнаго польскаго правительства и недостаточность мѣръ, принимавшихся для огражденія мирныхъ населеній отъ террора. Во всякомъ случаѣ, было несравненно болѣе и матеріяльныхъ, и нравственныхъ поводовъ и побужденій ко вмѣшательству въ междуусобія Сѣверной Америки чѣмъ въ борьбу, происходящую въ Польшѣ. И однакоже, тамъ дѣло ограничилось лишь робкою попыткой посредничества между воюющими со стороны Франціи, а здѣсь само по себѣ ничтожное событіе повело къ настойчивому вмѣшательству, которое обратило его въ европейскій вопросъ. Причина, очевидно, заключается въ томъ, что отъ вашингтонскаго кабинета ожидался быстрый и энергическій отпоръ. Притомъ же Сѣверо-Американскіе Штаты могли непосредственно нанести чувствительный ударъ Англіи въ ея сѣверо-американскихъ и вестъ-индскихъ колоніяхъ и въ ея торговлѣ на Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ, тогда какъ Россія главнѣйшимъ образомъ могла наносить удары обѣимъ западнымъ державамъ только въ лицѣ ихъ союзниковъ. Наконецъ, настойчивое и оскорбительное вмѣшательство въ наши дѣла державы могли оправдывать существованіемъ международнаго трактата, тогда какъ въ Америкѣ нельзя было опереться ни на какіе трактаты, и пришлось бы тотчасъ же рѣшаться не на безплодныя пренія, а на войну.

Замѣчательно, однакоже, что и тамъ, и здѣсь наиболѣе задора выказала Франція; и тамъ, и здѣсь она старалась по возможности поддерживать и ободрять возмутившихся, имѣя въ виду не собственную ихъ, хотя бы и мнимую пользу, а совершенно постороннія имъ, своекорыстныя цѣли. Въ отношеніи къ Польшѣ такой образъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, согласенъ со всѣми преданіями французской политики, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ онъ былъ неожиданнымъ и рискованнымъ нововведеніемъ второй Французской имперіи. До сихъ поръ въ интересахъ Франціи было поддерживать Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; союзъ съ этою республикой и ея могущество казались необходимыми для того чтобы въ случаѣ нужды Франція могла дать Англіи отпоръ на моряхъ. О развитіи собственныхъ своихъ морскихъ силъ и соотвѣтствующемъ имъ распространеніи своихъ заморскихъ колоній Франція далеко не столько заботилась какъ о своемъ континентальномъ могуществѣ, и въ эпоху Наполеона I охотно продала свои владѣнія въ Сѣверной Америкѣ Соединеннымъ Штатамъ. Предположить ли, что со времени своего сердечнаго союза съ Англіей Франція на столько уже довѣряетъ Англіи и прочности своего согласія съ нею, что не видитъ въ будущемъ никакой необходимости въ союзѣ противъ нея съ Сѣверо-Американскими Штатами? Нѣтъ, такое предположеніе было бы крайне не основательно. Если въ американской политикѣ Лудовика Наполеона и въ придуманной имъ мексиканской экспедиціи есть вообще какой-нибудь смыслъ, то онъ можетъ заключаться лишь въ намѣреніи обратить Францію въ великую морскую державу равносильную Англіи, и распространить ея владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта. Чрезвычайное развитіе морскихъ военныхъ силъ Франціи въ царствованіе Наполеона III, кохинхинская, китайская и мексиканская экспедиціи, эскадры крейсирующія въ моряхъ Японіи, прямо указываютъ

на такого рода замыслы и намѣренія. Франція поддерживаетъ возмутившихся подданныхъ Сѣверо-Американскаго Союза и желаетъ, чтобъ этотъ Союзъ распался и ослабѣлъ, потому что вопреки доктринѣ Монроэ, которой всегда держался этотъ Союзъ, она сама намѣрена стать твердою ногою въ Америкѣ. Франція явнымъ образомъ стремится къ преобладанію и на материкѣ Европы, и на моряхъ: въ Европѣ ей необходимо для этого обезсилить Россію и завладѣть Рейномъ, и она спѣшитъ пользоваться польскимъ мятежомъ; въ Америкѣ ей необходимо для водворенія своего владычества на моряхъ, утвердиться въ Мексикѣ и она поспѣшила воспользоваться междуусобіемъ въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и всячески способствуетъ ихъ распаденію. Мексика такимъ образомъ есть своего рода заморскій Рейнъ, необходимый для преобладанія Франціи на моряхъ, также какъ лѣвый берегъ Рейна необходимъ ей для преобладанія въ Европѣ. Какъ тамъ независимость южной конфедераціи, такъ и здѣсь независимость Польши были бы удобными для нея средствами.

Что эрцгерцогъ Максиміліанъ выставленъ кандидатомъ на мексиканскій престолъ только для виду, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Ниже мы помѣщаемъ его рѣчь къ мексиканской депутаціи, и изъ этой рѣчи видно, что самъ Наполеонъ III совѣтуетъ ему не принимать тотчасъ же мексиканской короны, а дождаться результата всеобщей подачи голосовъ со стороны всего мексиканскаго народонаселенія. Въ виду французскихъ штыковъ и ловкихъ французскихъ чиновниковъ, которыми все болѣе наполняется Мексика, не окажется ли этотъ результатъ въ пользу самого Наполеона, или одного изъ ближайшихъ его родственниковъ? Успѣхъ мексиканскаго предпріятія исключительно зависитъ отъ исхода борьбы въ Сѣверной Америкѣ; исходъ же европейскихъ замысловъ Наполеона III главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ внутренней политики Россіи и отъ степени сближенія ея съ Англіей, на которое прямо указываютъ обѣимъ державамъ ихъ собственные интересы и интересы всего міра.

Между Англіей и Франціей, собственно говоря, идетъ весьма искусная шахматная игра, въ которой та или другая изъ нихъ можетъ подъ конецъ однимъ разомъ или все проиграть, или все выиграть. Между тѣмъ какъ Франція преслѣдуетъ небывалые и безпримѣрные по своей обширности планы, Англія ревниво слѣдя за каждымъ шагомъ ея, ограничивается ближайшими цѣлями, и идетъ путемъ своей обычной политики. Ни въ Европѣ, ни особенно въ Америкѣ, она какъ бы и не подозрѣваетъ той опасности, которою грозитъ Франція, и попрежнему видитъ главнѣйшую опасность со стороны Россіи—для Турецкой имперіи, и со стороны Соединенныхъ Штатовъ для своего морскаго владычества. Она произвела, вопервыхъ, греческую революцію, на которую *Times*, въ ниже приведенной статьѣ, прямо указываетъ какъ на противоядіе приписываемымъ Россіи замысламъ противъ Турецкой имперіи, очевидно сердясь за оказанный новому королю Эллиновъ радушный пріемъ въ Петербургѣ, а вовторыхъ, поспѣшила воспользоваться польскимъ мятежомъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ сближеніе между Россіей и Франціей. Въ Америкѣ она, на первыхъ порахъ, даже соединилась съ Франціей чтобы вовлечь ее въ мексиканскую экспедицію, и потомъ бросила ее, чтобы вѣрнѣе произвести разрывъ между нею и Сѣверо-Американскими Штатами, и тѣмъ ослабить ихъ посредствомъ другъ друга. Такимъ образомъ эта политика направлена къ тому чтобы разомъ изолировать и ослабить Францію, Россію и Сѣверо-Американскіе Штаты. До сихъ поръ повидимому все удается Англіи какъ нельзя лучше; но тѣмъ не менѣе, если она не остановится во время на этомъ пути, игра ея можетъ оказаться очень опасною для нея самой, послуживъ только къ выполненію обширныхъ замысловъ Франціи. Если въ Америкѣ Англія можетъ еще быть пока равнодушна къ затѣямъ Франціи, разчитывая на препятствія, какія встрѣтитъ она какъ со стороны самого мексиканскаго народонаселенія, такъ—и еще болѣе—со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то въ Европѣ она начинаетъ уже задавать себѣ вопросъ, не грозитъ ли бо́льшая опасность со стороны Франціи чѣмъ со стороны Россіи, и не только торійскія газеты, но и *Daily News* начинаютъ рѣшать этотъ вопросъ противъ Франціи, а *Times*, несмотря на мнѣніе своего константинопольскаго корреспондента объявляетъ торжественно, что если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на 20 лѣтъ Турція вполнѣ безопасна со стороны Россіи. Усилія обѣихъ державъ, очевидно, должны быть направлены въ эту сторону: къ возстановленію до-

вѣрія другъ къ другу и къ возможно-большему сближенія между собою.

Въ этомъ отношеніи стоитъ замѣтить мнѣніе *Daily News*, что „Россія могла бы еще быть, какъ она и бывала, въ союзѣ съ Франціей Бурбоновъ; но она можетъ быть не союзницей, а только соперницей Франціи наполеоновской. Какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ и теперь, всѣ личныя усилія къ сближенію обѣхъ державъ, должны были потерпѣть крушеніе, и за минутнымъ сближеніемъ должно было послѣдовать тѣмъ сильнѣйшее отчужденіе.“ Россія не станетъ дѣлать противоестественныхъ усилій въ видахъ такого сближенія; стало-быть Англіи нечего уже болѣе опасаться его.

Съ другой стороны, Россіи необходимо собрать и сосредоточить всѣ свои силы для рѣшенія великихъ вопросовъ внутренняго своего благоустройства и благосостоянія. Какъ восточная война, такъ и нынѣшній польскій мятежъ обнаружили множество коренныхъ, хотя и различныхъ недостатковъ, которыми страдало и страдаетъ русское общество и русское государство, и какъ послѣ восточной войны многое было сдѣлано для развитія и возбужденія глубоко дремавшихъ силъ общества, такъ и теперь самое возбужденіе народнаго духа указываетъ на необходимость безотлагательно озаботиться государственнымъ благоустройствомъ. Среди этихъ мирныхъ и въ высшей степени благотворныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поглощающихъ все вниманіе заботъ, умѣстно ли было бы Россіи ускорять искусственными способами ходъ событій на Востокѣ и вызывать искусственное же противодѣйствіе со стороны Англіи тому что рано или поздно,—но не прежде чѣмъ разовьются всѣ живыя народныя силы Россіи,—должно совершиться само собою. Въ интересахъ и Россіи, и христіанъ Турецкой имперіи—не возбуждать никакихъ опасеній въ Англіи, и тогда сама Англія убѣдится, какъ напрасно было противиться естественному теченію событій. Убѣжденіе это уже проглядывало въ преніяхъ за послѣднюю парламентскую сессію.

На пользу нѣкотораго сближенія съ Англіей указываетъ и то, что никакой другой союзъ за исключеніемъ еще союза съ Италіей, не соотвѣтствуетъ столько интересамъ Россіи. Священный Союзъ въ настоящее время рѣшительно не возможенъ, ни по началамъ, которыя лежали въ его основаніи, ни по результатамъ, къ которымъ могъ бы привести насъ въ союзъ съ Австріей и съ Пруссіей. Тамъ, гдѣ оказываются у насъ общіе интересы, какъ напримѣръ, въ польскомъ вопросѣ, мы можемъ дѣйствовать сообща съ обѣими или съ одною изъ этихъ державъ; но мы не можемъ жертвовать собственными интересами, и не можемъ дѣйствовать заодно ни съ Пруссіей и Австріей вмѣстѣ, ни съ каждою изъ нихъ порознь, ни въ германскомъ, ни въ шлезвигъ-голштейнскомъ вопросахъ, которыми такъ сильно усложняется настоящее положеніе европейской политики и мирный исходъ которыхъ не разъ уже подвергался сомнѣнію. Такой опасностью увлеченія чуждымъ намъ дѣломъ нисколько не угрожало бы сближеніе наше ни съ Англіей, ни съ Италіей; у первой преобладаетъ одинъ существенный интересъ въ Европѣ, не менѣе важный и для Россіи — интересъ сохраненія міра и политическаго равновѣсія, а вторая имѣетъ, правда, свои жгучіе вопросы: римскій и венеціанскій; но рѣшеніе ихъ въ пользу Италіи можетъ быть желательно и для Россіи, потому что оно ослабило бы Австрію, и положивъ конецъ свѣтской власти папы, вѣрнѣе, уладило бы отношенія Россіи къ католицизму и къ католическимъ ея подданнымъ. Отдѣльнымъ демонстраціямъ Италіянцевъ на пользу польскаго возстанія нельзя придавать никакого значенія, а напротивъ, недавно заключенный между Россіей и Италіей трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, радуетъ насъ какъ указаніе на добрыя отношенія, существующія между обѣими державами.

№ 211.

Москва, 28-го сентября.

Наступаетъ осенняя пора. Въ Царствѣ Польскомъ водворяется нѣкоторая тишина. О большихъ шайкахъ нѣтъ никакихъ извѣстій. О вооруженномъ вмѣшательствѣ западныхъ державъ въ нынѣшнемъ году нѣтъ и рѣчи.

Но необходимо видѣть дѣло въ его истинномъ видѣ. Борьба пріостановилась; она не прекратилась. Наступающая зима будетъ употреблена инсургентами на подготовленіе возстанія весною, посредствомъ развитія революціонной организаціи и распространенія извѣстныхъ идей между крестьянами для воз-

мущенія ихъ противъ правительства. Если, утѣшаясь наружнымъ спокойствіемъ, мы не воспользуемся наступившимъ затишьемъ для предупрежденія всякихъ приготовленій къ веснѣ, то въ будущемъ году мы легко можемъ имѣть дѣло не только съ „жондомъ народовымъ," но и съ простымъ народомъ.

Конечно, однѣми мѣрами строгости трудно-достигнуть благопріятнаго результата, да не въ мѣрахъ строгости и все дѣло: намъ необходимо не только карать партію мятежа, но и поддержать ту силу, которая составляетъ надежнѣйшую опору русскаго управленія въ Царствѣ. Эта опора—четыре милліона крестьянъ. Неужели мы не освободимъ эти, и до сихъ поръ еще преданныя законной власти, народонаселенія изъ-подъ гнета и вліянія польскихъ чиновниковъ-революціонеровъ? Неужели мы и въ продолженіе зимы оставимъ крестьянъ подъ властію враждебныхъ намъ элементовъ? Вотъ серіозные вопросы, на которые должно спѣшить отвѣтомъ.

Освобожденіе крестьянъ изъ-подъ власти нынѣшней польской администраціи, и подчиненіе ихъ лицамъ преданнымъ законной власти, — вотъ наша задача въ Царствѣ Польскомъ. Собственно говоря, въ этомъ должна была состоять и вся предыдущая дѣятельность правительства, съ января мѣсяца. Сами крестьяне, въ началѣ возстанія, искали военныхъ начальниковъ, чтобы представить имъ мятежниковъ, которые подговаривали ихъ къ возстанію. Агенты жонда сѣкли и вѣшали крестьянъ на свободѣ, а гражданскія власти съ сочувствіемъ смотрѣли на эту патріотическую педагогію. Многимъ начинало казаться, что все это въ порядкѣ вещей и что мы обязаны все это терпѣть съ гуманностію, если не хотимъ показаться варварами и навлечь на себя европейскую войну.

Европейская война! Чтожь? Мы можетъ-быть и не избѣжимъ ея, если не сумѣемъ оградить и защитить преданныя Россіи народонаселенія, и если вообще не сумѣемъ внушить Европѣ и Полякамъ должнаго уваженія къ намъ.

Теперь видятъ это всѣ, но многіе спрашиваютъ, въ чемъ же должны заключаться мѣры освобожденія крестьянъ изъ-подъ вліянія измѣннической администраціи? Должно ли правительство насылать въ Царство русскихъ чиновниковъ, или пытаться создать новую администрацію изъ Поляковъ? Въ первомъ случаѣ устроить администрацію было бы очень трудно, въ короткое время рѣшить эту задачу невозможно, а быстрота въ ея рѣшеніи есть одно изъ главныхъ условій успѣха. Что же касается до составленія новой администраціи изъ Поляковъ, то въ настоящее время говорить объ этомъ много не приходится.

Конечно, можно пригласить способныхъ русскихъ администраторовъ; конечно, слѣдуетъ давать мѣста преданнымъ законной власти Полякамъ, замѣняя ими предателей; но возводить то и другое въ систему, при настоящемъ состояніи Царства, не возможно. Притомъ всѣ административныя назначенія производятся обыкновенно съ убійственною медленностію.

Между тѣмъ время идетъ... Непрерывныя злодѣйства, производимыя мятежниками надъ крестьянами преданными законной власти, немедленныя наказанія за всякое, хотя бы ничтожное содѣйствіе войскамъ, не встрѣчаютъ со стороны гражданскихъ властей никакого противодѣйствія, не вызываютъ съ ихъ стороны даже сожалѣнія. Мы представимъ здѣсь читателямъ только одинъ изъ безчисленнаго множества фактовъ; повторяющихся на всемъ пространствѣ Царства. Всей Россіи извѣстенъ поступокъ крестьянъ гмины Зыпле, Маріампольскаго уѣзда, Августовской губерніи, отправившихъ депутацію къ генералу Муравьеву въ Вильно, съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство. Какъ же отозвался объ этомъ августовскій гражданскій губернаторъ, г. Корытковскій? Представивъ главному директору правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго 23-го августа (4-го сентября) за № 58, выписку изъ № 177 *Русскаго Инвалида* съ адресомъ крестьянъ, онъ говоритъ о немъ какъ о необыкновенномъ происшествіи, и присовокупляетъ, что такъ какъ инициатива адреса приписывается крестьянамъ: Іоникайтесу, „безпрестанно ссорящемуся съ помѣщикомъ", и Буришайтису, „бродягѣ таскающемуся вездѣ съ войсками," то онъ назначилъ по этому предмету строгое слѣдствіе. Намъ неизвѣстенъ любопытный исходъ этого слѣдствія, но намъ извѣстны слѣдующіе факты: 4 августа, шайка мятежниковъ прибыла въ гмину Зыпле, повѣсила солтыса (старосту) Давида Бормана, и наказана тѣлесно шинкаря Шиллера и колониста Тресдорфа. Ночью напали они на вновь-учрежденную сельскую стражу, тяжело ранили двухъ Нѣмцевъ, Броберта и Ланге, и отстегали нѣсколько че-

ловѣкъ плетьми. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ злодѣйствъ въ томъ же уѣздѣ. Мы упомянемъ только о нападеніи инсургентовъ на домъ мѣщанина города Прены, Маріампольскаго уѣзда, Гинтера. Онъ подлежалъ смертной казни; но такъ какъ его не нашли дома, то злодѣи разграбили его имущество. Гражданскій начальникъ Августовской губерніи, сообщая объ этомъ поступкѣ повстанцевъ, прибавляетъ, что Гинтеръ „человѣкъ безпокойнаго характера и авантюристъ."

Удивительное совпаденіе взгляда администраціи съ образомъ дѣйствій повстанцевъ! Должно ли русское правительство терпѣть подобный порядокъ вещей, когда повстанцы рѣжутъ крестьянъ, выразившихъ свою преданность правительству, а начальство клеймитъ ихъ ругательными названіями и сулитъ произвести надъ ними строгое слѣдствіе, которое, какъ надобно думать, началось бы тюремнымъ заключеніемъ на неопредѣленное время. Несчастный крестьянинъ! Увернется отъ ножа повстанца, — подпадетъ подъ правосудіе мѣстнаго начальства.

Пора, пора прекратить такое положеніе дѣлъ, и въ средствахъ для этого нѣтъ недостатка! Необходимо развить и устроить военное управленіе, вызываемое военнымъ положеніемъ страны. Теперь существуютъ въ Царствѣ военные начальники для нѣкоторыхъ уѣздовъ, по одному на уѣздъ и даже по два, съ большимъ числомъ городовъ и мѣстечекъ. А Варшава до сихъ поръ не имѣетъ военнаго уѣзднаго начальника, и гражданское начальство визируетъ паспорты всѣмъ повстанцамъ. Необходимо разбить военныя управленія на болѣе мелкія части. Теперь, кромѣ военныхъ начальниковъ уѣздовъ, существуетъ еще гражданская администрація, и не видно границы правамъ и обязанностямъ той и другой власти, столь враждебно поставленныхъ другъ къ другу. Необходимо упростить эти отношенія. Къ чему платить жалованье чиновникамъ, продающимъ правительство? Затѣмъ, если можно еще терпѣть чиновничество въ городахъ, то отнюдь не слѣдуетъ допускать его вліяніе на деревни и села; крестьянское населеніе во всѣхъ отношеніяхъ должно быть подчинено власти, которая могла бы возстановить довѣріе поселянъ къ правительству.

Этими мѣрами усмирена Литва, этими мѣрами можетъ быть усмирена и большая часть Августовской губерніи, подчиненная теперь, вслѣдствіе адреса крестьянъ гмины Зыпле, генералу Муравьеву. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ уѣзды Маріампольскій, Августовскій, Кальварійскій и Сейненскій отошли къ литовскому управленію. Совершившійся административный передѣлъ былъ положительно необходимъ. Самое очертаніе Августовской губерніи оправдываетъ его.

Отдѣленіе цѣлой губерніи нѣсколько облегчитъ усмиреніе Царства. Но полезно имѣть также въ виду, что графу Бергу необходимы дѣятельные и способные помощники по администраціи. Мы съ особою силою настаиваемъ на этотъ пунктъ. Время не терпитъ, до весны всего остается пять мѣсяцевъ; отъ употребленія этихъ мѣсяцевъ все зависитъ, а при неудачномъ личномъ составѣ варшавскаго военнаго управленія, старанія графа Берга не принесутъ тѣхъ плодовъ какихъ можно было бы ожидать отъ нихъ. Поляки сами мастера на эффекты, и мы эффектами не удивимъ ихъ. Но для борьбы съ спокойною и энергическою администраціей у нихъ не станетъ характера.

№ 212.

Москва, 30-го сентября.

Изъ разныхъ мѣстъ Россіи мы продолжаемъ получать и личныя и общественныя изъявленія сочувствія. Мы не можемъ не придавать имъ высокой цѣны, и не столько по отношенію къ намъ лично или къ нашему изданію, сколько по отношенію къ тѣмъ важнымъ вопросамъ, которые занимаютъ теперь всѣ умы. Вопросы эти такъ важны, что все, что имѣетъ въ нашемъ обществѣ голосъ, спѣшитъ подать его. За неимѣніемъ другихъ способовъ, общество хочетъ во всякомъ случаѣ заявить свое мнѣніе: явный признакъ созрѣвшаго общественнаго мнѣнія и доказательство того живаго участія, которое принимаетъ оно въ великихъ государственныхъ интересахъ и тѣхъ событіяхъ, съ которыми они связаны. Повторимъ, что было сказано нами прежде: мы видимъ въ себѣ только случайный поводъ или предлогъ, и не считаемъ себя въ правѣ гордиться этими изъявленіями общественнаго сочувствія. Мы говорили только то, что долженъ былъ говорить каждый Русскій на нашемъ мѣстѣ: вотъ въ этомъ вся наша заслуга, если только можно назвать это заслугой. Многіе на

нашемъ мѣстѣ могли бы высказывать то же самое лучше и сильнѣе насъ, но мы дѣлали, что могли, не руководствуясь никакими другими побужденіями, кромѣ нашей обязанности служить органомъ чувства, которое каждый Русскій естественно носитъ въ себѣ, и высказывать то, что мы считали полезнымъ и вѣрнымъ. Каждое новое заявленіе общественнаго согласія принимали мы съ тѣмъ же чувствомъ какъ и первыя. Если мы не продолжали печатать эти заявленія съ нашими отвѣтами на нихъ, то мы просимъ почтившихъ насъ ими никакъ не думать, чтобъ они были для насъ менѣе цѣнны. Многое измѣнилось съ теченіемъ времени; общественное мнѣніе уже достаточно высказалось, и печатаніе дальнѣйшихъ заявленій, по мѣрѣ полученія ихъ, могло принять слишкомъ личный характеръ и казаться излишнимъ. Мы приносимъ искреннюю благодарность дворянамъ Нижегородской губерніи, прислашимъ намъ, за подписью сорока пяти лицъ, глубоко тронувшее насъ изъявленіе сочувствія и полнаго согласія съ тѣмъ, что нами высказывалось по польскому дѣлу. Съ такою же благодарностію приняты нами заявленія отъ дворянства Рязанскаго уѣзда, Одоевскаго уѣзда, Крапивенскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ.

Но если для привлеченія сочувствія Русскихъ людей мы ничего не сдѣлали, кромѣ того, что долженъ былъ сдѣлать каждый Русскій на нашемъ мѣстѣ, то съ другой стороны мы и ничего не сдѣлали такого, чѣмъ могли бы мы вызвать противъ себя систематическую вражду въ русскомъ журнальномъ мірѣ. Мы встрѣчали выходки противъ себя въ польскихъ подземныхъ изданіяхъ; но это весьма естественно, и объ этомъ нечего говорить. Намъ говорятъ, что въ *Колоколѣ* наше имя встрѣчается поминутно въ сопровожденіи всяческихъ ругательствъ: это также очень понятно, и говорить объ этомъ также нечего. Еслибы мнѣнія издателя *Колокола* могли имѣть въ глазахъ нашихъ какое-нибудь значеніе, то намъ пришлось бы развѣ порадоваться этимъ ругательствамъ; но мы не видимъ никакой разницы между его бранью и похвалами. На дняхъ, въ одной московской газетѣ, прочли мы нѣсколько кокетливыхъ словъ о чувствительномъ сердцѣ одного изъ издателей *Колокола* г. Герцена, и о томъ, что онъ принимаетъ близко къ своему сердцу интересы русскаго народа, даже ближе, какъ тамъ сказано, чѣмъ интересы французскихъ швей. Мы не знаемъ какъ близко издатели *Колокола* принимаютъ къ сердцу интересы французскихъ швей, но мы знаемъ, что они принимаютъ близко къ сердцу интересы польскихъ повстанцевъ, и открывая въ пользу ихъ подписку, осыпаютъ ругательствами русскихъ офицеровъ и солдатъ. Знаемъ, что они объявили Россію нелѣпою выдумкой, изрыгаютъ проклятія на все русское общество, и въ статьяхъ, которыя могли быть писаны дѣйствительно только въ сумашедшемъ домѣ, предаютъ проклятію всѣхъ въ Россіи, съ верху до низу. Объ этихъ изліяніяхъ безсильной злобы не стоило бы и поминать, еслибы среди всѣхъ этихъ оргій не проглядывали мѣстами попытки, изобличающія своего рода хитрость, которая нерѣдко замѣчается у помѣшанныхъ. Издатель *Колокола* прибѣгаетъ къ разнымъ маневрамъ, чтобы войдти снова въ силу и снова обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, прежде будто бы читавшихъ его. Охотники до скандаловъ указываютъ намъ на нѣкоторые еще болѣе интересные и забавные образчики особаго рода хитрости; объ этомъ однако когда-нибудь послѣ.

Но мы никакъ не можемъ понять, за что ожесточены противъ насъ нѣкоторыя петербургскія газеты. Мы тщетно отыскиваемъ въ нашей дѣятельности хоть что-нибудь такое, что могло бы оправдать то пеистовство, съ которымъ бросаются на насъ нѣкоторыя петербургскія газеты. Въ *Голосѣ* какой-то писатель прямо заявилъ, что онъ не можетъ безъ враждебнаго чувства развернуть нашу газету. Кто этотъ господинъ? За что онъ на насъ такъ злится? Положимъ, что мы высказывали много невѣрнаго, ошибочнаго, наконецъ очень дурнаго,—положимъ, что эти господа совершенно правы въ своей полемикѣ противъ насъ; однако мало ли на свѣтѣ высказывается и невѣрныхъ, и ошибочныхъ мнѣній? Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы *Московскія Вѣдомости* были до такой степени средоточіемъ всего дурнаго, что нельзя было бы даже развернуть ихъ безъ враждебнаго чувства. Припоминаемъ себѣ всѣ вопросы, которыхъ мы касались, и рѣшительно недоумѣваемъ, за что эти почтенные люди считаютъ насъ какими-то извергами. Главный вопросъ, который въ этомъ году занималъ всѣхъ

въ Россіи, и которому мы главнымъ образомъ посвящали всю нашу дѣятельность,— вопросъ польскій, — не представляетъ ни малѣйшаго повода къ такой ожесточенной и систематической враждѣ противъ насъ со стороны русскихъ журналовъ.

Намъ было смѣшно читать всѣ эти статьи въ петербургскихъ журналахъ, въ которыхъ съ наивнымъ цинизмомъ изливается вражда къ намъ. Отвѣчать на нихъ было бы стыдно, но онѣ служатъ характеристическимъ признакомъ нашей журналистики и лучше всего свидѣтельствуютъ о ненормальномъ положеніи, въ которомъ она находится. То ополчались на насъ съ гнѣвомъ, за то что мы вызывали „кровожадный“ патріотизмъ въ русскомъ обществѣ; то, въ послѣдствіи, когда вся наша журналистика должна была болѣе или менѣе принять патріотическій оттѣнокъ, на насъ вдругъ съ неимовѣрною яростію вооружились за то, что мы находили систему принятую въ Царствѣ Польскомъ неудовлетворительною, и вмѣстѣ съ нами обругали всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые были одного съ нами мнѣнія; съ цинизмомъ, которому не пріищешь примѣра, ставили имъ въ упрекъ даже то, что имъ случалось вмѣстѣ обѣдать и за обѣдомъ провозглашать тосты вызванные текущими событіями. Въ этихъ обѣдахъ петербургская газета (*Голосъ*) видитъ омерзительныя оргіи, недозволительныя въ то время когда въ Царствѣ Польскомъ льется кровь. Каково это покажется? Русскіе люди, мирно живущіе въ разныхъ губерніяхъ, виноваты въ той крови, которая проливается въ Царствѣ Польскомъ! Они должны посыпать главу пепломъ и избѣгать всякихъ случаевъ сойдтись между собою. Внутри Россіи должны быть прекращены всякаго рода общественные обѣды, и всякій долженъ запереться въ своей клѣти. И все это пишется, все это печатается; все это должно служить доказательствомъ, что дѣла въ Царствѣ Польскомъ шли наилучшимъ образомъ, и что русское общество вмѣшивается не въ свое дѣло. Петербургскій журналистъ не догадался, что русское общество можетъ имѣть свое мнѣніе, какъ и всякое другое въ мірѣ общество, и если мнѣніе русскаго общества ложно направлено, то петербургскому журналисту слѣдовало бы направить его иначе. Гдѣ же онъ былъ, когда общественное мнѣніе въ Россіи настраивалось такъ дурно? Зачѣмъ онъ не предупредилъ такое настроеніе? Зачѣмъ онъ не раскрылъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ? Зачѣмъ такъ поздно принялся защищать систему, которая ему такъ нравится? Отчего наконецъ теперь не развиваетъ онъ лучшихъ воззрѣній, и вопреки очевиднымъ фактамъ не представляетъ доводовъ, которые могли бы русскую публику, сверху до низу, заставить думать иначе?

Нѣтъ клеветы, нѣтъ вздора, котораго не постыдились бы взвести на насъ петербургскіе доброжелатели наши. Видя въ насъ язву общества, они не считаютъ нужнымъ церемониться съ нами. Противъ насъ все пригодно: кто-то недавно обвинилъ насъ даже въ пристрастіи къ крѣпостному праву, и упрекнулъ въ Іудиномъ лобзаніи, которое мы будто бы даемъ освобожденію крестьянъ. Можно ли писать такую чепуху? И на кого разчитываютъ эти господа въ своихъ выходкахъ? Мы не служили ни въ какой канцеляріи, не находились ни въ какой коммиссіи; вся наша дѣятельность проходила предъ глазами публики; она вся напечатана. Мы не придаемъ особаго значенія нашей дѣятельности, но смѣемъ думать что она не совсѣмъ неизвѣстна публикѣ.

Сейчасъ только прочли мы въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ выраженія негодованія на насъ, за то что мы донхихотствуемъ противъ сепаратизма. Мы не понимаемъ, что же тутъ особенно дурного? Какъ наконецъ эти господа не поймутъ, что никому и въ голову не пришло бы ратовать противъ сепаратизма и другихъ подобныхъ направленій, еслибы въ той атмосферѣ, гдѣ эти господа живутъ и пишутъ, было менѣе повадокъ къ этимъ направленіямъ, и еслибы сами они были менѣе наивны или менѣе ловки. Будь у насъ все благополучно, будь у насъ не такъ много *простачковъ* и не разведись у насъ такъ много *ловкихъ* людей—кому бы пришло въ голову писать о подобныхъ предметахъ?

Въ заключеніе мы скажемъ *ловкимъ* господамъ, пишущимъ и не пишущимъ, что усилія ихъ напрасны, что какъ ни сильна у насъ интрига, но своихъ отдаленныхъ цѣлей она все-таки не достигнетъ, что ходы ея видны, что люди на Руси проснулись и стали зорки, что обмануть русское общество теперь довольно трудно...

№ 213.

Москва, 3-го октября.

Польскій вопросъ вступаетъ въ новое весьма интересное положеніе. Продолженіе дипломатическихъ переговоровъ по этому вопросу стало уже невозможно въ томъ смыслѣ какъ они были ведены доселѣ. Основаніемъ для этихъ переговоровъ были вѣнскіе трактаты; но теперь оказалось, что основаніе это недостаточно, и что если вѣнскіе трактаты заключаютъ въ себѣ много такого что̀ можетъ возбуждать споръ, замѣшательства и затрудненія по этому польскому вопросу, который ими же созданъ, то они не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что̀ могло бы вести къ удовлетворительному рѣшенію его или къ соглашенію. Краемъ, который носитъ наименованіе Царства Польскаго, Россія владѣетъ въ силу двукратнаго завоеванія. Вѣнскіе трактаты не только не даютъ ей никакого новаго титула на это обладаніе, не только ничѣмъ не подкрѣпляютъ этого права, но напротивъ ослабляютъ его, сообщая ему характеръ международнаго обязательства, и притомъ обязательства двусмысленнаго, подающаго поводъ къ разнорѣчивымъ толкованіямъ; а главное—служащаго постоянною поддержкой притязаній, мечтающихъ о возстановленіи старой Польши.

Если бы въ трактатѣ было выражено простое признаніе совершившагося факта, то никакого польскаго вопроса не могло бы явиться; но трактатъ не ограничился однимъ признаніемъ: мы сами вписали въ него строки, которыя теперь обращаются противъ насъ и служатъ источникомъ затрудненій для Россіи и безпрерывныхъ опасностей для спокойствія Европы. Россіи ли быть недовольною, если строки эти будутъ вычеркнуты? Россіи ли быть недовольною, если будутъ отмѣнены тѣ условія, которыя обезсиливаютъ ея европейское положеніе и служатъ для нея источникомъ вѣчныхъ смутъ въ ея собственныхъ владѣніяхъ?

Положеніе Европы, которое запечатлѣно вѣнскими трактатами, уже существенно измѣнилось и вышло изъ ихъ мѣры. Между Европою вѣнскихъ трактатовъ и Европою въ ея нынѣшнемъ видѣ очень мало общаго. На французскомъ престолѣ—бонапартовская династія; въ системѣ европейскихъ государствъ появилось Италіянское королевство; произошли многія перемѣны въ территоріяльныхъ распредѣленіяхъ; еще бо́льшія перемѣны произошли въ интересахъ и отношеніяхъ государствъ, образующихъ систему европейскаго равновѣсія. Скоро отъ вѣнскаго трактата останутся только параграфы да вычеркнутыя строки. Теперь сбираются вычеркнуть и тѣ, которыя относятся къ краю, поименованному въ трактатѣ Царствомъ Польскимъ. Мысль объ этомъ, предложенная Англіей, и съ радостію, хотя и послѣ нѣкотораго раздумья, подхваченная Франціей, повергаетъ теперь Вѣну въ раздумье болѣе тяжкое. Англія ничѣмъ не рискуетъ, предлагая эту мысль; ея относительное положеніе ни сколько отъ того не измѣняется. Французское правительство пріобрѣтаетъ сколько-нибудь благовидный исходъ изъ того непріятнаго положенія, въ которое оно приведено результатами дипломатическаго объясненія по польскому дѣлу. Австрія, которая всѣхъ ближе находится къ театру событій и серіознѣе другихъ державъ заинтересована польскимъ вопросомъ и вѣнскимъ трактатомъ, видитъ въ этомъ новомъ оборотѣ мѣру слишкомъ рѣшительную и опасную. Англія этою мѣрой не связываетъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, не предрѣшаетъ направленія своей политики, не заручается на какіе-либо союзы; напротивъ, она становится черезъ это еще свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ была до сихъ поръ; предлагаемый ею актъ можетъ имѣть съ ея стороны и пріязненное и непріязненное для Россіи значеніе, смотря по ходу событій, смотря по тому какое положеніе приметъ сама Россія. Что касается до Франціи, то ея правительству представляется этимъ возможность заглушить чувство понесеннаго пораженія; ея правительству, ея публицистамъ, дана возможность сказать, что дипломатическая компанія кончилась блистательною побѣдою Франціи—надъ Россіей? нѣтъ! — надъ кѣмъ-же, надъ чѣмъ-же? — надъ вѣнскимъ трактатомъ! Кто теряетъ и кто выигрываетъ отъ того, что въ вѣнскомъ трактатѣ будутъ выкинуты строки относящіяся до Польши? до этого дѣла нѣтъ: дѣло только въ томъ, что вѣнскому трактату наносится новый ударъ,—ударъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Этимъ трактатомъ былъ впервые созданъ въ Европѣ польскій вопросъ, о которомъ Франція такъ заботится; предполагается исключить изъ трактата именно то, что̀ составляетъ единственную силу

этого вопроса въ Европѣ: и вотъ выходитъ, что Франція одержала блистательную побѣду! Можно порадоваться такому счастливому исходу: и польскій вопросъ устраняется, и Франція торжествуетъ побѣду. Что же касается до вѣнскаго трактата вообще, то съ нимъ уже не связано для Россіи никакихъ жизненныхъ интересовъ. Новое ослабленіе, которое можетъ этотъ трактатъ испытать, не имѣетъ для Россіи никакой существенной важности, и если въ настоящемъ случаѣ гальскому пѣтуху есть хоть малѣйшая причина торжествовать, то торжество это можетъ быть обидно развѣ только для новой союзницы его, Австріи. Для этой послѣдней державы вѣнскій трактатъ еще имѣетъ почти религіозное значеніе. Во всякомъ случаѣ Австрія, при томъ новомъ положеніи, которое принимаютъ дѣла, не можетъ оставаться въ области чисто платоническаго чувства, какимъ способно довольствоваться французское тщеславіе. На Австрію должна обрушиться вся тяжесть новаго положенія дѣлъ, которое образовалось бы немедленно вслѣдствіе отмѣны статей вѣнскаго трактата, относящихся къ Царству Польскому. Австрія должна будетъ немедленно принять какое-нибудь рѣшеніе, и если возставшіе Поляки будутъ имѣть удовольствіе считать себя воюющею стороною, то Австріи ни какъ нельзя будетъ сохранять нейтралитетъ между этою воюющею стороной и Россіей.

Что же касается до Россіи, то отъ нея, и единственно отъ нея, будетъ теперь зависѣть дальнѣйшій ходъ дѣла. За отмѣной запутанныхъ и двусмысленныхъ опредѣленій трактата останется чистый фактъ обладанія, и Россія должна будетъ дать этому факту новое, лучшее и болѣе точное опредѣленіе. Для нея наступаетъ теперь время послѣдней и высшей пробы. Будетъ ли она имѣть достаточно духа и силы, чтобы выдержать эту пробу? Окажется ли у нея рѣшимость воспользоваться въ полной мѣрѣ тою свободою, которая откроется для нея вслѣдствіе устраненія этой несчастной гарантіи ея правъ? Великой державѣ, какъ Россія, неудобно оставаться, въ какомъ бы то ни было пунктѣ своихъ владѣній, подъ гарантіей и контролемъ другихъ державъ. Великая держава должна собственными силами обезпечивать свои владѣнія и опредѣлять свои отношенія къ нимъ. Европейская гарантія можетъ свидѣтельствовать только о слабости государства, которое на нее опирается; эта опора не есть опора, а затрудненіе. Въ какомъ бы духѣ ни дѣлала теперь Англія свое предложеніе объ отмѣнѣ вѣнскихъ постановленій относительно Царства Польскаго, Россія во всякомъ случаѣ выходитъ черезъ это изъ двусмысленнаго положенія, и дѣло упрощается; отъ нея зависитъ сообщить этой отмѣнѣ тотъ смыслъ и духъ, которые соотвѣтствуютъ ея истиннымъ видамъ и дѣйствительнымъ силамъ. Образъ дѣйствій Россіи послѣ этой отмѣны тотчасъ же опредѣлитъ не только ея собственное положеніе въ Европѣ, но и положеніе другихъ державъ, и можетъ сразу измѣнить существующія теперь отношенія между державами. Съ отмѣной международной гарантіи или, вѣрнѣе, международнаго обязательства, исчезнетъ всякое основаніе вмѣшиваться въ дѣла Россіи дипломатическимъ путемъ. Двусмысленное юридическое опредѣленіе ставитъ Россію въ двусмысленное отношеніе къ Европѣ и даетъ другимъ державамъ возможность придираться къ ней и вредить ей, безъ всякаго съ ихъ стороны риска и пожертвованій. Но коль скоро на мѣсто договорной формулы выступитъ чистый фактъ во всей своей рѣшительности и ясности, — то на него можно будетъ отвѣчать только фактомъ, къ нему придираться можно будетъ только фактомъ, протестовать противъ него можно только фактомъ. Послѣ предполагаемой отмѣны каждая держава должна будетъ чувствовать и ясно сознавать, что всякое слово вмѣшательства съ ея стороны должно немедленно превратиться въ дѣло, и повлечь за собою настоящую войну, безъ всякихъ мистификацій. Фальшивыя стачки станутъ невозможны; угрозамъ и запугиваніямъ не будетъ болѣе мѣста. Говорить съ Россіей о Царствѣ Польскомъ возможно будетъ только тому, кто непремѣнно хочетъ воевать съ ней, кто серіозно рѣшился на войну. Для Россіи такое положеніе несравненно выгоднѣе; только она должна умѣть воспользоваться выгодами, которыя оно представитъ ей.

Международная сила или слабость европейской державы измѣряется большею или меньшею возможностью или невозможностію привести ее въ разобщенное положеніе. Отчего Англія такъ сильна теперь въ Европѣ? Оттого что она не подвергается ни малѣйшей опасности очутиться въ разоб-

щенномъ положеніи. Она не боится никакихъ сочетаній между державами, которыя покажутся ей опасными. Она не могла потерпѣть сближенія между Россіей и Франціей, и вотъ она успѣла поставить Россію и Францію лицомъ къ лицу въ отношенія близкія къ войнѣ. Она не только разстроила ихъ союзъ, но изъ вчерашнихъ союзниковъ сумѣла сдѣлать враговъ. Она разобщила Россію и ежеминутно можетъ привести Францію въ положеніе неменѣе разобщенное и еще болѣе опасное. Никогда императоръ Наполеонъ III не находился въ такомъ серіозномъ положеніи какъ теперь; никогда въ правительственныхъ сферахъ Франціи не возникалъ съ такою живостію вопросъ о прочности его династіи. Малѣйшій неосторожный шагъ, малѣйшее увлеченіе, и императоръ Французовъ можетъ очутиться въ войнѣ съ Россіей,—въ войнѣ безъ союзниковъ, въ войнѣ, которая не можетъ предвѣщать ему ничего добраго. Но, съ другой стороны, главная задача русской политики въ настоящее время—выйдти побѣдоносно изъ положенія разобщенности, въ которомъ Россія находится. Россія должна принять всѣ мѣры чтобъ обезсилить своего естественнаго врага, наполеоновскую Францію; и взамѣнъ вѣнскаго трактата, изъ котораго Франція уже вышла, создать новое положеніе, которое могло бы вѣрнѣе и лучше разобщить ее. Россіи нѣтъ надобности заискивать союзовъ: союзы придутъ сами собою, какъ только обозначится съ полною ясностію характеръ ея внутренней политики. Ея европейское положеніе зависитъ отъ ея дѣйствій внутри. Россія должна быть готова къ войнѣ; она должна обнаружить полную энергію и рѣшимость въ обезпеченіи своей государственной области и въ подавленіи мятежа. Чѣмъ больше энергіи покажетъ она въ этомъ отношеніи, тѣмъ будетъ лучше; но внѣшней энергіи недостаточно; внѣшняя энергія не продержится долго и не выведетъ ея изъ разобщеннаго положенія, если не будетъ поддержана соотвѣтственнымъ настроеніемъ внутри. Если въ это критическое время, энергія, которую Россія обнаружитъ, будетъ имѣть только чисто военный характеръ, то она неизбѣжно очутится въ положеніи разобщенномъ, и все враждебное ей можетъ легко соединиться противъ нея. Ей придется имѣть противъ себя цѣлую Европу, или во всемъ уступать до крайняго униженія своей чести и до послѣдняго истощенія своихъ нравственныхъ силъ.

Европа знаетъ, что въ Россіи что-то кончается и что-то начинается; она видитъ какія-то перемѣны, какія-то движенія, но она не видитъ ихъ смысла и не предвидитъ что изъ нихъ выйдетъ. Европа знаетъ, что въ Россіи кончился старый порядокъ вещей; она видитъ колебаніе и мерцаніе, и ждетъ что будетъ. И пока заря не явится, Россія будетъ оставаться въ положеніи разобщенномъ. Каждое дѣйствіе ея будетъ возбуждать опасенія, недовѣріе, подозрѣнія. Европа должна узнать новую Россію; увидѣть ее въ лицо, чтобъ опредѣлить свои отношенія къ ней. Въ настоящее время народы не сознающіе себя достаточно зрѣлыми чтобъ явиться на свѣтъ, не могутъ разчитывать на какое-либо значеніе въ Европѣ. Политически незрѣлыхъ народовъ и опасаются, и презираютъ. Ихъ правительства, если только не находятся подъ чужеземною опекой, встрѣчаютъ повсюду ненависть къ себѣ, часто незаслуженную, подвергаются всевозможнымъ клеветамъ и становятся предметомъ недостойныхъ разчетовъ.

Въ насъ подозрѣваютъ все дурное; въ насъ видятъ и революціонный духъ, и демократизмъ, и соціализмъ, и соотвѣтственно съ этимъ видятъ въ насъ духъ враждебный свободѣ и истинному прогрессу. Пока мы не разсѣемъ этихъ взглядовъ на насъ, пока мы не приведемъ въ ясность наше внутреннее настроеніе, пока мы не выйдемъ изъ этихъ сумерекъ, которыя сообщаютъ намъ видъ какихъ-то страшилъ цивилизованнаго міра, мы не можемъ разчитывать на прочное положеніе въ Европѣ и на нравственное торжество надъ враждебными намъ элементами.

№ 214.

Москва, 4-го октября.

Съ нѣкоторыхъ поръ развилась у насъ страсть, безпримѣрная и въ нашихъ собственныхъ лѣтописяхъ и въ лѣтописяхъ, цѣлаго міра,—страсть бранить, порицать и отрицать въ себѣ все, предавать въ себѣ все поруганію и осмѣянію, все въ себѣ терзать и уничтожать. Не то чтобы всѣ эти операціи производились каждымъ дѣйствительно надъ самимъ собой,—всѣ эти операціи производятся каждымъ надъ дру-

гими и главнымъ образомъ надъ цѣлымъ обществомъ, надъ цѣлымъ народомъ. Въ нашей литературѣ страсть эта доходила до послѣднихъ предѣловъ безобразія: и повѣсти, и разные философскіе трактаты, и всякаго рода критическія статьи имѣли своею главною цѣлью изображать гнусныя свойства русскаго человѣка, на всѣхъ общественныхъ чредахъ, и русскаго быта во всѣхъ его видахъ. Наши beaux-esprits, наши умники, съ какимъ-то сладострастіемъ предавались этому занятію. Не одни пустые люди, но и люди болѣе или менѣе серіозные, сознательно или безсознательно, подчиняются этому духу народнаго самоотрицанія и самоуничтоженія. Ничего не осталось не тронутымъ: и старина наша отвратительна, и новизна наша возмутительна, и простой народъ нашъ безнадеженъ, и наши образованные классы исполнены всякой мерзости; и помѣщикъ, и крестьянинъ, и чиновникъ, и священникъ, и купецъ, все является образчикомъ человѣческой гнусности, все подлежитъ безпощадному бичеванію. Все если не на дѣлѣ, то мысленно подвергается ломкѣ и уничтоженію.

Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ общественной средѣ, способность сознавать свои недостатки и слабости и мужественно сознаваться въ нихъ, есть свидѣтельство силы, залогъ всего лучшаго. Мы должны были бы радоваться этой способности: здорова и крѣпка та общественная среда, которая можетъ вынести всякій анализъ, какъ бы ни былъ онъ строгъ, лишь бы только былъ одушевленъ чувствомъ правды. Къ сожалѣнію, страсть, о которой мы сейчасъ говорили и которая такъ повсемѣстно овладѣла у насъ умами, хотя и свидѣтельствуетъ объ этой способности критическаго самонаблюденія, но эта страсть, въ своемъ развитіи, есть не что иное, какъ болѣзнь, — явленіе, потерявшее всякій смыслъ и достоинство. Наши порицатели безсмысленно взыскиваютъ съ своего народа недостатки и слабости человѣческой природы вообще, и вмѣняютъ ему спеціально даже то что̀ равномѣрно, только подъ разными формами, свойственно всѣмъ народамъ, цивилизованнымъ и не цивилизованнымъ, всѣмъ общественнымъ средамъ, всѣмъ людямъ. У насъ порицаніе, утративъ всякую правду и жизненную истину, перестало быть дѣломъ серіознымъ, сознающимъ свои границы и опирающимся на что-либо положительное; оно превратилось въ какое-то жалкое искусство для искусства, стало фразою и рутиною.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эта болѣзненная и нелѣпая страсть, которая, потерявъ всякій смыслъ, развилась до послѣдней крайности въ нашей такъ-называемой обличительной литературѣ, родилась въ литературной сферѣ изъ случайныхъ направленій, возникшихъ въ ней вопреки настроенію мыслей и сужденій въ окружающей средѣ. Въ литературѣ эта страсть выразилась на всѣ лады, и литература довела ее до самыхъ нелѣпыхъ проявленій; но сѣмена этого болѣзненнаго развитія не могли же сами собою зародиться въ литературѣ. Самопроизвольныхъ зарожденій нѣтъ ни въ природѣ, ни въ литературѣ. Сѣмена эти проникли въ литературу изъ окружающей среды, и именно изъ нашей административной атмосферы. Правда, литература наша, главнымъ образомъ сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, не есть выраженіе народной жизни, ея дѣйствительныхъ настроеній и стремленій. Это правда,—но правда также и то, что наша литература, главнымъ образомъ сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, есть все-таки отраженіе окружающей среды, и если нельзя признать ее за органъ русской жизни, то она есть органъ Петербурга. Извѣстно, что Петербургъ есть городъ по преимуществу административный, и сѣмена, которыя развиваются въ нашей литературѣ, заносятся въ нее по преимуществу изъ канцелярій. Духъ отрицанія и ломки, развившійся до безобразныхъ размѣровъ и проявленій въ нашей литературѣ, взялся первоначально изъ того склада мысли, изъ тѣхъ умственныхъ обычаевъ, изъ тѣхъ направленій, которые могли образоваться только въ бюрократической средѣ. Бюрократія есть вездѣ, но у насъ бюрократія есть все; она является почти единственною, почти исключительно-дѣйствующею силою, и направленія, развивающіяся подъ вліяніемъ этой силы и ею поддержанныя, легко распространяются повсюду и овладѣваютъ всѣми общественными понятіями. Духъ, вышедшій изъ этихъ сферъ, духъ неуваженія и недовѣрія къ жизни, весьма не рѣдко оказываетъ свое дѣйствіе тамъ, гдѣ повидимому долженъ былъ бы господствовать совсѣмъ другой духъ; онъ прокрадывается даже туда, гдѣ раздается протестъ противъ бюрократіи, и часто слышится даже въ самомъ этомъ протестѣ.

У насъ повсюду распространено недовѣріе къ жизни, къ нашимъ земскимъ силамъ, къ нашимъ народнымъ свойствамъ. Недовѣріе это какъ-то странно уживается у многихъ съ сильно развитымъ народнымъ самолюбіемъ. Вотъ возникли у насъ польскія затрудненія, возникъ вопросъ какъ ихъ уладить, и вотъ тотчасъ же сказывается недовѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ для нравственной борьбы съ враждебными элементами. Сейчасъ же покажется, что эти враждебные элементы разольются непобѣдимою отравою во всемъ нашемъ общественномъ организмѣ, и погубятъ его, и вотъ является мысль не о развитіи своихъ внутреннихъ силъ, а о томъ чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ противниковъ. Всякая борьба насъ пугаетъ, всякое испытаніе насъ страшитъ. Мы съ унынiемъ озираемся, и отказываемся вѣрить въ имѣющіяся у насъ нравственныя силы отпора и противодѣйствія. Намъ такъ и кажется, что напримѣръ горсть Поляковъ, пущенная въ нашу среду, такъ возьметъ да и ополячитъ все наше общество, или что появленіе нѣсколькихъ католическихъ ксендзовъ совратитъ все наше образованное общество и поколеблетъ православіе въ нашемъ народѣ. Въ насъ ни съ того, ни съ сего является убѣжденіе въ чрезвычайной уступчивости, мягкости, слабодушіи или благодушіи нашего народа; является мысль, что съ русскимъ человѣкомъ можно сдѣлать что угодно, что онъ ни для какой серіозной борьбы не годится. Предаваясь такимъ мыслямъ, мы забываемъ, что нашъ народъ изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ преимущественно отличается силою упора; мы забываемъ всю нашу исторію, мы забываемъ какихъ страшныхъ усилій и какой крови стоили у насъ всякіе вынужденные повороты въ народной жизни. Ни одинъ народъ такъ крѣпко не отстаивалъ своей старины, ни одинъ народъ не оказывалъ такого упорства въ храненіи своего обычая; ни одинъ народъ не содержитъ въ себѣ такой силы охранительнаго начала какъ русскій. Менѣе всего можно упрекнуть русскаго человѣка въ излишней уступчивости или въ излишней податливости. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія; объ этомъ свидѣтельствуютъ милліоны русскаго люда подвергавшагося въ продолженіи вѣковъ всевозможнымъ гоненіямъ и кознямъ....

Всего чаще приходится намъ слышать сужденія о незрѣлости русскаго народа. Возникаетъ ли рѣчь о какомъ-либо важномъ преобразованіи въ нашемъ политическомъ быту, сейчасъ же является на сцену эта вѣчная незрѣлость русскаго народа. Заговоримъ ли мы напримѣръ о присяжныхъ, сейчасъ же какъ у поклонниковъ, такъ и у порицателей русской народности, является сомнѣніе въ возможности у насъ присяжныхъ, по причинѣ нашей незрѣлости; заговоримъ ли о возможности какого-либо правильнаго органа для заявленія желаній и потребностей страны,—опять качаютъ головою умные люди, и ссылаются на незрѣлость русскаго народа. Вездѣ и во всемъ эта ужасная незрѣлость! Но что такое зрѣлость, и что такое незрѣлость? Странное дѣло! Очень часто сужденія о незрѣлости русскаго народа для политической жизни приходится слышать отъ людей самаго консервативнаго свойства. Спросите же этихъ консервативныхъ людей, какой зрѣлости они хотятъ? что разумѣютъ они подъ зрѣлостію? въ чемъ видятъ ея признаки? Въ томъ ли, чтобы въ народѣ образовалось какъ можно болѣе бродячихъ элементовъ? Въ томъ ли, чтобы разшаталась его организація? Въ томъ ли чтобы въ немъ зародились смуты, и развились общественные недуги? Въ томъ ли, чтобы народъ утратилъ крѣпость своихъ вѣрованій, твердость основныхъ началъ своего государственнаго быта? Такой ли поры дожидаться? Это ли называется зрѣлостію? Неужели этого надобно дожидаться, и этого желать какъ начала новой эпохи, а не предотвращать, напротивъ, возможность такихъ печальныхъ явленій развитіемъ народныхъ силъ въ эпоху ихъ истинной зрѣлости,—ибо эпоха истинной зрѣлости народныхъ силъ есть эпоха ихъ крѣпости. Но, говорятъ, народъ нашъ недостаточно образованъ; къ тому же, въ немъ множество пороковъ и недостатковъ. Не всякое образованіе служитъ признакомъ политической зрѣлости. Мы можемъ указать на народы, отличающіеся большимъ образованіемъ, но лишенные политическаго духа, лишенные той организаціи, которою условливается правильное развитіе политической жизни,—народы надломленные и ничтожные въ политическомъ отношеніи, при всемъ блескѣ ихъ литературнаго или ученаго образованія. Что же касается до разнаго рода недостатковъ и пороковъ нашего народа или нашего общества, то намъ слѣдуетъ прежде всего спросить себя, откуда они взя-

лись, что̀ ихъ поддерживаетъ и развиваетъ? Не отсутствіе ли общественной самодѣятельности и политической жизни? Не въ томъ ли главная бѣда, что мы вопреки дѣйствительности наладили считать себя незрѣлыми, между тѣмъ какъ мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близки къ перезрѣлости? Не въ томъ ли наша главная бѣда что, обладая здоровыми и дюжими ногами, мы боимся стать на нихъ и сидимъ, поджавши ихъ подъ себя, воображая, что онѣ у насъ стеклянныя?

Но народу противополагаютъ у насъ высшіе классы общества, и указываютъ на иноземные обычаи, которые тамъ господствуютъ, на французскую рѣчь, которая еще до сихъ поръ замѣняетъ тамъ русскую, пріучая умы къ чуждымъ сочетаніямъ понятій, къ чуждому складу мысли. Противоположность въ бытѣ между низшими и высшими классами, дѣйствительно, существуетъ у насъ,—но гдѣ же нѣтъ этой противоположности? У насъ правда она рѣзче бросается въ глаза, потому что наше высшее образованіе до сихъ поръ еще находится подъ иноземными вліяніями и еще мало оказываетъ въ себѣ внутреннихъ источниковъ развитія,—именно потому самому что мы наладили считать и держать себя малыми дѣтьми. Наше европейское образованіе происхожденія недавняго, и въ немъ все еще отзывается дѣйствіе того насильственнаго переворота, отъ котораго оно пошло. Но мы не должны преувеличивать значеніе той розни, которую мы замѣчаемъ въ составѣ нашего общества. Несмотря на иноземный складъ нашего высшаго образованія, оно не разрознило такъ глубоко высшіе классы нашего общества со всѣмъ народомъ, какъ многіе думаютъ. Рознь оказывается болѣе на поверхности нежели въ глубинѣ. Одна и та же сила проходитъ сверху до низу и снизу вверхъ, съ каждымъ днемъ преодолѣвая и сглаживая возникшую рознь. Говоря о нашихъ высшихъ классахъ, мы не должны видѣть въ нихъ нѣчто совершенно однородное, какъ будто все что только къ нимъ принадлежитъ есть одно и то же, aliquid continuum. Люди, принадлежащіе къ этимъ классамъ, находятся въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, представляютъ собою самые разнородные элементы. Одни ничего не дѣлаютъ, другіе служатъ, третьи живутъ среди народа, и при весьма естественномъ различіи въ условіяхъ и образѣ жизни, составляютъ съ нимъ одно цѣлое. Одни фантазируютъ, сочиняютъ, и вообще живутъ въ понятіяхъ чуждыхъ окружающей дѣйствительности; другіе дѣйствуютъ на разныхъ служебныхъ поприщахъ, образуя свой особый міръ. Но многое множество живутъ среди этой самой страны, одною жизнію съ ней, принадлежатъ ей всѣми своими интересами и могутъ служить надежными, вѣрными и просвѣщенными органами ея желаній и потребностей. Этихъ людей, слава Богу, съ каждымъ годомъ прибываетъ въ нашей общественной средѣ. Число ихъ будетъ возрастать еще въ большей пропорціи; все что̀ теперь ничего ни дѣлаетъ или изнуряетъ себя въ безплодныхъ фантазіяхъ и въ пустыхъ отвлеченностяхъ будетъ присоединяться къ нимъ, по мѣрѣ развитія въ нашемъ обществѣ практическихъ интересовъ, по мѣрѣ развитія политической жизни въ нашемъ отечествѣ.

Не много нужно для того чтобы наши народныя силы могли выйдти на свѣтъ, обнаружить свое плодотворное дѣйствіе на собственную нашу жизнь и могущественно отозваться въ Европѣ. Мы привыкли ставить мысль свою на дыбы, привыкли напрягаться и воображать себѣ Богъ знаетъ какія задачи, когда рѣчь зайдетъ напримѣръ о развитіи нашихъ нравственныхъ силъ. Напротивъ, чѣмъ проще будемъ мы смотрѣть на дѣло, чѣмъ легче мы за него примемся, тѣмъ лучше оно пойдетъ. Нужно только ввести въ жизнь начало, а послѣдствія его не замедлятъ оказаться повсюду въ нашей жизни.

№ 215.

Москва, 4-го октября.

Государство, среди другихъ государствъ, должно полагать свою силу не въ томъ или другомъ союзѣ, а въ томъ чтобы не находиться въ зависимости ни отъ какого отдѣльнаго союза. Положеніе государства тѣмъ лучше чѣмъ оно свободнѣе, то-есть чѣмъ менѣе нуждается въ какомъ-нибудь отдѣльномъ союзѣ. Это правило общее какъ для людей, такъ и для государствъ, правило общее и въ политическомъ, и въ физическомъ мірѣ. И человѣкъ только тогда можетъ положиться на свои добрыя отношенія къ людямъ, когда онъ ни на кого не ложится всею своею тяжестію. Центръ тяжести государства долженъ находиться

въ немъ самомъ; оно прежде всего должно опираться на себя, и стоять крѣпко на собственныхъ ногахъ, и только при этомъ условіи можетъ оно находиться въ благонадежныхъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, съ которыми сближаютъ его взаимные интересы.

Но какъ бы ни казался желателенъ какой-либо союзъ, государство не должно жертвовать для него ни однимъ изъ своихъ существенныхъ интересовъ. Всего хуже тѣ союзы, которые заключаются вопреки существеннымъ интересамъ страны, единственно для достиженія какой-либо случайной цѣли. Такіе союзы могутъ иногда походить на тѣ безумныя, безчестныя и пагубныя сдѣлки, которыя заключаютъ между собою интересы несогласные, какъ напримѣръ мы видимъ теперь у Поляковъ стачку между панами, ксендзами и красными революціонерами.

Наполеоновская Франція есть именно та держава, съ которою Россія ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, ни для какой цѣли, не можетъ вступать въ отдѣльный союзъ. Именно Франція и именно Россія не могутъ сближаться въ отдѣльномъ союзѣ, не подвергая и себя, и миръ Европы самой серіозной опасности. Таковъ темпераментъ обѣихъ этихъ державъ, что Россія не можетъ поставить ни одинъ изъ своихъ интересовъ, а также ни одинъ изъ европейскихъ вопросовъ въ зависимость отъ союза своего съ Франціей. Но всего менѣе возможно сближеніе ихъ на Востокѣ. Франція есть именно та европейская держава, съ которою Россія не можетъ, не должна сближаться по восточнымъ дѣламъ. Самый главный интересъ нашъ на Востокѣ,—интересъ не фантастическій, а дѣйствительный,—составляющій всю нашу силу тамъ, находится въ постоянной и непримиримой борьбѣ съ тѣми интересами и началами, которые, тамъ же представляетъ собою французская политика. Россія, держава православная, по преимуществу призванная защищать интересы грекоосточной церкви, и обязанная этому призванію всѣмъ своимъ значеніемъ, всею своею силой на Востокѣ, не можетъ тамъ ни въ чемъ сближаться съ Франціей, которая на Востокѣ же является, по преимуществу представительницей римско-католическихъ интересовъ.

Въ наши столкновенія съ Англіей на Востокѣ никогда не были и никогда не могутъ быть замѣшаны интересы православія. На востокѣ мы можемъ враждовать съ Англіей, можемъ также и находиться съ нею въ добромъ согласіи, смотря по обстоятельствамъ или по настроенію нашей политики; но между ею и нами никогда не можетъ быть на этой почвѣ того глубокаго, того внутренняго противоборства, которое раздѣляетъ насъ съ Франціей. Наше сближеніе съ Франціей можетъ только ослаблять и ронять насъ на Востокѣ. Сближаться тамъ съ Франціей значило бы выпускать изъ рукъ защиту православной церкви на Востокѣ, значило бы сойдти съ того основанія, на которомъ зиждется вся сила Россіи въ тѣхъ мѣстахъ, значило бы опустить то великое знамя, которое даетъ ей все ея значеніе на Востокѣ, значило бы подорвать тамъ свое вліяніе, значило-бы отвратить отъ себя всѣ православныя народонаселенія на Востокѣ. Какіе бы другіе результаты ни имѣлись въ виду, всѣ они оказались бы ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ ущербомъ, который заключается въ простомъ фактѣ сближенія Россіи съ Франціей на Востокѣ. Это сближеніе могло бы имѣть единственною выгодою изолировать и обезсилить тамъ Англію (опытъ свидѣтельствуетъ, однако, въ какой мѣрѣ сближеніе наше съ Франціей можетъ увѣнчаться такимъ результатомъ); но это значило бы поступать такъ, какъ поступаетъ тотъ, кто рѣшается цѣною самаго лучшаго, самаго дорогаго достоянія своего купить случай чѣмъ-нибудь досадить случайному противнику.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ, присутствіе русской эскадры въ портахъ Соединенныхъ Штатовъ есть событіе особенной важности. Это результатъ политики предусмотрительной и дальновидной, и мы не можемъ не порадоваться, что правительство наше поспѣшило при возникшихъ затрудненіяхъ съ западными державами выслать въ Океанъ часть своего флота. Планъ этотъ былъ исполненъ какъ нельзя успѣшнѣе: восемь судовъ съ тремя стами орудій вышли, если не ошибаемся, во второй половинѣ іюля, изъ Кронштадта, не узнанные перебрались черезъ Зундъ, переплыли Океанъ, и вотъ теперь съ торжествомъ встрѣчаются въ сѣверо-американскихъ портахъ. Здѣсь, въ этихъ портахъ, наши триста орудій принесутъ самую существенную услугу Россіи, и окажутъ не малое вліяніе на ея отношенія къ западнымъ держа-

вамъ. Появленіе этихъ трехъ сотъ орудій въ Атлантическомъ Океанѣ и въ нью-йоркскомъ портѣ почти имѣетъ для насъ цѣну выигранаго генеральнаго сраженія. Болѣе дѣйствительной демонстраціи невозможно было бы придумать, и французская журналистика, сообщая это извѣстіе, едва можетъ скрывать свою досаду.

Наше сближеніе съ Соединенными Штатами полезно во всякомъ случаѣ. Россія въ настоящее время пользуется тамъ особенною популярностію, и только съ нею Соединенные Штаты могутъ теперь находиться въ союзѣ. Въ случаѣ европейской войны, Американцы наши естественные, вѣрные и дѣятельные союзники.

Благодаря всѣмъ послѣднимъ событіямъ, система политическаго равновѣсія государствъ перестаетъ быть системою только европейскою и становится всемірною. Волею или неволею, Америка втягивается въ кругъ этой системы. Англійская политика, съ удивительнымъ искусствомъ, умѣла завлечь Наполеона III въ заатлантическое предпріятіе, и связать судьбы Франціи съ американскими дѣлами. Франція теперь не только во Франціи, но и въ Мексикѣ. Ея европейское положеніе находится теперь въ большой зависимости отъ ея положенія въ Америкѣ. Польскій вопросъ, такъ враждебно поднятый противъ насъ Франціей, побудилъ и насъ бросить часть нашихъ военныхъ силъ въ американскія воды. Но мы прибыли туда не съ какими-либо завоевательными или благотворительными замыслами. Мы не желаемъ вмѣшиваться въ американскія дѣла; мы прибыли туда лишь для собственнаго удобства, а между тѣмъ Американцы рады этому нашему удобству какъ своему собственному, и теперь присутствіе наше въ американскихъ водахъ на столько же ослабляетъ Францію въ Европѣ, на сколько усиливаетъ насъ. Правительство Наполеона не можетъ не видѣть что, въ случаѣ войны, Россія не ограничится однимъ оборонительнымъ положеніемъ, и будетъ имѣть возможность нанести противнику самый чувствительный ударъ въ его мексиканскихъ затѣяхъ. Междуусобіе въ Сѣверной Америкѣ приближается къ концу, Югъ видимо изнемогаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что американскіе друзья наши не упустятъ удобнаго случая отблагодарить Францію за ея великодушные порывы признать Югъ воюющею стороною, и за ея затѣю устроить наилучшимъ образомъ американскія дѣла и облагодѣтельствовать Мексику.

Сближеніе съ Соединенными Штатами было бы полезно для Россіи и въ томъ отношеніи, что могло бы придать ей бо́льшую самостоятельность и свободу въ ея европейскихъ союзахъ. Это сближеніе, расширяя кругъ политическаго дѣйствія Россіи, побудитъ и Англію быть податливѣе въ отношеніяхъ своихъ къ ней. Свойство нашихъ международныхъ отношеній таково, что сближеніе наше съ Франціей есть вражда съ Англіей, а каждый шагъ въ сближеніи съ Соединенными Штатами будетъ сопровождаться шагомъ Англіи для сближенія съ нами, если только намъ удастся устроить такъ свои отношенія къ Сѣверной Америкѣ, чтобы въ случаѣ нужды она могла имѣть надежду опереться на насъ. Чѣмъ выгоднѣе для Соединенныхъ Штатовъ будетъ союзъ съ нами, тѣмъ желательнѣе будутъ для Англіи добрыя отношенія къ намъ. Мы не можемъ отказаться отъ значенія морской державы; у насъ есть флотъ, и у насъ долженъ быть флотъ. У насъ отняли Черное море; но флотъ нашъ можетъ быть дѣйствительною и полезною силою не въ Черномъ морѣ, также не въ Балтійскомъ, а въ океанахъ. Нѣсколько добрыхъ фрегатовъ нашихъ въ Тихомъ или въ Атлантическомъ Океанѣ стоятъ цѣлаго флота въ Балтійскомъ морѣ или Севастополя въ Черномъ.

№ 216.

Москва, 5-го октября.

Мы поговоримъ сегодня объ одномъ письмѣ изъ числа полученныхъ нами отъ Поляковъ изъ Кіева (все изъ Кіева!) Авторъ этого письма изъявляетъ не то презрѣніе, не то негодованіе, при видѣ русскаго патріотизма. Онъ не хочетъ „легкомысленно касаться своею тростію этого муравейника „и помѣшать ему въ самый разгаръ его „патріотической работы;“ но онъ рѣшился тѣмъ не менѣе сообщить намъ свои замѣчанія для нашего личнаго вразумленія и назиданія.

Предметомъ для его замѣчаній служитъ польскій вопросъ въ нашемъ западномъ краѣ. Оказывается, что мы всѣ были въ страшномъ заблужденіи. Весь міръ говорилъ о польскомъ возстаніи,—а вотъ ока-

зывается, что хотя въ западномъ краѣ и было возстаніе, но не польское противъ Россіи, а русское противъ Поляковъ. Оказывается, что было возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, и что этимъ возстаніемъ руководила полиція и предводительствовало наше православное духовенство. Итакъ въ западномъ краѣ мятежниками были не Поляки, а Русскіе, и движеніе, которое чинили эти Русскіе, было движеніе чисто-соціальное. „Оно," говоритъ нашъ кіевскій Полякъ „преобразовалось въ патріотическое уже по сказкамъ вашихъ оффиціальныхъ корреспондентовъ, какъ напримѣръ „Кояловичъ, который вкладываетъ въ уста „народа придуманныя имъ самимъ рѣчи. Невозможно, чтобы вы не знали вѣрно эпизодовъ этого движенія, если въ самомъ „дѣлѣ относились къ дѣлу добросовѣстно... „Невѣроятно, чтобы вы не знали, что народъ былъ совершенно равнодушенъ къ „движенію, пока полиція и священники не „пугали его, что Поляки жгутъ и рѣжутъ" (какъ будто это не правда!) „что будутъ „записывать ихъ опять въ крѣпостные и „насильно обращать въ латинскую вѣру" (какъ будто въ этомъ не увѣрены наши крестьяне въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ!)... „Мало того нужно было „еще ихъ поднять, и неужели вы не знаете, что ихъ поднимали обѣщаніемъ добычи и что они, связавъ помѣщика и сдавъ „его исправнику, сами завладѣли экономическими лугами и пашнями, вырубили лѣса „и подѣлились движимостями? Это не одиночный примѣръ, не исключеніе. Характеръ *возстанія* (sic) былъ однообразенъ „отъ Минской до Кіевской губерніи. Вездѣ „замѣчался одинъ условный планъ, одинъ „лозунгъ. Неужели вы не знаете того затруднительнаго положенія полиціи, когда „она сама нашлась въ необходимости останавливать развившійся грабежъ и своеволіе" (и на югѣ, какъ кажется, съ большимъ усердіемъ, которое удовольствовало и успокоило встревоженныхъ Поляковъ), „и когда „въ глаза ей говорили крестьяне, что она „ихъ обманула („пиддурыли насъ"), обѣщая имъ помѣщичьи земли?"

Вотъ до какой наивности доходятъ люди, или лучше сказать вотъ до какой увѣренности въ нашей наивности доходятъ господа Поляки, живущіе въ нашемъ старомъ, Кіевѣ, который они считаютъ своею собственностію! „Неужели вы надѣетесь," восклицаетъ нашъ кіевскій Полякъ, обращаясь къ намъ, „что успѣете закрыть „истину, что добросовѣстная оцѣнка настоящихъ событій не откроетъ на сколько въ нихъ коварства и интриги?.. Гдѣ „нѣтъ честности въ борьбѣ, тамъ не можетъ быть ея и въ мирѣ".

Итакъ оказывается, что интрига, коварство, правила польскаго катихизиса, все это не на польской, а на русской сторонѣ,—во всемъ этомъ виноваты не Поляки, а Русскіе, то русское общество которое, благодаря своему безучастію ко всѣмъ вопросамъ политическимъ и общественнымъ своего отечества, жило до нынѣшняго года почти въ невѣдѣніи о самомъ существованіи Поляковъ въ западномъ краѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ окружающимъ народонаселеніямъ, то русское общество, не имѣющее ни какой организаціи, которая давала бы ему возможность и возлагала бы на него обязанность заботиться объ интересахъ своего государства, своего народа, своей церкви. Интрига и коварство! Увы! кто теперь въ Россіи не чувствуетъ, не знаетъ, что интрига работаетъ у насъ повсюду, что она дѣйствуетъ на всѣхъ путяхъ, что она захватываетъ всѣ наши дѣла, что она грозила намъ безсмысленнѣйшими революціями, заставляла вѣрить въ ихъ дѣйствительность, что она надѣялась воспользоваться освобожденіемъ крестьянъ, что она готовилась раздробить русскую землю и уничтожить русское государство, что она надѣялась и теперь еще надѣется возстановить у насъ сословіе противъ сословія, что она наконецъ создала у насъ польскій вопросъ, произвела на свѣтъ польское возстаніе, и поставила Россію въ то несчастное положеніе предъ Европою, въ которомъ она такъ недавно находилась и изъ котораго можетъ-быть придется ей выходить войною? Мы считали себя жертвами интриги: что же оказывается? оказывается, что мы сами интригуемъ противъ Поляковъ и что мы бунтуемъ противъ нихъ въ западномъ краѣ!

Вся бѣда Поляковъ (и, прибавимъ вся бѣда Русскихъ) состоитъ именно въ томъ, что Поляки, и вообще всякіе ловкіе люди, соблазняемые поверхностію, не видя никакой организаціи общественныхъ силъ въ Россіи, начинаютъ дѣйствовать, и дѣйствуютъ успѣшно, пока не грянетъ громъ, пока дѣло не прорвется и пока всѣ эти разсыпанные, растерянные, шаткіе люди не

обнаружать вдругъ одну великую цѣльную силу, готовую на всякую борьбу и на всѣ испытанія. Видя господствующій у насъ разбродъ мнѣній, вслѣдствіе отсутствія политической жизни въ обществѣ, наши благопріятели вовсе не подозрѣваютъ въ насъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя есть у насъ, хотя въ обыкновенное время онѣ бездѣйствуютъ, и которыя всегда спасали русскую землю; тѣхъ силъ о которыхъ и сами мы имѣемъ смутное понятіе, именуя ихъ попросту „русскимъ богомъ“. Наши благопріятели, да и мы сами, видимъ ничтожество зыбкихъ мнѣній, бродящихъ будто грезы надъ погруженными въ дремоту общественными силами, и думаемъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ такая дрянь, какими кажемся; но наши благопріятели, и мы сами забываемъ, что это видимое ничтожество бродящее на поверхности нашего общества есть въ полной мѣрѣ ничтожество, что оно ничего не выражаетъ, ничего не значитъ, что на него нельзя разчитывать, что оно какъ разъ обманетъ, что оно есть только призракъ, порождаемый дремотою нашихъ общественныхъ силъ, — и вотъ, увлекаясь разчетами на наше ничтожество и глупость, ловкіе люди и изъ Поляковъ, и изъ своихъ попадаются въ просакъ, и потому-то Полякамъ въ нашемъ народѣ придается эпитетъ не слишкомъ лестный для ихъ здраваго смысла и сообразительности.

Кіевскій Полякъ, почтившій насъ своимъ письмомъ, негодуетъ на то, что въ газетѣ *День* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было изъявлено опасеніе за личную безопасность Поляковъ посреди русскихъ народонаселеній западнаго края, въ случаѣ если они будутъ продолжать свои затѣи. Мы однажды сказали, что въ случаѣ войны, которою грозила намъ Европа, „въ этихъ областяхъ, несмотря даже на всѣ усилія правительства, будетъ истреблено раздраженнымъ народомъ все что носитъ польское имя.“ Господинъ кіевскій Полякъ видитъ въ этомъ коварную интригу съ нашей стороны, подущеніе народа въ западномъ краѣ къ ужаснымъ злодѣйствамъ, и смѣется надъ нашею логикой, находя несообразнымъ, что правительство, считающее себя достаточно сильнымъ для того чтобы принять вызовъ на европейскую войну, не могло бы оградить польскихъ пановъ и ксендзовъ отъ сельскаго люда, раздраженнаго ими. Однако, какъ ни слаба наша логика, мы можемъ увѣрить нашего польскаго корреспондента изъ Кіева, что она все-таки можетъ устоять противъ его аргументовъ.

Мы совершенно согласны съ нимъ относительно пагубнаго дѣйствія общественныхъ потрясеній. Мы очень хорошо понимаемъ, какими бѣдствіями сопровождаются раздоры между общественными классами, и какую отраву оставляютъ они послѣ себя въ общественномъ организмѣ; но потому-то мы и проклинаемъ виновниковъ той интриги, тѣхъ заговоровъ, тѣхъ махинацій, которые имѣли своимъ послѣдствіемъ польскій мятежъ.

Удивительные люди эти господа Поляки! Вздумали бунтовать, и хотятъ, чтобы дѣло это обошлось самымъ пріятнымъ для нихъ образомъ. Они вооружились, организовали шайки, наняли жандармовъ-вѣшателей, и хотятъ, чтобы все вокругъ безмолвно и почтительно признало этотъ фактъ. Они умышляютъ раздробить Русское государство, и отодвинуть его къ Уралу, создать на русской землѣ, изъ русскаго народа, даже русскими средствами, какое-то новое польское государство, — и желаютъ, чтобы все это произошло въ наилучшемъ порядкѣ, безъ всякихъ общественныхъ потрясеній, безъ всякаго сопротивленія со стороны русскаго *быдла*, которое ихъ окружаетъ. Они бунтуютъ, и не могутъ понять, какъ это русскіе *хлопы* осмѣлились взбунтоваться противъ бунтовщиковъ, возмутиться противъ мятежниковъ!

Имъ было бы, конечно, желательно, чтобы въ западныхъ областяхъ русское правительство силой приводило хлоповъ въ повиновеніе возмутившимся панамъ, какъ это дѣлалось въ Царствѣ Польскомъ, и вмѣсто подавленія возстанія, употребляло всѣ свои усилія на его огражденіе и обезпеченіе отъ разныхъ непріятностей со стороны вызванныхъ имъ народныхъ страстей.

Страсти — всегда и вездѣ страсти. Въ нихъ всегда и вездѣ бываетъ нечистая примѣсь. Кто не хочетъ зла, тотъ не вызывай его, а кто его вызвалъ, тотъ съ нимъ и расплачивайся. Польскіе паны въ западныхъ областяхъ должны были знать, что борьба, которую они здѣсь затѣяли, не могла не принять до нѣкоторой степени соціальнаго характера. Составляя ничтожное меньшинство въ общей массѣ народонаселенія, они въ то же время составляютъ большинство въ средѣ высшихъ классовъ въ западномъ краѣ. Польскіе паны должны были бы понять, что по этому то самому имъ и не

слѣдуетъ не только бунтовать, но и держаться въ отчужденіи отъ того народа, среди котораго они живутъ, пользуясь преимуществами своего высшаго общественнаго положенія. Это высшее общественное положеніе возлагаетъ на нихъ отвѣтственность. Ихъ обязанность—проникнуться чувствомъ своего политическаго долга, и стоять во главѣ народа не въ качествѣ явныхъ или тайныхъ злоумышленниковъ, не въ качествѣ мятежниковъ, или гражданъ несуществующаго государства, но въ качествѣ честныхъ гражданъ того дѣйствительнаго государства, подъ сѣнію котораго они живутъ и охраненію и благосостоянію котораго должны способствовать. Если они желаютъ серіозно подумать о своемъ положеніи, то они должны взвѣсить и свое общественное значеніе въ томъ краѣ гдѣ живутъ, и свои національныя польскія притязанія, и отказаться отъ послѣднихъ въ пользу перваго, потому что одно съ другимъ несовмѣстно. Зло не внѣ ихъ находится; зло сидитъ въ нихъ самихъ. Не хлопы, на которыхъ они жалуются, и не полиція, которая, напротивъ, была слишкомъ податлива къ польскимъ панамъ, придали вызванному ими самими народному движенію видъ соціальнаго; они сами придали ему этотъ видъ. Въ нихъ самихъ происходитъ тотъ антагонизмъ, который приводитъ и ихъ и цѣлый край въ печальное и фальшивое положеніе. Они составляютъ высшій общественный классъ въ русскихъ областяхъ; они—русскіе землевладѣльцы, русскіе дворяне, и въ то же время они—польскіе патріоты и враги всего русскаго. Не сами ли они, питая въ себѣ свою польскую національность съ ея враждебными Россіи притязаніями, отравляютъ свое общественное положеніе? Не сами ли они проводятъ по чертѣ, характеризующей ихъ общественное положеніе, другую черту,—черту чуждой и враждебной національности? Не сами ли они, поднимая знамя мятежа во имя своей національности, даютъ всѣ права противъ себя громадному большинству народонаселенія, тому что они называютъ *быдломъ*, то-есть по русски скотомъ.

Но ясновельможные паны напрасно жалуются на это *быдло*, напрасно хотятъ они опорочить его и представить его подъ видомъ соціальнаго чудовища, которое поспѣшило воспользоваться случаемъ, чтобы накинуться на нихъ и пожрать ихъ. Конечно нельзя хуже вести себя относительно подвластныхъ народонаселеній, какъ вели себя польскіе паны, вездѣ, гдѣ только они властвовали: объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, объ этомъ свидѣтельствуетъ и очевидная дѣйствительность. Однакожъ соціальное чудовище, о которомъ они говорятъ съ такимъ ужасомъ, вело себя такъ умѣренно, какъ только можно было бы пожелать въ подобныхъ обстоятельствахъ: несмотря на страсти, которыя должны были естественно разыграться, и въ которыхъ столь же естественно должна была оказаться разная примѣсь,—никакой *жакеріи*, никакой пугачевщины не было въ западномъ краѣ. Мятежниковъ крестьяне вязали и передавали властямъ; не могло, конечно, обойдтись и безъ того, чтобы тому или другому не помяли боковъ; но при всеобщемъ волненіи объявшемъ край, даже подъ впечатлѣніемъ неистовствъ, которыя совершались мятежниками и ихъ жандармами,—народной расправы, на которую назывались они сами, все-таки не видно, за исключеніемъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаевъ. Увлекаясь духомъ лжи, польскіе націоналы готовы взводить всевозможныя клеветы на правительство и на народъ, противъ которыхъ они злоумышляютъ. Въ благодарность за то, что законная власть сдерживала естественное и заслуженное раздраженіе народа противъ мятежниковъ, въ благодарность за то, что народъ не далъ полной воли своимъ страстямъ и велъ себя такъ, какъ можетъ-быть ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ не вела бы себя въ подобномъ случаѣ народная чернь, кіевскій Полякъ называетъ насъ варварами и совѣтуетъ перечитать несчастную статью „*Роковой вопросъ*“. Упрекая насъ, онъ забылъ, какъ въ Австріи, государствѣ цивилизованномъ, правительство расправлялось съ галицкими панами, какъ тамъ поступали съ ними польскіе крестьяне. Неужели онъ забылъ это, неужели онъ этого не знаетъ?

Нѣтъ! не движеніе народное, подавившее польскій мятежъ въ западныхъ губерніяхъ, заслуживаетъ упрекъ въ нечистой примѣси; не въ немъ отрава, а въ свойствахъ того возстанія, которое затѣяно Поляками. Нельзя безъ омерзѣнія слышать этотъ тонъ добродѣтельнаго негодованія въ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ русскихъ крестьянъ, которые ловили мятежниковъ, и эти лицемѣрныя восклицанія о *соціальномъ* характерѣ этихъ дѣйствій. Господа эти какъ будто не зна-

ютъ, на какихъ началахъ основана эта бездна лжи и зла, называемая польскимъ вопросомъ и польскимъ возстаніемъ, и они-то проповѣдуютъ намъ о честности въ борьбѣ! Что мы видимъ въ организаціи польскаго возстанія? Ксендзъ завѣдомо братается съ атеистомъ и благословляетъ его на убійства, землевладѣлецъ подастъ руку завѣдомо людямъ отрицающимъ всякую собственность, паны, проникнутые до мозгу костей фамильною гордостію, соединяются съ демократами и соціалистами всѣхъ оттѣнковъ красноты. Въ надеждѣ обмануть другъ друга при развязкѣ, самыя несовмѣстимыя начала, самые непримиримые интересы и стремленія заключаютъ между собою фальшивый союзъ: сколько же, спрашивается, лжи, сколько обмана должно заключаться въ этой безобразной коалиціи! И вотъ находятся однако люди, которые могутъ ожидать какихъ-либо добрыхъ послѣдствій отъ этой чудовищной лжи! И намъ проповѣдуютъ о чистотѣ народнаго движенія и объ отравѣ, которую сообщаетъ ему соціальная примѣсь, проповѣдуютъ въ то самое время, когда польское подземное правительство заманиваетъ крестьянъ обѣщаніемъ даровыхъ земельныхъ надѣловъ и разсылаетъ своихъ агентовъ по всей Россіи съ фальшивыми манифестами и такъ-называемыми золотыми грамотами!

Честные Поляки должны понять сами, что дѣла въ западномъ краѣ не могутъ оставаться въ томъ положеніи въ какомъ они были доселѣ. Честные Поляки должны понять, что для нихъ одинъ исходъ въ Россіи—стать Русскими въ полномъ значеніи этого слова. Только этимъ могутъ они спасти и себя, и свое общественное положеніе. А мы должны хорошенько понять, что до тѣхъ поръ, пока мы сами не поможемъ имъ убѣдиться въ несостоятельности ихъ польскихъ притязаній, пока мы не примемъ дѣятельныхъ мѣръ къ тому, чтобы высшіе классы въ западныхъ губерніяхъ не служили намъ символомъ чуждой и враждебной національности, мы будемъ имѣть въ тѣхъ мѣстахъ источникъ всякихъ затрудненій для наступающей политической жизни въ нашемъ отечествѣ. Польскую національность мы ни въ какомъ случаѣ не должны признавать въ этомъ краѣ, и вообще мы не можемъ и не должны мириться съ Поляками до тѣхъ поръ, пока существенно не измѣнятся условія землевладѣнія въ томъ краѣ, и пока польская національность не перестанетъ служить намъ символомъ особаго общественнаго состоянія.

№ 217.

Москва, 7-го октября.

Чѣмъ характеризуется государственное искусство, чѣмъ измѣряется мудрость и геній политическихъ дѣятелей? Умѣньемъ собрать въ своихъ рукахъ всѣ нити даннаго вопроса, не выпуская ни одной, и рѣшимостію воспользоваться всѣми элементами необходимыми для его рѣшенія. Всякое дѣло имѣетъ много сторонъ; всякое дѣло есть совокупность разнообразныхъ условій и способовъ; а потому всякое сколько нибудь значительное дѣло можетъ считаться исполненнымъ не прежде, какъ будутъ взяты въ разчетъ всѣ его стороны, пущены въ ходъ всѣ его способы, удовлетворены всѣ его требованія. Нѣтъ ничего хуже, какъ успокоиваться на какомъ-нибудь одномъ способѣ, ведущемъ къ предположенной цѣли и оставлять безъ вниманія другіе, которые могутъ вести къ той же цѣли. Какъ бы ни были мы увѣрены въ важности, дѣйствительности и пользѣ принимаемой нами мѣры, мы отнюдь не должны довольствоваться ею, коль скоро намъ представляются еще и другія мѣры, въ томъ же смыслѣ. Мы только тогда поведемъ дѣло хорошо, когда постараемся исчерпать всѣ способы, имѣя въ виду полноту и точность рѣшенія нашей задачи, а для полноты и точности рѣшенія необходимо воспользоваться всѣми представляющимися элементами и способами. Если тотъ или другой способъ былъ нами опущенъ, то результатъ, котораго мы достигли, окажется невѣрнымъ или неполнымъ, и дѣло снова подвергнется вопросу, — вопросу тѣмъ болѣе опасному, что онъ можетъ застать насъ врасплохъ, пребывающими въ полной увѣренности, что дѣло кончено, такъ какъ мы употребили всѣ мѣры, которыя казались намъ важными, и пренебрегли лишь пустяками, не обѣщавшими существенной пользы. Вотъ такъ-то всегда и дѣйствуетъ политическая несостоятельность, — вотъ такъ-то и возникаютъ неожиданные вопросы, часто подвергающіе опасности цѣлость или благосостояніе государствъ. Истинная мудрость дѣйствуетъ не такъ. Она не успокоится, пока не будетъ исчерпано все, и никакъ не ска-

жетъ себѣ: „довольно! принимая обширную и значительную мѣру, я могу уже не заботиться о другихъ не важныхъ обстоятельствахъ дѣла.“ Истинная мудрость не такъ смотритъ на дѣло; она не считаетъ никакого элемента не важнымъ въ рѣшеніи важнаго дѣла, не пренебрегаетъ никакимъ законнымъ и безвреднымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ, когда оно можетъ показаться излишнимъ. Истинная мудрость знаетъ, что многое, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ кажется намъ не значительнымъ, или даже излишнимъ, можетъ со временемъ, при другихъ обстоятельствахъ, оказаться либо великимъ пособіемъ, либо страшною помѣхой для дѣла, — что какой-нибудь элементъ, кажущійся не важнымъ въ то время, когда наше вниманіе занято соображеніемъ нашей важной мѣры, въ послѣдствіи окажется причиною неудачи этой самой мѣры, лишитъ насъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя мы разчитывали, повергнетъ насъ въ уныніе и заставитъ насъ съ недоумѣніемъ спрашивать себя, почему всѣ важныя и повидимому дѣйствительныя мѣры, нами принятыя, осталося безуспѣшными и безплодными.

У насъ публика не имѣла случая привыкнуть къ обсужденію государственныхъ дѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Поэтому неудивительно, что у насъ распространена наклонность примѣнять къ государственнымъ дѣламъ тотъ образъ дѣйствій или ту точку зрѣнія, которыя приличны въ частныхъ дѣлахъ, а въ государственныхъ дѣлахъ совсѣмъ не умѣстны. „Какая неуступчивость, какая холодная и разчитанная жестокость, какой придирчивый и ненасытный эгоизмъ!“ готовы у насъ восклицать не враги нашего государства, а люди, преданные ему, когда имъ представляется во всей послѣдовательности рядъ мѣръ, требуемыхъ интересами Русскаго государства по польскому вопросу. Сейчасъ же начинаютъ спрашивать: „можно ли настаивать и на томъ, и на другомъ, и на третьемъ? неужели нельзя хоть въ чемъ-нибудь уступить?“ „Уступить! Въ частной жизни мы дѣйствительно должны уступать ближнему; это предписывается нравственностью; это же, если угодно, предписывается и благоразуміемъ: кто ни въ чемъ не хочетъ уступить другому, тотъ считается человѣкомъ тяжелымъ и обыкновенно проигрываетъ въ общежитіи. Въ частныхъ отношеніяхъ, безспорно требуется извѣстная степень добровольной уступчивости. Но спрашивается, что бы такое значила добровольная уступчивость со стороны государства. Когда частный человѣкъ уступаетъ что-нибудь, онъ жертвуетъ своимъ интересомъ въ пользу своего ближняго. Въ пользу какихъ же ближнихъ могло бы государство поступаться своими интересами? Не ясно ли, что отрекаясь изъ уступчивости отъ своихъ интересовъ, добровольно воздерживаясь отъ принятія той или другой мѣры могущей оградить эти интересы, государство можетъ служить лишь интересамъ противоположнымъ, то-есть враждебнымъ ему, тѣмъ интересамъ, съ которыми оно обязано бороться? Но можетъ ли быть крѣпко и существовать спокойно такое государство, которое стало бы упражняться въ подобной уступчивости своимъ врагамъ?

Мы сказали въ предыдущемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, что для польскихъ помѣщиковъ западнаго края одинъ исходъ — стать Русскими въ полномъ значеніи этого слова. Мы прибавили, что только этимъ могутъ они спасти и себя и свое общественное положеніе. Но мы увѣрены, что несмотря на эту оговорку наши слова покажутся многимъ изъ нашихъ либераловъ, особенно петербургскихъ, чѣмъ-то ужасно жестокимъ. Посмотримъ однако же на дѣло съ государственной точки зрѣнія. Высшій классъ въ западномъ краѣ состоитъ почти исключительно изъ Поляковъ. Либерализмъ и гуманность не могутъ идти дальше желанія, чтобы польскіе помѣщики сохранили за собой свое теперешнее общественное положеніе. Но высшій классъ не можетъ сохранить значеніе, если низшіе классы не видятъ въ немъ своего политическаго представителя и предводителя. Мы знаемъ, что аристократія падала не только тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, была враждебно настроена къ простымъ людямъ, но даже и тамъ, гдѣ, какъ въ большей части Германіи, смотрѣла равнодушно на общіе земскіе интересы и предоставляла заботу о нихъ чиновникамъ. Если помѣщики западнаго края будутъ держать себя враждебно къ русской народности, то никакая сила не можетъ сохранить за ними ихъ положенія въ Русскомъ государствѣ и что еще хуже для насъ, никакая сила не оградитъ западный край отъ пробужденія соціальныхъ страстей. Если же мы желаемъ, чтобы западный край обошелся безъ соціальныхъ потрясеній, дѣйствующихъ во

всѣхъ отношеніяхъ разрушительно, то мы должны желать, чтобы высшіе классы этого края отнюдь не ставили себя не только во враждебное, но даже въ изолированное положеніе относительно низшихъ классовъ, и уже конечно мы никакъ не должны считать дозволительнымъ, чтобы Русское государство признавало за польскими землевладѣльцами западнаго края это изолированное положеніе. Ни гуманность, ни либерализмъ не могутъ вести къ тому, чтобы Русское государство вступало въ сдѣлку съ элементами, которые дорожатъ своимъ существованіемъ именно потому что съ нимъ сопряжена надежда на возможность разрушенія Русскаго государства.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ польскіе націоналы кричали, что мы должны отступать за Уралъ. Теперь иные изъ нихъ начинаютъ уже ублажать насъ разсказами, что желаніе завладѣть русскою землей было съ ихъ стороны заблужденіемъ патріотизма и что они готовы довольствоваться собственно польскою землей, а отъ западнаго края совсѣмъ отказываются. Система уступчивости должна придти въ восторгъ. Чего въ самомъ дѣлѣ еще требовать? Въ западныхъ губерніяхъ польскіе помѣщики подаютъ адресы и устраиваютъ пикники; въ Царствѣ Польскомъ умѣренные бросаютъ мечты о Польшѣ 1772 года. Стало-быть все дѣло въ шляхѣ, и мы можемъ отдохнуть отъ лѣтней тревоги, гордясь вдобавокъ своимъ либерализмомъ и своею гуманностью. Но увы! государственные вопросы такъ легко не разрѣшаются и не отдыхъ предстоитъ намъ, а усиленный трудъ.

Никакого польскаго вопроса не должны мы, даже и въ мысли, допускать въ Царствѣ Польскомъ, пока не будетъ окончательно и несомнѣнно рѣшенъ русскій вопросъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ нашихъ. Всякая рѣчь о рѣшеніи польскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ можетъ только вредить нашему дѣлу въ западныхъ губерніяхъ. Польскіе патріоты, послѣ разочарованія, которое ихъ постигло, можетъ-быть будутъ не прочь согласиться на умѣренныя сдѣлки лишь бы только удержать автономію въ Царствѣ Польскомъ. Намъ кажется, что ни о какой автономіи не можетъ быть тамъ и рѣчи, пока не исчезнетъ самая тѣнь польскихъ притязаній въ западномъ краѣ. Всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой задачѣ, и только по ея выполненіи можетъ оказаться какой образъ дѣйствій долженъ быть нами принятъ въ Царствѣ Польскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ способомъ къ рѣшенію этой задачи можетъ быть лишь рядъ тѣхъ мѣръ, которыя создадутъ организацію общественныхъ силъ въ нашемъ отечествѣ и положатъ основаніе дѣятельной политической жизни для русскаго народа. Эти мѣры суть главное условіе рѣшенія задачи. Къ политическимъ мѣрамъ должны очевидно присоединиться мѣры экономическія, имѣющія цѣлію связать западный край съ центральною Россіей; желѣзная дорога изъ Кіева въ Москву съ этой точки зрѣнія есть первѣйшая государственная необходимость. Но несмотря на первостепенную важность этихъ мѣръ, составляющихъ *conditio sine qua non* успѣшнаго рѣшенія польскаго вопроса, все-таки на однихъ этихъ видахъ нельзя успокоиваться. Необходимо немедленно взять все въ разсчетъ и все употребить въ дѣло для искорененія польскихъ притязаній въ западномъ краѣ, твердо помня, что пренебрегать чѣмъ-нибудь возможнымъ или откладывать до завтра то, что можетъ быть сдѣлано сегодня, значитъ затягивать польскій вопросъ и, слѣдовательно, поддерживать въ тамошнихъ Полякахъ враждебность Россіи.

Чуждая и враждебная національность никакъ не можетъ быть терпима въ качествѣ организованной общественной силы. Землевладѣльческое сословіе въ нашихъ западныхъ губерніяхъ никакъ не можетъ быть польскимъ, оно непремѣнно должно быть русскимъ. Эту цѣль не должны мы упускать изъ виду; къ ней должны быть направлены всѣ наши усилія. Общія политическія и экономическія мѣры могутъ могущественно содѣйствовать достиженію этой цѣли, но только зложелатели наши могутъ совѣтовать намъ, чтобы мы положились на эти общія мѣры и за тѣмъ уже не считали нужнымъ пользоваться всякимъ представляющимся случаемъ въ нашемъ государственномъ интересѣ, который требуетъ, чтобы землевладѣльческое сословіе въ западномъ краѣ было не польское, а русское.

Всего лучше, разумѣется, было бы если-бы польскіе помѣщики западнаго края, согласно подаваемымъ ими адресамъ, сами стали смотрѣть на себя какъ на русскихъ дворянъ и совершенно порвали связи съ

тѣмъ несуществующимъ государствомъ, отъ служенія которому они теперь отрекаются. Чѣмъ искреннѣе они будутъ дѣйствовать, тѣмъ легче будетъ для края и тѣмъ лучше будетъ для нихъ самихъ. Но это ихъ дѣло. Что же касается до насъ, то мы очевидно не должны и не можемъ дѣлать уступокъ ничему такому, что не было бы согласно съ тою искренностью, которую мы обязаны предполагать въ нихъ. Такъ напримѣръ если мысль объ отторженіи отъ Россіи искренно оставлена, то польскіе помѣщики западнаго края не имѣютъ никакого основанія желать, чтобы польскія имѣнія не переходили въ русскія руки, равнымъ образомъ они не могутъ находить интереса въ распространеніи польскаго языка, въ ополячиваніи русскихъ людей. На этомъ основаніи мы тѣмъ съ большею энергіей должны содѣйствовать переходу польскихъ имѣній въ русскія руки и противодѣйствовать польской пропагандѣ, чѣмъ бо́льшія усилія будутъ дѣлать польскіе національ, чтобъ отсовѣтовать намъ этотъ образъ дѣйствій. Мы должны знать, что уступая совѣтчикамъ этого рода, мы сами полагали бы сѣмена будущихъ смутъ, потому что сами бы допускали, и какъ бы признавали тотъ духъ, который не можетъ терпѣть рядомъ съ собой Русскаго государства.

Противодѣйствуя полонизаціи края и содѣйствуя введенію русскихъ элементовъ въ тамошнее землевладѣніе, мы поможемъ и самимъ тамошнимъ помѣщикамъ честно исполнить данное ими обѣщаніе. Мы оградимъ ихъ отъ соблазна, съ которымъ трудно бороться человѣку польскаго происхожденія. Мы поставимъ ихъ въ то естественное положеніе, въ которомъ находились, послѣ присоединенія Смоленска къ Россіи, польскіе помѣщики Смоленской губерніи, очень скоро обрусѣвшіе безо всякихъ насильственныхъ мѣръ со стороны русскаго правительства. Мы должны дѣлать съ своей стороны все возможное, должны пользоваться всякимъ законнымъ средствомъ, чтобы поставить въ такое положеніе всѣхъ польскихъ помѣщиковъ западнаго края. Мы должны ясно понимать, что тѣ Поляки, которымъ не понравился бы этотъ образъ дѣйствій, въ тайнѣ злоумышляютъ противъ Русскаго государства.

Къ сожалѣнію, подача адресовъ не препятствуетъ многимъ изъ польскихъ помѣщиковъ всячески заботиться о томъ, чтобъ имѣнія не переходили изъ польскихъ рукъ въ русскія. Намъ пишутъ изъ западныхъ губерній, что тамъ распространяется особаго рода ученіе объ обязанности раззоряющагося Поляка отдавать имѣніе въ аренду, а никакъ не продавать его Русскому или Нѣмцу. Успѣхъ этого ученія не служитъ ли явнымъ доказательствомъ неискренности завѣренія, что Поляки западныхъ губерній отказываются отъ мысли объ отторженіи отъ Россіи? Если польскимъ помѣщикамъ удастся сохранить за собой сплошное землевладѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебность ко всему русскому, и если мы сами, видя такой ходъ дѣлъ, не будемъ противодѣйствовать ему, то къ чему приведетъ это въ будущемъ? Западныя губерніи не сдѣлаются Польшей; это не возможно, но чтобы сдѣлаться имъ вполнѣ русскими, для этого потребуются сильныя потрясенія.

Въ заключеніе отвѣтимъ на одно сдѣланное намъ возраженіе. Говоря о необходимости усилить русскій элементъ въ землевладѣльческомъ классѣ западныхъ губерній, мы упомянули о настоятельной потребности учредить тамъ земскій банкъ для ссудъ русскимъ покупщикамъ имѣній и прибавили что въ видахъ поощренія къ покупкѣ можно бы даровать покупщикамъ сословное повышеніе. Одному изъ нашихъ читателей показалось что это было бы неблаговидно. Мы должны признаться, что не видимъ тутъ ничего неблаговиднаго. Измѣненіе въ землевладѣніи западнаго края есть несомнѣнная государственная необходимость. Если за содѣйствіе государственнымъ займамъ банкиры получаютъ не только дворянство, но и баронство и высокіе чины, то почему не даровать дворянства русскому купцу, который пріобрѣлъ бы въ западномъ краѣ значительное имѣніе, и разумѣется сдѣлалъ бы его заповѣднымъ имѣніемъ въ своемъ родѣ? Услуга, оказанная такимъ купцомъ государству, отнюдь не меньше услуги банкира, помогавшаго займу, а рискъ больше. Банкиръ, услуживая государству, ничѣмъ не жертвуетъ съ своей стороны, а напротивъ получаетъ значительныя выгоды. Русскій купецъ, покупая имѣніе въ мятежномъ краѣ, подвергаетъ себя риску. Возводя такого купца въ дворянство, государство никого бы, кажется, не обидѣло, а между тѣмъ достигало бы результатовъ, предотвращающихъ въ будущемъ опасныя потрясенія и пролитіе крови.

№ 218.

Москва, 8-го октября.

Дальнѣйшія судьбы Россіи много могутъ зависѣть отъ того новаго устройства, которое получитъ ея земство. Будетъ ли это устройство основано на сословномъ началѣ, или оно найдетъ себѣ другія основанія? Вотъ жизненный вопросъ, отъ котораго зависитъ все. Всякая тѣнь сословной организаціи, внесенная въ земство, можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія въ будущемъ.

Правда, у насъ существуютъ особыя права состояній, мы не можемъ разомъ, однимъ почеркомъ пера, исключить эти юридически обозначенныя общественныя состоянія изъ системы существующаго. Но пусть они существуютъ какъ знаютъ, какъ могутъ; должно только желать, чтобы дальнѣйшія учрежденія, касающіяся нашего земства, не основывались на сословной организаціи ни дворянства, ни крестьянства, а нашли себѣ другія основанія.

Главная задача законодателя—сохранить данныя общественныя силы для новыхъ сочетаній, въ которыя онѣ должны войдти. Условія, въ которыхъ жили и дѣйствовали эти силы, отношенія, въ которыхъ онѣ находились, должны измѣниться такъ, чтобы наши общественныя силы были поставлены въ лучшее положеніе и могли благотворнѣе дѣйствовать. Отмѣна крѣпостнаго права совершенно измѣняетъ характеръ нашего земства, и элементы его составляющіе должны отнынѣ вступить въ совершенно новое сочетаніе. Въ новомъ земствѣ, которое теперь нарождается у насъ, не должно имѣть мѣста ни дворянская, ни крестьянская организація. Давая каждому изъ этихъ двухъ главныхъ элементовъ земства особую организацію, мы непремѣнно поставили бы ихъ въ такое отношеніе между собою, которое не замедлило бы мало-по-малу превратиться въ антагонизмъ, а послѣдствія этого антагонизма стѣснили бы и затруднили бы все наше политическое развитіе. Собственный интересъ самихъ крестьянъ, равно какъ и собственный интересъ дворянъ-землевладѣльцевъ требуютъ, чтобы новая организація земства проходила не по той чертѣ, которою съ одной стороны обозначается дворянство, а съ другой стороны крестьянство какъ особыя юридическія состоянія. Новая организація должна проложить себѣ новые пути, пересѣкая своими очертаніями сословныя грани и нигдѣ не совпадая съ ними. Главными основаніями для новой земской организаціи должны служить, очевидно, условія землевладѣнія, и вообще характеръ собственности.

Съ перваго взгляда землевладѣніе у насъ распредѣляется на двѣ главныя группы: владѣніе на правѣ собственности и владѣніе на правѣ пользованія, къ которому примыкаетъ арендное право. Какъ то, такъ и другое подраздѣляется еще на два вида: собственность личная и общинная, пользованіе личное и общинное. Въ этихъ дѣленіяхъ выражаются отношенія къ землѣ, условія землевладѣнія, независимыя отъ сословныхъ дѣленій. Правда, владѣніе землею на общинномъ правѣ есть исключительная принадлежность крестьянъ въ настоящее время, но вопросъ о правахъ состоянія лица владѣющаго землею долженъ быть тутъ оставленъ въ сторонѣ. Крестьянинъ ли владѣетъ землею на правѣ собственности или лицо дворянскаго происхожденія снимаетъ землю въ арендное содержаніе, отношеніе ихъ къ земскому дѣлу должно опредѣляться только условіями землевладѣнія.

Но законодателю предстоитъ, не довольствуясь этими общими очерками, кидающимися въ глаза съ перваго взгляда, вникнуть пристальнѣе и глубже въ эти общія группы, чтобъ отыскать въ нихъ какіе-либо болѣе или менѣе существенные элементы для организаціи земства. Только такая организація можетъ считаться удовлетворительною, въ которой не пропадаетъ даромъ ни одинъ существенный элементъ, не теряется никакая сила, не скрадывается никакое различіе. Въ сплошныхъ массахъ не обнаруживается жизнь органическая; чѣмъ выше и совершеннѣе организація, тѣмъ индивидуальнѣе ея части, такъ что живое тѣло представляетъ собою полноту явственно обозначенныхъ характеристическихъ особенностей, неразрывно связанныхъ въ систему общей жизни.

Общинное землевладѣніе представляетъ только двѣ существенно-различныя группы: общинной собственности и общиннаго пользованія. Землевладѣніе на правѣ личной собственности представляетъ болѣе значительное разнообразіе. Смѣшать и слить всѣ относящіяся сюда группы въ одну сплошную массу значило бы убить ихъ и лишить организацію нашего земства существенныхъ элементовъ, безъ которыхъ она будетъ и скудна, и мертва. Есть характеристическое раз-

личіе, и различіе немаловажное, между собственностію разнаго размѣра. Собственность простирающаяся на нѣсколько десятинъ имѣетъ совершенно другой характеръ нежели собственность, простирающаяся на многія сотни и тысячи десятинъ. Не представляются ли тутъ группы элементовъ глубоко разнящихся между собою и въ условіяхъ своего быта, и въ своемъ политическомъ значеніи? Если же они различены силой вещей, то слѣдуетъ ли законодательству сливать ихъ и такимъ образомъ отрицать дѣйствительно существующее? Вопросъ заключается не въ томъ, дать ли которой-либо изъ землевладѣльческихъ группъ преимущество или какую-либо привилегію передъ другими, вопросъ заключается лишь въ томъ, слѣдуетъ ли убивать существующее.

Разныя группы собственности имѣютъ свои особенности, свои существенные интересы: спрашивается, выиграетъ ли что-либо общая жизнь страны отъ того, что эти интересы, эти особенности, столь характеристическія, столь важныя, столь значительныя, не будутъ въ ней заявлять себя, не будутъ имѣть въ ней мѣста? Выиграетъ ли что-нибудь политическая жизнь страны, если она будетъ основана на подавленныхъ или убитыхъ силахъ?

Если въ кругъ земства можетъ и долженъ быть принятъ собственникъ, владѣющій нѣсколькими десятинами земли, то есть ли смыслъ исключать людей, изъ которыхъ каждый обладаетъ многими сотнями или тысячами десятинъ земли? А это непремѣнно случилось бы, еслибы для участія въ земскомъ дѣлѣ было принято одно общее для всѣхъ основаніе. Если каждому изъ двадцати, тридцати или сорока человѣкъ, составляющихъ группу землевладѣнія высшихъ размѣровъ, дать голосъ совершенно равносильный голосу каждаго изъ всѣхъ остальныхъ элементовъ земства, то это значитъ вовсе лишить его голоса. Владѣлецъ крупной собственности будетъ подавать свой голосъ не какъ представитель этого рода собственности, а въ качествѣ мелкаго собственника, въ качествѣ владѣльца одной, двухъ, трехъ десятинъ. Такъ во Франціи, при всеобщей подачѣ голосовъ, мы видимъ, что голоса людей независимыхъ совершенно теряются въ общей массѣ.

Задача законодателя должна состоять въ томъ, чтобы не обойдти какой-нибудь характеристической группы, не забыть какого-нибудь существеннаго элемента, не убить какого-нибудь болѣе или менѣе важнаго интереса, чтобы не лишить земство какой-нибудь силы, безъ которой организація его будетъ не полна; а политическая жизнь, на ней основанная, будетъ несостоятельна. Съ другой стороны, надобно точно также остерегаться, чтобы не создать какой-нибудь искусственной группы, которая не имѣла бы никакихъ корней въ дѣйствительныхъ условіяхъ быта, не выражала бы собою никакихъ жизненныхъ интересовъ и не представляла бы собою никакой силы, а только вносила бы элементы смуты и фальши въ общую организацію земства. Итакъ вся задача состоитъ въ томъ, чтобы напасть на естественные раздѣлы, и вызвать къ жизни дѣйствительныя силы, соблюсти всѣ жизненные интересы, и дать земству характеръ членораздѣльнаго цѣлаго.

Распредѣленіе элементовъ земства не группами, а сплошными массами не только отниметъ у него способность плодотворнаго развитія и жизни, но неизбѣжно поведетъ, рано или поздно, къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Если, съ одной стороны, собрать въ одну массу крестьянъ всѣхъ наименованій, а съ другой противоставить имъ массу личныхъ землевладѣльцевъ, которая de facto состояла бы почти исключительно изъ нынѣшнихъ дворянъ-помѣщиковъ, то мы въ основаніе нашего земства, и стало-быть въ основаніе всей политической жизни нашего отечества, положимъ сѣмена пагубнаго антагонизма, который не замедлитъ отозваться во всемъ; мы подорвемъ основы нашего политическаго быта, и на мѣсто единства поставимъ двойство, которое все приведетъ у насъ въ сомнительное положеніе, все сдѣлаетъ шаткимъ и невѣрнымъ. Между двумя массами, замкнутыми и разобщенными, непремѣнно, при первомъ движеніи политической жизни, разовьется соперничество, противоборство и вражда. Да сохранитъ насъ Богъ отъ такой политической организаціи, которая будетъ основана на борьбѣ двухъ самыхъ существенныхъ элементовъ земства, двухъ пластовъ его, верхняго и нижняго! Нельзя безъ ужаса подумать о той перспективѣ, которую представило бы наше будущее, еслибы наша политическая жизнь основалась на противоположности между крестьянствомъ всѣхъ именованій насильственно собранныхъ въ одну массу, и такою же мас-

сой, состоящею изъ совокупности всѣхъ остальныхъ элементовъ, или какъ весьма спокойно формулируютъ другіе, между массою элементовъ представляющихъ собою преимущественно интересъ рабочей силы, другою массою, представляющею собою интересъ собственности.

Итакъ, повторимъ, великою задачей при устройствѣ нашего земства должно быть такое распредѣленіе его, чтобы вопервыхъ группы его не совпадали съ правами состояній, а вовторыхъ, чтобъ онѣ не распадались на разобщенныя сплошныя массы, не связанныя между собою никакими посредствующими звеньями. Великая задача состоитъ въ томъ, чтобы наше новое земство представляло собою членораздѣльное единство, состоящее изъ многихъ группъ, переходящихъ одна въ другую и неразрывно связывающихъ основанія съ вершинами одною общею жизнію.

№ 219.

Москва, 9-го октября.

Въ вопросѣ о предполагаемыхъ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, гораздо важнѣе того круга дѣятельности, который будетъ имъ отведенъ, тотъ типъ, который они сообщатъ всему составу нашего земства. Въ этомъ отношеніи дѣломъ первостепенной важности является вопросъ о распредѣленіи элементовъ земства. Распредѣленіе его въ большія однородныя и разобщенныя массы было бы самымъ неблагопріятнымъ результатомъ, котораго земскія учрежденія не могли бы искупить никакими другими выгодами. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ часто возвращаться къ этому вопросу. Главная сила нашего земства заключается въ его сельской части, самой многочисленной и самой значительной. Отъ распредѣленія сельскихъ элементовъ зависитъ весь строй нашей народной жизни. Съ особенною настойчивостію обращаемъ мы также вниманіе на необходимость освободить новое устройство земства отъ всякаго вліянія, со стороны доселѣ господствовавшей сословной организаціи, какъ дворянской, такъ и всякой другой. Прекращеніе крѣпостнаго права кореннымъ образомъ измѣнило существовавшія доселѣ отношенія въ нашемъ сельскомъ земствѣ, и пользоваться ими для новой организаціи значило бы портить ее и вредить тѣмъ элементамъ, которые должны отнынѣ вступить въ новыя сочетанія соотвѣтствующія образовавшемуся положенію дѣлъ и возникающимъ изъ него потребностямъ. Всякая парадная мѣтка, которую захотѣли бы мы дать дворянству какъ особому сословію, при новомъ устройствѣ земства, обратится прежде всего во вредъ самимъ дворянамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общему земскому дѣлу. Коль скоро образуется земское собраніе, къ которому должны перейдти дѣла, составлявшія до сихъ поръ, по преимуществу, принадлежность дворянскаго собранія, то дворянское собраніе, утратившее, вслѣдствіе полицейской, судебной и наконецъ хозяйственной реформы, свое дѣйствительное значеніе и силу, будетъ на ряду съ земскимъ собраніемъ только призракомъ, безсильнымъ дать какое-нибудь вліяніе своимъ членамъ въ общихъ дѣлахъ земства и въ дальнѣйшемъ ходѣ его развитія, но достаточно сильнымъ для того чтобы разорвать ихъ живую связь съ земствомъ, отчуждить ихъ отъ него и наконецъ поставить ихъ въ антагонизмъ съ другими сословіями. Безсильное дать имъ силу, оно будетъ достаточно сильно, чтобы мало по малу совсѣмъ обезсилить лучшіе элементы дворянства, и отнять у нихъ то естественно принадлежащее имъ вліяніе, которое не только должно быть сохранено за ними, но которое должно возрастать съ дальнѣйшимъ ходомъ нашей народной жизни. Впрочемъ, не самое существованіе дворянскаго собранія рядомъ съ земскимъ можетъ сопровождаться этими неблагопріятными послѣдствіями и для земства, и для самихъ дворянъ; если за всѣми реформами отнимающими у дворянскихъ собраній дѣйствительную силу останется въ нихъ еще какой-либо жизненный интересъ, который можетъ сдѣлать продолженіе ихъ существованія желательнымъ для ихъ членовъ или полезнымъ для какихъ-либо общихъ цѣлей, то почему и не продолжать имъ свое существованіе, хотя, говоря по правдѣ, трудно было бы теперь пріискать для нихъ какое-нибудь полезное назначеніе кромѣ развѣ веденія родословной книги и дѣлъ по дворянской опекѣ? Но еслибы дворянское собраніе и оставалось еще наряду съ земскимъ, то оно никакъ не должно портить положеніе своихъ членовъ въ этомъ новомъ собраніи, а оно непремѣнно будетъ портить его, если законодательство предоставитъ ему какое-нибудь праздное вмѣшательство въ организацію земскаго собранія,

какую-нибудь привилегію, отъ которой дворянскому собранію не было никакой пользы, а дворянамъ, въ качествѣ членовъ земскаго собранія, былъ бы положительный вредъ. Такою привилегіею было бы, напримѣръ, назначеніе дворянскаго предводителя въ предсѣдатели земскаго собранія. Земство должно имѣть своего собственнаго предводителя, избраннаго имъ самимъ. Очень можетъ быть, что тѣ самыя лица, которыя выбраны въ предводители дворянства, были бы выбраны и въ званіе предводителей земства, но какая разница въ положеніи и значеніи! Одно ли то же быть во главѣ земства въ качествѣ его собственнаго предводителя, имъ самимъ выбраннаго, или быть навязаннымъ ему отъ другой корпораціи? Одно ли то же быть „предводителемъ земства,“—земства, къ которому переходятъ дѣла и сила, или стоять во главѣ его въ качествѣ дворянскаго предводителя присланнаго на предсѣдательство въ земское собраніе отъ дворянскаго собранія, утратившаго всякую силу въ дѣлахъ земства и не имѣющаго для земства никакого существеннаго значенія, кромѣ одной этой привилегіи поставлять предсѣдателей въ земскія собранія?

Къ чему нужна дворянскимъ собраніямъ эта привилегія? Неужели эта пустая честь можетъ упрочить и оправдать ихъ дальнѣйшее существованіе? Всякая привилегія, не опирающаяся на дѣйствительную силу и значеніе, обращается въ несомнѣнный вредъ тѣмъ, кому она предоставляется. Нѣтъ, не о томъ надобно заботиться, чтобы поддерживать призракъ утратившей жизнь организаціи, а о томъ, чтобъ элементы, входившіе въ составъ ея, сохранились и заняли надлежащее положеніе въ ново-возникающей организаціи; не о дворянскомъ собраніи должно заботиться, которое при новоустроенномъ земствѣ будетъ все-таки не болѣе какъ тѣнью прежняго, а о самихъ дворянахъ-землевладѣльцахъ, которые должны стать членами земскаго собранія, и въ этомъ качествѣ получить новое значеніе и вліяніе. Вмѣшательство стараго дворянскаго собранія въ новую земскую организацію будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только то, что приведетъ дворянъ-землевладѣльцевъ въ двусмысленное и фальшивое положеніе, какъ членовъ земскаго собранія съ одной стороны, и дворянскаго съ другой. Для блага земства, для блага самихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, желательно, чтобъ они не находились въ такомъ двусмысленномъ положеніи, а напротивъ могли чувствовать себя по преимуществу живыми членами земства, быть крѣпкими въ немъ, пользоваться въ немъ полнымъ довѣріемъ, и вслѣдствіе того стоять во главѣ его и имѣть въ немъ должное вліяніе и силу. Принадлежность къ другой корпораціи, лишившейся существеннаго значенія, но удерживающей за собою призракъ нѣкотораго преобладанія надъ земствомъ, очевидно ослабитъ связь дворянъ-землевладѣльцевъ съ земствомъ, такъ что они будутъ казаться въ немъ людьми пришлыми, посторонними, а это конечно не послужитъ въ пользу ни имъ, ни земству, и не поддержитъ ихъ значенія при дальнѣйшемъ развитіи нашей политической жизни.

По устраненіи всякой сословной примѣси въ устройствѣ земства, необходимо озаботиться пріисканіемъ основаній для распредѣленія элементовъ его въ органическія, соотвѣтственныя силѣ вещей группы. Эти основанія должно искать въ характеристическихъ условіяхъ землевладѣнія, и средствомъ для распредѣленія группъ въ новой организаціи земства должна послужить такая норма ценза, которая бы наиболѣе соотвѣтствовала потребностямъ и отношеніямъ дѣйствительной жизни.

№ 220.

Москва, 10-го октября.

Въ нашихъ дворянскихъ собраніяхъ выработался особаго рода типъ ценза, которымъ мы должны дорожить и которымъ должны воспользоваться для нашихъ дальнѣйшихъ преобразованій. Въ обществѣ землевладѣльческаго дворянства сосредоточивалась почти вся наша земская жизнь и доля тѣхъ политическихъ правъ, которыя ей были предоставлены. Въ началѣ, всѣ помѣщики безъ различія участвовали въ дворянскихъ собраніяхъ на одинаковыхъ основаніяхъ, и помѣщикъ пяти душъ былъ на тѣхъ же основаніяхъ членомъ дворянскихъ собраній, какъ и помѣщикъ тысячи душъ; въ то время мелкопомѣстныхъ дворянъ возами возили въ дворянское собраніе, какъ мелкихъ шляхтичей во времена старой Польши на сеймики, чтобъ они тамъ подавали голоса, по распоряженію своихъ патроновъ, которые ихъ кормили и поили и вообще жаловали

своею барскою милостью. Старожилы помнятъ, какой видъ представляли наши дворянскія собранія въ тѣ времена, и одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ прошлаго царствованія было, конечно, введеніе ценза опредѣляющаго право личнаго голоса въ дворянскомъ собраніи. Благодаря этому вызванному вопіющею необходимостью измѣненію въ составѣ нашихъ дворянскихъ собраній, явилось у насъ политическое начало совершенно оригинальное. Чего добиваются съ большими усиліями нація издавна обладающія политическимъ представительствомъ, то получаемъ мы какъ бы даромъ. Благодаря этому началу, мы равно можемъ избѣжать и затрудненій сопряженныхъ съ высокимъ цензомъ, и неудобствъ пониженія его до крайнихъ предѣловъ. Благодаря этому началу, намъ нѣтъ надобности лишать какіе бы то ни было элементы земства, хотя бы и самые мелкіе, участія въ правахъ земства, и нѣтъ также надобности уничтожать характеристическія и важныя для земства общественныя группы. Въ учрежденіи личныхъ и коллективныхъ голосовъ мы имѣемъ плодотворную для политической организаціи формулу единицъ и дробей. Формулою этою требуется только отыскать тѣ элементы земства, которые, по своему политическому значенію, могутъ быть приняты за единицу. Цензъ въ этомъ смыслѣ означаетъ право личнаго, то-есть полнаго голоса; все что находится ниже установленнаго такимъ образомъ ценза должно представлять собой группы дробей, болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ, то-есть классы людей, имѣющихъ въ земствѣ право коллективнаго голоса.

Не принимая типъ ценза, выработанный въ нашихъ дворянскихъ собраніяхъ, мы должны значительно измѣнить его въ новомъ примѣненіи къ земству.

Съ одной стороны, единица ценза должна быть нѣсколько повышена; съ другой стороны, этой единицѣ должна быть дана возможность дробиться до низшихъ предѣловъ земства, такъ чтобы въ земскихъ правахъ могли принять участіе и владѣльцы однодворческихъ и крестьянскихъ участковъ (на правѣ личной собственности; объ общинной собственности, какъ равно и о пользованіи мы теперь не говоримъ: эти формы землевладѣнія должны, очевидно, составить особыя группы). Въ дворянскихъ собраніяхъ право коллективнаго голоса предоставляется только помѣщикамъ пяти душъ; но въ предполагаемой организаціи земства было бы крайне неудобно и несправедливо остановиться на такой грани, за которою могла бы остаться вся мелкая собственность. Долженъ ли напримѣръ крестьянинъ пріобрѣтающій себѣ въ полную собственность такой участокъ земли, который освобождаетъ его отъ обязательнаго участія въ общинномъ землевладѣніи, утратить право голоса въ земствѣ потому только что онъ сталъ собственникомъ? Неужели пріобрѣтеніе собственности должно сопровождаться для него тѣмъ страннымъ послѣдствіемъ, что онъ лишился бы права, въ которомъ принимаютъ участіе другіе крестьяне, оставаясь при общинномъ землевладѣніи? Общинное землевладѣніе держится главнымъ образомъ только въ великороссійскихъ губерніяхъ, хотя и тутъ крестьяне обнаруживаютъ неудержимое стремленіе къ пріобрѣтенію личной собственности; въ малороссійскихъ же губерніяхъ общинное землевладѣніе совершенно не въ обычаѣ, и тамъ крестьяне, съ выкупомъ, должны становиться личными собственниками. Если общинное землевладѣніе образуетъ особую группу, то спрашивается, какое положеніе относительно земства примутъ тѣ крестьяне, которые пріобрѣли мелкіе участки въ личную собственность? Къ группѣ общиннаго землевладѣнія они не принадлежатъ, стало-быть участвовать въ земствѣ на основаніи общиннаго права не могутъ; если же $^1/_{20}$ единицы ценза принятая за норму въ нынѣшнихъ дворянскихъ собраніяхъ была бы и для земскихъ собраній признана послѣднею гранью дающею право коллективнаго голоса, то огромное множество личныхъ собственниковъ, состоящее главнымъ образомъ изъ крестьянъ, осталось бы внѣ правоспособнаго земства. Чтобъ устранить это неудобство, пришлось бы всѣ крестьянскіе элементы собрать въ одну сословную организацію крестьянства, несмотря на разнородность въ условіяхъ землевладѣнія, и такимъ образомъ поставить крестьянство какъ отдѣльную, разобщенную съ остальнымъ земствомъ, массу, — а этого-то преимущественно и должно избѣгать, если мы не желаемъ положить въ основаніе нашего земства сѣмена розни и смуты между его существеннѣйшими стихіями. Не слѣдуетъ ли напротивъ желать, чтобы группа самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ на правѣ личной собственности, состоящая по преимуществу, хотя не исключительно, изъ людей крестьянскаго сословія, служила

посредствующимъ звеномъ между тою системой землевладѣнія, которая носитъ исключительно сословный крестьянскій характеръ, каково землевладѣніе общинное, и системой свободнаго личнаго землевладѣнія, восходящею безъ перерыва до высшихъ общественныхъ степеней?

Съ другой стороны, единица ценза должна быть нѣсколько повышена. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы даже и могла казаться достаточною для дворянскихъ собраній принятая тамъ единица ценза, опредѣляющая право личнаго голоса, то весьма естественно возникаетъ вопросъ, можетъ ли та же самая единица быть признана удовлетворительною и для земскихъ собраній, имѣющихъ совершенно другіе размѣры и открытыхъ для всѣхъ элементовъ земства. Мы видимъ, напротивъ, что даже и въ дворянскихъ собраніяхъ установленная тамъ единица ценза дала, по общему сознанію, не совсѣмъ благопріятные результаты. Стодушный цензъ, хотя и значительно уменьшилъ прежнюю безпорядочность дворянскихъ собраній, но онъ все-таки оказался безсильнымъ совершенно очистить ихъ отъ шляхетскаго характера, совершенно освободить ихъ отъ всякаго сходства съ старыми польскими сеймиками.

Возвышеніе единицы ценза потому уже было бы необходимо въ организаціи земства, что дробленіе этой единицы должно простираться до болѣе низкихъ предѣловъ землевладѣнія чѣмъ въ дворянствѣ. Если съ одной стороны право коллективнаго голоса должно простираться далѣе грани постановленной для дворянскихъ собраній, то съ другой стороны, соотвѣтственно тому, долженъ быть возвышенъ цензъ опредѣляющій высшую степень политической полноправности,—право личнаго голоса.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно, весьма важное обстоятельство, которое должно имѣть большую силу при вопросѣ объ организаціи земства. Должны ли наши новыя земскія собранія быть живымъ органомъ земства, *самимъ* земствомъ въ полнотѣ его силъ, или только искусственною блѣдною, лишенною жизни коллегіей, какими обыкновенно украшаются бюрократическія страны, лишенныя инстинкта и смысла самоуправленія? Должны ли всѣ отправленія земства состоять только въ выборѣ выборныхъ для выбора (наконецъ-то!) гласныхъ? Много хорошаго нельзя ожидать отъ собраній получаемыхъ посредствомъ такой перегонки; а какъ значится въ проектѣ земскихъ учрежденій, перегонка была бы не только двойная, но пожалуй и тройная. По проекту, лица принадлежащія къ высшему разряду земства имѣютъ великое право сами выбирать гласныхъ въ уѣздныя собранія; слѣдующіе же классы, члены которыхъ пользуются лишь дробью голоса, или голосомъ коллективнымъ, могутъ выбирать только уполномоченныхъ, для выбора гласныхъ въ уѣздныя собранія. А такъ какъ, по проекту, сами уѣздныя собранія суть главнымъ образомъ также не болѣе какъ избирательныя собранія для выбора гласныхъ въ губернскія собранія, то выйдетъ что бо́льшая часть земства только черезъ три перегонки доберется до своего окончательнаго земскаго представительства. Ничего живаго, ничего плодотворнаго нельзя ожидать отъ такихъ троекратно дистиллированныхъ представительствъ. Мы убѣждены, что вопреки этимъ искусственнымъ постройкамъ, требованія жизни все-таки возьмутъ свое, и уѣздныя собранія, которыя должны стать ячейками нашей новой политической организаціи, будутъ заключать въ себѣ живые, натуральные, а не дистиллированные, искусственно приготовленные органы земства. Какъ въ нынѣшнихъ дворянскихъ собраніяхъ помѣщики, соотвѣтствующіе высшей нормѣ ценза, считаются членами собранія по праву, и самолично присутствуютъ въ немъ, а прочіе, такъ-называемые малопомѣстные, присутствуютъ въ немъ чрезъ уполномоченныхъ, такъ и въ земскихъ собраніяхъ, если имъ суждена жизнь, земство должно присутствовать тоже отчасти самолично, а отчасти чрезъ уполномоченныхъ, непосредственно выбранныхъ отъ разныхъ земскихъ классовъ. Землевладѣльцы (а также и городскіе собственники), соотвѣтствующіе единицѣ ценза, должны *eo ipso* быть гласными собранія; тѣ же классы земства, которые будутъ пользоваться коллективнымъ голосомъ, должны пользоваться своимъ правомъ не въ томъ смыслѣ чтобы выбирать уполномоченныхъ для выбора дѣйствительныхъ членовъ земскаго собранія, но чтобы прямо посылать своихъ уполномоченныхъ въ собраніе. Только при этомъ условіи земство можетъ получить жизнь, а собранія, долженствующія выйдти изъ его нѣдръ, могутъ стать многообѣщающимъ, плодотворнымъ началомъ въ системѣ общей политической жизни нашего отечества.

Если же земскимъ собраніямъ суждено стать живымъ органомъ земства, его непосредственнымъ выраженіемъ, если въ нихъ, подобно тому какъ въ дворянскихъ собраніяхъ, будутъ присутствовать члены земства отчасти самолично, отчасти въ лицѣ своихъ непосредственно выбранныхъ представителей, то единица ценза, опредѣляющая право самоличнаго присутствія въ собраніи, или право полнаго голоса, должна быть необходимо повышена. Законодателю предстоитъ найдти ту норму, которая съ наибольшими выгодами и для мѣстнаго земства, и для государства вообще, выдѣлила бы тѣ элементы, которые представляютъ наиболѣе ручательствъ въ личной самостоятельности, независимости и политической способности.

№ 221.

Москва, 11-го октября.

Европейская мистификація, которой такъ недавно были мы предметомъ, приходитъ къ концу. Россію уже не считаютъ теперь чѣмъ то въ родѣ Неаполитанскаго королевства, съ которымъ можно было покончить самыми дешевыми средствами. Теперь положеніе дѣлъ выходитъ изъ мглы обмана, и обстоятельства обрисовываются явственно; теперь, вмѣсто комедіи, должны выступить на свѣтъ дѣйствительныя и серіозныя политическія отношенія.

Но опасности наши не прекратились отъ того; напротивъ онѣ стали тѣмъ серіознѣе. Русское общество, пробудившееся при опасности угрожавшей намъ извнѣ, не должно теперь засыпать, не должно возвращаться въ обычную апатію. Опасность не миновалась: съ нею стало только труднѣе бороться. Люди, стоящіе въ передовыхъ общественныхъ рядахъ и дѣйствительно принимающіе къ сердцу благо своего отечества, должны заботиться конечно не о томъ, чтобъ общество заснуло. Враждебные намъ элементы, которые недавно сумѣли устроить противъ насъ колоссальную мистификацію въ Европѣ, не замедлятъ сосредоточить свою дѣятельность внутри самой Россіи; они будутъ пользоваться для своихъ цѣлей всякимъ случаемъ, всякимъ удобствомъ, всякимъ ослабленіемъ народнаго чувства и патріотическаго духа, всякимъ нашимъ неразумѣніемъ и малодушіемъ. Бороться съ этимъ внутреннимъ зломъ нелегко и непривычно нашему обществу, при его разрозненности, при недостаткѣ всякой организаціи общественнаго мнѣнія. Но именно теперь-то, когда повидимому все начинаетъ затихать, нужна усиленная зоркость и бдительность. Безъ этой бдительности мы незамѣтно и невольно можемъ становиться орудіемъ враждебныхъ самимъ же намъ замысловъ.

Польская интрига вступаетъ теперь въ новую фазу. До насъ уже доходятъ разные слухи, особенно изъ Петербурга, о новыхъ способахъ, за которые она хватается. Теперь главною темою ей служитъ именно то, что писалъ намъ кіевскій Полякъ, и о чемъ мы недавно имѣли по этому случаю поводъ говорить съ нашими читателями. Наши такъ-называемые аристократы живутъ Богъ знаетъ въ какихъ облакахъ, пользуясь исключительно привилегіей не видѣть и не понимать что вокругъ происходитъ. Польскимъ панамъ очень естественно чернить и порочить народное движеніе въ западномъ краѣ, гдѣ оно сразу сломило мятежъ; они не хотятъ признавать эти милліоны русскихъ людей Русскими, они хотятъ видѣть въ нихъ только возмутившихся хлоповъ. Все это польскимъ панамъ естественно; но извинительно ли было бы русскимъ панамъ пойдти на эту удочку, и дать хоть какую-нибудь вѣру этимъ злоумышленнымъ толкованіямъ? Угодно ли имъ разоблачить интригу, и вооружиться противъ нея неотразимымъ аргументомъ? Стóитъ имъ только выглянуть изъ французскихъ фразъ, въ которыхъ замираетъ ихъ добрый русскій смыслъ,— стóитъ имъ только заставить себя серіозно подумать и осмотрѣться вокругъ, чтобъ убѣдиться въ коварной интригѣ, которая хочетъ поссорить Русскихъ съ Русскими, и посредствомъ ловко возбужденныхъ недоразумѣній выиграть свое дѣло. Мысль о томъ, будто патріотическое движеніе въ западномъ краѣ было движеніемъ соціяльнымъ или антисоціяльнымъ, было возстаніемъ низшаго сословія противъ высшаго, бѣдныхъ противъ богатыхъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ, а не отпоромъ русскихъ людей православной вѣры противъ польскихъ мятежниковъ и католическихъ ксендзовъ, это — мысль польская и іезуитовъ, которой и сами Поляки не могутъ вѣрить, и которой конечно не должны вѣрить Русскіе. Еслибъ это было такъ, то почему же въ тѣхъ мѣстахъ Литвы, гдѣ живетъ ка-

толическая Жмудь, — почему же тамъ не было этого мнимаго соціяльнаго движенія? Тамъ тоже есть крестьяне, тамъ тоже есть помѣщики, но мы знаемъ, что тамъ паны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже успѣли увлечь за собою крестьянскій людъ. Мы просимъ сообразить еще слѣдующее обстоятельство: еслибы вдругъ, во всѣхъ девяти губерніяхъ западнаго края, возникло такое движеніе, которому польскіе паны желаютъ теперь придать характеръ сословной, а не патріотической борьбы, если бы точно въ этихъ девяти губерніяхъ вдругъ возникъ и развился этотъ духъ, на который они коварно жалуются, то развѣ онъ могъ бы удержаться въ чертѣ этихъ губерній, развѣ онъ не распространился бы повсюду, развѣ онъ не отозвался бы въ цѣлой Россіи? Развѣ эти губерніи отдѣлены какою-нибудь заповѣдною, волшебною границей отъ остальнаго Русскаго міра? А что мы видимъ по всей Россіи? Мы видимъ, что именно въ эту самую пору, подъ вліяніемъ благодатнаго патріотическаго чувства, потрясенныя на время отношенія между крестьянами и помѣщиками начали успокоиваться и налаживаться. Полный миръ, до тѣхъ поръ все еще казавшійся сомнительнымъ, водворился между обоими сельскими сословіями. Именно въ эту пору реформа начала дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ, и всѣ вздохнули свободно. Сдѣлки между помѣщиками и крестьянами пошли несравненно быстрѣе и лучше прежняго. Несмотря на всѣ продѣлки поднять народъ, несмотря на всѣ фальшивые манифесты и золотыя грамоты, глубочайшее спокойствіе царствуетъ повсюду, и никогда такъ ясно какъ теперь не обнаруживалось истинное настроеніе народныхъ массъ въ нашемъ отечествѣ,—настроеніе дѣлающее ихъ совершенно недоступными для злоумышленныхъ попытокъ, и свидѣтельствующее о непоколебимой твердости нашего общественнаго организма. И предъ лицомъ такого-то факта, интригапы осмѣливаются проводить въ русскомъ обществѣ мысль будто народное и патріотическое движеніе въ западномъ краѣ было движеніемъ противообщественнымъ и зловреднымъ для самой Россіи (какая заботливость о Россіи!) Нѣтъ, пора намъ перестать быть дѣтьми; пора намъ перестать и казаться дѣтьми, и внушать нашимъ врагамъ надежды на наше малодушіе и неразумѣ. Нѣтъ, тотъ же самый духъ, принесшій спокойствіе и миръ въ наши села, тотъ же самый духъ поднялъ крестьянъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, а не какой-либо иной. Это одно и тоже явленіе, одна и та же сила. Радуясь этому духу здѣсь, мы должны почтить его тамъ, и отогнать прочь отъ себя клеветниковъ интригановъ. Мы должны почтить этотъ духъ, и должны ему вполнѣ довѣриться. Все можетъ обмануть насъ; только онъ не обманетъ. А мы знаемъ, еще водятся у насъ и такіе господа, которые осмѣливались бросать тѣнь даже на тѣ заявленія, которыя недавно неслись къ Престолу отвсюду изъ Россіи. Понятно, какого сорта должны быть такіе господа. И вотъ такихъ-то господъ слѣдуетъ намъ пуще всего остерегаться теперь, когда вся наша бдительность должна сосредоточиться на томъ что вокругъ насъ замышляется и творится.

Русское народное чувство въ своемъ полномъ движеніи и развитіи не можетъ не имѣть своимъ высшимъ символомъ православную церковь.

Главная сила въ западномъ краѣ есть духовенство. Пора намъ вообще подумать о нашемъ духовенствѣ, подумать о томъ, что должно же оно наконецъ занять надлежащее мѣсто въ нашемъ обществѣ. Мы должны почтить въ немъ святыню нашей церкви, и принять всѣ мѣры, чтобъ оно устроилось на лучшихъ основаніяхъ. Теперь это должно быть главною нашею заботою. Никакія наши реформы не пойдутъ въ прокъ, если эта великая сила останется у насъ въ небреженіи.

Можно ли хотя минуту сомнѣваться, что въ западномъ краѣ главная сила Россіи заключается въ православномъ духовенствѣ? Всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому чтобы поднять его тамъ, окружить всевозможнымъ почетомъ, умножить церкви, умножить священно-и церковнослужителей. Никакихъ средствъ не должны мы жалѣть для этой цѣли.

Мы не можемъ не порадоваться, что въ проектѣ новыхъ земскихъ учрежденій священники допущены къ участію въ земскомъ представительствѣ и могутъ быть выбираемы въ гласные. Въ западныхъ губерніяхъ это будетъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ возвысить духовенство и дать опору русскому крестьянству тамъ гдѣ ему приходится бороться и съ польскою, и съ католическою пропагандой.

Противъ этого можно было бы развѣ возразить, что это отвлекло бы священниковъ отъ исполненія ихъ церковныхъ обязанностей, а между тѣмъ богослуженіе, причащеніе опасно-больныхъ, похороны и другія требы должны исполняться безъ перерыва. Можно было бы сказать, что въ случаѣ отъѣзда священника для присутствія въ земскомъ собраніи не кому было бы занять его мѣсто въ приходѣ, и что даже въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть по два священника, одинъ священникъ не былъ бы въ состояніи исполнять всѣ обязанности по обѣимъ половинамъ прихода. Но еслибы дѣйствительно было такъ, слѣдовало бы скорѣе увеличить число приходовъ и священниковъ, чѣмъ отнимать у крестьянъ западнаго края единственныхъ представителей, которые не могутъ быть заподозрѣны въ невѣрности церкви и государству. Крестьяне — безсовѣтная масса; они могутъ дѣйствовать лишь въ случаѣ крайности, а въ обыкновенное время они всегда будутъ играть страдательную роль и всегда будутъ въ накладѣ передъ польскими помѣщиками, если не будутъ имѣть духовенства въ своей главѣ. Уединяя крестьянъ въ политическомъ отношеніи отъ духовенства, мы лишили бы ихъ возможности защищаться отъ польскихъ притязаній законными средствами, и тогда политическія потрясенія остались бы единственнымъ спасеніемъ русскаго крестьянства отъ польской неволи. Итакъ, если православныхъ священниковъ мало въ западномъ краѣ, то надобно увеличить ихъ число, не жалѣя никакихъ средствъ, лишь бы дать крестьянству руководителей и представителей въ земскомъ дѣлѣ. Но сколько мы можемъ судить, допущеніе православныхъ священниковъ къ избранію въ гласные земскихъ собраній не потребовало бы сейчасъ же такихъ широкихъ мѣръ. Вѣдь бываютъ же священники нездоровы, и есть же на случай ихъ болѣзни извѣстныя правила. Неужели кратковременная отлучка для засѣданія въ земскихъ собраніяхъ не могла быть восполнена тѣми способами, которые установлены на случай болѣзни священниковъ? Намъ кажется впрочемъ,—замѣтимъ это кстати,—что пунктъ в. ст. 39 проекта земскихъ учрежденій было бы полезно измѣнить такъ, чтобы слова *мѣстные приходскіе священники*, были замѣнены словами: *мѣстные священнослужители православнаго исповѣданія*. Польза этого измѣненія заключалась бы съ одной стороны въ томъ, что въ гласные могли бы быть избираемы не только священники, но и діаконы, а съ другой стороны католическіе ксендзы не имѣли бы права отнести къ себѣ эту статью, которая могла бы значительно усилить ихъ вліяніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какъ напримѣръ въ жмудскихъ уѣздахъ, крестьяне принадлежатъ къ католическому вѣроисповѣданію. Было бы странно ожидать, что русское законодательство распространитъ на католическихъ ксендзовъ тѣ права, которыя оно предоставляетъ духовенству господствующей церкви. Опытъ показываетъ, что не только ксендзы, но и вообще католики не могутъ безъ вреда для службы занимать нѣкоторыя мѣста гражданскаго управленія, и что наше законодательство было черезчуръ либерально и не совсѣмъ дальновидно, не дѣлая по государственной службѣ различій между православными и католиками,—различій, которыя могли бы дѣлаться даже при полной свободѣ вѣроисповѣданій. Тѣмъ паче можетъ ли быть теперь рѣчь объ избираемости ксендзовъ въ гласные земскихъ собраній? Да и къ чему была бы нужна эта избираемость самимъ католикамъ? Развѣ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ живутъ крестьяне католическаго исповѣданія, мало людей высшаго класса, исповѣдующихъ католицизмъ? Развѣ положеніе католическихъ крестьянъ такое же безпомощное какъ положеніе православныхъ крестьянъ тѣхъ губерній, гдѣ образованные классы имъ иновѣрны и иноплеменны? Въ чемъ имѣютъ крайнюю насущную потребность православные крестьяне западнаго края, то вовсе не нужно крестьянамъ католическаго исповѣданія.

№ 222.

Москва, 12-го октября.

Газета *Голосъ* въ претензіи на насъ за нѣсколько словъ, мимоходомъ брошенныхъ нами въ отвѣтъ на ея заботливое вниманіе къ нашимъ мнѣніямъ и въ благодарность за ея дружескія усилія удержать насъ на краю пропасти, въ которую ежеминутно готовы мы низвергнуться. Мы должны были бы съ безмолвною признательностью пользоваться этимъ благорасположеніемъ. Мы однако вымолвили два-три слова, и

вотъ газета *Голосъ* объявляетъ съ негованіемъ, что она не хочетъ болѣе знать насъ, что мы позволяемъ себѣ излишнія вольности и сдвигаемъ споръ съ литературной почвы.

Споръ! Но когда же мы позволяли себѣ вступать въ споръ о чемъ бы то ни было съ газетою *Голосъ* и съ какою-либо подобною ей газетой въ Петербургѣ? Да мы ни съ кѣмъ не начинали споровъ; ссылаемся въ этомъ на всѣхъ нашихъ читателей. Мы предоставляли и *Голосу*, и всякимъ другимъ газетамъ, вести дѣла какъ онѣ знаютъ, предоставляли имъ думать что думаютъ, желать чего желаютъ. Если намъ приходилось сказать что-либо полемическое, то всегда лишь въ отпоръ чужой нетерпимости. Мы вели только оборонительныя войны. Да и такія войны вели мы не со всякимъ; спорить можно лишь съ тѣмъ, кого хоть сколько-нибудь уважаешь; споръ возможенъ лишь тамъ, гдѣ есть хоть какія-нибудь общія основанія. Мы съ газетою *Голосъ* не спорили.

Литературный споръ! Но кто жъ теперь ведетъ литературные споры? Были времена, когда петербургскіе журналы литературно обозрѣвали другъ друга. Тѣ времена уже прошли, и ничего подобнаго, сколько мы знаемъ, теперь не дѣлается. Газета *Голосъ* чувствовала побужденіе вооружиться на насъ. Но, сколько мы знаемъ, она негодовала на насъ не за слогъ, которымъ мы пишемъ, не за литературную редакцію нашей газеты. О литературѣ не было и помину. Никакихъ литературныхъ претензій на насъ не заявлялось. Аттаки *Голоса*, и другихъ газетъ, удостоивающихъ насъ своею полемикой, совершаются на почвѣ совсѣмъ не литературнаго свойства. *Голосъ* упрекаетъ насъ за то, что мы вывели его полемику съ нами изъ литературной сферы: какое добродушіе! Никакой литературной сферы не было. Мы только вывели дѣло на чистую воду.

Мы никакихъ литературныхъ предметовъ не касались. Мнѣнія, которыя ежедневно нами высказывались, ни мало не относились къ литературѣ. О чемъ шла у насъ рѣчь? *Голосъ* находитъ, что намъ постоянно мерещится призракъ какихъ-то „разъяренныхъ стихій“, и что мы донкихотствовали противъ вѣтряныхъ мельницъ. Ни о какихъ разъяренныхъ стихіяхъ не было у насъ рѣчи; что же касается до призраковъ, то мы никакъ не думаемъ, чтобы событія нынѣшняго года были только призраки. Мы говорили не о „разъяренныхъ стихіяхъ“, мы говорили объ измѣнахъ, о предательствѣ,—но развѣ это призракъ? развѣ не было измѣны и предательства? развѣ не разыгрывались они въ колосальныхъ размѣрахъ? Мы указывали на скандалы: развѣ не было у насъ вопіющихъ скандаловъ, скандаловъ дѣлавшихъ насъ позорищемъ цѣлой Европы и игрушкою въ рукахъ враговъ? Мы говорили о происках и интригахъ: но развѣ не было у насъ интригъ и происковъ, которые грозили и теперь еще грозятъ намъ серіозными опасностями? Развѣ мы выдумали польское возстаніе? Развѣ мы выдумали всѣ происходившія въ Польшѣ событія, и мятежъ въ Литвѣ, и мятежъ въ юго-западномъ краѣ? Развѣ мы выдумали тѣ надежды, которыя заявлялись врагами Россіи и на словахъ, и на дѣлѣ,—надежды покончить съ нею самымъ легкимъ образомъ, подобно тому какъ удалось очень дешевымъ способомъ покончить съ Неаполитанскимъ королевствомъ? Развѣ наша выдумка эти громоносныя засѣданія палатъ, этотъ градъ оскорбленій, который сыпался на Россію со всѣхъ сторонъ, это дипломатическое нашествіе на насъ цѣлой Европы, эти грозныя предписанія, которыя присылались нашему правительству отъ трехъ соединившихся державъ? Развѣ наша выдумка эти затѣи раздробить Россію, если не силою, такъ обманомъ,—эти идеи, распространявшіяся какими-то подземными обществами въ подметныхъ листкахъ, о раздѣленіи Россіи на многіе штаты, съ отдѣльными конституціями, начиная съ Польши и Финляндіи, продолжая Малороссіею и оканчивая Сибирью, идеи, встрѣчавшія подъ другими формами сочувствіе себѣ въ разныхъ петербургскихъ сферахъ? Развѣ мы выдумали этотъ духъ сепаратизма, который посреди безпомощныхъ, непривычныхъ заботиться объ общемъ дѣлѣ людей, хотѣлъ увѣрить всѣхъ, что живая, исконная часть русскаго народа есть особый народъ, и подъ шумокъ на общественныя деньги и административными путями хотѣлъ навязать ей призракъ особой національности? Развѣ наша выдумка — печальное состояніе нашего народнаго просвѣщенія, которому еще вдобавокъ грозилъ уставъ сочиненный ученымъ комитетомъ? Развѣ наша выдумка духъ, который господствуетъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Развѣ наша

выдумка тѣ юные ученые, которые отправлены за границу для того чтобы послѣ поучать наше юношество съ высоты университетскихъ каѳедръ? Развѣ наша выдумка—странныя желанія оттѣснить духовенство отъ народныхъ школъ, и отдать нравственное воспитаніе народа Богъ знаетъ въ чьи руки? Развѣ наша выдумка такъ-называемое общественное мнѣніе, господствующее въ разныхъ петербургскихъ кругахъ, которое приводитъ въ тупикъ и негодованіе всякаго свѣжаго и разумнаго человѣка, пріѣзжающаго изнутри Россіи въ сѣверную столицу, и о которомъ съ презрительною усмѣшкою отзывается всякій побывавшій въ ней смышленый иностранецъ? Развѣ наконецъ наша выдумка—этотъ вопіющій скандалъ, который такъ недавно представляла петербургская журналистика прошѣтавшая подъ рукою цензуры и съ ея „одобренія“ предававшаяся неслыханнымъ оргіямъ, какихъ не могла бы вынести никакая общественная среда, ни въ какой цивилизованной и свободной странѣ? И наша ли то выдумка, что въ Петербургѣ есть еще нѣкоторыя оффиціяльныя газеты, которыя обязательно получаются служащими разныхъ вѣдомствъ, и въ которыхъ на казенный счетъ проводятся неизвѣстно чьи мнѣнія? Все это не выдумки, все это факты: кое-чего коснулись мы, гораздо болѣе остается впереди. Мы обязаны касаться всѣхъ этихъ фактовъ, въ силу той службы, которую мы приняли на себя. Можетъ-быть мы дурно исполняли эту службу, можетъ-быть мы слишкомъ слабо дѣйствовали, можетъ-быть средства наши оказывались недостаточными, можетъ-быть также тѣ или другія сужденія наши были ошибочны. Но мы никому не препятствуемъ дѣйствовать лучше насъ, мы никому не заступали дороги; мы не пользовались никакими правительственными пособіями, и не приняли бы никакого пособія; если насъ читали, то мы не имѣли ни одного обязательнаго читателя. Всякій могъ дѣлать то что дѣлали мы, и кто могъ дѣйствовать лучше, искуснѣе, умнѣе насъ, тому была открытая дорога.

За что же негодуютъ на насъ нѣкоторыя петербургскія газеты, и между ними этотъ *Голосъ*, издаваемый г. Краевскимъ? *Голосъ* объявляетъ публикѣ, что онъ любитъ отечество: кто жь ему мѣшаетъ любить отечество? *Голосъ* объявляетъ, что онъ стоитъ лицомъ къ солнцу, и что такое положеніе не удобно ему: кто жь ему мѣшаетъ стать къ солнцу задомъ, если это ему удобнѣе? Онъ жалуется, что мы какимъ-то образомъ бросаемъ тѣнь на него. Боже мой, какимъ же это образомъ? Мы никогда близко не подходили къ *Голосу*. Какимъ образомъ могли мы помѣшать этому почтенному г. Краевскому съ его сотрудниками на ихъ солнечной пригекѣ?

Московскія Вѣдомости никогда не имѣли странныхъ претензій присвоивать въ свою собственность патріотическое направленіе. Мы никому не препятствуемъ служить русскимъ интересамъ. Мы понимаемъ также возможность и другихъ направленій кромѣ русскаго, хотя бы въ дѣлахъ касающихся Россіи. Скажемъ болѣе: мы были бы рады, еслибы всякаго рода направленія, хотя бы и противъ Россіи, могли быть проводимы у насъ въ печати безъ всякой личины и двусмыслія, въ своемъ истинномъ видѣ. Да, мы были бы рады, еслибы вдругъ, какъ бы по волшебному мановенію, всѣ направленія заговорили своимъ натуральнымъ голосомъ, и если бы все затаенное вдругъ стало явнымъ. Какое благополучіе! Не значило ли бы это конецъ нашимъ потемкамъ, въ которыхъ наше главное зло?

Посмотримъ однако, какіе-такіе литературные предметы возбудили противъ насъ негодованіе *Голоса*? За что нападаетъ на насъ эта почтенная газета?

Ей не понравился взглядъ на польскія дѣла, господствующій теперь въ Россіи,—взглядъ, который мы раздѣляли со всѣми русскими людьми и высказывали какъ умѣли. По мнѣнію *Голоса*, политика, принятая въ Царствѣ Польскомъ, была самая лучшая политика, система Велёпольскаго была самою лучшею системой, и вообще дѣла съ нашей стороны шли въ Польшѣ какъ нельзя удовлетворительнѣе. Однако мы не понимаемъ, за что петербургская газета нападаетъ на насъ? Когда же мы утверждали, чтобы дѣла въ Царствѣ Польскомъ шли неудовлетворительнымъ образомъ, или чтобы система дѣйствовавшая тамъ вовсе не заслуживала сочувствія и одобренія? Мы очень хорошо понимаемъ, что многіе могутъ отъ всей души сочувствовать и этой системѣ, и вообще ходу дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее время. Вотъ мы сейчасъ только прочли въ одной интересной брошюрѣ, писанной польскимъ повстанцемъ, слѣдую-

ція слова *): „Благодаря заботамъ маркиза, котораго заслуга въ этомъ отношеніи польскому дѣлу не была еще достаточно оцѣнена, всѣ русскіе чиновники были выгнаны...“ И такъ мы видимъ, что съ точки зрѣнія толковаго польскаго повстанца, оставившаго свою руку и часть ноги въ лѣсахъ, система, о которой идетъ рѣчь, есть дѣло очень хорошее, есть дорогая заслуга, оказанная такъ-называемому національному польскому дѣлу. Точно также все что могло компрометтировать Россію въ Царствѣ Польскомъ, не могло не быть по нраву повстанцамъ. Но такъ какъ польское національное дѣло, къ несчастію, отъ начала до конца и во всѣхъ своихъ пунктахъ есть дѣло противоположное и враждебное русскому дѣлу, то съ русской точки зрѣнія политика, дѣйствовавшая въ Царствѣ Польскомъ, должна естественно представляться въ иномъ свѣтѣ. Мы смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія исключительно русской. Но другимъ предоставляемъ мы смотрѣть съ другихъ точекъ зрѣнія. Мы охотно соглашаемся, что смотря на дѣла, въ которыхъ замѣшаны самые существенные интересы Россіи, исключительно съ русской точки зрѣнія, мы односторонни; но это неизбѣжно. Мы только думаемъ что въ Москвѣ эта односторонность извинительна, по крайней мѣрѣ естественна. Во всякомъ случаѣ, начиная противъ насъ *procès de tendance* по этому дѣлу, какими литературными побужденіями руководствовалась петербургская газета? Какую тутъ нашла она литературу?

Голосу не нравится наша антипатія къ сепаратизму; онъ видитъ въ этомъ донкихотство,—но страннымъ образомъ онъ забываетъ, что сепаратизмъ не есть, къ сожалѣнію, вѣтряная мельница. *Голосъ* забываетъ и то, что дѣлается въ Польшѣ, и то что происходитъ въ западныхъ губерніяхъ. Или все что тамъ происходило и происходитъ въ самомъ дѣлѣ только газетная утка? Осмѣивая нашу непріязнь къ сепаратизму, эта газета преналивно забываетъ, что сама же она защищаетъ требованія зародившейся въ Петербургѣ партіи украйнофиловъ; и согласно съ *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* признаетъ основательность и законность этихъ попытокъ создать изъ мѣстнаго нарѣчія литературный языкъ, какъ символъ особой народности. Но мы знаемъ, что того же очень сильно домогаются и ловкіе люди изъ Поляковъ. Развѣ это не свидѣтельствуетъ, что и украйнофильскій сепаратизмъ не есть вѣтряная мельница, и что какъ само по себѣ ни ничтожно это направленіе, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ, при тѣхъ посторонникъ содѣйствіяхъ, которыя оно встрѣчаетъ, оно можетъ стать пригоднымъ орудіемъ очень дурныхъ (дурныхъ—разумѣется съ русской точки зрѣнія) замысловъ, и источникомъ послѣдствій очень вредныхъ (вредныхъ—разумѣется для русскаго народа)?

Голосъ съ горечью упрекаетъ насъ еще за то, что мы не обрадовались открытію финляндскаго сейма. Но скажите ради Бога, за что тутъ сердиться? Мы не радовались, за то *Голосъ* радовался, и мы не мѣшали ему радоваться. *Голосу* событіе это кажется самымъ утѣшительнымъ за послѣднее время событіемъ. Пусть такъ; но какое намъ до этого дѣло? Мы только не понимаемъ, почему русскій человѣкъ или русская газета непремѣнно *обязаны* радоваться этому событію? Почему намъ ставятъ въ тяжкую вину наше нерадованіе? Финляндцы радуются, и это очень естественно. Что же касается до русскаго человѣка, то радоваться ему нѣтъ ни малѣйшей причины. Есть разныя историческія необходимости, съ которыми можно мириться; но можетъ ли Русскій, для котораго Россія не есть пустое слово, радоваться политическимъ преимуществамъ, въ которыхъ предупреждали бы ее соединенныя съ нею владѣнія, и которыя такимъ образомъ унижали бы цѣлое передъ частями, и внутренно разобщали бы съ Россіею то чему положено быть въ неразрывномъ съ нею соединеніи? Мирясь съ особымъ финляндскимъ сеймомъ, какъ съ необходимостью, никакой Русскій человѣкъ не пожелалъ бы повторенія этой необходимости еще ни въ какомъ другомъ изъ соединенныхъ подъ Русскою державой владѣній. *Голосъ* съ увлеченіемъ, которое было бы очень понятно въ какой-нибудь гельсингфорсской газетѣ, нападаетъ на насъ за призракъ сепаратизма, который намъ померещился въ Финляндіи. Но,—просимъ извиненія у почтенной петербургской газеты,—сепаратность Финляндіи не призракъ; сепаратность Финляндіи есть фактъ; разныя послѣдствія этого факта могутъ развиться и не развиться, но фактъ надобно признать.

*) „Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne“. Bruselles. 1863. Эта брошюра — явленіе очень интересное, о которомъ мы имѣемъ многое что сказать читателямъ.

Голосу не понравились наши *простые* и *ловкіе* люди. Принявъ указаніе на тѣхъ и другихъ почему-то за личную себѣ обиду, *Голосъ* съ замѣтнымъ волненіемъ порывается спросить насъ: кто эти простые, и кто эти ловкіе люди? Но онъ сдерживаетъ себя, и предпочитаетъ не допытываться разъясненій. Напрасно! Намъ было бы очень пріятно дать этой газетѣ всѣ нужныя по сему вопросу разъясненія, хотя дѣло говоритъ само за себя, и не требуетъ никакихъ разъясненій. Простые люди не знаютъ ловкихъ, а ловкіе знаютъ простыхъ и умѣютъ ими пользоваться. Вотъ и все. Да и гдѣ же нѣтъ ловкихъ людей, и гдѣ нѣтъ простыхъ? Что *Голосу* показалось въ этомъ страннаго и необыкновеннаго?

Голосъ въ заключеніе объявляетъ, что такъ какъ мы выступили изъ небывалой литературной сферы, то онъ не хочетъ за нами слѣдовать. Напрасно! Говоримъ напрасно, потому что теперь мы ужъ и сами хотимъ заняться литературой. До сихъ поръ петербургскія газеты наблюдали за нами; теперь, кажется, и намъ будетъ не худо заняться ими. Намъ кажется, что въ настоящее время петербургская журналистика становится не лишенною нѣкотораго интереса, и что послѣдить за нею болѣе дѣятельнымъ образомъ будетъ не совсѣмъ безполезно. Мы надѣемся, что въ скоромъ времени осуществленіе предполагаемой реформы нашего законодательства по дѣламъ печати облегчитъ намъ это дѣло. Вотъ тогда газета *Голосъ* услышитъ отъ насъ кое-что поподробнѣе и о простыхъ, и о ловкихъ людяхъ.

Кстати о новомъ положеніи по дѣламъ печати. Проектъ этой реформы уже давно задуманный и прошедшій черезъ двѣ коммиссіи, какъ слышно, внесенъ или долженъ быть въ скоромъ времени внесенъ въ государственный совѣтъ. Дай ему Богъ благополучнаго хода! Странное дѣло! Были люди, которые находили самымъ благовременнымъ дѣломъ возможно болѣе полное освобожденіе печати года два или полтора тому назадъ, когда иные органы петербургской журналистики мало чѣмъ отличались отъ подметныхъ листковъ подземныхъ комитетовъ, когда наша подцензурная литература въ Петербургѣ дѣйствительно представляла явленіе превосходящее всякое вѣроятіе своимъ безумiемъ и нелѣпостью, когда дѣйствительно общество было подъ гнетомъ какого-то кашемара, не понимая что творится у насъ и чего ожидать. И что же! Послушаешь—эти самые люди теперь, именно теперь, когда общественная атмосфера наша очистилась, когда строй патріотическаго чувства поднялся высоко и когда самыя коренныя реформы могутъ быть совершаемы какъ нельзя болѣе благонадежнымъ образомъ, находятъ будто бы улучшеніе въ положеніи нашей печати можетъ сопровождаться какими-то опасными послѣдствіями,—теперь когда это улучшеніе было бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ для Россіи! Спрашивается, къ какому разряду надобно отнести эти отзывы, къ разряду *простыхъ*, или къ разряду *ловкихъ*?

№ 223.

Москва, 14-го октября.

Считаемъ своевременнымъ сообщить читателямъ нѣсколько свѣдѣній объ употребленіи доставленныхъ въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* пожертвованій въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ польскаго мятежа. Подробный отчетъ, какъ по этимъ, такъ и по всѣмъ другимъ пожертвованіямъ, будетъ напечатанъ въ концѣ года. Теперь мы ограничимся общимъ описаніемъ избраннаго нами образа дѣйствій.

Комитетъ о раненыхъ, отношеніемъ за № 2.906, увѣдомилъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* въ маѣ мѣсяцѣ, что по Высочайшему повелѣнію, согласно ея ходатайству, ей разрѣшено представлять жертвуемыя суммы, минуя комитетъ о раненыхъ, прямо отъ себя главному начальству войскъ въ Царствѣ Польскомъ расположенныхъ, для немедленной раздачи согласно желаніямъ благотворителей, и обращаться къ мѣстнымъ начальникамъ войскъ или гражданскихъ управленій въ Царствѣ съ офиціяльными требованіями справокъ о раненыхъ или убитыхъ и ихъ семействахъ.

Желая исполнить возможно лучшимъ образомъ обязанность возложенную на насъ довѣріемъ жертвователей, и воспользоваться всемилостивѣйше дарованною намъ льготою, мы пригласили двухъ сотрудниковъ нашихъ, отправлявшихся въ началѣ іюня въ Вильно и Варшаву, въ качествѣ нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ, заняться вопросомъ о распредѣленіи денежныхъ суммъ, поступившихъ въ редакцію ко времени ихъ отъѣзда изъ Москвы, а

главное обозначить на будущее время тѣ пути, по которымъ приношенія жертвователей достигали бы своего назначенія безошибочно и въ кратчайшій срокъ.

Намъ пріятно заявить, что наши спеціяльные корреспонденты встрѣтили самое искреннее доброжелательство, при выполненіи этой задачи. Единственное затрудненіе ихъ заключалось въ томъ чтобы сдѣлать выборъ изъ числа лицъ, желавшихъ помочь ихъ дѣлу: трудно было отдать предпочтеніе одному передъ другими и потому пожертвованія достигли своего назначенія различными путями. И въ Вильнѣ и въ Варшавѣ наши спеціяльные корреспонденты имѣли удовольствіе встрѣтить во множествѣ истинно-русскихъ людей. Тамъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ фанатическимъ и крамольнымъ, исчезаетъ въ нѣсколько дней тотъ туманъ, которымъ атмосфера нашей сѣверной столицы помрачаетъ глаза юныхъ мечтателей. Тамъ ни отъ кого не приходилось нашимъ сотрудникамъ слышать объ отдѣленіи Поляковъ отъ Русскихъ посредствомъ народной подачи голосовъ; тамъ не приходилось имъ слышать и порицанія мѣръ М. Н. Муравьева, принятыхъ имъ тотчасъ по пріѣздѣ его въ Вильно. Петербургскія воззрѣнія ослабѣваютъ съ каждою станціей по мѣрѣ приближенія къ Вильну, и наконецъ въ этомъ городѣ наши спеціяльные корреспонденты увидѣли, что тамошнее русское общество, несмотря на связи съ нѣкоторыми лицами, уволенными генераломъ Муравьевымъ отъ службы, было въ рѣшительномъ энтузіазмѣ отъ его системы и отъ той неусыпной дѣятельности, съ которою онъ проводитъ ее: мы не говоримъ уже о чувствахъ войска, о чувствахъ гвардейскихъ полковъ, которые были перевезены за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ изъ Петербурга. Генералъ Муравьевъ поднялъ русское. Въ теченіи двухъ лѣтъ оно боролось въ Вильнѣ съ польскимъ элементомъ, не поддерживаемое начальствомъ, которое заискивало польскихъ симпатій, и котораго примирительностью пользовались крамольники. Съ прибытіемъ генерала Муравьева, русскіе люди ожили. Они опасались еще за себя, за свое имущество, за свою жизнь, но за русское дѣло они уже не боялись. Они получили твердую увѣренность, что передъ генераломъ Муравьевымъ крамола безсильна, что его не обойдешь никакою хитростью.

То же самое и въ Варшавѣ. Громадное большинство тамошнихъ Русскихъ съ полнымъ убѣжденіемъ и рѣшительною безукоризненностію стоитъ за интересы и честь Россіи. Введите самаго отчаяннаго скептика въ русскій клубъ въ Варшавѣ и онъ убѣдится, какой здоровый патріотическій духъ господствуетъ тамъ между русскими людьми. На русскій клубъ указывали нашимъ сотрудникамъ нѣкоторыя офиціяльныя лица польскаго происхожденія, какъ на вредное политическое собраніе. И дѣйствительно этотъ клубъ безпощаденъ къ тѣмъ, которые находятъ полезнымъ оправдывать польскія притязанія или дѣлать Полякамъ неумѣстныя послабленія. Мы поддерживали сношенія съ варшавскими старожилами, которые лѣтъ пять тому назадъ имѣли обширное знакомство въ польскихъ домахъ и могли бы проникнуться польскимъ духомъ. Но эти-то именно старожилы всего болѣе и негодуютъ на возстаніе; они относятся съ самымъ рѣшительнымъ пренебреженіемъ къ „народовой справѣ“, и съ омерзеніемъ къ „народовому жонду.“

При такихъ условіяхъ наши спеціяльные корреспонденты встрѣчали повсюду содѣйствіе въ распредѣленіи пособій. Съ этой стороны они были совершенно обезпечены.

Затрудненія были другаго рода. Характеръ войны не позволялъ заняться непосредственною задачей пособій. Лѣтніе мѣсяцы путешествіе по Литвѣ представляло значительныя опасности, а по Царству Польскому безъ большаго конвоя было неудобно двинуться и на десять верстъ отъ Варшавы. Притомъ такія путешествія были бы и мало полезны. Благодареньe Богу, убыль въ войскахъ до настоящаго времени самая ничтожная, а вслѣдствіе характера войны, случаи убыли разбросаны по весьма многимъ мѣстамъ, отдаленнымъ одно отъ другаго. Въ регулярной войнѣ послѣ сраженія бываетъ нѣсколько сотенъ или тысячъ жертвъ, которымъ можно облегчить ихъ положеніе, явившись въ госпиталь. Въ одни сутки можно выполнить благотворительную цѣль въ большомъ размѣрѣ. Не то было въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Сегодня стычка въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губерніи: одинъ убитый и три раненыхъ. Завтра въ отдаленномъ углу Гродненской губерніи и опять такое же ничтожное число пострадавшихъ. Потомъ борьба въ этихъ мѣстахъ заглохнетъ на нѣкоторое время, и лишь черезъ нѣ-

сколько недѣль явятся въ ближній госпиталь новыя жертвы борьбы. Поэтому нельзя было произвести всю раздачу пособій непосредственно черезъ нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ; было необходимо прибѣгнуть къ посредству лицъ, находящихся на мѣстѣ въ разныхъ пунктахъ возставшаго края, и обязательно принявшихъ на себя исполненіе дѣла русской общественной благотворительности.

Главною задачей нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ было пріисканіе общихъ основаній раздачи и распредѣленія пособій.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ, какая доля пожертвованій должна быть назначена пострадавшимъ въ ночь съ 10-го на 11-е января. Этою ночью была вызвана подписка; мы поручили нашимъ корреспондентамъ обратить особенное вниманіе на пострадавшихъ въ эту ночь отъ польской измѣны. По собраніи справокъ, положено было опредѣлить для этой цѣли приблизительно одну треть всѣхъ денегъ, собранныхъ къ іюню мѣсяцу.

Въ Варшавѣ еще до пріѣзда нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ былъ открытъ особый комитетъ для раздачи пособій, состоявшій изъ предсѣдателя генералъ-майора графа Оппермана и члена полковника Чаплина. Комитетъ составилъ особыя формы спискамъ раненыхъ и семействамъ убитыхъ, и получилъ требуемыя свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ воинскихъ начальниковъ. При распредѣленіи пособій комитетъ руководствовался слѣдующими соображеніями: вдовѣ убитаго рядоваго онъ выдавалъ по 15 р. сер., на каждаго сына или дочь прибавлялось по 5 р. сер.; раненымъ, смотря по степенямъ неспособности, выдавалось отъ 5 до 25 р. серебромъ. Офицерамъ назначалось, также смотря по ранѣ, отъ третнаго до годоваго оклада; вдовамъ выдавалась сумма сообразно съ жалованьемъ умершихъ мужей. Въ распоряженіи комитета состояло болѣе 20.000 р. изъ пожертвованій, собранныхъ въ разныхъ пунктахъ Россіи и Царства Польскаго. Въ сравненіи съ убылью людей средства комитета были весьма достаточны для единовременныхъ пособій.

Что касается до лицъ пострадавшихъ въ ночь съ 10-го на 11-е января, то бо́льшая часть списковъ этихъ лицъ поступила въ комитетъ, но онъ успѣлъ назначить выдачи только нѣкоторымъ частямъ. А потому по соглашенію съ комитетомъ, тотъ изъ нашихъ спеціяльныхъ корреспондентовъ, который остался въ Варшавѣ (по отъѣздѣ другаго въ Вильно), принялъ выдачу пособій пострадавшимъ въ варѳоломеевскую ночь на суммы собранныя редакціей, съ цѣлію произвести нѣсколько болѣе усиленную, противъ комитетской, выдачу, причемъ воинскимъ частямъ, которымъ уже были назначены пособія отъ комитета рѣшено было выслать дополнительную сумму изъ денегъ редакціи. При такихъ условіяхъ раздача пострадавшимъ въ ночь съ 10-го на 11-е января получила слѣдующій видъ:

Въ Харьковскій уланскій полкъ.	
3 раненымъ	55.
Въ Костромской пѣхотный	
7 семействамъ убитыхъ	185.
35 раненымъ	406.
Въ Смоленскій пѣхотный	
9 семействамъ убитыхъ	170.
20 раненымъ	200.
Въ летучій артиллерійскій № 2 паркъ	
1 семейству убитаго	25.
20 раненымъ	245.
Во 2 саперный баталіонъ	
1 семейству убитаго	20.
5 раненымъ	50.
Въ 1 саперный баталіонъ	
5 раненымъ	35.
	1391.

Вышеприведенныя воинскія части выдержали нападеніе инсургентовъ въ мѣстечкахъ Бодзентынѣ, Сточекъ, Едльнѣ, Буховѣ, Коденѣ, Радзынѣ, Луковѣ,—вообще въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наиболѣе разыгралось ночное нападеніе. Затѣмъ остались еще части выдержавшія атаку въ Плоцкѣ, Плонскѣ, Радомскѣ, но частямъ этимъ уже были назначены пособія отъ комитета, и только для усиленія выдачъ отправлены по приблизительному разчету въ полки Могилевскій, Витебскій, Муромскій и Вологодскій 229 р. с.

Предыдущія числа указываютъ отчасти на размѣръ нашихъ потерь съ 10-го на 11-е января. Смѣло можно сказать, что потери эти были незначительны. Нападеніе произведено было во многихъ мѣстахъ, съ большимъ ожесточеніемъ. Заговорщики хотѣли изрубить бо́льшую часть солдатъ, а результатъ вышелъ слѣдующій: менѣе ста человѣкъ убитыхъ (цифру эту мы принимаемъ, потому что убитые холостые нижніе чины не были включены въ списки для пособій, и слѣдовательно сумма вышепри-

веденныхъ цифръ семействъ не выражаетъ всей потери убитыми) и менѣе 200 раненыхъ. Такова самая преувеличенная оцѣнка потерь въ ночь съ 10-го на 11-е января.

Притомъ раны были преимущественно нанесены холоднымъ оружіемъ, и потому изъ раненыхъ многіе остались на службѣ. Такъ изъ 20 раненыхъ въ м. Бодзентынѣ продолжаютъ служить въ полку 16 человѣкъ.

Раны, нанесенныя въ эту ночь, имѣютъ особый характеръ, указывающій на свойство самаго нападенія. Возьмемъ для образца опять раненыхъ при м. Бодзентынѣ, и представимъ нѣсколько выписокъ изъ описаній ранъ.

Унтеръ-офицеръ Борисовъ. *Двѣ поръзанныя* раны на правой боковой части головы, проникающія покровы.	Продолжаетъ службу въ полку.
Унтеръ-офицеръ Костыревъ. *Поръзаная* рана лѣваго предплечія, проникающая до кости.	То же самое.
Унтеръ-офицеръ Бавыринъ. *Поръзаная* рана на верхней части лѣваго плеча и сильные ушибы обоихъ бедръ.	То же самое.
Рядовой Клиновъ. *Порубленая* рана на боковой, правой части головы величиною въ два дюйма съ поврежденіемъ кости, *разсѣченная* рана въ дюймъ на лѣвой щекѣ, проникающая въ покровы, поверхностная небольшая рана на передней части шеи, двѣ *поръзанныя* раны на правой ручной кисти.	Продолжаетъ службу въ полку, но по временамъ страдаетъ головною болью.
Рядовой Безпаловъ. Двѣ *порубленыя* раны на верхней части головы, проникающія до надкостной плевы; *поръзаныя* раны: на нижней части праваго предплечія, на правой ладони, на нижней части лѣваго предплечія, на большомъ пальцѣ лѣвой руки, и на нижней части лѣваго плеча. Сильный ушибъ поясницы отъ удара топоромъ.	Постоянныя боли въ поясницѣ и слабость движенія въ ногахъ. Подлежитъ въ неспособные 2-го разряда.
Рядовой Рудневъ. Поверхностная *разсѣченная* рана на верхней части лѣваго плеча своего состава отъ удара по немъ топоромъ, соединенная съ сильнымъ ушибомъ этого состава, и много поверхностныхъ ранокъ и ссадинъ по всему тѣлу.	Продолжаетъ службу въ полку.

И все въ этомъ родѣ. Раненыхъ пулями всего трое. Изъ нихъ Нуждинъ, получившій двѣ огнестрѣльныя раны, одну въ лѣвый пахъ, а другую въ нижнюю часть лѣваго бедра, выздоровѣлъ и продолжаетъ службу въ полку.

Свойства ранъ указываютъ на ходъ борьбы. Инсургенты бросаются на спящихъ солдатъ съ ножами, топорами и т. п., бросаются неожиданно, съ остервенѣніемъ, бьютъ куда ни попало; съ своей стороны солдаты, въ началѣ безоружные, отбиваются руками отъ ножей. Вотъ почему бо́льшая часть солдатъ получили раны на рукахъ. Бой былъ рукопашный. Ужасная картина! По счастію она обошлась довольно дешево въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ могло бы быть.

№ 224.

Москва, 15-го октября.

Изъ всей путаницы извѣстій, сообщаемыхъ иностранными журналами о ходѣ переговоровъ по польскому вопросу, можно вывести только то заключеніе, что до сихъ поръ три державы, занимающіяся дипломатическою перепискою съ Россіей, по дѣламъ, которыя до нихъ очень мало касаются, никакъ не могли согласиться между собою что̀ имъ сдѣлать еще, послѣ того какъ Россія приняла на себя отвѣтственность за послѣдствія своего образа дѣйствій и объявила, что не считаетъ пригоднымъ продолжать международныя преніе о Польшѣ. Лордъ Россель возымѣлъ было мысль, высказанную имъ въ Блергоури и еще прежде него заявленную многими членами англійскаго парламента и нѣкоторыми англійскими журналами, — объявить, что Англія не признаетъ за Россіей правъ на Польшу, на сколько они вытекаютъ изъ Вѣнскаго трактата, до тѣхъ поръ пока Россія не выполнитъ условій обозначенныхъ въ этомъ трактатѣ. Говорятъ, будто бы графъ Россель уже отправилъ, 10-го октября, подобнаго содержанія депешу въ С.-Петербургъ для прочтенія ея князю Горчакову, но что потомъ, неизвѣстно почему, предписалъ лорду Непиру пріостановиться ея предъявленіемъ.

Мысль лорда Росселя сама по себѣ не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Россія овладѣла Польшей не въ силу трактатовъ 1815 года, а въ силу фактическаго занятія страны въ 1813 году, которое въ свою очередь было слѣдствіемъ славной борьбы, выдержанной нами противъ Наполеона I и соединившихся съ нимъ Поляковъ. Трактаты 1815 года только подтвердили существовавшій фактъ, значительно

ограничивъ предѣлы владѣнія и, благодаря личному желанію императора Александра I, возложили на Россію какія-то неопредѣленныя обязательства въ отношеніи къ Полякамъ, которыя самою неопредѣленностью своею должны были туманить имъ голову и возбуждать въ нихъ несбыточныя надежды. Объявить отмѣненными статьи Вѣнскаго трактата о Польшѣ, значило бы не потрясти русское владычество въ ней, которое ведетъ свое начало вовсе не отъ трактата, а уничтожить только тѣ неопредѣленныя обязательства, которыя оказались совсѣмъ неисполнимыми.

Для Англіи и Франціи подобное заявленіе не имѣло бы никакого значенія: не то для Австріи. Не признавъ законнымъ и правомѣрнымъ владычество Россіи въ Польшѣ, Австрія не имѣла бы ни основанія, ни возможности воздерживать своихъ польскихъ подданныхъ отъ оказанія всякой помощи мятежникамъ въ Царствѣ Польскомъ, и такимъ образомъ рано ли, поздно ли была бы противъ воли вовлечена въ войну съ Россіей. Австрія, какъ разказываютъ, потребовала себѣ серіозныхъ гарантій на такой случай, и по желанію Франціи, должна была напередъ согласиться объ этомъ предметѣ съ Англіей. Оказалось, что Англія ничего гарантировать не намѣрена, и о войнѣ за Польшу нисколько не помышляетъ, вслѣдствіе чего Австрія, не полагаясь съ своей стороны на такого надежнаго союзника какъ Наполеонъ III, отказалась присоединиться къ объявленію, придуманному графомъ Росселемъ.

Между тѣмъ прошло уже слишкомъ полтора мѣсяца со времени полученія послѣднихъ русскихъ отвѣтовъ. Шумныя статьи, въ которыхъ французская журналистика торжествовала великую побѣду надъ Вѣнскими трактатами, оказались пуфомъ. Не только надъ Россіей, но и надъ Вѣнскими трактатами Франціи не пришлось одержать никакой дипломатической побѣды. Всѣ лавры еще пока въ будущемъ, а лавры были бы именно теперь очень кстати французской дипломатіи. Осталось менѣе двухъ недѣль до открытія законодательныхъ палатъ во Франціи; предъ нихъ нельзя предстать безъ какого-либо пышнаго заявленія по польскому вопросу. И вотъ почти всѣ корреспонденты согласно объявляютъ, что тюльерійскій кабинетъ выступилъ съ предложеніемъ отправить въ Петербургъ тождественную ноту съ прямымъ требованіемъ принять безусловно программу шести пунктовъ; но, какъ пишутъ въ *Times* изъ Вѣны, отъ 18-го октября, „повидимому, ни графъ Россель, ни графъ Рехбергъ не расположены сдѣлать ни одного шага, который могъ бы вовлечь ихъ въ войну; Австрія вообще рѣшилась держаться на одномъ уровнѣ съ Англіей, то-есть, избѣгать всего что могло бы произвести разрывъ между ею и Россіей, до тѣхъ поръ пока она не удостовѣрится, что Англія намѣрена заодно съ Франціей принуждать Россію къ принятію предписываемыхъ ей условій въ отношеніи къ Польшѣ.“ Переговоры еще продолжаются, но невѣроятно, прибавляетъ тотъ же корреспондентъ, чтобъ они привели къ какому-либо значительному результату.

Въ самомъ дѣлѣ, повторить въ третій разъ одно и то же требованіе и притомъ въ тождественной нотѣ, и потомъ удовольствоваться отказомъ, котораго нельзя не предвидѣть, было бы и смѣшно, и жалко; а объявить Россіи войну вслѣдъ за ея отказомъ, къ этому не расположены ни Англія, ни Австрія. Франція же хотя и не прочь была бы начать войну изъ-за Польши, однакоже понимаетъ все безуміе одиночной войны противъ Россіи, и полуофиціяльный ея журналъ *Pays*, 21-го октября, въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ возстаетъ противъ этой мысли. Итакъ, надобно надѣяться, что при энергіи Россіи, которая возможна впрочемъ только при возбужденномъ состояніи народнаго духа, польскія дѣла уладятся мирнымъ образомъ и какъ того требуютъ интересы и достоинство Россіи.

Какъ бы предчувствуя чѣмъ должно разрѣшиться все дѣло, иностранныя газеты уже приписываютъ нашему правительствующему сенату рѣшеніе о включеніи Царства Польскаго въ общій составъ Россійской имперіи. Имъ дѣла нѣтъ, что сенатъ нисколько не занимается рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ; онѣ не обратили также вниманія на замѣтку офиціяльнаго *Journal de St.-Pétersbourg*, въ которой это извѣстіе положительно опровергалось. Онѣ снова печатаютъ документъ (?), за подписью начальника *перваго* (а не *третьяго*) отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, князя Долгорукова (не зная, что онъ находится въ Крыму), предлагающій графу Бергу, на основаніи сенатскаго рѣшенія, отъ 22-го сентября (4-го октября),

принять мѣры для введенія русскаго языка въ словесное и письменное употребленіе во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и по всѣмъ офиціяльнымъ дѣламъ Царства Польскаго.

Хотя совмѣстное и даже исключительное употребленіе русскаго языка въ офиціяльныхъ актахъ Царства Польскаго не должно было бы представляться какъ нѣчто ужасное западнымъ державамъ находящимся въ союзѣ съ Австріей, но тѣмъ не менѣе приписывать Россіи то, чего она не дѣлала, не очень похвально. Документъ, за подписью князя Долгорукова и основанный на сенатскомъ рѣшеніи, есть грубый подлогъ; что подобный подлогъ находитъ себѣ вѣру въ Европѣ, это объясняется только тѣмъ, что на подлоги и обманы чрезвычайно какъ расточительны польскіе заговорщики, даже люди самаго высокаго положенія въ обществѣ. Въ цивилизованномъ свѣтѣ вообще, и въ Англіи въ особенности, никто не можетъ представить себѣ, чтобы какой-нибудь гордый графъ или князь или вообще человѣкъ по внѣшнему виду порядочный, *gentlemanlike*, могъ для какой бы то ни было цѣли безсовѣстно и сознательно лгать, а между тѣмъ самыя гнусныя клеветы и самая нелѣпая ложь служатъ постояннымъ оружіемъ въ рукахъ польскихъ интересовъ. Этого одного достаточно, чтобы все ихъ дѣло, основанное на лжи и клеветѣ, предать всеобщему презрѣнію, которое и не замедлитъ постигнуть его, какъ только минуетъ горячность спора и не будетъ болѣе поводовъ придираться къ Россіи.

Кстати обращаемъ вниманіе читателей на одно изъ извѣстій, сообщаемыхъ ниже въ Послѣдней Почтѣ. Оно касается гражданина Чарторыйскаго (такъ величаютъ его теперь Поляки заправляющіе народною *справой*). Этотъ гражданинъ Чарторыйскій, разсуждая въ Англіи въ пользу польскаго народнаго дѣла, не могъ обойдти щекотливый вопросъ о положеніи рабочихъ классовъ въ будущей Польшѣ. Ему представлялся великолѣпнѣйшій случай прославить великодушіе польскихъ помѣщиковъ, которые, желая загладить прошлое, рѣшили подарить крестьянамъ не только полную личную свободу, но и всю землю, которою крестьяне прежде пользовались за барщину или за оброкъ. Что можетъ быть величественнѣе этого колоссальнаго пожертвованія, приносимаго на алтарь отчизны, чтобы помирить крестьянъ съ помѣщиками и водружаемымъ ими знаменемъ національной независимости! Стало-быть польскій патріотизмъ не есть фраза, когда помѣщики добровольно приносятъ ему такія тяжеловѣсныя жертвы, какъ освобожденіе крестьянъ отъ господскихъ повинностей! Но гражданинъ Чарторыйскій по этой части не хочетъ хвастать. Онъ говоритъ въ Англіи; польскіе крестьяне не услышатъ его словъ. Съ аристократическою скромностью онъ отказывается отъ эффектовъ. Его рѣчь служитъ однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ той вчужѣ прискорбной истины, что Поляки, находящіеся на свободѣ, ни въ чемъ не могутъ сойдтись между собою. Говоря въ пользу польскаго дѣла, гражданинъ Чарторыйскій не имѣлъ никакой надобности протестовать противъ постановленія народоваго жонда о безмездной уступкѣ земли крестьянамъ. Но онъ не сдержалъ своей натуры, польскаго магната, и хотя дѣло еще очень далеко отъ осуществленія декретовъ народоваго жонда, касающихся крестьянской земли, но гражданинъ Чарторыйскій уже теперь заявилъ передъ Европой, что рабочіе классы въ будущей свободной Польшѣ будутъ въ такомъ же положеніи какъ въ Англіи; изъ чего слѣдуетъ что они не будутъ владѣть землей, которую подарилъ имъ январскій декретъ народоваго жонда.

№ 225.

Москва, 16-го октября.

Время грубаго обмана миновало, наступило время тонкаго обмана. Грубый обманъ не удался; ловкіе люди не теряютъ надежды на успѣхъ болѣе тонкой интриги. Кто не согласится, что тонкій обманъ несравненно опаснѣе грубаго? Кто не согласится, что если и грубый обманъ угрожалъ намъ серіозною опасностію, то какими же опасностями можетъ угрожать система тонкой интриги?

Мы хотимъ познакомить читателя съ однимъ очень интереснымъ и характеристическимъ явленіемъ. Нѣкто г. Питкевичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возстаніи, дравшійся въ лѣсахъ, потерявшій тамъ лѣвую руку и еще что то, и наконецъ возвратившійся на родину въ городъ Львовъ въ Галиціи, рѣшился обратиться съ посла-

ніемъ къ таинственнымъ властямъ, которыя управляютъ организаціей польскаго возстанія подъ именемъ народнаго правительства (Rzad narodowy). Въ этомъ посланіи г. Питкевичъ счелъ своимъ долгомъ высказать свой взглядъ на вещи, и предложить совѣтъ какъ повести далѣе польское дѣло. Но почтительное посланіе его, если вѣрить его показанію, осталось безъ отвѣта. Тогда г. Питкевичъ вспомнилъ объ одномъ господинѣ, живущемъ въ Брюсселѣ, весьма интересующемся дѣлами происходящими въ Россіи и издавшемъ, подъ куріознымъ псевдонимомъ Скедо-Ферроти, нѣсколько французскихъ брошюръ о русскихъ предметахъ. Повстанецъ обратился къ этому господину съ просьбою дать его посланію хорошую французскую редакцію и издать его въ свѣтъ. „Я, говоритъ польскій патріотъ, въ письмѣ своемъ къ г. Скедо-Ферроти, прочиталъ множество сочиненій касающихся Польши и ея нынѣшняго состоянія; авторы этихъ сочиненій, защищая ея дѣло каждый съ своей точки зрѣнія, конечно доказали въ нихъ патріотизмъ и преданность къ Польшѣ, и однако я не задумаюсь сказать, что изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ такой мѣрѣ оказался истиннымъ другомъ Польши, какъ вы." Это было писано 4-го сентября, и вотъ, на дняхъ, брошюра вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne* avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schedo-Ferroti. Bruxelles, 1863. Брошюра эта заслуживаетъ полнаго вниманія. И то что авторъ хочетъ сказать, и чего онъ не хочетъ сказать, и то что онъ прямо высказываетъ, и то что читается между строками, все имѣетъ интересъ и представляетъ данныя для заключеній и соображеній. Прежде всего брошюра эта важна какъ несомнѣнное указаніе на тотъ характеръ, который долженъ быть приписанъ нынѣшнему польскому возстанію. Русская публика уже давно имѣла возможность убѣдиться, что въ сущности все это возстаніе есть колоссальный пуфъ. Брошюра польскаго патріота подтверждаетъ это мнѣніе очевиднѣйшимъ образомъ. Слово „обманъ" поминутно встрѣчается на страницахъ этой брошюры. И европейское общественное мнѣніе, съ своими митингами, палатскими демонстраціями, журнальными статьями, было обманъ, и дипломатическій походъ на Россію былъ обманъ, и русскіе революціонеры обманывали Поляковъ, и Поляки обманывали Европу, и „жондъ" обманывалъ повстанцевъ, и повстанцы обманывали другъ друга, и наконецъ все вмѣстѣ обманывало и продолжаетъ обманывать Россію. Обо всей этой сѣти обмановъ и интригъ мы тысячекратно говорили нашимъ читателямъ. Вѣрны ли, основательны ли были наши заключенія? Вотъ удобный случай подвергнуть ихъ повѣркѣ. Вотъ надежный свидѣтель, самъ Полякъ, самъ патріотъ, самъ повстанецъ. Онъ говоритъ то же самое что говорили и мы,—только, какъ и весьма естественно, онъ клонитъ свою рѣчь не въ ту сторону, куда мы клонимъ свою. Цѣли у насъ разныя. Мы хотѣли бы изъ этой системы обмановъ извлечь для себя поученіе какъ бороться съ обманами и какъ обращать ихъ въ ничто; а польскій повстанецъ, разумѣется, хлопочетъ о томъ, чтобъ они не остались безплодны, чтобъ извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу своему дѣлу.

Вожди польскаго возстанія не воспользовались обѣщанною имъ амнистіей. Они слишкомъ понадѣялись на силы затѣянной ими интриги, и вмѣсто системы постепеннаго прогресса, избранной маркизомъ Велёпольскимъ, хотѣли разомъ возстановить старую Польшу. Они рѣшились либо все выиграть, либо все проиграть. Теперь дѣлу грозитъ полный проигрышъ,—и вотъ благоразумнѣйшіе изъ повстанцевъ, къ которымъ принадлежитъ г. Питкевичъ, заботятся о томъ чтобы не все было проиграно, если нельзя было всего выиграть. Онъ горько сожалѣетъ, что вожди возстанія дались въ обманъ надеждамъ на заступничество Европы, забывая впрочемъ, что Европа обманула Поляковъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой сами Поляки обманывали ее. Но съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ польскій повстанецъ о русскихъ измѣнникахъ, обманувшихъ Поляковъ видами на сочувствіе ихъ дѣлу въ Россіи и на революцію, которая будто бы готовилась вспыхнуть въ ней, хотя съ другой стороны надобно сказать и то, что русскіе революціонеры сами во многихъ отношеніяхъ не что иное какъ плодъ интриги, въ которой значительную роль играли польскіе заговорщики. Лондонскіе выходцы дождались наконецъ добраго слова и отъ Поляковъ. Польскій повстанецъ не пощадилъ ихъ, такъ что даже привелъ въ смущеніе самого издателя своей брошюры, г. Скедо-Ферроти. Что-то

скажутъ деликатные soi-disant русскіе публицисты, которые приходили въ ужасъ отъ нашихъ безцеремонныхъ выраженій о полоумномъ вралѣ, что-то скажутъ они, прочтя слѣдующій отзывъ польскаго повстанца: „Г. Герценъ и К° увѣряли, что нахо„дятся во главѣ обширнаго заговора обни„мающаго цѣлую Россію, и простирали свое „фанфаронство до того, что предлагали „Польшѣ содѣйствіе какого-то *русскаго ре„волюціоннаго комитета*.“ Г. Питкевичъ разказываетъ, что польскіе патріоты требовали у этихъ господъ доказательствъ ихъ вліянія. Но, продолжаетъ онъ, „вмѣсто всѣ„кихъ доказательствъ редакторы *Колокола* „могли представить только хвастливыя увѣ„ренія въ своемъ революціонномъ могуще„ствѣ; а потому, безъ всякихъ церемоній „и не щадя ихъ самолюбія, они устранили „ихъ какъ отъявленныхъ враліей“. Г. Питкевичъ очень доволенъ, что польскіе патріоты не уронили своего достоинства формальнымъ союзомъ съ вралями; но, продолжаетъ онъ, „зачѣмъ же польскіе пат„ріоты не были на столько проницательны, „чтобъ убѣдиться, что не только роль при„знанныхъ вождей русскаго возстанія, на „которую претендовалъ лондонскій тріумви„ратъ, но и самые элементы возстанія, ко„торые, по ихъ увѣреніямъ, будто бы су„ществуютъ въ Россіи, чистая выдумка? „Гдѣ эти симпатіи студентовъ къ польско„му дѣлу, тайныя общества, составленныя „русскими офицерами, рѣшеніе будто бы „принятое солдатами не сражаться съ „*братьями Поляками*, стачки раскольни„ковъ для ниспроверженія верховной влас„ти? Все это существовало только въ хва„стливыхъ столбцахъ *Колокола*, редакторы „котораго лгали, и лгали завѣдомо, для „того только чтобы доставить себѣ ребя„ческое удовольствіе прослыть вождями мо„гущественной революціонной партіи..... „Да покараетъ Богъ этихъ *московскихъ* вра„лей въ Лондонѣ и такъ называемыхъ по„лонофиловъ въ Парижѣ за невознагради„мое зло, которое они намъ причинили, — „одни выдумавъ басню о пособіи, которое „будто бы дѣло наше могло встрѣтить со „стороны Русскихъ, а другіе преувеличивъ „размѣры того воспомоществованія, кото„рое намѣрены были оказать намъ запад„ныя державы! Да падетъ на нихъ поль„ская кровь, безполезно пролитая послѣ „1-го мая, потому что еслибы не ложь од„нихъ, и не подстрекательства другихъ, то „центральный комитетъ не отказался бы „воспользоваться амнистіей.“

Итакъ, польскій патріотъ негодуетъ на обманъ, которому подверглись его собратья. Онъ проклинаетъ обманъ; онъ проклинаетъ обманщиковъ. Какое же слѣдуетъ отсюда естественное заключеніе? Не то ли, что обманъ вообще есть дурное средство, и что на обманѣ нельзя основать успѣхъ какого-либо великаго дѣла? Нѣтъ, по слабости свойственной людямъ, г. Питкевичъ не пришелъ къ такому заключенію. Только въ томъ уголкѣ своей души онъ проклинаетъ обманъ и обманщиковъ, гдѣ ему ясно представляется, что обманъ и обманщики повредили польскому дѣлу. Но тамъ гдѣ обманъ кажется ему полезнымъ, онъ ему рукоплещетъ; тамъ онъ обманщиковъ не проклинаетъ, тамъ онъ очарованъ ихъ ловкостію, и съ торжествомъ разказываетъ ихъ продѣлки. Невинныя петербургскія газеты не знаютъ, что такое ловкіе люди, и какъ они дѣйствуютъ. Вотъ брошюрка польскаго повстанца; въ ней найдутъ онѣ интересныя указанія по этому предмету.

„Со времени варшавскихъ демонстрацій,“ говоритъ г. Питкевичъ, „и въ началѣ возстанія полемика въ журналахъ была ведена мастерскою рукой. Никогда съ „такою ловкостію не пользовались этимъ „могущественнымъ рычагомъ, который на„зывается общественнымъ мнѣніемъ. По„являлись одновременно въ журналахъ фран„цузскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ, итальян„скихъ, даже испанскихъ и американскихъ, „разказы о нашихъ вѣковыхъ страданіяхъ; „они тронули всѣхъ, и тронули тѣмъ силь„нѣе что первыя корреспонденціи изъ Вар„шавы отличались тономъ жалобы и избѣ„гали всякихъ горькихъ обвиненій и воз„званій къ мести. Не прежде, какъ эти „статьи произвели свое дѣйствіе, не прежде „какъ иностранные журналы отвѣтили на „нихъ крикомъ негодованія, стали появлять„ся протестаціи противъ завоевательнаго „права Москалей, историческія изслѣдова„нія въ подкрѣпленіе правъ нашихъ на „старинныя польскія провинціи, и телегра„фическія извѣстія о жестокостяхъ совер„шенныхъ Русскими для подавленія націо„нальнаго движенія. Успѣхъ всего этого „былъ удивительный. Журналы всѣхъ странъ „единогласно проклинали Россію, собира„лись митинги, составлялись общества для „вспомоществованія начинавшемуся возста„нію, цѣлая Европа казалась готовою под-

„няться за польское дѣло. Только тогда,— „и тутъ-то, конечно, надобно видѣть верхъ „ловкости,—только тогда появились статьи, „имѣвшія цѣлію доказать съ одной сторо„ны, что Россія находилась наканунѣ огром„наго внутренняго возстанія, которое едва„ли могло бы быть подавлено всѣми ея вой„сками, и что, слѣдовательно, ея военное „могущество почти превращалось въ ничто; „а съ другой стороны, что кромѣ собствен„но такъ-называемой Польши, Волынь, По„долія, Литва, Курляндія и проч. и проч., „съ народонаселеніемъ до двадцати мил„ліоновъ душъ, ожидали только оружія и „снарядовъ, чтобы возстать противъ вла„сти Царя. Полагая, что дѣло идетъ не о „серіозной войнѣ, а о военной прогулкѣ, „чтобы помочь Польшѣ и предписать за„коны Россіи, публика въ Швеціи, въ Ав„стріи, въ Англіи, а особенно во Франціи, „не понимала колебанія своихъ прави„тельствъ, не спѣшившихъ воспользоваться „представлявшимся имъ прекраснымъ слу„чаемъ совершить великій актъ справедли„вости и покрыть себя лаврами. Чѣмъ мед„лительнѣе казались правительства, тѣмъ „сильнѣе возрастало волненіе массъ. А по„тому не доставало немногаго, лишь очень „немногаго, чтобы ваша столь ловкая по„литика,“ продолжаетъ г. Питкевичъ, обращаясь къ членамъ *жонда*, „увѣнчалась „полнымъ успѣхомъ во Франціи, гдѣ умы „были такъ настроены, что правительство „принуждено было бы, наконецъ, уступить „общественному мнѣнію и объявить войну „Россіи, еслибы цѣлымъ рядомъ прискорб„ныхъ ошибокъ вы сами не разрушили „дѣло такъ ловко вами начатое.“

Авторъ брошюры видитъ эти ошибки въ томъ, что вожди польскаго возстанія перешли мѣру, разчитывая на невѣдѣніе, въ которомъ находится Европа, особенно Франція, относительно всего, что касается Россіи и Польши. Ложь, которая печаталась польскими патріотами, перепечатывалась въ журналахъ безъ всякихъ возраженій и примѣчаній, и это доказывало, что европейскіе журналы, какъ замѣчаетъ г. Питкевичъ, были совершенно не свѣдущи въ нравахъ, законахъ и обычаяхъ русскихъ. „Но,“ продолжаетъ онъ, „успѣхъ слишкомъ „обнадежилъ васъ, и вы зашли далеко, „слишкомъ далеко. Вмѣсто того чтобъ огра„ничиться нападками на Россію, которую „никто не любитъ, и о которой повѣрятъ „всему, что ни скажете, потому что никто „не знаетъ ея, вы ухватились за Пруссію, „которую также не любятъ, но которой „законы и нравы извѣстны....“ Нелѣпости, которыя распускались польскими патріотами о Пруссіи, были изобличены и нанесли первый ударъ ихъ кредиту. Потомъ они выдумали исторію о тайномъ приказаніи, полученномъ будто бы раскольниками отъ русскаго Императора, избивать всѣхъ католиковъ, также исторію о разныхъ чудесахъ, доженствовавшихъ свидѣтельствовать о благоволеніи Божіемъ къ польскому дѣлу. Г. Питкевичъ очень сожалѣетъ, что польскіе патріоты прибѣгли къ чудесамъ, которыя уронили ихъ во мнѣніи здравомыслящихъ людей. Что же касается до „тайнаго приказанія,“ то онъ сожалѣетъ только о томъ, что обманъ этотъ, очень искусно и ловко задуманный, обратился противъ своихъ виновниковъ, вслѣдствіе „плачевнаго“ промаха, который испортилъ его дѣйствіе. Польскій патріотъ съ удовольствіемъ говоритъ объ удивительномъ дѣйствіи, которое произведено было этимъ документомъ, перепечатаннымъ во всѣхъ журналахъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. Правда, *Journal de St.-Pétersbourg* объявилъ его подложнымъ. „Но,“ говоритъ г. Питкевичъ, „вы должны были „знать, что журналы офиціяльные вообще, „а *Journal de St.-Pétersbourg* въ особен„ности не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія „на общественное мнѣніе; а потому вамъ „слѣдовало бы не обращать никакого вни„манія на возраженія министерскаго жур„нала. Но вы вздумали привести русскій „текстъ документа. Это было сильно, и „это могло произвести огромное дѣйствіе, „еслибы въ этомъ несчастномъ текстѣ не „оказались грубыя ошибки....“

Авторъ сознаетъ безчестность подобнаго образа дѣйствій, но, какъ видно, онъ не прочь былъ бы воспользоваться плодами его и былъ бы радъ еслибъ онъ удался. Онъ упрекаетъ вождей главнымъ образомъ въ томъ, что имъ измѣнила ихъ обычная ловкость. По его мнѣнію, имъ бы слѣдовало, видя неудачу маневра, поспѣшить отречься отъ него, и не дать предупредить себя русскимъ газетамъ. „Это было бы и „честнымъ поступкомъ,“ говоритъ онъ, „да „и мастерскою штукой. Вы снова пріобрѣ„ли бы все довѣріе иностранной печати, „которая стала бы клясться вами, увидѣвъ „что любовь къ правдѣ возымѣла у васъ „верхъ даже надъ ненавистью къ Моска-

„лямъ...“ Это конечно было бы недурною штукой: *фальшивымъ употребленіемъ правды купить полный кредитъ для лжи.* Но не догадавшись сдѣлать такую ловкую штуку, руководители польскаго движенія, „уро„нили нравственный кредитъ корреспонден„ціи и телеграммъ, составляемыхъ въ смыс„лѣ благопріятномъ для польскаго дѣла.“

Г. Питкевичъ очень скорбитъ объ этомъ обстоятельствѣ, но намъ кажется, что слѣдовало бы порадоваться закону управляющему дѣлами міра сего,—закону, съ силу котораго ложь, истинная ложь, никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха. Намъ кажется даже, что наглая и безпримѣсная ложь, ложь во всемъ себѣ вѣрная и вполнѣ послѣдовательная, гораздо предпочтительнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ эта благоразумная ложь, которая умѣетъ прикрывать себя личиной правдивости. Да и въ практическомъ отношеніи ложь перваго рода едва ли не предпочтительнѣе чѣмъ втораго рода: послѣдствія первой бываютъ по большей части скоротечны, а послѣдняя дѣйствуетъ несравненно глубже и губительнѣе. Образъ дѣйствій „народоваго жонда,“ который ломитъ впередъ во что бы то ни стало, гораздо лучше во многихъ отношеніяхъ чѣмъ политика тѣхъ благоразумно-хитрыхъ интригановъ, которые придумываютъ разныя благовидныя сдѣлки, и по слѣдамъ которыхъ пошелъ и авторъ брошюры, возвратившись изъ своего несчастнаго лѣснаго похода.

Итакъ, польскій повстанецъ былъ бы очень доволенъ, еслибы система обмановъ, на которой основано все польское дѣло, не промахнулась, ровнѣе выдержала себя и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Ему досаденъ обманъ, не потому что онъ обманъ, а потому что онъ не удался. Однако онъ былъ искренно огорченъ, когда почувствовалъ неудобство быть жертвою обмана. Очень трогательны тѣ строки, въ которыхъ повстанецъ описываетъ скорбь разочарованія. Вотъ эти строки:

„Какую радость, испытывали мы вмѣстѣ съ моими храбрыми соратниками, читая въ случайно проникавшихъ въ наши лѣса иностранныхъ журналахъ извѣстія о быстромъ развитіи силъ возстанія и о столькихъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ врагомъ! Тѣснимые превосходными силами, слѣдимые какъ дикіе звѣри, мы дышали вольнѣе, помышляя, что въ другихъ мѣстахъ другіе изъ нашихъ братьевъ торжествовали, и что со всѣхъ сторонъ, какъ съ востока такъ и съ запада, не замедлитъ придти къ намъ помощь. . . . . Въ упоеніи счастія мы забывали наши страданія, наши язвы и безпрерывныя лишенія, какъ вдругъ однажды въ числѣ побѣдъ, о которыхъ писалось въ журналахъ, мы прочли разказъ о побѣдѣ, будто бы одержанной нашимъ легіономъ надъ двумя пѣхотными ротами и полсотней казаковъ. Нельзя выразить нашего изумленія! Въ тотъ день, который былъ означенъ въ депешѣ, не было никакой схватки; насъ всего было только 180 человѣкъ, вмѣсто 1:500, какъ сказано въ телеграммѣ; и, увы! мы не только не торжествовали побѣды, но именно въ это утро приняли рѣшеніе разойдтись въ разныя стороны и присоединиться къ другимъ легіонамъ болѣе счастливымъ и болѣе многочисленнымъ чѣмъ нашъ. Мы были вчетверомъ въ баракѣ графа *** и съ жадностію перебирали газеты присланныя ему изъ Кракова, сообщая другъ другу, что попадалось намъ замѣчательнаго. Одному изъ насъ попалась на глаза выше упомянутая депеша; я замѣтилъ, что онъ поблѣднѣлъ и сжалъ листокъ въ своихъ рукахъ; такъ какъ у него была рана на ногѣ, то я сначала подумалъ не открылась ли она у него; но онъ подалъ мнѣ журналъ, примолвивъ голосомъ дрожавшимъ отъ ярости: „читайте!“ Мы всѣ трое прочли эту проклятую депешу, графъ въ слухъ, а мы двое про себя, слѣдя за нимъ глазами. Никогда не забуду я ужаснаго дѣйствія, произведеннаго на насъ этими пятью печатными строками. Итакъ, всѣ эти извѣстія о побѣдахъ, всѣ эти реляціи объ успѣхахъ одержанныхъ нами надъ врагомъ были ложь! Передъ нами было неотразимое доказательство лжи въ одномъ случаѣ; мы стало-быть имѣли основаніе думать, что и другія *блистательныя дѣла*, другія *полныя пораженія* Москалей были также выдумки. Но если все это была только ложь, значитъ и симпатіи народа къ нашему дѣлу могли существовать только въ воображеніи тѣхъ, кому нужно было насъ обманывать; а въ такомъ случаѣ, что же такое мы сами? Искатели приключеній, шайка разбойниковъ, дѣйствующая по приказу атамановъ и имѣющая въ виду чисто личную цѣль,—цѣль, которую народъ, истинный народъ, можетъ-быть отвергаетъ?“

Пусть тѣ, которые еще толкуютъ у насъ о народности польскаго возстанія и были

бы готовы пожертвовать судьбою цѣлыхъ народонаселеній замысламъ интригановъ, пусть они прочтутъ эти строки и узнаютъ, какія чувствованія испытываются самими повстанцами въ лѣсахъ, какъ горько сознаютъ они сами, что въ дѣлѣ, за которое они проливали свою кровь, не было правды. Но какъ же поступили эти несчастные повстанцы, согнанные обманомъ въ лѣса,—какъ поступили они, почуявъ неладное? „Насъ совсѣмъ перевернуло“, пишетъ г. Питкевичъ:—

„мы захотѣли добиться толку во всѣхъ этихъ обманахъ, мы захотѣли дознаться насколько было правды, насколько было лжи во всемъ что говорилось и печаталось о возстаніи; мы захотѣли дознаться, были ли мы только жертвами обмана интригановъ, или витязями дѣйствительно народнаго дѣла?“ . . . . . .

Не правда ли, что первое побужденіе лѣсныхъ повстанцевъ было прекрасное? Что же? Послѣдовали ли они ему?

„Въ первомъ пылу мы приняли самое крайнее рѣшеніе протестовать публично противъ системы такъ-называемыхъ патріотическихъ обмановъ, писать въ варшавскій центральный комитетъ, и требовать чтобъ онъ сказалъ, въ какой мѣрѣ справедливы и въ какой ложны извѣстія объ ежедневныхъ успѣхахъ возстанія; наконецъ, созвавъ всѣхъ нашихъ соратниковъ, прочесть имъ фальшивую депешу, разослать ихъ по разнымъ воеводствамъ, въ Литву, въ Подолію и пр., и пр., съ тѣмъ чтобъ они лично убѣдились въ положеніи дѣлъ и возвратились въ назначенный день посудить вмѣстѣ, на что рѣшиться.“

Итакъ, мы видимъ, что и первое побужденіе повстанцевъ было хорошее, и рѣшенія принятыя подъ его вліяніемъ были также очень хорошія. Поступи лѣсные повстанцы такъ какъ они было рѣшились поступить, они сразу вышли бы изъ сѣти интригъ, въ которую ихъ запутали и въ которой ихъ нещадно губили; польское возстаніе само убѣдилось бы въ своей лжи, возымѣвъ благую мысль, убѣдиться въ истинѣ. Увы! ни одно изъ рѣшеній внушенныхъ добрымъ порывомъ, не было исполнено. „Ничего,“ говоритъ г. Питкевичъ,—

„изъ всего этого не было сдѣлано. Ночь, безсонная ночь, проведенная вчетверомъ, образумила насъ, и самый излишекъ нашей скорби имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что мы ободрились, и надежда вступила въ наши сердца. . . . . Мы *убоялись* взглянуть въ лицо истины, мы *убоялись* сказать себѣ что насъ обманывали, мы *убоялись* сознаться въ томъ, что было у насъ самихъ на умѣ; и чтобы не обезкуражить товарищей, мы рѣшились обмануть ихъ, или по крайней мѣрѣ не выводить ихъ изъ обмана относительно истинной цѣны тѣхъ благопріятныхъ извѣстій, которыя поджигали въ нихъ патріотическую ревность. Мы сожгли листокъ, содержавшій въ себѣ фальшивую депешу, и передали прочіе нумера нашимъ товарищамъ, которые громко читали ихъ, безпрестанно прерывая чтеніе восклицаніемъ: „*да здравствуетъ Польша!*“ — восклицаніемъ, которое вырывалось у нихъ извѣстіями о побѣдахъ, одержанныхъ нами надъ Москалями. Эти изъявленія вѣры въ будущее со стороны горсти людей кое-какъ вооруженныхъ надрывали мнѣ сердце. Половина нашихъ людей были изранены, всѣ были истощены голодомъ и усталостію, и въ этотъ самый день они готовились разойдтись, одни домой лѣчиться, другіе съ тѣмъ чтобы пристать къ ближайшимъ легіонамъ. Еслибъ у насъ достало мужества прочесть сожженную депешу, еслибъ я, пользуясь преимуществомъ, которое давала мнѣ моя сѣдѣющая борода надъ тремя молодыми людьми, товарищами моей безсонной ночи, настоялъ на открытіи полной истины, то навѣрное, половина, а можетъ-быть и всѣ мои соратники, разошлись бы по домамъ, съ тѣмъ чтобы никогда не оставлять ихъ. Наше умолчаніе, или лучше моя слабость, заставившая меня согласиться на умолчаніе, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ годные къ бою люди отправились искать новыхъ сраженій, новыхъ побѣдъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ имъ только что прочли въ газетахъ. Много ли уцѣлѣетъ изъ нихъ, и какую пользу извлечетъ Польша изъ крови, пролитой тѣми, которымъ не суждено возвратиться?“

Покаявшись въ собственной слабости, г. Питкевичъ восклицаетъ, обращаясь къ таинственнымъ властямъ этой кровавой мистификаціи, называемой польскимъ возстаніемъ: „Усиливаясь обмануть Европу, вы „успѣли обмануть только Польшу; но въ „тотъ день, когда она убѣдится, что вы „питали ее лживыми надеждами, она не най„детъ слова достаточно сильнаго чтобы про„клясть васъ; она обратитъ на васъ всю „кровь своихъ дѣтей, всѣ слезы своихъ „вдовъ и сиротъ....“ . . . . . .

Польша не Польша, но то множество людей, которыхъ зовутъ Поляками и которыхъ обманываютъ призракомъ Польши, дѣйствительно проклянутъ, и уже проклинаютъ, и обманщиковъ, и тѣхъ у кого не достало мужества прямо посмотрѣть въ глаза обману, и кто, сознавая всю ложь задуманнаго дѣла, все-таки прикрываетъ и поддерживаетъ его, и старается воспользоваться плодами обмановъ, горюя только о неловкихъ изъ нихъ, но съ умиленіемъ преклоняясь передъ ловкими.

Польскій повстанецъ не успѣлъ еще проклясть обманъ, какъ тотчасъ же поспѣшилъ воздать должную хвалу той шайкѣ обманщиковъ, которая, пользуясь обстоятельствами, свила себѣ гнѣздо въ Варшавѣ. „Никто“, пишетъ онъ, „болѣе меня не отдаетъ справедливости вашимъ дѣйствіямъ, „вашей ловкости: основать національное правительство рядомъ съ московскою властью, „правительство дѣйствующее правильнымъ „образомъ, издающее декреты, принимающее прошенія, и отвѣчающее просителямъ „съ такою точностію, какъ еслибъ оно дѣйствовало совершенно открыто и на виду „у всѣхъ,—все это верхъ ловкости. Я „преклоняюсь съ удивленіемъ передъ этимъ „искусствомъ, передъ этою ловкостію; я „отдаю полную справедливость необыкновенному таланту вами показанному; но, „еще разъ, я не могу воздержаться, что„бы не сказать вамъ, что успѣхъ сдѣлалъ „васъ слишкомъ самонадѣянными, что вы „пошли гораздо далѣе чѣмъ позволяло вамъ „благоразуміе.“

Вотъ, стало-быть, въ чемъ бѣда: недостатокъ благоразумія! Польскіе патріоты убѣждаются теперь, что осторожность и благоразуміе всего лучше помогутъ имъ въ ихъ замыслахъ и вмѣсто грубаго обмана, которымъ они доселѣ дѣйствовали, они хотятъ прибѣгнуть къ системѣ болѣе тонкой интриги, разчитанной на постепенный и болѣе прочный успѣхъ.

Авторъ посланія совѣтуетъ членамъ жонда сообщить польскому дѣлу, новый оборотъ. Онъ приглашаетъ этихъ таинственныхъ правителей отказаться отъ власти, прекратить возстаніе, которое не можетъ ожидать никакой серіозной помощи отъ Европы, и предложить русскому правительству сдѣлку, на которую оно при настоящихъ обстоятельствахъ не замедлитъ согласиться. Эта часть брошюры польскаго повстанца заслуживаетъ особеннаго вниманія, и мы не замедлимъ возвратиться къ ней.

№ 226.

Москва, 17-го октября.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ произведено было въ Варшавѣ покушеніе на жизнь Великаго Князя Намѣстника. По этому случаю въ полномъ собраніи государственнаго совѣта, 5-го іюля, маркизъ Велёпольскій, въ своей вступительной рѣчи, заявилъ, что Великій Князь „не приписываетъ никакого участія въ злодѣяніи „польскому народу, что онъ полагается на „его давнюю *„шляхетность,“* на его извѣстное благородство. „Будемъ надѣяться,“ прибавилъ маркизъ, „что Провидѣніе, „сохранившее намъ Князя, откроетъ намъ „злоумышленниковъ, и что имъ будетъ воздано должное. Но если суждено еще быть „удару убійцы,“ заключилъ маркизъ, „то „пусть этотъ ударъ падетъ на меня, что„бы мнѣ не пережить добродѣтелей отцовъ „и чести польскаго имени.“ Такъ отнесся маркизъ къ покушенію на жизнь Великаго Князя,—и въ этомъ, быть-можетъ, единственномъ случаѣ, ему вторило тогда большинство образованныхъ Поляковъ. Аристократія, съ Замойскимъ во главѣ, поспѣшила въ Бельведеръ справиться о здоровьи Великаго Князя и заявить свои чувства, средніе классы населенія громко выражали свое негодованіе, и общій голосъ требовалъ немедленной казни Ярошинскаго, этого „выродка польской земли“. Даже газеты, явно враждебныя всякой попыткѣ примиренія съ Россіей, по большей части не замедлили выказаться противъ покушенія, и *Часъ* торжественно провозгласилъ, что въ Польшѣ не бывало политическихъ убійствъ, что *шляхетность* ея народа никогда не потерпитъ чего-либо подобнаго. Правда, при этихъ заявленіяхъ была забыта исторія, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что чувства тогда высказывавшіяся были самаго благороднаго или, если угодно, шляхетнаго свойства.

Такъ было годъ тому назадъ. А теперь что мы видимъ? Тѣ классы польскаго народа, которые считаютъ себя его представителями и призванными защитниками, тѣ классы, которые такъ много говорили тогда о польской шляхетности, эти классы подчиняются теперь, отчасти добровольно, от-

части по принужденію, организованной сектѣ политическихъ убійцъ, именуемой народовымъ жондомъ. Графы Замойскіе и Чарторыйскіе служатъ представителями этой секты заграницею, а сынъ перваго изъ нихъ самъ способствуетъ производству политическихъ убійствъ. Въ монастыряхъ приводятся къ присягѣ душегубцы, которымъ нѣтъ числа, и ксендзы даютъ на всякій случай отпущеніе грѣховъ кинжальникамъ. Революціонная печать возвышеннымъ тономъ говоритъ объ исполненіи приговоровъ жонда, и пріискиваетъ для восхваленія убійствъ громкія фразы. Наконецъ Ярошинскій, изъ выродковъ земли польской, сдѣлался ея мученикомъ, и полицейскій, задержавшій его во время покушенія, палъ теперь жертвою отъ руки убійцы изъ-за угла.

И такой переворотъ произошелъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ! Куда дѣвалась эта пресловутая шляхетность, это испытанное благородство польскаго народа? Какимъ образомъ польская земля сдѣлалась столь богата политическими убійцами? Стало-быть шляхетный польскій патріотизмъ былъ въ сущности не очень далекъ отъ патріотизма Ярошинскаго, стало-быть уже въ этомъ благородномъ патріотизмѣ заключались сѣмена злодѣяній!

Политическія убійства возведены теперь въ систему дѣйствій. Во всѣхъ концахъ Царства Польскаго только и слышно, что о политическихъ убійствахъ, производимыхъ по повелѣнію жонда и его агентовъ. Это называется просвѣщеніемъ народа въ политическомъ смыслѣ, просвѣщеніемъ направленнымъ къ уничтоженію корней привязанности его къ Россіи. Такихъ корней оказалось однако очень много, и уже болѣе 700 Поляковъ пострадали отъ своихъ одноплеменниковъ. Жондъ увѣрялъ, что казнитъ ихъ какъ своихъ подданныхъ, подлежащихъ его суду, но лживость этого увѣренія не должна была остаться тайной, и вотъ жондъ начинаетъ теперь точно также казнить Русскихъ, которыхъ онъ не можетъ уже считать своими подданными. Такъ обнаружился истинный характеръ убійствъ, называвшихся казнями.

Въ предлагаемомъ листѣ нашей газеты читатели найдутъ объявленіе варшавскаго *начальника полиціи*, которымъ онъ предписываетъ своимъ жандармамъ-рѣзунамъ убійство Русскихъ. Въ этомъ объявленіи требуется отъ политическихъ убійцъ точное исполненіе новаго приказанія; такъ какъ политическія убійства „значительно „упростятъ и уменьшатъ труды, предпри„нимаемые для освобожденія народа, и во„обще принесутъ *благодѣтельные плоды*.“ Не имѣя достаточно силъ, чтобы бороться съ успѣхомъ въ полѣ, жондъ призываетъ своихъ стражниковъ къ *дружной работѣ* изъ-за угла. Для этой цѣли придуманы даже особые инструменты, которые отравляются прежде употребленія въ дѣло.

Теперь спрашивается, благоразумно ли поступили тѣ Русскіе, которые встрѣчали съ полною вѣрой заявленія маркиза Велёпольскаго, видя что въ этихъ заявленіяхъ соплось съ нимъ все польское общество и вся польская журналистика? Благоразумно ли было ублажать себя мыслію, что покушеніе Ярошинскаго есть исключительный случай, и что центральный комитетъ, въ силу своей шляхетности, никакъ не могъ принимать въ немъ участіе? Не лучше ли было бы принимать благородныя заявленія съ должнымъ одобреніемъ, но не увлекаться ими, не опускать рукъ и дѣйствовать такъ, чтобы когда эти заявленія сверхъ чаянія оказались лживыми, не было причинъ раскаиваться въ довѣрчивости неблагоразумной и вредной? Кому не извѣстно, что можно соединять, безъ малѣйшаго ущерба своей нравственности, доброту голубицы съ змѣиною мудростью? Немного побольше этой мудрости съ нашей стороны, и благородныя заявленія были бы еще и теперь въ модѣ.

Эти мысли невольно вызываетъ образъ дѣйствій такъ-называемаго „народоваго жонда“, а еще болѣе то обстоятельство, что высшіе классы польскаго народа, какъ дворянство, такъ и духовенство, продолжаютъ какъ ни въ чемъ не бывало повиноваться власти этого чудовища и намѣреваются повидимому превратить всю свою шляхетную націю въ новую секту таговъ. Такой образъ дѣйствій долженъ наконецъ обратить наше вниманіе на свойство польскаго патріотизма.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ нашей газеты, въ извѣстіяхъ изъ Царства Польскаго, читатели найдутъ прокламацію революціонной власти, относящуюся къ адресамъ, которые поданы дворянствомъ сѣверо-западнаго края Государю Императору. Подпольное правительство обѣщаетъ казнить первыхъ виновниковъ этихъ заявленій и прославить тѣхъ кто не хотѣлъ въ нихъ уча-

ствовать, но людямъ среднимъ, огромному колеблющемуся большинству, оно объявлятъ свое милостивое прощеніе съ тѣмъ однакоже чтобы подписаніе адреса считалось пятномъ, которое каждый Полякъ обязанъ смыть вѣрною службой народному дѣлу. Неужели и послѣ этого документа будутъ пенять намъ, если мы поопасемся давать практическое значеніе адресамъ польскаго дворянства въ западномъ краѣ? Мы не въ правѣ обвинять подписавшихъ адресы въ двуличіи, и мы совершенно далеки отъ подобной мысли, тѣмъ болѣе что нельзя сомнѣваться въ благоразуміи, а слѣдовательно и въ искренности многихъ изъ числа этихъ лицъ. Но Россія такъ много разъ испытала на дѣлѣ, къ какимъ бѣдствіямъ ведетъ чрезмѣрная довѣрчивость русскаго человѣка, что было бы крайнимъ безразсудствомъ съ нашей стороны еще разъ повторять многократный опытъ и не обращать вниманія даже на предостереженіе, которое поспѣшилъ сдѣлать намъ подпольный жондъ. Чувства и мысли, выраженныя въ адресахъ, мы должны принимать за искреннія, пока не доказано противное, но мы не должны забывать, что въ адресахъ эти чувства и мысли выражаются словами, а на слова мы отнюдь не обязаны отвѣчать дѣлами. Мы испортили бы все дѣло, еслибы вздумали на слова отвѣчать дѣлами. Мы усилили бы въ польскомъ патріотизмѣ тотъ элементъ фальши, благодаря которому нѣтъ возможности полагаться на польское благородство.

Мы уже много разъ повторяли, что весь польскій вопросъ въ западномъ краѣ. Высшіе классы польскаго народа никогда не выйдутъ изъ того омута лжи и самообольщенія, въ которомъ теряются для нихъ всѣ нравственные инстинкты, они никогда не возстанутъ изъ своего несомнѣннаго нравственнаго паденія, не возвратятся къ основнымъ условіямъ не говоримъ цивилизаціи, но простаго человѣческаго общежитія, если не будетъ отнята у нихъ всякая надежда на невозможное,—на господство въ западномъ краѣ. Будущее, ожидающее ихъ, ужасно. Политическая безнравственность не можетъ не отразиться и въ частной жизни. Люди, которые хотѣли основать благо своего отечества на попраніи законовъ божескихъ и человѣческихъ, должны вынести глубокую внутреннюю порчу изъ этой патріотической дѣятельности не признававшей ничего святаго. Фальшивое направленіе польскаго патріотизма губитъ не однихъ юношей, побиваемыхъ нашими войсками; оно губитъ нравственность всего народа. Истинный доброжелатель не той никому неизвѣстной величины, которая называется Польшей, а польскихъ людей, долженъ поставить своею задачей освобожденіе ихъ отъ той фальши въ ихъ стремленіяхъ, которая дѣлаетъ ихъ неспособными къ практическому и нравственному патріотизму, къ патріотизму въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его всѣ другіе народы. Теперешній польскій патріотизмъ позоритъ польское имя; мы уже видимъ, какъ оно начинаетъ пріобрѣтать невыгодный нравственный оттѣнокъ, какъ оно становится въ извѣстномъ смыслѣ нарицательнымъ именемъ. Поляки уже составляютъ исключеніе между народами. Пусть же тѣ изъ нихъ, которые въ самомъ дѣлѣ любятъ не грезу, именуемую отчизной, а свой народъ, пусть они подумаютъ наконецъ о томъ, что завело ихъ въ это ужасное исключительное положеніе, гдѣ вслѣдъ за политическимъ существованіемъ утрачивается сначала политическая, а потомъ и всякая нравственность,—и они сами пожелаютъ исполненія мѣръ, которыя отвлекли бы польскія мечты отъ западнаго края, которыя помогли бы Полякамъ отдѣлаться отъ давящаго ихъ кошемара и сдѣлали бы ихъ способными къ чему-нибудь лучшему, чѣмъ чувство затаенной злобы, вызываемой страстью, не находящею и не могущею найдти удовлетворенія. Но какъ ни благодѣтельно было бы для Поляковъ это освобожденіе отъ ихъ кошемара, безразсудно ожидать, что Поляки сами въ состояніи отъ него отбиться. Они нуждаются въ нашей поддержкѣ. Мы должны освободить ихъ отъ притязаній на западный край, сдѣлавъ эти притязанія совершенно невозможными, то-есть сдѣлавъ этотъ край русскимъ краемъ. Мы будемъ виноваты и передъ собой и передъ ними, если ничего не сдѣлаемъ сами, а отъ нихъ будемъ ожидать невозможнаго для нихъ подвига. Мы приготовимъ новое пролитіе крови, возрастимъ новое поколѣніе жандармовъ-рѣзуновъ.

№ 227.

Москва, 18-го октября.

Возвращаемся къ брошюрѣ польскаго патріота, о которомъ говорили мы третьяго

дня. Рѣшившись писать къ своему національному правительству, польскій патріотъ конечно не имѣлъ виду ограничиться восхваленіемъ ловкости этихъ таинственныхъ господъ и сожалѣніемъ о тѣхъ промахахъ и проруxахъ, которыми они испортили свое дѣло; точно также, рѣшившись обнародовать свое посланіе, онъ не могъ имѣть въ виду только то, чтобы занять досугъ читающей публики разказомъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ не просто разказываетъ о томъ, что было или что есть; онъ предпринялъ свой трудъ съ тою цѣлью, чтобы проложить путь къ единственному, по его мнѣнію, возможному и полезному рѣшенію польскаго вопроса. Онъ характеризуетъ теперешнее положеніе дѣлъ, онъ разсказываетъ свои впечатлѣнія именно для того чтобы доказать основательность и пользу предлагаемаго имъ плана; онъ пишетъ къ членамъ „жонда народоваго“, но имѣетъ также въ виду и русское правительство и русскую публику; онъ старается уладить дѣло такъ, чтобъ и той и другой сторонѣ было удобно согласиться на сдѣлку.

Г. Питкевичъ очень убѣдительно доказываетъ членамъ подземнаго правительства, что дѣло возстанія пропграно, что общественное мнѣніе въ Европѣ охладѣло къ нему, что общественное мнѣніе въ Россіи сильно вооружено противъ него, что серіозной помощи отъ европейскихъ державъ ожидать оно не можетъ. Онъ основательно и толково доказываетъ, что европейской войны изъ-за Польши быть не можетъ. Столь же убѣдительно доказываетъ онъ, что и самая программа, принятая тремя державами по польскому дѣлу, такъ-называемые шесть пунктовъ, не имѣетъ смысла. „Эти шесть пунктовъ,“ восклицаетъ онъ, „самое горькое посмѣяніе, какое когда-„либо бросалось въ окровавленное лицо „народа, истерзаннаго междуусобной войной, предпринятою въ надеждѣ добиться „перемѣны въ своемъ политическомъ поло-„женіи; предлагать эти шесть пунктовъ зна-„читъ просто требовать отъ Россіи только „того, чтобы она сдѣлала милость, даро-„вала намъ то, что было уже уступлено „ею до начала войны, это значитъ предла-„гать петербургскому правительству пройд-„тись великодушно губкою по сумазброд-„ствамъ возстанія и возвратиться къ тому „положенію дѣлъ, въ какомъ находились „они 21-го января.“ Говоря объ этихъ шести пунктахъ, г. Питкевичъ считаетъ своимъ долгомъ открыть истину, которую такъ тщательно скрываютъ и искажаютъ его единоплеменники. Онъ не хочетъ подражать тѣмъ изъ польскихъ патріотовъ, которые „вмѣсто того, чтобы сражаться за „Польшу, умѣютъ только лгать за отече-„ство.“ „Я,“ говоритъ онъ, „избралъ про-„тивоположный путь, я дрался за незави-„симость моей страны, но лгать не буду.“ Разбирая всѣ шесть пунктовъ, онъ находитъ, что всѣ требованія соединенныхъ державъ были уже заранѣе исполнены Россіею. Требуютъ напримѣръ полной свободы совѣсти и отмѣны стѣсненій, полагаемыхъ католическому вѣроисповѣданію. „Какія же это стѣсненія?“ восклицаетъ г. Питкевичъ. „Мнѣ не извѣстно никакихъ потому что „въ Польшѣ, также какъ и въ Россіи, „римско-католическая церковь пользуется „полною свободою какъ вѣроисповѣданіе, „признаваемое закономъ. Ни число хра-„мовъ, ни число священнослужителей, ни „число благотворительныхъ учрежденій не „ограничено. Богослуженіе совершается „всенародно со всевозможною торжествен-„ностію, и русское правительство нашлось „вынужденнымъ вмѣшаться только тогда, „когда изъ храмовъ Божіихъ хотѣли сдѣ-„лать политическія сходбища“. Г. Питкевичъ находитъ, что и то единственное ограниченіе, которому подвергается римско-католическая церковь относительно смѣшанныхъ браковъ, не можетъ быть предметомъ жалобы; ибо, какъ онъ думаетъ, полная свобода въ этомъ отношеніи обратилась бы во вредъ самой римско-католической церкви. Требуя, чтобы со стороны православія не поставлялось ни какого ограниченія родителямъ воспитывать своихъ дѣтей въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи, римско-католическая церковь должна была бы и съ своей стороны допустить такую же свободу относительно смѣшанныхъ браковъ; но на это-то, какъ убѣжденъ г. Питкевичъ, и убѣжденъ не безъ основанія, латинское духовенство никакъ не согласится. „Это требованіе“, говоритъ въ заключеніе польскій патріотъ, „сдѣланное во имя Польши, до-„казываетъ полное невѣдѣніе истиннаго по-„ложенія дѣлъ, если только это не запад-„ня, устроенная врагами католической ре-„лигіи.“

Пунктъ требующій назначенія Поляковъ на всѣ государственныя должности не есть также что-либо новое. „Благодаря заботамъ маркиза,“ говоритъ польскій патріотъ, „мар-

„киза, котораго заслуга въ этомъ отноше„ніи національному дѣлу еще недостаточно „оцѣнена, всѣ русскіе чиновники были вы„гнаны, и начиная отъ самаго мелкаго пис„ца до губернаторовъ всѣ мѣста заняты „Поляками...“ „Значитъ“, заключаетъ г. Питкевичъ, „не державы покровительству„ющія придумали сдѣлать эту уступку, но „само санктъ-петербургское правительство „даровало эту льготу еще до возстанія.“

Принятіе польскаго языка въ качествѣ языка оффиціяльнаго было также дѣломъ конченнымъ до вмѣшательства этихъ державъ. „Русскій языкъ,“ говоритъ г. Питкевичъ съ особеннымъ выраженіемъ, „на „вѣки-вѣковъ изгнанъ изъ Царства Поль„скаго.“

Система правильныхъ и законныхъ рекрутскихъ наборовъ, составляющая условія шестаго пункта программы, тоже не болѣе какъ возвращеніе къ порядку вещей, существовавшему до патріотическихъ демонстрацій въ Варшавѣ. „Стало-быть рѣчь „идетъ не о томъ,“ говоритъ авторъ брошюры, „чтобъ установить новую систему „рекрутскихъ наборовъ, а о томъ только, „чтобы дать примѣненіе ново-установлен„ной системѣ.“

Амнистія, требуемая первымъ пунктомъ, есть по мнѣнію г-на Питкевича естественное послѣдствіе полнаго прекращенія возстанія. Изъ всѣхъ шести пунктовъ только одинъ имѣетъ значеніе—второй, требующій для Польши національнаго представительства. „Это не только значило бы что-нибудь, это значило бы очень много,“ говоритъ г. Питкевичъ. Но тутъ случилась бѣда. Предлагая это условіе покровительствующія державы выразили его такъ: *съ правами, подобными тѣмъ, которыя были обозначены въ хартіи* $^{27}/_{15}$ *ноября 1815 года*. „Знаютъ ли хартію 1815 года тѣ, кто за„ботится объ удовлетвореніи желаній Поль„ши?“ спрашиваетъ польскій патріотъ. „Если „знаютъ, то предлагать національное пред„ставительство по началамъ этой хартіи „можно только насмѣхъ. Если же они не „знаютъ, то не преступное ли дѣло такъ „легкомысленно рѣшать жизненный вопросъ, „заключающій въ себѣ будущность цѣлаго „народа?...“

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться съ г. Питкевичемъ что эта знаменитая конституція 1815 года, о которой такъ хлопотали покровительствующія Полякамъ державы, едва ли можетъ на что-либо годиться имъ.

Итакъ программа шести пунктовъ уже сама по себѣ служитъ польскому патріоту свидѣтельствомъ, что европейскія державы, вступившіяся за польское дѣло, не принимаютъ его серіозно къ сердцу, и вовсе не заботятся объ удовлетвореніи польскаго патріотизма. Онъ основательно и умно характеризуетъ виды всѣхъ трехъ державъ по отношенію къ польскому вопросу, и убѣдительно доказываетъ, что война изъ-за Польши—нелѣпость. Что же теперь дѣлать? Должны ли пропасть всѣ эти страшныя усилія, которыя употреблены польскими патріотами, для того чтобы вызвать снова польскій вопросъ на европейскую сцену? Должны ли пропасть даромъ всѣ эти чудеса ловкости, хитрости и обмана, которыхъ успѣхъ казался такъ несомнѣненъ? Польскій патріотъ обращается къ членамъ подземнаго правительства, и умоляетъ ихъ не доводить до конца начатую игру, въ которой они предположили себѣ или все выиграть или все проиграть,—или добиться возстановленія старой Польши, или окончательно похоронить польскую національность. Онъ не хочетъ принять такую страшную дилемму, пожертвовавъ такъ много чувству своей народности, польскій патріотъ содрагается при мысли ея окончательной гибели. Онъ съ жаромъ умоляетъ вождей возстанія отказаться отъ видовъ на несбыточное большое, съ тѣмъ чтобы спасти немногое, но возможное. Онъ убѣждаетъ ихъ, и убѣждаетъ ихъ очень сильными доводами: отказаться отъ тѣхъ областей, которыя нѣкогда входили въ составъ Польскаго королевства, и въ которыхъ большинство народонаселенія не польскаго происхожденія, но за то удержать за собою, и удержать во всей силѣ, ту часть старыхъ польскихъ владѣній, которая существуетъ теперь подъ именемъ Царства Польскаго и населена народомъ собственно польскаго языка. Доводы, представляемыя г. Питкевичемъ относительно этого пункта, тѣмъ замѣчательнѣе, что имѣютъ цѣлію доказать не только трудность, неудобство и невозможность пріобрѣтенія этихъ областей, но и вредъ, который произошелъ бы для польскаго дѣла отъ присоединенія этихъ областей къ Польшѣ.

„Вмѣсто того чтобы просить и требовать „возможнаго,“ говоритъ г. Питкевичъ, „мы „прилѣпились къ химерѣ; вмѣсто того что„бы требовать политическихъ правъ для „польскаго народа, мы захотѣли завоевать „славу и величіе, для того чтобы предло-

„жить ихъ нашей аристократіи; вмѣсто того „чтобы создать Польшу *свободную*, мы до„бивались возстановленія Польши *господ„ствующей*; вмѣсто того чтобъ ограничить „наши притязанія независимостію собствен„но такъ-называемой Польши, мы настаи„вали на возвращеніе *польскихъ провинцій*, „областей обитаемыхъ народонаселеніемъ „не польскаго происхожденія и надъ кото„рыми Польша господствовала въ давнее „время по праву завоеваній. Не возражай„те мнѣ утвержденіями, что въ Волыни, „Подоліи, Кіевѣ и проч. народъ польскій; „вы будете говорить недобросовѣстно, ибо „вы знаете не хуже меня, что польскаго „въ этихъ областяхъ только аристократія, „дворянство.... Что могъ бы пріобрѣсть поль„скій народъ чрезъ присоединеніе старыхъ „завоеваній къ польской коронѣ? Ничего, „рѣшительно ничего. Не онъ, а аристокра„тія воспользовалась бы воеводствами, ка„стеланствами, староствами, мѣстами и долж„ностями всякаго рода, которыя предста„вились бы ея честолюбію. Какое дѣло до „этого народу?..“ Народъ, какъ доказыва„етъ г. Питкевичъ, былъ бы только силь„нѣе обложенъ податями, и понесъ бы толь„ко лишнія государственныя тяготы, необ„ходимыя для обезпеченія большой государ„ственной области, которая простиралась бы „отъ Чернаго до Балтійскаго моря. Потому„то, думаетъ онъ, польскій крестьянинъ и „остается равнодушенъ къ польскому воз„станію. „Онъ“, говоритъ г. Питкевичъ, „чув„ствуетъ, что дѣло это есть не его дѣло, „не есть дѣло польскаго народа, а ваше,— „дѣло польскаго панства и шляхетства.“ Онъ видитъ страшную ошибку въ томъ, что вожди польскаго движенія, требуя уступки значительной части русской государственной области, вмѣсто того чтобы настаивать на независимость нынѣшняго Царства Польскаго, перемѣстили центръ тяжести польскаго во„проса. „Еслибы графъ Андрей Замойскій“, говоритъ авторъ брошюры, „при свиданіи „своемъ съ Императоромъ, не заводилъ рѣчи „ни о Волыни, ни о Подоліи, ни о другихъ „русскихъ провинціяхъ, а говорилъ только „о Польшѣ; еслибъ онъ заговорилъ не толь„ко объ административной самостоятельно„сти страны, но и о полномъ отдѣленіи ея „отъ русскаго престола, онъ имѣлъ бы, по „всему вѣроятію, успѣхъ... Но мы потре„бовали старыхъ польскихъ завоеваній, по„требовали нѣкоторымъ образомъ раздѣла „Россіи,—и *все было потеряно.*“

Какъ же поправить дѣло? Отказавшись отъ невозможнаго, сосредоточить всѣ желанія и усилія на томъ, что остается единственно возможнымъ. Не только возстановленіе старой Польши, но и отдѣленіе Царства Польскаго отъ Россійскаго престола не можетъ быть, по убѣжденію г. Питкевича, предметомъ домогательствъ польскаго патріотизма. По его убѣжденію, надобно желать только возстановленія и удержанія дарованныхъ уже Царству Польскому льготъ и признанія польскаго народа совершеннолѣтнимъ, то-есть дарованія ему политическаго представительства, основаннаго на началахъ болѣе истинныхъ чѣмъ конституція 1815 года, болѣе плодотворныхъ для народной жизни, и наконецъ болѣе обезпечивающихъ твердость государственнаго порядка. Чѣмъ рѣшительнѣе польскіе патріоты прекратятъ свои дальнѣйшія притязанія, тѣмъ будетъ легче, по мнѣнію г. Питкевича, настоять на этихъ требованіяхъ, особенно въ настоящее время когда польскій вопросъ еще не сошелъ съ европейскаго горизонта, и когда русское правительство находится вынужденнымъ дать какое-нибудь рѣшеніе польскому вопросу. Пока длится возстаніе, пока предъявляются притязанія, которыя удовлетворить невозможно, русское правительство не можетъ принять въ разчетъ и самыя благоразумныя требованія; но оно не будетъ имѣть повода отвергнуть эти послѣднія, какъ скоро возстаніе прекратится, и польскій патріотизмъ не будетъ предъявлять никакихъ другихъ притязаній кромѣ самыхъ умѣренныхъ; а главное, если онъ откажется отъ всего того, въ чемъ между Польшей и Россіей не можетъ быть никакого добровольнаго соглашенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе перспективы навсегда порѣшить съ такъ-называемымъ польскимъ вопросомъ, навсегда обезпечить отъ его притязаній коренныя русскія области, и въ то же время удовлетворить справедливыя требованія народности, желающей жить, и наконецъ отдѣлаться отъ европейскаго вмѣшательства и контроля? Съ другой стороны, и для безпристрастнаго, гуманнаго наблюдателя открывается весьма пріятное зрѣлище народности, которая послѣ многихъ страшныхъ историческихъ бурь наконецъ успокоивается, приходитъ въ себя, довольствуется не великимъ, но вѣрнымъ, уцѣлѣвшимъ за нею достояніемъ, отрезвляется во

всѣхъ своихъ инстинктахъ, перестраивается во всей своей организаціи и возраждается къ новой жизни, совершенно непохожей на все то что представляетъ ея прошедшее. Средство, предлагаемое г. Питкевичемъ для такого возрожденія польской народности, кажется очень удовлетворительнымъ и благонадежнымъ. Онъ говоритъ во имя польскаго народа, а не шляхты и пановъ, которые до сихъ поръ исключительно представляли собою польскую народность. Онъ хочетъ, чтобы на сцену выступилъ настоящій польскій народъ, а не особая образовавшаяся въ немъ порода, каста, присвоившая себѣ исключительное право мыслить, чувствовать, дѣйствовать и говорить за польскую народность.

Чтобы возстановить народное единство утраченное вслѣдствіе развитія шляхетской касты, г. Питкевичъ предлагаетъ потопить эту касту въ массѣ польскаго крестьянства. Представительство, котораго онъ желаетъ для Польши, должно быть основано на самомъ низкомъ цензѣ безъ различія для всѣхъ сословій; этого мало: упомянувъ о возможно-низкомъ цензѣ, онъ потомъ говоритъ просто о suffrage universel. Представители, такимъ образомъ выбранные отъ цѣлаго народа или лучше сказать отъ однихъ низшихъ классовъ его должны составить собраніе, которое будетъ засѣдать безпрерывно въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, обсуждая законы и контролируя теченіе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Планъ этотъ кажется г. Питкевичу тѣмъ болѣе удобнымъ, что Россія всего надежнѣе можетъ опереться на польское крестьянство, ибо все враждебное, все притязательное, все честолюбивое сосредоточивается въ дворянствѣ, въ польскихъ панахъ, а они-то и будутъ лишены всякой силы въ той политической организаціи, которую предлагаетъ г. Питкевичъ. Паны и вообще вся шляхта не будутъ имѣть своего особаго представительства, представлено будетъ только большинство, истинное большинство народа, крестьянство. Въ этомъ новомъ представительствѣ, котораго еще не знала польская земля, выступитъ такимъ образомъ на свѣтъ сила, доселѣ еще не существовавшая, сила въ полномъ смыслѣ народная, стало-быть долженствующая удовлетворять всѣмъ законнымъ требованіямъ польскаго патріотизма, и сила въ полномъ смыслѣ надежная, на которую Россія можетъ спокойно опереться, не опасаясь отъ нея никакихъ враждебныхъ дѣйствій.

Планъ прекрасный. Г. Питкевичъ настоятельно твердитъ „народовому жонду,“ чтобъ онъ отложилъ всѣ свои притязанія и просилъ только такого представительства для Царства Польскаго. Никакихъ другихъ льготъ ненужно; не требуйте, говоритъ онъ, ни свободы печати,—русское правительство затруднится дать вамъ свободу печати, чтобы не обидѣть русскую журналистику, которая будетъ завидовать этой льготѣ, дарованной Полякамъ, ни свободы ассоціяцій и проч. и проч.; требуйте только такого представительства, и все прочее придетъ въ послѣдствіи само собою. Г. Питкевичъ очень ошибается думая, что какія бы то ни было льготы для Царства Польскаго могли бы возбудить чувство зависти въ Россіи. О зависти не можетъ быть и рѣчи. Представлять себѣ такимъ образомъ дѣло значитъ не понимать его смысла или умышленно искажать его. Если политическія преимущества, которыхъ добивается польскій патріотъ, имѣютъ такую силу, какую самъ же онъ имъ приписываетъ, и если они могутъ возвышать уровень народной жизни, содѣйствовать раскрытію его духа, вызывать его силы нравственныя и матеріяльныя, то между двумя народностями, которыя находятся между собою въ связи и въ соперничествѣ, преимущества предоставляемыя одной могутъ грозить серіозною опасностію другой. Не зависть, а простое политическое благоразуміе, не говоря уже о высшихъ побужденіяхъ, заключающихся въ любви къ своему народу — вотъ что препятствуетъ допустить неравенство въ политическомъ положеніи двухъ народностей находящихся между собою и въ связи, и соперничествѣ. Но мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ эти соображенія. Постараемся только подойдти поближе къ дѣлу, чтобъ опредѣлить себѣ на сколько можемъ мы довѣриться искренности плана предлагаемаго польскимъ патріотомъ, или на сколько онъ самъ отдастъ себѣ отчетъ, въ томъ чего ему хочется.

Предметъ такъ интересенъ и современенъ, такъ много представляетъ онъ сторонъ, что мы считаемъ нелишнимъ заняться имъ нѣсколько подробнѣе и посвятить ему завтра особую статейку.

№ 228.

Москва, 19-го октября.

Авторъ посланія къ польскимъ революціоннымъ властямъ, о которомъ говорили мы вчера, хочетъ основать политическую жизнь своего народа на массахъ крестьянства, не имѣвшаго до сихъ поръ никакого значенія; онъ желаетъ, чтобы подъ польскимъ народомъ отнынѣ разумѣлось большинство обитателей нынѣшняго Царства Польскаго, и чтобы въ пользу этого большинства отреклось отъ своего значенія меньшинство, которое теперь стоитъ во главѣ его, и въ которомъ до сихъ поръ сосредоточивались всѣ силы польской народности. Дворянство должно изчезнуть, а вмѣсто него долженъ выступить истый польскій народъ, который г. Питкевичъ желаетъ видѣть въ крестьянствѣ или въ тѣхъ классахъ народа, которые до сихъ поръ не принимались ни въ какой разчетъ.

Вѣрно то, что польское шляхетство убило польскій народъ. Великіе паны, которые были не просто только передовыми людьми своего народа, но пользовались почти царскимъ значеніемъ, считая себя каждый кандидатомъ на королевскій тронъ, и вся эта уродливо развившаяся шляхетская порода, были тѣмъ кореннымъ зломъ, которое погубило старую Польшу, и теперь губитъ народонаселенія польскаго языка. Это фактъ, и желательно только, чтобы польскіе патріоты уразумѣли во всей силѣ значеніе этого факта.

Но за то, съ другой стороны, все что̀ дорого для польскаго патріотизма, всѣ его символы, всѣ его воспоминанія, всѣ его преданія сосредоточиваются именно въ этомъ панствѣ, въ этой шляхтѣ, пагубно развившейся въ польскомъ народѣ. Г. Питкевичъ хочетъ перемѣстить центръ тяжести и уничтожить въ крестьянствѣ эту уродливую польскую аристократію. Но пусть онъ переберетъ всѣ свои патріотическія ощущенія, пусть онъ анализируетъ всѣ свои помыслы,—чуть ли не придется ему убѣдиться что все обыкновенно соединяющееся съ словами: „польская народность“ сосредоточивается въ кругу тѣхъ идей и чувствованій, которыя выработаны шляхтою. Весь нервъ, вся сила такъ-называемаго польскаго патріотизма заключается здѣсь. Не хотятъ же польскіе патріоты вызвать на свѣтъ какую-то другую чуждую имъ народность; нѣтъ, какъ г. Питкевичъ, такъ безъ сомнѣнія и все то множество польскихъ патріотовъ, которые, по его увѣренію, мыслятъ съ нимъ одинаково, желаютъ возстановленія и процвѣтанія народности всѣмъ хорошо извѣстной,—народности польской, выработавшейся въ польскомъ шляхетствѣ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ польскою исторіей, съ польскою цивилизаціей, со всѣми особенностями польскаго характера, тотъ безъ труда согласится, что и такъ-называемая польская народность, и такъ называемый польскій патріотизмъ имѣютъ свой корень исключительно въ преданіяхъ того *народа въ народѣ*, который называется шляхетствомъ, и что польскаго народа внѣ шляхетства исторія не знаетъ. Польскіе патріоты ничего иного не могутъ представлять себѣ, ничего иного не могутъ чувствовать, ничего иного не могутъ желать въ смыслѣ своей народности какъ только того, что̀ выработалось, жило и живетъ въ духѣ шляхетско-польской національности. Отрекаясь отъ ней, уничтожая ее, польскій патріотъ не убиваетъ ли этимъ самымъ въ корнѣ всю силу своего патріотизма? Выдвигать на сцену польское крестьянство въ смыслѣ политической силы и уничтожать шляхетство, не значитъ ли это создавать нѣчто совершенно новое, не бывалое, о чемъ вѣроятно польскій патріотизмъ не имѣетъ еще яснаго представленія?

Однако пойдемъ далѣе: г. Питкевичъ желалъ бы вызвать на политическую сцену польское крестьянство и на немъ основать надежды своего патріотизма. Предположимъ что планъ его состоялся; предположимъ что все пойдетъ какъ онъ желаетъ: Вотъ на сцену появляются новые люди: къ какой цивилизаціи они примкнутъ, съ какою исторіей они себя свяжутъ, на чемъ они будутъ воспитывать себя, чѣмъ вдохновляться? Или они должны оторвать себя отъ всего что̀ теперь такъ драгоцѣнно для польскаго патріотизма, и стать чѣмъ угодно, только не людьми польской цивилизаціи, польскаго духа, польской исторіи, стать можетъ-быть Нѣмцами, стать можетъ-быть Русскими,—или же они, какъ и надобно предполагать, проникнутся польскимъ духомъ, настоящимъ, дѣйствительнымъ, какъ онъ выработался, со всѣми его особенностями, со всѣми его стремленіями, со всѣмъ его прошедшимъ, безъ котораго онъ ничто. Но въ послѣднемъ случаѣ новые люди не представятъ ли того же явленія, что̀ и старые?..

Мы говоримъ: новые люди!.. Полно новые ли? Г. Питкевичъ хочетъ чтобы Царству Польскому предоставлена была полная автономія, чтобы въ немъ дѣйствовали только туземныя силы, и чтобы со стороны,—то-есть, со стороны Россіи,—было какъ можно менѣе вмѣшательствъ; затѣмъ онъ хочетъ, чтобы всѣмъ поголовно, или на основаніи самаго низкаго ценза, было предоставлено равномѣрное право политическихъ выборовъ. Но неужели онъ думаетъ, что всѣ эти массы простаго люда, никогда не жившаго государственною жизнію, никогда не бывшаго живою общественною силой,—люда раздавленнаго, замореннаго, скуднаго, темнаго,—могутъ дѣйствовать сами собою или дать какой-нибудь серіозный отпоръ тѣмъ мощнымъ общественнымъ силамъ, которыя сосредоточены въ верхнихъ сферахъ,—богатству, образованію, способности совокупнаго дѣйствія, ихъ всевозможнымъ вліяніямъ, которыя находятся во власти пановъ, духовенства и городскихъ классовъ, почти исключительно принадлежащихъ къ шляхетской породѣ? Что значитъ это стадо овецъ предъ громадными организованными силами польскаго высшаго дворянства, польско-католическаго духовенства, котораго духъ извѣстенъ, и передъ всею шляхтой? Не послужитъ ли вызванное такимъ образомъ крестьянство только новымъ орудіемъ для тѣхъ самыхъ силъ, которыя дѣйствовали доселѣ, и отъ которыхъ г. Питкевичъ желаетъ, повидимому, освободить Польшу для блага большинства обитателей Польши; а также и для успокоенія Россіи? Мы знаемъ какъ suffrage universel дѣйствуетъ во Франціи, гдѣ простой народъ однако не то, что простой народъ въ Польшѣ. Если французскій крестьянинъ выбираетъ того, кого укажетъ ему меръ или приходскій священникъ; то можно ли думать, чтобы польскій крестьянинъ могъ подавать свой голосъ безъ всякаго руководства и вліянія? Онъ будетъ дѣлать только то что ему прикажутъ, и выбранные польскимъ крестьянствомъ люди, представители народа, которымъ должны быть ввѣрены всѣ судьбы его, окажутся старыми знакомцами. Это, нѣтъ сомнѣнія, будутъ тѣ же самые польскіе патріоты, съ которыми мы имѣемъ дѣло теперь, начиная отъ князя Чарторыйскаго или графа Замойскаго и кончая послѣднимъ изъ жандармовъ-вѣшателей. Тутъ окажется весь нынѣшній „жондъ народовый“; только все это окажется несравненно болѣе сильнымъ и самоувѣреннымъ, имѣя за собою всю массу крестьянства, все участіе котораго въ политической жизни будетъ состоять только въ томъ чтобы подкрѣплять нынѣшнихъ, знакомыхъ намъ дѣятелей, и давать имъ значеніе какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ цѣлаго міра.

Но, скажутъ польскіе патріоты, зачѣмъ же непремѣнно предполагать дурное? Россіи будетъ принадлежать честь возстановленія надломленной народности, собранія разрозненныхъ силъ ея въ одно живое органическое цѣлое, въ истинный народъ, какого еще не имѣла Польша.

Положимъ, что это большая честь, положимъ, что Россія найдетъ досугъ и средства, за развитіемъ своихъ собственныхъ народныхъ силъ, заняться созданіемъ новой народности на новыхъ еще невѣдомыхъ ей началахъ; положимъ, что результаты этихъ творческихъ попытокъ, этихъ вспрыскиваній разбитаго организма мертвою и живою водой выйдутъ какъ нельзя болѣе удачными; положимъ, что польскій народъ оживетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ. Но, спрашивается, измѣнятся ли духъ и стремленія, бывшія доселѣ отличительною особенностью польскихъ пановъ, польской шляхты, польскихъ патріотовъ? Что будутъ дѣлать они въ этой маленькой землицѣ, съ этимъ особымъ, сильно организованнымъ представительствомъ, которое будетъ находиться въ непрерывномъ сборѣ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году? Что будетъ дѣлать эта политическая сила? Чѣмъ будетъ она заниматься, не будучи органомъ самостоятельнаго, значительнаго государства? Не соскучится ли она посреди мелкихъ интересовъ небольшой области, связанной съ могущественною державой? Образъ старой Польши не предстанетъ ли съ неотразимою силой этимъ дѣятелямъ новой преобразованной Польши? Не вспомнятъ ли они о своихъ братьяхъ, оставшихся за штатомъ въ старыхъ польскихъ областяхъ, отъ которыхъ теперь г. Питкевичъ отказывается? Будутъ ли они отталкивать отъ себя Поляковъ живущихъ въ Кіевѣ, Волыни и Подоліи (и проч. и проч. какъ обыкновенно прибавляетъ г. Питкевичъ, исчисляя русскія провинціи, на которыя полонизмъ предъявляетъ свои права)? Будутъ ли эти области болѣе обезпечены при этой новой организаціи въ Царствѣ Польскомъ отъ старыхъ притязаній польскаго патріотизма? За-

будетъ ли онъ свои пути въ эти края, пути явные и тайные? А если онъ съ новыми силами, съ новыми средствами какъ для явнаго, такъ и для тайнаго дѣйствія, будетъ настаивать на своихъ притязаніяхъ, если онъ въ новомъ видѣ и съ новою силой подниметъ опять свой старый польскій вопросъ, послужитъ ли преобразованное по плану г. Питкевича Польское Царство къ выгодѣ Россіи? Улучшитъ ли это ея положеніе, или ухудшитъ? Усилитъ ли это или ослабитъ русскую народность въ западномъ краѣ? Или Россія можетъ остаться дѣйствительно совершенно спокойною, полагаясь на торжественное отреченіе г. Питкевича отъ этихъ областей? Скажемъ ли мы тогда новымъ польскимъ патріотамъ, которые не замедлятъ народиться, или старымъ, которые не замедлятъ явиться на сцену: „Остановитесь, дерзостные, остановитесь! Или вы не знаете, что г. Питкевичъ торжественно отрекся отъ этихъ областей и даже доказалъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, что воспріосоединеніе этихъ областей къ Польшѣ обратится во вредъ самому же польскому народу?“ Увы! наши восклицанія разнесетъ вѣтеръ, и польскіе патріоты посмѣются надъ нами....

Г. Питкевичъ отказывается отъ русскихъ провинцій; множество польскихъ патріотовъ раздѣляющихъ, какъ онъ увѣряетъ, его взгляды и желанія, также, стало-быть, отказываются отъ русскихъ провинцій; положимъ, что и „жондъ народовый“, къ которому обращаются, тоже откажется отъ нихъ. Но что значитъ этотъ отказъ? Въ чемъ онъ выразится? Какую форму приметъ? Будетъ ли это какая-нибудь запись съ надлежащею скрѣпой? Отказъ польскихъ патріотовъ отъ русскихъ провинцій не будетъ ли означать только то, что они, посреди нынѣшнихъ неблагопріятныхъ имъ обстоятельствъ, рѣшаются послѣдовать правиламъ политической ловкости и замолчать объ этихъ провинціяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи получить болѣе вѣрный доступъ къ нимъ? Съ этой точки зрѣнія было бы даже не безполезно прибѣгнуть къ клятвеннымъ увѣреніямъ въ русскихъ чувствахъ польскаго панства въ западномъ краю. Съ этой точки зрѣнія польскіе патріоты одинаковаго образа мыслей съ г. Питкевичемъ, должны видѣть новый страшный промахъ въ недавно напечатанномъ нами для куріоза манифестѣ подземнаго правительства къ дворянамъ литовскихъ губерній, подавшимъ вѣроподданнѣйшіе адресы. Мы говоримъ о томъ манифестѣ, первоначально напечатанномъ въ революціонной газетѣ *Niepodległość*, которымъ изъявленія вѣроподданства повелѣвается считать недѣйствительными, вынужденными, беззаконными. Съ точки зрѣнія тѣхъ благоразумныхъ польскихъ патріотовъ, къ которымъ принадлежитъ авторъ разсматриваемой брошюры, эта новая выходка есть огромный промахъ.

Допустимъ однако, что вожди польскаго возстанія, внявъ убѣжденіямъ г. Питкевича, безъ всякаго лукавства, съ полною искренностію, отрекутся за всѣхъ Поляковъ отъ притязаній на западныя провинціи Россійской Имперіи, — спрашивается можетъ ли ихъ отреченіе имѣть какую-нибудь силу? Кто они такіе? Самъ же г. Питкевичъ, убѣждая ихъ вступить въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, даетъ имъ благоразумный совѣтъ дѣйствовать не въ качествѣ организованной власти, считающей себя законною, *частнымъ образомъ*, черезъ посредство какого-нибудь лица, не замѣшаннаго въ возстаніи и не слишкомъ компрометтированнаго въ глазахъ русскаго правительства. Самъ же г. Питкевичъ убѣждаетъ этихъ господъ не дѣлать, при отреченіи отъ власти, никакого политическаго завѣщанія. „Ни слова,“ говоритъ онъ, „которое походило бы „на политическое завѣщаніе, и указывало „бы странѣ какъ надобно ей вести себя „въ послѣдствіи; ни слова, которое дало „бы подразумѣвать, что вы или ваши друзья „бодрствуете, вблизи или вдали, надъ точ„нымъ исполненіемъ обѣщаній данныхъ Польшѣ.“

Какъ же быть? Намъ бы очень хотѣлось вѣрить искренности обѣщаній даваемыхъ польскими патріотами. Польскій вопросъ пришелъ бы къ окончательной развязкѣ, и намъ нечего было бы состязаться и ссориться съ польскими патріотами, еслибы дѣйствительно, а не на словахъ только, прекратилось всякое польское притязаніе на области, отъ которыхъ Россія ни въ какомъ случаѣ отступиться не можетъ. Чтобы дѣйствительно прекратились притязанія, надобно положить конецъ самой возможности питать и поддерживать ихъ. Поддержка притязаній заключается въ тѣхъ польско-католическихъ элементахъ, которые держатся въ этихъ областяхъ, и въ которыхъ чуть ли не главнымъ образомъ держится сила польскаго патріотизма, — въ

тѣхъ польскихъ панахъ, которые владѣютъ огромными имуществами въ этихъ провинціяхъ и считаютъ себя хозяевами, а свою національность господствующею въ нихъ.

Г. Питкевичъ находитъ, что польскимъ патріотамъ не только слѣдуетъ отказаться отъ притязаній на старыя польскія завоеванія, но и убѣдиться въ ихъ вредѣ. Онъ говоритъ объ этомъ и краснорѣчиво, и убѣдительно. Но, къ сожалѣнію, какъ и замѣтилъ ему издатель его брошюры, г. Скедо Ферроти, польскій патріотъ оказался не совсѣмъ послѣдовательнымъ. Онъ повидимому очень хорошо понимаетъ, что эти провинціи должны быть русскими, и что польская стихія есть тамъ стихія пришлая, лишенная будущности; онъ не беретъ грѣха на свою душу и не хочетъ возобновлять ложныхъ показаній, которыя дѣлались и дѣлаются его соплеменниками; какъ кажется, онъ очень хорошо понимаетъ все неудобство существованія въ странѣ землевладѣльческихъ классовъ чуждой и враждебной коренному народу національности. И что же? понимая все это очень хорошо и высказывая это очень убѣдительно, онъ, повидимому, трепещетъ за сохраненіе польской національности въ этихъ провинціяхъ съ правами и преимуществами, которыми она тамъ пользуется въ лицѣ пановъ. Исчисляя промахи руководителей возстанія, онъ находитъ, что однимъ изъ самыхъ дурныхъ и вредныхъ было распоряженіе ихъ относительно отобранія имѣній, которыми владѣютъ Русскіе въ Царствѣ Польскомъ. „Распоряженіе ваше," говоритъ онъ, „объ отобраніи имѣній у всѣхъ Рус„скихъ владѣющихъ маіоратами въ Поль„шѣ, въ сущности, не заключаетъ въ себѣ „ничего несправедливаго или нелогическа„го. Мѣра эта не можетъ быть названа „несправедливою, потому что вы хотите „вознаградить ихъ на счетъ государства; „также нельзя назвать ее нелогическою, „потому что присутствіе землевладѣльче„скаго дворянства національности чуждой „и высшей степени враждебной національ„ности сельскихъ классовъ" (ну, ужъ о немногихъ русскихъ землевладѣльцахъ въ Царствѣ Польскомъ никакъ нельзя этого сказать!) „представляетъ неудобство до„статочно важное для того чтобы вызвать „примѣненіе закона объ экспропріаціи въ „видахъ государственной пользы. Несмотря „на то, мнѣ кажется, что эта мѣра при„надлежитъ къ числу самыхъ дурныхъ оши„бокъ, какія только могли быть сдѣланы „вами, потому что она устанавливаетъ при„мѣръ, которымъ русское правительство „можетъ воспользоваться, принявъ точно „такую же мѣру относительно Подоліи, Во„лыни и проч. и проч."

Почему же дурно подать хорошій примѣръ? Почему дурно воспользоваться хорошимъ примѣромъ? Съ точки зрѣнія г. Питкевича слѣдовало бы напротивъ похвалить вождей возстанія за такое распоряженіе, которое съ одной стороны очистило бы Польшу отъ враждебнаго, какъ онъ полагаетъ, элемента, а съ другой могло бы послужить для русскаго правительства и примѣромъ, и основаніемъ для соотвѣтственнаго распоряженія въ областяхъ Имперіи. Мы могли бы сказать въ свою очередь, что русскому правительству нечего дожидаться примѣра отъ подземнаго „жонда", а надо на основаніи самаго несомнѣннаго права, посреди обстоятельствъ не просто оправдывающихъ къ незамедлительному принятію ея, приступить къ экспропріаціи польскихъ помѣщиковъ, болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ мятежѣ, и приступить къ этому не столько въ смыслѣ кары, сколько въ видахъ очевидной *государственной пользы*.

И вотъ г. Питкевичъ, благоразумный патріотъ, отрекающійся отъ старыхъ польскихъ завоеваній, упрекаетъ „жондъ" за принятіе мѣры, по его мнѣнію, очень полезной и благопріятной польскому дѣлу, но вредной потому только, что она можетъ надоумить русское правительство къ принятію такой же мѣры въ тѣхъ самыхъ областяхъ, отъ которыхъ онъ отрекся за всѣхъ Поляковъ. Онъ видитъ въ той мѣрѣ непростительную неловкость со стороны вождей возстанія. Послушаемъ однако, какъ г. Питкевичъ разсуждаетъ объ этомъ интересномъ предметѣ, обращаясь къ членамъ подземнаго правительства:

„Что могли бы возразить вы, если бы „Москали, въ видахъ государственной поль„зы, начали вынуждать всѣхъ польскихъ „дворянъ-землевладѣльцевъ продавать ихъ „недвижимости въ провинціяхъ, гдѣ крестьянство русское? Ничего, рѣшительно ни„чего; ибо въ этомъ случаѣ было бы упо„треблено въ дѣло вами же самими поста„новленное правило. Не думаете ли вы, „что колоссальные размѣры, которые при„няло бы это нарушеніе права собствен„ности, подняли бы общественное мнѣніе

„и заставили бы кричать журналистику всей „Европы? Вы ошибаетесь: стóитъ только „дать Европѣ участіе въ поживѣ и дѣло „будетъ объявлено *финансовою операціей „равно выгодною для всѣхъ заинтересован-„ныхъ сторонъ.* Что скажете вы о какомъ „нибудь *Международномъ обществѣ для „выкупа крестьянскихъ земель на Украй-„нѣ* (ужь лучше бы для выкупа помѣщи-„чьихъ земель). Располагая капиталами въ „нѣсколько милліардовъ, состоя подъ по-„кровительствомъ первыхъ банкировъ Фран-„ціи и Англіи, такое общество пріобрѣло „бы симпатіи всей европейской журнали-„стики; оно пользовалось бы громаднымъ „кредитомъ и громадною популярностію, „потому что выдавало бы отличные диви-„денды не одному милліону акціонеровъ, „которые объявили бы единогласно, что „Полякамъ грѣхъ жаловаться, получивъ „сполна цѣнность своихъ земель золотомъ „или билетами на предъявителя. Вы согла-„ситесь, надѣюсь, что дѣйствительно всѣ „при этомъ выиграли бы: русское прави-„тельство отдѣлалось бы отъ Поляковъ въ „своихъ провинціяхъ; крестьяне очутились „бы въ обладаніи втрое большимъ коли-„чествомъ земель; акціонеры помѣстили бы „выгодно свои капиталы; наконецъ сами „польскіе землевладѣльцы были бы избав-„лены отъ непріятностей, которымъ они „подвергаются посреди ненавидящаго ихъ „сельскаго люда. Стало-быть ничего не „было бы принесено въ жертву, ничего, „кромѣ *національности польской*, кромѣ „правъ, которыми пользуется дворянство „въ русскихъ провинціяхъ. Вы сами подаете „примѣръ къ тому, предписывая экспро-„пріацію русскихъ дворянъ, владѣющихъ „землями въ Польшѣ.“

Намъ очень жаль, что мы принуждены съ недовѣрчивостію и сомнѣніемъ говорить о планахъ и видахъ польскаго патріота. Посреди страшной путаницы обмановъ и интригъ, на которыхъ основанъ весь этотъ несчастный польскій вопросъ, подозрительность и недовѣрчивость не избѣжны, подозрительность и недовѣрчивость — добродѣтель. Но мы не хотимъ простирать ихъ до крайности, не хотимъ давать имъ полной власти надъ собою. Намъ было бы пріятнѣе привѣтствовать въ г. Питкевичѣ человѣка политически честнаго, искренно убѣжденнаго, — человѣка, который извѣдалъ на себѣ всю горечь обмана и вырвался изъ его удушающаго чада, — человѣка, который, запечатлѣвъ кровію свой патріотизмъ, предоставляетъ другимъ „лгать за отечество.“ Намъ было бы пріятнѣе убѣдиться, что г. Питкевичъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу новыхъ, еще доселѣ небывалыхъ польскихъ патріотовъ, которые оторвались, и оторвались можетъ-быть не безъ боли, и не безъ страданій отъ кровавой почвы прошедшаго, отъ старой невозможной Польши и прилѣпились всею душею къ мечтательному облику новой Польши, который рисуется имъ въ туманѣ будущаго и въ которомъ хотятъ они спасти свое народное чувство, свои патріотическія надежды. Можетъ-быть эти новые польскіе патріоты, органомъ которыхъ взялся быть г. Питкевичъ, поняли всю невозможность возрожденія польской народности пока не пресѣкутся до послѣдняго всѣ первы связывающіе ее съ старой Польшею, то-есть съ старыми польскими завоеваніями. Если они въ самомъ дѣлѣ хотятъ возрожденія своей народности на новыхъ основаніяхъ, если у нихъ дѣйствительно есть вѣра въ это возрожденіе, то имъ еще болѣе чѣмъ русскому правительству слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы прекратились всѣ притязанія польской національности тамъ, гдѣ она есть стихія пришлая и завоевательная, гдѣ она представляетъ собою старую Польшу, гдѣ она есть выраженіе той шляхетской *народности*, которая разломила польскій народъ и лишила его способности жить самостоятельною историческою жизнію; имъ самимъ слѣдуетъ желать и способствовать очищенію русской земли отъ *польскихъ* пановъ. Не обманами, не интригою, не революціонною организаціей, не возстаніемъ, не кровопролитіями и убійствами можетъ этотъ новый польскій патріотизмъ доказать свою силу и внушить къ себѣ уваженіе, а разумомъ и доблестію самоотверженія. Это самоотреченіе состоитъ въ рѣшимости пожертвовать польскою національностію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не можетъ имѣть никакой будущности, гдѣ она есть источникъ и предметъ ненависти, гдѣ изъ ней вырабатывается злая отрава и для Россіи, и для Польши. Только въ силу такой рѣшимости, — рѣшимости не отвлеченной, не теоретической, но немедленно переходящей въ дѣло, можетъ родиться на свѣтъ и новая Польша, которой, какъ мы хотимъ вѣрить, домогаются новые польскіе патріоты, — только въ силу этой рѣшимости идеалъ, которой носится

передъ ними, можетъ коснуться дѣйствительности и перейдти въ жизнь,—только въ силу этой рѣшимости сѣмя ихъ народности можетъ найдти свою почву и развиваться плодотворно, если только Богъ судилъ этому сѣмени плодотворное развитіе.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ г. Питкевича можно, вслѣдъ за издателемъ его брошюры, г-мъ Скедо-Ферроти, видѣть непослѣдовательность и какъ бы сожалѣнія при мысли о пожертвованіи польскою національностію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она является стихіей чуждою и враждебною,—и стало-быть въ предложенномъ имъ планѣ можно видѣть лишь новую уловку, новый тонкій изворотъ старой интриги. Но намъ пріятнѣе было бы думать, что въ этихъ строкахъ выразилось тонкимъ намекомъ искреннее сознаніе справедливости и логической разумности этой жертвы. Если польскіе патріоты хотятъ пріобрѣсти почву для самостоятельнаго развитія своей народности на новыхъ основаніяхъ, если они хотятъ независимой и свободной Польши, то, повторимъ, они болѣе чѣмъ сами Русскіе должны желать послѣдняго конца той фальшивой Польши, которой существованіе поддерживается главнымъ образомъ польскими панами и польскою шляхтою въ русскихъ областяхъ. Вотъ неизбѣжная дилемма: или польскій патріотизмъ въ русскихъ областяхъ и рано или поздно конецъ всѣмъ надеждамъ на возрожденіе польской народности и независимой Польши; или самостоятельная Польша и послѣдній конецъ польской національности въ западномъ краѣ Имперіи.

№ 229.

Москва, 21-го октября.

А.

Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы слишкомъ долго задерживаемъ вниманіе ихъ на такъ-называемомъ „посланіи польскаго патріота къ такъ-называемому національному польскому правительству.“ (См. вчерашній № нашей газеты.)

Ближайшая опасность, представляемая явленіями подобными этой брошюрѣ, состоитъ въ томъ, что они, перенося дѣло съ практической почвы въ туманъ отвлеченныхъ разсужденій и фантазій, могутъ дурманить общественное мнѣніе, ослабляя контроль надъ нимъ яснаго здраваго смысла. *Патріоты*, за которыхъ взялся говорить авторъ посланія къ „жонду народовому“, отрекаются отъ всѣхъ притязаній на старые польскіе захваты, на Волынь, Подолію *и проч. и проч.*, желая довольствоваться небольшою землицею, случайно получившею титулъ Царства Польскаго, въ надеждѣ возобновить на этой почвѣ уцѣлѣвшіе остатки своей народности. Отрекаясь съ такимъ великодушіемъ отъ далекихъ притязаній, они желаютъ только сохраненія и утвержденія самостоятельности Царства Польскаго,—самостоятельности, подвергающейся теперь опасности, вслѣдствіе мятежа, который не успѣвъ въ своихъ обманахъ, вызвалъ противъ себя всѣ живыя силы русскаго народа и уронилъ кредитъ свой въ Европѣ. Очень естественно, что дальновидиѣйшимъ изъ руководителей этого дѣла, желательно удержать почву для своихъ замысловъ. Очень естественно, что этотъ польскій патріотизмъ, коренным образомъ враждебный Россіи, хочетъ выйдти по добру по здорову изъ затрудненій, въ которыя поставилъ его неудавшійся мятежъ. Все зло, всѣ бѣдствія, которыхъ источникомъ былъ этотъ мятежъ и которыми онъ угрожалъ впереди, должны остаться безъ всякихъ послѣдствій и ничему не научитъ Россію: вотъ въ этомъ теперь должна быть главная цѣль интриги.

Этотъ мятежъ, какъ и все зловредное въ польскомъ патріотизмѣ, есть прямое порожденіе политической автономіи Царства Польскаго, которая въ послѣднее время была такъ значительно усилена. Интересъ враждебной намъ интриги состоитъ въ томъ, чтобы не только не потерпѣть никакихъ невыгодъ вслѣдствіе неудавшагося вооруженнаго возстанія, но пріобрѣсти новыя выгоды, новыя сильнѣйшія средства дѣйствовать въ томъ же направленіи. Эти господа-неопатріоты прикидываются увѣренными и надѣются увѣрить другихъ, что Россія и послѣ мятежа непремѣнно обязана оставить въ Царствѣ Польскомъ порядокъ вещей, введенный тамъ маркизомъ Велёпольскимъ, и довершить этотъ порядокъ учрежденіемъ особаго, польскаго народнаго представительства. Планъ, предлагаемый польскимъ патріотомъ въ брошюрѣ, изданной г. Скедо-Ферроти, есть въ сущности не что иное, какъ система маркиза

Велёпольскаго, только возведенная на высшую степень и снабженная новыми гарантіями. Авторъ „Посланія“ отказывается отъ русскихъ областей западнаго края; авторъ системы, названной не точно „административною“ автономіей Царства Польскаго, отказывался также отъ этихъ областей. Всѣмъ извѣстно однако, что именно введеніе этой „административной“ автономіи въ Царствѣ Польскомъ съ особенною силою гальванизировало польскую національность и подняло польскія притязанія повсюду. Маркизъ Велёпольскій отказывался отъ этихъ провинцій, но принялъ ли онъ какія-либо мѣры, да и могъ ли онъ принять какія-либо мѣры для того чтобы польская національность оставалась спокойною, въ то время какъ воздвигалось зданіе польской автономіи въ Царствѣ Польскомъ? Всѣмъ извѣстно, что именно въ это время въ западномъ краѣ Имперіи ожили всѣ польскія притязанія, начались заговоры и стали явно высказываться стремленія, клонящіяся ни болѣе ни менѣе какъ къ раздробленію Россіи. Не въ это ли время дворяне этихъ губерній задумали подавать адресы о присоединеніи западнаго края къ Царству Польскому? Не въ это ли время собирались въ Городлѣ депутаты отъ разныхъ мѣстъ старой Польши для произнесенія обѣтовъ собрать и возстановить ее? Не въ это ли время, наконецъ, польскій мятежъ, опираясь на Варшаву, распространился на всѣ области, входившія въ составъ Царства Польскаго? Да и можетъ ли быть иначе, пока такъ-называемая административная автономія Царства Польскаго будетъ поддерживаться или, чего Боже сохрани, получитъ новое развитіе, согласно планамъ изложеннымъ въ брошюрѣ, изданной г. Скедо-Ферроти? Чѣмъ большею автономіей будетъ пользоваться Царство Польское, тѣмъ сильнѣе будетъ гальванизироваться польская національность повсемѣстно, тѣмъ сильнѣе будутъ развиваться ея роковые инстинкты, не только во вредъ Россіи, но и на пагубу людямъ этой національности, гдѣ бъ они ни жили. Соединеніе нѣсколькихъ разнородныхъ клочковъ старой Польши подъ пышнымъ титуломъ Царства Польскаго, записанное въ протоколы Вѣнскаго трактата, было величайшимъ зломъ постигшимъ Россію, въ вознагражденіе за кровь пролитую ею въ славныя войны 1812—1814 годовъ. Всякая новая черта въ системѣ этого обособленія будетъ грозить только новыми бѣдствіями для Россіи, только новою пагубою для польскихъ народонаселеній, только новыми катастрофами для Европы.

Авторъ брошюры, на которой не безъ причины задерживаемъ мы такъ долго вниманіе читателей, утѣшаетъ насъ тѣмъ, что предлагаемыя имъ мѣры для окончательнаго утвержденія самостоятельности Царства Польскаго разовьютъ тамъ новую польскую народность, которая не будетъ имѣть ничего общаго съ старою. Мы рады вѣрить, что это не одинъ изъ тысячи обмановъ, разчитанныхъ на легковѣріе Россіи; мы допускаемъ, что эти господа *неопатріоты* искренно надѣются на развитіе такой новой народности, и безъ всякой задней мысли предаются своимъ фантазіямъ. Но какое кому дѣло до ихъ фантазій, до ихъ предположеній и чаяній? Если дѣйствительно въ Полякахъ зародилось чувство какого-то новаго польскаго духа, то пусть они предаются сколько угодно этому чувству и сколько угодно дѣйствуютъ по его внушенію. Но дѣйствія ихъ должны быть направлены не противъ чего-либо иного, а противъ нынѣ существующей, всѣмъ извѣстной, старой польской національности, противъ нынѣ существующаго, всѣмъ извѣстнаго, стараго польскаго духа. Пусть эти новые витязи ратуютъ всякимъ оружіемъ противъ этого польскаго духа, въ которомъ они должны видѣть все свое зло; пусть они ратуютъ противъ призрака старой Польши во всѣхъ его видахъ, пусть преслѣдуютъ его во всѣхъ его убѣжищахъ. Пусть они дѣйствуютъ,—мы будемъ рукоплескать ихъ успѣхамъ, будемъ поздравлять ихъ съ побѣдами. Но гдѣ же эти успѣхи, гдѣ эти побѣды? Безъ сомнѣнія, умилительное зрѣлище представила бы процессія польскихъ пановъ, которые, будучи движимы этимъ новымъ духомъ, стали бы сами собою выселяться изъ тѣхъ областей, гдѣ они остаются живымъ символомъ старой Польши и являются стихіею чуждою и враждебною всему окружающему. Какъ блистательно доказалъ бы свою силу этотъ новый духъ такимъ удивительнымъ событіемъ! Возможно ли было бы отказать этому новому польскому духу въ почвѣ для свободнаго развитія? Но теперь о новомъ польскомъ духѣ можно говорить лишь въ шутку. Пока мы ничего иного не видимъ, кромѣ явленій полнаго разложенія общественной нравственности, доказывающихъ

совершенную невозможность ожидать какого-либо новаго лучшаго духа изъ нѣдръ этой погибшей народности. Что же значатъ всѣ эти искреннія или неискреннія мечтанія гг. Питкевичей и имъ подобныхъ? Что значитъ эти отреченія отъ старой Польши и всѣхъ дѣлъ ея, когда дѣла ея творятся въ страшномъ изобиліи у всѣхъ передъ глазами? Зачѣмъ хотятъ увлечь насъ въ сказочный міръ какой-то новой польской народности? Зачѣмъ хотятъ исхитить насъ изъ грубой дѣйствительности съ ея затрудненіями и опасностями, требующими серіозной борьбы?

Правительство принимаетъ, и безъ сомнѣнія, будетъ принимать дѣйствительныя мѣры для того чтобъ отнять почву у польскаго патріотизма въ западныхъ губерніяхъ. Здравая политика требуетъ неукоснительнаго принятія всевозможныхъ мѣръ для измѣненія состава землевладѣльческихъ классовъ въ этомъ краѣ. Мѣры эти существенно-необходимы, и не слѣдуетъ медлить ихъ принятіемъ. Но отъ принятія необходимыхъ и практически возможныхъ мѣръ до полнаго выселенія всѣхъ Поляковъ,—разстояніе огромное, изчезающее только для фантазіи, но остающееся во всей своей реальности для здраваго смысла. Да наконецъ и самая фантазія имѣетъ свои законы и предѣлы; нельзя и фантазировать о поголовномъ изгнаніи всѣхъ Поляковъ изъ западнаго края, какъ въ былыя времена Мавры были изгнаны Испанцами. Нѣтъ сомнѣнія, что польская народность съ своими притязаніями и воспоминаніями, съ своимъ духомъ, непримиримо враждебнымъ Россіи, есть отрава для людей, которые носятъ ея имя, и зло для государства, въ которомъ они живутъ. Но какъ избавиться отъ этого зла? Неужели нѣтъ другаго средства, кромѣ невозможнаго выселенія всѣхъ Поляковъ изъ предѣловъ Имперіи? И люди ли виноваты въ той отравѣ, отъ которой они сами страдаютъ? Не виноваты ли тѣ условія, въ которыя они поставлены? Не слѣдуетъ ли противодѣйствовать злу ослабленіемъ и устраненіемъ тѣхъ условій, которыя порождаютъ его?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ самыхъ главныхъ причинъ зла, одно изъ самыхъ главныхъ условій порождающихъ отраву повсюду гдѣ живутъ люди польской національности есть автономія Царства Польскаго. Зло это будетъ оставаться и расти, пока главная порождающая его причина будетъ поддерживаться и усиливаться. Единственный способъ подорвать зло есть прекращеніе этого особаго государственнаго положенія для Царства Польскаго, прекращеніе, которое Россія и въ правѣ, и въ силахъ совершить. Россія можетъ совершить это, даже оставаясь на почвѣ Вѣнскаго трактата. Та автономія, которая, подъ видомъ административной, введена въ Царство, не требуется буквой Вѣнскаго трактата. „Отдѣльная администрація“, упомянутая въ текстѣ Вѣнскаго трактата, отнюдь не означаетъ отдѣльнаго государственнаго положенія, въ которомъ находится эта область, и которое было усилено системою маркиза Велёпольскаго. Тѣ или другія области самаго централизованнаго государства могутъ пользоваться „отдѣльною администраціею“, оставаясь тѣмъ не менѣе подъ общимъ со всѣми другими областями государственнымъ управленіемъ. И Земля Войска Донскаго пользуется „отдѣльною администраціей“, но она не имѣетъ и не можетъ имѣть особыхъ министерствъ, особыхъ финансовъ, или особаго законодательнаго органа. Автономія Царства Польскаго, даже и безъ тѣхъ улучшеній, которыя предполагаетъ ввести въ нее г. Питкевичъ, есть уже въ полной мѣрѣ политическая самостоятельность, которая отнюдь не совмѣстна ни съ интересами Россіи, ни съ интересами самихъ народонаселеній въ Царствѣ Польскомъ.

Всякое зло исторія обращаетъ въ добро, и польскій мятежъ, несмотря на все зло свое, увѣнчался бы добрымъ результатомъ, еслибы повелъ къ прекращенію этого фальшиваго и двусмысленнаго положенія, въ которомъ находится польская національность, благодаря автономіи Царства Польскаго. Всякая рѣшительная мѣра въ этомъ смыслѣ была бы истиннымъ благомъ не только для Россіи, но, повторимъ, и для польскихъ народонаселеній.

Мы должны благодарить польскихъ патріотовъ за то что они вдругъ вспомнили о польскихъ крестьянахъ; но благодарность наша не должна простираться такъ далеко, чтобы отдавать этихъ бѣдныхъ людей въ ихъ заботливыя руки. Оживить этотъ убитый сельскій людъ въ Царствѣ Польскомъ, который ни за что ни про что страдаетъ отъ кровавыхъ затѣй патріотовъ, удостоивающихъ причислять его въ своей національности, освободить его отъ тлетворной заразы этой шляхтско-польской

національности, основать на немъ новый порядокъ, который окончательно скрѣпилъ бы неразрывныя узы связывающія это такъ-называемое Царство Польское съ Русскою державой—вотъ практическая, настоятельная задача. Въ области фантазій и отвлеченныхъ мыслей можно легко и удобно представить себѣ все что угодно; можно вообразить себѣ, какъ подъ опекою польскихъ патріотовъ образуется изъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ новая Аркадія, но примѣшивать подобныя грезы къ практическимъ вопросамъ, значитъ сбивать съ толку себя—или другихъ.

Дались же однако крестьяне польскимъ патріотамъ! Еще въ началѣ возстанія графъ Лубенскій, котораго цитуетъ и г. Питкевичъ, предлагалъ устроить въ Варшавѣ парламентъ, гдѣ засѣдали бы въ овчинныхъ тулупахъ наши мужички изъ Кіевской, Волынской, Минской и другихъ губерній. Планъ этотъ не удался, и вотъ теперь, передъ послѣднимъ издыханіемъ мятежа, другой польскій патріотъ, въ посланіи, писанномъ къ таинственнымъ властямъ „жонда“ и публикованномъ для свѣдѣнія Россіи, волею или неволею поневолѣ обрѣзываетъ планъ графа Лубенскаго и соглашается удовольствоваться обдѣлкою крестьянъ одного Царства Польскаго...

Б.

Сегодня получили мы изъ Варшавы очень важныя извѣстія, которыя читатели найдутъ ниже. Рѣшительныя дѣйствія графа Берга быстро ведутъ къ развязкѣ въ Царствѣ Польскомъ, и обѣщаютъ скоро положить конецъ язвѣ, которая истерзала эту несчастную страну. Нашъ корреспондентъ извѣщаетъ, что правительство уже напало на слѣдъ „жонда...“ Читая сообщаемыя имъ свѣдѣнія, невольно думаешь: какая бездна всевозможныхъ злодѣйствъ! Какая бездна разврата и растлѣнія! Можно ли затрудняться въ принятіи энергическихъ мѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ? Не въ томъ ли самый священный долгъ законныхъ властей, чтобы дѣйствовать энергическимъ образомъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, для избавленія страны отъ такой язвы, какъ этотъ жондъ? Насъ увѣрили ловкіе люди, что противодѣйствовать злодѣямъ и убійцамъ дѣло не гуманное, не допускаемое современною цивилизаціею. За всякое распоряженіе законныхъ властей посреди самаго одичалаго мятежа, посреди самыхъ гнусныхъ преступленій, терзающихъ цѣлую страну, за всякую контрибуцію, за всякую конфискацію поднимаются крики въ иностранной журналистикѣ. А между тѣмъ, въ тѣхъ же французскихъ листкахъ, гдѣ осыпаются ругательствами варшавскія власти за обыскъ монастыря или за конфискацію дома, бывшихъ театромъ злодѣйствъ и притономъ мятежа, печатаются напримѣръ извѣстія о сообщаемыхъ нами ниже распоряженіяхъ французскихъ властей въ Мексикѣ, которую Богъ знаетъ по какому праву Франція взяла подъ свою опеку. Обращаемъ вниманіе читателей на Тлальпамскую прокламацію, о которой говорится подъ рубрикой *Франція*.

№ 230.

Москва, 23-го октября.

Возвращаемся къ начатому въ № 223 *Московскихъ Вѣдомостей* сообщенію свѣдѣній о раздачѣ пожертвованій, вызванныхъ польскимъ мятежомъ.

Подписка въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ Польшѣ была открыта нами тотчасъ по полученіи извѣстія о ночной рѣзнѣ съ 10 на 11-е января. Тогда въ Литвѣ все было еще относительно спокойно; кровавыя сцены произошли только въ мѣстечкѣ Суражѣ. Но затѣмъ мятежъ распространился и на западный край. Никто изъ жертвователей, участвовавшихъ въ подпискѣ въ пользу раненыхъ и семействъ оставшихся послѣ убитыхъ *въ Польшѣ* (такъ была первоначально названа эта подписка), не имѣлъ, конечно, въ виду обойдти пособіями тѣ войска, которыя подавляли мятежъ въ западномъ краѣ. Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* считала себя въ правѣ производить раздачу пожертвованій не только въ Царствѣ, но и въ Литвѣ. Еще болѣе укрѣпились мы въ этомъ намѣреніи, когда узнали, что суммы, поступающія въ офиціяльныя мѣста, инспекторскій департаментъ, канцеляріи генералъ-губернаторовъ и т. д., отправляются обыкновенно въ Варшаву, и что поэтому на Литвѣ раненые нижніе чины и семейства убитыхъ лишены пособій изъ большей части жертвуемыхъ суммъ.

Правда, о нихъ заботится само начальство. Генералъ Муравьевъ объявилъ на-

шимъ спеціяльнымъ корреспондентамъ, что пострадавшія лица и семейства будутъ обезпечены изъ сборовъ съ мятежнаго населенія. Тѣмъ не менѣе мы сочли справедливымъ исполнить и наше намѣреніе. Раздача жертвуемыхъ денегъ, кромѣ матеріяльнаго вспоможенія, имѣетъ еще и другой характеръ: ею выражается сочувствіе русскихъ людей дѣйствіямъ русскаго войска. Чѣмъ могли бы объяснить себѣ войска, дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ, что русскіе люди забываютъ о нихъ, помня о ихъ товарищахъ въ Царствѣ Польскомъ? Мы назначили раздать въ войскахъ Виленскаго военнаго округа приблизительно половину всей суммы собранной къ іюню мѣсяцу.

Вотъ на какихъ основаніяхъ распредѣлена эта сумма:

Посѣщая госпитали гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Виленской губерніи, нашъ спеціяльный корреспондентъ имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенномъ вниманіи начальства какъ къ содержанію раненыхъ, такъ и къ обезпеченію судьбы тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ оставаться на службѣ. Каждый почти изъ гвардейскихъ полковъ имѣетъ шефомъ одно изъ лицъ Императорской фамиліи; поэтому въ благотворительныхъ пособіяхъ всякаго рода здѣсь не встрѣчается никакого недостатка. Далеко не такъ завидна участь полковъ армейскихъ. Тамъ и содержаніе бѣднѣе, и вниманіе начальства далеко не такъ предупредительно. Даже изъ доставленныхъ командирами списковъ раненыхъ не всѣ были составлены такъ обстоятельно, какъ должно ожидать отъ людей, которые искренно интересуются судьбою подчиненныхъ или сослуживцевъ, пострадавшихъ въ честномъ бою. На этомъ основаніи, и по совѣту врачей и лицъ, служащихъ въ штабѣ Виленскаго военнаго округа, нашъ спеціяльный корреспондентъ положилъ ограничиться раздачей пособій раненымъ нижнимъ чинамъ и офицерамъ, а равно семействамъ убитыхъ, *исключительно въ полкахъ армейскихъ*.

За тѣмъ предстояло рѣшить вопросъ, въ какой соразмѣрности должна быть распредѣлена сумма пособій между ранеными и семействами убитыхъ.

По совѣщаніи съ начальствующими лицами штаба Виленскаго военнаго округа, нашъ спеціяльный корреспондентъ, жившій въ Вильнѣ, счелъ нужнымъ обратить значительнѣйшую часть находившейся въ его распоряженіи суммы на пособіе вдовамъ и сиротамъ нижнихъ чиновъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ мятежниками, такъ какъ семейства убитыхъ нижнихъ чиновъ никакого пособія и вознагражденія изъ казны не получаютъ. Начальникъ штаба, генералъ-майоръ Циммерманъ, и старшій адъютантъ, штабсъ-капитанъ Степановъ, оказали ему самое искреннее и ревностное содѣйствіе. Въ короткое время были доставлены командирами полковъ и стрѣлковыхъ батальйоновъ списки убитыхъ съ показаніемъ состава и мѣста жительства ихъ семействъ. Сообразивъ число всѣхъ нуждающихся въ пособіи семействъ съ количествомъ суммы, опредѣленной для раздачи, нашъ спеціяльный корреспондентъ могъ назначить пособіе отъ 15 до 25 рублей, на каждое семейство, смотря по числу оставшихся сиротъ. Исключеніе составляетъ только семейство казака Донскаго № 33 полка, Ивана Софронова, который по засвидѣтельствованію начальника отряда, майора Великолуцкаго полка Григорьева, находился постоянно въ числѣ охотниковъ въ поискахъ за шайками, въ Игуменскомъ уѣздѣ, и убитъ въ дѣлѣ 9-го мая. Семейству его, состоящему изъ престарѣлой матери, жены и дочери назначено для выдачи 50 рублей.

Что касается до раненыхъ, то изъ нихъ особенное вниманіе очевидно слѣдовало обратить на тѣхъ, которые по увѣчью должны были оставить службу и нуждались въ пособіи для отъѣзда на родину, а также на раненыхъ перваго и втораго разряда. По малочисленности раненыхъ оказалось возможнымъ выдать на каждаго подходившаго подъ указанныя условія раненаго солдата отъ 10 до 20 р., и лишь немногимъ легче раненымъ выдано по 5 руб.

Согласно этимъ общимъ правиламъ, нашъ спеціяльный корреспондентъ назначилъ:

Нарвскаго пѣхотнаго полка
3 семействамъ 45 р.

Копорскаго пѣхотнаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Саксонскаго полка
6 семействамъ 110 р.
7 раненымъ 85 р.

Либавскаго пѣхотнаго Принца Карла Прусскаго полка
3 семействамъ 45 р.
2 раненымъ 30 р.

Ревельскаго пѣхотнаго полка
7 семействамъ 130 р.

Эстляндскаго пѣхотнаго полка
13 семействамъ 210 р.

Староингерманландскаго пѣхотнаго генералъ-адъютанта князя Меншикова полка

6 семействамъ 110 р.

Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка

4 семействамъ 70 р.

Псковскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полка

5 семействамъ 85 р.

Великолуцкаго пѣхотнаго полка

9 семействамъ 165 р.

Полтавскаго резервнаго пѣхотнаго полка

5 семействамъ 75 р.
2 раненымъ 20 р.

Александопольскаго резервнаго пѣхотнаго полка

2 семействамъ 35 р.
3 раненымъ 50 р.

Муромскаго резервнаго пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича

1 раненому 20 р.

С.-Петербургскаго Его Величества Короля Баварскаго

1 раненому 15 р.

Донскаго казачьяго № 5-го полка

5 семействамъ 130 р.
1 раненому 20 р.

3-го стрѣлковаго батальйона

5 семействамъ 90 р.
3 раненымъ 45 р.

Изъ доставленныхъ списковъ убитымъ офицерамъ, оказалось, что всѣ они были холостые; о семействахъ двухъ убитыхъ казацкихъ офицеровъ не было доставлено свѣдѣній; поэтому нашъ спеціяльный корреспондентъ передалъ въ распоряженіе начальника штаба Виленскаго военнаго округа 824 рубля, для выдачи: вопервыхъ семействамъ этихъ офицеровъ, если по справкамъ они дѣйствительно окажутся нуждающимися въ пособіи, при чемъ просилъ обратить особенное вниманіе на семейство хорунжаго Якова Колоскова, который былъ убитъ мятежниками измѣннническимъ образомъ, безоружный, когда находился въ банѣ; вовторыхъ, двумъ тяжело раненымъ офицерамъ, которымъ предложено выдать пособіе въ размѣрѣ около 150 руб.; втретьихъ, тѣмъ семействамъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, равно какъ и раненымъ 1 и 2 разряда, которые не попали въ доставленные списки.

Начальство штаба приняло на себя доставлять въ редакцію подробныя свѣдѣнія объ употребленіи предоставленной въ его распоряженіе вышеозначенной суммы.

Въ Варшавѣ дѣло имѣло иной видъ. Тамъ пособія текли обильнѣе, но съ одной стороны тамъ было больше и число имѣющихъ право на пособіе, а съ другой стороны раздача пособій комитетомъ, основанная, какъ иначе и быть не можетъ, на опредѣленныхъ правилахъ, не могла не оставлять пробѣловъ, по справедливости требовавшихъ пополненія.

При участіи въ занятіяхъ комитета легко было сдѣлать замѣчаніе, что положенныя имъ въ основаніе правила распредѣленія пособій, при всей ихъ раціональности, иногда были стѣснительны по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ: никакое правило не можетъ оказаться справедливымъ и удовлетворительнымъ въ примѣненіи ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ. Такъ одинъ изъ офицеровъ получилъ при нападеніи мятежниковъ на городъ Мѣховъ двѣ пулевыя раны: одну чрезъ лѣвое предплечіе съ раздробленіемъ локтевой кости, а другую въ нижнюю часть правой стороны шеи; при своемъ движеніи эта вторая пуля повредила три ребра, осколки которыхъ отчасти выброшены при раненіи, и прошли надъ самою надключечною артеріею. Вслѣдствіе кровохарканія и одышки требовалось основательное лѣченіе и притомъ, по совѣту врачей, за границей. Но на общемъ основаніи этому офицеру комитетъ выдалъ пособіе изъ поручичьяго оклада жалованья—сумму не высокую. А потому нѣкоторою помощію могли послужить 200 р. сер., которые были ему выданы нашимъ спеціяльнымъ корреспондентомъ. Съ этою же цѣлію переданы въ комитетъ чрезъ посредство штаба Варшавскаго округа 693 р. сер. для дополненія комитетскихъ выдачъ, когда будутъ представляться такіе отдѣльные случаи, въ которыхъ окажется справедливымъ выдать больше нежели сколько слѣдуетъ по комитетскимъ правиламъ. Отчетностью по этой суммѣ члены комитета обязаны только жертвователямъ чрезъ опубликованіе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

За тѣмъ мы старались устроить раздачу, быстрѣе доходящую до раненаго, нежели раздача комитетская. Такъ какъ раздачи этого рода предваряли собой комитетское пособіе, которое всегда должно было за ними слѣдовать, то можно было уменьшить ихъ размѣры. Мы полагали наиболѣе удобнымъ производить эти спѣшныя

выдачи посредствомъ госпитальныхъ медиковъ. Вниманію главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. А. Боголюбова мы обязаны тѣмъ, что желаніе наше осуществилось и притомъ съ особенною удачей. Первая раздача этого рода была сдѣлана самимъ г. Боголюбовымъ раздавшимъ на руки 18 человѣкамъ 150 р. с. съ нѣкоторою торжественностію въ обстановкѣ, въ присутствіи дежурнаго офицера и дежурнаго врача. Кто можетъ быть болѣе компетентнымъ судьею въ распредѣленіи пособій? Мы обязаны усердно благодарить г. Боголюбова за то участіе, которое онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ.

Получивъ извѣстіе о дѣлѣ подъ Жиржиномъ, г. Боголюбовъ тотчасъ же отправилъ въ Ивангородскій госпиталь 115 р., которые были розданы тамъ докторомъ Коссинскимъ отъ имени московскихъ жертвователей 66 раненымъ. Въ томъ числѣ:

Ивангородскаго батальйона	27
2 сапернаго	13
5 артиллерійской бригады.	11
Другихъ частей	14
Крестьянину.	1

Кромѣ Ивангорода были еще посланы въ Люблинскій госпиталь 85 руб. сер., которые розданы находившимся на лицо 58 раненымъ; изъ того числа было:

Ивангородскаго батальйона	19
2 сапернаго	12
5 артиллерійской бригады.	5
Разныхъ командъ	22

Такимъ образомъ, благодаря почтенной распорядительности А. А. Боголюбова, пострадавшіе въ жиржинскомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣла уже получили денежное пособіе изъ суммъ пожертвованныхъ чрезъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*.

№ 231.

Москва, 24-го октября.

Польскій вопросъ, самъ по себѣ очень не сложный, попалъ теперь въ разрядъ самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ вопросовъ потому только, что въ немъ отражаются взаимныя отношенія всѣхъ главныхъ державъ Европы; являясь вопросомъ европейскимъ, онъ собственно есть не что иное какъ продуктъ общаго политическаго положенія; онъ не имѣетъ никакого другаго содержанія. Къ нему сходятся теперь всѣ нити европейской политики, и въ случаѣ войны за Польшу, нѣтъ сомнѣнія, что эта война не ограничилась бы даже нашею частью свѣта. Попытаться вырвать изъ рукъ Россіи свободное разрѣшеніе ея домашняго дѣла и впутать въ него всю Европу, значило бы возжечь войну въ двухъ полушаріяхъ, безъ всякой притомъ надежды на скорое ея прекращеніе и безъ всякой возможности заранѣе опредѣлить ея результаты.

Вотъ почему, какъ только Россія обнаружила твердость и рѣшительность, какъ только изумленная Европа услышала мужественный голосъ русскаго народа, тѣ державы, для которыхъ дорого сохраненіе общаго мира, которыя отчасти привыкли, отчасти принуждены, даже въ своемъ задорѣ, держаться правилъ благоразумной осторожности, именно Англія и Австрія, тотчасъ же начали колебаться, и въ настоящее время, какъ по всему видно, приняли благопріятное для Россіи положеніе. Одна лишь Франція готова была бы перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, но и она, конечно, не для блага Поляковъ, а лишь съ тѣмъ, чтобы посреди общеевропейской войны захватить, если удастся, какой-нибудь лакомый кусочекъ и получить въ возстановленной Польшѣ новое, всегда готовое и покорное орудіе къ возмущенію мира и спокойствія въ Европѣ. Но какъ ни порывается католическая, демократическая и революціонно-императорская Франція затѣять войну изъ-за Польши, и она, умудренная опытами 1812—15 годовъ, не рѣшается одна, или въ союзѣ только съ нѣкоторыми второстепенными державами, пуститься въ это безбрежное море кровавыхъ приключеній.

Какъ видно изъ недавно-обнародованнаго анализа двухъ французскихъ депешъ отъ 20-го и 21-го іюня (см. № 228 *Московскихъ Вѣдомостей* подъ рубрикою *Франція*). Наполеонъ III сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы состоялась война изъ-за Польши. Еще въ ожиданіи достопамятныхъ отвѣтовъ отъ Россіи, помѣченныхъ 1-мъ (13-мъ) іюля, въ которыхъ такъ сильно сказались истинныя чувства русскаго народа, правительство Наполеона III предлагало Англіи и Австріи заключить конвенцію, или составить протоколъ, которымъ всѣ три державы торжественно обязались

бы „поставить Польшу въ положеніе прочнаго и постояннаго мира", хотя бы для этого пришлось начать нескончаемую войну. Не разчитывая на возможность вовлечь Англію въ такую разумную сдѣлку, Франція обнаруживала даже готовность удовольствоваться дружественнымъ нейтралитетомъ со стороны Англіи и подстрекая Австрію, судила ей всякаго рода поддержку на случай войны съ Россіей.

Но поддержка и гарантія одной Франціи не могли еще побудить Австрію къ воинственной политикѣ относительно Россіи: во-первыхъ, Австріи пришлось бы подвергнуться первымъ и самымъ тяжкимъ ударамъ съ нашей стороны; во-вторыхъ, она поставила бы себя въ совершенную зависимость отъ Франціи, которой она не можетъ довѣриться; въ-третьихъ, такъ какъ сухопутныя французскія войска могли бы проникнуть на театръ войны Австріи съ Россіей не иначе какъ чрезъ территорію Германскаго Союза и благодаря вліянію Пруссіи, не иначе какъ вопреки рѣшенію германскаго сейма, то Австрія тѣмъ самымъ подвергла бы опасности Германію и окончательно испортила бы свое въ ней положеніе; въ-четвертыхъ, результатомъ такой войны для Австріи была бы во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ потеря Галиціи и Кракова, съ надеждою на какое-либо непрочное вознагражденіе, въ случаѣ успѣшности войны, и безъ всякаго вознагражденія въ случаѣ неудачи, такъ какъ тогда Галиція, большинство населенія которой чисто-русское, естественно должна была отойдти къ Россіи. Всѣ эти причины внушали Австріи миролюбіе, но съ другой стороны Австрія боялась прогнѣвить императора Французовъ, внушающаго ей весьма понятный страхъ и пользующагося всякимъ случаемъ чтобы дать ей почувствовать опасность разлада съ собой. Поставленная такимъ образомъ между двухъ огней, Австрія всячески старалась пройдти между ними, не подвергая себя обжогу. Принимая въ разчетъ, что въ Берлинѣ могутъ очень желать окончательнаго разрыва между Австріей и Франціей, и вслѣдствіе того выставлять политику Австріи въ непріятномъ для Франціи свѣтѣ, мы тѣмъ не менѣе находимъ довольно правдоподобными помѣщенныя ниже показанія берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты* относительно усилій Австріи сохранить добрыя отношенія къ Россіи въ то самое время, какъ она дѣйствовала противъ насъ заодно съ Франціей. Въ сущности эти показанія еще прежде высказаны были дипломатическими корреспондентами *Journal des Débats*, этими загадочными лицами, пишущими съ какой-то загадочной точки зрѣнія, которую нельзя назвать ни русскою, ни польскою, ни австрійскою. Въ самомъ началѣ, говорятъ намъ разглашатели секретовъ дипломатіи, Австрія старалась увѣрить Россію, что она присоединилась къ западнымъ державамъ только для того, чтобъ умѣрить ихъ требованія въ польскомъ вопросѣ; потомъ она выставила программу шести пунктовъ будто бы съ согласія и одобренія Россіи; наконецъ, она же будто бы внушила Россіи или по крайней мѣрѣ одобрила мысль о конференціи между тремя державами, раздѣлившими Польшу, и только для вида, изъ страха предъ Франціей и успокоенная предложеніями послѣдней, громко протестовала потомъ противъ этой мысли. Сверхъ того, во все продолженіе переговоровъ между тремя державами, чтобы не подвергать себя прямой опасности со стороны Франціи, Австрія постоянно предоставляла Англіи и Франціи договариваться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Россіи. Несмотря, однако же, ни на эти уловки, ни даже на громкій протестъ противъ предложенной княземъ Горчаковымъ конференціи трехъ державъ, Австрія еще въ августѣ мѣсяцѣ чуть было не навлекла на себя гнѣва Франціи, и тогда распространились слухи о сближеніи послѣдней съ Пруссіей. Слухи эти еще болѣе усилились со времени франкфуртскаго конгресса германскихъ государей, созваннаго, какъ извѣстно, въ половинѣ августа, австрійскимъ императоромъ.

Но вотъ пришелъ третій рядъ отвѣтовъ отъ Россіи, въ которыхъ объявлялось, что было бы неумѣстно длить переговоры. Франція усмотрѣла въ этихъ отвѣтахъ особенное для себя оскорбленіе. Начинать одной войну противъ Россіи невозможно: дѣлать новыя предложенія на этотъ предметъ Англіи и Австріи, когда прежнія были ужь разъ отвергнуты, было бы не совсѣмъ совмѣстно съ достоинствомъ Франціи, да и безполезно: Франція предоставила имъ договориться сначала между собою, обѣщая принять ихъ предложенія, если они въ состояніи будутъ подвинуть дѣло къ развязкѣ; а сама тѣмъ временемъ принялась искушать Пруссію, чтобъ отвлечь ее отъ Рос-

сіи и въ то же время поставить на ножи съ Австріей. Есть поводъ предполагать почти навѣрное, что Пруссіи были разставлены сѣти съ приманками весьма соблазнительными. Но Пруссія устояла противъ искушеній, и какъ нерѣдко бываетъ съ подвергающимися искушенію и навлекающими на себя сомнѣніе, она, повидимому, тѣмъ съ большею ревностью обратилась на прежній путь благоразумія и доброжелательства къ Россіи. Между тѣмъ Австрія и Англія усердно договаривались между собою, но не успѣли договориться ни о чемъ. Изъ совокупности извѣстій сообщенныхъ, какъ въ прежнихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, такъ и помѣщаемыхъ ниже, подъ рубрикой *Австрія*, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія, между ними и неточности, можно, повидимому, съ довѣренностью вывести слѣдующее заключеніе. Лордъ Россель предложилъ Австріи проектъ новой депеши въ С.-Петербургъ, въ которой офиціяльно и рѣзко высказана была мысль объ утратѣ Россіей правъ на Польшу, проистекающихъ изъ Вѣнскихъ трактатовъ;— мысль изложенная имъ прежде въ рѣчи, произнесенной въ Блергоури. Австрія, какъ видно изъ помѣщенной ниже статьи *Wanderer*, была бы готова усвоить себѣ этотъ проектъ и тѣмъ обезоружить Францію, но предвидя, что съ ея стороны объявить Россію лишенною правъ на Польшу значитъ поставить на ноги всѣхъ Поляковъ Галиціи и такимъ образомъ накликать на себя войну съ Россіей, она напередъ пожелала имѣть удостовѣреніе, что Англія сама приметъ участіе въ этой войнѣ если не войсками, то денежными субсидіями. Но такъ какъ Англія расположена извлекать для себя изъ польскаго вопроса только даровыя побѣды надъ Россіей, и такъ какъ она отнюдь не желаетъ хоть чѣмъ-нибудь заплатить за эти побѣды въ сущности не очень нужныя ей, то Австрія получила въ отвѣтъ, что Англія не думаетъ участвовать въ войнѣ изъ-за Польши ни войсками, ни денежными субсидіями. Тогда Австрія отвергла проектъ лорда Росселя, утратившій вслѣдствіе того и въ глазахъ Франціи практическое значеніе. Тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ ли раздраженія, произведеннаго послѣдними отвѣтами князя Горчакова и можетъ-быть усиленнаго появленіемъ русской эскадры въ американскихъ водахъ и пріемомъ, оказаннымъ ей Сѣверянами, или же подъ вліяніемъ своей извѣстной антипатіи къ той системѣ правленія, которой представительницей считается Россія, графъ Россель рѣшился одинъ, около 10-го октября, послать свою депешу въ С.-Петербургъ, то-есть сдѣлать намъ наибольшій вредъ, какой Англія могла сдѣлать, не рискуя ничѣмъ. Но лордъ Непиръ не успѣлъ еще предъявить эту громовую депешу князю Горчакову, какъ получилъ предписаніе пріостановиться ея сообщеніемъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя и объясняется различно. Повидимому Пруссія энергически обратила вниманіе британскаго правительства на то, что съ отрицаніемъ основанныхъ на трактатахъ правъ Россіи на Польшу само собою связано признаніе за польскими мятежниками правъ воюющей стороны, а это, облегчивъ доставку имъ оружія изъ Франціи и другихъ странъ, можетъ повлечь за собою войну съ Россіей, войну, въ которой Пруссія по необходимости будетъ на сторонѣ Россіи. Эти доводы, говорятъ, подѣйствовали особенно на лорда Пальмерстона, который, какъ извѣстно, еще прежде, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты общинъ, высказался рѣшительно противъ отмѣны статей Вѣнскаго трактата, опредѣляющихъ отношеніе Польши къ Россіи, на томъ основаніи, что съ ихъ отмѣной ни Англія, ни какая-либо другая держава не будетъ имѣть никакого права вступаться за Польшу передъ Россіей. Какъ бы то ни было, рѣзкая депеша отъ 8-го или 10-го октября была отмѣнена, и Австрія представила отъ себя проектъ общей „декларацiи“ трехъ державъ, составленной, какъ говорятъ, въ самомъ миролюбивомъ духѣ, причемъ она однакоже все-таки напередъ заявила Россіи, что не намѣрена приступать ни къ какому враждебному для нея дѣйствію. Но эта декларація не была принята Англіей, которая, вслѣдъ затѣмъ, опять безъ согласія другихъ двухъ державъ отправила отъ себя новую депешу, предъявленную, какъ говоритъ *Кемнская Газета*, князю Горчакову 26-го (14-го) октября, тогда какъ Австрія предоставила себѣ препрововить въ Петербургъ свою отдѣльную декларацію. Содержаніе новой англійской депеши въ точности еще неизвѣстно, но повидимому оно довольно вѣрно передано въ ниже помѣщенной статьѣ изъ Вѣнской газеты *Presse*, которая однако же смѣшиваетъ эту депешу съ депешей 10-го октября. Можно считать достовѣрнымъ, что въ предъявленной С.-Пе-

тербургскому кабинету новой англійской депешѣ нѣтъ рѣчи объ отмѣнѣ какихъ-либо статей Вѣнскаго трактата, а напротивъ говорится, яко бы Поляки никакими мятежами не могутъ лишить себя тѣхъ неопредѣленныхъ правъ, которыя сама Россія, вопреки настояніямъ другихъ державъ, выговорила для нихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ и занесла какъ въ особые свои трактаты съ Австріей и Пруссіей, такъ и въ главный актъ этого конгресса. Еще менѣе извѣстенъ смыслъ австрійской декларации; но вѣнскіе журналы уже прямо утверждаютъ, что не ожидая болѣе ничего отъ западныхъ державъ и потерпѣвъ неудачу въ Германіи какъ съ своимъ проектомъ реформы, такъ и по таможенному вопросу, Австрія начинаетъ склоняться не только въ пользу сближенія съ Россіей, но и въ пользу соглашенія съ Пруссіей.

Такимъ образомъ длившіеся столько времени переговоры привели къ одному результату: составившаяся было противоестественная коалиція трехъ державъ противъ Россіи, по польскимъ дѣламъ, распались окончательно, и вмѣсто того, чтобы поставить Россію въ отчужденное, одинокое положеніе, Франція чуть-ли не попала въ него сама. Что предприметъ она въ этомъ одинокомъ своемъ положеніи? Отважится ли она одна на войну изъ-за Польши, пренебрегши опытомъ 1812 года, или примирится съ несовсѣмъ пріятнымъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ: Многіе ожидаютъ найдти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ тронной рѣчи императора Наполеона, которую онъ долженъ сказать сегодня; но эта рѣчь, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ отличаться неопредѣленностью и двусмысленностью, и не разсѣетъ никакихъ недоразумѣній.

Россіи не для чего унижать Францію; но ей нѣтъ ни малѣйшей надобности и выводить ее изъ затруднительнаго положенія, въ какое она сама поставила себя, особенно же цѣною такой неразумной политики въ отношеніи къ Польшѣ, которую думали предписать намъ въ шести пунктахъ и которую такъ усердно рекомендуетъ Россіи одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ *Indépendance Belge*, въ письмѣ приведенномъ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты. Этотъ корреспондентъ, повидимому очень доброжелательный къ Россіи, идетъ даже далѣе шести пунктовъ; онъ увѣряетъ, что Россія только для того и подавляетъ мятежъ въ Польшѣ, чтобы потомъ сейчасъ договориться съ Европой о дарованіи Польшѣ еще болѣе широкихъ правъ чѣмъ тѣ, которыя были требуемы въ шести пунктахъ. Хотя съ врагами легче бороться чѣмъ съ друзьями, но серіозность положенія дѣлъ требуетъ чтобы Россія думала о себѣ и своихъ подданныхъ, а не о друзьяхъ своихъ,— не о Французахъ и не о *гражданахъ* Царства Польскаго. Россіи слѣдуетъ позаботиться объ окончательномъ упраздненіи такъ-называемаго польскаго вопроса и объ устройствѣ внутренняго своего быта на болѣе прочныхъ и надежныхъ началахъ.

№ 232.

Москва, 25-го октября.

По непонятной для насъ причинѣ мы не получили сего дня, до поздней ночи, не только текста тронной рѣчи, которую долженъ былъ произнести вчера императоръ Французовъ, но и никакого извѣстія объ открытіи законодательныхъ палатъ Франціи. Это тѣмъ удивительнѣе, что телеграфное сообщеніе прервано не было.

Пользуясь неожиданно представившеюся намъ свободною минутой, мы намѣрены сказать, нѣсколько словъ по поводу возраженій, сдѣланныхъ намъ на нѣкоторыя изъ высказанныхъ нами мыслей о мировыхъ и земскихъ учрежденіяхъ.

Мы печатаемъ ниже замѣтку, вызванную нашею передовою статьей № 208 *Московскихъ Вѣдомостей* по вопросу объ уменьшеніи числа мировыхъ участковъ. Читателямъ извѣстно что за сокращеніемъ занятій мировыхъ посредниковъ предполагается уменьшить число мировыхъ участковъ и слѣдовательно число посредническихъ мѣстъ. Такъ какъ вслѣдствіе того часть посредниковъ должны остаться за штатомъ, то возникаетъ вопросъ: кто и на какомъ основаніи имѣетъ право сдѣлать между посредниками выборъ лицъ долженствующихъ остаться за штатомъ. По нашему мнѣнію, данное посредникамъ при ихъ опредѣленіи обѣщаніе, что они будутъ независимы отъ администраціи, не было бы въ точности соблюдено, еслибы тѣ или другіе посредники были оставлены за штатомъ по усмотрѣнію администраціи. Почтенный оппонентъ нашъ согласенъ въ этомъ съ нами. Онъ напоминаетъ, что въ Положеніяхъ 19-го февраля обѣщаны правила для будущаго избранія мировыхъ посредниковъ

жителями уѣзда. Когда эти правила будутъ изданы, то всѣ посредники должны будутъ подвергнуться баллотировкѣ. По точному смыслу закона, всѣ они назначены правительствомъ только на три года, а по истеченіи трехъ лѣтъ ихъ службы, должны подвергнуться переизбранію. Съ этимъ переизбраніемъ, говоритъ оппонентъ нашъ, всего лучше соединить и сокращеніе числа мировыхъ участковъ: тогда не нужно будетъ оставлять на службѣ однихъ посредниковъ, увольняя другихъ; тогда всѣ посредники, желающіе сохранить свое мѣсто, должны будутъ баллотироваться. Противъ удобствъ такого соединенія никто, конечно, не можетъ спорить. Но дѣло именно въ томъ и состоитъ, что иные находятъ нужнымъ уменьшить число мировыхъ участковъ не дожидаясь изданія правилъ о выборѣ мировыхъ посредниковъ. Эти правила по всей вѣроятности не скоро еще будутъ изданы; очень можетъ быть, что они войдутъ въ общее законодательство по судебной реформѣ. Между тѣмъ мировыя учрежденія, говорятъ намъ, стоятъ дорого, и было бы полезно облегчить земство отъ расходовъ, которые теперь уже не соотвѣтствуютъ размѣрамъ занятій мировыхъ посредниковъ. Если бы не имѣлось въ виду какъ можно скорѣе облегчить земство, то дѣло разрѣшилось бы просто: можно было бы выжидать судебной реформы. Затрудненія возникаютъ изъ спѣшности, съ какою находятъ нужнымъ приступить къ сокращенію мировыхъ участковъ. Считаютъ неудобнымъ отсрочивать уменьшеніе расходовъ земства до судебной реформы или до составленія правилъ о выборахъ въ должность мировыхъ посредниковъ. Вотъ откуда возникъ тотъ вопросъ, на который мы пытались отвѣчать въ № 208 *Московскихъ Вѣдомостей*, и на которой въ „Замѣткѣ“ нашего оппонента нѣтъ отвѣта.

Мы совершенно согласны съ авторомъ „Замѣтки“, что предлагаемое имъ сохраненіе *statu quo* до изданія новыхъ правилъ о выборахъ въ должность мировыхъ посредниковъ было бы самою простою мѣрой. Но если бы была принята эта мѣра, то не было бы и вопроса, о которомъ мы говорили, и который вызываетъ теперь такое разногласіе между заинтересованными лицами. Не на случай возможности выждать новыя правила, а на случай невозможности выжидать ихъ, старались мы предложить такой способъ увольненія посредниковъ, который вполнѣ согласовался бы съ предоставленными имъ правами и не могъ бы вызвать изъ ихъ среды ни малѣйшаго ропота. Мы предлагали предоставить самимъ посредникамъ рѣшеніе вопроса, кто изъ нихъ долженъ остаться за штатомъ, и указывали на то, что въ такомъ случаѣ дѣло будетъ рѣшено или добровольнымъ соглашеніемъ или жребіемъ. Почтенный авторъ „Замѣтки“ едва ли основательно возражаетъ, что добровольнаго соглашенія тутъ быть не можетъ, что нигдѣ не найдется такого человѣка который считалъ бы себя безполезнѣе другаго. Развѣ человѣкъ тяжелый на подъемъ или проводящій значительную часть года внѣ своего участка, при малой долѣ добросовѣстности, не признаетъ себя менѣе полезнымъ посредникомъ чѣмъ тотъ или другой изъ его товарищей, усердно занимающихся дѣлами и постоянно живущихъ въ деревнѣ.

Считаемъ нужнымъ припомнить что мы говорили по поводу вопроса уже возбужденнаго. Мы не возбуждали вопроса объ уменьшеніи числа мировыхъ посредниковъ. Что касается до нашего собственнаго мнѣнія, то мы предложили бы начать сбереженія скорѣе сокращеніемъ расходовъ на губернскія присутствія чѣмъ на мировыхъ посредниковъ. Губернскія присутствія составляютъ менѣе важное звено въ цѣпи мировыхъ учрежденій или, лучше, они въ сущности даже не могутъ быть отнесены къ мировымъ учрежденіямъ; къ тому же на нихъ и жалобъ больше. Кромѣ того, во многихъ губерніяхъ можно было бы сократить число членовъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ. Можно было бы, кажется, слить эту должность съ должностью членовъ отъ правительства въ губернскихъ присутствіяхъ. Все это, повидимому, легче сдѣлать, чѣмъ сокращать число мировыхъ участковъ. Потребность въ скоромъ судѣ и близкомъ судьѣ есть очень сильная потребность нашего сельскаго быта, и чѣмъ болѣе будетъ распространяться вольнонаемный трудъ, тѣмъ живѣе будетъ чувствоваться эта потребность. Наконецъ, вѣдь наступитъ же когда-нибудь то вожделѣнное для всего сельскаго люда время, когда государственные крестьяне будутъ также подсудны мировымъ посредникомъ. Тогда придется не уменьшать, а увеличивать число мировыхъ участковъ.

Мы въ особенности потому заговорили въ защиту даже не совсѣмъ ясныхъ правъ

мировыхъ посредниковъ, что считаемъ обязанностью всякаго благомыслящаго человѣка поддерживать всѣми силами мировой институтъ. Въ немъ имѣемъ мы главную и единственную основу того лучшаго порядка мѣстнаго управленія, который называется *самоуправленіемъ*. Нѣтъ спора, что и въ нашихъ мировыхъ учрежденіяхъ есть свои недостатки. Безъ недостатковъ нѣтъ ничего на свѣтѣ; а тутъ справедливость требуетъ еще сказать въ оправданіе мироваго института, что личный составъ нашихъ мировыхъ учрежденій носитъ на себѣ явственные слѣды вліянія центральной администраціи, дѣйствовавшей въ первое время, какъ всѣмъ извѣстно, далеко не безъ тенденцій. Такимъ образомъ если мѣстами прорывается односторонность или рѣзкость, причиняющія чувство недовольства, то нельзя забывать, что этими элементами мировой институтъ обязанъ бюрократическому вліянію. Мы должны скинуть со счетовъ эти поводы къ ропоту, чтобы справедливо оцѣнить самый институтъ и составить себѣ понятіе о томъ, чего можемъ мы ожидать отъ него въ будущемъ. Несмотря на всѣ трудности крестьянскаго дѣла, несмотря на новость начала самоуправленія, мировыя учрежденія удовлетворительно выдерживаютъ у насъ пробу гласности ничѣмъ не стѣсненной. Къ другимъ нашимъ учрежденіямъ, какъ извѣстно, гласность прилагается далеко не въ такой же мѣрѣ, и только при уравненіи ихъ въ этомъ отношеніи съ мировыми учрежденіями, сдѣлалось бы очевиднымъ все неизмѣримое превосходство послѣднихъ. Мы должны держаться за мировыя учрежденія какъ за драгоцѣнность, должны считать ихъ величайшимъ благодѣяніемъ законодательства послѣдняго времени. Сохранивъ ихъ въ полномъ достоинствѣ, мы сбережемъ для себя средство выйдти изъ многихъ затрудненій. Нельзя сомнѣваться, что намъ придется еще не разъ въ будущемъ воротиться къ мировымъ учрежденіямъ отъ многихъ другихъ учрежденій, въ которыхъ мы видимъ или хотимъ видѣть органы нашего будущаго самоуправленія. Намъ предстоятъ опыты по части новыхъ коллегіальныхъ учрежденій, хозяйственныхъ (земскихъ) и судебныхъ. Эти опыты будутъ повидимому произведены въ широкихъ размѣрахъ. Почти въ каждомъ уѣздѣ мы ожидаемъ увидѣть коллегію судей; рѣшительно въ каждомъ уѣздѣ мы увидимъ коллегію администраторовъ, подъ именемъ земской управы. Нѣтъ надобности въ большой проницательности, чтобы предсказать этимъ учрежденіямъ малый успѣхъ и скорую необходимость слиться съ мировыми съѣздами. Этотъ ходъ развитія неизбѣженъ, а чтобъ онъ не привелъ насъ на то же мѣсто, съ котораго мы отправились, мы должны беречь наши мировыя учрежденія какъ зѣницу ока.

Кстати скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу доходящихъ до насъ возраженій на наши мнѣнія о составѣ земскихъ собраній въ уѣздѣ. Насъ упрекаютъ за предложеніе возвысить теперешній цензъ дающій право личнаго голоса въ дворянскихъ собраніяхъ. Говорятъ, что въ этомъ предложеніи заключается притязаніе отнять права у людей уже пользующихся этими правами и сохраняющихъ эти права даже по проекту земскихъ учрежденій, разсматриваемому теперь въ законодательномъ порядкѣ. Мы должны признаться, что не можемъ надивиться недоразумѣнію, на которомъ основанъ этотъ упрекъ. Постараемся обозначить свое положеніе какъ можно яснѣе и опредѣленнѣе.

Въ теперешнихъ дворянскихъ собраніяхъ имѣютъ личный голосъ стодушевые помѣщики и нѣкоторыя другія лица указанныя въ законѣ. Проектъ земскихъ учрежденій оставляетъ дворянскія собранія неприкосновенными, но отнимаетъ у нихъ всѣ сколько-нибудь важныя дѣла, могущія остаться за ними послѣ реформы полиціи и суда. Сохраняемыя по формѣ, дворянскія собранія въ сущности упраздняются, потому что упраздняется ихъ значеніе. Стало-быть всякій кто болѣе дорожитъ сущностью дѣла нежели его формой, долженъ ясно сознавать, что земскія собранія займутъ мѣсто дворянскихъ собраній, а такъ какъ по проекту земскихъ учрежденій въ земскихъ собраніяхъ никто не будетъ имѣть права личнаго голоса, то всѣ лица участвовавшія до сихъ поръ непосредственно въ дворянскихъ собраніяхъ потерпятъ существенный ущербъ въ своихъ правахъ. До сихъ поръ они были такъ-сказать гласными; по проекту они низойдутъ въ разрядъ выборщиковъ,—то-есть очевидно будутъ на столько разжалованы, на сколько выборщикъ меньше гласнаго.

Вотъ что слѣдуетъ изъ проекта. Что же предлагали мы? Противъ проекта, не оставляющаго *ни за кѣмъ* права личнаго голоса

въ уѣздномъ собраніи, мы предлагали оставить его за лицами извѣстнаго ценза, возвысивъ этотъ цензъ противъ теперешняго. Надѣемся, что въ этомъ нельзя видѣть уменьшенія правъ. Но и этотъ высшій цензъ, по нашему предположенію, долженъ бы имѣть силу только относительно тѣхъ членовъ уѣздныхъ собраній, которые не успѣли еще получить право личнаго участія въ дворянскихъ собраніяхъ, а относительно этихъ послѣднихъ лицъ мы предлагали постановить, что всѣ они будутъ имѣть пожизненное право участія въ земскихъ собраніяхъ. Гдѣ же тутъ уменьшеніе правъ?

Повторимъ еще разъ. Извѣстный цензъ давалъ до сихъ поръ право личнаго участія въ дворянскомъ собраніи. Это право, съ учрежденіемъ земскихъ собраній, теряетъ всякое значеніе, если только не будетъ имѣть силы относительно участія въ собраніяхъ земскихъ. Проектъ земскихъ учрежденій не даетъ никому подобнаго права; онъ замѣняетъ право непосредственнаго участія въ собраніи правомъ непосредственнаго участія въ выборѣ членовъ этого собранія. Мы указали на то, что эти два права не равносильны, что одно очень важно, а другое почти лишено значенія. То что мы предложили, есть комбинація дающая возможность избѣжать уменьшенія правъ, несомнѣнно заключающихся въ проектѣ земскихъ учрежденій, а насъ укоряютъ въ намѣреніи отодвинуть назадъ законодательство и уменьшить льготы уже существующія!

Между тѣмъ какъ съ одной стороны упрекаютъ насъ въ небываломъ намѣреніи стѣснять и умалить существующія права, съ другой стороны намъ приписываютъ исключительную будто бы заботу объ интересахъ лицъ участвовавшихъ доселѣ въ дворянскихъ собраніяхъ, и утверждаютъ что мы, въ излишней заботливости о сохраненіи существующихъ правъ, забываемъ самое дѣло и приносимъ его въ жертву тѣмъ, какъ полагаютъ, особенно дорогимъ для насъ интересамъ, которые въ глазахъ другихъ не что иное какъ остатки феодализма. О феодализмѣ въ Россіи мы говорить не будемъ; наши читатели не потребуютъ отъ насъ чтобы мы теряли время на подобное бездѣлье. Но что касается до самаго дѣла, то есть до лучшаго устройства земскихъ собраній, мы должны сказать, что если мы отстаивали чьи-либо права, то вовсе не въ интересѣ тѣхъ лицъ, чьи права мы отстаивали, а въ интересѣ общаго земскаго дѣла. Этотъ интересъ требуетъ, чтобы въ земскихъ собраніяхъ было предоставлено нѣсколькимъ лицамъ право непосредственнаго участія, потому что такія лица совсѣмъ иначе чувствуютъ свою связь съ собраніемъ, съ ранней молодости приготовляются къ участію въ немъ, и слѣдятъ за его занятіями безъ перерыва въ продолженіи многихъ лѣтъ. Тотъ же интересъ общаго земскаго дѣла требуетъ, чтобы теперешній цензъ дворянскихъ собраній былъ возвышенъ для непосредственнаго участія въ собраніяхъ земскихъ, дабы въ земскихъ собраніяхъ не было ничего похожаго на шляхетство. Наконецъ этотъ же интересъ требуетъ, чтобы ради соблюденія постепенности всѣ тѣ, которые уже участвовали въ дворянскихъ собраніяхъ сохранили за собой лично это право и въ собраніяхъ земскихъ. Всѣ эти требованія внушаются интересомъ земскаго дѣла, а не интересами лицъ, долженствующихъ управлять дѣлами земства, не ради своей, а ради общей пользы, то-есть ради освобожденія земства отъ писарскаго нашествія.

Кто желаетъ видѣть земскія собранія независимыми отъ бюрократіи и способными къ самостоятельной дѣятельности, тотъ не можетъ не признать законности этихъ требованій и обязанъ по мѣрѣ своихъ силъ отстаивать ихъ. Съ другой же стороны изъ этого самаго явствуетъ, что кому любы мертворожденныя земскія собранія, предназначенныя для повиновенія канцеляріямъ, тому слѣдуетъ вооружиться противъ этихъ требованій и всячески запугивать публику, за неимѣніемъ домашняго пугала прибѣгая пожалуй и къ мекленбургскому феодализму.

№ 233.

Москва, 26-го октября.

Рѣчь императора Французовъ достигла наконецъ и насъ въ Москвѣ, черезъ двое сутокъ послѣ того какъ телеграфъ передалъ ее въ другія столицы Европы. Хотя къ счастію пришли тѣ времена когда отъ нѣсколькихъ словъ сказанныхъ въ Тюльери, зависѣло быть или не быть войнѣ въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя было ожидать рѣчи Наполеона III безъ нетерпѣливаго любопытства. Французская журналистика исчерпала все что можетъ быть сказано во славу Франціи по поводу ея ко-

лоссальной неудачи въ польскомъ вопросѣ. Но злая судьба хотѣла, чтобы все было не въ попадъ. Парижскіе полуофиціяльные журналы впали въ воинственный тонъ именно когда Англія и Австрія собирались признаться въ совершенномъ миролюбіи. Чтобы поправить свои фонды, парижскіе журналы ухватились за нѣсколько словъ брошенныхъ лордомъ Росселемъ въ Блергоури и принялись раздувать тему объ отмѣнѣ вѣнскихъ трактатовъ по отношенію къ Польшѣ. Они ратовали уже не за Польшу, не противъ Россіи, а за идею новой Европы и противъ ненавистныхъ вѣнскихъ трактатовъ. Но только что они успѣли приписать сверхъестественное значеніе предстоящей побѣдѣ Франціи надъ вѣнскими трактатами, какъ оказалось, что лордъ Россель порѣшилъ, что на этотъ разъ вѣнскіе трактаты могутъ быть оставлены въ покоѣ. Конфузъ былъ большой. Надобно было либо проглотить пилюлю уже не позолоченную, либо рѣшиться на колоссальный рискъ войны. Но воевать нѣтъ никакой возможности. Положеніе для французскаго тщеславія было безвыходное, и среди этого-то безвыходнаго положенія Наполеону III пришлось готовить свою тронную рѣчь. Можно ли было не ожидать ея съ любопытствомъ? Какъ вывернется ловкій человѣкъ изъ затрудненій, объ этомъ ломала себѣ голову вся Европа.

Но вывернуться изъ затрудненій еще было мало. Тронная рѣчь императора Французовъ должна непремѣнно произвести сильный эффектъ: таковъ одинъ изъ основныхъ законовъ французской имперіи, и едва ли не самый главный. Спрашивалось какой эффектъ извлечетъ опытный мастеръ изъ польскаго дѣла, вступившаго въ такую неблаговидную для Франціи фазу. Будетъ ли императоръ Наполеонъ говорить отъ полноты самоувѣренности, тономъ угрожающимъ и воинственнымъ, слѣпо полагаясь на наполеоновскую звѣзду и ставя на карту свое положеніе въ Европѣ? Или онъ разыграетъ роль—монарха конституціоннаго, предоставляющаго своему новому парламенту разобрать и рѣшить все дѣло? И то, и другое было бы эффектно, послѣднее можетъ-быть не менѣе эффектно чѣмъ первое. И въ томъ и въ другомъ случаѣ французскія газеты могли бы прославлять великодушіе императора и приходить въ восторгъ отъ того что Франція подаетъ блестящій примѣръ всему міру. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ эффектъ былъ бы купленъ дорого, а не въ этомъ, конечно, состоитъ мастерство на эффекты.

Мы знаемъ теперь, чему будетъ удивляться, чѣмъ будетъ гордиться Франція по поводу кровопролитія, которое она поощряла въ Польшѣ. Объ ея союзницы въ дипломатическомъ походѣ противъ насъ оказались зараженными низкимъ страхомъ войны, который не позволилъ Франціи сдѣлать хоть что-нибудь сообща съ ними для европейскаго мира, при всѣхъ ея усиліяхъ вызвать европейскую войну. Поэтому Франція совершенно отказывается отъ мысли о войнѣ съ Россіей, и изъ рѣчи Наполеона III строго изгнана всякая тѣнь воинственности. Онъ уже не угрожаетъ намъ, а только жалуется на насъ, что мы видѣли устраненіе тамъ, гдѣ были безкорыстные совѣты; онъ освобождаетъ насъ отъ своихъ совѣтовъ, и напротивъ самъ для себя извлекаетъ совѣтъ изъ нашихъ сношеній съ Франціей. Выходитъ такъ, что Россія какъ бы сама присовѣтовала ему тотъ шагъ, который онъ теперь намѣренъ сдѣлать. Большей любезности мы не могли ожидать отъ нашего недавняго ожесточеннаго дипломатическаго противника. Даже о Полякахъ онъ говоритъ съ очевиднымъ вниманіемъ къ нашей чувствительности. Онъ упоминаетъ правда о правахъ польскихъ мятежниковъ, которыя занесены въ лѣтописи исторіи и трактаты, но сколько ему представлялось случаевъ сказать что-нибудь посильнѣе этого, а онъ воздержался, не постоявъ даже за эффектами, которые давались ему сами собой! Итакъ большей любезности нельзя было ожидать намъ отъ главы коалиціи, намъ угрожавшей. Мы можемъ теперь поздравить себя, что эта коалиція окончательно разстроилась. На это уже указывалъ образъ дѣйствій Англіи и Австріи. Рѣчь 5-го ноября ставитъ это внѣ всякаго сомнѣнія. Она возбуждаетъ даже воспоминанія о томъ золотомъ времени, когда Франція и Россія жили душа въ душу, и когда Франція ничѣмъ не успѣла услужить Россіи, а Россія оказала Франціи важныя услуги, за которыя теперь, послѣ неудачнаго дипломатическаго похода, императоръ Наполеонъ отплачиваетъ намъ словами благодарности. Онъ рѣшается *не обинуясь* высказать эту благодарность и вѣроятно надѣется что мы оцѣнимъ его смѣлость и воздадимъ должное человѣку, который не смѣлъ не только на враждебныя дѣла, но и на слова при-

знательности. Словомъ, послѣ недавней форсированной атаки нельзя было обойдтись съ нами очаровательнѣе какъ обошелся императоръ Наполеонъ въ своей тронной рѣчи.

Пользуясь совѣтомъ, извлеченнымъ изъ своихъ сношеній съ Россіей, императоръ Наполеонъ III находитъ однако же возможнымъ не оставлять насъ совсѣмъ въ покоѣ. Когда онъ собиралъ союзниковъ для войны съ нами, онъ руководился собственно только безкорыстнымъ и доброжелательнымъ намѣреніемъ подѣйствовать на насъ всею тяжестію общественнаго мнѣнія Европы; единственною цѣлію его было умиротвореніе Польши. Теперь, подчинялсь нашему совѣту, онъ расширяетъ кругъ своей дѣятельности. Онъ заботится объ умиротвореніи уже не одной Польши, а всей Европы, въ которой такъ много оказалось элементовъ разложенія. Не на однихъ насъ грѣшныхъ хочетъ онъ подѣйствовать всею тяжестью общественнаго мнѣнія Европы, а вмѣстѣ съ нами и на многихъ другихъ. Съ этою цѣлію предлагаются конференціи для пересмотра вѣнскихъ трактатовъ и для замѣны ихъ новыми конвенціями, которыя должны упрочить миръ Европы. Вотъ въ этихъ-то конференціяхъ, которыя должны окончательно порѣшить съ вѣнскими трактатами, заключается тотъ эффектный сюрпризъ, который былъ припасенъ для тронной рѣчи. Что значитъ мелкая неудача вмѣшательства въ польское дѣло, когда оно послужитъ поводомъ къ мирному преобразованію Европы и вмѣстѣ къ возстановленію французской національной чести, считающей пятномъ для себя вѣнскіе трактаты? Тронная рѣчь предсказываетъ, что эти конференціи будутъ новою эрой для Европы и чуть не обѣщаетъ начать съ нихъ новое лѣтосчисленіе. Не малое удобство этого великаго замысла заключается еще въ томъ, что тутъ какъ разъ можетъ опять возродиться словно фениксъ и польскій вопросъ, такъ интересующій наполеоновскую Францію, и притомъ возродиться въ такой обстановкѣ, что намъ не будетъ обидно сдѣлать кой-какія уступочки и принять на себя кой-какія обязательства даже сверхъ того что̀ постановлено вѣнскими трактатами. На этихъ конференціяхъ мы были бы, правда, подсудимыми, — вѣдь созваны онѣ были бы по поводу польскаго дѣла, — но намъ было бы лестно видѣть что мы только главные, а не единственные подсудимые; по временамъ мы мѣняли бы роль подсудимаго на роль судьи и въ эти свѣтлыя для насъ минуты присоединяли бы тяжесть своего мнѣнія къ тяжести общественнаго мнѣнія Европы, оказывающаго давленіе на другія подсудимыя государства. Это могло бы утѣшить насъ, а въ результатѣ Франція, благодѣтельница Польши, получила бы ту важную выгоду, что у насъ въ государствѣ завелось бы государство преданное и послушное ей.

Осуществится ли этотъ планъ? Нельзя сомнѣваться, что императоръ Наполеонъ III не заговорилъ бы въ тронной рѣчи о конгрессоподобныхъ конференціяхъ, еслибы не имѣлъ основанія надѣяться, что онѣ состоятся. Однакоже теперешнія взаимныя отношенія европейскихъ державъ такъ ненадежны, а вопросы подлежащіе рѣшенію будущаго такъ серіозны и сложны, что ошибка очень возможна даже для такого опытнаго и такими громадными средствами располагающаго политика какъ Наполеонъ III. Но еслибы и состоялись эти конференціи, то кромѣ польскаго и развѣ еще шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса онѣ могли бы заняться только формальною отмѣной нѣсколькихъ параграфовъ вѣнскаго заключительнаго акта. Существенныхъ международныхъ вопросовъ онѣ не могли бы коснуться. Къ умиротворенію Европы онѣ послужили бы на столько же, на сколько шесть пунктовъ могли послужить къ умиротворенію Польши.

О дипломатическихъ сношеніяхъ трудно судить прежде ихъ окончанія, но повидимому никакъ нельзя ожидать, чтобы Россія могла въ настоящее время извлечь изъ общеевропейскихъ конференцій хоть какую-нибудь пользу для себя. Россія вышла счастливо изъ дипломатическихъ затрудненій, вызванныхъ польскимъ мятежомъ. Но эти затрудненія были не что иное какъ мистификація. За польское дѣло никто въ Европѣ не могъ сражаться, а потому какъ только былъ серіозно поставленъ вопросъ о войнѣ или мирѣ, всѣ затрудненія мгновенно исчезли. Но въ Европѣ теперь много вопросовъ за которые можно сражаться, и Россіи, конечно, выгоднѣе отсрочивать нежели ускорять рѣшеніе этихъ вопросовъ. Наше положеніе въ Европѣ безспорно поправилось сравнительно съ тѣмъ что̀ было нынѣшнею весной. Но этого еще очень мало чтобъ ожидать какихъ-нибудь выгодъ для Россіи отъ европейскаго конгресса. Мы можемъ существенно выиграть въ междуна-

родныхъ дѣлахъ не дипломатическими сношеніями, какъ бы ловко ведены они ни были, а однимъ изъ двухъ: внутреннимъ преображеніемъ, или счастливою войной.

№ 234.

Москва, 28-го октября.

Телеграфъ извѣщаетъ, что лондонскія газеты, какъ и слѣдовало ожидать, высказались неблагопріятно о планѣ созвать конгрессъ для обсужденія разныхъ европейскихъ вопросовъ. Въ то же время, изъ Парижа приходитъ вѣсть подающая поводъ къ заключенію, что Франція будетъ торопить Европу отвѣтомъ: этого тоже надобно было ожидать, потому что, придумавъ сюрпризъ, естественно извлекать выгоду изъ впечатлѣнія, которое должно быть имъ произведено. Но къ счастію тѣхъ, на кого разчитанъ сюрпризъ, теперь гораздо труднѣе захватить врасплохъ чѣмъ было прежде; теперь уже одинъ телеграфъ стоитъ многаго въ этомъ отношеніи, и если тронная рѣчь императора Наполеона произведетъ на кого-нибудь обаятельное дѣйствіе, то развѣ только на Французовъ. Въ этомъ повидимому и состоитъ главная цѣль тронной рѣчи: она обращена не къ Европѣ, а къ Франціи, и какъ нельзя лучше выполнитъ свое назначеніе, если убѣдитъ Францію, что недавняя неудача французской дипломатіи поставитъ эту державу на недосягаемую высоту величія, могущества и славы.

Однакоже, оставивъ не касающіеся до насъ счеты императора Наполеона съ Франціей, посмотримъ насколько есть вѣроятія, что тюльерійскій сюрпризъ подѣйствуетъ и на Европу.

Конгресса по общеевропейскимъ вопросамъ можетъ желать теперь въ Европѣ только тотъ, кто хочетъ войны. Нѣтъ ни одного важнаго европейскаго вопроса, по которому конгресъ не увеличилъ бы существующихъ затрудненій. Поэтому тѣ державы, которымъ дорогъ миръ, не только не могутъ желать конгресса, но не могутъ и согласиться на конгрессъ. Даже въ томъ случаѣ еслибы коалиція составлявшаяся противъ Россіи, продолжала существовать, и еслибы рѣшеніе ея начать войну съ нами будущею весной было твердо, даже и въ этомъ случаѣ конгрессъ не былъ бы въ видахъ державъ, соединившихся противъ Россіи, продолжала существовать, и еслибы рѣшеніе ея начать войну съ нами будущею весной было твердо, даже и въ этомъ случаѣ конгрессъ не былъ бы въ видахъ державъ, соединившихся противъ Россіи, при желаніи ихъ избѣжать общеевропейскаго пожара. Императоръ Французовъ, оставаясь вѣрнымъ коалиціи, не предложилъ бы тогда конгресса; онъ продолжалъ бы предлагать конференцію подписавшихъ Вѣнскій трактатъ восьми державъ, исключительно по польскому дѣлу. Его союзники согласились бы на созваніе общеевропейскаго конгресса только въ томъ случаѣ, еслибы условились не поднимать на немъ никакого серіознаго вопроса кромѣ польскаго. Это была бы ловушка для Россіи; это были бы возвращающіяся въ костюмѣ конгресса, отвергнутыя Россіей конференціи державъ подписавшихъ Вѣнскіе трактаты. Если же переходъ отъ конференцій по польскому дѣлу къ конференціямъ, имѣющимъ характеръ конгресса по всѣмъ спорнымъ европейскимъ вопросамъ, не есть маскарадъ, то онъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что коалиція уже не существуетъ болѣе, и что надобно прибѣгать къ самымъ отдаленнымъ и невѣрнымъ средствамъ, чтобы увеличить число поводовъ къ войнѣ въ Европѣ. Но въ такомъ случаѣ невозможно, чтобъ эти конгрессоподобныя конференціи состоялись.

Въ дипломатіи многое покрыто тайной. Всѣ видимые признаки ведутъ къ заключенію, что коалиція трехъ державъ окончательно разстроилась. Если такъ, то ни Англія ни Австрія не могутъ пойдти ни на конгрессъ ни на конференціи, равносильныя конгрессу. Если же онѣ пойдутъ на французское предложеніе, значитъ есть еще надежды на возобновленіе коалиціи и на то, что предполагаемыя конференціи будутъ въ сущности не что иное, какъ отвергнутыя Россіей конференціи восьми державъ по польскому вопросу. Политика Франціи, замыслившей созваніе конгресса, должна стало-быть состоять въ томъ, чтобъ Англія и Австрія были убѣждены, что на конференціяхъ будетъ единственно обсуждаться польскій вопросъ, а въ Россіи чтобъ была возбуждена увѣренность, что Франція будетъ стараться всячески перехитрить Англію и Австрію и что конференціи будутъ имѣть значеніе общеевропейскаго конгресса. Для такой увѣренности есть дѣйствительно не мало основаній; не можетъ быть нималѣйшаго сомнѣнія что Франція была бы рада

перехитрить и Англію и Австрію; на нихъ она очень сердита. Но вопервыхъ еще вопросъ удастся ли Франціи то что ей хочется, а вовторыхъ еслибы Франція имѣла самый полный успѣхъ на конгрессѣ, то это было бы невыгодно для Россіи уже по одному тому что Россія не можетъ сходиться съ Франціей въ желаніи мутить Европу. Россіи нуженъ миръ, нужно поддержаніе *statu quo*. Ея интересы въ настоящую минуту гораздо болѣе согласны съ интересами Англіи и Австріи чѣмъ съ интересами Франціи, считающей своимъ призваніемъ поднимать въ Европѣ вопросъ за вопросомъ.

Намъ кажется поэтому совершенно невѣроятнымъ дѣломъ чтобы конференціи похожія на конгрессъ состоялись. Но какъ же объяснить себѣ что императоръ Наполеонъ III завелъ о конференціяхъ громкую рѣчь въ торжественную минуту передъ лицомъ Франціи и Европы? Неужели, онъ не запасся предварительными обѣщаніями хотъ нѣсколькихъ державъ? Неужели можно думать чтобы не заручилась ему та или другая держава еще до произнесенія тронной рѣчи? Надобно полагать, что у императора Наполеона есть какія-нибудь основанія ожидать, что задуманный имъ конгрессъ можетъ состояться, что въ особенности Австрія, которая всегда была противъ конгресса, теперь можетъ быть склонена къ участію въ конференціяхъ для пересмотра Вѣнскихъ трактатовъ. Повидимому онъ всего болѣе разчитывалъ на затруднительность положенія Австріи, которая вслѣдствіе польскаго вопроса дѣйствительно окружена опасностями со всѣхъ сторонъ.

Повинуясь преданію, идущему еще отъ временъ Вѣнскаго конгресса, а также въ качествѣ новичка между конституціонными государствами, Австрія сочла нужнымъ полиберальничать передъ Россіей по польскому вопросу. Къ этому побужденію присоединились не совсѣмъ хорошія отношенія, въ которыхъ она находилась къ Россіи съ 1854 г., надежда затруднить Пруссію, опасенія серіозныхъ замѣшательствъ въ Галиціи, которыми легко могла воспользоваться Венгрія, и болѣе всего опасность отъ Франціи для итальянскихъ владѣній Австріи. Франція разчитывала на всѣ эти затрудненія и опасенія Австріи, и предложила ей свою поддержку и гарантію на случай войны съ Россіей. Франція надѣялась, что Австрія совсѣмъ подчинится ей, но опасеніе войны съ Россіей превозмогло, и Австрія отклонила отъ себя французскія любезности. Чтобы вывернуться изъ затрудненій, она тотчасъ же схватилась за вопросъ о реформѣ Германскаго Союза.

Реформа Германіи сама по себѣ служитъ вовсе не цѣлью, а только средствомъ для Австріи. Ближайшею ея цѣлью, при созваніи франкфуртскаго конгресса государей Германіи, было на всякій случай пріобрѣсти возможно-бо́льшую популярность въ Германіи, парализировать вліяніе Пруссіи и въ случаѣ успѣха, захвативъ въ свое распоряженіе военныя силы Германскаго Союза, оградить себя ими отъ страха какъ Франціи, такъ и Россіи, и выйдти такимъ образомъ изъ того въ сущности жалкаго положенія, въ какое поставлена Австрія съ самаго начала польскаго вопроса. Какъ показала недавняя нюренбергская конференція, попытка Австріи не увѣнчалась успѣхомъ, а между тѣмъ она въ высшей степени раздражила Пруссію, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, уже послѣ третьяго ряда отвѣтовъ князя Горчакова, съ особенною силою заговорили о сближеніи Франціи съ Пруссіей.

Франція для достиженія своихъ цѣлей нисколько не стѣсняется союзами. Австрія возбудила германскій вопросъ, чтобы по возможности выйдти изъ затрудненій, въ которыя можетъ повергнуть ее вопросъ польскій. Франція тотчасъ же воспользовалась этимъ, чтобъ обратить германскій вопросъ противъ Австріи и сблизиться съ Пруссіей. Австрія старается вывернуться изъ объятій Франціи, съ тѣмъ чтобъ она одна какъ знаетъ развѣдывалась съ Россіей по польскому вопросу; Франція тотчасъ же обращается съ своими искушеніями къ Пруссіи. Къ слову упомянемъ здѣсь о планахъ новаго политическаго распредѣленія Европы, недавно выставленныхъ въ *Opinion Nationale*. Повидимому эти планы немного болѣе чѣмъ порожденіе фантазіи редакторовъ этой газеты. Отъ Австріи и Пруссіи ожидается уступка доставшихся имъ частей старой Польши. Кромѣ этой уступки отъ Пруссіи требуются еще ея рейнскія провинціи. За то ей предоставляются всѣ мелкія государства сѣверной Германіи съ присоединеніемъ Ганноверскаго королевства; къ Австріи же должны отойдти Баварія, Виртембергъ и часть Силезіи. Третьею германскою державой долженъ стать Баденъ переименовываемый въ королевство, съ присоединеніемъ къ нему Гес-

сенъ-Дармштадта и земель по лѣвому берегу Майна. Этотъ фантастическій планъ, разчитанный на то, чтобы разомъ уловить и Пруссію, и Австрію, можетъ быть, поволѣ изобрѣтателей, видоизмѣняемъ согласно съ обстоятельствами или въ пользу одной Пруссіи, или въ пользу одной Австріи. Такъ, во время серіозной попытки къ сближенію съ Пруссіей, могла идти рѣчь о томъ, чтобъ она завладѣла большею частью Германіи.

Подобными планами можно пугать то Австрію, то Пруссію, и пожалуй напугать ихъ до того, что онѣ согласятся идти на конференціи. Онѣ обѣ питаютъ къ Франціи чувство паническаго страха, и легко могутъ предпочесть тайнымъ искушеніямъ и запугиваніямъ участіе въ конференціяхъ, которыя будутъ правда возваны для пересмотра Вѣнскаго трактата, но въ которыхъ, вмѣстѣ съ представителемъ Франціи, будетъ засѣдать и представитель Англіи, то-есть державы, въ которой и Пруссія и Австрія видятъ свою обязательную союзницу. Пруссія, несмотря на всѣ нападки, которымъ она подвергается и въ англійскомъ парламентѣ и въ англійскихъ газетахъ, можетъ вполнѣ полагаться на свои династическія связи съ Англіей, которыя будутъ уважены, по крайней мѣрѣ при жизни королевы Викторіи, всякимъ англійскимъ министерствомъ. Что же касается до Австріи, то для Англіи нѣтъ болѣе важнаго интереса на материкѣ Европы какъ поддержка этой державы. Зная это, и Пруссія и Австрія могутъ пойдти на конференціи, чтобъ избавиться отъ давленія французской политики. Какъ ни заинтересована Пруссія въ добрыхъ отношеніяхъ къ Россіи, но повидимому не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшній глава прусскаго министерства, г. фонъ-Бисмаркъ, въ виду внутреннихъ затрудненій и изъ ненависти къ Австріи, не прочь серіозно потолковать и о сближеніи съ Франціей. Поэтому со стороны германскихъ державъ Франція имѣетъ шансы успѣха по вопросу о конференціяхъ: серіознаго вреда для себя отъ конференцій ни Пруссія ни Австрія ожидать не могутъ. Они очень хорошо знаютъ, что ни Россія не можетъ допустить ни одного серіознаго шага къ возстановленію старой Польши, а Англія сверхъ того не можетъ предоставить Франціи лѣвый берегъ Рейна. Австрія понимаетъ далѣе, что Англія не допустила бы и чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи въ ущербъ Австріи, такъ какъ могущество послѣдней необходимо для англійской политики на юго-востокѣ Европы. Наконецъ подобныя территоріальныя перемѣны могутъ быть скорѣе производимы сепаратными трактатами, нежели актомъ общеевропейскихъ конференцій.

Вотъ эта-то увѣренность, что серіозная опасность ни въ какомъ случаѣ не угрожаетъ ни Пруссіи ни Австріи, если онѣ пойдутъ на конференціи, можетъ побудить эти державы къ уступкѣ французскимъ настояніямъ. Франція не преминетъ, конечно, подѣйствовать на нихъ всею тяжестью своего давленія; она не постоитъ ни за какими завѣреніями и пуститъ въ ходъ всѣ возможныя хитрости. Она будетъ съ одной стороны грозить имъ своимъ гнѣвомъ и разными своими планами, которые могутъ осуществиться и безъ конгресса; съ другой стороны она будетъ имъ обѣщать, что конференціи въ сущности ограничатся польскимъ вопросомъ, а въ удостовѣреніе укажетъ имъ на Англію, которая никакъ не допуститъ обсужденія другихъ европейскихъ вопросовъ. Не даромъ и въ тронной рѣчи конгрессъ названъ не конгрессомъ, а конференціями.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если конгрессъ по всѣмъ европейскимъ вопросамъ—дѣло теперь не сбыточное, то конференціи созванныя съ тайною цѣлію обсуждать лишь польскій вопросъ, съ устраненіемъ всего другаго, очень могутъ состояться. Поэтому нельзя отрицать, что предложеніе императора Наполеона Россіи грозитъ серіозною опасностью.

№ 235.

Москва, 29-го октября.

Ниже, подъ рубрикой: *Франція*, мы помѣщаемъ вполнѣ тронную рѣчь императора Наполеона. Даже и въ той части этого замѣчательнаго произведенія политическаго краснорѣчія, которая сообщена была намъ прежде, телеграфъ скрылъ отъ насъ одни выраженія и значительно ослабилъ другія. Общее впечатлѣніе, впрочемъ, остается то же: царственный ораторъ Франціи имѣлъ въ виду произвести поразительный эффектъ на своихъ подданныхъ, и подавить заранѣе всѣ возгласы, какъ про-

тивъ системы врутренняго управленія, такъ особенно противъ внѣшней политики, которая въ польскомъ вопросѣ увѣнчалась такимъ чувствительнымъ дипломатическимъ пораженіемъ.

Присутствіе многихъ знаменитостей прежняго времени въ новомъ законодательномъ сословіи, несмотря на все противодѣйствіе ихъ избранію со стороны администраціи, не могло быть обойдено молчаніемъ въ тронной рѣчи. Въ свое время императоръ былъ, говорятъ, сильно смущенъ этими выборами. Теперь онъ только радуется общему ихъ результату, и тѣмъ не менѣе дважды напоминаетъ этимъ знаменитостямъ, что и они присягали ему на вѣрность, что и они клялись поддерживать императорскую конституцію. Чтобы задобрить этихъ старыхъ приверженцевъ парламентской системы правленія, императоръ Наполеонъ отдаетъ должную справедливость одной изъ существенныхъ ея принадлежностей, именно ежегодно возвращающемуся собранію народныхъ представителей. Онъ знаетъ ему настоящую цѣну: оно сближаетъ между собою людей преданныхъ общему благу, и дозволяетъ странѣ узнать полную истину. Искренность отношеній между народнымъ представительствомъ и государемъ устраняетъ безпокойства и придаетъ силу рѣшеніямъ послѣдняго.

Въ числѣ мѣръ, предположенныхъ для развитія внутренняго благосостоянія страны, императоръ особенно указалъ на проектъ, измѣняющій прежнія постановленія о стачкахъ между рабочими, постановленія, противъ которыхъ, въ концѣ прошлаго года, такъ сильно высказывалась либеральная часть французскаго общества; и на законъ, расширяющій кругъ занятій генеральныхъ (департаментскихъ) и общинныхъ совѣтовъ и противодѣйствующій излишествамъ административной централизаціи. Въ предстоящую сессію, такимъ образомъ, не будетъ недостатка въ либеральныхъ проектахъ.

Но вся сила тронной рѣчи заключается въ той ея части, которая посвящена внѣшней политикѣ. Императору Наполеону приписывались, по поводу отдаленныхъ экспедицій, и особенно экспедиціи мексиканской, самые обширные и едва ли исполнимые замыслы: обратить Францію въ первокласную морскую державу и сдѣлать ее, если не полною властительницею морей, то по крайней мѣрѣ достойною соперницей Англіи. Императоръ скромно и добродушно отказывается отъ такихъ заранѣе будто бы задуманныхъ плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ *вѣрить* въ эти отдаленныя заморскія экспедиціи: „начатыя для отомщенія за честь Франціи, говоритъ онъ, онѣ окончатся торжествомъ для нашихъ интересовъ“, и такъ какъ для Франціи нѣтъ интереса выше военной славы, то онъ именно указываетъ, что благодаря этимъ экспедиціямъ Франція стяжала себѣ славу на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ міра: въ Пекинѣ и въ Мексико.

Но какъ бы ни была велика эта слава, пріобрѣтенная на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ міра, императоръ Наполеонъ не довольствуется ею: ему нужно, для упроченія его династіи, болѣе близкое и болѣе осязательное торжество, и кто бы могъ подумать?—по поводу такъ неудачно возбужденнаго имъ польскаго вопроса, онъ уже торжествуетъ, въ своей тронной рѣчи, надъ ненавистными Франціи трактатами 1815 года! Какъ нѣкогда Наполеонъ I провозглашалъ на всю Европу изъ Шенбрунскаго дворца: „Династія неаполитанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать“, такъ теперь его племянникъ, тѣми же самыми словами провозглашаетъ съ высоты своего престола: „Трактаты 1815 г. перестали существовать!“ И приведенная въ восторгъ аудиторія вторитъ его словамъ продолжительными рукоплесканіями, но за то чуткая парижская биржа тотчасъ же отвѣчаетъ на нихъ паденіемъ трехпроцентной ренты на 50 сантимовъ противъ курса въ началѣ дня и на 20 сантимовъ противъ курса наканунѣ.

„Трактаты 1815 г. перестали существовать!“ Царственный ораторъ высказалъ въ этихъ словахъ не простой совершившійся фактъ, законное признаніе котораго могло бы принадлежать только всей Европѣ; онъ заявилъ ими свои надежды и стремленія, и сослался прежде всего на силу вещей, стремящуюся сокрушить эти трактаты повсюду. Приводя факты въ подтвержденіе своихъ надеждъ и желаній, онъ сопоставилъ, между прочимъ, великодушную отмѣну трактатовъ 1815 г. со стороны Англіи, которая добровольно уступаетъ (?) Іоническіе острова, съ образомъ дѣйствій Россіи, которая, по словамъ оратора, „ногами попираетъ эти трактаты въ Царствѣ Польскомъ“, гдѣ какъ сказалъ онъ прежде въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, съ обѣ-

ихъ сторонъ совершаются излишества, о которыхъ слѣдуетъ равно скорбѣть во имя человѣчества.

Впрочемъ, объявляя, что трактаты 1815 г. перестали существовать, императоръ Наполеонъ не хочетъ взять на себя одного весь трудъ ихъ упраздненія, даже и въ примѣненіи къ одной Польшѣ. Въ этомъ отношеніи онъ высказываетъ ту же теорію, съ которою уже познакомила насъ газета *La France*. Эта теорія заключается въ томъ, что Франція можетъ дѣйствовать одна, только когда или нанесено оскорбленіе ея чести, или угрожаетъ опасность ея границамъ. А тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общихъ интересахъ Европы, она напередъ вступаетъ въ соглашеніе съ другими державами. Такъ на этотъ разъ, право провозгласить трактаты 1815 г. не существующими Франція присвоила исключительно себѣ одной; но къ созданію за тѣмъ новой политической системы въ Европѣ она благосклонно приглашаетъ и всѣ другія державы. Ко всѣмъ имъ она обращаетъ съ этою цѣлью рѣчь въ высшей степени вкрадчивую, и рисуетъ имъ привлекательную картину общаго благоденствія, которое наступитъ за отмѣною Вѣнскихъ трактатовъ. Согласитесь только замѣнить Вѣнскіе трактаты такимъ порядкомъ вещей, который былъ бы вполнѣ угоденъ Франціи, и между европейскими державами исчезнутъ предразсудки и злопамятство, теперь ихъ раздѣляющіе, исчезнетъ и завистливое соперничество великихъ державъ между собою, которое еще такъ недавно помѣшало успѣхамъ цивилизаціи, задуманнымъ относительно Польши и Россіи, окажутся ненужными всѣ эти чрезмѣрныя вооруженія и вся эта суетная выставка силъ, на которыя идутъ драгоцѣнѣйшія средства народовъ; внѣшній міръ упрочится, и разрушительный духъ крайнихъ партій потеряетъ всю силу, которую искусственно придаетъ ему теперь противодѣйствіе законнымъ желаніямъ народовъ; словомъ, на землѣ водворится полное царство благодати: вотъ смыслъ той тирады въ тронной рѣчи, которая, между прочимъ, также не была намъ сообщена по телеграфу.

Для водворенія такого прочнаго благополучія на землѣ императоръ Наполеонъ приглашаетъ европейскія державы на конгрессъ. Цѣль этого конгресса двоякая: признаніе того, что уже совершилось и довершеніе, съ общаго согласія, того, чего требуетъ спокойствіе вселенной. (Уже не требуетъ ли оно, съ одной стороны, возстановленія старой Польши, а съ другой — присоединенія всего лѣваго берега Рейна къ Франціи?) Власть этого конгресса должна быть такова, чтобы передъ его верховными третейскими приговорами исчезли и всякое самолюбіе, и всякое сопротивленіе. Мѣстомъ для конгресса, въ которомъ должны принять участіе лично сами государи, назначенъ не какой-либо второстепенный городъ, какъ бывало прежде, а съ изумительной безцеремонностью, ни болѣе, ни менѣе какъ Парижъ, озаряемый блескомъ величія новаго представителя фамиліи Бонапартовъ. Между предметами, которыми долженъ заняться конгрессъ, въ тронной рѣчи Наполеона указаны очень неопредѣленно важные интересы и Сѣвера и Юга, требующіе по его словамъ, рѣшенія. Какіе же это интересы?

Но Наполеонъ III не просто приглашаетъ на конгрессъ, а и указываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что отказъ какой-либо державы участвовать на этомъ конгрессѣ заставитъ заподозрить ее въ какихъ-нибудь тайныхъ замыслахъ, которые боятся дневнаго свѣта. Онъ почти прямо говоритъ: „Идите на конгрессъ, и тогда всѣ дѣла могутъ быть порѣшены мирнымъ путемъ; иначе же, рано или поздно, но неизбѣжно возникнетъ война вслѣдствіе упорнаго желанія поддержать рушащееся прошедшее.“ Выборъ, такимъ образомъ, предоставляется только между конгрессомъ долженствующимъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, или войною, которая рано или поздно, неминуемо должна возникнуть.

Намъ неизвѣстно въ точности, происходили ли уже какіе-либо переговоры объ этомъ конгрессѣ между тремя державами, и къ какимъ привели они результатамъ. Судя по нѣкоторымъ прежнимъ отзывамъ двухъ вліятельныхъ органовъ журналистики: *Times* въ Англіи и *Ostdeutsche Post* въ Австріи, мысль о конгрессѣ и объ отмѣнѣ трактатовъ 1815 г. не является сюрпризомъ для обѣихъ этихъ державъ, и онѣ какъ бы приготовлялись усвоить ее себѣ. Если это дѣйствительно такъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь этотъ конгрессъ затѣянъ исключительно противъ Россіи и, можетъ-быть, еще Пруссіи. Не на одну парижскую биржу тронная рѣчь произвела неблагопріятное впечатлѣніе: король Прусскій въ своей трон-

ной рѣчи предчувствуетъ также приближеніе еще болѣе смутной эпохи чѣмъ нынѣшняя, и очень знаменательно, что во Франкфуртъ, къ германскому сейму, препровождено одно изъ первыхъ приглашеній на парижскій конгрессъ. Бѣдный германскій сеймъ! Какъ-то онъ выпутается изъ такого затруднительнаго положенія?

Но что бы ни принесли намъ грядущія событія, миръ или войну, Россіи нечего страшиться ни мирныхъ козней своихъ недруговъ, ни еще менѣе ихъ воинственныхъ ударовъ, до тѣхъ поръ, пока бодрствуетъ народный духъ ея, пока не ослабѣли ея народныя силы, пока она не утратила вѣры въ свою великую будущность и въ тотъ путь, которымъ она идетъ къ своему обновленію.

№ 236.

Москва, 30-го октября.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже англійскую депешу, не требующую ни по тону, ни по содержанію своему, никакого отвѣта отъ нашего правительства.

Нельзя не согласиться въ томъ что тонъ иностранныхъ державъ относительно Россіи значительно измѣнился. Пусть сличатъ эту послѣднюю депешу лорда Росселя съ прежними: какая разница! Что же виною этой важной перемѣны въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ? Къ намъ обращались съ наставленіями, предписаніями, угрозами; насъ трактовали какъ державу лишенную всякой силы, чести и достоинства; насъ дѣлали предметомъ очень грубой мистификаціи. Ничего подобнаго нѣтъ и тѣни въ этой послѣдней депешѣ, которою заключается продолжительная дипломатическая переписка Россіи съ тремя европейскими дворами; языкъ, которымъ теперь говорятъ съ Россіей, не оскорбляетъ ея достоинства и соотвѣтствуетъ ея значенію. Что же, спросимъ мы снова,—что виною этой перемѣны? Слабодушная ли уступчивость, или энергическая рѣшимость взглянуть прямо въ глаза страшной коалиціи, которая противъ насъ составилась, и грубому обману, которымъ хотѣли озадачить насъ?

Событія нынѣшняго года останутся навсегда назидательнымъ урокомъ въ исторіи: только энергіей, только рѣшимостію поддерживать во что бы то ни стало свои права и интересы, а отнюдь не уступчивостію,—великая держава можетъ побѣждать опасности и выходить изъ затрудненій. И впредь, чѣмъ менѣе будемъ мы соображаться съ чужими настояніями и мнѣніями, въ какой бы формѣ они ни заявлялись, чѣмъ неуклоннѣе и тверже будемъ мы имѣть въ виду наши собственныя права и интересы, чѣмъ рѣшительнѣе будемъ мы руководствоваться нашими собственными видами, тѣмъ вѣрнѣе обезпечимъ мы и миръ, и уваженіе къ намъ Европы. Намъ нечего заботиться о томъ, чтобы снискивать благоволеніе той или другой державы; намъ нужно заботиться только о томъ, чтобы во всемъ дѣйствовать согласно съ достоинствомъ и интересами нашей страны.

Сегодняшнія телеграммы весьма интересны. Лордъ Пальмерстонъ за обѣдомъ у лорда мера снова подтвердилъ намѣреніе Англіи оставаться нейтральною. А между тѣмъ императоръ Наполеонъ неутомимо хлопочетъ о конгрессѣ и разсылаетъ приглашенія ко всѣмъ державамъ, большимъ и малымъ, принять въ немъ участіе. Отъ г. Друэна де-Люисъ наше правительство не получило депеши въ родѣ той, какая получена теперь отъ Лондонскаго кабинета; за то по всей Европѣ летятъ изъ Парижа приглашенія на конгрессъ, которыя служатъ какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ князю Горчакову. Эти торопливыя приглашенія на какой-то импровизованный конгрессъ государей, долженствующій быть въ Парижѣ,—въ Парижѣ, Богъ знаетъ на какомъ основаніи,—очень сходствуютъ съ тою мистификаціей, которою ознаменовался первый актъ этой дипломатической комедіи. Какъ тогда неслась на насъ цѣлая туча депешъ отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, приглашенныхъ къ участію въ дипломатической компаніи, такъ и теперь цѣлою тучею приглашеній приглашается въ Парижъ, будто къ Додонскому оракулу, вся Европа, для рѣшенія своихъ судебъ. Изъ нынѣшнихъ телеграммъ мы видимъ, что уже и королева Викторія и Швейцарскій Союзъ получили по приглашенію.

Однако, что же? Почему бы и не принять конгресса? Почему бы не участвовать намъ въ европейскихъ конференціяхъ, если не въ Парижѣ—куда еще не довело насъ, кажется, теченіе событій,—то хоть, напримѣръ, въ Лайбахѣ? Положеніе Европы, говорятъ намъ, требуетъ существенныхъ

измѣненій, и намъ остается только воздать хвалу успѣхамъ цивилизаціи, дозволяющимъ произвести въ положеніи Европы существенныя измѣненія безъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ, которыми всегда ознаменовывались подобныя перемѣны; намъ остается только порадоваться, что для великихъ результатовъ достаточно прибѣгнуть къ благодушнымъ приглашеніямъ на мирныя конференціи, и что императору Наполеону III выпалъ на долю прекрасный жребій осуществить, наконецъ, въ величественныхъ размѣрахъ, мечтанія общества извѣстнаго подъ названіемъ *друзей мира*.

Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не отозваться намъ на великодушный призывъ, имѣющій цѣлію привести Европу въ лучшій порядокъ и открыть для нея новую эру весьма легкимъ и дешевымъ способомъ? Безъ всякаго сомнѣнія, первымъ, главнымъ и существеннымъ вопросомъ на этихъ совѣщаніяхъ долженъ быть восточный вопросъ, который такъ долго откладывался, и такъ долго мучилъ Европу. Если положеніе Европы должно быть существенно измѣнено, то измѣненіе должно начаться здѣсь. Россія можетъ дойдти до пересмотра Вѣнскаго трактата только пересмотромъ трактата Парижскаго: другаго пути нѣтъ. Прежде чѣмъ на конференціяхъ можетъ быть поднятъ какой-либо другой европейскій вопросъ, необходимо рѣшить прочнымъ и удовлетворительнымъ образомъ вопросъ о состояніи здоровья *больнаго человѣка* на Востокѣ, о христіанскихъ племенахъ въ Турціи, о Черномъ морѣ, причемъ грѣхъ было бы забыть о Константинополѣ. Затѣмъ, когда будутъ удовлетворительно разрѣшены эти коренные вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ для Европы никакъ не можетъ открыться новая эра, возвѣщаемая ей заботливостію императора Наполеона III, можно было бы приступить и къ другимъ европейскимъ вопросамъ. Почему не подвергнуть обсужденію и вопросъ о возстановленіи Польши въ ея естественныхъ предѣлахъ, согласно модному теперь принципу народностей? За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Царства Польскаго, которыя, по требованію этого принципа, должны быть присоединены къ Россіи, почему остальныя его части не могли бы составить одно цѣлое съ Краковскою областію, которую недавно проглотила Австрія, съ западною частію Галиціи, съ Силезіей, Познанью и другими областями, вошедшими въ составъ германскихъ государствъ, но которыя искони заселены польскимъ народомъ? Изъ этихъ частей, собранныхъ вмѣстѣ, могло бы составиться довольно значительное государство. Если уже необходимо передѣлывать карту Европы, согласно съ принципомъ народностей, то почему не заняться возстановленіемъ славянскихъ народностей, погибшихъ подъ напоромъ германизма?

№ 237.

Москва, 31-го октября.

Читатели наши безъ сомнѣнія обратили вниманіе на слухъ, упомянутый нѣсколько дней тому назадъ въ нашей газетѣ, о существующемъ будто бы предположеніи открыть въ Вильнѣ университетъ. Нечего объяснять какую важность можетъ имѣть при настоящихъ обстоятельствахъ университетъ въ одномъ изъ главныхъ центровъ непріязненнаго Россіи движенія. Примемъ же этотъ слухъ какъ онъ есть, поставимъ его передъ собою и обсудимъ его со всѣхъ сторонъ.

Къ мысли объ основаніи университета, даже безъ всякой связи съ обстоятельствами и мѣстностью, нельзя отнестись слегка и необдуманно. Университетъ—это наука, а наука есть тотъ якорь, который вѣрнѣе и прочнѣе всего можетъ удержать корабль нашъ среди верховаго волненія и различныхъ подводныхъ теченій. Науки и знанія болѣе всего не достаетъ намъ; будь у насъ серіозная наука и прочное знаніе, литература наша не представляла бы жалкихъ примѣровъ верхоглядства и легкомысленнаго рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Всѣ эти фантастическія перестройки общественнаго быта, это увлеченіе звонкими словами, этотъ матеріализмъ, и нигилизмъ не могли бы имѣть мѣста между нами, еслибы серіозная наука пріучила нашъ умъ глубже всматриваться въ предметъ, сосредоточивать на немъ мысли и еслибъ арсеналъ фактовъ, съ которыми слѣдуетъ справляться, былъ у насъ обширнѣе.

Вотъ наша практическая потребность въ наукѣ и знаніи, а стало-быть и въ университетахъ; не взирая однакожъ на то, мы не могли бы видѣть осуществленіе слуха объ университетѣ въ Вильнѣ иначе какъ съ величайшею недовѣрчивостію и опасеніемъ.

Что могло руководить составителями этого предположенія, если оно дѣйствительно существуетъ? Желаніе доставить обширному краю средства къ высшему образованію? Желаніе избавить прочіе русскіе университеты отъ польской заразы? Желаніе, наконецъ, поразить эту заразу въ ея корнѣ, побороть ее силою науки, убѣжденія и разума? Превосходныя мысли! Однако посмотримъ, что̀ можетъ выйдти на дѣлѣ.

Вообразимъ себѣ, что предполагаемый университетъ уже открытъ. Вотъ собралось нѣсколько сотъ молодыхъ людей; аудиторіи полны; Европа рукоплещетъ „либеральнымъ стремленіямъ русскаго правительства.“ Кто однакожъ эти молодые люди, наполняющіе аудиторіи новаго университета? Поляки, конечно, Поляки которые стеклись изъ Жмуди, Бѣлоруссіи, изъ Украйны, изъ Царства Польскаго. Петербургскій, Московскій, Кіевскій университеты очистились отъ польскаго элемента; онъ со всѣхъ сторонъ сдвинулся и скучился въ Вильнѣ,—въ Вильнѣ, гдѣ еще живы преданія іезуитской академіи, гдѣ свѣжа память Снядецкихъ и князя Чарторыйскаго. Польская молодежь торжествуетъ; отцы и матери этихъ юношей, ихъ духовники говорятъ: „мы имѣемъ свой университетъ!“ Но университетъ этотъ, по газетнымъ извѣстіямъ, долженъ быть *русскимъ* университетомъ. Что̀ такое русскій университетъ? Вѣроятно, это значитъ не иное что какъ то что всѣ каѳедры будутъ въ немъ заняты чисто-русскими профессорами по плоти и духу. Положимъ что такъ будетъ,—но всегда ли такъ будетъ? За усвоенною въ настоящую минуту политикой не наступитъ ли *политика примиренія* Это очень позволительно предполагать... Но сдѣлаемъ уступку, и не будемъ забѣгать впередъ. Итакъ, аудиторіи полны; польская молодежь ожидаетъ лекцій, *русскихъ* лекцій... Съ какимъ чувствомъ она ихъ ожидаетъ, желали бы мы знать. Всѣ эти юноши, конечно, учились чему-нибудь дома или въ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ,—чему и какъ они учились, мы знаемъ. По предмету русской исторіи, напримѣръ, ихъ понятія крѣпко сложились; они *вѣруютъ* что учебники Устрялова, Соловьева и Иловайскаго не слѣдуетъ читать, потому что въ этихъ книгахъ все ложь, одна ложь начиная съ заглавія: ни исторіи Россіи, ни самой Россіи нѣтъ, а есть Московія, страна обитаемая незаконными выродками Чухонъ и Татаръ: такъ написалъ профессоръ Духинскій, болѣе ученый чѣмъ Лелевель читавшій лекціи въ Парижѣ, переведенныя на французскій языкъ, и еще недавно совершившій обращеніе какого-то французскаго публициста, который, съ серіозностію достойною Мольера, объявилъ въ *Revue des deux mondes*, что сочиненіе Духинскаго удовлетворило и убѣдило его...

Такъ вотъ съ какою аудиторіей придется имѣть дѣло русскому профессору. Онъ станетъ указывать на источники, читать цѣлыя страницы изъ Нестора,—слушатели будутъ затыкать уши; онъ будетъ ссылаться на сходство языка, на единство вѣры между Русью западною и восточною, на взаимное ихъ сочувствіе, доказанное тысячами случаевъ засвидѣтельствованныхъ несомнѣннымъ образомъ,—силѣ ученыхъ аргументовъ они будутъ противопоставлять силу вѣры, а чтобы вѣра отступила передъ наукой, надо чтобъ эта послѣдняя была необыкновенно сильна. Спрашиваемъ, много ли у насъ такихъ неотразимыхъ проповѣдниковъ науки?.. Мы указали на каѳедру русской исторіи, а извѣстно ли составителямъ проекта о виленскомъ университетѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Казани въ настоящее время нѣтъ профессоровъ русской исторіи, что въ послѣднихъ двухъ университетахъ ихъ нѣтъ уже по нѣскольку лѣтъ?

Мы назвали одну только каѳедру, а сколько ихъ нужно хотя бы для двухъ на первое время факультетовъ; гдѣ же взять весь личный потребный для этого составъ? Не изъ числа ли тѣхъ господъ, которые теперь приготовляются въ профессора? Но мы ихъ еще не знаемъ и очень опасаемся, чтобъ иные изъ нихъ не принесли и въ наши старые университеты верхоглядства вмѣсто науки. Или изъ другихъ нашихъ университетовъ? Но они и безъ того болѣе чѣмъ не богаты профессорами: мы это знаемъ не по слухамъ, а по отчетамъ самихъ университетовъ. Обирать бѣдное существующее (хоть и съ грѣхомъ пополамъ), раскрывать полкрыши у дома, чтобы приготовить ее для другаго проектируемаго, обрѣзывать полы у кафтана чтобы надставить рукава,—это едва ли дѣло благоразумной политики. И, повторяемъ, преподавателями въ университетѣ, предназначаемомъ для обращенія въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлыхъ классовъ, предубѣжденныхъ и непріязненныхъ такому обраще-

нію, должны быть люди не дюжинные. Нужна страшная, не многимъ данная сила чтобы бороться съ предвзятыми понятіями, съ инстинктивнымъ недовѣріемъ, съ врожденною антипатіей. Большая сила нужна даже для того только чтобъ самому стоять противъ напора цѣлой массы, противъ льстивыхъ обмановъ, противъ оскорбительныхъ подозрѣній, противъ ядовитыхъ намековъ, противъ дружно напирающей, отлично-организованной лжи, клеветъ, подкоповъ, въ отношеніи которыхъ польская наука и польская жизнь не имѣютъ себѣ равныхъ!

Мы не отрицаемъ безусловно пользы университета въ сѣверо-западномъ краѣ; мы видимъ что Кіевскій университетъ соотвѣтствуетъ той мысли, которой онъ обязанъ своимъ основаніемъ; мы полагаемъ, что и университетъ въ Вильнѣ, хотя и безъ сосѣдства съ духовною академіей и при обстановкѣ вообще менѣе благопріятной, принесетъ свою важную пользу, но думаемъ, что онъ долженъ явиться какъ послѣдствіе многихъ другихъ предварительныхъ мѣръ и между прочимъ широкой колонизаціи русскаго землевладѣльческаго сословія. Когда эта колонизація совершится когда мѣстное крестьянское сословіе оправится и станетъ на ноги, когда молодое поколѣніе зажиточнаго крестьянства пошлетъ отъ себя хоть нѣкоторый контингентъ въ среднія учебныя заведенія и когда заведенія эти дадутъ своимъ воспитанникамъ основательное, дѣльное образованіе, — тогда, и только тогда будетъ время открывать особый университетъ для сѣверо-западнаго края. Теперь должно заботиться о ближайшемъ, о мѣрахъ чисто политическихъ; если же мы хотимъ сдѣлать что-нибудь для русскаго просвѣщенія въ западномъ краѣ, то намъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на заведеніяхъ уже существующихъ—свѣтскихъ и духовныхъ, и преимущественно духовныхъ. Взявшись за дѣло съ любовью, вліятельныя лица могли бы принести краю много пользы, если бы поставили эти заведенія на хорошую ногу. Но для этого нужны не законы и даже не казенныя деньги, а личная ревность.

№ 238.

Москва, 7-го ноября.

По напечатаннымъ нами сообщеніямъ нашего гельсингфорсскаго корреспондента читатели могутъ уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о характерѣ финляндскаго сейма. Но то что ихъ, конечно, наиболѣе интересуетъ,—отношеніе, въ которое намѣрено стать къ имперіи большинство этого сейма, еще далеко не опредѣлилось, и если эта неопредѣленность останется долго неустраненною, то изъ нея неминуемо произойдутъ послѣдствія которыхъ, конечно, никто не можетъ желать ни въ Финляндіи, ни въ Россіи. Неопредѣленность въ самыхъ основаніяхъ какого бы то ни было политическаго отношенія всегда вызываетъ въ заинтересованныхъ желаніе воспользоваться этою неопредѣленностію. На это пенять нечего, потому что это въ порядкѣ вещей: политическая сила, какъ всякая сила, стремится распространять свое дѣйствіе и не можетъ не распространять его до тѣхъ поръ пока не встрѣтитъ препятствія. Когда отношенія ясны, то препятствіе бываетъ на виду; и если начинается борьба между силой преодолѣвающею препятствіе и препятствіемъ сопротивляющимся ей; то борьба бываетъ вызвана избыткомъ силы и слабостью сопротивленія. Совсѣмъ иначе бываетъ при неопредѣленности отношеній: тутъ препятствіе, такъ сказать, замаскировано; оно какъ-бы въ засадѣ; сопротивленіе, которое оно имѣетъ оказать въ послѣдствіи, вовсе не ожидается. Предполагается, что предстоитъ обширное свободное поле для дѣйствія, а потомъ вдругъ окажется, что вся эта длинная перспектива была оптическимъ обманомъ. Скрытыя препятствія выступаютъ разомъ и невзначай передъ силой стремящеюся впередъ и не ожидающею столкновенія. Когда падаетъ завѣса и открывается настоящее положеніе дѣлъ, то разбѣгъ иногда бываетъ уже такъ силенъ, что нѣтъ возможности остановиться во время. Вотъ почему не придирчивость или зависть, а миролюбіе и доброжелательство побуждаютъ иногда устранять со всею рѣзкостію даже слабыя и повидимому безвредныя сѣмена такихъ притязаній, которыя ни въ какомъ случаѣ осуществлены быть не могутъ, и вотъ почему мы сочли нужнымъ высказаться откровенно и даже рѣзко о тѣхъ сепаратистическихъ стремленіяхъ, которыя проявились на финляндскомъ сеймѣ съ самаго перваго дня его открытія.

Отношенія Финляндіи къ Швеціи были ясны и опредѣленны. Съ тѣхъ поръ какъ всѣ права шведскаго короля перешли на

всероссійскаго императора, Финляндія должна была стать въ тѣ же самыя отношенія къ Россіи, въ какихъ прежде находилась къ Швеціи. Россія отняла силой у шведскаго короля права его на Финляндію: вслѣдствіе того Финляндія отложилась отъ Швеціи и присоединилась къ Россійской имперіи. Поэтому, хотя императоръ всероссійскій и именуется по отношенію къ Финляндіи великимъ княземъ ея, но было бы совершенно неосновательно предполагать, что права шведскаго короля принадлежатъ всероссійскому императору лишь какъ великому князю Финляндіи. Финляндцамъ очень хорошо извѣстно что ихъ страна не была отдѣльнымъ государствомъ, когда присоединилась къ Россіи, и вслѣдствіе присоединенія она не могла сдѣлаться отдѣльнымъ государствомъ. Права шведскаго короля принадлежатъ всероссійскому императору, какъ всероссійскому императору, а не какъ великому князю Финляндіи. Это, говоря языкомъ одного изъ ораторовъ, стяжавшихъ лавры въ Гельсингфорсѣ,—права Россійской державы, и отношеніе финляндскаго сейма къ этимъ правамъ совсѣмъ иного свойства чѣмъ какое было бы еслибы Финляндія составляла отдѣльное государство и имѣла во главѣ своей особеннаго государя. Такой государь, уступая сейму разныя права, долженъ былъ бы убѣдиться лишь въ пользѣ подобныхъ уступокъ для отечества, то-есть для Финляндіи, между тѣмъ какъ теперь Финляндія есть не отечество, а только часть отечества въ глазахъ своего монарха, всероссійскаго императора, и не имѣетъ никакого основанія ожидать чтобы ея сейму были предоставлены права въ ущербъ Россіи.

Всякій Русскій расположенъ сочувствовать финляндскому сейму, по скольку этотъ сеймъ одушевленъ желаніемъ пользы для своего края; если для преуспѣянія края нужны какія-либо льготы, то Россія будетъ радоваться пріобрѣтенію ихъ Финляндцами. Но съ вопросомъ о преуспѣяніи края могутъ соединяться разныя притязанія международнаго свойства, отчасти не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительными интересами края, отчасти имѣющія въ виду цѣли, хотя и выгодныя для края, но несправедливыя и неосуществимыя. Такого рода цѣли, усвоенныя сеймомъ, могутъ причинить краю больше вреда нежели принести пользы. Сюда относятся напримѣръ мечты о нейтралитетѣ Финляндіи; сюда относится также желаніе, чтобы тарифъ былъ опредѣляемъ финляндскимъ сеймомъ. Взгляды на дѣйствительное политическое положеніе Финляндіи должны быть чрезвычайно затемнены, если могъ не только возникнуть, но и быть принятъ на сеймѣ съ сочувствіемъ вопросъ о передачѣ законодательства о тарифѣ въ вѣдѣніе частнаго финляндскаго сейма. Неужели практическіе политики Финляндіи серіозно думаютъ, что таможенная регалія въ Финляндіи принадлежитъ не всероссійскому императору, а финляндскому великому князю? Неужели они не видятъ что уступить эту регалію финляндскому сейму значитъ поставить въ зависимость отъ него интересы Россіи? Неужели Финляндія можетъ до такой степени обособиться, чтобы напримѣръ заключать съ Россіей торговые трактаты? Можно ли мечтать о подобныхъ несбыточныхъ вещахъ? Съ другой стороны если бы подобныя мечты могли сбыться, то не повело ли бы это тотчасъ же къ столкновенію, отъ котораго Финляндія могла бы только проиграть?

Мы не намѣрены вдаваться въ щекотливыя подробности вопросовъ возбужденныхъ на финляндскомъ сеймѣ и обнаруживающихъ сепаратистическіе виды. Мы очень хорошо понимаемъ, что самое созваніе сейма на первыхъ порахъ могло дать слишкомъ яркій оттѣнокъ мѣстному патріотизму. Человѣкъ наклоненъ преувеличивать значеніе того чѣмъ дорожитъ, а что Финляндцы дорожатъ своими политическими учрежденіями, въ этомъ нельзя видѣть ничего кромѣ хорошаго. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго что мѣстный сеймъ облекается въ ихъ глазахъ въ формы парламента отдѣльнаго государства. Это увлеченіе, повторяемъ, очень понятно, на первыхъ порахъ, и противопоставлять ему холодную прозу дѣйствительности ни у кого не достало бы духу, еслибы не требовалъ того высшій долгъ, который не дозволяетъ питать лицемѣрнымъ молчаніемъ ложныя надежды, и сознательно скрывая истину, становиться соучастникомъ возможной въ будущемъ ошибки и какъ бы виновникомъ ея послѣдствій. Въ политикѣ добрыя отношенія никогда не основываются на сентиментальностяхъ, и чѣмъ желательнѣе прочность добрыхъ отношеній, тѣмъ болѣе слѣдуетъ остерегаться не только дѣйствій, но и умолчаній, вызываемыхъ сентиментальною

нѣжностью къ тому что̀ можетъ быть терпимо лишь въ мечтѣ, а въ дѣйствительности терпимо быть не можетъ и неминуемо будетъ уничтожено силой обстоятельствъ. Мы никакой услуги не оказываемъ тому въ комъ поддерживаемъ напрасныя мечтанія, сбивающія людей съ пути дѣйствительнаго успѣха, который тѣмъ шире раскрывается, чѣмъ менѣе дается воли безплоднымъ мечтаніямъ.

Пусть же тѣ финляндскія газеты, которымъ не понравились отзывы *Московскихъ Вѣдомостей* о первыхъ дѣйствіяхъ финляндскаго сейма, взглянуть на дѣло трезво и зрѣло. Пусть не восторгаются онѣ туманною теоріей г. Пшпингшельда будто Россія и Финляндія составляютъ одну державу и два государства, и если онѣ хотятъ доказать что служба въ Россіи лишаетъ права представительства въ Финляндіи, то пусть доказываютъ это не юридическими натяжками, а ссылкой на ясные прецеденты, изъ которыхъ было бы видно, что Швеція, въ то время когда Финляндія была подчинена ей, считалась для Финляндіи иностраннымъ государствомъ, и что служба въ Швеціи дѣлала финляндскаго дворянина неспособнымъ къ участію въ финляндскомъ сеймѣ. Пусть въ общихъ интересахъ, какъ своего края, котораго будущностію онѣ не имѣютъ права играть, такъ и имперіи, которой обязаны доброжелательствовать, пусть онѣ заботятся о разсѣяніи, а не о сгущеніи тумана, напущеннаго сепаратистическими увлеченіями, и помнятъ простую истину что посягающій на чужое право, самъ сходитъ съ твердой почвы права и вступаетъ на ту колеблющуюся почву, гдѣ нѣтъ другаго судьи кромѣ силы. Финляндія ничего не выиграетъ, если вмѣсто заботъ о полезныхъ улучшеніяхъ обратитъ свои силы на исканіе такихъ льготъ и преимуществъ, которыя, какъ напримѣръ таможенная регалія, не могутъ безъ ущерба для имперіи быть предоставлены мѣстному представительству и которыя, еслибъ и были предоставлены ему, не могли бы послужить ему въ прокъ.

№ 239.

Москве, 2-го ноября.

Подобно гласу трубному, какъ выразилась газета *Daily News*, съ высоты императорскаго престола Франціи раздалось объявленіе, что трактаты 1815 года перестали существовать. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ имѣетъ огромную важность, особенно если припомнить, какъ велики были опасенія на этотъ счетъ всей Европы въ 1848 г., когда революція положила конецъ орлеанской династіи, и какъ даже слабое временное правительство тогдашней французской республики старалось противостать внушеніямъ крайнихъ партій и соблазну популярности, объявивъ твердое рѣшеніе уважать трактаты 1815 г. Съ того времени, правда, произошли важныя перемѣны. Россія и Англія, единодушію и энергіи которыхъ Европа наиболѣе обязана была спасеніемъ отъ Наполеоновскаго военнаго деспотизма и установленіемъ порядка вещей, созданнаго трактатами 1815 г., Россія и Англія успѣли перессориться между собою; тройственный союзъ, извѣстный подъ именемъ „священнаго“, окончательно распался; въ Италіи возникъ новый порядокъ вещей, въ отмѣну трактата 1815 г.; къ Франціи присоединены Ницца и Савоія, и наконецъ, въ довершеніе всего, Англія и Австрія, вопреки собственнымъ своимъ интересамъ, опасаясь Россіи и не довѣряя ея намѣреніямъ, вздумали дѣйствовать противъ нея заодно съ Франціей даже въ польскомъ вопросѣ, и изъ устъ британскаго министра вылетѣло неосторожное слово въ пользу отмѣны статей Вѣнскаго трактата о Польшѣ.

Такимъ образомъ то что̀ прежде было бы неслыханною дерзостью и вызовомъ, брошеннымъ въ лицо цѣлой Европѣ, теперь становится не болѣе какъ смѣлымъ и кстати сказаннымъ словомъ.

Какъ бы то ни было, однакоже, цѣль политики Наполеона III высказана ясно и рѣшительно во всеуслышаніе Европы. Мы знаемъ теперь отъ него самого, что существующій въ Европѣ порядокъ вещей, главнѣйшимъ образомъ основанный на Вѣнскихъ трактатахъ, подлежитъ, по его мнѣнію, совершенной отмѣнѣ, и что если эта отмѣна не состоится путемъ общеевропейскаго конгресса, то рано или поздно она будетъ достигнута путемъ кровавыхъ войнъ.

Какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ порядокъ вещей установленный Вѣнскими трактатами, сколько бы ни было уже сдѣлано изъятій изъ него, однакоже, какъ оказывается теперь, Европа все еще дорожитъ его сохраненіемъ, и изъ страха неизвѣстности и еще бо́льшихъ чѣмъ теперь замѣша-

тѣльствъ не рѣшается ниспровергнуть то что̀ еще уцѣлѣло изъ него, и даже подтвердить своимъ формальнымъ и торжественнымъ согласіемъ то что̀ уже совершилось вопреки ему. Англія не рѣшается одобрить присоединеніе Ниццы и Савоіи къ Франціи; Австрія отнюдь не желаетъ признать законность всѣхъ перемѣнъ происшедшихъ въ Италіи со времени Виллафранкскаго перемирія и Цюрихскаго мира; Германія тяготится своимъ положеніемъ, истекающимъ также изъ Вѣнскихъ трактатовъ, но тѣмъ не менѣе она готова всячески противиться передачѣ своего домашняго дѣла на рѣшеніе конгресса, на которомъ будетъ первенствовать Франція. Для Россіи постановленія Вѣнскаго конгресса относительно Польши, при всей ихъ неопредѣленности, все-таки болѣе или менѣе стѣснительны и тягостны, такъ какъ собственно ея спокойствіе, а равно и благо самой Польши вовсе не допускаютъ существованія послѣдней на правахъ особаго царства. Тѣмъ не менѣе однакоже, большинство державъ не желаетъ искусственнаго измѣненія существующихъ въ Европѣ отношеній; тѣ перемѣны, которыя могутъ быть для нихъ желательны, онѣ охотно предоставляютъ естественному ходу событій, не стараясь искусственно ускорить время ихъ наступленія. За исключеніемъ Италіи, интересъ которой въ этомъ отношеніи очень понятенъ, Франція только одна стремится къ возможно-скорѣйшему ниспроверженію трактатовъ 1815 г., и такимъ образомъ становится рѣшительно на революціонную почву. Произнося свою знаменитую рѣчь, 5-го ноября, Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, твердо былъ увѣренъ, что Европа не намѣрена ни утверждать своимъ согласіемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ происшедшихъ вопреки Вѣнскимъ трактатамъ, ни передѣлывать своихъ государственныхъ территорій. Въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, высказались всѣ англійскія, австрійскія, прусскія и даже русскія газеты.

Но если объявленная цѣль конгресса, сама по себѣ и завѣдомо для самого императора Наполеона III неисполнима, то не могъ ли бы конгрессъ послужить средствомъ для достиженія какихъ-либо посторонннхъ цѣлей? Можно быть противъ какой-либо цѣли и не имѣть ничего противъ средства, которое предположено для ея достиженія, но которое, очевидно, не можетъ къ ней привести. Предложеніе конгресса должно, прежде всего, послужить средствомъ къ тому, чтобъ изгладить въ самой Франціи дурное впечатлѣніе произведенное пораженіемъ, которое потерпѣло правительство Наполеона III въ дипломатическомъ походѣ противъ Россіи и, если возможно, возвысить его въ глазахъ народа. Это предложеніе должно, вовторыхъ, стать средствомъ къ тому, чтобы выйдти изъ крайне-тягостнаго и стѣснительнаго положенія относительно другихъ державъ, въ которое была поставлена Франція своею неудачей. Франція, вслѣдствіе этой неудачи, очутилась въ изолированномъ положеніи, въ которое ей хотѣлось поставить Россію. Съ Россіей, а также съ Пруссіей, она сама добровольно разорвала свои прежнія хорошія отношенія, а Англія и Австрія, которыя намѣренно помогли ей втянуться въ польскія дрязги, отвратились отъ нея, какъ только дѣло дошло до необходимости не депеши писать, а дѣйствовать. Поддерживать еще болѣе свое такъ-называемое соглашеніе съ ними значило бы для Франціи осудить себя на безсиліе и бездѣйствіе. Франціи оставалось или рѣшиться одной на войну, въ которой она могла имѣть противъ себя не только Россію, но и обѣихъ недавнихъ союзницъ своихъ; или, чтобы выйдти изъ положенія безсилія и бездѣйствія, на которое ее осудила политика Англіи, вновь протянуть руку Россіи. Франція рѣшилась на послѣднее, и какъ это ни странно, таковъ въ сущности смыслъ тронной рѣчи и предложеніе о конгрессѣ; таково было, между прочимъ, и впечатлѣніе, произведенное ими во многихъ политическихъ кругахъ главныхъ столицъ Европы: послѣ тронной рѣчи тотчасъ же заговорили всѣ о возможности новаго сближенія Франціи съ Россіей.

Правда, Наполеонъ III дозволилъ себѣ сказать, будто бы Россія попираетъ ногами трактаты 1815 г. въ Варшавѣ; но, съ его точки зрѣнія, въ этомъ нѣтъ еще бѣды, и это несправедливое обвиненіе приводитъ онъ только въ подтвержденіе того что̀ онъ желалъ бы доказать и осуществить, а именно что трактаты 1815 г. на дѣлѣ уже не существуютъ. Далѣе, онъ признаетъ за польскими мятежниками какія-то наслѣдственныя права, вписанныя въ исторію и въ трактаты (какіе же это трактаты, если вѣнскіе утратили всю силу и значеніе?), и такимъ образомъ какъ бы готовится объявить ихъ воюющею стороною. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ признаетъ союзъ съ Россіей

однимъ изъ лучшихъ союзовъ своихъ на континентѣ Европы. Не безъ умысла, съ одной стороны, запугать Англію и Австрію, а съ другой компрометтировать въ ихъ глазахъ Россію и привлечь ее на свою сторону, онъ торжественно объявляетъ, какъ онъ дорожитъ союзомъ съ нею и что онъ нашелъ въ ней искреннюю и дружественную поддержку какъ во время италіянской кампаніи 1859 года, такъ и въ пору присоединенія Ниццы и Савоіи и, что всего важнѣе, онъ какъ бы въ угоду Россіи предлагаетъ конгрессъ для рѣшенія всѣхъ европейскихъ вопросовъ, ссылаясь на то, что Россія заявила однажды, и лишь мимоходомъ, что подобный конгрессъ, сравнительно съ конференціями по одному польскому дѣлу, не былъ бы оскорбителенъ для ея достоинства. Предложеніе о конгрессѣ, по мысли Наполеона III, должно стать, такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ сближенію съ Россіей.

Очевидно, что отъ рѣшенія Россіи, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ какъ участь этого предложенія, такъ и дальнѣйшія комбинаціи въ общей европейской политикѣ. Для Россіи не можетъ быть желательно ни подвергать польскаго вопроса обсужденію на конгрессѣ безъ какихъ-либо особыхъ вполнѣ обезпечивающихъ ее условій, ни сближаться съ Франціей для какихъ бы то ни было переворотовъ и преобразовательныхъ попытокъ въ какой бы то ни было части Европы,—если разумѣется Россія не будетъ вынуждена къ тому двусмысленными и непріязненными отношеніями къ ней со стороны консервативныхъ державъ. Если Франція выказала къ намъ наибольшую враждебность по поводу польскаго мятежа, то, вмѣстѣ съ нею, враждебные противъ насъ виды имѣли и другія державы, Австрія и Англія, и никакъ нельзя утверждать, чтобъ онѣ окончательно оставили ихъ. Рѣшительный отказъ Россіи на приглашеніе Наполеона III, дѣлая заранѣе конгрессъ невозможнымъ, и успокоивая въ этомъ отношеніи Австрію и Англію, могъ бы побудить ихъ высказаться въ пользу конгресса, и тогда противъ Россіи могла бы составиться болѣе серіозная и болѣе опасная коалиція. Не даромъ же всѣ австрійскія газеты, безъ исключенія, хотя и съ видимымъ неудовольствіемъ и тревогою, склоняются въ пользу участія Австріи на конгрессѣ, при чемъ полуофиціальныя газеты, *Wiener Abendpost* и *Всеобщая Корреспонденція*, стараются только о томъ, чтобы выгородить то что еще уцѣлѣло отъ Вѣнскихъ трактатовъ. *Morning Post* точно также допускаетъ мысль о конгрессѣ, хотя и считаетъ ее утопическою. *Times* въ свою очередь колеблется, и тѣмъ обличаетъ колебанія въ самой англійской публикѣ. *Saturday Review* въ статьѣ, помѣщенной ниже, указываетъ, правда, на то, что конгрессъ былъ бы особенно выгоденъ для Франціи, и что она, благодаря ему, можетъ достигнуть такого положенія, какого не могли бы ей доставить и нѣсколько счастливыхъ войнъ,—тѣмъ не менѣе клонитъ рѣчь свою къ тому, что Англія не должна препятствовать осуществленію мысли о конгрессѣ.

Если такъ, то скажемъ и мы съ своей стороны: пусть же общеевропейскія конференціи (хотя и конгрессъ государей) предложенныя Наполеономъ III, состоятся....

Отъ насъ еще такъ недавно требовали согласія на конференціи по польскому дѣлу. Къ намъ снова обращаются теперь съ вопросомъ, хотимъ ли мы принять участіе въ конференціяхъ, долженствующихъ имѣть не какой-либо частный, а общеевропейскій характеръ. Намъ нѣтъ надобности отвергать, въ принципѣ, предлагаемыя конференціи. Къ намъ обращаются съ вопросомъ: не боимся ли мы принять участіе въ конгрессѣ, который долженъ измѣнить положеніе Европы и рѣшить всѣ носящіеся надъ нею вопросы? Мы отнюдь не хотимъ передѣлывать Европу, мы не имѣемъ надобности поднимать вопросы; но мы не имѣемъ также ни малѣйшей причины препятствовать Европѣ принять иной видъ, буде она сама того хочетъ. Россія всегда была за *statu quo* Европы; она и теперь готова охранять и поддерживать *statu quo*; но если бы Европа убѣдилась въ необходимости существенныхъ перемѣнъ въ своей системѣ, то Россіи чуждо всякое намѣреніе препятствовать дѣлу европейскаго прогресса. Ей остается только показать въ чемъ, съ ея точки зрѣнія, долженъ состоять этотъ прогрессъ, и на какія перемѣны, при какихъ условіяхъ, можетъ она изъявить свое согласіе...

№ 240.

Москва, 4-го ноября.

Въ пятницу въ Петербургѣ былъ удивительный биржевой день. Такихъ дней еще

ни разу не бывало съ тѣхъ поръ какъ существуетъ петербургская биржа. Въ одинъ часъ времени вексельный курсъ упалъ на 8%. Биржа началась курсомъ въ 397 сант. за 1 р. с. на Парижъ и соотвѣтственными курсами на Лондонъ, Амстердамъ и Гамбургъ. Биржа кончилась курсомъ 367 сант. на Парижъ и соотвѣтственными же курсами на другіе города. Хотя по слухамъ и ожидалось пониженіе курса, такъ какъ уже въ предыдущій биржевой день, то-есть во вторникъ, вексельный курсъ колебался, но такого пониженія, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, никто не ожидалъ, и мы, получивъ биржевую телеграмму, сомнѣвались въ ея вѣрности, вслѣдствіе чего и не напечатали ея въ предыдущемъ нумерѣ, ожидая подтвержденія изъ Петербурга. Теперь это событіе не подлежитъ сомнѣнію. Вексельный курсъ упалъ на 8%, а полуимперіалъ поднялся до 5 р. 55 к.

Чтобы представить себѣ весь эффектъ этого событія, вообразите себѣ, читатель, что вы выписали какую-нибудь вещь изъ Парижа. Эта вещь стóитъ, положимъ, 4000 франковъ. Если вы успѣли взять векселъ на эту сумму въ 4 часа пополудни 1-го ноября, то векселъ вамъ стоилъ, по курсу 397, около 1007 р. 50 к. Если же вы пропустили этотъ часъ и явились въ 5 часовъ пополудни, то векселъ стóилъ вамъ уже не 1007 р. 50 к., а 1090 р.; то-есть вы потеряли на 1000 рублей 82 р. 30 к. Предположите же, что русскіе купцы должны иностраннымъ купцамъ 30 милліоновъ рублей, что̀ повидимому не преувеличено; теперь на каждый милліонъ они должны приплатить 82.500 р. с., а на 30 милліоновъ 2.475.000. Вотъ какъ дорого обошелся купцамъ торгующимъ за границей этотъ одинъ часъ времени въ пятницу 1-го ноября!

Какъ же это могло случиться, спроситъ читатель, когда продолжается размѣнъ? Зачѣмъ покупать векселя, когда можно послать за границу звонкую монету, которая не хуже, а еще лучше векселей? Это правда. Хотя банкъ не выдастъ теперь золота, но и серебро можетъ быть переслано за границу, а издержки перевозки обойдутся не дороже 2%. Переслать 30 милліоновъ обойдется 600.000, а не 2.476.000 какъ по векселямъ. Зачѣмъ же брать векселя? Дѣло въ томъ, что банкъ началъ выдачу съ самыхъ легковѣсныхъ цѣлковыхъ, находившихся въ размѣнномъ фондѣ, а эти екатерининскіе цѣлковые заключаютъ въ себѣ, какъ увѣряютъ, на 6 и даже на 8% менѣе чистаго серебра чѣмъ новые полновѣсные цѣлковые. Теперь когда курсъ упалъ, и если размѣнъ будетъ продолжаться безпрепятственно, караваны этого серебра двинутся за границу, но до упадка курса было не выгодно посылать за границу екатерининскіе цѣлковые. Къ тому же векселя пишутся на три мѣсяца, а въ три мѣсяца, всякій думаетъ про себя, много воды утечетъ, и если курсъ продолжаетъ падать (сегодня были сдѣлки по $34\frac{1}{2}$ пенса за рубль, что̀ составляетъ 361 сантимъ), то значитъ векселедатели полагаютъ, что черезъ три мѣсяца уже не будетъ идти каравановъ серебра за границу. Вотъ въ предвидѣніи этой-то случайности истощенія у насъ запасовъ серебра и находятся охотники покупать векселя съ потерей 10%, чтобы не потерять потомъ 20% или 30%. Такихъ охотниковъ, конечно, не можетъ быть очень много, и курсъ 1-го ноября и послѣдующихъ дней долженъ быть въ сущности только номинальный курсъ, но дѣло въ томъ, что по высшему курсу никто не находитъ для себя выгоднымъ заключать сдѣлки, а это много значитъ. Какъ ни мало состоялось сдѣлокъ по упавшему курсу, курсъ надобно все-таки считать упавшимъ.

Конвульсивность движенія, происшедшаго на петербургской биржѣ, можетъ быть объяснена лишь вспышкой гнѣва. Властители биржи, *les princes de la bourse*, разсердились на банкъ и въ отместку, чтобы запугать банкъ (теперь мода запугивать), произвели эффектную демонстрацію. Но биржевые господа, какъ извѣстно, не такого сорта люди чтобы платить дорогія деньги за свои демонстраціи. Они не понизили бы курса въ убытокъ себѣ, и если внезапность и такъ-сказать эффектность пониженія объясняется гнѣвомъ биржи, то самое пониженіе однимъ гнѣвомъ объяснено быть не можетъ. Вообще нельзя придавать значенія жалобамъ на оппозицію, которую встрѣтила будто бы операція размѣна въ въ купеческомъ мірѣ и преимущественно между иностранными купцами. Пока эта операція была выгодна купцамъ, до тѣхъ поръ никакой оппозиціи не было, а были одни комплименты, иногда даже восторженные. Если была съ самаго начала оппозиція, то не отъ иностранныхъ купцовъ, а развѣ въ русской печати, которая сомнѣвалась въ томъ, чтобъ операція размѣна, при той обстановкѣ, среди которой она

была открыта, привела къ цѣли. Это была оппозиція доброжелательная, какую мы въ правѣ требовать и ожидать отъ національной печати. Но въ купеческомъ мірѣ дѣла дѣлаются на другомъ основаніи. Всякій купецъ на то и купецъ чтобъ имѣть въ виду свой барышъ. Въ особенности иностранные купцы вовсе не обязаны заботиться о томъ, чтобы дѣла въ Россіи шли хорошо, и на нихъ нельзя пенять за то, что они стараются извлечь наибо́льшій барышъ изъ того какъ у насъ идутъ дѣла. Они очень хвалили операцію размѣна, но сдѣлали всѣ усилія чтобы воспользоваться ею въ своемъ интересѣ, и слѣдовательно въ ущербъ Россіи. Торговыя дѣла всегда такъ ведутся; это въ порядкѣ вещей. Если нѣтъ ни насилія, ни обмана, то всякій самъ виноватъ въ своихъ торговыхъ убыткахъ." При той обстановкѣ, среди которой происходила операція размѣна, въ рукахъ торговыхъ людей было чрезвычайно много средствъ поставить банкъ въ затруднительное положеніе: всѣмъ извѣстны спекуляціи открыто производившіяся на основаніи разчета, что операція размѣна не достигнетъ своей цѣли (напримѣръ платежъ 1% за сбереженіе звонкой монеты и выдачу подъ нее кредитныхъ билетовъ): кто производилъ подобныя операціи, тотъ долженъ былъ всячески вредить операціи размѣна, чтобы не остаться въ убыткѣ. Со всею этою обстановкой банкъ не имѣлъ возможности бороться, и съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что операція размѣна не можетъ идти впередъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она была открыта. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ банкъ пересталъ выдавать золото. Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на легковѣсное серебро не былъ уже въ сущности размѣномъ рубль за рубль, и если вексельный курсъ не падалъ, то только потому, что одновременно съ размѣномъ на екатерининскіе цѣлковые, банкъ выдавалъ на биржѣ каждому желающему столько векселей, сколько было угодно, на главные города Европы. Такъ какъ легковѣсное серебро нельзя было посылать за границу безъ большой потери, то никто не пересылалъ и не переводилъ денегъ за-границу, иначе какъ черезъ посредство банка, и вексельный курсъ опредѣлялся не биржевыми негоціянтами, а тѣмъ чиновникомъ банка, который являлся на биржѣ, въ каждый биржевой день, и выдавалъ требовавшееся биржевою публикой количество векселей. Это было возвращеніе къ прежней системѣ поддерживать курсъ посредствомъ трассированія,— къ той системѣ, которая не болѣе какъ годъ тому назадъ была описана въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, и которая, какъ видно изъ этого доклада, стоила Россіи 25 милліоновъ чистой потери. Но этой системы нельзя было держаться долго. Какъ прежде непомѣрно возрастали требованія на золото, такъ теперь непомѣрно возросло требованіе на векселя, и банкъ принужденъ былъ сократить трассированіе. Это произошло въ пятницу. Чиновникъ банка, не понижая курса, сократилъ выдачу векселей. Кто просилъ векселей на 10.000 фунтовъ, получалъ ихъ на 1.000 и т. д. Тогда нуждавшіеся въ векселяхъ принуждены были обратиться къ частнымъ людямъ; а изъ нихъ чѣмъ кто сильнѣе, тѣмъ тотъ болѣе дорожился своими векселями. Произошла паника, курсъ разомъ упалъ; онъ продолжалъ падать и по закрытіи биржи; онъ падалъ въ субботу и сегодня, и, какъ сказано, упалъ сегодня до 10% ниже *pari*.

Вотъ вкратцѣ исторія этого куріознаго дѣла, которое однакожь не можетъ остаться безъ важныхъ послѣдствій. Положеніе банка очень серіозно, и нельзя не поздравить его съ тѣмъ что онъ поступилъ рѣшительно. Многіе на него посердятся; иные можетъ-быть пострадаютъ, что неизбѣжно при всякомъ кризисѣ, на самое дѣло выиграетъ. Чѣмъ рѣшительнѣе банкъ будетъ дѣйствовать, тѣмъ скорѣе онъ выйдетъ изъ своего затруднительнаго положенія. Очень понятно, что его рѣшеніе, которое затрогиваетъ многіе интересы, навлекаетъ на него укоры и упреки; очень понятно, что заинтересованные стараются запугать банкъ и искуственно производятъ панику. Но этихъ устрашеній пугаться не слѣдуетъ. Банкъ можетъ спокойно выдерживать характеръ, онъ можетъ сократить и даже временно прекратить не только трассированіе векселей, но и размѣнъ, и если онъ будетъ дѣйствовать въ другихъ отношеніяхъ правильно, въ особенности если онъ обратитъ должное вниманіе на вопіющую потребность во внутреннемъ займѣ, то онъ выйдетъ изъ затрудненій побѣдителемъ. Предсказанія дѣлателей паники не сбудутся, а напротивъ цѣной теперешняго незначительнаго кризиса будетъ предотвращенъ болѣе опасный кризисъ, угрожающій намъ въ буду-

щемъ по совершенномъ истощеніи размѣннаго фонда.

№ 241.

Москва, 6-го ноября.

Просимъ извиненія у читателей за сухость нижеслѣдующихъ объясненій, но не мы, по крайней мѣрѣ, виноваты что потребовались эти сухія объясненія. Мы нѣсколько мѣсяцевъ нарочно молчали о денежныхъ дѣлахъ въ Россіи, не столько впрочемъ изъ опасенія наскучить читателямъ, сколько изъ опасенія, чтобы наша юная гласность не подверглась какъ-нибудь нареканію за событія, которыя при всестороннемъ гласномъ обсужденіи едва ли были бы возможны. Какъ ни странно предполагать, что журнальная статья можетъ сообщить что-нибудь новое тѣмъ биржевымъ людямъ, отъ мнѣнія которыхъ зависитъ кредитъ того или другаго государства, и которымъ, конечно, гораздо лучше насъ извѣстны всѣ подробности финансовыхъ дѣлъ той или другой страны, но мы нашли нужнымъ послѣдовать совѣту людей, которые въ молчаніи печати видятъ обстоятельство выгодное для успѣха финансовыхъ операцій. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы и не заикались о денежныхъ дѣлахъ,—но увы! къ прискорбію, молчаніе литературы не предотвратило биржевой катастрофы 1-го ноября, а эта катастрофа можетъ не въ воображеніи, а въ дѣйствительности повредить кредиту Россіи, если ея причины не будутъ достаточно разъяснены. Теперь дѣло вышло серіозное; но публикѣ оно кажется еще серіознѣе чѣмъ есть на дѣлѣ, а потому о немъ приходится говорить уже въ очевидномъ интересѣ государственнаго кредита. Итакъ, читатель, запаситесь терпѣніемъ, хоть изъ патріотизма, и вникнете въ смыслъ биржеваго явленія называемаго пониженіемъ вексельнаго курса. Явленія этого рода могутъ имѣть не меньшую государственную важность чѣмъ конгрессы и даже войны.

Тутъ впрочемъ не нужно особеннаго напряженія. Дѣло это очень простое. Вотъ вексель на Парижъ. Въ этомъ векселѣ написано, что по немъ будетъ уплачено въ Парижѣ 1-го февраля 1.000 франковъ. Вотъ другой вексель на Петербургъ; въ этомъ векселѣ написано что по немъ будетъ уплачено въ Петербургѣ 1-го февраля 250 р. Спрашивается когда выгодно обмѣняться этими векселями безъ приплаты? Очевидно оба векселя имѣютъ одинаковую цѣну, если предполагается что 1-го февраля наличныя деньги будутъ равно дороги въ Парижѣ и Петербургѣ. Если же предполагается что въ Парижѣ деньги будутъ дороже чѣмъ въ Петербургѣ, то будетъ выгодно купить парижскій вексель съ приплатой, а петербургскій продать съ уступкой. Что же такое значитъ, что деньги будутъ дороже въ Парижѣ чѣмъ въ Петербургѣ? Это значитъ что денегъ будетъ сравнительно съ спросомъ на нихъ меньше въ Парижѣ чѣмъ въ Петербургѣ, такъ что будетъ выгодно везти деньги изъ Петербурга въ Парижъ. Когда денежныя дѣла въ Парижѣ будутъ имѣть такой видъ, что будетъ выгодно пожертвовать какими-нибудь 5 рублями издержекъ перевозки, чтобы переслать въ Парижъ 250 руб., то очевидно будетъ выгодно заплатить 5 рублями, то-есть 20 франками, дороже и за парижскій вексель въ 1000 франковъ. Такимъ образомъ произойдетъ вексельный курсъ въ 408 сантимовъ за серебряный рубль. Такъ будетъ впрочемъ, если учетный процентъ одинаковъ въ Парижѣ и Петербургѣ. Если же въ учетномъ процентѣ есть различіе, то это различіе должно также имѣть вліяніе на цѣну векселя, даваемаго на трехмѣсячный срокъ. Покупающій вексель до срока, учитаетъ его, и потому дастъ за него тѣмъ больше, чѣмъ ниже учетный процентъ. Поэтому когда въ Петербургѣ денегъ много, а въ Парижѣ мало, то парижскіе векселя должны быть дороже въ Петербургѣ, чѣмъ петербургскіе въ Парижѣ, независимо отъ издержекъ перевоза драгоцѣнныхъ металловъ. Курсъ съ 408 можетъ подняться на 410 и 412. Итакъ вотъ въ чемъ все дѣло. Курсъ падаетъ въ Петербургѣ, если въ Петербургѣ денегъ больше чѣмъ въ другихъ биржевыхъ городахъ Европы. Въ эту пятницу трехмѣсячный курсъ упалъ въ Петербургѣ; значитъ петербургская биржа имѣла избытокъ въ деньгахъ и ожидала что и около 1-го февраля въ Петербургѣ деньги будутъ дешевле чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ и т. д., то-есть что ихъ будетъ сравнительно съ спросомъ въ Петербургѣ больше чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Гамбургѣ и т. д.

Читатель, не вникавшій въ дѣло, можетъ удивиться, какъ это такъ по теоріи выходитъ, будто теперь въ Петербургѣ сравнительно

больше денегъ чѣмъ въ Лондонѣ, Парижѣ и т. д., между тѣмъ какъ именно Петербургъ жалуется на бездежье. Удивительно ли это или нѣтъ, это другой вопросъ, но это безспорно Это просто — математика: два меньше трехъ; два больше трехъ быть не могутъ. Точно также вѣрно, что курсъ не можетъ падать когда денегъ мало. Чтобы курсъ могъ падать, для этого непремѣнно нужно чтобы деньги дешевѣли. Это двѣ вещи не разлучныя, или лучше это одна и та же вещь.

Но спрашивается, какъ могутъ деньги подешевѣть, и въ чемъ выражается ихъ дешевизна? Вообще что такое значитъ деньги дешевѣютъ? Когда деньги заключаются въ звонкой монетѣ, то-есть предѣлъ ихъ дешевизнѣ. Звонкой монеты мало въ Парижѣ и много въ Петербургѣ; она въ Петербургѣ дешевѣетъ, а въ Парижѣ дорожаетъ, и это выражается въ вексельномъ курсѣ, то-есть въ цѣнѣ векселей. По различію цѣны звонкой монеты въ Парижѣ и Петербургѣ не можетъ идти далѣе издержекъ перевозки. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, оно не можетъ долго держаться, потому что непремѣнно найдутся спекулянты, которые перевезутъ часть звонкой монеты изъ Петербурга въ Парижъ, и тогда курсъ уравновѣсится.

Совсѣмъ другое дѣло когда деньги заключаются въ ассигнаціяхъ, которыхъ курсъ обязателенъ. Цѣнность такого рода денегъ ограничивается предѣлами обязательнаго курса. Когда ассигнацій много, то съ ними нельзя сдѣлать того же что можно сдѣлать съ звонкою монетой; ихъ нельзя вывезти за границу; ими нельзя снабдить тѣ биржи, на которыхъ чувствуется недостатокъ въ деньгахъ и гдѣ потому деньги дорожаютъ. Тутъ стало-быть нѣтъ предѣла для пониженія цѣны денегъ и слѣдовательно для пониженія вексельнаго курса. Во-вторыхъ пониженіе курса можетъ превратиться тутъ въ явленіе постоянное. Помочь дѣлу можетъ только изъятіе ассигнацій изъ обращенія, то-есть уменьшеніе денегъ. Если бы посредствомъ изъятія кредитныхъ билетовъ, денегъ сдѣлалось въ Петербургѣ сравнительно столько же сколько въ Лондонѣ и Парижѣ, то и курсъ на эти города былъ бы уравновѣшенъ.

Итакъ если мы хотимъ основательно исправить вексельный курсъ, то мы должны принять мѣры чтобы деньги у насъ подорожали, т. е. чтобы денежныхъ знаковъ стало у насъ меньше. Сила вещей всячески хлопотала объ исполненіи этой задачи. Торговля выловила всю бывшую въ обращеніи звонкую монету и вывезла ее за границу. Вся та часть нашихъ денегъ, которая могла быть вывезена, давнымъ давно ушла отъ насъ. Мы остались при однихъ ассигнаціяхъ, но все-таки оказывается невозможнымъ основательно поправить вексельный курсъ. Его поднимали въ продолженіе слишкомъ цѣлаго года. Но это было потрачено 75 милліоновъ рублей, и достаточно было одного часа времени, чтобы все разстроилось и чтобы курсъ упалъ до той цифры, на которой стоялъ годъ тому назадъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не ясно ли что несмотря на вызовъ всей звонкой монеты находившейся у насъ въ обращеніи, несмотря на изъятіе 75 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, обмѣненныхъ на звонкую монету, которая также вся ушла за границу, количество денегъ у насъ все-таки чрезмѣрно велико? А такъ какъ теперь никакихъ денегъ кромѣ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи не имѣется, то не ясно ли что чрезмѣрно велико количество обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ? Стало-быть, если мы хотимъ основательно поправить вексельный курсъ, мы должны уменьшить обращеніе кредитныхъ билетовъ.

Какъ же это сдѣлать? Для этого есть два средства: или мы можемъ обмѣнивать кредитные билеты на звонкую монету съ тѣмъ чтобъ эта звонкая монета была непремѣнно вывозима за границу, или мы можемъ обмѣнивать ихъ на приносящія проценты облигаціи, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ либо уходить за границу либо оставаться внутри страны. Въ первомъ случаѣ мы должны прибѣгнуть къ внѣшнему займу; во второмъ—къ внутреннему. Первое изъ этихъ двухъ средствъ мы уже испытали; оно оказывается не удовлетворительнымъ. Остается обратиться ко второму средству, о которомъ можно было и до этого опыта сказать что оно одно въ состояніи избавить насъ отъ затрудненій; теперь же въ пользу этого вѣрнаго средства говоритъ и теорія, и не дешево стоившій опытъ.

Итакъ, самое лучшее и вѣрное средство поправить вексельный курсъ—внутренній заемъ съ цѣлію изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія—еще не было нами испытано. Мы испытали, и испытали неудачно другое средство—внѣшній заемъ,

доставляющій золото для размѣна, съ тѣмъ чтобы изъятіе кредитныхъ билетовъ происходило исключительно черезъ размѣнъ. Но изъ этой неудачи ничего не слѣдуетъ относительно государственнаго кредита Россіи; изъ нея слѣдуетъ только, что мы шли ошибочнымъ путемъ и что для исправленія дѣлъ намъ надобно измѣнить путь. Внѣшній заемъ, предпринимаемый съ цѣлію изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія, хуже внутренняго займа по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, когда дѣлается внѣшній заемъ, то тратится значительная сумма на банкирскую коммиссію, что при внутреннемъ займѣ можетъ быть сбережено. Во-вторыхъ, золото привозится въ этомъ случаѣ въ страну только затѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней его опять вывезти за границу, вслѣдствіе чего страна платитъ двойную стоимость провоза золота туда и обратно. Втретьихъ, такъ какъ золото выдаваемое изъ размѣнной кассы, должно идти за границу не вслѣдствіе тамошняго спроса, а вслѣдствіе избытка денегъ внутри и естественнаго стремленія рынка къ равновѣсію, то является затрудненіе относительно выбора предметовъ которые могутъ быть куплены за границей на это золото. Такъ напримѣръ въ нынѣшнемъ году изъ Россіи вывезено одного вымѣненнаго на кредитные билеты золота 75 милліоновъ. Спрашивается, что куплено на это золото? Вопервыхъ куплено много такихъ товаровъ, которые прежде оплачивались хлѣбомъ, саломъ и т. д.; вывозимое золото дѣлало конкуренцію нашему отпуску и стѣсняло его, а черезъ это стѣсняло всю нашу внутреннюю промышленность. Во-вторыхъ торговцы вывозившіе золото принуждены были покупать за границей разные не совсѣмъ нужные намъ товары, которые безъ огромнаго вывоза золота вовсе не были бы куплены нами, а затѣмъ пришлось обратиться къ облигаціямъ того же самаго займа, который былъ заключенъ для снабженія Россіи звонкою монетой. Чѣмъ болѣе вывозилось изъ Россіи золота, тѣмъ болѣе приходилось покупать за границей облигацій этого займа, такъ что внѣшній заемъ самою силой вещей превращался въ заемъ внутренній, но съ потерей.

1. Банкирской коммиссіи при заключеніи займа.

2. Стоимости двукратнаго провоза золота.

3. Коммиссіи и барыша, полученныхъ иностранными биржами при продажѣ облигацій этого займа въ Россію.

Вотъ почему внѣшній заемъ долженъ считаться средствомъ гораздо худшимъ чѣмъ заемъ внутренній; теперь же онъ оказывается средствомъ не только плохимъ и убыточнымъ, но и совершенно неудовлетворительнымъ. Теперь на дѣлѣ обнаружилось, какъ только можно ясно, что однимъ внѣшнимъ займомъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ невозможно достигнуть цѣли.

Какъ ни плохимъ однакоже средствомъ является внѣшній заемъ, какъ ни безспорно что цѣль не можетъ быть достигнута имъ, все-таки если золото полученное внѣшнимъ займомъ употреблялось бы исключительно на размѣнъ, и вымѣненные кредитные билеты сполна вынимались бы изъ обращенія, то дѣло подвигалось бы впередъ, и если бы биржевые люди нисколько не сомнѣвались въ томъ, то они едвали бы получили увѣренность, что операція размѣна не можетъ имѣть успѣха. Но въ сентябрѣ мѣсяцѣ операція размѣна почти прекратилась и вмѣсто ея получила развитіе операція трассировки. Банкъ выдалъ векселей на многіе милліоны, а вырученные за нихъ кредитные билеты пошли мимо размѣнной кассы въ оборотную. Хотя можно было предполагать, что банкъ трассируетъ не на седьмой заемъ, предназначенный для размѣнной кассы, однакожъ этому предположенію не давалось хода по недовѣрію къ неизвѣстности, въ которую были облечены счеты размѣнной кассы съ Ротшильдомъ по седьмому займу. По всему вѣроятію, дѣла обстоятъ въ дѣйствительности лучше чѣмъ какъ думаютъ люди подозрительные. Впрочемъ, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не можетъ быть средства поправлять курсъ хуже и опаснѣе поддержки курса посредствомъ выдачи векселей безъ изъятія тѣхъ кредитныхъ билетовъ, которые поступаютъ въ уплату за векселя. Тутъ расходъ производится совершенно напрасно. Если внѣшній заемъ есть операція убыточная, то трассировка для поддержки курса есть операція просто разорительная. Вотъ почему нельзя не радоваться, что государственный банкъ, прибѣгнувшій съ начала сентября къ этой послѣдней операціи, теперь наконецъ рѣшился отказаться отъ нея. Это важный шагъ къ лучшему, и съ этимъ важнымъ

шагомъ мы не даромъ вчера поздравляли банкъ.

Дописывая эти строки, мы получили телеграфическое извѣстіе о сегодняшней биржѣ въ Петербургѣ. Имъ оправдалось наше предположеніе, что при пониженіи курса имѣлось отчасти въ виду запугать банкъ и произвести искусственную панику. Сегодня биржа увидѣла, что банкъ не поддался устрашенію. Онъ сталъ держать курсъ предшествовавшаго биржеваго дня: 35 пенсовъ за 1 р. на Лондонъ, 367 сантимовъ на Парижъ. Когда биржевые господа узнали, что банкъ отступается отъ системы искусственной поддержки курса и не трепещетъ паденія его, то они тотчасъ же начали выдавать векселя сами отъ себя по курсу высшему, нежели курсъ банка, именно по $35^1/_4$ и $35^3/_8$ пенсовъ за 1 р. Такимъ образомъ курсъ сталъ подниматься безъ содѣйствія банка. Въ этомъ заключается большая побѣда.

№ 242.

Москва, 6-го ноября.

А.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщенную ниже (подъ рубрикою: *Англія*) статью изъ *Times*, по поводу послѣдней депеши графа Росселя къ британскому послу при С.-Петербургскомъ дворѣ. Англійскій журналъ откровенно сознается, что всѣ усилія трехъ державъ съ самаго начала разчитаны были только на то, чтобы запугать Россію, что цѣль эта казалась удободостижимою, что три державы только прикидывались, будто бы между ними состоялось соглашеніе въ видахъ принужденія Россіи даже вооруженною силой, и что не только Англія и Австрія никогда не думали начинать войну за Польшу, но что и Франція не имѣла въ виду воевать за нее одна и ошибалась въ разчетѣ, полагая, что она въ состояніи будетъ увлечь за собою Австрію и Англію (полно, полагала-ли она это?), и что русскому медвѣдю стоило только показать свои зубы, для того чтобы посторонніе зрители, желавшіе пристыдить его и угрожавшіе ему кольями, поспѣшили убраться поскорѣе восвояси. Итакъ, всѣ эти грозныя демонстраціи противъ Россіи, въ парламентахъ и на митингахъ, эти настоятельныя и повелительныя требованія трехъ державъ, поддержанныя цѣлымъ хоромъ голосовъ второстепенныхъ государствъ, были не что иное какъ грандіозная мистификація, какъ безпримѣрный, въ такомъ объемѣ, обманъ, разчитанный на нашу трусость и разладъ, на недостатокъ единенія между нашимъ правительствомъ и народомъ, на слабость нашего общественнаго мнѣнія и равнодушіе его къ государственнымъ интересамъ. Не говорили ли мы того же самаго съ начала такъ-называемаго польскаго вопроса? Не утверждали ли мы съ настойчивостью и на всѣ возможные лады, что весь этотъ призракъ европейской войны за Польшу разомъ исчезнетъ, какъ только Россія покажетъ твердую рѣшимость не преклоняться предъ чужою волей и подавить крамолу въ Царствѣ Польскомъ?

Сознаваясь, что было не совсѣмъ благоразумно и не совсѣмъ честно разчитывать на трусость противника, газета *Times* извлекаетъ изъ этого урока наставленіе для Англіи, что впредь въ видахъ человѣколюбія она можетъ давать дружественные совѣты другимъ державамъ, но отнюдь не должна принимать въ отношеніи къ нимъ повелительный и угрожающій тонъ, буде не имѣетъ намѣренія привести своихъ угрозъ въ исполненіе. Въ виду новыхъ сѣтей, которыя, повидимому, разставляются намъ подъ прикрытіемъ конференцій по всѣмъ европейскимъ дѣламъ, и мы въ правѣ извлечь для себя изъ недавнихъ событій тотъ урокъ, что наша нерѣшительность и наши колебанія могутъ только ободрять нашихъ недруговъ и дѣлать ихъ дерзкими, а твердая рѣшимость сообразоваться въ устройствѣ нашихъ собственныхъ дѣлъ только съ интересами нашего народа, напротивъ, обезоруживаетъ нашихъ враговъ и полагаетъ конецъ ихъ кознямъ.

Б.

Еще болѣе обращаемъ мы вниманіе читателей на интересное сообщеніе изъ Парижа, которое передано намъ нашимъ брюссельскимъ корреспондентомъ, г. де-Молинари. Это парижское сообщеніе также свидѣтельствуетъ о той обширной интригѣ, которой Россія была предметомъ... Увы! мы почти совершенно увѣрены, что и самое это сообщеніе есть не что иное какъ ловкій маневръ, придуманный искусными

людьми въ Парижѣ, для того чтобы извѣстнымъ образомъ подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Россіи. Русское общественное мнѣніе есть ново открытая область; до сихъ поръ никто въ Европѣ не подозрѣвалъ его существованія; теперь вдругъ оказывается, что это сила, съ которою надобно считаться. И вотъ насъ хотятъ увѣрить, что конгрессъ не мистификація, а нѣчто очень серіозное; насъ хотятъ увѣрить, что императоръ Французовъ придумалъ конгрессъ для того собственно, чтобы сблизиться съ нами и осуществить очаровательныя грезы о новомъ Священномъ Союзѣ, услаждавшія досугъ его въ Гамской крѣпости; намъ льстятъ, и обольщаютъ наше народное самолюбіе, поздравляютъ насъ съ нашими великими дипломатическими побѣдами,—и приглашаютъ насъ на европейскій конгрессъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ конгрессъ для перестройки Европы есть дѣло сбыточное, какъ будто этотъ конгрессъ можетъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, а не повтореніемъ той же исторіи, которая только что была разыграна, но повтореніемъ въ новомъ видѣ, съ новыми хитростями и съ новыми для насъ опасностями. Всѣ думали что дѣло кончилось; оно и въ самомъ дѣлѣ кончилось; прежнимъ путемъ идти болѣе не куда; никакихъ депешъ писать не приходится; вторичнаго дипломатическаго нашествія цѣлой Европы на насъ повторять уже нельзя. Но за то насъ приглашаютъ на конгрессъ, за то съ нами будутъ переговариться о программѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію; за то снова будутъ раздувать такъ-называемый польскій вопросъ; будутъ пытаться связать насъ по рукамъ и по ногамъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, будутъ пытаться парализировать насъ и достигнуть новыми маневрами того же чего не удалось достигнуть прежними; за то будутъ пытаться окружить насъ всѣми ухищреніями политической интриги, которая въ наше время, при помощи нынѣ дѣйствующихъ величайшихъ мастеровъ въ этомъ искусствѣ, доведена до удивительнаго совершенства. Сказываютъ, что императоръ Наполеонъ III очень удивился, когда ему доложили о какомъ-то общественномъ мнѣніи въ Россіи... Но онъ легко можетъ управить имъ. Шумъ сборовъ къ конгрессу; прелестныя сказки Гамской крѣпости: все это можетъ сбить съ толку медвѣдя, усыпить его и отвлечь его вниманіе отъ дѣла...

Пора наконецъ намъ оставить тотъ шутливый и ироническій тонъ, которымъ мы доселѣ говорили объ этой новой, удивительной выдумкѣ, подъ именемъ европейскаго конгресса, долженствующаго имѣть мѣсто въ Парижѣ. Пора намъ откровеннѣе и прямѣе сказать, что русское общественное мнѣніе, хотя и очень скудное въ своихъ средствахъ, видитъ и понимаетъ игру, какъ ни ловки тѣ руки, которыя ведутъ ее.

Мы печатаемъ сообщенное нашимъ брюссельскимъ корреспондентомъ парижское письмо, потому что оно дѣйствительно содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, а главное, потому что оно произведетъ на нашу публику дѣйствіе совершенно обратное тому, какого можетъ-быть желали бы въ Парижѣ... Оно не усыпитъ,—оно только сильнѣе насторожитъ наше народное чувство...

№ 243.

Москва, 7-го ноября.

Допускать что-либо въ идеѣ и допускать что-либо на практикѣ—огромная разница. Между областію фантазіи и дѣйствительностію—цѣлая бездна. Конгрессъ-идея, конгрессъ-фантазія, конгрессъ-мечта, вещь возможная всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, какъ возможны милліоны разныхъ другихъ фантазій и мечтаній. Но едва ли можно думать, чтобы конецъ нынѣшняго года особенно располагалъ умы къ невиннымъ занятіямъ въ области отвлеченныхъ умозрѣній или фантазій. Никакъ нельзя сказать, чтобъ именно теперь людямъ было много досуга для этого, особенно людямъ политическимъ, особенно императору Французовъ. Если этотъ искусный политикъ, обремененный столь многими заботами, предается самой несбыточной мысли, какая только можетъ представиться свободной фантазіи, то по всему вѣроятію онъ дѣлаетъ это не отъ нечего-дѣлать, а также не потому чтобъ онъ могъ быть убѣжденъ въ возможности невозможнаго,—въ возможности путемъ мирныхъ совѣщаній перестроить всю Европу и создать новое международное устройство на началахъ той прекрасной гармоніи, мысль о которой услаждала досугъ творца *Наполеоновскихъ идей* въ Гамской крѣпости. Фантазировать еще не значитъ быть фантазеромъ; владѣть арсе-

наломъ утопій еще не значитъ быть утопистомъ. Утопія и мечты могутъ служить самыми практическими средствами для самыхъ практическихъ цѣлей.

Для какихъ же практическихъ цѣлей извлечена изъ арсенала утопій эта мысль пересоздать задешево Европу и ни за что ни про что подарить удивленному міру новое международное право?

Прежде всего представляется такое объясненіе: Франція очутилась въ нестершимомъ положеніи одиночества и отчужденія; ей, во что бы то ни стало, требуется выйдти изъ него, и вотъ императоръ Французовъ неожиданно для всѣхъ, неожиданно для своихъ недавнихъ союзниковъ, которые завлекли его въ стачку съ собою и такъ коварно измѣнили ему, когда нужно было энергически дѣйствовать, предложилъ европейскій конгрессъ, который долженъ привести все въ движеніе и все подвергнуть вопросу. Англія и Австрія не могутъ желать европейской войны ни изъ-за Польши, ни изъ-за чего бы то ни было; но Франція, какъ всѣмъ извѣстно, была бы не прочь возжечь всякую войну, особенно такую, которая въ своей перспективѣ могла бы обѣщать ей и лѣвый берегъ Рейна, и Бельгію, и гегемонію между европейскими державами. Конгрессомъ, стало-быть, Франція мститъ и Англіи, и Австріи и черезъ него какъ бы подаетъ руку Россіи на опасный для спокойствія Европы союзъ. Политическое созвѣздіе въ Европѣ такимъ образомъ совершенно измѣняется, и наполеоновская Франція высвобождается изъ докучной тѣсноты своего союза съ Англіей и становится несравненно свободнѣе въ своей политикѣ.

Вотъ что прежде всего представляется при мысли о конгрессѣ, который объявленъ Европѣ въ тронной рѣчи императора Французовъ. Вотъ цѣль, для которой повидимому должна послужить весьма практическимъ средствомъ фантастическая мысль о всеобщемъ полюбовномъ размежеваніи европейскихъ государствъ и о братскомъ единеніи, въ которомъ, вслѣдствіе того, будутъ жить укомплектованныя европейскія національности. Наполеону III нужно выйдти изъ своего изолированнаго положенія и поправить свои отношенія къ Россіи.

Таково первое представляющееся объясненіе. Но вполнѣ ли оно удовлетворительно? Захватываетъ ли оно всѣ элементы дѣла? Обнимаетъ ли оно всѣ его стороны? Напротивъ, не одной ли только сторонѣ дѣла соотвѣтствуетъ оно, — той сторонѣ, которая прежде всего бросается въ глаза? Всякое дѣло представляетъ много сторонъ; во всякомъ дѣлѣ есть много разнородныхъ элементовъ; при началѣ и развитіи всякаго дѣла присутствуетъ множество разнообразныхъ побужденій, мыслей и желаній. Но сила заключается въ существенныхъ элементахъ дѣла, въ ближайшихъ побужденіяхъ къ нему, а не въ тѣхъ мысляхъ и чувствованіяхъ, которыя могутъ таиться въ безчисленныхъ изгибахъ ума и сердца человѣческаго и болѣе или менѣе примѣшиваться ко всякому дѣлу.

Безъ нѣкотораго неопредѣленнаго, неизвѣстнаго и таинственнаго элемента, предложеніе конгресса не могло бы разчитывать на успѣхъ и не годилось бы служить средствомъ для практической цѣли. Этотъ таинственный элементъ—виды и намѣренія наполеоновской Франціи, оставшейся въ одиночествѣ по распаденіи коалиціи, которой она была самымъ дѣятельнымъ членомъ. Объявивъ императоръ Французовъ, что вслѣдствіе не приведшихъ ни къ какимъ результатамъ объясненій съ Россіею по польскому дѣлу, онъ приглашаетъ Европу въ Парижъ для того чтобы возобновить съ большею торжественностію и силою не состоявшееся дипломатическое дѣйствіе, это было бы слишкомъ ясно и слишкомъ просто, и такое странное предложеніе, конечно, не могло бы повести ни къ какому результату. Такого страннаго предложенія невозможно было бы сдѣлать. Чтобы дать этому предложенію практическій характеръ, необходимо ввести въ него элементъ неизвѣстный и таинственный. Этотъ таинственный элементъ, какъ замѣчено выше, есть затруднительныя обстоятельства императора Французовъ, во главѣ тщеславной, славолюбивой, воинственной націи, очутившейся въ нестершимомъ изолированномъ положеніи.

Коалиція рушилась! Франція находится въ изолированномъ положеніи! Полно такъ ли все это? Что коалиція трехъ державъ по польскому вопросу есть дѣло фальшивое, что она не можетъ выдержать серіозной пробы, что при энергіи и самоувѣренности Россіи, коалиція эта не имѣетъ никакой силы, что исполненные достоинства отвѣты нашего правительства и послѣдовавшій за ними энергическій образъ дѣйствій его разоблачилъ ея безсиліе и ложь, что неуклонная послѣдовательность въ этой

политикѣ рѣшимости и твердости со стороны русскаго правительства, опирающагося на всѣ силы своего народа, можетъ со славою вывести насъ изъ всѣхъ затрудненій,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Не можетъ быть также сомнѣнія и въ томъ, что если Франція непремѣнно хочетъ возжечь европейскую войну и произвести въ Европѣ радикальные перевороты, то она всегда будетъ въ изолированномъ положеніи. Но едва ли можно утверждать съ полною увѣренностію, что именно теперь Франція находится въ такомъ положеніи, и что ея соглашеніе съ Англіею и Австріею перестало дѣйствовать и рушилось.

Кто повѣритъ, что императоръ Наполеонъ III, вступая въ коалицію съ правительствами Англіи и Австріи, могъ серіозно разчитывать на возможность увлечь эти державы въ европейскую войну изъ-за Польши? Съ другой стороны, какъ допустить, чтобы многохитрый и многоопытный государственный мужъ, стоящій теперь во главѣ правительства Ея Британскаго Величества, знающій до тонкости всѣ ходы наполеоновской политики, чтобы лордъ Пальмерстонъ не предусматривалъ всѣхъ случайностей коалиціи, болѣе походящей по своему характеру и образу своихъ дѣйствій на стачку заговорщиковъ нежели на соглашеніе державъ?

Послѣднія отвѣтныя депеши нашего правительства положили конецъ всякой возможности продолжать переговоры по польскому дѣлу. Вслѣдъ за ними наступилъ краткій промежутокъ затишья въ правительственныхъ сферахъ, колебаній и недоумѣній въ европейской публикѣ. Что начнутъ союзники? что будетъ дѣлать коалиція? Всѣмъ казалось, что дѣлать ей ничего болѣе не оставалось, и что стало-быть она рушилась. Между тѣмъ, въ шотландскомъ городкѣ Блертори, лордъ Россель выразился на митингѣ, что дѣйствія Россіи по польскому дѣлу упраздняютъ Вѣнскій трактатъ въ этомъ пунктѣ, и что вслѣдствіе этого Россія теряетъ свои права на Царство Польское. Мысль объ упраздненіи статей Вѣнскаго трактата, опредѣляющихъ эти права, была уже разъ высказана въ англійскомъ парламентѣ, въ самый разгаръ дипломатическаго движенія противъ Россіи. Мысль эта однако не устрашила Россію, права которой на Польшу имѣютъ основанія болѣе существенныя чѣмъ буква Вѣнскаго трактата, болѣе ослабляющая нежели укрѣпляющая эти права. И вотъ въ то самое время, когда лордъ Россель послалъ свою заключительную депешу, которая подверглась какому-то таинственному измѣненію на пути къ своему назначенію,—въ то самое время, когда замиралъ этотъ послѣдній звукъ шумнаго дипломатическаго вмѣшательства въ наши дѣла, вдругъ раздался въ Парижѣ „трубный гласъ“, созывающій туда всѣхъ коронованныхъ особъ Европы на неслыханное по своему величію дѣло. Старое кончилось, началось новое. Но новое удивительно сходствуетъ съ старымъ,—и очень вѣроятно, что новое есть только метаморфоза стараго,—что новаго только декорація, между тѣмъ какъ смыслъ дѣйствія остается тотъ же. Смыслъ дѣйствія тотъ же, но къ нему прибавлена та неизвѣстная величина, тотъ таинственный x, который является въ лицѣ императора Французовъ, недовольнаго своими союзниками, разстроеннаго въ своихъ планахъ, отталкивающаго отъ себя польское дѣло (сосредоточенное, какъ извѣстно, въ Пале-Роялѣ), готоваго воспламенить всю Европу изъ конца въ конецъ и протягивающаго руку Россіи посреди торжественнаго шума, произведеннаго предложеніемъ конгресса, посреди всевозможныхъ смутныхъ предположеній, невольно возбужденныхъ этимъ удивительнымъ событіемъ.

Насъ призываютъ на какое-то великое дѣло, которое должно начать новую эру для Европы и въ которомъ должна изчезнуть жалкая интрига, возбужденная противъ насъ подъ именемъ польскаго вопроса; насъ призываютъ для международнаго акта, долженствующаго измѣнить видъ цѣлаго міра. Не далѣе какъ вчера, повидимому, вся Европа была противъ насъ, не далѣе какъ вчера три великія державы составляли противъ насъ коалицію,—и вотъ теперь мы должны увѣриться, что тамъ, куда насъ приглашаютъ, мы не очутимся предъ лицомъ той же коалиціи и въ самомъ изолированномъ изъ всѣхъ возможныхъ положеній,—въ положеніи человѣка на скамьѣ подсудимыхъ.

Насъ приглашаетъ императоръ Наполеонъ III, но въ то же самое время вотъ что объявляетъ его правительство законодательнымъ собраніямъ въ *Изложеніи состоянія Французской имперіи*: „Непзмѣнно вни„мательное къ прискорбному зрѣлищу борь„бы, продолжающейся въ Польшѣ, правп-

„тельство императора не теряетъ изъ ви„ду ни одного изъ тѣхъ великихъ интере„совъ, которые связаны съ этимъ дѣломъ, „Оно будетъ поддерживать свое согласіе „съ Англіей и Австріей, и не хочетъ вѣ„рить чтобы соединеніе кабинетовъ въ дѣ„лѣ столь достойномъ ихъ заботливости, „осталось безплоднымъ.“

Если правительство императора Французовъ не хочетъ этому вѣрить, — какъ же повѣримъ мы? Коалиція рушилась: императоръ Французовъ приглашаетъ насъ не на судъ, а на конгрессъ по обще-европейскимъ дѣламъ; мы были бы рады этому вѣрить, но французское правительство объявляетъ само, что коалиція не рушилась, и что оно *будетъ поддерживать свое соглашеніе съ Англіей и Австріей* по польскому дѣлу.

Мы вполнѣ вѣримъ искренности замѣчанія, проскользнувшаго въ газетѣ *Times*, что согласно съ ожиданіями Англіи, конгрессъ этотъ долженъ быть лишь „послѣднею сценою не удавшихся переговоровъ.“

Въ какомъ духѣ и смыслѣ приглашаютъ насъ на конгрессъ, это можно достаточно видѣть изъ того же документа, о которомъ мы сейчасъ упоминали. Разказывая, въ *Exposé de la situation de l'empire*, ходъ переговоровъ по польскому дѣлу правительство императора Французовъ между прочимъ утверждаетъ слѣдующее: „Безспорно, „что актами 1815 года, Полякамъ предо„ставлены драгоцѣнныя выгоды; ими воз„становлено имя Польши, выговорены для „нея національныя учрежденія, *установле„ны нѣкоторыя связи между всѣми частя„ми, составлявшими польское королевство „до перваго его раздѣла.*“ Французское правительство не только не забываетъ польскаго дѣла, но оно помнитъ, какъ мы видимъ, и старую Польшу; отвергая вѣнскіе трактаты, оно въ то же время приписываетъ имъ силу, простирающуюся на русскія области, нѣкогда входившія въ составъ Польскаго королевства. Что можетъ быть шире такого взгляда? Что можетъ быть соотвѣтственнѣе и исторической правдѣ и настоящему положенію вещей? Что можетъ быть дружелюбнѣе относительно Россіи, что можетъ быть согласнѣе съ чувствомъ уваженія къ ея достоинству и силѣ? И для Россіи — что можетъ быть пріятнѣе перспективы европейскихъ совѣщаній въ Парижѣ, гдѣ съ такимъ уваженіемъ смотрятъ на нее, гдѣ въ такомъ духѣ понимаютъ самое жизненное дѣло ея исторіи, ея народности, ея нынѣшняго государственнаго положенія? Если императоръ съ такими мыслями задумалъ свой конгрессъ, то очень естественно, что между слушателями, предъ которыми онъ прочелъ свою тронную рѣчь, особенно пріятное впечатлѣніе, какъ разказываютъ, произвела она на принца Наполеона...

Конгрессъ въ идеѣ, повторимъ, есть вещь очень возможная, легко допустимая; это все равно, что ничто. Но на дѣлѣ конгрессъ, въ настоящее время не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ лишь судомъ надъ Россіей, изъ котораго пришлось бы ей выйдти съ обнаженнымъ мечомъ. Наше правительство руководилось въ своихъ послѣднихъ переговорахъ тою вѣрною мыслію, что оно можетъ всего лучше предотвратить войну и обезпечить европейскій миръ, дѣйствуя безъ всякихъ опасеній единственно въ интересахъ своей страны и не обращая никакого вниманія на требованія и настоянія сговорившихся противъ нея державъ. Тотъ же духъ мудрости будетъ, безъ сомнѣнія, руководствовать имъ и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Мысль о конгрессѣ употреблена императоромъ Французовъ какъ пригодное для его цѣлей средство. Не можетъ ли эта мысль, пущенная такимъ образомъ въ оборотъ, послужить и для насъ къ чему-нибудь пригоднымъ средствомъ? Не можемъ ли мы, пользуясь этою мыслію, поднять нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ европейскихъ вопросовъ, и вызвать чрезъ это какую-либо новую, неожиданную комбинацію въ Европѣ? Если игру ведутъ другіе, — не поиграть ли и намъ? Почему бы и не такъ? Но соображая обстоятельства, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что самый лучшій для насъ путь есть тотъ, на который вступило наше правительство въ послѣднихъ депешахъ князя Горчакова. Великая держава, государство, состоящее изъ 60-ти слишкомъ милліоновъ цѣльнаго, единодушнаго и могущественнаго народа, не можетъ находиться ни подъ какимъ иноземнымъ контролемъ, и его права не могутъ быть повѣряемы ни на какомъ амфиктіоновскомъ судилищѣ. Намъ лишь остается крѣпко хранить увѣренность, что никакая коалиція по польскому дѣлу не можетъ быть намъ опасна, никакой войны изъ-за Польши быть не можетъ, если только мы, не развлекаясь ничѣмъ и ни на что не обращая вниманія, будемъ дѣйствовать открыто, рѣшительно

и смѣло въ интересахъ Россіи, въ чувствѣ нашихъ инстинныхъ силъ и нашего національнаго достоинства.

№ 244.

Москва, 8-го ноября.

Наши ходячія понятія о деньгахъ, безденежьи и т. п. заимствованы отъ частнаго хозяйства, и этимъ отличаются отъ понятій, развиваемыхъ политическою экономіей, наукою, которая имѣетъ своимъ предметомъ законы народнаго хозяйства. Совершенно ошибочно полагать, что ходячія понятія основаны на практикѣ, а экономическія на теоріи; напротивъ, какъ тѣ, такъ и другія основаны и на практикѣ и на теоріи, но практика и теорія относятся въ этихъ двухъ случаяхъ къ разнымъ предметамъ, а потому неудивительно, что понятія науки должны во многомъ разниться отъ ходячихъ. Можно даже сказать, что главнѣйшія ошибки въ сужденіяхъ по вопросамъ о деньгахъ и безденежьи бываютъ основаны на примѣненіи къ народному хозяйству того что имѣетъ силу лишь относительно частнаго хозяйства. Предостерегать отъ этого смѣшенія понятій есть задача политической экономіи: нужно нѣкоторое напряженіе мысли, чтобы говоря о народномъ хозяйствѣ, ни на минуту не упускать изъ виду что рѣчь идетъ о народномъ, а не о частномъ хозяйствѣ.

У частнаго человѣка можетъ быть и много, и мало денегъ. Но вы жестоко ошибетесь, если перенесете это понятіе на государство, то-есть не только на государственную казну, но и на совокупность жителей государства. Въ государственномъ казначействѣ дѣйствительно можетъ быть либо много, либо мало денегъ; тутъ возможенъ и тотъ, и другой случай, точно также какъ въ частномъ хозяйствѣ. Но у совокупности жителей государства, то-есть на такъ-называемомъ денежномъ рынкѣ, денегъ обыкновенно бываетъ лишь столько сколько нужно. Слишкомъ мало денегъ не можетъ быть на денежномъ рынкѣ, по крайней мѣрѣ не можетъ быть въ продолженіи значительнаго времени.

Теперь у насъ жалуются на безденежье и полагаютъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ на нашемъ денежномъ рынкѣ чувствуется недостатокъ въ денежныхъ знакахъ. Но это рѣшительно невозможно. Чтобы денежныхъ знаковъ было въ какой-нибудь странѣ слишкомъ много въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, это случай возможный, но рѣшительно невозможно чтобъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ денежныхъ знаковъ въ какой-либо странѣ было слишкомъ мало.

Что такое деньги? Это или звонкая монета, или бумажки. Когда денегъ какъ разъ столько сколько нужно, то все равно въ звонкой ли монетѣ, или въ бумажкахъ заключаются деньги страны. Но когда денегъ либо много, либо мало, то оказывается важное различіе между звонкою монетой и бумажками. Если деньги какой-нибудь страны состоятъ въ звонкой монетѣ, то ихъ никогда, иначе какъ на весьма короткое время, не можетъ быть ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало, потому что при избыткѣ звонкой монеты становится выгоднымъ вывозить ее изъ страны, а при недостаткѣ, наоборотъ, становится выгоднымъ ввозить ее. Если же деньги какой-нибудь страны состоятъ изъ бумажекъ, то избытокъ и недостатокъ ихъ ведутъ къ совершенно различнымъ послѣдствіямъ. При недостаточномъ количествѣ бумажныхъ денегъ чувствуется недостатокъ въ деньгахъ вообще, а такъ какъ звонкая монета—тѣ же деньги, звонкую же монету можно ввезти, то недостаточное количество бумажныхъ денегъ, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ того какъ оно почувствуется, будетъ пополнено звонкою монетой, привезенною изъ-за границы. При этомъ хотя количество бумажныхъ денегъ, находящихся въ обращеніи, и останется прежнее, но на ряду съ бумажными деньгами появится звонкая монета, пришедшая изъ-за границы, и слѣдовательно ощущеніе недостатка въ деньгахъ прекратится. Такъ было у насъ въ тридцатыхъ годахъ. Ассигнацій, бывшихъ тогда въ обращеніи, оказалось слишкомъ недостаточно для потребностей обращенія. Вслѣдствіе этого стала притекать въ Россію звонкая монета изъ-за границы, и всѣ помнятъ сколько тогда ходило у насъ иностранной монеты. Вотъ что непремѣнно бываетъ, когда въ деньгахъ оказывается недостатокъ. Вотъ что и теперь было бы, еслибъ у насъ было, какъ полагаютъ нѣкоторые, слишкомъ мало денегъ.

Итакъ слишкомъ мало денежныхъ знаковъ никакъ не можетъ быть въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ни въ какой странѣ.

Но наоборотъ, очень возможно чтобы долгое время существовалъ избытокъ въ денежныхъ знакахъ, то-есть разумѣется не въ звонкой монетѣ, а въ бумажкахъ. Посмотримъ, что случилось далѣе съ нашимъ денежнымъ обращеніемъ. Въ 1839 году были выпущены кредитные билеты, и число ихъ стало понемногу возрастать. Старинныхъ ассигнацій ходило, считая на серебро, около 170 милліоновъ. Когда количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ превзошло эту цифру, иностранная звонкая монета стала исчезать изъ обращенія, а къ концу сороковыхъ годовъ, когда количество обращавшихся кредитныхъ билетовъ возросло до 300 милліоновъ, иностранная звонкая монета совсѣмъ исчезла изъ обращенія, и испанскіе піастры со столбиками, десять лѣтъ передъ тѣмъ короткіе знакомцы каждаго кошелька, сдѣлались у насъ рѣдкостью. Но всякій помнитъ, что къ концу сороковыхъ годовъ обращалось еще очень много и русскаго серебра, и русскаго золота, — трудно сказать сколько: иные полагаютъ, не менѣе 500 милліоновъ; по всему вѣроятію, много меньше, такъ какъ при платежахъ были гораздо чаще видны бумажки чѣмъ звонкая монета. Тѣмъ не менѣе количество русскихъ цѣлковыхъ и полуимперіаловъ находившихся тогда въ обращеніи было очень значительно: звонкая монета, по неудобству счета и пересылки, рѣже переходитъ изъ рукъ въ руки; цѣлковый едва ли перейдетъ десять разъ изъ рукъ въ руки въ то самое время когда кредитный билетъ сдѣлаетъ сто переходовъ; поэтому если при платежахъ было видно въ десять разъ меньше звонкой монеты, чѣмъ кредитныхъ билетовъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ ея не могло быть въ обращеніи столько же сколько кредитныхъ билетовъ. Таково было положеніе дѣлъ передъ началомъ восточной войны. Въ первое время войны увеличилось количество звонкой монеты вслѣдствіе того что былъ заключенъ внѣшній заемъ; вскорѣ она была вывезена за границу, и Константинополь былъ тогда полонъ русской монеты. Затѣмъ правительство приступило къ выпуску кредитныхъ билетовъ для покрытія военныхъ издержекъ. Эти выпуски, какъ извѣстно, были очень сильны, и наконецъ количество обращающихся кредитныхъ билетовъ возросло до 735 милліоновъ. Денегъ сдѣлалось въ Россіи слишкомъ много. Тогда естественное движеніе денежнаго рынка состояло въ томъ, чтобъ уменьшить избытокъ въ деньгахъ. Для достиженія этой цѣли денежный рынокъ, повинуясь силѣ вещей, воспользовался двумя средствами. Вопервыхъ, вся та часть денегъ, которая имѣла всемірную цѣнность, то-есть вся звонкая монета, находившаяся въ обращеніи, была вывезена за границу, и въ странѣ осталась только та звонкая монета, которая лежала такъ сказать подъ спудомъ, зарытая въ землѣ или запертая въ сундукахъ, — но эта звонкая монета, хотя и оставалась въ странѣ, не находилась въ обращеніи. Этого оказалось однако мало. Въ деньгахъ все-таки чувствовался избытокъ. Такъ какъ оставшіяся въ обращеніи деньги были бумажки, то денежный рынокъ не могъ сбыть ихъ за границу. Онъ воспользовался пріемомъ вкладовъ въ кредитныхъ установленіяхъ, и скоро въ кассахъ кредитныхъ установленій скопилось около 150 милліоновъ рублей, которыхъ никто не хотѣлъ брать оттуда. Въ то же время стала чувствоваться дороговизна всѣхъ предметовъ, покупаемыхъ на деньги, то-есть удешевленіе денегъ, и это удешевленіе сказалось уже на вексельномъ курсѣ. Тогда можно было бы легко пособить дѣлу, предложивъ владѣльцамъ полутораста милліоновъ, лежавшихъ въ казенныхъ банкахъ, и приносившихъ по 4%, обмѣнять вкладные билеты на болѣе доходныя облигаціи. Послѣ этого обмѣна можно было бы открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. При тогдашнемъ огромномъ размѣнномъ фондѣ было бы достаточно двухъ небольшихъ займовъ, одного внѣшняго, другаго внутренняго, всего никакъ не болѣе чѣмъ на сто милліоновъ рублей, чтобы возстановить нашу валюту, то-есть законную цѣну монетной единицы. Но мы избрали, какъ извѣстно, иной путь. Мы не только не пособили денежному обращенію, но нанесли ему сильнѣйшій ударъ. Казенные банки понизили процентъ, платимый по вкладамъ. Вмѣсто того, чтобы считать скопившіяся кредитные билеты какъ бы поступившими къ размѣну и слѣдовательно подлежащими изъятію изъ обращенія, наши казенные банки выбросили ихъ на денежный рынокъ. Этимъ была произведена памятная всѣмъ акціонерная лихорадка, и въ то же время въ значительной степени усилена всеобщая дороговизна. Но и тутъ сила вещей возстановила бы равновѣсіе, если бы не встрѣтила противодѣйствія въ искус-

ственной поддержкѣ вексельнаго курса. Это былъ третій тяжкій ударъ, нанесенный естественному движенію нашей экономической жизни. Первымъ ударомъ былъ выпускъ излишняго количества кредитныхъ билетовъ. Рынокъ пытался вывернуться изъ затрудненія вывозомъ звонкой монеты за границу и внесеніемъ кредитныхъ билетовъ, составлявшихъ и затѣмъ излишекъ, въ казенные банки. Вторымъ ударомъ было пониженіе банковаго процента по вкладамъ; послѣ того рынку было уже труднѣе бороться съ затрудненіями; излишніе кредитные билеты создали множество предпріятій, не имѣвшихъ будущности, и усилили дороговизну. Но и тутъ современемъ возстановилось бы равновѣсіе. Кредитные билеты подешевели бы до такой степени, что этимъ удешевленіемъ былъ бы въ сущности уничтоженъ ихъ избытокъ. Такой оборотъ дѣйствительно и принимали денежныя дѣла, когда послѣдовалъ третій упомянутый нами ударъ—поддержка вексельнаго курса. Дѣйствіе поддержки курса состояло въ томъ, что между тѣмъ какъ во внутреннихъ оборотахъ рубль дешевѣлъ и всѣ предметы дорожали, для внѣшнихъ оборотовъ цѣна рубля искусственно поддерживалась значительно выше. Поэтому сдѣлалось выгоднѣе тратить наши рубли за границей чѣмъ дома. Внутри Россіи стало жить гораздо дороже прежняго; предметы отпуска также вздорожали, и вслѣдствіе того уменьшилось число охотниковъ вывозить за границу наши продукты. На оборотъ сдѣлалось выгодно либо проживать свои деньги за границей, либо покупать на нихъ за границей товары; либо наконецъ просто переводить свои капиталы для заграничныхъ помѣщеній, потому что только подъ этими тремя условіями можно было воспользоваться искусственною поддержкой курса, то-есть взять съ казны извѣстный процентъ на свои деньги. Для борьбы съ послѣдствіями этой мѣры, опорожнявшей Россію отъ капиталовъ, рынокъ былъ уже совершенно безсиленъ, потому что она сама обезсиливала его и доставляла постоянный перевѣсъ надъ нимъ иностранцамъ. Наши капиталы, значительно умаленные сначала восточною войной, потомъ громадными потерями нашихъ акціонерныхъ компаній, получили теперь направленіе къ выходу изъ Россіи. Могло ли не почувствоваться безденежье? Но это безденежье значитъ только то, что у большей части русскихъ людей не достаетъ средствъ для веденія своихъ дѣлъ, а отнюдь не значитъ, чтобы въ Россіи было мало денежныхъ знаковъ. Мало ихъ быть не можетъ, какъ мы видѣли. Напротивъ, очевидно, что ихъ слишкомъ много.

Вотъ вкратцѣ исторія хода дѣлъ на нашемъ денежномъ рынкѣ. Онъ прошелъ черезъ столько потрясеній, что нельзя не удивляться его сравнительному благосостоянію. Намъ не должно падать духомъ. Нашъ организмъ крѣпокъ. Если мы слабы, то не средствами выйдти изъ затрудненія, а умѣньемъ избирать ихъ. Наши главныя затрудненія—не практическія, отъ человѣческой воли не зависящія, а теоретическія, заключающіяся въ насъ самихъ, въ нашей нерѣшимости серіозно вникнуть въ дѣло и идти къ цѣли прямымъ путемъ, предвидя затрудненія и предотвращая ихъ, а не ожидая того времени когда они наступятъ и заставятъ насъ разыграть роль Эпиметея. Чтобы дѣйствовать какъ слѣдуетъ намъ нужна только увѣренность, что мы въ силахъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ. Въ этомъ заключается для насъ тайна успѣха, какъ въ финансовой, такъ и во всякой другой политикѣ. Наряду съ этою увѣренностью въ своихъ силахъ, намъ необходимо освободиться отъ вредной привычки приносить въ жертву свои интересы желанію, чтобы насъ похвалили иностранцы. Каждое государство существуетъ для себя, а не для другихъ государствъ, и должно имѣть на первомъ планѣ интересы своихъ, а не чужихъ подданныхъ. Иностраннымъ общественнымъ мнѣніемъ нельзя не дорожить, но нельзя дорожить имъ до такой степени, чтобы жертвовать ему своими правами или выгодами. Излишняя уступчивость и угодливость вызываетъ притязанія, а притязанія имѣютъ всегдашнее свойство возрастать до тѣхъ поръ, пока уступающій оказывается наконецъ не въ силахъ удовлетворять имъ.

Государственный банкъ теперь совсѣмъ прекратилъ размѣнъ. При этомъ рѣшеніи онъ руководствовался очевидною необходимостію. Можно сожалѣть о томъ, что операція размѣна не удалась, но надобно радоваться тому, что размѣнъ прекращенъ прежде истощенія размѣннаго фонда. Если администрація ловко воспользуется всѣми представляющимися ей средствами, то нѣтъ сомнѣнія, что мы выйдемъ счастливо изъ затрудненій,—хотя съ другой стороны нель-

зя скрывать отъ себя, что никакая мудрость не въ силахъ излѣчить нашъ денежный рынокъ такъ, чтобы совсѣмъ обойдтись безъ кризиса.

№ 245.

Москва, 9-го ноября.

Попробуемъ подвести общій итогъ разнообразнымъ и частію противорѣчивымъ извѣстіямъ, которыя сообщаются ниже подъ разными рубриками, о положеніи вопроса о пресловутомъ европейскомъ конгрессѣ. Повидимому, нѣтъ сомнѣнія, что ни одна изъ европейскихъ державъ не имѣетъ въ виду отказаться наотрѣзъ отъ участія въ конгрессѣ, на который такъ скромно приглашаетъ европейскихъ государей императоръ Наполеонъ III, предлагая имъ радушное гостепріимство въ Парижѣ; ни одна не имѣетъ въ виду рѣшительно отвергнуть идею о конгрессѣ. Да и зачѣмъ было бы отвергать такую прекрасную мысль? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть прекраснѣе этой мысли о разрѣшеніи, путемъ мирнаго и полюбовнаго соглашенія, всевозможныхъ вопросовъ накопившихся въ Европѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе? Тѣмъ не менѣе, охотно допуская идею о конгрессѣ, европейскія державы имѣютъ въ виду обратиться къ императору Наполеону за разъясненіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся ея осуществленія, какъ-то: какіе именно изъ вопросовъ, волнующихъ современную Европу, будутъ подлежать разсмотрѣнію конгресса, и какія по его мнѣнію мѣры должны быть принимаемы противъ тѣхъ державъ, которыя не пожелали бы подчиниться рѣшенію конгресса. Какъ утверждаетъ берлинская *Шпенерова Газета*, король Пруссіи, при самомъ предъявленіи ему пригласительнаго письма барономъ Таллейраномъ, не входя ни въ какія сношенія съ Австріей или Англіей, уже высказался точь-въ-точь также какъ по поводу приглашенія Австріи на франкфуртскій съѣздъ, то-есть, что напередъ европейскіе кабинеты должны предварительно выработать подробную программу для занятій конгресса. Лондонскій *Экономистъ* положительно утверждаетъ, что англійское правительство, съ своей стороны, уже препроводило въ Парижъ запросъ о программѣ конгресса, но что тамъ, по всей вѣроятности, не дадутъ на этотъ запросъ положительнаго и удовлетворительнаго отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ газета *La France*, уже нѣсколько дней тому назадъ, высказалась противъ подобныхъ запросовъ, а *Pays*, газета еще болѣе *оффиціозная* чѣмъ *La France*, объявляетъ теперь и причины, почему Франція не считаетъ себя даже въ правѣ опредѣлять въ точности программу для предполагаемаго конгресса. Облекаясь за послѣднее время все въ большую и большую скромность, правительство императора Наполеона полагаетъ, что взявъ на себя составленіе программы для конгресса, оно тѣмъ самымъ нарушило бы права другихъ державъ, а потому оно приглашаетъ ихъ явиться на конгрессъ съ завязанными глазами, и не смущаясь заранѣе ожиданіемъ императорскихъ сюрпризовъ, уже тамъ, на конгрессѣ, среди парижской атмосферы, заняться опредѣленіемъ вопросовъ подлежащихъ общему обсужденію. Таковъ, какъ слышно, отвѣтъ данный кабинетамъ, которые полюбопытствовали узнать напередъ о чемъ будетъ идти рѣчь на таинственномъ парижскомъ конгрессѣ.

Что же касается до обязательности рѣшеній конгресса и до принудительныхъ мѣръ, которыми они приводились бы въ исполненіе, то по увѣренію дипломатическихъ агентовъ Франціи за границей, ни о чемъ подобномъ и не думаетъ правительство императора Наполеона. Въ настоящее время оно такъ идиллически настроено, что мечтаетъ водворить всеобщій миръ и благополучіе на землѣ лишь путемъ разумныхъ убѣжденій: конгрессъ, по его идеѣ, долженъ быть только попыткою, не согласятся ли между собою всѣ державы въ такомъ разрѣшеніи вопросовъ, которое удовлетворило бы всѣхъ равно. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ можно согласить ихъ между собою, хотя бы относительно только программы для предполагаемаго конгресса. Начнемъ съ самаго невиднаго изъ всѣхъ вопросовъ: съ вопроса шлезвигъ-гольштейнскаго.

По мнѣнію германскаго сейма, уже не разъ имъ высказанному, этотъ вопросъ, въ томъ видѣ по крайней мѣрѣ, въ какомъ онъ былъ до смерти датскаго короля Фридриха VII, принадлежитъ къ числу внутреннихъ, какъ бы домашнихъ вопросовъ Германіи, а внутренніе вопросы Германіи (въ томъ числѣ, и вопросъ о политическомъ объединеніи этой страны) сеймъ во вся-

комъ случаѣ, какъ видно изъ новѣйшихъ извѣстій, намѣренъ изъять изъ вѣдѣнія предполагаемаго конгресса, и ко вмѣшательству въ свой завѣтный шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ еще и прежде не соглашался допустить даже доброжелательнаго графа Росселя. Итакъ, мы будемъ лишены удовольствія слѣдить за разъясненіемъ этого запутаннаго вопроса на европейскомъ конгрессѣ. Вопросъ этотъ сдѣлалъ, впрочемъ, шагъ впередъ со смертію послѣдняго потомка мужескаго колѣна Ольденбургской династіи: Нѣмцы, какъ читатели увидятъ изъ помѣщенной ниже статьи берлинской *Національной Газеты*, спѣшатъ воспользоваться этимъ случаемъ для отдѣленія отъ Даніи не только Гольштейна и Лауэнбурга, но и Шлезвига, и желаютъ посадить принца Фридриха Аугустенбургскаго на престолъ этихъ вновь соединяемыхъ герцогствъ. Берлинская полуофиціальная газета: *Norddeutsche allgemeine Zeitung*, сходясь въ этомъ желаніи съ органомъ партіи прогрессистовъ, *Національною Газетой*, впрочемъ готова признать за этою частью шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса общеевропейскій характеръ; но и она едва ли согласится передать его на рѣшеніе конгресса, такъ какъ рѣшеніе это, почти несомнѣнно, состоялось бы противъ желаній германскихъ патріотовъ.

О папѣ и говорить нечего: онъ и слышать не хочетъ даже о такомъ конгрессѣ, который только подтвердилъ бы совершившіеся факты, а еще менѣе о такомъ, который занялся бы рѣшеніемъ римскаго вопроса, то-есть, вопроса о томъ, нельзя ли Римъ, естественное средоточіе Италіи, сдѣлать дѣйствительною столицей Итальянскаго королевства. Да и самъ императоръ Наполеонъ при всемъ своемъ великодушіи и миролюбіи, едва ли согласится, чтобы конгрессъ занялся вопросомъ о томъ, какъ полезно было бы, въ видахъ умиротворенія южной Италіи, еслибъ онъ вывелъ свои войска изъ Рима.

Но ключъ къ разрѣшенію всей нынѣшней европейской путаницы *Saturday Review* (см. наши *Воскресныя Прибавленія*) не совсѣмъ несправедливо видитъ въ способѣ, съ помощью котораго можно было бы присоединить Венеціанскую область къ Италіи. Просто отнять эту область у Австріи—нельзя: это значило бы нарушить предоставленныя ей трактатами права. Вознаградить ее?—Но чѣмъ?—Польшею?—Но ее пришлось бы напередъ силою отнять у Россіи. На счетъ Турціи?—Но Англія не допуститъ, чтобы такимъ образомъ начали нескончаемый раздѣлъ имущества хотя *больнаго*, однако еще не совсѣмъ умершаго человѣка. На счетъ Германіи?—А что скажетъ на это Пруссія и другія германскія и не германскія государства? Впрочемъ, нечего и ломать себѣ голову надъ миролюбивымъ разрѣшеніемъ этого вопроса: и о немъ ничего не услышали бы мы на предполагаемомъ конгрессѣ, еслибъ онъ состоялся; вѣнская газета *Presse*, въ приведенной ниже статьѣ, положительно увѣряетъ, что условіями, на которыхъ будто бы соглашаются участвовать на конгрессѣ Англія, Австрія и Пруссія, заранѣе устраняется итальянскій вопросъ во всемъ его объемѣ, потому-де что о немъ въ настоящее время не ведутся дипломатическіе переговоры (и дѣйствительно, въ *Желтой Книгѣ*, только что представленной законодательнымъ палатамъ Франціи, нѣтъ ни одного дипломатическаго документа по итальянскимъ дѣламъ); къ тому же онъ не возбуждаетъ не разрѣшимыхъ разногласій между державами.

Есть еще одинъ вопросъ, близко касающійся нашихъ интересовъ, вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата 1856 г., который, между прочимъ, совершенно обезоружилъ Россію на Черномъ морѣ. Россія, можетъ-быть, была бы не прочь подвергнуть этотъ трактатъ пересмотру на европейскомъ конгрессѣ; но кромѣ того что о немъ въ послѣднее время не велось дипломатическихъ переговоровъ, Англія, какъ увѣряютъ насъ берлинскіе корреспонденты *Кельнской Газеты*, ни за что не допуститъ такого пересмотра, и не только Англія, но согласно съ тѣми же показаніями, и Пруссія, и Франція, не говоря уже о доброй нашей сосѣдкѣ—Австріи.

Итого, остается лишь одинъ несчастный польскій вопросъ, на который вѣнская *Presse* обязательно и указываетъ, какъ на такой, которымъ преимущественно и прежде всего долженъ заняться европейскій конгрессъ, при чемъ эта газета предполагаетъ, что Россія *согласится* на это, отчасти удовольствовавшись тѣмъ, что этотъ конгрессъ для виду займется слегка и другими маловажными вопросами, а отчасти въ надеждѣ на самомъ конгрессѣ привлечь на свою сторону Англію, Австрію и Пруссію, и составить съ ними коалицію (противъ кого и для

чего?) Но не надобно быть ни пророкомъ, ни человѣкомъ посвященнымъ въ таинственныя цѣли правительствъ, для того чтобы видѣть, какъ глубоко ошибается *Presse* въ своихъ разчетахъ на благодушіе Россіи. Нѣтъ! пусть знаютъ вѣнскіе политики, что въ Россіи не найдется ни одного истинно-русскаго человѣка, который прочелъ бы ея предположенія безъ негодованія. Нѣтъ! польскій вопросъ менѣе всякаго другаго можетъ и долженъ стать предметомъ совѣщаній на конгрессѣ, уже по одному тому, что Россія признала его своимъ жизненнымъ вопросомъ, и что о немъ было столько безплодныхъ совѣщаній, столько переговоровъ, которые не привели ни къ чему... мы ошибаемся—которые привели къ тому, что и до сихъ поръ еще льется кровь несчастныхъ, обманутыхъ жертвъ этого вопроса. Тянуть дѣло, длить переговоры на конгрессѣ или безъ конгресса, питать несбыточныя надежды въ Полякахъ, значило бы только совершать новыя преступленія противъ человѣколюбія, и формальное отступленіе лорда Росселя, который не оставляетъ Полякамъ ни малѣйшей надежды не только на вооруженное, но и на какое бы то ни было дальнѣйшее вмѣшательство Англіи, въ тысячу разъ почетнѣе и обнаруживаетъ несравненно большее къ нимъ доброжелательство чѣмъ эти лицемѣрныя увѣренія, что дѣло Польши такъ популярно во Франціи, что Наполеонъ рѣшился „подвергнуть риску одинъ изъ первыхъ своихъ союзовъ на материкѣ Европы“, что „польская нація, въ глазахъ Франціи, наслѣдница права внесеннаго и въ лѣтописи исторіи, и въ трактаты“, что „возстаніе, которому самая продолжительность его придаетъ національный характеръ, возбуждаетъ повсюду симпатіи“, и наконецъ эти невысказанныя обнадеживанія, что дѣло возмутившихся Поляковъ будетъ подвергнуто суду всей Европы. Пусть же знаютъ Поляки, что никакой судъ Европы,—подъ именемъ ли конгресса или конференціи,—не состоится, потому что не оказывается ни одного вопроса, который могъ бы быть предоставленъ его рѣшенію, и нѣтъ ни одной державы въ Европѣ, которая рѣшилась бы идти на этотъ судъ, не зная кого и за что будутъ судить на немъ. Пусть знаютъ Поляки, что менѣе всѣхъ другихъ вопросовъ на этотъ воображаемый судъ можетъ поступить такъ-называемый польскій вопросъ...

№ 246.

Москва, 11-го ноября.

А.

Въ помѣщаемыхъ ниже документахъ изъ *Желтой Книги*, только-что представленной законодательнымъ палатамъ Франціи, предъ нами снова проходитъ вся дипломатическая исторія такъ-называемаго польскаго вопроса. Эти документы такъ написаны и въ такомъ порядкѣ расположены въ *Желтой Книгѣ*, чтобъ оставить въ душѣ французскаго читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Въ нихъ, при самомъ началѣ, французское правительство является въ высшей степени умѣреннымъ, осмотрительнымъ, великодушнымъ и миролюбивымъ. Не оно возбудило польскій вопросъ, и встревожило имъ всю Европу, а напротивъ, „Англія, какъ великая держава, участвовавшая притомъ въ заключеніи трактатовъ 1815 г., сочла себя въ правѣ выразить С.-Петербургскому кабинету свои чувства по поводу нынѣшняго возстанія въ Польшѣ.“ Англія, получивъ неблагопріятный для себя отвѣтъ на свою депешу отъ 2-го марта, принялась возбуждать и Францію, и другія державы, подписавшія Вѣнскій трактатъ, къ представленіямъ С.-Петербургскому двору, „ожидая отъ нихъ самаго счастливаго вліянія на рѣшенія этого двора.“ Напротивъ, Франція заявляла даже въ Петербургѣ свое желаніе, чтобы нашъ дворъ, дѣйствуя по собственному побужденію, предупредилъ офиціяльныя представленія державъ подписавшихъ Вѣнскій трактатъ, говоря иначе, чтобъ онъ уступилъ не офиціяльнымъ требованіямъ Европы, а такъ-называемымъ дружескимъ совѣтамъ одной Франціи! Но вотъ общія представленія, которыя имѣла въ виду Англія, не состоялись вслѣдствіе сопротивленія оказаннаго между прочимъ и Вѣнскимъ кабинетомъ. Тогда Англія выразила Франціи свое желаніе согласиться съ нею насчетъ способовъ „выполненія обязанностей, лежащихъ на державахъ.“ Англія такимъ образомъ какъ бы желала веденіе всего дѣла предоставить Франціи, и тогда Франція принялась за него со всею энергіей: въ ея чувствахъ и расположеніи какъ бы произошелъ совершенный переворотъ, и изъ державы возбуждаемой и подстрекаемой она вдругъ стала возбудительницею и подстрекательницею другихъ. До сихъ поръ Австрія оставалась глуха и нечувствительна къ при-

зывамъ Англіи; но предъ волею Франціи, которая могла разомъ поднять противъ нея венеціянскій вопросъ, она должна была немедленно склониться. И дѣйствительно, только 23-го марта, въ переговорахъ своихъ съ лордомъ Коулеемъ, г. Друэнъ-де-Люисъ указалъ на необходимость привлечь къ общему дѣйствію Австрію, для того, чтобы придать ему дѣйствительную силу, и уже 12-го апрѣля первая австрійская депеша была на пути въ Петербургъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы только 23-го марта Франція впервые возымѣла мысль возбудить противъ насъ Австрію: еще прежде г. Друэнъ-де-Люисъ излагалъ герцогу де-Монтебелло свои соображенія о томъ, какъ было бы важно привлечь эту державу. Къ сожалѣнію, французское правительство сочло нужнымъ утаить эту депешу и отъ законодательныхъ палатъ, и отъ Европы. 24-го марта, князь Меттернихъ былъ уже снова въ Парижѣ, совершивъ поѣздку въ Вѣну, гдѣ онъ, между прочимъ, изустно сообщилъ своему правительству о впечатлѣніяхъ правительства императора Французовъ. Во всякомъ случаѣ, изъ сообщенныхъ документовъ очевидно, что Франція вызвала Австрію къ дѣйствіямъ противъ Россіи, имѣя при этомъ въ виду придать своему вмѣшательству дѣйствительную силу.

Съ этого времени Англія какъ бы отходитъ на задній планъ, уступая первенство Франціи. Франція развиваетъ соображенія, которыя изложены въ первыхъ депешахъ трехъ державъ; Франція находитъ неудовлетворительнымъ первоначальное намѣреніе Вѣнскаго кабинета препроводить свою депешу не для предъявленія князю Горчакову, а для руководства графу Туну въ его объясненіяхъ съ русскимъ вице-канцлеромъ, и Австрія тотчасъ же уступаетъ желанію Франціи. Франція спѣшитъ превратнымъ истолкованіемъ первыхъ отвѣтовъ князя Горчакова отъ 14-го (26-го) апрѣля, придавая имъ смыслъ, какого они не имѣли и имѣть не могли. Князь Горчаковъ не отвергалъ права сопредѣльныхъ державъ и державъ участвовавшихъ въ составленіи главнаго акта вѣнскаго конгресса интересоваться польскими дѣлами, и разсуждая о мѣрахъ къ прекращенію польскаго мятежа, устранялъ возстановленіе конституціи 1815 г. и указывалъ на связь этого мятежа съ происками всесвѣтной революціи, которой противодѣйствовать равно обязаны всѣ европейскія правительства. Поставляя въ тѣни послѣдній пунктъ, г. Друэнъ-де-Люисъ поспѣшилъ вывести изъ этого отвѣта заключеніе, что Россія приглашаетъ державы къ соглашенію насчетъ мѣръ внутренняго преобразованія Польши, причемъ будто бы не стѣсняетъ ихъ даже предѣлами трактатовъ 1815 года. Что это было добровольное заблужденіе со стороны французскаго правительства, видно изъ депеши г-на Друэнъ-де-Люиса отъ 16-го марта, въ которой, со словъ барона Будберга, прямо высказано, что Императоръ Александръ намѣревается только послѣ подавленія мятежа въ Польшѣ даровать ей всепрощеніе, изъявъ изъ него лишь зачинщиковъ и вождей мятежа, и что Его Величество не думаетъ лишить Поляковъ тѣхъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и предполагаетъ даже предоставить имъ нѣкоторое участіе въ завѣдываніи дѣлами страны, относящимися къ интересамъ матеріяльнымъ, участіе которое могло бы быть со временемъ расширено. Такимъ образомъ намѣренія русскаго правительства были хорошо извѣстны Тюльерійскому кабинету, когда онъ, превратно истолковавъ депеши князя Горчакова отъ 13-го (25-го) апрѣля, принялся хлопотать о программѣ преобразованій, въ надеждѣ путемъ устрашенія навязать ее Россіи.

Эта программа, какъ извѣстно, составлена была Австріей, но усилена и видоизмѣнена Англіей и Франціей. Англія съ своей стороны присоединила къ ней предложеніе о перемиріи и о представительствѣ съ правами, опредѣленными въ польской конституціи 1815 г. Изъ помѣщаемыхъ ниже документовъ мы узнаемъ новаго только то, что повидимому въ первоначальномъ австрійскомъ проектѣ выговаривалась свобода совѣсти въ Польшѣ только для католиковъ; протестантская Англія и болѣе либеральная въ этомъ отношеніи Франція позаботились о распространеніи этого великаго блага и на протестантовъ и на Евреевъ, проживающихъ въ Царствѣ Польскомъ, предлагая установленіе полной и совершенной свободы совѣсти.

Горячность Франціи и тутъ высказалась предложеніемъ чтобы депеши, заключающія въ себѣ шесть пунктовъ, были тождественныя отъ начала и до конца, и чтобы шесть пунктовъ считались не болѣе какъ элементами, долженствующими получить и точное выраженіе, и дальнѣйшее развитіе на конференціяхъ. Первое предложеніе было

устранено; на второе согласился даже и вѣнскій кабинетъ.

Не прошло и трехъ дней по отправленіи въ Петербургъ этихъ формулированныхъ въ шести пунктахъ предложеній, какъ французское правительство, 20-го іюня, старается склонить Англію и Австрію къ заключенію формальнаго акта, которымъ всѣ три державы обязались бы достигнуть своей цѣли относительно Россіи во что бы то ни стало, и на случай безуспѣшности однихъ дипломатическихъ средствъ объявили бы свое намѣреніе согласиться насчетъ другихъ мѣръ, болѣе дѣйствительныхъ. Это предложеніе, которое должно было бы вовлечь въ войну противъ Россіи и Англію, и Австрію, было устранено ими обѣими.

Послѣдовали достопамятные отвѣты князя Горчакова, отъ 1-го (13-го) іюля. Раздраженіе Франціи увеличивалось еще болѣе отъ безсилія и невозможности дѣйствовать одной; она поспѣшила составить проектъ тождественной для трехъ державъ депеши, и искушала Австрію и Англію предложеніемъ, не пожелаютъ ли онѣ дать этой депешѣ болѣе торжественную форму общей ноты, подписанной представителями трехъ державъ въ Петербургѣ. Онѣ не одобрили ни этого предложенія, ни вообще проекта Франціи. Напротивъ, заключительные параграфы австрійскаго проекта такъ понравились въ Лондонѣ, что всѣ три державы рѣшились усвоить ихъ своимъ депешамъ отъ 3-го и 10 августа. Эти депеши, очевидно, не могли поколебать твердой рѣшимости русскаго правительства, и князь Горчаковъ объявилъ въ тождественныхъ выраженіяхъ всѣмъ тремъ дворамъ, что „Императоръ Александръ (какъ передаетъ слова русскаго вице-канцлера г. Друэнъ-де-Люисъ) покоряется только волѣ Божіей и руководствуется только собственною совѣстью въ исполненіи своихъ обязанностей относительно подвластныхъ ему народовъ, и не обязанъ давать отчета Европѣ въ употребленіи своихъ верховныхъ правъ.“ Въ послѣдней депешѣ, отъ 22-го сентября, которою замыкается рядъ депешъ *Желтой Книги* г. Друэнъ-де-Люисъ сожалѣетъ, что „такія три державы, какъ Англія, Австрія и Франція, не могли согласиться между собою насчетъ того чтобы придать своимъ попыткамъ всю дѣйствительность, какой бы можно было только пожелать и обезпечить за своимъ мнѣніемъ непреодолимый авторитетъ совокупнаго рѣшенія. Французское правительство слагаетъ съ себя всю отвѣтственность за это, ссылаясь на свои попытки 20-го іюня. Замѣтимъ мимоходомъ странную ошибку въ депешѣ г. Друэнъ-де-Люиса отъ 22-го сентября: онъ говоритъ въ ней такъ, какъ будто бы предложеніе заключить договоръ на случай безуспѣшности одного дипломатическаго вмѣшательства сдѣлано было не 20-го іюня, а по полученіи уже русскихъ отвѣтовъ отъ 1-го или 13-го іюля. Или, можетъ-быть, Франція еще разъ возобновляла это свое предложеніе?). Но слагая съ себя отвѣтственность за неудачу, оно еще не отказывается отъ своего мнѣнія о европейскомъ характерѣ польскаго вопроса (по которому, слѣдовательно, не подобаетъ Франціи дѣйствовать одной), мнѣнія, которое дѣйствительно проведено чрезъ весь рядъ сообщенныхъ документовъ, и вмѣстѣ не отрекается отъ правъ на вмѣшательство въ польскія дѣла, основывая эти права какъ на общемъ интересѣ, такъ и на трактатахъ. Повидимому конгрессъ и предложенъ съ тою цѣлію, чтобы подтвердить и проявить эти права (?) на вмѣшательство въ дѣла, которыя Россія признаетъ своими собственными, и при томъ имѣющими для нея жизненную важность.

Прочитавъ документы *Желтой Книги*, Французы останутся довольны своимъ правительствомъ: сколько умѣренности и миролюбія въ началѣ дѣла, и сколько энергіи, отваги, послѣдовательности и настойчивости во все его продолженіе! Они справедливо вознегодуютъ на Англію, которая такъ подстрекала Францію и потомъ такъ сдерживала ея порывы и парализировала ея усилія. Что же касается до насъ, то мы не забудемъ, что Франція старалась склонить насъ своими дружественными совѣтами къ образу дѣйствій въ высшей степени пагубному, что она съ самаго начала имѣла въ виду заготовить пути для дѣятельнаго, вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла и съ этою цѣлью увлекла съ собою въ дипломатическій походъ Австрію, и что она не теряла изъ виду этой цѣли, во все продолженіе дѣла. Въ числѣ документовъ нѣтъ многихъ, которые могли бы еще лучше уяснить эту сторону дѣла; нѣтъ между прочимъ и тѣхъ депешъ, которыми Франція побуждала второстепенныя державы къ дипломатическому нашествію на Россію.

Б.

Ложь, на которой основано европейское значеніе такъ-называемаго польскаго вопроса, доходитъ иногда до изумительной наглости. На дняхъ парижская газета *Opinion Nationale*, служащая главнымъ стокомъ всѣхъ нечистотъ польскаго дѣла, дошла до подлога превосходящаго всякое вѣроятіе. Читатели наши вѣроятно помнятъ извѣстіе объ особаго рода отравленныхъ кинжалахъ, употребляемыхъ жандармами-вѣшателями, которое было сообщено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ № отъ 18-го октября, съ приложеніемъ рисунка этого оружія. Въ вышеозначенной парижской газетѣ, 16-го ноября (н. ст.), съ страшными изъявленіями негодованія противъ русскаго варварства, передается это извѣстіе не только въ искаженномъ, но въ совершенно обратномъ смыслѣ, и для большей убѣдительности сообщается *буквальный*, какъ сказано фальсификаторомъ, переводъ текста *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ описывается это гнусное оружіе,—переводъ, изъ котораго явствуетъ, будто этими отравленными кинжалами русское правительство вооружаетъ своихъ агентовъ!!!

Сотрудникъ нашъ, находящійся въ Парижѣ, г. Щербань, поспѣшилъ въ газетѣ *Le Nord* (отъ 18-го ноября) изобличеніемъ этого подлога. Изложеніе дѣла, по письму нашего сотрудника, будетъ напечатано въ завтрашнемъ нумерѣ, и немедленно отправится въ Парижъ необходимое полномочіе для открытія судебнаго дѣйствія противъ *Opinion Nationale*, въ случаѣ если эта газета не сознается добровольно въ искаженіи истины,—искаженіи, въ которомъ заключается вся сила ея служенія польскому дѣлу, но которое даже и въ этой газетѣ еще не доходило до такой наглости какъ въ настоящемъ случаѣ.

№ 247.

Москва, 12-го ноября.

Вслѣдствіе покушенія на жизнь графа Берга, какъ извѣстно, произведены были обыски въ домѣ графа Андрея Замойскаго. При осмотрѣ его кабинета, обратила на себя вниманіе четвертушка прозрачной почтовой бумаги, на первый взглядъ какъ будто только разграфленная синими чернилами. При пособіи двухъ увеличительныхъ стеколъ, синія графы оживились и превратились въ строчки мельчайшаго почерка. Оказалось, что этотъ листокъ содержитъ въ себѣ проектъ нынѣшняго польскаго возстанія, подписанный Лудовикомъ Мѣрославскимъ и помѣченный 1-мъ мартомъ 1861 года. Достаточно прочесть этотъ документъ, чтобъ убѣдиться еще разъ въ полнѣйшей безнравственности этой такъ-называемой „святой справы“, и измѣрить колоссальность обмана, который служитъ главнымъ или лучше сказать единственнымъ орудіемъ этого дѣла.

Въ нынѣшнемъ листкѣ нашей газеты, мы сообщаемъ эту программу вполнѣ. Русская публика получаетъ возможность ознакомиться съ документомъ, который мало въ чемъ уступаетъ знаменитому польскому катехизису. Тайна польскаго возстанія разоблачается еще разъ въ своемъ возмутительномъ видѣ.

Ложь, въ этой программѣ возстанія, равно какъ и въ польскомъ катихизисѣ, возводится на степень священнаго начала; обманъ самый нахальный, ничѣмъ не стѣсняющійся, рекомендуется каждою строчкою и простирается на все. Обманывать русское правительство, обманывать русскій народъ, обманывать польскій народъ, обманывать правительства западныхъ державъ, обманывать общественное мнѣніе Европы, обманывать нашихъ глупыхъ соціалистовъ и помѣшанныхъ демагоговъ, обманывать всѣхъ безъ разбора, вотъ политика польскихъ патріотовъ, вотъ ихъ „святая справа,“ вотъ задача, которую они себѣ поставили.

Чтобы парализовать дѣйствія правительства, патріоты находили полезнымъ пустить въ дѣло парламентеровъ для веденія переговоровъ съ нимъ. Парламентеры обязаны, въ силу проекта, отклонять правительство отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ и отводить ему глаза посредствомъ краснорѣчивыхъ аргументовъ въ то время, когда по всему пространству старой Польши будетъ распространяться волненіе. Парламентеры, какъ извѣстно, были дѣйствительно пущены въ ходъ,—и не безъ успѣха; нерѣшительность нашей внутренней политики въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ въ 1861 и 1862 гг., въ виду незамаскированныхъ дѣйствій революціи, можетъ быть объяснена только тѣми трогательными записками (всегда на французскомъ язы-

кѣ), которыми забрасывался Петербургъ, тѣми изображеніями страданій будто бы цѣлаго народа, которыми богатые паны, имѣвшіе доступъ къ правительственнымъ сферамъ, тревожили совѣсть нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Теперь, когда парламентеры сбросили съ себя маску, мы видимъ въ какой мѣрѣ можно было полагаться на ихъ краснорѣчивыя увѣренія; теперь мы понимаемъ, что всѣ эти продѣлки служили только для обмана, и мы знаемъ, что графъ Андрей Замойскій и его партія, поддерживая сношенія съ правительствомъ, въ то же время вели некрешіе переговоры съ партіей Мѣрославскаго.

Обманывать народъ предполагалось распространеніемъ въ немъ волненій по предметамъ экономическаго свойства, ему особенно понятнымъ. Цѣль проекта заключалась въ томъ, чтобы придать народному движенію преимущественно соціальное направленіе, чтобы привлечь на свою сторону и подчинить шляхтѣ народъ особенно на Руси, въ Литвѣ и Галиціи, гдѣ, по выраженію проекта, народъ успѣлъ отвыкнуть отъ господства шляхты. Необходимо было увѣрить народъ, что только московское правительство „затрудняетъ польскихъ пановъ“ въ дарованіи крестьянскому населенію всѣхъ правъ свободнаго земледѣльческаго класса. Польскіе помѣщики, какъ извѣстно, воспользовались этимъ совѣтомъ только въ половину; уступить землю крестьянамъ они не рѣшались до самаго возстанія, но за то они въ широкихъ размѣрахъ обманывали крестьянъ относительно намѣреній правительства.

Впрочемъ жертвы, принесенныя помѣщиками, въ случаѣ успѣха, были бы только временными; партія Мѣрославскаго, какъ оказывается, всего менѣе думала о свободѣ и благосостояніи крестьянъ, когда уговаривала помѣщиковъ уступить имъ безвозмездно землю. Это былъ также не болѣе какъ ловкій маневръ, служившій и для обмана крестьянъ, и для обмана тѣхъ жалкихъ русскихъ революціонеровъ, о которыхъ въ проектѣ сказало слѣдующее: „Не„излѣчимымъ демагогамъ необходимо от„крыть клѣтку для полета за Днѣпръ; „пусть тамъ распространяютъ казацкую „гайдамачину противъ русскихъ поповъ, „чиновниковъ и бояръ. Пусть агитація „*малороссіянизма* переносится за Днѣпръ; „тамъ обширное пугачевское поле для запо„давшей числомъ *Хмельничевщины*. Вотъ „въ чемъ состоитъ вся наша панслависти„ческая и коммунистическая школа! Вотъ „весь польскій *герценизмъ*! Пусть онъ по„могаетъ издали польскому освобожденію, „терзая сокровенныя внутренности царизма! „Это достойное и легкое ремесло для *полу„Поляковъ полу-Русскихъ*, наполняющихъ „нынѣ всѣ ступени гражданской и военной „іерархіи въ Россіи. Пусть они обольща„ютъ себя девизомъ, что этотъ радика„лизмъ послужитъ *для нашей и вашей „свободы*“: перенесеніе его въ предѣлы „Польши будетъ однако считаться измѣ„ною отечеству, и наказываться смертною „казнію.“ Трудно выразить болѣе полное и болѣе заслуженное презрѣніе польскихъ патріотовъ къ своимъ союзникамъ гг. Герцену и К°. со всею ихъ свитой. Апостолы новаго порядка вещей, заботящіеся о Польшѣ, „о нашей и вашей свободѣ“, были въ рукахъ у опытныхъ польскихъ революціонеровъ презрѣнными орудіями, назначенными исключительно для нанесенія ранъ русскому народу. Они, какъ саранча, отронялись прочь отъ предѣловъ, на которые простираютъ свои виды польскіе патріоты, они отсылались за Днѣпръ во глубь Россіи. Тамъ предоставлялась имъ полная свобода терзать свою родину: вотъ на что они предназначались; вотъ къ чему ихъ дрессировали; вотъ къ чему ихъ прикармливали. Несчастныя жертвы обмана, они подвергаются суровой и заслуженной карѣ за свои безсмысленныя попытки, но польскіе патріоты (и между ними самъ Мѣрославскій) готовились избивать ихъ на смерть, еслибы вся эта дичь, по совершеніи своихъ подвиговъ въ Россіи, вздумала осчастливить собой въ послѣдствіи будущую Польшу. Можетъ ли быть что-нибудь позорнѣе, что-нибудь презрѣннѣе той роли, которую играли эти жалкіе преобразователи человѣчества съ ихъ *Колоколомъ*, съ ихъ революціонными прокламаціями, въ которыхъ добродушно предлагалось вырѣзать до 100.000 помѣщиковъ и провозглашалась демократическая и соціальная республика, съ ихъ *малороссіянизмомъ*,* съ ихъ планами раздробить Россію и покрыть ее фаланстеріями?...

Не менѣе систематически предлагается въ проектѣ обманывать и правительства

* Теперь, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, *малороссіянизмъ* въ большомъ ходу у польскихъ интригановъ и по ту сторону Днѣпра; и употребляется ими какъ орудіе для ихъ цѣлей.

западныхъ державъ, и общественное мнѣніе Европы. Надоѣдайте правительствамъ французскому и англійскому представленіемъ имъ изъ Варшавы подложныхъ жалобъ, которыя будто бы не были уважены въ Петербургѣ. Не смущайтесь тѣмъ, что отъ этого не будетъ не посредственнаго результата; сила въ томъ, что этими жалобами Франція и Англія будутъ компрометтированы въ глазахъ Россіи, и что Поляки пріобрѣтутъ такимъ образомъ право жаловаться предъ цѣлымъ свѣтомъ на равнодушіе правительствъ западныхъ державъ. Вѣдь удалось же такимъ путемъ поднять Наполеона противъ Австріи, несмотря на то что онъ былъ далекъ отъ мысли устроить Итальянское королевство... Такова тактика польскихъ патріотовъ. Этотъ обманъ также удался имъ, да и не могъ не удаться, когда его направляли опытныя руки, находившіяся въ связи съ Пале-Роялемъ. Наконецъ общественному мнѣнію Европы проектъ подносить, посредствомъ подкупленныхъ газетъ, „извѣстія, „*хотя бы и выдуманныя*, о подземныхъ „потрясеніяхъ въ Россіи, подрывающихъ „царское правительство, о враждѣ между „помѣщиками, чиновниками и крестьянами, „*въ особенности* о жалкомъ состояніи фи„нансовъ и администраціи въ Россіи; на„конецъ обо всемъ томъ что только мо„жетъ служить къ проявленію польской „жизненности и русскаго безсилія.“

Обманъ возведенъ въ систему, ложь полагается главнымъ основаніемъ *святаго* дѣла. Грустно сказать, а система эта имѣла нѣкоторый успѣхъ: она довела польскій народъ до возстанія; европейское общественное мнѣніе и правительства нѣкоторыхъ державъ были обмануты; внутри Россіи, „полу-Поляки и полу-Русскіе также старательно выполняли обязанности, возложенныя на нихъ проектомъ. Если польское возстаніе не должно остаться для Россіи безъ результата полезнаго, то мы должны устранить тѣ причины, которыя могли довести западно-русскій край до того положенія, въ которомъ онъ находился въ началѣ возстанія, а еще болѣе до того положенія, въ которомъ онъ находился за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія. Мы должны устранить возможность обмана, возможность разчитывать на интригу, какъ на дѣйствительное средство производить въ государствѣ безпокойства. Мы должны изслѣдовать, не заключаются ли въ нашихъ потемкахъ зародыши не благопріятные для нормальнаго хода государственной жизни. Мы должны серіозно подумать о результатахъ, которые могутъ выйдти въ томъ случаѣ, если на всѣхъ ступеняхъ гражданской и военной іерархіи, незамѣтнымъ образомъ, появятся тѣ *полу-Поляки* и *полу-Русскіе*, которыхъ дѣятельность, по мѣткому выраженію проекта, годится только на безсмысленное разрушеніе того государственнаго порядка, которому они служатъ. Внутренній вопросъ для Россіи самый важный. Не бѣда, если мы не будемъ имѣть средствъ переубѣдить Наполеона и общественное мнѣніе Европы; но крайне необходимо имѣть полную достовѣрность въ томъ, что никакая ложь, никакіе льстивые увѣты не будутъ имѣть успѣха у насъ внутри. Мы можемъ прибавить, что въ этой-то достовѣрности и будетъ заключаться одно изъ главныхъ средствъ къ установленію правильнаго общественнаго мнѣнія о Россіи въ Европѣ. Опроверженія газеты *Le Nord* очевидно недостаточны для возстановленія истины относительно Россіи. А между тѣмъ Европа продолжаетъ вѣрить всѣмъ нелѣпымъ толкамъ о Россіи и продолжаетъ относиться къ ней съ такими пріемами, какъ она относится только къ варварскимъ странамъ.

Польское возстаніе можетъ послужить Россіи въ пользу. Оно, также какъ крымская кампанія, обнаруживаетъ наши недостатки, благодаря которымъ возможенъ успѣхъ проектовъ, подобныхъ проекту Мѣрославскаго. Остается только воспользоваться указаніями тяжелаго опыта, и укрѣпить то довѣріе, которое въ настоящую минуту существуетъ между правительствомъ и народомъ, одинаково заинтересованными въ величіи и процвѣтаніи отечества.

№ 248.

Москва, 13-го ноября.

Почти одновременно съ прекращеніемъ размѣна, государственный банкъ принялъ еще двѣ мѣры, о которыхъ мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Одна изъ нихъ относится къ четырехпроцентнымъ металлическимъ билетамъ, другая — къ учетному проценту.

Четырехпроцентные металлическіе билеты пользовались въ кассахъ банка такими

преимуществами, на которыя они не имѣли никакого на законѣ основаннаго права. Банкъ былъ обязанъ принимать ихъ только въ платежи, а принималъ ихъ и по вкладамъ, и на текущій счетъ, и при продажѣ векселей, и наконецъ просто къ размѣну. Такимъ образомъ банкъ, мы не знаемъ съ какою цѣлію, предоставилъ этимъ билетамъ значеніе денежныхъ знаковъ приносящихъ проценты, то-есть сдѣлалъ изъ нихъ такую бумагу, какой, конечно, никогда не бывало на свѣтѣ. Очень интересно, что банкъ даровалъ четырехпроцентнымъ металлическимъ билетамъ значеніе денежныхъ знаковъ именно въ то время, когда производилась имъ же ликвидація казенныхъ банковъ, имѣвшая цѣлью между прочимъ освободить рынокъ отъ вкладныхъ билетовъ, приносившихъ проценты и служившихъ иногда вмѣсто денежныхъ знаковъ. Находя, и совершенно правильно, вреднымъ такое совмѣщеніе въ одной бумагѣ свойствъ процентной бумаги и платежнаго средства, наша новая банковая система поставила себѣ задачей изъять изъ обращенія прежніе вкладные билеты. Не удивительно ли что дѣлая это одною рукой, банкъ другой рукой придавалъ металлическимъ билетамъ, и притомъ въ высшей степени, то самое свойство, которое онъ преслѣдовалъ во вкладныхъ билетахъ? Это тѣмъ удивительнѣе, что по вкладнымъ билетамъ выдавалось по 3%, а по металлическимъ — 4%, и притомъ не бумажками, какъ по вкладнымъ билетамъ, а звонкою монетой.

Можно сказать, что четырехпроцентные билеты, послѣ того какъ банкъ придалъ имъ значеніе денежныхъ знаковъ, сдѣлались для торговой публики Петербурга средствомъ получать съ банка просто-на-просто подарки. Въ каждомъ торговомъ домѣ должна всегда находиться извѣстная сумма наличныхъ денегъ для текущихъ платежей. Эта сумма каждый день мѣняется. Въ конторахъ, торгующихъ деньгами, эта сумма сильно измѣняется только въ биржевые дни, въ остальные дни недѣли измѣняется мало, а въ праздники, когда конторы бываютъ заперты, не измѣняется вовсе. Въ дни не биржевые, а еще болѣе въ дни праздничные, наличность лежитъ безъ употребленія и слѣдовательно не приноситъ никакого дохода. Такъ и бываетъ вездѣ на свѣтѣ; но не такъ было въ Петербургѣ. Тамъ можно было, отъ биржи до биржи, а всего удобнѣе отъ субботы до понедѣльника и вообще на время праздничныхъ дней, превращать всю наличность въ четырехпроцентные металлическіе билеты и такимъ образомъ получать на нее проценты. Если напримѣръ кто-нибудь приносилъ въ банкъ 23-го декабря сто тысячъ рублей и обмѣнивалъ ихъ на четырехпроцентные металлическіе билеты, а по минованіи праздничныхъ дней, 28-го декабря, возвращалъ ихъ банку, тотъ получалъ съ банка, за сохраненіе своихъ ста тысячъ рублей въ продолженіи четырехдневнаго праздника, проценты за 4 дня, или около 44 р. сер. Одна уже возможность такой куріозной операціи достаточно указывала на неумѣстность предоставленія четырехпроцентнымъ металлическимъ билетамъ права размѣнности. Много разъ шла рѣчь о несообразности этого права; до насъ доходила, года полтора тому назадъ, записка одного лица, высоко стоящаго въ финансовой іерархіи, о необходимости лишить четырехпроцентные билеты этого удивительнаго права. Но все было тщетно. И если бы банкъ страдалъ отъ своей щедрости только тѣмъ, что платилъ бы даромъ проценты! Онъ подвергался еще гораздо бо́льшимъ неудобствамъ; принимая четырехпроцентные билеты къ размѣну, онъ не имѣлъ права выдавать ихъ иначе какъ по соглашенію съ получателями, а потому бывали такія недѣли, когда оборотная касса банка состояла почти исключительно изъ четырехпроцентныхъ билетовъ; банкъ не зналъ что дѣлать съ ними; они стекались въ кассы банка и не находили выхода оттуда. Банкъ стѣснялъ ссуды, даже выпустилъ однажды временно 2.400.000 новыхъ кредитныхъ билетовъ, а четырехпроцентные оставались на прежнихъ правахъ.

Четырехпроцентные металлическіе билеты задуманы какъ внутренній долгъ, съ цѣлію, кажется, изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Время когда они были выпущены было выгодное время для сбыта процентныхъ бумагъ. Еслибы по этимъ билетамъ было назначено $4\frac{1}{2}$% звонкою монетой и еслибы было обѣщано погашеніе также звонкою монетой, то нашлось бы много охотниковъ на эти билеты. Такъ, говорятъ, и предполагалось сдѣлать. Но потомъ явилась мысль объ экономіи. Изыскивая какъ бы уменьшить процентъ, пришли къ мысли о дарованіи новымъ билетамъ относительно государственнаго банка того же права, какимъ пользуются пірес

относительно казначействъ, то-есть права быть принимаемыми во всѣ платежи по нарицательной цѣнѣ. Это право очень важно для владѣльца билетовъ; оно обезпечиваетъ за ними постоянный курсъ. Кто покупаетъ фонды, тотъ рискуетъ выиграть или проиграть на курсѣ, а потому въ фондахъ никто не держитъ капитала въ ожиданіи выгоднаго помѣщенія. Причина понятна: когда выгодное помѣщеніе представится, фонды можетъ-быть упадутъ въ цѣнѣ, и вы продадите ихъ съ убыткомъ, и пожалуй съ такимъ убыткомъ, что имъ будетъ совсѣмъ убита выгода представлявшагося вамъ помѣщенія. Но если казна беретъ на себя обязанность принимать какую-нибудь процентную бумагу по нарицательной цѣнѣ въ платежи, то эта бумага теряетъ характеръ фонда и пріобрѣтаетъ способность замѣнять собой наличныя деньги. Но по бумагамъ, замѣняющимъ собой денежные знаки, нигдѣ на свѣтѣ не платится процентовъ. Эти бумаги бываютъ безпроцентныя,—именно извѣстные всѣмъ банковые билеты или банковыя ноты. Итакъ, сбереженіе полупроцента повело въ сущности къ тому, что четыре процента стали платиться совершенно даромъ. Но и этого мало. Для денежнаго рынка выпускъ четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ получилъ значеніе выпуска серій, то-есть значеніе почти равносильное выпуску кредитныхъ билетовъ. Четырехпроцентные билеты не только не улучшили денежнаго обращенія, а напротивъ, сдѣлали его еще хуже. Къ массѣ кредитныхъ билетовъ присоединилась масса новыхъ четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ, которые стоили казнѣ значительнаго расхода на проценты и погашеніе, а на денежномъ рынкѣ конкуррировали съ кредитными билетами и увеличивали ощущеніе избытка денежныхъ знаковъ.

Какъ они были первоначально задуманы, четырехпроцентные билеты могли бы принести важную пользу; какъ они осуществились въ дѣйствительности, они причинили только ущербъ казнѣ, возложивъ на нее бремя уплаты процентовъ и погашенія, и ущербъ денежному рынку, увеличивъ собой массу знаковъ, замѣняющихъ деньги. Но, какъ мы сказали, по странной игрѣ случая банкъ еще усилилъ ихъ платежность и, слѣдовательно, ихъ способность причинять вредъ. Банкъ не ограничился точнымъ исполненіемъ обязанности, возложенной на него закономъ по отношенію къ этимъ билетамъ. Онъ сталъ дѣлать болѣе чѣмъ былъ обязанъ, а такъ какъ эта благодать давалась только Петербургу, то всѣ четырехпроцентные металлическіе билеты сосредоточились около петербургской биржи. Пятипроцентные билеты, серіи, четырехпроцентный непрерывный доходъ распредѣлились по всей Россіи; металлическіе остались въ Петербургѣ, то-есть въ томъ мѣстѣ, откуда они всего удобнѣе могли безпокоить банкъ и приводить его, когда это выгодно, въ затрудненіе.

Теперь банкъ возвращается къ точному исполненію своихъ обязанностей. Онъ продолжаетъ принимать четырехпроцентные металлическіе билеты въ платежи, но отказался принимать ихъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда по закону не обязанъ принимать ихъ.

Другая мѣра принятая государственнымъ банкомъ—возвышеніе учетнаго процента. Необходимость этой мѣры еще очевиднѣе. Внѣ банка учетъ былъ въ Петербургѣ отъ 10 до 12%. Во многихъ мѣстахъ за границей, напримѣръ въ Парижѣ, учетъ возросъ до 7%, а петербургскій банкъ держалъ учетъ на 6%. Само собой разумѣется что при такомъ положеніи дѣлъ всѣ деньги, находившіяся въ оборотной кассѣ банка, были бы взяты подъ векселя, еслибы банкъ дѣйствительно производилъ учетъ по объявленному имъ проценту. Но, для огражденія себя отъ набѣга съ векселями, банкъ долженъ былъ ограничивать учетъ, а въ послѣдніе дни передъ возвышеніемъ учетнаго процента даже вовсе прекратилъ учетъ. Выдача ссудъ подъ разныя бумаги была прекращена еще прежде. Такимъ образомъ петербургскій рынокъ, привыкшій къ постоянной поддержкѣ со стороны банка, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Начались сильныя жалобы. Банку осталось одно изъ двухъ: или удерживать низкій учетный процентъ и учитать какъ можно менѣе векселей, придавая учетной операціи такъ сказать благотворительный характеръ; или принимать къ учету всѣ благонадежные векселя, то-есть сдѣлать банковскій учетъ удобствомъ общедоступнымъ, но зато возвысить учетный процентъ. Банкъ избралъ послѣднее, и поступилъ совершенно правильно. Онъ возвысилъ учетный процентъ до 7 для краткосрочныхъ векселей (у насъ торговля такъ избалована, что краткосрочнымъ векселемъ считается трехмѣ-

сячный) и до 8 для долгосрочныхъ векселей (сверхъ 3 мѣсяцевъ), а равно и для ссудъ подъ разныя бумаги. Этотъ двоякій процентъ есть также нѣчто весьма раціональное. Ссуды подъ залогъ бумагъ—одна изъ самыхъ распространенныхъ у насъ банковыхъ операцій; тѣмъ не менѣе это операція очень странная для казеннаго банка, особенно когда процентъ взимаемый по ссудамъ подъ залогъ бумагъ ниже или не многимъ выше процента приносимаго бумагами, служащими залогомъ. Никакой торговый домъ не могъ бы существовать еслибъ обязался принимать въ залогъ во всякое время свои обязательства. Если вы займете у кого-нибудь сто рублей и выдадите заемное письмо въ эту сумму, а потомъ примете это свое письмо въ залогъ и выдадите подъ него напримѣръ 80 рублей, то въ сущности выйдетъ, что вы заняли не 100 рублей, а только 20 р. Принимая на себя подобное обязательство относительно русскихъ фондовъ, банкъ отчасти уничтожалъ пользу внѣшнихъ займовъ для Россіи. Возможность закладывать бумаги въ банкѣ привлекала ихъ въ Россію изъ-заграницы, а въ уплату за присылавшіяся къ намъ бумаги отъ насъ шло золото, то самое золото, для полученія котораго мы заключали внѣшніе займы. Все это вмѣстѣ дѣлало необходимымъ ограничить выдачу ссудъ подъ бумаги, а за нѣсколько дней до 1-го ноября, банкъ рѣшился совершенно пріостановить эту операцію. Теперь она опять откроется, но желающіе пользоваться ею должны платить высшій процентъ,—мѣра совершенно справедливая и во всѣхъ отношеніяхъ полезная. Точно также совершенно справедливо и весьма полезно назначеніе высшаго процента по учету векселей долгосрочныхъ. Банкъ былъ слишкомъ снисходителенъ по этой части. Ему не слѣдовало бы вовсе учитать векселя выданные болѣе нежели на 3 мѣсяца. Этимъ онъ принесъ бы большую пользу торговлѣ, принудивъ ее къ большей солидности и воздержавъ отъ неосмотрительныхъ спекуляцій. Но торговля смотрѣла у насъ на банкъ какъ на благотворительное учрежденіе, и назойливо требовала казенныхъ денегъ въ свое распоряженіе Явились векселя на 6 мѣсяцевъ, на 9 мѣсяцевъ, и т. д. и притомъ векселя по большей части не товарные, а просто долговыя обязательства, выдаваемыя съ цѣлію выманить изъ банка казенныя денежки чтобы поторговать на нихъ на волѣ. Такъ какъ банкъ исполнялъ подобныя требованія, то многіе купцы втянулись въ долгосрочные кредиты, отсрочивая роковую минуту сведенія концовъ съ концами. Совсѣмъ лишить ихъ теперь поддержки, на которую они разчитывали, значило бы сильно затруднить ихъ, но надобно было сдѣлать краткосрочный кредитъ легче и доступнѣе чѣмъ долгосрочный, и эта цѣль достигнута назначеніемъ двоякаго процента.

Но высказываясь въ пользу обѣихъ мѣръ принятыхъ банкомъ, мы не можемъ не замѣтить, что онѣ были бы еще полезнѣе еслибы были приняты до прекращенія размѣна.

Возьмемъ учетный процентъ. Иностранные банки пользуются имъ чтобы защищать денежное обращеніе. Когда изъ Англіи начинаютъ сильно вывозить монету, и когда вслѣдствіе того усиливается предъявленіе банковыхъ билетовъ на размѣнную кассу (*Issue Department*) Англійскаго банка, тогда Англійскій банкъ возвышаетъ учетный процентъ, и тотчасъ же прекращается отливъ звонкой монеты изъ Англіи, потому что чѣмъ гдѣ выше учетный процентъ, тѣмъ выгоднѣе везти туда деньги. Мы же дѣйствовали на оборотъ. У насъ въ то самое время когда звонкую монету вывозили за границу сотнями пудовъ, внѣ банка учетный процентъ былъ 8, 9, 10, а банкъ держалъ его на 5, $5^1/_2$, $6^0/_0$, то-есть искусственно понижалъ его, что содѣйствовало вывозу звонкой монеты. Теперь когда размѣнъ прекращенъ и вывозить уже нечего, повышеніе учетнаго процента не имѣетъ того значенія, какое оно имѣло бы этимъ лѣтомъ. Тогда оно ограждало бы и оборотную и размѣнную кассу. Теперь оно ограждаетъ только оборотную кассу, которая притомъ теперь, по прекращеніи размѣна, не будетъ страдать пустотой и слѣдовательно не будетъ нуждаться въ особенномъ огражденіи. Нѣчто подобное было и съ четырехпроцентными металлическими билетами. Банкъ принималъ ихъ за деньги, когда они могли чрезвычайно затруднить его. Теперь онъ возвращается къ строгому исполненію закона. Но теперь, вслѣдствіе прекращенія размѣна, металлическіе билеты сдѣлались цѣннѣе чѣмъ были прежде, и хотя они теперь продаются съ потерей 30 или 25 дней, но это явленіе временное, большинство же владѣльцевъ этихъ билетовъ, конечно, дорожатъ

ими и не намѣрены разстаться съ ними до того времени когда выяснится будущее положеніе нашихъ денежныхъ дѣлъ.

№ 249.

Москва, 14-го ноября.

А.

Ложь, обманъ, клеветы и подлоги—вотъ оружіе, которымъ съ самаго начала ведутъ Поляки свою борьбу противъ Россіи, и сколько бы разъ эта ложь ни изобличалась, сколько бы разъ эти клеветы ни опровергались и эти подлоги ни обнаруживались, польскіе революціонеры не перестаютъ обращаться къ тому же самому оружію, и къ удивленію, ихъ лживость, ихъ клеветы и подлоги не то чтобы находили полную вѣру за границею, но и не отвергаются съ негодованіемъ: Россія—слишкомъ темная для всѣхъ страна, о которой можно говорить, что угодно.

Недавно еще читали мы вѣрноподданнѣйшія письма дворянъ Виленской, Ковенской, Минской и другихъ западныхъ губерній съ изъявленіями преданности Государю Императору, отвращенія отъ всѣхъ мятежныхъ замысловъ, и сознанія, что Литва должна составлять одно нераздѣльное цѣлое съ Россіей,—и Россія уже готова была повѣрить всѣмъ этимъ словеснымъ заувѣреніямъ. Но вотъ иностранныя газеты, и во главѣ ихъ серіозный *Journal des Débats* (отъ 13-го ноября) печатаетъ *документъ*, адресованный такъ-называемому *народному правительству* какимъ-то литовскимъ департаментомъ и *жондомъ* уже препровожденный къ князю Чарторыйскому. Этотъ документъ помѣченъ: *Вильно, 19-го октября*. Въ немъ сказано, что подписи подъ адресами собирались военными начальниками уѣздовъ съ неимовѣрною жестокостью, что будто военные отряды переходили изъ дома въ домъ, предлагая на выборъ или подписаться подъ адресомъ, или потерпѣть немедленное разграбленіе всего имущества; или будто отдѣльныя лица призывались къ военнымъ начальникамъ, и подъ угрозою военнаго суда должны были подписывать свое отреченіе отъ польскихъ революціонныхъ мечтаній; или будто бы цѣлыя массы дворянъ и другихъ лицъ сгонялись въ главные города, заключались въ тюрьмы вмѣстѣ съ убійцами, и въ этой обстановкѣ должны были выбирать между отреченіемъ отъ древней Польши 1772 г. и ссылкою въ Сибирь съ потерею всѣхъ правъ состоянія. Въ случаѣ ослушанія, всѣ эти угрозы, продолжаетъ *документъ*, немедленно приводились въ исполненіе, такъ что самъ „литовскій департаментъ,“ своимъ циркуляромъ отъ 5-го сентября, разрѣшилъ подписываться подъ этими адресами, „не связывающими никого и не имѣющими никакого политическаго значенія.“ При этомъ онъ имѣлъ въ виду сохранить странѣ „самыхъ энергическихъ и самыхъ знатныхъ людей.“ Тѣмъ не менѣе, „не желая подвергаться посрамленію даже за наружное „свое отступничество и не желая оставлять „безъ опроверженія, въ рукахъ коварнаго „врага, актъ, провозглашающій нераздѣльное единство Литвы съ Россіей и отвергающій героическую борьбу, вся нація, „по мѣрѣ того какъ Россія вынуждала подписи, посылала свои протесты противъ „нихъ, протесты, въ которыхъ участвовали граждане всѣхъ классовъ и всѣхъ религій.“ Число подписей подъ этими протестами возросло будто бы до 249.646, и не перестаетъ еще возрастать; подлинность всѣхъ этихъ подписей будто бы засвидѣтельствована такъ-называемыми національными властями. Протесты эти были напечатаны въ особомъ дополненіи въ № 10 варшавской революціонной газеты: *Неподлеглость*. Въ нихъ глухо обозначено, что подъ такимъ-то протестомъ было столько-то десятковъ тысячъ засвидѣтельствованныхъ подписей.

Вотъ документы и факты, которые *жондъ народовый* публикуетъ въ Варшавѣ, и которые князь Чарторыйскій, разглашаетъ на всю Европу. А вотъ и впечатлѣніе, которое эти извѣстія производятъ на корреспондентовъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ значительныхъ газетъ въ Европѣ. Парижскій корреспондентъ *Times* пишетъ отъ 19-го ноября: „Многія лица смотрятъ на эти протесты какъ на одно изъ самыхъ значительныхъ дѣлъ въ борьбѣ Поляковъ съ Русскими. Они показываютъ, что Поляки не устрашены терроризмомъ Муравьева, и несмотря на висѣлицы и ссылки, несмотря на конфискаціи и всякаго рода поборы, все еще имѣютъ столько энергіи и патріотизма, что цѣлыми массами въ виду своихъ палачей, подписываютъ протесты противъ увѣренія московской дипломатіи, что Литва не есть Польша!“

Мы, конечно, ни минуты не сомнѣваемся, что всѣ эти извѣстія и документы не болѣе какъ новая ложь и подлогъ со стороны такъ-называемаго *жонда народоваго*, разчитанные на то чтобы поддержать духъ мятежа и ободрить, по возможности, Францію къ вооруженному вмѣшательству. Но очень хорошо зная, что никто изъ военныхъ начальниковъ не прибѣгалъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыми, по словамъ *документа*, обнародованнаго княземъ Чарторыйскимъ, были собираемы подписи подъ всеподданѣйшими письмами,—мы спрашиваемъ только: кто наиболѣе заинтересованъ въ опроверженіи этой новой лжи „жонда“,—этихъ, безъ сомнѣнія, подложныхъ протестовъ противъ всеподданѣйшихъ адресовъ? Одно изъ двухъ: или лица подписавшіяся подъ этими адресами, въ своихъ заявленіяхъ, уступали если не страху, то какимъ бы то ни было разчетамъ, и не были въ своихъ завѣреніяхъ искренни, или же они должны быть оскорблены тѣнью подозрѣнія, которую стараются набросить на ихъ искренность „жондъ народовый“ и его „литовскій департаментъ“, и въ такомъ случаѣ должны избрать тотъ же путь, какой избралъ князь Чарторыйскій, для опроверженія клеветы, на нихъ взведенной. Если въ тѣхъ же самыхъ газетахъ, въ которыхъ было обнародовано о существованіи протеста противъ всеподданнѣйшихъ адресовъ,—протеста, будто бы подписаннаго почти 250.000 лицъ всѣхъ званій и вѣроисповѣданій, не будетъ прямаго опроверженія этого извѣстія со стороны по крайней мѣрѣ высшаго общественнаго класса, со стороны польскихъ помѣщиковъ каждой изъ пяти губерній западнаго края, то что должна будетъ подумать Россія о чувствахъ и образѣ мыслей этихъ благородныхъ лицъ, которыя въ одно и то же время, по словамъ революціоннаго документа, и выставляли свои имена подъ всеподданнѣйшими адресами, и слали въ Варшаву свои протесты противъ этихъ послѣднихъ? Польскій *жондъ* и его агенты, повидимому, желаютъ только усилить это подозрѣніе, падающее на помѣщиковъ западнаго края Россіи въ глазахъ цѣлаго русскаго народа. Тѣ, на кого подозрѣніе это падаетъ, очевидно, не могутъ и не должны оставаться подъ его бременемъ, если они не заслуживаютъ его дѣйствительно. Они должны очистить себя въ глазахъ Россіи всѣми способами, какіе найдутъ пригодными, или же должны сѣтовать на самихъ себя, если Россія сочтетъ невозможнымъ терпѣть въ нѣдрахъ одного изъ исконныхъ краевъ своихъ высшій, по общественному своему положенію, классъ, который дозволяетъ обнародовать во всеуслышаніе, что онъ питаетъ непримиримую вражду къ Россіи и мечтаетъ объ отложеніи своемъ отъ нея.

Б.

Заимствуемъ изъ послѣдняго № *Journal de St.-Pétersbourg* замѣтку о подлогѣ и дальнѣйшихъ продѣлкахъ газеты *Opinion Nationale*:

Мы сообщали письмо, въ которомъ сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*, г. Щербань, исправилъ помѣщенный въ *Opinion Nationale* мнимый переводъ статьи, напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 18 (30) октября.

Газета *Nord* помѣстила эту поправку въ своемъ нумерѣ 17-го ноября.

18-го, 19-го и 20-го въ *Opinion Nationale* не сказано ничего о письмѣ г. Щербаня, какъ будто его совсѣмъ не существовало, несмотря на то, что въ заключеніи этого письма было сказано слѣдующее:

„Я надѣюсь, что *Opinion Nationale* поспѣшитъ перепечатать это исправленіе текста, и очистить себя передъ глазами своихъ читателей отъ сообщничества въ обманѣ...

Газета *Opinion Nationale* имѣетъ свои собственныя понятія о добросовѣстности. На письмо г. Щербаня она ничего не отвѣчала.

Но такъ какъ г. Скедо-Ферроти написалъ изъ Брюсселя прямо въ *Opinion Nationale*, имѣя въ виду поправить *ошибки*, которыя г. Щербань уже исправилъ въ *Nord*, то честная *Opinion Nationale*, не напечатавъ самаго письма, къ ней препровожденнаго, извѣстила однакожъ о полученіи его, но вотъ въ какихъ выраженіяхъ:

„Изъ этого письма оказывается, что мы сообщили совершенно невѣрный переводъ статьи, помѣщенной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которой было сказано, что оружіе, которое мы приписали Русскимъ, было изобрѣтено и употребляемо Поляками. Мы соглашаемся на эту поправку тѣмъ охотнѣе, что когда дѣло идетъ объ истолкованіи русскаго текста, мы не имѣемъ притязанія спорить съ авторомъ письма,

полученнаго нами изъ Брюсселя, несмотря на его италіянскій псевдонимъ.

„Мы знали уже, что Русскіе не прочь пошутить, но кажется русскіе агенты не довольствуясь извѣстными всему свѣту шуточками, которыя они отпускаютъ въ Варшавѣ, *забавляются и въ Парижѣ, вводя въ обманъ дружественные Полякамъ журналы; для того чтобъ имѣть удовольствіе безъ труда обличать ихъ потомъ во лжи.* Мы примемъ это къ свѣдѣнію и обѣщаемъ не вѣрить впредь, чтобы какой-нибудь московитскій журналъ могъ быть безпристрастенъ хотя на одну минуту“.

Это ужъ черезъ-чуръ! Стало-быть для того, чтобы быть безпристрастными, *Московскія Вѣдомости* должны лгать!

По мнѣнію *Opinion Nationale*, когда дѣло идетъ о томъ что происходитъ въ Польшѣ, не въ истинѣ состоитъ безпристрастіе.

Opinion Nationale искажаетъ текстъ, печатаетъ ложный переводъ того что было напечатано въ русской газетѣ, и винитъ *московитскую* журналистику.

Opinion Nationale рѣшительно заражена диковиннымъ нравственнымъ косоглазіемъ: *Московскія Вѣдомости* извѣщаютъ о гнусныхъ изобрѣтеніяхъ *жандармовъ-вѣшателей*, убійцъ, состоящихъ на жалованьи у инсуррекціоннаго начальства, а *Opinion Nationale* предписываетъ агентамъ законной власти звѣрскія выдумки мятежа; этой газетѣ доказываютъ, что она ошибается, она, солгавшая, обвиняетъ тотъ же самый журналъ, который оклеветала!

Другая французская газета *Nation*, перепечатавшая искаженный переводъ, помѣщенный въ *Opinion Nationale*, сопоставляетъ съ нимъ переводъ, исправленный г-мъ Щербанемъ, и говоритъ въ заключеніе:

„Кто же по самому свидѣтельству *Московскихъ Вѣдомостей*, на которыя ссылается *Opinion Nationale* изобрѣтатели отравленныхъ кинжаловъ? — Поляки. Кто, употребляя эти кинжалы, поворачиваетъ ихъ въ ранѣ?—Поляки.

Поэтому, на кого же падаетъ проклятіе, которое *Opinion Nationale* выражаетъ слѣ„дующими словами: „Наши читатели сами „сумѣютъ *заклеймить позоромъ эту новую „утонченную жестокость русскаго правительства, которое даетъ въ руки своихъ „агентовъ оружіе дикарей, оружіе отравленное?*“—На Поляковъ.

Тутъ есть логика, но этого не хочетъ *Opinion Nationale*; изъ ошибки, въ которую она впала, она не рѣшается вывести другаго заключенія, кромѣ слѣдующаго: *„не вѣритъ, чтобы Московитскій журналъ могъ быть безпристрастенъ, хотя на одну минуту.*

Спрашиваемъ серіозно: на какое вліяніе можетъ впредь надѣяться журналъ, который, подобно *Opinion Nationale*, уличенъ въ обманѣ и не соглашается даже сознаться въ своей ошибкѣ и попросить извиненія?

Мы не скажемъ, чтобы подлогъ газеты *Opinion Natinale* очень удивилъ насъ. Чего же и ожидать отъ такой газеты какъ *Opinion Nationale*? Однако наглость этого подлога произвела впечатлѣніе даже въ парижскомъ журнальномъ мірѣ. *Opinion Nationale*, изобличенная въ искаженіи истины, обвиняетъ ими какихъ-то русскихъ агентовъ, которые будто бы подослали ей фальшивый переводъ статьи изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Пусть сообразятъ читатели сколько наглости въ этой выходкѣ! Если редакція этой газеты знаетъ, кто прислалъ ей подложный переводъ,—зачѣмъ же она не назвала фальсификатора по имени, въ особенности, если корреспондентъ, употребившій такимъ образомъ во зло ея довѣріе, есть, какъ она утверждаетъ, русскій агентъ? Если же этотъ обманщикъ неизвѣстенъ ей, если она печатаетъ въ своихъ столбцахъ невѣдомо отъ кого присылаемыя извѣстія, то какимъ же образомъ неизвѣстное ей лицо въ то же время извѣстно ей въ качествѣ русскаго агента? Какимъ образомъ одно и тоже, въ одно и то же время, можетъ быть ей извѣстно и неизвѣстно?

Видя въ своемъ корреспондентѣ русскаго агента, и повидимому негодуя противъ него за обманъ, въ который онъ ввелъ ее, эта газета въ то же время упрекаетъ насъ зачѣмъ въ столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей* первоначально дѣло не было представлено такъ, какъ оно представлено въ *Opinion Nationale* ея лживымъ корреспондентомъ! Вотъ что называется по русской пословицѣ: ложь на лжи ѣдетъ и ложью погоняетъ! И вотъ вкратцѣ все такъ-называемое польское дѣло!

№ 250.

Москва, 15-го ноября.

Въ минувшемъ октябрѣ, въ городѣ Грязовцѣ, Вологодской губерніи, произошло ужасное событіе, о которомъ производится теперь слѣдствіе. Въ воскресный день, за обѣдней въ Христорождественскомъ соборѣ, послѣ великаго выхода, но еще до совершенія таинства, временно-обязанный крестьянинъ Иванъ Заморинъ вошелъ со свѣчою въ алтарь, взялъ потиръ съ престола, бросилъ его на полъ, пролилъ освященное вино, и растоптавъ потиръ ногами, изступленнымъ голосомъ вскричалъ: „попираю мерзость Сатанину.“ Литургія прекратилась, народомъ овладѣлъ ужасъ, преступника схватили. Онъ оказался перекрещенцемъ изъ секты *странниковъ*, или *бѣгуновъ* Сопѣлковскаго согласія. Онъ тутъ же объявилъ, что сдѣлалъ это для того чтобы наругаться надъ Сатаной и пріять мученическій вѣнецъ.

Событіе ужасное! Есть ли это кощунство, свидѣтельствующее о нравственномъ развратѣ человѣка, или проявленіе дикаго фанатизма? Мы не знаемъ что будетъ обнаружено слѣдствіемъ, но и теперь не сомнѣваемся ни минуты, что это не простое кощунство, а изступленный фанатизмъ.

Можетъ ли такое нарушеніе святыни, такое оскорбленіе святѣйшихъ чувствованій цѣлаго народа остаться безъ послѣдствій для своего виновника? Конечно, нѣтъ; фанатизмъ или кощунство, дѣло это не можетъ остаться безъ заслуженной кары. Но въ чемъ должна состоять кара? Въ томъ ли, чтобы довершить дѣло безумца удовлетвореніемъ его изступленной воли, исполненіемъ того дикаго желанія, которое побудило его къ его поступку? Несчастный безумецъ искалъ мученическаго вѣнца, онъ хотѣлъ принести себя въ жертву, онъ хотѣлъ освятить себя: дать ли ему этотъ вѣнецъ, дать ли ему испить этого блаженства лжесвятости, котораго онъ такъ жаждалъ? Вникнемъ въ его поступокъ: онъ совершилъ его всенародно; онъ не только не хотѣлъ избавиться отъ послѣдствій, но шелъ имъ на встрѣчу. Если онъ не сумашедшій (что еще должно быть показано слѣдствіемъ), то онъ не могъ не знать, что его поступокъ не обойдется ему даромъ, что его немедленно схватятъ, что надъ нимъ обрушится жестокая кара. Онъ не могъ не знать этого, онъ не могъ не представлять себѣ этого въ полной ясности, если только, повторимъ, онъ не окажется совершенно поврежденнымъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ. Онъ зналъ и представлялъ себѣ съ полною ясностію всѣ послѣдствія своего поступка, и если онъ рѣшился на него, то именно для того чтобъ этимъ послѣдствіямъ подвергнуться. Въ своемъ изступленіи, онъ можетъ-быть преувеличивалъ послѣдствія своего дѣйствія; онъ можетъ-быть ожидалъ, что его тутъ же растерзаетъ народъ; во всякомъ случаѣ онъ могъ ожидать только самой жестокой кары, но отнюдь не безнаказанности.

Оскорбленіе святыни, совершенное Заморинымъ, не можетъ остаться для него безъ послѣдствій: но вопросъ состоитъ въ томъ, надобно ли давать послѣдствіямъ этого дѣла тотъ самый ходъ, какой былъ въ мысляхъ и желаніяхъ виновнаго? Должно ли наказаніе быть исполненіемъ его воли? Можно ли назвать карой удовлетвореніе того самаго желанія, которое было главнымъ побужденіемъ къ преступленію? Подвергая виновнаго тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онъ самъ имѣлъ въ виду, которыхъ онъ самъ добивался, мы лишаемъ кару ея значенія, какой бы ни держались мы теоріи наказаній. Если допустить, что поступокъ Заморина можетъ вызвать послѣдователей, то именно исполненіемъ надъ нимъ той кары, которой онъ самъ добивался, и можно вызвать этихъ послѣдователей. Духъ фанатизма, изъ котораго проистекаютъ подобныя явленія, можетъ только сильнѣе вспыхнуть отъ такихъ каръ, которыя въ глазахъ фанатиковъ—не кары, а исполненіе ихъ страстнаго желанія, удовлетвореніе ихъ изступленнаго чувства, вѣнецъ блаженства и святости въ ихъ помутившемся, грубомъ разумѣніи. Самымъ вѣрнымъ средствомъ усилить духъ фанатизма было бы зажечь костры инквизиціи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія.

Сила не во внѣшнемъ фактѣ, а во внутреннихъ побужденіяхъ, которыя въ фактѣ выразились. Кара должна соразмѣряться съ этими внутренними побужденіями и соотвѣтствовать имъ. Что послужило бы истинною карой за дѣйствіе преступнаго кощунства, то было бы наградой за лжеподвигъ фанатизма. Фанатикъ былъ бы истинно наказанъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы послѣдствія его лжеподвига приняли совершенно неожиданный для него оборотъ. По-

ступите съ нимъ не такъ какъ онъ хотѣлъ бы,—поступите съ нимъ вопреки его изступленной и одержимой злымъ началомъ волѣ, и вы подвергнете его дѣйствительному наказанію; и въ то же время вы подорвете тотъ духъ фанатизма, изъ котораго онъ вышелъ. Съ одной стороны, строгое заключеніе, съ другой—неутомимая и исполненная разума и любви забота Церкви о духовномъ уврачеваніи изступленнаго фанатика,—вотъ неожиданный для виновнаго оборотъ послѣдствій совершеннаго имъ преступленія. Онъ не получитъ мученическаго вѣнца лжесвятости ни въ своихъ глазахъ, ни въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ; но онъ будетъ выведенъ наказующею рукой на путь возможнаго для него исправленія и исцѣленія. Заключеніе подъ церковнымъ началомъ было бы самою страшною карою въ его собственномъ злопастроенномъ чувствѣ, а равно и въ чувствѣ его единомышленниковъ; но оно было бы дѣломъ благости и спасенія въ общечеловѣческомъ и еще болѣе въ христіанскомъ чувствѣ, и такъ точно было бы оно оцѣнено въ послѣдствіи и самимъ виновнымъ, если-бы Богъ судилъ ему достигнуть исцѣленія. Монастырскіе затворы—вотъ лучшія мѣста заключенія для подобныхъ преступниковъ. Заботливый уходъ за подобными несчастными, очищеніе и перевоспитаніе религіознаго ихъ чувства, разумное врачеваніе души руководимое христіанскимъ милосердіемъ, вотъ одна изъ самыхъ лучшихъ задачъ для духовной практики монастырскихъ затворниковъ.

Но говоря о преступномъ дѣйствіи Заморина, мы не можемъ ограничиться только тѣмъ значеніемъ, какое оно можетъ имѣть для него лично. Заморинъ—перекрещенецъ, Заморинъ—раскольникъ: преступленіе Заморина не должно ли имѣть послѣдствій для раскольниковъ вообще, хотя къ раскольникамъ относятся безъ разбора самыя разнообразныя и враждебныя одна другой секты? Не слѣдуетъ ли ожидать, что многія лица, пораженныя преступнымъ дѣйствіемъ вологодскаго фанатика, станутъ сѣтовать на нѣкоторыя послабленія сдѣланныя въ пользу раскольниковъ, и требовать возвращенія къ прежней системѣ стѣсненій и преслѣдованія? У насъ, дѣйствительно, есть странный обычай, свидѣтельствующій о недостаточно выработанномъ юридическомъ смыслѣ по отношенію къ нѣкоторымъ еще не установившимся сферамъ общественной дѣятельности,—обычай обобщать значеніе частнаго поступка. Вспомнимъ кстати о томъ что во времена оны бывало съ литературой. Появленіе какой-либо предосудительной статьи въ журналѣ сопровождалось послѣдствіями не столько тягостными для виновныхъ, сколько для литературы вообще; вся литература должна была отвѣтствовать за нелѣпость, сказанную какимъ-нибудь сумасбродомъ, и полезная дѣятельность, плодотворная разработка того или другаго вопроса останавливались единственно потому что кто-то и гдѣ-то что-то совралъ. Вмѣсто того чтобы судить частный проступокъ и подвергнуть виновнаго заслуженному взысканію, принималась какая-нибудь общая мѣра, которая стѣсняла печатное слово и падала всею своею тяжестію на людей совершенно невиновныхъ, а часто болѣе всего на тѣ здоровыя силы литературы, которыя всего успѣшнѣе могли бы противодѣйствовать злу. Эта страннымъ образомъ установившаяся точка зрѣнія на литературу представляла всѣхъ пишущихъ въ видѣ какой-то корпораціи, хотя бы между ними не было и не могло быть ничего общаго. Люди совершенно чуждые другъ другу, направленія взаимно исключающія другъ друга, приводились въ какую-то неестественную солидарность, подвергались какой-то странной круговой порукѣ, которая, разумѣется, обращалась въ пользу дурнаго и обезсиливала хорошее. Чтобъ убѣдиться въ неестественности такого воззрѣнія, стоитъ только приложить его къ другимъ общественнымъ сферамъ. Проступки и преступленія совершаются людьми всѣхъ сословій; но что было бы, еслибы за преступленія одного или многихъ дворянъ должны были отвѣчать всѣ дворяне и подвергаться ущербу въ своихъ правахъ? Что было бы, если бы за проступки людей изъ купеческаго званія должно было отвѣчать все купечество и подвергаться стѣсненію въ своей дѣятельности? Но дворянство или купечество представляютъ собою организованныя сословія, и если ужъ допускать, что *всѣ* должны отвѣчать за дѣйствіе одного или нѣсколькихъ, то организованнымъ сословіямъ было бы естественнѣе отвѣчать за дѣйствія своихъ членовъ нежели отвѣчать другъ за друга людямъ, которые не составляютъ и не могутъ составлять одного цѣлаго.

Расколъ есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ явленій у насъ; но онъ возникъ, уси-

лился и размножился, конечно, не вслѣдствіе излишней свободы. Онъ возникъ, и размножился, и далъ отъ себя всѣ свои дикіе отпрыски именно въ ту пору, когда религіозныя заблужденія раскола подвергались неутомимымъ преслѣдованіямъ. Преступленіе Заморина—не новость; эпоха строгихъ противъ раскола мѣръ представляетъ не одинъ подобный случай. Это не плодъ новой системы, которая только что начинается, или лучше сказать, предвкушается; это плодъ завѣщанный прошедшимъ, равно какъ и самая секта, къ которой принадлежитъ преступникъ. Общимъ именемъ раскола обозначаются у насъ самыя разнородныя, взаимно другъ друга исключающія и антипатическія между собою секты. Сопѣлковскіе *бѣгуны*, или *странники*—секта не многочисленная; по своему духу и характеру, она и не можетъ быть многочисленна; ея равномѣрно чуждаются всѣ болѣе или менѣе организованныя раскольничьи согласія: она равно предметъ отвращенія какъ для старообрядцевъ Рогожскаго согласія, такъ и для безпоповцевъ Преображенскихъ. Признавать или даже терпѣть такую противообщественную секту, какъ *бѣгуны*, никакое государство не можетъ, и государство, безъ сомнѣнія, должно употреблять всѣ зависящія отъ него средства къ ея прекращенію. Но самый вѣрный или лучше сказать единственный способъ къ дѣйствительному пресѣченію явленій подобныхъ сектѣ *бѣгуновъ* есть не возвращеніе къ старымъ порядкамъ, подъ темною сѣнью которыхъ они родились и выросли, а болѣе рѣшительный переходъ къ новымъ. Секта, отвергающая всякія власти и духовныя и гражданскія, не признающая никакихъ общественныхъ отношеній, не знающая семейства, отвергающая всякую прочную форму человѣческаго быта и дѣятельности, проклинающая всякій честный промыселъ, поставляющая всю свою религію въ томъ, чтобы быть безпрерывно *въ бѣгахъ* и укрываться въ подпольяхъ, и всѣхъ не ведущихъ такого образа жизни и не исповѣдывающихъ такой религіи, всѣхъ, какъ православныхъ, такъ и иновѣрцевъ, чествующая именемъ слугъ антихристовыхъ,—такая секта не можетъ устоять при болѣе сильномъ и правильномъ развитіи гражданственности. Самое дѣйствительное средство къ пресѣченію явленій противообщественныхъ есть возможно болѣе полное, возможно болѣе широкое развитіе общественныхъ силъ.

Люди готовые обобщать преступленіе Заморина и видѣть въ немъ знаменіе всего что зовется у насъ расколомъ, должны припомнить, что именно около того самаго времени, когда было совершено это преступленіе, старообрядцы всѣхъ согласій, и Рогожцы, и Преображенцы, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными Русскаго Царя, свидѣтельствовали передъ престоломъ свою преданность отечеству и свою готовность жертвовать за него достояніемъ и кровію. Какая же связь между этимъ общимъ духомъ, который такъ повсемѣстно обнаружился въ раскольничьихъ согласіяхъ, и отдѣльнымъ фанатическимъ поступкомъ вологодскаго крестьянина? Почему же одиночный поступокъ долженъ вопіять громче и значитъ больше чѣмъ совокупное заявленіе цѣлыхъ обществъ? Почему то, а не это должно служить руководящимъ знаменіемъ и указаніемъ наилучшей системы дѣйствій относительно раскола? Въ своихъ заявленіяхъ раскольничьи согласія просятъ права считаться русскими гражданами, права жертвовать жизнію за Русскую землю, права видѣть въ ней свое законное отечество; они просятъ нѣкоторой терпимости, и если терпимость имъ оказывается, то гдѣ же тутъ сѣмена того изступленнаго фанатизма, который могъ бы выражаться въ поступкахъ подобныхъ поступку Заморина? Нѣтъ сомнѣнія, что раскольники всѣхъ согласій, жаждущіе терпимости и такъ смиренно ожидающіе ея, болѣе всѣхъ и съ особенною силою будутъ протестовать противъ дѣлъ дикой нетерпимости подобныхъ безумному преступленію, совершенному въ городѣ Грязовцѣ фанатикомъ ничтожной противообщественной секты, презираемой и отвергаемой всѣми.

Б.

Мы помѣщаемъ ниже таблицу сравнительныхъ цѣнъ на русскіе фонды и акціи въ пять послѣднихъ биржевыхъ дней, чтобы читатели могли ясно видѣть, какое вліяніе на эти цѣнности имѣло биржевое происшествіе 1-го ноября, а равно прекращеніе размѣна послѣдовавшее 8-го ноября. Припомнимъ, какими обстоятельствами сопровождалось пониженіе курса 1-го ноября. Банкъ совсѣмъ почти не учиталъ векселей и вовсе не выдавалъ ссудъ подъ залогъ. Торговля жаловалась на совершенное безденежье, и дѣйствительно многія дѣла страдали отъ невозможности добыть нужныя на-

ЦѢНЫ ФОНДОВЪ И АКЦІЙ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.

ФОНДЫ.

	Биржа 29-го октября.			Биржа 1-го ноября.			Биржа 5-го ноября.				Биржа 8-го ноября.				Биржа 12-го ноября.			
	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано		покупатели	продавцы	продано		покупатели	продавцы	продано	
5% билеты государ. банка.	94½	94¾	95¼	94¾	94⅞	94¾	94¾	95¼	95	94¾	95⅓	95½	95½		94¾	95¼	95½	95
6% серебромъ.	104	104½	—	104½	—	104	104½	—	104⅛		105	—	104½	105	105	—	105	106
5% 1-го займа 1820 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—		—	—	—	
5% 2-го „ 1822 „ Ротш.	—	—	—	—	—	92	92	—	—		—	—	—		93	—	—	
5% 3-го „ 1831 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—		—	—	—	
5% 4-го „ 1832 „																		
5% 5-го „ 1854 „	—	—	—	87½	—	—	89	—	89		90	—	90		—	90	90	
5% 6-го „ 1855 „	—	—	—	—	—	84	96	—	—		—	—	98		98	—	—	
5% 7-го „ 1862 „	—	—	89	90½	91	90½	91	—	94	94	93½	94	94	93¾	—	94	93¾	95
4% 1-го „ 1840 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	83		—	—	—	
2-го, 3 и 4 займа „																		
4% 5-го займа	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—		—	—	—	
4% Финляндск. займа	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—		—	—	—	
4½% обл. гл. общ. рос. жел. дор.	—	—	—	80	—	80	—	85	84	85	83	84	—		83	84	84	
Акц. гл. об. росс. жел. дор.	—	—	—	105	—	104½	106	108	106	108	107½	108	108		108	108½	107½	108½
5% обл. гор. кред. общ.	—	—	—	80	81½	80	81½	82	83	80	82	82	82½	81½	82	82	82½	82	82½

АКЦІИ.

	Номин. цѣна.		Биржа 29-го октября.			Биржа 1-го ноября.			Биржа 5-го ноября.			Биржа 8-го ноября.			Биржа 12-го ноября.		
	Р.	К.	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано	покупатели	продавцы	продано
Россійско-Американск. комп.	150	—	—	165	—	—	165	—	—	165	—	—	165	—	—	166	—
1-го страх. отъ огня общ.	400	—	436	440	—	436	440	—	436	440	—	436	440	—	436	440	—
2-го страх. отъ огня общ.	150	—	—	120	120	—	120	—	—	120	—	—	120	—	—	120	—
С.-Пет. газ. общ.	200	142⅞	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Общ. бумаго-прядильн. мануф.	142	85⅝	190	200	200	195	—	—	200	—	—	200	—	—	200	—	—
Общ. застрах. пож. дох.	100	—	125	—	—	125	—	—	125	—	—	125	—	—	123	—	—
„ Царевской мануфак.	130	—	76	—	—	75	—	—	75	—	—	—	76	—	75	—	—
Царск. жел. дороги.	60	—	53	54	53½	—	54	—	—	54	—	—	54	—	—	54	—
Комп. для хр. и зал. гр. движ.	57	142⅞	—	32½	30	—	30	—	—	32½	—	—	32½	—	30	—	—
Росс. общ. морск. рѣчн. и сух. стр. и трав. кл.	100	—	95	—	—	95	—	—	95	—	—	95	—	—	95	—	—
Тов. Саламанд. стр. отъ огня.	250	—	205	—	—	205	—	205	205	—	—	205	—	—	205	—	—
Пароходн. общ. по Волгѣ	250	—	—	205	—	—	205	—	—	205	—	—	—	200	200	205	—
Комп. „Надежда“ для мор., рѣчнаго и сухопутнаго страх. и трансп. кладей.	50	—	97	—	—	98	—	99	98	—	—	98	—	98	98	—	98½
Пар. об. по Волг. „Меркурій“.	250	—	90	—	—	90	—	—	90	—	—	90	—	—	92½	—	—
Пар. об. по Волгѣ Самолетъ	250	—	—	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	—	250	—	—
Обл. пар. общ. по Вол. Сам.	250	—	200	—	—	200	—	—	200	—	—	200	—	—	200	—	—
Росс. общ. парох. и торг.	300	—	170	—	—	170	—	—	172½	—	—	172½	—	—	172½	—	—
Общ. Риж.-Дин. желѣз. дор.	125	—	—	89	—	—	89	—	89	90	90	90	90½	—	90	91	90½
Пар. об. по Волг. „Пентунъ“.	125	—	—	90	—	—	—	—	—	90	—	—	90	—	—	90	—
Мос. страх. отъ огня общ.	200	—	—	115	—	—	115	—	—	115	—	—	115	—	—	115	—
Спб. страх. отъ огня общ.	200	—	—	130	—	—	130	—	—	130	—	—	130	—	126	130	—
Спб. обществ. водопр.	100	—	—	50	—	—	50	—	45	50	—	45	50	—	45	50	—
Москов.-Рязанск. жел. дор.	100	—	—	72	—	—	72	—	—	72	—	—	72	—	—	72	—

личныя деньги. Между тѣмъ, странное дѣло! мы видимъ, что среди этого безденежья отнюдь не было недостатка въ кредитныхъ билетахъ для предъявленія ихъ къ размѣну. Изъ помѣщеннаго выше свѣдѣнія о размѣнѣ билетовъ на звонкую монету въ послѣдніе четыре дня передъ прекращеніемъ размѣна видно, что въ эти четыре дня изъ кассы было выдано звонкой монеты 892.000 руб. Слѣдовательно, несмотря на трудность полученія денегъ изъ банка, оказывались же въ Петербургѣ значительныя наличныя суммы кредитныхъ билетовъ. Гдѣ-жь тутъ безденежье? Но, скажутъ, эти суммы собирали люди, принужденные платить свои долги за границей, они готовы были подвергаться убыткамъ, лишь бы получить изъ банка звонкую монету, нужную имъ для удовлетворенія ихъ заграничныхъ кредиторовъ; предъявленіе значительнаго количества кредитныхъ билетовъ къ размѣну показываетъ не то, что много денежныхъ знаковъ, а то что много долговъ, надѣланныхъ за границей русскими путешественниками и кущами. Пусть такъ, скажемъ мы на это въ свою очередь, но вотъ таблица цѣнъ фондовъ и акцій. Видны ли хоть тутъ слѣды безденежья? Само собой разумѣется, что когда на денежномъ рынкѣ мало денегъ, то-есть когда безденежье становится явленіемъ всеобщимъ, ощущаемымъ всѣми, то очень многіе должны быть въ необходимости продавать фонды и акціи, чтобы добыть себѣ денегъ; чѣмъ сильнѣе чувствуется безденежье, тѣмъ больше должно быть людей принужденныхъ продавать фонды и акціи, хотя въ убытокъ. А изъ этого слѣдуетъ, что при такомъ положеніи денежнаго рынка, когда онъ дѣйствительно страдаетъ безденежьемъ, цѣна акцій и фондовъ должна непремѣнно падать. Кромѣ того, мы знаемъ, что 1-го ноября приключилась на петербургской биржѣ паника, а во время паники каждый старается добыть себѣ наличныя деньги, и въ особенности звонкую монету. Просимъ читателей обратить вниманіе еще на то, что въ продолженіи цѣлыхъ шести дней послѣ 1-го ноября продолжался размѣнъ, и что слѣдовательно возникающее подъ вліяніемъ паники желаніе запастись звонкою монетой могло быть удовлетворено въ широкихъ размѣрахъ. Это должно было сильно увеличить спросъ на кредитные билеты, а такъ какъ изъ банка подъ векселя и залоги уже нельзя было получать ихъ, то лица, желавшія запастись звонкою монетой, принуждены были бы продавать свои акціи и фонды, еслибы въ ихъ рукахъ было мало кредитныхъ билетовъ. Чѣмъ сильнѣе паника, тѣмъ больше бываетъ охотниковъ продавать въ убытокъ разные фонды и акціи. Итакъ несомнѣнно, что еслибы на денежномъ рынкѣ въ Петербургѣ былъ недостатокъ въ наличности, то цѣны на фонды и акціи должны были бы упасть. А что мы видимъ на дѣлѣ? Мы видимъ удивительную твердость цѣнъ на всѣ вообще бумаги, и быстрое возвышеніе тѣхъ бумагъ, по которымъ проценты могутъ быть получаемы иностранною монетой (6-й и 7-й займы, акціи и облигаціи Главнаго Общества). Не ясное ли это доказательство того, что владѣльцы этихъ бумагъ вовсе не терпѣли нужды въ наличныхъ деньгахъ?

Мы въ правѣ стало-быть заключить, что безденежье не было на нашемъ рынкѣ явленіемъ всеобщимъ: въ то время, когда одна часть торговаго класса ощущала безденежье, другая часть была совершенно свободна отъ этого ощущенія; у однихъ было мало кредитныхъ билетовъ, а у другихъ было ихъ много. Изъ этого слѣдуетъ, что безденежьемъ страдалъ не денежный рынокъ, а отдѣльныя лица. Эти лица бѣдствовали, они имѣли полное право жаловаться на недостаточное количество денежныхъ знаковъ—только не въ народномъ обращеніи, а въ ихъ оборотныхъ кассахъ. Въ народномъ же обращеніи, то-есть на денежномъ рынкѣ, не было недостатка въ денежныхъ знакахъ ни для предъявленія кредитныхъ билетовъ къ размѣну, ни для покупки фондовъ и акцій по цѣнамъ болѣе выгоднымъ для продавцовъ (то-есть владѣльцевъ фондовъ и акцій) чѣмъ для покупателей (то-есть владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ).

В.

По поводу подлога въ газетѣ *Opinion Nationale*, о которомъ мы говорили въ послѣднихъ нумерахъ нашей газеты, въ *Монитерѣ*, отъ 20-го ноября, сказано, что „довѣріе нѣкоторыхъ журналовъ было употреблено во зло," и для возстановленія истины перепечатанъ переводъ подлиннаго текста *Московскихъ Вѣдомостей*.

По этому же поводу мы читаемъ въ газетѣ *La France*, отъ 22-го ноября, слѣдующія строки:

„Два парижскіе журнала (*Opinion Nationale* и *Patrie*) сдѣлались недавно жерт-

вами ошибочнаго перевода, или, можетъ-быть, и мистификаціи, которая, до изобличенія ея, произвела нѣкоторое впечатлѣніе."

Изложивъ фактъ искаженія статьи *Московскихъ Вѣдомостей* и возстановленія подлиннаго текста, *La France* продолжаетъ:

„Для чести человѣчества, мы не хотимъ вѣрить ни тому, ни другому изъ этихъ обвиненій. Несмотря на всѣ ужасы междуусобной войны, удручающей Польшу, мы отвергаемъ мысль, чтобы которая-нибудь изъ двухъ сторонъ могли прибѣгнуть къ такимъ дикимъ средствамъ!"

Итакъ вотъ къ какимъ заключеніямъ приходитъ органъ г. де-Лагероньера, какъ извѣстно пріемлющій внушенія свыше. Борьбу съ безсмысленнымъ и безнадежнымъ мятежомъ, поджигаемымъ иноземною интригой, газета *La France* называетъ междуусобною войною. Для чести человѣчества, она не хочетъ вѣрить, чтобы которая-нибудь изъ двухъ воюющихъ сторонъ могла прибѣгнуть къ такимъ „дикимъ средствамъ", какъ оружіе, описанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; для чести человѣчества, ей угодно вѣрить, что нашелся въ Россіи журналъ, который сочинилъ ложное извѣстіе о существованіи небывалаго оружія, со всѣми подробностями, и даже съ рисункомъ для большей наглядности. Органъ г. де-Лагероньера не только ставитъ насъ на одну доску съ *Opinion Nationale*, уличенною въ очевидномъ подлогѣ, но взводитъ на насъ несравненно болѣе тяжкое обвиненіе, заставляя насъ злоухищренно сочинять небывалое оружіе. Онъ не вѣритъ обвиненію, взведенному на русское правительство газетою *Opinion Nationale*,—какъ будто есть какая-нибудь возможность вѣрить обвиненію, которое оказалось мистификаціей. Но газета *La France* не хочетъ вѣрить и тому, чтобы къ этому оружію могли прибѣгнуть варшавскіе жандармы-вѣшатели; другими словами, она голословно обвиняетъ насъ въ самомъ недобросовѣстномъ поступкѣ,—въ сочиненіи ложнаго извѣстія, — извѣстія, положительнаго, подробнаго, иллюстрированнаго. Если французскіе журналы привыкли подозрѣвать другъ друга въ подобныхъ шалостяхъ и имѣютъ основаніе считать сочиненіе ложныхъ извѣстій дѣломъ обыкновеннымъ и естественнымъ въ своемъ ремеслѣ, то у насъ журнальная цивилизація еще не достигла такого развитія, и мы не легко можемъ снести подобное обвиненіе. А потому мы считаемъ себя въ правѣ потребовать у газеты *La France* формальныхъ доказательствъ въ подкрѣпленіе того обвиненія, которое она взвела на насъ „для чести человѣчества." Мы рады этому случаю. Мы обратимся къ французскимъ юристамъ чтобы узнать въ какой мѣрѣ французскіе суды могутъ способствовать намъ въ этомъ дѣлѣ. Мы желаемъ чтобы дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, со всѣми соприкосновенными ему обстоятельствами, было раскрыто предъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

№ 251.

Москва, 16-го ноября.

А.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, наполеоновскій проектъ конгресса можно считать окончательно похороненнымъ. Всѣ европейскія державы, какъ тѣ, которыя предварительно соглашались между собой (Англія и Австрія), такъ и тѣ, которыя дѣйствовали сами по себѣ, дали или собираются дать одинъ и тотъ же отвѣтъ Франціи: отдавая должную справедливость *великодушнымъ* чувствованіямъ, внушившимъ мысль о конгрессѣ, онѣ пожелали узнать напередъ, о чемъ будетъ идти рѣчь на этомъ конгрессѣ и какую думаютъ придать силу его рѣшеніямъ. Россія, по словамъ *Mémorial Diplomatique*, пожелала, сверхъ того, чтобы напередъ всѣ другія державы дали свое согласіе на конгрессъ. Австрія, какъ пишетъ, отъ 18-го ноября, вѣнскій корреспондентъ того же журнала, во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ за собой напередъ обладаніе Галиціей, которую она не хочетъ промѣнять ни на какую другую область, такъ какъ Галиція дастъ ей ежегодный доходъ въ 100 милліоновъ гульденовъ (около 60 милл. руб. сер.) и 70.000 человѣкъ для ея войска. По дѣламъ Италіи она, не отказываясь отъ тѣхъ правъ, которыя были сохранены въ Виллафранкскомъ и Цюрихскомъ договорахъ, готова обязаться уважать установленный порядокъ вещей на Апеннинскомъ полуостровѣ, съ тѣмъ, чтобъ и Италія приняла на себя тоже обязательство. Итакъ, вотъ уже венеціянскій и римскій вопросы и часть поль-

скаго (въ отношеніи къ Галиціи) устранены изъ вѣдѣнія конгресса.

Но главнѣйшимъ образомъ проектъ конгресса разбился о сопротивленіе Англіи. Лондонскій кабинетъ не удовольствовался требованіемъ подробной предварительной программы для конгресса, но еще предъявилъ прямой протестъ противъ „трубнаго гласа“, прозвучавшаго для трактатовъ 1815 г. „Лордъ Блумфильдъ (посолъ Англіи въ Вѣнѣ)“, какъ пишутъ въ *Mémorial Diplomatique* изъ Вѣны отъ 18-го ноября, „только-что сообщилъ графу Рехбергу копію съ депеши, которую лордъ Коулей долженъ былъ на дняхъ прочесть г. Друэнъ-де-Люису: въ этой депешѣ сказано, что пока трактаты 1815 года еще не замѣнены другими сдѣлками, добровольно и свободно заключенными со стороны европейскихъ державъ, эти трактаты остаются основаніемъ всѣхъ международныхъ отношеній, несмотря на противныя тому заявленія императора Французовъ“ (notwithstanding what the Emperor has said).

Повидимому, на запросъ Англіи о программѣ данъ былъ такой отвѣтъ, что она опредѣлится и установится сама собою, когда откроются засѣданія конгресса. Въ такомъ смыслѣ еще и теперь продолжаетъ витійствовать газета *La France*, увѣряя вмѣстѣ съ *Mémorial Diplomatique* и съ другими преданными французскому правительству журналами, что ни одна держава не только не будетъ обязана покоряться приговорамъ большинства, не только не можетъ быть вынуждена къ тому силой, но и будетъ въ правѣ устранить отъ общаго обсужденія тѣ вопросы, которые ей непріятны. Хорошъ будетъ европейскій конгрессъ, созванный для мирнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и неспособный заняться ни однимъ изъ нихъ, такъ какъ не окажется ни одного, котораго бы та или другая не пожелала пройдти молчаніемъ! Отъ мысли объ этомъ конгрессѣ, какъ о верховномъ третейскомъ судѣ, какъ назвалъ его въ своей рѣчи императоръ Наполеонъ, Франція такимъ образомъ уже отказывается. Были извѣстія и о томъ, что Франція не намѣрена настаивать на созваніи конгресса въ Парижѣ, и готова согласиться сверхъ того на предварительныя конференціи въ Брюсселѣ, на которыхъ была бы установлена программа будущаго конгресса. Газета *Patrie* сообщаетъ, что по извѣстіямъ изъ Лондона, императоръ Наполеонъ высказался въ такомъ смыслѣ, что по его мнѣнію, конгрессъ могъ бы преимущественно заняться вопросами польскимъ, датско-германскимъ, италіянскимъ (о Венеціи и о Римѣ) и о реформахъ въ конституціи Румыніи. *Экономистъ*, статью котораго мы приводимъ ниже, предчувствуетъ, что императоръ Наполеонъ III, со всѣхъ сторонъ бомбардируемый запросами о программѣ, принужденъ будетъ, наконецъ, выставить ее, и при этомъ постарается разыграть роль великодушнаго освободителя народовъ, въ видахъ союза съ революціонными партіями всѣхъ странъ Европы, и самого себя отдастъ на судъ конгресса по вопросу о занятіи Рима французскими войсками.

Но ничто, никакія уступки, никакія увѣренія газеты *La France* и К° о томъ, что „императорскій орелъ вовсе еще не началъ своего полета къ рейнскимъ берегамъ, къ этимъ естественнымъ границамъ Франціи, которыя отнялъ у нея 1815-й годъ“, что этотъ орелъ нисколько и не думаетъ о такихъ захватахъ, и единственно озабоченъ всеобщимъ благоденствіемъ и сохраненіемъ европейскаго мира,—никакія уступки, говоримъ мы, и никакія увѣренія не могли умилостивить британскаго льва. „Мы можемъ сойдтись съ Франціей на конгрессѣ во всѣхъ ея видахъ и намѣреніяхъ, говоритъ *Экономистъ*, но мы не можемъ сойдтись съ ней въ мѣрахъ къ ихъ осуществленію. Войны мы не хотимъ ни за что, а добровольныхъ уступокъ ни отъ какой державы не ожидаемъ. Созвать же торжественный конгрессъ для того только, чтобъ онъ высказалъ, что было бы хорошо и то, и другое, и потомъ разошелся,—просто смѣшно“. Вотъ сужденіе здраваго англійскаго смысла. Руководясь имъ, какъ извѣщаютъ въ одно слово *Morning Post*, *Daily News* и *Times* (см. ниже), Англія положительно отказалась отъ всякаго участія въ конгрессѣ. Австрія, какъ уже извѣщали газеты, обязалась также не принимать въ немъ участія безъ Англіи. Проектъ конгресса, такимъ образомъ, похороненъ окончательно.

Тѣмъ не менѣе, полуофиціяльныя французскія газеты не унываютъ: онѣ взапуски другъ передъ другомъ стараются увѣрить своихъ читателей, что отвсюду получаются согласія на конгрессъ, и что даже папа толкуетъ объ издержкахъ, которыхъ потребуетъ пріѣздъ его въ Парижъ, на конгрессъ,

въ сопроверженіи кардиналовъ *Mémorial Diplomatique*, отъ 21-го ноября, прямо провозглашаетъ: „Конгрессъ—вопросъ уже рѣшенный"; но тутъ же и прибавляетъ: „Зная, что Европа можетъ совѣщаться и безъ Англіи, такъ какъ всѣ государи, начиная съ папы и кончая султаномъ, соглашаются на конгрессъ, Англія не захочетъ отказаться отъ вліянія, которое ей до сихъ поръ принадлежало на континентѣ Европы." *La France* точно также торжествуетъ побѣду идеи конгресса, намекая, что онъ можетъ состояться и безъ участія нѣкоторыхъ державъ.

Очень можетъ быть, что для покрытія новаго своего пораженія французское правительство и лелѣетъ планы такого рода; но, увы! едва-ли и эти планы могутъ осуществиться, особенно когда французскіе полуофиціальные журналы будутъ выдвигать на первый планъ такъ-называемый польскій вопросъ, и добровольно обращать себя въ орудіе лжи и клеветы.

Б.

Со смертью короля Датскаго, Фридриха VII, шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ выдвинулся на первый планъ, и почти оттѣснилъ собою всѣ другіе вопросы, въ томъ числѣ и вопросъ о европейскомъ конгрессѣ. Характеръ этой пресловутой датско-нѣмецкой распри, о которой до сихъ поръ иностранцы почти не могли говорить безъ смѣха, значительно измѣнился. Дѣло идетъ уже не о постановленіяхъ, которымъ исполнился четырехсотъ-лѣтній срокъ, не о мелочныхъ интересахъ германской національности, не объ истолкованіи тончайшихъ, мельчайшихъ и почти неосязаемыхъ различій между опредѣленіями трактатовъ заключенныхъ Пруссіей и Австріей съ Даніей, и тѣми мѣрами, которыми Данія надѣялась отдѣлаться отъ притязаній германскаго патріотизма. Дѣло идетъ теперь прямо объ отторженіи герцогствъ Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга отъ Датской монархіи и о шиспроверженіи, въ отношеніи къ нимъ, порядка престолонаслѣдія установленнаго всѣми великими державами Европы, вмѣстѣ съ Даніей и Швеціей, въ Лондонѣ 8-го мая 1852 г. Вопросъ получаетъ, такимъ образомъ, общеевропейскій характеръ, и можетъ стать искрой, которая воспламенитъ всѣ горючіе матеріялы въ Европѣ.

Германія и безъ того уже вся въ огнѣ. Въ Гамбургѣ, во Франкфуртѣ на-Майнѣ, въ Штутгардтѣ, въ Ганноверѣ, въ Лейпцигѣ, повсюду собираются массы добродушнаго нѣмецкаго народа, въ тысячу, въ шесть тысячъ, въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, и все болѣе распаляя въ себѣ національныя страсти, принимаютъ грозныя рѣшенія, провозглашаютъ датскаго короля Христіана IX похитителемъ власти въ названныхъ трехъ герцогствахъ, признаютъ законнымъ герцогомъ принца Фридриха Аугустенбургскаго, и въ этомъ смыслѣ шлютъ адресы своимъ палатамъ и правительствамъ. Въ самихъ палатахъ представляются и принимаются проекты такого же рода резолюцій, и сами государи Германіи,— Саксенъ-Веймарскій, Саксенъ-Мейнингенскій, Альтенбургскій, Кобургскій, Баденскій, Ольденбургскій—раздѣляютъ это народное увлеченіе, и отвергаютъ права Христіана IX, при чемъ король Саксонскій и герцоги Мекленбургскій и Ангальтскій предъявляютъ Франкфуртскому сейму (въ засѣданіи 21-го ноября) свои права на герцогство Лауэнбургское. Въ самомъ Гольштейнѣ члены высшаго апелляціоннаго суда, университетскіе профессоры и должностныя лица отказываютъ въ присягѣ королю Христіану IX, и на сходкѣ въ Гамбургѣ, гдѣ собралось 2000 человѣкъ изъ Гольштейна и Шлезвига, президентъ митинга возвѣщаетъ, что старый генералъ графъ Баудиссинъ выразилъ готовность принять начальство надъ корпусомъ волонтеровъ для отраженія датской узурпаціи. Съ своей стороны „Германское Національное Общество" жертвуетъ всѣ оставшіяся отъ сбора на германскій флотъ суммы (до 100.000 р. сер.) на поддержаніе правъ принца Фридриха Аугустенбургскаго, и взываетъ къ германскому патріотизму о новыхъ добровольныхъ пожертвованіяхъ въ пользу того же дѣла. Поддерживаемый такимъ сочувствіемъ принцъ Фридрихъ, проживающій пока при Ганноверскомъ дворѣ, уже назначилъ своего военнаго министра, и въ скоромъ времени подъ его знаменами, безъ сомнѣнія, соберутся многочисленные волонтеры изъ всѣхъ частей Германіи. Страдая внутреннимъ разъединеніемъ и раздорами, подавленная сознаніемъ своего политическаго ничтожества, Германія тѣмъ съ большею страстью и съ раздраженіемъ болѣе болѣзненнымъ предается мечтамъ о будущемъ своемъ величіи, о будущемъ господствѣ своемъ даже на моряхъ,

для обезпеченія котораго именно и оказывается необходимымъ оттягать у Даніи Шлезвигъ и Гольштейнъ, и въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ полагаетъ всю свою національную честь и достоинство. При такомъ страстномъ увлеченіи, при такомъ возбужденіи массъ народныхъ, трудно сказать въ какихъ предѣлахъ остановится германскій патріотизмъ, и можно опасаться, не вызоветъ ли онъ на бой съ собою, за свои завѣтныя мечты, могущественнѣйшія государства Европы.

Опасность заключается не въ прокламаціяхъ и заявленіяхъ мелкихъ князей Германіи,—которые, не рискуя ничѣмъ, рады случаю такою дешевою цѣной купить себѣ популярность,—не въ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ Германскаго сейма, ни даже въ намѣреніяхъ и видахъ Австріи и Пруссіи. Австрія смотритъ на это дѣло очень хладнокровно. Она отдѣляетъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ отъ вопроса о правахъ этихъ герцогствъ (какъ политическихъ, такъ и на соединеніе ихъ между собою), и готова (если только можетъ быть рѣчь о ея готовности) отстаивать только послѣдніе путемъ федеральной экзекуціи въ Гольштейнѣ, то-есть, говоря другими словами, она готова тянуть прежнюю канитель. Въ случаѣ крайности, въ случаѣ еслибы Германскій сеймъ объявилъ себя въ пользу притязаній принца Аугустенбургскаго, Австрія предложила бы не болѣе какъ вступить въ переговоры съ великими европейскими державами о томъ, не могутъ ли быть сдѣланы какія-нибудь видоизмѣненія въ Лондонскомъ протоколѣ 8-го мая 1852 г. Даже члены палаты депутатовъ Австрійскаго имперскаго совѣта не обнаружили большаго увлеченія, и не желая стѣснять правительство, ограничились запросомъ о его намѣреніяхъ, тогда какъ въ Прусской палатѣ представителей даже консервативная партія предложила резолюцію на счетъ поддержанія правъ Германскаго Союза, а обѣ либеральныя партіи высказались рѣшительно въ пользу притязаній принца Аугустенбургскаго. Намѣренія прусскаго кабинета еще неизвѣстны; лондонскій *Экономистъ* (См. ниже, подъ рубрикою: *Пруссія*) высказываетъ опасеніе, что нынѣшнее министерство не устоитъ противъ искушенія пріобрѣсть популярность и уладить внутренніе раздоры путемъ смѣлой рѣшимости въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Но эти опасенія едва ли справедливы: Пруссія не забудетъ, безъ сомнѣнія, какой опасности можетъ она въ такомъ случаѣ подвергнуться на берегахъ Рейна. Намѣренія прусскаго кабинета можно предугадывать по тѣмъ, которыя заявлены были 24-го ноября г. фонъ-Бейстомъ Саксонской палатѣ: а именно, не признавать пока въ качествѣ герцога Гольштейнскаго ни Христіана IX, ни принца Фридриха, и не допускать на Германскій сеймъ уполномоченнаго ни отъ того, ни отъ другаго, а вслѣдъ затѣмъ занять усиленнымъ экспедиціоннымъ корпусомъ герцогства Гольштейнъ и Лауэнбургъ, до окончательнаго рѣшенія возникшихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, еще до выступленія въ походъ экспедиціоннаго корпуса, какъ только уполномоченный датскаго короля не будетъ допущенъ на сеймъ, Данія обратится къ державамъ подписавшимъ Лондонскій протоколъ 1852 года, и начнутся безъ замедленія переговоры. Прежде установленный порядокъ престолонаслѣдія будетъ, безъ сомнѣнія, подтвержденъ, а Данія вновь дастъ обѣщаніе выполнить свои обязательства относительно Германіи. Можетъ-быть, какъ предполагаетъ франкфуртскій корреспондентъ *Daily News*, будетъ идти рѣчь даже о томъ, чтобъ отдѣлить вовсе Гольштейнъ отъ Даніи, съ тѣмъ чтобы Германія навсегда отреклась отъ притязаній на Шлезвигъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло пошло бы обычнымъ, мирнымъ порядкомъ, еслибъ оно осталось вполнѣ въ рукахъ кабинетовъ. Но опасность, связанная съ настоящимъ положеніемъ шлезвигъ-голтейнскаго вопроса, заключается именно въ томъ, что онъ легко можетъ стать дѣломъ народныхъ массъ, и что въ рѣшеніе его по всему вѣроятію будутъ вовлечены народныя страсти.

Если въ Гольштейнѣ и въ Шлезвигѣ вспыхнетъ народное возстаніе при первомъ появленіи Фридриха Аугустенбургскаго, съ его волонтерами, если со всѣхъ концовъ Германіи потянутся отряды волонтеровъ къ берегамъ Эйдера, и начнется кровопролитіе между ними и датскими войсками, то при нынѣшнемъ волненіи умовъ въ Германіи, положеніе всѣхъ ея правительствъ, и особенно правительства прусскаго, будетъ крайне затруднительно. Остаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ ударовъ, которые будутъ наносить датскія войска нѣмецкимъ волонтерамъ, оно едвали захочетъ, да и едва ли сможетъ, не вызывая противъ себя опаснаго народнаго движенія, а подать

дѣятельную помощь будетъ значить начать европейскую войну, въ которой мстительницей за лондонскій протоколъ явится, конечно, Франція, а другія великія державы не будутъ имѣть возможности вступиться за Пруссію. Съ этой точки зрѣнія едва-ли не было бы всего благоразумнѣе занять герцогства Гольштейнъ и Лауэнбургъ федеральными войсками, съ тѣмъ чтобы воспрепятствовать возможному столкновенію между датскими войсками и германскими волонтерами.

№ 252.

Москва, 18-го ноября.

Читатели наши должны были замѣтить, что мы довольно рѣдко сообщаемъ имъ свѣдѣнія о югозападномъ краѣ. Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этой скудости свѣдѣній, чѣмъ очевиднѣе важная роль юго-западнаго края въ такъ-называемомъ польскомъ вопросѣ. Если католическая Самогитія могла, въ соображеніяхъ руководителей польской агитаціи, служить хорошею точкой опоры для ихъ замысловъ на Бѣлоруссію, и если они возлагали, какъ показало самое дѣло, большія упованія на сосѣдство моря съ этой стороны, то смежность Волыни и Подоліи съ австрійскими владѣніями и съ Дунайскими княжествами должна возбуждать не менѣе надеждъ открывая широкій доступъ вторженія вооруженнаго возстанія и всякаго рода пропаганды. Пропаганда эта свила себѣ не менѣе надежное гнѣздышко въ Житомірѣ чѣмъ въ Ковнѣ, хотя вокругъ Житомира и нѣтъ католической Самогитіи. Шляхта волынская и подольская едва ли не самая *завзятая* во всемъ западномъ краѣ. Подолія положила нѣкогда начало барской конфедераціи; Волынь наиболѣе волновалась въ 1831 году; подольское же дворянство и при нынѣшнихъ безпорядкахъ первое подало сигналъ своимъ знаменитымъ адресомъ. Но главное дѣло все-таки не въ шляхтѣ, а въ администраціи, которая до того соотвѣтствуетъ потребностямъ польскихъ агитаторовъ, что имъ тутъ привольнѣе чѣмъ даже въ Самогитіи, среди католическаго народа. Не даромъ манифестаціонный трауръ, сброшенный въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ, до сихъ поръ строго соблюдается лишь въ Кіевѣ. Только тутъ измѣна является не просто какъ фактъ, а какъ право; она настаиваетъ на своемъ правѣ гражданства въ русской землѣ и нагло требуетъ для себя терпимости. Всѣхъ этихъ обстоятельствъ было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы мы, не успокоиваясь видимымъ спокойствіемъ юго-западнаго генералъ-губернаторства, внимательно слѣдили за совершающимся въ немъ ходомъ событій. Всякій Русскій слѣдилъ бы за подобными явленіями, еслибъ они происходили даже въ незначительномъ углу Русской земли. Но они происходятъ въ Кіевѣ и окрестъ Кіева; нѣтъ города, который былъ бы дороже Кіева русскому человѣку. Если мы рѣдко и мало сообщаемъ извѣстій о Заднѣпровской Украйнѣ, то на это должны быть и есть какія-нибудь особыя причины.

Странное дѣло! При началѣ волненій извѣстія изъ Кіева, Подоліи и Волыни сыпались съ величайшимъ обиліемъ; всѣ газеты были ими наполнены. Но съ половины лѣта газетные корреспонденты какъ будто вымерли. Печать безмолвія легла на весь край. Правда, г. Юзефовичъ нарушилъ было эту печать безмолвія и вызвалъ на полемическій поединокъ одну изъ здѣшнихъ газетъ, подобно витязямъ древнихъ временъ, выходившихъ на единоборство отъ имени цѣлой рати.... Г. Юзефовичъ защищалъ мѣстную администрацію, и прекрасно дѣлалъ: нѣтъ тезиса, нѣтъ системы, о которыхъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ не нашелъ бы сказать чего-нибудь хорошаго, — но отъ первыхъ же ударовъ своего противника г. Юзефовичъ предался постыдному бѣгству, и съ тѣхъ поръ водворилось почти абсолютное безмолвіе.

Что же однако дѣлается за этою китайскою стѣною, которою оградилъ себя югозападный край? Какой сюрпризъ готовится за этою опущенною занавѣсью?... Кое-какіе слухи дошли къ намъ оттуда въ послѣднее время, и эти слухи нерадостные, не успокоительные. Письмо г. К. изъ Житомира, которое читатели найдутъ ниже, и на которое мы обращаемъ ихъ вниманіе, не есть голосъ пессимиста. То же самое говорится и въ другихъ письмахъ, или лучше сказать во всѣхъ письмахъ получаемыхъ нами изъ кіевскаго генералъ-губернаторства, за исключеніемъ писемъ идущихъ отъ Поляковъ. „Русскій элементъ представляется здѣсь весьма опасно больнымъ человѣкомъ“ пишутъ намъ оттуда. Отношенія между крестьянами и помѣщи-

ками самыя натянутыя, самыя непріязненныя; помѣщики, всегда презиравшіе своихъ хлоповъ, теперь вдвойнѣ ненавидятъ ихъ за положеніе принятое ими во время панскаго возстанія. Крестьяне, съ своей стороны, всегда непріязненно относившіеся къ своимъ панамъ, теперь еще болѣе негодуютъ на нихъ какъ на мятежниковъ противъ Царя, а съ тѣхъ поръ какъ мѣстная администрація стала брать—такъ и по крайней мѣрѣ кажется крестьянамъ—этихъ мятежниковъ подъ свою защиту, негодованіе превратилось въ озлобленіе. Крестьяне ни какъ не могутъ понять тотъ логическій процессъ, тѣ гуманныя комбинаціи, вслѣдствіе которыхъ ихъ, преданныхъ Царю людей, ставятъ подъ начальство мятежниковъ. Ихъ удивляетъ, что тѣ лица, которыхъ они хватаютъ и сдаютъ властямъ, черезъ нѣсколько дней получаютъ свободу, возвращаются въ свои имѣнія и спокойно управляютъ ими. Нѣтъ, говорятъ, достаточныхъ доказательствъ, нѣтъ уликъ въ ихъ виновности, но это послѣднее возраженіе не слишкомъ убѣждаетъ и насъ самихъ: развѣ не то же самое было постоянно въ Царствѣ Польскомъ во время управленія маркиза Велёпольскаго? Развѣ когда-нибудь, кто-нибудь бывалъ свидѣтелемъ совершеннаго посреди бѣлаго дня убійства? Развѣ отыскивался какой-нибудь складъ оружія? Развѣ кто-нибудь въ чемъ нибудь оказывался виновнымъ? Но если намъ невѣроятно чтобы въ краѣ, организовавшемъ возстаніе, всѣ были невинны какъ агнцы, то крестьянамъ, самовидцамъ всего происходившаго, это еще невѣроятнѣе.

Крестьяне рѣшаютъ политическіе процессы какъ присяжные, *по совѣсти*, а истинное положеніе дѣлъ извѣстно имъ едва ли не лучше чѣмъ многимъ высшимъ административнымъ лицамъ: они слѣдили за польскою агитаціей съ самаго ея возникновенія, они подсматривали и видѣли, какъ паны съѣзжаются между собою по ночамъ, они прислушивались и слышали что толкуетъ дворня этихъ пановъ, они замѣчали, что изъ панскихъ усадьбъ таинственно выпроваживались какіе-то подозрительные обозы и выгружались въ лѣсахъ, въ нарочно приготовленныхъ ямахъ, въ глухихъ лачугахъ лѣсовщиковъ, за стѣнами католическихъ кляшторовъ. Все это знали украинскіе крестьяне гораздо прежде чѣмъ высшая администрація была о томъ извѣщена своею полиціей; они знали и преступленіе, и преступниковъ, — мудрено ли же слѣдовательно, что правосудіе мѣстныхъ властей имъ не кажется правосудіемъ? Считая себя и дѣйствительно будучи вѣрноподданными, — чѣмъ могутъ считать они людей дѣйствующихъ въ обратномъ смыслѣ или послабляющихъ такимъ дѣйствіямъ?.. Мы понимаемъ затрудненіе образованнаго судьи или администратора имѣющаго дѣло съ понятіями непросвѣщенныхъ людей, и полагаемъ, что никогда непозволительно подчиняться и угождать страстямъ невѣжественной толпы, но знаемъ и то, что въ юго-западномъ краѣ никакихъ демагоговъ, кромѣ польскихъ же эмиссаровъ, не имѣется, и что съ этой стороны свобода нашихъ судей и администраторовъ совершенно обезпечена. Съ другой стороны мы знаемъ, что несомнѣнно великая опасность грозитъ краю, гдѣ власть отдаляетъ отъ себя свою естественную, свою единственную точку опоры и поддается вліянію своихъ враговъ.

Отношеніе крестьянъ къ администраціи неправильно, непрямо, не откровенно, пишутъ намъ; они благоговѣютъ передъ верховною властью и недоумѣваютъ передъ дѣйствіями ея служителей, а польская интрига этимъ пользуется. Замѣтивъ что между властями и народомъ начала образоваться рознь, интрига врывается въ нее, разъѣдаетъ ее и угрожаетъ образовать изъ нея бездну, которую не легко будетъ уровнять. Она съ одной стороны возбуждаетъ опасенія мнимо-коммунистическаго движенія, а съ другой стороны даетъ чувствовать свою связь съ лицами составляющими администрацію, свое вліяніе на нихъ и внушаетъ, что это вліяніе, само по себѣ уже компрометтирующее администрацію, пріобрѣтается самыми постыдными для нея средствами. Намъ пишутъ, что въ краѣ ходятъ по рукамъ счеты, будто бы случайно оброненные на улицѣ, листки изъ записныхъ книжекъ какъ бы нечаянно упавшіе на полъ, которые компрометтируютъ самымъ наглымъ образомъ людей бывшихъ всегда выше подозрѣній.... Справедливо ли это, знать мы не можемъ; мы повторяемъ слова людей пишущихъ съ мѣста. Зная крайнюю степень извращенности нравственныхъ понятій польскихъ патріотовъ, и припоминая ту наглость, съ которою они постоянно кричали о подкупности въ Западномъ краѣ русской администраціи состоявшей однакожь почти исключительно изъ Поляковъ, нельзя отрицать вѣроятности этого новаго ихъ макіа-

веллизма. Нельзя отрицать его потому, что онъ очень прямо ведетъ къ ихъ цѣли: уронить довѣріе къ администраціи, сдѣлать ее ненавистною русскимъ мѣстнымъ жителямъ и подорвать такимъ образомъ единственную организованную силу, съ которою полонизмъ принужденъ бороться. Скажемъ болѣе, насъ увѣряютъ, что нѣкоторыя административныя лица уже дискредитированы во мнѣніи русскаго общества, и вотъ послѣдствіе ихъ любезничанья съ Поляками. Польскаго патріота, присягавшаго народному „жонду," нельзя примирить съ русскою администраціей никакими любезностями. Это трудъ потерянный, а между тѣмъ на эти любезности Поляки указываютъ какъ на доказательства соумышленничества.

Мы не стали бы говорить обо всемъ этомъ, еслибы репутація людей, поставленныхъ на нѣкоторые посты, не принадлежала цѣлой странѣ, и еслибы къ клеветѣ, возводимой на нихъ, нація могла оставаться равнодушною.

№ 253.

Москва, 19-го ноября.

Мы говорили вчера объ одной изъ пружинъ польской интриги въ югозападномъ краѣ. Разъединить русское населеніе и русскую администрацію, увѣривъ русское населеніе, что русская администрація равнодушна и даже враждебна къ нему и стоитъ за Поляковъ,—вотъ та пружина, о которой мы говорили и которая, по доходящимъ до насъ вѣстямъ, теперь начинаетъ дѣйствовать. Интригѣ надобно добиться того, чтобы русское населеніе края возненавидѣло Москалей наряду съ Ляхами, а для этого нужно чтобы Москалей, то-есть русскихъ чиновниковъ края, можно было заподозрить въ невѣрности престолу. Вотъ съ какою цѣлію надобно выставлять на показъ всякое снисхожденіе русскаго чиновника къ Поляку; вотъ почему тайные коноводы польской агитаціи должны такъ дорожить всякимъ видимымъ признакомъ того, что они водятъ дружбу съ русскимъ начальствомъ. Они не могутъ надѣяться на то чтобы скоро ослабѣла враждебность малороссійскаго элемента къ польскому. Единственная вещь, которая можетъ быть сдѣлана въ краткій срокъ, это оклеветать хохла передъ кацапомъ, а кацапа передъ хохломъ.

Москали куплены Поляками, Москали измѣняютъ Царю,—слухи этого рода должны дѣйствовать на вѣрноподданныя массы народа. Пускатели этихъ слуховъ надѣются извлечь изъ преданности престолу пользу для дѣла измѣны.

Но это еще не все. Намъ уже нѣсколько разъ писали съ Украйны, что, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, Поляки подали руку хохломанамъ, что они (временно конечно) вошли въ виды этихъ послѣднихъ и съ ихъ помощію стараются возбудить въ крестьянахъ мечты о казачествѣ. Тутъ уже замышляется вызвать неудовольствіе не противъ однихъ Москалей, служителей верховной власти, а также и противъ самой верховной власти. Это новый видъ интриги, отличный отъ упомянутаго выше. Тамъ вѣрность престолу была тою струной, на которой играла измѣна; тутъ этою струной становятся мѣстныя воспоминанія о казачествѣ. Что такое *казачество*? Не о возстановленіи же этого въ нѣкоторомъ родѣ военнаго поселенія хлопочутъ украинскіе пропагандисты! Нѣтъ, не казачество имъ нужно, а нужно имъ большее или меньшее обособленіе Украйны отъ Россіи, чтобъ ослабить Россію и чтобъ, обособивъ Украйну, притянуть ее къ Польшѣ. Разчетъ тутъ вѣрный; вся исторія западной Руси доказываетъ, что она не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ частью одного изъ сосѣднихъ государствъ. Хмельницкій извлекъ ее изъ-подъ власти Польши, чтобы связать судьбу ея съ судьбою Россіи. Дорошенко не хотѣлъ связи ни съ Россіей, ни Польшей, но поддался турецкому султану. Такъ или иначе, но Украйна самостоятельна быть не можетъ, и хохломаны въ рукахъ новыхъ своихъ друзей Поляковъ разыгрываютъ роль той кошки, лапами которой обезьяна доставала горячіе каштаны, — въ сущности впрочемъ ту же самую роль, какую разыгрываютъ и чиновники любезничающіе съ измѣнниками.

Въ русскихъ чиновникахъ польскіе интриганы должны поддерживать гуманность и космополитизмъ, какъ противоядіе русскому патріотическому чувству: въ мѣстной молодежи и вообще въ элементахъ общества имѣющихъ нѣкоторую наклонность къ утопіямъ, они должны развивать воспоминанія о мѣстной старинѣ, чтобы такимъ образомъ тайкомъ подмѣнить здоровое чувство любви къ дѣйствительному отечеству безплоднымъ стремленіемъ служить фанта-

стическому государству, которое не существуетъ въ дѣйствительности и не можетъ существовать. Но всего важнѣе для интриги отравить патріотическое чувство въ крестьянахъ, и въ эту сторону должны быть направлены ея главнѣйшія усилія. Тутъ разставляются всевозможныя сѣти, тутъ и клевета на Москалей, тутъ и гетманщина, тутъ наконецъ и возбужденіе страстей пролетаріата. Искушая крестьянъ, интрига является истиннымъ Протеемъ.

Съ самаго начала возстанія польскіе паны увѣряли всѣхъ, а можетъ-быть и сами ублажали себя увѣренностію, что крестьянское движеніе имѣло вовсе не патріотическій, а соціальный характеръ, что на Поляковъ нападали крестьяне отнюдь не какъ на измѣнниковъ, а какъ на землевладѣльцевъ и вообще людей имущихъ. Словомъ, по ихъ увѣренію, это была не оборона русскаго народа отъ польскаго мятежа, а мятежъ пролетаріата противъ собственности. Польскіе паны употребляли всѣ усилія чтобы убѣдить въ этомъ русское начальство и такимъ образомъ привлечь его на свою сторону. Для нихъ въ высшей степени важно, чтобы мы Русскіе убѣдились въ этомъ. Но этого мало. Если вникнуть въ дѣло, то теперь для нихъ должно быть выгодно, чтобы въ самомъ дѣлѣ въ крестьянствѣ распространилось то настроеніе, которое они хотятъ приписать ему: чѣмъ болѣе дурныхъ элементовъ примѣшается къ крестьянскому народному чувству, тѣмъ оно будетъ слабѣе, и тѣмъ легче будетъ съ нимъ управиться. Съ другой стороны, еслибъ удалось превратить патріотическое движеніе въ движеніе противъ собственности, то оно направилось бы и противъ русскихъ помѣщиковъ края, а тогда крестьяне остались бы совсѣмъ безпомощны. Правительство было бы принуждено дѣйствовать противъ нихъ всею своею силой, и ни русское православное духовенство, ни немногіе русскіе помѣщики края, не захотѣли бы отстаивать ихъ не только отъ заслуженной кары, но и отъ мстительности пановъ.

Но есть ли какое-нибудь средство сдѣлать украинскаго хлопца соціалистомъ? Къ какой хитрости надобно прибѣгнуть, чтобы заставить его смотрѣть одинакими глазами на польскаго и на русскаго помѣщика? Всего вѣрнѣе было бы дѣло, еслибъ удалось убѣдить его, что вѣрность русскихъ помѣщиковъ Царю подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, и что само правительство не очень довѣряетъ имъ. А это не очень трудно: для этого нужно только показать крестьянамъ, что правительство ставитъ русскихъ помѣщиковъ на одну доску съ польскими мятежными панами. Распространенію этого взгляда между крестьянами отчасти уже содѣйствовалъ обязательный выкупъ, который, какъ требовала самая очевидная необходимость, имѣлъ одинаковую силу относительно всѣхъ помѣщиковъ, какого бы происхожденія или вѣроисповѣданія они ни были. Можно было колебаться на счетъ самой мѣры обязательнаго выкупа, но коль скоро она была признана необходимою, уже нельзя было дѣлать различіе между русскими и польскими помѣщиками, между помѣщиками принимавшими и не принимавшими участія въ мятежѣ. Тутъ сила обстоятельствъ поравняла всѣхъ. Но это неизбѣжное равенство не могло не произвести впечатлѣнія на крестьянъ. Затѣмъ послѣдовала контрибуція, которая была наложена исключительно на помѣщиковъ и притомъ тоже на всѣхъ безъ исключенія. Такъ какъ контрибуція не падала на другихъ сельскихъ обывателей, то легко могли распространяться между крестьянами слухи, что всѣ помѣщики, не только польскіе, но и русскіе, провинились передъ Царемъ. Этимъ слухамъ, пишутъ намъ, не мало содѣйствовали разные неожиданные случаи, встрѣчавшіеся по поводу сбора контрибуціи. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ мѣстечкѣ Малинѣ, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи, принадлежащемъ князю Г. А. Щербатову, петербургскому губернскому предводителю дворянства, человѣку, какъ извѣстно, до лясу не бѣгавшему и повстанцевъ не снаряжавшему, все имущество владѣльца было отдано подъ надзоръ крестьянскаго общества съ запрещеніемъ выпускать изъ имѣнія какіе бы то ни было продукты, не взирая ни на какія запродажи, контракты, и т. п., которые могли быть заключены прежде. И что же? По справкѣ оказалось, что всѣмъ этимъ строгостямъ подверглось имѣніе князя Щербатова *прежде* нежели было сообщено вотчинному управленію требованіе объ уплатѣ контрибуціи. Подобныя *канцелярскія* ошибки случались относительно многихъ русскихъ имѣній, а такъ какъ русскихъ имѣній въ краѣ не много, то частая встрѣча ошибокъ этого рода не могла не компрометтировать русскихъ помѣщиковъ въ гла-

захъ крестьянъ. Извѣстно, что десятипроцентный сборъ съ русскихъ помѣщиковъ и вообще съ тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ вѣрность была внѣ всякаго сомнѣнія, долженъ былъ взыскиваться въ размѣрѣ $1^1/_2$ процента. На этомъ основаніи сборъ и былъ пониженъ со всѣхъ сиротъ и малолѣтныхъ безъ различія вѣроисповѣданій; нѣкоторые польскіе помѣщики были тоже освобождены отъ сбора, напримѣръ въ Волынской губерніи княгиня Любомірская, графъ Боржинскій; равнымъ образомъ и съ нѣкоторыхъ русскихъ помѣщиковъ велѣно было взыскать по $1^1/_2$ проц. Но многіе русскіе помѣщики, съ которыхъ потомъ сборъ былъ пониженъ до $1^1/_2$ проц., первоначально были обложены полнымъ десятипроцентнымъ сборомъ. Такъ напримѣръ въ Овручскомъ уѣздѣ—четверо русскихъ помѣщиковъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ спискѣ лицъ пользовавшихся пониженіемъ сбора. Можно себѣ представить въ какомъ затруднительномъ положеніи находились русскіе помѣщики, которые были увѣрены что имъ придется платить $1^1/_2$ % съ ихъ дохода, и съ которыхъ вдругъ потребовали 10%. Для взноса контрибуціи былъ назначенъ трехдневный срокъ со дня полученія повѣстки. По истеченіи срока пріѣзжалъ офицеръ; въ сопровожденіи солдатъ съ примкнутыми штыками, составлялъ опись скота, хлѣба, сѣна, а вслѣдъ за тѣмъ должна была непосредственно начаться аукціонная продажа всего описаннаго, если бы оказались на лицо покупатели. За неимѣніемъ покупателей все описанное имущество сдавалось подъ надзоръ крестьянскаго общества, которому предписывалось не допускать владѣльца до отпуска изъ имѣнія какихъ бы то ни было продуктовъ. Спѣшимъ прибавить, что во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы получили извѣщенія, ошибка была потомъ исправлена, и сборъ съ русскихъ помѣщиковъ понижен до $1^1/_2$ %; но важно тутъ не это, а впечатлѣніе произведенное на крестьянъ подобными ошибками канцелярій. „Не денегъ намъ жалко, пишетъ въ частномъ письмѣ одинъ русскій помѣщикъ Волынской губерніи; мы ихъ съ радостью дали, но за что же насъ поставили на одну доску съ Поляками и выставили мятежниками въ глазахъ народа? Зачѣмъ было внушать крестьянамъ, что мятежъ былъ произведенъ не одними Поляками, а *вообще* помѣщиками? А такъ поняли это здѣшніе крестьяне; такъ по крайней мѣрѣ поняли это крестьяне моего имѣнія.“ Этотъ же самый помѣщикъ совершенно выгораживаетъ волынскаго губернатора изъ отвѣтственности за приведенные имъ факты. „Стоящая выше сомнѣнія благонамѣренность князя Друцкаго, пишетъ онъ, заставляетъ объяснять все это единственно интригами канцелярій, наполненныхъ Поляками.“

№ 254.

Москва, 20-го ноября.

Телеграфъ извѣстилъ насъ что государственный банкъ прекратилъ вчера трассировку на иностранные города. Вслѣдствіе того вексельный курсъ упалъ противъ предыдущей биржи приблизительно на 4%, а облигаціи 7-го займа соотвѣтственно тому повысились до 97 рублей за 100. Вчерашнее пониженіе курса надобно назвать очень значительнымъ. И до размѣна иные года обходились безъ столь значительнаго пониженія курса; такъ напримѣръ въ 1858 и 1860 годахъ курсъ круглый годъ стоялъ выше курса вчерашней петербургской биржи. Всѣхъ имѣющихъ дѣла заграницей очень интересуетъ вопросъ, будетъ ли теперь, безъ банковской поддержки, курсъ еще болѣе падать или надобноскорѣе ожидать его повышенія. Мы думаемъ, что большаго пониженія ожидать нельзя, и вотъ на какомъ основаніи. Изъ обращенія изъято, какъ извѣстно, до 75 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ. Обращеніе понизилось приблизительно до той цифры, которая была въ 1858 году, то-есть теперь находится въ народномъ обращеніи почти столько же кредитныхъ билетовъ, сколько было въ 1858 году. Слѣдовательно вліяніе избытка кредитныхъ билетовъ на вексельный курсъ должно быть теперь приблизительно то же самое какъ въ 1858 году, а тогда низшимъ курсомъ цѣлаго года былъ курсъ $34^7/_8$ п. на Лондонъ (3-го января) и 368 сантимовъ на Парижъ (10-го января). Правда что тогда, повидимому, была нѣкоторая, хотя и незначительная поддержка курса со стороны правительства, но это уравновѣшивается въ нынѣшнемъ году отсутствіемъ хлопка между ввозными предметами, чѣмъ значительно уменьшается сумма денегъ переводимыхъ за-границу, а хорошій урожай усиливаетъ виды на отпускъ хлѣба предстоящею вес-

ной; къ тому же теперь въ Россіи гораздо больше чѣмъ въ 1858 году такихъ бумагъ, которыя могутъ быть высланы за границу и превращены тамъ въ деньги. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ нельзя повидимому ожидать, чтобы курсъ претерпѣлъ дальнѣйшее пониженіе. Что же касается до теперешняго пониженія, то конечно нельзя не сожалѣть о потеряхъ, которыя оно причинило людямъ не ожидавшимъ его, но таковы неизбѣжныя послѣдствія избытка бумажныхъ денегъ, а на всю страну оно должно подѣйствовать въ хорошемъ направленіи. Оно ограничитъ привозъ и облегчитъ отпускъ; въ то же время, возвышая курсъ процентныхъ бумагъ, оно сдѣлаетъ возможнымъ внутренній заемъ, то-есть ту мѣру, которая одна можетъ возстановить нашу денежную систему съ возможно меньшимъ для насъ ущербомъ и съ возможно меньшими потрясеніями.

Впрочемъ еслибы курсъ упалъ и ниже вчерашняго, прекращеніе трассировки было бы все-таки полезною мѣрой. Казенная трассировка была у насъ главною причиной экономическихъ затрудненій; ей преимущественно обязаны мы тѣмъ, что Венгрія, Дунайскія княжества и даже Турція отбиваютъ у насъ покупателей нашихъ продуктовъ. Это была, можно сказать, покровительственная система въ обратномъ смыслѣ. Покровительственная система хочетъ поощрить внутреннее производство, задерживая привозъ иностранныхъ товаровъ высокими пошлинами. Съ точки зрѣнія здравой экономической теоріи этотъ образъ дѣйствій вреденъ, но если вредно употреблять средства страны на поощреніе внутренняго производства такихъ предметовъ, которые было бы невыгодно производить безъ казенной поддержки, то конечно еще гораздо вреднѣе употреблять средства страны на поощреніе иностраннаго производства предметовъ, которые производить выгодно и безъ нашей поддержки; а что какъ не такую премію выдавали мы иностраннымъ производителямъ, поддерживая вексельный курсъ и тѣмъ искусственно расширяя иностранный привозъ и стѣсняя нашъ отпускъ?

Повторяемъ, это была покровительственная система навыворотъ. Та клонилась къ тому чтобъ ограничить привозъ, а эта ограничивала отпускъ. Та въ своемъ основаніи имѣла дурно-понятый патріотизмъ; эта представляла собой космополитизмъ доведенный до готовности раззориться въ пользу иностранцевъ.

Операція казенной трассировки нигдѣ на свѣтѣ не происходила въ такихъ громадныхъ размѣрахъ какъ у насъ. Намъ было суждено представить собой примѣръ этого—не скажемъ безкорыстія, а равнодушія къ своимъ интересамъ и готовности расточать свое достояніе, съ единственною цѣлію показать себя передъ иностранцами въ выгодномъ свѣтѣ. Тутъ у насъ соперниковъ не имѣется, но именно это обстоятельство и было причиной совершеннаго молчанія политической экономіи о тѣхъ явленіяхъ, которыхъ мы были у насъ свидѣтелями благодаря казенной трассировкѣ. Въ политической экономіи вовсе нѣтъ выработанныхъ формулъ для объясненія того что у насъ происходило. Чтобы вѣрно уразумѣть смыслъ этихъ явленій надобно извлечь свои формулы изъ общихъ экономическихъ законовъ, а такъ какъ это дѣло не совсѣмъ легкое, по крайней мѣрѣ дѣло требующее самостоятельнаго движенія мысли, то многіе изъ людей, которые судятъ о нашихъ денежныхъ дѣлахъ, упускаютъ изъ виду ихъ особенность, происходящую отъ многолѣтней искусственной поддержки курса. Не будь этой несчастной казенной трассировки, вексельный курсъ столь же вѣрно указывалъ бы на значительность избытка кредитныхъ билетовъ, сколько указывала на нее внутренняя дороговизна. Онъ упалъ бы въ 1859 году, послѣ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, не до $31\frac{1}{4}$ пенни, какъ случилось въ маѣ мѣсяцѣ (за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ курсъ былъ $37\frac{7}{16}$ пенсовъ), а можетъ-быть до 27 или 26 пенсовъ на Лондонъ, и не до 325 сантимовъ, какъ случилось тоже въ маѣ (за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ курсъ былъ 393 сантима), а можетъ-быть до 280 или 270 сантимовъ на Парижъ. То же самое или почти то же самое было бы и въ февралѣ 1862 года; пониженіе курса не остановилось бы тогда на 545 сантимахъ, и никто не могъ бы впасть въ заблужденіе что внѣшній заемъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ состояніи обезпечить размѣнъ, и что размѣнъ въ состояніи довести кредитный рубль до *пари* съ цѣлковымъ рублемъ.

Казенная трассировка имѣла такое важное вліяніе на все народное производство и благосостояніе, ея послѣдствія такъ разнообразны и оригинальны, что изученіе ихъ несомнѣнно составитъ одну изъ самыхъ ин-

тересныхъ главъ въ будущихъ политическихъ экономіяхъ. Эти послѣдствія осложнились у насъ еще тѣмъ, что казенная трассировка совпала съ освобожденіемъ крестьянъ. Осложнившись этимъ совпаденіемъ, они сдѣлались еще менѣе узнаваемы. Многое приписывается у насъ освобожденію крестьянъ, что происходитъ вовсе не отъ освобожденія крестьянъ, а отъ казенной трассировки. Сюда напримѣръ несомнѣнно относится несоотвѣтствіе между продажною цѣной продуктовъ сельскаго хозяйства и издержками производства, главный предметъ жалобъ и жалобъ совершенно основательныхъ со стороны помѣщиковъ; сюда же относится ни съ чѣмъ не сообразная дороговизна извозовъ, на что жалуются всѣ торговцы. Все это приписывается самому яркому изъ явленій послѣдняго времени, освобожденію крестьянъ, между тѣмъ какъ все это въ значительной мѣрѣ происходитъ отъ неестественности нашихъ цѣнъ, причиненной казенною трассировкой. Такъ какъ мы производимъ суровья больше чѣмъ сколько намъ требуется, то мы принуждены сбывать его за границу хотя бы съ убыткомъ; поэтому цѣны на наше суровье всегда находятся въ зависимости отъ всемірнаго рынка. На какія же деньги долженъ всемірный рынокъ цѣнить наше суровье? Разумѣется, на всемірныя деньги, то-есть на звонкую монету. Иностранному купцу совершенно все равно сколько онъ заплатитъ кредитными рублями за нашу пшеницу, лишь бы сумма заплаченныхъ имъ кредитныхъ рублей, переведенная на звонкую монету, составила выгодную для него цѣну. Нашему производителю, въ свою очередь, очень важно получить за свой товаръ приличную цѣну тѣми деньгами, которыми онъ платитъ своимъ рабочимъ и своимъ кредиторамъ, а насколько эта цѣна понизится къ выгодѣ покупателя, когда будетъ переведена въ звонкую монету, это ему все равно. Таковы естественныя отношенія внутренняго производителя къ иностранному покупателю при избыткѣ денежныхъ знаковъ, и такія именно отношенія мы видѣли и теперь еще видимъ въ Австріи, гдѣ, несмотря на избытокъ бумажныхъ денегъ, производительность не только не подавлена сравнительно съ прежнимъ временемъ, но даже развивается съ замѣчательною быстротой. Совсѣмъ иныя должны быть отношенія внутренняго производителя къ иностранному покупателю, гдѣ есть избытокъ денежныхъ знаковъ, но гдѣ онъ замаскировывается искусственною поддержкой курса. Тамъ вслѣдствіе избытка денежныхъ знаковъ издержки производства, то-есть наемная плата и извозъ, должны значительно дорожать, между тѣмъ какъ вслѣдствіе поддержки курса цѣнность звонкой монеты, на которую дѣлаетъ свои разчеты иностранный покупатель, искусственно уменьшается, такъ что та сумма, которую въ звонкой монетѣ можетъ предложить производителю иностранный покупатель, и которая безъ поддержки курса превратилась бы въ сумму кредитныхъ билетовъ совершенно достаточную для производителя, теперь никакъ уже не можетъ вознаградить за издержки производства. Поэтому цѣны суровья въ портахъ должны падать, а портовыя цѣны должны непремѣнно отозваться и на внутреннихъ цѣнахъ, и повсюду въ странѣ, за небольшими исключеніями, должно оказаться то явленіе, на которое жалуются теперь наши помѣщики и которое они приписываютъ освобожденію крестьянъ,—несоразмѣрность выручки съ издержками производства.

Говоря о вредныхъ послѣдствіяхъ казенной трассировки, мы разумѣемъ собственно трассировку, производимую для поддержки курса и не сопровождаемую изъятіемъ бумажныхъ денегъ изъ обращенія, то-есть такую трассировку, какая производилась у насъ до открытія размѣна, была возобновлена въ послѣдніе два мѣсяца передъ его закрытіемъ, а вчера, благодареніе Богу, прекращена. Съ трассировкой этого рода нельзя смѣшивать ту, о которой говоритъ г. Гальцовъ въ замѣткѣ о вексельномъ курсѣ, помѣщенной ниже, и при которой кредитные билеты, получаемые за продаваемые векселя, подлежали бы уничтоженію. Эта послѣдняя трассировка есть не что иное какъ размѣнъ, но болѣе выгодный. Она во всякомъ случаѣ сберегала бы издержки двукратнаго провоза золота, а еслибъ она производилась не на основаніи фантастическаго, заранѣе назначеннаго курса, а соотвѣтственно курсу существующему, то ея выгоды увеличились бы значительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея вліяніе на торговлю было бы менѣе неправильно. Какъ средство размѣна, казенная трассировка, придерживающаяся существующаго биржеваго курса, была бы, кажется, во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе чѣмъ постепенное и заранѣе опредѣленное возвышеніе цѣны кре-

дитныхъ билетовъ при размѣнѣ на звонкую монету. „Эта мѣра постепеннаго возвышенія, сказано въ доставленной намъ запискѣ одного петербургскаго купца, назначала цѣнность бумажнаго рубля, а слѣдовательно и измѣненія въ курсѣ за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, не обращая вниманія на перемѣны, которыя могли произойдти въ финансовыхъ видахъ государства, въ состояніи торговли или въ политическомъ положеніи Европы. Она давала иностранному банкиру или капиталисту возможность помѣщать свои деньги въ Россіи, зная наперед, что онъ можетъ взять ихъ обратно съ выгодой и безъ риску именно въ то время, когда страна будетъ всего болѣе нуждаться въ его деньгахъ; она поощряла привозъ товаровъ, потому что обѣщала ремиттенту возвышеніе курса, и по той же причинѣ препятствовала вывозу.“ Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться, и нельзя также не согласиться, что та трассировка, о которой говоритъ г. Гальцовъ въ своей замѣткѣ, была бы свободна отъ большей части этихъ неудобствъ. Но еслибы посредствомъ трассировки этого рода изъять изъ обращенія въ теченіе какого-нибудь года около ста милліоновъ рублей, то масса векселей, которые отправились бы въ такомъ случаѣ изъ Россіи на европейскія биржи, не могла бы не усилить нашего привоза и не уменьшить нашего отпуска. Владѣльцы кредитныхъ билетовъ обмѣняли бы ихъ на иностранные векселя; пославъ ихъ заграницу, наши биржи не имѣли бы уже надобности заботиться объ отправкѣ товаровъ, а отъ этого долженъ былъ бы пострадать отпускъ; съ другой же стороны такъ какъ этими векселями была бы увеличена масса цѣнностей, обыкновенно идущая изъ Россіи за ея границы, то въ замѣнъ увеличившагося вывоза цѣнностей долженъ былъ бы непремѣнно увеличиться иностранный привозъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что размѣнъ, хотя онъ и гораздо менѣе вреденъ нежели поддержка курса посредствомъ трассировки безъ изъятія кредитныхъ билетовъ, и даже еслибы онъ происходилъ въ самой выгодной своей формѣ, въ формѣ трассировки съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ обращенія, все-таки произвелъ бы нѣкоторое стѣсненіе отпуска и въ нѣкоторой степени поощрилъ бы привозъ. А изъ этого слѣдуетъ, что единственное безвредное средство изъятія значительной массы кредитныхъ билетовъ есть внутренній заемъ, для котораго теперь и расчищается поле силою обстоятельствъ.

№ 255.

Москва, 22-го ноября.

Ниже читатели найдутъ переводъ послѣдней дипломатической корреспонденціи между Англіей и Франціей по поводу предложенія о конгрессѣ. Результатъ этой корреспонденціи — рѣшительный отказъ Англіи — и бо́льшая часть доводовъ, которыми онъ мотивированъ, намъ уже извѣстны заранѣе; но тѣмъ не менѣе она не лишена для насъ интереса по своимъ подробностямъ. Англія, удовольствовавшись съ начала только общимъ заявленіемъ, что „всякое предложеніе императора Наполеона можетъ всегда разчитывать на самое серіозное и внимательное разсмотрѣніе со стороны правительства королевы“, вслѣдъ затѣмъ поспѣшила довести все дѣло до скораго конца и высказаться со всею откровенностью насчетъ предложенія императора Французовъ, нисколько не опасаясь подпасть обвиненію въ „замыслахъ, боящихся дневнаго свѣта“.

Въ депешѣ отъ 12-го ноября, графъ Россель прежде всего разматриваетъ основанія, на которыхъ сдѣлано предложеніе о конгрессѣ, и энергически вступается за трактаты 1815 г. Соглашаясь, что дѣло заключенія этихъ трактатовъ было ведено съ нѣкоторою поспѣшностью, такъ какъ желательно было какъ можно скорѣе возвратить миръ и спокойствіе Европѣ, графъ Россель находитъ, что происшедшія въ нихъ въ продолженіе 50 лѣтъ перемѣны вовсе не такъ значительны, какъ можно было бы предполагать, судя по продолжительности истекшаго времени, по успѣхамъ общественнаго мнѣнія, по перемѣнамъ какъ въ политикѣ правительствъ, такъ и въ требованіяхъ народовъ. „Правительство ея величества, сказано въ депешѣ, убѣждено, что главныя постановленія трактатовъ 1815 года имѣютъ еще полную силу, что бо́льшая часть этихъ постановленій нисколько не потрясена, и что на этихъ основахъ все еще зиждется политическое равновѣсіе Европы. Оградивъ такимъ образомъ главныя постановленія Вѣнскаго трактата (въ томъ числѣ, безъ сомнѣнія, и о границахъ Фран-

ціи); графъ Россель раздѣляетъ всѣ остальныя статьи ихъ на три категоріи. Однѣ изъ нихъ замѣнены съ согласія всѣхъ державъ, и едва ли нуждаются еще въ болѣе общемъ и торжественномъ подтвержденіи. Другія совершились *de facto*, и не признаны еще всѣми державами Европы *de jure:* имѣется ли въ виду на конгрессѣ доставить имъ общее признаніе? (Савойя и Ницца). Третьи, наконецъ, подвергаются опасности, и возбуждаютъ самые важные вопросы; по ихъ-то поводу графъ Россель спрашиваетъ: какого рода предложенія имѣетъ въ виду сдѣлать императоръ Французовъ? Къ чему они будутъ направлены, и если будутъ приняты большинствомъ конгресса, имѣется ли въ виду поддерживать ихъ силою оружія? Депеша оканчивается заявленіемъ, что конгрессъ безъ опредѣленныхъ цѣлей, на которомъ стали бы передѣлывать карту Европы, могъ бы внушить британскому правительству скорѣе опасеніе чѣмъ довѣріе, и возбудилъ бы надежды и ожиданія, которыя столь же трудно было бы удовлетворить, какъ и успокоить.

Вскорѣ по полученіи этой депеши, какъ мы узнаемъ изъ *Courrier du Dimanche*, г. Друэнъ-де-Люисъ разослалъ циркуляръ, отъ 15-го ноября, ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границей. Въ этомъ циркулярѣ, какъ увѣряютъ, онъ утверждаетъ, что если значительная часть постановленій Вѣнскаго трактата перестала существовать, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы другая часть его не могла быть сохранена, и что во всякомъ случаѣ конгрессъ будетъ обязанъ разсмотрѣть этотъ вопросъ. Депеша графа Росселя произвела такимъ образомъ свое дѣйствіе, и сразу достигла своей цѣли. Франція принуждена была взять назадъ громкое заявленіе своего императора о томъ, что трактаты 1815 г. перестали существовать. Что же касается до программы конгресса, то императоръ Французовъ не считаетъ себя въ правѣ формулировать ее, и только въ видѣ примѣра г. Друэнъ-де-Люисъ въ своемъ циркулярѣ, равно какъ и въ послѣдовавшемъ отвѣтѣ британскому кабинету, указываетъ на вопросы польскій, итальянскій, шлезвигъ-гольштейнскій и румынскій, нисколько впрочемъ не ограничивая ими, какъ замѣчаетъ *Courrier du Dimanche*, программу конгресса.

Тѣмъ временемъ получены были предварительные отвѣты: Австріи, отъ 17-го ноября, переданный императору въ Компьенѣ 19-го числа, и Пруссіи, отъ 18-го ноября, сообщенный не прежде 22-го. Австрійскій отвѣтъ состоялъ изъ двухъ документовъ: письма императора Франца Іосифа и депеши графа Рехберга. Въ обоихъ указывается на необходимость узнать напередъ основанія и программу для конгресса; въ депешѣ графа Рехберга, сверхъ того, подвергнуто критическому разсмотрѣнію заявленіе императора, что трактаты 1815 г. перестали существовать, и проведено различіе между тѣмъ, что съ 1815 г. отмѣнено въ силу конвенцій, договоровъ, и т. д., и тѣмъ что и теперь, какъ прежде, составляетъ международное европейское право. На эту депешу, какъ утверждаетъ *Ost-Deutsche Post* отъ 27-го ноября, еще не послѣдовало отвѣта; г. Друэнъ-де-Люисъ до поры до времени счелъ, безъ сомнѣнія, достаточнымъ то что было имъ высказано въ циркулярѣ отъ 15-го ноября. Замѣчательно, что въ отношеніи къ трактатамъ 1815 г. прусскій отвѣтъ совершенно совпадаетъ съ англійскимъ и австрійскимъ, хотя французскіе журналы и считаютъ его почему-то особенно благопріятнымъ. По словамъ *Courrier du Dimanche*, въ немъ высказано, что ни одинъ государь, принимающій близко къ сердцу благо своей страны, не станетъ противиться предложенію, столь благопріятному для охраненія мира въ Европѣ; но что несмотря на перемѣны, происшедшія съ теченіемъ времени, постановленія 1815 г. продолжаютъ быть основаніемъ всего европейскаго порядка, и потому Пруссія съ готовностью приметъ участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ своею цѣлью замѣнить тѣ части ихъ, которыя были уничтожены. Монархія Гогенцоллерновъ, всегда оставававшаяся въ предѣлахъ трактатовъ 1815 г., не имѣетъ никакихъ поводовъ отказать въ своей безкорыстной поддержкѣ такому проекту императора Французовъ, и не колеблясь предлагаетъ ему свое содѣйствіе чтобы путемъ предварительнаго обмѣна идей устранить могущія возникнуть затрудненія. Такимъ образомъ, если Пруссія и высказалась въ пользу конгресса, то лишь ограничивъ напередъ его задачу, вопреки заявленнымъ уже видамъ Наполеона III, замѣною тѣхъ статей Вѣнскаго трактата, которыя были уничтожены послѣ 1815 года. Согласіе Пруссіи, слѣдовательно, почти равносильно отказу.

Подъ этими-то впечатлѣніями пришлось отвѣчать г. Друэнъ-де-Люису на англійскую

депешу отъ 12-го ноября. Его отвѣтъ, отъ 23-го ноября, ссылается на заявленіе императора Наполеона, что онъ считаетъ для себя обязательными всѣ договоры, заключенные его предшественниками, и что трактаты 1815 г. продолжаютъ быть основаніемъ политическаго зданія Европы; но, прибавляетъ г. Друэнъ-де-Люисъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ разсмотрѣть, не поколебалось ли само это основаніе, не нарушили ли совершившіяся перемѣны гармоніи и равновѣсія цѣлаго, не будетъ ли полезно очистить почву отъ обломковъ и совокупить въ одно тѣло сохранившія жизнь части его? По отношенію къ первой категоріи статей Вѣнскаго трактата, какъ она была опредѣлена графомъ Росселемъ, конгресса требуетъ лишь французская любовь къ симметріи, къ строгому единообразію. Но тѣ перемѣны, которыя не всѣми еще признаны, могутъ, по мнѣнію французскаго правительства, каждую минуту раздѣлить Европу на два враждебные лагеря. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ тѣ статьи Вѣнскаго трактата, которымъ грозитъ непосредственная опасность. Для отвращенія могущихъ возникнуть опасностей, которыя впрочемъ не касаются прямо Франціи, императоръ Наполеонъ и предложилъ конгрессъ разомъ всѣмъ государямъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ, не связавъ себя заранѣе никакими обязательствами. Англія такимъ образомъ могла бы успокоиться совершенно, если въ ней и возникало опасеніе, не состоялся ли предварительно ненавистный для нея союзъ между Франціей и Россіей. За этимъ успокоительнымъ увѣреніемъ слѣдуетъ самое скромное и смиренное объясненіе, почему императоръ Наполеонъ не счелъ себя въ правѣ заранѣе начертать программу конгресса. Онъ поступилъ съ такою сдержанностью, какъ *младшій* изъ всѣхъ государей Европы, младшій не по лѣтамъ, конечно, не по времени вступленія на престолъ, а по времени возникновенія самой его династіи. Сверхъ того, было бы такъ трудно перечислить вопросы, которые еще не разрѣшены и которые, однакоже, могутъ возмутить спокойствіе Европы. Тѣмъ не менѣе г. Друэнъ-де-Люисъ перечисляетъ, для примѣра, эти вопросы. Въ этомъ исчисленіи нѣкоторыя выраженія прямо разчитаны на то, чтобы произвести пріятное впечатлѣніе на Великобританію. Такъ, французскій министръ спрашиваетъ: должно ли безъ конца продолжаться занятіе Рима французскими войсками? неужели, безъ новыхъ попытокъ къ примиренію, слѣдуетъ отказаться отъ всякой надежды сократить чрезмѣрныя вооруженія? Съ другой стороны, г. Друэнъ-де-Люисъ допускаетъ, что по польскому вопросу обѣ стороны могутъ равно ссылаться на Вѣнскій трактатъ въ подтвержденіе своихъ противоположныхъ требованій.

Удовлетворивъ, отчасти, любознательности лондонскаго кабинета по вопросу о программѣ, г. Друэнъ-де-Люисъ рѣшительно оставляетъ его ни при чемъ по двумъ другимъ вопросамъ, а именно какого рода рѣшеніе должна получить каждая изъ проблемъ и какимъ путемъ предполагается приводить рѣшенія конгресса въ исполненіе. Эти вопросы должны быть разрѣшены самимъ конгрессомъ, и было бы безполезно искать ихъ разрѣшенія обыкновеннымъ путемъ дипломатической корреспонденціи и переговоровъ.

Если въ чемъ еще можно было бы усмотрѣть прежній грозный тонъ тронной рѣчи, такъ это въ заключеніи депеши. На Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. принято было, въ видѣ общаго правила, чтобы въ случаѣ несогласій между собою, державы не обращались тотчасъ же къ оружію, а напередъ прибѣгали къ посредничеству какой-либо дружественной державы, „объяснялись и такимъ образомъ доходили до соглашенія.“ Императоръ Французовъ, не дожидаясь еще возникновенія такихъ несогласій, дѣйствуетъ такъ какъ будто бы они ужь возникли между нимъ и всѣми государями Европы: онъ приглашаетъ ихъ „объясниться и дойдти до соглашенія.“

23-го ноября была отправлена французская депеша, а 25-го, съ неимовѣрною быстротой, посланъ былъ уже и англійскій отвѣтъ на нее: поспѣшность, объясняющаяся вѣроятно желаніемъ успокоить биржу. Изъ словъ г-на Друэнъ-де-Люиса, хотя собственно они и не подавали къ тому повода, графъ Россель спѣшитъ вывести заключеніе, что Франція не ищетъ для себя никакого территоріяльнаго расширенія; онъ спѣшитъ также принять къ свѣдѣнію, что на практикѣ императоръ Наполеонъ считаетъ трактаты 1815 г. обязательными для себя. Онъ пеняетъ только на то, что Франція, не будучи сама заинтересована въ дѣлѣ, какъ она увѣряетъ, не обратила вниманія на то, въ какомъ положеніи очутились бы на конгрессѣ тѣ державы, кото-

рымъ пришлось бы отказываться отъ своихъ владѣній или своихъ правъ. Конгрессы тогда имѣютъ смыслъ и значеніе, когда слѣдуютъ за войнами, а послѣ продолжительнаго мира нельзя ожидать ни отъ одной державы добровольныхъ уступокъ, да и другія державы не такъ легко могутъ рѣшиться прибѣгнуть къ средствамъ насильственнаго принужденія. На польскомъ и итальянскомъ вопросахъ графъ Россель показываетъ, какъ невозможно было бы достигнуть никакихъ уступокъ, не прибѣгая къ военной силѣ. Англія, прибавляетъ онъ, можетъ-быть, и не расходится существенно съ Франціей въ своихъ видахъ насчетъ разрѣшенія большей части европейскихъ вопросовъ, если бы только они могли быть разрѣшены путемъ мирнымъ, однимъ заявленіемъ мнѣній; но такъ какъ этого ожидать нельзя, то она и отказывается рѣшительно и окончательно отъ всякаго конгресса.

Въ сущности между образомъ дѣйствій Англіи и Франціи нѣтъ рѣзкой противоположности. Какъ та, такъ и другая, по крайней мѣрѣ въ польскомъ вопросѣ, не хотѣли выжидать совершенія событій, возникающихъ изъ самой природы вещей: и та, и другая обнаружили наклонность къ насильственному вмѣшательству, съ тою лишь разницей, что Англія готова дѣйствовать только путемъ нравственнаго насилія, а Франція, сверхъ того, и путемъ насилія физическаго.

Послѣ отказа Англіи, въ которомъ прямо выражено, что и Австрія откажется, если на конгрессѣ будетъ идти рѣчь о Венеціи, мысль о конгрессѣ должна быть оставлена Франціей совершенно. Противъ Англіи поднимутся и уже поднялись вопли во всѣхъ полуофиціяльныхъ и *преданныхъ* французскихъ журналахъ; заговорятъ и заговорили уже и объ Ирландіи; но должно полагать, тѣмъ все и кончится. Но послѣ неудачъ всѣхъ дипломатическихъ усилій по польскому вопросу, послѣ новой неудачи по вопросу о конгрессѣ, можно ли думать, что императоръ Наполеонъ въ состояніи будетъ остаться въ бездѣйствіи?

Въ заключеніе упомянемъ о слѣдующемъ куріозѣ въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ появилась на дняхъ декларація такъ-называемаго національнаго польскаго правительства, за подписью Маньяна,—risum teneatis! — „генералъ-адмирала морскихъ силъ Польши“. Этотъ генералъ-адмиралъ морскихъ силъ Польши объявляетъ теперь во всеуслышаніе, что съ 1-го января 1864 г. онъ откроетъ военныя дѣйствія противъ Россіи, что права нейтральныхъ судовъ будутъ уважаемы, но что всѣ суда и корабли подъ русскимъ флагомъ будутъ признаваться законнымъ призомъ. Онъ приглашаетъ всѣхъ торговцевъ и страховыя компаніи нейтральныхъ государствъ воздерживаться отъ нагрузки и страхованія русскихъ судовъ, и указываетъ на то, что онъ недавно еще совершилъ „удачную экспедицію къ берегамъ Кавказа“. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что генералъ адмиралъ польской армады заранѣе объявляетъ планъ своей кампаніи.

№ 256.

Москва, 23-го ноября.

У насъ передъ глазами совершается одна изъ обширнѣйшихъ финансовыхъ операцій, скажемъ болѣе одна изъ огромнѣйшихъ соціальныхъ метаморфозъ на какія только можетъ указать исторія, и мы остаемся къ ней равнодушными, мы почти ея не замѣчаемъ. Это до такой степени справедливо, что читатели можетъ-быть даже не догадаются о чемъ мы говоримъ, можетъ-быть даже удивятся когда мы укажемъ на выкупную операцію, т.-е. на посредничество, все болѣе и болѣе расширяющееся, правительства при выкупѣ крестьянами ихъ надѣла. Созданіе десяти милліоновъ собственниковъ, мобилизированіе слишкомъ 30 мил. десятинъ земли обращенной въ милліардъ рублей серебромъ движимаго капитала—это явленія несомнѣнно крупныя, заслуживающія вниманія со стороны всей русской публики и крайней осмотрительности со стороны лицъ участвующихъ въ ихъ осуществленіи.

Мобилизація крестьянскаго надѣла или превращеніе значительной части недвижимой собственности дворянства въ собственность движимую, ставитъ всѣхъ этихъ прежнихъ собственниковъ въ совершенную зависимость отъ денежной системы и вообще отъ состоянія финансовъ государства. Приступать къ выкупу значитъ обмѣнивать землю на обязательство, цѣнность котораго, во-первыхъ, опредѣлена въ рубляхъ, и слѣдовательно зависитъ отъ денежной системы, а во-вторыхъ обусловливается правильною выдачей процентовъ и большею

или меньшею скоростью погашенія. Скажемъ сначала о первомъ,—о вліяніи денежной системы на цѣнность разнаго рода бумагъ выдаваемыхъ выкупными учрежденіями. Это вліяніе очевидно. Извѣстное количество десятинъ, которымъ вы владѣли, была величина опредѣленная. Но когда вмѣсто извѣстнаго количества десятинъ вы становитесь владѣльцемъ обязательства обѣщающаго вамъ уплату извѣстнаго количества рублей, то очевидное дѣло, что цѣнность полученнаго вами обязательства должна измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ цѣнности рубля или, другими словами, что цѣнность рубля должна опредѣлять собой дѣйствительную цѣнность обязательства. Подъ цѣнностью рубля тутъ разумѣется цѣнность кредитнаго рубля, потому что по выкупнымъ свидѣтельствамъ и по свидѣтельствамъ непрерывнаго дохода обѣщано выплачивать проценты и погашеніе исключительно русскими деньгами безъ всякой гарантіи курса. Это не то что напримѣръ облигаціи 7-го пятипроцентнаго займа, по которымъ вы можете получать проценты какими вамъ угодно деньгами, русскими или иностранными. Владѣлецъ того займа не боится упадка курса и выпуска ассигнацій. Будетъ выпущено много лишнихъ бумажекъ, и упадутъ опѣ въ цѣнѣ,—въ Россіи курсы облигацій того займа поднимутся. Съ выкупными свидѣтельствами совсѣмъ другое дѣло. Если напримѣръ предположить, что всѣ русскіе помѣщики приступили къ выкупу, и что послѣ того цѣна кредитнаго рубля понизилась до половины противъ цѣны цѣлковаго рубля, то русскій земледѣльческій классъ потерялъ бы безвозвратно не менѣе половины милліярда рублей серебромъ. Значитъ, произошло бы громадное перемѣщеніе собственности въ противность самому ясному праву; измѣнилось бы распредѣленіе богатства въ цѣлой странѣ, и измѣнилось бы не вслѣдствіе естественнаго движенія экономической жизни, а вслѣдствіе катастрофы въ денежной системѣ. Классъ людей, и такъ уже испытавшій серіозныя затрудненія отъ быстрой развязки крестьянскаго дѣла, потерялъ бы значительную долю оставленнаго за нимъ достоянія. Не вопіющее ли бы это было дѣло? Объ этомъ стóитъ подумать,—особенно стоитъ подумать тѣмъ, которые даже и теперь, послѣ опыта съ размѣномъ, не перестаютъ толковать о выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ для оживленія промышленности, то-есть для облегченія уплаты долговъ надѣланныхъ неосмотрительными промышленниками. Протекціонизмъ, какъ всѣмъ извѣстно, убиваетъ сельское хозяйство; протекціонизмъ одобряющій не только высокія пошлины, но и выпускъ бумажныхъ денегъ, убилъ бы, конечно, самъ не вѣдая что творитъ, не только сельское хозяйство, но и весь земледѣльческій классъ въ Россіи.

Впрочемъ, заговоривъ о выкупной операціи, мы не имѣемъ въ виду распространяться о той ужасной случайности, которая, на другой день послѣ освобожденія крестьянъ, отняла бы у помѣщиковъ то что предоставилъ имъ законъ. Судьбой цѣлаго класса общества, и притомъ класса первенствующаго, никто изъ нашихъ правительственныхъ лицъ играть не рѣшится. Наши государственные люди безспорно стоятъ выше того чтобы выслушивать совѣты о необходимости вступить на тотъ путь, по которому шла Франція, когда ею управляли невѣжественнѣйшіе изъ демагоговъ, и принять мѣры противныя всякому праву и всякой справедливости въ мнимыхъ видахъ оживленія промышленности. Но если нѣтъ никакой надобности много говорить противъ выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ, то вовсе не лишнее дѣло говорить отъ времени до времени о необходимости поддерживать въ выкупной операціи такой же правильный порядокъ, какой поддерживается въ нашихъ внѣшнихъ займахъ. Мы никакъ не должны менѣе дорожить домашнимъ чѣмъ иностраннымъ мнѣніемъ, и заботиться болѣе о внѣшнемъ чѣмъ о внутреннемъ кредитѣ. Это и всегда неправильно, а тѣмъ паче теперь, когда внутренній кредитъ и внутренніе займы нужнѣе намъ чѣмъ кредитъ внѣшній и займы внѣшніе.

Операція выкупа такъ обширна, что малѣйшая непредусмотрительность, малѣйшее отступленіе отъ существенныхъ основаній общаго плана можетъ имѣть вредныя послѣдствія и для хода операціи, и для финансовыхъ средствъ правительства. Биржевая цѣна выкупныхъ свидѣтельствъ, какъ извѣстно, теперь очень низка, а это не можетъ оставаться безъ вліянія и вообще на нашъ внутренній кредитъ. Поэтому очень стóитъ изыскивать причины, которыми условливается эта низкость цѣны, и обстоятельства, которыя могли бы содѣйствовать ея возвышенію.

Разсмотримъ положеніе выкупной операціи какъ она представляется въ обнародованной вѣдомости къ 1 ноября 1863 года. Выписываемъ ея балансъ:

Активъ.

Долгъ крестьянъ за земли пріобрѣтенныя въ собственность	77.538.670 р.	19 к.

Пассивъ.

Долгъ помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ учрежденіямъ	39.537 792 р.	51 к.
Штрафныя	14.155 —	2 —
Издержки на публикаціи	3.243 —	44 —
5 пр. билетовъ 2-го выпуска	9.064.400 —	— —
Выкупныя свидѣтельства	21 853.300 —	— —
Возвратъ наличными деньгами	201.218 —	74 —
Капиталъ, съ котораго исчисленъ къ производству изъ казны $5^1/_2$ проц. непрерывный доходъ	6.864.560 —	45 —
	77 538.670 р.	19 к.

На основаніи 113 ст. Положенія о выкупѣ, крестьяне обязаны вносить въ казну ежегодно по *шести* копѣекъ на рубль съ назначенной правительствомъ выкупной ссуды, впредь до погашенія оной. По настоящее время, то-есть 1-го ноября 1863 года, эта ссуда равняется слишкомъ 77 съ половиною милліонамъ (см. активъ), а ежегодные платежи за оную составляютъ 4.652.320 р. 21 коп. Мы знаемъ, что въ 1861 году и даже въ 1862 выкупная ссуда была не столь значительна, и что слѣдовательно и ежегодные платежи были гораздо меньше, но съ другой стороны мы ожидаемъ сильнаго увеличенія и капитальной ссуды и ежегодныхъ платежей, когда будетъ исполненъ обязательный выкупъ въ западныхъ губерніяхъ. Что этотъ выкупъ еще не приведенъ въ исполненіе, доказываетъ намъ подробная вѣдомость подъ лит. А, въ которой губерніи Волынская, Витебская, Ковенская и Виленская стоятъ въ числѣ послѣднихъ по объему выкупныхъ ссудъ и по количеству выкупленной земли (въ Виленской губерніи только 131 десятина). Во всякомъ случаѣ весьма любопытно знать сколько именно поступило платежей отъ крестьянъ въ каждомъ году, и весьма было бы поучительно освѣдомиться какое назначеніе получили собранныя суммы, которыя, какъ мы видѣли, составляютъ теперь уже болѣе 4-хъ милліоновъ ежегодно.

Поучительность, которую мы видимъ въ этомъ вопросѣ, должна быть понятна тѣмъ изъ читателей, которые, еще по старой памяти о прежнихъ кредитныхъ установленіяхъ, знакомы съ системой погашенія капитала посредствомъ равныхъ годичныхъ платежей.

Положимъ, что ссуда, выданная подъ земли выкупленныя крестьянами, составляетъ 1 милліонъ руб. Ежегодный платежъ за нее будетъ составлять 60.000 рублей. Собственно процентовъ въ этомъ платежѣ будетъ заключаться только 50.000 руб. Остальныя десять тысячъ должны пойдти на уплату капитала и на составленіе запасной суммы на случай недоимокъ и т. д. Но для простоты счета предположимъ, что всѣ эти остальныя деньги т. е. въ первый платежный срокъ 10 тысячъ рублей, пойдутъ въ уплату капитала. Во второй срокъ проценты считаются уже только съ 990 тысячъ, слѣдовательно въ уплату капитала поступитъ болѣе десяти тысячъ рублей. Въ третій срокъ эта цифра возрастетъ еще болѣе, и такъ далѣе. Представимъ это въ таблицѣ хотя на пять сроковъ.

1-й	срокъ	проц. 50.000 р.	капит.	10.000 р.
2-й	—	— 49.500 р.	—	10 500 р.
3-й	—	— 48.975 р.	—	11.025 р.
4-й	—	— 48.425 р.	—	11.575 р.
5-й	—	— 47.845 р.	—	12.155 р
				55 255 р.

Правительство, выдавъ ссуду бумаги, по которымъ оно платитъ само 5 процентовъ въ первый срокъ заплатитъ ту сумму, которую оно получитъ отъ крестьянъ на уплату процентовъ, но во второй годъ и слѣдующіе, этой суммы уже будетъ не достаточно, ибо она постоянно уменьшается. Въ приведенномъ примѣрѣ одного милліона ссуды, правительство во второй срокъ должно будетъ приплатить 500 р., въ третій 1.025 р., въ четвертый 1.575 р., въ пятый 2.155 руб. и такъ далѣе. Чтобъ этого не случилось ему необходимо въ той же мѣрѣ уменьшать платежи процентовъ, т.-е. выкупать ежегодно часть бумагъ, соотвѣтствующую уплаченному крестьянами капиталу. Мы привели для примѣра 1 милліонъ ссуды, но ссуда и теперь уже составляетъ слишкомъ 77 милліоновъ, и скоро возрастетъ въ нѣсколько разъ противъ настоящей цифры, когда будетъ выполненъ обязательный выкупъ въ западныхъ губерніяхъ. Если въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, выкупныя обязательства не будутъ погашаться, то правительство будетъ не-

сти съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убытку. Конечно, государственное казначейство будетъ уплачивать этотъ убытокъ не изъ своихъ суммъ, а изъ общаго капитала по выкупной операціи, или другими словами, вмѣсто того чтобъ уплачивать долгъ, оно будетъ постоянно занимать на уплату не достающихъ процентовъ. Но это неудобство съ каждымъ годомъ будетъ возрастать и можетъ повести къ весьма печальному результату—къ истощенію всего капитала, который будетъ выплаченъ крестьянами. Для избѣжанія этого неудобства, есть одно только средство: вынимать изъ обращенія часть выкупныхъ свидѣтельствъ или пятипроцентныхъ билетовъ втораго выпуска, соотвѣтствующую количеству поступающаго отъ кресьянъ капитала. Къ указанію на это средство мы собственно и клонили нашу рѣчь, потому что этимъ средствомъ достигнуто будетъ двѣ цѣли, вопервыхъ то, что выкупная операція будетъ идти правильнымъ ходомъ, не обременяя правительство неожиданнымъ накопленіемъ огромнаго долга, и вовторыхъ, что мы собственно и имѣли въ виду,—свидѣтельства и билеты выиграютъ въ довѣріи публики и возвысятся въ своемъ курсѣ, который въ настоящее время слишкомъ низокъ.

Количество капитальной суммы, поступившей по платежамъ отъ крестьянъ по 1-е ноября сего года, не можетъ быть слишкомъ значительно и хотя въ офиціяльныхъ отчетахъ статья эта проходится молчаніемъ, но мы едва ли ошибемся предположивъ, что отъ начала дѣйствія выкупной операціи до конца нынѣшняго года ея не наберется и милліона рублей. Во всякомъ случаѣ поучительно было бы знать приноситъ ли эта сумма хотя $1^1/_2$ процента взамѣнъ 5 и $5^1/_2$, которые правительство платитъ владѣльцамъ выкупныхъ бумагъ.

Въ Положеніи о выкупѣ, въ ст. 143, точно и ясно опредѣлено назначеніе всѣхъ суммъ, поступающихъ отъ крестьянъ въ видѣ ежегодныхъ платежей за выкупленныя земли. Назначеніе это указано въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Уплата процентовъ по билетамъ и свидѣтельствамъ.

2. Погашеніе билетовъ.

3. Уплата банковаго долга.

4. Составленіе *запаснаго капитала* выкупной операціи, предназначеннаго для покрытія издержекъ по управленію оной, а также особыхъ расходовъ и потерь.

На практикѣ оказывается, что только первый и третій пункты исполняются. Второй и самый существенный до сихъ поръ еще не приводится въ исполненіе. Что касается до четвертаго, то онъ обусловливается исполненіемъ втораго, ибо запасный капиталъ долженъ образоваться какъ сказано въ текстѣ закона *изо всего остальнаго*, а остальнаго не можетъ быть пока не исполнено главное, т.-е. выкупъ билетовъ.

Могутъ возразить, что въ настоящее время сумма этихъ частей капитала, уплаченныхъ крестьянами, еще не велика и что слѣдовательно излишне переплачиваемые за нее правительствомъ проценты не составляютъ большой цифры. Но въ дѣлахъ кредита принципъ исполненія объявленнаго плана операціи важнѣе размѣра цифръ; въ настоящемъ случаѣ тотъ убытокъ, о которомъ мы говоримъ, важенъ не самъ по себѣ, но какъ обстоятельство ослабляющее довѣріе къ выкупнымъ бумагамъ. Извѣстно, что выкупныя свидѣтельства продаются почти на 20, а свидѣтельства непрерывнаго дохода (собственно письма за подписью „Максимъ Цеймеръ“, какъ ихъ называютъ) продаются на 40 процентовъ ниже той нарицательной цѣны, по которой они выдаются помѣщикамъ. Еслибъ были примѣры ихъ погашенія, то-есть уплаты капитальной суммы означенной на выкупныхъ бумагахъ, или по крайней мѣрѣ покупки этихъ бумагъ по биржевой цѣнѣ на суммы фонда погашенія, то нѣтъ сомнѣнія, что курсъ выкупныхъ бумагъ значительно бы возвысился, потери помѣщиковъ хотя сколько бы нибудь уменьшились, а довѣріе къ финансовой мѣрѣ приняло бы болѣе благопріятное направленіе. Было бы даже очень раціонально и справедливо, еслибы министерство финансовъ или государственный банкъ употребляли на покупку выкупныхъ бумагъ (по биржевому курсу) тѣ суммы, которыя составляютъ прибыль выкупной операціи по зачету долговъ помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, вслѣдствіе разницы между выкупнымъ процентомъ (5%) и процентомъ прежнихъ ссудъ (4%). Этой разницы уже теперь бываетъ около 400.000 въ годъ.

Кредитъ внѣшній, повторяемъ, не возможенъ теперь безъ кредита внутренняго, а при твердомъ кредитѣ внутреннемъ внѣш-

ній установится самъ собою. Но для кредита внутренняго первое условіе заключается въ точномъ и *неотлагательномъ* исполненіи всѣхъ правилъ финансовой операціи, провозглашенныхъ и освященныхъ закономъ.

№ 257.

Москва, 25-го ноября.

Внѣшній заемъ или внутренній заемъ? Съ перваго взгляда кажется, что внѣшній заемъ гораздо возможнѣе и гораздо выгоднѣе чѣмъ внутренній. Иностранныя государства богаты капиталами; мы именно теперь особенно чувствуемъ недостатокъ въ капиталахъ. Разчетливо ли искать капиталовъ тамъ гдѣ ихъ мало, и не вѣрнѣе ли обратиться за ними туда, гдѣ въ капиталахъ избытокъ? Къ этому простому соображенію присоединяется другое не менѣе простое: за такіе дешевые проценты какъ за границей, у насъ нельзя достать денегъ, стало-быть государственному казначейству не выгодно занимать деньги внутри государства. Наконецъ, и для народнаго хозяйства выгода, чтобъ иностранные капиталы были привлекаемы въ Россію. Такъ кажется съ перваго взгляда, но о сложныхъ и важныхъ вопросахъ судить по первому взгляду не приходится. Просимъ же читателей обратить вниманіе на нижеслѣдующія указанія—не теоріи, а опыта.

Мы жалуемся на недостатокъ капиталовъ, и совершенно справедливо, но среди этого недостатка капиталовъ мы видимъ у насъ вотъ какую удивительную вещь: въ людяхъ желающихъ снабжать казну капиталами у насъ вовсе нѣтъ недостатка. Капиталовъ у насъ мало, а понадобилось помѣстить 48 милліоновъ четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ, и они были помѣщены безъ затрудненія; потомъ понадобилось помѣстить разомъ 30 милліоновъ новыхъ серій, и эти 30 милліоновъ были разобраны. Наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, выпущено было 12 милліоновъ новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ, и на эти 12 милліоновъ нашлись охотники. И замѣтьте: 30 милліоновъ серій, 12 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ и значительная доля металлическихъ билетовъ были предложены русскому денежному рынку почти одновременно. Заграничныя биржи едва-ли могли бы такъ отличиться. Седьмой заемъ простирался правда свыше 85 милліоновъ рублей, но эта сумма была внесена съ продолжительными разсрочками, а тѣмъ не менѣе о седьмомъ займѣ всѣ говорятъ какъ о займѣ громадномъ. Итакъ во славу русскаго денежнаго рынка можно сказать, что онъ отнюдь не остался позади заграничныхъ денежныхъ рынковъ по готовности и способности снабжать русскую казну деньгами. Онъ далъ казнѣ такой капиталъ, который и съ точки зрѣнія богатыхъ капиталомъ народовъ запада долженъ считаться громаднымъ, и совершенный недостатокъ у насъ капиталовъ не помѣшалъ тому. Въ этомъ именно и состоитъ та удивительная вещь, о которой мы упомянули выше. Капиталовъ повидимому нѣтъ вовсе, капиталовъ дѣйствительно нѣтъ для продолженія многихъ предпріятій, а для государственнаго займа они находятся въ изобиліи.

Далѣе, не можетъ быть спора, что у насъ капиталы много дороже чѣмъ за границей. Мы покупаемъ недвижимую собственность разчитывая чтобъ она приносила 7, 8 и даже до 10 процентовъ. За границей довольствуются 3%, а во многихъ мѣстахъ и 1½%. Учетъ векселей у насъ тоже бываетъ выше чѣмъ за границей. Посмотримъ же за какіе проценты наша казна занимала у себя дома и какіе проценты она платила за границей. Не окажется ли и тутъ какого-нибудь чуда. Седьмой заемъ былъ заключенъ, если не ошибаемся, въ сущности по курсу 92, то-есть облигаціи во сто фунтовъ, приносящія 5 фунтовъ ежегоднаго процента, были проданы по 92 фунта. Изъ этого слѣдуетъ что заемъ былъ заключенъ безъ малаго по 5½%. Сколько же приносятъ тѣ бумаги, которыя были помѣщены на внутреннемъ рынкѣ въ то самое время когда капиталъ седьмаго займа собирался за границей? Приносятъ ли онѣ больше или меньше чѣмъ 5½ процентовъ? Вотъ что онѣ приносятъ: металлическія — 4%, серіи — 4,32%. Но эти бумаги имѣютъ разныя преимущества, которыми вознаграждается низкій процентъ; по этимъ бумагамъ нельзя было бы еще судить о тароватости русскаго денежнаго рынка, если бы случаю не было угодно чтобы нынѣшнимъ лѣтомъ помѣстились на внутреннемъ рынкѣ 12 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ. Эти составляютъ уже заемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Что же оказалось съ этими 12 милліонами? Когда происходила операція помѣщенія ихъ, то

курсъ пятипроцентныхъ билетовъ нѣсколько упалъ, и они продавались по 96 за 100. Но никогда пятипроцентные билеты не падали до 92 за 100, то-есть никогда не падали до той цѣны, по которой былъ заключенъ внѣшній седьмой заемъ. Стало-быть и по части процента русскій рынокъ отличился на славу и перещеголялъ денежныя иностранные рынки. Ни одна изъ бумагъ помѣщенныхъ казной на внутреннемъ рынкѣ не приноситъ $5^1/_2$ проц., слѣдовательно всѣ онѣ выгоднѣе для казны чѣмъ седьмой заемъ.

Теперь, правда, казнѣ нельзя уже занимать внутри Россіи на такихъ выгодныхъ условіяхъ; теперь, по изъятіи 75 милліоновъ рублей изъ обращенія, надобно будетъ заплатить проценты не много повыше, но если мы не совсѣмъ ошибаемся, и теперь еще шестипроцентный заемъ пошелъ бы очень хорошо, а на иностранныхъ биржахъ въ настоящую минуту Россіи пришлось бы занимать не иначе какъ съ платежомъ болѣе чѣмъ 6 процентовъ. Лишь по изъятіи всего избытка кредитныхъ билетовъ чудеса совсѣмъ прекратятся.

Таковы указанія опыта насчетъ возможности внутренняго займа и насчетъ высоты процентовъ, которые пришлось бы платить по внутреннему займу. Взглянемъ еще на указанія опыта по другому вопросу, — по вопросу о привлеченіи въ Россію капиталовъ. Мы уже два раза привлекали капиталы въ Россію, и привлекали ихъ очень энергически. Мы привлекали ихъ недавно, черезъ седьмой заемъ, — и что же вышло? Привозимое золото поступало въ размѣнный фондъ каждый разъ лишь на нѣсколько дней, а потомъ промѣнивалось на кредитные билеты и отправлялось обратно за границу для покупки тамъ отчасти тѣхъ же облигацій седьмаго займа, за которыя оно было внесено за границей, отчасти разныхъ предметовъ ввоза (по большей части предметовъ роскоши; такъ какъ ввозъ хлопка, машинъ и каменнаго угля уменьшился). Вотъ какіе капиталы мы привлекли къ себѣ посредствомъ седьмаго займа! Мы привлекли облигаціи этого же займа и потомъ вывезли изъ-за границы на нѣсколько милліоновъ лишнихъ товаровъ, которые могли нѣсколько усилить роскошь, или вообще истребленіе, но конечно мало содѣйствовали къ увеличенію народнаго богатства. Таковъ былъ недавній нашъ опытъ привлеченія капиталовъ. Лѣтъ пять тому назадъ былъ произведенъ опытъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ; мы говоримъ о Главномъ Обществѣ Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. При седьмомъ займѣ мы везли къ себѣ золото, а тогда капиталы были переводимы посредствомъ векселей. Коммерческій разчетъ не позволялъ везти въ Россію золото (такъ какъ въ Россіи и безъ того былъ избытокъ денежныхъ знаковъ). Главное Общество не казна, а потому оно и не повезло въ Россію золота. Собранные за границей капиталы Главнаго Общества прибыли къ намъ въ видѣ биржевыхъ бумагъ, то-есть переводовъ. Вслѣдствіе множества переводовъ, курсъ было страшно повысился, и кредитный рубль, безъ размѣна, дошелъ почти до 37 пенсовъ. Что же тогда случилось на нашемъ внутреннемъ рынкѣ? Тогда всѣ кто могъ поспѣшили воспользоваться высокимъ курсомъ и стали переводить свои капиталы за границу. Все то что было ввезено Главнымъ Обществомъ не въ видѣ рельсовъ, вагоновъ и вообще вещей нужныхъ для желѣзныхъ дорогъ, а въ видѣ векселей, было отослано за границу нашими конторщиками, присоединившими къ этимъ капиталамъ еще и свои суммы, а также суммы занятыя ими въ Россіи. Конторщики совершенно правильно предвидѣли, что при громадномъ избыткѣ денежныхъ знаковъ, никакой приливъ капиталовъ и никакой торговый балансъ не въ состояніи предохранить вексельный курсъ отъ паденія. Они разчитывали на скорое пониженіе курса, и когда курсъ упалъ до 31 пенни, они стали переводить капиталы обратно въ Россію, выигравъ совершенно даромъ почти по 6 пенсовъ на рублѣ, то-есть по 15%. Вотъ что такое значитъ привлекать капиталы въ видѣ денегъ или векселей туда, гдѣ денежные знаки въ избыткѣ. Это указанія не теоріи, а опыта. Но нельзя не упомянуть, что и теорія совершенно подтверждаетъ неизбѣжность испытанныхъ нами явленій. Стоитъ только ясно представить себѣ, какъ по необходимости совершается передвиженіе капиталовъ изъ страны въ страну, чтобъ убѣдиться что иначе и быть не могло. Приливъ капиталовъ изъ одной страны въ другую только тогда полезенъ этой послѣдней, когда капиталы приливаютъ въ видѣ вещей полезныхъ для ея хозяйства. Такъ напримѣръ когда мы строимъ желѣзную дорогу, а у насъ недостатокъ въ матеріялахъ, то намъ выгодно, для ускоренія дѣ-

ла, занять за границей столько денегъ, сколько нужно для уплаты за эти матеріялы. Тогда занятые нами капиталы прибудутъ къ намъ въ той формѣ, въ какой они могутъ сейчасъ идти въ дѣло. Но если, намѣреваясь строить желѣзную дорогу, мы привлечемъ къ себѣ болѣе капиталовъ чѣмъ сколько нужно на покупку за границей разныхъ матеріяловъ, если мы захотимъ напримѣръ платить нашимъ землекопамъ и другимъ рабочимъ иностранными деньгами, то мы никакой выгоды не достигнемъ, и только произведемъ замѣшательство въ своей внѣшней торговлѣ; заграничныя деньги или заграничные векселя непремѣнно найдутъ себѣ дорогу назадъ за границу, и мы принуждены будемъ сбывать ихъ тамъ, покупая на нихъ что-нибудь намъ мало нужное. Словомъ, та часть привлеченнаго нами капитала, которая не будетъ ввезена къ намъ въ видѣ матеріяловъ нужныхъ для сооруженія желѣзной дороги, какъ-то рельсовъ, локомотивовъ, вагоновъ и т. п., вся эта часть, которая прильетъ къ намъ въ видѣ денегъ, векселей и т. п., непремѣнно преобразится, если не въ наши же фонды и акціи (всѣмъ извѣстно какъ много акцій Главнаго Общества перешло къ намъ изъ-за границы), то въ колоніальные товары, виноградныя вина, и т. п.

Возвращаясь къ внѣшнему займу, спросимъ себя, какія были бы теперь экономическія послѣдствія новаго внѣшняго займа. Мы получили бы этимъ займомъ либо деньги, то-есть звонкую монету, либо векселя на иностранныя биржи. Но это была бы только внѣшняя сторона дѣла. Нашъ денежный рынокъ, получивъ всю эту массу звонкой монеты и векселей, сейчасъ постарался бы сбыть ихъ, чтобы пріобрѣсти на нихъ какіе-нибудь полезные предметы. Какъ только полученные внѣшнимъ займомъ деньги и векселя поступили бы на рынокъ, тотчасъ же обнаружилось бы стремленіе превратить эти деньги и эти векселя въ какія-нибудь цѣнныя вещи, то-есть выписать какія-нибудь цѣнныя вещи изъ-за границы. Но такъ какъ по займу слѣдуетъ платить проценты, то очевидно, что благосостояніе нашей страны потерпѣло бы ущербъ въ будущемъ, если бы на звонкую монету и векселя, полученные по займу, были куплены не предметы нужные для производства и приносящіе доходъ, а предметы потребленія. Между тѣмъ, при значительномъ внѣшнемъ займѣ, непремѣнно встрѣтился бы этотъ послѣдній случай; то-есть значительная часть займа пришла бы къ намъ въ видѣ предметовъ потребленія. Но даже если бы мы на всю сумму займа купили разныхъ машинъ и матеріяловъ, которые усилили бы наше производство, то форсированное пріобрѣтеніе ихъ не могло бы принести большой пользы. Развѣ и теперь мало у насъ машинъ, стоящихъ безъ употребленія по неумѣнью употреблять ихъ въ нашемъ хозяйствѣ? Развѣ мало матеріяловъ, привозимыхъ изъ-за границы за дорогія деньги, гибнетъ въ рукахъ нашихъ рабочихъ по ихъ небрежности и непривычкѣ обращаться съ тѣмъ дѣломъ, которымъ они занимаются? Привлекать капиталы, чтобы губить ихъ, — въ этомъ нѣтъ никакого разчета.

Вообще нѣтъ примѣра, чтобы какая-нибудь страна достигла благосостоянія посредствомъ внѣшнихъ займовъ или посредствомъ привлеченія капиталовъ безъ привлеченія людей, а для привлеченія людей нужны мѣры болѣе серіозныя и болѣе существенныя, чѣмъ негоціированье внѣшнихъ займовъ. У насъ, какъ извѣстно, и русскіе люди бѣгутъ за границу, чтобъ уйдти отъ дороговизны и разныхъ неудобствъ, а иностранцевъ подавно не заманишь сюда для скромнаго труда на тѣхъ условіяхъ, которыя могли бы мы предложить имъ.

№ 258.

Москва, 26-го ноября.

По оплошности почты, или нашего гельсингфорскаго корреспондента, мы не были своевременно поставлены въ извѣстность о полемикѣ, возбужденной въ тамошней журналистикѣ нашими замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ странныхъ мнѣній, высказанныхъ на Финляндскомъ сеймѣ. Газета *Dagbladet* выходитъ изъ себя въ своихъ возраженіяхъ, и забывая простыя требованія логики и здраваго смысла, настаиваетъ на томъ мнѣніи что Финляндія есть особое государство, отдѣльное отъ Россіи. Газета *Dagbladet* не останавливается ни передъ чѣмъ; никакой аргументъ *ad absurdum* не пугаетъ и не задерживаетъ ея. Трактаты? Чтожь? Отчего же Финляндіи не заключать трактатовъ съ Россіей? Таможенный законъ есть уже нѣкоторымъ образомъ трактатъ, и служитъ началомъ цѣлаго ряда между-

народныхъ отношеній между этими двумя сосѣдними государствами. И флагъ должна имѣть Финляндія свой! Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не имѣть ей своего флага, если она особое государство? Она имѣетъ и войско свое, восклицаетъ газета *Dagbladet*. Конечно, она имѣетъ и войско свое. Чего же больше, чего же лучше, чего же еще не достаетъ ей, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо столкновеній или европейскихъ событій, Финляндія могла, если не объявить войну Россіи, то по крайней мѣрѣ сохранять грозный вооруженный нейтралитетъ?

Неужели эти странныя мнѣнія, проповѣдываемыя нѣкоторыми политиками въ Гельсингфорсѣ, имѣютъ въ Финляндіи какой-нибудь кредитъ и находятъ тамъ поддержку въ общественномъ мнѣніи? Гдѣ же хваленое благоразуміе Финляндцевъ? Гдѣ же тотъ зрѣлый политическій смыслъ, которымъ они хвалятся, или который имъ такъ усердно навязывается петербургскими газетными писателями, очинившими свои перья въ разныхъ канцеляріяхъ считающими своею обязанностію отрицать эту зрѣлость въ русскомъ народѣ? Къ чести нашихъ сѣверныхъ согражданъ—увы, согражданъ! не мы этого хотимъ,—того хотѣла и хочетъ непреоборимая сила вещей,—итакъ, къ чести нашихъ финляндскихъ согражданъ, мы желаемъ оставаться въ увѣренности, что эти странныя и дѣтскія мнѣнія ограничиваются лишь нѣкоторыми кружками.

Газета *Dagbladet* не хочетъ знать о томъ значеніи, какое имѣла Финляндія въ соединеніи своемъ съ Швеціей, и какое Россія обѣщала сохранить за нею, присоединяя ее къ себѣ. При всемъ ослѣпленіи своей запальчивости, гельсингфорсскіе публицисты понимаютъ однако, что воспоминанія о томъ положеніи, какое имѣла Финляндія въ соединеніи своемъ съ Швеціей, нисколько несогласны съ ихъ нынѣшними сепаратистическими видами. Вся автономія Финляндіи, всѣ права ея основаны на обѣщаніи императора Александра I сохранить тѣ льготы, которыми она пользовалась подъ шведскимъ владычествомъ. Но что̀ служитъ единственнымъ основаніемъ для всѣхъ правъ Финляндіи, то самое и не приходится по вкусу тѣмъ гельсингфорсскимъ политикамъ, которые сбираются заключать трактаты съ Россіей и развернуть финляндскій флагъ на моряхъ и океанахъ. Воспоминаніе о правахъ Финляндіи подъ шведскимъ владычествомъ невыгодно для гельсингфорсскихъ сепаратистовъ, потому что Финляндія по отношенію къ Швеціи отнюдь не была чѣмъ-либо похожимъ на особое государство, а была тѣмъ чѣмъ она должна быть, чѣмъ не можетъ не быть и въ соединеніи съ Россіей,—простою провинціей съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Финляндія была провинціей Шведскаго королевства, и она не можетъ считать себя ничѣмъ инымъ, какъ провинціей Россійской Имперіи, какою бы ни пользовалась административною автономіей. Если нѣкоторыя случайныя обстоятельства произвели на свѣтъ гельсингфорсскихъ сепаратистовъ и породили въ ихъ умахъ призракъ особаго государства, какимъ, по ихъ увѣренію, должна считаться Финляндія, то эти обстоятельства очень обманчивы; они быстро измѣнятся, они не выдержатъ пробы завтрашняго дня. Если гельсингфорскіе сепаратисты дѣйствительно находятъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣкоторое основаніе и пищу для своихъ надеждъ,—тѣмъ хуже для нихъ, тѣмъ хуже для ихъ края. Все что̀ въ нынѣшнемъ положеніи Финляндіи было бы понято или было бы сдѣлано въ смыслѣ этихъ опьяняющихъ надеждъ, обратилось бы въ бѣдствіе для этого края въ послѣдствіи. Чѣмъ болѣе разовьется тамъ въ умахъ духъ фальшиваго шведскаго патріотизма, чѣмъ болѣе пріобрѣтетъ въ нихъ силы этотъ несчастный сепаратизмъ, тѣмъ глубже будетъ разочарованіе въ послѣдствіи, тѣмъ тяжеле будетъ похмѣлье, тѣмъ убыточнѣе будетъ разчетъ.

Но не будемъ слишкомъ строго винить гельсингфорсскихъ политиковъ за то что они увлекались своими фантазіями. Въ самомъ дѣлѣ, виноваты ли были они, что вино, которымъ они упивались, было въ такомъ ходу и было такъ дешево? Виноваты ли они, что все заставляло ихъ раздѣлять общую увѣренность въ ничтожествѣ русскаго народа и въ близкомъ разложеніи Россіи? Боже мой! Годъ или полтора тому назадъ, не то ли было въ Вильнѣ, не то ли было въ Кіевѣ, не то ли было даже въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ,—въ петербургской журналистикѣ, напримѣръ? Развѣ въ Вильнѣ не казалось дѣломъ легкимъ создать особую коронную Литву? Развѣ это не предлагалось тамошними политиками какъ временная сдѣлка, еще очень милостивая для Россіи? Развѣ тамошніе политики не столько, если еще не болѣе, находили основаній для своихъ надеждъ,

и близкихъ и отдаленныхъ, чѣмъ теперь гельсингфорсскіе патріоты? Но нынѣшній годъ былъ столько же обиленъ поученіями, сколько и событіями. Онъ показалъ, что русскій народъ существуетъ, и что Россія не мечта; онъ показалъ, что русскій народъ не только не одержимъ предсмертнымъ безсиліемъ, но что онъ никогда не былъ такъ силенъ чувствомъ своего единства, своихъ правъ и своей государственной цѣлости. Событія эти показали, какъ мало можно полагаться на случайныя обстоятельства и на наружные признаки. Если гельсингфорсскихъ сепаратистовъ нельзя было бы слишкомъ строго обвинять за то что они въ началѣ давали ходъ своимъ фантазіямъ, то теперь подобныя увлеченія совершенно непростительны, и свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ политическаго смысла тѣхъ партій, которыя имѣютъ своимъ органомъ газету *Dagbladet*.

Передъ безсиліемъ не церемонятся; передъ ничтожествомъ всякіе доводы могутъ казаться достаточными. Но неужели *Dagbladet*, или гельсингфорскія партіи, имѣющія эту газету своимъ органомъ, все еще могутъ серіозно считать Русскій народъ такимъ ничтожествомъ, что имъ кажутся достаточно-надежными употребляемые ими доводы въ подкрѣпленіе своихъ тенденцій? Они не хотятъ видѣть норму для своихъ стремленій въ тѣхъ правахъ, какими пользовалась Финляндія подъ шведскимъ владычествомъ; они основываютъ свои притязанія не на томъ чѣмъ была Финляндія до присоединенія своего къ Россіи, а на томъ чѣмъ будто бы она должна была сдѣлаться по присоединеніи къ Россіи. Прежде она была не болѣе какъ провинція съ областными *фуэросами*; теперь будто бы она должна быть особымъ государствомъ, чуждымъ Россіи и находящимся съ нею только въ *личномъ соединеніи*. Почему такъ? спрашиваете вы въ изумленіи. Потому, отвѣчаютъ вамъ, что Финляндія имѣетъ таможенную линію отдѣляющую ее отъ Россіи!... Вотъ какъ! Даже таможенная линія служитъ теперь для шведскихъ патріотовъ въ Гельсингфорсѣ достаточнымъ основаніемъ для международныхъ отношеній къ Россіи, — таможенный кордонъ, который еще такъ недавно самымъ невиннымъ образомъ отдѣлялъ отъ Россіи Одессу! Мы имѣемъ свой батальйонъ, продолжаютъ гельсингфорсскіе публицисты, свою особую администрацію, — наконецъ свой сеймъ, заключаютъ они съ гордостію; къ намъ, говорятъ они, никто изъ Русскихъ не смѣетъ переселиться безъ особаго разрѣшенія отъ нашего особаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, сколько правъ, сколько основаній для непрактическихъ умовъ питать самыя несбыточныя фантазіи! Вотъ стало-быть въ чемъ вся бѣда! Пусть, говорятъ эти господа, пусть Финляндія подъ шведскимъ владычествомъ была только провинціей; но Императоръ Александръ I, завоевавшій Финляндію, такъ повелъ дѣло относительно этого края, что этотъ край можетъ и долженъ считать себя отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ: онъ имѣетъ свой батальйонъ, свою администрацію, свой сеймъ и скоро будетъ имѣть свой флотъ и свой флагъ. Но какъ могло случиться, спрашиваете вы, если еще считаете возможнымъ говорить серіозно съ подобными политиками,—какъ могло случиться, что завоеванный край, въ силу только того, что онъ завоеванъ, не только удержалъ то чѣмъ онъ прежде пользовался и чего никто у него не оспариваетъ, но и получилъ то чѣмъ онъ не можетъ пользоваться, чего онъ по самой натурѣ вещей и получить никакъ не можетъ? Считаютъ ли эти господа тотъ призракъ государственной самостоятельности, который до времени льститъ ихъ фантазіямъ, выраженіемъ силы или слабости Россіи? видятъ ли они въ этомъ съ ея стороны ошибку или мудрость? Что завоеванныя Россіею области и племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, никогда не подвергались и не подвергаются стѣсненіямъ ни въ своей вѣрѣ, ни въ своемъ языкѣ, ни въ своихъ обычаяхъ и законахъ, доказательство этому представляетъ исторія и статистика; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы Русскій народъ, который такъ силенъ чувствомъ своего единства и государственной цѣлости, согласился послужить когда-нибудь орудіемъ и средою для образованія особыхъ государствъ изъ областей неразрывно связанныхъ съ русскою державою. Всякаго рода случайности и ошибки неизбѣжны; ими исполнена исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Очень можетъ быть, что и въ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи были нѣкоторыя случайности и ошибки, которыя могли подать поводъ къ фальшивымъ заключеніямъ и надеждамъ. Но неужели гельсингфорсскіе политики не знаютъ, что ошибки исправляются, что исторія на нихъ не останавливается, и неуже-

ли они могутъ серіозно вѣрить, что Финляндія имѣетъ будущность какъ самостоятельное государство?

Присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что воля русскаго Императора, на которую теперь ссылаются преимущественно гельсингфорскіе сепаратисты, никогда не имѣла въ виду дать этому завоеванному Россіей краю отдѣльное и нейтральное государственное положеніе. Одного этого факта было бы совершенно достаточно для того чтобы разогнать туманъ въ Гельсингфорсѣ, еслибы тамошнимъ политикамъ угодно было хорошенько вникнуть въ этотъ фактъ и отдать себѣ отчетъ въ немъ. Каковы бы ни были тѣ или другія распоряженія русскаго правительства въ Финляндіи, къ какимъ бы заключеніямъ ни подавали они поводъ, ошибки это или не ошибки, мудрыя или не мудрыя мѣры, все окажется незначительнымъ передъ силою одного этого факта. Для всякаго, кто признаетъ авторитетъ здраваго смысла, присоединеніе русскихъ владѣній къ завоеванному краю должно служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что если Финляндія, по силѣ вещей, не можетъ имѣть будущности какъ особое государство, то и въ намѣреніяхъ императора Александра I она никогда не была ничѣмъ подобнымъ. Еслибъ императоръ Александръ I видѣлъ въ Финляндіи дѣйствительно особое государство, могъ ли бы онъ отдѣлить отъ Россійской Имперіи ея владѣнія съ русскимъ людомъ для того чтобъ округлить границы чуждаго для Россіи, отдѣльнаго отъ нея государства?

№ 259.

Москва, 27-го ноября.

Во вчерашнемъ нумерѣ *Journal de St.-Pétersbourg* напечатанъ французскій текстъ письма, посланнаго Его Величествомъ Государемъ Императоромъ къ Императору Наполеону III, въ отвѣтъ на его приглашеніе принять участіе въ конгрессѣ. Оно дано въ Царскомъ Селѣ 6-го ноября, то-есть, черезъ недѣлю до возвращенія Государя Императора изъ Крыма, и черезъ двѣ недѣли по отправленіи приглашенія изъ Парижа.

Появленіе этого важнаго документа окончательно разъяснятъ для русской публики вопросъ о конгрессѣ въ самомъ существенномъ для Россіи пунктѣ. Мы видимъ, что Россія не протестовала противъ конгресса въ его общей идеѣ. Предполагаемая цѣль конгресса должна состоять въ томъ, чтобы повести къ миролюбивому соглашенію международныхъ интересовъ въ Европѣ и устранить по возможности всѣ поводы къ раздорамъ и вооруженіямъ. Возможно ли протестовать противъ такой доброй цѣли? Возможно ли не сочувствовать заявляемому желанію „достигнуть, безъ потрясеній, умиротворенія Европы?“ Въ искренности подобнаго расположенія Россіи сомнѣваться невозможно. „Всѣ дѣла моего царствованія,“ говоритъ Государь Императоръ, „свидѣтельствуютъ о желаніи „моемъ замѣнить вооруженный миръ, такъ „тяжко обременяющій нынѣ народы, отношеніями основанными на взаимномъ довѣ„ріи и согласіи. Какъ только стало возмож„нымъ, я приступилъ къ значительному со„кращенію моихъ военныхъ силъ; въ про„долженіе шести лѣтъ имперія моя была „свободна отъ рекрутской повинности, и я „предпринялъ важныя реформы служащія „залогомъ прогрессивнаго развитія внутри „и мирной политики во внѣшнихъ дѣлахъ.“

Россія не возмущала спокойствія Европы; не возбуждала вопросовъ не нарушала существующихъ трактатовъ; она не развивала, а уменьшала свои военныя силы; своими реформами она внесла въ свою государственную жизнь новыя гражданскія начала, возвышающія ея народныя силы и съ тѣмъ вмѣстѣ обезпечивающія, болѣе чѣмъ когда-либо, мирный характеръ ея политики. Въ качествѣ великой державы, она не отказывалась отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ; но она не искала преобладанія, она не держала Европы въ постоянномъ опасеніи потрясеній и переворотовъ; она не препятствовала ходу событій тамъ гдѣ ихъ вызывала сила вещей и гдѣ интересы Россіи не подвергались ущербу. Слѣдовательно, мысль о миролюбивомъ соглашеніи европейскихъ интересовъ и объ устраненіи поводовъ къ замѣшательствамъ и вооруженіямъ отнюдь не можетъ противорѣчить видамъ русской политики; съ другой стороны, не политика Россіи могла внушить другимъ державамъ столь серіозныя заботы о принятіи мѣръ для сохраненія спокойствія Европы,—не политика Россіи могла вынудить что-либо похожее на мысль, предложенную Императоромъ Наполеономъ III.

Если Россія должна была въ послѣднее время уклониться отъ принятаго ею пути; если она теперь усиливаетъ свои вооруженія, и принимаетъ мѣры противъ случайностей, которыя могли бы угрожать безопасности и цѣлости ея государственной области, то она въ этомъ случаѣ дѣйствовала не по своей охотѣ. Другія державы хотѣли чтобы Россія вооружалась, и она исполняетъ ихъ желаніе. Если же, какъ теперь оказывается, тѣже самыя державы заботятся о сохраненіи мира, то онѣ только исполняютъ желанія Россіи.

Но отъ общей мысли о томъ, какъ было бы желательно полюбовное соглашеніе международныхъ интересовъ Европы, до конгресса предложеннаго въ Парижѣ — еще очень далеко. Можно вполнѣ сочувствовать желанію, заявленному въ предложеніи о конгрессѣ, и сомнѣваться въ возможности его практическаго осуществленія. Письмо Государя Императора ограничивается общею стороною вопроса, и указываетъ на необходимость предварительной программы, которая могла бы убѣдить Европу въ пользѣ предлагаемаго конгресса, и склонить къ участію въ немъ другія державы. О трактатахъ 1815 года не упоминается ни слова, а только приводится на память то великое правило практической мудрости, которое требуетъ уваженія къ существующимъ правамъ, предостерегаетъ отъ перемѣнъ внушаемыхъ случайными побужденіями и интересами минуты, и предписываетъ въ дѣлѣ измѣненій держаться исторической почвы.

Россія какъ мы видимъ, сохраняетъ то исполненное достоинства положеніе, которое было принято ею и которое служитъ лучшимъ обезпеченіемъ ея интересовъ и спокойствія. Она не отвергаетъ и не принимаетъ европейскаго конгресса, точно также какъ она не вызываетъ опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы, но и не думаетъ предотвращать ихъ малодушными уступками, изъ которыхъ всего вѣрнѣе рождаются серіозныя опасности. Россія не имѣла никакого повода оспаривать отвлеченную мысль о конгрессѣ; но она отнюдь не считала возможнымъ ручаться за осуществленіе этой мысли. Россія предоставила эту мысль собственной судьбѣ: ея, и мысль о конгрессѣ не продержалась и трехъ недѣль на политическомъ горизонтѣ Европы: Императоръ Наполеонъ III не успѣлъ убѣдить другія державы въ практической состоятельности и пользѣ предложеннаго имъ плана.

Конгрессъ не состоялся, но толки, возбужденные имъ, еще не замолкли. Пишутъ даже, что французское правительство будто бы еще не совсѣмъ отказалось отъ надежды убѣдить Англію, и отправило для этой цѣли въ Лондонъ г. де-Латуръ-д'Оверня. Но нельзя ожидать, чтобъ эта мысль, умершая при самомъ рожденіи своемъ, могла возродиться къ жизни. Изъ царства тѣней не бываетъ возврата.

Въ какомъ же положеніи находятся теперь европейскія дѣла? Одинъ за другимъ являлись на горизонтѣ два метеора: коалиція и конгрессъ. Оба метеора исчезли, — что же остается? Посреди всеобщей неопредѣленности отношеній остается возможность разныхъ новыхъ сближеній между европейскими державами. Франціи трудно оставаться въ изолированномъ положеніи, въ которое привели ее событія. Вмѣшательство въ польское дѣло порвало союзныя отношенія, въ которыхъ она еще такъ недавно находилась къ Россіи. Приглашеніе на конгрессъ испортило ея отношенія къ Англіи. Очень естественно возникаетъ теперь мысль, не будетъ ли для Франціи выгодно вновь сблизиться съ Россіей и возвратиться къ той политической комбинаціи, которая была расторгнута политикой Англіи, воспользовавшейся на этотъ предметъ польскимъ вопросомъ? Для Франціи, конечно, это было бы выгодно, — но выгодно ли для Россіи? Во французскихъ газетахъ появляются разные толки о возможности союза между Россіей и Франціей. Толки эти возникаютъ естественно, но едва ли можно ожидать какого-либо успѣшнаго результата въ этомъ направленіи. Россія не имѣетъ ни малѣйшей надобности въ предпочтительномъ сближеніи съ тою или другою державой. Сила великой державы въ настоящее время состоитъ не въ глухомъ узлѣ какого-либо союза, а въ полной свободѣ дѣйствій. Предпочтительный союзъ съ одною державою разобщаетъ съ другими, и неизбѣжно готовитъ въ будущемъ всякаго рода затрудненія и опасности. Россія занимаетъ теперь самое выгодное положеніе, и всякое тѣснѣйшее сближеніе съ тою или другою державой можетъ только ухудшить, а не улучшить его. Намъ нечего тяготиться тѣмъ, что мы въ настоящее время свободны отъ какихъ-либо обязательствъ относительно той или другой державы: въ этомъ

наша выгода, въ этомъ наша сила. Такъ какъ Россія не замышляетъ никакихъ насильственныхъ переворотовъ въ Европѣ, то для нея не требуется никакихъ исключительныхъ союзовъ, которые только могутъ разобщить ее и привести въ ложное положеніе. Чѣмъ свободнѣе отъ всякихъ исключительныхъ соглашеній будетъ ея политика, тѣмъ она будетъ сильнѣе въ Европѣ, и тѣмъ менѣе можетъ быть опасности для всеобщаго спокойствія.

№ 260.

Москва, 28-го ноября.

А.

Помѣстивъ въ послѣднихъ нумерахъ нашей газеты одинъ за другимъ отчеты о засѣданіяхъ законодательныхъ собраній Франціи, Пруссіи и Австріи, считаемъ нелишнимъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько общихъ замѣчаній.

Всеобщее распространеніе представительныхъ учрежденій есть важнѣйшая характеристическая особенность нашего времени, которою опредѣляется какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика европейскихъ государствъ. Но польза, какую могутъ оказать представительныя учрежденія зависитъ отъ многихъ условій, и прежде всего отъ свойства и характера тѣхъ отношеній, въ какія они поставлены къ верховной власти историческими условіями жизни народовъ. Во Франціи и въ Пруссіи, напримѣръ, представительныя учрежденія зрѣлище вовсе не привлекательное. И тамъ, и здѣсь они образовались вслѣдствіе предшествовавшей борьбы между верховною властью и земствомъ, и съ самаго начала являлись въ видѣ вынужденной уступки; въ самое основаніе ихъ, такимъ образомъ, былъ положенъ духъ затаеннаго взаимнаго недовѣрія и вражды, отъ котораго нельзя было ожидать никакихъ добрыхъ плодовъ. Напротивъ, въ Австріи, не смотря на свое недавнее происхожденіе, земское представительство есть уже надежная опора для государства, чего не видимъ ни въ Пруссіи, ни во Франціи. Одна изъ главныхъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что представители народа въ Австріи были призваны къ участію въ государственныхъ дѣлахъ добровольно самою верховною властью, которая признала, что земство можетъ послужить надежнѣйшею опорой для государства. Мы сказали: добровольно,—и этого мало: верховная власть въ Австріи должна была еще побѣдить противодѣйствующія стремленія въ разныхъ народностяхъ, входящихъ въ составъ этой имперіи,—народностяхъ стремящихся врозь и потому непріязненно расположенныхъ къ центральному представительству. И вотъ мы видимъ, что палата представителей австрійскаго императорскаго совѣта, несмотря даже на существенные недостатки въ своемъ составѣ, проистекающіе отъ того, что члены ея выбираются не прямо земствомъ, а областными сеймами, при чемъ не устранены и чиновники,—обнаруживаетъ несравненно болѣе политическаго смысла чѣмъ прусская палата, съ кормовыми деньгами для депутатовъ. Австрія, со всѣхъ сторонъ окруженная опасностями, внутри раздираемая несогласіями своихъ разнородныхъ національностей, находитъ въ своемъ представительствѣ элементъ силы и опоры для государственнаго единства и верховной власти.

Напротивъ, въ Пруссіи, гдѣ палата представителей явилась вслѣдствіе революціи 1848 г., съ самаго начала отношенія между нею и верховною властью были крайне неискреннія и недружелюбныя и палата, пользуясь на бумагѣ, въ силу писаннаго основнаго государственнаго устава, или такъ называемой „конституціи“, бо́льшими правами чѣмъ въ Австріи, въ дѣйствительности имѣетъ однакоже гораздо меньшее значеніе. Не довѣряя этому учрежденію, порожденному, къ несчастію, революціей, верховная власть съ самаго начала озабочена была тѣмъ, какъ бы наполнить палату депутатовъ людьми изъ административныхъ сферъ, на преданность и покорность которыхъ правительство могло бы заранѣе разчитывать. Вслѣдствіе того, въ „конституцію“ внесено было положеніе, что чиновники могутъ быть безпрепятственно избираемы въ представители, и всѣ предшествующія министерства, особенно же министерство Мантейфеля, направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы выборъ падалъ на чиновниковъ. Опытъ доказалъ однакоже, что чиновники, равно какъ и такъ-называемыя *capacités* (профессора, адвокаты и т. п.), говоря вообще, совсѣмъ не годятся въ представители народа; прусское правительство горько ошибалось въ своихъ разчетахъ на ихъ преданность или на ихъ политическій смыслъ, и вотъ нынѣшнее министерство г. фонъ-

Бисмарка, при послѣднихъ выборахъ, болѣе всего старалось о томъ, какъ бы очистить палату депутатовъ отъ этого крѣпко засѣвшаго въ нее элемента. Если прусская палата представителей очень мало сообразается съ дѣйствительными потребностями и условіями страны, если она, въ настоящее время, когда отовсюду грозятъ опасности войны, противится во что бы ни стало преобразованію арміи, необходимость котораго очевидна и признается всѣми спеціалистами, если она ожесточенно порицала правительство за его мѣры противъ распространенія и усиленія польскаго мятежа, который наибольшею бѣдою грозилъ самой же Пруссіи, если она вообще не стоитъ на твердой практической почвѣ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ теоретическихъ увлеченій, если она дробится все болѣе и болѣе на мелкія совершенно безсмысленныя партіи или такъ-называемыя фракціи, то всѣ эти печальныя явленія, главнѣйшимъ образомъ, объясняются преобладаніемъ въ ней бюрократическаго и доктринерскаго элемента надъ натуральнымъ, земскимъ. Бюрократическіе и ученые теоретики, руководящіеся даже самыми лучшими правилами, даже мечтая о водвореніи на землѣ всеобщаго благоденствія, все-таки дѣйствуютъ такъ, какъ бы народъ, въ пользу котораго они желаютъ направлять свои дѣйствія, былъ не живымъ организмомъ, а мертвою массой, надъ которою можно безпрепятственно производить всевозможные опыты, по тѣмъ или другимъ теоретическимъ воззрѣніямъ. Будучи притомъ, по самому положенію своему, болѣе или менѣе отрѣшенъ отъ жизни народа, бюрократическій людъ вообще мало знакомъ съ его интересами и чувствованіями, и правительство ровно ничего не выигрываетъ, окружая себя, вмѣсто дѣйствительныхъ представителей народа, собственными своими агентами. Напротивъ, оно легко можетъ проиграть, какъ это и случилось въ Пруссіи: придавая своимъ чиновникамъ самостоятельность въ качествѣ представителей народа, и поставляя ихъ, такимъ образомъ, какъ бы на одинъ уровень съ съ собою, оно можетъ встрѣтить съ ихъ стороны скрытное сопротивленіе даже и въ той сферѣ, въ которой имѣетъ полное право разчитывать на ихъ покорность, именно въ сферѣ самой администраціи.

Не говоря уже о депутатахъ-чиновникахъ, правительство ничего не выигрываетъ и въ томъ случаѣ, если палата представителей наполняется вообще людьми не самостоятельными. Желательно знать дѣйствительное, а не мнимое расположеніе умовъ, и настроеніе интересовъ, и если наполненіе палаты представителей офиціальными кандидатами можетъ избавить правительственныя лица отъ нѣкоторыхъ незначительныхъ затрудненій, за то оно прямо ведетъ къ самымъ серіознымъ затрудненіямъ, которыя бываютъ тѣмъ неизбѣжнѣе чѣмъ болѣе правительство ошибается насчетъ дѣйствительныхъ интересовъ и чувствованій народа. Сверхъ того, какъ читатели могли усмотрѣть изъ напечатаннаго вчера отчета о засѣданіи Французскаго законодательнаго сословія, правительство сильно рискуетъ, при системѣ офиціяльныхъ кандидатуръ, навлечь на себя или пораженіе, или позоръ, если для поддержанія своихъ кандидатовъ прибѣгаетъ къ тѣмъ средствамъ, которыя такъ употребительны, напримѣръ, во Франціи. При взаимномъ довѣріи между короной и представительствомъ, сами собой организуются значительныя политическія партіи, изъ которыхъ та или другая, поперемѣнно, будутъ держать сторону существующаго министерства и которыя сами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны верховной власти и безъ всякаго ущерба для ея достоинства и ея интересовъ, могутъ вести между собой законную борьбу на выборахъ, какъ это бываетъ въ настоящее время въ Англіи. При обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь императора Наполеона, французское законодательное сословіе имѣетъ еще въ виду возвратиться къ вопросу объ офиціяльныхъ кандидатурахъ; съ своей стороны, наряженная прусскою палатой коммиссія, вѣроятно, откроетъ не мало интересныхъ фактовъ относительно злоупотребленій, къ которымъ подаетъ поводъ система офиціяльныхъ кандидатуръ. Нѣтъ сомнѣнія, что негодность этой системы выступитъ тогда еще съ большею силой.

Б.

Спѣшимъ исправить ошибку вкравшуюся въ передовую статью № 256 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ этой статьѣ сказано:

„Въ положеніи о выкупѣ, въ ст. 143, точно и ясно опредѣлено назначеніе всѣхъ суммъ, поступающихъ отъ крестьянъ въ видѣ ежегодныхъ платежей за выкуплен-

ныя земли. Назначеніе это указано въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1. Уплата процентовъ по билетамъ и свидѣтельствамъ.

„2. Погашеніе билетовъ.

„3. Уплата банковаго долга.

„4. Составленіе *запаснаго капитала* выкупной операціи, предназначеннаго для покрытія издержекъ по управленію оной; а также особыхъ расходовъ и потерь.

„На практикѣ оказывается, что только первый и третій пункты исполняются. Второй и самый существенный до сихъ поръ еще не приводится въ исполненіе."

Это не вѣрно. Погашеніе билетовъ втораго выпуска уже приводится въ исполненіе. Первый тиражъ былъ произведенъ 15-го марта с. г., и по этому тиражу, согласно правиламъ пятипроцентныхъ билетовъ, поступило къ погашенію билетовъ втораго выпуска на 38.400 р.

Исправивъ эту ошибку, считаемъ нужнымъ объяснить какимъ образомъ могла она вкрасться въ *Московскія Вѣдомости* и притомъ еще въ передовую статью *Московскихъ Вѣдомостей*. Дѣло въ томъ, что передовая статья № 256 имѣла необыкновенное происхожденіе.

До насъ доходили неоднократно голоса неудовольствія на *Московскія Вѣдомости* за оказываемую имъ поддержку тому положенію, что въ денежныхъ знакахъ у насъ отнюдь нѣтъ недостатка, а есть избытокъ; и что слѣдовательно состояніе нашей денежной системы требуетъ изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, а не выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ. Голоса эти шли не столько изъ класса купеческаго, сколько изъ класса землевладѣльческаго, и не рѣдко сопровождались ропотомъ на раззореніе помѣщиковъ вообще и въ особенности на низкій курсъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Воспоминанія о томъ какъ легко было доставать деньги на всякое предпріятіе и сбывать всякія акціи въ 1856, 1857 и 1858 годахъ, наводили иныхъ на мысль, что и теперь помѣщикамъ удалось бы сбыть выкупныя свидѣтельства по выгодной цѣнѣ, еслибъ увеличилось денежное обращеніе, то-есть еслибы были выпущены новые кредитные билеты, сверхъ билетовъ уже обращающихся въ публикѣ. Увлекающіеся этою мыслію стараются распространить между помѣщиками убѣжденіе, что новые выпуски кредитныхъ билетовъ желательны въ интересѣ помѣщиковъ, какъ средство вывести ихъ изъ экономическихъ затрудненій. Но ничего не можетъ быть превратнѣе этого убѣжденія, потому что помѣщикамъ, то-есть не тому или другому изъ нихъ, а ихъ совокупности, новые выпуски кредитныхъ билетовъ не только не принесли бы въ настоящее время никакой пользы, но причинили бы гораздо болѣе вреда чѣмъ какому-либо другому разряду общества. Новые выпуски кредитныхъ билетовъ, это значитъ—удешевленіе кредитныхъ билетовъ, а такъ какъ и выкупные платежи и крестьянскія повинности опредѣлены теперь на кредитные рубли то это значитъ—пониженіе повинностей и уменьшеніе выкупныхъ платежей. Поэтому тѣ помѣщики, которые недовольны мѣрами правительства къ возстановленію цѣнности кредитнаго рубля чрезъ изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, и которые желали бы не уменьшенія, а увеличенія числа обращающихся кредитныхъ билетовъ,—эти помѣщики совершенно заблуждаются, когда высказываютъ подобныя мнѣнія въ увѣренности что адвокатствуютъ за помѣщичьи интересы. Напротивъ, еслибы предположить что ихъ заявленія были бы приняты къ исполненію, то этимъ былъ бы нанесенъ величайшій ударъ всему землевладѣльческому сословію въ Россіи.

Вотъ что мы находили нужнымъ высказать по поводу того страннаго явленія, что люди, настроенные консервативно и искренно ратующіе за охранительные интересы, становятся въ оппозиціонное отношеніе къ главнымъ основаніямъ принятой нашимъ правительствомъ финансовой политики, и дѣлаютъ предложенія, которыя могли бы идти только отъ злѣйшихъ враговъ всякаго права собственности.

Когда мы собирались поговорить съ читателями объ этомъ странномъ явленіи, мы получили отъ корреспондента, стоящаго очень близко къ вопросамъ возникшимъ изъ крестьянскаго дѣла, записку о выкупной операціи съ предложеніемъ включить ее въ одну изъ нашихъ передовыхъ статей. Хотя это было совершенно противно нашимъ обычаямъ, но записка подошла кстати, и мы присоединили ее къ передовой статьѣ № 256, гдѣ все то что говорится о погашеніи (начиная со словъ: „Операція выкупа такъ обширна") взято изъ этой записки. Полагаясь на автора, человѣка несомнѣнно основательнаго, мы печатали его сообщенія безъ тщательной про-

вѣрки, которая казалась тутъ дѣломъ излишнимъ. Мы не предполагали возможнымъ того, что̀ однакоже было возможно. Этотъ случай послужитъ намъ впредь урокомъ.

Намъ остается теперь, возстановивъ истину, пожалѣть, что въ нашемъ изданіи напало себѣ мѣсто столь неправильное показаніе о пятипроцентныхъ билетахъ втораго выпуска, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе читателей на то что, за исключеніемъ этого невѣрнаго показанія, въ передовой статьѣ № 256 указывается на совершенно правильное средство поднять курсъ выкупныхъ бумагъ, и притомъ на средство согласное съ Положеніемъ о выкупѣ и даже предусмотрѣнное имъ. Въ передовой статьѣ № 256 цитована 143 статья Положенія о выкупѣ, а вотъ что сказано въ примѣчаніи къ этой 143 статьѣ:

„Въ видахъ скорѣйшаго погашенія бан„ковыхъ билетовъ дозволяется главному „выкупному учрежденію, съ разрѣшенія ми„нистра финансовъ, производить усилен„ный тиражъ оныхъ, по нарицательной цѣ„нѣ, или покупать билеты, продающіеся на „биржѣ, по существующей биржевой цѣнѣ, „относя потребные въ томъ и другомъ слу„чаѣ расходы на счетъ остатковъ отъ упо„мянутаго въ сей статьѣ запаснаго капи„тала.“

Нѣтъ сомнѣнія, что только въ одномъ направленіи съ этимъ примѣчаніемъ могутъ быть придумываемы дѣйствительныя мѣры къ поднятію курса выкупныхъ бумагъ; а увеличеніе числа обращающихся кредитныхъ билетовъ повело бы къ цѣли совершенно противной: номинальное возвышеніе курса выкупныхъ свидѣтельствъ было бы въ сущности еще бо́льшимъ ихъ упадкомъ.

№ 261.

Москва, 29-го ноября.

Одна изъ оригинальныхъ особенностей нашей періодической печати заключается въ томъ, что у насъ существуетъ цѣлый рядъ изданій, служащихъ органами разныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія. Нѣчего подобнаго нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Во многихъ государствахъ вовсе нѣтъ казенныхъ изданій, посвященныхъ обсужденію вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Въ другихъ государствахъ, гдѣ правительство находитъ нужнымъ, не ограничиваясь обнародованіемъ своихъ распоряженій, высказывать свои взгляды или дѣлать намеки, которые могли бы вести къ заключенію о его взглядахъ, тамъ бываютъ учреждаемы офиціяльныя газеты, въ родѣ французскаго *Монитера*, служащія признанными органами правительства; въ такихъ газетахъ бываетъ, правда, офиціяльная и неофиціяльная часть, но именно въ этой послѣдней, неофиціяльной части, проводятся тѣ взгляды правительства, для сообщенія которыхъ публикѣ такая газета собственно и издается; даже подборъ политическихъ извѣстій служитъ въ такой газетѣ указаніемъ, которое всѣми замѣчается: сегодня напримѣръ французскій *Монитеръ* передаетъ извѣстія о польскихъ дѣлахъ, благопріятныя мятежникамъ, и умалчиваетъ объ извѣстіяхъ благопріятныхъ законному правительству; завтра французскій *Монитеръ* начинаетъ подбирать извѣстія въ противоположномъ направленіи,—публика сейчасъ же замѣчаетъ это, и въ этомъ видитъ своего рода барометръ, который позволяетъ предсказывать измѣненія въ политикѣ правительства. Польза подобныхъ правительственныхъ органовъ весьма сомнительна; возможность заключеній, къ которымъ подаютъ поводъ мельчайшіе оттѣнки не только въ сужденіяхъ, но даже, какъ сказано, въ выборѣ извѣстій, требуетъ чрезвычайной осмотрительности со стороны редакціи, а на практикѣ ведетъ къ тому, что редакція, дабы избѣжать лжетолкованій, бываетъ принуждена заботиться всего болѣе о безцвѣтности, которая и роняетъ изданіе. Но полезны ли или нѣтъ казенныя газеты подобныя французскому *Монитеру*, несомнѣнно, что одно и то же правительство не можетъ имѣть надобности въ нѣсколькихъ подобныхъ органахъ. Если есть различія во взглядахъ между разными правительственными лицами, и если заявленіе подобныхъ различій считается необходимымъ, то для этого обыкновенно избираются частныя изданія, которыя примыкаютъ къ тому или другому министру, нисколько не получая черезъ то офиціяльнаго характера. Такъ напримѣръ если не ошибаюсь, а правда, что англійская газета *Morning Post* состоитъ въ нѣкоторыхъ связяхъ съ лордомъ Пальмерстономъ, а газета *Daily News* съ лордомъ Россселемъ, то эти газеты все-таки не органы англійскаго правительства или его отдѣльныхъ вѣдомствъ, а органы именно этихъ двухъ государ-

венныхъ людей, даже независимо отъ того министры ли они или нѣтъ. Подобные органы есть и у нѣкоторыхъ министровъ другихъ государствъ, но это ихъ частные органы, состоящіе съ ними въ частныхъ связяхъ.

Такова всеобщая практика въ европейской журналистикѣ,—всеобщая, за исключеніемъ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, есть цѣлый рядъ періодическихъ изданій, служащихъ органами не правительства, взятаго какъ цѣлое, и не отдѣльныхъ государственныхъ людей, а отдѣльныхъ вѣдомствъ. Впрочемъ не въ этомъ еще заключается наша самая оригинальная особенность, а въ томъ, что издающіеся у насъ органы отдѣльныхъ вѣдомствъ одного и того же правительства не только высказываютъ нерѣдко объ одномъ и томъ же предметѣ сужденія діаметрально-противоположныя, не только пикируются между собой, но и вступаютъ между собой въ ожесточенныя схватки, а иногда, что еще удивительнѣе, уклоняются отъ схватки лишь по чувству „глубокаго“ презрѣнія другъ къ другу и громко заявляютъ о такомъ взаимномъ благорасположеніи всей читающей публикѣ. И еслибы эти споры и это раздраженіе были вызываемы какими-нибудь мелочами, или простыми счетами самолюбія! Къ великому соблазну публики, особенно провинціяльной, наряду съ мелкимъ соперничествомъ являются на этой сценѣ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики.

Это дѣло очень серіозное. Люди ближе стоящіе къ центральной администраціи ни на минуту, конечно, не сомнѣвались, что мнѣнія *Биржевыхъ Вѣдомостей* напримѣръ по польскому вопросу не имѣютъ и не могутъ имѣть ничего общаго съ мнѣніями кого бы то ни было изъ нашихъ правительственныхъ лицъ. Но обширныя массы читателей, руководящіяся въ своихъ сужденіяхъ простымъ здравымъ смысломъ, выводили болѣе прямыя заключенія изъ того яркаго факта, что *Русскій Инвалидъ*, органъ военнаго министерства, и *Биржевыя Вѣдомости*, органъ министерства финансовъ, служатъ по польскому и по многимъ другимъ вопросамъ органами совершенно противоположныхъ интересовъ и направленій.

Нынѣ, въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 27-го ноября министерство финансовъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что *Биржевыя Вѣдомости* составляютъ частную собственность г. Трубникова, и что статьи какъ передовыя, такъ и печатаемыя въ неофиціяльномъ отдѣлѣ *Биржевыхъ Вѣдомостей* могутъ считаться исходящими изъ министерства финансовъ только въ томъ случаѣ, если подписаны офиціяльнымъ лицомъ сего министерства или если, вмѣсто подписи, отмѣчено: *сообщено изъ министерства финансовъ*. Это объявленіе разсѣетъ много недоразумѣній, но если между видами министерства финансовъ и мнѣніями г. Трубникова, какъ и слѣдовало ожидать, не оказывается ничего общаго, то позволительно спросить, съ какою же цѣлію и въ какихъ интересахъ оказывается столь сильное содѣйствіе распространенію мнѣній г. Трубникова въ Россіи? Почему каждый акцизный чиновникъ, каждый винный заводчикъ, а теперь и каждый почтмейстеръ должны впитывать въ себя образъ мыслей г. Трубникова? Такое покровительство было бы понятно если бы была какая-нибудь сочувственная связь между направленіемъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* и политическими мнѣніями министра финансовъ или главноуправляющаго почтовымъ департаментомъ. Въ такомъ случаѣ было бы естественно давать ходъ этому направленію въ средѣ подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Но когда нѣтъ солидарности мнѣній, и когда объ этомъ заявляется публично, то неужели можно считать раціональною сдѣлку, вслѣдствіе которой г. Трубниковъ получаетъ обязательныхъ читателей въ каждомъ изъ городовъ и городковъ Россійской имперіи? Можно желать свободы; при полной свободѣ мнѣній могутъ быть терпимы мнѣнія даже радикальныя. Въ основаніи этой терпимости лежитъ убѣжденіе что при свободѣ мнѣній истина сама собой восторжествуетъ надъ ложью. Но это убѣжденіе можетъ оправдаться только при свободѣ мнѣній, то-есть при совершенномъ безпристрастіи къ нимъ правительства. Если же правительство будетъ поддерживать своими средствами то или другое частное мнѣніе, то борьба мнѣній уже не будетъ равная, и свобода мнѣній будетъ фактически устранена. Свобода вездѣ одно и то же. Если для блага промышленности не слѣдуетъ покровительствовать той или другой ея отрасли на счетъ другихъ отраслей, то для блага періодической печати не слѣдуетъ поддерживать одни направленія въ ущербъ другимъ направленіямъ. Но экономическій протекціонизмъ поощряетъ тѣ отрасли про-

мышленности, которыя онъ находитъ полезными; съ нимъ не шелъ бы въ сравненіе литературный протекціонизмъ, еслибы поддерживалъ мнѣнія, которыя надобно оспаривать и отъ которыхъ надобно отрекаться.

Возвращаясь къ упомянутому нами скандалезному антагонизму между *Русскимъ Инвалидомъ* и *Биржевыми Вѣдомостями*, мы не можемъ сомнѣваться, что направленіе *Русскаго Инвалида* болѣе согласно съ личными мнѣніями даже тѣхъ самыхъ правительственныхъ лицъ, которыя принимаютъ мѣры къ искусственному распространенію *Биржевыхъ Вѣдомостей*. При многосложныхъ своихъ дѣловыхъ занятіяхъ, эти лица навѣрное упускаютъ изъ виду, въ какой мѣрѣ они поддерживаютъ г. Трубникова въ конкурренціи съ *Русскимъ Инвалидомъ* и со всѣми другими русскими газетами. Газета не журналъ. Одинъ журналъ можетъ читаться на ряду съ другими журналами, но почти никто, кромѣ записныхъ охотниковъ, не читаетъ двухъ газетъ. Кто обязанъ получать *Биржевыя Вѣдомости* или кому они высылаются на казенный счетъ, тотъ навѣрное не заглянетъ ни въ какую другую газету и слѣдовательно будетъ въ полной зависимости отъ направленія навязанной ему газеты. Вслѣдствіе этой особенности покровительственная система въ газетномъ дѣлѣ оказывается не просто покровительственною системой, а системой монополій. Какже можно давать право монополіи такимъ мнѣніямъ частнаго лица, которыя оказывается нужнымъ оспаривать въ правительственныхъ изданіяхъ и отъ которыхъ принуждены отрекаться правительственныя лица?

№ 262.

Москва, 30-го ноября.

Безъ сомнѣнія, наши читатели со вниманіемъ прочтутъ помѣщаемую ниже характеристику императора Наполеона III (изъ лондонскаго *Экономиста*), и основанныя на его характерѣ и его отношеніяхъ предположенія о томъ, какъ будетъ онъ дѣйствовать въ различныхъ возбужденныхъ теперь вопросахъ. Основная мысль этой статьи заключается въ томъ, что императоръ Французовъ есть вѣнчанный демократъ Европы, сознающій за собою задачу и обязанность повсюду содѣйствовать торжеству демократическихъ началъ революціи 1789-го года, убѣжденный въ томъ, что окончательною формой правленія повсемѣстно будетъ та самая, которая господствуетъ теперь во Франціи, то-есть, если можно такъ выразиться, демократическая монархія, или, иначе, почти безграничная власть одного лица, воплощающаго въ себѣ чувствованія и желанія народныхъ массъ и только въ массахъ ищущаго и находящаго себѣ опору. Между Наполеономъ III и демократическими партіями всѣхъ странъ Европы существуетъ, такимъ образомъ, какъ бы взаимное обязательство, которое онъ самъ заинтересованъ строго выполнять, чтобъ обезпечить въ Европѣ торжество тѣмъ началамъ, на которыя опирается его династія. Но степень выполненія этого обязательства ограничивается, съ одной стороны, свойствами французской націи, которая очень любитъ славу, но столько же любитъ и деньги, и готова на всѣ войны, лишь бы онѣ не были черезчуръ опасны и трудны и могли бы быть ведены не съ помощью новыхъ налоговъ, а съ помощью внутреннихъ займовъ, и непремѣнно за высокіе проценты. Съ другой стороны, въ самомъ характерѣ Наполеона III нѣтъ ни малѣйшей наклонности къ рискованнымъ предпріятіямъ; напротивъ, и по медлительной своей натурѣ, и по привычкѣ, онъ заботится прежде всего о томъ, чтобы каждый шагъ его былъ какъ можно болѣе вѣренъ и безопасенъ, и постоянно расположенъ откладывать какъ можно далѣе всякое рѣшеніе, отъ котораго уже нельзя было бы отступиться.

Вотъ почему, по мнѣнію лондонскаго *Экономиста*, въ настоящее время наиболѣе смущаетъ его такъ называемый польскій вопросъ, который при первой энергической попыткѣ къ насильственному разрѣшенію его такъ легко можетъ вовлечь Францію въ борьбу съ цѣлою Европой. Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно затруднительное, и выхода изъ него, по словамъ того же журнала, императоръ Наполеонъ ждетъ не отъ собственной своей воли, а отъ стеченія какихъ-либо благопріятныхъ случайностей.

Но, если не ошибаемся, предлагая созваніе общеевропейскаго конгресса, императоръ Наполеонъ именно имѣлъ въ виду вызвать эти случайности, благопріятныя для разрѣшенія польскаго вопроса согласно съ

желаніями Франціи. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что онъ именно разчитывалъ на возможность компрометтировать Россію въ глазахъ Англіи, а Англію въ глазахъ Россіи, когда дѣло на этомъ конгрессѣ зашло бы о восточномъ вопросѣ и о постановленіяхъ парижскаго трактата 1856 года, такъ противоестественно обезоружившихъ Россію на Черномъ морѣ. Онъ могъ ошибиться въ этихъ разчетахъ; но вѣдь несомнѣнно, что Франція сдѣлала съ своей стороны все, чтобы возгорѣлась европейская война.

Конгрессъ не состоялся, по крайней мѣрѣ не долженъ состояться (хотя, что касается до формальнаго отказа со стороны англійскаго правительства,—мы признаемся, не совсѣмъ увѣрены въ его искренности), и Франція по прежнему поставлена лицомъ къ лицу со всѣми затрудненіями, созданными собственною ея политикой въ польскомъ вопросѣ. Какъ она выйдетъ изъ этихъ затрудненій, это — вопросъ, который наиболѣе занимаетъ умы въ настоящее время.

Revue des deux Mondes, въ своей политической хроникѣ отъ 1-го декабря, указываетъ на три возможные выхода, и самымъ удобнымъ изъ нихъ еще и теперь считаетъ войну изъ-за Польши, войну, въ которую Австрія была бы вовлечена, отчасти по принужденію, отчасти уступая убѣжденіямъ, и въ которой Англіи пришлось бы принять потомъ участіе, такъ какъ, по мнѣнію *Revue des deux Mondes*, въ войнѣ съ Россіей невозможно было бы не начать дѣйствій противъ насъ въ Черномъ морѣ, а слѣдовательно, легко было бы вынудить Англію вмѣшаться въ дѣло. Упрекая французское правительство въ томъ, что оно постоянно старалось выказать, будто бы въ польскомъ вопросѣ оно не болѣе заинтересовано чѣмъ Австрія или Англія и будто бы оно не расположено къ бо́льшимъ пожертвованіемъ для его разрѣшенія, упомянутый журналъ считаетъ и теперь свой планъ удобоисполнимымъ, и видитъ въ войнѣ изъ-за Польши самые серіозные залоги успѣха и славы. Но французскій журналъ забываетъ, что Парижскій трактатъ 1856 г. закрылъ Черное море для всѣхъ военныхъ судовъ, и что, для выполненія одной части означеннаго плана, Франціи пришлось бы начать съ самаго возмутительнаго нарушенія Парижскаго трактата, какое когда-либо бывало въ исторіи, и которое было бы равносильно вызову, брошенному въ лицо самой Англіи. Если Англія не расположена начинать общую европейскую войну по восточному вопросу, и не намѣрена сама попытаться захватить Константинополь и Дарданеллы въ свои руки, то для нея, очевидно, никакая другая комбинація не можетъ быть выгоднѣе и удобнѣе сохраненія Турецкой имперіи, а угрожать Россіи со стороны Турціи и въ Черномъ морѣ значило бы именно подвергать существованіе Турціи величайшей опасности. Какъ ни усилилось въ послѣднее время вліяніе Франціи въ Константинополѣ, однакожь въ этомъ случаѣ вліяніе Англіи, безъ сомнѣнія, перевѣсило бы, и Турція, вѣроятно, не рѣшилась бы ни сама угрожать Россіи, ни дать пропускъ французскому флоту. Словомъ, вовлечь Англію и Россію въ войну между собою, противъ собственной ихъ воли, дѣло вовсе не такъ легкое, какъ кажется французскому публицисту. Не хитростями французской дипломатіи и не польскимъ вопросомъ будетъ возбуждена всеобщая европейская война, если ей суждено быть. Она возможна только въ томъ случаѣ, если Англія, пользуясь громадностью своихъ теперешнихъ вооруженій, дѣйствительно замышляетъ что-нибудь недоброе въ Мраморномъ морѣ.

Что же касается до Австріи, то Франція, пожалуй, можетъ отнять у нея Венецію съ четыреугольникомъ не вызывая общеевропейской войны (хотя это дѣло вовсе не легкое); но война съ Россіей можетъ стоить ей Галиціи, можетъ оторвать отъ нея Венгрію, и окончиться совершеннымъ распаденіемъ имперіи Габсбурговъ, и въ лучшемъ случаѣ подвергнетъ ее всѣмъ возможнымъ опасностямъ и пожертвованіямъ, нисколько не упрочивъ за нею обладанія Венеціей. Было бы дѣйствительно чудомъ еслибъ Австрія, положась только на Францію, безъ всякой поддержки со стороны Англіи отважилась на войну съ Россіей.

Другой выходъ, на который указываетъ *Revue des deux Mondes*, заключался бы въ томъ, чтобы Франція отказалась отъ разрѣшенія польскаго вопроса, и поставила себѣ задачею содѣйствовать, въ случаѣ надобности и удобства — даже войною, разрѣшенію всѣхъ европейскихъ вопросовъ вообще, въ духѣ началъ 1789 года и пользуясь началомъ національностей, какъ революціоннымъ средствомъ. Это планъ широкій и смѣлый. Франція стала бы, черезъ

то, вѣчно пылающимъ центромъ революціонной политики; но пламя ея могло бы охватить и пожрать нынѣшнюю правительственную систему самой Франціи. Если вѣрно то что говоритъ *Экономистъ* о личномъ характерѣ Наполеона III, онъ никогда наподобный планъ не рѣшится.

Третій выходъ представляетъ политика бездѣйствія и выжиданія, до тѣхъ поръ пока какая-либо настоятельно и непосредственно касающаяся Франціи необходимость не принудила бы ее дѣйствовать. Послѣ громкихъ и энергическихъ заявленій императора, такая политика кажется для *Revue des deux Mondes* едва ли возможною; да и Франція подчинилась бы ей съ крайнимъ неудовольствіемъ, которое побудило бы ее очень скоро искать вознагражденія за свои внѣшнія неудачи въ своей внутренней политической, то-есть революціонной, жизни, и тогда Франція не замедлила бы вступить на указанный выше путь политики революціонной.

Не знаемъ, который изъ трехъ указываемыхъ въ *Revue des deux Mondes* путей приметъ политика Франціи, — но политика самого этого журнала обрисовывается довольно явственно. Оппозиціонныя партіи начинаютъ поднимать голову. Имъ желательно, чтобы Наполеонъ III завлекся въ войну: онѣ не безъ основанія разчитываютъ, что ненавистной имъ династіи тогда не сдоброватъ. Недовольство, тревога и предчувствіе грядущихъ потрясеній овладѣло всѣми во Франціи, и въ самомъ законодательномъ сословіи обнаруживаются многознаменательныя колебанія: члены преданнаго имперіи большинства нерѣдко дѣйствуютъ заодно съ оппозиціей; при повѣркѣ выбора г. Жокура противъ правительственнаго кандидата составилось почтенное меньшинство въ 80 человѣкъ, — и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что большинство совсѣмъ распадется. Почва начинаетъ такимъ образомъ слегка колебаться подъ ногами императорскаго правительства.

№ 263.

Москва, 2-го декабря.

Мы получили нѣсколько замѣчаній на соображенія высказанныя намп по вопросу о кредитныхъ билетахъ. Эти замѣчанія относятся къ разнымъ пунктамъ спорнаго вопроса. Мы поговоримъ сегодня о важнѣйшемъ изъ нихъ.

Мы старались разъяснить, что упадокъ цѣны нашего кредитнаго рубля въ вексельномъ курсѣ прямо указываетъ на избытокъ кредитныхъ билетовъ и не позволяетъ вѣрить въ дѣйствительность всеобщаго безденежья, на которое такъ часто слышатся у насъ жалобы. Мы замѣтили также что еслибы у насъ было дѣйствительное безденежье, то непремѣнно упали бы въ цѣнѣ разныя процентныя бумаги, обращающіяся на биржѣ; между тѣмъ изъ таблицы представленной нами въ № 250 *Московскихъ Вѣдомостей* отнюдь не видимъ, чтобы съ временемъ упадка курса совпадало какое-либо даже не значительное пониженіе цѣны процентныхъ бумагъ обращающихся на биржѣ. Мы заключили изъ этого, что безденежье не можетъ быть признано у насъ за всеобщее явленіе. Нельзя вообще сказать чтобы на русскомъ денежномъ рынкѣ чувствовался недостатокъ въ деньгахъ; онъ чувствуется въ кассахъ отдѣльныхъ лицъ, между тѣмъ какъ въ кассахъ другихъ лицъ находятся деньги на покупку разнаго рода процентныхъ бумагъ по цѣнѣ болѣе выгодной для продавца нежели для покупателя.

Намъ возражаютъ на это слѣдующими двумя указаніями: вопервыхъ говорятъ, что безденежье разумѣется не могло усилиться послѣ того какъ банкъ прекратилъ размѣнъ, а потому и не было причины, чтобы процентныя бумаги именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ упали въ цѣнѣ, но многія изъ нихъ значительно упали въ цѣнѣ этимъ лѣтомъ, когда происходилъ размѣнъ на золото, а это въ нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о безденежьи, и во-вторыхъ что безденежье, то-есть недостатокъ денежныхъ знаковъ, чувствуется теперь не только людьми запутавшимися въ дѣлахъ, но и людьми капитальными, и, можно сказать, составляетъ общее ощущеніе всѣхъ тѣхъ, у кого постоянно бывали въ кассѣ значительныя суммы денегъ, теперь касса состоитъ преимущественно изъ серій, пятипроцентныхъ и четырехпроцентныхъ билетовъ и другихъ процентныхъ бумагъ; слѣдовательно нельзя сказать, чтобы безденежье было частнымъ явленіемъ, касающимся отдѣльныхъ лицъ, а не денежнаго рынка. На это обстоятельство указано и въ послѣдневышедшемъ нумерѣ газеты *День*, гдѣ г-нъ Антоновъ, лицо, впервые являющееся въ нашей эконо-

мической литературѣ, приводитъ въ примѣръ двухъ московскихъ купцовъ, у которыхъ касса, по роду ихъ торговли обыкновенно довольно значительная, прежде состояла преимущественно изъ кредитныхъ билетовъ, а теперь состоитъ на половину изъ процентныхъ бумагъ. Въ оборотномъ капиталѣ они не имѣютъ недостатка; а потому безденежье ощущаемое ими состоитъ не въ недостаточности ихъ оборотнаго капитала, а въ недостаточномъ количествѣ обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ.

Это возраженіе заслуживаетъ серіознаго вниманія; оно можетъ повести къ разъясненію вопроса.

Припомнимъ какъ было дѣло. Передъ упадкомъ вексельнаго курса банкъ сократилъ выдачу денегъ подъ залогъ и учетъ и тѣмъ возбудилъ жалобы лицъ, надѣявшихся получить изъ банка деньги чтобы перевести ихъ черезъ банкъ же за границу. Эти лица подняли крикъ, что не могутъ добыть себѣ денегъ,—они жаловались на безденежье. Ихъ жалобы были еще свѣжи, когда послѣдовала катастрофа 1-го ноября. Она состояла въ томъ, что банкъ отказался переводить деньги за границу въ неограниченномъ количествѣ по существовавшему курсу, вслѣдствіе чего частные трассенты стали трассировать по курсу значительно пониженному. А такъ какъ это произошло среди жалобъ на безденежье, то упадокъ курса многіе приписывали безденежью. Но это былъ совершенно ошибочный взглядъ. Еслибы дѣйствительно былъ тогда на петербургской биржѣ большой недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, то прекращеніе выдачъ подъ залогъ и учетъ должно было бы умепьшить число охотниковъ переводить деньги за границу. Между тѣмъ что мы видѣли? Банкъ почти совсѣмъ перестаетъ снабжать рынокъ деньгами; всѣ кричатъ благимъ матомъ, что денегъ нѣтъ, а въ то же время несутъ сотни тысячъ кредитныхъ билетовъ къ банковскому маклеру на биржѣ съ просьбой выдать за нихъ векселя на Лондонъ или Парижъ. Итакъ денегъ нѣтъ, а на покупку банковскихъ векселей денегъ оказывается въ изобиліи. Векселей требуется такъ много, что банкъ въ затрудненіи выдавать ихъ. Банкъ прекращаетъ трассировку. Тогда биржевая публика бросается въ размѣнную кассу и требуетъ по крайней мѣрѣ серебра если не даютъ векселей. И тутъ требованіе серебра такъ велико, то-есть оказывается столько кредитныхъ билетовъ, желающихъ выйдти изъ обращенія, что размѣнная касса приходитъ въ затрудненіе. И все это происходитъ послѣ того какъ банкъ почти совсѣмъ пересталъ снабжать рынокъ кредитными билетами. Очевидно, что еслибы банкъ не ограничилъ своихъ денежныхъ выдачъ, то количество кредитныхъ билетовъ, являвшихся для обмѣна на векселя или на серебро, было бы еще значительнѣе. Мѣра банка (стѣсненіе ссудъ и учета), вызвавшая жалобы на безденежье, только еще наглядпѣе показала что безденежья не было, то-есть что въ Петербургѣ было довольно легко доставать кредитные билеты для перевода денегъ за границу. Надобно бы, кажется, признать за несомнѣнное, что недостатка въ кредитныхъ билетахъ не было. Но у насъ довольно сильна партія, увѣряющая что мы гибнемъ отъ недостатка въ денежныхъ знакахъ. Люди этой партіи принялись напоминать, что по количеству кредитныхъ билетовъ, сносимыхъ къ банковскому маклеру для полученія векселей или въ размѣнную кассу для полученія серебра, нельзя еще дѣлать заключеній объ избыткѣ денежныхъ знаковъ на рынкѣ; на рынкѣ-дескать денежныхъ знаковъ мало, и добыть тѣ груды кредитныхъ билетовъ, на которыя покупались векселя или требовалось серебро, стоило многихъ усилій и пожертвованій, но дѣлать было нечего, надобно было рѣшиться на потери, чтобы какъ-нибудь расплатиться съ заграничными кредиторами. Вотъ противъ этого-то толкованія мы и возражали таблицей биржевыхъ цѣнъ на фонды и акціи. Еслибы добыть представленные въ банкъ кредитные билеты стоило большихъ усилій и потерь, то эти усилія и потери сказались бы на денежномъ рынкѣ упадкомъ цѣнъ на товары, фонды и акціи. Но ничего подобнаго не было, слѣдовательно простая логика велитъ заключить, что посреди криковъ на безденежье въ Петербургѣ можно было достать довольно много кредитныхъ билетовъ безъ тѣхъ значительныхъ потерь, которыя бываютъ непремѣннымъ слѣдствіемъ дѣйствительнаго безденежья, то-есть дѣйствительной необходимости добывать деньги посредствомъ убыточныхъ продажъ.

Вотъ что мы хотѣли доказать нашею табличкой биржевыхъ цѣнъ на фонды и акціи, но мы совершенно согласны, что доказывать это было почти то же что дока-

зывать дважды два четыре. Утверждать что упадокъ курса, послѣдовавшій 1-го ноября былъ причиненъ безденежьемъ, значитъ утверждать такую же нелѣпость какъ что напримѣръ хлѣбъ можетъ дешевѣть отъ дурнаго урожая. Мы также совершенно согласны что если ощущалось безденежье, то оно должно было ощущаться преимущественно лѣтомъ, когда происходилъ размѣнъ, то-есть когда происходило изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, а не осенью, когда вмѣсто размѣна началась трассировка, то есть выдача за кредитные билеты не звонкой монеты, а векселей и притомъ изъ оборотной, а не изъ размѣнной кассы банка, то-есть безъ изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Съ этимъ мы совершенно согласны, какъ равно не можемъ не согласиться и съ тѣмъ, что когда вслѣдствіе размѣна количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи уменьшалось, то ихъ становилось на рынкѣ никакъ не больше, а меньше прежняго. Это самая безспорная истина. Убавилось 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ — вслѣдствіе того кредитныхъ билетовъ стало несомнѣнно меньше чѣмъ было прежде и весьма многіе, конечно, должны были это почувствовать. Кредитныхъ билетовъ стало меньше, это правда,—но значитъ ли это что въ кредитныхъ билетахъ не могло уже быть избытка? Не значитъ ли это только то, что избытокъ кредитныхъ билетовъ уменьшился? Кто хочетъ утверждать что вслѣдствіе изъятія 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ избытокъ ихъ совершенно исчезъ, тотъ долженъ объяснить, какимъ образомъ при отсутствіи избытка кредитныхъ билетовъ могъ упасть вексельный курсъ, а размѣнъ на серебро продолжаться въ такихъ размѣрахъ, что для защиты размѣннаго фонда оказалось необходимымъ прекратить размѣнъ. Ни торговый балансъ, ни поѣздки Русскихъ за границу, ни переводъ польскихъ капиталовъ, ни контрабанда, развившаяся по нашей западной границѣ вслѣдствіе разрыва таможенной линіи, ни наконецъ заказы сдѣланные на случай войны за границей не могутъ объяснить тотъ ходъ, который приняла у насъ операція размѣна. Еслибы не было у насъ избытка въ денежныхъ знакахъ, то эти затрудненія повели бы не къ спокойному вывозу звонкой монеты, а къ торговому кризису, который принудилъ бы насъ продавать за границу наши продукты по убыточнымъ цѣнамъ. Мы расплачивались бы не звонкою монетой, а товарами, или если бы мы захотѣли употребить на расплату седьмой засмъ, то мы никакъ не могли бы употребить его въ то же время и на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

Лишь невнимательность къ живымъ чертамъ происходящихъ передъ нами явленій можетъ смѣшивать ихъ съ тѣмъ что происходило въ Европѣ и Америкѣ во время торговыхъ кризисовъ 1847 и 1857 годовъ. Въ оба раза кризисы состояли въ томъ, что деньги попрятались, вслѣдствіе чего цѣна ихъ возвысилась, а цѣна многихъ товаровъ упала на половину и даже болѣе. Общею причиною этихъ обоихъ кризисовъ слѣдуетъ признать чрезмѣрное производство и чрезмѣрную раздачу товара въ кредитъ. Но у насъ ничего подобнаго не было, и мы стали бы только сбивать себя съ толку, если бы вздумали примѣнять къ нашимъ дѣламъ не общіе законы политической экономіи, а то что написано въ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книжкахъ о знаменитыхъ кризисахъ 1847 и 1857 годовъ.

Но отрицая что русскій денежный рынокъ страдаетъ вообще безденежьемъ, мы еще разъ повторяемъ, что погрѣшили бы противъ здраваго смысла, еслибы вздумали отрицать вліяніе на денежный рынокъ изъятія слишкомъ 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Этимъ изъятіемъ не устраненъ, правда, избытокъ денежныхъ знаковъ, какъ явленіе общее, и слѣдовательно никакъ не причинено всеобщее безденежье, но имъ могло быть и даже не могло не быть причинено частное безденежье. Весь рынокъ не обезденежилъ, но опорожнились нѣкоторые каналы денежнаго рынка. Пусть читатели обратятъ вниманіе на то что размѣнъ происходилъ въ одномъ пунктѣ Россіи. Кредитные билеты, поступавшіе къ размѣну, брались изъ ограниченнаго количества кассъ, примыкающихъ къ петербургской биржѣ. Сколько же разъ надобно было опорожнять эти сравнительно немногія кассы, чтобы вынуть изъ нихъ 70 милліоновъ рублей кредитными билетами? Что мудренаго что тѣ кассы, которыя прежде изобиловали кредитными билетами, теперь или совершенно опорожнились или наполнились процентными бумагами? Съ этими кассами должно было случиться то же самое что случалось много разъ нынѣш-

нимъ лѣтомъ съ оборотною кассой банка. Банкъ тоже ощущалъ безденежье, — не кажущееся, а дѣйствительное безденежье, но тѣмъ не менѣе было бы ошибочно судить по банку обо всей Россіи. Затрудненія банка происходили отъ его централизаціи и отъ причиненнаго ею такъ-сказать привилегированнаго положенія петербургской биржи. Предоставивъ одной петербургской биржѣ возможность пользоваться выгодами размѣна, банкъ тѣмъ самымъ опорожнилъ отъ денежныхъ знаковъ преимущественно петербургскую биржу, а черезъ это и себя поставилъ въ серіозное затрудненіе. Произошло движеніе денежныхъ знаковъ по направленію къ петербургской биржѣ, откуда они поступали въ размѣнную кассу. Тѣ каналы, которыми шло это движеніе, отдали размѣнной кассѣ не такъ много кредитныхъ билетовъ, чтобы нельзя уже было доставать ихъ въ Россіи для дальнѣйшаго размѣна, но такъ много, что въ самыхъ каналахъ должно было почувствоваться безденежье. На всю Россію было слишкомъ мало изъятія 70 милліоновъ изъ обращенія, но на тѣ каналы, которые примыкаютъ къ петербургской биржѣ, это было слишкомъ много. Такимъ образомъ при общемъ полнокровіи могли оказаться рѣзкіе признаки мѣстнаго малокровія, и вотъ истинный источникъ жалобъ на безденежье. Безденежье есть фактъ, несомнѣнный фактъ, мы очень рады согласиться съ этимъ, — но не всеобщій, а частный и мѣстный. Съ тѣхъ поръ какъ прекращенъ размѣнъ, то-есть въ сущности съ того времени, когда банкъ пересталъ выдавать золото, а началъ трассировать (въ пользу своей оборотной, а не размѣнной кассы), съ тѣхъ поръ начинаетъ ослабѣвать ощущеніе безденежья, и мы видимъ что съ одной стороны оборотная касса банка наполняется, а съ другой стороны перестаютъ падать на петербургской биржѣ процентныя бумаги.

Не можемъ не указать здѣсь кстати на различіе между изъятіемъ кредитныхъ билетовъ посредствомъ внѣшняго займа и размѣна и между изъятіемъ ихъ посредствомъ внутренняго займа. Едва ли кто станетъ оспаривать, что къ внѣшнему займу было приступлено вслѣдствіе увѣренности, что избытокъ денежныхъ знаковъ не великъ у насъ. Неудача операціи размѣна не можетъ быть объяснена ни чѣмъ другимъ кромѣ того что избытокъ денежныхъ знаковъ оказался значительнѣе чѣмъ какъ ожидали сторонники внѣшняго займа и размѣна. При незначительности избытка, дѣйствительно было бы не разчетливо прибѣгать къ внутреннему займу, такъ какъ для осуществленія его потребовалось бы многое измѣнить въ системѣ внутреннихъ финансовыхъ операцій. Но дѣло приняло бы въ глазахъ нашихъ финансистовъ совершенно иной видъ, еслибъ они были убѣждены въ значительности избытка. Тогда внутренній заемъ представился бы имъ единственнымъ возможнымъ и при томъ наименѣе опаснымъ средствомъ. Положимъ въ самомъ дѣлѣ что надобно изъять изъ обращенія 200 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Какія потрясенія должны бы послѣдовать на петербургской биржѣ, еслибы всѣ эти 200 милліоновъ поступили черезъ нее въ размѣнную кассу? Мы не говоримъ уже о послѣдствіяхъ отлива 200 милліоновъ звонкой монеты за границу, о стѣсненіи отпуска, наплывѣ ненужныхъ товаровъ и процентныхъ бумагъ. Ни одного изъ этихъ затрудненій не было бы при внутреннемъ займѣ, особенно еслибъ онъ былъ открытъ во всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ, еслибы взносы были разсрочены на пространство не менѣе одного года, и еслибы, какъ впрочемъ и необходимо, наравнѣ съ кредитными билетами принимались и безсрочные вклады банка и его конторъ. Операція изъятія произошла бы равномѣрно на всемъ пространствѣ имперіи, не причиняя мѣстныхъ болѣзненныхъ явленій; ощущеніе безденежья было бы смягчено разсрочкой взносовъ, а отъ остроты кризиса совершенно обезпечивала бы конкурренція вкладовъ съ кредитными билетами. Никто не въ состояніи сказать въ точности какъ великъ избытокъ кредитныхъ билетовъ; но эта неизвѣстность нисколько не затруднила бы операціи внутренняго займа: чѣмъ больше оказался бы излишекъ въ дѣйствительности, тѣмъ больше поступило бы кредитныхъ билетовъ и тѣмъ меньше вкладовъ. Наоборотъ, еслибы избытокъ оказался въ дѣйствительности не значителенъ, то и въ этомъ случаѣ внутренній заемъ не причинилъ бы никакого вреда, а напротивъ только упрочилъ бы положеніе государственнаго банка: значительная доля займа была бы перечислена изъ безсрочныхъ вкладовъ, и устранилось бы одно изъ существенныхъ затрудненій отнимающихъ теперь у банка свободу дѣйствій. Но еще болѣе: послѣ изъятія излишка кредитныхъ билетовъ изъ

обращенія и послѣ консолидаціи значительной части безсрочныхъ вкладовъ, государственный банкъ могъ бы отказаться отъ пріема безсрочныхъ вкладовъ и даровать въ этомъ отношеніи полную свободу многочисленнымъ возникшимъ въ недавнее время общественнымъ банкамъ. Ничто не можетъ содѣйствовать въ такой мѣрѣ сбереженіямъ и возрастанію народнаго капитала какъ разрѣшеніе частнымъ и общественнымъ банкамъ принимать вклады съ платой процентовъ по усмотрѣнію банка.

№ 264.

Москва, 3-го декабря.

Говорятъ, что мы варвары. Какіе мы варвары? Мы философы и пророки. Нашъ старый Хемницеръ сложилъ объ насъ басенку. Кто не знаетъ его Метафизика? „Веревка вещь какая?“ вопрошаетъ онъ, сидя въ ямѣ, и углубляется въ метафизику этого вопроса, вмѣсто того чтобъ ухватиться за веревку обѣими руками. Кто не знаетъ роковой дилеммы, которая постигаетъ у насъ „умныхъ“ людей, по мнѣнію стараго плута-городничаго, за которымъ спрятался Гоголь? Кто наконецъ не помнитъ траги-комическаго пассажа, который случился недавно съ однимъ изъ метафизиковъ въ русской литературѣ? Но ни старыя басни, ни новые примѣры не дѣйствуютъ на насъ.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* за прошлый мѣсяцъ напечатаны двѣ статьи г. Гильфердинга, подъ заглавіемъ: „Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ“. *Русскій Инвалидъ* — газета заслуживающая полнаго уваженія и сочувствія, и принадлежащая къ самымъ лучшимъ исключеніямъ изъ петербургской журналистики; г. Гильфердингъ — писатель искусно владѣющій перомъ, много занимавшійся славянскими древностями, и, безъ всякаго сомнѣнія, одушевленный наилучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, съ его трактатомъ случилась престранная исторія: выдержки изъ этихъ статей, вскорѣ по ихъ появленіи, облетѣли европейскую журналистику и были съ живѣйшими одобреніями перепечатаны въ органахъ самыхъ непріязненныхъ русскому дѣлу.

Искусственно возбужденныя, фальшивыя симпатіи европейской журналисти къ польскимъ притязаніямъ, начинавшія потухать неожиданно нашли себѣ новую пищу. „Должно-быть, замѣчаетъ газета *Daily News*, въ Петербургѣ водворилась теперь самая безусловная свобода печати, если такія воззрѣнія могутъ появляться въ ней; а не то остается думать, что русское правительство совершенно измѣнило свою политику по польскому вопросу.“ Англійская газета, привыкшая къ полной свободѣ мнѣній, тѣмъ не менѣе удивляется той „безусловной“ свободѣ, о которой, какъ ей кажется, свидѣтельствуютъ воззрѣнія г. Гильфердинга. За границей всѣ увѣрились, что общественное мнѣніе въ Россіи настроено самымъ патріотическимъ образомъ; до сихъ поръ всѣ были убѣждены, что за исключеніемъ какихъ-нибудь потерянныхъ головъ, *полу-Поляковъ* и *полу-Русскихъ*, по выраженію Мѣрославскаго, никто въ Россіи не допускаетъ и мысли о нарушеніи государственной области Русской державы, и что всѣ классы народа съ безпримѣрнымъ въ исторіи единодушіемъ готовы стать на ея защиту. Теперь иностранному наблюдателю вдругъ показалось противное, — показалось, что русское общество, въ душѣ своей сочувствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя недавно предъявлялись Россіи и которыя заставили ея правительство вооружаться; этого мало: оказывается, что въ сущности общественное мнѣніе въ Россіи идетъ гораздо далѣе чѣмъ даже требованія трехъ державъ. Въ иностранныхъ газетахъ съ торжествомъ выписываютъ изъ статей г. Гильфердинга тѣ строки, въ которыхъ заявляется, что русскій народъ съ „восхищеніемъ“ рукоплескалъ бы возстановленію политической независимости Царства Польскаго. Англійскія газеты, при всей своей свободѣ, или лучше сказать, въ силу своей свободы, очень естественно не могутъ понять, чтобы гдѣ бы то ни было, въ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ и распространенныхъ органовъ печати, могло такъ фальшиво истолковываться народное чувство страны; иностранцамъ остается видѣть въ этихъ увѣреніяхъ внезапно прервавшееся истинное народное чувство, истинное общественное мнѣніе въ Россіи. Нашимъ недоброжелателямъ тѣмъ пріятнѣе эти откровенія, что они соединяются съ весьма добродушнымъ сознаніемъ превосходства польской народности передъ русскою. На той сторонѣ, по сказанію русскаго читателя, цивилизація, проникнутая

европейскимъ духомъ, на той сторонѣ высокообразованные паны,—а здѣсь солдатъ и мужикъ, плебеи человѣчества. Никто изъ иностранцевъ не обязанъ же знать, что, по метафизикѣ нѣкоторыхъ русскихъ философскихъ школъ, плебейство есть великая хвала, и что славянскому роду предписано чуждаться европейской цивилизаціи. Чего же лучше, думаютъ иностранцы, если сами Русскіе сознаютъ какъ несправедливо подчинять высшую цивилизацію низшей, аристократовъ европейской цивилизаціи владычеству мужичья и солдатства? При такомъ самосознаніи русскаго народа, было бы дѣломъ высшей справедливости не только отдѣлить Царство Польское отъ Россіи, но и возстановить старую Польшу; еще послѣдовательнѣе было бы подчинить всю эту плебейскую массу человѣчества тому типу высшей цивилизаціи, представителями которой являются польскіе патриціи. На европейской картѣ, вмѣсто нынѣшней Европы, появилась бы Польша съ подвластными ей землями, и это было бы вполнѣ согласно съ законами высшей справедливости, которая прежде всего требуетъ, чтобы низшее подчинялось высшему.

Намъ очень прискорбно, что наши иностранные оцѣнщики могутъ дѣлать такія заключенія, ссылаясь на наши же собственныя признанія. Мы вполнѣ раздѣляемъ чувство, побуждающее редакцію столь уважаемой нами газеты, какъ *Русскій Инвалидъ*, съ негодованіемъ отвергать подобныя толкованія въ иностранной журналистикѣ. Но мы не можемъ совершенно согласиться съ нею въ направленіи ея обвиненій; мы не можемъ возлагать всю отвѣтственность на нашихъ иностранныхъ недоброжелателей. Намъ кажется, что существенную долю отвѣтственности должны мы принять на себя самихъ. Главною виной того злоключенія, которому подверглись разсужденія г. Гильфердинга, была не что иное какъ наша метафизика и духъ пророчества, который не допускаетъ нашихъ мыслителей смѣшиваться съ толпою, и возводитъ ихъ на уединенныя высоты созерцанія.

Если бы г. Гильфердингъ приступивъ прямо къ дѣлу, и ограничился только тѣмъ что написано въ концѣ его разсужденія о польскомъ вопросѣ и въ чемъ собственно заключается сущность вопроса, то вышла бы статья небольшая, но дѣльная. Никакихъ завитковъ метафизической мудрости не было бы въ ней, но въ этомъ состояло бы ея положительное достоинство, и она не могла бы подать поводъ ни къ какимъ лжетолкованіямъ. Мысль, которую высказалъ г. Гильфердингъ въ заключеніи своихъ статей, есть мысль вполнѣ здравая и вполнѣ согласная съ воззрѣніями, уже установившимися въ нашей публикѣ. Г. Гильфердингъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Царство Польское не только не можетъ быть отдѣлено отъ Россіи, но напротивъ должно тѣснѣе чѣмъ когда-либо быть соединено съ нею. Въ этомъ, совершенно здравомысленно, г. Гильфердингъ видитъ единственный способъ къ разрѣшенію польскаго вопроса,—разрѣшенію столько же благопріятному для польскихъ народонаселеній, сколько и для Россіи. Въ образецъ того положенія, въ какомъ должны находиться польскія губерніи, онъ беретъ губерніи Остзейскія, которыя въ политическомъ отношеніи ничѣмъ не разнятся отъ другихъ губерній Россійской Имперіи, но не подвергаются ни малѣйшимъ стѣсненіямъ ни въ вѣроисповѣданіи, ни въ языкѣ, ни въ особенностяхъ своего юридическаго быта. Ничего не можетъ быть основательнѣе такого взгляда, и можно пожалѣть только о томъ, что авторъ высказываетъ его съ какою-то странною натугой, какъ будто бы онъ выпесъ этотъ взглядъ изъ какихъ-то неизслѣдимыхъ пропастей премудрости, или какъ будто бы онъ добылъ его съ ожесточеннаго боя противъ тьмы предразсудковъ и недоразумѣній. Къ изложенію этого вѣрнаго взгляда, онъ приступаетъ, отмахиваясь отъ какого-то воображаемаго мнѣнія, которое будто бы требуетъ такого соединенія польскихъ губерній съ остальными русскими владѣніями, которое должно силою отнять у нихъ всѣ особенности ихъ быта, и вопреки существеннымъ различіямъ въ религіи, законахъ и обычаяхъ, подвести ихъ подъ всеумерщвляющій уровень административнаго и юридическаго однообразія. Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, подобное мнѣніе не высказывалось. Если киргизскія и башкирскія орды живутъ у насъ безпрепятственно по своимъ обычаямъ и вѣрованіямъ, то можно ли ожидать, чтобы въ польскихъ губерніяхъ потребовалось измѣнять существующія тамъ узаконенія и обычаи? Государственное единство не значитъ мертвое однообразіе частей; полное государственное единство совмѣстимо съ полною свободой и самостоятельностью частей, лишь

бы только эта самостоятельность не заключала въ себѣ фальшиваго стремленія образовать особое государственное тѣло. Извѣстно, что̀ въ одномъ и томъ же городѣ Лондонѣ, на такихъ-то улицахъ законъ требуетъ равномѣрнаго раздѣла имѣнія между сыновьями, а на другихъ имѣніе, по закону, поступаетъ безраздѣльно къ старшему сыну. Вотъ какое юридическое разнообразіе можетъ быть допущено не только въ одномъ и томъ-же государствѣ, но даже въ одномъ и томъ-же городѣ. И однако Соединенное Королевство, какъ извѣстно, есть одно нераздѣльное политическое цѣлое, — одно, при полномъ господствѣ мѣстнаго самоуправленія, при полной свободѣ вѣроисповѣданій и гражданскаго быта, при полномъ разнообразіи юридическихъ формъ. И именно чѣмъ неприкосновеннѣе и безспорнѣе бываетъ государственное единство, тѣмъ большею самостоятельностію и льготами могутъ пользоваться разнообразные элементы, составляющіе государственную область. Напротивъ, гдѣ государственное единство колеблется, гдѣ оно подвергается сомнѣнію, гдѣ въ частяхъ поддерживаются символы политической отдѣльности, тамъ, въ силу реакціи, возникаетъ стѣсненіе законной свободы и органической самостоятельности частей. Вотъ почему столько же въ интересѣ частей, сколько и въ интересѣ цѣлаго, требуется, чтобы прежде всего было упрочено государственное единство. Чѣмъ прочнѣе государственное единство, тѣмъ лучше частямъ, тѣмъ бо́льшая можетъ быть предоставлена имъ самостоятельность. Весь вопросъ заключается только въ томъ, чтобы для блага какъ цѣлаго, такъ и частей, духъ политическаго сепаратизма нигдѣ не могъ возникнуть и ни въ чемъ не могъ находить себѣ пищи. Въ этомъ отношеніи опасенъ и вреденъ всякій символъ возбуждающій въ умахъ призракъ политической отдѣльности. Требуется безпощадно раздѣлаться съ этимъ призракомъ, а все что̀ за тѣмъ останется, то можетъ и должно быть вполнѣ признано и уважено.

Но возвратимся къ статьямъ г. Гильфердинга. Спрашивается: какимъ образомъ, при здравомъ и правильномъ взглядѣ на рѣшеніе польскаго вопроса, согласномъ какъ съ интересами Россіи, такъ и съ интересами польскихъ народонаселеній, г. Гильфердингъ могъ, въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ, высказать мнѣнія, которыя такъ понравились нашимъ недоброжелателямъ? Какимъ образомъ? Очень легко! На это есть у насъ метафизика, на это есть у насъ такъ-называемое славянофильство, на это есть у насъ даръ пророчества? Автору статей недостаточно было найдти одну вѣрную точку зрѣнія на предметъ, которая соотвѣтствовала бы предмету и удовлетворяла бы здравому смыслу: это было бы слишкомъ просто и обыкновенно. Онъ предположилъ взглянуть на вопросъ съ двухъ точекъ зрѣнія; онъ вознамѣрился сначала взглянуть на него при свѣтѣ высшей правды, а потомъ снизойдти въ темную область „князя міра сего.“ Съ точки зрѣнія высшей правды оказалось, что намъ слѣдуетъ отдѣлить отъ себя Польшу, ибо въ скрижаляхъ вѣчной правды, прочитанной почтеннымъ авторомъ, написано: да не властвуетъ одинъ народъ надъ другимъ. Здѣсь-то, на этой-то высотѣ умозрѣнія, авторъ и заявлялъ о томъ „восхищеніи“, съ какимъ русскій народъ рукоплескалъ бы возстановленію независимой Польши. Но посреди этихъ восторговъ, онъ воспоминаетъ, что дѣла рѣшаются не здѣсь, не на высотахъ высшей справедливости, а въ низменной области, гдѣ господствуетъ князь міра сего. Высшая правда—высшею правдой; но есть еще политическія обстоятельства, и есть еще историческое развитіе. Г. Гильфердингъ вспоминаетъ объ этихъ обстоятельствахъ, и спускается на землю. Здѣсь дѣло представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ. Предъ лицомъ высшей правды были правы польскіе сепаратисты; правы также и державы, понуждавшія насъ уступить ихъ притязаніямъ. Но передъ тро̀номъ князя міра сего правою оказывается Россія, не соглашаясь на эти притязанія. Такъ какъ дѣла рѣшаются въ области міра сего, то положеніе Россіи, пожалуй, выгоднѣе чѣмъ положеніе противниковъ. Но удерживая свою выгодную позицію, русскій народъ долженъ предоставить своимъ противникамъ весь свѣтъ, падающій на нихъ съ высотъ вѣчной правды. Почтенный авторъ не разчелъ, что народы живутъ на землѣ, среди земныхъ обстоятельствъ, что они порожденіе исторіи и политическихъ обстоятельствъ, и что въ разгнутой имъ книгѣ вѣчной правды не можетъ быть такого устава, въ силу котораго каждая народность должна непремѣнно составлять особое государственное тѣло. Еслибы г. Гильфердингъ не возносил-

ся въ надземную область высшей правды, то въ его статьяхъ все обстояло бы благополучно, въ нихъ не нашлось бы поживы для нашихъ недоброжелателей, и ему не довелось бы противорѣчить себѣ слѣдующимъ, весьма страннымъ и неудобопонятнымъ образомъ:

Взглянувъ на польское дѣло съ двухъ точекъ зрѣнія и продолжая писать свою статью, г. Гильфердингъ пришелъ къ убѣжденію, что польскій патріотизмъ основанъ на лжи, что такъ-называемая польская національность, заключающаяся въ шляхетскихъ классахъ, есть трупъ разлагающійся и смердящій; что если между народонаселеніями польскаго языка есть какой-либо жизненный элементъ, изъ котораго можетъ что-либо выйдти, то этотъ жизненный элементъ заключается единственно въ крестьянахъ; хотя польскіе крестьяне ничѣмъ еще не доказали имѣютъ ли они въ себѣ зачатки какой-либо новой народной жизни, тѣмъ болѣе что они легко перерабатывались и перерабатываются въ Нѣмцевъ. Размышляя о судьбахъ этого бѣднаго польскаго крестьянства, авторъ считаетъ несправедливымъ и невозможнымъ отдать его подъ власть польской народности: это значило бы, какъ убѣждается г. Гильфердингъ, приносить живое въ жертву гніющему трупу. Авторъ вспоминаетъ, что эта шляхетско-польская народность уже давнымъ-давно умерла, и что если Польша такъ легко подверглась раздѣлу, то произошло это потому что она ужъ и тогда была не живымъ, а мертвымъ тѣломъ. Онъ справедливо заявляетъ, что въ этомъ раздѣленіи Польши, которымъ наши враги попрекаютъ насъ, называя его преступленіемъ, отнюдь не было ничего несправедливаго, ибо тѣло, переставшее жить, само собою предается разложенію.

Куда же мы зашли, и въ какой области мы находимся? На высотахъ ли мы вѣчной правды, или въ предѣлахъ князя міра сего? По уставамъ высшей правды, Россія должна была бы съ восхищеніемъ отдѣлить отъ себя Польшу при первой возможности; по закону міра сего, Россія отнюдь не должна этого дѣлать. И что же? На повѣрку оказывается, что еслибы Россія отдѣлила Польшу, то она совершила бы величайшую несправедливость: она отдала бы живое во власть разлагающемуся трупу шляхетско-польской національности. Выходитъ, что князь міра сего гораздо правдивѣе той высшей правды, которую созерцалъ авторъ въ началѣ. Высшая правда повелѣвала самое беззаконное дѣло она предписывала принести живыхъ людей въ жертву трупу, за тѣмъ чтобы Россія могла, въ лицѣ своихъ пророковъ, съ гордостію взирать въ глаза своимъ клеветникамъ; но суровый князь міра сего возбраняетъ ей это суетное удовольствіе; правосудный и милосердый, онъ не хочетъ, чтобы живые люди изнывали и гибли подъ властію мертвой національности. Вотъ какія выходятъ неудобопонятныя странности!

Совершивъ всѣ эти обороты, побывавъ на горахъ и въ пропастяхъ г. Гильфердингъ приходитъ въ заключеніе къ тому практическому взгляду на рѣшеніе польскаго вопроса, о которомъ говорили мы выше.

Теперь спрашивается: кого должны мы винить въ тѣхъ ложныхъ толкованіяхъ, къ которымъ подала поводъ статья г. Гильфердинга въ иностранной журналистикѣ. Можемъ ли мы требовать, чтобы иностранецъ, хотя бы даже и безпристрастно настроенный, могъ свести конецъ съ концомъ въ этихъ глубокомысленныхъ разсужденіяхъ, въ которыхъ путается и русскій читатель. Иностранные журналисты удовольствовались созерцаніемъ вѣчной правды показанной русскимъ публицистомъ, и не сочли за нужное послѣдовать за нимъ далѣе въ темную область князя міра сего. Винить ли ихъ за это? Они подкараулили пророка на горныхъ высотахъ, гдѣ земныя очи его смежились,—подкараулили, и взяли свое. За что же винить ихъ?

№ 265.

Москва, 4-го декабря.

Въ настоящее время читателямъ нашимъ уже извѣстна сущность почти всѣхъ отвѣтовъ на приглашеніе къ конгрессу. Одна только Англія поспѣшила прямо и рѣшительно отвергнуть это приглашеніе, находя, что оно скорѣе можетъ повести къ новымъ замѣшательствамъ чѣмъ устранить тѣ, которыя уже теперь существуютъ. Но за то, и съ другой стороны французское правительство можетъ похвалиться полнымъ и безусловнымъ согласіемъ на конгрессъ только королей италіянскаго и греческаго. Оба становятся, болѣе или менѣе

явно, на шаткую почву такъ-называемаго начала національностей, въ силу котораго націи, или лучше сказать, люди одного и того же языка и происхожденія, гдѣ бы они ни жили и какъ бы ни были различны ихъ историческія судьбы, должны составлять особое, независимое и единое государство, и напротивъ, ни въ одномъ государствѣ не должны соединяться народы различнаго языка и происхожденія, какъ будто бы понятія: „государство“ и „народъ“ совпадаютъ между собою, чего, однакоже, не было и нѣтъ ни въ дѣйствительности, ни въ теоріи. Итакъ, становясь на эту шаткую почву, одинъ изъ нихъ (король Викторъ-Эммануилъ) прямо провозглашаетъ, что тревожное состояніе Европы будетъ усиливаться до тѣхъ поръ пока европейскія отношенія не утвердятся на основаніи начала національностей; другой (король Эллиновъ) болѣе скромный, ожидаетъ отъ императора Французовъ защиты не только начала національностей, но и правъ и интересовъ христіанъ Востока, совершенно забывая, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ и жизненныхъ интересовъ христіанъ Востока—ихъ грекоточное православіе—не имѣетъ болѣе опаснаго противника чѣмъ императоръ французовъ; но интересы православія на Востокѣ, очевидно, еще мало знакомы вновь избранному протестанскому королю Эллиновъ.

Полное же согласіе на конгрессъ далъ и Папа; но въ пышной и туманной рѣчи его по этому предмету заключаются, въ сущности, такія условія, которыя должны бы совсѣмъ запугать короля Италіянскаго, еслибъ онъ хоть въ десятую долю имѣлъ такую же вѣру, какъ папа, въ возможность ихъ осуществленія посредствомъ конгресса. Тогда какъ король Викторъ Эммануилъ требуетъ отъ конгресса утвержденія европейскихъ отношеній на основаніи началъ національности и свободы, папа Пій IX ожидаетъ отъ того же самаго конгресса возстановленія нарушенныхъ правъ, между которыми первое мѣсто отводитъ правамъ римскаго престола на Романью и Легатства, правамъ, съ которыми рѣшительно несовмѣстно національное единство Италіи, и заранѣе протестуетъ противъ либеральныхъ стремленій нѣкоторыхъ, какъ онъ выразился, частей или фракцій народовъ; а единственный путь къ спасенію изъ нынѣшнихъ политическихъ смутъ усматриваетъ въ католическомъ вѣроученіи и въ его примѣненіи къ практикѣ. Самъ императоръ Французовъ, при всей своей ловкости, отказался бы отъ попытки примирить и согласить между собою такія противоположныя требованія этихъ высокихъ гостей своихъ. А тутъ къ нимъ присоединился бы еще императоръ Францъ-Іосифъ, который заранѣе объявляетъ о своемъ желаніи, чтобы были „устранены опасныя, почти неразрѣшимыя проблемы, которыя, возникнувъ неожиданно, могли бы только вызвать новыя замѣшательства, ни мало не устраняя прежнихъ.“ Нужно ли говорить, что императоръ Францъ-Іосифъ вовсе не держится начала національности, и подъ этими опасными, почти неразрѣшимыми проблемами прежде всего разумѣетъ вопросъ о Венеціи, которою такъ хотѣлось бы овладѣть Италіи? Сведите, сверхъ того, между собою Грецію и Турцію, Данію и Германію, и т. д., и вы увидите, какую удивительную разноголосицу имѣлъ въ виду затѣять Наполеонъ III, и сколько неправды заключается въ помѣщаемыхъ ниже завѣреніяхъ газеты *La France*, что хотя ни одного изъ нынѣшнихъ европейскихъ вопросовъ, въ отдѣльности, нельзя разрѣшить мирнымъ путемъ, но что всѣ разомъ они будто бы допускаютъ такое рѣшеніе. Мы приводимъ статью газеты *La France* только въ видѣ примѣра, какъ еще хлопочутъ во Франціи о томъ чтобъ убаюкать общественное мнѣніе насчетъ возможности и удобоисполнимости задуманнаго ея императоромъ плана.

Средину между прямымъ отказомъ Англіи и полнымъ согласіемъ Италіи и Греціи занимаютъ отвѣты всѣхъ другихъ державъ, заключающіе въ себѣ такъ-называемое согласіе въ принципѣ. Эти отвѣты могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи. Одни изъ нихъ предъявляютъ требованіе предварительной программы, согласія всѣхъ другихъ державъ, и болѣе или менѣе явно протестуютъ въ пользу трактатовъ 1815 года. Таковъ, между прочимъ, отвѣтъ Россіи, въ которомъ, хотя и не упоминаются прямо эти трактаты, но говорится о необходимости уважать всѣ существующія права. Другіе требуютъ предварительной программы, изъемля изъ нея вопросы до нихъ касающіеся, и въ пояснительныхъ депешахъ, по крайней мѣрѣ, протестуютъ въ пользу трактатовъ 1815 г. Таковы отвѣты Австріи и отчасти Швейцарскаго Со-

юза. Третьи довольствуются только протестомъ въ пользу трактатовъ 1815 г.: таковъ именно отвѣтъ Пруссіи, которая такимъ образомъ назначаетъ для конгресса самыя тѣсныя рамки. Четвертые подчиняютъ свое согласіе только согласію другихъ державъ: таковы отвѣты всѣхъ второстепенныхъ государствъ. Наконецъ, совершеннымъ особнякомъ стоитъ отвѣтъ папы, который, какъ сказано, соглашается на конгрессъ, заранѣе поставляя ему цѣлью — повсемѣстное торжество католицизма и возстановленіе утраченныхъ правъ римскаго престола.

Въ такомъ положеніи, казалось бы, не остается ничего болѣе, какъ отказаться отъ мысли о конгрессѣ и сознаться въ новой неудачѣ. Не тутъ-то было: преданные императорской системѣ французскіе журналы продолжаютъ трубить о конгрессѣ, и о согласіи на него всѣхъ державъ кромѣ Англіи, и повидимому не теряютъ надежды склонить къ нему и послѣднюю. Французскій сенатъ въ своемъ адресѣ выражаетъ не только сочувствіе этому плану, но и считаетъ его удобоисполнимымъ, замѣчая, что „можетъ-быть, исключительное положеніе Англіи дозволяетъ ей менѣе императора Французовъ интересоваться опасностями настоящаго положенія дѣлъ,“ и заключая тѣмъ, что страна, что бы ни случилось, признаетъ въ планѣ императора собственное свое дѣло. Наконецъ, въ иностранныхъ газетахъ передаются слухи о намѣреніи императора Наполеона отправить довѣренное лицо въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы склонить Россію въ пользу обширныхъ замысловъ повелителя Франціи; говорятъ еще о видахъ на выходъ въ отставку лорда Росселя, который въ совѣтѣ британскихъ министровъ оказался наболѣе враждебнымъ предположенному конгрессу, и о замѣнѣ его лордомъ Кларендономъ, который болѣе благопріятствуетъ союзу съ Франціей: такимъ образомъ надѣются и Англію завербовать въ пользу конгресса.

Очень знаменательно, что въ то самое время какъ вновь возникли слухи о министерскомъ кризисѣ въ Англіи, о замѣнѣ графа Росселя, будто бы компрометтировавшаго себя въ дѣлѣ между Германіей и Даніей, лордомъ Кларендономъ, начался, повидимому, уже настоящій министерскій кризисъ въ Австріи. Этотъ кризисъ не состоитъ въ связи съ знаменитымъ засѣданіемъ палаты депутатовъ, 4-го декабря, о которомъ мы въ свое время отдали отчетъ нашимъ читателямъ: въ этомъ засѣданіи удары щедрою рукой были наносимы графу Рехбергу и его колебаніямъ между Россіей и западными державами; къ которымъ, по мнѣнію ораторовъ, надлежало бы тѣснѣе примкнуть Австріи, а между тѣмъ, по новѣйшимъ слухамъ, въ отставку долженъ выйдти не графъ Рехбергъ, а государственный министръ фонъ-Шмерлингъ, графъ же Рехбергъ будто бы имѣетъ въ виду тѣснѣе сблизить Австрію съ Россіей.

Въ отношеніи къ вопросу о конгрессѣ Россія, очевидно, не заинтересована столько какъ Австрія: не состоится конгрессъ, тѣмъ лучше состоится конгрессъ, онъ не въ силахъ будетъ ни принять, ни еще менѣе привести въ исполненіе какія бы то ни было рѣшенія враждебныя для Россіи. Истинная сила Россіи заключается не въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ союзахъ или политическихъ комбинаціяхъ, а въ крѣпости ея внутренняго государственнаго союза, которая значительно возрасла благодаря польскому мятежу и вызывающимъ притязаніямъ трехъ соединившихся противъ насъ державъ: все дѣло, вся задача нашей политики состоитъ въ томъ, чтобы сберечь и упрочить навсегда за Россіей этотъ новый прибытокъ силы, это такъ мощно пробудившееся сознаніе единства Русской земли и полнаго единомыслія ея съ государемъ.

№ 266.

Москва, 5-го декабря.

А.

При соображеніи теперешнихъ политическихъ обстоятельствъ, самъ собою возникаетъ вопросъ о направленіи, которое можетъ принять политика Англіи. Какъ извѣстно, эта держава принимала самое дѣятельное участіе въ коалиціи, долженствовавшей привести Россію въ крайне затруднительное и разобщенное положеніе. Она воспользовалась вопросомъ, которому никогда не придавала серіознаго значенія, который въ ея глазахъ никогда не былъ и не можетъ быть вопросомъ. Всѣ требованія относительно Польши, которыя заявляла Англія и въ дипломатическихъ депешахъ, и

въ парламентскихъ сужденіяхъ, явно имѣли характеръ мистификаціи. Эта мистификація имѣла своимъ результатомъ разрывъ союза, образовавшагося между Франціей и Россіей, — союза, которому ни въ какомъ случаѣ англійская политика благопріятствовать не могла. Если при этомъ имѣлось въ виду ослабить Россію, то никогда послѣдствія не оказывались въ такомъ противорѣчіи съ предположенною цѣлію; если имѣлось въ виду испытать Россію и дознаться въ такомъ ли отчаянномъ положеніи находятся ея внутреннія дѣла, какъ казалось снаружи, и какъ можетъ-быть казалось иным русскимъ людямъ, которые смотрятъ на свои собственныя дѣла чужими глазами и судятъ о нихъ по иностраннымъ понятіямъ или на основаніи односторонних и фальшивыхъ отвлеченій, — то экспериментъ вышелъ какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для Россіи. Россія вышла съ торжествомъ изъ пробы, которой подверглись ея народныя и государственныя силы; изолированное положеніе, въ которомъ она очутилась, не только не повредило, но принесло ей даже пользу. Если остаться при томъ предположеніи, что политика Англіи своею прямою и ближайшею цѣлью имѣла разрывъ союза между Россіей и Франціей, то разрывъ этотъ ослабилъ, какъ теперь видимъ, не первую изъ этихъ державъ, а послѣднюю. Если Россія легко перенесла изолированное положеніе, то Франція, какъ мы видимъ, переносить его не можетъ. Двѣ державы подверглись испытанію, и одной послужило оно въ пользу, а другой обратилось во вредъ. Спрашивается, какой оборотъ примутъ теперь дѣла? Будутъ ли продолжать свое дѣйствіе тѣ причины, которыя произвели разрывъ франко-русскаго союза, и въ какомъ направленіи будетъ идти это дѣйствіе? Противъ ли Франціи оно будетъ направлено или противъ Россіи? Которая изъ этихъ двухъ державъ подвергается опасности?

Мы, конечно, не имѣемъ никакихъ основаній разчитывать на доброжелательство со стороны Англіи. Есть интересы, въ которыхъ она враждебно сталкивается съ нами. Англія, конечно, не упуститъ ни малѣйшаго случая къ ослабленію Россіи, въ выгодномъ для себя смыслѣ. Но еще менѣе можетъ она доброжелательствовать сосѣдней державѣ, съ которою она такъ долго ведетъ глухую борьбу посредствомъ вооруженій, стоящихъ ей очень дорого. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердилась во Франціи имперія, Европа не перестаетъ подвергаться потрясеніямъ. Каждый годъ приноситъ съ собою какой-нибудь сюрпризъ, каждый годъ ознаменовывается какимъ-нибудь кризисомъ и измѣненіемъ существующаго порядка. Все подвергается сомнѣнію и вопросу, ни за что нельзя поручиться. Такое состояніе Европы не можетъ долѣе продолжаться; такъ или иначе она должна изъ него выйдти. До сихъ поръ Англія, совершая свои громадныя вооруженія, предотвращала тѣмъ самымъ свой разрывъ съ Франціей и придавала своимъ отношеніямъ къ ней характеръ дружелюбія. Англія была въ союзѣ съ нею; но союзъ этотъ былъ особаго свойства; онъ служилъ къ тому, чтобъ одна изъ союзницъ могла держать на привязи другую. Англія постоянно сопутствовала союзницѣ во всѣхъ ея предпріятіяхъ и давала направленіе ея зажигательнымъ дѣйствіямъ. Всѣ возникавшія въ Европѣ измѣненія и движенія Англія успѣвала обращать въ свою пользу, и хотя существовавшій доселѣ порядокъ въ Европѣ сильно измѣнился, но европейское равновѣсіе еще удерживается во всей силѣ. Теперь, однакоже, дѣла приходятъ къ тому, что дальнѣйшій шагъ, на этомъ пути, всякое новое потрясеніе европейской системы можетъ подвергнуть опасности ея основанія и разрушить существующее нынѣ международное право. Мы можемъ предусматривать двоякій исходъ: либо Европа рѣшится положить конецъ этому ряду измѣненій и потрясеній, который угрожаетъ основаніямъ существующаго въ ней порядка, либо начавшееся въ Европѣ движеніе вслѣдствіе какой-нибудь новой комбинаціи можетъ пріобрѣсть такую силу, что удерживать его будетъ трудно, и что будетъ выгоднѣе дать ему дальнѣйшій ходъ нежели его удерживать. Англія именно находится въ такомъ положеніи, что шансы для нея могутъ быть одинаковы и въ ту, и въ другую сторону.

Никогда еще Англія не была такъ вооружена, какъ въ настоящее время. Очень естественно думать, что если когда-либо, то именно въ настоящее время, благодаря своимъ громаднымъ вооруженіямъ, Англія можетъ извлечь для себя выгоду изъ европейскихъ потрясеній. Она ревниво охраняла существовавшій доселѣ въ Европѣ порядокъ; этого требовали ея интересы; все что могло повести въ Европѣ къ какому-

нибудь перемѣщенію силъ, къ какому-нибудь измѣненію существующаго порядка, грозило Англіи необходимостію вооружаться и опасностію гораздо болѣе потерять чѣмъ выиграть. Но измѣненія совершились, Англія уже принуждена была вооружаться, и теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, могутъ быть ей опасны дальнѣйшія измѣненія въ условіяхъ европейскаго равновѣсія.

Соображая обстоятельства нынѣшняго положенія дѣлъ въ Европѣ, мы не можемъ упускать изъ виду, что Англія недавно коренным образомъ измѣнила свою всегдашнюю политику на Востокѣ. Въ ея палатахъ, въ ея главныхъ руководящихъ органахъ, въ послѣдніе два-три года высказываются самыя неутѣшительныя для „больнаго человѣка“ истины,—истины, которыя въ прежнее время не имѣли въ Англіи хода и мгновенно заглушались, если какой-нибудь эксцентрикъ возвышалъ голосъ чтобы высказать ихъ. Теперь къ Турецкой имперіи совершенно охладѣли политическіе люди Англіи. Они не заботятся о ней, и по всѣмъ признакамъ считаютъ ее дѣломъ покончен-нымъ. Теперь выдвинута Греція,—Греція, которая въ прежнее время была въ такомъ загонѣ, а теперь въ такой чести и взята подъ особое покровительство Англіи. Предположимъ, что Европа вдругъ подверглась бы всеобщему потрясенію, предположимъ, что скопившіеся въ ней горючіе матеріялы вдругъ вспыхнули бы и охватили бы ее всеобщимъ пожаромъ,—предположимъ, что началась бы всеобщая европейская война, въ которой Россія очутилась бы въ одномъ лагерѣ съ Франціей,—разумѣется не на долго,—Англія конечно не преминетъ воспользоваться всѣми шансами, которые представятъ ей обстоятельства для рѣшенія восточнаго вопроса въ самомъ выгодномъ для нея смыслѣ. Ей не требуется новыхъ территорій, она не ищетъ завоеваній; но она, конечно, не откажется отъ благопріятной случайности, которая можетъ дать ей въ руки тотъ пунктъ на Востокѣ, въ которомъ заключается вся сила восточнаго вопроса и который до сихъ поръ такъ ревниво охраняла Англія отъ захвата со стороны другихъ державъ. Англія можетъ разчитывать, что на Востокѣ пріобрѣтетъ она *залогъ*, который совершенно обезпечитъ ея интересы, какой бы ни приняли оборотъ европейскія событія.

Но трудно представить себѣ тотъ хаосъ, въ который была бы повергнута Европа вслѣдствіе такой случайности. Не возможно предвидѣть конца потрясеніямъ и войнамъ, которыя были бы ея послѣдствіемъ, и нельзя думать, чтобы подобная случайность, которая надолго сдѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе мира въ Европѣ, могла уже теперь входить въ политическіе планы государственныхъ людей Англіи. Гораздо вѣроятнѣе предполагать, что консервативныя державы, которыхъ интересы главнымъ образомъ связаны съ сохраненіемъ европейскаго мира, не преминутъ напротивъ воспользоваться другою случайностію, которую представляютъ обстоятельства. Имъ выгоднѣе раздѣлаться съ тѣмъ духомъ волненій и смутъ, который такъ долго тревожитъ Европу.

Если изолированное положеніе не можетъ вредить Россіи, то оно грозитъ серіозными опасностями Французской имперіи. Конгрессъ не удался, вѣжливые отвѣты на приглашеніе императора Французовъ, печатаемые въ *Монитерѣ*, пламенный адресъ, поданный французскимъ сенатомъ, не поправятъ дѣла ни внутри государства, ни въ его международномъ положеніи. Германскія державы тѣсно сближаются съ Англіей. Партіи, непріязненныя господствующему во Франціи порядку вещей, поднимаютъ голову. Механическая система, на которой держится нынѣшнее французское правительство, колеблется, а война, на которую вынужденъ былъ бы рѣшиться императоръ Наполеонъ III, чтобы укрѣпить ее, грозитъ Франціи страшною европейской коалиціей.

Что касается до Россіи, то она находится теперь въ самомъ выгодномъ положеніи и отнюдь не можетъ считать себя обязанною поддерживать нынѣшнее французское правительство, и для сохраненія господствующей во Франціи системы подвергать опасности миръ и равновѣсіе Европы. Существенные интересы Россіи одинаковы съ интересами консервативныхъ державъ; она не желаетъ европейской войны, и конечно не будетъ въ союзѣ съ зачинщиками. Европейская война при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть ни продолжительна, ни опасна. Такая война можетъ повести только къ водворенію въ Европѣ того спокойствія, котораго она такъ давно была лишена, и которое такъ необходимо для благосостоянія ея народовъ и для мирнаго развитія ея гражданственности.

Б.

Если единство Русской земли нигдѣ такъ глубоко не чувствуется какъ въ Москвѣ, то нигдѣ и тѣ великіе символы, въ которыхъ оно выражается, не имѣютъ такого значенія; нигдѣ наконецъ не чувствуется съ такою силою та живая связь, которая соединяетъ у насъ верховную власть съ народомъ.

Пребываніе Ихъ Величествъ, въ прошломъ году, въ Москвѣ, болѣе долговременное чѣмъ обыкновенно, не имѣло какого-либо государственнаго значенія, но оно имѣло все значеніе событія народнаго. Каждое обстоятельство, связанное съ этимъ пребываніемъ и знаменательно, и памятно. Мы припоминаемъ, что въ прошломъ году, въ день Св. Великомученицы Варвары, 4-го декабря, Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили своимъ посѣщеніемъ домъ тогдашняго городскаго головы, коммерціи совѣтника Михаила Леонтьевича Королева. Мы говоримъ: осчастливили, и употребляемъ это слово не какъ офиціяльный терминъ, обыкновенно употребляемый въ подобныхъ случаяхъ; это посѣщеніе было истиннымъ счастіемъ и для хозяина, и для цѣлаго сословія въ его лицѣ. Вчера была годовщина этого дня, и почтенный хозяинъ ознаменовалъ ее великолѣпнымъ праздникомъ, на который были приглашены генералъ-губернаторъ, всѣ власти столицы, многія частныя лица и значительные представители московскаго общества. Домъ его, весь обращенный въ царственную залу, былъ иллюминованъ съ необыкновенною роскошью, который уже давно не запомнитъ Москва, и жители отдаленныхъ Лужниковъ могли съ полнымъ правомъ сказать, что и ихъ скромная улица дождалась своего праздника. Торжественность и сердечное радушіе соединились въ этомъ праздникѣ и выражались на лицахъ гостепріимнаго хозяина и хозяйки. Тосты за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома на этомъ пирѣ имѣли особое значеніе. Высокіе виновники торжества какъ бы невидимо присутствовали на немъ, и мысль о Нихъ одушевляла все собраніе. За тѣмъ слѣдовали, принятые съ полнымъ сочувствіемъ, тосты за здоровье начальника Москвы, Его Высокопревосходительства П. А. Тучкова, Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета, хозяина и хозяйки, и всѣхъ посѣтителей.

Подобный праздникъ говоритъ самъ за себя, какъ явленіе характеристическое и знаменательное...

№ 267.

Москва, 7-го декабря.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ № 59, напечатана статья о положеніи дѣлъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ, то-есть въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской. Особенный интересъ этой статьѣ придаетъ имя ея автора, г. Гессе, кіевскаго гражданскаго губернатора. Статья имѣетъ своимъ предметомъ, во-первыхъ, оправдать администрацію того края отъ нареканій, которымъ будто-бы она подвергается въ публикѣ; во-вторыхъ представить на видъ необходимость нѣкоторыхъ мѣръ, для того, чтобъ окончательно изгнать польскій духъ изъ этого края, по преимуществу православнаго и русскаго. Что касается до этой второй части статьи г. Гессе, то она заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ полнаго сочувствія, какъ по вѣрности высказанныхъ въ ней взглядовъ, такъ равно по духу и направленію предлагаемыхъ авторомъ мѣръ. Намъ тѣмъ пріятнѣе заявить это, что въ нашей газетѣ постоянно, съ особенною настойчивостію, говорилось о необходимости этихъ самыхъ мѣръ. Мы писали съ полнымъ убѣжденіемъ, повинуясь чувству долга, лежащаго на каждомъ Русскомъ, которому доводится теперь говорить объ общественныхъ дѣлахъ; но мы высказывали наши мнѣнія безъ всякихъ притязаній, мы высказывали ихъ какъ люди стоящіе въ сторонѣ отъ дѣлъ и которымъ многое можетъ быть не извѣстно или извѣстно не вполнѣ. Голосъ же г. Гессе есть авторитетъ очень важный, и мы не можемъ не радоваться, что наконецъ такой голосъ раздался, и что онъ подтверждаетъ во всей силѣ наши предположенія. Г. Гессе находитъ, что одною изъ самыхъ необходимыхъ и существенныхъ мѣръ въ юго-западномъ краѣ было бы измѣненіе личнаго состава землевладѣльческихъ классовъ. „Необходимо“, говоритъ онъ, „стараться, чтобы „на земляхъ нашего края сколь можно болѣе селились помѣщики русскаго проис„хожденія; для этого необходимо содѣй-

„ствіе правительства ссудами подъ залогъ „покупаемыхъ земель, и ссуды эти должны „быть усиленныя, съ разсрочкою на 50 и „болѣе лѣтъ: за то покупщикъ земли обя„занъ дать подписку, чтобы купленная имъ „съ такими льготами земля не могла быть „иначе имъ переуступаема или продаваема, „какъ православному Русскому. Правитель„ство само можетъ покупать имѣнія съ „аукціона (вообще аукціонныя продажи долж„ны происходить въ столицахъ, а не на „мѣстахъ; русскимъ покупателямъ было бы „болѣе удобства) и переуступать ихъ по„томъ русскимъ помѣщикамъ на вышеизло„женныхъ правилахъ, и наконецъ давать „эти земли въ вознагражденіе за службу „достойнымъ мѣстнымъ чиновникамъ, что „конечно привлекло бы въ нашъ край мно„жество Русскихъ, которыхъ такъ мало „въ Волынской и Подольской губерніяхъ... „За политическіе проступки, обнаруживаю„щіе преданность польскимъ стремленіямъ „и неуваженіе къ русскому правительству, „по переселеніи этихъ лицъ въ отдален„ныя или неотдаленныя губерніи, опредѣ„лить срокъ на продажу ихъ имѣній, а въ „случаѣ непродажи оцѣнивать ихъ и вы„давать деньги изъ казны, съ тѣмъ, чтобы „выселяемый не имѣлъ права пріобрѣтать „недвижимое имѣніе въ западномъ краѣ. „Кромѣ того за политическіе проступки „виновные могутъ быть переселяемы въ „Царство Польское или за границу, но всег„да съ потерею права имѣть земли въ за„падныхъ губерніяхъ, съ передачею ихъ „по оцѣнкѣ въ руки правительства или, по „вольной продажѣ, лицу православному... „Секвестрованныя (конфискованныя?) имѣ„нія раздать Русскимъ, а если правитель„ство, по особенному великодушію, не за„хочетъ обижать наслѣдниковъ, то пусть „заплатитъ имъ умѣренную цѣну, но не „возвращаетъ имъ имѣнія... Всѣхъ судеб„ныхъ слѣдователей замѣнить Русскими: „они большею частію Поляки и находятся „по своему служебному положенію въ са„момъ близкомъ соприкосновеніи съ наро„домъ.“ Выставивъ на видъ необходимость этихъ и подобныхъ мѣръ, авторъ говоритъ далѣе: „Нужна правительственная система „въ дѣйствіяхъ — неумолимая, открытая, „прямая, русская, честная.“

Чего же болѣе? Кто изъ Русскихъ, желающихъ блага отечеству не успокоился бы вполнѣ при такихъ условіяхъ? Наша газета постоянно высказывала именно то, что съ полнымъ авторитетомъ подтверждаетъ теперь почтенный авторъ цитованной статьи. „Если мы,“ говоритъ онъ, „не об„русимъ нашъ западный край въ 15 или „20 лѣтъ, то можетъ-быть должны будемъ „понести неисчислимыя бѣдствія; настоя„щіе годы намъ слѣдуетъ употребить на „уничтоженіе или по крайней мѣрѣ на осла„бленіе польскаго начала до послѣдней „крайности, не пренебрегать ничѣмъ и не „обращать вниманія на иностранные жур„налы, если они будутъ честить насъ всѣ„ми варварскими принадлежностями народа „дикаго, грубаго, невѣжественнаго. Все это „Поляки пустятъ въ ходъ, чтобъ усилить „свою народность въ краѣ и удержать поль„ское направленіе въ прежней силѣ.“ Что еще сильнѣе этого? Мы по крайней мѣрѣ ничего не сказали сильнѣе этихъ словъ. Такъ, слѣдуетъ положить конецъ польскому духу въ этомъ краѣ, и всѣ средства нашего правительства и общества должны быть направлены къ этой цѣли. Пусть говорятъ объ насъ что угодно; пусть наши благопріятели честятъ насъ варварами и дикарями: въ дѣйствительности мы оказываемся дикарями и варварами именно тогда, когда обращаемъ на это вниманіе, и когда въ нашихъ дѣйствіяхъ соображаемся не съ собственнымъ разумомъ, а съ чужими толками.

Но авторъ не ограничивается изложеніемъ тѣхъ мѣръ или тѣхъ условій, которыя теперь необходимы въ юго-западномъ краѣ. Онъ, какъ мы замѣтили выше, имѣлъ еще въ виду представить апологію нынѣшняго управленія этимъ краемъ. Онъ заявляетъ, что „мѣстныя сплетни и интриги „находятъ въ лучшихъ нашихъ изданіяхъ „средство раздражать общественное мнѣ„ніе и класть преступную тѣнь на людей, „обремененныхъ заботами о спокойствіи „края.“ Мы не относимъ себя къ лучшимъ изданіямъ, но сколько, мы знаемъ, лишь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, да еще въ *Днѣ*, помѣщались статьи, представлявшія въ неблагопріятномъ свѣтѣ ходъ дѣлъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ. Однако мы не только были далеки отъ всякаго желанія раздражать общественное мнѣніе, не только не желали бросать преступную тѣнь на мѣстныя власти, но, какъ теперь оказывается, говорили именно то самое, только съ меньшею силою и меньшимъ авторитетомъ, что и г. Гессе. Все, что находитъ онъ нужнымъ, то самое находили нуж-

нымъ и мы; чего опасается онъ, того опасались и мы. Желанія, которыя высказываетъ онъ, и желанія, которыя высказывали мы относительно хода дѣлъ въ юго-западномъ краѣ, совершенно совпадаютъ; та же точка зрѣнія, то же убѣжденіе въ необходимости безотлагательнаго, энергическаго, *неумолимаго*, какъ онъ выражается, принятія однихъ и тѣхъ же практическихъ мѣръ. Словомъ, о ходѣ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ, мы ничего не сказали, чего не сказалъ бы самъ г. Гессе, и не сказалъ бы гораздо сильнѣе чѣмъ мы. Значитъ, если на что-либо падаетъ тѣнь, то она падаетъ не отъ словъ нашихъ, а отъ самихъ обстоятельствъ, которыя такъ рельефно характеризуются г-мъ Гессе. Мы не давали хода никакимъ сплетнямъ, а заявляли тѣ самые факты, какіе заявляетъ и г. Гессе. Если его статья должна служить апологіей хода дѣлъ въ югозападныхъ губерніяхъ, то и наши статьи могутъ съ неменьшимъ правомъ считаться такою же апологіей. Значитъ, мы только отдавали должную справедливость, и стало быть въ сущности защищать нечего и не отъ кого. Г. Гессе находитъ, что въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней проѣздомъ, общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ хода дѣлъ въ юго-западномъ краѣ, и присовокупляетъ, „что раз„драженіе русскаго общества въ Кіевѣ едва „ли не сильнѣе чѣмъ въ Москвѣ.“ Это послѣднее показаніе очень интересно: оно подтверждаетъ несомнѣннымъ образомъ то что̀ неоднократно заявляли мы въ нашей газетѣ на основаніи получаемыхъ нами извѣстій. Наши извѣстія о сильномъ раздраженіи русскаго общества въ Кіевѣ, стало-быть, не сплетни: они оказываются совершенно вѣрными. Мы теперь съ достовѣрностію знаемъ, что если въ Москвѣ смотрятъ неблагопріятно на ходъ дѣлъ въ западномъ краѣ, то въ Кіевѣ смотрятъ еще неблагопріятнѣе; что если въ Москвѣ общественное мнѣніе раздражено, то въ Кіевѣ оно раздражено еще сильнѣе. Молву уподобляютъ снѣжному кому, который тѣмъ болѣе растетъ чѣмъ далѣе катится. Если бы неблагопріятное мнѣніе о ходѣ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ проистекало изъ выдумокъ, то предубѣжденія и преувеличенія были бы, по всему вѣроятію, гораздо значительнѣе въ Москвѣ чѣмъ въ Кіевѣ. Но мы видимъ, что выходитъ наоборотъ: мы находимъ, что русское (именно русское, а не польское общество) въ Кіевѣ болѣе раздражено чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Нельзя же не обратить никакого вниманія на это бѣдное русское общество, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, гдѣ оно имѣетъ столько причинъ и поводовъ скорбѣть и раздражаться. Кіевъ — колыбель Россіи, Кіевъ, связанный съ нашими драгоцѣннѣйшими историческими воспоминаніями,—Кіевъ подвергается вопросу и спору,—въ Кіевѣ съ наглостію предъявляются враждебныя Россіи притязанія горстью Поляковъ,—предъявляются въ то время, когда Россія считаетъ себя могущественнымъ государствомъ, великою европейскою державою, и когда ея правительство имѣетъ въ своемъ полномъ распоряженіи всѣ силы и средства многочисленнѣйшаго въ Европѣ народа,—народа цѣльнаго, единодушнаго, преданнаго, готоваго на всякія пожертвованія, на всякую борьбу за цѣлость и нерушимость своей государственной области...

Сколько намъ извѣстно, въ нашей печати не раздавалось еще ни одного голоса, который требовалъ бы, чтобы мѣстныя власти прибѣгали къ „несправедливымъ жестокостямъ.“ Требуется не жестокость,—требуется только водвореніе того порядка вещей, котораго желаетъ столько же, какъ и всѣ русскіе люди, почтенный авторъ разбираемой нами статьи. Раздраженіе происходитъ не отъ того, чтобъ общество жаждало какихъ-нибудь крутыхъ и жестокихъ мѣръ: кому онѣ нужны? кто можетъ находить удовольствіе въ казняхъ? Ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, конечно, никто не желаетъ этихъ ужасныхъ послѣдствій пагубнаго положенія дѣлъ. Но потому-то самому, что ни чье естественное чувство не можетъ желать кровопролитія и казней, потому-то самому общество волнуется и раздражается, видя что тотъ духъ, тотъ порядокъ вещей, то положеніе дѣлъ, противъ которыхъ такъ энергически свидѣтельствуетъ почтенный авторъ статьи, и которые неизбѣжно должны вести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ,—еще продолжаютъ свое существованіе въ юго-западномъ краѣ, въ томъ краѣ, гдѣ всего менѣе могутъ они имѣть мѣста. Еще понятны польскія притязанія въ Варшавѣ, до нѣкоторой степени они понятны даже въ Вильнѣ; но въ Кіевѣ... въ Кіевѣ... Не естественно ли русскому чувству оскорбляться и возмущаться, видя, что Поляки въ югозападномъ краѣ (мы черпаемъ не изъ какихъ-либо апокри-

фическихъ извѣстій, мы заимствуемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, и продолжаемъ нашу рѣчь словами г-на Гессе)— „здѣшніе Поляки, зная свое матеріальное „безсиліе, стремятся всѣми возможными пу„тями къ пріобрѣтенію вліянія на здѣшнее „народонаселеніе; составляются планы, какъ „дѣйствовать въ этомъ духѣ; ихъ направ„ляютъ заграничные польскіе комитеты, отъ „которыхъ получаются наставленія, воз„званія, руководства; они съ полнымъ со„чувствіемъ готовы жертвовать всѣмъ къ „возстановленію старой Польши; и мущины „и женщины въ этихъ видахъ работаютъ „усердно во всѣхъ слояхъ своего польска„го общества.“

Мы спрашиваемъ: можно ли оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ зрителемъ такого положенія дѣлъ,—и гдѣ же?—въ самомъ Кіевѣ! Г. Гессе менѣе всякаго другаго остается равнодушнымъ при видѣ такого порядка вещей; онъ говоритъ далѣе,— и мы съ полнымъ сочувствіемъ выписываемъ его слова: „если только правительство „будетъ къ этому равнодушно, будетъ смо„трѣть снисходительно на проявленіе и раз„витіе здѣсь польской народности, то нѣтъ „сомнѣнія, что мало по малу край здѣш„ній будетъ ополячиваться, а Поляки на„стоятельнѣе и сильнѣе будутъ идти къ „своей цѣли, хотя они составляютъ малую „часть общаго населенія. Но какъ классъ „образованный, имѣющій связь и съ Поль„шею, и съ чужими краями, при ихъ па„тріотическихъ и политическихъ стремле„ніяхъ, послѣдствія могутъ быть не безо„пасны.“

Послѣдствія могутъ быть не безопасны! Вотъ что говоритъ намъ лицо имѣющее въ этомъ вопросѣ всю силу авторитета: „Са„мое главное опасеніе,“ говоритъ г. Гессе, „есть то, чтобы Поляки не увлекли „часть сельскаго населенія въ свои поли„тическіе виды...“

Вотъ до чего доходитъ дѣло! Мудрено ли, что русское общество въ Кіевѣ раздражено, и очень сильно раздражено? Было бы крайне странно, еслибъ оно не было раздражено. Оно обнаружило бы неслыханное безсмысліе и возмутительную апатію, еслибъ оставалось равнодушнымъ при возможности такихъ опасеній,—опасеній очень серіозныхъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Гессе, которому положеніе края должно быть извѣстно лучше чѣмъ кому-нибудь другому. Не такъ давно, недѣли двѣ тому назадъ, мы заявляли то же самое о польскихъ происках въ юго-западномъ краѣ,— и вотъ теперь мы видимъ, что данныя, на которыхъ мы основывались, были какъ нельзя болѣе вѣрны.

Наконецъ, не служатъ ли слѣдующія слова г. Гессе самымъ лучшимъ выраженіемъ для того чувства, которымъ преисполнено русское общество въ Кіевѣ, для того чувства, которое болѣзненно отзывается и въ Москвѣ, и въ каждомъ уголкѣ нашей Руси, въ каждомъ бьющемся русскомъ сердцѣ? „Поляки пошли впередъ,“ говоритъ авторъ, „и не безъ нашей по„мощи: эту помощь оказали мы имъ въ доз„воленіи преподаванія польскаго языка, въ „дозволеніи размножать католическіе кос„телы, а главное допущеніемъ неурядицы „въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ молодые „люди польскаго происхожденія, не уважая „никакихъ властей, обнаруживали явно свои „непріязненныя чувства ко всему русскому, „съ полнымъ влеченіемъ ко всѣмъ варшав„скимъ безпорядкамъ. Въ польскомъ ихъ „кружкѣ такое было дурное, вредное на„правленіе, что оно представило *системати„чески образованныхъ нами* враговъ себѣ.“

Итакъ, еще разъ, мы видимъ, что нѣтъ ни малѣйшаго разногласія между показаніями г. Гессе и тревогами общественнаго мнѣнія въ Кіевѣ и Москвѣ. Г. Гессе представляетъ на видъ именно тѣ самыя обстоятельства, которыя не могутъ не задѣвать глубоко нашего народнаго чувства, и въ самой оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ онъ совершенно сходится съ общественнымъ мнѣніемъ. И однако же, по какому-то непонятному для насъ противорѣчію, онъ считаетъ нужнымъ протестовать противъ общественнаго мнѣнія и противъ нѣкоторыхъ изданій, и сѣтуетъ на ихъ излишнія увлеченія. Онъ успокоиваетъ насъ тѣмъ, что въ настоящее время въ югозападномъ краѣ нѣтъ открытаго мятежа. Боже! что было бы, еслибъ открытый мятежъ былъ еще возможенъ,—и гдѣ же?—въ Кіевѣ!—и когда же?—теперь, когда мятежъ давнымъ давно сломленъ въ Вильнѣ, когда онъ почти сломленъ въ самой Варшавѣ. Русское общество въ Кіевѣ должно хранить самое спокойное настроеніе духа и считать себя счастливымъ, и благословлять свою судьбу, потому только что банды повстанцевъ не осаждаютъ теперь Кіева! До сихъ поръ, можно было удивляться тому, какъ дѣла дошли до того, что Поляки въ самомъ Кіе-

вѣ возымѣли дерзкую мысль дѣйствовать вооруженною рукою; теперь намъ совѣтуютъ радоваться, и быть спокойными, и не раздражаться, и не увлекаться, въ той увѣренности, что открытаго мятежа въ настоящее время нѣтъ и не предвидится въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Что же однако? Хорошо и то, что нѣтъ по крайней мѣрѣ открытаго мятежа. Хорошо по крайней мѣрѣ и то, что юго-западный край наконецъ обезпеченъ отъ всякихъ сюрпризовъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, польскія барыни носятъ свой трауръ,—хорошо по крайней мѣрѣ и то, что еслибы какая-нибудь шальная банда ворвалась сюда изъ Галиціи, то она была бы разомъ уничтожена, и благодаря установившемуся порядку вещей въ югозападномъ краѣ, отъ подобной случайности, отнюдь не могъ бы вспыхнуть туземный мятежъ. Можно по крайней мѣрѣ успокоиться на той мысли, что если бы Россія вовлечена была въ войну и открылись военныя дѣйствія, то благодаря утвердившейся въ юго-западномъ краѣ системѣ и принятымъ мѣрамъ, мѣстные враждебные намъ элементы не могутъ и подумать объ открытомъ мятежѣ. Увы! мы не можемъ имѣть даже и этой увѣренности. Вотъ что за одинъ разъ и даетъ намъ, и отнимаетъ у насъ почтенный авторъ: „Объявляю положительно", говоритъ г-нъ Гессе, „что въ Кіевской губерніи не „произойдетъ болѣе никакого польскаго „движенія и никакого безпорядка, могущаго „возбудить какія бы то ни было опасенія. „Все будетъ тихо и мирно до тѣхъ поръ, „пока не придутъ къ намъ шайки изъ дру„гихъ мѣстъ, или съ объявленіемъ войны „не начнутся военныя дѣйствія."

Какъ это утѣшительно! Какъ это успокоительно! Особенно—послѣднее обстоятельство.

Г. Гессе говоритъ, что польскіе обыватели и помѣщики въ Кіевѣ, въ настоящее время, соблюдаютъ большую осторожность и стараются быть любезными и вѣжливыми; но онъ же свидѣтельствуетъ, что тѣмъ дѣятельнѣе работаютъ они въ тайнѣ, и тѣмъ враждебнѣе расположены къ Россіи. Г. Гессе свидѣтельствуетъ что въ краѣ все спокойно, что тамъ нѣтъ, да и прежде не было, никакихъ жандармовъ-вѣшателей; но онъ же свидѣтельствуетъ, что благоразумнѣйшіе, умѣреннѣйшіе и пріязненно расположенные къ Россіи люди изъ Поляковъ не смѣютъ высказываться и принуждены скрывать свои мнѣнія. Г. Гессе свидѣтельствуетъ, что нѣтъ никакой надобности прибѣгать въ Кіевѣ къ какимъ-либо чрезвычайнымъ мѣрамъ; но онъ же свидѣтельствуетъ, что полицейскій судъ, учрежденный въ Кіевѣ, оказывается совершенно недѣйствительнымъ: „не соотвѣт„ствуетъ обстоятельствамъ, и не уничто„жаетъ политическихъ заявленій, а напро„тивъ даетъ еще поводъ къ продолженію „ихъ."

Польскія барыни до послѣдняго времени не снимали тамъ траура, когда не только въ Вильнѣ, но даже въ Варшавѣ не было уже и помина о траурѣ,—и только теперь начинаютъ онѣ снимать его, и единственно потому что въ польской, потаенно-выходящей газетѣ, *Валька*, предписано отложить эти знаки, ставшіе излишними теперь, когда пришлось отказаться отъ нихъ и въ самой Варшавѣ.

Г. Гессе свидѣтельствуетъ, что еслибы кіевскія власти молвили только слово, то со всѣхъ сторонъ посыпались бы вѣрноподданическіе адресы отъ тамошнихъ Поляковъ. Но онъ находитъ это излишнимъ. „Не знаю," говоритъ онъ, „въ какой сте„пени можно полагаться на искренность „литовскихъ адресовъ... Начальство наше," продолжаетъ онъ, „положительно не хо„четъ руководить въ этомъ случаѣ Поля„ками, дабы они не могли сказать въ по„слѣдствіи, что этотъ актъ былъ вынуж„денъ и вызванъ правительствомъ, стало„быть не заключаетъ въ себѣ никакого „нравственнаго обязательства... Я даже не „думаю, чтобы для польскихъ адресовъ на„ступило время: еще общее броженіе слиш„комъ сильно, еще надежды на вооружен„ное вмѣшательство иностранныхъ державъ „не охладѣли и подземныя работы рево„люціонеровъ съ ихъ способами устраше„нія слишкомъ ощутительны".

Мы считаемъ не лишнимъ припомнить здѣсь нашимъ читателямъ напечатанное на дняхъ въ нашей газетѣ письмо полковника Новоселова, бывшаго уѣзднаго начальника въ Шавляхъ. Онъ подробно описываетъ весь процессъ составленія адреса въ этомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Тамошніе польскіе помѣщики просили у него разрѣшенія собраться для составленія вѣрноподданическаго адреса,—и онъ уступилъ только настоятельнымъ требованіямъ ихъ. Собравшіеся въ городѣ дворяне неоднократно отправляли къ нему депутацію съ

просьбою, чтобъ онъ лично присутствовалъ при ихъ сужденіяхъ и при составленіи адреса,—но каждый разъ онъ рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ составленіи адреса, предоставляя имъ самимъ все это дѣло, къ которому никто не вызывалъ ихъ, а тѣмъ менѣе принуждалъ. Искренно ли поступали шавельскіе дворяне? Кто ихъ знаетъ! Искренно ли вообще изъявляли польскіе помѣщики и духовенство литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній свои вѣрноподданныя чувствованія? Искренно ли они желаютъ, какъ пишутъ въ своихъ адресахъ, составлять часть Россійской имперіи? Гдѣ тотъ сердцевѣдецъ, который могъ бы дать намъ положительный отвѣтъ на это! Мы не сердцевѣдцы, однако думаемъ, что огромное большинство всѣхъ этихъ людей не желали бы считать себя русскими гражданами, еслибъ это предоставлено было на ихъ добрую волю: по всему вѣроятію, они пожелали бы лучше быть гражданами возобновленной старой Польши, еслибъ это было предоставлено имъ на выборъ. Вопросъ заключается вовсе не въ томъ, искренно или неискренно желаютъ польскіе обыватели и помѣщики Ковенской или Виленской губерніи принадлежать къ составу Русскаго государства, а въ томъ, что у нихъ отнимается возможность разумно желать противнаго. Судьба государственной территоріи не можетъ зависѣть отъ мечтаній или фантазій той или другой части ея народонаселенія. Весь вопросъ заключается въ томъ: слѣдуетъ ли давать ходъ этимъ фантазіямъ, съ тѣмъ чтобы потомъ подвергать самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ ихъ виновниковъ; или же, напротивъ, слѣдуетъ не давать поблажки фантазіямъ, съ которыми невозможна ни малѣйшая сдѣлка, слѣдуетъ поставить людей въ такое положеніе, чтобъ они сами почувствовали ихъ несбыточность и сами должны были отказаться отъ нихъ, хотя бы и съ глубокимъ прискорбіемъ? Есть въ мірѣ необходимости, которымъ люди должны подчиняться волею или неволею, и чѣмъ прямѣе и рѣшительнѣе заявляются требованія такихъ необходимостей, тѣмъ конечно лучше и справедливѣе.

Если въ Кіевѣ Поляки и до сихъ поръ не чувствуютъ необходимости заявить себя русскими гражданами, если тамъ можетъ вспыхнуть мятежъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на русской границѣ, то нечего удивляться, что русское общество въ Кіевѣ не веселится, не радуется, и что въ Москвѣ не безъ горькаго чувства помышляютъ о Кіевѣ и о Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

№ 268.

Москва, 9-го декабря.

„Не говорите мнѣ объ общественномъ мнѣніи въ Россіи“, съ ироніей сказалъ, если вѣрить газетнымъ слухамъ, императоръ Наполеонъ, полагающій повидимому, что въ такой варварской странѣ, какъ наша матушка Русь, общественное мнѣніе — вещь невозможная. Если бы не было достовѣрно извѣстно что повелитель Французовъ не настолько знаетъ по русски, чтобы читать русскіе журналы, то можно было бы подумать, что онъ составилъ свое нелестное мнѣніе о насъ, читая поучительные столбцы нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, такъ усердно старающихся отрекомендоваться публикѣ въ качествѣ органовъ и даже повѣренныхъ, *confidents obligés*, общественнаго мнѣнія, которое какимъ-то секретнымъ способомъ нашептываетъ имъ на ухо свои приговоры. Эти газеты не рѣдко доказываютъ, что у насъ можно выдать за общественное мнѣніе все что угодно. О такомъ самозванномъ общественномъ мнѣніи, конечно, всякій разсудительный человѣкъ долженъ высказать именно то сужденіе, которое приписывается императору Наполеону.

Мы не можемъ, разумѣется, согласиться съ тѣмъ чтобъ у насъ общественнаго мнѣнія не было или чтобъ оно не стоило вниманія не только русскихъ, но и иностранныхъ политическихъ людей. Но каждый день все болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ что нѣтъ менѣе правдиваго указателя русскаго общественнаго мнѣнія чѣмъ петербургская журналистика. Мы впрочемъ говоримъ это не просто въ укоръ своимъ собратамъ по ремеслу; мы хотимъ указать и вообще на мучительную ненормальность положенія, въ которомъ находятся редакціи русскихъ газетъ. Гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ правильное и полное выраженіе, тамъ всякая газета естественнымъ образомъ примыкаетъ къ опредѣленному кругу мнѣній и служитъ ему органомъ. У насъ въ этомъ отношеніи дѣла идутъ совсѣмъ на выворотъ. Газетѣ примкнуть не къ чему, опереться не на что,

а газетамъ очень хочется быть хотя съ виду настоящими газетами. Съ виду они должны развѣ чѣмъ-нибудь немногимъ уступать тому что̀ принято въ Англіи, непремѣнно оставляя назади Францію, а о нѣмецкихъ газетахъ и говорить нечего. Съ тѣхъ поръ какъ передовыя статьи (leading articles, что̀ наши знатоки англійскаго языка стали переводить выраженіемъ: *руководящія* статьи) сдѣлались необходимою принадлежностію нашихъ журналовъ, и нельзя уже ограничиваться пересказываніемъ и переиначиваніемъ преній иностранныхъ палатъ и журналовъ, хотя бы даже это пересказываніе и переиначиваніе сопровождались увлекательнымъ сочувствіемъ ко всему прогрессивному и значительною дозою негодованія противъ всего имѣющаго запахъ отсталости,—наши журналы возгорѣлись желаніемъ имѣть мнѣнія, цвѣтъ, характеръ. Но откуда достать эти непокорные элементы? Откуда достать ихъ, если не поддаться чьему-либо вліянію? Но чьему же? опять таки еслибъ общественное мнѣніе высказывалось въ какой нибудь осязательной и достовѣрно-подлинной формѣ, то было бы не простительно пренебрегать имъ и становиться покорнымъ орудіемъ какого-нибудь шутника или интригана. А что прикажете дѣлать, когда го́лоса общественнаго мнѣнія никакъ не разслышишь, своего мнѣнія нѣтъ какъ нѣтъ, а журнальная программа требуетъ, чтобы мнѣніе было, что̀ называется вынь да положь? „Общество просыпается, голоситъ газета X, и горе тому, кто еще не пробудился.“ Какъ же послѣ того газета X сознается, что она сама еще не пробуждалась? Какъ ей не обрадоваться, если какой-нибудь *deus ex machina* явится къ ней на выручку и начнетъ диктовать мнѣніе за мнѣніемъ? Въ прошедшемъ столѣтіи, въ Англіи, былъ, говорятъ, обычай ставить на окна родъ арфы изъ одинаковыхъ струнъ; вѣтеръ извлекалъ мелодическіе и, къ немалому изумленію ученыхъ, разнообразные звуки изъ однообразныхъ струнъ иструмента, названнаго Эоловою арфой. Этимъ сравненіемъ всего лучше объясняются тѣ звуки, которые льются теперь изъ Петербурга, изумляя матушку Русь и своею оригинальностію, и своимъ разнообразіемъ, и нерѣдко единствомъ въ этомъ разнообразіи. Если бы нашелся охотникъ изучить тѣхъ Эоловъ, которые извлекаютъ разнообразные звуки изъ нашихъ газетныхъ Эоловыхъ арфъ, то передъ нимъ, конечно, открылась бы интересная коллекція дѣятелей всякаго вида, чина и званія, дѣятелей, имѣющихъ общаго только одно, что между ними и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ нѣтъ ничего общаго.

Въ послѣднее время, эти Эолы или нѣкоторые изъ этихъ Эоловъ (а можетъ-быть и вовсе не одинъ изъ нихъ) весьма усердно занялись, между прочимъ, правилами, которыя, согласно новому уставу, но еще болѣе согласно министерскимъ инструкціямъ, были составлены различными университетами для студентовъ и слушателей. Теперь, когда полемика и сужденія по этому вопросу, повидимому, оканчиваются, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о любопытныхъ варіаціяхъ петербургской журналистики на эту *пикантную* тему. Университеты вступаютъ въ новую фазу своей жизни. Новый уставъ приводится въ дѣйствіе. Организуются какъ внутреннія, такъ и внѣшнія отношенія университетовъ, подъ вліяніемъ нѣсколько расширеннаго самоуправленія. Слагаются новыя отношенія къ попечителямъ, которыхъ права относительно университетскихъ совѣтовъ не ясно обозначены въ уставѣ, такъ что многое будетъ зависѣть отъ обычаевъ, какіе установятся именно въ настоящее время. И вотъ въ то время, когда университеты дѣлаютъ первый шагъ на новомъ пути, и когда нѣкоторыми изъ нихъ составлены правила для студентовъ и слушателей, газеты, можетъ-быть нѣсколько преувеличивая значеніе этого скромнаго дѣла, считаютъ своимъ долгомъ помочь ему своимъ мудрымъ совѣтомъ. Чинятся перья, или, лучше, настраиваются арфы. Прислушаемся же къ этимъ звукамъ, подъ которые должно строиться у насъ новое зданіе... Увы! При всемъ желаніи никакъ нельзя сказать, чтобъ это были зиждительные Амфіоновы звуки. Словно по одному волшебному мановенію, въ нашей прогрессивной журналистикѣ со всѣхъ сторонъ поднялись крики, что университеты будто бы хотятъ оживить отживающую рутину. И это именно въ то время, когда одна изъ главнѣйшихъ заботъ внутренней жизни университетовъ состоитъ въ томъ, чтобъ установились правильныя отношенія между профессорами и студентами и изчезли наконецъ постороннія вліянія, стремившіяся и стремящіяся разорвать естественную связь учителей съ учениками. Давно ли иной ли-

беральный начальникъ, ставившій свою волю выше закона для профессоровъ и пассовавшій предъ всякимъ коллективнымъ дѣйствіемъ молодежи, игралъ роль двулицаго Януса, обращая смѣющуюся сторону къ студентамъ и суровую къ профессорамъ? Теперь подобную благородную роль стараются взять на себя газеты, защищающія все юное противъ рутины зрѣлаго возраста, и не упускающія вмѣстѣ съ тѣмъ воздать должную хвалу либеральнымъ дѣйствіямъ или проектамъ разныхъ администрацій, вѣроятно вслѣдствіе ихъ незрѣлости. Эти газеты увѣряютъ, что такой образъ дѣйствій внушенъ имъ общественнымъ мнѣніемъ.

Вотъ выступаетъ газета № 1. Не мыслимо, возглашаетъ она, общество студентовъ безъ читаленъ, сборищъ, коллективныхъ прошеній и депутатовъ, въ особенности же безъ курительныхъ комнатъ, содержимыхъ на податныя деньги въ зданіяхъ университета. Могутъ ли, говоритъ эта защитница студенческихъ интересовъ, отдѣльныя жалобы студентовъ на инспектора имѣть ту убѣдительность и внутреннюю силу, „какую могла бы имѣть общая жалоба, принесенная письменно или чрезъ депутатовъ? Первыми обнаруживаются только отдѣльные случаи, изъ которыхъ трудно вывести общее заключеніе; посредствомъ второй можетъ быть раскрыта цѣлая система, можетъ быть *указана* необходимость смѣнить инспектора.“ Цѣлью правилъ должно быть чтобы студенты могли смѣнять инспектора. Этого требуетъ общественное мнѣніе. Такова первая варіація, разыгранная отъ имени общественнаго мнѣнія. Но это немного рѣзко, а Эолъ разнообразенъ, и вотъ съ другой арфы несутся иные звуки.

Газета № 2 нападаетъ на газету № 1 и защищаетъ правила, но защищаетъ такъ прогрессивно, что университетамъ далеко не такъ жутко приходилось отъ врага какъ пришлось отъ защитника. Подобно газетѣ № 1, газета № 2 убѣждена въ пользѣ различныхъ учрежденій, въ которыхъ, по мнѣнію этихъ двухъ журналовъ, высказывается корпоративная жизнь студентовъ, но только то, что газета № 1 отстаиваетъ въ стѣнахъ университета, газета № 2 рекомендуетъ внѣ его. Находясь повидимому въ противорѣчіи между собою, противники сходятся въ одномъ самомъ существенномъ пунктѣ: въ пользѣ особыхъ студенческихъ собраній съ различными цѣлями и въ этомъ отношеніи газета № 2, защищая правила, идетъ даже далѣе своего болѣе откровеннаго противника и старается показать, что университетскія правила вовсе будто бы и не воспрещаютъ этихъ собраній, а только требуютъ, чтобъ они были не въ стѣнахъ университета, а внѣ его, въ городѣ, гдѣ борьба будетъ происходить не съ инспекторомъ студентовъ, а съ полиціей, что во всякомъ случаѣ эффектнѣе.

Въ обѣихъ варіаціяхъ явственно слышится общій темпъ, дуновеніе одного вѣтра. Гораздо разнообразнѣе варіаціи газеты № 3. Это газета очень оригинальная. Для гимназій она предлагаетъ проектъ, который, по ея же выраженію, требуетъ совершенной перестройки всѣхъ существующихъ курсовъ, передѣлки всѣхъ принятыхъ руководствъ, и, въ числѣ прочихъ диковинокъ, указываетъ преподавать исторію „вплоть до того дня, въ который оканчивается каждый курсъ“, съ цѣлью „сдѣлать учащагося юношу современнымъ человѣкомъ, а не выпустить его въ видѣ умственнаго анахронизма.“ Покончивъ съ гимназіями и объявивъ учителямъ, что имъ надо или доучиться или выходить въ отставку, газета № 3 принимается за университеты. Она картинно описываетъ, какъ при возникшемъ всеобщемъ спросѣ на просвѣщеніе, кому-то вздумалось заглянуть въ святилище нашей науки. „И мы ужаснулись, говоритъ правдивая газета; въ немъ не оказалось ни науки, ни знанія... Только ограниченность и ничтожность царствовала въ тѣхъ мѣстахъ, откуда обыкновенно выходятъ *люди*.“ Обновленіе университетовъ въ возможно скорѣйшемъ времени кажется этой заботливой газетѣ дѣломъ вопіющей важности. Она воздаетъ хвалу посылкѣ цѣлаго сонма будущихъ профессоровъ за границу, и по этому поводу съ яростію нападаетъ на насъ, *настоящихъ или бывшихъ профессоровъ*, самымъ очевиднымъ образомъ доказывая что мы просто на просто ненавистники молодаго поколѣнія, и даже что отъ насъ пошелъ и нигилизмъ и матеріализмъ и вся смута юныхъ умовъ. Но молодежь вообще и юные ученые въ особенности горько ошибутся разчитывая на поддержку газеты № 3. Молодежь оказывается тутъ только орудіемъ для пораженія *Московскихъ Вѣдомостей*. Когда въ свое время мы указали на верхоглядство и заносчивые отзывы нѣкоторыхъ изъ молодыхъ филологовъ, съ пер-

выхъ шаговъ явившихся неумолимыми судьями знаменитыхъ ученыхъ, эта газета выступила въ ихъ защиту, находя ихъ дѣтскія выходочки вполнѣ естественными проявленіями критическаго направленія мысли свободной отъ предразсудковъ. А теперь тѣ же юные ученые оказываются у ней легкомысленными верхоглядами, заразившимися этою проказой отъ насъ, и симпатія газеты сосредоточивается уже исключительно на той молодежи, которая нарушала порядокъ не въ Гейдельбергѣ, а на московскихъ и петербургскихъ улицахъ. Въ 1859 году, изволите видѣть, университеты были полны студентами, число которыхъ во всей Россіи возросло до пяти съ половиною тысячъ. „Такъ вотъ въ этой молодежи, говоритъ газета, какъ и всегда и вездѣ, обнаружилось требованіе порядка, а порядка не могъ дать обезсиленный университетскій совѣтъ; начались столкновенія съ внѣшней полиціей начались броженія... Послѣдовало закрытіе Петербургскаго университета,“ Вы не вѣрите, читатель, а между тѣмъ это дѣйствительно напечатано. Но этого мало. Теперь, когда, „обезсиленные университетскіе совѣты“ вновь пріобрѣтаютъ силу и начинаютъ дѣйствовать, газета, такъ охотно ратующая за русское народное просвѣщеніе, даетъ слѣдующее наставленіе университетскимъ совѣтамъ: „Главное, вопросъ вотъ въ чемъ: что за дѣло университету до нравственности студентовъ? Если университетъ есть заведеніе воспитательное, то прекрасно: пусть наблюдаетъ; пусть даже заставляетъ своихъ мальчиковъ поутру вставши умыться, Богу помолиться, поцѣловать ручку у папеньки, маменьки и т. д. Но университету никакого нѣтъ дѣла до воспитанія. Онъ служитъ только для образованія. Молодые люди сходятся туда, какъ въ публичную библіотеку, гдѣ имъ читаютъ вслухъ; болѣе или менѣе прекрасныя лекціи.“ Послѣ этого наставленія, котораго цѣль не укроется, конечно, ни отъ одного умнаго студента, газета находитъ, разумѣется, не нужнымъ принимать серіозныя мѣры въ случаѣ безпорядка въ аудиторіи и прибавляетъ: „Россія теперь не въ такомъ положеніи, чтобы формализоваться всякими пустяками.“

И все это говорится отъ имени русскаго общественнаго мнѣнія! Когда же оно крикнетъ свое давно ожидаемое: *quos ego*? Есть впрочемъ признаки, что иные вѣтры теперь дуютъ слабѣе прежняго. По крайней мѣрѣ *Сынъ Отечества*, нападавшій прежде на *Сѣверную Почту* за ея разумныя сужденія объ университетскихъ правилахъ, теперь самъ напечаталъ объ этихъ правилахъ разумную статью.

№ 269.

Москва, 10-го декабря.

„Законъ наша оборона и единственная защита“, воскликнулъ, протестуя противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, г. финляндскій профессоръ медицины фонъ-Виллебрандъ, какъ увидятъ читатели изъ нашей гельсингфорсской корреспонденціи, напечатанной ниже. „Законъ наша оборона!“ что можетъ быть лучше и сильнѣе этихъ словъ, даже безъ жалобнаго дополненія: „и единственная защита“? Отъ души рукоплещемъ этому неожиданному мотиву протеста противъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Пусть наши финляндскіе антагонисты всегда нападаютъ на насъ за неуваженіе къ закону; подобное нападеніе какъ нельзя болѣе пріятно для насъ: оно налагаетъ на противниковъ обязанности, исполненіе которыхъ обезпечиваетъ за нами весь тотъ успѣхъ, какого мы только желаемъ въ спорѣ съ ними; что же касается до насъ самихъ, то роль враговъ законности и разрушителей закона, предназначаемая намъ, такъ оригинальна, что намъ очень забавно представлять себя въ этомъ маскарадномъ костюмѣ, и негодованіе несущееся къ намъ изъ-за моря по поводу этого костюма, можетъ вызвать отъ насъ только самую незлобивую улыбку.

Г. Виллебрандъ поступилъ очень по рыцарски, что сослался на законъ какъ на свою оборону. Мы отдаемъ ему въ томъ полную справедливость и даже благодаримъ его, но это не налагаетъ на насъ обязанности скрывать истину изъ вѣжливости. *Magis amica veritas*, а истина состоитъ въ томъ, что г. Виллебрандъ, сославшись на законъ, лишилъ всякой обороны то дѣло, которое взялся защищать. Существующіе законы священны, но для кого эта фраза имѣетъ серіозный смыслъ, и кто дѣйствительно въ правѣ ссылаться на нее, тотъ не позволитъ себѣ шутить ею, тотъ напримѣръ не назоветъ не существующаго закона существующимъ. А наши антаго-

нисты именно это и дѣлаютъ. Если бы намъ указали тѣ законы, на основаніи которыхъ служащій въ русской службѣ финляндскій дворянинъ лишается права представительства, то не было бы и повода спорить. Стало-быть существующіе законы стоятъ внѣ спора, а споръ идетъ о новыхъ законахъ, еще не существующихъ. Ради какого же эффекта требованіе совершенно новыхъ законовъ подкрѣпляется безпрестаннымъ упоминаніемъ о законахъ „утвержденныхъ присягой“? Положимъ, что присягой утверждены законы a, b, c; г-ну Виллебранду хочется чтобъ еще были утверждены—мы не знаемъ, просто ли, или тоже присягой—законы d, e, f. Онъ говоритъ что эти законы d, e, f— верхъ совершенства; но другимъ кажется, что эти законы d, e, f верхъ несправедливости. Что же надобно дѣлать г. Виллебранду? Простой смыслъ говоритъ, что ему слѣдуетъ озаботиться устраненіемъ этого заблужденія, а онъ только и дѣлаетъ что восклицаетъ: „законъ моя оборона!“ Кто же виноватъ, что такой способъ защищать свое мнѣніе или свои проекты ставитъ защищающаго въ комическое положеніе? Если законъ въ дѣйствительности существующій можетъ служить обороной, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы кому-нибудь могъ послужить обороной, — хотя бы въ журнальной полемикѣ — законъ не существующій или существующій только въ фантазіи. Кто ищетъ себѣ обороны въ подобныхъ „священныхъ“ предметахъ, а тѣмъ паче для кого подобные „священные“ предметы служатъ единственною защитой, тотъ не сдѣлаетъ и двухъ шаговъ, не поскользнувшись.

Доказательство на лицо — въ гельсингфорсской газетѣ *Helsingfors Dagblad*. Этой газетѣ не понравилось наше замѣчаніе, что кто покидаетъ почву права, тотъ вступаетъ на скользкій путь, гдѣ не можетъ быть другаго судьи кромѣ силы. Почтенная газета обидѣлась этимъ замѣчаніемъ, и мы понимаемъ что она не могла не обидѣться имъ; какъ она ни бодрится, но не можетъ же она не чувствовать, что путь, ею избранный, въ самомъ дѣлѣ очень скользокъ. Мы нарочно печатаемъ ниже двѣ статьи этой газеты, одну изъ № 273, гдѣ она защищаетъ отъ насъ свои взгляды, и другую изъ № 182, гдѣ она излагаетъ ихъ; просимъ читателей обратить на эти статьи особенное вниманіе и не упустить изъ виду поразительнаго противорѣчія ихъ между собой. Это противорѣчіе всего лучше обличаетъ то дѣло или, покамѣсть, то направленіе, о которомъ мы сочли своимъ долгомъ высказаться неодобрительно.

Что приводится въ статьѣ № 273, какъ главный аргументъ противъ насъ? Наше нежеланіе признать существующія отношенія Финляндіи къ Россіи. „*Эти отношенія ясны*, говоритъ гельсингфорсская газета: Финляндія имѣетъ всѣ права самостоятельнаго и независимаго государства, соединеннаго съ Россіей только общимъ престолонаслѣдіемъ. Сепаратизмъ Финляндіи устоитъ противъ всѣхъ притязаній *Московскихъ Вѣдомостей*, потому что онъ опирается на законъ, утвержденный присягой.“ Что можетъ быть яснѣе и опредѣленнѣе этихъ словъ? Остается ли послѣ нихъ какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что мы, порицая финляндскій сепаратизмъ, становимся во враждебное отношеніе къ закону „утвержденному присягой“? „Эти отношенія ясны“, говоритъ гельсингфорсская газета. Чего же лучше если ясны? Но вотъ статья той же газеты, помѣщенная тремя мѣсяцами раньше, въ № 182. Мы заглядываемъ въ эту статью по совѣту самой газеты, которая отсылаетъ насъ къ ней. Что же мы тамъ находимъ? Самыя первыя строки статьи сообщаютъ намъ, что „до сихъ поръ *какъ внутреннія, такъ и внѣшнія отношенія Финляндіи находились въ положеніи неопредѣленномъ, не совершенно выясненномъ.*“ Статья обстоятельно разъясняетъ почему такъ случилось и такъ должно было случиться. Тогдашніе государственные люди были озабочены европейскими замѣшательствами. Они могли установить только главные пункты, *все прочее оставлено въ неопредѣленномъ видѣ, и только теперь наступаетъ время устранить эти неопредѣленности.* За тѣмъ редакція гельсингфорсской газеты мечтаетъ о томъ, какъ бы можно было устранить эти неопредѣленности самымъ пріятнымъ для Финляндіи способомъ, и сама сознается, что эти фантазіи, по мнѣнію многихъ, не болѣе какъ химеры. Мы совершенно согласны съ этими многими, потому что на этомъ свѣтѣ къ сожалѣнію нѣтъ мѣста для такихъ Аркадій. Но если это химеры или по меньшей мѣрѣ мечты, то мы принуждены повторить замѣчаніе сдѣланное нами выше по поводу восклицаній г. Виллебранда; мы принуждены спросить почтенную гельсингфорсскую га-

зету, ради какихъ эффектовъ и въ силу какого рода добросовѣстности она хочетъ положить печать молчанія на наши уста совершенно неумѣстною ссылкой на законы, „утвержденные присягой“? Эти законы дѣло священное, но какъ можно корить насъ неуваженіемъ къ „священному“ и въ то же время до того эксплуатировать наше уваженіе къ „священному“, чтобы внушать намъ благоговѣніе не только къ законамъ Финляндіи, но и къ мечтамъ каждой финляндской газеты? Признаемся, намъ эта странная полемика съ финляндскими сепаратистами напоминаетъ встрѣчу римскихъ авгуровъ. Тѣ улыбались другъ другу; мы тоже невольно улыбались бы глядя на нашихъ финляндскихъ антагонистовъ, если-бы дѣло это было не такое серіозное.

Откинувъ фразы, которыми можно пускать пыль въ глаза, но нельзя ничего доказать разумно, оставивъ законъ закономъ, проектъ закона проектомъ закона, мечту мечтой и химеру химерой, мы увидимъ дѣло въ его истинномъ видѣ,—мы увидимъ что Финляндія имѣетъ несомнѣнное право на сохраненіе ея „религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими каждое сословіе княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ пользовались до присоединенія Финляндіи къ Россіи;“ мы увидимъ что при состояніи эти Россіи въ эпоху присоединенія права Финляндіи не могли быть обезпечены иначе, какъ отдѣльнымъ устройствомъ, и что потому отдѣльное устройство было временною необходимостію, но мы запутаемся въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, если упустимъ изъ виду, что отдѣльность Финляндіи есть только средство, а никакъ не цѣль. Дѣлать средство цѣлью значитъ ставить все дѣло въ фальшивое положеніе, препятствующее его правильному развитію; значитъ отвлекать силы своего края отъ полезной дѣятельности къ стремленіямъ изнурительнымъ и безплоднымъ, раздражать и отравлять умы утопическими мечтаніями, дѣлать невозможными дружелюбныя отношенія между подданными одного государства, и на конецъ приготовлять неизбѣжную реакцію, которой подвергается все идущее на перекоръ силѣ вещей. Но мы боимся утомить вниманіе читателей развитіемъ этихъ мыслей; болѣе обстоятельную рѣчь объ этой матеріи откладываемъ до другаго раза.

№ 270.

Москва, 11-го декабря.

Ни въ дѣйствительности, ни по конституціи политическія собранія Франціи не имѣютъ большаго значенія; но почва Франціи до такой степени изрыта и подкопана безпрерывными переворотами, до такой степени „обманчивая кора пепла“ скрывающая подъ собой революціонный огонь тонка во Франціи, что тамошнія политическія собранія, сами по себѣ ничтожныя и состоящія изъ креатуръ правительства, могутъ по временамъ не на штуку пугать полновластнаго повелителя этой страны и имѣть серіозное вліяніе на его политику.

Это вліяніе какъ въ законодательномъ сословіи, такъ и въ сенатѣ можетъ быть оказано только въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ, при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, и вовторыхъ, въ сенатѣ— при преніяхъ по поводу частныхъ прошеній, если эти прошенія имѣютъ значительную политическую важность, а въ законодательномъ сословіи — при преніяхъ о бюджетѣ.

Какое же заключеніе можно вывести изъ преній объ адресѣ въ сенатѣ, о которыхъ мы въ послѣднее время отдаемъ постоянный отчетъ нашимъ читателямъ? Во французскомъ сенатѣ какъ будто бы вѣетъ совершенно новымъ духомъ; почти неограниченная власть императора какъ бы утратила свое парализующее дѣйствіе, какъ будто бы не производитъ уже она прежняго обаянія, и почтенный, несмотря на всю свою эксцентричность, маркизъ Буасси д'Англа осмѣлился уже прямо предостерегать Наполеона III отъ пагубнаго вліянія тѣхъ царедворцевъ, которые его окружаютъ, „всегда колѣнопреклонные и всегда съ протянутою рукой.“ Онъ возставалъ противъ этой явной несообразности, въ силу которой неограниченный властелинъ Франціи признается по конституціи отвѣтственнымъ, тогда какъ министры, въ силу той же конституціи, не подлежатъ никакой отвѣтственности; онъ порицалъ въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ и мексиканскую экспедицію, и политику правительства въ польскомъ вопросѣ,—политику, которая разорвала дружественныя отношенія къ Россіи и грозитъ Франціи европейскою коалиціей. Другой ораторъ, еще такъ недавно пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императора,

виконтъ де-Лагеронъеръ въ самыхъ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ высказался противъ вмѣшательства правительства въ народные выборы, противъ слишкомъ ограниченнаго круга сношеній между правительствомъ и законодательными палатами, противъ подчиненія журналистики произвольной власти министра внутреннихъ дѣлъ и департаментскихъ префектовъ или губернаторовъ. Въ заключеніе своей рѣчи, доказавъ напередъ невозможность войны изъ-за Польши и сославшись на авторитетъ Наполеона I, онъ замѣтилъ, что только военная слава можетъ вознаградить Францію за лишеніе свободы. Франція можетъ быть только или свободною страною, или страною вѣчно воюющею и не дающею никому покоя, сказалъ виконтъ де-Лагеронъеръ, вѣроятно не замѣчая, что эта самая дилемма обличаетъ фальшивость французскаго понятія о свободѣ.

Но какъ бы то ни было, виконтъ де-Лагеронъеръ полагаетъ, что Франціи предстоитъ или ступить на путь свободнаго внутренняго развитія, или поднять свою руку на всѣхъ и воздвигнуть руки всѣхъ противъ себя. Если положиться на помѣщаемую ниже рѣчь государственнаго министра Руэ, то нечего еще думать объ „увѣнчаніи политическаго зданія Франціи“: по мнѣнію этого министра, она и теперь уже пользуется полною свободой, такъ что свобода и имперія кажутся ему тождественными понятіями; и даже системѣ административныхъ взысканій въ отношеніи къ журналамъ находитъ онъ оправданіе въ существованіи всеобщей подачи голосовъ и въ огромной важности, какую при этомъ условіи можетъ имѣть всякая перемѣна въ настроеніи общественнаго мнѣнія. Если такъ, если никакихъ уступокъ не будетъ внутри Франціи, то значитъ, она готова ринуться во всѣ возможныя войны и прежде всего въ войну изъ-за Польши? Ничуть не бывало: изъ всѣхъ до сихъ поръ произнесенныхъ рѣчей очевидно, что дѣло Польши далеко не такъ популярно во Франціи, какъ требованія другихъ внутреннихъ уступокъ. Г. Буасси-д'Англа даже прямо утверждалъ, что польская война была бы вовсе непопулярна во Франціи, и что ея желаютъ только враги императора и имперіи. Г. де-Лагеронъеръ указывалъ на всю несообразность требовать парламентскаго образа правленія для Польши и находитъ его негоднымъ для Франціи. Наконецъ, въ засѣданіи 17-го декабря, о которомъ мы отдадимъ отчетъ нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ нумерѣ, маркизъ де-Ларошжаклеинъ вооружился всею силою рѣчи, чтобы доказать, что не можетъ быть ничего безчеловѣчнѣе въ отношеніи къ Полякамъ какъ возбуждать въ нихъ надежды на дѣятельное вмѣшательство Франціи и подстрекать ихъ такимъ образомъ къ напрасному кровопролитію, что возстаніе Поляковъ никакъ нельзя считать національнымъ возстаніемъ, такъ какъ и масса населенія, и значительная часть высшаго класса держится въ сторонѣ отъ него, такъ какъ шайки вооруженныхъ мятежниковъ являются большею частью изъ Галиціи и изъ Познани, и состоятъ нерѣдко изъ сброда революціонеровъ всѣхъ странъ Европы, и такъ какъ сами вожди этихъ шаекъ—дѣло безпримѣрное въ исторіи національныхъ войнъ—боятся выступать подъ собственными своими именами, и скрываются подъ вымышленными прозвищами. Онъ указывалъ на то что такъ-называемое національное польское правительство дѣйствуетъ самою возмутительною ложью, обманомъ, клеветой, и что французское правительство не исполнило своего долга, не опровергнувъ слуха о возможности сношеній между нимъ и этимъ потаеннымъ комитетомъ. Онъ поставлялъ на видъ, что дѣло европейскаго мира и порядка ничего не выиграло бы отъ возстановленія Польши, такъ какъ между вождями ея не рѣшенъ даже вопросъ, будетъ ли она монархіей или республикой, вопросъ, который отложенъ на время ради устраненія внутреннихъ несогласій, которыя неминуемо возникли бы въ послѣдствіи; дѣло же католицизма неминуемо проиграло бы, такъ какъ въ войнѣ изъ-за Польши Франція имѣла бы одного лишь союзника въ королѣ итальянскомъ, который ополчился бы не прежде какъ выговоривъ себѣ обладаніе Римомъ и уничтоженіе свѣтской власти папы. Ораторъ заключилъ свою замѣчательную рѣчь словами: „Можно сожалѣть о Польшѣ; но Францію не должно приносить въ жертву никакой національности.“

Такимъ образомъ сенатъ Французской имперіи, до сихъ поръ, высказался рѣшительно противъ всякой войны изъ-за Польши устами своихъ ораторовъ: Буасси-д'Англа, генерала Жемо, виконта де-Лагеронъера, маркиза де-Ларошжаклена. И только одинъ голосъ возвысился въ пользу войны, голосъ графа Сегюра-д'Агессо, который, въ

своемъ порицаніи образа дѣйствій генерала Муравьева и графа Берга, къ великому нашему прискорбію, имѣлъ возможность сослаться на мнѣніе и прочесть письма какого-то Русскаго, „принадлежащаго къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Петербургѣ и проживающаго въ Парижѣ.“ Что дѣлать? въ семьѣ не безъ урода, а одною изъ величайшихъ уродливостей нашихъ до сихъ поръ было полное равнодушіе ко всѣмъ отечественнымъ интересамъ и готовность отрекаться отъ нихъ ради того только, чтобы прослыть между иностранцами человѣкомъ либеральнаго образа мыслей. Уже не въ первый разъ видимъ мы доказательства того, что эта презрѣнная черта уцѣлѣла даже въ такую пору, когда предъявлены были притязанія противъ единства, цѣлости и чести русской земли.

Когда и между Русскими находятся такіе пропащіе люди, что̀ж удивительнаго, если иностранцы, какъ генералъ Жемо, какъ самъ маркизъ де-Ларошжакленъ, все еще держатся того мнѣнія, что стоило бы только императору Наполеону дружественно обратиться къ великодушію нашего правительства и всѣ возможныя права и преимущества посыпались бы на Польшу, и подняли бы ее высоко надъ Россіей?

Какъ бы то ни было, сенатъ, повторяемъ еще разъ, высказался противъ всякой войны изъ-за Польши. Какія бы усилія ни предпринимало французское правительство, чтобъ состоялся хотя не полный конгрессъ, усилія эти не увѣнчаются успѣхомъ, и единственный возможный выходъ для императора Наполеона заключается въ принятіи какихъ-нибудь мѣръ по внутренней политикѣ. Что̀ бы ни говорилъ г. Руэ о превосходствѣ той формы правленія, по которой самъ глава государства подлежитъ отвѣтственности и слѣдовательно узаконяется революція, что̀ бы ни говорилъ онъ въ пользу сочетанія бюрократіи со всеобщею подачей голосовъ и цѣлою іерархіей представительныхъ собраній, повидимому надобно ожидать какихъ-нибудь важныхъ измѣненій въ этой восхваляемой имъ правительственной системѣ Франціи. Слова г-на Руэ тѣмъ менѣе имѣютъ значенія, что императоръ любитъ выставлять себя самымъ либеральнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей Франціи. Благодаря г-на Руэ за его рѣчь въ сенатѣ, онъ можетъ-быть благодарилъ его за предоставленный себѣ случай опередить своихъ министровъ и удивить Францію. Но возможно ли дѣйствительное развитіе политической свободы въ странѣ, которой устройство основано на фикціи всеобщей подачи голосовъ?

№ 271.

Москва, 11-го декабря.

Говорятъ, что безъ казенныхъ газетъ и журналовъ Россія обойдтись не можетъ, и защищая принципъ казенныхъ изданій, ссылаются напримѣръ Франціи.

Но что̀ общаго между нами и Франціей или Австріей, на которую тоже ссылаются? Не оказывается ли напротивъ между этими странами и Россіей полнѣйшая разнородность, какую только можно представить себѣ? Во Франціи, кромѣ *Всеобщаго Монитера* и спеціальнаго *Армейскаго Монитера*, есть еще не мало изданій частныхъ съ казенными субсидіями. Но что̀ же этимъ доказывается? Неужели мы не придемъ наконецъ къ простой мысли,—самой простой изъ всѣхъ возможныхъ мыслей,—что нельзя быть близорукимъ, и заимствовать очки у дальнозоркихъ или наоборотъ? Отчего не заимствовать, отчего не перенимать? Но прежде чѣмъ мы будемъ ссылаться на примѣръ другихъ, надобно посмотрѣть не относится ли замѣченное нами въ другихъ къ такимъ обстоятельствамъ, которыми они существенно разнятся отъ насъ. Во Франціи виноградъ растетъ, и винодѣліе есть тамъ одна изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства: слѣдуетъ ли изъ этого, что и мы, по примѣру Франціи, должны обратить наши капиталы на разведеніе винограда въ Вологодской или Костромской губерніи? Это было бы до крайности странно. Но менѣе ли странно ссылаться на примѣръ Франціи въ политическомъ отношеніи? Если непремѣнно нужно ссылаться на чужіе примѣры въ такомъ вопросѣ, какъ правительственныя изданія, почему же непремѣнно нужно ссылаться на Австрію и Францію? Почему непозволительно сослаться на Англію, гдѣ правительство не занимается литературою и гдѣ вовсе нѣтъ казенныхъ изданій, за исключеніемъ *Лондонской Газеты*, въ которой ничего не печатается, кромѣ официальныхъ документовъ? Но, говорятъ, между Англіей и нами гораздо болѣе разнородности чѣмъ между нами и Франціей. Больше или меньше,—мы

не знаемъ; по крайней мѣрѣ не считаемъ нужнымъ рѣшать теперь этотъ вопросъ. Однако несомнѣнно напримѣръ то, что и въ графствѣ Йоркскомъ также мало занимаются разведеніемъ винограда, какъ и въ Вологодской губерніи.

Отчего въ Англіи правительство занимается исключительно дѣлами правительственными, и не береть на себя обязанности упражняться въ литературѣ? Отчего, распоряжаясь и дѣйствуя, оно въ то же время не считаетъ возможнымъ пускаться въ оцѣнку и обсужденіе своихъ мѣръ въ собственныхъ газетахъ? Отчего въ Англіи нѣтъ такъ называемыхъ правительственныхъ органовъ ни офиціальныхъ, ни полуофиціальныхъ? Отъ того, что тамъ верховная власть не есть партія, и не подлежитъ никакому вопросу; оттого что тамъ нѣтъ династическихъ партій; оттого что тамъ политическія партіи находятся совершенно въ одинаковомъ отношеніи къ верховной власти и равномѣрно могутъ служить органами правительства; оттого что тамъ оппозиція не есть оппозиція противъ верховной власти, или противъ принципа правительства, но есть только оппозиція одной правительственной партіи противъ другой, тоже правительственной партіи. А что мы видимъ во Франціи? Кому не извѣстно, что во Франціи есть не одна, а нѣсколько династическихъ партій враждующихъ противъ императора Наполеона III, какъ прежде были ожесточенныя партіи, которыя враждовали противъ короля Лудовика Филиппа, какъ еще прежде были ожесточенныя партіи, которыя враждовали противъ старшихъ Бурбоновъ? Во Франціи,—кто же этого не знаетъ?—верховная власть съ своими приверженцами есть партія между другими партіями, съ которыми она ведетъ борьбу на смерть.

Во Франціи, не для того чтобъ играть комедію, не изъ удовольствія подражать чужому примѣру, а вслѣдствіе тяжкой необходимости, правительство образуетъ какъ бы укрѣпленный лагерь посреди общества. Верховная власть, будучи въ странѣ партіею, должна имѣть между прочимъ и свои особые органы, какъ всякая партія. Не можетъ же правительственная партія, находящаяся во враждебныхъ отношеніяхъ къ партіямъ противуправительственнымъ, оставлять въ рукахъ у этихъ послѣднихъ разнообразные и могущественные способы дѣйствія. Какъ эти враждебныя партіи хотятъ отбить у ней верховную власть, такъ она въ свою очередь по необходимости, должна стараться отбить у нихъ всѣ способы къ достиженію этой цѣли и тѣснить ихъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Она не можетъ оставить въ ихъ рукахъ такую важную и въ настоящее время столь могущественную силу, какъ общественное мнѣніе. Съ одной стороны, правительство находитъ себя вынужденнымъ стѣснять, по возможности, дѣятельность и свободу своихъ заклятыхъ, ничѣмъ не примиримыхъ враговъ; оно затрудняетъ печать, точно также какъ стѣсняетъ политическіе выборы; оно прибѣгаетъ къ хитростямъ; оно прибѣгаетъ къ силѣ. Не ограничиваясь отрицательными мѣрами, оно чувствуетъ надобность отбивать у нихъ публику. Умное и опытное, оно не можетъ не знать, что враждебный образъ мыслей сумѣетъ взять свое, несмотря на всѣ стѣсненія и ограниченія, если правительственная партія не будетъ дѣятельно направлять умы соотвѣтственно своимъ исключительнымъ интересамъ. Оно очень хорошо знаетъ, что на умы можно дѣйствовать не только яснымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ мнѣній, но еще болѣе неясностію и двусмысліемъ, что въ сферѣ идей и мнѣній дѣйствуютъ не вѣсомые и неуловимые агенты, за которыми невозможно услѣдить, что наконецъ въ выраженіи мнѣній могущественное дѣйствіе оказываетъ игра свѣтлотѣни, выпукло выдающая одно и скрывающая другое, перспектива, группировка и т. п.; что фигура умолчанія, систематически употребляемая, бываетъ пожалуй еще сильнѣе чѣмъ самое бѣшеное ораторство; оно знаетъ все это,—и старается само удовлетворять потребности публики по всѣмъ предметамъ, которые могутъ интересовать ее, во всѣхъ родахъ литературы, начиная съ политической статьи и кончая фельетономъ. Вотъ почему французское правительство издаетъ само журналы или поддерживаетъ казенными пособіями журналы частныхъ лицъ, въ приверженности которыхъ увѣрено. Правительство дѣлаетъ это во Франціи, потому что во Франціи правительство есть не что иное какъ организованная партія въ обществѣ; достигшая власти вслѣдствіе переворотовъ и долженствующая отбиваться отъ другихъ партій, которыя ведутъ съ нею ожесточенную борьбу, явную или скрытную, съ цѣлію отнять у нея власть.

Таково положеніе дѣлъ во Франціи. Какъ ни старается сенаторъ де-Лагероньеръ, съ похвальною впрочемъ цѣлію, убѣдить императорское правительство, что оно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему правительствъ, что всѣ враждебныя партіи побѣждены, что начало верховной власти утвердилось теперь во Франціи незыблемо и безспорно, никто этому не вѣритъ, и правительственныя лица вѣрятъ менѣе чѣмъ кто-нибудь; да и самъ онъ, конечно, не убѣжденъ въ этомъ, хотя можетъ-быть и желалъ бы вѣрить въ силу своей аргументаціи. Императорское правительство во Франціи есть не болѣе какъ фактъ созданный случайными обстоятельствами; сила его есть внѣшняя сила случайнаго факта. Оно не изъ числа тѣхъ великихъ фактовъ, которые созданы долговременною исторіей и въ которыхъ заключается вся сила прошедшаго; оно не изъ числа тѣхъ великихъ фактовъ, которые неразрывно связаны со всѣми народными силами, со всѣми отправленіями народной жизни, со всѣми инстинктами народнаго чувства, со всѣми убѣжденіями народнаго смысла; это не есть одинъ изъ тѣхъ глубоко закоренѣлыхъ навыковъ, который невозможно вырвать, не разрушая всего состава; — словомъ, это не изъ тѣхъ фактовъ, которые составляютъ истинную силу всякаго общественнаго начала. Императорское правительство во Франціи, не имѣющее ни силы давности, ни силы принципа, есть фактъ текущей минуты, фактъ тревожный и безпокойный, лишенный всякой внутренней увѣренности въ себѣ, постоянно вооруженный, постоянно оспариваемый. Императорское правительство во Франціи безпрерывно должно быть готово къ защитѣ; оно должно быть постояннымъ усиліемъ, постояннымъ и непрерывнымъ актомъ самосохраненія.

Таково положеніе дѣлъ во Франціи. Но таково ли оно въ Россіи? Есть ли хоть малѣйшее подобіе, есть ли хоть тѣнь сходства? Можемъ ли мы, хотя въ чемъ-нибудь относительно политическихъ вопросовъ, ставить себѣ въ примѣръ Францію? Можемъ ли мы, хотя въ чемъ-нибудь оправдывать наши дѣйствія тѣми явленіями, которыя представляетъ намъ правительственный порядокъ во Франціи? Нѣтъ, напротивъ, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что положенію дѣлъ въ нашемъ отечествѣ не достаетъ только одного, — не достаетъ именно того чтобы мы наконецъ освободились отъ примѣровъ предлагаемыхъ намъ Франціей. Единственное наше несчастіе именно и состоитъ въ томъ, что надъ нами тяготѣетъ кошемаръ этихъ примѣровъ. Мы живемъ постоянно въ сферѣ чуждыхъ намъ идей, и дѣйствуемъ будто въ сомнамбулизмѣ. За это пѣнять не на кого и не на что; это естественное слѣдствіе нашего внезапнаго вступленія въ Европу. Мы необходимо должны были вступить въ Европу, и намъ пришлось пережить крутой поворотъ въ нашей народной жизни; мы пережили его, мы вышли изъ кризиса побѣдоносно; мы пріобрѣли большія выгоды, но съ выгодами соединились и большія невыгоды. Невыгоднымъ послѣдствіемъ пережитаго нами кризиса, — послѣдствіемъ, отъ котораго мы и теперь еще не можемъ отбиться, — оказывается эта двойная жизнь, раздѣляющая наши силы и поражающая ихъ бездѣйствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ мы совершенно довольны собою? Увы! Никто такъ не бичуетъ себя какъ мы. Нигдѣ, съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія, не слышится такъ часто недовольство собою какъ у насъ. Мы и бѣдны, и малосмысленны, и ничто у насъ не спорится, и все у насъ выпадаетъ изъ рукъ, и взяточничество насъ одолѣваетъ, и нѣтъ благонадежныхъ чиновниковъ, и нѣтъ дѣльныхъ людей, и съ польскими интригами справиться не можемъ, и пасуемъ передъ гимназистами, и путаемся во всевозможныхъ вопросахъ. Слава Богу, однако, при всѣхъ нашихъ недоразумѣніяхъ, при всей нашей скудости, при всѣхъ нашихъ замѣшательствахъ, мы все-таки ростемъ и движемся къ лучшему; мы все-таки крѣпки и сильны, мы все-таки съ Божьею помощью готовы на всѣ испытанія и исполнены увѣренности въ нашей побѣдѣ надъ всякими затрудненіями и опасностями. Но недостаточно одной увѣренности въ живучести и крѣпости нашего народнаго организма, ибо при этомъ чувствѣ мы все-таки очень недовольны собой. Дѣло въ томъ, что мы не живемъ всею нашею жизнію; половина нашихъ силъ остается безплодною и вянетъ въ бездѣйствіи, — половина нашихъ силъ расточается на недоразумѣнія и фальшивыя дѣйствія отъ нихъ происходящія; половина нашихъ силъ часто идетъ только на то, чтобы парализировать другую. У насъ, это правда, здоровыя и крѣпкія руки; но руки наши часто бываютъ заняты самымъ непроизводи-

тельнымъ, самымъ неблагодарнымъ и крайне непріятнымъ дѣломъ—крѣпко держать одна другую. Что же можетъ спориться при такихъ условіяхъ? А отчего это происходитъ? Это главнымъ образомъ происходитъ отъ чужихъ, совершенно несвойственныхъ намъ образцовъ, которые надъ нами носятся и сбиваютъ насъ съ толку. Это происходитъ отъ того, что живя среди опредѣленныхъ условій, призванные дѣйствовать въ этой средѣ, и дѣйствуя въ ней, мы въ то же время живемъ нашею мыслію въ другихъ краяхъ, въ другихъ условіяхъ, и видимъ нашими полудремлющими глазами совсѣмъ не то что должно было бы представляться намъ въ дѣйствительности. Это характеристическая черта нашего общественнаго образованія. Счастье наше, что мы уже начинаемъ сознавать эту печальную особенность нашего положенія, и благодаря тому что начинаемъ сознавать ее, начинаемъ мало-по-малу и освобождаться отъ нея.

Верховная власть и стало-быть правительственное начало никогда не было у насъ и никогда не можетъ быть партіей, ибо верховная власть у насъ соотвѣтствуетъ цѣлому народу и есть одно съ нимъ. Кто же не знаетъ, что у насъ нѣтъ въ обществѣ династическихъ партій, что въ нашемъ народѣ нѣтъ также никакихъ радикальныхъ партій? Кто не знаетъ, что верховная власть у насъ, по тому значенію, которое вынесла она изъ исторіи, по тому значенію которое она имѣетъ въ народномъ чувствѣ и народной мысли, отнюдь не можетъ считать себя какою-либо отдѣльною партіей и не имѣетъ надобности держаться среди народа укрѣпленнымъ лагеремъ? Кто не знаетъ, что правительство у насъ имѣетъ значеніе изъ точки въ точку противоположное значенію правительства во Франціи? Какимъ же образомъ дѣйствія, къ которымъ французское правительство прибѣгаетъ, и теоріи, которыя оно выработало для себя, могутъ служить для насъ образцомъ? Не могутъ ли, напротивъ, политическія понятія, выработавшіяся во Франціи, служить для насъ указаніемъ, чего намъ не слѣдуетъ дѣлать и какъ не должны мы поступать? Въ Россіи правительство есть правительство, а не какая-либо часть общества, захватившая въ свои руки верховную власть. По естественному положенію дѣлъ, правительство у насъ не можетъ имѣть какіе-либо свои особенные интересы, отдѣльные отъ интересовъ цѣлаго государства. Сила его есть самая глубокая сила въ нашей народной жизни; его начало не прикосновенно и свято; оно менѣе всего обязано заботиться о своемъ самосохраненіи, ибо правительственное начало, то-есть верховная власть, охраняется какъ святыня цѣлымъ народомъ. Охранительныя силы нашего государства заключаются въ самомъ народѣ и изъ него черпаются. Если у насъ показывается иногда что-то похожее на броженіе, если у насъ были какія-либо революціонныя попытки, то все это происходило, и все это оказывается внѣ народной жизни, внѣ нашего общественнаго организма; все это бывало и бываетъ въ сферахъ искусственно созданныхъ, все это бывало и бываетъ въ томъ фальшивомъ мірѣ, который созданъ нами подъ вліяніемъ французско-нѣмецкихъ образцовъ и понятій. Исторія обнаружитъ до очевидности, что всѣ подобныя явленія происходили у насъ отъ примѣненія чуждыхъ намъ правительственныхъ пріемовъ, что они были порождаемы отнюдь не народною жизнію нашею, отнюдь не дѣйствительными условіями нашего общественнаго быта; исторія засвидѣтельствуетъ, что они были порожденіемъ петербургской атмосферы, но отнюдь не Россіи.

Если гдѣ-либо, то именно у насъ правительство поставлено естественными условіями въ такое положеніе, что оно можетъ сосредоточивать всю свою дѣятельность на великомъ правительственномъ дѣлѣ, не развлекаясь заботами о самосохраненіи, и полагая всю свою силу и достоинство въ силѣ и достоинствѣ народа, во главѣ котораго находится. Менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь правительство у насъ можетъ имѣть свои отдѣльные виды и свои интересы. Личная и имущественная безопасность, народное благосостояніе, устраненіе препятствій, задерживающихъ развитіе экономическихъ и нравственныхъ силъ народа, охраненіе и возвышеніе человѣческой дѣятельности во всѣхъ свойственныхъ ей сферахъ, охраненіе и возвышеніе русской національности въ Европѣ и всѣхъ соединенныхъ съ нею интересовъ,—вотъ великая правительственная задача, которой правительство наше можетъ безраздѣльно посвящать свои силы. Чѣмъ менѣе правительство, въ своихъ воззрѣніяхъ и въ своемъ образѣ дѣйствій, отдѣляетъ себя отъ общественныхъ интересовъ, тѣмъ вѣрнѣе понимаетъ оно свое положеніе, и тѣмъ оно сильнѣе.

А между тѣмъ защитники казенной литературы не довольствуются примѣромъ Франціи; они находятъ, что для насъ еще недостаточно того что въ этомъ отношеніи дѣлается во Франціи; и что правительство у насъ должно этимъ путемъ идти еще далѣе. Да мы и такъ пошли гораздо далѣе. Казалось бы, что идти далѣе уже некуда. У насъ не только каждое вѣдомство имѣетъ свой литературный органъ, но и въ каждой губерніи издаются на казенный счетъ такъ-называемыя *Губернскія Вѣдомости* съ неоффиціяльною частью. Цифра казенныхъ изданій у насъ такъ велика, что передъ нею блѣднѣютъ и французскіе, и австрійскіе образцы. Если въ этомъ можно видѣть прогрессъ, то мы, поздніе ученики Европы, страшно опередили нашихъ учителей. Сколько могущественныхъ органовъ, которые оберегаютъ у насъ правительственный принципъ отъ враждебныхъ партій! Какая неутомимая дѣятельность! Сколько охранительныхъ листковъ, сколько залоговъ для государственной безопасности!

Иные возразятъ намъ, что развитіе казенныхъ изданій у насъ объясняется особаго рода условіями. Общество наше, говорятъ намъ, такъ незрѣло, такъ невѣжественно, такъ косно, что правительство должно всѣми мѣрами расшевеливать его. Такъ какъ само общество лишено всякой иниціативы въ литературномъ дѣлѣ, то иниціативу должно принять на себя правительство, и размножать литературныя предпріятія на казенный счетъ. Такой взглядъ, конечно, уже не можетъ объясняться иностранными примѣрами. Это уже вполнѣ самородный продуктъ нашей почвы. У насъ не мудрено услышать даже такія мнѣнія, что правительство должно учить маломысленное и незрѣлое общество, какъ надобно либеральничать, космополитствовать, измѣнять своему отечеству, подготовлять элементы для будущихъ политическихъ и общественныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, если надобно руководить общество на всѣхъ путяхъ, то почему же, путемъ правительственной организаціи, не руководить его и въ нападкахъ на основы общества и на самый принципъ правительственной власти? Надобно только, разумѣется, дѣлать это исподоволь, пользуясь тѣми искусными маневрами, которые въ другихъ странахъ выработаны антиправительственными партіями въ борьбѣ ихъ съ правительствами.

Русскій Инвалидъ, въ доказательство своего мнѣнія въ пользу казенныхъ изданій, напоминаетъ зрѣлище, какое литература представляла въ прошломъ году. Странное дѣло! Точно какъ будто въ прошломъ году перемѣна къ лучшему произошла отъ того, что правительство основало въ нынѣшнемъ году новыя казенныя изданія. Сколько мы знаемъ, ни одного казеннаго изданія не возникло въ нынѣшнемъ году; что по этой части имѣется у насъ нынче, то было и тогда. Если же въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы, то сталобыть не отъ казенныхъ изданій произошла перемѣна къ лучшему.

Вообще нельзя сказать, чтобы въ прошломъ году правительство не занималось литературою и оставляло ее безъ надзора и контроля. Цензурные комитеты существовали точно также и въ прошломъ году; цензоровъ было не менѣе, если не болѣе. Въ Петербургѣ цензура даже не довольствовалась, какъ нынѣ, своею естественною ролью, но усердно старалась руководить литературу и направлять мнѣніе газетъ. Если литература представляла въ прошломъ году зрѣлище очень грустное, то ужь конечно не потому чтобы на нее было мало вліяній оффиціяльными путями. Литература наша въ нынѣшнемъ году не представляетъ тѣхъ безобразій, которыми отличалась она въ прошломъ и о которыхъ долго русскому человѣку нельзя будетъ вспомнить безъ стыда; но причина тому совсѣмъ не то обстоятельство, что литература впервые поступила подъ правительственный надзоръ, а то что прежнія вліянія должны были прекратить свое дѣйствіе.

Если требуется сообщить нашей литературѣ доброе и плодотворное направленіе, то для этого надобно желать не чего-либо другаго, а пробужденія жизни въ нѣдрахъ нашего общества, духа иниціативы въ нашихъ народныхъ силахъ, чувства обезпеченности и собственнаго достоинства въ русскомъ человѣкѣ на всѣхъ поприщахъ законной дѣятельности, надобно желать правильной и сильной организаціи нашего общественнаго мнѣнія.

Сейчасъ только прочли мы описаніе прекраснаго праздника даннаго, въ петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, въ честь князю А. М. Горчакову. „Европа, сказалъ вице-канцлеръ, смотрѣла на Россію сквозь какую-то туманную завѣсу, и не видѣла того что было въ дѣйствительности. Мы дунули

на эту завѣсу, и Европа увидѣла наше отечество въ истинномъ свѣтѣ...“ Увы! между Русскими по происхожденію людьми и Россіей есть также очень густая туманная завѣса. Да поможетъ намъ Богъ дунуть на нее, и увидѣть наше отечество въ истинномъ свѣтѣ!

№ 272.

Москва, 13-го декабря.

Нельзя сказать, чтобы польскому дѣлу очень посчастливилось во французскомъ сенатѣ. Какая разница въ сравненіи съ засѣданіями этого почтеннаго собранія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Вчера наши читатели прочли прекрасную рѣчь маркиза де Ларошжаклена; сегодня прочтутъ они не менѣе интересную рѣчь, сказанную барономъ Дюпеномъ. Правое дѣло, за которое они говорили, вознаградило обонхъ ораторовъ замѣчательными достоинствами, которыми отличаются ихъ рѣчи; высотою и ясностью взгляда, силою доводовъ и убѣдительностью изложенія. Но если когда-либо неправое и фальшивое дѣло само карало себя въ лицѣ своихъ защитниковъ, то это случилось съ первымъ президентомъ, Бонжаномъ.

Въ рѣчи г. Бонжана, о которой мы хотимъ поговорить здѣсь подробнѣе, долженствовала быть сосредоточена главная сила всей аргументаціи, сколько еще остается ея въ запасѣ у защитниковъ польскаго дѣла; на нее повидимому разчитывалось какъ на послѣднее усиліе, въ ней собрано все что во французскомъ сенатѣ можно было сказать въ пользу польскаго дѣла,—и вотъ, все что въ ней сказано есть coup de grâce для этого несчастнаго дѣла. То дѣло можетъ считать себя погибшимъ, которому остается защищаться такими средствами, какими защищалъ польское дѣло г. Бонжанъ, со всею софистикою французскаго адвоката, со всѣми аргументами полученными изъ первыхъ рукъ отъ польскихъ патріотовъ, руководящихъ возстаніемъ изъ Парижа. Къ чести французскаго сената, надобно сказать, что рѣчь г. Бонжана слушалась съ явными знаками нетерпѣнія, которыя свидѣтельствовали и о полномъ равнодушіи собранія къ этому дѣлу, и о безуспѣшности маневровъ употребленныхъ въ его пользу. А все-таки нельзя не подивиться, что въ почтенномъ политическомъ собраніи, посреди Европы, во Франціи, которая любитъ ставить себя во главу европейской цивилизаціи, ораторъ пользующійся кредитомъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ французской магистратуры, могъ разчитывать на эффектъ риторства, поражающаго столько же своимъ дурнымъ вкусомъ, сколько и безсмысліемъ. Г. Бонжанъ нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ самому чудовищному эффекту. Олицетворяя Польшу, онъ сравниваетъ эту созданную его воображеніемъ фигуру—съ кѣмъ же?—съ Спасителемъ, а генерала Муравьева — съ Пилатомъ!... Г. Бонжанъ свидѣтельствуетъ о своемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности христіанской религіи; онъ объявляетъ себя защитникомъ великихъ началъ управляющихъ человѣческою жизнію, и во имя ихъ защищаетъ польское дѣло; онъ съ огорченіемъ говоритъ о г. Ренанѣ, съ негодованіемъ о г. Прудонѣ, который имѣетъ дерзость кощунствовать надъ польскимъ дѣломъ вмѣстѣ съ другими священными предметами. Но мы не думаемъ, чтобы самыя ожесточенныя нападенія на священные предметы могли такъ оскорблять ихъ, какъ лицемѣрное злоупотребленіе ими. Нельзя безъ омерзѣнія читать тѣ фразы французскаго ритора, въ которыхъ онъ тономъ умиленнаго чувства и искренняго убѣжденія распространяется о тождествѣ Польши, приносящей себя въ жертву за европейскую цивилизацію, съ Спасителемъ міра, умершимъ на крестѣ. „Въ первый разъ“ „такъ говорилъ онъ, замѣтьте это, — въ „первый разъ во французскомъ политическомъ собраніи дѣло доходитъ до грустной „необходимости защищать Польшу. Что жъ, „мм. гг.? Въ наше время, когда великій образъ, который, по одному справедливому и удачному выраженію, прошелъ „по землѣ *какъ душа безтѣлесная*, — въ „наше время когда этотъ строгій образъ „Христа былъ превращенъ въ какого-то „граціознаго демократа, въ какого-то революціонера, любителя праздниковъ и веселій... по какому праву Поляки могли „бы жаловаться, что и ихъ также называютъ революціонерами и мятежниками? „Христосъ умеръ за спасеніе души человѣческой; Польша умираетъ въ сію минуту за цивилизацію западную... Между „жертвою Пилата и жертвами Муравьева, „мм. гг., вотъ новое сходство.“ (Сенаторы „не ожидали такой чудовищной выходки; въ

„залѣ поднялся шумъ, раздались протеста-„ціи; чей-то голосъ воскликнулъ: „что за „сравненіе!“) „Что касается до меня, про-„должалъ ораторъ, „я скажу автору (Ре-„нану): ахъ! не употребляйте во зло ва-„шего таланта на похищеніе у меня вѣры, „во имя которой, въ ту послѣднюю мину-„ту, которая, при моихъ лѣтахъ, не за-„ставитъ долго ждать себя, мнѣ принесутъ „утѣшительное слово: *Азъ есмь воскресе-„ніе и животъ;* а тѣмъ, которые оскорбля-„ютъ Польшу, я буду отвѣчать: ахъ! не „отнимайте у меня вѣры во всемогущество „правды и справедливости; а справедли-„вость, по выраженію Брута, будетъ пу-„стымъ словомъ, если Польша не займетъ „рано или поздно своего мѣста между хри-„стіанскими націями, которымъ она всегда „служила преданною защитницей.“

Г. Бонжанъ напомнилъ о своихъ лѣтахъ. Какъ жаль, что эта добрая мысль о лѣтахъ не спасла его отъ жалкой риторики, оскорбляющей не только высшее нравственное чувство, но и чувство простаго приличія и здравый смыслъ!

Г. Бонжанъ не хочетъ видѣть въ Полякахъ революціонеровъ, а въ польскомъ дѣлѣ—мятежъ. За Россіей не признаетъ онъ никакихъ правъ—не только на герцогство Варшавское, но и на всѣ провинціи входившія въ составъ старой Польши: Поляки мятежники!“ восклицаетъ онъ: „Но мятежъ предполагаетъ законную власть, а кто осмѣлится сказать, что Россія имѣетъ законное право на Польшу? Въ чемъ она могла почерпнуть его?...“ Онъ не признаетъ ни трактатовъ, ни историческихъ правъ, ни правъ завоеванія; слѣдовательно, заключаетъ онъ, Поляки—не мятежники, не революціонеры, и оказывается, что роль мятежниковъ и революціонеровъ играютъ Русскіе. Если Поляки въ прежнія времена вели себя буйно и анархически, то въ настоящее время своею покорностію тайному „національному правительству“, они совершенно искупаютъ вину своихъ предковъ и являютъ себя вполнѣ готовыми къ политической самостоятельности! Хотя эта дурная шутка и возбудила ропотъ въ собраніи, однако ораторъ, не унывая, продолжалъ развивать свой тезисъ. Онъ подобралъ нѣсколько компрометтированныхъ въ возстаніи именъ изъ польской знати и польскаго духовенства: графа Андрея Замойскаго, епископа Бялобжескаго, архіепископа Фелинскаго и проч. и проч., и съ торжествомъ обращаясь къ собранію, вопрошаетъ; „Это ли революціонеры?“ Какъ будто дѣйствовать революціонными средствами не значитъ быть революціонерами, — какъ будто взаимный обманъ, на которомъ основано польское дѣло, сколько-нибудь его оправдываетъ,—какъ будто титулы князей и графовъ оправдываютъ ихъ измѣну,— какъ будто католическому духовенству ново участвовать въ политическихъ заговорахъ и давать благословеніе на убійства,— какъ будто интрига и преступленіе становятся чище и лучше когда они соединяются съ злоупотребленіемъ религіознаго авторитета,—какъ будто тайныя или явныя усилія ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, который г. Бонжанъ можетъ считать беззаконнымъ, но который тѣмъ не менѣе считаетъ себя вполнѣ законнымъ, и въ законности котораго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія пока существуетъ Русская держава, — какъ будто заговоръ организованный съ помощію самыхъ темныхъ интритъ для раздробленія государственной области, признанной и уважаемой цѣлымъ міромъ, не есть мятежъ, — какъ будто попытки захватить власть въ свои руки не есть революція,—какъ будто Наполеонъ III поклонился бы французскимъ баронамъ и графамъ или прелатамъ католической церкви, еслибъ они вздумали производить волненіе во Франціи въ пользу старшей или младшей линіи Бурбоновъ,— какъ будто титулъ принца спасъ самого Лудовика Наполеона отъ прискорбнаго заключенія въ крѣпости за его попытку возмутить Францію!

Г. Бонжанъ жертвуетъ Мѣрославскимъ; онъ не отрицаетъ подлинности документа, за подписью Мѣрославскаго, — документа, найденнаго въ кабинетѣ графа Замойскаго при обыскѣ его дома и впервые появившагося въ нашей газетѣ. Предъ собраніемъ, къ которому обращался г. Бонжанъ, было бы трудно защищать этотъ документъ, и ораторъ поспѣшилъ заклеймить его позорнымъ эпитетомъ, и прочелъ письмо полученное имъ, предъ засѣданіемъ, отъ князя Чарторыйскаго, который просилъ его извѣстить сенатъ, что національное правительство уволило г. Мѣрославскаго отъ занимаемой имъ должности. Таково польское дѣло: во французскомъ сенатѣ Чарторыйскій, черезъ Бонжана, казнитъ Мѣрославскаго, и въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ Мѣрославскій не замед-

литъ совершить экзекуцію надъ Чарторыйскимъ.

Чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ чистоту польскаго дѣла, г. Бонжанъ развилъ свитокъ невѣрныхъ извѣстій, будто бы распространяемыхъ о немъ русскимъ правительствомъ. И что же? Защищая дѣло, основанное на клеветахъ и темныхъ интригахъ, на лжи самой безстыдной, многократно изобличенной и уронившей повсюду его кредитъ, г. Бонжанъ упрекаетъ русское правительство за нѣкоторыя неточности въ извѣстіяхъ, которыя оно само же немедленно исправляло. Моисиньйоръ Фелинскій посланъ на житье въ Ярославль: первоначально въ телеграммѣ сказано, что онъ отправился туда безъ жандармовъ съ однимъ своимъ капелланомъ, а въ послѣдующемъ сообщеніи правительство дополнило, что ему сопутствовалъ полковникъ. И въ подобныхъ-то стараніяхъ русскаго правительства, исправить всякую неточность въ выходящихъ отъ него извѣстіяхъ, французскій юристъ вздумалъ искать основаній для обвиненія въ недобросовѣстности и лживости показаній!

Оратору очень хотѣлось потрясти почтенное собраніе, которому, видимо, надоѣдала его риторика, повѣствованіями о тѣлесныхъ наказаніяхъ, будто бы претерпѣнныхъ отъ русскаго правительства польскими дамами; но всѣ эти повѣствованія, къ несчастію г. Бонжана, были опровергнуты, и ему ничего болѣе не оставалось какъ припомнить старую басню о минскихъ монахиняхъ, которыя будто бы, во времена возсоединенія уніи, подвергались сѣченію по два раза въ недѣлю, въ продолженіи семи лѣтъ, для отторженія ихъ отъ католической церкви. Г. Бонжанъ не зналъ, что эти сѣченыя монахини давно уже поступили въ область миѳовъ; за то можно съ увѣренностію сказать, что послѣ этого засѣданія французскаго сената никакой новый Бонжанъ не заведетъ болѣе рѣчи объ этихъ монахиняхъ. Г. маркизъ де-Ларошжаклэнъ окончательно похоронилъ эту исторію; онъ потребовалъ слова, и далъ слѣдующее показаніе: „Я былъ виноватъ," сказалъ онъ, „что въ прошломъ году повѣрилъ этой „исторіи, которой коснулся сейчасъ г. Бон„жанъ. Я постарался собрать объ этомъ „дѣлѣ самыя положительныя свѣдѣнія, и „князь Радзивилъ, лицо носящее одно изъ „знаменитѣйшихъ польскихъ именъ, опро„вергъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всю „эту исторію. По разсказу, этотъ мона„стырь, гдѣ будто бы сѣкли монахинь, на„ходится въ его имѣніи. И что же? Этого „монастыря никогда не существовало. Доб„рые люди, духовныя лица, самъ святѣй„шій отецъ, вся Европа были обмануты „интриганткой. Эта недостойная женщина „подверглась наконецъ полному изобличе„нію. Полякъ, католикъ, владѣлецъ тѣхъ „мѣстъ, гдѣ будто бы происходили всѣ эти „ужасы, торжественно объявляетъ ложью „всѣ эти разсказы."

Но главная сила аргументаціи защитника польскихъ правъ на участіе и сочувствіе Европы сосредоточилась на томъ доводѣ, что мы, Русскіе, — азіятская орда, чуждая Европѣ, а Поляки — представители европейской цивилизаціи. Это не ново, это уже всѣмъ надоѣло, и потому г. Бонжанъ постарался дать своему блюду новую приправу. Онъ вздумалъ попутать французскихъ сенаторовъ коммунизмомъ, который будто бы Россія таитъ въ своихъ нѣдрахъ и угрожаетъ имъ Европѣ. Въ этомъ-то онъ видитъ нашу азіятскую натуру; онъ и видитъ ея признаки еще въ томъ, что наше общество не представляетъ никакой организаціи, никакой іерархіи, никакихъ аристократическихъ элементовъ. Онъ находитъ совершенно вѣрнымъ изреченіе, приписанное имъ, конечно безъ всякихъ основаній, одному значительному лицу: „Въ Россіи нужны только двѣ вещи: царь на верху и крестьяне внизу." Онъ съ ужасомъ представляетъ на видъ, что Россія есть всепоглощающее государственное начало: „въ Россіи, говоритъ онъ, государство есть все, личность — ничто." Если въ прежнее время на Россію указывали какъ на державу военную и страшились ея честолюбивыхъ, и завоевательныхъ замысловъ; то теперь, благодаря г. Бонжану, точка зрѣнія должна нѣсколько измѣниться: опасность заключается уже не въ завоевательныхъ полчищахъ, которыми Россія можетъ наводнить Европу, а въ коммунизмѣ, соціализмѣ и демократіи, въ революціонныхъ элементахъ, которыми Россія не преминетъ заразить Европу, если между ними не станетъ Польша. Вотъ къ какимъ аргументамъ прибѣгаютъ теперь защитники польскаго дѣла. Но не забавно ли, что въ этомъ самомъ Парижѣ, гдѣ процвѣтали всѣ знаменитости коммунизма и соціализма, гдѣ разыгрывались февральскія событія, — во Франціи, гдѣ ученіе о государственной централизаціи доведено до по-

слѣдней крайности, гдѣ общество превращено въ прахъ; гдѣ демократія возводится въ идеалъ, гдѣ между верховною властью и народомъ дѣйствительно нѣтъ никакихъ посредствующихъ общественныхъ силъ, а есть только префекты и меры, — во Франціи, гдѣ вырабатывались всѣ эти дурныя ученія, поражавшія ее бѣдствіями и дѣйствительно отравившія весь европейскій материкъ, сгубившія и у насъ не одно поколѣніе молодыхъ силъ, — не забавно ли, что французскій сенаторъ все это зло, по праву принадлежащее Франціи, приписываетъ Россіи, и видитъ въ немъ признакъ азіятской породы? Эти полчища дикарей, дравшіяся на парижскихъ улицахъ подъ краснымъ знаменемъ, провозглашавшихъ уничтоженіе собственности и расторженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріяльныхъ связей, которыми держится человѣческое общество, — эти полчища возстававшія противъ всѣхъ правъ и интересовъ, выработанныхъ долгимъ трудомъ исторіи, и грозившія, какъ съ ужасомъ вопили сами Французы, погубить европейскую цивилизацію, — развѣ эти полчища были напущены Россіей, развѣ они — не порожденіе французской почвы? За что же г. Бонжанъ хочетъ тѣснить насъ къ Уралу? Въ Россіи многое не установилось, многое еще не выработалось, многое еще находится въ неопредѣленномъ состояніи, а главное — многое еще не выяснилось, многое еще закрыто туманомъ недоразумѣній, многое остается въ бездѣйствіи, благодаря тѣмъ фальшивымъ обольщеніямъ, которыми болѣе всѣхъ снабжала насъ Франція. Но въ народныхъ нѣдрахъ Россіи нѣтъ, слава Богу, ничего похожаго на тѣ элементы разложенія, которыми такъ обильна Франція, и которыя бросаютъ ее изъ одной революціи въ другую. Наша сельская община не имѣетъ ничего соотвѣтственнаго тѣмъ чудовищнымъ ученіямъ объ общности имуществъ, которыми славится Франція. Въ русскомъ народѣ инстинктъ собственности столько же силенъ какъ и во всѣхъ другихъ историческихъ народахъ; съ развитіемъ ея гражданскихъ учрежденій, это великое основное право пріобрѣтаетъ все бо́льшія и бо́льшія обезпеченія, все большее и большее значеніе; съ каждымъ шагомъ на пути предпринятыхъ въ Россіи реформъ, она все болѣе и болѣе ограждается отъ тѣхъ антиобщественныхъ элементовъ, которыми Франція отравляетъ Европу. Подъ кажущимся мертвымъ однообразіемъ нашего общественнаго порядка таятся всѣ элементы самой здоровой и плодотворной организаціи. Формула: „Государство все, а личная инціятива — ничто“, есть французская формула, и пусть Франція остается при ней; пусть она остается при своей демократіи, при господствѣ массъ, при печальномъ Suffrage universel: Россія не позавидуетъ ей въ этомъ печальномъ наслѣдіи ея издавна ведущейся правительственной системы и ея революцій.

Г. Бонжанъ находитъ, что русскія власти, усмиряя польскій мятежъ, дѣйствуютъ по программѣ Прудона. Онъ приберегъ къ концу своей рѣчи обзоръ тѣхъ истязаній, которымъ русскіе Пилаты подвергаютъ Польшу, — эту мученицу, созданную его риторикой. Онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду произвести впечатлѣніе не столько на членовъ Французскаго сената, сколько на русскихъ либераловъ, въ родѣ цитованнаго г. Сегюромъ д'Агессо; онъ рисуетъ мрачными красками секвестраціи, которымъ подвергаются имѣнія польскихъ пановъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, который клонится, по сознанію самого г. Бонжана, ни болѣе ни менѣе какъ къ тому чтобы раздробить Русское государство. Онъ упрекаетъ русскія власти въ Вильнѣ въ страшномъ соціализмѣ, за то что онѣ стараются поднять духъ преданнаго Россіи сельскаго люда и ослабить поземельное значеніе пановъ, признаваемыхъ самимъ адвокатомъ за непримиримыхъ враговъ русскаго владычества. Но адвокатъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство: прежде чѣмъ русскія власти приступили къ подавленію мятежа, въ то время когда русскіе солдаты были командируемы въ села для приведенія крестьянъ въ повиновеніе панамъ, которые формировали шайки въ лѣсахъ, — въ то время польское „національное правительство, долженствующее спасти Европу отъ русскаго коммунизма, издало декретъ, которымъ отдавались крестьянамъ даромъ земли принадлежащія по праву собственности помѣщикамъ; точно также какъ агенты этого „правительства“ пытались фальшивыми царскими грамотами и разными другими продѣлками произвести соціальныя волненія на отдаленномъ востокѣ Россійской Имперіи.

Только безсмысленныхъ варваровъ можно ловить на удочку пышныхъ фразъ; но риторы подобные г. Бонжану напрасно хлопочутъ: не такіе же мы варвары какъ онъ

думаетъ, и русскія власти не обратятъ ни малѣйшаго вниманія на его выходки. Энергическія мѣры, которыя принимаетъ наше правительство къ пресѣченію мятежа, не унижаютъ, а возвышаютъ его достоинство. Гдѣ же и когда обходились безъ чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія мятежей? Въ какихъ же странахъ мятежъ подавлялся либеральными мѣрами? Не во Франціи ли? Кто изъ французскихъ сенаторовъ имѣлъ бы духъ посовѣтовать русскимъ властямъ поступать такъ какъ поступало нынѣшнее французское правительство въ 1851 году, и поступало не противъ мятежа, но противъ защитниковъ существовавшаго тогда законнаго порядка? Кто не помнитъ этихъ ужасныхъ, потрясающихъ сценъ, которыя еще недавно были возобновлены въ памяти Европы энергическимъ перомъ англійскаго писателя, г. Кинглека,—кто не помнитъ этихъ безпощадныхъ избіеній невиннаго люда въ окнахъ домовъ и на улицахъ? Такъ дѣйствовало нынѣшнее французское правительство, замыслившее насильственный переворотъ, и дѣйствовало, повторяемъ, не только противъ людей оказывавшихъ сопротивленіе, но противъ людей не знавшихъ въ чемъ дѣло, противъ женщинъ и дѣтей, которыя случайно подвертывались подъ пулю и штыкъ солдатъ, заранѣе подготовленныхъ виномъ къ этимъ подвигамъ. Вотъ какъ дѣйствовала Французская имперія при своемъ водвореніи! Такъ ли дѣйствовали русскія власти въ Варшавѣ, противъ тѣхъ толпищъ, которыя на улицахъ плевали русскимъ солдатамъ въ лицо? Конечно, не въ излишней энергіи можно упрекать здѣсь законную власть, охранявшую порядокъ; равно какъ не въ недостаткѣ энергіи можно упрекать нынѣшнее французское правительсто, когда оно задумало насильственно измѣнить существовавшій порядокъ вещей.

Еще разъ, къ чести французскаго сената, слѣдуетъ замѣтить, что въ этой части своихъ разглагольствій ораторъ былъ безпрестанно прерываемъ и между прочимъ ему напомнили, что чрезвычайныя мѣры, къ которымъ русское правительство прибѣгаетъ для подавленія мятежа,—дѣло очень естественное въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и что тѣ же самыя мѣры о которыхъ ораторъ распространялся съ поддѣльнымъ ужасомъ, принимаются нынѣшнимъ италіянскимъ правительствомъ въ Сициліи. Да развѣ Франція не находится еще и теперь подъ дѣйствіемъ чрезвычайныхъ мѣръ? Развѣ французское правительство не принимало мѣръ такъ-называемой общественной безопасности, развѣ оно не переселяло съ мѣста на мѣсто безъ всякаго суда и слѣдствія подозрительныхъ людей, развѣ оно не лишало ихъ отечества, развѣ оно не ссылало ихъ въ Кайенну? Если Франція, по мнѣнію г-дъ Бонжановъ, стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи, если тѣ же самые г-да Бонжаны готовы расточать ѳиміамъ тѣмъ „спасительнымъ“ мѣрамъ, которыми утвердилась нынѣшняя имперія во Франціи, вслѣдствіе насильственнаго переворота,—то какое же низкое мнѣніе должны имѣть эти господа о русскихъ либералахъ, надѣясь доказать имъ, что правительство законное и безспорное не должно дѣйствовать со всевозможною энергіей на защиту правъ своего народа, а слабодушно жертвовать ими и измѣнять своему священнѣйшему долгу. Если какое-либо правительство когда-либо имѣло право прибѣгать въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ къ чрезвычайнымъ средствамъ, то для русскаго правительства въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, передъ лицомъ польскаго мятежа,—это уже не просто право,—это обязанность.

№ 273.

Москва, 14-го декабря.

Вексельный курсъ петербургской биржи, обнаруживъ на прошлой недѣлѣ наклонность къ повышенію, удерживаетъ эту наклонность и на нынѣшней недѣлѣ. На вчерашней биржѣ, курсъ на Лондонъ восходилъ выше 35 пенсовъ ($35^3/_{16}$), а на Парижъ до 370 сантимовъ за кредитный рубль. Эта твердость биржи представляетъ явленіе, заслуживающее вниманія. Сила обстоятельствъ излѣчиваетъ биржу отъ паники, овладѣвшей ею въ началѣ ноября, когда банкъ прекратилъ сначала трассировку, а потомъ и размѣнъ. Биржа имѣла тогда право сѣтовать и сердиться; такъ какъ возможность такихъ быстрыхъ и сильныхъ измѣненій въ курсѣ, какія были произведены ноябрьской паникой, есть уже сама по себѣ обстоятельство несовмѣстимое съ правильнымъ ходомъ коммерческихъ дѣлъ. Поэтому было бы не совсѣмъ справедливо пенять на биржу за ея ноябрьскій капризный юморъ. Но съ другой стороны дальнѣйшее движе-

ніе курса показало, что мы были тоже не совсѣмъ не правы, когда упоминали о капризѣ, какъ объ одномъ изъ элементовъ ноябрьской паники. Если банковый курсъ, то-есть тотъ курсъ, по которому банкъ трассировалъ, былъ чрезмѣрно высокъ, то курсъ установленный биржей послѣ того какъ банкъ отступился отъ поддерки ея операцій, былъ чрезмѣрно низокъ. Вотъ почему мы, вовсе не раздѣляя страннаго мнѣнія о недостаточномъ количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ и напротивъ приписывая ноябрьскую биржевую исторію преимущественно избытку въ нихъ, замѣчали однакоже что вексельный курсъ не можетъ повидимому падать еще болѣе, и что надобно даже ожидать повышенія его. Нашъ взглядъ совершенно оправдался. Тѣ самыя лица, которыя въ ноябрѣ установили низкій курсъ, нашлись вынужденными поднимать его, не безъ ущерба для тѣхъ спекуляцій, которыя были заранѣе предусмотрѣны и разчитаны на пониженіе курса. Негоціанты, имѣвшіе вѣрное убѣжденіе что кредитныхъ билетовъ въ Россіи вовсе не мало, а напротивъ слишкомъ много, приняли свои мѣры чтобы воспользоваться предстоявшею биржевою катастрофой. Въ ихъ интересѣ было, чтобы вексельный курсъ понижался какъ можно болѣе. Тому же должна была содѣйствовать обнаружившаяся именно въ одно время съ петербургской катастрофой дороговизна денегъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Эта дороговизна, причиненная отливомъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Европы въ Азію (вслѣдствіе вывоза хлопчатой бумаги, нарушившаго обычный торговый балансъ Европы съ Азіей), должна была затруднять обратный переводъ капиталовъ изъ Англіи и Франціи въ Россію и слѣдовательно противодѣйствовать повышенію нашего вексельнаго курса. Но несмотря на интересы сопряженные съ поддержаніемъ низкаго курса, ни на давленіе производившееся въ этомъ же смыслѣ недостаткомъ денежныхъ знаковъ на главныхъ биржахъ Европы, нашъ вексельный курсъ сталъ подниматься, и притомъ подниматься съ тою постепенностію, которая свидѣтельствуетъ о дѣйствіи силы обстоятельствъ, независимой отъ случайныхъ вліяній.

Слѣдуетъ ли однакоже дѣлать изъ этого явленія тѣ выводы, на которые, конечно, уже готовы неисправимые поборники очевиднѣйшаго изъ заблужденій, того заблужденія будто у насъ нѣтъ избытка денежныхъ знаковъ? Видите, собираются восклицать они, — курсъ возвышается, онъ возвышается несмотря на безденежье въ Лондонѣ и Парижѣ; какое же еще нужно доказательство того, что и у насъ въ Петербургѣ безденежье? Мы уже имѣли случай доказать самымъ очевиднымъ образомъ (на основаніи курса фондовъ и акцій), что общаго безденежья нѣтъ и въ Петербургѣ, гдѣ однакоже болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи должно ощущаться безденежье вслѣдствіе того, что размѣнъ, извлекшій изъ обращенія 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, происходилъ въ Петербургѣ. Общаго безденежья нѣтъ въ Петербургѣ, говорили мы, частное же безденежье должно оказываться въ тѣхъ каналахъ которые сходятся къ петербургской биржѣ, и которые были опорожнены размѣномъ. Въ этихъ каналахъ теперь дѣйствительно денежныхъ знаковъ меньше чѣмъ бывало обыкновенно прежде, и вотъ почему вексельный курсъ можетъ возвышаться. Но даже и въ этихъ каналахъ нѣтъ такого безденежья, которое было бы въ силахъ возвысить вексельный курсъ до *pari*, то-есть до номинальной цѣны рубля. Слѣдовательно даже и эти каналы указываютъ на присутствіе нѣкотораго избытка денежныхъ знаковъ, и если страдаютъ безденежьемъ, то не абсолютнымъ, а относительнымъ.

Можно ли однако ожидать что это относительное безденежье будетъ довольно долго ощущаться на петербургской биржѣ? Можно ли ожидать, что курсъ будетъ продолжать возвышаться или по крайней мѣрѣ что теперешній сравнительно высокій курсъ устоитъ до открытія навигаціи? Кто, какъ мы, увѣренъ въ избыткѣ денежныхъ знаковъ въ Россіи, тотъ не можетъ сомнѣваться, что денежные знаки въ скоромъ времени прильютъ къ Петербургу изъ Россіи, и потому должны отвѣчать на поставленные сейчасъ вопросы: *нѣтъ*. Кто держится противоположнаго взгляда и убѣжденъ, что денежныхъ знаковъ у насъ очень мало, тотъ наоборотъ непремѣнно долженъ отвѣчать: *да*. Послѣдствія покажутъ, чей взглядъ былъ вѣрнѣе. Состояніе вексельнаго курса въ продолженіе ближайшихъ мѣсяцевъ будетъ прекраснымъ случаемъ свѣрить разные взгляды на русскую денежную систему не съ теоріей, которой не могутъ вѣрить люди, не понимающіе ея, а съ эмпирическими данными, для всѣхъ очевидными и осязательными.

Б.

„Мы думали, что истощился уже запасъ жестокостей русскаго правительства. Но мы ошиблись.“ Такъ начинается варшавская корреспонденція въ парижской газетѣ *Le Temps*, отъ 21-го декабря. Съ своей стороны мы тоже можемъ сказать: „Мы думали, что истощился уже запасъ клеветъ на русское правительство. Но мы ошиблись.“ Дѣйствительно, послѣ чудовищнаго подлога въ *Opinion Nationale*, съ которою сотрудникъ нашъ, П. В. Щербань, вѣроятно, уже началъ теперь отъ нашего имени судебное дѣло; намъ казалось, что нельзя было идти далѣе въ жондофильской изобрѣтательности; но, еще разъ, мы ошиблись. Для клеветы и наглыхъ выдумокъ не существуетъ, какъ видно, никакихъ предѣловъ. Насъ не удивляли извѣстія, въ родѣ того, которое сообщено въ газетѣ *Wanderer*, отъ 19-го декабря, а именно, что русское правительство арестовываетъ будто бы систематически всѣхъ польскихъ ксендзовъ, и что когда капуцинъ Клепацкій спросилъ о причинѣ своего ареста, то, вмѣсто отвѣта, ему дано было 20 ударовъ плетьми. Подобныя извѣстія не могутъ уже никого удивить; они совершенно въ порядкѣ вещей; подобныя выдумки цѣлыми ролями кишатъ въ каждомъ нумерѣ закупленныхъ Поляками иностранныхъ газетъ. Но вотъ нѣчто новенькое. Корреспондентъ газеты *Le Temps*, къ письму своему изъ Варшавы, отъ 8-го декабря, изъ котораго мы привели выше начальныя строки, прилагаетъ нѣсколько, совершенно достовѣрныхъ будто бы выдержекъ изъ корреспонденціи одной ссыльной Полки на пути въ Сибирь, изъ Москвы и Нижняго Новгорода. Между многими невѣроятнѣйшими и нелѣпѣйшими выдумками, Полька эта будто бы пишетъ изъ Москвы, отъ 26-го ноября, слѣдующее: „На пути изъ Петербурга въ Москву, по желѣзной дорогѣ, одна ссыльная умерла въ вагонѣ; тѣло ея было выброшено въ дверцу вагона, причемъ поѣздъ продолжалъ свой путь, даже не остановившись.“ Нѣтъ ничего мудренаго, что варшавскій корреспондентъ, въ интересѣ возстанія, сочинилъ это извѣстіе и дѣйствительно сообщилъ его въ газету; со стороны варшавскаго корреспондента парижской газеты понятенъ такой поступокъ, такая наглая выдумка; но какъ могла газета *Le Temps*, послѣ столькихъ опытовъ и приключеній, бывшихъ съ французской журналистикой, допустить на свои страницы такую нелѣпую сказку? Вѣдь и съ извѣстіями изъ Мадагаскара обходятся въ европейской журналистикѣ осторожнѣе, и о воскресеніи Радамы II говорятъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Газета *Le Temps* проповѣдуетъ теперь крестовый походъ противъ Россіи... изъ особеннаго рода доброжелательства къ своему императору, котораго ей непремѣнно надо вовлечь въ войну. Она ухватилась за сказку съ странною поспѣшностью. Но надобно сказать правду: варшавскій корреспондентъ ея постарался довольно тонкимъ манеромъ придать достовѣрность мнимымъ выдержкамъ, которыя онъ приводитъ. Такъ, въ другомъ письмѣ этой ссыльной, или какъ корреспондентъ заставляетъ ее называть себя, каторжной Полки, уже изъ Нижняго Новгорода, онъ заставляетъ ее говорить слѣдующее: „Намъ позволяютъ писать отсюда; но всѣ письма наши просматриваются предварительно въ полиціи.“ Не дается ли этими словами почувствовать, что и сказка о выброшенномъ изъ вагона мертвомъ тѣлѣ была, значитъ, просмотрѣна русскою полиціей и оставлена въ письмѣ, какъ достовѣрная?

№ 274.

Москва, 16-го декабря.

А.

Читатели найдутъ ниже, подъ рубрикой *Франція*, полный текстъ отвѣта, произнесеннаго императоромъ Французовъ на сенатскій адресъ. Императоръ слегка даетъ почувствовать своему первенствующему политическому собранію что ему было не совсѣмъ пріятно разногласіе, обнаружившееся въ рѣчахъ французскихъ сенаторовъ, хотя оно и было потомъ вознаграждено полнымъ единодушіемъ поданныхъ ими голосовъ по вопросу объ адресѣ. Сдѣлавъ сенату этотъ легкій выговоръ, облеченный въ форму любезнаго комплимента, императоръ снѣшитъ перейдти къ внѣшней политикѣ. Здѣсь ему предстояло высказаться о томъ, въ какой степени вѣрно понялъ сенатъ тронную рѣчь. Читатели помнятъ, что эта рѣчь допускала два противоположныя толкованія, миролюбивое и воинственное. Безпристрастный читатель принужденъ былъ склонить-

ся на сторону послѣдняго изъ этихъ двухъ толкованій, и на ту же сторону склонилась биржа, существо, какъ извѣстно, особенно чуткое къ подобнымъ вещамъ. Но сенатъ, по собственному ли побужденію, или по намеку сдѣланному свыше, предпочелъ толковать тронную рѣчь императора въ самомъ миролюбивомъ смыслѣ. Интересно было знать что скажетъ на это самъ Наполеонъ III, возстановитъ ли онъ устраненную сенатомъ двусмысленность тронной рѣчи, или оставитъ дѣло въ томъ видѣ какъ разъяснилъ его сенатъ, и утвердитъ своимъ словомъ миролюбивое толкованіе своихъ намѣреній. Императоръ высказался какъ нельзя яснѣе; онъ высказался съ тою же опредѣленностью, съ какою были сказаны въ Бордо знаменитыя слова: Имперія *есть миръ*. Не менѣе опредѣленныя, теперешнія слова его вышли еще ярче. „Воевать въ Европѣ значитъ вести междуусобную войну; эту истину завѣщалъ мнѣ глава моей фамиліи.“ Вотъ какое эффектное выраженіе прінскалъ Наполеонъ III для своего теперешняго миролюбиваго настроенія, и вотъ на какой сильный авторитетъ онъ сослался. Еслибы квакеру могло не показаться зловѣщимъ упоминаніе о Наполеонѣ I среди мечтаній о водвореніи мира между европейскими народами, то отвѣтъ сенату былъ бы навѣрно признанъ документомъ совершенно заслуживающимъ одобренія отъ друзей мира. Они могли бы упрекнуть императора развѣ только за излишнюю довѣрчивость къ людямъ. „Благо есть единственная цѣль моихъ стремленій“, говоритъ онъ; но когда онъ высказываетъ надежду что идея вѣчнаго мира, кажущаяся теперь утопіей, можетъ осуществиться завтра, то онъ очевидно заходитъ слишкомъ далеко въ своей готовности судить по себѣ обо всѣхъ людяхъ.

Но оставимъ квакеровъ и посмотримъ, что скажутъ на императорскую рѣчь скептики не вѣрящіе въ возможность вѣчнаго мира даже между цивилизованными европейскими державами. Скептики извлекутъ изъ рѣчи Наполеона III то практическое заключеніе, что мысль о конгрессѣ, несмотря на всѣ неудачи, еще не оставлена въ Тюльери. Это заключеніе повидимому не подлежитъ сомнѣнію. Оно подтверждается и обнародованнымъ одновременно циркуляромъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Люиса, по вопросу о конгрессѣ. Этотъ циркуляръ написанъ почти за двѣ недѣли до отвѣтной рѣчи 21 декабря. Онъ разбираетъ возможныя послѣдствія императорскихъ писемъ къ государямъ Европы отъ 4-го ноября. Могло случиться, говоритъ г. Друэнъ-де-Люисъ, что всѣ державы изъявили бы намъ свое согласіе. Тогда состоялся бы конгрессъ, и въ Европѣ была бы создана истинная Аркадія. Но этой счастливой случайности не суждено было обрадовать Европу и прославить Францію. Англія отказалась отъ конгресса, и онъ состояться не можетъ. Тѣмъ не менѣе Франція не отказывается отъ попытокъ облагодѣтельствовать человѣчество. Если нельзя добиться общаго европейскаго конгресса, то можно устроить частный конгрессъ. Этотъ частный конгрессъ не можетъ касаться всѣхъ европейскихъ вопросовъ; онъ не можетъ имѣть значенія верховнаго суда надъ европейскими государствами, но тѣмъ не менѣе г. Друэнъ-де-Люисъ полагаетъ что онъ могъ бы служить къ умиротворенію Европы, и цѣль французскаго циркуляра состоитъ въ томъ, чтобы сообщить державамъ изъявившимъ условное или безусловное согласіе на участіе въ конгрессѣ, что Франція не только не отказывается отъ своей мысли, но считаетъ даже нужнымъ указать на средства, которыя могутъ устранить колебанія державъ, лишь условно согласившихся на мысль предложенную Франціей. Это средство заключается въ предварительныхъ конференціяхъ, на которыхъ министры иностранныхъ дѣлъ условились бы о вопросахъ, долженствующихъ подлежать обсужденію будущаго конгресса государей.

Итакъ, мысль о конгрессѣ государей не оставлена; оставлена только мысль объ общемъ европейскомъ конгрессѣ. Въ замѣнъ его предполагается устроить частный конгрессъ. Но какъ бы въ вознагражденіе первоначальной мысли за то умаленіе, которому она подверглась, предполагаемый частный конгрессъ называется уже прямо конгрессомъ, тогда какъ первоначально-проектированное общее европейское судилище тронная рѣчь называла болѣе скромнымъ именемъ конференцій. Убыль слѣдовательно только въ количествѣ, а въ качествѣ оказывается даже прибыль. Но еще интереснѣе что прибыль оказывается и въ общемъ сочувствіи. Мы не говоримъ уже о томъ, что отвѣтъ императора Французовъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на парижской биржѣ и заслужилъ общее одобреніе парижскихъ журналовъ. Мы только

упомянемъ, что особенно восхищается имъ газета *Presse*. „Государь," восклицаетъ г. Эмиль де-Жирарденъ,—пусть только три, даже два государя откликнутся на вашъ призывъ,—примите ихъ, соединитесь съ ними, вступите въ переговоры,—положите благотворное сѣмя, и сѣмя это, оплодотворенное гласностью во всѣхъ странахъ, возрастетъ и принесетъ плоды въ умахъ всѣхъ народовъ." Но чрезвычайно интересно, что и англійскія газеты отзываются съ одобреніемъ о предположеніи созвать частный конгрессъ. „Общій конгрессъ, говорятъ Англичане, вещь невозможная и опасная, а частный конгрессъ—другое дѣло. Противъ частнаго конгресса мы ничего не имѣемъ."

Настойчивость Франціи на мысли о конгрессѣ—не малая загадка. Какой, повидимому, можетъ быть прокъ въ конгрессѣ, если въ немъ навѣрное не будутъ участвовать Англія и Австрія (Австрія объявила, что она не пойдетъ на конгрессъ безъ Англіи)? Такой конгрессъ былъ бы или ничто, или онъ долженъ бы превратиться въ союзъ противъ Англіи и Австріи; но можно ли теперь создать такой союзъ? И если бы что-нибудь подобное считалось возможнымъ, то развѣ англійская печать не забила бы уже давно тревогу? А такъ какъ англійская печать относится очень благодушно къ теперешнимъ планамъ императора Наполеона, то слѣдуетъ, что подобной опасности не предвидится. Если угодно, можно скорѣе подозрѣвать, что переговоры о конгрессѣ ведутся не серіозно, что за ними скрывается ловушка, разставляемая не безъ вѣдома англійской политики, или по крайней мѣрѣ не безъ вѣдома ея шефа, лорда Пальмерстона, великаго мастера проводить людей всякими штуками, тѣмъ что по-англійски зовется *humbug*. Въ пользу подобнаго предположенія говоритъ, повидимому, та быстрота, съ которою англійскій кабинетъ отказался отъ участія въ конгрессѣ. Въ такомъ случаѣ кажущееся взаимное охлажденіе Франціи и Англіи было бы комедіей, и какъ скоро частный конгрессъ приближался бы къ осуществленію, Англія, сославшись на измѣнившіяся обстоятельства, изъявила бы готовность принять въ немъ участіе, а вслѣдъ за Англіей примкнули бы къ конгрессу и Австрія. Такъ какъ въ конференціяхъ министровъ ипостранныхъ дѣлъ не участвовали бы ни Англія ни Австрія, то вопросы восточный и италіянскій пришлось бы устранить изъ программы конгресса; иначе конгрессъ принялъ бы характеръ союза противъ Англіи и Австріи, чего никто не хочетъ. А когда конференціи рѣшили бы не касаться на конгрессѣ вопросовъ восточнаго и италіянскаго, то ни Австрія, ни Англія не имѣли бы причины уклоняться отъ участія въ конгрессѣ. Это была бы штука довольно хитрая и кончилась бы она тѣмъ, что конгрессъ занялся бы почти исключительно польскимъ вопросомъ. Но трудно предполагать, чтобы подобная штука могла имѣть успѣхъ: она слишкомъ прозрачна. Теперешній глава французскаго государства несомнѣнно очень ловкій человѣкъ; не менѣе несомнѣнно и то, что очень ловокъ и глава англійскаго кабинета; но простой ловкости было бы мало, была бы нужна болѣе нежели человѣческая ловкость чтобы побудить какую бы то ни было великую державу къ участію въ предпріятіи, которое есть или пуфъ, или враждебная ему интрига. Что же остается подумать о проектѣ частнаго европейскаго конгресса? Неужели правы тѣ, которые весь этотъ планъ объясняютъ тѣмъ, что императоръ Наполеонъ, при всемъ своемъ практическомъ тактѣ, при всей своей несомнѣнной ловкости и хитрости, есть въ сущности утопистъ, подъ часъ увлекающійся самыми несбыточными мечтами? Увѣряютъ, что временное превращеніе воинственнѣйшаго изъ европейскихъ государей въ поборника квакерскихъ идей вовсе не маска, надѣтая умышленно, чтобы морочить добрыхъ людей. Говорятъ что въ миролюбіи, осѣнившемъ теперь императора Французовъ, есть много искренняго, какъ и вообще въ его натурѣ есть наивныя черты, которыя собственно и даютъ ему власть надъ умами своего времени. Онъ, говорятъ, уже довольно стяжалъ военной славы; послѣднія воинственныя предпріятія—мексиканская экспедиція и дипломатическій походъ противъ Россіи—были менѣе удачны чѣмъ прежнія; финансы Франціи разстроены, и дѣло наконецъ должно дойдти до значительнаго увеличенія налоговъ, а это опасно для будущности династіи. Все это, говорятъ, достаточно объясняетъ, какъ могъ найдти на императора Французовъ стихъ миролюбія. Но если со всѣмъ этимъ и согласиться, все-таки не будетъ понятно, почему миролюбивое настроеніе выразилось проэктомъ конгресса, а не другими дѣйствіями, прямѣе ведущими къ цѣли. Императору Французовъ должно быть очень хорошо извѣстно,

кто виновникъ теперешняго тревожнаго состоянія Европы, кѣмъ было прервано мирное преуспѣяніе европейскихъ государствъ, кто принудилъ народы Европы къ обременительнымъ расходамъ на небывалыя доселѣ вооруженія. Франція и ея императоръ, дѣйствительно, могутъ облагодѣтельствовать человѣчество, потому что не отъ кого, какъ отъ нихъ, зависитъ европейскій миръ. Франція совершенно безопасна отъ наступательныхъ дѣйствій какой бы то ни было другой державы. Если другія державы вооружаются, то вооружаются для обороны. Одна Франція вооружается для наступательныхъ дѣйствій, а потому французскія вооруженія требуютъ отъ всѣхъ державъ соотвѣтственныхъ вооруженій, какъ крайней необходимости. Итакъ если дѣйствительно на императора Французовъ нашелъ стихъ миролюбія, если дѣйствительно Франція хочетъ явиться благодѣтельницей человѣчества, то стóитъ только уменьшить французскую армію, и можно стяжать благодарность всей Европы. Но Франція не прибѣгаетъ къ этому простому, вѣрному и совершенно безопасному для нея средству. Французское правительство не жалѣетъ своихъ финансовъ, оно заключаетъ заемъ въ 300 милліоновъ франковъ, и оставляетъ за собой право выпустить сверхъ того на 250 милліоновъ франковъ билетовъ государственнаго казначейства. Оно хочетъ быть готово къ нападенію на своихъ сосѣдей, ближнихъ и дальнихъ, и угрожая имъ войной, побуждать, а при случаѣ — и принуждать ихъ къ миролюбію.

Предложеніе конгресса заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: упрочить миръ Европы вотъ заявленная цѣль конгресса; а заявленное средство достигнуть этой цѣли заключается въ томъ, чтобы въ состояніи Европы были произведены перемѣны. Мы въ правѣ заключить, что если цѣль очень нравится императору Наполеону, то не менѣе нравится ему и средство. Прежде, по всему вѣроятію, имѣлись въ виду территоріальныя перемѣны; теперь можетъ-быть мысль о нихъ оставлена, но перемѣны въ политическихъ комбинаціяхъ безспорно входятъ въ планы при настойчивомъ требованіи конгресса. Мы не очень вѣримъ тому, чтобы Наполеонъ III такъ нуждался въ союзѣ съ Россіей, какъ полагаютъ иные. Заявленія дружбы не могутъ имѣть большаго вѣса когда сопровождаются вымогательствомъ или вымаливаніемъ уступокъ. Теперь не время для тѣсныхъ союзовъ между великими державами, и Наполеонъ III, конечно, очень хорошо понимаетъ это. Но въ проектъ конгресса можетъ и не входить разчетъ на великія державы. Отмѣтимъ оригинальную особенность послѣднихъ дипломатическихъ дѣйствій Франціи. Вмѣстѣ съ Англіей и Австріей, она предлагала намъ конференціи по польскому вопросу, въ которыхъ участвовали бы всѣ державы подписавшія вѣнскій трактатъ. Россія отказалась отъ подобныхъ конференцій, и Франція, предлагая конгрессъ, имѣла въ виду этотъ отказъ. Она предложила всеобщій конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ государства, первостепенныя, второстепенныя и третьестепенныя. Демократическая Франція сдѣлала такимъ образомъ попытку демократизировать международныя отношенія. Конгрессъ, ею предложенный, это—своего рода *suffrage universel*, и нельзя не предполагать, что мелкимъ государствамъ будетъ лестно вниманіе, которое оказалъ имъ могущественный властитель Франціи. До сихъ поръ, когда говорилось о Европѣ, то разумѣлись пять державъ. Остальныя государства заботились о своихъ домашнихъ дѣлахъ, а теперь всѣ они приглашены къ высшей заботѣ объ интересахъ Европы. Эта оригинальная демагогія, примѣненная къ международному праву, не можетъ остаться безъ послѣдствій, и мы уже видимъ, что по крайней мѣрѣ въ Германіи мелкія государства поднимаютъ голову выше прежняго.

Читателямъ извѣстно письмо короля Баварскаго, напечатанное въ № 273 *Московскихъ Вѣдомостей*. Оно произвело въ Германіи потрясающее впечатлѣніе. Саксонія, повидимому, присоединилась къ Баваріи; по крайней мѣрѣ г. фонъ-Бейстъ находится теперь въ Мюнхенѣ, и старыя губительныя для Германіи фантазіи о нѣмецкой тріадѣ ожили снова. А кто не знаетъ, что нѣмецкая тріада есть не что иное, какъ подчиненіе среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ покровительству Франціи? Бавaрія уже приняла положеніе, въ сущности враждебное Пруссіи и Австріи. Опираясь на общественное мнѣніе благопріятствующее имъ по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, среднія нѣмецкія государства надѣются стать во главѣ націи и сдѣлаться ея руководителями, присвоивъ себѣ значеніе, принадлежащее по праву первенствующимъ нѣмецкимъ державамъ. Къ нимъ примкнули уже всѣ элемен-

ты, находящіеся въ броженіи, и едва успѣлъ пройдти мѣсяцъ по смерти датскаго короля, а нѣмецкое патріотическое движеніе уже успѣло принять революціонный оттѣнокъ. Со временъ такъ-называемаго предварительнаго парламента (Vorparlament) Франкфуртъ не видалъ такого многочисленнаго и такого бурнаго и вмѣстѣ нелѣпаго собранія, какъ съѣздъ депутатовъ разныхъ нѣмецкихъ палатъ собравшихся 21 декабря по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Этотъ съѣздъ состоялъ изъ 492 депутатовъ, въ томъ числѣ только 57 человѣкъ изъ Пруссіи и Австріи, всѣ остальные изъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи. Рѣчи, которыя тутъ говорились, нерѣдко впадали въ революціонный тонъ. Въ противность предостереженіямъ и протестамъ благоразумныхъ людей, съѣздъ, собраніе самозванное, выбралъ постоянную коммиссію для какого-то дѣйствованія въ пользу правъ герцогствъ и герцога Аугустенбургскаго. Эта коммиссія, учрежденіе не находящееся въ связи ни съ какимъ законнымъ правительствомъ, состоитъ изъ 36 членовъ и къ довершенію удовольствія, большинство ея — литераторы и ученые. Такіе политики, въ такомъ оригинальномъ положеніи находящіеся, конечно, могутъ дѣйствовать только въ руку Франціи, хотя и будутъ бушевать противъ нея въ своихъ рѣчахъ. Они никогда не достигнутъ чего хотятъ, а политической самостоятельности Германіи нанесутъ чувствительную рану и помогутъ Франціи наказать и Пруссію и Австрію за мечты объ упроченіи германскаго единства.

Для подобныхъ политическихъ комбинацій очень стóитъ, если не созывать, то по крайней мѣрѣ предлагать конгрессъ. При несчастномъ положеніи Германіи, эти комбинаціи могутъ быть осуществлены безъ большихъ усилій, если не встрѣтятъ серіозныхъ препятствій со стороны великихъ державъ. Сейчасъ полученная телеграфическая депеша передаетъ слухъ о предстоящей европейской конференціи по датско-германскому столкновенію. Этотъ слухъ подаетъ надежду на успокоеніе нѣмецкаго патріотизма и на возвращеніе нѣмецкихъ второстепенныхъ государствъ къ той роли, которая имъ принадлежитъ и которой важность, для блага Германіи, должна постепенно уменьшаться, а никакъ не увеличиваться.

Б.

10-го декабря, въ Варшавѣ, на углу Краковскаго Предмѣстья и Королевской улицы, было сдѣлано одно изъ тѣхъ подлыхъ кинжальныхъ покушеній, которое характеризуютъ нынѣшній польскій мятежъ. Покушеніе было направлено противъ майора фонъ-Роткирха, служащаго помощникомъ директора канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія, и слава Богу не совсѣмъ удалось: г. фонъ-Роткирхъ остался живъ и, какъ увѣряютъ, раны полученныя имъ незначительны. Польскій подземный *жондъ*, какъ видно, не ошибается въ выборѣ жертвъ для своихъ наемныхъ убійцъ. На этотъ разъ онъ выбралъ человѣка, который принадлежитъ къ числу лучшихъ и честнѣйшихъ русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ. Дѣла въ Варшавѣ давно пошли бы иначе, если бы законная администрація въ Царствѣ Польскомъ вся состояла изъ такихъ людей, какъ г. фонъ-Роткирхъ, съ его добросовѣстностію и патріотизмомъ. Мы имѣемъ достаточныя основанія сказать это о г. фонъ-Роткирхѣ, и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что раны, полученныя имъ не будутъ имѣть серіозныхъ послѣдствій для его здоровья, и что вскорѣ онъ снова вступитъ въ свою должность въ Варшавѣ, откуда заговорщикамъ такъ хотѣлось выпроводить его. Застращать такихъ людей, какъ г. фонъ-Роткирхъ, тайнымъ убійцамъ не удастся; людей извѣстнаго закала подобныя покушенія возбуждаютъ лишь къ большей энергіи и рѣшимости. Подобныя покушенія не переведутъ честныхъ дѣятелей у насъ, а напротивъ усилятъ и размножатъ ихъ. Своими угрозами и нападеніями убійцы только явственнѣе отличатъ тѣхъ, кто имъ истинно опасенъ въ числѣ агентовъ законной власти...

Мы послали телеграмму въ Варшаву и съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстій о состояніи здоровья г. фонъ-Роткирха; а теперь сообщимъ нѣсколько подробностей о покушеніи, извлеченыхъ изъ варшавской корреспонденціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, отъ 10-го декабря:

„Сегодня раненъ кинжаломъ двумя ударами, въ голову и лѣвое плечо, помощникъ директора особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія при намѣстникѣ Царства Польскаго, майоръ фонъ-Роткирхъ. Покушеніе совершенно въ десять часовъ утра,

на углу Краковскаго предмѣстья и Крулевской улицы, въ десятомъ циркулѣ, близъ дома подъ № 411, принадлежащаго обывателю Гродзицкому. Происшествіе произошло почти передъ окнами моей квартиры. Надо замѣтить, что майоръ Роткирхъ живетъ на Новомъ Свѣтѣ, въ бывшемъ домѣ Андрея Замойскаго. Оттуда онъ ежедневно ходилъ по Краковскому Предмѣстью въ канцелярію, находящуюся въ Королевскомъ Замкѣ. Революціонеры давно уже ненавидѣли майора Роткирха и, вѣроятно, выслѣдили, когда онъ проходитъ на службу, и рѣшились въ это время убить его. Майоръ Роткирхъ хорошо зналъ, что за нимъ слѣдятъ и постоянно ходилъ съ казакомъ. Сегодня утромъ, когда онъ по Краковскому Предмѣстью подходилъ къ дому Бейера (который еще строится), два какихъ-то господина нагнали его, и въ это время одинъ изъ нихъ ударилъ майора Роткирха сперва въ голову, а потомъ въ лѣвое плечо. Удары были мгновенные, а потому нечувствительные, и затѣмъ убійца бросился спасаться бѣгствомъ. Непонятно, какимъ образомъ казакъ, шедшій за г. Роткирхомъ, не обнажилъ противъ убійцы оружія? Вѣроятно, неожиданное нападеніе, и притомъ днемъ, ошеломило его. Майоръ Роткирхъ съ казакомъ сейчасъ же бросились за убійцей, который вскочилъ калиткою во дворъ дома Гродзицкаго. Зданіе Гродзицкаго принадлежитъ къ числу самыхъ огромныхъ домовъ въ Варшавѣ. При немъ два двора и два сада. Убійца хорошо былъ знакомъ со всѣми ходами дома; это ясно видно изъ того, какимъ образомъ онъ бѣжалъ. Онъ вскочилъ во дворъ, потомъ перебѣжалъ въ другой, обѣжалъ здѣсь вокругъ находящагося сада и затѣмъ вскочилъ въ увеселительный садикъ (ogròd spacerowy), и оттуда вошелъ въ маленькія сѣни, гдѣ была поставлена небольшая лѣстница на чердакъ (одноэтажнаго маленькаго домика); этою лѣстницей убійца поднялся на верхъ, вылѣзъ черезъ слуховное окно на крышу и съ нея соскочилъ въ огромный садъ Красинскихъ, гдѣ уже и скрылся. Уже на чердакѣ онъ бросилъ свой кинжалъ, чтобъ его не узнали, и выскочилъ въ садъ Красинскихъ безъ всякаго оружія. Окровавленный кинжалъ взялъ съ собою майоръ Роткирхъ.

„Майора Роткирха революціонеры давно не любили. Во *Всеобщемъ Дневникѣ* онъ часто изобличалъ всѣ глупые поступки членовъ революціонной партіи. Кромѣ того, по своему мѣсту по службѣ, онъ очень часто имѣлъ сношенія съ Поляками (просители постоянно обращались къ нему) и не исполнялъ ихъ незаконныхъ просьбъ. Все это не могло не быть извѣстнымъ народному правленію, которое и приговорило его къ смерти. Недавно еще онъ получилъ отъ жонда приказаніе непремѣнно оставить Польшу и Литву и удалиться куда-нибудь въ Россію. Записку эту онъ получилъ вотъ какимъ образомъ. Однажды, когда онъ только что вышелъ изъ своей квартиры (вѣроятно за этимъ слѣдили агенты народнаго правленія), въ его комнаты входитъ какой-то статскій господинъ и подаетъ записку служанкѣ, съ тѣмъ, чтобъ она передала ее своей госпожѣ. Вчера майоръ Роткирхъ показывалъ мнѣ эту записку. Она напечатана, и въ ней сказано, чтобъ обыватель Роткирхъ оставилъ предѣлы Царства Польскаго и Литвы въ самый короткій срокъ. Записка была величиною меньше шестнадцатой доли листа бумаги и внизу приложена печать. Вчера еще г. Роткирхъ смѣялся надъ этою запиской, и разумѣется, никогда не думалъ повиноваться требованію народнаго правленія.

„Большинство убѣждено въ томъ, что это покушеніе (какъ и убійство Желенко) выходка со стороны народнаго правленія, заключающаяся въ томъ, чтобы постоянно держать народъ въ страхѣ и не дать ему возможности опомниться и подумать объ изъявленіи покорности правительству.

„Раны, нанесенныя г. Роткирху, къ счастію, незначительныя. Онъ, послѣ происшествія этого, пошелъ въ канцелярію и потомъ возвратился домой, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Извѣстіе о намѣреніи убить его мгновенно разнеслось по городу и всѣми Русскими было принято съ огорченіемъ и негодованіемъ.

„Огрудокъ въ домѣ Гроздицкаго, черезъ который скрылся убійца, содержала какая-то Ясницкая, которая со всею прислугою буфета и поваромъ арестована. Домикъ, черезъ чердакъ котораго скрылся убійца, занимала Ясницкая. Сторожъ также арестованъ. Всѣ эти лица будутъ преданы военному суду. Насчетъ дома Гроздицкаго пока еще не сдѣлано никакого распоряженія.“

№ 275.

Москва, 17-го декабря.

Если мы довольно часто и съ особенною настойчивостію обращали вниманіе читателей на нѣкоторые существенные вопросы, связанные съ предполагаемою реформой нашихъ земскихъ учрежденій, то причиной тому было убѣжденіе, раздѣляемое всѣми мыслящими людьми, въ великой важности тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ произойдти отъ такого или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ не столько важна самая эта реформа, сколько направленіе, которое могутъ сообщить нашей народной жизни тѣ или другія, принятыя въ основаніе этой реформы начала. Для будущаго не столько важенъ кругъ дѣятельности предполагаемыхъ губернскихъ собраній и управъ, сколько та организація, которую, по случаю этихъ учрежденій, получитъ наше земство, тотъ тонъ, та физіономія, которую можетъ принять наша народная жизнь. Земскія собранія и управы могутъ быть неоднократно передѣланы, упразднены и замѣнены другими учрежденіями, и все это можетъ произойдти безъ особенныхъ замѣшательствъ; но начала, которыя будутъ приняты въ основаніе земской организаціи, система выборовъ и способъ представительства, могутъ сопровождаться глубокими послѣдствіями и не преминутъ оказать значительное вліяніе на ходъ нашей исторіи.

Никогда въ общемъ оборотѣ не было столько отвлеченныхъ понятій о разныхъ политическихъ предметахъ, какъ въ наше время; никогда не было въ ходу столько разнаго рода теорій, которыя, подъ видомъ либеральныхъ ученій, держатъ умы въ совершенномъ оцѣпененіи, не давая имъ возможности оглянуться, сообразиться и отдать себѣ отчетъ въ собственныхъ требованіяхъ. Потому-то и не худо въ настоящее время почаще анализировать и провѣрять понятія относящіяся къ политическимъ предметамъ.

Мы вполнѣ убѣждены, что если суждено развиться на нашей почвѣ плодотворному и всеоживляющему началу самоуправленія, то оно разовьется изъ соглашенія нашей судебной реформы съ земскою. Учрежденіе почетныхъ мировыхъ судей, предполагаемое въ проектѣ судебной реформы—вотъ искомое начало нашего будущаго самоуправленія. Удастся учрежденіе почетныхъ мировыхъ судей, безмездныхъ, пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ земства, лучшихъ людей въ своей мѣстности,—и мы получимъ надежное основаніе для мѣстнаго самоуправленія, которое представитъ несравненно болѣе ручательствъ въ полезномъ и плодотворномъ ходѣ дѣлъ, чѣмъ уѣздныя и губернскія собранія и исходящія изъ нихъ управы, которыя сами по себѣ неизбѣжно примутъ духъ и характеръ чисто бюрократическихъ учрежденій. Нѣтъ страны на свѣтѣ, которая была бы такъ далека отъ истиннаго духа самоуправленія, какъ Франція. Всѣ сознаютъ это, и сами Французы болѣе всѣхъ. А между тѣмъ именно Франція, болѣе чѣмъ какая-либо страна, изобилуетъ мѣстными представительными собраніями. Но французскіе „генеральные совѣты“, собираемые въ каждомъ департаментѣ, съ которыми ближе всего имѣютъ сходство наши предполагаемыя губернскія собранія, могутъ считаться чѣмъ угодно, только не органами самоуправленія. Представительныя собранія хороши какъ органы обсужденія и контроля, а отнюдь не самоуправленія, хотя бы только по хозяйственной части. Если земская жизнь должна получить у насъ правильный и плодотворный ходъ, если самоуправленіе должно пустить у насъ корни, то рано или поздно мировые судьи упразднятъ предполагаемыя земскія управы. Если же этого не произойдетъ, то и самоуправленія у насъ не будетъ, и толковать о немъ нечего. Земскіе элементы, способные къ самоуправленію, никогда не могутъ быть такъ обильны, чтобы питать собою двѣ совершенно отдѣльныя отрасли: и хозяйственныя учрежденія, и мировую юстицію. Странное дѣло! То мы жалуемся, что у насъ нѣтъ людей; то вдругъ сыплемъ ими съ удивительною расточительностію, какъ будто ихъ имѣется у насъ неисчерпаемый источникъ. Но мы на этотъ разъ оставляемъ вопросъ о потребностяхъ и условіяхъ мѣстнаго самоуправленія, и коснемся тѣхъ общихъ понятій, которыя болѣе или менѣе связаны съ вопросомъ о системѣ земскихъ выборовъ.

Въ ряду самыхъ ошибочныхъ въ политическомъ отношеніи мыслей мы укажемъ на мнѣніе о пользѣ многостепенныхъ выборовъ, и на ученіе о такъ-называемыхъ „способностяхъ“ (capacités). Чѣмъ болѣе выборовъ, тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ

лучше должны быть результаты. Положимъ лучше,—но въ какомъ смыслѣ? Для чего? Обыкновенно полагаютъ, что вслѣдствіе многостепенныхъ выборовъ и многократной перегонки, духъ собранія будетъ лучше и надежнѣе въ политическомъ отношеніи. Еслибы такимъ процессомъ предполагалось выбирать людей на какія-либо спеціяльныя должности, напримѣръ на письмоводительскую, секретарскую, или на должность исправника, полицеймейстера и т. п., то очень можетъ-быть, что результаты оказались бы недурные. Выбрать дѣльцовъ, долженствующихъ дѣйствовать каждый по своей части,—и составить собраніе, которое прежде всего должно быть исполнено извѣстнаго духа,—два совершенно разныя дѣла. Что можетъ-быть годно для одного, то можетъ оказаться не только не достигающимъ цѣли въ другомъ, но и вести къ результатамъ совершенно противоположнымъ ожиданію. Собраніе можетъ состоять изъ самыхъ ловкихъ и способныхъ людей по разнымъ частямъ и все-таки быть самымъ негоднымъ, жалкимъ собраніемъ лишеннымъ всякаго духа или исполненнымъ самаго дурнаго духа. Прежде всего желательно, чтобы представительное собраніе, какого бы то ни было свойства, дѣйствительно представляло собою живыя земскія силы, чтобъ оно пахло землею, *qu'il sente le terroir*. Хорошо ли если оно вдругъ явится съ какимъ-нибудь неожиданнымъ, новымъ, своимъ собственнымъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ духомъ земства, изъ котораго оно первоначально вышло и которое должно представлять собою? Теперь спрашивается, которое же собраніе будетъ ближе къ земству и вѣрнѣе выражать его духъ,—то ли, которое непосредственно выйдетъ изъ его нѣдръ, или то, которое родится на свѣтъ посредствомъ искусственной перегонки черезъ многіе выборы? Если значеніе нашихъ будущихъ земскихъ собраній не будетъ имѣть никакой важности, то въ такомъ случаѣ разумѣется, все равно изъ какихъ бы элементовъ они ни состояли, какимъ бы духомъ ни были исполнены; если же они должны имѣть какое-либо серіозное значеніе (иначе для чего было бы и создавать ихъ?), то очень естественно желать, чтобъ они не были сосудомъ чего-либо неожиданнаго, незнакомаго, экспромптомъ родившагося. Надобно, чтобъ они были родными дѣтями земли, которую должны представлять, а не потомками въ третьемъ, въ четвертомъ колѣнѣ, которые и не захотятъ, и не сумѣютъ вспомнить о своемъ отдаленномъ началѣ. Чѣмъ болѣе перегонокъ, тѣмъ болѣе риска, что въ результатѣ получится собраніе чуждое духу земства, и ничего не представляющее, кромѣ самого себя. Еслибы введеніемъ многостепенныхъ выборовъ предполагалось сообщить представительному собранію сколь можно болѣе консервативный характеръ, то цѣль оказалась бы въ полномъ противорѣчіи съ своими способами. Сдѣлаемъ мысленно еще одинъ шагъ, и примемъ губернскія собранія, полученныя вслѣдствіе многостепенныхъ выборовъ, за исходный пунктъ, еще для новыхъ выборовъ: что̀ получили бы мы?—мы получили бы нѣчто до такой степени чуждое всѣмъ основамъ нашего народнаго существованія, всѣмъ живымъ интересамъ нашего земства, нѣчто до такой степени отдаленное отъ жизни, до такой степени отвлеченное, что одному Богу извѣстно, къ чему могло бы послужить такое собраніе какой бы духъ въ немъ очутился, и что̀ могло бы представлять оно собою.

Сущность дѣла остается та же самая, возьмемъ ли мы его въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ; но при помощи увеличительнаго стекла, можно лучше разсмотрѣть его. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, политическое представительство основано на системѣ двухъ-степенныхъ выборовъ. По всему вѣроятію, нѣмецкіе теоретики имѣли въ виду устроить этимъ путемъ собраніе исполненное самаго лучшаго духа, во всякомъ случаѣ духа самаго консервативнаго. Что же мы видимъ? Какіе результаты даютъ эти двойные выборы? Какого оттѣнка людей посылаютъ въ Берлинъ эти Wahlmänner, выбираемые податнымъ земствомъ для избирательской должности? Истинное ли это представительство страны? Страну ли представляютъ берлинскіе депутаты или только собранія своихъ *вальменнеровъ*? Чувствуется ли въ нихъ присутствіе живаго народнаго духа? И сколько бы разъ ни распускалась эта палата, она при существующихъ законахъ о выборахъ, каждый разъ будетъ возобновляться въ томъ же смыслѣ и въ томъ же духѣ.

Впрочемъ, неблагопріятный результатъ политическихъ выборовъ въ Пруссіи, зависитъ еще и отъ другихъ причинъ, на которыя также не худо обратить вниманіе. Въ Пруссіи нѣтъ цѣльнаго, тѣсно связан-

наго, единодушнаго земства, какое напримѣръ есть у насъ, или по крайней мѣрѣ можетъ образоваться у насъ если не помѣшаютъ фальшивыя теоріи—злѣйшій врагъ нашъ. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, землевладѣльческіе элементы, несмотря на уравненіе гражданскихъ правъ, составляютъ особую, такъ-называемую феодальную партію, и находятся въ полнѣйшемъ антагонизмѣ съ другими общественными классами; прусскіе землевладѣльцы не стоятъ во главѣ народа, и потому лишены всякаго значенія и вліянія. Вслѣдствіе того, сельская часть земства, самая существенная, самая главная, долженствующая служить основаніемъ политической жизни, имѣетъ мало вѣса, и политическое преобладаніе принадлежитъ по преимуществу городскимъ классамъ, или такъ-называемому среднему сословію, къ которому примыкаютъ всѣ такъ-называемыя либеральныя профессіи, а особенно эта многоглавая гидра всѣмъ заправляющаго, наемнаго чиновничества, которое въ Пруссіи пріобрѣло самое фальшивое и вредное значеніе, занявъ то мѣсто, которое всего естественнѣе должно принадлежать землевладѣльческимъ классамъ. И вотъ мы видимъ къ чему все это ведетъ. Передъ нами прусская палата, составленная двухстепенными выборами, при разрозненности и безсиліи земскихъ элементовъ, состоящая изъ чиновниковъ и профессоровъ, лишенная всякаго политическаго смысла, всякаго живаго духа, притча во языцѣхъ, и не представляющая собою ничего, кромѣ отвлеченныхъ теорій, ученыхъ самолюбій и односторонніхъ тенденцій.

Нѣтъ ничего неразумнѣе и ошибочнѣе ученія о такъ-называемыхъ „способностяхъ“ въ дѣлѣ политическихъ правъ. Въ одной изъ нашихъ газетъ, по поводу проекта земскихъ учрежденій, мы, помнится, читали разсужденіе о необходимости значительно понизить имущественный цензъ для людей университетскаго образованія. Образованіе есть прекрасная вещь, надобно желать его развитія и распространенія, а особенно надобно желать, чтобъ оно не ограничивалось однимъ поверхностнымъ лоскомъ, чтобъ оно было не фальшивою, а истинною цѣнностію. Съ развитіемъ общественной жизни и разнородныхъ создаваемыхъ ею интересовъ, оно становится все болѣе и болѣе глубокою и общею потребностію, безъ искусственныхъ заманокъ, которыя всегда вносятъ въ него фальшь.

Образованіе, какъ политическая сила, бываетъ плодотворно и полезно только въ органической связи съ другими общественными условіями. Люди ученые, литературныя дарованія и т. п. всегда будутъ цѣниться, но они по достоинству могутъ быть цѣнимы только въ своей сферѣ. Знаменитый профессоръ можетъ оказаться жалкимъ политикомъ; глубокомысленный теоретикъ — никуда негоднымъ практикомъ. Политическое поприще есть поприще своего рода, и требуетъ совершенно особенныхъ, только ему свойственныхъ условій. Только люди извѣстнаго общественнаго положенія, при извѣстной подготовкѣ, могутъ удовлетворять тѣмъ условіямъ, которыя требуются для политическаго поприща, и только тамъ политическая жизнь можетъ успѣшно развиваться, гдѣ она вытекаетъ изъ совокупности свойственныхъ ей условій. Не одно политическое поприще можетъ манить человѣка, не на одномъ политическомъ поприщѣ могутъ развертываться его умственныя и нравственныя силы. Не менѣе политическихъ подвиговъ, цѣнятся заслуги въ сферѣ наукъ и искусствъ и во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности. Но все хорошо на своемъ мѣстѣ, въ своей сферѣ. Знаменитый астрономъ Араго знаменитъ не потому что судьба судила ему разыграть печальную политическую роль въ февральскую революцію. Г. Вирховъ, говорятъ, отличный врачъ; онъ—авторъ замѣчательныхъ медицинскихъ сочиненій, и, конечно, было бы полезнѣе и для него самого, и для врачебной науки, и для прусской политической жизни, въ которой онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе, еслибъ онъ принималъ въ ней менѣе дѣятельное участіе, а болѣе занимался разработкою своей целлюлярной патологіи. Г. Гнейстъ, другой прусскій профессоръ, обнаруживаетъ въ своихъ ученыхъ трудахъ не только очень солидныя умственныя качества, но и вѣрный тонкій взглядъ на политическія предметы; это однакоже не мѣшаетъ ему въ практической сферѣ, куда ввели его берлинскіе *выборщики*, говорить и дѣлать много такого что̀ очень мало вяжется съ его собственными политическими, хорошо имъ выработанными, понятіями. Человѣкъ ужъ такъ созданъ: очень часто одного и того же смертнаго нельзя узнать на разныхъ поприщахъ; очень часто практикъ является совершеннымъ отрицаніемъ теоретика

въ одномъ и томъ же лицѣ; человѣкъ самый здравомыслящій, съ гибкою сообразительностію, съ необыкновеннымъ тактомъ въ сферѣ теоріи, очень часто является тупоумнѣйшимъ смертнымъ, когда ему приходится дѣйствовать между живыми людьми, посреди практическихъ условій. Какъ часто человѣкъ не узнаетъ той самой идеи, которую онъ съ совершенною ясностію держалъ въ умѣ въ своихъ одинокихъ размышленіяхъ, не узнаетъ когда она предстанетъ ему въ многоразличныхъ сплетеніяхъ живаго факта! И наоборотъ, какъ нерѣдко человѣкъ, находящійся съ удивительнымъ тактомъ среди самыхъ запутанныхъ отношеній, не узнаетъ своей собственной руководящей идеи, когда ему разовьютъ ее въ отвлеченномъ элементѣ чистаго понятія!

Трудно представить себѣ что-нибудь хуже нѣмецкихъ политическихъ собраній, состоящихъ на половину изъ профессоровъ, наполовину изъ чиновниковъ... Мы ошибаемся; можно представить себѣ еще нѣчто и хуже нѣмецкихъ профессоровъ, получающихъ по нѣскольку талеровъ въ сутки за труды по народному представительству: это французскіе адвокаты въ качествѣ политическихъ депутатовъ.

№ 276.

Москва, 18-го декабря.

Съ польскимъ дѣломъ Франціи не посчастливилось. Оно было главною причиной нынѣшнихъ затрудненій императора Французовъ, которыми и объясняются разнорѣчивые слухи то о сближеніи Франціи съ Россіей и заключеніи союза франко-италіяно-русскаго, противъ Австріи, или союза франко-прусско-русскаго, также противъ Австріи; то, наоборотъ, о возобновленіи Священнаго Союза противъ Франціи. Польскій вопросъ ставитъ и журналистику французскую въ самое странное положеніе. Парижскія газеты то и дѣло попадаютъ въ какую-нибудь исторію: либо завѣдомо обманываютъ другихъ, либо сами даются въ обманъ, но безъ исторіи не обходится почти ни одинъ день: „историческая журналистика,“ сказалъ бы нашъ Гоголь. Въ № 273 *Московскихъ Вѣдомостей* мы говорили о наглой выдумкѣ, сообщенной варшавскимъ корреспондентомъ газеты *Le Temps*. Теперь та же газета попала снова въ просакъ, если только не допускать здѣсь сознательнаго обмана. Сенаторъ Бонжанъ, въ засѣданіи 18-го декабря, говоря о Польшѣ, волею-неволею долженъ былъ помянуть объ извѣстномъ документѣ за подписью Мѣрославскаго, найденномъ въ кабинетѣ графа Андрея Замойскаго, и прочелъ письмо, полученное имъ, предъ засѣданіемъ, отъ князя Чарторыйскаго, который просилъ его извѣстить сенатъ, что польское „національное правительство“ уволило Мѣрославскаго отъ занимаемой имъ должности „организатора польскихъ военныхъ силъ.“ Слухи объ этомъ великомъ событіи ходили ужъ и прежде, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ упомянутаго документа, столь поучительнаго гг. Герцену и К° и вообще нашимъ нигилистамъ, которые съ большимъ усердіемъ работали по программѣ Мѣрославскаго, не подозрѣвая, что польскій агитаторъ предназначалъ имъ веревку на шею какъ достойную награду за ихъ подвиги.

Мѣрославскій, повидимому, не зналъ, или не хотѣлъ знать объ этомъ увольненіи. Онъ поспѣшилъ опровергнуть извѣстіе, сообщенное французскому сенату г-мъ Бонжаномъ, и помѣстилъ въ газетѣ *Temps* цѣлый архивъ документовъ. Вопервыхъ, онъ сослался на 9-й пунктъ полученныхъ имъ отъ польскаго тайнаго правительства инструкцій, въ силу котораго „организаторъ не можетъ быть смѣщенъ съ своей должности прежде чѣмъ доведетъ до конца данное ему порученіе и сочтетъ удобнымъ выступить въ походъ во главѣ хотя части организованнаго имъ войска.“ Вовторыхъ, г. Мѣрославскій приводитъ письмо князя Чарторыйскаго къ „коммиссару національнаго правительства при главномъ организаторѣ польскихъ военныхъ силъ“ (къ нѣкоему Грабовскому), отъ 16-го ноября, въ которомъ дипломатическій агентъ *жонда народоваго* положительно утверждаетъ, что *жондъ* вовсе не помышляетъ объ увольненіи Мѣрославскаго. Наконецъ къ письму г. Мѣрославскаго приложено удостовѣреніе начальника его штаба, Крацкевича, что *до 20-го декабря* не было получено отъ *жонда* никакого извѣщенія объ увольненіи „организатора.“ Мы просимъ читателей обратить вниманіе на числа: въ нихъ заключается вся сущность этого куріознаго факта. Письмо г. Мѣрославскаго въ редакцію *Temps* подписано *21-го декабря*. Документы помѣщены въ газетѣ *Le Temps 24-го*

декабря, а на другой же день, *25-го декабря*, эта газета должна была дать у себя мѣсто письму князя Чарторыйскаго къ г. Грабовскому, *отъ 19-го декабря*, гдѣ сказано, что по депешѣ жонда, *отъ 9-го декабря*, полученной княземъ Чарторыйскимъ *два дня тому назадъ*, генералъ Мѣрославскій дѣйствительно уволенъ отъ должности „организатора.“ Тутъ что ни число, то подарокъ. Мѣрославскій двѣнадцать дней не знаетъ о своемъ увольненіи, которое рѣшено было будто бы 9-го декабря; *21-го декабря* онъ ничего не знаетъ о письмѣ отправленномъ къ состоящему при немъ коммиссару еще *19-го числа*, вслѣдствіе чего преспокойно продолжаетъ бить по карманамъ доброхотныхъ дателей и увлекать молодежь въ предпріятіе, которымъ онъ уже болѣе не управляетъ! Но что еще удивительнѣе, Чарторыйскій получаетъ депешу объ увольненіи Мѣрославскаго *17-го декабря*, 18-го числа сообщаетъ ее сенатору Бонжану, а самого Мѣрославскаго не считаетъ нужнымъ извѣщать о ней до *19 числа!* Очень вѣроятно, что Мѣрославскій не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на увольненіе, о которомъ его теперь извѣстили, и будетъ себѣ преспокойно организовать „военныя силы Польши“ и собирать денежныя пожертвованія. Событія очень скоро подтвердили, если только эти жалкія продѣлки можно назвать событіями, замѣчаніе, и мимоходомъ сказанное въ № 272 *Московскихъ Вѣдомостей*, что „если во французскомъ сенатѣ Чарторыйскій, черезъ Бонжана, казнитъ Мѣрославскаго, то Мѣрославскій, въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ, не замедлитъ совершить экзекуцію надъ Чарторыйскимъ.“

А вотъ теперь является еще третій экзекуторъ, который казнитъ и того, и другаго, и еще третьяго. Мы говоримъ о недавно вышедшей брошюрѣ г. Владислава Мицкевича, гдѣ главными врагами польскаго отечества называются Велёпольскій, Чарторыйскій и Мѣрославскій. Но передавая читателямъ эти куріозы, мы не можемъ воздержать въ себѣ грустное чувство.

Въ самомъ дѣлѣ, не грустно ли видѣть какъ часто люди хотятъ непремѣнно быть тѣмъ, чѣмъ не дано имъ быть, расточаютъ свои силы въ безплодныхъ стремленіяхъ и наконецъ приносятъ кровавыя жертвы идеѣ, отъ которой они сами же немедленно отступились бы, еслибъ она вдругъ осуществилась передъ ними и показала имъ свое лицо. Польская шляхта бьется изо всѣхъ силъ, чтобы возстановить польское государство: сколько бѣдствій, сколько страданій, сколько даромъ истраченныхъ силъ, сколько пролитой крови, сколько погибшихъ поколѣній! А между тѣмъ, если бы вдругъ, въ силу необыкновенныхъ обстоятельствъ, осуществились эти домогательства, и польской шляхтѣ было бы отдано польское государство,—можно съ увѣренностію сказать, что эта же самая шляхта, эти же самые патріоты, собственными руками разрушили бы въ конецъ и разнесли бы свое государство. Государственное начало, какого бы то ни было свойства, и польская шляхта также мало совмѣстимы какъ огонь и вода. Ничто такъ не враждебно инстинктамъ польской шляхты какъ государственное начало, — и вотъ ему-то однако она приноситъ свои кровавыя жертвы, домогаясь пріобрѣсти то чего сдержать она и не сумѣетъ и не захочетъ. Не даромъ говорятъ, что гдѣ сойдутся два Поляка, тамъ явятся по крайней мѣрѣ три партіи. Оставьте ихъ однихъ между собою, и они, какъ зубы дракона, примутся истреблять другъ друга. Вотъ и теперь: они затѣяли возстаніе, составили свое правительство, и уже сколько междуусобій, сколько раздоровъ за власть! Вспомните этого несчастнаго калифа на часъ, этого г. Лянгевича, посмотрите на этихъ двухъ героевъ польскаго дѣла этихъ двухъ столповъ его, аристократическаго и демократическаго, князя Чарторыйскаго и г. Мѣрославскаго, посмотрите, какъ они грызутся между собою; вспомните также о маркизѣ Велёпольскомъ, на жизнь котораго неоднократно дѣлалось покушеніе въ Варшавѣ, несмотря на всѣ столь очевидныя заслуги его...

Преинтересное, хотя и весьма грустное явленіе составляетъ упомянутая нами брошюра, изданная г. Владиславомъ Мицкевичемъ, сыномъ знаменитаго поэта, который, какъ извѣстно, подъ конецъ своей жизни, подъ вліяніемъ тѣхъ же польско-патріотическихъ идей, впалъ въ совершенное умопомѣшательство. Брошюра называется именами трехъ патріотовъ: *Czartoryski, Wielopolski et Mieroslawski.* Г. Владиславъ Мицкевичъ является особою партіей, и бичуетъ и Чарторыйскаго, и Мѣрославскаго, и Велёпольскаго, какъ вмѣстѣ, такъ и порознь, бичуетъ какъ злѣйшихъ враговъ общества. Если ужь и теперь, когда еще ров-

но ничего нѣтъ, является столько ожесточенныхъ другъ противъ друга партій, то чего ожидать, еслибъ этимъ патріотамъ было и въ самомъ дѣлѣ что дѣлить между собою? Мѣрославскій, Велёпольскій, Чарторыйскій, безспорно, самыя главныя имена между польскими патріотами; и вотъ эти самые видные изъ польскихъ патріотовъ, наиболѣе выдавшіеся, наиболѣе значительные, оказываются, по мнѣнію четвертой партіи, самыми дурными людьми въ польскомъ народѣ. Г. Владиславъ Мицкевичъ не огорчается этимъ; онъ восклицаетъ: „гдѣ „же такой народъ, который не имѣлъ бы „въ своихъ нѣдрахъ по крайней мѣрѣ трехъ „дурныхъ человѣкъ?“ Онъ не оспариваетъ у нихъ только одного качества:—ловкости, называемой въ просторѣчіи надувательствомъ. „Возстановленіе Польши,“ говоритъ г. Владиславъ Мицкевичъ, „встрѣчаетъ себѣ препятствіе въ фамиліи Чарторыйскаго, въ маркизѣ Велёпольскомъ и „въ генералѣ Мѣрославскомъ, которыхъ „можно назвать тремя казнями, посланными на нашъ народъ. Чарторыйскій сраженно ненавидитъ Мѣрославскаго, а Мѣрославскій Чарторыйскаго. И тотъ, и другой терпѣть не могутъ Велёпольскаго, а „Велёпольскій клянетъ ихъ обоихъ. Между „тѣмъ каждый изъ нихъ толкуетъ о соединеніи и говоритъ: если бы только Поляки „поняли необходимость дѣйствовать въ единствѣ со мною, то я спасъ бы Польшу. „Но политика и того, и другаго, и третьяго разрушаетъ всякое единство, ибо основывается на эгоизмѣ. Отъ каждаго Поляка Мѣрославскій прежде всего требуетъ „признать публично его диктатуру; Чарторыйскій—тайно способствовать воцаренію „его династіи; Велёпольскій — дать ручательство партіи порядка. Велёпольскій думаетъ о своей кастѣ, Чарторыйскій о своей фамиліи, Мѣрославскій о себѣ.“ Любопытно было бы знать, о чемъ, по мнѣнію каждаго изъ этихъ трехъ мужей, характеризуемыхъ г. Мицкевичемъ, думаетъ онъ самъ? Изъ его брошюрки мы по крайней мѣрѣ узнаемъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ дѣйствовать: по его мнѣнію, надобно рѣшительно отказаться отъ всякой иностранной помощи, провозгласить: Polonia farà da se, спуститься въ какія-то глубины польскаго народа, пробиться тамъ энтузіазмомъ и продолжать открытый мятежъ во что бы то ни стало.

Но пусть эти господа думаютъ что хотятъ. Каждый изъ нихъ, какъ они сами другъ друга укоряютъ, имѣетъ свои исключительные виды, каждый домогается своей какой-нибудь цѣли: кто хочетъ быть диктаторомъ, кто прямо сѣсть на тронъ, кто быть кандидатомъ на тронъ; всѣ хотятъ властвовать; всѣ обманываютъ или другъ друга или самихъ себя, и самые добросовѣстные могутъ быть признаны такими только въ качествѣ сумасбродовъ. Но не грустно ли подумать, что множество людей, называющихъ себя Поляками, между которыми есть столько людей умныхъ, дѣльныхъ и здравомыслящихъ, должны становиться игрушкою интригъ и матеріяломъ для осуществленія сумасбродствъ всякаго рода? Не грустно ли думать, что у столькихъ людей, изъ рода въ родъ, отравляется все нравственное существованіе фальшивымъ польскимъ патріотизмомъ, что столько приносится жертвъ во имя мертваго дѣла гальванизируемаго интригами и сумасбродствами? Не столько даже для Россіи, сколько для этого множества людей должно желать, чтобъ они могли выйдти изъ этого недостойнаго и губительнаго положенія, отказавшись отъ невозможнаго польскаго государства, — этой *contradictio in adjecto*...

№ 277.

Москва, 19-го декабря.

Законодательное сословіе Франціи слушало на дняхъ оригинальнаго дебютанта. Г. Тьеръ, бывшій президентъ совѣта министровъ, блистательный ораторъ, вождь блаженной памяти лѣвой стороны въ палатѣ депутатовъ, явился новичкомъ въ законодательное сословіе и сказалъ свою пробную рѣчь. Это была настоящая *maidenspeech;* маститый ораторъ былъ скроменъ какъ красная дѣвица, и если подпускалъ шпильки, то самыя маленькія. Президентъ законодательнаго сословія, видя такую благовоспитанность, позволилъ себѣ даже не много пошколить опытнаго бойца минувшихъ временъ, и г. Тьеръ благодушно выслушалъ совѣтъ стоять прямо (мы не шутимъ), а не оборачиваться въ одну сторону, потому что въ этомъ случаѣ многимъ членамъ трудно разслушать говорящаго. Завзятые орлеанисты порицаютъ г. Тьера за то что онъ рѣшился вступ-

пить на политическое поприще при теперешнихъ обстоятельствахъ, но умѣренные орлеанисты считаютъ появленіе г. Тьера на трибунѣ великимъ для себя праздникомъ. Хорошъ однако: праздникъ! Человѣкъ руководившій нѣкогда значительною парламентскою партіей, едва набралъ 18 человѣкъ чтобы подписать предложенную имъ поправку, совершенно разумную и до того умѣренную, что само правительство въ сущности соглашается съ нею во всѣхъ пунктахъ, а когда дѣло дошло до подачи голосовъ, то онъ самъ находитъ нужнымъ воздержаться, и въ пользу его поправки оказывается всего на все 14 человѣкъ. По парламентскимъ понятіямъ, это совершенное пораженіе, и со стороны *Journal des Débats*, конечно, большая дружба, когда онъ старается убѣдить своихъ читателей, что въ этомъ пораженіи заключается полнѣйшая побѣда, да еще какая?—нѣчто въ родѣ Цезаревской: *пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ*! Правительство объявило, говоритъ *Journal des Débats*, что оно совершенно согласно съ г. Тьеромъ; оно говорило въ коммиссіи просто подъ диктовку г. Тьера, подчинялось ему безъ борьбы: какъ же это не побѣда? На это можно однакоже замѣтить, что еслибы г. Тьеръ видѣлъ въ этомъ образѣ дѣйствій правительства свою побѣду, хотя бы только и нравственную, которой такъ радуется *Journal des Débats*, то почему онъ не объявилъ въ засѣданіи, что не настаиваетъ больше на поправку и удовлетворяется объясненіями правительства? Нѣтъ, что ни говори *Journal des Débats*, а побѣды тутъ не было никакой, и еслибъ г. Тьеръ въ двѣнадцать лѣтъ политическаго бездѣйствія не отрекся отъ роли предводителя партіи, то ему было бы трудно найдтись въ положеніи полководца безъ войска.

Кто не орлеанистъ, тому нѣтъ особенной причины смотрѣть съ нѣжною симпатіей на это павшее величіе. Когда г. Тьеръ и люди его сорта стояли во главѣ политическихъ партій французскаго парламента, Франція не имѣла ни малѣйшей причины видѣть въ нихъ своихъ благодѣтелей. Они говорили очень краснорѣчиво, они рисовались очень эффектно на французской трибунѣ, но они не оказали своему отечеству такихъ услугъ, которыя забыть было бы невозможно или по крайней мѣрѣ несправедливо. Францію нельзя упрекать въ неблагодарности, если она не очень огорчалась тѣмъ, что эти знаменитые ораторы потеряли возможность служить ей, и если она довольно равнодушно смотритъ теперь на человѣка нѣкогда популярнаго и вліятельнаго, а нынѣ довольствующагося положеніемъ члена оппозиціи состоящей изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и считающей всего на все 36 человѣкъ. Г. Тьеръ, вѣроятно, и самъ не сѣтуетъ на Францію, но едва ли онъ смотритъ безъ горькаго чувства на свои отношенія къ бонапартизму. Изо всѣхъ политическихъ людей іюльской Франціи онъ былъ самый ярый бонапартистъ. Онъ перенесъ прахъ Наполеона I съ острова св. Елены; онъ всѣми силами поддерживалъ кандидатуру Лудовика Наполеона на президентство французской республики, и если бы не онъ, то очень можетъ-быть что Наполеонъ III не сидѣлъ бы на тронѣ. А теперь г. Тьеръ—опасный человѣкъ...

Но г. Тьеръ не злопамятенъ. Въ блестящее время своей политической карьеры онъ былъ рѣдко справедливъ къ правительствамъ, на которыя нападалъ въ качествѣ предводителя оппозиціи. Въ его придиркахъ и нападкахъ почти всегда слышался фальшивый тонъ; онъ любилъ обращаться къ слѣпымъ страстямъ и дѣлать человѣческое неразуміе орудіемъ для своихъ властолюбивыхъ видовъ. Лѣта ли, опытъ ли послѣднихъ лѣтъ, или желаніе отплатить добромъ за зло, но къ правительству Наполеона III, унизившему его, г. Тьеръ много справедливѣе чѣмъ былъ къ правительству Лудовика Филиппа. Въ теперешней рѣчи нѣтъ раздраженія и видно желаніе опираться только на истину. Тѣ слова, въ которыхъ онъ коснулся вопроса о мирѣ и о вліяніи Франціи на европейскій миръ,—золотыя слова. О размѣрахъ той войны, въ которую недоброжелатели императора Французовъ хотятъ вовлечь Францію, нельзя выразиться эффектнѣе и вѣрнѣе. „Приготовляйтесь жертвовать, сказалъ г. Тьеръ, не сотнями, а тысячами милліоновъ франковъ; приготовляйтесь жертвовать цѣлыми поколѣніями; война будетъ продолжительная и едва ли доживетъ до конца ея кто либо изъ теперешнихъ членовъ законодательнаго сословія.“ Вотъ что сказалъ г. Тьеръ, и какъ ни старается газета *Le Temps* увѣрить, что тутъ вовсе не разумѣлась война за Польшу, но никакое толкованіе не можетъ затмить смысла этихъ энергическихъ и ясныхъ словъ. Они тѣмъ болѣе

дѣлаютъ чести, что г. Тьеру, какъ орлеанисту, было особенно трудно сказать ихъ. Ими онъ отдѣлилъ себя отъ тѣхъ людей своей партіи, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобы натолкнуть императора Французовъ на какое-нибудь рискованное предпріятіе. *Revue des deux Mondes*, *Journal des Débats*, *Temps* дѣлаютъ все возможное чтобы возбудить страсти. Г. Тьеръ показалъ почтенную гражданскую честность, высказавшись такъ, какъ онъ высказался. Онъ подалъ примѣръ политической добросовѣстности. Онъ отринулъ злокозненную политику своихъ собратій.

Засѣданіе законодательнаго сословія 24 декабря выяснило много интересныхъ вещей. Императоръ Наполеонъ долженъ быть очень доволенъ этимъ засѣданіемъ въ томъ отношеніи, что оно раскрыло внутреннія несогласія въ оппозиціи. Эти несогласія обнаружились, повидимому неожиданно и для самой оппозиціи, по крайней мѣрѣ они совершенно озадачили журналистовъ орлеанской партіи, считающихъ для себя выгоднымъ стоять за польское дѣло и поджигать французскую публику и французское правительство къ войнѣ съ Россіей. Планы этихъ господъ претерпѣли такое крушеніе, что и мы Русскіе можемъ назвать его для себя неожиданнымъ. Сильныя слова сказанныя въ пользу мира не однимъ г. Тьеромъ, но и г-мъ Пикаромъ кольнувшимъ по этому поводу своихъ *нетерпѣливыхъ* товарищей, и г-мъ Олливы, объявившимъ себя „прямо, рѣшительно и во всеуслышаніе“ противъ войны за Польшу, должны были вызвать возраженіе со стороны всѣхъ тѣхъ кто дѣйствительно хочетъ войны. И что же? Кто возражалъ гг. Тьеру, Пикару и Олливье? Возражали только двое, и эти двое—издатели двухъ газетъ *Siècle* и *Patrie*, уже давно заручившихся всѣмъ интересамъ польскаго возстанія. Возражали только гг. Геру и Гавенъ, и кромѣ этихъ депутатовъ-журналистовъ никто не возвысилъ голоса. Никогда еще истина не выходила такъ явно наружу, какъ въ этотъ разъ. Движеніе въ пользу польскаго возстанія оказалось чисто журнальнымъ движеніемъ.

Журналы партіи орлеанистовъ требуетъ войны за Польшу, но вотъ выступаетъ первенствующій человѣкъ этой партіи, не имѣющій спеціяльныхъ побужденій, которыми условливается во Франціи направленіе большей части журналовъ, и что же говоритъ онъ? Онъ отступается отъ журналистовъ своей партіи и оставляетъ ихъ однихъ ратовать за войну. Журналы демократическіе также вопятъ за Польшу, но вотъ два представителя этой партіи говорятъ—въ пользу мира. Никто изъ другихъ членовъ этой партіи не протестуетъ противъ гг. Пикара и Олливье; только два журналиста изливаютъ свое негодованіе.

Почему французскіе журналы такъ горячо сочувствуютъ польской справѣ,—кто этого не знаетъ? Для нашихъ читателей это, конечно, не тайна, какъ не тайна и для самихъ Поляковъ. Но какъ мало соотвѣтствуютъ эти журнальные крики дѣйствительнымъ взглядамъ и видамъ французскаго общества, объ этомъ нельзя было составить себѣ полнаго понятія до засѣданія законодательнаго сословія 24-го декабря. Выборные представители должны дорожить мнѣніемъ своихъ избирателей, и еслибы мысль о войнѣ была хоть сколько-нибудь популярна во французскомъ обществѣ, то гг. Геру и Гавенъ не оказались бы единственными возражателями противъ гг. Тьера, Пикара и Олливье.

№ 278.

Москва, 20-го декабря.

По положенію о питейномъ сборѣ 4-го іюля 1861 года, пивовареніе и медовареніе оставлено свободнымъ, безъ платежа акциза, въ губерніяхъ прибалтійскихъ („впредь до усмотрѣнія“); въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и въ области Бессарабской съ пивоваренія назначенъ акцизъ: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ по 9 коп., при двухъ заторахъ — по 15 коп. и при трехъ — по 21 коп.; съ медоваренія: по 80 коп. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія завода; наконецъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи, пивоваренные заводы обязаны были платить съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ по 13 коп., при двухъ заторахъ—по 22 коп., при трехъ — по 31 коп., а медоваренные по 1 р. 20 к. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія. Нынѣ принята важная мѣра уравненія губерній непривилегированныхъ съ при-

привилегированными, и притомъ безъ повышенія акциза. Напротивъ акцизъ даже и въ привилегированныхъ губерніяхъ понизенъ. Въ силу мнѣнія государственнаго совѣта высочайше утвержденнаго 10-го сего декабря, акцизъ съ пивоваренія будетъ взиматься *повсемѣстно* (слѣдовательно повидимому и въ прибалтійскихъ губерніяхъ) по емкости заторныхъ чановъ и пивоваренныхъ котловъ, съ каждаго ведра по 6 к. за каждый заторъ безъ различія, сколько бы ежедневно ни было дѣлаемо заторовъ, а съ медоваренія, по емкости медовареннаго котла, по 50 коп. съ ведра за каждый день дѣйствія завода. Итакъ новый акцизъ съ пивоваренія будетъ *тремя* копѣйками съ емкости ведра въ день меньше чѣмъ теперешній акцизъ привилегированныхъ губерній и *семью*, *десятью* и *тринадцатью* копѣйками съ емкости ведра въ день меньше чѣмъ теперешній акцизъ взимаемый въ губерніяхъ непривилегированныхъ; а съ медоваренія *тринадцатью* копѣйками меньше чѣмъ теперешній акцизъ привилегированныхъ и *семьюдесятью* копѣйками меньше чѣмъ теперешній акцизъ не привилегированныхъ губерній. Дальнѣйшее облегченіе состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ наименьшій патентный сборъ съ пивоваренныхъ и медоваренныхъ заводовъ былъ 20 р. (100 ведръ емкости для пива и 35 для меда), а теперь наименьшій патентный сборъ назначенъ 10 р. (50 ведръ емкости для пива и 25 для меда), за единственнымъ исключеніемъ пивоваренныхъ заводовъ въ столичныхъ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ наименьшій патентъ будетъ 40 р. съ 50 ведръ (съ возвышеніемъ на 40 руб. за каждыя дальнѣйшія 50 ведръ емкости). О другихъ измѣненіяхъ, отчасти облегчительныхъ, отчасти устраняющихъ возможности злоупотребленій мы не упоминаемъ, отсылая читателей къ самому тексту закона, напечатанному выше.

Можно надѣяться, что эти измѣненія въ акцизномъ и патентномъ сборѣ будутъ содѣйствовать улучшенію выдѣлки пива и меда, удешевленію этихъ питей и усиленію ихъ потребленія. Пиво—конкуррентъ водки, и въ этомъ качествѣ заслуживаетъ особеннаго доброжелательства. А между тѣмъ оно почти вовсе не подешевѣло и ни мало не улучшилось со времени введенія новой акцизной системы. Намъ кажется, что теперь, съ пониженіемъ акциза, было бы и возможно и полезно оживить эту отрасль производства свободнымъ допущеніемъ (разумѣется, съ платой соотвѣтственнаго акциза) иностранной конкурренціи.

Но позволительно ли ожидать противодѣйствія пьянству отъ большаго распространенія пива? Въ нѣкоторой степени, да. Пиво можетъ отчасти вытѣснять водку. Потребленіе пива можетъ сокращать потребленіе водки, и полпивная несомнѣнно въ извѣстной степени конкуррируетъ съ кабакомъ. Итакъ нѣкотораго противодѣйствія пьянству можно ожидать отъ удешевленія и улучшенія пива, особенно если будетъ разрѣшено продавать въ полпивныхъ кушанье. Но никакъ нельзя утѣшать себя надеждой, чтобы льготы оказываемыя пивоваренію были достаточнымъ средствомъ противъ того нравственнаго зла, которое заключается въ неумѣренномъ употребленіи водки. Это зло не оставитъ насъ, пока не исчезнутъ у насъ учрежденія, носящія имя кабаковъ. Многіе полагаютъ, что дороговизна вина при откупной системѣ была полезна въ нравственномъ отношеніи. Если мы не совсѣмъ ошибаемся, то не можетъ быть взгляда менѣе вѣрнаго. Теперешнее положеніе дѣлъ, дѣйствительно, не должно быть терпимо; оно настоятельно требуетъ какой-нибудь мѣры. Высчитываютъ, что во всей Имперіи въ нынѣшнемъ году окажется около 5000 человѣкъ опившихся; если это такъ, то нѣтъ ничего очевиднѣе необходимости противодѣйствовать столь губительному злу. Но изъ этой необходимости еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы главная причина зла заключалась въ дешевизнѣ вина. Быстрый переходъ отъ 9 к. за шкаликъ на 5 к. въ расшивочной продажѣ долженъ былъ, правда, служить сильною приманкой, но этотъ переходъ уже совершился, и народъ въ великороссійскихъ губерніяхъ начинаетъ привыкать къ дешевизнѣ водки. А когда прекратится вредное дѣйствіе быстраго пониженія цѣны на водку, то дѣло приметъ другой видъ, и вопросъ будетъ состоять въ томъ, какое вліяніе имѣетъ на пьянство дешевизна водки. Что быстрое удешевленіе водки должно было усилить пьянство, противъ этого никто не споритъ, но совсѣмъ другое дѣло — постоянная дешевизна водки. Изъ того что быстрое пониженіе цѣны на водку подѣйствовало вредно, еще не слѣдуетъ чтобы была вредна постоянная дешевизна водки. Напротивъ, есть несомнѣнные факты показывающіе что злыя стороны пьянства сильнѣе развива-

ются при дорогой, чѣмъ при дешевой водкѣ. Въ Германіи водка дешевле нашего, но развѣ тамъ больше пьянства? Въ Малороссіи водка была еще дешевле, но тамъ гораздо меньше пьяницъ чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Можно вообще сказать что гдѣ больше потребляется водки, тамъ бываетъ меньше пьянства, и на оборотъ. Изо всѣхъ сѣверныхъ народовъ жители великороссійскихъ губерній всего менѣе потребляютъ вина, а между тѣмъ нигдѣ пьянство не господствуетъ въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ какъ великорусскихъ губерніяхъ. Для противодѣйствія пьянству вовсе нѣтъ надобности желать, чтобы потребленіе водки сократилось; напротивъ, отъ возрастающаго потребленія водки скорѣе всего можно ожидать уменьшенія пьянства. Потребленіе водки можетъ возрасти только при распространеніи обычая постоянно употреблять водку, а этотъ обычай лучшій залогъ противъ пьянства. У насъ съ увеличеніемъ потребленія водки связанъ важный фискальный интересъ. По счастію, этотъ интересъ отнюдь не находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересомъ народной нравственности. Фискальный интересъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы было въ странѣ какъ можно больше пьяницъ или посѣтителей кабака, а въ томъ чтобы наибольшее число людей имѣло возможность пить водку постоянно, за своимъ домашнимъ столомъ, не ходя въ кабакъ. Но этого же самаго требуетъ и интересъ народной нравственности; онъ требуетъ стало быть чтобы употребленіе водки было доступно народу въ его ежедневной домашней жизни,—требуетъ чтобы водка была по цѣнѣ своей доступна для ежедневнаго домашняго употребленія. Въ то же время онъ требуетъ чтобы водка была менѣе доступна въ такихъ мѣстахъ, которыя посѣщаются съ спеціяльною цѣлію пьянствовать. Не надобно упускать изъ виду, что эти оба требованія согласимы съ дешевизной водки покупаемой для домашняго употребленія, но что послѣднее изъ этихъ двухъ требованій никакъ не согласимо съ размноженіемъ мѣстъ раздробительной продажи дешевой водки. У насъ сошлись теперь двѣ вещи—дешевизна водки и размноженіе питейныхъ домовъ. Обѣ эти вещи—новость для насъ, и мы готовы обѣимъ имъ приписывать то зло, которое у насъ на глазахъ, между тѣмъ какъ опытъ другихъ народовъ удостовѣряетъ, что первая изъ нашихъ новостей—дешевизна водки — нисколько не вредна народной нравственности, и что слѣдовательно главная причина зла заключается во второй новости—въ размноженіи питейныхъ домовъ и вообще мѣстъ раздробительной продажи водки.

Государственные финансы могутъ требовать, чтобы временно былъ возвышенъ акцизъ съ вина. Это будетъ налогъ какъ другой, и притомъ налогъ выгодный, который можетъ разомъ доставить значительную сумму. Одна копѣйка на градусъ дастъ государственному казначейству около 25 милліоновъ рублей. Какъ временная мѣра, вызываемая экстренными обстоятельствами, возвышеніе акциза лучше чѣмъ обремененіе государственной казны новыми долгами, и противъ него говорить нечего. Но было бы ошибочно утверждать, что эта мѣра будетъ полезна въ нравственномъ отношеніи. Совершенно напротивъ, она скорѣе будетъ противодѣйствовать искорененію пьянства. Вообще она будетъ имѣть неблагопріятное экономическое вліяніе. Она затруднитъ успѣхи благосостоянія, которое и такъ развивается у насъ медленно, вслѣдствіе того что ни одинъ народъ въ Европѣ не удѣляетъ на государственныя потребности такой значительной доли своего дохода какъ народъ русскій. Жизнь у насъ и такъ черезъ-чуръ дорога; въ производствѣ мы и такъ уже не можемъ конкурривать съ народами, несущими меньшую тяжесть налоговъ. Всякій лишній расходъ ложится у насъ не на комфортъ народа, а на его средства вести народное хозяйство. При подобномъ положеніи дѣлъ возвышеніе цѣны такого предмета всеобщей народной потребности какъ водка не можетъ обойдтись безъ серіозныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій для народной экономіи. А что вредно въ экономическомъ отношеніи, то не можетъ быть полезно для народной нравственности.

Итакъ возвышеніе акциза на вино можетъ быть защищаемо лишь какъ временная мѣра, подобно временному возвышенію подушной подати. Между мѣрами этого рода и мѣрами, принимаемыми въ спеціяльныхъ видахъ огражденія народной нравственности, нѣтъ ничего общаго. По отношенію къ пьянству, эти послѣднія мѣры должны состоять не въ возвышеніи цѣны водки, и слѣдовательно не въ возвышеніи акциза, а въ установленіи значительнаго различія

между цѣной водки, покупаемой для домашняго употребленія, и между цѣной водки въ питейныхъ заведеніяхъ.

Чтобъ уяснить нашу мысль, укажемъ вкратцѣ на тотъ порядокъ, при которомъ означенная нами потребность была бы удовлетворена. Что бы водка была дешева для домашняго употребленія, для этого акцизъ долженъ быть низкій. Чтобы водка была дорога въ питейныхъ заведеніяхъ, для этого патентный сборъ съ питейныхъ заведеній долженъ быть высокій. Изъ этого слѣдуетъ, что относительно патентнаго сбора должно быть сдѣлано различіе вопервыхъ между мѣстами оптовой продажи, вовторыхъ между мѣстами штофной продажи на вынось и въ третьихъ между мѣстами раздробительной продажи. Оптовая продажа должна платить сравнительно наименьшій патентный сборъ; штофная продажа на вынось должна подлежать патентному сбору сравнительно высшему, но все-таки умѣренному; наконецъ, дабы побудить простой народъ покупать водку штофами безъ расшитія на мѣстѣ,—съ мѣстъ раздробительной продажи долженъ взиматься патентный сборъ по меньшей мѣрѣ втрое или вчетверо бо́льшій чѣмъ теперь и должно быть совершенно уничтожено различіе между трактирами, харчевнями и кабаками, различіе покровительствующее теперь кабакамъ и поддерживающее у насъ существованіе этихъ заведеній, вовсе неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ. Повторяемъ: пока мы не избавимся отъ кабаковъ, до тѣхъ поръ мы не избавимся и отъ той дурной славы, что русскій народъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ зараженъ порокомъ пьянства.

№ 279.

Москва, 21-го декабря.

Здѣсь въ Россіи мы еще доживаемъ полный событіями 1863 годъ, а въ Европѣ уже начался новый. Сейчасъ получена парижская телеграмма, которая извѣщаетъ насъ, что 1864 годъ въ Парижѣ начался подъ самыми мирными предзнаменованіями. Императоръ Наполеонъ III возвѣстилъ миръ дипломатическому корпусу, собравшемуся въ новый годъ для поднесенія ему обычныхъ поздравленій. Императоръ Французовъ надѣется, что затрудненія возникшія въ разныхъ частяхъ свѣта уладятся мирнымъ образомъ, и что, благодаря миролюбію государей, миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ. Такъ торжественно сказанное слово „миръ“ есть очень пріятное слово, и оно, конечно, съ удовольствіемъ было услышано членами дипломатическаго корпуса въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Когда придетъ полный текстъ рѣчи, мы получимъ возможность взвѣсить съ большею точностію многократно употребленное слово „миръ“, и сообразить въ какой силѣ можетъ оно быть принято за предзнаменованіе событій, ожидающихъ насъ въ наступающемъ году.

Впрочемъ, когда же политика императора Французовъ не была миролюбива? Когда не обѣщала она Европѣ успокоенія и умиротворенія? Если бы только остальные государи были, въ свою очередь, также миролюбиво настроены, то никакихъ затрудненій не могло бы возникнуть, и Европа наслаждалась бы полнѣйшимъ спокойствіемъ; если бы другіе государи были миролюбивы, не было бы надобности прибѣгать къ вооруженіямъ, не было бы никакихъ опасностей, не было бы наконецъ войнъ, которыя въ Европѣ, по выраженію того же царственнаго оратора, суть не что иное какъ междоусобія. Какъ не пожалѣть, что миролюбивымъ видамъ Тюльерійскаго двора не соотвѣтствовала до сихъ поръ политика другихъ дворовъ? По крайней мѣрѣ, въ настоящее время на политическомъ горизонтѣ показались знаменія, которыя, по свидѣтельству тюльерійской обсерваторіи, служатъ доказательствомъ благопріятной перемѣны происшедшей въ настроеніи европейскихъ государей. Императоръ Французовъ надѣется что благодаря ихъ миролюбію спокойствіе Европы не будетъ нарушено.

Какъ бы то ни было, это „миролюбіе государей“, на которое императоръ Французовъ возлагаетъ свои надежды, нѣсколько вредитъ эффекту его мирной рѣчи, на сколько она извѣстна намъ изъ краткой телеграммы. Это „миролюбіе государей“ въ устахъ Наполеона III не можетъ въ настоящее время означать ничего иного кромѣ европейскаго конгресса, который недавно былъ предложенъ имъ съ такою настойчивостью. Открывая засѣданія своихъ законодательныхъ собраній, онъ также объявлялъ, что всѣ затрудненія будутъ улажены, если государи, движимые чувствомъ миролюбія, изъявятъ согласіе собраться на совѣщанія въ

Парижъ. Слѣдовательно, если не ошибаемся, рѣчь, сказанная императоромъ Французовъ, въ новый годъ, означаетъ слѣдующее: коль скоро государи Европы желаютъ сохраненія всеобщаго спокойствія и мира, то они должны согласиться на конгрессъ. Люди, склонные къ пессимизму, пожалуй, переведутъ это такъ: если конгрессъ не состоится, то миръ Европы будетъ нарушенъ.

Мысль о конгрессѣ, какъ мы знаемъ, не оставлена Франціей. Несмотря на отказъ Англіи и Австріи, французское правительство продолжало настойчиво дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Если полный конгрессъ встрѣтилъ препятствія, нельзя ли по крайней мѣрѣ устроить не полный? Извѣстно, что король Португальскій, также король Эллиновъ, и нѣкоторые другіе, изъявили готовность явиться по первому призыву; многіе изъ безчисленныхъ государей Германіи приняли тоже съ большимъ сочувствіемъ мысль о не полномъ конгрессѣ. Конгрессъ, какой бы то ни было, полный или не полный, требуется императору Французовъ во что бы то ни стало.

Странно только то, что при настойчивости, съ которою Франція хлопочетъ о конгрессѣ, при томъ значеніи, которое она придаетъ ему, отношенія ея правительства къ Англіи ни мало не испортились какъ бы слѣдовало ожидать, вслѣдствіе рѣзкаго отказа, который былъ сдѣланъ этою послѣднею державою. Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что не смотря на этотъ отказъ, до сихъ поръ не замолкаютъ слухи о какихъ-то колебаніяхъ англійскаго правительства, будто-бы подающихъ надежду на то, что оно возьметъ назадъ свой отказъ и согласится на конгрессъ. Между извѣстіями, принесенными нынѣшнею почтою, читатели замѣтятъ между прочимъ слухъ, сообщаемый въ газетѣ *Indépendance Belge*, о разногласіи будто бы возникшемъ между лордомъ Пальмерстономъ и лордомъ Росселемъ относительно конгресса, и о томъ, что первый будто бы склоняется въ пользу этой мысли. Если дѣйствительно лордъ Пальмерстонъ склоняется къ конгрессу, то это можетъ значить только то, что онъ никогда и не уклонялся отъ него. Нынѣшній глава англійскаго кабинета вовсе не такого свойства государственный человѣкъ, который могъ бы колебаться въ подобномъ вопросѣ; къ тому же, ему очень хорошо извѣстны и положеніе, и виды, и карты сосѣда.

Что касается до нынѣшняго положенія Европы, то ни польскій, ни даже гольштейнскій вопросъ не могутъ серіозно угрожать ея спокойствію. Опасность можетъ грозить развѣ со стороны Италіи. Тамъ, дѣйствительно, положеніе дѣлъ становится все хуже и хуже, партія движенія работаетъ настойчиво, и если какая-либо изъ великихъ державъ не безъ нѣкоторыхъ опасеній встрѣчаетъ новый годъ, то держава эта—Австрія. Что же касается до нашего отечества, то оно можетъ оставаться въ полной увѣренности, что его безопасность заключается не въ какихъ-либо случайныхъ политическихъ комбинаціяхъ и не въ наполеоновскомъ конгрессѣ, въ какихъ бы видахъ онъ ни былъ задуманъ: безопасность Россіи заключается въ ея національной политикѣ. Ей остается только дѣйствовать въ интересахъ своей національной политики, не развлекаясь никакими опасеніями, не давая повода ожидать какихъ бы то ни было уступокъ съ ея стороны. Опасности, которыя еще такъ недавно облегали ее страшными тучами, исчезли какъ призракъ; онѣ и были призракъ: эти опасности были порождены ея собственнымъ мнѣніемъ, въ нихъ выразилось ослабѣвшее чувство ея національной политики; опасности исчезли какъ только Россія почувствовала самое себя. Уничиженіе, которое ей готовили, обратилось въ ея возвышеніе; и послѣ восточной войны, она впервые теперь пріобрѣла въ Европѣ подобающее ей значеніе, которое, при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, будетъ только возрастать, если она останется вѣрна чувству своей силы и своихъ національныхъ интересовъ. Отъ ея политики, дѣйствительно, можетъ въ настоящее время зависѣть судьба европейскаго материка. Вчерашніе ожесточенные противники, осыпавшіе ее укоризнами и преподававшіе ей уроки, еще болѣе оскорбительные чѣмъ укоризны, — противники относившіеся къ ней съ гордостію и презрѣніемъ,—теперь начинаютъ уже добиваться ея добраго расположенія. Доброе расположеніе Россіи есть необходимость для Австріи; въ добромъ расположеніи Россіи имѣетъ крайнюю надобность и Франція....

№ 280.

Москва, 23-го декабря.

А.

Русскій Инвалидъ изъявилъ желаніе находиться въ добрыхъ отношеніяхъ къ намъ, и вести съ нами бесѣду для разъясненія общественныхъ вопросовъ. Мы очень рады этому; намъ пріятно, что его полемическое раздраженіе, нечаянно и безъ умысла вызванное нами, оказалось кризисомъ скоротечнымъ. Этотъ кризисъ ознаменованъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* полемикой между его редакціей и однимъ изъ сотрудниковъ, предметомъ которой были мы, а поводомъ была замѣтка наша о статьѣ г. Гильфердинга по польскому вопросу. Дѣло шло о разъясненіи весьма важнаго вопроса. Редакція находила, что мы, въ нашихъ сужденіяхъ о статьѣ г. Гильфердинга, руководствовались желаніемъ показать какіе-то наши полемическіе таланты; самъ же г. Гильфердингъ, ограждая насъ отъ нареканія въ подобномъ суетномъ побужденіи, объяснялъ нашъ поступокъ тѣмъ обстоятельствомъ, что *Московскія Вѣдомости* суть миѳическое чудище, стрегущее царство тѣней, адскій песъ, только о двухъ зѣвахъ: „чудище, обло, озорно, двузѣвно и лаяй!“ восклицаетъ онъ, повторяя извѣстный стихъ изъ *Телемахиды*. *Московскія Вѣдомости*, по объясненію г. Гильфердинга, намѣревались заѣсть его за то, что онъ отважился коснуться предметовъ стрегомыхъ этимъ озорнымъ и лающимъ чудищемъ. Вотъ какіе споры и разъясненія шли недавно въ *Русскомъ Инвалидѣ* между редакціей и ея сотрудникомъ! Если намъ будетъ позволено сказать наше мнѣніе, то, намъ кажется, въ этомъ состязаніи пальма осталась за сотрудникомъ. Отзывъ г. Гильфердинга, во многихъ отношеніяхъ, удовлетворительнѣе отзыва самой редакціи; статейка г. Гильфердинга объ насъ исполнена искренности, а искренность извиняетъ многое; онъ почувствовалъ себя обиженнымъ, огорченнымъ, раздраженнымъ, и прямодушно выразилъ свое чувство, назвавъ насъ собакою о двухъ головахъ. Тутъ нѣтъ никакой двусмысленности, никакой темноты; все чисто и ясно. Г. Гильфердингъ излилъ свое чувство, облегчилъ себя, и значитъ—сдѣлалъ дѣло: *dixit et levavit animam*. Но мы рѣшительно не понимаемъ тактики, которой слѣдовала сама редакція въ своемъ отзывѣ о нашемъ поступкѣ. Мало того, что она обвинила насъ въ суетномъ побужденіи; изъ ея отзыва слѣдуетъ, что мы приписали г. Гильфердингу то чего онъ будто бы не говорилъ, или лучше сказать, то что̀ онъ отрицалъ и оспаривалъ какъ противное ему мнѣніе. Мы рѣшительно не понимаемъ какимъ образомъ можно такъ странно свидѣтельствовать о дѣлѣ, которое у всѣхъ передъ глазами, о статьѣ, которая напечатана въ столбцахъ той же газеты. Редакція *Русскаго Инвалида* говоритъ о своемъ уваженіи и сочувствіи къ нашей газетѣ: возможно ли было бы сочувствовать такой газетѣ, которая не только искажаетъ чужія мнѣнія, но оспаривая другихъ, приписываетъ имъ то чего они не говорили и что̀ даже они сами оспаривали? Мы не хотѣли отвѣчать на такое смѣлое утвержденіе *Русскаго Инвалида*, предоставляя его суду его собственныхъ читателей. Лишь теперь, когда онъ смягчился, когда онъ выразилъ желаніе бесѣдовать съ нами о разныхъ предметахъ толково и добросовѣстно, считаемъ не лишнимъ, прежде чѣмъ заведемъ съ нимъ рѣчь о чемъ-либо другомъ, разъяснить это куріозное дѣло, въ надеждѣ на благосклонное вниманіе *Русскаго Инвалида*.

Мнѣніе, подхваченное иностранною журналистикой въ статьѣ г. Гильфердинга, было высказано авторомъ какъ его собственная мысль, а не какъ чужая, которую будто бы онъ оспаривалъ. Онъ утверждалъ отъ себя, что Русскіе съ восхищеніемъ стали бы взирать на отдѣленіе Польши, и что этого требуетъ высшая справедливость, которая не хочетъ, чтобъ одинъ народъ находился въ зависимости у другаго. Мы знаемъ также, что авторъ не ограничился однимъ этимъ взглядомъ; онъ прибавилъ къ свѣдѣнію и требованія „князя міра сего;“ онъ объявилъ, что Россія, при всемъ своемъ желаніи, теперь не можетъ отдѣлить отъ себя Польшу. Развивая далѣе вопросъ, онъ пришелъ еще къ тому мнѣнію, что Россія не должна и помышлять объ этомъ, ибо отдѣлить Польшу значило бы отдать ея деревенскія народонаселенія, въ которыхъ таятся, можетъ-быть, зачатки свѣжей жизни, во власть шляхты, которая есть гніющій и разлагающійся трупъ. Все это было высказано г. Гильфердингомъ одно за другимъ какъ его собственныя мнѣнія.

Все разсужденіе г. Гильфердинга о польскомъ вопросѣ могло бы быть раздѣлено на

нѣсколько частей. Въ одной возвѣщается съ убѣжденіемъ, что Польша должна быть отдѣлена отъ Россіи, въ силу требованій высшей справедливости; вторая часть посвящена подробному и обстоятельному доказательству, что Россія ни въ какомъ случаѣ не должна отдѣлять отъ себя этотъ край, если бы даже и дозволялось это ея собственными интересами. Третья часть распадается на двѣ главы, изъ которыхъ въ первой доказывается, что бытъ въ Польскомъ Царствѣ долженъ быть глубоко измѣненъ, и всѣ особенности его должны быть радикально нарушены; во второй же главѣ съ неменьшимъ убѣжденіемъ доказывается, что Царство Польское, входя въ составъ Россійской Имперіи, должно сохранять неприкосновенными всѣ свои особенности по образцу Остзейскихъ губерній. Всѣ эти воззрѣнія излагаются авторомъ не только съ полнымъ безпристрастіемъ, но, по видимому, и съ равнымъ убѣжденіемъ. Онъ какъ бы предоставляетъ каждому выбирать изъ его разсужденій что кому по нраву. При широтѣ воззрѣнія ничѣмъ не уступающей извѣстному философскому принципу абсолютнаго тождества, онъ согласенъ и съ тѣми, кто требуетъ отторженія польскаго края отъ русской государственной области, освящая ихъ требованія уставами высшей правды; онъ согласенъ и съ тѣми, кто утверждаетъ, что такимъ актомъ Россія совершила бы величайшую несправедливость, и что она отнюдь не должна этого дѣлать. Далѣе, авторъ присоединяется къ тѣмъ, которые считаютъ необходимымъ измѣнить всѣ существующія въ Царствѣ Польскомъ отношенія, сильною рукою выдвинуть крестьянство и коренным преобразованіемъ его быта поставить его не только въ независимость, но и въ нѣкоторый антагонизмъ съ шляхтой, — и предупреждая желанія, мыслящихъ такимъ образомъ людей, авторъ указываетъ даже на общинное землевладѣніе; но это не мѣшаетъ автору присоединиться съ полнымъ убѣжденіемъ также и къ тѣмъ, которые находятъ, что польскій край не долженъ терять своихъ административныхъ, юридическихъ и бытовыхъ особенностей, — и предупреждая желанія мыслящихъ въ этомъ тонѣ людей, авторъ предлагаетъ взять въ образецъ положеніе Остзейскихъ губерній, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, но удерживающихъ всѣ особенности своего быта, такъ что и самый крестьянскій вопросъ былъ разрѣшенъ тамъ совершенно на иныхъ, чѣмъ въ остальной Россіи, основаніяхъ. Вотъ что называется „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.“

Но мы оставили статьи г. Гильфердинга безъ вниманія; мы не считали нужнымъ подвергать ихъ критикѣ, или выставлять на видъ странности, которыя въ нихъ заключались. Мы не чувствовали къ тому ни малѣйшаго побужденія. Мало ли странностей появляется вездѣ, а особенно въ нашей литературѣ? И только спустя нѣкоторое время мы сочли не совсѣмъ лишнимъ обратить на нихъ вниманіе. Что же насъ побудило къ тому? Намъ совѣстно повторять этотъ вопросъ: какой интересъ можетъ имѣть публика въ анализѣ побужденій, заставившихъ тотъ или другой журналъ обратить вниманіе на то или другое явленіе въ печати? Тѣмъ не менѣе, этотъ важный вопросъ занималъ всю петербургскую журналистику, и, какъ мы сейчасъ видѣли, послужилъ предметомъ для оживленныхъ объясненій въ столбцахъ *Русскаго Инвалида* между его редакціею и самимъ г. Гильфердингомъ. *Русскій Инвалидъ* особенно былъ озадаченъ вопросомъ: почему мы заговорили о статьяхъ г. Гильфердинга не тотчасъ по ихъ появленіи въ свѣтъ, а спустя нѣкоторое время? Это обстоятельство кажется *Русскому Инвалиду* очень загадочнымъ. Мы благодаримъ за честь которую онъ оказываетъ намъ, анализируя оттѣнки нашихъ чувствованій, и возводя въ вопросъ наши побужденія. Но вопросъ разрѣшается такъ просто, что не стоило и задавать его. *Русскому Инвалиду* стоило бы только вспомнить, что не одни мы, но и самъ онъ долженъ былъ заговорить о статьѣ, напечатанной въ его собственныхъ столбцахъ, и что онъ долженъ былъ заговорить о ней въ одно время съ нами. Мы коснулись ея по тому же самому поводу, который заставилъ и редакцію *Русскаго Инвалида* вступить о ней въ объясненія. Такъ какъ статья г. Гильфердинга умѣла совмѣстить въ себѣ самыя противоположныя воззрѣнія, то ею поспѣшили воспользоваться наши заграничные друзья, особенно благодаря тому, что она появилась въ оффиціяльномъ журналѣ. Тѣ части статьи, гдѣ развивалась теорія высшей правды, были подхвачены иностранною журналистикою, равно какъ и характеристическіе отзывы о Русскихъ, какъ о плебеяхъ человѣчества. Когда такимъ образомъ статья, напечатанная въ *Русскомъ*

Инвалидъ, сдѣлалась предметомъ всесвѣтной огласки, когда въ разныхъ иностранныхъ журналахъ появленіе этой статьи объяснялось кореннымъ измѣненіемъ русской политики или русскаго общественнаго мнѣнія, тогда и мы сочли нелишнимъ сказать о ней два-три слова. Поводъ этотъ былъ указанъ нами въ нашей замѣткѣ, и поводъ этотъ достаточно объяснялъ наши побужденія. Г. Гильфердингъ жалуется, что „Чудовище“ *Московскихъ Вѣдомостей* намѣревалось „заѣсть“ его. Странный вкусъ у этого чудища! Но по вычисленію *Русскаго Инвалида* цѣлыя три недѣли это чудище не трогалось съ мѣста. Оно вспомнило почтеннаго г. Гильфердинга въ ту только минуту, когда и редакція *Русскаго Инвалида* была вынуждена вспомнить о немъ. И что же мы сдѣлали? Что мы сказали? Мы отдали справедливость *Русскому Инвалиду* въ его направленіи; мы отозвались о г. Гильфердингѣ и даже о статьѣ его возможно лучшимъ образомъ. Мы были далеки отъ всякаго желанія компрометтировать эту статью въ чьемъ бы то ни было мнѣніи; напротивъ, мы старались выставить на видъ ея лучшую сторону, ея казовый конецъ; мы не касались всѣхъ заключающихся въ ней несообразностей и обратили вниманіе только на то что подало поводъ къ ложнымъ толкамъ. Мы старались объяснить странность подавшую поводъ къ толкамъ не какими-либо обидными для личности г. Гильфердинга предположеніями, а причинами общаго свойства. Причины эти мы находили и находимъ въ свирѣпствующей посреди нашихъ литераторовъ эпидеміи благовѣстительствовать и пророчествовать. Мы вмѣнили его погрѣшности не столько лично ему, сколько общему злу, за которое онъ конечно отвѣтствовать не можетъ, но въ которомъ и упорствовать тоже не слѣдуетъ. . . . . .

Серіозное зло заключается не въ тѣхъ или другихъ мысляхъ или оттѣнкахъ мыслей, которыя проповѣдываются нашими метафизиками, а въ этомъ разстройствѣ воображенія, побуждающемъ ихъ видѣть въ себѣ какія-то трансцендентальныя свойства и говорить обо всемъ съ какимъ-то неестественнымъ напряженіемъ и натугою. Всякій изъ этихъ метафизиковъ считаетъ себя призваннымъ къ провозглашенію великой мудрости; всякій вѣщаетъ такъ, какъ будто бы призванъ положить начало новой религіи на землѣ; всякій хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь разительнѣе доказать свое презрѣніе къ здравому смыслу. У всѣхъ на языкѣ высшая правда; всѣ восходятъ къ первоначальнымъ причинамъ, и считаютъ своимъ долгомъ прозрѣвать въ будущее. А потому у насъ очень часто самыя разнородныя воззрѣнія въ сущности ничѣмъ между собою не разнятся, и равномѣрно служатъ органомъ одного и того же никуда негоднаго духа пустословія. Не отдѣльныя воззрѣнія, не ученія разнаго свойства, которыя проповѣдываются нашими метафизиками, слѣдуетъ оспаривать: всѣ эти ученія, съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, ровно ничего не значатъ; во всѣхъ этихъ ученіяхъ нѣтъ ничего серіознаго: серіозное зло заключается въ ихъ общемъ источникѣ, въ этомъ духѣ самообольщенія, пустословія и напыщенности. Тема, которой мы коснулись въ послѣднихъ строкахъ, очень обильна: только теперь намъ некогда развивать ее, тѣмъ болѣе что мы къ сожалѣнію увѣрены, что литература наша не разъ представитъ намъ случай коснуться этой грустной темы. Но мы не можемъ не указать на одну забавную черту нашихъ метафизиковъ и благовѣстителей. Они въ самомъ дѣлѣ, считаютъ себя глубокими мыслителями и пророками, и ироническіе отзывы о нихъ эти господа добродушно принимаютъ за кощунство надъ человѣческимъ разумомъ, и воображаютъ, что въ ихъ лицѣ подвергаются осмѣянію всѣ когда-либо жившіе учители мудрости. Добрые люди, они въ самомъ дѣлѣ причисляютъ себя къ лику Платоновъ и Аристотелей. . . . . .

Б.

Мы очень рады бесѣдовать съ *Русскимъ Инвалидомъ* о предметахъ общаго интереса и привѣтствуемъ его намѣреніе не руководствоваться ни чѣмъ инымъ, кромѣ желанія добросовѣстно и тщательно способствовать ихъ разъясненію. Темой для бесѣды *Русскій Инвалидъ* предлагаетъ вопросъ о казенныхъ изданіяхъ.

Русскій Инвалидъ троекратнымъ „да“ выражаетъ свое полное сочувствіе основнымъ положеніямъ нашей замѣтки о казенныхъ изданіяхъ; но соглашаясь съ нами въ началахъ, онъ приходитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. „Именно потому,“ говоритъ онъ, „что интересы нашего правительства вполнѣ совпадаютъ съ „интересами нашего государства, казенныя

„политическія изданія и могутъ существо-
„вать у насъ въ томъ видѣ, въ какомъ они
„существуютъ, то-есть, не прикрываясь ли-
„чиною самостоятельности, какъ это дѣла-
„ютъ полуофиціяльныя газеты во Фран-
„ціи.“

Но въ томъ-то и бѣда, что наши казенныя изданія, такъ какъ они есть, суть изданія полуофиціяльныя; будь они изданія чисто офиціяльныя, не было бы никакого вопроса, никакого спора. Кто когда-либо оспаривалъ необходимость чисто офиціяльныхъ изданій? Кто когда-либо считалъ излишнимъ публикацію указовъ, правительственныхъ распоряженій, министерскихъ циркуляровъ? Кто когда-либо ополчался противъ такихъ изданій, какъ напримѣръ *Сенатскія Вѣдомости?* Но въ томъ-то и дѣло, что наши казенныя изданія не всѣ имѣютъ такой характеръ, какъ *Сенатскія Вѣдомости*; въ томъ-то и дѣло, что наши казенныя изданія суть изданія *полуофиціяльныя*, въ точномъ смыслѣ этого слова, а не просто офиціяльныя. Вотъ, напримѣръ, *Биржевыя Вѣдомости:* эта газета состоитъ изъ двухъ частей: офиціяльной и неофиціяльной; наполовину оно есть изданіе офиціяльное, наполовину неофиціяльное. Чѣмъ же это изданіе выходитъ въ результатѣ? Оно, очевидно, выходитъ изданіемъ полуофиціяльнымъ. Во Франціи полуофиціяльныя изданія суть изданія *оффиціозныя*; это газеты, издаваемыя частными лицами, которыхъ правительство снабжаетъ деньгами (не всегда впрочемъ казенными), а у насъ неофиціяльныя, то-есть, частныя мнѣнія издаются на казенныя деньги или на счетъ приписныхъ читателей? Что лучше, мы не рѣшаемъ; но сущность дѣла остается та же самая: какъ тамъ, такъ и тутъ офиціяльными средствами препровождаются въ публику мнѣнія, не имѣющія офиціяльнаго характера. Во Франціи такое положеніе дѣлъ требуется особыми обстоятельствами, въ которыхъ находится тамъ правительство. *Русскій Инвалидъ* согласенъ, что наше правительство находится въ иныхъ обстоятельствахъ, но потому-то самому, говоритъ онъ, казенныя политическія изданія и должны существовать у насъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ. Чтобы оправдать существованіе русскихъ политическихъ газетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, *Русскій Инвалидъ* даетъ нашимъ казеннымъ политическимъ изданіямъ совершенно неожиданное значеніе. Онъ видитъ въ нихъ не просто газеты, но одно „изъ
„важныхъ и всегда сподручныхъ средствъ
„управленія.“

Къ сожалѣнію, мы должны сказать откровенно, эта прекрасная теорія казенныхъ политическихъ изданій основана на ошибкѣ, которую нашъ собесѣдникъ и самъ легко усмотритъ, если захочетъ провѣрить высказанныя имъ мысли. Правительство можетъ признавать и не признавать общественное мнѣніе; но общественное мнѣніе есть общественное мнѣніе; оно есть то что оно есть, и въ немъ выражается не правительство, а общество. Нашъ почтенный собесѣдникъ думаетъ, что существующій теперь журнальный порядокъ ведется у насъ изстари. Нѣтъ, назадъ тому лѣтъ восемь, у насъ не было никакихъ политическихъ изданій, ни казенныхъ, ни частныхъ; и объ общественномъ мнѣніи, какъ о дѣйствующей силѣ, не было и рѣчи. Въ ту пору не могло быть существеннаго различія между офиціяльными, полуофиціяльными и неофиціяльными политическими изданіями. *Московскія Вѣдомости* обязаны были перепечатывать политическія извѣстія изъ петербургскихъ газетъ, а тѣ получали ихъ изъ рукъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Еще менѣе допускалось выраженіе какихъ либо мнѣній о предметахъ внутренней политики. Вопросъ о характерѣ изданія является не прежде какъ съ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія. Слѣдуетъ ли желать чтобъ общественное мнѣніе у насъ существовало и дѣйствовало—это вопросъ особый; но оно существуетъ, оно дѣйствуетъ, вліяніе его повсюду оказывается, и стало-быть надобно желать чтобы оно было истина, а не фальшь.

По мнѣнію *Русскаго Инвалида*, наши казенныя политическія изданія существуютъ у насъ въ интересахъ цѣлаго государства, цѣлаго народа, ибо посредствомъ этихъ изданій каждое правительственное вѣдомство можетъ управлять общественнымъ мнѣніемъ и руководить его путемъ разумнаго убѣжденія. Имѣя въ виду столь важную цѣль, *Русскій Инвалидъ* изъявляетъ желаніе, чтобы число такихъ изданій у насъ размножилось, и чтобы каждое вѣдомство вооружилось своимъ органомъ для разумнаго убѣжденія публики, или по крайней мѣрѣ одно такое изданіе могло служить органомъ для нѣсколькихъ управленій. Намъ кажется, что желаніе нашего почтеннаго собесѣдника уже достаточно

исполнено и что ему въ этомъ отношеніи желать болѣе нечего.

Имѣя въ своемъ распоряженіи казенныя изданія, лица стоящія во главѣ центральныхъ управленій могутъ, по теоріи нашего почтеннаго собесѣдника, обсуждать и такіе вопросы, которые выходятъ за предѣлы ихъ вѣдомства. „Обсуждая вопросы общегосударственные," говоритъ онъ, „должны „ли они (лица стоящія во главѣ центральныхъ управленій), тамъ, гдѣ этого не требуетъ общая польза, ограничиваться лишь „оффиціальнымъ заявленіемъ своихъ мнѣній? „Не лучше ли могъ бы выясниться каждый „вопросъ, еслибы, сверхъ того, свободное „и полное развитіе этихъ мнѣній гдѣ это „возможно, предоставлялось ими состоя„щимъ въ ихъ вѣдѣніи газетамъ?"

Какъ не пожелать, чтобы лица, стоящія во главѣ центральныхъ управленій не ограничивались одною оффиціальною дѣятельностью? Напрасно *Русскій Инвалидъ* думаетъ, будто мы желаемъ устранить правительственныя лица отъ литературы. Кому можетъ придти въ голову мысль, что живое лицо, становясь правительственнымъ дѣятелемъ, вслѣдствіе этого теряетъ и потребность, и право заниматься предметами, которые его интересуютъ? *Русскій Инвалидъ* считаетъ нужнымъ увѣрить насъ, что отдѣльныя правительственныя лица у насъ не тратятъ своего времени на упражненіе въ литературѣ; онъ увѣряетъ насъ, что у насъ правительственныя лица, также, какъ и въ Англіи, занимаются исключительно правительственными дѣлами. Но увѣряя насъ въ этомъ, не слишкомъ ли много онъ доказываетъ? Ему должно быть извѣстно слѣдующее логическое правило: кто доказываетъ больше чѣмъ должно, тотъ ничего не доказываетъ. Въ Англіи, на которую онъ сослался, правительственныя лица, напротивъ, очень охотно занимаются литературой; они находятъ досугъ для этихъ занятій среди своихъ правительственныхъ заботъ, и за это никто на нихъ не сѣтуетъ. Правительственное лицо не становится существомъ отвлеченнымъ, поступая на правительственную чреду; оно все-таки остается живымъ лицомъ, членомъ общества, членомъ своего народа; живетъ оно какъ живутъ всѣ люди, и какъ всѣ люди можетъ имѣть и имѣетъ свои личныя мнѣнія. Въ правительственномъ лицѣ не все—правительство; пользуясь своимъ досугомъ, правительственное лицо можетъ и книги писать, и руководить сочувственнымъ ему журналомъ. Чѣмъ ближе къ сердцу государственные дѣятели принимаютъ общественные интересы, чѣмъ чаще они высказываютъ свое мнѣніе о разныхъ предметахъ, чѣмъ болѣе принимаютъ они участіе въ литературѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе пользы для общества и для литературы. Можно ли отрицать у правительственнаго лица право имѣть свое мнѣніе, право на которое претендуютъ всѣ прочія лица? Можно ли желать, чтобы правительственное лицо наглухо замыкалось въ оффиціальной сферѣ, и никогда не пользовалось досугомъ, чтобы дѣйствовать на общую пользу и другими путями, кромѣ путей оффиціальныхъ?

Но что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что и неоффиціальная дѣятельность правительственнаго лица должна имѣть оффиціальный характеръ? То ли, что его свободное, личное принадлежащее ему мнѣніе о разныхъ предметахъ, начиная отъ новой піесы, поставленной на сценѣ и кончая народными началами, о которыхъ хлопочетъ г. Гильфердингъ, должно быть издаваемо въ свѣтъ на казенныя деньги, или обязательно предлагаться читателямъ. Правительственное лицо можетъ быть несогласно съ своими товарищами по многимъ предметамъ государственнаго интереса: слѣдуетъ ли изъ этого, что и эти мнѣнія также должны издаваться на казенный счетъ или имѣть обязательныхъ читателей? Правительственныя лица могутъ наконецъ находиться въ борьбѣ и антагонизмѣ съ своими товарищами, такими же государственными дѣятелями: слѣдуетъ ли обращать казенныя средства на поддержку частныхъ мнѣній того или другаго лица, которое хотя и занимаетъ какой-либо оффиціальный постъ, но завтра можетъ уступить свое мѣсто другому? Если правительственное лицо, какъ и всякое другое лицо, можетъ имѣть свои частно принадлежащія ему мнѣнія, если за нимъ должна быть въ полной мѣрѣ признана умственная свобода, то нормальное ли дѣло, чтобы тѣ или другія воззрѣнія, хотя бы и очень почтенныя, но тѣмъ не менѣе свободныя и стало-быть зависящія отъ случайностей образованія и личнаго развитія, не изъятыя, какъ и все свободное, отъ ошибокъ и увлеченій, проводили и защищали себя на казенный счетъ? Мы никакъ не думаемъ, чтобы теорія, изложенная въ *Русскомъ Инвалидѣ*, могла быть принята въ какой бы то ни было цивилизованной

странѣ. Что она не принимается нашими государственными людьми, доказательство тому мы видѣли недавно: министерство финансовъ объявляло всенародно, что оно отвѣтствуетъ только за официяльныя сообщенія, а отнюдь не за тѣ мнѣнія, которыя печатаются въ неофиціяльномъ отдѣлѣ его газеты. Можетъ ли *Русскій Инвалидъ* въ свою очередь сказать, что та самая статья его, о которой теперь идетъ рѣчь, должна была непремѣнно явиться на казенный счетъ, или что статейка г. Гильфердинга о двузѣвномъ чудищѣ должна была также явиться на казенный счетъ, въ интересахъ государства, или что эти интересы требуютъ развитія теоріи о плебействѣ Русскаго народа, или той теоріи, напримѣръ, которою недавно попрекалъ насъ сенаторъ Бонжанъ, и которая, дѣйствительно, имѣетъ у насъ не мало приверженцевъ?

Свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ можетъ быть плодотворно только тогда, когда въ сферѣ мнѣній, равно *дозволительныхъ*, ни одному не дается казеннаго пособія или правительственной привилегіи; въ противномъ случаѣ, въ дѣло будетъ внесена ложь, а ложь, какъ извѣстно, къ добру не ведетъ. Лучше вовсе не допускать свободнаго обсужденія вопросовъ, нежели создавать фальшивый призракъ общественнаго мнѣнія.

Теорія, которую предлагаетъ *Русскій Инвалидъ*, не имѣетъ смысла въ примѣненіи къ Россіи стараго времени, которая не знала никакихъ политическихъ изданій и не допускала ни свободнаго обсужденія вопросовъ, ни общественнаго мнѣнія. Что же касается до Россіи нынѣшней, до Россіи обновляющейся, то мы не думаемъ, чтобъ эта теорія могла для ней годиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо различается у насъ интересъ государственный отъ интереса частнаго, официяльное отъ неофиціяльнаго, свободное отъ обязательнаго; съ каждымъ новымъ шагомъ нашей гражданственности, это различіе должно пріобрѣтать и бо́льшую силу и бо́льшую ясность; вмѣстѣ съ тѣмъ и казенныя средства будутъ становиться все опредѣлительнѣе въ своемъ назначеніи. Правительственныя лица нашего времени (въ этомъ мы въ свою очередь можемъ увѣрить *Русскій Инвалидъ*) явственно различаютъ собственныя деньги отъ казенныхъ. Они никакъ не примутъ теоріи *Русскаго Инвалида*, и никакъ не будутъ защищать свое личное мнѣніе или поддерживать свое личное положеніе ни казенными, ни вообще чужими средствами. Если у насъ есть казенныя изданія съ неоффиціяльнымъ отдѣломъ, то они существуютъ не вслѣдствіе теоріи, изложенной въ *Русскомъ Инвалидѣ*, существуютъ не по принципу, а какъ случайный фактъ, оказавшійся подъ рукою, который рано или поздно измѣнитъ свой характеръ.

Но возвратимся къ теоріи, изложенной въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, нашимъ казеннымъ политическимъ изданіямъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, посредствомъ этихъ изданій правительственныя лица, каждое въ своемъ вѣдомствѣ, должны дѣйствовать на общественное мнѣніе путемъ разумнаго убѣжденія. Во-вторыхъ, посредствомъ этихъ изданій правительственныя лица могутъ на общую пользу проводить свое мнѣніе относительно предметовъ, выходящихъ изъ сферы спеціяльнаго вѣдомства, и защищать его, насколько по выраженію *Русскаго Инвалида* въ этихъ мнѣніяхъ окажется внутренней правды,—значитъ мнѣнія необязательныя, и подлежащія спору. *Русскій Инвалидъ* заключаетъ: „По вопросамъ перваго рода наши газеты, состоящія при отдѣльныхъ вѣдомствахъ, по своему значенію, могутъ быть сравниваемы съ центральными правительственными органами, какіе существуютъ во Франціи, Австріи и т. д. По вопросамъ же другаго рода, онѣ, очевидно, ближе всего подходятъ къ полуофиціяльнымъ газетамъ или къ журнальнымъ органамъ того и другаго министра, какіе существуютъ, напримѣръ, въ Англіи, и статьи ихъ нисколько не заручаютъ самаго правительства въ пользу того или другаго изъ высказанныхъ ими мнѣній." Все это было бы прекрасно, но къ сожалѣнію все это ошибочно. Мы приглашаемъ автора статьи обратиться къ любому образованному Англичанину, и онъ объяснитъ ему, что въ Англіи нѣтъ положительно ни одной полуофиціяльной газеты, и быть ничего подобнаго не можетъ. Если тотъ или другой англійскій министръ находится въ связяхъ съ тою или другою газетой, то эти связи не имѣютъ ни малѣйшаго официяльнаго свойства. Англійскія газеты служатъ только органомъ той или другой партіи, которая ихъ и поддерживаетъ. Поддержка эта состоитъ въ томъ, что эту газету выписываютъ и читаютъ люди одного съ нею мнѣнія. Чтобъ

имѣть возможность существовать, газета въ Англіи должна опираться на какую-нибудь группу общественныхъ интересовъ; но ни одного пенни казенныхъ денегъ не пойдетъ на ея поддержку.

Русскій Инвалидъ не допускаетъ, какъ онъ выражается, центральныхъ правительственныхъ органовъ; онъ говоритъ съ полнымъ авторитетомъ, что какъ бы кто ни ратовалъ въ пользу созданія подобнаго органа, всѣ усилія къ тому будутъ напрасны. У насъ, говоритъ онъ, нѣтъ англійскихъ премьеровъ, которые могли бы давать направленіе такимъ газетамъ. Но англійскіе премьеры никогда этимъ дѣломъ не занимаются: *Лондонская Газета*, которая соотвѣтствуетъ тому, что *Инвалидъ* называетъ центральнымъ органомъ, ни въ какомъ направленіи не нуждается; она не заключаетъ въ себѣ ничего кромѣ офиціяльныхъ документовъ. *Русскій Инвалидъ* находитъ, что такое содержаніе безцвѣтно. Что дѣлать? Правительство даетъ своимъ актамъ только одинъ свойственный ему цвѣтъ. Въ подобномъ изданіи нѣтъ, конечно, поприща для фантазіи, нѣтъ ни руководящихъ статей, ни фельетоновъ, ни метафизики, ни пророчествъ; но тамъ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія въ высшей степени интересныя и важныя для всѣхъ и каждаго въ государствѣ.

Мы искренно желаемъ войдти въ мысль *Русскаго Инвалида* и съ удовольствіемъ соглашаемся съ нимъ, что правительственныя лица могутъ и офиціяльно дѣйствовать путемъ разумнаго убѣжденія. „У насъ“, говоритъ онъ, „какъ и вездѣ, правительственныя мѣры и распоряженія могутъ „подвергаться ложному истолкованію, могутъ возбуждать ни на чемъ не основанныя опасенія. Разъясненіе свойства, значенія и ожидаемыхъ послѣдствій такихъ „мѣръ, съ изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ „и условій, которыя ихъ вызывали, лежитъ „прямо на обязанности правительственныхъ „органовъ журналистики, и безъ различныхъ неудобствъ не могло бы быть ни „поручено, ни навязано частнымъ изданіямъ. Каждое вѣдомство располагаетъ въ „этомъ отношеніи множествомъ различнаго „рода данныхъ, выборка и разработка которыхъ можетъ-быть поручаема только „принадлежащимъ къ нему довѣреннымъ „лицамъ.“

Чего же лучше? Кто же будетъ это оспаривать? Если требуется разъясненіе той или другой правительственной мѣры, истолкованіе того или другаго правительственнаго распоряженія, то правительство, конечно, не упуститъ этого изъ виду. Но правительственныя разъясненія и истолкованія должны имѣть и правительственную силу; они должны носить на себѣ оффиціяльный обязательный характеръ. Такого рода разъясненія и истолкованія должны или прямо истекать отъ правительственнаго лица, или совершать тотъ ходъ, который установленъ для правительственнаго дѣлопроизводства. Такіе документы пишутся спеціяльными лицами, находящимися у дѣлъ. Правительственные документы могутъ отличаться всевозможными литературными достоинствами, правильностію, чистотою и изяществомъ изложенія, равно какъ и убѣдительностію доводовъ; всѣ эти качества нисколько не противорѣчатъ оффиціяльному характеру подобныхъ документовъ. Депеши Князя Горчакова отличаются высокимъ литературнымъ достоинствомъ; но въ нихъ каждое слово есть слово правительства, и за каждое слово отвѣчаетъ цѣлая Россія. Во всякомъ правительственномъ документѣ, клонящемся къ разъясненію принятыхъ или принимаемыхъ мѣръ, все должно быть строго взвѣшено, и за каждое слово должно отвѣчать правительственное лицо, а не какой-либо анонимный писатель. Только въ такомъ случаѣ разъясненія, выходящія отъ правительства, могутъ достигать своей цѣли, а при смѣшеніи оффиціяльнаго съ неоффиціяльнымъ, правительственнаго съ неправительственнымъ, они въ большей части случаевъ будутъ гораздо болѣе вредны чѣмъ полезны.

Вопросъ, что лучше для подобныхъ правительственныхъ сообщеній, одинъ ли центральный органъ или нѣсколько спеціяльныхъ органовъ, насъ не касается. Что удобнѣе, что дешевле для казны, что доступнѣе для публики, то вѣроятно и лучше. Центральный ли органъ, спеціяльные ли органы, они должны быть органами чисто оффиціяльными, а отнюдь неполуоффиціяльными, то-есть не содержать въ себѣ ничего неоффиціяльнаго, никакихъ передовыхъ статей, никакихъ фельетоновъ, никакой метафизики и никакихъ пророчествъ. Весь вопросъ заключается только въ этомъ.

Русскій Инвалидъ говоритъ, что почти всѣ наши политическія изданія суть изданія казенныя. Казенныя ли, частныя ли, надобно только чтобъ они не представля-

ли фальшивой и опасной смѣси казеннаго съ частнымъ. Нашъ собесѣдникъ упоминаетъ намъ, что и мы — казенное зданіе, и что ратуя противъ казенныхъ изданій, мы ратуемъ противъ принципа собственнаго существованія. Тѣмъ лучше! Зачѣмъ же намъ выгораживать себя? Однако *Русскій Инвалидъ* изъявилъ желаніе вести съ нами бесѣду съ цѣлію добросовѣстнаго разъясненія вопроса: зачѣмъ же пытается онъ затемнить и запутать его? *Московскія Вѣдомости*, какъ рента, принадлежатъ университету; въ этомъ смыслѣ *Московскія Вѣдомости* — изданіе казенное. Но онѣ поступили въ безконтрольное и полное владѣніе своихъ нынѣшнихъ издателей, и теперь въ ихъ изданіи нѣтъ ничего казеннаго. Нашъ собесѣдникъ говоритъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* прежняго времени и о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нынѣшнихъ какъ объ одномъ и томъ же изданіи. Но основательно ли это? Ему не можетъ не быть извѣстно, что между нынѣшними *Московскими Вѣдомостями* и прежними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ ни малѣйшей солидарности. Но, лукаво замѣчаетъ нашъ собесѣдникъ, нынѣшніе издатели *Московскихъ Вѣдомостей* пользуются привилегіей, принадлежащею этому изданію: эта привилегія — казенныя объявленія, которыя сами по себѣ даютъ болѣе или менѣе значительный доходъ и сверхъ того могутъ привлекать подписчиковъ. Но собесѣдникъ нашъ очень хорошо знаетъ, что *Московскія Вѣдомости* поступили въ руки нынѣшнихъ владѣльцевъ не даромъ: редакція *Русскаго Инвалида* могла бы легко справиться объ обстоятельствахъ этой передачи. Что *Московскія Вѣдомости* давали университету, то за нимъ и осталось; но этого мало: университетъ получаетъ теперь почти вдвое противъ прежняго. Нынѣшнее изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* не только не пользуется сборомъ съ казенныхъ объявленій, но не пользуется сборомъ и съ той массы подписчиковъ, которые въ прошломъ году поддерживали это изданіе. Дѣло для *Русскаго Инвалида* можетъ-быть станетъ яснѣе, если мы скажемъ ему, что изданіе нашей газеты было бы совершенно невозможно, еслибъ оно осталось при томъ числѣ подписчиковъ, какое было въ прошломъ году. Въ прошломъ году газета эта имѣла около 7.500 годовыхъ подписчиковъ, а для того чтобъ уплачивать университету гарантированную сумму и вести изданіе, необходимо по крайней мѣрѣ девять тысячъ подписчиковъ. Это можетъ засвидѣтельствовать нашему собесѣднику всякій свѣдущій въ дѣлѣ человѣкъ. *Московскія Вѣдомости* были пріобрѣтены нынѣшними владѣльцами съ публичныхъ торговъ, и еслибы можно было безъ крайняго риска предложить за нихъ болѣе, то конкурренты, которыхъ явилось не мало, не упустили бы это сдѣлать.

Если *Московскія Вѣдомости* могутъ продолжать свое существованіе, и если онѣ имѣютъ успѣхъ, то этимъ онѣ не обязаны ничему казенному, никакой привилегіи. Намъ очень пріятно, что редакція *Русскаго Инвалида* такъ интересуется нашими дѣлами и нашими успѣхами. Но если этотъ вопросъ такъ интересуетъ ее, то она легко могла бы справиться объ обстоятельствахъ нашего изданія повѣрнѣе. Люди, близко знакомые съ этими обстоятельствами, объяснили бы ей, чѣмъ и какою цѣной покупается замѣчаемый *Русскимъ Инвалидомъ* успѣхъ нашей газеты.

Точно также неосновательно мнѣніе, будто въ Москвѣ, при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, не могло бы существовать другое политическое изданіе. *Русскій Инвалидъ* ссылается на опытъ, а опытъ показываетъ противное. При *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ Москвѣ, существовалъ *Русскій Вѣстникъ* съ *Современною Лѣтописью*, изданіе частное и имѣвшее полный успѣхъ. *Современная Лѣтопись* была газетою еженедѣльною, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, еслибъ она превратилась въ ежедневную газету, то ея успѣхъ не могъ бы отъ того уменьшиться.

№ 281.

Москви, 24-го декабря.

Вотъ что значитъ петербургская атмосфера! Мы сейчасъ прочли въ газетѣ *Times* послѣднее изъ двухъ писемъ ея корреспондента о польскомъ возстаніи посланныхъ изъ Петербурга. Этотъ корреспондентъ, по всѣмъ признакамъ, есть тотъ же самый, который уже писалъ въ эту газету изъ разныхъ мѣстъ о томъ же предметѣ, изъ Кракова, изъ Познани, изъ Львова, изъ Варшавы. Онъ писалъ съ театра событій, съ польскихъ мѣстъ, и часто прямо подъ диктовку Поляковъ. Письма его, конечно, не отличались доброжелательствомъ къ Рос-

сіи; но въ нихъ было замѣтно желаніе сохранить нѣкоторое безпристрастіе въ оцѣнкѣ фактовъ. Да и какого особеннаго доброжелательства къ Россіи можно ожидать отъ чужаго человѣка, особенно въ то время, когда Россія, по общему мнѣнію, находилась въ крайнемъ уничиженіи и готова была развалиться не только отъ крѣпкаго толчка, но и отъ громкаго крика? Корреспондентъ англійской газеты былъ часто и несправедливъ и рѣзокъ въ своихъ отзывахъ о Русскихъ, и очень часто радовался случаю сказать доброе слово о польскихъ мятежникахъ. Но вообще въ этихъ письмахъ не чувствовалось особенно дурнаго духа. Это были сужденія человѣка чужого, посторонняго, холодно разбиравшаго дѣло, представлявшаго его иногда въ смыслѣ благопріятномъ для насъ, иногда въ смыслѣ благопріятномъ для нашихъ противниковъ. Вообще же его очерки, дѣланные на мѣстахъ, обрисовывали въ главныхъ чертахъ польское возстаніе, какъ дѣло безнадежное и напрасное. Всѣ характеристическія черты польскаго дѣла, отражавшіяся въ письмахъ корреспондента, свидѣтельствовали съ особенною силою, даже противъ его воли, о невозможности политическаго существованія для польской народности и о тщетѣ гальваническихъ возбужденій, которымъ она подвергается. Но вотъ тотъ же человѣкъ прибылъ въ Петербургъ и пишетъ изъ русской столицы, гдѣ, казалось бы, должны быть сосредоточены всѣ живые интересы и чувствованія русскаго народа. Среда непремѣнно оказываетъ вліяніе на наблюдателя; волею или неволею онъ находится подъ ея впечатлѣніемъ и подчиняется господствующему въ ней духу. Иностранный наблюдатель, о которомъ мы говоримъ, смотрѣлъ на польское возстаніе изъ разныхъ мѣстъ, и стало-быть съ разныхъ точекъ зрѣнія,—и что же? ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не представила ему такой неблагопріятной въ русскомъ смыслѣ перспективы, какъ петербургская точка зрѣнія. Ничего нельзя представить себѣ хуже того духа, который сказывается въ письмахъ англійскаго корреспондента о польскомъ возстаніи, съ береговъ Невы. Все это ничтожество, все это растлѣніе, весь этотъ безсмысленный и презрѣнный лжелиберализмъ особаго рода, состоящій въ измѣнѣ своему народу, въ небреженіи къ его живымъ интересамъ и требованіямъ, и въ рабскомъ трепетѣ передъ чужимъ мнѣніемъ, все это такъ и повѣяло на насъ изъ двухъ прочтенныхъ нами въ газетѣ *Times* петербургскихъ корреспонденцій о польскомъ возстаніи. Для того чтобъ уязвить русское народное чувство, для того чтобъ оскорбить, взволновать и болѣзненно раздражить его, не нужно осыпать Россію и и Русскихъ укоризнами и бранью; нужно только зачерпнуть изъ петербургской среды разныхъ сужденій и передать ихъ въ надлежащей обстановкѣ. Это всего дѣйствительнѣе. Духъ тлѣнія, который дышетъ въ этомъ петербургскомъ такъ-называемомъ либерализмѣ, и котораго пагубныя дѣйствія становятся все ощутительнѣе внутри Россіи, — вотъ намъ укоръ, вотъ наше зло. Что бы кто ни говорилъ въ этомъ духѣ, въ чемъ бы ни отзывался этотъ духъ, все болѣзненно сожметъ самый источникъ жизни въ нашемъ обществѣ, все почувствуется какъ самая горькая обида. Что значатъ для насъ ругательства иностранныхъ писакъ? Что значатъ для здороваго, свѣжаго и сильнаго народа чьи бы то ни было отзывы? Что значатъ для умныхъ и дѣльныхъ людей, способныхъ чувствовать собственное достоинство, сплетни и пересуды окружающей среды. Но когда въ зеркалѣ, которое намъ подставятъ, отразится нашъ собственный позоръ, тогда всякій, кто бы какой ни былъ комплексіи, почувствуетъ и боль и униженіе, и невольно возненавидитъ ни въ чемъ неповинное зеркало.

Въ петербургскихъ письмахъ англійскаго корреспондента явственно чувствуются два элемента, которые очень часто совсѣмъ между собою не вяжутся и остаются въ безсмысленномъ сопоставленіи: остатокъ его собственнаго здраваго смысла и духъ окружающей среды. Гдѣ онъ говоритъ подъ вліяніемъ собственнаго смысла и своихъ прежнихъ наблюденій, тамъ хоть сколько-нибудь проглядываютъ истинные очерки дѣла; но они мгновенно исчезаютъ въ туманѣ и безсмыслицѣ петербургскихъ возрѣній, въ презрѣнныхъ сплетняхъ и лжетолкованіяхъ. Надъ всѣмъ владычествуетъ грубѣйшее чувство озлобленія къ одному изъ нынѣшнихъ государственныхъ дѣятелей нашихъ, который виноватъ только въ томъ, что честно исполнилъ свой долгъ, и сталъ за это предметомъ ожесточенной брани со стороны враговъ Россіи и предметомъ уваженія своихъ согражданъ, которые спѣшили поддержать

его своими заявленіями. О чемъ бы корреспондентъ ни заговорилъ, онъ непремѣнно собьется на какую-нибудь ругательную выходку противъ генерала Муравьева. Во всемъ такъ и слышится духъ петербургскаго фальшиваго либерализма. Политическіе интересы и общественные вопросы въ этой средѣ мелѣютъ и теряются въ сплетняхъ и интригахъ, и корреспондентъ невольно поддается имъ, и пишетъ подъ ихъ диктовку вещи, уже хорошо намъ знакомыя. Онъ наивно думаетъ, что имѣетъ дѣло съ настоящими русскими людьми и притомъ истинно либеральными и просвѣщенными, не подозрѣвая того, что этихъ людей, жертвъ собственной глупости или чужаго обмана, онъ не могъ бы не презирать, еслибъ они представились ему на собственной его почвѣ, въ знакомой ему обстановкѣ, гдѣ онъ могъ бы увидѣть и испробовать на дѣлѣ смыслъ и силу ихъ фразъ. Мы такъ и видимъ какъ разные кружки, состоящіе изъ людей подобныхъ тому русскому либералу, который недавно подавалъ жалобу одному французскому сенатору на свое отечество, — мы такъ и видимъ какъ эти кружки овладѣваютъ пишущимъ пришельцемъ, и дѣлаютъ его своимъ адвокатомъ и органомъ. Они подбираютъ ему анекдотцы, они сообщаютъ ему матеріалъ для острословія, они искажаютъ факты, они крадутъ для него изъ правительственныхъ архивовъ бумаги и выписываютъ изъ нихъ что окажется пригоднымъ для приправы ихъ сообщеній. Даже нашъ московскій университетскій обѣдъ, въ честь выборнаго ректора, послужилъ пригоднымъ матеріяломъ: этотъ обѣдъ представленъ корреспонденту какъ политическая демонстрація для изъявленія сочувствія генералу Муравьеву и графу Бергу, — и что всего забавнѣе, пятеро или шестеро профессоровъ, не принимавшихъ участія въ этомъ обѣдѣ случайно или по причинамъ не имѣющимъ ничего общаго съ тостами въ честь обоихъ государственныхъ дѣятелей, — тостами вовсе не находившимися въ программѣ праздника и провозглашенными экспромтомъ; — выставлены какъ люди противоположныхъ въ этомъ отношеніи политическихъ взглядовъ и протестовавшіе противъ демонстраціи. Корреспондентъ, исчисляя этихъ протестантовъ, находитъ не лишнимъ замѣтить даже, что они представляютъ собою *Русскій Вѣстникъ* и *Московскія Вѣдомости*, при чемъ онъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ что *Московскія Вѣдомости* тѣмъ не менѣе принадлежатъ съ нѣкоторыхъ поръ къ самымъ горячимъ поклонникамъ „литовскаго архангела“. Это милое bon mot, которое очень понравилось его неразборчивому остроумію и которымъ онъ такъ и сыплетъ въ своихъ письмахъ, сообщено ему его петербургскими друзьями, разсказавшими ему, что генералъ Муравьевъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ поклонниковъ своихъ, которые водятся и въ Петербургѣ, получилъ образъ Архангела Михаила. Корреспондентъ понялъ это такъ, что поклонники генерала Муравьева этимъ дѣйствіемъ хотѣли поставить его наряду съ Архангеломъ Михаиломъ, а петербургскіе друзья утвердили его въ этой мысли, и онъ наивно разказываетъ объ этой апоѳеозѣ, утѣшая свою публику нелѣпостію, за которую она конечно не поблагодарила бы его, еслибъ узнала въ чемъ дѣло. Нѣкоторые петербургскіе кружки успѣли посвятить его во всѣ свои дрязги, которыя онъ пренаивно разказываетъ. Онъ даже разказываетъ исторію одного стихотворенія и съ ироніей отзывается объ его авторѣ какъ о русскомъ Ювеналѣ. Печальное возмездіе! Стихотвореніе, которое доведено до свѣдѣнія новоприбывшаго великаго судьи русскихъ національныхъ интересовъ, присланнаго иностранною газетой, уже давно облетѣло Россію и съ сочувствіемъ прочтено всѣми. Болтовня журнальнаго корреспондента не поправитъ дѣла и не изгладитъ этого стихотворенія изъ памяти русскихъ людей.

Иногда, какъ мы уже замѣтили, посреди этихъ сплетень и дрязгъ, природный здравый смыслъ пробуждается въ Англичанинѣ, и онъ, спрашивая себя о причинѣ непонятныхъ ему явленій, подходитъ довольно близко къ истинѣ. Ему приходитъ на мысль чувство гордой, исполненной достоинства націи, раздраженной наглымъ иностраннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла и грубыми угрозами, которыми надѣялись запугать ее. Этимъ чувствомъ корреспондентъ можетъ, безъ сомнѣнія, объяснить многое въ нашихъ общественныхъ заявленіяхъ; но ему слѣдуетъ прежде всего взвѣсить истинную силу этого чувства и понять, что оно спасло Россію отъ того тлетворнаго лжелиберализма, который такъ плѣнилъ его на невскихъ берегахъ, и въ которомъ онъ видитъ что-то хорошее, тогда какъ въ немъ-

то и есть нашъ позоръ. Россіи страшны не внѣшніе враги и не иностранные корреспонденты съ ихъ сужденіями и отзывами: ей ненавистна и опасна эта внутренняя язва, противъ которой остается одно средство—могущественное за явленіе народнаго духа.

Недавно, когда Россія находилась въ незаслуженномъ уничиженіи, когда въ ея предѣлахъ пожаромъ разлился мятежъ, изумивъ все русское общество, ничего не подозрѣвавшее въ своемъ затишьѣ и полуснѣ; когда посреди русскаго народа вдругъ невѣдомо откуда взялась какая-то безсмысленная революціонная организація, когда наконецъ вся Европа ополчилась на насъ, и враги Россіи ждали съ часу на часъ, вотъ-вотъ она рушится сама собою,—что спасло Россію отъ этого кошмара, что оживило, что подняло ее, что заставило ее крѣпко почувствовать свои государственныя границы, что снова пріобрѣло ей, не фальшивое, а истинное уваженіе Европы, что заставило Россію почувствовать въ себѣ источникъ новыхъ силъ, начатки новой жизни и великаго плодотворнаго развитія?—этотъ ли лжелиберализмъ, который былъ готовъ великодушно жертвовать единствомъ и цѣлостію своего отечества; который готовъ былъ преклоняться передъ всякимъ безуміемъ и всякою глупостью, лишь бы только они заявляли себя достаточною наглостію и нахальствомъ; который губилъ бѣдную молодежь, кокетничая съ нею и привѣтствуя гимназистовъ въ качествѣ передовыхъ мудрецовъ и преобразователей; который отзывъ иностранца ставитъ выше народнаго чувства своей страны? Нѣтъ, теперь нельзя ошибаться; теперь и слѣпой видитъ въ чемъ дѣло. Съ фальшивымъ либерализмомъ мы покончили. На эту удочку насъ теперь не поймаютъ. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда можно было дурачить цѣлое общество студентскими демонстраціями на улицахъ. Назадъ тому года два съ небольшимъ, также корреспондентъ газеты *Times* изъ Петербурга разсказывалъ эпопею этихъ демонстрацій, безсознательно служа орудіемъ интриги противъ одного изъ правительственныхъ лицъ, котораго осыпали всевозможными ругательствами и клеветами. Что было возможно тогда, того теперь не повторится. Твердая, ничѣмъ несовратимая, національная политика внутри и внѣ,—вотъ наше спасеніе. Только на наши народныя силы можемъ мы благонадежно опереться и въ нашемъ консерватизмѣ, и въ нашемъ либерализмѣ.

Намъ было пріятно прочесть въ письмѣ петербургскаго корреспондента англійской газеты нелохвальный отзывъ объ одной запискѣ нашего министерства внутреннихъ дѣлъ. Людямъ, понимающимъ дѣло, вообще не можетъ не быть пріятно, что тѣ петербургскіе круги, съ точки зрѣнія которыхъ корреспондентъ смотритъ на наши дѣла, повидимому, недовольны нѣкоторыми воззрѣніями нашихъ правительственныхъ лицъ. Это добрый признакъ. Жаль только, что корреспондентъ иногда безобразно группируетъ самыя разнородныя имена...

№ 282.

Москва, 28-го декабря.

Нѣмцы такъ много и такъ долго говорили о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, что трудно имъ будетъ примириться съ такимъ окончаніемъ дѣла, которое дозволило бы Даніи одержать верхъ надъ ихъ притязаніями. Такъ громки были крики, провозглашавшіе эти притязанія священнымъ правомъ Германіи, что въ справедливой уступкѣ своихъ правительствъ требованіямъ Европы Германія не увидитъ теперь ничего кромѣ измѣны отечеству, тому абстрактному отечеству, которое называется *das deutsche Vaterland* и находитъ свое осуществленіе главнымъ образомъ лишь въ мечтахъ нѣмецкихъ буршей разнаго возраста. Чѣмъ менѣе Нѣмцы могли ратовать дѣломъ за это метафизическое отечество, тѣмъ болѣе они ратовали за него на словахъ и на бумагѣ. Чѣмъ менѣе ихъ чувство находило для себя естественную атмосферу, тѣмъ болѣе нужно было подогрѣвать его, тѣмъ искусственнѣе нужно было усиливать его на счетъ другихъ чувствъ, естественно развивающихся въ человѣческомъ обществѣ. Нѣмцы сами часто говорятъ о своемъ внутреннемъ раздвоеніи. Это внутренное раздвоеніе простирается въ Германіи на все, и можетъ-быть нигдѣ оно такъ оригинально не выражается какъ въ нѣмецкомъ чувствѣ патріотизма. Русскій, Англичанинъ, Французъ, за рѣдкими исключеніями, никоимъ образомъ не могутъ сбиться съ толку въ своемъ чувствѣ патріотизма; для нихъ отечество есть нѣчто осязательное, опредѣленное, никакому толкованію не подлежащее. Въ Германіи—совсѣмъ

не то. Пруссаки напримѣръ, когда основывалось, распространялось и крѣпло прусское государство, не знали другаго патріотизма, кромѣ прусскаго, и благодаря этой ясности ихъ чувства, дѣйствія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Но теперь прошло старое наивное время. Новое поколѣніе считаетъ себя выше того стариннаго грубаго прусскаго патріотизма, которому Пруссія обязана своимъ существованіемъ. На ряду съ прусскимъ патріотизмомъ оно искуственно вызываетъ въ себѣ патріотизмъ общегерманскій и этому тепличному цвѣтку дастъ цѣну соотвѣтствующую тѣмъ усиліямъ, которыхъ стоитъ уходъ за нимъ. Можно сказать, что теперь въ каждомъ нѣмецкомъ патріотѣ борются два патріотизма, не рѣдко взаимно себя уничтожающіе, и что еще хуже, политическіе классы, увлекаясь мечтательнымъ общегерманскимъ патріотизмомъ, дѣлаются до непонятной степени равнодушны къ своимъ государствамъ дѣйствительно существующимъ. Вотъ одна изъ причинъ того разлада между правительствами и народами Германіи, который производитъ тамъ явленія похожія на то, что было во Франціи слѣдствіемъ многократныхъ и разрушительныхъ революцій: Германія единственная страна на свѣтѣ, въ которой чувство патріотизма можетъ иногда принимать разрушительный характеръ. Въ такомъ именно положеніи дѣло находится въ настоящую минуту. Если прусское правительство будетъ дѣйствовать согласно съ интересами прусскаго отечества, его непремѣнно обвинятъ въ измѣнѣ германскому отечеству. А между тѣмъ оно не имѣетъ никакого права дѣйствовать иначе какъ въ интересахъ прусскаго государства.

Пруссіи до сихъ поръ нечего было очень безпокоиться. Давленіе, которое оказывала на нее по временамъ Франція, могло имѣть нѣкоторое вліяніе на прусскую внѣшнюю политику, но это вліяніе не простиралось далеко. Мы видѣли еще недавно, что въ польскомъ вопросѣ Пруссія не подчинилась французскому давленію. На нее не подѣйствовали ни обольстительные виды на тѣсный союзъ съ Франціей, ни угрозы что Франція обольститъ Австрію и побудитъ ее къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Пруссіи и Россіи. При неспособности Германскаго Союза къ серіозному отпору, при разъединенности германскихъ государствъ, при свѣжести воспоминаній о рейнскомъ союзѣ и при несомнѣнномъ стремленіи Наполеонидовъ къ возвращенію Франціи лѣваго берега Рейна, Пруссія едва ли обнаружила бы такую стойкость, если бы ея министры не считали себя совершенно обезпеченными со стороны Англіи. Общее мнѣніе политическихъ людей въ Европѣ таково, что по крайней мѣрѣ при жизни королевы Викторіи, Англія не станетъ въ лагерь враждебный Пруссіи, такъ какъ всякое англійское министерство на столько уважитъ чувства королевы, чтобы воздержаться отъ серіознаго дѣйствія клонящагося ко вреду Пруссіи. Но какое направленіе приметъ личное вліяніе королевы въ случаѣ столкновенія между Пруссіей и Даніей? не уклонится ли въ этомъ случаѣ королева отъ вмѣшательства въ политику своего кабинета? Это — вопросы весьма серіозные; они должны очевидно въ значительной степени затруднять прусскую политику по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Если оправдается извѣстіе, приводимое нами ниже въ *Послѣдней Почтѣ* о предстоящемъ появленіи англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ для огражденія Даніи; то этотъ рѣшительный шагъ Англіи значительно измѣнитъ международное положеніе Пруссіи, и императоръ Французовъ, конечно, не преминетъ воспользоваться такимъ неожиданнымъ измѣненіемъ.

Пруссія такимъ образомъ теперь между двухъ огней. Съ одной стороны германскій патріотизмъ, все болѣе и болѣе обнаруживающій революціонное настроеніе; съ другой стороны Франція, зорко слѣдящая за каждымъ движеніемъ прусской политики и выжидающая случая воспользоваться всякою ошибкой берлинскаго правительства. Въ какую сторону ни двинется прусская политика, вездѣ ее ждетъ опасность: при уступчивости требованіямъ Европы — опасность внутренней революціи; при увлеченіи германскимъ патріотизмомъ — опасность со стороны Франціи. Не беремся сказать что лучше для Пруссіи, но для европейскаго мира несомнѣнно лучше первое, и потому державы дѣйствительно миролюбивыя должны бы всячески стараться о поддержаніи въ силѣ лондонскаго протокола 1852 года.

Между тѣмъ императоръ Наполеонъ, такъ хорошо говорящій теперь о миролюбіи, не дѣлаетъ однакоже ни одного шага для мирнаго прекращенія датско-германскаго столкновенія. Единственное средство, которое вело бы къ этой цѣли, не нравится императору Французовъ: онъ не хочетъ согласиться на предложенныя Англіей конференціи

по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Пронесся было слухъ, что французское правительство по крайней мѣрѣ обратилось къ германскому сейму съ такими же совѣтами, которые высказала Англія, но только что франкфуртская *Europa* заявила этотъ слухъ, какъ *Mémorial diplomatique*, изданіе находящееся, какъ полагаютъ, въ связяхъ съ г. Друэнъ-де-Люисомъ, поспѣшилъ объяснить, что одинаковость дипломатическаго дѣйствія Франціи и Англіи по шлезвиг-гольштейнскому вопросу—дѣло невозможное, что этотъ вопросъ вообще очень мало интересуетъ Францію, и что она сохранитъ за собою свободу дѣйствій для того времени, когда раздоръ между Германіей и Даніей приметъ опасные размѣры. Все это откровенное признаніе читатели найдутъ ниже въ выпискѣ изъ статьи *Mémorial diplomatique*. Но этого мало: французская политика не только не миритъ, не только выжидаетъ, она даже подстрекаетъ. На что иное разчитанъ извѣстный отвѣтъ императора Наполеона принцу Августенбургскому? Еслибы Нѣмцы смотрѣли на Наполеона III съ такимъ же довѣріемъ какъ Полякъ, то письмо его къ принцу Августенбургскому произвело бы зажигательное дѣйствіе въ Германіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Ostdeutsche Post* напечатана куріозная корреспонденція изъ Парижа отъ 31-го декабря. Въ ней говорится, что парижскій кабинетъ совершенно согласенъ съ лондонскимъ насчетъ необходимости поддерживать цѣлость датской монархіи. „Если тѣмъ не менѣе, продолжаетъ корреспондентъ, здѣсь стараются говорить съ Германіей языкомъ болѣе мягкимъ и даже доброжелательнымъ, то на это есть своя причина, и я не введу васъ въ заблужденіе, позволяя себѣ завѣрить васъ, что Германія можетъ разчитывать на поддержку, и даже на матеріальную поддержку, со стороны Франціи, если только рѣшится на уступку, которая мнѣ, какъ Нѣмцу, кажется невозможною, но въ осуществленіе которой здѣсь не теряютъ вѣры.“ За тѣмъ корреспондентъ передаетъ разговоръ одного лица, стоящаго очень близко къ императору. „Признаніе герцога Августенбургскаго герцогомъ гольштейнскимъ, говорило это лицо, ослабило бы Данію и чрезвычайно усилило бы Германію, сдѣлавъ ее морскою державой. Европейское равновѣсіе, установленное трактатами 1815 года, подверглось бы тогда совершенному измѣненію. Еще большее произошло бы измѣненіе въ силахъ Германіи, еслибъ и по отдѣленіи Гольштейна отъ Даніи, Шлезвигъ остался въ соединеніи съ Гольштейномъ. Это равнялось бы для Германіи завоеванію, гораздо болѣе важному чѣмъ было для Франціи присоединеніе Савойи и Ниццы. Если же *восприсоединеніе* Савойи и Ниццы стоило Франціи кровопролитной и дорогой войны, то Франція, разумѣется, не можетъ допустить подобнаго расширенія Германіи безъ соотвѣтственнаго вознагражденія.“ Это вознагражденіе, которымъ было бы возстановлено нарушенное равновѣсіе, должно заключаться въ замѣнѣ границъ 1815 года границами 1814 г., то-есть *восприсоединеніи* лѣваго берега Рейна.

А лѣвый берегъ Рейна, это либо война съ Англіей, либо рѣшеніе восточнаго вопроса въ пользу Англіи.

Впрочемъ, даже оставляя въ сторонѣ подобныя случайности, все еще довольно отдаленныя, русская публика ни какъ не должна смотрѣть равнодушно на шлезвиг-гольштейнскій вопросъ. Въ той же куріозной корреспонденціи *Ostdeutsche Post* говорится о твердой увѣренности г-на Друэнъ-де-Люиса, что не далѣе какъ въ мартѣ въ Парижѣ соберется конгрессъ, на которомъ будутъ присутствовать министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ великихъ державъ, не исключая и Англіи. Эта увѣренность основывается будто бы именно на датско-германскомъ столкновеніи, значительно увеличившемъ зависимость европейской политики отъ Франціи. Итакъ, Франція увѣрена, что конгрессъ состоится! Но при теперешнихъ обстоятельствахъ успѣхъ дѣла о конгрессѣ есть очевидный, несомнѣнный и очень существенный уронъ для Россіи. Все это дѣло сочинено въ ущербъ намъ; на немъ настаивали еще до смерти датскаго короля, преимущественно съ тою цѣлью чтобы вырвать у Россіи пагубныя для нея уступки; даже возвращающіеся съ недавняго времени припадки дружелюбія къ намъ разчитаны главнымъ образомъ на то чтобы хоть что-нибудь сорвать съ насъ. Видимое несогласіе между Франціей и Англіей не можетъ служить къ нашему успокоенію: планъ конгресса былъ бы нелѣпостью еслибы Наполеонъ III не имѣлъ основанія надѣяться на согласіе Англіи, но съ другой стороны еслибъ это согласіе уже было дано ему, то въ его интересѣ было бы маскировать дѣло и какъ можно ловче разъиграть комедію самой злой

пикировки съ Англіей. Вотъ почему въ интересѣ Россіи надобно желать, чтобы какъ можно скорѣе состоялись спеціальныя конференціи по датско-германскому дѣлу,— лучшее средство освободить Европу отъ необходимости идти на конгрессъ, столь для насъ опасный и столь несогласный съ нашими интересами и нашимъ достоинствомъ.

№ 283.

Москва, 30-го декабря.

А.

Стóитъ обратить вниманіе на тактику, къ которой прибѣгаютъ вольные и невольные, сознательные и безсознательные враги Россіи, стараясь смутить и сбить съ пути политику нашего правительства. Сначала надѣялись запугать насъ; теперь хотятъ застыдить насъ. Прежде предполагалось въ насъ чувство крайняго безсилія; теперь въ основаніе разчета берется увѣренность въ нашемъ несмыслiи. До сихъ поръ интрига хлопотала о томъ, чтобъ изолировать наше правительство и возмутить противъ него общество; теперь, наоборотъ, та же интрига хлопочетъ о томъ, чтобы внушить правительству презрѣніе къ общественному мнѣнію своей страны и оторвать его отъ національныхъ основъ, на которыхъ только оно и можетъ быть сильно.

Возвращаемся на два слова къ петербургскому корреспонденту газеты *Times*. Корреспондентъ старается представить въ смѣшномъ видѣ мнѣнія и предположенія, которыя будто бы ходятъ въ русской публикѣ. Еслибъ этотъ корреспондентъ, въ своихъ упрекахъ и наставленіяхъ намъ, ссылался на авторитетъ Поляковъ и говорилъ отъ ихъ имени или вообще отъ имени враговъ Россіи, то мы не имѣли бы причины сѣтовать на него. Онъ вовсе не обязанъ говорить въ интересѣ Россіи, и ничто не препятствуетъ ему осыпать насъ всевозможными упреками и стараться сбить насъ съ толку. Нѣтъ сомнѣнія, что у Россіи есть враги, и всякій, кому это угодно можетъ принимать ихъ сторону. Но корреспондентъ ссылается на людей, которыхъ онъ имѣетъ наивность называть истинными русскими патріотами. По мнѣнію этихъ-то, будто бы истинныхъ патріотовъ, русское правительство компрометтируетъ себя заботами о подавленіи мятежа клонящагося къ раздробленію государства, а тѣ русскіе люди, которые поддерживаютъ въ этомъ правительство, роняютъ Россію во мнѣніи образованнаго міра. Но тѣ русскіе люди, которые поддерживаютъ правительство въ его заботахъ о сохраненіи единства и цѣлости государства, суть, за ничтожнымъ исключеніемъ, все русское общество, весь русскій народъ. Русскому народу нечего хлопотать о томъ, чтобы не уронить себя въ чьемъ-либо мнѣніи: ему надобно заботиться только о томъ, чтобы не уронить себя въ своемъ собственномъ мнѣніи. Лишь бы между имъ и его правительствомъ было полное единство и согласіе въ интересахъ и видахъ,— до мнѣнія остальнаго міра онъ не имѣетъ ни малѣйшей надобности. Остальному міру предоставляется согласить свои взгляды на русскія дѣла со взглядомъ на нихъ самого русскаго народа. Если остальной міръ этого не хочетъ, тѣмъ хуже для него: онъ останется при взглядахъ неправильныхъ и ошибочныхъ.

Но русскіе люди, выдающіе себя за патріотовъ и ищущіе себѣ опоры не во мнѣніи самой Россіи, а во мнѣніи иностранцевъ или даже прямо отъявленныхъ враговъ Россіи — самые худшіе изъ враговъ. Это внутренніе враги наши или ихъ орудія. Въ этихъ-то людяхъ наше истинное безславіе; мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что число такихъ людей ничтожно въ общей массѣ русскаго народа.

Съ точки зрѣнія этихъ господъ, неожиданно возведенныхъ въ званіе русскихъ патріотовъ, слѣдуетъ или вовсе не подавлять мятежа, имѣющаго своею заявленною цѣлію раздробленіе Россіи, или принимать противъ него такія мѣры, которыя не подавляли бы его, а напротивъ давали бы ему только большее развитіе и обезпечивали бы его конечный успѣхъ. Всякая мѣра, принимаемая не для вида только, но для дѣйствительнаго подавленія мятежа, провозглашается ими варварствомъ и свирѣпствомъ, компрометтирующими Россію. Пусть льется кровь, лишь бы только мятежъ не прекращался. Пусть сотнями и тысячами бьютъ бѣдныхъ, силою собранныхъ по лѣсамъ повстанцевъ, лишь бы только жандармы-вѣшатели могли съ полною безопасностію и удобствомъ вербовать ихъ по городамъ и селамъ съ помощію плетей, петли и ножа. Пусть, пожалуй, ловятъ мелкихъ агентовъ революціонной организаціи, лишь-бы только не разстраи-

вать этой организаціи, не налагать руки на главныхъ виновниковъ мятежа, и не перехватывать у нихъ средствъ, потому что все это оказывается варварствомъ и свирѣпствомъ.

Насъ упрекаютъ въ варварствѣ. Пусть такъ! Но почему же мы непремѣнно обязаны поступать лучше, чѣмъ поступала Англія въ Ирландіи и Индіи, чѣмъ поступала Франція для подавленія своихъ внутреннихъ волненій, чѣмъ поступала Австрія въ Италіи, Венгріи и наконецъ въ Галиціи? Мы далеко не поступаемъ такъ безпощадно, какъ нерѣдко поступали въ подобныхъ обстоятельствахъ эти государства; ничего похожаго на галицкую рѣзню у насъ, слава Богу, не было. Мы очевидно менѣе варвары, чѣмъ цивилизованныя націи, если должно назвать варварствомъ подавленіе мятежа, который грозитъ опасностію государству и поддерживается происками другихъ державъ. Вездѣ въ подобныхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ лилась кровь; вездѣ принимались мѣры къ тому, чтобъ обезсилить революціонную организацію, подорвать ее въ основаніи, разстроить ее, освободить и обезпечить отъ ея терроризаціи мирныя народонаселенія. Никакое правительство, имѣющее сколько-нибудь силы и не потерявшее смысла, не останется сложа руки передъ развитіемъ зла, которое угрожаетъ опасностію государству; всякое правительство обязано принимать всевозможныя мѣры для исполненія этой первѣйшей обязанности своей. Не грубая ли насмѣшка — говорить намъ въ глаза, что польское движеніе не можетъ быть удовлетворено никакими сдѣлками, что оно подожжено съ тою цѣлію, чтобы раздробить Россію, что всякая уступка не успокоитъ и не умиротворитъ, а только еще болѣе обнадежитъ и усилитъ его, — и въ то же время убѣждать насъ не принимать энергическихъ мѣръ къ его пресѣченію, и осыпать укоризнами народъ, за то что онъ не хочетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ зло, отравляющее его организмъ и служащее опорой для враждебныхъ противъ него замысловъ?

Но допустимъ, что другіе народы, болѣе насъ цивилизованные, умѣли бы подавить то же самое зло другими лучшими средствами; въ такомъ случаѣ намъ остается только пожалѣть, что мы менѣе другихъ цивилизованы, а между тѣмъ, за неимѣніемъ лучшихъ средствъ, употреблять покуда тѣ, какія есть у насъ подъ руками. Русская полиція дѣйствуетъ дурно, русскіе суды дѣйствуютъ дурно, русскія власти дѣйствуютъ дурно..... Положимъ такъ; положимъ, что все это дурно: но чтожь дѣлать? кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ есть возможность создать *ad hoc*, именно для потушенія мятежа, и лучшую полицію, и лучшее устройство судовъ, и лучшую организацію властей, и лучшую систему правительственныхъ мѣръ? Положимъ, что во всѣхъ этихъ улучшеніяхъ мы нуждаемся. Но что же изъ этого слѣдуетъ?

Мы конечно нуждаемся въ существенныхъ улучшеніяхъ! Но какое же право имѣемъ мы возлагать отвѣтственность за несовершенство нашихъ порядковъ на мѣстныя власти, поставленныя для подавленія мятежа? Чѣмъ же виноваты онѣ, что, призванныя дѣйствовать, онѣ употребляютъ въ дѣло тѣ средства, какія имъ даны? Зависитъ ли отъ нихъ улучшеніе общегосударственной системы? Мѣстныя власти могутъ дѣйствовать съ большею или меньшею вѣрностію своему долгу; но онѣ могутъ дѣйствовать только въ предѣлахъ общегосударственной системы, и только тѣми средствами, которыя она даетъ имъ.

Спросите у этихъ лжелибераловъ, — у этихъ „русскихъ патріотовъ," по мнѣнію корреспондента, — спросите у нихъ: какую посовѣтовали бы они принять органическую мѣру, для того, чтобы справиться съ мятежомъ? Они посовѣтуютъ сдѣлать ему уступки, они посовѣтуютъ войдти въ сдѣлку съ революціей, они готовы будутъ согласиться на отторженіе Россіи, пожалуй, до самаго Урала. Они посовѣтуютъ все; но они никогда не подумаютъ о томъ, что могло бы соединить внутреннею связью всѣ части Русскаго государства. Они будутъ ругать правительство (и какъ часто эти рутатели принадлежатъ сами къ правительственной организаціи!); они будутъ составлять конституціи для мальчишекъ въ школѣ; они будутъ кокетничать со всевозможнымъ сумасбродствомъ; они готовы будутъ поощрять всякія попытки къ разрушенію государственныхъ, общественныхъ и народныхъ основъ; но именно потому-то они и далеки отъ того, чтобъ уважить законныя права и интересы, чтобы почтить общественныя силы и признать за ними надлежащее значеніе и вліяніе. Они готовы будутъ эманципировать всякую глупость, всякую не-

чистоту: но имъ и въ голову не придетъ мысль объ эманципаціи общества въ его органическихъ силахъ. Они охотно дадутъ права ребенку передъ отцомъ, ученику передъ учителемъ, преступнику передъ честнымъ человѣкомъ, но они не поймутъ, какія права или какую свободу можетъ напримѣръ имѣть церковь въ своей общественной дѣятельности,—и они скажутъ, что церковь надобно держать въ ежевыхъ рукавицахъ, а если можно, то и совсѣмъ кассировать этотъ ненужный институтъ; — они не поймутъ, какимъ образомъ русскій землевладѣлецъ можетъ имѣть какія-либо права, соотвѣтственныя его общественному положенію; — они не поймутъ, какимъ образомъ наша промышленность и торговля могутъ нуждаться въ твердомъ кредитѣ, а каждая честная дѣятельность въ законномъ обезпеченіи. Эти люди присоединятъ свой голосъ къ врагамъ Россіи въ порицаніи всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя клонятся къ нѣкоторому обезпеченію крестьянина на польской землѣ,—и за это въ польскомъ помѣщикѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и мятежникъ, злоумышляющій противъ Россіи, они готовы видѣть несчастную жертву варварскаго правительства, дѣйствующаго революціонными средствами. Но русскаго помѣщика, который былъ главнымъ орудіемъ государственной жизни Россіи, они были бы готовы затравить всѣми собаками; съ русскимъ помѣщикомъ эти люди считаютъ своимъ долгомъ какъ можно менѣе церемониться. Обязательный выкупъ допущенъ правительствомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ землевладѣльческій классъ состоитъ изъ Поляковъ. Наши лжелибералы негодуютъ на мѣстныя власти, которыя приводятъ эту мѣру въ исполненіе, и корреспондентъ пишущій подъ ихъ диктовку называетъ это соціяльною революціей; но тѣ же лжелибералы были бы готовы рукоплескать этой мѣрѣ, еслибъ она примѣнялась къ русскому помѣщику, и не замедлили бы привести ее въ исполненіе, еслибъ это отъ нихъ зависѣло. На польской почвѣ они партизаны всѣхъ дворянскихъ привилегій, они горячіе защитники принципа собственности; но на русской почвѣ они отъявленные демократы, и готовы видѣть въ соціализмѣ и коммунизмѣ высшую мудрость и высшую форму человѣческихъ обществъ. Отчего это? Отъ того что нашъ лжелиберализмъ, который такъ плѣнилъ петербургскаго корреспондента лондонской газеты, есть сознательный или безсознательный, но во всякомъ случаѣ злѣйшій врагъ русскаго народа и русскаго государства. И на русской, и на польской почвѣ онъ хватается именно за то что̀ всего дѣйствительнѣе можетъ вредить Россіи.

Тѣ общія мѣры, которыя принимаются въ провинціяхъ, охваченныхъ польскимъ мятежомъ, безъ всякаго сомнѣнія не могутъ назваться нормальными. Контрибуція падающая на правыхъ и виноватыхъ, на мятежниковъ и немятежниковъ, на Поляковъ и Русскихъ, не есть конечно нормальная мѣра; при другихъ условіяхъ, по всему вѣроятію, можно было бы избѣжать ея. Мы позволяли себѣ не разъ высказывать мнѣніе, что обязательный выкупъ не есть такая мѣра, безъ которой нельзя было бы обойдтись при другихъ обстоятельствахъ. Но можно ли осуждать наше правительство за принятіе этой мѣры среди тѣхъ обстоятельствъ, которыя ее вынудили? Петербургскій корреспондентъ газеты *Times* пишетъ, что для противодѣйствія революціи, какъ онъ выражается, національной и политической, русское правительство прибѣгло къ революціи соціальной. Точь въ точь тоже самое писали намъ нѣкоторые польскіе господа, о чемъ въ свое время и заявляли мы въ нашей газетѣ! Но не польскій ли революціонный *жондъ* съ самаго начала поспѣшилъ объявить, что помѣщичьи земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, должны поступить имъ въ собственность и не только въ силу выкупа, но все даромъ? Лянгевичъ, провозглашенный диктаторомъ, торжественно подтвердилъ это распоряженіе, и его манифестъ извѣстенъ европейской публикѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что въ сѣти это было не болѣе какъ обманъ для уловленія польскихъ крестьянъ. Но тѣмъ хуже если это обманъ: польскіе помѣщики, которые повиновались „жонду народовому“ и были главными двигателями возстанія, должны по всей справедливости понести всю тяжесть этого обѣщанія, которымъ они хотѣли обмануть народъ. Еслибы наше правительство не считало нужнымъ въ другихъ отношеніяхъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, то оно было бы вынуждено принять ее уже для одного того чтобъ отнять у мятежа орудіе обмана, которымъ онъ хотѣлъ дѣйствовать на народъ. Извѣстно также, что польскіе революціонные агенты замышляли пустить въ ходъ тотъ же обманъ на всемъ пространствѣ Россійской имперіи и фальшивыми грамотами под-

жечь повсюду сельскій людъ къ соціальному возстанію. И эту-то безсовѣстную интригу, которая не отступала ни передъ какими средствами, хотятъ представить какъ чисто-національное движеніе.

Но во всякомъ случаѣ отвѣтственность за общія мѣры не можетъ падать на мѣстныя власти, которыя приводятъ ихъ въ исполненіе. Контрибуція и обязательный выкупъ—мѣры центральнаго правительства, и онѣ приняты не въ одномъ сѣверо-западномъ краѣ, но точно также и въ юго-западномъ.

Намъ всегда казалось, что главною заботою въ западномъ краѣ должно быть измѣненіе состава землевладѣльческихъ классовъ, и что наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для этой цѣли могутъ послужить не столько какія-либо общія мѣры, сколько принудительная продажа имѣній, принадлежащихъ наиболѣе компрометтированнымъ лицамъ. Такая мѣра падала преимущественно на голову виновныхъ; но она и самыхъ виновныхъ не раззоряла бы въ конецъ. Она возвращала бы имъ цѣнность ихъ имѣній, хотя бы и съ ущербомъ, на который они не имѣли бы ни малѣйшаго права сѣтовать и въ то же время она освободила бы край отъ преобладанія враждебнаго Россіи элемента, и избавила бы его отъ печальнаго антагонизма между высшими и низшими классами, между дворянами-землевладѣльцами и крестьянствомъ. Пока землевладѣльческіе классы въ западномъ краѣ будутъ преимущественно состоять изъ Поляковъ, правительство по необходимости должно будетъ поддерживать антагонизмъ между ними и крестьянствомъ. Можетъ ли оно не желать, чтобъ интересы крестьянъ, православныхъ и русскихъ, не были въ антагонизмѣ съ интересами польскихъ пановъ, враждебно расположенныхъ къ Россіи?

Самая радикальная мѣра противъ всякихъ покушеній на единство и цѣлость государства есть, конечно, возвышеніе національности, которая создала его и которою оно держится. Какія бы энергическія мѣры ни принимались противъ зла, онѣ могутъ только временно пресѣкать его развитіе, но не искоренятъ его, если всѣ наши заботы не будутъ направлены на то, чтобъ оживить и возвысить общественныя силы нашего народа. Только при этомъ условіи могутъ окончательно прекратиться попытки сепаратизма,—только при этомъ условіи между всѣми частями государства возникнетъ неразрывная связь,—только при этомъ условіи, предупреждающемъ зло, мы будемъ избавлены отъ грустной необходимости пресѣкать его развитіе энергическими мѣрами.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманіе читателей на важное замѣчаніе, появившееся въ *Journal de St.-Pétersbourg* и приводимое нами ниже, по поводу сепаратистическихъ стремленій, которыя не замедлили оказаться въ Финляндіи. Мы не можемъ не порадоваться этому рѣшительному голосу противъ увлеченій, не обѣщающихъ ничего хорошаго въ будущемъ. Эта замѣтка въ *Journal de St.-Pétersbourg* совершенно подтверждаетъ все что такъ часто высказывалось нами по этому предмету.

Б.

Мы заключаемъ истекающій годъ изъявленіемъ благодарности нашимъ читателямъ, которые выраженіемъ своего сочувствія подкрѣпляли насъ въ нашей дѣятельности и теперь напутствуютъ насъ на дальнѣйшій трудъ. Эти сотни писемъ, которыя приходятъ къ намъ со всѣхъ сторонъ Россіи отъ людей всѣхъ классовъ и званій, мы сохранимъ какъ дорогое свидѣтельство, что дѣятельность наша была не безплодна, и что она дѣйствительно была органомъ русскаго общественнаго мнѣнія. Никогда еще, сколько мы знаемъ, между газетою и обществомъ не устанавливалась такая несомнѣнная связь, какая въ настоящемъ году соединяла *Московскія Вѣдомости* съ ихъ читателями.

Мы были бы не въ состояніи отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій; но мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ полученныхъ нами коллективныхъ письмахъ. Мы благодаримъ дворянъ Пензенскаго уѣзда, и чувствуемъ всю силу нравственнаго обязательства, которое возлагаютъ на насъ ихъ добрыя пожеланія; мы благодаримъ также дворянъ разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, которые подписались подъ общимъ заявленіемъ, хотя мы ни какъ не считаемъ себя въ правѣ принять и въ сотой долѣ силы тѣ выраженія, которыми имъ угодно было почтить насъ. Но мы обязаны привести нѣкоторыя строки изъ письма полученнаго нами отъ жителей Полтавы разныхъ званій и общественныхъ положеній; заявленіе это важно, какъ свидѣтельство о томъ взглядѣ, какимъ смотрятъ на затѣи украйно-

фильства въ самомъ центрѣ нашей благодатной Малороссіи. Выписываемъ слѣдующія строки изъ полтавскаго письма:

„.....Какъ граждане города Полтавы вдвойнѣ благодаримъ васъ за отзывы объ украйнофилахъ, жалкія попытки которыхъ хотя и не могли имѣть серіозныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе могли быть орудіемъ вредной интриги и незаслуженнымъ поруганіемъ надъ языкомъ, исторіей и настоящими потребностями Малороссіянъ, этого кроткаго и вѣрнаго народа. Позвольте же присоединить и нашъ слабый голосъ къ могучему голосу всей русской великой семьи, которая въ словѣ вашемъ встрѣчаетъ самое вѣрное выраженіе ея дѣйствительныхъ нуждъ.“ (Слѣдуютъ семьдесятъ двѣ подписи.)